ЖИВОПИСНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1880.

(ГОДЪ ВОСЬМОЙ.)

Цѣна въ бумажкѣ за годовое изданіе.............. 6 руб.
» » роскошномъ переплетѣ.................. 8 руб. 50 коп.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)
1880.

Оглавленіе II тома „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ за 1880 годъ.

I ОТДѢЛЪ.

Стихотворенія: поэмы, разсказы, мелкіе стихи.

стр.
Архановъ, разсказъ *Д. Черткова* ... 382
Атта-Троль. Сонъ въ лѣтнюю ночь 1841—1842 г. поэма Г. Гейне, переводъ *М. Шелгунова* . 402, 423, 442, 467, 485, 508
Волна, стих. *В. Юрьева* ... 346
Весна, стих. *Д. Черткова* ... 81
Жизнь честнаго человѣка, разсказъ *Владислава Сырокомли*, пер. *Омулевскаго* ... 122
Зимнія мысли, стих. *Д. Черткова* ... 278
Звѣзды, стих. *Д. Черткова* ... 342
Изъ пѣсенъ о городѣ, стих. *А. Михайлова* ... 3
Изъ А. Аккерманъ, пер. *В. Лихачева* ... 239
Изъ М. Бушара, пер. *Д. Ушакова* ... 326
Изъ Гейне, *А. Золотарэва* ... 505
Кому весна? стих. *В. Немировича-Данченко* ... 45
Лѣтомъ, стих. *Черная* ... 28
Листки изъ записной книжки, стих. *Б. Левина* .. 102
Laetitia rerum, изъ книги *В. Гюго*: «L'art d'être Grand-père», стих. *Д. Минаева* ... 139
Листки изъ дневника, стих. *П, В. Быкова* ... 275
Ночи, стих. *Дм. Ушакова* ... 197
На кладбищѣ, стих. *Дм. Ушакова* ... 360
Осеннія мелодія, стих. *Д. Мережковскаго* ... 295
Оазисъ, стих. *В. Львова* ... 158
Подъ снѣгомъ, стих. *В. Юрьева* ... 255
Признаніе, стих. *Дм. Минаева* ... 10
Побѣда, стих. *А. Вигилянскаго* ... 358
Съ болгарскаго, стих. *В. Немировича-Данченко*. 64
Стих. *Дм. Черткова* ... 183
Стих. *Дм. Черткова* ... 137
Съ болгарскаго, стих. *В. Немировича-Данченко*. 218
Смерть казака, стих. *В. Львова* ... 235
Стих. *А. Золотарева* ... 294
Стих. *А. Шитова* ... 319
Тучка, стих. *Д. Мережковскаго* ... 253
Францiя, стих. *Тардье*, пер. *В. Немировича-Данченко* ... 178

II ОТДѢЛЪ.

Проза: романы, повѣсти, сцены.

Великая пѣвица, историческая повѣсть *Луизы Мюльбахъ*, пер. *А. Качаровской*. 11, 30, 50, 70, 90, 103, 131, 147, 167, 189
Зарока не давай. (Il. ne fautjurer de rien). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ *Альфреда-де Мюссэ*, пер. *С. А. Боборыкиной* ... 235, 262, 276, 302
Изъ исторіи о неудавшихся дѣтяхъ, разсказъ *Н. Северина* ... 342
Козочка, драматическій эскизъ въ одномъ дѣйствіи, *А. Трофимова* ... 178
Леона, (записки доктора *Бернагіуса*), повѣсть *Люсіена Біара*, пер. *А. А. Разсказовой*. 283, 310, 346, 411, 433, 451, 471
Мѣста недавнихъ битвъ, ст. *В. Немировича-Данченко* ... 130
Наша улица, разсказъ *К. Баранцевича* ... 446, 465
Первый балъ, разсказъ *П. Д. Боборыкина*. 317, 338, 358
Рябая красавица, ром. *А. Бувье*.. 18, 54, 75, 94, 105, 125, 141, 163, 183, 203, 222, 243, 255, 279, 307, 326, 348, 367, 387, 414, 430
Слава, разсказъ *Уида* ... 494, 516
Стефенъ Митчель, повѣсть изъ флоридской жизни *М-съ Робинзъ*, пер. *А, А. Разсказовой* ... 227, 245, 264, 328, 374, 392, 456, 475.
Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3 частяхъ *М. Ф. Каменской*... 3, 25, 45, 61, 81, 102, 122, 137, 158, 197, 218, 233, 254, 294, 322, 360, 384, 406, 424, 443, 469
Съ Пьедестала, святочн. разск. *К. С. Баранцевича* ... 505
Трофимъ болящій, очеркъ *Позднякова* ... 487
Этюды изъ жизни въ среднеазіатскихъ пустыняхъ, очерки *Н. Н. Каразина*...273, 296, 403, 421

III ОТДѢЛЪ.

Статьи научнаго содержанія: біографіи, путешествія и пр.

Алюры человѣка, статья *А. В. Елисѣева* ... 452
Артистическая пара, московскіе премьеры въ Петербургѣ, статья *И. Василевскаго* (*Буквы*). ~~47~~ 74
стр.
В. Г. Бѣлинскій ... 350, 366
В. Г. Шварцъ ... 518
Джонъ Брайтъ. Біографическій очеркъ ... 114
Иванъ Васильевичъ Самаринъ ... 171
Изъ исторіи рабства въ древности, ст. *С. Терновскаго*... 64, 84, 110, 139, 180, 298, 447, 490, 514
Ивановъ, характеристика *Балласа* ... 496, 519
Литературные и драматическіе очерки, статья *Эмиля Золя* ... 91
Микель Анжело Буонароти ... 266
Новыя замѣтки о старыхъ вопросахъ, La question du divorce par *M. Dumas fils*.. 330, 351, 394
Общественные порядки муравьевъ. 143, 160, 259, 304
Пляски и танцы на Руси. Историко-біологическіе очерки, *Вл. Михневича*. 47, 127, 221, 371, 511
Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ ... 10
П. П. Брока, ст. *К. Н. Смирнова* ... 327
Русскія суевѣрія, очерки *С. С. Шашкова*. 67, 86, 202, 278, 390, 410, 454, 478
Станиславъ Монюшко, статья *П. В. Га—на*. 434, 479
Свѣжее преданіе. (Люди стараго вѣка) Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, *Г. В. Есипова*. С.-Петер. 1880 г. 28
Сестры милосердія для слѣпыхъ ... 187
Слѣпой министръ. Біографическій очеркъ ... 38
Театральное дѣло во Франціи, замѣтки очевидца ... 34
Школа французскихъ импресіонистовъ, ст. *Дилетанта* ... 239, 372, 427

IV ОТДѢЛЪ.

Мелкія замѣтки.

Къ роману «Древнее сказаніе» ... 457
Могила *Н. В. Гоголя* ... 207
Наши преміи ... 458
О романѣ *Г. Крашевскаго*: «Древнее сказаніе».. 459
Роза Бонеръ ... 172
Три картины туринскаго художника *Франческо Моссо*, статья *Дилетанта* ... 193

V ОТДѢЛЪ.

Фельетонныя замѣтки и смѣсь.

Библіографическій листокъ ... 498
Библіографическій листокъ ... 284, 378
Внутреннее обозрѣніе. 207, 247, 287, 331, 376, 415, 459
Именные высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату ... 136, 379, 439
Къ рисункамъ. 20, 40, 58, 79, 99, 115, 135, 151, 172, 194, 211, 231, 250, 270, 290, 314, 334, 355, 379, 399, 418, 439, 461, 482, 522
Правительственныя распоряженія. 20, 135, 173, 214
Правительственныя сообщенія ... 154, 194, 355
Политическая хроника ... 208, 230, 267, 312, 354, 398, 435
Разъ въ мѣсяцъ.—«Среди знаменитостей». Характеристика и эскизы *И. Василевскаго* (*Буквы*). 14, 148, 412, 432
Смѣсь..... 20, 40, 59, 79, 99, 116, 136, 154, 174, 194, 214, 231, 250, 270, 291, 315, 461, 334, 355, 379, 399, 419, 439, 483, 502, 523
Шахматный отдѣлъ ... 24, 80, 120, 156, 196, 252, 336, 356, 463

VI ОТДѢЛЪ.

Рисунки и портреты.

Аларихъ, привѣтствуемый въ Афинахъ, какъ побѣдитель, карт. *Людвига Тирша* ... 473
Апельсинная роща, къ роману «*Стефенъ Митчель*» ... 392
Батюшка съ требой, рисун. *академика Павла Соколови* ... 48
Бриндизи, карт. *Монтефуско* ... 225
Богомолка, карт. *Ф. Прельса* ... 221
Борисъ Годуновъ, изъ драмы *гр. Толстого*, «смерть Іоанна Грознаго,» рисун. *В. Шварца*. 233
Буря, карт. *Гааса* ... 213
Богатая тетка, карт. *Вормса* ... 308
Бабушка, карт. *Лермитта* ... 437
Весна, карт. *Ганса Макарта* ... 17
Взятіе Бланки Наварской подъ стражу, карт. *Э. Розалеса* ... 472
Выговоръ, карт. *Ш. Делора* ... 117
Вихрь въ полѣ, група *Беліаци* ... 133
стр.
Вербная недѣля, карт. *Шварца* ... 180, 181
Водопой, карт. *Гарта* ... 184
Влюбленные, карт. *Е. Далбоно* ... 268
Въ мастерской художника, карт. *Сипневскаго*... 250
Ворота Лувра на другой день послѣ Варфоломеевской ночи, карт. *Деба-Пансана* ... 256, 257
Вѣсти изъ міра, карт. *Фр. Мосса* ... 189
В. Г. Бѣлинскій наканунѣ смерти ... 337
Во время войны, карт. *Пиллати* ... 340, 341
Выѣздъ короля Фридерика V изъ Праги, карт. *Фаберъ-Де-Фора* ... 368, 369
Волкъ и ягненокъ, рисун. *Г. Доре* ... 448
В. Шварцъ ... 509
Голла! Голла! карт. *А. Боденмюллера* ... 61
Горе, карт. *Деллока Біанка* ... 153
Горе, съ карт. *В. Реге* ... 161
Гонта надъ трупами дѣтей, рисун. *П. Мартыновича* ... 205
Грабитель, карт. *Кнауса* ... 353
Група для фонтана, скульптура професора *Вигмиллера* ... 388
Гречанка, карт. *Нейманнъ* ... 401
Джонъ Брайтъ ... 85
Домикъ въ коломнѣ, (поэма А. Пушкина) карт. *А. Кеппена* ... 141
Деревенская дорога, рисун. *Ф. Васильева* ... 164
Дай грошикъ! карт. *А. Бегаса* ... 220
E voto, карт. *Ю. Бютэна* ... 109
Ева, карт. *Бугеро* ... 144
Жена Клода, карт. *Ф. Мосса* ... 192
Жертвы Минотавру въ Афинахъ, карт. *А. Жендрона* ... 396
Знаменоносецъ, карт. *Рембрандта* ... 480
Золушка, карт. *Бертрана* ... 68
Злостные толки, карт. *Лоренцо Деллеани* ... 77
Злая дѣвочка, карт. *Бугеро* ... 96
За пивомъ, карт. *Гуго Кауфмана* ... 240
Знатокъ, карт. *Л. Поля* ... 409
Иванъ Васильевичъ Самаринъ ... 157
Иванъ IV, слушающій имена казненныхъ имъ, рисун. *Земцова* ... 9
Изъ за пограничной черты, карт. *П. Моргари*. 289
Интересная книга, карт. *Тульмуша* ... 200, 201
Интересная тэма, карт. *Фонъ-Деръ-Бека* ... 408
Интимный разговоръ, карт. *А. Морадеи* ... 441
Иванъ Грозный, рисунокъ *В. Шварца* ... 508
Іоаннъ Борбариго освобождаетъ изъ тюрьмы Марію, Венгерскую королеву, карт. *Джіаннети* 325
Janghen var! карт. *Фаустини* ... 493
Кровавая плата, карт. *Виктора Нелига* ... 89
Къ роману «Древнее сказаніе» ... 456
Кумушки, уличные типы ... 105
Коровница, карт. *Едварда Фагей* ... 301
Къ разсказу *Н. Н. Каразина* ... 297
Качели, карт. *Ф. Крауса* ... 280
Къ разсказу *Н. Н. Каразина* ... 273
Крестины, карт. *Кемерера* ... 320, 321
Консультація врачей, карт. *Грина* ... 345
Каинъ и Авель, скульптура *А. Дебэ* ... 373
Картины и книги, карт. *Джіакомо Фавретто*.. 430
Лѣтній вечеръ, карт. *Жана Фонъ-Беера* ... 397
Лунный свѣтъ, карт. *Шлейха* ... 468, 469
Лѣтняя сценка, оригинальный рисун. *Н. Загорскаго* ... 52
Людовикъ XVI съ семьей во время революціи, карт. *Бенсура* ... 72, 73
Лѣтнія художественныя занятія, карт. *Кальтенмозера* ... 281
Лѣность, акварель *Ловера* ... 344
Малороссъ, рисунокъ *П. Мартыновича* ... 489
Майская ночь, карт. *И. Н. Крамского* ... 32
Монастырскій писецъ, карт. *Андріолли* ... 92, 93
Микель Анжело *Буанаротти*, ... 237
Маленькій рыбакъ, група *Дорси* ... 132
Муки Тантала, карт. *Лобришона* ... 152
Медовый мѣсяцъ, карт. *Гейллана* ... 149
Меньона, карт. *Лафебвра* ... 168, 169
Мастерская Розы Бонеръ ... 173
Микель Анжело у гроба Витторіи Колонны, карт. *Франческо Джоковачи* ... 244, 245
Могила Н. В. Гоголя, рисун. *Г. Матвѣева* ... 204
Мумынъ-чабаръ, слѣдящій за врагомъ; рисун. *Н. Н. Каразина* ... 421

стр.
Маринисты, карт. *Пробста* ... 520
Неронъ, карт. *Каульбаха* ... 36, 37
На рѣкѣ Сент-Джонсѣ, къ роману *«Стефенъ Митчель»* ... 480
Наказанные въ корзинѣ трубочиста, карт. *Лобришона* ... 49
На стойкѣ, оригинальный рисунокъ *Павла Соколова* ... 108
На охотѣ, рисун. *Дж. С. Дэвиса* ... 129
Наймичка, (поэма Т. Шевченко) рисун. *П. Мартыновича* ... 165
Нищая дѣвочка, скульптура *Ф. Вилланиса* ... 277
На мосту, рисун. *Девиса* ... 260
На дюнахъ, карт. *Артца* ... 352
Непрошенный гость, карт. *Фридлендера* ... 365
Нѣтъ спасенія! карт. *Коттенрейтера* ... 405
Нападеніе волковъ, рисун. *Адамова* ... 416
На совѣщаніи у судьи, карт. *Джона Моргана* ... 436
На лодкѣ, къ роману *«Стефенъ Митчель»* ... 460
Охота серебряною дробью, рисун. *Павла Соколова* ... 16
Отцы и дѣти. М. С. Тургенева, оригинальный рисун. *Н. Загорскаго* ... 53
Обученіе музыкѣ, карт. *Бугеро* ... 97
Отдыхъ цыганъ, карт. *К. Штеффека* ... 300
Обезьяны и Леопардъ ... 209
Охота за дрохвами, рисун. *Павла Соколова* ... 364
Портретъ П. Д. Боборыкина ... 5
Погребальный караванъ, карт. *Е. Бернингера* ... 8
Подписчица, карт. *Ф. Крауса* ... 25
Паціентка, карт. *Зондерланда* ... 29
Послѣднее прости, карт. *Лозика* ... 288
Послѣдніе друзья, карт. *Кущевскаго* ... 121
Посѣщеніе умершаго ребенка, карт. *Д. Козла* ... 492
Передъ крахомъ народнаго банка, карт. *Бокельмана* ... 112, 113
Передъ алькадомъ, карт. *Вормса* ... 56
Поцѣлуйный обрядъ. Серебряный и Морозовъ, изъ романа гр. Толстого, карт. *Ц. Шварца* ... 261
Послѣ бала, карт. *Анри Жерве* ... 242

стр.
Площадь въ Сент-Огюстенѣ, къ роману *«Стефенъ Митчель»* ... 228
По порошѣ за зайцемъ, карт. *Павла Соколова* ... 224
Портретъ старика, карт. *Рембрандта* ... 217
Пьяный хозяинъ, карт. *Карзухина* ... 309
Первый снѣгъ, акварель *Индуно* ... 313
Послѣдній изъ Валуа и его шутъ, карт. *Лульвеса*. 501
П. П. Брока ... 328
Переѣздъ съ дачи, рисун. *Н. Н. Каразина* ... 417
Праздничное утро въ Албано, карт. *Карла Блаза* ... 444, 445
Передъ клѣткой обезьянъ, карт. *Лульвоса* ... 481
Прибытіе въ Гамбургъ морского разбойника Клауса Штёртебекера, карт. *Карла Гертса* ... 512
Продавщица рыбы, карт. *Э. Циммермана* ... 513
Рѣшительный моментъ въ боѣ быковъ, карт. *И. Аронда* ... 477
Разлука, карт. *Лиценъ-Мейера* ... 13
Рабле, сельскій священникъ въ Мéдонѣ, карт. *Ж. Гарнье* ... 57
Разрушитель, карт. *Дж. Дэвиса* ... 69
Русины, карт. *Стріовскаго* ... 101
Радость, съ картины *В. Реге* ... 160
Рыболовство, карт. *Луксмура* ... 428
Событіе въ дѣтской жизни, карт. *Даньянъ Бувере*. 33
Старая мельница въ горахъ Юры, карт. *Дюбуа*. 145
Сердце заговорило, карт. *Анатоля Вилли* ... 185
Сѣнокосъ, карт. *Жульена Дюпре* ... 269
Старыя ворота въ Сент-Огюстенѣ, къ роману *«Стефенъ Митчель»* ... 265
Сейчасъ придемъ! карт. *Ф. Мосса* ... 193
Сцена изъ драмы «Le fils Corolie» рисун. *Адріенъ Мари* ... 305
Соперники, карт. *Карла Бекера* ... 361
Станиславъ Монюшко ... 425
Съ рынка, карт. *Бугро* ... 449
Торжественная свадебная процесія Дагмары съ Вольдемаромъ въ Даніи, карт. *Брозика* .. 124, 125
Типъ старика малоросса, рисун. *П. Мартыновича* ... 317

стр.
Торжественный пріемъ, карт. *Яна Матейко* ... 285
У колодца, рисун. *Дж. С. Дэвиса* ... 128
Урокъ танцевъ, изъ Андулузской жизни, карт. *Вормса* ... 212
У фонтана, карт. *Бюргерса* ... 497
Удачная рыбная ловля, *Бёма* ... 500
Улица въ Сент-Огюстенѣ, къ роману *«Стефенъ Митчель»* ... 329
У отмели, къ роману *«Стефенъ Митчель»* ... 377
У берлоги, рисун. *Дж. Девиса* ... 389
Фортъ Маріонъ, къ роману *«Стефенъ Митчель»*. 248
Христіанская мученица, скульптура *Эмиля Франчески* (изъ Неаполя) ... 41
Хозяинъ лодки, карт. *Гизазола* ... 324
Художественныя критики, карт. *П. Морана* ... 88
Цѣнители искуства, карт. *Мейсонье* ... 333
Чичеровакіо съ сыномъ, разстрѣливаемые австрійцами, скульптура *Е. Хименеса* ... 229
Чабаръ Мумымъ пилъ чай, рисун. *Н. Н. Каразина* ... 404
Шалунъ, карт. *Лефлера* ... 284
Школьница, карт. *Ф. Румплера* ... 521
Ѣду ль по улицѣ темной, стих. Н. А. Некрасова, рисун. *Кеппена* ... 65
Эзопъ, разсказывающій басни, карт. *Роберта Фонтана* ... 361
Янъ Собѣсскій, карт. *Рембрандта* ... 177

Преміи.

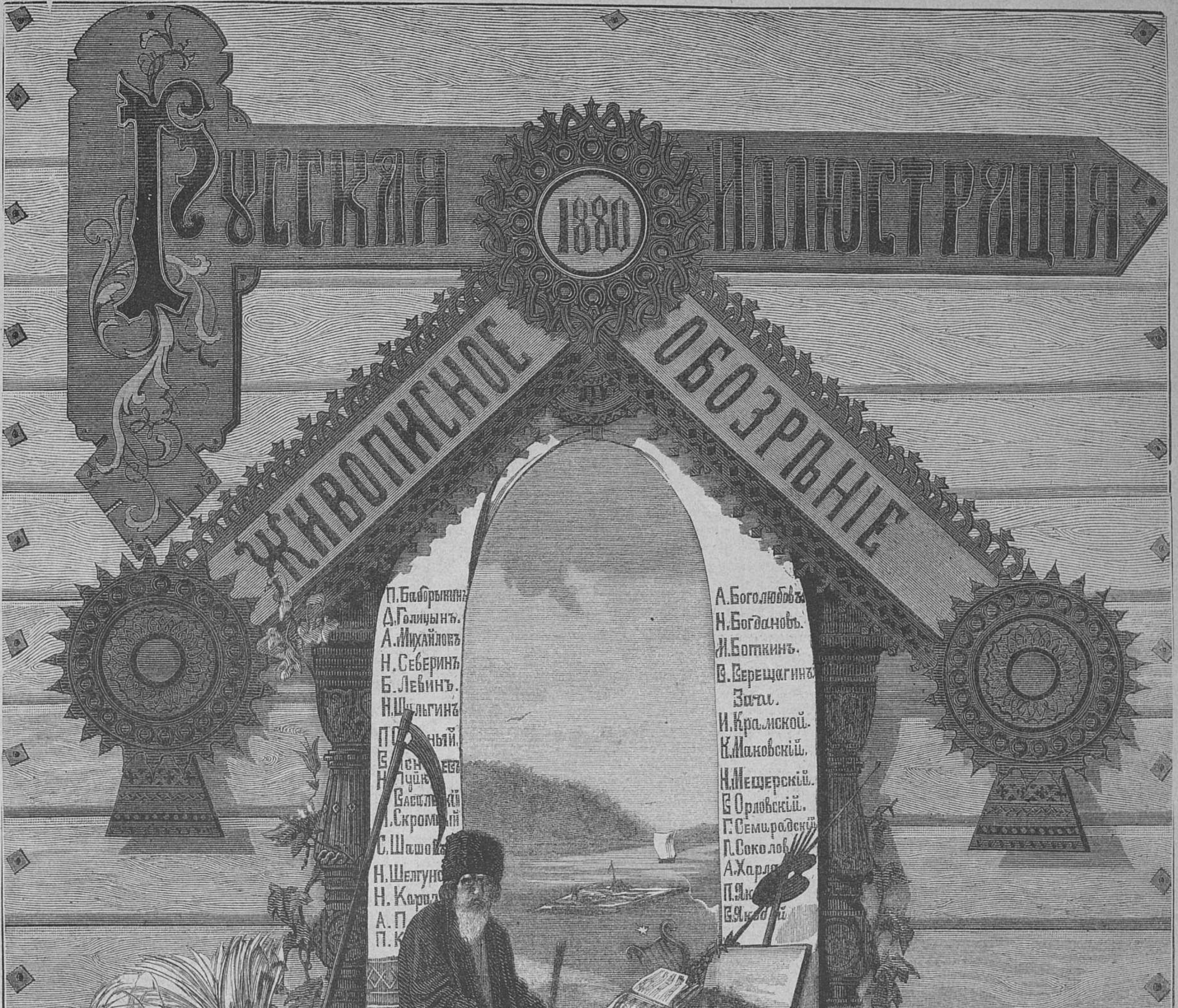
1. Цимбелинъ *В. Шекспира*, (драма).
2. Чужіе грѣхи *А. Михайлова*, (романъ).
3. Малороссіянки (олеографія).
4. На перевязочный пунктъ (олеографія).
5. Портретъ Государя Императора (олеографія).
6. Крещеніе народа *А. А. Иванова* (гравюра).
7. Христосъ въ пустынѣ *И. Н. Крамского* (гравюра).

Приложеніе.

Парижскія моды.
Гигіена *Гнема* и *Виля*.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 26 декабря 1880 года.

Годъ VIII. VIII Годъ.


Русская
1880
Иллюстрація
Живописное
Обозрѣніе
П. Боборыкинъ
Д. Голицынъ.
А. Михайловъ
Н. Северинъ
Б. Левинъ.
Н. Шульгинъ
Н. Шелгуно
Н. Карл
А. П
П. К
А. Боголюбовъ
Н. Богдановъ.
М. Боткинъ.
В. Верещагинъ
Зичи.
И. Крамской.
К. Маковскій.
Н. Мещерскій.
Е. Орловскій.
Г. Семирадскій
П. Соколов
А. Харл

№ 27. С.-Петербургъ 27 №.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
въ 1880 году.

Журналъ издается по прежней програмѣ. Вновь подписавшіеся могутъ получить всѣ вышедшіе нумера, начиная съ 1-го.

Гг. подписавшіеся на полгода лишаются права на безплатное полученіе премій.

Гг. подписчики на первое полугодіе, подписавшись и на второе, пріобрѣтаютъ право на безплатное полученіе премій, которыя вышлются имъ тотчасъ-же по подпискѣ.

Художественныя преміи нынѣшняго года разосланы всѣмъ гг. подписчикамъ, пожелавшимъ получить ихъ застрахованными посылками; а также остальнымъ господамъ подписчикамъ, получающимъ журналъ по трактамъ съ 1 по 13 включительно, а также по 27 и 29-му. Получающимъ по остальнымъ трактамъ (кромѣ восточной Сибири и средней Азіи) преміи будутъ разосланы при слѣдующемъ 28 №. Въ восточную Сибирь и среднюю Азію при 29 №. Литературная премія будетъ разослана не позже ноября мѣсяца.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**.

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки	**6** р.	**3** р. **50** к.
» » съ доставкой и пересылкой	**7** р.	**4** р.

Желающіе получить въ дополненіе къ отдѣлу «Модъ», **шесть** выкроекъ въ натуральную величину, приплачиваютъ къ годовой подписной суммѣ **60** копѣекъ.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близь Невскаго проспекта), д. № 6** и въ мѣстныхъ Конторахъ: **въ Москвѣ**, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ**, въ книжномъ магазинѣ бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ**, въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ, д. Вагнера.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

Редакція предлагаетъ по цѣнамъ, значительно уменьшеннымъ собственно для гг. подписчиковъ на «Живописное Обозрѣніе», слѣдующія олеографическія картины извѣстныхъ заграничныхъ художниковъ.

Названіе картинъ.	Цѣна картины.		Пересылка.		Мѣра картинъ.			
					Въ сантиметрахъ.		Въ вершкахъ.	
					Выш.	Шир.	Выш.	Шир.
	р.	к.	р.	к.				
1. **Шаплена.** «Дѣвушка»	»	40	»	20	$33\frac{1}{2}$	$22\frac{1}{2}$	$7\frac{1}{2}$	$4\frac{3}{4}$
2. Его же. «Дѣвушка	»	40	»	20	$33\frac{1}{2}$	$22\frac{1}{2}$	$7\frac{1}{2}$	$4\frac{3}{4}$
3. **Эркмана.** «Любовное письмо»	»	60	»	30	42	$33\frac{1}{4}$	$9\frac{1}{2}$	$7\frac{1}{2}$
4. Кенигштейнъ	»	60	»	30	37	50	$8\frac{1}{4}$	$11\frac{1}{4}$
5. Шрекенштейнъ	»	60	»	30	37	50	$8\frac{1}{4}$	$11\frac{1}{4}$
6. **Тена.** «Мыльные пузыри»	1	25	»	40	53	$39\frac{1}{2}$	$11\frac{3}{4}$	$8\frac{3}{4}$
7. Его же. «Хорошъ портретъ?»	1	25	»	40	53	$39\frac{1}{2}$	$11\frac{3}{4}$	$8\frac{3}{4}$
8. **Жильбера.** «Въ будуарѣ»	1	25	»	40	47	$39\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$	$8\frac{3}{4}$
9. Его же. «На кухнѣ»	1	25	»	40	47	$39\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$	$8\frac{3}{4}$
10. **Лемера.** «Проба голоса»	1	70	»	50	57	42	$12\frac{3}{4}$	$9\frac{1}{2}$
11. **Морлона.** сц. «Изъ Севильскаго цирюльника»	2	»	»	50	40	50	9	$14\frac{1}{4}$
12. Его же. «Изъ Свадьбы Фигаро»	2	»	»	50	40	50	9	$14\frac{1}{4}$
13. **Ригера.** «Въ Аппенинахъ»	2	25	»	75	65	$87\frac{1}{2}$	$14\frac{1}{2}$	$19\frac{1}{2}$
14. **Краузе.** «Морской берегъ подлѣ Дувра»	2	25	»	75	65	$87\frac{1}{2}$	$14\frac{1}{2}$	$19\frac{1}{2}$
15. **Дунтце.** «Утро въ Нордфіордѣ»	2	25	»	75	65	$87\frac{1}{2}$	$14\frac{1}{2}$	$19\frac{1}{2}$
16. Его же. «Вечеръ въ Зюдфіордѣ»	2	25	»	75	65	$87\frac{1}{2}$	$14\frac{1}{2}$	$19\frac{1}{2}$
17. **Лейстенъ-Дюнтша.** «Имянины бабушки»	3	50	»	75	70	54	$15\frac{3}{4}$	12
18. **Барабеля.** «Въ саду»	2	50	»	75	66	$46\frac{1}{2}$	$14\frac{3}{4}$	$10\frac{1}{2}$
19. **Каульбаха.** «Знатная венеціанка»	7	»	1	»	79	68	18	$15\frac{1}{2}$
20. Его же. «Знатная голландка»	7	»	1	»	79	68	18	$15\frac{1}{2}$
21. **Макарта.** «Средневѣковая знатная дама»	10	»	1	50	102	$79\frac{1}{2}$	23	18
22. **Зихеля.** «Марія Стюартъ отправляющаяся на казнь»	13	50	1	50	70	$100\frac{1}{4}$	$15\frac{3}{4}$	$22\frac{3}{4}$
23. Маленькая кокетка	»	80	»	30	44	$33\frac{1}{2}$	$9\frac{3}{4}$	$7\frac{1}{2}$
24. Шалунъ	»	80	»	30	44	$33\frac{1}{2}$	$9\frac{3}{4}$	$7\frac{1}{2}$
25. **Бюргерса.** «Театръ маріонетокъ»	1	10	»	40	36	51	8	$14\frac{1}{2}$
26. **Бюргерса.** «Кегли»	1	10	»	40	36	51	8	$14\frac{1}{2}$
27. **Эскюдье.** «Дѣвушка съ виноградомъ, на берегу»	4	50	1	»	79	55	18	$12\frac{1}{4}$
28. **Эскюдье.** «Дѣвушка въ цвѣтахъ»	4	50	1	»	79	55	18	$12\frac{1}{4}$
29. «Мечты на терасѣ», карт. **Стьюарта**	10	»	1	50	75	104	$16\frac{1}{4}$	23

Картина Стьюарта, представляющая очаровательную групу изъ четырехъ женщинъ, признана первою картиною на лондонской выставкѣ 1877 года. Отвѣчая на нѣсколько полученныхъ нами писемъ, заявляемъ, что олеографіи съ картинъ Каульбаха (№№ 19 и 20) сдѣланы очень хорошо. Не меньшими достоинствами отличаются олеографіи съ картинъ Макарта и Зихеля (№№ 21 и 22).

Преміи прошлыхъ годовъ стоятъ, олеографіи: 30) Графиня Потоцкая, 50 к. 31) Графъ Кассельмонте, 50 к. 32) Наказанное любопытство 50 к.; пересылка каждой изъ этихъ картинъ 30 к. Гравюры: 33) Тайная вечеря, съ карт. **Леонардо-да-Винчи**, 30 к. 34) Продажа амулетовъ, съ картины проф. **Семирадскаго**, 30 к.; пересылка каждой изъ этихъ двухъ картинъ 20 к. 35) Свѣточи христіанства, съ картины **Семирадскаго**, 1 р. 36) Мадонна, съ картины **Мурильо** (гравюра на стали); 1 р. 25 к. пересылка каждой изъ нихъ 50 к.

При выпискѣ не менѣе трехъ олеографій и гравюръ разомъ за пересылку прилагается половина назначенной цѣны за каждую картину.

Литературныя преміи, вышедшія въ прошлыхъ годахъ, продаются по слѣдующимъ цѣнамъ:

1) Марко Фоскарини, драма Залевскаго, въ переводѣ **И. В. Омулевскаго**, съ илюстраціями на веленевой бумагѣ. Ц. 50 к. съ пер. 70 коп.

2) Шекспиръ, А. Дауденса, съ илюстраціями на веленевой бумагѣ. Ц. 40 коп. съ пер. 60 коп.

3) Виндзорскія кумушки, комедія **Шекспира**, съ илюстраціями на веленевой бумагѣ, **П. И. Вейнберга** и **Н. И. Шульгина**, Ц. 75 коп. съ пер. 1 руб.

Кромѣ того продается приложеніе «Жизнь и хозяйство».

I томъ 1876 годъ—1 р. съ пер. 1 р. 30 к.
II » 1877 » 1 » » 1 » 30 »
III » 1878 » — » 50 к. » — » 75 »

Всѣ три тома вмѣстѣ 1 р. 50 коп. съ перес. 2 рубл.

Кромѣ упомянутыхъ выше олеографическихъ картинъ, Редакція можетъ предложить еще **двѣ новыя**, только что полученныя ею (№№ 37 и 38). Цѣна каждой изъ нихъ 2 р. 50 коп. пересылка 50 коп. Мѣра ихъ: высота 57, ширина 39 сантиметровъ; одна изъ нихъ носитъ названіе «**До**», другая «**Послѣ**». Сюжетъ: урокъ Амура, преподаваемый молодой дѣвушкѣ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 27.
За годъ съ пер. и дост.— 7 руб.
Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ.
За полгода — 4 рубля.
5 Іюля 1880 г.

Изъ пѣсенъ о городѣ.

Стих. **А. Михайлова.**

I.

Падшая.

Вчера раба, сегодня львица,
Ты—мимолетный метеоръ —
Блистаешь роскошью царицы
И знаетъ цѣлая столица
Твои причуды, твой позоръ.

А мнѣ все грезится иная
Давно прошедшая пора,
Когда, едва не замерзая,
Сбирала, дѣвочка босая,
Ты щепки съ ближняго двора.

Въ угрюмомъ сумракѣ подвала,
Забившись въ уголъ какъ-нибудь,
Вся передрогшая, бывало,
Дитя, ты часто засыпала,
Склонивъ головку мнѣ на грудь.

Не прилагалъ никто старанья,
Чтобъ ободрить, чтобъ научить
Тебя, забитое созданье,
И въ память той поры страданья
Готовъ я все тебѣ простить.

Съ тобой встрѣчаясь, дочь разврата,
Не шумныхъ оргій вечера
Я вспоминаю сердцемъ брата,
А то, что вынесла когда-то
Моя погибшая сестра.

И ты сама спѣшишь при встрѣчѣ
Прикрыть стыдливо отъ меня
Нагую грудь, нагія плечи
И не разнузданныя рѣчи,
А горькій ропотъ слышу я.

II.

Въ тюрьмѣ.

Удлиняться стали дни, а ночи
Стали все бѣлѣе, все короче,
Развернулись листья на вѣтвяхъ,
Потянулись птицы въ небесахъ,
Ледъ взломавъ, рѣка пришла въ движенье,
Торжествуя праздникъ обновленья...
И несчастный узникъ изъ окна
Увидалъ, что въ міръ идетъ весна...

Много дней, безмолвный и суровый,
Терпѣливо онъ таскалъ оковы,
Спалъ лѣниво въ вѣчной полутьмѣ
И почти привыкъ къ своей тюрьмѣ.
Замѣчалъ онъ, какъ онъ тихо таетъ,
Какъ за чувствомъ чувство убиваетъ,
Какъ туманитъ умъ его тоска,
И шепталъ спокойно: «смерть близка!»

А теперь, когда весной все дышетъ,
Чей-то шепотъ онъ про бѣгство слышитъ,
Жаждой воли грудь его полна,
Но крѣпка рѣшетка у окна,
Въ немъ самомъ нѣтъ силы для спасенья
И, смотря, какъ въ общемъ обновленьи
Все живетъ, ликуя и блестя,—
Онъ тихонько плачетъ, какъ дитя...

III.

Разоренныя гнѣзда.

Былъ невеликъ нашъ домъ, но примыкалъ къ строенью
Вновь разведенный садъ и добрый старый дѣдъ
Съ улыбкой мнѣ твердилъ: «Черезъ десятки лѣтъ
Ты будешь отдыхать здѣсь подъ густою тѣнью!»

Я мирно засыпалъ и радужными снами
Меня дарила ночь: я видѣлъ садикъ свой
Разросшимся вполнѣ и подъ его листвой
Хранимые отъ бурь десятки гнѣздъ съ птенцами.

Мнѣ грезилось, что въ зной, прислушиваясь къ пѣнью
И щебетанью птицъ среди его вѣтвей,
Слѣдя за играми веселыми дѣтей,
Я самъ — уже старикъ — дремлю подъ свѣжей тѣнью.

Но Богъ рѣшилъ не такъ: тревожной жизни море
Насъ захлестнуло вдругъ бушующей волной
И быстро унесло отъ пристани родной
На долгую борьбу, лишенія и горе.

И много лѣтъ прошло среди нужды суровой
Надъ головой моей, но, старый пилигримъ,
Тоской по родинѣ покинутой томимъ,
Я все хотѣлъ свой край родной увидѣть снова.

И вотъ исполнились завѣтнѣйшія грезы,
Я возвратился вновь въ страну моихъ отцовъ...
Гдѣ-жь наша улица? гдѣ мой любимый кровъ?
Гдѣ наши стройныя плакучія березы?

Все сметено судьбой! Какъ будто на пожарѣ,
На всемъ покоятся отъ копоти слои,
Подъ пылью угольной не разглядишь земли
И въ воздухѣ стоитъ тяжелый запахъ гари.

Но это не пожаръ. Гигантскіе заводы
Съ утра до вечера грохочутъ и свистятъ
Въ той самой мѣстности, гдѣ только гамъ ребятъ
Затишье нарушалъ въ давно былые годы.

Передо мной плелись въ грязи понуро люди,
Чернѣлось рубище убогое на всѣхъ
Отъ той-же копоти и изъ его прорѣхъ
Сквозили грязныя и вдавленныя груди...

И ничего кругомъ, что тѣшитъ человѣка:
Ни травки, ни цвѣтка!.. И полный мрачныхъ грезъ,
Я плакалъ о быломъ подъ вой и визгъ колесъ,
Подъ эту музыку промышленнаго вѣка...

IV.

Мертвецъ.

Въ часы унынья и печали
Мнѣ вспоминается, какъ разъ
Мы, дѣти, весело рѣзвясь,
Остывшій трупъ нашли въ подвалѣ.

Въ углу холодномъ и сыромъ
Лежалъ онъ въ рубищѣ. Безъ цѣли
Глаза свинцовые смотрѣли
Въ пространство въ ужасѣ тупомъ.

Ротъ сжатъ былъ плотно, щеки впали
И, на подобіе вѣнца,
Ликъ неподвижный мертвеца
Сѣдые кудри обрамляли.

Никто не вѣдалъ, какъ попалъ
Больной старикъ въ подвалъ холодный,
Какъ онъ здѣсь мучился, голодный,
Какъ долго мертвымъ тутъ лежалъ.

Толпа судила и рядила
О прошлой жизни мертвеца,
Догадкамъ не было конца,
Но въ нихъ такъ мало смысла было.

А между тѣмъ смущалъ меня
Вопросъ: что сдѣлалъ онъ такого,
За что забыть могли, больного,
Его родные и друзья?

Нетерпѣливъ, встревоженъ, блѣденъ,
Я все узнать хотѣлъ вполнѣ,
Когда замѣтилъ кто-то мнѣ:
«Ты видишь, онъ былъ очень бѣденъ!»

Съ тѣхъ поръ прошло не годъ, не два,
Но помнилъ я, бѣднякъ забитый,
И этотъ трупъ, людьми забытый,
И эти горькія слова;

Въ годину нуждъ, въ годину горя
Они меня лишали сна,
А искуситель-сатана
Шепталъ, смѣясь: «memento mori!»

* * *

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Было девять часовъ вечера. Авдотья Кириловна Сивкова сидѣла уже въ кофтѣ и юбкѣ въ своей спальнѣ и раскладывала пасьянсъ на четыре туза. Пасьянсъ ни разу не выходилъ. Авдотья Кириловна была не въ духѣ.

— Прощайте, маменька, покойной ночи! сказала, вбѣжавъ въ спальню, хорошенькая, разгорѣвшаяся шестнадцатилѣтняя дѣвушка, одѣтая въ коротенькое платьице. Остановившись передъ матерью, она наклонила голову и ожидала благословенія.

— Что съ тобой?.. Что это ты, сударыня, точно лошадь, прискакала ко мнѣ въ комнату?

— Я, маменька, ничего.

— Какъ ничего? На что ты похожа? Срамъ, сударыня, срамъ! Ты точно съ уличными мальчишками въ горѣлки играла. Вы не маленькая, слава тебѣ, Господи!.. Который вамъ годокъ? Вамъ вѣдь шестнадцать лѣтъ! Опомнитесь! Въ старину такую дѣвчищу, какъ вы, давно-бы ужь замужъ упекли... И давнымъ давно-бы ужь и дѣти были. Посмотрите въ зеркало, вѣдь вы лошадь, настоящая лошадь!..

Дѣвушка стояла молча; крупныя слезы навернулись у нея на глазахъ

— Ну, что стоишь? Когда мать говоритъ: смотри въ зеркало, такъ и смотри, проговорила Авдотья Кириловна и насильно потащила дочь къ трюмо.—Ну, гляди, гляди, сударыня! Что, хороша?.. очень хороша! Полюбуйся! Что, похожи вы на барышню хорошаго круга, за которую мать послѣднія свои вдовьи крохи учителямъ, да гувернанткамъ платила? Ну, что, похожа? Что, видно въ тебѣ, что у тебя француженка шесть лѣтъ жила?.. Видно, что ты первая музыкантша во всемъ калязинскомъ уѣздѣ, видно?

— Простите, маменька, я виновата...

— Что ты дѣлала?

— Я вальсировала въ своей комнатѣ...

— Съ кѣмъ?

— Съ дьяконициной дочкой, Пашей.

— Тоже хороша дѣвчонка: отцу еще году нѣтъ, какъ въ сырой землѣ лежитъ, мать, несчастная, передъ образами неосушно слезы льетъ, а она выплясываетъ... Ну, что ты танцовала, это еще ничего, танцы маперы придаютъ... Да къ чему ты только такъ краснѣешь и румянецъ-то у тебя такой простой, точно у крѣпостной дѣвки... Вели Дашкѣ дать себѣ огуречной водки и вытрись хорошенько на ночь. Ну, ступай, Господь съ тобой! сказала Авдотья Кириловна и, трижды перекрестивъ дочь на сонъ грядущій, протянула ей руку. Молодая дѣвушка молча поцѣловала руку матери и хотѣла уйдти. Авдотья Кириловна остановила ее.

— Смотри-же, Лёло, помни, что я тебѣ говорила.

— Я буду помнить, маменька.

— Ну, ступай съ Богомъ, да не забудь всѣ вечернія молитвы прочесть.

— Я прочту, маменька.

— Ну, да иди-же, иди, ты всегда отъ сна отлыниваешь и будешь зеленая... Въ твои годы, я сейчасъ послѣ чая спать ложилась.

— Я иду, маменька, прощайте!

Лёло быстро подошла къ двери, но вдругъ вернулась и сказала матери:

— Я забыла спросить у васъ, маменька, какое вы прикажете мнѣ надѣть завтра платье?

— Завтра? Да надѣнь хоть розовую кисейную юбочку съ бѣленькимъ спенсерчикомъ, что съ паутинками.

— Маменька, я не могу надѣть этого спенсера, онъ очень жметъ мнѣ въ груди и проймахъ.

— Что, ужь выросла?.. Вздоръ! Онъ на тебѣ сидитъ, какъ влитой, прелесть!.. Это вамъ, сударыня, большой хочется быть! Прошу покорно, у меня это изъ головы выкинуть! Ты еще ребенокъ, дѣвочка, и ребенкомъ быть должна. Большихъ у меня представлять не смѣй; я этого терпѣть не могу! Въ старину такія дѣвчонки, какъ ты, кромѣ бѣлыхъ коленкоровыхъ платьевъ, ничего и въ глаза не видали. Ступай, ступай! Не серди мать!

Лёло вышла изъ спальни. Авдотья Кириловна посмотрѣла ей вслѣдъ и подумала: «А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, на Лёло только длинное платье надѣть и хоть сейчасъ подъ вѣнецъ!.. А дѣвочка-то прелесть какая вышла... красоточка! Только въ ежевыхъ рукавицахъ держать надо. А хороша, очень хороша! двѣ капли воды я, въ ея годы: полна, бѣла, глаза, какъ незабудки, а волосъ черенъ, какъ смоль. Грудь высокая, ручки, ножки малюсенькія... Да, да, не дурно-бы ее пристроить поскорѣй за хорошаго человѣка! Чѣмъ раньше оно, тѣмъ лучше: женская красота проходящая».

При этомъ Авдотья Кириловна взглянула мелькомъ въ трюмо, глубоко вздохнула и опять подумала: «Хорошо-бы, хорошо! Да за кого я отдамъ Лёло въ этомъ захолустьѣ? Не для нашихъ-же медвѣдей, въ самомъ дѣлѣ, у меня расцвѣлъ такой цвѣтокъ?.. Въ столицахъ съ такою красотой и образованіемъ, дѣвушка, какъ моя Лёло, всему семейству карьеру можетъ сдѣлать... А наши уроды развѣ поймутъ, что такое сокровище надо у матери съ руками оторвать. Что имъ, что она первая музыкантша въ уѣздѣ? Ничего! Всѣ станутъ денегъ просить... А гдѣ у меня деньги? Приданое я, конечно, дамъ приличное, безъ этого ужь нельзя, а денегъ, покорно благодарю... мнѣ мужъ не Богъ знаетъ что оставилъ. Деревушку-то, сто душъ, такъ онѣ дѣтскія... А сорокъ-то тысячъ не миліонъ какой-нибудь... Такъ что-жь мнѣ самой-то за дѣтей въ гробъ лечь? Я, кажется, и сама еще не жила, и сама пожить хочу, и сама ничего интереснаго въ жизни не видала. Тоже хорошъ былъ покойникъ мужъ, прости ему, Господи, его прегрѣшенія. Взялъ дѣвочку прямо изъ пансіона замужъ, да всю жизнь и прокоптилъ въ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ. Кто меня видѣлъ? Кого я видѣла? А хороша какъ была!.. Ну, будь я уродъ какой нибудь, такъ не обидно-бы было и молодость мою горькую вспомнить. Женщина я была молодая, хорошенькая, а мужа и въ глаза не видала. Цѣлое утро, бывало, все на службѣ, при вѣсахъ, послѣ обѣда спитъ, вечеръ у частнаго въ карты играетъ, а домой придетъ еле до кровати доберется... И теперь мою жизнь вспомнить страшно... Не будь я такихъ правилъ женщина, не предайся я вся молитвѣ, мало-ли что отъ скуки могло случиться? Вѣдь у насъ тоже полки стояли. А какъ хорошъ былъ Модестъ Урвановъ!.. Прибѣжитъ, бывало, вечеркомъ съ дежурства, весь, какъ куколка, въ золотѣ; доломанъ горитъ, усы точно шелкъ, губки розовыя, зубки сквозятъ... «Барыня моя, барыня! Та-та, та-та», болтаетъ, ручки мнѣ цѣлуетъ... закинувъ голову на спинку дивана и сладко улыбаясь въ зеркало, вспоминала Авдотья Кириловна.—А подъ Ивановъ-то день, еще слаще улыбнувшись сама себѣ, проговорила Авдотья Кириловна, но вдругъ выпрямившись и крестясь, прошептала:—Прости меня Господи! не внійди въ судъ съ рабой твоей!»

Посидѣвъ немного, опустя голову, Авдотья Кириловна машинально стасовала карты, начала раскладывать пасьянсъ и опять начала думать. «Да, да, тогда муженекъ засадилъ, а теперь дѣтки закабалили... Все объ нихъ думать надо, а мнѣ вѣдь и теперь не сто лѣтъ, чтобъ мнѣ чувствовать перестать... Я тоже, по своимъ лѣтамъ, пріятный образъ жизни могла себѣ избрать. Въ мои года женщины еще замужъ выходятъ и интрижки заводятъ, да еще какъ нравятся... Я объ этомъ, конечно, не мечтаю, а все таки я не мертвецъ! Ну, положимъ, что я добрая мать, что я для дѣтей себя забываю, а все таки я не могу-же дочери послѣднюю копѣйку отдать... Меня и Николай довольно сосетъ на мундиры, да на все. Ну, такъ онъ хоть сынъ, въ гвардіи служитъ; дослужится до генерала, у него мнѣ хоть старость почетная готовится. А что дочь? Отдай хоть все и не жди добра. Съ зятя-то взятки гладки, особенно наши—барбосы... Да нѣтъ, и думать нечего выгодно пристроить Лёло въ нашихъ мѣстахъ. Развѣ сбиться какъ-нибудь, да въ Петербургъ на зиму поѣхать. Николай гвардеецъ, у него всѣ товарищи князья, да графы: увидятъ Лёло, никто, какъ Богъ, легко можетъ судьба выйдти. А то у меня въ Петербургѣ еще домъ знакомый есть, Марья Петровна Камкова; она меня, какъ сестру родную, приметъ, мы съ ней пріятельницы были, въ одномъ пансіонѣ учились. У нея домъ, говорятъ, открытый, сынъ ужь большой, ну, и богата; почемъ знаешь, гдѣ найдешь? Можетъ, у нея въ домѣ что склеится?.. Право-бы поѣхать; да какъ это уладить? Изъ капитала я до поры до времени брать не хочу. Развѣ уступить купцу Фомкину рожь, да овесъ?.. Такъ онъ, каналья, мало даетъ, въ чистый убытокъ... А за то денежки сейчасъ-же въ руки. Уступлю! Богъ съ нимъ, пусть его подавится моей вдовьей крохой! Продамъ, право, продамъ! Поѣду, право, поѣду! Что, въ самомъ дѣлѣ, киснуть всю жизнь въ захолустьѣ?.. Поѣду, непремѣнно поѣду! Завтра-же отслужу молебенъ «Нечаянной-Радости», да пошлю за этой шельмой Фомкинымъ, да съ нимъ и покончу. А еще у меня дѣвки много воротничковъ, платковъ батистовыхъ нашили, прошивокъ, оборокъ разныхъ; это я все въ Петербургѣ продамъ дорого; будетъ чѣмъ прожить прилично мѣсяца три въ столицѣ. А тамъ, если Богъ поможетъ, Лёло замужъ выгодно выдать, можетъ, и навсегда останусь жить съ Николаемъ въ Петербургѣ. Поѣду, во что-бы то ни стало, поѣду!» почти вскрикнула Авдотья Кириловна и, раскраснѣвшись, начала ходить скорыми шагами по комнатѣ.

Било двѣнадцать часовъ почи, а Авдовья Кириловна, противъ своего обыкновенія, и не думала еще ложиться спать. Нѣсколько разъ горничная ея Даша пріотворяла дверь и заглядывала, не пора-ли войдти укладывать барыню въ постель. Но Авдотья Кириловна, не замѣчая ничего, все ходила по спальнѣ, заложа за спину руки, покачивая съ боку на бокъ головой.

— Мать ты, Пресвятая Богородица, что это съ ней подѣялось? Сна ни въ одномъ глазѣ нѣтъ, бродитъ, какъ курица, да улыбается, какъ умалишенная какая... Прости ты меня, Господи! Легко-ли дѣло, двѣнадцать пробило, всѣ добрые люди давнымъ давно спятъ, прошептала себѣ подъ носъ Даша, зѣвая и крестя себѣ ротъ.—Теперь, не здѣсь будь сказано, извѣстно, кто не спитъ... да на-ко тебѣ, и мы съ ними! И Даша опять проворно перекрестилась.

— Да что долго-то думать? Сяду вотъ сейчасъ, да и напишу! вдругъ громко проговорила Авдотья Кириловна.

— Ужь не стихи-ли она, какъ барышня, по почамъ вздумала писать... Съ нами крестная сила, да ужь не рехнулась-ли она, шептала Даша, заглядывая въ полуотворенную дверь.

— Дашка! Дашка! чернильницу, бумаги мнѣ подай!

Горничная вбѣжала въ спальню и начала шарить и искать во всѣхъ углахъ.

— Гдѣ, гдѣ ищешь-то?.. Заспалась!.. ты-бы еще у меня въ комодѣ, въ бѣльѣ чернильницу поискала!.. Открой глаза-то, вонъ она на печкѣ стоитъ. А бумага на нижней полкѣ на этажеркѣ лежитъ... Печать и сюргучъ у Петьки возьми, онъ вчера посылку печаталъ и не принесъ на мѣсто, мерзавецъ! сердито ворчала Авдотья Кириловна, усаживаясь на диванъ и засучивая правый рукавъ своей бѣлой кофточки.

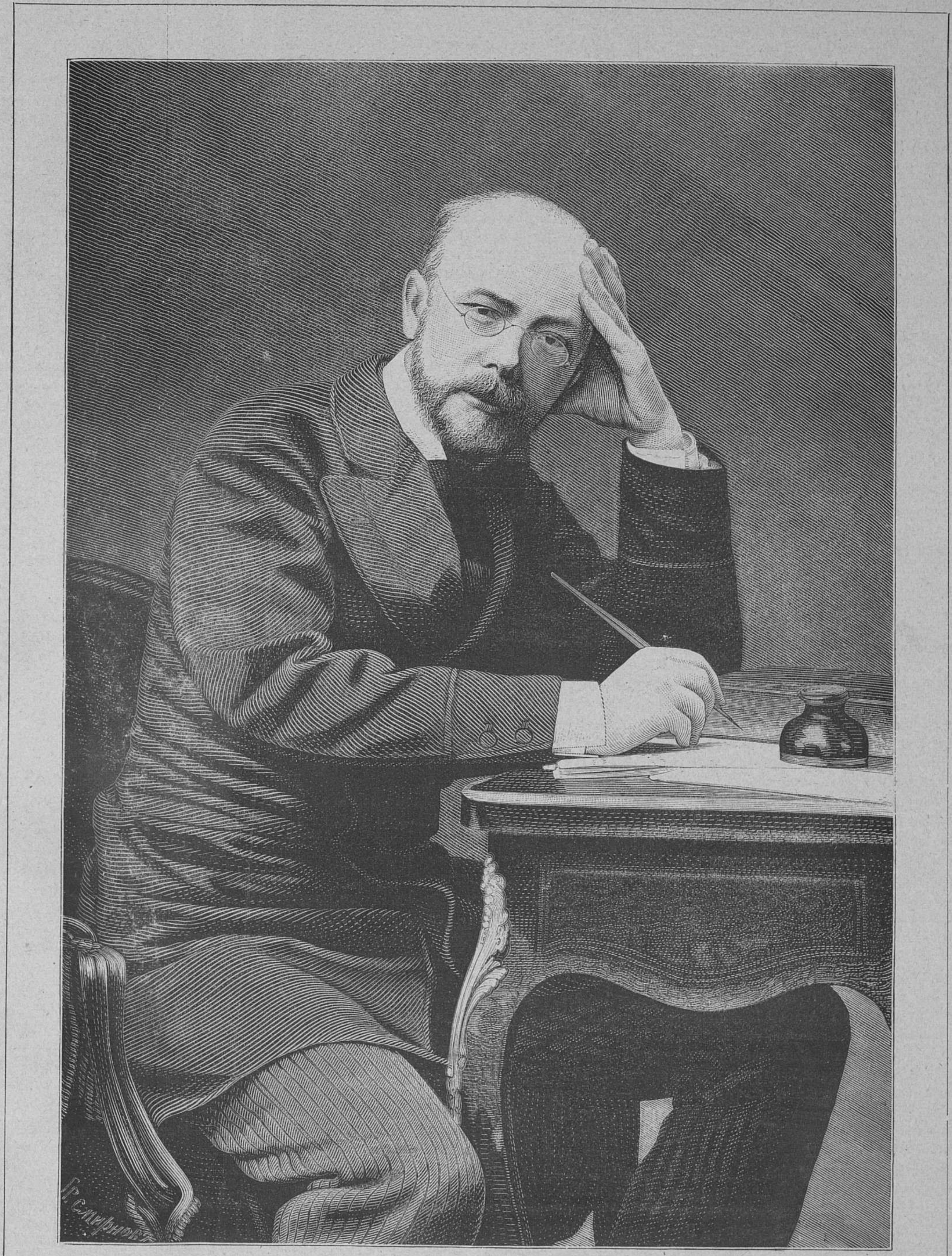
Поставивъ чернила и положивъ бумагу передъ барыней, Даша ушла за печатью и сюргучемъ.

— «Другъ мой сердечный, Николай! Очень соскучилась я по тебѣ, сынъ мой». Продиктовала сама себѣ Авдотья Кириловна и, приловчившись писать, заскрипѣла перомъ.

— Вотъ-съ сюргучъ и печать, шепотомъ проговорила Даша, подавая ихъ барынѣ.

— Вонъ пошла! я сама лягу... Да скажи, чтобы завтра рано дрожки были готовы, я къ обѣднѣ поѣду. Да самоваръ чтобы въ восемь часовъ былъ поданъ. Убирайся!, дрыхни!

ПОРТРЕТЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.



П. Д. Боборыкинъ.

Рѣзалъ на деревѣ А. Смирновъ.

Даша вышла изъ спальни, а Авдотья Кириловна опять начала писать. Окончивъ письмо, она поднесла его къ свѣчкѣ и, прищуривъ глаза, начала читать вслухъ:

«Другъ мой сердечный, Николай! Очень соскучилась я по тебѣ, сынъ мой! Можетъ быть, матери вашей немного осталось жить на свѣтѣ, а я все нахожусь въ разлукѣ съ милымъ сыномъ моимъ; вы не понимаете, какъ мать ваша любитъ васъ, для этого надо носить васъ девять мѣсяцевъ подъ сердцемъ, чтобы понять, что такое материнское сердце. Какъ оно ноетъ въ разлукѣ съ милымъ сыномъ и здоровье мое очень становится слабо, а у насъ доктора все не отъ того лечутъ, да и сестрѣ твоей въ январѣ семнадцать лѣтъ минетъ и объ ней надо подумать. Сердце мое обливается кровью, когда я подумаю, что она должна завянуть въ уѣздномъ городишкѣ, и потому я хочу пріѣхать на зиму въ Петербургъ. Надо намъ, другъ мой, подумать серьезно. Надо Лёло пріискать выгодную партію. Она совершенная картина стала и концерты можетъ играть, такъ ее пристроить въ столицѣ не трудно будетъ, а я приданое дамъ хорошее, а тебя я прошу, другъ мой, пріискать мнѣ квартиру на приличной улицѣ, чтобъ гостиная свѣтлая была и зала, а спальня можетъ и темная быть, это ничего, въ ней не сидѣть. Да смотри, чтобы выходъ былъ, чтобы было куда все поставить. Я провизію свою на всю зиму привезу. Покупать, я чай, у васъ въ столицѣ ни къ чему приступу нѣтъ. Такъ жди мать свою первопуточкомъ. Смотри, все исполни, что я тебѣ пишу, да чтобъ для дѣвокъ комната свѣтлая была, я ихъ по моднымъ узорамъ въ Петербургѣ шить присажу, все деньги на землѣ не валяются. Прощай, другъ мой сердечный, Николай! Прижмись къ моему материнскому сердцу.

Остаюсь мать твоя
Авдотья Сивкова».

«Вотъ вѣдь, кажется, какъ хорошо написала, а ужь впередъ знаю, что милый мой сынокъ прочтетъ и отпишетъ мнѣ: «что это, маменька, у васъ за фантазія ѣхать въ Петербургъ; не ѣздите, пожалуйста, какъ это возможно вамъ трогаться съ мѣста». Нынче вѣдь все яйца курицу учатъ.. Да что это, въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не мать, развѣ у меня своей воли нѣтъ?.. Вотъ захочу и писать не буду, а просто сяду, да и поѣду... Да и на что писать, еще остановитъ, пожалуй... Не пошлю письма, просто пріѣду къ нему, какъ снѣгъ на голову; тамъ, какъ хочешь, вертись, а матери не выгонитъ. А квартиру я ужь отъ него, не торопясь, сама найду. Да такъ, разорву письмо и конецъ. Или послать?... Да что это за письма такія? Изорву! въ раздумьи, глядя на письмо, говорила Авдотья Кириловна.— А вотъ! рѣшительно проговорила она вдругъ и письмо, разорванное на двѣ половины, запылало на свѣчкѣ.—Вѣчная память! Утро вечера мудренѣе!», поклонившись улетавшему пеплу, сказала Авдотья Кириловна и, ставъ передъ кіотомъ, начала молиться.

Глава II.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Первопуточкомъ въ одно прекрасное утро Авдотья Кириловна съ Лёло, Дашкой и Петрушкой въ допотопномъ баулѣ вкатили въ Петербургъ. Проѣхавъ заставу, Петрушка остановилъ ямщика, слѣзъ съ козелъ и подошелъ къ маленькому окошечку со стороны, гдѣ сидѣла барыня.

— Что тамъ случилось? спросила Авдотья Кириловна сквозь подернутое снѣжнымъ узоромъ стекло.

— Ничего-съ! проговорилъ Петрушка, стоя безъ шапки.

— Что?..

— Ничего-съ!.. Я на счетъ того-съ, куда ѣхать прикажете-съ?

— Что? Я ничего не слышу! закричала Авдотья Кириловна, освобождая ухо изъ-подъ пуховыхъ косынокъ и ваточной шапки.

— Да вы, маменька, прикажите ему лучше дверцы отворить, сказала робко Лёло.

— Дуракъ! дверцы отвори! закричала опять во все горло Авдотья Кириловна.

Петрушка растворилъ дверцы.

— Ну, что? что вы стали?

— Ничего-съ, въ Питеръ въѣхали, такъ куда ѣхать прикажете-съ?

— Да вѣдь я тебѣ сто разъ говорила куда ѣхать... Какъ куда? Къ Николаю Михайловичу ѣхать! Оселъ!

— А гдѣ они жить изволятъ-съ?

— Да вѣдь я тебѣ, кажется, бумажку съ адресомъ отдала?

— Изволили отдать-съ.

— Ну, и поѣзжай!

— Я бумажки не найду-съ, плачевно проговорилъ Петрушка.

— Ты, вѣрно, напился, старый чортъ! Куда ты бумажку дѣвалъ? говори!

— Не могу знать-съ... не найду-съ, должно быть, какъ ни на есть выпала-съ...

— Постой-же ты, каналья, дай мнѣ только къ Николаю Михайловичу доѣхать, я тебя въ Петербургѣ-то обновлю, я тебѣ память-то припью... будешь ты у меня помнить...

— Какъ будетъ вашей милости угодно-съ.

— Что-же ты сдѣлалъ со мной, разбойникъ этакой?.. Куда теперь ѣхать?.. Я адресъ-то забыла...

— Маменька, не безпокойтесь, я помню, вступилась Лёло.

— Ну, знаешь, такъ говори, сударыня! Не замерзнуть-же здѣсь по милости этого беззубаго дурака!

— Петръ, поѣзжай на Большую Мѣщанскую, домъ Тулузина, нумеръ квартиры восьмой, весело проговорила Лёло.

— Ну, пошелъ! сказала Авдотья Кириловна, опускаясь внутрь баула.

— А куда-же эфто ѣхать-то? почесываясь, спросилъ старый Петрушка.

— Ахъ, ты, Матерь Божья! Да что-же это за пѣнь такой! На Большую Мѣщанскую пошелъ! вспрыгнувъ, какъ львица, закричала Авдотья Кириловна.

— Да гдѣ она, Мѣщанская-то?

— Ямщикъ долженъ знать! Онъ, вѣрно, не въ первый разъ въ Петербургѣ. Спроси у него! вступилась опять Лёло.

Авдотья Кириловна отъ злости сидѣла, сжавъ кулаки, и только изрѣдка шептала:

— Ты это помни у меня, помни!

— Эй, Василій, знаешь, что-ли, гдѣ Большая Мѣщанская-то? спросилъ Петрушка у молодого ямщика.

— Какъ не знать, знаемъ! отвѣтилъ парень.

— Ямщикъ-отъ знаетъ, сударыня, сказалъ, опять подойдя къ дверцѣ, Петрушка.

— Ну, и слава Богу! затворяй скорѣе дверцу, маменькѣ холодно. Ну, поѣзжайте! Да помни— домъ Тулузина! распоряжалась Лёло за Авдотью Кириловну.

— Эй, ты! домъ Тулузина помни у меня! молодцомъ крикнулъ старый Петрушка и, захлопнувъ дверцы баула, крехтя, полѣзъ на облучокъ.

— Ладно, найдемъ! проговорилъ ямщикъ и замахалъ кнутомъ надъ тройкой.

Усталыя лошади тронулись легкой рысцей по обледенѣлой мостовой. Черезъ полчаса баулъ опять остановился у воротъ большого дома и Петрушка, хватомъ отворивъ дверцу и сдернувъ шапку, крикнулъ:

— Пріѣхали-съ! прикажете доложить-съ?

— Я тебѣ доложу... Дай мнѣ только къ Николаю Михайловичу дойдти... Подъ руку возьми, болванъ! ворчала Авдотья Кириловна, вылѣзая изъ баула. — Ну, куда-же идти? спросила она, ставъ на тротуаръ и поднимая вуаль.

— Не могу знать-съ, вытянувшись, отвѣтилъ Петрушка.

— Ахъ, ты, Господи! Да у меня ударъ сдѣлается отъ этого мошенника!.. Дашка! Дашка! держи меня, я упаду!

Дашка подхватила барыню.

— Петръ, да не говори, пожалуйста, развѣ ты не видишь, что маменька сердится, шепнула Лёло старому лакею, таща его въ сторону за рукавъ тулупа.

— Да вѣдь вольно имъ сердиться-съ, конечно, воля ихняя-съ, а я ничѣмъ не виноватъ-съ...

— Да ужь молчи, молчи!

— Кого изволите искать-съ? спросилъ дворникъ, подходя къ Авдотьѣ Кириловнѣ.

— Сына моего ищу, голубчикъ, сына...

— Здѣсь живетъ поручикъ Сивковъ? громко спросила Лёло изъ-за матери.

— Николай Михайловичъ, что-ли?

— Да, да, голубчикъ! сказала утвердительно Лёло.

— Да онъ офицеръ, что-ли?

— Офицеръ, офицеръ! онъ и есть, веди меня къ нему, батюшка, скорѣй! это сынъ мой!..

— Здѣсь живетъ. Вонъ со двора по лѣвую руку, вторая дверь, такъ на верхъ ступайте, въ четвертый этажъ, такъ о правую руку восьмой нумеръ его и будетъ. Позвоните, такъ деньщикъ отопретъ.

— Да ты, голубчикъ, ужь проведи насъ, ласково попросила Авдотья Кириловна.

— Провести, отчего не провести, да вонъ другой дворникъ-то въ контору ушелъ, я здѣсь одинъ, уйдти-то нельзя..

— Ну, ужь веди! барыня тебѣ на водочку пожалуетъ, сказала Даша.

— А вотъ постойте маленько, я только каморку запру... а то нонѣ мазуриковъ много. Намедни здѣсь у Бабарынихи въ домѣ, о самую эфту пору, у дворника поддевку новую да тулупъ изъ дворницкой стащили... Вотъ оно что! Нонѣ народъ-то какой! ворчалъ дворникъ, запирая дворницкую на замокъ.

— Да скорѣй, батюшка, меня всю продуло! крикнула Авдотья Кириловна, потерявъ терпѣнье.

— Пожалуйте-съ! сказалъ дворникъ и пошелъ впередъ.

За нимъ Дашка, поддерживая подъ руку, повела по скользкому двору Авдотью Кириловну; Лёло пошла за ними; Петрушка хотѣлъ было подхватить барыню подъ другую руку.

— Прочь! Стой у экипажа, покуда его на дворъ не ввезутъ! крикнула Авдотья Кириловна и такъ толкнула Петра, что старикъ раскатился по льду и едва удержался на ногахъ.

— Такъ вы ефто, значитъ, совсѣмъ пріѣхали? спросилъ дворникъ, начиная подниматься по лѣстницѣ.

— Да, голубчикъ, на зиму пріѣхала.

— Такъ Николаю-то Михайловичу вы маменька, значитъ?

— Да, голубчикъ!.. А что высоко еще? тяжело вздохнувъ, сказала Авдотья Кириловна.

— Теперь не высоко, это первый этажъ, а еще три осталось, значитъ.

— Фу! не могу! дайте вздохнуть! садясь на окно, едва проговорила Авдотья Кириловна.

— Дашка! сними ты съ меня вторые-то сапоги, я точно въ кандалахъ... Ну, вотъ!.. Пойдемте, теперь полегче. Да не вертись ты, Лёло, у меня подъ ногами... Бѣги-ка наверхъ, да вышли-ка мнѣ брата на встрѣчу... Увидать мнѣ его поскорѣй хочется.

Лёло стрѣлой пустилась вверхъ по лѣстницѣ и, вбѣжавъ въ четвертый этажъ, проворно дернула у восьмого нумера звонокъ. За дверью никто даже не шевельнулся; Лёло позвонила еще разъ, другой, третій, дверь все не отворяли. Наконецъ, втащили на площадку и Авдотью Кириловну.

— Маменька, вѣрно, Коли дома нѣтъ, я звонила, никто не отворяетъ.

— Да ты, вѣрно, звонила-то, какъ муха? Дашка, дерни-ка хорошенько!

Дашка сильно позвонила.

— Да что это, вѣрно, его дома нѣтъ? обернувшись къ дворнику, спросила Авдотья Кириловна.

— Николая Михайловича-то? Они дома-съ, у нихъ со вчерашняго дня гости еще не выходили-съ. Почиваютъ, значитъ.

— А человѣка развѣ у него нѣтъ? А Васька гдѣ-же?

— Васька есть... И деньщикъ Прохоръ есть, да, вѣрно, крѣпко уснули-съ.

— Канальи! а вотъ я ихъ разбужу! И Авдотья Кириловна такъ начала звонить, что колокольчикъ, какъ подъ дугой, завертѣлся и загудѣлъ. Въ квартирѣ послышались шаги. — Кто тамъ, черти, отворяйте скорѣе! закричала во все горло, прислонясь къ двери, Авдотья Кириловна. Замокъ щелкнулъ и въ дверяхъ показалась сонная фигура деньщика.

— Кого вамъ надобно?

— Какъ кого мнѣ надобно? Не тебя, дуракъ! Гдѣ баринъ? сердито сказала Авдотья Кириловна и, оттолкнувъ деньщика, вошла въ переднюю.

— Нельзя-съ! Куда вы изволите входить? Баринъ почиваетъ-съ! проговорилъ деньщикъ, становясь передъ Авдотьей Кириловной.

— Да что это, Господи праведный, околдовалъ меня, что-ли, кто, что я до родного сына сто лѣтъ дойдти не могу?.. крестясь, вскрикнула Авдотья Кириловна.

На шумъ выбѣжалъ казачекъ Васька и, увидѣвъ барыню, остановился, какъ столбъ.

— Ну, ты-то, чертенокъ, знаешь меня? Узналъ, соня скверная! Такъ скажи этому ослу, кто я такая, и веди меня къ барину, покуда я тебѣ вихры-то не всѣ повыдергала.

— Прохо́ръ Васильевичъ, это наша барыня-съ, робко прошепталъ бѣдный мальчишка.

— Извините, сударыня-съ, я не призналъ васъ, растерянно сказалъ, вытянувшись, деньщикъ, который отъ роду не видалъ Авдотьи Кириловны.

— Да что-жь вы стоите? Ведите меня къ сыну?

Деньщикъ и мальчишка молча переглянулись и не трогались съ мѣста.

— Да что-жь это за дьявольщина? Николай! Николай! начала кричать что есть силы Авдотья Кириловна, сбрасывая съ себя на полъ салопъ и шапку.

— Маменька, маменька, не кричите, вѣдь у Коли гости!

Деньщикъ бросился поднимать салопъ, Даша начала снимать съ барыни разные платки, платочки, шубку, кацавейку и разныя разности, въ которыя была съ ногъ до головы укутана Авдотья Кириловна. Лёло стала раздѣваться сама. Во время этой суматохи казачекъ Васька скользнулъ въ дверь, опрометью пробѣжалъ небольшую столовую, влетѣлъ, какъ сумасшедшій, въ гостиную и бросился будить одного изъ трехъ офицеровъ, которые, совсѣмъ одѣтые и только безъ сапогъ и галстуковъ, спали, кое-какъ пріютившись на широкомъ турецкомъ диванѣ.

— Баринъ! Николай Михалычъ, баринъ! проснитесь, барыня пріѣхали! закричалъ Васька, качая, что есть мочи, за плеча молодого, полнаго, розоваго офицера съ рыжими усами.

— Барыня? проси!.. въ просоньи проговорилъ сквозь зубы другой черненькій офицеръ, поворачиваясь къ спинкѣ дивана и свертываясь калачемъ.

— Кто... о... о... пріѣхалъ? зѣвая и потягиваясь, промычалъ Николай Михайловичъ.

— Барыня, ей-Богу, барыня!.. твердилъ испуганный мальчишка.

— Какая барыня?

— Наша-съ, ей-Богу, наша-съ и съ сестрицей Еленой Михайловной-съ!

— Маменька? Врешь! вскочивъ на ноги, вскрикнулъ Сивковъ.

— Маменька-съ, ей Богу-съ! маменька-съ...

— Гдѣ-же она?

— Въ передней-съ.

— Господа, господа! вставайте, вставайте скорѣе! кинувшись съ какимъ-то отчаяніемъ на товарищей, закричалъ Николай Михайловичъ.

— Что съ тобой?

— Что, что такое? спросили въ одинъ голосъ оба офицера, привставая на диванѣ.

— Ничего! ничего! ступайте въ спальню скорѣй! да князя разбудите!

— Да что случилось?

— Парадъ назначенъ?

— Да нѣтъ! нѣтъ! мать моя съ сестрой ко мнѣ пріѣхали, натягивая сапоги, задыхаясь, проговорилъ пунцовый, какъ піонъ, Николай Михайловичъ.

Съ этимъ магическимъ словомъ оба его товарища, толкая другъ друга, проскочили въ спальню. Сивковъ, вставъ на ноги, началъ кидать за ними вслѣдъ, въ дверь спальни, и подушки съ дивана, и валявшіеся во всѣхъ углахъ сапоги. Васька голенищемъ одного сапога подметалъ полъ.

— Да миску-то, стаканы, чертенокъ, тащи! прошипѣлъ Сивковъ, складывая вмѣстѣ съ картами ломберный столъ. Казачекъ, подхвативъ миску подъ мышку и запустивъ пятерню въ стаканы, тоже шмыгнулъ въ спальню. Николай Михайловичъ захлопнулъ за нимъ дверь и подбѣжалъ къ зеркалу. Не успѣлъ онъ еще порядочно прочесать себѣ пальцами всклокоченные волосы, какъ въ столовой раздался слезливый голосъ Авдотьи Кириловны.

— Николай! Николай! Да гдѣ-же ты, другъ мой?

— Маменька! какими судьбами? кидаясь на шею матери, какимъ-то страннымъ голосомъ сказалъ Сивковъ.

— Другъ ты мой! милый ты мой! Дай ты мнѣ взглянуть на тебя... Да какой ты красавецъ сталъ! Вальяжный какой! осыпая сына поцѣлуями, твердила Авдотья Кириловна.

Лёло, стоя сзади матери, съ глазами полными слезъ, ожидала своей очереди обнять брата. Авдотья Кириловна, наконецъ, выпустила сына изъ объятій и Лёло, молча, повисла на шею брата и зарыдала.

— Лёло! вотъ выросла-то! вотъ похорошѣла!.. Да чего-же ты плачешь, дурочка? цѣлуя сестру, говорилъ Николай Михайловичъ.

— Это тебѣ новость, а ужь у насъ, другъ мой, все такъ; мы все плачемъ, а чего плачемъ, сами не знаемъ. Этимъ я все этой дурѣ, мамзель Фани, обязана, такую реву изъ твоей сестры сдѣлала, что ни на что не похоже. Ну, спроси ее, чего она плачетъ? Сама вѣдь не знаетъ. Ну, чего плачешь? Пріѣхала къ родному брату, съ родной матерью и ревешь... а что ты будешь дѣлать, когда мать умретъ?.. Танцовать будешь, какъ дьяконицина Пашка по отцѣ отплясывала!.. Ну, плачь! плачь!.. Дѣвка плачетъ — бѣлка скачетъ, я вѣдь тебѣ слезъ-то утирать не стану...

— Простите, маменька, это пройдетъ... Я Колю такъ давно не видала...

— А увидала, такъ и ревѣть надо? Да отстань ты отъ меня, ты мнѣ всегда всякую радость отравишь.

— Полноте сердиться, маменька... Это мы съ Лёло сантиментальны немножко... Нервы! нервы! да это прекрасно! великолѣпно! Это въ Петербургѣ въ модѣ; молодецъ Лёло! Женщина безъ нервъ — пропащее созданіе... Да что-же вы стоите, маменька? Милости просимъ садиться, чаю не угодно-ли? Вы прозябли съ дороги.

— Выпью чашечку....

— Ну, и я выпью, и Лёло выпьетъ, и всѣ выпьемъ... эй! Прохоръ!

— Чего изволите, ваше благородіе?

— Чаю!

— Слушаю, ваше благородіе.

— Скорѣй!

— Да что это у тебя, утро раннее, кажется. Грязь вездѣ какая, а эта рожа меня еще не пускала, говоритъ, что у тебя гости.

— Да, маменька, у меня ночевали товарищи.

— Ушли?.. А тотъ уродъ говоритъ, здѣсь...

— Спятъ, лаконически проговорилъ Сивковъ, показывая на дверь спальни.

— А кто они такіе?..

— Баронъ фонъ-деръ-Тель, графъ Банановъ и грузинскій князь Мечуараръ.

— А ты и не скажешь, а я кричу во все горло, прошептала Авдотья Кириловна.

— Ничего, имъ пора вставать. Скажите-же мнѣ, маменька, какими судьбами вы вздумали въ Петербургъ?..

— Да вотъ все для нея... Да объ этотъ мы послѣ поговоримъ наединѣ.

— Секретъ, слушаю-съ!.. Вотъ оно что, вѣрно, у маменьки краснушечки и незабудочки зашевелились?..

— Какое зашевелились, еле-еле сбилась и то этому шельмѣ, купцу Фомкину, рожь и овесъ въ чистый убытокъ отдала... Да ты не горюй, я и тебѣ привезла, и сама проживу.

— Ура! рады стараться! Ай, маменька! А гдѣ вы остановились?

— Я нигдѣ не остановилась, я къ тебѣ прямо пріѣхала... Ахъ ты Господи! а я и забыла... Петрушка тамъ замерзъ... старый дуракъ! А ты, сударыня, и не вспомнишь! Вотъ, на мѣсто того, чтобы ревѣть съ радости, лучше помогла бы матери, распорядилась бы: перетаскать все изъ баула велѣла.

— Я сейчасъ прикажу, маменька, сказала Лёло и вышла въ переднюю.

— А ты, мой другъ, ужь вели мой баулъ въ сарай поставить, онъ у меня вѣдь заново поправленъ.

— Въ сарай? да у меня нѣтъ сарая, мамочка...

— Какъ нѣтъ сарая? При этакомъ домѣ сарая нѣтъ?

— Есть, да не при моей квартирѣ; да не въ сараѣ дѣло: сами-то вы какъ помѣститесь, у меня всего три комнаты. Какъ-же это можно, маменька, не написать ни слова, ябы вамъ квартиру приготовилъ. А теперь я, право, не знаю, какъ съ вами быть!

— Не хлопочи, въ тѣснотѣ люди живутъ, мы вѣдь не надолго. Я дня три проживу, да и квартиру найму.

— Ну, это другое дѣло, вздохнувъ свободнѣе, проговорилъ Николай Михайловичъ.

— Что-жь чай-то? Ну, ужь люди у тебя, другъ мой... Гдѣ этотъ бѣсенокъ, Васька? что онъ тутъ у двери не стоитъ... и послать некого, все самимъ бѣгать надо.

Услышавъ свое имя, Васька, отворивъ узенькую щелку въ двери, пролѣзъ, какъ угорь, въ гостиную и, вытянувшись въ струнку, сталъ къ стѣнкѣ.

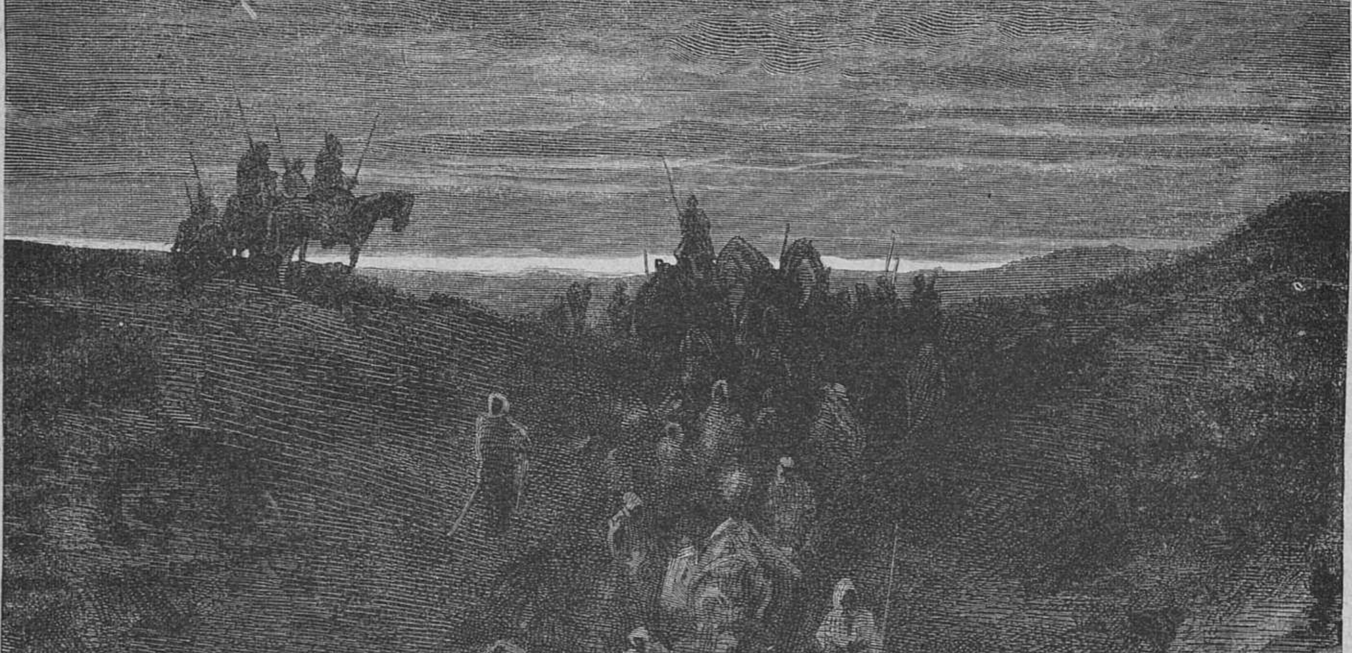
— Ты-бы въ замочную скваженку лучше, захохотавъ, сказалъ Сивковъ.

— Вотъ ты ихъ этакъ и балуешь... Пошелъ, вели этому усачу чай давать скорѣй!

Васька пролетѣлъ въ переднюю, какъ теле-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Е. БЕРНИНГЕРА.

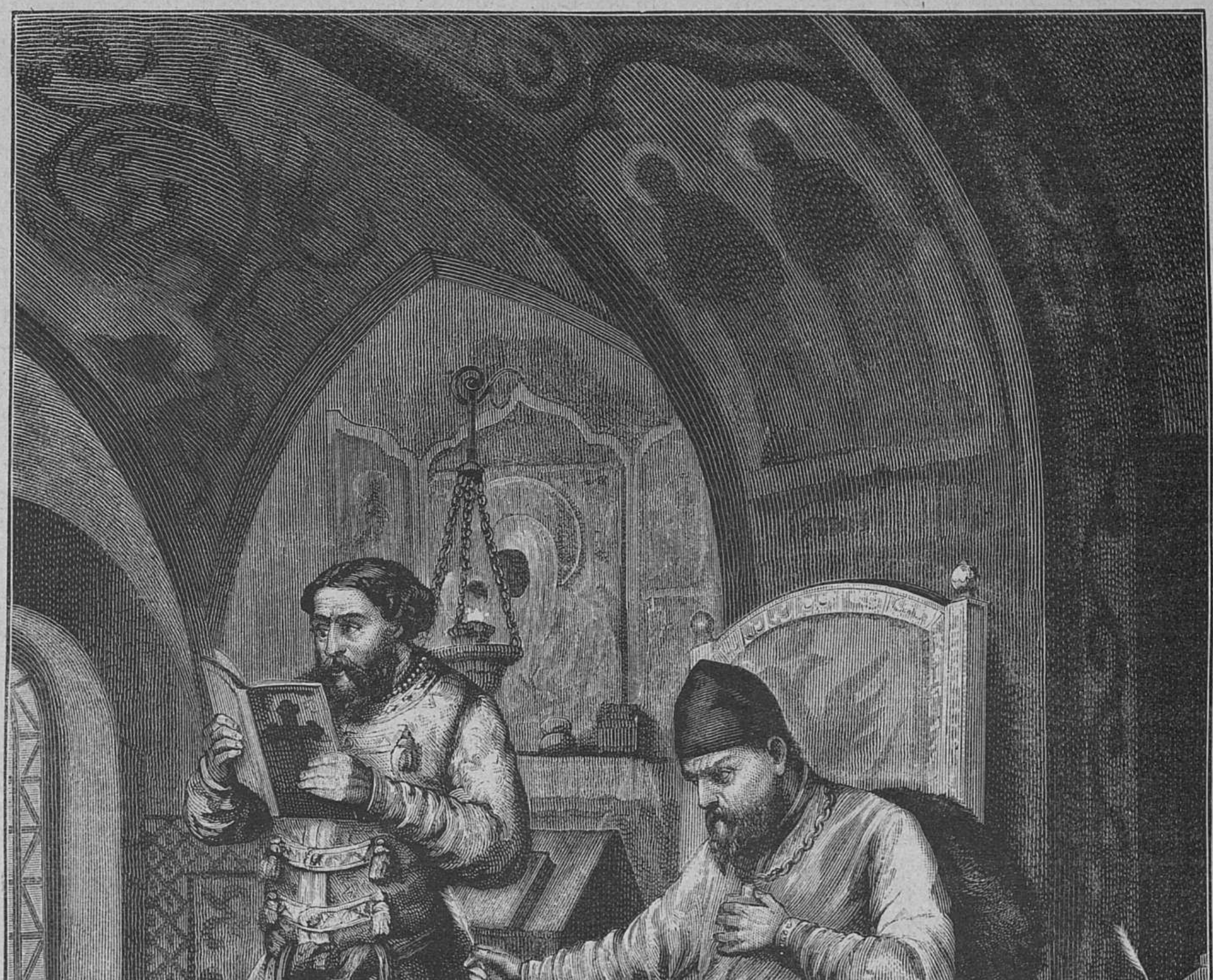


Погребальный караванъ.

По оригинальному рисунку автора, рѣзалъ К. Штреттеръ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ЗЕМЦОВА.


А. Шлиперъ
Земцовъ

Иванъ IV, слушающій имена казненныхъ имъ.

Рисовалъ на деревѣ самъ авторъ, рѣзалъ А. Шлиперъ.

графъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ на столѣ передъ Авдотьей Кириловной явился самоваръ и все нужное для чаю.

— Ай да мать! Я-бы васъ полковымъ командиромъ сдѣлалъ!

Вошла Лёло; всѣ усѣлись пить чай. Даша, Петрушка и Прохоръ начали вносить перины, подушки, чемоданы, ящички, узелочки, банки и баночки. За чаемъ было рѣшено, что Николай Михайловичъ отправится сейчасъ-же искать квартиру, а Авдотья Кириловна поѣдетъ отслужить молебенъ у «Всѣхъ Скорбящихъ», а оттуда запросто обѣдать къ Марьѣ Петровнѣ Камковой.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, маменька! Марья Петровна будетъ радехонька, а у меня Прохоръ, кромѣ битка и борщу, ничего и состряпать не умѣетъ и я самъ никогда дома не обѣдаю. А я поищу квартиру и явлюсь къ Марьѣ Петровнѣ отрапортовать вамъ, что я нашелъ.

И сейчасъ-же Васька былъ откомандированъ нанять карету.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Признаніе.

Стих. **Дм. Минаева.**

Въ мою любовь, въ мои обѣты
Не вѣрь ты, глупо жизнь губя;
Я самъ—повѣрь лишь въ этомъ мнѣ ты—
Не вѣрю въ самого себя.

Не вѣрь мгновеннымъ страсти вспышкамъ,
Какъ я, все прошлое забудь...
Я ненавидѣлъ мало слишкомъ,
Чтобы любить кого-нибудь.

Прости! Я могъ-бы притворяться,
Но дни лжи искреннёй прошли
И чтобъ къ тебѣ не возвращаться,—
Сжигаю смѣло корабли.

Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ.

П. Д. Боборыкинъ принадлежитъ къ числу наиболѣе плодовитыхъ белетристовъ періода шестидесятыхъ годовъ,—этого умственнаго и общественнаго возрожденія Россіи. Извѣстно, что талантливый белетристъ родился въ Нижнемъ Новгородѣ, 15 августа 1836 года; въ настоящее время, значитъ, ему около сорока четырехъ лѣтъ. Онъ воспитывался при матери, въ домѣ дѣда своего, П. Б. Григорьева, стараго генерала павловскихъ временъ. Принадлежа къ богатой и образованной семьѣ дворянъ, Петръ Дмитріевичъ съ раннихъ лѣтъ учился языкамъ и музыкѣ. Нѣкоторое время онъ числился кандидатомъ въ кадетскій корпусъ, но, къ счастью, вслѣдствіе нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ не попалъ туда. Затѣмъ явилась мысль помѣстить мальчика въ училище правовѣдѣнія, но и это не состоялось. Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ поступилъ въ гимназію съ намѣреніемъ поступить затѣмъ въ университетъ. Извѣстно, что въ то время гимназическая програма ученія раздваивалась, начиная съ четвертаго класа. Тѣмъ изъ учениковъ, кто заявлялъ желаніе идти въ университетъ, читали латинскій языкъ, а остальнымъ законовѣдѣніе. Само собою разумѣется, что нашъ будущій белетристъ принялся за изученіе латыни и считался постоянно однимъ изъ первыхъ учениковъ. По окончаніи курса гимназіи, онъ поступилъ въ университетъ своего округа, т. е. казанскій. Въ гимназіи Петръ Дмитріевичъ по преимуществу и съ большей любовью занимался изученіемъ иностранныхъ языковъ, исторіи и вообще словесныхъ предметовъ, оставаясь равнодушнымъ къ математикѣ. Такимъ образомъ, стремленіе къ занятіямъ спеціально литературнымъ обнаружилось рано, на пятнадцатомъ году жизни. Онъ еще въ гимназіи сталъ писать: уже въ шестомъ класѣ имъ написанъ былъ разсказъ, обратившій вниманіе учителя словесности. Разсказъ въ числѣ лучшихъ сочиненій былъ посланъ въ округъ. Живя все время въ домѣ дяди, г. Боборыкинъ дополнялъ свое образованіе: при немъ состояли гувернеры, сначала нѣмцы, потомъ французы, а послѣдніе два года до выхода изъ гимназіи онъ бралъ частные уроки нѣмецкаго и французскаго языковъ и литературы. На развитіе его любознательности, вкуса къ литературѣ и къ театру, куда его стали возить очень рано, всего больше повліялъ его дядя со стороны матери, П. П. Григорьевъ, учившійся въ двадцатыхъ годахъ въ московскомъ пансіонѣ. Кружокъ товарищей его племянника оживлялъ его одиночество въ тихомъ и строгомъ домѣ.

Въ августѣ 1853 года, П. Д. Боборыкинъ поступилъ въ казанскій университетъ безъ экзамена на камеральный разрядъ юридическаго факультета. Разрядъ этотъ, недавно передъ тѣмъ установленный, имѣлъ смѣшанную програму; въ нее входили отчасти юридическія науки и отчасти естествознаніе съ присоединеніемъ психологіи и сельскаго хозяйства. На первомъ курсѣ Петръ Дмитріевичъ не остановился еще ни на какой спеціальности; со второго-же сталъ работать въ химической лабораторіи подъ руководствомъ тогдашняго адъюнктъ-професора (въ настоящее время академика) А. М. Бутлерова, съ которымъ онъ сохранилъ и по нынѣ дружественныя отношенія. Тогда-же началъ онъ переводить извѣстный нѣмецкій учебникъ химіи Лемана, изданный года три спустя книгопродавцемъ Вольфомъ. Занятія химіей возбудили въ немъ желаніе перейдти въ дерптскій университетъ, гдѣ въ то время можно было уже изучать каждую естественную науку спеціально. Въ Дерптѣ онъ продолжалъ занятія химіей подъ руководствомъ професора Карла Шмидта и, кромѣ того, слушалъ лекціи по всѣмъ естественнымъ наукамъ вмѣстѣ съ астрономіей и математикой. Физіологическая химія, по которой г. Боборыкинъ составилъ цѣлый учебникъ, не попавшій въ печать, привела его къ занятіямъ физіологіей и антропологіей, а потомъ и къ слушанію медицинскихъ предметовъ. Втеченіи пяти лѣтъ онъ прослушалъ въ Дерптѣ полный курсъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ и, кромѣ составленія учебника по физіологической химіи, перевелъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, г. Бакстомъ, руководство къ физіологіи Дондерса. Эти занятія, однакожъ, естественными науками не помѣшали ему пристраститься къ литературѣ. Въ кружкѣ товарищей, русскихъ студентовъ, устраивались чтенія и бесѣды, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, въ значительной степени вліяли на развитіе литературнаго вкуса собесѣдниковъ. Такимъ образомъ, уже въ 1858 году, П. Д. Боборыкинъ, будучи еще студентомъ дерптскаго университета, написалъ четырехактную комедію, которую рѣшился отвезти въ Петербургъ и представить ее въ литературно-театральный комитетъ, а также и въ одну изъ редакцій. Въ печать комедія эта не попала, а театральный комитетъ, одобривъ ее вообще, предложилъ сдѣлать измѣненія. Въ измѣненномъ видѣ, подъ названіемъ «Фразеры», она не была пропущена цензурой. Было-бы весьма желательно, чтобы П. Д. Боборыкинъ напечаталъ эту комедію; для характеристики и опредѣленія его таланта, этотъ первый трудъ былъ-бы, вѣроятно, весьма важенъ.

Тогдашнее оживленіе журналистики, новый общественный духъ, повѣявшій изъ Петербурга, —все это помогло литературному развитію студента, мечтавшаго сначала объ ученой дорогѣ. Въ послѣдніе два года жизни въ Дерптѣ, продолжая посѣщать медицинскія лекціи, занимаясь въ кабинетахъ и въ клиникѣ, г. Боборыкинъ расширилъ свою литературную начитанность, изучилъ вполнѣ основательно нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ и белетристовъ, выучился англійскому языку, читалъ книги по исторіи литературы. Его художественные вкусы по иностранной литературѣ и всѣмъ отраслямъ творчества вырабатывались въ бесѣдахъ съ однимъ изъ членовъ тогдашняго русскаго кружка, С. Ф. У—вымъ, докторомъ филологіи дерптскаго университета, человѣкомъ обширной образованности. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Дерптѣ жило нѣсколько русскихъ семействъ, интересовавшихся литературой и театромъ: ставились спектакли, устраивались чтенія и музыкальные вечера.

Лѣтомъ г. Боборыкинъ почти каждый годъ ѣздилъ въ имѣніе отца, въ тамбовскую губернію. Тамошняя обстановка, помѣщичій и народный бытъ былъ первымъ матеріаломъ, который онъ литературно обработалъ въ комедіи «Фразеры», а затѣмъ во второй пьесѣ «Однодворецъ», написанной въ 1859 году. Эта послѣдняя пьеса была напечатана въ журналѣ «Библіотека для чтенія», въ 1860 г., когда г. Боборыкинъ былъ еще студентомъ дерптскаго университета, но рѣшилъ уже оставить научную дорогу, не держать экзамена на доктора медицины, а посвятить себя окончательно литературному поприщу. Не задолго передъ тѣмъ была написана имъ драма «Ребенокъ».

Въ декабрѣ 1860 года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью окончательно поселиться тамъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ ему нуженъ былъ университетскій дипломъ, вслѣдствіе этого онъ сталъ готовиться къ экзамену на кандидата административныхъ наукъ и получилъ его безъ малаго черезъ годъ, въ смутное время, передъ самымъ закрытіемъ университета. Съ тѣхъ поръ началась для П. Д. Боборыкина настоящая жизнь писателя: литературныя знакомства, хлопоты о своихъ пьесахъ, рядъ новыхъ замѣтокъ по белетристикѣ и журнализму. Вскорѣ по пріѣздѣ его въ Петербургъ умеръ его дѣдъ со стороны матери и оставилъ ему имѣніе въ нижегородской губерніи. Это наслѣдство, въ связи съ его постояннымъ сотрудничествомъ въ «Библіотекѣ для чтенія», гдѣ онъ началъ печатать романъ «Въ путь-дорогу», повели его къ пріобрѣтенію журнала въ 1863 г. Тѣмъ временемъ комедія «Однодворецъ» и драма «Ребенокъ» были даны съ успѣхомъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ теперешняя театральная знаменитость г-жа Федотова дебютировала, еще воспитанницей, въ «Ребенкѣ». Въ «Библіотекѣ для чтенія», которую г. Боборыкинъ издавалъ съ февраля 1863 года по май 1865, доконченъ былъ романъ «Въ путь-дорогу», куда вошли много личныхъ воспоминаній дѣтства и юности. Кромѣ белетристики, редакторъ-издатель помѣщалъ много критическихъ статей и болѣе спеціально занимался театромъ, въ качествѣ сценическаго критика. Тамъ-же началось печатаніе его романа «Земскія силы»; печатаніе этого романа было прервано вмѣстѣ съ изданіемъ журнала, который поглотилъ все состояніе издателя и оставилъ ему большой долгъ, покрытый слишкомъ десятилѣтнимъ, исключительно литературнымъ трудомъ, вмѣстѣ съ другимъ наслѣдствомъ, полученнымъ имъ въ 1873 году, послѣ смерти отца. Романъ «Земскія силы», какъ кажется, никогда не былъ доконченъ.

Послѣ прекращенія изданія «Библіотеки для чтенія», П. Д. Боборыкинъ нѣсколько мѣсяцевъ жилъ за-границей, сначала въ Женевѣ, а потомъ въ Парижѣ. Парижъ благотворно подѣйствовалъ на него. Тамъ онъ отдохнулъ отъ тяжелыхъ испытаній и началъ заново работать надъ пополненіемъ своего образованія, во многомъ еще не полнаго и окончательнаго; тамъ онъ, между прочимъ, укрѣпилъ въ себѣ то научно-философское міросозерцаніе, которое легло съ тѣхъ поръ въ основу всей его дальнѣйшей литературной дѣятельности. Онъ сошелся съ кружкомъ парижскихъ послѣдователей позитивизма, съ тѣмъ кружкомъ, который черезъ два года сталъ издавать журналъ подъ редакціей Литре и Вырубова. Въ этомъ журналѣ П. Д. Боборыкинъ помѣстилъ статью о современной драмѣ. Въ это пребываніе въ Парижѣ, онъ написалъ двѣ пьесы, до сихъ поръ еще неизданныя: комедію «Иванъ да Марья», данную въ бенефисъ покойнаго П. Васильева, и драму «Скорбная братья», изъ жизни петербургскихъ писателей, гдѣ героемъ является молодой белетристъ новой реальной школы. Драма эта была навѣяна судьбой незадолго передъ тѣмъ умершаго Помяловскаго. Послѣ короткаго возвращенія въ Россію, въ Москву, гдѣ былъ написанъ романъ «Въ чужомъ полѣ» и двѣ статьи по театру, онъ уѣхалъ въ январѣ 1867 г. снова въ Парижъ, кореспондентомъ нѣсколькихъ русскихъ газетъ на время выставки. На этотъ разъ, однакожъ, онъ остался за-границей цѣлыхъ четыре года. Больше всего жилъ онъ въ Парижѣ, провелъ сезонъ въ Лондонѣ, прожилъ двѣ зимы въ Вѣнѣ, посѣтилъ славянскія земли и Венгрію, ѣздилъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Испанію и въ Италію. Все это время онъ состоялъ кореспондентомъ и сотрудникомъ петербургскихъ газетъ и былъ однимъ изъ первыхъ по счету «спеціальнымъ кореспондентомъ», посланнымъ русской газетой на театръ франко-прусской войны. Въ Парижѣ онъ по преимуществу изучалъ театръ и все относящееся къ театральному искуству, готовя матеріялы для своей книги объ этомъ искуствѣ, появившейся въ 1872 году. Въ Лондонѣ онъ сошелся съ кружкомъ, который групировался около Стюарта Милля, Льюиса, Герберта Спенсера и сдѣлался сотрудникомъ журнала «Fortnightly review», гдѣ напечаталъ статью «Нигилизмъ въ Россіи».

Въ четырехлѣтній періодъ своей заграничной жизни, кромѣ значительнаго числа кореспонденцій и фельетоновъ въ ежедневныя газеты («Русскій Инвалидъ», «Голосъ», «Петербургскія вѣдомости»), статей по литературной критикѣ и публицистикѣ, появлявшихся въ еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналахъ, имъ написаны были и напечатаны въ журналахъ: «Всемірный трудъ», «Дѣло» и «Отечественныя записки» романы и повѣсти: «Жертва вечерняя», «На судъ», «По американски», «Солидныя добродѣтели». Этотъ послѣдній романъ, въ связи съ фельетонами и кореспонденціями, появлявшимися въ «Петербургскихъ вѣдомостяхъ», измѣнилъ отношенія къ нему, если не критики, то публики, въ особенности молодой. Состоялось нѣчто въ родѣ примиренія. По возвращеніи въ Россію установились у него прочныя связи съ либеральнымъ лагеремъ нашей журналистики. Съ тѣхъ поръ, П. Д. Боборыкинъ печаталъ свои белетристическія произведенія исключительно въ «Дѣлѣ», «Отечественныхъ запискахъ», «Вѣстникѣ Европы» и «Словѣ». Въ послѣдній десятилѣтній періодъ, кромѣ газетныхъ фельетоновъ и журнальныхъ статей по критикѣ и публицистикѣ, появились слѣдующіе романы, повѣсти, очерки и разсказы: «Посестріе», «Поддѣли», «Дѣльцы», «Докторъ Цибулька», «Полжизни», «Въ усадьбѣ и на порядкѣ», «Долго-ли», «Лихія болѣсти», «Ранніе выводки», «Сами по себѣ», «Еретикъ» и два драматическихъ произведенія: «Не у дѣлъ» и «Сытые».

Въ 1872 году, въ газетѣ «Новое время» (издававшейся тогда г. Устряловымъ), въ 1875 году—въ «Петербургскихъ вѣдомостяхъ» и въ 1877 году—въ «Нашемъ вѣкѣ», онъ былъ постояннымъ фельетонистомъ. Отъ газеты «Нашъ вѣкъ» П. Д. Боборыкинъ посланъ былъ во время русско-турецкой войны въ Вѣну, Пештъ и славянскія страны и оставался тамъ до октября, продолжая писать въ «Сѣверный вѣстникъ», по прекращеніи газеты «Нашъ вѣкъ». Затѣмъ, послѣ возвращенія въ Петербургъ, онъ читалъ лекціи о театральномъ искуствѣ, о французскихъ реалистахъ и новомъ русскомъ театрѣ, а также открылъ безвозмездный курсъ декламаціи въ петербургскомъ клубѣ художниковъ, прерванный закрытіемъ клуба въ мартѣ 1877 года.

Въ ноябрѣ 1871 года Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ женился на Софьѣ Александровнѣ Зборжевской. Серьезная болѣзнь заставила его вскорѣ послѣ женитьбы уѣхать на югъ Европы, гдѣ онъ и прожилъ около четырехъ лѣтъ, сначала въ Прагѣ, потомъ во Флоренціи, Ливорно, Римѣ, Киссингенѣ, Гейдельбергѣ, Люцернѣ и Вѣнѣ. Въ эти годы болѣзни и выздоровленія написаны имъ четыре белетристическія произведенія, нѣсколько журнальныхъ статей и обработана переписка Прудона въ статьяхъ, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы» подъ псевдонимомъ Д—ва. Въ развитіи мощнаго ума Прудона, сначала ударившагося въ метафизику, а потомъ по мѣрѣ знакомства съ положительными фактами принявшагося къ установленію методовъ и, съ помощью ихъ, къ формулированію общихъ элементовъ, принциповъ и законовъ, П. Д. Боборыкинъ находитъ прохожденіе тѣхъ неизбѣжныхъ фазъ позитивизма, черезъ которыя и человѣчество должно въ разныхъ своихъ частяхъ пройдти неминуемо съ большею или меньшею скоростью.

Во время своего пребыванія во Флоренціи, онъ написалъ и напечаталъ въ «Rivista Europea» статью о русской критикѣ. Сдѣлавъ легкій очеркъ исторіи русской критики, П. Д. Боборыкинъ говоритъ затѣмъ: «Не смотря на ошибки и крайности русской современной критики, она находится скорѣе на хорошемъ, чѣмъ на дурномъ пути. Ретроградный лагерь русской печати не имѣетъ рѣшительно никакой будущности, такъ какъ онъ совершенно лишенъ самостоятельныхъ идей и талантовъ, которые могли бы серьезно повліять на общественное мнѣніе. Когда новый синтезъ разовьется изъ изученія природы, соціологіи, исторій искуствъ и литературы, когда настоящее поколѣніе проникнется положительными фактами, — необходимость эстетической доктрины, болѣе соотвѣтствующей общей системѣ понятій, сдѣлается столь-же очевидна, какъ партикуляризмъ и нетерпимость легко погибнутъ. Не увлекаясь слишкомъ розовымъ оптимизмомъ, можно, однако, сказать, что этотъ моментъ умственной гармоніи — только вопросъ времени и новыхъ критическихъ талантовъ. Умы, какъ Бѣлинскій и Добролюбовъ, свидѣтельствуютъ, что русскіе не лишены того умственнаго духа, съ помощью котораго мы, изучая прекрасное, доходимъ до истины». По поводу Григорьева, П. Д. Боборыкинъ говоритъ между прочимъ и о славянофилахъ. «Ихъ ученіе не больше, какъ амальгама нѣмецкой метафизики съ византійскимъ мистицизмомъ. Этотъ недостатокъ реальныхъ основаній и опредѣленной объективной точки зрѣнія былъ роковымъ образомъ недостаткомъ Григорьева. Не смотря на его умъ и талантъ, его нельзя назвать критикомъ; въ немъ всегда жилъ дилетантъ философіи Шеллинга, слишкомъ восторженный поклонникъ національнаго русскаго характера, приверженецъ романтизма, плохо мирящагося съ мистическими тенденціями славянофильства». Въ литературныхъ русскихъ газетахъ г. Боборыкинъ усматриваетъ «мелкую монету» критики, которая можетъ дать понятіе объ умственномъ раздраженіи (irritazione intellettuale) даннаго момента въ различныхъ лагеряхъ печати. Авторъ говоритъ, что вмѣсто того, чтобы давать объективный и честный анализъ, обозрѣватель только насмѣхается и бранится. Такая критика принадлежитъ къ области памфлета и не можетъ оказывать никакого вліянія на развитіе вкуса большинства читателей. Съ подобнымъ взглядомъ почтеннаго автора едва-ли, однакожъ, можно согласиться; П. Д. Боборыкинъ весьма вѣрно охарактеризовалъ нѣкоторыхъ изъ газетныхъ обозрѣвателей, писавшихъ лѣтъ шесть-семь тому назадъ, но нельзя сказать, чтобъ русская критика газетная принадлежала къ области памфлета. Къ числу памфлетистовъ, онъ причисляетъ и г. А., «котораго нѣкоторые считаютъ г-номъ Авсѣенко,—белетриста и постояннаго сотрудника г. Каткова». «Какъ белетристъ, онъ не имѣетъ никакой репутаціи, а его тенденціи принадлежатъ къ той шайкѣ литераторовъ, которые работаютъ подъ эгидою г. Каткова. Его статьи — не больше, какъ клевета на русскую молодежъ и на всѣхъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ прогресивному движенію. Но очевидно, что въ этомъ случаѣ г. Авсѣенко работаетъ pro domo sua, восхваляя косвенно свои собственные романы. Такая скандальная манифестація была бы просто смѣшна, если бы въ послѣднихъ статьяхъ г. А. не было непозволительныхъ выходокъ противъ нашего симпатичнаго писателя, г. Тургенева, котораго московская шайка считаетъ теперь слишкомъ либеральнымъ и если бы наши наиболѣе талантливые писатели не были разсматриваемы какъ представители упадка русской литературы, и все это невѣжественнымъ и ретрограднымъ памфлетистомъ, креатурою литератураго непотизма, который позволяетъ себѣ мистифицировать публику съ возмутительнымъ отсутствіемъ добросовѣстности». П. Д. Боборыкинъ приходитъ къ заключенію, что печальное состояніе руской критики зависитъ отъ недостатка умственныхъ центровъ. Лѣтъ тридцать или сорокъ назадъ, въ Москвѣ, господствовала философія Гегеля съ теоріей эстетики, выведенной изъ основныхъ принциповъ этой философіи. Если идеализмъ послѣдователей Гегеля былъ слишкомъ оптимистиченъ и дѣлалъ писателей равнодушными къ великимъ задачамъ человѣчества, то тѣмъ не менѣе онъ представлялъ цѣльную и опредѣленную систему. Подобной системы не достаетъ настоящему поколѣнію. Каждый критикъ ищетъ въ своихъ личныхъ мнѣніяхъ основы для критическихъ сужденій. Ясно, что такой партикуляризмъ не можетъ привести къ прочному объективному взгляду. Съ другой стороны, тотъ-же самый партикуляризмъ указываетъ, почему мы не находимъ въ русской критикѣ того біографическаго метода, который примѣняется къ изученію литературъ во Франціи, Англіи, Германіи и Италіи». Мы намѣренно остановились на этой итальянской статьѣ П. Д. Боборыкина: она почти совершенно неизвѣстна Россіи, не будучи никогда переведенной на русскій языкъ; и кромѣ того, въ ней онъ ясно и опредѣленно указалъ на свои отношенія къ текущей журналистикѣ и на свои взгляды въ дѣлѣ критики.

По возвращеніи изъ славянскихъ странъ, въ 1877 году, г. Боборыкинъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Въ Москвѣ онъ пишетъ въ «Русскихъ вѣдомостяхъ» и въ «Критическомъ обозрѣніи». Тамъ онъ организовалъ также театральные курсы при «Артистическомъ кружкѣ». Въ маѣ 1878 года онъ ѣздилъ въ Парижъ на литературный международный конгресъ. П. Д. Боборыкина можно считать однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ нашихъ белетристовъ; по своей художественной манерѣ онъ принадлежитъ къ числу реалистовъ, въ лучшемъ значеніи этого слова. Его романы всегда затрогиваютъ живые общественные вопросы и являются какъ бы хроникой жизни русскаго общества.

Великая пѣвица.

Историческая повѣсть **Луизы Мюльбахъ.** Переводъ **А. Качоровской.**

Глава I.

Праздникъ.

— Да здравствуетъ величайшая артистка нашего столѣтія, синьора Катарина Габріэли!

Тостъ этотъ былъ провозглашенъ графомъ Дурацо, директоромъ императорскихъ театровъ въ Вѣнѣ, и всѣ молодые кавалеры, сидѣвшіе вокругъ стола, вскочили съ своихъ мѣстъ, высоко подымая стаканы съ золотистымъ токайскимъ и повторяя: «Да здравствуетъ величайшая артистка Катарина Габріэли!»

— Синьора, сказалъ графъ Дурацо,—въ вашей власти сдѣлать насъ сегодня счастливѣйшими изъ смертныхъ.

— Чего-же еще вамъ нужно? спросила пѣвица.—Развѣ вамъ мало моего присутствія? Что-же еще можетъ сдѣлать васъ счастливѣйшими изъ смертныхъ?

— Вы можете оставить намъ подарокъ на память этого счастливаго вечера, сказалъ Дурацо,—подарокъ, который будетъ напоминать намъ, когда васъ уже не будетъ съ нами, прекраснѣйшіе часы нашей жизни.

— Развѣ для этого необходимъ подарокъ? спросила Габріэли, насмѣшливо улыбаясь;—неужели безъ него воспоминаніе обо мнѣ не будетъ вѣчно жить въ вашихъ сердцахъ?

— Конечно, будетъ! вскричали всѣ мужчины, низко кланяясь пѣвицѣ.

— Слышите, графъ, чего-же вы еще желаете?

— Я желаю для всѣхъ насъ на память подарокъ! Дайте изъ вѣнка розъ, который съ такой граціей украшаетъ ваши блестящіе черные волосы, каждому изъ насъ по листку или цвѣтку!

— Да, вскричали всѣ кавалеры,—дайте намъ на память розу!

И снова они вскочили со своихъ мѣстъ и подошли къ пѣвицѣ.

— Королева пѣнія! вскричалъ князь Эстергази,—воззри на твоихъ подданныхъ, умоляющихъ тебя объ этой милости.

— Вы называете меня королевой, сказала пѣвица и глаза ея разгорѣлись;—ну, мои подданные, не забывайте-же этикета, существующаго въ Вѣнѣ; всякій, кто приближается къ императрицѣ, долженъ стать на колѣни. Мои подданные, на колѣни!

Всѣ мужчины, исполняя ея приказаніе, опустились на колѣни и, простирая къ ней руки, вскричали:

— Розу или листокъ изъ вѣнка нашей королевы на память этой чудной ночи!

Она поднялась во весь ростъ и посмотрѣла почти съ презрѣніемъ на толпу колѣнопреклоненныхъ предъ нею мужчинъ.

— Что сказала-бы ваша настоящая повелительница, если-бы увидѣла васъ у моихъ ногъ? Не сочла-ли бы она вашу любезность ко мнѣ, измѣною себѣ? Повѣрьте, императрица Марія-Терезія не проститъ вамъ никогда, что вы ничтожную пѣвицу назвали королевой! И вы сами, при встрѣчѣ со мною завтра днемъ, поклонитесь-ли мнѣ, если будете вести подъ руку жену или сестру? Кто изъ васъ тогда встанетъ передо мной на колѣни и назоветъ своею королевой?

Отвѣта не послѣдовало, вопросъ пѣвицы заставилъ всѣхъ очнуться отъ одуряющаго увлеченія; всѣ медленно, съ опущенными взорами, поднялись съ колѣнъ. Катарина Габріэли стояла, гордо поднявъ голову, и ея черные глаза пронизывали смущенныхъ мужчинъ. Наконецъ, графъ Дурацо прервалъ тягостное молчаніе:

— Вы еще не отвѣтили намъ, королева пѣнія, сказалъ онъ, сдѣлавъ легкое удареніе на послѣднемъ словѣ,—исполните-ли вы нашу просьбу, дадите-ли вы каждому изъ насъ по листку или цвѣтку изъ вашего вѣнка?

— Нѣтъ, господа, отвѣчала она гордо,—я беру, но не даю подарки. Когда я вступала въ свѣтъ, чтобы добыть себѣ славу и богатство, я поклялась моему уважаемому учителю, синьору Николо Порпора, что я прославлю во всей Европѣ прекраснѣйшее въ свѣтѣ искуство—музыку и докажу всему міру, что оно имѣетъ также своихъ королевъ, своихъ повелительницъ, имѣетъ также свой тронъ. Но, увы, я вскорѣ убѣдилась, что одно искуство не въ состояніи завоевать себѣ господство, славу и честь; въ помощь ему необходимо богатство, бриліанты, и я задалась цѣлью пріобрѣсти ихъ. Вотъ почему я беру подарки, но сама не дарю, если вы мою улыбку или пожатіе руки не хотите считать подаркомъ. Я даю вамъ перлы моего голоса, за это вы подносите мнѣ перлы земли, вы дарите мнѣ бриліанты. Было-бы даже странно, если-бы я оказала величайшую милость рабамъ своимъ, подаривъ имъ листокъ изъ своего вѣнка. На свѣтѣ, синьоры, только одинъ человѣкъ достоинъ такого подарка!

— Кто этотъ счастливецъ? спросилъ князь Эстергази,—назовите намъ его имя.

— Онъ до сихъ поръ не имѣетъ имени, отвѣчала Габріэли, смѣясь;—только тотъ, кого я полюблю, будетъ достоинъ получить розу изъ моего вѣнка. Теперь, господа, вы, безъ сомнѣнія, поймете, что никто изъ васъ не можетъ разсчитывать на нее; вы хорошо знаете, что я не люблю никого изъ васъ. Мнѣ нравится поболтать съ вами, роспить въ вашемъ кругу бутылку, другую шампанскаго, но ни одинъ изъ васъ не можетъ похвастать, что онъ былъ любовникомъ Катарины Габріэли... Я знаю, что каждый изъ васъ старается выдать себя за моего любовника; что каждый изъ васъ въ мое отсутствіе произноситъ мое имя съ насмѣшливой улыбкой и не стыдится, хотя-бы только пожатіемъ плечъ или двусмысленной улыбкой, набросить тѣнь на честь королевы пѣнія, какъ вы удостоили назвать меня. Впрочемъ, не все-ли равно; мнѣ нечего страшиться свѣта и его сужденія: какъ артистка, я стою внѣ общества и его законовъ, повинуюсь только внушеніямъ собственнаго сердца, слушаюсь собственной совѣсти и, сказать по правдѣ, она не осуждаетъ меня, какъ осуждаете меня вы передъ женами и сестрами вашими.

— Но, синьора, вскричалъ графъ Дурацо,—зачѣмъ такими мрачными мыслями омрачать нашъ веселый праздникъ?

— Вы правы, графъ, я глупо вела себя и прошу прощенія у этихъ господъ; будемъ веселы, чокнемся за веселье, за счастливый сонъ настоящаго!

Обрадованные мужчины подняли стаканы, шумно чокаясь, а черные глаза пѣвицы снова метали молніи и она снова отвѣчала веселыми шутками на шутки и любезности своихъ поклонниковъ.

За десертомъ графъ Дурацо удалилъ лакеевъ; кавалеры желали сами угощать знаменитую пѣвицу фруктами и сластями, токайскимъ и золотистымъ шампанскимъ. Ея «рабы и пажи», они отдали себя въ ея полное распоряженіе, а она, сознавая свою власть надъ ними, снова сдѣлалась ихъ повелительницей, ихъ королевой.

Заря уже занималась, когда Габріели поднялась съ своего мѣста.

— Господа, праздникъ окончился, свѣчи догорѣли, пора спать; по домамъ, господа, по домамъ, сказала она.

— Вы дѣйствительно желаете, жестокая королева, чтобы праздникъ окончился? спросилъ графъ Дурацо.

Она утвердительно кивнула головой.

— Вамъ извѣстно, графъ, что завтра вечеромъ я пою въ послѣдній разъ и не желаю, чтобы артистка оставила по себѣ худое воспоминаніе, чтобы голосъ ея въ прощальной пѣснѣ не былъ чистъ и звонокъ, какъ всегда. Пора вспомнить, что я артистка и отдохнуть отъ веселья и смѣха.

— Если вы приказываете, синьора, отвѣчалъ графъ Дурацо,—наша обязанность повиноваться: я прикажу подать карету.

Габріэли покачала головой.

— Нѣтъ, графъ, не нужно кареты, мнѣ душно и жарко, я должна освѣжиться. Вы знаете, бульваромъ отъ васъ до меня очень близко; я пойду домой пѣшкомъ.

— Пѣшкомъ! вскричалъ съ отчаяніемъ графъ Дурацо; — синьора, для дамы немыслимо путешествіе пѣшкомъ по улицамъ Вѣны въ такой поздній часъ.

— Я и не пойду по улицамъ, я пойду бульваромъ, возразила Габріэли, громко засмѣявшись.—А, я понимаю, графъ Дурацо боится спеціальной полиціи, наблюдающей затѣмъ, чтобы граждане во время ложились спать... И вы также, продолжала она, окидывая всѣхъ огненнымъ взглядомъ, — вы оробѣли, испугались? Неужели дѣйствительно въ ночное время дамѣ опасно показываться на улицахъ Вѣны?

— Это противъ обычая, сказалъ, улыбаясь, князь Эстергази,—та женщина. которая рискуетъ ходить ночью по улицѣ, не осмѣлится назваться «дамою». Кромѣ того, да будетъ вамъ извѣстно, синьора, полиція императрицы Маріи-Терезіи, о которой вы упомянули, очень опасна и не терпитъ сумасбродства.

— Какое мнѣ дѣло до этой полиціи, что общаго между нею и синьорой Габріэли, свободной артисткой? Я презираю это смѣшное шпіонство вашей спеціальной полиціи и настоятельно хочу возвратиться домой пѣшкомъ. Взгляните только на серебристый мѣсяцъ, онъ какъ-будто манитъ насъ къ себѣ. Синьоры, я отправляюсь; кто не труситъ, пусть слѣдуетъ за мною! Графъ Дурацо, мой бурнусъ, увидимъ на сколько можно будетъ вѣрить вашимъ клятвамъ.

Графъ Дурацо, недовольный, бросился въ сосѣднюю комнату, принесъ вышитый золотомъ великолѣпный бурнусъ знаменитой пѣвицы.

— Умоляю васъ, синьора, сказалъ онъ, накидывая на плечи Габріэли бурнусъ,—откажитесь отъ этой опасной прогулки; сдѣлайте это ради князя Кауница, если не ради себя. Повѣрьте, опасно разсердить императрицу Марію-Терезію.

Габріэли отрицательно мотнула головой.

— Благодарю за совѣтъ, любезный графъ, отвѣчала она.—Не забывайте, что до завтрашняго вечера я, какъ пѣвица, на сценѣ дѣйствительно обязана повиновеніемъ директору театровъ; но внѣ сцены я сама себѣ госпожа, что хочу, то и дѣлаю; мнѣ нравится идти домой пѣшкомъ и я пойду.

Теперь на лицахъ всѣхъ кавалеровъ выразился испугъ; они со страхомъ смотрѣли на Габріэли, блестящіе глаза которой пронизывали ихъ насквозь. Первымъ подошелъ къ ней графъ Пальфи.

— Синьора, сказалъ онъ, — спросите моихъ друзей, трусъ-ли я? Пусть они вамъ разскажутъ, въ сколькихъ сраженіяхъ я участвовалъ во время послѣдней, едва оконченной, семилѣтней войны, и что-же? я трушу, размышляя о послѣдствіяхъ, которыя можетъ повлечь за собою исполненіе вашего желанія; прошу васъ, откажитесь отъ вашей затѣи, потому что вамъ, нашей обожаемой повелительницѣ, грозитъ опасность.

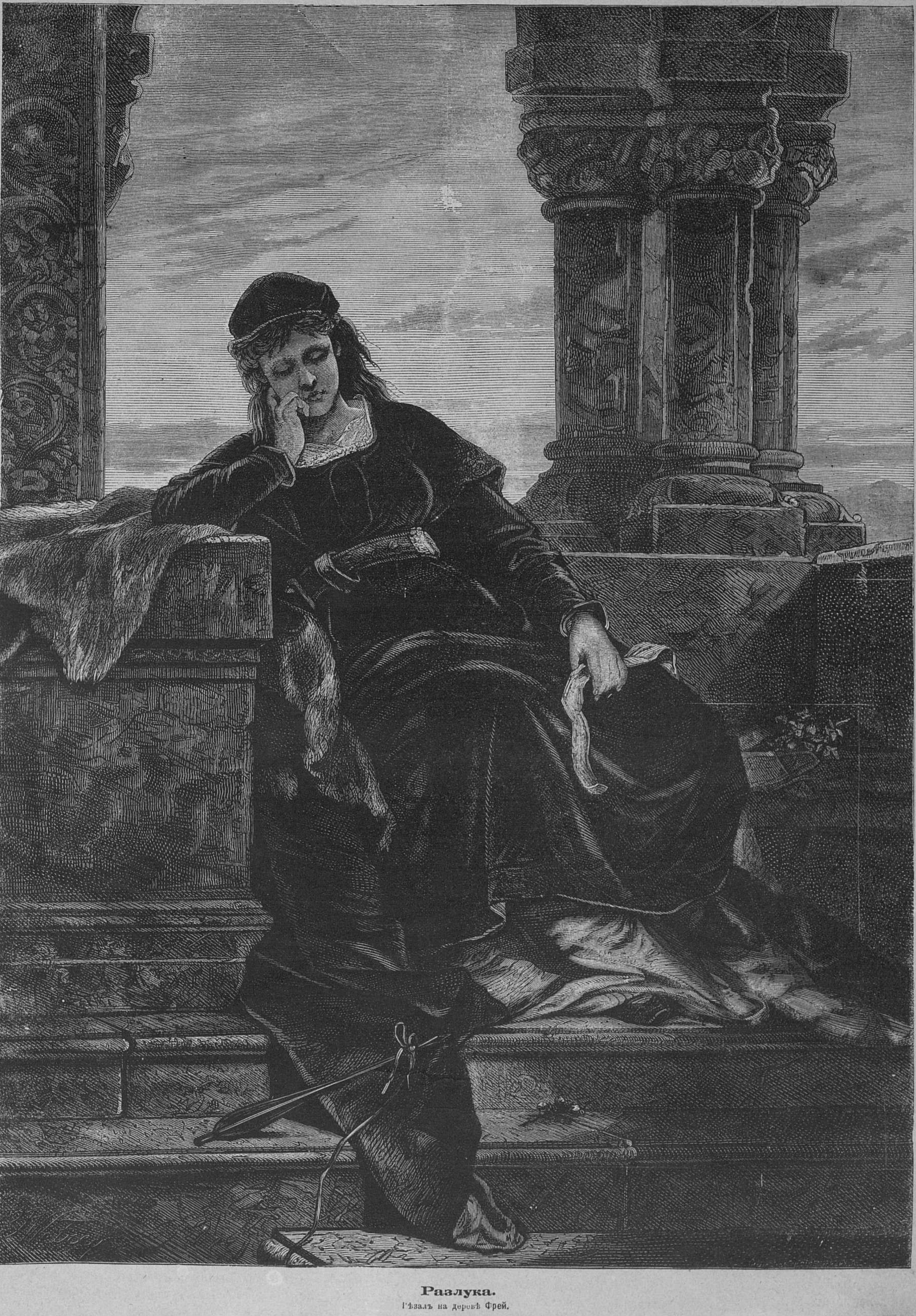
— Синьора! вскричали всѣ кавалеры, окружая пѣвицу,—мы умоляемъ васъ, откажитесь!

Насмѣшливый смѣхъ Габріэли былъ единственнымъ ея отвѣтомъ; она плотнѣе завернулась въ свой бурнусъ и направилась къ дверямъ.

— Я узнаю, синьоры, что должна думать о вашихъ клятвахъ, увѣреніяхъ и обѣщаніяхъ. Кто хочетъ имѣть честь завтра послѣ прощальнаго представленія ужинать у меня, тотъ слѣдуй за мною!

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЛИЦЕНЪ-МЕЙЕРА.



Разлука.

Рѣзалъ на деревѣ Фрей.

Испуганные кавалеры молча смотрѣли вслѣдъ удаляющейся пѣвицы и только, когда она уже подошла къ дверямъ, графъ Дурацо отдѣлился отъ прочихъ кавалеровъ и поспѣшилъ къ ней.

— Синьора, вы сдѣлали мнѣ честь, были королевой моего праздника, я понимаю обязанности хозяина дома, дайте руку, я провожу васъ черезъ бульваръ до вашей квартиры.

— И я, поспѣшно вскричалъ князь Эстергази,—прошу позволенія слѣдовать за вами.

— Ну, если такъ, сказалъ графъ Пальфи,—я также иду.

— И я, и я! вскричали остальные кавалеры.— Чтобы ни случилось, мы слѣдуемъ за вами.

Она обернулась къ нимъ съ улыбкой.

— Хорошо сказано, синьоры; знайте, что съ этого часа я уважаю васъ. Вамъ извѣстно, у меня здѣсь, въ Вѣнѣ, есть могущественный другъ; завтра рано утромъ я отправлюсь къ князю Кауницу и попрошу его заступиться за васъ предъ императрицей; теперь-же, господа, идемъ!

Молча, подъ руку съ графомъ Дурацо, Габріэли сошла по мраморнымъ ступенямъ лѣстницы, ведущей изъ залы въ паркъ. Молчаніе было общее, казалось, каждый боялся нарушить его. Графъ Дурацо отперъ калитку, черезъ которую они вышли на бульваръ; и здѣсь царствовала полнѣйшая тишина. Молча шли они посреди алеи, деревья которой, покрытыя молодой зеленью, едва пропускали серебристый свѣтъ луны; при поворотѣ они очутились на открытомъ мѣстѣ; здѣсь луна прямо свѣтила надъ ихъ головами и отбрасывала тѣнь ихъ высокихъ фигуръ далеко за край дороги. Вѣна, какъ мрачная, большая могила, разстилалась у ихъ ногъ. Повсюду мертвая тишина; изрѣдка то тамъ, то здѣсь мерцали въ домахъ, какъ свѣтящіеся червячки, небольшіе огни. Габріэли указала на одинъ изъ нихъ.

— Слушайте, господа, сказала она,—маленькая искра разсказываетъ намъ печальную исторію; это не восковыя свѣчи, какія только-что освѣщали залу графа Дурацо; этотъ маленькій огонекъ освѣщаетъ, вѣроятно, въ мрачной каморкѣ гробъ или ложе умирающаго. Глядя отсюда, мнѣ кажется, я вижу, какъ блѣдная, больная женщина мечется на постели и напрасно призываетъ того, кто причинилъ ей страданія, кто покинулъ ее, за кого она умираетъ, но кого все еще любитъ. Она одинока въ мрачной каморкѣ, ни одна звѣзда не блеститъ передъ нею, печальная свѣча одна свидѣтельница ея горя, ея нужды, ея душевнаго страданія. Смѣйтесь надо мной, синьоры, ночь и мѣсяцъ сдѣлали меня мечтательной и чувствительной. Но я этого не хочу! О! прекрасная луна! взгляни на наши веселыя лица и не говори, что Катарина Габріэли сентиментальна.

Она протянула руки къ лунѣ и внезапно громко запѣла... Чудно пѣла она и далеко въ тишинѣ разносилась ея торжественная пѣснь. Вдругъ графъ Дурацо схватилъ ея руку.

— Ради Бога, синьора, молчите, умоляю васъ!

Она замолкла и повернула голову въ ту сторону, куда указывалъ графъ. Тамъ, не далеко отъ нихъ, въ концѣ алеи стояли двѣ темныя фигуры.

— Ну, что-же, спросила она,—зачѣмъ помѣшали вы мнѣ, графъ?

— Потому, что пѣть долѣе было бы для васъ опасно, прошепталъ Дурацо;—тамъ стоятъ два человѣка изъ тайной полиціи, я боюсь, они уже узнали васъ и насъ. Пойдемте, умоляю васъ, синьора!

— Да, идемте, нужно невредимо довести синьору до ея дому, заговорили вполголоса кавалеры; они тѣснѣе окружили пѣвицу и почти насильно повели ее далѣе. Скоро они достигли ея дома, передъ которымъ уже стояла карета и ожидали лакеи, посланные сюда Дурацо. При видѣ синьоры, они поспѣшно отворили подъѣздъ, на порогѣ котораго Габріэли остановилась и, раскланиваясь съ своими провожатыми, сказала:

— Благодарю васъ, господа; завтра послѣ театра ожидаю васъ ужинать; это будетъ вамъ моя благодарность. Покойной ночи!

Едва захлопнулась за нею дверь, провожавшіе ее кавалеры поспѣшно разошлись въ разныя стороны. Только двѣ длинныя тѣни, испугавшія знатныхъ кавалеровъ, остались шептаться у подъѣзда, а затѣмъ направились ко дворцу и вошли прямо во флигель, гдѣ жилъ патеръ Порхамеръ, духовникъ императрицы Маріи-Терезіи.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Разъ въ мѣсяцъ.

Среди знаменитостей.

Характеристики и эскизы **И. Василевскаго (Буквы)**.

Недавній пушкинскій праздникъ носилъ характеръ блестящаго литературнаго съѣзда. Большая часть нашихъ извѣстныхъ писателей собралась на чествованіе памяти родоначальника новой русской литературы. Тамъ были Тургеневъ, Достоевскій, Островскій, Аксаковъ, Писемскій, Пашковъ, Гротъ и другіе. Во время празднествъ намъ постоянно приходилось вращаться среди и вокругъ знаменитостей. Мы слышали ихъ, какъ ораторовъ и какъ лекторовъ; живо, разумѣется, интересовались ими; бесѣдовали съ ними.

Я хочу подѣлиться личными впечатлѣніями, вынесенными изъ этого литературнаго Олимпа. Прошу не искать у меня въ этотъ разъ ни обстоятельности, ни полноты. Видѣли вы когда-нибудь кроки карандашемъ французскаго рисовальщика Гаварни! Штрихи, штрихи, очень много бѣглыхъ, незаконченныхъ штриховъ, но среди нихъ попадаются кое-гдѣ контуры и профили.

Мои эскизы и характеристики въ этомъ родѣ.

Единственная ихъ заслуга та, что они соберутъ нѣсколько свѣтилъ въ одно созвѣздіе, которое и мелькнетъ передъ вами.

I.

На послѣдней выставкѣ передвижниковъ была, между прочими, картина художника Васнецова съ типами русскихъ витязей-богатырей. Одинъ изъ нихъ мнѣ живо припомнился при видѣ И. С. Аксакова. Физическая мощь и дородство Аксакова прежде всего бросаются въ глаза. Онъ созданъ быть вождемъ. Въ немъ несомнѣнно есть нѣчто, такъ сказать, понтификальное. Широкая, выпуклая, чисто богатырская грудь, крѣпкая, прямая и свободная посадка, огромный мыслящій, открытый лобъ, окладистая, подстриженная, чисто русская, бѣлая борода, умные, прозорливые глаза въ золотыхъ очкахъ и крупныя, мускульныя руки придаютъ Аксакову полную физіономическую самостоятельность и оригинальность. У Аксакова все на виду и онъ невольно обращаетъ на себя вниманіе. Аксаковъ не рисуется, но у него всѣ внѣшнія средства превосходнаго артиста и декламатора, исключительно состоящаго на шекспировскихъ роляхъ. Еслибы у насъ была постоянная арена публичнаго краснорѣчія, Аксаковъ быстро и вполнѣ заслуженно заручился-бы авторитетомъ и популярностью первокласнаго трибуна. Аксаковъ—риторъ, но въ строгомъ, класическомъ и серьезномъ смыслѣ слова. Въ нашемъ, бѣдномъ краснорѣчіемъ и хорошими ораторскими пріемами, обществѣ, московское свѣтило служитъ выдающимся исключеніемъ. Аксаковъ говоря какъ-бы паритъ и приподнимаетъ, возноситъ съ собою и своихъ слушателей. Ни одинъ слогъ, ни одинъ голосовой эфектъ, ни одинъ внушающій раздумье вопросъ и ни одно усугубляющее восклицаніе не пропадаютъ въ аксаковской рѣчи. Она дѣйствительно какъ-бы наряжена у него въ царственныя одежды красоты и величія. Мысли и періоды развертываются медленно, плавно, съ мастерскимъ воспроизведеніемъ всѣхъ оттѣнковъ и переходовъ. Голосъ Аксакова—органъ спикера, говорящаго съ массою. Онъ чрезвычайно громокъ, силенъ, музыкаленъ и разнообразенъ въ тонахъ и нотахъ. Внимая ему, вы чувствуете, что голосъ этотъ сразу способенъ завладѣть массою и приковать ее къ себѣ, заставляя ее любить и ненавидѣть, восторгаться и ужасаться, плакать и радоваться. Жестикуляція Аксакова—красивая, величавая и выразительная. Она стоитъ на высотѣ оратора, какъ разъ на той грани, гдѣ кончается область трибуны и начинается сфера театра. Въ говорящемъ Аксаковѣ кромѣ того поражаетъ и увлекаетъ необыкновенная вѣра его въ свои слова, стремленія и идеалы. Слушателю почему-то кажется, что человѣкъ, который такъ говоритъ, не можетъ ошибаться. Аксаковъ подавляетъ слушателя ораторскимъ дарованіемъ и постоянно держитъ его подъ своимъ обаяніемъ. Я не симпатизирую Аксакову, какъ главѣ и литературному авторитету московско-славянофильскаго полка, подмѣняющаго народность сугубою путаницею философскихъ, историческихъ и мистическихъ доктринъ, парящихъ въ воздухѣ и игнорирующихъ дѣйствительную жизнь и дѣйствительныхъ людей. По смыслу аксаковскаго ученія, всѣ мы сказочные богатыри, пальцами горы шатающіе... Мы-то? Но талантъ талантомъ. Смѣло можно сказать, что Аксаковъ самый краснорѣчивый и самый возвышенный русскій ораторъ. Онъ точно родился на каѳедрѣ.

Вы знаете, что Аксаковъ давно уже ничего не пишетъ. Литературная дѣятельность его оборвалась на изданіи «Москвы» и «Москвича». Съ тѣхъ поръ онъ хранитъ упорное молчаніе и появлялся на столбцахъ печати только въ болѣе торжественные моменты послѣдней русско-турецкой войны, которая произвела огромное возбужденіе въ средѣ славянофиловъ. Аксаковъ, окруженный для своихъ сторонниковъ и поклонниковъ прежнимъ ореоломъ, предпочелъ въ концѣ концовъ теплое мѣсто директора банка бурному и хлопотливому посту всеславянскаго вождя. Главарь засѣлъ за костяжки, окружилъ себя гросъ-бухами, исходящими бумагами, отчетами, протестами и мирно бесѣдуетъ съ замоскворѣцкими лавочниками о торговыхъ видахъ и предстоящемъ дивидендѣ.

Конечно, жалко и досадно смотрѣть на это мельчаніе и дробленіе несомнѣнно крупной и блестящей общественной силы, но Аксаковъ увѣряетъ, что лучше заниматься какимъ-бы то ни было, хотя-бы мѣняльнымъ дѣломъ, чѣмъ сидѣть совсѣмъ безъ дѣла. Какъ сказать: быть можетъ, онъ и правъ, хотя, конечно, князь славянофильской лиги, подшивающій купеческіе векселя, способенъ вызвать большое недоумѣніе. Впрочемъ, быть можетъ, литература только возвращаетъ въ лицѣ Аксакова свой долгъ комерціи: извѣстно, что въ свое время кровный откупщикъ Кокоревъ занимался печатнымъ сочинительствомъ.

II.

Анализъ, доведенный до болѣзненности, до изслѣдованія сокращеній периферическихъ узелковъ, подавляющее преобладаніе нравственнаго, отвлеченно-психическаго матеріяла надъ строемъ, работою и злобами общественности, субъективность, на все взирающая чрезъ свои собственныя, разъ надѣтыя, очки, глубина и полнота воспроизводимыхъ чувствъ и общая сумрачная окраска повѣствованія—служатъ, какъ вы знаете, главными отличительными признаками белетристическаго творчества автора «Униженныхъ и оскорбленныхъ». И въ наружности Достоевскаго отчасти сказываются тѣ-же черты. Улыбка какъ будто никогда и не появлялась на строгихъ и зажатыхъ губахъ Достоевскаго, а довольно большіе, лихорадочно горящіе глаза точно умѣютъ мерцать только какими-то призрачными, блуждающими огоньками. На всей фигурѣ Достоевскаго явственно лежитъ печать изможденности, устали, разочарованія и широкой, размывающей и подтачивающей печали. Это литературный отшельникъ и схимникъ, пишущій въ сырой и полутемной пименовской кельѣ сокомъ нервовъ своихъ. Лицо у него впалое, блѣдное, безкровное; фигура вогнутая, сутуловатая; худыя, холодныя и влажныя руки; русая, почти рыжая борода и такіе-же волосы. Отсутствіе сѣдинъ у Достоевскаго не только не молодитъ его, но, наоборотъ, какъ-бы раздражаетъ глаза. Немощное старческое лицо точно протестуетъ противъ сохранившагося цвѣта волосъ. Сѣдина придала-бы лицу психолога-белетриста больше мягкости, теплоты и гармоніи. Достоевскій кажется человѣкомъ разъ на всегда ушедшимъ внутрь себя и запершимся тамъ. Онъ не общителенъ, не разговорчивъ, разсѣянъ. Внутреннія думы какъ-бы совсѣмъ отвлекаютъ его отъ внѣшняго міра. Борозды чела никогда не расходятся. Голосъ у Достоевскаго вообще глухой и слабый, но при извѣстномъ напряженіи умѣетъ быть протяжно-громкимъ, хотя тоже съ поющими, страдальческими нотами. Вещи тонкія, психическія, прочувствованныя, требующія души и вѣры, выходятъ, впрочемъ, очень хорошо въ чтеніи Достоевскаго. Достоевскій читалъ на одномъ изъ пушкинскихъ вечеровъ монологъ Пимена. Вся зала превратилась вслухъ; жужжаніе мухи можно было разслышать. Всякій стѣснялся кашлянуть или шевельнуться. Илюзія была огромная. Казалось, что настоящій Пименъ, печалуясь и вздыхая, вышелъ изъ-за кулисъ и началъ вести рѣчь съ публикою о своемъ суровомъ призваніи. Вы уже знаете о томъ громадномъ фурорѣ, которымъ заключилось восхитительное чтеніе Достоевскаго о Пушкинѣ. Никто не ожидалъ такого грандіознаго, такого всеобщаго эфекта, тѣмъ болѣе, что Достоевскій раньше чувствовалъ себя въ Москвѣ точно не въ своей тарелкѣ. Онъ крайне честолюбивъ и самолюбивъ. Говорили, что Достоевскій ревновалъ публику къ Тургеневу. Повторялась исторія двухъ примадоннъ на одной и той-же сценѣ. Все время онъ стоялъ въ тѣни и вдругъ случилось нѣчто необыкновенное. Достоевскій какъ-бы выросъ и окрылился на глазахъ у всѣхъ. Чтеніе его электризировало, умилило, примирило, вознесло. Въ рѣчи Достоевскаго, при холодномъ анализѣ ея печатнаго оттиска, очень легко можно найдти много натяжекъ, противорѣчій и призрачныхъ, точно преломленіемъ свѣта вызванныхъ, картинъ. Но въ Москвѣ, въ собраніи, никто не замѣчалъ ничего этого. Казалось, что пророкъ глаголомъ прожигалъ сердца. Высь, на которой очутился Достоевскій, говоря о любви, о правдѣ, о красотѣ, о не умирающихъ идеалахъ всечеловѣчества, захватывала духъ и кружила головы. Сердце слушателя то замирало и леденѣло, то судорожно выбрасывало въ артеріи временно застоявшуюся кровь. У самого Достоевскаго горѣли щеки лихорадочнымъ румянцемъ, дрожалъ насильно форсированный, по природѣ слабый, голосъ и тряслись отъ волненія руки. Съ каждой фразою ораторъ побѣждалъ все болѣе и болѣе. Послѣ каждой передышки появлялись у него новыя радуги красокъ, новыя купы свѣта, новыя, хватавшія за душу, сближенія и сопоставленія, новые, приводившіе въ восторгъ эстетическую сторону слушателя, абрисы и характеристики. Выискиваніе Достоевскимъ въ лицѣ Алеко будущаго Онѣгина и прослѣживаніе въ Онѣгинѣ преемственныхъ чертъ Алеко, изображеніе бьющагося, тревожнаго, неудовлетвореннаго, вѣчно чего-то ищущаго, вѣчно минорнаго броженія духа, которое было и остается удѣломъ мыслящаго русскаго человѣка, вылилось у романиста безподобно. Рѣчь жгла, ослѣпляла, поражала, и если Аксакову должна принадлежать пальма первенства, какъ неподражаемому оратору внѣшняго, то Достоевскій несомнѣнно заслуживаетъ пьедестала великаго мастера, умѣющаго увлекать внутреннею энергіею и внутреннею красотою человѣческаго слова, парящаго на дѣйствительно орлиныхъ высотахъ и способнаго уподобиться, какъ сказалъ Аксаковъ, даже «молніи, прорѣзывающей небо».

III.

Привѣтомъ, ласкою, нѣгою, изяществомъ, почти женственною граціею вѣетъ отъ И. С. Тургенева, мирящаго и увлекающаго своею истинно художническою дѣятельностью всѣ круги, лагери и направленія. Тургеневъ, помимо всякаго желанія со своей стороны, обворожителенъ. Вы чувствуете передъ собою мягкую, любящую, незлобивую и непоколебимо-честную натуру, воплощеніе скромности, любезности и обязательности. Въ Тургеневѣ все художественно: и его артистически великолѣпная бѣлоснѣжная голова съ розовымъ, чисто-юношескимъ цвѣтомъ лица; и его голубые, медленно и привѣтливо по всему скользящіе глаза; и обворожительная, недоговаривающая, ободряющая полуулыбка; и плавная округленность движеній; и приковывающая къ себѣ вниманіе и симпатію слушателя рѣчь, сотканная изъ мелкихъ психическихъ наблюденій, интересныхъ и разнообразныхъ воспоминаній, остроумныхъ сопоставленій, парадоксовъ; и тургеневскій, точно бисеромъ по канвѣ вышитый, слогъ, въ которомъ каждая блестка на своемъ мѣстѣ, каждая краска прельщаетъ свѣжестью и правдивостью и каждый мелкій штрихъ составляетъ необходимую и неисключимую принадлежность общаго, законченнаго рисунка. Съ обычными качествами своими выступалъ Тургеневъ въ чтеніи своемъ о Пушкинѣ, которое появилось въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы». Если рѣчь Достоевскаго была «молніею, прожегшею небо», чтеніе Тургенева напоминало восхитительный пейзажъ у Боденскаго озера.

Тургеневъ—не ораторъ. Онъ и на трибунѣ чувствуетъ себя въ гостиной: небольшой голосъ, разговорный тонъ, отсутствіе всякой торжественности въ движеніяхъ, простота и естественность чтенія. Тургеневъ незамѣнимый собесѣдникъ, прекрасный человѣкъ и въ этомъ его огромная сила. Присутствіе Тургенева, кажется, чувствовалось всѣми: оно согрѣвало застольниковъ, сближало ихъ между собою, хотя-бы уже и тѣмъ, что всѣ литературныя партіи видѣли въ Тургеневѣ близкаго и дорогого себѣ человѣка и всѣ тянулись къ нему съ чокающимся бокаломъ и съ дѣйствительно искреннимъ привѣтомъ младшихъ маститымъ сѣдинамъ старѣйшаго. Тургеневъ былъ настоящею душею московскихъ празднествъ. Его постоянно окружали ласками и оваціями и литераторы, и публика. Несомнѣнно, что въ настоящее время это самый популярный человѣкъ въ Россіи, если, добавимъ, еще и не самый чистый, какъ въ смыслѣ своихъ побужденій и увлеченій, такъ и въ смыслѣ ошибокъ и небольшихъ слабостей, которыя очень охотно прощены ему уже и теперь современниками писателя.

IV.

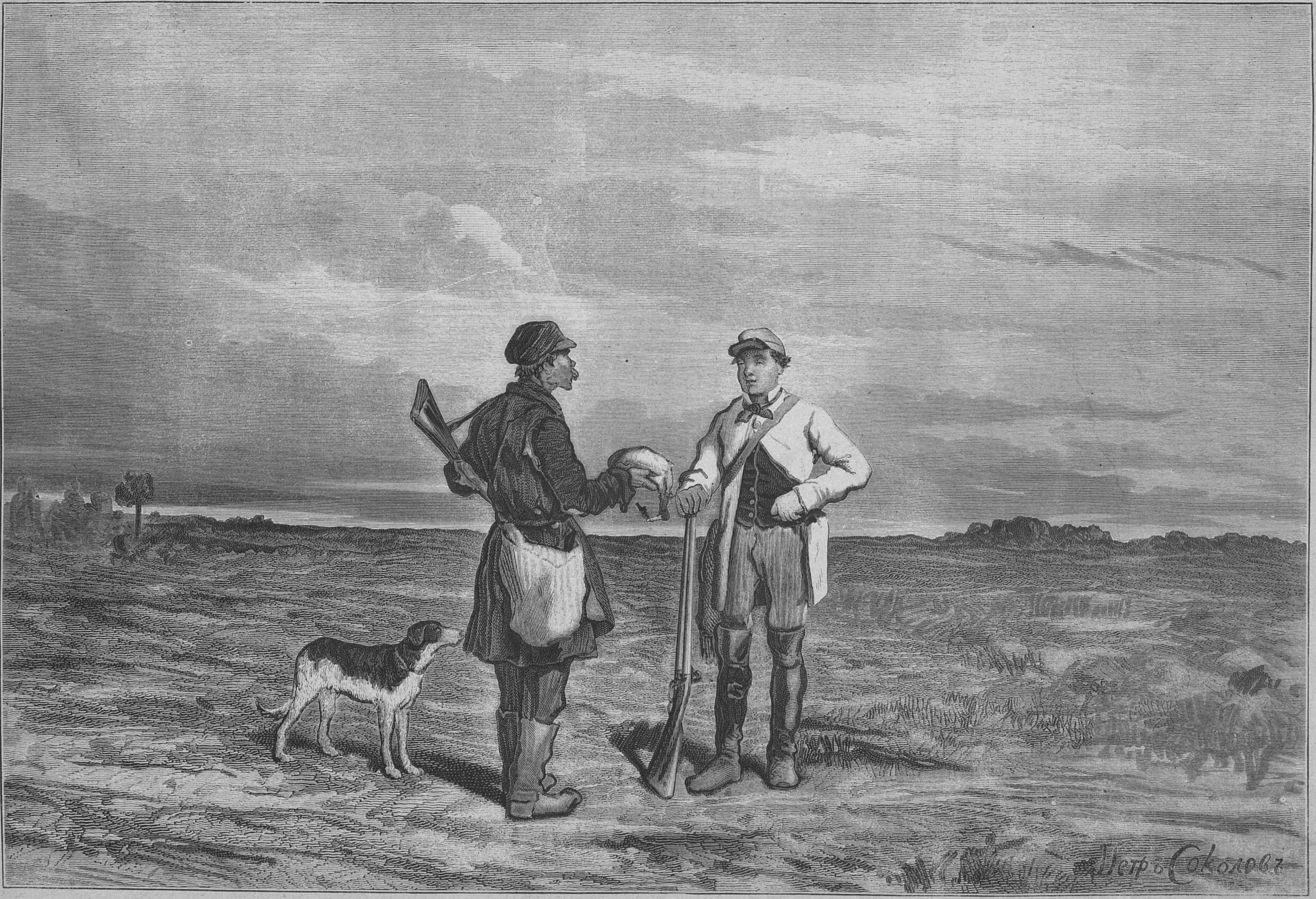
Отъ Тургенева прямой переходъ къ Островскому. Это золотой человѣкъ: душа на-распашку, москвичъ съ головы до пятокъ. Въ Тургеневѣ есть нѣчто, не скажу не искреннее, но, если можно такъ выразиться, западно-галантерейное, тотъ обмѣнный и общепринятый лоскъ, который нѣсколько скрадываетъ силу и выразительность мысли и слова. Въ Островскомъ больше природнаго, своеороднаго и шероховатаго. Островскій весь на ладонкѣ. Передъ вами умный, радушный, прекрасно-душный помѣщикъ костромской губерніи, нѣсколько запущенный и ни подъ какую струнку не подтянутый. Вы видите, что онъ прямо пріѣхалъ въ Москву отъ соблазнительныхъ карасей, которыхъ ловитъ въ пруду своемъ, отъ пыхтящаго семейнаго самовара, кругомъ обставленнаго домодѣльными яствами и сластями, отъ тихой и однообразной захолустной жизни, хвастающейся здоровьемъ и нагуливающей жиръ. Островскій выглядитъ нѣсколько брюзглымъ толстякомъ, лѣниво, мямля говоритъ, весело, закатисто хохочетъ и до боли пожимаетъ старыя пріятельскія руки. Если-бы я не боялся вульгарной терминологіи, я сказалъ-бы, что Островскій это—доброта, безпечность, халатность и грузность. Искренняя радость и восторгъ блескомъ юбилея не сходили ни съ лица, ни съ устъ Островскаго. Онъ охотно сближался съ молодыми литературными силами и, не взирая на свою кажущуюся отчужденность, обнаруживалъ человѣка, чрезвычайно живо и внимательно слѣдящаго за современною печатью и ея дѣятелями. Хотя въ програмѣ пушкинскихъ празднествъ поочередно и попеременно фигурировали почти всѣ литературныя свѣтила, Островскаго между ними, однако, не было. Ему просто «лѣнь было» разгрузиться и что-нибудь приготовить. Добрѣйшій толстякъ предпочиталъ болѣе спокойную роль зрителя и собесѣдника. Онъ даже и не читалъ ничего изъ Пушкина, хотя Островскій читаетъ прекрасно. Но когда огромная литературная семья дружно, весело и шумно собралась за столомъ, когда ее не окружали уже никакіе сторонніе элементы, когда всѣми чувствовалась великая праздничность и знаменательность минуты, когда пошли въ ходъ товарищескія чоканія, одобренія, шутки, воспоминанія, — не усидѣлъ на своемъ мѣстѣ и костромской «помѣщикъ». Островскій взялъ въ руку бокалъ и провозгласилъ во имя Пушкина краткій тостъ за литературную братью. Тостъ этотъ стоилъ всѣхъ тостовъ, такъ много въ немъ было огня, сердечности и любви къ писательской професіи. Тостъ Островскаго сразу, такъ сказать, повысилъ температуру и слилъ всѣхъ воедино. Слово Островскаго не было заранѣе подготовлено. Онъ высказалъ то, что чувствовалъ въ данную минуту. «Въ эти дни,—какъ-то задумчиво и ласково обводя всѣхъ присутствующихъ глазами, сказалъ Островскій,—въ эти знаменательные дни всякій пишущій долженъ быть ораторомъ. Пушкинъ далъ намъ право сознавать самихъ себя русскими писателями и русскими дѣятелями». Остановясь затѣмъ на освобожденіи Пушкинымъ литературы отъ псевдо-класицизма, на открытіи въ ней неисчерпаемыхъ источниковъ живой народной рѣчи, на поднятіи достоинства и значенія писательской роли, Островскій кончилъ слѣдующимъ прочувствованнымъ обращеніемъ: «Выпьемъ, господа, весело... Выпьемъ очень весело, ибо въ эти дни на нашей улицѣ праздникъ!»

Ему хлопали, хлопали и хлопали; съ нимъ чокались такъ много, что, я думаю, рука затекла у него отъ держанія въ воздухѣ поднятаго бокала.

Въ послѣдніе годы Островскій только зимою гоститъ въ Москвѣ, да и то наѣздомъ. Онъ дѣйствительно изображаетъ собою костромского помѣщика, вполнѣ обезпеченнаго, богатаго даже. Матеріяльнымъ благосостояніемъ своимъ первый русскій драматургъ обязанъ, къ сожалѣнію, отнюдь не русскому театру. Только во Франціи Дюма-сынъ соорудилъ себѣ герцогскій замокъ и 50,000 франковъ годового дохода при содѣйствіи «Французскаго» театра. Островскому просто улыбнулась фортуна: онъ получилъ отъ од-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ПЕТРА СОКОЛОВА.

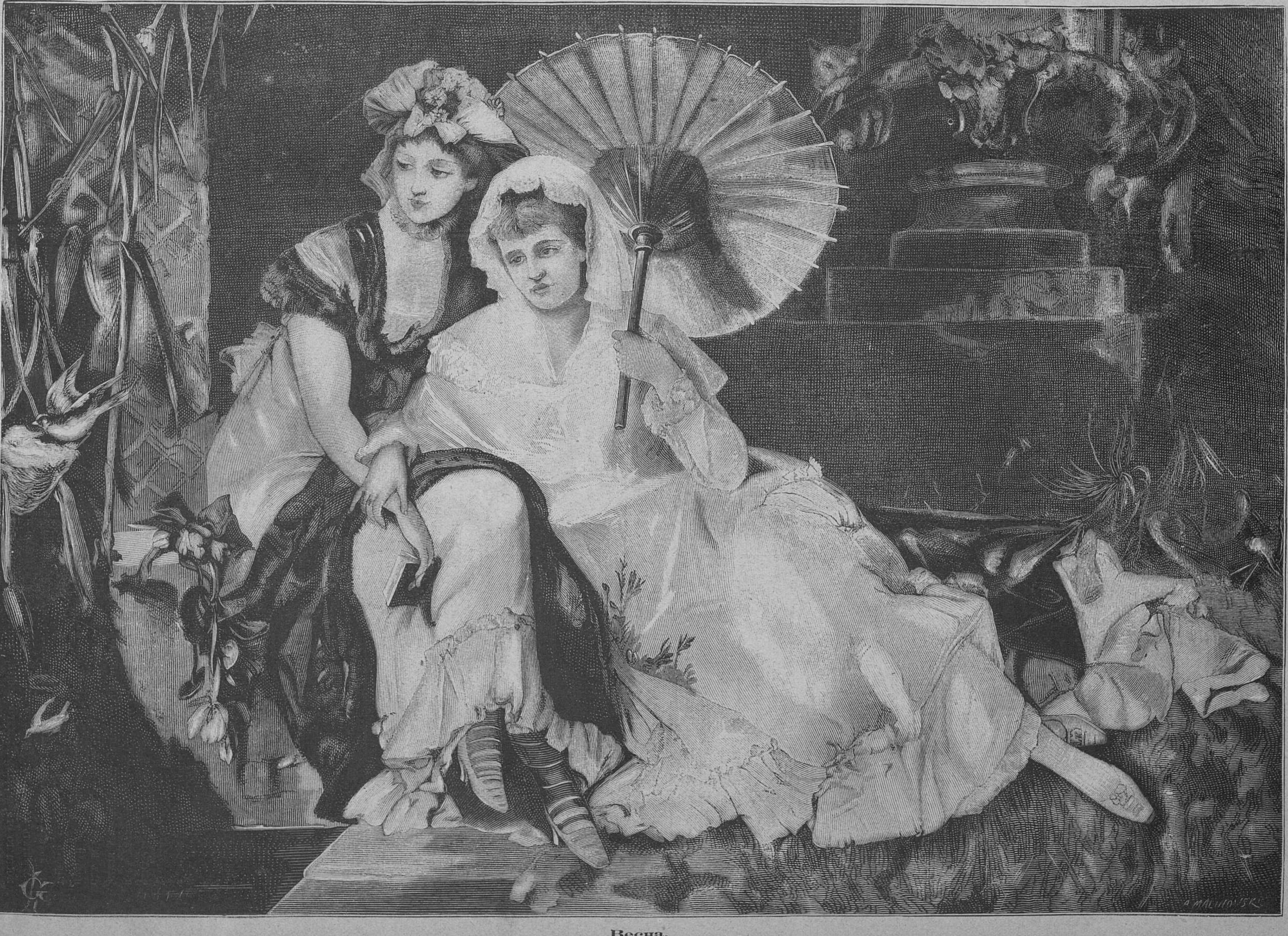

Петръ Соколовъ

Охота „серебряною дробью“.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“ г. Дзяментовскаго.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГАНСА МАКАРТА.


A. MALINOWSKI

Весна.

Рѣзалъ на деревѣ Малиновскій.

ного изъ своихъ отдаленныхъ родственниковъ наслѣдство, говорятъ, въ 300,000 и... и зажилъ русскимъ бариномъ на покоѣ.

V.

Бѣдный Писемскій совсѣмъ какъ-то опустился. При случайной встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, вы приняли-бы его за одного изъ характерныхъ замоскворѣцки-цивилизованныхъ героевъ Островскаго. Студенемъ смотритъ онъ. У Писемскаго вялое, сонное, четырехугольное лицо, заплывшіе, щурящіеся глаза, изъ-желта темный цвѣтъ лица, огромная плѣшь и «французская» сѣдая бородка, клиномъ, при общенеподвижномъ и усталомъ лицѣ. Писемскій крайне ослабъ зрѣніемъ, онъ носитъ pince-nez поверхъ очковъ. Писемскій давно уже уединился и живетъ въ своемъ небольшомъ обывательскомъ домикѣ, гдѣ-то за Москвой-рѣкою, точно за китайскою стѣною. Давно уже и отъ него ничего не исходитъ и къ нему ничего не стремится. Человѣкъ заживо какъ-бы поросъ пылью и плѣсенью. Мнѣ говорили, что Писемскій весь ушелъ въ домашнюю жизнь, поставилъ вопросъ желудка на первомъ планѣ и считаетъ свою литературную дѣятельность вполнѣ законченною. На одномъ изъ пушкинскихъ собраній Тургеневъ и Писемскій сидѣли рядомъ. Случай очень смѣло поставилъ бокъ-о-бокъ два эти антипода: Тургенева, какъ живую, добрую, зрѣлую, все еще мощную и производительную литературную силу, и Писемскаго — безвременно заглохшее и измельчавшее дарованіе, живой образъ ветхаго, треснувшаго и покосившагося обывательскаго домика.

Писемскій, впрочемъ, не былъ на торжествѣ простымъ и безучастнымъ зрителемъ. Онъ, какъ боевой конь, услышавшій боевой звукъ, рванулся съ логовища и поспѣшилъ на праздничный зовъ. Писемскій написалъ и прочелъ цѣлую тетрадку о Пушкинѣ. Понятное уваженіе къ старому писателю заставило всѣхъ рецензентовъ отнестись довольно мягко къ этой, въ сущности, очень неудачной, работѣ. Я, разумѣется, тоже не буду касаться этой щекотливой темы. Я засвидѣтельствую только, что г. Писемскій еще разъ выступилъ, какъ превосходный чтецъ, лекторскія дарованія котораго давно знакомы литературной средѣ. Дѣло въ томъ, что г. Писемскій является на кафедрѣ настоящимъ актеромъ и, прибавлю, очень хорошимъ и тонкимъ актеромъ. У него богатыя голосовыя средства: полная возможность передавать въ перемежку нѣсколько отдѣльныхъ голосовъ, поселяя кругомъ себя совершенно иллюзію; оживленная, пластичная жестикуляція и умѣнье въ мѣру подчеркивать все, что выдается въ томъ или другомъ отношеніи. Даже лицо его дѣлается подвижнымъ, комическимъ и характернымъ, когда онъ «въ ударѣ» и читаетъ съ увлеченіемъ передъ настоящими цѣнителями и судьями.

Писемскаго одобряли и ласкали и по заслугамъ, но, я думаю, главнымъ образомъ изъ сочувствія. Передъ нами былъ конь съ разбитыми уже ногами.

VI.

Совершенно противуположное впечатлѣніе производитъ извѣстный московскій оракулъ и «укротитель» М. Н. Катковъ. Издатель «Московскихъ Вѣдомостей» подвизается уже такъ давно и съ такою страстностью; мы столь часто привыкли читать въ его-же газетѣ о его нездоровьи; онъ ведетъ такую отшельническую, оранжерейную, истомляющую жизнь, закупоренную въ четырехъ стѣнахъ редакторскаго кабинета, что мысль какъ-то непремѣнно расположена была встрѣтить въ лицѣ г. Каткова исхудалаго и немощнаго старца, шамкающаго кощея, стоящаго одною ногою на краю могилы. Апріорныя ожиданія оказались однако совершенно неосновательными. Г. Катковъ — розовый и бодрый старикъ, далеко не могущій служить воплощеніемъ одичалости и гражданской скорби. Онъ худощавъ, узокъ въ плечахъ и груди, обладаетъ маленькими, почти дѣтскими ручками и говоритъ очень тихо, едва слышно, но, вообще, наружность его несравненно болѣе ординарна и даже симпатична, чѣмъ воинственное, злорадное, инсинирующее сподвижничество «Московскихъ Вѣдомостей». Г. Катковъ во все время празднествъ держался совсѣмъ особнякомъ отъ литературнаго круга. И онъ какъ будто стѣснялся другихъ и другимъ точно было неловко въ присутствіи г. Каткова. Катковъ появился на празднествахъ только одинъ разъ и говорилъ тоже только одинъ разъ: на обѣдѣ, данномъ отъ города депутаціямъ. Содержаніе его рѣчи, удивившее всѣхъ и обезоружившее нѣкоторыхъ, вамъ уже извѣстно: левъ рыкающій блѣялъ въ ней агнцемъ тонкоруннымъ. Г. Катковъ — Киръ воинствующій — много уже лѣтъ не вкладывающій меча своего въ ножны, апелировалъ къ кротости и предлагалъ примиреніе. Едва слышно, теряясь въ звонѣ бокаловъ и говорѣ обѣдавшихъ, говорилъ онъ о томъ, что разность взглядовъ и убѣжденій не должна служить между образованными людьми причиною фанатической вражды и ненависти, и евангельски поучалъ, чтобы каждый, осуждая и истребляя зло въ себѣ самомъ, выискивалъ и выдѣлялъ добро въ другихъ. При этихъ словахъ Каткова за обѣдомъ произошелъ мимическій и не всѣми замѣченный, но мефистофельски забавный эпизодъ. Иронія случая хотѣла, чтобы почти бокъ о бокъ съ г. Катковымъ очутились за обѣденнымъ столомъ гг. Краевскій и Стасюлевичъ — представители враждебныхъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» журнальныхъ лагерей. И вотъ въ то время, когда раздавалась примирительная рѣчь г. Каткова, г. Краевскій, играя въ рукѣ металическою подставкою, держалъ свою голову значительно наклоненною на правую сторону, а г. Стасюлевичъ, тоже забавляясь подставкою, также наклонилъ голову, только на-лѣво. Оба они молчали и только у перваго саркастическая улыбка дергала правымъ краемъ губъ, а у второго — лѣвымъ. Эта нѣмая сцена полна была истиннаго краснорѣчія и служила превосходною иллюстраціею къ катковскимъ словамъ мира и забвенія. Я не зналъ, чѣмъ болѣе восхищаться: кротостью-ли г. Каткова или двумя полуулыбками гг. Стасюлевича и Краевскаго, взаимно дополнявшими другъ дружку и образовавшими въ сложности одинъ большой гогартовски-хохочущій ротъ?

VII.

Говоря о главныхъ персонажахъ московскаго юбилея, нужно упомянуть еще, хотя бы нѣсколькими строчками, о любопытномъ типѣ французскаго славянофила, постоянно группировавшемъ вокругъ себя любопытныхъ. Рѣчь идетъ о г. Леже, посланномъ въ Москву депутатѣ французскаго министерства народнаго просвѣщенія. Г. Леже преподаетъ славянскія нарѣчія въ Collège de France. Всю свою юность посвятилъ онъ близкому и основательному ознакомленію со своимъ предметомъ — въ частности съ русскимъ языкомъ и русскою литературою. Это еще молодой, маленькаго роста, вертлявый и очень любезный французъ, пріѣхавшій къ намъ «хотя и впервые, но точно во вторую Францію». Дѣло въ томъ, что г. Леже въ Парижѣ вполнѣ усвоилъ себѣ не только книжный, но и разговорный русскій языкъ. Онъ говоритъ свободно, не запинаясь, быть можетъ, даже черезчуръ правильно и литературно. Леже не нуждался въ Москвѣ ни въ какихъ чичероне и даже улавливалъ смыслъ извощичьяго жаргона. Только невѣрное произношеніе выдавало въ немъ иностранца. Леже никакъ не могъ отвыкнуть, чтобы не ударять словъ на послѣднемъ слогѣ. Пишетъ Леже по-русски правильно, гладко и даже изысканно. У него богатый запасъ словъ и даже оборотовъ; внѣшняя форма щегольская, нѣсколько кудреватая, а такъ какъ синтаксическая постройка французской рѣчи во многомъ сходна съ русской постройкой, то, внимая г. Леже, можно было думать, что мы слушаемъ кровнаго русскаго аристократа, получившаго только обычное полуфранцузское образованіе. Эта мистификація получила совершенно юмористическое дополненіе. На обѣдѣ вскорѣ послѣ привѣтствія г. Леже раздался тостъ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, кровнаго русскаго, гр. Бобринскаго. Французъ говорилъ по-русски, а русскій графъ... совсѣмъ по-французски, хотя, конечно, и русскими, «за волосы другъ къ другу притянутыми» словами.

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Глава VII.

Новый союзникъ.

На слѣдующій день, когда Эмиль Облэ зашелъ къ теткѣ Маделенѣ, она сказала ему:

— У насъ новая жиличка, очень хорошенькая. Она говоритъ, что живетъ процентами съ капитала, но, кажется, тутъ не то...

И добрая старуха разсказала, что ночью неожиданно явилась прелестная молодая женщина въ мужскомъ костюмѣ и просила пріютить ее, говоря, что она была знакомая одного изъ постоянныхъ посѣтителей заведенія г-жи Маделены, владѣльца лодки «Американка», съ которымъ она разсорилась и не знала, какъ вернуться въ Парижъ. Маделена, знавшая нравы веселой компаніи, не нашла ничего невѣроятнаго въ этомъ разсказѣ и отдала молодой женщинѣ лучшую комнату. Рано утромъ жиличка послала нарочнаго съ письмомъ въ Парижъ къ своей горничной, для которой она взяла также особую комнату, рядомъ съ своей, такъ какъ она желаетъ провести нѣсколько дней здѣсь.

Передавъ все это своему племяннику, Маделена подала ему домовую книгу, въ которую только-что вписала свое имя новая жиличка.

— Прочти ея имя, сказала она, — я куда-то заложила свои очки

Эмиль взялъ книгу.

— Элиза Буатель! воскликнулъ онъ; — живетъ процентами съ капитала въ Парижѣ! Буатель, Буатель! Мнѣ надо ее видѣть!

— Что съ тобою? Развѣ ты ее знаешь?

— Какъ, вы развѣ забыли это имя?

— А развѣ она уже бывала здѣсь?

— Да нѣтъ. Вы помните, что я вамъ разсказывалъ про г-жу Марби...

— Ну.

— Ее звали до замужества Орели Буатель.

— Неужели? Но вѣдь эту зовутъ Элизой. Это не она. Я-бы узнала ее. Я видѣла ее на судѣ. Она была хорошенькая, но эта еще красивѣе. Наконецъ, твоя... была блондинка, а эта брюнетка.

— Теперь такъ красятъ волоса, что не узнаешь, кто блондинка и кто брюнетка.

— Да, но у этой дамы настоящій цвѣтъ волосъ, такъ натурально выкрасить невозможно. Къ тому-же у нея черные, бархатные глаза, а у твоей голубые. Знаешь что, мой голубчикъ, ты постоянно думаешь о ней и она вездѣ мерещится тебѣ. Онѣ, очевидно, однофамилицы, вотъ и все.

Притомъ, твоя красавица женщина безъ сердца, а эта, какъ видно, нѣжная и добрая. Она невольно привлекаетъ къ себѣ съ перваго взгляда.

— Все-таки это очень странно. Ну, да мы увидимъ. Она вѣдь сойдетъ къ завтраку.

— Нѣтъ, я пошлю ей завтракъ наверхъ. А ты завтракаешь со мною?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не голоденъ.

Въ эту минуту къ Маделенѣ подошла служанка и вполголоса передала ей что-то.

— Конечно, громко отвѣчала хозяйка, — отнеси ей одинъ изъ моихъ пеньюаровъ и скажи, что милости просимъ, мы одни. Новая жиличка, прибавила Маделена, обращаясь къ Эмилю, — еще не получила своего женскаго платья изъ Парижа и проситъ у меня пеньюаръ. Кромѣ того, она желаетъ завтракать со мною, если у меня нѣтъ гостей, такъ какъ ей скучно одной. Ты вѣдь не гость; хочешь остаться?

— Да.

— Ага, ты теперь почувствовалъ голодъ.

Облэ ничего не отвѣчалъ; онъ задумался, предчувствуя, что встрѣча съ этой женщиной будетъ имѣть вліяніе на его дальнѣйшую судьбу.

Черезъ нѣсколько минутъ завтракъ былъ готовъ и столъ накрытъ. Маделена сама пошла въ комнату своей новой жилицы и пригласила ее сойдти внизъ.

— Завтракъ готовъ, сказала она,—я одна съ моимъ племянникомъ. Въ будни по утрамъ у насъ не бываетъ гостей.

— Сейчасъ иду, отвѣчала Элиза.

Какъ она попала въ кабачекъ тетки Маделены? Очень просто. Наканунѣ, вечеромъ, часовъ въ девять, когда уже совершенно стемнѣло, горничная сообщила ей, что подслушала разговоръ двухъ посѣтителей гостиницы въ Монморанси, гдѣ она остановилась, и изъ ихъ разговора поняла, что это полицейскіе агенты, получившіе приказаніе арестовать Элизу и насильно вывезти ее за границу. Надо было бѣжать? Но какъ? Ловкая горничная вынула изъ чемодана мужской костюмъ, который ея госпожа надѣвала въ одной пьесѣ съ переодѣваніемъ и посовѣтовала его надѣть. Элиза тотчасъ согласилась и, благодаря этому маскараду, ей удалось уйдти изъ гостиницы никѣмъ незамѣченной. Предварительно она приказала горничной отправиться въ Парижъ на ея квартиру, увѣдомить о случившемся маркиза Мейрана и ждать ея письма съ адресомъ, гдѣ найдти ее на другой день.

Избѣжавъ опасности, Элиза весело посмѣялась надъ одураченными ею полицейскими агентами, которые встрѣтили ее на лѣстницѣ и пропустили, не подозрѣвая въ юномъ мальчикѣ блестящую парижскую красавицу Лоизу Ботъ. Но что ей было дѣлать? Она долго шла безъ цѣли, безъ опредѣленнаго намѣренія. Потомъ усталость взяла верхъ надъ всѣми другими чувствами; увидавъ кабачекъ на берегу рѣки, она рѣшилась попросить себѣ убѣжища въ немъ на ночь. Для объясненія своего мужского костюма и страннаго появленія ночью одной, она придумала разсказъ о ссорѣ съ своимъ знакомымъ, владѣльцемъ лодки «Американка», въ которой она была рулевымъ въ мужскомъ костюмѣ, что практиковалось нерѣдко среди «канотьерокъ».

Увидавъ ее въ дверяхъ, Эмиль Облэ вздрогнулъ.

— Это не она, сказалъ молодой человѣкъ, пристально смотря на нее;—однакожъ...

Элиза сѣла за столъ; противъ нея помѣстились хозяйка и ея племянникъ, который не спускалъ глазъ съ молодой женщины. Это смутило Элизу, которая теперь всего боялась. По окончаніи завтрака, когда Маделена пошла за кофе, Элиза, въ свою очередь, пристально посмотрѣла на Эмиля и смѣло спросила:

— Извините меня за мой вопросъ. Но вы такъ упорно глядите на меня, что я могу предполагать, не знаете-ли вы меня?

Эти слова были произнесены съ оттѣнкомъ ироніи и Эмиль покраснѣлъ.

— Вы правы, отвѣчалъ онъ въ смущеніи,— я вполнѣ заслужилъ вашъ упрекъ.

— Я васъ ни въ чемъ не упрекала.

— Конечно, я могъ бы отвѣтить вамъ, что я смотрю на васъ потому, что вы прелестны, но хотя я и сказалъ бы правду, но только отчасти. Дѣло въ томъ, что вы напоминаете мнѣ женщину, которую я очень хорошо зналъ.

— А! протянула съ улыбкой Элиза.

— Она была бѣлокурая, а вы брюнетка, у нея были глаза голубые, а у васъ черные, но голосъ у васъ очень схожій. Притомъ я прочелъ ваше имя въ домовой книгѣ; ее звали точно такъ-же.

Элиза внимательно взглянула на Эмиля и серьезно спросила:

— Вы знали женщину, которая носила мою фамилію.

— Да, до ея замужества.

— Но у нея было другое имя?

— Я буду съ вами откровененъ, простите меня, мой пристальный взглядъ обезпокоилъ васъ, въ вашихъ глазахъ есть что-то напоминавшее женщину, которую я отыскиваю.

— Назовите ея имя.

— Орели Буатель, теперь баронеса де-Марби.

— И вы знали ее близко? спросила съ удивленіемъ Элиза.

Въ эту минуту Маделена вернулась съ кофе.

— Ахъ, я и забыла вамъ назвать моего племянника, сказала она,—его зовутъ Эмиль Облэ.

— Вы Эмиль Облэ! воскликнула Элиза.

Она вскочила отъ изумленія, но въ ея словахъ звучало столько нѣжнаго состраданія, что тетка Маделена почувствовала къ ней самую теплую симпатію.

— Вы меня знаете? спросилъ Эмиль съ безпокойствомъ.

— Женщина, о которой вы говорите, моя сестра, отвѣчала Элиза тономъ самаго глубокаго презрѣнія.

— А! я теперь понимаю, почему вы такъ походите другъ на друга. Мнѣ необходимо, сударыня, видѣть вашу сестру?

— Зачѣмъ? спросила Элиза?

— Зачѣмъ? сказалъ Эмиль, вставая и не обращая вниманія на знаки тетки,—я ея жертва и хочу ей отомстить.

— Ну, довольно, воскликнула Маделена,—не надоѣдай этой госпожѣ, потому что она такъ добра къ тебѣ и слушаетъ твою глупую болтовню. Простите его, сударыня, онъ много выстрадалъ, а вы знаете, несчастный всегда любитъ разсказывать о своихъ несчастіяхъ. Конечно, дѣла вашей сестры васъ не касаются. Пожалуйста простите его.

Но молодая женщина ее не слушала.

— Вы хотите отомстить ей, г. Облэ, и вы правы! воскликнула она. — Я знаю все; я была ребенкомъ, но помню хорошо ваше дѣло. Я знаю, какія ужасныя страданія вы перенесли ради нея.

— Вамъ извѣстна позорная роль, которую я разъигралъ по ея милости, вамъ извѣстно, что я былъ приговоренъ судомъ.

— Я все знаю.

— Какъ! воскликнула Маделена,—вы знаете все и явились сюда...

— Я спасаюсь отъ преслѣдованій сестры. Какъ вашъ племянникъ и какъ многіе другіе я жертва этой женщины.

— Что вы говорите?

— Сущую правду. Вамъ, г. Эмиль Облэ, я могу все сказать. Выслушайте меня.

Видя какой оборотъ принимаетъ разговоръ, Маделена предложила перейдти въ комнату Элизы, гдѣ имъ никто не помѣшаетъ. Молодые люди послѣдовали за нею. Затворивъ дверь, Элиза разсказала въ нѣсколькихъ словахъ всю свою исторію.

— Вы видите, сказала она, окончивъ свой разсказъ,—не вы одни были ея жертвой. Она безжалостно преслѣдуетъ и меня.

— Вы хотите отомстить ей? спросилъ Эмиль.

— Я хочу защитить себя.

— А я хочу себя оправдать въ глазахъ всего свѣта. Согласны вы мнѣ помогать?

— Отъ всего сердца? Но какъ могу я помочь вамъ, когда едва въ состояніи сама защитить себя?

— У меня есть орудія борьбы.

— Какія?

— Письма Орели къ нѣкоему г. Аристиду де-Фаржу...

— Письма... письма Аристида... у васъ!

Эмиль посмотрѣлъ на молодую женщину съ удивленіемъ.

— Вы знаете о существованіи этихъ писемъ! воскликнулъ онъ.

— Прежде всего скажите, какъ вы ихъ достали.

Эмиль Облэ покраснѣлъ.

Тетка Маделена смотрѣла съ изумленіемъ на нихъ обоихъ. Она рѣшительно ничего не понимала и спрашивала себя, не сошли-ли они оба съ ума.

Облэ не смѣлъ сказать правды, особенно при теткѣ, которая разсказала ему о негодованіи Жюля, когда тотъ убѣдился, что изъ его узла пропали какія-то бумаги. Желая избѣгнуть прямого отвѣта, Эмиль всталъ, говоря:

— Подождите нѣсколько минутъ; я принесу вамъ письма и вы увидите, какая важность въ нихъ заключается.

И онъ поспѣшно удалился. Тетка Маделена смотрѣла ему въ слѣдъ, теряясь въ догадкахъ. Наконецъ она промолвила, качая головой:

— Онъ съ ума сошелъ? Извините его, сударыня; съ нимъ это случается послѣ его ужасныхъ несчастій.

— Письма! Письма! произнесла Элиза, какъбы забывая, что она не одна и думая въ слухъ;— ахъ, еслибъ это была правда, я заставила бы ее плясать на заднихъ лапахъ передо мною. Но я рехнулась! Это не могутъ быть тѣ письма!

— О какихъ письмахъ вы говорите? спросила Маделена.

— Я не могу вамъ этого объяснить.

Старуха вдругъ вспомнила объ угрозахъ Жюля и серьезно замѣтила:

— Вы говорите о письмахъ, а здѣсь пропали письма очень страннымъ образомъ.

— У васъ пропали письма? спросила съ любопытствомъ Элиза.

— Э! э! Ужь не Эмиль-ли ихъ взялъ? Да, онъ спалъ въ комнатѣ Жюля и на другой-же день тотъ пришелъ за узломъ и не нашелъ писемъ.

— Будьте со мною откровенны; вы видите, я не хочу скрываться передъ вами. Разскажите мнѣ исторію этихъ писемъ.

— Какихъ писемъ?

— Да тѣхъ, которыя у васъ пропали.

Тетка Маделена, вообще словоохотливая, охотно разсказала, какъ ея жилецъ Жюль оставилъ у нея узелъ въ обезпеченіе своего долга и какъ впослѣдствіи онъ не нашелъ въ этомъ узлѣ какихъ-то писемъ.

— А что за человѣкъ этотъ Жюль?

Маделена описала его наружность и сказала, что не разъ выгоняла его, но онъ постоянно возвращался къ ней. Передала она и его странныя слова о письмахъ: «это цѣлое состояніе».

Элиза была очень взволнована; она чувствовала, что напала на слѣдъ украденныхъ у нея писемъ. Она только-что хотѣла задать новые вопросы Маделенѣ, какъ дверь отворилась и вошелъ Эмиль.

Онъ молча подалъ ей пачку писемъ. Она схватила ихъ и воскликнула, дрожа всѣмъ тѣломъ:

— Да, да, это они! Ради Бога, скажите мнѣ, какъ эти письма попали къ вамъ.

— Я не ошибся, эти письма подлинныя? спросилъ Облэ, прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ Элизы.

— Да, подлинныя. Они были украдены.

Разсказывая о преслѣдованіяхъ сестры, Элиза не упомянула о письмахъ Аристида. Теперь-же она въ двухъ словахъ передала, какъ они ей достались и какъ потомъ таинственно исчезли. Съ своей стороны, Облэ чистосердечно сознался, что онъ похитилъ эти письма изъ узла Жюля.

— Вотъ видите, я была права, воскликнула Маделена,—и этотъ негодяй, называя меня воровкой, сказалъ правду. Но это ничего, Эмиль, ты находишься въ слишкомъ ужасномъ положеніи и можешь пользоваться всѣми средствами для выхода изъ него.

Элиза снова переспросила примѣты Жюля, у котораго находились письма, но сколько она ни думала, она не могла припомнить, чтобы когда-нибудь видѣла его.

Во всякомъ случаѣ надо было рѣшить новымъ союзникамъ планъ дѣйствій. Лоиза Ботъ хотѣла защитить себя и навсегда освободиться отъ преслѣдованій сестры, а Эмиль Облэ желалъ мщенія, но такого мщенія, которое публично возстановило-бы его доброе имя. Никто не думалъ о старомъ капитанѣ, котораго обнаруженіе скандальныхъ тайнъ его жены должно было страшно поразить. Мысль, что онъ вступаетъ въ борьбу съ женщиной не входила въ голову Эмилю; въ его глазахъ Орели была врагомъ, а не женщиной. Для Элизы она была еще чѣмъ-то худшимъ; она не только всячески преслѣдовала ее, но еще хотѣла отбить у нея любимаго человѣка, очернивъ ее въ его глазахъ.

Но какъ было взяться за дѣло? Маделена совѣтовала Эмилю жаловаться прокурору и представить ему доказательства своей невиновности. Но молодые люди нашли эту мѣру невозможной.

Въ эту минуту Маделену потребовали въ кухню.

— Будьте только осторожны, сказала она, уходя:—ты, Эмиль, уже достаточно надѣлалъ глупостей, не дѣйствуй сгоряча. Серьезныя дѣла надо обсудить здраво и трезво.

Она удалилась. Тогда Эмиль и Элиза, для которыхъ присутствіе старухи было нѣкоторой помѣхой, стали откровенно совѣщаться и уже составили планъ дѣйствій, когда служанка вошла въ комнату и объявила, что горничная Элизы пріѣхала изъ Парижа.

— Никто не долженъ знать о нашихъ намѣреніяхъ, сказала Эмилю молодая женщина,—дѣйствуйте какъ мы рѣшили и помните, что я всегда ваша помощница.

— Я тотчасъ поѣду въ Парижъ и узнаю, гдѣ капитанъ Марби.

— Да, но будьте осторожны.

— Не бойтесь.

Облэ удалился и Элиза приказала позвать свою горничную.

— Ну, что Марго, ты его видѣла? спросила она.

— Онъ пріѣхалъ со мною.

Въ туже минуту въ дверяхъ показался Оливье. Элиза бросилась къ нему.

— Ну? спросила она.

— Я еще ничего не сдѣлалъ, отвѣчалъ онъ,—я только что хотѣлъ приняться за дѣло, когда пріѣхала Марго и я бросился сюда, чтобъ защитить васъ.

— Благодарю. Но что-же вы дѣлали вчера?

— Мнѣ непріятно сказать, но я не хочу отъ васъ ничего скрыть. Вернувшись въ Парижъ, я долженъ былъ поѣхать съ моей матерью къ баронесѣ де-Марби.

— А! воскликнула Элиза, смотря пристально на молодого человѣка,—вы видѣли баронесу де-Марби. Она вамъ говорила обо мнѣ.

Оливье поникъ головою.

— Да, она говорила обо мнѣ. Отвѣчайте-же.

— Да, эта женщина васъ не любитъ..

— Она клеветала на меня, она осыпала меня бранью, воскликнула Элиза, выходя изъ себя.—Ну, теперь время вамъ все сказать. Женщина, которая пожертвовала мною для своего спасенія и постоянно меня преслѣдуетъ... это баронеса Орели де-Марби... это моя сестра.

— Ваша сестра! воскликнулъ Оливье и ему теперь все стало ясно.

— А человѣкъ, меня погубившій, ея любовникъ, отвратительный старикъ Матье де-Тальи.

Оливье вздрогнулъ и воскликнулъ внѣ себя отъ злобы:

— Хорошо, я ихъ теперь знаю! Я за тебя отомщу!

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Похоронный караванъ, картина Бернингера. — Солнце кроваво заходитъ на западѣ. Укутанныя вечернимъ сумракомъ развалины Вавилона виднѣются на необозримомъ пространствѣ; изъ устьевъ Ефрата поднимается туманъ; вдали слышенъ вой шакаловъ, а въ воздухѣ вьются коршуны. Длинными рядами, по холмамъ, тянется мрачный караванъ; люди идутъ молча и не слышно обычныхъ веселыхъ пѣсенъ. Рты и носы проводниковъ закрыты платками, вооруженная свита держится въ сторонѣ отъ верблюдовъ; зловоніе распространено въ воздухѣ и это понятно: товаръ каравана составляютъ гробы; это — похоронный караванъ. Случается, что одно изъ уставшихъ до изнеможенія животныхъ падаетъ подъ тяжестью ноши, гробъ катится, крышка открывается и оттуда вываливается ужасный, полусгнившій трупъ! Таковы постоянныя картины, сопровождающія обыкновенно похоронные караваны въ этихъ странахъ. Дѣло въ томъ, что на югѣ отъ развалинъ, покрывающихъ страны, гдѣ нѣкогда были Вавилонъ и Ниневія, у береговъ Ефрата, находятся теперь Редшефъ и Кербела—величайшія святыни магометанъ. Тамъ покоятся кости Али, основателя секты шіитовъ, къ которой преимущественно принадлежатъ персы. А высшее желаніе перса покоиться въ этомъ святомъ для нихъ мѣстѣ. Такъ называемая страна каналовъ въ настоящую минуту представляетъ совершенную пустыню и только изрѣдка грязные каравансераи нарушаютъ однообразіе дороги. Каравансераи или ханы,—прямоугольныя или квадратныя строенія, гдѣ останавливаются обыкновенно путешественники; во дворѣ каравансерая находится колодезъ и мѣсто для отдыха вьючныхъ животныхъ. По этой-то дорогѣ и тянутся похоронные караваны, направляясь къ странѣ Али изъ разныхъ мѣстъ Персіи. Сотни покойниковъ ежедневно переправляются черезъ Каспійское море. Множество животныхъ и людей погибаютъ отъ ужасной атмосферы, ихъ окружающей, и трупы ихъ становятся добычей шакаловъ и дикихъ собакъ. Когда караванъ приближается къ святому мѣсту и на горизонтѣ заблеститъ золотой куполъ,—вѣрующіе бросаются на горячій песокъ и благодарятъ небо. Нѣмецкій художникъ очень удачно передалъ зрѣлище подобнаго похороннаго каравана. Картина его очень живописна и съ несомнѣнной вѣрностью передаетъ мрачный пейзажъ пустыни и длинный караванъ, каждый верблюдъ котораго несетъ на своей спинѣ два гроба. Вдали, на заднемъ планѣ, нѣсколько всадниковъ,—военная стража,—выдѣляются на горизонтѣ, красная, кровавая полоса котораго указываетъ, что въ этомъ мѣстѣ зашло солнце. Картина очень эфектна и производитъ сильное впечатлѣніе.

Иванъ Грозный, слушающій списокъ казненныхъ лицъ. Рисунокъ г. Земцова очень удачно передаетъ мрачную сцену, происходящую въ покояхъ Ивана Грознаго. Выраженіе лица Грознаго, его поза, все это прекрасно выдержано. Но, кромѣ того, рисунокъ отличается мелочными подробностями обстановки того времени и эти подробности переданы старательно и вѣрно.

Весна, картина Ганса Макарта. Извѣстный нѣмецкій художникъ славится своими женскими типами; эти типы ему почти всегда удаются: въ нихъ такъ много граціи, своеобразности, а по временамъ таинственной привлекательности, что они почти всегда приковываютъ вниманіе зрителя. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что художникъ даже свои алегорическія картины олицетворяетъ въ женскихъ фигурахъ. Такъ онъ сдѣлалъ и въ своей «веснѣ». Въ сущности, это даже и не алегорія, какую создалъ-бы напр. Пуссенъ, а просто одинъ изъ весеннихъ эпизодовъ. Въ саду сидятъ двѣ дамы, пользуясь первымъ пробужденіемъ природы. Какъ и всегда, художникъ окружилъ этотъ эпизодъ всѣми чарами своихъ волшебныхъ красокъ и изъ самаго обыкновеннаго факта сдѣлалъ нѣчто чрезвычайно привлекательное, тѣмъ болѣе, что его дамы—въ полномъ смыслѣ слова, современныя модницы и отличаются элегантностью, присущею вѣнскимъ жительницамъ.

Разлука, картина Лиценъ-Мейера. Въ противуположность Гансу Макарту, Лиценъ-Мейеръ изображаетъ намъ разлуку въ видѣ дамы шестнадцатаго столѣтія. Роскошный и живописный костюмъ, широкія красивыя складки платья придаютъ особенное изящество фигурѣ, расположившейся на какой то полу-фантастической развалинѣ. Особенно хорошо, по выраженію, лицо этой фигуры: въ немъ такъ много грусти, оно такъ сосредоточено на одномъ чувствѣ, овладѣвшемъ всѣмъ нравственнымъ организмомъ и, въ тоже время, оно такъ изящно и живописно, что невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе. По нашему мнѣнію, это одна изъ удачнѣйшихъ картинъ Лиценъ-Мейера.

Охота серебряною дробью, картина Петра Соколова. Очень удачно изображенный въ картинѣ анекдотъ, если можно такъ выразиться. Молодой охотникъ, вѣроятно, весьма плохо стрѣляющій и гораздо болѣе любующійся красотами русской природы, чѣмъ гоняющійся за дичью, счелъ болѣе удобнымъ купить дичь, чѣмъ самому ее искать и убивать, поэтому, встрѣтивъ на возвратномъ пути настоящаго охотника, онъ покупаетъ у него дикую утку; а явившись домой, наговоритъ съ три короба о томъ, съ какими трудами онъ застрѣлилъ ее; оба типа очень недурны и вѣрно схвачены. Не дуренъ также и пейзажъ — грустный, однообразный пейзажъ русской степи.

Правительственныя распоряженія.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее высочайшее повелѣніе:

«Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: лицамъ женскаго пола, кончившимъ ученіе на женскихъ врачебныхъ курсахъ при петербургскомъ николаевскомъ военномъ госпиталѣ, присвоить нагрудный знакъ отличія на право самостоятельной практики.

«Знакъ серебряный состоитъ изъ двухъ дубовыхъ вѣтвей, перевязанныхъ внизу лентою, которая вмѣстѣ съ тѣмъ обхватываетъ ножку золотой гиппократовой чаши; къ чашѣ съ двухъ сторонъ изъ вѣтвей ползутъ двѣ золотыя змѣи. Верхніе концы вѣтвей упираются съ обѣихъ сторонъ въ середину краевъ государственнаго герба. Подъ гербомъ, въ промежуткѣ между вѣтвями, помѣщены золотыя буквы Ж и В (женщина-врачъ).

«Размѣры знака: вышина 1 дюймъ $6^{1}/_{2}$ линій, ширина въ срединѣ по горизонтальной линіи, проходящей чрезъ средину буквъ, 1 дюймъ $2^{1}/_{2}$ линіи. Вышина государственнаго герба $6^{1}/_{2}$ линій, ширина его по горизонтальной линіи, проходящей чрезъ оконечность щита въ гербѣ, $4^{2}/_{3}$ линіи.

«Лица женскаго пола, удостоенныя на женскихъ врачебныхъ курсахъ права самостоятельной врачебной практики, должны носить присвоенный имъ знакъ на правой сторонѣ груди.

Смѣсь.

— Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Изданіе сочиненій графа Л. Н. Толстого, предпринятое въ Москвѣ книгопродавческою фирмою наслѣдниковъ Салаевыхъ, приближается къ концу. Надняхъ отпечатана десятая часть сочиненій. Все изданіе будетъ состоять изъ одиннадцати частей Цѣна за сочиненія назначается 16 р. 50 к. Сочиненія печатаются въ количествѣ 5.500 экземпляровъ.

— М. О. Микѣшинъ. «Новости» сообщаютъ, что извѣстный нашъ художникъ, Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ, находящійся въ настоящее время въ Парижѣ, получилъ отъ издателя Гашета заказъ илюстрировать сказку Вольтера «Candide». Кромѣ того, съ г. Шарпантье г. Микѣшинъ ведетъ переговоры о колосальной илюстраціи «Tentation de St.-Antoine», — одного изъ самыхъ оригинальныхъ и своеобразныхъ произведеній недавно умершаго Густава Флобера. Г. Маркъ (издатель журнала «Illustration») предложилъ съ своей стороны г. Микѣшину илюстрировать новый романъ Альфонса Додэ, изъ парижскихъ нравовъ, только-что еще задуманный талантливымъ романистомъ. Г. Дюма ведетъ переговоры съ нашимъ талантливымъ художникомъ о громадной илюстраціи къ Шекспиру для лондонскихъ издателей. Вообще, можно сказать, что г. Микѣшинъ, какъ художникъ, пользуется громаднымъ успѣхомъ въ Парижѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что вскорѣ сдѣлается однимъ изъ самыхъ модныхъ парижскихъ илюстраторовъ.

— **Г-жа Фролова.** Заимствуемъ изъ газеты «Молва» слѣдующую интересную замѣтку. Одною изъ нашихъ соотечественницъ, В. Фроловою, уже заявившею себя многочисленными путешествіями и въ томъ числѣ совершеннымъ ею нѣсколько лѣтъ тому назадъ чрезвычайно смѣлымъ путешествіемъ въ южную Африку, какъ мы слышали, предпринимается новое далекое путешествіе — на островъ Мадагаскаръ. Не смотря на замѣчательную смѣлость, которою ознаменовалось первое путешествіе г-жи Фроловой, ея имя извѣстно у насъ только развѣ весьма немногимъ спеціалистамъ и какъ это повидимому ни странно, но для того, чтобы познакомить нашихъ читателей съ личностью и дѣятельностью этой замѣчательной женщины, имя которой должно быть поставлено на ряду съ именами Иды Пфейферъ, г-жи Тине, мистрисъ Ливингстонъ и Брасей, мы принуждены пользоваться иностранными источниками и, между прочимъ, появившеюся нѣсколько времени тому назадъ статьёю «Kreuz Zeitung». Путешествіе въ Африку г-жи Фроловой рѣзко отличается отъ путешествій въ ту-же часть свѣта другихъ женщинъ, имена которыхъ мы привели выше, по своей цѣли, заключавшейся въ изслѣдованіи неизвѣстныхъ въ Европѣ мѣстныхъ южно-африканскихъ цѣлебныхъ средствъ. Ради выполненія этой задачи г-жа Фролова провела нѣсколько лѣтъ въ путешествіяхъ по Африкѣ, соединенныхъ съ тяжелыми лишеніями. По свидѣтельству Эрнста фон-Вебера, автора книги «Четыре года въ Африкѣ» («Vier Jahre in Afrika. Leipzig, 1878»), г-жа Фролова путешествіе свое предприняла по совѣту одного итальянскаго врача, который, испытавъ безуспѣшно всѣ извѣстныя средства противъ опасной грудной болѣзни, которою страдала она, рекомендовалъ ей, какъ послѣднее средство, продолжительное, многолѣтнее пребываніе въ мѣстности, возвышающейся на 5,000 фут. надъ уровнемъ моря, и указалъ на южную Африку. Климатъ упомянутой мѣстности дѣйствительно оказалъ на здоровье г-жи Фроловой самое благотворное вліяніе, испытавъ которое, она, подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго ею сочиненія д-ра Фриша о секретныхъ врачебныхъ средствахъ кафровъ, рѣшилась заняться изслѣдованіемъ этихъ средствъ и доставить этимъ путемъ новыя силы европейской медицинѣ для борьбы съ недугами человѣчества. Отказавшись ради этой цѣли отъ удобствъ европейской жизни и осудивъ себя на тяжелыя лишенія, г-жа Фролова поставила себѣ задачею прежде всего стать въ близкія отношенія съ кафрами. При помощи небольшихъ подарковъ, оказанія врачебной помощи больнымъ и другихъ услугъ, она скоро успѣла снискать расположеніе кафрскихъ женщинъ и дѣтей, а затѣмъ пріобрѣла полное довѣріе и всего племени. Пользуясь этимъ сближеніемъ, г-жа Фролова, частью черезъ посредство женъ кафрскихъ знахарей, частью прямо отъ нихъ самихъ успѣла собрать довольно значительное число корней, растеній и сѣмянъ, употребляемыхъ ими для леченія различныхъ болѣзней. Предпринимая новое путешествіе на Мадагаскаръ, по берегамъ котораго, какъ извѣстно, свирѣпствуютъ производящія страшныя опустошенія лихорадки, г-жа Фролова имѣетъ въ виду продолжать начатое ею во время ея перваго путешествія изслѣдованіе неизвѣстныхъ въ медицинской наукѣ туземныхъ лекарственныхъ веществъ.

— **Продажа жены.** По словамъ самарскаго кореспондента газеты «Молва», въ самарской губерніи недавно обнаружился случай продажи жены мужемъ. Отставной солдатъ изъ крестьянъ села Малоархангельскаго, николаевскаго уѣзда, Рыбинъ купилъ себѣ въ жены жену крестьянина сосѣдней деревни за 60 рублей, заплативъ первому мужу въ счетъ условной платы 30 руб. Рыбинъ вступилъ во владѣніе купленною женою, съ которою впослѣдствіи и повѣнчался. Но такъ какъ остальные 30 рублей прежнему владѣльцу жены не были уплачены въ срокъ, то тотъ и обратился съ искомъ къ мировому судьѣ. Отъ судьи дѣло перешло къ прокурору.

— **Комета.** Московскія газеты сообщаютъ, что надъ Москвою показалась комета, но безъ хвоста. Замѣчена она впервые 23-го іюня. Показывается около $11\frac{1}{2}$ часовъ ночи и двигается очень быстро, описывая параболу приблизительно съ востока. Она очень ярка, гораздо ярче звѣздъ.

— **Неправильно переданная телеграма.** Газета «Донская Пчела» передаетъ, какъ слухъ, о слѣдующемъ происшествіи, случившемся надняхъ въ Москвѣ съ ростовскимъ торговцемъ желѣзныхъ издѣлій, г. Дутиковымъ. Отправивъ, мѣсяцъ назадъ, своихъ прикащиковъ для закупки гвоздей и другихъ желѣзныхъ товаровъ въ Тулу, онъ поѣхалъ надняхъ самъ въ Москву и, остановившись въ нумерахъ одной изъ тамошнихъ гостиницъ, тотчасъ-же по пріѣздѣ телеграфировалъ прикащикамъ, чтобъ они, въ случаѣ надобности въ деньгахъ по закупкѣ товаровъ, увѣдомили о томъ его немедленно телеграмою. На другой день утромъ къ нему разнощикъ принесъ телеграму, которую онъ, одѣваясь, положилъ нераспечатанною на столъ. Въ этотъ моментъ двери занимаемаго имъ нумера растворяются и въ него входитъ жандармскій офицеръ съ нѣсколькими своими подчиненными. «Вы прочли телеграму?» спросилъ офицеръ. — «Нѣтъ, не имѣлъ еще времени. Она, какъ видите, еще не распечатана». «Прочтите ее». Г. Дутиковъ беретъ со стола телеграму, распечатываетъ ее и, къ немалому своему изумленію, читаетъ: «25,000 гвардіи готово. Высылайте деньги». Потомъ слѣдуетъ подпись его прикащика. Дутиковъ былъ арестованъ и просидѣлъ подъ арестомъ около двухъ дней, пока не разъяснился смыслъ загадочной телеграмы. Оказывается, что телеграфисты «гвозди» превратили въ «гвардію».

— **Счастливое избавленіе отъ опасности.** «Хар. губ вѣд.» сообщаютъ, что 23 іюня, при слѣдованіи курьерскаго поѣзда изъ Харькова въ Москву, близь станціи Веселая Лопань пасажиры поражены были безпрерывными свистками, которыми обыкновенно даютъ знать о какой либо угрожающей поѣзду опасности кондукторской бригадѣ; послѣдняя не замедлила затормозить поѣздъ. Публика тотчасъ-же вышла изъ вагоновъ на платформы, и глазамъ ея представилась поразительная картина: какая то неизвѣстная женщина, оказавшаяся впослѣдствіи матерью копошившагося близь рельсовъ ребенка, моментально схвативъ его, судорожно сжимала его въ своихъ объятіяхъ. Оказалось, что машинистъ, увидѣвши ребенка около рельсовъ, хотя и не могъ во время остановить поѣздъ, но ребенокъ только щитомъ локомотива былъ отброшенъ съ рельсовъ, чѣмъ причиненъ ему былъ лишь ушибъ и ссадина кожи на головѣ.

— **Убійство и самоубійство.** Въ Смоленскѣ, какъ передаетъ мѣстная газета, 22 іюня, въ $9\frac{1}{2}$ часовъ вечера, на Богословской улицѣ, въ саду тит. сов. П. И. Кошкина, разыгралась кровавая драма: офицеръ 74-го запаснаго батальона А. П. Безобразовъ убилъ младшую дочь Кошкина, Елену и покончилъ съ собою. Жертвой ужаснаго преступленія является вполнѣ невинная 16-лѣтняя дѣвушка, только что оставившая институтъ, мало видѣвшая свѣтъ и жизнь. Обладая симпатичнымъ, красивымъ личикомъ, стройной фигурой и беззаботнымъ, веселымъ характеромъ, она, по отзыву старика-отца, была «истиннымъ утѣшеніемъ» ихъ старости. Она дала слово Безобразову выйдти за него замужъ. Заручившись обѣщаніемъ легкомысленной институтки, Безобразовъ отправляется лечиться на Кавказъ отъ сифилиса, откуда впродолженіи шестимѣсячнаго пребыванія, атакуетъ письмами отца Е. П., съ требованіями согласія на бракъ съ его дочерью. Отецъ, не зная ничего объ обѣщаніи ея, послѣ перваго-же письма предлагаетъ ей объяснить свои отношенія къ Безобразову. Е. П. откровенно разсказала, что А. Петр. дѣйствительно нравился ей прежде, когда она только что вышла изъ института, но серьезно любить его она не любила. Что касается обѣщанія, то о немъ не стоитъ говорить, такъ какъ А. П. долженъ былъ понять, что оно было дано необдуманно. Однако А. П., какъ видно, не понялъ и потребовалъ въ другихъ письмахъ ея личнаго отказа, что, во избѣжаніе дальнѣйшихъ преслѣдованій Безобразова, ею и было исполнено. Но это средство на него не подѣйствовало — онъ продолжалъ свою атаку дерзкими письмами до тѣхъ поръ, пока г. Кошкинъ не обратился къ начальству, которое, вѣроятно, заставило оставить шокированіе ни въ чемъ неповиннаго семейства. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ о Безобразовѣ до 20 іюня, когда семейство Кошкиныхъ встрѣтило его въ Лопатинскомъ саду, не было слуха. Въ этотъ разъ Безобразовъ, не стѣсняясь нежеланіемъ Кошкиныхъ вступить въ какой либо разговоръ, не оставлялъ Е. П. во все время гулянья и вызвался провожать ее домой. Возлѣ своего сада, Е. П. на его «до свиданья», отвѣтила рѣзко «прощайте». Безобразовъ, конечно, понялъ, что тутъ все кончено. И вотъ въ немъ разгорается грубо-эгоистическое чувство, девизомъ котораго служатъ слова: «не мнѣ — такъ никому!» На другой день, вечеромъ, когда по обыкновенію Е. П. гуляла въ своемъ саду, сюда, крадучись изъ сосѣдняго двора, является А. П. Безобразовъ, и когда Е. П. подошла близко къ нему, послѣдовалъ выстрѣлъ. Е. П. пала мертвою. Затѣмъ слѣдуютъ еще два выстрѣла, убійца покончилъ съ собою.

— **Борьба съ хищными животными.** Въ крестецкомъ уѣздѣ въ періодъ времени съ 1-го сентября 1878 по 1-е сентября 1879 года, по свѣдѣніямъ «Правительственнаго Вѣстника», было истреблено хищными звѣрями: лошадей 48, коровъ 111, жеребятъ 279, телятъ 189, овецъ 425, ягнятъ 44, свиней 17, козъ 7, гусей 9, собакъ дворовыхъ 4. Общая сумма убытковъ, понесенныхъ населеніемъ отъ хищниковъ въ этотъ промежутокъ времени, оцѣнивалась въ 8,746 руб. Но эти свѣденія однако еще не полны, такъ какъ въ нихъ не вошли цифры относительно двухъ волостей, Устволенской и Заозерской. Столь большія потери, причиняемыя народному хозяйству въ крестецкомъ уѣздѣ, побудили мѣстное земство еще съ 1870 года принять мѣры къ истребленію хищныхъ животныхъ въ уѣздѣ, и назначить преміи. Въ 1870 году крестецкое земство назначило выдать за каждаго убитаго медвѣдя по 5 р. и волка по 1 р. 50 к. Эти размѣры премій оставались неизмѣнными до 1875 года. Но для того, чтобы какъ можно болѣе пріохотить населеніе къ охотѣ на хищныхъ звѣрей, земство въ 1875 году увеличило премію за медвѣдей, убиваемыхъ въ лѣтнее время, до 10 р. и за волковъ до 3 р. Въ слѣдующемъ 1876 году преміи за волковъ были вновь повышены: за каждаго звѣря, убитаго зимою, земство платило отъ 1 р. 50 к. до 3 р. и за убитаго лѣтомъ по 5 р. Въ 1877 году преміи за волковъ были назначены для зимняго времени отъ 3 р. до 5 р. и для лѣтняго до 8 р. Въ 1878 и 1879 годахъ за каждаго убитаго медвѣдя выдавалось по 10 р. и за волка по 5 р. безъ различія времени года. Втеченіи девяти лѣтъ съ 1870 по 1878 годъ было убито: медвѣдей 74, волковъ 387, волчатъ 47, всего 508. За то время было выдано премій 1,816 руб.

— **Истребленіе лѣсовъ** «Вы бы не узнали теперь нашу прекрасную мѣстность, говорится между прочимъ въ письмѣ къ редактору «Жив. Об.», съ юга Россіи; — помните, лѣтъ 12 тому назадъ, наши прогулки по чуднымъ лѣсамъ, въ окрестностяхъ, которыми гордился нашъ уѣздъ. Вѣковые дубы и липы, кленъ, ясень, грабъ... какихъ только деревьевъ не было въ этихъ прекрасныхъ лѣсахъ; дерево къ дереву точно на подборъ. Теперь не осталось и слѣда этихъ деревьевъ; на мѣсто лѣса, дававшаго тѣнь и прохладу и служившаго резервуаромъ влаги, разстилается обнаженная степь; пересохли ручьи, вытекавшіе изъ лѣсовъ; засухи стали повторяться у насъ все чаще и чаще; урожай-же пшеницы все слабѣе и слабѣе. Помѣщики, владѣльцы лѣсовъ, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, для поправленія своихъ дѣлъ, прибѣгаютъ къ продажѣ своихъ лѣсовъ или въ полную собственность покупщика, или на срубъ. Покупщиками лѣсовъ обыкновенно являются евреи, которыхъ, конечно, ни мало не озабочиваетъ будущность края. Еврей хлопочетъ объ одномъ: какъ-бы поскорѣе вернуть свой капиталъ съ большими процентами, и потому старается въ возможно короткое время вырубить весь лѣсъ, продавая его по частямъ, евреямъ-же. Какое дѣло еврею, что край отъ обезлѣсенія можетъ въ будущемъ лишиться плодородія своей почвы. Станетъ-ли еврей заботиться о благосостояніи края, который онъ никогда не считалъ и не будетъ считать своимъ отечествомъ. Неужели нельзя найдти средство, чтобы если не совершенно уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить размѣры существующаго зла?»

Считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ нашему почтенному кореспонденту. Истребленіе лѣсовъ у насъ явленіе крайне печальное и, конечно, желательно, чтобы найдены были средства остановить его размѣры. Но обвинять въ истребленіи лѣсовъ евреевъ, какъ евреевъ, т. е. людей, нежелающихъ признавать своимъ отечествомъ край, въ которомъ они поселились, по меньшей мѣрѣ, неосновательно. Надъ истребленіемъ лѣсовъ работаетъ не еврей, а промышленникъ. Какой-бы религіи не держался промышленникъ, онъ совершенно одинаково смотритъ на дѣло. Для промышленника важнѣе всего оборотъ затраченнаго капитала; никакія другія соображенія для него не имѣютъ цѣны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Немировичъ-Данченко въ журналѣ «Дѣло» изобразилъ типъ лѣсного промышленника на Камѣ — не еврея, а коренного русскаго человѣка, который, между прочимъ, сказалъ, что онъ любитъ дерево, но смотритъ на него, какъ на своего врага до тѣхъ поръ, пока его не срубитъ.

Когда г. Данченко замѣтилъ, что безразсудное истребленіе лѣса можетъ повлечь за собою весьма непріятныя послѣдствія для края, промышленникъ выпучилъ глаза, до того изумило его такое соображеніе, и могъ только одно отвѣтить: «А мнѣ какое дѣло. Я плачу деньги за лѣсъ и долженъ получить ихъ съ барышемъ». Но этотъ промышленникъ полуграмотенъ, наукамъ никакимъ не обучался, книжекъ о раціональномъ земледѣльческомъ и лѣсномъ хозяйствѣ не читывалъ; одѣтъ онъ простымъ мужикомъ и его міросозерцаніе не шло дальше деревенскаго кулачества.

Вотъ другой типъ. Молодой человѣкъ, съ европейскимъ внѣшнимъ лоскомъ; одѣтъ по послѣдней парижской модѣ; живетъ въ своемъ уѣздномъ городѣ въ роскошно обставленномъ домѣ; задаетъ обѣды мѣстному интелигентному обществу, о которыхъ потомъ долго говорятъ. Окончилъ онъ курсъ гимназіи; понюхалъ даже университетъ (пробылъ годъ); въ его библіотекѣ находится нѣсколько книгъ, трактующихъ о раціональномъ земледѣльческомъ и лѣсномъ хозяйствѣ. Можетъ быть, онъ и не читалъ ихъ, но увѣряетъ, что знакомъ съ ними. Послѣ смерти отца, мѣстнаго торговца хлѣбомъ, купца, онъ получилъ капиталъ слишкомъ въ миліонъ рублей. Черезъ годъ или два по полученіи наслѣдства, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. Мы встрѣтились.

— Знаете, сказалъ онъ мнѣ между прочимъ,—я купилъ имѣніе князя ***. Чудесный кусочекъ. 16,000 десятинъ чернозема, кромѣ того слишкомъ 500 десятинъ строевого лѣса.

— Поздравляю васъ; при вашемъ капиталѣ можно надѣлать чудесъ въ такомъ имѣніи, завести правильное хозяйство...

— Я и завелъ. Я круто повернулъ дѣло... Большой чудакъ этотъ князь, получалъ самый ничтожный доходъ съ своего золотого имѣнія. Я принялъ почти нетронутый лѣсъ. Разумѣется первымъ дѣломъ я продалъ его на срубъ.

— Какъ! вскричалъ я,—вы рѣшились...

— Погодите, это не все. Я засѣялъ 10,000 десятинъ пшеницей. Народъ у насъ голодаетъ послѣ прошлогодняго плохого урожая; рабочихъ я нанялъ за безцѣнокъ; пошли ко мнѣ даже хозяева съ своими плугами и лошадьми, когда я обязался кормить ихъ скотъ... князь имѣлъ большой запасъ сѣна въ скирдахъ, въ степи, некуда было продать его... Такимъ образомъ, въ случаѣ урожая, я выручу свой капиталъ съ лихвой... Имѣніе я купилъ баснословно дешево... за 850,000 руб., ну да тысячъ 30 разныхъ негласныхъ расходовъ, да купчая, считайте 900,000. Имѣніе заложено; долгу осталось еще 500,000 руб.; значитъ я заплатилъ наличными 400,000. Лѣсъ я продалъ за 100.000 руб. При хорошемъ урожаѣ, пшеница дастъ мнѣ около 200,000 рублей чистаго дохода... Видите, въ первый-же годъ я получаю до 300,000 руб... Допустивъ даже самыя неблагопріятныя условія, я, проработавъ еще 2 года, верну свой капиталъ съ процентами... Вотъ какъ надо вести дѣла.

— Но вѣдь вамъ хорошо извѣстно, что такой способъ хозяйства называется хищническимъ и приноситъ большой ущербъ краю. Вы не можете не знать, что обезлѣсеніе дѣйствуетъ гибельно, лишая край естественныхъ хранилищъ влаги, наступаютъ засухи, а съ ними неурожай. Далѣе, засѣвая разомъ такое громадное пространство однимъ хлѣбомъ, вы истощаете почву.

— Все это я очень хорошо знаю. Но, согласитесь, для меня важнѣе всего вернуть мой капиталъ. Къ тому-же, еще спорный вопросъ, вліяетъ-ли обезлѣсеніе на урожаи. Что-же касается истощенія почвы, то для меня ея плодородія еще хватитъ. Далѣе-же, вернувъ свой капиталъ съ приличными процентами, я, или продамъ имѣніе, или буду раздавать землю въ аренду крестьянамъ, которые въ ней сильно нуждаются. Истощенную почву они станутъ унавоживать —рано или поздно и въ нашемъ благодатномъ краю придется прибѣгнуть къ унавоживанію — и земля снова будетъ вознаграждать трудъ... Видите-ли, вполнѣ признавая справедливость вашихъ опасеній, я все-таки стою на томъ, что мнѣ, затратившему капиталъ на покупку имѣнія, а не получившему его въ наслѣдство, невозможно руководствоваться соображеніями, какіе результаты явятся отъ моего хозяйства въ будущемъ; моя забота: возвратить мой затраченный капиталъ съ приличными процентами.

— По моему, слѣдовало-бы принять мѣры къ ограниченію хищническаго хозяйства, вреднаго для края. Земства должны-бы выработать какія-нибудь правила и представить ихъ на утвержденіе правительства.

— Ничего изъ этого не выйдетъ; вы забываете, что общественный прогрессъ находится въ прямой зависимости отъ свободы промышленности. Начните ее регламентировать и она зачахнетъ.

Вотъ вамъ образованный промышленникъ, коренной русскій, а не еврей. Попробуйте сказать ему, что онъ врагъ отечества и онъ придетъ въ негодованіе и станетъ доказывать вамъ, что онъ горячій патріотъ, что онъ готовъ всѣмъ пожертвовать для отечества, что онъ участвовалъ во многихъ патріотическихъ подпискахъ и пр. и пр. Слѣдовательно дѣло не въ національности истребителя лѣсовъ, а въ главномъ принципѣ промышленности: «чѣмъ скорѣе возвращается затраченный капиталъ, тѣмъ лучше». Но, скажутъ, надо-же принять какія-нибудь мѣры, чтобы остановить хищническое хозяйство, вредное для страны? Надо и очень надо, но этотъ вопросъ слишкомъ серьезный, чтобы трактовать о немъ въ краткой замѣткѣ, въ смѣси.

— **Неизвѣстные промыслы.** II (Продавецъ огня. Рыночные слуги. Ангелъ хранитель). Статья Прива д'Англемонъ. — Изучивъ Парижъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, я сталъ вѣрить всему, такъ что еслибы кто сказалъ мнѣ, что въ такомъ-то закоулкѣ живетъ человѣкъ, который изъ луны дѣлаетъ рукоятки ножей, я бы повѣрилъ.

Парижъ лишилъ меня способности чему-нибудь удивляться. Безъ разсужденій я смотрю, слушаю и говорю: «Это возможно». Я все высмотрѣлъ, исколесивъ кварталы нищеты: встрѣчалъ я тутъ и геніевъ, колумбовъ, которые для того, чтобъ днемъ съѣсть чего-нибудь, а ночью имѣть гдѣ пріютиться, должны каждое утро открывать Америку.

Первый экземпляръ такого рода—продавецъ огня, Жанье. Жанье человѣкъ лѣтъ 35, широкогрудый, съ откинутыми назадъ волосами на подобіе львиной гривы, съ лицомъ честнымъ и открытымъ, одѣтый въ широкополый бархатный сюртукъ, просторное пальто (paletot sac) и венгерскія шаровары.

Встрѣтясь съ нимъ, парижскій старожилъ физіономистъ приметъ его скорѣе за скульптора-орнаментщика, чѣмъ за купца. Онъ похожъ на артиста и любитъ искуство.

Въ юности онъ поигрывалъ на сценахъ; но въ зрѣломъ возрастѣ, когда разсудокъ взялъ верхъ надъ чувствомъ, онъ отказался отъ всякаго театра съ его суетой и если еще ходилъ въ бульварный театръ посмотрѣть какой-нибудь веселенькій водевильчикъ, или чувствительную мелодраму, то все-таки мысли его были не тамъ, не на сценѣ. Онъ думалъ только о томъ, какъ-бы ему разбогатѣть.

Жанье мечталъ объ одноколкѣ, о лошадяхъ, на которыхъ онъ помчится въ театръ, гдѣ, въ заранѣе абонированномъ креслѣ, будетъ смотрѣть своихъ любимыхъ актеровъ. Его завѣтное желаніе, его утопія—принимать у себя, въ своей виллѣ съ зелеными ставнями, въ своемъ павильонѣ, гг. Сюрвиля, молодого Франциска, Сент-Эрнеста и Шилли; первыя его слабости—познакомиться съ гг. Лакресоньеромъ и Дегэ, что дало-бы ему право быть на «ты» съ Христіаномъ и Эрнестомъ Вавасеръ, изъ «Фоли» (бульварный театръ), раскланиваться съ актрисами бульварныхъ театровъ. Вотъ та пружина, которая приводила въ движеніе нашего изобрѣтателя, та звѣзда, которая вела его къ открытію.

Торговки на рынкахъ, испытывающія всевозможныя непогоды, пользуются втеченіи 6 мѣсяцевъ деревянной, крытой желѣзомъ жаровней, въ которой помѣщаются отвратительные глиняные горшечки, имѣющіе кличку бродягъ (les gueux). Онѣ ставятъ эти маленькія грѣлки къ себѣ на колѣни и грѣютъ объ нихъ руки.

Каждое утро, а иногда и два раза въ день, приходилось этимъ женщинамъ снаряжать свои жаровни у сосѣдняго угольщика. За двѣ такія топки онѣ платили по 3 су, да притомъ нерѣдко приходилось еще ждать пробужденія и соизволенія господъ овернцевъ, если они высыпались послѣ похмѣлья. Жанье вертится на рынкѣ, исполняя всевозможныя порученія: онъ и посыльный, и комисіонеръ, подчасъ и носильщикъ, готовый служить разнымъ рыночнымъ тузамъ, когда ноша окажется слишкомъ тяжелой для привилегированныхъ спинъ.

Проводя на рынкѣ цѣлыя ночи въ ожиданіи работы, Жанье, конечно, замѣтилъ небрежность этихъ важныхъ бароновъ угольной комерціи. Онъ рѣшилъ замѣнить ихъ. Ему пришла въ голову идея, весьма плодотворная, которая, будь она хорошо направлена, сулила своему автору въ недалекомъ будущемъ и одноколку и кресло въ театрѣ.

Онъ сказалъ себѣ: «я достигну своей цѣли только тогда, когда замѣню настоящій уголь лучшимъ и болѣе дешевымъ и когда самъ пойду на встрѣчу потребителямъ, а не буду ожидать. Господа овернцы наполняютъ жаровни угольной пылью, которая можетъ быть вредна, мнѣ надо найдти что-нибудь безвредное, что давало-бы столько-же жару, а горѣло-бы дольше». Подумалъ, поискалъ, попыталъ и, наконецъ, придумалъ каменный уголь.

Онъ имѣлъ преимущество передъ поставщиками во-первыхъ потому, что могъ вездѣ объявить: «Нѣтъ болѣе головной боли!» во-вторыхъ, онъ былъ изобрѣтатель, а конкуренты его простые торговцы.

Онъ геній-прогресистъ, а они рутинеры.

Въ концѣ зимы 1846 года, когда торговки пользовались огнемъ только послѣ долгихъ ночныхъ ожиданій и появлялись на мѣстахъ своихъ вмѣстѣ съ садовниками и огородниками, онъ, однажды, подошелъ къ групамъ, принялъ участіе въ разговорѣ, полюбезничалъ съ этими дамами, которыя состояли подъ ферулой угольщиковъ.

Онѣ считали его добрымъ малымъ и предоставили ему говорить, а онъ не безъ лукавства спросилъ:

— Что подумали-бы вы о человѣкѣ, который не будучи ни овернцемъ, ни угольщикомъ, сталъ-бы каждое утро нагрѣвать ваши жаровни на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ вы помѣщаетесь, безъ малѣйшей заботы и безпокойства съ вашей стороны, который былъ-бы къ вашимъ услугамъ во всякое время дня и ночи.

— Мы сказали-бы: вотъ добрый человѣкъ—работаетъ и за себя и за насъ.

— Этотъ добрый человѣкъ—я. Съ будущей зимы я буду торговать жаромъ.

Противъ новой мысли, противъ человѣка, затѣявшаго какой-то переворотъ, все вооружилось, все завопило. Зачѣмъ онъ хочетъ дѣлать не такъ, какъ дѣлали всѣ? Еще и не знали хорошенько въ чемъ дѣло, а ужь рѣшили, что оно не пойдетъ; даже и попытки безполезны—нечего объ этомъ и разговаривать.

Жанье съ спокойствіемъ генія выносилъ насмѣшки и злыя шутки. Онъ былъ силенъ, потому что вѣрилъ въ себя; не возражалъ и только разъ замѣтилъ: «посмотримъ, чья возьметъ».

На слѣдующій-же день онъ нанялъ тамъ, гдѣ-то на окраинѣ Бьевра, чуть не въ полѣ, въ улицѣ Крунебарбъ, заброшенныя развалины, состоящія изъ крыши и четырехъ стѣнъ, окружающихъ огромную хоромину. Тамъ съ четырьмя булыжниками, взятыми съ мостовой, да съ желѣзнымъ огнегасителемъ, купленнымъ гдѣ-то по случаю, основалъ онъ свое заведеніе. Онъ помѣстился въ самомъ центрѣ 12-го округа, близъ кожевеннаго завода, чтобъ имѣть главный матеріялъ подъ руками. Для доставки этого матеріяла онъ завелъ небольшую ручную тележку, а для развозки изготовленнаго уже продукта—онъ устроилъ большой, деревянный сундукъ, крытый жестью. Съ этимъ скромнымъ обзаведеніемъ Жанье приступилъ къ дѣлу. Изъ четырехъ своихъ камней смастерилъ онъ горнъ, направилъ туда струю воздуха и все было готово. Тутъ ставилось на карту все состояніе Жанье. Съ вѣрой въ Провидѣніе, съ неустрашимостью моряка, пускающагося въ море для открытія новыхъ земель, пошелъ онъ на свое предпріятіе, асигнова въ на него кровныхъ 600 фр. звонкой монеты. Смѣлость и энергія влекли его. Все лѣто провелъ онъ въ своей лабораторіи, нагишемъ, при температурѣ пекарной печки. Другой-бы умеръ на его мѣстѣ, а онъ упорный, мужественный, предпріимчивый не хотѣлъ ударить въ грязь лицомъ. Не смотря на свой дневной трудъ, Жанье продолжалъ ходить по ночамъ на рынокъ помогать торговцамъ. Онъ работалъ, какъ три здоровяка; да иначе и нельзя было, потому что онъ торжественно далъ себѣ слово, не тратить ни копѣйки изъ капитала, отложеннаго на предпріятіе, а жить-то все-таки надо. Къ концу лѣта онъ построилъ фургонъ, обитый снаружи и внутри толстымъ желѣзомъ, утвердилъ его на своей ручной тележкѣ и съ первыми холодами въ свѣжую, звѣздную, сентябрьскую ночь появился на площади des Innocents, влача за собой какое-то подобіе чернаго гроба. Совершенно внезапно, въ полночь, раздался на площади его странный крикъ, заставившій всѣхъ повернуть къ нему головы: «Огонь! продажный огонь! вотъ продавецъ огня! сударыни, снаряжайте ваши грѣлки! вотъ продавецъ огня!»

Его звучный и мужественный голосъ раздавался по всей площади, отъ улицы Сен-Дени, до суконнаго рынка. Взрывы хохота сопровождали эти восклицанія, увеличивая уличный гамъ. Но онъ подстрекнулъ любопытство. Его окружили; всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, узнать въ чемъ дѣло. Нѣкоторыя торговки посмѣлѣе попросили показать имъ его товаръ. Онъ, всегда любезный и вѣрный хранитель традиціонной французской галантности, поспѣшилъ открыть имъ внутренность фургона, представлявшую нѣчто въ родѣ пылавшаго горна. Онѣ нагрѣли свои грѣлки за одинъ су и на другой день, болтая о немъ вездѣ, устранили для него необходимость всякой публикаціи. Только и разговору было, что о новомъ комерсантѣ.

Вошло въ моду забирать жаръ для грѣлокъ у продавца огня, у этого веселаго, добраго малаго, имѣвшаго всегда въ запасѣ острое словечко.

Въ настоящее время у горна г. Жанье работаютъ отъ 15 до 20 старухъ; круглый годъ безъ перерыва, зиму и лѣто, пережигаютъ онѣ ему каменный уголь. У него четыре здоровыхъ ломовика, которые возятъ уже не прежніе, крытые желѣзомъ фургоны, а какія-то подобія локомотивовъ изъ кованнаго желѣза, имѣющія свои названія, обозначенныя черными буквами на мѣдныхъ дощечкахъ: Вулканъ, Полифемъ, Циклопъ, Люциферъ — совсѣмъ какъ на желѣзно-дорожныхъ паровозахъ. Эти кареты снабжаютъ жаромъ всѣхъ рыночныхъ торговокъ Парижа, начиная предмѣстьями С. Антуанъ и Тампль до предм. С. Жерменъ и С. Оноре. Кромѣ того онъ снаряжаетъ грѣлки старикамъ во многихъ большихъ богадѣльняхъ, и если-бы администрація потребовала поставки огня женщинамъ въ Сальпетріерѣ и старикамъ въ Бисетрѣ, Жанье взялся-бы; это превзошло-бы даже всѣ его мечты и безъ того уже на три четверти осуществившіяся. Тогда онъ могъ-бы каждый день принимать у себя за столомъ гг. Дегэ, С. Эрнеста, Христіана, Эрнеста Вавасера, пріѣзжать смотрѣть ихъ игру изъ собственной ложи, взятой заблаговременно въ конторѣ, и пріѣзжать туда не въ какой-нибудь одноколкѣ, а въ изящной и удобной коляскѣ, влекомой двумя мекленбургскими рысаками.

Безъ сомнѣнія, масса богатства на рынкѣ; но не слѣдуетъ думать, что достаточно выйдти на площадь des Innocents, возъимѣть идею и сейчасъ-же увидѣть превращеніе хлѣбныхъ корокъ и земляныхъ комьевъ въ золото.

Есть тамъ и свои обойденные, свои макары труженики. Около рынковъ толпится огромная масса бѣдняковъ, которымъ хлѣбъ достается не малымъ трудомъ и потомъ. Напримѣръ, рыночные слуги (les bricoleurs); это народъ чрезвычайно дѣятельный, предпріимчивый, смѣлый, не боящійся никакой работы, вездѣ готовый со своими услугами: они носятъ страшныя тяжести, исхаживаютъ до восхода солнца по 10 миль, совершаютъ какіе угодно концы по какимъ угодно комисіямъ, исполняютъ всякую работу, знакомую и незнакомую, не щадятъ ни рукъ, ни ногъ и всецѣло отдаются въ ваше распоряженіе. Они обладаютъ всѣми качествами, отличающими честнаго человѣка, и, однако, не смотря на всѣ эти доблести, получаютъ вознагражденіе, подчасъ едва достаточное. Ангелу хранителю предстоитъ, кажется, участь подстрекательницъ; его значеніе весьма пострадало со времени послѣднихъ переполоховъ, но у него остался еще один ресурсъ: онъ стремится за городъ, гдѣ ему хватитъ работы на долгіе годы.

Кстати, что такое ангелъ хранитель? Я это сейчасъ объясню. Такъ называютъ человѣка, поставленнаго виноторговцами и кабатчиками въ интересахъ ихъ репутацій для наблюденія за пьяными. Онъ беретъ пьяныхъ подъ свое покровительство, разводитъ ихъ по домамъ и отвѣчаетъ за нихъ передъ кабатчикомъ, отъ котораго ихъ принялъ. Онъ долженъ защищать ихъ, укладывать спать, словомъ, не оставлять иначе, какъ въ полной безопасности и внѣ всякихъ поползновеній воровъ, такъ наз. перечницъ (poivrier), людей безъ души, безъ вѣры, грабящихъ пьяныхъ, не обнаруживая ни малѣйшаго уваженія къ богу Бахусу, которому тѣ восторженно поклоняются.

Чтобы быть ангеломъ хранителемъ, надо совершенно отречься отъ себя. Трудно себѣ представить какихъ только качествъ не требуется отъ него. Онъ подвергается экзамену, который другому бакалавру не подъ силу. Хорошій ангелъ хранитель долженъ быть трезвый прежде всего, иначе онъ пилъ-бы со своимъ опекаемымъ и все-бы пропало.

Пьяница всегда хочетъ пить, даже тогда, когда, казалось-бы, для вина и мѣста нѣтъ.

Никакая женщина, мечтающая о нарядѣ, никакой проситель, ищущій мѣста, не прибѣгаютъ къ такимъ изворотамъ, не расточаютъ столько лести, столько нѣжныхъ словъ, какъ пьяница. Чтобъ достигнуть своей цѣли, онъ, какъ ловкая кокетка, практикуетъ всѣ ухищренія, всѣ способы обольщенія вашего сердца. Но ангелъ-хранитель долженъ быть твердъ, безстрастенъ, глухъ къ мольбамъ и угрозамъ, долженъ идти прямо, противостоять всякому искушенію. Ему въ самомъ дѣлѣ требуется много мужества, чтобъ держать въ повиновеніи иного буйнаго хмѣльного, чтобы немедленно устремляться разнимать стычку въ тѣхъ случаяхъ, когда его кліентъ, увлекаемый порывами, бросается на шею не особенно терпѣливаго прохожаго. И затѣмъ, какимъ необъятнымъ терпѣніемъ долженъ обладать этотъ человѣкъ, чтобы слѣдить за всѣми внезапными скачками мысли въ этихъ наспиртованныхъ мозгахъ, какъ бы играющихъ въ загадки, выслушивать и опровергать ихъ. Онъ долженъ ловко льстить слабостямъ собесѣдника, входить въ его соображенія, понимать его, заставлять его слушать себя и заинтересовывать его своимъ оживленнымъ разговоромъ. Это—поприще, на которомъ онъ можетъ потягаться съ любымъ дипломатомъ тонкостью возраженій, основательностью пріемовъ въ опроверженіи лжи для выясненія истины. Со всѣми этими нравственными качествами ангелъ-хранитель долженъ сочетать и весьма солидныя физическія. Если онъ недостаточно ловокъ, силенъ, расторопенъ – онъ не годится для своего дѣла, потому что ему часто приходится на плечахъ уносить своего протеже, спасая его отъ довольно частыхъ покушеній на рынкѣ и за городомъ. И всѣ эти качества, всѣ эти добродѣтели (мы не упомянули еще о честности, самой безупречной; но это потому, что и сами ангелы не очень-то много о ней разговариваютъ, считая ее дѣломъ самымъ обыкновеннымъ), лишенія и тягости, которымъ они себя подвергаютъ и которыми пренебрегаютъ, все это котируется, какъ фондъ на биржѣ. Эти люди, которыхъ такъ уважаютъ, не имѣютъ часто чѣмъ себя содержать.

У виноторговцевъ, гдѣ собирались истые пѣтухи, герои кафе-шантанныхъ анекдотовъ, принято препровождать того, кто не можетъ уже держаться на ногахъ. За это препровождаемый платитъ ангелу-хранителю сколько заблагоразсудится; но никто не можетъ однако дать меньше 50 сантимовъ. Это уже правило, признанное всѣми и никогда не нарушаемое. Тотъ, кто откажется исполнить это постановленіе, отвергается своими сотоварищами, какъ бросающій тѣнь на общую ихъ репутацію. На самомъ дѣлѣ, разъ человѣкъ попалъ въ руки ангела-хранителя, имѣй онъ при себѣ 100 фр. въ карманѣ, на другой день, проснувшись, онъ найдетъ ихъ въ неприкосновенности. Пьяницы не запомнятъ случая, чтобы хоть одинъ препровождаемый былъ ограбленъ или имѣлъ бы поводъ жаловаться на обращеніе ангела-хранителя, ибо ко всѣмъ вышеупомянутымъ качествамъ ангела надо присоединить его вѣжливость.

Продовольствуютъ ихъ обыкновенно виноторговцы, которые ими пользуются и которымъ они оказываютъ разныя мелкія услуги, за то и перепадаетъ имъ какой ни на есть съѣдомый кусокъ. Въ большинствѣ случаевъ ангелъ-хранитель — поэтъ, мечтатель, любящій созерцаніе. Это лазарони Парижа; онъ довольствуется малымъ въ мечтахъ о предстоящемъ ему препровожденіи того или другого незнакомца. Въ обыкновенные дни его заработокъ не превышаетъ 30 или 40 су; но у него есть и свои воскресенья—дни отдыха. Завсегдатаи относятся къ нему съ почтеніемъ и вниманіемъ. Заказывая завтракъ, напримѣръ, они всегда предлагаютъ и ему занять мѣсто. И онъ вполнѣ счастливъ этими знаками уваженія, и гордъ сознаніемъ своей безупречной совѣсти. Онъ не дѣлаетъ сбереженій на черный день, но за то основываетъ добрыя и полезныя связи. О двухъ изъ нихъ разсказываютъ, что они попали въ завѣщаніе одного богача-пьяницы, бывшаго банкира, который посѣщалъ кабачекъ l'Arrosoir въ Монпарнасѣ и которому богатство и пьяныя наклонности не помѣшали уберечь въ глубинѣ сердца благодарное воспоминаніе о двухъ добрякахъ, не разъ устранявшихъ отъ него опасность ночлега подъ открытымъ небомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

— **Оригинальный разбойникъ.** Робкое «aide toi, Dieu t'aidera» на американской почвѣ выродилось въ суровое «help yourself». Но никогда еще, даже въ Америкѣ, принципъ самопомощи не практиковался такъ странно, какъ въ случаѣ, недавно описанномъ въ газетахъ г. Санъ-Франциско. Мальпостъ, переполненный пасажирами, на большой проѣзжей дорогѣ, остановленный и ограбленный однимъ безоружнымъ лицомъ!? Возможно-ли это? Между тѣмъ фактъ налицо. Мальпостъ, ѣхавшій изъ Санъ-Луи-Обиспо по направленію къ г. Соледаду, приближался уже къ цѣли путешествія, какъ вдругъ на одномъ поворотѣ кондукторъ, помѣщавшійся рядомъ съ кучеромъ, сквозь сумерки потухающаго дня, замѣтилъ, что путь прегражденъ веревкой, протянутой поперегъ дороги, съ бѣлымъ платкомъ по серединѣ. Не успѣли еще вполнѣ остановить лошадей — изъ чащи, густо росшей по сторонамъ, раздался повелительный голосъ: «Сейчасъ-же бросьте мнѣ ящикъ съ денежной кассой; скорѣе, или — я буду стрѣлять!» Впереди, на несчастье мелькали огоньки... Ясно, сообразилъ кондукторъ, ихъ тутъ засѣла цѣлая шайка. Нечего дѣлать, выбросилъ ящикъ, а въ немъ 160 доларовъ золотомъ, да билетъ санъ-луи-обиспскаго банка на предъявителя. Веревку убрали. Мальпостъ помчался въ карьеръ. Пріѣхавши въ Соледадъ пасажиры заявили о происшедшемъ шерифу. Начались розыски. Вскорѣ открыли, что часа за 2 до грабежа, одинъ молодой джентльменъ таинственно скрылся изъ города. По телеграфу сообщили его примѣты во всѣ ближайшіе города, полиція-же поспѣшила на мѣсто преступленія. Тамъ нашли одинъ только слѣдъ, да и тотъ оказался женскимъ. Утромъ получено было извѣстіе, что преступникъ пойманъ въ г. Салинасѣ, въ тотъ моментъ, когда онъ садился на пароходъ, отплывавшій въ Санъ-Франциско. Преступнику 19 лѣтъ, имя его Джорджъ Адамсъ. Сознавшійся во всемъ на допросѣ, онъ объявилъ, что совершилъ преступленіе одинъ, исключительно съ помощью угрозъ, веревки и разложенныхъ въ разныхъ мѣстахъ огней; оружія при немъ никакого не было. Чтобы сбить съ толку преслѣдователей, онъ придумалъ надѣть женскіе башмаки. Цѣль грабежа—на добытыя деньги пріобрѣсти подарки, съ помощью которыхъ ужасный разбойникъ надѣялся склонить въ свою пользу сердце страстно-любимой женщины. Деньги найдены въ цѣлости.

— **Сонный человѣкъ.** Большая или меньшая наклонность къ сонливости у особъ преклоннаго возраста, выражающаяся обыкновенно въ томъ, что, не будучи ничѣмъ заняты, онѣ сейчасъ-же начинаютъ дремать — явленіе вполнѣ нормальное. Напротивъ, та-же наклонность, но только у людей вполнѣ здоровыхъ и въ цвѣтѣ лѣтъ — явленіе уже болѣзненное. Негры Гвинейскихъ береговъ подвержены подобной сонной болѣзни, часто оканчивающейся смертью. Въ настоящее время въ Парижѣ пользуется извѣстностью одинъ субъектъ, уже пожилой, приблизительно лѣтъ 50, замѣчательный тѣмъ, что стоитъ ему чѣмъ-нибудь заняться, сосредоточить на чемъ либо свое вниманіе, какъ тотчасъ-же имъ овладѣваетъ непреодолимый позывъ ко сну. Начинаетъ-ли онъ ѣсть—засыпаетъ; читаетъ-ли что — минута, и спитъ; захочетъ-ли отдохнуть во время прогулки—мгновенно заснетъ; короче, всюду, во всѣхъ положеніяхъ, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни онъ спитъ, спитъ и спитъ. Сонливость такого рода, не сопровождаемая притомъ никакими патологическими измѣненіями организма, извѣстна въ медицинѣ подъ именемъ нарколепсіи. Масса докторовъ заинтересована вышеописаннымъ негромъ, состояніе котораго, во всякомъ случаѣ, фактъ въ высшей степени любопытный.

— **Средство чистить потемнѣвшее серебро.** Возмите одну часть квасцовъ, двѣ части кремортартару и двѣ части испанскихъ бѣлилъ, истолките все это, какъ можно мельче, затѣмъ хорошенько перемѣшайте. Сохраняйте въ плотно закупоренномъ сосудѣ. При употребленіи порошокъ слѣдуетъ развести въ небольшомъ количествѣ воды, послѣ чего тереть имъ серебро съ помощью тонкой, полотняной ветошки. Вычищенное серебро надо тщательно выполоскать въ чистой водѣ и насухо вытерить.

— **Новѣйшая электрическая лампа Эдисона.** Какъ извѣстно, Эдисонъ въ своихъ лампахъ употребляетъ для накаливанія электрическимъ токомъ платиновую проволоку. Но платина металъ очень дорогой и это служило однимъ изъ существенныхъ недостатковъ въ практическомъ отношеніи. Въ послѣднее время знаменитый американецъ сдѣлалъ попытку устранить этотъ недостатокъ устройствомъ особаго рода лампы, въ которой накаливанію подвергался бумажный уголь, приготовленный спеціально для того изобрѣтеннымъ способомъ. Бумага, заключенная въ пауковидную форму, помѣщается въ муфель, въ которомъ поддерживается очень высокая температура. Летучія части бумаги исчезаютъ и въ формѣ, въ видѣ подковы, остается бумажный уголь. Эта бумажно-угольная подкова, длиною въ 15 сантиметровъ, а толщиною отъ 3 до 4 милиметровъ, помѣщается въ стеклянный сосудъ съ очень толстыми стѣнками, причемъ концы подковы обращены книзу и соединяются съ электропроводами. Бумажный уголь очень непрочный и крайне хрупкій; при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи онъ не въ состояніи долго выдерживать электрическаго тока и быстро сгораетъ. По увѣренію Эдисона, совершенно иные результаты получаются въ безвоздушномъ пространствѣ. Съ этой цѣлью атмосферное давленіе въ сосудѣ, содержащемъ бумажный уголь, доводится до одной милионной доли. Въ такой почти абсолютной пустотѣ, какъ утверждаетъ изобрѣтатель, бумажно-угольная подкова можетъ очень долгое время накаливаться электрическимъ токомъ, не подвергаясь ни малѣйшему разсѣиванію. По словамъ кореспондента «Times», бумажный уголь, не измѣняясь и не разрушаясь, продолжаетъ издавать яркій свѣтъ втеченіи 360 часовъ непрерывно. Сила свѣта такой лампы равняется 6 карцельскимъ. Паровая машина въ одну лошадиную силу можетъ поддерживать свѣтъ въ 8—10 лампахъ, только-что описанныхъ. Лишнее пояснять, въ какой степени подобное изобрѣтеніе должно удешевить электрическое освѣщеніе. Вопросъ только въ томъ, въ какой степени сообщенія американскихъ кореспондентовъ отвѣчаютъ истинѣ. Недалекое будущее несомнѣнно разсѣетъ возможныя пока недоразумѣнія.

— **Обвалъ.** Часть сен-готардскаго тунеля со швейцарской стороны обвалилась, при чемъ нѣсколько людей погибло.

— **Варварская эксплоатація дикарей антрепренеромъ.** Антрепренеръ уличной сцены лондонскаго зоологическаго сада, такъ называемаго вестминстерскаго акваріума, законтрактовалъ на лѣтній сезонъ нѣсколько семействъ зулусовъ, которые, соблазнясь выгодными предложеніями, переданными имъ переводчикомъ, условій контракта, пустились въ путь и благополучно прибыли въ Англію. Но несчастнымъ дикарямъ жестоко пришлось разочароваться въ своихъ блестящихъ условіяхъ договора съ антрепренеромъ. Дѣло въ томъ, что зулусы подписали свой годичный контрактъ у начальника англійской полиціи въ Наталѣ, по которому они обязываются «исполнять всѣ желанія и требованія антрепренера, въ противномъ случаѣ обязаны заплатить всѣ убытки и потери, какія имъ будутъ указаны». Когда дикари прибыли въ Лондонъ, антрепренеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ посадилъ въ клѣтки и показывалъ, какъ вождей, взятыхъ въ плѣнъ англійскими войсками. Другихъ зулусовъ выпускали на сцену для танцевъ національныхъ плясокъ; несчастные до изнеможенія плясали, пока не падали въ обморокъ, ихъ уносили и замѣняли новыми. Такъ тянулось дѣло цѣлый мѣсяцъ; наконецъ, зулусы не выдержали и двоимъ изъ нихъ удалось бѣжать; на улицѣ ихъ преслѣдовали толпы мальчишекъ, публика съ изумленіемъ смотрѣла на голыхъ черныхъ людей, разгуливавшихъ по улицамъ; наконецъ, въ дѣло вмѣшалась полиція; бѣглецовъ арестовали и судъ не могъ разрушить контракта, плѣнниковъ возвратили въ ихъ клѣтки. Второй разъ бѣжалъ зулусъ-великанъ Бетико, который, при арестованіи его, побилъ шестерыхъ полицейскихъ и снова бѣжалъ, но потомъ его нашли закоченѣвшимъ отъ холода и посадили въ исправительный домъ; зулусъ благословляетъ теперь свою судьбу.

— **Обращикъ южно-американскихъ нравовъ.** Въ рядахъ перувіанской арміи, въ качествѣ волонтеровъ появились двое молодыхъ людей, которые своимъ мужествомъ и замѣчательною меткостью стрѣльбы вскорѣ обратили на себя вниманіе не только своихъ сотоварищей, но и враговъ. Юноши, укрывшись за камень, производили ужаснѣйшее опустошеніе въ рядахъ враговъ; когда перувіанцы бросились въ атаку, одинъ изъ юношей первымъ врѣзался въ ряды противниковъ, второй не отставалъ, чилійцы дрогнули и побѣда склонилась на сторону перувіанцевъ; но вотъ изъ рядовъ выступаетъ свирѣпаго вида чиліецъ, со всклокоченными волосами, весь въ крови, дико, неистово кричитъ и со всею силою бросается на перваго, бывшаго впереди юношу, наноситъ ему ударъ и черепъ несчастнаго разлетѣлся въ дребезги; старикъ съ яростью бросается на второго; завязывается бой, дикій бой, неизвѣстный европейцамъ,—бой на ножахъ. Долго бойцы оспаривали побѣду, старикъ началъ ослабѣвать, руки дрогнули и не отпарировали удара, направленнаго въ грудь; еще минута и бездыханное тѣло старика упало къ ногамъ юноши; тотъ остолбенѣлъ и чрезъ минуту, покрытый 18 ранами, упалъ отъ удара карабина и взятъ въ плѣнъ. Спустя нѣсколько времени, оказалось, что двое юношей были чилійцы, мужъ и жена, бѣжавшіе отъ родителей. Первый юноша, убитый старикомъ, по имени Санахецомъ, былъ мужъ его дочери, въ свою очередь убившей старика, своего отца; ей всего 19 лѣтъ. Въ этомъ несчастномъ бою при Тарапакѣ перувіанцы были разбиты; амазонка, узнавъ о пораженіи, сорвала перевязки и долго не хотѣла лечиться, но просьбы друзей и искуство врача, возстановили ея силы и теперь она снова въ рядахъ перувіанцевъ и мститъ за смерть мужа.

Шахматный отдѣлъ.

Матчъ между Цукертортомъ и Розенталемъ окончился. Цукертортъ одержалъ блестящую побѣду надъ представителемъ парижскаго шахматнаго общества; онъ выигралъ 7 партій и проигралъ только одну, при 11 ничьихъ. Съ наиболѣе интересными партіями изъ этого матча мы познакомимъ нашихъ читателей.

Въ Брауншвейнѣ, въ текущемъ іюлѣ мѣсяцѣ, будетъ выставка шахматныхъ изданій на всѣхъ языкахъ. Какъ извѣстно, число шахматныхъ сочиненій простирается до 2,200; одна изъ полныхъ шахматныхъ библіотекъ (свыше 1,000 томовъ) принадлежала професору Алену, въ Филадельфіи, которая послѣ смерти владѣльца была назначена къ продажѣ за 3,000 долларовъ.

Петербургское общество любителей шахматной игры избрало новое помѣщеніе: Екатерининскій каналъ, д. № 27, кв. 10 (противъ государственнаго банка). Помѣщеніе общества открыто ежедневно съ 7 часовъ вечера.

ПАРТІЯ № 15.

Играна 19-го мая 1880 г.—5-я партія матча.

Испанская партія.

Цукертортъ.	**Розенталь.**
Бѣлые	*Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2 К g1—f3	2. К b8—c6
3. С f1—b5	3. К g8—f6
4. d2—d4 *a*	4. e5 : d4
5. 0—0 *b*	5. С f8—e7
6. e4—e5	6. К f6—e4
7. К f3 : d4	7. 0—0
8. Л f1 - e1	8. К c6 : d4
9. Ф d1 : d4	9. d7—d5
10. e5 : d6	10 К e4 : d6
11. С b5—d3	11. С e7—f6
12. Ф d4—b4	12. Л f8—e8
13. Ф b4—d2 *d*	13. Л e8 : e1 †
14. Ф d2 : e1	14. С c8—f5
15. С d3 : f5	15. К d6 : f5
16. c2—c3	16. Ф d8—d7
17. К b1—d2 *e*	17. Л a8—e8
18. Ф e1—f1	18. К f5—h4 !
19. К d2—c4	19. К h4 : g2 *f*
20. Кр g1 : g2	20. Ф d7—g4 †
21. Кр g2—h1	21. Ф g4—f3 †
22 Кр h1—g1	22. Ничья *g*

Примѣчанія къ партіи.

a) Также хорошій ходъ, какъ и 4. 0—0, С f8—e7; 5. d2—d4 (см. прим. *c*, въ партіи № 14, «Жив. Об.» № 25).

b) Или 5. e4—e5, К f6—e4; 6. 0—0, С f8 - e7! (но не 6 . . . С f8—c5, тогда 7. Л f1—e1) и т. д.

c) Защищать слона конемъ 11. К b1—c3 было-бы не хорошо, тогда С e7—f6, и если 12. Ф d4—d3, то С c8—f5; 13. Ф d3—e2, С f5 : c2; 14. Ф e2 : c2, С f6 : c3 и 15 . . . К d6 : b5, выигрывая пѣшку.

d) Бѣлые не играли, здѣсь 13. С c1—e3 потому, что послѣ a7 - a5; 14. Ф b4—a3, b7—b5; 15 К b1—d2, b5—b4; 16. Ф a3—b3, С c8—e6, у черныхъ получилась бы очень сильная игра.

e) Лучше было играть 17. С c1—f4.

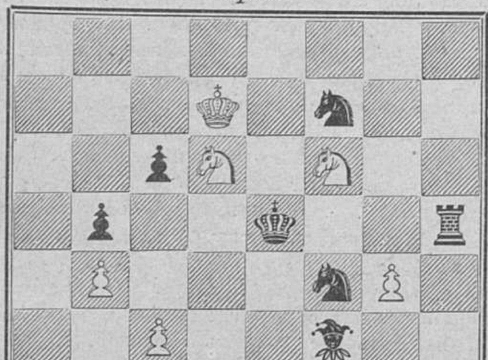
f) При этой комбинаціи черные могутъ сдѣлать только ничью; слѣдовало играть 19 . . . b7—b5; 20. К c4—e3! и черные безусловно имѣютъ лучшую партію; если-же 20. К c4—a3, то К h4 : g2; 21. Кр g1 : g2, Ф d7—g4 †; 22. Кр g2—h1, Ф g4—f3 †; 23. Кр h1—g1, С f6—e5! (угрожая Л e8—e6—g6); 24. Ф f1—g2, Ф g4—d1 †; 25. Ф g2—f1, С e5 : h2 †; 26. Кр g1—g2, Ф d1—g4 †; 27. Кр g2—h2, Л e8—e5 и выигрываютъ ферзя за ладью.

g) На 22 . . . Л e8—e4, бѣлые отвѣтили-бы 23. К c4—e3.

ЗАДАЧА № 42.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшенія задачъ (въ № 21):

№ 30.

1. $\frac{\text{С a8—d5}}{\text{Кр a3 : a4}}$ 2. $\frac{\text{a2—a3}}{\text{Кр a4—b5}}$ 3. a3—a4 X

№ 31.

1. $\frac{\text{Л b2—d2}}{\text{Кр b5—a5}}$ 2. $\frac{\text{Л d2—d6}}{\sim}$ 3. Л X

№ 32.

1. $\frac{\text{С c2 d1}}{\text{Кр c5—d5}}$ 2. $\frac{\text{Ф c7—e7}}{\sim}$ 3. С d1—f3 X

1. $\frac{\text{. . . . .}}{\text{Кр c5—b5}}$ 2. $\frac{\text{Ф c7—a7}}{\sim}$ 3. С d1—a4 X

№ 33.

1. $\frac{\text{Ф d2 : d1}}{\text{Кр d5—c4}}$ 2. $\frac{\text{С d7—c6}}{\text{Кр c4—b4}}$ 3. Ф X

1. $\frac{\text{. . . . .}}{\text{Кр d5—e4}}$ 2. $\frac{\text{С d7—e6}}{\text{Кр e4—f4}}$ 3. Ф X

1. $\frac{\text{. . . . .}}{\text{Кр d5 : d6}}$ 2 $\frac{\text{С d4—c3 или e3 †}}{\text{Кр d6—c5 или e5}}$ 3. Ф X

№ 34.

1. $\frac{\text{Ф e7 : e6}}{\text{Кр e1—d1 или f1}}$ 2. $\frac{\text{Ф e6—b3 или h3 †}}{\sim}$ 3. Ф X

1. $\frac{\text{. . . . . .}}{\text{e5—e4}}$ 2. $\frac{\text{Ф e6 : e4}}{\sim}$ 3. Ф X

№ 35.

1. $\frac{\text{Кр f5 : f4}}{\text{f3—f2}}$ 2. $\frac{\text{Ф f6—f5}}{\sim}$ 3. f7—f8 Ф X

№ 36.

I. $\frac{\text{Ф g4—f5}}{\text{Кр g7—g8}}$ 2. $\frac{\text{Ф f5—f7 †}}{\text{Кр g8—h8}}$ 3. Ф X

№ 37.

1. $\frac{\text{Л h2—g2}}{\text{h4—h3}}$ 2. $\frac{\text{Л g2—g8 †}}{\text{Кр h8 : h7}}$ 3. К X

1. $\frac{\text{. . .}}{\text{Кр h8 : h7}}$ 2. $\frac{\text{К h5—f6 †}}{\text{Кр h7—h8}}$ 3 Л X

Правильное рѣшеніе прислалъ *Н. Даржанъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Художественныя преміи, въ числѣ **пяти**, разосланы **всѣмъ гг.** подписчикамъ, пожелавшимъ получить ихъ застрахованными посылками.

При настоящемъ нумерѣ отправляются бандерольнымъ отправленіемъ, въ трубкѣ, преміи гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ по трактамъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. 11, 12, 13, 27 и 29.

О времени посылки премій всѣмъ остальнымъ гг. подписчикамъ сообщено въ объявленіи, помѣщенномъ на 2-й страницѣ настоящаго нумера.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 26-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 28 іюня въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 30 іюня въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Изъ пѣсенъ о городѣ, стих. **А. Михайлова.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. **М. Ф. Каменской.**—Признаніе, стих. **Дм. Минаева.**—Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ.—Великая пѣвица, истор. пов. **Луизы Мюльбахъ,** перев. **А. Качоровской**—Разъ въ мѣсяцъ, характеристики и эскизы **И. Василевскаго (Буквы).**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Правительственное распоряженіе.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: Заглавная виньетка, **Н. Т. Малышева.**—П. Д. Боборыкинъ.—Погребальный караванъ, картина **Е. Бернингера.**—Иванъ IV, слушающій имена казненныхъ имъ, рисунокъ **Земцова.**—Разлука, карт. **Лиценъ-Мейера.**—Охота «серебряною дробью», рис. **Петра Соколова.**—Весна, карт. **Ганса Макарта.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

6 томовъ, цѣна 13 р., вѣсовыхъ за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылается немедленно.

При этомъ нумерѣ для гг. иногороднихъ подписчиковъ, кромѣ Москвы, прилагается объявленіе отъ чайнаго магазина Г. КРУТОВА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 іюля 1880 года

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 28.
За годъ съ пор. и дост.— 7 руб.
Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ.
За полгода — 4 рубля.
12 Іюля 1880 г.

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ част.

М. Ф. Каменской.

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Путешествіе Авдотьи Кириловны на этотъ разъ обошлось безъ всякихъ приключеній. Расторопный Васька привезъ барыню прямо ко «Всѣмъ Скорбящимъ», а оттуда на Лиговку, къ собственному дому Марьи Петровны Камковой. Соскочивъ молодцомъ съ запятокъ, казачекъ дернулъ колокольчикъ у пестраго поѣзда и, подскочивъ къ каретѣ, отворилъ дверцы.

— Прикажете доложить-съ? крикнулъ онъ, приложивъ руку къ своей черкеской шапочкѣ.

— Поди скажи, что Авдотья Кириловна Сивкова съ дочерью пріѣхали.

— Слушаю-съ! крикнулъ опять Васька и бросился къ подъѣзду, въ который выглянулъ старый лакей. Оба исчезли за дверями. Черезъ нѣсколько минутъ Марья Петровна приказала просить гостей. Васька и старый лакей бережно ввели по винтовой лѣстницѣ Авдотью Кириловну. Въ стеклянной компатной оранжереѣ, уставленной цвѣтами, Марья Петровна встрѣтила гостей.

— Маша!

— Душа! вскрикнули обѣ подруги и бросились другъ къ другу на шею.

— Душа! Душа!.. Ты-ли это? Не пришли ты мнѣ сказать твою фамилію, я бы не узнала тебя.

— Еще бы, Маша, захотѣла узнать ты меня; вѣдь мнѣ пятнадцать лѣтъ было, когда ты уѣхала въ Петербургъ. Да и ты-то не помолодѣла, матушка...

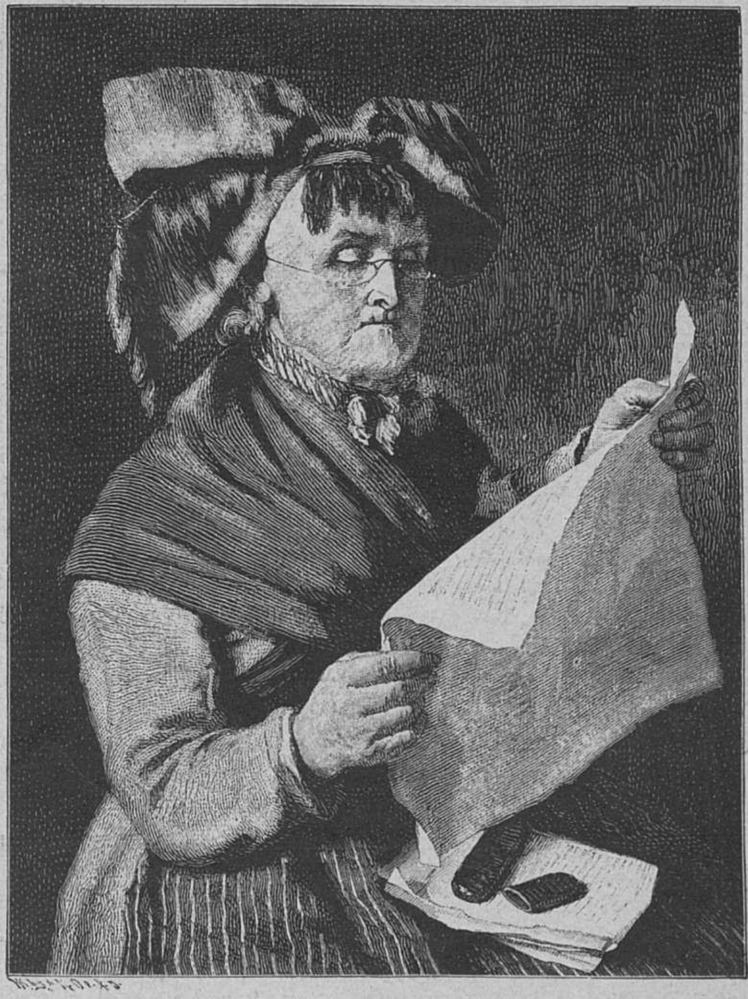
— А это твоя Лёло? Ахъ, какая красоточка! Вотъ это ты, совершенно ты! Поцѣлуй меня, милочка! Прошу полюбить. Я съ твоей мамашей училась вмѣстѣ. Закодычные друзья были. Да что это я васъ здѣсь держу, милости просимъ въ гостиную!

— Да полно чиниться-то, Маша, или ты меня какъ гостью принять хочешь? А я вѣдь къ тебѣ запросто обѣдать пріѣхала и Николай пріѣдетъ.

— Умница! умница! А какими я васъ рябчиками-то накормлю, какая у меня форель, прелесть! говорила немного въ носъ и нараспѣвъ Марья Петровна, вводя гостей въ парадную гостиную, тѣсно установленную пунцовой триповой мебелью.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Ф. КРАУСА.



Подписчица.

По фотографіи „Фотографическаго общества“ въ Берлинѣ.

— Да, ты, Маша, царицей живешь, сказала Авдотья Кириловна, оглядывая съ удивленіемъ комнату.

— Тебѣ нравится? я очень рада... Ну, садись, садись! гостья будешь. Я сейчасъ велю завтракать подать...

— Какой, матушка, завтракъ, я думаю обѣдать пора?

— Это ты по вашему, а по нашему рано; мой Теодоръ только въ пять часовъ изъ министерства вернется. Ахъ, Душа! еслибъ ты знала, какой милый Теодоръ?.. точно товарищъ министра! такой бель-омъ. Ты знаешь, онъ вѣдь уже столоначальникъ, у него Станиславъ есть въ петлицѣ... А какъ скроменъ, какъ красная дѣвушка!.. Я его сама въ министерство вожу и сама за нимъ заѣзжаю... Знаешь, Душа, боюсь; у насъ въ Петербургѣ француженки такія мерзавки... Ахъ, проболталась при барышнѣ... Ну, ну, милочка моя, вы погуляйте по компатамъ, куколки мои, игрушечки посмотрите, а ты, Душа, прилягъ на кушеткѣ, отдохни, а я сейчасъ только распоряжусь... Ахъ, погоди! я тебѣ мой чепецъ пришлю поглядѣть, я вчера у мадамъ Гиллерме взяла, просто прелесть!

— Ну, ну, пришли, я погляжу, вотъ вѣдь и мнѣ надо чепцовъ купить...

— Сейчасъ Аленка принесетъ, я тебѣ рекомендую, бери у Гиллерме — дешево и хорошо... Ну, я сейчасъ, проговорилаа Марья Петровна и скрылась въ амфиладѣ комнатъ.

— Аленка, Аленка, крикнула она, войдя въ свою спальню.

— Чего изволите, сударыня? отвѣтила Аленка, являясь въ дверяхъ изъ дѣвичей.

— Бери сейчасъ-же извощика, поѣзжай скорѣй на Сѣнную, купи пять паръ рябчиковъ...

— Слушаю, сударыня!

— Не перебивай меня!.. Пять паръ рябчиковъ, да смотри, чтобъ архангельскіе были... Вылай сейчасъ-же форель, прикажи Митькѣ ее скорѣй оттаять... Ахъ! да подай скорѣй въ гостиную гостьѣ мой голубой новый чепецъ, да сама-то одѣнься: на кого ты похожа? точно тебя изъ трубы вытащили; а вотъ я тебѣ за это платья къ новому году не подарю... Салатъ положи, пикулей и вишни... Поди скажи Митькѣ, чтобы закуску скорѣй готовилъ, выдай ему двѣ селедки, сыръ голандскій, масла сливочнаго и яичницу скорѣй глазунью выпустить.

— Слушаю-съ, сударыня.

— Что-жь слушаю-съ, а сама стоишь... Бѣги!

— Бѣгу-съ...

— Постой... На, вотъ деньги и ключи: вынь варенья, ликеръ золотой, рюмочки маленькія подать, да не въ пыли, смотри, перетри сама.

— Слушаю, сударыня-съ!

— Ахъ, какая ты рохля! Что-же ты чепчикъ-то не подала Авдотьѣ Кириловнѣ, тебѣ все по сту разъ говорить надо... Ахъ! да.. вели Лизуткѣ стоять на подъѣздѣ и ждать барина, и когда онъ пріѣдетъ, сказать, что у меня гости, чтобъ они въ старомъ вицъ-мундирѣ не входили, а новый сюртукъ надѣли и потомъ въ гостиную вошли... Подай-же мнѣ чепецъ! Отъ тебя ничего не дождешься... Не комкай-же своими лапищами! Да бѣги-же, вареная! проговорила залпомъ Марья Петровна и пошла изъ спальни съ чепцомъ на рукѣ.

Ошеломленная отъ приказаній барыни, Алена, припоминая ихъ, какъ-то шаталась и не знала, куда шагнуть, направо или налѣво. Не успѣла она еще и одуматься съ чего ей начать, какъ Марья Петровна опять явилась передъ нею.

— Ты еще здѣсь? Что-жь, подаютъ закуску?

— Сейчасъ-съ...

— А форель велѣла оттаять? Дай-ко мнѣ мою мантилью пунцовую...

— Сейчасъ-съ!

— Скорѣй!

Алена кинулась къ комоду, вытащила мантилью и подала барынѣ. Марья Петровна накинула ее на себя.

— Драпируй меня!

Алена начала грязными руками обдергивать барыню.

— Ну, ну, ужь ступай скорѣй! Да на рябчикахъ-то раздуй перья и смотри, чтобы спинка жировая была, да чтобы на грудкѣ прострѣла не было. Ну, бѣги-же, бѣги! и Марья Петровна проворно ушла въ гостиную.

— А мы съ Лёло все твои чудеса разсматриваемъ, сказала Авдотья Кириловна, когда хозяйка дома явилась къ нимъ.

— Вы на куколки мои любуетесь? Это вѣдь настоящія французскія. Вотъ эти куклы — это четыре времени года: вотъ это дѣвочка грѣется у огонька — это зима, вотъ, что снопъ держитъ — это осень, вотъ эта съ фруктами — лѣто, а вотъ съ цвѣточками — весна... Посмотрите, работа какая, и на каждой куколкѣ двѣ шпаги, это значитъ, что онѣ настоящія французскія... А вотъ у меня рѣдкость большая, эту куклу французскій король подарилъ императрицѣ Екатеринѣ, а императрица ее пожаловала Потемкину на новоселье, когда онъ переѣзжалъ въ Таврическій дворецъ. Это, видите-ли, изображена казанская царица Сумбека: видите-ли, пальма, подъ ней лежитъ верблюдъ, а на верблюдѣ покоится царица Сумбека, вонъ у нея въ правой ручкѣ скипетръ, а въ лѣвой ручкѣ держава... Это было въ то время, когда Россія находилась въ плѣну у татаръ... Посмотрите, посмотрите, уздечка-то золотая какъ сдѣлана! А перья-то на верблюдѣ точно живыя... И подъ этой куклой тоже двѣ шпаги... Подержи, Душа, мой чепчикъ, я тебѣ переверну куклу...

Авдотья Кириловна взяла чепчикъ, а Марья Петровна перевернула куклу.

— Вотъ двѣ шпаги... Вотъ учись, мой ангелъ, Лёло узнавать настоящія куклы французскія... Онѣ теперь въ модѣ; вотъ выйдешь замужъ и тебѣ надо будетъ такія имѣть непремѣнно; по этимъ кукламъ сейчасъ можно узнать, старинный-ли кто дворянинъ или такъ, выслужившійся... У меня это все отъ покойницы маменьки, а другіе такъ нарочно покупаютъ и говорятъ, что родовыя...

— Ну, ужь Богъ съ ними, съ твоими куклами, дай-ка мнѣ лучше чепецъ примѣрить, это вещь полезная, а куколъ мнѣ не покупать, и безъ нихъ проживу.

— Ахъ! да, дай, Душа, я тебѣ сама надѣну. Посмотри, какая прелесть, и что за работа, точно рукъ не прикладывали. Посмотри въ зеркало, да ты просто молоденькая стала. Вотъ что значитъ туалетъ со вкусомъ.

— Точно хорошо, вотъ только какъ будто уши что-то торчатъ изъ подъ него?

— Ахъ, Душа, да тебѣ надо букли завить; посмотри на меня, видишь, какъ мило, и степенно, и коке...

— Ты ужь, Маша, мнѣ посовѣтуй, а то я вѣдь ничего не понимаю; до того я заглохла въ нашемъ захолустьѣ, что на меня хоть коробъ надѣнь француженка, я ей и повѣрю; а вѣдь онѣ, шельмы, сейчасъ нашего брата провинціала пронюхаютъ, да все старье и свалятъ съ рукъ!

— Не бойся, ты ужь положись на меня, у меня вкусу бездна. Вотъ, напримѣръ, хоть-бы эта мантилья, посмотри! Это я сама выдумала... Вѣдь это ничего больше, какъ красный кусокъ, а накинь его, подбери, драпируйся — и прелесть, картина... Однакожъ, что-же мы все стоимъ; ты, я думаю, устала, Душа, сядемте туда въ бесѣдочку, тамъ такъ мило, точно на дачѣ; пойдемъ, Лёло.

Всѣ вмѣстѣ усѣлись за плющевый трельяжъ.

— А мы-то съ тобой овдовѣли? вздохнувъ, начала Авдотья Кириловна.

— Богъ съ ними, съ мужьями, я о своемъ не скучаю... Я теперь вольная птица, порхаю, какъ ласточка.

— Тебѣ хорошо, ты богата, а вотъ я-то горькая...

— Полно нищать, Душа, и ты не нищая; вѣдь твой сынъ у меня часто бываетъ, я всѣ твои приходы и расходы до копеечки знаю... Ахъ, что за душка твой сынъ! Я въ него влюблена по маковку: ловокъ, милъ, прелесть, что за офицерикъ... А дочка у тебя какое очарованіе... Жениха, жениха богатенькаго надо; да мы какъ разъ подхватимъ!.. Что ты краснѣешь, милочка? пора, пора замужъ; хочешь, Душа, я Лёло жениха посватаю...

— Ты все дурачишься, Маша, шутишь...

— Я шучу? Нѣтъ, безъ шутокъ посватаю. И еще какого жениха, чистыхъ тысячу душъ... Да ты его знаешь.

— Какъ, знаю?

— Знаешь! я про дядю Сергѣя Александровича говорю.

— Ахъ, Господи! это про того, что тебя изъ пансіона въ Петербургъ увезъ?

— Ну, да, да, онъ и есть, мой опекунъ.

— Да вѣдь онъ женатъ?

— Нѣтъ, онъ овдовѣлъ, тетушка давно умерла, бѣдная. Такъ вотъ онъ все у меня невѣсты проситъ; я и сватала ему много дѣвицъ, да все не нравятся, все красоточку хочетъ, всѣхъ бракуетъ... А хочетъ красоточку, вотъ и красоточка. Да ему только показать твою Лёло, такъ онъ растаетъ.. хочешь, Душа?.. право, я не шучу!

— Отчего не хотѣть, Сергѣй Александровичъ человѣкъ съ такимъ состояніемъ. Только вѣдь за Лёло ничего нѣтъ, кромѣ приданаго.

— Да на что ему твое и приданое: онъ только взглянетъ на Лёло, самъ все сдѣлаетъ. Объ этомъ и говорить нечего... Ахъ, какое счастіе! вотъ-то мы покутимъ съ тобой на свадьбѣ. Ахъ, да никакъ Лёло, душечка, у тебя слезы на глазахъ? Да она просто плачетъ...

— Мы все плачемъ, у насъ слезы дешевы, сердито взглянувъ на дочь, сказала Авдотья Кириловна.

— Поди, поди ко мнѣ, душечка, скажи мнѣ, чего ты плачешь? ласково проговорила Марья Петровна, притянувъ къ себѣ руку Лёло.

— Балуй, балуй ее, она еще больше раскиснетъ. Вѣдь она эдакъ зарѣжетъ меня въ чужомъ домѣ: «это, скажутъ, что за деревенщину въ гости привезла». Кто узнаетъ, что у тебя француженка шесть лѣтъ жила? Кто скажетъ, что ты музыкантша?

— Да не ворчи, Душа, дай ей сказать, объ чемъ она плачетъ.

— Ну, отвѣчай-же, когда тебя спрашиваютъ.

— Я, маменька, за старика не хочу замужъ, сквозь слезы отвѣтила Лёло.

— Не хочешь! слышите-ли, она не хочетъ?.. а если я захочу?..

— Ну, ну, полно, Душа, не сердись! Вѣдь Лёло не знаетъ дядюшку, она думаетъ, что онъ простой старикъ, ну, и испугалась, это натурально... А вѣдь, милочка, это не старикъ, а grand seigneur, тонъ какой и бель-омъ, вотъ увидишь и сама влюбишься... А теперь вытри глазки и не думай ни объ чемъ... Поди-ка, сыграй мнѣ что-нибудь хорошенькое на фортепіано...

— Да, вотъ послушай-ка ее, Маша, ты вѣдь сама музыкантша! Да и скажи, правда-ли, что она такъ хорошо играетъ. Я вѣдь этого не понимаю, но мнѣ-то хорошо, а какъ въ Петербургѣ оно покажется?.. Садись! Сыграй-ка эту, какъ бишь ее?..

— Я не знаю, маменька, что вы хотите, чтобы я сыграла?..

— Ничего ты не знаешь! Ну, вотъ это, что такъ мелко пальцами перебираешь... что еще всѣ хвалили...

— Ахъ, варьяціи Герца! сказала Лёло, пробѣгая по клавишамъ пальцами.

— Ну, да! никогда ты ничего не помнишь...

Лёло начала играть. Марья Петровна, съ видомъ знатока, забила рукою по крышкѣ рояля тактъ, а Авдотья Кириловна печально закачала головой. Съ чувствомъ и силою проиграла Лёло, сводившія съ ума въ то время всѣхъ дилетантовъ варьяціи Герца.

— Прелесть! Очарованіе! Какая бѣглость! Какая сила! Милочка, дай мнѣ обнять тебя.

Лёло, краснѣя, присѣла.

— Ну, поцѣлуй и меня, коли такъ хорошо... Да не краснѣй ты, пожалуйста, такъ, сколько разъ я тебѣ говорю... Ты точно Матрешка какая-нибудь деревенская, помахивая на дочь платкомъ, проговорила довольно милостиво Авдотья Кириловна, поцѣловавъ дочь.

Лёло стало очень весело. Она еще разъ обняла и поцѣловала мать.

— И вы сыграйте намъ что-нибудь, пожалуйста! Мнѣ такъ хочется васъ слышать... Маменька мнѣ столько разъ васъ ставила въ примѣръ, вы такая славная музыкантша... Пожалуйста, сыграйте! обнимая Марью Петровну, просила Лёло.

— Какъ она мила! ей отказать нельзя... Я все забыла; но изволь, я тебя потѣшу, садясь за рояль и сдѣлавъ нѣсколько акордовъ, сказала Марья Петровна.

— Слушай! Вотъ видишь, жили вмѣстѣ два офицера, одинъ влюбленный, другой — философъ... Слушай, какъ музыка выговариваетъ. Вотъ это влюбленный сидитъ и вздыхаетъ: «я люблю, говоритъ, я люблю!» И Марья Петровна заиграла едва слышно, что-то заунывное.

— А это философъ: «Полно! говоритъ, что за любовь?.. Выпей бокала два, три шампанскаго и все пройдетъ...» И Марья Петровна взяла нѣсколько бойкихъ акордовъ въ басу. Теперь влюбленный: «Не могу!.. Я люблю!..» Философъ. «Выпей бокала два, три шампанскаго и все пройдетъ!» Влюбленный. «Не могу!» Философъ. «Все вздоръ! Все пустяки!..» Влюбленный. «Не могу». Философъ. «Пей! пей! пей!» Оба пьютъ! оба пьютъ... И Марья Петровна раскатилась звонкой руладой. Лёло умирала со смѣху и Авдотья Кириловна невольно захохотала.

— Ахъ ты, живчикъ! Да ты все такая-же, какъ въ пансіонѣ...

— А еще-бы... Это ты говоришь, что я стара, а въ меня всѣ влюбляются... Ахъ! знаешь, у меня въ домѣ вѣдь гусары постоемъ стоятъ?.. Жаль, что ихъ теперь нѣтъ, я-бы васъ познакомила. Это прелесть, что за молодежь, они меня всѣ обожаютъ... я съ ними здѣсь одна вальсирую... Да ты погоди, я и тебя разверну... Хочешь, поѣдемъ сегодня со мной въ маскарадъ?

— Что ты, Господь съ тобой, я еще и оглядѣться не успѣла...

— Ну, такъ отпусти со мной Лёло... Какая прелесть: отъ цвѣтовъ ароматъ, музыка играетъ... Хочешь, Лёло, ѣхать со мной? Я тебѣ сейчасъ велю Аленкѣ изъ моего лиловаго платья домино сдѣлать. Отпусти ее, Душа!

— Нѣтъ, нѣтъ, сегодня не отпущу. Дай намъ устроиться, мы вѣдь еще и квартиры не наняли...

— Квартиры? Тебѣ нужна квартира? Да возьми у меня въ домѣ, надо мной пять комнатъ съ мебелью; это прелесть, а не квартира, у меня въ ней полковникъ Баладинъ жилъ... Ахъ, еслибъ ты его видѣла, что за милый, образованный!.. пойдемъ-же, я тебѣ покажу квартиру.

— Завтракъ поданъ-съ! провозгласилъ хриплымъ голосомъ сморщенный старый лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Ахъ да, я и забыла! Ты это только теперь завтракъ подалъ?.. Что такъ рано, ты къ ужину-бы его подалъ! Пойдемъ, Душа, пойдемъ, Лёло!

Всѣ отправились въ столовую. За завтракомъ Авдотья Кириловна начала совѣтоваться съ Марьей Петровной о своемъ туалетѣ, о томъ, чего ей надо нашить себѣ и Лёло, о томъ, какъ устроить свою жизнь въ столицѣ, чтобы не отстать отъ другихъ и чтобы все было прилично. Марья Петровна неутомимо давала совѣты, что купить, гдѣ дешевле, съ кѣмъ надо познакомиться, на какую ногу поставить домъ, какъ завести назначенный день. Авдотья Кириловна только слушала, качая говой, и изрѣдка только прерывала хозяйку дома, чтобы сказать дочери: «ты это запомни, Лёло, не забудь!» Послѣ завтрака Марья Петровна повела гостей наверхъ, смотрѣть квартиру. Квартира оказалась точно будто-бы для нихъ нарочно устроена: передняя, зало такое, что и танцовать можно, гостиная, спальня, маленькая комнатка для Лёло, большая свѣтлая дѣвичья и кухня черезъ коридоръ. Авдотья Кириловна, съ перваго-же взгляда на красивыя обои и мебель, пришла въ восторгъ и тутъ-же начала торговаться съ Марьей Петровной. Долго обѣ пріятельницы не соглашались въ цѣнѣ, наконецъ, поладили и рѣшили на томъ, что завтра-же утромъ Авдотья Кириловна переберется на новую квартиру.

— Ахъ, какъ я рада, какъ я рада! Мы будемъ все вмѣстѣ, я всюду съ вами, говорила Марья Петровна, спускаясь къ себѣ съ гостями.

— А я-то какъ рада! Вѣдь какъ ты не говори, Маша, а я у васъ въ Петербургѣ, какъ въ лѣсу...

Не задолго до обѣда, въ гостиную вошелъ одутловатый, блѣдный молодой человѣкъ, издали поклонился гостямъ и заморгалъ глазами.

— Теодоръ! Теодоръ! что ты тамъ сталъ? подойди поближе. Душа, рекомендую тебѣ, это мой сынъ. Теодоръ, да подойди-же... Это моя старая пріятельница, мой пансіонскій другъ, Авдотья Кириловна Сивкова. А это дочка ея, Елена.. Какъ по батюшкѣ? я забыла...

— Михайловна! проговорила Авдотья Кириловна, кланяясь. Лёло тоже немного привстала и поклонилась. Сынъ Марьи Петровны сдѣлалъ шагъ и опять остановился и еще сильнѣе заморгалъ глазами.

— Теодоръ! Теодоръ! да подойди-же, сядь! я вѣдь вамъ говорила, что онъ у меня точно красная дѣвушка. Ну, что у васъ въ министерствѣ?

— Ничего-съ...

— Ты много работалъ?

— Да-съ!

— Усталъ?

— Нѣтъ-съ!

— Онъ вѣдь тамъ въ министерствѣ все дѣлаетъ. Другіе чиновники все такіе лѣнтяи... Все мой Теодоръ!

— Ахъ, маменька, вѣдь булашка сегодня взбѣсилась...

— Какъ взбѣсилась? со страхомъ воскликнула Марья Петровна.

— Такъ, вдругъ... Глаза скосила и начала вертѣться, вертѣться...

— Ахъ! она тебя ушибла?

— Нѣтъ-съ... я выскочилъ и началъ ее тянуть за уздечку... Она все пятилась, пятилась... и пошла...

— Ахъ, страхъ какой! Я ее продамъ, она насъ убьетъ.

— Не надо-съ... Я люблю бѣшеныхъ лошадей; по крайней мѣрѣ, въ нихъ игра есть, а на смирной—скука, точно покойника везутъ...

— Что это, Теодоръ, за покойники! ты знаешь, что я не люблю, когда ты такія вещи говоришь.

— А я у портного былъ.

— Ну что? Фракъ готовъ?

— Готовъ... Только пуговицы посадитъ и привезетъ.

— Что, хорошъ?

— Хорошъ, маменька...

— Да, онъ прелесть какъ шьетъ, какъ влито... Посмотри, Душа, на этотъ сюртукъ, вѣдь это картина... И сукно какое кладетъ, точно атласъ... Повернись, Теодоръ!

— Что это вы, маменька?...

— Что-жь такое? это свои.. повернись. Посмотри, Душа, спину, ни морщинки..

— Очень хорошо! поддакнула Авдотья Кириловна. На эту сцену влетѣлъ Николай Михайловичъ. Марья Петровна выпустила изъ рукъ сына и подбѣжала къ Николаю Михайловичу.

— Вотъ и моя прелесть! А я сейчасъ признавалась вашей мамашѣ, что я влюблена въ васъ!

— А я-то? а я-то? Весь испепеленъ, цѣлуя руки Марьѣ Петровнѣ, сказалъ, указывая на сердце, Николай Михайловичъ.

— А квартиры, мамочка, я не нашелъ: есть много, но все для васъ не удобны...

— И не надо искать, мы нашли. Мамаша беретъ квартиру у меня въ домѣ, вы знаете ту, гдѣ жилъ Баладинъ.

— Великолѣпно!

— Да ужь я-то какъ довольна; все не въ чужомъ домѣ, а тутъ мы съ Машей все и устроимъ; она научитъ, какъ что надо, и закупки вмѣстѣ будемъ дѣлать.

— Марья Петровна! Да это настоящій министръ финансовъ...

— И у меня, Коля, комнатка будетъ, прибавила весело Лёло, цѣлуя брата.

— Свѣтлица и въ ней красная дѣвица, подперши подъ локотокъ, будетъ мечтать... Великолѣпно! Дѣло, стало-быть, въ шляпѣ...

— Прелесть, прелесть моя! трепля по розовой щекѣ Николая Михайловича, проговорила Марья Петровна. Онъ поцѣловалъ ея ручку.

— Кушанье подано-съ! крикнулъ въ дверяхъ тотъ-же старый лакей.

— Теодоръ! Теодоръ! подай руку Авдотьѣ Кириловнѣ и Лёло, а я пойду съ моей прелестью. Теодоръ, моргая, исполнилъ приказаніе матери.

— Великолѣпно! соловья баснями не кормятъ, проговорилъ Николай Михайловичъ, продѣвая себѣ подъ руку руку Марьи Петровны и напѣвая военный маршъ, замаршировалъ въ столовую.

За обѣдомъ Марья Петровна угощала гостей на убой и болтала безъ умолку. Авдотья Кириловна все подхваливала. Николай Михайловичъ, сидя подлѣ хозяйки дома, ѣлъ за четверыхъ и подмигивалъ сестрѣ и подшучивалъ надъ Теодоромъ, который, молча и моргая, поглощалъ все, что ему накладывала заботливая маменька. Лёло все время обѣда хохотала отъ души. Напрасно Авдотья Кириловна посматривала на нее сердито и покачивала головой. Лёло, какъ взглянетъ на Теодора, такъ и зальется дѣтскимъ, звонкимъ, ничѣмъ неудержимымъ смѣхомъ. Послѣ кофе Марья Петровна уложила Авдотью Кириловну къ себѣ на постель отдохнуть. Николай Михайловичъ съ трубкой усѣлся въ ногахъ, а Марья Петровна и Лёло пошли играть въ четыре руки на фортепьяно. Теодоръ сталъ около рояля и приготовился переворачивать ноты. Николай Михайловичъ, оставшись одинъ съ матерью, спросилъ ее:

— Что, мамочка, хорошъ сынъ-то?

— Ужь не говори... онъ какой-то странный.

— Онъ? да онъ просто душка! Вотъ женихъ, маменька!.. великолѣпіе! Что за мужъ будетъ: глупъ, какъ пробка, и богатъ... Лёло, я думаю, влюбилась?

— Полно, не шути ты такъ: Лёло и безъ того себя вести не умѣетъ, а ты вотъ какъ отпустишь штучку, она въ глаза ему и прыснетъ. Съ ней надо серьезнымъ быть, у нея характеръ такой, ей воли давать нельзя.

— Да я серьезно говорю, маменька, право, мой Теодоръ антикъ, а не мужъ будетъ; дѣлай жена что хочешь, а онъ все моргаетъ и ничего не видитъ, великолѣпіе! А деньжонокъ-то сколько у моей Машуты въ тряпочкахъ вездѣ завернуто... А скупа, бестія! Уже какіе мы съ ней «chers amis», а синенькой въ займы не дастъ безъ залога. А Теодорчикъ! Теодорчикъ—мудрецъ... Право, маменька, вы-бы за Машутой приволокнулись... Да я ее знаю: дружба дружбой, а служба службой. Никогда не позволитъ своему сыну жениться на Лёло, потому что она не богата, Машута все мѣтитъ Теодоромъ милліонъ зашибить...

— Не осуждай ее, Николай, она мать... Ей хочется богатую: что-жь, рыба ищетъ,—гдѣ глубже, а человѣкъ,—гдѣ лучше. Да и Богъ съ нимъ и съ его богатствомъ. У меня вѣдь тоже анбиція есть: что это за зять, полудурьюшка какой-то; ни выѣхать, ни принять съ нимъ нельзя. Да онъ съ Лёло вдвоемъ зарѣжутъ меня при людяхъ; твоей сестрѣ такого мужа надо, чтобы онъ ее общежитію училъ, чтобы самъ тонъ зналъ... Да вотъ Маша нашей Лёло дядю своего посватать хочетъ, ну тотъ, что еще опекуномъ-то ея былъ, генералъ-то, еще тысяча душъ...

— Сергѣй Александровичъ Столбинъ?.. великолѣпіе! этотъ еще почище... Во всю щеку молодецъ.. берите, берите его съ руками и ногами: онъ и не видитъ, и не слышитъ, а все только любитъ и любитъ. Это шалунъ-амуръ... онъ теперь покинулъ мать свою, восьмидесятилѣтнюю сумасшедшую Венеру въ деревнѣ и погибаетъ въ Петербургѣ. Ловить! ловить его, душку! Это афера.

— Вотъ и я думаю, что это что-то на дѣло похожее... Ну, человѣкъ солидный, генералъ, тысяча душъ...

— Откиньте, маменька, все и оставьте на счетахъ только тысячу душъ и смерть... Великолѣпіе! великолѣпіе!

— Такъ ты думаешь, хорошо?.. такъ просить, что-ли, Машу посватать?

— Еще-бы! да я самъ въ ногахъ у Машечки валяться буду... Это фортуна! фортуна!..

— А твоя сестрица уже заревѣть успѣла, когда Маша про это заговорила...

— Это ничего, нервы, маменька, дѣвичьи мечты объ какомъ-нибудь испанцѣ. Это пройдетъ... я ей какъ разъ объясню, что въ генералѣ самая суть-то и есть...

До самаго чая проболтала Авдотья Кириловна съ сыномъ, а въ десять часовъ, не смотря на просьбы Марьи Петровны остаться ужинать, уѣхала домой.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Лѣтомъ.

Стих. Черная.

Въ лѣтній жаркій, несносно удушливый день
Я спѣшу удалиться въ прохладу и тѣнь,
Чтобъ въ лѣсу на зеленой травѣ отдохнуть,
Хоть на время съ себя всѣ заботы стряхнуть
И забыться, вдыхая лѣсной ароматъ,
И послушать, что листья деревъ говорятъ,
Что толкуютъ про жизнь и лѣсовъ, и полей,
И про пѣсни, которыя пѣлъ соловей.
Еще въ дѣтствѣ я къ этимъ разсказамъ привыкъ,
А съ годами мнѣ сталъ ихъ понятенъ языкъ;
Я внимаю ему, а межъ тѣмъ этотъ шумъ
Вызываетъ во мнѣ цѣлый міръ новыхъ думъ...
Солнце свѣтитъ. Сквозь чащу древесныхъ вѣтвей
Проникаютъ снопы золотистыхъ лучей
И играютъ по влажной травѣ, по стволамъ,
То скользнутъ они здѣсь, то появятся тамъ.
Вотъ исчезли... И стало въ лѣсу вдругъ темнѣй.
А листы зашумѣли сильнѣй и сильнѣй,
Словно въ гнѣвномъ порывѣ: по чащѣ густой
Проносился ихъ говоръ немолчный, глухой.
Застонали, качаясь, верхушки деревъ,
Этотъ стонъ раздавался, какъ грустный напѣвъ,
Но затѣмъ стали вѣтра порывы стихать,
Засверкали лучи золотые опять,
Заиграли по влажной, душистой травѣ,
И по мшистымъ буграмъ, и на срубленномъ пнѣ,
И надъ лѣсомъ нависшая туча прошла.
Небо ясно опять—миновала гроза...

Свѣжее преданіе.

(Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи, Г. В. Есипова. С.-Петербургъ. 1880 г.).

Въ настоящее время у насъ большой спросъ на исторію. Нѣсколько спеціальныхъ историческихъ журналовъ, значительное число историческихъ сборниковъ и отдѣльныхъ историческихъ сочиненій находятъ себѣ большой кругъ читателей. Ясно, что наше общество почувствовало потребность знать свою исторію. Извлекаетъ-ли оно и въ состояніи-ли извлечь настоящимъ образомъ уроки изъ прошлаго? Это другой вопросъ, котораго мы здѣсь касаться не будемъ. Мы только намѣчаемъ фактъ существующей у насъ потребности къ чтенію историческихъ сочиненій, почему и предсказываемъ успѣхъ книгѣ г. Есипова «Люди стараго времени». Книга, впрочемъ, сама по себѣ представляетъ интересъ и на нервныхъ людей производитъ очень сильное впечатлѣніе. Въ книгѣ рѣчь идетъ объ извѣстномъ «словѣ и дѣлѣ», причинявшемъ такъ много тревогъ нашимъ предкамъ. Г. Есиповъ собралъ очень много поражающихъ фактовъ, заимствовавъ ихъ изъ дѣлъ «преображенскаго приказа» и «тайной канцеляріи». Имена этихъ учрежденій наводили страхъ на всѣхъ въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка и если кто испытывалъ на самомъ себѣ ихъ дѣятельность, то, возвратившись на свободу, онъ до конца дней своихъ не забывалъ о ней и свои воспоминанія передавалъ дѣтямъ и внукамъ...

Послѣ стрѣлецкаго бунта охраненіе общественнаго спокойствія въ Москвѣ было поручено преображенцамъ и семеновцамъ и всѣхъ нарушителей общественнаго порядка приводили или на потѣшный дворъ въ Кремлѣ, или въ преображенскій приказъ и затѣмъ имъ расправу чинилъ князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій. Судъ и расправа были очень просты. Приведутъ человѣка караульные къ приводному столу, расспросятъ его, караульныхъ, свидѣтелей и затѣмъ князь Ромодановскій объявляетъ свое рѣшеніе. Приводнаго человѣка или отпустятъ безъ наказанія, а возьмутъ съ него лишь штрафныя деньги, если-же онъ окажется виноватымъ, то его бьютъ батогами, а въ случаѣ обвиненій болѣе сложныхъ отправляютъ въ подлежащій приказъ для производства дальнѣйшаго изслѣдованія. Судъ Ромодановскаго былъ скоръ и простъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ его суда. Караульные приводятъ пьянаго человѣка въ преображенскій приказъ за то, что онъ напрасно кричалъ караулъ. Князь Ромодановскій приказываетъ его бить батогами. На Красной площади лежатъ мертвыя тѣла Соковнина, Циклера и ихъ товарищей. Жена Циклера приказываетъ своему слугѣ спросить часового, нѣтъ-ли какого-нибудь указа о тѣлахъ? Слугу за его вопросъ приводятъ къ Ромодановскому. На этотъ разъ князь-кесарь находился въ особенно кроткомъ расположеніи духа и велѣлъ взять съ слуги только приводныя деньги, а отъ батоговъ его освободилъ. Спрашиваетъ мужикъ у часового, гдѣ находится государь? Мужика приводятъ къ Ромодановскому, тотъ его допрашиваетъ и за неумѣстный вопросъ велитъ бить батогами. Къ иверскимъ воротамъ подъѣхала карета съ тремя мужиками и бабою; баба кричала караулъ. Бабу привезли въ преображенскій приказъ, расспросили и оказалось, что она служитъ шутихой у кравчаго Кирила Алексѣевича Нарышкина. Пришла она къ нему на дворъ, чтобъ взять свои холсты, а Нарышкинъ велѣлъ посадить ее на цѣпь, а затѣмъ отвезти ее въ деревню. Князь Ромодановскій приказалъ бить бабу батогами и отправилъ ее къ Нарышкину.

Но бывали дѣла и болѣе сложныя. Приводятъ пьянаго, кричавшаго караулъ. Когда его раздѣли, чтобы бить батогами, на его тѣлѣ оказались слѣды отъ плетей, а въ платкѣ какіе то корешки. Какіе это корешки? спрашиваютъ его. «Это корни лѣчебные, отвѣчаетъ допрашиваемый. Вотъ корень заячья капуста, даю его пить въ винѣ, въ пивѣ и въ квасу. Вотъ корень Петровъ Крестъ, вотъ Одолень, они годны отъ кликотныя болѣзни; вотъ корень прозваніемъ сердечный, пригоденъ, у кого сердечная болѣзнь; вотъ корень пупной, пригоденъ тому, кто съ пупа сорветъ». Объясненіе это не удовлетворило Ромодановскаго, пьяницу заковали и посадили въ тюрьму, а коренья для изслѣдованія отправили въ аптекарскую палату. Нѣмцы аптекаря ихъ разсмотрѣли и отозвались, «что коренья познать невозможно для того, что тѣ коренья обломались». Тогда спросили тѣхъ, кого лѣчилъ приводный человѣкъ, и они подтвердили, что корешки принесли имъ пользу. Ромодановскій рѣшилъ приводнаго человѣка бить батогами и, взявъ приводныя деньги, отпустить. Казалось-бы, за что бить человѣка, когда онъ невиноватъ, но ужь таковъ былъ судъ Ромодановскаго: то онъ ни съ того, ни съ сего накажетъ нещадно, то также ни съ того, ни съ сего отпуститъ.

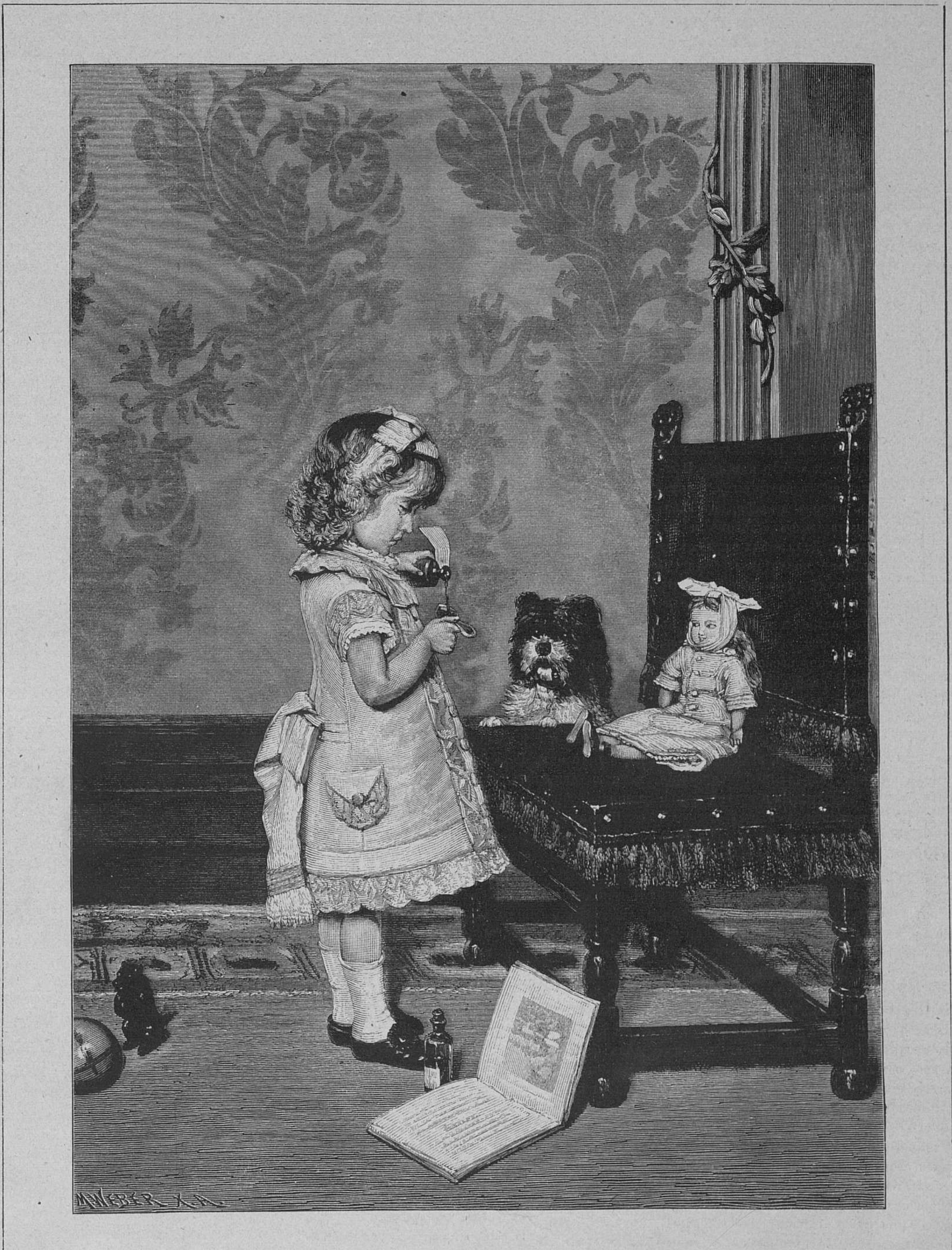
Полковая изба, разбиравшая сначала обыкновенныя полицейскія преступленія, пьянство, драки, постепенно выросла въ грозное судилище, которое стало завѣдывать и дѣлами уголовными, а съ 1702 года Петръ поручилъ Ромодановскому завѣдывать дѣлами о «словѣ и дѣлѣ». Это были страшныя слова, за которыми скрывалось обвиненіе въ государственномъ преступленіи; «о ихъ государевомъ здоровьи, о высокомонаршей чести, о бунтѣ и измѣнѣ». Слова имѣли магическую силу и надъ тѣмъ, кто ихъ произносилъ, останавливали исполненіе даже закона. Случалось, что преступникъ, сознавшійся въ убійствѣ, святотатствѣ, уже всходилъ на эшафотъ и произносилъ «слово и дѣло» и казнь останавливалась и преступника отправляли въ преображенскій приказъ. Бывали случаи, когда «слово и дѣло» произносилось напрасно. Этого не дозволялось и за напрасный крикъ наказывали строго. Солдатъ Ивановъ сидѣлъ въ преображенскомъ приказѣ по подозрѣнію, что укралъ у одного колодника три алтына. Подъячій допрашивалъ солдата нѣсколько разъ, но солдатъ не сознавался, тогда подъячій велѣлъ бить солдата батогами. Среди невыносимыхъ побоевъ солдатъ крикнулъ «слово и дѣло». Удары батоговъ немедленно-же прекратились и солдата повели къ допросу. Солдатъ показалъ, что кричалъ «слово и дѣло», не стерпя побоевъ, и хотя при осмотрѣ солдатской спины оказалось, что у него, Иванова, «на спинѣ бито знатно батоги», но тѣмъ не менѣе князь Ромодановскій приказалъ за ложное показаніе «слово и дѣло» бить солдата кнутомъ нещадно.

Особенно много доставалось преображенскому приказу работы послѣ дѣла царевича. Дѣло это разсматривалось канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и всѣ дѣла по доносамъ на лицъ, заподозрѣнныхъ по дѣлу царевича, разсматривались въ этой канцеляріи. Но и преображенскій приказъ разсматривалъ подобныя-же дѣла, такъ что вмѣсто одного грознаго судилища дѣйствовало два. Благодаря поощренію доносовъ, дѣлъ о «словѣ и дѣлѣ» было столько, что и два судилища едва съ ними справлялись. Нельзя было говорить ни о вѣрѣ, ни о старыхъ книгахъ, ни о нововведеніяхъ Петра, ни о тягостяхъ народныхъ, ни о царедворцахъ, не говоря уже о самомъ царѣ. На крестьянской сходкѣ одинъ мужичекъ разсказалъ міру, что какой-то прохожій говорилъ ему, будто государь сковалъ Александра Менщикова за то, что Менщиковъ извелъ царевича. Мужики поболтали и разошлись, но потомъ кто-то изъ нихъ спьяна или съ досады объявилъ «слово и дѣло» и пустая болтовня кончилась дыбами и кнутомъ. Десятскій ходилъ по дворамъ сбирать подати. Придя въ сборную избу, онъ повалился на лавку и сказалъ: «сбился съ ногъ, ребята, крестьяне денегъ не даютъ, что съ ними дѣлать!» — «Мужики отъ податей разорились, оскудѣли, отвѣчалъ староста: какой у насъ царь, измотался весь, оставилъ Москву, живетъ въ Питерѣ и строитъ городъ, пропалъ весь народъ отъ податей». Разумѣется, доносчикъ нашелся и старостѣ съ десятскимъ пришлось познакомиться съ застѣнкомъ преображенской канцеляріи. Доносы въ то время были очень обыкновенны, потому что они награждались; иногда же доносили только для того, чтобы сберечь свою собственную спину. Вотъ одно изъ дѣлъ подобнаго рода.

Извѣстно, что судъ надъ царевичемъ кончился страшной развязкой—кончиною царевича. Трубецкой былъ запертъ въ Петропавловской крѣпости и сырыя ея стѣны, говоритъ Есиповъ, остались единственными дожившими до насъ свѣдѣніями объ его послѣднихъ минутахъ. Но въ тѣхъ стѣнахъ были живые люди, не одни только тѣ, которые рѣшили судьбу царевича. Тутъ были и исполнители приговоровъ, палачи, солдаты, сторожа, мастеровые; у нихъ были жены, дѣти, друзья, знакомые. Возвращаясь домой, они подъ страшной тайной передавали своимъ ближнимъ видѣнное и слышанное. Стоустая молва разносила повсюду эти толки и судъ народный шелъ рядомъ съ судомъ государственнымъ. Какъ ни старался Петръ сохранить дѣло втай-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЗОНДЕРЛАНДА.



Паціентка.

Рѣзалъ на деревѣ **Веберъ.**

нѣ и для этого не только запретилъ по всѣмъ заставамъ выѣздъ изъ Петербурга, но и издалъ даже указъ, чтобы о происшедшихъ событіяхъ никто не смѣлъ писать даже у себя въ затворенной комнатѣ, народъ тѣмъ не менѣе зналъ, что дѣлалось съ царевичемъ и что онъ умеръ не своею смертью. Народныя симпатіи были не на сторонѣ Петра. Объ Алексѣѣ Петровичѣ знали, что онъ былъ въ дружбѣ съ духовенствомъ, заступался за монаховъ и монахинь, награждалъ ихъ деньгами, подавалъ часто нищимъ, не любилъ иноземцевъ и сочувствовалъ старинѣ. Поэтому слухи о страданіяхъ царевича, о пыткѣ, которой его подвергали, о его смерти были предметомъ народныхъ толковъ и даже въ Петербургѣ, вблизи царскаго дворца, народъ толковалъ о царевичѣ. Петербургскіе толки, конечно, разносились повсюду и, не смотря на строгія мѣры Петра, вѣсти о царевичѣ дѣлались предметомъ даже кабацкихъ разговоровъ.

Въ одинъ изъ придорожныхъ кабаковъ, лежавшихъ въ двадцати верстахъ отъ Петербурга, заѣхалъ разъ какой-то крестьянинъ. Въ кабакѣ кромѣ хозяина и его компаньонки былъ еще братъ ея, посадскій, пріѣхавшій изъ Петербурга. Какъ водится, выпили, а за выпивкой пошли всякіе толки. Когда крестьянинъ на другой день протрезвился и припомнилъ всѣ разговоры, онъ струсилъ вчерашнихъ рѣчей. Ну, а какъ ктонибудь вздумаетъ донести «слово и дѣло?» Пытка и смерть казались ему неизбѣжными. И вотъ, чтобы предупредить оговоръ на себя, онъ явился въ кайную танцелярію съ «словомъ и дѣломъ». Пошелъ розыскъ. Дали всѣмъ очныя ставки и, какъ сознанія не послѣдовало, приступили къ пыткѣ. Пытка дѣлалась три раза. Въ случаѣ новыхъ обстоятельствъ опять повторялись пытки. Во все производство дѣла донощикъ находился тутъ-же и слова его подтвердились. Оказалось, что тѣ, кого онъ оговорилъ, дѣйствительно знали о пыткѣ царевича и осуждали Петра. Приговоръ былъ, конечно, смертный. Содержателю кабака, бабѣ—его товарищу по откупу и ея брату за кронверкомъ Петропавловской крѣпости отрубили головы, а донощикъ въ тотъ-же день получилъ изъ тайной канцеляріи пятьдесятъ рублей награды. Или другой подобный случай, кончившійся менѣе трагически. Стольникъ Полтевъ разговаривалъ у себя дома за ужиномъ съ своимъ крестовымъ попомъ о разныхъ дѣлахъ и, коснувшись между прочимъ до постройки кораблей на деньги помѣщиковъ и крестьянъ, сказалъ: «Раззорили насъ корабли, въ конецъ намъ отъ нихъ погибнуть». Да, будетъ-ли когда вашимъ кораблямъ конецъ, спросилъ попъ.—«А тогда нашимъ кораблямъ конецъ будетъ, когда головы на немъ не будетъ», отвѣтилъ Полтевъ. Полтевъ сказалъ это громко при крѣпостныхъ, которые прислуживали за столомъ. Нѣсколько дней спустя, Полтевъ смирялъ одного изъ своихъ крѣпостныхъ и тотъ во время наказанія произнесъ «слово и дѣло». Привели крѣпостнаго въ Преображенское и начались допросы. Полтевъ долго не сознавался и только лично Петру сказалъ, что говорилъ непристойныя слова о корабляхъ и о немъ спьяну, воротясь изъ гостей. Послѣдовалъ такой приговоръ: донощика, который донесъ на своего барина, освободить отъ кабальнаго холопства съ женою и съ дѣтьми, а Полтеву объявить смертную казнь, но, снявъ съ плахи и заклеймя, послать въ Азовъ.

Подобное поощреніе доносовъ имѣло конечно, развращающее вліяніе. Хотя ложные доносы наказывались кнутомъ и ссылкой въ каторгу, но тѣмъ не менѣе они бывали очень нерѣдки. Личная вражда, зависть, мщеніе бывали очень часто побудительными причинами для доносовъ. Особенно часты бывали доносы крѣпостныхъ на своихъ господъ, если господа обращались съ ними жестоко. Разъ князь Юрій Хилковъ смирялъ своего крѣпостнаго, завѣдывавшаго у него денежными сборами. Родіоновъ—такъ звали этого сборщика — былъ закованъ въ желѣза и его наказывали нѣсколько разъ то розгами, то батогами, а иногда и кучерскимъ кнутомъ. Во время одного изъ наказаній Родіоновъ крикнулъ «слово и дѣло». Родіоновъ былъ представленъ въ преображенскій приказъ и тамъ обвинялъ Хилкова въ сочувствіи Талицкому, казненному раскольнику. Талицкій, какъ извѣстно, принадлежалъ къ числу такихъ ярыхъ фанатиковъ, что во время розыска въ глаза говорилъ Петру, что онъ антихристъ. Послѣ страшно мучительной смерти, которой былъ преданъ фанатикъ, память его глубоко уважалась всѣми раскольниками, но за то и знакомство съ нимъ вело къ бѣдѣ. Обвиняя Хилкова въ сочувствіи Талицкому, Родіоновъ какъ-бы намекалъ, что князь зналъ его лично. Второе обвиненіе заключалось въ томъ, что Хилковъ при участіи одного старца строилъ изъ березки какой-то корабликъ и зарылъ его въ землю. Это было обвиненіемъ въ колдовствѣ. Наконецъ, третье обвиненіе заключалось въ томъ, что Хилковъ во время своего воеводства въ Соликамскѣ торговалъ виномъ и табакомъ. Конечно, это обвиненіе не подходило подъ «слово и дѣло», но оно роняло князя въ мнѣніи Петра. Родіоновъ запуталъ въ свидѣтели многихъ. Всѣхъ ихъ допросили, какъ и слѣдуетъ, съ кнутомъ и дыбами, но и Родіоновъ стоялъ твердо на своемъ и также твердо стояли тѣ, на кого указывалъ Родіоновъ. На одномъ изъ розысковъ Родіоновъ объявилъ еще новое «слово и дѣло», сказалъ, что у него есть письменная улика. Ромодановскій приказалъ Родіонова вздернуть на дыбы, но и подъ кнутомъ Родіоновъ сказалъ съ твердой рѣшимостью, что онъ «того государева слова не скажетъ ему и письменной улики за свойствомъ ему не подастъ (Ромодановскій былъ съ Хилковымъ въ свойствѣ), а какое государево слово до него, князя Юрія и гдѣ та письменная улика положена, про то онъ, Родіоновъ, скажетъ и ту письменную улику подастъ самому государю». Ромодановскій призадумался. Дружба дружбой, но и съ Петромъ шутить нельзя. Дерзкій и твердый отвѣтъ съ дыбы Родіонова смутилъ князя-кесаря. Ну, а какъ у Хилкова найдутся тетрадки, которыя Талицкій хотѣлъ разбрасывать въ народъ. Пошли новые розыски и спросы, потребовали къ допросу и самого Хилкова. Спасеніе князя зависѣло отъ его повара, на котораго Родіоновъ указывалъ, какъ на главнаго свидѣтеля. Если поваръ выдержитъ три пытки и не собьется, то князь спасенъ, а если онъ подтвердитъ показаніе Родіонова, то князю придется висѣть на дыбѣ и выдержать пытку кнутомъ. Поваръ выдержалъ безпримѣрно допросъ, но трудно сказать, чѣмъ-бы кончилось это безпощадное сѣченіе, если-бы не пришли тѣ бумаги, на которыя ссылался Родіоновъ. Бумаги оказались безъ всякаго значенія. Послѣдовалъ приговоръ: Родіонова за ложный доносъ бить жестоко кнутомъ и «запятнавъ въ лобъ вѣдьми съ порохомъ въ трехъ мѣстахъ, послать въ сибирскіе дальніе города съ женою и дѣтьми». Повара отдали Хилкову.

Для состязанія доносчиковъ всякаго рода было открытое поле. Народъ кишѣлъ фискалами, доносчиками, всякое неосторожное слово подслушивалось и могло превратиться въ «слово и дѣло». Особенно тяжко жилось недовольнымъ изъ приверженцевъ старины, они по необходимости или убѣгали въ скиты и лѣса, гдѣ, впрочемъ, не оставались безопасными отъ преслѣдованій, или-же замыкались сами въ себѣ, въ свой внутренній душевный міръ.

Конечно, подобный порядокъ вещей никого даже и не удивлялъ въ то время. Все это дѣлалось какъ бы само собою по неизбѣжному ходу вещей и было слѣдствіемъ всеобщаго невѣжества и грубыхъ, очерствѣлыхъ понятій. Теперь намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы могло возникнуть какое-нибудь дѣло по поводу колдовства лягушкою, а между тѣмъ въ 1752 году возникло весьма серьезное дѣло по поводу лягушки, которую сенатскій секретарь Алексѣевъ, проснувшись утромъ, увидѣлъ возлѣ своей постели. Подозрѣніе въ колдовствѣ пало на дворовую жонку, Ирину Иванову, которая и созналась, что подпустила лягушку подъ постель помѣщицы, чтобы она была къ ней добра. Началось дѣло; Алексѣевъ въ челобитной, поданной въ сыскной приказъ, просилъ этотъ случай розыскать и по розыску рѣшеніе учинить. Сдѣлали Ивановой допросъ и она во всемъ созналась. Этого, конечно, было мало, и Иванову подняли на дыбы и дали тридцать пять ударовъ кнутомъ. Иванова вполнѣ подтвердила свое показаніе. Затѣмъ объ ней точно забыли, но черезъ два года снова привели къ допросу и дали сорокъ ударовъ. Не зная порядковъ розыскнаго производства, Ирина, думая сдѣлать для себя лучше, отреклась отъ перваго показанія и дала новое. Случилось, конечно, не то, чего она ожидала, и въ сыскномъ приказѣ рѣшили «вышеписанную жонку изъ перемѣнныхъ рѣчей пытать еще дважды и жечь огнемъ и притомъ спрашивать съ обстоятельствомъ: то свое показаніе оговариваетъ не по засылкѣ-ль и не про взятковъ-ли и что съ пытокъ покажетъ — доложить». И вотъ Иринѣ послѣдовала вторая пытка — дали ей тридцать ударовъ. Ирина опять измѣнила показаніе. По принятому порядку ее бы слѣдовало пытать еще разъ, но ея господинъ изъ жалости подалъ челобитную и просилъ сослать Ирину, куда надлежитъ. Ирину сослали въ Оренбургъ. Колдовство, впрочемъ, въ тѣ времена было вещью самой обыкновенной.

Самымъ страшнымъ явленіемъ, имѣвшимъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ какое-нибудь колдовство—было самосожигательство, вызванное строгимъ преслѣдованіемъ раскола. Ничего подобнаго не бывало въ исторіи Европы. Въ самосожигательствѣ раскольники искали спасенія отъ разслѣдованій и нѣтъ ни одного случая, когда бы самосожигательство совершалось по другимъ причинамъ. По одному изъ подобныхъ дѣлъ духовное начальство сочло необходимымъ даже сообщить сенату, чтобы онъ запретилъ своимъ воеводамъ и другимъ свѣтскимъ командирамъ «непорядочные поступки, ибо по всему видно, что оные раскольники предали себя сожженію, видя отъ него, маіора Чернявскаго, страхъ».

Послѣ Петра Великаго стало еще хуже. Петръ въ своихъ дѣлахъ руководствовался государственными интересами и извѣстными принципами; но съ воцареніемъ Екатерины I и особенно при Петрѣ II, Аннѣ и Елизаветѣ, когда наступило время всевозможныхъ интригъ, государственнымъ интересомъ назывались личные интересы... Только съ Екатерины II начинаетъ исчезать этотъ печальный порядокъ вещей...

Великая пѣвица.

Историческая повѣсть **Луизы Мюльбахъ.** Переводъ **А. Качоровской.**

(Продолженіе.)

Глава II.

Императрица Марія-Терезія.

— Неужели это правда, Порхамеръ? спрашивала императрица Марія-Терезія, ходя большими шагами взадъ и впередъ по своему кабинету.— Вамъ, вѣроятно, сочинили сказку?

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ съ убѣжденіемъ духовникъ, — хотя, дѣйствительно, на этотъ разъ я бы предпочелъ быть одураченнымъ, чѣмъ, разсказывая вашему величеству печальную истину, причинять вамъ огорченія.

— И такъ, вскричала съ гнѣвомъ императрица,—вы утверждаете, что графъ Дурацо вчера давалъ праздникъ въ своемъ домѣ въ честь этой пѣвицы Габріэли.

Патеръ утвердительно кивнулъ головой.

— Да, ваше величество, онъ давалъ праздникъ въ своемъ домѣ и на этомъ праздникѣ присутствовало восемь молодыхъ кавалеровъ, принадлежащихъ къ высшей аристократіи, именно: графы...

— Нѣтъ, гнѣвно прервала его Марія-Терезія, — нѣтъ, Порхамеръ, не называйте никого! Лучше, если я не узнаю, кто были эти молодые люди, иначе я не буду въ состояніи простить имъ и выйдетъ большой скандалъ. Довольно того, что мнѣ извѣстенъ Дурацо, я накажу его и надѣюсь, примѣръ подѣйствуетъ на остальныхъ; они опомнятся и не посмѣютъ въ другой разъ сдѣлать что-нибудь подобное. Это прескверная исторія, хотя, я увѣрена, императоръ опять скажетъ, что я не должна вмѣшиваться; онъ полагаетъ, что всѣ наши труды напрасны и что, напротивъ, мой присмотръ и моя строгость усилятъ только паденіе нравовъ.

— Ваше величество, сказалъ Порхамеръ, вознося взоры свои къ небу и скрещивая руки,— простите, если я осмѣлюсь высказать мнѣніе противоположное высказанному вамъ императоромъ! Люди думаютъ, что только ихъ собственная скромность, а никакъ не постороннее вліяніе можетъ дѣйствовать на ихъ нравъ. Но они заблуждаются! Плоть должно умерщвлять, чтобы она училась подчиняться разсудку, а чистота, если она не врождена, должна прививаться силой. Приняли-же люди новое еретическое открытіе: оспопрививаніе; идутъ противъ судьбы и Бога, хотятъ спугнуть болѣзнь, которую Господь посылаетъ имъ въ наказаніе. Такимъ образомъ, если хотятъ прививать людямъ оспу, чтобы они были здоровы, то тѣмъ болѣе должно прививать грѣшникамъ добродѣтель, чтобы они излѣчились отъ своей тяжкой болѣзни.

— Вы правы, патеръ, совершенно правы! вскричала императрица; — я хочу привить добрые нравы этимъ молодымъ людямъ и докажу имъ, что Марія-Терезія неснисходительна и неумолима! Графъ Дурацо думаетъ, я прощу ему его легкомысліе и безпутство за то, что онъ другъ князя Кауница, которому я обязана уваженіемъ, какъ самому преданному слугѣ отечества; онъ думаетъ, что я закрою глаза на его поступокъ потому еще, что онъ директоръ театровъ, но онъ долженъ узнать, что Марія-Терезія смотритъ въ оба глаза и что ничто не остановитъ ея, когда надо оказать правосудіе. Ступайте, Порхамеръ, и скажите, чтобы ко мнѣ тотчасъ прислали графа Дурацо!

Порхамеръ поклонился и неслышно вышелъ.

Марія-Терезія, все еще подъ вліяніемъ гнѣва, продолжала быстро ходить по кабинету. «Не достаетъ только, говорила она про себя и глаза ея разгорались;—да, не достаетъ только, чтобы здѣсь вошло въ обычай обращаться съ этой театральной принцесой, какъ съ знатной дамой, давать въ честь ея праздники и приглашать ее къ себѣ на срамъ и стыдъ. Я знаю, мужчины желаютъ этого, они не прочь ввести у насъ въ моду легкіе, французскіе нравы. Кауницъ часто разсказывалъ мнѣ, что при дворѣ французскаго короля смѣютъ появляться подобныя особы, что имъ не только ничего не платятъ, когда онѣ поютъ, но дозволяютъ на большихъ праздникахъ оставаться послѣ пѣнія на балу. А Францъ одобряетъ это и говоритъ, что нужно уважать артистокъ и не забывать, что онѣ дамы. О, мой милый мужъ, по вашему и мы можемъ пригласить сюда прекрасную Габріэли. Это, пожалуй, и случится, если я съ самаго начала не поставлю преграду. Многіе интересуются подобными особами, думаютъ, что онѣ непохожи на прочихъ женщинъ и по этой причинѣ тѣснятся около нихъ».

— Я не могу и не хочу этого выносить! вскричала громко императрица.—Марія-Терезія покажетъ своему двору, какъ она думаетъ объ этомъ, а власть моя, надѣюсь, еще достаточно сильна, чтобы уважали ее. Мой сынъ тоже въ состояніи уважать подобныхъ особъ и увѣряетъ, что это въ духѣ новаго времени. Мнѣ нѣтъ дѣла до духа новаго времени: нравы стары, какъ свѣтъ, но вѣчно останутся новы и молоды.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошедшій камердинеръ доложилъ о графѣ Дурацо. Императрица знакомъ велѣла впустить его. Она гнѣвно направилась къ входящему графу, который остоновился у дверей и, какъ требовалъ того обычай, опустился на колѣни.

— Встаньте, рѣзко вскричала Марія-Терезія,— не принимайте на себя видъ глубокаго уваженія передъ своей императрицей; я хорошо знаю, что въ моемъ отсутствіи вы забываете объ этомъ уваженіи.

Графъ всталъ и съ изумленіемъ смотрѣлъ на императрицу.

— Простите, ваше величество, но я не понимаю...

—Онъ не понимаетъ, сердито прервала Марія-Терезія,—онъ не понимаетъ меня. Ну, хорошо, я объясню: я считаю неуваженіемъ къ себѣ, если директоръ моихъ театровъ осмѣливается въ своемъ домѣ устраивать попойки и оргіи съ этой безпутной особой, Габріэли, и приглашать на нихъ кавалеровъ моего двора.

— Извините, ваше величество, возразилъ графъ твердымъ, спокойнымъ голосомъ, — вашему величеству ложно донесли.

—Ложно донесли, повторила Марія-Терезія, дрожащимъ голосамъ,—вы хотите увѣрить меня, что это не правда, будто эту ночь вы давали праздникъ? Это не правда, что вы эту Габріэли приглашали на него? Это не правда, что вы молодыхъ кавалеровъ, которымъ я оказываю честь, дозволяя танцовать съ эрцгерцогинями, приглашали также на этотъ праздникъ?

—Ваше величество, я не отрицаю того, что правда, отвѣчалъ спокойно Дурацо,—да, въ эту ночь въ моемъ домѣ я давалъ праздникъ, прощальный праздникъ величайшей и знаменитѣйшей пѣвицѣ нашего времени, синьорѣ Катаринѣ Габріэли. Я считалъ своею обязанностью отблагодарить пѣвицу за то истинно артистическое наслажденіе, какое доставило намъ ея пѣніе. Кромѣ того, ваше величество, синьора явилась благотворительницею бѣдныхъ Вѣны, давъ, какъ вашему величеству извѣстно, въ пользу ихъ концертъ.

—Она думаетъ этимъ очиститься передъ Богомъ и искупить свои грѣхи и свою безнравственную жизнь.

—Ваше величество, я не знаю, нуждается-ли она въ этомъ, спокойно возразилъ Дурацо,—я знаю синьору Габріэли не одинъ годъ; я видѣлъ ее въ Римѣ и Венеціи, вездѣ я слышалъ только объ ее необыкновенномъ артистическомъ дарованіи, но ничего объ ея грѣхахъ или безнравственной жизни. Въ Римѣ ее очень уважали, сами кардиналы считали за счастье принимать ее въ своихъ салонахъ. Такъ какъ она не была принята здѣсь при дворѣ, я считалъ своею обязанностью, какъ директоръ театровъ, воздать должный почетъ артисткѣ отъ имени вашего величества.

—Отъ моего имени? Вы позволили себѣ слишкомъ много, Дурацо! Такой поступокъ вы не смѣете прикрывать моимъ именемъ. Если же вы считали себя принужденнымъ дать праздникъ въ честь этой особы, которой мы и безъ того слишкомъ дорого заплатили, то я удивляюсь, какъ вы удовольствовались приглашеніемъ только кавалеровъ и не пошли далѣе, пригласивъ также и моихъ придворныхъ дамъ?

— Простите, ваше величество, это было бы неудобно, въ виду того, что моя супруга находится въ отсутствіи: она въ настоящее время въ Клагефуртѣ у своей больной матери; вотъ почему я не могъ дать большого праздника и пригласить дамъ.

— И вы сдѣлали бы это?

— Будь графиня дома, я устроилъ бы большой пиръ, отвѣчалъ Дурацо.—Я не думалъ, что ваше величество, моя всемилостивѣйшая государыня, могла бы запретить мнѣ праздновать въ моемъ собственномъ домѣ, при томъ-же совершенно семейно.

— Семейно, повторила гнѣвно императрица;—вы хотите сказать этимъ, что я не имѣю права вмѣшиваться въ семейную жизнь моихъ слугъ и чиновниковъ. Но вы должны знать, графъ, что я не потерплю при своемъ дворѣ подобнаго скандала. И такъ какъ вы простираете свое уваженіе къ пѣвицѣ такъ далеко, что пренебрегаете для этого обычаями моего двора, я скажу вамъ коротко: вы больше не директоръ моихъ театровъ, вы въ отставкѣ.

Графъ низко поклонился.

— Да будетъ воля вашего величества; позвольте одинъ только вопросъ: начинается-ли моя отставка съ этой самой минуты или я долженъ ожидать преемника, чтобы не прерывались занятія?

— Разумѣется, отвѣчала императрица, — вы должны продолжать службу, пока я не назначу вамъ преемника; будьте увѣрены, это случится не позже завтрашняго дня, а такъ какъ вы еще на службѣ, то я дамъ вамъ порученіе: отправляйтесь тотчасъ къ этой особѣ, Габріэли, и объявите ей объ уничтоженіи контракта.

— Простите, ваше величество, возразилъ спокойно Дурацо, — это безполезно; контрактъ съ пѣвицей кончается, мы напрасно просили синьору продлить его хотя бы только на двѣнадцать представленій. Императрица Екатерина настояла, чтобы пѣвица какъ можно скорѣе ѣхала въ Петербургъ.

— Такъ она отправляется въ Россію, ну пусть ее ѣдетъ! вскричала Марія-Терезія,—тамъ навѣрное ее ожидаютъ успѣхи. Очень рада. Все-же объявите ей, чтобы она сегодня-же оставила Вѣну.

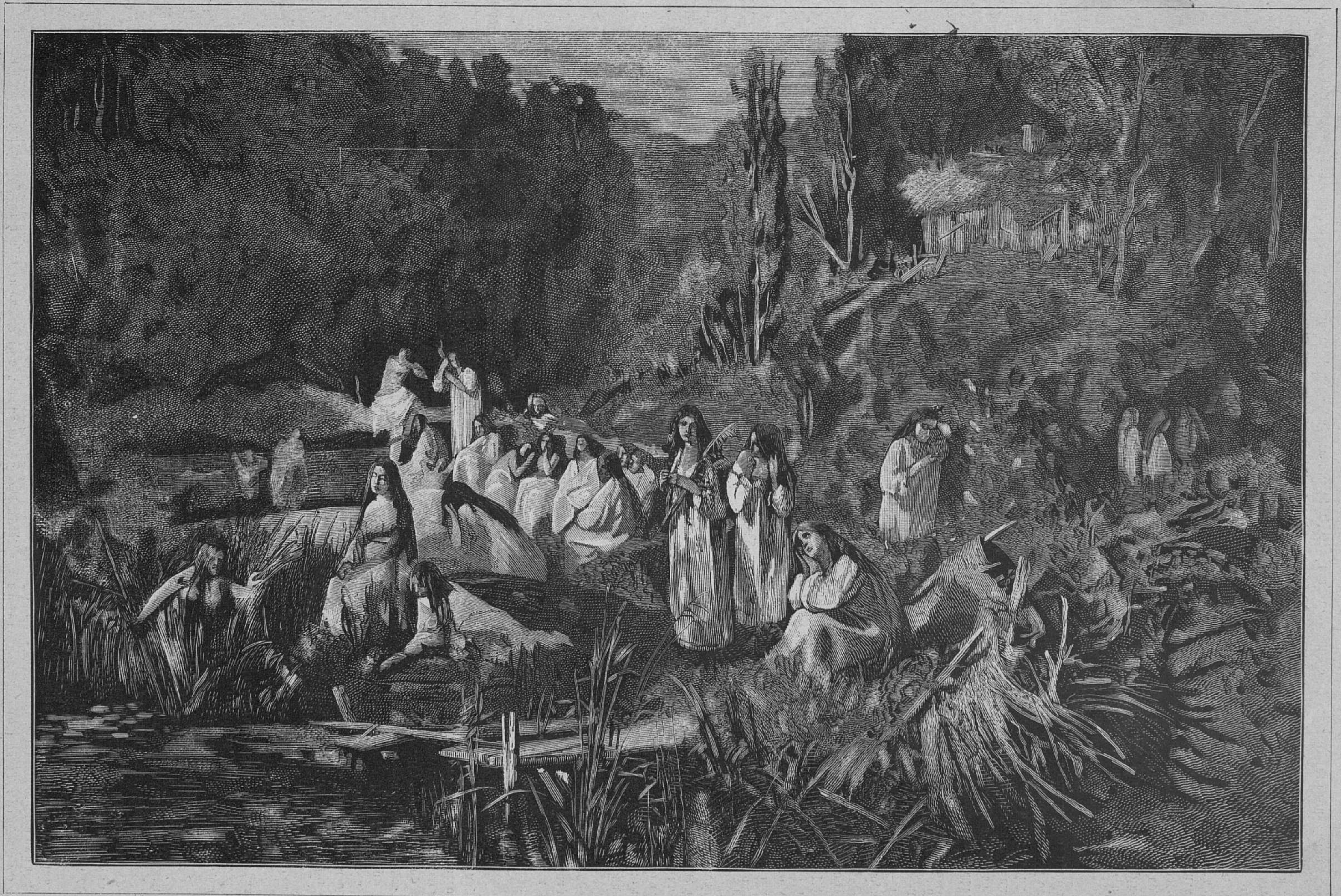
— Ваше величество, спокойно замѣтилъ Дурацо,—сегодня назначено ея прощальное представленіе и я долженъ сказать, что, не смотря на крайне высокія цѣны, всѣ мѣста въ театрѣ распроданы. Осмѣлюсь доложить объ этомъ вашему величеству; я полагаю, что представленіе дожно состяться.

— А я отвѣчу вамъ: нѣтъ! я не желаю, чтобы эта особа приводила публику въ восторгъ. Вся Вѣна должна узнать, что Марія-Терезія не терпитъ въ своей резиденціи подобныхъ личностей даже если онѣ замѣчательныя артистки! Отправляйтесь тотчасъ къ синьорѣ Габріэли и объявите ей мой приказъ: въ 24 часа выѣхать изъ Вѣны и не пѣть сегодня. Я не желаю, чтобы она покинула Вѣну съ оваціями. Идите, исполняйте мою волю, возвратите деньги купившимъ билеты, а убытки плачу я изъ собственной шкатулки.

Часъ спустя, элегантный экипажъ синьоры Габріэли остановился у дворца князя Кауница. Синьора послала лакея доложить князю о своемъ посѣщеніи, но, не дождавшись его возвращенія, поспѣшно вышла изъ экипажа и, къ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА И. Н. КРАМСКОГО.

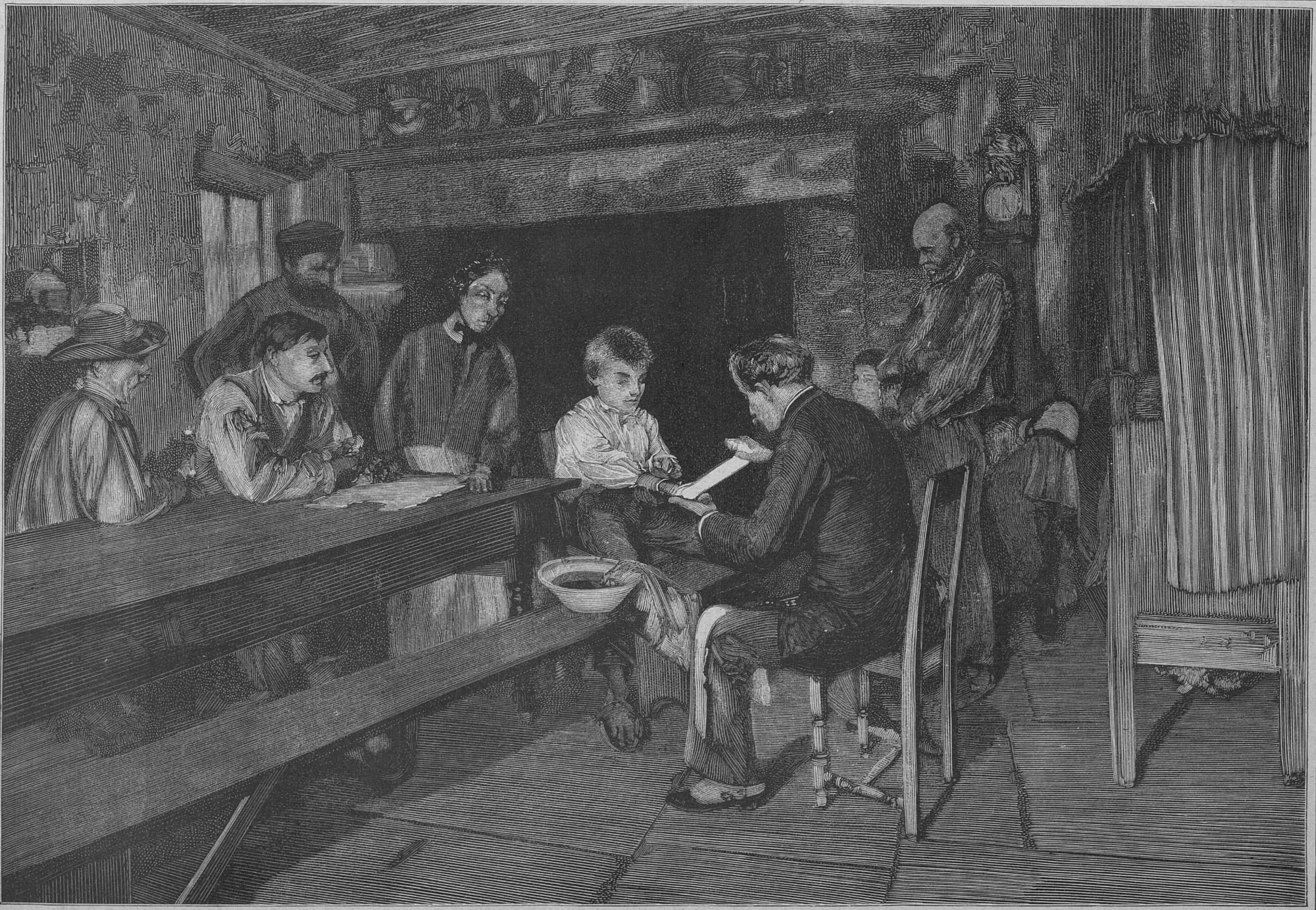


„Майская ночь“. (Гоголя.)

Рисовалъ И. Михайловъ; рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“ г. Діаментовскаго.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 ГОДА.

КАРТИНА ДАНЬЯНЪ-БУВЕРЕ.



Событіе въ дѣтской жизни.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ

ужасу привратника и лакеевъ, стоявшихъ въ прихожей, стала подыматься на лѣстницу; однако ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ остановить ее: всѣмъ извѣстно было, въ какой милости она у князя, вся Вѣна знала, что синьора Габріэли,—фаворитка его свѣтлости, могущественнаго канцлера австрійской имперіи. Камердинеръ отправился съ докладомъ, но синьора, не дожидаясь и его возвращенія, сама отворила дверь кабинета и гордымъ жестомъ приказала камердинеру удалиться.

Князь Кауницъ въ зеленомъ шелковомъ шлафрокѣ, вышитомъ золотомъ и серебромъ, сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ. Онъ только что вышелъ изъ уборной; завитой, напудренный парикъ украшалъ уже его голову. Онъ медленно обернулся къ пѣвицѣ, которая торопливыми шагами приближалась къ нему.

— Что случилось, Катарина? спросилъ онъ,—вы похожи на готовую лопнуть гранату.

— Вы правы, ваша свѣтлость, вскричала Габріэли,—но я желаю, чтобы эта граната распространила повсюду какъ можно больше тревоги!

— Эхъ! Катарина, зачѣмъ такъ сердито? возразилъ князь, тихо засмѣявшись и принимаясь за прерванное занятіе, а именно: продолжая вытирать шелковымъ платкомъ золотыя и серебряныя бездѣлушки и разставлять ихъ акуратно на письменномъ столѣ.— Я удивляюсь, какая вы до сихъ поръ впечатлительная, вспыльчивая. Что опять случилось? Какая комета упала съ неба и произвела бурю въ вашей хорошенькой головкѣ?

— Не съ неба, а изъ дворца упала она... однимъ словомъ, императрица дала отставку Дурацо и запретила мнѣ сегодня вечеромъ дать прощальное представленіе.

Кауницъ пожалъ плечами.

— Ну, и что-же дальше?

— Что дальше, спрашиваете вы? вскричала Габріэли; — Кауницъ, ради Бога! снимите хотя на время вашу маску кротости и флегматичности! Я знаю, вы совсѣмъ не то, чѣмъ хотите казаться; я знаю, что у васъ горячее сердце. Прошу васъ, Кауницъ, если вы чувствуете ко мнѣ немного дружбы или, какъ вы часто увѣряли меня, немного любви, примите участіе въ моемъ положеніи... Меня обижаютъ... Императрица не желаетъ, чтобы я сегодня вечеромъ простилась съ публикой; ей непріятно, что меня проводятъ съ оваціями... Она полагаетъ, что кромѣ нея никто не достоинъ какихъ бы то ни было почестей.

Кауницъ въ раздумьи покачалъ головой:

— Вы совсѣмъ не знаете императрицы Маріи-Терезіи; никогда ея возвышенный умъ не допуститъ мысли, что пѣвицу могутъ поставить на ряду съ нею и что оваціи, оказываемыя искуству, въ чемъ-нибудь могутъ умалить ея высокое достоинство женщины. Нѣтъ, Катарина, не это составляетъ причину неудовольствія императрицы; поищите въ своей совѣсти и спросите себя, какая можетъ быть другая причина ея гнѣва на васъ?

— Какая другая причина? спросила Габріэли, пристально посмотрѣвъ на спокойное лицо государственнаго канцлера.—Я отлично понимаю вашъ вопросъ, князь. Императрицѣ донесли, что вчера вечеромъ графъ Дурацо давалъ праздникъ, на который были приглашены я и нѣкоторые изъ придворныхъ кавалеровъ...

— И что вы приняли приглашеніе, не предупредивъ меня и не спрося моего согласія...

— Вашего согласія? спросила Габріэли.— Сдѣлайте милость, объясните, какія обязанности подчиняютъ мои дѣйствія и поступки вашей волѣ.

— Сдѣлаю милость, объясню, отвѣчалъ Кауницъ.—Вы хотя только на словахъ, синьора, но все-же приняли на себя извѣстныя обязательства. Вы не забыли о нашемъ уговорѣ?

Габріэли кивнула головой:

— Да, я не забыла этотъ смѣшной уговоръ; князь Кауницъ, въ Парижѣ принадлежавшій къ числу моихъ пламенныхъ обожателей, когда я пріѣхала сюда, сдѣлалъ мнѣ очень странное предложеніе: онъ пожелалъ, чтобы каждое утро мой экипажъ стоялъ у его дворца; каждый-же вечеръ его карета должна находиться два или три часа у моего подъѣзда.

— Какимъ-бы смѣшнымъ ни казалось это предложеніе, спокойно возразилъ Кауницъ,—оно принято синьорой Габріэли, которая, за исполненіе этого моего каприза, согласилась получать и получаетъ ежедневно отъ меня пятьдесятъ дукатовъ.

— Я не видѣла основанія отказываться отъ этихъ денегъ. Великому государственному человѣку, князю Кауницу, вздумалось этою смѣшною выставкою экипажей показать Вѣнѣ, что онъ любовникъ синьоры Габріэли. Я согласилась доставить ему это удовольствіе и взамѣнъ беру съ него деньги. Получаю-же я деньги съ театра.

— Въ театрѣ оплачиваютъ ваше искуство, а я оплачиваю вашу личность, вашу хорошую репутацію.

— Мою хорошую репутацію? сказала съ веселымъ хохотомъ Габріэли.—Богъ съ вами, Кауницъ, какую репутацію можетъ имѣть пѣвица въ Вѣнѣ и вообще въ вашей прозаичной, безсердечной странѣ? Пѣвица, артистка, съ самой незапятнанной репутаціей, все-таки будетъ считаться безпутной; ея честь запятнана съ той минуты, какъ она появилась на театральныхъ подмосткахъ; иначе не умѣютъ судить о ней ваши нѣмецкіе медвѣди. Слѣдовательно я только доставила удовлетвореніе вашему тщеславію; вы желали возбудить зависть всѣхъ придворныхъ кавалеровъ; вы желали, чтобы эта легкомысленная, довѣрчивая толпа считала васъ моимъ любовникомъ.

— Вы неправильно выразились, синьора, никто не рѣшится назвать меня вашимъ любовникомъ; всѣ будутъ говорить: «синьора Габріэли была прихотью князя Кауница; у нея онъ развлекалъ себя немного отъ государственныхъ занятій». Такъ скажутъ, синьора, а не иначе.

— Не станемъ спорить о выраженіяхъ, сказала сердито Габріэли,—я не для этого пріѣхала къ вамъ. Повторяю, я обижена и вы вмѣстѣ со мною.

— Въ этомъ вы правы, подтвердилъ Кауницъ: —съ вами поступлено нѣсколько рѣзко. Всѣмъ извѣстно, какое вниманіе я оказываю вамъ, синьора, и уже по этому одному къ вамъ должно было отнестись какъ можно мягче. Вы правы, синьора, я долженъ защитить васъ. Скажите, кто принесъ вамъ повелѣніе императрицы?

— Дурацо, уволенный отъ должности и исполняющій свои обязанности только до назначенія новаго директора.

— Ясно, императрица очень сердита, сказалъ въ раздумьи князь,—и, не могу не сказать, Катарина, въ нѣкоторой степени она права. Вы напрасно думаете, что первокласная артистка имѣетъ право нарушать обычаи и правы; я не упрекаю васъ въ томъ, что вы приняли участіе въ праздникѣ, гдѣ, кромѣ васъ, не было ни одной дамы, вы дадите въ этомъ отчетъ самой себѣ, хотя, какъ я уже замѣтилъ, немного обязаны отчетомъ и мнѣ; но вы пошли дальше: вы, ночью, посреди улицы, вопреки постановленіямъ самой императрицы, вопреки обычаямъ страны, пѣли, какъ будто городъ Вѣна—открытая сцена. Этого императрица не прощаетъ.

— Но это была такая невинная забава, сказала, смѣясь, Катарина,—я пѣла къ лунѣ и никто, кромѣ моихъ провожатыхъ, не слышалъ и не видѣлъ меня.

— Слышали и другіе, возразилъ спокойно Кауницъ,—императрицѣ тотчасъ-же доложили о такомъ отступленіи отъ установленныхъ правилъ. И я зналъ объ этомъ задолго до вашего прихода.

— И вы не вышли изъ себя, и вы не почувствовали обиды, нанесенной мнѣ, вашей подругѣ?.. Надѣюсь, князь, вы будете продолжать считать меня своей подругой и не отнимете отъ меня своего расположенія?.. Надѣюсь также, что вы защитите меня. Силы у васъ достаточно, князь, я только спрашиваю, имѣете-ли вы желаніе?

— Да, отвѣчалъ спокойно Кауницъ,—вы правы: я имѣю силу, имѣю и желаніе защитить васъ. Но если императрица уже рѣшила, что вы не будете пѣть сегодня вечеромъ, нѣтъ возможности измѣнить это рѣшеніе, но я обѣщаю вамъ, Катарина, вы получите удовлетвореніе.

— Вы мнѣ это обѣщаете, Кауницъ?

Онъ медленно поднялъ свою узкую, бѣлую руку и вложилъ кончики пальцевъ въ руку артистки.

— Вотъ вамъ рука моя, синьора, вы получите полное удовлетвореніе. Князь Кауницъ не допуститъ, чтобы обижали близкихъ ему людей. Императрица не откажетъ ему въ просьбѣ, потому что не захочетъ потерять свою правую руку. Безъ князя Кауница она почувствуетъ себя безсильной и безпомощной.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Театральное дѣло во Франціи.

(Замѣтки очевидца.)

II.

Репетиція въ Comédie Française.

Мы видѣли, что во Франціи каждый молодой человѣкъ или дѣвушка, у которыхъ есть вкусъ къ театру, имѣютъ возможность получить основательное сценическое образованіе въ консерваторіи. Отсюда имъ предстоитъ переходъ на одинъ изъ театровъ, быть можетъ, даже въ Comédie Française, т. е. изъ школы прямо на первый театръ въ мірѣ. Послѣднее является, конечно, наградою за отличіе въ класныхъ занятіяхъ, послѣ публичнаго состязанія учащихся передъ избранными парижскими критиками. Но куда бы ни поступилъ ученикъ консерваторіи, вездѣ онъ находитъ только какъ бы новую стадію школьнаго ученія. Французскій актеръ остается въ извѣстномъ смыслѣ in statu pupillari до конца своихъ дней. Его учатъ въ Comédie Française какъ его учили въ консерваторіи, съ тою только разницей, что въ театрѣ онъ получаетъ урокъ отъ всего состава товарищей, а не отъ одного професора. Это нѣчто въ родѣ ученія посредствомъ общей подачи голосовъ. Ничего похожаго на признаніе права человѣка на извѣстную роль, которую онъ можетъ создать или испортить по своему усмотрѣнію, во Франціи не существуетъ. Артистъ пользуется ролью только какъ бы по довѣренности отъ остальныхъ членовъ общества и до извѣстной степени обязанъ исполнять ее согласно съ ихъ выгодами и желаніями, или по крайней мѣрѣ съ ихъ мнѣніемъ, насколько оно имѣетъ въ виду успѣхъ представленія въ цѣломъ.

Ничто не можетъ превзойти основательность репетицій Comédie Française. Большею частью пьесы идутъ старыя и долго держатся въ репертуарѣ, и тѣмъ не менѣе, когда какая-нибудь изъ нихъ возобновляется, каждый актеръ относится къ ней такъ, какъ будто онъ никогда не видалъ ее прежде. Пьесы новыя для актеровъ проходятся съ неутомимою заботливостью. Рюи Блазъ, напримѣръ, репетировался впродолженіи 6 или 8 недѣль. Сначала брали по одному акту въ день и заставляли актера повторять по нѣскольку разъ отдѣльныя мѣста его роли. За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ репетицій всей пьесы, но безъ надлежащихъ костюмовъ; наконецъ наступила рипетиція въ костюмахъ. Въ первый-же вечеръ пьеса сошла такъ, какъ будто ее играли уже цѣлый мѣсяцъ: и неудивительно—она въ дѣйствительности шла уже почти цѣлыхъ 2 мѣсяца, при закрытыхъ дверяхъ.

Я отправился посмотрѣть на удачу одну изъ этихъ репетицій Рюи Блаза. Шелъ третій актъ. Подымаясь наверхъ, я невольно вспомнилъ, какъ вспоминалъ часто и прежде, что я нахожусь въ зданіи, полномъ великихъ театральныхъ традицій. Члены Comedie Française неминуемо должны вдохновляться видомъ картинъ и статуй, украшающихъ залы театра и заключающихъ въ себѣ исторію ихъ общества за послѣдніе два столѣтія. Весь театръ, лѣстницы и проходы, вплоть до самой сцены, являются какъ-бы настоящимъ музеемъ. Библіотека и архивъ — богатѣйшіе, не только во Франціи, но и во всемъ мірѣ, по части театральныхъ рукописей и автографовъ.

Перейдя отъ дневного свѣта къ полумраку сцены—было часа 3 зимою, — я прежде всего поспѣшилъ раскланяться со всѣми. Для этой цѣли я направился къ палаткѣ, построенной на самой сценѣ, гдѣ, въ ожиданіи очереди, сидѣли дамы, защищенныя отъ сквозного вѣтра. Здѣсь я нашелъ Сару Бернаръ и пожилую компаньонку, всегда сопровождавшую ее. Около самой рампы, какъ разъ позади будки суфлера, въ другой палаткѣ, откуда можно было обозрѣвать всю сцену, сидѣлъ Го, слѣдившій за репетиціею. Прямо противъ него стоялъ всѣмъ извѣстный столъ, за которымъ происходитъ засѣданіе совѣта въ третьемъ актѣ; вокругъ него сидѣли алчные гранды, разорившіе Испанію своими монополіями. Лампа въ каждой палаткѣ и одна въ будкѣ суфлера слабо мерцали въ полумракѣ.

Это была обыкновенная репетиція и всѣ были въ простомъ туалетѣ. Сара Бернаръ куталась въ кофточку, Февръ (донъ Саллюстій) въ пальто, и единственный намекъ на сценическій нарядъ заключался въ широкополой шляпѣ съ длиннымъ перомъ на головѣ Мунэ-Сюлли (Рюи Блаза). Контрастъ между нею и его моднымъ пиджакомъ и остальными частями туалета былъ-бы поразителенъ, если-бы у меня было время обращать на это вниманіе. Третій актъ едва-ли не лучшій во всей драмѣ.

Репетиція была уже начата, но прервалась на нѣсколько мгновеній, вслѣдствіе моего появленія. Я пришелъ къ концу того столкновенія между развращенными членами совѣта, которое завершается дружескою раздачею монополій на табакъ, соль, невольниковъ, мышьякъ и т. д. Разговоръ прерывается Рюи Блазомъ, который подслушалъ его и произноситъ свою извѣстную величественную тираду противъ торгашества министровъ, лучшую изъ всѣхъ, когда-либо написанныхъ даже Викторомъ Гюго. Онъ указываетъ на паденіе Испаніи, на ненависть къ ней Европы, на народъ, истощенный и замученный, на короля, бездѣйствующаго въ глубинѣ своего дворца, и призываетъ, наконецъ, тѣнь Карла V спасти родину.

Присутствующіе вскакиваютъ при появленіи обличителя, который, скрестивъ руки, склонивъ голову и съ своимъ извѣстнымъ air fatal, медленно приближается къ срединѣ сцены. Худшій недостатокъ Мунэ-Сюлли и его самое блестящее качество имѣютъ между собой что-то родственное. Качество могло-бы быть названо огненной энергіею; недостатокъ—напыщенностью. Замѣтьте, что и онъ, и всѣ остальные декламируютъ, а не бормочутъ только роль, ради изученія «позиціи». Мунэ—левъ, который разжигаетъ свое бѣшенство звукомъ собственнаго рычанія. Величественный стихъ величественно исходилъ изъ его устъ всякій разъ, когда онъ выражалъ презрѣніе или патріотическое негодованіе:

Soyez flétris, devant votre pays qui tombe,
Fossoyeurs qui venez le voler dans sa tombe!

……

Le peuple miserable, et qu'on pressure encore,
A sué quatre cent trente millions d'or!

……

Ce grand peuple espagnol aux membres énervés,
Qui s'est couché dans l'ombre, et sur qui vous vivez,
Expire dans cet autre où son sort se termine,
Triste comme un lion mangé par la vermine!

Все это было произнесено великолѣпно, но съ постоянно возраставшей, хотя еще размѣренной силой, которая заставляла бояться, какъ-бы дѣло не кончилось разрывомъ кровяныхъ сосудовъ. Дойдя до слова «vermine», Мунэ-Сюлли совершилъ еще только двѣ трети своего долгаго пути и нельзя было не подумать о томъ, что станетъ съ нимъ или съ нами, если онъ будетъ продолжать идти впередъ все въ томъ-же crescendo. Къ счастью, то мѣсто, гдѣ говорится о бѣдномъ, старомъ львѣ, является какъ-бы мѣстомъ отдыха и остановки; слѣдующій за нимъ призывъ къ тѣни великаго императора допускаетъ перемѣну тона. Каждый другой актеръ непремѣнно воспользовался-бы этимъ случаемъ; Мунэ пренебрегъ имъ. Онъ только пріостановился, чтобы собрать всѣ свои силы для послѣдняго порыва болѣе страстнаго, чѣмъ все остальное. Его слова:

Charles-Quint! dans ces temps d'opprobre et de terreur,
Que fais-tu dans ta tombe, ô puissant empereur?

были настоящимъ громовымъ раскатомъ; отъ звука его голоса положительно дрогнула шляпа въ моей рукѣ. Го немедленно-же остановилъ его изъ глубины своей палатки:

— Я непремѣнно сказалъ-бы это въ другомъ стилѣ; это торжественный призывъ, для котораго требуется перемѣна голоса.

— Я совершенно раздѣляю ваше воззрѣніе, сказалъ какой-то сѣдовласый господинъ, только-что подошедшій къ Го. Это былъ Перренъ, директоръ театра, занимающій одну изъ самыхъ завидныхъ должностей во Франціи. Онъ получаетъ почти столько-же жалованья, какъ англійскій первый министръ и, управляя Comedie Française, занимаетъ мѣсто, которое большинство изъ его соотечественниковъ считаютъ равнымъ по значенію съ управленіемъ любымъ министерствомъ. «Я совершенно раздѣляю ваше воззрѣніе», повторилъ Перренъ.

Поддержка эта была своевременна, потому что, какъ оказалось впослѣдствіи, они вдвоемъ едва могли справиться съ Мунэ, конькомъ котораго была именно эта особая интонація.

Репетиція была пріостановлена на четверть часа для борьбы изъ-за этого пункта. Съ обѣихъ сторонъ была потрачена по этому поводу масса критическаго остроумія.

— Этотъ призывъ долженъ пробудить императора отъ могильнаго сна, сказалъ Мунэ,—онъ долженъ быть громокъ: Oh! léve-toi! viens voir! etc.

— Это торжественный призывъ, сказалъ Го.

— Это почти столь-же торжественно, какъ какой-нибудь религіозный актъ, сказалъ Перренъ.

— Увѣряю васъ, что я не могу смотрѣть на это съ вашей точки зрѣнія, возразилъ Мунэ-Сюлли;—на мой взглядъ, это страстное воззваніе къ тѣни императора.

— Но вѣдь вы-же не надѣетесь пробудить его, voyons, сказалъ Го.

— Ну, попробуйте еще разъ, сказалъ Перренъ.

Мунэ-Сюлли возвращается опять къ своей точкѣ отправленія и въ одно мгновеніе снова несется впередъ съ первоначальной быстротой. Стекла театральной залы дребезжатъ.

Строгіе судьи снова остановили его. Это была настоящая борьба à la Française, упорная настойчивость съ обѣихъ сторонъ, умѣряемая въ своей суровости формами благовоспитанности. Для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ личной исторіей сосьетеровъ, было ясно, что происходящее теперь было только продолженіемъ долгихъ усилій со стороны старшихъ сдержать бьющую ключемъ пылкость этого горячаго юноши, который составляетъ гордость ихъ общества и служитъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ укоромъ. Они были только отголосками общественнаго мнѣнія. Критика и знатоки изъ публики давно порѣшили, что Мунэ-Сюлли нуждается въ обузданіи, что въ немъ замѣчается отсутствіе модуляціи, разнообразія тоновъ, гибкости, свойственной высшему искуству. Борьба приходитъ, наконецъ, къ заключенію; Мунэ понижаетъ свой мечъ—мы хотимъ сказать тонъ—и произноситъ отрывокъ почти такъ, какъ это отъ него требовалось, хотя случайныя вспышки все еще ясно доказываютъ, что низменная почва, на которую онъ рѣшился спуститься, скрываетъ въ себѣ тайный огонь.

Въ какомъ другомъ театрѣ, въ какомъ другомъ обществѣ, звѣзда подобной величины согласилась-бы измѣнить свое направленіе!

Наступаетъ очередь королевы подойдти къ Рюи Блазу. Величественная Сара Бернаръ выходитъ изъ своей палатки и вскорѣ раздается ея голосъ, глубокій и нѣжный, полный чувства какъ въ низкихъ, такъ и въ высокихъ тонахъ:

«O, merci!»

Рюи Блазъ. Ciel! (это движеніе удивленія, и здѣсь Мунэ неподражаемъ).

Королева. Vous avez bien fait de leur parler ainsi.
Je n'y puis résister, duc; il faut que je serre
Cette loyale main si ferme et si sincère!

Она протягиваетъ руку жестомъ, свойственнымъ ей какъ въ частной жизни, такъ и на сценѣ.

Го. Мнѣ это не нравится. Вы только даете ему свою руку; вамъ слѣдуетъ взять **его** за руку.

Сара Бернаръ. Мнѣ кажется, что мой способъ лучше; въ немъ больше nettеté.

Она, вѣроятно, хочетъ сказать, что это болѣе картинно, и это правда. Ея игра всегда доказываетъ величайшее пониманіе красотъ позы. Изъ каждой ситуаціи она всегда извлекаетъ все ея пластическое и сценическое богатство.

Перренъ. Но что-же говорится въ вашемъ текстѣ. Взгляните въ указанія для сцены (читаетъ):

«Она быстро идетъ впередъ и беретъ его за руку прежде, чѣмъ онъ можетъ помѣшать ей».

Сара Бернаръ (смѣясь). Въ такомъ случаѣ, хорошо, давайте мнѣ руку!

(Мунэ-Сюлли дозволяетъ ей взять себя за руку.)

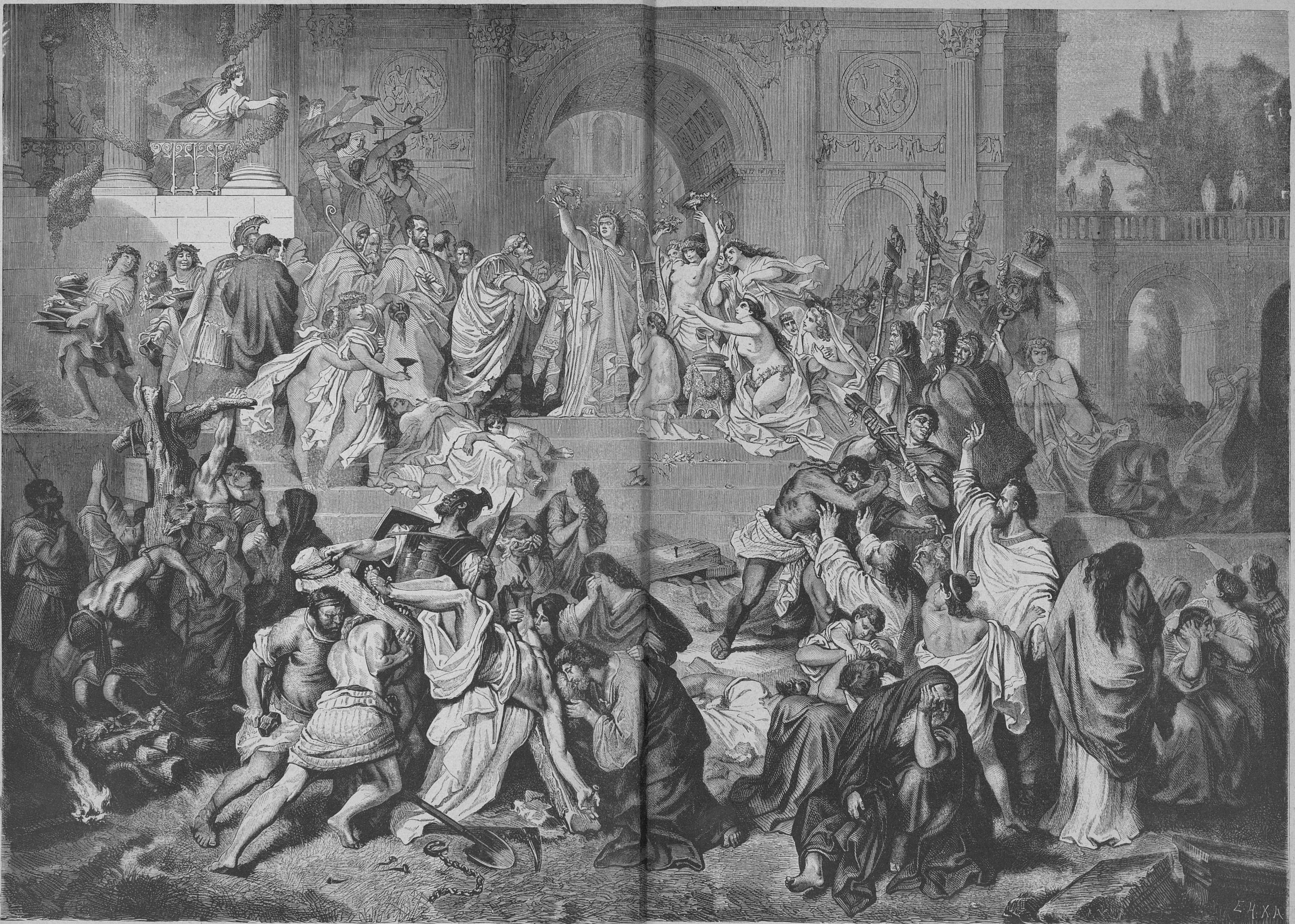
Го (къ **Перрену**). Мнѣ кажется, что тамъ, гдѣ онъ всего болѣе нуждается въ энергіи, онъ выказываетъ ея всего менѣе. (Къ **Мунэ**) Ваши собственныя движенія должны быть здѣсь также быстры и рѣшительны, такъ-же полны нервной энергіи, какъ и у нея.

Мунэ-Сюлли. Оставьте меня пока въ покоѣ. У меня есть собственное, весьма опредѣленное воззрѣніе на эту сцену. Я передамъ вамъ его немного погодя.

Королева продолжаетъ говорить ему, какъ она восторгалась его величественнымъ негодованіемъ въ сценѣ съ алчными придворными. Кто научилъ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КАУЛЬБАХА (отца.)



Неронъ.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

его говорить такъ, какъ должны-бы были говорить одни короли, быть такимъ грознымъ, величественнымъ?

Рюи Блазъ. Parce que je vous aime!
Parce que je sens bien, moi qu'ils haïssent tous,
Que ce qu'ils font crouler, s'écroulera sur vous!
Parce que rien n'effraie une ardeur si profonde,
Et que pour vous sauver je sauverais le monde!
Je suis un malheureux qui vous aime d'amour,
Hélas! je pense à vous comme l'aveugle au jour.
Madame, écoutez-moi. J'ai des rêves sans nombre.
Je vous aime de loin, d'en bas, du fond de l'ombre;
Je n'oserais toucher le bout de votre doigt,
Et vous m'éblouissez comme un ange qu'on voit!

И все это Мунэ-Сюлли произноситъ такъ нѣжно, какъ голубокъ.

Го (рѣшительно). Это никуда не годится!

Перренъ. Это совсѣмъ не то!

Сара Бернаръ. Это испортитъ всю сцену.

Мунэ-Сюлли. Однако это такъ, увѣряю васъ. Его подавляетъ мысль о собственной самонадѣянности; онъ червь, поднимающій голову къ небу.

Го. Но вѣдь онъ о томъ не думаетъ въ эту минуту. Voyons! неужели этотъ робкій тонъ можетъ оправдать въ глазахъ королевы ея любовь къ нему.

Мунэ-Сюлли. Я знаю, что это никогда не произносилось такимъ образомъ прежде. Поэтому-то и нужно произнести монологъ именно такъ. Это дастъ отрывку новый и, по моему, болѣе вѣрный смыслъ.

Сара Бернаръ (смѣясь). Я право не думаю, что осмѣлюсь васъ любить, если вы не подадите мнѣ лучшаго примѣра. Помните, что королева нуждается въ ободреніи столько-же, какъ Рюи Блазъ; и кто-же ободритъ ее, если не онъ?

Го. Я, конечно, произнесъ бы эти слова со всей силой страсти.

Мунэ-Сюлли. Вы хотите сказать, такъ?— (Говоритъ тѣмъ самымъ тономъ, какимъ произносилъ свой первый монологъ.)

Го, Перренъ, Сара Бернаръ. Именно такъ!

Мунэ-Сюлли (нетерпѣливо). Но вы должны-же видѣть всю фальшь подобной бойкости языка. Я не могу сдѣлать этого измѣненія. Я радъ бы сдѣлать его, но вы должны позволить мнѣ быть упрямымъ въ этомъ вопросѣ. Я не могу смотрѣть на него вашими глазами.

Го (съ отчаяніемъ). Ну, что-же дѣлать, если вы не можете...

Репетиція продолжается. Королева уходитъ.

Рюи Блазъ. La reine m'aime! O Dieu! c'est bien
vrai, c'est moi-même.

……

Moi, dont le coeur gonflé ferait envie aux rois,
Devant Dieu qui m'entend, sans peur, à haute
voix,
Je le dis, vous pouvez vous confier, madame,
A mon bras comme reine, à mon coeur comme
femme!

Перренъ. Прекрасно, браво! Только позвольте вамъ замѣтить, что вы слишкомъ удаляетесь вглубь сцены, если хотите, чтобы васъ слышалъ весь театръ.

Мунэ-Сюлли. Я долженъ начать здѣсь.

Перренъ. Но вы не обязаны кончать тамъ. Мнѣ хотѣлось бы видѣть болѣе движенія во время этого монолога. Я не думаю, чтобы Рюи Блазъ могъ стоять спокойно, когда произносилъ его.

Входитъ Февръ въ роли Саллюстія и, желая испугать Рюи Блаза, ударяетъ его по плечу, говоря: «Bonjour!»

Повѣрятъ-ли мнѣ, что обсужденіе этого послѣдняго выхода заняло около часа. Февръ, Мунэ-Сюлли, Сара Бернаръ, Го, Перренъ, участвуютъ въ немъ съ живѣйшимъ интересомъ, зачастую говоря всѣ заразъ. Выходъ совершается изъ средины сцены; Рюи Блазъ стоитъ по близости, погруженный въ раздумье; донъ Саллюстій, ударивъ его по плечу, идетъ къ столу совѣта, бросаетъ свой плащъ и, садясь, встрѣчаетъ изумленный взоръ Рюи Блаза.

— Что будетъ лучше, говоритъ Февръ,—сдѣлать такъ, какъ я сдѣлалъ, или сперва сѣсть, не ударивъ его по плечу, и тогда обратиться къ нему со словомъ «bonjour», чтобъ этимъ самымъ поразить его?

Онъ пробуетъ и такъ и всѣ единогласно рѣшаютъ, что такъ не будетъ лучше.

— Нельзя-ли вамъ бросить ему плащъ? говоритъ Сара Бернаръ.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Перренъ,—вы этимъ испортите вашъ позднѣйшій эфектъ съ платкомъ.

— Гдѣ ему лучше стоять, въ центрѣ сцены или сбоку? раздается чей-то голосъ.

На этомъ я ухожу.

И повѣрятъ-ли, что все, что я видѣлъ сегодня, только ничтожная часть всѣхъ подготовительныхъ работъ для постановки одной пьесы. А мы еще удивляемся, какому счастливому дару природы французы обязаны тѣмъ, что сдѣлались первыми актерами въ свѣтѣ — безъ малѣйшаго труда.

СЛѢПОЙ МИНИСТРЪ.

Біографическій очеркъ.

Одной изъ особенностей новаго англійскаго министерства слѣдуетъ считать появленіе въ его средѣ слѣпого министра. Впервые не только въ Англіи, но, по всей вѣроятности, и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, вручается одно изъ высшихъ административныхъ мѣстъ человѣку, лишенному зрѣнія. Гладстонъ, сдѣлавъ министромъ почтъ и телеграфовъ извѣстнаго радикальнаго депутата, професора и публициста Генри Фосета,—доказавшаго своей предъидущей политической дѣятельностью, что, не смотря на слѣпоту, онъ видитъ лучше зрячаго,—не только пріобрѣлъ себѣ энергичнаго помощника для проведенія новыхъ великихъ реформъ, но положилъ конецъ одному изъ общественныхъ предразсудковъ, считавшему физическій недостатокъ помѣхою къ высшей общественной дѣятельности.

Генри Фосетъ дѣйствительно одна изъ самыхъ любопытныхъ личностей современной Англіи. Даже съ внѣшней стороны фигура слѣпого министра поражаетъ всѣхъ посѣтителей англійскаго парламента. «Физически, говоритъ Дэвидсонъ въ своей интересной книгѣ «Eminent radicals»,—Фосетъ олицетвореніе здоровья и силы; одинъ изъ самыхъ высокихъ людей въ палатѣ, онъ отличается длинными, мускулистыми ногами и руками, а такъ-же широкими плечами, въ могучихъ движеніяхъ которыхъ есть что-то львиное... Не смотря на отсутствіе зрѣнія, онъ самаго живого, веселаго нрава. Еслибъ онъ не сдѣлался ученымъ, то непремѣнно сталъ-бы боксеромъ, и если-бы не былъ философомъ, безъ сомнѣнія, прославился-бы какъ народный уличный ораторъ, потому что онъ имѣетъ природную склонность къ такъ называемой «народной черни». «Не идите рука въ руку съ народомъ, говоритъ онъ вмѣстѣ съ Ледрю-Роленомъ,—и вы очутитесь во мракѣ; инстинктъ народа—десница провидѣнія, вѣчно устремляемая къ истинному благу. Люди такого крупнаго калибра, какъ Фосетъ, обыкновенно становятся демократами и его энергичная натура, вмѣстѣ съ высшимъ интелектуальнымъ развитіемъ, неподкупной честностью и стойкимъ мужествомъ—лучшій матеріалъ для радикальнаго политическаго дѣятеля».

Генри Фосетъ родился въ окрестностяхъ Салисбюри въ 1833 году. Отецъ его еще живъ и, не смотря на свои 86 лѣтъ, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ радикаловъ Англіи и до сихъ поръ краснорѣчивый ораторъ въ общественныхъ собраніяхъ. Другъ Брайта, онъ принималъ горячее участіе въ агитаціи за отмѣну хлѣбныхъ законовъ; въ молодости занимаясь торговлей, онъ впослѣдствіи составилъ себѣ порядочное состояніе земледѣліемъ. Мать Фосета также замѣчательная женщина, она очень стара, но до сихъ поръ сохранила физическую свѣжесть и либеральныя политическія убѣжденія, которыя въ дѣтствѣ передала сыну. Счастливый въ отношеніи своихъ родителей, Фосетъ былъ не менѣе счастливъ и въ другихъ основныхъ условіяхъ, вліявшихъ на его дѣтство и юность. Его семейство было не богато и не бѣдно, а пользовалось именно тѣмъ среднимъ достаткомъ, который съ одной стороны не внушаетъ юношѣ презрѣнія къ труду, а съ другой даетъ средства учиться. До 14 лѣтъ онъ посѣщалъ мѣстную школу въ окрестностяхъ Салисбюри, а оттуда перешелъ въ колегію Квинвудъ, въ Гантѣ, гдѣ и оставался 2 года. Тамъ онъ пользовался уроками професоровъ Тиндаля и Франклоида. Затѣмъ онъ прошелъ курсъ въ королевской колегіи въ Лондонѣ и въ 1852 году поступилъ въ кембриджскій университетъ, гдѣ занимался отлично, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ первымъ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ. Выйдя изъ университета съ высшей ученой степенью въ 1856 году, онъ былъ выбранъ адъюнктомъ своей колегіи, но сначала не хотѣлъ было посвящать себя ученому поприщу, а жаждалъ политической дѣятельности. Самая проторенная дорога въ парламентъ—адвокатура, онъ и записался студентомъ въ Линкольнъ-Инъ.

Но тутъ случилось величайшее и, въ сущности, единственное несчастіе его жизни. Осенью 1858 года онъ отправился на охоту въ компаніи нѣсколькихъ пріятелей. Охотились на дичь и въ разсыпную; Фосетъ взбирался съ одной стороны холма въ ту самую минуту, когда другой охотникъ стрѣлялъ съ противоположной стороны по поднявшейся стаѣ куропатокъ. Двѣ дробинки разбили надѣтыя на Фосетѣ очки и засѣли въ сѣтчатой оболочкѣ обоихъ глазъ. Бѣдный юноша мгновенно ослѣпъ. Собственно физическія страданія продолжались недолго, но вся его будущность была уничтожена. Всякій другой на его мѣстѣ пришелъ-бы въ отчаяніе. Но удивительная энергія ни на минуту не покинула его. Адвокаты Линкольнъ-Ина, въ виду его несчастья и университетскихъ успѣховъ, предложили принять его безъ экзамена въ свою корпорацію, но Фосетъ благоразумно отказался отъ этого лестнаго предложенія, понимая, что адвокатская карьера для слѣпого немыслима или во всякомъ случаѣ подвержена большимъ опасностямъ. Но несчастіе не истребило въ немъ рѣшимости попасть въ парламентъ. Онъ самъ разсказываетъ, что черезъ 2 часа послѣ несчастнаго случая онъ поклялся, что слѣпота не сдѣлаетъ ни малѣйшей перемѣны въ его стремленіяхъ, цѣляхъ, обычаяхъ и привычкахъ. И онъ сдержалъ свою клятву. Занимая въ центрѣ Лондона скромный домъ съ большимъ садомъ, Фосетъ гуляетъ по его дорожкамъ одинъ цѣлыми часами; но лучше всего онъ любитъ прогулки пѣшкомъ въ своемъ родномъ Вильтширѣ, топографію котораго онъ такъ хорошо помнитъ, что не разъ случается ему учить своихъ проводниковъ, куда повернуть: направо или налѣво. Онъ постоянно посѣщаетъ университетскія гонки на Темзѣ, интересуется ихъ ходомъ болѣе всякаго зрячаго зрителя и самъ до сихъ поръ состоитъ первымъ гребцомъ въ лодкѣ «Старыхъ моряковъ» въ Кембриджѣ. Лѣтомъ онъ отлично плаваетъ, а зимой искустно катается на конькахъ въ сопровожденіи своей 11-лѣтней дочери. Онъ отлично ѣздитъ верхомъ: прибавьте къ этому, онъ большой любитель удить рыбу и считается знатокомъ въ этомъ излюбленномъ въ Англіи препровожденіи времени.

Еще удивительнѣе, что слѣпота нисколько не помѣшала Фосету въ политической общественной жизни. Поставивъ себѣ цѣлью вступить въ парламентъ и не имѣя ни связей, ни богатства, онъ прежде всего серьезно занялся политической экономіей, сталъ писать статьи въ журналахъ и говорить рѣчи по экономическимъ и политическимъ вопросамъ на публичныхъ собраніяхъ и толпа съ любопытствомъ стекалась слушать слѣпого лектора. Достигнувъ нѣкоторой извѣстности, онъ въ 1861 г. заявилъ свою кандидатуру въ радикальномъ смыслѣ въ Соутваркѣ, одномъ изъ лондонскихъ избирательныхъ округовъ. Эта смѣлость показалась дерзостью большинству избирателей, неимѣвшихъ понятія о новомъ кандидатѣ; когда-же на первомъ собраніи онъ оказался еще слѣпымъ и объявилъ, что, не имѣя большого состоянія, не будетъ платить избирательнымъ агентамъ, его провозгласили сумасшедшимъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась-бы эта смѣлая попытка, но Фосетъ самъ отказался отъ кандидатуры, не желая раздроблять либеральную партію, выставившую другого кандидата. Въ качествѣ радикала онъ потомъ заявлялъ свою кандидатуру въ Кембриджѣ и Брайтонѣ, но неуспѣшно. За то въ это время кембриджскій университетъ назначилъ его професоромъ по кафедрѣ политической экономіи, которую онъ занимаетъ до сихъ поръ. Наконецъ, въ 1865 году онъ былъ избранъ депутатомъ отъ Брайтона и оставался представителемъ этого города до 1874 г. Черезъ 2 мѣсяца послѣ оставленія имъ парламента, либералы лондонскаго избирательнаго округа Гакнея обратились къ нему съ просьбой быть ихъ представителемъ, и онъ былъ выбранъ.

Въ парламентѣ Фосетъ сразу занялъ видное мѣсто и, хотя не только завзятые тори, но даже нѣкоторые изъ умѣренныхъ либераловъ до того ненавидятъ его смѣлыя, строго логическія и пламенныя рѣчи, что уходятъ, какъ только онъ начинаетъ говорить, — замѣчательный слѣпецъ пользуется общимъ уваженіемъ друзей и враговъ. Всѣ одинаково отдаютъ ему справедливость въ его искреннемъ, честномъ и независимомъ служеніи интересамъ народа. Самое глубокое сочувствіе къ бѣднымъ и угнетеннымъ выражается во всѣхъ его рѣчахъ, онъ является всегда защитникомъ расширенія правъ и упроченія матеріальнаго благосостоянія рабочихъ класовъ, но онъ никогда не жертвуетъ своими принципами ради популярности и прямо указываетъ ихъ недостатки или заблужденія. Съ другой стороны, отличаясь благороднымъ самолюбіемъ, онъ никогда не искалъ власти и такъ-же безпристрастно относился къ членамъ своей партіи, какъ и къ торіямъ. Всѣмъ памятна его рѣзкая опозиція нѣкоторымъ изъ реформъ Гладстона, за ихъ недостаточно радикальный характеръ. Его пламенныя нападки на биль объ ирландскихъ университетахъ главнымъ образомъ привели къ пораженію этой мѣры и послѣдовавшему затѣмъ торжеству консерваторовъ. Конечно, Фосетъ не могъ предвидѣть такихъ результатовъ своей, быть можетъ, слишкомъ рѣзкой и исключительно теоретической опозиціи; онъ дѣйствовалъ искренно и честно, держась своихъ принциповъ и не считая возможнымъ жертвовать тѣмъ, что онъ считалъ истиной, ни ради улыбки министра, ни ради восторженныхъ рукоплесканій толпы.

Что касается политическихъ принциповъ Фосета, они большею частью тѣже, которыхъ держался его другъ и учитель Джонъ Стюартъ Миль. Его основная идея въ общественныхъ дѣлахъ ультра-индивидуализмъ. По его мнѣнію, чѣмъ рѣже проявляется вмѣшательство правительства, тѣмъ лучше. Многіе изъ столь-же искреннихъ радикаловъ, какъ Фосетъ, обвиняютъ его въ чрезмѣрномъ расширеніи этого принципа, что побуждало его, напр., сопротивляться во имя нарушенія частной свободы такимъ полезнымъ мѣрамъ, как сокращеніе часовъ женской работы на фабрикахъ и ограниченіе торговли спиртными напитками.

Величайшую славу и благодарность, не только настоящаго поколѣнія, но и будущаго, заслужилъ Фосетъ, какъ «депутатъ» Индіи. Это добровольно взятое на себя представительство дало ему многочисленнѣйшій въ мірѣ избирательный округъ и наложило на него самыя тяжелыя обязанности. Во все время консервативнаго торжества Фосетъ, въ сущности, былъ министромъ Индіи, а лорды Кронбрукъ и Стангопъ, официальные министры, были простыми чиновниками, получавшими жалованье и строчившими бумаги. Не отъ нихъ, а отъ слѣпого професора милионы индустанскихъ подданныхъ англійской королевы ждали устраненія претерпѣваемыхъ ими бѣдствій, удовлетворенія своихъ нуждъ, сочувствія и утѣшенія. Цѣною громадныхъ трудовъ и усилій добился Фосетъ полнаго, всесторонняго знакомства съ современнымъ положеніемъ Индіи, но, странно сказать, обстоятельство, побудившее его заняться вопросомъ, долженствовавшимъ составить его главную славу, какъ политическаго дѣятеля, было совершенно случайное. Онъ съ пламеннымъ негодованіемъ указалъ палатѣ на постыдную несправедливость предложенія, сдѣланнаго правительствомъ о томъ, чтобъ отнести на счетъ индійскаго бюджета расходы блестящаго празднества, даннаго султану въ Лондонѣ; эти бурныя пренія впервые сосредоточили его вниманіе на Индіи. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ изучать систематическую эксплуатацію Англіей этой страны и подвергъ самому тщательному анализу систему финансовъ и администраціи этой «жемчужины англійской короны». Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ посвящалъ по 4 часа въ день этому изслѣдованію, точно готовясь на экзаменъ, и когда у него не хватило матеріаловъ, онъ своимъ личнымъ вліяніемъ добился назначенія парламентскаго комитета объ индійскихъ финансахъ, который работалъ втеченіи 3 сесій. Доведя эту гигантскую работу до конца, Фосетъ усвоилъ себѣ индійскій вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ, заучилъ наизустъ всѣ главнѣйшія цифры и въ длинномъ рядѣ блестящихъ рѣчей и журнальныхъ статей ясно, логично и неопровержимо доказалъ, что Индія теперь выжатый лимонъ и если Англія не образумится, то «лучшая жемчужина ея короны» очутится вскорѣ у закладчика и страшное возстаніе угнетенной страны, пожалуй, поколеблетъ тронъ новой императрицы. Конечно, могучій голосъ Фосета былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, относительно администраціи Индіи, хотя въ мелкихъ вопросахъ индійскаго бюджета правительство лорда Биконсфильда слѣдовало указаніямъ одного изъ самыхъ страшныхъ своихъ противниковъ. Но это преданное служеніе «своимъ индійскимъ согражданамъ» доставило Фосету громадную популярность въ Англіи, которая, по его словамъ, притѣсняетъ Индію скорѣе «по недостатку мысли», чѣмъ по «недостатку сердца», а въ самой Индіи ни одно англійское имя не пользуется такой славой на базарахъ и въ жилищахъ самыхъ бѣдныхъ паріевъ, какъ имя слѣпого професора. И индійскій народъ не скрываетъ признательности къ «своему» замѣчательному государственному дѣятелю. Передъ послѣдними выборами во всей Индіи была открыта подписка, въ которой участвовали даже самые бѣдные люди на покрытіе расходовъ по избранію Фосета въ Гакнеѣ и собранная сумма, присланная на имя избирательнаго комитета, вполнѣ удовлетворила всѣмъ потребностямъ. А послѣ блестящей побѣды Фосета на выборахъ избиратели Гакнея получили благодарственный адресъ, подписанный многочисленными туземцами всѣхъ частей Индіи, которые, между прочимъ, высказываютъ, что «м-ръ Фосетъ по писанному закону вашъ представитель, а по неписанному, но вѣчному закону небеснаго правосудія—защитникъ всѣхъ бѣдныхъ, слабыхъ и угнетенныхъ во всей великобританской имперіи, одинъ изъ немногихъ англичанъ, основательно знакомыхъ съ положеніемъ Индіи, усвоившихъ себѣ всѣ подробности индійской администраціи и сдѣлавшихся краснорѣчивыми представителями нѣмыхъ миліоновъ, защищая ихъ естественное право на хорошее и справедливое управленіе и доказывая, что истинные интересы Индіи и Англіи тождественны».

Зная все это, конечно, каждый, слѣдящій за англійской политикой, былъ пораженъ извѣстіемъ, что «депутатъ Индіи», вступивъ въ новое либеральное министерство, одной изъ главныхъ задачъ котораго будетъ коренная реформа финансовъ и администраціи этой несчастной страны, не занялъ мѣста министра по индійскимъ дѣламъ, которое уже давно сулило ему общественное мнѣніе. Едва-ли можно винить Гладстона за то, что онъ пропустилъ случай дать мѣсто человѣку, созданному для него: вѣроятно, Гладстона удержала отъ этого назначенія кромѣ неизбѣжныхъ соображеній главы партіи, обязаннаго помирить интересы ея различныхъ отраслей и даже личныя притязанія ея выдающихся дѣятелей, — благоразумная осторожность практическаго человѣка, еще не убѣдившагося въ административныхъ способностяхъ слѣпого професора. Во всякомъ случаѣ, по словамъ самого Фосета, его назначеніе министромъ почтъ и телеграфовъ не лишаетъ его возможности служить интересамъ Индіи, хотя, быть можетъ, и инымъ путемъ.

Что касается самаго мѣста, которое занялъ Фосетъ въ министерствѣ Гладстона, то «Daily News» справедливо замѣчаетъ, что министерство почтъ и телеграфовъ только повидимому скромное, а въ сущности его дѣятельность касается ближе и, такъ сказать, ежеминутнѣе потребностей и интересовъ всѣхъ класовъ, чѣмъ официальная работа другихъ вѣдомствъ. Къ тому-же эта отрасль управленія даетъ широкій просторъ оригинальнымъ идеямъ, не только въ техническихъ приспособленіяхъ, но и въ экономическомъ развитіи народнаго благосостоянія, на которое, какъ извѣстно, очень повліяло въ Англіи учрежденіе почтовыхъ банковъ, куда во всякое время бѣдный работникъ можетъ вносить свои сбереженія. Съ одной стороны ускореніе и удешевленіе почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній, а съ другой предоставленіе рабочему класу лучшихъ и выгоднѣйшихъ способовъ помѣщать сбереженную копѣйку—вотъ реформы, достиженіемъ которыхъ занялся, по его словамъ, новый министръ.

Конечно, новая специальная и полезная дѣятельность разовьетъ въ сравнительно еще молодомъ государственномъ дѣятелѣ практическую снаровку, необходимую въ дѣлѣ управленія, сгладитъ, быть можетъ, слишкомъ рѣзкія угловатости его пламеннаго краснорѣчія, нисколько не измѣняя его принциповъ и подготовитъ его къ занятію въ близкомъ будущемъ болѣе важнаго поста, по всей вѣроятности, министра финансовъ.

Обращая вниманіе исключительно на политическую дѣятельность слѣпого министра, мы упомянемъ, что онъ столь-же извѣстенъ, какъ ученый, публицистъ и авторъ многихъ замѣчательныхъ, глубоко продуманныхъ экономическихъ сочиненій, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимаютъ: «Учебникъ политической экономіи», «Пауперизмъ, его причины и способы его уничтоженія» и вышедшее въ прошломъ году «Свобода торговли и протекціонизмъ».

Но было-бы несправедливо, говоря объ этомъ высоко-талантливомъ слѣпомъ труженикѣ, не сказать хотя двухъ словъ о тѣхъ неутомимыхъ глазахъ, которые вполнѣ успѣшно замѣняютъ его собственные. Жена его, м-съ Милентъ Фосетъ, урожденная Гарретъ, одна изъ самыхъ видныхъ представительницъ женскаго движенія въ Англіи. Выйдя замужъ 20 лѣтъ за слѣпого професора въ 1867 г., она съ тѣхъ поръ сдѣлалась самой ревностной помощницей во всѣхъ его ученыхъ и литературныхъ трудахъ, что не мѣшаетъ и ей самой быть замѣчательнымъ авторомъ и публицистомъ. Ея «Политическая экономія для начинающихъ» и «Разсказы изъ политической экономіи» переведены на русскій языкъ.

Къ рисункамъ.

Подписчица, картина Крауса.—Воскресенье. Вечерняя молитва окончена, молитвенникъ покоится на комодѣ. Мужъ—какой-нибудь ремесленникъ, или мелкій чиновникъ, а то и просто лавочникъ—отправился въ ближайшую кофейню поболтать съ сосѣдями за кружкою пива. Они несомнѣнно будутъ судить о политикѣ, поговорятъ о князѣ Бисмаркѣ, а въ концѣ, когда тема на политическіе разговоры истощится, они примутся играть въ карты. Въ домѣ тихо, все убрано; насталъ, наконецъ, и для старушки часъ отдыха и покоя отъ житейской сцены; она можетъ теперь приняться за чтеніе мѣстной газеты и узнать, что творится на божьемъ свѣтѣ. Она—типичная представительница Тюрингіи и много работала на своемъ вѣку. Доброе, старое время! Старушка свято хранитъ обычаи отцовъ и сохранила прежнюю прическу съ большимъ шелковымъ бантомъ. На лицѣ, старомъ, морщинистомъ, но все еще прекрасномъ, видны слѣды годовъ и долгой, трудовой жизни. Она надѣла очки и съ большимъ возростающимъ интересомъ читаетъ дешевую газету... Краусъ превосходно схватилъ этотъ типъ со всѣми мелочными подробностями. Надо отдать справедливость и граверу: эта маленькая гравюра отличается замѣчательною тонкостью отдѣлки и скорѣе напоминаетъ французскій «офортъ», чѣмъ простую гравюру на деревѣ.

Паціентка, Зондерланда. — Зондерландъ знатокъ дѣтской жизни и всѣ его картины изъ этой жизни превосходны: теплая любовь къ дѣтямъ, умѣнье подмѣтить ихъ шалости, продѣлки, пороки и добродѣтели, способность разнообразить дѣтскіе типы, тонкій юморъ и при этомъ хорошо выработанная техника, много вкуса, — вотъ особенности картинъ Зондерланда. Таковы его картины: «Лѣсной сторожъ», помѣщенная у насъ еще въ прошломъ году, «Учитель пѣнія», изображающая учителя пѣнія, прикладывающагося къ рюмочкѣ въ минуту паузы и т. д. Тѣми-же достоинствами отличается и помѣщаемая въ настоящемъ нумерѣ картина Зондерланда «Паціентка». Содержаніе картины понятно: съ подвязанными зубами больная кукла; дѣвочка, дающая ей съ серьезнымъ видомъ доктора лѣкарство; заинтересованная этимъ домашнимъ несчастіемъ собака, слѣдящая за ходомъ лѣченья,—все это прелестно.

Майская ночь, И. Н. Крамского.—Говоря о художественной дѣятельности И. Н. Крамского, мы упоминали уже и о картинѣ «Майская ночь» или «Русалки»,—картинѣ, навѣянной поэтическимъ разсказомъ Гоголя. Эта картина превосходна по поэзіи, по освѣщенію, по техникѣ. И. Н. Крамской является здѣсь настоящимъ мастеромъ.

Событіе въ дѣтской жизни.—Послѣдняя парижская выставка изобилуетъ превосходными произведеніями. Вѣрные своей задачѣ, мы познакомимъ нашихъ читателей съ лучшими изъ этихъ произведеній, красующихся въ парижскомъ «Салонѣ» нынѣшняго года. Картина, помѣщаемая нами въ настоящемъ нумерѣ, прекрасна по простотѣ: передъ вами група рабочихъ, среди которыхъ сидитъ ребенокъ съ попорченной имъ рукой и стоитъ лицо, дѣлающее перевязку,—вотъ и все. Но какъ хороша и, главное, какъ проста эта група: ребенокъ, старающійся геройски вынести перевязку, озабоченная женщина, съ любопытствомъ смотрящіе мужчины, все это превосходно и во всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія бить на эфектъ.

Неронъ, Каульбаха.—Талантъ покойнаго Каульбаха хорошо извѣстенъ нашимъ читателямъ, такъ какъ произведенія этого замѣчательнаго художника помѣщались не разъ на страницахъ нашего журнала. «Неронъ» принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ произведеній Каульбаха: это алегорическое изображеніе «времени Нерона», этого кровожаднаго тирана, безпримѣрнаго развратника и плохого поэта. На картинѣ Каульбаха вы видите и христіанскихъ мучениковъ, и палачей-солдатъ, исполняющихъ волю Нерона, и сладострастныхъ женщинъ и мальчугановъ, прислуживающихъ развратному властителю, и наконецъ самого Нерона, увѣнчаннаго въ качествѣ поэта, готоваго произнести свои плохія вирши. Мы не поклонники алегорическихъ картинъ, но алегорическія картины Каульбаха всегда интересны потому, что онѣ состоятъ изъ превосходныхъ, вполнѣ реальныхъ групъ, на которыя нельзя достаточно налюбоваться, разсматривая ихъ, какъ отдѣльныя картины.

Христіанская мученица.—Кромѣ парижскаго «Салона» нынѣшній годъ отличается богатствомъ художественныхъ произведеній туринская выставка. Мы познакомимъ нашихъ читателей съ нѣкоторыми изъ произведеній, обращающихъ на себя вниманіе на этой выставкѣ. Изъ числа скульптурныхъ произведеній, выдается своими достоинствами статуя Франчески «Христіанская мученица»—привязанная къ кресту молодая дѣвушка. Фигура оригинальна и не лишена выразительности и въ тоже время красоты.

Смѣсь.

— **Трудъ Н. В. Слюнина** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Первый выпускъ труда г. Слюнина, подъ заглавіемъ «Русскія народныя знаменитости», разсказы о самоучкахъ, съ портретами, содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о Волосковѣ, Голдыревѣ, Земскомъ, Лебедевѣ, Микѣшинѣ и Щегловѣ, малоизвѣстныхъ самоучкахъ. Это изданіе предназначается для дѣтей и начальныхъ училищъ и обѣщаетъ составить полезный вкладъ въ литературу для начальнаго чтенія. Кто знаетъ, сколько самоучекъ пропадаетъ безслѣдно, тотъ понимаетъ, какъ важно свести въ одно цѣлое хотя-бы то, что уже появлялось о нихъ въ печати, чѣмъ именно, повидимому, и задался г. Слюнинъ.

— **Новая пьеса А. А. Соколова.** Авторъ извѣстной комедіи «Со ступеньки на ступеньку», пользовавшейся успѣхомъ какъ на столичной сценѣ, такъ и въ провинціи, написалъ новую драму въ пяти дѣйствіяхъ, подъ названіемъ «Земское дѣло—семейное дѣло». Пьеса эта, по слухамъ, въ непродолжительномъ времени будетъ поставлена на сценѣ Ораніенбаумскаго театра.

— **Новости петербургскихъ театровъ.** Хотя до открытія спектаклей осенняго сезона въ петербургскихъ драматическихъ театрахъ не близко, но уже достовѣрно извѣстны нѣкоторыя, не лишенныя интереса, новинки по поводу постановки пьесъ. Для открытія александринскаго театра (16 августа) будетъ поставлена безсмертная комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума» при участіи лучшихъ персонажей труппы. Кромѣ того пойдетъ «Каменный гость», Пушкина. Остается искренно порадоваться постановкѣ произведеній Грибоѣдова и Пушкина, которымъ, къ сожалѣнію, въ прошломъ сезонѣ не было мѣста на драматической сценѣ.

— **Клинообразная надпись.** Извѣстный англійскій оріенталистъ сэръ Раулинсонъ разобралъ надняхъ замѣчательную надпись, составленную клинообразными буквами на асирійскомъ языкѣ. Въ этой надписи царь Киръ персидскій, обращаясь въ первомъ лицѣ къ современникамъ и потомству, повѣствуетъ о завоеваніи Асиріи и взятіи Вавилона его войсками. Повѣствованіе это не имѣетъ ничего общаго съ извѣстною легендою «Валтасаръ», сохранившеюся въ еврейскихъ традиціяхъ.

— **Разгадка задачи, извѣстной подъ именемъ «игры въ пятнадцать».** 1) Почти нѣтъ дома, семьи, въ которой-бы не нашлось игры въ пятнадцать. Кто не передвигалъ на тысячи ладовъ разставленныя въ безпорядкѣ въ квадратномъ ящикѣ деревяшки съ цифрами отъ 1 до 15, чтобы размѣстить ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ номеровъ. «Терпѣнья побольше, терпѣнья» гласитъ надпись на безчисленныхъ ящикахъ, въ которыхъ продаются игры съ заколдованными деревяшками, то послушно устанавливающимися въ порядкѣ, то упорно сопротивляющимися усиліямъ игрока разставить ихъ какъ указано въ инструкціи; а инструкція гласитъ: «Перемѣшавъ деревяшки въ коробочкѣ, стараться движеніемъ привести ихъ въ порядокъ». Порядокъ изображенъ обыкновенно на ящикѣ. Онъ состоитъ въ размѣщеніи цифръ послѣдовательно, считая отъ единицы и начиная съ верхняго лѣваго угла, слѣва направо. Игра эта способна сильно подзадоривать. Она то удается, то не удается. Многократный успѣхъ вселяетъ въ играющемъ убѣжденіе, что задача осуществима. Онъ склоненъ приписать неудачу единственно своему неумѣнью и продолжаетъ настойчиво преслѣдовать свою цѣль.

Предлагаемыя разъясненія имѣютъ цѣлью доказать, что задача «игры пятнадцать» не всегда разрѣшима въ томъ видѣ, какъ она задана. Она дѣлается разрѣшимою во всякомъ случаѣ если мы измѣнимъ самое заданіе слѣдующимъ образомъ: цѣль «игры въ пятнадцать» заключается въ томъ, чтобы размѣщенные въ квадратномъ ящикѣ въ произвольномъ безпорядкѣ кубики расположить въ номераціонномъ порядкѣ цифръ или слѣва направо, начиная съ лѣваго верхняго угла или справа налѣво, начиная съ праваго верхняго угла. Однимъ словомъ нужно дать расположеннымъ въ произвольномъ безпорядкѣ кубикамъ одно изъ слѣдующихъ расположеній:

I. Нечетное.

1 2

1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
13	14	15	

4 3

II. Четное.

1 2

4	3	2	1
8	7	6	5
12	11	10	9
	15	14	13

4 3

Въ одномъ случаѣ (I) цифра 1 стоитъ въ нечетномъ, а въ другомъ случаѣ (II) въ четномъ углу. Въ виду этого будемъ называть порядокъ I нечетнымъ, а порядокъ II—четнымъ.

2) Поставимъ цѣлью нашего изслѣдованія доказать невозможность придти при каждомъ произвольномъ размѣщеніи деревяшекъ въ ящикѣ къ порядку ! и отыскать наружный признакъ, по которому можно было бы заключить напередъ, къ какому рѣшенію можно придти: нечетному или четному.

Возьмемъ произвольный рядъ цифръ отъ 1 до 15 включительно:

12, 6, 4, 13, 9, 8, 1, 3, 10, 15, 14, 11, 7, 2, 5. . (2)

Расположимъ деревяшки въ ящикѣ, слѣдуя порядку цифръ въ строкѣ, начиная отъ верхняго нечетнаго угла слѣва направо. Получимъ:

1 2

12	6	4	13
9	8	1	3
10	15	14	11
7	2	5	

4 3

Передвигая деревяшки съ цѣлью достигнуть нечетнаго порядка, играющій убѣдится скоро, что этого достигнуть невозможно. Тогда ему надлежитъ добиваться четнаго порядка, котораго онъ и достигнетъ.

Повторяя тоже самое съ другимъ рядомъ цифръ, въ другомъ произвольномъ порядкѣ, играющій убѣдится, что каждый разъ когда достигается нечетное рѣшеніе, не можетъ быть достигнуто четное и наоборотъ.

Теперь расположимъ цифры предъидущаго ряда въ обратномъ порядкѣ Тогда получимъ:

5, 2, 7, 11, 14, 15, 10, 3, 1, 8, 9, 13, 4, 6, 12. . (1)

Размѣщая деревяшки въ ящикѣ по той-же системѣ, придерживаясь обратнаго порядка, получимъ:

1 2

5	2	7	11
14	15	10	3
1	8	9	13
4	6	12	

4 3

Это расположеніе цифръ приводитъ къ нечетному порядку. Повторяя тоже самое съ другими цифрами, расположенными въ другомъ произвольномъ порядкѣ, не трудно убѣдиться, что если одинъ какойлибо порядокъ приводитъ къ нечетному рѣшенію, то прямо противуположный порядокъ приводитъ къ рѣшенію четному.

3) Для насъ долженъ имѣть интересъ вопросъ о томъ, въ сколькихъ различныхъ порядкахъ могутъ расположиться въ ящикахъ деревяшки. На это можно дать вполнѣ точный отвѣтъ.

Изъ алгебры извѣстно, что если мы имѣемъ рядъ буквъ a, b, c, d, то буквы эти можно расположить въ различныхъ порядкахъ; напр abcd; adbc; cabd. Эти различные порядки называются переложеніями. Число ихъ можетъ быть съ точностью опредѣлено для различнаго числа буквъ. Этого можно достигнуть самому безъ спеціальнаго знанія алгебры. Такимъ образомъ 3 буквы a, b и c можно расположить слѣдующими 6-ю способами:

abc, acb, bac, bca, cab, cba.

Число переложеній изъ 6 буквъ равняется 6, т. е. 2. 3.

Продолжая разсуждать такимъ образомъ, мы придемъ къ слѣдующимъ выводамъ:

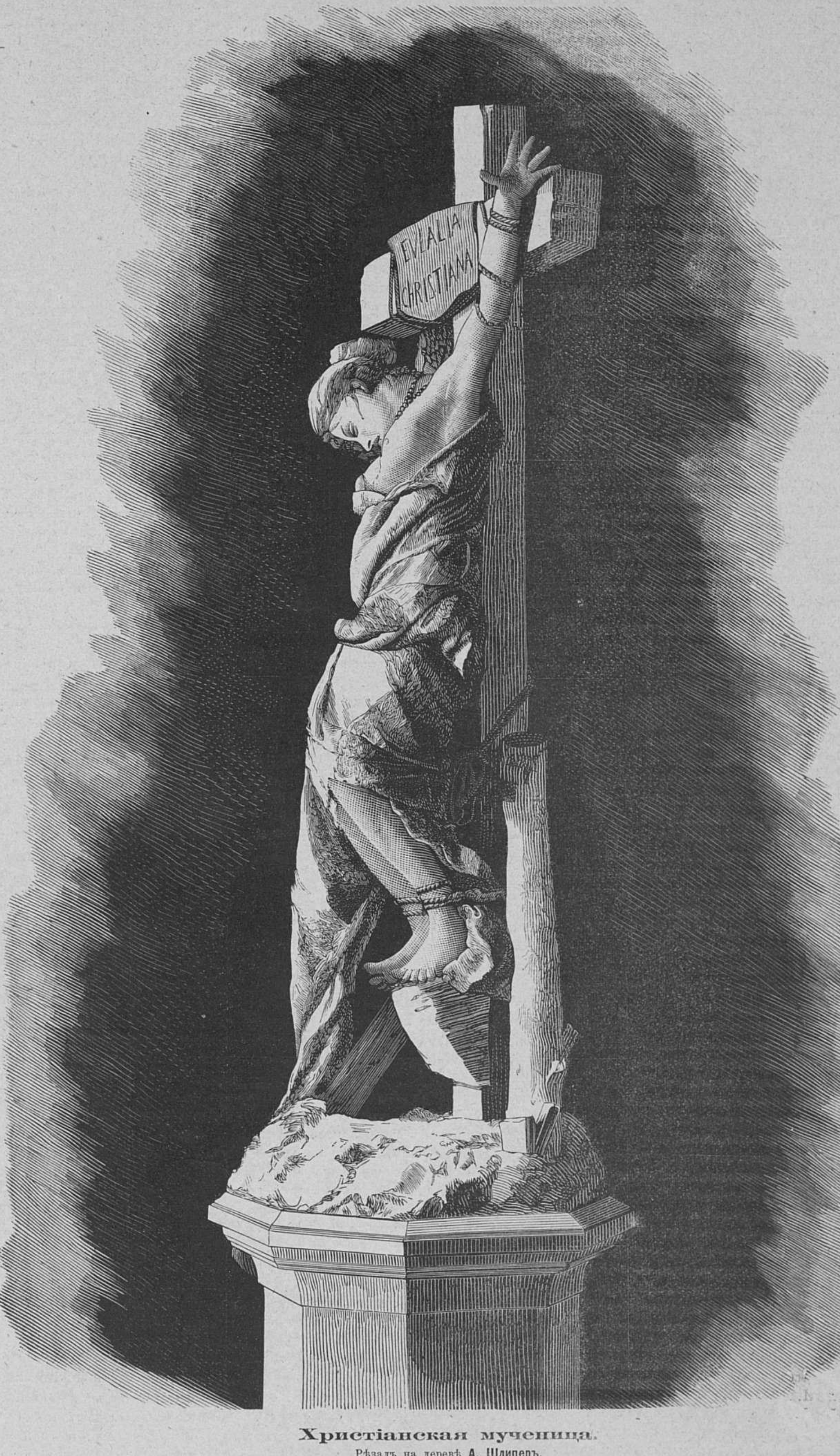
Число переложеній изъ 2-хъ буквъ=2.
» » » 3-хъ » =2. 3.
» » » 4-хъ » =2. 3. 4.
» » » 5-ти » =2. 3. 4. 5
и т. д.

Очевидно, что буквы можно замѣнить деревяшками съ цифрами и тогда мы найдемъ, что число переложеній изъ 15 цифръ опредѣлится такъ:

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15 =
1, 307, 674, 368, 000.

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ 1880 ГОДА.

СКУЛЬПТУРА ЭМИЛІО ФРАНЧЕСКИ (изъ Неаполя).



Христіанская мученица.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

И такъ деревяшки съ цифрами можно расположить въ рядъ различными способами.

Каждому порядку цифръ соотвѣтствуетъ другой обратный.

Такимъ образомъ 653, 837, 184, 000 размѣщеній деревяшекъ въ ящикѣ приводятъ къ четному и столько-же къ нечетному рѣшенію.

4) Предложимъ теперь нѣсколько примѣровъ:

13, 3, 11, 7, 10, 9, 12, 5, 15, 8, 6, 2, 14, 1, 4. . (3)
4, 1, 14, 2, 6, 8, 15, 5, 12, 9, 10, 7, 11, 3, 13. . (4)
10, 14, 15, 13, 11, 12, 5, 2, 3, 9, 8, 6, 7, 4, 1. . (5)
1, 4, 7, 6, 8, 9, 3, 2, 5, 12, 11, 13, 15, 14, 10. . (6)
5, 7, 1, 4, 3, 9, 15, 12, 10, 3, 14, 2, 13, 6, 11. . (7)
11, 6, 13, 2, 14, 3, 10, 12, 15, 9, 8, 4, 1, 7, 5. . (8)
14, 1, 3, 2, 15, 6, 13, 9, 10, 11, 8, 7, 4, 12, 5. . (9)
5, 12, 4, 7, 8, 11, 10, 9, 13, 6, 5, 2, 3, 1, 14 . .(10)

Если играющій станетъ размѣщать деревяшки въ ящикѣ слѣва направо, начиная съ верхняго лѣваго угла, и затѣмъ начнетъ ихъ передвигать, то онъ убѣдится: 1) что случаи (3), (5), (7), (9) приводятъ къ нечетному рѣшенію, а случаи (4), (6), (8), 10) къ четному рѣшенію; 2) что изъ каждаго порядка нечетнаго можно перейдти въ любой другой нечетный, точно также какъ изъ каждаго четнаго порядка можно перейдти въ каждый четный и 3) что переходъ изъ любого четнаго въ нечетный и наоборотъ невозможенъ.

Такъ какъ всѣ нечетные порядки могутъ быть сведены къ своему первоначальному виду (I), а всѣ четные къ своему первоначальному виду (II), то отсюда выходитъ, что всѣ 653, 837, 184, 000 нечетныхъ размѣщеній вытекаютъ изъ первоначальнаго вида (I), который составляетъ какъ-бы ихъ первообразъ или начало. Такое-же число четныхъ размѣщеній вытекаетъ изъ своего первообраза, начала (II). Это какъ-бы происхожденіе отъ 2 различныхъ родоначальниковъ 2 самобытныхъ племенъ, многочисленные члены которыхъ способны преобразовываться и превращаться другъ въ друга, оставаясь однакоже всегда вѣрными своему роду и нося неизмѣнный признакъ принадлежности къ нему.

5) Признакъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: каждому мало-мальски опытному игроку приходится, конечно, убѣдиться на опытѣ, что расположить деревяшки въ первыхъ 3 рядахъ въ номераціонномъ порядкѣ отъ 1 до 12 справа налѣво, или слѣва направо не представляетъ никакой трудности. Затрудненія начинаются только съ 4 ряда. Здѣсь послѣднія 3 деревяшки (13, 14, 15) могутъ расположиться слѣдующими 6 способами:

1) 13, 14, 15   4) 13, 15, 14
2) 14, 15, 13   5) 14, 13, 15
3) 15, 13, 14   6) 15, 14, 13

Порядокъ расположенія деревяшекъ въ послѣднемъ ряду и даетъ возможность опредѣлить, съ какимъ разрядомъ размѣщеній имѣетъ играющій дѣло. Объяснимъ это. Расположенія (2) и (3) (когда рядомъ стоящія цифры расположены слѣва направо) легко привести, передвигая деревяшки двухъ послѣднихъ рядовъ, къ расположенію 1, а расположеніе (4) и (5) къ располож. 6.—Въ первомъ случаѣ получится нечетное, а во второмъ четное рѣшеніе.

6) Изъ всего сказаннаго легко усмотрѣть, что исходъ «игры въ пятнадцать» вовсе не зависитъ отъ сообразительности играющаго. То или другое произвольное расположеніе деревяшекъ рядомъ передвиганій неизбѣжно должно возвратиться къ своему первообразу и тайна превращенія обнаруживается помимо воли и независимо искуства играющаго только послѣ того, какъ первыя 12 деревяшекъ расположатся въ порядкѣ.

— **Пиратъ** (Разсказъ Бретъ-Гарта). «Однажды, когда я былъ пиратомъ...»

Это говорилъ уже пожилой джентльменъ въ безукоризненномъ вечернемъ туалетѣ; комната была отдѣлана съ большимъ вкусомъ; общество—самое избранное; обстановка фешенебельная; поводомъ къ собранію послужилъ изысканнѣйшій обѣдъ.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что говорившій былъ самъ хозяинъ. А при такомъ условіи, всякому благовоспитанному гостю оставалось только отнестись къ разсказываемому съ неопредѣленной улыбкой, не то добродушнаго скептицизма, не то любезной готовности вполнѣ признать истину сообщаемаго факта. И дѣйствительно, всѣ мы старались выказать полную готовность вѣрить, что хозяинъ нашъ былъ пиратомъ (если только онъ когда-нибудь былъ имъ), но при этомъ вполнѣ облагороженнымъ пиратомъ, вѣроятно, никогда не преступавшимъ границъ хорошаго тона.

Это еще болѣе подтвердилось восклицаніемъ молоденькой миссъ Джонсъ:

— Ахъ, какъ это должно быть мило!

— Но, конечно, господа, продолжалъ разсказчикъ,—я долженъ предупредить васъ, что это было очень давно, когда я былъ еще совсѣмъ мальчишкой.

— Конечно! невольно подтвердили мы, хотя странно, что мы какъ бы подтверждали, что представленіе о пиратствѣ должно быть нераздѣльно связано съ юностію.

— Мнѣ кромѣ того хотѣлось-бы пояснить вамъ, господа, продолжалъ онъ,—что именно заставило меня избрать этотъ родъ жизни.

— О, это совершенно излишне! вставилъ было по французски одинъ изъ гостей, Легранъ, секретарь патагонскаго посольства; сосѣдъ его, англичанинъ, подтвердилъ также: «О, да!»

— Есть, знаете, книга, продолжалъ англичанинъ вполголоса,—кажется, капитана Кэнота, такъ тамъ тоже описывается, какъ одинъ благовоспитанный молодой человѣкъ...

Но тутъ его деликатно толкнули подъ локоть.

— Я убѣжалъ изъ дома, разсказывалъ нашъ хозяинъ и затѣмъ, остановившись, обратился преимущественно къ иностранцамъ:

— Не знаю, достаточно-ли ясно вы понимаете меня, но я хочу сказать, что подобное бѣгство, или оставленіе родительскаго дома, отчасти свойственная всѣмъ американцамъ страсть, такъ какъ у насъ отдѣленіе младшаго члена отъ семьи вовсе не считается предосудительнымъ. Это вытекаетъ изъ естественныхъ условій: карьера его почти всегда лежитъ внѣ родительскаго крова; для васъ семья—все: состояніе, наслѣдственные почести и титулы, которые считается гордостію поддерживать... У насъ-же напротивъ: дѣти, которыя не ожидаютъ прямого наслѣдства, а сами способствуютъ улучшенію домашняго благосостоянія—рѣдкія исключенія. Поэтому всякій заботится только о себѣ. Достаточно-ли ясно я выразилъ это?

Франко-патагонскій секретарь нашелъ, что это въ высшей степени либерально и разумно. Баронъ фон-Пецль замѣтилъ, что подобные нравы начали уже отчасти прививаться и въ Германіи. Виконтъ Пикадило шепнулъ своему сосѣду:

— А вѣдь, знаете, дѣйствительно теперь часто младшіе сыновья здѣсь въ Америкѣ уходятъ куда-нибудь въ Австралію и занимаются первымъ попавшимся ремесломъ, или, напримѣръ, разведеніемъ овецъ; но вѣдь, если въ семьѣ...

— Со мной отецъ всегда обращался хорошо, будто въ отвѣтъ ему вставилъ хозяинъ,—и у насъ въ семьѣ все дѣлилось поровну между братьями, на родинѣ, въ новой Англіи, но не смотря на это, я все-таки бѣжалъ и пустился въ море.

— Продолжайте-же, какъ вы сдѣлались пиратомъ! нетерпѣливо сказала миссъ Джонсъ.

Знатные иностранцы молча переглянулись другъ съ другомъ, вѣроятно, дѣлая про себя заключеніе о свойственной большей части американскихъ женщинъ свирѣпости.

— Я сѣлъ на пароходъ ливерпульскаго общества, продолжалъ разскащикъ, но тутъ Легранъ снова обратился къ нему за объясненіемъ неяснаго для него англійскаго названія корабля (bottom).

— Я думаю, мнѣ излишне будетъ, господа, пояснять вамъ, что это было еще во время свободной торговли, когда американскіе корабли... когда американскія суда, говорю я, еще имѣли право свободнаго плаванія и преимущество нашего флага...

Здѣсь Легранъ снова заволновался... Пикадило также находилъ что-то нужное сказать своему сосѣду.

— Но я бѣжалъ съ корабля вслѣдствіе дурного обращенія со мною помощника штурмана,—человѣка, достигшаго своего поста, какъ говорили, исключительно благодаря только необычайной физической силѣ и грубости... Онъ даже, кажется, былъ бѣглый изъ тюрьмы. Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ однажды до безчувствія избилъ матроса за пустячное нарушеніе дисциплины. Я слышалъ потомъ, что онъ даже не щадилъ больныхъ.

— Вы читали когда-нибудь Дана̀: «Два года у мачты?» обратился къ нему Лайтбоди, одинъ изъ гостей, посредственный литераторъ;—вотъ, я вамъ скажу, интересная книга; тамъ какъ разъ описаны эти штуки! Возмутительно!

— А кто этотъ Дана̀? снова вмѣшался патагонецъ.

Сосѣдъ его съ лѣвой стороны, наклоняясь къ нему, сказалъ вполголоса:

— А это тотъ, который написалъ «Энциклопедію» и еще издавалъ: «Солнце».

Сосѣдъ съ правой стороны добавилъ Леграну:

— Онъ хотѣлъ попасть въ англійское посольство, не знаете? и не былъ принятъ.

Патагонскій секретарь, плохо понимающій языкъ, дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Что какой-то Дана̀, вслѣдствіе строгой дисциплины издателя «Солнца», одного изъ лучшихъ американскихъ писателей, сдѣлавшись шкиперомъ на американскомъ суднѣ, лишился возможности быть принятымъ въ посольство. (Ah, ciel!»)

— Такимъ образомъ, продолжалъ разсказчикъ,—убѣжавъ съ корабля, я нѣсколько дней толкался по пристанямъ, пока меня случайно не замѣтилъ какой-то, какъ оказалось, португалецъ-матросъ. Заинтересованный моей исторіей, онъ предложилъ мнѣ проѣхать въ Файль или Лисабонъ, гдѣ, какъ онъ увѣрялъ меня, я легко могу пріобрѣсти средства и, если захочу, возвратиться на родину. И этотъ человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи самымъ безсовѣстнымъ и безсердечнымъ изъ пиратовъ, словомъ, типъ самаго отчаяннаго морского разбойника, о которомъ когда-либо писалось въ книгахъ,—былъ для меня лучшимъ другомъ, необыкновенно ласковымъ, предупредительнымъ и даже нѣжнымъ. Это былъ отличный морякъ; быть можетъ, то было свойство его расы, изъ которой впродолженіи вѣковъ выходили замѣчательные моряки.

— Читали вы когда-нибудь книгу «Годъ по Португаліи»? спросилъ снова Лайтбоди,—знаете, странная вещь...

— Не угодно-ли вамъ будетъ, любезнѣйшій американскій пиратъ, продолжать свое повѣствованіе? прервала вдругъ миссъ Джонсъ, многозначительно взглянувъ на Лайтбоди.

Но изящный англичанинъ не смутился и деликатно продолжалъ:

— Странно, что въ этомъ «Годѣ»... я хотѣлъ сказать, что португальцы замѣчательно правдивы...

— Такъ я сѣлъ съ нимъ на бригъ, бывшій въ то время въ С.-Нито съ товаромъ. Но едва только мы отчалили, какъ мнѣ тотчасъ-же пришлось убѣдиться въ истинномъ значеніи пріютившаго меня корабля. Я, конечно, не буду устрашать васъ излишними подробностями. Довольно, если я скажу, что все, что только вы могли читать или слышать изъ жизни пиратовъ, было тутъ на лицо. Но я былъ счастливъ хотя тѣмъ, что, благодаря своему другу португальцу, избавлялся отъ необходимости присутствовать при возмутительныхъ сценахъ, тѣмъ болѣе принимать въ нихъ участіе. Дисциплина на нашемъ бригѣ была превосходная и ни одно благотворительное общество, ни одна внутренняя организація какого-нибудь учрежденія не могла, кажется, выказывать большаго самоотверженія и преданности доброму дѣлу, какъ мы въ разбойничьемъ ремеслѣ. У насъ всегда каждый долженъ былъ принимать участіе въ какомъ-нибудь предпріятіи... Однажды капитанъ нашъ чуть не выбилъ мозги изъ нашего квартирмейстера...

— Ахъ, это напоминаетъ мнѣ объ убійствѣ Джорджіа! началъ было Лайтбоди,—это еще было въ одномъ журналѣ... Ахъ, извините!

— За то только, продолжалъ нашъ хозяинъ прерванную фразу,—что тотъ прервалъ его въ разговорѣ съ офицеромъ... Эй, Джекъ, передай шампанское м-ру Лайтбоди!

Онъ остановился на минуту, выжидая, что кто-нибудь снова прерветъ его, но даже Легранъ молчалъ.

— Такъ вотъ что я хотѣлъ разсказать: однажды, въ Кораловомъ морѣ, мы приблизились къ одному изъ острововъ, служившихъ уже издавна мѣстомъ свиданія для подобныхъ кораблей. Мы стали на якорь по приказу нашего португальца, отлично знавшаго мѣсто и на искуство котораго мы вполнѣ полагались. Я тѣмъ болѣе вѣрилъ въ него, что еще только нѣсколько дней до этого онъ сказалъ мнѣ, что я скоро буду имѣть возможность оставить корабль и возвратиться на родину. Съ брига спустили баркасъ для сообщенія съ берегомъ, откуда должны были доставить намъ свѣденія и припасы. Баркасомъ управляло 8 человѣкъ подъ начальствомъ перваго штурмана, забавнаго, практическаго ново-голандца и честнаго малаго, если только я могу примѣнить этотъ эпитетъ къ пирату. Кромѣ того онъ обладалъ необыкновенною смѣлостью и физическою силой. Но все-таки надъ всѣми нами преобладалъ мой португалецъ, управлявшій рулемъ и выхлопотавшій мнѣ позволеніе поѣхать вмѣстѣ съ ними. Я, конечно, былъ и радъ, и немного побаивался, такъ какъ, понимаете...

— О, да, конечно! само-собой разумѣется! Какъ-же и могло быть иначе! послышались голоса.

— Двое вѣрныхъ людей были посланы на берегъ за инструкціями. Мы, между тѣмъ, стояли не вдалекѣ отъ низкаго, отѣненнаго густыми пальмами берега; команда сложила весла, поставивъ шлюпку противъ гряды волнъ. Штурманъ и я сидѣли на офицерскомъ мѣстѣ, устремивъ глаза на берегъ въ ожиданіи сигнала. Ночь была облачная, безлунная. И, можетъ быть, именно поэтому я обратилъ особенное вниманіе на яркое фосфорическое сіяніе волнъ тропическаго моря. Изъ обширной дали широкими блѣдно-огненными полосами плыла на насъ водяная масса, разсыпаясь сверкающими искрами о носъ нашей шлюпки и снова расходясь въ видѣ серебряныхъ нитей, дробившихся о скалистые мысы. Все обширное море сверкало и блестѣло точно другое небо, на которомъ темными силуэтами выдѣлялись сидящія къ намъ спиною фигуры нашей команды. Некрасивое лицо нашего штурмана, сидѣвшаго около меня, было слабо освѣщаемо этимъ блескомъ. Кругомъ стояла полная тишина. Слышался только слабый ропотъ волнъ, ударявшихся въ обшивку шлюпки, да тихій разговоръ нашей команды. Я глядѣлъ по направленію къ берегу. И когда я сталъ пристально всматриваться въ пространство, я вдругъ увидѣлъ какой-то предметъ, плывущій по водѣ. Когда онъ приблизился нѣсколько, при окружающемъ его фосфорическомъ блескѣ я расмотрѣлъ, что это была человѣческая фигура, смѣло разсѣкающая волны; черные, длинные волосы покрывали ея спину; по временамъ мелькали изъ волнъ блестящія плечи: это была женщина. Она плыла прямо на насъ... Легранъ, вы положительно ничего не пьете. Лайтбоди, вы что-то пренебрегаете бургундскимъ; вы прежде любили его...

Онъ остановился; всѣ молчали.

— И такъ, на чемъ-же я остановился? Да! Она плыла прямо на насъ. Я обратилъ тогда свое вниманіе на шкипера и сразу-же понялъ, что онъ также видитъ ее... Я замеръ... Она плыла съ граціей и силой; я видѣлъ, какъ дробились вокругъ нея волны, а красивый обрисъ плеча равномѣрно выдѣлялся на водяной поверхности. Но вотъ она у самой лодки; она схватилась осторожно рукою за край и шепнула что-то на ухо штурману; у меня мелькнула странная мысль, что, вѣроятно, это его возлюбленная; но мнѣ кажется, я утомилъ васъ, господа?!

Всѣ отрицательно закивали головами. А мисъ Джонсъ умоляюще прошептала:

— Ахъ, нѣтъ! пожалуйста, продолжайте!

— Она сказала ему нѣсколько словъ, изъ которыхъ я услышалъ и понялъ, что намъ грозитъ опасность, что посланные на берегъ—въ рукахъ властей, что намъ необходимо немедленно-же скрыться и что измѣнникъ нашъ никто иной, какъ португалецъ! Шкиперъ схватилъ ея руку и поднесъ къ губамъ, затѣмъ въ свою очередь шепнулъ ей что-то на ухо, чего я не могъ разслышать, но я видѣлъ, какъ она посмотрѣла на него взлядомъ полнымъ такой самоотверженной любви, что я невольно взглянулъ въ лицо штурмана; но оно снова было холодно и безстрастно. Черезъ нѣсколько минутъ женщина была уже далеко отъ шлюпки. Затѣмъ она нырнула, какъ утка, и очутилась въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега. Я обернулся на команду; она продолжала разговаривать шепотомъ, повидимому, даже не догадываясь о происшедшемъ... Съ минуту все было тихо. Затѣмъ отчетливо раздался голосъ шкипера:—«Фернандесъ!»—«Слушаю!»—«Приди сюда и захвати съ собою весло!» Португалецъ мигомъ повиновался и, съ весломъ, шагая черезъ товарищей, даже не обратившихъ на это вниманія, подошелъ къ шкиперу.—«Попробуй, можно-ли тутъ достать до дна?»—Фернандесъ наклонился надъ кормой и погрузилъ весло въ сверкающую воду. Но оно не доходило до дна. Теченіе возвращало его снова подъ прямымъ угломъ на поверхность,—«Опусти ниже, чтожь ты!» повелительно крикнулъ на него штурманъ.—«Попробуй вотъ тутъ! Струсилъ, что-ли? Смѣлѣй, я буду тебя держать!» Фернандесъ снова наклонился надъ кормой и погрузилъ весло, а за нимъ и половину своей обнаженной по локоть руки въ воду. Въ туже минуту штурманъ сильно схватилъ его за плечи и оба локтя и моментально сбросилъ вмѣстѣ съ весломъ головой внизъ въ воду. Все это сдѣлалось такъ быстро и, видимо, было предусмотрѣно, что несчастный даже не издалъ звука; баркасъ не покачнулся... На носу раздался смѣхъ одного изъ матросовъ, вѣроятно, въ отвѣтъ на какую-нибудь шутку товарища... Джекъ! подай м-ру Лайтботи содовой воды! Вы увидите, что это освѣжитъ васъ; прибавьте только нѣсколько капель коньяку... И такъ, продолжаю: Фернандесъ канулъ ко дну, какъ желѣзо! Только нѣсколько пузырей поднялось на поверхность! А между тѣмъ раньше я замѣтилъ, какъ онъ во время борьбы захватился своей ногой за ногу штурмана, но тотъ ловкимъ движеніемъ успѣлъ высвободиться и подбросилъ всю эту массу, какъ мячъ; даже вода не всплеснула; море сразу приняло его въ свою таинственную глубину.

Меня штурманъ даже не удостоилъ взглядомъ и только крикнулъ спокойнымъ голосомъ:—«Къ весламъ!» Весла были подняты.—«Опусти!»—Послышался всплескъ воды и баркасъ сталъ описывать кругъ, оставляя послѣ себя концентричную линію расплавленнаго серебра. — «Впередъ! Дружно!»—Баркасъ помчался по волнамъ... Вотъ и все! Мы прибыли во время. Я знаю, я утомилъ васъ; но вы, быть можетъ, хотите знать, что сдѣлалось съ женщиной! Не знаю! Я самъ поспѣшилъ тогда какъ можно скорѣе оставить корабль!.. Джекъ! принесите... тамъ, въ моемъ бюро... нюхательныя соли! Господа, я боюсь, я слишкомъ долго задержалъ дамъ...

Но онѣ уже удалились въ сосѣднюю комнату; осталась только юная мисъ Джонсъ.

— Это прелестная исторія, обратилась она къ хозяину, съ обычною смѣлостью въ голосѣ. — Право, вы искусный разсказщикъ: у меня забѣгали мурашки по спинѣ нѣсколько минутъ назадъ. Я совѣтывала бы вамъ писать для журналовъ!

Тогда разскащикъ посмотрѣлъ пристально на хорошенькое, энергичное личико, стоявшее передъ нимъ и отвѣчалъ медленно, вполголоса:

— Я и такъ пишу!

— **Табакъ.** Французскіе химики Лебонъ и Ноэль произвели тщательный анализъ табачнаго дыма и открыли въ немъ, кромѣ извѣстныхъ уже и прежде веществъ, синильную кислоту, новый алкалоидъ, ядовитый не менѣе никотина, но отличающійся пріятнымъ запахомъ, и нѣсколько ароматическихъ веществъ, которыя, впрочемъ, еще не опредѣлены вполнѣ обстоятельно. Наркотическія свойства табачнаго дыма, которыя до сихъ поръ приписывались содержанію въ немъ никотина, зависятъ, повидимому, преимущественно отъ упомянутаго новаго алкалоида.

— **Анатомическій феноменъ.** Недавно во Франціи, въ г. Канѣ (Нормандія), старшимъ хирургомъ мѣстнаго госпиталя Дени-Дюмономъ наблюдался надъ трупомъ 17-лѣтней дѣвушки въ высшей степени рѣдкій и интересный въ научномъ отношеніи феноменъ. Въ трупѣ, подвергшемся анатомическому изслѣдованію, всѣ грудные и брюшные органы, совершенно, впрочемъ, нормальнаго строенія, оказались перемѣщенными въ противную, отъ ихъ обычнаго мѣста, сторону. Такъ лѣвое легкое представлялось трехлопастнымъ, правое-же — двухлопастнымъ. Сердце съ аортой, желудокъ и селезенка находились съ правой стороны; печень, наоборотъ, съ лѣвой. Кишки, и тѣ подверглись аналогическому обратному процесу. Любопытно особенно то, что подобнымъ анормальнымъ устройствомъ нисколько не нарушено взаимное отношеніе органовъ, которые слѣдовательно обладали способностью вполнѣ правильно функціонировать.

— **Колоколъ мертвыхъ** (Пер. В. В. Юзефовича). Средневѣковый обычай ночныхъ обходовъ (couvrefeu), цѣлью которыхъ было слѣдить, чтобы граждане въ урочный часъ ложились спать и во избѣжаніе пожара тушили-бы у себя огонь, сохранившись еще и до настоящихъ дней въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы, въ другихъ съ теченіемъ времени подвергался различнымъ измѣненіямъ. Такъ впослѣдствіи, къ первоначальнымъ выкрикамъ: «ложитесь спать, тушите огонь», стали прибавлять: «такой-то часъ», «такая-то погода». Въ Абевилѣ (во Франціи), на башнѣ церкви св. Вольфранда находился спеціально поставленный сторожъ, сигнальнымъ рожкомъ возвѣщавшій жителямъ каждые часъ и полчаса.

Время—это memento mori! Вѣроятно, въ силу этого афоризма, католическій Парижъ нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ приглашать по ночамъ мирныхъ гражданъ не къ отдыху и покою, а къ бодрствованію и молитвѣ объ усопшихъ. Обыкновенно въ глухую полночь одинъ изъ монаховъ братства кающихся, весь закутанный въ бѣлую одежду съ черными символическими изображеніями на немъ аксесуаровъ смерти, обходилъ улицы спящаго города, звонилъ въ маленькій ручной колоколъ и, постукивая палкой въ двери домовъ, гробовымъ голосомъ провозглашалъ:

Проснитесь, братья, что вы спите!
О мертвыхъ Господа молите!

Уже въ половинѣ XVII вѣка стали все громче и громче въ обществѣ и въ литературѣ раздаваться протесты противъ такого страннаго обыкновенія, но окончательно уничтоженъ онъ во Франціи только во время первой революціи.

Въ Чехіи обычай полуночной молитвы объ усопшихъ, вѣроятно, занесенный туда изъ Франціи, не только продолжаетъ существовать, но и послужилъ поводомъ къ истинно полезному и гуманному учрежденію. Бываютъ случаи особаго рода продолжительнаго обморочнаго состоянія, извѣстнаго въ медицинѣ подъ именемъ летаргіи, а отсюда и возможность заживо погребенныхъ. Въ предупрежденіе такого несчастія на чешскихъ кладбищахъ, рядомъ съ часовнею, принято устраивать особое зданіе, состоящее изъ 2 половинъ: одной — поменьше, жилой, служащей помѣщеніемъ сторожу, другой — обширной, со многими мраморными столами, на которые ставятъ открытые гробы съ тѣлами умершихъ; руки и ноги каждаго изъ покойниковъ посредствомъ особаго привода соединены съ колокольчикомъ, проведеннымъ въ комнату сторожа, такъ что достаточно малѣйшаго движенія мнимоумершаго—и ему можетъ быть подана своевременная помощь. Тѣла предаются землѣ не ранѣе, какъ покажутся ясные признаки разложенія.

Происшествіе, которое мы намѣрены разсказать, случилось 3 года тому назадъ въ Прагѣ и тѣсно связано съ только-что описаннымъ учрежденіемъ.

Марта фон-Арнгейма, дочь богатаго банкира, барона фон-Арнгеймъ, считалась украшеніемъ высшаго общества. Рано оставшись вдовцемъ, баронъ всю свою привязанность, весь свой внутренній міръ, сосредоточилъ на единственной, страстно-любимой дочери. Сознавая, что одному ему не справиться съ воспитаніемъ ребенка, лишившагося матери какъ разъ въ томъ возрастѣ, когда мягкое, чутко ласкающее женское вліяніе въ особенности незамѣнимо, онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ дальнюю свою родственницу, пожилую женщину, жизнь которой ему была хорошо извѣстна и которой онъ безъ страха могъ ввѣрить первые шаги, первыя впечатлѣнія своего сокровища—безцѣнной дочери... Тихо, вдали отъ шума свѣтскаго круговорота, росла дѣвочка, формировался ея характеръ. Все, что сокровищница ума и искуства въ состояніи предложить человѣку въ обмѣнъ за сокровищницу съ благороднымъ металомъ,—все было къ услугамъ маленькой Марты, ничего не жалѣлъ баронъ и дочь, въ свою очередь, не оставалась неблагодарной: сѣмя, бросаемое любящею рукою на добрую почву, обѣщало современемъ дать роскошные всходы. Одно заставляло задумываться отца: въ ребенкѣ не по лѣтамъ развивалась нервная впечатлительность, подчасъ доходившая до болѣзненности. Но Марта весела, Марта рѣзво хохочетъ и счастливый отецъ, забывъ все на свѣтѣ, уѣзжалъ съ нею куда-нибудь въ лѣсъ, въ поле, на воздухъ, кататься...

Проходили года. Ребенокъ сталъ дѣвушкой, въ полномъ смыслѣ красавицей. Первый балъ, первый выѣздъ ея съ барономъ въ свѣтъ—это была какая-то буря, какой-то вихрь похвалъ, восторговъ, успѣха. Женщины... даже свѣтскія львицы съ жаломъ змѣи, съ завистью демона... и тѣ, наконецъ, сознались, что тутъ ничего не подѣлаешь: такъ дѣвственно-хороша, такъ скромно-изящна была новая пришелица на вѣковѣчномъ торжищѣ Ваала. Отецъ переживалъ минуты, понятныя только отцу. Одна лишь виновница «непомѣрнаго успѣха» осталась спокойною: вначалѣ какъ-будто шире раскрыла глаза, а потомъ... воспитанная въ уединеніи, многого она не поняла, многого не замѣтила, а главное, въ концѣ бала, ей такъ захотѣлось скорѣе увидѣть свою старую, добрую подругу дѣтства, чтобы все, все ей поразсказать!

Единственная наслѣдница, кучи золота и красота! Безъ послѣдняго, въ крайности, можно-бы и обойдтись, но если уже все заразъ—да это такое магическое сочетаніе, что никому и въ голову не пришло удивиться, когда, недолго спустя послѣ перваго выѣзда съ дочерью въ свѣтъ, баронъ очутился рѣшительно въ осадномъ положеніи; что только было знатнаго въ Прагѣ, самые древніе аристократическіе роды Чехіи просили для своихъ сыновей, братьевъ, племянниковъ руки молодой баронесы, добиваясь, какъ чести, принять подъ сѣнь своихъ полинялыхъ княжескихъ, графскихъ и проч. рода мантій юную красавицу. Въ длинномъ ряду претендентовъ особенною настойчивостью отличался сынъ одного магната, молодой, блестящій князь фон-Эпсбургъ. Рано избалованному всякаго рода успѣхами, давно искусившемуся въ наукѣ побѣждать женское сердце, ему не трудно было произвести желанное впечатлѣніе на дѣтски-нетронутую природу Марты: она его полюбила.

Ничего не подозрѣвавшій отецъ довѣрчиво излагалъ свои планы дочери, желая съ нею посовѣтоваться; перечисляя всѣхъ искавшихъ ея руки, обсуждая достоинства ихъ и недостатки, между прочимъ онъ назвалъ и молодого Эпсбурга; Марта смутилась, вся кровь бросилась ей въ лицо. Когда-же она услышала, что въ обществѣ вообще дурно отзываются объ избранномъ ею человѣкѣ, что князь пользуется репутаціей мота, ведетъ слишкомъ бурную жизнь, она поблѣднѣла, съ ней чуть не сдѣлалось дурно.

Тутъ-то Арнгеймъ понялъ, что дорогое его дитя сдѣлало уже выборъ,—выборъ, къ сожалѣнію, неудачный. Медлить было нельзя: тихое чувство легко могло перейдти въ кипучую страсть. Баронъ рѣшился дѣйствовать и, подъ предлогомъ внезапно возникшей необходимости лично провѣрить дѣла, 3 дня спустя послѣ своего открытія, онъ уже былъ на дорогѣ въ Англію, увозя съ собой дочь и ея старую воспитательницу.

Сначала все шло хорошо. Движеніе, быстрая смѣна мѣстностей, самая новизна путешествія, видимо, успокоили Марту, не давая ей времени останавливаться, сосредоточиться на первомъ въ жизни ея горѣ. По пріѣздѣ въ Лондонъ, однако, она стала задумываться; непонятная слабость овладѣла ея организмомъ, она заболѣла и прежде, чѣмъ цѣлый сонмъ медицинскихъ свѣтилъ успѣлъ опредѣлить родъ ея болѣзни, тихо уснула навѣки.

Бѣдный отецъ, вопреки очевидности, рѣшительно отказывался вѣрить въ дѣйствительность такъ внезапно обрушившагося на него несчастія. Ни на минуту не отходилъ онъ отъ тѣла, съ любовью всматриваясь въ измѣнившіяся черты любимой дочери. Настала послѣдняя ночь передъ погребеніемъ. Баронъ по прежнему сидѣлъ у изголовья гроба. Вдругъ ему почудилась легкая краска, затѣмъ движеніе въ чертахъ покойницы.

Вскочить, сорвать погребальный покровъ — было дѣломъ минуты... Марта медленно подняла отяжелѣвшія вѣки...

— Она жива! Жива моя дочь! закричалъ баронъ, какъ безумный.

Дѣйствительно, дѣвушка находилась въ летаргическомъ снѣ, къ счастію, во время прекратившемся. Возвращеніе ея къ жизни было настоящимъ торжествомъ для окружающихъ. Отецъ, въ порывѣ восторга, объявилъ, что не будетъ противиться желанію дочери и, какъ только здоровье ея позволитъ, возвратится съ нею домой и тамъ безпрепятственно отдастъ ея руку избранному ею счастливцу.

Медленно поправлялась Марта. Наконецъ, желанный день отъѣзда настал и, послѣ довольно продолжительнаго по причинѣ частыхъ остановокъ обратнаго путешествія, Прага снова увидѣла у себя ту, которую, судя по дошедшимъ слухамъ, уже не надѣялась болѣе видѣть. Втеченіи нѣсколькихъ дней домъ Арнгейма представлялъ собою какой-то, точно потерявшій конецъ, раутъ: съѣзжались друзья и знакомые барона поздравить его съ чудеснымъ исходомъ болѣзни общей любимицы. Однимъ изъ первыхъ явился Карлъ фон-Эпсбургъ. Блестящій князь отлично понялъ власть, пріобрѣтенную имъ надъ сердцемъ молодой дѣвушки. Онъ поспѣшилъ возобновить предложеніе, получилъ согласіе и, какътолько свадьба была отпразднована, сейчасъ-же увезъ жену для окончательнаго возстановленія силъ на югъ, въ Швейцарію и Италію. Отсутствіе молодыхъ длилось 2 мѣсяца. По возвращеніи Марта стала неузнаваема—прежнее здоровье вернулось къ ней, а съ нимъ, казалось, и прежнее счастье.

Между тѣмъ судьба готовила бѣдной женщинѣ новый ударъ Карлъ фон-Эпсбургъ недолго съумѣлъ и старался обуздывать себя: при первой-же встрѣчѣ съ пріятелями былой холостой жизни, всѣ дурные инстикты разомъ, неукротимо, проснулись въ немъ. Страстный игрокъ, онъ снова предался игрѣ; за игрой слѣдовали оргіи. Сначала рѣдкія, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и продолжительнѣе становились его отлучки изъ дому. Жена какъ бы перестала существовать для него. Княгиня крѣпилась, пробовала увѣщевать, умоляла мужа опомниться; ничто не помогало. Мало-по-малу здоровье ея расшаталось; общее истощеніе замѣтно подтачивало организмъ; она слегла въ постель, съ которой уже не встала до самой смерти, не заставившей ждать себя.

Весь городъ собрался проводить тѣло на кладбище, гдѣ, въ силу одного лишь обычая, такъ какъ никто не допускалъ возможности повторенія летаргіи, оно должно было оставаться опредѣленный срокъ въ покоѣ, отведенномъ для мертвыхъ. Князь, отрезвленный видомъ смерти жены, столь сильно его любившей,—смерти, виновникомъ которой онъ имѣлъ полное основаніе считать себя, впалъ въ мрачное отчаяніе. Первою его мыслью было застрѣлиться—ему помѣшали; тогда онъ вернулся на кладбище, рѣшившись, по крайней мѣрѣ, какъ можно дольше не разставаться съ мертвою. 2 ночи прошли, не принеся съ собою ничего новаго. Третья была на исходѣ, когда князь, на минуту оторвавшись отъ драгоцѣнныхъ останковъ, вошелъ въ комнату сторожа; послѣдній, утомленный продолжительнымъ бодрствованіемъ, крѣпко спалъ. Внезапно раздался порывистый звонъ; сторожъ вскочилъ:

— Княгиня воскресла! закричалъ онъ и вслѣдъ за княземъ бросился въ сосѣдній покой для мертвыхъ.

Потрясающая картина представилась ихъ глазамъ: Марта, на колѣняхъ въ гробу, съ расширенными отъ ужаса зрачками, медленно осматривалась кругомъ, стараясь дать себѣ отчетъ въ происшедшемъ.

— Гдѣ я? проговорила она.

— Въ объятьяхъ супруга, съ которымъ ты больше не разстанешься, отвѣчалъ князь, съ помощью сторожа унося возвращенную къ жизни изъ страшнаго покоя смерти. Немедленно распорядились послать за каретой и къ утру вторично воскресшая Марта была уже у себя дома.

Съ тѣхъ поръ князь какъ-бы переродился: изъ игрока, изъ человѣка почти потеряннаго вышелъ примѣрный мужъ и человѣкъ. Смерть сдѣлала то, чего не могла сдѣлать чудная, ключомъ бившая жизнь!

ОТЪ РЕДАКЦІИ. При этомъ нумерѣ преміи бандерольнымъ отправленіемъ разсылаются гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ по трактамъ 14, 15, 16, 17, 18 (кромѣ восточной Сибири), 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26 и 28. При слѣдующемъ нумерѣ будутъ разосланы по тракту 25 и въ восточную Сибирь.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 27-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 5 іюля въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 7 іюля въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. **М. Ф. Каменской.**—Лѣтомъ, стих. **Черная.**—Свѣжее преданіе.—Великая пѣвица, истор. пов. **Луизы Мюльбахъ,** перев. **А. Качоровской**.—Театральное дѣло во Франціи.—Слѣпой министръ, біограф. очеркъ.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Подписчица, карт. **Ф. Крауса.**—Паціентка, карт. **Зондерланда.**—«Майская ночь», карт. **И. Н. Крамского.** — Событіе въ дѣтской жизни, карт. **Даньянъ-Бувере.**—Неронъ, карт. **Каульбаха** (отца).—Христіанская мученица, скульпт. **Эмиліо Франчески.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

У всѣхъ книгопродавцевъ продается слѣдующія книги:

Н. А. ЛЕЙКИНА

МѢДНЫЕ ЛБЫ.

1880 г. около 300 стр., 65 разск. Ц. 1 р. 50 к., безъ пер.

Н. А. ЛЕЙКИНА

СОВРАСЫ БЕЗЪ УЗДЫ.

1880 г., около 300 стр. убористой печати, 72 разск. Ц. 1 р. 50 к. безъ перес.

Н. А. ЛЕЙКИНА

НАШИ ЗАБАВНИКИ.

1879 г., 78 юмористическихъ разсказовъ, 300 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

РАДИ ПОТѢХИ.

1879 г., 63 юмор. разсказа, 308 стр. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.

НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ.

1879 г., 40 юмор. разск., 318 стр. Цѣна 1 р. 50 к. безъ перес.

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ.

(Изданіе 2-е дополненное).

1880 г., 87 юмор. разск., 320 стр. Ц. 1 р. 50 к. безъ перес

Лица, выписывающія не менѣе трехъ книжекъ отъ автора (С.-Петербургъ, Николаевская ул. № 48), за пересылку ничего не платятъ).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается:

У ОКЕАНА.

Сочиненіе **В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.**

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Въ пустыняхъ.** II. **На безлюдьѣ:** 1) Аргусъ. 2) Путь по льдинамъ. 3) На разбитой шхунѣ. 4) Южный вѣтеръ. 5) Вардехузскіе пираты. 6) Васька Быковъ на варакахъ. 7) Изъ-за чужого добра. 8) Гости съ другой стороны. III. **Мурманская страда:** 1) Становище просыпается. 2) Вѣтхій дѣдко. 3) Изъ чужого поля. 4) Выборъ старосты. 5) Волкъ на погостѣ. 6) Серафима Корабельщица. 7) Вѣтромъ съ поля занесло да вьюгой пришибло. 8) Прибило стужей. 9) Съ полнымъ грузомъ. 10) Пріѣздъ хозяевъ. 11) Нерпа идетъ. 12) Подъ ногами лежало, да никто не поднялъ. 13) Новый врагъ въ становищѣ. 14) Теплый день. 15) Дѣдко встрѣчается съ Блажнымъ. IV. **Приволье:** 1) Штиль. 2) Вечеръ. 3) На берегу. 4) У семужьяго забора. 5) На ловлѣ. 6) По вѣтру. 7) Опять Серафима. 8) Въ скитахъ. 9) По лѣсамъ, по болотамъ. 10) На горахъ острова. 11) Разбитая шхуна. 12) На палубѣ и подъ палубой. 13) Поздно.

Большой томъ, въ 470 стр. убористой печати.

Цѣна 2 р. 50 к. Въ переплетѣ 3 р

Печатается и скоро поступитъ въ продажу того-же автора „**ПОСЛѢ ВОЙНЫ**“.

Поступили въ продажу слѣдующія книги:

Домашній общедоступный вкусный столъ. Настольная книга для молодыхъ хозяекъ, содержащая въ себѣ 370 обѣдовъ и употребительныхъ блюдъ, съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ. Составила Н. Коломейцева, ц. 2 р. 50 к. съ пересыл.

Столярное искуство, съ 150-ю рисунками и многими чертежами. Составилъ А. Ленцингъ, изд. 2-е, ц. 2 р. 50 к. съ пересылк.

Практическое руководство кройки и шитья женскаго платья, по вновь изобрѣтенной весьма простой и вѣрной системѣ, для самообученія, съ 18-ю рисунками, въ 3 част., ц. 1 р. 50 к. съ пересылк.

Практическія наставленія вступившимъ въ бракъ, содержащія въ себѣ правила для сохраненія физическихъ способностей въ брачной жизни до глубокой старости, съ присовокупленіемъ описанія половой жизни женщины, сочиненіе доктора медицины Р. Фернау, издан. 4-е, съ рисунк., ц. 1 р. 50 к. съ пересылк.

Практическій самоучитель изящныхъ искуствъ или новый способъ рисованія, посредствомъ котораго всякій даже неимѣющій понятія о рисованіи можетъ весьма легко безъ всякой, предварительной подготовки снимать всевозможныя копіи съ рисунковъ, картинъ, фотографическихъ картъ, гравюръ, портретовъ и проч., совершенно сходныя съ оригиналомъ, съ приложеніемъ новаго способа умноженія, который изучается въ 5 минутъ безъ помощи учителя, въ великолѣпномъ картонажѣ, съ приборомъ и объясненіемъ, издан. 2-е, ц. 3 р.

Объ онанизмѣ и безсиліи, о средствахъ снова возстановлять и укрѣплять здоровье, разстроенное онанизмомъ и безсиліемъ. Сочиненіе доктора медицины А. Брауна, издан. 2-е, ц. 1 р. 50 к. съ пересылк.

О зачатіи и зарожденіи младенцевъ, объ укрѣпленіи ослабѣвшихъ мужскихъ членовъ и объ излѣченіи отъ онанизма какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, сочиненіе полезное и понятное для всякаго, кто только желаетъ вполнѣ постигнуть эти важные предметы, сочиненіе доктора медицины и професора парижскаго университета Мореля де-Рюбомира, издан. 3-е, ц. 1 р. 50 коп.

Практическій ветеринарный врачь, лѣченіе лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней, собакъ и домашней птицы съ присовокупленіемъ конскаго знатока, составилъ професоръ ветеринаріи А. Фишеръ, въ 3 част., изд. 2-е, ц. 3 р. съ пересылк.

Фотокопирователь, домашній фотографическій апаратъ для копированія дома всякихъ фотографическихъ карточекъ, портретовъ, гравюръ и проч., совершенно сходныхъ съ оригиналомъ, съ приложеніемъ наставленія и многихъ фотографическихъ карточекъ, гравюръ и проч., издан. 2-е, ц. 4 р. 50 к. съ пересылк.

«Геморрой», коренное уничтоженіе болѣзни во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, новыя медицинскія и гигіеническія средства, сочиненіе доктора медицины К. Лебеля, издан. 2-е, ц. 1 р. 50 съ пересылк.

О физическихъ супружескихъ отношеніяхъ мужчины и женщины, съ показаніемъ наставленій какъ мужъ и жена должны вести себя въ этомъ случаѣ, безъ вреда своему здоровью, сочиненіе доктора А. Брауна, ц. 2 р. 50 к съ пересылк.

Опредѣленіе жизни. Сочиненіе доктора медицины и професора Клода Бернара, перев. съ франц. Д. Корша, ц. 50 к. съ пересылк.

Гадательныя карты знаменитой предсказательницы дѣвицы Ленорманъ, въ роскошной сюрпризной коробкѣ, ц. 1 р. 50 к.

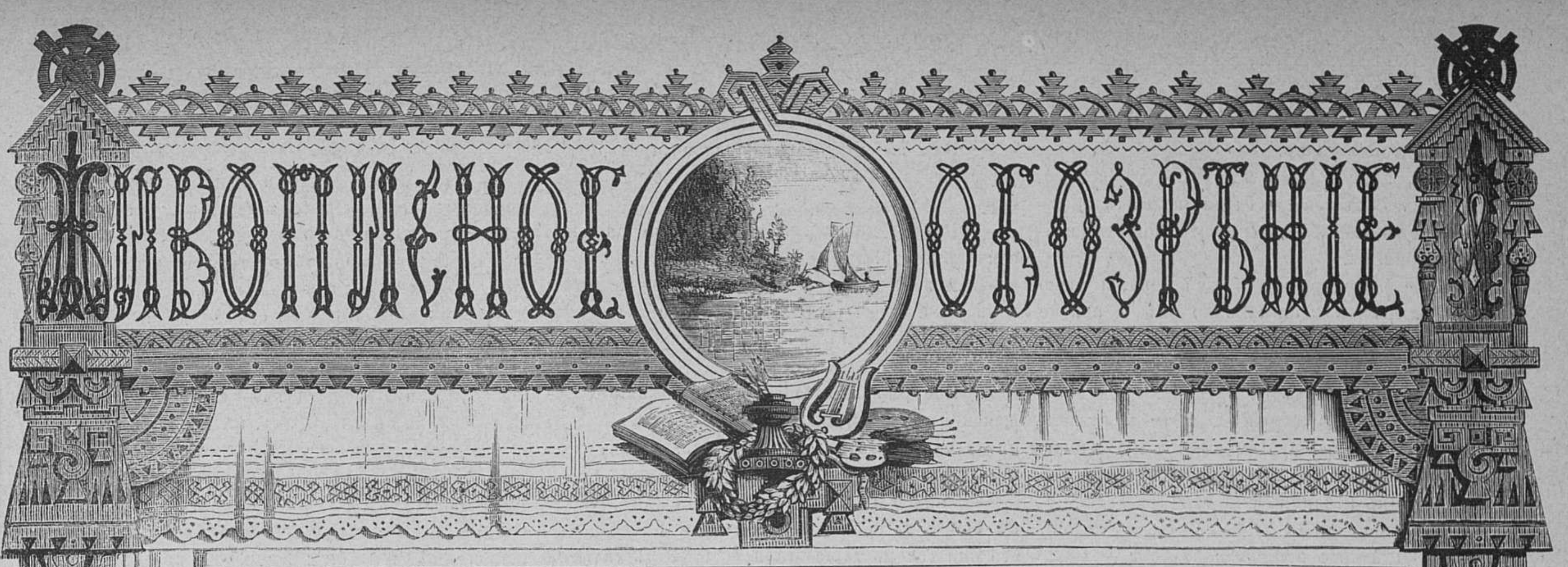
Трактатъ о зубахъ, съ наставленіемъ относительно предохраненія, возстановленія и лѣченія ихъ, составилъ дантистъ-хирургъ Эскилъ, перев. доктора Руднева, ц. 75 к. съ пересылк.

Лѣчебная книга, тысяча новыхъ случайныхъ открытій, исцѣленія хроническихъ и другихъ болѣзней, съ присовокупленіемъ рецептовъ лѣкарствъ для домашняго приготовленія. Составилъ докторъ медицины П. Ильинскій, ц. 3 р. съ пересылк.

Съ **требованіями** гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ С.-Петербургъ, на имя Христофора Ивановича Патрова, по Фонтанкѣ, близъ Англійскаго проспекта, домъ № 143, кв. № 16.

При этомъ нумерѣ прилагается второй двойной листъ II тома «Руководство къ Гигіенѣ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 іюля 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)



Живописное обозрѣніе

№ 29. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ **20 коп.** за нумеръ. За полгода—4 рубля. **19 Іюля 1880 г.**

Кому весна?

Стих. **В. Немировича-Данченко.**

Теплый день за теплой ночкой...
Просыпаясь, солнцу радъ,
Жадно дышетъ каждой почкой
Молчаливый, старый садъ.
Вѣтви просятся въ окошко,
Словно шепчутъ свой привѣтъ;
Погоди еще немножко—
Ихъ покроетъ бѣлый цвѣтъ...

Ароматный, свѣжій, чистый —
Лишь повѣетъ вѣтерокъ,
Станетъ, будто снѣгъ пушистый,
Осыпаться лепестокъ.
Налетитъ крикливой птицы,
Запоетъ мой старый садъ,
Подъ рукой весны-царицы
Все пойдетъ на новый ладъ...

Злыя муки, боль недуга
Утишитъ ея привѣтъ,
Уврачуетъ солнце юга,
Унесутъ тепло и свѣтъ...
Только тѣхъ, что сердцу милы,
Не найдетъ твоя любовь...
Не раскроются могилы,
Не воскреснетъ счастье вновь...

Въ черномъ мракѣ подъ землею
Успокоенный боецъ,
Такъ-же будетъ спать весною
Истлѣвающій мертвецъ.
И на праздникѣ природы
Для него мѣстечка нѣтъ..
Онъ не слышитъ кличъ свободы,
Не пойметъ любви привѣтъ...

И когда желѣзнымъ плугомъ
Взроетъ черепъ мертвеца —
Отвернешься ты съ испугомъ
Отъ родимаго лица...
Пусть привѣтный образъ друга
Воскреситъ колдунья-ночь,
Холодѣя отъ испуга,
Ты его прогонишь прочь!..

Нѣтъ весны во тьмѣ темницы.
Тотъ-же звонъ отъ кандаловъ.
Пусть поютъ привольно птицы,
Зеленѣетъ ширь луговъ.
За рѣшеткой, за затворомъ
Станетъ жить еще страшнѣй,
Подъ безумнымъ приговоромъ
Добродѣтельныхъ судей...

Тутъ весна даритъ чахоткой,
Солнца нѣтъ, густѣетъ тьма;
За желѣзною рѣшеткой
Гробомъ кажется тюрьма...
Въ ней гніютъ живые люди...
Слышутъ кличъ—крѣпка стѣна;
Для больной разбитой груди
Отвратительна весна!

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава IV.

На другой-же день, Николай Михайловичъ перевезъ мать и сестру на новое пепелище. Первымъ дѣломъ, Авдотья Кириловна отслужила на новой квартирѣ молебенъ и потомъ принялась обзаводиться всѣмъ нужнымъ по хозяйству и для туалета. Цѣлое утро пропадала она изъ дому съ Марьей Петровной, рыскала по лавкамъ, по магазинамъ, по портнихамъ. Послѣ обѣда начипалось разсматриваніе покупокъ и примѣриваніе обновъ. Вечеромъ составлялся опять новый маршрутъ, куда ѣхать завтра и какъ купить то и то, чего сегодня сдѣлать не успѣли. Черезъ мѣсяцъ и квартира, и сама Авдотья Кириловна съ Лёло были совершенно готовы къ принятію петербургскихъ гостей. Съ общаго совѣта, положили назначить у Авдотьи Кириловны вторникъ. Авдотья Кириловна съ Лёло и Марьей Петровной сдѣлала визиты ко всѣмъ ея знакомымъ. Авдотья Кириловна, уѣзжая изъ каждаго дома, прощаясь, просила хозяйку къ себѣ запросто по вторникамъ на чашку чая. Послѣ этого Авдотья Кириловна зажила на половину по своему, на половину по столичному. По утрамъ ѣздила по церквамъ, знакомилась тамъ со странницами, монахинями и зазывала ихъ послѣ обѣдни къ себѣ чайку напиться. Потомъ одѣвалась и садилась въ гостиную ждать отвѣтныхъ визитовъ. Къ обѣду каждый день пріѣзжалъ Николай Михайловичъ. Обѣдала Авдотья Кириловна по своему, въ два часа, и ложилась прикорнуть на часокъ, другой. Въ это время Николай, покуривая трубку, ходилъ съ Лёло подъ руку по залу. Когда Авдотья Кириловна просыпалась и не была звана никуда на вечеръ, то всѣ втроемъ спускались къ Марьѣ Петровнѣ, или она поднималась къ нимъ посидѣть вечерокъ. Очень была довольна Авдотья Кириловна своею новою жизнію.

— Ожила я, друзья мои, совсѣмъ ожила, говорила она каждый день разъ по двадцати.

И Лёло въ первое время очень нравилось въ Петербургѣ. Марья Петровна казалась ей очень мила, Теодоръ смѣшилъ ее, на брата она не могла наглядѣться; наряды, покупки—все занимало ее, все веселило. Лёло показалось какъ-то вольнѣе въ Петербургѣ. Занятая постоянно, Авдотья Кириловна меньше бранила дочь и и Лёло дѣлала, что ей хотѣлось. Съ нетерпѣніемъ ожидала Лёло дня, когда первый разъ въ жизни повезутъ ее дѣлать настоящіе парадные визиты. Но въ этотъ счастливый день Авдотья Кириловна, одѣвая дочь, такъ кричала, такъ сердилась, что бѣдная Лёло, съ краснымъ носомъ и съ опухшими отъ слезъ глазами, сѣла съ матерью въ карету и ничто ей не было мило. Скоро и вся новая жизнь начала ей казаться скучною. Марья Петровна надоѣдала своей болтовней, Теодоръ перестала смѣшить, а съ братомъ она какъ-то не сошлась; Николай Михайловичъ все подшучивалъ надъ ней и Лёло это было невыразимо обидно и грустно. Часто Лёло уходила въ свою комнату поплакать втихомолку и это не проходило ей даромъ. Замѣтивъ, что у дочери глаза красны, Авдотья Кириловна начинала кричать:

— Да что это за мука! Господи ты праведный! Чего ты ревѣла?.. Говори, чего тебѣ надо? чего у тебя нѣтъ!.. Неблагодарная тварь!

Лёло плакала и молчала. Послѣ такихъ сценъ Авдотья Кириловна убѣгала внизъ жаловаться Марьѣ Петровнѣ.

— Маша, другъ мой, да избавь ты меня отъ этой дѣвчонки, она меня заѣла совсѣмъ; силъ моихъ нѣтъ, ничѣмъ ей не угодишь, реветъ, какъ несчастная какая-нибудь, а чего реветъ и сама не знаетъ.

— Ахъ, Авдотья Кириловна, не сердись по пустякамъ, это такой возрастъ... Вспомни, какъ мы молоды были—и мы плакали... Вотъ выйдетъ замужъ и плакать перестанетъ... Хочешь, я завтра-же поѣду къ дядѣ и приглашу его къ тебѣ на вторникъ? Рѣшайся, хочешь?..

— Да какъ не хотѣть, Маша... Ужь Богъ-бы съ ней, измучила она меня...

— Ну, успокойся, дядя только взглянетъ на Лёло и тотчасъ влюбится...

— Ужь кабы только Богъ далъ. Съѣзди, другъ ты мой, тебя за сироту самóю Богъ не оставитъ.

— Завтра-же, завтра-же поѣду.

На другой день Авдотья Кириловна сидѣла съ дѣтьми за обѣдомъ, когда Марья Петровна, разодѣтая, въ шляпкѣ съ перомъ влетѣла въ столовую.

— Душа, Душа! поди сюда на минуту, мнѣ надо тебѣ что-то сказать, проговорила, запыхавшись, Марья Петровна. Авдотья Кириловна тотчасъ-же выскочила изъ-за стола и обѣ прошли въ спальню.

— Ну, была?

— Была... Онъ будетъ во вторникъ... Я говорила ему, говорила про Лёло, ужь онъ влюбленъ въ нее съ моихъ словъ.

— Ахъ, Маша! Какъ мнѣ благодарить тебя, другъ мой... Завтра-же поѣду, выну за твое здоровье просвиру. Тебѣ за сироту самой Богъ воздастъ сторицею...

— И не благодари, не обижай меня; я твою Лёло люблю, какъ дочь; какъ-же мнѣ о ней не хлопотать.

— Какъ-же можно не благодарить, да кому-же и чувствовать, какъ не матери...

— Оставь это, пожалуйста, а то я разсержусь. Ты скажи мнѣ лучше, какъ ты думаешь: сказать-ли Лёло, что во вторникъ женихъ будетъ или пусть такъ нечаянно она увидитъ дядю?

— По моему, лучше не говорить, а то она опять красный носъ и глаза наплачетъ...

— Ну, хорошо, не говори, только присмотри за ея туалетомъ, чтобъ она мила была.

— А какое-бы ей платье надѣть?

— Непремѣнно бѣлое съ оборочками, оно бѣлитъ. Лёло въ немъ прелесть!

— Ну, хорошо! благодарю тебя, другъ мой!

— Не благодари, не благодари, я разсержусь.

Глава V.

Во вторникъ утромъ, Авдотья Кириловна поѣхала къ обѣднѣ и привезла съ собой странницу.

— Дашка! чаю намъ скорѣй! булокъ сдобныхъ подай, сливокъ.

— Если для меня хлопочете, матушка, то не хлопочите... Булочку соленую скушаю съ чайкомъ, если пожалуете, а сливокъ и не приказывайте, не вкушаю-съ! помолясь образамъ и кланяясь хозяйкѣ, проговорила странница.

— Отчего-же, мать Агнія?.. Сегодня вѣдь не середа, а вторникъ.

— Ни по какимъ днямъ не вкушаю-съ... Вотъ ужь пятый годокъ...

— Дашка! ну, такъ подай клубничнаго варенья, да за соленой булкой пошли скорѣе Ваську! Садитесь, мать Агнія, садитесь, вы устали... Такъ это вы по обѣту, должно быть, не кушаете скоромнаго?

— По обѣту, по обѣту, ангелъ мой... Да, сударыня моя, по немощи моей въ Ерусалимѣ обѣтъ дала...

— Счастливы вы, мать Агнія, что сподобились побывать въ святыхъ мѣстахъ.

— Благодарю моего Бога... побывала, сударыня, побывала. Извольте и бумагу поглядѣть, если вамъ любопытно, тамъ все выписано, сказала странница, вынимая изъ чернаго коленкороваго мѣшка запачканный листъ, свернутый вчетверо.

Авдотья Кириловна развернула, поглядѣла его и отдала Агніи.

— А вотъ, если вамъ угодно, я съ вами и ерусалимскими святынями подѣлюсь, матушка?

— Ахъ, мать Агнія, очень вамъ буду благодарна.

— Вотъ, ангелъ вы мой, вамъ водицы изъ Іордана.

— Покорно васъ благодарю, покорно васъ благодарю! проговорила Авдотья Кириловна, принимая съ благоговѣніемъ баночку изъ рукъ странницы.

— Вы всю ее выливать не извольте, и одной капельки на бутылку довольно, святость все единственная будетъ; а вы мнѣ за это сиротѣ капотикъ старенькій пожалуйте.

— Дашка! Дашка! подай скорѣе мой коричневый полумериносовый капотъ.

— А вотъ вамъ, ангелъ вы мой, въ бумажкѣ песочекъ со дна Іордана, въ ладонку прикажите его дѣвкѣ зашить, это отъ глазу хорошо... А вы мнѣ ужь за это платочекъ старенькій пожертвуйте, плечики бѣдной прикрыть...

— Дашка! найди, гдѣ мой траурный кашемировый платокъ, подай его сюда!

— Вы... вы мнѣ его изволили подарить, сударыня, отвѣтила дѣвушка, ставя на столъ самоваръ.

— Врешь, никогда я тебѣ его не дарила... сейчасъ подай!

— А вотъ и камушки, тоже со дна Іордана: коли у кого головка болитъ, только облить водицей, намочить полотенчико и обернуть головку, сейчасъ-же исцѣленіе получишь.

— Покорно васъ благодарю! Ахъ, какіе хорошенькіе камушки, какіе ровные... Такъ неужто они такъ просто на днѣ и лежатъ? И никто ихъ не обдѣлывалъ?

— Такъ и лежатъ, и не только на днѣ, ангелъ вы мой, а то и на улицахъ такъ и лежатъ... Да это они теперь такіе стали, а то тамъ такіе-ли они были... Тамъ они бѣлые, что твой кипѣнь, и мягкіе, какъ пушокъ какой... а сладость въ нихъ какая—и пересказать нельзя. Ей Богу-съ! Да тамъ и песочекъ кушать можно. Проголодаешься, бывало, такъ и подымешь горсточку песочку, скушаешь, да камушка два-три въ ротъ положишь, проглотишь и сытъ. Здѣсь, грѣшнымъ дѣломъ, кажется, быка сожри, такъ такой сытости не увидишь.

— Такъ неужели эти камушки въ Ерусалимѣ можно было ѣсть? Они такіе крѣпкіе.

— Можно, ангелъ вы мой, можно-съ... Это только сюда ихъ по грѣхамъ нашимъ довезти такихъ нельзя; что ближе ѣдешь къ нашимъ городамъ, то камушки-то все крѣпче; а въ Ерусалимѣ, я вамъ докладывала, пухъ-пухомъ...

— Счастливица вы, мать Агнія: гдѣ сподобились побывать. Вотъ Богъ дастъ, я дочку свою замужъ выдамъ, такъ сама поѣду къ святымъ мѣстамъ,— сказала Авдотья Кириловна, подавая странницѣ чашку чая.

— А вы, ангелъ мой, дочку вашу замужъ выдаете?

— Не выдаю еще, а хотѣла-бы выдать, кабы Богъ послалъ хорошаго человѣка. Да это нынче такъ трудно, всѣ женихи богатыхъ ищутъ. А за моей дочерью, кромѣ приданого, ничего не будетъ. Помолитесь за насъ, мать Агнія!

— А какъ имя дочки вашей?

— Елена.

— Помолюсь, ангелъ вы мой, помолюсь... А то у меня по этому дѣлу еще одно средствице есть; ужь знаю, что навѣрное-бы помогло... Да вотъ при дѣвкѣ говорить не хочется, мигнула Агнія, показывая на Дашу, которая убирала въ спальнѣ барынины вещи.

— Дашка! что ты тутъ торчишь? Что я тебя въ компаньонки, что-ли, наняла? Вонъ пошла!

Дѣвушка вышла изъ комнаты.

— Вотъ-съ, ангелъ вы мой, при дѣвкѣ я говорить не хотѣла, у нихъ язычекъ востеръ. А есть у меня по вашему дѣлу одна штучка... будете помнить Агнію... Такая есть штучка у меня для васъ, ангелъ вы мой, что захотите вы примѣромъ сказать, чтобъ король какой ни на есть женился на вашей дочкѣ и тотъ не отвертится, вѣрьте Богу, не отвертится. Не въ его будетъ то силѣ, вотъ словно вы его къ своей барышнѣ на веревку привяжете.

— Что-жь, если знаете что-нибудь, мать Агнія, такъ скажите: я вамъ сама услужу чѣмъ хотите, прервала мучимая любопытствомъ Авдотья Кириловна.

— Вотъ, ангелъ вы мой, у меня сорочки всего двѣ и тѣ съ грѣшнаго тѣла валятся, такъ, если милость ваша будетъ, надѣлите сироту.

— Съ радостью, съ радостью, цѣлый кусокъ вамъ домашняго полотна дамъ... скажите только, что это у васъ за штучка есть?

— А вотъ, ангелъ вы мой, вѣрно изволите знать, что въ турецкой землѣ Мертвое море есть?..

— Знаю, знаю! проговорила Авдотья Кириловна, которая ни одного моря не знала.

— Ну-съ, такъ это море злющее, презлющее, такъ и хлещетъ и денно, и нощно, потому ему споконъ-вѣка и кличка такая дана: мертвое. Значитъ, кто въ него заѣдетъ, помереть долженъ... А это въ немъ не то, чтобы вода бурлила, а сила такая нехорошая была... И стоитъ въ эвтомъ морѣ гора до самаго до небеси. И жилъ въ этой горѣ въ старые годы колдунъ— турокъ, жадный, прежадный... завидущій, презавидущій; что не увидитъ — все ему подавай!.. Вотъ сидитъ онъ, говорятъ, на самой-то верхушечкѣ горы, да все въ море и смотритъ... Смотритъ, смотритъ, да какъ завидитъ гдѣ-что: корабликъ гдѣ по волнамъ ныряетъ, глазища-то свои завидущіе какъ уставитъ, да какъ рявкнетъ страшнымъ голосомъ: «мой!» А корабликъ-то, бѣдный, словно черти его подхватятъ, да по морю-то его бокомъ, бокомъ, да такъ и шмякнутъ его объ гору, а онъ бѣдненькій такъ и прилипнетъ и ни съ мѣста. А турокъ-то сойдетъ къ морю, да все добро-то себѣ изъ кораблика и повыберетъ, да въ свою гору и попрячетъ. Ужь до того, говорятъ, завидущъ былъ, что ужь на что-бы ему гвозди, такъ и тѣ всѣ изъ своего бѣднаго кораблика повыдергаетъ, да въ свою гору и потычетъ. Кто видѣлъ, ангелъ вы мой, такъ разсказываютъ, ежъ-ежомъ такъ гора и стоитъ... Теперь-то, говорятъ, турокъ-то самъ давно ужь померъ, да такъ не преданныя землѣ и по сю пору косточки его на верхушкѣ горы лежатъ. Такъ отъ нихъ что-ли, Господу извѣстно, а только сила-то завидущая вся въ той горѣ осталась. Обирать-то добра хоть теперь и некому, а кораблики-то сердечные все на гору такъ, какъ блины, и лѣпятся... Такъ вотъ я отъ той горы вамъ кусочекъ дать хочу.

Странница начала рыться въ своемъ мѣшечкѣ и вынула изъ него маленькій сѣренькій кусочекъ.

— Вотъ, сударыня, извольте на комъ хотите его попробовать, только извольте этотъ кусочекъ при себѣ имѣть и чего не пожелаете, все вамъ будетъ. Только сожмите его въ ручкѣ и шепните: «мое!» ваше и будетъ. А если насчетъ жениха, то вы только въ платочекъ въ уголокъ этотъ кусочекъ завяжите, да кого вамъ желательно для дочки въ мужья, такъ только негляжа по правому плечу задѣньте,—вашъ и будетъ. Да вотъ сами извольте посмотрѣть, какая въ немъ завидущая сила, ну, на что ему иголка и ту беретъ.

При этомъ словѣ странница приложила сѣренькій кусочекъ къ швейкѣ, въ которую было воткнуто нѣсколько иголокъ.

— Вонъ она! торжественно проговорила странница и подняла руку съ кусочкомъ, къ которому пристали двѣ иголки.

— Ахъ, это точно магнитъ! У нашего доктора есть такая штука, онъ ею меня отъ зубной боли вылѣчилъ, только тотъ какъ подкова сдѣланъ, тотъ цѣлые вѣсы держалъ, сказала Авдотья Кириловна, глядя съ любопытствомъ на сѣрый кусочекъ.

— Что это, ангелъ вы мой, съ чѣмъ сравнили-то? Поддѣлали что-нибудь, а это вѣдь настоящее. Къ тому человѣкъ не пристанетъ, а мой камушекъ духовно всякаго человѣка возьметъ... Да вы извольте попробовать хоть на принцѣ какомъ-нибудь.

— Хорошо, я сегодня-же попробую и если Лёло моя понравится одному человѣку,—я, кромѣ полотна, васъ подарю, мать Агнія.

— А вотъ, чтобъ понравилась дочка ваша, у меня и на это одно дѣльце есть. Ужь только дамъ въ ладонку одну вещицу, повѣсьте вашей барышнѣ на шейку и, наплюйте мнѣ въ глаза, если она любому жениху краше солнца не покажется...

— Ахъ, пожалуйста, дайте, мать Агнія, а я ужь васъ за все поблагодарю.

— Салопишка нѣтъ-ли старенькаго у васъ, ангелъ вы мой? Старыя мои косточки погрѣть; въ церковь Божію выйдти не въ чемъ. Кацавѣечка одна, да и ту точно собаки рвали... Да вотъ и башмаченочки-то каши просятъ, пропищала плачевно странница, высунувъ изъ-подъ платья ногу въ дырявомъ башмакѣ.

— Извольте, извольте, мать Агнія, какъ не дать... у меня есть... Дашка, а Дашка!

Горничная тотчасъ-же вбѣжала въ спальню.

— Подай сюда кусокъ полотна, что голубой бумагой мѣчено, мой старый ваточный салопъ, да теплые сапоги, что мерлушкой обшиты. Что-жь ты ротъ-то разинула, не тебѣ-ли я ихъ подарила? Дура! пошла, подай сейчасъ! Да захвати чайную салфетку, связать все, чтобы мать Агнія дорогой чего не потеряла.

Во время приказаній Авдотьи Кириловны, странница опять порылась въ мѣшкѣ и вытащила изъ него три восковыхъ маленькихъ шарика.

— Вотъ, ангелъ вы мой, вотъ вамъ, помянете вы Агнію, сказала старуха, когда Даша вышла изъ комнаты.

— Что-же это, воскъ?

— Вощечекъ, ангелъ вы мой, вощечекъ...

— Да вѣдь не одинъ-же воскъ, что-нибудь въ немъ закатано?

— Волоски закатаны, ангелъ мой.

— Чьи, мать Агнія? Не покойника-ли? Я боюсь.

— Ангелъ хранитель! Пресвятая Богородица! Какой покойникъ! Пусть ихъ покоятся въ сырой землѣ, на что намъ ихъ, покойниковъ?.. Волоски младенческіе, другъ вы мой сердечный, нешто я вамъ за вашу доброту ко мнѣ сиротѣ мерзость дамъ?.. Младенческіе, ангелъ вы мой, младенческіе. Изволили вы когда отъ купели ребеночка воспринимать?

— Какъ-же, я разъ двадцать крестила.

— Ну, вотъ-съ, изволите помнить, что младенцамъ при крещеніи волоски подстригаютъ?

— Помню!

— Ну, такъ вотъ-съ, въ этихъ трехъ шарикахъ волоски съ трехъ головокъ.

— Какая-же въ нихъ сила, я не понимаю?

— Какъ-же вы не понимаете, ангелъ вы мой! А вотъ какая: каждый младенецъ во грѣхѣ на свѣтъ рождается, въ каждомъ младенцѣ грѣхи отца и матери. Отъ этихъ-то грѣховъ его и омываютъ и постригаютъ, съ волосками, значитъ, грѣхи отъ него отнимаются, въ воскъ закатываются и въ купель бросаются... значитъ, младенецъ чистъ остался, а грѣхи значитъ въ воскѣ... Поняли теперь?

— Нѣтъ, я ничего не понимаю.

— Какъ-же вы это, ангелъ мой, не понимаете? Вотъ три шарика, въ нихъ волоски трехъ младенцевъ, въ волоскахъ грѣхи отца и матери, отца и матери и еще отца и матери, итого грѣхи шести человѣкъ.

— Да на что-же моей дочери грѣхи шести человѣкъ? Я все ничего не понимаю, начиная сердиться, сказала Авдотья Кириловна.

— Да чего-жь тутъ не понимать, ангелъ вы мой! Ну, дочка ваша надѣнетъ на себя эти три шарика, значитъ, приметъ на себя грѣхи шести человѣкъ. А грѣхъ что такое? Красота, прелесть всякая, помыслы всякіе... Значитъ, вся прелесть и красота съ шести человѣкъ на нее и прійдетъ. А грѣхъ любъ человѣку, ну, и дочка ваша люба будетъ...

— Ахъ, нѣтъ! я не позволю Лёло принять на себя грѣхи съ шести человѣкъ, это страшно, я боюсь! крестясь, сказала Авдотья Кириловна.

— Да не навсегда-же, ангелъ вы мой, дочка ваша ихъ приметъ. Ну, поноситъ немножко, а замужъ выйдетъ и сниметъ ихъ, въ воду броситъ; отъ воды взято, водѣ и возвратится и дѣло съ концемъ.

На эти слова въ спальню вошла Даша съ салопомъ и сапогами. Странница проворно увязала подаренныя ей вещи и стала прощаться.

— Куда-же вы, мать Агнія? Посидите, сказала Авдотья Кириловна, цѣлуя странницу.

— Запоздала, ангелъ вы мой, запоздала. Еще къ добрымъ людямъ зайдти надо. Спаси васъ, Господи, за меня сироту, кланяясь и подвигаясь къ двери, говорила старуха.

— Такъ вы думаете, это ничего, мать Агнія? шепотомъ спросила Авдотья Кириловна.

— Ничего, ангелъ вы мой, ничего, взявшись за ручку двери, отвѣтила странница, поклонилась и исчезла.

Авдотья Кириловна осталась въ раздумьи съ тремя шариками въ рукѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки **Вл. Михневича.**

(*Продолженіе.*)

X.

Танецъ въ русскомъ языкѣ и по древнерусскимъ понятіямъ.—Первые иноземные танцоры-артисты въ до-петровской Москвѣ.—Комедійныя и балетныя представленія при Алексѣѣ Михайловичѣ.—Первые питомцы Мельпомены и Терпсихоры.

Слово танецъ (по итальянски—danza, по французски—danse, по нѣмецки—Tanz) получаетъ право гражданства въ русскомъ языкѣ задолго до практическаго усвоенія нашими предками самого танца, какъ иностраннаго заимствованія. Оно встрѣчается въ нѣкоторыхъ старинныхъ памятникахъ нашей, преимущественно апокрифической и переводной письменности, да еще нерѣдко съ подходящими илюстраціями на картинкахъ. Предающіеся танцамъ грѣшники изображены между прочимъ въ древней картинкѣ ада, гдѣ бѣсы вѣшаютъ ихъ за пупъ—это спеціальное для нихъ наказаніе.

Въ стѣнной живописи царской палаты XVI столѣтія, въ числѣ алегорическихъ образовъ находилась фигура танцующей женщины, о которой современный хроникеръ Висковатый записалъ такъ:

«Въ полатѣ середней Государя нашего написанъ образъ Спасовъ, да туто-жъ близко него написана жонка, спустя рукава, кабы пляшетъ, а подписано надъ нею: блуженіе...»

Въ какой степени слово танецъ и его понятіе были распространены на Руси въ старину, можно заключить изъ того, что слово это вошло въ нашъ древнѣйшій словарь или азбуковникъ иностранныхъ словъ, перешедшихъ въ русскій языкъ. Оно встрѣчается въ «Сказаніи о неудобь познаваемыхъ рѣчахъ, ихъ-же древніи переводницы не удоволишася преложити на русскій языкъ». Изъ извѣстныхъ списковъ этого «Сказанія»—самое старинное относится къ XVI столѣтію. Въ немъ-то наше слово записано такимъ образомъ:

«Танецъ — ликъ, танцую—ликую, спровую, ликовствую».

Переводъ, какъ можно видѣть, не совсѣмъ точный. Славянское «ликъ» означаетъ, кромѣ лица, еще—хоръ, собраніе поющихъ; «ликую»—праздную, торжествую. О танцѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, слово это не даетъ представленія, и примѣненіе его въ данномъ случаѣ кажется тѣмъ болѣе неумѣстнымъ, что у составителя «азбуковника» былъ подъ рукою болѣе точный переводъ «танца»—русской «пляской», «плясбой» и т. п.

Неточность эта произошла, однако, вовсе не оттого, чтобы русскіе люди того времени не имѣли нагляднаго опредѣленнаго понятія, что такое танецъ. Уже въ XVI столѣтіи сношенія Москвы съ Западомъ, а въ особенности съ Польшей и Кіевской Русью, значительно тогда цивилизованными, настолько участились и упрочились, что въ кругозоръ московскихъ «лучшихъ» людей неощутительно проникъ цѣлый потокъ новыхъ «заморскихъ» понятій, воззрѣній, словъ, установленій и обычаевъ. Извѣстно, какое, напр., огромное цивилизующее вліяніе оказала въ тѣ времена южнорусская культура на московское государство и въ особенности на великорусскую письменность. Отсюда-то несомнѣнно занесенъ былъ и «танецъ», какъ слово и какъ понятіе, задолго передъ тѣмъ усвоенныя малороссами отъ поляковъ, которые съ незапамятныхъ временъ славились лихими танцорами.

Позднѣе, въ шумные и веселые дни Дмитрія Самозванца, москвичамъ представилась широкая оказія близко насмотрѣться на нечестивые заморскіе танцы, во всемъ ихъ соблазнительномъ блескѣ и разнообразіи, за что, отчасти, Самозванецъ и поплатился короной и жизнью.

Впрочемъ, и гораздо ранѣе въ московскихъ дворцовыхъ палатахъ, случалось, заѣзжіе иноземные танцоры тѣшили государей своимъ искуствомъ. Для этого существовала особая «потѣшная палата», свѣденія о которой восходятъ до временъ Годунова и ранѣе. Въ XVII столѣтіи подобныя забавы при московскомъ дворѣ не составляли уже рѣдкости. Со временъ Михаила Федоровича «потѣшныя хоромы» получаютъ правильную организацію, съ цѣлымъ штатомъ разнаго рода увеселителей: музыкантовъ, актеровъ (комедіантовъ), акробатовъ, плясуновъ и проч., преимущественно изъ нѣмцевъ и поляковъ. Они разыгрывали передъ царскимъ семействомъ разныя буфонады, арлекинады и тому подобныя «скоморошныя хитрости», въ которыхъ, безъ сомнѣнія, имѣли мѣсто и танцы, какъ балетное искуство.

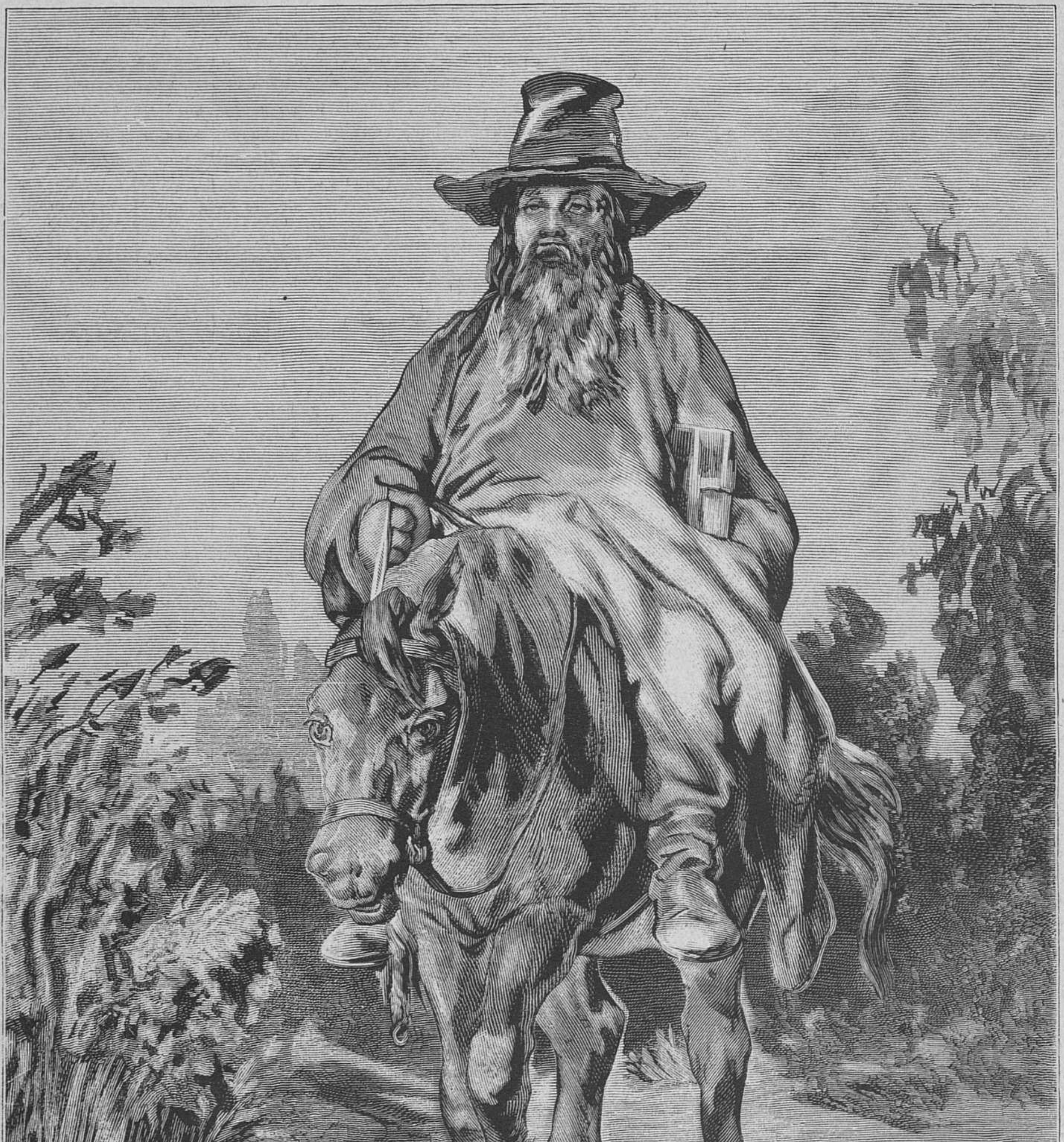
Собственно о заѣзжихъ иностранцахъ-танцорахъ того времени сохранились нѣкоторыя довольно опредѣленныя свѣденія. Такъ, есть извѣстіе, что въ 1629 г. при московскомъ дворѣ явился потѣшникъ—канатный плясунъ «нѣмчинъ» Иванъ Лодыгинъ, который, вѣроятно, пользовался большимъ успѣхомъ, потому что, какъ свидѣтельствуютъ дворцовые списки, ему ежегодно по царскому приказу и изъ царской казны выдавалось жалованное роскошное платье или деньги на шитье онаго. Благоволеніе государя къ Лодыгину выражалось не за одно только его личное искуство, а еще и за то, что онъ обучалъ своей «бѣсовской мудрости» порученныхъ ему учениковъ изъ русскихъ. Въ 1637 г. государь пожаловалъ ему 10 аршинъ камки двоеличной, шелкъ алъ-желтъ цѣною въ 9 рублей, да на сукно деньгами 6 рублей «за то, что онъ, Иванъ, выучилъ по канатамъ ходить и танцовать и всякимъ потѣхамъ, чему онъ самъ умѣетъ, 5 человѣкъ, да по барабанамъ выучилъ бить 24 человѣка».

Однакожъ, «нѣмчинъ» Лодыгинъ всѣми этими милостями не былъ достаточно удовлетворенъ, какъ можно заключить изъ слѣдующей, весьма характеристичной челобитной, поданной имъ государю.

Упомянувъ вначалѣ, послѣ титула, какъ и чѣмъ, именно, онъ, Иванъ, тѣшилъ государя и царевича Алексѣя Михайловича, проситель говоритъ далѣе: «рекся ты, государь, пожаловать мнѣ, холопу своему, шубу; и я, холопъ твой, съ тѣхъ мѣстъ и по сю пору, ожидаючи твоего государеваго жалованья ко мнѣ, не билъ челомъ. Милосердый государь! пожалуй меня, холопа своего, въ то мѣсто къ свѣтлому воскресенью ферезцами, да кафтанцомъ. А дураки, государь, тѣша тебя, государя, изодрали на мнѣ однорядку, да шапку; и однорядочка у меня, холопа твоего, къ свѣтлому воскресенію съ пугвицы

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ АКАДЕМИКА ПЕТРА СОКОЛОВА.

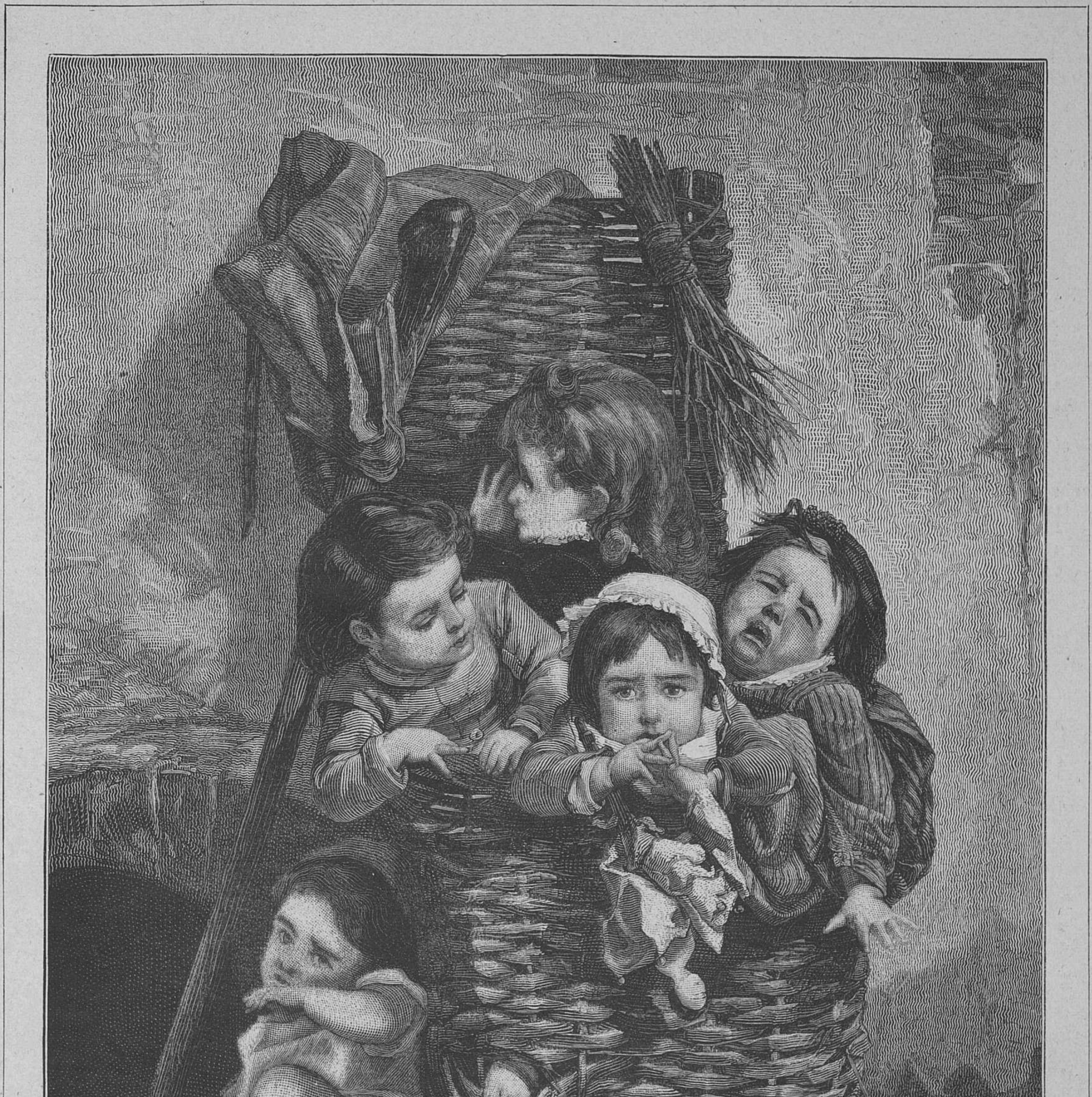

Павелъ Соколовъ
1879.

Батюшка съ требой.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЛОБРИШОНА.



Наказанные въ корзинѣ трубочиста.

Рѣзалъ на деревѣ Жоннаръ въ Парижѣ.

серебряными—твое царское жалованье—есть. Царь государь, смилуйся!»

Просьба Лодыгина была уважена, и на этомъ кончаются наши свѣдѣнія объ этомъ, едва-ли не первомъ въ Россіи, по времени танцмейстерѣ и балетмейстерѣ. Ничего неизвѣстно также и о дальнѣйшей судьбѣ обученныхъ имъ для сцены русскихъ танцоровъ.

Алексѣй Михайловичъ вначалѣ своего царствованія чуждался увеселеній, какъ отечественныхъ, такъ и заморскихъ, но впослѣдствіи дворцовая «потѣшная палата» не только возобновила при немъ свои дѣйствія, но значительно ихъ расширила и усовершенствовала. Въ это время при ней образовался настоящій театръ, на которомъ давались большія сложныя пьесы разнообразнаго содержанія или «комедіи», какъ ихъ тогда называли.

Такая перемѣна вкусовъ въ царѣ произошла подъ вліяніемъ его второй жены Натальи Кириловны, любившей веселье, а также приближенныхъ къ нему бояръ Матвѣева, Лихачева и другихъ, людей образованныхъ, усвоившихъ наклонность къ западной цивилизаціи и къ европейскому образу жизни, отчасти по личному съ нею знакомству. Такъ, Лихачевъ объѣхалъ часть Европы въ качествѣ посланника, увлекся ея диковинами, удовольствіями и художествами, а потомъ, по возвращеніи, своими разсказами о нихъ увлекалъ многихъ москвичей, не исключая и самаго царя.

Такъ или иначе, но въ 1670-хъ годахъ царь, по разсказу Рейтенфельса, «узнавши, что при дворахъ другихъ европейскихъ государей въ употребленіи разныя игры, танцы и прочія удовольствія для пріятнаго препровожденія времени, нечаянно приказалъ, чтобы все это было представлено въ какой-то французской пляскѣ. По краткости назначеннаго семидневнаго срока сладили дѣло, какъ могли».

«Дѣломъ» этимъ занялся, вѣроятно, бояринъ Матвѣевъ; вѣроятно, онъ-же озаботился вызвать для этой потѣхи иностранныхъ артистовъ изъ-за моря, которыхъ явилась въ Москву цѣлая труппа подъ управленіемъ Ягана Готфрида Грегори.

По словамъ Рейтенфельса, первый спектакль доставилъ придворной публикѣ «полное удовольствіе. Сперва царь не хотѣлъ, чтобы тутъ была музыка, какъ вещь новая и нѣкоторымъ образомъ языческая, но когда ему сказали, что безъ музыки точно также невозможно танцовать, какъ и безъ ногъ, то онъ представилъ все на волю самихъ артистовъ»... Собралась публика, открылся занавѣсъ. «Орфей, прежде нежели начать пляску между двухъ подвижныхъ пирамидъ, пропѣлъ похвальные стихи царю». Алексѣю Михайловичу очень понравилось представленіе; заѣзжіе комедіанты были приняты на службу и стали давать спектакли постоянно въ дни, назначаемые царемъ.

Въ описаніи построенной тогда-же «комедійной палаты» находимъ, въ числѣ ея аксесуаровъ, какіе-то 4 «выкрашенные голубцомъ балѣты». Вѣроятно, рѣчь идетъ о балетныхъ, декораціяхъ и, во всякомъ случаѣ, это слово даетъ указаніе, что балетному искуству отводилось въ тогдашнемъ московскомъ театрѣ видное мѣсто. Вообще, по требованіямъ тогдашнихъ театральныхъ вкусовъ, большія серьезныя пьесы уснащались въ антрактахъ легкими интермедіями, музыкою и балетомъ. Такъ, сочинитель современной комедіи о Блудномъ сынѣ въ своемъ прологѣ говоритъ, что онъ раздѣлилъ свою пьесу на 6 частей и послѣ каждой части «нѣчто примѣсихомъ, утѣхи ради, потому что все стужаетъ, что едино безъ премѣнъ бываетъ». А «примѣсилъ» онъ здѣсь пѣніе, играніе на органахъ, танцы...

Въ комедійной игрѣ, въ музыкѣ и танцахъ на дворцовой сценѣ принимали тогда участіе не одни только нѣмцы. Въ дворцовыхъ запискахъ того времени, въ описаніяхъ театральныхъ зрѣлищъ, нерѣдко читаемъ: «тѣшили великаго государя иноземцы, нѣмцы, да люди боярина С. А. Матвѣева на органахъ и на фіоляхъ и на стрементахъ и танцовали»...

Изъ этого извѣстія можно заключить, что подобнаго рода сценическими потѣхами забавлялись тогда не только при дворѣ, но и въ богатыхъ боярскихъ домахъ.

И дѣйствительно, въ дни Алесѣя Михайловича и позднѣе, наканунѣ петровской реформы, въ Москвѣ находилось уже не мало новаторовъ, подобныхъ Матвѣеву, которые, вкусивъ отъ европейской цивилизаціи, стали заводить у себя изъ своихъ крѣпостныхъ холопей музыкантовъ, комедіантовъ и плясуновъ, обученныхъ на иноземный «нѣмецкій» ладъ. Нѣкоторые бояре содержали по найму и иностранныхъ артистовъ. Такъ, въ концѣ XVII столѣтія Корбъ слышалъ въ домѣ князя Голицына хоръ его домовыхъ музыкантовъ, которые всѣ были поляки. Около того-же времени самъ царь «купилъ» однажды у бранденбургскаго посла за 1200 червонцевъ хоръ мальчиковъ-гобоистовъ...

Такимъ образомъ, еще задолго до петровскихъ нововведеній, въ Москвѣ началъ развиваться артистическій класъ, «на манеръ, какъ въ иноземныхъ странахъ», и отодвинулъ на задній планъ народныхъ самодѣльныхъ скомороховъ и «умѣльцевъ».

Тѣ изъ этихъ первыхъ у насъ питомцевъ Мельпомены и Терпсихоры, которые состояли при дворцѣ, рекрутировались обыкновенно изъ рядовъ молодыхъ мѣщанъ и приказныхъ, не столько, конечно, по призванію и личному выбору, сколько за неволю, какъ на службу. Они жили и обучались въ Нѣмецкой слободѣ. Положеніе ихъ, впрочемъ, было далеко не завидное, какъ можно заключить изъ слѣдующей, сохранившейся отъ 1673 г., челобитной, поданной ими царю.

«Отослали насъ, холопей твоихъ, писалъ Васка Мешалкинъ съ товарищи, — въ Нѣмецкую слободу, для наученія комедѣйнаго дѣла къ магистру къ Ягану Готфрету, а корму намъ ничего не учинено; и нынѣ мы, по вся дни ходя къ нему магистру и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапожишками обносились, а пить-ѣсть нечего и помираемъ мы голодною смертію. Милосердый государь! вели намъ поденный кормъ учинить, чтобъ, будучи у того комедійнаго дѣла, голодною смертію не умереть».

Не напрасно, вѣроятно, Корбъ замѣтилъ, что московскіе меломаны того времени очень туги были вообще въ поощреніи тѣшившихъ ихъ артистовъ вещественными знаками своего невещественнаго отъ нихъ восхищенія. Артисты нравятся имъ, разсказываетъ онъ, только до тѣхъ поръ, пока играютъ, но чуть дѣло доходитъ до вознагражденія ихъ за искуство, то «въ москвитянахъ пробуждается скупость и они ни за что не соглашаются покупать удовольствіе, продолжающееся только нѣсколько часовъ на годичные расходы».

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Великая пѣвица.

Историческая повѣсть **Луизы Мюльбахъ.** Переводъ **А. Качоровской.**

(Продолженіе.)

Глава III.

Императрица и ея канцлеръ.

Гнѣвъ Маріи-Терезіи не утихалъ. По уходѣ графа Дурацо, пришла оберъ-гофмейстерина графиня Фуксъ и подтвердила извѣстіе, сообщенное духовникомъ, разукрасивъ его пикантными подробностями. Графиня Фуксъ ненавидѣла Габріэли за то, что ея сынъ былъ ревностнымъ поклонникомъ пѣвицы; впрочемъ, ненависть ея къ этой артисткѣ умѣрялась тѣмъ, что она, какъ и Порхамеръ, питала тайную надежду, что Габріэли повліяетъ, если не на окончательное паденіе, то, по крайней мѣрѣ, на уменьшеніе власти злѣйшаго врага ея, министра, заключившаго неслыханный союзъ между Австріей и Франціей, князя Кауница. Какъ оберъ-гофмейстерина, такъ и духовникъ знали отлично, что императрица, отличающаяся самовластіемъ, своеволіемъ и строгостью ко всѣмъ, была слаба и снисходительна къ одному только человѣку,—своему государственному канцлеру. Ему одному находила она всегда извиненіе, его одного уважала; здравый смыслъ, свѣтлый умъ и честное сердце Маріи-Терезіи говорили ей, что Кауницъ единственный человѣкъ, могущій твердою рукою вывести австрійскую имперію на новую, лучшую дорогу. Благодаря этому, Кауницъ еще молодымъ человѣкомъ былъ пожалованъ княземъ и императрица не только снисходительно смотрѣла на его слабости и странности, но даже, при всемъ ея благочестіи и привязанности къ духовенству, позволяла Кауницу рѣзко возставать противъ стремленій духовенства захватить власть въ свои руки и не мѣшала ему осуществить его планъ устраненія князей церкви отъ участія въ управленіи государствомъ.

Марія-Терезія, выслушавъ съ возрастающимъ гнѣвомъ длинное повѣствованіе графини Фуксъ, сказала ей:

— Вы правы, графиня, стыдъ для женщинъ, что среди нихъ существуютъ подобныя личности. Я должна показать моему народу, что не потерплю разврата. Знаю, это теперь въ модѣ, но пока я жива и сильна, нашъ дворъ не заразится легкомысліемъ, я буду грозою для развратныхъ и покровительницею честныхъ женщинъ. Эта пѣвица болѣе не будетъ причинять намъ огорченія. Графъ Дурацо получилъ повелѣніе выпроводить ее немедленно изъ Вѣны и она не будетъ пѣть сегодня вечеромъ.

— Но, ваше величество, что скажетъ князь Кауницъ, если вы выпроводите отсюда эту пѣвицу со стыдомъ и позоромъ.

Императрица пожала плечами.

— А! и вамъ извѣстна эта сказка, сказала она.—Мнѣ передалъ ее императоръ: князь Кауницъ въ интригѣ съ этой пѣвицей. Но я не вѣрю; князь не такой человѣкъ. Если даже онъ старается выдать себя ея любовникомъ, то это для того, чтобы быть похожимъ на моднаго французскаго кавалера; ему нравится легкій, безпутный нравъ французскаго двора; но повторяю, это только одна внѣшность; на самомъ дѣлѣ, князь весьма нравственный человѣкъ. Повѣрьте, графиня, я знаю мужчинъ, я изучила ихъ по моему мужу. Онъ любитъ женщинъ и женщины находятъ его красивымъ, какъ и я. Ахъ, графиня, большое несчастье, если мужу нечего дѣлать и онъ ищетъ развлеченія у легкомысленныхъ, прекрасныхъ женщинъ. Да, большое несчастіе, когда мужъ ничего не дѣлаетъ!.. Но вспомните, графиня, сколько дѣла у Кауница, онъ неутомимый работникъ, постоянно заботится о благѣ австрійской монархіи и не имѣетъ времени заниматься глупостями. Если Кауницъ ухаживаетъ за Габріэли, онъ дѣлаетъ это для развлеченія и ему можно простить.

— Но, ваше величество, замѣтила вкрадчиво Фуксъ,— мнѣ кажется, князь слишкомъ далеко простираетъ ухаживаніе и свое пренебреженіе къ нравамъ и обычаямъ страны. Если это дозволяется при дворѣ, гдѣ владычествуетъ безпутная маркиза Помпадуръ и...

— Фуксъ, прошу васъ, не говорите ничего о маркизѣ Помпадуръ, прервала ее императрица;—

вы знаете, что я въ видахъ политики заглушила свое отвращеніе и написала маркизѣ дружественное письмо, въ которомъ удостоиваю ее названія «ma chère cousine» и «ma soeur». Поэтому прошу васъ не унижать передо мной особу, которую я такъ высоко поставила. Скажите прямо, какое преступленіе сдѣлалъ князь Кауницъ?

— Ваше величество, по моему это—поруганіе обычаевъ и приличій, если князь Кауницъ ѣздитъ со своей фавориткой днемъ, открыто, въ каретѣ или сидитъ съ нею рядомъ въ театрѣ.

— Это его дѣло, отвѣчала поспѣшно императрица,—это до насъ не касается. Пусть князь самъ раздѣлывается со своею совѣстью.

— Но, продолжала невозмутимо графиня, — мнѣ кажется, онъ нарушаетъ уваженіе, которымъ обязанъ канцлеръ къ особѣ своей императрицы, если онъ даже сюда, во дворецъ, ѣдетъ съ пѣвицей и оставляетъ ее дожидать себя въ каретѣ въ то время, какъ самъ находится на аудіенціи у своей государыни.

— Это неправда, Кауницъ не сдѣлаетъ этого! Вы клевещете, графиня, кто разсказалъ вамъ эту новость?

— Всемилостивѣйшая государыня, достоуважаемый патеръ Порхамеръ нѣсколько дней тому назадъ самъ видѣлъ пѣвицу въ каретѣ князя въ то время, когда канцлеръ былъ у вашего величества. Она, смѣясь, поклонилась ему изъ кареты и спросила: «ваше преподобіе, полагаете, вѣроятно, что въ моемъ лицѣ предъ вами предсталъ самъ дьяволъ? Вамъ угодно, можетъ быть, произнести заклинаніе?»

— Отвратительно! вскричала императрица,—но какъ-то не вѣрится, чтобы князю это было извѣстно. Пѣвица, вѣроятно, увидала карету князя у моего подъѣзда и взобралась туда, чтобы удивить его. Такъ было, графиня, а не иначе. Невозможно, чтобы князь позволилъ себѣ такую неделикатность.

— Ваше величество, смѣю увѣрить васъ, что онъ это дѣлаетъ и попрошу позволенія въ слѣдующій разъ, если опять случится подобное, увѣдомить ваше величество въ присутствіи самого князя.

— Хорошо, я тогда выскажу князю свое мнѣніе; онъ сейчасъ долженъ быть у меня; получены очень важныя депеши.

— Его свѣтлость, князь Кауницъ! доложилъ вошедшій камерлакей.

— Идите, графиня, сказала поспѣшно императрица,—но сперва закройте окно, вы знаете, князь не любитъ сквозного вѣтра. Скорѣе закройте окно и идите!

— Ваше величество, шепнула графиня,—если сегодня пѣвица сидитъ въ каретѣ, можно войдти къ вамъ?

— Да, да, отвѣчала императрица,—идите-же!

Она поспѣшно направилась къ князю, который, не смотря на теплую, весеннюю погоду, входилъ въ комнату плотно закутанный въ мѣховой кафтанъ.

— Ну, князь! вскричала императрица, — вы точно изъ Сибири! Повѣрьте, сюда не проникаетъ весенній воздухъ и вамъ нѣтъ надобности кутаться въ мѣхъ въ нашей теплой атмосферѣ.

— Простите, ваше величество, но я знаю, что горячая кровь и пылкій умъ моей императрицы такъ согрѣваютъ ее, что она постоянно открываетъ окно; я-же принужденъ остерегаться сквозного вѣтра.

Императрица кивнула головой.

— Ничего, все это въ обычаяхъ новаго времени, о которомъ вы мнѣ такъ много говорили и которому поклоняется также и нашъ сынъ эрцгерцогъ Іосифъ. Теперь въ модѣ уничтожать этикеты и церемоніалы; мы-же знаемъ, что вы слѣдуете модѣ и стараетесь ввести при нашемъ дворѣ не только французскую политику, но и французскія манеры.

— Ваше величество, простите, если я оказываюсь несвѣдущимъ въ правилахъ этикета, спокойно отвѣчалъ Кауницъ, — я не оберъ-церемоніймейстеръ вашего величества и не занимаюсь поэтому церемоніалами и этикетами. Я только стараюсь, насколько возможно, избавить себя отъ нихъ, и такъ какъ ваше величество были такъ милостивы, позволили своему канцлеру не особенно придерживаться стѣсненій, налагаемыхъ церемоніймейстеромъ, то я и не нахожу нужнымъ извиняться за мѣховой кафтанъ.

Императрица ничего не возразила, молча опустилась въ кресло и рукою указала на противоположный стулъ. Кауницъ медленно опустился на него и вынулъ бумаги изъ бокового кармана.

— Я просилъ аудіенціи у вашего величества въ необычный часъ, сказалъ онъ,—потому, что долженъ сообщить вамъ важныя извѣстія. Исполнилось то, чего мы давно желали и къ чему стремились. Миръ между Австріей, Пруссіей и Саксоніей заключенъ; 15 февраля послы: вашего величества статскій совѣтникъ фон-Кольмбахъ; прусскій — тайный совѣтникъ фон-Герцбергъ и саксонскій — баронъ фон-Фритшъ, въ замкѣ Гутерсбургѣ, недалеко отъ Дрездена, послѣ длинныхъ переговоровъ подписали мирный договоръ. Не достаетъ только подписей государей, во-первыхъ, подписи императрицы-королевы Маріи-Терезіи. Вотъ бумаги, присланныя на разсмотрѣніе и утвержденіе вашимъ величествомъ.

— Ненужно, Кауницъ, возразила опечаленная императрица, — зачѣмъ я стану читать бумаги, которыя свидѣтельствуютъ, что наши надежды рухнули и что цѣль, для которой вели мы семилѣтнюю войну, не достигнута. Я потеряла на всегда Силезію, а злой человѣкъ, отнявшій ее, смѣется, потирая руки: онъ побѣдитель.

— Но, ваше величество, онъ возвращаетъ то, что отнялъ у насъ въ послѣднюю войну и оставляетъ себѣ только то, что завоевалъ въ первыя двѣ силезскія войны!

— И какъ разъ для того, чтобы возвратить потерянное, мы начали третью силезскую войну! вскричала, оживляясь, императрица. — Если мы желали оставить ему завоеванное, зачѣмъ проливать столько крови. Я желала бы плакать кровавыми слезами и ими подписать договоръ, по которому мой врагъ дѣлается полновластнымъ господиномъ моей любезной Силезіи.

— Война привела и къ хорошимъ результатамъ, сказалъ Кауницъ;—благодаря ей, австрійская имперія пробудилась къ новой политической дѣятельности. Мы заключили союзъ съ русскою императрицею, чѣмъ обезсилили короля Фридриха II; Австрія кончаетъ войну могущественнѣе, чѣмъ она была семь лѣтъ тому назадъ, при началѣ войны. Правда, Силезія достается Пруссіи, но и только; всѣ остальныя завоеванія короля прусскаго возвращены намъ.

— Что еще заключается въ договорѣ? спросила императрица.

— Одной изъ статей тайнаго договора, заключеннаго съ Пруссіей, король прусскій обѣщаетъ подать свой голосъ за эрцгерцога Іосифа при избраніи короля римскаго. По всему вѣроятію, избраніе произойдетъ весною будущаго года...

Лицо императрицы просвѣтлѣло.

— Ахъ, Кауницъ, прервала она его,—благодарю; вотъ первое, хорошее извѣстіе, сообщенное вами сегодня; это бальзамъ для моихъ сердечныхъ ранъ. Мой сынъ будетъ королемъ римскимъ, значитъ, когда-нибудь онъ будетъ императоромъ германскимъ.

— Война окончена; миръ обезпеченъ, ваше величество, сказалъ Кауницъ,—и намъ остается только позаботиться доставить эрцгерцогинямъ достойные троны, блестящіе союзы, могущественныя короны.

— Ахъ! засмѣялась императрица,—говоря о союзахъ, подразумѣваете замужества, Кауницъ. Да, рѣдко принцесы выходятъ замужъ, какъ я, по любви. Дай Богъ, чтобы мои дочери, по выходѣ замужъ, были счастливы и... Ну, Фуксъ, что вамъ надо? спросила Марія-Терезія, обращаясь къ оберъ-гофмейстеринѣ, вошедшей въ боковую дверь.

— Простите, ваше величество, я прихожу по вашему повелѣнію и прошу выслушать меня.

Императрица подошла къ ней:

— Ну, что случилось, Фуксъ?

— Все такъ, какъ я докладывала вашему величеству: въ каретѣ князя сидитъ пѣвица.

— Это невозможно! вскричала, вспыхнувъ, императрица.

— Я сама видѣла, сказала графиня, низко кланяясь и удаляясь по знаку императрицы.

Едва затворилась за нею дверь, Марія-Терезія съ раскраснѣвшимися щеками быстро приблизилась къ Кауницу.

— Князь, спросила она, съ трудомъ переводя дыханіе,—кто сидитъ въ вашей каретѣ?

Кауницъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Никто, ваше величество, кого бы я имѣлъ намѣреніе представить своей императрицѣ. Вамъ должно быть безразлично, если бы я вздумалъ кому-нибудь уступить мѣсто въ моей каретѣ; это касается меня лично.

— Вы не хотите мнѣ сказать, вскричала гнѣвно императрица, — ну, князь, такъ я вамъ скажу: въ вашей каретѣ сидитъ синьора Габріэли и...

— Ваше величество, перебилъ ее Кауницъ,—я явился для доклада политическихъ дѣлъ моей государынѣ и наши занятія еще не окончены. Я, какъ государственный канцлеръ моей уважаемой повелительницы, сообщилъ о томъ, что произошло въ Гутерсбургѣ; я положилъ передъ вашимъ величествомъ бумаги и просилъ вашей подписи. Прошу васъ, ваше величество, подпишите.

Онъ взялъ перо и подалъ его императрицѣ:

Смущенная Марія-Терезія взяла перо, нагнулась надъ бумагой и поспѣшно подписала свое имя.

— Ваше величество, сказалъ съ чувствомъ Кауницъ,—эта минута очень важна по своимъ послѣдствіямъ въ исторіи Германіи. Мы можемъ съ гордостію сказать, что совершили великое дѣло! Я съ своей стороны приложу всѣ силы, прилежаніе и дѣятельность, чтобы вывести Австрію изъ кровавой войны къ новой славѣ...

— Да, вы это исполните, сказала съ живостью императрица,—счастлива Австрія, имѣющая у кормила правленія рядомъ со мною Кауница!

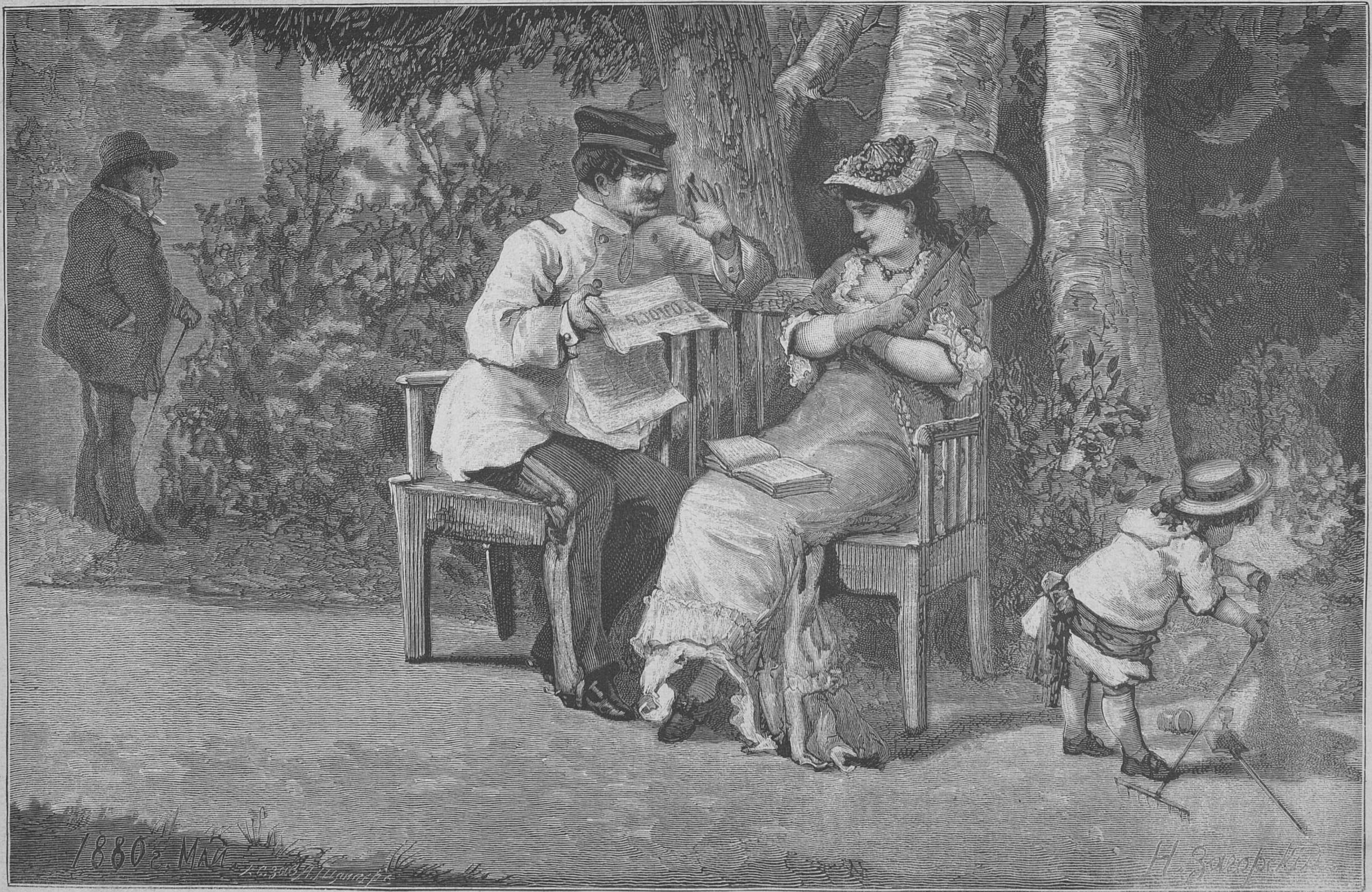
— И я счастливъ, ваше величество, служа императрицѣ, свѣтлый умъ и благородная душа которой стремится къ возвеличенію австрійской монархіи; то немногое, что мнѣ удалось сдѣлать, я могъ совершить только при помощи моей государыни.

— Благодарю васъ отъ всего сердца, Кауницъ; вы знаете, какъ глубоко я васъ уважаю. Я довольна вами и вѣрю вамъ, какъ лучшему государственному человѣку нашего времени. Но, признаюсь, Кауницъ, я желала бы, чтобы вы относились съ большимъ вниманіемъ къ вашей частной жизни.

— Ваше величество, отвѣчалъ хладнокровно Кауницъ,—моя частная жизнь касается лично меня и я никому на свѣтѣ не обязанъ отдавать въ ней отчета.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ Н. ЗАГОРСКАГО.

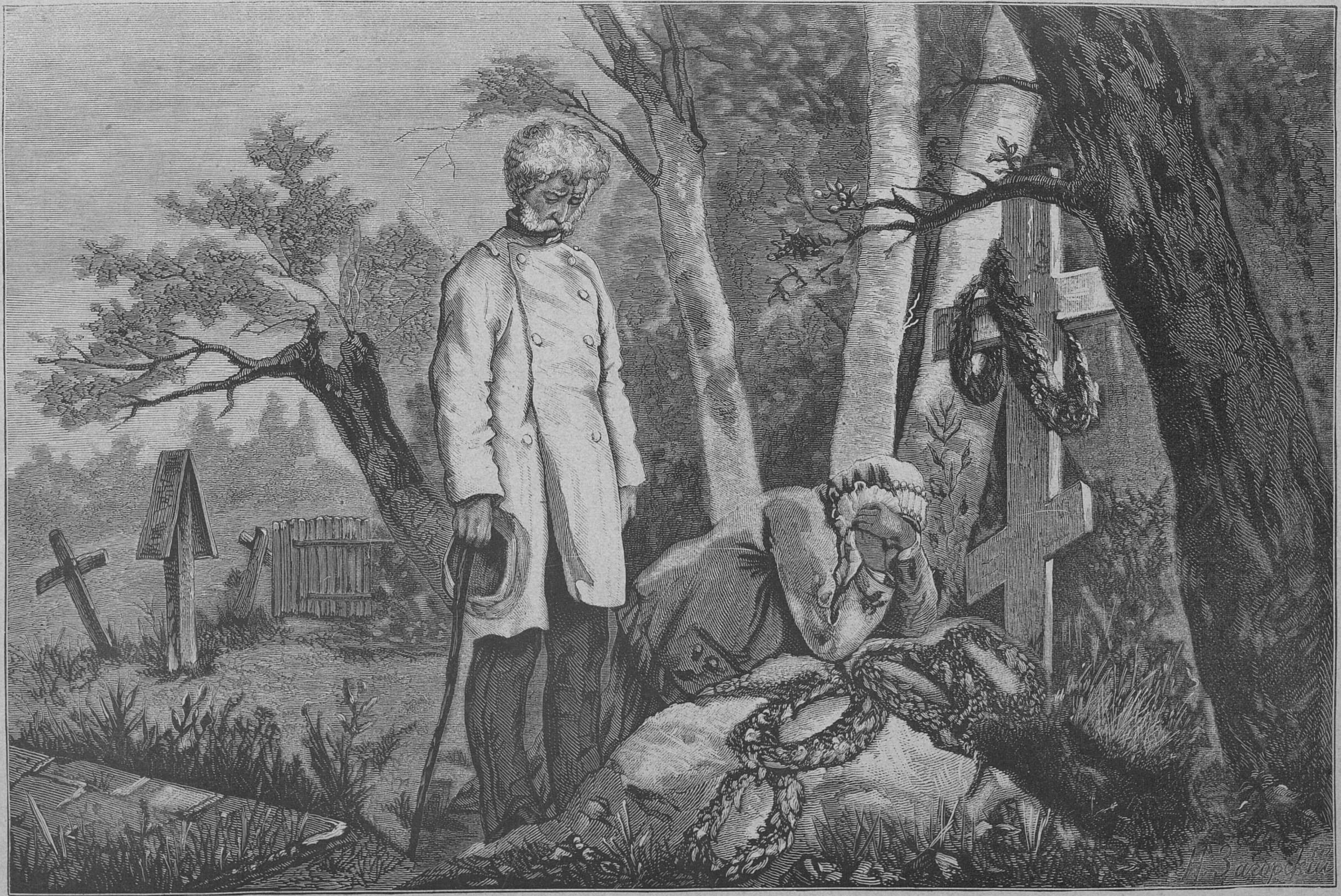

1880 г. Май
Рѣзалъ А. Шлиперъ
Н. Загорскій

Лѣтняя сценка.

Рисовалъ на деревѣ авторъ; рѣзалъ **А. Шлиперъ.**

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ Н. ЗАГОРСКАГО.



Отцы и дѣти. (И. С. Тургенева.)
Рисовалъ на деревѣ авторъ, рѣзалъ **А. Шлиперъ.**

— Но есть законы, вскричала императрица, снова выведенная изъ себя спокойствіемъ своего министра,— которыхъ никто не смѣетъ нарушать! Не хорошо, Кауницъ, что вы, отправляясь ко мнѣ во дворецъ, оставляете дожидать себя въ каретѣ особу, общество которой неприлично государственному канцлеру. Въ вашей каретѣ сидитъ пѣвица; каждый можетъ ее видѣть и она даже этого желаетъ, выглядываетъ изъ кареты и пересмѣивается съ прохожими. Это возмутительно, Кауницъ, неприлично, и я приказываю вамъ...

— Что, спросилъ князь,—изволите приказать, ваше величество, своему канцлеру? Какія дѣла желаете вы передать мнѣ?

— Не о дѣлахъ рѣчь; мы покончили съ ними; я говорю вамъ объ этой пѣвицѣ и удивляюсь, какъ вы позволяете ей ожидать себя, когда вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что я отказала ей отъ театра и она не будетъ пѣть сегодня?

— Кажется, я объ этомъ слышалъ, но это до меня не касается; это дѣло директора театровъ, графа Дурацо.

— Онъ болѣе не директоръ! вскричала императрица.

— Тогда это дѣло его преемника, спокойно сказалъ Кауницъ,—я, къ счастью, не имѣю дѣла съ театромъ. Вы отказали синьорѣ Габріэли, это дѣло вашего величества, но я не покидаю своихъ друзей только потому, что они попадаютъ въ немилость; никто не можетъ сказать, что расположеніе или нерасположеніе князя Кауница зависитъ отъ вѣтра, дующаго изъ дворца. Желаете, ваше величество, дать мнѣ еще какія-нибудь приказанія?

— Нѣтъ, Кауницъ, нѣтъ, мы кончили, идите.

Кауницъ хладнокровно собралъ всѣ бумаги, свернулъ ихъ и, поклонившись императрицѣ, медленно направился къ дверямъ; но вскорѣ пріостановился, обернулся къ императрицѣ, которая, огорченная и смущенная, смотрѣла ему вслѣдъ, сожалѣя, что слишкомъ далеко простерла свой женскій гнѣвъ.

— Ваше величество, осмѣлюсь предстать къ вамъ съ просьбою.

— Вы знаете, князь, отвѣчала ласково императрица,—я всегда рада исполнить вашу просьбу. Вы такъ рѣдко о чемъ-нибудь просите.

— Ваше величество обѣщали мнѣ, какъ только миръ будетъ заключенъ, оказать мнѣ честь, посѣтивъ меня въ моемъ замкѣ Аустерлицъ. Вы обѣщали принять мое приглашеніе со своимъ супругомъ, эрцгерцогами, эрцгерцогинями и со всѣмъ дворомъ. Я осмѣлюсь спросить ваше величество, не измѣнили-ли вы свое намѣреніе?

— Ну, князь, смѣясь отвѣчала императрица, —ваша просьба похожа на милость; всѣ знаютъ, какъ вы не любите безпокоить себя пріемами гостей; обѣщаю вамъ за себя, императора и мое семейство, что мы посѣтимъ васъ въ замкѣ Аустерлицѣ.

— Позвольте мнѣ назначить день.

— Назначайте, теперь мы свободны, а весеннее солнце грѣетъ такъ тепло, что поѣздка въ Аустерлицъ доставитъ намъ большое удовольствіе.

— Такъ я прошу, ваше величество, оказать мнѣ эту честь завтра.

— Завтра! Вы слишкомъ спѣшите, впрочемъ, и весна спѣшитъ, а вы разсказывали, что въ вашемъ паркѣ много весеннихъ цвѣтовъ. Пусть будетъ такъ; завтра мы ѣдемъ въ Аустерлицъ!

Князь низко поклонился, медленно прошелъ прихожую, гдѣ почетный караулъ отдалъ ему честь, и спустился по широкой лѣстницѣ къ своему экипажу. Габріэли открыла своей маленькой ручкой дверцы и привѣтствовала его.

— Катарина, сказалъ Кауницъ, когда карета тронулась,—вы увидите, что Кауницъ обѣщаетъ только то, что можетъ исполнить. Я обѣщалъ вамъ удовлетвореніе отъ императрицы и вы его получите! Завтра, въ это время, вы покинете Вѣну. Я приглашаю васъ ѣхать со мною въ мой замокъ Аустерлицъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Глава VIII.

Капитанъ Марби подаетъ въ отставку.

Капитанъ Тенаръ де-Марби находился въ Лилѣ, по порученію начальства, для осмотра конскихъ заводовъ, когда однажды за общимъ столомъ въ гостинницѣ, гдѣ онъ остановился, онъ былъ приведенъ въ негодованіе какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который не спускалъ съ него глазъ. Это былъ Эмиль Облэ, узнавшій въ военномъ министерствѣ адресъ капитана.

— Зачѣмъ вы такъ пристально смотрите на меня? спросилъ, наконецъ, де-Марби, выходя изъ терпѣнія;—развѣ вы меня знаете?

— Да, я васъ знаю, вы капитанъ де-Марби, отвѣчалъ Эмиль.

— Хорошо, но зачѣмъ-же вы такъ уставили на меня свои глаза?

— Чтобы убѣдиться, вы-ли это, и посмотрѣть, знаете-ли вы меня.

— Какъ, и я васъ знаю? Кто-же вы такой?

— Пойдемте къ вамъ въ комнату и я все объясню.

Капитанъ насупилъ брови, всталъ и направился въ свой нумеръ въ сопровожденіи молодого человѣка.

— Кто вы такой и что вамъ отъ меня угодно? спросилъ де-Марби.

— Вы меня рѣшительно не узнаете?

— Нѣтъ, какъ ваше имя?

— Я вамъ сейчасъ скажу. Я былъ жертвою ужаснаго преступленія, въ которомъ вы приняли участіе. Я хочу теперь выяснить это дѣло и доказать, что я честный человѣкъ. Меня зовутъ Эмиль Облэ.

— А, я помню. Вы Облэ, воръ! Вы вышли изъ тюрьмы, но какъ осмѣлились явиться ко мнѣ?

— Не выходите изъ себя, капитанъ. Я уже вамъ сказалъ, что былъ жертвою преступленія. Вы помните, что я утверждалъ на судѣ?

— Подлецъ! воскликнулъ капитанъ, побагровѣвъ и бросаясь съ кулаками на Эмиля, — ты смѣешь еще повторять эту гнусную клевету!

Молодой человѣкъ схватилъ его за обѣ руки и силою посадилъ въ кресло.

— Не грозите мнѣ, сказалъ онъ, — я теперь на свободѣ и вамъ отвѣчу тѣмъ-же. Я пришелъ разсчитаться съ мужемъ. Я былъ любовникомъ г-жи Марби; это сущая правда.

— Молчи, негодяй, ты лжешь, застоналъ капитанъ.

— Я былъ любовникомъ вашей жены и теперь принесъ вамъ доказательства того, какая она тварь.

— Ты лжешь, повторилъ капитанъ.

— Развѣ вы не слышите, я принесъ вамъ доказательства.

— Доказательства? повторилъ капитанъ, неожиданно успокоиваясь и пристально смотря на молодого человѣка.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ оставался словно въ столбнякѣ; бѣдный капитанъ перенесъ снова всѣ муки и страданія, которыя возбудило въ немъ анонимное письмо, заставившее его поскакать въ Парижъ. Но вдругъ въ немъ произошла реакція и имъ овладѣла мысль, что по прежнему его жена была жертвою клеветы изъ-за гнусной мести и что Эмиль написалъ ему анонимное письмо.

— Вы лжете, милостивый государь, сказалъ онъ.—Это вы прислали мнѣ анонимное письмо, въ которомъ клеветали на г-жу де-Марби.

— Анонимныя письма пишутъ трусы, а я не изъ боязливыхъ, г. де-Марби; я вамъ никогда не писалъ. То, что я передаю вамъ, я говорю съ глазу на глазъ и вы напрасно думаете, что я хочу отомстить вашей женѣ, я желаю оправдать себя.

Капитанъ презрительно покачалъ головой; однакожъ, онъ былъ встревоженъ.

— Вы говорите, что у васъ есть доказательства, сказалъ онъ. — Но помните одно, прибавилъ онъ, вставая и вытягиваясь во весь ростъ,— что если вы мнѣ докажете свою невиновность, я васъ убью. Если вы не воръ, то вы любовникъ моей жены. Судъ приговорилъ къ наказанію вора, а мужъ имѣетъ право убить любовника. Слышите, если вы были любовникомъ моей жены, я васъ убью. Ну, теперь говорите. Я васъ слушаю.

— Вы будете несчастнѣйшій человѣкъ, отвѣчалъ Облэ, пожимая, въ свою очередь, плечами,— но я не могу идти назадъ. Я хочу, чтобы всѣ знали, что я невинно пострадалъ... Если-же вы найдете, что стоитъ драться изъ-за такой женщины...

— Я вамъ запрещаю такъ отзываться о моей женѣ.

— Если вы меня убьете, я умру честнымъ человѣкомъ и спасу другихъ, которыхъ она преслѣдуетъ... Мнѣ нечего болѣе говорить вамъ о моемъ дѣлѣ. Я постараюсь лучше ея послѣдующей безнравственной жизнью доказать мою невиновность.

— Скорѣе къ дѣлу! воскликнулъ капитанъ, стиснувъ зубы.

— Черезъ нѣкоторое время послѣ моей несчастной исторіи, у васъ въ домѣ снова произошелъ скандалъ. Вы застали въ спальнѣ вашей жены мужчину.

— Довольно, это ложь.

— Умоляю васъ, капитанъ, выслушайте меня. Ваша жена приняла у себя въ спальнѣ ночью вашего друга, Аристида де-Фаржа. Онъ умеръ у нея въ постелѣ отъ аневризма и, не зная какъ отдѣлаться отъ трупа молодого человѣка, она выбросила его изъ окна и потомъ стала кричать, а когда вы пришли, она вамъ разсказала сказку, которой вы повѣрили.

— Все это самая гнусная ложь. Аристидъ де-Фаржъ былъ любовникомъ сестры моей жены.

— Да, вы повторяете сказку, которую сочинила и разсказала вамъ г-жа де-Марби. Но вотъ доказательство справедливости моихъ словъ.

И, вынувъ изъ кармана пачку писемъ, онъ бросилъ ее на столъ.

— Это что? спросилъ съ безпокойствомъ капитанъ.

— Письма г-жи де-Марби къ ея любовнику, Аристиду де-Фаржу. Прочтите!

Несчастный схватилъ письма. Дико сверкавшіе глаза его тотчасъ признали почеркъ Орели и онъ сталъ громко читать отдѣльныя фразы: «мой обожаемый ангелъ», «о, чудная ночь, я вся дрожу при одномъ воспоминаніи о ней», «мой старый дуракъ мужъ», «я тебѣ всѣмъ пожертвовала», «какъ-бы я желала, чтобъ у насъ съ тобою былъ сынъ, котораго я обожала-бы въ память о тебѣ» и пр.

Эмиль Облэ пристально слѣдилъ за капитаномъ. Наконецъ, письма выпали изъ рукъ старика; лицо его было блѣдно; глаза безсмысленно блуждали. Молодой человѣкъ былъ пораженъ перемѣной, происшедшей въ его лицѣ. Горе часто сильно измѣняетъ, превращаетъ человѣка. Случается, въ горѣ дуракъ, буфонъ, становится величественнымъ, грандіознымъ. И капитанъ, бывшій до сихъ поръ только смѣшнымъ буфономъ, вдругъ выросъ, преобразился; убитый горемъ, онъ возбуждалъ невольно уваженіе и чувство жалости.

— О, несчастная! о, подлецы! бормоталъ онъ глухимъ голосомъ, внѣ себя отъ отчаянія и закрывъ лицо руками.

Слезы выступили на глазахъ Облэ. Черезъ нѣсколько минутъ капитанъ поднялъ голову. Щеки у него были мокры, взглядъ потухшій.

— Вы не все еще сказали, продолжалъ онъ спокойно,—кончайте. Теперь я все могу выслушать.

— Прежде де-Фаржа, отвѣчалъ Эмиль,—у нея были другіе любовники; одинъ изъ нихъ совсѣмъ развратилъ ее; онъ ею руководилъ и ее поддерживалъ на гнусномъ пути, на который самъ толкнулъ ее. Я васъ очень сожалѣю, я вижу теперь, что вы были тоже жертвой. Этотъ человѣкъ, кажется, и до сихъ поръ ея любовникъ; это предсѣдатель суда, приговорившаго меня къ тюрьмѣ, Матье де-Тальи.

— Матье де-Тальи, повторилъ капитанъ, стараясь припомнить это имя.

— Говорятъ, ему вы обязаны своимъ мѣстомъ. Вы честный человѣкъ, г. де-Марби, и вотъ что говорятъ объ васъ, какъ говорили обо мнѣ, что я воръ.

Капитанъ не дрогнулъ; Облэ боялся, что онъ сошелъ съ ума; онъ только вполголоса повторялъ:

— Де-Тальи, Облэ, Аристидъ... и я...

Вдругъ онъ тяжело перевелъ дыханіе; сорвалъ съ шеи галстухъ и, посмотрѣвъ пристально на молодого человѣка, спросилъ:

— Чего вы отъ меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы признали передъ всѣми, что я не воръ.

— Вы желаете, чтобы я сказалъ: «человѣкъ, котораго я арестовалъ въ комнатѣ моей жены, воровалъ не мои деньги, а мою честь». Вы этого хотите?

Облэ поблѣднѣлъ, но отвѣчалъ:

— Да, я хочу, чтобы вы это засвидѣтельствовали, но въ какой угодно формѣ.

— Хорошо, я это сдѣлаю, а потомъ я васъ убью.

— Положимъ, а Матье де-Тальи?

— О, тотъ мнѣ заплатитъ за все. Вы говорите, что обо мнѣ шепчутся: «капитанъ де-Марби занимаетъ свое мѣсто только потому, что онъ посылаетъ свою жену къ Матье де-Тальи, который ей ни въ чемъ не отказываетъ». Я знаю, что мнѣ остается сдѣлать. Вы сказали, что вы честный человѣкъ.

— Да, капитанъ.

— Вы не воръ, я это признаю. Но вы были любовникомъ той, которая носитъ мое имя.

Облэ, покраснѣвъ, кивнулъ головою.

— Вы понимаете, что вы должны дать мнѣ удовлетвореніе, сказалъ съ горькой улыбкой капитанъ.—Я могу разсчитывать, что найду васъ въ Парижѣ?

— Даю вамъ слово.

— Хорошо. Тенаръ де-Марби не долженъ играть карикатурной роли. До сихъ поръ надъ нимъ смѣялись, теперь заплачутъ. Мы увидимся съ вами. Но прежде всего я долженъ торжественно похоронить свою честь. Подождите...

Онъ сѣлъ за столъ и, взявъ большой листъ бумаги, написалъ: «Я, нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что несправедливо обвинялъ г. Эмиля Облэ въ намѣреніи меня обокрасть. Настоящая бумага можетъ служить доказательствомъ его полнѣйшей честности.

«Капитанъ Тенаръ де-Марби».

— Вотъ возьмите эту бумагу и покажите ее какъ можно большему числу людей, потому что черезъ два дня я буду съ вами стрѣляться, а стрѣляются только съ людьми, которые достойны этого.

— Благодарю, капитанъ, отвѣчалъ Облэ,—но этого недостаточно.

— Чего вы еще хотите?

— Чтобъ эту бумагу подписала г-жа де-Марби.

— Хорошо, она ее подпишетъ. Но потомъ вы умрете.

Облэ не сморгнулъ.

— Та, которая носитъ имя баронесы де-Марби, не можетъ имѣть живыхъ любовниковъ. Всѣ, кого она любила, умрутъ, а за ними послѣдуетъ въ могилу и она. Мое имя можетъ носить только честная женщина. Никто не долженъ имѣть права смѣяться надо мною. Любовниковъ, жену... я всѣхъ убью. Прощайте.

— На сколько времени?

— До завтра, въ Парижѣ.

Облэ удалился. Капитанъ снова взялъ письма и, бросившись въ кресло, истерически зарыдалъ:

— Подлецы! промолвилъ онъ сквозь зубы.

Грустно было смотрѣть на стараго воина. Все въ немъ измѣнилось. Его рѣзкія, суровыя, надменныя манеры исчезли. Онъ былъ уничтоженъ, убитъ. Онъ съ ужасомъ думалъ, что давно уже товарищи по оружію презирали его. Онъ вспоминалъ, какъ они изъ-подтишка смѣялись надъ нимъ.

И такъ онъ, считавшійся честнымъ человѣкомъ, жившимъ своими трудами, былъ одолженъ всѣмъ: почестями, повышеніями, деньгами—разврату жены. Его блестящее мѣсто съ тридцатью тысячами франковъ содержанія далъ ему Матье де-Тальи за поцѣлуи его жены! Чтобы смыть весь этотъ позоръ, по его мнѣнію, оставалось только одно: убить жену и всѣхъ ея любовниковъ. Онъ дошелъ до того, что хладнокровно смотрѣлъ на эту рѣзню.

Несчастный ужасно страдалъ. Наконецъ, онъ всталъ, обтеръ свои глаза, вынулъ изъ футляра револьверъ, зарядилъ его шестью пулями и спряталъ въ карманъ. Потомъ онъ позвалъ своего ординарца и приказалъ укладываться.

— Пусть мнѣ подадутъ счетъ, прибавилъ онъ,—мы ѣдемъ въ Парижъ черезъ два часа.

Пока ординарецъ исполнялъ его приказанія, капитанъ взялъ листъ бумаги и написалъ слѣдующее:

«Господинъ министръ,

«Имѣю честь увѣдомить васъ, что я подаю въ отставку и отказываюсь отъ мѣста, на которое вы меня назначили.

«Имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою

«Капитанъ Тенаръ де-Марби».

Отправивъ это письмо на почту, онъ успокоился.

— Теперь я могу дѣйствовать, сказалъ онъ, ударяя по карману, въ которомъ лежалъ револьверъ.

Спустя два часа капитанъ де-Марби уже ѣхалъ въ Парижъ.

Глава IX.

Вдвоемъ.

Однажды утромъ тетка Маделена съ удивленіемъ увидѣла въ дверяхъ своего кабачка красавца Жюля. Онъ былъ одѣтъ съ нѣкоторой роскошью и, подойдя къ доброй старухѣ, весело сказалъ:

— Не сердитесь, тетка Маделена, въ послѣдній разъ я немного погорячился, но вѣдь и стоило того. Однако вы видите, что, не смотря на эту исторію, я не забылъ вашего дома.

— Я была сама виновата, отвѣчала старуха,—послѣ твоего ухода я узнала, что горничная, увидавъ, что изъ узла упали письма, прочла нѣсколько изъ нихъ и, видя, что это ненужныя, любовныя записки, сожгла ихъ.

— Это правда?

— Да.

— И если нужно, вы подтвердите это особѣ, которая интересуется этими письмами?

— Когда хочешь.

— Хорошо, я болѣе на васъ не сержусь.

И, въ доказательство мировой, онъ просилъ приготовить ему вкусный завтракъ на двухъ къ полудню. Маделена съ лукавой улыбкой обѣщала, что все будетъ готово, а когда онъ удалился, побѣжала на верхъ въ комнату Элизы и разсказала ей, что человѣкъ, похитившій письма, по имени Жюль, будетъ завтракать въ кабачкѣ съ дамой. Но для этого ему надо было отвести отдѣльную комнату, и хозяйка просила уступить комнату, занятую горничной Элизы. Молодая женщина согласилась одолжить на нѣсколько часовъ эту сосѣднюю съ ея, комнату. Все, что въ ней дѣлалось, можно было слышать и видѣть въ замочную скважину двери, соединявшей обѣ комнаты, но теперь запертой. Такимъ образомъ, Элиза могла незамѣченная никѣмъ близко познакомиться съ таинственнымъ владѣльцемъ писемъ и потому она охотно согласилась на все.

Маделена возвратилась тотчасъ на кухню, чтобы приготовить хорошій завтракъ, такъ какъ Жюль просилъ ее не стѣсняться цѣною, а служанка накрыла столъ на два прибора въ маленькой комнатѣ, видавшей не одну подобную парочку.

Ровно въ полдень пришелъ Жюль въ сопровожденіи дамы, очень граціозной и изящно одѣтой, но лицо которой было скрыто подъ густымъ вуалемъ.

Жюль ввелъ ее въ комнату черезъ отдѣльный входъ и, затворивъ за собою дверь, сказалъ:

— Ну, мы теперь у себя; ты можешь снять вуаль.

Женщина сняла шляпу, вуаль и перчатки.

Въ это время Элиза подошла въ своей комнатѣ къ двери и стала прислушиваться. Голосъ Жюля ей былъ незнакомъ. Она нагнулась посмотрѣть въ замочную скважину; но Жюль стоялъ передъ самой дверью и ей ничего не было видно.

— Мы здѣсь совершенно одни, продолжалъ Жюль;—ты понимаешь, здѣсь насъ никто не будетъ искать. Я старый пріятель хозяйки этого кабачка; я у нея кормился въ несчастные дни моей жизни. Не правда ли, весело сидѣть вдвоемъ, какъ влюбленные. Сядемъ рядомъ. Здѣсь ты свободна, нѣтъ ни мужа, ни свѣтскихъ приличій.

Пришла служанка и принесла заразъ нѣсколько бутылокъ вина, которыя и поставила на каминъ.

— Это все для насъ? спросила шепотомъ молодая женщина.

— Да, ты сегодня свободна и я хочу выпить съ тобою хорошенько, какъ въ былое время.

Она только засмѣялась.

Когда все было принесено и служанка ушла, Жюль заперъ за нею дверь и, вернувшись къ своей дамѣ, сказалъ:

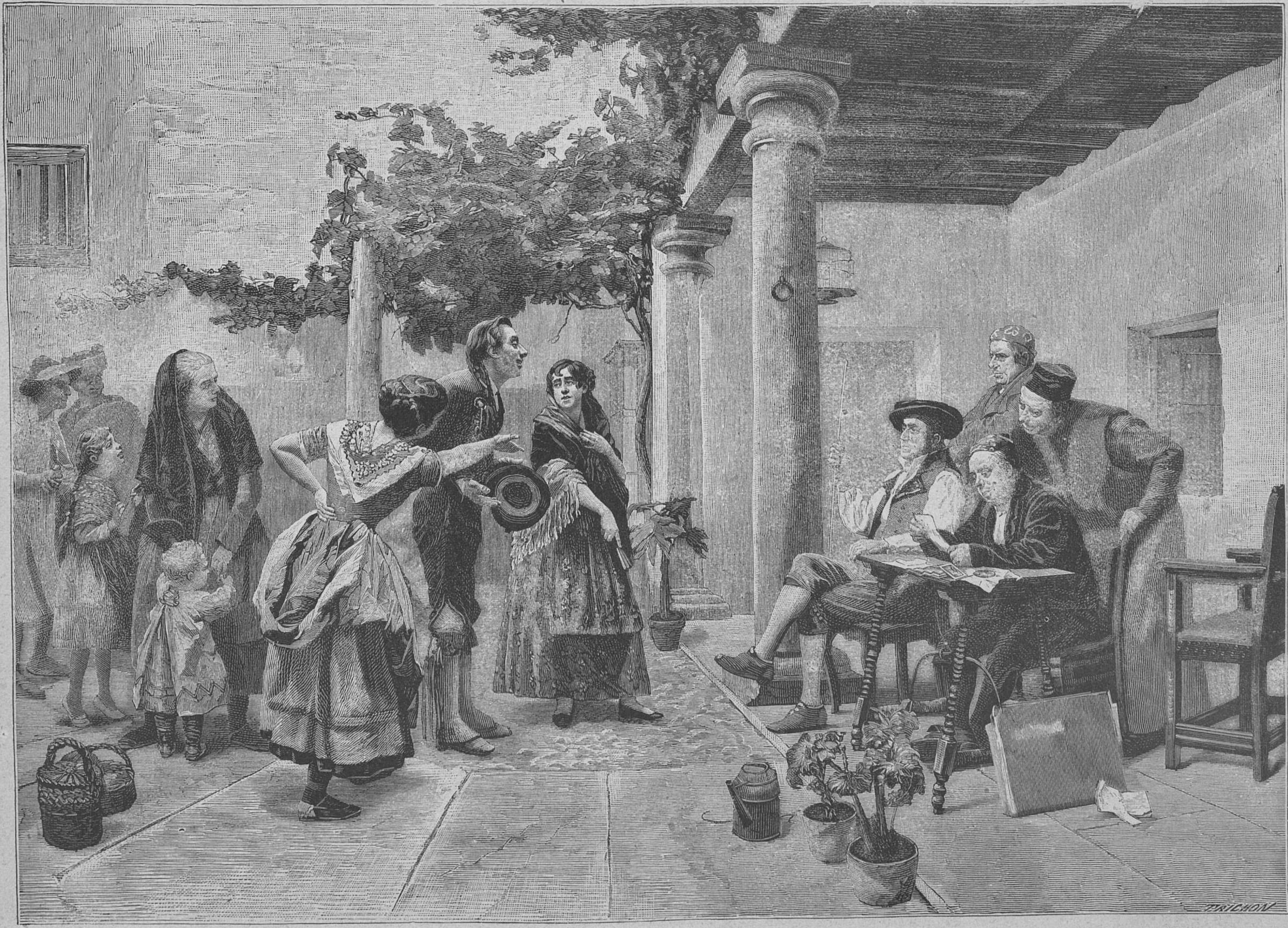
— Ну, теперь мы одни.

Онъ снялъ сюртукъ и сѣлъ подлѣ нея. Она въ свою очередь распустила волоса и засучила рукава, обнаруживъ прекрасныя, роскошныя руки, которыя Жюль покрылъ тотчасъ поцѣлуями.

— Вотъ я теперь прежняя маленькая швейка, сказала она со смѣхомъ;—помнишь, какъ мы подъ ручку съ тобою ходили въ Монпарнасъ.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА ВОРМСА.

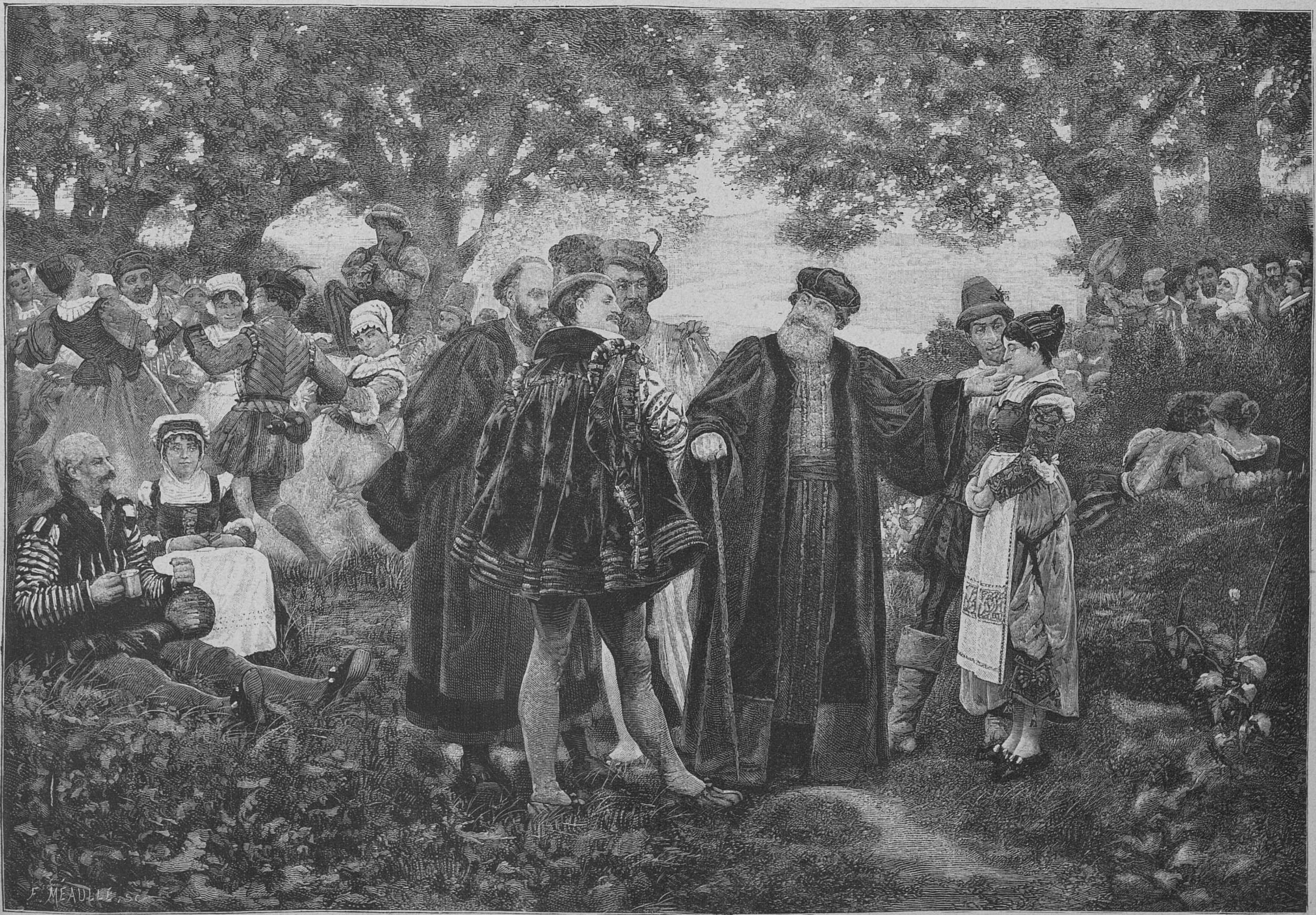


Передъ алькадомъ.

Рѣзалъ на деревѣ по фотографіи **Гупиля** въ Парижѣ **Тришонъ**.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА Ж. ГАРНЬЕ.


F. MÉAULLE, sc.

Рабле, сельскій священникъ въ Мёдонѣ.

По фотографіи „l'Art contemporain“; рѣзалъ на деревѣ Меолль въ Парижѣ.

— Да, но ты тогда не была такой красавицей.

— Не ври, обманщикъ.

— Какъ весело встрѣтиться послѣ столькихъ лѣтъ и любить другъ друга, какъ прежде. Вѣдь ты меня любишь?

— Лучшій отвѣтъ на это: мое присутствіе здѣсь.

— Да, но мнѣ стоило большого труда уговорить тебя пріѣхать сюда.

— Все-таки я пріѣхала.

— Такъ ты взаправду любишь своего Жюля?

— Да, если онъ готовъ защитить меня въ случаѣ надобности.

— Еще бы, чортъ возьми.

Разговаривая, они ѣли и пили, какъ юные влюбленные, съ одной тарелки и изъ одного стакана и цѣловались. Въ концѣ завтрака молодая женщина спросила, вѣроятно, возвращаясь къ предмету, о которомъ они говорили по дорогѣ:

— Такъ письма сожжены? Ты это навѣрно знаешь?

— Да, я здѣсь оставилъ въ узлѣ свои вещи и эти письма. Вещи я получилъ, а письма исчезли. Сегодня-же хозяйка объяснила мнѣ, что письма были сожжены служанкой, какъ не имѣющія никакого значенія.

— Наконецъ-то я отъ нихъ избавилась, сказала молодая женщина.

Изъ другой комнаты Элиза съ любопытствомъ подслушивала и подсматривала. Она была поставлена въ тупикъ, увидавъ свою сестру Орели въ обществѣ такого страннаго человѣка. Можно себѣ представить, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ она ждала отвѣтъ Жюля на вопросъ Орели:

— А какъ ты досталъ эти письма?

— О, это очень забавная исторія.

И онъ хотѣлъ разсказать все, что произошло въ Пасси въ памятную ночь, но потомъ остановился, боясь, чтобъ сознаніе въ воровствѣ не испортило его прекрасныхъ отношеній съ Орели.

— Прежде выпьемъ, Лили, и потомъ я тебѣ все разскажу, сказалъ онъ и налилъ полные стаканы. Они выпили ихъ и почти опьянѣли.

— Прежде всего надо сказать, что въ моемъ разсказѣ будетъ женщина, началъ онъ: — ты не будешь меня ревновать.

— Нѣтъ, отвѣчала Орели, — это вѣдь случилось не въ мое время.

— Ты увидишь, какъ это забавно и смѣшно.

— Ну, ну, разскажи...

— Представь себѣ молоденькую дѣвушку, прекрасную, какъ ангелъ, вотъ точно какъ ты. Право, я находилъ, что она очень походила на тебя. Я видѣлъ ее часто... но къ ней нельзя было подступиться. Однако я сказалъ себѣ: «Она будетъ моею». А когда я себѣ это говорю, то, ты знаешь, я держу свое слово. Я узналъ, гдѣ она живетъ... оказалось, въ первомъ этажѣ... окна выходили въ садъ... Стоялъ іюнь мѣсяцъ... духота.

Жюль налилъ еще вина въ стаканъ Орели и самъ выпилъ его залпомъ, такъ какъ она только притронулась губами.

— Ну, разсказывай... ты потомъ будешь пить...

— Было очень жарко... Она спала съ открытымъ окномъ. Садъ былъ пустой. Я не колебался ни минуты и влѣзъ въ окно. Молодая дѣвушка спала, какъ мертвая...

— Она притворялась, что спитъ?

— Не знаю, но если притворялась, то отлично сыграла свою роль.

— Да, да, я понимаю, сказала Орели, невольно чувствуя ревность; — а что-же письма, разскажи лучше объ нихъ.

— Погоди... Я ихъ тамъ и нашелъ послѣ...

Вдругъ раздался пронзительный крикъ.

Жюль вскочилъ.

— Что это, Боже мой? воскликнула съ испугомъ Орели.

Жюль бросился къ двери, пріотворилъ ее и, увидавъ сумятицу въ коридорѣ, быстро затворилъ дверь и позвонилъ.

Когда явилась на порогѣ служанка, онъ спросилъ:

— Что это за шумъ?

— Это ничего. Въ сосѣдней комнатѣ дама упала въ обморокъ, увидавъ своего дружка, который неожиданно къ ней пріѣхалъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Жюль, совершенно успокоенный.

Онъ снова заперъ дверь и вернулся къ Орели. Но она стояла теперь у окна и дико смотрѣла, точно окаменѣлая отъ страха.

— Что съ тобой? Ты слышишь, нечего бояться.

— Мой мужъ! отвѣчала Орели, — онъ только что вошелъ въ кабачекъ.

Жюль бросился къ окну.

— Твой мужъ! Ты не ошиблась?

— Нѣтъ, это онъ. Мы погибли...

И въ одно мгновеніе Орели причесалась и поправила свой туалетъ. Жюль надѣлъ сюртукъ и, отворивъ дверь, хотѣлъ выйдти съ Орели, какъ вдругъ раздались шаги.

— Это онъ, войдемъ скорѣе, прошепталъ Жюль.

Вернувшись въ комнату, они снова заперлись. Орели дрожала всѣмъ тѣломъ и скрежетала зубами.

— Не бойся ничего; я знаю этотъ домъ и мы спасемся другимъ путемъ, сказалъ Жюль и подошелъ къ двери, выходившей въ комнату Элизы. Орели послѣдовала за нимъ. Ключа въ замкѣ не было; Жюль, взявъ ножикъ, засунулъ его въ замокъ. Но въ туже минуту дверь отворилась.

Орели бросилась туда, но съ ужасомъ отскочила: передъ нею стоялъ маркизъ Мейранъ, поддерживая ея сестру.

— Элиза! Элиза! воскликнула она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Видя и тутъ публику, Жюль быстро вернулся, отворилъ окно и спустился въ садъ, утѣшая себя философскимъ разсужденіемъ: «Тѣмъ хуже для нея, всякъ за себя. Впрочемъ, спасая себя, я спасаю и ее».

— Пожалуйте, баронеса, сказалъ маркизъ Мейранъ, обращаясь къ Орели, — вамъ теперь нечего бояться: вашъ любовникъ спасся.

Испуганная, смущенная, Орели не могла двинуться съ мѣста. Презрительная улыбка маркиза совершенно сразила ее. Она чувствовала, что навѣки погибла.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Къ рисункамъ.

Батюшка съ требой. Въ воздухѣ душно и знойно; все свѣтло, все озарено солнцемъ. По пыльной деревенской дорожкѣ между мелкимъ кустарникомъ, подъ открытымъ небомъ, подъ жаркимъ солнцемъ, плетется лошаденка, немного понуривъ голову, смотря впередъ какимъ-то грустнымъ взглядомъ. На лошаденкѣ сидитъ верхомъ немолодой человѣкъ съ длинными волосами, съ длинной бородой. На немъ грубые сапоги, очень простая длинная одежда, измятая, старая широкополая шляпа... Это «батюшка съ требой» спѣшитъ, вѣроятно, къ опасно больному, куда-нибудь далеко... Художникъ съумѣлъ отлично передать фигуру сельскаго священника. Отъ этого образа вѣетъ какой-то простотой и безъискуственностью.

Наказанные въ корзинѣ трубочиста, картина Лобришона. Картина Лобришона по общему характеру жанра напоминаетъ картину Вормса, но уже принадлежитъ къ чисто французской школѣ. Сюжетъ этого прекраснаго жанра очень простъ, но какъ много умѣлъ сдѣлать художникъ! Гдѣ-то въ углу двора, трубочистъ, занятый своимъ дѣломъ, оставилъ свою корзину. Какъ случилось, что цѣлая гурьба дѣтей, игравшихъ, вѣроятно, тутъ-же на дворѣ, попала въ эту корзину за наказаніе, — неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, фактъ этотъ несомнѣненъ, какъ легко убѣдиться, обративъ вниманіе на огорченныя лица дѣтей. Они попались и теперь расплачиваются за свои шалости. Художникъ представилъ намъ цѣлую галерею дѣтскихъ типовъ, съ удивительнымъ разнообразіемъ выраженій и съ неподдѣльнымъ юморомъ.

Лѣтняя сценка, Загорскаго. Такихъ сценъ, конечно, читатель не разъ былъ свидѣтелемъ въ Павловскѣ, или въ другихъ окрестностяхъ Петербурга, лѣтомъ, когда хорошая погода и яркое солнце позволяютъ петербургскимъ жителямъ пользоваться лѣтомъ. Молодая дама, очевидно, франтиха, сидитъ на скамеечкѣ и, какъ кажется, была занята чтеніемъ, но ей помѣшали... помѣшала ей не маленькая дѣвочка, вѣроятно, ея дочь, которая преспокойно играетъ себѣ съ пескомъ, а нѣкій не молодой уже человѣкъ, — генералъ въ отставкѣ, явившійся съ сигарою въ одной рукѣ и съ «Голосомъ» въ другой, и подсѣвшій тутъ-же. Онъ, конечно, сообщаетъ ей извѣстіе, только что прочитанное; извѣстіе, должно быть, веселое, потому что дамочка улыбается и съ интересомъ его слушаетъ. Вся сценка, въ которой такъ много чисто петербургскаго, схвачена очень живо и правдиво, схвачена, что называется, съ шикомъ и не безъ юмора. Манера художника, — напоминающая манеру нѣкоторыхъ модныхъ спеціально парижскихъ художниковъ, — очень пріятна; мы бы, съ своей стороны, пожелали только большей правильности рисунка...

Отцы и дѣти: на могилѣ сына мать и отецъ Базаровъ, рисунокъ г. Загорскаго. Сюжетомъ другого рисунка г. Загорскій взялъ извѣстную сцену изъ романа И. С. Тургенева: «Отцы и дѣти», сцену, когда послѣ смерти Базарова, его мать и отецъ пришли на его могилу. Сцена очень драматична, хотя и проста, прекрасно передана художникомъ. Мать въ отчаяніи припала на могилу, въ нѣмомъ страданіи, задыхаясь отъ рыданія. Отецъ стоитъ, грустно задумавшись. Необыкновенно типична фигура этого старика, потерявшаго лучшее сокровище своей жизни — собственнаго сына. Вся обстановка этой нѣмой сцены, — кладбище, памятники, деревья, — переданы художникомъ очень талантливо, живо и красиво.

Передъ алькадомъ, картина Вормса. Французскій художникъ Вормсъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, принадлежитъ къ той французской школѣ, которую сами французы называютъ испанской. Эта школа получила такое названіе не только потому, что художники, принадлежащіе къ ней, выбираютъ, обыкновенно, сюжеты изъ испанской жизни, а также и потому, что они стараются схватить широкую манеру и спеціальные свѣтовые эфекты испанскихъ художниковъ, между которыми самымъ талантливымъ можно считать Мадрацо. Школа эта тѣмъ не менѣе ведетъ свое начало отъ Фортуни и Замакоиса, безъ всякаго сомнѣнія, въ значительной степени повліявшей на характеръ и на направленіе французской живописи. Подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ расцвѣли многіе лучшіе французскіе художники, между которыми Вормсъ, конечно, занимаетъ не послѣднее мѣсто. Заимствовавъ у Фортуни яркій, почти необыкновенный колоритъ, столь свойственный испанцамъ, Вормсъ въ тоже время заимствовалъ у Замакоиса легкій, чисто испанскій, насмѣшливый жанръ. Это соединеніе прелестнаго южнаго колорита съ остроумной насмѣшкой въ живописи образуетъ по временамъ замѣчательно рѣзкое и чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи, послѣдняя картина Вормса, бывшая на парижской выставкѣ 1880 года, «Передъ алькадомъ», — невольно обращаетъ на себя вниманіе цѣнителей.

Представьте себѣ комическую сцену, спеціально свойственную испанскимъ деревенскимъ нравамъ и тучнаго сельскаго судью, человѣка уже не молодого, много пожившаго, который не прочь двусмысленно пошутить и посмѣяться надъ ближнимъ. Онъ засѣдаетъ, окруженный своими помощниками, во дворѣ своего дома, подъ навѣсомъ, въ жаркій лѣтній день. Вѣроятно, еще за минуту передъ тѣмъ, онъ погруженъ былъ въ самыя мирныя занятія, о чемъ свидѣтельствуютъ стоящіе на мраморныхъ плитахъ двора горшки съ цвѣтами и лейка. Но эти занятія онъ долженъ былъ оставить: время открытія судебнаго засѣданія наступило и публика уже на лицо. Онъ сѣлъ за столъ и съ улыбкой разсматриваетъ какія-то картинки, фотографическія карточки, лежащія тутъ-же на столѣ и относящіяся, вѣроятно, къ дѣлу, участники котораго уже находятся здѣсь и принялись съ свойственною имъ живостью разсказывать содержаніе своихъ претензій. Эти участники достойны вниманія: прежде всего мы видимъ молодого испанца, который, видимо, находится въ очень непріятномъ, хотя курьезномъ и смѣшномъ положеніи; по обѣимъ его сторонамъ стоятъ двѣ молодыя женщины, перебранивающіяся, очевидно, съ большимъ оживленіемъ. Дѣло принимаетъ скверный оборотъ для испанца; несомнѣнно, онъ строитъ куры обѣимъ испанкамъ и теперь, когда коварство его обнаружилось, ему приходится расплачиваться передъ алькадомъ... Типичность всѣхъ лицъ, необыкновенно мѣтко подмѣченная выразительность ихъ физіономій, движенія, которыми наполнена вся картина, удивительная правда всей сцены,—дѣлаютъ картину Вормса чрезвычайно интересной. Присоедините къ этому прекрасный колоритъ à la Фортуни, яркіе свѣтовые эфекты, свойственные испанской природѣ, и вы будете имѣть понятіе объ этой картинѣ, которая обратила на себя вниманіе Парижа.

Раблэ, сельскій священникъ въ Медонѣ, картина Гарнье. Извѣстно, что Раблэ, величайшій французскій юмористъ XVI столѣтія, былъ сельскимъ священникомъ въ окрестностяхъ Парижа, въ Медонѣ, прилегающемъ теперь къ версальской желѣзной дорогѣ. Его безсмертная сатира: Горгантуа и Пантагрюэль, является однимъ изъ величайшихъ произведеній европейскихъ литературъ; въ ней отразилась не только вся общественная жизнь XVI столѣтія, но и характеристическія особенности этой эпохи: крайняя грубость и цинизмъ нравовъ, замѣнившихъ собою средневѣковый аскетизмъ. Раблэ, бывшій однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ предводителей тогдашняго гуманизма, былъ въ тоже время человѣкомъ веселаго нрава, ненавидѣвшимъ монашеское лицемѣріе, любившимъ плотно поѣсть и еще плотнѣе выпить; вся его философія заключается въ двухъ словахъ: любите и наслаждайтесь жизнію. Объ немъ разсказываютъ множество анекдотовъ, одинъ изъ этихъ анекдотовъ описываетъ, какъ Раблэ, будучи священникомъ въ Медонѣ, являлся на сельскіе праздники, въ сопровожденіи герцога Гиза:

Sous l'herbe drue et sous les vertes branches
Où frais minois, jupons courts, coiffes blanches
Tourbillonnaient au son d'un gai fredon,
On était sûr de trouver, les dimanches,
Maitre François, le curé de Meudon...

Тутъ, на этихъ праздникахъ, онъ обыкновенно шутилъ съ дѣвушками и проповѣдывалъ свою веселую философію: «Живите веселыми, говаривалъ онъ,—къ чорту римскихъ монаховъ! Смѣйтесь,—смѣхъ свойственъ человѣку! Прибѣгайте чаще, друзья, къ этому божественному дару».

Это-то именно и составляетъ содержаніе картины Гарнье. Художникъ съ замѣчательнымъ талантомъ умѣлъ схватить особенности этой оживленной сцены и всю живописность подобныхъ празднествъ въ XVI столѣтіи. По серединѣ мы видимъ старика Раблэ, касающагося рукой подбородка одной красивой молодой дѣвушки и обращающагося съ своей веселой проповѣдью къ герцогу Гизу. По сторонамъ и влѣво—цѣлыя групы, живописно расположенныя и типичныя. Вѣрность костюмовъ эпохи, прекрасныя композиціи, рѣзко выдѣляющіеся типы и общій характеръ нѣсколько разнузданнаго веселья,—вотъ достоинства и особенности картины Гарнье.

Смѣсь.

— Убійство О. Н. Скобелевой. 7 іюля въ Петербургѣ получилось извѣстіе о страшномъ злодѣйствѣ, совершенномъ въ Чирпанѣ, близь Филипополя,—объ убійствѣ Ольги Николаевны Скобелевой, матери героя послѣдней войны Михаила Дмитріевича Скобелева.

Заимствуемъ изъ газетъ «Голосъ» и «Нов. Вр.» слѣдующія извѣстія, касающіяся какъ самого факта преступленія, такъ личностей убитой и убійцы.

Ольгѣ Николаевнѣ Скобелевой было около 57 лѣтъ отъ роду. Она дочь г. Полтавцева, богатаго помѣщика въ окрестностяхъ Москвы; у нея было три сестры: одна вышла замужъ за графа Баранова, другая за графа Адлерберга, мнистра императорскаго двора, а третья осталась въ дѣвицахъ. Въ очень молодыхъ лѣтахъ Ольга Николаевна Полтавцева вышла замужъ за генералъ-адъютанта Скобелева. Отъ этого брака родилось четверо дѣтей: сынъ, который и есть знаменитый генералъ Михаилъ Скобелевъ, герой Туркестана, Плевны и Шибки, и три дочери, извѣстныя своей блестящей красотой.

Г-жа Скобелева обожала своего сына. Она всюду слѣдовала за нимъ. Передъ концемъ послѣдней кампаніи, когда русская армія шла на Константинополь, она пріѣхала къ сыну въ Адріанополь. Только-что посѣтила она злополучныя провинціи Болгаріи и Румеліи, обагренныя кровью и покрытыя развалинами. Тронутая видомъ столькихъ жертвъ, она основала въ Филипополѣ пріютъ, куда и помѣстила до 250 болгарскихъ сиротъ, родители которыхъ были перерѣзаны баши-бузуками и черкесами.

О. Н. почти постоянно жила въ Парижѣ, гдѣ имѣла маленькій домъ подъ № 34, въ улицѣ Жанъ-Гужонъ. Мѣсяца три тому назадъ, находясь въ С.-Петербургѣ съ однимъ своимъ родственникомъ, который долженъ былъ вернуться въ Парижъ, она сказала ему: «Я пріѣду къ вамъ скоро, но прежде мнѣ надо съѣздить въ Румелію, гдѣ меня ждутъ мои 200 сиротъ». Она намѣревалась основать въ странѣ другія учрежденія – школу и церковь въ память своего мужа. Съ этой цѣлью она повезла съ собой великолѣпныя иконы для украшенія храма; ей хотѣлось также повидать тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями подвиговъ ея сына — Дунай, противъ Систова, черезъ который перешелъ молодой генералъ, подъ турецкимъ огнемъ въ сопровожденіи всего 8-ми казаковъ, редуты Ловчи и Зеленыхъ горъ, гдѣ онъ первымъ пошелъ на приступъ, Шейновскую равнину, гдѣ съ горстью людей онъ взялъ въ плѣнъ 24,000 низамовъ шибкинской арміи и т. д.

Исполняя свое давнишнее желаніе, О. Н. Скобелева предприняла тяжелое путешествіе по землямъ, прославленнымъ подвигами близкихъ ей людей—мужа и сына. Цѣль путешествія была благотворительная. Ее сопровождали въ этомъ путешествіи постоянно два лица: русскій офицеръ Ивановъ и горничная; для сопровожденія-же по Восточной Румеліи былъ назначенъ бывшій нѣкогда въ русской службѣ, теперь капитанъ восточнорумелійской арміи Узатисъ, и три нижніе чина, хорваты. Принимая участіе въ сборахъ, быть можетъ даже укладывая чемоданы О. Н. Скобелевой, онъ зналъ, что сопровождаемая имъ «русская генеральша» везетъ съ собою «большую сумму денегъ»; это обстоятельство, впрочемъ, никѣмъ и не скрывалось. Съ цѣлью похитить эту сумму, Узатисъ подговорилъ хорватовъ и, въ воскресенье, 6 іюля, вечеромъ, былъ совершенъ рядъ убійствъ: О. Н. Скобелева была убита на мѣстѣ, ея горничная умерла въ ту-же ночь, и только адъютантъ Ивановъ, тяжело раненый, умеръ на другой день. Онъ назвалъ убійцей Узатиса, который надѣялся скрыться въ Дермендере, но, видя себя окруженнымъ мѣстными жандармами, застрѣлился. Трое его сообщниковъ арестованы.

А вотъ что пишетъ «Нов. Вр.» объ убійцѣ Узатисѣ, который пользовался особеннымъ вниманіемъ Михаила Дмитріевича Скобелева. «Еще не за долго до отъѣзда Скобелева въ закаспійскій отрядъ, М. Д., въ частномъ разговорѣ, съ гордостью вспоминая о лучшихъ офицерахъ, бывшихъ во время войны подъ его начальствомъ, съ особенною любовью упомянулъ имя этого самого Узатиса и долго разсказывалъ о его подвигахъ. Умъ отказывается вѣрить подобному злодѣйству. Ищешь неясности, недоразумѣній... Думаешь—авось все это окажется невѣрнымъ—но содержаніе телеграмы настолько точно и опредѣленно, что въ концѣ концовъ, ужасная истина всплываетъ на верхъ. Какою-то психическою загадкой кажется все это дѣло. Какія соображенія могли руководить преступникомъ, вся карьера котораго создана сыномъ зарѣзанной имъ жертвы... Сильнѣе чѣмъ кого-нибудь это извѣстіе должно поразить Михаила Дмитріевича, глубоко любившаго свою мать и еще только четыре мѣсяца тому назадъ схоронившаго отца. Мы собрали свѣденія объ убійцѣ Ольги Николаевны Скобелевой. Вотъ они. Въ октябрѣ 1877 года въ скобелевскій отрядъ прибылъ черногорскій доброволецъ изъ русскихъ саперныхъ офицеровъ—подпоручикъ Узатисъ. Ранѣе его прибытія, молва уже передавала о немъ, какъ о замѣчательно храбромъ и симпатичномъ молодомъ человѣкѣ. Во время вспыхнувшаго востанія въ Босніи, Узатисъ, служившій въ саперномъ батальонѣ, самовольно уѣхалъ за-границу и поступилъ волонтеромъ въ черногорскій отрядъ. Черногорцы относились къ нему съ уваженіемъ, какъ къ одному изъ лучшихъ своихъ юнаковъ, князь Николай самъ надѣлъ на него очень рѣдко жалуемый орденъ Даніила. Недавно убитый между Бани и Бендесескомъ докторъ В. Ф. Студицкій, тоже труженикъ черногорской войны, говорилъ объ Узатисѣ впослѣдствіи: это рыцарь безъ страха и упрека... Понятно было поэтому, какъ Узатисъ былъ принятъ Скобелевымъ. Генералъ его опредѣлилъ волонтеромъ въ углицкій полкъ. Командиръ этого полка тотчасъ-же сдѣлалъ его своимъ ординарцемъ. Братъ Узатиса—унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся, получившій еще въ Туркестанѣ два солдатскихъ георгіевскихъ креста—состоялъ ординарцемъ при самомъ Скобелевѣ. Во время стоянки въ Брестовцѣ, подпоручикъ Узатисъ сразу показалъ себя молодцомъ въ военномъ дѣлѣ. Ему поручались страшно рискованныя предпріятія, такъ, напримѣръ, пробраться въ тылъ къ туркамъ, пройдти на аванпосты—и все это Узатисъ исполнялъ безпрекословно. На Зеленыхъ горахъ, въ траншеяхъ подъ Плевной, Узатисъ заслужилъ общее уваженіе новыхъ своихъ товарищей, почему тотчасъ-же послѣдовало ходатайство объ опредѣленіи его въ углицкій полкъ съ производствомъ въ чинъ поручика. Ко времени взятія Плевны, онъ уже носилъ русскіе офицерскіе погоны. Затѣмъ, въ декабрѣ 1877 года онъ участвовалъ въ геройскомъ зимнемъ переходѣ Балкановъ, а 28-го декабря въ бою подъ Шейновомъ первымъ вскочилъ въ атакованный нашими войсками редутъ. За этотъ послѣдній подвигъ Узатисъ получилъ высшую военную награду — офицерскій георгіевскій крестъ. Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и золотую саблю—награды тоже цѣнимыя между военными – онъ уже имѣлъ за предыдущія дѣла. Во все время форсированнаго перехода отъ Казанлыка къ Адріанополю, Узатисъ еще болѣе подтвердилъ свою репутацію храбраго и честнаго офицера, смѣло глядѣвшаго въ лицо смерти. По заключеніи мира мы видимъ его служащимъ въ румелійскихъ войскахъ, въ международной жандармеріи. Разъ онъ остановилъ даже кровопролитіе личнымъ своимъ самопожертвованіемъ. Когда командуемая имъ болгарская чета шла по занятой турками мѣстности, то какой-то встрѣченный ею таборъ открылъ по ней сильный ружейный огонь. Узатисъ остановилъ своихъ и прямо одинъ пошелъ на турокъ, стрѣлявшихъ залпами. Пули не тронули его и, дойдя до турокъ, ему удалось убѣдить ихъ не стрѣлять... Въ румелійскихъ войскахъ Узатисъ былъ оставленъ, какъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ!..

Скажемъ нѣсколько словъ о наружности убійцы. Онъ средняго роста, сухощавый и довольно стройный. Лицо блѣдное, безъ румянца, съ красиво очерченнымъ ртомъ и вообще мягкимъ, нѣжнымъ очертаніемъ лица, кромѣ носа, который хотя и правильный, но великъ. Его глаза имѣли странный, задумчивый видъ, нѣсколько мрачный даже тогда, когда онъ ни съ кѣмъ не говорилъ. Впечатлѣніе мрачности производилось еще тѣмъ, что его глаза лежали глубоко въ своихъ орбитахъ и, окруженные легкими кругами, находились какъ-бы въ тѣни. Могло казаться, что его изнуряетъ какая-нибудь медленная болѣзнь или какія-нибудь думы, тайна которыхъ намъ неизвѣстна.

Когда товарищи съ нимъ заводили разговоръ, онъ оживлялся и съ удовольствіемъ бесѣдовалъ, въ особенности о любовныхъ похожденіяхъ съ женщинами, которыхъ, кажется, очень любилъ. Еще въ бытность свою юнкеромъ въ младшемъ класѣ военнаго училища, онъ любилъ разсказывать о своихъ знакомствахъ съ французскими каскадными пѣвицами театра Берга. Ухаживать за ними онъ имѣлъ возможность, благодаря порядочнымъ для юнкера средствамъ, получаемымъ имъ изъ дому. Черезчуръ ранній развратъ развиваетъ тѣло и воображеніе юноши и старитъ какъ-то скверно молодое сердце и его фибры перестаютъ отзываться на благородныя чувства состраданія и добра. Испорченное воображеніе требуетъ новыхъ сильныхъ ощущеній, находитъ ихъ въ пролитой крови, а въ сраженіи за правое дѣло родины видитъ интересное приключеніе. Это чувство азартнаго игрока, который выиграть можетъ много, но не отвѣчаетъ за проигрышъ.

Какъ особенно странный и характерный эпизодъ изъ его пребыванія въ инженерномъ училищѣ можно разсказать слѣдующее. Въ квартирѣ генерала Тотлебена, смежной съ училищемъ, женская прислуга, помѣщавшаяся въ отдѣльной комнатѣ, замѣтила, что за одной изъ стѣнъ ея комнаты нѣсколько дней, временами сталъ раздаваться глухой и совершенно необычный стукъ. Стукъ этотъ становился сильнѣе и въ одинъ прекрасный день, кажется, даже посыпалась со стѣны штукатурка. Стали доискиваться и оказалось, что стукъ этокъ происходитъ отъ какой-то работы, производимой въ небольшей, темной каморкѣ, рядомъ съ юнкерской курительной, въ которой сторожа прятали швабры, щетки, тряпки и всякій хламъ. Когда осмотрѣли каморку, то оказалось, что въ стѣнѣ кто-то вынулъ уже довольно много кирпичей, видимо стараясь пробить отверстіе въ комнату прислуги генерала Тотлебена. Тутъ-же нашли и ломъ.

Объ этомъ странномъ событіи пошли, конечно, оживленные толки. Думали, что это сдѣлано съ цѣлью воровства и искали вора. По тщательному дознанію полиціи, оказалось, что это сдѣлано юнкеромъ.

Въ одинъ прекрасный день генералъ-адъютантъ Тотлебенъ пришелъ въ училище, собралъ юнкеровъ и объявилъ, что до его свѣденія доведено, что не только проломъ совершенъ юнкеромъ, но что даже, фамилія его уже извѣстна. Затѣмъ генералъ обѣщалъ простить виновнаго, если онъ самъ выйдетъ, сознается и чистосердечно объяснитъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ. Тогда Узатисъ вышелъ и дѣйствительно сознался, что работа произведена имъ. Изъ его объясненій оказалось, что онъ начитался разныхъ таинственныхъ романовъ и, предположивъ, неизвѣстно почему, что за стѣнкой чулана находится какая-то таинственная комната, задѣланная со всѣхъ сторонъ и, можетъ быть, даже неизвѣстная смотрителю михайловскаго замка, старался проникнуть въ эту комнату. Доставъ гдѣ-то ломъ, онъ началъ потихоньку и усердно продѣлывать брешь...

Этимъ объясненіемъ вполнѣ удовлетворились, много смѣялись, и Узатисъ былъ прощенъ.

Въ городѣ утверждаютъ, что убійца г-жи Скобелевой, Узатисъ, какъ и Ландсбергъ, уроженецъ остзейскаго края. Его бабка, родная сестра извѣстнаго богача-грека, покойнаго откупщика г. Бенардаки, была замужемъ за таганрогскимъ богачемъ-грекомъ, извѣстнымъ въ томъ краѣ комерсантомъ г. Вафеемъ, дочь котораго отъ этого брака была матерью названнаго убійцы. Отецъ Узатиса, какъ утверждаютъ, хотя и носилъ фамилію съ греческимъ окончаніемъ на исъ, не грекъ, а нѣмецъ, уроженецъ одной изъ остзейскихъ губерній, служившій въ Петербургѣ въ одномъ изъ центральныхъ учрежденій.

— **Пожаръ и жара.** Въ «Голосъ» телеграфируютъ изъ Царицына, отъ 7 іюля, что вспыхнувшій въ этотъ день на царицынскомъ форштадтѣ сильный пожаръ уничтожилъ почти весь кварталъ. Разнесшійся, къ счастью, ложный тревожный слухъ, будто горитъ базаръ, отвлекъ толпу. Въ Царицынѣ стоятъ небывалыя жары: 4 и 5 іюля температура доходила до 48° на солнцѣ; лошади падали и издыхали, если ихъ не отливали водою; у людей изо рта шла кровь.

— **Опроверженіе.** Въ «Правит. Вѣстн.» напечатано слѣдующее: «Въ № 177 газеты «Голосъ» перепечатано сообщенное газетою «Донская Пчела», какъ слухъ, извѣстіе о томъ, будто-бы въ Москвѣ въ недавнее время ростовскій торговецъ желѣзныхъ издѣлій, г. Дутиковъ, вслѣдствіе полученной имъ отъ своего приказчика телеграмы: «25,000 гвардіи готово. Высылайте деньги», былъ арестованъ и просидѣлъ подъ арестомъ около двухъ дней, пока не разъяснилось, что телеграфисты «гвозди» превратили въ «гвардію». По собраннымъ свѣденіямъ оказалось, что хотя въ Москвѣ и проживали проѣздомъ ростовскіе купцы Дутиковы, но ни съ кѣмъ изъ нихъ никакихъ происшествій не было и никто изъ нихъ арестованъ не былъ». Напечатавъ въ 27 № извѣстіе, перепечатываемъ и опроверженіе.

— **Крокодилъ въ Вислѣ.** По словамъ «Варшавскаго Дневника», изъ Кракова пишутъ въ варшавскія газеты, что недавно тамъ распространился слухъ, что сбѣжавшій изъ звѣринца крокодилъ поселился временно въ Вислѣ. Слухъ этотъ произвелъ панику среди любителей купаній; многіе перестали купаться.

— **Пожертвованіе.** По словамъ «Соврем. Извѣстій», покойный професоръ М. Я. Киттары, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, между прочимъ, жертвуетъ изъ оставшагося имущества своего 20,000 р. на устройство народныхъ школъ въ казанскомъ учебномъ округѣ. Извѣстно, что онъ окончилъ курсъ наукъ въ казанскомъ университетѣ, одного выпуска съ професоромъ Н. П. Вагнеромъ, и первая его государственная коронная служба была при томъ-же университетѣ, т. е. въ вѣдомствѣ казанскаго-же учебнаго округа.

— **Женщина-герой.** 26 іюля, въ 3 верстахъ отъ станціи Кантеміровки, козлово-воронежско-ростовской желѣзной дороги, близъ Воронежа, разразилась страшная гроза, съ дождемъ, которымъ размыло путь на протяженіи 150 саженъ и на восемь часовъ прекратилось совершенно движеніе по дорогѣ. Въ это время изъ Кантеміровки вышелъ пасажирскій поѣздъ, который, при внезапности промыва, непремѣнно потерпѣлъ-бы крушеніе, еслибъ не геройство простой русской женщины, жены дорожнаго мастера Чумакова. Вмѣстѣ съ полотномъ дороги и всею окрестною мѣстностью было залито и помѣщеніе, гдѣ жилъ Чумаковъ вмѣстѣ съ путевымъ сторожемъ. Время было рабочее, всѣ были на работѣ, вдали отъ помѣщенія, кромѣ жены Чумакова, женщины 25 лѣтъ, и сторожа. Конечно, первымъ движеніемъ Чумаковой было спасать своихъ дѣтей и принадлежащій ей домашній скотъ, который понесло быстро прибывающею водою; но въ самый критическій моментъ она заслышала свистокъ пасажирскаго поѣзда. Тогда она бросаетъ дѣтей и тонущее имущество и кидается, по поясъ въ водѣ, на встрѣчу поѣзду съ сигналомъ остановки, не смотря на то, что это не входило вовсе въ кругъ ея обязанностей. Сторожа, растерявшись, она послала въ противоположную сторону увѣдомить о размывѣ. Теленокъ ея потонулъ, но поѣздъ былъ спасенъ. Начальство дороги, прибывъ вслѣдъ затѣмъ на мѣсто, выдало Чумаковой денежную награду.

— **Драма жизни.** Не мало есть на свѣтѣ людей, которыхъ слѣпой случай гнететъ и давитъ отъ колыбели до могилы, которыхъ жизнь похожа на самый тяжелый романъ, на потрясающую драму. Такова была жизнь госпожи Мелихаръ, «гордой часовщицы», какъ ее называли завистливыя сосѣдки, служившей въ послѣднее время въ Оттэкрингѣ нянькою у одного трактирщика и покончившей второго іюля свою жизнь на 51 году самоубійствомъ. Въ ея сундукѣ нашли ея автобіографію, подъ заглавіемъ: «Пережитое Каролиною Мелихаръ», съ помѣткою: «7 февраля 1880 года». Въ автобіографіи разсказывается слѣдующее:

«Я родилась въ 1830 году, 10 октября, въ половинѣ шестого утромъ. Меня назвали Каролиной, по фамиліи Штиблеръ. Но я родилась подъ несчастной звѣздой, начавъ свою жизнь двухлѣтней тяжелой болѣзнью. Моя мать часто молилась, чтобы Богъ поскорѣе прибралъ меня. Но нѣтъ, я должна была остаться въ живыхъ, чтобы не спастись отъ моихъ тяжкихъ испытаній въ будущемъ. Я была близорука, въ семьѣ меня звали «слѣпой» и мать любила меня меньше, чѣмъ старшую сестру. Первымъ тяжелымъ ударомъ для меня была смерть матери, умершей скоропостижно. Отецъ обѣщалъ намъ, дѣтямъ, не жениться вторично, но черезъ девять мѣсяцевъ послѣ смерти матери въ нашъ домъ вошла новая хозяйка». Далѣе въ дневникѣ идетъ разсказъ о тяжелой жизни въ родительскомъ домѣ, сдѣлавшимся чужимъ. Старшія сестры не вынесли тяжелой жизни и ушли; Каролина тоже стремилась вырваться отсюда. Она полюбила молодого человѣка, но жадный до денегъ отецъ не согласился на этотъ бракъ и выдалъ ее противъ ея воли за нелюбимаго человѣка—извѣстнаго часовщика, Франца Мелихара. Супружество не было несчастнымъ, но не было и счастливымъ. Серьезный характеръ Мелихара не допускалъ нѣжностей, ничего не давалъ сердцу и супруги жили скорѣе «возлѣ другъ друга», чѣмъ «вмѣстѣ другъ съ другомъ». Только въ послѣдній годъ ихъ супружества произошло нѣкоторое сближеніе. Супруги провели лѣто въ Пуркерсдорфѣ. «Когда мы возвращались въ городъ, говорится въ дневникѣ,—Мелихаръ прощался съ Пуркерсдорфомъ съ тяжелымъ чувствомъ, точно у него было предчувствіе близкой смерти. Въ день «Всѣхъ святыхъ» мы посѣтили кладбище; это было въ первый разъ втеченіи нашего супружества; Мелихара опять охватило тоскливое чувство. «Кто знаетъ, какъ скоро одинъ изъ насъ ляжетъ здѣсь», сказалъ онъ. Черезъ шесть недѣль послѣ этого на этомъ-же кладбищѣ опускали въ землю его гробъ. Въ половинѣ перваго 10 декабря 1862 года, я послала моего сына Франца, которому было тогда 11 лѣтъ, снести завтракъ отцу въ мастерскую. Едва успѣлъ онъ выйдти, какъ я подошла къ окну и вижу моего сына, блѣднаго, какъ полотно, бѣгущимъ назадъ. «Ты, вѣрно, уронилъ ѣду?» крикнула я ему.—«О, нѣтъ! воскликнулъ мальчикъ,—они убили отца». Со мной сдѣлалось дурно и только къ половинѣ четвертаго привели меня въ чувство, а мой несчастный мужъ все еще лежалъ въ лужѣ крови, безъ помощи. Охваченная горемъ, я сама побѣжала къ мужу, подняла его и воскликнула: «Отецъ, голубчикъ, кто это съ тобой сдѣлалъ?» Онъ крѣпко сжалъ мою руку, но не могъ говорить, такъ какъ его ротъ былъ наполненъ кровью. Если-бы ему тотчасъ-же оказали помощь, онъ могъ-бы говорить и указать убійцъ. Но только черезъ три часа его внесли въ жилище. Мое горе было ужасно. Четверо дѣтей плакали страшно и прижимались ко мнѣ; у меня сдѣлалась лихорадка, а несчастный мой мужъ выглядѣлъ такъ, что, кажется, и камень сжалился-бы надъ нимъ. Пять дней страдалъ онъ, какъ мученикъ. Такой смерти бѣдный человѣкъ не заслужилъ. Но какъ злорадствовали люди, видя мое несчастіе, потому что я никогда ни съ кѣмъ не якшалась въ домѣ. Когда моего мужа несли по лѣстницѣ въ квартиру, злые языки говорили: «по дѣломъ это гордой часовщицѣ!» Меня даже обвиняли въ убійствѣ и ждали, что меня запрячутъ въ тюрьму. Нѣкоторые сосѣди заглядывали даже къ намъ въ жилище и кричали, увидавъ меня: «Такъ ее еще не заперли въ острогъ!» Часто мнѣ казалось, что мое сердце разорвется, а люди вмѣсто утѣшенія причиняли мнѣ только терзанія. Но нашлись и добрые люди. Господа изъ гостинницы въ Кирхенгассе устроили для меня сборъ денегъ, Гансъ Іергель прислалъ мнѣ 10 гульденовъ, эрцгерцогиня Софія призвала меня, заставила все разсказать ей и дала 5 гульденовъ. Всего собрали 800 гульденовъ и я отложила ихъ на дѣтей. Три года я вела дѣло, которымъ занимался мой мужъ, и эти годы были для меня страшно тяжелы. Я едва заработывала на уплату рабочимъ и прибавляла кромѣ того собственныя деньги. Мой любимый сынишка Поль (тотъ самый, который потомъ былъ убитъ въ тюрьмѣ) убиралъ мою квартиру; мои дѣти Карлъ и Паулина, которымъ было во время смерти отца два съ половиной года, попали въ пріютъ сиротъ. Наконецъ, мнѣ пришлось закрыть свое заведеніе». Затѣмъ начинается попытка вести мелкую торговлю, которая оказывается невыгодною, потомъ слѣдуетъ рядъ скитаній по мѣстамъ въ качествѣ няньки и кухарки, а между тѣмъ глаза бѣдной женщины почти совсѣмъ ослѣпли и порядочное мѣсто добыть было не легко. Наконецъ, она попала въ няньки въ еврейское семейство, гдѣ было одиннадцать человѣкъ дѣтей; возиться съ ними равнялось пыткѣ. Когда терпѣніе лопнуло и она рѣшилась отойдти, евреи пригласили полицію, чтобы обыскать ея чемоданъ, предполагая, что она что-нибудь украла. Но всѣ эти горькія оскорбленія, печальныя скитанія по мѣстамъ, были ничто въ сравненіи съ послѣднимъ ударомъ, который ей готовила судьба. «Мой Поль, пишетъ она, попалъ въ дурное общество, о чемъ я сначала и не знала. Когда я видѣла его въ послѣдній разъ, я замѣтила ему: «Поль, какой срамъ приносишь ты мнѣ!» Онъ упалъ мнѣ на грудь и воскликнулъ: «Мать, вѣрь мнѣ, что я честный человѣкъ, но къ нимъ—онъ говорилъ о своихъ дурныхъ товарищахъ—тянетъ меня точно веревкою». Онъ еще разъ обнялъ меня и больше я его не видала. Его поймали, засадили въ тюрьму, приговорили къ восьмилѣтнему заключенію. Онъ бѣжалъ—два дня ползъ онъ по стѣнамъ меллерсдорфской тюрьмы, на третій-же дежурный солдатъ замѣтилъ его и убилъ его, выстрѣливъ ему въ грудь: истекая кровью, умерло мое бѣдное дитя. Проклятіе убійцѣ моего мужа; онъ этимъ убійствомъ погубилъ всю мою семью. А свѣтъ называлъ убійцей меня, не сдѣлавшую никому ни малѣйшаго зла. Съ тѣхъ поръ, какъ убили Поля, у меня не стало радостей. Когда я сижу вечеромъ одна, я плачу по цѣлымъ часамъ. Я должна идти къ моему мужу, къ моему малюткѣ. Ни въ чемъ нѣтъ мнѣ отрады: я должна быть весела, должна играть съ дѣтьми, а у меня сердце разрывается на части. Потому прощайте, милыя дѣти, забудьте меня, меня ничто не привязываетъ, но клянусь, что я даже и не подозрѣваю, кто былъ убійцей, моя совѣсть чиста. Когда я буду въ могилѣ и убійца найдется, помолитесь за него. Его совѣсть не найдетъ покоя, она его будетъ терзать до гробовой доски. Тогда можете сказать ему, что я его простила, хотя онъ и сдѣлалъ страшно несчастными меня и моихъ дѣтей. Милыя дѣти, прошу васъ, не заботьтесь о моихъ похоронахъ; люди любопытны, они будутъ ругать меня, а мнѣ это больно; деньги, которыя пошли-бы на похороны, могутъ пригодиться вашимъ дѣтямъ, а меня пусть похоронятъ даромъ; какъ печальна была моя жизнь, такъ пусть пройдутъ тихо и мои похороны—даромъ—изъ больницы—на общихъ дрогахъ. Сегодня годовщина тому дню, когда они убили моего Поля; я привожу въ исполненіе задуманное и кончаю свою жизнь. Будьте счастливы, мои дѣти и внуки, много, много цѣлую васъ. Да пошлетъ вамъ Богъ болѣе счастья и благословенія, чѣмъ выпало на мою долю. Ваша несчастная мать.—Немногій мой скарбъ и мѣховую одежду оставляю дочери; возьми все, ты можешь это употребить на своихъ дѣтей».

Это романъ, созданный самой жизнью.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 28-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 12 іюля въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 14 іюля въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: «Кому весна?», стих. **В. Немировича-Данченко.** — Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. **М. Ф. Каменской.** — Танцы и пляски на Руси, историко-біограф. очерки **Вл. Михневича.** — Великая пѣвица, истор. пов. **Луизы Мюльбахъ,** перев. **А. Качоровской.** —Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.

Рисунки: Батюшка съ требой, рис. **Павла Соколова.** — Наказанные въ корзинѣ трубочиста, карт. **Лобришона.**—Лѣтняя сценка, ориг. рис. **Н. Загорскаго.**— Отцы и дѣти, ориг. рис. **Н. Загорскаго.** — Передъ алькадомъ, карт. **Вормса.** — Раблэ, сельскій священникъ въ Мѣдонѣ, карт. **Ж. Гарнье.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

При этомъ нумерѣ прилагается девятый двойной листъ романа А. Михайлова **„Чужіе грѣхи“.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 іюля 1880 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 30. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 26 Іюля 1880 г.

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ част.

М. Ф. Каменской.

(*Продолженіе.*)

Глава VI.

За обѣдомъ Авдотья Кириловна не давала Лёло почти ничего ѣсть. Началась исторія съ пирога.

— Ну, что ты, сударыня, напирасшься пирогомъ-то съ капустой, какъ извощикъ? Вѣдь у меня гости сегодня. Оставь, довольно!

Лёло отдала Васькѣ тарелку и налила себѣ стаканъ квасу.

— Часъ отъ часу не легче! да что ты хочешь, чтобъ тебя раздуло, что-ли? Да побойся Бога, я вѣдь тебѣ русскимъ языкомъ говорю, что у меня гости будутъ!..

Лёло отодвинула стаканъ и крупныя слезы навернулись у нея на глазахъ.

— Ну, такъ!.. И проборъ покраснѣлъ; ну, наплачь красный носъ!.. Да на, матушка! на! ѣшь, пей, сколько душенькѣ угодно, я больше ни слова не скажу; только не реви, пожалуйста, покраснѣвъ, проговорила Авдотья Кириловна, пихая къ Лёло дрожащими руками все блюдо съ пирогомъ и ставя ей на тарелку бутылку квасу.

У Лёло слезы полились по щекамъ.

— Здравствуйте! покорнѣйше васъ благодарю! низко кланяясь дочери, сказала Авдотья Кириловна.

Лёло отерла глаза. Николай Михайловичъ давно крѣпился отъ смѣха; онъ не выдержалъ и вдругъ фыркнулъ и, чтобы скрыть смѣхъ отъ матери, закрылся салфеткой и началъ кашлять.

— Чего смѣяться? глупо! крикнула Авдотья Кириловна, сердито взглянувъ на сына.

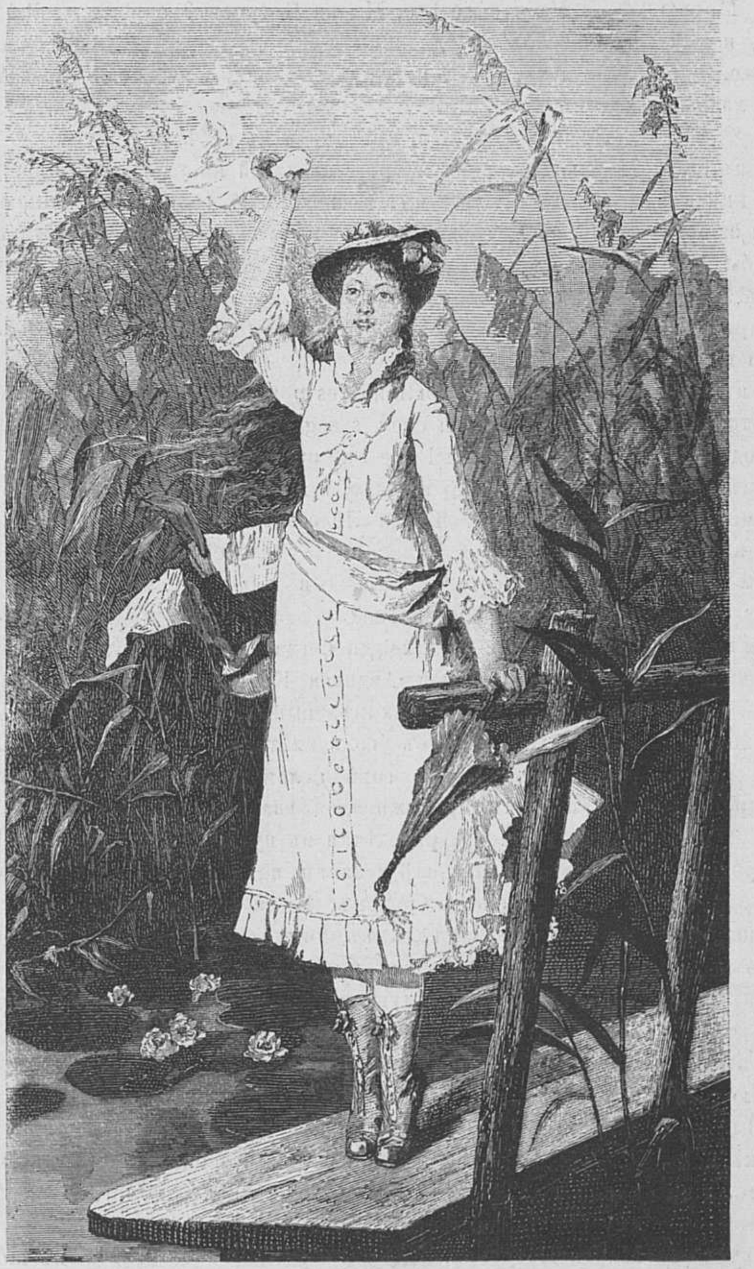
— Я, маменька, поперхнулся.

— Да что, мать ваша слѣпая, глухая, что-ли? что вы меня морочить хотите... Я вѣдь еще не умерла, погодите, вотъ ножки протяну, такъ тогда какіе хотите надъ матерью фокусы стройте, а теперь потерпите, еще рано.

Все остальное время обѣда, всѣ трое молчали. Лёло не ѣла ни одного кушанья. Нѣсколько разъ съ безпокойствомъ взглядывала Авдотья Кириловна на дочь, но не сказала ей больше ни слова. Когда Авдотья Кириловна встала изъ-за стола, Лёло, какъ всегда, подошла поцѣловать ей руку и тихо попросила прощенья.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА А. БОДЕНМЮЛЛЕРА.



Голла! голла!

Рѣзано на деревѣ въ Лейпцигѣ.

— Ну, ну, успокойся, я тебя прошу, успокойся! я не сержусь, поди къ себѣ въ комнату, умойся; да подержи мокрое полотенце на глазахъ. Ну, ну, поцѣлуй меня. Вѣдь если я что скажу, то изъ любви. Кто тебѣ правду скажетъ, коли не мать? Ну, ну, ступай, Господь съ тобой!

Во время этой успокоительной рѣчи, Николай Михайловичъ, сзади Авдотьи Кириловны, просто умиралъ со смѣху, уткнувшись лицомъ въ мягкую спинку кресла.

— Дуракъ! полу-сердито, полуулыбаясь, сказала Авдотья Кириловна, подойдя къ сыну и слегка ударяя его рукой по спинѣ.

Николай Михайловичъ оглянулся и поцѣловалъ руку матери.

— Ну, не стыдно-ли тебѣ мать на смѣхъ поднимать?

— Простите, простите, мамочка! Да какъ же не смѣяться, вы просто уморили меня. Какъ-же: хотите одного, а дѣлаете другое. Вы хотите, чтобы Лёло была сегодня хороша, плѣнила-бы этого амура-генерала, а сами заставляете ее плакать.

— Точно, я это дурно сдѣлала; ужь мнѣ сегодня, зная милый характеръ твоей сестрицы, ничего-бы ей не говорить, пусть-бы ее хоть весь пирогъ уплела... А то вѣдь мать, все хочешь, чтобъ лучше было. Да поди ты къ ней, посмотри, что она... Я и выйдти боюсь; прорветъ какъ-нибудь, скажу слово, а она опять заревѣтъ. Поди, поди ты, разсмѣши ее чѣмъ нибудь.

— А про генерала ничего не говорить?

— Не говори! не говори! Боже сохрани! да она и выйдти въ гостиную не захочетъ.

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе! приложивъ руку подъ козырекъ, сказалъ Николай Михайловичъ и, вытянувъ ногу гусемъ, сдѣлалъ гигантскій шагъ вонъ изъ столовой.

Авдотья Кириловна отправилась въ свою спальню. Когда Николай Михайловичъ вошелъ къ сестрѣ, Лёло сидѣла съ помоченнымъ водою полотенцемъ въ рукахъ, терла себѣ глаза и плакала.

— Вода водой, а слезы слезами! Ты это для того плачешь, Лёло, чтобы полотенце не высохло? Великолѣпно! Женщина на выдумки хитра!

Лёло улыбнулась.

— Смѣйтесь! вамъ приказано смѣяться.

Лёло захохотала, а потомъ опять слезы показались на глазахъ.

— Этого не дѣлайте, слезы со смѣхомъ въ Петербургѣ первый признакъ истерики!

Лёло опять захохотала и слезы уже не навернулись.

— Ай-да Колечка! просто лейбъ-медикъ! О, великій сердцевѣдецъ! Давайте мнѣ всѣхъ женщинъ, я ихъ всѣхъ вылечу! стоя передъ зеркаломъ и лаская съ любовью свои розовыя щеки, провозгласилъ Николай Михайловичъ.

— Коля, не заставляй меня хохотать, мнѣ въ горлѣ душитъ... Какой ты добрый, Коля: сестрѣ твоей грустно, а ты дурачишься!

— По приказанію высшаго начальства-съ!

— Господи, да что-же это за мука? Всю жизнь быть какой-то куклой: плакать хочется — хохочи! хохотать хочется—плачь! ѣсть хочется —не ѣшь! сѣла—зачѣмъ сѣла? пойдешь ходить —зачѣмъ, какъ колоколъ, болтаешься?.. Да это просто каторга! Такъ и съ колодниками въ острогѣ не поступаютъ!

— Это материнская любовь! указывая куда-то вверхъ рукой, торжественно сказалъ Николай Михайловичъ.

Лёло невольно улыбнулась.

— А вотъ я отъ этой материнской любви выйду замужъ за стараго генерала и конецъ.

— Выйдешь! почти кувыркомъ подскочивъ къ сестрѣ, вскрикнулъ Николай Михайловичъ.

— Да, выйду! Сегодня-же попрошу Марью Петровну сдѣлать то, что она обѣщала, и выйду!.. Маменька будетъ довольна, и я тоже.

— Великолѣпіе! спокойствіе, миръ, любовь, деньги и веселье!

— Какая любовь? я генерала, если онъ добрый, буду любить, какъ отца, а больше никакъ! Это маменькинъ грѣхъ, а не мой, что я за него пойду, не для счастья, а какъ въ прорубь!

— О... о... о... какъ мы поговариваемъ... а какую-же любовь вамъ надо, позвольте спросить?

— Какую? ты думаешь, что я ничего не понимаю, ты, кажется, воображаешь, что я дура? это маменька изъ меня сдѣлала какого-то болвана, который долженъ все молчать и ходить по стрункѣ... А вѣдь я ужь не ребенокъ; маменька говоритъ, что мнѣ шестнадцать лѣтъ, а мнѣ ужь семнадцать. Вѣдь я то-же думаю когда-нибудь. Когда у меня жила mademoiselle Фани, мы съ ней говорили; у нея были книги, я читала.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, не отдаляйтесь отъ предмета. Позвольте узнать, какую любовь вамъ надо?

— Какую? такую любовь, которой Фани любила своего жениха.

— Вотъ оно что. Такъ Фани вамъ преподавала любовь, вмѣсто parler français?

— Не правда, она меня учила хорошо, я всѣмъ ей обязана!

— Да не въ томъ дѣло. А вотъ вы мнѣ разскажите, какъ-же любила ваша мамзель Фани?

— Такъ, какъ я не буду любить, если выйду за генерала.

— Коротко и ясно! но позвольте вамъ замѣтить, что вы Фанину-то науку еще не всю произошли, до сути-то, до сути еще не дошли. Выйдя за генерала, вы именно и будете любить такъ, какъ вы говорите, что не будете любить, если за него выйдете...

— Что это за путаница?

— Ничего... Поцѣлуйте меня и продолженіе впредь.

Лёло холодно поцѣловала брата. Вошла Даша и позвала барышню къ маменькѣ. Лёло застала мать за туалетомъ съ напудреннымъ лицомъ. Марья Петровна дѣлала ей букли.

— Покажись-ка мнѣ поближе, ласково сказала Авдотья Кириловна, когда Лёло вошла въ спальню. Лёло подошла къ туалету и съ удивленіемъ взглянула на мать.

— Что это ты, душечка, какъ опять покраснѣла? тѣмъ-же голосомъ прибавила Авдотья Кириловна, пристально посмотрѣвъ на дочь.

— Не знаю, маменька, такъ, мнѣ жарко.

— Это отъ крови, я сейчасъ сдѣлаю, что это пройдетъ. Лягъ, лягъ скорѣй на диванъ... Даша! подложи барышнѣ повыше подушекъ подъ голову, сказала Марья Петровна, укладывая Лёло на диванъ.

— Для чего-же это? спросила удивленная Лёло.

— Для того, чтобы кровь оттекла въ ноги... Да нѣтъ-ли у тебя тутъ французской книги?

— Здѣсь нѣтъ, а въ моей комнатѣ есть.

— Даша! поди къ барышнѣ въ комнату и принеси какую-нибудь французскую книгу.

— Да вѣдь она читать и по-русски не умѣетъ. Даша! возьми у меня на этажеркѣ красную книгу и принеси ее Марьѣ Петровнѣ, сказала Лёло, ломая себѣ голову, чтобъ догадаться, на что-бы такое могла понадобиться Марьѣ Петровнѣ французская книга?

Во время этой думы, Марья Петровна, не спросясь Лёло, проворно напудрила ей пудрой все лицо. Лёло и не шевельнулась. Вошла Даша и подала книгу.

— Ну, милочка моя, возьми книгу и почитай въ слухъ, покуда я разовью букли твоей мамашѣ.

— На что-же это, Марья Петровна? спросила еще больше удивленная Лёло.

— Ахъ, другъ мой, для прононосу... это необходимо.

Лёло улыбнулась, притянула къ себѣ за руку Марью Петровну и прошептала ей на ухо:

— Посватайте мнѣ вашего дядю, генерала.

Марья Петровна сперва выпучила свои черные глаза и глядѣла на Лёло, какъ ошеломленная, потомъ вдругъ начала душить ее поцѣлуями. Когда она отошла. Лёло громко начала читать:

`A peine nous sortions des portes de Trizêne,
Il était sur son char, ses gardes affligés
Imitaient son silence autour de lui rangés.

Одѣваніе Лёло прошло, противъ обыкновенія, тихо и мирно. Когда Лёло была совершенно готова, Авдотья Кириловна сунула ей за пазуху что-то жесткое, зашитое въ тафтичку.

— Что это, маменька?

— Ничего, не гляди, а когда пойдешь спать, отдай мнѣ, сказала Авдотья Кириловна, оправилась передъ зеркаломъ, вынула что-то изъ туалета, завязала въ уголъ платка и пошла въ гостиную, гдѣ уже горѣли лампы и Николай Михайловичъ прохаживался взадъ и впередъ. Скоро явилась и разодѣтая въ пухъ Марья Петровна и сѣла возлѣ хозяйки на диванъ. Лёло начала ходить съ братомъ. Въ половинѣ восьмого вдругъ влетѣлъ въ комнату Теодоръ и, захлебываясь и моргая, проговорилъ:

— Маменька! дѣдушка пріѣхалъ!

— Генералъ? привставъ, спросила Авдотья Кириловна, но у нея вдругъ такъ подогнулись колѣнки, что она должна была опуститься на диванъ.

— Дядюшка! дядюшка! да гдѣ-же онъ? Ахъ, какой ты, Теодоръ, рохля! да бѣги-же, помоги ему войдти на лѣстницу! толкая сына, кричала Марья Петровна.

Николай Михайловичъ, подмигнувъ сестрѣ, пошелъ тоже встрѣтить генерала.

«Такъ вотъ отчего мнѣ не дали ѣсть за обѣдомъ, такъ вотъ для чего я лежала, читала по-французски, такъ вотъ почему маменька не кричала, одѣвая меня!.. Теперь это очень понятно. Ну, что-жь, и выйду за генерала», улыбаясь сама съ собой, подумала Лёло и спокойно стала глядѣть въ дверь зала. Черезъ нѣсколько минутъ, въ этихъ дверяхъ показался человѣкъ, лѣтъ шестидесяти, въ военномъ мундирѣ безъ эполетъ, съ Анною на шеѣ и нѣсколькими орденами на груди. Лёло окинула его бѣглымъ взглядомъ и генералъ показался ей гораздо моложе, чѣмъ она его представляла себѣ, онъ былъ бѣлъ, розовъ, черные воронова крыла волосы были завиты, усы тщательно закручены кверху. Здороваясь съ Марьей Петровной, онъ открылъ ротъ, и зубы его издали блеснули, какъ перлы.

— Душа, другъ мой, рекомендую тебѣ моего благодѣтеля и дядюшку Сергѣя Александровича Столбина... Дядюшка, рекомендую вамъ стариннаго моего друга, Авдотью Кириловну Сивкову.

— Сударыня, я давно желалъ имѣть счастье быть представлену вамъ, расшаркавшись по военному, проговорилъ сладкимъ голосомъ генералъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, это счастье съ моей стороны... Покорнѣйше прошу садиться, ваше превосходительство! придерживаясь за столъ, нетвердымъ голосомъ сказала Авдотья Кириловна.

— Душа! Душа! что-же ты не представишь дядюшкѣ своей дочки?.. Лёло! Лёло, мой другъ, подойди сюда!

— Вотъ дочь моя, ваше превосходительство, взявъ за руку Лёло, рекомендовала Авдотья Кириловна.

— Очень пріятно познакомиться, mademoiselle! окинувъ взглядомъ Лёло и низко кланяясь, еще слаще и пришепетывая, проговорилъ Сергѣй Александровичъ.

Лёло молча присѣла, но не смутилась.

— А это сынъ мой, ваше превосходительство, прошу не лишить его вашего лестнаго вниманія, опять привставъ съ мѣста и взявъ за руку Николая Михайловича, кланяясь, сказала Авдотья Кириловна.

— Очень радъ, очень радъ! вы въ павловскомъ полку служите, молодой человѣкъ? подавая два пальца Сивкову, спросилъ генералъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, вытянувшись, громко отвѣтилъ Николай Михайловичъ.

— Служите, служите, молодой человѣкъ, и я служилъ, играя рукой орденами и взглянувъ на Лёло, внушительно сказалъ Сергѣй Александровичъ.

— Надолго изволили пожаловать въ Петербургъ, сударыня? повернувшись на креслѣ, спросилъ у Авдотьи Кириловны генералъ.

— На зиму, ваше превосходительство, нельзя-же, дочка въ такихъ лѣтахъ, что повеселить надо...

— Какъ-же, какъ-же, надо повеселить modemoiselle! позвольте узнать имя и отчество?

— Елена Михайловна, дядюшка! да вы, вы человѣкъ солидный, дядюшка, вамъ можно звать ее просто Лёло, какъ мы всѣ зовемъ, ея мамаша вамъ это позволитъ! улыбнувшись Авдотьѣ Кириловнѣ, сказала Марья Петровна.

— Вы позволите, сударыня? приподнимаясь немного на ручкахъ креселъ, спросилъ Сергѣй Александровичъ у Авдотьи Кириловны.

— Сдѣлайте милость, ваше превосходительство! Лёло должна почитать за счастіе, если вы будете безъ церемоніи ее называть Лёло.

— Лёло! Лёло! какъ это мило! какъ это идетъ къ modemoiselle! сдѣлавъ какой-то совсѣмъ круглый ротъ, сказалъ сквозь зубы старикъ.

— Изволили вы быть въ театрѣ, mademoiselle Лёло?

— Была нѣсколько разъ.

— Понравились вамъ петербургскіе актеры, mademoiselle Лёло.

— Какъ-же не понравиться, я вѣдь въ первый разъ въ жизни была въ настоящемъ театрѣ. У насъ тоже былъ театръ, когда стояли ольвіопольскіе гусары, такъ это было очень гадко, солдаты играли.

— Солдаты! C'est charmant! что-жь они играли? не спуская глазъ съ Лёло, спросилъ Сергѣй Александровичъ.

— Не помню, какой-то вздоръ, одинъ еще вскричалъ: «не подходи ко мнѣ съ отвагою, не то проколю тебя сею шпагою!»

— Elle est charmante! charmante! обращаясь къ дамамъ, сказалъ генералъ.

Марья Петровна толкнула локтемъ Авдотью Кириловну, Авдотья Кириловна одобрительно кивнула дочери головой. Лёло захохотала. Авдотья Кириловна вся вспыхнула и въ душѣ пожелала провалиться сквозь землю, но вдругъ увидѣла обвороженное лицо генерала и просіяла.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, mademoiselle Лёло! смѣйтесь! говорилъ, весь тая, старикъ.

— Ваша дочка напоминаетъ мнѣ старинное преданіе, что тѣхъ, у кого такія ямочки, Амуръ поцѣловалъ при рожденіи.

Авдотья Кириловна совсѣмъ просіяла. Лёло, видя по лицу матери, что ей этотъ разъ все простится, не стала удерживать себя и расхохоталась до слезъ.

— Charmante! délicieuse! какое прелестное дитя! твердилъ, глядя на нее, генералъ.

Подали чай. Послѣ чая Марья Петровна усадила Лёло за свой рояль, перенесенный на этотъ случай снизу вверхъ. Игра Лёло довершила начатое. Къ концу вечера генералъ уже цѣловалъ у Лёло ручки и называлъ ее: милое дитя. Авдотья Кириловна тоже къ концу вечера перестала такъ чиниться, ноги у нея совершенно окрѣпли, она начала ходить съ Марьей Петровной подъ ручку по гостиной и даже нѣсколько разъ въ разговорѣ назвала Сергѣя Александровича просто: добрѣйшій генералъ. И раза два или три, проходя мимо генерала, она задѣла его слегка завѣтнымъ уголкомъ своего платка и прошептала: «мой!» Сергѣй Александровичъ уѣхалъ домой совершенно безъ сердца. Бѣдное сердце его осталось на Лиговкѣ, въ собственномъ домѣ Марьи Петровны Камковой, во второмъ этажѣ, у ногъ mademoiselle Лёло. Мать Агнія не соврала: шарики съ грѣхами помогли.

Глава VII.

Черезъ два мѣсяца, Лёло сдѣлалась генеральша Елена Михайловна Столбина.

На другой день свадьбы, Лёло на бѣду проснулась очень рано, да и взглянула на мужа,— взглянула, да чуть и не вскрикнула: караулъ!.. Лежитъ подлѣ нея не вчерашній Сергѣй Александровичъ, а покойникъ! Мертвый, зеленый, подушка подъ нимъ нарумянена, губы синія впали, а зубы въ стаканѣ воды, подлѣ на столикѣ лежатъ. Стонетъ покойникъ, да то и дѣло правою ногою подергиваетъ. Испугалась бѣдная Лёло, вскочила, накинула на плечи кое-какъ пеньюаръ, выбѣжала въ свою уборную, бросилась на диванъ, прижалась въ уголокъ, дрожитъ вся, а слезы такъ и каплятъ. Проплакалась Лёло, встала и позвонила. Пришла горничная, одѣла барыню. Пришелъ камердинеръ въ бѣлыхъ перчаткахъ и доложилъ, что самоваръ на столѣ. Лёло пошла въ залу и сѣла за столъ. Скоро явился и генералъ, съ зубами и въ вышитой венгеркѣ. Но какъ ни горѣли опять розы на его ланитахъ, какъ ни подпрыгивалъ онъ, покряхтывая, какъ ни цѣловалъ ея руку, какъ ни несло отъ него пачули, Лёло все казалось, что подлѣ нея покойникъ, и чая не допила, противно да и только. Обѣдали въ этотъ день у матери, Лёло была весела, ласкова съ мужемъ и никто не замѣтилъ, что у нея на сердцѣ скребли кошки. Лёло сама не знала почему, но ей именно при матери не хотѣлось показать, что ей уже успѣлъ опротивѣть старикъ-мужъ. Напротивъ, хотѣлось прихвастнуть своимъ счастьемъ. Всѣ въ домѣ были очарованы счастливой четой. Авдотья Кириловна даже нѣсколько разъ принималась плакать отъ умиленія, глядя на дочь свою генеральшу. Первые дни своего замужества, Лёло совершенно закружилась: дѣлала визиты, ѣздила по театрамъ, по баламъ, принимала у себя. Все это было ново для Лёло, все занимало ее. Хоть она и была безпрестанно съ мужемъ, да генералъ какъ-то сливался съ общей массой людей и не мѣшалъ ей веселиться. По утрамъ, отъ усталости прошедшаго дня, Лело спала долго и просыпалась, когда генерала на кровати уже не было. Въ Петербургѣ Лёло жилось еще довольно хорошо. Поглощенная совершенно новостью свадебной жизни богатой замужней женщины, она ни разу даже и не подумала спросить себя: счастлива-ли она съ генераломъ или нѣтъ? Но вотъ прошла зима, наступилъ великій постъ... зачирикали воробьи и генералъ сталъ собираться въ свое имѣніе, Дрёмино. Вначалѣ апрѣля Лёло распростилась съ матерью, братомъ и уѣхала съ мужемъ изъ милаго Петербурга... Пріѣхали въ Дрёмино. Тутъ-то началась для Лёло еще новая жизнь, началась скука смертная. Старый, барскій домъ, старый мужъ, старая полусумасшедшая Елизавета Никитишна—мать генерала, старые гости, старые слуги, старыя слѣпыя гончія собаки. Что тутъ дѣлать? чѣмъ развлечь себя?.. Мужъ всякую минуту ласкается, ушла-бы отъ него куда-нибудь, да куда?.. Пойдетъ Лёло по комнатамъ бродить, старые, страшные портреты предковъ Сергѣя Александровича глядятъ на нее изъ рамъ; куда ни повернется, все глазами провожаютъ, даже ужасъ ее возьметъ. А тамъ, смотритъ, въ амфиладѣ старый лакей Фомка подъ руку ей на встрѣчу маменьку Елизавету Никитишну ведетъ. Надо подойдти къ маменькѣ, ну, и пойдетъ Лёло, ручку ей поцѣлуетъ. Старуха за нее такъ и ухватится, и начнетъ говорить, говорить по-французски, по-русски, а что говоритъ, одинъ Богъ вѣдаетъ. Лёло ничего не понимаетъ и отвѣтить ей не можетъ, только стоитъ, глядитъ на старуху и краснѣетъ. Вдругъ старушка разсердится, начнетъ ее дергать за руку и кричать: «что ты на меня глядишь?.. зачѣмъ ты на меня глядишь?.. кто ты такая?.. ты дура! вонъ пошла!.. Фомка, mon cher, прогони ее!» Убѣжитъ бѣдная Лёло отъ сумасшедшей старухи въ садъ. И тамъ не лучше: въ липовыхъ вѣтвистыхъ алеяхъ мракъ, сырость, мраморныя почернѣлыя статуи, какъ привидѣнія, стоятъ. Лёло и трехъ саженей не пройдетъ, выбѣжитъ—страшно, точно кладбище. Въ лѣсъ-бы пошла, все-таки тамъ вольнѣе, такъ дѣвушки говорятъ: «не ходите, ваше превосходительство, тамъ намедни сторожъ Панфилъ мишкинъ слѣдъ видѣлъ, чего Боже упаси, изломаетъ!» Придетъ Лёло домой, мужъ опять цѣловаться лѣзетъ— тошно!.. Увернется отъ него, пойдетъ въ библіотеку, ну, хоть почитала-бы что нибудь, забылась... Откроетъ шкафъ, вытащитъ книгу — Поваренная, вытащитъ другую—Псовая охота, возьметъ третью—Мѣсяцесловъ... А тамъ и пойдетъ все Инвалидъ, да Инвалидъ, и такъ ничего по себѣ и не приберетъ. А тутъ оглянется, а за ней лакей стоитъ:

— Пожалуйте, говоритъ, его превосходительство васъ проситъ въ гостиную изволитъ, гости пріѣхали-съ!

Лёло въ первую минуту и обрадуется, захлопнетъ шкафъ, побѣжитъ въ гостиную, да только за порогъ переступитъ, такъ у нея и руки опустятся и улыбка сбѣжитъ.

Сидитъ въ страшномъ чепцѣ Елизавета Никитишна на диванѣ, вокругъ нея гости грибъ на грибѣ, старухи да старики, одинъ другого хилѣе. Генералъ имъ жену представитъ: Лёло имъ присядетъ, стулъ пододвинетъ и разговоръ начнетъ заводить. Она имъ одно,—они молчатъ, она имъ другое—они молчатъ. А тутъ генералъ съ мужчинами о двѣнадцатомъ годѣ заговоритъ. А маменька, Елизавета Никитишна, барынямъ такую чепуху понесетъ, что Лёло и вступиться-то въ разговоръ никакъ мѣста не найдетъ: сидитъ да зѣваетъ только въ платокъ потихоньку. И это-бы все еще ничего: будь у Лёло рояль, она-бы утѣшилась, и мужа, и сумасшедшую матушку его, и гостей, и всю свою странную обстановку забыла-бы, а и рояля не было у бѣдной Лёло. У Сергѣя Александровича въ залѣ старые, разбитые клавикорды стояли. Лёло на нихъ, какъ на мужа, старалась не глядѣть. Самъ Сергѣй Александровичъ не догадывался подарить женѣ хорошій инструментъ, а Лёло у мужа никогда ничего не просила. Осталось одно развлеченіе—писать письма къ матери и къ брату, но и въ этомъ не было утѣхи. Высказаться, вылиться душой передъ ними Лёло не могла, да и не хотѣла. Она знала, что они никогда не поймутъ ея. И ей приходилось дѣлать сочиненія и писать не то, что у нея на сердцѣ. И письма въ Петербургъ были для Лёло чистая мука. Въ письмахъ отъ матери тоже не было никакой отрады. Всѣ они сверху до низу были наполнены безграничною любовью, почтеніемъ и уваженіемъ Авдотьи Кириловны къ зятю, генералу, а для Лёло на самомъ кончикѣ бумаги едва оставалось мѣстечко для словъ: «благословляю тебя, будь здорова, прижмись къ моему материнскому сердцу». Николай-же Михайловичъ никогда и не писалъ. Бумага и перо всегда представлялись ему чѣмъ-то въ родѣ допотопнаго, страшнаго звѣря. Бѣдная Лёло просто дурѣла отъ скуки. Самъ-же генералъ никогда и не замѣчалъ, что жена его не любитъ и что она у него въ домѣ отъ тоски мѣста себѣ не найдетъ. Дома сидитъ Сергѣй Александровичъ, такъ ласкается къ Лёло, нѣжничаетъ, а того и не видитъ, что бѣдной Лёло противно.

— Охъ, мой цвѣточекъ не тронь меня, пора привыкнуть къ супружеской жизни, ну, поцѣлуй-же послаще, твердитъ женѣ старикашка и цѣлуетъ жену по сту разъ. А нѣтъ дома Сергѣя Александровича, на полѣ за сельскими работами слѣдитъ, такъ, грѣшнымъ дѣломъ, и страсть свою къ молодой женѣ забудетъ, и Дашку, и Афимью, и Машку щипнетъ, и за подбородочекъ потреплетъ, и въ розовыя губки разокъ, другой чмокнетъ. А домой пришелъ и Лёло спуску нѣтъ.

Но Богъ не безъ милости, хоть отъ ласокъ отъ этихъ противныхъ скоро Лёло избавилась: Сергѣй Александровичъ, кромѣ своей нѣжной до женскаго пола натуры, былъ еще убѣжденъ въ томъ, что онъ и хозяинъ прекрасный. Не смотря на шестой десятокъ и на подагру въ правой ногѣ, не довѣряя никому, продолжалъ онъ самъ завѣдывать всѣмъ домомъ и сельскимъ хозяйствомъ.

Вотъ въ первый-же годъ своей женитьбы, осенью, разъѣзжая по полямъ и слѣдя за посѣвомъ озимого, генералъ сильно простудился. Подагра разгулялась не на шутку, ходить Сергѣй Александровичъ уже не могъ, его усадили въ кресла и окутали ему ноги въ байковыя одѣяла.

Лёло, чувствуя сама, что грѣхъ радоваться чужой бѣдѣ, невольно ожила съ тѣхъ поръ, какъ мужъ ея усѣлся въ кресла и не бродилъ за ней по пятамъ. Хоть не цѣловалъ ее часто и то ей, бѣдной, было великое счастіе.

Сергѣй Александровичъ, страшно страдая, не переставалъ, однако-же, заботиться о своихъ приходахъ. Но какъ самому ему по болѣзни разъѣзжать вездѣ и слѣдить за всѣмъ было уже невозможно, то онъ началъ пріискивать себѣ управляющаго.

Много приходило къ нему людей, свѣдущихъ по этому дѣлу, да всѣ они что-то не нравились генералу.

— Этотъ, говорилъ Сергѣй Александровичъ:

что-то дерзко смотритъ. Онъ манеры моей въ хозяйствѣ знать не захочетъ, умствовать будетъ. А по мнѣ, коли въ службу кто пошелъ, такъ будь ты хоть семи пядей во лбу, а думай такъ, какъ я думаю, а не по своему. А этотъ, я по глазамъ вижу, скажетъ: «у меня свой царь въ головѣ есть!» Ну, коли есть царь въ головѣ, такъ и къ чорту его!

Приходитъ другой.

— А этотъ одѣтъ ужъ слишкомъ бѣдно, оборванецъ какой-то, я что-то на немъ и рубашки не вижу, нищій значитъ. Сейчасъ съ мужика послѣднюю рубаху сниметъ, да на себя и надѣнетъ... и этого къ чорту! Долго такъ разбиралъ и выбиралъ Сергѣй Александровичъ, и всѣ, кто ни приходилъ, не по нраву были.

Разъ утромъ сидѣлъ генералъ въ креслахъ, грѣлся на солнышкѣ и дремалъ. Лёло подлѣ него отъ скуки рисовала съ натуры мѣсячный розанъ. Вдругъ вошелъ старый камердинеръ Сергѣя Александровича съ запиской на серебряномъ подносѣ.

— Ваше превосходительство! записка отъ ея сіятельства княгини Черново-Свѣтинской.

— А? что?.. что такое?.. спросилъ генералъ спросонокъ.

— Записка къ вашему превосходительству отъ княгини Черново-Свѣтинской, повторилъ лакей, подавая барину подносъ съ запиской.

— Отъ княгини Евгеніи Дмитріевны Черново-Свѣтинской? давай, братецъ, давай скорѣе! Лёлочикъ, гдѣ тутъ мои очки? поищи, mon ange.

— Позвольте, я вамъ прочту, это будетъ скорѣе, сказала Лёло.

— Ну, прочти, прочти... Ахъ, ты мои золотые глазки! проговорилъ генералъ, подавая женѣ письмо и трепля ее въ тоже время другой рукой по круглому плечу.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Съ болгарскаго.

Стих. **В. Немировича-Данченко.**

Покой и миръ почившимъ славно,
Привѣтъ оставшимся въ живыхъ!
Кровавый бой еще недавно
Кипѣлъ на нажитяхъ родныхъ,
Надъ нашей тихой стороною
Въ дыму горящихъ деревень
Злодѣйство радовалось бою,
Для смерти пробуждался день...
Въ поляхъ—затоптанные всходы
И лужи крови пролитой,
Заснули въ нихъ бойцы свободы—
Цѣна побѣды дорогой.
Молчатъ уста, недвижны очи...
Ихъ солнце жжетъ, ихъ дождь кропитъ...
Ихъ вѣтеръ будитъ... Долгой ночи
Ихъ мракъ ревниво сторожитъ.
Среди развалинъ молчаливыхъ,
Среди разрушенныхъ церквей
Какъ много нѣкогда счастливыхъ,
Теперь зарѣзанныхъ дѣтей!
Окроплены святою кровью
Кусты благоуханныхъ розъ,
Еще на ихъ листахъ съ любовью
Дрожатъ алмазы чистыхъ слёзъ..
Въ годину бѣдъ сама природа
Поблекла, будто смерть тая;
Кладбищемъ мертваго народа
Казалась родина моя!

Прошла зима. Промчались грозы,
Съ небесъ властительно звуча.
Въ очахъ уже изсякли слезы,
Ржавѣетъ остріе меча...
Давно разсѣялись дружины,
Устала смерть, не слышно битвъ
И съ минаретовъ муэзины
Не кличутъ бѣшено молитвъ!
Кровь не течетъ... Готовы нивы,
Ждетъ косарей зеленый лугъ.
Выходитъ пахарь молчаливый
И рѣжетъ почву старый плугъ.
Какъ сонъ, забыты всѣ невзгоды
Среди сожженныхъ деревень—
Мы громко празднуемъ свободы
Наставшій вдругъ воскресный день.
Не свиснетъ бичъ.. Въ глуши темницы,
Гдѣ кровь лилась, рыдалъ народъ,
Затворовъ нѣтъ и только птицы
Пріютъ нашли отъ непогодъ.
Не слышно пѣсни погребальной
Въ тиши Болгаріи моей,
Проснулся рабъ многострадальный,
Глядитъ на руки—нѣтъ цѣпей!
Другихъ рабовъ уже державно
Изъ душной тьмы зоветъ на свѣтъ!..
Покой и миръ почившимъ славно,
Въ живыхъ оставшимся—привѣтъ!

Изъ исторіи рабства въ древности.

Ст. **С. Терновскаго.**

I.

Вступленіе.—Рабство во французскихъ колоніяхъ.

Рабство существовало и въ древнѣйшія времена, перешло потомъ и въ средніе вѣка, а оттуда дошло и до нашихъ временъ, составляя теперь одинъ изъ рѣшенныхъ современныхъ вопросовъ. Въ настоящее время у рабства защитниковъ осталось уже довольно мало и то всѣ ихъ доказательства выгодъ рабства основаны болѣе на историческихъ, чѣмъ на философскихъ выводахъ; они, впрочемъ, не вполнѣ отвергаютъ необходимость освобожденія негровъ, но отодвигаютъ это дѣло въ далекое будущее. По ихъ мнѣнію, рабство есть одно изъ высшихъ благодѣяній божьихъ. Дѣйствительно, бѣднякъ, умирающій съ голода, военно-плѣнный, котораго побѣдитель имѣетъ право убить, дѣлаясь рабами, какъ-бы вновь родятся. Поэтому господинъ является какъ-бы ихъ вторымъ отцомъ, который постоянно заботится о нихъ, пріучаетъ къ труду, который есть основаніе всѣхъ добродѣтелей и ведетъ ихъ къ цивилизаціи. Кромѣ этого, рабство установлено Ноемъ, по откровенію самого божества, слѣдовательно, филантропы должны замолкнуть во имя человѣчества, а христіане—во имя догмата, и пусть предоставятъ дѣйствовать премудрости Божіей.

Но не смотря на важность такого авторитета, его голословно принимать нельзя. Разсмотримъ происхожденіе рабства: первыми рабами являются дѣти и жены, вслѣдствіе ихъ безусловнаго повиновенія отцу семейства, который ихъ и кормитъ, и одѣваетъ; потомъ бѣдняки и плѣнные, поступая въ рабство, дѣлаются отчасти членами этой семьи, которая, въ свою очередь, можетъ потерять одного изъ своихъ членовъ (онъ можетъ быть проданъ, взятъ въ плѣнъ, убитъ, заложенъ и т. д.), который, впрочемъ, въ своемъ положеніи ничего не теряетъ, такъ какъ онъ былъ рабомъ, рабомъ и остался, перемѣнивъ только господина. Въ древности рабство существовало у всѣхъ народовъ во всѣ вѣка. Но есть-ли рабство фактъ необходимый, необходимая ступень въ развитіи народа? Не многіе дадутъ утвердительный отвѣтъ. Трудиться и работать должны были всѣ люди съ самаго своего сотворенія, но нѣкоторые возмутились противъ этой необходимости и возложили работу на другихъ людей, себѣ подобныхъ. Съ тѣхъ поръ были уничтожены первоначальная свобода и равенство людей. Рабство, слѣдовательно, есть дѣло насилія. Усиленію рабства способствуетъ наслѣдственность правъ господина и обязанностей раба. Сынъ раба есть также рабъ, сынъ свободнаго есть рабъ отца, но не рабъ въ строгомъ смыслѣ: современемъ, въ свою очередь, онъ дѣлается свободнымъ и господиномъ. Сынъ свободнаго остается на всю жизнь рабомъ только тогда, если отецъ продастъ его постороннему. Рабство можетъ установиться также и по свободному договору, безъ всякаго принужденія.

Человѣкъ, дѣлаясь рабомъ, дѣлается машиной, безсловеснымъ животнымъ и приноситъ своему господину извѣстныя выгоды. Однимъ изъ главныхъ источниковъ рабства служитъ война, поэтому становится выгоднымъ вести войны, чтобъ добыть рабовъ. Но въ этихъ войнахъ побѣдителями бываютъ народы грубые, воинственные, не образованные. Подъ господство этой грубой силы подпадаютъ другіе народы болѣе слабые, но богатые и развитые; они мало-по-малу вырождаются и исчезаютъ съ лица земли. Есть, правда, примѣры противнаго, но они рѣдки.

Переходя отъ рабства цѣлаго народа къ рабству индивидуальному, мы замѣчаемъ тѣ-же слѣдствія. Господинъ замѣняетъ своему рабу—отечество, семейство; главная добродѣтель раба есть безусловное повиновеніе. Рабство, правда, сохраняетъ жизнь человѣка, но губитъ въ немъ лучшія его стороны. Этого мало: рабство ведетъ къ ослабленію государства: Спарта, Афины погибли такимъ образомъ. Свободные класы мало-по-малу устраняются отъ труда, изнѣживаются и государство падаетъ.

Все, до чего касается рабъ, дѣлается какъ-бы презрѣннымъ для свободнаго. Искуства процвѣтали въ Греціи, такъ какъ ими занимались свободные; въ Римѣ ихъ предоставили рабамъ и мы поэтому тамъ не находимъ ни одного имени, достойнаго встать наравнѣ съ великими именами Греціи.

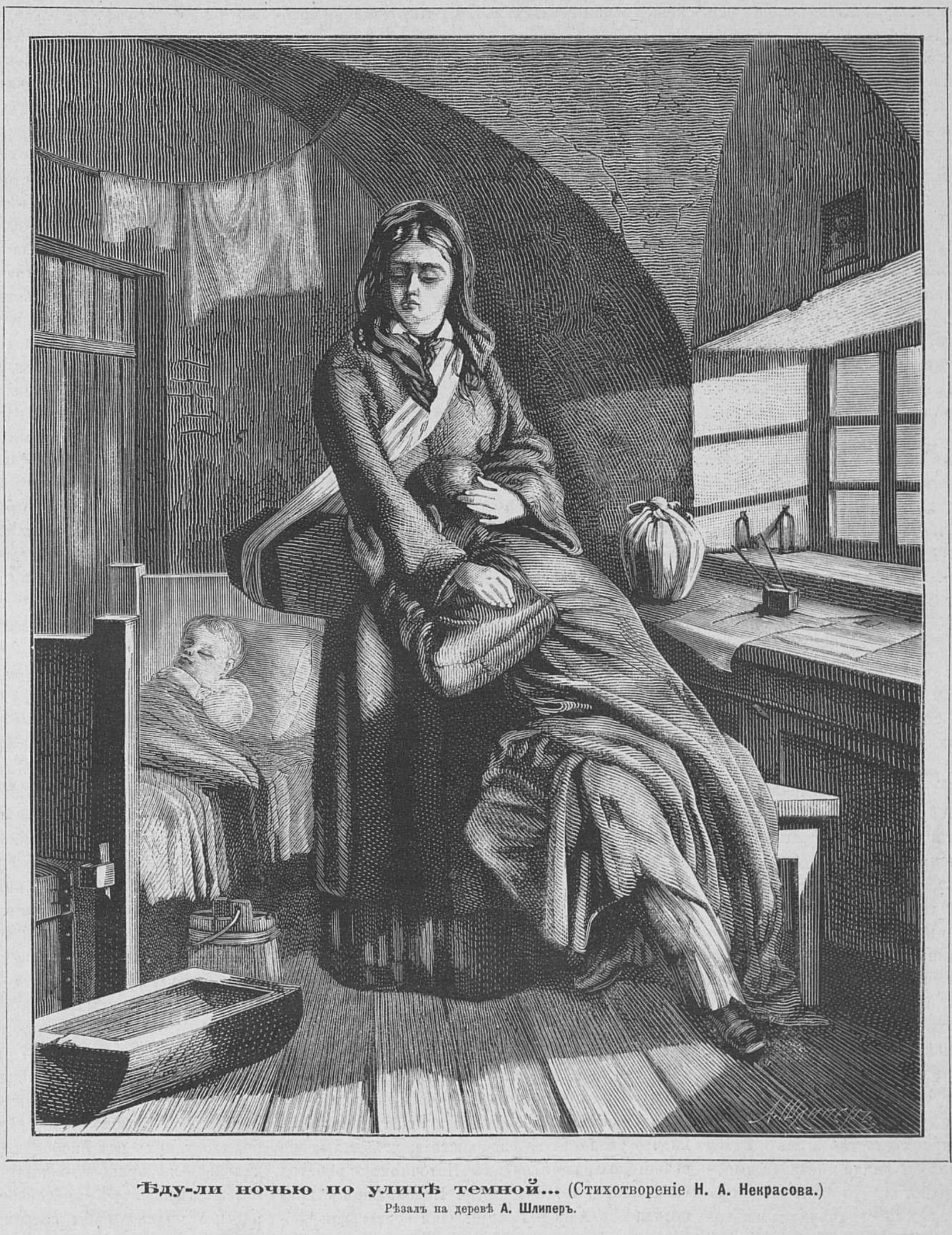
Современное рабство не имѣетъ, конечно, всѣхъ этихъ слѣдствій. Негры, вывозимые изъ Африки, и въ ней не были свободными, по мнѣнію сторонниковъ рабства; они всѣ рабы своихъ королей, власть которыхъ надъ своими подданными ничѣмъ не ограничена. Кромѣ того, негритянскія племена постоянно воюютъ между собой и военно-плѣнные обращаются въ рабство. Поэтому европейцы не только не обращаютъ свободныхъ въ рабовъ, такъ какъ оставляютъ ихъ въ ихъ прежнемъ положеніи, но обращая ихъ въ христіанство, дѣлаютъ доброе дѣло. Но искупаетъ-ли современное рабство своими хорошими сторонами то зло, которое оно приноситъ? По мнѣнію защитниковъ рабства—безъ сомнѣнія, да. Негръ ничего не теряетъ въ перемѣнѣ власти, напротивъ того выигрываетъ по отношенію вѣры и обезпеченности. Его положеніе гораздо обезпеченнѣе положенія работника въ западной Европѣ, который постоянно трудится, но въ случаѣ болѣзни, въ случаѣ смерти, его семья терпитъ отъ голода; тогда какъ господинъ заботится о семьѣ своего раба и о немъ самомъ, въ видахъ своихъ собственныхъ выгодъ. На все это можно возразить одно: если предложить любому работнику западной Европы занять мѣсто негра, поступить въ рабство, то врядъ-ли кто согласится на это предложеніе. Негръ, какъ рабъ, не имѣетъ никакихъ правъ, ни собственности, ни личныхъ; его можно убить, мучить, почти совершенно безнаказанно. Въ случаѣ бѣгства, онъ подвергается страшнымъ наказаніямъ. За всякій малѣйшій проступокъ съ него взыскиваютъ чрезвычайно строго. Кнутъ играетъ очень важную роль въ невольническомъ хозяйствѣ; онъ служитъ не только орудіемъ наказанія, но имъ даютъ извѣстные сигналы, зовутъ на работу къ обѣду, указываютъ на время отдыха и т. д. Онъ служитъ постояннымъ символомъ безконтрольной власти

Европейцы, вступивъ въ сношенія съ Африкой и Америкой, нашли въ нихъ двѣ совершенно самостоятельныя расы,—американскія племена находились на извѣстной степени развитія, довольно высокой. Два государства, перуанское и ацтеки, свидѣтельствуютъ объ этомъ; они охотно принимали христіанство отъ первыхъ европейскихъ мисіонеровъ; но когда жадные испанцы начали притѣснять эти племена, мало-по-малу обращая ихъ въ рабство, они стали вымирать и теперь остались только жалкіе остатки этихъ, нѣкогда развитыхъ народовъ. Что касается Африки, то и тамъ негритянскія племена были довольно развиты, они, занимаясь земледѣліемъ, вели жизнь осѣдлую; христіанство также легко прививалось къ нимъ; но мисіонеры воспользовались ихъ легковѣріемъ и подъ предлогомъ распространенія и насажденія вѣры, они схватывали своихъ учениковъ и отвозили ихъ въ Америку. Но крестить народъ мало, его надо научить вѣрѣ, отчего благочестивые проповѣдники вѣры Христовой благоразумно воздерживались. Они учили, что Богъ заповѣдалъ послушаніе, но не говорили, что всѣ люди родные братья, что всѣ вѣрующіе суть дѣти Божьи. Священники, если бы и хотѣли, то они этого сдѣлать не могли, они вполнѣ зависѣли отъ губернатора, который могъ ихъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ отрѣшить отъ должности. Что касается до нравственности, то и она при такихъ условіяхъ не могла быть высокою. Между неграми постоянныхъ браковъ было мало; кромѣ того, господинъ могъ всегда отлучить дѣтей отъ отца, жену отъ мужа. Постоянно побуждаемый къ работѣ, негръ возымѣлъ къ ней отвращеніе,—слѣдствіемъ является лѣность, для уничтоженія которой примѣняли самыя жестокія мѣры. Негры въ колоніяхъ занимались не только сельскими работами, но и ремеслами; чтобъ усовершенствовать ихъ въ этомъ, негровладѣльцы стали привозить ихъ въ Европу, но здѣсь однимъ обученіемъ они не удовольствовались, они стали ими открыто торговать.

Теперь рабство мало-по-малу уничтожается. Въ Англіи это фактъ уже совершившійся, въ другихъ странахъ вопросъ этотъ въ принципѣ уже давно рѣшенный. Рабство имѣетъ, правда, нѣкоторыя хорошія стороны, оно нѣсколько обезпечиваетъ человѣка, но только со стороны матеріальной. Но полному преимуществу рабства передъ свободой противорѣчатъ постоянныя бѣгства рабовъ и ихъ частыя возмущенія. Противники освобожденія говорятъ, что негровъ освободить еще мало, что надо прежде ихъ развить, образовать, что они еще дѣти. Съ этой цѣлью стали учреждаться въ колоніяхъ центральнымъ правительствомъ школы, какъ для дѣтей бѣлыхъ, такъ и для негровъ. Но благодаря стараніямъ негровладѣльцевъ, въ эти смѣшанныя школы стали принимать только однихъ бѣлыхъ. Впродолженіи почти полустолѣтія на эти школы было истрачено Франціей около пяти миліоновъ франковъ, а выпущено было всего двѣнадцать молодыхъ негровъ; курсъ, впрочемъ, былъ въ этихъ училищахъ самый элементарный. Владѣльцы невольниковъ съумѣли отклонить всѣ попытки

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ КЕППЕНА.



Ѣду-ли ночью по улицѣ темной... (Стихотвореніе **Н. А. Некрасова.**)
Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

правительства, нѣсколько ограничить ихъ произволъ, стараясь смягчить наказанія, налагаемыя на провинившихся негровъ, и обезпечить ихъ матеріальную жизнь. Освобожденіе было необходимо. Но для этого методовъ было два: всеобщее одновременное освобожденіе посредствомъ одной законодательной мѣры и освобожденіе постепенное. Французское правительство воздерживалось отъ окончательнаго рѣшенія, но стремилось пока улучшить бытъ рабовъ, подчинить своему контролю всѣ дѣйствія владѣльцевъ; опредѣлить количество труда и отдыха, количество и качество пищи. Эти постановленія давали негру извѣстное количество свободнаго времени; ему давался участокъ земли; онъ могъ его обработывать, продавать, вообще распоряжаться имъ, какъ своею полной собственностью. Негръ могъ и откупиться по предварительному соглашенію со своимъ господиномъ. Рабъ вмѣсто пищи могъ требовать содержаніе деньгами. Тѣлесныя наказанія были ограничены 15 ударами кнута; тюремное заключеніе—15-ю днями. Но колоніальное правительство нашло возможность обойдти и эти мѣры. За каждый малѣйшій поступокъ налагалась высшая степень наказанія; негра, приговореннаго къ 15-ти дневному заключенію, по истеченіи срока наказанія освобождали на одинъ день, а потомъ снова сажали въ тюрьму. Впрочемъ, всѣ колоніи въ лицѣ своихъ депутатовъ согласились на эти требованія правительства, но не безусловно, а съ нѣкоторыми ограниченіями, сообразно съ мѣстнымъ характеромъ и мѣстными условіями быта.

Издать законъ еще недостаточно; надо имѣть силу, чтобъ примѣнить его на практикѣ, чего у центральнаго правительства долгое время не было. Явился цѣлый рядъ нарушеній, оставленныхъ почти безнаказанными, жилища исправлены не были, пища не улучшена, работа не облегчена. Въ случаѣ жалобы господинъ или оправдывался, или отдѣлывался легкимъ наказаніемъ; но потомъ, чтобы отбить у другихъ охоту жаловаться, виновникъ жалобы жестоко наказывался; на немъ господинъ вымѣщалъ всю свою досаду. Кнутъ не былъ уничтоженъ и если было уменьшено число ударовъ, то за то наказанія эти чаще примѣнялись.

Источниковъ рабства было два: рожденіе и новые вывозы изъ Африки. Второе было уничтожено раньше. Оставалось уничтожить первое. Кромѣ всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ у защитниковъ рабства, есть еще одинъ; это вознагражденіе за воспитаніе и обученіе. Даже у римлянъ, говорятъ они, былъ законъ, по которому пріемыши должны были отслужить двадцать пять лѣтъ пріютившему ихъ; для негровъ срокъ этотъ вѣченъ, онъ продолжается всю ихъ жизнь. Обычай, по которому дѣти рабовъ остаются рабами, уменьшаетъ число браковъ; если бы правительство рѣшилось освободить всѣхъ имѣющихъ родиться съ извѣстнаго срока, то и число браковъ между невольниками должно было увеличиться; правительство кромѣ этого постановленія могло бы мало-по-малу выкупать негровъ изъ рабства. До сихъ-же поръ французское правительство ограничивалось паліативными мѣрами, но рѣшительнаго шага, по примѣру Англіи, сдѣлать не хотѣло. Дѣйствительно, страннымъ кажется то, что торговля рабовъ запрещена въ Тунисѣ, а продолжаетъ существовать въ Алжирѣ.

Исторія рабства въ древности можетъ дать намъ не одинъ хорошій совѣтъ; для этого прослѣдимъ его положеніе у всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ древнихъ народовъ, не забывая, что роль историка не есть роль адвоката, а роль строгаго и безпристрастнаго судьи.

II.

Рабство на Востокѣ.

Рабство было основаніемъ всего древняго міра. Оно началось съ подчиненія сына власти отца, а жены власти мужа; но и рабы вначалѣ являются какъ бы членами семьи. У евреевъ были неоднократные примѣры, что свободные женились на своихъ рабыняхъ. Авраамъ, напр., съ согласія Сарры, родилъ сына отъ Агари, своей рабы; онъже безъ всякаго опасенія вооружаетъ нѣсколько сотъ рабовъ, чтобъ идти на освобожденіе Лота. У евреевъ рабство носило религіозный характеръ; Моисей самъ издаетъ нѣсколько постановленій касательно положенія раба; онъ между прочимъ узаконяетъ безусловную власть отца надъ своимъ семействомъ. Источниками рабства служили: война, рожденіе, торговля; средняя цѣна раба считалась 30 сикловъ (сиклъ равенъ приблизительно 1 руб.). Главнымъ образомъ рабами были иноплеменники; законодательство еврейское цѣлымъ рядомъ мѣръ старалось оградить отъ рабства собственно евреевъ, — для нихъ срокъ рабства полагался шесть лѣтъ; всѣ рабы единоплеменники освобождались въ такъ называемые суботніе годы. Вообще положеніе раба было довольно обезпечено: за убійство раба, налагалась смертная казнь; въ случаѣ, если господинъ ранитъ раба, то рабъ освобождался. Рабъ могъ всегда выкупиться. Былъ только одинъ случай, когда рабство дѣлалось вѣчнымъ. Это, если рабъ самъ отказывался отъ свободы по окончаніи срока своего рабства. Онъ, впрочемъ, не терялъ никакихъ правъ, могъ даже имѣть свою собственность и пользовался полною защитою закона.

Вступая въ сношенія съ другими сосѣдними государствами, евреи заимствовали отъ нихъ и нѣкоторые обычаи. Ихъ цари стали окружать себя страшной роскошью, завели себѣ огромные гаремы, для чего необходимо было имѣть евнуховъ; евнухи пользуясь большимъ довѣріемъ государей, нерѣдко достигали высшихъ должностей, занимали самыя видныя и почетныя мѣста. По закону Моисея въ суботніе и юбилейные годы должно было быть поголовное отпущеніе рабовъ; кромѣ этихъ сроковъ такія всеобщія освобожденія бывали и по обѣту всего народа, даваемаго иногда въ случаѣ счастливаго освобожденія отъ грозящаго бѣдствія. Мало-по-малу евреи стали отступать отъ моисеевыхъ постановленій и только живому слову пророковъ удавалось возстановить обязательное дѣйствіе моисеева закона и то подъ угрозою новыхъ грядущихъ бѣдствій.

Что касается до рабства въ Египтѣ, то надо замѣтить, что тамъ оно тѣсно связано съ государственнымъ устройствомъ. Все населеніе Египта дѣлилось на касты; старшими были жрецы и воины, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось правленіе, за ними идутъ земледѣльцы и ремесленники, составляющіе имѣніе касты. Кромѣ этихъ свободныхъ лицъ было еще много рабовъ, наполнявшихъ дворцы царей, жрецовъ и воиновъ, на что указываютъ изображенія, находимыя на египетскихъ памятникахъ. Источниками рабства были война, торговля и др. Невольниковъ привозили изъ Азіи и Греціи. Они составляли собственность или государства, или частныхъ лицъ. Въ первомъ случаѣ ихъ употребляли для разныхъ общественныхъ работъ, для прорытія каналовъ, осущенія болотъ, сооруженія пирамидъ и т. п. Долгое время рабами были евреи, но потомъ имъ удалось освободиться. Египтяне заключали съ сосѣдними государствами договоры объ возвращеніи бѣглыхъ рабовъ, которыхъ въ случаѣ поимки приговаривали къ извѣстному наказанію.

У индусовъ рабства въ строгомъ смыслѣ не было. У нихъ все общество дѣлилось на касты, какъ и въ Египтѣ, но дѣленіе это было строже, границы каждой касты были проведены точнѣе. Это дѣленіе было освящено религіею. Кастъ было пять: жрецы, воины, ремесленники и земледѣльцы,—къ послѣдней кастѣ принадлежали коренные жители Индостана, покоренные пришлыми арійскими племенами; они носили названіе судровъ; не имѣя никакихъ правъ, ни собственности, ни личныхъ, ихъ положеніе было весьма печально. Но еще ужаснѣе было положеніе такъ называемыхъ паріевъ,—дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ судровъ и женщинъ изъ другихъ кастъ. Эти паріи были, точно прокаженные, они не смѣли показываться по городамъ, жили въ лѣсахъ, питаясь кореньями травъ, дикими плодами и тѣмъ, что имъ изрѣдка приносили родственники.

Въ Китаѣ рабство явилось гораздо позднѣе. Впервые о немъ упоминается въ памятникѣ XII столѣтія. Въ рабство обращались государственные и уголовные преступники, а также и военноплѣнные; они составляли полную собственность правительства, хотя могли быть отчуждены и въ частныя руки. Слишкомъ быстрое приращеніе народонаселенія способствовало развитію рабства, тѣмъ болѣе, что власть отца семейства надъ ея членами была неограничена. Нѣкоторыя постановленія законодательства стремятся ограничить произволъ господина, вслѣдствіе чего положеніе рабовъ было довольно сносно, доказательствомъ этому служитъ, что мы нигдѣ въ исторіи Китая не встрѣчаемъ упоминанія о возстаніяхъ рабовъ. Къ тому-же свободный трудъ въ Китаѣ былъ очень дешевъ; рабочихъ рукъ много; держать рабовъ становится невыгоднымъ, ихъ охотно отпускаютъ на волю; такъ что само правительство должно было нѣсколько стѣснить это право и придумать мѣры для обезпеченія положенія этихъ вольноотпущенныхъ.

На памятникахъ, найденныхъ на мѣстѣ нахожденія древней Ниневіи, видны изображенія цѣлыхъ рядовъ невольниковъ съ цѣпями на рукахъ и ногахъ, съ кольцами на шеѣ. Они имѣютъ самыя разнообразныя положенія; нѣкоторыя несутъ на головѣ сосуды, у другихъ на спину навѣшены тяжести.

Изображенія царскихъ охотъ, домашняго быта богатыхъ и знатныхъ вельможъ свидѣтельствуютъ, что рабство въ Ниневіи было сильно развито. Наиболѣе видное мѣсто между рабами занимаютъ евнухи; многіе изъ нихъ достигли до высшихъ должностей, они иногда начальствовали надъ войскомъ. Въ Ниневіи было развито также многоженство и страненъ существовавшій тамъ обычай продавать невѣстъ съ публичнаго торга. Разъ въ годъ въ городахъ и селахъ собирали всѣхъ невѣстъ и деньги, вырученныя за продажу красивыхъ, шли на приданое некрасивымъ. Понятно, что при такомъ положеніи жены, она является полною рабой мужа.

Рабство существовало также и у народовъ иранскихъ, бактрянъ, мидянъ и персовъ. Про первыхъ мы имѣемъ мало свѣдѣній; знаемъ только, что у нихъ всѣ свободные, по закону Ману, дѣлились на жрецовъ, воиновъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Кромѣ свободныхъ были еще рабы. У мидянъ рабы составляютъ домашнюю прислугу вельможъ и царей. У персовъ на нихъ сначала возлагали сельскія работы, а потомъ и ремесла. Завоевавъ половину Азіи, Персія утратила свой прежній простой и строгій образъ жизни. Персидскіе цари и сатрапы окружаютъ себя неслыханною роскошью, цѣлыми толпами рабовъ, огромными гаремами, для которыхъ имъ необходимы евнухи; они доставляются изъ Ассиріи и Іонійскихъ городовъ. Эта торговля находилась преимущественно въ рукахъ грековъ; главный рынокъ былъ въ Ефесѣ. Въ Персіи каждый годъ былъ такъ называемый праздникъ рабовъ, на которомъ господа прислуживали своимъ невольникамъ. Онъ продолжался пять дней. Изъ рабовъ выбирался главный распорядитель праздника, по окончаніи котораго его распинали на крестѣ; обыкновенно онъ выбирался изъ уже осужденныхъ на смерть. Положеніе рабовъ было очень тяжело въ Персіи; они постоянно возмущались. Изнѣженные персы стали постепенно отказываться отъ всякаго труда, даже военную службу поручили рабамъ и наемнымъ греческимъ дружинамъ; даже персидская конница почти исключительно состояла изъ рабовъ. Все это послужило причиной паденія персидскаго царства и объясняетъ легкость, съ которою Александръ Македонскій завоевалъ Персію.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова**.

(*Продолженіе.*)

VII.

Огонь и вода.

Первобытное обожаніе всепожирающаго, всеочищающаго и всесогрѣвающаго огня до сихъ поръ отзывается въ обычаѣ креститься при зажиганіи вечеромъ лучины или свѣчи, если же огонь долго не вздувается, то говорятъ: «святой огонешекъ, дайся намъ». Плевать на огонь—большой грѣхъ; у виновнаго въ этомъ на языкѣ и на губахъ вскакиваютъ прыщи, огники, а кто бросаетъ въ огонь разныя нечистоты, тотъ паршивѣетъ. Лучину или свѣчу должно гасить съ благоговѣніемъ губами, нагаръ снимать пальцами, уцѣлѣвшій остатокъ бережно класть на мѣсто, бросать же лучину на полъ или затаптывать ногами—грѣхъ, за который виновные караются пожаромъ. Въ тверской губ. того, у кого загорѣлась изба, пока пожаръ не кончится, не пускаютъ въ другіе дома, а гонятъ дальше отъ жилья, чтобы мстящее и преслѣдующее его пламя послѣдовало за нимъ. Въ самарской губ. думаютъ, что тушить пожары грѣшно, въ другихъ же мѣстахъ это относится только къ пожарамъ отъ небеснаго огня, молніи. Въ черниговской губ. при пожарѣ выносятъ квашню, кладутъ въ нее хлѣбъ-соль, ставятъ икону и молятся. На Волыни выносятся хлѣбъ-соль и святая вода, все это ставится на столъ, съ которымъ знахарка обходитъ вокругъ горящаго зданія и шепчетъ: «Ой, ты огню пожаданый, изъ неба намъ зосланый, не разходься ты, якъ дымъ, бо такъ приказавъ тоби Божій Сынъ!» Другое заклятіе: «Витаю *) тебе, гостю, замовляю тебѣ, гостю! Пришовъ Господь въ міръ, міръ его не познавъ, а святой огонь слугою своимъ назвавъ; Господь на небо вознесся, за Господомъ и слуга —святой огонь понесся». Во время пожара зажигаютъ крещенскія, четверговыя или вѣнчальныя свѣчи. Вечеромъ въ чистый четвергъ стараются донести горящими домой изъ церкви свѣчи и пламенемъ ихъ выжигаютъ кресты на притолкахъ и матицахъ, что предохраняетъ отъ молніи. Эти свѣчи зажигаются иногда при трудныхъ родахъ, что указываетъ на связь огня съ чадородіемъ. Молодые, возвращаясь отъ вѣнца, переѣзжаютъ черезъ разложенную въ воротахъ горящую солому, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на другой день прыгаютъ черезъ огонь, первую же кудель, за которую примется молодая, зажигаютъ. Въ витебской губ. на Срѣтенье каждый хозяинъ освящаетъ себѣ свѣчу и хранитъ ее въ амбарѣ, а во время посѣва и жатвы выноситъ въ поле. При посѣвѣ крестьяне не даютъ другимъ огня, чтобы не было неурожая, тотъ же, кому удастся выпросить себѣ огня, будетъ имѣть хорошій урожай. Кто никогда не отказываетъ сосѣдямъ въ горячихъ угольяхъ, тотъ обѣднѣетъ. Огонь цѣлебенъ. Отъ родимца или веснухи у ребенка зажигаютъ четверговую свѣчу, отъ головной боли дѣлаютъ свѣчу по мѣркѣ головы и ставятъ въ церкви; отъ сыпей и коростъ высѣкаютъ надъ болячками искры. Ребенка, больного сухоткой или собачьей старостью (стѣнь) до 3 разъ всовываютъ на лопатѣ въ устье истопленной печки, при чемъ бабу, дѣлающую это, другая, стоящая подъ окномъ, спрашиваетъ: «что печешь?» «Стѣнь пеку, сушецъ запекаю». Подобнымъ-же образомъ перепекаютъ грыжу и гнетуницу. 30 сентября, по окончаніи уборки хлѣба, сожигаютъ соломенныя постели и старые лапти, скачутъ черезъ разведенное пламя и окуриваются отъ чаръ и болѣзней. На Ивановъ день съ той-же цѣлью сожигаютъ въ лѣсу рубахи и прыгаютъ черезъ костры. Въ курской губ., если умираютъ новорожденныя дѣти, мать купается на дровосѣкѣ, рубитъ топоромъ свою рубашку и тутъ-же сжигаетъ ее. Подобно тому, какъ у евреевъ обрѣзаніе совершается каменнымъ ножемъ, изобрѣтеніемъ каменнаго вѣка, у насъ особенно уважается огонь, добытый первобытнымъ способомъ тренія дерева,—живой огонь, царь-огонь. Имъ зажигаютъ купальскіе костры, черезъ которые крестьяне перегоняютъ скотъ и прыгаютъ сами для здоровья. При эпидеміяхъ служится молебенъ, свѣчи и кадило для котораго зажигаются живымъ огнемъ, добытымъ треніемъ одного дубоваго полѣна о другое; изъ церкви огонь этотъ разносится по домамъ на свѣчкахъ. При скотскомъ падежѣ послѣ молебна роютъ канаву, набрасываютъ въ нее шерсть, сухія кости, кожаные обрѣзки и, зажигая все это живымъ огнемъ, перегоняютъ черезъ него стадо.

Паралель живому огню составляетъ сказочная живая вода, въ которой олицетворено понятіе о чудодѣйственной цѣлебной силѣ этой стихіи. Жители восточной Сибири до сихъ поръ молятся Святому Морю, Байкалу и боятся называть его озеромъ, а когда Ангара зимою долго не стаетъ, старухи бросаютъ въ нее краюшки хлѣба съ солью, чтобы она не мучилась. Донъ Ивановичъ, веселый Дунай, Волга матушка, старый чародѣй (волхвъ) Волховъ—всѣ эти названія — остатки древняго олицетворенія и обожанія рѣкъ. О Волгѣ и Вазузѣ въ тверской губ. разсказываютъ: «Волга съ Вазузой долго спорила, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе большаго почета. Спорили-спорили, другъ друга не переспорили и рѣшились вотъ на какое дѣло. «Давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придетъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе, и почету достойнѣе. Легла Волга спать, легла и Вазуза. Ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и прямѣе и ближе и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу, да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. И до сихъ поръ Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна». Въ тульской губ. ходитъ разсказъ о Шатѣ и Донѣ, вытекающихъ изъ Иванъ-Озера: У Иванъ-Озера было 2 сына: Шатъ и Донъ, почему послѣдній и называется въ пѣсняхъ Ивановичъ. Шатъ, противъ воли родительской, захотѣлъ погулять въ чужедальнихъ сторонахъ, отправился странствовать, но куда ни приставалъ—нигдѣ его не принимали; прошатавшись безъ пользы, воротился онъ домой. Донъ-же, за свою постоянную тихость («тихій Донъ»), получилъ родительское благословеніе и смѣло пустился въ дальнюю дорогу. На пути повстрѣчалъ онъ во̀рона и спросилъ: куда онъ летитъ? — Къ синему морю, отвѣчалъ воронъ. «Отправимся вмѣстѣ!» Вотъ достигли они моря. Донъ подумалъ: если нырну черезъ все море, то и его утащу за собою. «Воронъ! сказалъ онъ, сослужи мнѣ службу: я нырну въ море, а ты полетай на другую его сторону, и какъ скоро долетишь до берега — каркни». Донъ нырнулъ въ море, воронъ полетѣлъ, каркнулъ, да слишкомъ рано; Донъ такъ и остался, какимъ его видимъ». Рѣки требуютъ жертвъ себѣ и р. Смородина въ былинѣ говоритъ подъѣхавшему къ ней молодцу:

«Я скажу тѐ быстра рѣка, добрый молодецъ,
Я про броды конинные, про мосточки калиновы,
перевозы частые:
Со броду конинаго я беру по добру коню,
Съ перевозу частаго по сѣделечку черкескому,
Со мосточку калинова по уда̀лому молодцу;
А тебя безвременнаго молодца—
Я и такъ тебя пропущу».

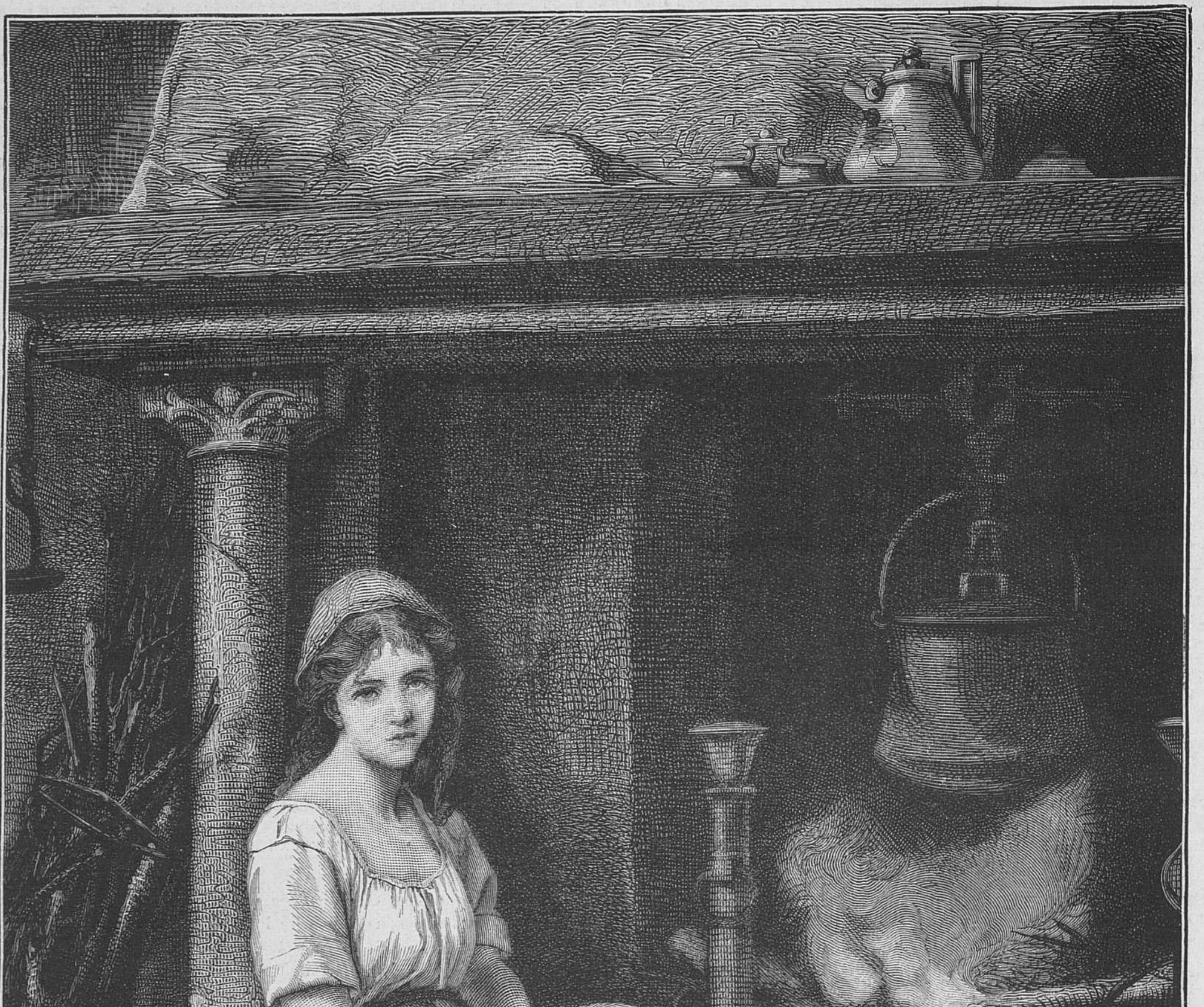
О самовольныхъ утопленникахъ выражаются: «чорту баранъ». Однажды пьяный Разинъ, плывя по Волгѣ, сказалъ: «Ахъ ты, Волга матушка, рѣка великая, много ты дала мнѣ и злата, и серебра, и всякаго добра, ты меня вскормила и взлелѣяла, славою и честью надѣлила, а я еще ничѣмъ тебя не благодарствовалъ! На-жъ тебѣ, возьми!» И съ этими словами онъ бросилъ въ рѣку свою любовницу персіянку. Въ родники и озера, считаемые святыми, больные послѣ омовенія бросаютъ деньги, кольца, серьги, а напоивъ ключевою водою лошадей, кладутъ серебряную монету. Во владимірской губерніи особенно цѣлебными встрѣчаются воды 2 рѣкъ при ихъ сліяніи; выкупавшись въ нихъ, крестьяне оставляютъ на сосѣднихъ кустахъ кресты, лоскуты, ленты. Цѣлебныя свойства приписываются особенно ключевой водѣ; многіе родники, по народному вѣрованію, произошли отъ громового удара. Въ новгородскомъ кремлѣ у древнихъ псковскихъ воротъ есть родникъ, изъ котораго по утрамъ обливаются водою больные лихорадкой. Въ воронежской губ. больныхъ носятъ къ родникамъ, раздѣваютъ ихъ, окачиваютъ водой и надѣваютъ чистое бѣлье, иногда больной только умывается и, вытершись принесенною тряпицею, вѣшаетъ ее у колодца: когда она истлѣетъ, то съ нею сгніетъ и болѣзнь. Въ могилевской губ. въ случаѣ болѣзни ставятъ у родника крестъ. Отъ сухотки дѣтей купаютъ въ водѣ изъ 9 колодцевъ и посыпаютъ слѣдъ золою изъ 7 печей. Отъ сглазу рано утромъ идутъ за водой на ключъ, возвращаются, не оглядываясь, потомъ кладутъ въ воду горячіе угольки, соль и печную глину и вспрыскиваютъ или обливаютъ больного, приговаривая: «съ гуся вода, съ лебедя вода—съ тебя худоба!» Особенная цѣлебная сила приписывается весенней, живой водѣ. На пасху собираютъ снѣгъ, солятъ четверговою солью, топятъ въ горшкахъ и обливаютъ скотъ, въ предохраненіе отъ болѣзней. Мартовскимъ снѣгомъ и больныхъ лѣчатъ, и окропляютъ сады и ульи, чтобы лучше роились пчелы и червь не трогалъ садовъ. Въ чистый четвергъ купаются въ прудахъ и рѣкахъ передъ восходомъ солнца въ предохраненіе отъ болѣзней, а въ крещенскій сочельникъ—отъ святочнаго оскверненія. Чтобы лошадь полнѣла, ее поятъ съ серебра ключевою водой. Въ астраханской губ. во время падежей скотъ перегоняютъ черезъ проточную воду. Вода смываетъ и болѣзни и чары, какъ говорится въ заклятіяхъ: «матушка-вода, обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣлъ-горючъ камень своей быстриной и золотой струёй. Обмой-ка ты съ раба божія (имя рекъ) всѣ хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу; понеси-ка (ихъ), матушка быстра

---

*) Привѣтствую.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БЕРТРАНА.

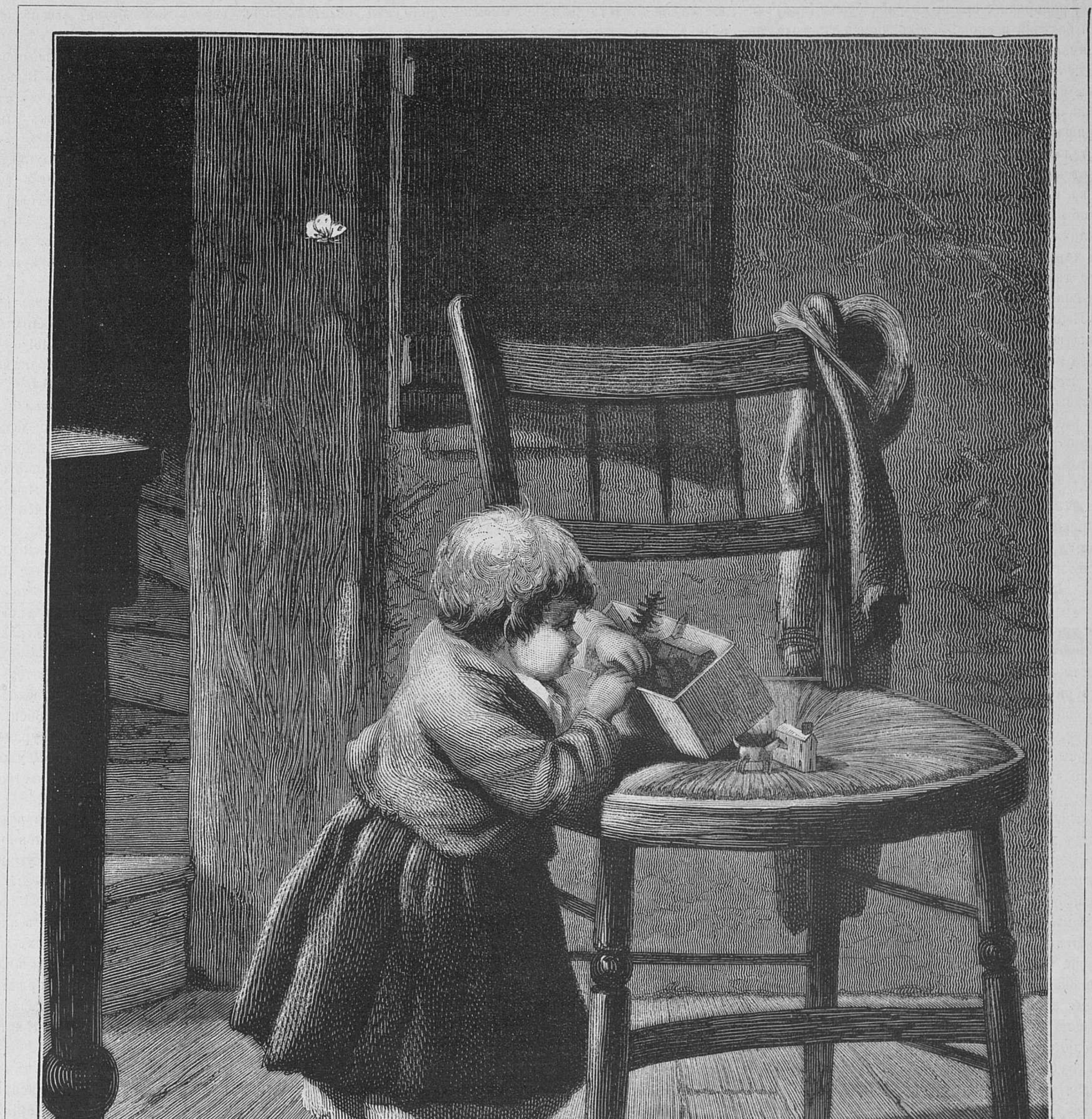


Золушка.

Рѣзалъ на деревѣ Жоннаръ въ Парижѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ДЖ. ДЭВИСА.


John S Davis
Jonnard

Разрушитель.

Рѣзалъ на деревѣ Жоннеръ въ Парижѣ.

рѣка, своей быстриной, золотой струёй въ чистое поле, зимнее (синее?) море, за топучія грязи, за зыбучія болота, за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ». «Матушка святая водица, родная сестрица! бѣжишь ты по пенькамъ, по колодамъ, по лузямъ, по болотамъ, и бѣжишь чисто, непорочно; сними съ раба божья (имя) всякія болѣзни и скорби». «Очищаешь ты, вода явленная, и луга, и берега, и середину; очищай ты, вода явленная, моего нарожденнаго (младенца) отъ призора подуманна и погаданна». Одинъ мельникъ продалъ свою дочь дьяволу; когда пришло время расчета, дѣвушка умыла руки и осталась спокойною. Явился дьяволъ, но не въ состояніи былъ къ ней приблизиться; съ гнѣвомъ приказалъ онъ мельнику: «унеси всю воду, чтобы не могла она умываться!» Мельникъ исполнилъ приказаніе. На другое утро снова явился чортъ, но по прежнему безъ успѣха; потому что дѣвушка прослезилась на руки — и онѣ были совершенно чисты.

Еще болѣе имѣетъ значенія оплодотворящая сила воды. Въ древности, по свидѣтельству одного акта XI в., во время засухи приносили водѣ жертвы. Въ корсунскомъ уѣздѣ во время бездождія старухи и дѣвицы идутъ съ иконами къ роднику и роютъ подлѣ него землю; если онѣ доροются до новаго ключа — скоро будетъ дождь. Въ другихъ мѣстахъ, при крестномъ ходѣ къ роднику во время засухи, мужчины и женщины обливаются ключевой водой. Въ курской губ. бабы, собираясь къ рѣкѣ, бросаютъ въ воду проходящихъ или, по крайней мѣрѣ, окачиваютъ ихъ съ ногъ до головы. Мѣстами считаютъ нужнымъ выкупать послѣ молебна попа. Передъ посѣвомъ, ради урожая, смачиваютъ по утрамъ зерна ключевою водой. Подобно тому, какъ въ древности дѣвицъ умыкали у воды, въ витебской губерніи парни-раскольники вмѣсто вѣнчанья съ своими невѣстами объѣзжаютъ трижды вкругъ озера, считаемаго священнымъ. Вѣщая сила воды выражается въ гаданьяхъ. Въ лунныя святочныя ночи дѣвицы ходятъ смотрѣть въ проруби своихъ суженыхъ. Въ одной пѣснѣ вдова, жена и дѣвица спрашиваютъ колодезъ и онъ отвѣчаетъ имъ, какъ оракулъ. Въ среду на 1-й недѣлѣ великаго поста ходятъ къ родникамъ и рѣчкамъ прислушиваться, какъ шумитъ вода: если она шумитъ, какъ мельничный жерновъ, то лѣтомъ будутъ большія грозы. 30 ноября слушаютъ у рѣкъ, озеръ и колодцевъ, выводя изъ шума, будетъ-ли зима умѣренная или суровая. На святкахъ надъ водой гадаютъ съ подблюдными пѣснями. Давая здоровье, орошая землю, вѣщая о будущемъ, вода еще даетъ человѣку обильную пищу и обогащаетъ его посредствомъ золотой рыбки, сказанія о которой особенно развиты и распространены въ рыбообильной новгородской области:

Шла щука изъ Новагорода,
Она хвостъ волокла изъ Бѣлаозера;
Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченая;
Какъ у щуки спина жемчугомъ сплетена,
Какъ головка у щуки унизанная,
А на мѣсто глазъ дорогой алмазъ.

Китъ-же, держащій землю на хребтѣ своемъ, въ народномъ эпосѣ имѣетъ связь съ распространеннымъ по всей землѣ варіантомъ солнечнаго мифа: «Былъ у мужика (говоритъ сказка) мальчикъ семилѣтокъ — такой силачъ, какого нигдѣ не видано и не слыхано! Послалъ его отецъ дрова рубить; онъ повалилъ цѣлыя деревья, взялъ ихъ словно вязанку дровъ и понесъ домой. Сталъ черезъ мостъ переправляться, увидала его морская рыба — китъ (по другому списку рыба — щука), разинула пасть и сглотнула молодца со всѣмъ какъ есть — и съ топоромъ, и съ деревьями. Мальчикъ и тамъ не унываетъ, взялъ топоръ, нарубилъ дровъ, досталъ изъ кармана кремень и огниво, высѣкъ огня и зажегъ костеръ. Не въ моготу пришлось рыбѣ: жжетъ и палитъ ей нутро страшнымъ пламенемъ! Стала она бѣгать по синю морю, во всѣ стороны такъ и кидается, изъ пасти дымъ столбомъ — точно изъ печи валитъ; поднялись нá морѣ высокія волны и много потопили кораблей и барокъ, много потопили товаровъ и грѣшнаго люду торговаго; наконецъ, прыгнула та рыба высоко и далеко, пала на морской берегъ, да тутъ и издохла. Четверо сутокъ работалъ мальчикъ топоромъ, пока прорубилъ у ней въ боку отверстіе и вылѣзъ на вольный бѣлый свѣтъ».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Великая пѣвица.

Историческая повѣсть **Луизы Мюльбахъ**. Переводъ **А. Качоровской**.

(Продолженіе.)

Глава IV.

Праздникъ въ замкѣ Аустерлицъ.

На другое утро передъ дворцомъ князя Кауница стояло дорожное ландо; не смотря на холодный, весенній воздухъ, стѣнки его были откинуты такъ, что каждый могъ видѣть сидящихъ въ экипажѣ. Масса народа толпилась у подъѣзда и съ любопытствомъ осматривала блестящій экипажъ, задавая себѣ вопросъ: самъ-ли князь займетъ въ немъ мѣсто? Жители Вѣны горѣли желаніемъ видѣть князя Кауница, могущественнаго государственнаго канцлера, передъ которымъ, какъ носились слухи, склонялась сама императрица. Трудно было увидѣть князя, который, боясь малѣйшаго вѣтра, ѣздилъ обыкновенно въ закрытомъ экипажѣ, закутанный, съ высокоподнятымъ воротникомъ.

Еще двѣ кареты подъѣхали ко дворцу князя. Изъ первой выпрыгнулъ высокій, сухощавый мужчина.

— Это графъ Дурацо, директоръ театровъ, послышалось въ толпѣ.

Дурацо поспѣшилъ ко второму экипажу и открылъ дверцу, отстранивъ лакеевъ, выбѣжавшихъ изъ дворца князя. Изъ экипажа выпорхнула прекрасная женщина. Графъ Дурацо подалъ ей руку и ввелъ во дворецъ.

— Это Габріэли, пріятельница князя Кауница, послышался шопотъ въ толпѣ и начались разсказы о томъ, какъ императрица, ни съ того ни съ сего, дала отставку директору театровъ и, разгнѣванная за что-то на пѣвицу, запретила ей пѣть вчера вечеромъ и выгнала ее изъ Вѣны.

— А она все-таки здѣсь? спросилъ какой-то любопытный, — и князь Кауницъ осмѣливается ее принимать?

— Да, потому что князь могущественнѣе самой императрицы, и...

Внезапно всѣ смолкли. Въ дверяхъ дворца, окруженный дежурными офицерами, показался князь Кауницъ, закутанный въ шинель, но менѣе обыкновеннаго. По ковру, протянутому отъ подъѣзда, князь дошелъ до экипажа, лакеи поспѣшно спустили подножку; но князь остановился у дверецъ, выжидая кого-то. Появилась завернутая въ великолѣпный, зеленый, бархатный, обшитый горностаемъ бурнусъ, синьора Габріэли подъ руку съ графомъ Дурацо. Кауницъ подалъ ей руку и помогъ ей сѣсть въ ландо, потомъ послѣдовалъ за нею и сѣлъ рядомъ; Дурацо помѣстился противъ нихъ. Экипажъ медленно тронулся съ мѣста. Съ изумленіемъ собравшаяся толпа увидѣла князя Кауница въ открытомъ экипажѣ, сидѣвшаго рядомъ съ пѣвицей, которая по приказанію императрицы должна была немедленно оставить Вѣну; въ томъ-же экипажѣ находился графъ Дурацо, уволенный отъ должности. Разсказъ о такомъ неслыханномъ событіи облетѣлъ весь городъ и возбудилъ всеобщее любопытство.

Между тѣмъ, дорожный экипажъ князя продолжалъ медленно катиться по улицамъ Вѣны, такъ что каждый могъ видѣть князя рядомъ съ прекрасной пѣвицей. Наконецъ экипажъ выѣхалъ за городъ и покатилъ быстрѣе.

— Остановите карету! приказалъ Кауницъ.

— Полагаю, продолжалъ онъ, обращаясь къ Габріэли, — я достаточно вытерпѣлъ! Теперь можно закрыть карету.

И, ежась отъ холода, онъ откинулся въ самый уголъ. Лакеи подняли стѣнки экипажа и закрыли окна.

— Слава Богу, сказалъ Кауницъ, кутаясь въ шинель, — ради васъ я натерпѣлся сегодня; будетъ чудо, если я не захвораю серьезно!

Габріэли порывисто обняла обѣими руками шею князя и поцѣловала его въ лобъ.

— Благодарю, вы великодушны, геніальны, отважны мой другъ! для меня вы пошли даже противъ самого воздуха! Дайте еще разъ поцѣловать васъ, говорила Габріэли, прикасаясь своими губами къ губамъ князя. — О, князь, вы придумали великолѣпно; вся Вѣна узнаетъ, что вы ѣхали въ открытомъ экипажѣ съ изгнанницей и съ человѣкомъ, впавшимъ въ немилость. Воображаю, какія уморительныя физіономіи скорчатъ патеръ Порхамеръ и его друзья.

— Я думаю, вы можете быть довольны мною, сказалъ Кауницъ, на губахъ котораго играла слабая улыбка.

— Кромѣ васъ никто въ Вѣнѣ не рѣшился бы показать императрицѣ, что она поступила несправедливо и тѣмъ доставить намъ обоимъ блестящее удовлетвореніе, сказалъ графъ Дурацо.

— Это еще не все, отвѣчалъ канцлеръ, улыбаясь. — Я обѣщалъ Габріэли полное удовлетвореніе и она будетъ имѣть его.

Нѣсколько позднѣе выѣхалъ изъ города рядъ экипажей. Въ первой, большой, позолоченной каретѣ ѣхала императрица со своимъ супругомъ Францомъ-Стефаномъ и двумя дочерьми, эрцгерцогинями: Христиной и Елизаветой; во второй — эрцгерцоги: Леопольдъ и Максимиліанъ съ ихъ адъютантомъ графомъ Батіани; въ четырехъ-же остальныхъ помѣщались придворныя дамы и кавалеры. Проѣзжая мимо дворца ея старшаго сына, эрцгерцога Іосифа, императрица сказала:

— Очень жаль, что Іосифъ отказался ѣхать съ нами.

— И это вполнѣ естественно, отвѣчалъ императоръ: — онъ оплакиваетъ свою прекрасную супругу и я думаю, было бы не совсѣмъ пріятно видѣть, какъ легко онъ забываетъ свое горе. Потеря любимой жены очень тяжела для мужчины.

Говоря это императоръ взялъ руку своей прекрасной супруги и поцѣловалъ ее.

— Благодарю тебя, Францъ, за эти слова! сказала императрица. — Дѣти, запомните слова вашего отца; дай Богъ, чтобы ваши мужья думали точно такъ-же! Ты правъ, Францъ, судьба послала нашему Іосифу страшное горе, но Богъ дастъ, онъ превозможетъ его. Я все-таки была бы очень довольна, если бы Іосифъ ѣхалъ теперь съ нами къ Кауницу, гдѣ могъ бы немного развлечься.

— И ты въ самомъ дѣлѣ, надѣешься, Тереза, найдти развлеченіе въ старинномъ, мрачномъ замкѣ у чудака князя Кауница? сказалъ императоръ.

— Ну, конечно, мы немного поскучаемъ;

князь не будетъ стѣсняться, даже и съ нами. А впрочемъ, можетъ быть, мы и ошибаемся, Францъ.

Глава V.

Концертъ.

Только поздно вечеромъ императрица и ея свита въѣхали въ аллею замка Аустерлица, сопровождаемые лакеями съ зажженными факелами. Князь Кауницъ встрѣтилъ своихъ высокихъ гостей у дверецъ кареты императрицы и повелъ ее въ приготовленныя для нея комнаты.

— Ваше величество утомлены путешествіемъ и конечно желаете отдохнуть, сказалъ князь,— поэтому я не рѣшился обезпокоить васъ болѣе торжественной встрѣчей. Какъ вашимъ величествамъ, такъ и эрцгерцогинямъ, будетъ подано все нужное сюда. На завтра отложилъ я честь ознакомить моихъ высокихъ гостей съ паркомъ замка.

Онъ низко поклонился, поцѣловалъ руку императрицѣ, сказалъ нѣсколько словъ императору и вышелъ.

— Видишь, Тереза, промолвилъ императоръ,— начинается то, что я предсказывалъ; въ замкѣ Аустерлицѣ мы только гости князя Кауница и должны плясать подъ его дудку.

— Я думаю, Францъ, онъ будетъ наигрывать намъ очень скучную мелодію. Но разъ мы согласились на его приглашеніе, мы должны все вытерпѣть. Намъ нельзя было не исполнить желанія князя, который мудро провелъ насъ чрезъ всѣ несчастія и невзгоды, и помогъ намъ заключить довольно выгодный миръ. За это мы должны дѣлать bonne mine au mauvais jeu, какъ говорятъ французы. Я утѣшаюсь тѣмъ, что это всего на нѣсколько дней, и даю слово быть завтра цѣлый день съ веселымъ, довольнымъ лицомъ, не возмущаясь и не огорчаясь ничѣмъ!

— Я обѣщаю тоже самое; я ничѣмъ не буду огорчаться, иначе теперь уже я имѣлъ бы для этого причину, засмѣялся императоръ: — князь едва обратилъ на меня вниманіе и даже не подумалъ проводить меня въ мою комнату.

Дѣйствительно, онъ и не подумалъ объ этомъ. Князь прошелъ на свою половину, на противуположной сторонѣ замка, откуда до ушей императрицы не достигали звуки веселаго смѣха и болтовни. Габріэли находилась въ отличномъ настроеніи, а графъ Дурацо зналъ такъ много различныхъ исторій и анекдотовъ, что самъ князь забылъ свою обычную суровость и смѣшалъ свой веселый смѣхъ съ шумнымъ хохотомъ Катарины.

Императоръ Францъ былъ правъ. Настало утро, но съ нимъ не наступило веселости въ старинномъ замкѣ. Напрасно высокіе гости искали развлеченія въ паркѣ, столѣтнія деревья и обширные луга котораго оставались тихи и безмолвны; напрасно искали они его позднѣе на дворѣ замка въ шумѣ музыки крестьянъ и крестьянокъ, которые въ бѣлыхъ нарядахъ съ вѣнками на головахъ, танцовали національные танцы. Музыка звучала монотонно, а танцоры и танцорки, своими изумленными робкими фигурами, показывали ясно, что танцы не доставляли имъ ни малѣйшаго удовольствія.

Потомъ пришло время пышнаго, великолѣпнаго обѣда, за которымъ подавали дорогія кушанья и вина, но оживленіе и веселость по прежнему отсутствовали и императрица была довольна, когда подали десертъ и вслѣдъ за нимъ князь Кауницъ самъ подалъ знакъ вставать изъ-за стола, какъ будто за обѣдомъ не присутствовала императрица. Марія-Терезія смотрѣла на все снисходительно улыбаясь.

— Послѣ обѣда, сказалъ торжественно князь, обращаясь къ императрицѣ,—если ваше величество разрѣшите, послѣдуетъ цѣлованіе руки и пріемъ здѣшняго дворянства, а вечеромъ концертъ.

— Концертъ! вскричалъ весело императоръ, — о, князь, вы очень любезный хозяинъ. Вы знаете, что императрица, я и мои дѣти большіе любители музыки. Что услышимъ мы въ концертѣ, князь, и кто будутъ исполнители?

— Извините, ваше величество, это тайна, отвѣчалъ князь; — одно могу обѣщать, что вы услышите прекраснѣйшую музыку.

Все произошло по програмѣ князя: послѣ обѣда былъ пріемъ и послѣ цѣлованія руки все съѣхавшееся дворянство получило приглашеніе на концертъ. Въ концертной залѣ появились дамы, въ блестящихъ туалетахъ, убранныхъ бриліантами, а мужчины въ шитыхъ золотомъ мундирахъ или въ испанскихъ придворныхъ костюмахъ. Наконецъ, подъ руку съ княземъ Кауницемъ, вошла въ залу Марія-Терезія; за нею слѣдовали ея супругъ и эрцгерцогини. Молодыя дѣвушки, по желанію своей августѣйшей матери, одѣлись довольно просто: онѣ были въ красныхъ платьяхъ, вышитыхъ золотомъ и серебромъ и окаймленныхъ блондами. Ихъ лица не были подкрашены румянами, какъ того требовала мода, которой слѣдовала сама императрица. За эрцгерцогинями шли придворныя дамы, одинаково съ ними одѣтыя, а за ними кавалеры въ красныхъ, суконныхъ, вышитыхъ золотомъ кафтанахъ, съ зелеными жилетами.

Князь подвелъ императорскую чету къ двумъ кресламъ, стоявшимъ на возвышеніи подъ балдахиномъ; подлѣ помѣщались кресла поменьше для эрцгерцогинь, рядомъ съ которыми стояло кресло самого Кауница. Императрица подала знакъ рукою и всѣ дамы помѣстились на низенькихъ табуретахъ, а кавалеры остались стоять за ними.

— Ваше величество, разрѣшите начать концертъ? спросилъ Кауницъ.

— Князь, мы ваши гости, распоряжайтесь какъ найдете болѣе удобнымъ.

Кауницъ подалъ знакъ и послышались торжественные звуки интродукціи къ оперѣ «Орфей и Эвредика».

Императоръ и императрица внимательно слушали чудную музыку безсмертнаго Глюка. Глаза императрицы наполнились слезами: эту музыку любила эрцгерцогиня Елизавета, покойная супруга ея сына Іосифа. Императоръ также сдѣлался серьезенъ,

— Ахъ, почему на землѣ все такъ быстро проходитъ, умираетъ, отцвѣтаетъ! все: любовь, молодость, счастье! сказала со вздохомъ Марія-Терезія, обращаясь къ мужу.—То, что сегодня является намъ во всей своей молодой красѣ, завтра увядаетъ!

Музыка смолкла, императрица подала знакъ одобренія и вся зала огласилась громкими аплодисментами.

— Если ваше величество позволите, сказалъ Кауницъ,—я пойду за пѣвицей, которая будетъ имѣть честь пѣть передъ вашими величествами.

Марія-Терезія кивнула головой и князь быстрыми шагами прошелъ чрезъ залу.

— Императрица, шепнулъ ея мужъ,—надѣюсь, вы сдержите ваше обѣщаніе, останетесь до конца съ веселымъ лицомъ и вынесете спокойно все, что-бы ни придумалъ нашъ странный хозяинъ?

— Да, я останусь спокойна до конца; но почему вы меня объ этомъ спрашиваете, Францъ?

— Я предвижу, что случится непріятное для васъ; вы знаете, Кауницъ, упрямый, настойчивый человѣкъ, а мнѣ вчера кое-что разсказывали, чему я не хотѣлъ вѣрить, но это, вѣроятно, окажется правдой. Вы обѣщаете мнѣ не выказать своего неудовольствія даже въ томъ случаѣ, если князь вздумаетъ ввести сюда особу, которую вы изгнали изъ Вѣны?

— Ты думаешь, Францъ, что...

Императрица смолкла: дверь широко распахнулась и въ залу вошла подъ руку съ княземъ Катарина Габріэли. Она выглядѣла феей; серебристое платье, подхваченное гирляндами изъ цвѣтовъ, украшенное жемчугомъ и кружевами, очень шло къ ней. Бриліанты украшали низкій вырѣзъ ея таліи, горѣли на ненапудренныхъ, высоко зачесанныхъ волосахъ, блестѣли на ея шеѣ!

Марія-Терезія улыбалась, ни одна черта ея прекраснаго лица не выдала ея волненія и даже глаза ея не разгорѣлись сильнѣе, когда къ ней подошла пѣвица подъ руку съ Кауницемъ и низко поклонилась ей. Марія-Терезія слегка наклонила свою голову. Затѣмъ, поклонившись также императору и эрцгерцогинямъ, Габріэли взошла на небольшое, покрытое персидскимъ ковромъ возвышеніе, выдвинутое на средину залы. Князь подалъ ей ноты и остался стоять за нею.

Прелестнымъ, серебристымъ, звонкимъ голосомъ Габріэли пропѣла большую арію изъ новой оперы Глюка. Какъ музыка, такъ и пѣніе были полны вдохновенія и одушевленія; но Марія-Терезія не раздѣляла всеобщаго восторга. Она превозмогла себя, удержала улыбку на своемъ лицѣ, не выказала никому чувствъ, волновавшихъ ее, и только одинъ мужъ ея, по движенію ея груди, догадывался, какъ сильно раздражена его супруга.

— Прошу васъ, шепнулъ онъ ей, во время пѣнія,—соберите всѣ силы вашей возвышенной души и не доставьте этой пѣвицѣ удовольствія видѣть вашъ гнѣвъ!

— Вы правы, она не должна видѣть моего гнѣва.

— Но слѣдуетъ сознаться, Тереза, она поетъ восхитительно!

— Да, и это раздражаетъ меня вдвойнѣ, прошептала императрица;—онъ заставляетъ ее пѣть, чтобы доказать мнѣ мою несправедливость. И онъ не долженъ видѣть моего неудовольствія!

Пѣніе окончилось. Князь Кауницъ въ восторгѣ нагнулся, поцѣловалъ руку Габріэли и началъ громко аплодировать. Никто не осмѣлился послѣдовать его примѣру, потому что императрица, улыбающаяся и веселая, не шевельнула своихъ рукъ. Лобъ Кауница нахмурился, но локоны его параднаго парика опустились до бровей и никто не могъ видѣть его гнѣва. Затѣмъ онъ взялъ руку Габріэли и подвелъ ее, сіяющую молодостью и, красотою къ императрицѣ, которая продолжала улыбаться.

— Ваше величество, сказалъ громко Кауницъ,—надѣюсь, я доставилъ высокое музыкальное наслажденіе вашимъ величествамъ, и сдержалъ слово; я сказалъ, что вы услышите чудеснѣйшую музыку и драгоцѣннѣйшій голосъ, какіе только существуютъ въ настоящее время въ Европѣ, и вы слышали то и другое.

— Вы правы, князь, отвѣчала императрица,— эта новая музыка Глюка великолѣпна; его слѣдуетъ считать величайшимъ композиторомъ Европы.

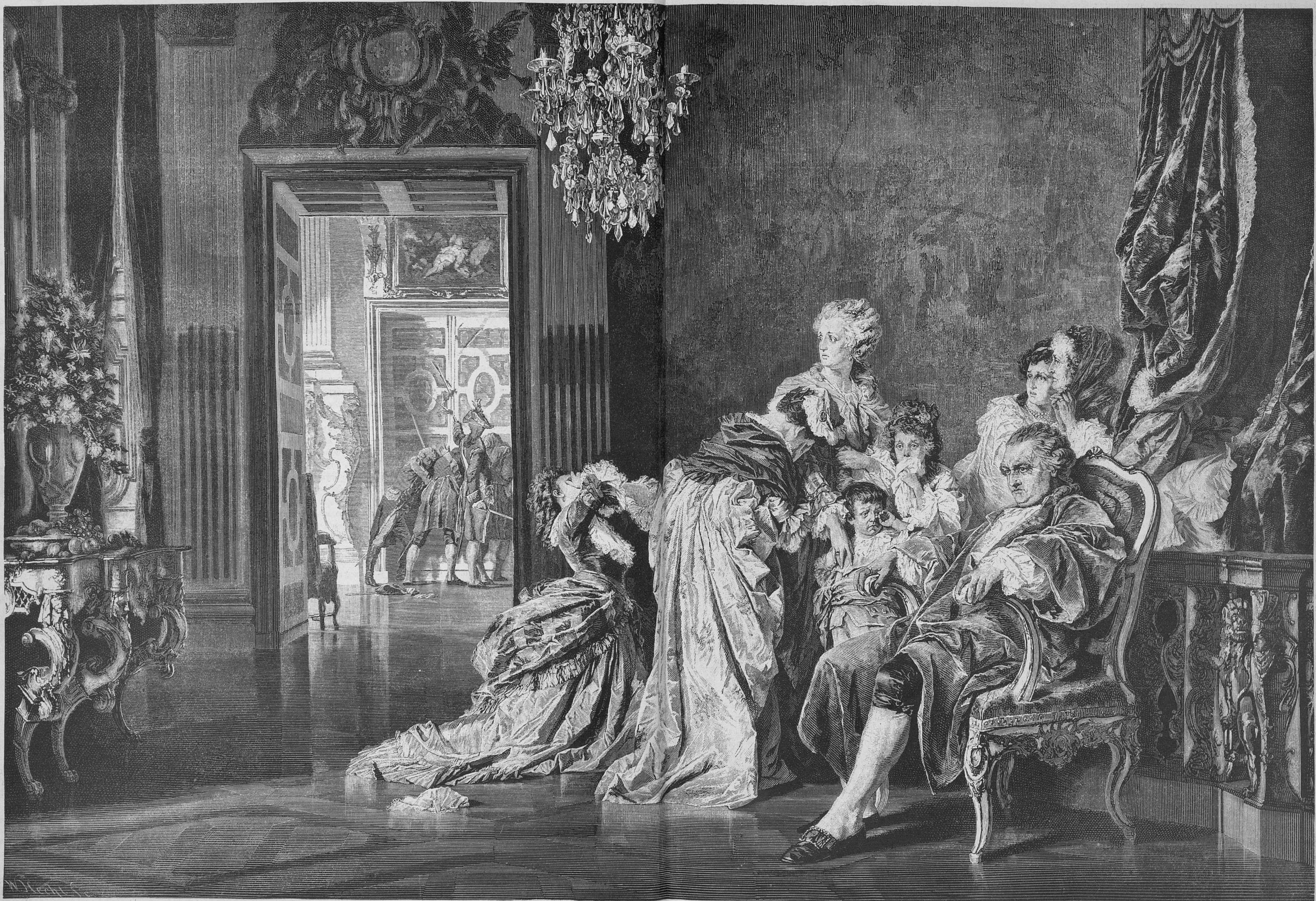
— И, добавилъ улыбаясь императоръ,—никто не исполняетъ эту музыку такъ прекрасно, какъ синьора Габріэли, придворная пѣвица ея величества императрицы русской. Если не ошибаюсь, синьора, вы ѣдете теперь въ Россію, и уже находитесь подъ покровительствомъ русской императрицы.

— Да, ваше величество, отвѣчала съ поклономъ Габріэли,—съ той минуты, какъ я покинула Вѣну, я состою подъ покровительствомъ русской императрицы и нахожусь въ замкѣ его свѣтлости, князя Кауница, какъ гостья.

— Синьора въ качествѣ моей гостьи, сказалъ Кауницъ,—исполнила мое желаніе и пѣла передъ вашими величествами.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БЕНСУРА.



Людовикъ XVI съ семьей во время революціи.

Рѣзалъ на деревѣ В. Гехтъ.

— Благодарю васъ, сказала императрица, едва замѣтно кивнувъ головой, — вы доставили намъ случай слышать прекраснѣйшую музыку. Я повторяю: выше Глюка нѣтъ и не будетъ композитора!

— И никто не исполнитъ эту музыку лучше синьоры Габріэли, сказалъ князь довольно громко, чтобы всѣ его слышали.

— Разрѣшите ваше величество синьорѣ спѣть арію Порпора, которую маэстро сочинилъ собственно для нея, своей ученицы.

— Исполняйте вашу програму, князь, до конца, мы слушаемъ, сказала императрица.

Кауницъ снова проводилъ Габріэли до возвышенія. Громко, могущественно, радостно, какъ пѣснь жаворонка или трель соловья, раздался голосъ пѣвицы въ бравурной аріи изъ оперы ея учителя Порпора. Такъ прекрасна была музыка, такъ блестяще исполненіе, что сама императрица, подъ впечатлѣніемъ артистическаго восторга, не могла удержаться и, едва Габріэли окончила пѣть, подала знакъ одобренія. Императоръ, послѣдовавъ ея примѣру, началъ громко аплодировать и вся зала, по этому знаку, огласилась шумными рукоплесканіями. Вторично подвелъ Кауницъ Габріэли къ императрицѣ, которая на этотъ разъ ласково поблагодарила пѣвицу за доставленное наслажденіе.

— Благодарю васъ, синьора, сказала императрица. Не успѣла она произнести этихъ словъ, отскочилъ замокъ одного изъ ея жемчужныхъ браслетовъ и драгоцѣнная вещица упала на землю, какъ разъ къ ногамъ пѣвицы.

Габріэли видѣла это хорошо, но не нагнулась, чтобы поднять браслетъ. Кауницъ, также замѣтившій паденіе браслета, нагнулся и поднялъ его.

— Кому ваше величество прикажете отдать браслетъ? спросилъ онъ.

Несмотря на румяна, было замѣтно, какъ поблѣднѣла Марія-Терезія, но все-же она продолжала улыбаться.

— Вамъ извѣстенъ, Кауницъ, отвѣчала она, — обычай нашего двора, по которому все, потерянное императрицей, принадлежитъ нашедшему потерю. Браслетъ вашъ, отдайте его кому хотите, напримѣръ, синьорѣ Габріэли, которая доставила намъ сегодня большое удовольствіе, давъ возможность услышать чудную музыку великаго Глюка.

Кауницъ съ улыбкой поклонился и, обращаясь къ пѣвицѣ, сказалъ:

— Синьора, императрица поручаетъ мнѣ передать вамъ этотъ браслетъ въ признательность за ваше искуство.

Но Габріэли не взяла браслета и посмотрѣла пристально на императрицу.

— Синьора, сказалъ нетерпѣливо Кауницъ, — вы понимаете, императрица поручаетъ мнѣ передать вамъ браслетъ.

— Нѣтъ, князь, возразила громко Габріэли, — я поняла только, что ея величество даритъ эту драгоцѣнную вещицу вамъ, какъ нашедшему ее, а вы предлагаете ее мнѣ. Но вы знаете, что я не придаю большого значенія бриліантамъ, такъ какъ у меня ихъ достаточно; но эта бездѣлушка имѣла-бы для меня громадную цѣну, если-бы ея величество императрица дѣйствительно назначила ее мнѣ и, если-бы сдѣлала милость, сказала мнѣ объ этомъ.

— Это назначено вамъ! вскричала императрица, немного громче, чѣмъ желала. — Возьмите этотъ браслетъ на память объ императрицѣ Маріи-Терезіи, которую вы, вѣроятно, больше никогда не увидите.

Императрица поднялась, показывая тѣмъ, что концертъ конченъ. Императоръ подалъ ей руку и провелъ черезъ залу на ея половину. Онъ чувствовалъ, какъ рука Маріи-Терезіи дрожала, слышалъ ея прерывистое дыханіе и спѣшилъ покинуть залу, чтобы никто не замѣтилъ волненія государыни.

Придя въ свои компаты, Марія-Терезія остановилась, восклицаніе гнѣва сорвалось съ ея губъ и ея золотой, осыпанный жемчугомъ, вѣеръ полетѣлъ на землю.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Артистическая пара.

Московскіе премьеры въ Петербургѣ.

Ст. И. Васильевскаго (Буквы).

Въ настоящее время одновременно гостятъ въ Петербургѣ двѣ знаменитости московскаго театра — Г. Н. Федотова и А. П. Ленскій. Это такая изящная и даровитая художественная пара, точно сейчасъ сошедшая съ выставочнаго полотна, такъ много въ ней увлеченія, свѣжести, правды и артистическаго огня, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи познакомить читателей «Живописнаго Обозрѣнія» съ нашими популярными и симпатичными гостями.

I.

Г. Н. Федотова смѣло можетъ считаться теперь первою русскою драматическою артисткою. Въ Москвѣ ей фактически и принадлежитъ главенствующее мѣсто; на петербургской сценѣ не представляется для г-жи Федотовой также никакой серьезной конкуренціи. Конечно, наша премьерша, г-жа Савина, — талантъ и талантъ недюжинный. Въ роляхъ извѣстной категоріи она обладаетъ несомнѣннымъ обаяніемъ: молодость, миловидность, женственность, грація и естественность берутъ свое. Это такіе двигатели, которые не оставятъ артистку въ тѣни. Но г-жа Савина сильна только природнымъ дарованіемъ; показной, образцовый репертуаръ ея очень не великъ; онъ исчерпывается всего только нѣсколькими пьесами, выдвигающими къ тому-же аналогичные образы героинь. Г-жа Савина бѣдна ролями. Это впрочемъ и понятно. Въ лицѣ г-жи Савиной не артистка восходитъ до какой угодно поставленной ей роли, но, наоборотъ, роль должна нисходить къ артисткѣ. Для хорошаго исполненія требуется, чтобы роль непремѣнно совпадала съ индивидуальностью г-жи Савиной. Я хочу сказать, что г-жа Савина по преимуществу увлекаетъ тогда, когда она остается на сценѣ г-жею Савиной. Она постоянно эксплуатируетъ только тѣ средства, которыя у нея имѣлись, имѣются и будутъ имѣться; не придаетъ отъ себя ничего новаго, оставляя въ сторонѣ довольно трудную задачу тщательной выработки типовъ разнаго склада и формаціи, и беретъ въ общемъ не умомъ, не высокою техникою, не тонкимъ и изощреннымъ знаніемъ драматическаго и актерскаго искуства, а простымъ умѣньемъ оставаться и на сценѣ такою-же, какою бываетъ она и за кулисами, въ своей будничной частной жизни. За послѣднее время мы помнимъ, напримѣръ, только двѣ дѣйствительно блестящія Савинскія роли: «Дикарку» въ пьесѣ Островскаго и «Маіоршу» въ пьесѣ г. Шпажинскаго. Не спорю, что и бытовая обстановка, и характеры, и драматическія положенія, и психически-моральный строй двухъ этихъ женскихъ типовъ разнствуютъ между собою. «Дикарка» моложе, хрупче, воспріимчивѣе и сдержаннѣе «Маіорши»; «Дикарка» едва складывающійся бутонъ, кокетливо выглядывающій изъ глухого зеленаго пороста; «Маіорша» — окрѣпшая и сложившаяся уже натура, цвѣтокъ, привольно расправившій и распустившій всѣ лепестки свои. Но если выискивать поглубже и повнимательнѣе причины и средства, которыми артистка въ обоихъ названныхъ роляхъ прельщаетъ и подкупаетъ зрителя, то окажется, что въ сущности и причины и средства эти одни и тѣже. И здѣсь и тамъ, и у Островскаго и у г. Шпажинскаго, насъ прельщаетъ лихой и своеродный, чисто русскій женскій характеръ, рядъ смѣлыхъ и тонкихъ переходовъ отъ мажорнаго къ минорному, сильная и натуральная окраска страстей и увлеченій, граціозность молодости и неподражаемая миловидность проказничающей баловницы. И здѣсь, и тамъ, мы видимъ не «Дикарку-Варю» и не «Маіоршу», воспроизводимыхъ г-жею Савиной, а г-жу Савину, принявшую въ разное время 2 разныя афишныя клички. Я отнюдь не имѣю намѣренія подрывать популярность у нашей петербургской, все-таки наиболѣе крупной и замѣтной, художественной силы. У г-жи Савиной несомнѣнно есть внутренняя искра таланта, но бѣда ея въ томъ, что она не могла или не умѣла раздуть этой искры до постоянно теплящагося въ артисткѣ огня и удовольствовалась только тѣмъ, что дала ей природа. Она, поэтому, правда, не регрессируетъ, но и не прогрессируетъ. Она распоряжается только процентами отъ своего неизмѣннаго капитала. Г-жа Савина слаба въ техникѣ, въ творчествѣ, въ мозговой анализующей и синтезирующей работѣ, а безъ этихъ данныхъ можно быть очень хорошею артисткою на театральныхъ подмосткахъ, но нельзя быть поразительной мастерицею въ театральномъ храмѣ.

Г-жа Федотова представляетъ собою совсѣмъ иное явленіе. Она на сценѣ уже лѣтъ 15, но не останавливается на дорогѣ труда и не старѣетъ въ художественномъ отношеніи. Несомнѣнно, что природа не пожалѣла для нея многихъ и цѣнныхъ даровъ своихъ. Природа дала г-жѣ Федотовой наружность привлекательную, красивую и представительную: ростъ болѣе чѣмъ средній, статную, пластично-сложенную фигуру, большіе черные глаза восхитительной игры, — глаза обладающіе нѣмою рѣчью, блескомъ, энергіею и выразительностью чувства; — маленькій, слегка одутловатый ротъ, богатые волосы цвѣта вороньяго крыла и открытое высокое чело. Природа дала г-жѣ Федотовой голосъ звучный, пріятный и растяжимый. Артистка безъ труда переходитъ отъ нотъ высокихъ, приподнятыхъ, ажитированныхъ, къ низкому регистру, столь важному и столь незамѣнимому въ мѣстахъ патетическихъ, душевныхъ и нервныхъ, — въ мѣстахъ, гдѣ ноющая болевая струна страждущей и мечущейся человѣческой души должна исполнять свое solo. Природа, затѣмъ, дала артисткѣ разнообразную жестикуляцію и разнообразную мимику. У г-жи Федотовой бездна граціи, женственности и изящности, а эти внутреннія качества во внѣшнемъ своемъ проявленіи и создаютъ соразмѣрность, красоту и выразительность жестовъ, какъ очень важнаго сценическаго подспорья, какъ дополнительныхъ истолкователей чувствъ, характеровъ, эпизодовъ и нравственныхъ состояній. Тоже слѣдуетъ сказать и о мимикѣ и гримировкѣ г-жи Федотовой: первая — всегда находитъ въ ея лицѣ всѣ тѣ линіи, движенія и физіономическія комбинаціи, которыя нужны для даннаго драматическаго момента, при данныхъ условіяхъ времени и мѣста, а вторая — гримировка и костюмировка — обличаютъ безукоризненный эстетическій вкусъ, знаніе жизни и пониманіе типовъ.

Но затѣмъ уже не природа, а сама г-жа Федотова дала себѣ ту артистическую мощь, въ отношеніи которой всѣ сейчасъ перечисленныя качества и данныя играютъ роль служебную и второстепенную. Артистка дала себѣ превосходную технику и строгую, дисциплинирующую и вырабатывающую талантъ, школу. Г-жа Федотова съ самаго начала своей дѣятельности сразу и горячо увѣровала въ непогрѣшимое осповоположеніе. Она увѣровала въ ту старую, но святую и незыблемую для театра истину, которую высказалъ еще Дидро: что истинный артистъ, не взирая на весь запасъ своихъ душевныхъ силъ, сколь богаты и воспріимчивы ни были-бы они, долженъ играть не чувствомъ, но умомъ. Росси, Сальвини, Сара Бернаръ, В. В. Самойловъ прежде всего—умъ, мастерство, техника, а потомъ уже природа и чувство. Чувство умѣетъ повторяться и, вслѣдствіе этого, вульгаризироваться, постоянно отливаясь въ болѣе или менѣе сходныя и однообразныя формы. Чувство, слушающееся только чувства, не въ состояніи дать большихъ средствъ исполнителю. Чувство можетъ награждать артиста или артистку великолѣпными, захватывающими моментами; оно способно вызывать восторги въ разныхъ сценическихъ переломахъ и душевныхъ кульминаціяхъ, но оно не въ силахъ такъ послѣдовательно, такъ подробно и такъ трудолюбиво выработать роли или типа, чтобы послѣдній прельщалъ не только своею яркостью и душевною отзывчивостью, но еще и своимъ внутреннимъ единствомъ, своею округленностью и законченностью, доведенными до мельчайшихъ подробностей. Это уже дѣло ума и техники. И вотъ истинная сила г-жи Федотовой не только въ ея природныхъ данныхъ, какъ у г-жи Савиной, но еще въ ея умѣ и техникѣ. Она такъ же создаетъ свои роли, какъ художникъ пишетъ картину или белетристъ—повѣсть. Для нея нѣтъ въ роли ни казовыхъ моментовъ, ни дополнительнаго баласта. Она переноситъ жизнь на сцену, а въ жизни все разумно, все имѣетъ свой вѣсъ, смыслъ и значеніе. Съ перваго выходного шага и до послѣдняго занавѣснаго паденія, г-жа Федотова старается стоять на одной и той-же высотѣ, т. е. олицетворять, истолковывать и обобщать типъ, слагая его изъ тысячныхъ штриховъ, черточекъ свѣтовыхъ пятенъ и пятнышекъ. Оттого-то игра г-жи Федотовой совершенно приковываетъ зрителя. Зритель весь на сценѣ, ибо каждый моментъ служитъ тамъ у г-жи Федотовой развитіемъ предъидущаго, объясненіемъ настоящаго или причиною для послѣдующаго. Въ «La dame aux camélias», въ этой искуственной и форсированной пьесѣ, предъ вами въ лицѣ г-жи Федотовой глубоко врѣзывающійся въ память типъ безвременно павшей и не во время воскреснувшей жертвы порока, безцѣльности, душевной пустоты,—жертвы, торговавшей любовью безстыдства и погибшей отъ пламени объявшей ее любви святой и чистой. Кто видѣлъ г-жу Федотову въ этой роли, тотъ не забудетъ ни объясненій ея съ отцемъ любимаго человѣка,—объясненій, въ которыхъ, точно въ калейдоскопѣ, поочередно мѣняются безнадежныя чувства и переходы;—ни дѣйствительно подавляющаго момента прощанія героини съ Арманомъ Дювалемъ. Вы чувствуете, что несчастная героиня Дюма-сына должна быть именно такою, какою показываетъ ее вамъ артистка. Въ шекспировской комедіи («Много шуму изъ ничего»),—въ этомъ геніальномъ фарсѣ трагика, ставшаго комикомъ,—г-жа Федотова съ такимъ-же совершенствомъ, съ такою-же полнотою и законченностью воспроизводитъ типъ Беатриче, легкокрылой, беззаботно проказничающей вертушки и хохотушки,—Беатриче, которая точно наслаждается на сценѣ своимъ веселіемъ и беззаботностью, своею искренностью и шаловливою пустотою, и въ которой видно, какъ случайно запавшая искорка любви превращаетъ наивную дѣвочку въ захваченную трепетомъ страсти женщину. Въ «Нищихъ духомъ»,—въ этой бульварно-мелодраматической натяжкѣ, гдѣ все такъ топорно-грубо, такъ банально и такъ заурядно,—игра г-жи Федотовой совсѣмъ передѣлываетъ драму. Недостатки пьесы исчезаютъ предъ высокими достоинствами исполненія, пьеса точно раздваивается; въ ней какъ будто участвуетъ, съ одной стороны, безцвѣтная толкучка актеровъ и актрисъ, собранныхъ на подмосткахъ по щучьему велѣнію автора, а съ другой—живая, страстная, въ мѣру утрированная и художественно вдоль и поперегъ расчерченная героиня, которая какъ-бы случайно вошла въ эту пьесу и освѣтила ея скучные и безтолковые лабиринты только своимъ личнымъ блескомъ. Возлѣ нея—ходули, неправда, маріонетки, глотаніе кинжаловъ, лопаніе ракетъ, трескучая и подмалеванная театральщина, словомъ, фальшь и плоскость, а въ ней—жизнь, типъ и горѣніе духа!

Такова сила крупнаго и дѣйствительнаго таланта. Онъ не только умѣетъ брать то, что ему даютъ. Онъ перерабатываетъ данное, подвергаетъ его критикѣ, освѣщенію, анализу, выискиваетъ перлы въ мусорѣ, устанавливаетъ равновѣсіе въ матеріалѣ, придаетъ всей своей роли сплошной высоко-эстетическій колоритъ и тогда уже только велитъ режисеру щелкнуть звонкомъ для поднятія занавѣса.

II.

Другой нашъ гость, г. Ленскій, jeune premier московской трупы, слабѣе своей знаменитой товарки. Главный грѣхъ г. Ленскаго кроется, кажется мнѣ, въ незнаніи имъ самого себя. Для серьезнаго и выдающагося актера это прискорбный недостатокъ. Онъ лишаетъ артиста критической мѣрки въ его дѣятельности; онъ раскидываетъ на всѣ стороны репертуаръ актера и служитъ источникомъ промаховъ; онъ поселяетъ въ артистѣ твердое убѣжденіе объ энциклопедическихъ его, артиста, способностяхъ, будто бы дающихъ ему средства быть такъ-же хорошимъ и въ ничтожной шуткѣ «для разъѣзда», какъ и въ класическомъ произведеніи. Но всесторонность — удѣлъ единицъ, и у насъ развѣ только В. В. Самойловъ можетъ законно похвастаться тѣмъ, что умѣетъ стоять на одинаковой художественной высотѣ какъ въ то время, когда играетъ пустячную роль нѣмца Шмерца въ совсѣмъ пустой комедіи «Мужья одолѣли», такъ и тогда, когда выступаетъ королемъ Лиромъ или Шейлокомъ. У г. Ленскаго есть талантъ, крупный и благодарный, но онъ далеко не театральный геній. Есть у него красивая, легко нравящаяся наружность, всего болѣе подкупающая своими прекрасными голубыми глазами; есть умъ, большое знаніе сцены и значительный запасъ голосовыхъ, мимическихъ и артистическихъ средствъ для гладкой и щегольской внѣшней отдѣлки ролей, соотвѣтствующихъ его дарованію. Г. Ленскій одинъ изъ тѣхъ артистовъ, которые никогда не бываютъ плохи. Въ крайнихъ и рискованныхъ случаяхъ ихъ вывозятъ умъ, опытность, находчивость и ловкая затушевка или даже «передержка» мѣстъ для нихъ слабыхъ, трудныхъ и неподатливыхъ. Но, повторяю, г. Ленскій далеко не солнце на театральномъ горизонтѣ.

Это не помѣшало ему однако выступить въ Петербургѣ для своего перваго дебюта, въ трехъ капитальныхъ роляхъ очень большого калибра. Г. Ленскій поочередно предсталъ предъ нами какъ Гамлетъ, какъ Уріель Акоста и какъ мольеровскій Донъ-Жуанъ. Г. Ленскій далъ намъ удовлетворительнаго Гамлета, т. е. такого Гамлета, котораго смотрѣть можно, который не оскорбляетъ эстетики зрителя, не рѣжетъ глазъ потугами безсилія, не окарикатуриваетъ величаваго и поэтическаго образа, но который въ тоже время не мѣшаетъ вамъ соболѣзновать о томъ, какъ далекъ принцъ датскій, котораго вы видите, отъ принца датскаго, котораго вы желали бы видѣть. Мощная фигура сложеннаго не столько изъ костей и мускуловъ, сколько изъ идей и взрывовъ, Уріеля Акоста, тоже осталась въ тѣни, въ исполненіи г. Ленскаго. Артистъ понялъ Уріеля, но не съумѣлъ отдать его съ тѣмъ огнемъ страсти и духовнаго богатства, какимъ горитъ герой Гуцкова. Знаменитая сцена въ синагогѣ, когда закованный и приниженный духъ мыслителя рветъ свои цѣпи, возстаетъ противъ насилія, взываетъ къ величайшимъ принципамъ свободы и гуманизма и точно улетаетъ на крыльяхъ въ свои горнія селенія,—сцена эта показалась намъ и блѣдноватою, и скомканною, и недостаточно разъясненною. Ленскій-же Донъ-Жуанъ уронилъ славу московскаго артиста, опередившую у насъ его гастроли. Исполненіе его поражало своею томительною монотонностью, своими натяжками и довольно грубою подмалевкою.

Такъ мы, вѣроятно, и остались-бы въ невыгодномъ для г. Ленскаго разочарованіи, если-бы не подоспѣла ему на подмогу простая случайность. Пріѣздъ г-жи Федотовой и игра ея въ «Много шуму изъ пустяковъ» заставили г. Ленскаго сыграть роль Бенедикта. И вотъ, смотря Ленскаго—Бенедикта, мы позабыли о Ленскомъ Донъ-Жуанѣ. Мы хлопали, хлопали и хлопали, и послѣ окончанія пьесы вся театральная критика единогласно поставила г. Ленскаго на довольно высокій пьедесталъ. Онъ далъ намъ превосходнаго Бенедикта. Бенедиктъ, такъ сказать, раскрылъ намъ артиста и выяснилъ причины его московскихъ успѣховъ. Въ этой легкой увеселительной роли г. Ленскій обнаружилъ такъ много оживленія, юмора, простоты и технической тонкости; онъ создалъ Бенедикта изъ такихъ цѣнныхъ, филигранной работы, деталей, онъ такъ смѣшилъ и обворожалъ своею по истинѣ артистическою игрою, что самъ Шекспиръ не пожелалъ-бы лучшаго исполнителя для своей прелестной комедіи. Ради Бенедикта, всѣ прежнія прегрѣшенія Ленскаго были позабыты и въ названной шекспировской пьесѣ мы видѣли именно ту гармоническую и восхитительную артистическую пару, гастроли которой могутъ служить отраднымъ и выдающимся событіемъ въ неприглядной обстановкѣ петербургскаго русскаго театра.

Этотъ полный успѣхъ г. Ленскаго лучше всего поясняетъ высказанную мною мысль о промахахъ, вытекающихъ изъ слабаго знакомства артиста съ своимъ собственнымъ дарованіемъ. Высоко-драматическія роли, казавшіяся г. Ленскому лучшимъ украшеніемъ его репертуара, промелькнули тускло, а комическій шекспировскій типъ вызвалъ фуроръ и удивленіе.

«Будь сама собою», скажемъ мы въ заключеніе г-жѣ Федотовой, и «познай самого себя»,—дружески посовѣтуемъ г. Ленскому.

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Глава X.

Катастрофа.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался страшный трескъ. Дверь слетѣла съ петель и капитанъ де-Марби вбѣжалъ какъ безумный съ пистолетомъ въ рукахъ.

Изумленный, что никого не засталъ, онъ съ бѣшенствомъ осмотрѣлся и, увидавъ отворенную дверь, бросился туда.

Передъ нимъ стояла его жена съ неизвѣстнымъ ему мужчиной. Онъ молча прицѣлился въ нее. Орели внѣ себя отъ испуга упала на полъ съ раздирающимъ крикомъ. Маркизъ де-Мейранъ схватилъ за руку капитана.

— Кто вы такой? И зачѣмъ она здѣсь? воскликнулъ капитанъ съ пѣной у рта.

— Я маркизъ де-Мейранъ, женихъ сестры вашей жены, Элизы Буатель, вдовы Самюэля Бота. Ваша жена была такъ любезна, согласилась повидать свою сестру передъ ея замужествомъ.

Молнія, упавшая у ногъ капитана, не поразила-бы его такъ сильно, какъ эти слова. Онъ всталъ въ тупикъ отъ этой неожиданной встрѣчи съ Элизой. Трудно ему было узнать въ этой изящной, прелестной молодой женщинѣ дѣвченку, которую онъ нѣкогда преслѣдовалъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя и, вспомнивъ, что ему разсказалъ Облэ въ Лилѣ, онъ былъ очень радъ, что могъ поставить на очную ставку обѣихъ сестеръ и выяснить все дѣло.

— Я не совсѣмъ понимаю ваши слова, сказалъ онъ, обращаясь къ Оливье.

— Элиза Буатель, которую вы прогнали изъ своего дома сдѣлалась потомъ женою Самюэля Бота. Теперь она вдова и, я надѣюсь, вскорѣ сдѣлается маркизой Мейранъ.

Пока онъ говорилъ, Элиза блѣдная, взволнованная, припала головой къ его плечу.

— Г-жа Элиза Буатель вольна дѣлать что она хочетъ, сказалъ капитанъ,—я требую только объясненія одного: присутствія здѣсь г-жи де-Марби?

Орели бросила умоляющій взглядъ на Оливье.

— Г-жа де-Марби, отвѣчалъ онъ,—узнавъ о нашей свадьбѣ пожелала увидаться съ сестрою и мы назначили здѣсь это свиданіе.

Капитанъ очевидно не повѣрилъ этому объясненію.

— Вы говорите, что женитесь на ея сестрѣ, сказалъ онъ;—хорошо, такъ узнайте-же цѣну имъ обѣимъ.

— Я не позволю вамъ произнести ни одного оскорбительнаго слова о г-жѣ Ботъ! воскликнулъ Оливье, гордо поднимая голову.

Капитанъ пожалъ плечами.

— Вы выслушаете то, что я нахожу необходимымъ сказать. Я желалъ объясниться съ г-жею Марби и ея сестрою. Вы случайный свидѣтель, не угодно-ли вамъ присутствовать при этомъ объясненіи.

— Я сдѣлаю то, что пожелаетъ г-жа Ботъ; если она согласится выслушать васъ и я послѣдую ея примѣру.

— Да, я желаю этого объясненія, сказала Элиза дрожащимъ голосомъ.

Орели съ испугомъ и изумленіемъ смотрѣла на всѣхъ; ее особенно поражала странная перемѣна въ обращеніи и манерахъ капитана. Оливье взялъ ее за руку и посадилъ въ кресло. Элиза также сѣла.

— Говорите, мы васъ слушаемъ, сказалъ Оливье.

— Однажды ночью у меня въ домѣ совершилось страшное происшествіе, началъ капитанъ:—это было давно. Элиза помнитъ эту ночь, потому что на слѣдующій день она покинула мой домъ.

Орели поблѣднѣла какъ полотно и безумно смотрѣла на своего мужа. Напротивъ, Элиза, крѣпко держа за руку Оливье, казалось, была очень довольна, что наконецъ все объяснится.

— У меня былъ другъ, продолжалъ глухимъ голосомъ капитанъ,—молодой человѣкъ, приходившій ко мнѣ въ домъ каждый день. Въ эту страшную ночь, о которой я говорю, меня разбудили раздирающіе крики. Я выбѣжалъ изъ своей комнаты и нашелъ трупъ моего друга подъ окномъ комнаты моей жены. Мнѣ сказали, что онъ былъ любовникомъ Элизы и я повѣрилъ.

Онъ стиснулъ зубы и взглянулъ на Орели. Она поникла головою.

— Да, я этому повѣрилъ и выгналъ изъ дома тебя, Элиза. Теперь я требую, что-бы ты сказала мнѣ правду.

Элиза ничего не отвѣчала; у нея не хватало духа быть обвинительницей сестры.

Капитанъ обернулся къ женѣ и гнѣвно спросилъ:

— А вы, г-жа де-Марби, вы мнѣ теперь скажете правду? Или вы осмѣлитесь отрицать и это, подлая?

И, вытащивъ изъ кармана пачку писемъ, онъ поднесъ ихъ къ ея носу.

Одного взгляда было достаточно для Орели, чтобы узнать письма. Она дико вскрикнула и упала къ ногамъ мужа.

— Пощади! пощади! шептала она.

Капитанъ машинально искалъ пистолетъ, и Оливье уже хотѣлъ снова вмѣшаться, но руки у несчастнаго опустились и онъ промолвилъ съ отчаяніемъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! У меня не хватитъ духа ее убить!

И онъ горько зарыдалъ.

— Такъ ты меня обманывала; всѣ эти шесть лѣтъ я былъ предметомъ общаго презрѣнія, общихъ насмѣшекъ. Я тебя любилъ, я женился на тебѣ, бѣдной дѣвушкѣ, и просилъ отъ тебя если не любви, то дружбы и уваженія. А вотъ чѣмъ ты мнѣ отплатила. О, это подло!

Но тутъ снова имъ овладѣлъ припадокъ ярости. Глаза у него налились кровью и онъ схватилъ жену за горло.

— Нѣтъ, она должна умереть, прорычалъ онъ, какъ звѣрь, и задушилъ-бы ее собственными руками, если-бы Оливье не оттащилъ его.

— Уходи, спасайся, онъ тебя убьетъ! воскликнула Элиза и вытолкала Орели изъ комнаты, пока Оливье удерживалъ капитана, который вырывался изъ его рукъ, кричалъ, ревѣлъ, бранился и проклиналъ.

Молодая женщина, обезумѣвшая отъ страха, спустилась по лѣстницѣ и, пробѣжавъ черезъ кухню, выскочила на улицу.

— Это что такое! воскликнула Маделена, завтракавшая въ это время съ своимъ племянникомъ,—за нею точно кто-нибудь гонится.

— Это невозможно! Неужели это она! сказалъ въ сильномъ волненіи Эмиль и бросился за Орели.

— Что ты съ ума сошелъ! Куда ты бѣжишь? сказала съ изумленіемъ старуха. Но онъ уже былъ далеко.

Между тѣмъ капитанъ, послѣ долгой борьбы съ Оливье, опустился въ изнеможеніи въ кресло, обезоруженный, убитый.

— Кончено, прошепталъ онъ, рыдая,—я не переживу этого безчестія, но я прежде отомщу имъ.

Элиза была въ отчаяніи. Всякая мысль о мести теперь исчезла въ ней и она сожалѣла, что была однимъ изъ виновниковъ этой катастрофы.

— Илеръ, Илеръ, будь человѣкомъ, сказала она, подойдя къ нему:—моя сестра преступна, но вспомни, она молода, а ты всегда оставлялъ ее одну. Аристида нѣтъ въ живыхъ, надо простить мертвому. Преступленіе женщины не можетъ безчестить мужчину. Ты долженъ простить и Орели, ты увидишь, что послѣ этого страшнаго урока она будетъ образцовой женой.

Капитанъ взглянулъ на Элизу съ глубокимъ чувствомъ и, взявъ ее за обѣ руки, сказалъ:

— Какъ! ты, выстрадавшая такъ много по ея милости, просишь, чтобы я простилъ ее. Бѣдняжка, я не зналъ тебя и теперь прошу у тебя прощенія. Но, пойми, я не могу простить и забыть. Вы не знаете, что она сдѣлала, презрѣнная, вы не знаете, что это преступленіе ея не единственное, что вся ея жизнь позорная, гнусная. Нѣтъ, оставьте меня; я долженъ убить ее и ея сообщниковъ.

— Я понимаю ваше ужасное положеніе, сказалъ Оливье;—позвольте мнѣ протянуть вамъ руку и предложить свою помощь.

Капитанъ пристально посмотрѣлъ на него и потомъ крѣпко пожалъ протянутую ему руку.

— Благодарю васъ. Вы честный человѣкъ и я принимаю вашу помощь.

— Вы вернетесь теперь въ Парижъ? спросилъ Оливье.

— Да, я отправлюсь домой, надо все кончить, сказалъ мрачно капитанъ.

— Мнѣ надо съ вами поговорить; позвольте васъ проводить.

— Если хотите.

— Не оставляйте его, пока онъ не рѣшится на что-нибудь, шепнула Оливье молодая женщина,—а потомъ вернитесь сюда.

Капитанъ, понуривъ голову, направился къ дверямъ.

— Илеръ, поцѣлуй меня, сказала Элиза, слѣдуя за нимъ.

Онъ остановился и, зарыдавъ, обнялъ ее.

Оливье схватилъ его за руку и увлекъ изъ комнаты.

Оставшись одна, Элиза машинально опустилась въ кресло и, облокотясь на столъ, глубоко задумалась:

— Такъ этотъ негодяй отецъ моего ребенка! сказала она вслухъ,—надо будетъ отъ Орели узнать, кто онъ.

Глава XI.

Похожденія Орели.

Выскочивъ благополучно въ садъ, такъ какъ второй этажъ маленькаго кабачка не былъ очень высокъ, Жюль поспѣшно направился на берегъ. Но тамъ, сознавая себя на свободѣ, онъ рѣшился выждать конца бурной сцены между мужемъ и женою, а чтобы не быть замѣченнымъ, остановилъ фіакръ и помѣстился въ немъ, говоря, что кого-то ждетъ.

Прошло четверть часа; въ кабачкѣ, повидимому, не происходило ничего необыкновеннаго. Вдругъ онъ увидалъ Орели, которая выбѣжала на улицу, какъ безумная, точно за нею была погоня. Онъ пріотворилъ дверцу фіакра и глухо сказалъ въ ту самую минуту, когда она поровнялась съ нимъ:

— Лили! Лили! Садись!

Орели схватила его руку и вскочила въ экипажъ. Жюль быстро захлопнулъ дверцу и опустилъ сторы. Молодая женщина, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижалась къ негодяю.

— Жюль, спаси меня! Онъ хотѣлъ меня убить! воскликнула она.

— Онъ вооруженъ? спросилъ Жюль съ безпокойствомъ.

— Онъ направилъ на меня пистолетъ и выстрѣлилъ бы, еслибъ его не остановили.

— Хорошо-же я сдѣлалъ, что выскочилъ въ окно, а то онъ убилъ бы насъ обоихъ! Ужь эти военные, на все у нихъ одна шутка: пифъ, пафъ! А это еще кто?

И онъ указалъ на Эмиля, который бѣжалъ по направленію къ экипажу. Орели отдернула немного стору и выглянула, но въ туже минуту отшатнулась.

— Онъ! Онъ! прошептала она;—теперь я все понимаю. Онъ мститъ.

— Это что за человѣкъ?

— Я тебѣ послѣ скажу...

— А, это старый нумеръ, разсказавшій свою исторію.

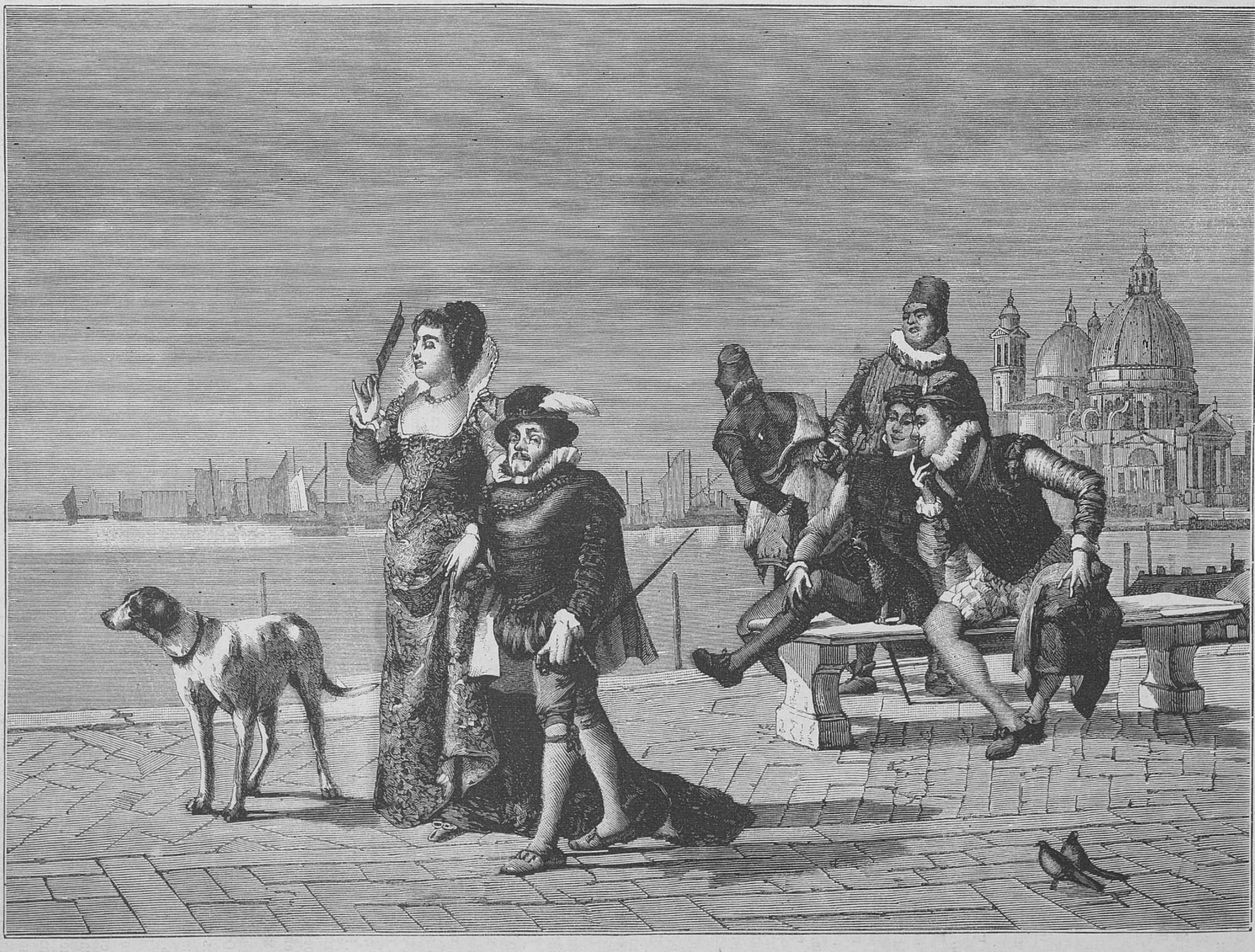
— Да, я тебѣ все объясню.

— Пусть его бѣжитъ, онъ тебя не догонитъ.

Дѣйствительно Эмиль уже миновалъ фіакръ и продолжалъ бѣжать, не подозрѣвая, что за

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ 1880 ГОДА.

КАРТИНА ЛОРЕНЦО ДЕЛЛЕАНИ.



Злостные толки.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

спущенной сторой въ экипажѣ скрывалась та, которую онъ догонялъ. Но во всякомъ случаѣ остановиться тутъ было опасно и Жюль крикнулъ извощику:

— Въ Отейль, живѣе, получишь на водку!

— Понимаю, отвѣчалъ извощикъ махнулъ бичемъ по лошадямъ и экипажъ покатился.

Когда они переѣхали Сюренскій мостъ и повернули въ Булонскій лѣсъ, Орели спросила у Жюля:

— Зачѣмъ мы ѣдемъ въ Отейль?

— Къ тебѣ.

— Я не хочу. Онъ меня убъетъ. Ты развѣ забылъ, что онъ хотѣлъ меня убить. Вотъ что между нами произошло.

И она разсказала извѣстную читателямъ сцену, конечно прикрасивъ ее нѣсколько на свой вкусъ.

— Чортъ возьми! сказалъ Жюль, — правда, тебѣ не надо съ нимъ встрѣчаться. Ты теперь вдова.

— Что мнѣ дѣлать? съ ужасомъ воскликнула Орели.

— Нечего отчаяваться. На твое счастье я тебѣ остался. Ты можешь надѣяться на меня. Я тебя никогда не буду попрекать. Мы любили другъ друга юнцами и теперь заживемъ по прежнему, вотъ и все.

Онъ горячо обнялъ ее. Но двѣ крупныя слезы покатились по ея щекамъ.

— Что со мною будетъ? сказала она.

— Ты не слышишь, что я говорю? Или ты не любишь меня? Ну, полно плакать. Ты не знаешь на что я способенъ; мнѣ всегда недоставало поддержки, поощренія. Ты меня поддержишь и поощришь, моя Лили.

И онъ ее ласкалъ и цѣловалъ.

— Но что-же мы будемъ дѣлать? повторила она, точно всѣ жизненные пути были передъ нею закрыты.

— Очень просто; при банкротствѣ надо спасать все, что можно. Ты сегодня бросаешь супружескій домъ, не желая получать удары и толчки.

— О, еслибъ это были только удары! воскликнула она, вздрагивая. — Онъ меня убъетъ! Я не хочу умирать!.. Нѣтъ, я боюсь смерти. Я не хочу умереть!

— Чего тебѣ бояться? Я съ тобою! живи со мною и я тебѣ клянусь, что если онъ вздумаетъ коснуться тебя пальцемъ, я его положу на мѣстѣ.

— О да, не бросай меня. Защити меня. Возьми меня къ себѣ. Мнѣ страшно.

— Не бойся ничего. Съ этой минуты я твой защитникъ. Сегодня вечеромъ я водворю тебя въ моемъ домѣ. Тамъ насъ никто не найдетъ. Я долженъ о тебѣ заботиться, ты все потеряла ради меня. Надѣйся на своего Жюля.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и осыпалъ поцѣлуями. Орели немного успокоилась и даже улыбнулась при мысли, что она снова погрузится въ ту тину, въ которой начала свою жизнь. Но Жюль былъ человѣкъ практическій.

— Вотъ видишь, голубушка, сказалъ онъ, — мы во всякомъ случаѣ опередимъ твоего мужа, даже еслибъ онъ прямо поскакалъ домой. Если ты покидаешь свой домъ, то это не причина выйдти изъ него голой. Ты должна взять все, что твое. Къ тому-же возьми ты все или ничего, тебя одинаково будутъ проклинать. Не забывай какъ неделикатно онъ съ тобою обошелся, бѣдняжка.

Ей припомнился страшный образъ мужа съ пистолетомъ въ рукѣ.

— Не оставляй меня, шептала она, — я сдѣлаю все, что ты хочешь.

— Не бойся ничего, ангелъ мой. Всякій, кто вздумаетъ теперь тебя тронуть, будетъ имѣть дѣло со мною!

И въ глазахъ его блеснула молнія.

Спустя нѣсколько минутъ, Орели, объявивъ слугамъ, что ѣдетъ съ мужемъ, который ждетъ ее на желѣзной дорогѣ, поспѣшно уложила чемоданы. Жюль помогалъ ей, осматривая и опоражнивая комоды и шкапы. Онъ даже взялъ, что могъ, и изъ комнаты капитана. Черезъ четверть часа все было готово, фіакръ нагруженъ чемоданами и узлами.

— Скорѣе, на сѣверную станцію, сказалъ онъ садясь на козлы.

Пріѣхавъ на станцію онъ побѣжалъ въ кассу и, вернувшись, громко сказалъ:

— Мы опоздали, поѣздъ ушелъ. Надо ждать часъ. Извощикъ помогите мнѣ перенести вещи.

Когда вещи были всѣ на тротуарѣ, Жюль заплатилъ извощику и отпустилъ его. Но какъ только тотъ скрылся изъ глазъ, молодой человѣкъ крикнулъ другого извощика и, нагрузивъ фіакръ вещами, помѣстился внутри вмѣстѣ съ Орели.

— Въ Менильмонтонъ, улица Панойо! крикнулъ онъ и, обращаясь къ Орели, прибавилъ: — ну теперь ты видишь, моя красавица, что онъ насъ никогда не розыщетъ.

Орели ничего не отвѣчала. Страхъ, овладѣвшій ею, былъ такъ великъ, что она не думала ни о чемъ, кромѣ необходимости скрыться отъ преслѣдованій мужа, а планъ, который развивалъ передъ нею Жюль, какъ нельзя болѣе удовлетворялъ этой потребности. Жюль предлагалъ ей поселиться у него, въ одномъ изъ отдаленныхъ парижскихъ кварталахъ, гдѣ, конечно, капитанъ никогда не вздумаетъ ее искать и, продавъ дорогія бездѣлушки, вести тихую, буржуазную жизнь. Послѣ пережитыхъ тревогъ буржуазный покой улыбался Орели и, съ присущимъ ей легкомысліемъ, она повеселѣла. Однакожъ, сердце ея опустилось, когда Жюль ввелъ ее въ свою меблированную комнату, но она поборола инстинктивное отвращеніе къ бѣдной, грязной обстановкѣ ея.

— Ахъ, какъ эта комната походитъ на комнату въ улицѣ Сен-Жакъ, видѣвшей нашу первую любовь. О! еслибъ можно было перенестись въ то время, сказала она какимъ-то страннымъ тономъ.

— Ну, живите здѣсь счастливо, г-жа Минге, вы у себя дома, сказалъ Жюль.

Оставшись одна, Орели осмотрѣла комнату, перешарила во всѣхъ углахъ; ее забавляло, что послѣ роскоши она очутилась на время среди бѣдности, напоминавшей ей дѣтство, всегда оставляющее свѣтлыя воспоминанія, не смотря на всѣ несчастія и лишенія. Орели недумала о будущемъ, ей просто нравился этотъ новый эпизодъ ея жизни по своей неожиданности и оригинальности. Она вспомнила тѣ отдаленныя времена, когда была хорошенькой работницей въ подобной бѣдной обстановкѣ и въ ея легкомысленной головѣ тотчасъ явилась мысль: такъ-ли бы она была хороша теперь въ простенькомъ костюмѣ работницы, какъ прежде? Она очень обрадовалась, когда, перерывая ящики комода, нашла костюмъ сосѣдки Жюля, съ его разрѣшенія занявшей своими вещами пустой ящикъ. Орели забыла все на свѣтѣ и, снявъ свое дорогое платье, надѣла юбку и кофту работницы. Потомъ, засучивъ рукава и подбоченясь, взглянула на себя въ зеркало. «Право, я нисколько не измѣнилась; точно я всегда была бѣдной работницей», подумала она.

Въ эту минуту вошелъ Жюль и громко захлопалъ въ ладоши.

— Браво, Лили! Ты такъ гораздо лучше! воскликнулъ онъ.

— Неправда-ли, этотъ костюмъ ко мнѣ идетъ.

— Еще бы! Ты теперь еще красивѣе; въ тебѣ нѣтъ жеманства, одна правда и натура. Ну все кончено. Чемоданы спрятаны, а вотъ твои побрякушки.

И онъ отдалъ ей маленькую шкатулку и футляры съ драгоцѣнностями. Орели взяла ихъ и спрятала въ комодъ.

— Я голоденъ, сказалъ Жюль; — мы не кончили завтракъ... и прогулка развила во мнѣ апетитъ.

— И я не прочь поѣсть.

— Такъ мы пообѣдаемъ здѣсь.

— Конечно, но купи чего нибудь въ лавкахъ, а не заказывай въ ресторанѣ.

— Хорошо. Тебѣ, я вижу, пришлась по вкусу новая жизнь. Въ томъ шкапу есть посуда. Это не моя, но я хорошъ съ хозяиномъ.

— А приборы?

— У меня нѣтъ... но я захватилъ твои.

— Что ты говоришь?

— Да, возьми ихъ въ мѣшкѣ. Приготовь все, а я сейчасъ вернусь.

Черезъ нѣсколько минутъ Жюль вернулся съ двумя бутылками вина и длиннымъ хлѣбомъ, а за нимъ шелъ мальчикъ изъ колбасной съ горячими котлетами. Они сѣли за столъ и принялись ѣсть.

Не считая нужнымъ церемониться съ Орели, на которую онъ смотрѣлъ теперь, какъ прежде, на работницу Лили, Жюль сталъ обращаться съ нею совершенно свободно; онъ сыпалъ грубыми шутками. Орели это забавляло. Неприличныя сальности Жюля заставляли ее хохотать до упада. Конечно, все это было слишкомъ искуственно, чтобы могло длиться, но Орели съ какимъ-то бѣшеннымъ удовольствіемъ погружалась въ эту грязь. Вечеръ они закончили въ увеселительномъ заведеніи весьма подозрительнаго свойства.

Они условились, что утромъ, пока Орели будетъ еще спать, Жюль пойдетъ къ своему пріятелю и продастъ платья и кружева Орели. Чемоданы могли ихъ выдать и потому необходимо было какъ можно скорѣе продать и ихъ.

Среди ночи Орели проснулась. Она не могла болѣе сомкнуть глазъ и серьезно задумалась. Минутная горячка прошла и ей стало стыдно себя. Положимъ, она навѣки разсталась съ свѣтомъ, въ которомъ жила, и у нея не было болѣе семейства. Но неужели она должна была такъ низко пасть. Кто былъ этотъ человѣкъ, который еще въ ея юности первый натолкнулъ ее на путь разврата и позора? Онъ былъ хуже вора, это былъ просто «Альфонсъ» самаго низкаго разряда. Она вздрогнула при мысли, гдѣ она была наканунѣ вечеромъ. Прогулявъ вмѣстѣ съ нею всѣ ея деньги, Жюль захочетъ торговать ею, какъ намѣревался въ старину. Ей стало страшно и въ ея легкомысленной головѣ явилась новая мысль — бѣжать отъ Жюля. Но куда она пойдетъ? Все равно, только бы не оставаться здѣсь. Пока эти мысли наполнили ея голову, вдругъ собака гдѣ-то завыла, что по народнымъ предразсудкамъ составляетъ дурную примѣту. Орели, какъ всѣ развратныя женщины, была суевѣрна; она съ ужасомъ спросила себя, не была-ли она спасена наканунѣ, чтобы еще тяжелѣе искупить свою вину... она рѣшилась обратиться за совѣтомъ къ патеру.

До самаго утра она не могла уснуть. Наконецъ разсвѣло и Жюль всталъ, поспѣшно одѣлся, сбѣгалъ за фіакромъ и снесъ внизъ чемоданы. Орели притворилась спящей, но когда раздался на улицѣ шумъ колесъ, она встала, надѣла свое платье, положила всѣ свои драгоцѣнности и денежные документы въ дорожный мѣшокъ и вышла на улицу, никѣмъ не замѣченная. На Менильмонтанскомъ бульварѣ она взяла фіакръ и приказала везти себя въ Сен-Сюльписъ.

Вспоминая о проведенной ею ночи, Орели дрожала всѣмъ тѣломъ, точно чувствовала слѣды прикосновенія того, о комъ она теперь не могла вспомнить безъ отвращенія. Какое безуміе овладѣло ею, какъ она позволила этому негодяю заманить ее въ такую трущобу разврата? Она не могла объяснить себѣ этого постыднаго эпизода, который достойно довершалъ ея преступную жизнь. А наказаніе, а кара? Она дрожала отъ страха, но утѣшала себя мыслью, что искупитъ свое прошлое.

Въ церкви, не смотря на раннее время, было уже нѣсколько молящихся. Передъ исповѣдной будкой стояло на колѣняхъ нѣсколько женщинъ, ожидавшихъ очереди побесѣдовать съ своимъ духовникомъ. Орели послѣ краткой, но пламенной молитвы у подножія алтаря, заняла мѣсто въ хвостѣ исповѣдницъ. Въ эту минуту она совершенно искренно раскаявалась въ своей грѣшной жизни.

— Что вамъ надо, дочь моя? спросилъ патеръ, съ удивленіемъ смотря на незнакомую исповѣдницу, когда пришла очередь Орели.

— Святой отецъ, я давно не была на исповѣди, но теперь пришла просить у Бога, чтобы онъ наставилъ меня на истинный путь. Я великая грѣшница.

— Говорите, Господь васъ услышитъ.

— Я была богата, счастлива, но безъ руководителей.

— У васъ не было духовника?

— Нѣтъ.

— Вы видите теперь, какъ это неосторожно; продолжайте.

— Одна среди всѣхъ соблазновъ свѣта... молодая... довольно красивая... мой мужъ грубый, жестокій...

— И вѣроятно не религіозный?

— Да. Однимъ словомъ, я не имѣла силы противустоять злу и вы угадываете, что случилось.

— Вы измѣнили клятвѣ, данной у олтаря, вы сдѣлались невѣрной своему мужу.

— Увы, святой отецъ.

— Нѣсколько разъ?

Этотъ вопросъ, сдѣланный все тѣмъ-же монотоннымъ голосомъ, которымъ патеръ говорилъ съ нею и прежде, смутилъ Орели.

— Да, отвѣчала она почти шепотомъ.

— Милосердный Господь простилъ блудницу. Вы должны раскаяніемъ искупить свое грѣшное прошлое. Посѣщайте постоянно церкви, молитесь. Милосердный Господь сжалится надъ вами; молитвой вы предотвратите несчастья, могущія разразиться надъ вами, и уничтожите подозрѣнія, если онѣ возбудились въ головѣ вашего мужа.

— Онъ все знаетъ и выгналъ меня изъ дома.

— Когда?

— Сегодня утромъ, отвѣчала Орели не задумавшись.

— Надо, дочь моя вернуться къ вашему мужу и вашимъ смиреннымъ поведеніемъ снискать его прощеніе.

— Это невозможно. Онъ убьетъ меня. Онъ прицѣлился въ меня изъ пистолета.

— Что-же вы хотите дѣлать?

— Добро, смѣло отвѣчала Орели,—но живя вдали отъ него.

— Вы рѣшитесь покинуть грѣшный міръ, въ которомъ вы жили, и искупить всѣ ваши преступленія?

— Я готова.

— Дочь моя, прежде всего помолитесь, потомъ вы мнѣ разскажете всю свою жизнь, такъ какъ мнѣ надо знать, кого я введу въ убѣжище, гдѣ я васъ хочу укрыть отъ преслѣдованій вашего мужа.

Орели повиновалась. Черезъ полчаса патеръ принялъ ее уже въ ризницѣ. Теперь только она замѣтила, что онъ былъ молодъ, и покраснѣла, вспомнивъ о томъ, что ему сказала и о томъ, что должна была еще сказать.

— Я васъ слушаю, дочь моя, сказалъ патеръ, посадивъ ее подлѣ себя.

Орели разсказала ему исторію своей жизни, но такъ ловко прикрасила ее, что оказывалась несчастной жертвой окружавшихъ ее злодѣевъ.

— Бѣдная, всѣми покинутая! воскликнулъ патеръ, когда она окончила свой разсказъ.

— Вы теперь знаете всю мою жизнь, сказала Орели.—Я спаслась изъ дома съ небольшой суммой денегъ и драгоцѣнностями, которыя я хочу продать, и съ этими средствами укрыться въ убѣжищѣ, которое вы мнѣ рекомендуете.

— Сударыня, это дѣло рѣшенное, отвѣчалъ патеръ:—это единственный путь къ спасенію. Послѣ обѣдни я самъ отвезу васъ въ обитель сестеръ «Кающихся». Я духовникъ этого учрежденія, возвышенная цѣль котораго—утѣшеніе несчастныхъ.

— Гдѣ я васъ найду, святой отецъ?

— У меня, въ два часа.

И онъ подалъ ей свою карточку, затѣмъ поклонился ей и вышелъ изъ церкви тихими шагами.

Орели смотря ему вслѣдъ подумала: «Какъ онъ молодъ для патера».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Голла! голла! Небольшая картинка Альфонса Боденмюллера, переданная прекрасно въ нашей гравюрѣ, вѣетъ необычайною свѣжестью. Это дѣвочка, вставшая на доски мостковъ на цыпочки, чтобы ее замѣтили проѣзжающія въ лодкѣ ея подруги, и махающая въ воздухѣ платкомъ; эти прибрежные тростники и кувшинки, эти на скоро сдѣланные мостки съ грубыми простыми перилами,—все это такъ живо рисуетъ передъ вами одну изъ тѣхъ лѣтнихъ сценъ, которыя вы видѣли сотни разъ въ дѣйствительности. Отдѣлка картины тонка и тщательна, какъ это видно и изъ нашей гравюры.

Золушка, картина Бертрана. Сюжетъ картины Бертрана достаточно хорошо извѣстенъ, и намъ не преставляется необходимости пересказывать его нашимъ читателямъ. Мы можемъ только обратить ихъ вниманіе на превосходное и вполнѣ художественное выполненіе его: красивое, задумчивое лицо дѣвушки, ея граціозная поза и бѣдная, почти нищенская обстановка, въ которой она находится. Достоинство Бертрана заключается главнымъ образомъ не только въ замѣчательно правильномъ и вѣрномъ рисункѣ, не только въ пріятномъ колоритѣ, но и въ граціозности, въ живописности его манеры, которая на первый взглядъ можетъ показаться даже нѣсколько слащавой. Этими особенностями своего таланта, Бертранъ принадлежитъ къ школѣ Бугро́.

Злостные толки. Кромѣ парижскаго «Салона» какъ всегда обращающаго на себя вниманіе любителей искуствъ, въ нынѣшнемъ году, какъ мы уже сказали, замѣчательна художественная выставка въ Туринѣ. Мы уже помѣстили копію съ одной изъ статуй этой выставки, — въ настоящемъ нумерѣ наши читатели найдутъ копію съ картини уже знакомаго имъ художника венеціанской школы, Лоренцо Деллеани. Дѣло происходитъ въ Венеціи: по берегу канала идетъ прогуливающаяся пара, молодая, красивая и нарядная барыня подъ руку съ уродливымъ горбуномъ, держащимся очень важно; сзади этой пары на скамьѣ сидитъ группа молодежи и съ насмѣшливыми улыбками дѣлаетъ «злостные коментаріи», разсуждая, за сколько продалась эта женщина горбуну, какъ она обманываетъ его и т. д. Нѣсколько скабрезный характеръ злостныхъ толковъ придаетъ какое-то сальное выраженіе лицамъ этой молодежи. Все это схвачено прекрасно и передано замѣчательно вѣрно. Но Деллеани, какъ одинъ изъ представителей историческаго жанра, какъ колористъ, не могъ довольствоваться одной жанровой сценкой изъ новѣйшей жизни: онъ перенесъ дѣйствіе въ другіе вѣка, чтобы имѣть возможность написать прелестные, полные красокъ и складокъ костюмы, и помѣстилъ сценку на берегъ моря при полуденномъ освѣщеніи. Вслѣдствіе этого его картина прекрасна, не только какъ жанръ, но и замѣчательна, какъ пейзажъ, она поражаетъ сочетаніемъ красокъ, живописностью костюмовъ и т. п.

Людовикъ XVI. Эта картина представляетъ одинъ изъ потрясающихъ моментовъ первой французской революціи — взятіе въ Версали Людовика XVI съ его семьей. Художникъ передалъ изумительно вѣрно портреты Людовика XVI, Маріи-Антуанеты, маленькаго Людовика XVII и т. д. Онъ умѣлъ передать страшный драматизмъ этой минуты, когда двери королевской комнаты, уже проколотыя и полуразрушенныя, начали подаваться подъ натискомъ толпы. Но кромѣ драматичности сюжета, кромѣ исторической точности, эта картина отличается еще замѣчательной отдѣлкою деталей, всѣхъ мелочей. Правда, она передана прекрасно и граверомъ, отчетливо передавшимъ характеръ этого замѣчательнаго произведенія новѣйшей живописи.

Разрушитель. Игрушки одна за другою вынимаются, выламываются изъ ящика, бросаются на полъ, но наконецъ ящикъ опустошенъ, надо попробовать вновь все уложить въ него, какъ было,—но на это-то и не хватаетъ ни силенки, ни умѣнья. А въ этомъ ящикѣ была цѣлая дача и домъ, и садъ, и барашки, все стояло на своемъ мѣстѣ до разрушенія,—востановится-ли это когда-нибудь въ прежнемъ порядкѣ? Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, сильно хлопочетъ маленькій разрушитель, пыхтящій и надувшійся отъ усердія. Вотъ содержаніе этой прелестной картинки.

Смѣсь.

— Два поэта: Викторъ Гюго и извощикъ (Ст. Жюля Клареси). Недавно въ столовой предмѣстья Ейлау, еще украшенной королевскими гербами княжны де-Люзиньянъ, хозяйки дома, гдѣ живетъ великій поэтъ Викторъ Гюго, маститый писатель представлялъ своимъ гостямъ небольшого человѣчка, лѣтъ пятидесяти, коренастаго, скромнаго, хорошо одѣтаго и державшагося очень прилично, и говорилъ съ любезнымъ жестомъ и привѣтливостью, свойственными ему:

— Имѣю честь представить вамъ Шарля Мора, который отвозилъ меня въ театръ Gaieté въ день юбилея Вольтера и который ничего не взялъ съ меня за проѣздъ.

Дѣйствительно, когда поэтъ въ тотъ памятный день выходилъ изъ экипажа у театра и хотѣлъ заплатить извощику, извощикъ отвѣтилъ ему:

— Нѣтъ, господинъ Викторъ Гюго, я не возьму вашихъ денегъ! Съ меня довольно было и чести подвезти васъ сюда.

Викторъ Гюго настаивалъ, кучеръ стоялъ на своемъ, но въ концѣ концевъ, поэтъ заставилъ его взять предложенные за проѣздъ двадцать франковъ.

Стегнувъ по лошадямъ, извощикъ отправился прямо въ редакцію «Rappel'я» и внесъ полученныя деньги на подписку, открытую въ пользу политическихъ заключенныхъ, написавъ слѣдующія строки: «Шарль Моръ, извощикъ, внесъ плату за проѣздъ, полученную отъ г. Виктора Гюго, 20 франковъ».

Время шло: иногда, когда Викторъ Гюго выходилъ изъ своего отеля, чтобы отправиться въ сенатъ, онъ замѣчалъ извощика, останавливавшагося около тротуара въ улицѣ Ейлау; извощикъ стегалъ свою лошадь, торопясь подъѣхать къ поэту, быстро соскакивалъ съ козелъ и отворялъ дверцы. Это былъ извощикъ, отвозившій Виктора Гюго на юбилей Вольтера. Теперь, конечно, онъ бралъ плату за проѣздъ въ Люксанбургъ. Иначе, увлеченіе великимъ поэтомъ обошлось-бы слишкомъ дорого наивному простяку. Но «на водку» не было и помину: «на водку» оставалась «честь отвозить великаго человѣка».

Викторъ Гюго, не зная, какъ вознаградить Мора за его любезность, просто пригласилъ наконецъ его къ себѣ отобѣдать и извощикъ поблѣднѣлъ отъ радости. Въ назначенный часъ онъ предсталъ въ салонѣ Виктора Гюго, усѣлся подлѣ друзей дома и по истинѣ нужно было удивляться его умѣнью держать себя въ обществѣ поэта. Онъ слушалъ, мало вмѣшивался въ разговоры, высказывалъ только нѣсколько замѣчаній, очень простыхъ, но очень вѣрныхъ. За десертомъ онъ поблагодарилъ Виктора Гюго.

— Говоря, по правдѣ, господа, сказалъ онъ съ добродушіемъ настоящаго простолюдина, взволнованнаго при видѣ себя среди писателей и ученыхъ, —я унесу объ этомъ вечерѣ воспоминаніе, которое не изгладится никогда, но я очень хорошо знаю, что мое мѣсто не здѣсь. Я не больше, какъ честный человѣкъ, живущій бѣдно, но трудящійся по мѣрѣ своихъ силъ. У меня добрая жена и миленькая малютка-дочь; я обожаю и ту, и другую. Когда я пріѣзжаю домой обѣдать, хозяйка подаетъ мнѣ щи, а малютка подставляетъ щечки, которыя я такъ люблю цѣловать. Я думаю о нихъ во время моихъ поѣздокъ и, когда мнѣ нечего дѣлать, сидя на своихъ козлахъ, я—что таить грѣхъ!—я тоже забавляюсь писаньемъ стишковъ.

Послѣдняя фраза испортила все: это «я тоже» было страшно не кстати.

— Но, скромно закончилъ извощикъ, — я знаю, что они, мои стишки, не могутъ быть особенно хороши, и я не соглашусь ихъ показать и напечатать иначе, какъ съ условіемъ, чтобы ихъ исправилъ г. Викторъ Гюго.

Воцарилось совершенно понятное молчаніе.

Викторъ Гюго не отвѣчалъ. Но кто-то изъ присутствующихъ, быстро отвѣтивъ на предложеніе, замѣтилъ извощику:

— Позвольте, милостивый государь, дать вамъ совѣтъ. Въ литературѣ великіе остаются великими и мелкіе — мелкими. Останемся-же каждый тѣмъ, что мы есть. Требуя поправокъ, мы можетъ-быть потеряемъ нашу скромную оригинальность.

Викторъ Гюго улыбнулся. Извощикъ понялъ, развернулъ листъ бумаги, вынутый имъ изъ кармана, прочелъ посланіе къ автору «Châtiments», котораго онъ переносилъ въ стихахъ то на Фаворъ, то на Голгофу, и когда онъ кончилъ, великій поэтъ спросилъ у собесѣдниковъ съ тонкой и мягкой улыбкой, приподнимающей его сѣдые усы и бороду:

— Ну, что вы скажете о моемъ извощикѣ, пишущемъ оды?

— Право, милый учитель, я этому вовсе не удивляюсь, сказалъ Шарль Едмонъ, бывшій на этомъ обѣдѣ.—Если начать разсуждать, такъ что такое и самъ Аполонъ, этотъ богъ стиховъ, какъ не такой-же кучеръ, какъ вашъ гость.

Такимъ образомъ, господинъ Моръ имѣетъ полное право называть «своими собратьями» и возницу солнца и поэта «Осеннихъ листьевъ». Но нашъ простодушный извощикъ и не думаетъ объ этомъ. Онъ снова взялся за свой бичъ и, развозя публику по Парижу, снова подыскиваетъ свои скромныя рифмы.

— **Работы по орошенію.** Въ этомъ году на югѣ Россіи производятся обширныя работы по иниціативѣ министерства государственныхъ имуществъ по обращенію мало пригодныхъ песчаныхъ и заливныхъ мѣстностей въ пригодныя для хлѣбопашества и для посѣва хлѣбовъ. По этому поводу дѣлаются обширныя дренажныя работы и искуственныя лѣсонасажденія, которыя, впрочемъ, въ этомъ году будутъ врядъ-ли закончены.

— **Пожаръ на кораблѣ.** Близь Нью-Іорка, въ восточной гавани, на одномъ изъ стоявшихъ на якорѣ такъ-называемыхъ экскурсныхъ кораблей, «Савангака», вспыхнулъ пожаръ; огонь быстро охватилъ все судно и болѣе 50 человѣкъ погибло въ волнахъ и въ пламени; всѣ усилія спасти несчастныхъ были тщетны; «Савангака» сгорѣлъ совершенно.

Шахматный отдѣлъ.

ПАРТІЯ № 16.

Играна 12-го мая 1880 г.—5-я партія матча *).

Испанская партія.

Цукерторть. **Розенталь.**

Бѣлые	*Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. К g1—f3	2. К b8—c6
3. С f1—b5	3. К g8—f6
4. 0—0	4. К f6 : e4
5. d2—d4	5. a7—a6 *a*
6. С b5—d3	6. d7—d5
7. c2—c4 *b*	7. С c8—g4
8. c4 : d5	8. Ф d8 : d5
9. Л f1—e1	9. К e4—f6
10. К b1—c3	10. Ф d5—d7
11. К f3 : e5	11. К c3 : e5 *c*
12. Л e1 : e5†	12. С f8—e7
13. Ф d1—e1	13. С g4—e6
14. d4—d5 *d*	14. К f6 : d5
15. К c3 : d5	15. С e6 : d5
16. С d3—f5	16. С d5—e6
17. С c1—g5 *e*	17. С e7 : g5
18. Л a1—d1	18. Ф d7—e7
19. С f5 : e6	19. 0—0!
20. С e6—b3	20. Ф d8—f6
21. Л d1—d7	21. Кр g8—h8! *f*
22. g2—g3 *g*	22. Ф f6—c6
23. Л d7 : f7	23. Л f8 : f7
24. С b3 : f7	24. Ф c6—c1

Ничья.

Примѣчанія къ партіи.

a) Ходъ этотъ на практикѣ рѣже употребляется, чѣмъ С f8—e7 (см. прим. къ партіи № 14, въ № 22 «Жив. Обозр.».

b) Продолженіе 7. К f3 : e5, К c6 : d4; 8. Л f1—e1, С c8—e6!; 9. c2—c3, К d4—c6; 10. К e5 : c6, b7 : c6; 11. Ф d1—a4, Ф d8—d7; 12. С d3 : e4, d5 : e4; 13. Ф a4 : e4, ведетъ къ равной игрѣ.

c) При 11 . . . С g4 : d1; 12. К e5 : d7 †, Кр e8 : d7; 13. С d3—f5 † и 14. Л e1 : d1, бѣлые получили-бы нѣсколько лучшую партію.

d) Весьма интересное продолженіе атаки, впрочемъ, приводящее только къ равной игрѣ.

e) Хуже было-бы 17. С f5 : e6, f7 : e6; 18. Л e5 : e6, тогда послѣдовало-бы 0—0—0! и черные не могутъ брать слона.

f) Необходимо; бѣлые угрожали Л d7 : f7, Л f8 : f7; Л e5—e8 † и въ слѣдующій ходъ матъ.

g) Ясно, что послѣ 22. Л d7 : c7, С g5—f4; бѣлые теряютъ качество.

---

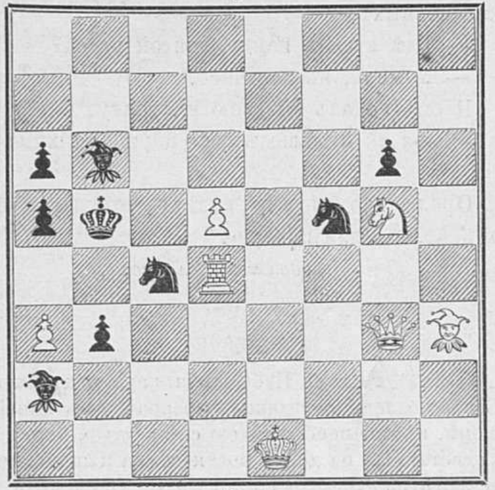
*) Помѣщенная въ № 27, не 5-я, а 7-я игра матча.

ЗАДАЧИ.

№ 43.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.



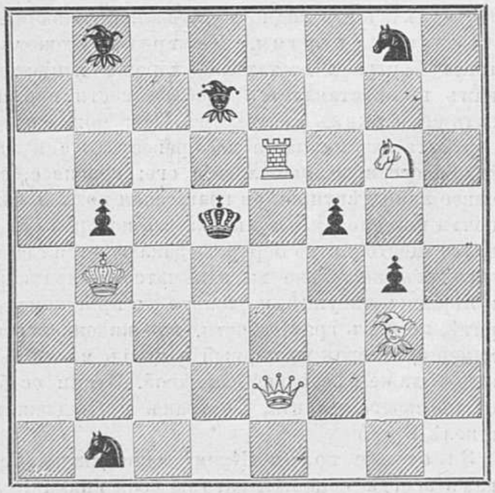
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

№ 44.

Котца и Кокелькорна.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія задачъ (въ № 22 и 23):

№ 38. С. Пирсона.

$$1.\ \frac{\text{Л h2—h8}}{\text{Кр d3 - e4}}\qquad 2.\ \frac{\text{Ф a1—h1 †}}{\text{Кр e4—d3 (e5:)}}\qquad 3.\ \text{Ф h1—h7 (К c4)} \times$$

$$1.\ \frac{\dots}{\text{С}\ \infty}\qquad 2.\ \frac{\text{Ф a1—b1 †}}{\text{С — c2}}\qquad 3.\ \text{Ф b1 : c2} \times$$

$$1,\ \frac{\dots}{\text{e2—e1}}\qquad 2.\ \frac{\text{Ф a1 : e1}}{\infty}\qquad 3.\ \text{Ф e1—e3} \times$$

Рѣшилъ *А. Сафоновъ.*

№ 39. Д. Кларка.

$$1.\ \frac{\text{С e3—f4}}{\text{d7— d6 !}}\qquad 2.\ \frac{\text{Л f3—a3}}{\infty}\qquad 3.\ \text{С или К} \times$$

Рѣшили: *П. Манухинъ, В. Коробановъ.*

Правильныя рѣшенія задачъ №№ 30—37 (помѣщенныя въ № 21) прислали также: *К. Львовскій, А. Бекеневъ, А. Сафоновъ, Д-ръ Снитовскій, Н. Лобшицъ.*

ОТВѢТЫ.

М. Лохтину (Свіяжскъ). Согласны съ вами, что ваша (?) задача (бѣлые: Кр e5, Ф e4, Л a1 и h8; черные: Кр a8, Л a7 и b8, п. b7 —матъ въ 2 хода), довольно остроумна и интересна по своей простотѣ, но, къ сожалѣнію вашему, мы встрѣчаемъ ее въ сборникѣ задачъ, изданномъ г. Дюфренемъ, въ Берлинѣ, въ 1864 г., подъ № 1, съ тою только разницею, что король бѣлыхъ поставленъ на g6, что безразлично для рѣшенія; авторъ ея—*Anonimus* in Lille (Herlin), какъ значится въ сборникѣ.

Г. Алексѣеву (Тобольскъ). Ваши двухъ-ходовыя задачи не будутъ напечатаны по причинамъ, уже не разъ объясненнымъ въ «отвѣтахъ»; въ шахм. задачахъ не должно допускать фигуръ, не играющихъ никакой роли; у васъ-же наставлено болѣе половины лишнихъ шашекъ на доскѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Нѣкоторыми изъ гг. подписчиковъ присланы деньги на пересылку премій (40 коп.) застрахованными посылками, полученныя Редакціею въ то время, когда преміи были уже посланы имъ въ трубкахъ, бандерольнымъ отправленіемъ. Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ сообщить, какъ Редакція должна поступить съ этими деньгами.

II. Нѣкоторые изъ гг. московскихъ подписчиковъ заявляютъ о неполученіи ими премій. Но Редакція уже объявляла, что гг. московскіе подписчики могутъ получить преміи въ мѣстной конторѣ «Жив. Об.», въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

ОПЕЧАТКИ.

Въ біографическомъ очеркѣ «П. Д. Боборыкинъ», замѣчены слѣдующія ошибки:

СТРАН.	СТРОКА.		*Напечатано*:	*Слѣд. чит.*
10	2	свер.	дяди	дѣда
»	11	»	психологія	технологія
11	5	»	1871	1872
»	27	»	во Флоренціи	въ Вѣнѣ,

ОТЪ КОНТОРЫ. № 29-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 19 іюля въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 21 іюля въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. **М. Ф. Каменской.** — Съ болгарскаго, стих. **В. Немировича-Данченко.** — Изъ исторіи рабства въ древности, ст. **С. Терновскаго.**—Русскія суевѣрія, очерк. **С. С. Шашкова.** — Великая пѣвица, истор. пов. **Луизы Мюльбахъ**, перев. **А. Качоровской.** — Артистическая пара, **Буквы.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: Голла! Голла! карт. **А. Боденмюллера.**—Ѣдули ночью по улицѣ темной... рис. **Кеппена.**—Золушка, карт. **Бертрана.**—Разрушитель, карт. **Дж. Дэвиса.**—Людовикъ XVI съ семьей во время революціи, карт. **Бенсура.**—Злостные толки, карт. **Лоренцо Деллеани.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

Въ «Современномъ» книжномъ магазинѣ
(Поварской пер., № 15, въ С.-Петербургѣ.)

Продается самая полная, общедоступная поваренная книга для молодыхъ хозяекъ:

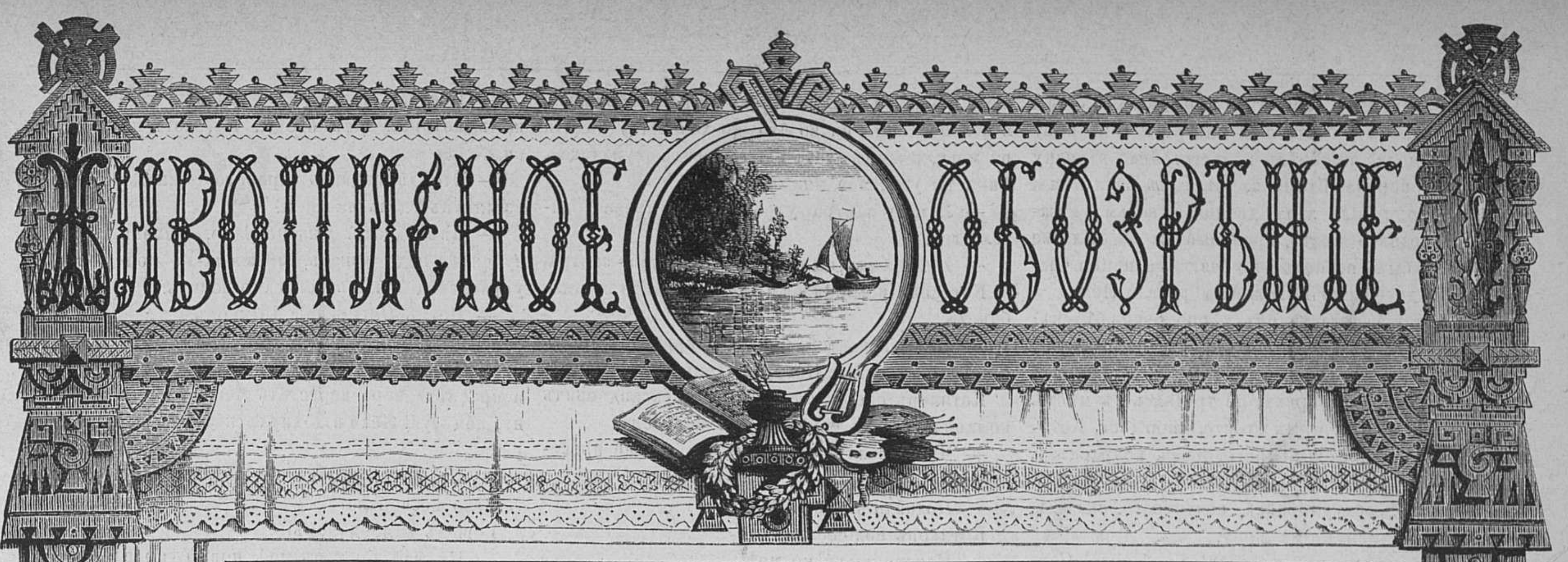
ПОСТНЫЙ и СКОРОМНЫЙ
ДОМАШНІЙ СТОЛЪ.
А. Толивѣровой и А. Сальниковой.

Въ книгѣ находятся: 105 суповъ, 107 2-хъ блюдъ, 96 жаркихъ, 111 пирожныхъ, пироги, пирожки и разныя принадлежности къ супу, пасхи, куличи, варенья, соленье, маринованье, квасы, копченья и соленья мяса и рыбы, а также средства предохранять провизію отъ порчи. Цѣна 1 руб., въ переплетѣ 1 руб. 50 коп. На пересылку прилагается 25 коп.

Всѣ требованія исполняются немедленно. Принимается подписка на журналы и газеты.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ
и
ИСТОРІЯ
ТРОИЦКО ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ИЗМАЙЛОВСКАГО
ПОЛКА ЦЕРКВИ.
Изданіе Н. Н. В.
Цѣна 8 коп. и съ пересылкою.
Складъ у издателя: Измайловскій полкъ, 4-я рота,
домъ № 3, кв. № 21.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 іюля 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л. д. № 12.



Живописное Обозрѣніе

№ 31. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 2 Августа 1880 г.

Весна.

Стих. **Дм. Черткова.**

Безмолвно подошла одна изъ тѣхъ ночей,
Въ которую душѣ привольно такъ и чудно,
Въ которую все спитъ спокойно, непробудно
И лишь во мнѣ нѣтъ силъ сомкнуть своихъ очей.
Когда я слышу звукъ таинственныхъ рѣчей
Таинственныхъ существъ, когда въ полночной мглѣ
Толпятся призраки—мечты моей созданья,
Когда смиряются душевныя страданья,—
Морщины горести не видно на челѣ
И все мнѣ кажется прекраснымъ на землѣ.

* * *

Прорвался блѣдный взглядъ скрывавшейся луны
Сквозь тучи темныя лучемъ нежданнымъ свѣта,
Какъ будто слово шлетъ спокойнаго привѣта
Луна на землю мнѣ. Чарующіе сны
Вновь овладѣли мной и въ воздухѣ весны
Несется сладостный, волшебный ароматъ.
Всей грудью я дышу, свободной отъ мученій,
Готовъ я вѣчно жить для вѣчныхъ увлеченій
И пошлости людей, обыденный развратъ,
Какъ бремя тяжкое, на мысли не лежатъ.

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

VII.

Лёло сломила печать и начала читать:

«Другъ мой, Сергѣй Александровичъ!

— Другъ мой, Сергѣй Александровичъ!.. какая милая эта княгиня! перебилъ жену Столбинъ.

«Другъ мой, Сергѣй Александровичъ! начала опять Лёло.—Я слышала, мой батюшка, что ты управляющаго ищешь, такъ возьми ужь моего! Податель моей записки, Петръ Петровичъ Котиковъ. Я тебѣ его рекомендую, онъ очень хорошій молодой человѣкъ, лучше тебѣ и не надо: смирный, кроткій, pauvre gueux, ты ему хлѣбъ дашь, а онъ тебѣ служить будетъ безотвѣтно. Ты, мой другъ, не бойся, коли увидишь въ его бумагахъ, что онъ въ университетѣ курсъ кончилъ и что онъ тамъ какой-то чиновникъ avec tout ça il n'a pas de pantalon... Я имъ интересуюсь потому, что онъ мнѣ, entre nous soit dit, племянникъ, т. е. au treizième arrondissement. Тебѣ я это могу сказать, ты этого не выболтаешь, это сынъ брата Петра, ты вѣдь его зналъ, мой милый, — c'était un coureur! Ну, такъ вотъ тебѣ и грѣхъ на лицо, дѣвай, мой батюшка, куда хочешь, а я тебѣ за это такъ буду благодарна... Надо-же мнѣ для него, по христіанству, что-нибудь сдѣлать, все-таки онъ, коли не передъ людьми, такъ предъ Богомъ мой neveu. Возьми его, пожалуйста, Сергѣй Александровичъ, ты этимъ съ плечъ гору снимешь твоей княгинѣ

Евгеніи Черново-Свѣтинской,
урожденной княжнѣ Угариной».

— Что это за милая княгиня! сказалъ Сергѣй Александровичъ, когда жена кончила читать записку. — Эта княгиня — дрожжи, можно сказать, нашего дворянства... Вотъ, Лёлечикъ мой, учись у этой женщины; она-ли не богата, она-ли не знатна, она-ли не сильна, а какъ жить-то умѣетъ: чего человѣкъ въ ея глазахъ достоинъ, такой она на него свѣтъ или тѣнь и броситъ... Скажи княгиня Евгенія Дмитріевна: «этотъ дрянь человѣкъ!» ну, и похоронила человѣка, какъ онъ тамъ себѣ ни таращься—мертвый и кончено! не воскреснуть ему во вѣки вѣковъ. Вѣсъ! сильный вѣсъ въ женщинѣ! а ко мнѣ-то какъ мило пишетъ: «Другъ мой, Сергѣй Александровичъ!»

— Что-же это вы? Вы вѣрно забыли, что тамъ, можетъ быть, въ передней, васъ ждетъ этотъ молодой человѣкъ. Какъ-же можно такъ долго заставлять ждать, вѣдь это не хорошо.

— Ну, душечка моя, онъ не велика птица, подождетъ!

— Вы, вѣрно, и его не хотите взять? Такъ что-жь вамъ церемониться, напишите прямо княгинѣ, что вы не берете ея протеже.

— Что ты? что ты?.. какъ это возможно отказать княгинѣ, я беру этого молодого человѣка, не глядя беру.

— Ну, такъ прикажите-же его позвать къ себѣ.

— Вотъ видишь, дружокъ мой, какъ ты еще неопытна, а я тебя только сейчасъ просилъ, чтобы ты перенимала у княгини Евгеніи Дмитріевны, какъ людямъ оттѣнокъ давать. Ну, подумай сама: кто этотъ молодчикъ, что ждетъ тамъ моего отвѣта, ну, подумай, кто?

— Что-жь мнѣ думать, я и безъ думанья это знаю: васъ ждетъ человѣкъ, вѣроятно, не богатый, который отъ нужды ищетъ себѣ мѣста, вотъ и все.

— Ну, да, человѣкъ не богатый, который ищетъ у меня мѣста; это такъ! А еще кто онъ? подумай хорошенько, моя цыпочка, ну, подумай,

— Онъ Петръ Петровичъ Котиковъ, а кто онъ я не знаю, отвѣтила нетерпѣливо Лёло и начала барабанить по стеклу пальцами.

— Поди ко мнѣ, моя крошка, не сердись, поди, я тебѣ сейчасъ все поясню: ты говоришь, что онъ Котиковъ!.. Котиковъ... что это значитъ Котиковъ?.. Какой человѣкъ можетъ быть Котиковымъ? ну, подумай!..

— Ахъ, отстаньте, пожалуйста, я не знаю, отвѣтила старику Лёло, вырывая изъ костлявыхъ рукъ его свою руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пущу, покуда моя милочка не пойметъ меня.

— Ну, что-же, говорите!

— Вотъ такъ бы давно, ребенокъ. Котиковъ! какъ бы это пояснить тебѣ, не оскорбляя твое крошечное ушко? Котиковъ! одно прозвище! Котиковъ—и я, не выходя въ переднюю и не глядя на этого молодчика, вотъ отсюда знаю, что это сынъ безъ отца и безъ матери, ну, непѣтый, un fils naturel! Поняла ты меня теперь?

— Мнѣ не нужно было и слушать васъ такъ долго, чтобъ знать это; развѣ не я вамъ читала записку княгини, гдѣ ясно сказано, что господинъ Котиковъ—незаконный сынъ ея брата?

— Ну, вотъ! незаконный сынъ. Душеночекъ, какъ она это мило сказала: незаконный сынъ! Ну, да, онъ незаконный сынъ.

— Что-жь изъ этого? сердито прервала Сергѣя Александровича Лёло.

— Незаконный сынъ! какъ что изъ этого? Изъ этого то, что онъ можетъ подождать. Ты развѣ не поняла намека въ запискѣ княгини: «il n'a pas de pantalon». А что значитъ? княгиня, какъ женщина тонкая, въ этихъ немногихъ словахъ дала понять: т. е. «другъ мой, Сергѣй Александровичъ! я посылаю тебѣ бѣдняка, дитя любви, моего брата, я дескать дѣлаю это по христіанству, а ты, мой другъ, знай съ первой минуты, на какую точку его поставить, т. е. не давай ему парить слишкомъ высоко». Поняла ты меня теперь, Лёлечикъ.

— Поняла! тяжело вздохнувъ, сказала Лёло

— Ну, не дуй-же такъ мило губки, ну, поцѣлуй меня, ну, поцѣлуй!

Лёло наклонилась и подставила старику, не глядя на него, свою розовую щеку.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты губки мнѣ дай, губки!

Лёло судорожно сжавъ губы, протянула ихъ къ лиловымъ губамъ мужа.

— Ну, вотъ! вотъ! вотъ! приговаривалъ, чмокая, генералъ.—Ну, теперь вели позвать этого Котикова; поглядимъ, что это за птица?

Лёло вырвалась отъ мужа и, отирая одной рукой ротъ, дернула другой тесьму колокольчика.

Вошелъ камердинеръ.

— Чего изволите, ваше превосходительство?

— Позови, братецъ, кого мнѣ тамъ княгиня Евгенія Дмитріевна Черново-Свѣтинская прислала, сказалъ генералъ, важно протягиваясь въ креслахъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, отвѣтилъ камердинеръ и вышелъ.

Скоро опять растворилась дверь, и на порогѣ явился Котиковъ. Почтительно поклонился онъ сперва генералу, потомъ генеральшѣ. Сергѣй Александровичъ медленно повернулся къ нему и долго молча смотрѣлъ на него. Лёло въ одну минуту окинула Котикова бѣглымъ взглядомъ.

Котиковъ былъ лѣтъ двадцати восьми мужчина, средняго роста, красивый собой. Платье на немъ было не новое, но безукоризненно чистое. Блѣдное лицо Котикова поразило Лёло.

— Онъ несчастливъ, онъ, вѣрно, очень бѣденъ? подумала она и ей вдругъ стало жаль его.

Генералъ все молчалъ. Котиковъ все стоялъ предъ нимъ въ дверяхъ, не трогаясь съ мѣста.

— Что-же вы тамъ стоите, monsieur Котиковъ? Пожалуйте сюда! проговорила, покраснѣвъ, Лёло.

— Дитя! полуулыбаясь, полустрого, сказалъ, генералъ взглянувъ на жену.

— Ну, мой милый, подойди! прибавилъ Сергѣй Александровичъ, обратившись къ Котикову и маня его однимъ пальцемъ.

Лёло вся вспыхнула и вышла изъ кабинета.

Котиковъ подвинулся впередъ и низко поклонился.

— Какъ тебя звать, мой милый?

— Петръ Потровичъ Котиковъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Ну, ужь это, братецъ мой, слишкомъ долго, я тебя буду просто Котиковымъ звать.

— Какъ будетъ угодно вашему превосходительству.

— Ты, я вижу, братецъ мой, не глупъ. Понимаю, ты по пословицѣ: «какъ хотите назовите, только хлѣбомъ кормите». Ну, такъ ты, мой милый, мѣсто себѣ въ управляющіе ищешь?

— Ищу, ваше превосходительство.

— Ну, вотъ объ тебѣ меня и княгиня Черново-Свѣтинская проситъ.

— Да-съ, ваше превосходительство, княгиня очень желаетъ, чтобъ я получилъ у васъ мѣсто управляющаго.

— Ну, хорошо, я тебя беру, я вѣрю рекомендаціи княгини Евгеніи Дмитріевны. Мы съ ней друзья, она мнѣ, я думаю, дурного человѣка не пришлетъ? Я тебя беру, сказалъ, что беру, и беру. А ты умѣй рекомендацію твоей благодѣтельницы поддержать.

— Всѣми силами буду стараться угодить вашему превосходительству, опять низко кланяясь, сказалъ Петръ Петровичъ.

— Ну, беру, беру! повторилъ генералъ.

— Княгиня за это будетъ вамъ очень благодарна, вѣдь я княгинѣ человѣкъ родной, сказалъ, довольно гордо поднявъ голову, Котиковъ.

— Штъ!.. штъ!.. объ этомъ молчи! ты вѣдь этого при княгинѣ не скажешь?.. молчи!.. молчи!.. Такой родни, какъ ты доводишься княгинѣ, у всѣхъ князей и въ воспитательныхъ домахъ довольно... И эти княжескіе родные землю пашутъ... Понимаешь? Ты молчи!.. молчи! проговорилъ шепотомъ генералъ, строго грозя пальцемъ молодому человѣку.

Котикову во время этой рацеи какъ-то передернуло лоцо, а потомъ по немъ пробѣжала улыбка. Но это было одно мгновеніе и Петръ Петровичъ тихо сказалъ генералу:

— Это только къ слову пришлось, ваше превосходительство, я самъ очень хорошо понимаю, что мнѣ родство мое княгинѣ срамъ, а не честь.

— Да, да, срамъ, а не честь... Вотъ такъ-то лучше. Ну, такъ я тебя беру, такъ поди и княгинѣ отъ меня скажи, да скажи, что я ей очень благодаренъ, что она тебя ко мнѣ прислала... А коли самъ будешь хорошъ, и я къ тебѣ хорошъ буду. Ну, ступай!

Котиковъ поклонился и сдѣлалъ шагъ къ дверямъ.

— Постой-ка, какъ бишь тебя?

— Котиковъ, ваше превосходительство.

— Да, да, Котиковъ! ну, Котиковъ, а когда-же ты можешь переѣхать ко мнѣ? Ты видишь, я боленъ, самъ ни во что по хозяйству водити не могу, а вездѣ глаза нужны, вездѣ неурядица... Такъ ты ужь, мой милый, скорѣй!

— Я могу завтра утромъ, ваше превосходительство.

— Ну, и быть по сему! завтра, такъ завтра.

Котиковъ поклонился и хотѣлъ выдйти изъ кабинета.

— Постой! постой, братецъ! крикнулъ опять генералъ въ слѣдъ Петру Петровичу.

Котиковъ обернулся. Сергѣй Александровичъ поманилъ его къ себѣ однимъ пальцемъ.

— Что изволите еще приказать, ваше превосходительство?

— Подойди-ка ко мнѣ!..

Котиковъ подошелъ.

— Наклонись-ка ко мнѣ!

Петръ Петровичъ наклонился. Генералъ запустилъ ему худые пальцы въ длинные черные волосы.

— Послушай, братецъ, нельзя-ли тебѣ локоны-то эти подстричь къ завтрему? ты въ нихъ точно поэтъ какой. Какъ бишь это этотъ проказникъ Пушкинъ написалъ про кудри-то?..

— Не это-ли желаете припомнить, ваше превосходительство?

«Всегда восторженная рѣчь,
И кудри черныя до плечъ...

— Ну, ну, вотъ оно и есть... Экій проказникъ этотъ Пушкинъ, вѣдь выдумалъ-же: кудри до плечъ и восторженная рѣчь! трясясь отъ смѣха, проговорилъ генералъ.

— А ты кудри-то все-таки обстриги... я этихъ паклей терпѣть не могу.

— Если длинные волосы не нравятся вашему превосходительству, я сегодня-же обстригусь, сказалъ Петръ Петровичъ и, чтобы скрыть свою улыбку, низко поклонился и проворно прошелъ изъ кабинета.

Когда онъ поравнялся съ дверьми, передъ нимъ мелькнуло бѣлое платье и скрылось за полуоткрытыми дверями. Котиковъ прошелъ мимо, не оборачиваясь, сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ на деревенскую лошадь, привязанную къ забору, поскакалъ по дорогѣ и скрылся за лѣсомъ.

— Боже мой, Боже, какой срамъ: шептала Лёло, выходя изъ-за двери и глядя въ окно на дорогу, по которой пыль еще стояла столбомъ.

Глава VIII.

На другой день утромъ, опять сидѣлъ генералъ у окна и грѣлся на солнцѣ. Лёло читала ему вслухъ Инвалидъ.

— Постой-ка, душечка, постой, что ты тамъ прочла? полковнику Розанову пожаловали Анну второй степени? Такъ что-ли? или мнѣ послышалось?

— Нѣтъ, вамъ не послышалось; вотъ я вамъ прочту еще, сказала Лёло.

«Января, въ 21-й день, въ воздаяніе за отлично усердную и ревностную службу, начальствомъ засвидѣтельствованную, по полевой артилеріи: полковникъ Розановъ...

— По полевой артилеріи, — ну, онъ и есть... это, Федоръ Розановъ. Да какъ-же это Анну второй степени, когда у него еще Анны третьей степени не было... Да, такъ, не было... проговорилъ, задумавшись, Сергѣй Александровичъ.

— Какъ это вы помните, какія у кого ордена? разсѣянно спросила Лёло

— Какъ-же мнѣ не помнить, душка моя? я вѣдь за этимъ слѣжу. Ну, читай, читай! что тамъ еще?

Лёло лѣниво подняла съ колѣнъ газету и начала читать:

«Въ пользу инвалидовъ большой вокальный и инструментальный концертъ. Въ концертѣ семъ участвовать будутъ: музыканты полковъ лейбъ-гвардіи..

— Постой! постой, дружечекъ, дай послушать, который часъ бьетъ... Ну, вотъ я и сбился...

— Это двѣнадцать пробило, сказала Лёло, взглянувъ вдаль на часы.

— Двѣнадцать? ужь не рано, позвони-ка, голубчикъ, надо узнать, пріѣхалъ-ли мой новый управляющій? какъ бишь его зовутъ?

— Петръ Петровичъ Котиковъ.

— Ахъ, ты моя прелесть! память-то какая золотая... ну, поцѣлуй-же меня за это. Ну, что покраснѣла, пора перестать меня стыдиться. Ну, ну, поцѣлуй! Лёло вздохнула и поцѣловала старика.

— Ну, вотъ, умница, ну, позвони-ка теперь.

Лёло позвонила.

Вошелъ камердинеръ.

— Ну, что, братецъ мой, новый управляющій еще не бывалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, онъ давно здѣсь, тамъ-съ въ своей комнатѣ убирается.

— Ну, поди-же, братецъ, позови его ко мнѣ.

— Да какъ-же это можно, Сергѣй Александровичъ? не успѣлъ пріѣхать человѣкъ и сейчасъ же его тревожить. Дайте ему устроиться, вѣдь вамъ не къ спѣху? вступилась Лёло.

— Какъ не къ спѣху, дружокъ? мнѣ надо его въ должность ввести. Пусть придетъ, что ему тамъ убираться,—поди, всего фрачишка, сертучишка, да сапожишки, только и есть. Позови его, братецъ, пусть придетъ сейчасъ?

Лёло отошла къ окну и начала сердито обрывать листочки съ своихъ мѣсячныхъ розъ. Не прошло и трехъ минутъ, какъ Петръ Петровичъ вошелъ въ кабинетъ. Онъ былъ въ сюртукѣ и плотно обстриженъ.

Лёло невольно вздохнула и всплеснула руками, когда вошелъ Петръ Петровичъ, обстриженный подъ гребенку.

— Что ты, дружечекъ мой? что съ тобой? спросилъ Лёло Сергѣй Александровичъ испуганнымъ голосомъ.

— Я?.. я, ничего, не безпокойтесь... это я палецъ уколола... вотъ объ эту розу, проговорила, сконфузившись, Лёло.

— Пальчикъ уколола... поди, поди ко мнѣ, я его вылечу.

Лёло, не хотя, подошла къ мужу.

— Который пальчикъ? покажи мнѣ, покажи, малютка моя, ну, ну, гдѣ бобо?...

— Этотъ! отрывиств сказала Лёло, протягивая Сергѣю Александровичу палецъ.

— Этотъ, этотъ! а вотъ я его вылечу... вылечу! приговаривалъ генералъ, чмокая сто разъ палецъ жены.

Лёло, вся пылая, какъ зарево, стояла потупя глаза. Вдругъ она подняла ихъ на Котикова. Онъ насмѣшливо улыбался. Лёло проворно вырвала руку у мужа и разразилась громкимъ хохотомъ. Но вдругъ хохотъ смолкъ, крупныя слезы выступили на глазахъ и она, не глядя ни на кого, тихо пошла изъ кабинета.

— Вылѣчилъ! вылѣчилъ! кричалъ ей вслѣдъ Сергѣй Александровичъ.

Лёло, не оборачиваясь, скрылась за дверями. Долго еще старичекъ смѣялся и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, глядя на дверь.

Котиковъ все стоялъ поодаль, ожидая, когда объ немъ вспомнитъ генералъ. Наконецъ, Сергѣй Алексбндровичъ обернулся и слегка кивнулъ ему головой.

— Ну, здравствуй, мой милый, дай Богъ намъ съ тобой, съ княгининой легкой руки, дѣло въ добрый часъ начать.

Котиковъ молча поклонился.

— Ну, слушай теперь меня, братецъ, слушай чего я отъ тебя хочу.

— Я слушаю васъ, ваше превосходительство,

— Слушаешь, ну, и хорошо. Вотъ видишь что: надо тебѣ сказать, мой милый, что я люблю во всемъ акуратность. Люблю, чтобъ у меня всѣ приходы и расходы до полушки вписывались въ книги. Итоги я буду повѣрять самъ и самъ увижу, правильно-ли что на что пошло, понимаешь? То-есть считать тебя я всегда буду самъ... Ну, чтобы у тебя вездѣ была чистота. Смотри, чтобы барщины всѣ справлялись во время и кѣмъ слѣдуетъ. Жестокостей я, мой милый, терпѣть не могу; ну, иногда не наказать нельзя, такъ это надо въ мѣру, чтобъ человѣка не уродовать и чтобъ онъ помнилъ, что его постегали... Мой манеръ такой: все человѣку дай, что ему нужно, да и взыщи съ него... Да и то съ кѣмъ какъ, вотъ, напримѣръ, ты богатыхъ мужиковъ не ожесточай, они мнѣ нужны... Самъ знаешь, мужикъ богатъ и баринъ богатъ. Такъ ты съ ними силою не ломи, а коли тебѣ что отъ богатаго мужика надо, такъ ты съ нимъ хитростью бери. Нуженъ онъ тебѣ, ну, и походи за нимъ, а такъ съ дуба не рви... хуже, упрется борода, ничего съ него не возьмешь, а ты его помажь, помажь, а свое таки возьми. Ты такъ дѣлай, чтобъ онъ думалъ, что ты на его сторонѣ, а ты будь мой... понимаешь?

— Понимаю, ваше преросходительство.

— Ну, вотъ, мнѣ это дѣлать не ловко было, а тебѣ оно съ руки. Еще у нашихъ мужиковъ въ повадкѣ есть богатую дѣвку въ богатый домъ замужъ выдавать, а за богатаго парня ужь бѣдную дѣвку волей не возьмутъ. Такъ ты за этимъ смотри, на это моего позволенья нѣтъ! у меня, чтобъ бѣдный богатую бралъ, а богатая въ бѣдную семью шла и поневолѣ. Это ничего. Боже оборони, голодный годъ, такъ на мѣсто того, чтобъ мнѣ ихъ кормить, они сами прокормятся. Ужь богатый отецъ дочкѣ своей съ голоду умереть не дастъ. И мать небось бѣднаго сынка съ семьей прокормитъ. Понялъ?... Этимъ манеромъ я добился, что у меня ужь почти бѣдныхъ мужиковъ нѣтъ, а Богъ дастъ, скоро и не будетъ. И я своимъ дѣткамъ, если мнѣ ихъ Богъ пошлетъ, оставлю тысячу чистыхъ душъ безъ задоринки. Ну, вотъ еще что, у мужиковъ есть скверная привычка—морить молодежь на работѣ, такъ ты и за этимъ смотри. Мальчики—это еще ничего, отъ труда они крѣпнутъ, а вотъ дѣвочекъ молоденькихъ беречь надо; онѣ хоть крестьяночки, все-таки бутончики, отъ труда онѣ вянутъ, старятся скоро, а это жаль... Я люблю справедливость, придетъ и ихъ время... Ну, вотъ еще, братецъ, на счетъ пьянства: я пьяницъ терпѣть не могу, смотри, чтобъ я пьянаго ни одного не видалъ. Я съ ними свою манеру взялъ и ты тоже дѣлай. Напьется дворовый въ первый разъ, прости! напьется во второй разъ, постегай! напьется въ третій разъ, въ солдаты! въ солдаты и въ солдаты! и если я тебя самъ буду просить—не слушай и меня, въ солдаты его, каналью, кто-бы онъ тамъ ни былъ. Я съ молоду, братецъ, эту манеру взялъ; я этакъ за третье пьянство сына моей кормилицы, моего молочнаго брата въ солдаты отдалъ. Матушка моя, кормилица, вся дворня у меня въ ногахъ валялись... сдалъ!... Ну, мужики, это другое дѣло, имъ нельзя иногда не выпить чарку, другую, это имъ силу даетъ. Иной съ чарки за троихъ ломитъ. Но и за ними смотри. Выпить можно, но пьяному быть не давай, и ихъ въ солдаты, я это такъ завелъ, пусть оно такъ и будетъ. Я, братецъ, во-первыхъ пьяныхъ боюсь, а во-вторыхъ водочнаго духа слышать не могу, мнѣ отъ него дурно дѣлается. Понялъ ты меня?

— Понялъ, ваше превосходительство.

— Ну, подкати меня теперь къ бюро, я тебѣ всѣ бумаги передамъ, какъ слѣдуетъ, съ рукъ на руки

Котиковъ исполнилъ приказаніе генерала.

Сергѣй Алексиндровичъ началъ рыться въ бумагахъ и давать новыя наставленія своему управляющему. Долго-бы провозился генералъ, еслибъ камердинеръ не принесъ ему на серебряномъ подносѣ бульонъ и телячьи ножки.

— Ну, теперь поди, мой милый, послѣ мы еще поработаемъ. Помни, что я теперь уже не съ крестьянъ, а съ тебя взыскивать буду; а я тебѣ сказалъ: самъ будешь хорошъ и я къ тебѣ буду хорошъ, помни! Ну, поди, поди, и тебѣ въ твою комнату позавтракать принесутъ.

Котиковъ поклонился и вышелъ. Проходя черезъ столовую въ свою комнату, Петръ Петровичъ увидѣлъ Лёло, которая одна сидѣла за завтракомъ. Онъ поклонился ей и хотѣлъ пройдти мимо.

— Петръ Петровичъ! не угодно-ли вамъ скушать чего нибудь? предложила Лёло, отодвигая другой стулъ отъ стола.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство, я могу позавтракать въ моей комнатѣ, сконфузившись и какъ-то неловко отвѣчалъ Котиковъ.

— Въ вашей комнатѣ още когда-то вамъ подадутъ, а тутъ завтракъ уже на столѣ. Пожалуйста, безъ церемоніи, милости просимъ, садитесь! сказала Лёло и начала уже накладывать на тарелку винегретъ.

Котиковъ видимо не зналъ, что ему дѣлать, уйдти или сѣсть.

— Садитесь, пожалуйста, повторила радушно Лёло, ставя на столъ тарелку.

— Ваше превосходительство, я, право, не знаю, не приметъ-ли генералъ это за дерзость съ моей стороны? тихо спросилъ Котиковъ.

— Полноте, что за пустяки, за кого вы принимаете моего мужа?... Садитесь, я этого хочу! настойчиво сказала Лёло.

Котиковъ робко опустился на стулъ.

— Послушайте, Петръ Петровичъ, я вижу, что мужъ мой запугалъ васъ... Вы должны простить ему, онъ человѣкъ стараго вѣка. Вотъ вы поживете съ нами подольше, Сергѣй Александровичъ узнаетъ васъ покороче и, вѣрно, перемѣнитъ съ вами обращеніе. Что дѣлать съ этими старичками, у нихъ на все свои закоренѣлыя пріемы... Не огорчайтесь, пожалуйста.

— Я это все очень хорошо понимаю, ваше превосходительство.

— Скажите мнѣ, Петръ Петровичъ, вы и меня, кажется, боитесь: за что вы величаете меня вашимъ превосходительствомъ? я, кажется, еще не муштровала васъ, я женщина, у меня имя есть; пожалуйста, одинъ разъ на всегда: зовите меня Еленой Михайловной и не ломайте себѣ языка даромъ.

— Не знаю, какъ благодарить васъ, Елена Михайловна, за вашъ радушный пріемъ.

— Не знаете? ну, и прекрасно, я терпѣть не могу, когда меня благодарятъ. Скажите, пожалуйста, Петръ Петровичъ, вы учились въ университетѣ?

— Да-съ! я кончилъ курсъ въ московскомъ уневерситетѣ.

— Можетъ быть, вамъ странно покажется, что я вамъ скажу, а я все таки спрошу васъ объ этомъ, что мнѣ въ голову пришло: скажите, зачѣмъ вы пошли въ управляющіе, когда вы получили такое образованіе, вѣдь это скучно?

— Я не имѣю никакихъ средствъ, мнѣ нечѣмъ жить, Елена Михайловна.

— Простите, если я затронула горькій вопросъ, но мнѣ казалось, что вы могли-бы найти занятіе болѣе по себѣ.

— Много лѣтъ я искалъ мѣста, но, безъ протекціи, это такъ трудно.

— А что-же эта княгиня Черново-Свѣтинская для васъ ничего не сдѣлала; она, говорятъ, женщина съ такимъ вліяніемъ.

— Княгинѣ, можетъ быть, тяжело просить за меня, Елена Михайловна, наклоня голову, тихо проговорилъ Котиковъ.

— Я читала ея записку объ васъ къ моему мужу, она, должно быть, большая іезуитка, эта княгиня,

— Мнѣ-ли, темному человѣку, судить объ такихъ людяхъ, Елена Михайловна, улыбаясь, сказалъ Петръ Петровичъ.

— Отчего-же вы не пошли въ домашніе учителя?

— Я былъ съ самаго моего выпуска учителемъ; но, виноватъ, терпѣніе лопнуло, учить дѣтей чистая мука.

— Ну, теперь дѣло ужь сдѣлано, вы получили мѣсто, дай Богъ, чтобы вы имъ были довольны.

— Дай Богъ, чтобъ были довольны мной, проговорилъ скромно Котиковъ.

На этомъ мѣстѣ разговора Лёло съ Петромъ Петровичемъ, въ кабинетѣ зазвенѣлъ колокольчикъ. Къ генералу пришелъ его старый камердинеръ и, скоро вернувшись назадъ, доложилъ барынѣ, что ее требуетъ къ себѣ Сергѣй Александровичъ. Лёло дружески протянула руку Котикову и пошла къ мужу.

— Что ты это дѣлаешь, Лёлечекъ? Архипъ говоритъ, что ты посадила съ собой завтракать этого Котикова. Правда-ли это? спросилъ строго генералъ.

— Правда! отрывисто отвѣчала Лёло.

— Но какъ-же это возможно? вѣдь ты дитя. совершенное дитя!

— Что-жъ тутъ дурного, что я накормила завтракомъ вашего новаго управляющаго?

— Да не въ томъ дѣло, что ты его накормила, а въ томъ дѣло: ты подумай, кто онъ?

— Опять думать?

— Ну да, подумай, подумай хорошенько!

— Я знаю, что вы хотите сказать: онъ Котиковъ! онъ непѣтый! не такъ-ли, по вашему? а, по моему, онъ очень порядочный молодой человѣкъ, котораго нужда завела къ вамъ въ домъ и котораго унижать вы не имѣете никакого права. А, наконецъ, если вамъ угодно унижать его, то я, по-крайней-мѣрѣ, не обязана дѣлать тоже и быть вмѣстѣ съ вами невѣжей. Поняли вы меня? ну,подумайте теперь сами, подумайте хорошенько!

— Ты сердишься, крошка моя? Я знаю, что у тебя ангельское сердце. Да ты его мнѣ этой добротой сейчасъ-же и избалуешь.

— Не правда! Петръ Петровичъ не лакей, чтобы ему избаловаться оттого, что его посадишь подлѣ себя. Мнѣ просто стыдно васъ слушать. Котиковъ человѣкъ образованный, ему не диво быть въ порядочмомъ кругу. Это только вы позволяете себѣ трактовать всѣхъ бѣдныхъ людей, какъ лакеевъ. А я этого дѣлать не могу и не буду. Слышите-ли вы, не буду! вспыливъ, залпомъ проговорила Лёло.

— Ну, не сердись, не сердись, крошка моя. Онъ мнѣ самому очень нравится: онъ скромный, тихій такой, только я боюсь, чтобъ онъ не возмечталъ о себѣ...

— Что-жь? для того, чтобъ онъ не возмечталъ, посадите его ѣсть въ людскую, насмѣшливо сказала Лёло.

— Не въ людскую, mon enfant, а онъ могъ бы у себя въ комнатѣ завтракать и обѣдать.

— Чтобъ умереть тамъ одному со скуки; да онъ у васъ съ ума сойдетъ. Не совѣстно-ли вамъ сердиться на жену за то, что она, какъ хозяйка, заботится объ томъ, чтобъ всѣмъ, кто живетъ въ вашемъ домѣ, было хорошо.

— Какъ хозяйка! какъ она это мило сказала, какъ она мило сердится. Ну, хорошо, хорошо, дитя, дѣлай, что хочешь;—ну, поцѣлуй-же меня, моя хозяйка. Поцѣлуй!

Лёло поцѣловала мужа.

— Ну, ну, быть по твоему. Разскажи-же мнѣ: ну, ты и накормила этого Котикова? улыбаясь, спросилъ Сергѣй Александровичъ.

— Да, онъ со мною завтракалъ.

— Ну, и разговоромъ ты его занимала, чтобъ ему не скучно было? начиная хохотать, продолжалъ расспрашивать генералъ.

— Да мы съ нимъ говорили.

— И тебѣ весело было?

— Да, мнѣ было очень весесо.

— Такъ онъ еще балясникъ, этотъ Котиковъ; не даромъ же у него такія кудри были!.. А я ему кудри-то подстригъ. Ты и за это на меня не разсердись?...

— Конечно, вы это очень дурно сдѣлали. Стричь поневолѣ человѣка, какъ барана, это дико, раскраснѣвшись, сказала Лёло.

— Ну, виноватъ, виноватъ... прости, прости! Обрѣзалъ, обрѣзалъ! едва могъ проговорить генералъ и повалился на спинку креселъ, умирая со смѣха.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Изъ исторіи рабства въ древности.

Ст. **С. Тарновскаго.**

(*Продолженіе.*)

III.

Рабство въ Греціи.

Еще до сихъ поръ точно не опредѣлено, въ какомъ греческомъ государствѣ было раньше введено рабство. Одни говорятъ, что это было въ Спартѣ, основываясь на той строгой и жестокой организаціи, которую имѣли тамъ рабы; другіе — что рабство въ Греціи впервые является на островѣ Хіосѣ, такъ какъ тамъ былъ самый извѣстный невольническій рынокъ. Но чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, надо прослѣдить исторію рабства въ Греціи съ древнѣйшихъ временъ. Пелазги, самые древніе жители Греціи имѣли рабовъ, которые были имъ почти необходимы для разныхъ сельскихъ занятій; они-же служили гребцами на корабляхъ. Впрочемъ это только предположеніе, подвергнутое сильному сомнѣнію. Объ дальнѣйшемъ развитіи рабства мы имѣемъ болѣе свѣдѣній; главнымъ ихъ источникомъ служили пѣсни Гомера. Чтобы онъ ни описывалъ, битву-ли, домашній-ли бытъ, всюду у него встрѣчаются упоминанія о рабахъ. Греческіе вожди при осадѣ Трои занимались разбоемъ, грабили сосѣднія села, уводя ихъ жителей въ плѣнъ. Послѣ взятія Трои, все ея населеніе было обращено въ рабство. Рабство было не только слѣдствіемъ войнъ, но часто даже и поводомъ къ нимъ. Пиратовъ тогда не преслѣдовали законами; это занятіе не считалось недостойнымъ свободнаго человѣка; будучи очень выгоднымъ, оно было сильно развито. Рабы служили часто наградой побѣдителямъ на общественныхъ играхъ. Торговля рабами была на довольно высокой степени развитія, существовали даже особые невольническіе рынки. Важнымъ источникомъ рабства служила власть отца семейства надъ ея членами; онъ могъ ихъ продать, заложить, вообще распоряжаться, ими какъ полной своею собственностью.

Рабы исполняли самые разнообразные обязанности; занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ. Женщины и болѣе старые рабы составляли домашнюю прислугу свободнаго грека. Женщины подъ руководствомъ матери семейства занимались рукодѣліемъ, прислуживали за гостями. Но положеніе ихъ было незавидно. Господинъ распоряжался ими, какъ своею собственностью, онъ могъ сдѣлать изъ нихъ своихъ наложницъ (такъ, напр., Андромаха, супруга Гектора, дѣлается наложницею въ домѣ Ахилла). Дѣти, рожденные ими отъ свободныхъ, освобождаются отъ рабства, но не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство отца. Впрочемъ, въ этотъ вѣкъ труда и простоты, господинъ самъ работалъ вмѣстѣ со своими рабами; они составляли какъ бы членовъ семьи; особенно замѣтно, это относительно женщинъ, главной заботой которыхъ былъ трудъ; жена господина вмѣстѣ со своими рабынями занимается домашними работами, хозяйствомъ и т. п. Въ женщинѣ, даже и свободной, наравнѣ съ красотой цѣнили и ея искуство въ вышиваніи и другихъ ручныхъ работахъ. Въ этотъ періодъ рабство не было развито въ такой сильной степени, какъ это является послѣ. Цѣлые народы, по свидѣтельству греческихъ историковъ долгое время не имѣли рабовъ, локрійцы, напримѣръ. Много свободныхъ занималось ремеслами. Это, разумѣется, препятствовало развитію рабства; цѣна рабовъ при такихъ условіяхъ не могла быть особенно высока. Рабовъ часто отпускали на волю, надѣляя ихъ даже извѣстнымъ состояніемъ, такъ напр., Одиссей нѣкоторыхъ своихъ рабовъ отпустилъ на волю, давъ имъ участокъ земли, домъ, нѣсколько головъ скота... Недостатокъ историческихъ указаній не позволяетъ съ точностью опредѣлить положеніе раба и отношенія его къ господину. Можно говорить объ этихъ отношеніяхъ только въ общихъ чертахъ.

Почти черезъ столѣтіе послѣ троянской войны, начинается сильное движеніе народовъ въ Греціи. Тѣ племена, которыя обратили въ рабство населеніе Трои, въ свою очередь подпадаютъ подъ власть новыхъ пришельцевъ. Такимъ образомъ дорійцы утверждаются въ Пелопонесѣ, фессалійцы въ отечествѣ Ахилла. Эти вновь прибывшія племена были воинственны, грубы, почти необразованы; покоривъ какой-нибудь народъ, они обращаютъ его въ рабство, нужно замѣтить, что многіе избѣжали этого рабства, эмигрировавъ въ другія страны и тамъ въ свою очередь подчинивъ себѣ туземныхъ жителей. Движеніе это дало сильный толчекъ къ развитію колоній. Фессалійцы, утвердившись на сѣверѣ Греціи, не всѣхъ обратили въ рабство, нѣкоторыя племена остались свободными, они вошли въ составъ фессалійскаго государства; но и другая часть прежде жившаго населенія не подпала подъ полное господство фессалійцевъ, она должна была заниматься земледѣліемъ, платя за это извѣстную подать, люди здѣсь были прикрѣплены къ землѣ и не могли быть проданы внѣ страны. Многіе изъ нихъ достигли благосостоянія и сдѣлались богаче самихъ свободныхъ владѣльцевъ. На нихъ, впрочемъ, лежали и нѣкоторыя другія повинности; они были обязаны нести военную службу, составляя обыкновенно пѣхоту; конница исключительно состояла изъ свободныхъ.

Болѣе опредѣленный характеръ отношенія между побѣдителями и побѣжденными принимаютъ у дорійскихъ народовъ. У нихъ подчиненіе одной расы другой составляетъ все основаніе государственнаго строя. Въ Лаконіи, при нашествіи дорійцевъ, многіе туземцы переселились въ Малую Азію, въ Италію; оставшіеся были покорены, не безъ сопротивленія съ ихъ стороны; нѣкоторые покорились впрочемъ добровольно и ихъ положеніе было относительно лучше, они носили названіе періэковъ. Имъ были предоставлены ремесла и извѣстная часть земель; они несли нѣкоторыя обязанности, платили государству подати; на войнѣ, они составляли легко вооруженныхъ и стрѣлковъ. Илоты, т. е. рабы въ полномъ смыслѣ слова, не имѣли въ Спартѣ никакихъ правъ, они составляли собственность государства, но были въ пользованіи у частныхъ лицъ, которые за это должны были ихъ содержать. Илоты занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, сопровождали своего господина на войну; въ случаѣ большихъ опасностей ихъ даже вооружали на защиту государства; наиболѣе отличившихся отпускали на волю. Положеніе ихъ было очень тягостно; объ этомъ свидѣтельствуютъ частыя возстанія илотовъ. Спартанцы должны были постоянно быть на сторожѣ противъ нихъ; правительство не гнушалось никакими мѣрами, чтобы ослабить илотовъ; оно прибѣгало даже къ убійству наиболѣе выдающихся своими способностями, ихъ съ намѣреніемъ держали на низкой степени умственнаго развитія. Спартанецъ не смѣлъ выпить лишней капли вина; между илотами пьянство не преслѣдовалось, чуть-ли не поощрялось. Обработывая земли частныхъ лицъ, они должны были дать господину извѣстное количество хлѣба, вина и т. п. Количество это было точно опредѣлено закономъ, соотвѣтственно нуждамъ спартанцевъ. Излишекъ шелъ въ пользу илотовъ, но въ случаѣ неурожаевъ они масами гибли отъ голода. На нихъ всякій свободный смотрѣлъ съ презрѣніемъ, видя въ нихъ работниковъ, тружениковъ. Извѣстно, что спартанцы ничѣмъ не занимались кромѣ войны. Искуства и тѣ развивались въ рукахъ періэковъ. Вся внутренняя промышленность и внѣшняя торговля производилась періэками, которые какъ было сказано имѣли и нѣкоторыя права. Ликургъ раздѣлилъ всѣ земли Лаконіи на девять тысячъ большихъ участковъ и тридцать тысячъ меньшихъ; первые были отданы дорійцамъ, вторые періэкамъ; по одному участку на каждую семью. Участки эти переходили наслѣдственно отъ отца къ старшему сыну. Остальные безземельные спартанцы какъ бы приравнивались къ періэкамъ.

Большую часть илотовъ составляли покоренные жители Мессеніи; они живо помнили свою свободу и всегда готовы были возстать противъ господства Спарты. При нападеніяхъ персовъ во время войнъ Спарты съ Фивами, они нерѣдко отказывались идти противъ враговъ и если и соглашались, то подъ условіемъ полнаго освобожденія. Были даже и самостоятельныя возстанія; самымъ извѣстнымъ изъ нихъ является возстаніе, задуманное нѣкимъ Синадономъ; оно должно было охватить всю Лаконію, но по неосторожности одного изъ заговорщиковъ мятежъ былъ во время открытъ и Синадонъ погибъ вмѣстѣ со своими сообщниками. Число спартанцевъ постоянно уменьшалось; во время завоеванія Лаконіи, ихъ было 10,000 семействъ, ко времени Ликурга уже девять тысячъ, черезъ сто лѣтъ послѣ него только тысяча, а ко времени Александра Македонскаго, не болѣе ста; въ ихъ рукахъ сосредоточилась вся земля все правленіе, вся власть; имъ былъ подчиненъ народъ въ нѣсколько сотъ разъ болѣе многочисленный. Нѣкоторые цари спартанскіе задумали поправить дѣло, желая возвести въ достоинство гражданъ извѣстное число семействъ періэковъ; но всѣ ихъ старанія остались напрасными. Таковы попытки Агиса и Клеомена. Спарта при такихъ условіяхъ существовать не могла и Аристотель вѣрно опредѣлилъ причину ея паденія, сказавъ: «Спарта погибла отъ недостатка въ людяхъ».

Послѣ Спарты, Критъ составляетъ первое государство, гдѣ дорійскіе законы существовали наиболѣе долгое время, почти безъ всякаго измѣненія. Тамъ также, какъ и въ Спартѣ, покоренные туземцы раздѣлились на два разряда. Одни были полными рабами, другіе несли только нѣкоторыя повинности: подати, военную службу и т. п. Они, пользуясь извѣстной свободой, занимались торговлей, но своего самоуправленія не имѣли. Со временемъ ихъ города не только сравнялись съ городами чисто дорійскими по своей важности, но далеко превзошли-бы ихъ, если-бы эти въ свою очередь также не стали заниматься промышленностью. Между городами возникали частые споры, которые повели къ полнѣйшей анархіи.

Въ Мессеніи дорійцамъ не удалось утвердиться на такомъ-же положеніи, какъ и въ Лаконіи. Мессенцы долго имъ сопротивлялись и, будучи наконецъ покорены, часто возставали противъ иноземнаго ига. Имъ удалось со временемъ вернуть прежнюю свободу. Тѣже волненія мы видимъ въ Арагосѣ и въ Критѣ. Тамъ также туземцамъ удалось добиться равноправности съ пришлыми дорійцами и это уравненіе правъ дало новый толчекъ къ процвѣтанію этихъ государствъ.

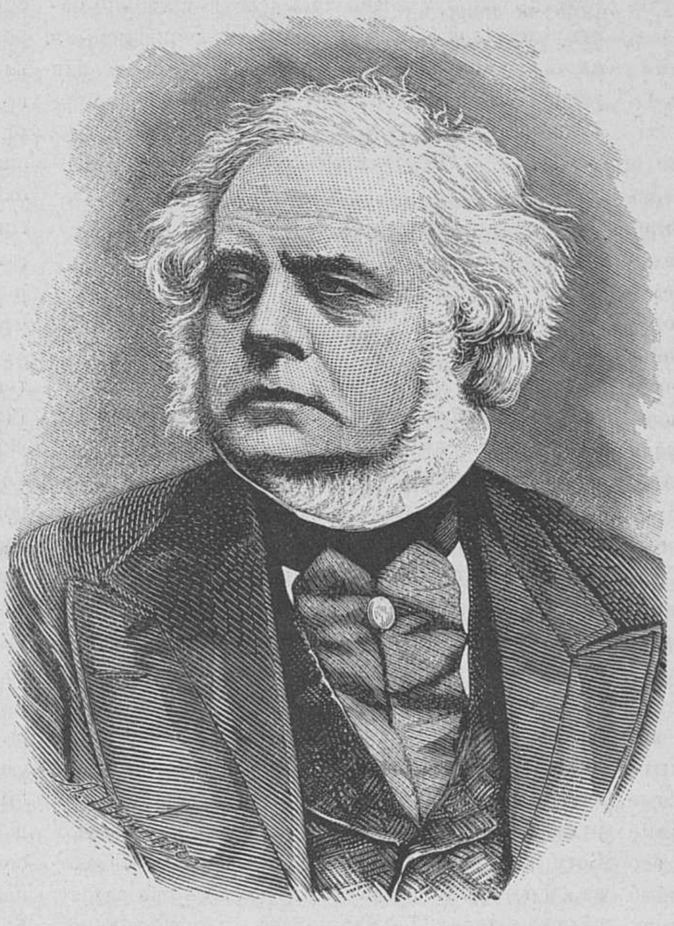
Въ колоніяхъ, какъ и въ метрополіи борьба между пришлыми племенами и покоренными туземцами ведетъ или къ уравненію правъ обѣихъ расъ, или къ полному подчиненію одного народа другому.

Вытѣсненные дорійцами эталійцы утвердились въ Беотіи, іонійцы въ Аттикѣ и ахейцы, подпавъ подъ полную власть дорійцевъ въ Лаконіи, на сѣверѣ Пелопонеса основали множество богатыхъ и могущественныхъ городовъ.

Въ Аттикѣ пришельцы извѣстны подъ именемъ евіатридовъ, они составили высшій класъ населенія.

Въ пѣсняхъ Гомера о грекахъ упоминается, какъ объ единомъ народѣ, хотя ему и нѣтъ точнаго, опредѣленнаго названія. Но потомъ, съ раздробленіемъ Греціи на безчисленное множество отдѣльныхъ, самостоятельныхъ государствъ, это описаніе объ единствѣ всѣхъ мало-по-малу исчезаетъ. Всюду идетъ борьба между завоевателями и туземцами, причемъ борьба оканчивается почти повсюду въ пользу первыхъ; они сваливаютъ трудъ на плечи вторыхъ; но эти покоренные, занимаясь ремеслами, торговлею, постепенно богатѣютъ и наконецъ у нихъ является достаточно силы снова вступить въ борьбу съ пришлымъ народомъ, добиться признанія равноправности. Это служило къ развитію страны, къ ея усиленію, такъ какъ сила, богатство и промышленность суть основы могущества. Афины раньше всѣхъ достигли такого состоянія и стремились ввести это и въ другихъ государствахъ Греціи. Противниками этого направленія являются спартанцы—и отсюда возникаютъ тѣ ужасныя, междоусобныя войны, которыя ведутъ къ погибели Грецію. Нужно замѣтить, что и Афины, стремясь уравнять права свободныхъ, не отвергали рабства, напротивъ они видѣли въ рабствѣ, даровую силу, которая, работая не для себя, вела государство къ благоденствію, къ богатству и всѣми мѣрами стремились увеличить число рабовъ у себя.

Между промышленными государствами, Аттика занимала первое мѣсто. Государственное устройство, введенное Тезеемъ, признало существованіе трехъ класовъ общества: знатныхъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Власть сосредоточивалась въ рукахъ первыхъ. Тезей признавъ преимущество знатныхъ, передъ другими класами, все-таки далъ и другимъ гражданскую свободу, лишивъ ихъ, правда, свободы политической. Знать постепенно вымирала, число ея членовъ уменьшалось, ея правленіе мало-по-малу вело къ олигархіи. Все это производило постоянныя смуты и грозило полной анархіею. Преобразователемъ государственнаго строя явился Солонъ. Онъ раздѣлилъ всѣхъ свободныхъ на четыре класа; соотвѣтственно ихъ имущественному долгу. Всѣ имѣли право голоса въ народномъ собраніи; каждому класу были приписаны извѣстныя права и обязанности, подати распредѣлялись пропорціонально богатству. Такимъ образомъ, трудъ велъ къ власти и Солонъ всѣми мѣрами старался сдѣлать его общимъ, принудивъ каждаго гражданина выучить своего сына извѣстному ремеслу. Въ противномъ случаѣ онъ не имѣлъ права требовать отъ него поддержки въ старости. Процвѣтаніе промышленности въ Афинахъ усилило ихъ внѣшнее значеніе, сдѣлавъ ихъ первой мореходной страной во всей Греціи. Послѣ сверженія тираніи тридцати, говоритъ Ксенофонтъ, только пять тысячъ гражданъ не имѣли своего участка земли. Это, конечно, свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ достаткѣ жителей. Сама почва Аттики очень плодородная; способствовала развитію промышленности. Въ Афинахъ было всегда много иностранцевъ; они пользовались извѣстными преимуществами. Кромѣ торговли, Афины извѣстны, какъ центръ умственной дѣятельности всей Греціи; ихъ постоянно наводняли ученые изъ всѣхъ странъ: медики, художники, писатели, скульпторы и т. п. Городъ давалъ имъ извѣстное содержаніе и тѣмъ привлекалъ къ себѣ. Въ Афинахъ работали всѣ: знатные сами обработывали землю, занимаясь вмѣстѣ со своими рабами; въ городахъ свободные занимались ремеслами, торговлею. Но послѣ завоеванія Афинъ спартанцами, послѣ разрушенія этого богатѣйшаго города Греціи, въ Аттикѣ все перемѣнилось, Спартанцы, правда, были изгнаны. Афины выстроились вновь, но то были не прежніе Афины. Ихъ значеніе было уничтожено. Богатые перестаютъ сами заниматься ремеслами и земледѣліемъ а поручаютъ это дѣло рабамъ, вмѣстѣ съ развитіемъ рабства падаетъ и свободный трудъ, мы видимъ гражданъ афинскихъ, которые чуть не просятъ милостыни; афинянки поступаютъ въ услуженіе въ болѣе богатыя семейства. Бѣднѣйшіе граждане живутъ на счетъ государства; и число такихъ съ каждымъ годомъ все увеливается и увеличивается.



Джонъ Брайтъ *).

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

Населеніе Аттики кромѣ природныхъ афинянъ, состояло еще и изъ иностранцевъ, которые, неся всѣ обязанности подданныхъ, не имѣли ихъ правъ; всѣ ихъ преимущества ограничивались нѣкоторымъ смягченіемъ законовъ по торговлѣ и промышленности. Они должны были выбрать себѣ между гражданами патрона; не сдѣлавшіе этого, подвергались строгимъ взысканіямъ. Имъ кромѣ ремеслъ и искуствъ ничего болѣе не оставалось и они дѣйствительно подвинули ихъ далеко впередъ. Но не они повели къ паденію свободныхъ гражданъ; главная причина этого паденія заключается въ рабствѣ. Разсмотримъ теперь его источники. Главнымъ изъ нихъ—были уже пріобрѣтенные рабы; число ихъ постоянно увеличивалось рожденіемъ. Число браковъ между рабами было, впрочемъ, не особенно значительно, такъ какъ воспитаніе дѣтей стоило очень дорого и было возможно только тамъ, гдѣ было много рабовъ; притомъ такіе рабы, воспитанные дома, цѣнились меньше и покупали ихъ не особенно охотно, такъ какъ они были слабѣе и болѣзненнѣе. Обычай допускалъ продажу дѣтей; исключеніемъ служила только одна Аттика, гдѣ это было запрещено. Нищета принуждала даже поступать въ рабство добровольно. Другимъ источникомъ служила война и пиратство. Самъ Аристотель признавалъ эти средства законными. Въ рабство обращались не только иноземцы, но и греки. Вслѣдствіе многочисленныхъ междоусобныхъ войнъ, число ихъ было очень значительно. Всѣ взятые въ плѣнъ поступаютъ въ рабство къ побѣдителямъ, хотя имѣли право выкупиться, предварительно согласившись въ цѣнѣ со своимъ владѣльцемъ.

Война доставляла рабовъ не постоянно, пиратство-же служило постояннымъ источникомъ рабства; оно явилось раньше правильной торговли и сопровождало первыя попытки мореходства, не прекратившись и тогда, когда отношенія между народами сдѣлались болѣе доступными и цивилизація — болѣе распространенною, такъ какъ нужда въ рабахъ постепенно увеличивалась. Разбросанные острова, множество заливовъ, изрѣзывающихъ берега Греціи, все способствовало развитію этого промысла. Пиратамъ было безразлично, кто имъ попадался, свободный или рабъ. Впрочемъ, за выкупъ перваго они могли имѣть болѣе выгодъ, такъ какъ въ немъ цѣнились не только физическая сила или достоинство, но цѣна за него назначалась соотвѣтственно его состоянію. Пираты часто дѣлались корсарами и поступали на временную службу той или другой республики. Кромѣ этого морского пиратства, было еще, если можно такъ выразиться, пиратство сухопутное, которое практиковалось внутри страны. Особенно имъ занимались женщины; онѣ, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, воровали дѣтей; иногда и нищета заставляла самихъ родителей продавать имъ своихъ дѣтей.

Распространенію рабства способствовала торговля. Рабовъ въ Грецію привозили изъ многихъ сосѣднихъ странъ, изъ Фракіи, Египта. Лучшіе рабы получались съ Востока, изъ Азіи, они цѣнились выше другихъ за ихъ почти безпрекословное повиновеніе; но наиболѣе цѣнными рабами являются сами греки; оно и понятно, они были болѣе развиты, знали много ремеслъ; много рабовъ изъ грековъ мы встрѣчаемъ на востокѣ, у царей персидскихъ и другихъ. Сирійскіе купцы особенно извѣстны своею торговлею невольниками. Они послѣ каждой побѣды, какъ стая хищныхъ вороновъ, являлись на поле битвы и скупали всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ непріятелей. Афины покровительствовали торговцамъ рабовъ, такъ какъ тамъ они были обложены значительными податями, которыя составляли важный источникъ дохода для государства. Эта торговля требовала извѣстной опытности, были средства скрыть недостатки раба и тѣмъ повысить его цѣну. Но и покупатели рѣдко когда поддавались обману; при торгѣ, раба раздѣвали, чтобъ узнать, нѣтъ-ли у него какихъ-нибудь тѣлесныхъ недостатковъ, даже женщины не были освобождены отъ этого униженія; потомъ раба заставляли поднимать тяжести, бѣгать, кричать, чтобъ опредѣлить его силу и ловкость. Все это происходило на площади, совершенно открыто, при цѣлой толпѣ свидѣтелей. Образованнымъ грекамъ рабство казалось такъ естественно, что они и не думали прибѣгать къ тѣмъ уловкамъ и оправданіямъ, къ которымъ прибѣгали торговцы негровъ XVIII и XIX столѣтій. Тогда не говорили, что въ рабство обращаютъ людей съ цѣлью ихъ просвѣщенія, а прямо говорили, что рабы нужны для работы. Да и обращались съ рабами гораздо гуманнѣе.

---

*) Біографія будетъ напечатана въ слѣдующемъ нумерѣ.

Что касается до обязанности рабовъ, то на нихъ возлагались работы домашнія и сельскія; они обработывали землю, пасли стада, прислуживали господамъ, готовили и подавали пищу. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ были спеціально приставлены къ лицу господина и слѣдовали за нимъ повсюду, на охоту, на пиры, на войну. Наиболѣе способнымъ и честнымъ поручались наблюденіе за работами, за другими рабами, часто даже воспитаніе сыновей. За домашнимъ хозяйствомъ и за рабынями наблюдала мать семейства. Въ государствахъ аристократическихъ, вся грубая работа была предоставлена на долю рабовъ, господствующее сословіе занималось только войнами, считая одно только военное поприще, достойнымъ себя. Въ республикахъ промышленныхъ и свободные занимались ремеслами и торговлею и тамъ рабамъ было поручено земледѣліе. Такъ было, напр., въ Коринфѣ. Афины одни составляли исключеніе изъ этого общаго явленія, въ нихъ, несмотря на сильное развитіе торговли, граждане сами обработывали свои поля; они любили жить внѣ города. Но со временемъ разрушенія Афинъ спартанцами во время пелопонезскихъ войнъ, когда всѣ, чтобъ спастись отъ враговъ, укрылись въ стѣнахъ города, и въ Афинахъ перестали свободные заниматься обработкой земли. Всѣ кинулись на торговлю и промышленность; но для всего этого нужны были рабочія руки.

Съ этою цѣлью, стали заставлять рабовъ работать на станкахъ, изъ нихъ сдѣлали даровыхъ гребцовъ на судахъ и т. п. Не только простые работники, но и мастера были рабы; свободные давали часто только капиталъ, пользуясь за это всѣми выгодами предпріятія. Былъ даже особый промыселъ, состоящій въ томъ, что владѣлецъ рабовъ отдавалъ ихъ въ наймы другому лицу, за извѣстную плату, или на годъ, или поденно. Это было тѣмъ болѣе выгодно, что онъ ничѣмъ не рисковалъ, такъ какъ даже въ случаѣ смерти раба, взявшій ихъ въ наемъ, долженъ былъ возвратить ихъ въ томъ-же количествѣ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ нищеты между свободными, и они стали наниматься такимъ образомъ. Нанимали на время прислугу для пировъ и другихъ праздниковъ, музыкантовъ и танцовщицъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабы составляли собственность государства, и правительство пользовалось ими для своихъ собственныхъ работъ или отдавало ихъ въ наймы частнымъ лицамъ. Въ Афинахъ дома терпимости составляли источникъ дохода для государства, а проститутки, въ нихъ помѣщавшіяся,—его собственность. Многіе рабы принадлежали храмамъ, такъ какъ въ Греціи было обычаемъ щедро одарять храмы землями, деньгами и рабами. Въ случаѣ крайней необходимости, въ самыя критическія минуты государства, рабовъ вооружали на защиту отечества. Наиболѣе отличившихся отпускали на волю, нерѣдко возводя ихъ въ достоинство полноправныхъ гражданъ. Такъ было во время борьбы за независимость съ персами, во время войнъ съ Македоніею и Римомъ.

Что касается до цѣнъ рабовъ, то трудно сказать что-либо опредѣленное; въ невольникѣ цѣнились его способности къ тому или другому дѣлу; конечно также его сила и опытность. Довольно вѣрно будетъ, если принять среднюю цѣну обыкновеннаго раба за 200—250 драхмъ (т. е. 40—50 рублей). Но не надо забывать, что въ то время эти деньги имѣли другую цѣнность, во много разъ высшую, чѣмъ теперь. За раба ремесленника давали 3—4 мины (300—400 драхмъ); есть свидѣтельство, что какой-то афинянинъ, Никій, заплатилъ за управляющаго своими работами цѣлый талами (1,300 рублей), но понятно, что эта цѣна исключительная. За выкупъ плѣнныхъ назначались цѣны, смотря по общественному положенію или богатству плѣнника. Смоимость этого выкупа идетъ постоянно увеличиваясь. До пелопонезскихъ войнъ, она не превышала двухъ минъ (40 рублей); во время Александра Македонскаго она достигла до пяти минъ за раба и десяти за свободнаго.

Цѣны рабовъ колебались соотвѣтственно закону предложенія и спроса, увеличиваясь въ случаѣ уменьшенія предложенія рабовъ или усиленіи промышленности и уменьшаясь въ противномъ случаѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова.**

(*Продолженіе.*)

VIII.

Созданіе міра.

При распространеніи христіанства, древнія языческія вѣрованія исчезали не вполнѣ и остатки ихъ, смѣшавшись съ христіанскими вѣрованіями, составили то, что принято называть у насъ двоевѣріемъ. Къ числу такихъ двоевѣрныхъ сказаній принадлежатъ и легенды о созданіи міра, въ которыхъ болѣе языческихъ образовъ, чѣмъ христіанскихъ. «Вначалѣ свѣта соблаговолилъ Богъ выдвинуть землю. Онъ позвалъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принесть ему. Ладно, думаетъ сатана, я самъ сдѣлаю такую-же землю! Онъ нырнулъ, досталъ въ руку земли и набилъ ею свой ротъ. Принесъ Богу и отдаетъ, а самъ не произноситъ ни слова... Господь куда ни броситъ землю—она вдругъ является такая ровная-ровная, что на одномъ концѣ станешь — то на другомъ все видно, что дѣлается на землѣ. Сатана смотритъ... хотѣлъ что-то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ: чего онъ хочетъ? Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ испуга. Тогда громъ и молнія поражали бѣгущаго сатану и онъ, гдѣ приляжетъ — тамъ выдвинутся пригорки и горки, гдѣ кашлянетъ—тамъ выростетъ гора, гдѣ привскочетъ — тамъ высунется поднебесная гора. И такъ бѣгая по всей землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорковъ, горокъ, горъ и превысокихъ горъ». Въ Малороссіи расказываютъ: «Ото, якъ задумавъ Господъ сотворите свитъ, то-й говоритъ до найстаршаго ангела сатанаила: а що, каже, архангеле мій! ходимъ творити свитъ. — Да ходимо, Боже! каже сатанаилъ. Ото вони и пійшли надъ море, а море таке темне-темне-сказано: безодня. Ото Богъ и каже до сатанаила: бачишь оттую безодню?—Бачу, Боже! — Иди-жъ, каже, у тую безодню на самее дно, та дистань мени жменю писку; та гляди, якъ будешь брати, то скажи про себе: беру тебѣ, земле, на имя господне!—Добре, Боже!—И впернувъ (нырнулъ) сатанаилъ у самую безодню на самій писокъ, та-й зазлистно ему стало: ни, каже, Боже! приточу я и свое имя; нехай буде разомъ и твое, и мое. И бере винъ та-й каже: беру тебе, земле на имя господне и свое! Сказавъ; прійшлося виносите, а вода ему той писокъ такъ и измивае. Той такъ затискае жменю, але де вже Бога ошукати! затимъ вигулькнувъ изъ моря, такъ того писку якъ не було—геть вода смила. Не хитри, сатанаиле, каже Господь; иди знова, та не приточуй своего имя! Пишовъ знову сатанаилъ, примовляе: беру тебе, земле, на имя господне и свое! — и знову писку не стало. Ажъ за третимъ разомъ сказавъ уже сатанаилъ: беру тебе, земле, на имя господне! и ото уже несе та-й не стискае жмени, такъ и несе на долони, щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вынисъ до Бога. И узявъ Господь той писокъ, ходитъ по мори та-й розсивае, а сатанаилъ давай облизавати руку: хочь трохи, думае, сховаю для себе, а потимъ и землю збудую. А Господь розсіявъ: а що, каже, сатанаиле, нема бильше песку?—А нема, Боже! — То треба благословити, каже Господь, та-й благословивъ землю на вси чотири части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роти и соби росте; дали такъ розрослася, що-й губу расперае. Богъ и каже: плюнь, сатанаиле! Той зачавъ плювати да харкати, и де винъ плювавъ, то тамъ виростали гори, а де харкавъ — то тамъ скали». Заонежское сказаніе: «по досельскому (т. е. старосвѣтному), окіянъ-морю плавало два гоголя; первый бѣлъ гоголь. а другой чоренъ гоголь. И тыми двумя гоголями плавали самъ Господь Вседержитель и сатана. По божію повелѣнію, по богородицыну благословенію, сатана выздынулъ со дна синя моря горсть земли. Изъ тоя горсти Господь сотворилъ ровныя мѣста и пушистыя поля, а сатана понадѣлалъ непроходимыхъ пропастей, щильевъ (ущелій) и высокихъ горъ. И ударилъ Господь молоткомъ и создалъ свое воинство, и пошла между ними великая война. По началу одолѣвала было рать сатаны, но подъ конецъ взяла верхъ сила небесная. И сверзилъ Михайла-архангелъ съ небеси сатанино воинство и попадало оно на землю въ разныя мѣста», отчего и появились водяные, лѣшіе и домовые. Старинный «свитокъ божественныхъ книгъ» разсказываетъ: До сотворенія міра сидѣлъ Господь Саваофъ въ трехъ каморахъ на воздусѣхъ, и былъ свѣтъ отъ лица его семьдесять-седьмерицею свѣтлѣе свѣта сего, ризы его были бѣлѣе снѣгу, свѣтозарнѣе солнца. Не было тогда ни неба, ни земли, ни моря, ни облаковъ, ни звѣздъ, ни зари, не было ни дней, ни ночей. И рече Господь: буди небо хрустальное и буди заря, и облаки, и звѣзды! И вѣтры дунулъ изъ нѣдръ своихъ, и рай насадилъ на востоцѣ, и самъ Господь возсѣлъ на востоцѣ въ лѣпотѣ славы своея, а громъ—гласъ господень, въ колесницѣ огненной утвержденъ, а молнія—слова господне, изъ устъ божіихъ исходитъ. Потомъ создалъ Господь море Тиверіадское, безбрежное, «и сниде на море по воздуху... и видѣ на морѣ гоголя плавающа, а той есть рекомый сатана—заплелся въ тинѣ морской. И рече Господь сатанаилу, аки не вѣдая его: ты кто еси за человѣкъ? И рече ему сатана: азъ есмь богъ,—А мене како нарещи? Отвѣчалъ же сатана: ты богъ богомъ и господь господемъ. Аще бы сатана не рекъ Господу такъ, тутъ-же бы сокрушилъ его Господь на морѣ Тиверіадскомъ. И рече Господь сатанаилу: понырни въ море и нынеси мнѣ песку и кремень. И взявъ Господь песку и камень, и разсѣя (песокъ) по морю и глаголя: буди земля толста и пространна»! затѣмъ взялъ Господь камень, преломилъ его надвое, и изъ одной половины отъ ударовъ божьяго жезла вылетѣли духи чистые; изъ другой же половины набилъ сатана безчисленную силу бѣсовскую. Но Михаилъ-архангелъ низвергъ его со всѣми бѣсами съ высокаго неба. Созданная Богомъ земля была утверждена на тридцати трехъ китахъ. Лѣтопись Нестора передаетъ слѣдующій разсказъ современнаго ему кудесника: «Богъ мывся въ мовницѣ и вспотивая, отерся ветхомъ (ветошкой) и верже съ небеси на землю; и роспреся сатана съ Богомъ, кому въ немъ створите человѣка? И створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ онь вложи, тѣмъ же аще умретъ человѣкъ—въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу». Въ Украинѣ до сихъ поръ расказываютъ, что однажды Богъ, пробудившись отъ сна, пошелъ по бѣлому свѣту и когда достигъ земли, то отъ усталости на немъ выступилъ потъ, и изъ капли его, упавшей на землю, сдѣлался человѣкъ, который поэтому и долженъ трудиться «въ потѣ лица». Голубиная книга представляетъ созданіе міра такъ:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самого Христа, царя небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Божіихъ;
Вѣтры буйные отъ Святого Духа.
У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Самого Христа, царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря.

Подобно браминамъ, учащимъ что они, брамины произошли изъ устъ Брамы, воины изъ рукъ его, а судры изъ ступней и потому должны быть въ вѣчномъ рабствѣ у первыхъ двухъ кастъ, —«Голубиная книга» говоритъ:

Отъ того у насъ въ землѣ цари пошли—
Отъ святой главы отъ Адамовой.
Отъ того зачались князья бояры—
Отъ святыхъ мощей отъ Адамовыхъ.
Отъ того крестьяне православные—
Отъ свята колѣна, отъ Адамова.

IX.

Животныя.

Въ предыдущихъ главахъ мы уже не разъ встрѣчались съ суевѣрными понятіями о нѣкоторыхъ животныхъ, бабочкѣ, ласточкѣ, кукушкѣ и т. д. Все это остатки обширнаго животнаго культа древности. Слѣды обожанія лошади можно видѣть въ тѣхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, которыя до сихъ поръ приписываютъ ей цѣлебную силу. Больныхъ умываютъ изъ ведра водою, которой не допила лошадь, или-же продѣваютъ трижды сквозь потный хомутъ; въ пензенской губерніи собираютъ осѣдающіяся лошадиныя копыта, пережигаютъ ихъ и нюхаютъ отъ лихорадки; по мѣстамъ отъ той-же болѣзни кладутъ подъ изголовье конскій черепъ: въ Малороссіи, чтобы плотина стояла крѣпко и водяной дѣдъ не разорялъ ее, закапываютъ кобылью голову. Совершенно другое значеніе имѣлъ въ старину заяцъ. Ипатьевская лѣтопись говоритъ, что литовцы поклонялись, между прочимъ, заячьему богу и при этомъ сообщаетъ: «егда выѣхаше на поле, и выбѣгняше заяцъ на поле, въ лѣсъ рощенія не вхожаще вну и не смѣяше ни розгы уломити». У насъ это повѣрье держится до сихъ поръ и еще недавно ему подчинялись даже такіе люди, какъ Пушкинъ. Во многихъ мѣстахъ крестьяне до сихъ поръ не ѣдятъ зайца, считая его поганымъ, а встарь это было общимъ правиломъ и въ указѣ патріарха Іоасафа говорится, что «зайцевъ, по заповѣди Божіей, отнюдь ясти не подобаетъ». Собака и кошка до сихъ поръ сохраняютъ въ понятіяхъ народа нѣсколько первобытный характеръ. Въ черную собаку и кошку часто оборачивается чортъ. Собака-двоеглазка, черная, съ бѣлыми пятнами надъ глазами, видитъ всякую нечистую силу. Собака-ярчукъ, у которой во рту волчій зубъ, а подъ шкурой двѣ змѣи, тоже видитъ чертей и наноситъ вѣдьмамъ смертельныя раны. Если собака жмется къ хозяину, значитъ она предвидитъ несчастіе. Собачій вой предсказываетъ покойника, пожаръ, войну. Если кошка вскочитъ на божницу, будетъ покойникъ. Ямщики неохотно соглашаются возить кошку, отъ которой будто-бы сильно утомляются и худѣютъ лошади. Изъ совершенно черной кошки можно выварить кость-невидимку: возьми ее въ ротъ, и никто не увидитъ тебя. Шапку-невидимку и неразмѣнный червонецъ можно получить отъ чорта въ обмѣнъ на черную кошку. Чтобы умершій колдунъ не появлялся въ домъ, слѣдуетъ поставить для него въ печкѣ жареную кошку. Кто убьетъ кота, тому 7 лѣтъ ни въ чемъ не будетъ удачи. Овца, корова, свинья представляются содѣйствующими домашнему благополучію. Вывороченный тулупъ, овчина и соболи предохраняютъ жениха и невѣсту отъ чаръ, надѣляютъ ихъ богатствомъ. По мѣстамъ молодые проводятъ первую ночь въ овчарнѣ или хлѣвѣ. Встрѣча коровы или свиньи, когда идутъ свататься, хорошій знакъ и имъ при этомъ отвѣшиваютъ поклоны. Новорожденнаго ребенка, чтобы онъ былъ живъ и здоровъ, кладутъ на черную овчину. Въ архангельской губ. сохраняется остатокъ древняго поклоненія коровѣ, праздникъ быкомолъ. Въ орловской губерніи купленную корову вводятъ на дворъ черезъ разостланную шубу, причемъ хозяйка кланяется ей въ ноги и подаетъ ломоть хлѣба съ солью, прося, чтобы она не бѣгала со двора. Козелъ и баранъ тоже имѣютъ важное значеніе. По старинной легендѣ, когда Богъ создалъ человѣка, дьяволу стало завидно, и онъ тоже слѣпилъ изъ глины свое подобіе, съ бородой, хвостомъ и рогами, но какъ ни дулъ въ него, не могъ вдохнуть жизни. Но какъ только дунулъ Богъ, тотчасъ вскочилъ козелъ, началъ бодать сатану и обратилъ его въ бѣгство. Съ тѣхъ поръ черти и боятся козла. Отъ проказъ домового хорошо закапывать въ землю козій черепъ и окуривать курицъ, шерстью козла. Волкъ въ древности былъ воплощеніемъ демона. По выраженію слова о полку, Игорь ведетъ воиновъ къ Дону, «вълци грозу въсрожатъ по яругамъ»; у лѣтописца Нестора записанъ слѣдующій разсказъ: «идущема же има (на битву), сташа ночлѣгу, и яко бысть полунощи, вставъ Бонякъ, отъѣха отъ вой, и поча выти волчьски, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози. Бонякъ-же пріѣхавъ, повѣда Давыдови: яко побѣда ны есть на Угры заутра». Въ сказаніи о мамаевомъ побоищѣ замѣчено, что Димитрій Волынецъ «сѣдѣ на конь свой, поимъ съ собою великаго князя, выѣхавъ на поле Куликово и и ставъ посредѣ обоихъ полковъ, обратився на полки татарскіе, слышатъ стукъ великъ и крикъ... трубы гласяще. И бысть-же назади татарскихъ полковъ волцы воютъ вельми грозно, по правой-же странѣ ихъ вòроны и галицы безпрестанно кричаше». По народной донынѣ существующей примѣтѣ, вой волковъ предвѣщаетъ морозъ, голодъ, моръ и войну; если волки ходятъ по полямъ стаями и воютъ—это знакъ будущаго неурожая. Медвѣдь считается человѣкомъ-оборотнемъ, и я знавалъ въ Иркутскѣ покойнаго священника Загоскина, который вполнѣ вѣрилъ этому. Въ сказкѣ медвѣдь приходитъ къ дѣвицѣ, ночевавшей въ лѣсной избушкѣ, заставляетъ ее стряпать ужинъ и стлать постель; все это она сдѣлала, но медвѣдь убилъ ее, потому что она была зла, добрую же дѣвицу медвѣдь награждаетъ за ея услуги всякимъ добромъ. Въ другой сказкѣ приходитъ въ нѣкое государство царь-медвѣдь, пожираетъ весь народъ и гонится за царевичемъ, бѣжавшимъ со своею прекрасною сестрою; они неизбѣжно погибли-бы, если-бы ихъ не спасъ бычекъ, залѣпившій медвѣдю глаза своимъ пометомъ. Для безопасности скотины вѣшаютъ въ конюшнѣ медвѣжью голову или просятъ медвѣжьяго поводильщика обвести звѣря кругомъ двора. Черезъ больного лихорадкой тоже заставляютъ перейдти медвѣдя.

Ни одно животное не окружено до сихъ поръ такимъ суевѣрнымъ уваженіемъ, какъ змѣя, съ которою отчасти до сихъ поръ сливается понятіе о мифическомъ драконѣ, змѣѣ. Встарь за этого змѣя принимали и падучую звѣзду, и метеоръ. Подъ 1028 г. лѣтописецъ говоритъ: «знаменіе явися зміево на небесѣхъ, яко видѣти всей землѣ»; подъ 1091 г.: «спаде превеликъ змій отъ небесе—ужасошася вси людье»; 1144 года: «бысть знаменіе за Днѣпромъ въ кіевьской волости: летящю по небеси до земля, яко кругу огнену, и остася по слѣду его знаменіе въ образѣ змья великаго, и стоя по небу съ часъ дневный и разидеся»; 1556 года: «бысть знаменіе—того мѣста, гдѣ звѣзда была на небеси, явися яко змій образомъ, безъ главы стояше... ино яко хоботъ хвостъ сбираше, и бысть яко бочка и спаде на землю огнемъ, и бысть яко дымъ по земли». Въ отпискахъ 1662—3 гг. о метеорахъ, видѣнныхъ въ бѣлозерскомъ уѣздѣ, читаемъ: «явися, аки звѣзда великая, и покатись по небу (съ) скоростью, яко молнія, и небу раздвоитися, и протяжеся по небу, яко змій, голова во огни и хоботъ—и стояло съ полчаса»; «сталъ яко облакъ, мутенъ, и протяжеся отъ него по небу, яко змій великій, голова во огни, и пошелъ изъ него дымъ, и учалъ въ немъ быть громъ». Въ Новгородѣ есть преданіе, что на мѣстѣ нынѣшняго Перюнскаго (Перынскаго) скита прежде жилъ змѣй, каждую ночь ходившій спать на Ильмень, къ волховской коровницѣ. Очаровавъ женщину или дѣвицу, этотъ огненный змѣй начинаетъ летать къ ней по ночамъ и, спустившись черезъ трубу, является къ ней красавцемъ-юношей. Зазноба его неисцѣлима. «Не любя полюбишь, не хваля похвалишь такого молодца (змѣя); умѣетъ оморочить онъ, злодѣй, душу красной дѣвицы привѣтами; усладитъ онъ, губитель, рѣчью лебединою молоду молодицу; заиграетъ онъ, безжалостный, ретивымъ сердцемъ дѣвичьимъ; затомитъ онъ, ненасытный, ненаглядную, въ горючихъ объятіяхъ; растопитъ онъ, варваръ, уста алыя. Отъ его поцѣлуевъ горитъ красна-дѣвица румяной зарею; отъ его привѣтовъ цвѣтетъ она краснымъ солнышкомъ. Безъ змѣя красна-дѣвица сидитъ во тоскѣ, во кручинѣ; безъ него она не глядитъ на божій свѣтъ; безъ него она сушитъ, сушитъ себя!» Любовницами змѣя бываютъ преимущественно вѣдьмы и чародѣйки, вродѣ той Марины или Марфы, о которой былина разсказываетъ:

По саду, саду зеленому ходила-гуляла
Молода княжна Марфа Всеславьевна;
Она съ камени скочила на лютого змѣя,
Обвивается лютой змѣй около чебота—зеленъ-сафьянъ,
Около чулочка шелковаго, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну;
А въ та поры княжна поносъ понесла,
А поносъ понесла—и дитя родила.

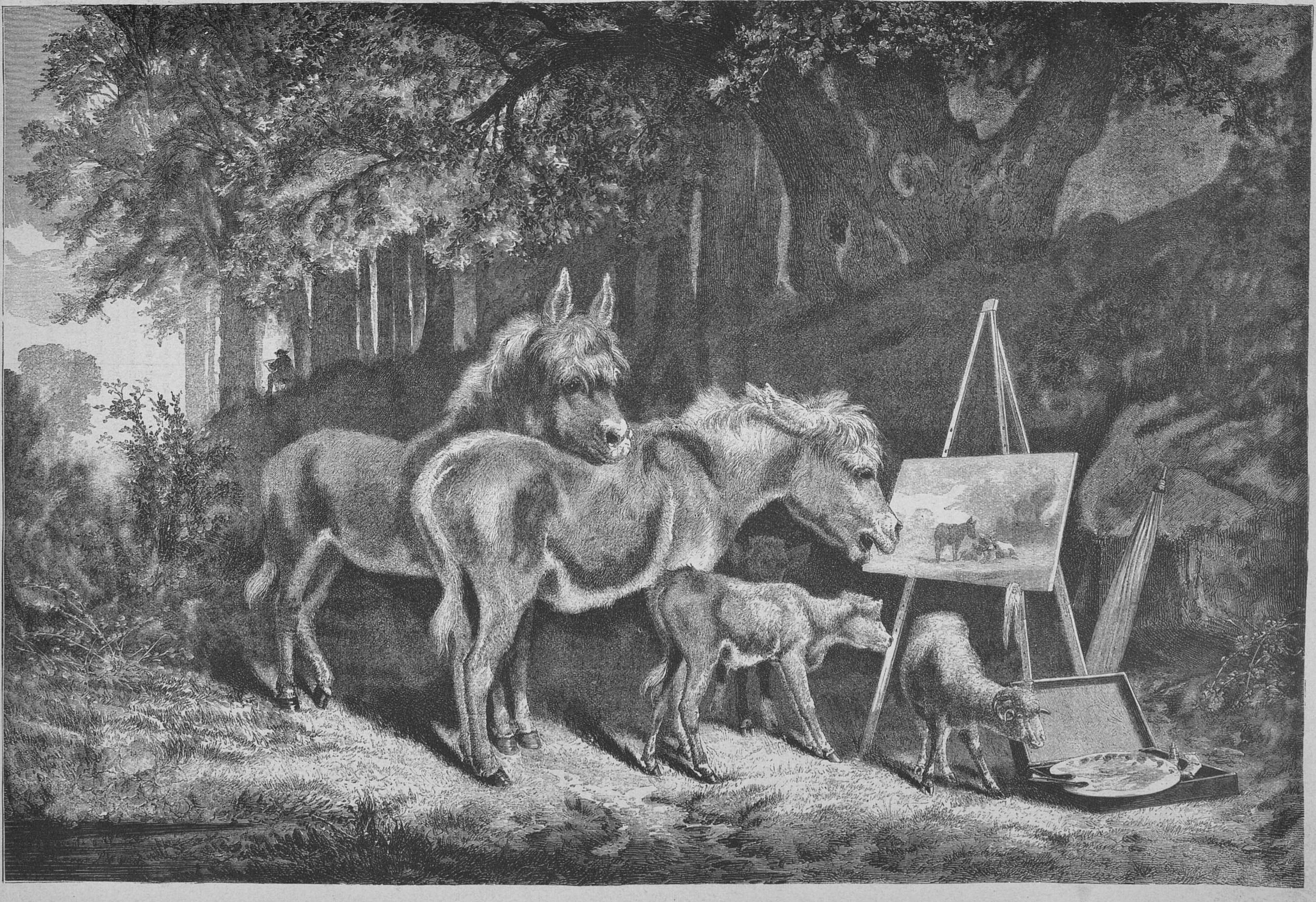
Въ одной пѣснѣ разсказывается:

Изъ того-ли подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася —
Во чревѣ дитя встрепенулося.

Пишетъ она ярлыки скорописные, посылаетъ за княземъ: «воротися домой,—молодая княгиня беременна!»

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА П. МОРАНА.

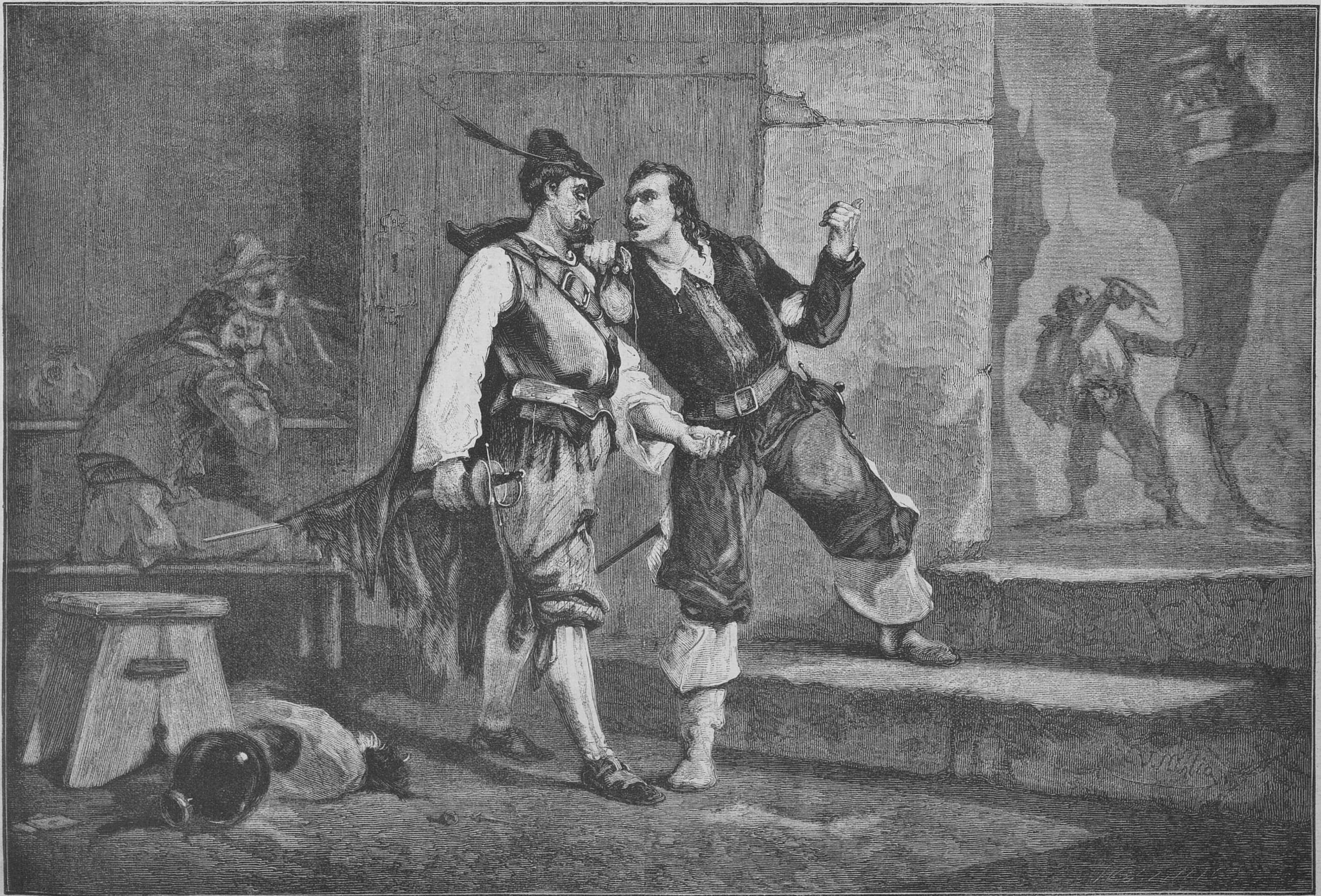


Художественные критики.

Рѣзано на деревѣ въ Лондонѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ВИКТОРА НЕЛИГА.



Кровавая плата.

Рѣзалъ на деревѣ У. Т. Линтонъ.

Въ Сибири разсказываютъ о Змѣѣ Горынычѣ, жившемъ на Уралѣ; онъ похитилъ дѣвицу и заперъ ее въ Дѣвьей горѣ. По малорусской легендѣ, встарь появился около Кіева змѣй, бралъ онъ съ народа поборы не малые, съ каждаго двора по красной дѣвкѣ: возьметъ да и съѣстъ! Пришелъ чередъ—послалъ и князь свою дочь, а она была такъ хороша, что и описать нельзя. Змѣй потащилъ ее въ берлогу, а ѣсть не сталъ, больно она ему полюбилась. Приласкалась княжна къ змѣю и спрашиваетъ: «чи есть на свити такій чоловикъ, щобъ тебѣ подужавъ?» — «Есть такій у Кіеви надъ Днипромъ: якъ затопить хату, то дымъ ажъ пидъ небесами стелецця; а якъ війдѣ на Днипръ мочить кожи (бо винъ кожемяка), то не одну несе, а 12 разомъ, и якъ набрякнуть вони водою во Днипри, то я визьму да-й учеплюсь за ихъ, чи витягне-то винъ ихъ? А ему й байдуже: якъ поцупить, то-й мене з' ними трохи на берегъ не витягне! Отъ того чоловика тильки мини й страшно». Княжна вздумала дать про то вѣсточку домой, а при ней былъ голубокъ; написала къ отцу грамотку, привязала голубю подъ крыло и выпустила его въ окно. Голубь взвился и полетѣлъ на княжье подворье. Тогда умолили Кирила-кожемяку идти противъ змѣя; онъ обмотался коноплями, обмазался смолою, взялъ булаву пудовъ въ 10 и пошелъ на битву. «А що, Кирило, спросилъ змѣй, пришевъ битьця, чи мириться?»—«Де вже мириться! битьця з' тобою, з' Иродомъ проклятымъ!» Вотъ и начали биться, ажъ земля гудетъ; что разбѣжится змѣй да хватитъ зубами Кирила, такъ кусокъ конопля да смолы и вырветъ; а тотъ его булавою какъ ударитъ, такъ и вгонитъ въ землю. Жарко змѣю, надо хоть немного въ водѣ прохладиться да жажду утолить, и вотъ пока сбѣгаетъ онъ на Днѣпръ, кожемяка успѣетъ вновь и коноплей обмотаться, и смолой вымазаться. Убилъ Кирила змѣя, освободилъ княжну и привелъ къ отцу. Съ того времени урочище, гдѣ жилъ богатырь, стало слыть Кожемяками. Въ связи съ этими представленіями находится и изображеніе любодѣицы въ аду по духовнымъ стихамъ:

Среди рѣки огненной
На змѣѣ на треглавомъ,
И руки у нея, и ноги ужами закованы,
А на шеѣ ея сидитъ змѣя двуглавая
Двуглавая, злая, огненная.

Змѣй хранитъ клады, и чтобы видѣть ихъ подъ землею, нужно помазать глаза саломъ бѣлой змѣи. Въ Малороссіи одна дѣвица заблудилась въ лѣсу и нечаянно провалилась въ какую-то яму. «Яма така глибочѐнна, що-й свиту не видно. Дивитця-дакъ тамъ гадюкъ сила силенная, мабудь вони зо всего свиту забрались на зимовья! Такъ уси зразу й кинулись до нези, пидняли голови да-й сичять. Злякалась вона... коли-жь дивитця одна така здоровенна да вся въ золоти и лизе до нези. Не бійся, каже, дивчино! ничого; безъ мене никто тоби ничого не заподіе, я тутъ найстарійша; якъ схочешь зисти, то онъ глянь—лежитъ камень, ти й полижи его. Лизнула вона того каменю—и зисти вже не хòче». Такъ прожила она зиму съ змѣями. На Благовѣщенье, въ то самое время, какъ уже сталъ снѣгъ, велѣла ей золотая гадюка: «становись на меня!» Дѣвица стала на змѣю, а гадюка какъ подкинетъ ее вверхъ, такъ и выкинула изъ ямы! И не одни клады открываетъ вѣщая сила змѣи. Ѣхалъ чумакъ съ работникомъ, остановился въ полѣ и разложилъ огонь. Чумакъ отошелъ немного въ сторону, свиснулъ и къ нему приползла цѣлая стая змѣй, которыхъ онъ сварилъ въ котлѣ, насыпалъ въ него пшено и приготовилъ кашу. Поѣвъ ее онъ велѣлъ наймиту вымыть котелъ, но не ѣсть остатковъ каши. Наймитъ не послушалъ и, съѣвъ съ ложку, вдругъ сталъ слышать, что говорятъ другъ другу растенія и животныя. Замѣтивъ это, чумакъ велѣлъ ему съѣсть стебель чернобыли, которую хохлы зовутъ забудьками, и наймитъ сразу забылъ все, что слышалъ, и пересталъ слышать разговоры травъ и воловъ. Въ 1843 г. во время скотскаго падежа въ селѣ Давшинѣ крестьяне убили змѣю, выпустили изъ нея кровь, сварили послѣднюю съ дегтемъ и смолой и мазали этой смѣсью ворота, чтобы прогнать язву. Отъ лихорадки носятъ на шеѣ змѣиную шкуру или головки, которыя помогаютъ и отъ другихъ болѣзней.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Великая пѣвица.

Историческая повѣсть **Луизы Мюльбахъ**. Переводъ **А. Качоровской**.

(*Продолженіе.*)

Глава VI.

Исповѣдь.

По окончаніи концерта Габріэли вернулась въ комнаты князя Кауница; великолѣпный браслетъ императрицы горѣлъ на ея рукѣ. Она обняла князя.

— Вы преданный другъ, настоящій рыцарь безъ страха и упрека! вскричала Габріэли.— Мнѣ хотѣлось броситься вамъ на шею въ присутствіи императрицы и всего чопорнаго двора, когда вы такъ неустрашимо бравировали гордую Марію-Терезію въ качествѣ моего кавалера и рыцаря!

— Я сдѣлалъ это потому, что обѣщалъ вамъ, Катарина, удовлетвореніе за несправедливость, отвѣчалъ хладнокровно Кауницъ, отстраняясь отъ бурныхъ ласкъ пѣвицы;—кромѣ того, я желалъ показать этимъ, что считаю своею обязанностію оказывать одинаковое вниманіе всѣмъ приглашеннымъ мною гостямъ. Въ моихъ глазахъ всѣ собравшіеся въ моемъ замкѣ, не смотря на ихъ званія и состоянія, равны между собою; они только мои гости. Но считаю долгомъ сказать вамъ, Катарина, я недоволенъ вами. Вы не оказали того высокаго уваженія, какое подобаетъ императрицѣ. Вы забылись, дитя мое, и я не одобряю вашего поведенія. Я далъ вамъ удовлетвореніе, оказавъ вамъ вниманіе, преимущественно предъ всѣми моими гостями.

— Но это не удовлетворило меня! вскричала Габріэли, черные глаза которой сверкнули гнѣвомъ,—нѣтъ князь, не удовлетворило! Я дала клятву отомстить всѣмъ этимъ знатнымъ, надмѣннымъ графамъ и графинямъ; они сдѣлали меня тѣмъ, что я есть!

— То есть, величайшей артисткой! сказалъ Кауницъ, слегка склоняя голову.

— Нѣтъ, гнѣвно вскричала она,—погибшей, несчастной, которая цѣлыя ночи проводитъ безъ сна, заглушая въ подушкахъ рыданія и стоны; потому что артистка, покинувъ сцену и смывъ румяна, видитъ свои поблекшія щеки и тогда женщина стыдится артистки. Молчите, Кауницъ, вы единственный человѣкъ, котораго я уважаю, вы не похожи на другихъ: у нихъ нѣтъ сердца! Но вы, Кауницъ, холодный по наружности, вы имѣете сердце, вы честный человѣкъ, вы не обманываете женщинъ, обѣщая имъ фальшивую любовь. Я знаю васъ хорошо! Я знаю, вы представлетесь равнодушнымъ и холоднымъ; вы слишкомъ ненавидите свѣтъ, для того, чтобы открыть ему святую тайну вашихъ помысловъ Да, я уважаю васъ, Кауницъ, и потому желаю, въ послѣдній часъ нашего свиданья, открыть вамъ свою душу. Вы должны знать, какъ сдѣлалась я тѣмъ, что я есть! Не говорите: «величайшей артисткой!» Впрочемъ, да! и величайшей артисткой меня сдѣлало несчастіе. Порпора былъ правъ: «Чтобы сдѣлаться величайшей артисткой, говорилъ онъ, нужно сперва пріять купель слезъ и пройдти чрезъ очистительный огонь страданья». Ну я пріяла эту купель, а очистительный огонь, горитъ иногда въ душѣ моей во время безсонныхъ ночей. Слушая меня вы скажете: обыкновенная исторія! Да, правда! Это обыкновенная исторія, но вѣдь каждому его собственныя страданія кажутся чѣмъ-то новымъ, неслыханнымъ, достойнымъ сожалѣнія! Не стану говорить вамъ о моемъ дѣтствѣ; мой отецъ былъ поваромъ богатаго кардинала Габріэли въ Римѣ и въ то время, какъ онъ велъ привольную жизнь, моя мать и я страшно бѣдствовали. Онъ покинулъ и оттолкнулъ мою мать и меня потому, что князь церкви не терпѣлъ въ своемъ домѣ женатыхъ слугъ. Тринадцати лѣтъ я осталась сиротой, мать моя умерла; тогда въ отчаяніи я осмѣлилась идти къ отцу и умолять о помощи. Но онъ прогналъ меня. Я ушла отъ него рыдая, но слезы не могли насытить меня, а мнѣ хотѣлось ѣсть. Не знаю какимъ образомъ я остановилась на углу одной улицы и начала пѣть; но люди проходили, не обращая на меня вниманія, а я въ отчаяніи пѣла все громче, все сильнѣе; наконецъ, какой-то бѣдно одѣтый старикъ остановился и сталъ вслушиваться въ мое пѣніе, изрѣдка одобрительно кивая головой. Когда я кончила пѣть, онъ приблизился ко мнѣ: «Сегодня ты нищая, сказалъ онъ, хочешь завтра быть царицей?» Я смотрѣла на него съ удивленіемъ; онъ ясно видѣлъ по моему взгляду, что я считала его съумасшедшимъ. «Я знаю хорошо, что говорю, продолжалъ онъ, качая головой; — и повторяю: дитя, сегодня ты нищая, хочешь быть завтра царицей?»—Я засмѣялась и отвѣтила: «да, хочу!»—«Такъ иди со мной!» вскричалъ онъ и, взявъ меня за руку, повелъ съ собою. Онъ привелъ меня въ свою квартиру, бѣдную мансарду, но для меня, привыкшей къ несчастной каморкѣ моей матери, эта мансарда показалась богатой, и я съ неописаннымъ восторгомъ бросилась въ кожанное кресло, единственную роскошную мебель, и въ изнеможеніи склонила голову. Онъ-же всталъ передо мной и разсматривалъ меня съ удивленіемъ: «Ты прекрасна, сказалъ онъ, это тебѣ поможетъ скорѣе достигнуть трона, царица будущаго!» «Нищая настоящаго! слабо отвѣтила я, такъ какъ умирала съ голода,—я отдаю вамъ все свое царство за кусокъ хлѣба, о которомъ умоляю васъ теперь!»—«Ты голодна!» вскричалъ онъ съ ужасомъ, поспѣшно доставая изъ стѣнного шкафа кушанья и напитки, и уговаривая меня ѣсть какъ можно осторожнѣе, что-бы мнѣ не повредило... Это была моя первая встрѣча съ Порпора, величайшимъ музыкантомъ и композиторомъ Италіи. Я осталась у него его ученицей, дочерью, его надеждой въ будущемъ. Онъ вѣрилъ, что меня къ нему ниспослало само небо, для того, чтобы я прославила по всему свѣту его произведенія, и я должна была дать ему честное слово, что какъ только достигну трона, буду вездѣ пѣть его оперы. Это была единственная награда, какую требовалъ благородный человѣкъ за всѣ свои благодѣянія. Я оставалась у него три года и мнѣ всегда кажется, что это время я жила въ раю; мы говорили и думали только объ искуствѣ; въ немъ заключались всѣ наши радости, всѣ наши восторги...

— Что еще могу я разсказать вамъ объ этомъ времени невинности и ученья, продолжала Катарина, переведя духъ. — Однажды Порпора объявилъ мнѣ торжественно, что мои занятія окончены и что онъ хочетъ помочь мнѣ взойти на первыя ступени трона. Онъ взялъ мою руку, мы спустились на улицу, сѣли въ фіакръ и поѣхали во дворецъ кардинала Габріэли. Я испуганно жалась къ Порпора: «Отецъ прогонитъ меня, онъ прибьетъ меня, если я еще разъ приду къ нему!» шептала я. Но Порпора смѣялся: «Успокойся, дитя, говорилъ онъ,—мы идемъ не къ повару а къ кардиналу; не бойся; отецъ твой не узнаетъ въ высокой, цвѣтущей дѣвушкѣ свое бѣдное, больное дитя». Порпора былъ правъ. Отецъ не узналъ меня. Онъ стоялъ въ дверяхъ, когда я прошла мимо него подъ руку съ Порпора, слѣдуя за камердинеромъ, который доложилъ кардиналу о маэстро Порпора и его ученицѣ. Кардиналъ принялъ насъ очень любезно и милостиво смѣялся, когда Порпора сказалъ ему, что желаетъ представить ему одну изъ своихъ ученицъ, чтобы кардиналъ, какъ знатокъ въ музыкѣ, рѣшилъ, можетъ-ли она открыто выступить на сцену, какъ пѣвица. Я пропѣла арію. Кардиналъ былъ въ восторгѣ и спросилъ моего учителя, гдѣ открылъ онъ такое сокровище?—«Въ кухнѣ вашего высокопреосвященства, смѣясь отвѣчалъ Порпора, и разсказалъ кардиналу о жестокосердіи моего отца. Кардиналъ былъ возмущенъ; онъ призвалъ повара, бранилъ его и, въ наказаніе, хотѣлъ прогнать отъ себя, но по моей неотступной просьбѣ, простилъ его, съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, что отецъ признаетъ меня дочерью и своей единственной наслѣдницей. Я съ гнѣвомъ отказалась отъ этого: «Я не хочу имѣть ничего общаго съ человѣкомъ, который уморилъ съ голоду мать мою!» вскричала я. «Твоя правда, дитя мое! отвѣчалъ кардиналъ, —ты пріобрѣтешь извѣстность, имя твое прославится по всему свѣту и твой отецъ будетъ справедливо наказанъ тѣмъ, что его знаменитая дочь не будетъ носить его фамиліи. Но такъ какъ ты остаешься безъ имени, то я даю тебѣ свое, ты должна называться Габріэли. Имя кардинала Габріэли должно съ нимъ умереть, но пѣвица Габріэли, надѣюсь, сдѣлаетъ его безсмертнымъ!»—Я подтвердила, что желаю этого, и съ этого дня стала пользоваться покровительствомъ кардинала и носить его имя. Онъ ввелъ меня въ салоны римской аристократіи, я пѣла на ихъ вечерахъ и вскорѣ весь Римъ заговорилъ съ энтузіазмомъ о любимицѣ кардинала Габріэли, о...

— О поварихѣ кардинала Габріэли, прервалъ ее, смѣясь, Кауницъ.

— Да, подтвердила Катарина,—они называли меня поварихой и это была единственная память о моемъ отцѣ. Вскорѣ я сдѣлалась первой пѣвицей въ Римѣ и когда появилась на сценѣ, вошло въ моду за мной ухаживать. Молодые аристократы лежали у ногъ моихъ и клялись, что синьора Габріэли самое обворожительное существо на свѣтѣ! Я смѣялась надъ всѣми, я любила только одно искуство, до того дня, когда я встрѣтила молодого князя Монако... Всѣ женщины обожали его, княгини и графини считали себя счастливѣйшими, если удостоивались взгляда его большихъ, темно-голубыхъ глазъ; а онъ любилъ только меня: онъ, какъ и другіе, лежалъ у моихъ ногъ и клялся мнѣ въ вѣчной любви! Я, которая смѣялась надъ всѣми и съ презрѣніемъ отталкивала всѣ ихъ дорогіе подарки,—я была рада получить отъ него первый весенній цвѣтокъ и любовь его дѣлала меня счастливой. Что онъ былъ бѣденъ и не могъ предложить мнѣ ничего, кромѣ сердца и любви, приводило меня въ восторгъ; я могла доказать ему, что люблю его, что любовь его дороже для меня всѣхъ сокровищъ, предлагаемыхъ мнѣ другими... Я вижу, вы улыбаетесь, князь, и думаете: «обыкновенная исторія всѣхъ влюбленныхъ!» вамъ надоѣло слушать, хорошо, я сейчасъ кончу... Это было чудное время, а потому и продолжалось очень недолго. Порпора почуялъ опасность; онъ догадался, что женщина уничтожитъ артистку и возненавидѣлъ отъ всего сердца прекраснаго князя Монако. Я дѣйствительно обѣщала ревнивому князю, который желалъ схоронить наше счастье отъ всего свѣта, покинуть сцену и убѣжать съ нимъ. Мы хотѣли тайно обвѣнчаться и поселиться въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ, до примиренія съ гордыми родными князя... Это былъ счастливый сонъ.

— Сонъ, сказалъ Кауницъ, слегка качая головой,—какой снится всѣмъ влюбленнымъ и послѣ котораго они пробуждаются отрезвленными. Такъ случилось и съ вами, Катарина, не правда-ли?

— Да, отвѣчала она, сжимая зубы,—да это случилось и со мною. Я пробудилась въ одинъ прекрасный день, но это было ужасное пробужденіе! Порпора, провѣдавъ опасность, поспѣшилъ къ старому князю Монако и открылъ ему и его прекрасной супругѣ намѣреніе ихъ сына. Борьба была продолжительна и наконецъ... Ну, князь, какъ думаете вы окончилась наконецъ эта трагикомедія?

— Я думаю, сказалъ Кауницъ, спокойно и съ улыбкой заглядывая ей въ лицо,—я думаю, конецъ былъ самый обыкновенный: благоразумные родители побѣдили неблагоразумную, сумасбродную страсть молодыхъ людей. Князь сдался наконецъ на увѣщанія своихъ родныхъ, а вы на увѣщаніе Порпора. Вы разошлись.

— Не совсѣмъ вѣрно! вскричала она,—я не сдалась, я твердо рѣшила принести въ жертву любви мою блестящую будущность, мою славу, мое величіе! Но въ остальномъ вы отгадали вѣрно, Кауницъ: молодой человѣкъ сдался. Однажды пришелъ ко мнѣ торжествующій Порпора и объявилъ, что князь Монако уѣхалъ, чтобы жениться на единственной дочери герцога Моденскаго. Она была очень богата. Онъ поручилъ Порпора передать мнѣ, что жертвуетъ собою для блага своей семьи и своихъ родителей, но что меня онъ будетъ любить вѣчно! Это былъ жестокій ударъ!.. И я поклялась мстить ему и всему свѣту. Узнавъ чрезъ Порпора, что приближается день свадьбы, я отправилась въ Модену; въ этотъ день въ театрѣ давали новую оперу Порпора и молодые должны были присутствовать на представленіи. Я отправилась къ директору театра и объявила, что желаю пѣть сегодня въ оперѣ; я требовала только, чтобы сохранили въ тайнѣ до вечера мое участіе; за это я обѣщала пѣть и въ слѣдующій вечеръ. Директоръ съ радостію согласился. Наступилъ вечеръ; никогда сердце мое не билось такъ сильно; театръ былъ полонъ, но я видѣла только его; онъ сидѣлъ въ герцогской ложѣ, рядомъ съ маленькимъ существомъ, своей женой. Я смотрѣла ему въ глаза и старалась взглядомъ выразить ему весь гнѣвъ свой, все свое презрѣніе. Я чувствовала, что онъ понимаетъ меня, я видѣла это по его сжатымъ губамъ и по смертельной блѣдности, покрывшей его щеки. Это дѣлало меня счастливой, и я пѣла, какъ никогда въ жизни не буду пѣть! Я въ звукахъ изливала свой гнѣвъ, я мстила этому блѣдному, трепещущему человѣку, который сидѣлъ пристыженный, и котораго я все-же видѣла у ногъ моихъ въ ту минуту, когда вся публика привѣтствовала его, какъ супруга дочери своего герцога. Никогда не торжествовала я такъ, какъ въ этотъ вечеръ; я, какъ ласточка, пѣла прощальную пѣснь своей любви. Когда опера кончилась, пришелъ Порпора, весь въ слезахъ, всталъ передо мною на колѣни и благодарилъ.—«Ты также, сказалъ онъ, когда-нибудь поблагодаришь меня, дитя мое, что я освободилъ тебя отъ ничтожной любви, которая грозила опасностію лишить тебя трона и сдѣлать изъ тебя простую, любящую женщину. Я спасъ тебя и мнѣ ты обязана своей будущей славой!»—«Ты правъ, маэстро! отвѣчала я ему,—я едва не сдѣлалась пастушкой, ты превратилъ меня въ фурію и я останусь ею до конца жизни!»

— На слѣдующій день, продолжала Катарина черезъ нѣсколько времени,—князь пришелъ ко мнѣ, лежалъ у моихъ ногъ, плакалъ и стоналъ; онъ умолялъ простить его, увѣрялъ, что любитъ только меня одну и если я отдамся ему, онъ устроитъ мнѣ настоящій рай!.. Я не дала ему продолжать, въ порывѣ гнѣва я оттолкнула его! Но ночью на колѣняхъ я дала клятву мстить всему свѣту, всѣмъ мужчинамъ! Ну, князь, я, кажется, сдержала клятву? Я съ презрѣніемъ и насмѣшкой смотрю на всѣхъ своихъ поклонниковъ; съ тѣхъ поръ умершее сердце мое не воскресало болѣе для любви! Теперь, продолжала она своимъ обыкновеннымъ веселымъ тономъ, вставая съ дивана и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ,—вамъ извѣстны, Кауницъ, вся моя жизнь, все мое прошлое. Люди скажутъ просто: она любила и была обманута, она видѣла прекрасный сонъ и пробудилась!

— Но это было, кэкъ кажется, прекрасное пробужденіе, сказалъ смѣясь Кауницъ,—и синьора Габріэли, величайшая пѣвица Европы, подруга князя Кауница, не можетъ жаловаться на свою судьбу!

— Я ни на что не жалуюсь, отвѣчала она пожимая плечами,—иногда только воспоминанія приходятъ сами собой, я сознаю свое ничтожное существованіе и презираю себя; за то минуты эти я вымѣщаю на другихъ людяхъ. Вы видѣли меня сегодня слабой, Кауницъ, вы единственный человѣкъ, который видѣлъ меня такою. Это моя вамъ благодарность за доставленное мнѣ сегодня вечеромъ удовлетвореніе.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

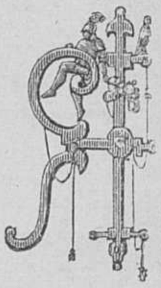
* * *

Литературные и драматическіе очерки.

Ст. Эмиля Золя *).

IV.

Альфредъ Мюссе.



Я поговорю сегодня объ Альфредѣ Мюссе. Часто я думаю съ самой нѣжной симпатіей объ этомъ возлюбленномъ поэтѣ, который возбуждаетъ во мнѣ самыя дорогія воспоминанія. Теперь кстати отличный случай сказать о немъ нѣсколько словъ; наша школьная молодежь празднуетъ его память и его имя у всѣхъ на устахъ. Конечно, я не имѣю притязанія написать литературнаго этюда. Я вчера прочелъ очень интересную біографію Альфреда Мюссе, написанную его братомъ Полемъ, и удовольствуюсь тѣмъ, что набросаю здѣсь нѣсколько замѣтокъ, навѣянныхъ этимъ чтеніемъ.

Я уже неразъ говорилъ, что мы очень плохо знаемъ исторію романтическаго движенія. Ни одинъ изъ современниковъ, даже Сент-Бевъ, не рѣшился сказать намъ всей правды. Впослѣдствіи придется искать матеріалы для этой исторіи въ біографическихъ трудахъ. Вотъ нѣсколько любопытныхъ свѣденій, которыя я нахожу въ книгѣ Поля Мюссе.

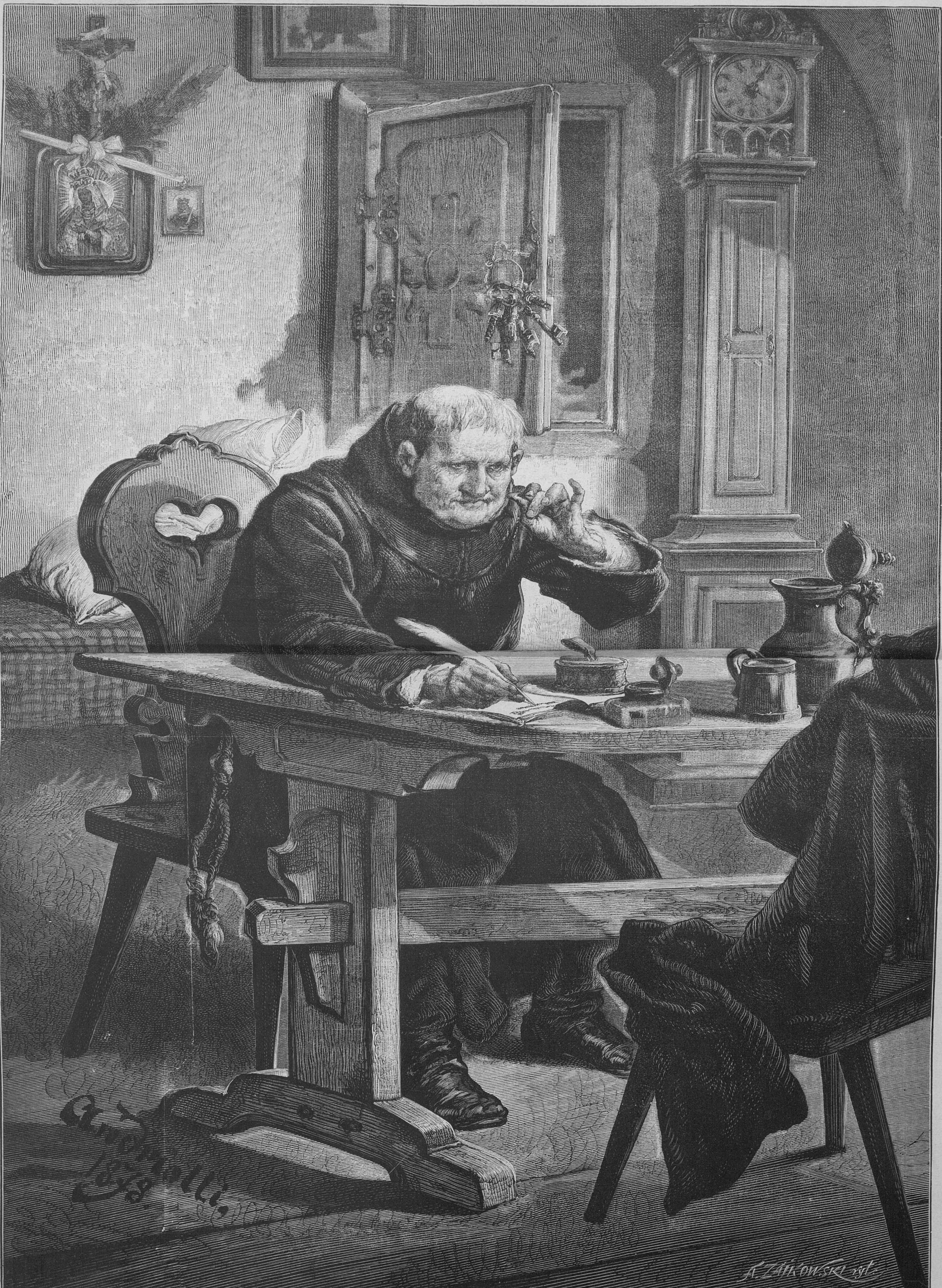
Сначала Альфредъ Мюссе былъ пламеннымъ ученикомъ Виктора Гюго. Неокончивъ еще своего ученія, Мюссе былъ представленъ своимъ другомъ и товарищемъ Полемъ Фуше въ домъ Виктора Гюго. Онъ видалъ тамъ Альфреда Виньи, Проспера Мериме, Сент-Бева, Эмиля и Антони Дешанъ, Люи Буланже и пр. Сдѣлавшись вскорѣ однимъ изъ послушниковъ новой обители, онъ

---

*) Этотъ любопытный очеркъ написанъ по поводу недавняго празднованія въ Парижѣ годовщины смерти великаго поэта юности. Молодежь Латинскаго квартала устроила блестящее литературное и музыкальное утро въ громадной залѣ Трокадеро и бюстъ Альфреда Мюссе былъ увѣнчанъ лаврами при пламенныхъ рукоплесканіяхъ и восторженныхъ восклицаніяхъ тысячной толпы.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА АНДРІОЛЛИ.


Andriolli 1878
A. Zaikowski ryt.

Монастырскій писецъ.
Рисовалъ на деревѣ авторъ, рѣзано въ Варшавѣ.

былъ допущенъ до участія въ вечернихъ прогулкахъ, когда отправлялись смотрѣть солнечный закатъ и любоваться старымъ Парижемъ съ высоты башень собора Божьей Матери. Въ эту эпоху Мюссе написалъ маленькую поэму въ подражаніе Виктору Гюго, романтичную сцену, происходившую въ Испаніи, которую впослѣдствіи онъ нашелъ недостойной перепечатки. Однакожъ онъ долго скрывалъ отъ всѣхъ, что пишетъ стихи. Наконецъ въ одинъ прекрасный день онъ рѣшился прочесть элегію и 2 балады. Элегіи много рукоплескали, но балада Agnès, написанная въ подражаніе Виктору Гюго, возбудила настоящій энтузіазмъ.

Поощряемый этимъ успѣхомъ Мюссе тотчасъ написалъ нѣсколько пьесъ извѣстныхъ всѣмъ; это: «Le Lever», «L'Andalouse», «Don Paez», «Les marrons de Feu» «Portia», «La Ballade à la lune». Тогда ему было 19 лѣтъ. Романтики рукоплескали стихамъ бѣлокураго юноши, повидимому, не подозрѣвая сказывавшуюся въ нихъ новую самобытную литературную индивидуальность. Только изданіе первой книги Мюссе «Les contes d'Espagne» въ 1829 г. открыло глаза романтикамъ. Успѣхъ новаго поэта былъ громадный. Нѣкоторые органы печати пришли въ ярость, но публика была въ восторгѣ; тогда только романтики поняли, что въ ихъ-же средѣ развился великій поэтъ-диссидентъ.

Разрывъ Мюссе съ романтиками недолго заставилъ себя ждать. Сначала романтики встрѣтили «Les contes d'Espagne» какъ трудъ своего собрата. Но слѣдующія произведенія Мюссе, появившіяся въ «Revue de Paris»: «Les voeux steriles», «Octave» и особенно Pensées de Raphael» страшно ихъ оскорбили. «Какъ извѣстно, говоритъ Поль Мюссе,—поэтъ просилъ прощенія у своего родного языка за то, что онъ часто былъ виноватъ передъ нимъ. Расинъ и Шекспиръ, по его словамъ, встрѣтились на его столѣ съ Буало, который ему простилъ... Класики могли бы радоваться этому покаянію, выраженному столь искренно, но они какъ бы этого незамѣтили и все упрекали Мюссе его «Баладой лунѣ». Съ другой стороны, романтики, обиженные «Исповѣдью Рафаеля», объявили, что поэтъ «Испанскихъ сказокъ» имъ измѣнилъ и что его талантъ очень ослабѣлъ, нисколько не осуществляя поданныхъ имъ надеждъ. Мюссе вдругъ очутился одинъ; всѣ партіи возстали противъ него; но онъ былъ молодъ и прекрасенъ».

Наконецъ романтики совершенно съ нимъ разсорились и начали отзываться о Мюссе, какъ о мальчишкѣ, поднявшемъ бунтъ противъ своихъ учителей. Его упрекали даже въ неумѣніи писать стихи и подбирать рифму. Я самъ слышалъ, какъ одинъ завзятый архи-романтикъ сказалъ: «Мюссе былъ поэтъ-любитель». Никогда риторы 1830 г. не простятъ ему того, что онъ былъ человѣкъ прежде, чѣмъ быть поэтомъ. Впрочемъ, Мюссе перенесъ всѣ оскорбленія, которыми человѣческое невѣжество преслѣдуетъ всегда геніевъ. Но его, быть можетъ, всего болѣе мучилъ заговоръ, составленный противъ него прессой, которая упорно молчала о немъ. Во Франціи этотъ фактъ повторился въ отношеніи всѣхъ оригинальныхъ писателей, которые развились одни, не принадлежа ни къ какому литературному кружку. Когда новый писатель кажется опаснымъ, о немъ просто не говорятъ, не произносятъ даже его имени, какія бы геніальныя произведенія ни выходили изъ подъ его пера. Этимъ путемъ думаютъ оставить публику въ невѣденіи о талантѣ. Но, по счастью, этотъ заговоръ молчанія настолько-же неловокъ, насколько и нелѣпъ. Наступаетъ минута, когда какое-нибудь обстоятельство развязываетъ языкъ даже самымъ упорнымъ молчальникамъ и тогда потокъ словъ, такъ долго сдержанный наполняетъ весь міръ. Для Альфреда Мюссе успѣхъ его пьесы «Le Caprice» на театрѣ «Французской комедіи» снялъ съ печати зарокъ молчанія.

Это обстоятельство естественно приводитъ меня къ оцѣнкѣ Мюссе какъ драматическаго писателя. Еще очень юнымъ, онъ думалъ о театрѣ и часто мечталъ обогатиться этимъ путемъ. 20 лѣтъ онъ написалъ пьесу въ 3 картинахъ, подъ названіемъ «La Quittance de Minuit»; каждая картина заключала въ себѣ только одну сцену въ стихахъ. Пьеса была принята на театрѣ «Nouveautès», впослѣдствіи принявшемъ названіе «Водевиля», но послѣ 2 репетицій пьесу бросили; Поль Мюссе полагаетъ, что іюльская революція помѣшала ей появиться на сценѣ. Рукопись ея и теперь находится въ архивѣ театра; вѣроятно, пьеса посредственная, но все-таки было бы интересно видѣть ее на сценѣ.

Впрочемъ театръ готовилъ поэту и болѣе горькія минуты. Въ томъ-же году осенью директоръ «Одеона» просилъ автора «Испанскихъ сказокъ», пользовавшагося тогда славой литературнаго смѣльчака написать оригинальную, смѣлую, дышащую юностью пьесу. Онъ ждалъ блестящаго успѣха. Мюссе далъ ему «Венеціянскую ночь», которая послѣ немногихъ репетицій была представлена 1 декабря 1830 г. Паденіе было громкое. Со второй сцены свистки не дали говорить актерамъ. Публика, повидимому, твердо рѣшилась не слушать пьесы. До сихъ поръ не объяснено это странное упорство. При второмъ представленіи повторился тотъ-же шумъ и случилось одно изъ тѣхъ маленькихъ несчастій, которыя на театрѣ имѣютъ самыя трагическія послѣдствія. Героиня должна была въ извѣстную минуту опереться о зеленый трельяжъ; этотъ трельяжъ былъ только-что выкрашенъ и когда актриса оперлась на него и потомъ повернула спину къ зрителямъ, то публика увидѣла, что на бѣломъ атласномъ платьѣ отпечатлѣлся зеленый трельяжъ. Вся зала померла со смѣху и должны были спустить занавѣсъ. Мюссе взялъ обратно свою пьесу.

Естественно, что онъ долго сохранилъ зубъ противъ театра. Онъ открыто говорилъ, что ремесло драматурга самое послѣднее и поклялся, что если когда-нибудь еще напишетъ пьесу, то будетъ придерживаться лишь своей фантазіи, нисколько не заботясь о сценичной оптикѣ. И онъ сдержалъ слово, сочиняя «La coupe et les Levres» и «A quoi revent les jeunes filles». Издатель Рендюель взялся напечатать эти пьесы, но потребовалъ еще третью для пополненія книги. Мюссе далъ ему «Namouna», которая написана не въ формѣ діалога. Этотъ сборникъ былъ названъ «Un spectacle dans un fauteuil», которая доказываетъ, что рана, нанесенная поэту, еще сочилась кровью и что онъ дѣйствительно твердо рѣшился только печатать свои пьесы.

Съ этого времени, когда Мюссе приходилось писать разсказъ въ прозѣ, онъ часто придавалъ ему форму діалога, которой онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Но онъ все-таки нисколько не думалъ о сценѣ и очень удивился-бы, даже испугался, еслибъ ему кто-нибудь сказалъ, что эти діалоги, написанные подъ наитіемъ свободной фантазіи, увидятъ когда-нибудь свѣтъ рампы. Однажды, возратясь съ морскихъ купаній въ Круасикѣ, онъ узналъ поразительную вѣсть. Г-жа Алланъ, только-что вернувшаяся изъ Россіи, должна была съиграть на сценѣ «Французской комедіи» «Le Caprice», въ которомъ она имѣла наибольшій успѣхъ въ Петербургѣ. Ожидали, что во «Французскомъ театрѣ» будетъ провалъ. Актеры и театральные критики, основываясь на своемъ долговременномъ опытѣ, увѣряли, что въ «Капризѣ» нѣтъ вовсе пьесы. Поэтому Мюссе съ безпокойствомъ вспоминалъ бурный вечеръ «Венеціянской ночи» и очень желалъ помѣшать новой попыткѣ дать его пьесу на сценѣ. Но представленіе состоялось 27 ноября 1847 года и успѣхъ былъ колосальный.

Замѣчательно, что «Капризъ» сдѣлалъ болѣе для славы Мюссе, чѣмъ всѣ его замѣчательныя произведенія, напечатанныя до тѣхъ поръ. По словамъ его брата, успѣхъ «Каприза» былъ важнымъ драматическимъ событіемъ. Въ нѣсколько дней имя поэта проникло въ тѣ средніе слои публики, въ которые поэзія и вообще книги никогда не проникаютъ. Тѣ самые органы прессы, которые намѣренно умалчивали о Мюссе, теперь стали безпрестанно приводить цитаты изъ его стихотвореній. Такимъ образомъ Мюссе, создавшій столько геніальныхъ произведеній и на котораго слава какъ-бы дулась, сдѣлался великимъ поэтомъ въ глазахъ всего свѣта только благодаря прелестной бездѣлушкѣ. Вся сила театра выражается въ этомъ характеристическомъ фактѣ.

Вотъ писатель, не желающій писать сценическія пьесы и представляющій полный просторъ своей фантазіи въ разсказахъ въ формѣ діалога. Что-же изъ этого выходитъ? Чудо. Его разсказы-діалоги являются прелестными пьесами на сценѣ и живутъ долѣе пьесъ, нарочно состряпанныхъ театральными доками въ виду требованій сцены. Послѣ этого поразительнаго примѣра, кто еще осмѣлится говорить о сценичной оптикѣ, и о необходимости драматическаго кодекса? Не очевидно-ли, что на театрѣ все можетъ быть съиграно, только-бы пьеса была написана съ талантомъ? Въ настоящее время пьесы Мюссе стали класическими и большая часть ихъ вошла въ репертуаръ «Французской комедіи».

Оканчивая эту небольшую замѣтку, я хочу сказать какое общее впечатлѣніе производитъ біографія великаго поэта, составленная его братомъ. Часто узнавая человѣка, мы видимъ, что умаляется писатель. Но о Мюссе можно смѣло сказать какой онъ былъ человѣкъ, и онъ станетъ намъ еще понятнѣе, какъ поэтъ. На него взводили самыя тяжелыя обвиненія, но чарующая сила его такъ велика, что никто не чувствуетъ необходимости въ его защитѣ. Пусть его намъ оставятъ съ его сердцемъ и слабостями; его геній, столь обильно пропитанный горькими слезами, заставитъ насъ все ему простить. Потомство не поставитъ ему въ упрекъ отсутствіе буржуазныхъ добродѣтелей. Онъ не потому увѣнчанъ безсмертными лаврами, что ложился рано спать и пользовался уваженіемъ своего квартала. Безъ сомнѣнія, онъ не былъ-бы столь великой фигурой еслибъ жалѣлъ себя. Его именно и ставитъ такъ высоко въ нашей любви и въ нашемъ энтузіазмѣ эта лихорадочная жизнь, сосредоточивающая въ себѣ все безуміе нашего вѣка. Въ нашу эпоху нервнаго напряженія, его нервы были всего чувствительнѣе, всего болѣе натянуты. Мы всѣ узнаемъ себя и любимъ себя въ немъ.

Потомъ Мюссе продолжалъ великую расу французскихъ писателей: онъ принадлежитъ къ высшей линіи Раблэ, Монтэня и Лафонтена. Французскій геній съ его ясностью, точностью, строгой логикой и гармоничной утонченностью характеризуютъ произведенія Мюссе. Онъ будетъ вѣчно жить, потому что онъ говорилъ языкомъ несравненной ясности и нѣжности.

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

Глава XII.

Месть.

Капитанъ де-Марби возвратился домой нѣсколько успокоенный совѣтами Оливье, который старался смягить его отчаяніе и особенно настаивалъ на необходимости старому воину вести себя достойно, чтобы не сдѣлаться смѣшнымъ. Этого именно болѣе всего боялся капитанъ, такъ какъ онъ полагалъ, что навѣки вырвалъ изъ своего сердца любовь къ Орели.

Но каково-же было его изумленіе, когда онъ узналъ, что его жена явилась въ домъ съ неизвѣстнымъ мужчиной и увезла все, что могла захватить. Онъ только всплеснулъ руками и опустился въ кресло убитый, уничтоженный. Она отдала его на смѣхъ прислугѣ.

Увы, это не было еще худшее. Желая привести въ порядокъ свои бумаги капитанъ открылъ ящики письменнаго стола и нашелъ кипы уплаченныхъ счетовъ. Онъ никогда немогъ издержать такія громадныя суммы. Румянецъ стыда покрылъ его щеки. Орели не только имѣла любовниковъ, но они платили за роскошь, среди которой онъ жилъ. Его жена была презрѣнная содержанка и онъ пользовался ея доходами. Мрачное отчаяніе овладѣло несчастнымъ; холодный потъ выступилъ у него на лбу.

Прошло нѣсколько минутъ. Капитанъ вскочилъ и позвалъ горничную.

— Когда уѣхала г-жа де-Марби? спросилъ онъ.

— Два часа тому назадъ.

— Она вамъ ничего не сказала?

— Она сказала, что ѣдетъ съ вами.

— Вы никогда прежде не видали мужчину, который былъ съ нею?

— Нѣтъ.

— Вы должны были догадаться, что она лгала.

— Да; послѣ ея отъѣзда мы всѣ рѣшили, что вѣроятно она васъ бросила.

— А расходы, которые здѣсь дѣлались и которые, вы знали, были выше моихъ средствъ, васъ не удивляли?

— Нѣтъ.

— Никто изъ васъ не предупредилъ меня.

— Мы думали, что вы не заботитесь о томъ, что дѣлаетъ ваша жена, и что вамъ было хорошо извѣстно обо всемъ, что происходило здѣсь.

— Какъ! вскричалъ глухимъ голосомъ капитанъ,—вы думали, что я зналъ о существованіи ея любовниковъ и о томъ, что они ее содержатъ?

Служанка не смѣла отвѣчать и капитанъ понялъ, что ея молчаніе выражало утвердительный отвѣтъ. Онъ разразился бѣшеными ругательствами и проклятьями на жену, слугъ и весь свѣтъ.

— Такъ вы полагали, что я говорилъ женѣ: заводи любовниковъ, бери съ нихъ деньги и будемъ весело жить?

— Всѣ такъ думали, не мы одни, отвѣчала наивно служанка.

— Всѣ! промычалъ сквозь зубы капитанъ; молодая дѣвушка, видя его бѣшенство, поспѣшно выбѣжала изъ комнаты. Капитанъ обернулся къ Оливье.

— Вы видите, въ какомъ я нахожусь положеніи, сказалъ онъ, поникнувъ головой,—я потонулъ въ грязи и не могу выкарабкатьси иначе, какъ убивъ всѣхъ этихъ гнусныхъ людей, ея сообщниковъ. Они должны своей кровью смыть пятно, наложенное ими на меня. Это единственное средство избавиться отъ вѣчнаго позора. Вы честный человѣкъ, помогите мнѣ розыскать ихъ.

— Я сдѣлаю болѣе, капитанъ. Теперь нечего скрывать. Я знаю, кто погубилъ ее еще молодою дѣвушкой и кто платилъ за ея любовь вашимъ повышеніемъ по службѣ.

— О, этого я убью прежде всѣхъ! воскликнулъ съ дикой радостью капитанъ; — скажите его имя.

— Это Матье де-Тальи.

— Поѣдемъ со мною къ этому негодяю.

Они вышли изъ дома и сѣли въ карету, которая ждала ихъ. По дорогѣ Оливье первымъ прервалъ молчаніе.

— Теперь я могу говорить съ вами откровенно, безъ всякихъ утаекъ. Какъ ни ужасна правда, но вы должны узнать ее. Вы столько перенесли, столько выстрадали, что найдете въ себѣ силу и храбрость выслушать меня до конца.

— Что-же вы можете мнѣ еще сказать?

— Увидите.

И Оливье разсказалъ длинную и постыдную исторію отношеній Орели къ Матье де-Тальи. Капитанъ слушалъ его молча, только кусая усы и тяжело переводя дыханіе; только раза два онъ обтеръ рукою выступившія на его лбу крупныя капли холоднаго пота. Когда Оливье кончилъ свой разсказъ, онъ хладнокровно, съ сдержанной злобой сказалъ:

— Такъ этотъ судья женилъ меня на своей любовницѣ, а когда она обратилась къ нему за помощью по случаю смерти Аристида де-Фаржа, ихъ отношенія снова возобновились за извѣстную впередъ сторгованную цѣну. И мнѣ дали блестящее мѣсто, чтобъ она могла бывать въ свѣтѣ, гдѣ онъ былъ бы въ состояніи ее постоянно видѣть. Всѣ это знали и я одинъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы подозрѣвать такую низость. Такъ какъ я постоянно уѣзжалъ и какъ будто отдавалъ добровольно жену другому, то всѣ говорили: «Этотъ старый воинъ просто... подлецъ... своднпкъ»... Я разорву его судейскую тогу. Въ нашемъ обществѣ остались только два благородныя сословія: судъ и армія. Онъ разомъ позоритъ одно изъ нихъ и бросаетъ грязью въ другое. Я отомщу за обоихъ и убью этого подлеца.

Въ эту минуту экипажъ остановился.

— Г. де-Марби, сказалъ Оливье, взявъ его за руку,—въ важныя минуты надо поступать хладнокровно, какъ человѣкъ, а не какъ сумасшедшій.

— Посмотрите, я хладнокровенъ, отвѣчалъ съ горечью капитанъ.

— Надо, чтобы право было на нашей сторонѣ.

— Будьте спокойны.

Капитанъ застегнулъ свой сюртукъ и, гордо поднявъ голову, вышелъ изъ кареты. Оливье слѣдовалъ за нимъ.

— Г. Матье де-Тальи принимаетъ? спросилъ Оливье.

— Неугодно-ли вамъ объявить свои имена. Оливье подалъ свою карточку.

Слуга исчезъ и черезъ минуту вернулся.

— Вы по дѣлу? Въ такомъ случаѣ не угодно-ли пожаловать къ секретарю.

Капитанъ сдѣлалъ шагъ впередъ и нахмурилъ брови.

— Намъ надо его самого, воскликнулъ онъ. Слуга исчезъ и тотчасъ снова появился.

— Пожалуйте, сказалъ онъ.

Матье де-Тальи съ улыбкой пошелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Вы Матье де-Тальи? спросилъ рѣзко капитанъ.

— Я, отвѣчалъ судья, съ безпокойствомъ взглянувъ на него.

— Я капитанъ Илеръ Тенаръ де-Марби. Ты понимаешь, зачѣмъ я пришелъ, старый развратникъ, негодяй, подлецъ...

И, прежде, чѣмъ Оливье успѣлъ удержать его, капитанъ плюнулъ въ лицо судьи, а потомъ ударилъ его въ щеку.

— Вотъ тебѣ, свинья! Мерзавецъ? произнесъ онъ задыхаясь.

Старикъ внѣ себя отъ страха бросился къ дверямъ съ раздирающимъ крикомъ:

— Спасите! Спасите!

Капитанъ догналъ его и, несмотря на всѣ усилія Оливье рознять ихъ, схватилъ за горло старика и непремѣнно задушилъ бы его, еслибъ сбѣжавшіеся на крикъ слуги не оттащили его.

Матье де-Тальи совершенно посинѣлъ и едва могъ промолвить:

— Задержать убійцу!

Капитанъ вырывался изъ рукъ лакеевъ, извергая ругательства и проклятія.

— Ага! струсилъ! бормоталъ онъ.—У него нѣтъ ни капли чести, а онъ отнимаетъ ее у другихъ. Его надо выпороть, а не драться съ нимъ.

— Пойдемъ, капитанъ! воскликнулъ Оливье, который видѣлъ, что еще минута и ихъ арестуютъ. Уже въ сѣняхъ раздавался крикъ судебнаго пристава:

— Задержите убійцу! Пошлите за полиціей.

Слова Оливье заставили очнуться капитана и онъ, какъ олень, затравленный собаками, стряхнулъ съ себя державшихъ его лакеевъ, которые отскочили во всѣ стороны, и бросился на лѣстницу въ сопровожденіи Оливье. Выбѣжавъ на улицу они вскочили въ карету.

Въ эту самую минуту полиція входила въ домъ.

На слѣдующій день въ газетахъ было напечатано: «Вчера почтенный предсѣдатель суда М. де-Т. едва не сдѣлался жертвою преступленія въ его собственномъ домѣ. Какой-то отставной капитанъ, потерявъ процесъ, сошелъ съ ума и явился въ домъ предсѣдателя, который, ничего не подозрѣвая, принялъ его очень любезно. Капитанъ бросился на него какъ звѣрь и сталъ душить его. На крикъ судьи сбѣжались лакеи и оттащили убійцу. Но, одаренный необыкновенной силой, онъ вырвался изъ ихъ рукъ и скрылся. Его никакъ немогли розыскать и полагаютъ, что онъ наложилъ на себя руки, чтобы избѣгнуть кары за свое преступное покушеніе».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I.

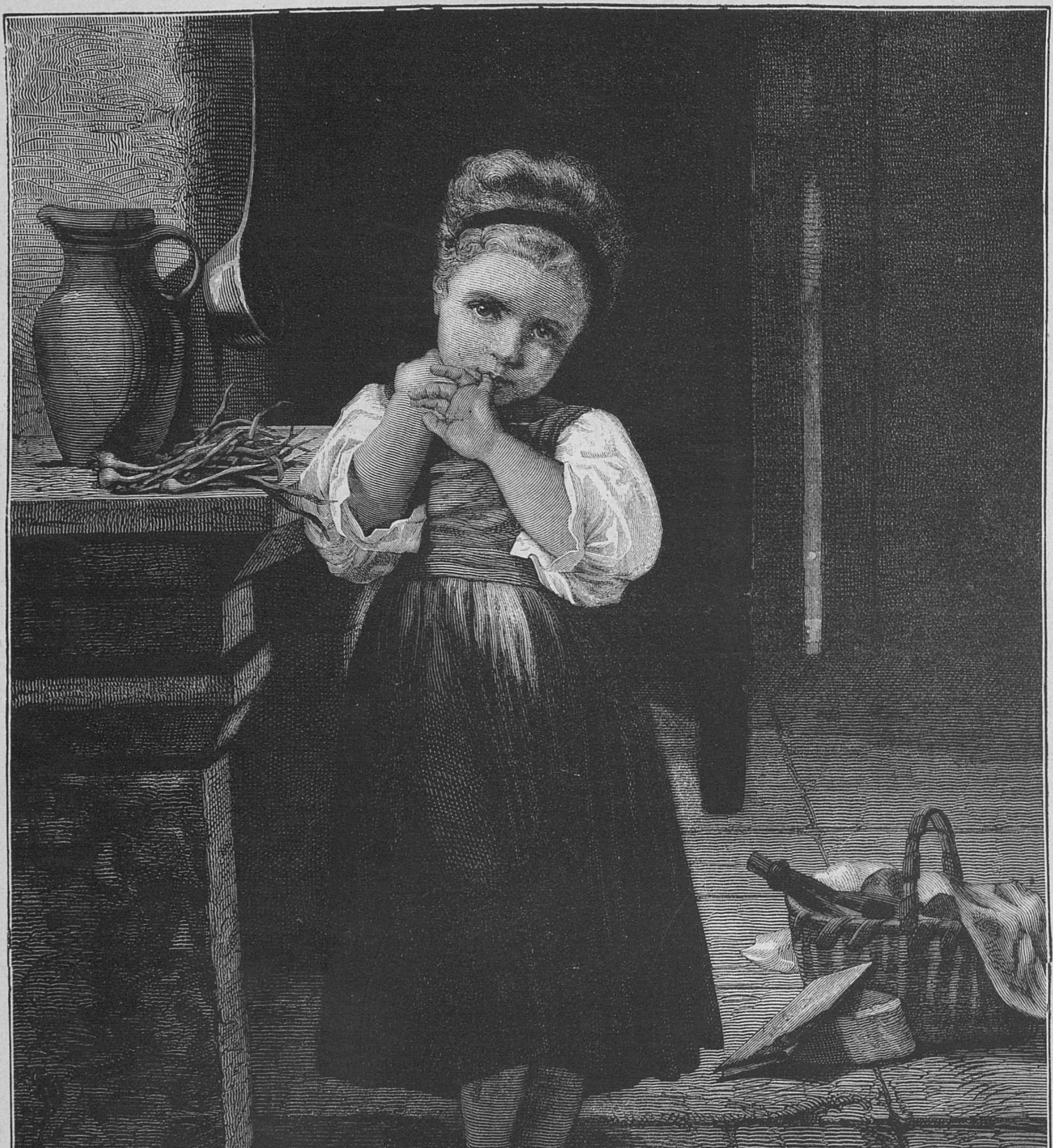
Два слова читателямъ.

Теперь мы сдѣлаемъ, такъ сказать, смотръ всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ нашей длинной исторіи, такъ какъ мы пришли къ ея главному узлу, главной загадкѣ,—къ этюду съ натуры, подавшему намъ мысль описать исторію жизни «Рябой красавицы». Попытаемся теперь бросить свѣтъ въ укромный уголокъ, прикрытый лицемѣрнымъ правиломъ Тартюфа. То, что мы будемъ разсказывать, можетъ показаться почти неправдоподобнымъ; но доказательства передъ нами: онѣ напечатаны въ «Gazette des Tribunaux», засвидѣтельствованы судебными приговорами, и мы ничего не измѣняемъ въ обвинительномъ актѣ и свидѣтельскихъ показаніяхъ, кромѣ названій мѣстъ и именъ подсудимой и свидѣтелей. Но необходимо разъяснить нѣкоторые темные пункты этой исторіи, чтобы не слишкомъ утомлять вниманіе читателя, слѣдящаго за развитіемъ этого длиннаго разсказа.

Мы разстались съ Эмилемъ Обле въ кабачкѣ тетки Маделены, а потомъ встрѣтились съ нимъ въ Лиллѣ за табль-д'отомъ, за которымъ обѣдалъ и капитанъ Тенаръ де-Марби. Намъ извѣстна цѣль, которую преслѣдовалъ молодой человѣкъ: онъ добивался, чтобы женщина, которая, во избѣжаніе суда за прелюбодѣяніе, обвинила его, выдавъ за вора, согласилась принять на себя часть вины и сознаться, что онъ былъ только ея сообщникомъ въ иной кражѣ — въ кражѣ чести ея мужа. Но для этого было необходимо, чтобы мужъ прогналъ жену и чтобы она, оскорбленная имъ и жаждущая мести, рѣшилась отплатить ему оглаской своего позора, чтобы сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ; или-же нужно было открыть все мужу, принявъ на

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БУГЕРО.

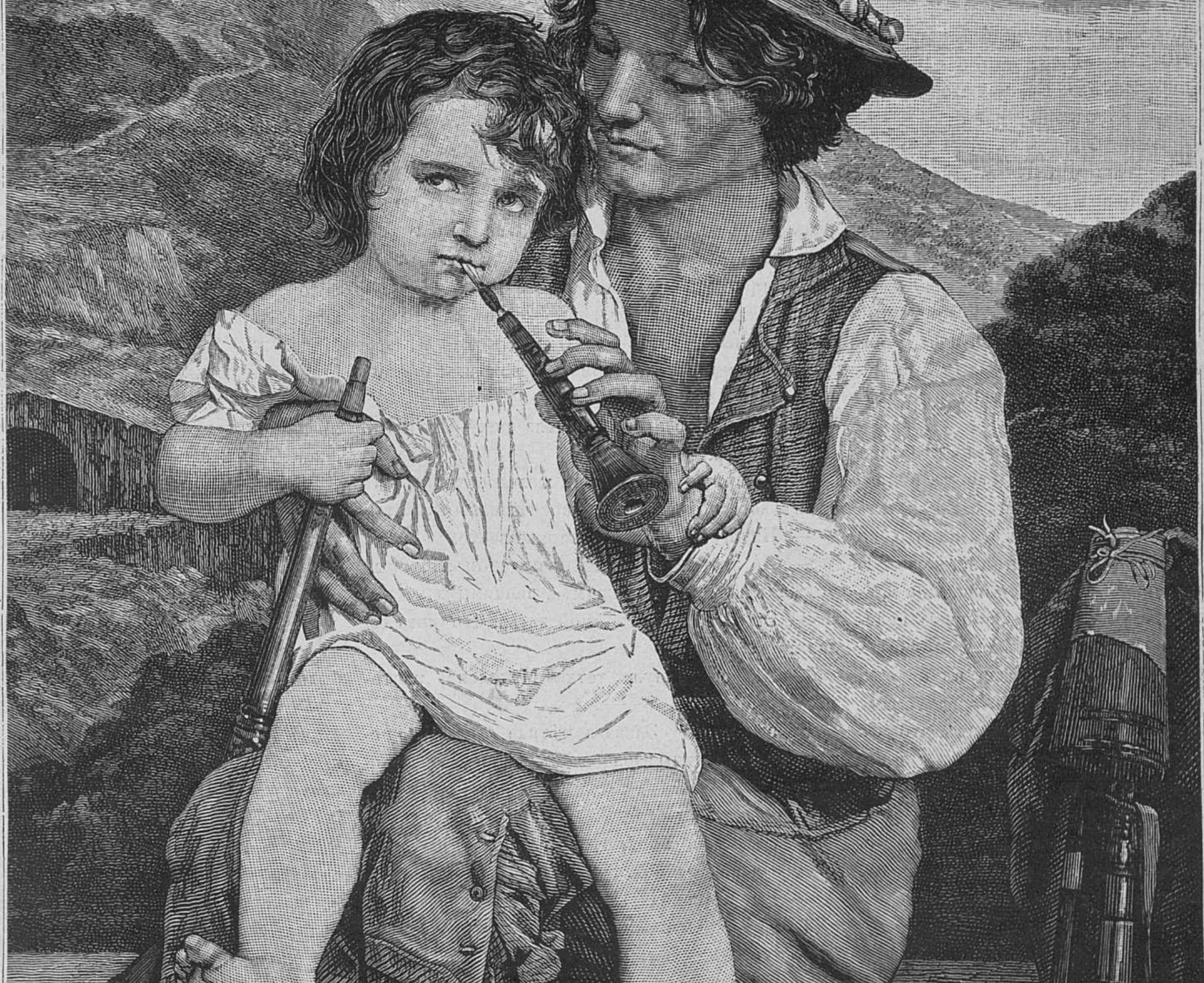


Злая дѣвочка.

Рѣзалъ на деревѣ Жоннаръ въ Парижѣ.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА БУГЕРО.



Обученіе музыкѣ.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

себя всѣ послѣдствія, и заставить его вынудить у жены сознаніе въ томъ, что она выдала за вора своего любовника. Эмиль долженъ былъ возстановить свою честь во что-бы то ни стало, —все равно, капризомъ-ли погибшей женщины или дуэлью съ ея мужемъ.

Худо-ли, хорошо-ли, но нельзя не замѣтить, что наши обычаи и общественное мнѣніе идутъ въ разрѣзъ съ законами; мы находимъ такой фактъ, какъ вторженіе вора чести въ супружескій альковъ—хотя-бы и со взломомъ—скорѣе забавнымъ и пикантнымъ, чѣмъ предосудительнымъ... Такъ и Обле не прочь былъ принять эту роль, но только эту. Какъ мы уже сказали, онъ и Элиза долго совѣщались и составили планъ дѣйствій. Пріѣздъ молодого маркиза помѣшалъ имъ и Элиза прервала бесѣду, сказавъ Эмилю:

— Постороннимъ не зачѣмъ знать наши дѣла. Мы условились; теперь поѣзжайте, дѣйствуйте. Я съ вами за одно.

— Я сейчасъ-же ѣду въ Парижъ и сегодня вечеромъ узнаю, гдѣ находится капитанъ де-Марби.

— Дѣйствуйте осторожно.

— Будьте спокойны, я всего достигну, если вы за меня.

— Совершенно. На это вы можете разсчитывать. Я все знаю и поддержу васъ.

Эмиль Обле ушелъ. Узнавъ въ домѣ капитана, въ Отейлѣ, что тотъ уѣхалъ въ Лилль, онъ немедленно и самъ отправился туда-же, собравъ предварительно нѣкоторыя справки. Лицо капитана онъ хорошо помнилъ со времени своего осужденія.

Мы знаемъ теперь, что планъ, условленный между Эмилемъ Обле и Элизой, удался. Капитанъ выѣхалъ изъ Лилля съ твердымъ рѣшеніемъ прогнать свою жену и возстановить справедливость относительно Обле.

По прибытіи въ Парижъ, онъ узналъ, что жена его только-что уѣхала, но не въ своемъ экипажѣ. Умъ капитана былъ еще полонъ слышанныхъ имъ разсказовъ и онъ говорилъ себѣ, что во всемъ этомъ должна скрываться тайна, которую необходимо разъяснить. Онъ поспѣшилъ на площадь, гдѣ нанимались фіакры. Распросивъ кучеровъ, онъ узналъ, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какая-то женщина сѣла въ карету, велѣвъ везти себя въ улицу Сен-Лазаръ. Ему сообщили даже нумеръ кареты, увѣривъ, что онъ еще можетъ застать эту женщину на станціи. Капитанъ нанялъ фіакръ, но не сѣлъ въ него; онъ помѣстился рядомъ съ кучеромъ и, приказавъ ѣхать на станцію, сталъ самъ погонять лошадей. На Гаврской площади кучеръ узналъ своего товарища, возвращавшагося порожнякомъ. Его остановили. Капитанъ далъ ему пятифранковую монету и спросилъ:

— Неизвѣстно-ли вамъ, куда ѣхала ваша пасажирка?

Пять франковъ расположили возницу къ откровенности.

— Это я могу сообщить вамъ, буржуа: дамочка ѣхала въ Пюто.

Капитанъ, не прибавивъ ни слова, заплатилъ кучеру и побѣжалъ къ кассѣ. Но касса была уже заперта. Не трудно представить себѣ, что испыталъ старый солдатъ впродолженіи часа, который онъ прождалъ на станціи. Публика съ любопытствомъ смотрѣла на него, принимая его за сумасшедшаго, и на него уже было указано полиціи, когда раздался звонокъ. Капитанъ бросился въ вагонъ. По прибытіи въ Пюто, онъ навелъ справки на станціи и безъ труда получилъ всѣ желаемыя свѣденія. Жюля знали, а Орели замѣтили.

Такимъ образомъ капитанъ, какъ бомба, влетѣлъ въ комнату, въ концѣ завтрака Орели.

Мы видѣли, какая сцена послѣдовала за тѣмъ. Эмиль Обле, возвратившійся въ то-же самое утро къ теткѣ Маделенѣ, сидѣлъ съ нею за завтракомъ, когда ему вдругъ показалось, что по большой залѣ пробѣжала она, бывшая причиной всѣхъ его несчастій. Вскочивъ, какъ безумный, онъ бросился за нею, пробѣжалъ мимо, не замѣтивъ ея, и наконецъ возвратился черезъ часъ, усталый и измученный. Онъ засталъ Маделену въ ту минуту, когда она открыла обманъ, котораго она сдѣлалась жертвой: бывшій кліентъ ея убѣжалъ черезъ окно, тогда какъ собесѣдница его преспокойно ушла въ дверь, причемъ оба позабыли заплатить за поданный имъ завтракъ. Вслѣдъ за тѣмъ Маделена видѣла, какъ прошелъ по залѣ мужчина въ орденѣ, котораго она до той минуты не видала. Капитанъ, по указаніямъ сосѣдей, вошелъ чрезъ особый входъ, по слѣдамъ своей жены; а теперь уходилъ, сопутствуемый молодымъ другомъ Элизы.

Все это показалось тетушкѣ Маделенѣ чрезвычайно страннымъ и поэтому, когда племянникъ ея сказалъ: «Г-жа Элиза одна; пойдемъ къ ней скорѣе, тетушка»,—она отвѣчала: «Да, да, нужно разъяснить все это».

Старая трактирщица въ раздумьи послѣдовала за Эмилемъ. Они вошли къ Элизѣ въ ту минуту, когда та, взволнованная всѣми событіями этого дня, въ изнеможеніи опустилась въ кресло и, опершись локтемъ на столъ, положила голову на руку и сидѣла, задумавшись и устремивъ взоръ въ пространство. Она припоминала слышанную ею черезъ дверь исторію, которую Жюль началъ разсказывать ея сестрѣ. Эта исторія исторгла у Элизы крикъ, испугавшій бездѣльника. «И этотъ негодяй, думала она теперь,—отецъ моего ребенка! Нужно узнать отъ Орели, кто онъ».

Въ эту минуту въ комнату вошла, запыхавшись, тетушка Маделена.

— Боже! Что это? вскричала она.—Что здѣсь происходитъ?

Элиза пришла въ себя и, желая сохранить въ тайнѣ все слышанное ею, поспѣшила отвѣтить:

— Ничего. О чемъ вы спрашиваете.

— Но этотъ господинъ съ орденомъ, который убѣжалъ вмѣстѣ съ вашимъ... знакомымъ.

— Этотъ господинъ—мой зять... Что они сдѣлали?

— А! воскликнула тетка Маделена, растерявшись.

Въ эту минуту Элиза замѣтила стоявшаго позади трактирщицы Обле и съ живостью спросила его:

— Видѣли вы его?

— Нѣтъ... но вотъ, что странно: мнѣ кажется, что я видѣлъ ее... ее!

— Вы не ошиблись! Она была здѣсь.

Тетка Маделена смотрѣла на нихъ, разинувъ ротъ отъ удивленія.

— Да о комъ вы говорите? вскричала она, наконецъ.—Не о той-ли красавицѣ? Она такая-же шельма, какъ и тотъ молодецъ. Они оба дали тягу, не заплативъ за свой завтракъ.

Трудно изобразить, какимъ сіяніемъ озарилось красное лицо Маделены, когда Элиза сказала ей самымъ натуральнымъ тономъ:

— Не безпокойтесь объ этомъ, г-жа Маделена; поставьте этотъ завтракъ въ мой счетъ, я заплачу за него... Присядьте сюда; мнѣ нужно распросить васъ кое о чемъ.

Сказавъ это, Элиза обратилась къ Обле, который продолжалъ смотрѣть на нее вопросительно.

— Она была здѣсь, въ той комнатѣ, сказала она,—и завтракала съ человѣкомъ, у котораго находились письма.

— Какъ! здѣсь?

— Да, мы поговоримъ объ этомъ потомъ... Г-жа Маделена, вы должны сообщить мнѣ самыя подробныя свѣденія о томъ человѣкѣ, который былъ здѣсь сейчасъ.

— Такъ вы заплатите за завтракъ?

— Заплачу.

— Ну, такъ я скажу вамъ все, что хотите.

— Прекрасно! Скажите-же все, что вы знаете о немъ.

Но Обле прервалъ ихъ.

— Позвольте мнѣ сдѣлать начало, сказалъ онъ.—То, что я сообщу, прибавитъ новую черту къ ея характеру. Бывшій съ нею мужчина называется Жюлемъ Минге; я видѣлъ его бумаги, когда бралъ письма. Это бывшій арестантъ.

— Какъ! острожникъ! вскричала тетка Маделена, привскочивъ на своемъ стулѣ:—и ты не предупредилъ меня! Ну, теперь домъ мой опозоренъ.

— Жюль Минге былъ когда-то рабочимъ и дѣлалъ портфели.

— О Богъ мой! Богъ мой! сказала Элиза, покачавъ головой.—Мнѣ припоминается имя этого человѣка... Острожникъ!

Давъ теткѣ Маделенѣ наахаться, Элиза приступила къ ней съ распросами и старуха разсказала все, что ей было извѣстно. Она считала Жюля Минге лѣнтяемъ, избалованнымъ сынкомъ слишкомъ добрыхъ родителей. Онъ много задолжалъ ей и однажды она была вынуждена отказать ему въ квартирѣ и содержаніи; но потомъ онъ возвратился и сполна уплатилъ свой долгъ. Уйдя съ вечера, онъ возвратился на слѣдующее утро и принесъ довольно крупную сумму денегъ, полученную имъ, какъ онъ сказалъ, отъ своихъ родителей, которые были проѣздомъ въ Парижѣ. Но послѣ того Жюль закутилъ и вскорѣ очутился въ такомъ-же жалкомъ положеніи, въ какомъ былъ прежде. Элиза спросила Маделену, не помнитъ-ли она, когда именно Минге получилъ крупную сумму денегъ.

— Какъ не помнить? День отмѣченъ у меня въ книгѣ. Я вамъ сейчасъ скажу.

— Скажите поскорѣе.

Маделена, не стараясь разъяснить, почему такое пустое, по ея мнѣнію, дѣло, интересовало Элизу, послала племянника за книгой. Когда онъ принесъ ее, она перевернула нѣсколько листовъ и сказала:

— Ну, вотъ: «Отъ Жюля, по счету... и за одну запечатанную бутылку...» Оно и есть. Это было 28 іюня.

— Значитъ, 27 іюня! повторила Элиза и, опустивъ голову на руки, слегка нахмурила брови, какъ-бы усиливаясь что-то припомнить.—Да, это такъ, сказала она вслухъ.—Аристидъ умеръ 7 іюня... Да, это было 27 іюня, ровно черезъ двадцать дней послѣ его смерти... Я въ первый разъ ночевала въ той комнатѣ... Во время сна...

Она вдругъ остановилась, увидя, что Эмиль Обле и его тетка, смотрятъ на нее, не понимая, что она говоритъ.

— Оставьте меня одну, г. Обле, сказала Элиза, желая положить конецъ разговору,—Завтра мы поговоримъ съ вами, можетъ быть, о важныхъ дѣлахъ; теперь мы близки къ цѣли. Но я утомлена всѣмъ, что произошло въ это утро. Благодарю васъ за свѣденія, г-жа Маделена.

Племянникъ съ теткой въ недоумѣніи удалились. Элиза, оставшись одна, стала ходить по комнатѣ, качая головой, и съ горечью говорила себѣ:

— Такъ! это было ночью 27 іюня. Негодяй вошелъ въ комнату, гдѣ я спала, какъ убитая. Я не могла объяснить себѣ на другой день того изнеможенія, тѣхъ страданій, которыя я испытывала, и приписала ихъ борьбѣ, выдержанной мною наканунѣ... Боже, Боже! и Ты попустилъ такое дѣло!

Она закрыла лицо руками.

— Это чудовище, этотъ разбойникъ—отецъ моего ребенка! Да, это еще ужаснѣе того, что я думала... Теперь мнѣ все понятно: онъ укралъ деньги, письма... письма, потому что онъ узналъ почеркъ своей прежней любовницы... О! я помню его имя; я была еще совсѣмъ маленькая, когда мой отецъ засталъ его съ моей сестрой; у насъ объ этомъ говорили... И этотъ негодяй...

Вдругъ дверь отворилась и вошелъ маркизъ де-Мейранъ.

— Элиза, сказалъ онъ съ живостью,—готовьтесь скорѣе къ отъѣзду. Не пройдетъ и часа, какъ здѣсь будетъ полиція.

— Что-же мнѣ дѣлать? спросила напуганная женщина.

— Слѣдовать за мною... Марго уже предупреждена и будетъ завтра съ нами.

— Я готова за вами слѣдовать... Но что-же случилось?

— Я разскажу вамъ дорогой.

— Нашелъ-ли капитанъ мою сестру?

— О! не говорите о ней. Она довершила свое позорное поведеніе. Потомъ я вамъ все разскажу; ваша месть началась. Но васъ нужно спрятать въ безопасное мѣсто. Собирайтесь, а я пойду расплатиться по вашему счету. Внизу ждетъ моя карета; велите перенести въ нее ваши чемоданы.

Къ великому изумленію и отчаянію Мадлены, Оливье и Элиза, уплативъ по счету, сѣли въ карету и распростились съ нею. Менѣе чѣмъ черезъ часъ послѣ ихъ отъѣзда, къ Маделенѣ нагрянула полиція, чтобы арестовать ея бывшую жилицу. Какъ описать изумленіе трактирщицы?

Вечеромъ, когда Обле пришелъ обѣдать и узналъ объ этомъ странномъ и быстромъ отъѣздѣ и о посѣщеніи полиціи, онъ нахмурилъ брови.

— Каковы? воскликнула старуха.—А какими казались порядочными! Вотъ и вѣрь послѣ того наружности. Это она пряталась здѣсь, потому что ее искала полиція... Ну, народецъ! Въ какія времена живемъ мы!

Въ эту минуту почтальонъ подалъ Эмилю письмо, которое онъ съ живостью распечаталъ.

«Та-же самая неумолимая ненависть, которая преслѣдовала васъ, преслѣдуетъ и меня. Причиной моего поспѣшнаго отъѣзда все та-же извѣстная вамъ личность. Черезъ нѣсколько дней мнѣ нужно повидаться съ вами и я извѣщу васъ, гдѣ мы можемъ встрѣтиться. Не отчаявайтесь. Ждите. Элиза».

— Не брани этихъ людей, тетушка, это хорошіе люди. Давай теперь обѣдать.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Критики. Художникъ, поработавъ на натурѣ, какъ говорится, оставилъ свой мольбертъ и удалился. На мольбертѣ онъ оставилъ только что початый имъ этюдъ,—пейзажъ, въ которомъ дѣйствующими лицами являются ослы, коровы и другіе болѣе или менѣе почтенныя домашнія животныя. Тутъ-же на землѣ, возлѣ мольберта, лежалъ открытый ящикъ съ красками, палитра, кисти. Во время отсутствія художника, въ его импровизированную мастерскую забрели оригиналы его картинъ, два осла, теленокъ, баранъ. Съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ подходятъ они къ картинѣ и съ неописаннымъ удивленіемъ разсматриваютъ свои собственные портреты. Очевидно, въ данномъ случаѣ, они—критики, можетъ быть, наиболѣе компетентные критики, которыми художнику слѣдуетъ дорожить: ужъ если они узнаютъ свои портреты, то несомнѣнно портреты, дѣйствительно, близки къ натурѣ и близки къ дѣйствительности. Такъ оно и случилось: одинъ изъ критиковъ,—почтенныхъ лѣтъ оселъ,—пришелъ даже въ нѣкоторый ужасъ, созерцая свое собственное изображеніе на холстѣ; онъ раскрылъ ротъ и съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ восторгомъ, смотритъ на картину. Его товарищъ, положивъ голову на его спину, задумчиво глядитъ на дѣло рукъ человѣческихъ, очевидно, философствуя. Другіе,—напр. теленокъ,—во всей своей позѣ, въ глупомъ выраженіи глупыхъ глазъ обнаруживаетъ даже какъ-бы какой-то страхъ: явленіе, находящееся передъ ними, для него непонятно. Болѣе положительный баранъ разсматриваетъ палитру и краски.—Весь интересъ этой картины заключается въ выраженіи этихъ животныхъ: художникъ съумѣлъ справиться съ своей задачей талантливо; его животные не только вѣрны дѣйствительности, не только прекрасно написаны, но кромѣ того, образуютъ въ картинѣ прекрасно задуманную и новую по идеѣ комическую сцену.

Кровавая плата, картина Нелига. Сюжетъ, которымъ воспользовался художникъ, принадлежитъ цѣликомъ среднимъ вѣкамъ; въ наше время всякаго благоустройства и благочиній, подобная кровавая плата немыслима и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно трудно выполнима. Въ средніе вѣка убить своего врага, и не только убить, но и заплатить за убійство убійцѣ,—было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, освященнымъ нравами и обычаями. Нелигъ именно изображаетъ одинъ изъ такихъ моментовъ: рыцарь, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, указывая на стоящаго вдали своего врага, торгуется съ убійцей и объясняетъ ему, какъ произвести убійство; убійца — человѣкъ надежный и привычный, считаетъ деньги, обдумывая въ тоже время планъ дѣйствій. Весь интересъ картины заключается именно въ этихъ двухъ фигурахъ, или вѣрнѣе въ выраженіи ихъ лицъ. Эти выраженія чрезвычайно, если можно такъ выразиться, энергичны; неукротимая злоба, написанная на лицѣ рыцаря, энергичный жестъ руки, естественное и сильное движеніе всей фигуры,—переданы съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Не менѣе хороша фигура убійцы,—спокойное, антипатичное лицо,—лицо знакомое съ убійствомъ и сдѣлавшее изъ него професію.

Монастырскій писецъ, рисунокъ Андріолли.—Польскій художникъ Андріолли, при замѣчательной талантливости и необыкновенной плодовитости, представляетъ собою типъ художника, въ которомъ уживаются самыя, какъ казалось-бы, противоположныя особенности. Воображеніе, по временамъ чрезвычайно богатое и фантастическое, не мѣшаетъ ему самымъ точнымъ и строгимъ образомъ изучать типы, наблюдать дѣтей. Кто не знаетъ, напр. его еврейскихъ типовъ? Подобнаго-же рода необыкновенно полный и живо схваченный типъ представляетъ Андріолли въ рисункѣ «Монастырскій писецъ». Представьте себѣ келью католическаго монастыря, и въ этой кельѣ, за письменнымъ столомъ,—нѣчто въ родѣ современнаго, католическаго лѣтописца, или если не лѣтописца, то просто писца, исполняющаго должность секретаря своихъ товарищей, монаховъ. Вотъ онъ сидитъ за работой. Плотный, тучный, старый,—настоящій католическій монахъ, лукавый, умный, на лицѣ котораго написаны, такъ сказать, всѣ семь смерныхъ грѣховъ. Онъ что-то пишетъ и предметъ его работы, должно быть, очень интересенъ, потому что онъ нюхалъ табакъ, лукаво улыбается и прилежно обдумываетъ фразу. Лицо этого монаха,—верхъ совершенства въ смыслѣ типа, и можетъ сдѣлать честь любому изъ лучшихъ европейскихъ художниковъ.

Урокъ музыки, картина Бугерѐ. Бугерѐ можно считать однимъ изъ самыхъ правильныхъ, класическихъ художниковъ современной Франціи; при всей граціозности и, если можно такъ выразиться, современной привлекательности его таланта, французскій художникъ всегда строго придерживается строгихъ и благородныхъ формъ великихъ итальянскихъ мастеровъ эпохи Возрожденія; у него есть то, что называютъ стилемъ,—и это, какъ кажется, его отличительная черта. Картина, которую онъ назвалъ «Урокъ музыки»,—можетъ служить примѣромъ этого стиля. Сюжетъ чрезвычайно простъ и именно своей простотой напоминаетъ нѣкоторыхъ итальянскихъ мастеровъ. Итальянскій пастухъ, въ класическомъ народномъ костюмѣ Калабріи, учитъ своего сына играть на дудкѣ. Чего, кажется, проще и незатѣйливѣе,—но посмотрите какъ много живописнаго интереса внесъ Бугерѐ въ свою картину. Его пастухъ, при характерныхъ чертахъ итальянскаго типа, сохраняетъ вполнѣ характеръ класической живописи—правильность чертъ, благородство движеній, изящество позы, словомъ, въ немъ есть нѣчто идеальное. Тоже самое вы видите и на лицѣ ребенка. Ребенокъ играетъ, но его черные глаза устремлены куда-то вдаль, а вся фигура, своей позой, небрежной изящностью позъ, напоминаетъ нѣкоторыя фигуры дѣтей у Рафаэля,—напр. Іоанна Крестителя ребенкомъ. Эту идеальность формъ и концепціи, Бугерѐ, однакожь, скрашиваетъ прекраснымъ рисункомъ и, такъ сказать, сочностью колорита,—въ чемъ онъ несомнѣнный мастеръ.

Злая дѣвочка, картина Бугерѐ. Другой этюдъ, могущій служить въ pendant только-что нами описанной картинѣ Бугеро, изображаетъ «Злую дѣвочку». Дѣвочка, очевидно, разсердилась на что-то можетъ быть, ее наказали за какую-нибудь проказу или поставили стеречь только-что принесенныя съѣстныя припасы—на столѣ овощи, въ корзинѣ вино и проч.—въ то время, какъ ей хотѣлось играть. Положеніе, конечно, непріятное, не могущее поддержать хорошее и пріятное расположеніе духа; это-то именно душевное состояніе дѣвочка и обнаруживаетъ на своемъ лицѣ: одинъ палецъ она положила въ ротъ, и глаза, почти наполненныя слезами, устремила куда-то вдаль, очевидно, размышляя о человѣческой несправедливости и притѣсненіяхъ, которымъ она подвергается Въ дѣтскомъ личикѣ очень талантливо схвачено и выражено это, сравнительно сложное, психическое движеніе: досада, смѣшанная съ грустью; но вся фигура дѣвочки очень граціозна и эта грація дополняетъ картину. Талантливый рѣзецъ Жоннара передалъ всю прелесть этой картины въ гравюрѣ.

«Ѣду-ли ночью по улицѣ темной...», рисунокъ Кепена (см. № 30). Кто не знаетъ прелестнаго, драматическаго стихотворенія Некрасова, къ которому рисунокъ г. Кепена является прекрасной илюстраціей.

Ѣду-ли ночью по улицѣ темной,
Бури заслушаюсь въ пасмурный день,—
Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь.

Сюжетъ этого драматическаго стихотворенія можно передать въ двухъ словахъ. Нищета—страшное дѣло и очень часто бываетъ причиной мрачныхъ драмъ. Такую именно драму описываетъ Некрасовъ. Мужъ—больной и голодный, выбивался изъ силъ, въ пустой и холодной комнатѣ. Плакалъ ребенокъ, и мать согрѣвала ему руки своимъ дыханіемъ. Ни облегчить страданія, ни утолить голодъ не было никакой возможности. Наступили сумерки; ребенокъ поплакалъ и умеръ... Что дѣлать? Какъ перенести несчастіе, выбраться изъ бѣды? Отъ слезъ и горя, мужъ задремалъ въ изнеможеніи. Тогда жена «принарядившись какъ будто къ вѣнцу»,—ушла молчаливо и черезъ полчаса принесла ужинъ отцу и гробикъ ребенку.

Голодъ мучительный мы утолили,
Въ комнатѣ темной зажгли огонекъ,
Сына одѣли и въ гробъ положили...
Случай насъ выручилъ? Богъ-ли помогъ?..

Понятно, что она не спѣшила печальнымъ признаніемъ; понятно, что онъ ничего не спросилъ, но ни онъ, ни она не могли ни рыдать... Потомъ они разошлись и судьба молодой женщины понятна сама собой: она пошла по дорогѣ обычной, нищета сдѣлала свое дѣло... Выразить эту внутреннюю драму, такъ талантливо очерченную въ стихотвореніи Некрасова,—вотъ задача илюстраціи и читатели легко убѣдятся, что г. Кепенъ выполнилъ свою задачу вполнѣ удовлетворительно.

Смѣсь.

— **Памятникъ Батюшкову.** Въ нынѣшнемъ году окончится 25 лѣтъ со дня смерти Батюшкова. Въ Вологдѣ надъ его могилою предполагается поставить памятникъ. Расходы по сооруженію будутъ покрыты подпискою.

— **Съ глубокаго сѣвера.** Въ Колѣ уже начались жестокіе бури и ураганы, предвѣстники скорой и суровой зимы. На Бѣломъ морѣ туманы при сильныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ. Тюлень ушелъ въ океанъ.

— **Налогъ на спички.** Въ «Московскія Вѣдомости» пишутъ, что на разсмотрѣніе министерства финансовъ поступилъ проектъ технолога Шнеура, проживающаго въ Парижѣ, о введеніи въ Россіи особаго налога на спички, подобно существующему съ 1872 года во Франціи. Согласно проекту, предполагается отдать сборъ со спичекъ на откупъ, для обложенія ихъ акцизомъ, въ видѣ, напримѣръ, бандеролей. Сборъ этотъ въ Россіи предлагаетъ взять на откупъ та же компанія, которая содержитъ спичечную монополію во Франціи. За право этого сбора предлагается компаніей нашему правительству шесть миліоновъ франковъ золотомъ въ годъ, со взносомъ залога въ размѣрѣ третьей части годовой откупной суммы. Контрактъ предположено заключить срокомъ на шесть лѣтъ. Размѣръ налога проектированъ компаніей съ тысячи фосфорныхъ спичекъ 15 коп., а съ тысячи сѣрныхъ спичекъ по 3 коп.

— **Варварское истязаніе.** «Кіевлянину» пишутъ изъ каневскаго уѣзда о замѣчательномъ случаѣ звѣрства отца въ отношеніи своего ребенка. Крестьянинъ села Залучья П., поилъ часу въ пятомъ вечера лошадь у рѣки. Онъ былъ въ нетрезвомъ состояніи, но далеко не въ безсознательномъ. Въ это время прибѣжалъ къ мѣсту водопоя девятилѣтній сынъ П., Андрей, на котораго П. за что-то сердился. Поймавъ мальчика, П. привязалъ его за руку къ хвосту лошади, которую погналъ полною рысью, таща такимъ образомъ бѣдное дитя на разстояніи (какъ сказано въ официальной бумагѣ) ста саженъ. Конечно, мальчику пришлось худо, такъ какъ онъ хотя и остался живъ, но находится въ состояніи близкомъ къ смерти. Разумѣется, о такомъ звѣрскомъ способѣ наказанія ребенка составленъ протоколъ и переданъ, вмѣстѣ съ чадолюбивымъ отцомъ, судебному слѣдователю.

— **Страшный ливень.** Въ газету «Русскій Курьеръ» передаютъ изъ Гавриловскаго посада, владимірской губерніи, что, 27-го іюня, страшная дождевая туча разразилась такимъ ужаснѣйшимъ ливнемъ и всеразрушающимъ паводкомъ, особенно въ окрестности села Кубаева, юрьевскаго уѣзда, въ 15-ти верстахъ отъ Гавриловскаго посада, что народъ буквально пришелъ въ какое-то оцѣпененіе, и многіе думали, что начался новый всемірный потопъ. Во время этого страшнаго ливня, представлявшаго собою нѣчто въ родѣ сплошной непроницаемой дождевой стѣны, по мѣткому выраженію одного изъ крестьянъ, отъ протянутой черезъ отворенное окно руки буквально не видать было кисти. И все это продолжалось не какія-нибудь минуты, а около трехъ часовъ. Нѣкоторые крестьяне, бывшіе въ то время на поляхъ, возвращались домой уже по сплошной массѣ воды, далеко выше лодыжки. Первою жертвою этой страшной водяной лавины была женщина, ѣхавшая съ своею дочерью и спускавшаяся на мостъ чрезъ рѣку Липню, близь деревни Доброе Пристанище. Видя позади себя быстро несущійся водяной валъ, женщина хотѣла ускорить переѣздъ чрезъ рѣку; но лишь только она въѣхала на средину моста, какъ онъ мгновенно былъ подхваченъ водою и цѣликомъ понесся внизъ по теченію. Какимъ-то чудомъ женщина осталась, однако, невредимою, сидя въ своей телегѣ на срединѣ несущагося по волнамъ моста. Въ такомъ ужасномъ положеніи несчастныя жертвы, въ виду всѣхъ ужасовъ неизбѣжной гибели, несены были цѣлыя три версты, вплоть до села Шельбова. Очевидцами этой раздирающей душу картины были цѣлыя сотни крестьянъ села Шельбова, въ ужасѣ выбѣжавшихъ изъ своихъ домовъ, вслѣдствіе страшнаго шума воды, разомъ захватившей почти всю ширину улицы, отъ одного порядка до другого (рѣка Липня протекаетъ самой серединой села Шельбова). Сколько ни взывали о помощи несчастныя мать и дочь къ оторопѣвшимъ зрителямъ, помощь оказалась невозможной. При одномъ довольно крутомъ поворотѣ рѣчнаго русла, мостъ, наконецъ, раздернуло по частямъ, и несчастныя жертвы, вмѣстѣ съ лошадью и телѣгою, скрылись въ водѣ. Вслѣдъ за этою ужасною катастрофою, глазамъ крестьянъ села Шельбова представилась новая, еще болѣе ужасная, картина. Вновь нахлынувшею волною мгновенно снята была съ земли только что отстроенная новая крестьянская фабрика съ цѣлою артелью рабочихъ, ни мало не подозрѣвавшихъ для себя опасности, и быстро пошла по теченію воды. Всѣхъ рабочихъ было около восьми человѣкъ. Половина изъ нихъ какъ-то вскорѣ успѣла выпрыгнуть изъ этой засады и хотя съ трудомъ, но добралась до берега, а четверо остальныхъ такъ и остались внутри зданія. Одинъ изъ нихъ, молодой мальчикъ, застигнутый на крышѣ зданія, отчаянно кричалъ и просилъ помощи, но всѣ его вопли были напрасны—спасти было невозможно. Никто не знаетъ, далеко-ли унесена была эта новая злосчастная фабрика съ застрявшими въ ней рабочими; только одинъ изъ нихъ, уже на другой день, былъ найденъ мертвымъ на берегу, съ заткнутымъ за кушакъ топоромъ, а остальныхъ троихъ не найдутъ и до сихъ поръ.

— **Русскіе іезуиты-патеры.** Въ «Голосѣ» мы находимъ слѣдующія подробности о русскихъ отцахъ-іезуитахъ, основавшихъ въ Парижѣ великолѣпную славянскую библіотеку съ огромнымъ русскимъ отдѣленіемъ. Этихъ отцовъ-іезуитовъ четверо: Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ—человѣкъ обширной начитанности, другъ Чаадаева и Самарина; былъ дипломатомъ въ русской службѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ его сочиненій: «Clergé russe», «Les églises d'Orient». «Le pape, l'église russe et les rascolniks». Онъ много занимался исторіей іезуитовъ въ Россіи: «Les jésuites en Russie», «Un nonce du Pape», «Vie de S. Follorpe». Въ послѣдніе годы онъ работалъ надъ первымъ изданіемъ Розавеновой исторіи іезуитовъ въ Россіи. Иванъ Матвѣевичъ Мартыновъ—кандидатъ петербургскаго университета, работалъ съ болландистами. Главный его трудъ—«Annus Ecclesiasticus». Сверхъ того, онъ издалъ «Manuscrits slaves» и много другихъ сочиненій. Онъ часто давалъ во французскихъ журналахъ отчеты о русскихъ сочиненіяхъ; онъ теперь готовитъ трудъ о св. Кириллѣ и Мефодіи. Павелъ Осиповичъ Пирлингъ—до 1876 года былъ секретаремъ орденскаго генерала и только на досугѣ могъ изучать русскіе документы въ римскихъ и флорентійскихъ архивахъ. Первый плодъ его дѣятельности: «Rome et Démétrius». Въ настоящее время онъ занимается сношеніями Россіи и Франціи. Евгеній Петровичъ Балабинъ—братъ нашего бывшаго посланника въ Вѣнѣ, воспитывался вмѣстѣ съ лицомъ, о которомъ онъ всегда и вездѣ вспоминаетъ не иначе какъ съ восторгомъ. Онъ занимается текущими русскими дѣлами, но до сихъ поръ ничего еще не напечаталъ. Эти-то четыре лица и основали славянскій музей вскорѣ послѣ ужасовъ комуны. Такихъ библіотекъ и въ Россіи немного, говоритъ «Голосъ». Острожская библія 1581 года, реймское евангеліе, евангеліе на русскомъ языкѣ, изданное въ Парижѣ (съ собственноручною припискою издателя, князя Лобанова-Ростовскаго), неизданныя старообрядческія рукописи, «Ученіе отрокамъ», Прокоповича и много, много другихъ драгоцѣнностей собрано въ «Славянскомъ музеѣ». Тамъ, въ «Musée slave», великолѣпное собраніе сочиненій о Россіи на иностранныхъ языкахъ (Rossica) и самое полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ на иностранныхъ языкахъ. Что станется съ музеемъ по изгнаніи іезуитовъ изъ Франціи и гдѣ теперь его основатели—неизвѣстно.

— **Изверженіе вулкана.** Въ послѣднее время Гекла начала проявлять свою усиленную дѣятельность и извергаетъ громадные клубы дыма, нерѣдко застилающіе горизонтъ, при этомъ иногда слышится глухой подземный грохотъ и волнообразныя колебанія земли по направленію къ западу. Температура горячаго ключа «Гейзеръ» значительно повысилась.

— **Землетрясенія.** «Агентству Гаваса» сообщаютъ, изъ Неаполя, отъ 25 го іюля, что тамъ почувствовали, утромъ этого дня, волнообразное землетрясеніе. Изверженіе Везувія усилилось. Лава течетъ по восточному склону конуса.

Изъ Смирны также телеграфируютъ, отъ 29-го іюля, что въ этотъ день, утромъ, въ городѣ и его окрестностяхъ было сильное землетрясеніе, причинившее значительный вредъ. Нѣсколько домовъ разрушено. Въ Смирнѣ и Бурнабатѣ насчитываютъ нѣсколько жертвъ. Провинція также пострадала, особенно Менеменъ. Тамъ разрушено очень много домовъ, въ томъ числѣ и мечеть. Число жертвъ также велико.

— **Чудо въ XIX вѣкѣ.** Въ Лондонѣ надѣлало много шума необычайное происшествіе, случившееся въ гор. Галвеѣ. 6 іюня въ мѣстномъ францисканскомъ костелѣ во время обѣдни западная стѣна церкви внезапно покрылась огненнымъ свѣтомъ, настолько рѣзкимъ и сильнымъ, что публика въ испугѣ при крикахъ «пожаръ!» бросилась къ выходу, но въ это мгновеніе пламя или, лучше сказать, снопъ яркаго свѣта отдѣлился отъ стѣны, заколебался и въ немъ обрисовались 3 женскія фигуры; затѣмъ изъ этого свѣта ясно выдѣлилась одна фигура женщины, голова которой была закутана въ бѣлое покрывало; чрезъ минуту видѣніе начало отдѣляться, свѣтъ все болѣе и сильнѣе колебался. Публика, обезумѣвъ отъ ужаса, бросилась вонъ, крикъ и суматоха поднялись страшныя, патеръ куда-то исчезъ и нигдѣ не могли его найдти; на крикъ явился полицейскій агентъ съ посторонними лицами; они вошли въ костелъ, видѣніе не прекращалось; со многими сдѣлалось дурно и даже полицейскій далъ тягу и привелъ съ собою почти все городское управленіе; костелъ окружили, вошли; видѣніе все также неподвижно стояло, никто не смѣлъ приблизиться,—многіе изъ присутствующихъ пали на колѣни. Видѣніе заколебалось, свѣтъ началъ потухать и чрезъ нѣсколько секундъ все исчезло. Фактъ констатированъ; рѣшено произвести точное дознаніе объ этомъ явленіи.

— **Леченіе падучей болѣзни.** Эпилепсія (падучая болѣзнь) считается до сихъ поръ неизлечимою. Докторъ Ходецкій, убѣжденный собственными изслѣдованіями относительно сущности и причинъ этой болѣзни, равно какъ и изслѣдованіями извѣстныхъ нѣмецкихъ нервологовъ: Теннера, Нотнагля, Вебера и др., доказывающими, что эпилептическій припадокъ есть результатъ временнаго безкровія (анеміи) нѣкоторыхъ частей мозга, предлагаетъ какъ самое раціональное средство устраненія припадковъ: вдыханіе Amyl-nitrita, вливаемаго въ количествѣ двухъ капель на носовой платокъ. Это-же средство съ успѣхомъ дѣйствуетъ въ разныхъ формахъ мигрени.

— **Сгорѣвшій въ локомотивѣ.** Въ четвергъ, перваго іюля новаго стиля, начальникъ машинистовъ магдебурго-гальберштедской желѣзной дороги замѣтилъ, что отъ топившагося локомотива «Аллеръ» распространяется скверный запахъ. Онъ обратилъ на это вниманіе машиниста. предполагая, что въ печь были брошены старыя тряпки, которыми чистятъ машины. Машинистъ сказалъ, что этого не должно быть, и выразилъ мнѣніе, что запахъ распространяется отъ близъ лежащей фабрики костяной муки. Но оказалось, что вѣтеръ дуетъ какъ разъ съ противоположной стороны. Тогда машинистъ пошелъ къ своей машинѣ и нашелъ, что дверцы въ ней, которыя онъ почти совсѣмъ заперъ, наложивъ угля, были теперь открыты. Онъ приподнялся, чтобы заглянуть въ печь, и въ ту-же минуту послышался его раздирающій крикъ: «Человѣкъ, человѣкъ, человѣкъ лежитъ въ печкѣ!» Оказалось слѣдующее: столяръ Готфридъ Кеннеке, занимавшійся въ послѣднее время при желѣзной дорогѣ чисткою машинъ, залѣзъ черезъ отверстіе въ печь локомотива и сгорѣлъ тамъ заживо. Если вы вспомните, какъ мало отверстіе локомотивной печки, то вы поймете, какого труда стоитъ пролѣзть туда даже и тогда, когда печь холодна; Кеннеке-же залѣзъ въ нее, когда она топилась, просунувъ предварительно въ нее ноги. Когда его нашли, у него уже сгорѣли ноги и одна рука. Пока затушили уголья и остудили печь—Кеннеке былъ уже трупомъ. Кеннеке былъ отцомъ семерыхъ дѣтей и, повидимому, совершилъ самоубійство въ припадкѣ умопомѣшательства.

— **Необыкновенное явленіе.** Недавно океанскій пароходъ «Тарифа», прибывшій въ Коркъ изъ Америки, былъ очевидцемъ необычайнаго явленія на Антлантическомъ океанѣ. Частыя и сильныя бури этого года сопровождались необыкновенными колебаніями водъ, при совершенномъ затишьѣ, причемъ наплывъ ледяныхъ массъ былъ такъ великъ, что не разъ пароходъ подвергался серьезной опасности отъ льдинъ, иногда достигавшихъ высоты 80—100 фут. и отъ 400 до 500 фут. длины. Измѣненія барометра были такъ часты и быстры, что даже трудно было услѣдить ихъ. Подобныя явленія, по замѣчаніямъ моряковъ, нельзя считать за обыкновенныя или просто случайныя.

— **Опыты аклиматизаціи.** Лондонскій ботаническій садъ въ настоящее время занятъ интересными опытами аклиматизаціи и пересадки садовыхъ растеній. Вотъ рядъ опытовъ съ вишневыми деревьями. Эти деревья, вывезенныя изъ Россіи втеченіи первыхъ 3 мѣсяцевъ воспитывались въ теплицахъ и питомникахъ; въ это время они покрывались цвѣтомъ; при пересадкѣ ихъ въ грунтъ, брали по 10 деревьевъ равной силы и возраста и пересаживали одни днемъ, а другіе ночью. Пересаженные днемъ быстро распускали почку, скорѣе укоренялись въ землю, но въ первый годъ плода не приносили и въ послѣдующіе годы, плодъ ихъ былъ не столь сочный и само дерево тощее; пересаженные-же ночью, позже распускали почки, медленнѣе укрѣплялись въ землю и дерево замѣтно теряло свою силу; но за то въ первый-же годъ давало плоды, а въ послѣдующіе получались сочные и роскошные плоды; на третьемъ году высота деревца была выше, а объемъ ствола толще и сильнѣе деревьевъ, пересаженныхъ днемъ. Такіе-же опыты производились и съ хлѣбными растеніями и травами, при чемъ зерновые растенія, посаженныя въ лунную ночь, были лучше тѣхъ, которые были посажены не въ лунную. При этихъ опытахъ почвенные элементы, заключающіе кислоты, уничтожались введеніемъ щелочей, что способствовало уничтоженію зародышей насѣкомыхъ, изобилующихъ въ тучныхъ и кислотныхъ почвахъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. При этомъ № разсылаются преміи гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ по 25-му тракту, а также и въ Восточную Сибирь и Среднюю Азію. Этой отправкой окончена разсылка премій, которыя отосланы теперь всѣмъ безъ исключенія гг. подписчикамъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 30-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 26 іюля въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднyю почту 27 іюля въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Весна, стих. **Дм. Черткова.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. **М. Ф. Каменской.** — Изъ исторіи рабства въ древности, ст. **С. Терновскаго.**— Русскія суевѣрія, очерк. **С. С. Шашкова.**—Великая пѣвица, истор. пов. **Луизы Мюльбахъ,** перев. **А. Качоровской** —Литературные и драматическіе очерки, ст. **Эмиля Золя.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.

Рисунки: Джонъ Брайтъ.—Художественные критики, картина **П. Морана.**—Кровавая плата, картина **Виктора Нелига.**—Монастырскій писецъ, картина **Андріолли.**—Злая дѣвочка, картина **Бугеро.**—Обученіе музыкѣ **Его-же.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

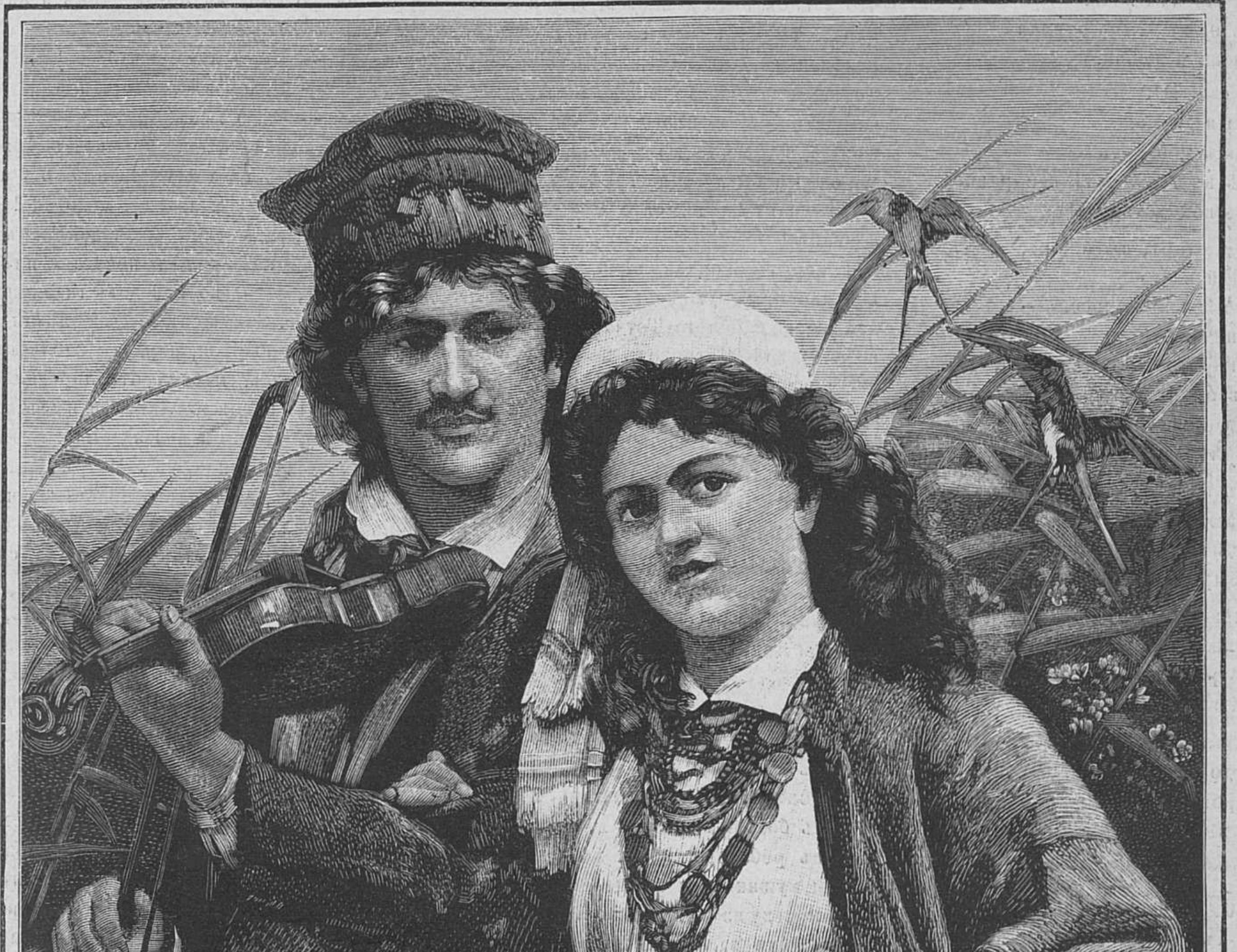
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 августа 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 32. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ **20 коп.** за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 9 Августа 1880 г.

НАРОДНЫЕ ТИПЫ.

КАРТИНА СТРІОВСКАГО.



Русины.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ**

Листки изъ записной книги.

Стих. **Б. Левина.**

I.

Наша юность—нашей жизни лѣто,
Солнце нашей юности—любовь...
Горе тѣмъ, въ комъ не была согрѣта
Животворнымъ солнцемъ этимъ кровь,
Передъ кѣмъ невзгоды и печали
Каждый проблескъ, каждый слабый лучъ
Солнца юной жизни омрачали,
Точно масса безпросвѣтныхъ тучъ!...

Такъ провелъ я скорбный жизни лѣто
И когда оно къ концу пришло
И настала осень,—солнце это
Въ полномъ блескѣ надо мной взошло,—
Но взошло затѣмъ, чтобъ со слезами
Не привыкшій къ свѣту съ дѣтскихъ дней,
Я закрылъ глаза свои руками
Отъ его сверкающихъ лучей.

II.

Если только скорбь и слезы
Намъ подъ старость дать должны
Молодыя наши грезы,
Молодые наши сны,—
И тогда, не размышляя,
Юность, смѣло ихъ лови:
Разъ даетъ намъ жизнь земная
Дни порывовъ и любви.

III.

Не голодаю я давно,
Ровнѣе сталъ мой путь
Да что мнѣ въ томъ? мнѣ все равно,
Какъ вѣкъ свой дотянуть!

Кто сталъ и старъ, и одинокъ,
Тому нужнѣй всего
Для гроба нѣсколько досо́къ—
И больше ничего.
Рядъ безмятежно свѣтлыхъ дней,
Успѣховъ громкихъ рядъ
Моей семьи, моихъ друзей
Мнѣ не вернутъ назадъ.

Что мнѣ въ пирахъ, когда на нихъ
Я вспоминаю вновь,
Какъ голодъ свелъ друзей моихъ
Во мракъ сырыхъ гробовъ.

Меня ласкаютъ, но вопросъ:
Кто вспомнилъ про меня,
Когда подъ рубищемъ въ морозъ
Искалъ пріюта я?

Въ вѣнкахъ лавровыхъ нѣтъ нужды
Тому, кто до конца
Хранитъ кровавые слѣды
Терноваго вѣнца.

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава IX.

На другой день утромъ генералъ ввелъ формально въ должность своего новаго управляющаго. По утру старшіе дворовые люди, старосты, сотскіе и десятскіе были призваны въ кабинетъ Сергѣя Александровича.

— Вы видите, братцы, что баринъ вашъ не такъ здоровъ. Я не могу теперь самъ завѣдывать всѣмъ хозяйствомъ; нога мѣшаетъ мнѣ быть вездѣ самому и потому я взялъ вамъ управляющаго. При этомъ генералъ поманилъ къ себѣ Котикова.

Онъ подошелъ.

— Наклонись ко мнѣ, братецъ.

Петръ Петровичъ наклонился.

— Какъ, братецъ, тебя зовутъ? шепнулъ ему на ухо Сергѣй Александровичъ.

— Котиковъ! ваше превосходительство, отвѣтилъ тоже шепотомъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, по имени и отчеству какъ? шепнулъ опять старикъ.

— Петръ Петровичъ! тихо сказалъ Котиковъ.

Генералъ кивнулъ головой.

— Ну, вотъ я и взялъ вамъ управляющаго... Вотъ онъ. Его зовутъ Петръ Петровичъ... Прошу уважать и слушатся его, какъ вы меня уважали и слушались... Не думайте, однакожъ, чтобъ я за вашими дѣлами не слѣдилъ... Я вѣдь вашу братью знаю... Вы теперь скажете: «ну, баринъ-то боленъ, сидитъ тамъ, ни съ мѣста, онъ къ намъ какъ снѣгъ на голову не упадетъ... А управляющаго-то новаго попробовать прежде надо, какой онъ тамъ такой?... Авось и спускать намъ будетъ»! да и ну все дѣлать черезъ пень колоду... Такъ нѣтъ!... Вы это и изъ головы выкиньте; Петръ Петровичъ вамъ ничего не спуститъ, потому что я съ него за это взыщу... Вы не думайте, что я сижу здѣсь, такъ и не знаю, что у васъ тамъ дѣлается, какая вездѣ неурядица... Выпусти васъ на минуту изъ рукъ, вы и полѣзли на печи... Такъ вотъ, Петръ Петровичъ-то вамъ подберетъ поводья... А я отсюда все слышать буду и всѣ дѣла видѣть буду... А вы знайте, что когда вы хороши, и баринъ съ вами хорошъ; а вы дурны, и баринъ съ вами дуренъ... Ну, ступайте!... помните мое слово! ступайте! ступайте!

Генералъ, окончивъ рѣчь, кивнулъ слегка головой; дворовые мужики, низко поклонясь, повалили изъ дверей кабинета. Тотчасъ-же безъ суеты вступилъ Петръ Петровичъ въ свою новую должность и дѣло пошло у него какъ по маслу. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Котиковъ сдѣлался свой у мужиковъ и свой въ домѣ генерала. Когда Петръ Петровичъ шелъ по селу, деревенскіе ребятишки бѣжали за нимъ съ крикомъ: дядя Петра! дядя Петра! кинь по пряничку... кинь по грошику!

— Зайди, сердечный, въ избу, не погнушайся, зазывала старушка, стоя на крылечкѣ избы, на которой бѣлѣлась новая крыша.—Зайди, я тебѣ сливочекъ густенькихъ сниму... зайди творожку покушать, только вечоръ изъ печи вынула.

Петръ Петровичъ заходилъ во всѣ избы, ѣлъ тотчасъ послѣ обѣда глазунью, поросенка съ кашей, говорилъ прибауточками, лазилъ на печь глядѣть больныхъ, поилъ съ руки теленка и игралъ съ ребятишками. А между тѣмъ узнавалъ нужды мужиковъ и обѣщалъ: кому выдать лѣску на поправку избы, кому корову, кому лошадь изъ господскихъ загоновъ. Не во всѣхъ, однакожъ, избахъ обходилось съ лаской, съ прибауточками, да съ обѣщаніями. Иной разъ, богатаго мужика, не по недостатку, а по нерадѣнію, изба кривилась на сторону и въ загонѣ не было скота, тогда Петръ Петровичъ, вставъ изъ-за стола и выходя на крылечко, говорилъ мужику, хлопая его по плечу:

— Ну, дядя, чтобъ изба у тебя была поправлена, чтобъ я этого свѣта Божьяго сквозь крышу не видалъ, какъ зайду къ тебѣ вдругорядь. Да и скота чтобы было у тебя сколько сказано, помни...

— Да какъ-же избенку-то поправишь, кормилецъ? На что скота-то купить? Достатки-то наши плохи! пискливо отвѣчалъ мужикъ, низко кланяясь Котикову.

— Найдешь, дядя, поищи! скажетъ такъ Петръ Петровичъ, да и взглянетъ на мужика своими черными глазами, и довольно. Въ другой разъ, какъ завернетъ онъ въ ту-же избу, дыры на крышѣ ужь не увидитъ и скота въ загонѣ сколько приказано. И не строгъ, казалось, былъ Петръ Петровичъ, а все, что онъ прикажетъ, дѣлалось и дѣлалось скоро и хорошо. И дворовые люди всѣ по струночкѣ ходили у Петра Петровича, а онъ еще ни разу никого не наказалъ. Со всѣми былъ ласковъ, шутилъ, разговаривалъ; случалось, что цѣлый часъ сидитъ и разспрашиваетъ человѣка про то, какъ онъ жену побилъ и какъ она ему лицо оцарапала.

— Ну, разскажи, разскажи мнѣ, братецъ, толкомъ, за что у васъ дѣло вышло?

— Да я, сударь, невзначай у ней янтари съ шеѣ порвалъ, они и разсыпались.

— Ну, а она что-же?

— Она, бестія, озлилась.

— А ты что?

— А я ее ругнулъ-съ...

— Ну, а она что?

— Она, подлая баба, мнѣ въ рожу плюнула-съ.

— Экая какая! Ну, а ты что-же?

— Я, сударь, не вытерпѣлъ, плюху ей далъ-съ. Нельзя-же, сударь, ихняго брата и не поучить-съ...

— Какъ-же можно! Ну, а она что-же?

— Да вотъ-съ, сударь, извольте посмотрѣть, о сію пору видно-съ... такъ и вцѣпилась мнѣ въ рожу, какъ кошка-съ.

— Ну, а янтари что?

— Подобрала, каторжная.

— Э... э... эхъ! братъ, какая-же ты баба: бабѣ далъ себѣ въ лицо вцѣпиться! Дрянь ты, братецъ, дрянь! Ты бы хоть янтари-то ногой разметалъ. А! баба-то молодецъ, молодецъ!

Шутитъ такъ съ человѣкомъ Петръ Петровичъ, а какъ до дѣла коснется, и говорить не говоритъ, а только поведетъ глазами, и все въ мигъ готово. Запущенные съ болѣзни генерала комнаты прозрѣли, паркеты заблистали, зеркала засвѣтились, мебель отполировалась, да такъ на всегда и пошло. Лакеи и пылинкѣ сѣсть не давали, да оно и нельзя было: гдѣ-бы она ни сѣла, хоть за печкой, ужь Петръ Петровичъ бы выглядѣлъ, да на того человѣка, что ту комнату убиралъ, и взглянулъ бы. А какъ взглянетъ Петръ Петровичъ, такъ у человѣка словно мурашки за кожей закопышутся... На все находилъ время Котиковъ, и на кухню заходилъ, самъ стряпать училъ стараго повара Филипа. Скоро «меню» генеральскаго стола совершенно измѣнилось: галантинъ, рыбное тѣльное съ горошкомъ, телячья головка съ черносливомъ, супъ изъ рубленаго ливера съ жареной булкой изгнались на вѣкъ. На мѣсто ихъ явился: маіонезъ, филе-де-ерши, телятина подъ бешемелемъ и много другихъ прелестей... Генералъ столомъ не нахвалится, Лёло ѣла съ апетитомъ. Одна маменька Елезавета Никитишна все просила соуса изъ рубленаго ливера съ булкой.

Всякое утро являлся Петръ Петровичъ къ генералу за приказаніями, почтительно выслушивалъ ихъ и исполнялъ въ точности всѣ прихоти старика. Когда послѣ обѣда генералъ призывалъ къ себѣ Котикова потолковать, это значило, что ему надо разсказывать все, что дѣлается на селѣ и въ домѣ. Тогда Петръ Петровичъ говорилъ генералу только то, что ему хотѣлось, чтобъ онъ зналъ, а что генералу, по его мнѣнію, знать не слѣдовало, о томъ онъ умалчивалъ и незамѣтно сворачивалъ вниманіе Сергѣя Александровича на деревенскіе анекдоты про хорошенькихъ Дашекъ, Варекъ, Матрешекъ и Аленокъ. Старичекъ смѣялся, щеки его разгорались подъ румянами и онъ на мѣсто того, чтобы слушать, начиналъ самъ говорить, вспоминать грѣшки своей молодости. Потомъ переходилъ въ двѣнадцатый годъ, подробно перебиралъ всѣ кампаніи, гдѣ и за что онъ получилъ «pour le mérite», гдѣ Анну съ бантомъ, гдѣ шпагу за храбрость, гдѣ контузію...

Внимательно слушалъ Петръ Петровичъ всякій день новые разсказы генерала, позволяя себѣ перебить его для того только, чтобъ вставить словцо удивленія, или похвалу храбрости Сергѣя Александровича. Не разъ ему случалось называть генерала орломъ! Это сравненіе такъ нравилось генералу, что онъ, кажется, такъ-бы и вспорхнулъ орломъ, да ноги-то въ одѣяло были завернуты.

Завтракалъ, обѣдалъ и ужиналъ Петръ Петровичъ всегда съ Лёло, церемониться съ ней онъ ужь давно перестaлъ и не она угощала его, а онъ ее, и не проходило ни одного ни завтрака, ни обѣда, чтобъ звонкій хохотъ Лёло не раздавался по всему дому. За однимъ завтракомъ Лёло узнала, что у Петра Петровича есть французскіе романы и выпросила ихъ себѣ почитать. За однимъ ужиномъ Петръ Петровичъ вдругъ взглянулъ на старые клавикорды и спросилъ у Лёло, играетъ-ли она на фортепіяно?

— Какъ-же не играю, это жизнь моя; да сами посудите, можно-ли играть на этой сковородѣ? отвѣчала печально Лёло.

— Отчего-же нельзя? сказалъ Петръ Петровичъ, вскочилъ изъ-за стола, открылъ фортепіяно, сѣлъ, заигралъ и запѣлъ бабьимъ голосомъ:

Ужъ какъ выдалъ меня батюшка
Не въ милую семью-то.
О-о-охъ! охъ! о-о-хъ ты мнѣ!..

Лёло умерла со смѣху.

— Что-жъ, право, Елена Михайловна, инструментъ очень хорошъ! сказалъ пресерьезно Котиковъ, закрывая фортепіано.

А въ день Константина и Елены, когда Лёло вышла по утру къ чаю, вмѣсто старыхъ клавикодръ въ залѣ стоялъ новый, дорогой рояль.

— Ахъ! что это такое? спросила Лёло, остолбенѣвъ отъ радости.

— Это новый рояль, холодно отвѣтилъ Петръ Петровичъ, прихлебывая чай изъ стакана.

— Кто это купилъ? спросила опять Лёло.

— Должно быть, генералъ купилъ...

— Не правда, это вы! сказала Лёло, краснѣя, и прослезилась.

— Вотъ еще! ужъ никакъ не я, я-бы съ тѣмъ фортепіано не разстался... славный былъ инструментъ!...

Всѣ въ деревнѣ и въ домѣ любили Петра Петровича. Мужички, когда ихъ спрашивали, довольны-ли они своимъ новымъ управляющимъ, говорили:

— Да это отецъ родной! помилуй его, Господи, пошли, Матерь Божья, за насъ и внукамъ и правнукамъ его!..

Дворовые люди толковали промежъ себя про Петра Петровича:

— Рѣдкостный, можно сказать, человѣкъ! Взыскать онъ съ тебя взыщетъ, да за то и найдетъ тебя всѣмъ. Вотъ у насъ теперь рубахи-то какія, какъ у барина, а прежде дерюгу носили, да и во всемъ такъ...

Генералъ говорилъ про Петра Петровича:

— Это мнѣ кладъ, а не управляющаго Богъ послалъ; во-первыхъ, дѣлецъ, все у него такъ и кипитъ, честенъ, акуратенъ, скроменъ, почтителенъ, и лица на немъ никогда угрюмаго не увидешь, весельчакъ, балагуръ... Ну, какъ такого человѣка не любить? А все княгиня Евгенія Дмитріевна мнѣ его выбрала, дай ей, Господи, здоровья! и что всего дороже — какъ съ нимъ ласковъ ни будь, не балуется, да и только!

Лёло ничего не говорила про Петра Петровича, а только улыбалась и краснѣла, когда онъ входилъ въ комнату.

Одна только маменька Елизавета Никитишна ненавидѣла Котикова, всегда отворачивалась, когда онъ подходилъ къ ней, и шептала своему старому лакею:

— Фомка, mon cher, прогони этого, я его боюсь!...

Конецъ первой части.

Великая пѣвица.

Историческая повѣсть **Луизы Мюльбахъ**. Переводъ **А. Качоровской.**

(Продолженіе.)

Глава VII.

Пріѣздъ въ Россію.

Императрица Екатерина стояла въ своемъ кабинетѣ передъ большимъ зеркаломъ и внимательно осматривала свой туалетъ. Она только что вышла изъ уборной, выслушавъ съ улыбкой восторженныя восклицанія своихъ камеръ-юнгферъ. Но здѣсь, одна передъ зеркаломъ, Екатерина не улыбалась; голова ея, обыкновенно величественно поднятая, опустилась и ея большіе, темно-голубые глаза, которые такъ часто придворные поэты сравнивали съ глазами Юноны и которые Вольтеръ воспѣвалъ въ своихъ стихахъ «Къ Сѣверной Семирамидѣ»,—глаза эти, устремленные въ зеркало, съ томленіемъ отыскивали послѣдніе слѣды убѣгавшей молодости и увы! первые признаки приближавшейся старости. Императрица Екатерина родилась въ 1726 году, слѣдовательно, ей въ 1763 году было 37 лѣтъ... Она смотрѣлась въ зеркало и оно указало нѣсколько серебристыхъ нитей въ ея темнорусыхъ волосахъ. Вскорѣ улыбка снова озарила лицо государыни; она отошла отъ зеркала и возвратилась въ уборную. Ея камеръ-юнгферы были еще тамъ

— Я нахожу, сказала она,—что прическа не идетъ къ костюму; греческая наколка не хороша. Подайте маленькій, русскій кокошникъ съ страусовымъ перомъ съ боку и напудрите мнѣ волоса.

Камеръ-юнгферы засуетились; четверть часа спустя, новая прическа царицы была готова; на высоко зачесанныхъ, напудренныхъ волосахъ красовался русскій маленькій, бархатный кокошникъ, окаймленный горностаемъ и украшенный длиннымъ страусовымъ перомъ съ бриліантовымъ аграфомъ.

— Готово? спросила царица, медленно подымаясь.

— Такъ точно, ваше величество!

Она направилась снова къ зеркалу. Пудра оказала благотворное дѣйствіе: она уничтожила слѣды пробивающейся сѣдины, увеличила блескъ и безъ того прекрасныхъ глазъ.

Въ эту минуту въ кабинетъ вошли графъ Орловъ и петербургскій оберъ-полиціймейстеръ Елагинъ.

—Елагинъ, что случилось, что вы являетесь получасомъ ранѣе обыкновеннаго? спросила императрица.—Ужь не пожаръ-ли или моръ?

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ Елагинъ,—резиденція великой монархини наслаждается счастіемъ полнаго мира и спокойстія. Я явился доложить вашему величеству о пріѣздѣ приглашенной вами пѣвицы синьоры Габріэли.

— Наконецъ-то! вскричала императрица. Она заставила себя подождать... Такъ она здѣсь?

— Здѣсь, ваше величество. Слѣдуя вашему приказу представить ее тотчасъ по ея прибытіи, я исполнилъ повелѣніе вашего величества. Полчаса тому назатъ пѣвица въѣхала въ Петербургъ. Я былъ заранѣе предупрежденъ австрійскимъ посломъ, который по ея порученію нанялъ и роскошно меблировалъ для нея квартиру. Вчера утромъ, прибывшій къ посланнику курьеръ объявилъ, что синьора приближается...

— Ну! вскричала императрица — она точно принцеса, путешествующая инкогнито!

— Она пріѣхала въ трехъ экипажахъ; въ первой каретѣ, на козлахъ которой помѣщались два лакея въ ливреяхъ, ѣхала пѣвица; во второй-ея секретарь и камерфрау, а въ третьей двѣ камерюнгферы, француженки, и поваръ... Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю счастіе доложить вашему величеству о прибывшей сюда вчера почью странной личности. Этотъ человѣкъ прибылъ изъ Константинополя и привезъ рекомендательныя письма нашего посланника, онъ выглядитъ ученымъ. Нашъ посланникъ пишетъ, что онъ занимается особымъ способомъ лѣченія, обладаетъ камнемъ мудрости, умѣетъ дѣлать золото и серебро, кромѣ того ему извѣстенъ секретъ вѣчной молодости.

— Значитъ, это духъ, принявшій образъ человѣка! вскричала императрица, насмѣшливо улыбаясь,—я не вѣрю такому воплощенію, Елагинъ. Какъ зовутъ этого шарлатана?

— Онъ называетъ себя графомъ Каліостро, это красивый молодой человѣкъ, съ серьезнымъ взглядомъ и таинственнымъ выраженіемъ на благородномъ лицѣ.

— Мнѣ кажется, засмѣялась императрица,—чародѣй произвелъ сильное впечатлѣніе на спокойнаго Елагина. Ты бы возбудилъ во мнѣ сильное любопытство видѣть это чудо природы, если бы я не чувствовала отвращенія къ подобнымъ шарлатанамъ! Ты, Елагинъ, будешь доносить мнѣ, чѣмъ онъ занимается здѣсь въ Петербургѣ. Когда ты удостовѣришься, что онъ дѣйствительно дѣлаетъ золото и бриліанты, и испробуешь на себѣ дѣйствіе его жизненнаго элексира, тогда доложи мнѣ и мы еще поговоримъ о Каліостро. Теперь же, Елагинъ, отправляйся къ пѣвицѣ и скажи ей, что я желаю ее видѣть.

— Ваше величество, отвѣчалъ Елагинъ, низко кланяясь,—изволили выразить желаніе видѣть пѣвицу во дворцѣ тотчасъ по ея прибытіи въ Петербургъ. Исполняя повелѣніе моей царицы, я привезъ пѣвицу прямо сюда!

— Какъ! вскричала императрица,—она здѣсь, во дворцѣ?

— Такъ точно, ваше величество, она въ пріемной. Узнавъ о ея прибытіи, я отправился къ заставѣ и приказалъ кучеру ѣхать прямо во дворецъ.

— Елагинъ, ты же чрезмѣрно исполнителенъ. Но, дѣлать нечего, пригласи ее сюда.

Вскорѣ дверь распахнулась и на порогѣ появилась высокая фигура синьоры Габріэли. Она не остановилась робко на порогѣ, но смѣло подошла къ царицѣ, которая съ удивленіемъ смотрѣла на нее, и низко, граціозно поклонилась ей.

— Ваше величество, сказала она, спокойнымъ, звучнымъ голосомъ,—я очень сожалѣю, что въ первую минуту счастья быть представленной великой государынѣ, я принуждена принести ей жалобу.

— Жалобу? спросила императрица Екатерина, медленно опускаясь въ кресло.

— Я должна пожаловаться, что меня прямо съ дороги привезли къ вашему величеству, не давъ мнѣ времени хотя бы оправить свой туалетъ.

— Тутъ произошло недоразумѣніе, отвѣчала императрица;—что же касается туалета, то голосъ вашъ, надѣюсь не улучшится отъ того, что вы появитесь въ блестящемъ нарядѣ.

— Ваше величество, отвѣчала пѣвица, — голосъ прежде всего требуетъ спокойствія; а мой голосъ утомленъ послѣ долгаго, труднаго путешествія.

— Вы же здѣсь, слѣдовательно мы можемъ поговорить объ условіяхъ, сказала императрица, которой нѣсколько не понравился тонъ пѣвицы.—Я пригласила васъ потому, что мое любопытство было сильно возбуждено толками о вашемъ необыкновенномъ дарованіи, васъ называютъ волшебницей Италіи. Но предупреждаю васъ, я не изъ легковѣрныхъ и вамъ трудно будетъ заключить меня въ вашъ заколдованный кругъ.

— Тѣмъ сильнѣе будетъ торжество мое, ваше величество! вскричала Габріэли, гордо откидывая голову и смотря прямо въ лицо государыни.

— Увидимъ, сказала императрица;—но поговоримъ сначала о самомъ важномъ: о денежномъ вознагражденіи.

— Что я не придаю особеннаго значенія деньгамъ, ваше величество, можете заключить изъ того, что я пріѣхала сюда безъ предварительныхъ условій. Я вполнѣ довѣряю своему искуству и артистическому сужденію о немъ вашего величества.

— И вы не ошибетесь въ вашемъ довѣріи, сказала гордо императрица. — Мы тотчасъ рѣшимъ вопросъ. Я послушаю ваше пѣніе и назначу вамъ жалованье. Идемте въ концертную залу.

— Какъ, ваше величество, вскричала съ удивленіемъ пѣвица,—я должна сейчасъ пѣть?

— Ну, конечно. Идемте! Твою руку, Орловъ!

И подъ руку съ графомъ Орловымъ, Екатерина направилась къ дверямъ, которыя Елагинъ поспѣшно распахнулъ передъ нею.

Габріели одну минуту осталась стоять въ кабинетѣ, точно желая отказаться пѣть, однакожь, вскорѣ послѣдовала за императрицей.

Елагинъ успѣлъ уже открыть фортепьяно, когда вошла Габріэли. Графъ Орловъ подвелъ императрицу къ дивану.

— Ну, пойте, синьора, приказала императрица.—Пойте и смотрите на насъ, какъ на ареопагъ, который долженъ произнести свое мнѣніе о вашемъ искуствѣ.

— Признавая ваше величество, отвѣчала пѣвица,—что имѣю передъ собою самую свѣдущую въ искуствѣ публику, я осмѣлюсь замѣтить, что для пѣнія мнѣ нуженъ еще...

— Что такое?

— Мнѣ нуженъ акомпанёръ. Безъ него я пѣть не могу.

— Ну, а если я попрошу васъ замѣнить его сегодня своей особой.

— Невозможно, ваше величество, отвѣчала пѣвица, — я не могу одновременно играть и пѣть. Если ваше величество желаетъ слышать мое пѣніе, то прошу призвать акомпанёра.

Между тѣмъ Елагинъ незамѣтно проскользнулъ къ императрицѣ и что-то шепнулъ ей на ухо. Государыня кивнула головой.

— Хорошо, позовите этого господина... Елагинъ доложилъ мнѣ, продолжала императрица, обращаясь къ пѣвицѣ, — что васъ сопровождаетъ нѣсколько человѣкъ и они находятся здѣсь. Вѣроятно, между ними есть и акомпанёръ.

— Да, отвѣчала пѣвица;—между ними находится и акомпанёръ, который въ тоже время мой секретарь. Мой другъ, князь Кауницъ, рекомендовалъ мнѣ его, какъ отличнаго человѣка.

— А, вы хвастаетесь дружбой князя Кауница, сказала императрица.

— Ваше величество, князь Кауницъ, дѣйствительно, хвастается моей дружбой и онъ единственный человѣкъ, которому это дозволяется!

Императрица хотѣла что-то сказать, но въ эту минуту дверь отворилась и вмѣстѣ съ Елагинымъ вошелъ высокій, красивый молодой человѣкъ. Императрица слегка повернула къ нему голову:

— Вы акомпанёръ синьоры Габріэли?

Онъ низко поклонился, отвѣтивъ утвердительно.

— Ну, синьора, начинайте, приказала императрица.

Молодой человѣкъ сѣлъ за фортепьяно и заигралъ, а Габріэли запѣла. Речитативъ пропѣла она тихимъ, сладкозвучнымъ голосомъ; затѣмъ, съ гордымъ, торжественнымъ выраженіемъ лица, съ пламеннымъ взоромъ, исполнила громкимъ голосомъ арію: «Sona regina e sono amante».

Императрица слушала съ восхищеніемъ. Габріэли похожа была на королеву, была достойна любви и удивленія. Передъ нею пѣла дѣйствительно великая артистка.

— Браво! браво! вскричала императрица, едва Габріэли кончила. — Не правда-ли, Орловъ, у нея чудный голосъ? И какое великолѣпное, артистичечкое исполненіе! Синьора, вы замѣчательная артистка! Я не удивляюсь, что васъ вездѣ встрѣчаютъ съ энтузіазмомъ! что-же, Орловъ, развѣ ты не восхищенъ?

— Я? спросилъ Орловъ, — я ничего не смыслю въ музыкѣ; по моему она хорошо чирикаетъ, точно жаворонки или ласточки, но у птицъ это чириканіе выходитъ лучше, потому что естественнѣе.

— Ахъ, графъ! ты ничего не смыслишь, сказала Екатерина, ласково улыбаясь, — но, хотя ты варваръ въ оцѣнкѣ музыки, ты все же долженъ, вмѣстѣ со мною, высказать свой восторгъ синьорѣ Габріэли.

— Ладно! сказалъ Орловъ, поворачивая немного голову въ сторону пѣвицы;—вы очень хорошо пѣли, моя крошка.

Габріэли вздрогнула и невольно обернулась, какъ бы отыскивая за собою крошку, къ которой обращался графъ Орловъ.

— Развѣ вы не слышите? спросилъ онъ громкимъ, сердитымъ голосомъ. — Я выражаю вамъ мой восторгъ, милая крошка!

— Я слышала ваши слова, но не могла принять ихъ на свой счетъ. Я желаю, чтобы со мною говорили вѣжливо.

— Синьора! вскричалъ Орловъ, вспыхнувъ отъ гнѣва.

— Молчи, Орловъ, прервала его императрица;—мы испытали пѣвицу и я охотно готова признать ее первой артисткой въ Европѣ! Теперь же, синьора, поговоримъ о томъ, что для васъ важнѣе всего, о вашемъ жалованьи.

— Извините, ваше величество, для меня важнѣе всего не жалованье, а слава и одобреніе вашего величества.

— Ваши слова звучатъ очень хорошо, сказала съ улыбкой императрица,—но, я увѣрена, звонъ нашихъ русскихъ рублей вамъ также пріятенъ. Какое жалованье удовлетворитъ васъ. Я желала бы удержать васъ въ Петербургѣ на годъ.

— Ваше величество, вопросъ о жалованьи касается моего секретаря, отвѣчала Габріели.

— Хорошо, пусть будетъ такъ, сказала императрица.—Сколько же?

— Ваше величество, отвѣчалъ молодой человѣкъ, низко кланяясь,—синьора Габріэли, обязуясь пѣть два раза въ недѣлю въ оперѣ, желаетъ получить въ годъ пять тысячъ дукатовъ.

— Пять тысячъ дукатовъ. Такъ-ли я разслышала? Отвѣчайте сами, синьора.

— Такъ точно, ваше величество, мой секретарь имѣетъ на этотъ счетъ положительныя инструкціи.

— Пять тысячъ дукатовъ! повторила императрица.—Но вѣдь это содержаніе моихъ фельдмаршаловъ!

— Ну, возразила Габріели,—такъ заставьте, ваше величество, и пѣть вашихъ фельдмаршаловъ *).

— Вы правы, оцѣнивая себя у насъ такъ дорого, хотя въ другихъ мѣстахъ вы получали меньше, сказала императрица, улыбаясь словамъ пѣвицы.—Я согласна на ваши условія. До свиданія, синьора Габріэли, на дняхъ мы снова будемъ восхищаться вашимъ пѣніемъ въ оперѣ.

— Имѣю честь проститься съ вашимъ величествомъ и постараюсь снова заслужить ваше одобреніе, сказала Габріэли, низко поклонившись императрицѣ. Затѣмъ протянувъ руку Орлову прибавила:—г. графъ, прошу вашу руку.

Орловъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ:

— Что вы сказали, синьора? спросилъ онъ.

— Я прошу васъ проводить меня до кареты.

Императрица улыбнулась, а щеки графа покрылись отъ гнѣва яркимъ румянцемъ.

— Ты долженъ извинить ее, Орловъ, сказала императрица. — Синьора явилась къ намъ изъ иного міра, въ которомъ артистки стоятъ почти на ряду съ принцесами. Мнѣ разсказывали, синьора, о сумасшедшей страсти къ вамъ герцога Пармскаго, вѣрно это

— Ваше величество, отвѣчала пѣвица, — я никогда не выдала бы чужой сердечной тайны; но бѣдный, добрый принцъ самъ разболталъ о ней въ свѣтѣ. Да, онъ питалъ ко мнѣ несчастную любовь.

— Мнѣ разсказывали, что онъ, ослѣпленный гнѣвомъ, въ минуту ревности, похитилъ васъ. Правда это, синьора?

— Да, ваше величество, къ несчастію, правда, герцогъ до того забылся, что однажды, во время моего возвращенія изъ оперы, похитилъ меня.

— И васъ привезли въ тюрьму, украшенную съ царской роскошью. Вы нашли толпу прислуги, дорогую мебель, драгоцѣнныя бездѣлушки, однимъ словомъ, васъ помѣстили, какъ сказочную принцесу, въ заколдованномъ замкѣ. И это правда?

— Да, правда, ваше величество!

— И вы все таки не слушали принца? Всѣ эти доказательства его страсти не смягчили васъ?

— Нѣтъ, ваше величество, я его не любила!

— Такъ до свиданія, синьора Габріэли!

— До свиданія, ваше величество, отвѣчала пѣвица.—Повторяю, графъ Орловъ, дайте мнѣ вашу руку и доведите меня до кареты.

— Прошу тебя, Орловъ, сдѣлай ей удовольствіе, сказала императрица, улыбаясь.

— Если вы приказываете, ваше величество, я повинуюсь, отвѣчалъ Орловъ, съ досадой смотря на улыбающуюся пѣвицу и подавая ей руку.

Она взяла ее, еще разъ поклонилась государынѣ и вышла съ графомъ Орловымъ. За нею съ наклоненной головой слѣдовалъ ея секретарь.

Молча прошли они рядъ покоевъ, Орловъ не подымалъ глазъ. Войдя въ коридоръ, Габріэли остановилась:

— Одну минуту графъ, сказала она,—я принуждена замѣтить вамъ, что вы слишкомъ скоро идете для дамы. Мнѣ говорили, что мужчины въ Россіи слишкомъ быстро ходятъ; это выходитъ вѣрно; мы, итальянцы, привыкли ходить медленно и осторожно.

— Я совѣтую вамъ, моя крошка, и здѣсь ходить осторожнѣе, сказалъ сердито Орловъ.

— Вы снова употребили слова, которыя мнѣ не нравятся, г. графъ; вы снова назвали меня вашей крошкой. Но я предсказываю вамъ, графъ Орловъ, придетъ день, когда вы сознаете мое величіе и образъ мой, принявъ гигантскій размѣръ, будетъ царить въ вашемъ сердцѣ!

— Что это значитъ? спросилъ, хохоча, Орловъ.

— Это значитъ, что вы полюбите меня, графъ Орловъ;

---

*) Исторически вѣрно —подлинныя слова Габріэли.

Графъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, какъ бы думая, что она шутитъ; но лицо ея было совершенно серьезно.

— Да, графъ Орловъ, повторила она тихо,— вы меня полюбите.

— Ваше предположеніе удивляетъ меня своею смѣлостію! отвѣчалъ онъ со смѣхомъ. — Я полюблю васъ! Повторяю вамъ, синьора, я не почитатель искуства и ничего не понимаю въ бряньчаньи и визжаньи!

— Хотя г. графъ, вы не любите музыки и пѣнья, все же вскорѣ вы будете вымаливать милостивый взглядъ, лежа у ногъ артистки!

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ онъ насмѣшливо;—у вашихъ ногъ? и вы... что вы тогда будете дѣлать?

— Я оставлю васъ лежать у моихъ ногъ, но вы никогда не получите взаимности. Не забудьте, графъ, я васъ предупредила. Теперь идемте далѣе.

Она снова взяла его руку и они пошли по коридору. Онъ оставался безмолвнымъ отъ удивленія или гнѣва и только иногда нервно повертывалъ голову и смотрѣлъ на улыбающуюся красавицу, которая самоувѣренно шла подлѣ него. Сойдя съ лѣстницы, Орловъ остановился и, устремивъ свои каріе глаза на пѣвицу, спросилъ:

— Вы говорили серьезно, синьора? вы, дѣйствительно, думаете, что я полюблю васъ?

— Я говорила серьезно, графъ, и заранѣе предупреждаю: вы будете меня любить, а я васъ нѣтъ!

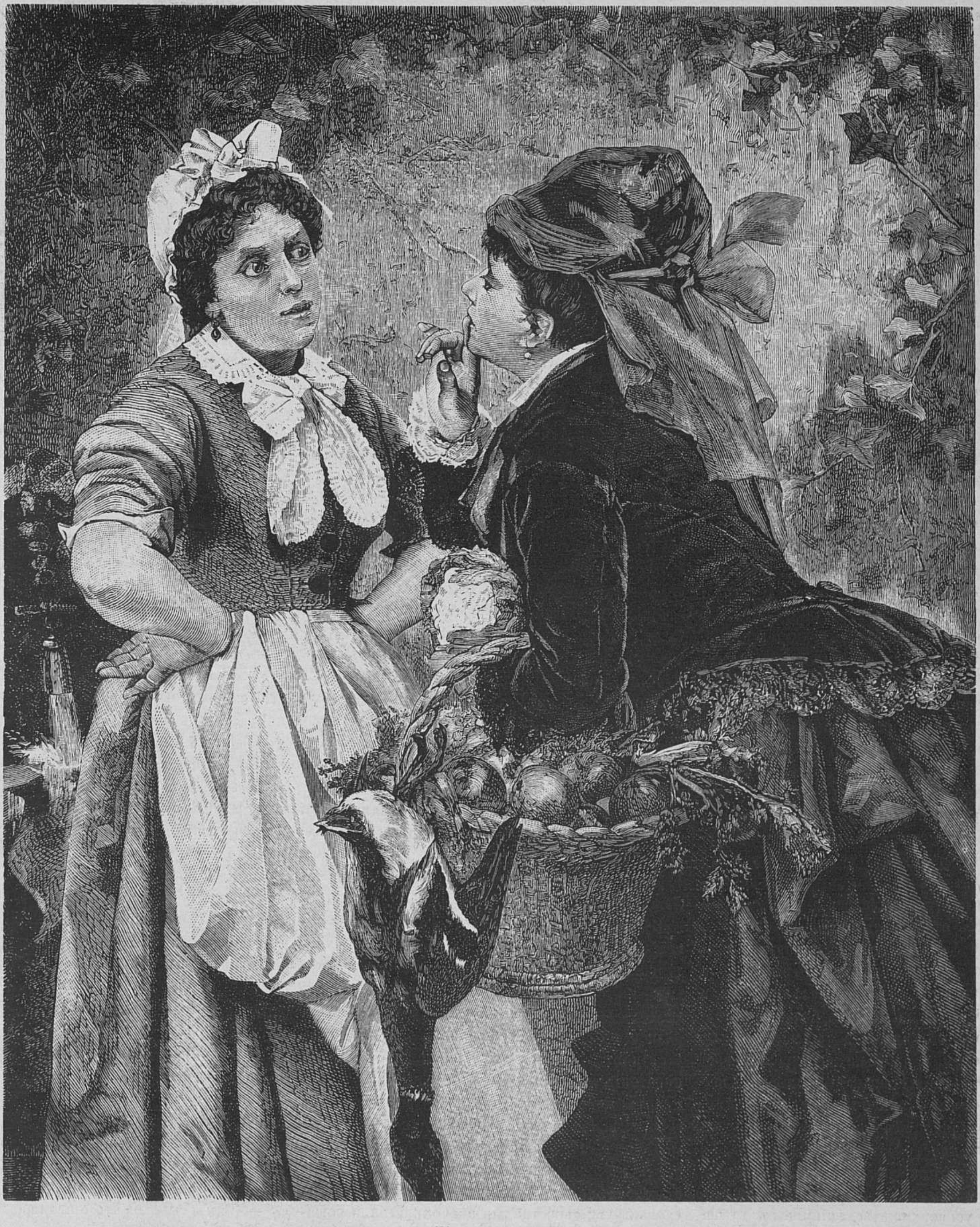
Она низко поклонилась и опустила его руку.

— Благодарю васъ, графъ, до свиданія... А вы, мой другъ, доведите меня до кареты.

Она взяла руку молодого человѣка, своего секретаря.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

УЛИЧНЫЕ ТИПЫ.



Кумушки.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Глава II.

Орели въ новомъ положеніи.

Въ улицѣ Фѣльянтинокъ стоялъ высокій домъ, служившій помѣщеніемъ убѣжища сестеръ «Кающейся Магдалины». Этотъ домъ, построенный при Людовикѣ XVI, имѣлъ очень красивую внѣшность. Большія окна его показывали, что жильцы его любятъ свѣтъ. Въ окнахъ, правда, были желѣзныя рѣшетки, но онѣ были тонки, изящны и могли отворяться. Изъ-за бѣлыхъ кисейныхъ занавѣсокъ виднѣлись тяжелыя штофныя драпировки. Широкіе ворота были украшены панелями въ стилѣ рококо; такія-же украшенія находились на фронтонѣ и подъ портикомъ, перемѣшанныя съ вѣтками и листьями. Двѣ лавровыя вѣтви, связанныя лентой, служили рамой для двойныхъ дверей. Лѣвая дверь имѣла форточку, которая отворялась по стуку молотка; сквозь рѣшетку ея показывалось веселое лицо привратницы, съ блестящими глазами, съ полными, розовыми щеками. Взглянувъ на посѣтителя, она отпирала калитку, за которой показывалась вторая дверь, изъ рѣзного дерева, лакированная, красивая. Налѣво находились обширныя сѣни, съ однимъ окномъ, выходившимъ на дворъ. На противуположной сторонѣ сѣней, вторая дверь вела на большой дворъ, по правую руку котораго находилась небольшая капела, вмѣщавшая до сорока человѣкъ. Между окнами и по обѣимъ сторонамъ двери ея густо разрослась виноградная лоза, спускавшая свои ярко-зеленыя вѣтки на цвѣтныя стекла. Внутренность капелы имѣла совершенно свѣтскій видъ. Стулья были не соломенные, а мягкіе, вышитые трудами сестеръ. Великолѣпная кафедра, на которую вела низкая лѣстница, была куплена въ Германіи, въ магазинѣ древностей. Эта кафедра, спасенная при разрушеніи одной старинной церкви, отличалась великолѣпною рѣзьбой и служила свѣтскимъ людямъ предлогомъ для посѣщенія капелы. Алтарь, весь разукрашенный шелкомъ, кружевами, позолотой, имѣлъ совершенно оригинальный видъ, въ особенности, когда лучи солнца, проходя сквозь разноцвѣтныя стекла, разливали по капелѣ фантастическій свѣтъ.

По другую сторону двора находились кухня, буфетъ и кладовая. Послѣдняя имѣла заманчивый видъ. По стѣнамъ на полкахъ были въ порядкѣ разставлены банки со всевозможными вареньями, изготовленными руками сестеръ изъ плодовъ сада, принадлежащаго убѣжищу. Варенье ихъ славилось по всему кварталу Пантеона. На другихъ полкахъ стояли банки съ засахаренными фруктами и бутылками съ наливками, издѣлія наиболѣе искустныхъ по этой части сестеръ. Не слѣдуетъ однако думать, что всѣ эти запасы истреблялись однѣми лакомками-сестрами, нѣтъ, многое раздаривалось друзьямъ и значительная часть отдавалась бѣднымъ.

Обширная буфетная отдѣляла кухню отъ кладовой,—и что это была за кухня! Стѣны ея были буквально унизаны блюдами и ослѣпительными кострюлями. По срединѣ стоялъ большой масивный столъ, который каждый день выскабливали. Налѣво, у стѣны, громадный поставецъ,—своего рода чудо,—уставленный полнымъ комплектомъ всевозможныхъ кухонныхъ принадлежностей, безукоризненной чистоты, свидѣтельствовавшихъ о склонности сестеръ къ кремамъ, къ пирожному... Противъ поставца помѣщался превосходный очагъ новѣйшаго устройства, со всевозможными усовершенствованіями; въ глубинѣ,—высокая печь; вертель; словомъ, все было великолѣпно, и посреди всего четыре сестры, въ черныхъ платьяхъ, съ широкими бѣлыми передниками, въ бѣлыхъ чепцахъ, съ засученными рукавами, обнажавшими жирныя, бѣлыя руки съ ямочками, оканчивавшіяся толстою, красною кистью руки. Община выписала своихъ трехъ сестеръ-поварихъ изъ Турени, этой истинной родины кухни. Въ особенности отличались онѣ въ день Пасхи, когда сестры приглашали къ себѣ обѣдать духовныхъ лицъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ свѣтскихъ друзей. Главная повариха была толстая, румяная женщина съ привѣтливымъ лицомъ, съ большими, масляными голубыми глазами, съ крѣпкими, круглыми щеками, которыя оттопыривались, какъ два румяныхъ яблока, когда она смѣялась, показывая изъ-за полныхъ, сочныхъ губъ, съ тройнымъ подбородкомъ, два ряда великолѣпныхъ зубовъ. Ее называли сестрой Нананъ. Нужно было видѣть ее, когда она, обмакнувъ въ соусъ свой толстый палецъ, медленно подносила его къ губамъ, шевелила языкомъ, наклонивъ немного голову, устремляла взоръ въ пространство, придумывая, какого бы снадобья прибавить ей въ свою стряпню.

По стѣнамъ кухни и буфетной вилась виноградная лоза. Изъ кухни вела дверь въ садъ, обширный, какъ паркъ, и густой, какъ лѣсъ, тѣнистый, съ укромными уголками, съ мраморными скамейками. Позади сада находился небольшой огородъ, тщательно воздѣлываемый старымъ садовникомъ. Начальница убѣжища, бывшая графиня В... удержала у себя изъ своей прежней прислуги одного этого садовника, когда, послѣ дуэли, въ которой мужъ ея былъ убитъ ея любовникомъ, она отказалась отъ свѣта и основала убѣжище «Сестеръ Кающейся Магдалины». Однакожь комната начальницы живо напоминала роскошь, отъ которой она отреклась. Въ убѣжищѣ числилось двадцать одна сестра и семь находящихся еще на испытаніи, не считая сестры-привратницы и четырехъ кухарокъ и прислужницъ. Всѣ покои перваго и втораго этажей были передѣланы въ пятнадцать небольшихъ комнатъ, называвшихся кельями; въ каждой комнатѣ стояло по двѣ кровати, по два стула и по два налоя, потому что въ каждой жило по двѣ сестры. Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы трудиться для бѣдныхъ и молиться, и надо полагать, что онѣ молились много, потому что трудились очень мало. Ни одна изъ нихъ не была пріучена къ труду. Все это были великосвѣтскія дамы, приведенныя различными обстоятельствами въ это убѣжище. Тутъ была сестра Анна, бывшая герцогиня С., которую разлучилъ съ мужемъ скандалезный процесъ, тутъ была сестра Адель, когда-то прелестная г-жа П., мужъ которой убилъ ея любовника и ранилъ ее самою. Словомъ, у каждой изъ сестеръ была своя исторія и, гуляя вдвоемъ или втроемъ по тѣнистымъ алеямъ сада, онѣ повѣряли одна другой удивительныя подробности.

Духовникомъ сестеръ былъ молодой абатъ де-Люкъ.

Въ семь часовъ утра сестры молились въ капелѣ, а послѣ молитвы отправлялись въ рукодѣльню, гдѣ каждая брала свою работу и уходила съ нею, куда хотѣла. Въ десять часовъ звонокъ созывалъ ихъ на трапезу и онѣ собирались въ столовой, обширной, свѣтлой и чистой комнатѣ, выходившей окнами въ садъ. По прочтеніи молитвы, сестры садились за столъ и минутъ черезъ пять начинался неумолкаемый говоръ, напоминавшій птичій гомонъ. За трапезою опять слѣдовала молитва, а за молитвой—отдыхъ: въ этотъ часъ отдыха сестры, каждая съ своей подругой, гуляли по саду, повѣряя другъ другу свои тайны, воспоминанія и сожалѣнія.

Орели, прощаясь съ молодымъ патеромъ, привезшимъ ее въ убѣжище кающихся Магдалинъ, какъ его звали въ публикѣ,—поручила ему навести справки о томъ, что произошло послѣ ея отъѣзда въ маленькомъ отейльскомъ домѣ. Опасаясь, что мужъ ея потребуетъ ее къ себѣ, она попросила молодого абата скрыть отъ него ея мѣстопребываніе и повидаться съ ея адвокатомъ, который долженъ былъ хлопотать для нея о разводѣ и немедленно исходатайствовать ей право жить въ убѣжищѣ до окончанія дѣла. Она поручила абату передать ея повѣренному, что мужъ грозился убить ее и что она не была-бы въ безопасности въ его домѣ.

На слѣдующій день абатъ опять пріѣхалъ и вызвалъ Орели въ комнату начальницы. Молодая женщина, опасавшаяся чего-нибудь недобраго, сильно испугалась, увидѣвъ ихъ озабоченныя лица.

— Что случилось? спросила она.

— Большое несчастіе.

— Говорите, говорите скорѣе.

— Вашъ супругъ, капитанъ...

— Де-Марби... Что такое? скажите.

— Онъ... умеръ.

— Умеръ! вскричала Орели.

— Онъ самъ лишилъ себя жизни!

Молодая женщина опустила голову... но, увы! не съ тѣмъ, чтобы скрыть слезы, а съ тѣмъ, чтобы скрыть радость, блеснувшую въ ея глазахъ. «Свободна! думала она. Я свободна!»

Между тѣмъ абатъ спрашивалъ себя, не слишкомъ-ли поразило ее горестное извѣстіе, которое онъ принесъ ей. Онъ видѣлъ, что она молча качала головой и отирала глаза. Когда она подняла голову, лицо ея было такъ печально, что начальница съ чувствомъ взяла ея руки и сказала:

— Будьте тверды, дитя мое; поразившее васъ горе ниспослано въ наказаніе за вину. Но вы можете загладить прошлое...

Орели ничего не отвѣтила. Абатъ взялъ ее за руку, довелъ до кресла и подробно разсказалъ все, что онъ узналъ... Въ самый вечеръ ея ухода изъ дому, туда явилась полиція, чтобы арестовать капитана де-Марби, обвинявшагося въ покушеніи на убійство.

— На убійство! Кого-же онъ хотѣлъ убить? съ изумленіемъ вскричала Орели.

— Капитанъ, въ сопровожденіи солдата, переодѣтаго въ штатское платье, явился вчера въ домъ президента суда...

— Матье де-Тальи?

— Его самого. Капитанъ пытался задушить его и президентъ уже еле дышалъ, когда къ нему явилась помощь. Его успѣли возвратить къ жизни. Капитанъ могъ-бы остаться неизвѣстнымъ, но онъ самъ объявилъ свое имя. Поэтому вечеромъ къ нему явилась полиція, которая опечатала домъ и оставила своихъ агентовъ дожидаться возвращенія капитана, чтобы арестовать его. Но вечеромъ имъ велѣно было удалиться, такъ какъ противъ Бонской улицы были найдены на берегу шляпа капитана и письмо, написанное его рукой, въ которомъ онъ заявляетъ, что, во избѣжаніе скандалезнаго процеса и разжалованія, онъ рѣшился броситься въ воду, предоставивъ времени оправдать его поступокъ... или что-то въ этомъ родѣ. Словомъ, мужъ вашъ умеръ.

Абатъ, продолжавшій наблюдать за Орели, былъ удивленъ спокойствіемъ, съ которымъ она приняла это извѣстіе. Но онъ еще болѣе удивился, когда она сказала:

— Значитъ это вѣрно: онъ умеръ. Такъ онъ намѣревался убить Матье де-Тальи?

— Несомнѣнно.

— Вамъ сказали, что онъ лишилъ себя жизни... но онъ-ли это утопился?

— Я передаю вамъ то, что слышалъ въ вашемъ домѣ отъ вашей прислуги и что мнѣ подтвердили въ полицейской префектурѣ.

— Стало быть, это правда? Я вдова?

Тонъ, которымъ были сказаны эти послѣднія слова, заставилъ абата де-Люка сказать ей:

— Да, вы овдовѣли... То, что вамъ грозило, уже не существуетъ; никто не въ правѣ болѣе ни судить, ни карать ваше поведеніе. Вы обязаны отчетомъ въ своихъ поступкахъ одному Богу. А такъ какъ вамъ некого бояться, то значитъ, вы и не нуждаетесь болѣе въ убѣжищѣ, которое вы поручили мнѣ найдти для васъ, и поэтому я поспѣшилъ увѣдомить васъ обо всемъ, не желая, чтобы вы изъ страха связали ваше будущее, а потомъ стали бы раскаяваться въ этомъ.

— Г. абатъ сообщилъ мнѣ свои опасенія, вмѣшалась начальница, — и я сама пожелала, чтобы онъ безотлагательно передалъ вамъ грустную новость, какъ ни тяжело для васъ узнать ее. Наша община была готова принять васъ и мы были бы рады видѣть васъ въ своей средѣ; но причина вашего удаленія отъ свѣта не существуетъ болѣе и вы можете свободно располагать собою.

Орели ничего не отвѣтила. Она сидѣла въ креслѣ, опустивъ руки на колѣни и поникнувъ головой. Она ни на кого не глядѣла, размышляя о катастрофѣ, которой она не ожидала и о которой мечтала только въ первые дни замужества. Она вдругъ увидѣла себя свободной, богатой, съ именемъ: ея драгоцѣнности составляли изрядный капиталъ. Передъ нею открывалась новая жизнь, спокойная, пріятная. Ей нечего было болѣе бояться своего прошлаго. Но съ чего начать? Прежде, чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, нужно было узнать, открылъ-ли мужъ ея причину своего самоубійства, получилъ-ли огласку послѣдній скандалъ; было-ли извѣстно, что она убѣжала съ мужчиной, захвативъ съ собою всѣ свои вещи. Кто былъ съ капитаномъ у Матье де-Тальи? Это лицо должно было многое знать. Не зная, на что рѣшиться, она подняла голову и встрѣтила взглядъ молодого абата, — взглядъ, выражавшій томительное ожиданіе, объяснившееся въ слѣдующихъ словахъ:

— Въ этомъ убѣжищѣ, сказалъ молодой патеръ, — въ уединеніи и молитвѣ вы можете вымолить у Бога прощеніе за прошлое... Вы можете встрѣтить здѣсь привязанности, въ которыхъ свѣтъ откажетъ вамъ... Вы найдете здѣсь уваженіе, сдѣлаетесь новымъ человѣкомъ... Впрочемъ, вы свободны и вамъ ничто не мѣшаетъ возвратиться въ свѣтъ, къ которому вы такъ привязаны...

Орели показалось, что въ этихъ словахъ скрывается тайный смыслъ, который она угадала. Устремивъ на абата пристальный взглядъ, заставившій его опустить глаза, она сказала:

— Я чувствую потребность молиться, потому что нуждаюсь въ прощеніи. Я стыжусь своего прошедшаго и хочу искупить его. Здѣсь я найду то, чего ищетъ мое сердце, чего жаждетъ моя душа. Я остаюсь... и прошу вашихъ совѣтовъ, разсчитывая на ваше расположеніе, абатъ...

— Скажите: «отецъ мой», поправила начальница.

— Отецъ мой...

Орели, съ грустной улыбкой, поклонилась покраснѣвшему абату и прибавила, обращаясь къ начальницѣ:

— Позвольте мнѣ пойдти въ церковь. Я хочу помолиться за упокой души человѣка, давшаго мнѣ свое имя.

Въ голосѣ ея слышались слезы и она провела рукой по лицу, какъ будто утирая глаза.

— Подите, помолитесь. Потомъ мы поговоримъ, если вы рѣшитесь остаться съ нами.

— Мое рѣшеніе неизмѣнно.

— Ступайте.

Орели ушла. Придя въ капелу, она опустилась на колѣни, чтобы молиться, но молитва не шла на умъ. На душѣ было легко: она свободна, все то, что называлось въ прошломъ виною, не существуетъ болѣе; со смертью мужа все изгладилось. Ей нечего болѣе бояться, — и она улыбалась.

«Увидимъ... это будетъ забавно, думала она. — Я сведу съ ума этого абата... Оставшись здѣсь, я заставлю умолкнуть злые языки; несчастный конецъ моего мужа поразѣлъ меня; я въ отчаяніи; удаляюсь въ монастырь; всѣ меня жалѣютъ... Но нужно просмотрѣть газеты... Бѣдный Илеръ! такъ печально кончить! То-то, я думаю, Матъ перетрусилъ! Онъ разскажетъ мнѣ всѣ эти приключенія... Я пойду къ нему въ монашескомъ платьѣ. Воображаю его удивленіе... Бѣдный Илеръ... Но все-таки лучше, что все это кончилось».

Находя, вѣроятно, что она мало молилась, Орели закрыла лицо своими красивыми руками, пытаясь сосредоточиться въ молитвѣ, но мысли ея были далеко. Она возвратилась къ занимавшему ее предмету.

«А онъ красавецъ... Онъ кажется холоднымъ, но это только умѣнье владѣть собою. Такъ молодъ, красивъ, и избрать духовное званіе! Какъ онъ сжалъ вчера мою руку... Вотъ и сейчасъ тоже онъ какъ-то особенно посмотрѣлъ на меня. Я ожидала, что онъ заплачетъ, когда спрашивалъ, останусь-ли я здѣсь. Какъ дрожалъ его голосъ, когда онъ говорилъ: «Вы можете найдти здѣсь привязанности, въ которыхъ откажетъ вамъ свѣтъ». Я разгадаю его въ первую-же исповѣдь... Но что я скажу ему? Впрочемъ, тогда увижу... Однакожъ нужно бы помолиться о душѣ бѣднаго Илера»...

Она опять попыталась углубиться въ молитву, но напрасно. Мысль ея перепорхнула на недавній разговоръ и ей припомнилось, какимъ сухимъ тономъ замѣтила ей начальница: «Скажите: отецъ мой», когда она выразила надежду на расположеніе абата.

«Эта женщина, должно быть, любитъ его... Вотъ любопытно! но я не позволю отнять у меня того, кого я полюбила... Она уже ревнуетъ. Тѣмъ хуже для нея».

Ей показалось, что по капелѣ кто-то ходитъ. Она съ живостью повернулась, подумавъ, что это абатъ, но увидѣла сестру, пришедшую обновить цвѣты на алтарѣ. Орели поспѣшила наклонить голову и со вздохомъ произнесла:

— Мой бѣдный другъ... бѣдный Илеръ.

Видя, что сестра уходитъ, Орели встала, чтобы тоже уйдти. Сестра стала утѣшать ее и онѣ вмѣстѣ вышли на дворъ.

— Да, это страшное несчастье! отвѣчала Орели на утѣшенія. — Всего ужаснѣе, я даже не знаю, что побудило его къ такому печальному концу...

— Не говорится-ли объ этомъ въ газетахъ?

— Безъ сомнѣнія... Какъ-бы я желала ихъ имѣть!

— Такъ пойдемте въ рукодѣльню; тамъ вы найдете двѣ большія газеты и журналы романовъ и модъ.

Орели прошла въ рукодѣльню, гдѣ она прочла во всѣхъ газетахъ подтвержденіе того, что ей разсказалъ абатъ. Сомнѣваться долѣе было невозможно. Капитанъ де-Марби умеръ и жена его осталась вдовой. При всемъ своемъ легкомысліи, Орели была женщина положительная. Она взяла съ собой газету, чтобы прочесть ее на досугѣ и, такъ какъ въ этотъ часъ нельзя было уйдти въ свою комнату, то она ушла въ тѣнистую чащу сада. Она усѣлась подъ деревомъ и стала читать статью, въ которой описывалась смерть ея мужа. Съ улыбкою читала она слѣдующія строки: «Говорятъ, что прелестная г-жа де-Марби, бывшая эту зиму царицей баловъ, такъ поражена горемъ, что удалилась отъ свѣта и рѣшилась отдать все свое имущество бѣднымъ»...

Эти слова напомнили Орели, что она вдова, то есть свободна. Ея сумасбродства и хвастливая роскошь давно уже поглотили небольшое состояніе капитана де-Марби и быстро поглощали довольно круглую сумму жалованья, которое онъ получалъ. Такимъ образомъ, даже при тѣхъ средствахъ, которыя доставляли ей, безъ вѣдома мужа, ея красота, несчастный капитанъ былъ опутанъ долгами. Правда, жена его была покрыта бриліантами. Заботиться объ уплатѣ долговъ мужа ей не было надобности: брачный контрактъ не обязывалъ ее отвѣчать за долги мужа. Она была богата, чего капитанъ никогда не подозрѣвалъ; онъ всегда принималъ за стразы ея великолѣпные бриліанты. Словомъ, все сложилось въ ея пользу: мужъ, котораго она боялась, умеръ и всѣ ея прошлыя вины были заглажены; смерть его дѣлала ее свободной и газеты создали для нея великолѣпную роль: она все отдаетъ бѣднымъ. Если-бы когда-нибудь ей вздумалось возвратиться въ свѣтъ, то она можетъ высоко держать голову. Вдобавокъ ко всему, она богата, потому что передъ смертью мужа она припрятала всѣ цѣнности, которыя могли-бы быть описаны.

Она сидѣла, задумавшись, на садовой скамьѣ и перебирала планы будущаго, какъ вдругъ увидѣла передъ собою абата де-Люка. Лицо ея тотчасъ измѣнилось.

— Ахъ, отецъ мой, произнесла она кроткимъ и грустнымъ тономъ; — какъ я страдаю! Теперь только я поняла, до какой степени я виновна. Это я причиной страшнаго несчастья.

— Не отчаявайтесь въ милосердіи Всевышняго.

— О! г. абатъ, о! отецъ мой, я самое презрѣнное созданіе. Я стыжусь себя.

— Постарайтесь не думать объ этомъ, дочь моя. Помышляйте только о томъ, что вы рѣшились искупить прошлое новою жизнью.

— Да, я готова на это.

— Я искалъ васъ, чтобы поговорить съ вами о вашемъ вступленіи въ общину.

— Я рѣшилась, г. абатъ; свѣтъ мнѣ опротивѣлъ, а послѣдняя катастрофа сдѣлала его для меня еще противнѣе... Я желаю поселиться здѣсь.

— Васъ не пугаютъ эта тишина, это уединеніе?

— Я разсчитываю на васъ; вы поможете мнѣ полюбить новую жизнь.

Молодой патеръ колебался вѣрить, что въ этихъ словахъ скрывается двусмысленность.

— Располагайте мною, сказалъ онъ, — если вамъ нужна моя помощь въ какихъ-нибудь обстоятельствахъ. Вы вдова, стало быть, вы свободны. Вамъ извѣстны условія этой общины?

— Начальница сообщила мнѣ ихъ и я готова подчиниться имъ. У меня есть драгоцѣнности, которыя я попрошу васъ поручить кому-нибудь продать. Вырученныя деньги я внесу за себя въ общину.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Я вручу ихъ вамъ сегодня-же вечеромъ; это все, что я имѣю. Здѣсь даютъ обѣтъ бѣдности и я соображаюсь съ этимъ правиломъ.

— Санъ мой нѣсколько затрудняетъ для меня исполненіе вашего порученія, но я постараюсь это устроить.

— Какъ скоро всѣ эти матеріальныя условія будутъ исполнены, я попрошу васъ ускорить мое принятіе въ общину.

— Въ этомъ отношеніи будутъ строго выполнены правила общины.

— Подождите меня здѣсь нѣсколько минутъ, чтобы покончить дѣло разомъ.

— Что вы хотите дѣлать?

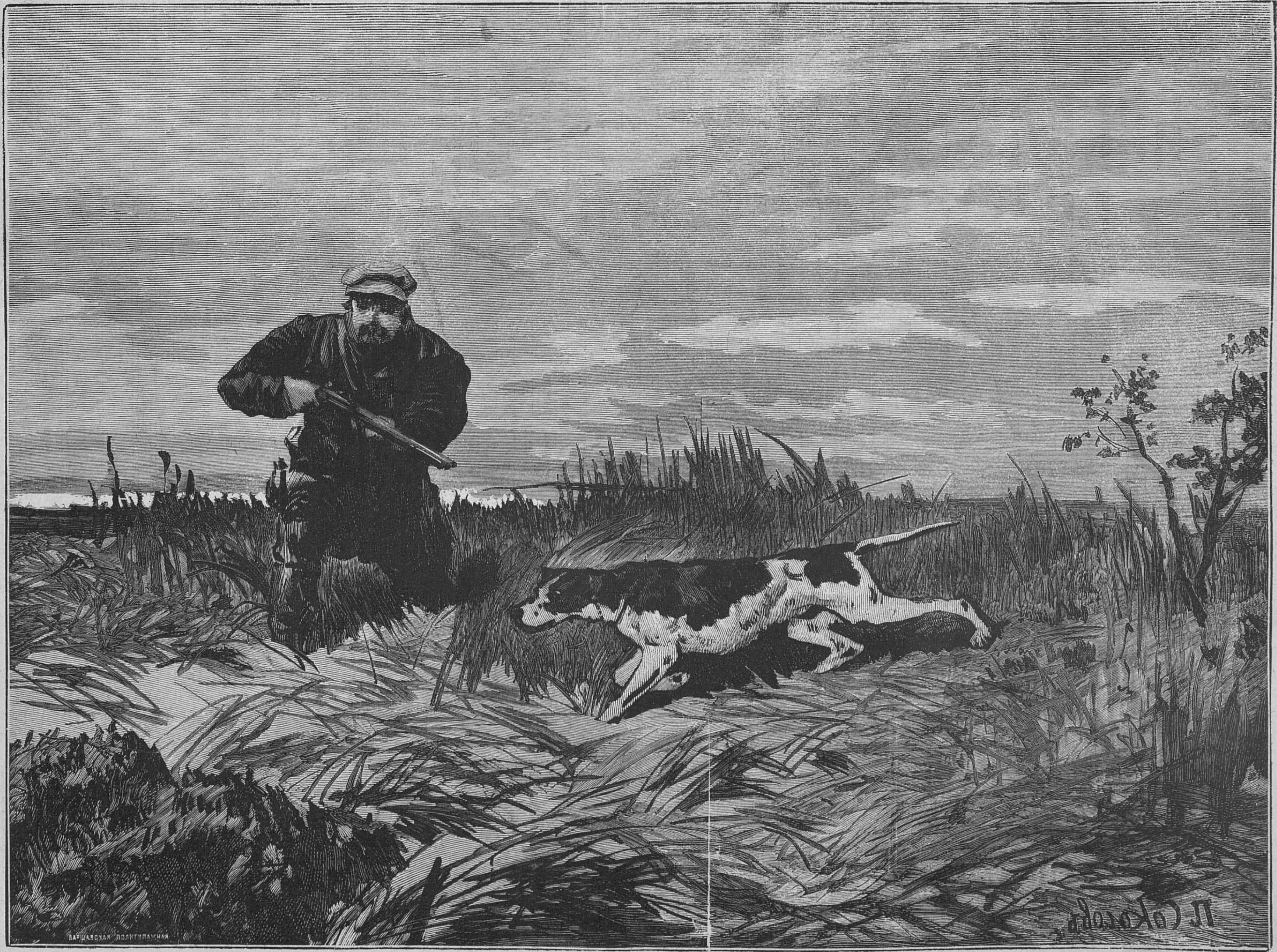
— Вы подождете?

Орели поспѣшно ушла къ дому, оставивъ абата въ затрудненіи и нерѣшимости.

Пройдя дворъ, молодая женщина поднялась въ свою комнату, взяла дорожный мѣшокъ, въ которомъ хранились ея драгоцѣнности и, доставъ изъ него одинъ футляръ, поспѣшно спря-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ПЕТРА СОКОЛОВА.

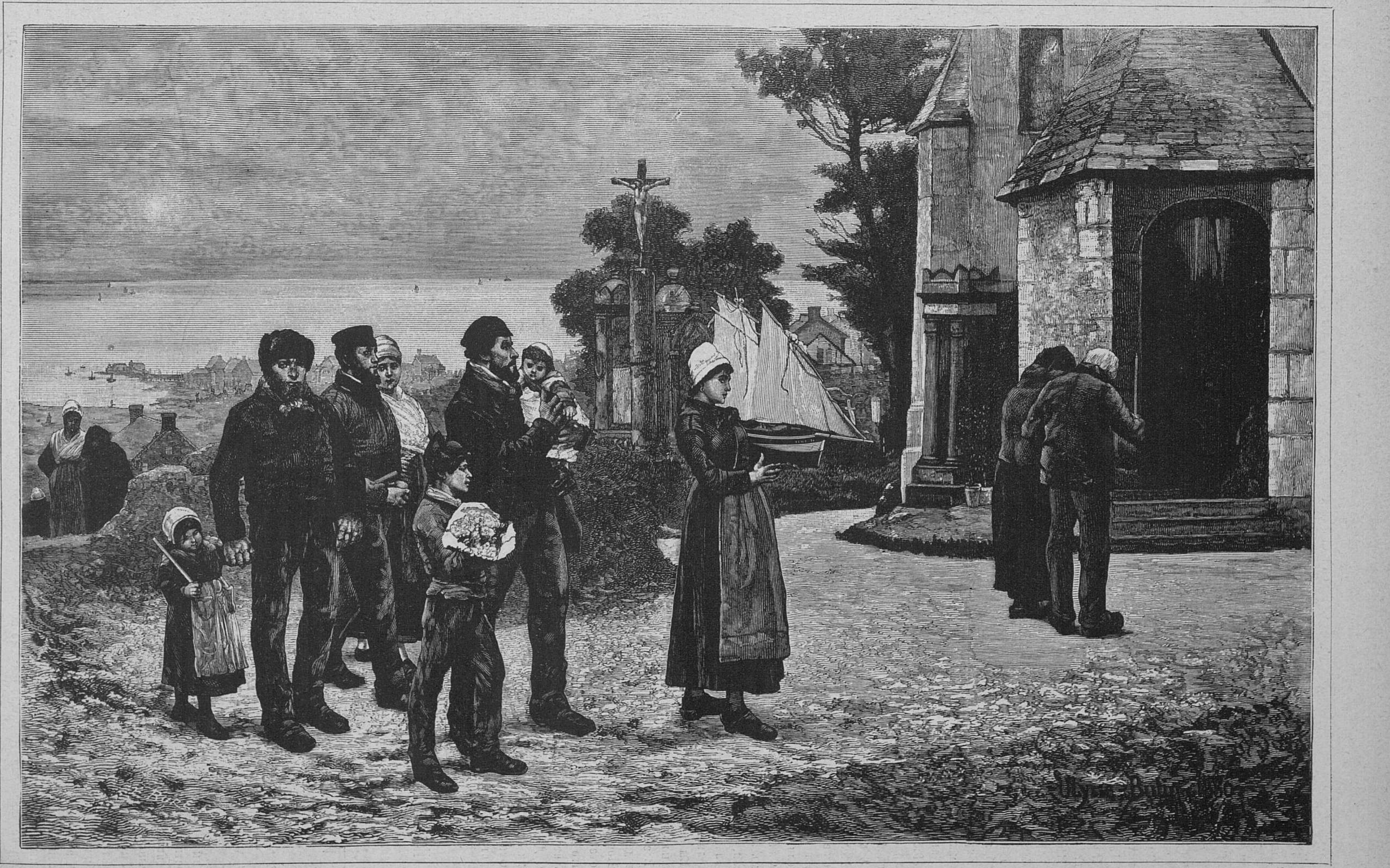

ВАРШАВСКАЯ ПОЛИТИПАЖНАЯ
П. Соколовъ

На стойкѣ.

Рисовалъ на деревѣ авторъ; рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА Ю. БЮТЭНА.



Ex voto.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

тала остальное. «Остальное потомъ, подумала она. Эту вещь можно продать вдвое дороже той суммы, которая мнѣ нужна».

Она опять сошла въ садъ и, придя къ тому мѣсту, гдѣ дожидался абатъ, вручила ему футляръ.

— Вотъ, отецъ мой, это все, что я взяла изъ дома. Продайте эту вещь и внесите за меня деньги нашей начальницѣ. Попросите ее удостоить принять меня сюда окончательно какъ можно скорѣе.

— Вы не нуждаетесь болѣе ни въ какихъ справкахъ? спросилъ абатъ.

— Нѣтъ.

— Не нужно-ли вамъ повидаться съ кѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ.

Но вдругъ, вспомнивъ сцену, происшедшую у тетки Маделены, когда маркизъ де-Мейранъ и ея сестра защитили ее отъ капитана, она пожелала объяснить себѣ этотъ случай.

— Впрочемъ, я должна просить у васъ еще одной милости.

— Какой?

— Я желаю, чтобы президента Матье де-Тальи увѣдомили о моемъ пребываніи здѣсь и попросили навѣстить меня.

— Это будетъ исполнено.

— Нельзя-ли увѣдомить о томъ-же и маркиза Оливье де-Мейрана?

Абатъ поблѣднѣлъ и пристально посмотрѣлъ на Орели.

— Оливье де-Мейрана! повторилъ онъ.—Вы съ нимъ знакомы? Вы приглашаете его сюда?

Орели, удивленная тономъ этой фразы, подняла глаза, но патеръ уже успѣлъ подавить свое волненіе.

— Вы ошибаетесь, отвѣчала Орели,—я желаю только, чтобы его извѣстили обо мнѣ.

— Все-ли? спросилъ абатъ.

Молодая женщина на минуту задумалась.

— Послѣ того, сказала она,—я попрошу васъ, отецъ мой, выслушать мою исповѣдь, потому что мнѣ нужны ваши совѣты. Я должна излить передъ вами мою душу... Но это потомъ... завтра. До свиданія.

Орели пожала руку абату и ушла.

— Она знаетъ Оливье, сказалъ абатъ про себя,—завтра я это разъясню.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

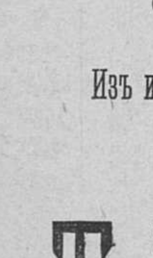
* * *

Изъ исторіи рабства въ древности.

Ст. **С. Терновскаго.**

IV.

Рабство въ Греціи.



Также важно опредѣленіе числа рабовъ, потому что только тогда сдѣлается понятна эта постоянная покорность раба, замѣчаемая во всѣхъ государствахъ Греціи. Такъ что цѣлый соціальный вопросъ найдетъ свое разрѣшеніе въ нѣсколькихъ сопоставленныхъ числахъ. Есть различные источники, дающіе понятіе о численности рабовъ въ Греціи; но они другъ другу противорѣчатъ; они всѣ подверглись строгому анализу извѣстнаго ученаго Летрона, который въ концѣ концовъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: онъ говоритъ, что гражданъ въ Афинахъ было 65,000, метековъ нѣсколько болѣе 40,000, а рабовъ 200,000. Хотя надо замѣтить, что и эти числа нельзя принимать за абсолютно вѣрныя; и въ нихъ могла вкрасться ошибка, и ошибка не маленькая. Наиболѣе богатые афиняне никогда не имѣли больше пятидесяти рабовъ для своихъ домашнихъ работъ. У самыхъ бѣдныхъ иногда не было ни одного. Дома для легкихъ работъ и для прислуживанія за столомъ преимущественно употреблялись женщины; онѣ стоили дешевле и содержать ихъ было выгоднѣе. Кромѣ настоящихъ рабовъ, составляющихъ полную собственность хозяина, были у многихъ рабы наемные; ихъ употребляли или временно для какой нибудь работы или постоянно держали въ домѣ въ качествѣ слугъ, платя за нихъ ихъ господину извѣстную годовую плату. Особенно часто, какъ мы уже видѣли выше, такими рабами пользовались въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ, на пирахъ, свадьбахъ, похоронахъ и т. п.

Рабы не были только орудіемъ производства; они служили двигательной силой греческой промышленности. То, что дѣлаетъ въ настоящее время паръ, а до него дѣлали лошади, то въ Греціи дѣлали рабы. Поэтому, основываясь на количествѣ рабовъ въ той или другой части Греціи, можно судить о степени развитія промышленности. Но не одни рабы ею занимались; ею не пренебрегали наиболѣе богатые и знатные граждане города; знаменитые полководцы во время мира, у себя, въ деревняхъ занимались сельскими работами; Въ Афинахъ члены ареопага снаряжали суда для торговли, заводили фабрики, учреждали заводы. Но особенно почетное мѣсто занимало земледѣліе; значительная часть рабовъ была прикрѣплена къ землѣ; въ Аттикѣ, кромѣ хлѣбныхъ растеній, добывали оливковое масло и притомъ въ очень большомъ количествѣ. Этотъ предметъ былъ одной изъ главныхъ статей вывоза. Но все богатство Аттики не было на поверхности земли, многое было въ ней зарыто, серебрянные рудники долгое время служили единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Въ точности нельзя опредѣлить количество рабовъ, употребляемыхъ для работы въ рудникахъ; свѣденія, которыя мы имѣемъ изъ греческихъ источниковъ, слишкомъ разнорѣчивы. Съ наибольшею достовѣрностью можно предположить, что число ихъ доходило до 40—50,000. Остальное число было распредѣлено между прочими отраслями промышленности, а также и торговлею. Надо замѣтить, что, кромѣ гражданъ, рабами владѣли и метеки. Всѣхъ рабовъ было съ небольшимъ 200,000, полноправныхъ гражданъ 65,000, а метековъ 40,000; слѣдовательно на каждаго свободнаго приходилось два несвободныхъ. Многіе говорили, что изслѣдованія Летрона невѣрны, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ: что трудно во время войны удержать въ покорности такое значительное число рабовъ, а во-вторыхъ—какъ прокормить ихъ во время мира? На это можно возразить, что въ Афинахъ, на границахъ ихъ съ другими государствами, были расположены небольшія укрѣпленія, въ которыхъ во время непріятельскихъ нашествій, собирали рабовъ со всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень. Остальное количество запиралось въ Афинахъ и Пиреи; главнымъ-же образомъ въ промежуткѣ между этими городами, въ пространствѣ между великими стѣнами. Кромѣ того, афиняне обходились съ рабами довольно мягко, а если припомнить, что бѣжавшій рабъ не являлся свободнымъ, а только мѣнялъ господина, поступая въ полную собственность того, кто его первый захватывалъ, то становится понятнымъ, что случаи побѣга не могли быть особенно часты, тѣмъ болѣе, что при поимкѣ съ бѣглецами обходились очень строго. Одной изъ главныхъ цѣлей войны было достиженіе военной добычи, а лучшимъ ея видомъ были невольники, такъ что время войны было довольно критическое для владѣльцевъ невольниковъ. Собственно говоря, одна эта причина и могла имѣть серьезное значеніе для господъ. Рабъ грекъ возвращаясь въ свое отечество дѣлался свободнымъ, но, какъ уже было сказано раньше, большинство рабовъ состояло изъ варваровъ, то они при взятіи въ плѣнъ или при побѣгѣ только мѣняли господина.

Въ одной Спартѣ обѣ эти причины имѣли сильное значеніе; бѣжавшій илотъ, если ему удавалось достигнуть до територіи Аттики, получалъ свободу. Для этой цѣли афиняне основали укрѣпленное мѣсто въ Мессеніи, Пилое, исключительно предназначенное служить убѣжищемъ бѣглымъ илотамъ. Афины не боялись въ случаѣ опасности вооружать на защиту отечества своихъ рабовъ, они вполнѣ могли расчитывать на ихъ вѣрность, такъ какъ въ однихъ Афинахъ на нихъ смотрѣли нѣсколько иначе, чѣмъ какъ на скотовъ. Теперь другой вопросъ, могли-ли Афины прокормить такое множество рабовъ? Летронъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ утвердительно. Его мнѣніе пріобрѣтаетъ значеніе, потому что подтверждается многими доказательствами. Во первыхъ плодородіе Аттики, извѣстное во всемъ древнемъ мірѣ; во-вторыхъ, Афины вели громадную торговлю не только съ сосѣдними государствами Греціи, но и съ Малой Азіею, гдѣ были расположены іоническія колоніи, съ Италіею и Сициліею, съ Египтомъ и др. Такъ что не должно показаться страннымъ предположеніе, что однимъ изъ предметовъ ввоза былъ хлѣбъ и другіе сельскіе продукты.

Если мы до сихъ поръ говоримъ объ однихъ Афинахъ, то это только потому, что объ нихъ мы имѣемъ наиболѣе свѣденій; результаты изъ нихъ полученные можно безъ значительной погрѣшности примѣнить и къ другимъ греческимъ государствамъ.

Теперь перейдемъ къ вопросу о положеніи рабовъ въ обществѣ.

Первоначальный законъ для рабства, это—быть ничѣмъ, быть только вещью въ рукахъ господина,—и это условіе имѣло своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ полное отстраненіе личности раба отъ политической и гражданской жизни человѣческаго общества и подчиненіе личности раба законамъ собственности.

Рабы, рожденные дома, росли безъ всякаго надзора, вдали отъ образованія, не получая часто никакихъ познаній касательно добра и зла. Такъ обходились съ ними, пока они не дѣлались годными къ какой-нибудь работѣ.

Если ихъ покупали, то раба принимали въ домѣ хозяина съ извѣстными церемоніями и обрядами. Его сажали передъ семейнымъ очагомъ и хозяйка сыпала на его голову сухія ягоды и другія явства, соединяя эти приношенія съ мольбою къ домашнимъ пенатамъ заботиться о новопріобрѣтенномъ рабѣ и о томъ, чтобъ трудъ его послужилъ на пользу дома. Затѣмъ ему давали имя, обыкновенно въ каждой семьѣ новое. Имя это было или обыкновенно употребляемое у свободныхъ, или названіе страны, откуда происходилъ рабъ, или названіе какого-нибудь его наружнаго или внутренняго свойства. За свой трудъ рабы получали пищу, необходимую для поддержанія жизни; для одежды—кусокъ полотна; для болѣе холоднаго времени короткую шерстяную одежду, шапку изъ собачьей шерсти или изъ другого мѣха, но все зависѣло отъ доброй воли господина: дать или не дать. Рабъ оставался чуждымъ ко всѣмъ правамъ человѣческимъ: не было брака, не было семьи, не было собственности. На практикѣ впрочемъ, эти условія не всегда выполнялись. Иногда рабамъ дозволялся бракъ, какъ награда за вѣрную службу или чтобъ ихъ еще болѣе прикрѣпить къ себѣ. «Обычай этотъ ведется въ Греціи, замѣчаетъ Ксенофонтъ, съ самыхъ древнихъ временъ; онъ установленъ самими богами». Вмѣстѣ съ бракомъ въ Греціи предоставлялись рабамъ и нѣкоторыя права собственности. Это было не правиломъ, но только исключеніемъ, дѣлаемымъ для немногихъ. Собственностью раба считалось то, что онъ сберегалъ на своей пищѣ. Рабъ управитель былъ заинтересованъ въ дѣлахъ своего господина; онъ имѣлъ право на извѣстную часть доходовъ, въ стадахъ своего хозяина онъ имѣлъ свой собственный скотъ. Тоже можно сказать и о промышленникахъ и торговцахъ. Мѣра эта была выгодна и для самого господина, такъ какъ побуждала раба дѣлаться болѣе старательнымъ и акуратнымъ. Къ этимъ доходамъ надо прибавить еще другіе; въ Греціи былъ обычай платить за всякое приглашеніе; такъ что если рабъ приносилъ кому-нибудь приглашеніе на пиръ къ своему господину, то приглашаемый долженъ былъ дать рабу извѣстное вознагражденіе за пріятную вѣсть. Надо упомянуть еще и объ ихъ косвенныхъ доходахъ изъ того, что плохо лежитъ... Если хозяинъ былъ щедръ, или его управитель небреженъ, то этотъ источникъ доходовъ становился однимъ изъ главнѣйшихъ. Имущество раба, какъ и самъ рабъ, принадлежало господину на правахъ полной собственности и часто случалось, что господинъ отнималъ у раба имущество, нажитое иногда цѣною тяжелыхъ усилій. Рабы были вполнѣ отброшены отъ остального общества свободныхъ людей. Во многихъ государствахъ ихъ одѣвали въ особую одежду, заставляли брить бороду и голову и т. п. Рабы точно также были исключены и изъ области религіи. Если имъ и позволяли присутствовать при богослуженіяхъ, то ихъ не допускали до жертвоприношеній и возліяній, но заставляли только прислуживать при жертвоприношеніяхъ. Въ Афинахъ, впрочемъ, были народныя празднества, изъ участія въ которыхъ рабовъ не исключали; у рабовъ даже были и нѣкоторые отдѣльные праздники, такъ, напр. первый день антестеріевъ, посвященный Вакху; въ этотъ день имъ позволялось наравнѣ съ свободными вкушать отъ начатокъ винограда; въ Аркадіи въ одинъ изъ праздниковъ рабы садились рядомъ со своими господами; а въ Фессаліи былъ одинъ такой день въ году, когда господа прислуживали своимъ рабамъ.

Въ героическомъ періодѣ, какъ мы видѣли выше положеніе рабовъ было довольно сносно; они помогали своимъ хозяевамъ въ разныхъ работахъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія греческаго общества, положеніе ихъ измѣнялось къ худшему. Различіе между свободными и несвободными класами сдѣлалось рѣзче. На рабахъ отразились всѣ пороки и недостатки тогдашняго общества; они дѣлаются хитрыми, пронырливыми, лѣнивыми и т. п. Кромѣ того часто жестокое обращеніе съ ними господъ способствуетъ развитію между рабами лести и потворства всѣмъ дурнымъ наклонностямъ господина. Положеніе раба, при личности хозяина было печально, но здѣсь онъ все-таки могъ расчитывать на извѣстныя выгоды, на извѣстныя награды и наживы. Положеніе раба вдали отъ хозяина, въ мастерскихъ или въ деревняхъ было еще хуже; въ этомъ случаѣ подъ полнымъ господствомъ управителя, часто только довѣреннаго раба, онъ долженъ былъ терпѣть безпрекословно побои и другія лишенія. Если рабы сопротивлялись, ихъ подвергали такимъ истязаніямъ, что изъ нихъ человѣкъ не всегда выходилъ живымъ. Рабовъ мастеровыхъ приковывали къ ихъ станкамъ, для облегченія надзора надъ ними. На долю непокорныхъ доставались самыя трудныя работы, ихъ посылали на мельницы или въ рудники. Это было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ средствъ къ водворенію повиновенія. Какъ противодѣйствіе такой неограниченной власти господина надъ рабомъ, служила извѣстная привилегія нѣкоторыхъ храмовъ, рабы въ нихъ укрывшіеся освобождались отъ власти господина, но только на то время, пока они были въ храмѣ. По словамъ Геродота, храмъ Геркулеса въ Канопѣ имѣлъ важное преимущество передъ другими храмами въ этомъ отношеніи; онъ освобождалъ всѣхъ нашедшихъ въ немъ убѣжище. Понятно, что рабовладѣльцамъ не были особенно пріятны такія права храмовъ; они не могли насильно вывести раба изъ храма, но за то они употребляли другія мѣры: окруживъ храмъ они морили голодомъ всѣхъ въ немъ находящихся и такимъ образомъ заставляли выходить рабовъ, которые въ немъ укрывались. Часто употребляли и другія средства: поджоги и т. п. Разъ покинувшій храмъ рабъ возвращался въ свое прежнее состояніе и понятно, что тогда положеніе его не измѣнялось къ лучшему.

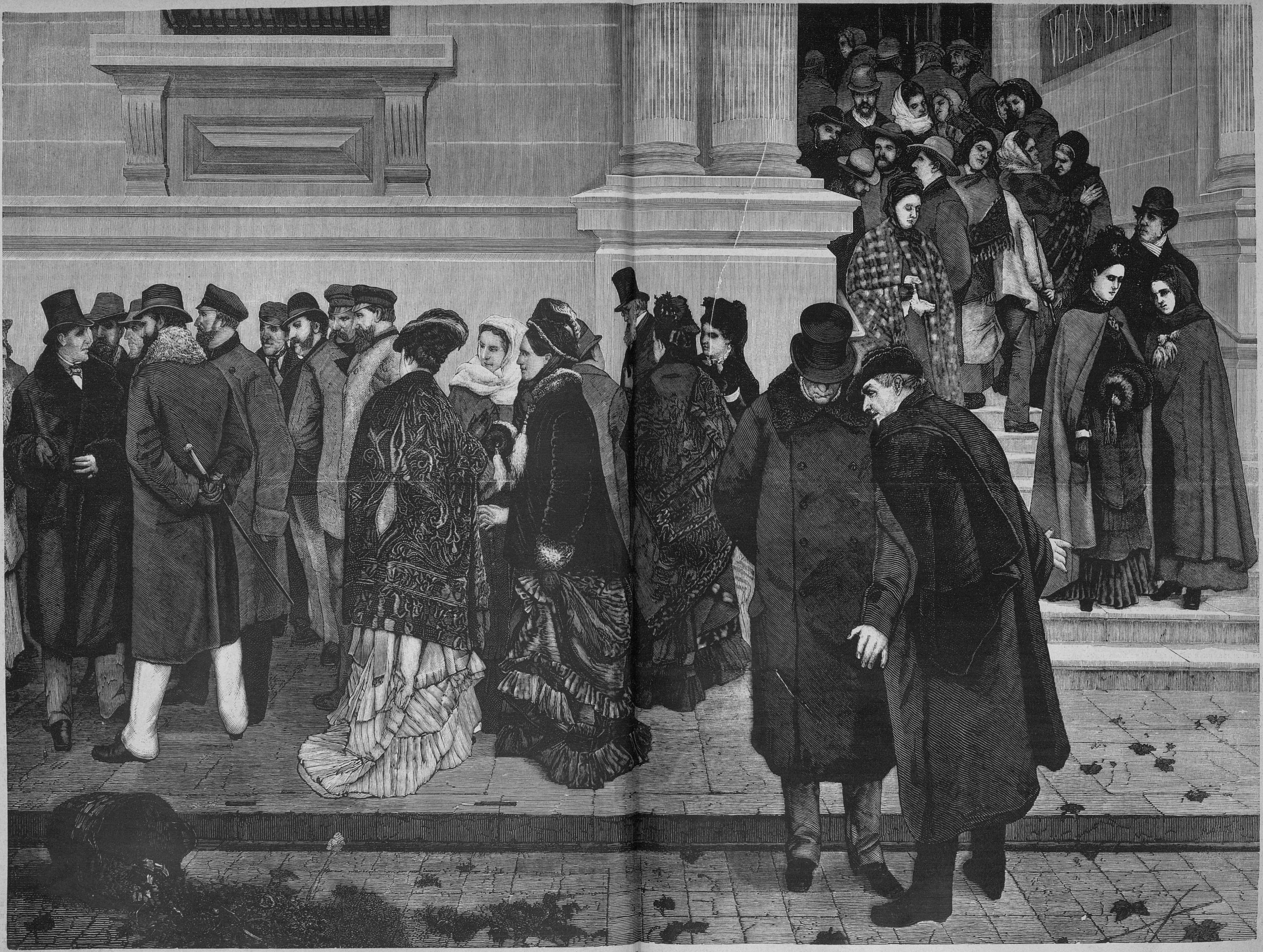
Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ охранялъ жизнь раба отъ всѣхъ покушеній со стороны постороннихъ лицъ; за убійство чужого раба налагалось наказаніе, какъ за убійство свободнаго. Что касается господина, то и его власть была съ теченіемъ времени нѣсколько ограничена. Господинъ не могъ произвольно убить раба, но долженъ былъ передать его на судъ магистратовъ. Рабъ могъ жаловаться на господина и въ случаѣ, если жалоба судьями признавалась основательною, раба продавали другому господину, болѣе человѣколюбивому.

Таковы были постановленія афинянъ, и они явились результатомъ не одной гуманности, но и разсчетливой тактики. Если господство дѣлалось для рабовъ невыносимымъ, то у нихъ было два средства отъ него избавиться—возстаніе и бѣгство: возстаніе—если между рабами были какіе-нибудь общіе интересы; побѣгъ—для отдѣльныхъ личностей.

Правда, что противъ этихъ явленій у государства были извѣстныя средства противодѣйствія. Такъ, напр., чтобъ сколько можно разобщить рабовъ, соединяли вмѣстѣ только рабовъ разныхъ національностей. Для предупрежденія побѣговъ употребляли цѣпи, кандалы, налагали клейма.

Между государствами заключались договоры для возращенія бѣжавшихъ рабовъ. Въ Афинахъ мы почти не встрѣчаемъ возстаній рабовъ; но въ Спартѣ илоты волновались постоянно; тоже видимъ мы и на островѣ Хіосѣ, гдѣ одно возстаніе рабовъ приняло такіе громадные размѣры, что они завладѣли цѣлымъ городомъ, въ немъ укрѣпились, опустошали всѣ окрестности, наводя ужасъ на всѣхъ хіосскихъ рабовладѣльцевъ. Всѣ попытки усмирить возстаніе остались тщетны. Наконецъ, чтобъ избавиться отъ руководителя мятежа, раба Дримака, къ нему подослали убійцъ и только такимъ постыднымъ образомъ возстаніе было усмирено.

Если рабу случалось быть свидѣтелемъ на судѣ, то тамъ, гдѣ свободному было достаточно одного простого показанія, для подтвержденія словъ раба примѣнялась пытка. Этотъ обычай существовалъ даже въ Афинахъ, гдѣ положеніе раба по общему приговору цѣлой Греціи было наилучшимъ. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о способахъ освобожденія рабовъ. Во-первыхъ рабъ могъ выкупить себя при помощи пекулія (т. е. того имущества, которое ему удавалось пріобрѣсти или которое было средствомъ поощренія къ труду, наградою за хорошее поведеніе). При томъ надо замѣтить, что хозяинъ ничего въ этомъ случаѣ не терялъ, такъ какъ, воспользовавшись трудами раба впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ все-таки получалъ всю его стоимость за освобожденіе часто уже стараго человѣка. Но вопросъ, имѣлъ-ли рабъ право заставить господина принять выкупъ за свою свободу до сихъ поръ остается открытымъ для ученыхъ споровъ, хотя болѣе вѣскія доказательства склоняются на отрицательное рѣшеніе этого вопроса. Если рабъ освобождался по завѣщанію, то такое освобожденіе считалось дарственнымъ отказомъ завѣщателя. Если отпущеніе на волю совершалось при жизни господина, то объ этомъ надо было объявить въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ: въ театрѣ, въ судахъ, въ храмахъ во время богослуженія. Имена такимъ образомъ освобожденныхъ записывались или на камнѣ, или на пергаментѣ, которые обыкновенно сохранялись при храмахъ, служа постояннымъ доказательствомъ личной свободы того или другого лица. Вольно-отпущенный не дѣлался, впрочемъ, совершенно свободнымъ и независимымъ; онъ долженъ былъ выбрать себѣ между полноправными гражданами патрона; такимъ образомъ, освобождаясь отъ рабства, онъ подпадалъ подъ двойную опеку — подъ опеку государства по своему новому положенію, и во-вторыхъ подъ извѣстную зависимость своего патрона, къ которому относился какъ кліентъ. Въ Афинахъ вольно-отпущенный пріобрѣталъ права и обязанности метековъ. Его облагали извѣстными податями, военной повинностью. Что касается до его новыхъ занятій, то онъ оставался обыкновенно тѣмъ, чѣмъ сдѣлало его рабство; онъ становился ремесленникомъ, если зналъ какое-нибудь ремесло, или пускался въ торговлю, или нанимался на разную работу за поденную плату. Бывали случаи, что откупившіеся оставались на службѣ своего прежняго господина, которому это также было довольно выгодно, такъ какъ, не стѣсняясь содержаніемъ раба, онъ пользовался его работой за сравнительно небольшую плату. Законъ бралъ подъ свое покровительство отношенія патроновъ и кліентовъ; если патронъ требовалъ больше, чѣмъ имѣлъ право, то кліентъ освобождался отъ его вліянія, и наоборотъ, если кліентъ отказывался дать патрону положенное закономъ, или обходился съ нимъ недостаточно вѣжливо, то онъ поступалъ въ полную зависимость къ своему патрону или, иначе говоря, дѣлался его рабомъ. Отпущеніе на волю устанавливало состояніе среднее между полноправными гражданами и рабами. Вольно-отпущенный могъ отбросить всѣ признаки своего прежняго состоянія, отростить волосы, удлинить свое имя (напр., вмѣсто Стефануса называться Филостефанусомъ или вмѣсто Созій—Созистратъ). Но окончательно отъ власти свободнаго онъ не освобождался; онъ всю жизнь находился подъ попечительствомъ патрона. Часто господинъ такому вольно-отпущенному поручалъ введеніе своихъ дѣлъ, назначалъ опекуномъ своихъ дѣтей; бывали даже случаи, что отказывалъ ему свою жену со всѣмъ своимъ состояніемъ. Государство, какъ и частное лицо, могло отказаться отъ своихъ правъ на вольно-отпущеннаго, дѣлая его полноправнымъ гражданиномъ; для этого, впрочемъ, надо было особое постановленіе народнаго собранія, при участіи не менѣе шести тысячъ человѣкъ. Гораздо легче было рабу достигнуть гражданства прямо, за какую-нибудь необыкновенную услугу, за спасеніе отечества, за участіе въ войнѣ за независимость и т. п. Освобожденные во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣлались метеками. Такъ государство поступало не только со своими собственными, такъ называемыми ѳбщественными рабами, но и съ рабами частныхъ лицъ, предварительно выкупивъ ихъ у ихъ господина. Богатые метеки тяготились своимъ зависимымъ положеніемъ, и постоянно стремились отъ него избавиться. Въ началѣ это было не легко, для этого требовались особыя заслуги, но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ паденія нравственности, пріобрѣтеніе правъ гражданскихъ становится вещью очень обыкновенною. Правительство стало за деньги продавать гражданство со всѣми его политическими правами. Ко времени покоренія Греціи Римомъ въ Афинахъ



КАРТИНА БОКЕЛЬМАНА. Передъ крахомъ народнаго банка.

Рѣзалъ на деревѣ Р[illegible]еръ въ Петербургѣ.

такихъ гражданъ было болѣе двухъ третей. Эта продажа долгое время составляла одинъ изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, пока наконецъ римскій императоръ Августъ не запретилъ этой постыдной торговли, считая ее оскорбительной для древней славы афинянъ. Такимъ образомъ непосредственнымъ слѣдствіемъ рабства въ Греціи было полное паденіе ея силъ и причиной болѣе чѣмъ легкаго покоренія Римомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Джонъ Брайтъ.

Біографическій очеркъ.

Въ прекрасной залѣ перваго либеральнаго клуба въ Лондонѣ, знаменитаго клуба реформы, говоритъ Вемисъ Ридъ въ своей интересной книгѣ «Современные политическіе дѣятели»—каждый день во время парламентской сессіи можно видѣть фигуру, которая, конечно, обратитъ на себя вниманіе даже чужестранца. Это человѣкъ средняго роста, сгорбленный не столько годами, сколько трудомъ и заботами; на широкихъ плечахъ его покоится масивная голова съ бѣлыми серебристыми волосами. Лицо его еще характеристичнѣе фигуры и всякій, увидавъ его опредѣленныя черты, ясные, мягкіе глаза и тонкія, изваянныя, подвижныя губы, скажетъ себѣ: это человѣкъ необыкновенный. Каждому въ клубѣ реформы и большинству лицъ, знакомыхъ съ улицами Вестъ-Энда, фигура Джона Брайта достаточно извѣстна. Но тѣмъ, которые не знаютъ талантливаго народнаго трибуна, которые никогда не слыхали, какъ онъ воспламеняетъ своей рѣчью палату общинъ или играетъ на нервахъ тысячной толпы на народныхъ митингахъ, какъ искусный музыкантъ на струнахъ арфы, я посовѣтовалъ бы посмотрѣть на него хоть разъ и показать его своимъ дѣтямъ, чтобы они могли, состарившись, передать въ свою очередь своимъ дѣтямъ внѣшнія особенности одного изъ величайшихъ народныхъ вожаковъ, имя котораго тѣсно связано съ главнѣйшими событіями нашего времени. Дѣйствительно, ни одинъ человѣкъ въ Англіи не можетъ вызвать передъ своими глазами такого длиннаго ряда жестокихъ битвъ, окончившихся блестящей побѣдой. Теперь Брайтъ уже пересталъ быть передовымъ бойцемъ, вѣчно появлявшимся тамъ, гдѣ сѣча была ожесточеннѣе, и пламя его жизни, нѣкогда горѣвшее такъ ярко, такъ неистово, теперь свѣтится мирнымъ солнечнымъ закатомъ теплой осени. Спокойствіе его полное, ненарушимое и его можно по справедливости сравнить съ герцогомъ Велингтономъ въ послѣднюю эпоху его жизни, когда герцогъ тихо ѣздилъ верхомъ по улицамъ Лондона, покачиваясь со стороны на сторону, и все-таки всякій, встрѣтивъ его, видѣлъ въ его старческой фигурѣ мужественнаго воина и великаго полководца. Точно такъ-же, сталкиваясь съ Джономъ Брайтомъ въ клубѣ, на улицѣ или въ палатѣ, я не могу не вспоминать одержанныхъ имъ побѣдъ, славнѣе тѣхъ, которыя обезсмертили Велингтона. Свобода торговли, парламентская реформа, справедливость къ Ирландіи, хорошее управленіе Индіей, независимость печати, тѣсный союзъ съ Соединенными штатами и поддержаніе мира со всѣмъ свѣтомъ—вотъ названія тѣхъ битвъ, которыя увѣнчали его чело неувядаемыми лаврами. Зная его великую дѣятельность, его пламенный ораторскій геній и возвышенную нравственную личность, никто, конечно, не удивится, что среди политическихъ дѣятелей современной Англіи нѣтъ никого, кто занималъ бы такое гордое положеніе и пользовался бы такимъ общимъ сердечнымъ уваженіемъ, какъ этотъ старый квакеръ, наиболѣе заслуживішй чести и славы тѣмъ, что впродолженіи долгихъ лѣтъ онъ былъ ненавистнымъ и презираемымъ защитникомъ всѣхъ забытыхъ, униженныхъ и безпомощныхъ».

Джонъ Брайтъ родился въ 1811 году въ Рочдэлѣ, въ домѣ отца своего, богатаго хлопчатобумажнаго фабриканта и строгаго квакера. Получивъ воспитаніе въ мѣстной квакерской школѣ и, по его собственнымъ словамъ, переставшій учиться съ 15 лѣтъ, Брайтъ рано принялся за практическую, торговую дѣятельность и только въ каникулярное время предпринималъ путешествія на континентъ, посѣщая не только европейскія страны, но и отдаленный востокъ, гдѣ Іерусалимъ произвелъ на его религіозный умъ самое пламенное впечатлѣніе. 19 лѣтъ онъ впервые явился ораторомъ на публичномъ митингѣ въ Рочдэлѣ. Это было въ 1830 году и онъ говорилъ въ пользу распространенія обществъ трезвости. Успѣхъ его былъ значительный, хотя онъ еще говорилъ съ затрудненіемъ и нуждался въ практикѣ. Эту практику, а вмѣстѣ съ тѣмъ и славу онъ пріобрѣлъ въ великомъ дѣлѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ Англіи, т. е. громадной пошлины на привозный хлѣбъ, отчего обогащались крупные землевладѣльцы и голодали бѣдняки Въ своей рѣчи при открытіи въ Брадвордѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ статуи Кобдена Брайтъ разсказалъ, какъ онъ впервые принялъ участіе въ знаменитой лигѣ: «Я только что потерялъ свою первую жену и находился въ Лиминстонѣ, повергнутый въ самое страшное горе, почти отчаяніе. Все, что оставалось на землѣ отъ моей молодой жены, кромѣ воспоминанія объ ея святой жизни и моего, увы, слишкомъ кратковременнаго счастья, лежало неподвижно, холодно въ спальнѣ, гдѣ она наканунѣ умерла. М-ръ Кобденъ, котораго я зналъ въ Манчестерѣ, случайно гостилъ въ это время у одного изъ своихъ родственниковъ въ Лиминстонѣ; узнавъ о моемъ горѣ, онъ зашелъ ко мнѣ. Послѣ нѣсколькихъ словъ утѣшенія, онъ всталъ и, смотря мнѣ прямо въ глаза, сказалъ: есть въ Англіи тысячи домовъ, въ которыхъ въ эту минуту жены, матери и дѣти умираютъ съ голода. Когда пройдетъ первый припадокъ вашего горя, я совѣтовалъ бы вамъ присоединиться ко мнѣ и мы не сложили бы рукъ, пока не добились бы отмѣны хлѣбныхъ законовъ». Брайтъ послушался этого совѣта и сдѣлался вмѣстѣ съ Кобденомъ вожакомъ движенія, которое по своимъ громаднымъ размѣрамъ и великимъ результатамъ не имѣло себѣ равнаго въ новѣйшей исторіи Англіи, этой класической страны мирныхъ народныхъ агитацій. По краснорѣчивому выраженію Кинлека, не вполнѣ раздѣлявшаго основныя политическія убѣжденія Кобдена и Брайта, «они доказали, съ какой силой, необыкновеннымъ умѣніемъ, терпѣливой стойкостью и гражданскимъ мужествомъ они могли доставить торжество научной истинѣ на бурной почвѣ политики. Они доказали, что могли возбудить тысячную толпу и руководить ею, слушавшею ихъ съ восторгомъ, могли подчинить себѣ нижнюю палату и до того убѣдить перваго министра въ справедливости ихъ теоріи, что онъ мало-по-малу сталъ считать нравственной, нестерпимой пыткой противостоять имъ. Мало того, каждый изъ этихъ даровитыхъ людей доказалъ, что онъ въ состояніи храбро войдти въ среду своихъ противниковъ, обнаружить неосновательность ихъ аргументовъ, обличить всю ложность ихъ принциповъ и торжественно заставить ихъ признать свои заблужденія».

Основанная въ 1839 году «національная лига» противъ хлѣбныхъ законовъ подъ руководствомъ Кобдена и Брайта подняла колосальную агитацію во всей странѣ. Громадные народные митинги; базары и вечернія собранія чередовались одно за другимъ во всѣхъ городахъ Англіи. Движеніе быстро распространилось въ нижнихъ и верхнихъ слояхъ. Извѣстный Карлейль говорилъ консерваторамъ: «еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то не взялъ бы 100,000 фун. ст., чтобы удержать хотя на часъ времени эти хлѣбные законы». Особенно пламенно помогали лигѣ женщины. Самая энергія и лихорадочная дѣятельность Кобдена и его вѣрнаго помощника Брайта были непостижимы. Отличаясь самой тѣсной, романтичной дружбой, они дополняли другъ друга. Брайтъ не имѣлъ, какъ Кобденъ, удивительной діалектики, силы аргументаціи и дара убѣжденія. За то Кобденъ не обладалъ ораторскимъ геніемъ Брайта, его пламенемъ, юморомъ и пафосомъ. Оба практическіе, дѣловые, торговые люди, они придали лигѣ совершенно дѣловой характеръ. Они говорили и дѣйствовали точно лига была громадной комерческой фирмой, которая прежде всего была обязана исполнить свои обязательства и обѣщанія. Тутъ не было ни хвастовства, ни преувеличенія, ни воззванія къ политическимъ страстямъ, ни романтичнаго возбужденія сантиментальныхъ чувствъ. Все движеніе велось прямымъ, открытымъ, дѣловымъ образомъ. И въ этомъ скрывался главнѣйшій залогъ поразительнаго успѣха этой національной агитаціи, веденной частными лицами противъ могущественной аристократіи и плутократіи. Наконецъ, великій министръ, сэръ Робертъ Пиль, не смотря на всѣ козни и проклятія своихъ сторонниковъ торіевъ, провелъ знаменитый биль объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ. Самымъ пламеннымъ защитникомъ не только этого биля, но и самого Пиля отъ обвиненій въ коварствѣ и измѣнѣ былъ Брайтъ, котораго сначала, въ 1843 году выбралъ своимъ депутатомъ Дургамъ, а потомъ Манчестеръ. Конецъ послѣдней его рѣчи во время этихъ бурныхъ преній можетъ считаться однимъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ его пламеннаго краснорѣчій. «Вы говорите, воскликнулъ онъ, обращаясь къ торіямъ,—что онъ измѣнникъ. Не мнѣ защищать его послѣ его вчерашней рѣчи, которая, смѣю сказать, сильнѣе и болѣе достойна восторженнаго удивленія, чѣмъ всѣ рѣчи, произнесенныя въ этой палатѣ на памяти современниковъ. Я смотрѣлъ на него, когда онъ отправился вчера домой и въ первый разъ въ моей жизни я позавидовалъ кому-нибудь. Эта рѣчь распространилась въ десяткахъ тысячахъ экземплярахъ по всей странѣ, по всему свѣту и вездѣ, гдѣ есть люди, любящіе справедливость, и рабочіе, которыхъ вы попираете ногами, эта рѣчь принесетъ радость однимъ и надежду другимъ». Эти теплыя, глубоко прочувствованныя слова заставили прослезиться стойкаго, холоднаго сэра Роберта Пиля.

Побѣда была одержана, но Брайтъ не сложилъ оружія. Могучее движеніе, давъ англійскому народу дешевый хлѣбъ, сдѣлало Брайта народнымъ трибуномъ и онъ остался во всю свою политическую дѣятельность вѣрнымъ защитникомъ не только англійскаго народа, но и всѣхъ страждущихъ, всѣхъ угнетенныхъ на земномъ шарѣ. Удивительно-ли, что человѣкъ, который велъ ожесточенную, энергичную борьбу за удрученныхъ налогами англійскихъ рабочихъ, явился бойцемъ за свободу невольниковъ въ Соединенныхъ штатахъ, ярымъ противникомъ притѣсненій Ирландіи и Индіи и неумолимымъ врагомъ всякой войны. Пламенная борьба за дорогіе ему принципы стоила благородному квакеру его популярности и даже временнаго удаленія изъ парламента за рьяное сопротивленіе крымской войнѣ и вообще воинственной политикѣ Пальмерстона. Но избранный черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бирмингамомъ, представителемъ котораго онъ и до сихъ поръ, Брайтъ продолжалъ идти своей дорогой; не смотря на клеветы, насмѣшки, оскорбленія, онъ оставался вѣренъ себѣ, не уступая ни шагу противникамъ, обвинявшимъ его въ непрактичности, въ фантазіяхъ, въ безумныхъ бредняхъ. Онъ стойко держался своего любимаго девиза: «Будь справедливъ и не бойся». Но время шло и мало-помалу принципы и идеи Брайта, прежде не популярные и осмѣянные, приняты всѣми и сдѣлались краеугольнымъ камнемъ либеральнаго законодательства. Хотя самъ Брайтъ не разъ увѣрялъ, что не имѣетъ притязанія называться государственнымъ человѣкомъ, но нельзя не признать, что вся его дѣятельность, увѣнчавшаяся подъ конецъ его жизни столь блестящимъ успѣхомъ, напротивъ, обнаруживаетъ въ немъ рѣдкое политическое предвидѣніе, составляющее главную основу истиннаго государственнаго дѣятеля. Онъ не только постоянно угадывалъ вопросы даннаго времени, но и указывалъ лучшее ихъ разрѣшеніе. Онъ столь-же замѣчательный терапевтъ, какъ и діагностъ. Почти во всѣхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики онъ указалъ на недуги и лѣкарства отъ нихъ. Уже не говоря объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, онъ многіе годы среди общаго презрѣнія развивалъ тѣ принципы, которые Гладстонъ примѣнилъ въ своихъ знаменитыхъ мѣропріятіяхъ насчетъ Ирландіи. Тоже можно сказать и относительно Индіи, избирательной реформы, тайной подачи голосовъ и пр. Комерческій трактатъ съ Франціей былъ задуманъ имъ; за 6 лѣтъ до разрѣшенія дѣла объ Алабамѣ онъ предлагалъ прибѣгнуть къ международному третейскому суду; во время борьбы сѣвера съ югомъ въ Америкѣ, онъ почти одинъ стоялъ за сѣверянъ и предсказывалъ ихъ побѣду, наконецъ, справедливость его горячихъ протестовъ противъ крымской войны, возбуждавшихъ столько насмѣшекъ противъ него, была признана тѣми самыми министрами, которые возбудили ее. Эти примѣры можно было-бы продлить до безконечности и не только либеральныя мѣропріятія перваго министерства Гладстона были осуществленіемъ того, что во всю свою жизнь проповѣдывалъ Брайтъ, но и тѣ реформы, которыя теперь еще pia desideria для Англіи, давно предсказаны и начертаны этимъ народнымъ трибуномъ, болѣе прозорливымъ, чѣмъ пресловутые практическіе администраторы, оффиціальные хранители министерскихъ портфелей, парламентскіе рутинеры и т. д.

Конечно, строго говоря, Брайта нельзя назвать государственнымъ человѣкомъ, какъ обыкновенно понимается это слово, такъ какъ онъ никогда не былъ практическимъ администраторомъ или дѣловымъ министромъ; занимая короткое время постъ министра торговли въ первомъ министерствѣ Гладстона, онъ не могъ выказать своихъ административныхъ талантовъ, такъ какъ тяжелая болѣзнь заставила его покинуть на долгое время общественную дѣятельность. Впослѣдствіи-же, хотя онъ и вступилъ снова въ кабинетъ, какъ канцлеръ герцогства Ланкастера, но этотъ министерскій постъ только почетное званіе и Брайтъ занимаетъ его для того, чтобы своимъ популярнымъ именемъ придать силу либеральному министерству и своими совѣтами указать правительству въ каждомъ вопросѣ истинно прогресивный и либеральный путь. Эта роль политическаго совѣтчика и есть по преимуществу та великая роль, которую Брайтъ съ такимъ блескомъ, славой для себя и пользой для страны исполнялъ впродолженіи всей его общественной дѣятельности. Совѣтчикъ народа на публичныхъ митингахъ, совѣтчикъ народныхъ депутатовъ въ палатѣ и совѣтчикъ народнаго правительства въ министерствѣ —вотъ чѣмъ былъ, есть и будетъ Брайтъ до послѣдняго своего дыханія и потому онъ какъ первый государственный совѣтчикъ англійскаго народа вполнѣ достоинъ стоять рядомъ съ первымъ его государственнымъ человѣкомъ—Гладстономъ. Брайтъ подготовлялъ общественное мнѣніе для принятія той или другой либеральной реформы, а Гладстонъ практически проводилъ ее. Оба они поэтому останутся вѣчно типами лучшихъ государственныхъ дѣятелей нашего времени, каждый по своей спеціальности и благодарное потомство будетъ чтить ихъ память наравнѣ съ памятью третьяго и, быть можетъ, величайшаго политическаго дѣятеля нашего времени, Джона-Стюарта Миля, роль котораго была не проводить великія реформы, не подготовлять общественное мнѣніе къ ихъ принятію, а рождать въ умахъ людей тѣ великія идеи правды, справедливости и свободы, практическимъ примѣненіемъ которыхъ были и будутъ всѣ общественныя и политическія реформы, уже осуществившіяся и готовящіяся къ осуществленію въ Англіи.

Говорить о необыкновенномъ краснорѣчіи Брайта кажется совершенно излишнимъ. Если Гладстонъ считается первымъ дѣловымъ парламентскимъ ораторомъ, то никто не можетъ сравниться съ Брайтомъ по силѣ пламенной убѣдительности и нравственному величію его краснорѣчія. При этомъ онъ одинъ изъ самыхъ изящныхъ парламентскихъ ораторовъ и его рѣчи производятъ даже въ чтеніи громадное впечатлѣніе. При этомъ не лишне замѣтить, что хотя онъ болѣе всѣхъ современныхъ парламентскихъ ораторовъ обладаетъ юморомъ и множество его фразъ осталось въ народной памяти по ихъ мѣткому сарказму, напримѣръ, знаменитое сравненіе Дизраели съ шарлатаномъ, продающимъ чудесныя пилюли отъ землетрясеній, онъ никогда не бичуетъ своихъ враговъ изъ личной злобы, никогда не мститъ за всѣ перенесенные нападки и оскорбленія. Добрѣе, человѣколюбивѣе и великодушнѣе человѣка, какъ Брайтъ, трудно найдти. Въ домашней жизни онъ самый мягкій, нѣжный семьянинъ, самый пріятный собесѣдникъ; въ юности онъ былъ страстнымъ игрокомъ въ крокетъ; до сихъ поръ онъ любитъ удить рыбу и играть на бильярдѣ. Разсказываютъ очень любопытный анекдотъ, которымъ мы окончимъ эту бѣглую характеристику добраго, честнаго и великаго народнаго трибуна.

Однажды въ самое горячее время агитаціи въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ Джонъ Брайтъ, находясь въ Ландудно, зашелъ въ бильярдную гостинницы, гдѣ онъ остановился и началъ играть съ какимъ-то іоркширскимъ фабрикантомъ, рьянымъ торіемъ. Жена послѣдняго, узнавъ отъ слугъ, что ея мужъ находится въ обществѣ человѣка, къ которому онъ питалъ самыя кровожадныя чувства, страшно испугалась. «Что они дерутся?» спрашивала она каждыя 5 минутъ и не вѣрила, что все обстоитъ благополучно. Наконецъ черезъ два часа ея мужъ явился веселый, сіяющій. Онъ объяснилъ, что только-что игралъ на бильярдѣ съ очень пріятнымъ, милымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ случайно познакомился и что они сговорились на слѣдующій день снова сыграть партію. «Да вѣдь это Джонъ Брайтъ!» воскликнула съ изумленіемъ его жена. Ярый торійскій фабрикантъ не вѣрилъ своимъ ушамъ и лицо его вытянулось, но черезъ минуту онъ спокойно произнесъ: «Газеты всегда врутъ, м-ръ Брайтъ прекрасный, добрый, безвредный человѣкъ и я самъ охотно подамъ голосъ за него»

Къ рисункамъ.

Выговоръ, картина Шарля Делора. Блестящій гусаръ только что явился къ своему родственнику, католическому патеру и въ порывѣ отчаянія разсказалъ ему свои печали и горести: дѣло, вѣроятно, касается какой-нибудь любовной исторіи, въ которую онъ, можетъ быть, попалъ нежданно-негаданно; тутъ онъ, конечно, надѣлалъ глупостей и теперь ему приходится расплачиваться. Онъ пріѣхалъ покаяться, излить свою душу передъ добрымъ патеромъ, ждетъ отъ него утѣшенія и надѣется на хорошій совѣтъ... Но его надежды не вполнѣ оправдались; добрый, но строгій родственникъ, вмѣсто утѣшенія, выступилъ къ нему съ проповѣдью, укоряя его въ легкомысліи, а можетъ быть, и въ болѣе серьезныхъ проступкахъ. Дѣлать нечего: приходится выслушивать этотъ выговоръ, понуривъ голову, нахмуривъ брови и сосредоточенно смотря въ полъ. Патеръ съ своей стороны принялся за дѣло энергично: все его лицо, нельзя сказать, чтобы красивое, состарившееся, морщинистое, выражаетъ живое участіе, которое онъ принимаетъ въ бѣдѣ, случившейся съ его милымъ... ну, хоть-бы племянникомъ... Картина замѣчательна по выраженію лицъ и по прекрасной, блестящей живописи не только главныхъ дѣйствующихъ лицъ, но и всѣхъ аксесуаровъ: письменнаго стола съ бумагами и книгами, мебели, ковра...

Ex-voto, картина Юлисса Бютэна. Дѣло происходитъ на берегу моря, въ небольшой скромной деревенькѣ, среди населенія моряковъ. Въ этихъ мѣстностяхъ народъ, нѣсколько суевѣрный, выработалъ нѣкоторыя религіозныя привычки и прибѣгаетъ къ различнаго рода обѣтамъ, всякій разъ, какъ предстоитъ серьезная и опасная морская экспедиція. Одну изъ такихъ сценъ представляетъ намъ художникъ. Цѣлая семья моряковъ, съ женами и дѣтьми, направляется къ убогой церкви. Молодая дѣвушка, а можетъ быть, и жена одного изъ отправляющихся моряковъ несетъ впереди маленькій, почти игрушечный корабликъ, какъ символъ ихъ професіи; за нею идетъ еще молодой, но уже бывалый морякъ, неся на рукахъ маленькую дѣвочку; съ нимъ мальчикъ съ букетомъ въ рукахъ; далѣе еще два моряка съ дѣвочкой и молодой женщиной, вдали на берегу самого моря, чуть виднѣющаяся деревенька, а за нею безбрежное пространство океана. Въ сценѣ, изображенной Бютэномъ, не только много жизненной правды, но также много поэзіи.

Кумушки. Конечно, всѣ не разъ видѣли подобную сцену, гдѣ-нибудь на улицѣ, или на рынкѣ. Барыня, только что купившая разныхъ фруктовъ, дичи, захватившая даже подъ мышку качанъ цвѣтной капусты, встрѣтилась... вѣроятно, съ своей-же собственной кухаркой, и съ несомнѣннымъ увлеченіемъ сообщаетъ ей новости; кухарка подбоченясь слушаетъ, удивляясь и покачивая головой. Безъ всякаго сомнѣнія, сообщаемыя новости касаются женскихъ секретовъ, такихъ секретовъ, которые всегда существуютъ у всякой женщины и которые всегда интересуютъ. Эта маленькая сценка изъ обыденной жизни, встрѣчающаяся на каждомъ шагу, очень талантливо изображена художникомъ.

Южно-русскіе типы. Было-бы излишне распространяться о достоинствахъ этого рисунка. Подобные рисунки тогда только являются цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, когда вѣрно и точно изображаютъ тотъ или другой этнографическій типъ. Художникъ въ этомъ отношеніи вполнѣ достигъ цѣли своимъ прекраснымъ рисункомъ: его южно-русскіе типы, или вѣрнѣе русины схвачены съ натуры, молодой человѣкъ, съ красивой южной прической, съ красивымъ типичнымъ лицомъ и молодая дѣвушка, въ оригинальномъ народномъ костюмѣ съ громадными черными глазами и красивымъ оваломъ лица. Рисунокъ исполненъ талантливо и со вкусомъ.

Крахъ въ народномъ банкѣ, картина Бокельмана. Событіе, изображенное художникомъ въ большой картинѣ, наполненной нѣсколькими десятками характернѣйшихъ типовъ,—принадлежитъ цѣликомъ нашему современному міру, когда деньги сдѣлались не только всемогущей силой, но и предметомъ спекуляцій. «Крахъ» или банкротство банка ведетъ за собой, обыкновенно, раззореніе сотень тысячъ людей, которые довѣрили банку свои деньги, надѣясь, что ихъ капиталы не только будутъ въ полной сохранности въ банкѣ, но и принесутъ имъ большіе проценты, которыхъ-бы они не могли получить съ обыкновенныхъ предпріятій. Къ такого рода «раззореннымъ» крахомъ банка принадлежатъ обыкновенно люди самыхъ разнообразныхъ професій, занятій, сословій. Среди нихъ вы найдете и бѣднаго крестьянина, довѣрившаго банку свои крохотныя сбереженія, и несчастную вдову, и военнаго, и купца, но найдете также и настоящихъ аферистовъ, надѣявшихся путемъ темныхъ операцій банка наживать капиталы и состоянія. Весьма понятно, что послѣдніе не могутъ возбуждать особеннаго къ себѣ участія; но всѣ прочіе, въ особенности, бѣдные люди, обманутые заманчивыми объявленіями и блестящими обѣщаніями,—достойны полнаго сожалѣнія и являются невинными жертвами аферистовъ, не отступающихъ ни передъ какими средствами для пополненія своего кармана на чужой счетъ. Банкротство банкирской конторы г. Баймакова въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ можетъ служить до извѣстной степени примѣромъ подобныхъ банковъ. Но это банкротство—шутка, въ сравненіи съ крахомъ банка г. Филаннари въ Парижѣ въ прошедшемъ году. Художникъ представляетъ намъ въ своей картинѣ одинъ изъ подобныхъ «краховъ», и для своей илюстраціи выбираетъ одинъ изъ «психологическихъ моментовъ», когда акціонеры, узнавши о крахѣ народнаго банка, выходятъ оттуда. Разнообразіе типовъ поразительно и весьма поучительно. На первомъ, напр., планѣ, нѣсколько отдалившись отъ толпы, мы видимъ одного изъ аферистовъ, заложившаго руки за спиной, съ поникшей головой, въ глубокомъ раздумьи, въ то время, какъ другой, разводя руками, съ плутоватой физіономіей, что-то шепчетъ первому, предлагая, вѣроятно, какую-нибудь новую аферу. Въ толпѣ много дамъ и женщинъ, франтовъ и военныхъ, служанокъ и бѣдныхъ людей, въ разнообразныхъ позахъ, съ выраженіемъ грусти и печали на лицахъ. Изъ нихъ многіе, благодаря краху, лишились, можетъ быть, послѣднихъ средствъ къ существованію. Все это «жертвы» «краха».

Смѣсь.

— **Неизвѣстные промыслы.** III. (Мнимый отецъ. Пастушество на дому). Статья Прива д'Англемонъ. У Гебарда, фабриканта пряниковъ, жилъ одинъ человѣкъ, довольно плотный, немного посѣдѣлый, съ открытымъ взглядомъ, съ отрывистой рѣчью. Онъ ходилъ въ длинномъ голубомъ сюртукѣ, носилъ усы вродѣ щетины и эспаньолку въ три вершка. По всѣмъ этимъ признакамъ можно было безошибочно опредѣлить, что это бывшій военный. Онъ себя называетъ графомъ де ***. Это старый солдатъ, полковой булочникъ линейнаго полка, въ которомъ Гебардъ нажилъ себѣ состояніе. Выйдя въ отставку, онъ вспомнилъ о своемъ знакомствѣ въ Монтаржи и явился въ Парижъ. Первый визитъ его, прежде чѣмъ нанять квартиру, былъ къ его случайному другу, котораго онъ разсчитывалъ найдти въ бѣдственномъ положеніи. Гебардъ, обладавшій сверхъ прочихъ добродѣтелей и благодарностью самой высокой степени, рѣшился принять въ своемъ знакомцѣ полнѣйшее участіе. Солдатъ-булочникъ получалъ за прежнюю службу 300 фр. пенсіи; на табакъ довольно. Но ему нужно занятіе, чтобы существовать. Фабрикантъ поселяетъ его у себя и предлагаетъ ему столъ, пока онъ не отыщетъ мѣста. Тотъ соглашается и обѣщаетъ съ завтрашняго-же дня отправиться на поиски. Надо полагать, что мѣста очень рѣдки въ Парижѣ, потому что вотъ уже 15 или 18 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а другъ Гебарда все еще не отыскалъ поприща для своихъ талантовъ и живетъ до сихъ поръ все въ той-же комнатѣ. Онъ тамъ, какъ на бивуакахъ, потому что ему всегда предстоитъ отправляться завтра на поиски.

Скоро однако графъ *** раздобылъ денегъ. Онъ взялся за довольно выгодную аферу—сдѣлался фиктивнымъ отцомъ: онъ признавалъ дѣтей, у которыхъ нѣтъ офиціальнаго отца. Афера эта, впрочемъ, практиковалась имъ и прежде.

Одинъ офицеръ, однополчанинъ графа ***, состоя еще въ гарнизонѣ въ Живе, соблазнилъ молодую дѣвушку. Онъ происходилъ изъ богатой и знатной фамиліи и дядя его, отъ котораго зависѣло его состояніе, ни въ какомъ случаѣ не допустилъ бы неравнаго брака.

Счастливый влюбленный понималъ, что всякое оскорбленіе аристократическихъ предразсудковъ дядюшки равносильно лишенію наслѣдства. Тѣмъ временемъ бѣдная дувушка была въ отчаяніи: ей нужно было найдти имя для ея ребенка. Какъ ни старался офицеръ увѣрить ее, что имена Евгеній, Альфредъ, Артуръ очень эфектны и что, присоединивъ къ нимъ Дидье, Бертрана, или Мартена, можно было-бы сформировать полнаго человѣка, имѣющаго двухъ заступниковъ на небесахъ и всѣ внѣшніе признаки благородной буржуазной фамиліи,—мать ничего не хотѣла слышать: ей нужно было имя солидное или, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторой примѣсью дворянскаго элемента. Что тутъ дѣлать! Какъ-то разъ молодой офицеръ былъ въ полку на перекличкѣ, вдругъ онъ слышитъ имя, громкое, историческое имя нашего солдата-булочника. Онъ попросилъ показать себѣ солдата съ такимъ прекраснымъ именемъ, обласкалъ его, предложилъ ему выпить изъ своего погребца. Онъ освѣдомился о его семействѣ, обѣщалъ ему свои услуги, наконецъ, послѣ многихъ изворотовъ предложилъ ему замѣнить мальчугану отца и отправиться вмѣстѣ съ нимъ, гдѣ ребенокъ ему будетъ представленъ. Нашъ герой пробуетъ возражать, но молодой офицеръ ловко устраняетъ всякія недоразумѣнія, опуская ему въ руку три луидора и обѣщая столько-же въ день представленія. Солдатъ-булочникъ никогда не представлялъ себѣ возможности возражать противъ такихъ аргументовъ: онъ просто зажалъ деньги въ руку и замолчалъ.

Вечеромъ офицеръ явился къ своей опечаленной жертвѣ и сказалъ ей, что сынъ ея будетъ признанъ, что ему предстоитъ получить титулъ графа и одно изъ самыхъ древнихъ французскихъ именъ. Вѣсть эта произвела чудотворное дѣйствіе, ибо не смотря на всѣ революціи, наши женщины ужасно чтутъ дворянство; обаяніе дворянской аристократіи всецѣло живетъ въ низшихъ слояхъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ колокола усердно трезвонили въ Живе: были крестины виконта Оливье ***. Разумѣется, офицеръ былъ крестнымъ отцомъ. Исторія надѣлала шуму. Всѣ дѣвушки въ Живе, бывшія матерями, также хотѣли имѣть маленькихъ виконтовъ, такъ что нашъ солдатъ почти не выходилъ изъ мэрій небольшого городка и окрестностей. Графъ *** положительно не успѣвалъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Для него наступилъ какой-то сплошной праздникъ, какой-то непрерывный карнавалъ, во время котораго, если ему и приходилось уходить съ торжественной трапезы по случаю рожденья, то только для того, чтобы присутствовать на банкетѣ въ честь крестинъ. Онъ признавалъ даже съ уступкой, на основаніи очень простого соображенія: «когда я состарѣюсь,—думалъ онъ,—я просто на просто поселюсь у самаго богатаго изъ моихъ дѣтей; не будетъ-же онъ такимъ варваромъ, чтобъ прогнать своего стараго отца. Это ничто иное, какъ кусокъ хлѣба, кусокъ бріоши, приберегаемой мною къ старости». Во всѣхъ городахъ, гдѣ только стоялъ гарнизонъ, графъ *** продолжалъ свою професію. Въ полку начали уже подшучивать: стали приглашать его къ матерямъ, которыя вовсе даже не нуждались въ имени. Какъ бы ни было, ремесло было выгодно и нашъ герой никогда не отказывалъ. Наконецъ, онъ покинулъ наши департаменты, съ сѣвера на югъ населенные двумя или тремя стами виконтовъ и виконтесъ, и явился въ большой городъ, съ достаточно уже набитымъ карманомъ, гдѣ и встрѣтилъ провидѣніе въ глубинѣ предмѣстья С. Марсо, во образѣ добраго Гебарда. Въ это время сыновья, не имѣвшіе тяготѣнія ни къ какой службѣ, ни къ дипломатической, ни къ судебной, ни къ административной, выбирали карьеру военную, чтобы только дать родителямъ основаніе говорить: «мой сынъ кое-что дѣлаетъ: онъ военный, въ такомъ-то гарнизонѣ», что въ переводѣ означаетъ: «онъ куритъ сигары и играетъ въ пикетъ въ кафе такой-то подпрефектуры».

По смерти своихъ строгихъ родителей, почему-то воображающихъ, что молодой человѣкъ непремѣнно долженъ что нибудь дѣлать, наши офицеры считали самымъ неотложнымъ дѣломъ подать въ отставку и возвратиться въ Парижъ. Тутъ въ бесѣдахъ съ своими парижскими друзьями, разсказывали они, между прочимъ, и исторію нашего графа съ его многочисленнымъ потомствомъ. Сначала этому много смѣялись, а потомъ и забыли.

Какъ разъ въ это время одинъ молодой нѣмецкій баронъ, человѣкъ весьма не глупый, ведя широкую жизнь сдѣлалъ глупость, признавъ сына, котораго онъ имѣлъ отъ женщины легкаго поведенія. Онъ хотѣлъ, говоритъ, приложить всѣ свои заботы къ воспитанію этого ребенка, чтобъ видѣть, что можетъ выйдти изъ отростка кокотки, пересаженнаго въ другой климатъ. Вѣсть объ этомъ всполошила весь лагерь лоретокъ. Всѣ кричали, ибо каждой хотѣлось своего сына сдѣлать какимъ ни на есть барономъ. Отъ улицы Лафитъ до Бѣлой заставы только и слышалось: «Я требую имя моему ребенку». Крикъ этотъ становился уже несносенъ, потому что барышни стали его практиковать, въ надеждѣ покрыть свои старые грѣхи. Многія сыновья семействъ, которымъ уже изрядно надоѣла эта назойливая пѣсня, стали тщательно избѣгать камелій, какъ вдругъ одинъ изъ полковыхъ офицеровъ открылъ адресъ нашего солдата булочника. Честь была спасена, имя найдено и «эти дамы» могли успокоиться. Торжественно объявлена имъ эта новость. Крики, разумѣется, немедленно смолкли и радость, какъ бы по волшебству, воцарилась во всемъ кварталѣ. Ужины снова огласились пѣніемъ, вино снова полилось рѣкой и порядокъ возстановился. Что касается графа***, то для него опять наступилъ праздникъ, опять воцарилась безконечная масляница. Не приходилось даже захватывать его заблаговременно, такъ какъ онъ признавалъ и запоздавшихъ. Съ каждымъ днемъ шансы графа на спокойную старость увеличивались; его чада разпложались во всѣхъ класахъ и оригинальная спекуляція увеличивала на два, на три имени въ день годовой отчетъ дворянскихъ книгъ французскаго королевства. Но, увы! человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, графъ немножко не разсчиталъ.

Однажды—кто-бы могъ этого ожидать? — явился къ Гебарду человѣкъ, весь въ черномъ одѣяньи, точь въ точь, какъ пажъ г-жи Мальбругъ, только постарше и съ галстухомъ нѣсколько побольше. Это былъ нотаріусъ. Онъ спросилъ графа***; ему надо было поговорить съ нимъ о дѣлѣ большой важности. Графъ долженъ получить наслѣдство отъ одного родственника въ провинціи, благороднаго незнакомца, который завѣщалъ ему 120,000 ливровъ. Это была манна небесная. Втеченіи восьми дней графъ не выходилъ изъ кабаковъ; онъ прекратилъ посѣщенія мэріи, сталъ съ презрѣніемъ смотрѣть на неутѣшныхъ матерей, озабоченныхъ отцевъ, покинутыхъ дѣтей; онъ ничего уже больше не искалъ, ничего не желалъ, весь погруженный въ мечты о своихъ собственныхъ семейныхъ радостяхъ: жена, хозяйство, дѣти, носящія взаправду и по праву его прекрасное имя.

Къ несчастью, имя графа цѣлыхъ двѣ недѣли красовалось во всѣхъ журналахъ, на страницѣ объявленій. Объявленіе было приблизительно такого рода: «M-eur X., нотаріусъ Парижа, ул. де... проситъ графа де... пожаловать въ его контору по дѣлу о наслѣдствѣ». Эти строки не прочелъ именно тотъ, къ кому онѣ были адресованы; за то онѣ обратили на себя вниманіе другихъ, не причастныхъ къ дѣлу личностей. Разумѣется, всѣ заговорили; толки росли; съ наслѣдствомъ стало тоже, что съ комомъ снѣга, пущеннымъ дѣтьми: чѣмъ дальше онъ двигается, тѣмъ больше становится. Черезъ 8 дней наслѣдство дошло до нѣсколькихъ миліоновъ. Графъ *** въ концѣ концовъ увидалъ себя осажденнымъ толпою молодыхъ юношей и юницъ, которые до этого объявленія, конечно, никогда объ отцѣ не помышляли, и вотъ всѣ они теперь явились выражать ему свои сыновнія чувства. Явились они со всѣхъ концевъ Франціи: кто съ посохомъ въ рукахъ, въ блузѣ и деревянныхъ сапогахъ, а кто напомаженный, надушенный, разодѣтый, какъ модная картинка. Если и было между ними что-нибудь общее, то развѣ только послѣднія слова, съ которыми они къ нему обращались, прося нѣсколько какихъ-нибудь тысячефранковыхъ билетиковъ, чтобы встать на ноги.

Графъ былъ въ большомъ затрудненіи. Нѣкоторые изъ этихъ добрыхъ сыновей были секретарями адвокатовъ, нотаріусами, судебными приставами въ провинціи; эти-то и были самые несносные, ибо они отлично изучили законы, знали уголовный кодексъ и грозили доказать свои права на пожизненное содержаніе. Бѣдный солдатъ-булочникъ, ошеломленный, обезумѣвшій, не зналъ, что отвѣчать: то, что казалось ему шуткой, явилось въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Дѣло было такъ важно, какъ только можно себѣ представить. Онъ думалъ играть съ закономъ, который никогда не шутитъ. Законъ душилъ его, отравлялъ его существованіе. Не зная, какъ быть съ наслѣдствомъ, которое стало ему поперегъ горла, онъ отправился поговорить съ однимъ законовѣдомъ и тотъ посовѣтовалъ ему сдѣлать на имя Гебарда дарственную запись—единственное, что могло ему вернуть утраченное спокойствіе. Совѣтъ былъ хорошъ, ему послѣдовали.

Вотъ почему онъ ежедневно говоритъ «завтра-же пойду искать должности» и живетъ цѣлыхъ 18 лѣтъ у своего стараго друга.

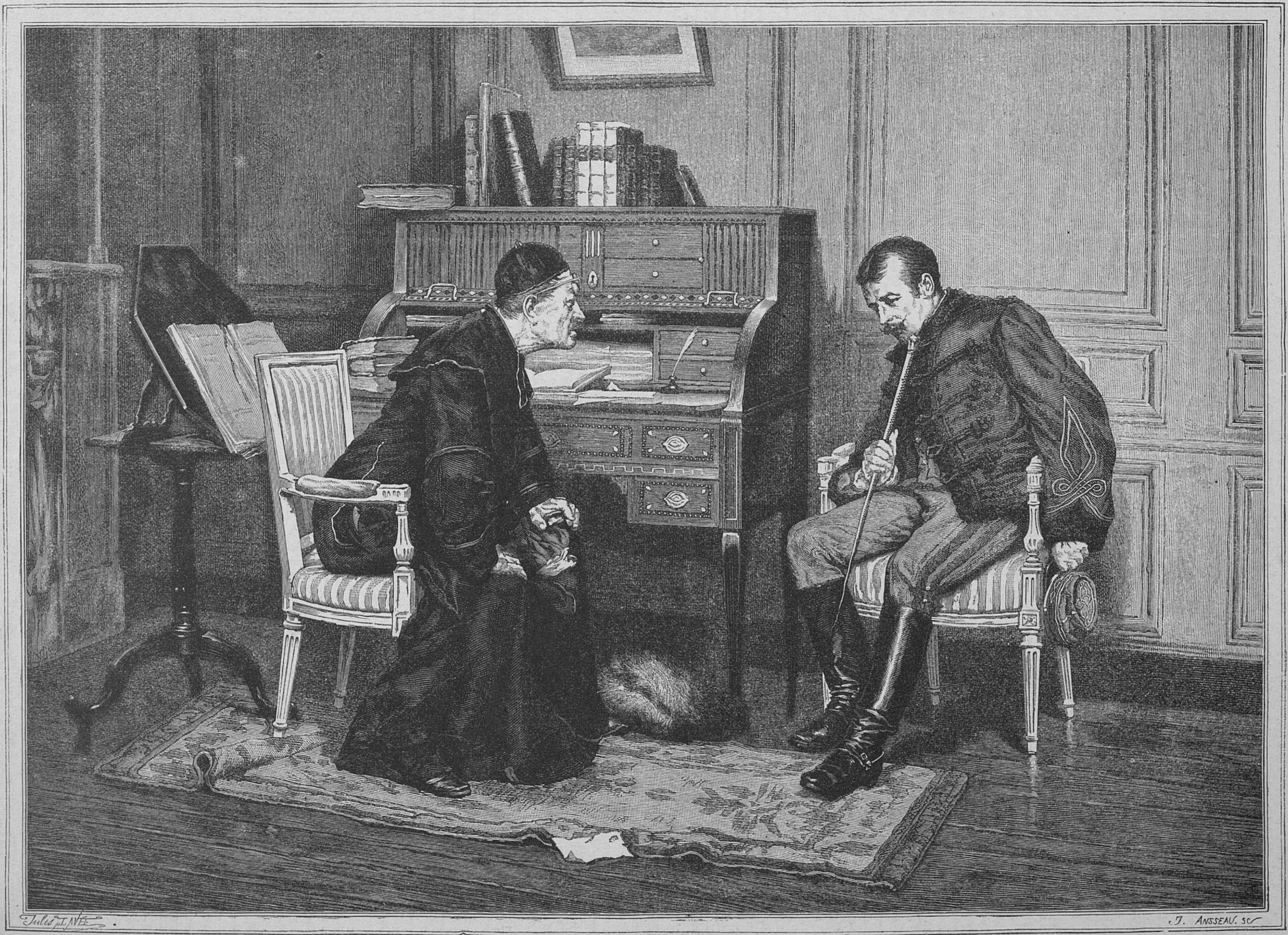
Случалось-ли вамъ встрѣчать во время вашихъ прогулокъ по окрестнымъ бульварамъ, если только вы гуляете тамъ когда-нибудь—высокаго, коренастаго мужчину въ войлочной шляпѣ съ широкими полями, въ грубой шерстяной блузѣ. Впереди него бѣгутъ обыкновенно четыре, или пять козъ, которыхъ онъ гонитъ на пастбище въ окрестныхъ лугахъ.

Это Жакъ Симонъ, уроженецъ Бурганева. Живетъ онъ въ пятомъ этажѣ одного изъ самыхъ грязныхъ домовъ ул. д'Екоссъ, за Французской колегіею, и занимается пастушествомъ на дому.

Когда Жакъ Симонъ явился въ Парижъ, ему было 16 лѣтъ. Сначала онъ былъ каменьщикомъ, но разстроенное здоровье не позволило ему продолжать заниматься этимъ ремесломъ и онъ поступилъ чѣмъ-

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА Ш. ДЕЛОРА.


Jules J. Née
J. Ansseau. sc

Выговоръ.

Рѣзалъ на деревѣ Ансо въ Парижѣ.

то въ родѣ служителя въ контору одного финансиста, занимавшагося и пророчествами. На обязанности Жака лежало принимать посѣтителей и заставлять ихъ терпѣливо ожидать. Что дѣлать служителю въ конторѣ, какъ не читать? Симонъ тоже читалъ и читалъ много. Онъ читалъ Флоріана, Дюкре-Дюмениля и всѣхъ простодушныхъ романистовъ конца прошлаго столѣтія. Онъ только и мечталъ о барашкахъ бѣленькихъ, какъ снѣгъ, о влюбленныхъ и нѣжныхъ пастушкахъ. Онъ прогуливался непремѣнно съ пастушескимъ посохомъ, обвитымъ розовыми ленточками, а въ праздничные дни одѣвался, какъ персонажи Вато Ему казалось, что все, что онъ читалъ, осуществилось; съ этими илюзіями онъ и женился. Въ этомъ отношеніи онъ поступилъ, какъ всѣ: вообразилъ, что любитъ, и женился. Его жена была плодовита, очень плодовита: при первыхъ же родахъ узрѣли свѣтъ двое дѣтей. У Симона были сбереженія. Онъ читалъ Кальпренеда. Дѣло шло, какъ нельзя лучше. На слѣдующій годъ роды г-жи Симонъ были еще счастливѣе: она подарила міру троихъ. Въ газетахъ говорили, что мать и дѣти здоровы. Общественная благотворительность приняла участіе и къ бѣдной матери были посланы двѣ козы, чтобъ помочь ей прокармливать ея интересное семейство.

На девятый день бѣдная мать умерла; а несчастныя малютки, не смотря на усиленныя заботы сосѣдей, послѣдовали за ней, нѣсколько дней спустя. Вѣрьте послѣ этого газетамъ. Для Жака это былъ страшный ударъ. Комнату жены онъ оставилъ въ неприкосновенности такъ, какъ она была въ день ея смерти, а самъ нанялъ чердакъ для своихъ козъ.

Помѣщеніе, занимаемое Жакомъ въ пятомъ этажѣ, представляетъ собою нѣчто совершенно невѣроятное. Оно имѣетъ видъ лимузинской фермы. Ночь онъ проводитъ возлѣ своихъ козъ, на одной съ ними подстилкѣ. Живетъ съ ними и для нихъ. Съ каждымъ годомъ стадо его увеличивается. Продавая козъ, онъ плачетъ о предстоящей имъ горькой участи. Но чтобы кормить первыхъ двухъ дѣтей, ему надо работать. Дамы этого квартала, знающіе о его несчастіи покровительствуютъ ему; онѣ покупаютъ у него молоко и такимъ способомъ помогаютъ безумцу. Его помѣшательство такое доброе, тихое, печальное, покорное, что никто не уходитъ отъ него, не прослезившись. Жакъ-Симонъ это одинъ изъ курьезовъ Парижа, наиболѣе потому, что, по всей вѣроятности, это одна изъ самыхъ несчастнѣйшихъ личностей.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

— Финиковая пальма отца Антуана (Разсказъ Томаса Бейлея Альдрина. Перев. А. Г. Сахаровой). Близь плотины и недалеко отъ стараго французскаго собора, на площади Оружія, въ Новомъ Орлеанѣ, стоитъ прекрасная финиковая пальма, вышиною въ 30 футовъ, расправляя свои широкіе листья въ чуждомъ воздухѣ такъ бодро, какъ будто ея могучіе корни вскормлены родной почвой.

Сэръ Чарльсъ Лайель въ своемъ сочиненіи «Вторая поѣздка въ Соединенные Штаты» такъ упоминаетъ объ этомъ экзотическомъ растеніи: «Дереву лѣтъ 70 или 80, потому что отецъ Антуанъ, католическій патеръ, умершій лѣтъ 20 тому назадъ, говорилъ г. Брентье, что онъ посадилъ его самъ, когда былъ молодъ. Въ своемъ завѣщаніи онъ позаботился о пальмѣ, поставивъ условіемъ, что лица, наслѣдовавшія этотъ клочекъ земли, лишались его, если бы они осмѣлились срубить пальму».

Желая разузнать что-нибудь объ отцѣ Антуанѣ, Лайель наводилъ справки у старыхъ креоловъ, обитателей этого предмѣстья. Знаменитый туристъ узналъ только, что старый священникъ сильно исхудалъ за нѣкоторое время передъ смертію, что онъ бродилъ по улицамъ какъ мумія, постепенно высыхалъ и наконецъ совсѣмъ развалился,—и только.

Лѣтомъ 1861 года, въ то время, когда Новый Орлеанъ былъ еще занятъ войсками инсургентовъ, я встрѣтилъ въ Александріи, въ Виргиніи, одну даму изъ Луизіаны, миссъ Блондо, и она разсказала мнѣ слѣдующую легенду объ отцѣ Антуанѣ и его финиковой пальмѣ.

Когда отецъ Антуанъ былъ еще очень молодымъ человѣкомъ онъ имѣлъ друга, котораго очень любилъ. Эмиль Жарденъ отвѣчалъ ему тѣмъ-же и весь городъ дивился ихъ дружбѣ. Они учились, гуляли, ѣли и спали вмѣстѣ. Антуанъ и Эмиль готовились къ духовному званію, всѣ необходимые предварительные шаги были уже сдѣланы, когда случилось обстоятельство, придавшее ихъ жизни совершенно другой оттѣнокъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ къ нимъ по сосѣдству переѣхала какая-то чужестранка съ неизвѣстнаго острова Тихаго океана. Бѣдная чужестранка умерла внезапно, оставивъ дочь, дѣвушку 16 или 17 лѣтъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни и безъ друзей. Молодые люди были добры къ чужестранкѣ во время ея болѣзни, а когда она умерла, тронутые безпомощнымъ положеніемъ ея дочери Англисы, поклялись другъ другу любить и заботиться о дѣвушкѣ какъ о сестрѣ.

Англиса отличалась оригинальной красотой, заставлявшей забывать о другихъ женщинахъ въ ея присутствіи и молодые люди по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ уже перестали смотрѣть на свою питамицу, какъ на сестру. Однимъ словомъ, они оба влюбились въ нее.

Они боролись со своей безнадежной страстью цѣлые мѣсяцы. Ни одинъ изъ нихъ не повѣрилъ другому своей тайны, потому что то званіе, въ которое они готовились вступить, исключало всякія мысли о любви и бракѣ. До сихъ поръ они жили въ спокойной атмосферѣ религіознаго энтузіазма,—того энтузіазма, который въ прежнія столѣтія училъ людей переносить пытки колесованья и улыбаться среди пламени. Но бѣлокурая дѣвушка съ большими глазами и мягкимъ голосомъ встала между ними и ихъ аскетическими мечтами. Связь, соединявшая двухъ молодыхъ людей, порвалась. Наконецъ, каждый прочелъ въ блѣдномъ лицѣ друга исторію своего собственнаго отчаянія.

А она? Если Англиса и раздѣляла ихъ тревогу, то эта тревога не отражалась на ея лицѣ. Ея лицо походило на лица святыхъ, нарисованныхъ на окнѣ собора. Но разъ какъ-то, когда она внезапно подошла къ обоимъ молодымъ людямъ и услыхала слова, которыя, казалось, какъ огонь жгли губы говорящаго, — ея глаза засвѣтились, но тотчасъ-же она прошла дальше и ея лицо снова стало холоднымъ.

Однажды ночью Эмиль и Англиса исчезли. Они убѣжали, но куда—никто не зналъ и никому, кромѣ Антуана, не было дѣла до этого. Онъ-же почувствовалъ тяжелый ударъ, потому что почти рѣшилъ признаться въ любви Англисѣ и убѣдить ее бѣжать съ нимъ.

Клочекъ бумаги выскользнулъ изъ молитвенника Антуана и упалъ къ его ногамъ. «Не сердитесь, жалобно молилъ клочекъ бумаги, простите насъ, потому что мы любимъ..»

Прошло 3 томительныхъ года, Антуанъ былъ уже священникомъ и на него смотрѣли какъ на человѣка, который сдѣлаетъ себѣ карьеру, но лицо его было блѣдно и на сердцѣ у него было тяжело, потому что жизнь его проходила безрадостно.

Прошло 4 года, когда письмо, покрытое иностранными марками, было принесено молодому священнику—письмо отъ Англисы. Она умерла; неужели онъ не проститъ ей? За годъ до этого Эмиль палъ жертвой лихорадки, свирѣпствовавшей на островѣ, и ихъ дочь Англиса тоже заболѣла лихорадкой. Въ жалобныхъ выраженіяхъ молодая женщина умоляла Антуана позаботиться о дѣвочкѣ пока она не будетъ достаточно велика, чтобы поступить въ монастырь. Ея письмо было поспѣшно окончено чужой рукой, извѣщавшей Антуана о смерти г-жи Жарденъ и о томъ, что Англиса была посажена на корабль, отплывающій съ острова на западъ.

Едва было прочитано это письмо, задержанное бурей и кораблекрушеніемъ, пріѣхала маленькая Англиса Увидѣвъ ее, Антуанъ испустилъ крикъ радости и удивленія,—такъ похожа была она на ту женщину, которую онъ любилъ.

Страсть, которую онъ такъ долго сдерживалъ въ своемъ сердцѣ, вся излилась на эту дѣвочку: она замѣнила ему не только его прежнюю Англису, но также и его друга Эмиля Жардена.

Англиса обладала оригинальной красотой своей матери—гибкой, граціозной фигурой, роскошнымъ цвѣтомъ лица и большими тропическими глазами, которые чуть было не отвлекли Антуана отъ его священнаго призванія. Мѣсяца два Англиса чувствовала себя очень несчастной въ новой обстановкѣ. Она постоянно говорила о своей свѣтлой, ясной родинѣ, о плодахъ, цвѣтахъ и голубыхъ небесахъ, о большихъ вѣерообразныхъ деревьяхъ и морскихъ вѣтеркахъ, шелестящихъ ими. Антуанъ не могъ успокоить ее. Мало-по-малу она перестала плакать и бродила по домику съ утомленнымъ, безнадежнымъ видомъ, рѣзавшимъ Антуана по сердцу. Длиннохвостый попугай, пріѣхавшій вмѣстѣ съ дѣвочкою на кораблѣ, важно расхаживалъ за нею изъ комнаты въ комнату и казалось безмолвно тосковалъ по своей свѣтлой родинѣ.

Не прошло и года и Антуанъ замѣтилъ, что щечки дѣвочки были уже не такъ румяны, глазки не блестѣли такъ ярко и ея стройный станъ сталъ еще болѣе хрупкимъ.

Онъ посовѣтовался съ врачемъ. Врачъ не нашелъ въ ребенкѣ никакой болѣзни, кромѣ увяданія и слабости. Онъ не могъ объяснить себѣ причины ихъ. Онъ говорилъ, что это какая-то душевная болѣзнь, неподдающаяся его искуству. И такъ Англиса увядала съ каждымъ днемъ. Теперь она рѣдко выходила изъ комнаты. Наконецъ, Антуанъ долженъ былъ сознать тотъ страшный для него фактъ, что дѣвочка умираетъ. Онъ такъ привязался къ ней!

— Дорогая моя, сказалъ онъ ей однажды,—что у тебя болитъ?

— Ничего, отецъ (такъ она называла его).

Прошла зима, пришла душистая весна, магноліи и померанцы покрылись цвѣтамм и Англиса казалось ожила. Сидя на крыльцѣ, на своемъ маленькомъ бамбуковомъ стулѣ, она качалась на душистомъ воздухѣ, подобно граціозному дереву, развѣваемому лѣтнимъ вѣтеркомъ. По временамъ она казалось задумывалась о чемъ-то. Антуанъ замѣтилъ это и ждалъ. Наконецъ, она заговорила:

— Подлѣ нашего дома, на островѣ, пальмы развѣваются подъ голубымъ небомъ. О, какая прелесть! Мнѣ кажется, что я лежу подъ ними цѣлый день. Я очень, очень счастлива. Я такъ тосковала по нимъ, что я заболѣла отъ этого. Правда, отецъ?

— Увы, это правда! воскликнулъ внезапно Антуанъ.

— Поспѣшимъ на тѣ прелестные острова, гдѣ развѣваются пальмы... Я поѣду туда, отецъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого вечера восковыя свѣчи горѣли у ея ногъ и у ея изголовья, освѣщая ея путь.

Все кончилось; сердце Антуана опустѣло. Смерть, подобно другому Эмилю, похитила его новую Англису. Ему оставалось только зарыть увядшій цвѣтокъ. Отецъ Антуанъ вырылъ въ своемъ саду неглубокую могилу и засыпалъ свою любимицу свѣжей, черной землей.

Въ спокойные весенніе вечера священникъ сидѣлъ на могильномъ холмикѣ, держа въ рукахъ часословъ, въ который онъ не заглядывалъ.

Наступило лѣто въ этой солнечной странѣ и Антуанъ сидѣлъ на могилѣ: и въ прохладные часы до разсвѣта и вечеромъ. Ему трудно было разстаться съ нею.

Однажды утромъ онъ замѣтилъ, что изъ средины могилы поднимался тонкій стебель съ двумя изумрудными листьями странной формы. Сначала онъ случайно подмѣтилъ его, но наконецъ растеніе выросло высоко и оказалось, что оно очень мало походило на всѣ извѣстныя ему растенія. Какъ прямо, граціозно и прелестно было это растеніе! Когда оно раскачивалось на лѣтнемъ вѣтеркѣ въ сумеркахъ, Антуану казалось, что маленькая Англиса стоитъ въ саду.

Дни проходили за днями и Антуанъ ухаживалъ за хрупкимъ отпрыскомъ, раздумывая о томъ, какіе цвѣты онъ дастъ, бѣлые, пурпуровые или золотистые. Въ одно воскресенье иностранецъ съ загорѣлымъ лицомъ, носящимъ слѣды непогоды, похожій на моряка, оперся на рѣшетку сада и сказалъ Антуану:

— Какая у васъ прелестная финиковая пальма.

— Боже мой! вскричалъ отецъ Антуанъ,—неужели это пальма?

— Да, это пальма, отвѣчалъ незнакомецъ.—Я не думалъ, что она можетъ рости въ этой широтѣ.

— Ахъ, Боже мой!

Вотъ все, что священникъ сказалъ вслухъ; но онъ прошепталъ про себя: «Милосердный Господи, ты даровалъ мнѣ это!»

Если отецъ Антуанъ прежде любилъ дерево, то теперь онъ боготворилъ его. Онъ ухаживалъ за нимъ и готовъ былъ обнять его. Въ этой пальмѣ для него сохранились Эмиль, Англиса мать и малютка Англиса!

Проходили годы и финиковая пальма и священникъ жили вмѣстѣ—только одна становилась сильной, а другой слабѣлъ. Отецъ Антуанъ давно уже пережилъ полдень жизни. Дерево-же было молодо. Оно уже не стояло въ одинокомъ садикѣ, потому что вычурные каменные и кирпичные дома тѣснились около домика Антуана. Они съ насмѣшкой смотрѣли на скромную соломенную крышу. Городъ наступалъ на него, стараясь столкнуть его съ его клочка земли. Но Антуанъ цѣплялся за эту землю какъ лишай и отказывался продать ее. Спекуляторы предлагали ему груды золота, но онъ смѣялся надъ ними. Иногда ему приходилось голодать и ходить въ лохмотьяхъ, но онъ все-таки смѣялся.

— Отойди отъ меня, сатана! говорила улыбка стараго священника.

Отецъ Антуанъ былъ очень старъ, онъ едва ходилъ, но онъ могъ сидѣть подъ гибкими, ласковыми листьями своей пальмы, любя это дерево, какъ его любятъ арабы. Онъ сидѣлъ подъ этой пальмой, когда къ нему подкралась смерть; но даже и въ смерти отецъ Антуанъ остался вѣренъ своей любви.

«Владѣлецъ этой земли лишается ее, если онъ срубитъ финиковую пальму». И она до сихъ поръ стоитъ тутъ въ узкой, закоптѣлой улицѣ, прелестная, мечтательная чужестранка, красота которой радуетъ взоръ, благоуханіе наполняетъ воздухъ. Да изсохнетъ та рука, которая грубо прикоснется къ ней!

— Потому что она выросла изъ сердца маленькой Англисы, сказала миссъ Блондо нѣжно.

— **40-дневный постъ.** 26 іюля (7 августа) рѣшенъ вопросъ о возможности человѣку прожить безъ пищи 40 дней. Рѣшенъ онъ въ Нью-Іоркѣ врачемъ Таннеромъ. По словамъ Таннера, опытъ 40-дневнаго поста онъ предпринялъ въ видахъ служенія наукѣ, ради доказательства, съ одной стороны, того, какъ много заключается питательности въ водѣ, а съ другой, что въ человѣческомъ организмѣ кроется какая-то неизвѣстная еще современной наукѣ сила, которая способна, втеченіи извѣстнаго времени, поддерживать жизнь помимо возобновленія силъ принятіемъ пищи. Состоя врачемъ въ родномъ своемъ штатѣ, Минезотѣ, докторъ Таннеръ уже давно старался пропагандировать свою новую идею, какъ только могъ, и не стѣснялся высказывать свои на этотъ счетъ убѣжденія въ присутствіи американскихъ свѣтилъ медицинскаго факультета. Понятно, голословныя заявленія провинціальнаго доктора встрѣчались весьма недовѣрчиво, такъ что, наконецъ, докторъ Таннеръ вызвался доказать справедливость своей гипотезы на себѣ самомъ. Единственная любезность, которую онъ потребовалъ отъ своего опонента, доктора Гаммонда, который держалъ пари на 1,000 доларовъ въ томъ, что Таннеръ не проживетъ 40 дней безъ ѣды, состояла въ томъ, чтобы онъ и его сторонники отнеслись къ его опыту совершенно серьезно, организовали правильное медицинское наблюденіе за нимъ во все время его добровольнаго поста, чтобы впослѣдствіи не могло возникнуть ни малѣйшаго подозрѣнія въ его недобросовѣстности. Опытъ начался 28 іюня. Врачи приняли всѣ предосторожности, какія только возможны, для наблюденія за дѣйствительностію пощенія. Обыскали все платье Таннера, перетрясли постель, осмотрѣли комнату, чтобы не дать возможности скрыть какого-нибудь питательнаго вещества, и разъединили его со всѣмъ окружающимъ міромъ. Газеты и письма передавались доктору только послѣ самаго тщательнаго осмотра. Самое помѣщеніе доктора ограничено маленькою комнатой для удобства наблюденія. О всѣхъ его движеніяхъ и состояніяхъ велся подробный отчетъ въ книгѣ. Докторъ, уже пожилой человѣкъ, обладаетъ значительнымъ юморомъ и съ веселымъ настроеніемъ отдался тяжелому подвигу. Онъ здоровъ собой, съ румянымъ лицомъ, хотя уже и съ сѣдыми волосами. Первые четыре дня докторъ былъ бодръ и свѣжъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало, весело говорилъ и шутилъ со своими учеными наблюдателями и посѣтителями. Но на 5 и 6 день голодъ замѣтно сталъ заявлять о себѣ, и свѣтлые глаза его значительно потухли. Однакожь Таннеръ мужественно перенесъ страданія и только на 9-й день выпилъ немного воды. Съ этой поры до окончанія своего поста онъ ежедневно принималъ по нѣсколько унцій воды. Во все время опыта, до послѣднихъ дней, Таннеръ былъ веселъ, разговорчивъ, много ходилъ, катался верхомъ, но въ послѣдніе дни, когда его стала одолѣвать рвота, онъ больше лежалъ и долженъ былъ совсѣмъ отказаться отъ прогулокъ верхомъ. По окончаніи поста докторъ стремительно схватилъ персикъ и съѣлъ его, затѣмъ съѣлъ полбифстекта и нѣсколько ломтей арбуза; на слѣдующій день онъ поѣлъ очень плотно. До начала поста Таннеръ вѣсилъ $157^{1}/_{2}$ англійскихъ фунтовъ; по окончаніи вѣсъ его уменьшился до $120^{1}/_{2}$ фунта, слѣдовательно онъ потерялъ 37 фунтовъ.

— **Сестры милосердія.** 2 августа отправились въ среднюю Азію къ войскамъ ген. Скобелева нѣсколько сестеръ милосердія Крестовоздвиженской общины. Вмѣстѣ съ ними поѣхала графиня Елисавета Дмитріевна Милютина. Сестеръ сопровождаетъ докторъ Щербакъ, какъ уполномоченный отъ общества «Краснаго Креста».

— **Городскія училища.** Къ началу наступающаго года въ Петербургѣ открывается новыхъ начальныхъ городскихъ училищъ: для дѣвочекъ 9, для мальчиковъ 15.

— **Новая монета.** «Спб. Вѣд.» говорятъ, что рѣшена замѣна нашей нынѣшней мѣдной монеты размѣнною монетою изъ никеля.

— **Поддѣлка почтовыхъ марокъ.** Въ газету «Kurjer Warszawski» пишутъ, что въ послѣднее время часто повторяются случаи фабрикаціи фальшивыхъ русскихъ почтовыхъ марокъ. На-дняхъ въ Пруссіи, недалеко отъ границы Привислянскаго края, сразу задержано снова десять тысячъ русскихъ фальшивыхъ почтовыхъ марокъ, которыя конфискованы и отправлены въ Петербургъ. По свѣденіямъ, обнаруженнымъ слѣдствіемъ, оказалось, что поддѣлывателями и распространителями марокъ являются преимущественно евреи изъ Царства Польскаго и пограничной съ нимъ части Пруссіи.

— **Небывалой величины градъ.** Изъ новградволынскаго уѣзда (волынской губерніи) пишутъ въ «Недѣлю»: «15 іюля, въ 4 часа по-полудни, въ мѣстечкѣ Любарѣ выпалъ градъ до того крупный, что 80-лѣтніе старики не помнятъ такого: падали осколки льда величиною больше гусинаго яйца и лежали не таявши около двухъ часовъ. Градъ продолжалъ падать не больше пяти минутъ, но былъ до того стремителенъ и густъ, что поля были буквально бѣлыя словно снѣгомъ покрыты. Хлѣба, захваченные полосою града, совершенно уничтожены; особенно пострадали яровые: и незамѣтно на полѣ, чтобы былъ тамъ хлѣбъ—будто саранча съѣла и передъ вами разстилается чернымъ-черное поле, усѣянное мертвыми птицами и мышами. Убытки громадные: въ Любарѣ уничтожено одного крестьянскаго хлѣба среднимъ числомъ на 11,000 рублей; а были еще случаи умерщвленія и искалѣченія домашнихъ животныхъ. Одному крестьянину черезъ шапку градина раскроила голову до кости и онъ пролежалъ нѣсколько минутъ въ безпамятствѣ.

— **Протестантская секта въ нашемъ аристократическомъ мірѣ.** Въ великосвѣтскихъ кружкахъ, пишутъ въ «Церковно-общественномъ вѣстникѣ», много шуму надѣлало поступленіе родной сестры князя Д. въ члены одной протестантской секты, именующейся «апостольской» и главою которой считается инженеръ генералъ маіоръ фонъ-Эрдбергъ. Въ минувшую зиму проповѣдникомъ этой секты состоялъ нѣкто Дитманъ и княжна Д. сама развозила пригласительные билеты. На проповѣдяхъ присутствовало высшее аристократическое общество. Князья, графы, камергеры, флигель-адъютанты и свѣтскіе мундиры переполняли залу (въ Сергіевской ул.), въ которой читались проповѣди. Особенность ученія этой секты сводится къ тому, что, судя по всѣмъ признакамъ, уже близко пришествіе Христа, вѣчный судъ и конецъ міра, а потому цѣль общины и заключается въ томъ, чтобы приготовиться къ принятію Христа. Богослуженіе установлено въ строгомъ соотвѣтствіи съ существовавшимъ во времена апостольскія. Секта, по указанію святого Духа, имѣетъ избранныхъ пророковъ, учителей и т. д. Община эта имѣетъ большой успѣхъ въ аристократическомъ мірѣ. По словамъ «Новостей», она получила начало въ 1837 году въ мѣстечкѣ Вольбурнъ, въ Англіи. Тамъ, по разсказамъ, на 12 молившихся мужей снизошелъ святой духъ и они отправились по всему міру проповѣдывать покаяніе и пришествіе Христа. Различными вычисленіями и евангельскими предсказаніями они доказывали, что скоро на землю долженъ явиться Христосъ и что въ виду этого мы должны приготовиться къ принятію Его. Чтобы достигнуть этой цѣли, т. е. приготовить увѣровавшихъ, апостолы (такъ они сами назвали себя) раздѣлили весь міръ на 12 участковъ по числу апостоловъ. Затѣмъ каждый апостолъ избралъ себѣ помощника (коадьютора). Вездѣ, гдѣ находились вѣрующіе, образовался приходъ, во главѣ котораго становился ангелъ (откров. 3 гл. 1 ст.), вкупѣ съ 4 священниками, изъ которыхъ одинъ пастырь, заботящійся объ исцѣленіи души, одинъ евангелистъ, заботящійся объ увеличеніи числа вѣрующихъ, одинъ старѣйшій (älteste), охраняющій весь приходъ и одинъ—пророкъ, который по наитію св. Духа можетъ предсказывать будущее. Каждый вновь увѣровавшій получаетъ рукоположеніе апостола и запечатлѣніе. Каждое воскресенье всѣ прихожане причащаются. Спустя около 10 лѣтъ, ученіе это распространилось повсемѣстно; въ Лондонѣ образовалось семь приходовъ по 1,000 человѣкъ въ каждомъ; въ Берлинѣ пророки стали даже издавать свои ежемѣсячные журналы. Изъ Кенигсберга ученіе это перешло въ 1858 г. въ Ригу, Либаву, а оттуда въ 1870 г. въ Петербургъ. Здѣсь въ настоящее время апостольская община занимаетъ помѣщеніе по Сергіевской улицѣ, д. № 10 и совершаетъ ежедневныя богослуженія; въ воскресенье въ 10 ч., въ понедѣльникъ въ 9 ч. утра, во вторникъ въ 5 ч. вечера, въ среду и пятницу въ 9 ч. утра, въ четвергъ въ 6 ч. утра и въ субботу въ 5 ч. вечера.

Болѣе всего грустно то, что среди этихъ кощунствующихъ господъ—(иначе мы не можемъ назвать наименованіе ими себя ангелами, апостолами и пророками)—находятся учителя, имѣющіе всегда возможность повлiять на юношество и совратить его въ свою нелѣпую секту. Такъ господинъ Дитманъ-pѐre уже десятки лѣтъ состоитъ учителемъ географіи и исторіи въ нѣмецкой школѣ Св. Анны; Дитманъ-fils былъ да, кажется, и теперь состоитъ учителемъ въ гимназіяхъ. Хорошъ учитель географіи и исторіи, ожидающій не сегодня, такъ завтра конца міра и, въ качествѣ пророка, могущій предсказывать будущее. Когда юродствуютъ разные накутившіеся и пресытившіеся всѣмъ барыни и баричи—на нихъ можно только махнуть рукою; но когда въ юродствованіе могутъ затянуть подростающее поколѣніе, еще ищущее истины и правды,—тогда дѣло принимаетъ болѣе серьезный оборотъ.

— **Поѣздка за іорданской водой.** Изъ Мадрида пишутъ, что толедскій архіепископъ, какъ примасъ Испаніи, уже приглашенъ къ приготовленіямъ крестинъ ожидаемаго ребенка королевы Христины. По приказанію королевы испанскій консулъ въ Іерусалимѣ отправилъ посланца на Іорданъ, чтобы изъ этой рѣки почерпнуть воды, которая, будучи хорошо запечатана въ сосудѣ, перешлется въ Мадридъ, чтобы послужить при крестинахъ ребенка въ качествѣ святой воды.

— **Любителямъ гербарія.** Чтобы цвѣты сохранили свою натуральную свѣжесть, прежде чѣмъ сушить ихъ, надо на четверть часа опустить ихъ въ сосудъ, наполненный смѣсью изъ воды и обыкновеннаго спирта въ равномъ количествѣ каждаго.

— **Народное празднество въ Португаліи.** Въ будущемъ октябрѣ въ Лисабонѣ съ особенною торжественностью послѣдуетъ перенесеніе бренныхъ останковъ Камоэнса и Васко де-Гамы въ новый мавзолей, сооруженный въ костелѣ св. Маріи. Въ торжествѣ этомъ приметъ участіе флотъ, гдѣ на особомъ фрегатѣ повезется остатокъ корабля и шлюпка, на которыхъ совершалъ свои открытія знаменитый мореплаватель.

— **Подражаніе древней модѣ.** Въ послѣднее время, археологія много способствовала уясненію понятія о жизни обитателей древней Греціи и Рима. Археологическими открытіями не замедлила воспользоваться мода. Въ древней Греціи и Римѣ женщины носили красивые костюмы. Парижанки нѣсколько уклонившись отъ образца, стали подражать древнимъ модамъ. Онѣ носятъ теперь платья сильно декольтированныя и до того узкія, что буквально обтягиваютъ тѣло; платья обильно украшаются бантами и бантиками; притомъ модницы навѣшиваютъ на себя не мало бронзовыхъ бездѣлушекъ, будто бы найденныхъ при раскопахъ на Олимпѣ и въ Помпеѣ. Конечно, большинство этихъ бездѣлушекъ поддѣльныя, но и онѣ, какъ и настоящія, продаются по баснословно-дорогой цѣнѣ.

— **Высочайшія зданія въ мірѣ.** Въ г. Кельнѣ оконченъ постройкою высочайшій въ мірѣ кафедральный соборъ, центральная башня котораго достигаетъ высоты, отъ панели до креста 524 фут. 17 дюйм., высота внутри церкви, отъ поля до свода купола 513 фут. Кельнскому собору высотою уступаютъ самыя высочайшія зданія; соборъ св. Петра въ Римѣ имѣетъ только 469 фут. 1 дюймъ, пирамида Хеопса 449 фут. 5 дюйм., лондонскій соборъ св. Павла 365 ф. 1 дюм., парижскій соборъ Богоматери только 232 ф. 11 дюйм. Самое высочайшее зданіе въ Россіи достигаетъ вышины 332 фут. Это приходская церковь села Порѣчья, ростовскаго уѣзда, ярославской губерніи.

— **Музей прикладныхъ знаній.** Парижъ украсился еще однимъ грандіознымъ зданіемъ, въ которомъ помѣстится оставшійся послѣ извѣстнаго поэта Мюссе музей, подъ названіемъ «музея прикладныхъ знаній»; здѣсь будетъ сосредоточено все, что относится къ педагогіи и къ средствамъ для облегченія преподаванія.

— **Скрипка Бетховена.** Бетховенъ былъ особенно расположенъ къ одному изъ своихъ учениковъ, скрипачу Карлу Гольцу. Какъ-то разъ, выслушавъ игру Гольца, Бетховенъ пришелъ въ такой восторгъ, что подарилъ ему свою, какъ онъ выражался, завѣтную скрипку. Эта скрипка долгое время оставалась фамильнымъ сокровищемъ въ семьѣ Гольца. Многіе знатоки и любители предлагали за нее владѣльцу громадную цѣну, но Гольцъ не подвергался искушенію, не продавалъ своей драгоцѣнности. Недавно, однакожъ, эта скрипка попала въ лондонскую аукціонную залу. Покойный Гольцъ ничего не оставилъ послѣ своей смерти и существованіе его семьи было крайне не завидное, что и заставило его продать эту рѣдкость. Скрипка пріобрѣтена для лондонскаго музеума.

— **Верди.** Извѣстный композиторъ Верди, по пріѣздѣ въ Геную былъ встрѣченъ депутаціями отъ города и консерваторіи, которыя просили его согласія на сооруженіе ему статуи.

— Статуя, отвѣчалъ Верди, — служитъ наградой за пройденный нами путь, я еще не прошелъ его и потому не мнѣ цѣнить свои заслуги. Статуя, не скажу, чтобы была предвѣстникомъ того свѣта, но мнѣ хочется пожить и окончить свой трудъ.

— **Памятникъ времени первыхъ христіанскихъ проповѣдниковъ.** Въ Саксоніи, въ долинѣ Айленсбургъ, на холмѣ, гдѣ нѣкогда красовался знаменитый въ феодальное время замокъ Айленсбургъ, случайно найдена на довольно значительной глубинѣ, пещера со сводами и коридорами; здѣсь найдены сохранившіеся до сихъ поръ нѣсколько каменныхъ гробовъ съ человѣческими костями и различными остатками домашней утвари и церковныхъ украшеній и принадлежностей священнодѣйстія и требъ: кресты, чаши, нѣсколько сосудовъ, которые, судя по сохранившимся на нихъ изваяніямъ и надписямъ относятся ко времени первыхъ христіанъ въ эпоху римскихъ гоненій; здѣсь-же найдено нѣсколько надписей свидѣтельсвующихъ, что эта пещера или христіанскій склепъ былъ извѣстенъ св. Августину и что даже онъ былъ здѣсь и скрывался отъ преслѣдованій. Въ настоящее время идетъ дѣятельная работа по реставраціи этого склепа.

— **Убійство.** Въ газету «Кавказъ» пишутъ изъ Нухи: «12-го іюля на армянскомъ кладбищѣ въ самой Нухѣ найденъ убитымъ 16-лѣтній ученикъ мѣстнаго училища Арамъ Теръ-Товмасовъ. Простреленный насквозь юноша лежалъ распростертый ничкомъ на одной изъ могилъ. Платье было въ полномъ порядкѣ; все, что было при убитомъ, оказалось нетронутымъ. Огромный зарядъ пистолета разнесъ всѣ внутренности злополучнаго юноши. Сердце, оба легкія, нѣсколько позвонковъ представляли разорванную, исковерканную массу, и врачъ не колеблясь заключилъ, что смерть Теръ-Товмасова была моментальна. Въ тотъ-же вечеръ благодаря энергіи слѣдователя былъ разъисканъ, приведенъ и допрошенъ совершитель этого убійства. Это оказался другой такой-же 16-лѣтній юноша и такой-же ученикъ мѣстнаго училища, Александръ Назаретовъ. Онъ тотчасъ-же сознался въ преступленіи и разсказалъ все какъ было. Только въ нынѣшнемъ году Назаретовъ и Теръ-Товмасовъ окончили учиться. Они были друзьями въ школѣ, оставались друзьями по выходѣ изъ нея и были друзьями за нѣсколько минутъ до преступленія; въ качествѣ друзей отправились они вмѣстѣ гулять на армянское кладбище, откуда Теръ-Товмасову не суждено было вовсе возвратиться, а Назаретовъ возвратился убійцей. Сознавшись въ преступленіи, Назаретовъ объяснилъ, что, уговорившись идти вмѣстѣ съ Теръ-Товмасовымъ на кладбище, онъ, Назаретовъ, припасъ пистолетъ, который наканунѣ зарядилъ двумя пулями и нѣсколькими картечами. Пистолетъ былъ спрятанъ подъ черкеской. Едва дошли до кладбища, расположеннаго въ лѣсу, Назаретовъ пропустилъ Теръ-Товмасова мимо себя и выстрѣлилъ ему въ спину, затѣмъ побѣжалъ безъ оглядки домой. Назаретовъ заявилъ, что дѣйствовалъ такъ подъ вліяніемъ угрозъ третьяго лица. Это третье лицо имѣло личныя причины быть недовольнымъ Теръ-Товмасовымъ и, какъ разсказываютъ, имѣло даже причины желать избавиться отъ этого юноши. Это таинственное третье лицо уже привлечено къ дѣлу и заключено въ тюрьму. Это чиновникъ мѣстной телеграфной станціи и мѣстный житель М...».

— **Собаки и кошки, переносящія заразу.** Въ «Петерб. Газ.» пишутъ: За границей многими врачами было замѣчено, что во время господства какой-нибудь эпидемической болѣзни комнатныя собачки и кошки нерѣдко своею шерстью переносили заразу отъ больныхъ здоровымъ. Такъ, англійскіе врачи описывали случаи, гдѣ дѣти, играя съ кошками и съ собаками, которыя временами ложились на кровать скарлатиннаго или оспеннаго больного, вскорѣ заражались отъ нихъ этими болѣзнями. Что въ деревняхъ, гдѣ повально свирѣпствуетъ дифтеритъ, рогатый скотъ, гоняемый на водопой въ сосѣднюю деревню, можетъ своею шерстью заносить и въ эту деревню заразу дифтеритной жабы, — было подмѣчено нѣкоторыми изъ нашихъ русскихъ врачей, при дифтерической эпидеміи, свирѣпствующей у насъ въ настоящее время, и на это должно быть обращено вниманіе сельскаго начальства.

— **Выходящая изъ ряду плодовитость.** Докторъ Котуньо сообщаетъ, что одна женщина въ Палермо втеченіи 30-лѣтняго замужества родила 44 ребенка и притомъ только 5 изъ нихъ родились мертвыми. Въ Неаполѣ былъ подобный-же случай; тамъ одна женщина рожала 36 разъ и притомъ только въ первый разъ родила одного, а во всѣ остальные разы— двойней и, наконецъ, послѣдніе 36-е роды завершились тройнями. Замѣчателенъ также случай, разсказанный докторомъ Баруфальдомъ: женщина родила за одинъ разъ 5 дѣвочекъ; изъ нихъ у 3 были уже хорошо сформированы зубы. Д-ръ Эмиліани видѣлъ случай, гдѣ у женщины по причинѣ опухоли былъ вырѣзанъ одинъ яичникъ и все-таки черезъ годъ послѣ этой операціи она родила двойней. Д-ръ Фабри знаетъ такой-же случай, гдѣ женщина послѣ такой же операціи 3 года подъ-рядъ разрѣшалась двойнями.

* * *

Шахматный отдѣлъ.

Съ 4 по 11 число прошлаго іюля, въ Висбаденѣ, происходилъ большой шахматный турниръ, въ которомъ приняли участіе съѣхавшіеся изъ разныхъ городовъ Европы 16 игроковъ, все болѣе или менѣе извѣстныхъ въ шахматномъ мірѣ.

Каждый изъ конкурентовъ долженъ былъ сыграть съ каждымъ по одной партіи и, не смотря на короткій срокъ, програма турнира была выполнена въ точности: втеченіи 8 дней были сыграны всѣ 120 партій!

Результатъ турнира былъ слѣдующій: гг. Блакбурнъ, Энглишъ и Шварцъ выиграли изъ 15 по 11 партій каждый, и взяли назначенные побѣдителямъ 3 приза (1000 марокъ, 500 мар. и 250 мар.); но для того, чтобы успѣть принять участіе въ большомъ турнирѣ въ Брауншвейгѣ, который долженъ былъ начаться 17 іюля, они не играли между собою рѣшительныхъ партій, а раздѣлили призы поровну. Остальные игроки стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Масонъ ($9^1/_2$ партій), Бирдъ и Винаверъ (9), Минквицъ и Л. Паульсенъ (8), Шотлендеръ ($7^1/_2$), В. Паульсенъ и Веммерсъ (6) Фрицъ ($5^1/_2$), д-ръ Шведе (4), д-ръ Кнорре и д-ръ Шмидтъ (2). 6-го іюля г. Фрицъ, а 11 іюля г. Цукертортъ, дали сеансы игры не смотря на доску; первый велъ одновременно 10 партій, изъ нихъ только одну проигралъ, а 9 выигралъ; Цукертортъ велъ 12 одновременныхъ партій, изъ коихъ 8 выигралъ, 3 было ничьихъ и одна партія не была окончена; противниками Цукерторта были игроки болѣе сильные, чѣмъ противники г. Фрица. Партію по консультаціи, состоявшуюся 6 іюля, выиграли Цукертортъ и братья Паульсены, съ одной стороны, противъ Бирда, Блакбурна и Винавера съ другой.

ПАРТІЯ № 17.

Играна 3-го іюня (н. с.) 1880 г.—13-я партія матча.

Испанская партія.

Цукертортъ.	Розенталь.
Бѣлые	*Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. К g1—f3	2. К b8—c6
3. С f1—b5	3. К g8—f6
4. d2—d4	4. e5 : d4
5. 0—0	5. С f8—e7
6. e4—e5	6. К f6—e4
7. К f3 : d4	7. 0—0 *a*
8. К d4—f5 *b*	8. d7—d5
9. К f5 : e7 †	9. К c6 : e7
10. f2—f3	10. c7—c6
11. f3 : e4	11. Ф d8—b6 †
12. Кр g1—h1	12. Ф b6 : b5
13. К b1—c3	13. Ф b5—c5
14. С c1—g5 !	14. К e7—g6 *c*
15. e4 : d5	15. К g6 : e5
16. d5 : c6	16. Ф c5 : c6
17. Ф d1—e1	17. f7—f6
18. С g5—f4	18. К e5—g6
19. Л a1—d1	19. Л f8—e8
20. Ф e1—f2	20. С c8—e6
21. Л d1—d6	21. Ф c6—c4
22. Л d6—d4	22. Ф c5—c6
23. Л f1—d1	23. Ф c6—b6
24. К c3—a4	24. Ф b6—a5
25. b2—b3	25. Л a8—c8
26. c2—c4 *d*	26. b7—b5 ?
27. С f4—d2	27. Ф a5—c7
28. c4 : b5	28. Л e8—d8
29. С d2—c3	29. Л d8 : d4
30. Ф f2 : d4	30. К g6—f8
31. h2—h3 *e*	31. Ф c7—b7
32. Кр h1—g1	32. Ф b7 : b5
33. Ф d4 : a7 *f*	33. С e6—d7
34. Ф a7—d4	34. Ф b5—g5
35. К a4—b6	35. С d7—c6
36. Л d1—d2	36. Л c8—e8
37. Ф d4—c4 †	37. Кр g8—h8 *g*
38. Ф c4 : c6	38. Л e8—e1 †
39. Кр g1—h2	39. Ф g5—e3 *h*
40. К b6—d5	40. Ф e3—g1 †
41. Кр h2—g3	41. h7—h5
42. Ф c6—b6 !	42. h5—h4 †
43. Кр g3 : h4	43. Ф g1—h2
44. С c3 : f6 !	44. Л e1—e4 †
45. Кр h4—h5	45. Ф h2—g3 *i*
46. С f6 : g7 † !	46. Кр h8 : g7
47. Ф b6—f6 †	47. Кр g7—h7
48. Ф f6—f7 †	черные сдались.

Примѣчанія къ партіи:

a) Лучше играть 7... К c6 : d4; 8. Ф d1 : d4, К e4—c5.

b) Въ 7-й матчевой партіи Цукертортъ игралъ 8. Л f1—e1, что слабѣе.

c) Лучше, чѣмъ играть на выигрышъ пѣшки посредствомъ 14... d5 : e4; вотъ что послѣдовало-бы, какъ указалъ Цукертортъ: 15. К c3 : e4 Ф c5 : e5; 16 К e4—f6 †, g7 : f6!; 17. С g5 : f6, Ф e5—d5; 18. Ф d1—c1. Ф d5—h5; 19. С f6 : e7; партія бѣлыхъ лучше.

d) Слабый ходъ; черные могутъ брать пѣшку c4 слономъ.

e) Лучше было играть С c3—b4; теперь-же черные получаютъ атаку.

f) Этотъ ходъ нѣсколько компрометируетъ игру бѣлыхъ и черные получили-бы хорошую атаку, еслибы отвѣтили: 33... Ф b5—e2; 34. Л d1—e1!, Ф e2 : a2; 35. Л e1 : e6, Л c8 : c3! (но не К f8 : e6, тогда Ф a7—d7); 36. Л e6—c7, Л c3—g3.

g) Черные жертвуютъ фигуру, надѣясь на атаку, не ведущую впрочемъ къ цѣли; бѣлые однако должны были строго расчитать дальнѣйшую защиту, чтобы принять жертву.

h) Если Ф g5—f4 †, то 40. g2—g3, Ф f4—f1; 41. Ф c6—g2.

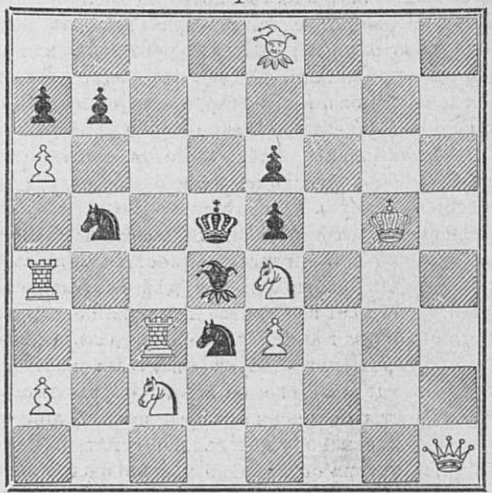
i) Послѣдняя попытка; черные угрожаютъ: Л f4—h4 †; С f6 : h4, g7—g6 †.

ЗАДАЧИ.

№ 45.

Е. Прадиньята (во Франціи.)

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія задачъ (въ № 25).

№ 40. Д. Кларка.

1. $\frac{\text{Ф a5—b4}}{\text{К f3 - d4}}$ 2. $\frac{\text{Ф b4—d6 †}}{\text{Кр e5 : f5}}$ 3. К d5—e3 ✕. Есть варіанты.

Рѣшили: *А. Меженинов*ъ, *Н. Пикачев*ъ. Задача имѣетъ, къ сожалѣнію, другое рѣшеніе, упущенное авторомъ: 1. К f5—e3, ∾; 2. Ф a5—c7 † и 3. Ф ✕. Прислали это рѣшеніе: *Н. Безпущенко*, *А. Сафонов*ъ, *Н. Даржан*ъ.

№ 41. Р. Брауна.

1. $\frac{\text{Кр e4—f3}}{\sim}$ 2. Ф или d4—d5 ✕

Рѣшили: тѣ же лица и *Н. Манухин*ъ.

ОТВѢТЫ.

А. С—ву (Тверь). Зазачи подъ №№ 27 и 33 имѣютъ только тѣ рѣшенія, которыя указаны нами. Найденныя же вами вторыя рѣшенія не «удобны»; найдите сами причину...

NB Рѣшенія задачъ, а также запросы, касающіяся шахматъ, покорнѣйше просимъ читателей всегда адресовать: въ контору редакціи «Жив. Об.», составителю шахматнаго отдѣла.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 31-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 2 августа въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 4 августа въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Листки изъ записной книги, стих. **Б. Левина.** —Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. **М. Ф. Каменской.** — Великая пѣвица, истор. пов. **Луизы Мюльбахъ**, перев. **А. Качоровской** —Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Изъ исторіи рабства въ древности, ст. **С. Терновскаго.**—Джонъ Брайтъ.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.
Рисунки: Русины, карт. **Стріовскаго.**—Кумушки.—На стойкѣ, ориг. рис. **Петра Соколова.**—Ex voto, карт. **Ю. Бютэна.**—Передъ крахомъ народнаго банка, карт. **Бокельмана.**—Выговоръ, карт. **Ш. Делора**.

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

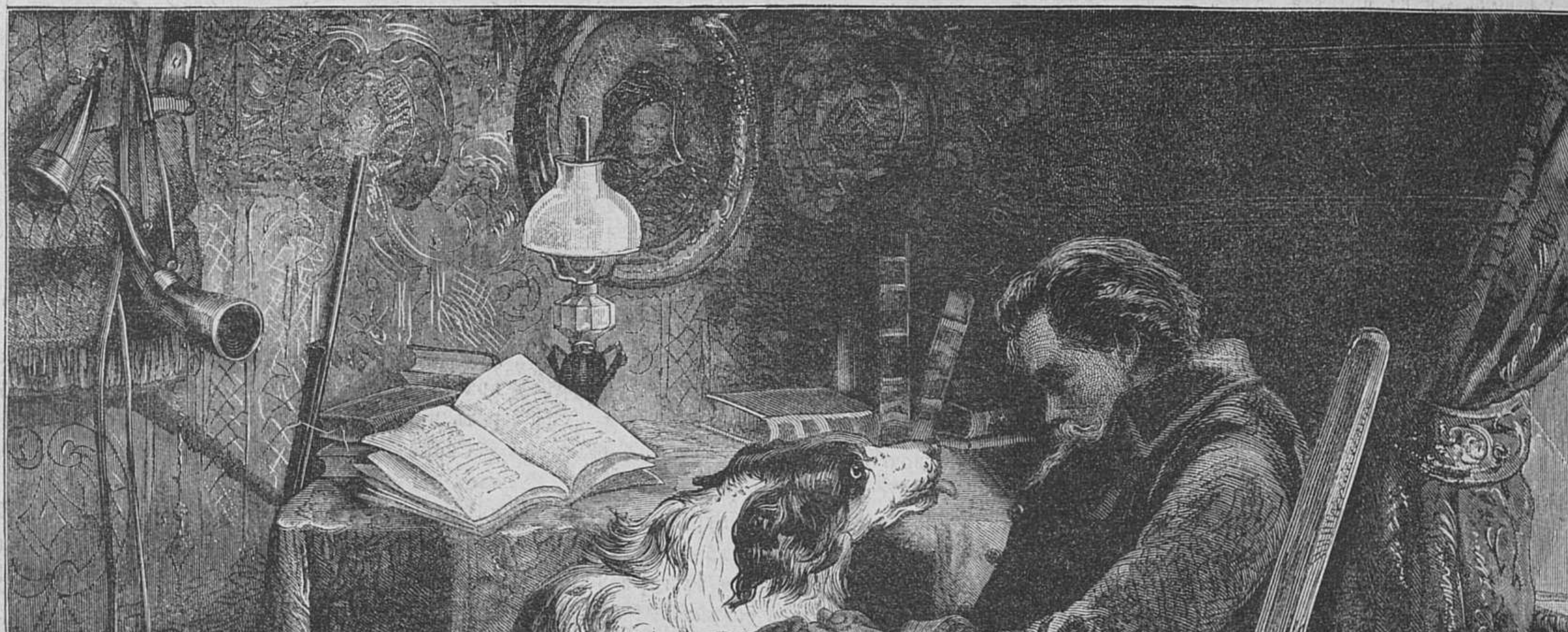
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 августа 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 33. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 16 Августа 1880 г.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КУЩЕВСКАГО.



Послѣдніе друзья.

Рѣзано на деревѣ въ Варшавѣ.

Жизнь честнаго человѣка.

Разсказъ **Владислава Сырокомли**. Переводъ **Омулевскаго**.

I.

Явнымъ продуктомъ законнаго брака
Лицъ изъ фамилій, оставившихъ слѣдъ
Въ дѣеписаньяхъ, изъ вѣчности мрака
Чадо мужское явилось на свѣтъ
И разревѣлось,—ужь сдѣлайте милость,
Плачутъ всѣ дѣти родясь, хоть и зря.
Ибо же осенью это случилось
(Даже втораго, никакъ, сентября),
То протопопъ и родные рѣшили
Дать ему имя Степанъ; а гостямъ
Пиръ на крестинахъ горой учинили...
Словомъ—какъ водится тамъ.

II.

Бывши младенцемъ, сосалъ онъ исправно,
Пилъ молоко мальчуганомъ; потомъ,
Выйдя изъ люльки, сталъ ползать забавно,
Послѣ на палочкѣ ѣздилъ верхомъ;
Дальше смѣшилъ онъ родныхъ болтовнею,
Домики строилъ изъ картъ, а отецъ
Гордо о немъ выражался порою:
«Это, мой сударь... не умъ, а шельмецъ!
Вонъ какъ на палкѣ гарцуетъ онъ славно!
Молвилъ словцо, такъ куда старикамъ!
Даже когда ушибется исправно...
Словомъ—какъ водится тамъ.»

III.

Послѣ отецъ поручилъ его школѣ,
Гдѣ придается шлифовка мозгамъ;
Тамъ научился онъ, память мозоля,
Чтенью, письму и различнымъ вещамъ:
Чтó, молъ, и кàкъ совершается въ мірѣ?
Гдѣ, молъ, порядокъ, а гдѣ, молъ, хаосъ?
Тамъ онъ познàлъ, щеголяя въ мундирѣ,
Чѣмъ отличается шалость отъ лозъ.
Выучивъ все, чтó наставники знали,
Онъ уже взрослымъ предсталъ старикамъ;
Тутъ лишь забавы его занимали...
Словомъ—какъ водится тамъ.

IV.

Умерли старцы. Поплакавъ, къ чужому
Люду присталъ онъ—и счастливъ теперь:
Всякаго любитъ и вѣритъ любому,
Настежъ открыта для всѣхъ его дверь;
Дѣлится съ каждымъ душей и мыслями,
Даже и клятву далъ въ церкви родной,
Что ужь ничто не остудитъ съ лѣтами
Этой любви въ немъ и вѣры святой.
Пылко влюбленный, теперь онъ охоту,
Въ честь ненаглядной, почуялъ къ стихамъ;
Добрымъ пріятелямъ не было счету...
Словомъ—какъ водится тамъ.

V.

Годомъ же позже, иль, можетъ, позднѣе
Онъ уже клянчилъ: «Прозрѣлъ я теперь!
Свѣтъ не сочувствуетъ братства идеѣ,
Онъ на любовь отвѣчаетъ, какъ звѣрь.
Будто бы женскую душу—пучину
Чистой любовью возможно зажечь!
Ей... полюбившей отъ скуки мужчину,
Надо себя ужь, конечно, беречь...
Кто бы ее ни повелъ къ аналою,
Съ каждымъ пойдетъ она весело въ храмъ!
Брезгуетъ сердце любовью такою...»
Словомъ—какъ водится тамъ.

VI.

Такъ и заглохла въ немъ вѣра святая
Въ дѣвичье сердце; теперь у него
Было одно утѣшенье: страдая,
Вѣрить въ друзей, подкрѣплявшихъ его.
Но, разувѣрясь и въ нихъ, какъ нарочно,
Вновь онъ заклянчилъ, послѣдній ужь разъ:
«О! если всѣ эгоисты вы точно,—
Значитъ, смѣшонъ я съ любовью межъ васъ.
Свѣтъ! берегись!... Подъ броней скептицизма,
Съ золотомъ въ горсти, я бой тебѣ дамъ!
Хватитъ съ тебя моего эгоизма...»
Словомъ—какъ водится тамъ.

VII.

Сердце, остывшее къ ближнему, гложетъ
Мукъ нестерпимыхъ незримый червякъ;
Но вѣдь не каждый героемъ быть можетъ,
Мучатся всѣ, но не мученикъ всякъ;
И не для всѣхъ возжигаетъ съ лѣтами
Сердце свѣтильникъ той вѣры святой,
Чтó, чудеса совершая надъ нами,
Учитъ насъ жертвамъ въ борьбѣ роковой.
Рѣдко встрѣчаются люди, чтó смѣло
Шли бы за насъ по терновымъ путямъ;
Разъ мы убиты—мы мертвое тѣло...
Словомъ—какъ водится тамъ.

VIII.

Такъ и герой нашъ, хотя со слезами,
Отжилъ навѣки для свѣтлыхъ идей.
Выбралъ жену онъ, сойдясь съ богачами,
Взялъ на придачу сто тысячъ за ней;
Часто осмѣивалъ прежнюю вѣру,
Жиромъ былую любовь заглушилъ,
Вкусно обѣдалъ и ужиналъ въ мѣру,
Спалъ превосходно и лакомо пилъ.
Богъ наградилъ его людной семьею;
Разъ онъ, задавши пирушку друзьямъ,
Выбранъ былъ ими уѣзднымъ судьею...
Словомъ—какъ водится тамъ.

IX.

Прожилъ онъ долго и нажилъ не мало;
Ну, а доживши до лѣтъ роковыхъ,
Умеръ, конечно,—и въ храмѣ сіяло
Многое множество свѣчъ восковыхъ.
Убрали гробъ, не скупясь на затрату,
Звонъ на весь городъ поэтому былъ
И протопопъ за извѣстную плату
Мертваго болѣе часу хвалилъ.
Послѣ людъ божій засыпалъ могилу,—
Можно и нынѣ найдти ее вамъ;
Каждый съ поминокъ уплелся насилу...
Словомъ—какъ водится тамъ.

X.

Дѣти съ вдовою немедленно сшили
Черныя платья съ значкомъ роковымъ;
Годъ они съ чѣмъ-то свой трауръ носили,—
Такъ ужь обычай предписывалъ имъ.
Выдержавъ срокъ, безутѣшная въ горѣ
Снова въ цвѣтное одѣлась семья;
Мать съ кѣмъ-то новымъ утѣшилась вскорѣ,
Искъ по наслѣдству ведутъ сыновья.
Кончивъ процесъ, и не вспомнятъ, пожалуй,
Милыя дѣти отца по годамъ;
Ну, а наслѣдство потянется далѣй...
Словомъ—какъ водится тамъ.

* * *

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской**.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава X.

Жизнь Лёло совершенно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ генерала поселился Петръ Петровичъ. Богъ знаетъ отчего съ появленіемъ его все ожило, все повеселѣло въ глазахъ Лёло. Старый домъ сталъ ей казаться свѣтлѣе, портреты глядѣли на нее ласковѣе, маменька Елизавета Никитишна не такъ пугала ее. Даже самъ Сергѣй Александровичъ сталъ какъ-то милѣе... Прежде она мужа никакъ не любила, при Петрѣ Петровичѣ она поняла, что генерала ей можно любить, какъ отца. Полюбила его такъ, и ей стало какъ-то легче, и ласки старика перестали поворачивать ей душу. Прежде Лёло никакъ не могла прибрать, какъ-бы ей звать мужа, а тутъ само-собой и имя генералу нашлось. Разъ, сидя подлѣ Петра Петровича и обращаясь съ чѣмъ-то къ генералу, у Лёло вдругъ сорвалось съ языка: «папочка!» И такъ ловко показалось Лёло это названіе, что Сергѣй Александровичъ такъ и остался папочка, да папочка!.. Прежде Лёло никогда не бывала на селѣ, иначе какъ проѣздомъ въ церковь. Кланялась мужикамъ изъ кареты или выходя изъ церкви, а говорить съ ними никогда не говорила. При Петрѣ Петровичѣ Лёло захотѣлось вдругъ побывать съ нимъ на селѣ, она выпросилась у Сергѣя Александровича,—пошла... И ей это такъ понравилось, что рѣдкое утро она не приставала къ генералу, чтобъ онъ отпустилъ ее съ Петромъ Петровичемъ.

— Папочка, пустите меня, мнѣ это очень полезно. Надо-же мнѣ учиться хозяйничать? просилась Лёло у мужа.

— Она хочетъ хозяйничать, дитяшка! Ну, посмотримъ! посмотримъ! говорилъ Сергѣй Александровичъ, таялъ и отпускалъ.

И Лёло весело уходила подъ руку съ Петромъ Петровичемъ въ деревню. Тамъ все было ново для Лёло, все занимало ее. Петръ Петровичъ останавливался говорить о дѣлѣ съ мужиками и Лёло вступала съ ними въ разговоръ. Петръ Петровичъ начиналъ играть съ ребятишками и Лёло начинала тормошить ихъ. Петръ Петровичъ осматривалъ больныхъ и давалъ имъ лѣкарства и Лёло со слезами на глазахъ помогала ему.

— Барыня, а вѣдь по настоящему лѣчить больныхъ ваше дѣло, сказалъ ей въ одно изъ такихъ путешествій по селу Петръ Петровичъ.

— Я-бы рада, да не умѣю... чуть не заплакавъ съ досады, отвѣтила ему Лёло.

— Я васъ буду учить, дамъ вамъ лѣчебникъ, аптека въ домѣ есть; право, примитесь-ка за дѣло, вы славный будете эскулапъ!

— Ахъ, какъ я буду счастлива, научите только, я готова!

— Молодецъ, барыня! Была-бы охота, а умѣнье будетъ. Теперь у васъ въ деревнѣ будутъ два врача: врачъ для женщинъ — вы... врачъ для мужчинъ—я... Да мы съ вами и умереть никому не дадимъ.

Скоро Лёло поняла своего учителя; наука далась ей въ руку. Магнезія, ревень, липовый цвѣтъ, пластыри, спускъ пошли въ ходъ. Лёло начала творить чудеса; каждое утро сходились къ ней больные и всѣ выздоравливали. Лёло блаженствовала.

— Папочка! папочка! кричала она, вбѣгая въ восторгѣ къ генералу.—Знаете-ли что? У Матрены была въ рукѣ заноза, рука вся вспухла— вотъ какая была! Я сама вынула занозу, приложила спускъ и рука зажила. Если-бы вы знали, какъ весело, когда лѣчишь и выздоравливаютъ.

— Ахъ! ты моя крошка, ты все шалишь у меня?.. Ну, теперь ты въ доктора играешь?.. Играй, играй, моя душка! Ну, и вылѣчила ты этой грязной Матренѣ руку?.. И весело тебѣ? Ну, лѣчи, лѣчи ихъ всѣхъ, сколько хочешь.. только не простудись, смотри, у меня! Ты все бѣгаешь по деревнѣ, теперь не лѣто: снѣгъ, морозъ, берегись, мой бутончикъ; Боже сохрани! захвораешь, такъ къ доктору доктора придется позвать! смѣясь своему «bon mot», сказалъ генералъ.

— Нѣтъ, папочка, мнѣ тепло, у меня шубейка и большіе сапоги есть, я не простужусь, весело отвѣтила Лёло, цѣлуя руку мужа.

Прежде Лёло умирала отъ бездѣйствія, со скуки нигдѣ не находила себѣ мѣста. При Петрѣ Петровичѣ ей недоставало дня для занятій. Она лѣчила, хозяйничала, читала, играла на фортепьяно, работала, болтала и звонкій хохотъ ея раздавался по всему дому.

— Благодарю васъ, Петръ Петровичъ! разъ вскочивъ изъ-за рояля, сказала Лёло, протягивая обѣ руки Котикову, который подошелъ къ ней.

— За что? за что это, Елена Михайловна? спросилъ Петръ Петровичъ.

— Все за рояль!

— Опять! Напрасно, мнѣ жаль того инструмента, онъ былъ очень хорошъ!

Лёло разразилась громкимъ хохотомъ.

— Вы колдунъ, Петръ Петровичъ...

— Я?.. Кого-же я околдовалъ?

— Всѣхъ!

— И васъ?..

— Про меня и говорить нечего, вы отняли у меня скуку... А то вся деревня, весь домъ отъ васъ безъ ума!

— И маменька, Елизавета Никитишна?

— Она и безъ васъ безъ ума, оттого она одна васъ и не любитъ.

— А можетъ быть, она умнѣе другихъ?

— Отчего?

— У нея нѣтъ ума, а есть инстинктъ...

— Что-же изъ этого?

— То, что Елизавета Никитишна меня чуетъ.

— Что-же она чуетъ?

— Что я мерзавецъ!

— Это еще что такое? опять расхохотавшись, спросила Лёло.

— Да вы не смѣйтесь... Объ этомъ плакать, а не смѣяться надо, что человѣкъ мерзавецъ. И я-бы плакалъ, да у меня слезничковъ нѣтъ.

— Отчего-же вы мерзавецъ?

— Теперь некогда. Иду за генерала крестить къ старостѣ, а вотъ въ свободную минуту скажу.

Въ тотъ-же день, послѣ обѣда, Лёло съ Петромъ Петровичемъ по обыкновенію пошла сидѣть въ кабинетъ Сергѣя Александровича. Лёло пріютилась въ уголокъ на патэ, противъ камина, Петръ Петровичъ подсѣлъ къ генералу. Начался разговоръ сперва о дѣлахъ, потомъ перешелъ незамѣтно на двѣнадцатый годъ и когда дѣло дошло до контузіи, генералъ смолкъ, притихъ и сладко задремалъ. Петръ Петровичъ посидѣлъ немного противъ него, потомъ всталъ, тихонько перешелъ по мягкому ковру къ камину, сѣлъ противъ Лёло на низенькомъ табуретѣ и молча началъ ворочать щипцами уголья.

— Отчего-же вы мерзавецъ? вдругъ шепотомъ спросила его Лёло.

— Вы вспомнили, извольте, я вамъ скажу, такъ-же тихо отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

— Я вамъ не вѣрю, но все-таки говорите!

— Пожалуй, не вѣрьте, а это такъ!

— Да отчего-же?

— Оттого, что мой девизъ: «своя рубашка ближе къ тѣлу». Оттого, что я постоянно хочу, чтобы прежде всего мнѣ было хорошо!

— Неправда! неправда! Вы забываете себя для другихъ; вспомните, какъ вы добры къ крестьянамъ! Дня не проходитъ, чтобы вы не дѣлали имъ добра.

— Такъ я развѣ это дѣлаю для нихъ, я это дѣлаю изъ эгоизма. Мнѣ спокойнѣе гладить мужика по головѣ, чѣмъ драться и ломать себѣ кулаки. Я берегу себя, вотъ и все!

— Софизмъ! Дай Богъ, чтобъ было побольше такихъ мерзавцевъ.

— Какой софизмъ, Елена Михайловна; я человѣкъ не современный, я фразъ не говорю.

— Ну, скажите, для чего вы успокоиваете Сергѣя Александровича, тоже изъ эгоизма?

— А изъ чего-же? Мнѣ пріятнѣе быть другомъ генерала, чѣмъ холопомъ, мнѣ пріятнѣе для уха, когда генералъ говоритъ мнѣ: «голубчикъ ты мой!.. сдѣлай милость!..» чѣмъ: «послушай-ка, братецъ! милый мой, поди вонъ!»

— Ну, а рояль вы мнѣ зачѣмъ выпросили у папочки?

— Опять рояль! Такъ неужели вы думаете, что я это сдѣлалъ для того, чтобы самъ было на чемъ играть? Я самъ люблю слушать музыку, вотъ отчего у васъ новый рояль!

— Неправда, неправда!..

— Опять неправда? Да вы вспомните только, какъ я вошелъ къ вамъ въ домъ, и вы сами скажете, что я мерзавецъ!

— И это не правда: тогда Сергѣй Александровичъ повелъ себя не хорошо съ вами, а вы вели себя очень просто и благородно.

— Да вы меня видѣли только одну минуту, а вы-бы послѣ посмотрѣли...

— Неправда, я видѣла васъ все время, проговорилась Лёло и покраснѣла.

— Все время... Правда, что и я видѣлъ за дверью чье-то бѣлое платье... Ну, и что-жь вы скажите: я рыцаремъ, что-ли, предсталъ передъ вами? Генералъ меня поманилъ однимъ пальцемъ и сказалъ: «поди сюда, братецъ!» а я поклонился и подошелъ. Генералъ мнѣ сказалъ: «подстриги эти пакли, братецъ!» а я поклонился и обстригся. А все изъ-за чего? Изъ-за того, что мнѣ хотѣлось лучше на всемъ на готовомъ получать три тысячи бумажками и жить бариномъ, чѣмъ есть колбасу съ калачемъ... Ну, и вышелъ мерзавецъ! А скажи-ка генералъ другому человѣку: «Обрѣжь, братецъ, эти пакли!» Онъ-бы тотчасъ сказалъ: «Милостивый государь! кто вамъ далъ право унижать меня? я бѣденъ, но честенъ! etc. etc.». Ну, разумѣется, что генералъ тотчасъ-бы позвалъ людей и благороднаго оратора вытолкали-бы въ шею... А я сподличалъ и остался, ну, и мерзавецъ.

— Вы все вздоръ говорите, я васъ и слушать не хочу, сказала Лёло и отвернулась отъ Петра Петровича.

— Нѣтъ, право! знаете-ли, что я еще не убѣжденъ въ томъ, что я когда-нибудь въ моей жизни не сдѣлаю какой-нибудь колосальной подлости для того, чтобъ мнѣ было хорошо... Это у меня въ крови, я еще ребенкомъ цѣловалъ холопамъ руки для того, чтобъ мнѣ было хорошо... для того, чтобъ они не драли меня за хохолъ...

— Бѣдный! Какъ они смѣли это дѣлать?..

— Отчего-же и не подрать мальчишку за хохолъ?

— Послушайте, Петръ Петровичъ! Вы желчны сегодня? Я васъ такимъ никогда не видала. Это оттого, что вы вспомнили старое? Вы были несчастливы? Разскажите мнѣ вашу жизнь!.. мнѣ хочется знать, что съ вами было прежде...

— Вамъ хочется знать мою біографію? Извольте... съ которыхъ поръ прикажете начать?

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы себя помните.

— А если я вамъ разскажу съ тѣхъ поръ, какъ я себя не помню?

— Все, все говорите, я все хочу знать! сказала Лёло, свернувшись еще вкуснѣе въ комочекъ на патэ.

— Ну, вотъ-съ: начинается разсказъ отъ Ивановыхъ проказъ... Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ православномъ государствѣ, жилъ князь Петръ Угаринъ съ сестрою своею княгинею...

— Черново-Свѣтинской! перебила Лёло.

— Съ ней самой и есть! отвѣтилъ Петръ Петровичъ.—Ну-съ, у княгини были дѣти, у дѣтей была мамзель француженка... Какъ это тамъ случилось, не знаю... только мамзель вдругъ начала толстѣть .. княгиня замѣтила, что мамзель толстѣетъ, взяла да и прогнала мамзель. Мамзель изъ деревни княгини отправилась съ лакеемъ князя Петра въ Москву; въ Москвѣ мамзель похудѣла, а въ домѣ князя запищалъ полу-французъ, полу-князь. Мамзели дали денегъ, она обрадовалась и уѣхала въ Парижъ. А пискуна назвали Петромъ въ честь князя; окрестили, да и отвезли куда слѣдуетъ, т. е. въ воспитательный домъ. Тамъ этому Петру привили оспу и отправили въ деревню. Въ деревнѣ онъ, должно быть, прежде сосалъ, а потомъ гонялъ хворостиною коровъ, ѣздилъ на лошади, когда тятька, мамкинъ мужъ, пахалъ или боронилъ землю. Лѣтъ десяти Петръ ужь ходилъ съ мамкой на поле жать и одинъ разъ на мѣсто ржи чуть не отрѣзалъ себѣ пальцы.

Котиковъ смолкъ на минуту и показалъ Лёло руку, на которой былъ большой шрамъ. Лёло взяла ее, крѣпко сжала и рука осталась въ рукѣ. Петръ Петровичъ тихо продолжалъ свой разсказъ.

— Во время одного изъ такихъ пріятныхъ занятій съ тятькой, пришелъ на поле высокій человѣкъ въ бѣломъ галстукѣ, поцѣловалъ Петра, сказалъ ему, что онъ его крестный отецъ и повелъ его за руку; мамка съ мужемъ шла сзади и громко выла. Петру стало жаль мамку и онъ завылъ тоже. Всѣ пришли въ избу, Петра умыли, надѣли на него бѣлые панталоны съ золотыми лампасами и гусарскую красную куртку; онъ было началъ улыбаться, но мамка все выла и онъ завылъ опять.

Петръ Петровичъ перевелъ духъ. Лёло пожала ему руку.

— Ну-съ, такъ съ воемъ Петра посадили въ бричку и увезли. Ѣхали, ѣхали долго и пріѣхали къ богатому дому. Въ богатомъ домѣ Петра опять умыли и привели къ полному, важному барину...

— Васъ привезли къ отцу? спросила Лёло.

— Да!

— Что-же онъ? говорите, говорите! простите, что я перебила васъ... да не называйте себя Петромъ, въ этомъ словѣ какая-то желчь... а мнѣ это больно, сказала Лёло.

— Ну, будемъ говорить безъ желчи. Вотъ-съ привели меня къ князю, онъ поцѣловалъ меня. Камердинеръ Василій, мой крестный отецъ, научилъ меня поцѣловать князю руку. Князь велѣлъ принести конфектъ, я сталъ жадно ѣсть, князь захохоталъ.

— А вѣдь красивая бестія будетъ! сказалъ князь, показывая на меня.

— Да-съ, они очень красивы будутъ, ваше сіятельство, отвѣтилъ камердинеръ.

— А находишь ты, что онъ похожъ на нее?

— Они очень похожи-съ на Розу Карловну...

— Французъ, шельма! проговорилъ князь и далъ мнѣ порядочнаго подзатыльника.—Ну, спасибо тебѣ, Василій, что ты мнѣ объ немъ напомнилъ, я его теперь не оставлю.

Такъ я поселился въ домѣ князя. При князѣ меня всѣ ласкали: княгиня Свѣтинская при братѣ говорила мнѣ: «приди ко мнѣ, моя прелесть!» а безъ брата: «поди, мальчикъ, вонъ!» Люди при князѣ говорили мнѣ: «батюшка Петръ Петровичъ, пожалуйте ручку поцѣловать-съ!» а безъ князя не проходили, чтобъ не рвануть меня за волосы, приговаривая: «французъ! непѣтый! знаешь, какъ куръ щиплютъ?..» а такъ какъ князь проводилъ всю жизнь на охотѣ, то мнѣ чаще показывали, какъ куръ щиплютъ, чѣмъ ласкали. Тутъ-то я и началъ подличать...

— Это ужасно! бѣдный! вздохнувъ прошептала Лёло и потянула за руку Петра Петровича; онъ пересѣлъ съ табурета подлѣ нея на патэ.—Говорите, говорите! сказала Лёло, отирая рукой выкатившіяся слезы. Котиковъ отнялъ руку отъ глазъ, тихо поцѣловалъ ее и опять рука осталась въ рукѣ.

— Ну-съ, въ двѣнадцать лѣтъ мнѣ наняли гувернера. Гувернеръ не столько училъ меня, сколько бѣгалъ со мной по селу, заходилъ во всѣ избы, ѣлъ самъ всякую всячину и я тоже. Вечеромъ я дѣлался боленъ, гувернеръ давалъ мнѣ ревеню, къ утру я выздоравливалъ и опять отправлялся съ нимъ путешествовать по избамъ. На селѣ часто встрѣчались намъ деревенскія дѣвки, гувернеръ цѣловалъ ихъ и я цѣловалъ тоже... прежде я цѣловалъ ихъ при гувернерѣ, въ четырнадцать лѣтъ я ужь началъ цѣловать ихъ безъ гувернера. Въ одинъ прекрасный день въ этомъ миломъ занятіи я попался князю. Дѣвченку, которую я цѣловалъ, говорятъ, любилъ цѣловать и князь... Вѣроятно, по этой причинѣ меня высѣкли и отправили въ Москву, въ гимназію. Изъ гимназіи я перешелъ въ университетъ. Учился я хорошо, князь зналъ это и изъ деревни летѣли ко мнѣ страховыя письма съ деньгами. Но писалъ ко мнѣ не князь, а мой крестный отецъ, камердинеръ. Письма были короткія, но пріятныя, я ихъ помню наизустъ: «батюшка, Петръ Петровичъ, писалъ мнѣ крестный отецъ;—его сіятельство, князь Петръ Дмитріевичъ, вами очень доволенъ, они посылаютъ вамъ...» тутъ слѣдуетъ цифра, а цифры были очень круглыя; на нихъ я леталъ на лихачахъ по Москвѣ, разъѣзжалъ по театрамъ, ужиналъ въ ресторанахъ и дарилъ швейку на Кузнецкомъ мосту... Вдругъ не стало ни повѣстокъ, ни писемъ; какъ усердно ни писалъ я князю о своей мудрости, все изъ деревни ни слова. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, нечаянно попалась мнѣ въ руки «Сѣверная Пчела», а въ ней некрологъ; я прочелъ и узналъ, что князь Петръ Дмитріевичъ Угаринъ волею Божіею помре. Я повязалъ крепъ на рукавъ мундира, сѣлъ и написалъ письмо къ тетушкѣ моей княгинѣ Евгеніи Дмитріевнѣ Черново-Свѣтинской. Въ письмѣ моемъ я сожалѣлъ о нашей общей потерѣ, тонкимъ маперомъ справлялся о томъ, что я могу ожидать послѣ покойнаго моего родителя и, наконецъ, просилъ княгиню не оставить своими милостями сироту-племянника. Не мерзавецъ-ли?..

— Неправда! Вы поступили очень натурально, какъ всякій молодой человѣкъ поступилъ бы на вашемъ мѣстѣ. Что-жь княгиня?

— Княгиня мнѣ отвѣчала очень лаконически и понятно: чтобы я не смѣлъ никогда называть ее теткой; что, умирая, братъ ея, князь Угаринъ обо мнѣ ей ничего не наказывалъ, а въ духовной его обо мнѣ тоже ничего не сказано, и потому я надѣяться ни на какое пособіе не долженъ, и кончила тѣмъ, что впредь письма мои въ ея домѣ приниматься не будутъ.

— Какая скверная женщина! прошептала Лёло.

— Отчего-же скверная?.. она княгиня Черново-Свѣтинская и больше ничего... И такъ-съ я вдругъ остался безъ отца-князя, безъ его денегъ, безъ тетки-княгини и съ собственными моими долгами.

— Это ужасно! перебила Лёло.—Какъ-же вы вышли изъ этого страшнаго положенія?

— Долговъ, разумѣется, не заплатилъ, сталъ гранить мостовую, кланяться, учить ребятъ, ѣсть колбасу съ калочемъ и понялъ, что лучше, когда хорошо.

— И все-таки вы не мерзавецъ! тихо сказала Лёло и опять слезы навернулись на ея глазахъ.

— И все-таки я мерзавецъ! настойчиво повторилъ Котиковъ.

— Не говорите этого, я не хочу! прошептала Лёло, зажимая рукой ротъ Петру Петровичу. Онъ крѣпко прижалъ ея руку къ губамъ.

— Вотъ и эту ручку я цѣлую, какъ мерзавецъ! проговорилъ Петръ Петровичъ, продолжая цѣловать руку.

— Такъ не цѣлуйте-же! почти вскрикнула Лёло и выдернула руку.

Генералъ потянулся и громко зѣвнулъ. Котиковъ проворно вскочилъ съ мѣста и подошелъ къ окну.

— Лунная ночь какая! съ просонокъ проговорилъ генералъ.

— Да-съ, ваше превосходительство, ночь чудная! Дорога, какъ полотно, сказалъ Петръ Петровичъ, глядя въ окно.

— Да ты ужь не хочешь-ли куда-нибудь ѣхать, голубчикъ мой?

— Некуда-съ, а жаль, ночь дивная, прокатиться бы хорошо... развѣ «милку» велѣть запречь, она застоялась, говорятъ.

— Ну, поѣзжай, голубчикъ мой, если тебѣ не лѣнь...

— Папочка, пустите меня покататься съ Петромъ Петровичемъ, я такъ давно не ѣздила въ саняхъ?

— Ну, что ты выдумала, дитя! Вечеромъ, я боюсь, ну, какъ «милка» понесетъ?

— Со мной не безпокойтесь, ваше превосходительство, я славно правлю, да и «милка» никогда не заноситъ.

— Пустите, пустите, папочка, пожалуйста! начала просить Лёло.

— Ну, поѣзжай, пожалуй. Только сани-то, голубчикъ мой, вели потяжелѣе запречь... а ты, Лёлечикъ, закутайся хорошенько!

— Я закутаюсь, папочка, сказала Лёло, покраснѣвъ отъ радости, и бросилась цѣловать руку старика.

— Ну, ну, Господь съ тобой, поѣзжай, только вы потише! потише! кричалъ генералъ вслѣдъ Лёло и Петру Петровичу, которые выбѣжали изъ кабинета.

— Я ѣду только для того, что не хочу разстаться съ вами посорившись, сказала Лёло, остановившись на минуту въ залѣ.

— А я выпросилъ васъ у генерала для того, чтобы помириться съ вами, проговорилъ Котиковъ и, пожавъ руку Лёло, пошелъ въ конюшню.

Лёло побѣжала одѣваться въ свою комнату. Черезъ десять минутъ у крыльца, намѣсто тяжелыхъ саней, стояли легкія бѣговыя сани, старый кучеръ держалъ подъ узцы «милку», которая рыла отъ нетерпѣнія копытомъ снѣгъ. На крыльцѣ Петръ Петровичъ въ тулупѣ и бараньей шапкѣ, стоя подлѣ Лёло, заботливо укутывалъ ее въ соболью шубку.

— И вы эгоистъ?.. съ упрекомъ шептала ему Лёло.

— Больные дурнѣютъ! съ улыбкой отвѣтилъ ей Котиковъ.

— Злой! вскрикнула Лёло, сбѣжала съ лѣстницы и вскочила въ сани,—лошадь рванулась.

— Тише, тише, барыня! мнѣ этакъ съ двумя «милками» не сладить, проговорилъ Петръ Петровичъ, садясь на облучекъ и забирая возжи.—Держитесь, барыня! пускай! крикнулъ Котиковъ и сани стрѣлой вылетѣли за ворота.

Лёло притихла, воздухъ прерывалъ ей дыханіе... Петръ Петровичъ правилъ молодцомъ, изрѣдка оборачиваясь и спрашивая Лёло:

— Хорошо вамъ, барыня?

— Хорошо! отвѣчала Лёло и опять смолкала.

На дворѣ было свѣтло, какъ день. Долго неслись они въ морозной пыли по гладкой большой дорогѣ. Наконецъ «милка» вся взмылилась, начала храпѣть и пошла легкой рысцей.

— Тпрру! тпрру!.. сказалъ Петръ Петровичъ, останавливая лошадь.

— Что вы дѣлаете? спросила Лёло.

— Я хочу пересѣсть...

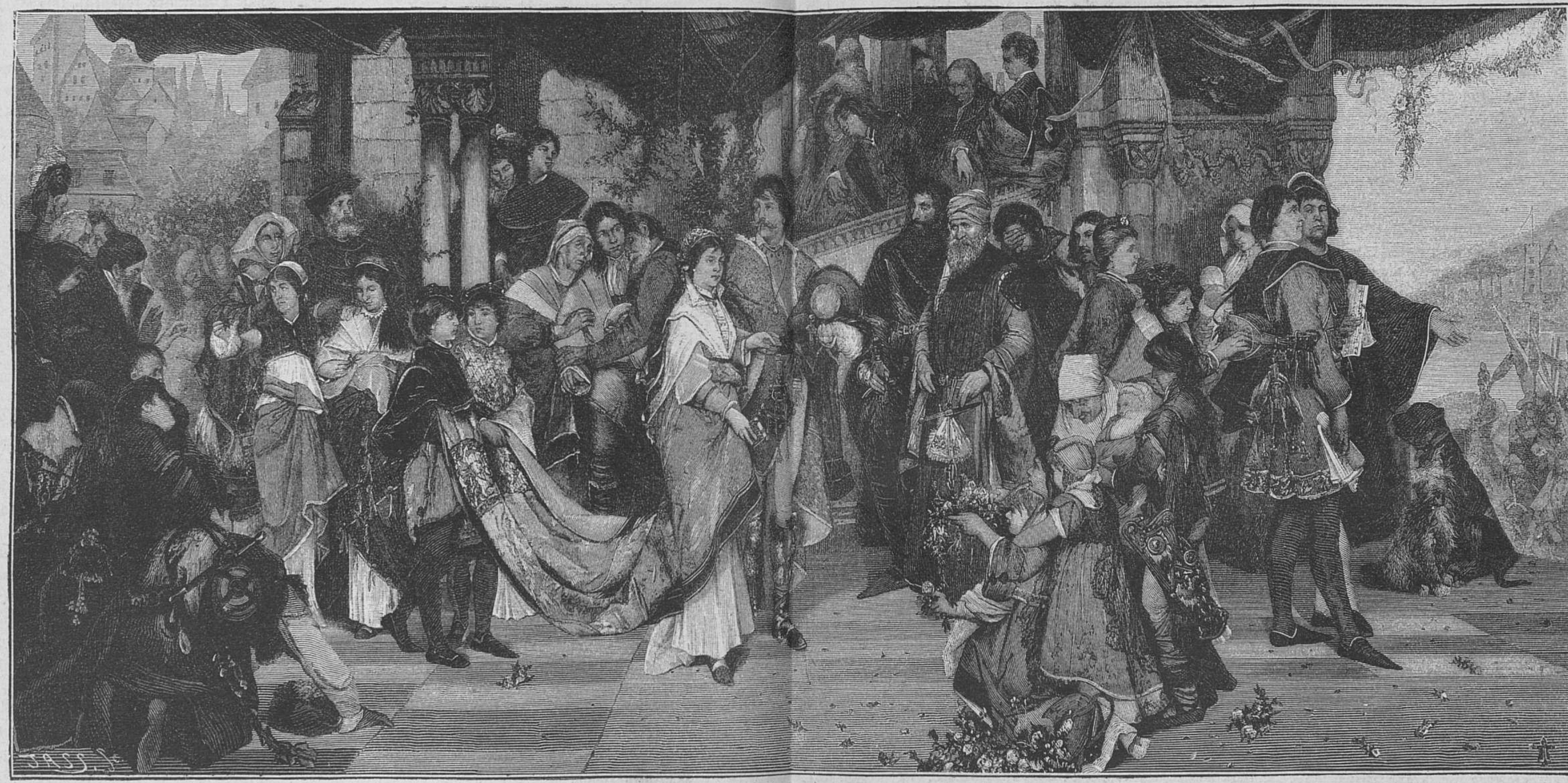
— Ко мнѣ?

— Къ вамъ, теперь можно, «милка» не понесетъ больше.

— Садитесь скорѣй! улыбаясь, сказала Лёло, давая мѣсто Петру Петровичу.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БРОЗИКА.



Торжественная свадебная процессія Дагмары съ Вольдемаромъ въ Даніи.

Рѣзано на деревѣ въ Прагѣ.

— Вы свалитесь, барыня... Мнѣ ловко, подвиньтесь ко мнѣ, я васъ буду держать, теперь можно править одной рукой; мы поѣдемъ шагомъ, проговорилъ Котиковъ, охватывая Лёло рукой.—Ну, хорошо вамъ?

— Хорошо! отвѣчала тихо Лёло.

Петръ Петровичъ тронулъ лошадь и она пошла шагомъ.

— Ну, теперь, барыня, давайте мириться!

— Давайте, Петръ Петровичъ.

— Не называйте меня Петромъ Петровичемъ, въ этомъ слышна какая-то желчь...

Лёло громко захохотала.

— Какъ-же безъ желчи?

— Ну, хоть-бы Петя!

— Петя? Ну, пожалуй... Давайте мириться, Петя!

— Не говорите мнѣ «давайте», въ этомъ тоже слышна какая-то желчь!..

— Какъ-же?.. продолжая смѣяться, спросила Лёло.

— Къ Петѣ «те» нейдетъ... Надо сказать: Петя, давай мириться!

— Ну, Петя, давай мириться!.. проговорила Лёло.—Вы не будете никогда говорить, что вы мерзавецъ? тогда я помирюсь...

— Не говорите мнѣ вы и въ этомъ слышна какая-то желчь.

— Да какъ-же?..

— Ты!

— Ну, пожалуй, Петя, ты не будешь называть себя мерзавцемъ?

— А если я хочу убѣдить васъ въ этомъ, что я мерзавецъ?

— Попробуй! прошептала Лёло.

— Изволь, вотъ! проговорилъ Петръ Петровичъ и прильнулъ къ розовымъ губамъ Лёло.

— Ахъ! что это вы? вскрикнула Лёло.

— Не говори мнѣ вы! сказалъ Котиковъ; снова раздался поцѣлуй и головка Лёло упала къ нему на плечо.

— Ну, ты вѣришь теперь, что я мерзавецъ? наклонившись къ Лёло, спросилъ Петръ Петровичъ.

— Не вѣрю! твердо отвѣтила Лёло.

— Не вѣришь, такъ повѣрь! проговорилъ Петръ Петровичъ и задушилъ Лёло поцѣлуями.

— Ты любишь меня, Петя? прошептала Лёло.

— Люблю, моя Лёло!.. и люблю для себя!.. скажи, что я мерзавецъ!

— Я не хочу сказать этого!

— Скажи! скажи! между поцѣлуями твердилъ Петръ Петровичъ.

— Ну, мерзавецъ! а я все-таки люблю тебя.

— Молодецъ, барыня! крикнулъ Петръ Петровичъ, перелѣзъ на облучекъ, подобралъ возжи, гикнулъ и лошадь стрѣлой понеслась къ дому.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Глава III.

О томъ, какъ умеръ капитанъ Тенаръ де-Марби.

Оливье де-Мейранъ, уведя капитана послѣ его неожиданнаго нападенія на судью, не сталъ тратить времени на упреки, что тотъ не сдержалъ своего обѣщанія.

Оливье зналъ отъ Элизы, что перенесъ этотъ несчастный солдатъ со времени своей женитьбы. Онъ самъ, Оливье, вѣря злымъ языкамъ, считалъ одно время Илера де-Марби человѣкомъ худшаго сорта, живущимъ подъ башмакомъ своей жены; честолюбцемъ, спекулирующимъ ея прелестями и пороками. Между тѣмъ бѣдняга былъ только одураченною жертвою недостойной женщины, искавшей въ развратѣ удовлетворенія своихъ пороковъ, своего кокетства и тщеславія.

Оливье ясно понималъ теперь, что, при видѣ сообщника этой женщины, ея совѣтника и руководителя въ позорѣ, кровь честнаго солдата закипѣла и онъ вышелъ изъ себя; онъ не думалъ болѣе о борьбѣ съ противникомъ: ненависть омрачила его разсудокъ; грубый инстинктъ увлекъ дальше, чѣмъ онъ хотѣлъ, кто не сдѣлалъ бы того-же на его мѣстѣ?

Капитанъ нисколько не раскаявался въ своемъ поступкѣ. Сидя въ каретѣ, быстро катившейся по улицамъ, онъ говорилъ:

— О! если бы его не вырвали у меня, я разщипалъ бы его на корпію... но онъ не уйдетъ отъ меня... ни онъ, ни она... Клянусь, они узнаютъ, что значитъ посягать на честь фамиліи де-Марби!

И онъ съ яростью скрежеталъ зубами.

Вѣроятно, его разстроенное воображеніе рисовало ему картины разврата, въ которыхъ женщина, носившая его имя, переходила изъ рукъ въ руки отъ одного любовника къ другому. Ей было все равно, молодъ онъ или старъ, она продавала свои ласки, а онъ, ея мужъ, жилъ, по мнѣнію всѣхъ, на счетъ этого позорнаго торга! Но какъ должны быть ничтожны тѣ люди, которые принимали его приглашенія, зная изъ какихъ источниковъ оплачивалась роскошь, которую они находили въ его домѣ!

За пароксизмами ярости слѣдовали припадки слабости, во время которыхъ бѣдняга, подавленный горемъ и стыдомъ, рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Боже мой! Боже мой! За что такое несчастье! Дожить почти до шестидесяти лѣтъ, не сдѣлать ни одного безчестнаго поступка—и къ чему придти!

Онъ стоналъ отъ горя и отчаянія.

— Кончена моя жизнь! восклицалъ онъ.—Но, по крайней мѣрѣ, я не умру, не возстановивъ своей чести.

— Да, капитанъ, вы должны не возстановить свою честь, а доказать всѣмъ, что вы никогда не теряли право на общее уваженіе, сказалъ ему Оливье.

— Вѣдь это еще возможно? Не правда ли?

— О, конечно! но только вы дурно начали.

Капитанъ поднялъ свои выпуклые, заплаканные глаза и устремилъ на молодого человѣка удивленный взглядъ.

— Какъ дурно началъ?

— Да, слѣдовало бы сдержать себя.

— Съ кѣмъ? Съ этимъ негодяемъ? Но развѣ я могъ? Не вы ли сами объяснили мнѣ, какой онъ подлецъ?

— Я слишкомъ хорошо понимаю ваше горе, вашу обиду, чтобы не понимать увлекшаго васъ порыва негодованія... Но мы явились къ нему, чтобы потребовать удовлетворенія, чтобы отмстить ему приличнымъ образомъ.

— Да развѣ такіе люди дерутся.

— Все же надо было испытать и тогда справедливость была бы на вашей сторонѣ.

— Она и теперь на моей сторонѣ.

— Вы ошибаетесь. Разъ вы начали съ кулаковъ, онъ уже не обязанъ драться съ вами; вы прибили его, вы хотѣли расправиться съ нимъ по своему, и теперь это уже не дѣло чести, а дѣло суда.

— Да развѣ съ подобными людьми возможны дѣла чести?

— Послушайте, капитанъ, вѣдь вы вѣрите моей дружбѣ?

Де-Марби схватилъ его руку и съ чувствомъ пожалъ ее.

— О да, вскричалъ онъ съ волненіемъ,— вѣрю и сознаю, что не заслужилъ ее. Вы другъ въ несчастіи, а это рѣдкость.

— Это потому, что вы жертва обмана. Выслушайте меня. Все это приметъ теперь совсѣмъ новый оборотъ,—оборотъ важный и опасный для насъ.

— Какимъ образомъ?

— Позвольте высказать вамъ все. Это не я говорю: я только объясняю положеніе дѣла, какъ его постараются представить эти негодяи.

— Говорите, я слушаю.

— Послѣ того, что произошло, васъ будетъ преслѣдовать полиція. Вы совершили покушеніе на убійство; вы явились къ президенту Матье де-Тальи съ намѣреніемъ убить его и васъ сопровождалъ человѣкъ, изъявлявшій готовность помогать вамъ... Не протестуйте, это они такъ скажутъ. Вы увидите, все это будетъ отпечатано въ завтрашнихъ газетахъ.

— Но скажутъ-же, почему все это произошло.

Маркизъ горько улыбнулся.

— Я долженъ огорчить васъ, капитанъ. Скажутъ вотъ что́—и, замѣтьте, что логика за нихъ: жена ваша, не выдержавъ долѣе той жизни, которую вы заставляли ее вести для вашей выгоды; не желая болѣе расплачиваться своей персоной за вашу удачную карьеру, наконецъ возмутилась; она забрала изъ вашего дома всѣ свои вещи и ушла. Тогда вы рѣшились отмстить человѣку, по совѣту котораго она это сдѣлала—достойному, благородному Матье де-Тальи, который принялъ ваши жалобы съ холоднымъ презрѣніемъ и едва не поплатился за это жизнью.

Капитанъ смотрѣлъ на маркиза телячьими глазами, разинувъ ротъ и отвѣсивъ губу. Минутъ двадцать онъ не могъ выговорить ни слова.

— Нѣтъ, это невозможно! вскричалъ онъ наконецъ.—Такой гнусной лжи нельзя сказать.

— Скажутъ гораздо болѣе. Я полагаю, что въ эту минуту ваша жена находится у него и внушаетъ ему, какъ нужно дѣйствовать; полиція уже на ногахъ. Ваша жена укажетъ, гдѣ насъ слѣдуетъ искать—васъ, меня и Элизу,—и самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, капитанъ, это спастись бѣгствомъ.

— Бѣжать! мнѣ! никогда!

— Нужно, капитанъ; намъ будетъ удобнѣе дѣйствовать, находясь въ безопасномъ мѣстѣ. Или вы хотите погубить всѣхъ насъ, не достигнувъ желаемаго удовлетворенія?

— Я не хочу бѣжать, я хочу мстить.

— Послушайте, я васъ отвезу теперь въ безопасное мѣсто, гдѣ васъ никто не найдетъ, а вечеромъ я приду къ вамъ. Посмотримъ, что сегодня произойдетъ, и тогда рѣшимъ, что намъ дѣлать.

— Я готовъ васъ слушаться, но бѣжать я не согласенъ.

— Вечеромъ мы узнаемъ, послали-ли они что-нибудь въ газеты и какъ они повернули это дѣло. Тогда и мы начнемъ дѣйствовать.

— Хорошо, я согласенъ.

Оливье отвезъ капитана къ своему другу, виконту де-Шапе. Хозяина не было дома, но маркизъ распоряжался у него, какъ дома, и съ удобствомъ помѣстилъ капитана. Старый рубака понялъ наконецъ всю серьезность положенія дѣлъ и сказалъ, что онъ будетъ писать письма въ ожиданіи возвращенія маркиза.

Онъ усѣлся за письменный столъ и къ услугамъ его явился слуга.

— Предупредите поскорѣе Элизу, сказалъ капитанъ.—Я васъ буду ждать.

Оливье тотчасъ отправился въ трактиръ тетки Маделены, куда онъ прибылъ, какъ мы видѣли, какъ разъ во время. Опоздай онъ на нѣсколько минутъ, молодая женщина попалась-бы въ руки людей, которымъ было велѣно выпроводить ее за-границу.

Де-Марби, оставшись одинъ, принялся писать, на всякій случай, свое духовное завѣщаніе, за которымъ и застали его Элиза и Оливье, пріѣхавшіе къ графу де-Шапе.

Элиза, предвидя то, что должно было случиться, на отрѣзъ отказалась бѣжать за-границу. Она мотивировала свой отказъ слѣдующими основательными соображеніями.

— Матье де-Тальи не можетъ оставить этого дѣла безъ послѣдствій; онъ долженъ преслѣдовать капитана тѣмъ болѣе теперь, когда онъ знаетъ, что вы сдѣлались другомъ моего брата. Меня нужно устранить, потому что мнѣ все извѣстно и къ тому-же я могу дополнить обличеніе его моимъ личнымъ свидѣтельствомъ, разсказавъ покушеніе, котораго я чуть не сдѣлалась жертвой. Сестра погибла навсегда; у нея нѣтъ теперь другого покровителя, кромѣ де-Тальи; къ нему она и обратится. Черезъ нее онъ узнаетъ мое убѣжище и меня возьмутъ. Хорошо, что вы пріѣхали за мною; полицейскіе агенты навѣрное скоро будутъ тамъ. Не найдя меня, они прежде всего подумаютъ, что я бѣжала съ вами, и наши примѣты будутъ разосланы по всѣмъ дорогамъ и станціямъ. Для него важно не изгнать меня, а задержать, чтобы потомъ дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами.

— Вы пугаете меня. Такъ что-же дѣлать?

— То, чего желаетъ де-Марби: остаться въ Парижѣ или въ его окрестностяхъ; мы будемъ въ бесопасности, потому что здѣсь насъ никто не станетъ искать.

— Но гдѣ-же намъ скрыться?

— Не знаю. Поѣдемъ прежде всего къ де-Шапе; его нѣтъ дома и мы будемъ у него свободны. Тамъ они, конечно, не станутъ насъ искать. Мы условимся съ моимъ зятемъ, что̀ намъ дѣлать.

Оливье, признавъ логичность этихъ соображеній, сказалъ кучеру адресъ де-Шапе.

Они нашли капитана успокоившимся, но съ красными глазами, съ нахмуренными бровями и съ сосредоточеннымъ видомъ человѣка, принявшаго какое-нибудь твердое рѣшеніе. Онъ обнялъ Элизу.

— Бѣдная малютка, сказалъ онъ,—ты знаешь, что случилось. Но утѣшься, это конецъ: скоро ты будешь совершенно свободна.

— Дѣло не во мнѣ, Илеръ, а въ тебѣ. Тебѣ необходимо скрыться отъ этихъ людей.

— Я не уѣду изъ Франціи, не отмстивъ этому подлецу. Я не согласенъ на побѣгъ.

— Дѣло не въ побѣгѣ; если ты убѣжишь, они тебя словятъ. Я не стану совѣтовать тебѣ того, чего не намѣрена дѣлать и сама.

— Однако, надо-же на что-нибудь рѣшиться, сказалъ Оливье;—мы можемъ провести здѣсь одинъ день, но оставаться здѣсь долѣе невозможно.

— Это правда; только намъ трудно будетъ приготовиться къ защитѣ, если мы не будемъ знать, что намъ угрожаетъ. Надо узнать, что затѣвается противъ насъ.

Оливье послалъ купить вечернія газеты и они прочли въ нихъ удивительное объясненіе утренней сцены. Капитанъ слушалъ хладнокровно. Онъ только взглянулъ на Элизу и покачалъ головой.

— Мерзавецъ! Это онъ распустилъ нелѣпую сказку. Я—убійца!..

— Это меня нисколько не удивляетъ, отвѣчала она.—Извѣстіе послано въ газеты имъ самимъ, а онъ, естественно, желаетъ разыграть роль жертвы. Мы должны всего опасаться со стороны этого человѣка, онъ располагаетъ большой властью. Меня больше всего наводитъ на размышленія конецъ, въ которомъ намекается на возможность самоубійства.

— Кто-бы это могъ разсказать?

— Никто; это выдумано на всякій случай.

— Я васъ не понимаю, вставилъ Оливье.

— Если сегодня или завтра Илеръ будетъ задержанъ, они не допустятъ до процеса.

— Почему? спросилъ капитанъ.

— Потому что твои показанія могутъ быть подтверждены свидѣтелями, а такой скандалъ заставитъ негодяя выйдти въ отставку. Имъ нужно, чтобы ты, Илеръ, остался помѣшаннымъ, пытавшимся умертвить достойнаго Матье де-Тальи, послѣ того, какъ ты ввергъ твою жену въ позоръ и отчаяніе; а для этого необходимо, чтобы ты исчезъ безъ слѣда. Они разсчитываютъ овладѣть тобою; на другой-же день тебя не будетъ въ живыхъ и исторія самоубійства оправдается.

— То есть они меня убьютъ... О! это возможно. Эти люди способны на все.

— Но мы все-таки ничего не рѣшили. Что-же намъ дѣлать? сказалъ Оливье.

— Нужно, чтобы мы могли быть спокойны, продолжала Элиза,— а для этого необходимо, чтобы Илеръ умеръ. Когда его перестанутъ бояться, тогда и насъ не зачѣмъ будетъ преслѣдовать.

— Что ты говоришь? спросилъ удивленный капитанъ;—ты совѣтуешь мнѣ самоубійство?

— Элиза, подумайте... сказалъ Оливье.

— Нѣтъ, я не то хочу сказать; послѣднія строки газетнаго извѣстія подали мнѣ хорошую мысль: предполагается самоубійство,—ну, пускай такъ и будетъ. Устроимъ мнимое самоубійство.

— А! теперь я понимаю, вскричалъ капитанъ.—Меня считаютъ мертвымъ и перестаютъ искать, а я между тѣмъ выжидаю время, чтобы отмстить имъ обоимъ.

— Совершенно такъ.

— Элиза, это чудная мысль! Я согласенъ.

— Но только это трудно выполнить, замѣтилъ Оливье.

— Предоставимъ ей, сказалъ капитанъ.—Она придумаетъ средство и выполненія.

— Подумаемъ вмѣстѣ, это проще.

— Нѣтъ, подумай сначала ты одна.

Говоря это, капитанъ взялъ руку Элизы и сталъ смотрѣть ей въ глаза, ожидая, что она скажетъ.

— Предположимъ, Илеръ, убѣдившись, что тебѣ не избѣжать твоихъ преслѣдователей, ты предпочелъ разомъ покончить съ собою, чтобы избавиться публичнаго суда.

— Ну, да, это рѣшено; я лишаю себя жизни; но какимъ способомъ?

— Военному человѣку приличнѣе всего застрѣлиться... Но въ такомъ случаѣ мнимая смерть невозможна.

— Однако вы затѣваете что-то слишкомъ романическое, слишкомъ сложное, сказалъ Оливье.

— Предоставьте ей; она придумаетъ, сказалъ капитанъ.

— Я думаю такъ: ты бродишь вечеромъ около Лильской улицы, ища случая повторить покушеніе; но, убѣдившись въ невозможности проникнуть въ зорко охраняемый домъ, преслѣдуемый агентами, потерявъ надежду скрыться, обезкураженный, ты идешь по Бонской улицѣ и выходишь на набережную, тамъ ты видишь Сену. Рѣка темна, вокругъ ночь, и ты рѣшаешься утопиться.

— Такъ, такъ. Но какъ-же это узнаютъ?

— Погоди. Ты пишешь письмо, выбираешь мѣсто, кладешь тамъ свою шляпу и пальто съ письмомъ въ карманѣ и... возвращаешься сюда.

— Чортъ возьми! вотъ, такъ мысль! Отлично!

Онъ заключилъ Элизу въ свои объятія и разцѣловалъ ее въ обѣ щеки. Затѣмъ немедленно усѣлся къ письменному столу, чтобы написать письмо, и разорвалъ свое духовное завѣщаніе.

— А вы какъ думаете о моемъ планѣ, Оливье? спросила Элиза.

— Вашъ планъ практиченъ. Онъ поможетъ намъ, по крайней мѣрѣ, отклонить, если не прекратить, розыски и дастъ намъ время свободно обдумать, какъ намъ дѣйствовать.

— Стало быть, вы одобряете его?

— Положительно одобряю.

— Ну, диктуй мнѣ, что писать, сказалъ капитанъ.

Элиза подумала и продиктовала:

«Сознаніе, что я всю жизнь былъ честнымъ человѣкомъ и безупречнымъ солдатомъ, не позволяло мнѣ перенести оскорбленія, нанесеннаго моей чести должностнымъ лицомъ. Я явился къ нему въ домъ, чтобы потребовать удовлетворенія, но получилъ отказъ въ немъ. Это вывело меня изъ себя и я не могъ сдержать порыва негодованія. Я ударилъ противника. Поступокъ этотъ былъ выданъ за покушеніе на убійство. Я сознаю, что я безсиленъ противъ этого человѣка, всемогущаго въ настоящее время; моего свидѣтельства не станутъ слушать и, во избѣжаніе позорнаго осужденія и разжалованья, я предпочитаю умереть. Предоставляю другимъ...

— Погоди, я вставлю здѣсь одно слово: «Матье де-Тальи жалкій трусъ и негодяй...» Ну, теперь дальше.

Элиза продолжала:

«Предоставляю другимъ доказать, въ близкомъ будущемъ, гнусную клевету, которой я сдѣлался жертвой. Трепещите вы, виновники моего роковаго рѣшенія. За меня найдутся мстители. Бросаюсь въ воду близъ моста. Прошу отыскать мое тѣло и похоронить его въ нашемъ фамильномъ склепѣ».

— Теперь подпишись и выставь день и часъ.

— Да, это такъ. Самоубійцы обыкновенно имѣютъ манію обозначать минуту своего безумія. Поставимъ 11 часовъ вечера. Теперь нужно подписаться.

И онъ росчеркнулся на перекосъ во всю страницу: «Капитанъ Илеръ баронъ Тенаръ де-Марби.

— Ну, вотъ готово, сказала Элиза; — ты понимаешь, Илеръ, что сестра, вообразивъ себя свободной, перестанетъ мучить насъ; она можетъ теперь располагать собою, ей нечего бояться. Мы подождемъ, пока не затихнетъ шумъ, надѣланный этой исторіей, и тогда вы отыщете удобный случай отомстить этому негодяю. Съ своей стороны и я желаю, чтобы онъ былъ наказанъ.

— Я понимаю это, Элиза. Они ничего не потеряютъ отъ того, что подождутъ. Я все узнаю о ней. Горе имъ, когда они будутъ въ моихъ рукахъ!

— Однако, нужно поторопиться, замѣтилъ Оливье.—Мы должны уѣхать въ эту-же ночь. Я поручилъ нанять для насъ почтовую карету, которая пріѣдетъ за нами въ полночь. Мы поѣдемъ въ помѣстье одного изъ моихъ дядей и проживемъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Капитанъ долженъ сдѣлать какую-нибудь перемѣну въ своемъ лицѣ, чтобы его не могли узнать.

— Вы сами не узнаете меня, когда я выбрѣюсь. Велите подать бритвы.

Слуга графа де-Шапе отвелъ стараго барона въ уборную своего господина и минутъ черезъ десять капитанъ вышелъ оттуда, говоря:

— Ну, какъ вы находите, можно-ли узнать меня?

Не смотря на всю серьезность положенія Элиза и Оливье не могли не расхохотаться. Капитанъ сбрилъ усы и брови и голова его стала похожа на голандскій сыръ.

Оливье пошелъ съ нимъ на набережную, гдѣ де-Марби спустился къ водѣ и положилъ на берегу свою шляпу и пальто. Два часа спустя, въ ту самую минуту, когда Орели говорила себѣ: «я вдова; я свободна», — трое путешественниковъ ѣхали въ Пуату.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки **Вл. Михневича.**

(*Продолженіе.*)

XI.

Петровскія новшества.—Московская неподвижность, смѣняемая салонной вертлявостью.—Царственная пощечина.—Вліяніе нѣмецкой слободы и ея нравовъ на Петра.—Русскіе на танцовальныхъ вечерахъ и балахъ заграницей.

Мы видѣли, что московскій большой свѣтъ съ самимъ царемъ во главѣ еще задолго до петровскихъ крутыхъ нововведеній получилъ уже вкусъ къ заморскимъ сценическимъ зрѣлищамъ, къ музыкѣ и танцамъ, не смотря на ихъ запретность по кодексу старой морали, не смотря даже на протестующіе голоса вліятельныхъ блюстителей древняго благочестія. Правда, сами эти новаторы-меломаны еще «не занимались, какъ свидѣтельствуетъ одинъ иностранецъ, ни объѣздкою лошадей, ни фехтованіемъ, ни танцами, ни какимъ либо другимъ искуствомъ, въ которыхъ стараются, изъ похвальнаго честолюбія, отличиться иноземцы»; но до этого ужь было не далеко. Скоро увидимъ, что въ занятіи этими благородными искуствами, а въ особенности танцовальнымъ, наши предки, современники Петра и его ближайшихъ преемниковъ, не только сравнялись съ иноземцами, но и превзошли ихъ, если не умѣньемъ, то охотой и ретивостью. Скоро увидимъ тѣхъ самыхъ, длиннополыхъ, нарочито, для пущей важности, неповоротливыхъ и тяжеловѣсно-осанистыхъ представителей старо-московскаго режима, которые попали въ школу Петра, собственными персонами, въ кургузыхъ кафтанчикахъ и въ легкихъ башмачкахъ, носящимися по паркету и выдѣлывающими хитрые па «чиномъ французскимъ и нѣмецкимъ»...

Эту науку переимчивые и послушные русскіе люди постигли живо, какъ и вообще все то изъ заданнаго имъ царственнымъ учителемъ урока европейской цивилизаціи, надъ чѣмъ не нужно было ломать головы и что могло служить, по выраженію Ломоносова, къ «избыточествующему изобилію многоразличныхъ удовольствій, которыхъ прежде предки наши не токмо лишались, но о многихъ и понятія не имѣли».

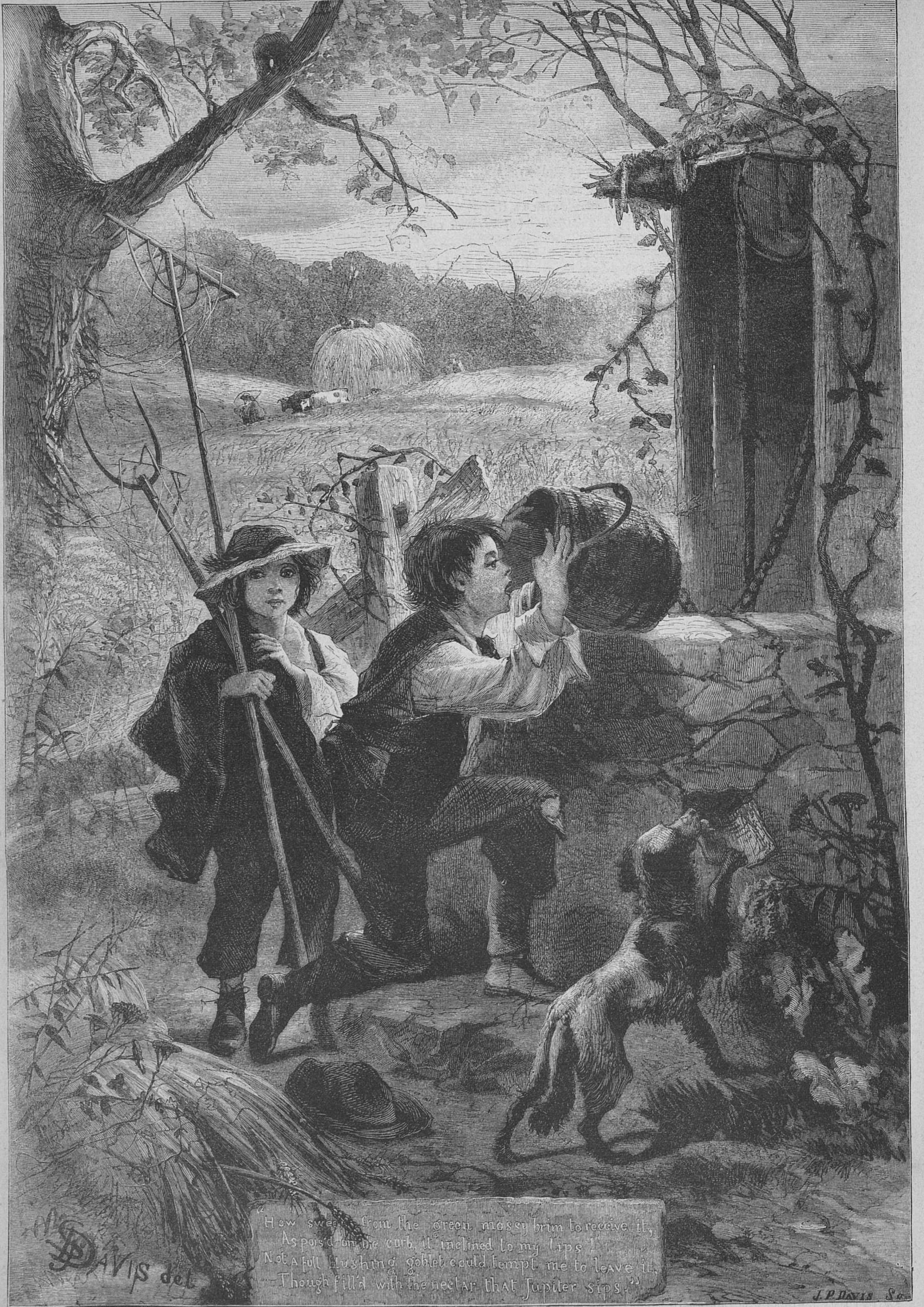
Въ этомъ случаѣ русское общество должно было пережить тотъ пароксизмъ безогляднаго увлеченія чувственными наслажденіями и внѣшними изысканными формами цивилизованной жизни, который неизбѣженъ въ исторіи каждаго народа, выходящаго изъ примитивнаго или замкнутаго въ своей національной индивидуальности состоянія рѣзкимъ вступленіемъ въ сферу высшей европейской культуры. Разъ отказавшись отъ своей косной обособленности и усомнившись въ авторитетѣ традицій, установленій и правилъ своей «старины», малоразвитое, патріархально-воспитанное общество жадно бросается на блескъ новизны, безъ разбора усвоиваетъ весь декорумъ и всю обстановку плѣнившей его чужеземной культуры, не вникая въ ея сущность, и прежде всего спѣшитъ насытиться новыми для него чувственно-эстетическими наслажденіями. Образуется цѣлый класъ людей изъ среды, располагающей властью и богатствомъ, который предается всецѣло роскошному культу салонно-свѣтской жизни, со всѣми ея эпикурейскими затѣями, гдѣ изощряется ревнивое соперничество не высшими интелектуальными и гражданскими способностями, а элегантностью, внѣшнимъ блескомъ, расточительной роскошью и, такъ называемыми, «talents de société». Эти таланты заключаются въ умѣньи пропѣть модный романсикъ, сыграть на какомъ-нибудь салонномъ инструментѣ легкую пьеску, ловко танцовать, искустно ѣздить верхомъ и, какъ верхъ свѣтской интелигентности, — вести неумолкаемую, веселую, необременительную для мозга, «конверсацію», на французскомъ, конечно, языкѣ... Вотъ весь идеалъ, къ которому стремились цѣлыя поколѣнія нашихъ «петиметровъ» прошлаго столѣтія, начиная со дней Петра.

Танцы въ этомъ салонно-эпикурейскомъ культѣ занимали, конечно, видное мѣсто; и—какъ увидимъ—были счастливцы, избранники Терпсихоры, которые, случалось, вытанцовывали себѣ блестящую карьеру, богатства, почести, благосклонность красавицъ и даже безсмертіе въ потомствѣ. Было время, когда люди, ничего не имѣвшіе за душой, кромѣ стройной таліи, пары гибкихъ ногъ и искуства мастерски владѣть ими въ менуэтахъ и котильонахъ, а позднѣе—въ контрадансахъ и мазуркѣ, получали всюду доступъ, въ самые аристократическіе дома, и ими дорожили, какъ украшеніемъ свѣтскаго общества.

Русское общество, въ этомъ отношеніи эмансипировавшись при Петрѣ, отъ тѣсныхъ путъ аскетическаго міровоззрѣнія перешло изъ одной крайности въ другую. Поскольку оно до этого относилось нетерпимо и отрицательно къ пляскамъ, какъ къ «бѣсовской прелести», какъ къ «занятію, недостойному честныхъ людей», по выраженію современниковъ Кошихина, постолько-же теперь оно беззавѣтно, со страстью, предалось тому-же самому «занятію». И въ глазахъ свѣтскихъ людей прошлаго вѣка танцы, дѣйствительно, были занятіемъ, культомъ, храмомъ котораго служили бальная и театральная залы, а его высшимъ торжествомъ—балетъ, съ его воздушными жрицами, становившимися предметомъ общаго поклоненія и обожанія.

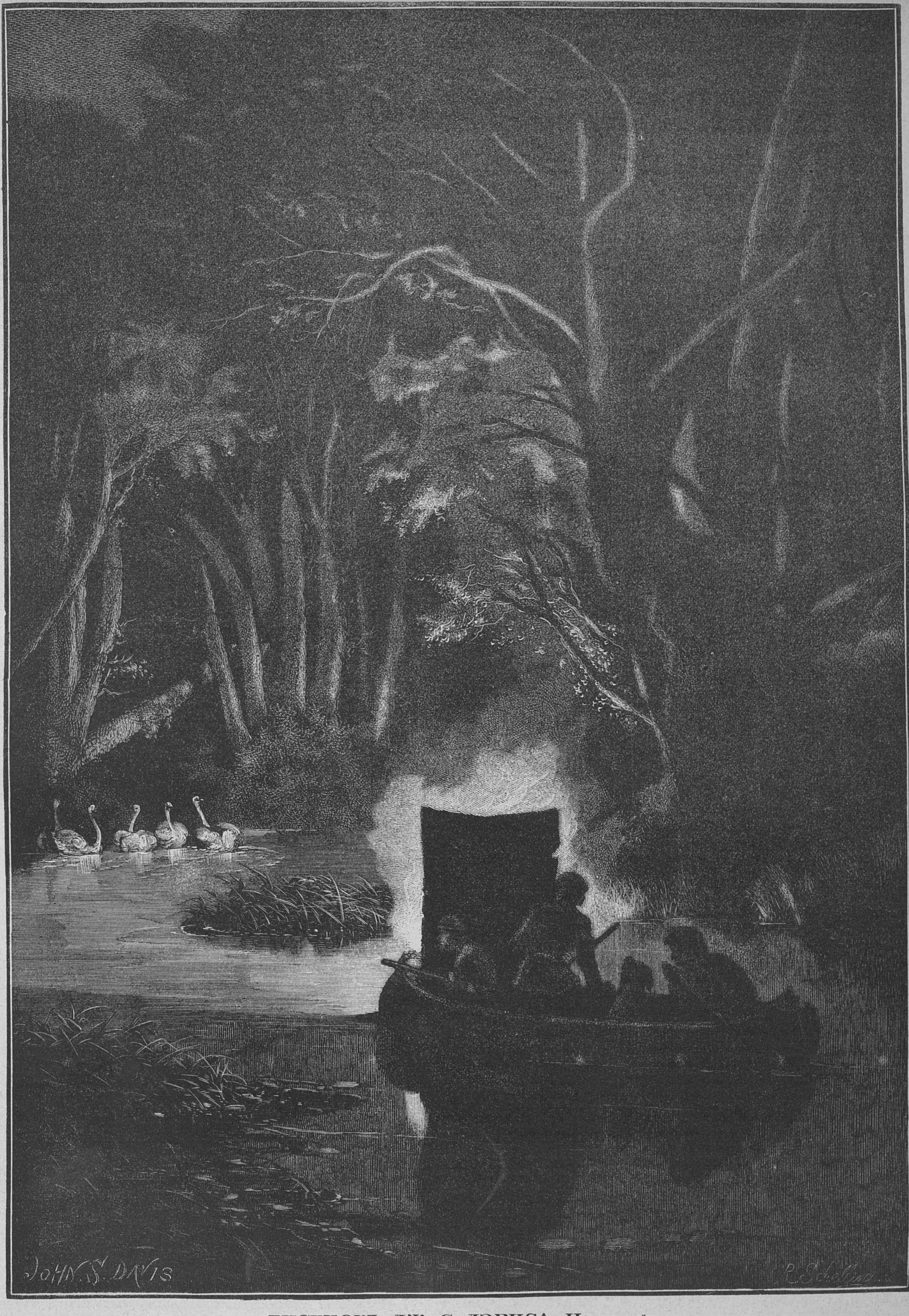
Если сравнивать по этому на масштабѣ умственнаго развитія представителя московскаго режима съ «петиметромъ» петровской эпохи, столь различно относившихся къ салонной эстетикѣ, то нельзя сказать, чтобъ между ними была слишкомъ большая разница, чтобъ послѣдній слишкомъ далеко ушелъ впередъ отъ своего предка. Не трудно понять, что какъ крайнее отрицаніе этой эстетики, такъ и смѣнившее его крайнее до излишества увлеченіе ею были одинаково продуктомъ умственно-духовной узкости и гораздо родственнѣе между собою, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Тутъ произошелъ просто одинъ механическій процесъ переворота одного и того-же міросозерцанія, такъ сказать, сызнанки на изнанку, и хотя это само-по-себѣ было уже нѣкоторымъ шагомъ къ умственному прогресу, но для данной минуты процесъ этотъ не шелъ дальше измѣненія одного лишь формальнаго отношенія къ тѣмъ или другимъ жизненнымъ явленіямъ.

Вначалѣ перемѣна эта не обошлась, конечно, безъ затрудненій и нѣкотораго сопротивленія со стороны поклонниковъ старины. Петру, какъ во всемъ и всегда, пришлось личнымъ примѣромъ заохочивать русское общество учиться танцовать и вообще вести свѣтскую жизнь на европейскій ладъ; учениковъ-же неособенно понятливыхъ и упрямыхъ онъ безъ церемоніи приневоливалъ къ этому, гдѣ приказомъ, гдѣ «дубин-


"How sweet from the green mossy brim to receive it,
As pois'd on the curb, it inclined to my lips!
Not a full blushing goblet could tempt me to leave it,
Though fill'd with the nectar that Jupiter sips."
DAVIS del.
J. P. Davis Sc.

РИСУНОКЪ ДЖ. С. ДЭВИСА. У колодца.

Рѣзалъ на деревѣ Дж. С. Дэвисъ въ Лондонѣ.


John S. Davis
R. Schelling

РИСУНОКЪ ДЖ. С. ДЭВИСА. На охотѣ.

Рѣзалъ на деревѣ Р. Шеллингъ въ Лондонѣ.

кой», а гдѣ, въ экстренныхъ случаяхъ, и просто скоропостижной пощечиной.

Всеобъемлющій учитель, не смотря на свою исполинскую государственную дѣятельность, находилъ и время и мѣсто преподавать еще своимъ «птенцамъ» уроки танцовальнаго искуства и свѣтской галантерейности, по точной буквѣ взятыхъ въ руководство европейскихъ правилъ, и былъ очень строгъ къ малѣйшимъ упущеніямъ въ этомъ отношеніи.

Разъ въ Москвѣ, еще до обязательнаго введенія западнаго образа жизни, имѣлъ мѣсто такой характеристическій эпизодъ.

Датскій посолъ, по случаю крестинъ сына, давалъ вечеринку, которую удостоилъ своимъ присутствіемъ царь со своими приближенными. Начались танцы. Во время ихъ Петръ, находившійся, замѣтимъ, въ веселомъ настроеніи, «увидѣвъ, какъ разсказываетъ очевидецъ, что его любимецъ Алексашка (Меньшиковъ) пляшетъ при саблѣ», не стѣснился тутъ-же «напомнить ему пощечиной, что съ саблями не пляшутъ, отъ чего у того сильно кровь брызнула изъ носа»... Разсказчикъ добавляетъ шутливо, что «таже комета» чуть было не задѣла и физіономіи полковника барона Блюмберга, который тоже танцовалъ при саблѣ, хотя, какъ природный нѣмецъ, долженъ былъ-бы, казалось, знать свѣтскія приличія потверже Алексашки—тогда еще новичка въ европеизмѣ. «Полковникъ, однако, выпросилъ себѣ прощеніе, хотя и съ большимъ трудомъ».

Фактъ этотъ показываетъ, что Петръ смотрѣлъ на танцы и на правила свѣтскости серьезно, да и въ самомъ дѣлѣ, придавалъ имъ культивирующее, смягчающее нравы значеніе. Самъ онъ тоже нерѣдко отплясывалъ съ большимъ одушевленіемъ, а въ минуты сильнаго возбужденія отъ возліяній, случалось, плясалъ и по столамъ... Первые уроки какъ танцевъ, такъ и свѣтской европейской жизни Петръ со своими приближенными получилъ, безъ сомнѣнія, въ московской нѣмецкой слободѣ, еще до своихъ путешествій за границу.

Московскіе нѣмцы въ то время, образуя довольно многочисленную колонію «на Кукуѣ» (по насмѣшливому выраженію москвичей), жили въ своей слободѣ изобильно и весело: круглый годъ у нихъ составлялись тамъ балы, вечеринки, маскарады, пикники, загородныя гулянья, на которыхъ лилось вино, гремѣла музыка и шли танцы нерѣдко цѣлую ночь напролетъ.

Сблизившись съ нѣкоторыми московскими нѣмцами, а въ особенности съ Лефортомъ и съ домомъ Монсовъ, Петръ сталъ принимать нерѣдко личное дѣятельное участіе въ ихъ пирахъ и увеселеніяхъ, а впослѣдствіи домъ Лефорта сталъ постояннымъ мѣстомъ не только пріятельскихъ пирушекъ царя, но и офиціальныхъ придворныхъ баловъ. Домъ Лефорта, до самой смерти послѣдняго, былъ центромъ московскаго свѣта. Знаменитый женевецъ былъ незамѣнимъ, какъ организаторъ веселыхъ пировъ, баловъ и всякихъ другихъ увеселеній. Отличаясь живымъ, общительнымъ нравомъ и эпикурейскими наклонностями, ловкій салонный кавалеръ и неутомимый собутыльникъ, Лефортъ, безъ сомнѣнія, оказалъ большое вліяніе на личные вкусы молодого царя и на его рѣшимость измѣнить на заморскій ладъ весь образъ жизни, и свой и своего народа. Но особенно сильно, должно быть, повліяла тогда въ этомъ отношеніи на страстнаго Петра красавица Анна Монсъ—первая звѣзда московской нѣмецкой колоніи, царица ея собраній и баловъ. Она была дѣвица вполнѣ свѣтская, любила музыку, танцы и веселое общество. Петръ, почувствовавъ къ ней страстную любовь и желая ей нравиться, разумѣется, старался поддѣлаться подъ вкусы своей «свѣтъ-Аннушки», старался быть въ ея глазахъ такимъ-же ловкимъ, свѣтскимь кавалеромъ, какъ и другіе окружавшіе ее молодые, отшлифованные люди изъ иностранцевъ. При впечатлительности и необузданной пламенности своей натуры Петръ въ этомъ случаѣ не стѣснялся строгими требованіями своего сана и предписаніями старо-московской морали. Весьма вѣроятно, что обаяніе Аннушки и ея вкусовъ отразилось на волѣ Петра гораздо болѣе серьезными послѣдствіями, чѣмъ одна рѣшимость облечься, въ угоду ей, въ нѣмецкое платье, выучиться танцовать и ниспускаться до дѣятельнаго участья въ мѣщанскихъ вечеринкахъ и балахъ нѣмецкой колоніи. Но входить здѣсь въ это мы не станемъ. Мы отмѣчаемъ только тотъ несомнѣнный фактъ, что Петръ, благодаря своей страсти къ Монсъ и дружбѣ съ московскими нѣмцами, еще до поѣздокъ своихъ заграницу эмансипировался отъ ферулы старо-московскаго обихода и усвоилъ вкусъ къ западному образу жизни и къ предписанной имъ салонной эстетикѣ. Заграницей мы встрѣчаемъ его уже человѣкомъ нѣсколько навыкшимъ къ свѣтскому этикету и къ школѣ «talents de société», не безъ рѣзкихъ, впрочемъ, эксцентричностей, которыя являлись въ немъ результатомъ порывистаго характера, никакими сдержками не дресированнаго съ молоду. Впрочемъ, вначалѣ своего заграничнаго путешествія и своихъ первыхъ встрѣчъ съ иностранцами, а въ особенности съ иностранными свѣтскими дамами, Петръ чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко и, случалось, конфузился въ присутствіи ихъ и обнаруживалъ застѣнчивость чисто красной дѣвицы.

Такъ, въ Германіи онъ едва далъ себя уговорить на свиданіе съ курфирстинами ганноверскими, очень желавшими съ нимъ познакомиться; вошелъ къ нимъ въ домъ украдкой съ задняго крыльца и при первой встрѣчѣ съ ними до того сконфузился, что закрылъ лицо рукою и на всѣ привѣтствія любезныхъ хозяекъ отвѣчалъ только:

— Jch kann nicht sprechen!

Но скоро потомъ дѣло обошлось. Царь оправился, разговорился и очаровалъ принцесъ своимъ остроуміемъ, развязностью и веселостью. Послѣ ужина дѣло дошло и до танцевъ. Принцесы просили своего высокаго гостя показать, какъ пляшутъ «по-московски». Петръ согласился, но предложилъ имъ самимъ прежде начать танцы. Старая курфирстина охотно открыла балъ. Присутствовавшій здѣсь Лефортъ явился въ своей обычной роли: онъ распоряжался танцами и объяснялъ нѣмкамъ позы и движенія русской пляски, которая имъ очень понравилась. Затѣмъ пустился въ плясъ самъ Петръ и остался очень доволенъ этимъ вечеромъ и ганноверскими дамами. Одно только ему не понравилось въ нихъ: онъ нашелъ, что онѣ «чертовски жестки», принявъ пружины на ихъ корсетахъ за кости.

Въ дальнѣйшемъ своемъ путешествіи, въ 1698 году, Петръ во всѣхъ дававшихся въ его честь иностранцами праздникахъ уже не чувствовалъ смущенія и веселился съ отличавшимъ его одушевленіемъ: присутствовалъ на спектакляхъ и фейерверкахъ, танцовалъ на балахъ и маскарадахъ, являясь въ послѣднихъ тоже закостюмированнымъ. Особенно много повеселилось тогда наше посольство въ Вѣнѣ. Царю пришлось тамъ праздновать свои имянины. Балъ, данный имъ по этому случаю, продолжался до бѣлаго дня; имянинникъ танцовалъ до упаду и потомъ писалъ въ Москву объ этомъ праздникѣ:

«На день св. Апостолъ было у насъ гостей мужескаго и женскаго пола больше 1000 ч. и были до свѣта, и безпрестанно употребляли тарара, тарара кругомъ, изъ которыхъ иные и свадьбы сыграли въ саду».

Но особенно отличился онъ по части свѣтскости и танцевъ на данномъ въ честь его вѣнскимъ дворомъ маскарадѣ, «виртшафтъ». Царь явился туда подъ маскою фрисландскаго крестьянина какъ разъ передъ началомъ танцевъ. Поздоровавшись съ хозяевами, императоромъ и императрицей, онъ быстро прошелъ всю залу и, отыскавъ въ толпѣ гостей свою даму, фрейлину фон-Турнъ, закостюмированную въ одинаковый съ нимъ костюмъ, открылъ съ нею балъ, а затѣмъ танцовалъ со всѣми до бѣлаго дня. Вмѣстѣ съ царемъ на этомъ праздникѣ фигурировала, тоже въ костюмахъ, его свита — «семь московскихъ кавалеровъ», какъ значилось въ церемоніалѣ. Эти московскіе кавалеры не уступали, конечно, своему царственному представителю ни въ веселости, ни въ свѣтской развязности, ни въ танцовальномъ искуствѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Мѣста недавнихъ битвъ.

Ст. В. И. Немировича-Данченко.

(*Окончаніе.*)

Петко Словейковъ.

Въ эпоху берлинскаго конгреса Словейковъ, какъ и всѣ его единомышленники, расплачивался тяжелыми разочарованіями за слишкомъ поспѣшную увѣренность въ благихъ результатахъ сан-стефанскаго мира. Болгарія—единная и нераздѣльная, Болгарія—отъ Дуная до Эгейскаго моря, съ шести-миліоннымъ населеніемъ, съ столицей Филипополемъ, стоящая грозною мстительницей у самыхъ воротъ Константинополя,—тяжелыми молотами дипломатическихъ кузнецовъ была разбита на три части. Патріотамъ пришлось примириться съ далеко непривлекательною дѣйствительностью. Вмѣсто болгарскаго царства Симеоновъ—княжество, вмѣсто 6.000,000 населенія—1.700,000... васальныя отношенія къ портѣ, австрійскій клинъ, вбитый между славянами... По мѣрѣ того какъ опускали головы лучшіе люди страны, подымали ихъ чорбаджіи... Эта партія ростовщиковъ и кулаковъ, раздавленная недавними событіями, какъ баснословная змѣя разрубленная на куски—сросталась и оживала... Разочарованія, расхолаживая народъ, дѣлали его равнодушнымъ къ судьбамъ отечества. Апатіей эти господа начинали пользоваться какъ мутной водой... Въ это время Словейковъ выступаетъ уже какъ политическій дѣятель. Въ молодыхъ болгарскихъ газетахъ-листкахъ является рядъ статей его, письма отъ его имени сотнями разлетаются по всей странѣ. Является твердо опредѣленная програма партіи. Болгарія цѣлокупная (нераздѣльная), свободная, демократическая... Болгарія безъ раздѣленія на сословія, съ избирательными властями, съ свободой печати... Болгарія не для иноземныхъ авантюристовъ, не для своихъ чорбаджіевъ. Въ выборахъ въ тырновское національное собраніе какъ нельзя лучше сказалась дѣятельность Словейкова, Каравелова, Цанкова и другихъ. За ними уже въ самомъ началѣ было обезпечено большинство палаты. На первыхъ-же засѣданіяхъ ея, чорбаджіи могли убѣдиться, что на этотъ разъ побѣда на сторонѣ правыхъ и честныхъ. Чорбаджіи могли только тормозить дѣло, задерживать пренія, тянуть ихъ, что они и дѣлали. Представители народа, впервые явившіеся для величайшаго акта политической жизни—созданія конституціи, хотя, по словамъ чорбаджіевъ, и были не подготовлены, тѣмъ не менѣе сразу обнаружили такой политическій тактъ, что вызвали удивленіе даже въ своихъ врагахъ. На сторонѣ истинныхъ патріотовъ, заботящихся о благѣ страны, каждый разъ оказывалось громадное большинство. Непривычка сказывалась только въ страстности отношенія къ дѣлу, но и въ этомъ отношеніи скомпроментировали себя именно чорбаджіи. Впрочемъ, они и до конца остались вѣрными себѣ. Даже недавно мнѣ привелось прочесть какъ крупнѣйшіе представители болгарскихъ бюрократовъ — министры юстиціи и внутр. дѣлъ — формально передрались между собою въ засѣданіи совѣта министровъ... Они-же лѣзли въ драку и въ тырновскомъ національномъ собраніи, забѣгали къ нашимъ властямъ и сплетничали имъ о вожакахъ народной партіи, придавая имъ опасный демагогическій характеръ. Что касается меня, то я въ величайшую честь и заслугу князю Дондукову-Корсакову и его уполномоченному Лукьянову ставлю именно то, что они не вмѣшивались, не направляли дѣло народныхъ представителей вовсе... Они не поддались вліянію чорбаджіевъ и дѣло послѣднихъ, разумѣется, было проиграно... 16 апрѣля 1879 года — «Конституция на българското княжество» была подписана представителями и въ то время, какъ патріоты ликовали и праздновали вступленіе своего народа въ возрастъ совершеннолѣтія, чорбаджіи основали нѣсколько газетъ для борьбы съ свободными учрежденіями страны... Словейковъ, избранный въ Тырновѣ президентомъ городского совѣта, подымаетъ перчатку, брошенную его противниками и объявляетъ объ изданіи имъ «Цѣлокупной Болгаріи», взамѣнъ издававшагося до тѣхъ поръ органа народнаго собранія «Блгарскаго Льва». «Блгарскій Левъ» назывался «политически вѣстникъ за най новитѣ и най важнитѣ дневни вопроси», выходилъ онъ по четвергамъ подъ главной редакціей С. Н. Мыларова. Словейковъ и въ немъ принималъ участіе и былъ однимъ изъ вдохновителей этой газеты. По прекращеніи этой газеты, партія долго оставалась безъ своего органа и только 20 іюня 1879 года вышелъ первый нумеръ (или по болгарски брой) «Цѣлокупной Болгаріи» подъ исключительною редакціей Словейкова и при участіи лучшихъ силъ болгарской интелигенціи. Въ самое короткое время «Цѣлокупная Болгарія» пріобрѣла здѣсь громадное значеніе. Газетой не только интересовались, ею стали руководиться. Она наноситъ ударъ за ударомъ чорбаджіямъ вызывая ихъ ненависть. Противъ Словейкова готовились даже непредвидѣнныя конституціей репресаліи. Говорили о запрещеніи «Цѣлокупной Болгаріи», причемъ либеральная партія тотчасъ-же сдѣлала изъ этого вопросъ о самомъ существованіи парламентской свободы. Какъ прежде, верхомъ на мелкорословъ конькѣ, въ болгарской мѣховой курткѣ, такъ и теперь въ черномъ сюртукѣ народнаго писателя и журналиста, Словейковъ остался тѣмъ-же смѣлымъ, честнымъ и безкорыстнымъ защитникомъ интересовъ страны и ея вольностей. Какъ во время войны онъ шелъ въ битвы, такъ теперь онъ смѣло бросалъ перчатку врагамъ Болгаріи и билъ ихъ безъ пощады и безъ уступокъ. Онъ не боялся упрековъ въ несправедливости. Онъ зналъ, что «борьба партій должна быть одностороння и несправедлива. На взаимныхъ уступкахъ сейчасъ-же можно помириться», разумѣется, пожертвовавъ частію своихъ убѣжденій. Самый языкъ его газеты былъ ясенъ, мѣтокъ и силенъ. Мы привыкли къ иному, у насъ каждая мысль въ печать, какъ больной на воздухъ, выходитъ закутавшись. У Словейкова — свободный человѣкъ, хоть грубо но смѣло владѣетъ свободнымъ словомъ. Сотрудниками у него были всѣ интелигентные люди княжества. Я уже не говорю о Каравеловыхъ и другихъ — работали юноши, дѣятели партіи, недавніе бойцы за независимость. Газета сдѣлалась не только програмой либераловъ, вся страна видѣла въ ней отраженными свои интересы, свое будущее, свои идеалы. Въ слѣдующей книжкѣ, которую я думаю издать послѣ посѣщенія Болгаріи западной, будутъ приведены болѣе точныя свѣдѣнія о положеніи мѣстной пресы, теперь-же я ограничусь только указаніемъ, что едва-ли гдѣ-нибудь печатное слово пользовалось такимъ глубокимъ уваженіемъ, едва-ли гдѣ-нибудь оно звучало такъ властно и сильно какъ здѣсь.

До іюля 1879 года я не встрѣчалъ Петко Словейкова. Въ моихъ глазахъ онъ рисовался тѣмъ-же простодушнымъ и простоватымъ по наружности народникомъ, помню я его видѣлъ въ приснопамятные дни: августовской Шипки и декабрьскихъ боень въ долинѣ Казанлыка. Кажется, 15 іюля иду я по Тырнову. Былъ вечеръ. Мѣсяцъ ярко обливалъ своимъ серебрянымъ свѣтомъ дивную панораму этого оригинальнаго города.

— Позвольте васъ познакомить съ однимъ изъ лучшихъ нашихъ людей, обратился ко мнѣ мой спутникъ, Стояновъ.

— Кто это?

— А вотъ, указалъ онъ шедшаго на встрѣчу намъ, — Словейковъ.

— Быть не можетъ, это не онъ.

Передъ нами былъ джентльменъ. Таже голова, но другіе пріемы, другой способъ выраженія, другой голосъ. Это уже не былъ начальникъ четы, не былъ болгарскій войникъ — я видѣлъ политическаго дѣятеля, народнаго трибуна, портретъ котораго, если бы одна изъ западныхъ «иллюстрацій» помѣстила въ числѣ своихъ депутатовъ, не произвелъ бы замѣтнаго дисонанса. Въ восточномъ человѣкѣ ничего восточнаго. Европейскій сильный лобъ, та-же упорная голова, тѣ-же горящіе энтузіазмомъ и увѣренностію глаза.

Мы обнялись, какъ друзья. Ничто не сближаетъ людей лучше боевого поля. Но тогда какъ наши дѣятели до сихъ поръ еще пережевываютъ военныя задачи прошлой кампаніи, Словейковъ весь былъ полонъ замыслами, стремившимися къ гражданскому развитію его страны. Въ тотъ-же вечеръ онъ показалъ мнѣ свои работы — они всѣ были направлены къ этой благородной цѣли.

Словейковъ исполненъ восторженной вѣры въ будущность Болгаріи. Соединеніе двухъ ея, разсѣченныхъ берлинскимъ конгресомъ, половинъ — вопросъ времени. Присоединеніе Македоніи, Тракіи и Добруджи — тоже. Временно, нѣмцы, румыны, греки могутъ брать верхъ, но только временно; впереди неизбѣжное, какъ при химическомъ его сродствѣ, возвращеніе всѣхъ областей Симеона и Крума... «Мы не сербы, чтобы поддаваться вліянію швабовъ, не развратные румыны. Насъ проглотить не такъ-то легко — подавишься!..» И тотъ, кто былъ все это время въ княжествѣ, согласится съ нами, что это не пустая фраза.

Теперь Словейковъ — президентъ народнаго собранія въ Софіи; это лучшее выраженіе довѣрія страны къ человѣку, который всю жизнь положилъ на ея благо, пожертвовавъ ей всѣмъ, и вынесъ для нея все, что только въ силахъ вынести честный гражданинъ.

Изъ своего далека я посылаю искреннее поздравленіе этому неутомимому борцу за свободу. Я считаю честью для себя его дружбу и когда онъ отъ лица болгарскаго народа выразилъ мнѣ привѣтъ за слабыя усилія мои разсѣять предубѣжденія, распространенныя у насъ объ этомъ симпатическомъ и родномъ племени, я сказалъ ему тоже самое, что поставлю и въ конецъ этого труда:

— Придетъ пора, когда Болгарія сквитается съ Россіей. Если мы принесли ей въ жертву кровь лучшихъ людей нашихъ, она, устроившись, покажетъ намъ знаменательный примѣръ того, къ какимъ великимъ успѣхамъ ведутъ народы политическая свобода и добрая нравственность.

Великая пѣвица.

Историческая повѣсть **Луизы Мюльбахъ**. Переводъ **А. Качоровской**.

(*Продолженіе.*)

Глава VIII.

Графъ Орловъ.

Императрица Екатерина не могла быть въ оперѣ въ день бенефиса Габріэли и на слѣдующее утро за завтракомъ пожелала услышать разсказъ о спектаклѣ. Разсказчицей была графиня Пратова. Къ концу ея разсказа вошелъ графъ Орловъ.

— Ты пришелъ очень кстати, сказала императрица. — Послушай, что разсказываетъ графиня Пратова о вчерашнемъ представленіи въ оперѣ!

— Объ оперѣ! отвѣчалъ равнодушно Орловъ, — меня она нисколько не интересуетъ; не по душѣ мнѣ это визжаніе пѣвицъ.

— Только ты одинъ, графъ, относишься такъ презрительно къ оперѣ. По словамъ графини, вчера въ театрѣ была настоящая буря восторговъ и аплодисментовъ!

— Графиня, можетъ быть, преувеличиваетъ, сказалъ Орловъ. — Трудно повѣрить, чтобы всѣ наши вельможи превратились въ обезьянъ или глупцовъ!

— Я нисколько не преувеличиваю, отвѣчала графиня Пратова, — Габріэли вчера вполнѣ заслужила шумныя рукоплесканія. Она принимала оваціи, какъ должную дань, и сохранила гордое выраженіе даже во время поднесенія ей подарковъ. Сцена буквально горѣла золотомъ и драгоцѣнностями; а бриліанты вашего величества...

— Я сдѣлала ей приличный подарокъ, прервала императрица, — но ты, Орловъ, что подарилъ ты пѣвицѣ?

— Я, ваше величество? спросилъ Орловъ съ удивленіемъ — Развѣ, присутствуя по вашему повелѣнію на всѣхъ ея представленіяхъ, я недостаточно оказалъ ей вниманія.

— Какъ? спросила государыня, — ты ничего не послалъ ей въ день ея бенефиса?

— Ничего! Я не находилъ этого нужнымъ.

— Мнѣ это не нравится, графъ, сказала государыня, слегка нахмурясь, — я желаю, чтобы ты послѣдовалъ моему примѣру; не хорошо, если ты прослывешь скупымъ.

— Ваше величество, я сдѣлалъ это не изъ скупости и постараюсь исправить ошибку. Петровичъ, поди къ моему камердинеру Сергѣю, скажи, чтобы онъ далъ тебѣ мои бриліанты и принеси ихъ сюда.

Эти слова Орлова были обращены къ юному графу, пажу императрицы. Юноша поблѣднѣлъ, опустилъ глаза и не трогался съ мѣста.

Императрица прочла на лицѣ юноши скрытый гнѣвъ и раздраженіе; улыбаясь, она обратилась къ нему:

— Прошу тебя, Петровичъ, иди, исполни то, о чемъ проситъ тебя графъ Орловъ.

Пажъ поклонился вышелъ и вернулся со шкатулкой.

— Прошу васъ, государыня, сказалъ Орловъ, — выбрать что-нибудь изъ этихъ бездѣлушекъ; что вамъ болѣе понравится, то я и пошлю пѣвицѣ. Мнѣ все равно, что бы она ни получила, — но вещь, удостоенная похвалы вашего величества, становится вдвойнѣ драгоцѣнной.

Императрица, улыбаясь, начала открывать коробки. Колекція у Орлова была богатая; каждая вещь поражала своимъ великолѣпіемъ; наконецъ, императрица открыла коробку, въ которой лежалъ дорогой уборъ изъ турецкаго рубина, окруженнаго крупными бриліантами; придворныя дамы вскрикнули отъ изумленія, а императрица долго любовалась этой драгоцѣнностью, не отрывая отъ нея глазъ, почему и не видѣла испытующаго взгляда, который бросилъ на нее графъ Орловъ.

— Это самая прекрасная вещь, сказала императрица,—и я думаю, графъ, ты долженъ послать ее Габріэли. Твой подарокъ будетъ самымъ роскошнымъ изъ всѣхъ, полученныхъ ею.

— Приказаніе вашего величества будетъ исполнено, отвѣчалъ Орловъ.—Сергѣй тотчасъ-же отнесетъ его.

Графъ вышелъ изъ комнаты и, едва оставивъ за собою дверь, порывисто выхватилъ изъ бокового кармана вторую коробочку, очень маленькую, въ которой лежало одно только кольцо, но съ солитеромъ баснословной цѣны—подарокъ султана. Графъ Орловъ присоединилъ и это дорогое кольцо къ подарку, выбранному императрицей.

Вскорѣ онъ вернулся къ государынѣ, которая съ улыбкой встрѣтила его и приказала ему сѣсть подлѣ себя. Графиня Пратова продолжала свой разсказъ; по ея словамъ, Габріэли получила въ день своего бенефиса драгоцѣнностей болѣе, чѣмъ на сто тысячъ рублей, что она охотно помогаетъ бѣднымъ, отъ которыхъ получаетъ ежедневно массу прошеній и никогда не оставляетъ ихъ безъ отвѣта.

— Она потому и раздаетъ, что вертопрахи всегда готовы давать ей кучу подарковъ, замѣтилъ, пожимая плечами, Орловъ.

— Это правда, подтвердила графиня;—прихожая этой пѣвицы, точно какой-нибудь принцесы, биткомъ набита каждое утро кавалерами. У нея пріемъ въ 12 часовъ, но она частенько заставляетъ своихъ почитателей, и молодыхъ, и старыхъ, ожидать себя до трехъ или четырехъ часовъ.

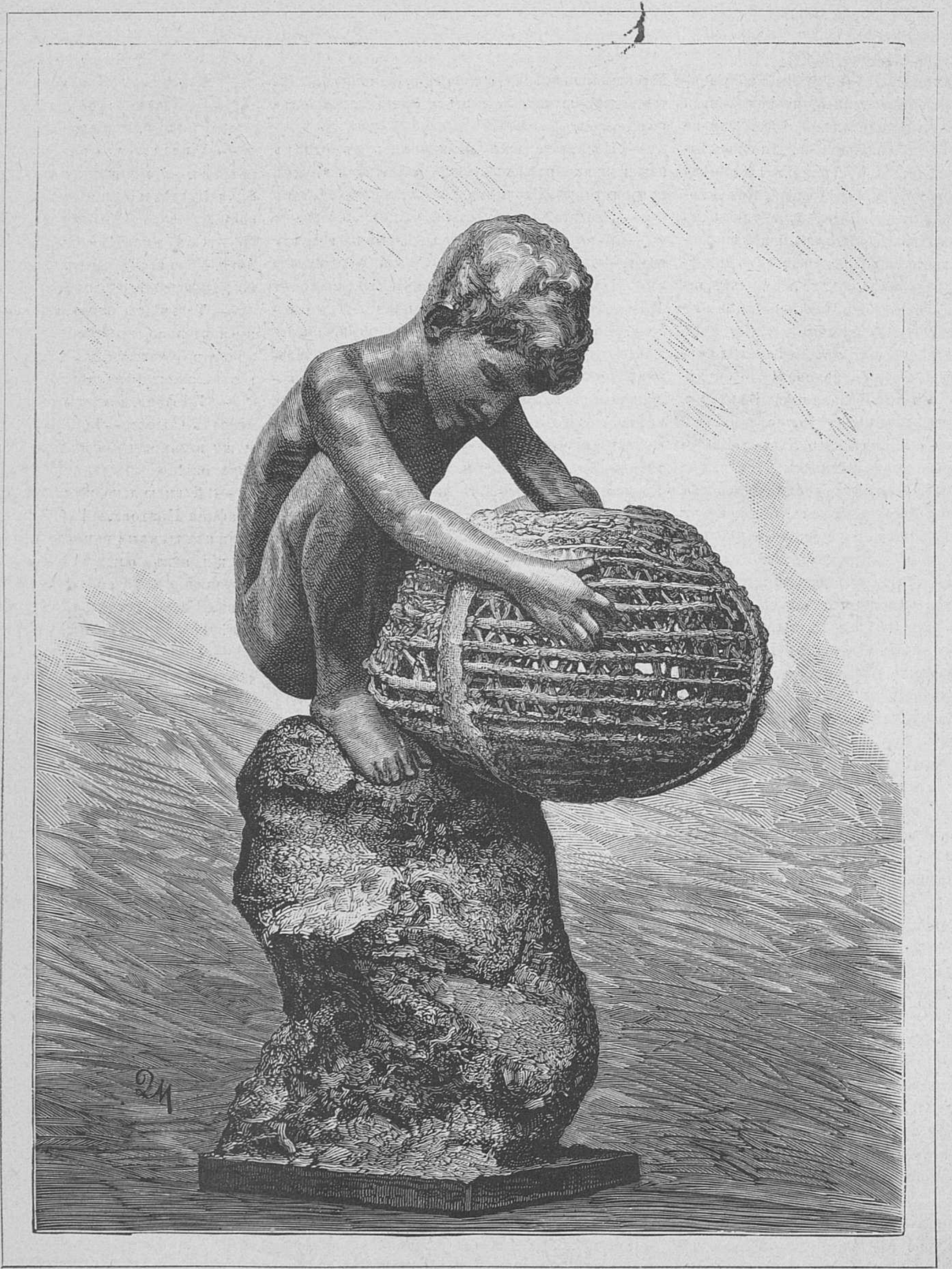
— И они ожидаютъ такъ долго? спросилъ Орловъ.

— Да, графъ, ожидаютъ, такъ принято нынче у артистокъ, которыя считаютъ признакомъ хорошаго тона держать кавалеровъ подолгу въ прихожей.

— Осмѣлилась бы она поступить со мною такъ дерзко! вскричалъ Орловъ.

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ ВЪ 1880 Г.

ГРУППА Д'ОРСИ.



Маленькій рыбакъ.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

— Мнѣ кажется, замѣтила графиня Пратова,—эта пѣвица ни для кого не сдѣлаетъ исключенія. Она все себѣ дозволяетъ, а потому, я думаю, будетъ въ состояніи и васъ, графъ Орловъ, заставить ожидать себя.

— Что? Вы думаете, что пѣвица и меня заставитъ дожидаться?

— Да, графъ, я въ этомъ увѣрена.

— Ваше величество, сказалъ Орловъ, обращаясь къ императрицѣ,—прошу васъ, пошлите меня къ ней! Я хочу доказать ей, что для меня не существуетъ запертыхъ дверей, особенно, когда я являюсь по порученію моей государыни.

— Хорошо, ступай и объяви ей, что я желаю видѣть ее завтра; она должна пѣть во время обѣда.

Глава IX.

Ненависть или любовь.

Все было такъ, какъ разсказывала графиня Пратова; въ пріемной пѣвицы собралось нѣсколько человѣкъ, носящихъ громкія имена, и уже довольно долго ожидали появленія артистки. Габріэли въ это время сидѣла въ своемъ кабинетѣ и читала просьбы, которыми осыпали ее каждое утро. Недалеко отъ нея сидѣлъ ея секретарь Вернеръ. Черты лица пѣвицы носили слѣды усталости и изнеможенія, а черные глаза горѣли внутреннимъ огнемъ.

— Теперь мы окончили, г. Вернеръ, сказала она, прочтя послѣднее письмо.

— Окончили до завтра, отвѣчалъ онъ, слегка улыбаясь.—Ваша благодѣтельная рука, закрытая на сегодня, завтра снова откроется для новыхъ благодѣяній. Но я долженъ замѣтить вамъ, синьора, вы даете слишкомъ много и...

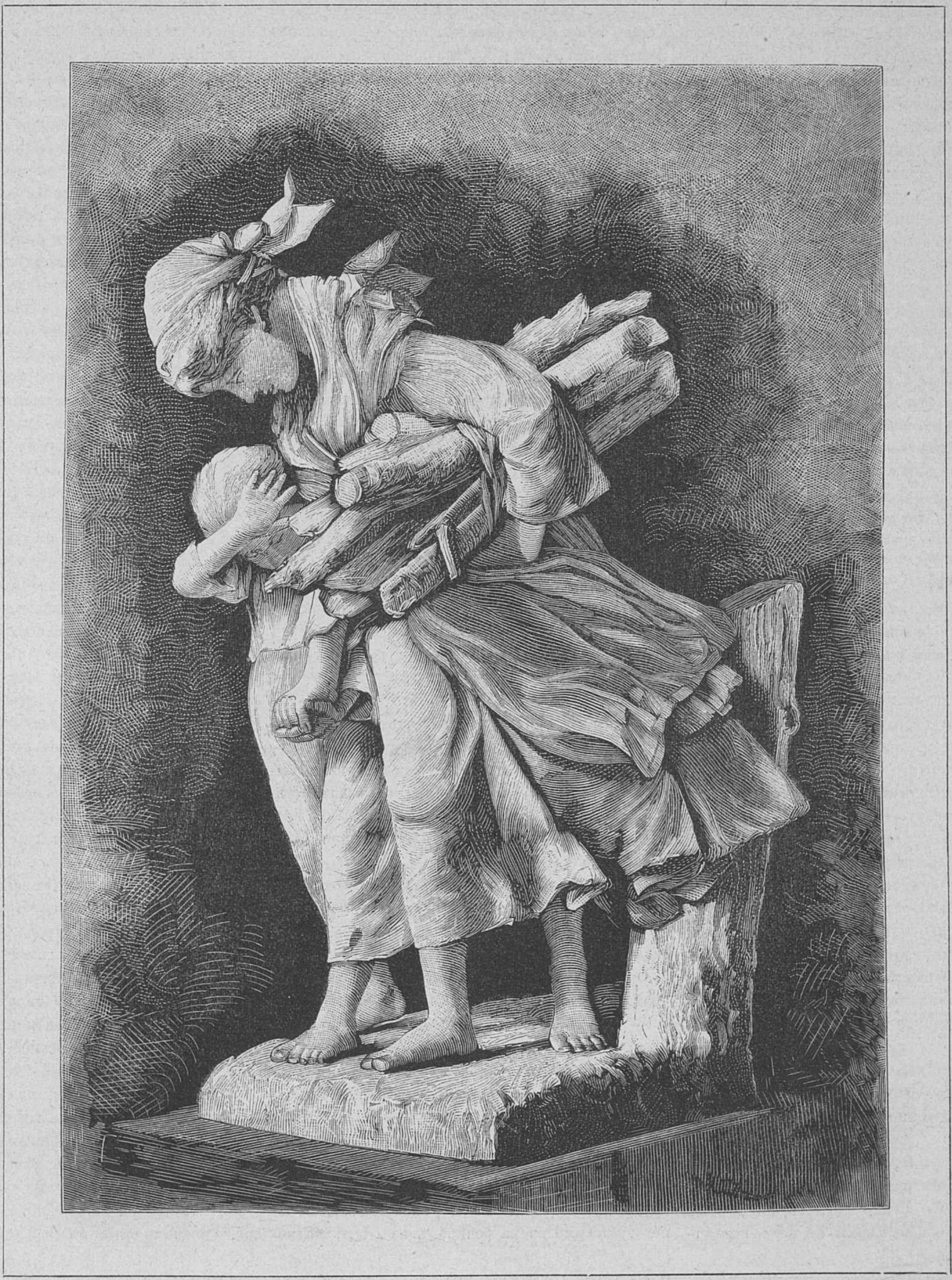
— И беру также слишкомъ много, г. Вернеръ! Оставьте мнѣ это единственное наслажденіе, примиряющее меня со своей совѣстью и съ свѣтомъ. Я чувствую себя несчастной и больной въ этой холодной странѣ; я тоскую, я стремлюсь къ моей милой Итали или къ могилѣ, потому что... Что это такое? прервала она себя вдругъ.—Что это за шумъ?

— Туда нельзя идти! послышался громкій голосъ.

— А я говорю вамъ, что не имѣю ни времени, ни охоты ждать здѣсь, послышался другой голосъ.—Если другимъ нравится дежурить

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ ВЪ 1880 Г.

БРОНЗОВАЯ ГРУППА БЕЛЛІАЦИ.



Вихрь въ полѣ.
Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ**.

въ пріемной, то я не хочу этого. Я пришелъ отъ имени императрицы, а также и отъ своего!

— Но, ваша свѣтлость, повторяю, синьора одна въ своей комнатѣ и занимается; она теперь не можетъ никого принять.

— Она должна меня принять, дурочка! Синьора одна, отлично! Я составлю ей компанію, прочь!

Дверь распахнулась и на порогѣ появилась высокая фигура графа Орлова. Графъ затворилъ за собою дверь и оглядѣлъ комнату.

— Я такъ и думалъ; ваша камеристка говоритъ, что вы однѣ, а я нахожу васъ въ обществѣ.

— Ошибаетесь, графъ Орловъ, возразила гордо Габріэли, дѣлая къ нему нѣсколько шаговъ,—я одна и работаю съ моимъ секретаремъ. Я думаю, что имѣю право въ своемъ собственномъ домѣ требовать, чтобы мнѣ не мѣшали, пока я занята. Но разъ вы здѣсь, г. графъ, оставайтесь столько времени, сколько потребуется вамъ сообщить мнѣ, зачѣмъ вы явились сюда?

Орловъ смотрѣлъ съ удивленіемъ на ея спокойное, смѣющееся лицо.

— Вы спрашиваете меня, зачѣмъ я здѣсь? повторилъ онъ громко и, замѣтно, принужденно смѣясь.—Ну, я могъ бы отвѣтить, что явился, какъ и всѣ, къ вамъ съ визитомъ.

— Ошибаетесь, г. графъ, не такъ, какъ всѣ: другіе ждутъ, когда я ихъ позову, а вы ворвались силой, а потому я заключаю, что вы явились съ важнымъ порученіемъ отъ императрицы. И это только, г. графъ, могло бы васъ извинить.

— Вы очень добры, придумывая для меня извиненія, но, полагаю, я не нуждаюсь въ нихъ. Повѣрьте, каждая петербургская дама была бы счастлива, если бы ее удостоилъ визитомъ графъ Орловъ!

— Сожалѣю петербургскихъ дамъ, если онѣ себя такъ мало цѣнятъ! возразила Габріэли.—Но, къ дѣлу! Что привело васъ ко мнѣ?

Онъ бросилъ на нее страстный, огненный взглядъ, а потомъ, быстро отвернувшись отъ нея, увидалъ молодого человѣка, который спокойно оставался стоять у письменнаго стола.

— Прикажите прежде выйдти этому парню, синьора.

— Кому? спросила пѣвица, осматривая съ удивленіемъ комнату. — Я вижу здѣсь двухъ мужчинъ, но не вижу никакого парня или слуги.

— Ну, ладно! засмѣялся Орловъ, — такъ попросите уйдти г. секретаря!

— Г. Вернеръ, обратилась къ нему Габріэли съ привѣтливой улыбкой,—прошу васъ выйдти на короткое время въ сосѣднюю камнату. Разговоръ мой съ графомъ, надѣюсь, окончится скоро и мы возобновимъ наши занятія.

Секретарь поклонился, но только одной Габріэли, прошелъ мимо графа къ небольшой двери, которая вела во внутреннія комнаты, и вышелъ. Орловъ проводилъ молодого человѣка лукавымъ взглядомъ и, надменно выпрямившись, обратился къ пѣвицѣ:

— Вы спрашиваете, зачѣмъ я пришелъ? Ея величество императрица послала меня сюда объявить вамъ, что завтра будетъ во дворцѣ парадный обѣдъ и вы должны на немъ присутствовать.

— Честь, какую мнѣ этимъ оказываютъ, заставляетъ меня забыть о вашемъ вторженіи, отвѣчала Габріэли, улыбаясь. — Ея величество удостоиваетъ меня того мѣста, какое я вездѣ занимала! Скажите ея величеству, что я считаю за великую честь ея приглашеніе, и укажите мнѣ часъ, въ который я должна явиться.

Графъ Орловъ слушалъ ее съ возрастающимъ изумленіемъ.

— Неужели вы думаете, что ея величество приглашаетъ васъ къ своему столу? Нѣтъ, вы будете только пѣть за обѣдомъ.

— Какъ! меня зовутъ пѣть для приглашенныхъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ!

— Между тѣмъ, это такъ, подтвердилъ Орловъ,—и я совѣтую вамъ, прекрасная синьора, послушайтесь! Императрица Екатерина, лучшая, уважаемая изъ женщинъ, имѣетъ все-же маленькій недостатокъ: она вспыльчива! Опасно возбуждать ея гнѣвъ! Прошу васъ, синьора, заглушите на этотъ разъ вашу гордость, хотя, смотря на васъ, я согласенъ, что она основательна, заглушите ее и пріѣзжайте завтра во дворецъ.

— По контракту, мною заключенному, я обязана пѣть два раза въ недѣлю въ оперѣ. Я буквально исполняю контрактъ, но въ остальное время я сама себѣ госпожа и никто не можетъ заставить меня пѣть въ другомъ мѣстѣ. Прошу васъ, графъ Орловъ, передайте мой отвѣтъ.

— Ну, это такое порученіе, отъ котораго я охотно отказываюсь! Я не желаю, чтобы на меня обрушился гнѣвъ государыни. Вы бы могли послать съ этимъ порученіемъ вашего милаго маленькаго писаря. Но, продолжалъ онъ, внезапно мѣняя тонъ, — мы одни, никто насъ не слышитъ, а вы, великодушное существо, меня не выдадите. Позвольте-же сказать вамъ, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ женщины, подобной вамъ по красотѣ и душевнымъ качествамъ, а потому я бы хотѣлъ...

Въ эту минуту за маленькой дверью, въ которую вышелъ Вернеръ, послышалось нѣсколько легкихъ ударовъ. Орловъ замолчалъ и сталъ прислушиваться.

— Это мой секретарь и, какъ кажется, онъ имѣетъ спѣшное дѣло, сказала Габріэли, приглашая его въ тоже время громкимъ голосомъ войдти.

Вошелъ Вернеръ съ пакетомъ въ рукахъ.

— Камердинеръ графа Орлова только что принесъ это для синьоры. По его словамъ, это очень спѣшное, а потому я и осмѣлился войдти.

Онъ низко поклонился и вышелъ. Габріэли смотрѣла съ удивленіемъ то на графа, то на пакетъ.

— Отъ васъ, графъ? Что это значитъ? Вы сами здѣсь и присылаете мнѣ что-то съ вашимъ лакеемъ?

— Это значитъ только, что мои лошади быстрѣе ногъ моего камердинера, отвѣчалъ, смѣясь, Орловъ.—Теперь, прошу васъ, синьора, возвратите мнѣ пакетъ, чтобы я могъ лично положить его къ вашимъ ногамъ.

Онъ взялъ пакетъ изъ ея рукъ, сорвалъ бумагу и положилъ ящичекъ у ея ногъ.

— А можно узнать, что тамъ такое? спросила Габріэли.

Орловъ придавилъ пружину и крышка отскочила.

— Это брилліанты, сказала спокойно Габріэли.—Что-же дальше?

— Дальше? спросилъ онъ съ удивленіемъ.—Это украшеніе графъ Орловъ осмѣливается предложить вамъ.

— А я осмѣлюсь спросить, какое право имѣетъ графъ Орловъ это дѣлать?

— Точно такое-же право, вскричалъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе,—какое имѣли тѣ господа, которые вчера вечеромъ на сценѣ подносили вамъ свои подарки. Вы должны быть довольны, что графъ Орловъ лично приноситъ вамъ свой подарокъ, а не посылаетъ вамъ его со своими лакеями!

— Вчера каждый былъ вправѣ подносить мнѣ подарокъ. Это дѣлалось открыто. Но сегодня, въ моей комнатѣ, безъ свидѣтелей, никто не имѣетъ права предлагать мнѣ подарка. Я отказываюсь отъ него. Графъ Орловъ, возьмите вашу шкатулку.

— Вы насмѣхаетесь надо мною! вскричалъ съ гнѣвомъ Орловъ, бросая брилліанты на полъ и быстро подходя къ пѣвицѣ.

Габріэли осталась спокойной и пристально посмотрѣла на Орлова.

— Стыдитесь, графъ, сказала она.—Вы высказываете грубое неуваженіе къ женщинѣ.

И онъ медленно отошелъ, пристыженный и растерянный. Но вдругъ, какъ-бы ослѣпленный молніей, упалъ къ ея ногамъ, схватилъ ея платье и страстно прижалъ къ своимъ губамъ. Она смотрѣла на него съ удивленіемъ и испугомъ. Она не боялась его гнѣва, но страсть его пугала ее.

— Графъ Орловъ! вскричала она, — прошу васъ, встаньте!

— Не прежде, какъ получивъ твое прощеніе! Я останусь лежать у ногъ твоихъ, какъ рабъ, пока ты не скажешь: я не сержусь на тебя!

— Вы можете удалиться, графъ Орловъ, сказала пѣвица ледянымъ тономъ,—прощайте.

Она указала ему на дверь и отвернулась; нога ея задѣла коробку съ брилліантами.

— А мои брилліанты? спросилъ Орловъ.

— Вы вѣрно выразились; да, они ваши; прошу поднять ихъ и взять съ собою.

И, поклонившись еще разъ, она вышла. Онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ лихорадочнымъ взглядомъ и губы его тихо шептали слова удивленія и восторга. Потомъ, забывъ о своихъ брилліантахъ, онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Она-же быстро отворила маленькую дверь, ведущую въ пріемную, но на порогѣ остановилась и смотрѣла съ испугомъ на Вернера, который, точно такъ же испуганный, поспѣшно бросилъ на столъ перчатку, но она видѣла, какъ онъ только что прижималъ ее къ своимъ губамъ. Она быстро подошла къ столу и подняла перчатку. Да, это была ея перчатка, которую она одѣвала вчера. Ея взглядъ поднялся съ перчатки на молодого человѣка, тихо подошла она къ нему и положила руки на его плечо.

— Г. Вернеръ, сказала она нѣжнымъ голосомъ,—предупреждаю васъ, оградите сердце ваше отъ нелѣпой страсти.

Онъ медленно повернулъ къ ней голову и посмотрѣлъ на нее.

— Я не понимаю васъ, синьора Габріэли.

— Но я понимаю васъ, г. Вернеръ, сказала она, указывая на перчатку,—и повторяю мое предостереженіе: поберегите ваше сердце!

— Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ спокойно,—но и я также повторяю: я не нуждаюсь въ предостереженіи.

— Почему вамъ вздумалосъ цѣловать мою перчатку? спросила она.

— Я скажу вамъ правду, синьора, запахъ этой перчатки напомнилъ мнѣ давнопрошедшее. Она пахнетъ жасминомъ, а это были любимые цвѣты моей дорогой матери. Я не думалъ о васъ, синьора, прижимая перчатку, а думалъ о моей матери, о моей честной, благородной матери!

Она прикусила губы, какъ-бы желая сдержать этимъ восклицаніе гнѣва или боли.

— Ну, хорошо, сказала она холодно, — если перчатка напоминаетъ вамъ вашу мать, оставьте ее себѣ на память!

— Не нужно, синьора, отвѣчалъ онъ спокойно,—воспоминаніе о моей дорогой матери и безъ того всегда живетъ въ моемъ сердцѣ.

Она снова закусила губы и помолчала нѣсколько минутъ; потомъ, увидя на столѣ разложенные вчерашніе подарки, спросила:

— Это вы, Вернеръ, уложили ихъ съ такимъ вкусомъ?

— Да, я! отвѣчалъ онъ,—я знаю, что вы любите это.

— А вы, г. Вернеръ, что думали вы, раставляя всѣ эти драгоцѣнности? Неправда-ли, вы, какъ и я, смѣялись надъ простаками, которые думаютъ золотомъ и брилліантами тронуть мое сердце. Неправда-ли, Вернеръ, вы такъ думали?

Онъ медленно покачалъ головой.

— Нѣтъ, синьора, я не думалъ этого.

— Что-же вы думали? скажите мнѣ, не будьте всегда такимъ молчаливымъ, Вернеръ, откройте мнѣ ваши мысли!

— Вы приказываете, синьора?

— Да, приказываю!

— Ну, хорошо! Когда я укладывалъ здѣсь это золото и серебро, жемчугъ и дорогіе камни,— простите, синьора, нельзя отвѣчать за свои мысли, а вы приказали мнѣ высказать ихъ,—я думалъ тогда о Маріи Магдалинѣ. Она жила въ блескѣ, пышности и богатствѣ, но въ тотъ день, когда сердце ея узнало Мессію, она покинула богатство и пышность; плача, съ распущенными волосами, она послѣдовала за Спасителемъ и въ раскаяніи склонилась передъ нимъ. Далѣе я думалъ, что чистою, истинною любовью можно очиститься отъ всѣхъ прегрѣшеній. Вотъ что я думалъ, синьора, прошу теперь отпустить меня.

Онъ низко поклонился и поспѣшилъ къ двери. Она стояла, оперши на столъ, и смотрѣла ему вслѣдъ съ страннымъ выраженіемъ лица; когда-же Вернеръ отворилъ дверь, чтобы выйдти, она позвала его умоляющимъ, слабымъ голосомъ:

— Вернеръ, прошу васъ, еще на одну минуту!

Онъ медленно возвратился.

— Что прикажете, синьора?

Она сдѣлала къ нему нѣсколько шаговъ и нерѣшительно остановилась.

— Вернеръ, вы сердитесь на меня?

— Я? на васъ? какое право имѣетъ слуга сердиться на свою госпожу?

— Не говорите этого, вскричала она живо,— вы не слуга мой!

— Нѣтъ, я вашъ слуга, синьора; князь Кауницъ прислалъ меня къ вамъ, вы мнѣ платите; слѣдовательно я вашъ слуга и не имѣю причины ни на что жаловаться!

— И все-же вы сердитесь на меня, Вернеръ, сказала она нѣжнымъ голосомъ,— и вы имѣете право сердиться; я прошу у васъ прощенія!

— Прощенія? за что?

— Потому что я провинилась передъ вами, я сказала графу Орлову, что я одна, когда вы были со мною. Гнѣвъ и ненависть къ графу заставили меня сказать неправду. Нѣтъ, я была не одна, вы были со мною, вы единственный мужчина, котораго я уважаю, передъ которымъ опускаю глаза! Нѣтъ, я была не одна и повторяю: Вернеръ, прошу васъ, простите меня! Дайте мнѣ вашу руку и скажите, что вы меня прощаете!

Она протянула ему руку и смотрѣла на него умоляющимъ взглядомъ.

— Вернеръ, вы не берете мою руку? Но я повторяю, вы единственный человѣкъ, котораго я глубоко уважаю. Вернеръ, возьмите мою руку и скажите, что прощаете меня!

Онъ медленно поднялъ свою руку и дотронулся концами пальцевъ до ея руки.

— Хорошо, пусть будетъ по вашему, я прощаю васъ! сказалъ онъ тихо, затѣмъ быстро повернулся и вышелъ изъ комнаты.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Къ рисункамъ.

Послѣдніе друзья. Собаки—друзья человѣка. Вѣрность и преданность собаки человѣку вошли въ поговорку. Многіе поэты очень трогательно касались этого предмета. Беранже, Байронъ, Некрасовъ посвятили ему не одну строфу своихъ стиховъ. Этого-же предмета коснулся и польскій художникъ, изобразившій одинокаго, забывшагося въ тяжелыхъ грезахъ человѣка, окруженнаго собаками, всматривающимися въ него и лижущими ему руки. Художникъ хорошо справился съ своей задачей и написалъ красивую картину. Превосходно выполнены на ней кромѣ того аксесуары.

Свадебное шествіе Дагмары, дочери чешскаго короля Оттокара I-го, съ Вольдемаромъ датскимъ, картина Брозика. Историческія картины, писанныя на извѣстныя торжественныя случаи, имѣющія историческое значеніе, почти всегда отличаются нѣкоторою сухостью въ композиціи и торжественною офиціальностью, которая уменьшаетъ ихъ художественное значеніе. Это, впрочемъ, понятно, такъ какъ при подобныхъ сюжетахъ, художникъ стѣсненъ извѣстными рамками, извѣстными позами, костюмами, историческою вѣрностью, такъ что свободное творчество уступаетъ мѣсто вѣрной и точной передачѣ самого факта. Чешскій художникъ Брозикъ съумѣлъ, однакожь, обойдти эти затрудненія, или по крайней мѣрѣ, обставить офиціальное торжество разнообразной и очень удачной композиціей. Сюжетъ картины: бракъ, или вѣрнѣе свадебное шествіе Дагмары, дочери короля Оттокара, и Вольдемара, принца датскаго. Картина изображаетъ портикъ дворца въ Прагѣ, по которому двигается свадебная церемонія, направляясь въ церковь. Въ самомъ центрѣ картины изображены Дагмара и Вольдемаръ; хвостъ платья Дагмары несутъ пажи, затѣмъ идутъ царедворцы и народъ; впереди, жениха и невѣсту встрѣчаютъ городскія власти и женщины на колѣняхъ подносятъ цвѣты. Картина имѣетъ несомнѣнное достоинство, въ особенности, по отношенію къ вѣрной передачѣ историческихъ костюмовъ XII столѣтія. Эти костюмы такъ живописны, что придаютъ много блеска, жизни, разнообразія картинѣ. Тонкій и изящный рисунокъ, множество характерныхъ типовъ, удачное распредѣленіе фигуръ, удачная композиція,—все это придаетъ картинѣ чешскаго художника несомнѣнное достоинство.

Вихрь въ полѣ, бронзовая група Белліаци. Мы уже не разъ помѣщали снимки съ скульптурныхъ произведеній современныхъ итальянскихъ художниковъ. Современная школа итальянской скульптуры во многомъ замѣчательна и достойна вниманія. Итальянскіе скульпторы окончательно, какъ кажется, оставили класическую пластику и ищутъ для своихъ скульптурныхъ произведеній такихъ сюжетовъ, которые-бы отвѣчали современной жизни, но въ тоже время были-бы и пластичны. Такимъ образомъ выработался въ Италіи тотъ скульптурный жанръ, котораго попытки во Франціи, а отчасти и въ Россіи, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Французы ударились въ условную класичность, а русскіе скульпторы обнаружили крайнюю несостоятельность въ выборѣ сюжетовъ. Всякій жанръ долженъ быть, прежде всего, интересенъ не столько по выполненію, сколько по сюжету, между тѣмъ, какъ русскіе скульпторы не пошли далѣе крестьянскихъ дѣвушекъ «рѣзвушекъ», да крестьянскихъ ребятишекъ съ приподнятыми рубашенками; понятно, что въ подобнаго рода сюжетахъ, мысль играетъ весьма второстепенную роль. Група г. Каменскаго «Мать, которая учитъ своего ребенка ходить», могла-бы быть интересна по сюжету, но за то композиція оказалась крайне неудачной и производитъ не художественное впечатлѣніе. Не безупречны также и итальянскіе художники. Жанръ, въ особенности скульптурный, всегда предполагаетъ извѣстный художественный реализмъ, но этимъ реализмомъ итальянскіе скульпторы слишкомъ злоупотребляли и, увлекаясь извѣстными трудностями, они принялись создавать настоящіе фокусы, изображая изъ мрамора кружева, различнаго рода матеріи, покрывалы и проч. Въ настоящее время, однакожь, это ультра-реалистическое направленіе начинаетъ уступать мѣсто болѣе трезвому взгляду. Первая горячка этого грубаго реализма уже прошла, и туринская выставка нынѣшняго года доказываетъ, что итальянскія скульптурныя произведенія стали менѣе эксцентричны и значительно болѣе художественны. Къ такимъ произведеніямъ слѣдуетъ отнести и бронзовую групу Белліаци. Сюжетъ очень простъ и не требуетъ объясненія: двѣ крестьянскія дѣвочки, одна постарше, другая совсѣмъ маленькая,—возвращаются изъ лѣса, куда ходили за дровами; но въ полѣ ихъ застигъ вихрь; идя противъ вѣтра, онѣ принуждены бороться съ нимъ, младшая, совершенно изнуренная, закрыла лицо руками; ее ведетъ старшая, неся собранныя дрова, и наклоня голову. Прелестные женскіе типы, мастерское выполненіе фигуръ, естественность позъ, и движеніе, приданное всей группѣ,—вотъ выдающіяся черты этого замѣчательнаго скульптурнаго произведенія.

Рыбакъ. Бронзовая группа д'Орси, копію съ которой мы предлагаемъ здѣсь, очень граціозна и мила, хотя она и не принадлежитъ къ числу произведеній искуства, о которыхъ много спорятъ и говорятъ. Это просто прелестная, со вкусомъ сдѣланная вещица, могущая быть прекраснымъ украшеніемъ кабинета, этажерки и т. д. Д'Орси очень вѣрно съумѣлъ передать дѣтскія, еще не окончательно сложившіяся формы своего маленькаго рыбака.

* * *

Правительственныя распоряженія.

Именной высочайшій указъ правительствующему сенату.

Именнымъ указомъ Нашимъ, даннымъ правительствующему сенату, въ 12-й день февраля 1880 года, въ видахъ прекращенія покушеній дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ, учреждена, на изложенныхъ въ упомянутомъ указѣ основаніяхъ, верховная распорядительная комиссія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. При этомъ, для объединенія дѣйствій всѣхъ властей, главному начальнику означенной комиссіи, члену государственнаго совѣта, Нашему генералъ-адъютанту, генералу-отъ-кавалеріи графу Лорисъ-Меликову предоставлены чрезвычайныя права.

Слѣдя, со дня учрежденія верховной распорядительной комиссіи, за мѣропріятіями главнаго начальника оной, Мы убѣдились, что ближайшая цѣль учрежденія комиссіи—объединеніе дѣйствій всѣхъ властей для борьбы съ крамолою—настолько уже достигнута вполнѣ согласными съ видами Нашими распоряженіями генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, что дальнѣйшія указанія Наши по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія могутъ быть приводимы въ исполненіе въ общеустановленномъ закономъ порядкѣ, съ нѣкоторымъ лишь расширеніемъ круга вѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдствіе сего, а также съ цѣлью большаго на будущее время упроченія единства дѣйствій существующихъ органовъ исполнительной власти, Мы признали за благо:

1) Верховную распорядительную комиссію закрыть, съ передачею дѣлъ оной въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

2) III-е отдѣленіе собственной Нашей канцеляріи упразднить, съ передачею дѣлъ онаго въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, образовавъ особый, для завѣдыванія ими, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, департаментъ государственной полиціи, впредь до возможности полнаго слiянія высшаго завѣдыванія полиціею въ государствѣ въ одно учрежденіе упомянутаго министерства.

3) Завѣдываніе корпусомъ жандармовъ возложить на министра внутреннихъ дѣлъ, на правахъ шефа жандармовъ.

4) Министру внутреннихъ дѣлъ предоставить завершеніе возбужденныхъ верховною распорядительною комиссіею вопросовъ, съ правомъ приглашать для сего, въ особыя совѣщанія, членовъ закрываемой нынѣ комиссіи.

5) Генералъ-губернаторамъ и другимъ учрежденіямъ и начальствующимъ лицамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по существующему, во исполненіе указа 12-го февраля сего года, порядку, обращались къ главному начальнику верховной распорядительной комиссіи, относиться на будущее время къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому предоставить, впредь до особаго указанія Нашего, высшее направленіе всѣхъ слѣдственныхъ по государственнымъ преступленіямъ дѣлъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ таковое направленіе принадлежало главному начальнику верховной распорядительной комиссіи.

6) Въ видахъ облегченія многотрудныхъ обязанностей министерства внутреннихъ дѣлъ, безъ нарушенія опредѣленнаго законами Россійской Имперіи значенія сего министерства, отдѣлить отъ онаго: а) присоединенные къ его составу, въ 1868 году, департаменты почтъ и телеграфовъ, съ образованіемъ изъ нихъ, на прежнемъ основаніи, особаго министерства почтъ и телеграфовъ; и б) департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, завѣдываніе коимъ, на правахъ главноначальствующаго, поручается Нами вмѣстѣ съ симъ особому лицу—и

7) Распоряженія по приведенію вышеизложеннаго въ исполненіе возложить на министровъ внутреннихъ дѣлъ и почтъ и телеграфовъ, по принадлежности предметовъ и по надлежащемъ соглашеніи съ другими вѣдомствами, съ испрошеніемъ, въ потребныхъ случаяхъ, Нашихъ указаній и разрѣшеній.

Правительствующій сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащія распоряженія.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Ропшѣ.
6-го августа 1880 года.

Именные высочайшіе указы, данные правительствующему сенату:

1880 года августа 6-го. Главному начальнику верховной распорядительной комиссіи, члену государственнаго совѣта, Нашему генералъ-адъютанту, генералу отъ кавалеріи, графу Лорисъ-Меликову—всемилостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи генералъ-адъютанта.

Августа 6-го. Министру внутреннихъ дѣлъ, Нашему статсъ-секретарю, тайному совѣтнику Макову—всемилостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ почтъ и телеграфовъ и главноначальствующимъ надъ департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря.

Августа 6-го. Сенатора, тайнаго совѣтника Мартынова—всемилостивѣйше увольняемъ отъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, съ назначеніемъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ.

Августа 6-го. Управляющему дѣлами комитета министровъ, Нашему статсъ-секретарю, тайному совѣтнику Каханову — всемилостивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря.

Августа 6-го. Товарищу главнаго начальника III отдѣленія собственной Нашей канцеляріи и шефа жандармовъ, свиты Нашей генералъ-маіору Черевину, всемилостивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ свитѣ Нашей.

Смѣсь.

— **Бюстъ Гоголю.** Бывшіе воспитанники лицея князя Безбородко (преимущественно служащіе въ мѣстномъ окружномъ судѣ), желая почтить память Н. В. Гоголя (бывшаго воспитанникомъ гимназіи высшихъ наукъ въ гор. Нѣжинѣ, потомъ лицеѣ князя Безбородко, а нынѣ историко-филологическомъ институтѣ), обратились съ ходатайствомъ къ черниговскому губернатору съ просьбою о разрѣшеніи поставить бюстъ этого писателя въ городскомъ скверѣ и объ открытіи на этотъ предметъ подписки. Къ ходатайству этому присоединились и представители земства и городского общества.

— **Пожаръ въ Петербургѣ.** 4 августа въ Петербургѣ случился огромный пожаръ на набережной Лиговскаго канала. «Голосъ» сообщаетъ о немъ слѣдующія свѣденія: всего сгорѣло 22 дома, изъ нихъ 8 деревянныхъ и 14 каменныхъ; отчасти-же обгорѣли 5 каменныхъ домовъ. Всѣ эти до тла сгорѣвшіе дома приходятся на лицевую сторону Лиговскаго канала, Чубарова переулка и Предтеченской улицы. Не считая домовъ, сгорѣли и внутреннія постройки, находящіяся между набережной Лиговки и Предтеченской улицы: громадный 5-этажный домъ Мочалова, ограмный каменный домъ Давыдова и около 10 деревянныхъ строеній, находящихся на проходномъ дворѣ дома Васильева. Ужасную картину представляетъ теперь это громадное пепелище, образовавшееся на всемъ пространствѣ, начиная отъ завода Сан-Гали до Чубарова переулка съ одной стороны и отъ набережной Лиговскаго канала до Предтеченской улицы—съ другой. Трупы сгорѣвшихъ лошадей и коровъ валяются на дворѣ дома Васильева; цѣлыя горы обгорѣвшихъ экипажей, шинъ отъ колесъ, ресоръ, полозьевъ, домашней рухляди — все это въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ разбросано по всей мѣстности. Сотни семействъ копошатся надъ всѣмъ этимъ, тщетно отъискивая уцѣлѣвшіе остатки своего хозяйства. Бѣдняки-извозчики, во множествѣ населявшіе эти дома, розыскиваютъ свои серебряныя и мѣдныя деньги, похороненныя подъ этимъ пепелищемъ. У одного извозопромышленника, крестьянина Сидорова, сгорѣло около 1,500 р., изъ которыхъ серебряною монетою было около 500 рублей. У колеснаго мастера, крестьянина Одноколкина, сгорѣло на 6,000 р. оглоблей и колесъ. У крестьянина Герасимова сгорѣли 8 лошадей. Всѣхъ-же сгорѣвшихъ животныхъ насчитываютъ: 18 лошадей и 2 коровы. Все это имущество, а также хозяйственныя принадлежности, сгорѣвшія во время пожара, не были застрахованы. Болѣе 200 семействъ осталось безъ крова и пристанища. У одной женщины, солдатки Евфросиньи Павловой, пропала невѣдомо куда дѣвочка лѣтъ 4. Неизвѣстно, сгорѣлъ-ли ребенокъ или былъ взятъ кѣмъ-нибудь. Убытокъ отъ пожара, какъ полагаютъ, не менѣе 5 миліоновъ рублей.

— **Пожаръ въ Ряжскѣ.** Въ «Русск. вѣд.» пишутъ изъ Ряжска, рязанской губ., что 24-го іюля окружающія городъ слободы постигло страшное несчастіе. Вспыхнула сначала Стрѣлцкая слобода, а за нею, благодаря сильному въ этотъ день вѣтру, загорѣлись и слободы Фофоньская и Пушкарская. Въ нѣсколько часовъ отъ этихъ трехъ слободъ ничего не осталось: сгорѣло 270 домовъ со всѣми постройками, ригами, снятымъ съ полей хлѣбомъ и имуществомъ. На помощь погорѣльцамъ въ уѣздѣ открылась частная подписка.

— **Новый музыкальный инструментъ.** Русскій самоучка механикъ и любитель музыки изобрѣлъ новый музыкальный инструментъ, чрезвычайно мелодичный и пріятный. Механизмъ инструмента заключенъ въ деревянный пустой цилиндръ и состоитъ изъ множества колесъ съ углубленными краями, усѣянными зубчиками; каждое колесо соотвѣтствуетъ извѣстной нотѣ, а зубчики извѣстному тону и звуку. Устройсто этого музыкальнаго инструмента пока еще составляетъ секретъ изобрѣтателя; лица, слышавшіе игру на этомъ инструментѣ, отзываются о немъ съ похвалою.

— **Члены кореспонденты.** Французскій «литературный фондъ» (Société des gens de lettres de France) расширилъ недавно програму своей дѣятельности и увеличилъ свой личный составъ иностранными членами - кореспондентами (membres correspondants étrangers). По статьѣ 18 устава «Французскаго литературнаго общества», «всякій иностранный литераторъ, не живущій въ предѣлахъ Франціи, можетъ получить званіе кореcподента «общества литераторовъ». На основаніи этой статьи, комитетомъ «общества», въ засѣданіи 12-го іюля постановлено: «1) Число иностранныхъ членовъ-кореспондентовъ не можетъ быть болѣе восмидесяти. 2) Иностранные члены-кореспонденты избираются комитетомъ «литературнаго общества» и имена ихъ вносятся въ назначенную для того книгу. 3) Иностранные члены-кореспонденты извѣщаются объ ихъ избраніи особымъ письмомъ, подписаннымъ предсѣдателемъ комитета «литературнаго общества». 4) Постановленія «общества», издаваемая имъ ежемѣсячная «хроника» (Chronique de la société des gens de lettres») и всѣ изданія «общества», касающіяся международныхъ литературныхъ сношеній, высылаются иностраннымъ членамъ - кореспондентамъ. 5) Званіе иностраннаго члена-кореспондента совершенно отлично (absolument distinct) отъ уполномочія, даваемаго въ каждой странѣ агенту «общества», на котораго возлагается обязанность слѣдить за воспроизведеніемъ, переводомъ, передѣлкою произведеній французскихъ литераторовъ и входить въ сношенія съ газетами и издателями; такой агентъ именуется представителемъ «общества» (représentant de la société). 6) Званіе иностраннаго члена-кореспондента не влечетъ за собою никакихъ обязанностей. Комитетъ «литературнаго общества» проситъ только своихъ иностранныхъ членовъ-кореспондентовъ содѣйствовать ему въ общихъ усиліяхъ литераторовъ, стремящихся скрѣпить узы литературнаго сотоварищества и обезпечить защиту нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ писателей». Вслѣдствіе этого постановленія комитетомъ избраны первые 36 членовъ-кореспондентовъ въ Америкѣ, Даніи, Италіи, Испаніи, Норвегіи, Португаліи, Россіи и Швеціи. Изъ русскихъ литераторовъ, какъ передаетъ «Голосъ», избраны членами-кореспондентами: И. А. Гончаровъ, А. А. Краевскій, А. Н. Островскій, М. Е. Салтыковъ, М. М. Стасюлевичъ и графъ Л. Н. Толстой.

— **Генералъ и индѣйскій пѣтухъ.** Въ «Современ. Извѣстія» пишутъ изъ Тамбова, что тамъ къ одному изъ мировыхъ судей поступило дѣло «объ индюкѣ и его превосходительствѣ». Дѣло это въ свое время надѣлало не мало шуму. Оно заключалось въ слѣдующемъ: на одного генерала на улицѣ напалъ индѣйскій пѣтухъ. Напрасно генералъ отбивался отъ индюка, послѣдній безпощадно клевалъ его и взбирался все выше и выше. Генералъ былъ поставленъ въ крайне комичное положеніе: на большой улицѣ среди бѣлаго дня стоялъ генералъ съ индюкомъ на груди; явился, наконецъ, и спаситель, дьяконъ, который оттащилъ индюка; подоспѣвшей полиціей былъ составленъ протоколъ и велѣно было немедленно отыскать хозяина этой дерзкой птицы. Хозяинъ найденъ и оказался тоже генераломъ. Наступилъ день разбирательства. Камера была переполнена публикой; негдѣ было, какъ говорится, упасть яблоку. Вотъ разбирательство кончено; вина индюка доказана. Мировой судья выходитъ для прочтенія приговора. Публика притаила дыханіе. На основаніи такой-то статьи, читаетъ мировой судья, дѣйствительный статскій совѣтникъ N. N. подвергается штрафу въ количествѣ 10 копеекъ, а въ случаѣ его несостоятельности—суточному аресту.

— **Наказанная сплетница.** Кореспондентъ «Голоса» изъ Кѣлецъ разсказываетъ слѣдующее: У одного изъ мировыхъ судей кѣлецкой губерніи разбиралось весьма интересное дѣло о распространеніи ложныхъ свѣденій о частныхъ лицахъ одною изъ представительницъ высшаго мѣстнаго общества, особою весьма интелигентною. Она распространяла въ городѣ между своими знакомыми свѣденіе, будто бы двое изъ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ намѣреніе застрѣлить начальника уѣзда, одного изъ старшихъ чиновниковъ управленія уѣзднаго начальника—повѣсить, а товарища своего, присяжнаго повѣреннаго,—жестоко избить. Когда эти свѣденія дошли до обвиняемыхъ въ такихъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, они привлекли эту милую не во всѣхъ отношеніяхъ даму за распространеніе ложныхъ о нихъ слуховъ къ мировому судьѣ. Вызванные свидѣтели, а въ числѣ ихъ родная дочь этой дамы, подтвердили справедливость распространенія ею ложныхъ слуховъ о присяжныхъ повѣренныхъ, вредящихъ ихъ чести и доброму имени, а потому мировой судья, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, приговорилъ даму къ аресту при полиціи на 5 недѣль».

— **Необыкновенное развитіе волосъ на головѣ.** Недавно Эразмъ Вильсонъ изъ Лондона, представилъ фотографическую карточку одной женщины 38 лѣтъ, обращающей на себя вниманіе замѣчательнымъ развитіемъ волосъ на головѣ. Ростомъ она 5 футовъ и 5 дюймовъ, ея распущенныя косы, если она стоитъ, спадаютъ густой волною на полъ и подобно шлейфу волочатся на протяженіи почти цѣлаго фута. Чтобы составить себѣ надлежащее представленіе о необыкновенномъ размѣрѣ этихъ волосъ достаточно замѣтить, что волоса въ 3 фута считаются уже очень длинными, волоса же этой дамы равняются 6 футамъ и 3 дюймамъ длины.

Д-ръ Генри Леонардъ, изъ Филадельфіи, въ свою очередь, представилъ фотографическую карточку одной американки, отличающейся еще бо̀льшимъ развитіемъ волосъ: длина ея косы равняется 7 футамъ и 6 дюймамъ, т. е. болѣе сажени! Жена одного дрогиста также изъ Филадельфіи, обладала шевелюрой, хотя по длинѣ волосъ и уступавшей предъидущимъ, но значительно превосходившей ихъ густотою: если эта женщина садилась на стулъ, она могла завернуться въ свои волоса словно въ широкій плащъ, причемъ совершенно укрывалось все ея тѣло.

— **Стеклянный фитиль.** Въ послѣднее время въ Германіи стали приготовлять для лампъ стеклянные фитили. Преимущество этихъ фитилей состоитъ въ томъ, что они пропитываются керосиномъ или спиртомъ гораздо равномѣрнѣе обыкновенныхъ фитилей и снабженныя ими лампы, какъ показалъ опытъ, гораздо болѣе безопасны: вслѣдствіе своей плотности стеклянные фитили не пропускаютъ, въ случаѣ дуновенія, пламя во внутрь резервуара. Кромѣ того, при равенствѣ остальныхъ условій, стеклянный фитиль даетъ болѣе чистый и яркій свѣтъ и совершенно уничтожаетъ запахъ, происходящій часто вслѣдствіе не полнаго сгоранія керосина или масла. Наконецъ, спиртовая лампа снабженная стекляннымъ фитилемъ даетъ пламя болѣе ровное, чѣмъ съ обыкновеннымъ фитилемъ, причемъ самое пламя отличается гораздо болѣе высокой температурой. Всѣ эти несомнѣнно важныя преимущества обѣщаютъ новому изобрѣтенію успѣхъ, какого оно вполнѣ заслуживаетъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 32-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 9 августа въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 11 августа въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Жизнь честнаго человѣка, стих. **Омулевскаго.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. **М. Ф. Каменской.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Пляски и танцы на Руси, ист.-біол. оч. **Вл. Михневича.**—Мѣста недавнихъ битвъ, ст. **В. И. Немировича-Данченко.**—Великая пѣвица, истор. пов. **Луизы Мюльбахъ**, перев. **А. Качоровской.**—Къ рисункамъ. — Правительственныя распоряженія.—Смѣсь.

Рисунки: Послѣдніе друзья, карт. **Кущевскаго.**—Торжественная свадебная процесія Дагмары съ Вольдемаромъ въ Даніи, карт. **Брозика.**—У колодца, рис. **Дж. С. Дэвиса.**—На охотѣ, карт. **Его-же.**—Маленькій рыбакъ, група **д'Орси.**—Вихрь въ полѣ, бронз. груп. **Белліаци.**—

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

При этомъ нумерѣ прилагается десятый двойной листъ романа А. Михайлова **„Чужіе грѣхи“.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 августа 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 34. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 23 Августа 1880 г.

* * *

Стих. **Дм. Черткова.**

Минувшее время, минувшія
слёзы,
Угасшія радости, прошлыя
грёзы,
Зачѣмъ я объ васъ не забылъ!

Теперь вновь живу я въ тоскѣ безотрадной
И снова сжигаетъ меня безпощадный,
Погашенный временемъ, пылъ.

Къ чему всѣ стремленья къ прельщающей дали?
Надежды и грёзы—источникъ печали,
Смертельный, безжалостный ядъ.

Исчезнутъ всѣ чары мечты идеальной...
Со скорбью увидитъ ихъ остовъ печальный
Слезой отуманенный взглядъ.

Тогда будетъ поздно... проклятья, рыданья
Усилятъ лишь сердца пустого страданья
И тягость душевныхъ потерь.

А рокъ, безпощадная, вѣчная сила,
Шепнетъ: предъ тобою раскрыта могила,
Въ ней отдыхъ найдешь ты теперь!

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава XI.

Вернувшись домой, Лёло вбѣжала въ спальню и остановилась передъ зеркаломъ. Взглянула на себя, улыбнулась, зажала лицо руками, тряхнула головой, отвела немного руки и опять улыбнулась. Потомъ сбросила съ себя шубку, сорвала шапочку, кинулась на диванъ и уткнулась въ уголокъ. Долго лежала такъ Лёло не шевелясь; вдругъ вошла горничная ея, Матрена, и доложила:

— Сударыня, ихъ превосходительство просятъ васъ пожаловать къ нимъ-съ.

— Сейчасъ иду! сказала, вставая, Лёло и тихо пошла въ кабинетъ.

— Ну, что, душка моя, покаталась ты?.. спросилъ, улыбаясь, генералъ.

— Покаталась, папочка...

— И весело тебѣ было?

— Весело, папочка.

— Очень весело?.. опять спросилъ Сергѣй Александровичъ.

— Очень весело... едва слышно проговорила Лёло.

— Да что съ тобой? Ты вѣрно испугалась?.. Вѣрно эта скверная «милка» понесла васъ?..

— Нѣтъ, папочка...

— Какъ нѣтъ? я вижу, что-нибудь да было?.. ты вѣдь мнѣ правду не скажешь .. а я по лицу вижу, что съ вами что-нибудь да случилось,— ты испугалась?..

— Право, нѣтъ, папочка... у меня голова разболѣлась...

— Ну, и простудилась... подойди-ка ко мнѣ!.. Ну, вотъ, руки холодны, а лицо горитъ.. Простудилась, я вижу, что простудилась...

— Ахъ! право, нѣтъ!.. У меня еще дома голова болѣла...

— А ты поѣхала, дитя! Какъ тебѣ не стыдно! генералъ взялъ со стола колокольчикъ и позвонилъ.

Вошелъ камердинеръ.

— Матрешку мнѣ скорѣй позови!

Камердинеръ вышелъ и сейчасъ-же явилась горничная Лёло.

— Матрешка, поди сюда! Слушай толкомъ, чтó я тебѣ скажу! Барыня простудилась, завари сейчасъ-же липоваго цвѣта, слышишь?

— Слушаю-съ...

— Ну, возьми налей полчашечки рому и полчашечки уксусу... Поняла ты?..

— Поняла-съ.

— Ну, положи барыню сейчасъ-же въ постель, нагрѣй уксусъ съ ромомъ и вытри барыню хорошенько, слышишь?..

— Слышу-съ...

— Ну, а какъ натрешь, укрой барыню потеплѣе... а потомъ и напой барыню липовымъ цвѣтомъ, да смотри, чтобъ Елена Михайловна цѣлую чашку выпила!

— Слушаю-съ!

— Смотри-же, все сдѣлай! Помнишь ты, чтó я тебѣ приказалъ?

— Помню-съ.

— Ну, повтори!..

— Вы изволили приказать заварить липоваго цвѣта-съ, налить полчашки рому-съ и полчашки уксусу-съ, положить барыню въ постель, нагрѣть чашечку-съ и потереть-съ.

— А еще что? спросилъ генералъ.

— Еще-съ, потеревши-съ укрыть барыню потеплѣе-съ!

— Ну, хорошо! а послѣ приходи къ намъ въ спальню и лягъ съ барыниной стороны на полу, да если барыня раскрываться будетъ, такъ ты ее укрывай. Слышишь?

— Слушаю-съ, будьте спокойны-съ, я все сдѣлаю, чтó вы изволили приказать-съ...

— Смотри-же, все сдѣлай! А ты, Лёлечикъ, слушайся ее... Ну, поцѣлуй меня и ступай лягъ скорѣй, тебѣ согрѣться надо...

— Прощайте, папочка! сказала Лёло и поцѣловала мужа.

— Да что ты прощаешься, вѣдь и я скоро къ тебѣ пріѣду; я самъ что-то усталъ, спать хочется.

Лёло пошла въ спальню. Матрена сложила руки на животѣ и пошла за ней. Лёло проворно раздѣлась и легла въ постель. Матрена принесла на подносѣ чашку, чайникъ съ липовымъ цвѣтомъ, поставила на столикъ подлѣ кровати и начала грѣть на свѣчкѣ кострюлечку съ ромомъ и уксусомъ. Лёло выглядывала на нее изъ-за подушки.

— Что, сударыня, васъ подпраетъ? спросила Матрена.

— Да, дрожащимъ отъ смѣха голосомъ, отвѣтила Лёло.

— Самимъ-то жарко-съ, а нутро-то знобитъ-съ?

— Да, Матреша! отвѣтила опять Лёло и уткнулась въ подушки, чтобы не фыркнуть.

— Эвто у васъ невры застужены-съ, ужо я васъ разотру-съ. Никто, какъ Богъ-съ, все къ утрому пройдетъ-съ... Извольте повернуться спинкой-съ, сказала Матрена и начала тереть.

— Матрена!.. ай!.. оставь!.. щекотно, я боюсь!.. кричала сквозь хохотъ Лёло.

— Вы ревнивы-съ?... Извольте потерпѣть-съ, я вамъ невры разотру-съ!..

— Довольно! довольно! умирая отъ хохота, кричала, вертясь, Лело.

— Ну, извольте-съ теперь лечь спокойно-съ, я васъ укрою, говорила Матрена, накладывая на барыню сверхъ атласнаго стеганнаго одѣяла лисью шубу.

— Матрена, ты меня задушишь...

— Ничего-съ, паръ костей не ломитъ-съ... Извольте выкушать чашечку липоваго цвѣта-съ.

— Брръ!.. какая гадость! прихлебнувъ, сказала Лело, дѣлая гримасу.

— Это сладко-съ, извольте кушать-съ...

— Довольно, я не могу!..

— Еще глоточекъ-съ...

— Мнѣ тошно!

— Ну, еще глоточекъ, для барина-съ!..

«Для Пети», подумала Лело и выпила все залпомъ.

— Вотъ и умницы-съ!.. Извольте таперича почивать съ Богомъ.

Лело притихла и закрыла глаза. Матрена начала убирать, копошиться въ спальнѣ.

— Господи, помилуй мя грѣшную! сказала Матрена и начала зажигать передъ кивотомъ лампаду.

Лело вдругъ открыла глаза, откинула шубу и начала глядѣть на Матрену. Матрена, крестясь, поднесла зажженую бумажку къ свѣтильнѣ, и ясно загорѣлась лампада и засвѣтились золотыя ризы образовъ. Лело тихо приподнялась, крѣпко сложила руки и прошептала:

— Господи, помилуй мя грѣшную, и крупныя слезы покатились по ея щекамъ.

— Что это вы раскрылись, сударыня?.. сказала, вдругъ обернувшись, Матрена,

Лёло юркнула подъ одѣяло.

— Да никакъ вы молились, матушка? спросила Матрена.

Лёло ничего не отвѣтила.

— Молитесь, матушка, молитесь! отъ молитвы худо не будетъ, сказала, крестясь на образа, Матрена.

Двѣ дѣвушки вкатили въ спальну генерала. Пришла старуха ключница и вмѣстѣ съ дѣвушками уложила Сергѣя Александровича въ постель.

— Ну, что, уснула?.. спросилъ генералъ, глядя на жену.

— Кажись, что уснули-съ... отвѣтила Матрена, постилая себѣ постель въ ногахъ барыни.

Скоро застоналъ генералъ и сладко захрапѣла Матрена.

По утру Петръ Петровичъ сидѣлъ уже за самоваромъ, когда Лёло вышла въ залу; увидавъ его, она вся вспыхнула, какъ зарево. Котиковъ пошелъ ей на встрѣчу и, какъ всегда, поцѣловалъ ей руку. Лёло, не глядя на Петра Петровича, молча сѣла за столъ. Онъ молча подалъ ей чашку чая и, какъ передъ ребенкомъ, положилъ ея любимыя булки. Лёло прихлебнула раза два, вскочила изъ за стола и убѣжала въ маленькую диванную. Немного погодя, Котиковъ пошелъ за ней. Когда онъ вошелъ въ диванную, Лёло стояла, прислонясь къ окну, и держалась обѣими руками за переплетъ рамы.

— Что съ тобой, моя Лёло? спросилъ Петръ Петровичъ, притягивая къ себѣ за талію Лёло.

— Оставьте меня, мнѣ стыдно, проговорила, отворачиваясь, Лёло.

— Поцѣлуй меня и перестанетъ!.. улыбаясь, сказалъ Петръ Петровичъ.

— Это не хорошо, чтó мы дѣлаемъ! прошептала Лёло.

— Это очень хорошо! проговорилъ Котиковъ, крѣпко цѣлуя Лёло.—Садись ко мнѣ! прибавилъ онъ, сажая насильно къ себѣ на колѣни Лёло.— Ну, говори мнѣ, чтó съ тобой? чтó тебя тревожитъ?..

— Я цѣловала тебя...

— Что-жь?..

— Я обманщица!

— Чѣмъ?

— Я замужемъ...

— За кѣмъ?

— За Сергѣемъ Александровичемъ, невольно улыбаясь, сказала Лёло.

— Вотъ видишь, тебѣ самой смѣшно, объ чемъ-же ты плачешь?..

— Я люблю тебя!..

— Я не нахожу, чтобъ это было такъ грустно...

Лёло опять улыбнулась и, глядя на Петра Петровича, расправила пальцами вновь отросшія его кудри.

— Полно, Лёло, не ты обманщица, а твой генералъ обманщикъ... Подумай, чтó онъ принесъ тебѣ за твою невольную жертву?... зубы въ стаканѣ и больше ничего!.. Богъ съ нимъ, пусть его будетъ папочка и больше ничего... И довольно, предовольно!..

Лёло захохотала. Долго пробыла Лёло съ Петромъ Петровичемъ въ маленькой диванной и веселая, розовая, съ сухими глазами, прошла съ нимъ вмѣстѣ въ кабинетъ генерала.

— Ну, что, выздоровѣла, крошка моя? спросилъ Сергѣй Александровичъ, протягивая къ Лёло руку.

— Выздоровѣла, папочка! отвѣтила Лёло, лукаво взглянувъ на Петра Петровича.

— А я, было, голубчикъ мой, струхнулъ вчера, ужь мнѣ пришло въ голову, не случилось-ли съ вами какой бѣды... Лёлечикъ такая испуганная пріѣхала, вся въ жару, и голова разболѣлась...

— Что-жь могло случиться ваше превосходительство?

— Да теперь-то я вижу, что ничего... это ей просто надуло...

— Со мной, ваше превосходительство, никакой бѣды не можетъ случиться, будьте спокойны, сказалъ Петръ Петровичъ, подмигнувъ Лёло однимъ глазомъ.

Лёло закрылась альбомомъ.

— Съ тобой-то я не боюсь, я спокоенъ... Ты не вѣтеръ какой... а съ другимъ бы я и не пустилъ ее... И, кромѣ несчастья какого, иной молодчикъ такой подвернется...

Генералъ немного задумался, потомъ началъ хохотать и поманилъ къ себѣ Котикова.

— Подойди-ка ко мнѣ...

Петръ Петровичъ подошелъ.

— Наклонись-ка поближе.

Котиковъ наклонился.

— Я вспомнилъ теперь про себя штучку, шепотомъ сказалъ генералъ. — Какъ я еще въ полку адъютантикомъ былъ... шельма былъ страшная... Вотъ разъ, какъ я вчера отпустилъ съ тобой Лёлечка, мой полковой командиръ отпустилъ со мной покататься свою женку... Молоденькая, полненькая была, помню, Полиночкой звали... Ну, прелесть была, бутончикъ! генералъ чмокнулъ свои пальцы.—Ну, и отпустилъ.. а ночь была точно такая, какъ вчера..

— И вы поѣхали? улыбаясь, тоже шепотомъ спросилъ Петръ Петровичъ.

— Ужь не говори!.. сказалъ генералъ и затрясся отъ смѣху на креслахъ.

Котиковъ громко захохоталъ. Лёло, не зная сама чему, тоже захохотала. И долго, долго хохотъ не умолкалъ въ кабинетѣ генерала.

— Ты слышишь, онъ спокоенъ, будемъ и мы спокойны, говорилъ Лёло Котиковъ, проходя съ ней изъ кабинета въ гостиную и усаживаясь на маленькомъ диванѣ у окна.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, Петя, что онъ шепталъ тебѣ? чему ты такъ хохоталъ... ты такъ апетитно смѣялся, что я сама, не знаю чему, хохотала тоже.

— Да нельзя было не лопнуть со смѣха... Генералъ, говоря объ нашемъ вчерашнемъ катаньѣ, кстати вспомнилъ свой старый грѣшокъ: когда-то, во время оно, въ такую же лунную ночь, какъ вчера, генералъ, какъ я съ тобой, прокатился съ женой полковаго командира своего... понимаешь?

Лёло спряталась на груди Петра Петровича.

— Ты, видишь, Лёлька, что мы съ тобой только невинное орудіе воздаянія кары генералу по дѣламъ его... Будь-же спокойна, и чтобъ я на этой мордочкѣ не видалъ плаксивой гримасы, и чтобъ эта губка не смѣла дрожать, проговорилъ Котиковъ, осыпая Лёло поцѣлуями.

— А если онъ вдругъ замѣтитъ и начнетъ ревновать?.. Что будетъ съ нами? Онъ тебя прогонитъ...

— Полно, Лёлька, ужь генералъ что нибудь можетъ замѣтить... онъ слѣпъ и глухъ. Я передъ нимъ руки по швамъ, при немъ съ тобой, какъ съ барыней-генеральшей; развѣ когда онъ спитъ, такъ я свихнусь немножко... ну, такъ тогда хоть въ пушки пали... Да повѣрь мнѣ, что еслибъ я вдругъ забылся и при немъ поцѣловалъ тебя, онъ и тогда не смекнулъ-бы, въ чемъ дѣло. Онъ скорѣй подумалъ-бы, что я, какъ маменька, Елизавета Никитишна, спятилъ съ ума и не цѣлую тебя, а хочу тебѣ откусить носъ, чѣмъ-бы догадался, что я люблю тебя и цѣлую.

— Шутъ! сказала Лёло и съ хохотомъ склонилась на плечо Петра Петровича.

— Право, Лёлька, повѣрь мнѣ, что твой генералъ, не смотря на всю его любовь и ласку ко мнѣ, все-таки такъ глубоко въ душѣ презираетъ меня, что я въ глазахъ его хорошій человѣкъ, но холопъ... Когда ты со мной, онъ совершенно спокоенъ, онъ видитъ во мнѣ лакея, дядьку; генералъ того вѣка человѣкъ, когда мундиръ для женщины былъ все, а личность въ этомъ мундирѣ—божество!.. Генералъ самъ погрѣшилъ въ мундирчикѣ; повѣрь мнѣ, что, по его понятію, грѣхъ и соблазнъ фраку недоступенъ, по его мнѣнію, грѣхъ и соблазнъ живутъ только въ мундирѣ... Будь я офицеръ, Сергѣй Александровичъ меня-бы къ тебѣ и на шагъ не подпустилъ...

— Это правда, Петя, Сергѣй Александровичъ точно боится офицеровъ, въ Петербургѣ онъ меня ревновалъ къ нимъ; всякій разъ, какъ я танцовала съ военнымъ, онъ всегда становился за моимъ стуломъ и слушалъ, чтó со мной говорилъ кавалеръ. А дорогой домой, въ каретѣ, читалъ мнѣ мораль и представлялъ мнѣ офицеровъ извергами и злодѣями.

— А про статскихъ чтó тебѣ говорилъ генералъ?

— Ничего! онъ надъ ними всегда смѣется и называетъ ихъ поэтами.

— Ну, да, въ его понятіи синонимъ поэта — холопъ. Онъ и меня при первомъ свиданіи назвалъ поэтомъ, т. е. холопомъ. Будь же покойна, Лёлечикъ, мы за генераломъ, какъ за каменной стѣной...

Петръ Петровичъ не ошибся: все по прежнему довѣрчивъ, спокоенъ сердцемъ и не возмутимъ остался генералъ.

Прошло три мѣсяца. Какъ-то утромъ Лёло опять сидѣла въ маленькой диванной и опять глаза ея были заплаканы. Вошелъ Котиковъ.

— Лёлька! чтó съ тобой? ты опять пищишь? Ты мнѣ, право, надоѣла, сказалъ Петръ Петровичъ, положивъ руки на плечо Лёло и глядя ей въ глаза.

— Ахъ! Петя, какъ-же мнѣ не плакать?

— Да чего-же плакать? Надо радоваться!

— Я боюсь, Петя!

— Чего, матушка?

— Да какъ-же мы ему скажемъ?..

— Какъ скажемъ, да я скажу!

— Ахъ, я боюсь...

— Я одного боюсь, что онъ отъ радости вспрыгнетъ съ кресла, да и пойдетъ трепака.

— Петя, ты все шутишь, это грѣхъ!...

— Грѣхъ обрадовать человѣка? Полно, матушка, пустяки-то молоть. А чтобъ ты больше не пищала, чтобъ это кончить скорѣй, я пойду и скажу сейчасъ.

— Петя! Петя! погоди, завтра...

— Молчи, дуракъ!.. сказалъ Петръ Петровичъ, обнялъ Лёло и пошелъ изъ диванной.

— Помяни Господи царя Давида и всю кротость его, шептала Лёло.

Шаги Петра Петровича смолкли, онъ вошелъ въ кабинетъ генерала.

— Что, голубчикъ ты мой, видѣлъ ты Лёлечка? Какъ она теперь себя чувствуетъ?

— Я сейчасъ видѣлъ Елену Михайловну, ваше превосходительство, имъ все еще не хорошо. Нервы очень разстроены и дурноты часто дѣлаются...

— Такъ надо, голубчикъ мой, послать за докторомъ, пусть онъ ее поглядитъ и скажетъ, что это у нея, болѣзнью вѣдь шутить нельзя.

— Да не лучше-ли, ваше превосходительство, послать за бабушкой, спокойно сказалъ Котиковъ.

— Какъ? а что?.. проговорилъ генералъ, приподнимаясь на креслѣ и глядя въ глаза Петру Петровичу.

— Да, Матрена говоритъ, что генеральша, должно быть, того-съ!..

— Беременна? вскрикнулъ генералъ и неописанная радость освѣтила его лицо.

— Матрена говоритъ, что ужь два мѣсяца...

— Голубушка моя!.. Крошка моя... И мнѣ не скажетъ, все стыдится, дитя!.. Вѣдь я говорилъ, что у меня будутъ дѣти.. Голубчикъ ты мой, да поцѣлуй-же меня... Спасибо тебѣ за радостную вѣсть ..

Котиковъ обнялся со старикомъ.

— Я встану... Я одѣнусь, я къ ней пойду... Помоги-ка мнѣ, голубчикъ мой, встать!

Петръ Петровичъ началъ поднимать генерала.

— Ой! ой!.. закричалъ Сергѣй Александровичъ и опустился въ кресло; отъ страшной боли въ ногѣ крупный потъ выступилъ у него на лбу.

— Ну, не могу. Позови людей, голубчикъ мой, пусть они меня докатятъ къ Лёлечку на креслахъ, слабымъ голосомъ проговорилъ генералъ.

— Зачѣмъ-же вамъ тревожиться, ваше превосходительство, генеральша не такъ ужь не здорова, я сейчасъ схожу и попрошу ихъ пожаловать къ вамъ

— Если она можетъ, попроси, голубчикъ мой...

Петръ Петровичъ, усадивъ опять генерала покойно на креслѣ, отправился за Лёло.

— Ну, что? спросила она, когда онъ вошелъ.

— Радехонекъ... Благодарилъ, цѣловалъ меня за радостную вѣсть... Да еще-бы, ему-бы безъ меня ее вѣкъ не услыхать...

— Ахъ, какой грѣхъ, Петя!

— Эхъ, Лёлька, грѣхъ сладокъ, человѣкъ падокъ... Вставай-ка, ступай къ нему скорѣй, онъ тебя ждетъ... Отзвони, да и съ колокольни долой.

— Ахъ, Петя, я что-то боюсь!

— Ахъ, ахъ, страхъ! Полно, матушка, волка бояться, въ лѣсъ не ходить.

— Чтó это, Петя, ты все пословицы говоришь?.. Ты все дурачишься, это, право, не хорошо!

— Отчего-же? Пословица во вѣки не сломится.

Лёло начала хохотать.

— А вотъ: смѣхи да хихи вводятъ въ грѣхи...

— Ой! въ бокъ колетъ, перестань, Петя!

— Что я тебѣ дѣлаю?... ты перестань.

— Ты мертваго разсмѣшишь.

— Ну, иди-же, иди, покуда у тебя рожица расправилась.

— Прелесть!.. поцѣлуй... иду!.. проговорила Лёло и, чмокнувъ на лету Петра Петровича, почти бѣгомъ пустилась по анфиладѣ комнатъ.

— Тише, тише, ваше превосходительство! кричалъ ей вслѣдъ Петръ Петровичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Laetitia rerum.

(Изъ книги **В. Гюго**: «L'art d'être grand-père»).

Стих. **Дм. Минаева.**

Дрожью внезапно охвачена
Въ вешнюю пору земля;
Въ лучшее платье нарядное
Принарядились поля.

Все обновилось, все молодо...
Новый надѣвши уборъ,
Словно собой міръ любуется
Въ зеркалѣ рѣкъ и озеръ.

Весело лѣсъ закудрявился,
Въ зимнюю пору нагой;
Всякая травка нарядпѣе
Хочетъ казаться другой.

Изъ подъ камней пробиваются
Зелени яркой листы,
Небо смѣется и ласково
Вѣтеръ цѣлуетъ цвѣты.

Праздникъ въ природѣ ликующей,
Нѣтъ ликованью конца...
Люстра изъ звѣздъ зажигается
Въ чудномъ чертогѣ Творца.

Спятъ косари подъ деревьями,
Къ свѣжему сѣну припавъ;
Воздуха волны пропитаны
Запахомъ скошенныхъ травъ.

Чу, соловей... Заливается
Страстно пернатый поэтъ;
Мушки толпятся и на ухо
Шепчутъ весенній привѣтъ...

Жадныя пчелы проносятся,
Трутни очнулись отъ сна...
Всѣхъ призываетъ въ безплатную
Дачу царица-весна.

Всюду роскошное пиршество:
Поле — обѣденный залъ,
Лилія — скатерть накрытая,
Гвоздикъ сирени — бокалъ.

Въ чашкахъ цвѣтовъ упоительный,
Сладкій, готовый обѣдъ...
Пьяница — бабочка каждая,
Каждая роза — буфетъ.

Жажда любви, опьяненія,
Счастья — въ любомъ стебелькѣ;
Надписи — «общество трезвости»
Ни на одномъ нѣтъ цвѣткѣ.

Блещетъ природа торжественно
И по обрѣзу, горя,
Книгу небесъ, книгу вѣчную,
Позолотила заря...

Дѣти, глаза ваши ясные
Чисты, какъ тѣ небеса,
Вы, какъ весна, улыбаетесь,
Слезъ вашихъ капли — роса.

Изъ исторіи рабства въ древности.

Ст. **С. Тарновскаго.**

(*Продолженіе.*)

IV.

Рабство въ Римѣ.

Тѣ выводы, которые были сдѣланы при обозрѣніи исторіи рабства въ Греціи, вполнѣ примѣнимы и къ римскому государству, съ тою, впрочемъ, разницею, что въ Римѣ мы имѣемъ большее количество фактовъ, на которые можно опереться. Римская исторія представляетъ намъ нѣсколько періодовъ славы и упадка Рима; изъ нихъ главныхъ три: въ первый — Римъ основывается и укрѣпляется. Второй періодъ составляетъ покореніе сосѣднихъ съ Римомъ государствъ и народовъ. Третій — учрежденіе Имперіи и упадокъ Рима. Исторія рабства также приблизительно слѣдуетъ этому дѣленію. Въ первые вѣка существованія Рима, во времена царей и основанія республики, рабство не было особенно распространено; нравы были такъ просты, требованія такъ умѣренны, что много рабовъ и не было нужно. Римляне были вмѣстѣ съ тѣмъ народомъ воинственнымъ; они, покоряя себѣ народъ, часто его обращали въ рабство, другую оставляли фактически свободною, но лишивъ ее предварительно всѣхъ политическихъ и нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Хорошо, конечно, сравнительно, было положеніе добровольно подчинившихся Риму народовъ; изъ нихъ нѣкоторые вошли даже въ составъ собственно римскаго государства. Все свободное населеніе Рима дѣлилось на два класа: патриціевъ и плебеевъ; первые были потомки основателей Рима, вторые позднѣйшіе пришельцы; въ рукахъ патриціевъ сосредоточивалось все управленіе государствомъ и исключительное пользованіе общественными землями. Плебеи несли всѣ повинности наравнѣ съ патриціями, не пользуясь ихъ правами; на ихъ долю были предоставлены ремесла и торговля. Но съ теченіемъ времени слѣдуетъ постепенное уравненіе правъ обоихъ сословій, что произошло не безъ внутренней борьбы. Патриціи всѣми мѣрами притѣсняли плебеевъ, которые мало по малу совсѣмъ разорились отъ постоянныхъ войнъ Рима съ сосѣдями. Они должны были прибѣгать къ займамъ, платя огромные проценты; въ случаѣ неуплаты, имущество должника, а потомъ и самъ должникъ переходили во власть кредитора-патриція. Реформа Сервія Тулія нѣсколько измѣнила положеніе плебеевъ, но не надолго; низшіе и бѣдные класы опять вскорѣ подпали подъ власть богатыхъ. При такихъ условіяхъ, рабовъ, разумѣется, много быть не могло; они употреблялись только для земледѣлія, такъ какъ ремеслами и торговлею занимались свободные (но не граждане, которые считали это занятіе недостойнымъ себя). Рабы кромѣ частныхъ лицъ могли также принадлежать и государству и мы видимъ, что они занимаютъ даже многія низшія общественныя должности, писцовъ, ликторовъ и др.

Въ Римѣ источники рабства были тѣже, что и въ Греціи: рабами или рождались, или ими дѣлались. Рабами рождались: это власть господина надъ потомствомъ своихъ рабовъ; но этотъ источникъ особенно развился только при большемъ распространеніи рабства, такъ какъ тогда только стало выгодно воспитывать дѣтей рабовъ въ большомъ количествѣ. Рабами дѣлались или по причинамъ внутреннимъ или по внѣшнимъ. Разберемъ ихъ въ отдѣльности. Между первыми была власть отца семейства надъ его членами; отецъ могъ продать своего сына и продать его даже не разъ, а три раза, такъ что только послѣ третьей продажи, если сынъ будетъ освобожденъ, то онъ дѣйствительно освобождался, не возвращаясь подъ власть отца. Тоже было и съ пріемышемъ. Въ продажѣ этого рода, проданный сынъ терялъ всѣ свои политическія права; но если онъ поступалъ только съ тѣмъ, чтобъ отработать или долгъ или штрафъ за какой-нибудь причиненный убытокъ, то онъ оставался совершенно свободнымъ. Должникъ въ случаѣ несостоятельности продавался съ публичнаго торга или прямо отдавался во власть кредитора, которому предоставлялось надъ нимъ право жизни и смерти.

Уголовные преступники также обращались въ рабство и поступали въ пользованіе государства.

Но болѣе важными и обильными были внѣшніе источники рабства; всѣ военноплѣнные обращались въ рабство. Это право признавалось римлянами даже и за непріятелями; всякій римскій гражданинъ, попавшійся въ плѣнъ, терялъ всѣ свои политическія и гражданскія права и въ случаѣ, если ему удавалось бѣжать изъ плѣна, то онъ становился рабомъ перваго, кто его захватилъ даже въ предѣлахъ римскаго государства. Впослѣдствіи это было смягчено, посредствомъ фикціи, будто-бы бѣжавшій изъ плѣна въ немъ никогда не былъ. Рабовъ сперва привозили только съ Запада изъ Галліи, Испаніи, Сардиніи и Германіи; потомъ когда римляне стали подчинять себѣ восточные народы, то и они также должны были удѣлить часть своихъ соплеменниковъ въ рабство римскому народу, напр. скиѳы, персы и др. Позднѣе всего явились греки, самые цѣнные изъ рабовъ. Наряду съ войной развились пиратство и торговля рабами; торговля чрезвычайно выгодная и очень распространенная. Римское государство, уничтоживъ флоты сосѣднихъ державъ, не позаботилось объ усиленіи своего собственнаго и тѣмъ дало возможность пиратству развиться до такихъ громадныхъ размѣровъ, что цѣлые города подвергались ихъ нападеніямъ. Во время греческихъ и италіанскихъ междуусобныхъ войнъ, пираты дѣйствовали совершенно открыто; они даже поступали на службу разныхъ государствъ. Кромѣ морского пиратства было еще одно средство для добыванія рабовъ независимымъ способомъ: это воровство, людей, которыхъ подстерегали въ ущеліяхъ и въ лѣсахъ, одинокихъ путешественниковъ; ихъ захватывали и продавали въ рабство; причемъ для захватившаго было все равно, былъ-ли захваченный ими невольникъ или свободный.

За римскими войсками всюду слѣдовали торговцы рабами и они выступали на сцену послѣ каждой битвы, скупая всѣхъ военноплѣнныхъ или гуртомъ или по одиночкѣ. Впослѣдствіи образовались даже особые спеціальные рынки для торговли невольниками; особенно извѣстенъ рынокъ на островѣ Делосѣ въ Греціи. Свое значеніе онъ пріобрѣлъ, благодаря выгодному положенію въ центрѣ Архипелага, на пути изъ Греціи въ Азію и не далеко отъ Африки. Торговля рабами была съ теченіемъ времени поставлена подъ извѣстный контроль правительства; цѣлый рядъ законовъ опредѣлялъ правила для покупки и продажи. Обыкновенно на рынокъ рабовъ приводили въ цѣпяхъ и кандалахъ; особенно цѣнныхъ изъ нихъ запирали въ особо устроенныя клѣтки для привлеченія вниманія покупателей; остальныхъ оставляли просто на подмосткахъ. При торгѣ раба заставляли поднимать тяжести, чтобъ узнать его силу; для измѣренія ловкости онъ долженъ былъ прыгать и т. д. По опредѣленію закона на каждомъ продаваемомъ рабѣ должна была быть привѣшена доска или пергаментъ съ надписью объ его происхожденіи, племени, возрастѣ, качествахъ и свойствахъ. За несоблюденіе этихъ правилъ продавцы подвергались извѣстному наказанію; при повтореніи проступка у нихъ совсѣмъ отнималось право торговли.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору цѣны рабовъ въ Римѣ лучше сказать нѣсколько словъ объ ихъ числѣ и употребленіи.

Какъ уже было сказано выше, число рабовъ въ первые вѣка существованія Рима было очень невелико; но съ теченіемъ времени, при увеличеніи територіи и при значительномъ накопленіи богатствъ въ рукахъ Римлянъ число ихъ постоянно увеличивалось и достигло наконецъ громадныхъ размѣровъ. Но увеличивая число рабовъ, Римъ одновременно увеличивалъ и число полноправныхъ гражданъ, хотя, конечно, не пропорціонально. Число такихъ гражданъ ко времени второй пунической войны не превышало 300,000.

Многіе Римскіе историки даютъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣсколько указаній относительно народонаселенія Италіи, но эти указанія касаются большею частью свободнаго населенія. Тѣмъ не менѣе французскій ученый Дюро де ла Малль (Dureau de la Malle), основываясь на этихъ источникахъ, попытался опредѣлить и численность несвободнаго населенія. Онъ опредѣляетъ все населеніе Римскаго государства и вычтя изъ полученнаго числа число свободныхъ получаетъ число рабовъ. Пространство Римскаго государства можно легко опредѣлить въ какой угодно періодъ, извѣстна также, приблизительно, конечно, и плотность населенія — отсюда Дюро выводилъ и число всего населенія. Сдѣланные имъ выводы онъ провѣрялъ другимъ способомъ на основаніи плодородія земли и того количества пищи, которое требуется человѣку. Это было тѣмъ болѣе возможно вычислить, что Салюстій очень опредѣленно говоритъ, что давалось каждому рабу на его дневное содержаніе.

Число отпускаемыхъ ежегодно на волю извѣстно, такъ какъ съ каждаго отпускаемаго брали опредѣленную пошлину въ пользу государства. Все народонаселеніе Италіи вычислено; число гражданъ извѣстно также; за исключеніемъ послѣднихъ все остальное народонаселеніе приходится признать за рабовъ, такъ говоритъ, по крайней мѣрѣ, экономистъ Дюро. Но онъ забываетъ одну вещь, что и составляетъ единственный, хотя и крупный недостатокъ его остроумнаго пріема; онъ не беретъ въ соображеніе свободныхъ иностранцевъ, жившихъ въ римскомъ государствѣ. Въ самомъ Римѣ ихъ было не много, но про провинцію этого сказать нельзя.

Рабы раздѣлялись обыкновенно на два класа, смотря по тому, принадлежатъ-ли они государству или частнымъ лицамъ.

Государственные рабы употреблялись для общественныхъ работъ, на рудникахъ, для устройства водопроводовъ, что было особенно тяжелая работа; они также служили ликторами; они же служили при почтахъ; въ судахъ исправляли обязанности писцовъ; изъ нихъ назначались тюремщики. Во времена царей, они служили при казнѣ, а также сборщиками податей, наблюдали за правильнымъ отбываніемъ другихъ натуральныхъ повинностей. Многіе рабы принадлежали храмамъ, они помогали жрецамъ при жертвоприношеніяхъ; положеніе ихъ было относительно довольно хорошо; они получали опредѣленное содержаніе. Какъ награду за вѣрную службу государство могло отпускать ихъ на волю и тогда они поступали въ разрядъ свободныхъ гражданъ.

Гораздо хуже было положеніе рабовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Прежде одни и тѣже рабы служили и въ деревнѣ и въ городѣ, такъ какъ ихъ было не много, и они обыкновенно слѣдовали за своимъ господиномъ сопровождая его даже и въ путешествіяхъ, а часто и на войну. Но по мѣрѣ распространенія роскоши развилось и рабство. Домъ римлянина раздѣлился на двѣ части: одно хозяйство было въ городѣ, другое въ деревнѣ, — и при каждомъ были свои особые постоянные рабы.

Деревня была для природнаго римлянина вначалѣ обыкновеннымъ мѣстомъ его пребыванія; онъ жилъ тамъ, самъ занимаясь сельскими работами; помощникомъ ему служилъ иногда рабъ, который и замѣнялъ его во время отсутствія. И то не всѣ имѣли еще рабовъ. Въ деревнѣ наиболѣе долго удержались старые нравы римлянъ, извѣстные по своей простотѣ. Тамъ же по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ съ особенною силою развилась распущенность — роскошь. Если городской домъ богатаго и знатнаго римлянина былъ великолѣпенъ, то его деревенская резиденція по своему устройству и роскоши превосходила всякія вѣроятія.

Во главѣ управленія стоитъ управитель, его жена завѣдуетъ женскимъ отдѣленіемъ; потомъ идетъ его помощникъ, сторожа коней и лѣсничіе и др. Рабы раздѣлялись соотвѣтственно различнымъ работамъ. Наибольшее количество составляли земледѣльцы; винодѣлы выбирались между наиболѣе сильными; потомъ многіе были приставлены къ табунамъ и стадамъ рогатаго скота и овецъ. Сверхъ этого были еще рабы безъ опредѣленныхъ занятій; они носили техническое названіе mediastici. Это были рабы, употребляемые для сельскихъ работъ.

Но въ домѣ были еще и другія должности, которыя требовали многочисленную прислугу: повара, спальники, стольники, разнаго рода ремесленники, банщики, возницы, конюха и т. п. Многія женщины работали за ткацкими станками и другими женскими работами. Довольно почетное мѣсто среди другихъ рабовъ занимали писари и сокольники. Въ богатыхъ домахъ для каждой изъ поименованныхъ родовъ службы были особые рабы; въ болѣе бѣдныхъ хозяйствахъ нѣсколько должностей соединялись въ одномъ лицѣ.

Въ городскомъ домѣ эти домашніе рабы были особенно многочисленны, такъ какъ главнымъ образомъ по числу рабовъ въ домѣ судили о богатствѣ хозяина. Также какъ и въ деревенскомъ хозяйствѣ, въ городѣ былъ особый управитель, называвшійся диспензаторомъ (dispensator), онъ завѣдывалъ всѣми рабами, которые были приставлены къ дому для введенія гостей, или для разведенія садовъ, также при баняхъ, даже врачи были домашними рабами (такъ низко ставили тогда науку Гиппократа). За столомъ во время обѣдовъ и пировъ, по старинному обычаю, каждому гостю прислуживалъ особый рабъ, не считая виночерпіевъ; въ кухнѣ кромѣ поваровъ, были хлѣбопеки. Особые рабы были предназначаемы для сопровожденія господина во время его прогулокъ: считалось недостойнымъ гражданина ходить одному безъ цѣлой свиты рабовъ. Цѣлыя толпы танцовщицъ увеселяли пирующихъ гостей своими плясками; особенно славились въ этомъ отношеніи Андалузки, для этой же цѣли держали карликовъ и всевозможныхъ уродовъ. Въ женскомъ отдѣленіи дома также были свои рабы и рабыни. Знатная Римлянка никогда не выходила одна изъ дому; за ней слѣдовала цѣлая толпа невольниковъ; одни очищали путь передъ нею, другіе держали зонтикъ. Такой выходъ былъ для римскихъ матронъ прекраснымъ случаемъ похвастать богатствомъ мужа и великолѣпіемъ своего дома; то и другое, какъ было уже сказано, мѣрилось по числу рабовъ. Они были изъ всевозможныхъ странъ и чѣмъ они были разнообразнѣе, тѣмъ было лучше. Нѣкоторымъ рабамъ удавалось заслужить довѣріе господина; они возвышались надъ остальными и имъ часто поручалось воспитаніе дѣтей. Не требуется никакихъ поясненій, чтобы понять, какое вліяніе на юношество могли имѣть такіе педагоги — обыкновенно такіе рабы были Греки. Вообще надо замѣтить, что подражаніе всему греческому явилось у Римлянъ очень рано, съ самыхъ первыхъ временъ республики; особенно это подражаніе оказалось въ области искуствъ и поэзіи. Всѣ произведенія греческой литературы сдѣлались извѣстными въ Римѣ; особенно пѣсни Гомера, эти пѣсни заучивались въ школахъ наизустъ, образованіе не считалось оконченнымъ, если не была хорошо знакома греческая литература. Рабовъ спеціально воспитывали съ цѣлью заставить ихъ знать греческихъ поэтовъ; они стоили очень дорого. Интересенъ фактъ, сообщаемый римскимъ историкомъ Корнеліемъ Непотомъ, что у одного богатаго римлянина, нѣкоего Сабина, было нѣсколько образованныхъ рабовъ, изъ которыхъ одинъ зналъ наизустъ Гомера, другой цѣлые отрывки изъ Геродота и Фукидида; третій произведенія Эврепида, Софокла и т. д.

Самъ же Сабинъ былъ человѣкъ, не получившій никакого образованія, но любилъ выдавать себя за ученаго и начитаннаго. Для этой цѣли за пирами, во время бесѣдъ, подъ столами невидимо для гостей помѣщались эти рабы и, слѣдя за разговорами, во время подсказывали своему господину то или другое мѣсто, каждый изъ выученнаго ими писателя.

Пріобрѣтеніе этихъ рабовъ стоило господину страшныхъ денегъ, такъ какъ ихъ пришлось воспитывать на заказъ. Такимъ же образомъ пріобрѣтали себѣ и ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, писателей, не говоря уже объ актерахъ и комедіантахъ.

Ни трагедія, ни комедія не были свойственны римскому народу. Римляне были народомъ слишкомъ практичнымъ; это было хорошо для грековъ, такъ какъ подходило подъ ихъ національный характеръ. Римляне до самыхъ крайнихъ подробностей разработали право гражданское и государственное, но въ области искуствъ они не сотворили ничего новаго; всѣ ихъ художники блѣднѣютъ передъ великими именами Греціи; комедіи Плавта ничто иное какъ жалкое подражаніе Аристофану. Да и простыя представленія не могли удовлетворить римлянъ; имъ надо было дѣйствительную жизнь, дѣйствительную борьбу, отъ исхода которой зависѣла бы чья-нибудь жизнь или смерть. Поэтому то и развились въ Римѣ въ такихъ страшныхъ размѣрахъ игры въ циркахъ. Па всемъ пространствѣ римскаго государства встрѣчались цирки, они были въ каждой провинціи, однимъ словомъ, вездѣ, куда проникала римская цивилизація и римское могущество. Для насъ эти игры имѣютъ значеніе, такъ какъ существованіе ихъ тѣсно связано съ рабствомъ. Скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ. Игры сначала были простымъ состязаніемъ въ силѣ и ловкости, да и то только между гражданами; но съ теченіемъ времени эти игры измѣняютъ свой первоначальный характеръ, мѣсто свободныхъ гражданъ заняли люди, которые составили себѣ изъ этого ремесло; гладіаторы за большія деньги сражались между собой не на жизнь, а на смерть. Игры были поставлены подъ покровительство боговъ, какъ, напр., Діаны и Марса, а души убитыхъ были спеціально посвящены подземному богу Плутону. Игры давались по различнымъ случаямъ; прежде главное ихъ примѣненіе было погребеніе богатаго римлянина. Указаніемъ на это служатъ найденныя на гробницахъ изображенія. Потомъ они вошли въ составъ обязанностей одной изъ самыхъ видныхъ должностей въ римскомъ государствѣ—курульныхъ эдиловъ. Онѣ сдѣлались періодичны, давались въ заранѣе опредѣленные сроки; были даже особыя афиши, чтобъ познакомить публику съ именами гладіаторовъ. При незначительномъ развитіи этихъ игръ на участіе въ нихъ назначались уголовные и государственные преступники, осужденные на смерть, но съ теченіемъ времени число ихъ уже не было достаточно и римляне стали посылать на гладіаторскія игры рабовъ; потомъ явилось еще значительное измѣненіе: въ игры ввели дикихъ звѣрей, противъ которыхъ должны были сражаться гладіаторы. Всѣ полководцы передъ походомъ стали устраивать такія игры для солдатъ, съ цѣлью пріобрѣсти ихъ расположеніе. Надо замѣтить, что игры сдѣлались любимымъ увеселеніемъ народа и число участниковъ съ каждымъ годомъ все возрастало. Во времена императоровъ явился цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ съ цѣлью ограничить это число; таковы законы Антонина Пія, Марка Аврелія и др. Но еще Августъ дѣйствовалъ въ обратномъ смыслѣ; онъ исполнялъ требованія народа, кричавшаго на римскомъ форумѣ «хлѣба и зрѣлищъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно укрѣплялъ свою фактически неограниченную власть. Частныя лица при вступленіи въ какую-нибудь высшую государственную должность, коснула, претора, урульнаго эдила и др. увеселяли народъ такими зрѣлищами.

Тоже было и въ провинціяхъ.

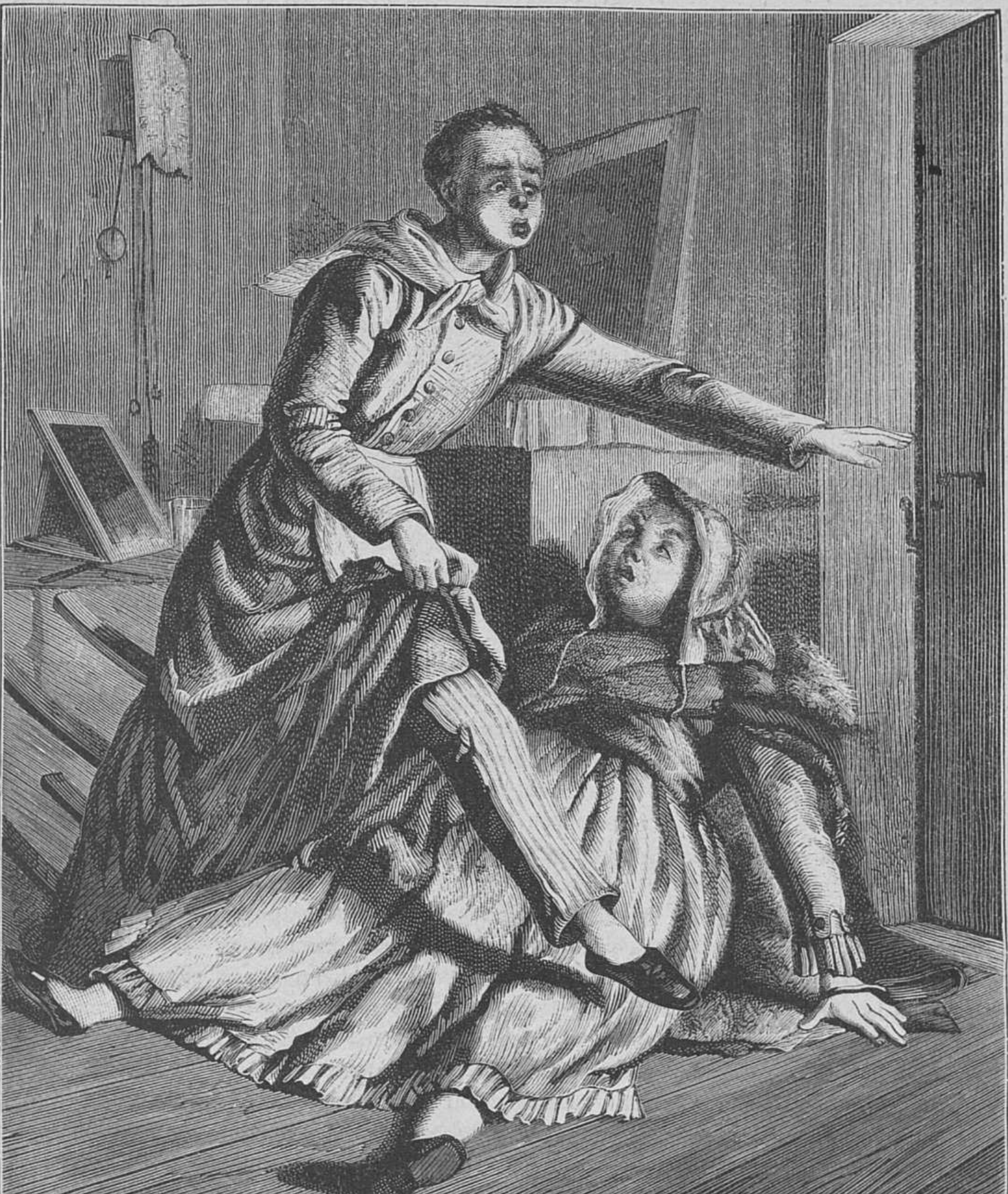
Были учреждены даже особыя школы для воспитанія гладіаторовъ: они подчинялись извѣстнымъ, строго обдуманнымъ порядкамъ; въ школахъ развивали силу, ловкость, учили гимнастикѣ и фехтованію. Всѣ вообще гладіаторы дѣлились на тяжело вооруженныхъ и на легко вооруженныхъ; оружіемъ для первыхъ служили копья, щиты, шлемы, наручники, кирасы, палицы; для вторыхъ—небольшое метательное копье, четырехугольный или круглый щитъ, иногда кривая сабля и лукъ со стрѣлами. Сраженія иногда происходили на коняхъ.

Изъ этого краткаго очерка главнѣйшихъ примѣненій рабства мы видимъ, что на долю рабовъ доставался весь трудъ. Владѣльцы ихъ ничего не дѣлали. Отсюда намъ будутъ понятны причины возстанія рабовъ, встрѣчаемыя нами при обзорѣ исторіи Рима, и понятно также и причина паденія этого могущественнаго государства, которое обнимало почти весь тогда извѣстный міръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА А. КЕППЕНА.



Домикъ въ Коломнѣ. (Поэма А. Пушкина.)
Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ**.

* * *

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье**.

(*Продолженіе.*)

Разыгранная капитаномъ комедія имѣла полный успѣхъ.

По формальному предписанію достойнаго сановника, Матье де-Тальи, полиція производила дѣятельный розыскъ. Де-Тальи предписалъ найдти капитана, во чтобы то ни стало. Не прошло и часа послѣ покушенія, какъ стараго барона уже искали полицейскіе агенты и примѣты его были разосланы по всѣмъ станціямъ и границамъ. Орели, съ своей стороны, пока Жюль обчищалъ ея домъ, извѣстила президента запиской о мѣстѣ нахожденія ея сестры и Оливье де-Мейрана. Съ какою цѣлью? спросятъ читатели. А потому, что она не хотѣла, чтобы де-Мейранъ женился на ея сестрѣ. Она и въ эту минуту, когда сама сошлась съ негоднымъ Жюлемъ, не отказывалась отъ мысли имѣть Оливье своимъ любовникомъ. Извѣщая президента о мѣстопребываніи своей сестры, она знала, что Элизу арестуютъ.

Мы видѣли, что маркизъ де-Мейранъ, оставивъ своего друга у де-Шапе, возвратился къ себѣ, гдѣ онъ нашелъ записку, извѣщавшую его о доносѣ, полученномъ префектурой. Оливье поспѣшилъ въ кабачекъ тетки Маделены.

Между тѣмъ домъ президента суда осаждали друзья Матье де-Тальи, пріѣзжавшіе поздравить его съ избавленіемъ отъ опасности. Но старый селадонъ далеко не былъ спокоенъ, онъ зналъ, чего онъ заслуживалъ. Онъ сознавалъ свою низость и слишкомъ хорошо понималъ, какую ненависть долженъ былъ питать къ нему человѣкъ, котораго онъ обезчестилъ, и не могъ не опасаться ежеминутно новаго нападенія.

Вечеромъ онъ велѣлъ никого не принимать, приказалъ своему камердинеру не выходить изъ передней, которая вела въ его кабинетъ, и приказалъ остальной прислугѣ имѣть бдительный надзоръ за всѣми, кто входитъ въ домъ или выходитъ изъ него Отдавъ эти распоряженія, де-Тальи растянулся въ длинномъ креслѣ передъ открытымъ окномъ и сталъ читать газеты, которыя разсказывали о покушеніи такъ, какъ онъ желалъ.

Этотъ сановникъ, котораго привыкли видѣть въ судѣ прямымъ, деревяннымъ на своемъ креслѣ, съ потупленными, безцвѣтными глазами, какъ будто дремлющимъ и ничего не замѣчающимъ вокругъ себя, презиравшій и присяжныхъ и адвокатовъ, казался у себя дома совсѣмъ другимъ.

Въ черной шелковой ермолкѣ, съ длинною, спущенною на бокъ кистью; засунувъ одну руку въ жидкія, бѣлыя кудри, выбивавшіяся изъ подъ ермолки, и облокотившись локтемъ на ручку кресла, строгій сановникъ теперь имѣлъ видъ добраго малаго.

Матье давно стукнуло шестьдесятъ, но тѣло его еще не состарѣлось; пороки побѣдили возрастъ. У него были желанія и вкусы двадцатилѣтняго юноши, что ясно читалось на его лицѣ, когда онъ былъ у себя дома и не имѣлъ надобности притворяться. Въ его маленькихъ глазкахъ, терявшихъ въ судѣ всякое выраженіе, въ частной жизни искрилось сластолюбіе. Его толстыя, отвислыя губы, выражавшія во время аудіенціи снисходительное благодушіе, въ другое время свидѣтельствовали о животныхъ инстинктахъ; гладковыбритый подбородокъ имѣлъ нѣжный колоритъ, гармонировавшій съ цвѣтными тонами щекъ; тонко очерченный носъ имѣлъ слегка вздутую оконечность, красный цвѣтъ которой приписывался злоупотребленію любимымъ виномъ.

Въ долгое засѣданіе, по возобновленіи его послѣ перерыва, Матье опускался въ своемъ креслѣ; беретъ его свѣшивался на лобъ и кончикъ носа дѣлался краснѣе. Онъ дремалъ и, если голосъ адвоката внезапно пробуждалъ его, онъ съ яростью восклицалъ:

— Метръ Х... вы слишкомъ кричите... чрезмѣрное возвышеніе голоса неприлично въ судѣ...

— Чортъ возьми! однакожъ крутъ нашъ президентъ! замѣчалъ какой-нибудь новичекъ въ адвокатурѣ.

— Неумолимъ... какъ правосудіе, отвѣчали ему.

Но, въ сущности, Матье де-Тальи любилъ вино и женщинъ, какъ въ пѣсняхъ, которыя онъ напѣвалъ у себя дома. Съ возрастомъ вкусы эти нѣсколько измѣнились. Въ молодости онъ любилъ вина легкія и свѣжія; искалъ любви взрослыхъ женщинъ, а подъ старость сталъ любить вина старыя, а женщинъ слишкомъ молодыхъ, почти дѣтей, если вѣрить тому, что говорили злые языки.

И такъ Матье де-Тальи, позабывъ, что онъ президентъ суда, нѣжился въ своемъ креслѣ у открытаго окна, выходившаго въ садъ. Онъ позвалъ камердинера и велѣлъ подать трубку; тотъ подалъ ему длинный бельгійскій чубукъ съ художественнымъ наконечникомъ; Матье тщательно набилъ трубку и раскурилъ. Окруженный облакомъ ароматнаго дыма, онъ сталъ размышлять о событіяхъ того дня. Онъ понималъ, что нажилъ себѣ въ баронѣ де-Марби непримиримаго врага, и въ то-же время въ облакахъ дыма ему рисовался образъ Орели. Она припомнилась ему молоденькою работницею, выходящею изъ мастерской, когда онъ опустилъ въ ея ридикюль червонцы, передъ которыми не устояла ея добродѣтель. Онъ обожалъ эту дѣвочку и съ той минуты не переставалъ имѣть съ нею сношенія. Въ ней не было мѣста добродѣтелямъ и это ему нравилось. Онъ сдѣлалъ ее такою, какою она была; онъ болѣе всѣхъ способствовалъ роскошной обстановкѣ ея отейльскаго дома; онъ доставилъ капитану то странное мѣсто при конскихъ заводахъ, которое давало тѣмъ болѣе дохода, чѣмъ меньше трудился тотъ, кто его занималъ и отъ кого требовалось только, чтобы онъ зажмуривалъ глаза и предоставлялъ дѣйствовать другимъ. Капитанъ де-Марби не понялъ этого; у него была страсть во все вмѣшиваться. Разобравъ свое поведеніе относительно стараго барона, Матье пришелъ къ слѣдующему выводу:

— Я долженъ избавиться отъ этого человѣка, во что-бы то ни стало.

Онъ не могъ обманывать себя на этотъ счетъ. Пока капитанъ живъ, ему, Матье, слѣдовало ежеминутно дрожать за свою жизнь.

По его распоряженію, ему ежечасно доносили о результатѣ предписанныхъ имъ розысковъ. Его сильно раздосадовало, что полицейскіе агенты прибыли въ Пюто слишкомъ поздно и не успѣли задержать Элизу. Онъ внимательно прочелъ ихъ донесеніе, изъ котораго узналъ, что за нѣсколько часовъ до ихъ прибытія Элиза и сопровождавшій ее молодой человѣкъ имѣли продолжительный разговоръ съ какимъ-то господиномъ, отличавшимся военною осанкой. Племянникъ трактирщицы сказалъ, что онъ знаетъ этого человѣка, котораго зовутъ капитанъ Тенаръ де-Марби. Онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ спутникомъ Элизы, называвшимся Оливье, который возвратился потомъ одинъ. Этотъ Оливье уплатилъ по счету Элизы и поспѣшно уѣхалъ потомъ вмѣстѣ съ нею.

Изъ этого донесенія было ясно, какъ день, что покушеніе противъ него, Матье, было задумано въ домѣ Элизы и, быть можетъ, по ея наущенію. Стало быть, дѣло усложнялось. Элиза сдѣлалась другомъ капитана, значитъ, у Матье де-Тальи стало однимъ врагомъ болѣе и врагомъ, которымъ нельзя пренебрегать. Онъ помнилъ, какая сцена разыгралась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ теперь сидѣлъ. Обвиненія капитана, подкрѣпленныя показаніями Элизы, если-бы дѣло дошло до суда, могли-бы надѣлать много непріятностей президенту. Необходимо было, во что-бы то ни стало, избавиться отъ этихъ людей, и объ этомъ-то и размышлялъ сановникъ. Онъ уже поднялъ вопросъ о политикѣ, чтобы имѣть поводъ къ изгнанію Элизы. Женщина, выдающая себя за американку, но въ дѣйствительности парижанка, развратница, имя которой записано нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ списки полицейской префектуры, проживаетъ въ Парижѣ и, при посредствѣ своихъ связей въ извѣстныхъ сферахъ, служитъ лазутчицей одной иностранной державы. Такъ мотивировалось предписаніе объ изгнаніи Элизы, противъ котораго оказалась безсильной протекція маркиза де-Мейрана.

Матье де-Тальи старался измыслить еще какую-нибудь политическую каверзу, какой-нибудь заговоришко противъ безопасности государства, надъ которымъ можно было-бы, подъ его руководствомъ, проворно разыграть комедію суда, какъ въ доброе старое время смѣшанныхъ комисій или даже, какъ въ дѣлѣ Сандона, выдать капитана за помѣшаннаго, что значительно облегчалось его выходками,—и затѣмъ запереть его на всю жизнь въ домѣ умалишенныхъ... Что касается Элизы, то полицейскіе уставы, охраняющіе общественную нравственность, очень растяжимы; во имя этихъ уставовъ можно все сдѣлать: можно задержать молодую женщину, отправить въ центральную тюрьму, гдѣ она будетъ слышать только равнодушныя проповѣди абата и монахинь, да жгучіе разговоры товарокъ по заключенію, которыя будутъ вовлекать ее въ порокъ... Такимъ образомъ, съ нею можно скоро покончить. Другое дѣло—Оливье. Противъ того нужно дѣйствовать иначе. Но онъ могъ выдать этой женщинѣ, своей любовницѣ, государственныя тайны; могъ открыть—конечно, неумышленно—численность нашихъ военныхъ силъ, систему новаго вооруженія; такимъ образомъ, если-бы даже высокая протекція, которою онъ пользуется, и не дозволила исключить его изъ кадровъ арміи или предать военному суду, то все-же можно-бы изгнать его изъ Франціи.

Президентъ снялъ ермолку и, погладивъ лысину бѣлою и тонкою рукой, продолжалъ свои размышленія.

— Такъ, такъ именно, заговоръ. За что и убить-то меня хотѣли, какъ не за-то, что все это я открылъ; я отыскивалъ виновныхъ; я началъ дѣйствовать, потребовавъ изгнанія этой женщины. На совѣщаніи, которое я подтверждаю полученнымъ мною донесеніемъ, рѣшено убить меня и за это берется капитанъ де-Марби, какъ лицо, наиболѣе скомпрометированное; но какъ я напалъ на слѣдъ этого заговора? Очень просто: я видѣлъ, что капитанъ тратитъ вдесятеро болѣе денегъ, чѣмъ сколько приноситъ его должность. Я сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ его дома, чтобы слѣдить за нимъ. Я убѣдился въ его интригахъ изъ разговора съ г-жею де-Марби, которая, обливаясь слезами, открыла мнѣ, что въ ея руки попалось письмо, изъ котораго она узнала, что мужъ ея, помѣшанный на честолюбіи и желавшій, во чтобы-то ни стало, играть видную роль, пользовался ввѣренною ему должностью къ выгодѣ иностранной державы, которую онъ снабжалъ свѣдѣніями... Все это стоитъ только связать... Нужно этимъ заняться.

Матье де-Тальи стряхнулъ пепелъ и крикнулъ слугѣ:

— Жюстенъ, набейте еще трубку.

Слуга исполнилъ приказаніе. Матье продолжалъ курить, обдумывая планъ заговора. Когда стемнѣло, онъ опять позвалъ слугу:

— Жюстенъ, зажгите лампу.

— Развѣ вамъ угодно работать?

— А то какъ-же?

— Возможно-ли? Послѣ такого потрясенія вамъ необходимо отдохнуть.

— Нужно дѣлать то, что повелѣваетъ долгъ, мой милый. Нужно работать.

— Этакъ вы себя уходите. И все это для людей, которые не умѣютъ даже быть благодарными.

Старый судья невольно улыбнулся, слушая эти слова.

— Такъ-то такъ, да что-же дѣлать? Ну, зажгите-же лампу.

Матье де-Тальи проработалъ цѣлую ночь, мелко исписавъ десятокъ страницъ, которыя онъ потомъ перечиталъ, дополнилъ, исправилъ и видимо остался доволенъ.

Онъ легъ спать уже на разсвѣтѣ, сказавъ Жюстену:

— Разбудите меня, когда придетъ секретарь,

— Слушаю, отвѣчалъ слуга.

— Или вотъ, что: отдайте ему эти бумаги, пускай онъ ихъ потщательнѣе перепишетъ, пока я сплю.

— Слушаю. Что еще изволите приказать на завтрашній день?

— Велите съ утра закладывать. Я поѣду въ Тюльери...

— Что изволите надѣть, когда поѣдете?

— Просто фракъ.

Почтенный сановникъ улегся въ постель и вскорѣ легкій храпъ, послышавшійся изъ алькова, показалъ, что онъ заснулъ сномъ праведника.

На другой день, съ ранняго утра секретарь президента уже сидѣлъ за работой. Онъ переписывалъ красивымъ почеркомъ длинный докладъ, составленный наканунѣ его начальникомъ и озаглавленный: «Заговоръ противъ безопасности государства».

Секретарь кончилъ, а призидентъ еще не просыпался. Наконецъ, изъ спальной раздался звонокъ и слуга побѣжалъ туда. Матье былъ такъ занятъ своею мыслью, что первыми словами его по пробужденіи были:

— Работалъ-ли Делюдъ?

— Все сдѣлано, какъ вы изволили приказать. Его рано разбудили и онъ тотчасъ сѣлъ за работу.

— Узнайте, кончилъ-ли онъ.

Камердинеръ вышелъ и, возвратившись, доложилъ, что секретарь проситъ подождать нѣсколько минутъ. Онъ перечитывалъ написанное.

— Получены-ли донесенія отъ полицейскаго префекта?

— Вотъ они.

Слуга подалъ на серебряномъ подносѣ нѣсколько писемъ съ печатью полицейской префектуры, на которой стояли слова: «Общественная безопасность». Президентъ быстро пробѣжалъ ихъ и съ досадою швырнулъ.

— Все одно и тоже. Ужь эти мнѣ мѣры осторожности! Все у нихъ ускользаетъ изъ рукъ и никогда они никого не поймаютъ съ своею неповоротливостью. Засѣла у нихъ въ головѣ эта глупость: боязнь отвѣтственности... Газеты кричатъ! Да пускай ихъ! Развѣ правительство существуетъ для газетъ? Стоитъ останавливаться передъ тѣмъ, что толкуютъ недовольные? Не тотъ опасенъ, кто кричитъ, а тотъ, кто молчитъ. Эй! кончилъ-ли Делюдъ? Жюстенъ, одѣньте меня.

Камердинеръ, выбривъ и причесавъ своего господина, началъ одѣвать его, когда въ дверь тихо постучались.

— Посмотрите, кто тамъ.

Слуга вышелъ и, возвратившись, подалъ президенту письмо. Прочитавъ его, Матье де-Тальи радостно вскрикнулъ.

— А! Наконецъ... Вотъ это лучше всего, что мы могли-бы придумать. Хотя разъ въ жизни этотъ дуракъ де-Марби поступилъ умно.

Президентъ суда получилъ слѣдующій докладъ:

Полицейская префектура.

«Отдѣленіе общественной безопасности».

«Около четырехъ часовъ утра, находясь на дежурствѣ и идя по набережной съ моимъ товарищемъ, агентомъ Бриде, мы наклонились на парапетъ и замѣтили, въ нѣсколькихъ метрахъ отъ мостовой арки, лежавшія у воды шляпу и одежду. Мы тотчасъ спустились на берегъ и нашли шляпу, пальто и трость. Къ пальто было пришпилено булавкой письмо, безъ всякаго адреса. Поднявъ вещи, мы отнесли ихъ къ г. комисару, а потомъ, по его приказанію, возвратились на мѣсто, гдѣ были найдены вещи, и допросили людей, живущихъ на баркѣ, привязанной къ мосту. Хозяинъ барки показалъ, что около полночи онъ видѣлъ какого-то человѣка, шагавшаго по берегу; полагая, что это какой-нибудь бродяга, пришедшій ночевать подъ мостомъ, онъ не обратилъ на него вниманія. Жена барочника показала, что вскорѣ послѣ того, какъ мужъ ея легъ спать, она слышала всплескъ воды, какъ будто отъ паденія въ нее какого-то тѣла. Ей сдѣлалось страшно. Не подлежитъ сомнѣнію, что найденныя нами вещи принадлежатъ человѣку, лишившему себя жизни.

Гатель.
Бриде».

«Прилагается копія съ найденнаго письма».

Это было то самое письмо, которое капитанъ написалъ подъ диктовку Элизы. Сомнѣніе было невозможно и Матье не скрывалъ своей радости.

— Жюстенъ, сказалъ онъ,—велите подать поскорѣе завтракъ. Я не выѣду сегодня утромъ.

Камердинеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Знаете-ли, этотъ негодяй, который бросился вчера на меня...

— Убійца! сказалъ слуга.

— Ну, да... онъ самъ себя наказалъ: утопился.

— Такъ и надо было окончить ему, окаянному. Однимъ разбойникомъ стало меньше.

Въ эту минуту постучался секретарь и, поспѣшно войдя, подалъ докладъ. Но, къ его великому изумленію, президентъ, взявъ изъ рукъ его бумаги, бросилъ ихъ въ каминъ.

— Теперь это лишнее, сказалъ онъ.—Делюдъ, вы останетесь со мною завтракать. Намъ нужно поработать для газетъ.

Молодой секретарь, крайне удивленный тѣмъ, что трудъ его, для котораго его разбудили на разсвѣтѣ, оказался ненужнымъ, съ удовольствіемъ исполнилъ желаніе своего начальника, тѣмъ болѣе, что тотъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, веселъ и счастливъ.

Отдавъ камердинеру приказаніе передать швейцару, что президентъ не принимаетъ въ это утро, Матье-де-Тальи обратился къ секретарю:

— Садитесь сюда. Пока я оканчиваю туалетъ, вы составите по этимъ докладамъ три или четыре различныхъ сообщенія въ газеты. Старайтесь напирать на то, что несчастный находился въ состояніи невмѣняемости; что онъ явился ко мнѣ въ припадкѣ помѣшательства и былъ послѣ того подавленъ упреками совѣсти. Прибавьте, что я запретилъ давать ходъ этому дѣлу. При первомъ проблескѣ разсудка, этотъ несчастный ужаснулся своего преступленія и самъ совершилъ надъ собою судъ... Въ замѣткѣ, которую вы пошлете въ наиболѣе распространенную газету, пользующуюся самыми вѣрными свѣдѣніями, можно намекнуть, что политика не была чужда этому дѣлу; по имѣющимся свѣдѣніямъ, демагоги худшаго сорта, желая отмстить вѣрному слугѣ императора, злоупотребили умственнымъ разстройствомъ злополучнаго капитана, избравъ его орудіемъ преступленія. Намекните также и на то, что въ рядахъ арміи ведется пагубная пропоганда жертвою, которой дѣлаются слабоумные люди. Въ заключеніе укажите на необходимость подавленія.

Все это бѣгло диктовалось, пока камердинеръ одѣвалъ президента. Секретарь, кончивъ писать, подалъ де-Тальи свою работу, но Матье велѣлъ ему прочесть вслухъ. Изложеніе удовлетворило его и онъ приказалъ секретарю немедленно разослать сообщенія въ газеты.

Завтракая съ секретаремъ, президентъ сдѣлался задумчивъ. Онъ такъ занялся самимъ собою, что совсѣмъ позабылъ объ Орели. Что съ нею сталось? Несомнѣнно, что ей досталось первой, послѣ того, какъ мужъ ея открылъ, какъ она морала его имя. Въ домѣ капитана, должно быть, произошла страшная сцена. Что-же сдѣлалось съ его молодой женой? Матье рѣшился тотчасъ послать за справками въ Отейль, въ домъ де-Марби. Слыша, какъ онъ приказывалъ, чтобы посланный дѣйствовалъ какъ можно осторожнѣе, секретарь вызвался самъ съѣздить туда и президентъ послалъ его. Возвратившійся Делюдъ сообщилъ ему странныя обстоятельства отъѣзда г-жи де-Марби и президентъ тщетно ломалъ голову, чтобы объяснить себѣ эту загадку.

Вечеромъ онъ опять курилъ свою длинную трубку, полулежа въ креслѣ открытаго окна. Теперь онъ былъ ясенъ, спокоенъ за свою безопасность, тѣмъ болѣе, что новый докладъ полицейской префектуры извѣстилъ его о томъ, что дѣвица Элиза Буатель, по прозванію вдова Ботъ, уѣхала наканунѣ вечеромъ изъ Франціи, въ сопровожденіи молодого маркиза де-Мейрана. Два лица, совершенно отвѣчающія ихъ примѣтамъ, переѣхали въ почтовой каретѣ черезъ границу въ Пюизманжѣ. Наконецъ-то онъ, Матье, окончательно отдѣлался отъ этой скверной исторіи. Прелестная вдовушка, отнынѣ свободная, конечно, не замедлитъ явиться къ нему за утѣшеніями. Словомъ, президентъ былъ спокоенъ и счастливъ. Онъ велѣлъ никого не принимать: его превосходительство заваленъ дѣлами и работаетъ въ своемъ кабинетѣ.

Но вскорѣ, къ удивленію его, не смотря на запрещеніе, къ нему вошелъ слуга.

— Что вамъ нужно?

— Какой-то господинъ непремѣнно желаетъ видѣть васъ, г. президентъ: онъ говоритъ, что если вы увидите его карточку, то примите его.

— Много чести! проворчалъ Матье, съ досадой взявъ поданную ему визитную карточку.

Прочитавъ имя, стоявшее на карточкѣ, онъ сказалъ:

— Абатъ де-Люкъ, духовникъ въ общинѣ сестеръ «Кающихся». Я его не знаю. Просите его.

Онъ поспѣшно спряталъ трубку и, усѣвшись за письменный столъ, началъ писать. Слуга ввелъ абата де-Люкъ. Войдя въ кабинетъ, молодой патеръ остановился и, смиренно опустивъ взоръ, дожидался, пока призидентъ не обратился къ нему.

Матье де-Тальи поднялъ голову.

— Что вамъ угодно, г. абатъ? спросилъ онъ.

— Извините, что я вамъ помѣшалъ, г. президентъ, но несчастная женщина, которая послала меня къ вамъ, настоятельно просила вручить ея письмо непремѣнно вамъ самимъ.

— О какой женщинѣ вы говорите?

— О баронесѣ де-Марби...

— А! дайте... Бѣдная женщина! какое несчастье поразило ее! Дайте, дайте, г. абатъ.

Президентъ взялъ письмо и подошелъ къ окну, чтобы прочесть его. Письмо было коротко. Въ немъ стояло только слѣдующее: «Матъ, о! какъ я испугалась, прочитавъ о томъ, что хотѣлъ сдѣлать съ вами изъ-за меня этотъ скотъ... Но онъ поплатился за это жизнью... Я вдова! Матъ, я намѣрена загладить свои безразсудства; я удаляюсь въ общину «Кающихся». Черезъ мѣсяцъ я буду сестрой Онориной. Но передъ тѣмъ, Матъ, мнѣ хотѣлось бы повидаться съ вами, пройдтись съ вами по тѣнистымъ алеямъ нашего сада. Я хочу проститься съ тобою прежде, чѣмъ разстанусь съ той жизнью, которою я была тебѣ обязана... Приходи...

«До скорого свиданія. Дай отвѣтъ патеру, который вручитъ тебѣ это письмо».

— Я приду, г. абатъ, приду завтра.

Послѣ приличествовавшихъ случаю изъявленій соболѣзнованія, абатъ ушелъ. Матье перечиталъ письмо и, облизнувшись, съ улыбкой сказалъ:

— Она будетъ восхитительна въ костюмѣ сестеръ «Кающихся».

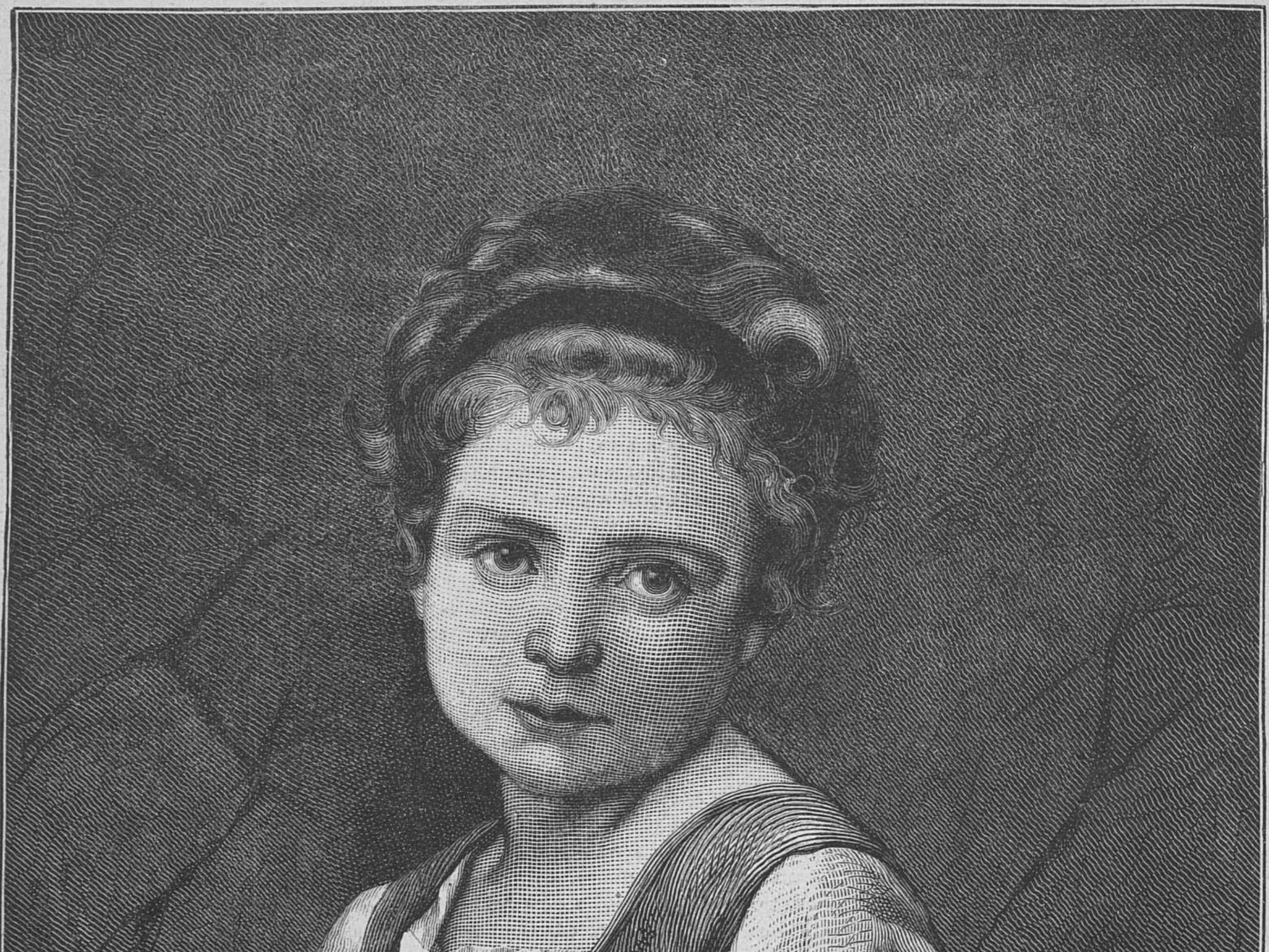
(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Общественные порядки муравьевъ.

Міръ животныхъ не только людямъ необразованнымъ, но и образованнымъ извѣстенъ очень мало. Происходитъ это частью оттого, что людямъ вообще представляется мало случаевъ наблюдать животныхъ, а частью оттого, что ученые и философы былыхъ временъ распространили насчетъ животныхъ ложныя и ошибочныя свѣдѣнія. Главная причина этой лжи, подчасъ намѣренной, заключалась въ эгоизмѣ. Философамъ казалось обиднымъ для достоинства «царя природы», что нѣкоторыя сравненія съ животными не выставляютъ въ особенно выгодномъ свѣтѣ «разума», которымъ люди гордятся не всегда по праву. Въ настоящее время, кажется, уже не нужно доказывать, что многія способности людей, даже высшія, скрываются въ животныхъ въ зачаточномъ видѣ. «Чѣмъ глубже проникаешь наблюденіемъ или критическимъ окомъ въ мельчайшія подробности явленій изъ животной жизни, тѣмъ чувствуешь глубже великую истину, что животныя, такъ-же какъ и люди, думаютъ, хотятъ и чувствуютъ, говоритъ одинъ французскій ученый.— Умъ и глупость, хитрость и простота, сердечная доброта и злобность, мягкость и строгость,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БУГЕРО.

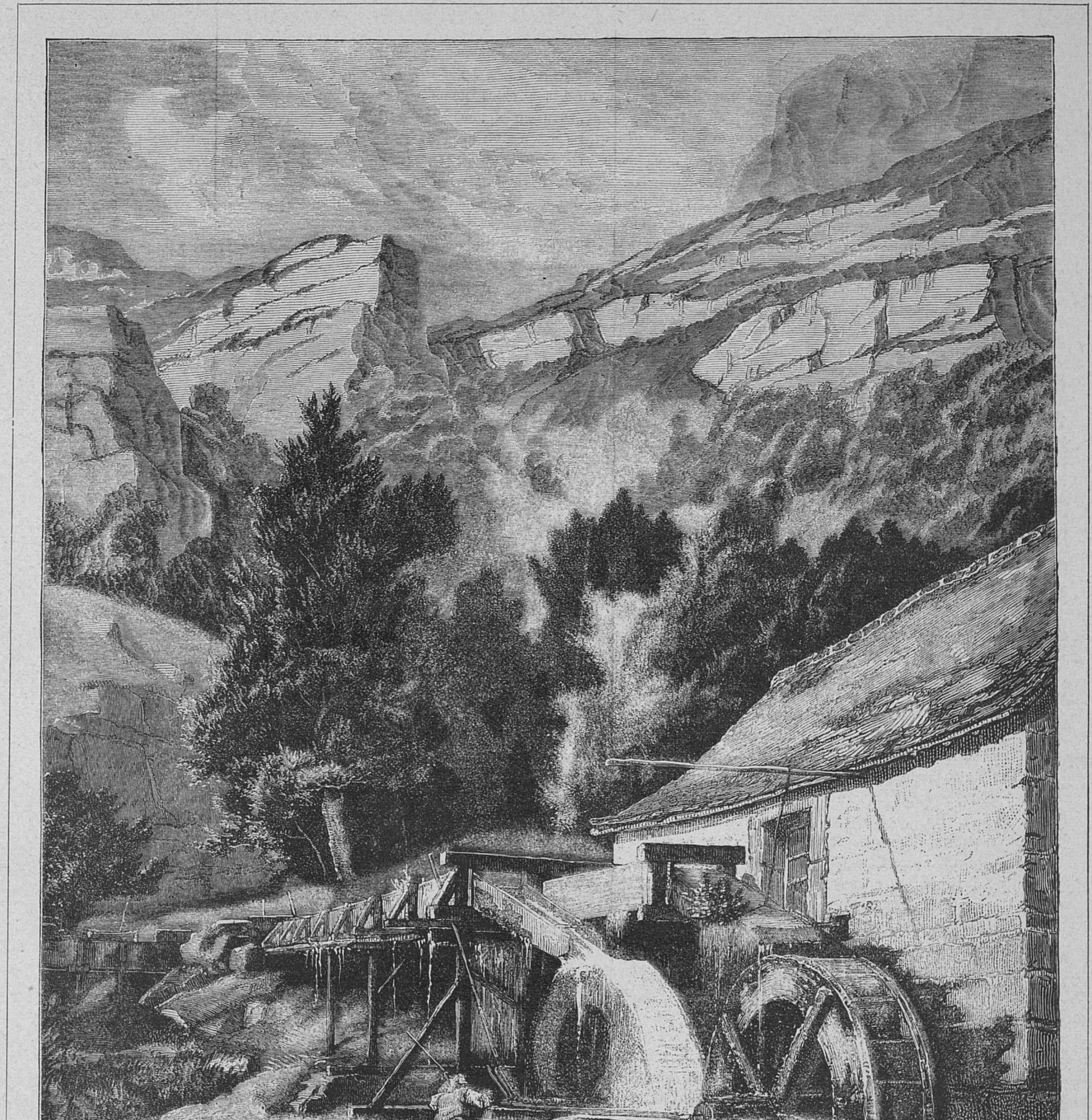


Ева.

Рѣзалъ на деревѣ **Жоннаръ** въ Парижѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ДЮБУА.



Старая мельница въ горахъ Юры.

Рѣзано на деревѣ Бокуръ въ Парижѣ.

стойкость и легкомысліе, мужество и робость, вѣрность и невѣрность, симпатіи и антипатіи, любовь и ненависть, благодарность и неблагодарность, тонкость и грубость, довѣрчивость и недовѣрчивость, расточительность и скаредность, умѣренность и жадность, прилежаніе и лѣность— короче, темпераменты, страсти, хорошія и дурныя качества людей точно также наблюдаются и въ мірѣ животныхъ; во всемъ изумленный наблюдатель видитъ вѣрную копію нашей общественной, промышленной, ученой и политической жизни».

Что въ этихъ словахъ нѣтъ преувеличенія и что все, что мы наблюдаемъ въ человѣческомъ обществѣ, — государственная и общественная жизнь, общественное или частное хозяйство, войны, рабство,—существуютъ и у животныхъ, нигдѣ не замѣчается въ такой степени, какъ среди тѣхъ маленькихъ и почти незамѣтныхъ животныхъ, которыхъ на каждой прогулкѣ мы можемъ встрѣтить подъ ногами цѣлыми дюжинами. Читатель догадывается, что мы говоримъ о муравьяхъ. Кому не случалось читать извѣстную книгу Дарвина о рабовладѣльческомъ инстинктѣ муравьевъ! Но еще до Дарвина были сдѣланы замѣчательныя наблюденія надъ жизнью муравьевъ женевцемъ Губеромъ. Какъ эти наблюденія ни были интересны, но тѣмъ не менѣе «образованное общество», вообще трудно растающееся съ установившимся мнѣніемъ, извлекло изъ наблюденія Губера мало поучительнаго. Наблюденіямъ Дарвина посчастливилось болѣе, вѣроятно, потому что рабовладѣльческій инстинктъ, подмѣченный имъ въ муравьяхъ, играетъ очень важную роль и въ культурномъ развитіи человѣка.

По своему физическому и духовному развитію муравьи занимаютъ первое мѣсто между насѣкомыми и стоятъ выше пчелъ. Форель говоритъ, что муравьи по своему развитію занимаютъ между насѣкомыми высшее мѣсто; они выше другихъ насѣкомыхъ въ той-же степени, въ какой человѣкъ выше всѣхъ млекопитающихъ. По словамъ Фореля, муравьи самые умные изъ всѣхъ насѣкомыхъ. Не только Губеръ, но и Эбраръ, Шваммердамъ, Лепелетье и другіе наблюдатели, которымъ приходилось сравнивать муравьевъ и пчелъ, отдавали пальму первенства муравьямъ. Постройки муравьевъ, правда, не такъ искустны, какъ постройки пчелъ, но за то пчелы строютъ всегда и повсюду одинаково, вѣчно по одному и тому-же шаблону, тогда какъ муравьи соображаются съ обстоятельствами, съ мѣстомъ и матеріаломъ. Вся забота пчелъ объ ихъ личинкахъ ограничивается тѣмъ, что онѣ приносятъ имъ пищу, тогда какъ муравьи не только выкармливаютъ своихъ личинокъ, но и нянчаются съ ними. Наконецъ, рабовладѣльческіе обычаи, содержаніе въ видѣ домашняго животнаго тли и цѣлая масса другихъ обычаевъ и установленій указываетъ на сколько муравьи выше по уму пчелъ, привычки и нравы которыхъ отличаются простотой и однообразіемъ. Но муравьи выдѣляются въ особенности своими общественными инстинктами. Общественный разумъ на столько развитъ между муравьями, что ихъ общины невольно напрашиваются на сравненіе съ мелкими воинственными и враждебными общинами первобытнаго человѣчества. Трудъ у муравьевъ совершенно свободенъ, у нихъ нѣтъ никакого главы. Каждый муравей готовъ каждую минуту принести, безъ всякаго принужденія, свою жизнь въ жертву общины. Нѣкоторое сходство жизни муравьевъ съ жизнью людей выступаетъ особенно рельефно, если наблюдать отношенія между общинами. Муравьиныя общины ведутъ войны, заключаютъ перемирія, союзы, у нихъ есть своя военная тактика, на войнѣ они прибѣгаютъ къ разнымъ маневрамъ и хитростямъ, они опустошаютъ владѣнія своихъ враговъ, они дѣлаютъ нечаянныя нападенія. Особенно замѣчательны военные союзы муравьевъ и экзекуціи, которыя они совершаютъ надъ врагами.

И по своему характеру муравьи имѣютъ нѣкоторое сходство съ людьми. Вслѣдствіе своей привязанности и своей наклонности къ самопожертвованію въ интересахъ своей общины, каждый муравей вырабатываетъ себѣ непреклонный темпераментъ и ничѣмъ непобѣдимую ненависть ко всему, что не принадлежитъ къ его колоніи. Съ этими чувствами связано у муравьевъ сильное стремленіе къ дѣятельности, настойчивость, выносливость въ достиженіи цѣли, а нерѣдко и жестокость. Въ муравьяхъ сильно развито обжорство и вкусъ къ лакомому куску на столько великъ, что эта слабость обуздываетъ и сдерживаетъ подчасъ ничѣмъ неодолимый въ другихъ случаяхъ воинственный пылъ. Интересно наблюдать въ муравьяхъ борьбу этихъ двухъ страстей. Если, напримѣръ, во время сраженія двухъ враждебныхъ породъ, бросить на поле битвы кусочекъ меду, то въ моментъ самаго жаркаго дѣла, повидимому, самые озлобленные бойцы оставляютъ сраженіе и подходятъ къ меду, чтобы его поѣсть. Эта страсть никогда не заставитъ муравья забыть свой долгъ; поѣвши—воинъ возвращается опять къ своему посту. Случается такъ, что одинъ и тотъ-же муравей раза 2 или 3 подойдетъ къ меду, но онъ это дѣлаетъ не безъ нравственной борьбы. Въ муравьяхъ наблюдается борьба и другихъ чувствъ. Есть породы муравьевъ, въ которыхъ развиты болѣе кроткія чувства, другія-же отличаются неустрашимостью, мужествомъ и даже жестокостью, что дѣлаетъ ихъ подчасъ ужасомъ другихъ животныхъ. «Интересно наблюдать, говоритъ Форель,—какимъ образомъ муравьи овладѣваютъ новой територіей, если, напримѣръ, мѣшокъ, наполненный полевыми муравьями, высыпать на лугъ. Всѣ кузнечики улетаютъ немедленно, оставляя въ пользу муравьевъ свои норки. Саранча, травяныя блохи и разныя прыгающія насѣкомыя скачутъ во всѣ стороны, спасаясь отъ бѣды. Пауки и хищные жуки бросаютъ свои жертвы, чтобы самимъ не сдѣлаться жертвою муравьевъ; менѣе ловкія или искалѣченныя животныя, которыя не могутъ спастись бѣгствомъ, разрываются или убиваются муравьями тутъ-же на мѣстѣ. Я видѣлъ, какъ разъ полевые муравьи, которые вслѣдствіе увеличенія своей колоніи должны были удлинить одну изъ своихъ дорогъ, столкнулись подъ землею съ гнѣздомъ осъ. Муравьи немедленно начали блокировать отверстіе и выгнали осъ изъ ихъ гнѣзда; конечно, не обошлось безъ того, чтобы муравьи не лишились многихъ изъ своихъ бойцевъ. Когда майскій жукъ выходитъ весною изъ земли, очень часто можно видѣть, какъ полевой муравей проникаетъ въ отверстіе, которое недостаточно велико, чтобы майскій жукъ могъ пролѣзть, и убиваетъ его. Черви и разныхъ видовъ личинки становятся подобнымъ-же образомъ жертвою муравьевъ; даже летающія насѣкомыя—бабочки, мухи—если они какъ-нибудь запутались въ травѣ платятся жизнью за свою неловкость».

Разныя породы муравьевъ надѣлены физическими и нравственными качествами не въ одинаковой степени; такъ что индивидуальное различіе между отдѣльными породами муравьевъ гораздо больше, чѣмъ между человѣческими расами и отдѣльными людьми. По словамъ Фореля, между Plagiolepsis pygmaea и Camponatus ligniperdus больше разницы, чѣмъ между мышью и тигромъ. Колонія Lasius fuliginosus въ сравненіи съ колоніей Leptothorax tuberum тоже самое, что Парижъ въ сравненіи съ деревней. Сила, быстрота, энергія въ защитѣ и нападеніи, число населенія, родъ пищи, обычай ночной или дневной работы измѣняются у различныхъ породъ муравьевъ до крайней степени. Кровожадный и жестокій тигровый жукъ или жужелица (Cicindela) держитъ себя очень не одинаково на охотѣ за сильными муравьями или съ слабымъ Formica erratica. На послѣдняго онъ нападаетъ смѣло, безъ колебаній, тогда какъ съ первымъ онъ робокъ и остороженъ. «Я видѣлъ, говоритъ Форель,—какъ жужелица подкарауливала большихъ муравьевъ, спрятавшись въ засаду и выжидая, чтобы какой-нибудь изъ нихъ отдѣлился изъ ряда. Если по несчастію какой-нибудь неосторожный муравей выдѣлялся — жужелица быстро набрасывалась на него и когда ей не удавалось схватить жертву сзади головы, она немедленно убѣгала. Разумѣется, у жужелицы былъ уже наслѣдственный опытъ; она знала, что если схваченному муравью удастся освободить свои щупальцы или ноги, то ей не избѣгнуть смерти. Поэтому жужелица старается схватить муравья такъ, чтобы онъ не могъ сдѣлать никакого употребленія изъ своихъ страшныхъ челюстей. Вѣроятно, муравьи изъ боязни подобныхъ внезапныхъ нападеній усвоили себѣ обычай ходить сомкнутыми рядами. Самый мужественный изъ муравьевъ есть кровяно-красный муравей или амазонка, о любопытныхъ военныхъ и разбойничьихъ походахъ котораго и невольничьихъ охотахъ мы будемъ говорить впослѣдствіи: этотъ-же муравей отличается и наивысшимъ развитіемъ умственныхъ способностей. За то Botryomyrmex meriolionalis отличается миролюбивыми наклонностями и почти никогда не отваживается на нападенія.

Въ одной Европѣ считается болѣе 30 породъ муравьевъ и болѣе 100 ихъ подраздѣленій, а на всемъ земномъ шарѣ—до 1000. Поэтому понятно, какъ велико должно быть разнообразіе и различіе въ физическомъ строеніи, характерѣ, умственныхъ способностяхъ, обычаяхъ и правахъ всѣхъ этихъ видовъ. Нужны цѣлые томы, чтобы описать въ подробности всѣ спеціальныя особенности каждаго отдѣльнаго вида. Мы предложимъ вниманію читателя только наиболѣе замѣчательныя характерныя особенности болѣе извѣстныхъ породъ.

Само собой разумѣется, что умственное развитіе муравьевъ зависитъ отъ особеннаго устройства ихъ нервной системы. Муравей владѣетъ наибольшимъ количествомъ мозга, чѣмъ всѣ другія насѣкомыя; мозгъ его гораздо развитѣе, чѣмъ у пчелъ. Мозгъ муравья въ 3 или 4 раза больше, чѣмъ мозгъ майскаго жука, не смотря на то, что майскій жукъ гораздо больше муравья. Между мозгомъ муравья и майскаго жука существуетъ такое-же отношеніе, какъ между мозгами человѣка и лошади или быка. По словамъ Дарвина, мозгъ муравья есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ субстанцій въ мірѣ.

Но какъ-бы ни былъ развитъ и устроенъ мозгъ муравья, онъ, конечно, не оказалъ-бы ему никакихъ особенныхъ услугъ, еслибы въ тоже время не было-бы развито соотвѣтственнымъ образомъ и тѣло муравья. Самый чувствительный органъ муравья есть его щупальцы, служащіе ему органомъ познаванія и взаимнаго пониманія. Щупальцы у муравья въ постоянномъ движеніи и ими муравей пользуется, какъ самымъ деликатнымъ органомъ осязанія. Если отрѣзать у него щупальцы, онъ лишается способности находить дорогу, отличать врага отъ друга, отыскивать пищу, даже еслибъ она лежала подлѣ. Муравей безъ щупальцевъ не можетъ ни участвовать въ постройкахъ, ни ухаживать за личинками; онъ лежитъ обыкновенно неподвижный и имѣетъ жалкій, убитый видъ, точно человѣкъ, лишившійся важнѣйшихъ органовъ чувствъ.

Не менѣе важный органъ у муравьевъ составляютъ переднія ноги, которыми онъ пользуется, чтобы строить и выбрасывать землю. Муравьи, которымъ Форель обрѣзывалъ обѣ переднія ноги, дѣлали совершенно безполезныя попытки, чтобы возводить стѣны и рыть канавы. А такъ какъ тѣ же переднія ноги служатъ муравьямъ для того, чтобы держать въ чистотѣ свое тѣло, то лишенные ихъ они испачкиваются въ грязи и въ землѣ. Попытки ухода за личинками имъ тоже не удавались и дѣло оканчивалось тѣмъ, что личинки, которыхъ они не могли держать въ чистотѣ, погибали. У муравья въ концѣ обѣихъ переднихъ ногъ имѣются гребенкообразные наросты, которыми они пользуются, какъ щетками, чтобы чистить голову, щупальцы и вообще всю переднюю часть тѣла. Заднюю часть они чистятъ остальными ногами, на которыхъ имѣются подобныя-же щетки, хотя и менѣе развитыя.

Такой-же важный органъ составляютъ у муравья челюсти или клещи. Въ нихъ заключается главная сила муравья. Прежде думали, что челюсти служатъ муравью органомъ ѣденія; но муравей не ѣстъ никогда ничего твердаго, онъ лакаетъ или сосетъ только жидкую или мягкую пищу языкомъ, совершенно какъ собака. Челюсти служатъ ему оружіемъ: онъ схватываетъ ими добычу и разрываетъ ее, а затѣмъ высасываетъ ея мягкое содержимое. Особенно сильно развиты челюсти у рабовладѣльческихъ породъ или у такъ называемыхъ солдатъ, которые у нѣкоторыхъ породъ составляютъ отдѣльную касту, несмѣшивающуюся съ рабочими.

Важную роль играетъ у муравья и его жало. Имъ онъ дѣлаетъ довольно чувствительный уколъ и затѣмъ впускаетъ въ рану ядъ. Жало имѣютъ не всѣ виды муравьевъ; тѣ, у которыхъ его нѣтъ, дѣлаютъ рану челюстями и выпрыскиваютъ ядъ изъ задней части тѣла. Нѣкоторыя породы могутъ выпрыскивать ядъ даже на нѣсколько футовъ. Ядъ муравья есть извѣстная муравьиная кислота. Такимъ образомъ, вся организація муравьевъ приспособлена къ тому, чтобы онъ могъ жить общественной жизнью, могъ выработать себѣ такіе привычки и обычаи, что еще въ глубокой древности муравьевъ ставили въ примѣръ людямъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Великая пѣвица.

Историческая повѣсть **Луизы Мюльбахъ**. Переводъ

А. Качоровской.

(*Продолженіе.*)

Глава X.

Скандалезное происшествіе въ оперѣ.

Во дворцѣ былъ большой обѣдъ. Масса богато одѣтыхъ приглашенныхъ собралась въ большой залѣ въ ожиданіи прибытія императрицы. Наконецъ гофмаршалъ произнесъ звучнымъ голосомъ: «ея величество императрица» и вошла Екатерина въ русскомъ національномъ костюмѣ изъ зеленаго бархата, опушеннаго соболемъ, на головѣ кокошникъ съ бриліантомъ такой красоты и блеска, что, казалось, звѣзды спустились на чело царицы. Императрица была очень весела и кланялась своимъ гостямъ, пріятно улыбаясь.

Въ столовой, гдѣ ее встрѣтила музыка, императрица сѣла рядомъ съ Орловымъ; противъ нея помѣстился австрійскій посолъ графъ Кобенцель.

— Вы видите, милый графъ, сказала послу императрица, — при моемъ дворѣ иные обычаи, чѣмъ у васъ. Я люблю обѣдать среди моихъ гостей.

Послѣ первыхъ блюдъ императрица взглянула на хоры, гдѣ все время играла музыка; она, повидимому, искала кого-то, затѣмъ знакомъ подозвала оберъ-церемоніймейстера.

— Пусть поетъ теперь Габріэли, приказала она.

— Ваше величество, отвѣчалъ онъ нерѣшительнымъ тономъ,—пѣвица еще не пріѣхала.

— Какъ! вскричала императрица,—она еще не пріѣхала? Развѣ ты не передалъ ей моего приказанія, графъ Орловъ?

— Конечно, передалъ, отвѣчалъ графъ, — и точно опредѣлилъ часъ, когда она должна явиться.

— И ее все-таки здѣсь нѣтъ! Что-же она тебѣ отвѣтила?

— Прошу васъ, государыня, отвѣчалъ Орловъ,—уволить меня отъ повторенія ея отвѣта.

— Она отказалась! вскричала гнѣвно царица.

— Это какъ кому покажется! Она мнѣ сказала, что получаетъ отъ вашего величества плату только за пѣніе въ оперѣ.

— А, такъ она опасалась, что будетъ пѣть сегодня даромъ, сказала Екатерина, насмѣшливо улыбаясь и подзывая къ себѣ дежурнаго чиновника.—Отправляйся тотчасъ къ синьорѣ Габріэли, скажи ей, что она должна немедленно явиться сюда и что она получитъ за свое пѣніе сто дукатовъ.

Чиновникъ отправился. Черезъ полчаса онъ вернулся съ растеряннымъ лицомъ.

— Ну, она пріѣхала? спросила императрица.

— Ваше величество, синьора Габріэли извиняется.

— Извиняется? повторила императрица,—что это значитъ? Гдѣ она?

— Ваше величество, пѣвица лежала на диванѣ и читала, я имѣлъ честь передать ей повелѣніе императрицы и...

— Ну! что-же ты заикаешься? Говори дальше, что случилось? Ты повторилъ ей мое приказаніе явиться сюда.

— Да, но пѣвица — прошу извинить меня, ваше величество, но вы приказываете говорить правду,—пѣвица отвѣтила мнѣ: «я читаю очень интересную книгу и уже пообѣдала, а потому не могу принять участія въ придворномъ обѣдѣ».

Шепотъ изумленія послышался вокругъ; только графъ Орловъ громко засмѣялся и сказалъ:

— Ваше величество, оказывается, что я правъ. Эта пѣвица на сценѣ, можетъ быть, великая артистка, но внѣ сцены она совсѣмъ глупа и потому мнѣ кажется на нее не стоитъ сердиться.

— Я и не сержусь, сказала императрица,— я только желаю, чтобы каждый, живущій въ моемъ государствѣ, исполнялъ мои повелѣнія; Габріэли должна явиться, я этого желаю! Иди, Орловъ, и объяви ей мою волю!

— Я? спросилъ Орловъ,—прошу васъ, ваше величество, увольте меня отъ этого порученія. Надѣюсь, никто не усумнится въ моей храбрости, но, признаюсь, я не желаю встрѣчи съ дикими кошками, а эта пѣвица совсѣмъ дикая кошка!

Императрица весело засмѣялась.

— Мы попробуемъ приручить ее, сказала она.—Ступай, обратилась она снова къ прежнему чиновнику,—и скажи ей, что я разгнѣвана и приказываю ей явиться! Хуже будетъ для нея, если ее арестуютъ.

Снова отправился чиновникъ и вернулся еще скорѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Ну, спросила императрица, не замѣчая волненія чиновника,—она здѣсь?

— Ваше величество, когда я подъѣхалъ къ ея дому, двери его оказались запертыми. Я сталъ громко стучать; появился ея секретарь и объявилъ, что синьора больна, легла въ постель и никого не принимаетъ. Я настаивалъ именемъ вашего величества, но секретарь возразилъ, что у дверей дома пѣвицы прекращается власть русской императрицы, потому что Габріэли находится подъ покровительствомъ Австріи, такъ какъ по желанію князя Кауница, австрійскаго государственнаго канцлера, ей дозволено именоваться австрійской подданной; по контракту-же, заключенному Габріэли, она обязана пѣть только два раза въ недѣлю въ оперѣ!

— И ты удовольствовался этимъ отвѣтомъ? спросила государыня.

— Я потребовалъ услышать отвѣтъ отъ самой пѣвицы, отвѣчалъ чиновникъ,—и достигъ этого; секретарь провелъ меня въ комнату, гдѣ пѣвица по прежнему спокойно лежала на диванѣ и читала. Я подошелъ къ ней и объявилъ, что она должна тотчасъ встать и слѣдовать за мною, что въ противномъ случаѣ я готовъ призвать своихъ слугъ и повести ее силой... Она ничего не отвѣчала, но стремительно встала и дала мнѣ пощечину, закончилъ чиновникъ свой разсказъ такимъ жалостливымъ тономъ и съ такой жалкой миной, что императрица невольно засмѣялась; графъ Орловъ послѣдовалъ ея примѣру, а затѣмъ засмѣялись и всѣ присутствовавшіе на обѣдѣ.

— Слишкомъ рѣзкій отвѣтъ, сказала императрица. — Правда, на такую эксцентричную женщину сердиться нельзя и я на этотъ разъ прощаю ее. Дѣйствительно, она не моя подданная и по контракту обязана пѣть только въ оперѣ. Я припоминаю, что Елагинъ передалъ мнѣ письмо князя Кауница, въ которомъ онъ рекомендуетъ мнѣ Габріэли, какъ австрійскую подданную. Вамъ извѣстно объ этомъ, графъ Кобенцель?

— Извѣстно, ваше величество; князь Кауницъ и мнѣ рекомендовалъ синьору Габріэли, какъ австрійскую подданную, и я позволю себѣ замолвить слово за пѣвицу, которая, правда, жестоко провинилась, но все-же позвольте мнѣ попросить за нее извиненіе у вашего величества!

— Хорошо! сказала императрица,—мы слишкомъ много говоримъ объ этой пѣвицѣ. Я бы хотѣла только посовѣтовать ей сегодня вечеромъ исполнить, какъ слѣдуетъ, свою обязанность и пѣть въ оперѣ. Передай ей, обратилась императрица къ одному изъ дежурныхъ,—что я буду сегодня въ театрѣ и желаю слышать ея пѣніе.

Но Габріэли не была намѣрена исполнить и это приказаніе, переданное ей Вернеромъ; она покачала головой и сказала:

— Я не буду пѣть, потому что въ самомъ дѣлѣ чувствую себя не совсѣмъ здоровой. Прошу васъ, Вернеръ, отправьтесь къ директору оперы и скажите ему, что я не буду пѣть сегодня, потому что чувствую себя нездоровой.

— Но синьора, одного вашего утвержденія еще недостаточно; пришлютъ театральнаго доктора для освидѣтельствованія состоянія вашего здоровья.

— Ну, я съумѣю отдѣлаться отъ него, какъ отдѣлалась отъ присланнаго ко мнѣ чиновника, отвѣчала она смѣясь, но вдругъ смолкла и посмотрѣла серьезно на Вернера.—Вы недовольны мною? Но видите ли, Вернеръ, во мнѣ разыгралась итальянская кровь; когда этотъ господинъ оскорбилъ меня, я дала ему отвѣтъ, какой подсказало моимъ пальцамъ мое взбѣшенное сердце. Идите, Вернеръ, къ директору театра, я больна, дѣйствительно больна!

— Это правда? спросилъ Вернеръ, смотря на нее страннымъ взглядомъ.—Ваши щеки горятъ, а глаза лихорадочно блестятъ; вы дѣйствительно страдаете?

— Да, я страдаю! сказала она, откидывая голову на спинку дивана.—Но что вамъ до этого? Зачѣмъ вы объ этомъ спрашиваете? Вы послѣдовали за мною по приказанію князя Кауница, вы остаетесь у меня потому, что того желаетъ князь... Какое вамъ дѣло, если я страдаю или если меня оскорбляютъ?

— Это до меня очень касается, возразилъ онъ спокойно, сдержанно;—каждый вѣрный слуга не можетъ не интересоваться судьбой, благосостояніемъ и горемъ господъ. Но я не имѣю возможности защитить свою госпожу, синьору Габріэли, отъ тѣхъ нападокъ, какимъ она подвергается. Но вамъ стоитъ махнуть рукой и масса вашихъ обожателей, которые...

— Вы знаете, что это неправда! прервала она его живо.—Вы знаете, что толпа моихъ обожателей побоится сказать за меня слово правды! Нѣтъ, я одинока въ этой холодной странѣ и желаю уѣхать отсюда во чтобы-то ни стало. Сегодняшній случай подошелъ какъ нельзя кстати. Меня найдутъ вздорной, взбалмошной и рады будутъ отвязаться отъ меня. Къ чему мнѣ весь блескъ, вся слава! Я покидаю ихъ! Воздухъ здѣсь удушливъ, я чувствую себя рабой, а я хочу и должна быть свободной артисткой! Скажите, что я больна и не могу пѣть!

Она указала ему на дверь; но когда дверь затворилась за нимъ, она поднялась съ дивана и, протянувъ руки, не отрываясь, долго смотрѣла на эту дверь, точно передъ нею все еще стояла стройная фигура молодого человѣка съ благородными чертами лица и чудными глазами.

— Боже! тихо прошептала она, — Боже! я люблю его, а онъ меня презираетъ!

Вечеромъ въ публикѣ, собравшейся въ театрѣ, шли толки о томъ, будетъ-ли Габріэли пѣть или объявитъ себя больною? Вдругъ разговоры смолкли, всѣ встали и низко наклонили головы: въ ложѣ появилась императрица Екатерина. Она подошла къ барьеру и милостиво раскланялась; музыка заиграла тушъ, а публика привѣтствовала ее громкимъ крикомъ. Императрица сдѣлала знакъ рукою и опустилась на свое кресло, публика также сѣла; капельмейстеръ подалъ знакъ, послышалась интродукція къ оперѣ Порпора «Эвредика».

Въ залѣ царствовала глубокая тишина, когда взвился занавѣсъ и на сценѣ появилась Габріэли. Она была очень блѣдна, но глаза ея горѣли. Подойдя близко къ рампѣ, она низко, какъ требовалъ этикетъ, поклонилась императрицѣ. Затѣмъ открыла ротъ и начала пѣть, т. е. она шевелила губами, дѣлала нужныя движенія лицомъ и корпусомъ, но никто не слышалъ ея пѣнія.

— Развѣ я оглохла? спросила императрица Орлова.—Я вижу она поетъ, но ничего не слышу.

— И я ничего не слышу! отвѣчалъ графъ Орловъ,—надо думать, пѣвица совсѣмъ охрипла.

— То есть она хочетъ заставить насъ думать это; она хочетъ насъ одурачить! Но долженъ-же быть конецъ и моему терпѣнію. Иди и скажи, что я приказываю ей пѣть, иначе ее постигнетъ должное наказаніе.

Орлову, вѣроятно, не нравилось имѣть дѣло съ сумасбродной пѣвицей, онъ вышелъ очень медленно и съ видимой неохотой отправился на сцену.

Арія только что окончилась и Габріэли возвратилась въ свою уборную. Директоръ театра, растерянный, стоялъ передъ нею:

— Синьора, умоляю васъ! Сжальтесь надо мною, будьте такъ добры, пойте!

— Любезнѣйшій директоръ, сказала Габріэли, бросаясь на отоманку,—вы должны знать, что голосъ мой очень своеволенъ; если онъ чувствуетъ себя больнымъ, то не выздоровѣетъ по вашему желанію. Я охрипла и такъ какъ мнѣ приказано выйдти на сцену, то я и пою, какъ могу!

— Но долженъ-же быть этому конецъ!

— Да, съ концемъ представленія. Мнѣ приказано пѣть, я пою, какъ могу.

Директоръ не нашелся, что возразить и хотѣлъ молча удалиться, когда дверь быстро отворилась и на порогѣ появился графъ Орловъ.

— Ахъ! это вы, г. графъ, вскричала Габріэли, немного наклоняя голову.—Развѣ никого не было, чтобы доложить о васъ?

— Вы знаете, я не люблю докладовъ, синьора, отвѣчалъ Орловъ,—прошу васъ, г. директоръ, удалитесь, мнѣ нужно поговорить съ синьорой отъ имени императрицы.

Директоръ поклонился и вышелъ.

— Синьора, сказалъ Орловъ, заискивающимъ, тихимъ голосомъ, потому что онъ зналъ отлично, что за дверью подслушиваетъ директоръ,—я явился отъ имени императрицы, но также и отъ своего. Прошу васъ, не продолжайте эту опасную игру, не раздражайте царицу! Вы доказали ей и всей публикѣ, что вы горды, докажите теперь, что вы умѣете подчиняться обстоятельствамъ, и пойте!

— Вы говорите мнѣ это какъ графъ Орловъ?

— Да, я говорю отъ своего имени.

— Далѣе, г. графъ, сказала она съ насмѣшливымъ спокойствіемъ,—говорите теперь, какъ посланный императрицы!

Онъ нервно провелъ рукою по лбу и тряхнулъ головой.

— Ея величество приказываетъ вамъ пѣть полнымъ голосомъ.

— Но я не могу пѣть, я охрипла. Слушайте сами.

Она приподнялась немного съ дивана и запѣла громко ту самую арію, которую только что чуть слышно прошептала на сценѣ.

Орловъ слушалъ ее съ нѣмымъ восторгомъ. Окончивъ, она медленно опустилась снова на диванъ.

— Вы слышите, г. графъ, сказала она томно, —я совершенно охрипши, доложите объ этомъ государынѣ, вѣдь вы слышали сами.

— Ничего я не слышалъ! вскричалъ онъ.— Я знаю только, что вы демонъ или ангелъ!

Говоря это, онъ обнялъ ее и страстно поцѣловалъ въ губы; онъ сдѣлалъ это такъ быстро, что она не успѣла оттолкнуть его, а затѣмъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Ну, Орловъ, исполнилъ-ли ты мое порученіе? спросила императрица, когда Орловъ снова медленно вернулся въ ложу.—Будетъ она теперь пѣть, какъ слѣдуетъ.

Орловъ пожалъ плечами.

— Я не знаю, она пробормотала нѣсколько невнятныхъ словъ и указала на свои губы, какъ-бы желая сказать, что не можетъ пѣть. Что могъ я сдѣлать съ этой упрямой бабой?

Опера между тѣмъ шла своимъ чередомъ и теперь наступила вторая большая сцена Габріэли. Она опять вышла на сцену, опять открыла ротъ для пѣнія, ея нѣмая игра была изумительна, но никто не слышалъ ни одного звука.

Императрица поблѣднѣла отъ гнѣва.

— Орловъ, сказала она, — передай ей еще разъ, что если она не запоетъ тотчасъ громкимъ голосомъ, сегодня-же вечеромъ она получитъ наказаніе по закону.

— Прошу, ваше величество, пошлите когонибудь другого, напримѣръ, Елагина; онъ изъ числа ея поклонниковъ и, можетъ быть, получитъ удовлетворительный отвѣтъ.

— Хорошо, сказала императрица.—Елагинъ, какое наказаніе должно постигнуть пѣвицу, не исполняющую условій своего контракта?

— Съ ней слѣдуетъ поступить, какъ съ несостоятельной должницей, то есть посадить въ долговую тюрьму.

— Хорошо, поди къ этой пѣвицѣ и предупреди ее, что если она не запоетъ, какъ слѣдуетъ, то сегодня-же отправится въ долговую тюрьму.

Елагинъ вскорѣ вернулся.

— Ваше величество, сказалъ онъ,—я опасаюсь, что она будетъ продолжать пѣть такъ, какъ пѣла до сихъ поръ.

— Сказалъ ты ей, что если она не перестанетъ капризничать, то сегодня-же ее отправятъ въ долговую тюрьму?

— Да, ваше величество, сказалъ.

— И что же она отвѣтила? Я хочу знать.

— Она отвѣтила: императрица можетъ принудить меня кричать, но не пѣть, когда пѣть я не могу. Затѣмъ повернулась ко мнѣ спиною, вошла въ свою уборную и заперла дверь на ключъ.

— Она предупреждена, пусть-же пеняетъ сама на себя: какъ только она появится на сценѣ и начнетъ свое смѣшное пѣніе, прикажи опустить занавѣсъ, а ее арестуй и отвези въ долговую тюрьму. Когда она снова выйдетъ на сцену, мы удалимся! Надо покончить комедію, заключила императрица, обращаясь къ графу Орлову.

Въ эту минуту снова появилась Габріэли, подошла къ рампѣ и начала свою игру безъ пѣнія. Императрица шумно поднялась съ кресла, подала знакъ придворнымъ дамамъ и вышла изъ ложи. Блестящая свита поспѣшно послѣдовала за нею. Вслѣдъ затѣмъ по знаку директора занавѣсъ опустился, появившійся режисеръ объявилъ, что по приказу государыни опера прекращается, а упрямая пѣвица будетъ наказана по закону.

Публика молча разошлась.

Между тѣмъ на сценѣ Елагинъ, тихо, запинаясь, объявилъ Габріэли, что она арестована и будетъ свезена въ тюрьму. Пѣвица поклонилась и громко засмѣялась.

— Тюрьма, такъ тюрьма, любезный Елагинъ, прошу васъ, не стѣсняйтесь. Я должна только, замѣтить вамъ, что въ Петербургѣ находится австрійскій посланникъ, на обязанности котораго лежитъ защита подданныхъ австрійской императрицы. А теперь, любезный Елагинъ, дайте мнѣ вашу руку, ваши люди укажутъ дорогу моему кучеру. Ѣдемъ въ тюрьму!

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Разъ въ мѣсяцъ.

НА СКАКОВОМЪ КРУГѢ.

Бесѣда **И. Василевскаго (Буквы)**.

Іюль и августъ—обычный сезонъ царскосельскихъ и красносельскихъ скачекъ. Лошадники-аристократы, лошадники-барышники и лошадники-любители съѣзжаются въ это время въ Петербургъ, съ цѣлыми странствующими труппами лошадей, треннеровъ, джокеевъ, конюховъ и прочихъ представителей конюшенной спеціальности, доведенной до степени професіи и даже культа. Въ Красномъ, какъ извѣстно, въ скачкахъ принимаютъ участіе исключительно только офицеры. Царскосельскій-же кругъ открытъ для всѣхъ безъ различія соревнователей,носитъ чисто комерческій характеръ и ежегодно надѣляетъ счастливцевъ значительными денежными кушами, составляемыми изъ призовъ государственнаго коннозаводства, частной подписки конкурентовъ и дополнительныхъ, округляющихъ итоги суммъ отъ царскосельскаго скаковаго общества—хозяина и устроителя въ Царскомъ всѣхъ бывающихъ тамъ скачекъ.

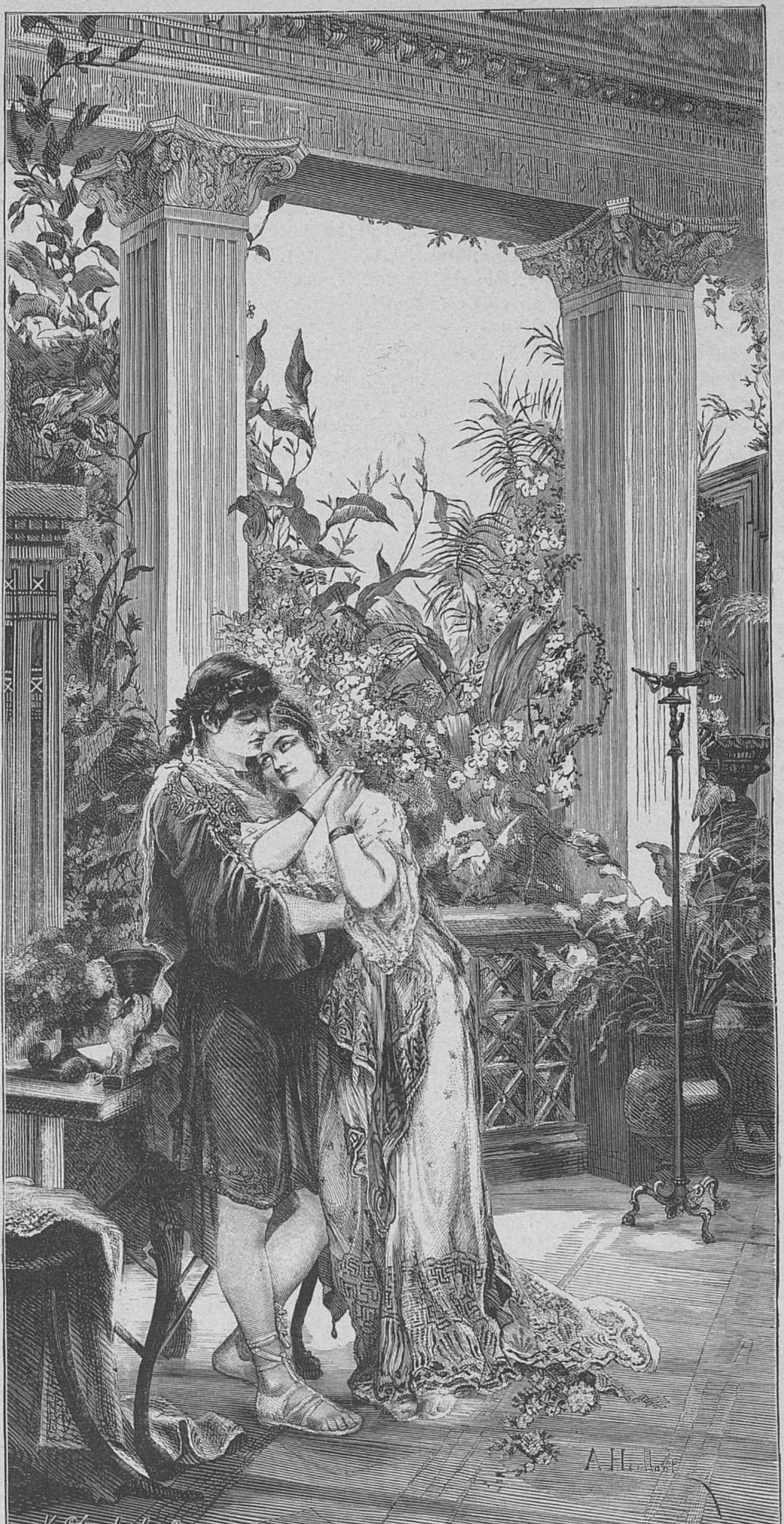
Поговоримте сегодня объ этомъ оригинальномъ и не лишенномъ извѣстнаго интереса предметѣ.

I.

Сначала два слова о внѣшней картинѣ. Каж-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГЕЙЛЛАНА.


K.Strobel.sc.

Медовый мѣсяцъ.

Рѣзалъ на деревѣ Штробель.

дый разъ, когда у меня въ рукахъ скаковая афиша, я вспоминаю, по асоціаціи впечатлѣній, блестящій и великолѣпный ансамбль Лоншана. Вамъ, конечно, извѣстно, что ежегодныя осеннія скачки служатъ для воспріимчивыхъ и увлекающихся парижанъ цѣлымъ событіемъ мѣстной общественной жизни. Онѣ отодвигаютъ временно на второй планъ даже политическіе вопросы и темы, подзадоривая азартъ и присущее всѣмъ французамъ влеченіе къ большимъ и красивымъ зрѣлищамъ. Лоншанъ въ дни скачекъ нигдѣ и не находитъ ничего себѣ подобнаго. Это удивительная, подавляющая глазъ картина, съ теплымъ голубымъ небеснымъ фономъ, яркимъ, всѣхъ и все золотящимъ освѣщеніемъ, необыкновеннымъ наборомъ смѣлыхъ и эфектныхъ красокъ, ширью и просторомъ, шумомъ и гамомъ многотысячнаго улья и всеобщимъ беззаботнымъ оживленіемъ, веселіемъ и увлеченіемъ изящной и нарядной массы. Лоншанъ—это многоверстная, бенефисная сцена для роскошныхъ и разнообразныхъ экипажей, кровныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей, для дамскихъ модъ, образующихъ здѣсь какъ-бы передвижную международную выставку, для всевозможныхъ мужскихъ болѣе или менѣе своеродныхъ костюмовъ и увеселительныхъ антрактныхъ затѣй, сюрпризовъ и представленій всѣхъ родовъ и наименованій. Лоншанъ—это грандіозное rendez-vous мѣстнаго парижскаго и пріѣзжаго high-lief'а, смотръ всѣхъ, производимый всѣми, случай, когда всякій вкусъ, всякая эксцентричность и всякая изобрѣтательность находятъ для себя цѣнителей, поклонниковъ, критиковъ;—когда не пропадаетъ безслѣдно для толпы ни новопридуманная, вонъ изъ ряда выдающаяся шляпка, которая откроетъ новую эпоху въ мірѣ цвѣточницъ и модистокъ, ни удивительная упряжная пара полубѣлыхъ, получерныхъ коней, убравшихъ свои головы въ звонки, перья, пушистые лисьи хвосты и цвѣтныя ленты, ни кровный зулусъ въ пунцовой ливреѣ, сидящій на шарабанной вышкѣ съ тонкоморденькою болонкою, ни анекдотичный зонтикъ кокотки, похожій на цвѣточную бесѣдку, ни воротнички парижскаго gommeux, упирающіеся своими острыми концами въ поля цилиндра, ни качества, достоинства и особенности англійскихъ класическихъ буцефаловъ съ той стороны Ламанша; не пропадетъ безслѣдно даже находчивая афера промышленника, предлагающаго за нѣсколько су складныя лѣстницы и «карманные стулья». Въ Лоншанѣ особенно любопытна и элегантна экипажная публика, оставляющая въ дни скачекъ въ Парижѣ, кажется, только одни омнибусы и извощичьи фіакры. Вотъ предъ вами причудливая карета-дилижансъ, очень большая 6-колесная, запряженная четверней; она подраздѣлена внутри на 3 части или отдѣленія, обитыя алымъ бархатомъ и ближе всего напоминающія театральныя ложи; въ ней ѣдетъ нѣсколько знакомыхъ аристократичныхъ семей, преимущественно мамашъ и тетокъ съ ихъ дочерьми и племянницами; изъ всѣхъ дверецъ и оконъ этой подвижной гостиной выглядываютъ молодыя, свѣжія, пытливыя личика, цвѣты, легкія и цвѣтныя лѣтнія ткани, богатые вѣера, соломенныя всѣхъ фасоновъ и очертаній шляпы, плетеныя корзины съ засмоленными бутылками и холодною дичью, громадные бинокли, пенснэ, лорнеты, а на верху этого 6-колеснаго дома—мужественный и статный возница, представитель какого-нибудь легитимистскаго отпрыска, съ бѣлою розою въ петлицѣ, съ длинною, развивающеюся вуалью и шикарно хлопающимъ бичемъ; возлѣ него, тамъ же на каретной крышѣ, группа кокетничающей, забавляющейся молодежи, разсѣвшейся во всевозможныхъ позахъ. Вотъ вамъ далѣе четырехмѣстное открытое ландо на высокихъ, обтянутыхъ гутаперчею колесахъ; пара черныхъ коней съ желтыми ленточными кокардами у глазъ; художественный серебряный уборъ на упряжи, маститый сѣдой джентльменъ правитъ; за нимъ англійская сухожилая типичная гувернантка и молоденькая миссъ той характерной нѣжной и благородной красоты, которая свойственна только дочерямъ Альбіона; тутъ-же неподвижный грумъ, приросшій къ своему сидѣнью и точно окаменѣвшій; вотъ свѣтлосинее тильбю и двуколка, тащимая четвероногимъ гигантомъ нормандской расы; чуть-ли не весь дѣтскій пансіонъ ухитрился помѣститься въ ней, весело хохоча, проказничая и хлопая въ ладошки; вотъ всадники, держащіеся на коняхъ по всѣмъ правиламъ высшаго берейторскаго искуства; вотъ еще изящныя и лихія амазонки на непокорныхъ Росинантахъ, семейные дормезы, коляски съ княжескими и графскими коронами и цѣлымъ штатомъ ливрейной прислуги, демократическіе омнибусы, кокетливыя каретки tête a tête, съ полуопущенными голубыми занавѣсками, фаэтоны и проч. и проч. Все это будетъ замѣчено на скачкахъ, оцѣнено и «пропечатано», все это составитъ веселую фельетонную страничку въ календарной исторіи города-молоха; все это забавляетъ глаза, развлекаетъ вниманіе, напрягаетъ интересъ и несетъ свою дань тому анекдотисту и эстетику, который сидитъ въ каждомъ человѣкѣ, не исключая и насъ съ вами.

II.

У насъ на скачкахъ совсѣмъ не то. Мелко, сѣро, рутинно. Мы бѣдны деньгами, бѣдны духомъ, бѣдны изобрѣтательностью и бѣдны даже въ области увеселеній. Тоска и апатія съ разныхъ сторонъ прищемленнаго сѣвернаго человѣчка и здѣсь даютъ себя чувствовать. Нѣтъ ни красокъ, ни эфектовъ, ни жизни; и на скачкахъ у насъ все таже безцвѣтная, типично-городская публика, которую вы встрѣчаете и въ лѣтнемъ саду, и на рѣчномъ пароходѣ, и на дачной желѣзно-дорожной станціи. Два царскосельскіе, предназначенные для зрителей павильоны пришли въ ветхость и близятся къ упадку; они видимо осунулись и покосились; порыжѣла и выцвѣла давно не подновляемая краска; здѣсь и тамъ видны новыя бѣлыя дощечки, служащія заплатками расходящихся стѣнъ; битыя стекла въ окнахъ; ложи походятъ на лошадиныя стойла, не взирая на свои высокія цѣны; полъ въ аванъложахъ во многихъ мѣстахъ потрескался и провалился; буфетикъ одинъ, бѣдный, дрянной съ промзглымъ запахомъ пива и подозрительныхъ бутербродовъ. Въ серединѣ скакового круга нѣтъ ни одного экипажа и ни одного верхового всадника; тамъ только заливается единственный оркестръ военной музыки и путается подъ надзоромъ городовыхъ небольшая уличная толпа; подготовленія къ скачкамъ длятся томительно и долго; собравшіеся не обнаруживаютъ ни къ чему ни малѣйшаго интереса, путаютъ лошадиныя клички съ фамиліями владѣльцевъ; думаютъ. что «Гизо» владѣлецъ, а джокей Коннеръ—жеребецъ; ложи пустоваты и гарнированы безцвѣтно; биноклю просто негдѣ и не на чемъ остановиться. Если гдѣ и замѣчается нѣкоторое оживленіе и нѣсколько усиленное кровообращеніе, такъ это только у тотализаторовъ,—у этого остроумнаго англійскаго изобрѣтенія, узаконившаго и нормировавшаго скаковыя партіи, бѣшенную игру бѣшенныхъ денегъ.

III.

Остановимся на тотализаторахъ. На царскосельскихъ скачкахъ ихъ цѣлыхъ: 4-рублевый 3-рублевый, 5-рублевый и 10-рублевый, сообразно стоимости одного билета. Дѣятельность тотализаторовъ сводится къ простой разверсткѣ всей собранной по данной скачкѣ суммы между болѣе или менѣе малочисленною группою выигравшихъ. Здѣсь, чтобы понять въ чемъ дѣло, нужно нѣкоторое примѣрное объясненіе. Въ день скачекъ обыкновенно бываетъ нѣсколько отдѣльныхъ номеровъ скачекъ, соотвѣтствующихъ нѣсколькимъ отдѣльнымъ призамъ. Есть подробныя скаковыя афишки. Онѣ составлены какъ-бы изъ нѣсколькихъ главъ; каждая глава имѣетъ дѣло съ однимъ номеромъ скачекъ, т. е. показываетъ призъ, соотвѣтствующій этому номеру, скаковую дистанцію (мѣняющуюся для каждаго номера, minimum 2 версты, maximum 6), условія скачки и послѣдовательно перечисляетъ скачущихъ лошадей съ поименованіемъ ихъ лѣтъ, владѣльцевъ и джокейскихъ отличительныхъ примѣтъ въ костюмахъ. Положимъ, скачутъ 4 лошади. Вамъ и предоставляется держать пари на томъ или другомъ тотализаторѣ за какую угодно лошадь. Доказательствомъ пари служитъ особый билетъ, въ родѣ желѣзно-дорожнаго, выдаваемый тотализаторомъ и оплачиваемый рублемъ, тремя, пятью или десятью. Допустимъ, что дѣйствіе происходитъ на самомъ азартномъ 10-рублевомъ тотализаторѣ. Состязаніе происходитъ между 4 лошадьми. На первую лошадь подписалось 43 человѣка, на вторую—70, на третью почему-либо только 8 и на четвертую—52; итого разобрано всѣхъ билетовъ на первый номеръ скачки даннаго дня 173. При взятіи каждаго билета въ кассѣ щелкаетъ особый, помѣщенный на виду механизмъ и послѣдовательно передвигаетъ цифры, такъ что сама публика, слѣдуя за механизмомъ, во всякую данную минуту можетъ знать и каковъ общій итогъ подписки и какъ распредѣлялись билеты между отдѣльными лошадьми. Еще до начала скачки, послѣ второго сигнальнаго звонка, даваемаго изъ распорядительской бесѣдки, тотализаторъ закрывается, т. е. продажа билетовъ на предстоящую скачку прекращается. Въ нашемъ, примѣрномъ, случаѣ оказывается 173 билета, т. е. 1730 рублей общаго сбора. Тотализаторъ a priori отчисляетъ въ свою пользу 5%, т. е. 86 р. 50 коп.; остается, слѣдовательно чистыхъ для дѣлежки между держащими пари 1643 р. 50 коп. Затѣмъ слѣдуетъ собственно скачка.

IV.

Всѣ скачки подчинены общимъ правиламъ и законамъ, свято и повсюду соблюдаемымъ. Прежде всего въ скаковомъ бюро собираются подробныя біографическія свѣдѣнія о лошадяхъ. Скаковые первенцы пользуются у лошадниковъ такою-же извѣстностью и популярностью, какъ имена историковъ, философовъ и государственныхъ мужей въ средѣ пишущихъ. Гипписты отлично знаютъ, гдѣ родилась какая лошадь, гдѣ и когда она вышла побѣдительницей, гдѣ и когда уступила свои лавры болѣе счастливой, каковы у нея переднія ноги, какой у нея «характеръ»,—въ смыслѣ спокойствія и выносливости или горячности и капризности, и проч. Удивительно, какъ еще до сихъ поръ нигдѣ нѣтъ ни лошадиныхъ романовъ, ни лошадиныхъ комедій, хотя и есть лошадиные стихотворцы (одинъ изъ нихъ живетъ постоянно въ Москвѣ, посвящая свои оды почти всѣмъ скаковымъ кобыламъ) и лошадиные портретисты (извѣстный живописецъ-гиппистъ Сверчковъ и др.). Затѣмъ, послѣ формальнаго матрикулированія лошадей слѣдуетъ весьма тщательное взвѣшиваніе, на особыхъ, довольно чувствительныхъ вѣсахъ джокеевъ вмѣстѣ съ сѣдлами и со всѣмъ уборомъ. Взвѣшиваніе имѣетъ цѣлью уравниваніе тяжестей для всѣхъ скачущихъ лошадей. Недостающій до нормы вѣсъ обыкновенно добавляется баластными чепраками и потниками; нѣкоторые изъ нихъ бываютъ со свинцовыми подвѣсками. Лошади сѣдлаются тутъ-же на виду распорядителей и съ этого момента джокей не имѣетъ уже права отступить ни на одинъ шагъ отъ своего коня. Джокеи различаются между собою цвѣтомъ картузовъ, камзоловъ и рукавовъ. Выведенныя къ скаковому столбу лошади становятся въ одну линію и, горячась, балуя, то и дѣло порываясь впередъ, ждутъ не дождутся паденія къ низу сигнальнаго флага. Умныя животныя бдительнѣйше слѣдятъ своими быстрыми глазами за приподнятымъ флагомъ и почти никогда не пропустятъ сигнала. Скачки бываютъ двухъ родовъ: такъ называемыя «гладкія» и steeple-chase, или скачки съ препятствіями. Первыя не нуждаются въ объясненіи. Вторыя требуютъ какъ громадной силы и гимнастической ловкости отъ лошади, такъ и большой опытности и находчивости отъ ѣздоковъ и очень рѣдко не бываютъ сопряжены съ несчастіями и ушибами, особенно для лошадей. Вообще это жестокая и возмущающая забава. Задыхаясь на бѣгу, почти равномъ быстротѣ желѣзнодорожнаго поѣзда, лошадь должна перепрыгивать рвы, наполненныя водою канавы, взбираться на двухаршинныя земляныя насыпи, перескакивать черезъ барьеры и проч. И все это почти заразъ. Препятствія разставлены на очень небольшомъ другъ отъ друга разстояніи: едва справившись съ однимъ, лошадь встрѣчается уже съ другимъ. Сплошь и рядомъ лошади или ломаютъ себѣ ноги, ударяются грудями или задыхаются и тутъ-же замертво падаютъ. Въ нынѣшнемъ, напримѣръ, царскосельскомъ скаковомъ сезонѣ были уже 2 такіе случая: одна лошадь сломала себѣ ногу и ее тотчасъ-же пристрѣлили, а съ другою случился разрывъ сердца. Ѣздоки отдѣлались однако счастливо, нѣсколькими незначительными случаями. Въ свою очередь и лошади, приходящія къ столбу, послѣ скачекъ съ препятствіями, имѣютъ ужасающій видъ. На нихъ нельзя смотрѣть безъ нервнаго содроганія. Бока у нихъ изранены хлыстомъ, шпорами, нерѣдко облиты струями крови; ноги дрожатъ и подгибаются; глаза и ноздри вздуты и также налиты кровью, а психически лошадь находится въ совершенно безсознательномъ состояніи. Съ нею можно дѣлать, что угодно; она ничего не понимаетъ. Это называется «лошадинымъ обморокомъ» Лошадей, не медля, послѣ скачки окачиваютъ холодною водою и напаиваютъ коньякомъ для освѣженія. Лошадь, сбившаяся съ пути или оставившая въ сторонѣ хотя-бы одно препятствіе, считается сошедшею съ круга и не принимаетъ никакого участія въ призахъ. Для оцѣнки быстроты можно пояснить, что двухверстный скаковой кругъ по большей части проходится хорошею лошадью въ 2 съ небольшимъ минуты. Это скорость почтоваго поѣзда и для такого бѣга лошади нуждаются въ особой многолѣтней треннерской выправкѣ, сводящейся къ возможному развитію грудной клѣтки и къ такой могучей работѣ легкихъ, чтобы онѣ могли и на полномъ ходу безъ затрудненія справляться съ окисляющимъ процесомъ. И дѣйствительно, треннеры достигаютъ своего. Они превращаютъ лошадь въ жалкую карикатуру: у скаковой лошади маленькая головка, высокія тоненькія ноги, костлявая спина, высокоподнятый задъ, сдавленный, непомѣрно узенькій животъ, коротенькій, стриженный хвостъ и огромная бочкообразная грудь.

Когда выяснится результатъ скачки, приступаютъ къ расчету по тотализатору. Естественно, что можно проиграть, можно получить небольшой дивидентъ и можно получить весьма приличный выигрышъ, во много разъ превышающій сумму вашего взноса. Все, конечно, зависитъ отъ того, какая изъ скачущихъ лошадей выиграла призъ. Если вы имѣете билетъ на вторую лошадь и если она именно взяла, то на 10-рублевый билетъ вы получите 20 рублей съ чѣмъ-то, ибо общая сумма сбора (1643), раздѣленная на число выигравшихъ, т. е. на число подписавшихся на вторую лошадь (70) даетъ только 23 рубля. Стало-быть, вашъ выигрышъ равенъ 130%. Разумѣется, что игравшіе за остальныя 3 лошади проигрываютъ. Но если почему-либо счастье благопріятствовало третьей, менѣе другихъ извѣстной и потому привлекшей къ себѣ только 8 паристовъ лошади и если она побѣдила, то вамъ уже выдадутъ вмѣсто вашихъ 10 рублей—205 рублей, т. е. вы получите 2050%. Случаи такіе однако очень рѣдки, потому что наименѣе разбираемые лошади, по большей части, слабѣе и хуже своихъ товарокъ. Большинство же стремится держать пари на «крупныя имена» лошадиныхъ первенцовъ и потому выдачи тотализаторовъ рѣдко превышаютъ очень скромныя цифры. Чтобы имѣть понятіе объ ажитаціи публики вокругъ и около тотализаторовъ, слѣдуетъ замѣтить, что тотализаторы разверстываютъ въ день скачекъ среднимъ числомъ отъ 30 до 40 тысячъ. Ничтожность этой суммы, сравнительно съ баснословными англійскими скаковыми пари, сама по себѣ очевидна.

V.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о лошадникахъ. Я въ началѣ перечислилъ уже ихъ оттѣнки. Есть лошадники-аристократы, балующіе на нихъ остатки родовыхъ состояній. Это—вымирающій типъ. Его послѣдніе могикане дѣлаются все болѣе и болѣе рѣдкими, скромно стушевываясь передъ издержками на дорогую забаву и уступая мѣсто первенствующимъ по праву дѣятелямъ лошадникамъ-барышникамъ. Послѣдніе сдѣлали себѣ изъ скакового дѣла житейскую професію. Большинство ихъ имѣетъ свои конскіе заводы и съ наступленіемъ каждой весны пускается въ скитальческую одиссею. Они переѣзжаютъ послѣдовательно изъ Москвы въ Вильну, изъ Вильны въ Варшаву, потомъ въ Ригу, потомъ въ Петербургъ и т. д. Болѣе смѣлые рискуютъ даже на заграничныя поѣздки, собирая въ одномъ мѣстѣ деньги и лавры, въ другомъ уныло посвистывая въ кулакъ; они же главные покупщики и продавцы лошадей, цѣна которымъ колеблется въ предѣлахъ отъ 700—800 рублей до 2 и 3 тысячъ, смотря по качествамъ, лѣтамъ и репутаціи лошадей. Въ счастливый годъ лошадникъ-барышникъ можетъ выручить до 30 тысячъ въ годъ на однихъ призахъ и перепродажахъ, а въ несчастный сезонъ—скаковыя лошади едва могутъ окупить свое же содержаніе. Наиболѣе извѣстными скаковыми фирмами считаются у насъ заводы Мосолова, княгини Хилковой, Петровскаго (Лазарева), Лизогуба, Грабовскаго, Мысыровича и др. У настоящихъ лошадниковъ полагается особый комплектъ професіональной прислуги. Первое мѣсто въ конюшенномъ штабѣ естественно принадлежитъ треннерамъ,—лошадинымъ гувернерамъ и воспитателямъ. Всѣ почти треннеры—англичане, у которыхъ, какъ извѣстно, скаковой спортъ достигъ самой высшей ступени развитія. Треннеры прекрасно знаютъ свое дѣло, служатъ неотступными няньками при лошадяхъ и оплачиваются сравнительно щедро: годичный гонораръ треннера нерѣдко достигаетъ 2 тысячъ рублей. Треннеры—бытописатели, историки и психологи лошадиныхъ жизней и лошадиныхъ карьеръ; они сживаются съ лошадьми, какъ со своими лучшими и ближайшими личными друзьями. Я видѣлъ, напримѣръ, однажды, какъ одинъ старый треннеръ,—сѣдой англичанинъ съ выдавшеюся челюстью,—на взрыдъ плакалъ, таща за поводъ въ конюшню сломавшую себѣ ногу лошадь. За треннерами слѣдуютъ джокеи, вся задача которыхъ только брать призы. Это ужасно извращенная и жалкая порода хапугъ и сорванцовъ, тоже, по большей части, англичанъ. Они образуютъ именно свою особую породу: худые, недоразвитые, сутуловатые и большеголовые, съ тоненькими ножками, впалыми грудями и жидкими бакенами, образующими обезьяній складъ лица; истые джокеи кажутся какими-то выродками и недорослями, попеременно возбуждающими то смѣхъ, то сожалѣніе. Люди эти мелки, жадны, завистливы и грубы во всѣхъ своихъ пріемахъ и отношеніяхъ, но занимательны, и я не знаю, почему никому еще не пришло въ голову аналитически вскрыть это курьезное и оригинальное чучело съ его стремленіями, взглядами, нравами и привычками. Для наблюдательнаго человѣка джокейская среда, какъ и всякая ячейка самыхъ узкихъ спеціалистовъ, представляетъ много любопытнаго и анекдотическаго, начиная пищевымъ искусомъ, доводящимъ иногда тѣло взрослаго джокея до 2-пудоваго вѣса, и кончая страшными полу-трагическими проклятіями, вырывающимися изъ самаго нутра этихъ чертенятъ, при неудачномъ финалѣ скачекъ. Наконецъ, каждая «скаковая труппа» всюду тащитъ еще за собою своихъ конюховъ, подручныхъ, ветеринаровъ; даже сѣдельниковъ и пр. Сразу даже трудно и повѣрить, что такъ много людей серьезно занимаются и всю свою жизнь кормятся отъ такого причудливаго и, говоря по правдѣ, никому и не для чего ненужнаго, дѣла.

Къ рисункамъ.

Ева, картина Бугеро. Французскій художникъ Бугеро извѣстенъ не только прекрасными формами и красотой своихъ женскихъ фигуръ, но также и дѣтскими типами. При значительной граціи его рисунка, при удивительной мягкости красокъ и кисти, онъ отлично знаетъ дѣтскую натуру и искусно умѣетъ подмѣчать въ красивыхъ дѣтскихъ личикахъ—дѣтскія душевныя движенія. Его «Ева» въ этомъ отношеніи, - настоящій художественный алмазъ. Дѣвочка держитъ въ рукѣ яблоко и, несмотря на запрещеніе, ей сильно хочется вкусить его; это желаніе, выражающееся на красивомъ личикѣ, прекрасно схвачено художникомъ, безъ утрировки, но настолько вѣрно и опредѣленно, что ошибаться невозможно.

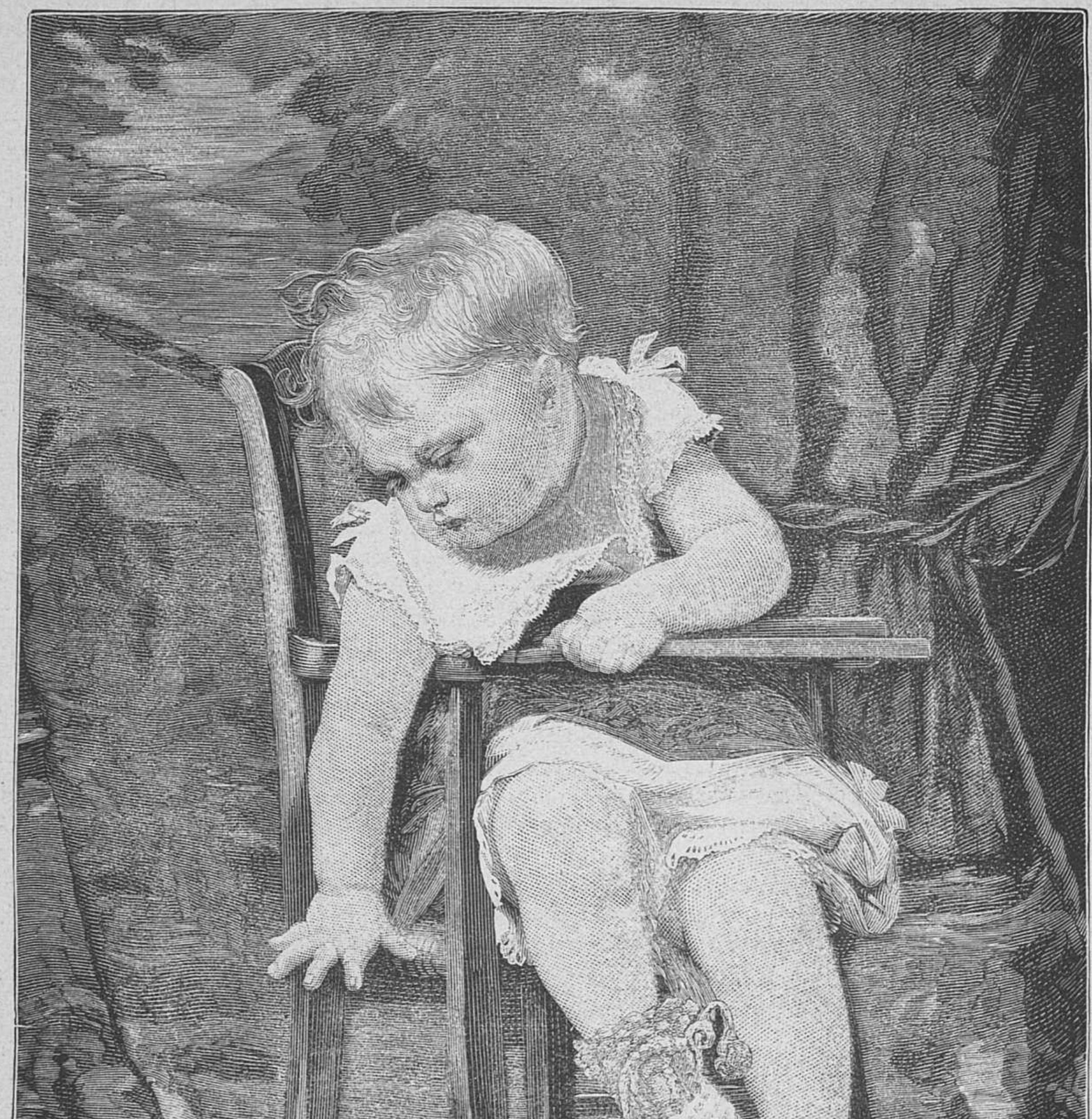
Старая мельница въ горахъ Юры. Какъ по характеру рисунка, такъ и по особенностямъ природы, пейзажъ этотъ напоминаетъ ландшафты Рюиздаля: скалистая, юрская мѣстность, старая мельница, полуразвалившаяся, шумящая вода, вдали деревья, вообще мѣстность суровая, но интересная и крайне живописная,—вотъ особенности, за малыми исключеніями, школы голандскаго пейзажа, представителемъ котораго служилъ Рюиздаль. Было-бы лишнимъ указывать на достоинства «Старой мельницы»; замѣтимъ только, что даже очень тщательное выполненіе деталей,—выполненіе, являющееся характеристической особенностью этого пейзажа, нисколько не мѣшаетъ впечатлѣнію цѣлости и представляетъ вполнѣ законченную художественную гармонію.

Муки Тантала, картина Лобришона. На парижской выставкѣ нынѣшняго года, не малое вниманіе толпы обращала на себя картина Лобришона: «Муки Тантала». Картина принадлежитъ къ *дѣтскому* жанру, если можно такъ выразиться,—жанру, который во французской живописи съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія, и дѣлается почти совершенно отдѣльною отраслью жанра. Отрасль этого жанра можно-бы назвать также и художественной разработкой дѣтской психологіи; цѣлая школа, можетъ быть, наиболѣе талантливыхъ жанристовъ, посвятила себя спеціальному изученію дѣтской натуры, и по преимуществу въ тѣхъ своихъ особенностяхъ, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность ребенка. Но умное, художественное изученіе этой психологіи ведетъ, кромѣ того, къ изученію самаго тона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того нравственнаго и умственнаго міра, среди котораго живетъ ребенокъ. Прежнія школы живописи, по временамъ, точно также касались этой области болѣе или менѣе удачно, но касались мимоходомъ, случайно, очевидно не приписывая важности этому роду; вотъ почему можно сказать, не боясь ошибиться, что дѣтскій жанръ есть созданіе нашего времени и заслуга эта неотъемлемо принадлежитъ молодой школѣ французскихъ художниковъ.

Однимъ изъ удачныхъ образчиковъ этого жанра можетъ служить картина Лобришона: «Муки Тантала». Вы видите передъ собою маленькаго ребенка,

ВЫСТАВКА ВЪ ПАРИЖѢ 1880 ГОДА.

КАРТИНА ЛОБРИШОНА.

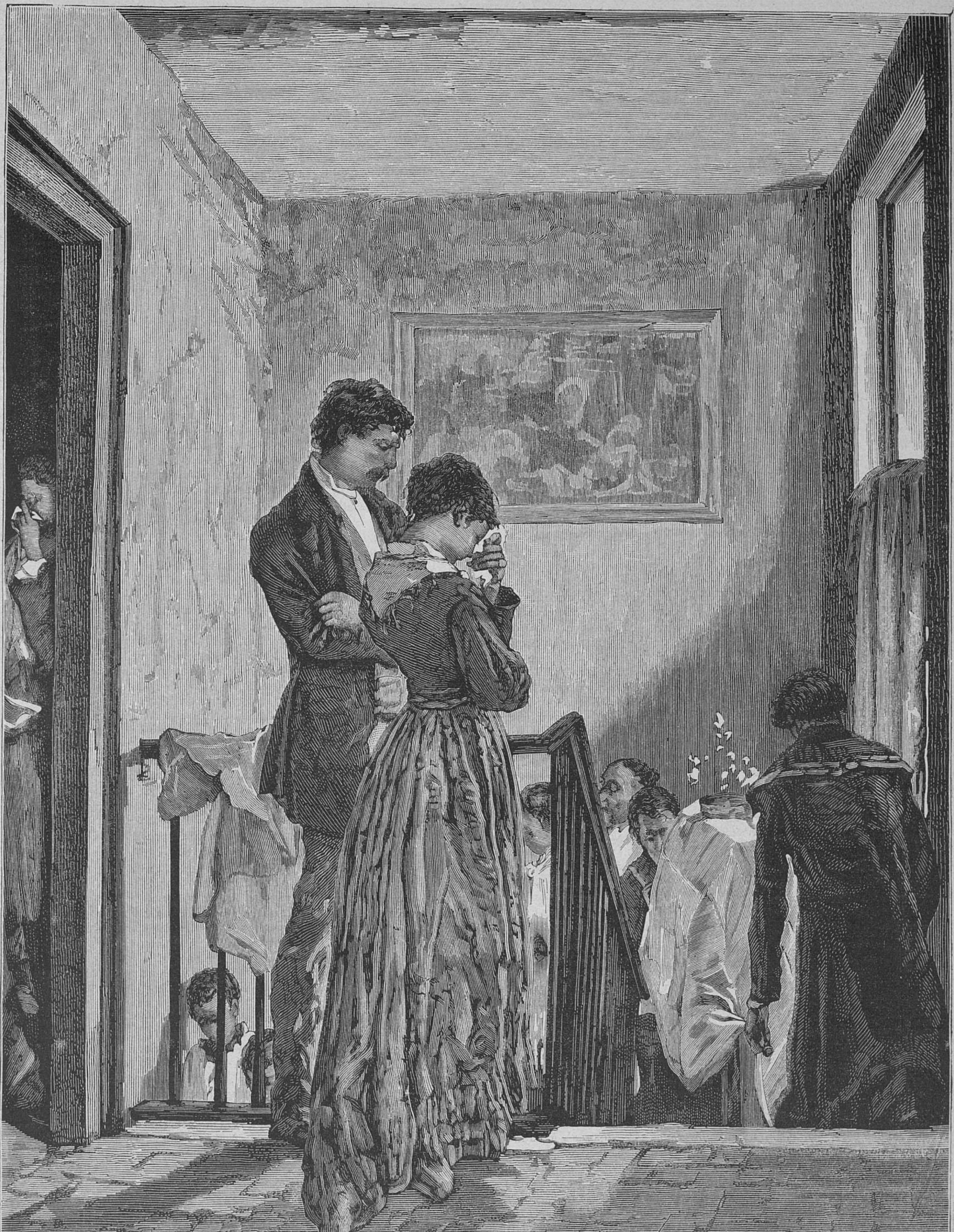

Lobrichon
TRICHON

Муки Тантала.

По фотографіи **Брауна**, рѣзалъ на деревѣ въ Парижѣ **Тришонъ**.

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ ВЪ 1880 Г.

КАРТИНА ДАЛЛ'ОКА БІАНКА.



Горе.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

усаженнаго въ дѣтское креслице, изъ котораго онъ выйдти не можетъ и на столько высокаго, что онъ не въ состояніи коснуться пола. Въ комнатѣ никого нѣтъ: родители или няня, увѣренные въ томъ, что въ креслицѣ съ ребенкомъ ничего не можетъ случиться, и что при этихъ условіяхъ и самъ онъ не можетъ накуралесить,—ушли, предоставивъ въ его полное и неотъемлемое распоряженіе разнаго рода игрушки: куклу, погремушку, лошадку. Къ сожалѣнію, случилось нѣчто непредвидѣнное: ребенокъ, играя своими куклами уронилъ ихъ и теперь они валяются на полу у креслица. Само собой разумѣется, что онъ потянулся за ними, но увы! не въ состояніи ихъ достать: варварское креслице рѣшительно не позволяетъ ему сдѣлать ни шага. Положеніе по истинѣ затруднительное, которое художникъ изобразилъ намъ очень удачно и характерно, схвативъ въ этомъ «психологическомъ моментѣ» особенности дѣтской натуры въ формахъ чрезвычайно типичныхъ.

Горе, картина Далл'ока Біанка. Мы уже нѣсколько разъ говорили объ особенностяхъ современной итальянской живописи: особенности эти, по нашему мнѣнію, заключаются не только въ яркомъ и свѣтломъ колоритѣ, не только въ эфектности сюжета, но также и въ широкой, какъ-бы эскизной кисти, въ небрежномъ на первый взглядъ рисункѣ, въ нѣкоторой размашистости и непринужденности, которая однакожь не исключаетъ ни основательнаго знанія рисунка, ни законовъ цвѣтовой гармоніи. Этой размашистостью по преимуществу, отличается Біанка; его новое произведеніе «Горе» написано очень эфектно, и именно размашисто, непринужденно. Картина принадлежитъ къ обыкновенному жанру, разрабатывающему, по премуществу, сцены семейной жизни. Уловить поэтическую сторону этой жизни, вотъ существенная задача этого жанра. Въ картинѣ Біанка—содержаніе очень просто: отецъ и мать, удрученные горемъ, въ отчаяніи, присутствуютъ при отпѣваніи и выносѣ ихъ любимаго ребенка. Сдѣлать эту обыденную сцену не только интересной, но и возбуждающей сочувствіе, причастить какъ-бы зрителя къ горю и несчастію этихъ несчастныхъ людей,—вполнѣ удалось художнику. Для этого онъ отыскалъ и нѣжную ноту въ освѣщеніи, и грустно-сосредоточенное выраженіе горя родителей; въ особенности удалось ему выраженіе матери, которая закрывъ лицо платкомъ, тихонько плачетъ.

Медовый мѣсяцъ. Картина представляетъ роскошную внутренность древне-римскаго дома, вѣроятно, какого-нибудь богатаго патриція; изъ широкихъ промежутковъ между колонами врываются изъ сада цвѣты и растенія; благородныя формы греческой архитектуры, яркій свѣтъ, особенности древне-римской меблировки, совершенно переносятъ насъ въ тотъ давно исчезнувшій міръ, который мы только знаемъ по описаніямъ. Почти по серединѣ, у стола стоитъ влюбленная пара, молодой патриційй, съ типическимъ римскимъ лицомъ и его молодая супруга, въ роскошной одеждѣ, любовно склонившая къ нему на плечо свою голову, въ то время какъ онъ нѣжно ее обнимаетъ. Таковъ, по мнѣнію нѣмецкаго художника, медовый мѣсяцъ римскаго брака. Картина отличается большимъ достоинствомъ, въ особенности въ рисункѣ и въ роскошныхъ аксесуарахъ и деталяхъ.

Правительственное сообщеніе.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе: На основаніи высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 3-й день апрѣля настоящаго года, на верховную распорядительную комисію возложенъ былъ пересмотръ свѣдѣній о всѣхъ состояшихъ подъ надзоромъ полиціи по политическимъ обвиненіямъ, въ томъ числѣ о лицахъ изъ учащейся молодежи, съ цѣлью дарованія раскаявшимся и исправившимся въ поведеніи облегченій и возможности продолжать прерванное образованіе. Во исполненіе такой Высочайшей воли 5-го апрѣля были затребованы чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ подробныя свѣдѣнія отъ всѣхъ начальниковъ губерній и областей, въ коихъ находятся состоящіе подъ полицейскимъ надзоромъ. Нынѣ свѣдѣнія эти за немногими исключеніями уже получены, приводятся въ систематическій порядокъ и по дополненіи данными, имѣющимися по тому же предмету въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ, и заключеніями генералъ-губернаторовъ, поступятъ въ непродолжительномъ времени на окончательное обсужденіе и разрѣшеніе. Въ ожиданіи же такого общаго пересмотра, по отдѣльнымъ ходатайствамъ и представленіямъ цодлежащихъ начальствъ, съ мая по августъ сего года 115 человѣкъ уже или вовсе освобождены отъ надзора полиціи или возвращены изъ административной ссылки на родину, или же воспользовались другими облегченіями: въ томъ числѣ 30-ти человѣкамъ предоставлено вновь поступить въ университеты и другія высшія учебныя заведенія для продолженія прерваннаго образованія. Нынѣ съ закрытіемъ на основаніи Высочайшаго указа, отъ 5-го сего августа, верховной распорядительной комисіи, общій пересмотръ свѣдѣній о политическихъ поднадзорныхъ лицахъ, число коихъ во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи не превышаетъ 1,696 человѣкъ, возложенъ, въ силу 4 п. указа, на министра внутреннихъ дѣлъ, коему предоставлено приглашать для сего въ особыя совѣщанія, также какъ и по другимъ вопросамъ, возбужденнымъ верховною распорядительною комисіею, но не получившимъ еще окончательнаго разрѣшенія, членовъ закрываемой комисіи.

Смѣсь.

— **Народное образованіе въ Россіи.** Журналъ «Русскій народный учитель» сообщаетъ слѣдующія данныя о народномъ образованіи въ Россіи: «Въ Петербургѣ изъ всего числа дѣтей школьнаго возраста посѣщаетъ школы только 41$^0/_0$ (41 человѣкъ изъ 100), а остальные, число которыхъ доходитъ до 33,000, не посѣщаютъ никакой школы. Въ петербургской губерніи число дѣтей, посѣщающихъ школы, доходитъ лишь до 20—25$^0/_0$, въ московской губерніи 15$^0/_0$, а въ самой Москвѣ только 12$^0/_0$, въ костромской губерніи $4^1/_2{}^0/_0$, въ вологодской губерніи около 12$^0/_0$, въ новгородской 21$^0/_0$, въ рязанской $14^1/_3{}^0/_0$, въ калужской губерніи 20$^0/_0$, въ тамбовской $7^1/_2{}^0/_0$, въ полтавской 7$^0/_0$ въ екатеринославской 21$^0/_0$, въ самарской около 7$^0/_0$, въ пермской 15$^0/_0$ и т. д. Только въ немногихъ губерніяхъ число грамотныхъ значительно больше, а именно въ бессарабской—40$^0/_0$ (40 человѣкъ изъ 100 дѣтей), въ казанской 36$^0/_0$, въ пензенской 28$^0/_0$; кромѣ того, число грамотныхъ сравнительно велико въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ небольшихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ калужской, екатеринославской, таврической и саратовской губерній. Къ сожалѣнію, приходится сказать, что наибольшой процентъ грамотныхъ оказывается не въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ исключительно русское населеніе, а въ тѣхъ, гдѣ живетъ много нѣмецкихъ колонистовъ (нѣкоторые уѣзды екатеринославской, саратовской губерній) или даже татаръ (казанская губернія, таврическая); изъ русскаго-же населенія наиболѣе грамотнымъ оказывается раскольническое. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, занятыхъ колонистами, лютеранами-финнами, татарами, существуетъ обязательное обученіе грамотѣ (въ томъ числѣ въ нѣкоторыхъ чухонскихъ деревняхъ петербургской губерніи). Въ чисто-русскомъ православномъ населеніи иногда составлялись приговоры о введеніи обязательнаго обученія въ извѣстной волости; но можно думать, что такіе приговоры составлялись подъ вліяніемъ какихъ-нибудь отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, приговоры эти не приводились въ исполненіе. Обязательное обученіе въ сороковыхъ годахъ вводилось въ волостяхъ удѣльныхъ крестьянъ (архангельской, костромской и друг. губерній); былъ установленъ наборъ учениковъ въ школы, по 30 человѣкъ въ каждую школу. Каждый ученикъ получалъ пособія отъ 10 до 18 рублей въ годъ, но несмотря на это, добровольныхъ учениковъ было мало (оттого и производился наборъ). Въ настоящее время, набора дѣлать уже не приходится, такъ какъ число желающихъ поступить въ шолы всегда больше 30».

— **Очистка Фонтанки.** Петербургская городская дума производила, въ нынѣшнемъ году, чрезъ своихъ техниковъ изслѣдованіе рѣкъ и каналовъ столицы. Изъ всѣхъ рѣкъ Петербурга, требующихъ неотложной очистки, Фонтанка занимаетъ первое мѣсто, какъ въ виду значительнаго обмеленія ея, особенно между Чернышевымъ и Обуховскимъ мостами, такъ и въ виду большого развитія судоходства на этой рѣкѣ въ сравненіи съ другими рѣками и каналами. Многолѣтній-же опытъ убѣдилъ городскую управу, что очистка рѣкъ участками, какъ это практиковалось въ предшествовавшіе годы, на асигнуемую ожегодно думою сумму, не вполнѣ раціональна, такъ какъ очищенные участки вскорѣ заносились грязью съ вышележащихъ неочищенныхъ мѣстъ, почему управа пришла къ убѣжденію въ необходимости очистки обмелѣвшихъ рѣкъ и каналовъ сплошь на извѣстную глубину, производя работы отъ истока до устья. Сверхъ того, стараясь достигнуть возможно меньшей цѣны за очистку, управа признала, что только при значительности подряда и при исполненіи его втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ явится возможность для предпринимателя всѣ единовременные расходы на обзаведеніе, т. е. покупку машинъ, судовъ, инструментовъ и т. п., разложить на число лѣтъ подряда и тѣмъ самымъ уменьшить затраты на пріобрѣтеніе орудій производства. Исходя изъ этихъ соображеній и считая, что очистка Фонтанки должна быть произведена преимущественно предъ всѣми другими рѣками Петербурга, управа постановила: 1) представить думѣ о разрѣшеніи управѣ отдать работы по очисткѣ Фонтанки на три года; 2) ограничиться въ нынѣшнемъ году кредитомъ въ 50,000 руб., а на будущее время потребную сумму вносить въ смѣту каждаго года и 3) воспользоваться вынутою изъ Фонтанки землею для поднятія низменной городской части Гутуевскаго острова.

— **Изслѣдованіе объ ископаемыхъ.** Наука объ ископаемыхъ пресмыкающихся была до сихъ поръ почти не тронутою въ отношеніи къ русскимъ почвамъ; она получитъ сразу въ оканчиваемомъ въ настоящее время печатаніемъ академіею наукъ трудѣ В. А. Кипріянова, такой объемъ и полноту, что должна будетъ стать въ ряду наиболѣе разработанныхъ отраслей русской палеонтологіи. Эта монографія составляетъ плодъ тридцатилѣтнихъ трудовъ автора и основана преимущественно на богатыхъ матеріалахъ, собранныхъ имъ самимъ въ сѣверскомъ остеомитѣ и принесенныхъ имъ въ даръ музею академіи наукъ. Главное достоинство труда г. Кипріянова заключается въ обстоятельномъ сравнительномъ изученіи внѣшнихъ формъ и микроскопическаго строенія костей и зубовъ описываемыхъ имъ пресмыкающихся. Независимо отъ подробнаго описанія видовъ и родовъ, свойственныхъ Россіи, авторъ своими изслѣдованіями далъ еще обильный матеріалъ для будущей сравнительной гистологіи и одонтографіи ископаемыхъ пресмыкающихся вообще, къ которому, какъ къ важному источнику, придется часто обращаться спеціалистамъ всѣхъ странъ.

— **Отравленіе трихинами.** Газета «St.-Petersburger Herold» сообщаетъ слѣдующій фактъ зараженія трихинами: «Нѣсколько дней назадъ, нѣмецкое семейство въ Шуваловѣ купило у разнощика, продававшаго мясной товаръ, копченую колбасу. Колбаса была хорошо приготовленна и свѣжа. Пятеро взрослыхъ, въ томъ числѣ четверо изъ той же семьи, съѣли ее съ апетитомъ. Черезъ нѣсколько дней, однако, всѣ они заболѣли. У нихъ распухли вѣки и помутились глаза. Во всемъ тѣлѣ почувствовались боли, соединенныя съ дрожью и слабостью. Мускулы на затылкѣ стали распухать и наступила сильная лихорадка. Доктора Левенсонъ и Барри констатировали трихинозное отравленіе. Хотя мѣстная полиція была увѣдомлена о случившемся и врачи послали донесенія нетолько губернатору, но и здѣшнему городскому медицинскому управленію, однако до сихъ поръ ничего не сдѣлано для отъисканія торговца продавшаго колбасу, а слѣдовательно, и для приведенія въ извѣстность, изъ какой здѣшней колбасной лавки взята была колбаса, заражонная трихинами. Торговецъ этотъ говорилъ по нѣмецки».

— **Пожаръ.** 9 августа въ Петербургѣ на табачной фабрикѣ Шапшалъ произошелъ пожаръ, на которомъ погибло не мало людей. Вотъ достовѣрныя свѣденія о немъ, сообщаемыя «Голосомъ». Пожаръ начался въ 6-мъ часу пополудни и соединеннымъ дѣйствіемъ пожарныхъ командъ былъ прекращенъ къ $7^1/_2$ часамъ вечера. Пожаръ произошелъ по неосторожности, надо полагать, отъ зароненной папиросы или спички, кѣмъ-нибудь изъ работающихъ на фабрикѣ, ходившимъ на чердакъ за потребными при выдѣлкѣ папиросъ бумажными издѣліями, которыя были на чердакѣ въ количествѣ, необходимомъ для дневного расхода по фабрикѣ; общій-же складъ такихъ матеріаловъ помѣщается въ отдѣльномъ зданіи, во дворѣ того-же дома. Такъ какъ начало пожара произошло отъ издѣлій, легко воспламеняющихся, то пламенемъ мгновенно былъ охваченъ чердакъ, который обгорѣлъ безъ причиненія поврежденія нижнимъ этажамъ дома, причемъ, при тушеніи, снята желѣзная крыша дома.

Домъ, въ которомъ помѣщается табачная фабрика, четырехэтажный, принадлежитъ петербургскому мѣщанину Ивану Фролову. Домъ застрахованъ въ петербургскомъ городскомъ обществѣ взаимнаго отъ огня страхованія въ 131,680 руб., а фабрика братьевъ Шапшалъ — въ варшавскомъ страховомъ отъ огня обществѣ въ 70,600 руб. Убытокъ отъ этого пожара заявили: домовладѣлецъ Фроловъ въ 25,000 р. и содержатели фабрики Шапшалъ въ 15,000 руб. Какъ г. Фроловъ, такъ и братья Шапшалъ, сомнѣнія или подозрѣнія въ умышленномъ поджогѣ ни на кого не заявили, утверждая, что пожаръ этотъ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ одного изъ рабочихъ фабрики, личности котораго указать не могли.

Въ четвертомъ этажѣ дома устроена мастерская, въ которой работали преимущественно женщины, которыхъ насчитывается на фабрикѣ до 700, а мужчинъ до 100. Когда кто-то изъ коридора закричалъ «пожаръ», всѣ рабочіе, столпившись въ одну сплошную массу, стремились выбѣжать въ дверь на лѣстницу, и, естественно, вслѣдствіе общаго испуга, началась давка. Нѣкоторыя женщины, незнавшія размѣра пожара, опасаясь быть жертвою пламени, рѣшились выпрыгнуть изъ оконъ. другія-же — спуститься внизъ по водосточной трубѣ. Тѣ изъ пострадавшихъ, которыя получили тяжелые ушибы, тотчасъ были отправлены въ больницы. Въ рождественскую больницу отправлены двѣ женщины, находившіяся въ то время въ безпамятномъ состояніи, почему званіе ихъ не могло быть обнаружено. Въ маріинскую-же больницу отправлены слѣдующія работницы: солдатка Агафья Щапина, 48-ми лѣтъ, крестьянки: Елизавета Смыгалова, 26-ти лѣтъ, Александра Степанова, 26-ти лѣтъ, Анна Иванова, 13-ти лѣтъ, и одна неизвѣстнаго званія. Въ николаевскій военный госпиталь отправлены: крестьянки: Евдокія Леонтьеза, 18-ти лѣтъ, Евгенія Алексѣева, 30-ли лѣтъ, Василиса Иванова, 13-ти лѣтъ, и мѣщанка Анна Алексѣева, 20-ти лѣтъ; менѣе пострадавшія крестьянки: Анна Максимова, 11-ти лѣтъ, Евдокія Максимова, 23-хъ лѣтъ, Елена Филатова, 21-го года, Анастасія Федорова, 21 го года и Анастасія Иванова, 13-ти лѣтъ, по предварительномъ поданіи медицинской помощи, водворены на мѣстахъ ихъ жительства. 10-го августа было дознано, что, кромѣ поименованныхъ выше, пострадавшихъ на пожарѣ, помѣщена въ дѣтской больницѣ принца Ольденбургскаго выпрыгнувшая изъ окна, крестьянская дѣвочка Анна Эйстеръ, восьми лѣтъ. Сверхъ того, отказались отъ помѣщенія въ больницахъ, какъ получившія ушибы, негрозящія худыми послѣдствіями для здоровья, и отправились въ свои квартиры: солдатскія дочери Анна Полилейка (нынѣ помѣщена въ рождественскую больницу), Дарья Гаврилова, 15-ти лѣтъ, мѣщанка Стефанія Захмаровичъ, 30 лѣтъ, крестьянки: Анна Евдокимова, 21-го года и Анисія Макарова, 20-ти лѣтъ. Всего болѣе или менѣе пострадало отъ пожара 19 работницъ.

— **Непомѣрный ловъ рыбы.** Ловля сельдей у береговъ Шотландіи въ нынѣшнемъ году была такъ изобильна, сообщаетъ «Scotsman», что, работая въ воскресенья, занимающіеся соленіемъ рыбы должны были оставить часть ея, которая была куплена на удобреніе. Лодки возвратились до такой степени нагруженныя, что большое количество рыбы пришлось бросить въ море, чтобы не потонуть. Близь Вика, одна рыбачья лодка, не принявшая этой предосторожности, потонула вмѣстѣ со своимъ экипажемъ, состоящимъ изъ 6 человѣкъ.

И у насъ ловъ рыбы громадный, но въ Петербургѣ, благодаря, вѣроятно стачкѣ рыбопромышленниковъ, цѣна на рыбу стоитъ непомѣрная.

— **Жестокосердый шкиперъ.** Пароходъ «Кречетъ», принадлежащій частному обществу пароходо-владѣльцевъ, отправился 1-го іюля по Ладожскому озеру къ берегу Коневскаго монастыря. Не доѣзжая до монастыря версты 3, пасажиры замѣтили рыбацкую лодку, боровшуюся по причинѣ сильнаго вѣтра съ волнами, бросавшими лодку изъ стороны въ сторону, какъ щепку. Пасажиры «Кречета», видя, что въ лодкѣ находятся трое рыбаковъ, изъ силъ выбивающихся въ борьбѣ съ волнами, обратились къ шкиперу Куропѣтову съ просьбою подать помощь рыбакамъ — взять ихъ на пароходъ, но шкиперъ грубо отвѣтилъ имъ: «Нельзя! Не погибать-же пароходу изъ-за какихъ нибудь 3 пьяницъ рыбаковъ!..» Но такъ какъ пароходъ, сравнительно съ рыбацкой лодкой, вовсе не подвергался такой опасности, какъ она, пасажиры еще разъ предложили шкиперу подать помощь погибающей лодкѣ. Тогда шкиперъ, приложивъ рупоръ ко рту, громко крикнулъ: «Я потоплю весь экипажъ, если ко мнѣ будутъ приставать съ такими нелѣпыми просьбами». Одному-же изъ пасажировъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Брынкевичу, болѣе всѣхъ возстававшему противъ отказа шкипера оказать помощь утопающимъ, Куропѣтовъ крикнулъ: «Я тебя выброшу за бортъ, если ты будешь бунтовать здѣсь пасажировъ!..» Между тѣмъ съ рыбацкой лодки начали раздаваться душу раздирающаго свойства крики о помощи. Лодка, переполненная водою, начала постепенно погружаться въ воду; рыбаки, хватаясь въ началѣ за бортъ утопающей лодки, были выброшены нахлынувшею волною изъ лодки въ воду, до пасажировъ «Кречета» начали уже явственно долетали крики утопающихъ: «Помогите! помогите!..» Куропѣтовъ, стоя на рулѣ, отдавалъ приказаніе матросамъ своимъ не трогать съ мѣста ни одной шлюпки для поданія помощи утопающимъ. «Намъ дорогъ каждый моментъ! кричалъ онъ, усиленно работая рулемъ и пересѣкая громадныя волны: — мы не можемъ подавать другимъ помощи, сами нуждаясь въ этой помощи!» На глазахъ пасажировъ, стоявшихъ на палубѣ и съ ужасомъ смотрѣвшихъ на борьбу несчастныхъ рыбаковъ со смертью, двое рыбаковъ утонули, а третій, какъ послѣ оказалось, крестьянинъ Терентій Прохоровъ, держался все время за опрокинутую лодку; затѣмъ удалось выбросить ему съ парохода спасительный буекъ, послѣ чего онъ былъ вытащенъ на пароходъ. Приведенный въ чувство рыбакъ объяснилъ, что съ нимъ вмѣстѣ были его 2 брата, которые, не выдержавъ борьбы съ волнами, утонули. Далѣе Прохоровъ объяснилъ, что онъ живетъ за 20 верстъ отъ этого мѣста, что у утонувшихъ остались жены и 6 дѣтей. Послѣ двухчасовой борьбы «Кречета» съ волнами онъ наконецъ благополучно добрался до берега, близь Коневскаго монастыря. Пасажиры «Кречета», бывшіе свидѣтели безчеловѣчнаго отказа Куропѣтова отъ оказанія помощи погибающимъ, заявили объ этомъ мѣстному финляндскому рейхсрихтеру г. Кохонену, который составилъ обо всемъ случившемся протоколъ и передалъ его по назначенію для разсмотрѣнія. Подъ протоколомъ подписались 40 человѣкъ свидѣтелей (изъ 300 пасажировъ, ѣхавшихъ на пароходѣ), которые всѣ заявили желаніе свое подтвердить о безчеловѣчности шкипера Куропѣтова. Куропѣтовъ объяснилъ, что онъ не имѣлъ возможности подать помощь погибающимъ, такъ какъ пароходъ его находился самъ въ опасности. Наконецъ, по словамъ шкипера, невозможно было, по причинѣ сильнаго волненія, спустить шлюпку, которая все равно не въ состояніи была спасти погибающихъ. Грубый-же отказъ его, которымъ онъ сопровождалъ нежеланіе свое помочь утопающимъ, обвиняемый объяснилъ тѣмъ, что онъ былъ сильно раздраженъ разыгравшеюся бурею, — что многіе шкипера, капитаны пароходовъ, рулевые, а въ томъ числѣ и онъ, бываютъ чрезвычайно раздражительны во время бури и никакимъ другимъ заботамъ, кромѣ заботы о спасеніи своего экипажа, себя не обрекаютъ.

При разбирательствѣ этого дѣла у мироваго судьи уѣзднаго шлиссельбургскаго участка факты, изложенные въ протоколѣ, подтвердились свидѣтельскими показаніями, и виновный шкиперъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

— **Летаргія.** Въ мѣстечкѣ Грамбке, недалеко отъ Бремена, наблюдается въ настоящее время замѣчательный случай летаргіи. Впродолженіи цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ дочь богатаго землевладѣльца, мѣстнаго бургомистра, спитъ глубокимъ сномъ, который впрочемъ каждыя 6 недѣль прерывается нѣсколькими часами бодрствованія. Сонъ этотъ представляетъ замѣчательное сходство съ зимнею спячкой животныхъ. Во время сна на молодую дѣвушку почти не дѣйствуютъ никакія внѣшнія раздраженія. Иногда лишь замѣчается у нея легкое дрожаніе вѣкъ. Впрочемъ, какъ сообщаетъ «Ганноверскій Курьеръ», отъ времени до времени удается заставлять ее впродолженіи сна принимать пищу. Это ненормальное состояніе началось въ январѣ мѣсяцѣ и было повидимому вызвано малокровіемъ. Въ промежутки между приступами спячки, т. е. впродолженіи нѣсколькихъ часовъ каждыя 6 недѣль, больная приходитъ въ сознаніе. Она помнитъ, что долго спала, но не можетъ дать себѣ отчета о томъ, сколько именно продолжался ея сонъ. Во время сна она ничего не слышитъ изъ того, что вокругъ нея происходитъ. Полагаютъ, что никакое леченіе въ данномъ случаѣ помочь не можетъ, но надѣются, что болѣзнь пройдетъ сама собою.

— **Утонувшая королева.** Изъ Бангкока (Сіама) сообщаютъ: молодой король страшно опечаленъ семейнымъ горемъ. 1 іюня королева отправилась съ своимъ любимымъ ребенкомъ по рѣкѣ Монанъ, чтобы встрѣтить короля въ его лѣтнемъ дворцѣ Бангъ-Па-ду. Королева ѣхала на лодкѣ, предназначенной для прогулокъ, и успѣла счастливо совершить уже половину дороги, когда лодку настигъ пароходъ. Лодка пошла ко дну и королева, ея дѣти и слуги, всѣ утонули. Только секретарь короля, очень искусный пловецъ, былъ спасенъ. Ему пришлось исполнить печальную обязанность — доложить королю обо всемъ случившемся. Только спустя нѣкоторое время трупы королевы и ребенка были найдены въ рѣкѣ и перевезены въ Бангкокъ.

— **Сумасшедшія сестры.** 10 августа 1858 года Прага была взволнована толками о таинственной исторіи, совершившейся въ началѣ улицы Платнеръ въ одномъ изъ частныхъ домовъ. Владѣлица этого дома, вдова преклонныхъ лѣтъ, жила въ первомъ этажѣ, ея-же дочери — одна 18 лѣтъ, другая 28 лѣтъ — занимали второй этажъ. Ихъ опекунъ, которому такой образъ жизни казался роскошью, отдалъ второй этажъ внаймы, но обѣ дѣвушки, которыхъ никто не видалъ втеченіи многихъ лѣтъ, воспротивились впустить въ свою квартиру жильцовъ или кого-бы то ни было. Квартира была открыта силою и глазамъ посѣтителей представилась страшная картина: груда нечистотъ, масса заплесневѣлаго хлѣба, обломки мебели, обрывки какихъ-то платьевъ и одеждъ и среди всего этого нестерпимый запахъ. Дѣвушки заперлись на замокъ во второй комнатѣ и на колѣняхъ умоляли людей оставить ихъ жилище. Старшая уже не первый годъ страдала разстройствомъ разсудка и совершенно одичала; младшая, казалось, была тоже близка къ полному умопомѣшательству. Собака, потерявшая всю шерсть въ зараженномъ воздухѣ, и старая кошка раздѣляли съ дѣвушками жилище, которое тотчасъ-же было очищено насильно. Дѣвушекъ отвезли въ сумасшедшій домъ, гдѣ онѣ и прожили 7 лѣтъ. Прошло 22 года съ той поры, какъ разсказъ объ этихъ сестрахъ облетѣлъ Прагу — и вотъ мы снова видимъ этихъ-же самыхъ сестеръ въ обстановкѣ еще болѣе ужасной. По выходѣ изъ сумасшедшаго дома, сестры помѣстились у одной изъ своихъ родственницъ. Старшая сестра, Іоганна, никогда не выходила изъ дома, младшая, Мари, выходила только въ 9 часовъ вечера за необходимыми покупками. Въ квартиру никто не допускался, покуда не вмѣшалась въ дѣло полиція. Проникнувъ въ жилище силою, посѣтители увидали, что Іоганна лежитъ скорчившись, какъ какая-то странная масса, на постели, въ которой она пролежала уже три года, даже не имѣя сорочки; квартира никогда не мелась, никогда не топилась; кромѣ грязи, нечистотъ и гнили, квартиру наполняли кошки, отъ которыхъ съ трудомъ оторвали младшую сестру. Комисія нашла здѣсь трехъ живыхъ кошекъ — другія разбѣжались; потомъ нашлись скелеты двухъ сгнившихъ кошекъ съ вѣнками изъ розъ на шеяхъ; далѣе въ одномъ ящикѣ лежали двѣ кошки съ вылѣзшею шерстью, уже начинавшія гнить и украшенныя образками и крестиками... Сестеръ опять отдали въ сумасшедшій домъ...

— **Неизвѣстные промыслы.** IV (Професоръ птицъ. Пансіонъ чижиковъ. Столовая животныхъ. Чеботари и фабрикація восемнадцати. Фабрикантъ окороковыхъ костей). Статья Прива д'Англемонъ. — Бофисъ — старикъ почти дряхлый. Говоритъ онъ рѣдко, но за то свиститъ, почти не переставая. Его помѣщеніе — обширный птичникъ, наполненный канарейками, скворцами и соловьями. Вся комната загромождена клѣтками: по стѣнамъ клѣтки, на мебели клѣтки, на потолкѣ клѣтки, на окнахъ тоже; словомъ, все здѣсь наполнено птицами и ихъ оглушительнымъ и ошеломляющимъ чириканьемъ. По срединѣ комнаты воздвигнутъ балдахинъ. Професоръ Бофисъ даетъ урокъ музыки. Для этого онъ ставитъ себѣ на колѣни маленькій серинетъ (птичій органъ) и невозмутимо серьезно наигрываетъ своимъ ученикамъ аріи дюнкирхенскихъ колоколовъ, изъ «Portrait charmant,» изъ «Il pleur, il pleur, bergère» и проч. Обыкновенный чижъ стоитъ тридцать су, а голандскій около трехъ франковъ; но разъ онъ прошелъ черезъ руки Бофиса, который усовершенствовалъ его воспитаніемъ, любители платятъ за него вчетверо. Бофисъ имѣетъ пансіонеровъ и даетъ приватные уроки въ городѣ. Для этого онъ отдаетъ на прокатъ вполнѣ вышколенныхъ чижиковъ и сажаетъ ихъ вмѣстѣ съ новичками. Курсъ ученія прилежнаго чижа 6 недѣль, или два мѣсяца, послѣ чего онъ уже весьма порядочно поетъ двѣ или три аріи, и у него образуются теноръ или сопрано. Чтобъ приготовить изъ нихъ Роже, Альбони, Фреццолини, Бофисъ по контракту беретъ 5 франк. за полное образованіе, или 10 су въ недѣлю за наемъ професора. Пансіонъ Бофиса находится въ улицѣ, примыкающей къ Тамплю. Онъ выбралъ эту мѣстность потому, что всѣ рыночныя торговки и ихъ работницы безъ ума отъ птицъ съ тѣхъ поръ, какъ Евг. Сю ввелъ чижей въ моду.

Трудно повѣрить, какъ рабочій людъ Парижа холитъ всѣхъ животныхъ, искючая лошадей. Есть люди, которые подвергаютъ себя лишеніямъ, чтобъ лучше кормить собаку, кошку, попугая, сороку и проч, отсюда нѣкоторые спеціальные промыслы. Мы знаемъ многочисленное семейство, члены котораго занимаются собираніемъ животныхъ и доставленіемъ ихъ по адресу. Ежедневно объявляется въ газетахъ о наградахъ въ 25, 50, 100 франк. за потерянныхъ кингъ-чарльзовъ, попугайчиковъ, болонокъ. А сколько пропадаетъ мужчинъ и женщинъ, за отысканіе которыхъ никто не дастъ и 100 су. Одно продовольствіе кошекъ въ многолюдныхъ кварталахъ города составляетъ отрасль мелкой промышленности. Между прочимъ ею существуетъ нѣкто Бернье со всей его молодой семьей. Бернье человѣкъ интересный — онъ буквально варитъ кашу для кошекъ. Это овернецъ. Онъ сначала былъ угольщикомъ; но одинъ случай заставилъ его бросить это и заняться новой професіей. Помѣстившись въ населенномъ рабочемъ кварталѣ, гдѣ въ каждомъ домѣ непремѣнно имѣлись свои кошки и собаки, онъ сталъ приготовлять кашу для однѣхъ и мѣсиво для другихъ; а къ этому еще по маленьку присоединилъ и торговлю телячьими легкими. Во всей окрестности репутація его утвердилась на прочномъ основаніи. Слава стучалась къ нему въ дверь. Теперь о томъ, кто въ окрестностяхъ Тампля не беретъ для любимой кошки или собаки обѣдъ у Бернье, говорятъ, что онъ дурно обращается съ животными. Бернье имѣетъ заказы и для болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Не мало графинь для ангорскихъ кошекъ и маркизъ для болонокъ присылаютъ своихъ лакеевъ каждое утро дѣлать закупки въ его лавочкѣ, на вывѣскѣ которой красуется надпись: «Давно пріобрѣвшая извѣстность столовая животныхъ». Надо сказать правду, конкурировать съ этимъ Брилья-Савареномъ царства животныхъ едва-ли кто могъ. Эта вывѣска является какъ-бы протестомъ противъ попытокъ подражателей. Кромѣ всего этого онъ изобрѣлъ еще новый промыселъ—фабрикацію «восемнадцати» или «рибуи». Рибуи—это не совсѣмъ чеботарь; это и больше, и меньше, такъ же, какъ восемнадцать не есть башмакъ, починенный на новой подметкѣ, это скорѣй башмакъ, сдѣлавшійся новымъ, отсюда и произошло названіе, основанное на непереводимой игрѣ словъ «восемнадцать» или «два раза новый» (deux fois neuf). Дѣло починки дѣлается такъ: старые, передки и голенища сапоговъ нашиваются на подходящія старыя же, выворoченныя подметки, и съ помощью большихъ гвоздей, худо-ли, хорошо-ли, воспроизводятъ обувь. Разумѣется, все это дѣлается безъ всякой гарантіи, просто на милость Божію. Такой обуви хватаетъ обыкновенно на недѣлю, а цѣна ей отъ 15 до 20 су. Это очень дорого, если принять во вниманіе результатъ. И разумѣется, практическіе люди не упустятъ порекомендовать вмѣсто нея прочную и красивую обувь отъ 20 до 30 франковъ. Это немножко похоже на совѣтъ того доктора, который, по словамъ автора «Беотійцевъ», предписываетъ больному, истощенному голодомъ и нуждой, пить бордо, ѣсть сочное мясо и совершать ежедневныя прогулки верхомъ въ Булонскомъ лѣсу.

Но вотъ передъ вами Оскаръ-Мита̀, съ своимъ огромнымъ предпріятіемъ сбыта окорокòвыхъ костей. Онъ только начинаетъ свою карьеру, но начинаетъ мастерски, открывая новый видъ промышленности. Мы могли-бы статистически доказать, что число съѣдаемыхъ Парижемъ окороковъ, по крайней мѣрѣ, на $^2/_3$ превышаетъ число свиней, къ которымъ они должны бы относиться. Прежде, до появленія Оскари-Мита̀, когда ѣли окорокъ въ какой нибудь мастерской, кости отдавались обыкновенно уличнымъ мальчишкамъ, которые сбывали ихъ въ колбасную, за что и получали два су. Стало быть, окорока фабрикуются. Окорокъ—это чудо анатоміи, chef d'oeuvre колбаснаго дѣла и колбасникъ, не владѣющій его секретомъ, не имѣетъ между своими собратами никакой цѣны. Въ Парижѣ есть кости, которыя употребляются 10, 20 лѣтъ. Каждое утро выносятся онѣ изъ колбасной, какъ слѣдуетъ разукрашенныя, а вечеромъ совершенно обнаженныя возвращаются въ туже колбасную.

Доброе старое время прошло для уличныхъ мальчишекъ. Теперь Оскаръ-Мита̀ поставляетъ по 10 су за дюжину сколько угодно окороковыхъ костей, столь необходимыхъ въ парижскомъ обиходѣ.

* * *

Шахматный отдѣлъ.

(*Письма адресуются: въ контору ред. «Жив. Об.», составителю отдѣла.*)

Шахматный конгресъ, происходившій въ Брауншвейгѣ съ 17 по 25 прошлаго іюля, былъ по счету тринадцатымъ конгресомъ, устроеннымъ западно-германскимъ шахматнымъ обществомъ. Въ главномъ турнирѣ этого конгреса, изъ числа висбаденскихъ конкурентовъ (см. № 32 «Жив. Об.») приняли участіе 7 игроковъ: Веммерсъ, Минквицъ, братья Паульсены, Шаллоппъ *), Шварцъ и Фрицъ; кромѣ того играли: гг. Биръ, Питчель, Риманъ и проф. Франке. Первый призъ взялъ Л. Паульсенъ, выигравшій изъ 10 партій 8, при двухъ ничьихъ противъ Римана и Фрица; второй призъ получилъ Риманъ ($7^1/_2$ пар.). Веммерсъ, Минквицъ и Шварцъ выиграли по 7 партій, и послѣ рѣшительныхъ партій, сыгранныхъ между ними, 3-й призъ получилъ Шварцъ, а 4-й Веммерсъ. Кромѣ главнаго турнира были еще два одновременныхъ турнира, въ которыхъ участвовали 20 второстепенныхъ игроковъ.

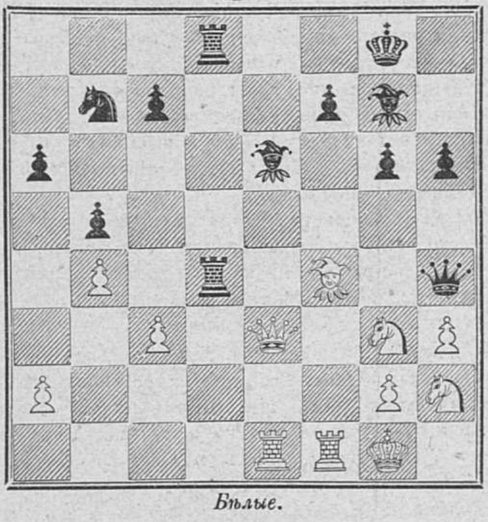
ПАРТІЯ № 18.

Играна 7-го іюня (н. с.) 1880 г.—14-я партія матча.

Испанская партія.

Розенталь.	**Цукерторть.**
Бѣлые	*Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. К g1—f3	2. К b8—c6
3. С f1—b5	3. К g8—f6
4. d2—d3 *a*	4. d7—d6
5. c2—c3 *b*	5. a7—a6
6. С b5—a4	6. g7—g6 *c*
7. h2—h3	7. С f8—g7
8. С c1—e3	8. h7 - h6
9. К b1—d2	9. Ф d8—e7 *d*
10. К d2—f1	10. С c8—e6
11. К f1—g3	11. b7—b5
12. С a4—b3	12. d6—d5
13. 0—0	13. 0—0
14. К f3—h2	14. Л a8—d8
15. Ф d1—e2	15. К c6—a5
16. e4 : d5	16. К f6 : d5
17. С b3 : d5	17. Л d8 : d5
18. f2—f4	18. e5 : f4
19. С e3 : f4	19. Л f8—d8
20. b2—b4	20. К a5—b7 *e*
21. d3—d4	21. Л d5—d7
22. Л a1—e1	22. Ф e7—h4
23. Ф e2—e3	23. Л d7 : d4

Черные.



Бѣлые.

24. С f4 : c7 *f*	24. Л d4—d3
25. Ф e3—b6 *g*	25. Л d3 : g3
26. Л e1 : e6 *h*	26. f7 : e6
27. С c7 : g3	27. Ф h4 : g3
28. Ф b6 : b7	28. Л d8—d2
29. К h2—g4 *i*	29. h6—h5
30. К g4—h2	30. Л d2 : a2
31. Кр g1—h1	31. Л a2—e2
32. Ф b7—a8 †	32. Кр g8—h7
33. Л f1—f7	33. Л e2—e1 †
34. К h2—f1	34. Ф g3 : c3
35. Ф a8 : a6	35. Ф c3—c4
36 Кр h1—g1	36. Л e1 : f1 †
37. Л f7 : f1	37. С g7—d4 †

Бѣлые сдались.

Примѣчанія къ партіи:

a) Этотъ ходъ чаще другихъ употреблялъ Андерсенъ.

b) Андерсенъ обыкновенно игралъ С b5 : c6.

c) Въ варіантѣ испанской партіи, съ ходомъ 4. d2—d3, признано на практикѣ, что лучше поставить чернаго слона на g7, чѣмъ на e7.

d) На 9... 0—0, бѣлые получили-бы атаку на позицію рокировки, отвѣтивъ 10 g2—g4.

e) Здѣсь черные съ выгодой могли играть С g7 : c3, или еще сильнѣе 20... К a5—c6; 21. d3—d4, К c6 : d4; 22. c3 : d4, С g7 : d4 †; 23. Кр g1—h1, С d4 : a1; 24. Л f1 : a1, Ф e7 : b4, получая три пѣшки и ладью за два коня; болѣе не могутъ брать слономъ ни пѣшки h6, ни c7 безъ того, чтобы не потерять фигуры.

f) Бѣлые разсчитывали вѣроятно чрезъ это продолженіе получить лучшую партію; здѣсь-же слѣдовало лучше играть 24. К h2—f3, Ф h4 : f4; 25. К f3 : d4, Ф f4 : e3; 26. Л e1 : e3, С g7 : d4; (но не 26... Л d8 : d4, вслѣдствіе отвѣта 27. Л e3 : e6), 27. c3 : d4, Л d8 : d4; 28. a2—a3; бѣлые могли, во всякомъ случаѣ, если не выиграть, то сдѣлать ничью, такъ какъ силы обѣихъ сторонъ приблизительно равны.

g) Если 25. С c7 : d8, то Ф h4 : d8; 26. Ф e3—f2, С g7 : c3, и черные, угрожая С c3—d4, возвращаютъ качество, имѣя лишнюю пѣшку.

h) На 26. Ф b6 : b7, послѣдовалъ-бы отвѣтъ С e6—d5.

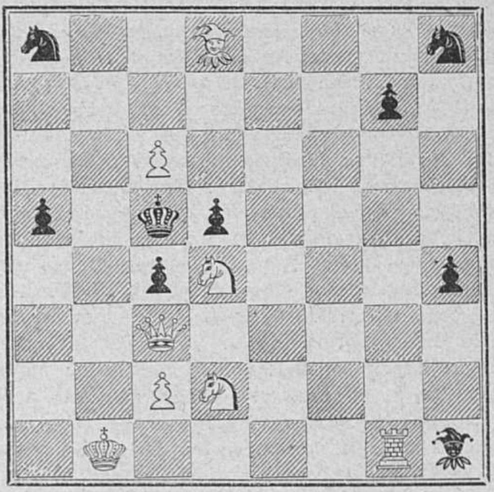
i) Безполезный ходъ; было лучше во всякомъ случаѣ, не теряя темпа, играть Ф b7—a8†, и затѣмъ Л f1—f7.

ЗАДАЧИ.

№ 46.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.



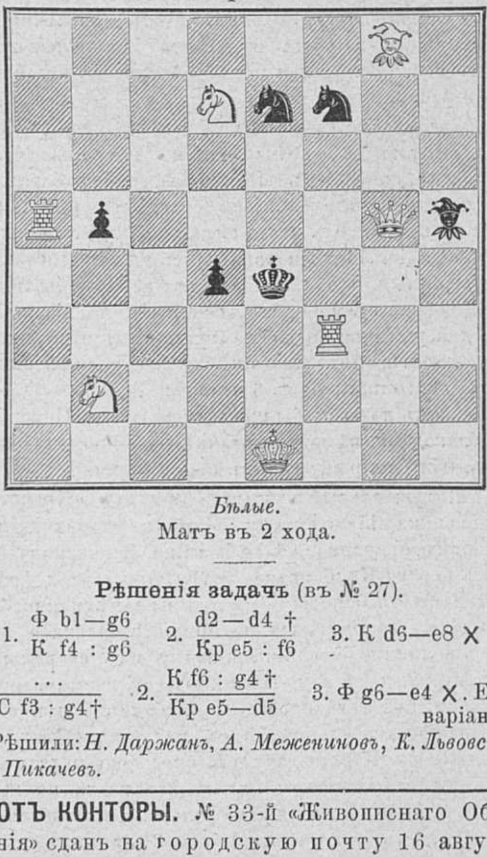
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

№ 47.

С. Гольда (въ Вѣнѣ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія задачъ (въ № 27).

1. $\frac{\text{Ф b1—g6}}{\text{К f4 : g6}}$ 2. $\frac{\text{d2—d4 †}}{\text{Кр e5 : f6}}$ 3. К d6—e8 ✕

1. $\frac{\text{. . .}}{\text{С f3 : g4†}}$ 2. $\frac{\text{К f6 : g4 †}}{\text{Кр e5—d5}}$ 3. Ф g6—e4 ✕. Есть варіанты.

Рѣшили: *Н. Даржанъ, А. Межениновъ, К. Львовскій, Н. Пикачевъ.*

---

*) Г. Шаллоппъ по ошибкѣ не былъ упомянутъ (въ № 32) въ числѣ игроковъ висбаденскаго турнира; онъ получилъ 4-й призъ, выигравъ $10^1/_2$ партій изъ 15-ти.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 33-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 16 августа въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 18 августа въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стих. **Дм Черткова.** — Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. **М. Ф. Каменской.** — Laetitia rerum, стих. **Дм. Минаева.**—Изъ исторіи рабства въ древности, **С. Тарновскаго.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.** — Общественные порядки муравьевъ. — Великая пѣвица, истор. пов. **Луизы Мюльбахъ,** пер. **А. Качоровской** —Разъ въ мѣсяцъ, бесѣда **И. Василевскаго (Буквы).** — Къ рисункамъ. — Правительственное сообщеніе.—Смѣсь.—Шахматы.

Рисунки: Домикъ въ Коломнѣ, карт. **А. Кеппена.**—Ева, карт. **Бугеро.**—Старая мельница въ горахъ Юры, карт. **Дюбуа.**—Медовый мѣсяцъ, карт. **Гейллана.**—Муки Тантала, карт. **Лобришона.** — Горе, картина **Далл'Ока Біанка.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

При этомъ нумерѣ разсылается всѣмъ подписчикамъ № 4-й приложеніе **«Парижскія моды»**; лицамъ, получающимъ выкройки, разсылается выкройка № 4.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 августа 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

№ 4-й. С.-Петербургъ. 1880 г.

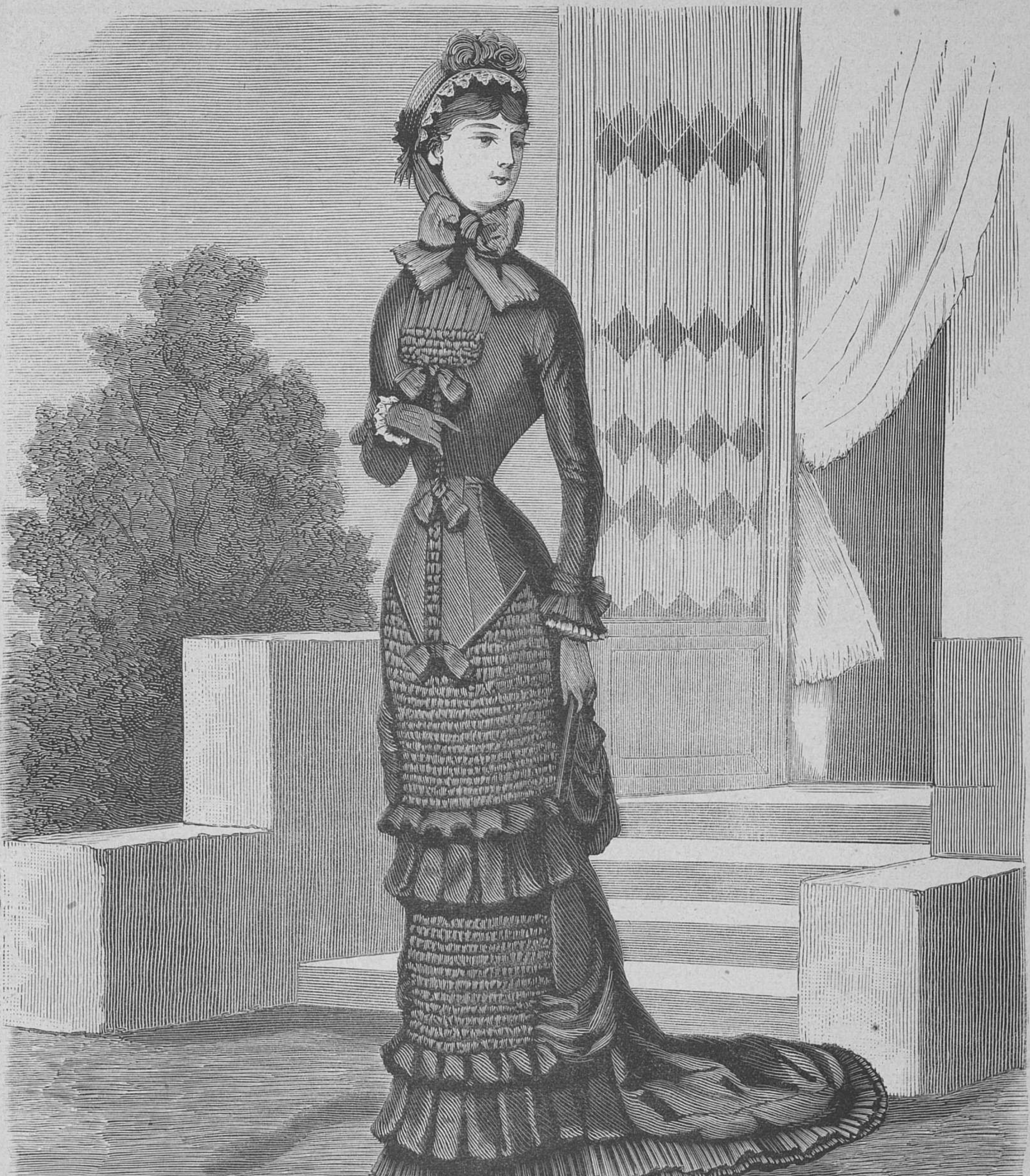


Рис. 1.

Лѣтній сезонъ установился окончательно; новаго, стоящаго вниманія въ лѣтнихъ модахъ ничего не имѣется; къ тому-же лѣто проходитъ, время подумать объ осеннихъ нарядахъ. Мы постараемся познакомить нашихъ читательницъ съ тѣмъ, что, по нашему предположенію, будетъ особенно въ модѣ во время предстоящаго осенняго сезона.

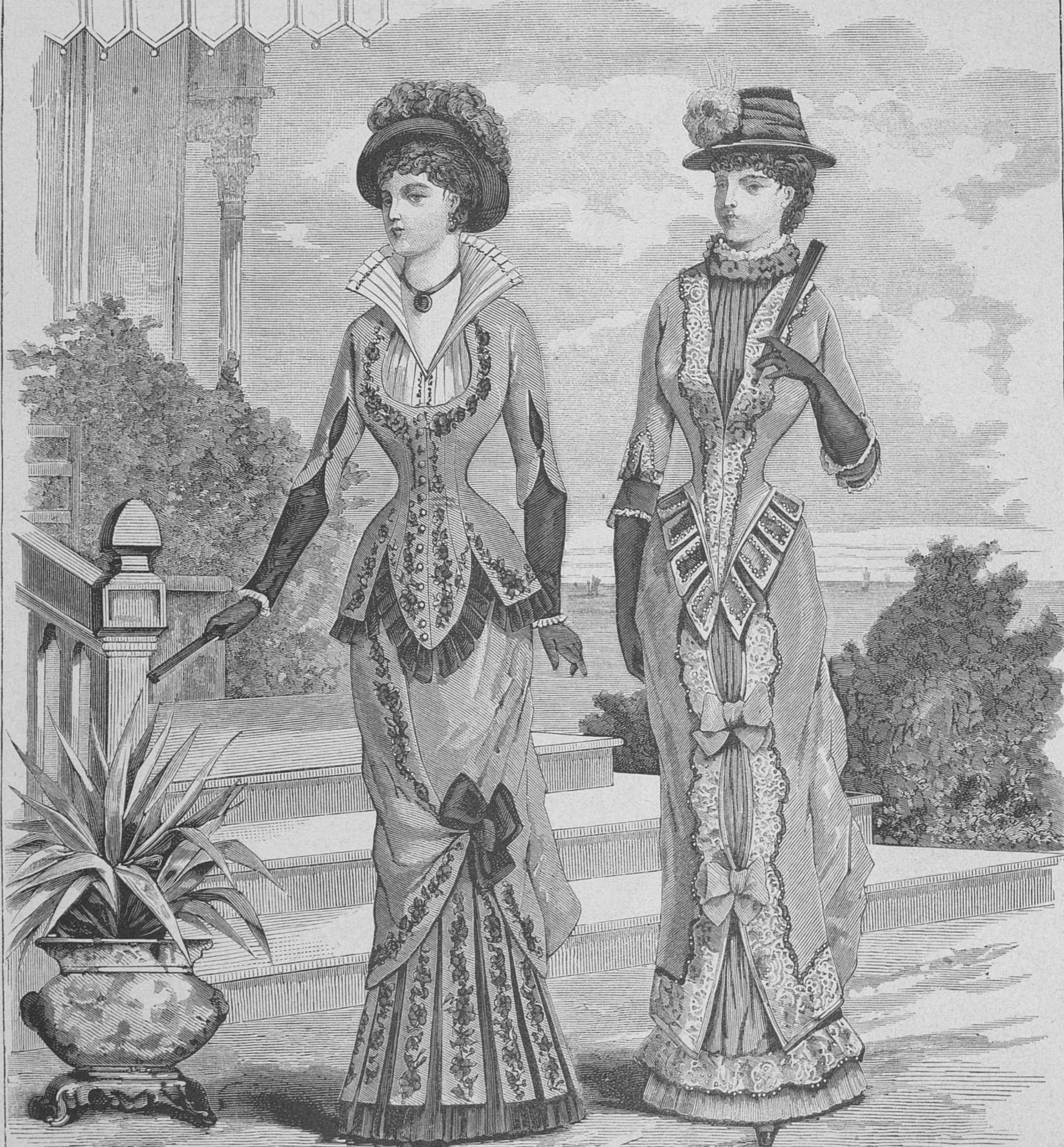


Рис. 2 и 3.

Какъ кажется, кирасамъ, составлявшимъ такъ долго первенствующій фасонъ, суждено уступить мѣсто лифамъ съ длинными острыми мысами спереди и сзади; чтобы глазъ немного успѣлъ привыкнуть къ этому новому фасону, придумали пришивать на бокахъ небольшія баски въ видѣ зубцовъ, или круглыхъ фестоновъ. Въ этихъ лифахъ, при стройной тонкой таліи, фигура кажется особенно граціозной; благодаря такому достоинству этого лифа, многія изъ свѣтскихъ барынь воспользовались имъ и на водахъ, въ модныхъ казино, выдѣлялись туалеты съ такими лифами, съ совершенно гладкой юбкой безъ всякихъ панье или тюниковъ, только съ нѣсколькими мелкими плисэ-воланами на подолѣ. Подобные туалеты изъ мягкой двуличной шелковой матеріи сначала показались хотя и немного строгими, но поразили всѣхъ своимъ величіемъ, и теперь въ модномъ свѣтѣ рѣшено, что этотъ фасонъ лучше другихъ выставляетъ богатство ткани.

Изъ лѣтнихъ костюмовъ вмѣсто прошлогоднихъ бретонскихъ замѣтно рѣшительное преобладаніе болгарскихъ, состоящихъ изъ плоскаго тюника съ разрѣзами на бокахъ, сзади очень мало подобраннаго; изъ очень коротенькаго полуширокаго казака съ жилетомъ изъ складокъ изъ матеріи другого цвѣта. Фасонъ рукава мѣняется, судя по желанію, или широкій длинный съ разрѣзомъ спереди, съ подрукавникомъ другого цвѣта, или гладкій безъ всякой отдѣлки, только легко собранный у кисти руки.

Но настоящій фуроръ сезона, это пелеринъ-Камальки, которыя всѣ безъ исключенія дѣлаются съ мѣшкомъ клакомъ сзади. Неисчислимое количество такихъ накидокъ было продано въ Парижѣ въ началѣ лѣта. Онѣ были сдѣланы изъ разнообразныхъ матерій: начиная отъ дра-зефира, трико фасоне, кашемира, атласа фая и кончая тюлемъ и самой тонкой индійской кисеею, причемъ, разумѣется, отдѣлка соотвѣтствовала матеріи, хотя большею частью вездѣ преобладали стеклярусъ и бусы; мѣшокъ другого цвѣта, рѣзко отличающагося отъ цвѣта самаго пелерина. Для лѣтней прогулки такая накидка очень удобна: при вечерней прохладѣ въ нее удобно закутаться, а въ случаѣ надобности приподнятый на голову мѣшокъ ограждаетъ отъ вечерней росы, сохраняя свой, безспорно, очень граціозный видъ.

Въ противоположность узкимъ лифамъ съ мысами, носятъ баски съ поясами, то есть спереди корсажъ безъ выточекъ, поддѣтый подъ юбку съ широкимъ поясомъ, только спереди доходящимъ до бокового шва, тогда какъ сама спинка, состоящая изъ цѣльнаго куска, въ серединѣ собрана въ нѣсколько мелкихъ сборокъ отъ таліи, четверть аршина выше; концы спинки составляютъ баскъ postillon. Бочкà со спинкой кроятся изъ того-же куска и вырѣзываются только до того мѣста, гдѣ начинаются сборки на спинкѣ; внизу они такой-же длины, какъ и спинка. Этотъ костюмъ, сдѣланный изъ пледа или мадрасъ, какъ его называютъ въ Парижѣ, незамѣнимъ какъ для путешествія, такъ и на морскихъ купаньяхъ.

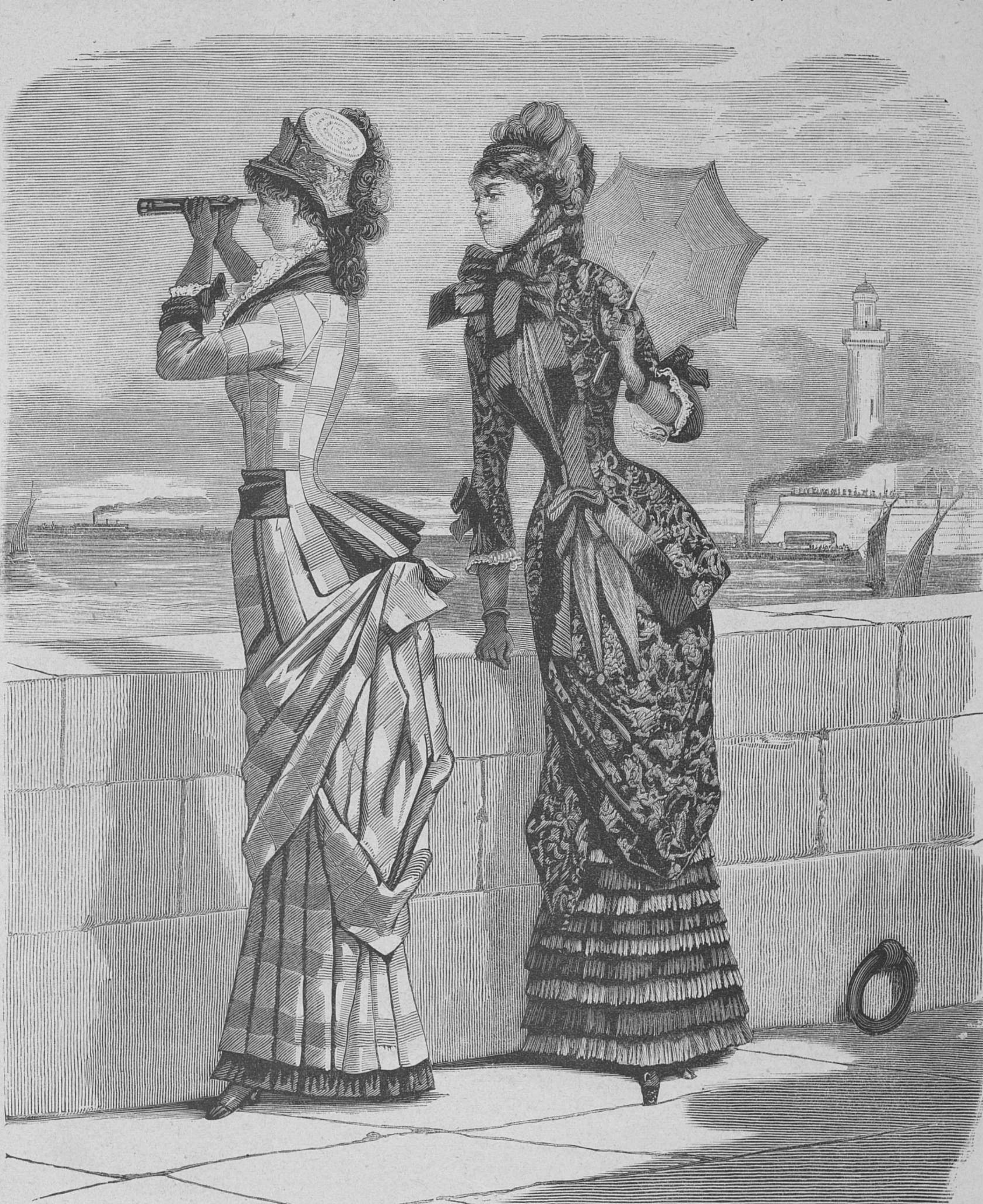


Рис. 4 и 5.

Въ послѣднее время у насъ все болѣе и болѣе распространяется участіе нашихъ дамъ въ гонкахъ на лодкахъ. За границей участіе дамъ въ этомъ новомъ для нихъ развлеченіи еще болѣе замѣтно: въ настоящее время нѣтъ ни одного мѣстечка морскихъ купаній, гдѣ почти еженедѣльно не составлялось бы состязанія подобнаго рода; это удовольствіе сдѣлалось какъ бы la rage du jour. Такъ какъ мы любимъ заимствовать съ запада не только все, касающееся модъ для туалетовъ, но и самыя развлеченія, то естественно, что мы не замедлили перенять новую забаву, придуманную для себя дамами. Разумѣется, и туалеты, подходящіе для такого случая, являются необходимостью; они должны какъ можно менѣе стѣснять каждое движеніе. Хотя не всѣ, принимающія участіе въ состязаніяхъ, нуждаются въ подходящемъ туалетѣ, такъ какъ только немногія рѣшаются грести, но желаніе не отстать отъ моды заставляетъ всѣхъ, принимающихъ какое бы то ни было участіе въ гонкѣ, запасаться подобными туалетами, а потому будетъ кстати описать костюмъ «Batelière», какъ наиболѣе распространенный по своему удобству. Короткій казакъ застегивается спереди только на двухъ пуговицахъ у таліи; изъ подъ него виденъ жилетъ. Широкій шарфъ-галстукъ, завязанный у ворота; концы его, которые, проходя подъ казакомъ, продолжаются ниже таліи, образуютъ родъ жилета. Понятно, при этомъ необходимъ подъ корсажемъ батистовый лифчикъ весь въ складкахъ.

Къ 14-му іюлю (день національнаго праздника) въ Парижѣ собралось много публики, пожелавшей достойно отпраздновать этотъ день. Заранѣе было извѣстно о готовящихся великолѣпныхъ илюминаціяхъ, фейерверкахъ и всякаго рода увеселеніяхъ. Съѣхалось также не мало иностранцевъ, замѣтная часть которыхъ состояла изъ нашихъ соотечественниковъ.

Въ этотъ день парижанки задались идеею облечься въ національные костюмы изъ трехъ цвѣтовъ: бѣлаго синяго и краснаго. Въ оперѣ особенно выдавался, по своей оригинальности костюмъ одной молодой дѣвицы; онъ былъ сдѣланъ изъ бѣлаго Voile de nonne (почти тоже, что кашемиръ, только немного легче его) съ высокимъ воротникомъ и узкими рукавами; высокій воротникъ изъ пунсоваго кашемира, вышитый золотомъ; такіе-же обшлага; юбка вся сборчатая и въ плисэ. Черезъ правое плечо надѣтъ былъ широкій синій шарфъ, завязанный однимъ перехватомъ на лѣвомъ боку съ длинными концами, спадающими на юбку. Этотъ костюмъ немного напоминалъ нашъ гвардейскій мундиръ; во всякомъ случаѣ, онъ очень понравился парижанкамъ и теперь появилось очень много воротниковъ и обшлаговъ, шитыхъ золотомъ, на разноцвѣтныхъ костюмахъ. Вообще въ дамскихъ туалетахъ замѣтна большая склонность къ подражанію мужскимъ костюмамъ.

Одна изъ нашихъ соотечественницъ поразила всѣхъ богатствомъ своего наряда; драгоцѣнные каменья, надѣтые на ней, имѣютъ громадную цѣнность. Графиня Браницкая, урожденная Сталыпина, обладаетъ между прочимъ двумя необыкновенными сафирами. Одинъ изъ нихъ былъ подаренъ Іоанну

Собіескому, польскому королю, въ 1683 году, когда онъ былъ призванъ на помощь Вѣнѣ отъ Кара-Мустафы. По семейнымъ связямъ отъ Собіевскихъ драгоцѣнный камень перешелъ въ семью Браницкихъ. Второй сафиръ былъ купленъ бабкой теперешняго графа. Эта драгоцѣнность уцѣлѣла отъ разграбленія англичанами одного индійскаго храма при взятіи Дели и, говорятъ, вынута изо лба одного идола. Продавецъ взялъ обязательство съ графини, что этотъ камень впродолженіи 10 лѣтъ не будетъ показываться въ Англіи. Оба сафира, величиной съ серебряную пятифранковую монету, представляютъ собою громадную цѣнность.

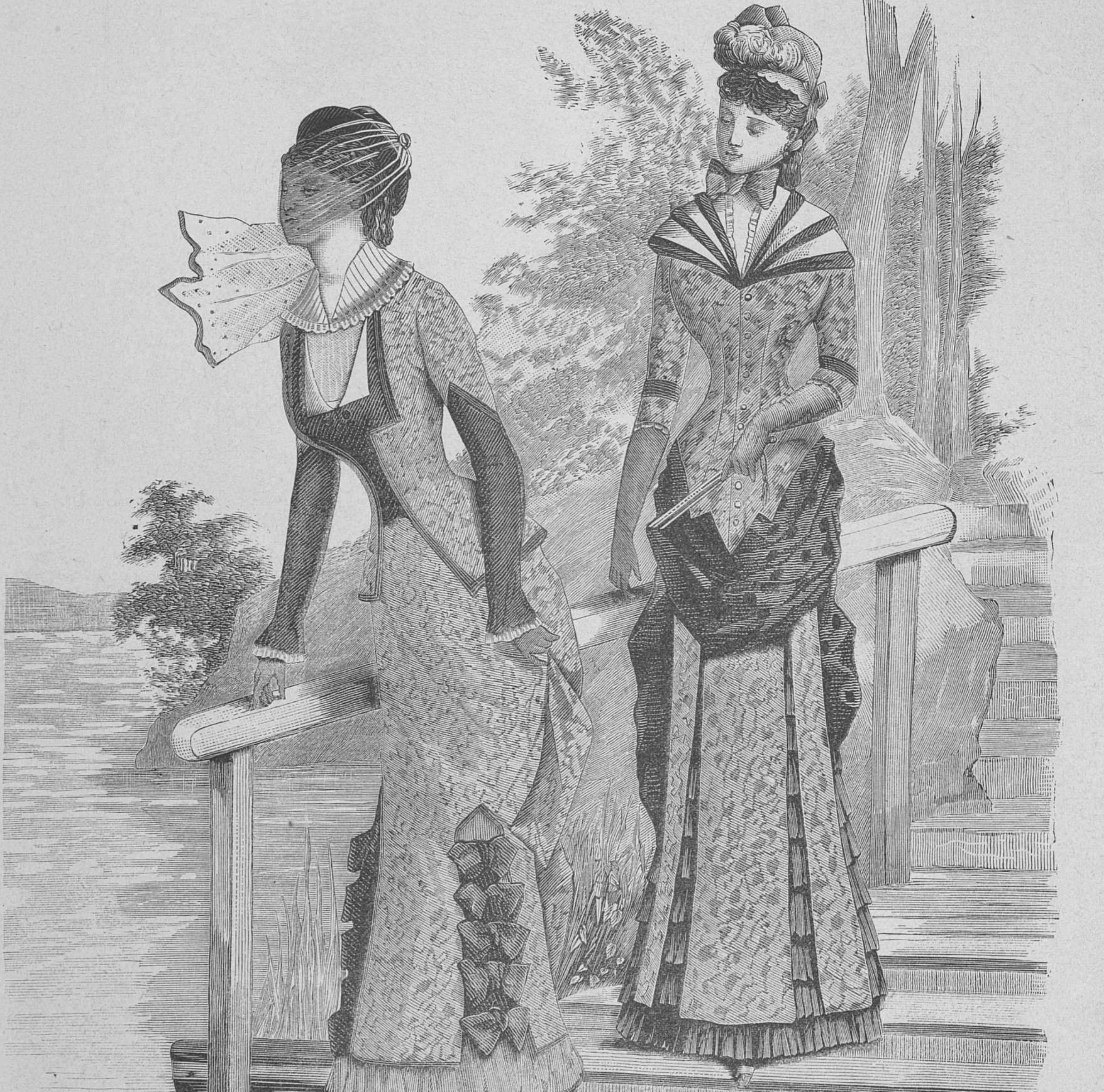


Рис. 6 и 7.

ОПИСАНІЕ КОСТЮМОВЪ НА КАРТИНКАХЪ.

Рис. 1. Костюмъ Генриха II изъ атласа цвѣта червоннаго золота. Юбка шелковая цвѣта червоннаго золота, оканчивающаяся атласнымъ плисэ того-же цвѣта, изъ подъ котораго выходитъ другое узкое атласное плисэ цвѣта кардиналь. Передъ юбки состоитъ изъ 2 отдѣльныхъ атласныхъ кусковъ, мелко собранныхъ въ буфы, и каждый изъ нихъ оканчивается спадающей головкой, заложенной трубочками, изъ подъ которыхъ спускаются атласныя петли. Каждая нижняя часть этого передняго куска кроится гораздо шире верхней части, такъ какъ эти куски должны составлять драпировку на бокахъ, теряясь въ заднемъ швѣ трена. Передъ корсажа вырѣзанъ en carré въ верху, потомъ немного расходится и изъ подъ него видѣнъ жилетъ, сборчатый и сложенный въ складки. Этотъ жилетъ застегивается потайными крючками на лѣвой сторонѣ; передъ-же кажется какъ-бы пристегнутымъ тремя бантами. Спинка вся сверху заложена въ складки и собрана въ сборки, заходящія немного за талью. Тренъ, пришитъ къ низу спинки и скрывается въ драпри, выходящей изъ бокового передняго шва. Атласныя спускныя петли гарнируютъ отдѣлку спинки. Самый же тренъ спускается до плисэ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скрѣпленъ, образуя нѣсколько волнистыхъ складокъ. Рукавъ со сборкой на локтѣ отдѣланъ плисэ и драпировкой. Шляпа изъ итальянской соломы подбита атласомъ кардиналь и обшита золотымъ кружевомъ. Атласныя червоннаго золота перья того-же цвѣта и букетъ гранатовыхъ цвѣтовъ. Задъ этого костюма показанъ на рис. 16 (стр. 30).

Рис. 2. Туалетъ для гулянья. Костюмъ изъ surah цвѣта геліотропа и фая моховаго цвѣта. Круглая юбка фай оканчивается плисэ. Вся юбка заложена широкими складками въ перемежку съ 3 мелкими складками. На широкой складкѣ нашита полоса изъ геліотроповаго surah, вышитая гирляндой цвѣтовъ моховаго цвѣта. Тюникъ, состоящій спереди изъ двухъ полотнищъ, вышитъ вокругъ гирляндой, приподнятъ на лѣвомъ боку большимъ бантомъ. Драпированный пуфъ спадаетъ сзади. Корсажъ Duchesse de Joyeuse, изъ surah, вырѣзанъ въ видѣ лиры спереди. Спинка съ однимъ бочкомъ имѣетъ 2 внутреннія складки внизу баски, весь корсажъ обшитъ спускными петлями изъ атласныхъ лентъ моховаго цвѣта и вышивкой. Высокій воротникъ изъ surah кремъ. Для того, чтобы воротникъ держался вѣеромъ, вшивается тоненькій каркасъ между матеріей и подкладкой. Шемизетка, тоже изъ surah, цвѣта кремъ, выходитъ изъ подъ вырѣзаннаго ворота. Рукавъ двойной. Къ низу это обыкновенный гладкій фаевый рукавъ мохового цвѣта, сверху-же лиловый рукавъ, доходящій до локтя, разрѣзанный внутри и застегивающійся на одну пуговицу. Шляпа итальянской соломы, подбитая бархатомъ моховаго цвѣта и гарнированная перьями въ тѣнь.

Рис. 3. Костюмъ изъ блѣдно-голубаго муселинъ-де-ленъ и атласа сафироваго цвѣта. Юбка атласная, передъ бульоне съ блѣдно-голубымъ плисэ, надъ которымъ внизу спадаютъ кружева желтоватаго цвѣта. Переда тюника немного расходятся, изъ подъ нихъ видѣнъ атласный передникъ бульоне. Весь тюникъ обшитъ атласнымъ лизере и кружевами головкой къ верху. Пышный пуфъ гарнируетъ весь задъ тюника. Корсажъ изъ муселинъ-де-ленъ съ острыми мысами спереди и сзади, вырѣзанъ сверху надъ мелко сложеннымъ атласнымъ пластрономъ съ атласнымъ рюшемъ у ворота. Корсажъ обшитъ кружевами спереди. Небольшіе атласные язычки, отдѣланные кружевами, положены вокругъ всей баски. Рукавъ короткій блѣдно-голубой обшитъ кружевомъ, изъ подъ котораго выходитъ небольшая атласная маншетка. Черныя шелковыя перчатки. Шляпа Convention, изъ черной соломки отдѣлана сафировымъ атласомъ съ блѣдно-голубыми перьями.

Рис. 4. Костюмъ молодой дѣвицы изъ клѣтчатой матеріи и фуляра. Юбка изъ клѣтчатой матеріи вся заложена широкими складками, изъ подъ которыхъ виднѣется плисэ изъ фуляра. Тюникъ состоитъ изъ одного полотнища, заложеннаго тремя глубокими складками сбоку, концы котораго перевязаны подъ баскою, заднее полотнище драпировано на подобіе пуфа. Передки корсажа безъ выточекъ, талія перехвачена широкимъ фуляровымъ шарфомъ, выходящимъ изъ боковыхъ кутюровъ. Спинка съ однимъ бочкомъ имѣетъ внизу баски 3 фуляровыхъ суфлэ. Драпированная отдѣлка у ворота и рукавовъ съ перевязаннымъ бантомъ. Соломенная шляпа подбитая атласомъ карубье. Тулья обхвачена соломенной тесьмой и большимъ спадающимъ перомъ на лѣвомъ боку. Этотъ туалетъ очень удобенъ для путешествія.

Рис. 5. Костюмъ изъ коричневаго и синяго фуляра и пестрой персидской матеріи. Синяя юбка отдѣлана плисэ двумя цвѣтами въ перемежку. Тюникъ изъ пестрой матеріи драпированъ очень просто. Жакетъ изъ той-же матеріи. Передъ, отдѣланный двумя фуляровыми реверами, находитъ на жилетъ, заложенный мелкими складками, длинные концы котораго схвачены острымъ угломъ. Жилетъ нашитъ на толстую кисею и застегивается на лѣвомъ боку скрытой застежкой. Синій фуляровый бантъ у тальи и у ворота. Маленькій стоячій воротникъ. Рукавъ маркизъ съ драпри и бантомъ изъ синяго фуляра. Шляпа изъ золотистой соломы покрыта перьями. Синія атласныя завязки. Зонтикъ синій атласный подбитъ зототистымъ фуляромъ. Этотъ костюмъ нарядень и можетъ служить для визитовъ и даже для вечернихъ выѣздовъ.

Рис. 6. Костюмъ Marinière изъ пестраго фуляра и гладкаго фіолетоваго фая. Юбка вся круглая изъ фіолетоваго фая отдѣлана внизу плисэ и широкимъ спадающимъ бульоне. Тюникъ спереди образуетъ длинный передникъ, вырѣзанный на бокахъ и обшитый фіолетовымъ біэ. Заднее полотни-

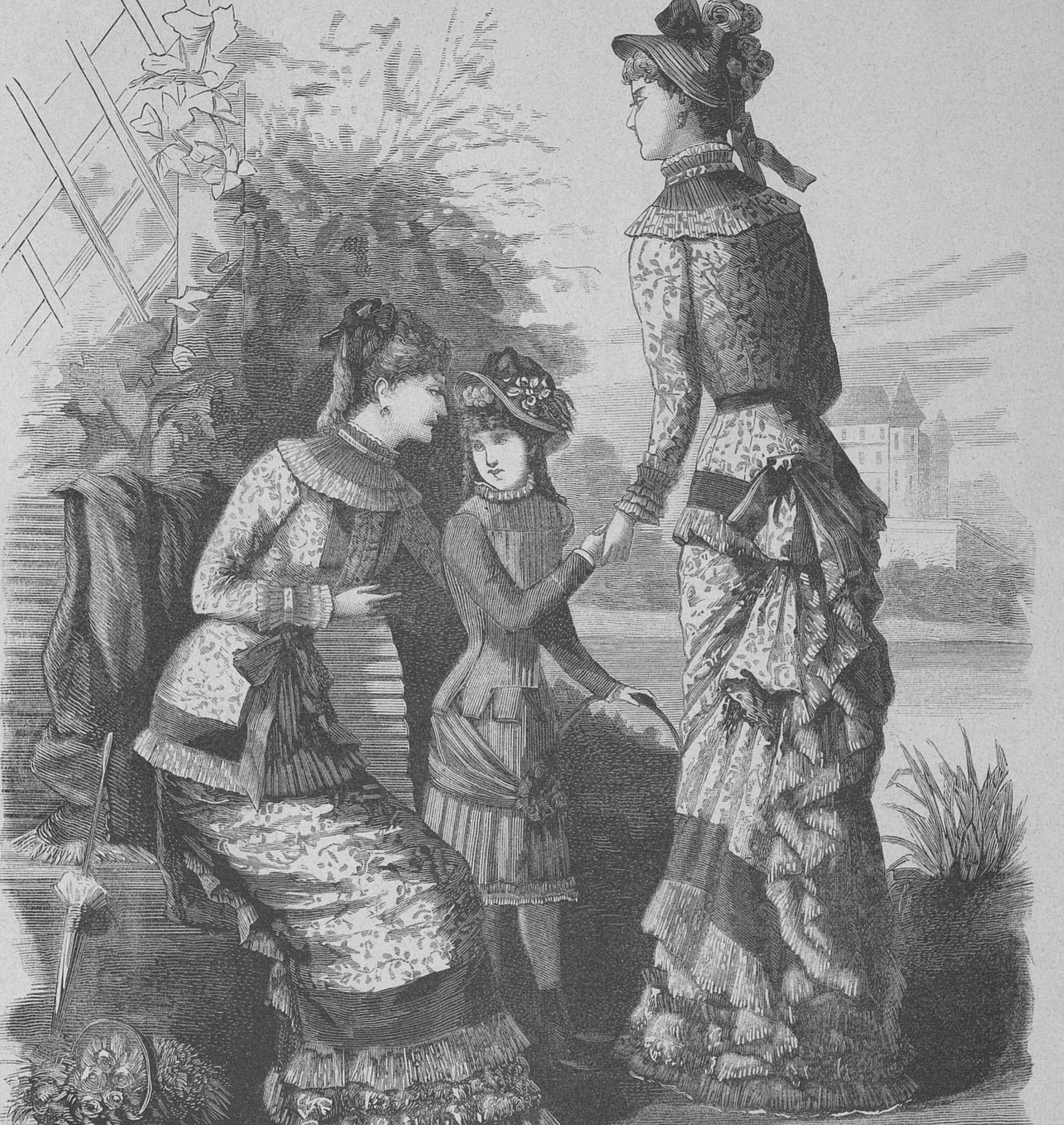


Рис. 8, 9 и 10.

ще образуетъ 3 пуфа. Пять бантовъ скрываютъ разрѣзы на бокахъ передника. Корсажъ состоитъ изъ коротенькой морской курточки пестраго фуляра. Передки очень расходятся и прихвачены только съ боку къ жилету, вырѣзанному en carré, надъ которымъ положены реверы. Батистовая рубашечка сложена въ плисэ. Воротникъ, вышитый пунсовымъ, заложенъ большими складками. Задъ курточки плоскій съ однимъ бочкомъ. Весь корсажъ обшитъ фіолетовымъ біэ, а жилетъ застегивается точеными перламутровыми пуговицами. Маленькій верхній рукавъ, не доходящій до локтя изъ пестраго фуляра;

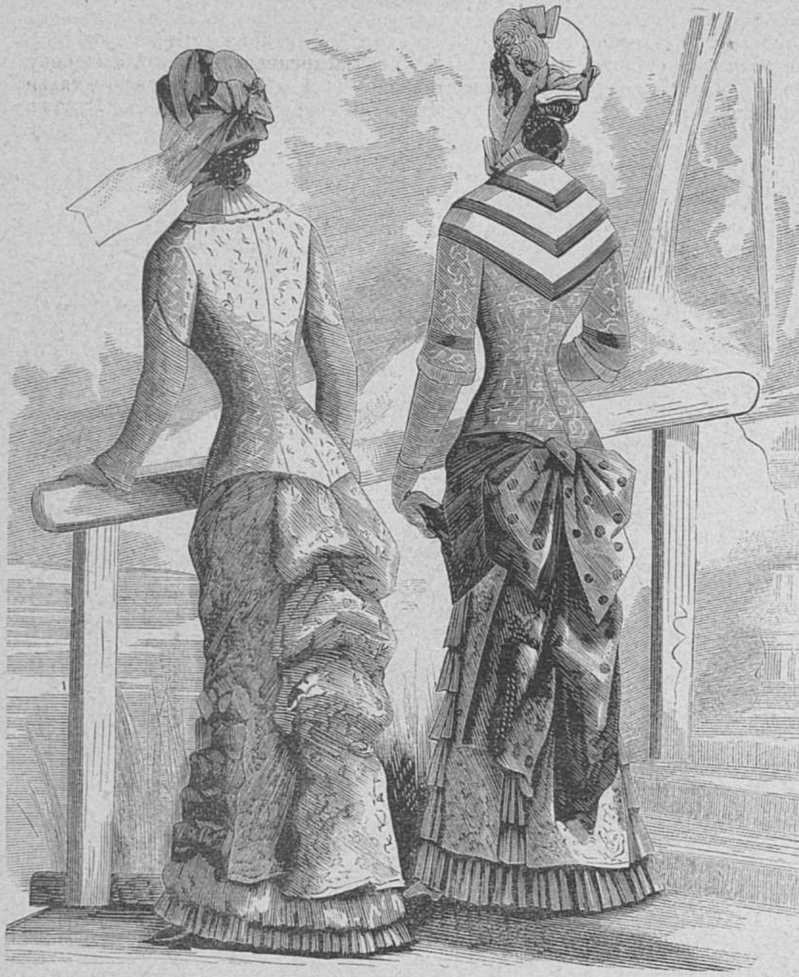


Рис. 11 и 12.

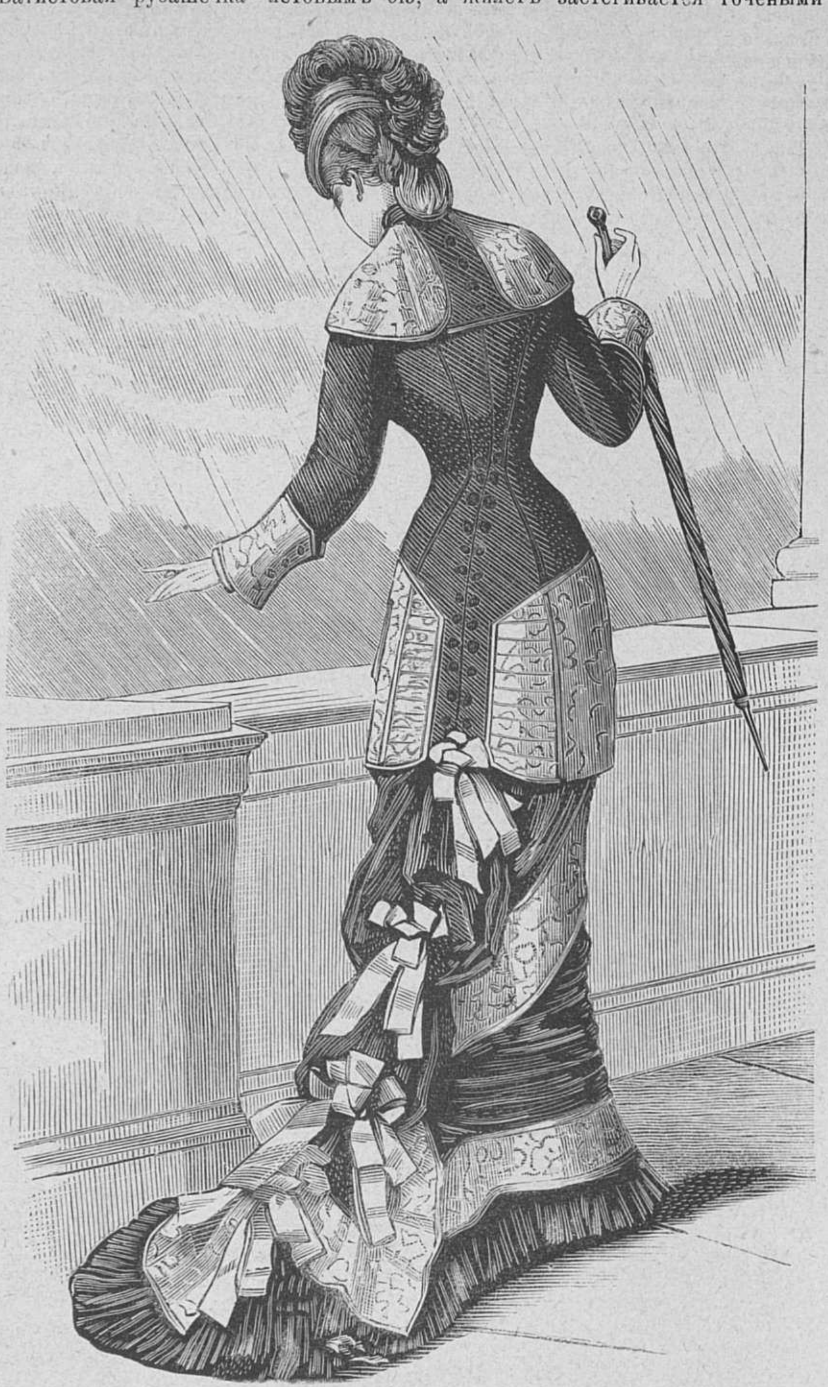


Рис. 13.

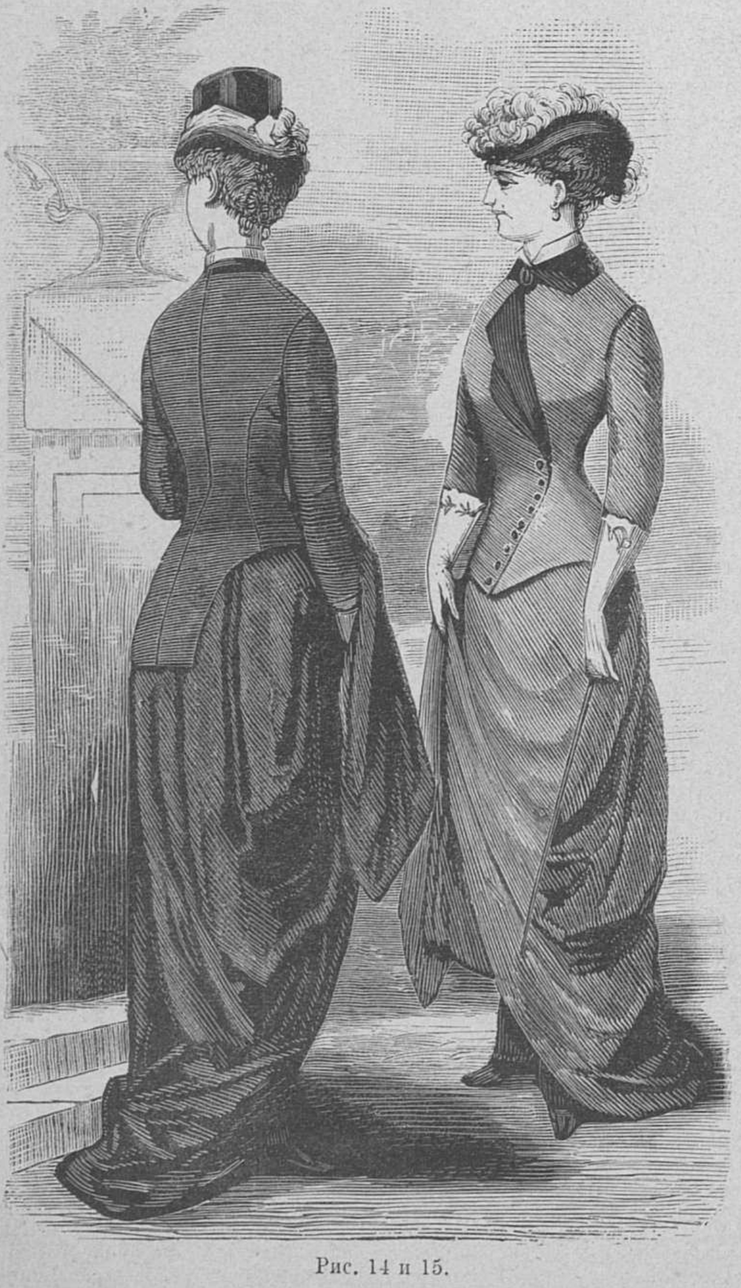


Рис. 14 и 15.

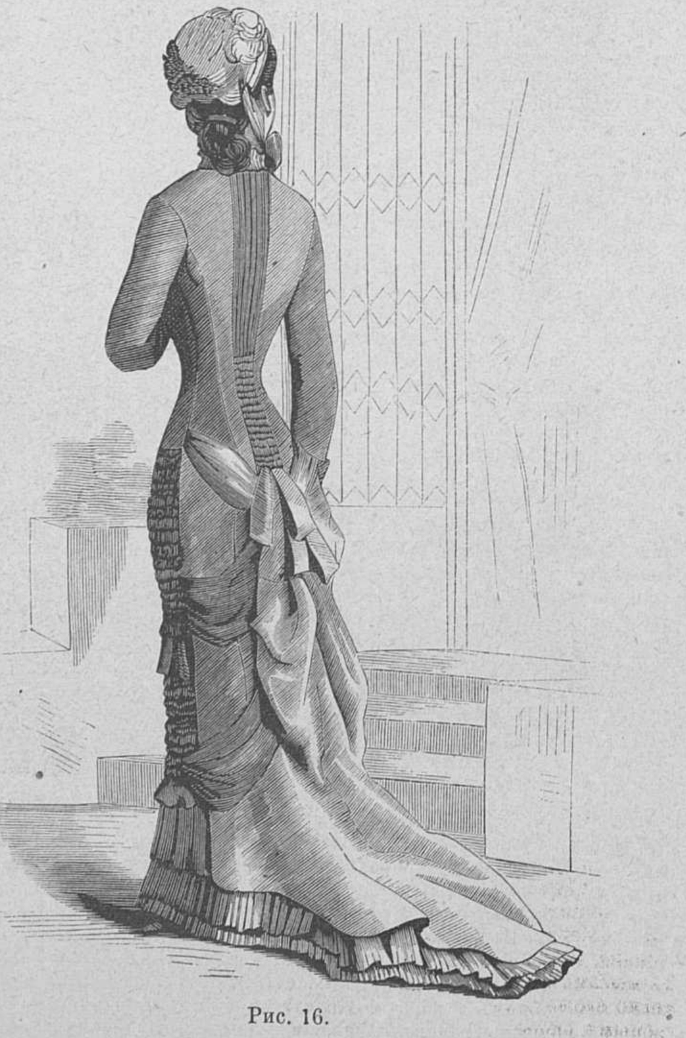


Рис. 16.

длинный фіолетовый рукавъ собранъ у кисти руки. У этого рукава только одинъ шовъ внутри рукава. Матроская шляпочка изъ черной соломки подбита чернымъ бархатомъ съ такою-же отдѣлкой и птичьимъ крылышкомъ. Развѣвающаяся вуаль, вышитая блестками, приколота къ шляпѣ золотой булавкой въ видѣ якоря.

Рис. 7. Костюмъ изъ табачнаго цвѣта зефира съ пестрой посвѣтлѣе матеріей. Гладкая юбка оканчивается воланомъ. Весь передъ и бока длиннаго гладкаго передника разрѣзаны на три широкіе килли, между которыми виднѣются снизу до верху воланы плисэ изъ гладкой матеріи; назади юбки внизу нашито нѣсколько рядовъ плисэ. Задъ платья—фасонъ принцесъ; полотнище, вшитое въ боковые швы юбки, драпировано въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Передъ корсажа нѣсколько удлиненъ въ серединѣ; онъ внизу вырѣзанъ въ видѣ лиліи и очень окороченъ на бокахъ. На плечахъ пелеринъ изъ 3 воротниковъ, оканчивающихся мысами. Эта пелеринъ-воротникъ, сдѣланная изъ гладкой посвѣтлѣе матеріи, обшита темной табачнаго цвѣта матеріей. Гладкій рукавъ, полудлинный, отдѣланъ темной отдѣлкой. Изъ подъ корсажа сдрапированъ широкій шарфъ, темный фуляровый съ черными горошинками, онъ перевязанъ сзади огромнымъ бантомъ бебе. Кружевная обшивка изъ point d'Alençon у ворота и рукавовъ. Бѣлая зубчатая бастовая шляпа, отдѣланная блѣдно-голубыми перьями и лентами того-же цвѣта. Задъ обоихъ этихъ костюмовъ показанъ на рис. 11 и 12 (стр. 30).

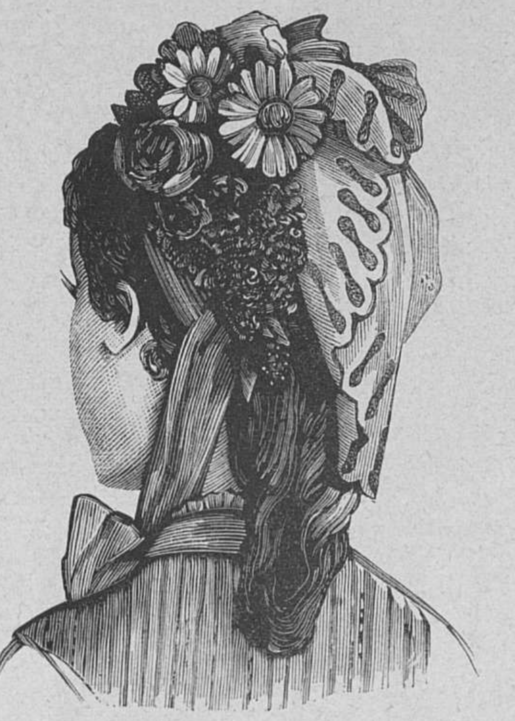


Рис. 17.

Рис. 8 и 9. Костюмъ изъ индійскаго крепа цвѣта кремъ съ цвѣточками feuille morte и гладкаго фая. Онъ показанъ спереди и сзади. Полудлинная юбка съ воланами у подола и 2 густыми бульоне. Тюникъ состоитъ изъ 3 полотнищъ, сшитыхъ вмѣстѣ, сбоку подобранныхъ нѣсколькими складками; сзади драпировка расшита и спадаетъ en coquillés. Весь тюникъ окаймляетъ пестрый воланъ плисэ, надъ нимъ положена полоса гладкой матеріи. Жакетъ изъ пестраго крепа. Передки застегнуты до тальи, гдѣ расходятся и надъ жилетомъ, сложеннымъ въ видѣ вѣера, изъ гладкой матеріи; круглая баска, обшитая плисэ и гладкой полосой. Большой воротникъ Pierrot изъ гладкой матеріи обшитъ плисэ. Рукава со сборками на локтѣ. Нѣсколько спускающихся петлей изъ лентъ у тальи и сзади, перемѣшанные съ коками изъ пестрой матеріи. Шляпа изъ темной соломки гарнирована темными и свѣтлыми перьями и лентами.

Рис. 10. Костюмъ 8-лѣтней дѣвочки, изъ батиста Lavandiere, розоваго цвѣта. Вся юбка въ глубокихъ складкахъ съ мелкимъ плисэ, выходящимъ изъ подъ нея. Жакетъ съ вырѣзанными патами. Передъ на кокеткѣ съ плисированнымъ пластрономъ. Спинка сборчатая. Шарфъ изъ того-же батиста схваченъ спереди большимъ шу. Рукавъ со сборками на локтѣ. Шляпа изъ итальянской соломки отдѣлана чернымъ бархатомъ и букетъ нарцисовъ.

Рис. 13. Туалетъ для гулянья. Фальшивая юбка loutre, отдѣланная воланомъ, сложеннымъ трубочкой. Тюникъ состоитъ изъ двойной длинной юбки съ поперечными волнообразными складками, обшитъ широкой полосой персидской матеріи; онъ очень расходится спереди и схваченъ сзади, гдѣ образуетъ нѣсколько подхватовъ; 4 спускающіеся банта петлями съ концами гарнируютъ и схватываютъ тренъ, оканчивающійся 2 углами внизу юбки. Карманы и пелеринъ-эполетъ изъ пестрой матеріи. Самая середина пелерина, какъ и баска, изъ гладкаго кашемира съ отдѣлкой изъ перламутровыхъ пуговицъ. Передъ корсажа изъ пестрой матеріи въ видѣ жилета, продолжающагося на всей баскѣ, исключая самой спинки, которая отдѣлана въ 2 ряда пуговицами. Этотъ корсажъ-жакетъ можетъ служить какъ казакъ для гулянья; тогда онъ дѣлается изъ дра-зефира, бархата, даже атласа, и можетъ надѣваться со всякой юбкой.

Выкройка этого костюма приложена при этомъ нумерѣ; она состоитъ изъ 10 кусковъ, именно: передъ, бочекъ, спинка, рукавъ, воротникъ-перелинъ, реверъ на рукавѣ, карманъ, жилетъ съ отдѣлкою на передней баскѣ, отдѣлка на бочкѣ и стоячаго воротничка.

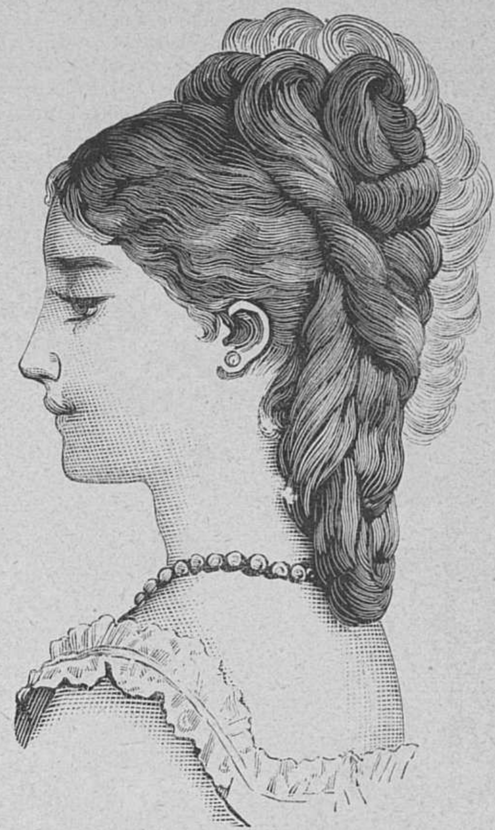


Рис. 18.

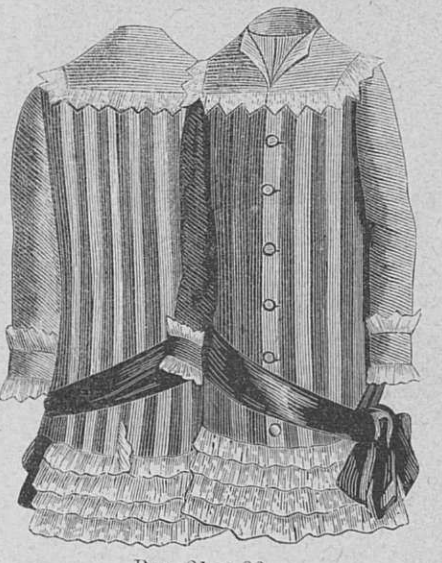


Рис. 21 и 22.

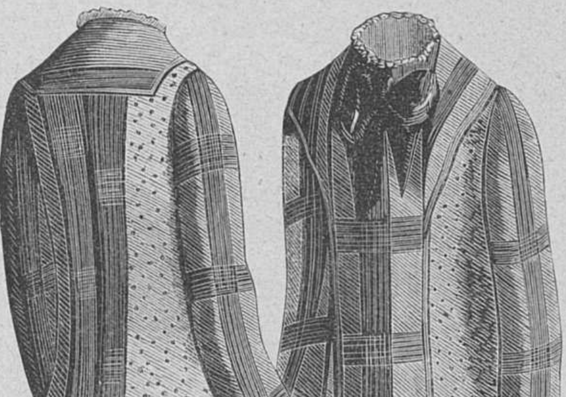


Рис. 23. и 24.

Рис. 14 и 15. Два разные костюма амазонки. Первый изъ легкаго дра-зефиръ чернаго, съ баской фракъ, спереди съ небольшимъ мысомъ; шелковая высокая шляпа съ бѣлымъ газовымъ вуалемъ. Второй костюмъ темно-синей матеріи. Баска сзади круглая, застегивается спереди наискось, черный бархатный воротникъ и двойные реверы. Гладкіе узкіе рукава безъ отдѣлки, такъ какъ перчатки покрываютъ ихъ. На бѣлой замшевой перчаткѣ вышиты шелками принадлежности sportmen. Шляпа амазонки изъ черной англійской соломки, подбитая бархатомъ съ густо-завитыми бѣлыми страусовыми перьями. Надо замѣтить особенность новѣйшихъ амазонокъ; вмѣсто очень длинныхъ юбокъ сзади, сравнительно съ передомъ, англичанки, спеціально свѣдующія и практичныя въ наѣздничествѣ, нашли болѣе удобнымъ дѣлать юбку, доходящую только до полу сзади, такъ какъ самый передъ кроится гораздо длиннѣе; на правой сторонѣ у передняго боковаго шва нѣсколько заложенныхъ складокъ на вышинѣ колѣна, что очень удобно обхватываетъ все колѣно на сѣдлѣ. На лѣвой сторонѣ юбки пришито нѣсколько пуговицъ и петель, что позволяетъ амазонкѣ, разъ сойдя съ лошади, приподнять юбку на эти пуговицы и тѣмъ избавиться отъ скучной заботы во время прогулки носить тренъ на рукѣ. Не надо забывать, что подъ корсажемъ слѣдуетъ пришивать потаенныя паты, дабы можно было ихъ пристегивать къ пуговицамъ, пришитымъ для этого спеціально на юбкѣ, иначе корсажъ не можетъ сидѣть такъ плотно, а на лошади малѣйшая складка на лифѣ бываетъ очень замѣтна.

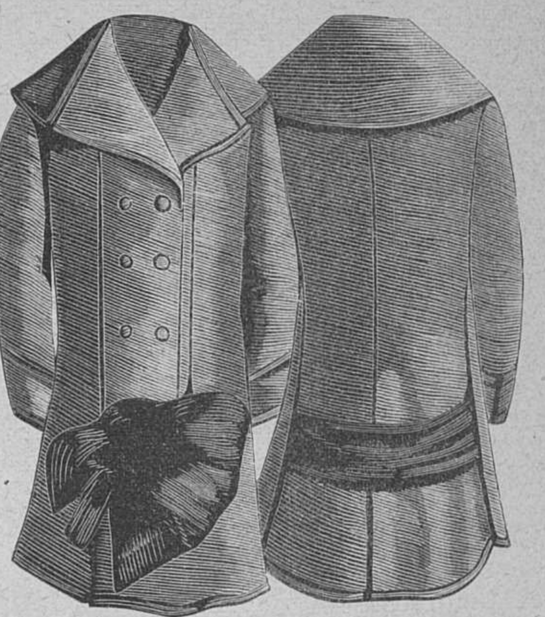


Рис. 19. и 20.

Рис. 17. Шляпа Zanetta изъ итальянской соломы, совершенно исчезающая подъ косынкой изъ палеваго атласа съ вышивками цвѣтами.

Рис. 18. Нарядная вечерняя куафюра съ однимъ перомъ марабу.

Рис. 19 и 20. Костюмъ для 7 лѣтняго мальчика изъ дра-зефира. Переда двухбортные съ 2 рядами пуговицъ и большимъ реверомъ и воротникъ шалью. Изъ бокового шва съ правой стороны пропущенъ пунсовый шелковый шарфъ, перевязанный спереди аграфомъ на лѣвомъ боку. Большой круглый воротникъ, простроченный красной строчкой.

Рис. 21 и 22. Батистовое платитьице для 4-хъ-лѣтней дѣвочки, цвѣта кремъ съ тоненькой голубой полоской. Платье все прямое, заложено глубокими складками. Внизу 4 воланчика изъ вышивки. Большой отложной вышитый воротникъ съ углами. Шелковая карубье-поясъ.

Рис. 23 и 24. Костюмъ для 12-лѣтней дѣвочки изъ сѣраго съ синими клѣтками шерстяной матеріи. Юбка плисэ; жакетъ, обхватающій талью. Спереди клѣтчатый жилетъ, оканчивающійся плисэ-воланомъ, застегивающимся слѣва потаенными застежками. Спинка тоже клѣтчатая, остальное платье гладкое. Гладкая баска съ реверомъ пришита къ переду и къ бочкамъ. Широкій шелковый поясъ проходитъ подъ реверомъ и завязанъ внизу спинки, 2 конца выходятъ изъ подъ жакета. Большой клѣтчатый воротникъ шалью спереди. Рукава клѣтчатые съ отдѣлкой. Блѣдно-голубой шелковый галстукъ.

Рис. 25. Костюмъ 10-лѣтняго мальчика изъ легкаго сукна gabier. Короткіе панталоны застегиваются на колѣняхъ. Прямая блуза съ кутюромъ на боку; она разрѣзана на правой сторонѣ до самой тальи. Суконный поясъ. Воротникъ и рукавчики полотнянные, обшитые кружевомъ. Соломенная шапочка.

Рис. 26. Костюмъ 5-лѣтней дѣвочки изъ муселинъ-де-ленъ и атласа небеснаго цвѣта. Англійское платьице все изъ муселинъ-де-ленъ; оно совершенно прямое, со вставкой по срединѣ спины и переда. Эта вставка вся изъ атласа, сложенная въ плисэ, окаймлена съ обѣихъ сторонъ біэ. Платье заканчивается 3 плисэ изъ муселинъ-де-ленъ, сборчатымъ воланомъ и біэ изъ атласа, оканчивающимся спереди подъ бантомъ изъ голубыхъ атласныхъ лентъ. Платье обшито оборкой изъ розоваго атласа. Короткіе рукава, отдѣланные плисэ, бантомъ и кружевомъ. Воротникъ обшитъ кружевомъ и вырѣзъ вставки розовымъ плисэ. Маленькая шляпа изъ англійской соломы, подбита бѣлымъ атласомъ и съ перомъ.

Рис 27. Костюмъ 7-лѣтней дѣвочки, изъ кашемира Titien, отдѣланное розовымъ атласомъ лизере. Вся юбка изъ плисэ оканчивается воланомъ изъ трубочекъ. Совсѣмъ прямой жакетъ изъ кашемира. Переда жакета расходятся на юбкѣ и отдѣланы патами, обшитыми розовымъ лизере изъ атласа, наложены въ видѣ кармановъ. Спинка состоитъ изъ одного бочка. Къ низу спинки пришиты 2 широкія складки, сложенныя трубочками, головка которыхъ подбита атласомъ. Рукава со сборками на локтяхъ. Большой батистовый воротникъ, застегивающійся на лѣвомъ плечѣ, отдѣланъ кружевомъ d'Alençon и вышитъ русскимъ швомъ красной бумагой. Выпускные рукавчики. Шляпа изъ англійской соломы подбита красной матеріей Surah. Тулья отдѣлана краснымъ Surah и букетомъ перьевъ подъ тѣнь.

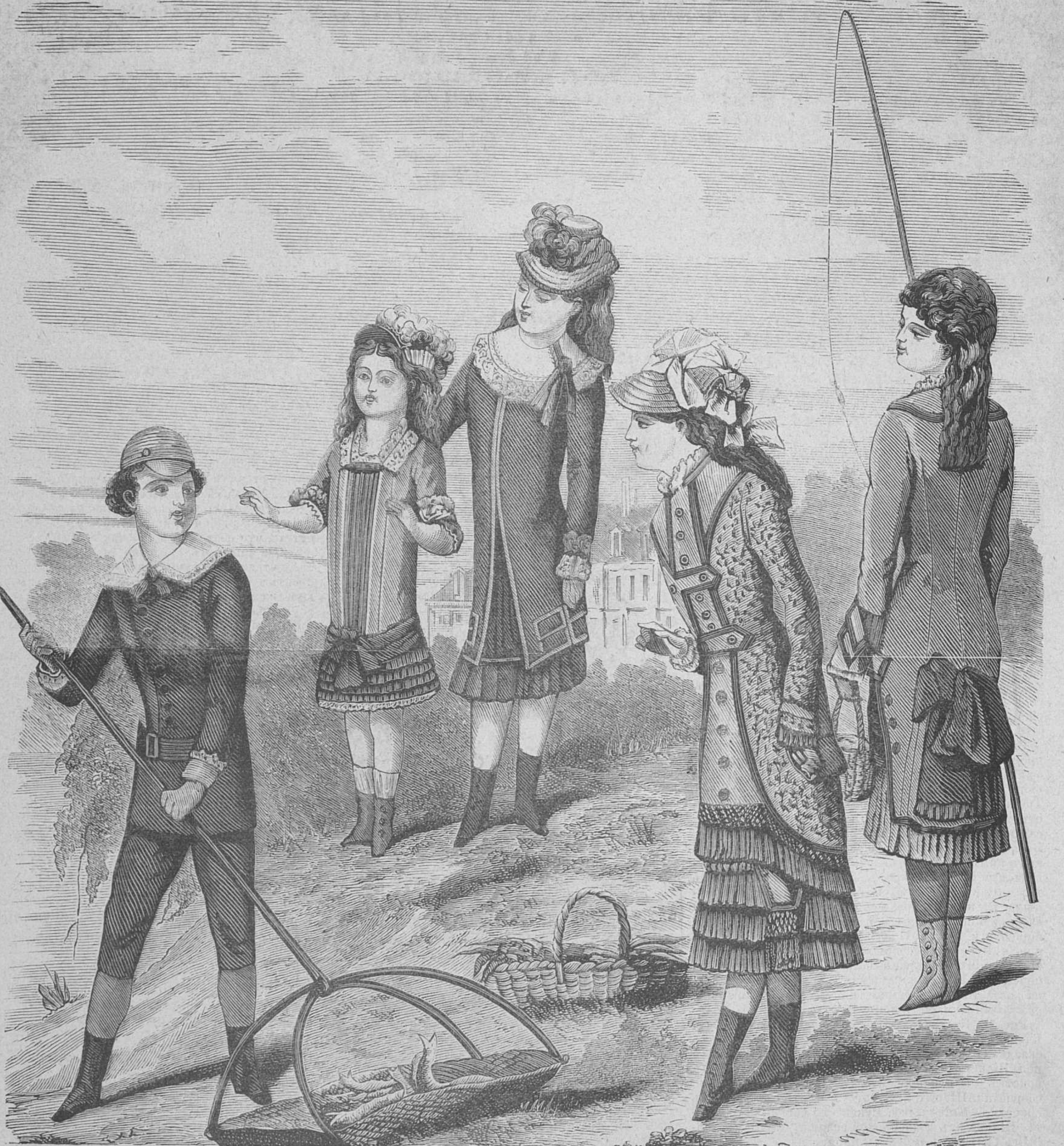


Рис. 25, 26, 27, 28, и 29.

Рис. 28. Костюмъ 12-лѣтней дѣвочки изъ кашемира и пестраго фая. Юбка кашемировая съ 3 плисэ; на воланы съ обѣихъ сторонъ спускаются по одному шелковому килю, обшитому голубымъ лизере, который заканчивается прекрасной разноцвѣтной бахромой. Тюникъ изъ пестрой матеріи. Передъ расходится надъ шелковымъ кремъ жилетѣ; онъ закругленъ и соединяется 2 шелковыми патами. Большой шелковый воротникъ. Прямая спинка съ однимъ швомъ. Весь тюникъ обшитъ голубымъ лизере и бахромой. Карманы въ видѣ отворотовъ изъ шелковой матеріи обшиты тоже лизере. Рукава со сборкою на локтѣ.

Рис. 29. Костюмъ 13-лѣтней дѣвочки изъ кашемира кремъ и голубаго surah. Платье изъ кашемира, на юбкѣ котораго наложено высокое плисэ въ видѣ balayeuse. Переда, отдѣланные surah въ видѣ реверовъ, расходятся на жилетѣ, собранномъ въ мелкія сборки и оканчивающемся очень мелкимъ плисэ. Спинка похожа на платье савояра и оканчивается также широкимъ плисэ, обшитымъ шелковымъ лизере. Драпировка изъ surah, сложенная въ плисэ, выходитъ изъ подъ реверовъ переда, проходитъ черезъ бочки и завязывается внизу спинки красивымъ бантомъ. На боку маленькій фальшивый кармашекъ. Кашемировый матроскій воротникъ. Рукавъ отдѣланъ двойнымъ кашемировымъ обшлагомъ, обшитъ surah лизере; изъ подъ обшлаговъ выходитъ шелковое плисэ.

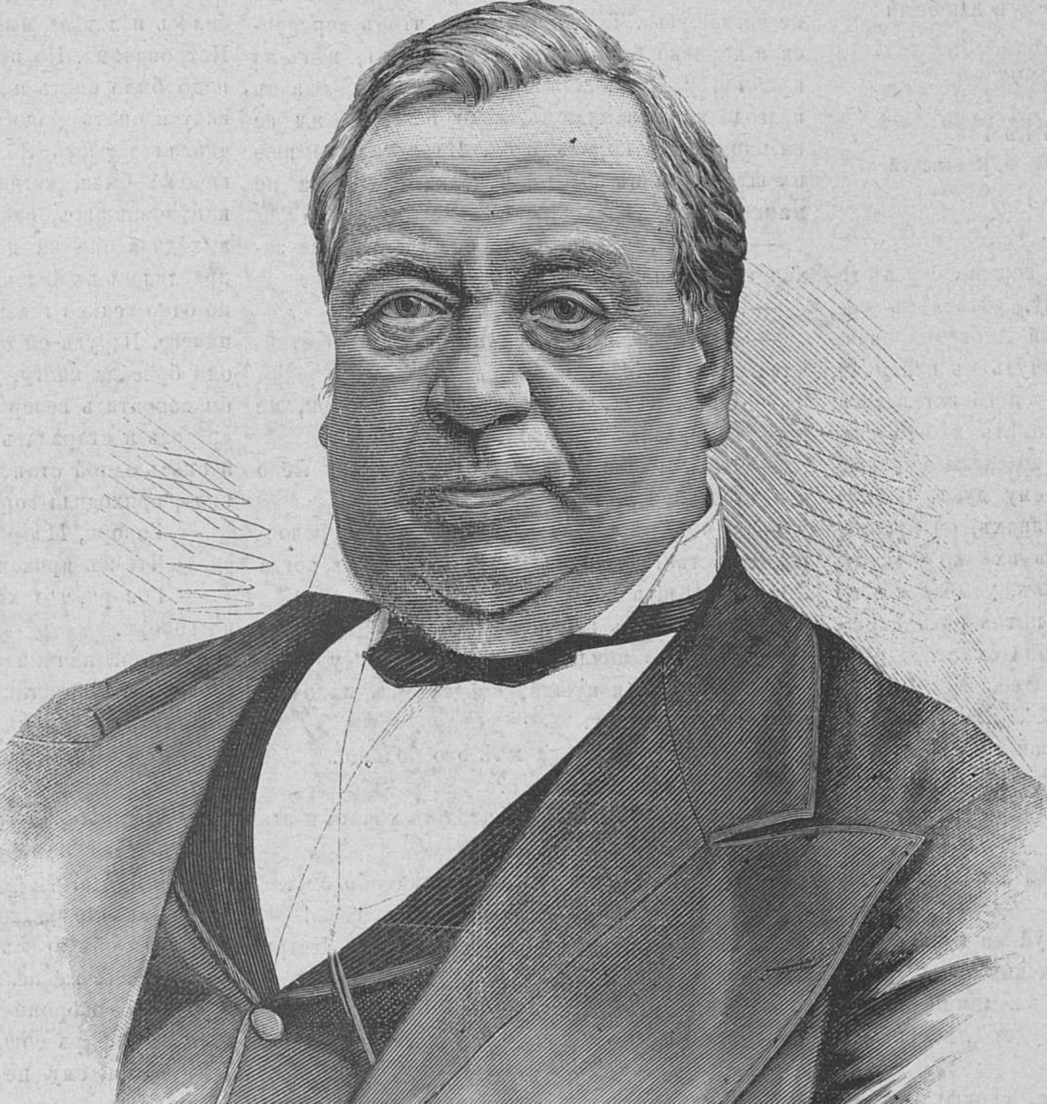
Невозможно не умолчать о полезномъ открытіи—непромокаемости всевозможныхъ матерій—долженствующемъ дать серьезные результаты. Оно состоитъ въ томъ, что пропускаютъ подъ пресомъ, напитаннымъ особеннымъ составомъ, желаемый предметъ. Нѣсколько метровъ шелковой матеріи черезъ минуту иги двѣ становятся непромокаемыми, безъ измѣненія цвѣта или ткани ея. Кромѣ того всякаго рода другія вещества могутъ подвергнуться этому-же процесу какъ-то: писчая бумага, соломенныя шляпы, переплеты и прочее. Въ подтвержденіе дѣйствительности этого открытія былъ сдѣланъ слѣдующій опытъ. Взято 2 куска шелковой матеріи блѣдно-голубого цвѣта, одинъ изъ нихъ былъ пропущенъ подъ пресъ, пропитанный составомъ, послѣ чего оба куска были одновременно положены на нѣсколько секундъ подъ струю воды. На кускѣ, пропитанномъ веществомъ изъ подъ преса, вода сбѣгала не замочивъ его, тогда какъ другой совершенно измокъ. Пропитанный кусокъ писчей бумаги сдѣлался твердъ какъ сталь. Тончайшая бумага нѣжно розоваго цвѣта не пропускала сырость, принявъ видъ гутаперчи. Особенность этого замѣчательнаго состава состоитъ въ томъ, что, сдѣлавъ всякое вещество совершенно недоступнымъ для сырости, онъ оставляетъ за собою возможность проникновенія воздуха,—достоинство, которое не было достигаемо ничѣмъ до сихъ поръ. Это новое изобрѣтеніе сдѣлано однимъ отставнымъ французскимъ офицеромъ.

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 августа 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 35. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 30 Августа 1880 г.



Иванъ Васильевичъ

Самаринъ

Оазисъ.

Стих. **В. Львова.**

Знойной пустыни безбрежное море
Видно кругомъ;
Дикій играетъ самумъ на просторѣ
Желтымъ пескомъ.
Кости изсохшія—цѣлая груда—
Видны въ пыли;
Смерчъ изчезаетъ... куда ты, откуда?!...
Въ синей дали,
Въ свѣжемъ оазисѣ стройная станомъ
Пальма стоитъ,
Словно пустыни маякъ караванамъ...
Тихо журчитъ
Струйкою влаги прохладной и чистой
Рѣзвый родникъ;
Нѣжной головкой цвѣтокъ серебристый
Къ струйкѣ приникъ.
Птички порхаютъ и пѣсни щебечутъ
Въ мирной тѣни;
Листьями пальма чуть-слышно лепечетъ:
«Здѣсь отдохни!..
«Путникъ усталый, найдешь ты цѣлебный
Миръ и покой:
«Сонъ тебѣ очи закроетъ волшебный
«Нѣжной рукой!...»

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава XII.

Весело вошла Лёло къ генералу. Завидѣвъ ее, Сергѣй Александровичъ протянулъ къ ней руки, губы у него затряслись, онъ хотѣлъ что-то сказать; но слезы перехватили ему духъ. Забывъ о румянахъ, онъ размазывалъ ихъ по щекамъ, кашлялъ, улыбался и не могъ выговорить слова. У Лёло тоже потекли слезы, она схватила руку генерала и крѣпко поцѣловала ее.

— Дай мнѣ водицы! водицы!.. наконецъ проговорилъ Сергѣй Александровичъ.

Лёло проворно налила стаканъ и подала ему.

— Это правда, Лёлечикъ?... оправившись, спросилъ генералъ.

— Правда, папочка! краснѣя и потупивъ глаза, отвѣтила Лёло.

— Правда! правда!.. Поцѣлуй-же меня... я это зналъ... я этого ждалъ. Розанчикъ мой! душка моя! мамашенька скоро будешь... мамашенька!... у насъ мальчуганчикъ скоро будетъ... мы рады?... рады?..

— Я очень рада, папочка, сконфузившись, тихо сказала Лёло.

— Что-же ты папочкѣ-то давно не сказала? стыдно тебѣ было... а я-то какъ радъ... какъ радъ... Еслибъ ты знала, моя пупочка, какъ радъ, говорилъ генералъ, ища около себя носового платка.

Лёло хотѣла наклониться, чтобы поднять съ полу красный фуляръ Сергѣя Александровича.

— Не наклоняйся! не наклоняйся! Боже сохрани... Вотъ я позвоню человѣка.

— Что это, папочка, звать за этимъ челвѣока, сказала Лёло и подняла платокъ.

— Что ты дѣлаешь, дитятко! Никогда этого не дѣлай... Теперь тебѣ беречься надо. Помни, не наклоняйся, ручекъ кверху не поднимай, ножку на ножку не клади... Это все вредно въ твоемъ положеніи. Помни-же, помни, прелесть моя... Помни, что у насъ скоро пупленочекъ будетъ... Вотъ какой маленькій, маленькій! такъ надо, чтобъ онъ былъ здоровъ, толстенькій, пухленькій...

Лёло стояло молча, глядѣла въ окно куда-то въ даль и улыбалась.

— Ты рада!.. Рада? Ну, поцѣлуй-же меня, поцѣлуй-же послаще...

Лёло какъ-бы проснулась отъ сладкаго сна, вздохнула и наклонилась къ старику.

— Вотъ такъ! вотъ такъ!... а какое мы приданое выпишемъ изъ Москвы нашему сынишкѣ: рубашечки будутъ всѣ въ кружевахъ, чепчики всѣ въ бантикахъ... Какую люльку закажемъ: съ занавѣсочкой, чтобъ она вотъ такъ качалась... а въ ней будетъ розовый восковой амурчикъ лежать. Мамку какую заготовимъ: красавицу, кровь съ молокомъ, чтобы она намъ амурчика вотъ какого выкормила...

— Папочка, я мамки не хочу!.. прервала генерала Лёло.

— Какъ не хочешь, дитя?.. да кто-же станетъ кормить амурчика? Вѣдь ему молочка будетъ нужно.

— Я сама буду кормить, папочка!

— Какъ это можно, малютка моя, ты не выдержишь, захвораешь. Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не соглашусь... Тутъ надо силы, чтобъ деревенская коровка была. Вотъ надо узнать, нѣтъ-ли прибыли у Васькиной жены, Аксиньи, она съ полгода какъ замужемъ, если есть, то мы ее возьмемъ, она король баба. Нарядимъ ее всю въ штофъ да въ золото, куколка будетъ, а не мамка.

— Да она, вѣрно, сама своего ребенка захочетъ кормить?

— Да какъ она смѣетъ хотѣть...

— Ну, такъ я хочу сама кормить, настойчиво сказала Лёло.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лёлечикъ, и не говори, не позволю, сказалъ генералъ.

— Это мы еще увидимъ, отвѣтила ему Лёло и недовольная вышла изъ кабинета.

— О чемъ опять нахмурились, ваше превосходительство? спросилъ Петръ Петровичъ, когда Лёло вернулась къ нему въ диванную.

— Онъ хочетъ взять мамку.

— Совѣтую поплакать хорошенько: у меня будетъ сынъ Иванушка, пойдетъ въ лавочку, сломитъ головушку.

— Ты все шутишь, а мнѣ это больно...

— Да что-жь больно-то?

— Я вѣдь тебѣ сказала, что онъ хочетъ взять нашему ребенку мамку.

— Ну, что-жь, пусть беретъ, спасибо ему...

— Ахъ, Боже мой, я хочу кормить сама!

— А я этого не хочу! твердо сказалъ Петръ Петровичъ.

— Отчего-же, Петя?

— Оттого, что я хочу, чтобъ мнѣ было хорошо!..

Лёло улыбнулась сквозь слезы, припала къ плечу Петра Петровича и больше не возражала.

Все въ домѣ пошло прежнимъ порядкомъ, только генералъ не могъ успокоиться отъ неожиданной радости; нервы его растроились, онъ сталъ слезливъ и не отчего начиналъ сморкаться и плакать. Отъ восторговъ Сергѣя Александровича Лёло порой приходилось плохо. Онъ не давалъ ей ни шагнуть, ни пошевелиться, ни поднять руки, все на него находили страхи. Боясь какого нибудь несчастья, генералъ почти не отпускалъ отъ себя жену и только обманомъ, отговариваясь нездоровьемъ, Лёло могла урываться отъ него, чтобы побыть вмѣстѣ съ Петромъ Петровичемъ. Скоро на генерала напали хлопоты о приданомъ малютки и онъ препоручилъ Котикову поѣхать покупать его въ Москву. Отказаться было нельзя. Петръ Петровичъ началъ собираться въ дорогу. Лёло тихо плакала по уголкамъ. Отъѣздъ Петра Петровича былъ для нея незнакомое горе въ жизни. Въ первый разъ она разставалась съ милымъ.

— Петя, да ты хоть пиши ко мнѣ чаще, говорила она ему, прощаясь съ нимъ наканунѣ отъѣзда.

— Полно, Лёлька, что за письма; еслибъ мнѣ можно было писать къ тебѣ на водѣ, я-бы писалъ, а то чернила и бумага—нельзя! знаешь пословицу: «что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ». Эту грамоту и генералъ твой разберетъ. А письму попасть не въ тѣ руки очень легко. Нѣтъ, Лёлечикъ, не жди отъ меня посланій и сама не пиши, оно вѣрнѣе. Да и свиданье будетъ слаще.

Безъ Петра Петровича на Лёло напала тоска; опять она не знала, куда себя дѣть отъ скуки. Дни еще кое-какъ проходили: утромъ она принимала больныхъ, перевязывала раны, раздавала лѣкарства. Потомъ, по обыкновенію, отправлялась читать генералу Инвалидъ. Передъ обѣдомъ садилась за рояль, проигрывала всѣ любимые морсо Петра Петровича и, наконецъ, начинала припоминать мотивы русскихъ пѣсенъ, которыя часто пѣвалъ Котиковъ, отправляясь съ ней на село. Прибирая аккорды, Лёло улыбалась и летѣла мыслію въ Москву за Петромъ Петровичемъ. Но вотъ приходило послѣ-обѣда, надо было опять идти къ Сергѣю Александровичу и опять радости и восторги генерала начинали терзать Лёло. Бѣдная женщина радешенька была, когда старикъ, наплакавшись и нацѣловавшись, засыпалъ въ креслѣ. Тихонько выходила она на цыпочкахъ изъ кабинета, отправлялась въ маленькую диванную, брала книгу; но одни только глаза читали, а Лёло не понимала ничего. Вдругъ ей становилось страшно одной, она бросала книгу, убѣгала въ спальню и чтобы сократить вечеръ, ложилась спозаранку въ постель и старалась уснуть; но ей не спалось и опять одной становилось страшно. Лёло звонила, приходила горничная.

— Говори, Матрена, мнѣ скучно...

— Что-жь прикажите говорить-съ?..

— Говори, что хочешь, мнѣ все равно, только говори.

Матрена начинала болтать.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда болтовня Матрены умолкла, а Лёло все еще не спалось, она вдругъ, сама не зная отчего, спросила у горничной:

— Матрена, скажи, пожалуйста, ты не слыхала, отчего маменька Елизавета Никитишна сошла съ ума?

— Какъ не слыхать-съ, слыхала... только говорить-то объ этомъ нельзя-съ.

— Отчего-же нельзя?

— Боже оборони-съ, генералъ узнаютъ-съ, они меня въ Сибирь сошлютъ-съ...

— Да я ему не скажу, улыбаясь, сказала Лёло.

— Какъ-же ужь не скажите-съ: съ мужемъ, матушка, долго-ли проговориться-съ... тогда я пропасть должна.

— Да не бойся, я даю тебѣ честное слово, что я генералу не скажу.

— Ужь только для васъ, матушка, а то и отцу родному-бы не сказала... Вотъ видите-съ: я еще робенкомъ была, какъ Елизавета-то Никитишна-съ въ умѣ рехнулась. А матушка въ ту пору во дворѣ ключницей была, такъ при ея глазахъ все и дѣло-то было-съ. Послѣ, какъ я ужь дѣвкой большой стала, такъ частенько покойница объ этомъ дѣлѣ разсказывала и ей, голубушкѣ, господа тяжкій грѣхъ на душу положили. Вотъ-съ, изволите видѣть-съ, тогда старый-то баринъ еще во всей порѣ былъ-съ... И Елизавета Никитишна красавицы были-съ... Умныя такія, говорятъ, что и Боже упаси; въ какомъ-то Смолиномъ училищѣ учились, по французскому, по всякому говорили-съ, на фортопьянахъ играли-съ. И двое дѣточекъ у нихъ ужь въ ту пору было-съ. Вашему-то супругу, не могу сказать, который годокъ тогда былъ-съ, только они въ ту пору въ корпусѣ въ Петербургѣ были-съ. А то еще маленькій у нихъ братецъ былъ-съ, Володинькой звали-съ. Красавчикъ былъ писаный-съ; матушка говорила, что они очень походили-съ на купидона-то съ крылышками-съ, что въ залѣ у печки виситъ, изволили видѣть-съ?

— Какъ-же, я видѣла, сказала Лёло.

— Ну, такъ вотъ они двѣ капли воды такіе были-съ. Бѣгали уже-съ, говорили все. Барыня-то-съ, Елизавета Никитишна, на нихъ, говорятъ, не надышались. Ну, вотъ-съ баринъ-то покойникъ, прости Господи ему его прегрѣшенія, нравный такой были, сердитый-съ... Такъ весь домъ передъ ними дрожью и дрожалъ-съ... такъ ужь добро-бы свои люди-съ, извѣстно — баринъ-съ, воля есть, такъ сердце и расходится-съ... А то и съ сосѣдями все собачились... Вотъ съ Мерзяковымъ покойникомъ у нихъ, говорятъ, такая вражда была, что и Боже упаси-съ... Имѣнье-то у нихъ въ ту пору черезполосное было-съ, такъ то и дѣло изъ за чего ни-на-есть какая нибудь да катавасія выйдетъ-съ... нашъ-то баринъ Мерзякову все наровитъ напоръ сдѣлать, а Мерзяковъ-то нашему-съ. Вотъ-съ нашъ-то баринъ и началъ замѣчать-съ, что Мерзякова скотина на нашихъ лугахъ пасется... Вотъ-съ нашъ-то баринъ-съ и отписалъ Мерзякову; «такъ и такъ дескать, по чьему позволенію ваша скотина на моихъ лугахъ пасется»... Мерзяковъ-то, получивъ письмо, знаете-ли-съ, да и молчитъ... А скотина-то все нашу траву ѣстъ да ѣстъ... Прежде-то, знаете-ли, нашъ баринъ все высылали мужиковъ мерзяковскій скотъ съ своихъ луговъ сгонять-съ... А тутъ вдругъ приказъ отдали: не смѣть сгонять мерзяковскій скотъ; мнѣ, говоритъ, не жалко, у меня травы дѣвать некуда. Такъ мужики и оставили. Вотъ только въ одну ночь-съ вой, крикъ по всему дому поднялся-съ: что, что такое?.. Маленькій баринъ Владиміръ Александровичъ, говорятъ, помираетъ. Елизавета Никитишна такъ пластомъ и лежатъ съ, а за докторомъ не посылаютъ-съ: баринъ-то-съ ровно мертвые по залѣ ходятъ-съ... Люди-то думаютъ: съ горя имъ память-то отшибло-съ, одурѣли-съ... подошли, напомнили о докторѣ-съ, а баринъ-то имъ только и вымолвилъ-съ: «поздно»!.. А всѣхъ ихъ и выгнали-съ... И точно-съ, Владиміръ Александровичъ скорехонько Богу душеньку отдали-съ... На другой-же день ихъ и похоронили-съ... Весь домъ такъ, говорятъ, воемъ и вылъ, очень ужь всѣ любили маленькаго-то барина-съ, а ужь съ барыней-то Елизаветой Никитишной, говорятъ, что дѣлалось, такъ и сказать нельзя-съ... такъ въ могилу и кинулись да кричали: заройте меня! заройте! да и только-съ. Вотъ-съ прошло этакъ мѣсяца два-съ, барыня не то, чтобъ утѣшились, а такъ, извѣстно, не то что въ первое время-съ, потише стали... Вдругъ, въ одинъ день-съ, по утру, судъ на дворъ скачетъ... Старый-то баринъ какъ взглянули въ окно-съ, такъ всѣ и позеленѣли-съ... Судъ въ покои: гдѣ, говорятъ, баринъ? Люди барину докладываютъ, а они не идутъ-съ... судъ-то въ кабинетъ силкомъ-съ!..

— Такъ и такъ, говоритъ, у васъ младенецъ померъ?

— Померъ! говоритъ баринъ, а языкъ-то у него еле-еле ворочается.

— Скоропостижно? спрашиваетъ судъ.

— Скоропостижно! говоритъ баринъ.

— А почему-же вы не дали знать объ этомъ случаѣ мѣстной полиціи? Скоропостижныхъ, дескать, смертей безъ вскрытія, по закону, хоронить нельзя!.. говоритъ судъ...

Баринъ-то туда-сюда...

— Я не зналъ! говоритъ.

А судъ-то ему бумагу кажетъ, да и говоритъ:

— Вотъ извольте посмотрѣть, мы имѣемъ предписаніе отрыть могилу и вскрыть вашего сына, на васъ, говоритъ, доносъ былъ поданъ, васъ обвиняютъ въ отравленіи вашего сына...

Какъ это судъ выговорилъ, такъ за дверями ровно камень съ крыши упалъ-съ.—Баринъ-то за дверь-съ, а барыня-то-съ поперекъ порога лежитъ, ровно мертвая-съ... Люди ихъ тутъ подхватили и въ спальню отнесли на постель-съ, а судъ-то на кладбище... И баринъ за нимъ. А только прежде, чѣмъ барину-то за судомъ пойди-съ, они изъ стола бумажникъ себѣ въ карманъ положили-съ... Въ домѣ-то всѣ люди шушу да шушу... Ума не приложатъ, что-бъ эта за напасть такая была, что божьяго младенца изъ могилы вырывать, безгрѣшный прахъ шевелить?.. Вотъ-съ, смотрятъ, судъ съ кладбища назадъ идетъ и съ бариномъ таково ласково разговариваетъ-съ... Распростились этакъ они, судъ-то со двора, а баринъ-то къ барынѣ-съ... Онѣ ужь въ ту пору опомнились и барина-то узнали-съ, только все-съ съ того самаго дня-съ въ полный разумъ и не приходили-съ; нѣтъ, нѣтъ, да и заговариваться начнутъ-съ. Теперь еще это онѣ по старости лѣтъ-съ забывать стали-съ, а то прежде-съ какъ только ребенка увидятъ, такъ на стѣну и лѣзутъ-съ... и страсти божьи, что было-съ... Одинъ только Фомка имъ и угождать умѣлъ и одного его и боялись... Все Фомка, да Фомка! а иной разъ и монъ-шеръ скажутъ, и смѣхъ, и грѣхъ съ ними! проговорила, улыбаясь, Матрена и махнула рукой.

— Что-же это такое было? Зачѣмъ вскрывали ребенка? Неужели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ отравленъ? спросила Лёло.

— Точно, отравлены были-съ...

— Да кто-же отравилъ его, вѣдь не отецъ-же?

— Они-съ!..

— Не можетъ быть?..

— Да вѣдь они нечаянно-съ. Вотъ какъ дѣло-то было-съ: изволите помнить-съ про мерзяковскій скотъ-то, что я вамъ докладывала-съ?

— Помню.

— Изволите помнить-съ, какъ баринъ скотъ не велѣлъ трогать-съ?

— Ну, помню.

— Такъ баринъ вѣдь это зло въ сердцѣ держали-съ. Разъ они къ себѣ въ кабинетъ черный хлѣбъ принести велѣли-съ. Матушка-то моя, не вниди Господи въ судъ съ рабой твоей! своими руками и хлѣбъ-то барину-съ подавала. Вотъ баринъ-съ изъ этого хлѣба все какіе-то шарики дѣлалъ, да на тарелочкѣ ихъ у себя на столъ и поставилъ. Маленькій-то баринъ-съ съ нянькой прощаться приходили... Вѣрно нянька-то не доглядѣла, какъ они съ тарелочки шарикъ стащили, да и скушали-съ; послѣ ужь она матушкѣ сказывала, что ей какъ будто-бы помнится, что Владиміръ Александровичъ, выходя изъ кабинета, что-то жевали-съ. Поздно вечеромъ, ужь темнехонько, баринъ съ эвтой тарелочкой съ шариками куда-то ходили-съ и пришли домой, тарелочка въ ручкахъ пустая была. Послѣ ужь оказалось, что они хотѣли мерзяковскій скотъ отравить-съ. Да Господь-то ихъ и покаралъ-съ на ихъ родномъ дѣтищѣ. А Мерзяковъ-то, вѣрно, зналъ нашего барина хорошо-съ: какъ баринъ-то притихли-съ, гнать мерзяковскую скотину перестали-съ, онъ, не будь глупъ, и самъ наказалъ, не пускать своей скотины на наши луга, да и караульщиковъ приставилъ глядѣть, что́ отъ нашего барина будетъ. Вотъ караульщики-то, попрятавшись въ кусты, и видѣли, какъ нашъ баринъ по лугу ходили, да что-то руками посыпали... А отчего нашъ Владиміръ Александровичъ померъ, догадался Мерзяковъ, что-ли, или нянька выболтала, только онъ самый и доносъ на нашего барина подалъ, что они хотѣли отравить мерзяковскій скотъ, а на мѣсто скота-то сына своего родного отравили-съ. Вотъ судъ-то и наѣхалъ-съ.

— Отчего-же это страшное дѣло такъ замялось? спросила Лёло.

— Замялось? Да, должно быть, отъ того-съ, что Мерзяковъ-то подарилъ судъ, а нашъ-то баринъ передарилъ-съ, вотъ оно и замялось дѣло-то. Да у Господа-то оно явно будетъ-съ. Матушка моя покойница съ тѣмъ и въ могилу пошла, что все каялась, зачѣмъ она своими руками хлѣбъ барину въ кабинетъ подала.

— Бѣдная Елизавета Никитишна! Она невинно пространа всю свою жизнь.

— Ну, и онѣ не даромъ-же Господомъ наказаны, на небѣ, матушка, неправаго суда нѣтъ. Богъ-то, можетъ быть, ихъ эвтимъ наказаніемъ взыскалъ-съ; на эвтой землѣ потерпятъ-съ, въ будущей жизни отпустится-съ! качая печально головой, сказала Матрена.

— Да чѣмъ-же виновата Елизавета Никитишна?

— Какъ не виновата-съ? Вѣдь баринъ при нихъ шарики-то дѣлали-съ. Елизавета Никитишна знали-съ, что эвтими шариками морить чужую скотину хотятъ, такъ имъ, по божеству-бы, слѣдовало не допустить своего супруга до грѣха. А еслибъ баринъ не послушался-бы барыни, такъ барынѣ-бы слѣдовало самимъ объ этомъ донести суду-съ. Что-жь, что баринъ имъ мужъ былъ-съ, тѣла-то жалѣть нечего-съ, когда душу человѣку спасти можно... По моему, такъ-съ... А то мы на землѣ грѣхамъ потворствуемъ: жаль, да жаль человѣка,—а на землѣ-то онъ въ гостяхъ. Всѣ туда пойдемъ... А за грѣхъ тамъ огнь вѣчный!..

Глава XIII.

Долго не могла заснуть Лёло послѣ страшнаго разсказа Матрены; наконецъ, заснула тревожнымъ сномъ. Всю ночь ей грезились разныя страсти и чепуха. То видѣлась меменька Елизавета Никитишна, то какія-то страшныя коровы, то что у нея родился сынъ, мальчикъ съ крылышками, что она качаетъ его въ парадной люлькѣ, и вдругъ изъ люльки дѣлается могила и въ ней лежитъ Володинька весь въ крови. А ужь подъ самое утро приснилось ей, что маменька Елизавета Никитишна тащитъ ее въ адъ и кричитъ: я грѣшница! ты грѣшница! пойдемъ въ огнь вѣчный... «Пустите! не хочу!» вскрикнула Лёло и проснулась. Прямо въ глаза блеснуло ей яркое солнце сквозь морозное стекло. Лёло зажмурилась и не могла сообразить, что́ съ ней и гдѣ она. Скоро знакомый стонъ генерала привелъ ее въ себя. Она снова открыла глаза, оглядѣла спальню и, схватившись за сердце, которое страшно колотилось въ груди, прошептала:

— Господи! Я спала... Благодарю тебя!.. Проворно вскочила Лёло съ постели, наскоро одѣлась и бросилась на колѣни передъ образами.

Долго промолилась-бы Лёло, еслибъ не проснулся генералъ и не поднялъ гвалтъ, увидѣвъ жену на колѣняхъ.

— Что это, душка моя! Что ты дѣлаешь? Ты на колѣняхъ? Какъ это можно! Ты убьешь себя и нашего амурчика... Встань, встань скорѣй! закричалъ старикъ съ кровати испуганнымъ голосомъ.

Лёло проворно вскочила и выбѣжала изъ спальни.

— Не бѣгай, не бѣгай! простоналъ ей вслѣдъ Сергѣй Александровичъ, трясясь, какъ въ лихорадкѣ.

Послѣ чая Лёло первый разъ самой пришло желаніе посидѣть у Елизаветы Никитишны. Войдя въ комнату старушки, Лёло застала ее всю въ слезахъ.

— Ахъ! ma chére, мой маленькій городъ! Мой маленькій городъ! Его нѣтъ, его разорили. Его нѣтъ. Теперь насъ разорятъ и насъ не будетъ. Я боюсь! Я боюсь!

— Что это, кто напугалъ Елизавету Никитишну? строго спросила Лёло у стараго Фомки, который, заложа руки за спину, грѣлся у печки.

— Да кто ихъ пугалъ-съ, никто не пугалъ-съ, развѣ я позволю ихъ кому пугать-съ? флегматически отвѣтилъ старикъ.

— Такъ, вѣрно, Елизавета Никитишна видѣла страшный сонъ?

— И сна онѣ никакого не видали-съ. Это онѣ объ мурашахъ плачутъ-съ.

— О какихъ мурашахъ?

— Извѣстно, какіе мураши бываютъ... Вотъ онѣ хлѣбъ, да сласти въ свою кроватку все прячутъ-съ, вотъ мураши-то и завелись... А я вчера ткнулъ носомъ неряху Афимью, она перины-то всѣ подняла, булки-то всѣ повыкидала, все обмыла, вычистила, мурашей-то и нѣтъ, вотъ онѣ и плачутъ.

— Не слушай его, ma chère, онъ все вретъ, это не мураши были, это былъ маленькій городъ, въ немъ жили маленькіе люди, я ихъ такъ любила, они были такіе добрые, все ходили по мнѣ, а я на нихъ все глядѣла... а теперь ихъ нѣтъ. Ихъ злая Афимья вымыла, вычистила. Вотъ теперь и насъ разорятъ, и насъ не будетъ. Я боюсь...

— Нѣтъ, маменька, будьте спокойны, насъ никто не тронетъ.

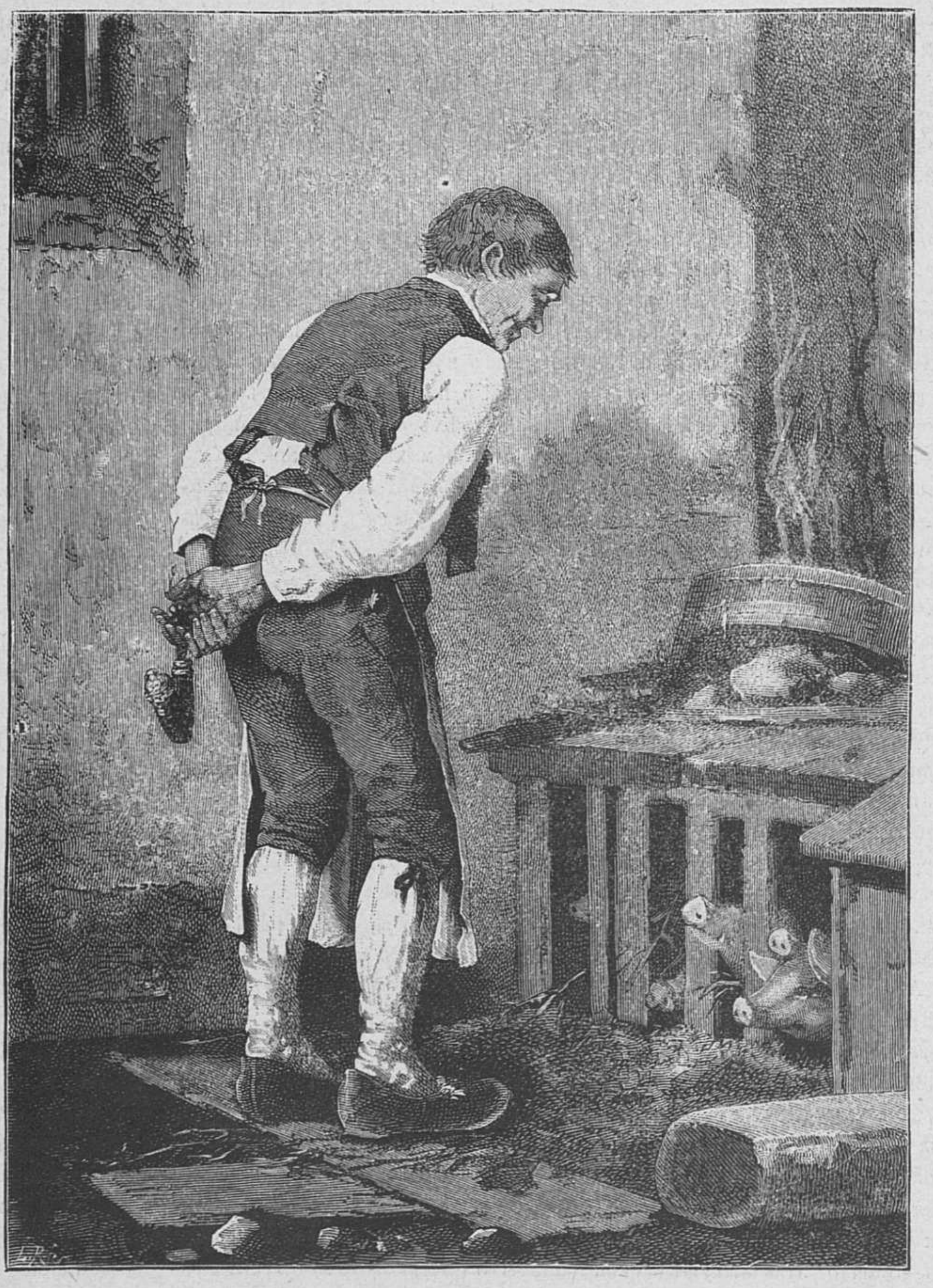
— Ахъ, ma chère, молчи, я знаю. Вотъ эти маленькіе люди жили на мнѣ, а эта дура Афимья и Фомка говорятъ, что это мураши. А тѣ большіе люди, на которыхъ мы живемъ, думаютъ, что мы мураши. Вотъ Афимья и этотъ дуракъ Фомка говорятъ, что это у меня въ булкѣ былъ не городъ, а гнѣздо мурашей. А большіе люди думаютъ, что не Дремино, не нашъ домъ, а гнѣздо мурашей. Вотъ, Афимья сдѣлала зло маленькимъ людямъ, которые на насъ живутъ, у нихъ былъ мирный уголъ, она пришла и разорила его, вымыла мочалкой, а за это придетъ большая, большая Афимья и вымоетъ насъ большой, большой мочалкой, и насъ не будетъ Ай, я боюсь! спрятавшись въ подушку, вскрикнула Елизавета Никитишна.

— И смѣхъ, и грѣхъ съ ними! невольно засмѣявшись и принимая серьёзный видъ, проговорилъ старый лакей.

— Вотъ онъ смѣется... Скажи ему, ma chère, что онъ дуракъ, что это грѣхъ дѣлать зло, что мы не одни и мураши не одни, что жизнь вездѣ, что все живетъ, съ одной стороны все меньше, меньше и меньше, и все жизнь, и нѣтъ конца, и вся сила дѣлать добро и зло... А съ другой стороны, все больше, больше и больше, и все жизнь, и тутъ есть конецъ, и тутъ расплата за добро добромъ, а за зло зломъ! . медленно, разводя руками и уставивъ свои мутные глаза на Лёло, полушопотомъ говорила Елизавета Никитишна.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

СЪ КАРТИНЫ В. РЁГГЕ.



Радость.

Рѣзано на деревѣ въ Берлинѣ.

Лёло стало страшно, холодно; блѣдная, какъ смерть, прошла она изъ комнаты старушки въ маленькую диванную и сѣла у окна.

— Эта Матрена, этотъ страшный сонъ, эти мураши,—все это не даромъ, думала Лёло, закрывъ себѣ лицо руками.

Болтовня Матрены, страшный сонъ, безумныя слова Елизаветы Никитишны — все слилось въ головѣ Лёло въ какой-то новый, смутный сонъ на яву.

— Я грѣшница, грѣшница и нѣтъ мнѣ прощенія!.. качаясь, шептала она и слезы капали съ рукъ ея.—Я пришла въ мирный уголъ, къ доброму старику и разорила его счастье. Онъ любитъ меня... я люблю другого... Онъ радуется, что у него будетъ дитя... а дитя не его... Я обманщица! Я грѣшница! Ты хочешь образумить меня, Господи; устами нищей духомъ ты сказалъ мнѣ: «за зло—зло»... Вѣрую, Господи! Накажи меня!.. Я перенесу все... Но не убей моего ребенка... Дай мнѣ взглянуть на него. Дай мнѣ прижать его къ моему сердцу! глядя на небо, рыдая и ломая себѣ руки, едва слышно говорила Лёло. —Я буду покорна, Господи!.. я буду молиться... я буду вѣрная жена... хочешь, Господи, я брошу...

Лёло хотѣла выговорить «Петю», но вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Петя! вскрикнула Лёло и прильнула къ стеклу.

Мимо оконъ пронеслась лихая тройка и Петръ Петровичъ, высунувшись изъ кибитки, ласково кивнулъ ей головой.

Черезъ двѣ минуты Петръ Петровичъ стоялъ въ дверяхъ диванной.

— Я не могу! Я не могу! почти вскрикнула Лёло и повисла у него на шеѣ.

— Что съ тобой? Чего ты не можешь, Лёлечикъ?

— Не могу не любить тебя! цѣлуя въ замерзлые усы Петра Петровича, прошептала Лёло.

— А кто-же не велитъ тебѣ любить меня? Ты вся заплакана, что́ случилось?

— Ничего, ничего, Петя... я виновата... прости меня! я сама хотѣла разлюбить тебя...

— И не можешь?.. и довольно, я прощаю!

— Петя, я все хочу разсказать тебѣ.

— Послѣ, послѣ, Лёлечка. Скажи мнѣ теперь только: ты безъ меня была здорова? Все обстоитъ благополучно?

— Я была здорова.

— Молодецъ! поцѣлуй меня, вытри глазки и потерпи часокъ... Полно быть бариномъ, пора быть холопомъ... Надо идти къ генералу.

— Петя, я хотѣла поговорить съ тобой!

— Наговоримся, Лёлечикъ... приходи къ генералу, будемъ распаковывать приданое малютки... приходи! сказалъ Петръ Петровичъ, кивнулъ Лёло головой и пошелъ въ кабинетъ Сергѣя Александровича.

Лёло, сладко улыбаясь, глядѣла ему вслѣдъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Общественные порядки муравьевъ.

(***Продолженіе.***)

Общественное устройство муравьевъ имѣетъ характеръ чистой республики; у пчелъ устройство такое, которое можно сравнить съ конституціонной монархіей. Муравьиное государство есть рабочее государство въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Главную роль въ немъ играютъ безкрылые безполые муравьи, тогда какъ крылатые самки и самцы держатся только для того, чтобы производить потомство, и находятся въ подневольномъ, зависимомъ состояніи. Ихъ содержатъ, кормятъ, оберегаютъ, но никакихъ общественныхъ обязанностей имъ не ввѣряется и вся ихъ дѣятельность ограничивается только низшей и вовсе не умственной ролью. Впрочемъ, названіе «безполые» не совсѣмъ идетъ къ рабочимъ муравьямъ. Въ дѣйствительности это самки съ испорченными производительными органами, у которыхъ умственныя качества развились на счетъ физическихъ. Такимъ образомъ, государство муравьевъ есть женское царство, нѣчто въ родѣ государства амазонокъ, гдѣ всѣ учрежденія имѣютъ на столько общественный характеръ, что семейная жизнь исчезаетъ и воспитаніе дѣтей возведено въ общественный принципъ.

Мужчины и женщины, какъ мы уже сказали, не отличаются у муравьевъ особеннымъ умственнымъ развитіемъ. Они живутъ внутри муравейника подъ надзоромъ рабочихъ муравьевъ и даже свое прямое назначеніе выполняютъ не иначе, какъ съ разрѣшенія рабочаго населенія и тоже подъ его надзоромъ. Въ теплый солнечный день позволяютъ мужчинамъ и женщинамъ выйдти на поверхность муравейника, гдѣ они и прогуливаются, вѣроятно, для здоровья. При этомъ ихъ окружаютъ рабочіе муравьи и смотрятъ особенно зорко, чтобы они какъ-нибудь не улетѣли. Самцы по умственнымъ качествамъ стоятъ далеко ниже самокъ, они такъ тупы, что не только неспособны ни къ какой работѣ, но даже не могутъ защищаться противъ враговъ. Форель думаетъ, что самцы не способны даже отличить рабочихъ своего собственнаго муравейника отъ рабочихъ враждебнаго. Если попортить муравейникъ, то самцы стараются запрятаться во всякія щели и дырочки и никакъ не могутъ найдти дорогу въ свои галереи, тогда какъ самки умѣютъ сдѣлать это очень хорошо. Самки уже давно спрячутся, а самцы все еще бѣгаютъ взадъ и передъ, не зная, куда имъ дѣться, пока на помощь къ нимъ не явятся рабочіе муравьи и не уведутъ въ гнѣздо.

Самки при случаѣ помогаютъ рабочимъ муравьямъ, а самцы никогда; впрочемъ, въ оправданіе самцовъ нужно прибавить, что они слишкомъ малы и слабосильны. При случаѣ самки помогаютъ рабочимъ муравьямъ даже переносить личинокъ и куколокъ. При общемъ паническомъ бѣгствѣ муравейника самки догадываются бѣжать за рабочими муравьями, тогда какъ у самцовъ не достаетъ смысла и на это. Бываютъ случаи, что самки представляютъ неопровержимое доказательство своего мужества и ума, хотя въ этомъ отношеніи онѣ стоятъ далеко ниже рабочихъ муравьевъ. Самки умѣютъ отличить и враговъ отъ друзей. По величинѣ своей самки вдвое болѣе самцовъ и обыкновенно нѣсколько болѣе рабочихъ муравьевъ.

Когда самки выползаютъ на верхъ кучи въ обществѣ своихъ будущихъ супруговъ, вѣроятно, чтобы сдѣлать соотвѣтственные выборы и плѣнить сердца другъ друга, рабочіе муравьи, проникнутые важностью задачи, предстоящей самкамъ и самцамъ, наблюдаютъ за ними со всею заботливостію, какой заслуживаетъ это важное дѣло, и при малѣйшемъ признакѣ опасности уводятъ ихъ въ глубину муравейника. Подобныя асамблеи дѣлаются нѣсколько дней сряду, но всегда съ разрѣшенія рабочихъ муравьевъ. Затѣмъ въ одинъ изъ теплыхъ дней іюля или августа устраивается свободный полетъ. Чтобы свободное торжество могло совершиться съ большими удобствами, увеличивается число выходовъ изъ муравьиной кучи и когда всѣ мѣры для удобства и порядка приняты, рабочіе муравьи разрѣшаютъ женихамъ и невѣстамъ выйдти на поверхность муравейника. Въ муравейникѣ поднимается усиленное движеніе и вся поверхность покрывается выползшими самками и самцами. Наиболѣе нетерпѣливыя изъ самокъ спѣшатъ расправить свои крылья и подняться въ воздухъ, другія подражаютъ имъ; мужчинки, преслѣдуя своихъ прекрасныхъ дамъ, дѣлаютъ тоже и, наконецъ, весь рой поднимается въ воздухъ густымъ облакомъ иногда на очень значительную высоту.

Днемъ полета выбирается обыкновенно теплый, ясный и спокойный день, не рѣдко день послѣ грозы или бури, когда несомнѣнно, что нельзя ждать ни дождя, ни вѣтра. Такъ какъ подобный день выбираетъ не одна колонія, а нѣсколько находящихся въ одной и той-же мѣстности, то рои иногда бываютъ такого большого размѣра, что издали полеты муравьевъ можно принять за столбъ дыма отдаленнаго пожара. Рои, прежде чѣмъ они сядутъ на колокольню или на вершину дерева или на другой какой-нибудь высокій предметъ, носятся въ воздухѣ нѣсколько часовъ и тутъ-же на воздухѣ самцы достигаютъ той цѣли, ради которой они сопровождали своихъ дамъ.

Но увы, за пріятнымъ началомъ слѣдуетъ печальный конецъ. Когда свадебный полетъ возвращается на землю, то тунеядцы мужчины, не способные прокормить себя, погибаютъ самымъ постыднымъ образомъ. Они умираютъ съ голоду или дѣлаются жертвою птицъ, пауковъ и т. п., не мало изъ нихъ погибнетъ и отъ враждебныхъ муравьевъ. Рабочіе муравьи ихъ колоніи со времени возвращенія самцовъ на землю утрачиваютъ въ нихъ всякій интересъ и перестаютъ объ нихъ не только заботиться, но и думать. Они очень хорошо знаютъ, что теперь, послѣ исполненія своего назначенія, тунеядствующіе самцы будутъ только объѣдалами и лишнимъ бременемъ. Этотъ строгій эгоистическій принципъ—«кто не работаетъ, тотъ не долженъ и ѣсть», за который можно бы обвинить муравьевъ въ излишней жестокости, проводится у пчелъ еще послѣдовательнѣе. Впрочемъ, и большинству возвратившихся самокъ живется не лучше, чѣмъ ихъ супругамъ. Самокъ оказывается слишкомъ много, чтобы каждая изъ нихъ могла найдти для себя дѣло. Нѣкоторымъ изъ нихъ удается на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ опустились изъ воздуха, вырыть углубленіе во влажной землѣ, гдѣ самка и превращается въ родоначальницу новой колоніи. Чтобы исполнить это назначеніе, самка прежде всего дѣлаетъ операцію съ крыльями, которыя ей были нужны для свадебнаго полета, но теперь не только не нужны, но даже и вредны. Она складываетъ крылья одно на другое, захватываетъ ихъ ногами и крутитъ до тѣхъ поръ, пока они отвалятся. Эта операція удается самкѣ безъ особеннаго труда и даже, кажется, безъ особенной боли, потому что крылья прикрѣплены къ тѣлу довольно слабо. Окончивъ операцію, самка превращается въ такъ называемую «королеву» и частью она дѣйствительно становится представительницею королевства, потому что рабочіе муравьи, явившись за нею, принуждаютъ ее возвратиться въ муравейникъ, гдѣ она и удерживается для выполненія высшей роли, возложенной на нее природою—кладки яицъ.

Форель думаетъ, что королевами дѣлаются не тѣ самки, которые участвовали въ свадебномъ полетѣ, а тѣ, оплодотвореніе которыхъ совершилось или внутри муравейника, или на поверхности его. Самки, участвовавшія въ полетѣ, не только никогда не возвращаются въ свое гнѣздо, но даже чувствуютъ къ нему отвращеніе. Удерживая для продолженія рода самокъ, свадьба которыхъ была внутри гнѣзда или на его поверхности, рабочіе муравьи сохраняютъ этой мѣрой чистокровность своего муравейника.

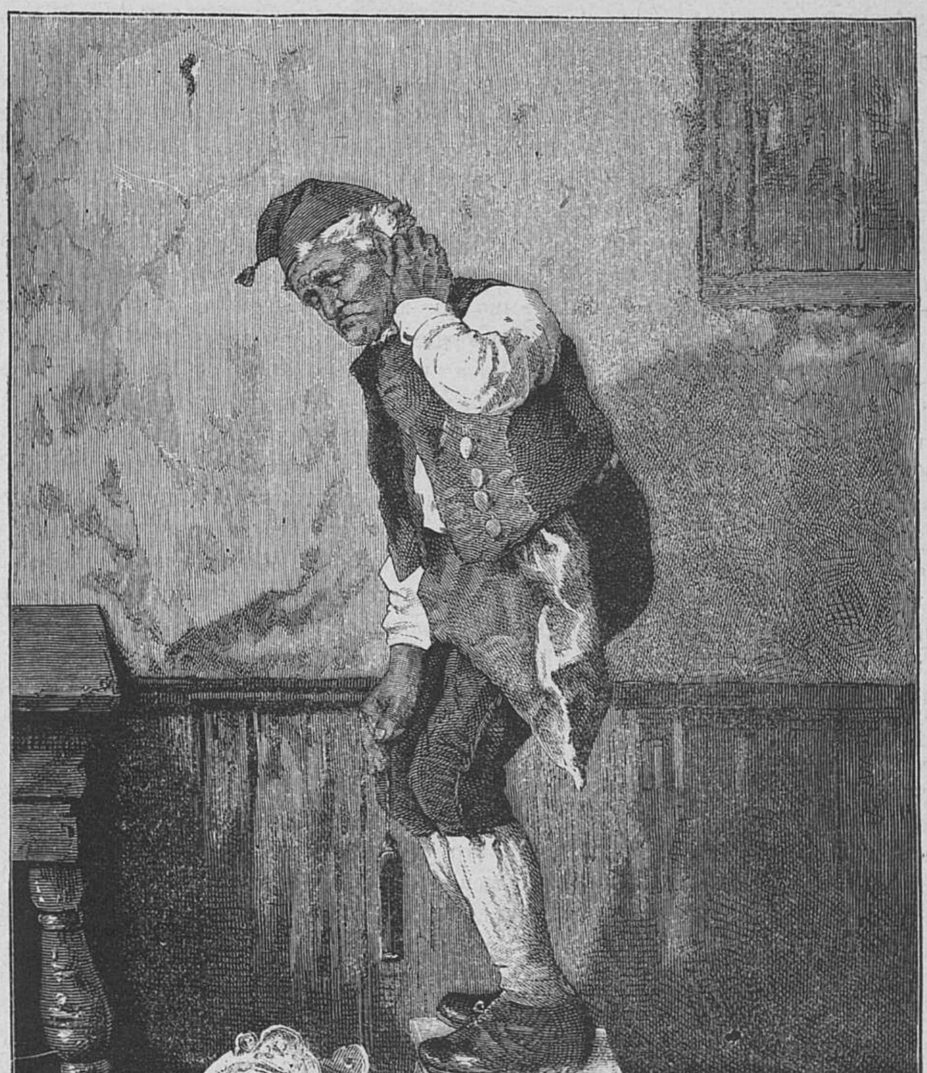
Если бы муравьи брали въ королевы самокъ изъ воздушнаго роя, то контролировать чистокровность плода было бы довольно трудно.

Удержанныя самки очень скоро привыкаютъ къ своему заключенію и не дѣлаютъ никакихъ попытокъ, чтобы улетѣть или убѣжать. Случается, что такихъ самокъ бываетъ одна, а иногда число ихъ доходитъ до 20, 30 и даже болѣе. Удержанныя самки избавляются даже отъ труда самимъ себѣ откручивать крылья. Эту операцію берутъ на себя рабочіе муравьи, которые значительно ее упрощаютъ: они по просту отгрызаютъ или отрываютъ крылья королевъ.

Уходъ за королевой—дѣло довольно сложное, при каждой королевѣ полагается придворный

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

СЪ КАРТИНЫ В. РЁГГЕ.



Горе.

Рѣзано на деревѣ въ Берлинѣ.

штатъ изъ 10 или болѣе работницъ, которыя постоянно сопровождаютъ ее и изображаютъ собою настоящую лейбъ-гвардію, ибо во время переходовъ королевы покрываютъ ее до того своимъ тѣломъ, что той почти не видно. Эти-же самыя фрейлины кормятъ королеву и собираютъ положенныя ею яйца. При такомъ тщательномъ и слишкомъ предупредительномъ уходѣ королевѣ почти не представляется случаевъ проявить свою собственную волю. Ея королевское достоинство выражается не столько въ повелѣніяхъ, сколько въ послушаніи. Вниманіе-же, которое оказывается королемъ, дѣлается не ради ея лично, а только ради потомства, которое отъ нея ожидается.

Заботы о потомствѣ составляютъ главную жизненную задачу рабочаго муравейника. Любопытно, что подобный могущественный общественный инстинктъ развивается съ необыкновенною силою у такихъ индивидуомовъ, которые вслѣдствіе своей безполости не въ состояніи создать своей собственной семьи и потому единоличную семью замѣняютъ семьей общественной. Главная обязанность рабочихъ самокъ заключается въ уходѣ за яйцами, которыя, по словамъ Губера, ростутъ необъяснимымъ образомъ. Такъ какъ работницы складываютъ яйца небольшими кучками и безпрестанно ихъ лижутъ, то ростъ яичекъ совершается, вѣроятно, проникновеніемъ питательнаго вещества снаружи внутрь. Если отнять отъ работницъ яйца, то послѣднія начинаютъ сохнуть и совершенно пропадаютъ; изъ чего и нужно заключить, что уходъ работницъ безусловно нуженъ для поддержанія жизни въ яйцахъ. Работницы во время няньчанья съ яйцами переносятъ ихъ въ разные этажи, чтобы уберечь ихъ то отъ холода, то отъ жара, то отъ влажности; наконецъ, дней черезъ 40 вылупляются изъ яицъ маленькіе, бѣлые, почти неподвижные червячки безъ глазъ и безъ ногъ. Только тщательный уходъ можетъ поддержать жизнь въ такихъ безпомощныхъ существахъ и потому понятно, что рабочіе заботятся о червячкахъ еще болѣе, чѣмъ о яйцахъ. По поводу этого ухода Бланшаръ замѣчаетъ, что невозможно найдти кормилецъ болѣе внимательныхъ и заботливыхъ, чѣмъ муравьи. Личинки почти не въ состояніи двигаться, онѣ не могутъ сами перемѣнить своего мѣста, не могутъ даже сами добыть себѣ пищу, поэтому онѣ находятся въ полнѣйшей зависимости отъ своихъ кормилецъ, которыя кормятъ ихъ совершенно такъ-же, какъ кормятъ птицы своихъ птенцовъ, и личинкамъ остается только проглатить сокъ, который положатъ имъ въ ротъ.

Кромѣ того рабочіе муравьи постоянно лижутъ личинокъ и переносятъ ихъ изъ одного этажа въ другой. Утромъ ихъ несутъ въ верхній этажъ, чтобы отогрѣть на солнечной теплотѣ, а нѣсколько позже, когда солнце начинаетъ палить, уносятъ въ нижніе этажи, чтобы защитить отъ излишняго зноя. Переносы эти соображаются съ атмосферическими явленіями. Изумительна нѣжность и осторожность, съ которой муравьи берутъ личинки своими твердыми челюстями. Никогда они ихъ не сдавятъ, не уронятъ, не ушибутъ о твердыя стѣны муравейника.

Когда личинки выросли, что случается въ тоже лѣто, а иногда и въ слѣдующую весну, онѣ превращаются въ куколокъ или въ такъ называемыя муравьиныя яйца. Куколки хотя и не берутъ пищи, но тѣмъ не менѣе не могутъ обойдтись безъ ухода. Такъ-же какъ личинокъ, ихъ чистятъ, облизываютъ и въ хорошіе свѣтлые дни выносятъ на воздухъ. Когда солнечные лучи начинаютъ падать на муравейникъ, то муравьи, находящіеся снаружи или на часахъ, даютъ знакъ внутрь муравейника и рабочіе съ необыкновенной поспѣшностью вытаскиваютъ куколокъ на поверхность муравейника. Подержавъ ихъ на воздухѣ, рабочіе уносятъ ихъ въ верхній этажъ, а потомъ и еще ниже. Муравьи возятся при этомъ съ дѣтенышами, точно кошки съ котятами, а въ случаѣ опасности они защищаютъ ихъ съ истиннымъ самопожертвованіемъ. Если, напримѣръ, сдѣлать дыру въ муравейной кучѣ, то первое, что представится глазу наблюдателя, это куколки, лежащія въ верхнемъ этажѣ. Какъ только случилась бѣда и куколки покатились внизъ, муравьи, находящіеся поблизости, бросаются немедленно на помощь. Каждый муравей схватываетъ личинку или куколку и торопится унести ее. Еще одно мгновеніе и распространившаяся повсюду тревога вызываетъ изъ глубины муравейника сотни муравьевъ. Они накидываются на остальныхъ личинокъ и куколокъ и исчезаютъ съ ними быстро во внутреннее помѣщеніе. Окончивъ переноску яицъ и личинокъ, муравьи принимаются за починку и поправку и дѣлаютъ все это такъ быстро и съ такою ловкостью, что черезъ часъ нельзя уже догадаться, что муравейникъ былъ поврежденъ.

Помощь рабочихъ муравьевъ необходима куколкамъ въ то время, когда изъ нихъ выползаютъ личинки. Большинство личинокъ не въ состояніи освободиться изъ кокона и дѣлаютъ обыкновенно тщетныя усилія, чтобы прорвать оболочку. Случается и такъ, что онѣ выползутъ только частію, но выползти вполнѣ у нихъ не достаетъ силъ; тогда рабочіе муравьи разрываютъ челюстями коконъ и вытаскиваютъ народившагося муравья. Любопытно, что муравьи не обращаютъ никакого вниманія на время зрѣлости коконовъ и освобождаютъ молодыхъ муравьевъ то позже, то раньше. Понятно, что насѣкомыя гибнутъ, если они освобождены слишкомъ рано или слишкомъ поздно. Это обстоятельство любопытно въ томъ отношеніи, что муравьями, какъ видно, не управляетъ инстинктъ, а иначе они не дѣлали бы такой грубой ошибки. Пустые коконы выносятся муравьями изъ муравейника; а нѣкоторыя породы употребляютъ ихъ какъ матеріалъ для построекъ.

Молодые муравьи, вылупившись изъ яицъ, далеко не обладаютъ знаніями и способностями старыхъ муравьевъ и это обстоятельство служитъ новымъ опроверженіемъ теоріи инстинкта. Начальное воспитаніе заключается въ томъ, что молодыхъ муравьевъ учатъ находить себѣ пищу, чтобы дать имъ понятіе о домашнемъ хозяйствѣ и домашнихъ работахъ. Затѣмъ ихъ пріучаютъ отличать враговъ отъ друзей и сражаться за свой муравейникъ. Эта часть воспитанія имѣетъ цѣлью вложить въ молодыхъ муравьевъ чувство сознанія о принадлежности ихъ къ извѣстному роду или извѣстной колоніи. Вначалѣ молодые муравьи не принимаютъ дѣятельнаго участія въ военныхъ предпріятіяхъ. Если колонію осаждаетъ или на нее дѣлаетъ нападеніе другой враждебный муравейникъ, молодые муравьи, которыхъ легко отличить по ихъ свѣтлому цвѣту, не принимаютъ участія въ дѣлѣ, которое еще вовсе не по ихъ силамъ; они или уносятъ куколокъ или спасаются бѣгствомъ.

Чтобы доказать, что муравей развивается воспитаніемъ, а не дѣйствуетъ подъ вліяніемъ инстинкта, Форель дѣлалъ слѣдующій опытъ. Онъ помѣстилъ молодыхъ муравьевъ 3-хъ различныхъ породъ и куколокъ 6-ти породъ въ стеклянный шаръ. Выбраны были преимущественно враждебныя породы. Кусочекъ стекла и влажная земля составляли весь инвентарь этой искуственной колоніи. Сейчасъ-же по водвореніи молодые муравьи принялись за совмѣстную работу безъ всякихъ ссоръ и пререканій;—они перетащили куколокъ подъ стекло и сами тамъ водворились. Только одинъ, болѣе темный и, слѣдовательно, болѣе возрастный муравей отдѣлился отъ прочихъ и отнесъ своихъ куколокъ въ сторону. Форель пытался нѣсколько разъ приблизить этого неуживчиваго муравья къ другимъ, но онъ всякій разъ уходилъ въ свой уголъ. Сообразилъ-ли муравей, наконецъ, что его враждебность не приведетъ ни къ чему хорошему, но онъ кончилъ тѣмъ, что соединился съ остальными муравьями. Когда куколки созрѣли, молодые муравьи начали помогать имъ вылупляться, не обращая особеннаго вниманія на то, принадлежатъ-ли они къ врагамъ или друзьямъ. Впрочемъ, Форель замѣтилъ, что муравьи охотнѣе ухаживали за куколками своей породы; опытъ во всякомъ случаѣ удался Форелю вполнѣ и въ его искуственномъ муравейникѣ муравьи 5 различныхъ породъ устроились дружески и жили безъ вражды. 10 дней спустя, когда вылупившіеся муравьи потемнѣли Форель, перенесъ колонію на свободу и помѣстилъ ее въ трещину стѣны. Чтобы усилить муравейникъ, Форель взялъ нѣсколько молодыхъ муравьевъ тѣхъ же породъ изъ другихъ муравейниковъ, но прежніе ихъ не приняли. Они сначала грозили имъ своими челюстями, а затѣмъ выносили вонъ и эта исторія повторилась нѣсколько разъ. Искуственно устроенный муравейникъ желалъ, очевидно, оставаться независимой колоніей и не принимать къ себѣ никого со стороны.

Воспитаніе молодыхъ муравьевъ идетъ довольно скоро и у нѣкоторыхъ породъ дня черезъ 4 молодые удовлетворительно умѣютъ отличать враговъ отъ друзей. Эта-то быстрота и заставила думать, будто-бы муравьи являются на свѣтъ съ готовыми знаніями.

Судя потому, что возрастъ, сила, опытность даетъ старымъ муравьямъ преимущество передъ молодыми, слѣдовало-бы думать, что въ республикѣ муравьевъ должно существовать извѣстное личное неравенство. Но самые внимательные наблюдатели утверждаютъ, что муравьи не признаютъ никакихъ властей, не имѣютъ предводителей и что въ муравейникѣ царитъ принципъ равнаго достоинства. Сознаніе долга есть единственная сила, охраняющая внутренній порядокъ каждаго муравейника и исполнительность гражданъ. Губеръ, да и другіе наблюдатели говорятъ, что у муравьевъ никогда не бываетъ предводителей; даже надъ рабами муравьи не позволяютъ себѣ ни малѣйшаго насилія. Губеру ни разу не случилось видѣть, чтобы какой-нибудь муравей позволилъ себѣ играть повелѣвающую роль по отношенію къ своимъ товарищамъ. Если муравей большого роста служитъ предметомъ вниманія со стороны другихъ муравьевъ, то этимъ нисколько не нарушается принципъ равенства муравейной республики и если болѣе крупные муравьи идутъ во главѣ колонны во время военнаго похода, то только потому, что они могутъ оказать болѣе существенныхъ услугъ, чѣмъ муравьи слабые и маленькіе. Но при постройкахъ и другихъ домашнихъ работахъ не замѣчается никакой разницы въ дѣятельности муравьевъ различныхъ силъ. Мелкіе муравьи, впрочемъ болѣе прилежны, тогда какъ муравьи крупные оказываются какъ будто болѣе способными для военныхъ услугъ и потому обнаруживаютъ болѣе военныя наклонности. Воины или солдаты, выдѣляющіеся между нѣкоторыми европейскими и преимущественно между тропическими породами въ особую касту, никогда не играютъ первенствующей роли и подчиняются безусловно гражданскому порядку и служатъ общему интересу муравейника.

Что касается такъ называемой королевы, она, какъ мы уже говорили, не проявляетъ ни въ чемъ своего личнаго авторитета и вообще не принимаетъ никакого участія въ общественныхъ работахъ. Наслаждаясь полнѣйшей умственной и физической праздностью, она занимается только кладкой яицъ. Впрочемъ, къ чести муравьиныхъ королевъ нужно прибавить, что когда ихъ принуждаетъ нужда, онѣ не стыдятся трудиться и работаютъ наравнѣ съ своими подданными. Леспесъ наблюдалъ одинъ муравейникъ, въ которомъ было всего 60 работницъ и на нихъ приходилось не менѣе 20 королевъ. Конечно, такое странное отношеніе не особенно говоритъ въ пользу прославленной цѣлесообразности природы, но съ другой стороны и сами муравьи постарались поправить ошибку природы. Равновѣсіе возстановилось тѣмъ, что королевы, забывъ свое королевское достоинство, приняли участіе во всѣхъ работахъ своихъ подданныхъ. Если сравнивать въ этомъ отношеніи муравьевъ съ людьми, то, конечно, придется отдать преимущество муравьямъ. Напримѣръ, въ негритянскихъ государствахъ Африки, да и въ Европѣ въ средніе вѣка, одинъ князекъ приходился человѣкъ на 100 подданныхъ, но ни въ одномъ изъ нихъ никогда не проявлялось мужество и душевное благородство муравьевъ. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что качества муравьевъ обращали на себя вниманіе еще въ глубокой древности и Соломонъ не безъ основанія посылалъ людей учиться мудрости у муравьевъ.

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Глава IV.

Похожденія Жюля Минге.

Жюль, возвращаясь въ свою меблированную комнату, чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ. Ему все представлялось въ розовомъ свѣтѣ. Онъ былъ у торговки Шено, пока прелестная Орели де-Марби почивала. Шено, старая торговка, имѣла собственный, укромно стоявшій домишко, у котораго было два входа; съ одной стороны домъ этотъ напоминалъ жалкое жилище лоскутника; въ немъ было двѣ лавки: одна заваленная старою мебелью и всевозможнымъ хламомъ; другая переполненная бѣльемъ, платьемъ, кружевами. Въ эту послѣднюю приходили наряжаться красавицы Элизе-Монмартра и въ особенности пѣвицы концертныхъ ресторановъ. Онѣ получали тамъ бальныя платья, надеванныя по одному или по два раза и стоившія тысячи франковъ; Шено уступала ихъ за полцѣны, съ помѣсячной разсрочкой платы. Съ другой улицы домъ имѣлъ совсѣмъ иной видъ. Это былъ уютный, маленькій домикъ съ палисадникомъ. У дверей были прибиты двѣ желтыя доски и на одной изъ нихъ стояло: «Меблированныя комнаты». Маленькая дверь, ключъ отъ которой хозяйка всегда держала при себѣ, соединяла обѣ части дома.

Мы не станемъ рисовать портрета г-жи Шено и передадимъ только то, что говорилось въ кварталѣ о ней и объ ея торговлѣ. О теткѣ Шено говорили, что она вела самую скандалезную жизнь, а подъ старость она почувствовала ужасъ и отвращеніе къ людямъ ея возраста и любила только молодыхъ, сильныхъ, здоровыхъ; она увѣряла, что сама молодѣетъ въ ихъ обществѣ, и сосѣди разсказывали, что она постоянно принимала къ себѣ молодыхъ людей. У сосѣдей она пользовалась глубокимъ презрѣніемъ, но такъ какъ она была религіозна, а религія предписываетъ прощеніе обидъ, то она жила спокойно.

Разсказывали еще, что Шено продавала наряды молоденькимъ работницамъ, которыя входили къ ней входомъ черезъ лавку одѣтыя просто въ юбки и въ кофточки, съ сѣткой на головѣ, въ стоптанныхъ ботинкахъ, а выходили на слѣдующій день другимъ выходомъ расфранченныя въ шелкахъ.

Сосѣди величали Шено «сводней», но, конечно, только потому, что она два раза сидѣла въ тюрьмѣ: въ первый разъ — два мѣсяца, во второй — четыре. Охъ, ужь эти сосѣди! Говорили еще, будто Шено скупаетъ краденныя вещи у нечистыхъ на руку служанокъ и будто полиція смотритъ на все это сквозь пальцы, благодаря тому, что у этой женщины есть сильныя знакомства.

Но если у Шено было много враговъ, за то не было недостатка и въ защитникахъ. Люди, садившіеся возлѣ нея въ церкви по воскресеньямъ, увѣряли, что она женщина нравственная. Въ доказательство они приводили слѣдующій фактъ: Шено отдала въ наймы комнату одному молодому человѣку для любовныхъ свиданій съ замужней женщиной; но въ тоже время, возмущенная такимъ безнравственнымъ поведеніемъ молодой женщины, она выдала или продала, какъ говорятъ иные, ея тайну мужу.

Словомъ, Шено была женщина дѣловая и добывала много денегъ.

Къ этой-то мужественной женщинѣ, презиравшей злословіе, явился въ одно прекрасное утро Жюль Минге съ чемоданами, наполненными парадными платьями Орели.

— А! красавецъ Жюль! вскричала старуха, увидѣвъ его. — Ты сталъ у меня рѣдкимъ гостемъ... Какъ ты перемѣнился, Жюль! А какимъ красавцемъ я знала тебя! Ты все развратничаешь?

— А ты, Шено, не худѣешь, замѣтилъ Жюль,

Это замѣчаніе видимо не понравилось старухѣ.

— Ты думаешь, что люди худѣютъ, когда тебя не видятъ? Слава Богу, у меня еще довольно обожателей, даже больше, чѣмъ нужно.

— Еще бы! смотри, нищета-то теперь какая! нагло отрѣзалъ грубіанъ.

Шено вздрогнула всею своей масой и готова была отвѣтить, но Жюль не допустилъ ее до этого; онъ громко расхохотался и, схвативъ ея голову обѣими руками, зажалъ ей ротъ звучнымъ поцѣлуемъ.

— Развѣ ты не видишь, Мели, что я шучу? Мнѣ вздумалось посердить тебя, потому что ты меня сконфузила. Ты прелестна, какъ никогда... Но слушай, я пришелъ по серьезному дѣлу. У меня есть для тебя чудесный случай купить платья, кружева — но какія!.. Я привезъ ихъ цѣлыхъ три чемодана; но только деньги сейчасъ...

— Покажи.

Жюль открылъ чемоданы и разложилъ передъ Шено роскошные наряды Орели. Съ каждымъ новымъ платьемъ, выходившимъ изъ чемодана, торговка суживала свои толстыя губы и посвистывала, ошеломленная такою роскошью; она дотрогивалась до шелковой ткани, до кружевъ, не вѣря своимъ глазамъ.

— Да гдѣ ты взялъ все это? спросила она, наконецъ.

— Ужь это мое дѣло; позволь не отвѣчать... Все это продается; желаешь пріобрѣсти? Сколько дашь?

— Не можетъ быть; ты не знаешь ни одной женщины, которая носила бы такія вещи. Говори, гдѣ ты это взялъ?

— Послушай, Шено, вѣдь я не спрашиваю у тебя, гдѣ ты берешь твою скорлупу. Все это мое, — ну, и довольно. Желаешь купить? Мнѣ некогда; черезъ часъ я долженъ быть дома.

— Сколько-же ты хочешь за все это?

— А сколько ты даешь? Еще я посмотрю, можно-ли все это тебѣ предоставить.

— Но кому-же ты посмѣешь это показать, кромѣ меня?

— Ну, довольно, Мели. Ты знаешь, что я не люблю этого. Ты какъ будто хочешь сказать, что я укралъ эти вещи. Довольно!

— Послушай, Жюль, ты продавецъ, тебѣ и цѣну назначать.

Шено пожирала глазами и ощупывала товаръ. Но все это было очень подозрительно. Наименѣе богатое изъ платьевъ стоило, по меньшей мѣрѣ, тысячу франковъ и даже по случаю нельзя было бы пріобрѣсть его дешевле, чѣмъ за половину. Но она не хотѣла назначать цѣны.

— Послушай, Жюль, продолжала она, — пожалуй, я куплю это, потому что мы старые пріятели; хотя въ настоящее время дѣла идутъ такъ плохо, что я ничего не покупаю. Но для тебя, такъ и быть, — куплю. Только цѣну я не могу сказать; все это, конечно, стоило дорого, но вѣдь ты знаешь, модныя вещи: разъ онѣ надеваны — онѣ уже потеряли всякую цѣну. Тебѣ сказали, что это стоитъ; скажи-же мнѣ твою цѣну и тогда я увижу. Если могу купить — куплю, а нѣтъ — увози.

Жюль ни за что не хотѣлъ вернуться съ пустыми руками. Незнакомый съ цѣнностью вещей, бывшихъ въ его рукахъ, онъ полагалъ, что каждый костюмъ долженъ стоить около двухъ сотъ франковъ, значитъ продать можно было за половину. Такимъ образомъ, за десять платьевъ приходилось получить тысячу франковъ. Эта сумма казалась ему слишкомъ крупной, но онъ ожидалъ, что Шено уменьшитъ ее.

— Слушай, Мели, отвѣчалъ онъ, — я пришелъ не торговаться съ тобой, я тебѣ довѣряю. Мнѣ сказали, что я долженъ выручить какъ можно больше денегъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ назначили цѣну, ниже которой я не могу спустить.

— Сколько-же?

Жюль сдѣлалъ усиліе, чтобы выговорить:

— Тысяча франковъ... ни одного сантима меньше.

Шено не могла скрыть своей радости; по всему ея грузному тѣлу пробѣжала замѣтная дрожь.

— Тысячу франковъ! Жирно! Впрочемъ, я не обману твоего довѣрія. Тебѣ къ спѣху... ну, такъ и быть, беру! Но помни, Жюль, что это только для тебя...

Старуха ушла за деньгами и, немного погодя, возвратилась и разложила на одномъ изъ чемодановъ десять столбиковъ луидоровъ.

— Вотъ!.. только для тебя.

— Спасибо, отвѣчалъ Минге, поспѣшно упрятывая деньги въ карманы. — Прощай, Мели.

— Но гдѣ-же ты пребываешь? сказала она, — мнѣ нуженъ твой адресъ.

— Это еще на что? Ты получила свое, а я свое... До свиданія.

Онъ ушелъ.

Шено простояла нѣсколько минутъ, задумавшись, потомъ принялась укладывать въ ящики платья и разсуждала вслухъ, сама того не замѣчая:

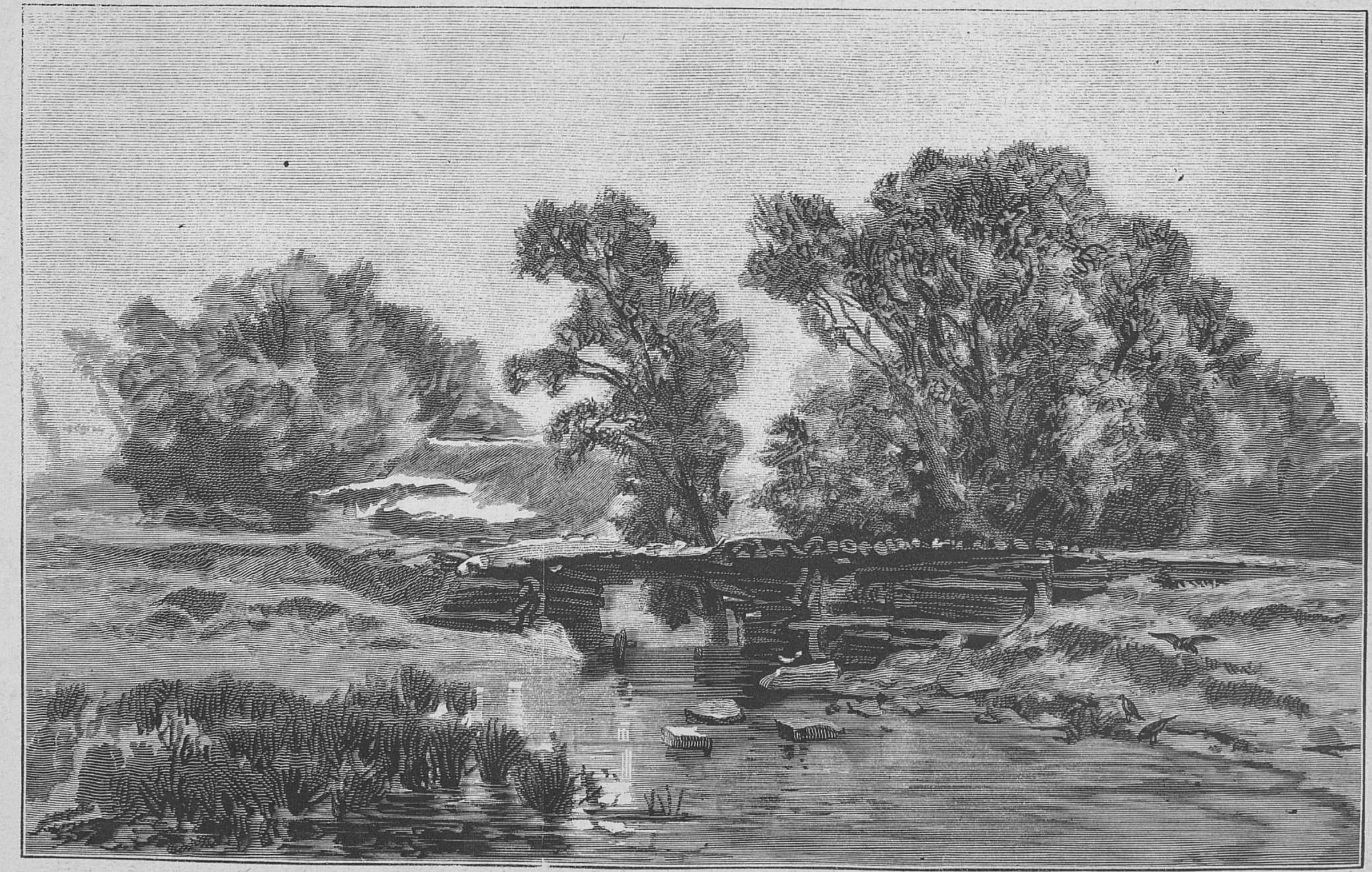
— Навѣрное, стянулъ. Даже не подозрѣваетъ, чего это стоитъ. Одно кружевное — пять тысячъ франковъ... Такъ я и растаяла передъ его прекрасными глазами! Не таковская! Г. Матье правду говоритъ, что ловкій человѣкъ никогда не останется безъ куска хлѣба... и всегда вывернется... Однако, нужно припрятать это кружевное платье... и это тоже... и это... Этихъ трехъ я не отдамъ даже за двѣнадцать тысячъ франковъ. Нужно ихъ спрятать, а на мѣсто ихъ положить три другія... вотъ эти, съ поддѣльными кружевами... Теперь чемоданы имѣютъ совершенно такой-же видъ, какъ въ то время, когда онъ принесъ ихъ.

Припрятавъ три самыя дорогія платья въ крошечную каморку, находившуюся между двумя половинами дома, Шено накинула на себя шаль, надѣла шляпку и, опустивъ вуаль, вышла изъ дома. Она заперла за собою дверь на ключъ.

— Я не хочу, чтобы меня считали скупщицей краденныхъ вещей, разсуждала она дорогой. —

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ Ф. ВАСИЛЬЕВА.

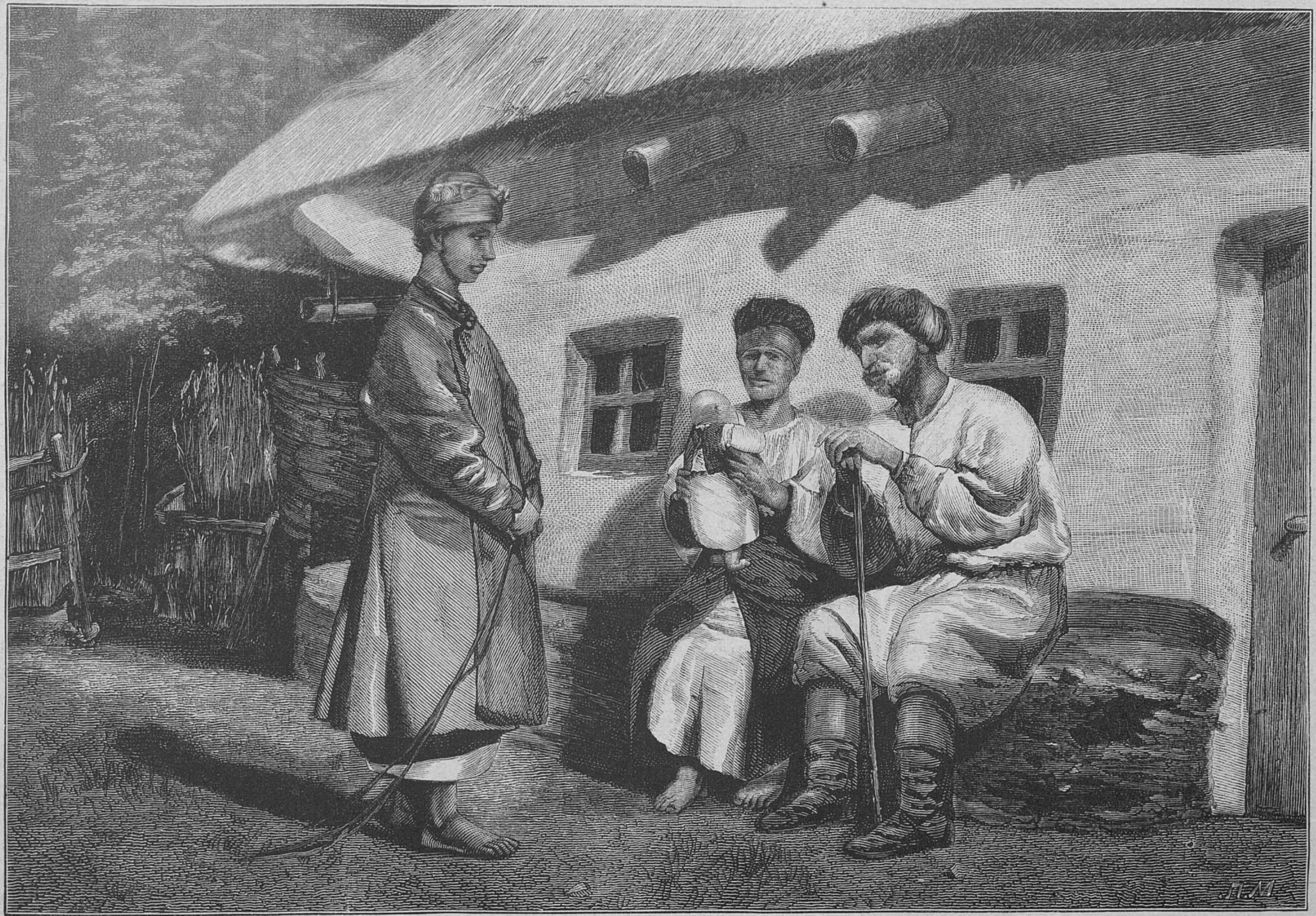


Деревенская дорога.

Рѣзалъ на деревѣ Скржимовскій.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ П. МАРТИНОВИЧА.



Наѣмичка. (Поэма Т. Шевченко.)

Рисовалъ на деревѣ авторъ; рѣзалъ **А. Шлиперъ.**

Нѣтъ сомнѣнія, онъ укралъ эти платья. Полиція разберетъ.

Дойдя до площади, гдѣ стояли фіакры, она прошлась мимо ряда экипажей и узнала кучера, который помогалъ Жюлю вносить чемоданы.

— Послушайте, обратилась она къ нему,— тотъ господинъ, котораго вы привезли ко мнѣ сегодня, забылъ у меня свой мѣшокъ. Не можете-ли вы сказать, гдѣ онъ нанялъ васъ? Я должна возвратить ему его собственность.

— Въ улицѣ Пануайо, сударыня, въ меблированныхъ комнатахъ, ближе къ срединѣ улицы, по лѣвой сторонѣ.

— Благодарю васъ.

Черезъ часъ Шено находилась въ полицейской префектурѣ, въ кабинетѣ начальника сыскной полиціи и говорила взволнованнымъ отъ негодованія голосомъ:

— Сегодня утромъ нѣкто Жюль Минге привезъ ко мнѣ три чемодана съ десятью шелковыми бальными платьями, съ отдѣлкой изъ поддѣльныхъ кружевъ, которыя стоятъ, по меньшей мѣрѣ, шесть или семь тысячъ франковъ. Онъ предложилъ мнѣ купить ихъ всѣ за тысячу франковъ. Я заплатила деньги и желала-бы возвратить ихъ. Минге живетъ въ улицѣ Пануайо.

Сдѣлавъ это показаніе, Шено, счастливая, довольная собой, какъ послѣ совершеннаго добраго дѣла, ушла изъ полицейской префектуры.

Между тѣмъ Жюль весело возвратился домой съ полными карманами. Онъ надѣялся застать еще въ постелѣ свою «женку» и строилъ планы лучезарнаго будущаго. Если за однѣ тряпки онъ выручилъ тысячу франковъ, то сколько-же онъ выручитъ за драгоцѣнности? Жюль говорилъ себѣ, что пора остепениться; деньгами сорить не слѣдуетъ, чтобы снова не впасть въ нищету. Онъ считалъ себя женатымъ и чувствовалъ сильную любовь къ своей женкѣ. Она такъ хороша. Онъ сдѣлалъ наканунѣ глупость, поведя Орели въ увеселительное заведеніе; она не подъ стать этому обществу, отъ котораго онъ рѣшился отказаться. Онъ никогда не поведетъ туда г-жу Минге.

Жюль ломалъ себѣ голову, придумывая, какою-бы торговлей ему заняться. Онъ отвергалъ всѣ ремесла, въ которыхъ нужно было самому работать. Орели такъ красива! нужно воспользоваться этимъ. Жюль вспомнилъ, что одна пріятельница водила его однажды въ ресторанъ, который содержала женщина, бывшая когда-то въ модѣ. Она получала много денегъ, такъ какъ послѣ обѣда у нея велась картежная игра. Вотъ такъ бы устроиться! Онъ жилъ-бы въ веселой компаніи. Нужно обдумать это.

Размышляя такимъ образомъ, Жюль вспомнилъ, что Орели, проснувшись, захочетъ ѣсть, и, съ предупредительностью новобрачнаго, задумалъ принести домой завтракъ. Такимъ образомъ, Орели не нужно будетъ идти изъ дому; ей вообще не слѣдуетъ выходить нѣсколько дней.

Жюль свернулъ съ дороги, чтобы зайдти въ улицу, гдѣ можно было купить хорошей провизіи. Не колбасой-же питаться съ тысячью франками въ карманѣ! Торопиться было не зачѣмъ, Орели еще спала. Жюль остановилъ фіакръ и велѣлъ везти себя на рыночную площадь. Тамъ онъ купилъ корзину устрицъ, омара и фруктовъ. Онъ зашелъ еще въ винный погребъ, взялъ нѣсколько бутылокъ хорошаго вина и прикупилъ холодную тетерьку. Сложивъ все это въ фіакръ, онъ купилъ въ заключеніе великолѣпный букетъ цвѣтовъ и, довольный собою, отправился въ улицу Пануайо.

Пріѣхавъ, онъ расплатился съ извозчикомъ и, навьюченный провизіей, поднялся по лѣстницѣ въ свою комнату. Войдя на цыпочкахъ, Жюль потихоньку разложилъ провизію и подошелъ къ алькову.

Постель была пуста... Что это значитъ? Вѣроятно, Орели встала и вышла пройдтись. Жюль заглянулъ въ шкафъ, въ который онъ положилъ наканунѣ два кожаные мѣшка: одинъ—съ драгоцѣнностями, другой—съ серебромъ. Шкафъ былъ пустъ. Холодный потъ выступилъ на лбу нашего молодца; онъ стиснулъ зубы и обвелъ вокругъ себя медленнымъ взглядомъ. Ничего и никого!

— Что это значитъ? Она меня провела?.. Ну, если такъ... берегись, голубка! Однако, нужно разузнать.

Намѣреваясь сойдти къ хозяйкѣ дома, чтобы распросить о случившемся, Жюль подошелъ къ двери; но, отворивъ ее, онъ отступилъ назадъ; передъ дверью стоялъ полицейскій приставъ съ двумя агентами.

— Ты знаешь меня и знаешь, зачѣмъ я пришелъ, сказалъ приставъ.

Оробѣвшій Жюль дрожалъ.

— Какъ васъ не знать, г. Гюре, отвѣчалъ онъ,—но, божусь вамъ, я не знаю, зачѣмъ вы пришли.

— Ты продалъ платья Шено?

— Я, г. Гюре.

— Гдѣ ты ихъ укралъ?

— О, г. Гюре, клянусь вамъ, они мои; я не укралъ ихъ.

— Полно молоть вздоръ... Ихъ украла женщина, которая была здѣсь съ тобою, а ты взялся сбыть ихъ. Кто эта женщина? Она ночевала у тебя?

Жюль, въ первую минуту ошеломленный, уже успѣлъ оправиться; теперь онъ угадывалъ причину отсутствія Орели. Вѣроятно, ее арестовали и она отказывалась назвать себя, поэтому его и допрашивали. Въ сущности, Жюль былъ увѣренъ, что ему нечего бояться; его могли арестовать, но не на долго. Назвать Орели, значило-бы все испортить, поэтому онъ рѣшился молчать.

— Отвѣчай-же! сказалъ агентъ.

— Мнѣ нечего отвѣчать вамъ; я не знаю женщины, которая ночевала у меня. Я встрѣтилъ ее на улицѣ и привелъ сюда, не требуя отъ нея метрическаго свидѣтельства. Что касается проданныхъ мною платьевъ, я не укралъ ихъ: они были моею собственностью.

— Въ такомъ случаѣ я тебя арестую. Возьмите его и обыщите.

— Не хорошо вы поступаете со мною, г. Гюре, протестовалъ Жюль.

Полицейскіе повиновались приказанію своего начальника. Приставъ Гюре, выложивъ на столъ деньги, найденныя на арестованномъ, сосчиталъ ихъ и сказалъ:

— Не достаетъ тридцати семи франковъ. Куда ты ихъ дѣвалъ?

— Истратилъ вотъ на этотъ завтракъ, который я сейчасъ принесъ.

— Ты докажешь это въ своемъ мѣстѣ.

— Да вы серьезно арестуете меня? съ изумленіемъ спросилъ Жюль, почувствовавъ схватившую его руку.

Гюре только пожалъ плечами.

— Вы не вѣрите мнѣ? Но, божусь вамъ, г. Гюре, я не сдѣлалъ ничего дурного. Вы сами пожалѣете о томъ, что теперь дѣлаете. Когда вы арестовали меня за дѣло, я не возражалъ; но теперь я не виновенъ; повѣрьте, что я продалъ Шено мои собственныя вещи.

— Такъ объясни, гдѣ ты ихъ взялъ.

— Ну, хорошо: я получилъ ихъ отъ женщины, которая ночевала здѣсь. Она поручила мнѣ продать ихъ и я долженъ былъ найдти ее здѣсь, по возвращеніи. Доказательствомъ служитъ завтракъ, который я принесъ.

— Кто-же эта женщина?

— Я не могу назвать вамъ ея имя; я не знаю его.

— Такъ ты угадаешь его дорогой. Ведите его.

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, взять съ собою завтракъ. У васъ, я знаю, цѣлый день мнѣ не дадутъ ничего ѣсть.

Жюль взялъ съ собою провизію и вышелъ, сопровождаемый полицейскими. Внизу ждала карета, въ которую ему велѣли сѣсть. Агенты помѣстились съ нимъ рядомъ и, по приказанію Гюре, карета направилась къ полицейской префектурѣ. Самъ-же Гюре, проводивъ арестованнаго до экипажа, возвратился въ домъ и спросилъ у хозяйки меблированныхъ комнатъ списокъ жильцовъ.

— У васъ здѣсь не записано имя женщины, которую привелъ сюда вчера Минге?

— Нѣтъ, отвѣчала хозяйка, — онъ сказалъ намъ, что она здѣсь останется и мы не сочли нужнымъ спѣшить записывать ее, полагая, что она будетъ жить здѣсь.

— Напрасно. Вы знаете, что не должны принимать никого даже на одну ночь, не спросивъ имени.

— Это правда, г. приставъ; но они пріѣхали днемъ съ чемоданами и мѣшками, а вечеромъ отлучились и вернулись очень поздно. Такъ какъ мы знаемъ г. Жюля и довѣряемъ ему, то я отложила до утра внесеніе имени дамы въ нашу книгу.

— Опишите примѣты этой женщины?

— Она показалась намъ свѣтской дамой, дѣлающей глупости. На видъ ей лѣтъ двадцать пять; она высока ростомъ, довольно полна... чрезвычайно красива... Бѣлокурая; у нея маленькій смѣющійся ротъ, великолѣпные зубы, прямой носъ, чудные голубые глаза съ темными рѣсницами и бровями. Вообще, очень хорошенькая женщина!

— Хорошо она была одѣта?

— Такъ хорошо, какъ никогда не одѣваются женщины въ нашемъ кварталѣ. Должно быть, Жюль понялъ это, потому что вечеромъ, когда они вмѣстѣ вышли, она была въ простой кофточкѣ и безъ шляпки.

— Они пріѣхали сюда съ чемоданами?

— Да, и онъ разсказалъ мнѣ цѣлую исторію, которой я однако не повѣрила: будто-бы это его родственница, пріѣхавшая изъ провинціи; будто онъ на ней женится и они будутъ жить вмѣстѣ.

— Эти самые чемоданы онъ и увезъ сегодня утромъ?

— Да, рано утромъ. Онъ вышелъ, привелъ фіакръ и увезъ чемоданы.

— А вы ему ничего не сказали?

— Что-же намъ было говорить? Г. Минге заплатилъ намъ мѣсяцъ тому назадъ все, что онъ задолжалъ и еще впередъ за двѣ недѣли. У него всегда водятся деньги; одѣвается онъ хорошо, бѣлье у него хорошее, а это больше, чѣмъ нужно, чтобы гарантировать насъ.

— Такъ онъ разбогатѣлъ мѣсяцъ тому назадъ?

— Да, г. приставъ. А то ужь мы чуть было не отказали ему отъ квартиры.

— Постойте.

Приставъ вынулъ записную книжку и набросалъ въ ней замѣтки.

— Только что онъ увезъ по утру чемоданы, продолжала хозяйка, — какъ черезъ четверть часа послѣ того вышла и дама въ своемъ полномъ нарядѣ. Она несла два мѣшка, которые были такъ тяжелы, что она сгибалась. Я хотѣла было подойдти къ ней распросить, но мужъ мой удержалъ меня. «Оставь ее, сказалъ онъ, вѣрно, она нашла, что нашъ домъ не довольно шикаренъ для нея. Онъ поѣхалъ впередъ, чтобы занять для нея комнату, а она за нимъ, и прекрасно. Лучше не имѣть такихъ господъ въ домѣ».

— Такъ она уѣхала?

— Да; булочница—вѣдь эту барыню всѣ замѣтили—разсказывала мнѣ потомъ, что она наняла карету на бульварѣ. Какое на ней было платье! Со шлейфомъ, съ кружевами, сшито какъ футляръ; и, надо сознаться, оно къ ней удивительно шло... Да, ужь чего тутъ, когда у нея въ серьгахъ и въ кольцахъ было, я думаю, на пятнадцать тысячъ франковъ брилліантовъ.

— Вы не разслышали, какъ называлъ ее Минге?

— Нѣтъ, г. приставъ; но вы были тамъ наверху и можетъ быть замѣтили, что она оставила два платка, которыми она вытиралась. Наше то бѣлье показалось ей слишкомъ грубымъ. Когда она уѣхала, я вошла къ нимъ въ комнату, чтобы посмотрѣть, все-ли въ порядкѣ, и видѣла эти платки.

— Пойдемъ на верхъ, сказалъ приставъ, съ живостью поднимаясь по лѣстницѣ.

По приходѣ въ комнату, онъ сталъ разсматривать платки; но они были помѣчены только маленькою буквой О, великолѣпно вышитою; мѣтка свидѣтельствовала объ изящномъ вкусѣ ихъ обладательницы. Гюре, обманувшійся въ надеждѣ, съ досадой принялся обыскивать комнату. Открывъ большой шкафъ, онъ нашелъ тамъ двѣ грязныя тарелки, оставшіяся наканунѣ отъ обѣда, и два серебряныхъ прибора, которые Орели забыла взять. На приборахъ былъ вырѣзанъ баронскій гербъ съ буквами Т. М, переплетенными подвязкой, на которой стоялъ девизъ: Sans tache.

— Это имъ принадлежитъ? спросилъ приставъ.

— Да, имъ; а я и не замѣтила этихъ вещей сегодня утромъ.

Приставъ бережно завернулъ ихъ и положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Я ухожу, сказалъ онъ.—Вы видите по загадочности этого дѣла, какую непростительную оплошность сдѣлали вы, не исполнивъ правила. На этотъ разъ я избавлю васъ отъ отвѣтственности, но впередъ прошу быть осторожнѣе. Если женщина вернется, дайте немедленно знать полиціи.

— О, она навѣрное не вернется.

— Быть можетъ, она придетъ за своимъ серебромъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ! ну, тогда положитесь на меня, г. Гюре. Я сейчасъ пошлю мужа.

Обыскавъ еще разъ въ комнатѣ, Гюре ушелъ. Онъ отправился пѣшкомъ въ полицейскую префектуру и дорогой разсуждалъ самъ съ собою:

— Странная исторія! Эта женщина, очевидно, улизнула отъ Минге. Но кто-же она? Сегодня еще ни отъ кого не поступало жалобы на кражу, а между тѣмъ, откуда могли взяться у Минге такія цѣнныя вещи, если онѣ не украдены? Этотъ Минге—выжига; онъ могъ-бы даже быть для насъ полезнымъ человѣкомъ. Я постараюсь разъяснить всю эту исторію. Въ его отвѣтахъ, въ его спокойствіи была самоувѣренность, которая ставитъ меня въ тупикъ. Онъ, очевидно, увѣренъ въ своей правотѣ. Но кто-же, наконецъ, эта женщина? Быть можетъ, проститутка, взятая на содержаніе какимъ-нибудь богатымъ глупцомъ и не утерпѣвшая, чтобы не возвратиться въ помойную яму, изъ которой она вышла. Быть можетъ, Минге прежде былъ ея любовникомъ; снова воспылавъ къ нему страстью, она забрала все, что ей было подарено богачемъ, и возвратилась жить съ этимъ бездѣльникомъ... Онъ-же, разумѣется, прежде всего подумалъ о деньгахъ и, взявъ платья, продалъ ихъ. Тогда эта женщина, понявъ сдѣланную глупость и сообразивъ, что ей придется содержать этого лѣнтяя, раскаялась въ своей ошибкѣ и, желая спасти, по крайней мѣрѣ, свои драгоцѣнности, ушла отъ него въ его отсутствіе... Это возможно. Но, во всякомъ случаѣ, серебро не принадлежитъ ей, на немъ баронскій гербъ съ девизомъ. Такой девизъ, въ рукахъ подобной обладательницы, смахиваетъ на иронію. Нужно во чтобы то ни стало разъяснить все это.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

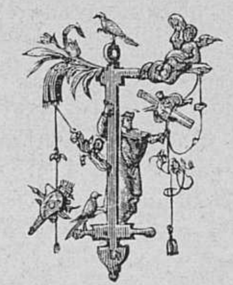
Великая пѣвица.

Историческая повѣсть **Луизы Мюльбахъ**. Переводъ **А. Качоровской**.

(*Продолженіе.*)

Глава XI.

Концертъ въ долговой тюрьмѣ.



Габріэли прямо изъ оперы отвезли въ долговую тюрьму и помѣстили въ одной изъ лучшихъ комнатъ верхняго этажа. Она, конечно, потребовала свою горничную, но смотритель тюрьмы отказалъ ей, говоря, что по закону никто изъ постороннихъ не допускается за порогъ этого дома. Габріэли спокойно подчинилась закону, но поздно ночью обитатели нижняго этажа были разбужены громкимъ пѣніемъ, которое, въ ихъ пустыхъ покояхъ, раздавалось чрезвычайно мелодично.

На другой день Габріэли потребовала у смотрителя рояль и акомпанера. Директоръ поклонился, пожимая плечами:

— Я повторяю, что по закону не имѣю права пускать сюда никого посторонняго, но вашъ рояль, синьора, будетъ вамъ доставленъ.

— И я не смѣю никого принимать здѣсь?

— О нѣтъ, синьора, вы можете принимать у себя должниковъ, которые здѣсь содержатся! отвѣчалъ смотритель съ насмѣшливой улыбкой.

Она весело засмѣялась.

— Ну, хорошо, въ такомъ случаѣ я приглашаю ихъ къ себѣ сегодня вечеромъ. Сколько ихъ здѣсь?

— Двадцать пять человѣкъ.

— Такъ, пожалуйста, господинъ смотритель, закажите вашему повару для всѣхъ насъ ужинъ и пригласите должниковъ ко мнѣ на концертъ. Прошу васъ позаботиться, чтобы мнѣ былъ принесенъ, какъ можно скорѣе, рояль; нужно сдѣлать репетицію.

Смотритель посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ:

— Вы говорите серьезно, синьора?

— Я не позволю себѣ шутить съ вами, отвѣчала Габріэли.—Исполните поскорѣе мое желаніе, а теперь оставьте меня одну.

Смотритель удалился, недоумѣвая, что выйдетъ изъ всего этого и что онъ долженъ дѣлать. Къ его счастью, вскорѣ, пріѣхали въ долговую тюрьму графъ Орловъ и Елагинъ, которымъ онъ не замедлилъ сообщить о порученіи, данномъ ему пѣвицей. Елагинъ пришелъ въ отчаяніе, Орловъ-же громко засмѣялся.

— Она, дѣйствительно, не похожа на другихъ, сказалъ онъ,—и я думаю, Елагинъ, что, такъ какъ для такихъ исключеній законъ не предусмотрѣнъ, мы должны будемъ исполнить ея волю, если намъ не удастся побѣдить ея упрямство. Пойдемте!

И онъ такъ живо взбѣжалъ по лѣстницѣ, что Елагинъ не могъ поспѣть за нимъ, а потому Орловъ раньше вошелъ въ комнату Габріэли.

— Катарина, сказалъ онъ ей тихо,—вы не демонъ, вы ангелъ: я молюсь на васъ!

Но, услыхавъ, что входятъ Елагинъ и смотритель, онъ продолжалъ громко:

— Именемъ ея величества спрашиваю васъ, въ присутствіи этихъ господъ, синьора Катарина Габріэли, раскаяваетесь ли вы въ вашемъ вчерашнемъ поступкѣ и желаете-ли его загладить?

— Какимъ образомъ загладить? спросила Габріэли.

Орловъ забылъ отвѣчать ей, онъ смотрѣлъ на нее и восторгъ противъ его воли отразился на его лицѣ. Елагинъ замѣтилъ это, лицо его приняло странное выраженіе и, такъ какъ Орловъ все еще молчалъ, онъ сказалъ:

— Синьора Габріэли отправится съ нами во дворецъ и въ присутствіи всего двора на колѣняхъ извинится передъ ея величествомъ.

— Никогда! вскричала Габріэли,—никогда! Я была охрипши и не могла пѣть вчера, доложите это государынѣ и скажите ей, что понужденіемъ можно заставить бѣгать лошадь, но не пѣть артистку.

Елагинъ вопросительно взглянулъ на Орлова, ожидая услышать отвѣтъ; но Орловъ, какъ очарованный, все еще смотрѣлъ пристально въ лицо Габріэли и слушалъ ея слова, какъ райскую музыку. Елагинъ вздрогнулъ, ироническая усмѣшка появилась на его лицѣ, но онъ овладѣлъ собою. Между тѣмъ и Орловъ пришелъ въ себя.

— Если таковъ вашъ отвѣтъ, синьора, то поздравляю васъ, сказалъ глухимъ голосомъ Орловъ,—вы останетесь здѣсь надолго; императрица не проститъ вамъ.

— Не надѣйтесь слишкомъ на себя, синьора, сказалъ Елагинъ.—Терпѣніе императрицы велико, но ваша дерзость...

— Молчи, Елагинъ, перебилъ его живо Орловъ,—мы исполнили наше порученіе и получили отвѣтъ, идемъ!

Онъ взялъ Елагина за руку и вывелъ изъ комнаты.

— А пѣвица остается здѣсь? спросилъ смотритель въ коридорѣ.

— Да, она остается, мой милый, сказалъ Орловъ,—вы видите, она не уступаетъ.

— А сегодняшній концертъ и ужинъ?

— Исполните ея желаніе. Концертъ и ужинъ могутъ состояться: эта выходка повеселитъ Петербургъ.

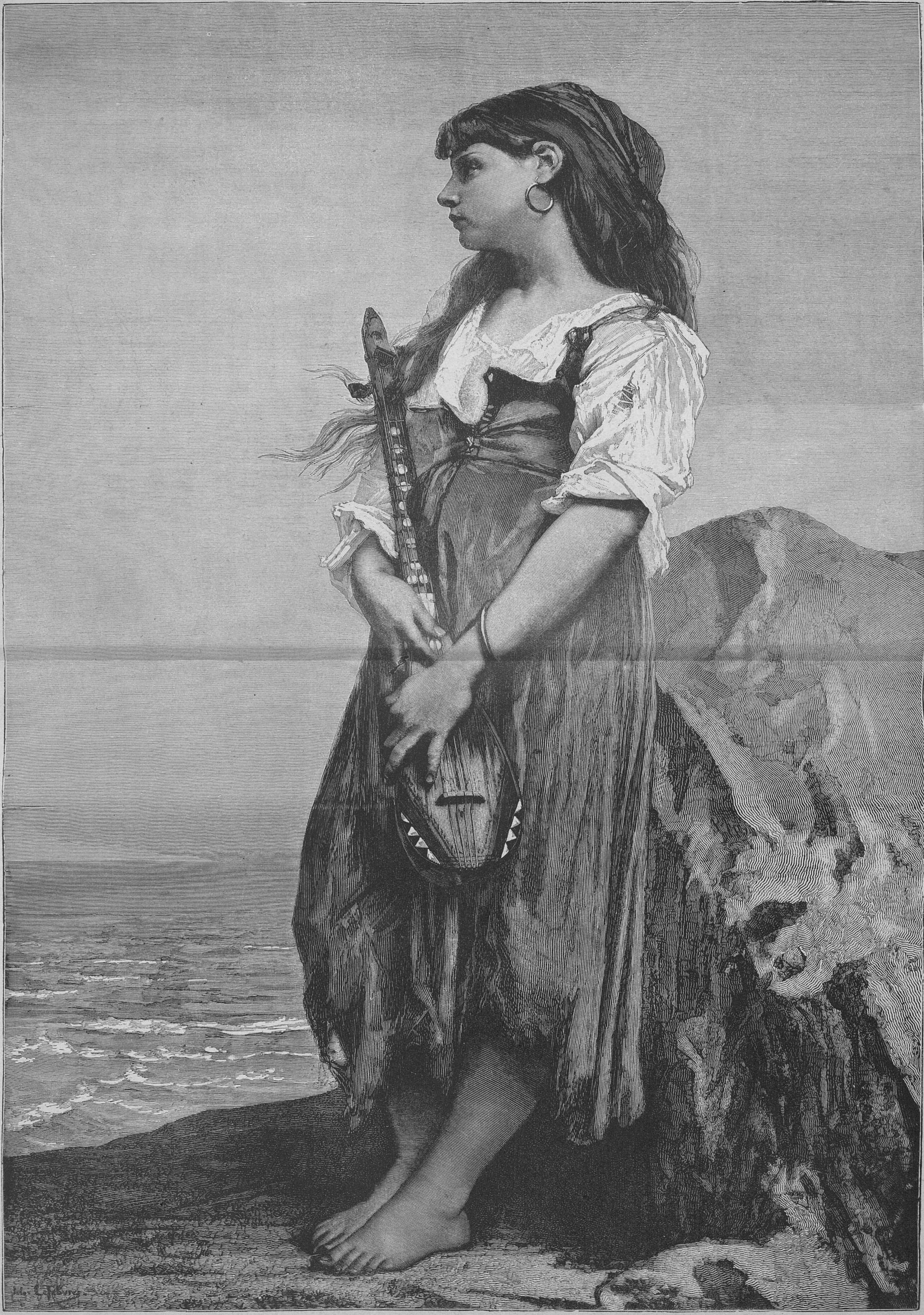
— Но едва-ли будетъ довольна ею ея величество! сказалъ Елагинъ.

— Не думаю; чѣмъ болѣе будетъ дикая кошка кусаться и прыгать въ своей клѣткѣ, тѣмъ благороднѣе и величественнѣе покажется въ своемъ долготерпѣніи львица. Ѣдемъ!

Вечеромъ въ стѣнахъ долговой тюрьмы происходило удивительное, неслыханное оживленіе. Домъ совершенно измѣнилъ свой мрачный видъ, лица заключенныхъ были веселы, каждый принарядился по возможности. Большая зала верхняго этажа, обыкновенно запертая, была освѣщена; посреди нея стоялъ рояль, кругомъ котораго помѣщались удобныя сидѣнья для всѣхъ приглашенныхъ на концертъ синьоры Габріэли.

Ровно въ шесть часовъ собралась публика и Габріэли появилась въ залѣ. Она была въ небесно-голубомъ, вышитомъ серебромъ, бархатномъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ; на высокозачесанныхъ волосахъ горѣла діадема изъ брилліантовъ и бирюзы, а на открытой шеѣ блестѣло ожерелье изъ такихъ-же камней. Крикъ удивленія и восторга огласилъ залу при ея появленіи, всѣ поднялись со своихъ мѣстъ.

Габріэли отвѣчала на почтительный поклонъ такъ, какъ если-бы она находилась въ высшемъ обществѣ; потомъ она медленно направилась къ роялю и начала арію. Она пропѣла ее въ этотъ



КАРТИНА ЛЕФЕБВРА. Миньона.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

вечеръ передъ своей публикой, состоящей изъ бѣдныхъ должниковъ, такъ-же прекрасно, какъ и всегда; публика не осталась въ долгу: она поблагодарила артистку съ шумнымъ восторгомъ, даже со слезами умиленія. Пропѣла пѣвица и другую арію. Потомъ подали ужинъ, послѣ котораго Габріэли завершила праздникъ добрымъ дѣломъ: она выкупила трехъ, долѣе другихъ содержащихся, должниковъ. Въ этотъ вечеръ оживленіе и веселье долго еще царствовали во всѣхъ комнатахъ долговой тюрьмы; сторожа, которыхъ постоянно встрѣчали недовольныя, мрачныя лица, видѣли вездѣ веселыя физіономіи и слышали пѣніе,—каждый повторялъ про себя аріи, слышанныя въ концертѣ.

Всѣ были веселы; одна только Габріэли, возвратившись къ себѣ, оставалась печальной. Она, ломая руки, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, говоря про себя: «онъ не любитъ меня, онъ, единственный, кого я люблю Онъ не любитъ меня! Иначе онъ явился-бы сюда освободить меня, или, по крайней мѣрѣ, раздѣлить со мной заключеніе». Долго боролась она между горемъ, гордостію и любовью и поздно заснула въ слезахъ.

На другое утро явился къ ней сторожъ.

— Синьора, сказалъ онъ,—сегодня прибылъ новый должникъ; онъ желаетъ говорить съ вами.

— Пусть войдетъ, отвѣчала она тихо,—можетъ быть, онъ нуждается въ помощи, я готова ему оказать ее.

Сторожъ вышелъ и когда дверь снова отворилась, съ губъ Катарины сорвался крикъ. Она вскочила, поспѣшила на встрѣчу вошедшему съ распростертыми руками и привѣтствовала его блаженной улыбкой.

— Вернеръ, это вы! Вы пришли ко мнѣ! О, благодарю, благодарю отъ всего сердца!

— Синьора, сказалъ онъ спокойно, не замѣчая протянутыхъ къ нему рукъ,—не за что благодарить! Я исполняю свою обязанность: я обѣщалъ князю Кауницу быть всегда подлѣ васъ и нѣтъ ничего удивительнаго, что я держу свое обѣщаніе!

— Вы это обѣщали князю Кауницу? повторила она съ болью.

— Да, синьора, и если только вы сами не прогоните вашего оплаченнаго слугу, онъ останется подлѣ васъ въ тюрьмѣ.

— Хорошо, благодарю васъ, что вы такъ высоко чтите князя, моего друга, что ради него приносите въ жертву свою свободу: мнѣ сказали, что васъ привели сюда какъ должника.

— Не было другого средства добраться до васъ и это удалось мнѣ только съ помощью графа Кобенцеля. Онъ выдалъ меня за своего должника.

— Ну, хорошо, Вернеръ, сказала Габріэли гордо,—вы и здѣсь можете кое-что сдѣлать: я обѣщала вчера выкупить трехъ должниковъ; напишите австрійскому послу и попросите его отъ моего имени прислать нужную сумму.

Затѣмъ она повернулась и быстрыми шагами съ высокоподнятой головой вышла изъ комнаты.

Часъ спустя, пріѣхалъ въ долговую тюрьму графъ Орловъ.

— Она на верху въ своей комнатѣ? спросилъ онъ поспѣшившаго къ нему на встрѣчу смотрителя.

— Точно такъ, ваше сіятельство.

Живо поднялся на лѣстницу Орловъ и безъ доклада влетѣлъ въ комнату Габріэли. Она сидѣла за роялемъ и, казалось, не замѣчала вошедшаго. Она продолжала тихо играть, даже тогда, когда графъ Орловъ громко назвалъ ее по имени; она только медленно повернула голову и съ улыбкой кивнула ему. Онъ подскочилъ къ ней и схватилъ ея руки:

— Синьора, вы жестоки! Вы знаете, что я страдаю и смѣетесь.

— Освободите прежде мои руки, графъ! сказала она спокойно.—Можетъ быть, такое стремительное ухаживанье нравится инымъ женщинамъ, но меня оно приводитъ въ ужасъ!

— Ну, хорошо, отвѣчалъ онъ, опуская ея руки,—я буду кротокъ, какъ голубь, хотя вы смотрите на меня глазами тигрицы! Я пришелъ сюда раньше Елагина, желая видѣть васъ одну. Я долженъ, наконецъ, снять съ себя маску, долженъ, наконецъ, сказать вамъ, что обожаю васъ, что образъ вашъ день и ночь стоитъ передо мною, что я готовъ все отдать за вашу любовь! Катарина, я богатъ и всесиленъ! Требуйте миліоны, я положу ихъ у вашихъ ногъ! Я люблю васъ, Катарина! я не могу жить безъ васъ!

И онъ упалъ передъ нею на колѣни.

— Ваша любовь, дѣйствительно, такъ чиста и истинна, что вы предлагаете мнѣ свою руку, что вы хотите сдѣлать меня своей женою? спросила она.

— Что можетъ значить ничтожное слово...

Но она прервала его.

— Тише, насъ подслушиваютъ.

Онъ вскочилъ и осмотрѣлся кругомъ; въ полуотворенныхъ дверяхъ стоялъ Елагинъ; улыбка торжества сіяла на его лицѣ.

— Мнѣ передали, что вы уже здѣсь, графъ, сказалъ онъ, страннымъ голосомъ,—я боялся получить отъ васъ выговоръ за то, что опоздалъ; но, кажется, я все же явился слишкомъ рано. Если я мѣшаю, я обожду внизу?

— Нисколько не мѣшаете, сказала спокойно Габріэли,—то, о чемъ мы разсуждали, можетъ каждый слышать. Графъ Орловъ сдѣлалъ мнѣ честь, просилъ у меня совѣта. Развѣ вы забыли, что при дворѣ разучиваютъ новую пьесу, сочиненную ея величествомъ императрицей; графъ играетъ въ ней главную роль. Мы только что разучивали одну сцену; не правда-ли, графъ?

— Конечно, подтвердилъ Орловъ,—и я попрошу у синьоры позволенія завтра продолжать.

— Въ такомъ случаѣ графъ долженъ будетъ отправиться къ вамъ на квартиру, синьора, сказалъ Елагинъ съ улыбкой;—императрица Екатерина, моя уважаемая государыня, находитъ, что вы уже достаточно наказаны. Вы свободны, ваша карета тотчасъ будетъ здѣсь, чтобы отвезти васъ домой.

— Другими словами, сказала насмѣшливо пѣвица,—графъ Кобенцель былъ у ея величества и его предстательству я обязана своимъ освобожденіемъ.

Вошелъ смотритель и сказалъ, что карета пѣвицы ожидаетъ ее.

— Позвольте вашу руку, синьора! сказалъ Орловъ,—я доведу васъ.

— Прошу васъ, графъ, сказалъ Елагинъ,—оставить синьору Габріэли. Ея величеству угодно, чтобы синьора, которая уже надѣлала слишкомъ много шуму въ Петербургѣ, съ этихъ поръ жила какъ можно тише, а потому, мнѣ кажется, съ вашей стороны будетъ не совсѣмъ прилично открыто ухаживать за синьорой.

— Хорошо, Елагинъ, съ этой минуты я буду слѣдить за тобой, чтобы убѣдиться, другъ ты мнѣ или врагъ!

Простившись съ Габріэли, они вышли вмѣстѣ.

— Теперь, синьора, сказалъ смотритель,—я осмѣлюсь предложить вамъ свою руку.

— Я съ сожалѣніемъ должна отказать вамъ, отвѣчала она.—Прошу васъ, позовите моего секретаря, должника Вернера; я выкупаю его и онъ долженъ сопровождать меня.

XII.

Любовное объясненіе.

— Вы, графъ, опять вы! вскричала Габріэли, вскакивая съ дивана, на которомъ лежала погруженная въ думу.—Я снова въ своемъ домѣ! Кто-же далъ вамъ право входить безъ доклада?

— Кто далъ мнѣ право? сказалъ онъ, схватывая ея протянутую руку,—взгляни на меня, Катарина, и прочти это въ моемъ взглядѣ!

— Пустите меня, графъ!

— Нѣтъ, я не пущу тебя! вскричалъ онъ страстно.—Не смотри на меня такъ сердито, брани, если хочешь! Даже твоя брань прозвучитъ мнѣ чудной музыкой...

— Довольно словъ! прервала его она, все еще тщетно стараясь вырвать свои руки,—довольно!

— Нѣтъ, не довольно! вскричалъ онъ.—Слушай меня и не старайся вырвать твою руку, потому что я хочу удержать ее на всю жизнь! Синьора Габріэли, вчера въ тюрьмѣ, когда я въ порывѣ страсти, признаваясь въ любви, всталъ передъ вами на колѣни, вы спросили меня, хочули я сдѣлать васъ своей женой? Теперь, обожаемая, я пришелъ, чтобы отвѣтить тебѣ: синьора Катарина Габріэли графъ Орловъ проситъ у тебя твою руку.

— Мою руку? Зачѣмъ?

— Зачѣмъ смѣешься ты надо мною, Катарина? Чтобы соединиться съ тобою вѣчными узами любви. Да, я люблю тебя до сумасшествія и все покидаю ради тебя! Императрица будетъ сердиться; я потеряю много, но что мнѣ до того!

— Г. графъ, сказала Катарина съ гордымъ достоинствомъ,—я сознаю честь, которую вы мнѣ оказываете, но сожалѣю, что не могу принять ваше предложеніе. Я не люблю васъ и не желаю отдать руку безъ сердца.

Онъ испустилъ громкій крикъ и схватилъ обѣими руками ея плечи.

— Женщина, помни, я ужасенъ въ бѣшенствѣ, не раздражай моего гнѣва. И ты думаешь, что можешь безнаказанно смѣяться надо мной! ты думаешь, что выйдешь изъ этой комнаты съ гордымъ сознаніемъ, что оттолкнула меня. Нѣтъ, этого не будетъ! ты не должна...

— Пустите меня, графъ Орловъ! вскричала она громкимъ голосомъ,—пустите меня или...

— Ну, или...

— Или я позову на помощь!

— Видишь, ты дрожишь передъ моимъ гнѣвомъ и все таки дерзаешь сопротивляться мнѣ. Но я держу тебя и не выпущу до тѣхъ поръ, пока ты не возьмешь назадъ своего слова. Скорѣе опомнись, или...

— Ну, или? спросила она, смотря на него огненнымъ взоромъ.—Кончайте-же!

— Или я убью тебя.

Онъ яростно сжалъ ея руки. Но въ эту минуту дверь быстро распахнулась и Вернеръ вбѣжалъ въ комнату.

— Что здѣсь такое?

Графъ Орловъ опомнился, опустилъ руки и отступилъ.

— Ахъ! сумасшедшій, что я надѣлалъ, бормоталъ онъ про себя.—Вы вывели меня изъ себя, синьора Габріэли, продолжалъ онъ громко.—Въ минуту гнѣва я не помню себя! Забудьте, что я сдѣлалъ, забудьте все и помните только, что я сказалъ, когда вошелъ сюда. Я предложилъ вамъ вопросъ и желаю получить отвѣтъ. Три дня я не явлюсь къ вамъ, буду ожидать спокойно, терпѣливо, но по истеченіи этого срока я приду сюда снова, и горе вамъ и мнѣ, если вы не дадите того отвѣта, какой я желаю. Теперь-же до свиданья!

Онъ поклонился и блѣдный, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

Она со страхомъ смотрѣла ему вслѣдъ; когда-же дверь затворилась за нимъ, она быстро подбѣжала и заперла ее на ключъ, затѣмъ, задыхаясь, въ изнеможеніи опустилась въ стоящее у дверей кресло. Вернеръ поспѣшилъ къ ней и съ боязнію вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Синьора, что случилось? Что все это значитъ?

Она медленно встала и, смотря на него, въ волненіи сказала:

— Это значитъ, Вернеръ, что вы спасли мнѣ жизнь! Онъ способенъ былъ убить меня, этотъ бѣшеный человѣкъ! Вы спасли меня, Вернеръ, благодарю васъ.

Вернеръ засмѣялся недовѣрчиво и не бралъ руку, которую она ему протягивала.

— Вы ошибаетесь, синьора, я ничего не сдѣлалъ, что бы заслуживало вашу благодарность. Я пришелъ по обязанности для нашихъ ежедневныхъ занятій, услыхалъ громкій споръ и вошелъ сюда также по обязанности, можетъ быть, немного быстрѣе обыкновеннаго, а потому вамъ нечего меня благодарить. Къ тому-же вы, вѣроятно, преувеличиваете опасность.

— О, вскричала Катарина, — у васъ нѣтъ сердца, Вернеръ!

— Или, синьора, сказалъ онъ спокойно, — мое сердце похоже на чистый листъ бумаги; на немъ еще ничего не написано.

— Ну, хорошо! такъ я хочу написать на этомъ чистомъ листѣ одно имя: мое имя, Вернеръ!

— Ваше имя? вскричалъ онъ. Одну минуту лицо его приняло радостное выраженіе, но вслѣдъ затѣмъ оно сдѣлалось снова холоднымъ.

— Вы шутите со мною, синьора, сказалъ онъ серьезно.

— Нѣтъ! вскричала она страстно, — нѣтъ! вы знаете, что я не шучу! Вы знаете также, жестокій, что въ вашемъ сердцѣ написано уже мое имя! Почему не хочешь ты мнѣ этого сказать? Думаешь-ли ты, что твое достоинство мужчины не дозволяетъ тебѣ ухаживать за женщиной блестящей, знаменитой? Ну, хорошо! Если ты меня ставишь такъ высоко, я могу и хочу говорить: Вернеръ, и люблю тебя, открой мнѣ твое сердце, открой мнѣ тайну твоей души!

Прошла минута, она съ открытыми объятіями и вопросительнымъ взглядомъ смотрѣла на него; но онъ отступилъ назадъ.

— Я не вѣрю вамъ, синьора.

— Ты не вѣришь мнѣ, вскричала она, — я признаюсь, что люблю тебя и ты не вѣришь мнѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ спокойно, — я не вѣрю вамъ; одна прихоть влечетъ васъ ко мнѣ. Такъ какъ всѣ лежатъ у вашихъ ногъ, то вамъ досадно, что существуетъ одинъ, который этого не дѣлаетъ; этотъ одинъ — бѣдный, ничего не значущій человѣкъ, но это именно еще болѣе уязвляетъ вашу гордость. И еслибы я оказался на столько слабымъ, что послушался-бы голоса сирены, безъ сомнѣнія, чарующаго, тогда-бы сирена съ насмѣшливымъ хохотомъ отвернулась отъ меня и вскричала: «ты долженъ оставаться на твоемъ мѣстѣ, на колѣняхъ, рабъ подлѣ другихъ рабовъ!

Сложивъ руки, она слушала его, тяжело дыша.

— Ты такъ думаешь, Вернеръ?

— Да, такъ думаю, синьора. Вы сказали, что любите меня. Катарина, знаете-ли, что-бы потребовалъ я, еслибы повѣрилъ вашей любви?

— Скажите мнѣ, Вернеръ, скажите!

— Я повторю то, что уже разъ говорилъ вамъ. Марія Магдалина, узнавъ Спасителя, покинула все: золото и серебро, драгоцѣнности, славу и веселье, покинула все и склонилась передъ Господомъ! Потомъ она отправилась въ пустыню каяться, молиться и оплакивать свои грѣхи горючими слезами. Это были первые бриліанты, угодные Богу.

— О, Вернеръ! тихо вздохнула она, закрывъ лицо руками, — вы жестоки!

— Не жестокъ, синьора, но справедливъ! Я понимаю любовь иначе, чѣмъ вы. Для меня это не скоропроходящая прихоть, для меня она вѣчна и потухнетъ только съ моей жизнію. Я бы могъ упасть къ ногамъ нищей, которую бы полюбилъ, и сказать: «дай мнѣ твою руку, вмѣстѣ съ нею ты дашь мнѣ высшее счастіе, высшую честь и богатство!» Но точно также я скажу богатой, всѣми обожаемой, знаменитой женщинѣ: «если ты любишь меня, докажи мнѣ это, покинувъ славу и богатство, чтобы нищей явиться передо мною и сказать: вотъ я, очисти меня отъ прошлаго.» Вотъ чего потребую я, синьора, отъ женщины, которую полюблю, а вы, синьора, никогда этого не сдѣлаете. Это доказываетъ, что вы еще не почувствовали истинную любовь.

Онъ низко поклонился ей, повернулся и вышелъ. Она долго стояла съ закрытымъ лицомъ.

— Онъ ушелъ, онъ оставилъ меня одну! одну въ этой пустой жизни! Онъ презираетъ меня, пренебрегаетъ мною и не вѣритъ моей любви. Но онъ долженъ повѣрить ей, я хочу доказать ему, что Катарина Габріэли любитъ его, хотя и не такъ, какъ онъ того желаетъ. Что мнѣ жизнь безъ него; если онъ не хочетъ раздѣлить ее со мною, я не хочу жить!

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Иванъ Васильевичъ Самаринъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ русская драматическая труппа въ Москвѣ по всей справедливости считалась образцовой. Съ нею не могла выдержать никакого сравненія ни одна труппа въ Россіи. И внѣ русскихъ труппъ, сравненіе не могло пугать тогдашнихъ московскихъ актеровъ. Только труппы двухъ театровъ могли въ то время соперничать съ московскою въ удивительномъ ансамблѣ при исполненіи: труппа знаменитаго «Theatre Français» въ Парижѣ и польская — въ Варшавѣ. Но даже и эти двѣ безспорно первостепенныя труппы въ то время не представляли собранія такихъ выдающихся талантовъ, какими изобиловала московская труппа. Щепкинъ, Садовскій, Васильевъ, Шумскій, Живокини, Самаринъ; Никулина-Косицкая, Рѣпина, Колосова, Никулина, Акимова и, начинавшая свою артистическую дѣятельность, Федотова — вотъ имена крупныхъ дарованій, одновременно подвизавшихся на московской сценѣ. Но и менѣе крупныя дарованія, игравшія вмѣстѣ съ этими выдающимися представителями искуства, какъ, напримѣръ, г-жи Таланова и Медвѣдева, гг. Никифоровъ, Петровъ, Степановъ, имѣли полное право на занятіе первенствующихъ мѣстъ въ другихъ труппахъ. Мудрено-ли, что при такой труппѣ всякая пьеса исполнялась изумительно хорошо. Но крупные таланты умирали и мѣста ихъ замѣщались людьми съ далеко-низшимъ дарованіемъ, даже посредственностями, и теперь московская труппа только по традиціи еще слыветъ образцовой, хотя, правду сказать, и въ настоящемъ своемъ составѣ она выше петербургской русской драматической труппы. Изъ прежнихъ дѣятелей, составившихъ славу московской труппы, въ живыхъ остались очень немногіе. Еще блеститъ яркой звѣздой г-жа Федотова, въ то время только начавшая свою артистическую карьеру; появляется еще на сценѣ г-жа Никулина, но роли «драматической ingenue», создавшія ей славу, уже не идутъ къ ней по ея возрасту. Прежнюю свою славу удивительной «комической старухи» поддерживаетъ еще г-жа Акимова. Но всецѣло традиціи былой московской труппы олицетворяются въ художественной игрѣ Ивана Васильевича Самарина. Его совѣтамъ, его указаніямъ современная московская труппа обязана, что ее до сихъ поръ считаютъ лучшей въ Россіи. И дѣйствительно, по ансамблю въ исполненіи она все еще остается у насъ первою труппою. Крупныхъ дарованій въ ней гораздо меньше, чѣмъ въ былое время, но добросовѣстное изученіе и знаніе ролей артистами, тщательная постановка пьесъ и не менѣе тщательная срепетовка ихъ отличаютъ московскую труппу отъ всѣхъ прочихъ труппъ въ Россіи, въ которыхъ большинство артистовъ относятся къ своему дѣлу далеко не съ такою любовью, какъ московскіе актеры; въ которыхъ и постановка пьесъ и репетиціи производятся халатнымъ образомъ.

Въ августѣ петербургская преса занималась И. В. Самаринымъ, сыгравшимъ 4 раза въ одномъ изъ загородныхъ петербургскихъ театровъ — въ Озеркахъ. Г. Самаринъ принадлежитъ къ числу артистовъ-домосѣдовъ; онъ, кажется, только въ началѣ своей артистической дѣтельности оставлялъ Москву. Въ Петербургѣ Иванъ Васильевичъ былъ въ 1843 году и дебютировалъ ролью «Чацкаго» въ «Горе отъ ума». Въ Петербургѣ роль Чацкаго въ то время игралъ Максимовъ и игралъ хорошо. Г. Самаринъ сыгралъ эту роль такъ художественно, что самъ Максимовъ, гордившійся исполненіемъ роли Чацкаго, призналъ за московскимъ гостемъ первенство. Петербуржцы долго оставались подъ впечатлѣніемъ этого художественнаго исполненія Самаринымъ роли Чацкаго и каждый разъ, когда въ Петербургѣ заходила о немъ рѣчь, непремѣнно вспоминалось, что «такого Чацкаго, какимъ являлся онъ въ исполненіи Самарина, въ Россіи не было, да врядъ-ли скоро и будетъ». Съ той поры прошло 37 лѣтъ и никто еще не можетъ замѣнить Самарина въ этой роли. Самъ Иванъ Васильевичъ уже давно не играетъ роли Чацкаго; онъ перешелъ на роль Фамусова. Въ этой роли г. Самаринъ выступилъ передъ петербургской публикой во второй свой пріѣздъ, въ августѣ нынѣшняго года, черезъ 37 лѣтъ послѣ перваго его появленія въ Петербургѣ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ; Самарина Петербургъ не видѣлъ, но много слышалъ о немъ и слухи эти, къ чести Ивана Васильевича, были для него самые благопріятные: кромѣ толковъ о замѣчательномъ дарованіи Самарина, о немъ говорили, какъ о человѣкѣ чрезвычайно симпатичномъ, хорошемъ товарищѣ, всегда готовомъ помочь начинающимъ артистамъ и своими совѣтами и своимъ кошелькомъ. Нечего и говорить, что истинные любители театральнаго искуства въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда Ивана Висильевича. Первые слухи о томъ, что онъ будетъ играть въ Озеркахъ, сообщенные газетами, были встрѣчены недовѣрчиво. «Не поѣдетъ Самаринъ изъ Москвы, говорили скептики; — онъ такъ крѣпко засѣлъ въ ней, что его ничѣмъ не сдвинешь съ мѣста». Но, наконецъ, и скептикамъ пришлось убѣдиться въ своемъ ошибочномъ заключеніи, когда появилась афиша, гласящая, что въ озерковскомъ театрѣ идетъ «Горе отъ ума» съ участіемъ г. Самарина въ роли Фамусова. Театръ былъ переполненъ; Ивана Васильевича принимали восторженно и каждый изъ зрителей вынесъ убѣжденіе, что въ роли Фамусова у Самарина въ настоящее время нѣтъ соперника въ Россіи; что всѣ остальные исполнители этой роли на различныхъ русскихъ сценахъ блѣднѣютъ передъ Самаринымъ и не могутъ выдерживать съ нимъ никакого сравненія. Нѣкоторые заговорили о Щепкинѣ, который, какъ извѣстно, изумительно исполнялъ роль Фамусова. Но современнымъ зрителямъ, изъ которыхъ большинство никогда не видало Щепкина, невозможно сравнивать съ нимъ Самарина. Сколько можно судить Щепкина по современнымъ ему рецензіямъ, Щепкинъ по природному дарованію былъ выше Самарина; но Иванъ Васильевичъ далеко превосходитъ его своимъ образованіемъ, умомъ и чрезвычайно тонкой отдѣлкой ролей, достигаемой путемъ долгаго и тщательнаго изученія.

Пытались сравнивать Самарина съ другимъ существующимъ дѣятелемъ, съ г. Самойловымъ, высокій талантъ котораго признается всѣми безъ исключенія. Но и въ этомъ случаѣ для сравненія не было подходящей почвы. Г. Самаринъ появился передъ петербургской публикой въ такихъ роляхъ, какія не были играны Самойловымъ. Слѣдовательно, въ сравненіе могъ идти только общій характеръ исполненія. Сколько можно судить по отзывамъ людей, мало свѣдущихъ въ «теоріяхъ искуства», т. е. массы публики, объ игрѣ Самарина по сравненію съ игрою Самойлова, составилось слѣдующее мнѣніе: «игра Самарина теплѣе, болѣе затрогиваетъ чувства и нервы, чѣмъ игра Самойлова, которая, можетъ быть, иногда бываетъ и талантливѣе, но она никогда не производитъ такого отраднаго впечатлѣнія, какъ исполненіе Самарина.»

Да, эта теплота, человѣчность въ отношеніяхъ къ другимъ, при несомнѣнныхъ учительскихъ способностяхъ, и сдѣлали изъ И. В. Самарина лучшаго въ Россіи преподавателя драматическаго искуства. Подъ его руководствомъ образовались многіе изъ артистовъ московскаго театра, какъ, напримѣръ: г-жа Никулина, Федотова и Ермолова, гг. Ленскій и Рѣшимовъ. Изъ числа учениць его слѣдуетъ упомянуть также и о г-жѣ Гламѣ-Мещерской, талантъ которой развивается все болѣе и болѣе. Самаринъ, какъ преподаватель, умѣетъ внушать къ себѣ не только уваженіе, но и любовь своихъ учениковъ и учениць. Точно также его любятъ и уважаютъ его товарищи по сценѣ. Никогда во время его долгой сценической карьеры имя Самарина не было замѣшано ни въ какихъ закулисныхъ интригахъ.

Самаринъ едва-ли не старѣйшій изъ артистовъ, еще состоящихъ на сценѣ, по крайней мѣрѣ, казенной; его артистическая карьера началась давно, 44 года тому назадъ. Онъ дебютировалъ въ 1836 году въ пьесѣ Скриба «Цезарь» съ большимъ успѣхомъ для новичка. Иванъ Васильевичъ воспитанникъ московской театральной школы; не могу сказать, кто былъ его учителемъ въ школѣ, но образцами для него послужили Щепкинъ и Живокини, которымъ Иванъ Васильевичъ, по его словамъ, очень много обязанъ. Они и были настоящими учителями его. Самаринъ вышелъ изъ школы на амплуа «первыхъ любовниковъ» и съ честью занималъ его впродолженіи 25 лѣтъ. Онъ постоянно имѣлъ успѣхъ и сдѣлался любимцемъ публики. Затѣмъ возрастъ и полнота побудили его перейдти на другія роли и онъ взялъ на себя репертуаръ Щепкина. Здѣсь г. Самаринъ показалъ, какимъ разнообразнымъ талантомъ онъ обладаетъ и симпатіи публики еще болѣе утвердились за нимъ. Конечно, въ числѣ сыгранныхъ имъ ролей были и неудачныя, но мы называть ихъ не станемъ: мы пишемъ не критическій разборъ его игры, а краткую замѣтку, въ которой стараемся выяснить, почему г. Самаринъ пользуется такими симпатіями публики, какія доставались на долю очень немногихъ изъ замѣчательныхъ артистовъ. Самаринъ былъ замѣтенъ и любимъ московскою публикою въ такое время, когда вмѣстѣ съ нимъ играли Щепкинъ и Садовскій; понятно, теперь публика еще болѣе симпатизируетъ ему; онъ, помимо своихъ личныхъ достоинствъ, напоминаетъ ей о быломъ славномъ времени московскаго театра, а ко всему своему Москва, какъ извѣстно, чувствуетъ особенное расположеніе, въ противность Петербургу, имѣющему привычку къ своему относиться очень скептически и безпрестанно мѣнять своихъ идоловъ.

И. В. Самаринъ извѣстенъ также какъ драматическій писатель. Его драма «Перемелется—мука будетъ» много лѣтъ держится въ репертуарѣ; двѣ другія его драмы «Утро вечера мудренѣе» и «Самозванецъ Луба»: въ свое время имѣли успѣхъ на сценѣ, хотя послѣдняя слаба, какъ литературное произведеніе.

Роза Бонеръ.

Нельзя сказать, чтобы въ живописи встрѣчалось много женскихъ именъ. Болѣе всего живописцевъ-женщинъ во Франціи и изъ ихъ числа имя Розы Бонеръ пользуется наибольшею популярностію не только въ своемъ отечествѣ, но и во всей Европѣ. Роза Бонеръ избрала себѣ спеціальность въ живописи и въ этой спеціальности создала много талантливо-исполненныхъ произведеній. Предметомъ ея изображеній служатъ исключительно животныя. Еще при появленіи первыхъ ея этюдовъ «Кролики» и «Овцы», когда Розѣ Бонеръ было всего 19 лѣтъ, съ нею могъ съ успѣхомъ конкурировать художникъ Тройонъ. Но уже и первые ученическіе труды Розы Бонеръ произвели сильное впечатлѣніе; когда-же вслѣдъ затѣмъ, въ 1853 г., появилась на выставкѣ ея замѣчательная, художественно-исполненная картина «Ярмарка лошадей», за Розой Бонеръ было признано безповоротно право первенства въ изображеніи животныхъ. Такимъ образомъ, Тройонъ долженъ былъ уступить ей первое мѣсто.

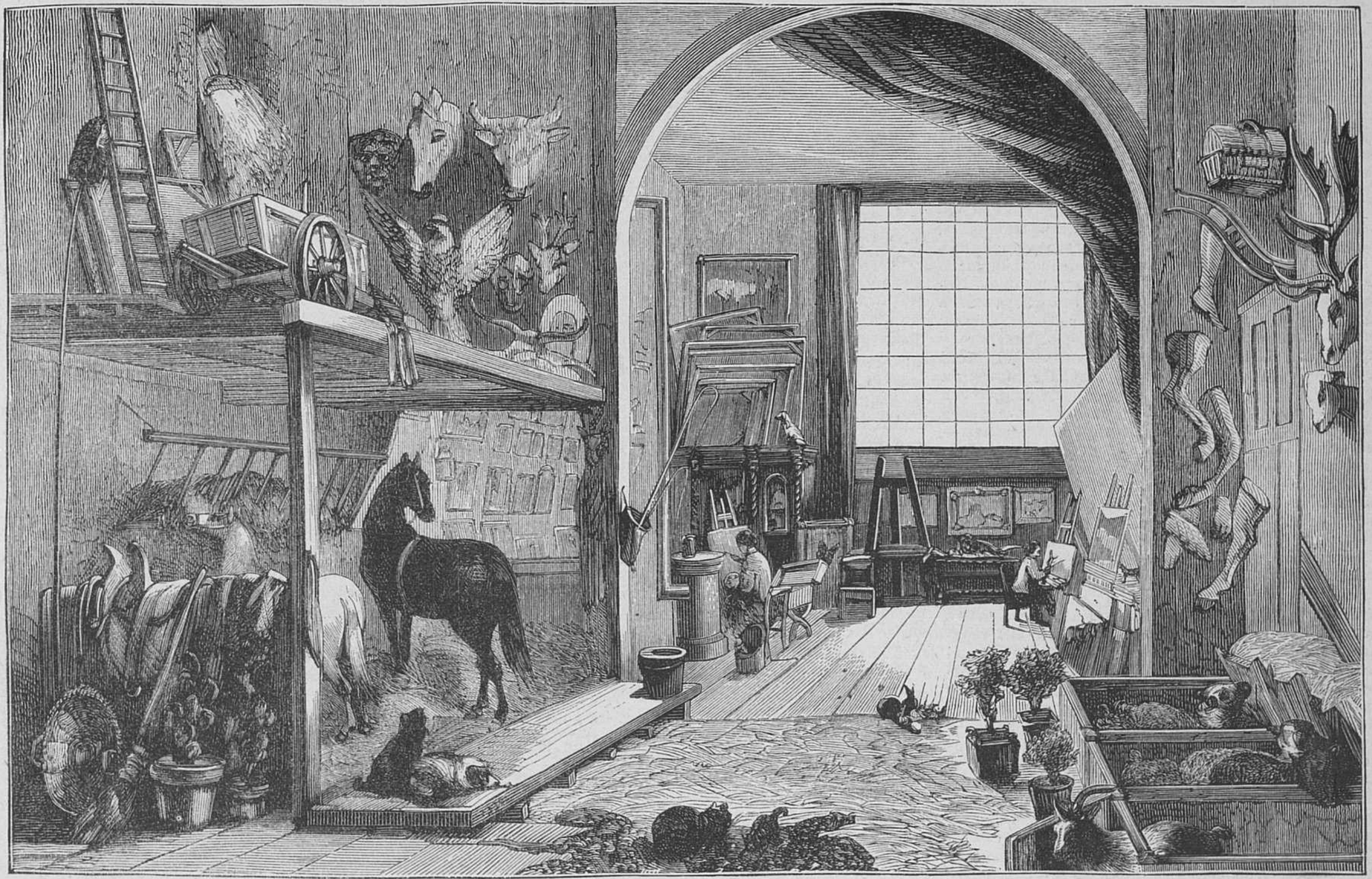
Роза Бонеръ дочь художника. Оставшись очень юной послѣ смерти отца и съ небольшими средствами къ жизни, она должна была преодолѣвать большія затрудненія, чтобы удовлетворить своей жаждѣ къ рисованію съ живыхъ экземпляровъ животныхъ; иногда она переодѣвалась въ мужское платье и отправлялась, напримѣръ, на бойню, единственное мѣсто почти, гдѣ она могла изучать нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ. Учителемъ ея былъ Леонъ Копье; подъ его руководствомъ она сдѣлала быстрые успѣхи, создавая одну картину за другой и одну поразительнѣе другой по художественной правдѣ и необычайной наблюдательности надъ самыми мельчайшими и характеристичными проявленіями въ жизни животныхъ. Наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ трудовъ, ей удалось устроиться самостоятельно и даже завести свою собственную роскошную и чрезвычайно оригинальную мастерскую, изображенную на нашемъ рисункѣ. Какъ истинная художница, Роза Бонеръ, конечно, не щадитъ средствъ для обогащенія ея новыми экземплярами и еще недавно было сообщено, что ей удалось пріобрѣсти себѣ давно-желанную живую модель—великолѣпнаго льва, съ котораго она прежде рисовала свои этюды въ одномъ изъ звѣринцевъ. Кромѣ того она открыла школу рисованія для молодыхъ дѣвушекъ. Вообще, какъ по наружности, такъ и по проявленію своей дѣятельности, Роза Бонеръ представляетъ изъ себя чрезвычайно симпатичную личность, и можно только пожалѣть, что въ живописи еще такъ мало талантливыхъ представительницъ ея пола. Между тѣмъ при занятіи живописью, женщина не встрѣчается съ тѣми преградами, которыя часто не позволяютъ ей приняться за другіе роды дѣятельности, хотя бы она почувствовала къ нимъ призваніе.

Къ рисункамъ.

«У колодца» и «На охотѣ», рисунки Дж. Дэвиса. (№ 33-мъ «Жив. Обозр.»). Въ одномъ изъ предъидущихъ нумеровъ «Живописнаго Обозрѣнія» мы помѣстили одинъ изъ рисунковъ Дэвиса; желая познакомить нашихъ читателей болѣе обстоятельно съ своеобразной англійской живописью, мы помѣстили эти два рисунка, въ которыхъ особенности англійской школы выступаютъ особенно ярко. Вамъ, конечно, не разъ случалось встрѣчать на улицѣ страннаго господина, мало похожаго на окружающихъ васъ людей;—это англійскій джентльменъ, говорите вы себѣ,—и не ошибаетесь. Затѣмъ вы видите другого, столь-же страннаго господина, и ваша увѣренность, что онъ англичанинъ также непоколебима. А между тѣмъ они другъ на друга нисколько не похожи. Ихъ индивидуальности рѣзко выдѣляются въ языкѣ, жестахъ, физіономіи, привычкахъ. Они необыкновенно глубоко закрѣпили въ себѣ общій англійскій типъ, но въ тоже время личное развитіе и самостоятельная психическая работа оставили въ нихъ необыкновенно глубокіе слѣды. Тоже самое можно сказать и объ англійскомъ искуствѣ. Во всѣхъ англійскихъ произведеніяхъ искуства есть нѣчто общее, и это общее рѣзко поражаетъ васъ при сравненіи съ прочими народами Европы. Англичане, прежде всего, партикуляристы, въ томъ отношеніи, что они какъ-то ревниво охраняютъ свои личныя особенности во всемъ томъ, что дѣлаютъ; но они, кромѣ того, и англичане, т. е. во всѣхъ ихъ произведеніяхъ есть нѣчто общее, относящееся къ англійскому воспитанію, привычкамъ, міросозерцанію. Въ этомъ отношеніи они составляютъ рѣзкое исключеніе между европейскими народами. У всѣхъ англійскихъ художниковъ вы находите необыкновенную наблюдательность, воображеніе, сатиру, и чрезвычайно тонкое пониманіе колорита. Однакожь, для непривычнаго глаза, эти особенности дѣйствуютъ непріятно: воображеніе принимаетъ какую-то фантастическую форму, комизмъ кажется грубымъ, мотивы семейной жизни—жантильничаніемъ; постоянная забота о колоритѣ рѣжетъ глаза; но этотъ колоритъ эксцентриченъ или своей рѣзкостью, или такимъ страннымъ ослабленіемъ тоновъ, что картина дѣлаетъ впечатлѣніе какъ-бы выцвѣтшей хромолитографіи. Очень часто рисунокъ замѣчательно правиленъ, но кажется сухимъ и безъ характера, въ немъ незамѣчается никакой силы, а эфектъ свѣта, за которымъ англичане такъ гоняются, чаще всего непонятенъ: головы освѣщены какъ-бы изъ внутри, имѣютъ видъ фонарей. Но всѣ эти странности кажутся недостатками только для непривычнаго глаза и превращаются въ положительныя достоинства, когда вы свыкаетесь съ ними и въ особенности, когда вы поймете англійскую натуру. Прелесть англійской живописи заключается именно въ ея крайней индивидуальности, въ которой нѣтъ ничего условнаго, ничего рабски принятаго. Это — по преимуществу субъективное искуство, въ которомъ художникъ высказывается весь, съ искренностью и прямотой необыкновенными. Если онъ что-либо воспроизводитъ, то воспроизводитъ лишь собственную душу, если онъ пишетъ пейзажъ, то не передаетъ сухо и безжизненно одни лишь внѣшніе формы, — онъ только воплощаетъ свое личное чувство, навѣянное этими формами. Оттого англійскій художникъ, въ одно и тоже время, и крайній реалистъ и самый возвышенный идеалистъ; въ природѣ и въ людяхъ онъ подмѣчаетъ самыя своеобразныя явленія и формы и освѣщаетъ ихъ своимъ личнымъ чувствомъ.

Эти особенности въ особенности рѣзко выступаютъ въ рисункахъ Дэвиса. Вотъ напр. два мальчика у колодца, очевидно, пастухи и одинъ изъ нихъ пьетъ воду. Сцена происходитъ въ Италіи; въ окружающемъ пейзажѣ вы видите всѣ особенности, все богатство южной природы; пейзажъ замѣчателенъ по нѣжности тоновъ, по изяществу; мальчикъ и собака нарисованы также замѣчательно, но лица ихъ, не смотря на свою типичность, говорятъ несравненно больше и иначе, чѣмъ лица итальянцевъ; въ нихъ художникъ внесъ много своего, личнаго; оттого-то, несмотря на незатѣйливость и простоту сцены,—рисунокъ интересуетъ и приковываетъ вниманіе. Другой рисунокъ, «На охотѣ», еще болѣе любопытенъ. Это ужь почти фантастическая сцена. Ночь. Среди густой чащи лѣса протекаетъ рѣченка; нѣсколько охотниковъ въ лодкѣ отправились на охоту. На лодкѣ горитъ яркій огонь и среди густой тьмы ночи, рѣзко освѣщаетъ и воду, и деревья, и нѣсколько лебедей, которые вдали плывутъ, въ недоумѣніи глядя на этотъ яркій свѣтъ. Очень трудно сказать, въ какой части свѣта происходитъ эта сцена, но для всякаго ясно, что такую полу-фантастическую сцену могъ создать одинъ лишь англичанинъ. При всей своей фантастичности, рисунокъ необыкновенно реаленъ, потому что ярко и мѣтко передаетъ поэтическое чувство, навѣянное подобной сценой.

Миньона, картина Лефевра. Сюжетъ этой замѣчательной картины Лефевра заимствованъ, какъ извѣстно, изъ романа Гете: «Вильгельмъ Мейстеръ», но имѣетъ свое самостоятельное значеніе. Если отчаяніе составляетъ господствующій элементъ перваго романа Гете: «Вертеръ», то можно сказать, что въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» господствуетъ «надежда». Юноша, который въ мірѣ видѣлъ одну лишь странную и непонятную загадку,—теперь разгадалъ ее. Все объяснилось и приняло ясныя формы. Онъ жаловался (въ «Вертерѣ») на то, что жизнь не представляетъ ничего возвышеннаго, великаго, благороднаго; теперь онъ уже знаетъ (въ «Мейстерѣ»), что идеалъ присущъ всюду. Его безцѣльная и безпокойная экзальтація смѣнилась спокойнымъ и трезвымъ взглядомъ. Изъ разрозненныхъ и безпорядочныхъ элементовъ возникла всеобщая гармонія. Таковъ философскій смыслъ «Вильгельма Мейстера». Поэтъ вводитъ насъ въ жизнь и заботы маленькаго нѣмецкаго города. Тутъ, кажется, все тривіально и банально: и нравы, и привычки. Тѣмъ не менѣе мы и тутъ встрѣчаемъ главнѣйшіе типы человѣчества: скептикъ Серло; комерсантъ съ ограниченнымъ, практическимъ умомъ; свѣтскіе люди, разочарованные, хотя и образованные,—Лотаріо и его дядя; кокетка—Филина; воодушевленный художникъ—слѣпой музыкантъ, и среди нихъ—Вильгельмъ, представитель основной идеи романа; но рядомъ съ нимъ въ произведеніи Гете играетъ не менѣе важную роль существо, совершенно исключительное, гармонирующее вполнѣ съ своимъ временемъ, почти ребенокъ, страстный и рано развившійся, существо, стоящее на границѣ идеала и дѣйствительности, — молодая Миньона. Въ то время, какъ Вертеръ воплощаетъ въ себѣ спокойный и примирившійся разумъ, Миньона олицетворяетъ величайшіе и самые высшіе идеалы. Весьма понятно поэтому, что Миньона своей идеальной красотой и своими идеальными стремленіями соблазняла многихъ художниковъ, не смотря на трудности воспроизвести этотъ типъ въ пластическомъ искуствѣ. Извѣстный Ари Шефферъ написалъ двѣ картины на эту тему: «Mignon, aspirant au ciel» и «Mignon, regrettant la patrie». Мечтательный характеръ этого замѣчательнаго таланта и глубина философской мысли какъ нельзя болѣе отвѣчали подобному сюжету, но его непріятный, желтовато-грязный колоритъ, отсутствіе гармоніи цвѣтовъ въ значительной степени портятъ впечатлѣніе этихъ двухъ картинъ. Въ наше время другой французскій художникъ громаднаго таланта задумалъ въ свою очередь попробовать свои силы на идеальномъ типѣ Гете, и нельзя не замѣтить, что его попытка вышла во многомъ удачнѣе попытки Ари Шеффера. Трудность задачи заключается именно въ томъ, чтобы передать идеальныя стремленія Миньоны въ ясныхъ и опредѣленныхъ пластическихъ формахъ. Этотъ идеальный міръ Миньоны художникъ долженъ выразить не только въ лицѣ, не только во всей позѣ, но и въ окружающемъ пейзажѣ. «Миньона» Лефевра—произведеніе очень талантливое, хотя и не лишенное недостатковъ. Прелестная фигура молодой дѣвушки, съ какой-то задумчивостью смотрящей въ даль, въ открытое море, изящный рисунокъ и необыкновенная роскошь красокъ (чего не доставало Ари Шефферу),—вотъ главныя достоинства картины. Нельзя, однакожь, не замѣтить, что типъ лица, почти французскій, или, вѣрнѣе, нормандскій, типъ, въ которомъ болѣе реальнаго ума, чѣмъ идеальныхъ стремленій, не вполнѣ соотвѣтствуетъ представленію, которое мы составляемъ себѣ изъ романа Гете. Но это одинъ изъ тѣхъ недостатковъ, которыхъ почти невозможно было избѣжать художнику.



Мастерская Розы Бонёръ.

Рѣзалъ на дерезѣ Боярскій.

«Горе» и «Радость», два рисунка Рёгге. Отъ идеальной пластики Лефевра до мѣщанскаго жанра Рёгге и вообще нѣмецкихъ жанристовъ,—шагъ довольно значителенъ, но понятенъ. Какъ тутъ, такъ и тамъ, мы имѣемъ дѣло съ искуствомъ, только въ различныхъ его примѣненіяхъ. У Лефевра класическій рисунокъ, изящная кисть, идеализированные типы отвѣчаютъ извѣстнымъ возвышеннымъ стремленіямъ нашего духа; рѣзкіе же типы реальной жизни, и жизни по преимуществу нѣмецкой, въ изображеніяхъ Рёгге принадлежатъ уже къ области чистаго юмора. Обѣ картинки Рёгге прелестны въ своемъ родѣ. На одной—«Горе»,—мы видимъ почтеннаго, стараго бюргера, который вздумалъ было заводить свои стѣнные, нюрембергскіе часы, но часы оборвались съ крючка и полетѣли на полъ, оглушая его трескомъ своего боя. Въ другой «Радость», тотъ-же почтенный бюргеръ, съ заложенными назадъ руками, въ которыхъ держитъ нѣмецкую трубочку, съ видимымъ удовольствіемъ разсматриваетъ плодъ своихъ усилій: нѣсколькихъ жирныхъ и здоровыхъ свиней, морды которыхъ выглядываютъ изъ-за рѣшетки,—свиней, которыхъ онъ выхолилъ съ усердіемъ и настойчивостью, достойными лучшей доли. Въ обѣихъ картинахъ не только схвачены особенности типа, но переданы также съ большею наблюдательностью душевныя движенія почтеннаго бюргера въ эти важныя эпохи въ его жизни.

Деревенская дорога, рисунокъ Ф. А. Васильева. Этотъ рисунокъ, набросанный совершенно наскоро, тѣмъ не менѣе замѣчателенъ по тому поэтическому чутью, которымъ въ такой значительной степени отличался талантъ Васильева. Но, если можно такъ выразиться, поэзія русской природы,—грустная и неприглядная, сѣрая и невыдающаяся, безъ яркихъ эфектовъ и яркаго солнца, но заманчивая именно своей грустью и своей бѣдностью. Этотъ характеръ русской природы Васильевъ передавалъ съ высокимъ талантомъ. Група деревьевъ въ дали, вода на первомъ планѣ, плотина, которая тянется однообразно и скучно, вороны, бродящія по берегу, сѣрое небо, все это необыкновенно вѣрно схвачено и въ тоже время чрезвычайно живописно.

Наймичка (изъ поэмы Т. Г. Шевченко), рисунокъ П. Мартиновича. Поэма Шевченко, изъ которой заимствованъ сюжетъ этого рисунка г. Мартиновича, достаточно извѣстна и передавать содержаніе ея здѣсь не представляется никакой необходимости. Молодой художникъ, посвятившій себя, какъ кажется, исключительно на воспроизведеніе малоросійскихъ типовъ, обѣщаетъ въ будущемъ талантливаго жанриста. Его малоросійскіе типы очень характерны и вѣрно схвачены. Въ особенности хороши въ этомъ отношеніи—сидящіе старикъ и старуха съ ребенкомъ на рукахъ. Менѣе удачно, по нашему мнѣнію, вышла сама Наймичка; рисунокъ не дурно и умѣло скомпанованъ, но въ немъ еще замѣтны кое какіе недостатки: рисунокъ грубоватъ и мѣстами не вѣренъ; въ фигурахъ нѣтъ движеній. Видно, что рука художника еще очень неопытна и карандашъ робко скользитъ по бумагѣ. Не смотря, однакожь, на эти существенные недостатки, отъ которыхъ молодой художникъ освободится со временемъ, въ его иллюстраціи къ поэмѣ Шевченко талантливо переданы малоросійскіе типы.

Правительственныя распоряженія.

Высочайшимъ приказомъ, 17 сего августа, его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ Старшій, генералъ фельдмаршалъ, главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, генералъ-инспекторъ кавалеріи и по инженерной части и предсѣдатель главнаго комитета по устройству и образованію войскъ, согласно прошенію его, всемилостивѣйше уволенъ отъ должности главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ должностяхъ и званіяхъ.

Его Императорское высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, командиръ гвардейскаго корпуса, назначенъ командующимъ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ.

Его императорское высочество великій князь Владиміръ Александровичъ, начальникъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, назначенъ командующимъ гвардейскимъ корпусомъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ.

Въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» напечатаны слѣдующіе приказы по войскамъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Августа 19-го дня. Высочайшимъ приказомъ отъ 17 го сего августа, согласно прошенія Моего, Я всемилостивѣйше уволенъ отъ должности главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Съ чувствомъ глубокой скорби разстаюсь Я съ высочайше ввѣренными Мнѣ войсками. Въ рядахъ гвардіи Я началъ Свою службу и провелъ въ ея средѣ 29 лѣтъ. Лучшее время Моей жизни и лучшія Мои радости связаны именно съ этимъ періодомъ. Командуя послѣдовательно дивизіономъ, бригадою, дивизіею, резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ и, наконецъ, петербургскимъ военнымъ округомъ, Я успѣлъ сродниться съ этими частями и искренно ихъ полюбить. Во все это время Я былъ свидѣтелемъ того беззавѣтнаго выполненія всѣми подчиненными Мнѣ чинами служебнаго долга, которое составляетъ вѣрный залогъ истинной силы арміи. Лучшею оцѣнкою частныхъ трудовъ для общаго блага войскъ округа можетъ служить то отличное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе, въ которомъ войска эти всегда и вездѣ представлялись Державному нашему Вождю, постоянно удостоиваясь дорогаго для каждаго изъ насъ «Царскаго Спасибо». Сознавая силу своей боевой подготовки и горя желаніемъ на дѣлѣ оправдать постоянныя къ нимъ милости Его Императорскаго Величества, войска округа неудержимо стремились сойдтись съ врагомъ грудь съ грудью. Еще далеко до объявленія минувшей войны, Я слышалъ неоднократныя сѣтованія войскъ округа на возможность, при открытіи военныхъ дѣйствій, назначенія ихъ въ резервъ,—назначенія, столь противорѣчившаго укоренившемуся въ нихъ самопожертвованію. Подобнымъ опасеніямъ доблестныхъ войскъ, къ ихъ великой радости, не было суждено осуществиться: вслѣдъ за переходомъ Дуная, Государю Императору высочайше благоугодно было значительную часть войскъ округа призвать къ оружію. Не смотря на трудную задачу, выпавшую на долю гвардіи, и на жестокій огонь, въ который попала она съ перваго же боеваго шага, Я долженъ засвидѣтельствовать,—предназначенная ей цѣль была достигнута ею блистательно. Съ болью въ сердцѣ вспоминая о понесенныхъ войсками тяжелыхъ потеряхъ, Я вмѣстѣ съ тѣмъ горжусь сослуженною ими тогда Царю, вѣрою и правдою, боевою службою, обезсмертившею старую славу гвардіи, поддержавшею честь войскъ округа и вызвавшею всеобщее и вполнѣ справедливое удивленіе къ ихъ подвигамъ. Какъ главнокомандующій округомъ, подъ главнымъ руководствомъ котораго гвардія и всѣ прочія входящія въ его составъ части войскъ получили свое образованіе, и какъ главнокомандующій, которому монаршимъ довѣріемъ была ввѣрена дѣйствовавшая армія, я счастливъ открыто признать, что выказанныя войсками въ бою и въ походѣ доблесть, храбрость и дисциплина, удостоенныя высочайшей благодарности, превзошли и мои ожиданія. Преподставленная програма обученія была такимъ образомъ вполнѣ выполнена и долговременные труды мирнаго времени блистательно увѣнчаны боевою провѣркою. Закрѣпивъ связь съ высочайше ввѣренными мнѣ войсками не только въ мирное, но и въ военное время, теперь, въ горькую минуту разставанія, вызваннаго состояніемъ моего здоровья, мнѣ не легко съ вами прощаться. Утѣшеніемъ въ разлукѣ да послужитъ мнѣ твердая увѣренность, что въ войскахъ гвардіи и округа навсегда сохранятся безпредѣльная любовь и безграничная преданность къ обожаемому Монарху, тотъ воинскій духъ и та непоколебимая дисциплина, настоящее утвержденіе которыхъ въ ихъ средѣ преисполняетъ мое сердце чувствомъ полнаго удовлетворенія. Уношу съ собою эту увѣренность тѣмъ съ большимъ основаніемъ, что Государю Императору, въ постоянномъ высокомилостивомъ къ войскамъ вниманіи, благоугодно было петербургскій военный округъ ввѣрить его императорскому высочеству Наслѣднику Цесаревичу о довѣріи и любви котораго къ войскамъ свидѣтельствуютъ какъ Его заботы по доведенію гвардейскаго корпуса до современнаго всесторонняго благоустройства, такъ и все время его славнаго командованія рущукскимъ отрядомъ. Сознавая, что безъ частныхъ усилій было бы невозможно и столь удачное довершеніе общаго успѣха дѣла, я сердечно благодарю всѣхъ бывшихъ и настоящихъ моихъ сотрудниковъ, облегчавшихъ мнѣ общее направленіе и руководство. Я никогда не забуду дѣятельныхъ и плодотворныхъ трудовъ, на пользу дорогихъ мнѣ войскъ гвардіи и округа, постоянно проявляемыхъ его императорскимъ высочествомъ, командиромъ гвардейскаго корпуса, моимъ помощникомъ по должности главнокомандующаго, командиромъ 1-го армейскаго корпуса, начальниками отдѣловъ военно-окружныхъ управленій, всѣми начальствующими лицами и чинами генеральнаго штаба. Благодарю гг. офицеровъ, отличными и усердными трудами которыхъ успѣхъ воспитанія и образованія войскъ округа былъ прочно обезпеченъ, а нижнимъ чинамъ мое спасибо за ихъ стараніе и доброе поведеніе. Приказъ этотъ прочесть въ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ и командахъ. Подписалъ: Главнокомандующій, генералъ-фельдмаршалъ Николай.

Августа 19-го дня. Государю Императору благоугодно было ввѣрить мнѣ войска гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Вступая въ командованіе этими войсками, я высказываю полную увѣренность въ томъ, что новые сотрудники мои облегчатъ мнѣ возможность оправдать оказанное настоящимъ назначеніемъ высочайшее довѣріе и общими дружными усиліями поддержать то отличное состояніе, въ которомъ войска гвардіи и петербургскаго военнаго округа, благодаря 16-ти-лѣтнимъ трудамъ августѣйшаго ихъ главнокомандующаго, до сего постоянно представлялись Его Императорскому Величеству. Подписалъ: Командующій войсками, генералъ-адъютантъ Александръ.

Смѣсь.

— **Браки у животныхъ.** Читатели, вѣроятно, не посѣтуютъ на насъ за извлеченіе изъ интереснаго сочиненія, недавно выпущеннаго въ свѣтъ Людв. Бюхнеромъ, подъ заглавіемъ «Любовь и выраженія любви въ царствѣ животныхъ». Изъ многочисленныхъ примѣровъ, приводимыхъ авторомъ въ пользу его наблюденій, мы выбираемъ тѣ, въ которыхъ говорится о бракѣ и о супружеской жизни животныхъ. «Какъ о бракѣ? скажетъ иной читатель, съ удивленіемъ покачивая головой.—Развѣ возможенъ бракъ у животныхъ; возможно-ли, чтобы у нихъ существовало нѣчто другое, а не безпорядочное, на минутномъ побужденіи основанное сношеніе половъ?»—«Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бракъ у животныхъ—твердо установившееся учрежденіе», отвѣчаетъ Бюхнеръ. «Едва-ли нужно говорить о томъ, продолжаетъ авторъ, что бракъ у животныхъ есть союзъ, заключенный далеко не только съ цѣлью размноженія, но что, по выраженію В. Вундта, этотъ союзъ, поддерживается извѣстнымъ нравственнымъ чувствомъ». Невѣрно также всеобщее предположеніе, что семейные узы между родителями и дѣтьми у животныхъ совершенно разрываются съ достиженіемъ этими послѣдними самостоятельности, такъ какъ Бюхнеръ приводитъ поразительные примѣры въ пользу противоположнаго взгляда. Идеальнымъ и образцовымъ бракомъ у животныхъ, онъ считаетъ бракъ у птицъ. Большинство изъ нихъ остается на всю жизнь вѣрнымъ браку, разъ заключенному; у нѣкоторыхъ породъ встрѣчается многоженство или многомужіе. Нѣкоторыя птицы слетаются на собранія, и тутъ, съ общаго согласія, заключаются пожизненные союзы. Такъ, напр., Дарвинъ разсказываетъ о большой свадьбѣ сорокъ; эти птицы собираются ежегодно весной въ опредѣленномъ мѣстѣ. Всякій можетъ видѣть, какъ онѣ групами, усердно болтая, иногда вступая другъ съ другомъ въ драку, хлопотливо летаютъ между деревьями. Когда онѣ разстаются, всѣ соединились попарно.

Нѣжная и вѣрная любовь нѣкоторыхъ попугаевъ всѣмъ извѣстна. Бонне разсказываетъ, что онъ 4 года имѣлъ у себя одну изъ такихъ парочекъ; самка наконецъ такъ постарѣла, что отъ старости не могла уже доходить до своего корытца. Тогда самецъ сталъ ее кормить и когда она отъ слабости не была въ состояніи собственными силами добираться до жердочки, онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы служить ей опорой. Когда-же она умерла, самецъ въ большомъ волненіи бѣгалъ взадъ и впередъ, стараясь заставить ее принять пищу, то тихо смотрѣлъ на нее, то жалобно кричалъ и, спустя нѣсколько мясяцевъ, умеръ. Почти тоже замѣчено у всѣхъ птицъ, живущихъ, такъ сказать, обществами, компаніями: онѣ рѣдко переживаютъ смерть своего сожителя; Бремъ приводитъ примѣръ, что самка Филина такъ грустила послѣ смерти своего многолѣтняго сожителя, что сама вскорѣ умерла. Замѣчательнѣе-же другихъ по своей любви къ сожителю красивая свѣтлозеленая Александрова перюша, которая теперь такъ часто встрѣчается прирученной въ Европѣ, а на своей родинѣ, въ Австраліи, живетъ большими обществами, гдѣ однако никогда отдѣльныя пары не теряютъ и не покидаютъ другъ друга. Вслѣдствіе этого постояннаго пребыванія вмѣстѣ, попарно, ихъ легко узнать между другими попугаями. Конечно, онѣ настолько-же сильно ревнуютъ, насколько и любятъ. Неберъ, имѣвшій 2 пары такихъ птицъ, лишился обоихъ самцовъ; по прошествіи довольно долгаго срока, онъ добылъ самца. Когда новаго самца пустили въ клѣтку къ вдовамъ, которыя до тѣхъ поръ жили въ ладу, въ нихъ проснулась ревность; отвергнутая вдова пришла въ бѣшенство, бросилась на счастливую невѣсту, вцѣпилась ей въ хвостъ и вырвала ей перья. Ее пришлось удалить и предоставить ей другого жениха, съ которымъ она—странное исключеніе—жила далеко не дружно, вѣроятно, оттого, что не могла забыть перваго, на ея глазахъ отнятаго у нея жениха.

Изъ европейскихъ птицъ, кромѣ аиста, искренностью своей супружеской и семейной жизни отличаются въ особенности ласточки и голуби. Тѣмъ трагичнѣе бываютъ столкновенія, вызываемыя у этихъ птицъ, какъ и у людей, ссорой, невѣрностью или ревностью. Остановимся на одномъ примѣрѣ. Въ гостинной пивоварни силезскаго городка Ломницъ пара ласточекъ съ 4 птенцами устроила себѣ гнѣздо, не смущаясь шумомъ трактирной жизни. Чтобы вылетать и влетать, птицы пользовались открываніемъ дверей посѣтителями. На слѣдующій годъ онѣ вернулись сюда. Пивоваръ Штейнъ, который заинтересовался птицами и сталъ внимательно за ними слѣдить, увидѣлъ, что однажды самецъ прилетѣлъ въ гнѣздо съ чужой самкой; это обстоятельство подало законной супругѣ поводъ къ серьезной борьбѣ. Но такъ какъ бой имѣлъ для нея неблагопріятный исходъ, пивоваръ захотѣлъ придти къ ней на помощь и вынесъ по этому нарушительницу тишины за дверь. По ошибкѣ-же онъ схватилъ прежнюю самку, которая тотчасъ-же возвратилась въ гнѣздо и стала такъ энергично защищать его, что вѣроломная пара увидѣла себя принужденной свить себѣ новое гнѣздо близъ стараго жилья. Обиженная самка, которая съ этихъ поръ покидала свое гнѣздо лишь на короткіе сроки, съ тихой грустью смотрѣла на измѣну мужа. Къ ней навѣдывались другія ласточки, очевидно, для того, чтобы узнать о положеніи дѣлъ. Но по прошествіи нѣсколькихъ дней одиночества, самка, казалось, утратила прежнюю энергію; новая парочка бросилась на нее, изуродовала и выгнала бѣдняжку изъ гнѣзда и комнаты, послѣ чего побѣдители бросили постройку новаго гнѣзда и окончательно водворились въ старомъ. Новая самка скоро стала нести яйца.

Гораздо лучше этого вѣроломнаго самца поступилъ молодой голубь, о которомъ Ф. Мюнхъ разсказываетъ трогательный фактъ. Мюнхъ имѣлъ случай наблюдать за нимъ въ голубятнѣ своего родительскаго дома. Этому голубю дали довольно пожилую голубку, которая вскорѣ стала неспособна нести яйца. Но вмѣсто того, чтобы покинуть ее, онъ, не думая о другихъ самкахъ, продолжалъ охранять свою сожительницу и ухаживать за нею до тѣхъ поръ, пока смерть старухи не уничтожила прекрасныхъ узъ, ихъ соединявшихъ.

Еще болѣе поразительный примѣръ супружеской вѣрности представила замѣченная Бонне китайская утка, сожитель которой былъ украденъ въ одну прекрасную ночь. Въ уткѣ тотчасъ-же обнаружились самые несомнѣнные признаки печали; она забралась въ уголокъ и отказалась принять пищу. Когда къ ней подошелъ другой самецъ и пытался утѣшать ее, она грубо оттолкнула новаго претендента и продолжала горевать. Между тѣмъ ея старый другъ былъ найденъ и возвращенъ ей. Замѣчательны были громкія проявленія радости, которыми парочка праздновала свое новое соединеніе, но еще болѣе странно, что самецъ, повидимому, узналъ, что у него нашелся соперникъ за время его отсутствія, такъ какъ законный супругъ отыскалъ его и умертвилъ.

Наоборотъ, бываютъ случаи двоеженства, гдѣ обѣ соперницы живутъ въ добромъ согласіи. Д-ръ Мейеръ видѣлъ примѣръ этому у обыкновенной ласточки; примѣръ этотъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что ласточки, какъ извѣстно, годами живутъ съ одной самкой. Въ данномъ-же случаѣ обѣ самки, сидѣвшія на яйцахъ недалеко другъ отъ друга, каждая въ своемъ гнѣздѣ, превосходно ладили другъ съ другомъ. Но фактъ этотъ представляетъ исключеніе. Правило-же таково, что животныя, живущія съ одной самкой, отлично понимаютъ, что сношенія съ другой отнюдь не должно происходить на глазахъ законной половины.

Что касается супружеской любви и привязанности прочихъ животныхъ, мы видимъ множество примѣровъ, доказывающихъ, что, въ большинствѣ случаевъ, они практикуютъ тоже, что и птицы, а въ единичныхъ примѣрахъ даже превосходятъ ту или другую имъ свойственную черту. Интересенъ и поучителенъ разсказъ знаменитаго охотника на львовъ Жерара. По его словамъ, левъ никогда не покидаетъ своей супруги безъ крайней необходимости и постоянно показываетъ ей самую сильную любовь и уваженіе. Отправляются-ли они вмѣстѣ на поиски за добычей, супругъ останавливается, когда только вздумается супругѣ; въ то время какъ львица, лежа, отдыхаетъ, левъ отправляется за добычей; принеся ее, онъ съ большимъ удовольствіемъ смотритъ, какъ ѣстъ его супруга; когда она совершенно насытится, онъ вспоминаетъ и о себѣ.

У морскихъ свинокъ самецъ и самка постоянно нѣжничаютъ другъ съ другомъ: то облизываютъ одинъ другого, то чешутъ другъ другу шерсть когтями переднихъ ногъ. Если одинъ спитъ, другой, бодрствуя, охраняетъ его, и если сонъ сожителя ему покажется слишкомъ продолжительнымъ, онъ нѣжно будитъ его языкомъ и когтями и затѣмъ въ свою очередь засыпаетъ. Самецъ въ особенности всячески старается доказать самкѣ любовь и привязанность.

Носороги, по словамъ Нолля, чувствуютъ другъ къ другу трогательную любовь. Если одинъ изъ нихъ ложится, другой располагается рядомъ, часто такимъ образомъ, что его голова покоится на животѣ товарища; если первый встаетъ, второй тоже поднимается, если одинъ расхаживаетъ по клѣткѣ, другой дѣлаетъ тоже самое; если самецъ приступаетъ къ ѣдѣ, самка также чувствуетъ потребность въ пищѣ; чуть только она зоветъ самца, онъ откликается, и наоборотъ.

О. Корвенъ разсказываетъ замѣчательный случай супружеской вѣрности лисицы. Однажды лѣсничій изъ окрестностей Ганау, имѣвшій молодую лягавую собаку, подстерегъ лисицу у ея норы и выстрѣлилъ ей въ заднія ноги. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы дать собакѣ возможность задушить лисицу безъ особеннаго страха передъ сильнымъ сопротивленіемъ. Но едва начался бой, какъ появилась ея сожительница и стала поддерживать супруга, не страшась присутствія охотника. Когда послѣдній приблизился, она, правда, отошла немного въ сторону, но осталась сидѣть и со страхомъ смотрѣла на бой раненнаго супруга съ собакой до тѣхъ поръ, пока охотникъ, снова зарядивъ ружье, не положилъ ее на мѣстѣ. «Если бы, говоритъ Корвенъ,—такъ поступила женщина, ея имя прославляли бы въ пѣсняхъ, лисой-же руководилъ лишь инстинктъ. Обладай она разумомъ, она убѣжала бы, сломя голову, довольная, что избавилась отъ изувѣченнаго мужа.

Обезьяны, тѣсная семейная жизнь и чадолюбіе которыхъ обратились въ пословицу, представляютъ поразительные примѣры супружеской любви и вѣрности. У обезьянъ, имѣющихъ по одному сожителю, оба пола живутъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ, почти никогда не разстаются и спятъ вмѣстѣ. Едва-ли нужно говорить о томъ, что при страстномъ темпераментѣ ихъ ревность играетъ немаловажную роль въ ихъ семейной жизни. Однажды въ звѣринцѣ Корвенъ былъ свидѣтелемъ преинтересной сцены ревности. Позади маленькой, веселой парочки обезьянъ сидѣла большая задумчивая обезьяна, которая не разъ обнимала и согрѣвала свою маленькую сосѣдку (она была впятеро меньше) безъ всякаго вмѣшательства со стороны ея супруга. Этой снисходительности, безъ сомнѣнія, не мало способствовало то обстоятельство, что супругъ самъ былъ не прочь завязать интрижку съ маленькой кокетливой женой сосѣда справа, легкомысленно обращавшаго больше вниманія на сосѣдніе сосуды съ ѣдой, чѣмъ на свою половину. Однажды маленькая супруга спала на рукахъ своего большого обожателя, какъ невинное дитя на груди матери, а лакомка-супругъ сосѣдки былъ занятъ тѣмъ, что старался стащить далеко отъ него лежащую грушу. Этой-то благопріятной минутой воспользовался вѣроломный супругъ маленькой спящей жены, чтобы окончательно завязать интригу съ кокеткой сосѣдкой; обѣ встрѣтились на полпути, что было неизбѣжно, такъ какъ онѣ были на цѣпи. Казалось, ничто ихъ счастью не препятствовало, какъ вдругъ съ быстротой молніи маленькая жена бросилась изъ объятій своего колосальнаго ухаживателя на влюбленную пару, сперва—чисто по женски—отвѣсила пощечину своей соперницѣ, потащила своего супруга за ухо въ домашнюю главную квартиру и тутъ доказала ему ad hominem, вѣрнѣе, ad simiam, что не приходится ему расточать любовь свою посторонней.

— **Выгоды 40-дневнаго поста.** Американскія газеты сообщаютъ, что д-ръ Таннеръ заработалъ своимъ искусомъ изрядную сумму денегъ. Собственный его выигрышъ на пари составляетъ 5,000 долларовъ, кромѣ того на его долю приходится 12,223 доллара изъ суммы, выигранной однимъ агенствомъ; затѣмъ съ продажи фотографическихъ карточекъ выручено Таннеромъ 1,500 долларовъ, платы за входъ съ посѣтителей получено 78,915 долларовъ; отъ различныхъ фабрикантовъ за разрѣшеніе украсить ярлычки на своихъ товарахъ фамиліей Таннера получено 11,102 доллара; получено въ даръ: отъ университета—3,000 долларовъ; отъ штата Огайо—5,000 долларовъ; отъ неизвѣстнаго—1,000 долларовъ; отъ фирмы Либихъ и К^{o}—20,000 долларовъ. Итого—137,640 долларовъ.

— **Непомѣрной величины градъ и буря.** Въ «Пет. Газ.» передаютъ о слѣдующемъ случаѣ. 7 августа, въ 11 часовъ вечера, пасажирскій поѣздъ изъ Базіаша прибылъ въ Темешваръ, въ Венгріи, опоздавъ на полчаса. Вагоны, а также и локомотивъ, оказались во многихъ мѣстахъ попорченными, всѣ стекла въ окнахъ разбитыми, на пасажирахъ лица не было отъ страха. Дѣйствительно, съ поѣздомъ случилось нѣчто чрезвычайное. Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ вечера, когда путешественники находились между Деттой и Моравицей, вдругъ разразилась буря и градъ съ кулакъ величиной сталъ формально бомбардировать поѣздъ, масса льда обрушилась на крыши вагоновъ, гигантскія градины разбили въ дребезги всѣ стекла и съ трескомъ и свистомъ устремились внутрь вагоновъ, откуда вскорѣ послышались вопли и стоны ушибленныхъ и раненыхъ пасажировъ. Сила ледяныхъ бомбъ была столь велика, что онѣ проникли въ топку локомотива, вслѣдствіе чего поѣздъ принужденъ былъ остановиться. Пасажиры, въ которыхъ со всѣхъ сторонъ сыпались градины и между коими чрезъ нѣсколько минутъ оказалось много раненыхъ, искали спасенія подъ скамьями, но и тамъ многіе были ушиблены. Къ счастью, поѣздная прислуга, среди общаго ужаса и страшнаго замѣшательства, вела себя примѣрно. Сдѣлано было все возможное, чтобы защитить путешественниковъ отъ свирѣпствовавшихъ стихій: принесли немедленно перевязочныя средства, которыя, по уставу, долженъ имѣть въ запасѣ каждый поѣздъ на случай несчастій, перевязали раненыхъ, привели въ порядокъ машину и двинулись впередъ, спѣша выбраться изъ сферы града. Одна дама, которой градина въ фунтъ вѣсомъ попала въ голову, ранена весьма тяжело, большинство-же путешественниковъ отдѣлались пораненіями въ руки, которыми они старались защитить лицо. Поѣздъ получилъ столь существенныя поврежденія, что вагоны оказались негодными для дальнѣйшаго переѣзда въ Пештъ и ихъ пришлось перемѣнить въ Темешварѣ, что вызвало новую значительную задержку. Какъ ни много бываетъ разныхъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ, — разсказанный случай едва-ли не единственный въ своемъ родѣ.

— **Лошадь убитая личинкою мухи.** Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ одномъ изъ собраній ученаго общества въ Сорбонѣ было сдѣлано интересное сообщеніе, заслуживающее вниманіе не однихъ только спеціалистовъ. Породистая лошадь 5 лѣтъ, кличка Жильбертъ, отличавшаяся замѣчательной игривостью и всегда очень бодрая, вдругъ, въ одну ночь, безъ всякой видимой причины, заболѣла сильными конвульсивными припадками. На слѣдующій день 2 ноги ея, правую переднюю и лѣвую заднюю, совершенно свело, причемъ онѣ не обнаруживали ни малѣйшаго движенія, даже когда ихъ раздражали; 2 другія ноги, напротивъ, находились въ постоянныхъ конвульсивныхъ движеніяхъ. Кромѣ того, во время припадка, шея несчастнаго животнаго судорожно и при томъ съ необыкновенною силою пригибалась постоянно въ лѣвую сторону. Животное не могло болѣе выполнять свои естественныя отправленія и, наконецъ, по истеченіи трехдневныхъ мученій, погибло. При вскрытіи трупа, съ цѣлью опредѣлить причину этой совершенно-неожиданной болѣзни, прежде всего былъ обнаруженъ сильный приливъ крови къ оболочкамъ головного мозга. Затѣмъ на лѣвомъ краѣ, у луковицы спиннаго мозга, близь продолговатаго, была найдена небольшая круглая рана, проходящая въ видѣ тонкаго канала во внутрь мозга. Ближайшее изслѣдованіе этого канала обнаружило въ немъ небольшую личинку, покрытую густою слизью. Эта личинка, еще молодая, оказалась принадлежащей двукрылому насѣкомому, именно оводу. Личинки этого насѣкомаго очень часто встрѣчаются въ желудкѣ лошади, не причиняя впрочемъ послѣдней особыхъ поврежденій. Въ большемъ количествѣ эти личинки были также найдены и въ желудкѣ у погибшей лошади, но одна изъ нихъ проникла отсюда почти къ продолговатому мозгу и, вліяя на двигательные центры, послужила причиною указаннымъ выше конвульсивнымъ припадкамъ. Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что подобные случаи смерти отъ проникновенія личинки насѣкомаго во внутрь головного мозга извѣстны также и съ человѣкомъ. Такова именно личинка одного насѣкомаго въ Кайенѣ, похожаго на орѣхотворку; въ Мехикѣ есть также одно насѣкомое, личинка котораго указаннымъ-же путемъ причиняетъ очень часто смерть собакамъ, а иногда даже и людямъ.

— **Двойныя лодки Соединенныхъ штатовъ.** Въ Соединенныхъ штатахъ, именно на одномъ изъ озеръ Нью-Іорка, появились недавно лодки, обращающія на себя вниманіе своей оригинальной конструкціей: каждая лодка состоитъ изъ двухъ баркасовъ, плотно соединенныхъ бокъ о бокъ, благодаря чему является возможность, безъ всякаго опасенія, употреблять очень большой и длинный парусъ, что въ свою очередь обусловливаетъ быстроту и легкость этихъ двойныхъ лодокъ. О быстротѣ и легкости ихъ можно судить уже потому, что во время гонокъ двойныя лодки не имѣли себѣ соперниковъ и безъ всякаго труда обгоняли всѣ обыкновенныя лодки. Такимъ-же образомъ, благодаря своему двойному килю, онѣ отличаются крайней чувствительностью на поворотахъ и могутъ быть съ такою легкостью управляемы на парусахъ, какъ ни одна обыкновенная лодка. Наконецъ двойныя лодки новѣйшей конструкціи представляютъ еще одно важное преимущество: при самомъ сильномъ вѣтрѣ онѣ могутъ свободно идти на парусахъ, вовсе не опасаясь быть опрокинутыми, что для обыкновеннаго баркаса положительно невозможно.

— **Какова мать!** На скамьѣ подсудимыхъ 9-го отдѣленія парижскаго суда исправительной полиціи сидитъ ребенокъ 13—14 лѣтъ отъ роду, обвиняемый въ бродяжничествѣ. Къ судейскому столу подходитъ довольно-хорошо одѣтая, еще молодая и красивая женщина.

Президентъ. Вы мать этого ребенка? Мать. Да. През. Вы живете врозь со своимъ мужемъ? Мать. Да, мы разошлись 2 года тому назадъ. През. Съ кѣмъ-же жилъ вашъ сынъ? Мать. Съ отцомъ. През. (обвиняемому). Почему вы оставили своего отца? Обвиняемый (говоритъ заикаясь, рыдая). Потому что онъ живетъ съ женщиной, а я не хочу жить съ этой женщиной. През. Что же, она васъ била? Обв. Нѣтъ, но она заставляла меня дѣлать гадкія вещи. През. Что-же именно? Обв. Гадости съ нею, а я не хочу этого. През. (къ матери). Вы однѣ живете? Мать. Я живу съ однимъ мужчиной. През. А! Вотъ мужъ живетъ съ любовницей; вы живете съ любовникомъ... Возьмете вы къ себѣ вашего сына? Мать Нѣтъ, отецъ обязанъ содержать его. През. Развѣ вы не слыхали, что говоритъ ребенокъ: любовница вашего мужа желаетъ развратить вашего сына. Мать. Я уже сказала, что отецъ обязанъ содержать его. (Въ публикѣ восклицанія негодованія.) През. Не понимаете вы развѣ? Потеряли вы здравый смыслъ? (Къ обвиняемому:) Какимъ ремесломъ вы занимаетесь? Обв. Я разбитъ параличемъ. През. Это ужасно! Несчастный больной ребенокъ, его пытается развратить любовница вашего мужа, а вы колеблетесь взять его къ себѣ. Вѣдь это вашъ ребенокъ? Мать. Я не отказываюсь отъ него, но только я не хочу взять его къ себѣ. През. Нельзя-же послать этого несчастнаго въ исправительное заведеніе, откуда онъ выйдетъ совсѣмъ испорченнымъ. Мать. Пускай возьметъ его отецъ. (Въ публикѣ снова взрывъ негодованія.) Обв. Я не хочу идти туда. Мать. Отецъ его зарабатываетъ отъ 40 до 50 франковъ въ недѣлю; онъ можетъ содержать своего ребенка.

«Это отвратительно! это возмутительно!» раздаются голоса въ публикѣ. «Вотъ вамъ 10 франковъ!» говоритъ одинъ мужчина. «Вотъ вамъ 20, говоритъ другой,—только возьмите къ себѣ ребенка!» Мать подходитъ и беретъ предложенныя ей деньги.

През. Ну, что-же, берете вы ребенка? Мать. Его отецъ заработываетъ отъ 40 до 50 франковъ и съ его стороны подло не взять ребенка. (Въ публикѣ снова взрывъ негодованія.) През. Вы не имѣете права примѣнять къ другимъ слово «подло». Судъ предлагаетъ вамъ взять къ себѣ ребенка. Мать. Я не могу этого сдѣлать. (Новый взрывъ негодованія; мальчику съ разныхъ сторонъ даютъ деньги.) През. Судъ приказываетъ вамъ взять вашего ребенка. Мать. Повторяю, я не могу этого сдѣлать; у меня на рукахъ дѣвочка; пусть мальчика возьметъ отецъ.

Послѣ этихъ словъ послѣдовалъ страшный взрывъ негодованія въ публикѣ. Со всѣхъ сторонъ посыпались бранные эпитеты, обращенные къ этой безсердечной матери. Судебные пристава и жандармы съ трудомъ водворяютъ тишину.

През. Судъ постановляетъ: обвиняемаго, не достигшаго 16 лѣтъ, оправдать; вмѣстѣ съ тѣмъ судъ предписываетъ: водворить ребенка въ его семьѣ. Мать. Пошлите его къ его отцу. (Новый взрывъ негодованія въ публикѣ.) Ребенокъ (сквозь слезы, угрожающимъ тономъ). Хорошо... я пойду къ папѣ... но если эта женщина... она увидитъ... она увидитъ... През. Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, возьмите вашего ребенка. Мать. Я не хочу. През. Выйдите, недостойная мать.

Мать удаляется, сопровождаемая толпой, которая бранитъ ее. Еслибы ее не защитила полиція, недостойной матери пришлось-бы очень плохо, потому что многіе изъ публики готовы были отъ угрозъ перейдти къ дѣйствіямъ.

Какова мать, отвергающая своего ребенка! Каковъ отецъ, не заботящійся даже узнать, куда исчезъ его сынъ, бѣжавшій отъ развратныхъ попытокъ его любовницы! Какая участь готовится несчастному ребенку? Хорошіе инстинкты подсказали ему, что надо бѣжать отъ похотливости развратной женщины. Но вотъ онъ возвратится въ домъ, развратница снова накинется на свою жертву и, если мальчикъ исполнитъ свою угрозу, онъ можетъ быть, совершитъ преступленіе... Много больныхъ мѣстъ въ устройствѣ человѣческихъ обществъ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ выяснились даже подходящія лекарства, но съ одной стороны апатія, а съ другой—корыстныя побужденія и эгоизмъ мѣшаютъ ихъ примѣненію и зло остается неприкосновеннымъ, хотя всѣ видятъ его.

— **Месть сѣрной кислотою.** Любовь—это прекрасное, благородное чувство, воодушевляющее поэтовъ и романистовъ къ созданію образцевъ творчества—любовь во всѣ эпохи жизни человѣчества служила поводомъ къ войнамъ, убійствамъ, грабежамъ, насиліямъ, возмутительнымъ преступленіямъ; она породила страшное мученіе—ревность и, какъ ея послѣдствіе, месть, нерѣдко доводящую человѣка до звѣрства. Оскорбленные въ своей любви мстили палкой, кулаками, ядомъ, ножемъ, револьверомъ, голодомъ и пр. Въ новѣйшее время прибавилось еще одно ужаснѣйшее средство: обезображиваніе лица посредствомъ сѣрной кислоты. Это возмутительное средство практикуется все чаще и чаще, въ особенности во Франціи. Такъ недавно случай такой мести обнаружился въ провинціальномъ городкѣ Сентѣ, въ департаментѣ Шаранты. 18 мая этого года очень красивая собою швея Мари Марешаль, 24 лѣтъ, спокойно шла по улицѣ городка, направляясь въ мастерскую. Услыша, что ее кто-то зоветъ, она остановилась и увидѣла графиню Тилли, стоявшую у подъѣзда своего дома. Какъ только Марешаль обернулась къ ней, графиня, не говоря ни слова, плеснула въ лицо красивой швеи два раза изъ пузырька жидкость, оказавшуюся сѣрной кислотой, и тотчасъ-же скрылась въ подъѣздѣ. Кислота попала въ глазъ несчастной и совершенно обезобразила ея лицо. Вокругъ нея тотчасъ-же собралась толпа, въ числѣ коей находился графъ Тилли, вскричавшій: «это подло!» и проводившій обезображенную женщину въ больницу.

Мѣстная полиція телеграфировала объ этомъ случаѣ прокурору въ Шаранту и получила приказъ арестовать виновную. Когда полиція вошла въ квартиру Тилли, графиня сдѣлала попытку броситься въ окно, но была удержана своимъ мужемъ. На предварительномъ слѣдствіи графиня созналась въ своемъ преступленіи, она только настаивала на томъ, что и въ мысляхъ у нея не было ослѣпить несчастную; она желала единственно обезобразить красавицу, причинившую ей много горя, разстроившаго ея здоровье. Дѣйствительно, графиня страдаетъ неизлѣчимой болѣзнью и смотритъ умирающей.

На судебномъ разбирательствѣ, 5 (17) августа, графиня Тилли слабымъ голосомъ, рыдая, разсказала, какую горестную жизнь она вела и что побудило ее, женщину кроткую и уважаемую всѣми, на возмутительное преступленіе. Очень хорошо образованная, красивая, 20 лѣтъ отъ роду, въ 1867 году она вышла замужъ за графа Тилли. Сначала супруги жили счастливо и согласно и плодомъ ихъ сожительства было 4 дѣтей. Въ 1876 году графъ охладѣлъ къ своей супругѣ, но продолжалъ еще относиться къ ней съ уваженіемъ, но съ 1878 года сталъ иногда оскорблять ее, издѣваясь надъ ея болѣзнью, которая постепенно перешла въ неизлѣчимую. Графиня знала причину холодности мужа; она также не сомнѣвалась въ скоромъ смертельномъ исходѣ своей болѣзни. Она страстно любитъ своихъ дѣтей; раздумывая о томъ, что станется съ ними въ случаѣ ея смерти, если мужъ ея возьметъ въ домъ свою любовницу, графиня не разъ заговаривала съ нимъ объ этомъ. Графъ отмалчивался, но однажды, когда графиня, сильно кашлявшая въ этотъ день, показала ему свой окровавленный платокъ и сказала:—«Посмотрите, я скоро умру!»—онъ жестко, хладнокровно отвѣчалъ:—«Ну чтожъ, какъ только вы умрете, я женюсь на этой дѣвушкѣ и она будетъ матерью вашихъ дѣтей!» Наканунѣ преступленія, графиня, рѣшившаяся ѣхать на воды, просила мужа провести съ нею вечеръ; онъ наотрѣзъ отказался и отправился къ Мари Марешаль. Графиня въ отчаяніи едва было не лишила себя жизни. Всю ночь она не могла уснуть, думала горькую думу и планъ возмутительнаго преступленія созрѣлъ въ ея больномъ, истрадавшемся мозгу. «Я рѣшилась обезобразить эту женщину, говорила, рыдая, графиня,—чтобы лишить ее возможности прельщать на будущее время мужчинъ». Утромъ она пошла въ аптеку и купила сѣрной кислоты. Возвращаясь домой, она стала размышлять и ей представился весь ужасъ ея преступленія; она уже хотѣла отказаться отъ мести и забросить пузырекъ съ сѣрной кислотой, какъ вдругъ, къ ея несчастію, увидѣла впереди себя Марію Марешаль. Кровь бросилась ей въ голову, умъ помутился и она совершила возмутительное преступленіе.

Какъ почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, графъ Тилли раззорялся на свою любовницу. Онъ продалъ имѣніе, доставшееся ему отъ матери, за 80,000 франковъ и разстратилъ эти деньги; почти такую-же сумму онъ взялъ изъ женинаго состоянія и тоже прожилъ ее. Большая часть этихъ денегъ пошла на наряды Маріи Марешаль и на кутежи съ нею. И всѣ эти деньги были прожиты въ короткое время. По словамъ Маріи Марешаль, графъ Тилли увидѣлъ ее въ первый разъ въ концѣ 1875 года: она принесла къ нему въ домъ заказанное графиней бѣлье изъ магазина, гдѣ Мари работала. Графъ влюбился въ нее и черезъ нѣсколько времени написалъ ей письмо, въ которомъ предлагалъ ей свое покровительство, увѣряя, что питаетъ къ ней только отцовскія чувства. Мари не отвѣчала; графъ написалъ новое письмо; покровительство было принято. Прошло около двухъ лѣтъ; покровитель не выходилъ изъ своей роли, о любви не было и помину. Въ 1878 году Мари какъ-то принесла работу графинѣ. Уходя домой, она встрѣтилась съ графомъ въ комнатѣ, прилегавшей къ его кабинету. «Я отдалась ему!» сказала Мари Марешаль. Съ той поры въ этой комнатѣ нѣсколько разъ происходили свиданія графа съ его любовницей, о чемъ, конечно, тотчасъ-же узнала графиня.

Марешаль съ негодованіемъ отвергала на судѣ, что она была причиной раззоренія графа. Дѣйствительно, она въ моментъ совершенія преступленія не имѣла ни гроша денегъ, такъ что графиня Тилли платила за ея лѣченіе въ больницѣ и подарила ей 20,000 франковъ, которые Марешаль приняла.

Судъ оправдалъ графиню Тилли; публика встрѣтила этотъ приговоръ съ большимъ сочувствіемъ и сдѣлала оправданной овацію на улицѣ, когда она возвращалась изъ засѣданія суда.

— **Монументъ Франклину.** Въ Шотландіи, въ м. Шанклинъ, откуда Франклинъ отправился въ экспедицію къ сѣверному полюсу, въ настоящее время сооружается монументъ въ родѣ саркофага, въ которомъ положенъ будетъ канатъ и деревянная часть якоря съ корабля «Эребусъ», недавно найденные норвежскими китоловами у береговъ Новой Земли. На монументѣ будутъ вырѣзаны имена всѣхъ лицъ, погибшихъ въ экспедиціи вмѣстѣ съ Франклиномъ.

— **Находка.** Въ Англіи, близъ Лейчестера, въ полѣ, на глубинѣ 2 футовъ, въ землѣ, случайно найденъ каменный сосудъ на подобіе вазы, въ который были какъ видно нарочно положены и тамъ хранились замѣчательные и весьма рѣдкіе въ настоящее время монеты, серебряныя вещи и другіе предметы роскоши—какъ-то: серьги, кольца и т. п., сдѣланныя изъ чистаго серебра и золота, между ними особенно замѣчательна тарелка, покрытая глазурью, очень хорошей работы, цвѣты и рѣзное украшеніе на ней на столько тонки и мелки, что почти недоступны простому невооруженному глазу. На тарелкѣ и на другихъ вещахъ гербы и имя короля Карла II. По предположенію, это та самая ваза, которую считали погибшею во время бывшаго виндзорскаго пожара и которая считалась самою древнѣйшею въ исторіи скульптуры Англіи.

— **Колекція костей и зубовъ великихъ людей.** Въ Парижѣ появилась въ продажѣ оригинальная колекція подъ названіемъ «кости и зубы великихъ людей». Тутъ находятся кости знаменитаго ученаго Сида, взятыя изъ его могилы въ Бургосѣ; кость указательнаго пальца правой руки Пьера Абеляра; волоса Элоизы; локонъ волосъ Агнесы Сорель, часть усовъ Генриха IV, найденная во время выкапыванія его тѣла изъ могилы въ Сен-Дени; зубъ Мольера, вынутый изъ черепа при перенесеніи его останковъ съ кладбища св. Іосифа на Монмартръ въ 1792 году; зубъ этотъ оправленъ въ перстень; его постоянно носилъ графъ Порталисъ. Колекцію эту купилъ герцогъ Эссексъ за 3,000 франковъ.

— **Путешествующіе камни.** Въ Австраліи существуетъ особая порода такъ называемыхъ «путешествующихъ камней», имѣющихъ свойство приближаться другъ къ другу. Камни эти круглые, величиною отъ грецкаго до кокосоваго орѣха, желѣзистаго строенія. Если разсыпать ихъ на гладкую поверхность, на столъ, на полъ и т. п. они на разстояніи отъ 2 до 4 футовъ одинъ камень отъ другого начинаютъ кружиться и, стремясь къ самому большему камню, движутся, описывая около своего центра, т. е. большаго камня, правильные круги. Если-же камни положить на болѣе близкое разстояніе до 2 футовъ, всѣ меньшіе камни съ быстротою стремятся одинъ къ другому и затѣмъ къ большему, къ которому и пристаютъ. На разстояніи-же болѣе 4 футовъ, камни уже не двигаются сами собою, выжидая постороннихъ, внѣшнихъ побужденій: воды, вѣтра и другихъ случайностей, могущихъ дать имъ толчекъ. Геологи заинтересованы этими камнями; уже найдено въ нѣкоторыхъ камняхъ присутствіе магнита. Путешествующіе камни, особенно при вѣтрѣ, двигаются съ удивительною легкостію и, разъ примкнувши одинъ къ другому, не разлучаются, развѣ только при посторонней силѣ. Въ склонахъ Лунныхъ горъ такихъ камней находятъ множество, находили даже большія груды ихъ, сложенныя на подобіе пирамидъ. Подобные камни находили на глубинѣ Атлантическаго океана, при измѣреніяхъ, изъ чего можно заключить, что странствованіе ихъ подъ водою совершается такъ-же, какъ и по сушѣ.

— **Понятливость осла.** Рядомъ наблюденій знаменитыхъ естествоиспытателей доказано, что подъ вліяніемъ ласковаго и кроткаго обращенія, врожденная понятливость у домашнихъ животныхъ способна развиться до высокой степени совершенства. Какъ примѣръ, приводимъ небольшой разсказъ, помѣщенный въ Little Folks Magazine. Въ одной изъ окрестныхъ деревень Мадрида живетъ крестьянинъ, занимающійся молочнымъ хозяйствомъ. Обыкновенно каждое утро отправлялся онъ въ городъ, ведя за собою осла, нагруженнаго корзинами съ поставленными въ нихъ кувшинами молока, которое и развозилъ по своимъ постояннымъ покупателямъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Однажды крестьянину нездоровилось; жена его, видя, что сопровождать молоко въ городъ некому, предложила отправить осла одного. Сказано-сдѣлано. Ослика снарядили, какъ слѣдуетъ; во избѣжаніе недоразумѣній къ головному убору его прикрѣпили бумажку, приглашавшую покупателей распоряжаться молокомъ по усмотрѣнію, кувшины же ставить на мѣсто въ корзины, послѣ чего ослика вывели на большую дорогу, гдѣ онъ, мѣрно ступая и потряхивая ушами, скоро скрылся изъ виду. По прошествіи извѣстнаго времени животное вернулось домой: кувшины были пусты, все было на мѣстѣ и цѣло. На слѣдующій день крестьянинъ узналъ, что оселъ не только не забылъ никого изъ обычныхъ хозяйскихъ кліентовъ, но, что даже тамъ, гдѣ къ нему долго не выходили, онъ зубами дергалъ за колокольчикъ, давая такимъ образомъ знать о себѣ. Съ этихъ поръ оселъ съ удивительной точностію совершаетъ свой ежедневный обходъ, служа нагляднымъ опроверженіемъ обиднаго мнѣнія, почему-то составившагося объ умственныхъ способностяхъ ослинаго племени.

— **Высочайшая въ мірѣ гора.** По словамъ Journal de St.-Petersbourg, гора Эверестъ, одна изъ вершинъ Гималаевъ, имѣющая 29,002 ф. надъ уровнемъ моря, несправедливо считалась до настоящаго времени самой возвышенной точкой земного шара. Таковою слѣдуетъ признать находящуюся въ Новой Гвинеѣ гору Геркулесъ, высота которой, по исчисленію капитана Лоусона, равняется 32,786 футамъ. Лоусонъ пробовалъ на нее подниматься, но, достигнувъ высоты 25,314 ф., принужденъ былъ прекратить дальнѣйшее восхожденіе: разрѣженнымъ воздухомъ невозможно было дышать; изъ носа и ушей выступила кровь.

— **Игла Клеопатры.** Послѣдняя изъ Клеопатровыхъ иглъ, находившаяся въ Александріи, близъ станціи эмлейской желѣзной дороги, недавно подаренная Соединеннымъ Штатамъ—на дняхъ отправилась изъ Египта въ Нью-Іоркъ. Везущій ее американскій пароходъ благополучно прибылъ въ Гибралтаръ, гдѣ его посѣтилъ мѣстный губернаторъ лордъ Нэпиръ Магдальскій. Приняты всевозможныя предосторожности, съ цѣлью уберечь этотъ рѣдкій, изъ розоваго гранита, монолитъ отъ тѣхъ случайностей, которымъ подвергся подобный ему, при перевозкѣ изъ Египта въ Англію и, какъ извѣстно, потерпѣвшій крушеніе у береговъ Испаніи.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 34-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 23 августа въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 25 августа въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Оазисъ, стих. **В. Львова.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. **М. Ф. Каменской.**—Общественные порядки муравьевъ.—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Великая пѣвица, истор. пов. **Луизы Мюльбахъ,** пер. **А. Качоровской.**—Иванъ Васильевичъ Самаринъ.—Роза Бонеръ.—Къ рисункамъ.—Правительственныя распоряженія.—Смѣсь.

Рисунки: Иванъ Васильевичъ Самаринъ.—Радость, съ карт. **В. Регге.**—Горе, съ карт. **Его-же.**—Деревенская дорога, рис. **Ф. Васильева.**—Наймичка, ориг. рис. **П. Мартиновича.**—Миньона, карт. **Лефевра.**—Мастерская Розы Бонеръ.

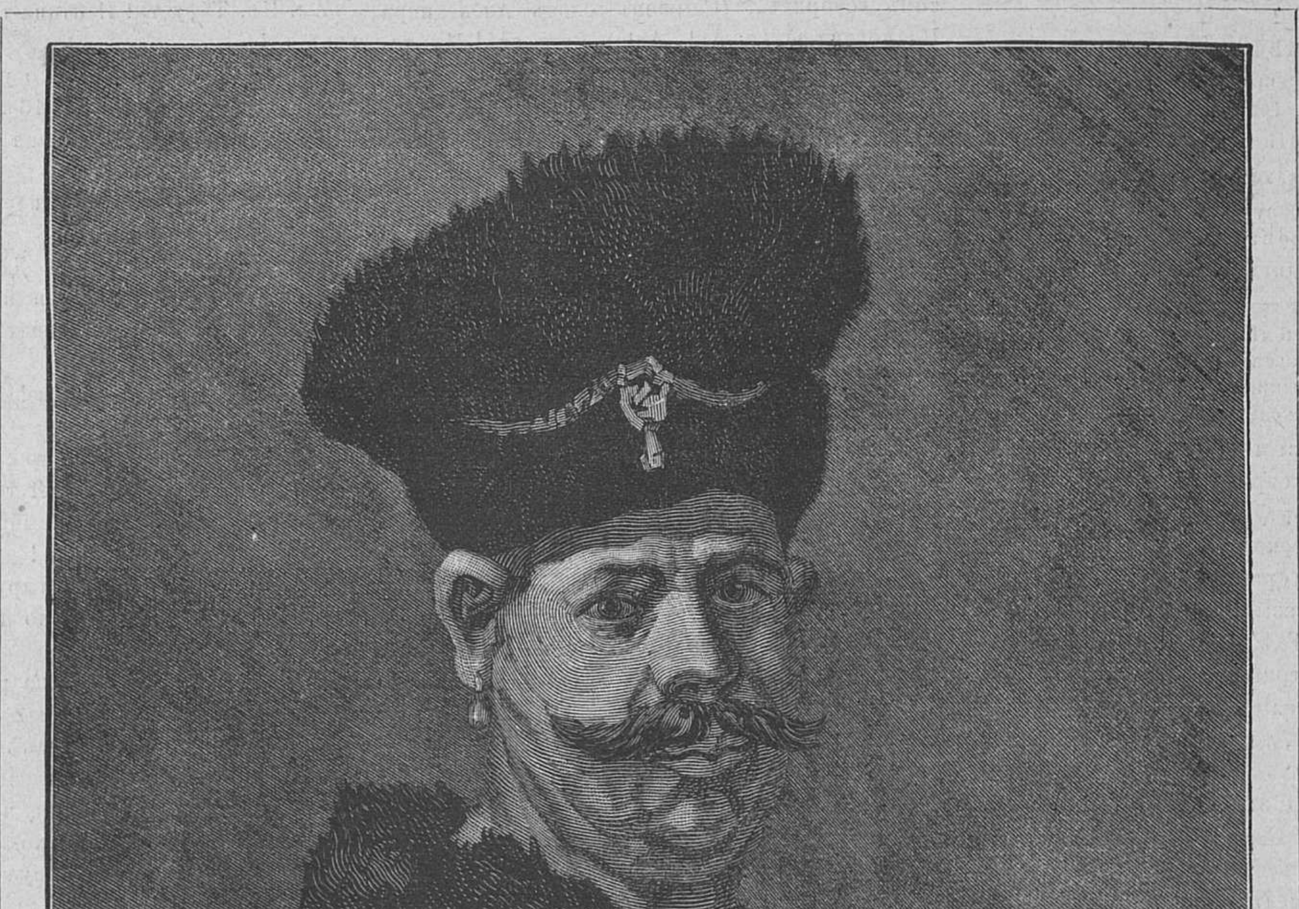
Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 августа 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 36. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 6 Сентебря. 1880 г.

КАРТИНА РЕМБРАНДТА.



Янъ Собіескій.

(Находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.)

Рѣзалъ на деревѣ **Скржимовскій.**

Франціи.

Стих. **Тардье.** Пер. **В. И. Немировича-Данченко.**

Пусть льется кровь!.. Пускай сверкають
Надъ ней нѣмецкіе штыки
И въ грозныхъ битвахъ погибають
Ея отважные полки...
Врагъ не возьметъ ея святыню,
Проснется вольная страна
И снова старую богиню
На свѣтлый тронъ введетъ она!..
На громкій зовъ, на зовъ народа
Придетъ великая опять!..
Ей имя славное—свобода,
Источникъ силы, счастья мать!..
Безъ бонапартовскаго трона
Воскреснетъ слава старыхъ дней,
Республиканскія знамена
Побѣдный путь укажутъ ей.
Тяжка заслуженная кара,
Но и спасительна она!
Шуми-же бѣшенство пожара,
Злодѣйствуй подлая война!..

Козочка.

Драматическій эскизъ въ одномъ дѣйствіи

А. Трофимова.

(Посвящается Маріи Гавриловнѣ Савиной.)

Дѣйствующія лица:

Зина, молоденькая дѣвушка, лѣтъ 16.
Александръ Ивановичъ, ея дѣдъ, лѣтъ 90.

Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, въ помѣстьи.

Небольшая поляна въ лѣсу. По срединѣ холмикъ, на немъ група деревьевъ. Жаркій полдень. При поднятіи занавѣса слышны перекликающіеся голоса Зины слѣва и Александра Ивановича справа.

Александръ Ивановичъ. (Послѣ небольшой паузы входитъ справа. Онъ одѣтъ въ длинный парусинный сюртукъ и такія-же принадлежности; на головѣ широкополая, соломенная шляпа, въ рукахъ большой раскрытый зонтикъ, надъ глазами зеленый козырекъ. Онъ идетъ, едва передвигая ноги). Гдѣ она тутъ? Съ этой стороны кричала. (Осматривается). Нѣтъ, нѣту здѣсь. Ау!.. Ау!.. (Справа слышно ауканье Зины). Ну, скажите на милость, теперь вонъ она гдѣ кричитъ! Ау!.. Ау!.. (Опять голосъ Зины). Ахъ, Боже мой, Боже мой! Что это за дѣвчонка! Просто ладу нѣтъ никакого! Скачетъ, какъ коза какая-нибудь—не угоняешься! Нѣтъ, кончено! Послѣдній разъ съ ней пошелъ! Этакъ она меня когда-нибудь въ могилу уложитъ! Право, уложитъ! Эй, ты, чертенокъ! Гдѣ ты тамъ? Ау!.. Ау!.. (Уходитъ направо).

Зина. (Вбѣгаетъ слѣва. Она безъ шляпы, безъ зонтика, въ полукороткомъ платьѣ; волосы слегка въ безпорядкѣ). Ха! ха! ха! Бѣдный дѣдушка! Опять пошелъ! (Смотритъ въ даль). Вотъ онъ идетъ, бѣдненькій! Какъ онъ, я думаю, усталъ! Ну, да ничего! Скоро конецъ! Опять сюда придетъ. Онъ того и не знаетъ, что сколько ни ходи по этой дорожкѣ — все къ этому мѣсту придешь. Я этотъ лѣсъ изучила отлично! Въ самую темную ночь отсюда выберусь. А это дѣдушкѣ въ наказаніе! Зачѣмъ онъ со мной хитритъ? Зачѣмъ онъ говоритъ не то, что думаетъ? А, вотъ теперь и попался самъ, и стыдно будетъ. (Вынимаетъ изъ кармана тетрадку). А мнѣ не стыдно развѣ? Зачѣмъ я это сдѣлала? Зачѣмъ я утащила его дневникъ? Вѣдь это все-таки воровство!.. Ну, нѣтъ, не воровство! Просто шутка! Вчера онъ у себя въ комнатѣ забылъ эту тетрадку. Какъ я увидала, что это его дневникъ, мнѣ такъ стало любопытно, такъ любопытно, что просто силъ никакихъ нѣтъ!.. Думала, думала и... украла... нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Просто взяла на время почитать! Вчера я цѣлый день промучалась, какъ на зло никакъ нельзя было прочитать, гости пріѣхали, гулять вмѣстѣ пошли, и ночью нельзя было читать, у няни заболѣли зубы и она всю ночь проходила! Боже мой, какъ я на нее злилась! И какіе у ней зубы могутъ болѣть? Который годъ, кромѣ каши, ничего не ѣстъ, а тутъ, какъ будто мнѣ на зло, какой-то противный зубъ отыскался!.. Сегодня, наконецъ, я вырвалась, дома никого нѣтъ, я и сказала, что пойду въ лѣсъ, такъ и тутъ несчастье, дѣдушка присталъ, говоритъ, что нельзя дѣвушкѣ одной идти въ лѣсъ, навязался со мной идти, ну, ужь и помучила-же я его за это! Будетъ помнить! Въ другой разъ не пойдетъ! Я думаю, больше часу, какъ я кружу по лѣсу. Онъ налѣво кричитъ—я направо; онъ пойдетъ направо, а я налѣво—такъ вотъ мы съ нимъ и кружимъ! За то я весь дневникъ прочла, отъ буковки до буковки! Ахъ, какой хитрый дѣдушка! Какой противный! Ну, я-же ему отплачу! Какъ-же? На словахъ одно, а на дѣлѣ другое! Меня все чертенкомъ, да козой бранитъ; говоритъ, что я его мученье, а въ дневникѣ совсѣмъ другое пишетъ; на каждой страницѣ меня милой козочкой называетъ. Потомъ говоритъ... (Слышенъ голосъ Александра Ивановича слѣва: Ау!.. Ау!..). Вотъ онъ! Ну, теперь конецъ! Ау! дѣдушка! Ау! Я здѣсь!

(Александръ Ивановичъ входитъ слѣва; Зина при его входѣ прячется за дерево направо).

Ал. Ив. (Осматриваясь). Опять ея нѣтъ! Это, ужь, чортъ знаетъ, что такое! Это просто возможности нѣтъ никакой! Ну, и пусть ее рыщетъ, не пойду больше искать! Сяду вотъ здѣсь и буду сидѣть, захочетъ, найдетъ!—(Садится около дерева. Зина изъ за дерева тихимъ, сдержаннымъ голосомъ кричитъ: Ау! Ау!). Ишь опять куда забралась! Далеко видно! (Зина опять кричитъ). Ну, какъ-же! Такъ и пошелъ! Очень нужно! Отыщешь и такъ! (Зина кричитъ). Ну, не пойду! Сказалъ не пойду и не пойду!..

Зина (выбѣгая). А, ты, дѣдушка, не пойдешь, такъ я приду!

Ал. Ив. (Вздрогнувъ). Тьфу ты, Господи прости, перепугала какъ! (Зина хохочетъ). Я тебѣ вотъ что скажу! Такъ нельзя! Нельзя такъ! Я тебѣ не мальчикъ достался! Что ты бѣгаешь, какъ собаченка какая! Что тебѣ удержу нѣтъ!

Зина. Ну, дѣдушка, не сердись, прости!

Ал. Ив. Прости, прости! Ты на дню-то это по двадцати разъ повторяешь! Не успѣешь одну шалость сдѣлать, глядишь, и другая готова!

Зина. Ну, право-же прости, не буду! (Встаетъ и идетъ).

Ал. Ив. Куда опять пошла, непосѣда?

Зина. Я только цвѣтовъ нарву, вѣнокъ буду тебѣ плесть.

Ал. Ив. Вѣнокъ! На что мнѣ твой вѣнокъ? Я еще не покойникъ! Вотъ погоди умру, такъ тогда понадобится.

Зина (возвращаясь съ цвѣтами и садясь по другую сторону пригорка). А не грѣшно тебѣ это говорить? Вотъ ты меня все бранишь, что я глупости говорю, а самъ?

Ал. Ив. Какъ-же ты смѣешь? Что-жь я, по твоему, глупости говорю, значитъ?

Зина. Да нѣтъ, дѣдушка, не то! А зачѣмъ ты говоришь такія слова? Ты знаешь, что я не люблю.

Ал. Ив. Мало чего ты не любишь! Не до тысячи-же лѣтъ мнѣ жить? Не Мафусаилъ! Ты на разсвѣтѣ, я на закатѣ!

Зина. А можетъ, я раньше тебя умру?

Ал. Ив. Ты дура, вотъ что я тебѣ скажу!

Зина. Да право! Кто-же это знаетъ? (Кукушка начинаетъ куковать). Ахъ! вотъ — чего лучше! Вотъ мы сейчасъ загадаемъ и всю правду узнаемъ. Пусть только она перестанетъ на время. А, ужь, это вѣрно, что кукушка прокуконтъ, такъ тому и быть?

Ал. Ив. Ну, какъ-же!

Зина. Я тебѣ говорю, дѣдушка. (Кукушка смолкаетъ). Вотъ! Кукушка! Кукушка! Сколько мнѣ лѣтъ жить? (Молчаніе. Кукушка кукуетъ одинъ разъ и смолкаетъ). Вотъ видишь?

Ал. Ив. Брось эти глупости.

Зина. Нѣтъ, постой, дѣдушка! Надо до конца! Кукушка! Кукушка! А сколько лѣтъ дѣдушкѣ жить? (Кукушка кукуетъ, Зина считаетъ) Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, (со смѣхомъ) двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Ал. Ив. Брось, говорю!

Зина. Постой, постой, дѣдушка! (Продолжаетъ считать про себя).

Ал. Ив. Вотъ глупая птица привязалась.

Зина. Молчи, молчи, дѣдушка! (Кукушка продолжаетъ куковать).

Ал. Ив. (съ досадой плюетъ). Тьфу, ты, проклятая!

(Кукушка перестаетъ).

Зина (радостно). Дѣдушка! Ты еще сорокъ шесть лѣтъ проживешь!

Ал. Ив. Тьфу ты! И птица-то такая-же дура, какъ ты!

Зина. Нѣтъ, дѣдушка, это ужь вѣрно. Я черезъ годъ умру, а ты еще 46 лѣтъ проживешь. (Притворно плачетъ). Бѣдная я дѣвушка! Несчастная!

Ал. Ив. Ну, перестань, перестань глупости-то дѣлать!

Зина. Хороши глупости! Дѣдушка, ты меня положи въ бѣломъ платьѣ и вѣнокъ надѣнь на голову, вотъ такой! (Надѣваетъ себѣ на голову вѣнокъ).

Ал. Ив. Перестань, говорю! Не перестанешь—уйду!

Зина. (Перемѣняя тонъ, со смѣхомъ). Куда-жь ты, дѣдушка, пойдешь-то? Я тебя въ такое мѣсто завела, что тебѣ и не выбраться!

Ал. Ив. У! Пострѣленокъ!

Зина. (Пересаживаясь на другое мѣсто). Ахъ, противное солнце, какъ оно печетъ, работать только мѣшаетъ.

Ал. Ив. Работать! Хороша работа! И зачѣмъ ты опять безъ шляпки пошла?

Зина. Ну ее! Не ловко мнѣ въ ней!

Ал. Ив. Какъ-же ты смѣешь не слушаться? Сколько разъ тебѣ говорили, чтобы ты не смѣла по солнцу безъ шляпки ходить! Что ты умнѣе всѣхъ, что-ли, что не слушаешься? Ты думаешь это хорошо, не вредно? А ты знаешь, что отъ солнца волосы выцвѣтаютъ, потомъ сѣкутся и вылѣзаютъ.

Зина. (Наивно-лукаво, искоса смотря на лысую голову дѣда). А ты, дѣдушка, когда молодой былъ, всегда въ шляпѣ ходилъ?

Ал. Ив. Тьфу ты, чертенокъ!

Зина. Да вотъ и теперь безъ шляпы сидишь.

Ал. Ив. У меня зонтикъ раскрытъ.

Зина. Все равно. Дай я надѣну тебѣ вѣнокъ.

Ал. Ив. Не нужно—отстань!

Зина. Нѣтъ, давай, давай! Надѣнемъ вѣнки и будемъ съ тобой точно древніе греки. (Хохочетъ и надѣваетъ дѣду вѣнокъ).

Ал. Ив. Надоѣла ты мнѣ!

Зина. Я знаю, дѣдушка.

Ал. Ив. Да ты не смѣйся, я тебѣ серьезно говорю. Нельзя такой быть, какъ ты.

Зина. А какой-же?

Ал. Ив. Нужно быть... быть приличной.

Зина. А развѣ я не прилична? Дѣдушка, Господь съ тобой!

Ал. Ив. Постой, не перебивай, не люблю я этого! Если тебѣ говорятъ что старшіе, поучаютъ, такъ сказать, такъ ты должна молчать!

Зина. (Притворно вздохнувъ). Молчу, дѣдушка.

Ал. Ив. Ну да, и молчи. Ты-бы хоть немножко о себѣ подумала. Развѣ можно быть такой, какъ ты? Ты, вѣдь, ужь не ребенокъ, тебѣ 16 лѣтъ, ты ужь почти взрослая дѣвушка.

Зина. (Сидящая по другую сторону холмика, такъ что дѣдъ ее не видитъ, развертываетъ его дневникъ и, отыскавъ страницу, говоритъ). Почти, дѣдушка, не считается, какъ сказалъ одинъ опытный человѣкъ.

Ал. Ив. Молчи, не перебивай!

Зина. Молчу, дѣдушка.

Ал. Ив. А ты какъ себя ведешь? Развѣ ты похожа на 16-лѣтнюю дѣвушку?

Зина. (Опять поглядѣвъ въ дневникъ). А какой-же, дѣдушка, надо быть, чтобы походить на 16-лѣтнюю дѣвушку?

Ал. Ив. Дѣвушка въ 16 лѣтъ должна быть скромна, тиха, а не такая коза, какъ ты! Дѣвушка въ 16 лѣтъ почти ужь невѣста, ей есть о чемъ подумать, она ужь сама себѣ голова.

Зина. Да о чемъ-же мнѣ, дѣдушка, думать, коли ты всегда со мной?

Ал. Ив. Всегда съ тобой! Не вѣкъ-же я буду съ тобой. Пора ужь привыкать своимъ умомъ жить.

Зина. Какъ-же, дѣдушка, тебя понять? То ты говоришь, что я своимъ умомъ должна жить, то ты мнѣ шагу не позволяешь ступить безъ спроса?

Ал. Ив. А потому, что ты глупая дѣвчонка!

Зина. Ну, а если глупая, такъ и подавно своимъ умомъ жить не могу.

Ал. Ив. А ты учись.

Зина. Чему?

Ал. Ив. Чему! Уму-разуму!

Зина. Да какъ-же ему выучиться? Это вѣдь, дѣдушка, не географія! Если своего нѣтъ, такъ не выучишься!

Ал. Ив. (Махнувъ рукой). А!.. Ну, есть-ли какая возможность съ тобой говорить? Съ тобой хочешь говорить дѣльно, серьезно, а ты отвѣчаешь Богъ знаетъ что!

Зина. Да вѣдь я-же не виновата, дѣдушка, если мнѣ такъ кажется!

Ал. Ив. Мало что тебѣ кажется! Кажется, такъ перекрестись и перестанетъ казаться!

Зина. Ну, хорошо, дѣдушка. Такъ я вотъ что, я пока буду чужимъ умомъ жить, хорошо это? Пока, дѣдушка, только пока, а тамъ научусь— своимъ начну. Дѣльно это?

Ал. Ив. Смотря по тому, чьимъ умомъ?

Зина. Да ужь я выберу, дѣдушка. Вотъ ты говоришь, что я очень бойка, рѣзва, такъ чтожь дѣлать, что у меня такой характеръ? Недаромъ-же меня всѣ дома и зовутъ козочкой.

Ал. Ив. Чтожь тутъ хорошаго? Козочка—это ласкательное названіе, нѣжное, а въ сущности ты коза. А что хорошаго козой-то быть?

Зина. Все, дѣдушка лучше, чѣмъ поросенкомъ.

Ал. Ив. Не про то я тебѣ говорю! А видъ это имѣетъ непривлекательный. Со стороны это не хорошо! Что скажутъ? Ну, посватайся кто-нибудь за тебя? Что онъ скажетъ? Какому мужчинѣ такая коза понравится?

Зина. А развѣ мужчинамъ это, дѣдушка, не нравится?

Ал. Ив. Разумѣется.

Зина. Всѣмъ?

Ал. Ив. Всѣмъ. Кому-жь такая попрыгунья нужна?

Зина. А можетъ, кому-нибудь это и нравится?

Ал. Ив. Никому.

Зина. А можетъ быть?

Ал. Ив. Не можетъ, я тебѣ говорю!

Зина. А я, дѣдушка, слышала совсѣмъ другое.

Ал. Ив. Что же ты слышала?

Зина. (Развернувъ дневникъ незамѣтно отъ дѣда, читаетъ.) Вотъ, дѣдушка, я слышала, что нѣтъ ничего хуже старыхъ дѣтей или молодыхъ стариковъ! И что хорошо для одного возраста, то отвратительно для другого! Что ребенокъ долженъ быть ребенкомъ, а старикъ—старикомъ. Что ничего не можетъ быть непріятнѣе, какъ видѣть молодую дѣвочку, подросточка, съ нахмуреннымъ лбомъ, съ какимъ-то неестественнымъ серьезнымъ взглядомъ, которая цѣлый день сидитъ, уткнувшись въ книгу, и что, наоборотъ, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ видѣть дѣвушку веселую, бойкую, рѣзвящуюся, какъ мотылекъ на солнцѣ. (Прячетъ дневникъ).

Ал. Ив. (Со вниманіемъ слушавшій, поворачивается къ ней и пристально смотритъ. Послѣ небольшой паузы). Ты это гдѣ-же слышала? Отъ кого?

Зина. Я, дѣдушка, это... я не слышала... а я... читала.

Ал. Ив. Гдѣ-же это?

Зина. А... въ одной... въ одной книжкѣ, дѣдушка.

Ал. Ив. Не помнишь, въ какой?

Зина. Не помню, дѣдушка, только какой-то умный человѣкъ писалъ!

Ал. Ив. Почему-жъ ты думаешь, что умный?

Зина. Да ужь коли пишетъ, дѣдушка, — значитъ, умный.

Ал. Ив. Ну, не все умные пишутъ, тоже и пустяковъ городятъ не мало.

Зина. Такъ, значитъ, нельзя вѣрить тому, что пишется?

Ал. Ив. Можно, да осторожно. Съ разборомъ надо и слушать, и читать, а то такими глупостями набьешь себѣ голову, что потомъ ничѣмъ и не выбьешь!

Зина. Значитъ, дѣдушка, это не хорошо, что я прочитала? Значитъ, не надо такой быть, а наоборотъ?

Ал. Ив. Ну, то есть, не то, чтобы совсѣмъ, а... вообще это очень трудно, для этого вообще нужно много времени, чтобы объяснить тебѣ... я потомъ, когда-нибудь тамъ, со временемъ, только тутъ многое ошибочно, не такъ вопросъ поставленъ, не совсѣмъ, то есть, а нѣсколько, однимъ словомъ... не такъ!

Зина. А какъ-же, дѣдушка?

Ал. Ив. Нужно быть сдержаннѣе. Не позволять себѣ всего. Ты, вотъ, напримѣръ, спорить любишь, а это скверно! Ты съ кѣмъ угодно, не смотря ни на лѣта, ни на что, готова спорить до истерики! А это не вѣжливо, грубо. Значитъ, въ тебѣ нѣтъ никакого уваженія къ старшимъ, которыхъ должна уважать и даже заискивать въ нихъ.

Зина. (Опять развернувъ дневникъ.) Позволь, дѣдушка, извини меня, я не спорю, а такъ только говорю. (Читаетъ.) Терпѣть не могу тихонь, которыя лебезятъ передъ старшими, заискиваютъ, единственно для того, чтобы ихъ похвалили, хотя за глазами дѣлаютъ чортъ знаетъ что и смѣются надъ тѣми-же самыми словами, отъ которыхъ чуть не млѣли какихъ-нибудь полчаса назадъ. Въ тысячу разъ лучше рѣзкость, даже, въ крайнемъ случаѣ, грубость, чѣмъ это вѣчное заискиванье, миндальничанье и постоянная боязнь высказать что-нибудь противоположное взглядамъ старшихъ. Это вѣрный признакъ дрянной натуришки.

Ал. Ив. (Опять пристально на нее смотритъ). Ты это тоже вычитала гдѣ нибудь?

Зина. Вычитала, а что, дѣдушка, развѣ и это не вѣрно?

Ал. Ив. Нѣтъ, не то, чтобы совсѣмъ, а... (ищетъ глазами) гдѣ это мой платокъ? Куда онъ запропастился?

Зина. Вотъ онъ, дѣдушка, около тебя.

Ал. Ив. Дождикъ будетъ, что-то паритъ очень.

Зина. Должно быть, дѣдушка.

Ал. Ив. Пора, пожалуй, и домой?

Зина. Посидимъ еще, дѣдушка. Здѣсь такъ хорошо!

Ал. Ив. Можетъ, изъ знакомыхъ кто нибудь пріѣхалъ, дожидается.

Зина. Господи, только-бы не Анна Борисовна со своимъ любезнымъ сыночкомъ Николашей!

Ал. Ив. Что-жь, они хорошіе люди!

Зина. Полно, дѣдушка! Какіе-же они хорошіе! Она старая сплетница, а онъ дуракъ набитый!

Ал. Ив. Ну, какъ-же ты смѣешь такъ говорить? Какъ-же ты смѣеша? Видишь, какъ ты не воздержна на языкъ! И ты всегда такая! Ты вѣдь не поцеремонишься и въ глаза это высказать.

Зина. А развѣ правду нельзя въ глаза говорить?

Ал. Ив. Разумѣется, нѣтъ. Кому-же это пріятно? И въ какомъ обществѣ это принято? Мало-ли что ты думаешь, нельзя-же всего высказывать вслухъ.

Зина. А лгать лучше?

Ал. Ив. Не лучше, а такъ принято.

Зина. Вотъ и съ этимъ, прости меня, дѣдушка, я не согласна. (Опять развертываетъ дневникъ и читаетъ.) На свѣтѣ столько лжи и обмана, что невольно страшно становится! Боязнь высказать правду въ глаза такъ охватила всѣхъ, что даже нѣкоторыя дѣти не рѣшаются высказаться и, затаивъ въ себѣ правду, не краснѣя, лгутъ, потому только, что это не хорошо, что это не принято! Если ужь это такое неизбѣжное зло, пусть лгутъ взрослые, пусть лгутъ старики, но молодежь-то хотя-бы не шла по избитой колеѣ и не боялась-бы высказывать правду открыто. (Ал. Ив., слушавшій внимательно эту тираду, вдругъ поднимается.) Дѣдушка, тебѣ опять не жарко-ли?

Ал. Ив. (Послѣ долгой паузы.) Скажи ты мнѣ, откуда ты все это почерпнула? Какой дуракъ научилъ тебя этому?

Зина. Нѣтъ, дѣдушка, не дуракъ, а хорошій, добрый, честный человѣкъ!

Ал. Ив. Кто же это такой?

Зина. (Становится на колѣни и подаетъ дневникъ). Дѣдушка!!!

Ал. Ив. (Выхвативъ дневникъ). Что это? Откуда это у тебя?

Зина. Я, дѣдушка, я... я взяла...

Ал. Ив. Украла!

Зина. Нѣтъ, дѣдушка, взяла только почитать.

Ал. Ив. Какъ-же ты смѣла? Какъ-же ты смѣла?

Зина. Я думала можно, да и потомъ очень ужь любопытно было.

Ал. Ив. И ты смѣешь это въ глаза говорить?

Зина. Дѣдушка, я вѣдь не старуха, мнѣ лгать не хорошо!

Ал. Ив. У, чертенокъ!

Зина. (Скачетъ около дѣда, обнимаетъ и цѣлуетъ его.) Ну, дѣдушка, не сердись! Прости! Я вѣдь не такъ виновата! Милый! Голубчикъ! Дорогой! (Тормошитъ его).

Ал. Ив. (Стараясь отъ нея освободиться). Ну, хорошо, хорошо, отстань! (За сценой хоръ дѣвушекъ поетъ.) Пойдемъ домой. Завтракать пора, вонъ ужь наши дѣвушки пообѣдали и въ лѣсъ пошли.

Зина. Пойдемъ, дѣдушка, только подъ ручку.

Ал. Ив. Ну, вотъ еще чего придумаешь!

Зина. Нѣтъ, пойдемъ, пойдемъ!

Ал. Ив. Ну, тебя не переспоришь! (Зина беретъ его подъ руку, они идутъ. Ал. Ив. останавливается.) Только вотъ что! ты не вздумай тамъ... дома... про этотъ дневникъ-то говорить, ты вѣдь, пожалуй...

Зина. Нѣтъ, дѣдушка, не скажу. На этотъ разъ даже солгу, съ твоего позволенія!

Ал. Ив. У, коза!

Зина. (Лукаво.) Нѣтъ, дѣдушка, козочка, ты самъ меня въ дневникѣ такъ постоянно называешь. А ты знаешь пословицу: что написано перомъ—то не вырубишь топоромъ! (На лету цѣлуетъ дѣда и со смѣхомъ тащитъ; тотъ, стараясь сохранить серьезность, слѣдуетъ за нею. Пѣніе до конца).

Изъ исторіи рабства въ древности.

Ст. С. Терновскаго.

(*Продолженіе.*)

V.

Рабство въ Римѣ.

Разсмотримъ теперь вопросъ о положеніи раба передъ закономъ. По основнымъ постановленіямъ квиритскаго права было учреждено равенство всѣхъ гражданъ и одинаковое подчиненіе закону. Каждый полноправный гражданинъ подчиняется рѣшенію большинства народнаго собранія, но каждый за то имѣлъ право участвовать въ немъ и подачею своего голоса выражать свою власть надъ всѣми другими. Но за то въ семьѣ они были полные господа; отецъ семейства можетъ дѣлать съ ея членами все, что захочетъ: продать, заложить, наказать, убить даже. Семья состояла изъ дѣтей и рабовъ. Положеніе ихъ при жизни отца семейства было почти одинаково. Власть надъ сыномъ была даже больше, чѣмъ власть надъ рабомъ, потому что проданный сынъ въ случаѣ освобожденія снова возвращался подъ власть отца, и такъ считалось три раза, тогда какъ рабъ, проданный и освобожденный, становился свободнымъ. Но отецъ семейства умираетъ, сынъ занимаетъ его мѣсто и въ свою очередь дѣлается полноправнымъ господиномъ ея членовъ. Юридически онъ владѣлъ всѣмъ имуществомъ своего раба, также какъ и имъ самимъ. По закону за рабами не признавалось никакихъ правъ; рабъ не могъ ни вступать въ бракъ, ни владѣть имуществомъ, хотя ему могло быть позволено пользованіе какой-нибудь отдѣленной частью. На нее онъ могъ совершать обороты; но въ случаѣ неустойки или банкротства, господинъ раба отвѣчалъ за него только этой частью, притомъ, если рабъ былъ долженъ ему, господину, то этотъ долгъ выплачивался сполна, а остальное дѣлилось между остальными кредиторами пропорціонально ихъ обязательству. Рабъ былъ вещью въ рукахъ хозяина и такою-же вещью онъ является и передъ закономъ. За нимъ не признается права свидѣтельства; съ теченіемъ времени, впрочемъ, это постановленіе смягчилось; но и тогда для подтвержденія своихъ словъ рабъ подвергался пыткѣ; въ этихъ случаяхъ господинъ былъ обезпеченъ, т. е. если рабъ умиралъ отъ мученій, то его владѣльцу возвращали двойную его стоимость. За всѣ обязательства раба господинъ не былъ отвѣтственъ; но тѣмъ не менѣе рабъ могъ ихъ заключать, но все, что онъ ни пріобрѣталъ, поступало въ собственность господина. Тоже было и по отношенію къ уголовному праву; за преступленія раба господинъ отвѣчалъ только его цѣною, такъ какъ онъ могъ или заплатить за убытокъ или отдать раба лицу потерпѣвшему. Рабъ долженъ слѣпо подчиняться приказаніямъ своего господина, дѣлать даже запрещенное закономъ, если господинъ приказываетъ. И долгое время всѣ постановленія закона служили только къ укрѣпленію власти господина надъ рабомъ.

Что касается до положенія раба въ семействѣ, то надо замѣтить, что въ Римѣ съ нимъ обходились иначе, чѣмъ въ Греціи; въ Спартѣ, напр., илоты были признаны врагами государства и содержались въ подчиненіи посредствомъ силы. Въ Римѣ рабы были собственностью или государства или частныхъ лицъ и раба надо было беречь, имѣя въ виду свои собственные интересы, которые состояли въ извлеченіи возможно большихъ выгодъ изъ своего имущества. Раба надо было заставить работать, но надо было и содержать; ему давали опредѣленное количество пищи, извѣстную одежду, имъ надо было устроить какія-нибудь жилища и римскій историкъ Варронъ совѣтуетъ сдѣлать для нихъ землянки; онъ совѣтуетъ также разными мѣрами поощрять ихъ трудъ, наиболѣе трудолюбивымъ и достойнымъ позволять заключать браки (и такіе браки передъ закономъ не имѣли никакого значенія). Хорошимъ рабомъ считался только тотъ, кто имѣлъ свое имущество, пекулій, собранное имъ, какъ говорится, всѣми правдами и неправдами; скудныя сбереженія на даваемой пищѣ, получаемыя награды, что ему удавалось украсть; владѣніе такого пекулія считалось за господиномъ, за рабомъ признавалось только пользованіе. И иногда бывало, что господинъ отнималъ у своихъ рабовъ пекулій, нажитый ими такимъ трудомъ. Въ случаѣ брака, дѣти не принадлежали отцу, они были собственностью господина. Рабъ былъ живой капиталъ, его трудъ и составлялъ доходъ, проценты съ капитала и было выгодно пускать какъ можно чаще этотъ капиталъ въ оборотъ, т. е. заставлять его работать, какъ можно больше.

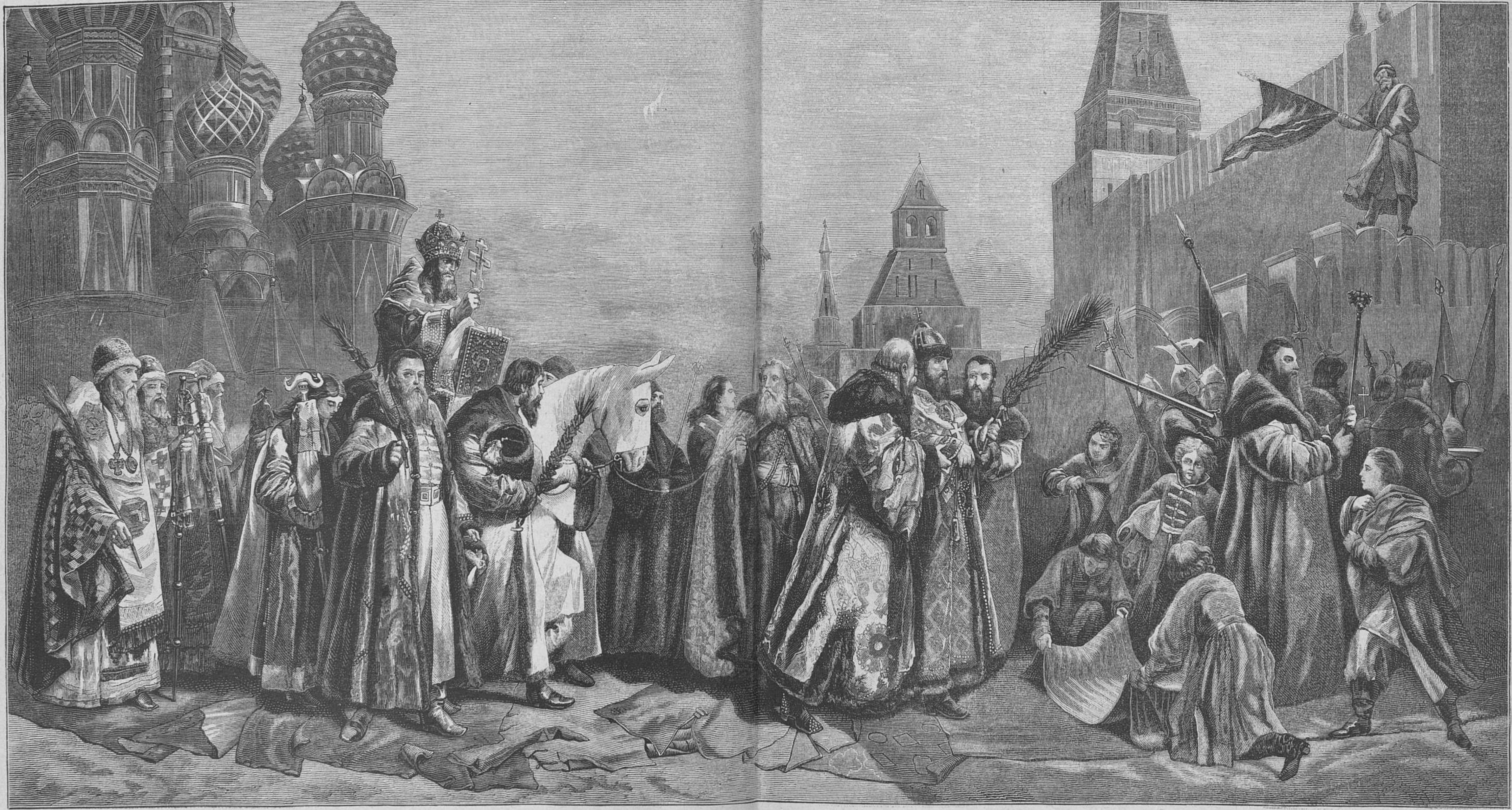
Было много причинъ способствовавшихъ къ ухудшенію положенія рабовъ: во-первыхъ, самое увеличеніе ихъ количества; надзоръ за ними затруднялся и надо было заковывать ихъ въ цѣпи; были, конечно, и такіе рабы, заковать въ цѣпи которыхъ было невыгодно и самому господину, напр., пастуховъ и табунщиковъ; вторымъ слѣдствіемъ увеличенія числа рабовъ было учрежденіе посредственной власти между господиномъ и рабами—въ деревнѣ и городѣ это управляющіе (въ деревнѣ — villicus; а въ городѣ dispensator). Дѣйствительно, по отношенію къ своему господину онъ былъ рабомъ, а по отношенію къ другимъ рабамъ онъ былъ господиномъ; управляющій долженъ былъ удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ, отъ него требовались: скромность, расторопность, умѣнье, трезвость, извѣстная доля строгости и въ тоже время гуманность, почтительность къ господину. Для надзора за рабынями такому управителю давалась жена, она завѣдывала всѣми женскими работами въ домѣ. По совѣтамъ Катона, villicus долженъ быть избираемъ изъ среды деревенскихъ рабовъ, хорошо знакомыхъ съ тѣмъ дѣломъ, къ управленію котораго онъ призванъ. Власть управляющаго нельзя было сдѣлать неограниченною; но чтобъ этого достигнуть, надо было изрѣдка контролировать всѣ его дѣйствія. Господинъ долженъ самъ пріѣзжать въ свое имѣніе, разсмотрѣть все хозяйство, наказать, даже смѣнить управляющаго въ случаѣ неисправности. Но такія провѣрки дѣлались очень рѣдко; не тѣмъ были заняты знатные римляне; поэтому-то въ рукахъ управляющаго была власть фактически неограниченная. Главное занятіе раба въ деревнѣ было земледѣліе; онъ, закованный въ цѣпи, обработывалъ землю; работа, безъ сомнѣнія, тяжелая и между рабами назначеніе на эту работу считалось наказаніемъ; не тѣмъ былъ, напр., надзоръ за стадомъ, тамъ у раба хоть не было цѣпей. Въ городѣ положеніе рабовъ не было лучше; цѣпи вездѣ замѣняютъ личный надзоръ и сторожей; привратникъ въ дверяхъ былъ прикованъ къ нимъ цѣпью, чтобъ онъ не могъ убѣжать; ремесленники были прикованы къ своимъ станкамъ; но и тутъ были такія-же привилегированныя занятія, какъ и въ деревнѣ; управляющіе кораблемъ или цѣлой мастерской; прислужники за столомъ и т. п. Въ Римѣ, какъ и во всѣхъ почти странахъ міра, у рабовъ были свои праздники, которые продолжались иногда нѣсколько дней; особенно извѣстны это сатурналіи, длившіяся цѣлую недѣлю; въ эту недѣлю рабъ могъ одѣть даже платье свободнаго, но и здѣсь рабу надо было дѣйствовать осторожно: онъ долженъ былъ всегда помнить, что будетъ-же день, когда власть господина появиться снова.

Наказаніями за разнаго рода поступки служили кнутъ, палки, розги; усиленіе труда, уменьшеніе пищи, цѣпи, кандалы и т. п. Римляне не признавали за храмами никакихъ особыхъ правъ по отношенію къ рабамъ и преступникамъ; не то было, какъ мы видѣли, въ Греціи. Наконецъ, самою сильною степенью наказанія была смерть, простая или соединенная съ пытками, также отдача на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Это по усмотрѣнію самого господина. Иногда такихъ рабовъ посылали на работы въ рудники. На рѣшеніе господина не было апеляціи. Господинъ былъ полный хозяинъ раба. Императоръ Калигула, напр., во время дороговизны мяса кормилъ дикихъ звѣрей, содержимыхъ при циркахъ для игръ, давая имъ на съѣденіе уголовныхъ преступниковъ и провинившихся рабовъ. И это ставилось Калигулѣ въ заслугу: онъ соблюдалъ экономію.

Двойное вліяніе господствовало надъ всею жизнію раба: 1) вліяніе его состоянія; рабъ есть только вещь, которою можно владѣть и 2) частное господство хозяина; господинъ былъ для раба всѣмъ, его слово—закономъ, его приказанія—обязанностью. Все сводилось къ закону, который управлялъ всѣми дѣйствіями господина. Этотъ законъ—интересъ. Для соблюденія этого интереса отъ раба требовались извѣстныя нравственныя свойства, кромѣ физическихъ достоинствъ, къ силѣ и здоровью надо было прибавить еще трудолюбіе и послушаніе, а также и извѣстное знаніе. Такимъ образомъ, главнымъ качествомъ раба является послушаніе, которое должно было доходить до полнѣйшаго отреченія своей собственной воли и даже совѣсти; господинъ приказываетъ убійство—и рабъ обязанъ подчиниться этому требованію. Плавтъ во многихъ своихъ комедіяхъ проводитъ ту мысль, что страхъ передъ господиномъ есть для раба начало мудрости. Но тамъ, гдѣ рабъ не могъ дѣйствовать правомъ, онъ дѣйствовалъ хитростью; онъ сдѣлался хитеръ, льстивъ. И дѣйствительно, ему могло иногда удасться войдти въ довѣріе господина, сдѣлаться его любимцемъ, тогда положеніе его нѣсколько измѣнялось къ лучшему, онъ могъ даже разсчитывать и на отпущеніе на волю. Особенно цѣнимыми рабами были греки; но они-то и принесли наиболѣе вреда римскому государству; вредъ этотъ не былъ явнымъ: они мало по малу растлѣвали общество, измѣняли его нравы, обращая, конечно, по возможности эти перемѣны въ свою пользу. Грекъ былъ хитеръ,

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ШВАРЦА.



Вербная недѣля.

Рисовалъ Н. Т. Малышевъ; рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ, вѣроломенъ, льстивъ, а съ такими свойствами рабъ могъ сдѣлать многое, особенно если вспомнить, что греки сами по себѣ были образованы, и то, что подражаніе греческимъ обычаямъ и греческому образу жизни въ концѣ республиканскихъ временъ достигло страшныхъ размѣровъ. Рабъ долженъ былъ имѣть всегда въ виду дѣйствія господина; разсчитывать въ случаѣ неисправности на наказаніе, а при трудолюбіи на награду. Съ рабами обходились довольно жестоко. Никто не хотѣлъ слѣдовать мудрой политикѣ Афинъ и это обращеніе послужило побудительной причиной къ реакціи, къ стремленію силою измѣнить свое положеніе. Эти реакціи встрѣчаются въ исторіи всѣхъ странъ (Афины составляютъ чуть-ли не единственное исключеніе), но въ Римѣ онѣ достигли невѣроятныхъ размѣровъ и самое существованіе римскаго государства не разъ висѣло на волоскѣ.

Рабы не только были не вѣрнымъ имуществомъ, но даже и опаснымъ; бывали, правда, и между рабами примѣры гуманности, не всѣ господа были жестоки, нѣкоторые обходились со своими рабами очень гуманно и хорошимъ обращеніемъ добивались отъ нихъ любви и уваженія; послѣдствія этого ясно обнаруживались во время возстаній; рабы сами спасали жизнь своихъ господъ, часто жертвуя для этого своею собственною.

Время борьбы патриціевъ и плебеевъ было однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ для возстаній; тѣмъ болѣе, что рабы иногда находили себѣ поддержку между плебеями. Главная цѣль возстаній была поджечь столицу и, воспользовавшись смятеніемъ, захватить капитолій. Первый заговоръ былъ составленъ за пять столѣтій до Р. X. (въ 501 г.); но онъ былъ во время открытъ и зачинщики преданы позорной казни. Въ слѣдующемъ году составился новый заговоръ рабовъ, поддерживаемый тайно и многими плебеями, цѣль котораго было изгнаніе патриціевъ изъ Рима. При нашествіи вольсковъ, нѣкто Гердоній соединяетъ подъ своимъ начальствомъ четыре съ половиной тысячъ рабовъ, занимаетъ капитолій; но на этомъ успѣхѣ возстаніе и остановилось; Гердоній былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и преданъ мучительной смерти.

Но главный толчекъ былъ данъ нашествіемъ Аннибала. Но послѣ его пораженія и при полномъ соединеніи обоихъ римскихъ сословій возстанія не имѣли никакого успѣха. Интересенъ заговоръ, составленный въ крѣпости Селіи въ 198 году до Р. X. Надо замѣтить, что тамъ находились въ огромномъ количествѣ карфагенскіе плѣнные и заложники; они то и составили заговоръ съ цѣлью возвратить себѣ свободу; чтобъ придать ему больше силы, они подговорили почти всѣхъ сосѣднихъ рабовъ, городскихъ и деревенскихъ. День, назначенный для приведенія заговора въ исполненіе, былъ одинъ изъ народныхъ праздниковъ; прибытіе въ городъ большого числа рабовъ не должно было возбудить ничьего подозрѣнія. Но, къ счастью для Рима, двое изъ участниковъ заговора въ самый день праздника донесли объ немъ римскому претору Лентуилу, который далъ знать въ Римъ; сенатъ послалъ войска и заговоръ не удался. Въ Этруріи, черезъ два года послѣ заговора въ Селіи, составляется новый все съ той же цѣлью: возвратить себѣ свободу; но также подвергся обыкновенной участи всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ возстаній, потому что это были только частныя попытки; въ нихъ не было единства. Оно и не могло быть: рабы были слишкомъ разрозненны; если ихъ соединяли вмѣстѣ помногу, то старались соединить лицъ разныхъ племенъ. Въ Италіи кромѣ того было слишкомъ легко передвиженіе римскихъ легіоновъ; возстанія не успѣвали разростись и распространиться, какъ уже они были уничтожены въ самомъ зародышѣ. Не то было въ Сициліи. Въ ней обращеніе господъ съ рабами было самое жестокое, самое нечеловѣколюбивое; рабовладѣльцы въ Сициліи были преимущественно изъ сословія всадниковъ, они имѣли страшное вліяніе на управленіе и поэтому проконсулы, управлявшіе въ Сициліи, не могли придавать жалобамъ рабовъ особаго значенія подъ страхомъ лишиться мѣста. Рабовъ почти не кормили, не одѣвали; все попеченіе о нихъ со стороны господина ограничивалось однимъ принужденіемъ къ работѣ. Рабы сами должны были содержать себя; денегъ они не имѣли; естественно, что они были принуждены обратиться къ воровству и грабежамъ. Начавъ съ грабежей на большихъ дорогахъ, они мало по малу распространили свои дѣйствія на деревни, города и цѣлыя области. Ихъ дерзость достигла, наконецъ, такихъ границъ, что нельзя было безъ опасности путешествовать въ Сициліи. Убійство и преступленіе, преступленіе и убійство, вотъ все, что было слышно въ Сициліи. Вооруженные копьями и мечами они нападали на мирныхъ жителей, обыкновенно на отдаленные хутора, убивали хозяина насиловали женщинъ, грабили все, что казалось нужнымъ, и жгли остальное. Соединившись въ небольшіе отряды, они обращали въ пустыню цѣлыя области; срывали до основанія города. Привыкнувъ при такихъ условіяхъ къ владѣнію оружіемъ, сытые, хорошо одѣтые, они были дѣйствительно страшны римскому правительству. Въ Сициліи у рабовъ было еще одно громадное преимущество на ихъ сторонѣ. Это то, что большая часть изъ нихъ была изъ одной страны, Сиріи; они говорили однимъ языкомъ, исповѣдывали одну религію. Они были крѣпки и сильны по природѣ; такая жизнь должна была еще болѣе ихъ укрѣпить. Всѣ условія, требуемыя для правильно организованнаго возстанія, имѣлись на лицо. Нужна была только искра, чтобъ поджечь это сухое дерево, чтобъ оно вспыхнуло яркимъ пламенемъ, и такой искрой явился сиріецъ Эвней. Онъ всталъ во главѣ возстанія. Пріобрѣтя страшное вліяніе на своихъ подчиненныхъ, онъ старался его еще болѣе усилить, выдавая себя за человѣка, имѣющаго общеніе съ богами и получающаго отъ нихъ свои откровенія. Наскоро собравъ около себя толпу изъ четырехсотъ человѣкъ, онъ захватываетъ городъ Енну; предаетъ всѣхъ свободныхъ жителей самымъ утонченнымъ мученіямъ, женщины, предварительно обезчещенныя, подвергаются той-же участи. Самый жестокій изъ рабовладѣльцевъ, нѣкто Дамофинъ, умираетъ въ страшныхъ страданіяхъ подъ пытками своихъ бывшихъ рабовъ; освобожденныя рабыни вырываютъ одинъ по одному всѣ волосы его жены Мегалы. Изъ этого семейства была пощажена только дочь господина: она была всегда ласкова съ рабами, часто за нихъ заступалась у отца. Ее подъ конвоемъ проводили до города Катаны, гдѣ жили ея родные. Этотъ примѣръ, по словамъ историка Діодора, описавшаго сицилійское возстаніе, говоритъ, что всѣ звѣрства, совершенныя рабами, были только отдачею долга за хорошее обхожденіе съ ними ихъ господъ. Эвней принялъ титулъ царя, перемѣнивъ свое имя на Антіоха; народное собраніе (въ которомъ принимали участіе всѣ возмутившіеся рабы) рѣшало участь всѣхъ жителей. Эвней пощадилъ только оружейныхъ мастеровъ, заставивъ ихъ ковать оружіе для вооруженія своего набраннаго войска. Между его приближенными особенно отличался нѣкто Азей, человѣкъ храбрый и отличный администраторъ, онъ обучалъ войска, вооружалъ всѣхъ приходившихъ къ нему рабовъ, поддерживалъ между ними дисциплину; былъ, однимъ словомъ, первымъ помощникомъ, правой рукой Эвнея. Въ это-же время въ Аргонтѣ, въ другомъ концѣ Сициліи, вспыхиваетъ другое возстаніе подъ руководствомъ Клеона; у римлянъ явилась надежда, что они изъ-за споровъ о первенствѣ пойдутъ другъ на друга и, такимъ образомъ, возстаніе кончится само собою. Но этимъ надеждамъ не было суждено осуществиться, такъ какъ Клеонъ великодушно пожертвовалъ своимъ личнымъ честолюбіемъ для общей пользы. Тогда подъ начальствомъ Эвнея явилось двадцатитысячное, хорошо вооруженное войско, которое приводило въ смущеніе цѣлые римскіе легіоны. Успѣхи Эвнея отразились повсюду; заговоры составлялись повсемѣстно: въ Римѣ, въ Македоніи, въ Аттикѣ, на островѣ Делосѣ. Но тамъ являлись возстанія изолированными, въ Сициліи-же оно поддерживалось всѣмъ населеніемъ, которое по своей бѣдности близко подходило къ рабскому состоянію.

Рабы укрѣпились въ городахъ и, живя набѣгами и грабежами, наводили ужасъ на всѣхъ римскихъ полководцевъ, посланныхъ противъ Эвнея. Возстаніе было уничтожено только съ помощью измѣны; Эвней былъ убитъ однимъ своимъ рабомъ. Въ Италіи, въ Капуѣ, во главѣ возстанія стоялъ одинъ членъ римскаго сословія всадниковъ,—Встатій. Но онъ былъ во время убитъ и возстаніе не распространилось. Но за то другое, подъ начальствомъ Сильвія, имѣло другіе результаты; онъ захватилъ даже городъ Маргантину; войско его увеличивалось; каждый день къ нему прибывали новые приверженцы. Положеніе Рима было очень критическое, потому что въ это-же время онъ подвергался нашествію кимвровъ и тевтоновъ, которые перешли черезъ Альпы и были уже на територіи собственной Италіи. Марій, выбранный въ первый разъ въ консулы, пошелъ противъ кимвровъ, а Аквилій, его товарищъ, противъ Сильвія и его помощника Либея, которые были разбиты.

Между всѣми состояніями рабства, самое незавидное было положеніе гладіаторовъ; они съ самаго начала были предназначены къ смерти для увеселенія римлянъ. Они разсудили, что лучше пожертвовать жизнію на попытку вернуть себѣ свободу. Главное мѣсторасположеніе всѣхъ гладіаторскихъ школъ была Капуа; между всѣми заговорщиками выдѣлялся своими способностями и физическою силою нѣкто Спартакъ, родомъ изъ Германіи. Набранная имъ шайка была тѣмъ болѣе страшна, что, хорошо вооруженная, она была обучена всѣмъ военнымъ пріемамъ и могла съ успѣхомъ послужить основаніемъ для образованія будущаго войска. Вокругъ Спартака собралось много рабовъ, онъ началъ свои дѣйствія противъ одного приморскаго городка, Туріума. Умертвивъ все мужское населеніе и завладѣвъ женами и дочерьми, они тамъ укрѣпились. Нѣсколько удачныхъ набѣговъ еще выше подняли значеніе Спартака. Всѣ римскіе полководцы были имъ разбиваемы. Наконецъ, выступилъ противъ него извѣстный Лициній Крассъ. Тутъ счастіе измѣнило Спартаку. Запертый въ Туріумѣ, онъ думалъ пробраться въ Сицилію, но пираты, нанятые на римскую службу, а также поднявшаяся буря помѣшали исполненію его желанія. Тогда съ храбростью отчаянія онъ рѣшился прорваться черезъ римскіе легіоны; судьба ему улыбнулась снова. Вырвавшись на волю, онъ опять соединяетъ подъ свое начальство новое войско и опять дѣлается грознымъ для римскаго сената. Единственнымъ способомъ отъ него избавиться—была измѣна, это средство сенатъ пускаетъ въ ходъ и Спартакъ умираетъ, пораженный рукой сторожа своего шатра. Наказаніе было соотвѣтственно бѣдствіямъ, нанесеннымъ возстаніемъ: 6,000 рабовъ, взятыхъ въ плѣнъ, были распяты на крестѣ.

Главная вина во всѣхъ этихъ возстаніяхъ лежитъ на самомъ римскомъ правительствѣ, потому что они явились прямымъ слѣдствіемъ того жестокаго обращенія, которое допускало римское государство по отношенію къ рабамъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Стих. Дм. Черткова.

Я ѣду, грустный, жнивою,
Гляжу по сторонамъ.
Съ погодою дождливою
Пришла ты, осень, къ намъ.
Вотъ листья пожелтѣлые,
Какъ будто помертвѣлые
Птенцы осиротѣлые,
Летятъ къ моимъ ногамъ.

Туманъ стѣною мрачною
Стоитъ передо мной.
Безцвѣтною, невзрачною
Сырою пеленой
Одѣлось небо блѣдное...
Страдаетъ сердце бѣдное
И грусть, какъ бремя вредное,
Сломила духъ больной.

Вотъ тамъ стоятъ высокія
Намокшія скирды,
Остатки одинокіе
Чудесной череды
Тѣхъ дивныхъ дней, которые
Умчались къ югу, скорые...
Разбитый, безъ опоры, я
Глажу на ихъ слѣды.

Скачи, мой конь! Печальнаго
Неси меня скорѣй
Въ тотъ край блаженства дальняго,
Туда, гдѣ дни свѣтлѣй...
Томятъ меня мученія,
Я жажду увлеченія...
Скучны́ вы, дни осенніе,
На родинѣ моей.

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

Придя въ префектуру, Гюре отправился въ кабинетъ своего начальника, чтобы доложить ему о сдѣланномъ арестѣ, но тотъ придалъ мало значенія этому дѣлу и, выслушавъ, сказалъ:

— Гюре, дѣло президента кончено.

— Виновные задержаны?

— Нѣтъ, виновный самъ лишилъ себя жизни.

— А другой?

— Намъ велѣно ограничиться однимъ этимъ.

— Значитъ, тѣ свѣденія, которыя я сообщилъ вамъ вчера, были точны?

— Да, исключая имени. Виновникомъ покушенія былъ не де-Мейранъ; напротивъ, онъ защищалъ президента отъ безумца, который оказался отставнымъ военнымъ, помѣшавшимся вслѣдствіе семейныхъ непріятностей. Его имя: капитанъ Илеръ Тенаръ, баронъ де-Марби.

— Я знаю это имя; баронъ далъ нынѣшнею зимою два бала, о которыхъ много кричали.

— Это тотъ самый, онъ жилъ въ Отейлѣ. Жена его красавица. Вчера у него былъ сдѣланъ домовый обыскъ. Жена его бѣжала съ какою-то странною личностью, захвативъ съ собою всѣ свои вещи. Капитанъ, узнавъ объ ея побѣгѣ, пришелъ въ изступленную ярость, кончившуюся помѣшательствомъ и самоубійствомъ; вчера вечеромъ онъ утопился, оставивъ вотъ это письмо. Я послалъ копіи съ этого дѣла президенту, который потребовалъ подлинники. Пошлите ихъ ему.

— Хорошо.

— Я пойду теперь завтракать, а вы приведите въ порядокъ всѣ эти документы и отошлите къ президенту.

— Будетъ исполнено. Предоставляете ли вы мнѣ покончить съ сегодняшнимъ дѣломъ и допросить Минге?

— Того, о которомъ вы говорили, что онъ можетъ быть намъ полезенъ?

— Да, онъ теперь въ нашихъ рукахъ.

— Да, да, дѣлайте, какъ знаете, Гюре; я на васъ вполнѣ полагаюсь. Я напередъ одобряю все, что вы сдѣлаете.

Начальникъ сыскной полиціи ушелъ и приставъ, оставшись одинъ, сѣлъ за свою конторку и вынулъ изъ кармана небольшой свертокъ:— два прибора, завернутые въ носовые платки. Онъ еще разъ внимательно осмотрѣлъ ихъ и положилъ на конторку. «Я займусь этимъ потомъ, подумалъ онъ; прежде нужно отправить президенту бумаги».

Онъ собралъ документы и перенумеровалъ ихъ. Быстро пробѣжавъ глазами бумаги, онъ прочелъ утренній докладъ. «Ничего новаго, говорилось въ немъ; никто не приходилъ. Мы узнали отъ слугъ, что жена уѣхала за два часа до возвращенія мужа, забравъ, съ помощью какого-то человѣка вульгарной наружности, всѣ цѣнныя вещи, которыя она увезла съ собою. Очевидно, все это было условлено заранѣе, чтобы скрыться отъ правосудія. Имя жены—Орели, урожденная Буатель.» Этотъ докладъ былъ подписанъ именемъ полицейскаго агента, и очевидно, служилъ отвѣтомъ на спеціально потребованныя отъ него свѣденія. Гюре присоединилъ его къ дѣлу и взялъ послѣдній изъ документовъ: письмо, которое было пришпилено къ пальто, найденному на берегу Сены. Приставъ машинально держалъ это письмо, собираясь и его также присоединить къ дѣлу, какъ вдругъ взглядъ его остановился на черной печати съ оттискомъ перстня.

— Это еще чтò? пробормоталъ онъ съ удивленіемъ.

Взявъ одну изъ принесенныхъ имъ серебряныхъ ложекъ, онъ сличилъ вырѣзанный на ней гербъ съ гербомъ печати. Тотъ-же самый рисунокъ; тѣ же буквы Т. М., окруженныя подвязкой, съ девизомъ sans tache.

— Дѣло усложняется. Значитъ, барыня, бѣжавшая изъ супружескаго дома съ вульгарнымъ господиномъ, была баронеса де-Марби, а господинъ—Жюль Минге. Придумайте что-нибудь подобное, а вѣдь это фактъ.

Онъ еще разъ бросилъ взглядъ на рапортъ: «Имя жены—Орели, урожденная Буатель».—Ну, такъ и есть: на платкахъ буква О. Тутъ есть какая-то тайна, которую нужно раскрыть.

Гюре внимательно прочелъ все дѣло, которое онъ намѣревался послать президенту Матье де-Тальи. Читая, онъ набрасывалъ въ своей памятной книжкѣ слѣдующія замѣтки: «Имя сообщника— Оливье де-Мейранъ, который уѣхалъ изъ Парижа съ дѣвицею Элизой Буатель, по прозванію Лоиза Ботъ». Изъ другого рапорта онъ выписалъ: «Однимъ изъ самыхъ частыхъ посѣтителей дома былъ президентъ суда Матье де-Тальи, котораго считаютъ любовникомъ и главнымъ содержателемъ баронесы... Она уѣхала съ какимъ-то страннымъ человѣкомъ, который говорилъ ей «ты»; кучеръ экипажа, нанятаго для перевозки вещей, показалъ, что онъ отвезъ ихъ на станцію сѣверной желѣзной дороги; по всѣмъ вѣроятіямъ, они находятся теперь на дорогѣ въ Бельгію или въ Англію.»

— Однако, ловокъ этотъ Минге: онъ такъ провелъ нашихъ молодцовъ, что они и слѣдъ его потеряли! Какъ видно, всѣ двадцать агентовъ, которые были подняты на ноги для этого дѣла, не имѣя общаго руководства, смотрѣли каждый въ свою сторону и, бьюсь объ закладъ, ни одинъ не посмотрѣлъ туда, куда слѣдовало. Достовѣрно пока, что эта барыня находится въ Парижѣ; я разузнаю, гдѣ она, а пока пошлю весь этотъ вздоръ тому, кому онъ нуженъ.

Гюре сшилъ дѣло, приложилъ къ нему печать полицейской префектуры, надписалъ адресъ и отослалъ. Исполнивъ это, онъ спряталъ серебро и носовые платки въ ящикъ, позвонилъ и сказалъ вошедшему сторожу:

— Велите привести сюда изъ тюремнаго депо арестованнаго сегодня утромъ Жюля Минге.

Сторожъ повиновался и черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ привели арестанта. Жюль вовсе не былъ смущенъ; не смотря на его наружное смущеніе, замѣтно было, что ему уже не впервые приходилось быть въ этомъ мѣстѣ.

Гюре велѣлъ сторожу удалиться и подозвалъ къ себѣ знакомъ Жюля, который приблизился къ конторкѣ, комкая въ рукахъ свою фуражку. Гюре облокотился на конторку, подперъ рукою голову и нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ на молодого человѣка.

— Минге, сказалъ онъ, наконецъ,—тебѣ извѣстно, что мы знаемъ тебя также хорошо, какъ ты самъ себя знаешь; мы уже не разъ имѣли съ тобой дѣло.

— Ваша правда, г. Гюре; я знаю, что мнѣ нечего таиться отъ васъ и потому-то именно я и увѣряю васъ, что на этотъ разъ мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя; я ничего не кралъ.

— Отъ тебя зависитъ доказать это, открывъ намъ чистосердечно, гдѣ ты взялъ проданныя вещи.

— Мнѣ поручили продать ихъ; вотъ вамъ истинная правда. Я долженъ былъ подѣлиться деньгами съ той особой, которая дала мнѣ это порученіе и которой, говорю вамъ безъ всякой лжи, эти вещи дѣйствительно принадлежали.

— Но ты могъ взяться продать вещи, украденныя кѣмъ-нибудь другимъ, а тебѣ не безъизвѣстно, что законъ наказываетъ за это, какъ за кражу.

— Но я-же говорю вамъ, что я былъ увѣренъ въ томъ, что эти вещи не краденныя.

— Нужно, чтобы и мы были увѣрены въ этомъ, а для этого ты долженъ сказать намъ имя той особы, которая поручила тебѣ продать вещи.

Жюль нѣсколько минутъ колебался и, наконецъ, счелъ за лучшее отказаться отъ выдуманной имъ басни.

— Я уже сказалъ вамъ, что мнѣ неизвѣстно имя этой особы и что...

— Ну, довольно, мы знаемъ ее.

Плутъ взглянулъ исподлобья на пристава съ насмѣшливой улыбкой.

— Эти платья, продолжалъ Гюре,—принадлежали женщинѣ, которой ты помогъ увезти ихъ изъ ея дома вмѣстѣ съ другими цѣнностями. Имя этой женщины—Орели; она жена капитана Тенаръ де-Марби.

— Вамъ это извѣстно?

— Намъ все извѣстно. Послушай, изъ двухъ одно: или ты сообщникъ, или слуга этой женщины, которая при побѣгѣ изъ дома распорядилась общимъ имуществомъ и которую мужъ преслѣдуетъ теперь, показывая, что ей помогалъ дѣломъ и совѣтомъ человѣкъ, примѣты котораго онъ далъ намъ. По этимъ примѣтамъ ты и арестованъ.

— Это мужъ сказалъ!

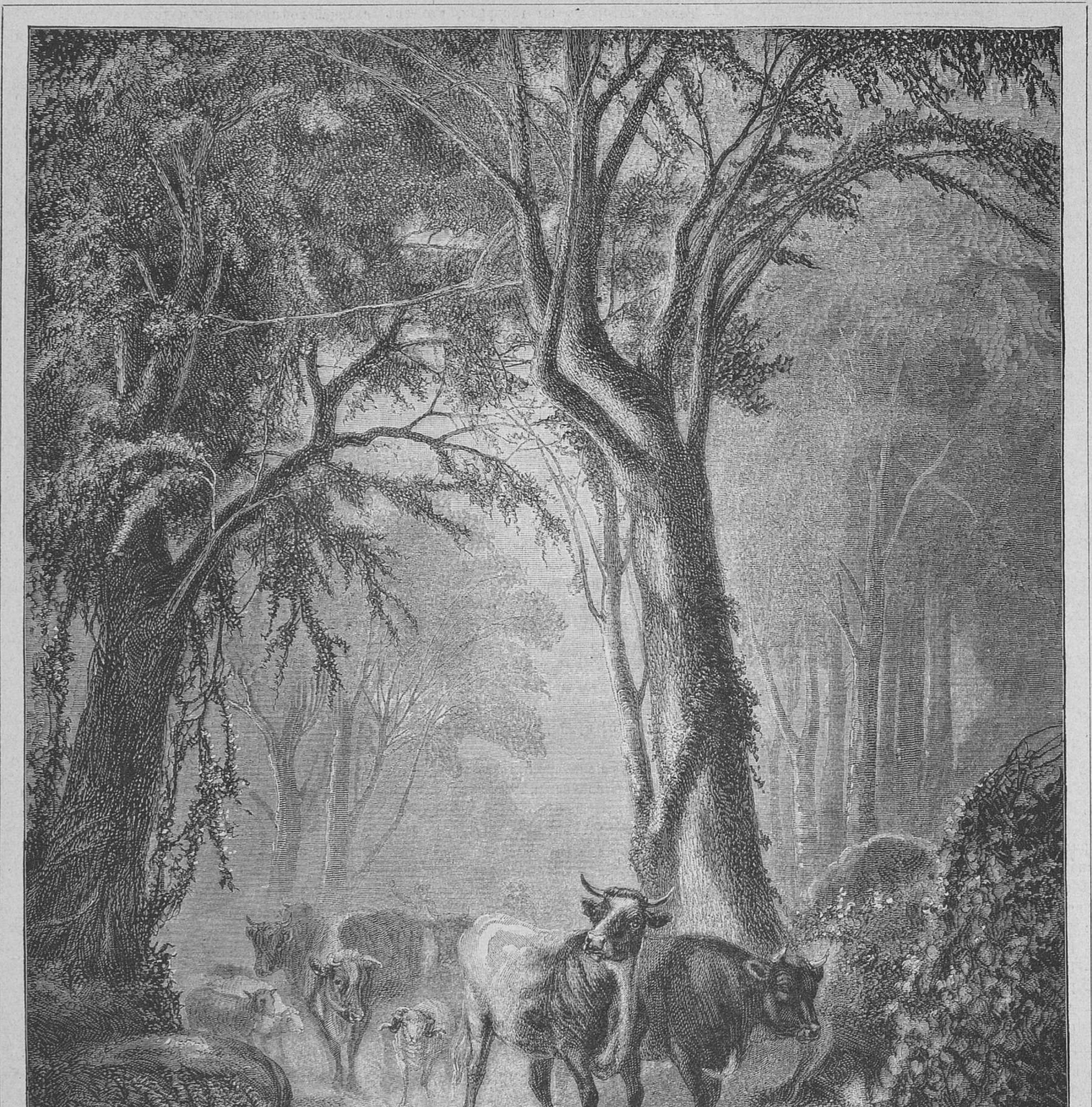
— Жена оправдывается тѣмъ, что все сдѣлано тобою, что ты разставилъ ей ловушку.

— Такъ вы ее взяли?

Дѣлая этотъ вопросъ, Жюль казался обрадованнымъ. Ему было пріятнѣе объяснять себѣ исчезновеніе Орели ея арестомъ, чѣмъ думать, что она его бросила. Запираться, щадить женщину было уже не зачѣмъ; открытіе истины не

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГАРТА.

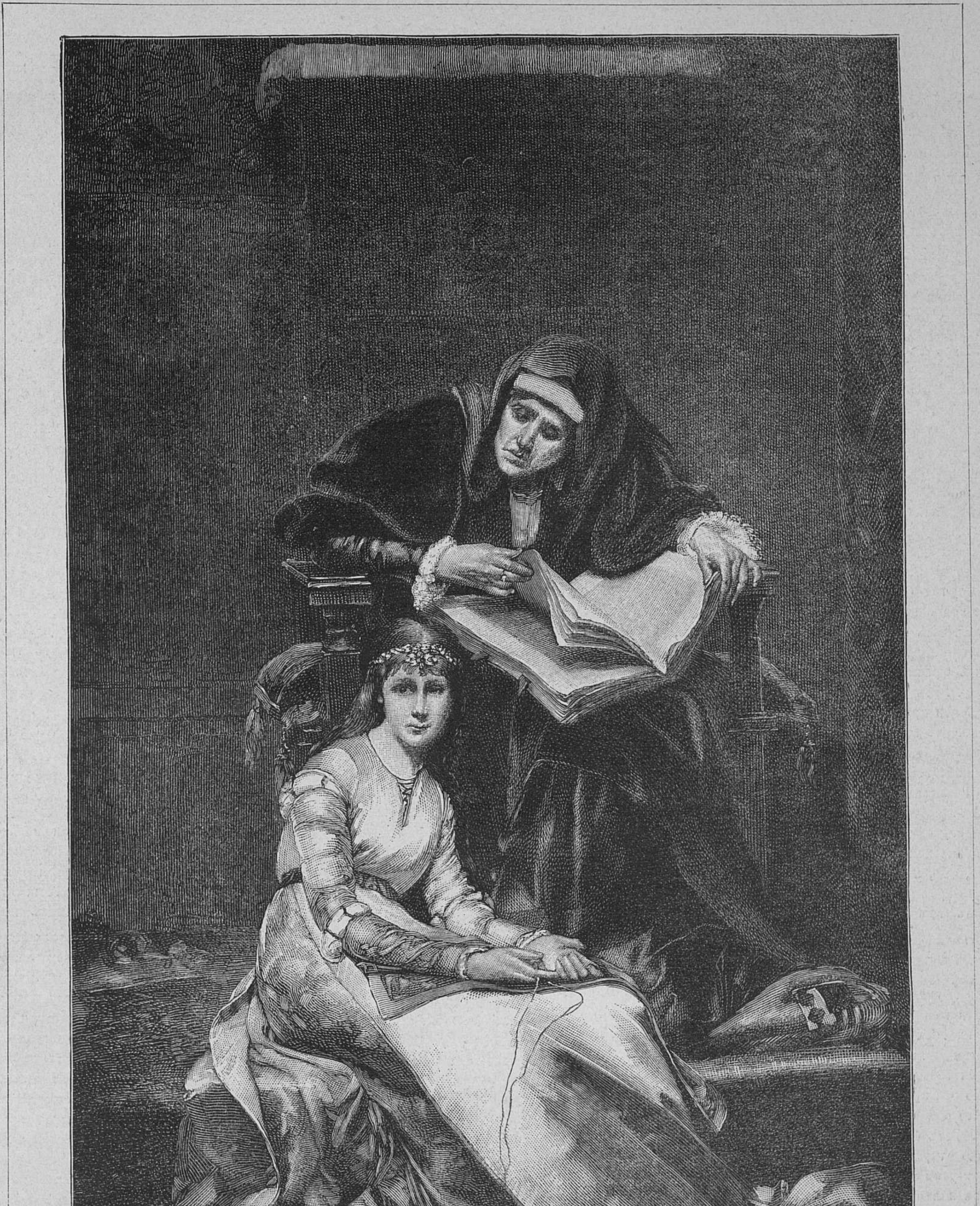


Водопой.

Рѣзалъ на деревѣ **Мецомъ** въ Лондонѣ.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА АНАТОЛЯ ВИЛЛИ.



Сердце заговорило.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

могло погубить ее, а для него оно могло послужить оправданіемъ.

— Ну, такъ и быть, г. Гюре, я скажу всю правду...

— Постой. Не пытайся обмануть меня; мы знаемъ многое... Если ты скажешь правду, я освобожу тебя; но если у насъ останется хотя малѣйшее сомнѣніе, я потребую слѣдствія и удержу тебя въ предварительномъ заключеніи.

— Я вамъ открою сущую правду. Г-жа де-Марби была когда-то простой работницей, а я былъ футлярщикомъ. Мы познакомились; этому лѣтъ десять. Имя ея было Орели Буатель. Я влюбился въ нее и хотѣлъ жениться на ней, но отецъ ея отказалъ мнѣ и ее выдали за грубаго, стараго рубаку. Жизнь ея съ нимъ была каторжная. Разъ мы встрѣтились; она по прежнему любила меня и я ее тоже. Она разсказала мнѣ, что поссорилась съ мужемъ и не можетъ болѣе жить съ нимъ. Какъ кажется, у нихъ вышла скандальная исторія; но вѣдь ее выдали замужъ противъ воли и она не любила мужа. Онъ прогналъ ее, сказавъ, чтобы нога ея не была въ его домѣ. Она объявила мнѣ, что если я хочу, она будетъ жить со мною, но съ тѣмъ, чтобы я помогъ ей добыть изъ мужняго дома ея вещи. Такъ какъ платья и кружева, дѣйствительно, принадлежали ей, а не мужу, то я согласился сопровождать ее, когда она отправилась за ними; она боялась мужа и я обѣщалъ защитить ее отъ него. Кстати, мужа не было дома. Случай былъ слишкомъ хорошъ, чтобы имъ не воспользоваться, тѣмъ болѣе, что можно было избѣжать исторіи, скандала, быть можетъ, даже чего-нибудь худшаго. Какъ я уже сказалъ, я любилъ Орели по прежнему и не далъ-бы ее въ обиду. Вотъ какъ было дѣло. Она взяла свои платья, свои драгоцѣнности, велѣла мнѣ перенести все въ карету и мы уѣхали. Остальное вамъ извѣстно... Но, повторяю, она взяла не общую собственность, а только то, что принадлежало ей лично.

— А-а!

Гюре слушалъ, не прерывая и устремивъ на бездѣльника неподвижный взглядъ. Когда тотъ кончилъ, онъ, не торопясь, открылъ ящикъ конторки, вынулъ оттуда серебряные приборы и, выложивъ ихъ на конторку, спокойно спросилъ:

— А эти вещи—тоже ея личная собственность?

Жюль смутился, но только на минуту.

— Эти вещи? сказалъ онъ спокойно,—я не видалъ ихъ. Вы нашли ихъ не на мнѣ и я никому ихъ не предлагалъ. Я продалъ для Оре... для г-жи де-Марби только платья и кружева.

— Но эти приборы найдены въ твоей комнатѣ.

— Это она ихъ принесла; я не видалъ ихъ.

— Можетъ быть... Въ такомъ случаѣ, подождемъ, что откроетъ слѣдствіе, сказалъ Гюре и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ убралъ серебро въ конторку.

Это хладнокровіе смутило Жюля и онъ робко спросилъ:

— Вы обѣщали, г. Гюре, уволить меня отъ слѣдствія и освободить, если я скажу всю правду.

— Да, если-бы ты сказалъ ее, то слѣдствіе было-бы лишнимъ. Но ты не все говоришь.

— Божусь вамъ, я говорю правду.

— Но то, что ты разсказалъ, мой милый, не только не оправдываетъ тебя, а напротивъ, доказываетъ, что ты сообщникъ этой женщины, и я долженъ задержать тебя до болѣе полныхъ свѣдѣній.

— Съ вами никогда не слѣдуетъ поступать честно. Вы не имѣете привычки держать ваше слово.

Приставъ помолчалъ.

— Ты глупъ, мой милый, сказалъ онъ,—я далъ тебѣ понять, что, быть можетъ, мы будемъ имѣть надобность въ тебѣ; что я употреблю тебя въ дѣло и для этого возвращу тебѣ свободу. Я предлагаю тебѣ оправдаться или, по крайней мѣрѣ, дать намъ возможность отвѣчать что-нибудь тѣмъ, кто тебя преслѣдуетъ, оговариваетъ;— вѣдь, глупый ты этакой, развѣ ты не понимаешь, что эта женщина избрала тебя своимъ орудіемъ, чтобы обокрасть своего мужа. Вотъ, теперь, когда мы, по жалобѣ ея мужа, должны были задержать ее, она все сваливаетъ на тебя. Ты обокралъ, ты продалъ ея наряды, ты припряталъ вещи, серебро и драгоцѣнности; она желала жить врозь съ мужемъ и взяла изъ дому то, что ей принадлежало; ты помогъ ей, а потомъ, какъ она показываетъ, прогналъ ее и скрылся съ ея чемоданами и драгоцѣнными вещами.

— Но она у меня ночевала. Все это дудки! вскричалъ ошеломленный Жюль.

— Мы были у тебя по утру и не нашли ее, ты же ѣздилъ продавать ея платья. Куда дѣвались драгоцѣнности, серебро? Доказательствомъ, что онѣ были у тебя, служатъ эти два прибора.

Дѣло принимало непріятный для Жюля оборотъ, но отъ него не ускользнули слова пристава, выражавшія довѣріе къ его смѣтливости, намекавшія на то, что отъ него самого зависитъ измѣнить свое положеніе къ лучшему. Поэтому онъ разомъ перемѣнилъ тактику.

— Я не солгалъ, г. Гюре, сказалъ онъ.—Сознаюсь, что я не все сказалъ вамъ, но я не солгалъ. Я вижу, однако, что, пытаясь уменьшить вину другихъ, я самъ лѣзу въ петлю. Ну, нечего дѣлать, я разскажу вамъ все.

Жюль откровенно разсказалъ съ самаго начала свои отношенія къ г-жѣ де-Марби, не скрывъ, что красивая Орели уже издавна находилась въ любовной связи съ президентомъ Матье де-Тальи, котораго она называла «своимъ старичкомъ». При этихъ словахъ приставъ сдѣлалъ жестъ досады, потому-ли что тотъ, кто долженъ былъ олицетворять собою правосудіе и служить примѣромъ для другихъ, оказывался первымъ виновникомъ случившейся катастрофы; потому-ли, что онъ нашелъ покушеніе капитана объяснимымъ и не могъ не признать, что всякій человѣкъ, которому дорога его честь, поступилъ-бы такимъ-же образомъ, или потому, что открытіе обстоятельства, такъ сильно компрометировавшаго президента, стѣсняло пристава, который, прикрываясь званіемъ полицейскаго агента, повидимому, служилъ совсѣмъ не полиціи. Онъ продолжалъ слѣдствіе по дѣлу, по которому еще съ утра велѣно было прекратить дознаніе и сдать всѣ документы въ руки заинтересованнаго въ немъ лица. Какъ-бы то ни было, но Гюре слушалъ Жюля съ живѣйшимъ интересомъ и заставилъ его повторить все, что ему было извѣстно объ отношеніяхъ Матье де-Тальи къ Орели. Дослушавъ до конца, онъ спросилъ:

— Не говорила-ли она тебѣ когда-нибудь объ Аристидѣ де-Фаржѣ?

— Нѣтъ, г. приставъ, объ этомъ не говорила, да и о многихъ другихъ...

— Странно, что она не говорила о немъ.

— Никогда. Но это имя мнѣ знакомо; оно-то и было причиной, что мы снова встрѣтились съ нею.

— Какъ такъ?

— Да. Представьте, что мнѣ попало въ руки съ десятокъ писемъ, подписанныхъ ея именемъ и адресованныхъ этому Аристиду де-Фаржъ. Въ ту пору я былъ по уши въ долгахъ и по этому мнѣ пришло на умъ заставить ее поплясать, чтобы получить отъ меня эти письма.

— Значитъ, ты уже не любилъ ее въ то время?

— Какъ не любить—любилъ; только меньше прежняго. Мы лѣтъ десять не видались,—понимаете? Ну, да я вовсе не хочу сказать, что я имѣлъ въ виду только деньги... Впрочемъ, когда нужда хватитъ человѣка за горло, такъ ужь тутъ не до деликатничанья.

— Но какъ попали къ тебѣ эти письма?

Этотъ вопросъ явно смутилъ негодяя, онъ почему-то не ожидалъ его и раскаялся въ томъ, что коснулся этихъ подробностей. Однако, не отвѣчать было невозможно.

— Ну, это ужь другая исторія; эту штуку состряпалъ одинъ изъ моихъ товарищей; письма попали въ его руки вмѣстѣ съ другими бумагами и онъ показалъ ихъ мнѣ; узнавъ почеркъ, я выпросилъ у него эти письма.

— А-а! сказалъ приставъ съ загадочной улыбкой, которая еще болѣе смутила плута.—Продолжай.

— Но со мной какая штука тутъ вышла! Я искалъ адресъ Орели и нашелъ его; я отправился къ ней и мы, какъ я уже сказалъ, помирились. Я обѣщалъ ей принести письма, которыя были спрятаны у меня въ одномъ мѣстѣ. Прихожу за ними, а ихъ украли.

Жюль не замѣтилъ, что Гюре не спросилъ его ни о содержаніи писемъ, ни о мѣстѣ, гдѣ они были спрятаны; ни о томъ, кого онъ подозрѣваетъ въ кражѣ ихъ; онъ не замѣтилъ, что Гюре какъ будто зналъ и о существованіи этихъ писемъ, и о томъ, куда они дѣвались. Бездѣльникъ умолкъ, дожидаясь, когда приставъ кончитъ писать замѣтки въ своей памятной книжкѣ. Наконецъ, Гюре поднялъ голову и сказалъ:

— Я обѣщалъ освободить тебя, если ты скажешь всю правду; я сказалъ, что ты можешь быть намъ полезенъ.

Лицо Жюля просіяло.

— Я открылъ вамъ чистую правду, г. Гюре.

— Да, приблизительно. То, что ты скрылъ, уже извѣстно мнѣ.

Взгляды ихъ встрѣтились и бездѣльникъ въ смущеніи потупилъ глаза.

— Твои отношенія къ этой женщинѣ были преступны. Но это еще самая невинная изъ твоихъ продѣлокъ. Ты не видѣлся такъ долго съ этой женщиной только потому, что находился въ такомъ мѣстѣ, откуда нельзя выходить, когда вздумается. Но съ тѣхъ поръ, какъ тебя освободили изъ тюрьмы, ты уже десять разъ заслужилъ, чтобы тебя снова упрятали туда. Если поближе разузнать, какъ попали къ тебѣ письма, о которыхъ ты говорилъ, то уже одного этого было-бы довольно, чтобы пригласить тебя возвратиться въ тюрьму.

— О, г. Гюре, вскричалъ Жюль, задрожавъ,—это не я...

— Да объ этомъ тебя не спрашиваютъ; я хочу только сказать, что ты въ моихъ рукахъ и судьба твоя зависитъ отъ моего каприза. Ты нашъ. Но вмѣсто того, чтобы упечь тебя въ тюрьму, я намѣренъ употребить тебя въ дѣло, если ты это заслужишь.

— Я готовъ исполнить все, что вы прикажете, г. Гюре; я уже не ребенокъ; въ мои лѣта пора быть серьезнымъ человѣкомъ и я чувствую расположеніе къ этому.

— Ну, подойди ближе и слушай.

Жюль приблизился и навострилъ уши.

— Помни, что при малѣйшемъ уклоненіи, при малѣйшей измѣнѣ, ты будешь въ нашихъ рукахъ. Чтобы тебѣ ни поручили, ты долженъ дѣйствовать тайно, и знай, что мы не станемъ отвѣчать за тебя.

— Понимаю: я буду полицейскимъ агентомъ на свой страхъ.

— Именно, ты понялъ меня. Что же, согласенъ ты?

— Конечно; чего-же лучше? А платятъ хорошо?

— Платятъ по заслугамъ... Выслушай теперь меня внимательно.

Посвященіе новозавербованнаго въ тайны ремесла шпіона взяло добрыхъ полчаса. Когда Гюре кончилъ свои инструкціи, Жюль, сіявшій счастьемъ, сказалъ:

— Понимаю, г. Гюре; вы можете положиться на меня.

— Помни, что если ты придешь сюда, тебя замѣтятъ, узнаютъ и задержатъ, поэтому ты долженъ забыть сюда дорогу. Къ тебѣ каждыя два-три дня будетъ заходить мой агентъ и принимать отъ тебя рапорты.

— Буду помнить, г. приставъ.

— Здѣсь тебя никто не знаетъ; я одинъ буду знать, что ты намъ служишь.

— Не безпокойтесь, я не обману вашего довѣрія. Для меня слишкомъ выгодно служить вамъ и быть осторожнымъ.

— Ну, хорошо, будь-же дѣятеленъ; послѣ завтра тебя навѣститъ мой агентъ. Ты не долженъ мѣнять квартиру, не предупредивъ насъ.

— Знаю, г. Гюре.

— Теперь уходи.

Приставъ отвернулся, чтобы привести въ порядокъ свои замѣтки и приняться за другія дѣла; но Жюль не уходилъ. Онъ продолжалъ стоять, въ видимомъ затрудненіи, и мялъ въ рукахъ свою фуражку. Гюре, наконецъ, замѣтилъ его.

— А, ты все еще здѣсь! сказалъ онъ съ удивленіемъ.—Что тебѣ еще нужно?

— Да вы знаете, г. Гюре.

— Нѣтъ, не знаю. Не того-ли, чтобы я велѣлъ сторожу тебя выпроводить?

— Нѣтъ, г. Гюре, не того; но вѣдь я доказалъ вамъ, что меня арестовали по ложному обвиненію; я не кралъ, я продалъ свои вещи, свои собственныя.

— Да, съ твоей точки зрѣнія, это такъ. Словомъ, тебѣ хотѣлось бы получить обратно деньги, которыя у тебя отобрали сегодня утромъ.

— А то какъ-же, г. Гюре? И деньги, и серебро...

— Нѣтъ, серебро конфисковано; дѣло еще не кончено; ты самъ знаешь это лучше кого бы то ни было; но деньги я могу тебѣ отдать.

Говоря это, Гюре вынулъ изъ кармана луидоры, завернутые въ газетную бумагу. Увидя ихъ, бездѣльникъ не могъ скрыть радостнаго трепета. Онъ съ жаромъ поблагодарилъ пристава и ушелъ, еще разъ увѣривъ его въ своемъ усердіи и преданности.

Выйдя на набережную, онъ пустился бѣжать. Онъ чувствовалъ потребность насладиться свободой, вдохнуть въ себя воздухъ полною грудью. Онъ опасался, что дѣло его приметъ совсѣмъ другой оборотъ, и не могъ нарадоваться такому счастливому исходу. Въ довершеніе счастья, онъ могъ теперь жить спокойно, подъ защитой той самой власти, которой онъ такъ боялся.

Съ своей стороны, и Гюре былъ доволенъ результатами этого утра.

— Этотъ бездѣльникъ будетъ намъ полезенъ, размышлялъ онъ.—Онъ будетъ показывать намъ дорогу, какъ глупая собака, наводящая врага на слѣды своего хозяина.

Въ эту минуту кто-то постучался и Гюре велѣлъ войдти. Вошелъ писецъ.

— Г. приставъ, намъ не дано сегодня распоряженій.

— Какъ? Развѣ онъ такъ и ушелъ?

— Да, г. Гюре.

— Онъ приглашенъ куда-то на завтракъ, такъ и службу забылъ. Ну, въ канцеляріи я могу замѣнить его, но тамъ... не могу... А рапорты есть?

— Принесены; тамъ ждутъ.

— Подайте ихъ сюда и скажите, что сегодня ничего не будетъ... До завтра.

Чиновникъ вышелъ и тотчасъ возвратился, принеся всего два пакета.

— Это что?

— Это отчетъ объ одной частной сходкѣ, составленный помощникомъ секретаря.

— А, да... знаю.

Онъ разорвалъ конвертъ, бѣгло пробѣжалъ бумагу и спряталъ ее въ конторку.

— А это? спросилъ онъ, взявъ другой пакетъ.

— Не знаю.

— Ступайте.

Чиновникъ вышелъ, а Гюре распечаталъ второй пакетъ и быстро пробѣжалъ докладъ.

— Это что значитъ? сказалъ онъ и принялся внимательно перечитывать рапортъ, въ которомъ стояло слѣдующее: «Вчера въ двѣнадцатомъ часу вечера, въ улицѣ Фельянтинокъ, я замѣтилъ мужчину, который шелъ, крадучись, вдоль стѣны убѣжища Кающейся-Магдалины. Убѣдившись, что никто за нимъ не слѣдитъ, онъ вынулъ изъ кармана связку ключей и, спустя нѣсколько минутъ, отперъ калитку, служившую прежде для садовника, но которая теперь всегда остается запертою. Не сомнѣваясь въ томъ, что человѣкъ этотъ — воръ, я тотчасъ позвонилъ у воротъ. На звонъ никто не откликнулся. Тогда я возвратился на свой постъ и вскорѣ увидѣлъ другого мужчину, входившаго въ садъ убѣжища тою-же самою калиткой. Я остался сторожить. Въ часъ ночи изъ калитки вышелъ первый изъ вошедшихъ, который направился къ площади Обсерваторіи, гдѣ его дожидалась собственная карета. Я возвратился въ улицу Фельянтинокъ и встрѣтилъ второго, который только что вышелъ изъ калитки. Я тщетно старался разсмотрѣть его лицо... Долженъ-ли я продолжать сторожить! Какой ходъ нужно дать дѣлу?»

— Что это значитъ? спросилъ себя Гюре, сильно заинтригованный. — Странное убѣжище! Нужно спрятать этотъ рапортъ; я пойду самъ разъяснить это дѣло.

Онъ еще разъ перечиталъ рапортъ и написалъ: «Относительно свѣденій, доставленныхъ сегодня утромъ, нужно продолжать наблюденія каждый день; слѣдите за обоими и сообщите тотчасъ о результатѣ».

Онъ адресовалъ это: «Г. Дюрану, владѣльцу магазина, №...».

— Остальное я сдѣлаю самъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Сестры милосердія для слѣпыхъ.

Въ Парижѣ въ 1878 году во время всемірной выставки собрался конгресъ о слѣпыхъ или вѣрнѣе для улучшенія судьбы слѣпыхъ. Не касаясь преній и результатовъ, добытыхъ имъ, мы остановимся только на одной очень счастливой и удобопримѣнимой мысли. Мысль эта была выражена президентомъ конгреса Надо-де-Бюффономъ въ первой вступительной рѣчи его къ представителямъ различныхъ державъ и многочисленному сонму филантроповъ и человѣколюбцевъ. Мысль эта заключается въ томъ, чтобы образовать сестеръ милосердія для слѣпыхъ. Мысль высокая и удобо и скоро-исполнимая, въ особенности, у насъ, въ Россіи.

Что нужно сдѣлать у насъ, чтобы образовать комплектъ сестеръ милосердія для слѣпыхъ? Нужно только кликнуть кличъ по всей Россіи и не одно, не десятокъ, не сотня, но тысячи женскихъ добрыхъ сердецъ откликнутся на этотъ христіанскій и человѣколюбивый зовъ. Русская женщина доказала во время бывшей войны, что она способна на всякое самопожертвованіе и на безграничное геройство, а потому уходъ за слѣпыми не будетъ для нея затруднителенъ. Русская женщина помогала раненымъ на полѣ битвы подъ громомъ ядеръ и пуль, она страдала въ лазаретѣ вмѣстѣ съ ранеными и больными; она въ мирное время ухаживаетъ за больными, присутствуетъ при ихъ агоніи, то тѣмъ болѣе можетъ она сослужить службу и слѣпому. Человѣкъ, видѣвшій зіяющія раны, вынимавшій червей изъ этихъ ранъ, видѣвшій агонію и смерть, можетъ перенести взглядъ человѣка съ вытекшими глазами, съ потухшимъ взглядомъ!

Больной, раненый, еще счастливы: они имѣютъ глаза, видятъ окружающее. Слѣпой же лишенъ самаго чудеснаго и самаго божественнаго чувства—зрѣнія. Всякій согласится, что слѣпота это самое ужасное, самое убійственное страданіе. Слѣпой лишенъ всего. Онъ не можетъ видѣть природы, онъ не можетъ видѣть себѣ подобныхъ людей, не можетъ заниматься чѣмъ-бы желалъ, ибо достичь желаемаго онъ можетъ только при посредствѣ чужой помощи и, даже получивъ желаемое, онъ не будетъ въ состояніи справиться съ нимъ. Предположите, что слѣпой слышалъ про какую-нибудь книгу, ему хочется достать ее. Будучи слѣпъ, онъ не можетъ ее ни увидѣть, ни достать. Но вотъ при посредствѣ посторонней помощи, она у него въ рукахъ. Увы! при всемъ своемъ желаніи, при всей жаждѣ къ умственной пищѣ, она останется у него въ рукахъ безполезною вещью. Нельзя-же требовать, чтобы слѣпые удовлетворялись банальными и прописными истинами, нельзя также требовать, чтобы вся литература была-бы переписана или перепечатана для слѣпыхъ выпуклымъ шрифтомъ. Это было-бы неудобоисполнимо и неимовѣрно дорого. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы лишать слѣпого умственной пищи. Слѣпой способенъ даже больше къ ней, чѣмъ зрящій, ибо съ потерею зрѣнія онъ какъ-бы входитъ въ самого себя, онъ сосредоточивается, живетъ жизнью болѣе умственною, чѣмъ внѣшнею. Не нужно забывать, что слѣпой такой-же гражданинъ своего отечества, какъ и зрящій, что онъ чувствуетъ, мыслитъ и живетъ какъ послѣдній. Безразсудно требовать отъ слѣпого, чтобы онъ только плелъ корзины или занимался музыкою. Пусть будетъ предоставлена полная свобода слѣпому. Пусть одни станутъ музыкантами, другіе мыслителями, поэтами, литераторами, авторами, даже учителями (хотя-бы для слѣпыхъ), третьи пусть занимаются плетеніемъ корзинъ. Отъ этого они только выиграютъ. Слѣпой, посвятившій себя музыкѣ, можетъ сдѣлаться хорошимъ музыкантомъ, между тѣмъ какъ другой, который учится музыкѣ по принужденію, не имѣя охоты къ ней, будетъ только плохимъ таперомъ. Всякій согласится, что лучше для слѣпого и выгоднѣе для государства, если онъ сдѣлается хорошимъ музыкантомъ-виртуозомъ, чѣмъ худымъ таперомъ. Тоже самое надо сказать и о тѣхъ, которые обучаются какому-нибудь мастерству. Пусть тотъ, кто питаетъ любовь къ мастерству и занимается имъ; не насилуйте и не навязывайте его тому, кому оно противно, и вы будете имѣть хорошихъ и умѣлыхъ мастеровыхъ, хотя, замѣтимъ здѣсь, слѣпые всѣ непремѣнно должны быть заняты какимъ-нибудь мастерствомъ. Оно необходимо для нихъ, какъ полезное времяпровожденіе, какъ работа для рукъ и ногъ, какъ рекреація и отдыхъ отъ умственнаго ученія. Что касается послѣдняго, оно не должно ограничиваться элементарными первичными познаніями. Оно можетъ и должно идти впередъ. Могутъ явиться слѣпые, которые, не питая любви ни къ музыкѣ, ни къ мастерству, пожелаютъ продолжать свое обученіе, пройдя, конечно, то, которое имъ положено. Неужели такому слѣпому запретить входъ въ храмъ науки, неужели запереть передъ нимъ двери литературы, единственно потому, что нѣтъ для него спеціальныхъ пособій. Намъ кажется, это было-бы несправедливо и безчеловѣчно.

Вотъ тутъ-то и явилась-бы сестра милосердія могучимъ орудіемъ его образованія. Она-бы пополнила пробѣлъ, образуемый недостаткомъ учебниковъ и ихъ дороговизною, она-бы могла читать слѣпому всякую книгу, какую-бы онъ пожелалъ; она-бы служила воспитательницею его ума и вкуса, она-бы могла поднять его умственный и нравственный уровень, расширить его кругозоръ, обогатить его познаніями и житейскимъ опытомъ, она-бы сдѣлалась не только его сестрою милосердія, но его матерью, его родною сестрою, его товарищемъ въ несчастіи, его няней, секретаремъ, попечителемъ, совѣтникомъ, воспитателемъ, при случаѣ его защитникомъ.

Разсматривая персоналы учащихъ въ разныхъ заведеніяхъ слѣпыхъ, можно замѣтить, что въ нихъ есть учителя: теоріи музыки, игръ на кларнетѣ, на волторнѣ, на флейтѣ, на гобоѣ, на контрбасѣ, на віолончелѣ, на фаготѣ, на фортепьяно; есть наблюдающіе за преподаваніемъ музыки, игры на віолончелѣ и т. д., дирижеры оркестра, учительницы на фортепьяно, учительницы рукодѣлья, учителя гимнастики, есть законоучитель и, наконецъ, одинъ или два преподавателя наукъ. Этотъ перевѣсъ музыкантовъ надъ преподавателями наукъ и словесности можно объяснить только ложнымъ взглядомъ на цѣль жизни слѣпого. Какъ на исключеніе и отрадное явленіе у насъ въ Россіи можно указать на одну даму «безвозмездно читающую книги воспитанникамъ института слѣпыхъ» въ Петербургѣ. Обращаясь къ различнымъ институтамъ для слѣпыхъ дѣвицъ и женщинъ, мы видимъ, что въ нихъ также есть, кромѣ законоучителя, только учительницы рукодѣлій, музыки и гимнастики, наука-же выгнана за дверь, какъ безполезная и не нужная для женщины особа.

Намъ кажется, что сестра милосердія для слѣпого принесла-бы большую пользу въ учрежденіяхъ о слѣпыхъ, она пополнила-бы пробѣлъ въ умственной жизни ихъ воспитанниковъ и воспитанницъ. Для своихъ занятій ей не нужно быть спеціально подготовленною для обученія слѣпыхъ; достаточно, если она умѣетъ читать внятно, мыслить и объяснять прочитанное. Познакомившись съ учебниками и руководствами для юношества, имѣя понятіе и любовь къ литературѣ и наукѣ, она можетъ быть полезною слѣпому. Роль ея прежде всего быть чтицею, служить глазами слѣпому; потомъ она должна не только умѣть отдать себѣ отчетъ въ прочитанномъ и усвоенномъ, но и умѣть передать это другому. Но это уже зависитъ всецѣло отъ умственнаго развитія сестры. А что развитіе это будетъ на высотѣ своего призванія, что оно будетъ удовлетворять литературѣ и наукѣ, въ этомъ мы никогда не сомнѣваемся. Мы слишкомъ увѣрены въ умственной и научной подготовкѣ и силѣ русской женщины, чтобы позволить себѣ усумниться въ томъ, можетъ-ли она передать свои знанія другому. Послѣ Америки Россія, послѣ американки русская женщина первая вышла на путь эмансипаціи, на широкую и всѣмъ открытую дорогу научнаго образованія. Русская женщина: врачъ, юристъ, воспитательница, литераторъ и поэтъ—порукою намъ, что слѣпые не останутся безъ своихъ сестеръ милосердія,—безъ сестеръ милосердія для поданія умственной и научной пищи. Наконецъ, даже еслибы женщина и вовсе не была подготовлена къ этой новой роли, ей стоитъ только захотѣть и она преодолѣетъ всѣ препятствія.

Какая награда, какое счастье и гордость, когда воспитанникъ сестры, когда слѣпой завоюетъ себѣ мѣсто въ литературѣ, въ наукѣ! Какая радость для нея, когда человѣкъ подъ ея руководствомъ проявитъ свои таланты, которые, можетъ быть, не открылись бы никогда безъ нея!

Какъ много потеряли-бы литературы англійская, нѣмецкая и французская, еслибы у слѣпыхъ: Мильтона, Делиля, Пирона, Сегюра, маркизы дю-Дефанъ, у поэтовъ Отрана и Эмиля Дешапа, Суме, Тьери, Гейне не было-бы лицъ, записавшихъ ихъ великія творенья. Какъ оплакивала-бы Венеція свою судьбу, еслибы она была лишена знаменитой побѣды, одержанной слѣпымъ и старымъ Дандолою, дожемъ, командовавшимъ войсками въ битвѣ при Зарѣ, который, взобравшись на брешь, поддерживаемый двумя солдатами, своимъ мужествомъ рѣшилъ побѣду. Наконецъ, послѣдній король гановерскій, будучи слѣпымъ, не хотѣлъ уступить своего права, командуя при Лангензальцѣ.

Вотъ какую высокохристіанскую, высоконравственную и высокочеловѣческую роль предлагаемъ мы русской женщинѣ. Мы увѣрены, что ни одна изъ нихъ не откажется отъ этого высокаго и святого призванія.

Вѣрно замѣтилъ знаменитый и уважаемый президентъ конгреса, сказавъ: «это новое апостольство самоотверженія; укажите на него женщинамъ и вы увидите, что онѣ сейчасъ-же сбѣгутся.»

Подъ сестрою милосердія для слѣпыхъ мы подразумѣваемъ не непремѣнно «сестру милосердія» т. е. женщину, посвятившую себя уходу за больными и ранеными, но всякую женщину, которая изъявила бы желаніе быть полезною слѣпому. Съ одной стороны, ухаживать за нимъ, исполнять его малѣйшія желанія, даже угадывать ихъ, съ другой, быть его воспитателемъ нравственнымъ и интелектуальнымъ, обогащать его умъ научными и литературными познаніями. Кому, какъ не женщинѣ, всего доступнѣе такая роль! Мужчина при всемъ своемъ желаніи и стремленіи, при всей своей теплотѣ чувствъ и возвышенности мыслей всегда будетъ только хорошимъ педагогомъ, хорошимъ гражданиномъ, но онъ никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ является мать для дѣтей. Ибо даже своихъ собственныхъ дѣтей онъ поручаетъ или матери или другимъ, а самъ отдается служенію государству, обществу. Для слѣпого, въ институтѣ, оторваннаго отъ семьи, сестра милосердія заступитъ мѣсто отсутствующей или умершей матери. Она согрѣетъ его своимъ добрымъ женскимъ сердцемъ; она, занимаясь съ нимъ, оживитъ его жизнь. Тамъ, гдѣ за провинности учитель наказалъ бы слѣпого, тамъ женщина, сестра милосердія, выступила бы съ словомъ кроткаго назиданія, согрѣтымъ ея любовью. И мы увѣрены, что она сдѣлала бы бóльшую пользу нравственному чувству слѣпого, чѣмъ наказанія учителя.

Обращаясь къ занятіямъ научнымъ и литературнымъ сестры милосердія съ слѣпымъ, мы замѣтимъ, что занятія эти должны быть предпринимаемы только съ воспитанниками здоровыми умственно, расположенными къ занятію и ученію. Разумѣется, что съ слабыми умственно, съ идіотами и кретинами не можетъ быть рѣчи о такомъ занятіи. Но при опредѣленіи: способенъ или не способенъ къ умственнымъ занятіямъ слѣпой, слѣдуетъ поступать очень осторожно. Бываютъ дѣти тупоумныя или неразвитыя, но которыя съ годами дѣлаются людьми не лишенными здраваго смысла, людьми начитанными и образованными. Для избѣжанія ошибки надо только вооружиться терпѣніемъ.

Въ случаѣ, еслибы слѣпой выбралъ предметомъ своихъ занятій литературу или науку, мы думаемъ, что обученіе его могло бы идти такимъ образомъ.

Возьмемъ, напримѣръ, исторію. Сестра должна начать съ слѣпымъ курсъ исторіи по програмѣ училищъ для зрящихъ. Если въ средѣ лицъ, интересующихся судьбою слѣпыхъ, получаетъ теперь право гражданства мысль, что слѣпой можетъ безбоязненно и безъ ущерба себѣ заниматься и обучаться въ школахъ зрящихъ, то тѣмъ понятнѣе и тѣмъ скорѣе можетъ онъ воспользоваться у себя въ институтѣ програмами школъ для зрящихъ. Начавъ обученіе съ древней исторіи, сестра пройдетъ съ нимъ затѣмъ среднюю и новую; особенною полнотою должна отличаться исторія той страны, къ которой принадлежитъ слѣпой. Сестра читаетъ ему исторію полчаса, потомъ заставляетъ его разсказывать прочитанное, если онъ не понялъ или забылъ, она объясняетъ ему прочитанное, повторяетъ его снова. Потомъ снова полчаса на чтеніе и полчаса на повтореніе. Слѣпой, умѣя писать, можетъ сдѣлать для себя отмѣтки. Вечеръ можно употребить на повтореніе всего прочитаннаго.

Такимъ же образомъ можно вести обученіе всѣхъ предметовъ, не требующихъ глазъ: можно обучать литературѣ, логикѣ, психологіи, философіи и т. д. Наконецъ, слѣпыхъ можно познакомить съ юридическими науками. Они могутъ изучать науки политико-историческія: исторію и статистику, науки политико-юридическія: государственное право и международное право и науки политико-экономическія: политическую экономію и науку о финансахъ. Для болѣе выдающихся слѣпыхъ можно познакомить ихъ кромѣ положительнаго государственнаго права еще съ философскимъ государственнымъ правомъ и, такимъ образомъ, юридическое образованіе ихъ будетъ полное, они будутъ знакомы со всею энциклопедіею политическихъ наукъ. Что касается наукъ демонстративныхъ, какъ, напримѣръ, географія, то можно пользоваться тѣмъ же методомъ, только при посредствѣ выпуклыхъ картъ.

Главное, что надо имѣть при обученіи, — это терпѣніе, доброе, мягкое, любящее сердце, теплоту чувствъ и желаніе быть полезнымъ несчастному слѣпому.

Что предлагаемое нами обученіе слѣпыхъ, посредствомъ посторонняго чтенія и усвоенія читаннаго слѣпымъ, удобоисполнимо, убѣждаетъ слѣдующій фактъ. Одинъ господинъ ослѣпъ на 18-мъ году, когда онъ только что поступилъ въ одинъ изъ университетовъ Россіи. Оставить науку, остаться необразованнымъ или полуобразованнымъ было для него убійственно. Поэтому онъ рѣшилъ, что будетъ продолжать университетское образованіе. Для этого онъ пригласилъ къ себѣ человѣка, который читалъ ему университетскія лекціи, онъ же усвоивалъ ихъ и повторялъ прочитанное и такимъ образомъ окончилъ курсъ университета. Намъ, можетъ быть, замѣтятъ, что это исключеніе. Но мы предлагаемъ нашъ методъ только тѣмъ слѣпымъ, которые желаютъ учиться. А разъ слѣпой желаетъ учиться, онъ будетъ при слушаніи сосредоточенъ, будетъ усвоивать прочитанное, будетъ внимателенъ болѣе, чѣмъ зрящій, потому что, будучи лишенъ зрѣнія, онъ не будетъ развлекаться посторонними предметами.

Что предлагаемое нами образованіе не есть слѣдствіе нашей пылкой фантазіи, а напротивъ истина, давно сознанная на западѣ, убѣждаетъ насъ перечень професій слѣпыхъ въ Англіи по статистикѣ 1871 года. Они были: адвокатами, врачами, учеными, литераторами, професорами, преподавателями слѣпыхъ, преподавателями въ школахъ зрящихъ, граверами скульпторами, священниками, инженерами, механиками, музыкантами, органистами, архитекторами, декораторами церквей, гербористами и т. д. и т. д. Мы не перечисляемъ огромный листъ разныхъ мастерствъ. Наконецъ, одинъ изъ министровъ—Фосетъ—слѣпой. Этого достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о той разнообразности занятій, которыя доступны слѣпымъ въ Англіи, и чтобы убѣдить скептиковъ въ томъ, что наше предложеніе практикуется на западѣ съ успѣхомъ, который мы желали бы видѣть и въ Россіи.

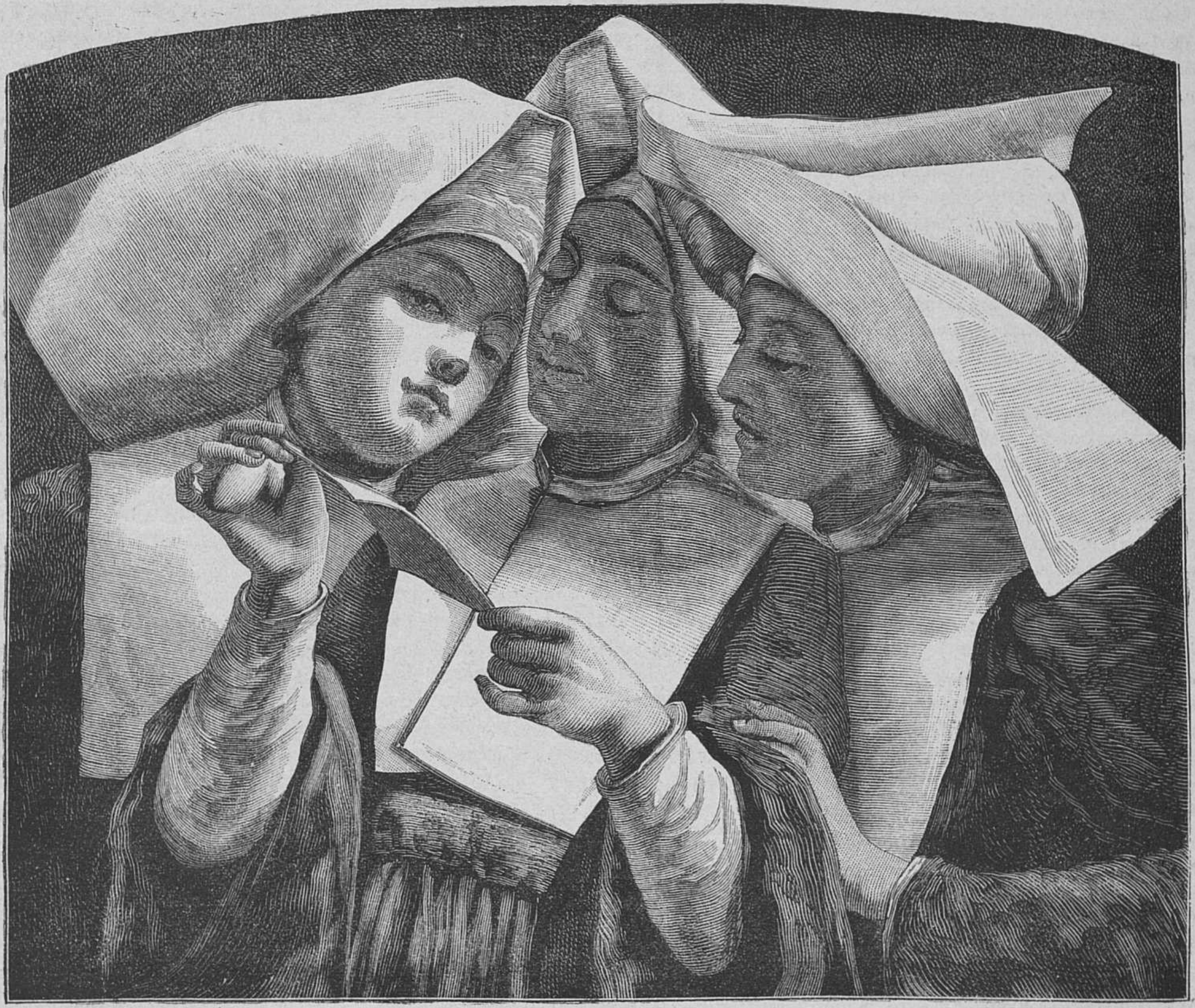
Но при умственномъ образованіи слѣпого никогда не надо забывать физическаго образованія, мускульной дѣятельности. Гимнастика, музыка, какое нибудь мастерство, какъ времяпровожденіе, какъ отдыхъ отъ умственныхъ занятій, необходимы слѣпому.

Кромѣ пользы умственной и нравственной, сестры милосердія для слѣпыхъ принесли бы еще выгоду матеріальную. Онѣ бы замѣнили собою дорого стоющія учебныя пособія и учрежденія для слѣпыхъ могли-бы съ пользою употребить эти суммы на другія свои нужды.

И такъ, чѣмъ скорѣе мы дадимъ здоровую умственную пищу слѣпому, чѣмъ скорѣе протянемъ мы ему руку помощи, чѣмъ быстрѣе вырвемъ его изъ умственной спячки и апатіи, тѣмъ лучше для него, тѣмъ полезнѣе ему и тѣмъ выгоднѣе для насъ, выгоднѣе для государства, которое найдетъ въ немъ не дармоѣда, но полезнаго гражданина и образованнаго и талантливаго человѣка.

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ 1880 Г.

КАРТИНА ФР. МОССА.



Вѣсти изъ міра.
Рѣзалъ на деревѣ **Скржимовскій.**

Великая пѣвица.

Историческая повѣсть **Луизы Мюльбахъ**. Переводъ
А. Качоровской.

(*Окончаніе.*)

Глава XIII.

Каліостро.

Была темная ночь. Десять часовъ только что пробило на церковной колокольнѣ; какая-то закутанная фигура отворила калитку одного изъ домовъ, стоящихъ въ пустынной боковой улицѣ и вошла въ низенькія сѣни, слабо освѣщенныя висячей лампой. Какъ человѣкъ знакомый съ расположеніемъ дома, незнакомецъ прошелъ сѣни къ противоположной двери, отворилъ ее и вошелъ въ яркоосвѣщенный коридоръ. Здѣсь находился слуга въ богатой ливреѣ; незнакомецъ сказалъ ему нѣсколько словъ и по его указанію пошелъ далѣе. Изъ третьей двери вышелъ къ нему на встрѣчу высокій мужчина, въ длинной, пунцовой, шелковой туникѣ съ богато-вышитымъ поясомъ.

— Вы желаете говорить со мною? спросилъ онъ.

Незнакомецъ открылъ капюшонъ.

— Это я, Каліостро!

— Ахъ, вы, князь! Вы здѣсь, слѣдовательно получены хорошія вѣсти?

— Да, если вы сочтете ихъ такими. Часъ тому назадъ пріѣхалъ курьеръ, котораго я ожидалъ, въ австрійское посольство. Вотъ отвѣтъ на ваше письмо и просьбу; императоръ Францъ приглашаетъ васъ къ себѣ и желаетъ работать съ вами въ своей лабораторіи, но онъ также желаетъ, чтобы вы ѣхали, какъ можно скорѣе.

— Я также этого желаю, сказалъ со вздохомъ Каліостро. — Вамъ извѣстно, князь, что я совсѣмъ не то, чѣмъ кажусь; что хвастаясь обладаніемъ камнемъ мудрости, я его вовсе не имѣю. Я надѣялся составить свое счастье при здѣшнемъ дворѣ, покинулъ Турцію, гдѣ вѣрили въ меня, но долженъ сознаться, что сдѣлалъ глупость; я ошибся въ расчетѣ. Но вы, князь, протянули мнѣ руку помощи. Все готово для моего отъѣзда и я въ эту-же ночь покидаю Петербургъ.

— Поѣзжайте, вы хорошо рекомендованы и васъ хорошо примутъ. Но не это только привело меня къ вамъ. У васъ сегодня послѣдній сеансъ?

— Да, послѣдній, надо собрать денегъ для путешествія.

— Нѣтъ надобности, сказалъ незнакомецъ, кладя на столъ листъ бумаги и кошелекъ,— вотъ чекъ на моего банкира въ Вѣнѣ, а вотъ деньги. Но все-же я попрошу васъ принимать посѣтителей сегодня вечеромъ; къ вамъ придетъ за совѣтомъ одна женщина; вы, какъ и вся Европа, знаете ее; знаете также, что я люблю ее, Каліостро.

— И вы допускаете ее приходить ко мнѣ, князь, зная, что мой жизненный элексиръ годенъ только для глупцовъ?

— Мнѣ кажется, она попроситъ у васъ элексиръ не жизни, а смерти; я боюсь этого и, если хотите, надѣюсь на это. Я говорю вамъ загадками, но иначе не могу. Можетъ быть, завтрашній день будетъ для меня самымъ счастливымъ... Каліостро, знаете вы Габріэли?

— Кто ее не знаетъ, князь.

— Ну, такъ я увѣренъ, она придетъ къ вамъ сегодня просить яду. Она спрашивала у своей горничной вашъ адресъ. Горничная-же у меня на жалованьи и передаетъ мнѣ все. Габріэли придетъ. Слышите, звонятъ. Позвольте мнѣ спрятаться здѣсь.

— Можетъ быть, это и не Габріэли. Впрочемъ, вы не разболтаете. Я довѣряю вамъ. Идите за эти ширмы, васъ никто не увидитъ, вы-же все услышите.

Князь спрятался. Минуту спустя, дверь отворилась, въ комнату вошла закутанная фигура и остановилась на порогѣ.

— Докторъ Каліостро? спросила она голосомъ, заставившимъ задрожать того, кто былъ спрятанъ за ширмы, и въ тоже время открывшимъ Каліостро, что передъ нимъ была Габріэли.

— Я къ вашимъ услугамъ, что привело васъ ко мнѣ?

— Мнѣ разсказывали, что вы читаете по звѣздамъ и что вамъ все извѣстно, слѣдовательно, вы должны знать, что привело меня къ вамъ.

— Знаю.

— Мнѣ говорили также, что вы продаете ядъ.

— Смотря потому, что вы подразумѣваете подъ словомъ ядъ.

— Я подъ этимъ словомъ подразумѣваю жизненный элексиръ, который люди считаютъ безсмертнымъ напиткомъ. Но я знаю отлично, Каліостро, что вы подъ этимъ подразумѣваете. Жизненный элексиръ — это напитокъ смерти и если я требую у васъ яду, то, слѣдовательно, хочу получить напитокъ вѣчной жизни или, точнѣе, смерти. Дадите вы мнѣ его?

— Смотря потому, для кого онъ вамъ нуженъ? Если для васъ самихъ, Катарина Габріэли, я дамъ его; если для другихъ, откажу.

— А вы знаете меня? спросила она равнодушно.

— Знаю-ли я васъ? Въ васъ есть все: молодость, красота, талантъ... Да, Катарина Габріэли, я знаю васъ.

— Ну, если вы меня знаете, то я скажу вамъ, что прошу напитокъ для себя. Жизнь моя, повидимому, продолжительный праздникъ; можетъ быть, это и такъ, но вы, какъ докторъ, хорошо знаете, что слишкомъ долгій праздникъ приводитъ къ болѣзни и упадку духа.

— Но для васъ, синьора, еще не наступилъ конецъ праздника. Вы молоды, обожаемы, путь вашъ усѣянъ розами...

— И не смотря на это, прервала она его,— жизнь стала мнѣ въ тягость, слава также! Прошлое для меня одинъ призракъ, настоящее смертельно скучно, а...

— А будущее пугаетъ, прервалъ ее Каліостро.—Я знаю это, дитя мое, я знаю твои страданія! Съ высоты твоей славы, сидя въ блестящей коляскѣ, ты съ завистью смотришь на бѣдныя хижины и думаешь: тамъ живетъ, можетъ быть, счастливая женщина, она прижимаетъ къ груди своего ребенка и цѣлуетъ мужа, котораго любитъ! Да, съ высоты славы ты завидуешь самой бѣдной мѣщанкѣ.

— Ахъ! сказала она томно, опускаясь въ кресло,— вы, дѣйствительно, обладаете камнемъ мудрости, Каліостро, вы читаете въ сердцахъ!

— И это правда, синьора, что бываютъ минуты, когда мнѣніе толпы безпокоитъ геніальную артистку?

— Да, прошептала она, какъ бы про себя,— общественное мнѣніе убиваетъ меня. Я была бы счастливѣе, если бы имя мое произносилось съ меньшимъ восторгомъ, но съ большимъ уваженіемъ.

— Уваженіе? сказалъ Каліостро, пожимая плечами,—я не торгую этимъ товаромъ, синьора! Все на свѣтѣ можно купить, и любовь, и дружбу, но уваженіе нужно заслужить, его не купишь ни за какія деньги.

— И такъ какъ я не могу купить его, я хочу умереть.

— Умереть? спросилъ онъ, — такъ вы такая слабая женщина?

— Слабая? Напротивъ, мнѣ кажется, надо быть сильной, чтобы промѣнять славу на могилу. Нѣтъ, Каліостро, я не слаба.

— И все-же, синьора, вы слабы, иначе вы пренебрегли бы мнѣніемъ завистливой толпы.

— Вы правы, Каліостро, относительно толпы, но презрѣніе одного честнаго человѣка, котораго любишь, такъ глубоко уязвляетъ сердце, что оно истекаетъ кровью. Мое сердце уязвлено именно этимъ и жизнь мнѣ наскучила, а потому я пришла къ вамъ, докторъ, спросить жизненнаго элексира. Я не хочу, однакожъ, чтобы смерть обезобразила меня; дайте мнѣ такое средство, чтобы я спокойно заснула. Тогда, можетъ быть, онъ прольетъ по мнѣ слезы сожалѣнія.

— Бѣдное дитя! сказалъ Каліостро,—я вижу, ваша рана глубока, васъ исцѣлитъ только вѣчный сонъ! Я дамъ вамъ, что вы просите.

Онъ подошелъ къ стѣнному шкапу, досталъ флаконъ и подалъ его пѣвицѣ.

— Ложась спать, выпейте это; вы не почувствуете боли, а тихо заснете на-вѣки. Возьмите.

— А вы возьмите это! сказала она, кладя на столъ кошелекъ.—Благодарю васъ, докторъ, какъ узникъ благодаритъ своего освободителя. Прощайте.

И она быстро вышла изъ комнаты.

Князь появился изъ за ширмъ, глубоко растроганный.

— Вы все слышали? спросилъ Каліостро.

— Да, все! и мое сердце переполнено восторгомъ и радостію. Марія Магдалина сама себя очистила. А что дали вы ей вмѣсто яда?

— Успокоительный, сонный напитокъ! Она приметъ его и будетъ спать часовъ 10. Проснувшись, она почувствуетъ себя сильной и здоровой.

— Благодарю, Каліостро, благодарю отъ души! Вы сегодня уѣзжаете въ Вѣну; и я также вскорѣ буду тамъ и представлю вамъ обожаемую женщину, какъ свою супругу.

Глава XIV.

Мертвая невѣста.

Когда Габріэли вернулась домой, Георгина, ея горничная, проводивъ ее до дверей будуара, спросила:

— Прикажете, синьора, подавать ужинъ и позвать г. Вернера?

Габріэли покачала головой.

— Сегодня не нужно, Георгина, я слишкомъ сыта жизнію и людьми! Я не хочу болѣе слышать ни о чемъ и ни о комъ. Но ты должна нарядить меня, какъ на праздникъ, нарядить, какъ невѣсту къ вѣнцу.

— Вѣрно, синьора, отправляется на балъ? спросила, повидимому, наивно горничная.

— Да, на балъ! отвѣчала Габріэли, смѣясь,— тамъ будетъ ожидать меня любимый, обожаемый, давно ожидаемый другъ! Поторопись, Георгина! Я сгораю отъ нетерпѣнія видѣть поскорѣе друга! Поспѣши и позови на подмогу двухъ твоихъ помощницъ. Я хочу видѣть ихъ; я думаю, онѣ меня любятъ!

— Онѣ любятъ васъ, синьора, какъ любитъ васъ каждый, знающій васъ.

— Каждый? сказала Габріэли съ горькой усмѣшкой,—скажи лучше, Георгина, каждый, кому за это платятъ. Прости мнѣ, я не хотѣла огорчить тебя, ну, пусть будетъ по твоему, меня всѣ любятъ! Поспѣши только.

Горничная позвала обѣихъ своихъ помощницъ и онѣ всѣ трое одѣли Габріэли въ бѣлое атласное платье, на вышитомъ золотомъ шлейфѣ котораго лежала прозрачная золотая туника; ненапудренные волосы ея украсили діадемой, на руки одѣли бриліантовые браслеты, а на шею блестящее колье изъ дорогихъ камней.

— О, какъ хороша синьора! вскричали дѣвушки съ выраженіемъ непритворнаго восторга.—Если бы публика увидѣла васъ сегодня, то пришла бы въ неистовый восторгъ.

— Молчите, лесть болѣе не забавляетъ меня. Ступайте! Туалетъ оконченъ, праздникъ начинается! А чтобы вы были довольны мною сегодня и вспоминали бы иногда сегодняшній день, возмите это на память!

Она вынула изъ шкатулки два браслета и подала молодымъ дѣвушкамъ, которыя съ крикомъ радости взяли ихъ и упали къ ея ногамъ.

Она подняла ихъ.

— Не благодарите, не за что. Вамъ, Георгина, я назначаю ожерелье изъ рубиновъ и бриліантовъ; я знаю, оно вамъ особенно нравится, вы должны носить его на память обо мнѣ. Не благодарите, ступайте, я ожидаю того, кого уже давно желаю видѣть! Никто не долженъ присутствовать при нашей встрѣчѣ. Идите!

Онѣ поклонились и тихо вышли изъ комнаты. Она смотрѣла имъ вслѣдъ, улыбаясь. Горничная послала обѣихъ дѣвушекъ спать, а сама поспѣшила къ Вернеру, который ожидалъ ее, блѣдный отъ волненія.

— Ну, Георгина, синьора вернулась?

— Да.

Тихо разсказала она своему внимательному слушателю обо всемъ, что произошло. Они долго шептались и Георгина съ почтительнымъ вниманіемъ слушала каждое слово Вернера.

— Вы поняли меня? спросилъ онъ.

— Да, я все поняла и поспѣшу исполнить ваше приказаніе.

— Такъ поспѣшите! Карета готова, поѣзжайте какъ можно скорѣе къ графу Кобенцелю и передайте ему эту бумагу. Ему все извѣстно и онъ обо всемъ позаботится.

Горничная ушла, а Вернеръ тихо подкрался къ будуару Габріэли и приложилъ ухо къ двери. Кругомъ царствовала глубокая тишина; вдругъ громко, торжественно раздался голосъ пѣвицы; она съ выраженіемъ восторга и блаженства пѣла: «sono régina e sono amante».

Вернеръ слушалъ ее глубоко взволнованный; но пѣніе кончилось и снова все стихло. Долго оставался онъ за дверью, наконецъ, отворилъ ее; все было тихо; Габріэли исполнила то, что задумала. Онъ вошелъ. Она лежала на постели, блѣдная, какъ мраморная статуя, но дивно прекрасная. Вернеръ приблизился; за поясомъ у нея была вложена записка. Онъ осторожно вытащилъ ее; это было ея послѣднее прощальное слово къ нему. Онъ прочелъ записку со слезами и нѣжно поцѣловалъ ее, потомъ прижалъ руку Катарины къ своимъ губамъ и тихо вышелъ.

Сильное оживленіе замѣтно было въ домѣ Габріэли впродолженіи всей ночи; шла дѣятельная работа во всѣхъ комнатахъ; казалось, приготовлялись къ блестящему празднику и къ церковному торжеству, потому что въ одной изъ комнатъ устроили алтарь, украшенный цвѣтами и гирляндами. Въ сосѣдней комнатѣ собралось нѣсколько мужчинъ, между которыми находились: австрійскій посланникъ графъ Кобенцель и капеланъ посольской церкви. Мужчины весело болтали. Вернеръ только что вышелъ, чтобы, какъ онъ выразился, привести невѣсту. Быстрыми шагами вошелъ онъ въ комнату, въ которой Габріэли думала найдти избавленіе отъ всѣхъ горестей и разочарованій жизни. Она все еще лежала на постели, но въ ней уже замѣтна была жизнь; грудь ея мѣрно подымалась, какъ-бы въ сладкомъ снѣ, а на губахъ играла улыбка. Вернеръ наклонился и поцѣловалъ ее въ губы; казалось, поцѣлуй возлюбленнаго призвалъ ее къ жизни, которую она съ презрѣніемъ покинула. Она медленно открыла черные, большіе глаза и ея взглядъ встрѣтился съ его взглядомъ; онъ низко склонился надъ нею и смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ любви, блаженства и восторга. Она не шевелилась, а все смотрѣла въ его глаза; наконецъ, губы ея едва слышно прошептали:

— Я люблю тебя!

Онъ повторилъ громкимъ, счастливымъ голосомъ:

— Я люблю тебя, Катарина, любовь очистила тебя.

Дрожь пробѣжала по ней и она вскочила съ своего ложа.

— Что случилось со мной? Я хотѣла умереть и живу. Развѣ я помѣшалась? Я слышу его голосъ и онъ говоритъ, что любитъ меня!

— Катарина, да, онъ говоритъ это, онъ призываетъ тебя къ новой жизни! Да, Катарина, онъ любитъ тебя! Изъ любви онъ слѣдовалъ за тобою повсюду цѣлый годъ! Изъ любви сдѣлался онъ слугою, чтобы спасти тебя, заслужить твою любовь.

Она смотрѣла на него съ блаженной улыбкой, потомъ схватилась за голову.

— Я не брежу, я не умерла, шептала она,— но питье сдѣлало меня съумасшедшей. Я вижу то, чего нѣтъ, я слышу то, чего быть не можетъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—ты видишь и слышишь только то, что есть. Я говорю тебѣ теперь только то, что сердце мое всегда говорило, Катарина, я люблю тебя, изъ любви къ тебѣ я былъ жестокъ съ тобою. Я хотѣлъ избавить тебя отъ пустого существованія.

Она громко, радостно вскрикнула и упала къ его ногамъ; но онъ быстро поднялъ ее и поцѣловалъ ее въ губы.

— Слушай и вѣрь: я люблю тебя сильно, вѣчно и спрашиваю тебя теперь: Катарина, хочешь быть моей женой? Хочешь дѣлить со мною радость и горе, счастье и несчастье?

— Хочу, хочу!

— Такъ слѣдуй за мною, священникъ готовъ соединить насъ на-вѣки.

Онъ обнялъ ее и вывелъ изъ комнаты еще слабую, шатавшуюся. Она не спрашивала ничего, ничему не удивлялась, а была какъ-бы во снѣ. Рука объ руку вошли они въ маленькую залу; собравшіеся тамъ гости поклонились ей. Она поблагодарила ихъ улыбкой и опустилась на колѣни рядомъ съ возлюбленнымъ на подушки, лежащія передъ алтаремъ. Графъ Кобенцель и служащіе въ австрійскомъ посольствѣ заняли свои мѣста, какъ свидѣтели, и вѣнчаніе началось. По окончаніи его всѣ отправились въ сосѣднюю комнату подписывать брачный контрактъ.

— Будьте такъ добры, графъ Кобенцель, сказалъ Вернеръ,—прочтите моей супругѣ контрактъ, надо знать, будетъ-ли она на все согласна!

Графъ Кобенцель прочелъ: «Мы нижеподписавшіеся объявляемъ этимъ контрактомъ: все, что каждый изъ насъ имѣетъ, принадлежитъ другому изъ насъ».

— Думаешь ты тоже самое, Катарина? спросилъ, улыбаясь, Вернеръ.

Она радостно кивнула ему:

— Отъ всего сердца раздѣляю это мнѣніе. Дай перо, я подпишу.

Онъ подалъ ей перо и она быстро подписала свое имя подъ этимъ лаконическимъ контрактомъ. Потомъ подписалъ онъ и свидѣтели.

— Теперь, сказалъ графъ Кобенцель,—когда церемонія окончена, мы простимся съ молодыми и будемъ ожидать ихъ къ обѣду, который я имѣю честь дать сегодня въ посольствѣ по случаю этого торжества. Я думаю, новость поразитъ многихъ въ Петербургѣ, а признаюсь, синьора, я люблю видѣть удивленныя лица.

Вернеръ улыбнулся.

— Простите, графъ, но мы желали-бы провести этотъ день тихо, въ уединеніи. Намъ нужно еще многое сказать и объяснить другъ другу.

— А сегодня вечеромъ на придворномъ концертѣ, надѣюсь, мы будемъ имѣть честь привѣтствовать молодую чету? спросилъ Кобенцель.

— Часъ тому назадъ объявленъ на сегодняшній вечеръ при дворѣ концертъ, сказалъ Вернеръ Катаринѣ,—и я позволилъ себѣ принять приглашеніе отъ имени синьоры Габріэли. Сама государыня прислала приглашеніе. Ея величество желаетъ еще разъ слышать арію, которую синьора пѣла въ первый разъ передъ императрицей.

— Арію изъ Дидоны, сказала Катарина.

— Такъ я согласился, продолжалъ Вернеръ,— и прошу теперь мою супругу замолвить словечко передъ пѣвицей, чтобы она исполнила мое обѣщаніе.

— Она сдѣлаетъ это! отвѣчала Катарина, смѣясь,—она споетъ сегодня вечеромъ арію, которую желаетъ слышать императрица.

Вернеръ поцѣловалъ ея руку.

— Благодарю артистку и супругу за ея доброту. Васъ-же, графъ Кобенцель, и васъ, господа, прошу сохранить въ тайнѣ до вечера нашъ бракъ, тѣмъ сильнѣе будетъ всеобщее удивленіе и ваше удовольствіе, графъ Кобенцель!

Графъ Кобенцель объявилъ, что онъ самъ вечеромъ сообщитъ объ этомъ бракѣ государынѣ.

— Наконецъ! вскричалъ Вернеръ, когда мужчины удалились,—наконецъ, мы одни, Катарина; наконецъ, могу я на колѣняхъ благодарить тебя за счастье, которымъ ты подарила меня. Но, прошу тебя, Катарина, взгляни на нашъ брачный контрактъ.

— Къ чему? спросила она.—Я уже читала его и подписала.

— Я также его подписалъ, сказалъ онъ,—и желаю, чтобы синьора Габріэли ознакомилась съ моей подписью. Прочти, возлюбленная.

Онъ подалъ ей бумагу, она взглянула, вздрогнула и съ удивленіемъ посмотрѣла на мужа.

— Чье это имя? Князь Орсини?

— Да, сказалъ онъ опускаясь передъ нею на колѣни,—да, князь Карло Орсини! О! дорогая! ты была готова сдѣлаться женою бѣднаго секретаря, принести ему въ жертву свое величіе, свое царское существованіе! Благодарю за такой знакъ любви, всегда ты благородна, возвышенна! Слушай, я объясню тебѣ все! Я увидѣлъ тебя въ первый разъ въ Римѣ и съ тѣхъ поръ слѣдовалъ за тобою повсюду, въ Неаполь, Парму и Вѣну! Въ Вѣнѣ я открылъ свою тайну князю Кауницу; онъ, котораго свѣтъ называетъ холоднымъ, разсчетливымъ, понялъ, что можно горячо и вѣчно любить Катарину Габріэли. Ты сказала ему, что тебѣ нуженъ секретарь, который-бы зналъ французскій языкъ лучше тебя и который-бы велъ твои дѣла и твою кореспонденцію. Я упросилъ князя доставить мнѣ это мѣсто и, такимъ образомъ, я приблизился къ тебѣ, Катарина, и, наконецъ, исполнилось самое пламенное желаніе моего сердца!

— Исполнилось желаніе и моего сердца! вскричала она, обхватывая обѣими руками его шею и горячо цѣлуя его въ губы.

Глава XV.

Придворный концертъ.

Большая концертная зала во дворцѣ была полна гостей. Начался концертъ и когда увертюра кончилась, императрица Екатерина обратилась къ Орлову:

— Увидимъ, загладитъ-ли Габріэли свою вину, она обѣщала пѣть сегодня.

— Она навѣрное исполнитъ свое обѣщаніе, отвѣчалъ Орловъ;—она изъ тѣхъ, которыя всегда держатъ свое слово. А вотъ и она, подъ руку съ своимъ акомпанеромъ. Она выглядитъ королевой. Что это? она украсила свою голову княжеской короной! Не спросить-ли у нея, по какому праву она это сдѣлала?

— Позже, Орловъ, прервала его императрица.—Мы потомъ спросимъ ее объ этомъ. Теперь-же будемъ слушать ея пѣніе. Видишь, капельмейстеръ подаетъ знакъ начинать.

Глубокая тишина воцарилась въ залѣ. Запѣла Габріэли; громко, торжественно раздавался ея голосъ. Она пѣла прекрасно. Орловъ, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на пѣвицу и всей душей прислушивался къ чудной пѣснѣ.

— Чудно! восхитительно! вскричалъ Орловъ, громко аплодируя, когда пѣніе кончилось.

— Неправда-ли, государыня, она пѣла неподражаемо?

— Неподражаемо, повторила императрица.

— И она загладила свой проступокъ. Она дала княжеское удовлетвореніе.

— И мы, сказала гордо императрица,—должны поблагодарить ее. Приведи ее ко мнѣ.

Орловъ вскочилъ съ своего мѣста и направился къ Габріэли. Графъ Кобенцель, который только что взялъ ее за руку, остановился и съ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Но Орловъ, не обращая на это вниманія, приблизился къ пѣвицѣ.

— Извините, графъ, мнѣ нужно кое о чемъ спросить синьору. Извините.—И, низко наклоняясь къ ней, продолжалъ:—Синьора Катарина Габріэли, я предложилъ вамъ вчера одинъ вопросъ, прошу мнѣ отвѣтить на него сегодня, сейчасъ.

— Графъ Орловъ, отвѣчала она,—прошу васъ, обождите еще минуту, вы получите желаемый отвѣтъ.

И она взяла руку графа Кобенцеля, который подвелъ ее къ императрицѣ.

— Благодарю васъ, графъ, сказала императрица, слегка наклоняя голову,—вы отгадали мое желаніе, хотя я его еще не высказала. Вы подвели ко мнѣ очаровательную пѣвицу, а я только что имѣла намѣреніе просить ее къ себѣ, чтобы выразить ей мою благодарность. Синьора, вы великая артистка, даже болѣе, вы волшебница! Подъ ваши волшебные звуки утихаетъ всякая злоба. Я забываю сегодня, что имѣла на-дняхъ причину сердиться на васъ. Вы на-вѣки привлекли меня къ себѣ вашимъ искуствомъ!

— Милость вашего величества безгранична, отвѣчала пѣвица.

— Ваше величество, сказалъ графъ Кобенцель,—я прошу милостиваго позволенія представить вамъ одного кавалера, который пользуется особымъ расположеніемъ нашего государственнаго канцлера, князя Кауница.

— Мы рады принять того, кого рекомендуетъ намъ графъ Кобенцель; вдвойнѣ рады, если онъ другъ князя Кауница.

— Ваше величество, этотъ молодой человѣкъ, о которомъ я говорю, былъ извѣстенъ вамъ, какъ акомпаниръ синьоры Габріэли; я представляю его теперь подъ его настоящимъ именемъ; его зовутъ князь Карло Орсини.

— Какъ! вскричала императрица.—Вы князь Орсини? Синьора Габріэли можетъ гордиться такимъ акомпаниромъ. Это, однакожъ, намекаетъ на какой-то романъ.

— И романъ этотъ имѣетъ продолженіе, ваше величество! сказала Катарина Габріэли.—

Графъ Орловъ спрашивалъ меня вчера, любила-ли я когда-нибудь? Позвольте отвѣтить ему въ присутствіи вашего величества.

— Охотно позволяю, сказала императрица.

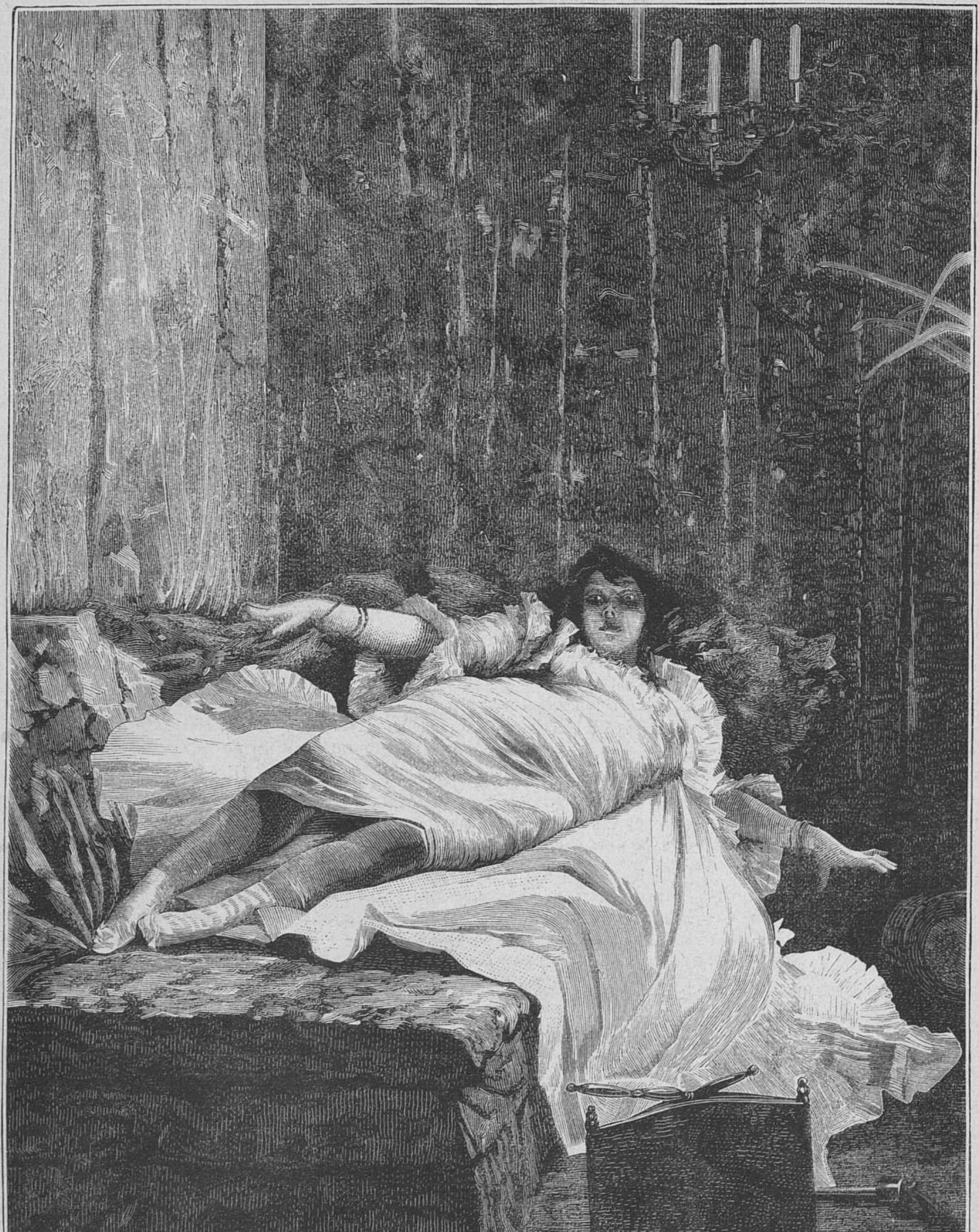
— И я отвѣчу, что только въ первый разъ я узнала любовь и прошу позволенія открыть вашему величеству имя того, кого я люблю.

Орловъ весь превратился въ слухъ.

— Я люблю моего супруга, закончила пѣвица.

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ 1880 Г.

КАРТИНА Ф. МОССА.



Жена Клода.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

Орловъ крѣпко сжалъ губы, чтобы сдержать крикъ, готовый вырваться изъ его груди и медленно опустился на табуретъ подлѣ императрицы.

— А можно спросить, сказала государыня, замѣтившая сильное волненіе графа Орлова,— объ имени вашего супруга?

— Я счастлива назвать его вашему величеству, отвѣчала, улыбаясь, Габріэли.

— А я, сказалъ Орсини, беря руку пѣвицы и подводя ее къ государынѣ,—счастливъ, что могу представить синьору Габріэли, какъ мою супругу.

Противъ ея желанія съ губъ императрицы сорвалось радостное восклицаніе, а графъ Орловъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Это прекрасная сказка, сказалъ онъ,—но разсказывать ее неумѣстно въ присутствіи императрицы.

— Извините, г. графъ! сказалъ Кобенцель,— все это истинная правда: сегодня утромъ капелланъ нашего посольства совершилъ обрядъ вѣнчанія въ моемъ присутствіи. Оно произошло такъ поспѣшно потому, что князь и княгиня Орсини уѣзжаютъ сегодня въ Римъ.

Орловъ прикусилъ губы, императрица-же милостиво сказала:

— Примите мои лучшія пожеланія и будьте счастливы!

Концертъ кончился и Катарина Габріэли подъ руку съ своимъ мужемъ медленно вышли изъ залы, спустились съ лѣстницы и сѣли въ ожидавшую ихъ карету австрійскаго посольства. Кучеръ, ранѣе получившій приказанія, быстро повезъ ихъ къ гавани. У берега стояла маленькая шлюбка; прежде, чѣмъ молодые супруги заняли въ ней мѣсто, графъ Кобенцель дружески простился съ ними.

— Вы ѣдете въ Римъ? спросилъ онъ.

— Да, въ Римъ, мою милую родину! вскричала весело Габріэли.—Въ Римъ, который снова дѣлается моей родиной, благодаря моему дорогому супругу.

— Да, въ Римъ, сказалъ улыбаясь князь Орсини;—будьте здоровы, графъ, дай Богъ поскорѣе съ вами свидѣться.

Шлюбка отчалила.

Графъ Кобенцель стоялъ на берегу и прислушивался. Раздалось три сигнальныхъ выстрѣла.

— Они сѣли на корабль, прошепталъ онъ и вернулся во дворецъ, гдѣ продолжался праздникъ.

— Они уѣхали? спросила тихо императрица, когда графъ Кобенцель приблизился къ ней.

— Да, ваше величество, и мнѣ остается только передать послѣднія желанія молодой четы: повергнуть къ стопамъ вашего величества искреннія выраженія ихъ благодарности и почтенія.

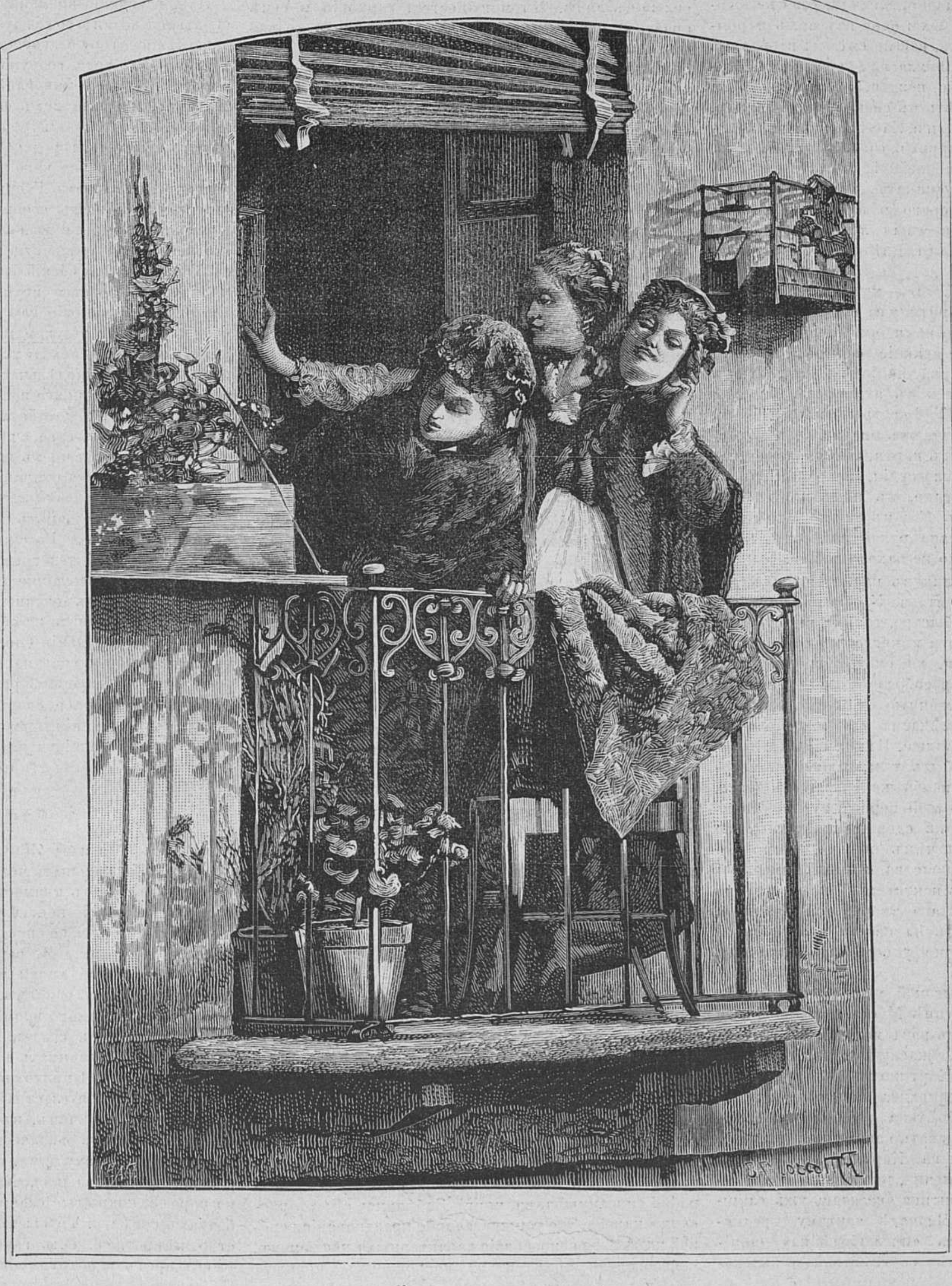
Разсвѣтало, когда праздникъ окончился. Въ то время, когда императрица Екатерина, усталая, ложилась спать, пѣвица Габріэли, подъ руку съ своимъ возлюбленнымъ, стояла на палубѣ корабля, который при попутномъ вѣтрѣ быстро разсѣкалъ волны. Она протянула руку и указала на утреннюю зорю.

— Взгляни, мой возлюбленный, сказала она, —день начинается. Новый день для меня, новая жизнь! Привѣтствую тебя, солнце моей будущности! Ты называешься любовью и должно свѣтить намъ до вечера! Привѣтствую тебя, солнце! Привѣтствую тебя, любовь! Привѣтствую и цѣлую тебя, мой любезный супругъ.

Она страстно обняла своего мужа и оба они безмолвно, обнявшись, залюбовались величественной картиной восходящаго солнца.

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ 1880 Г.

КАРТИНА Ф. МОССА.



Сейчасъ придемъ!

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

Три картины туринскаго художника Франческо Моссо.

Ст. **Дилетанта.**

Тѣ, кто внимательно слѣдитъ за различными школами живописи, представленными на послѣдней туринской выставкѣ, принуждены сознаться, что картины съ большими фигурами, сосредоточивающими на себѣ весь эстетическій интересъ, чрезвычайно слабы и обнаруживаютъ полнѣйшую несостоятельность молодыхъ художниковъ; впрочемъ, и не молодые художники или совершенно оставили изображеніе большихъ фигуръ, или же не выставляютъ своихъ картинъ; во всякомъ случаѣ, этотъ родъ живописи совершенно отсутствуетъ на выставкѣ. Еслибы не было картины художника Казала, то пришлось-бы сказать, что въ этомъ родѣ на туринской выставкѣ нѣтъ ни одного замѣчательнаго произведенія. Италія, правда, гордится тремя художниками, которые съ успѣхомъ могли-бы пополнить этотъ пробѣлъ, но смерть унесла ихъ: Джуліо Віоти умеръ на тридцать второмъ году своей жизни, а два остальные, Энрико Джункъ и Франческо Моссо—на двадцать девятомъ году. Эта утрата не скоро будетъ забыта и не скоро будетъ замѣщено мѣсто, которое эти художники съ такимъ достоинствомъ занимали въ итальянскомъ искуствѣ.

Смерть Франческо Моссо, по преимуществу, ужасна и печальна. Віоти и Джункъ умерли отъ чахотки; ихъ потерю, какъ-бы она ни была велика, можно было предвидѣть; но Моссо, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, въ полномъ развитіи своего замѣчательнаго таланта, умеръ скоропостижно. Его смерть невознаградимая потеря для итальянскаго искуства. Безъ всякаго сомнѣнія, Моссо не сдѣлалъ того, что могъ-бы сдѣлать; онъ умеръ слишкомъ рано; его талантъ только что началъ развиваться и оставленныя имъ произведенія—не болѣе, какъ первыя пробы, первые опыты, но эти опыты такъ оригинальны, въ нихъ такъ много жизни, свѣжести, таланта, что мы вправѣ заключить, что при полномъ развитіи своихъ творческихъ силъ Моссо былъ-бы однимъ изъ величайшихъ итальянскихъ художниковъ.

Первая его картина, помѣщаемая нами въ настоящемъ нумерѣ,—картина названная имъ «Сейчасъ придемъ» («Ora veniàmo»),—была написана художникомъ въ 1873 году, но никогда не красовалась ни на одной выставкѣ. Художнику было тогда не болѣе двадцати пяти лѣтъ, но сколько силы и таланта обнаруживаетъ онъ уже въ этой картинѣ! Сцена представляетъ балконъ въ переулкѣ стараго Турина. На этомъ балконѣ мы видимъ трехъ модистокъ, смотрящихъ внизъ на улицу и перемигивающихся съ кѣмъ-то. Полдень—время отдыха; одна изъ нихъ торопливо надѣваетъ чепчикъ, весело смѣясь; вторая, въ миланскомъ вуалѣ, наклонилась надъ рѣшеткой балкона; третья, нѣсколько позади, приподнялась на цыпочки, желая поглядѣть въ свою очередь на того, на кого смотрятъ ея подруги. На рѣшеткѣ повѣшенъ крошечный, забытый коврикъ, съ боку отъ балкона, на стѣнѣ—клѣтка съ канарейкой; на полу балкона—цвѣтущія растенія въ горшкахъ, въ фонѣ—открытое окно, на верху котораго рѣшетчатыя ставни старой формы и всюду веселыя лучи солнца, трепещущая счастіемъ поэзія цвѣтовъ, свѣта, юности!

Вторая картина,—«Вѣсти»,—можетъ быть, и не вполнѣ выдерживаетъ критику въ сравненіи съ первой картиной, только что нами описанной; тутъ мы замѣчаемъ болѣе тонкое исканіе эфектовъ, но за то и менѣе смѣлости; картина не болѣе, какъ этюдъ молодыхъ женскихъ лицъ въ атмосферѣ свѣта и тѣни на темномъ фонѣ. Три сестры милосердія съ большимъ вниманіемъ читаютъ письмо. Онѣ кокетливы и милы, но колоритъ картины нѣсколько изысканъ; лицо сестры милосердія, находящейся на срединѣ, недурно написано, въ немъ замѣчается прекрасная лѣпка, но въ общемъ ему чего-то не достаетъ. Картина написана рукой невѣрной, ищущей еще своей дороги, но не находящей ее.

Есть два сорта художниковъ или, вѣрнѣе, художественныхъ темпераментовъ. У обоихъ, внутреннее пламя горитъ такъ быстро, такими внезапными вспышками, что они почти никогда не достигаютъ совершенства формы и, не смотря на крайнюю смѣлость ихъ кисти, на своеобразное воображеніе, на всю внѣшнюю художественную смѣлость,—въ ихъ краскахъ и кисти мы замѣчаемъ что-то не ровное, не устоявшееся, не окрѣпшее. Ихъ произведенія—только эскизы, можетъ быть, талантливые, но недоконченные. У другихъ воображеніе, можетъ быть, не такъ богато, но за то свой первый художественный порывъ они умѣютъ сдерживать и при не меньшей оригинальности, чѣмъ первые, скоро достигаютъ такого совершенства формы, какое только возможно въ сферѣ искуства. Таковъ именно характеръ художественнаго творчества Моссо, и этотъ характеръ достигъ-бы своего высочайшаго развитія, еслибы смерть не унесла его слишкомъ рано.

Эти особенности въ высокой уже степени замѣчаются въ третьей картинѣ Моссо, названной имъ «Жена Клода». На этотъ разъ молодой художникъ взялъ сюжетомъ смерть, ужасную смерть существа молодого, полнаго силъ. Картина въ 1877 году была отправлена на третью неаполитанскую выставку, но запоздала и была пріобрѣтена туринскимъ музеемъ. Не стоитъ разсказывать какими нападками и бранью она была встрѣчена. Картина по сюжету и выполненію имѣетъ, конечно, рискованный характеръ, но итальянская критика оказалась ужь слишкомъ цѣломудренной. Вначалѣ картину предполагалось просто назвать «прелюбодѣйка» (adultera). Такое названіе болѣе соотвѣствовало бы, конечно, сюжету и точнѣе объясняло бы его. Художнику вовсе не нужно было дѣлаться илюстраторомъ извѣстной драмы Дюма. Но съ другой стороны художникъ не желалъ слишкомъ рѣзкимъ названіемъ возмутить противъ себя почтенную буржуазную публику. Тѣмъ не менѣе, картина интересуетъ какъ настоящая драма и написана съ удивительнымъ талантомъ. Красивая женщина, смертельно раненная, бьется въ страшныхъ мученіяхъ. Голова — цѣлая поэма. Можетъ быть, другія части тѣла менѣе удачны и слишкомъ цинично открыты, но, соглашаясь съ этимъ, нельзя не прибавить, что отъ такого сюжета и отъ такого молодого таланта нельзя требовать полнаго совершенства и удовлетворенія всѣхъ вкусовъ. Для того, чтобы утверждать, что художникъ, талантъ котораго высказался въ этой картинѣ, дѣйствительно геніаленъ, достаточно указать на нѣкоторыя особенности выполненія, на страшно трагическое выраженіе лица женщины, на совершенство общаго калорита и въ особенности на удивительное выполненіе нѣкоторыхъ аксесуаровъ.

* * *

Къ рисункамъ.

Янъ Собіескій, картина Рембрандта. Изъ числа множества портретовъ знаменитаго голландскаго художника, этотъ портретъ знатоками считается лучшимъ. И дѣйствительно, никогда еще Рембрандтъ не достигалъ въ изображеніи лица такой жизненной правды, никогда еще кисть его не обнаруживала такого могущества красокъ и рисунка. Это, если можно такъ выразиться, цѣлая душевная поэма, настоящая жизненная драма, выраженная съ поразительной, почти съ сверхъестественною силою въ лицѣ. По могуществу, гармоніи и силѣ красокъ, портретъ этотъ можно сравнить только съ знаменитымъ портретомъ Рубенса, извѣстнымъ подъ именемъ: «chapeau de paille», или-же съ «Жокондой» Леонардо-да-Винчи, находящейся въ Луврѣ. Лицо этого воина обращено нѣсколько въ правую сторону; на головѣ—мѣховая шапка, украшенная золотою цѣпочкою съ драгоцѣннымъ камнемъ спереди. Въ ушахъ серьги изъ жемчуга. Онъ одѣтъ въ красный кафтанъ съ большимъ мѣховымъ воротникомъ, поверхъ котораго надѣта большая золотая цѣпь. Его правая рука держитъ палку съ золотымъ набалдашникомъ. Портретъ поясной, съ надписью внизу: Rembrandt, f. 1637 года. Достовѣрно неизвѣстно, кого именно изъ современниковъ Рембрандта изображаетъ этотъ портретъ, но онъ извѣстенъ подъ именемъ Яна Собіескаго. Въ каталогѣ петербургскаго эрмитажа, по поводу этого портрета говорится слѣдующее. «Лицо изображенное на портретѣ, обозначается именами Стефана Баторія или Яна Собіескаго, королей Польши; для оправданія этого ошибочнаго названія, верхняя часть палки была покрыта темнымъ цвѣтомъ, и такимъ образомъ превращена въ жезлъ». (On a designé antrefois ce personnage sous les noms d'Etienne Batory ou de Jean III Sobiesky, l'un et l'autre rois de Pologne, et pour justifier cette attributier erronneé, on a ouvert d'une couleur sombre la partie superiense de la canne, pour en faire un bâton de commandement) (Catalogue de Ermitage imperial. 1870 г.) Съ другой стороны Шарль Бланъ выражается просто: «il porte le nom de Jean Sobiesky». Весьма вѣроятно, что польскій типъ лица на портретѣ заставилъ предположить, что оригиналъ его—одинъ изъ указанныхъ нами королей польскихъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ остается спорнымъ и едва-ли когда-либо будетъ разрѣшенъ окончательно, за недостаткомъ какихъ-бы то ни было данныхъ.

Вербная недѣля, картина Шварца. Покойный Шварцъ посвятилъ всю свою художественную дѣятельность древней русской исторіи и старинной русской архитектурѣ. Отбросивъ окончательно точку зрѣнія условнаго итальянизма въ живописи, онъ произвелъ настоящій переворотъ въ нашей исторической живописи; въ его картинахъ, древняя русская жизнь воскресаетъ передъ нами въ полной жизненной правдѣ, съ соотвѣтствующей обстановкой, съ нравами, обычаями, костюмами, типами, архитектурой. Въ его живописи есть нѣчто археологическое, и въ этомъ отношеніи онъ нѣсколько напоминаетъ англійскаго художника Альма Тадемму, хотя русскій художникъ и уступаетъ англійскому въ талантѣ. Но несмотря на свою, археологичность, картины Шварца имѣютъ значительную историческую цѣнность и составляютъ капитальное пріобрѣтеніе въ русской живописи. Его «Вербная недѣля», знакомитъ насъ наглядно, въ прекрасной композиціи, съ однимъ изъ обычаевъ древней Руси, подробно описаннымъ въ книгѣ Забѣлина: «Бытъ русскихъ царей». Это торжественное празднованіе вербной недѣли—разнообразіе характерныхъ костюмовъ, своеобразная архитектура московскихъ церквей, рѣзкіе типы,—вся обстановка религіознаго обряда, чрезвычайно удачная групировка лицъ, участвующихъ въ обрядѣ,—все это живо переноситъ насъ въ допетровскую Русь, и нельзя не удивляться таланту художника, который такъ живо воспроизводитъ передъ нами жизнь прошлаго, съ которымъ теперь мы не имѣемъ почти ничего общаго.

На водопоѣ, картина Гарта. Гартъ чрезвычайно своеобразный и оригинальный художникъ, ищущій по преимуществу поэзіи въ природѣ. Его «На водопоѣ» представляетъ прекрасный образчикъ поэтическаго пейзажа. Живописно разбросанныя деревья на берегу пруда или озера составляютъ какъ-бы раму картины; цѣлое стадо коровъ направляется къ водѣ, посереди этой естественной аллеи, въ лучахъ заходящаго солнца. Это эфектное освѣщеніе, оживляя всю картину, надѣляетъ ее въ тоже время, поэтическимъ оттѣнкомъ.

Сердце заговорило. Одной изъ самыхъ граціозныхъ картинъ на послѣдней парижской выставкѣ явилась картина, копію съ которой найдутъ читатели въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Обѣ женскія фигуры—старуха, прервавшая чтеніе, чтобы заглянуть въ лицо молодой дѣвушки, и молодая дѣвушка, въ которой чтеніе затронуло сердце, уже испытывающее первую любовь,—замѣчательно характерны и симпатичны. Отъ картины вѣетъ поэзіей волшебной сказки.

* * *

Правительственное сообщеніе.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатана слѣдующая телеграма г министра внутреннихъ дѣлъ изъ Ливадіи отъ 29 августа:

Нижегородскій временный генералъ-губернаторъ обратился ко мнѣ со слѣдующею телеграмою: «Государю Императору благоугодно было утвердить, 18-го декабря 1875 года, сооруженіе сибирской желѣзной дороги. Нынѣ, по минованіи политическихъ обстоятельствъ, замедлявшихъ осуществленіе сего предпріятія, ярмарочное купечество, предсѣдатель биржеваго комитета, городской голова Нижняго и предсѣдатель нижегородскаго земства просили меня повергнуть къ стопамъ Государя Императора ходатайство о скорѣйшемъ сооруженіи участка Александровскаго пути, не превышающаго 300 верстъ и соединяющаго уральскую дорогу и Екатеринбургъ съ Тюменью, или обскій басейнъ съ волжскимъ. Ярмарочное купечество вручило мнѣ сегодня всеподданнѣйшее прошеніе Его Императорскому Величеству о безотлагательной постройкѣ этого участка, какъ наиболѣе необходимаго въ торговомъ, промышленномъ и земледѣльческомъ отношеніяхъ. Въ виду государственнаго значенія этого сооруженія, многократныхъ ходатайствъ земства, города и всего россійскаго купечества, считаю долгомъ, независимо отъ представленія чрезъ ваше сіятельство всеподданнѣйшаго адреса, отправляемаго съ почтою въ Ливадію, телеграфировать о томъ, тѣмъ болѣе, что купечество разъѣдется чрезъ нѣсколько дней изъ Нижняго во всѣ края Россіи». По докладу Государю Императору этой телеграмы, Его Величество, 29-го сего августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: теперь-же передать означенное ходатайство, чрезъ министра финансовъ, на обсужденіе комитета министровъ, для изысканія способовъ къ безотлагательному сооруженію участка сибирской желѣзной дороги между Екатеринбургомъ и Тюменью, въ виду того, что означенное сооруженіе, помимо экономическаго его значенія, предоставитъ заработки приволжскому населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая.

* * *

Смѣсь.

— **Трусъ** (Разсказъ Жана Ришпена). Никогда не слѣдовало-бы называть человѣка трусомъ, потому что неизвѣстно съ точностью, въ чемъ состоитъ трусость, и вовсе неизвѣстны многочисленныя и сложныя причины, ее опредѣляющія. Не считая вопросовъ темперамента, выражающагося въ болѣе или менѣе живой крови человѣка, заставляющей его давать отпоръ обидамъ, или приберегать отмщеніе до благопріятнаго времени, есть тысяча обстоятельствъ времени, среды, лѣтъ, воспитанія, которыя слѣдуетъ принимать въ расчетъ при произнесеніи сужденія. И притомъ—храбрость измѣняется смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ она проявляется. Мужчинъ, въ высшей степени мужественныхъ предъ физическою опасностью, видѣли дрожащими и плачущими, подобно женщинѣ, предъ опасностью моральною. Храбрецы, воспитавшіеся на порохѣ, покрытые славными ранами, удирали въ битвахъ совѣсти. Трусы проявляютъ иногда геройство. Напротивъ, есть герои, чувствующіе дѣтскій ужасъ предъ необходимостью вырвать себѣ зубъ. Нѣженки-женщины, которымъ дѣлается дурно при видѣ зарѣзанной курицы, перевязываютъ раненыхъ, разрѣшаются отъ бремени безъ малѣйшаго крика. Несчастныя отравляются настоемъ спичекъ скорѣе чѣмъ рѣшатся приложить дуло оружія къ виску; иныя, которыхъ ужасаетъ холодъ стали, умираютъ впродолженіи трехъ дней въ жестокой агоніи, не испуская ни малѣйшей жалобы.

Я разскажу вамъ конецъ одного труса. Когда мы пришли въ глубину этой затерянной долины, куда онъ привелъ меня, бѣдняга молча взялъ меня за обѣ руки и заплакалъ. Я зналъ, сколько онъ имѣлъ причинъ быть печальнымъ, и я часто поддавался изліяніямъ его страданій. Не одинъ разъ разсказывалъ онъ мнѣ о своемъ несчастномъ дѣтствѣ, мнѣ были извѣстны муки его настоящей жизни. Онъ былъ незаконнымъ сыномъ актрисы и еврея, умершаго въ тюрьмѣ. Мать таскала ребенка вмѣстѣ съ чемоданами по всѣмъ провинціальнымъ и заграничнымъ театрамъ, куда бросали ее случайности ея ремесла. Вмѣстѣ съ нею ѣлъ онъ хлѣбъ, добытый развратомъ, пилъ шампанское за ужиномъ, служилъ игрушкой празднымъ шалопаямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, и до 16 лѣтъ, онъ мѣнялъ отцовъ такъ же часто, какъ мать его мѣняла платья, а она ихъ мѣняла по нѣскольку въ день. Въ одно прекрасное утро мать скрылась, не предупредивъ его, оставивъ одного, безъ всякихъ средствъ, въ какомъ-то уголкѣ южной Америки. Онъ болѣе ее не видѣлъ. Выпутался онъ, какъ могъ, т. е. очень плохо. Онъ появился въ Парижѣ, отечествѣ обездоленныхъ и безнадежныхъ. Но ему не удалось здѣсь устроиться какъ-бы слѣдовало. Онъ жилъ случаемъ, при помощи одного, на квартирѣ другого, кормясь по немногу на счетъ всѣхъ. Его знали въ этой семьѣ бездомниковъ, живущей душа на распашку. Дурно воспитанный, привыкшій къ контрабандной роскоши и лѣности, не зная притомъ никакого ремесла, получивши никуда не годное образованіе, онъ былъ неспособенъ сдѣлать какое-либо употребленіе изъ своихъ рукъ. Одинъ, два года прошли въ такомъ лѣнтяйствѣ. Онъ предоставилъ себя теченію. По временамъ на него нападалъ стыдъ, онъ вспоминалъ о достоинствѣ. Тогда на него находила рѣшимость, онъ желалъ труда; но все это распускалось въ потокѣ безполезныхъ слезъ. Несмотря ни на что, онъ былъ славный юноша, оригинальный, странный, гораздо болѣе заслуживающій сожалѣнія, чѣмъ порицанія, — и поэтому я часто выказывалъ ему дружеское чувство сожалѣнія и почти всегда былъ довѣреннымъ этихъ кризисовъ, начинавшихся возмущеніемъ и кончавшихся хныканьемъ.

Но все-таки никогда не видалъ я его столь глубоко сокрушеннымъ, такимъ мрачно обезкураженнымъ, какъ въ тотъ день, когда онъ привелъ меня въ эту затерянную долину. Въ этотъ день слезы были уже не дѣтскими, это были рыданія человѣка, надрывавшія грудь. Я успокоилъ его нѣсколькими добрыми словами. Къ моему крайнему удивленію, онъ не заставилъ, по обыкновенію, утѣшать себя нѣжностями. Коротко и грубо прервалъ онъ мои ласки и съ твердой рѣшимостью взглянулъ на меня.

— Кажется, вы немножко любите меня, сказалъ онъ.—Но сдѣлаете-ли вы для меня одно, что прекратитъ всѣ мои несчастья?

— Да, я сдѣлаю все возможное.

— Хорошо! Если вы чувствуете ко мнѣ какое-нибудь расположеніе, вы можете доказать его, оказавъ мнѣ такую услугу, которая будетъ лучшею радостью въ моей жизни.

— Что-же такое? спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Вы должны помочь мнѣ умереть.

— Умереть! Вы съ ума сошли.

Я начиналъ смотрѣть на него, какъ на съумасшедшаго, и не понималъ, чего онъ хочетъ. Я-бы принялъ эту выходку за шутку, если-бы его серьезный видъ, его рѣшительный жестъ, его твердый голосъ не убѣдили меня, что это было серьезно. Здѣсь именно не было брошено слово на вѣтеръ; это не была одна изъ тѣхъ фразъ, которыя говорятся не подумавши, въ минуту страданій. Это было холодное предложеніе, приведшее меня въ ужасъ.

— Дайте мнѣ объяснить вамъ, продолжалъ онъ,— мои намѣренія, причины, заставляющія меня рѣшиться. Дайте мнѣ убѣдить васъ, что я не съумасшедшій. Не стану разсказывать вамъ лишній разъ о моемъ странномъ существованіи. Вы знаете всѣ печальныя и позорныя подробности его. Вы знаете, кромѣ того, какъ я теперь живу. Я знаю заранѣе извиненія, которыя вы, по добротѣ своей, найдете въ мою защиту, но я не могу ихъ принять. Мнѣ стыдно въ эту минуту жить, какъ безчестный человѣкъ. Пока я былъ ребенкомъ, я могъ самъ находить основанія для своей праздности, не очень краснѣть за свое паразитство. Теперь я чувствую, что становлюсь подлецомъ; и, что еще болѣе ужасно, я чувствую, что у меня нѣтъ достаточно силъ, чтобы перестать имъ быть. Не прерывайте меня, прошу васъ! Вы, вѣроятно, скажете, что это не моя вина, что мое плачевное воспитаніе причиною всему и что я еще могу исправиться. Нѣтъ, другъ мой, я не могу исправиться. Я основательно знаю себя, я съ точностью знаю предѣлы моей честности. Если я буду продолжать жить, я сдѣлаюсь мерзавцемъ. Не даромъ въ жилахъ моихъ течетъ кровь негодяя и публичной женщины. Роковымъ образомъ я долженъ жить по своей породѣ. Одно только средство помѣшать этому—умереть. Впрочемъ, есть еще другія основанія, и болѣе неопровержимыя: я люблю молодую дѣвушку, глубоко люблю. Вотъ отъ чего слѣдуетъ мнѣ откупиться, подумайте! Вы изъ тѣхъ, которые вѣруютъ въ перерожденіе вслѣдствіе любви. Мнѣ и это закрыто, другъ мой. Эту дѣвушку, которую я люблю, я не могу заставить полюбить себя. Она непорочна, богата, обожаема, и не для меня, бездомника, блюдолиза, незаконнорожденнаго, не для меня разведенъ очагъ. И если-бы даже я былъ любимъ ею, это было-бы еще ужаснѣе. Вы не понимаете? Надо вамъ все сказать, потому что вы какъ-бы мой исповѣдникъ. Кровь моихъ родителей передала мнѣ не только моральное зло, она меня заразила и зломъ физическимъ. Раннее распутство развило это зло въ моемъ несчастномъ тѣлѣ. Понимаете вы теперь? Обо мнѣ не заботились. Я далъ злу свободное развитіе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, я стану добычей алчнаго чудовища. Мои волосы, мои зубы, тѣло мое—все будетъ съѣдено. Теперь уже поздно бороться. Нельзя быть безнаказанно плодомъ двухъ гнилыхъ субъектовъ, говорю я вамъ. Убѣждены-ли вы, наконецъ, другъ мой? Вы видите, я спокоенъ, не увлекаюсь, разсуждаю хладнокровно, вы видите, я взвѣшиваю всѣ мотивы моей рѣшимости. Отвѣтьте-же мнѣ съ такою-же откровенностью, съ какою отвѣтили-бы себѣ! Неправда-ли, что у меня нѣтъ ни одного основанія за то, чтобы жить, и есть тысяча—чтобы умереть? Признайтесь же откровенно, признайтесь, что я не могу съ честью выпутаться иначе, какъ самоубійствомъ. Будьте мужественны, будьте истиннымъ другомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! промолвилъ я, потрясенный его тономъ и его доводами,—я не зналъ всего этого. Бѣдный, бѣдный юноша! Смерть, очевидно, лучше.

— Значитъ, вы согласны оказать мнѣ услугу, о которой я васъ просилъ?

Онъ сказалъ это съ такою радостью въ голосѣ, что по мнѣ пробѣжалъ холодъ. Я отвѣчалъ на его настоянія, на его логическое разсужденіе, но я произнесъ слова почти совсѣмъ тихо, не заботясь о послѣдствіяхъ моего согласія съ нимъ. Теперь я сожалѣлъ объ этомъ. Онъ это замѣтилъ.

— О! воскликнулъ онъ,—неужели вы такой же трусъ какъ и я?

— Почему трусъ? И почему такой-же какъ вы? Право, я ничего болѣе не понимаю.

— Какъ! вы еще не поняли, чего я хочу? Я-же вамъ говорю, что я трусъ, вы должны догадаться, о какой услугѣ прошу я. Да, я знаю, что смерть мое единственное прибѣжище, я знаю, что не могу, не долженъ болѣе жить. Я знаю, что надо покончить съ собой. Но я не могу этого сдѣлать, я боюсь, я трусъ, говорю я вамъ, я презрѣнный трусъ.

— Ну, ну! пробормоталъ я дрожа, начиная угадывать отвратительную истину.

— Ну! произнесъ онъ прерывающимся голосомъ,— вы должны быть моимъ самоубійцей!

И онъ протянулъ мнѣ револьверъ.

Я съ ужасомъ отвратился отъ мысли о преступленіи, которое онъ мнѣ предлагалъ. Тогда онъ приблизился ко мнѣ, упрашивая, умаливая. Онъ все предусмотрѣлъ; въ карманѣ у него было письмо, удостовѣряющее самоубійство; меня не будутъ безпокоить; долина совершенно пустынна; я долженъ сжалиться надъ нимъ; я былъ единственнымъ другомъ, котораго онъ когда-либо встрѣчалъ; я ему откажу въ единственной услугѣ, о которой онъ меня проситъ; вѣдь онъ сдѣлается негодяемъ, онъ станетъ грязью, и въ этомъ буду виноватъ я; онъ былъ-бы такъ счастливъ умереть; я долженъ дать ему смерть, какъ милостыню; я сдѣлаю доброе дѣло.

Онъ говорилъ съ глубокою выразительностью; въ голосѣ его слышалось волненіе, смущеніе. Его безуміе сообщалось мнѣ. Защищаясь все слабѣе и слабѣе, слушалъ я его и одобрялъ; я убѣждался понемногу, что онъ правъ. Чувствуя, что я ослабѣвалъ, онъ удвоилъ просьбы. Въ голосѣ его звучала ласка, мольба, которой нельзя было противостоять, что-то такое, что напоминало соблазняющую женщину.

— Ты сдѣлаешь, да? сказалъ онъ наконецъ совсѣмъ тихо мнѣ на ухо и вложилъ револьверъ мнѣ въ руку.

Дуло было повернуто прямо по направленію его рта. Я былъ смущенъ. Онъ дѣтски вскрикнулъ. Закрывши глаза, я спустилъ курокъ и размозжилъ ему черепъ.

— **Женщины-врачи.** Со дня открытія женскихъ врачебныхъ курсовъ по настоящее время, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ газетою «Врачъ», на курсы поступило 796 студентокъ или среднимъ числомъ по 99,5 ежегодно. По возрастамъ наиболѣе поступившихъ было 17—22 лѣтъ—72 проц., затѣмъ 22—30 лѣтъ — 24 проц. и выше 30 лѣтъ около 3 проц. Наиболѣе (417) было изъ окончившихъ гимназію. По сословіямъ студентки главнымъ образомъ принадлежали къ привилегированнымъ сословіямъ, но 105 было мѣщанокъ, изъ которыхъ 72 еврейки. Иностранокъ было 8, изъ нихъ одна сербка, одна болгарка. По вѣроисповѣданіямъ было 572 или 72 проц. православнаго, 169 или 21,1 проц. еврейскаго, 38 католическаго и 17 лютеранскаго. По семейному положенію поступило: дѣвицъ 712, замужнихъ 71 и вдовъ 13. Изъ числа дѣвицъ во время слушанія курсовъ вышло замужъ 116 или 15,9 проц.

— **Нѣмецкое самоуправство.** Рижскій кореспондентъ «Голоса» передаетъ слѣдующій фактъ безобразнаго самоуправства. Молодой человѣкъ, капитанъ Н. Н. Жуковскій, съ своею молодою женой, въ сопровожденіи сестры жены г. Жуковскаго, молодой дѣвицы, и поручика Смагина, часовъ въ 11 утра, 16-го августа, пользуясь свободнымъ временемъ и хорошею погодой, отправились за лагерь на прогулку. Дамы, на всякій случай, взяли корзинку для грибовъ, а г. Жуковскій свое заряженное охотничье ружье. Прошедши небольшое разстояніе отъ лагеря, поручикъ Смагинъ предложилъ идти въ лѣсъ имѣнія Линденру, гдѣ, по словамъ г. Смагина, всегда бываетъ видимо-невидимо грибовъ. Компанія приняла предложеніе, и всѣ направились къ указанному лѣсу, до котораго очень скоро и добрались вполнѣ благополучно. Но за то не такъ благополучно выбрались изъ злосчастнаго лѣса! Не болѣе 500 шаговъ гуляющіе прошли лѣсомъ имѣнія Линденру, какъ имъ встрѣтились двое мужчинъ, ѣхавшихъ въ шарабанѣ. Одинъ изъ ѣхавшихъ, замѣтивъ у г. Жуковскаго ружье, грозно потребовалъ это ружье себѣ, выражая требованіе на нѣмецкомъ языкѣ, а г. Жуковскій на требованіе отвѣтилъ по-русски отказомъ, основательно предполагая, что законъ преслѣдуетъ стрѣляніе изъ ружья въ чужомъ имѣніи, но не самое оружіе или ношеніе его. Какъ бы ни было, но требовавшій ружье разсудилъ иначе: онъ повернулъ лошадь и чрезъ нѣсколько минутъ, съ 15-ю рабочими, изъ которыхъ нѣкоторые были съ ружьями, снова нагналъ г. Жуковскаго съ компаніей, удалявшихся изъ лѣса, и снова потребовалъ отъ г. Жуковскаго ружье, причемъ, снова получилъ отказъ. Капитанъ Жуковскій соглашался отдать ружье, но только или при военномъ начальствѣ, или при полицейскомъ чиновникѣ, имѣющемъ пребываніе въ полуверстѣ отъ мѣста дѣйствія. Требовавшій ружье, получа вторичный отказъ, приказалъ своимъ рабочимъ отнять ружье у офицера... Капитанъ Жуковскій былъ сваленъ на землю, защищавшій его поручикъ Смагинъ также, мундиры офицеровъ изорваны, кровь текла по шеѣ и платью г. Жуковскаго; онъ едва не былъ задушенъ; несчастная его жена обращается къ начальнику злодѣевъ съ мольбой пощадить жизнь ея мужа, но этотъ человѣкъ такъ толкаетъ отъ себя даму, что и у г-жи Жуковской остаются синяки на рукахъ. Ружье переходитъ въ руки грубой силы, и здѣсь же исчезаютъ изъ кармана г. Жуковскаго 170 рублей.

Лицо, совершившее дикое, грубое, злодѣйское насиліе надъ г. Жуковскимъ—владѣлецъ имѣнія Линденру, нѣкто фон-Раутенфельдъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 27-ми; образованіе получилъ въ дерптскомъ университетѣ.

— **Убійство знахарки.** Въ газету «Саратовскій Листокъ» пишутъ изъ Пензы: «Въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ селъ краснослободскаго уѣзда поселилась въ скромномъ домикѣ старуха-знахарка, занимаясь колдовствомъ и, сверхъ того, врачеваніемъ отъ всѣхъ недуговъ, а главнымъ образомъ, отъ порчи. Порченые, являясь къ знахаркѣ, обыкновенно приносятъ водку, которая и выпивается врачомъ, вмѣстѣ съ больнымъ. Послѣ приличной выпивки, начинается леченіе, состоящее изъ нѣсколькихъ ударовъ по спинѣ палкою съ приличными случаю нашептываніями. Къ этой колдуньѣ прибѣгалъ нетолько темный людъ, но и одинъ изъ представителей земства, а также сельскій дьяконъ, потерявшій голосъ и чаявшій возвратить его. Разсказываютъ, что старуха, врачуя такимъ путемъ, успѣла набрать небольшой капиталецъ. Жила она въ селѣ долго—десять лѣтъ, надувая безсовѣстнымъ образомъ сѣрый людъ; наконецъ, съ мѣсяцъ назадъ, она была убита двумя крестьянами, на которыхъ навела порчу «Проклятая старуха, говорили многіе крестьяне, наговоритъ и сейчасъ начинаютъ родить мужики и бабы».

— **Знахарка.** Въ газету «Харьковъ» передаютъ изъ переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи, что недавно въ деревнѣ Селичевкѣ, Баришевской волости, появилась пророчица и знахарка. Это дочь мѣстнаго крестьянина, Агафья Куюнкова, имѣющая всего 20 лѣтъ отъ роду. Говорятъ, Куюнкова была съ малыхъ лѣтъ не особенно бойка на работу, а красотою не могла плѣнить ни одного парня, такъ что до сихъ поръ осталась въ дѣвкахъ. Предъ пасхою нынѣшняго года, Куюнкова объявила себя знахаркою и лекаркою. Быстро разнеслась вѣсть про дѣвку, и теперь отъ тысячи людей можно услышать самыя невѣроятныя вещи про Гапку Куюнкову: она и предсказываетъ будущее и угадываетъ прошедшее, развязываетъ «закрутки» въ житѣ, лечитъ больныхъ, изгоняетъ бѣсовъ и т. д. Съ ранняго уже утра у нея толпятся десятки подводъ съ больными, чающими спасенія отъ Гапки; цѣлая деревня гордится тѣмъ, что изъ среды своей дала такую знаменитость, какъ Гапка Куюнкова. И валится опять изъ кармановъ темныхъ паціентовъ въ карманы эксплуататора Гапки: и хлѣбъ, и деньги, и всякое добро.

— **Леченіе рака.** Петербургскій профессоръ-хирургъ Рейеръ въ «Обществѣ С.-Петербургск. врачей» показывалъ трехъ больныхъ очень пожилаго возраста, у которыхъ, по причинѣ пораженія ракомъ обширной части лица—глаза, верхней челюсти, твердаго и мягкаго неба, носа—невозможно было прибѣгнуть къ вырѣзыванію всего рака, и у которыхъ тѣмъ не менѣе раковая язва излечилась отъ упорнаго и продолжительнаго мѣстнаго употребленія соды. Онъ начиналъ леченіе съ того, что дѣлалъ поверхностное выскабливаніе раковыхъ массъ острой хирургич. ложечкой, а потомъ тотчасъ сталъ накладывать компресы или куски ваты, смоченные самымъ крѣпкимъ, насыщеннымъ растворомъ соды въ водѣ, что повторялось ежедневно по нѣсколько разъ; черезъ 5—6 недѣль раковая язва очищалась, теряла наклонность распространяться дальше; зловоніе прекращалось и самая язва переходила въ простую гноящуюся рану, наклонную къ заживленію и начинавшую съ краевъ своихъ покрываться хорошимъ рубцемъ. Леченіе рака приложеніемъ щелочей, которыя растворяютъ раковыя—эпителіальныя клѣтки, было рекомендовано д-ромъ Бушемъ, который получилъ отъ такого способа леченія хорошіе результаты. Рейеръ сталъ провѣрять этотъ способъ и пришелъ въ свою очередь къ столь же благопріятнымъ результатамъ отъ употребленія соды.

* * *

Шахматный отдѣлъ.

Въ «Всемірной Иллюстраціи» сообщалось о происходившемъ въ этомъ году въ Петербургѣ матчѣ между княземъ Дадьяномъ Мингрельскимъ и г. Маркораномъ, до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ въ шахматномъ мірѣ. Въ этомъ состязаніи князь вышелъ побѣдителемъ: онъ выигралъ четыре партіи, и двѣ партіи сдѣлалъ ничьи.

Князь Дадьянъ, какъ видно изъ его письма, помѣщеннаго во французскомъ шахматномъ журналѣ «Stratégie», вояжируя по Россіи, ищетъ достойныхъ себѣ соперниковъ, и обѣщалъ о своихъ побѣдахъ, съ приложеніемъ партій, сообщать въ журналъ. Если князю дѣйствительно желательно сразиться съ наиболѣе извѣстными русскими игроками, то ему нѣтъ надобности ихъ и розыскивать; изъ того-же получаемаго имъ журнала «Stratégie» онъ могъ-бы узнать имена ихъ, а въ петербургскомъ шахматномъ обществѣ онъ могъ-бы пожать лавры въ борьбѣ съ ними. Надѣемся, не встрѣтилось-бы никакихъ препятствій къ устройству матча между ними и княземъ Дадьяномъ. Напечатанные-же въ «Stratégie» нѣсколько партій не совсѣмъ-то вяжутся съ увѣреніями, что онъ ищетъ по Россіи сильнѣйшихъ игроковъ: всѣ его противники въ этихъ партіяхъ были игроки неизвѣстные въ шахматномъ мірѣ, за исключеніемъ И. С. Шумова.

— Въ «Живоп. Обозр.» мы сообщали объ объявленномъ въ февральской книжкѣ журнала «Шахматный Листокъ» конкурсѣ шашечныхъ задачъ. Въ вышедшей майской книжкѣ этого журнала заявляется, что въ виду незначительнаго числа лицъ, принявшихъ участіе въ конкурсѣ, редакція признала возможнымъ отложить срокъ присылки задачъ до 15 сентября этого года.

Въ той-же книжкѣ журнала, въ соиздатели котораго вступилъ содержатель типографіи и издатель журнала «Собраніе картинъ» Р. Р. Голике, помѣщенъ портретъ знаменитаго игрока геніальнаго П. Морфи, съ біографіей его. Програма «Шахматнаго листка» увеличена: издателямъ разрѣшено помѣщать портреты, юмористическія и другія рисунки, относящіеся къ шахматной игрѣ, т. е. иллюстрировать журналъ. Мы слышали, что въ послѣдующихъ книжкахъ «Шахматнаго листка», которыя, какъ заявляетъ редакція, съ сентября мѣсяца будутъ выходить въ срокъ, помѣщены будутъ портреты нашихъ извѣстныхъ шахматистовъ К. А. Яниша, А. Д. Петрова и друг. а также портреты Андерсена, Цукерторта, Розенталя и всѣхъ первокласныхъ заграничныхъ игроковъ.

ПАРТІЯ № 19.

Играна по консультаціи на конгресѣ въ Брауншвейгѣ, 20 іюля 1880 г.

Французская партія.

Гг. Гаммахеръ, Шотлендеръ, Цукертортъ. *Бѣлые*	**Гг. Биръ, Шварцъ, Шведе.** *Черные*
1. e2—e4	1. e7—e6 *a*
2. d2—d4	2. d7—d5
3. К b1—c3	3. К g8—f6 *b*
4. e4 : d5	4. e6 : d5
5. К g1—f3	5. С f8—d6
6. С f1—d3	6. 0—0
7. 0—0	7. c7—c6 *c*
8. К c3—e2	8. С c8—g4
9. К e2—g3	9. Ф d8—c7
10. h2—h3	10. С g4 : f3
11. Ф d1 : f3	11. Л f8—e8
12. К g3—f5 *d*	12. К b8—d7
13. С c1—e3	13. К d7—f8
14. Л f1—e1	14. К f8—g6
15. g2—g3	15. Л e8—e6
16. h3—h4	16. h7—h5 *e*
17. С e3—g5 !	17. Л e6 : e1 †
18. Л a1 : e1	18. К f6—g4
19. c2—c4	19. d5 : c4
20. С d3 : c4 *f*	20. Л a8—f8
21. Ф f3—e4 !	21. Кр g8—h7
22. Кр g1—g2	22. С d6—b4
23. Л e1—e2	23. f7—f6
24. С g5—c1	24. c6—c5
25. f2—f3	25. c5 : d4 *g*
26. f3 : g4	26. Ф c7 : c4
27. g4 : h5	27. К g6—h8
28. Л e2—c2 *h*	28. Ф c4—f7
29. a2—a3	29. С b4—a5
30. Л c2—c5	30. Л f8—e8
31. К f5—e7 †	Черные сдались *i*

Примѣчанія къ партіи:

a) Этому началу придано названіе нормальнаго дебюта или французской партіи.

b) Здѣсь также употребляется ходъ 3. С f8—b4, но практика сильныхъ игроковъ показала, что для черныхъ болѣе выгодно въ этомъ дебютѣ поставить слона на d6, чѣмъ мѣнять его на коня.

c) Очень хорошій ходъ 7. К b8—c6; и если бѣлые играютъ 8. С c1—g5, С c8—g4, на выигрышъ пѣшки : 9. С g5 : f6, Ф d8 : f6, 10. К c3 : d5, то черные получатъ лучшую партію; вотъ продолженіе матчевой партіи Цукертарта съ Поттеромъ, игранной въ 1876 г. 10... Ф f6—h6!; 11. h2—h3, К c6 : d4! и бѣлые должны проиграть. Цукертортъ игралъ 12. К d5—e7 †, Кр g8—h8!, 13. К f3 : d4 жертвуя ферзя; если же 12. С d3—e2, то К d4 : f3; 13. С e2 : f3, С g4 : h3; 14. g2 : h3, Ф h6 : h3; 15. Л f1—e1, С d6—h2 †, 16. Кр. g1—h1, С h2—g3 † и въ два хода матъ.

d) Бѣлые теперь угрожаютъ. 13. К f5 : g7, Кр g8 : g7; 14. С c1—h6 †, Кр g7 : h6?; 15. Ф f3 : f6 † и въ слѣдующій ходъ матъ

e) Очень слабый ходъ, ставящій черныхъ въ опасное положеніе, какъ и видно будетъ далѣе.

f) Бѣлые грозили: К f5 : d6.

g) Если 25... К g4 : h6, то 26. С c1 : h6, g7 : h6; 27. Ф e4—e3.

h) Этотъ ходъ сильнѣе, чѣмъ 28. К f5—d6 † (или d4, тогда f6—f5; 29. К d6 : f5, Ф c4 : c1.

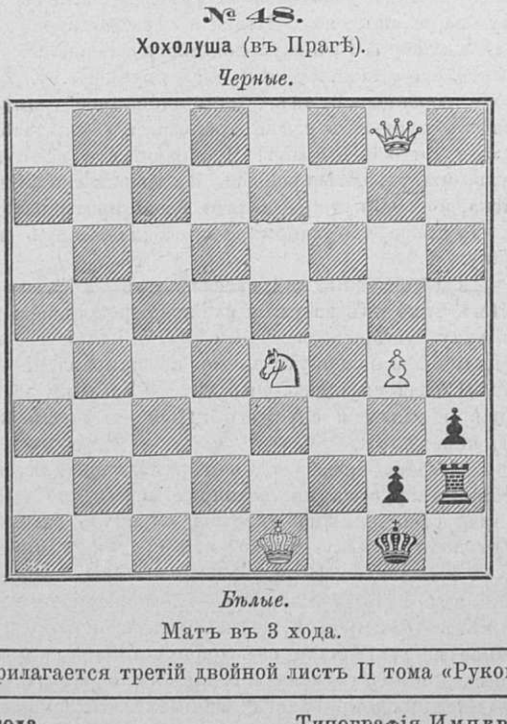
i) На 31... Л f8—e8 послѣдавало-бы 32. Л f5—e5 †.

ЗАДАЧИ.

№ 48.

Хохолуша (въ Прагѣ).

Черные.



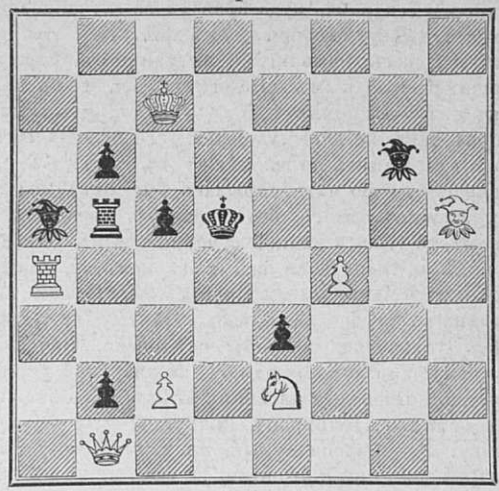
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

№ 49.

Колинса (въ Лондонѣ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Предлагаемъ для разрѣшенія конецъ изъ одной партіи Стейница:

Положеніе: Бѣлые—Кр e7, С h4, п. g6, h6.
Черные—Кр g7, Л h1.
Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

Рѣшенія задачъ (въ № 30).

№ 43. Кларка.

1. $\frac{\text{Ф g3—d6}}{\text{К c4 : d6}}$ 2. $\frac{\text{a3—a4 †}}{\text{Кр b5—c5}}$ 3. К g5—e6 ×

1. $\frac{\text{...}}{\text{К f5 : d4}}$ 2. $\frac{\text{С h3—d7 †}}{\text{Кр b5—c5}}$ 3. К g5—e6 ×. Варіанты понятны.

№ 44. Котца и Кокелькорна.

1. $\frac{\text{С g3—e5}}{\infty}$ 2. Ф или К ×

Правильныя рѣшенія обѣихъ задачъ прислали: *А. Бекеневъ, г. Макаровъ, Н. Пикачевъ, И. Межениновъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Картины, значущіяся въ нашемъ каталогѣ подъ №№ 4—Кенигштейнъ, 5—Шрекенштейнъ и 10—Проба голоса у насъ болѣе не продаются и замѣнены слѣдующими: № 4—Рыбачье поселеніе, № 5—Сельдяной промыселъ и № 10—Маленькій политикъ.

Величина этихъ картинъ: № 4 и 5-го высота $7^1/_8$, ширина $11^5/_8$ вершковъ; № 10—высота $13^7/_8$, ширина $10^3/_8$ вершковъ. Цѣна:

№ 4 — р. 70 коп.; пересылка 30 коп.
№ 5 — » 70 » ; » 30 »
№ 10 1 » 40 » ; » 40 »

Олеографіи №№ 4 и 5 составляютъ копіи съ картинъ англійскаго художника Рогфорда; а № 10 копіи съ картины французскаго художника Піо.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 35-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 30 августа въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 1 сентября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Франціи, стих. **Тардье**, пер. **В. И. Немировича-Данченко.**—Козочка, драм. эск. въ одн. дѣйст. **А. Трофимова.**—Изъ исторіи рабства въ древности, ст. **С. Терновснаго.**—Стих. **Дм. Черткова.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Сестры милосердія для слѣпыхъ.—Великая пѣвица, истор. пов. **Луизы Мюльбахъ**, пер. **А. Качоровской**.—Три картины туринскаго художника **Франческо Моссо**, ст. **Дилетанта.**—Къ рисункамъ.—Правительственное сообщеніе.—Смѣсь.—Шахматы.

Рисунки: Янъ Собіевскій, карт. **Рембрандта.**—Вербная недѣля, карт. **Шварца.**—Водопой, карт. **Гарта.**—Сердце заговорило, карт. **Анатоля Вилли.**—Вѣсти изъ міра,—карт. **Фр. Мосса.**—Жена Клода, карт. **Фр. Мосса.**—Сейчасъ придемъ, **его-же.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

При этомъ нумерѣ прилагается третій двойной листъ II тома «Руководство къ Гигіенѣ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 сентября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 37. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 13 Сентября 1880 г.

Ночи.

Стих. **Дм. Ушакова.**

I.

Камышъ слегка колышется
Надъ сонною рѣкой,
Какъ сладко, вольно дышется
Среди тиши ночной,

Какъ мирно свѣтитъ блѣдная
Красавица луна...
Усни, забудься, бѣдная;
Намаялась—пора...

II.

Въ темносинемъ небѣ ярко звѣзды блещутъ,
Тополя при тихомъ вѣтрѣ чуть трепещутъ,
Ясно освѣщаетъ мѣсяцъ съ высоты
Стараго кладбища сѣрые кресты,
Памятники, плиты... сколько думъ, желаній,
Радостей и горя, счастья и страданій,
Скрыли подъ собою мраморъ и земля,
Кипарисовъ вѣтви, плющъ и тополя...

Вотъ ея могила... Мраморныя плиты,
Кажется, давно ужь всѣми позабыты,
Поросли травою пыльною и мхомъ
И вѣнокъ засохшій видѣнъ надъ крестомъ...
Рано тебя скрыла, бѣдную, могила,
Безъ тебя мнѣ грустно, жизнь моя постыла,
Рядомъ здѣсь съ тобою скоро-ль лягу я?..
Успокоитъ думы черная земля.

III.

Въ тѣнистый паркъ вечернею порою
Вошелъ я. Ясенъ синій неба сводъ,
Пылалъ закатъ румяною зарею
И отражался въ глади водъ.
Не омраченъ былъ сводъ небесной тучей,
Ложились тѣни черной полосой
И гдѣ-то лишь въ акаціи колючей
Пѣлъ соловей, пѣвецъ ночной.
Носился запахъ въ воздухѣ сирени;
Вотъ, жукъ жужжа, пронесся въ вышинѣ...
Темнѣе все сгущались парка тѣни,
Роса блеснула на травѣ;
И вѣтерокъ пронесся надъ верхами
Осинъ, дубовъ, сребристыхъ тополей...
При лунномъ блескѣ гдѣ-то, межъ кустами,
Трель соловья лилась еще звучнѣй.
Она во мнѣ страданья возбудила,
Мнѣ вспомнились далекіе края—
Забытый крестъ, заглохшая могила,
И сномъ прекраснымъ жизнь была моя.

IV.

Небрежно по клавишамъ пальцы скользили
И дивныя, чудныя ноты звучали,
Полны одиночества, горя, печали,
Тѣ звуки прощальные, скорбные были...
Разлука, унынье, сердечное горе,
Тревога душевная, муки и слезы,
И ревности страшной нѣмыя угрозы
Въ тѣхъ слышались нотахъ, читались во взорѣ...
Но стройный акордъ... Звуки вмигъ измѣнились,
Про радость свиданья они говорили
И свѣтлое счастье вновь въ сердце мнѣ влили,
И тихо безъ скорби и горя струились...

V.

Въ природѣ разлитъ былъ безмолвный покой,
Туманъ разстилался надъ сонной рѣкой,
Вокругъ водворилось молчанье...
Плыла надъ уснувшей землею луна,
Сверкала звѣздами небесъ вышина;
Все спало, забывъ про страданья...

Бѣднякъ задремалъ... И фантазій полны
Его лучезарные, свѣтлые сны;
На время забылъ онъ невзгоды,
Забылъ онъ гнетущую скорбь и печаль,
И свѣтятся счастьемъ широкая даль,
Грядущіе, чудные годы...
Видѣнья, смѣнясь, одно за другимъ,
Толпою волшебной проходятъ предъ нимъ,
Блестящія, чудныя грезы
Его за собой увлекаютъ туда,
Гдѣ нѣтъ одиночества, скорби, труда,
Не льются печальныя слезы.

Стоялъ я въ раздумьи надъ сонной рѣкой,
Въ душѣ моей былъ молчаливый покой,
Замолкли былыя волненья...
Ужели забыты рядъ тягостныхъ лѣтъ,
Дни скорби, печалей, дни счастья и бѣдъ,
И время отрадъ и мученья?

VI.

Все мирно дремлетъ, спитъ, забывъ печаль, невзгоды,
Какая тишина на небѣ, на землѣ;
Струятся медленно рѣки глубокой воды
И мѣсяцъ надо мной блистаетъ въ вышинѣ.
Какъ быстро пронеслись передо мною годы
Въ страданьяхъ, радостяхъ, порывахъ и борьбѣ...
И это все прошло и больше не вернется,
И сердце, какъ въ тѣ дни, въ груди не встрепенется.
Проходятъ надо мной дни блѣдные, пустые,
Съ ихъ мелкой пошлостью, безъ счастья, безъ борьбы—
Невольно вспомнилъ я минуты прожитыя,
Невольно вспомнилъ я минувшія мечты.
Я вспомнилъ бѣлый домъ надъ сонною рѣкою,
Терасу старую съ колонами кругомъ,
И садъ заброшенный, манившій насъ къ покою,
Гдѣ съ нею я гулялъ вдвоемъ...
Какъ хороша она въ то время мнѣ казалась;
Во взглядѣ у нея былъ тихій, мирный сонъ,
И черная коса волною разсыпалась,
И я былъ въ тѣ часы блаженствомъ опьяненъ.
Но годы протекли въ тяжеломъ прозябаньи,
Огонь былой любви погасъ во мнѣ теперь...
Но свято я храню въ душѣ воспоминанья;
Я не забуду дней печалей и страданья,
Я не забуду дней блаженства и потерь.
Душа моя пуста. Въ ней тихо и безмолвно,
Какъ на морѣ, когда окончилась гроза,
Когда не катятся чернѣющія волны
И бурю шумную смѣнила тишина.
Душа моя пуста. Желаю я волненій,
Чтобъ закипѣла вновь во мнѣ, какъ прежде, кровь,
Чтобъ снова испытать минуты наслажденій,
Блаженство, ненависть, страданья и любовь...

VII.

Эта черная ночь, какъ могила, мрáчна,
Какъ въ могилѣ, не слышно въ ней звука;
Но душа безконечной печалью полна
И томитъ меня горькая мука.
Для чего вы умчались, надежды, мечты,
Золотые, минувшіе годы?
Я остался одинъ средь холодной толпы
Безъ опоры во время невзгоды.
Не протянетъ мнѣ помощи руку никто,
Кончу жизнь я въ борьбѣ и мученьяхъ—
Для чего-жъ я стремился душой высоко,
Прожилъ вѣкъ въ безполезныхъ волненьяхъ?
Идеалъ мой разбитъ... Хоть-бы мѣсяца лучъ
Мнѣ блеснулъ изъ за мрачныхъ, чернѣющихъ тучъ,
Освѣтилъ-бы меня на мгновенье...
Но все тотъ-же покой, тотъ-же сумракъ вдали,
И не знаетъ никто про тревоги мои,
Про тяжелую скорбь и мученья...

VIII.

Смотри, какая тишина,
Чарующій покой,
Какъ блещетъ блѣдная луна
Надъ сонною землей...

Иди! Тебя тамъ радость ждетъ,
Безъ горя, безъ тревогъ,
Тамъ безмятежно протечетъ
Рядъ счáстливыхъ годовъ;

Тамъ вѣчно юная весна,
Живи, люби и пей до дна
Ковши искристаго вина...
Иди, иди скорѣй!

* * *

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава XIV.

Заслышавъ на дворѣ колокольчикъ, генералъ проснулся и позвонилъ.

Вошелъ камердинеръ.

— Кто пріѣхалъ? спросилъ Сергѣй Александровичъ, вставивъ себѣ зубы въ ротъ.

— Петръ Петровичъ-съ, ваше превосходительство!

— Гдѣ онъ, мой голубчикъ?

— У генеральши... прикажете позвать-съ, ваше превосходительство-съ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не зови, пусть его поговоритъ съ генеральшей, онъ ей про покупки свои разсказываетъ, а это ей, моей крошкѣ, весело.. Да я и не одѣтъ; позови-ка Матрену, одѣньте меня... А вотъ одѣнусь и позовешь его, моего голубчика... ужь я только не говорилъ, а соскучился по немъ.

Старый камердинеръ и Матрена вдвоемъ принарядили генерала, перекатили на креслѣ въ кабинетъ и подали зеркало. Генералъ окончательно прихорошился и, отдавая зеркало, только хотѣлъ приказать позвать Котикова, какъ Петръ Петровичъ самъ вошелъ въ кабинетъ.

— А вотъ и онъ! Здравствуй, мой голубчикъ!

— Здравствуйте, ваше превосходительство, какъ ваше здоровье? подойдя и почтительно кланяясь генералу, сказалъ Котиковъ.

— Я все такъ-же, самъ-то здоровъ, а нога-то все плохо, къ погодѣ—такъ просто смерть... Ну, а ты, мой голубчикъ, какъ съѣздилъ?

— Очень хорошо, ваше превосходительство.

— Ну, и накупилъ все, что я тебя просилъ?

— Все купилъ, ваше превосходительство.

— А гдѣ-жь это все, мнѣ-бы поглядѣть хотѣлось.

— Я сейчасъ прикажу распаковать ящики.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ мой, прикажи ихъ сюда внести, пусть здѣсь ихъ откроютъ, я погляжу.

Петръ Петровичъ вышелъ отдать приказаніе внести ящики въ кабинетъ.

Въ это время Лёло вошла къ мужу.

— Душка моя!.. Милочка моя, поди, поди, сядь возлѣ меня... сейчасъ ящики съ приданымъ малютки принесутъ, мы глядѣть вмѣстѣ будемъ... Ты рада, крошка моя, ну, поцѣлуй меня!..

— Я очень рада, благодарю васъ, папочка.

— Да за что благодарить-то, развѣ и мнѣ самому это не радость... Развѣ амурчикъ-то не мой... Вѣдь у меня первый ребеночекъ будетъ... Ну, поцѣлуй-же меня, моя куколка...

Лёло вспыхнула, какъ зарево, и проворно поцѣловала мужа.

Вошелъ Петръ Петровичъ, отворилъ дверь на обѣ половины, и четыре человѣка внесли два ящика.

— Сюда, сюда! поближе ко мнѣ... приказалъ генералъ, надѣвая очки.

Люди поставили ящики у ногъ его и развязали веревки.

— Тутъ что́? спросилъ Сергѣй Александровичъ.

— Тутъ все бѣлье и приданое малютки, отколачивая крышку молоткомъ, отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

Генералъ пожалъ руку Лёло.

— А въ томъ что́? спросилъ опять съ любопытствомъ Сергѣй Александровичъ.

— Люлька, ваше превосходительство.

— Какъ люлька? Такая маленькая... сказала съ удивленіемъ Лёло.

— Она складная, Елена Михайловна.

— Ужь молчи, молчи, Лёлечикъ, онъ вѣдь у насъ кудесникъ, въ грецкомъ орѣхѣ люльку привезетъ, трясясь отъ смѣха, проговорилъ генералъ.

Петръ Петровичъ поднялъ крышку. Лёло не выдержала, вскочила и начала сбрасывать бумаги, которыми былъ заложенъ верхъ ящика.

— Ахъ, какая прелесть! вскрикнула она, вынимая перевязанную розовыми лентами дюжину батистовыхъ шитыхъ распашонокъ.

— Любашечки! Любашечки!.. Покажите-ка мнѣ, покажите! Вотъ какія онѣ больсія... зашепелявилъ генералъ, вытащивъ изъ пачки одну распашонку, взявъ ее за рукавчики и качая ее передъ собой.

— Папочка, какіе чепчики! открывъ небольшой картонъ, покраснѣвъ отъ радости, сказала Лёло.

— Позалуйте ихъ сюда, позалуйте... Вотъ мы какія... Пѣтушокъ-то на насъ какой махровый, голубенькій... Тюль-лю, тю-тю, тюль-лю, тютю!.. надѣвъ на руку маленькій чепчикъ и вертя руку передъ лицомъ своимъ, началъ напѣвать генералъ.

Котиковъ, чтобъ скрыть свой смѣхъ, наклонилъ голову въ ящикъ, началъ рыться въ немъ и передавать Лёло разныя вещи.

— Ахъ, какое одѣяло! вскрикнула опять Лёло, всплеснувъ руками отъ удивленія.

— Одѣяльце! Одѣяльце! Позалуйте его сюда... мяконькое какое, тепленькое... и птичка какая на срединѣ выстегана!

— Это мой вкусъ, ваше превосходительство: райская птица на нѣ-съ... проговорилъ Котиковъ и закусилъ усы.

Лёло взглянула ему прямо въ глаза и умерла со смѣху.

— Что-же ты смѣешься, дитя! Есть такой узоръ! я знаю... Это очень мило!.. Я очень доволенъ, голубчикъ, ты не обижайся... вѣдь мой Лёлечикъ совершенное дитя... стыдно, душка! стыдно! Поблагодарить надо Петра Петровича за хлопоты, а ты смѣешься... поблагодарите-же, дитя!..

Лёло, удерживаясь отъ хохоту, присѣла Котикову, но не могла выговорить ни слова. Петръ Петровичъ почтительно ей поклонился. Пересмотрѣвъ всѣ вещи въ первомъ ящикѣ, принялись и за другой.

— Ну-съ, теперь люлечку намъ покажите.

Петръ Петровичъ проворно разложилъ на полу отдѣльныя части желѣзной люльки и началъ ихъ свинчивать. Черезъ нѣсколько минутъ изящная люлька стояла передъ генераломъ. Котиковъ накинулъ на нее кисейный пологъ и подалъ Еленѣ Михайловнѣ маленькій розовый тюфячекъ и подушечку. Лёло заботливо вложила ихъ въ люльку.

— Подвиньте ее ко мнѣ поближе, попросилъ Сергѣй Александровичъ.

Котиковъ поднесъ люльку къ самому креслу.

— Вотъ и люлечка, вотъ она какая хорошенькая... а въ ней вотъ этакинькой амурчикъ будетъ кричать: «уа!.. уа!..», а Лёлечикъ будетъ его качать вотъ такъ: «бай, бай, ишъ, ишъ!..» качая люльку, бормоталъ, улыбаясь, генералъ.

— Не качайте, ваше превосходительство, пустую люльку... Есть примѣта, старые люди говорятъ: ребенокъ спать не будетъ, сказалъ Котиковъ пресерьёзно, дѣлая Лёло изъ-за полога уморительную рожу.

Лёло затряслась и закрылась платкомъ.

— Право?.. право?.. Такъ говорятъ?.. Я самъ что-то слыхалъ... пустую не надо качать... Ну, мы теперь полюбовались и довольно. Лёлечка, душка моя, вели-ка все прибрать хорошенько, до поры до времени.

— Я сейчасъ пришлю Матрену взять все, сказала Лёло, предовольная тѣмъ, что можетъ уйдти отъ мужа.

— А поблагодарить папочку развѣ не надо?.. остановилъ ее генералъ.

— Благодарю васъ, папочка!

— Ну, а его поблагодарить еще развѣ не надо?

Лёло глазами поблагодарила Петра Петровича и крѣпко пожала ему руку. Котиковъ благоговѣйно приложился къ бѣлой ручкѣ и генеральша вышла изъ кабинета.

— Ну, теперь поцѣлуй меня, мой милый!.. Угодилъ, ужь такъ угодилъ, что и сказать тебѣ не могу... Мнѣ, мой милый, подарить тебя за это хочется...

— Помилуйте, ваше превосходительство, я только исполнилъ свою обязанность, дарить меня не за что.

— Молчи!.. молчи!.. Ты скроменъ, какъ красная дѣвушка, я это знаю... И за это ты мнѣ и милъ. Помнишь, что́ я тебѣ сказалъ, когда ты нанимался ко мнѣ: «коли ты будешь хорошъ,— и я къ тебѣ буду хорошъ!» Ну, вотъ ты хорошъ и я къ тебѣ хорошъ!.. Подай-ка мнѣ черный кожанный ларчикъ, что на шифоньеркѣ стоитъ!

Котиковъ подалъ ларчикъ

— Ну, и ключи подай мнѣ!

Петръ Петровичъ подалъ ключи.

Старикъ открылъ ларчикъ, порылся въ немъ и вынулъ старинные эмалевые часы луковицей.

— Вотъ какъ я тебя люблю... Эта вещь семейная и я тебѣ ее дарю...

— Не знаю, какъ благодарить ваше превосходительство за милость вашу ко мнѣ?

— Да ты погоди!.. Посмотри прежде, что́ внутри-то, таинственно проговорилъ Сергѣй Александровичъ, заводя часы. — Смотри, смотри!.. сказалъ онъ, прижимая золотой гвоздикъ у ушка часовъ.

Котиковъ наклонился.

Въ часахъ сперва что-то зашипѣло, потомъ заиграла музыка и два золотые человѣка, кланяясь другъ другу, маленькими золотыми молоточками пробили двѣнадцать. Генералъ хохоталъ отъ души.

— Ну что, какова штука?.. Нравится? ну, носи ихъ, носи, не прячь...

Петръ Петровичъ разсыпался въ благодарности и съ подаркомъ въ рукѣ вышелъ отъ генерала. Весь переходъ изъ кабинета до маленькой диванной Котиковъ все пожималъ пружинку часовъ и подъ музыку и бой приплясывалъ по паркету.

Лёло съ удивленіемъ глядѣла на него въ дверь.

— Что съ тобой, Петя? Ты съ ума сошелъ?.. спросила она его, когда онъ подошелъ къ ней.

— Съ радости, ваше превосходительство. Подарокъ получилъ съ курантами, показывая луковицу, отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

— Отъ Сергѣя Александровича? Ахъ! какіе смѣшные часы.. Зачѣмъ онъ тебѣ ихъ подарилъ?..

— Изъ признательности, за люльку, а главное за то, что́ будетъ скоро въ люлькѣ.

— Ахъ, Петя, ради Бога, не шути ты этимъ, насъ Богъ накажетъ.

— Вы ханжите, ваше превосходительство! Кстати объ наказаніи.. Позвольте узнать, за что вы хотѣли наказать меня и разлюбить?.. У васъ давича было что-то на душѣ, нельзя-ли вамъ теперь высказаться?.. Извольте исповѣдываться, я васъ слушаю...

— Не шути, Петя... Давича я была въ такомъ страшномъ положеніи, что не зазвени твой колокольчикъ, я-бы отреклась отъ тебя, Петя.

— Колокольчикъ не пѣтелъ, это еще ничего... я прощаю! Да чѣмъ же я провинился?

— Не ты, Петя. Ахъ, еслибъ ты зналъ, какихъ ужасовъ мнѣ наговорила вчера Матрена, какую струшную ночь я провела, какія видѣла во снѣ страсти...

— И всѣхъ ихъ пришила къ дѣлу объ измѣнѣ... Естественно и натурально... Дальше!

— А поутру меня еще напугала Елизавета Никитишна, напугала меня мурашами.

— Мурашами? Вотъ это дѣло, такъ дѣло. Разскажите мнѣ, какая связь между вашею любовью ко мнѣ и мурашами... Это, должно быть, очень интересно...

— Ты смѣешься надо мной, Петя, какъ надъ дурой... Да ты послушай, я тебѣ все разскажу...

— Слушаю-съ! сажая Лёло къ себѣ на колѣни, сказалъ Котиковъ.

Лёло начала разсказъ съ Матрены и попорядку кончила его мурашами.

— Ну, да: за грѣхъ тамъ огнь вѣчный! коровы, Володинька, мураши, разрытая могила и за зло—зло! Все понимаю! Не любите меня... Насъ большіе люди вымоютъ большой мочалкой и насъ не будетъ... Ай, я боюсь!.. спрятавъ лицо на груди Лёло, запищалъ испуганнымъ голосомъ Петръ Петровичъ.

Лёло начала хохотать.

— Да вы не смѣйтесь, ваше превосходительство, отъ этого сна дурно можетъ случиться!

— Что это, Петя, не говори мнѣ вздору, я и такъ всего боюсь.

— Нельзя-же не предупредить тебя.

— Да что-же такое? полухмурясь, полуулыбаясь, спросила Лёло.

— А вотъ что, чего Боже сохрани, вы можете родить мальчика съ крылышками...

— Ахъ, Петя, какіе пустяки, ужь хоть бы ты ребенка-то оставилъ въ покоѣ...

— Да какъ мнѣ его оставить, вѣдь если онъ родится съ крылышками, я его не признаю... Пусть его будетъ тогда генеральскій сынъ!..

— Петя, да перестань, я тебя прошу!..

— Ахъ, ты, русская барыня, согрѣшила и пошла колокола лить...

Глава XV.

Опять по прежнему потекло время въ Дрёминѣ. Съ пріѣзда Петра Петровича, Лёло перестала скучать; онъ не давалъ ей задуматься ни на минуту: то заставлялъ ее играть на фортепьяно, то водилъ гулять по селу, приводилъ ей больныхъ на вылѣчку, а когда и принужденъ былъ отлучаться по дѣламъ, задавалъ ей на уроки работу поканвѣ. И Лёло торопилась окончить заданное къ его возвращенію. Плакать и грустить Лёло не было времени, она была здорова и весела.

Елизавета Никитишна и генералъ жили по прежнему. Болѣзнь Сергѣя Александровича то отдавала по немногу, такъ-что онъ могъ даже ходить, то скручивала его еще сильнѣе и опять усаживала въ кресло.

Такъ прошла весна, наступило лѣто; все ближе подвигалось время къ родамъ Лёло. Генералъ послалъ въ Москву за ученой бабушкой. Васькина жена, мамка Аксинья, въ ожиданьи барскаго питомца, была взята съ ребенкомъ въ домъ.

Лёло опять начала хандрить и задумываться. Часто забиралась она въ густую липовую бесѣдку и плакала тамъ, сколько душенькѣ хотѣлось. По ночамъ вставала она потихоньку молиться и писать посмертное завѣщаніе. Поутру это завѣщаніе обыкновенно разрывалось, а на слѣдующую ночь писалось другое. Во всѣхъ этихъ духовныхъ писалось слѣдующее: «когда вы прочтете это письмо, меня уже не будетъ... Молитесь о грѣшной душѣ моей! У Сергѣя Александровича прошу прощенія. Ребенка моего благословляю образомъ Божіей Матери и оставляю ему мой портретъ. Матрену прошу любить его, ходить за нимъ и беречь его... Прошу хоронить меня въ простомъ деревянномъ гробѣ и поставить надъ могилой моей простой деревянный крестъ. Платье мое, бѣлье прошу раздать дѣвушкамъ и бѣднымъ и прошу ихъ молиться обо мнѣ...»

Дальше Лёло никогда не дописывала, она такъ ясно начинала видѣть себя въ деревянномъ гробѣ и ей такъ становилось жаль себя, что она вскакивала изъ-за стола, прятала закапанное слезами завѣщаніе подъ подушку и, рыдая, кидалась на постель.

Кромѣ этихъ духовныхъ завѣщаній, Лёло, на случай смерти, носила на груди запечатанное письмо къ Петру Петровичу, въ надеждѣ передать его ему въ послѣднія минуты жизни. Петръ Петровичъ замѣчалъ печальное настроеніе духа Лёло и, приписывая его ея положенію, оставлялъ ее въ покоѣ и не смѣшилъ ее по прежнему. А генералъ просто боялся пошевелиться, чтобы не разстроить жену. Вначалѣ августа пріѣхала бабушка изъ Москвы. Сергѣй Александровичъ представилъ ее къ Лёло. Нѣмка не отходила отъ нея ни на шагъ и генералъ сталъ поспокойнѣе.

— Амалія Карловна, голубушка, скажите мнѣ правду, я умру? спрашивала всякій день Лёло у бабушки, гуляя съ ней по саду.

— И полноте, сударинь мой! Не вы первой, не вы послѣдній, никто не умиралъ, зачѣмъ вы будете умирать! Это все одно глупство! утѣшала Лёло всякій разъ однимъ маперомъ нѣмка.

Генералъ, взволнованный ожиданіемъ и страхомъ за жену, сильно прихворнулъ и пересталъ ходить, но не смотря на опухоль и боль въ ногѣ, приказывалъ возить себя по пятамъ Лёло и не оставлялъ ее въ покоѣ ни на минуту. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, въ домѣ забѣгали женщины... Петръ Петровичъ, блѣдный, какъ смерть, но твердый и спокойный, ходилъ взадъ и впередъ по большой гостиной. Возлѣ, въ спальнѣ, было совершенно тихо, только генералъ кашлялъ, стоналъ и сморкался каждую минуту. Вдругъ изъ дверей спальни выглянула бабушка: увидавъ Котикова, вошла въ гостиную и притворила за собой дверь.

— Что вамъ нужно? спросилъ Котиковъ.

— Мнѣ ничего не нужно, государь мой. Только не можете-ли вы взять генералинъ изъ спальна... Онъ совсѣмъ руки завязываетъ... Ничего еще нѣтъ, а онъ реветъ, какъ коровъ какой-нибудь... онъ можно такъ испугать генеральшъ! шопотомъ проговорила Амалія Карловна

— Да какъ-же я-то возьму его? Мнѣ нельзя войти въ спальню...

— Отчего нельзя, государь мой? Генеральшъ совсѣмъ одѣтъ, ходитъ... Надо-же кому-нибудь дѣло дѣлайть, когда генералинъ никого не слушитъ... Самъ генеральшъ васъ проситъ взять генералинъ...

Котиковъ на цыпочкахъ пошелъ въ спальню. Лёло издали ему улыбнулась. Петръ Петровичъ подошелъ къ Сергѣю Александровичу и тихо сказалъ ему:

— Ваше превосходительство, напрасно вы сидите здѣсь, вы только разстраиваете себя...

— Ахъ! это ты, мой голубчикъ! Зачѣмъ ты пришелъ сюда, сюда нельзя... Что тебѣ надо? отирая слезы и кашляя, спросилъ генералъ.

— Я за вами пришелъ, ваше превосходительство, вы такъ разстроиваетесь, я боюсь, чтобъ вы не захворали. Не лучше-ли вамъ приказать себя выкатить въ гостиную, вы и оттуда все будете слышать.

— Нѣтъ, нѣтъ, Я не хочу... Я здѣсь буду, здѣсь буду...

— Ваше превосходительство, вы все плачете; это можетъ испугать генеральшу.

— Я не буду плакать! я не буду! громко всхлипывая, проговорилъ Сергѣй Александровичъ.

— Здѣсь нельзя плакать, вы бѣда хотѣлъ надѣлать; катай его вонъ! сердито сказала бабка.

— Матрена, Аннушка, выкатите генерала въ гостиную! строго приказалъ Котиковъ.

Амалія Карловна растворила двери и обѣ дѣвушки покатили барина въ гостиную.

Въ это время Петръ Петровичъ проворно подбѣжалъ къ Лёло.

— Ты страдаешь, мой ангелъ? шепнулъ онъ ей, цѣлуя ея руку.

— Ничего, я такъ счастлива, отвѣтила ему Лёло, прижимая къ себѣ его голову.

Не успѣли дѣвушки докатить кресло Сергѣя Александровича на мѣсто, какъ Котиковъ очутился уже подлѣ него.

Тяжкій денекъ выдался Петру Петровичу.

У самаго у него скребли на сердцѣ кошки, а ему пришлось возиться съ генераломъ. Опомнившись отъ насильственнаго похищенія изъ спальни жены, Сергѣй Александровичъ началъ съ того, что разсердился не на шутку и, захлебываясь и брызгая во всѣ стороны, сталъ требовать, чтобы его сію-же минуту отвезли обратно въ спальню. Но Петръ Петровичъ, не смутясь ни мало гнѣвомъ генерала, тихо и спокойно извинился передъ нимъ и объяснилъ ему, что его растроенный видъ и слезы только усиливали страданія генеральши и что отъ этого могло произойдти большое несчастіе. Сергѣй Александровичъ тотчасъ-же притихъ, сперва простилъ Котикову его дерзость, потомъ самъ сталъ извиняться передъ нимъ, потомъ благодарилъ за то, что онъ удержалъ его, и кончилъ тѣмъ, что опять началъ плакать и сморкаться.

Напрасно Петръ Петровичъ утѣшалъ генерала, упрашивалъ его скушать что нибудь, чтобы подкрѣпиться, Сергѣй Александровичъ не согласился даже выпить чашку бульона. Въ спальнѣ все было тихо по прежнему, изрѣдка только раздавался какой нибудь возгласъ Амальи Карловны, а Лёло совсѣмъ не было слышно, точно ее въ спальнѣ не было. Это молчаніе сильно тревожило Петра Петровича, а подойдти поближе къ двери и послушать при генералѣ онъ не могъ. Такъ прошелъ почти весь день. Часовъ въ шесть вечера утомленный Сергѣй Александровичъ какъ-то незамѣтно заснулъ. Котиковъ вздохнулъ свободнѣе и тотчасъ-же тихо подошелъ къ дверямъ спальни. Не успѣлъ онъ приложить ухо къ двери, какъ за ней раздался крикъ ребенка. Петръ Петровичъ молча перекрестился и опять началъ прислушиваться:

— Господи, благодарю тебя! весело проговорилъ знакомый ему голосъ и его тотчасъ-же покрылъ басъ Амаліи Карловны.

— Сударинь мой, не говорилъ!..

Черезъ нѣсколько минутъ бабушка отворила дверь, торжественно вошла въ гостиную и крикнула:

— Поздравляй, принцъ родилъ, принцъ!

— Что? Что она говоритъ? спросилъ, проснувшись, генералъ

— У вашего превосходительства родился сынъ! передалъ, почтительно кланяясь, Петръ Петровичъ.

— Сынъ! Сынъ! могъ только выговорить Сергѣй Александровичъ и Котикову пришлось его отпаивать водой.

Придя въ себя, генералъ, не слушая никакихъ увѣщаній, началъ настоятельно требовать, чтобъ его везли сейчасъ-же къ женѣ и ребенку. Но на это долго не выходило позволенія Амаліи Карловны. Только въ восемь часовъ вкатили счастливаго отца въ спальню. Петръ Петровичъ остался въ гостиной.

Въѣхавъ въ спальню, генералъ отъ боязни разстроить жену поздравилъ ее, только шевеля губами, а не голосомъ. Матрена и бабушка подняли его поцѣловать Лёло. Не смотря на эту предосторожность Сѣргѣя Александровича, Лёло была въ волненіи, ей, видимо, хотѣлось сказать что-то, но она себя удерживала. Генералъ, не замѣчая этого, проливалъ сладостныя слезы на ребенка, котораго Амалія Карловна положила къ нему на колѣни.

Вдругъ Лёло громко сказала:

— Позовите ко мнѣ управляющаго!

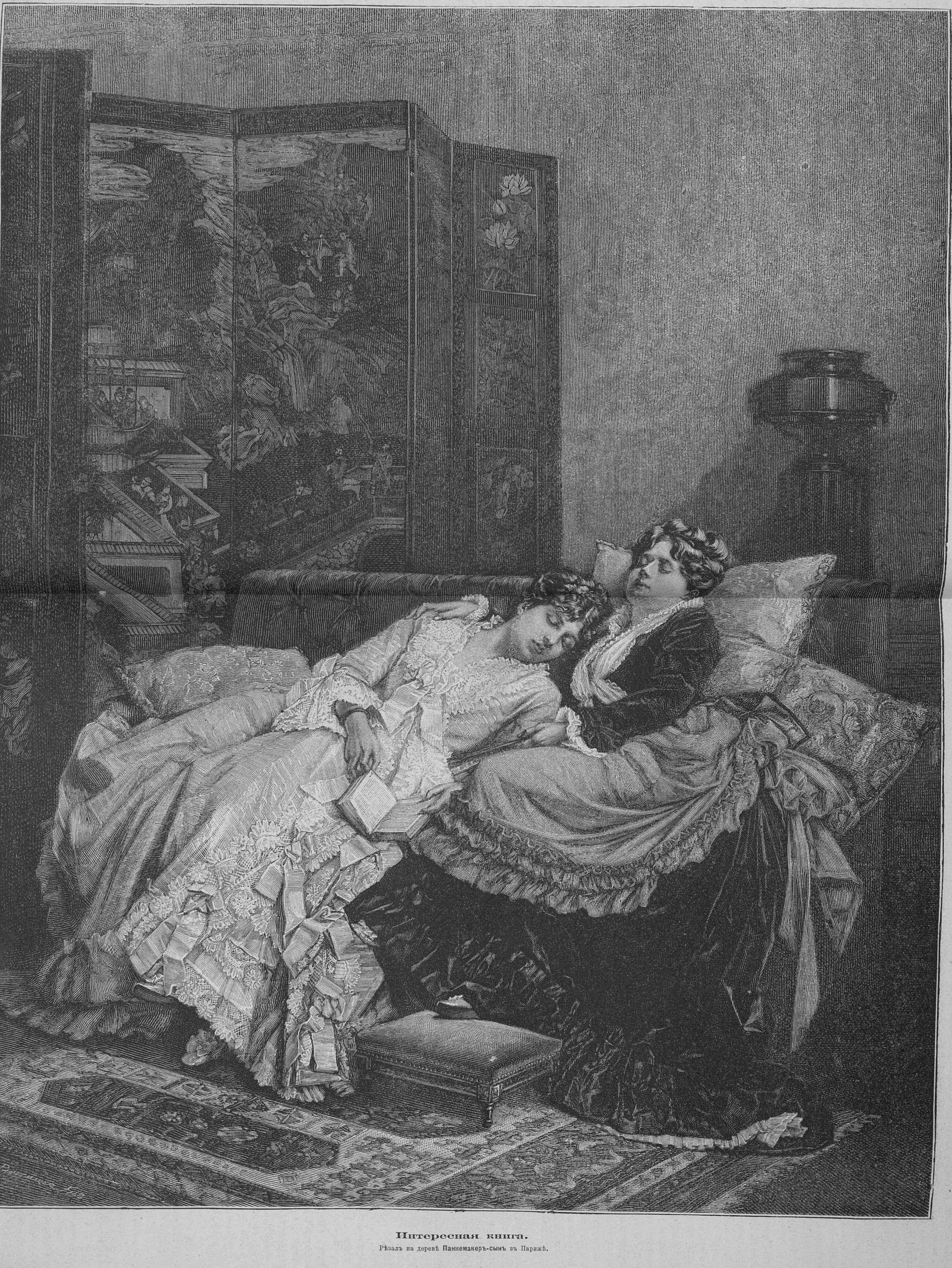
— Шшъ! шшъ! что ты! крошка моя, не говори!.. испугавшись, прошепталъ генералъ.

— Онъ мнѣ нуженъ! опять громко сказала Лёло.

— Ничего, можно позвать, досадилъ ей те-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ТУЛЬМУША.



Интересная книга.

Рѣзалъ на деревѣ **Паннемакеръ-сынъ** въ Парижѣ.

перь не надо. Сейчасъ, сударинь мой, я позовилъ, проговорила бабушка и сію-же минуту, отворивъ дверь, кликнула Котикова.

— Поздравляю съ новорожденнымъ, ваше превосходительство! тихо проговорилъ Петръ Петровичъ, кланяясь издали Лёло.

— Поздравьте меня хорошенько! Чего вы меня боитесь? Я не умираю, поцѣлуйте мою руку!..

— Подойди! подойди, голубчикъ! Не противорѣчь! сидя, какъ на иголкахъ, едва слышно проговорилъ генералъ.

— Отъ души поздравляю васъ, ваше превосходительство, подойдя къ кровати и крѣпко поцѣловавъ протянутую ему руку, сказалъ Котиковъ.

— У насъ сынъ! прошептала ему Лёло.

— Будь скокойна... прошепталъ Котиковъ.

— Петръ Петровичъ, потрудитесь свинтить люльку и приказать внести ее сюда, громко сказала Лёло.

— Дитя! Вотъ она зачѣмъ звала?.. дитяшко моя! Ступай скорѣй! Не противорѣчь.

— Люлька еще поспѣетъ, мамка надо сюда позвать, да попъ завтра утра молитву давать.

— Да, да, голубчикъ мой, распорядись, подтвердилъ Петру Петровичу генералъ.

Котиковъ поклонился и вышелъ.

Скоро утомленный чувствами, Сергѣй Александровичъ опять уснулъ въ креслѣ и бабушка опять изгнала его изъ спальни. На другой день, передъ приходомъ священника, Амалья Карловна спросила у Лёло:

— А какъ, сударинь мой, вы хотѣли назвать маленькій?

— Я не знаю, задумавшись, отвѣтила Лёло.

Она давно мечтала, если у нея родится сынъ, назвать его Петромъ, но она знала, что это невозможно, а какъ назвать ребенка другимъ именемъ, не могла рѣшиться безъ Петра Петровича.

— Можетъ-быть, сударинь мой, вы хотѣлъ спросить у кого-нибудь? вкрадчиво спросила Амалія Карловна, глядя въ глаза Лёло.

Лёло покраснѣла.

— Нѣтъ! Дайте мнѣ кусочекъ бумажки и карандашъ; я загадаю.

— Извольте, сударинь мой, я васъ балуй! сказала нѣмка и подала кусочекъ бумаги и карандашъ.

Лёло оторвала два билетика, на одномъ написала: «какъ назвать?» а другой оставила пустой и свернула ихъ оба въ трубочки.

— Амалія Карловна, я слышу въ гостиной ходитъ Петръ Петровичъ, я написала имена, снесите ему; пусть онъ выберетъ одинъ билетикъ и принесите его ко мнѣ.

— Хорошо, сударинь мой, сейчасъ, отвѣтила услужливая нѣмка и скрылась въ дверяхъ гостиной.

Черезъ минуту она вернулась и подала Еленѣ Михайловнѣ одинъ свернутый билетикъ. Лёло проворно развернула его, на немъ карандашемъ было написано: «Сергѣемъ!»

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова.**

(*Продолженіе.*)

X.

Нечистая сила.

Духъ тьмы, чернобогъ, чортъ—мужикъ бѣдовый; стоитъ лишь произнесть имя его, какъ онъ ужь тутъ, поэтому его, большею частью, называютъ не именемъ, а неопредѣленно—онъ. Черти съ ихъ чертовками и чертенятами состоятъ подъ властью Сатаны, въ которомъ несомнѣнно замѣтны черты древняго Чернобога, и въ народѣ до сихъ поръ ходятъ сказанія, варьирующія слѣдующую древнюю легенду. До созданія міра сидѣлъ Господь Саваофъ въ трехъ каморахъ на воздусѣхъ и былъ свѣтъ отъ лица его семьдесятъ седьмерицею свѣтлѣе свѣта сего, ризы его были бѣлѣе снѣгу, свѣтозарнѣе солнца. Не было тогда ни неба, ни земли, ни моря, ни облаковъ, ни звѣздъ, ни зари, не было ни дней, ни ночей. И рече Господь: буди небо хрустальное и буди заря, и облаки, и звѣзды. И вѣтры дунулъ изъ нѣдръ своихъ, и рай насадилъ на востоцѣ, и самъ Господь возсѣлъ на востоцѣ въ лѣпотѣ славы своея, а громъ — гласъ господенъ, въ колесницѣ огненной утвержденъ, а молнія — слово господне, изъ устъ божіихъ исходитъ. Потомъ создалъ Господь море Тиверіадское, безбрежное, «и сниде на море по воздуху... и видѣ на морѣ гоголя плавающа, а той есть рекомый сатана — заплелся въ тинѣ морской. И рече Господь сатанаилу, аки не вѣдая его: ты кто еси за человѣкъ? И рече ему сатана: азъ есмь богъ. — А мене како нарещи? Отвѣчавъ-же сатана: ты богъ богомъ и господь господемъ. Аще бы сатана не рекъ Господу такъ, тутъ-же бы сокрушилъ его Господь на морѣ Тиверіадскомъ. И рече Господь сатанаилу: понырни въ море и вынеси мнѣ песку и кремень. И взявъ Господь песку и камень и разсѣяся (песокъ) по морю глаголя: буди земля толста и пространна!» Затѣмъ взялъ Господь камень, преломилъ надвое, и изъ одной половины отъ ударовъ божьего жезла вылетѣли духи чистые; изъ другой-же половины набилъ сатана безчисленную силу бѣсовскую. Но Михаилъ-архангелъ низвергъ его со всѣми бѣсами съ высокаго неба. Разсѣявшись по землѣ, черти сдѣлались виновниками всякаго зла, морозовъ, бурь, болѣзней, пороковъ. Стихійное значеніе ихъ, какъ представителей холода, бурь, смерти, обнаруживается многими обрядами и суевѣріями. Они особенно сильно начинаютъ бѣдокурить съ наступленіемъ зимы и оттого-то наканунѣ крещенья крестьяне на всѣхъ окнахъ и дверяхъ выжигаютъ огнемъ или чертятъ мѣломъ кресты, чтобы отогнать назойливыхъ чертей. Темные весенніе дни происходятъ отъ добрыхъ, а холодные отъ злыхъ духовъ, которые зимою появляются на бѣлый свѣтъ, бѣгаютъ по полямъ и отъ холода дуютъ себѣ въ кулаки, отчего поднимаются вьюги и мятели. Вихри происходятъ тоже отъ чертей, празднующихъ свои свадьбы, и если въ вихорь бросить освященный ножъ, то можно имъ пригвоздить чорта къ землѣ. Вѣтви дерева, завитыя вихремъ, называются чортовымъ гнѣздомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сломанныхъ бурею деревьевъ не употребляютъ на постройки, такъ какъ они повалены чертями. Въ подольскомъ уѣздѣ даже стараются не произносить слово вѣтеръ, потому что такъ называется тамъ чортъ, а въ заговорахъ произносится заклятіе противъ «чорта—страшнаго вихря буйнаго». Черти народъ развеселый и не упускаютъ случая соблазнить человѣка на грѣховное веселье. О св. Федосіи разсказывается, что онъ слышалъ «гласъ вопля великаго въ пещерѣ отъ множества бѣсовъ, аки нѣкіимъ на колесницахъ ѣздящымъ, другимъ-же въ тимпаны біющымъ, и инымъ въ сопѣли играющымъ, и тако всѣмъ кличущымъ, яко трястися пещерѣ» Въ житіи св. Исакія разсказано явленіе къ нему бѣсовъ въ видѣ прекрасныхъ юношей, «ихъ-же лица бяху аки солнце»: «ударища (бѣсы) въ сопѣли, тимпаны и гусли, Исакія-же поемше, начаша съ нимъ скакати и плясати на многъ часъ, и утрудивше его, оставиша еле жива суща, и тако поругавшеся ему исчезоша». Въ одномъ старинномъ рукописномъ сборникѣ читаемъ: «умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви и, собравъ бѣси, преобрази въ человѣки, и идяше въ сборѣ велицѣ упестренѣ въ градъ и вси біяху въ бубны, друзіи въ козицы и въ свирѣли... Мнози-же оставивши церковь и на позоры бѣсомъ течаху». Прозорливые иноки видѣли, какъ лукавые бѣсы невидимо били христіанъ желѣзными палицами, отгоняя ихъ отъ храма къ играмъ. Въ старину вѣрили, что подъ видомъ гусляровъ и скомороховъ ходили черти. На Украйнѣ разсказываютъ о чортѣ, который въ видѣ нѣмца, во фракѣ и шляпѣ, съ козлиными ногами, съ острой бородой и рогами, верхомъ на козлѣ выѣзжаетъ на майданъ *) и наигрываетъ на дудкѣ казачка, а кругомъ него пляшутъ деревья и пни. Недаромъ-же старинные книжники такъ вооружались противъ бѣсовскихъ игрищъ, пѣсенъ и пляски: «Многовертимое плясаніе отлучаетъ человѣка отъ Бога и во дно адово влечетъ. Плящущи убо жена невѣста нарицается сатанина, любодѣица діяволя, супруга бѣсова; не токмо сама будетъ пляшущая сведена во дно адово, но и ти, иже съ любовію позоруютъ и въ сластѣхъ раздвизаются на ню съ похотію... Пляшущія бо жена многимъ мужемъ жена есть; тою діяволъ многыхъ прельститъ во снѣ и на свѣ (яву). Вси любящія плясаніе со Иродіею въ негасимый огнь осудятся. Грѣшно бо есть и скверно, и скаредно своему мужу совокуплятися съ таковою женою... Того, братіе и сестры, блюдитеся и не любите беззаконныхъ игоръ бѣсовскихъ, паче-же удаляйтеся плясанія, да не злѣ въ муку вѣчную осуждени будете». Въ духовномъ стихѣ грѣшная душа кается въ аду, что—

Надъ всякія игры много плясывала,
Самого сатану воспотѣшила.

Въ лубочныхъ картинахъ представляется сцена, какъ «рече Сатана (грѣшнику): «любилъ еси въ мірѣ различныя потѣхи, игры; приведите ему трубачей. Бѣси-же начаша ему во уши трубить въ трубы огненныя, тогда изъ ушей, изъ очей, изъ ноздрей пройде сквозь пламень огненный». Не на одну пляску соблазняетъ чортъ, но и на воровство, и на блудъ, и на всякій грѣхъ. Въ старинной повѣсти разсказывается объ одной священнической дочери, что въ первую ночь брака, когда мужъ вышелъ, не осѣнивъ дверей крестомъ, сю завладѣли черти. Они таскали ее въ болото, терзали и мучили, она беременѣла отъ нихъ и рождала чудовищъ, пока не исцѣлилась чудомъ. У чорта есть хвостъ, копыта, козлиная борода и рога, но онъ можетъ оборачиваться во что угодно. Съ наступленіемъ весны черти утихаютъ и, убираясь въ адъ передъ пасхальной заутреней, стараются передъ тѣмъ надѣлать какъ можно болѣе зла, откуда и поговорка: «вертится, какъ бѣсъ передъ заутреней».

XI.

Знахарь и вѣдьма.

Чтобы имѣть сношеніе съ духами, нужно многое знать, вѣдать, откуда и происходятъ названія знахарь, вѣдунъ, вѣдьма. Древними кудесниками, жрецами, вѣщими людьми были обыкновенно родовые старѣйшины, отчего народъ и считаетъ колдунами почти исключительно стариковъ и старухъ. Колдуны и вѣдьмы знаютъ волшебныя и цѣлебныя свойства травъ, которыя они сбираютъ въ поляхъ и лѣсахъ, почему и называются по мѣстамъ колдунъ-травовѣдъ, а знахарка—травница, кореньщица. Отъ употребляемыхъ ими заговоровъ и заклятій они называются еще шептунъ и шептуха. Кромѣ травъ и заговоровъ колдуны въ старину дѣйствовали еще узлами, наузами, которыми завязывали болѣзни и предохраняли отъ всякаго зла. Въ старину узлы навязывали, напр., на оружіе и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противнаго оружія, какъ это видно изъ стариннаго заговора: «завяжу я по 5 узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на пищаляхъ, на лукахъ и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, спутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія: въ моихъ узлахъ сила могуча!» На этомъ основаніи вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ завязывать чужое оружіе, что ихъ самихъ не брали ни пули, ни сабли. Такое мнѣніе существовало и сохранилось въ преданіи о Стенькѣ Разинѣ. Наузы давались отъ вліянія злыхъ чародѣевъ и отъ зломыслія враговъ вообще, какъ видно изъ заклятій: «завяжи, Господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ, и упирцу, на раба Божія (такого-то) зла не мыслити отъ чернеца или черницы, отъ красной дѣвицы, отъ бѣловолосаго, отъ черноволосаго, отъ рыжеватаго, отъ русоволосаго, отъ одноглазаго, разноглазаго и упирца». Эти наузы употребляются и нынѣ. Садившаго въ печь свадебный каравай подвязываютъ утиральникомъ и садятъ на покутье, чтобы каравай не расползся. Чтобы ребенокъ началъ скорѣе ходить, разрѣзываютъ ножемъ между ногъ связывающія ихъ невидимыя путы. По мѣстамъ, наряжая невѣсту къ вѣнцу, въ предохраненіе отъ чаръ накидываютъ на нее рыболовную сѣть или, навязавъ на длинной ниткѣ множество узелковъ, подвязываютъ ею невѣсту. Женихъ и всѣ поѣзжане тоже подпоясываются вязаными поясами. Если рука вывихнута или болитъ, то ее слѣдуетъ обвязать красною пряжею.

---

*) Мѣсто, гдѣ гонятъ деготь.

Колдунъ и знахарка насылаютъ и лечатъ болѣзни, околдовываютъ и предохраняютъ отъ чаръ, съ особыми обрядами опахиваютъ поля, прогоняютъ съ пашни пожирающихъ хлѣбъ червей и т. д. На свадьбѣ колдунъ необходимое лицо для отгонанія чаръ отъ молодыхъ и поѣзжанъ. Онъ ѣдетъ впереди поѣзда, озираясь по сторонамъ и нашептывая свои заклятія. Колдунъ и знахарка также ворожатъ, предсказываютъ будущее, указываютъ, какъ найдти украденное или потерянное, даютъ совѣты отъ тоски и въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Они умѣютъ отводить глаза, морочить людей, отчего на Украйнѣ вѣдьма называется морой, а слово заморока означаетъ и колдунью, и ночную тьму. Ходитъ много разсказовъ, какъ разложили колдуна или колдунью сѣчь плетьми, но они не чувствуютъ никакой боли, потому что хотя всѣмъ и кажется, что плеть бьетъ по тѣлу, на самомъ-же дѣлѣ бьетъ по землѣ или бревну. Колдуны также производятъ миражи, марево, и могутъ распоряжаться дождемъ и градомъ. Жилъ одинъ колдунъ въ Малороссіи; бывало, во время страды, идетъ дождевая туча, всѣ начнутъ торопливо складывать снопы и убираться домой, а онъ и усомъ не поведетъ. «Не будетъ дождя», скажетъ онъ — и туча пройдетъ мимо. Разъ какъ-то собралась страшная гроза, все небо почернѣло; но знахарь объявилъ, что дождя не будетъ, и продолжалъ работать на своей нивѣ. Вдругъ, откуда ни взялся, скачетъ къ нему черный человѣкъ на черномъ конѣ: «пусти!» умоляетъ онъ знахаря. — «Ни, не пущу! отвѣчаетъ тотъ; — було не набирать такъ богато!» Черный ѣздокъ исчезъ; тучи посизѣли, поблѣднѣли и мужики стали ожидать граду. Несется къ знахарю другой ѣздокъ — весь бѣлый и на бѣломъ конѣ: «пусти, сдѣлай милость!» — Не пущу! — «Эй пусти; не выдержу!» Знахарь приподнялъ голову и сказалъ: «ну, вже ступай, да тилько у той байракъ, що за нивою». И вслѣдъ затѣмъ градъ зашумѣлъ по байраку. Вѣдьмы скрадываютъ съ неба дождь и росу, унося ихъ къ себѣ домой въ завязанныхъ кринкахъ или мѣшкахъ. Однажды вѣдьма украла дождь и все лѣто стояла страшная засуха. Разъ она ушла въ поле, оставивъ дома работницу и строго наказавъ ей не трогать горшка, стоявшаго подъ покутомъ. Но любознательная батрачка достала горшокъ и, развязавъ его, услышала выходившій изъ него голосъ: «вотъ будетъ дождь! вотъ будетъ дождь!» Испуганная наймичка выскочила въ сѣни, а дождь уже льется, словно изъ ведра! Скоро прибѣжала хозяйка, бросилась къ горшку, накрыла его и дождь пересталъ; послѣ того принялась бранить наймичку: «если-бъ еще немного оставался горшокъ непокрытымъ, сказала она, — то затопило бы всю деревню!» Колдуны и вѣдьмы летаютъ на вѣтрѣ и существуетъ еще повѣрье, что на Благовѣщенье, когда повѣетъ весна, черти провѣтриваютъ колдуновъ, поднимая ихъ на воздухъ и держа головою внизъ. Работалъ въ полѣ мужикъ, смотритъ — на него летитъ вихорь; мужикъ, выхвативъ изъ за пояса топоръ, бросилъ имъ въ вихорь; топоръ врѣзался въ вихорь, словно въ дерево, и улетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Черезъ нѣсколько времени мужику довелось зайдти въ чужой деревнѣ въ какую-то избу, въ которой ему сказали, что хозяинъ боленъ, ранилъ себя топоромъ въ полѣ. Но мужикъ, увидѣвъ подъ лавкою свой топоръ, понялъ, что хозяинъ, раненый имъ въ вихрѣ, колдунъ, и подобру-по-здорову поспѣшилъ убраться. Чтобы напугать человѣка, вѣдьма мчится на него пыльнымъ столбомъ, и если въ нее бросить ножъ, то можно ранить вѣдьму и ножъ упадетъ на землю окровавленнымъ. Такъ какъ вѣдьмы производятъ бури, то, понятно, почему ни одна баба не должна присутствовать при отправленіи рыбаковъ въ море. Вѣдьмы еще скрадываютъ съ неба мѣсяцъ и звѣзды и держатъ ихъ въ глубокихъ погребахъ въ горшкахъ и кувшинахъ. О падающихъ звѣздахъ малоросы говорятъ, что ихъ уносятъ вѣдьмы. Въ одномъ селѣ жила цѣлая 1000 вѣдьмъ и онѣ всѣ воровали звѣзды, такъ что Богъ, наконецъ, послалъ св. Андрея, который ударилъ своею палицею, и все село провалилось, а на его мѣстѣ очутилось болото. Въ одномъ причитаньѣ о вѣдьмѣ говорится —

Красная дѣвица
По бору ходила,
Болесть говорила,
Травы собирала,
Корни вырывала,
Мѣсяцъ скрала,
Солнце съѣла.
Чуръ ее колдунью,
Чуръ ее вѣдунью!

Прежде, чѣмъ летѣть по воздуху, вѣдьма обрызгиваетъ себя водой, вскипяченной съ пепломъ купальскаго костра или смазывается отваромъ травы терличь и затѣмъ быстро вылетаетъ въ трубу. Вѣдьмы и баба-яга летаютъ также въ желѣзной ступѣ, погоняя пестомъ или клюкою и заметая свой слѣдъ помеломъ, причемъ стонетъ земля, свищутъ вѣтры, голосятъ черти. Чтобы призвать къ себѣ кого-нибудь издалека, вѣдьма варитъ траву терличь, и какъ только вода закипитъ, призываемый взвивается кверху и летитъ. Чаще всего вѣдьмы призываютъ такимъ образомъ къ себѣ своихъ любовниковъ. Тотъ же результатъ получается, если вѣдьма начнетъ жечь на огнѣ чьи-нибудь волосы. Вѣдьмы летаютъ также на метлахъ, съ распущенными волосами, въ бѣлыхъ неподпоясанныхъ рубашкахъ. Главнымъ пунктомъ вѣдовскихъ собраній служитъ Лысая Гора подъ Кіевомъ, а въ сѣверной Россіи Городище, около старой Ладоги. Главныя собранія ихъ бываютъ 26 декабря, когда вѣдьмы слетаются на Лысую Гору со всего свѣта на шабашъ; 1 января, когда онѣ заводятъ ночныя гулянки съ чертями; 18 января, когда отъ продолжительныхъ гулянокъ онѣ теряютъ память; на Юрьевъ день и Ивана Купала, когда онѣ собираютъ волшебныя травы, варятъ змѣй, лягушекъ и ящерицъ, совѣщаются на пагубу людей и творятъ съ чертями всякія мерзости на Лысой Горѣ —

на той горѣ
Кипятъ котлы, поютъ, играютъ,
Свистятъ и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

Эти стихи Пушкина («Гусаръ») взяты имъ изъ народной легенды. Одинъ солдатъ ночью на Ивановъ день подсмотрѣлъ, какъ улетѣла въ трубу его хозяйка; солдатъ вздумалъ повторить тоже, что дѣлала вѣдьма: онъ сѣлъ въ ступу, помазалъ себѣ подъ мышками волшебной мазью — и вдругъ вмѣстѣ со ступою взвился въ дымовую трубу и съ шумомъ понесся по поднебесью. Летитъ солдатъ, самъ не вѣдая куда, и только покрикиваетъ на встрѣчныя звѣзды, чтобы сторонились съ дороги. Наконецъ, опустился на Лысую Гору: тамъ играютъ и пляшутъ вѣдьмы, черти и разныя чудовища; со всѣхъ сторонъ раздаются ихъ дикіе клики и пѣсни. Испуганный солдатъ сталъ поодаль — подъ тѣнистымъ деревомъ; въ туже минуту явилась передъ нимъ его хозяйка: «ты зачѣмъ? молвила она; — скорѣе назадъ, если тебѣ жизнь дорога! Какъ только завидятъ наши, сейчасъ тебя задушатъ. Вотъ тебѣ славный конь, садись и утекай!» Солдатъ вскочилъ на коня и вихремъ пустился домой. Пріѣхалъ, привязалъ коня къ яслямъ и залегъ спать; на утро проснулся, пошелъ въ конюшню, глядитъ — а вмѣсто коня привязано полѣно. Несомнѣнно, что представленіе объ этихъ любовныхъ и волшебныхъ шабашахъ возникло отъ древнихъ игрищъ любви, праздника Ярилы и т. д.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Глава V.

Свиданіе Матье де-Тальи съ Орели.

Въ прекрасную лѣтнюю ночь, довольно свѣтлую и освѣжаемую мягкимъ вѣтеркомъ, который колебалъ листву на высокихъ деревьяхъ въ саду убѣжища Кающейся-Магдалины, часу въ двѣнадцатомъ, Матье де-Тальи вышелъ изъ своего экипажа на площади Обсерваторіи. Онъ велѣлъ кучеру дожидаться, а самъ пошелъ пѣшкомъ къ краю улицы Фельянтинокъ. Не заботясь о томъ, видятъ-ли его, онъ шелъ вдоль каменной ограды, отъ времени до времени останавливаясь и отыскивая калитку.

— Странно! Онъ такъ ясно сказалъ, что дверь находится почти у края ограды... Не съ той-ли стороны?

Онъ воротился и, отыскавъ калитку, долго не могъ отпереть; очевидно было, что въ эту калитку рѣдко входили. Едва успѣлъ онъ войдти и тихо притворить за собою дверь, какъ почувствовалъ, что его взяли за руку. Обернувшись, онъ смутно разглядѣлъ въ потьмахъ женскую фигуру и позволилъ ей вести себя.

— Пойдемте, сказала женщина, — не бойтесь ничего.

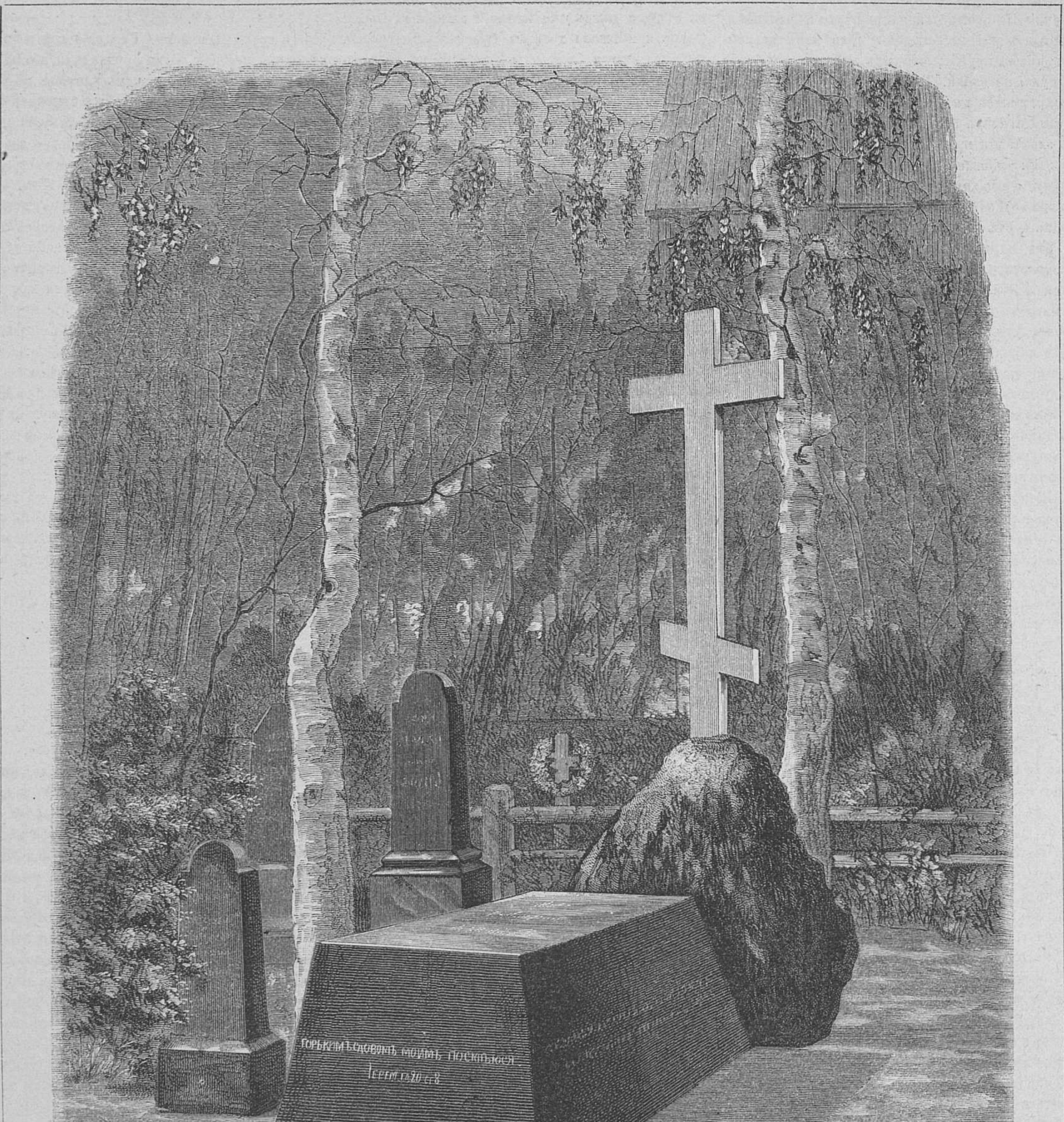
Президентъ удивился, услыхавъ незнакомый голосъ. Они шли нѣсколько минутъ; наконецъ, путеводительница его остановилась и, указавъ на темную чащу зелени, отпустила его руку.

— Подите туда, она ждетъ васъ тамъ. Я буду сторожить.

Удивленный президентъ повиновался указанію; онъ вошелъ въ чащу зелени и тотчасъ почувствовалъ, что его взяли за руку. Хорошо знакомый голосъ Орели тихо сказалъ надъ его ухомъ:

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ Г. МАТВѢЕВА.

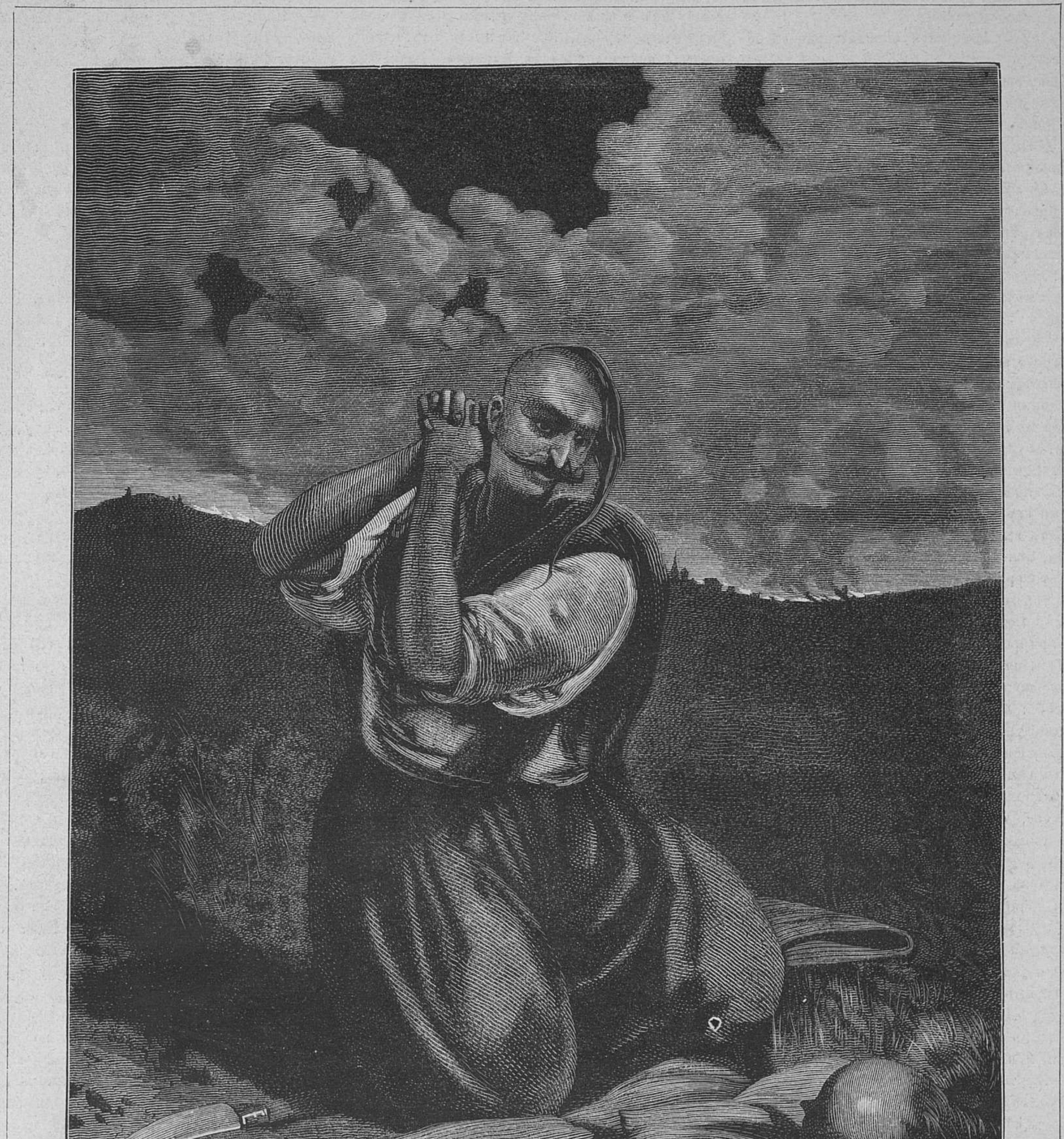

ГОРЬКИМЪ СЛОВОМЪ МОИМЪ ПОСМѢЮСЯ
ІЕРЕМ. ГЛ. 20 СТ. 8
А. Шлиперъ

Могила Н. В. Гоголя.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ; рисовалъ авторъ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ П. МАРТЫНОВИЧА.



Гонта надъ трупами дѣтей.
Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ; рисовалъ авторъ.

— Это я, Матъ; ступайте сюда, на скамью; садитесь. Благодарю васъ, что вы пришли.

— И вы могли думать, что я не приду? Я горячо желалъ видѣть васъ послѣ всего случившагося.

— Благодарю, дорогой другъ, благодарю за ваше неизмѣнное участіе.

— Развѣ вы поступили окончательно въ общину?

— Нѣтъ еще.

— Какъ бы я желалъ видѣть васъ въ костюмѣ сестры Кающихся. Но прежде всего, моя красавица, дайте мнѣ поцѣловать вашъ лобикъ.

Орели протянула губы и они поцѣловались.

— Вамъ нужно поговорить со мною? Но не совѣта просить, конечно, такъ какъ вы уже приняли ваше рѣшеніе.

— Остаться здѣсь? да! Одобряете вы это?

— О! конечно, нѣтъ. Это новое сумасбродство, бѣдняжка моя, въ которомъ вы раскаятесь.

— Нѣтъ, здѣсь хорошо. Всѣ мои подруги, такъ-же, какъ и я, женщины, испытавшія въ жизни много невзгодъ; иныя были покинуты мужемъ или сами покинули его; другія — вдовы, но всѣ были замужемъ, жили въ довольствѣ и привыкли къ комфорту, отъ котораго здѣсь не приходится отвыкать.

— Словомъ, всѣ пожили въ свое удовольствіе и теперь представляютъ собою «корзинку съ дешевыми персиками»...

— Какъ вы смѣете, дерзкій!

— Вы, моя красавица, еще не дошли до этого.

— Поговоримъ серьезно; времени мало.

— Зачѣмъ спѣшить? Это приключеніе напоминаетъ мнѣ мои двадцать лѣтъ. Но я надѣялся, что ты примешь меня въ своей комнатѣ.

— Насъ по двѣ въ каждой.

— Это ночное свиданіе очень пикантно. Ты вѣрна себѣ: съ перваго-же шага вносишь въ этотъ домъ твои сумасбродства.

— Я просила у начальницы позволенія повидаться съ вами и она тотчасъ согласилась, находя это вполнѣ естественнымъ, потому что я увѣрила ее, что мнѣ нужно переговорить съ вами, главнымъ образомъ, на счетъ моего маленькаго состоянія. Рѣшено было, что я сама назначу день нашего свиданія въ общей залѣ. Когда я собиралась писать письмо, она освѣдомилась, другъ-ли вы или родственникъ? Я отвѣчала: старый другъ и постоянный совѣтникъ. Но едва я успѣла выговорить ваше имя, какъ сцена перемѣнилась. Начальница, не объясняя причины, рѣшительно объявила, что ваша нога не будетъ въ этомъ домѣ. Она обусловила этимъ принятіе меня въ свою общину. Пришлось уступить. Въ тотъ-же вечеръ я разсказала объ этой неудачѣ моей подругѣ по комнатѣ, которая утѣшила меня, сказавъ, что здѣсь можно принимать по секрету, кого хочешь, и что она устроитъ это. Ея услугами пользуются такимъ образомъ семь или восемь сестеръ.

— Какое прелестное убѣжище отъ мірской суеты!

— Я, разумѣется, приняла ея предложеніе и написала вамъ. Она-то и провела васъ сюда.

— Лучшаго пріюта для тебя и желать нельзя...

— Вы осуждаете меня за то, что я васъ пригласила?

— Съ какой стати! Но кто-же эта благочестивая начальница, для которой я служу предметомъ такого ужаса?

— О, это достойнѣйшая, милѣйшая женщина, которая когда-то была, должно быть, красавицей, да и теперь еще очень хороша. Страшное несчастье побудило ее основать это убѣжище для свѣтскихъ женщинъ. Ея мужъ былъ убитъ ея любовникомъ и, послѣ скандалезнаго процесса, любовникъ былъ осужденъ за убійство.

— Какъ ея фамилія?

— Графиня В...

— Это она! Ну, теперь мнѣ все понятно! Но это такая старая исторія! Я былъ слѣдователемъ и велъ это дѣло. Это была не дуэль, а просто-на-просто убійство, очень ловко придуманное между нею и ея любовникомъ. Да, я помню, она была очень хороша. Все зависѣло отъ одного письма, подписаннаго ея именемъ. Видя, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, она пришла ко мнѣ, расточала кокетство, но я избѣгнулъ ея сѣтей. Она меня и возненавидѣла.

Орели удивилась и на минуту угомонилась.

— Такъ это вы были слѣдователемъ, сказала она.—Мнѣ передавали дѣло совсѣмъ иначе: мнѣ говорили, будто слѣдователь самъ сдѣлалъ ей гнусное предложеніе, но она съ негодованіемъ отвѣтила: «Довольно и того, что я была любовницей убійцы; я не хочу пасть еще ниже..»

— Тебѣ такъ передавали, вотъ что, сказалъ Матье.

— Э! Матъ, я тебя слишкомъ хорошо знаю, чтобы сомнѣваться въ томъ, что это правда. Чего не сдѣлалъ бы ты для женщины?

— Дѣйствительно! вотъ и теперь я къ твоимъ услугамъ.

— Однако, поговоримъ о дѣлахъ.

— Разскажи мнѣ прежде, какимъ образомъ твой мужъ узналъ о нашихъ отношеніяхъ.

— Онъ узналъ это отъ двухъ людей, которые ненавидятъ меня и которымъ я плачу взаимностью: отъ моей сестры и отъ Оливье де-Мейрана, которые поклялись погубить насъ съ тобою.

— Прекрасно, я хотѣлъ убѣдиться въ этомъ, чтобы начать дѣйствовать.. Разскажи мнѣ все подробно.

— Съ Оливье дѣло кончено, начала она,— онъ теперь съ Элизой. Я не думаю, чтобы онъ женился на ней, — на такихъ женщинахъ не женятся: у нея уже былъ ребенокъ, и всѣмъ извѣстно, какую жизнь она вела; но, тѣмъ не менѣе, онъ съ нею; онъ безъ ума отъ нея и повинуется ей во всемъ. Пока былъ живъ мой мужъ, я должна была щадить ее, но теперь меня ничто не обязываетъ къ этому. Открою тебѣ всю истину: ты былъ правъ, упрекая меня; дѣйствительно, я любила де-Мейрана. Но сестра моя поставила цѣлью своей жизни отбивать у меня любовниковъ.

Эта странная, грубая откровенность въ устахъ Орели, повидимому, нисколько не удивила де-Тальи.

— По крайней мѣрѣ, это не относится ко мнѣ, сказалъ онъ.

— И къ тебѣ также; я не знаю, что между вами происходило, но знаю, что было что-то: она была у тебя.

Матье промолчалъ.

— Ея ненависть ко мнѣ, продолжала Орели,— началась изъ за Аристида де-Фаржа, который былъ ея любовникомъ и отцомъ ея ребенка. Доказательствомъ служитъ его завѣщаніе. Такимъ образомъ, еще въ то время, когда мы считали ее ребенкомъ, когда я питала къ ней полное довѣріе, она уже обманывала меня и я, поручая ей носить мои письма къ Аристиду, посылала ее къ ея любовнику.

Все это говорилось рѣзкимъ, злымъ тономъ, дышавшимъ ненавистью.

— Все это мнѣ извѣстно, сказалъ де-Тальи,—но какъ узналъ твой мужъ?

— Погоди, Матье, дай кончить: помнишь-ли ты этого негодяя, съ которымъ я встрѣтилась, когда была еще очень молода? Этого рабочаго?

— Да, прекрасное знакомство, нечего сказать!

— Ты избавилъ меня отъ него. Но вотъ, въ самый день бала, который я давала, по утру является ко мнѣ этотъ человѣкъ. Какъ онъ вошелъ — этого я не знаю. Я хотѣла отдохнуть, ушла въ свою комнату—и вдругъ онъ является передо мною. Можешь себѣ представить мой испугъ.

— Ты мнѣ этого не разсказывала.

— Понятно почему: онъ былъ жалокъ; сказалъ, что ему нечего ѣсть и предложилъ мнѣ сдѣлку. Тѣ письма, которыя мы искали, были въ его рукахъ. Какъ они попали къ нему — этого онъ мнѣ не открылъ, и я, глупая, не стала этого доискиваться; но съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, въ уединеніи, я о многомъ поразмыслила; въ особенности старалась я доискаться причинъ катастрофы, которая такъ низко бросила меня; наконецъ, я все поняла. Ясно, что я сдѣлалась жертвой гнуснаго заговора.

— Какимъ образомъ?

— А вотъ сейчасъ объясню. Кто могъ украсть, кто могъ утаить эти письма, какъ не Элиза? Она терпѣливо выждала время, когда можно было воспользоваться ими. Замѣтивъ, что я стараюсь помѣшать ея браку съ де-Мейраномъ, она отыскала этого бездѣльника Жюля и подослала его ко мнѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, его ввелъ ко мнѣ маркизъ, внушивъ ему добиться отъ меня свиданія обѣщаніемъ отдать мнѣ письма за извѣстную сумму. Я повѣрила этому несчастному, мнѣ было жаль видѣть его въ такой нищетѣ и... я согласилась.

— Твое чувствительное сердце погубило тебя, замѣтилъ Матье самымъ естественнымъ тономъ.

— Увы! да, Матъ... Я согласилась на свиданіе. Онъ указалъ мнѣ одинъ скромный, загородный ресторанъ, въ которомъ, по его словамъ, онъ жилъ. Тѣмъ временемъ Элиза доставила въ руки моего мужа—а, можетъ, и лично отдала ему—тѣ письма. Она сказала ему, что и ты мой любовникъ, что ты даешь мнѣ средства содержать богато нашъ домъ, что черезъ твою протекцію онъ получилъ свое выгодное мѣсто; она добавила, что если онъ хочетъ удостовѣриться въ моей виновности, ему стоитъ только отправиться въ такой-то день и въ такой-то часъ въ указанный ресторанъ въ Пюто!

— Но это послѣдніе изъ негодяевъ!..

— О, эта добродѣтель на все способна! Ты знаешь, какая произошла сцена. Едва я пріѣхала, какъ Жюль объявилъ мнѣ, что писемъ у него нѣтъ болѣе: ихъ украли. Въ ту же минуту вдругъ распахивается дверь, входитъ мой мужъ съ револьверомъ въ рукѣ и кидается на меня, полагая, что онъ засталъ меня съ любовникомъ. Я умоляю его выслушать меня, увѣряю, что его обманули, но онъ показываетъ мнѣ письма. Въ эту минуту отворяется дверь сосѣдней комнаты и являются Элиза и Оливье; они бросаются между мною и мужемъ, чтобы защитить меня. Я была совсѣмъ ошеломлена. Ты понимаешь, что не случай-же привелъ ихъ туда. Воспользовавшись минутнымъ замѣшательствомъ мужа, я убѣжала и имѣла глупость послѣдовать за тѣмъ, кто меня привелъ въ этотъ ресторанъ и принять его предложеніе взять изъ дома мужа тѣ вещи, въ которыхъ я имѣла надобность... Пораженная случившимся, не помня себя, я не могла ни понимать, ни разсуждать. Только здѣсь, послѣ спокойнаго размышленія, я поняла, что я попалась въ ловушку.

— Это несомнѣнно... и какъ ловко оборудовано!

— Затѣмъ, послѣ того, какъ я убѣжала, вѣроятно, мужъ мой, оставшись съ ними наединѣ, потребовалъ объясненій. Тогда ему разсказали, что ты—мой любовникъ, что ты былъ главнымъ хозяиномъ въ нашемъ домѣ. Маркизъ, конечно, твердилъ о скандалѣ; сестра моя проливала слезы и мой дуракъ, всегда готовый вспыхнуть, какъ порохъ, сказалъ маркизу: «Ѣдемъ со мною Я хочу видѣть этого Матье де-Тальи; я долженъ отмстить ему!»

На этотъ разъ Орели не лгала; за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ подробностей, она говорила то, что думала. Съ самаго вступленія въ общину сестеръ «Кающихся», она не переставала думать о причинахъ катастрофы и, наконецъ, увѣрила себя въ томъ, что была жертвой измѣны.

Негодяи вообще склонны объяснять постигающее ихъ наказаніе не логическимъ слѣдствіемъ ихъ преступленій, а кознями, на которыя они сами такъ способны.

— Теперь, моя красотка, для меня все ясно; но я ничего не боюсь; я на сторожѣ. Эти полоумные сами погибнутъ прежде, чѣмъ имъ удастся погубить меня.

— Вотъ этого-то я и хочу, Матъ.

— Могу тебѣ обѣщать это.. А теперь поговоримъ о тебѣ. Неужели ты серьезно рѣшилась вступить сюда? Не забывай, что ты свободна.

— Да, Матъ, серьезно. Я чувствую потребность въ покоѣ...

— Да ты съ ума сошла! Такая молодая, красивая—и запереться въ этихъ стѣнахъ! Да я первый хочу тебя видѣть.

— Ты и будешь пріѣзжать ко мнѣ, Матъ; ты видишь, это возможно.

— Положимъ, что и такъ, но я не могу подумать безъ содроганія, что ты останешься здѣсь. Въ твои года, это чистое безуміе.

— Ну, хорошо; слушай-же, Матъ; я сдѣлаю, какъ ты хочешь; я выйду отсюда въ тотъ день, когда ты избавишь меня отъ ненавистныхъ Элизы и де-Мейрана.

— Отлично... Имущество твоего мужа будутъ продавать. Я куплю вашъ домъ и вскорѣ ты возвратишься въ него.

Орели обвила его руками и подарила долгимъ поцѣлуемъ.

— Какъ ты добръ! Какъ я люблю тебя!

Невозможно предположить, чтобы поцѣлуй этотъ былъ внушенъ любовью, и трудно передать тонъ и выраженіе, съ которымъ онъ былъ данъ. Къ счастью, было очень темно, иначе было-бы отвратительно видѣть лобзанія этихъ молодыхъ и старческихъ устъ.

— Такъ ты остаешься здѣсь?

— Да, пока. Это хорошо уже потому, что у тебя не будетъ причины ревновать меня.

— На время, это дѣйствительно хорошо. Послѣ поразившаго тебя скандала, ты ищешь уединенія, а когда все будетъ забыто, ты опять явишься въ свѣтъ... Но ты еще не вступила въ общину?

— Я вступлю черезъ мѣсяцъ.

— Лучше не поступай, иначе при выходѣ ты можешь встрѣтить затрудненія.

— Нѣтъ, Матъ; знаешь, тутъ какая-то тайна, которую мнѣ любопытно проникнуть. Всѣ эти женщины жили когда-то богато; у нихъ громкія имена; онѣ могли быть счастливы въ свѣтѣ, съ которымъ онѣ такъ легко разстались. Но, должно быть, въ здѣшней жизни есть своего рода прелесть, которую мнѣ хочется испытать: эта тишина, покой, молитва, отсутствіе всякихъ заботъ, всякой суеты...

— Но здѣсь скорѣе смерть, чѣмъ жизнь; вынесешь-ли ты здѣшнія суровыя правила?

— Мнѣ тоже кажется, Матъ, что я не выдержу; потому-то я и говорю, что возвращусь въ свѣтъ; но пока мнѣ хочется пожить здѣшней жизнью; мнѣ хочется испытать ее.

— Впрочемъ, судя по тому, какъ тебѣ легко было принять меня, не смотря на запрещеніе начальницы, здѣшнія правила не очень строги.

— Ты ошибаешься, Матъ. Напротивъ, здѣшнія правила очень строги. Послѣ девяти часовъ вечера здѣсь запрещается даже разговаривать; если постучатъ въ дверь кельи, нельзя отвѣчать, и если позвонятъ у воротъ, сестра-привратница не смѣетъ ни отворять, ни откликаться, какъ-бы ни было важно дѣло, заставившее звонить. Здѣшнее правило требуетъ ночью ненарушимой тишины, безмолвія могилы.

— Это нѣкоторымъ образомъ обезпечиваетъ насъ.

— Нѣтъ, Матъ, уже поздно; садовникъ скоро встанетъ, да и сестра Нананъ выходитъ иногда ночью въ кухню посмотрѣть печенья, стоящія въ печи.

— Ты даешь мнѣ понять, что пора ретироваться?

— Да, потому что я начинаю бояться.

— Но эта дѣвушка... она сторожитъ?

— Нѣтъ, она только провела насъ сюда, а потомъ ушла въ свою комнату.

— Такъ, прощай. Увидимся-ли мы?

— О, вѣроятно; мнѣ нужны свѣденія и ты принесешь ихъ мнѣ. Не забудь этого: я тогда только могу возвратиться въ свѣтъ, когда мнѣ нечего будетъ бояться мести моихъ враговъ.

— И такъ, до скораго свиданія.

Она довела его до калитки, въ которую онъ вошелъ. Когда калитка заперлась за нимъ, Орели поспѣшно пошла черезъ паркъ къ дому; она уже входила во дворъ, какъ вдругъ услыхала шумъ шаговъ и поспѣшно спряталась за деревья. Цѣлыхъ два часа простояла она на этомъ мѣстѣ. День еще не занимался, но глаза ея привыкли къ темнотѣ и она могла различать предметы. Она увидѣла мужчину, сходившаго по большой лѣстницѣ, которая вела въ комнату начальницы. Сойдя съ лѣстницы, этотъ человѣкъ пошелъ, крадучись, вдоль стѣны, направляясь прямо къ групѣ деревьевъ, гдѣ стояла Орели. Сначала Орели струсила, но разглядѣвъ приближавшуюся фигуру, она сдѣлала невольное движеніе удивленія и досады. Это былъ абатъ де-Люкъ.

Онъ прошелъ такъ близко, что Орели почувствовала его дыханіе. Ей хотѣлось броситься къ нему на встрѣчу и сказать: «Откуда вы, г. абатъ, въ такой поздній часъ?» Но по какому праву она сдѣлала-бы это? Вотъ вопросъ, который она задала себѣ, опускаясь на скамью. Она просидѣла нѣсколько минутъ въ задумчивости, опустивъ руки на колѣни. Она считала, что онъ предпочитаетъ ее, Орели. Не ошиблась-ли она? Нѣтъ, его взглядъ, его трепетъ, пожатіе руки, были слишкомъ краснорѣчивы. Онъ отличилъ ее, иначе зачѣмъ-бы ему такъ заботиться о ней. Орели кокетничала съ абатомъ съ самаго дня пріѣзда въ общину, зная, что передъ ея кокетствомъ трудно устоять. Ей пришло теперь на мысль, что абатъ, по всей вѣроятности, былъ любовникомъ графини В..., этой добродѣтельной, строгой начальницы общины. Орели вспомнила тотъ день, когда, разговаривая съ абатомъ и съ начальницей, она назвала его «г. абатъ», а начальница внушительно замѣтила ей: «говорите, мой отецъ».

— Я угадала, что она моя соперница, сказала Орели про себя тономъ Федры и возвратилась въ свою комнату, дрожа отъ досады.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Могила Н. В. Гоголя.

Для объясненія рисунка, напечатаннаго на стр. 204 этого нумера, передаемъ слѣдующія очень краткія свѣденія о могилѣ нашего талантливаго писателя.

Могила Н. В. Гоголя находится въ Москвѣ, въ Даниловѣ монастырѣ, въ той части монастырскаго кладбища, которая видна прямо, какъ войдти въ монастырскія ворота. Намогильный памятникъ состоитъ изъ двухъ частей или, вѣрнѣе, на могилѣ Гоголя стоятъ два памятника: одинъ — высокая масивная плита, темнаго мрамора, другой, поставленный въ изголовьи,—глыба, увѣнчанная бронзовымъ, позолоченнымъ, высокимъ крестомъ. Поверхъ плиты надпись: «Здѣсь погребено тѣло Николая Васильевича Гоголя. Родился 19 марта 1809 г. Скончался 21 февраля 1852 г.». По сторонамъ плиты изсѣчены тексты изъ Св. Писанія, замѣчательно подобранные; съ передней стороны написано: «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся. Iерем. гл. 20, ст. 8». Съ южной боковой стороны: «Мужъ разумивый престолъ чувствія. Притчей гл. 12, ст. 23»; и —«Правда возвышаетъ языкъ. Притчей гл. 14, ст. 34». Съ сѣверной стороны: «Истиннымъ-же уста исполнитъ смѣха, устнѣ-же ихъ исповѣданія. Iова гл. 8. ст. 21». Надписи эти сдѣланы русскими буквами. На глыбѣ же, въ подножіи креста, высѣчено по славянски: «Ей, гряди, Господи Iисусе. Апокал. гл. 22, ст. 20».

Жители монастыря отзываются незнаніемъ, когда и кѣмъ поставлены эти памятники. Знаютъ они только, что памятники ставили «два общества», имъ невѣдомыя.

Въ той-же части кладбища, черезъ дорожку отъ могилы Гоголя, схоронены: А. С. Хомяковъ и Н. М. Языковъ; ближе къ церкви Ю. Ф. Самаринъ; вблизи другой церкви князь В. А. Черкасскій.

Кладбище содержится опрятно; дорожки выложены плитнякомъ.

Внутреннее обозрѣніе.

«Никто не вправѣ сомнѣваться въ наилучшихъ намѣреніяхъ Государя, но я вамъ могу засвидѣтельствовать, что они дѣйствительно наилучшія, благороднѣйшія. При такихъ условіяхъ можно и должно работать, но необходимо, чтобъ мнѣ помогали, необходимо разбудить эту общественную апатію и призвать къ своимъ обязанностямъ всѣхъ лицъ, состоящихъ на службѣ Государю». Въ этихъ словахъ графа Лорисъ-Меликова слышится вѣрная критика прошлаго; въ нихъ заключается желательная програма будущаго. Ничего не дѣлать или дѣлать свое дѣло кое-какъ—это что-то въ родѣ нашей одиннадцатой заповѣди. Ея придерживаются вездѣ и всюду—и мелкій ремесленникъ, жалующійся на нѣмца, отбивающаго у него работу, и тѣ лица, къ которымъ были обращены слова графа. Въ севастопольскую кампанію, когда насъ поражали французы и англичане, мы жаловались, что мы вооружены хуже ихъ. Но что-же намъ мѣшало вооружиться лучше? Въ послѣднюю русско-турецкую войну, когда намъ было такъ трудно справиться съ турками, мы жаловались, что турки научились окапываться. Но опять является вопросъ: что-же намъ мѣшало научиться самоокапыванью? Вездѣ и всегда насъ кто-нибудь да перехитритъ: нѣмецъ, французъ, англичанинъ или еврей, и постоянно мы на кого-нибудь да жалуемся: на нѣмца, француза, англичанина или еврея. Пора, кажется, перестать быть младенцами, которыхъ каждый можетъ обидѣть. Но чтобы насъ не обижали, для этого мы пальца о палецъ не стукнемъ. Передъ тѣмъ, какъ въ обществѣ «Взаимнаго поземельнаго кредита» открылась кража Юханцева, весь городъ зналъ о широкой, безумной жизни этого вора. Только г. Герстфельду съ компаніей лѣнь было, очнувшись отъ своей апатіи, провѣрить эти слухи и обратить вниманіе на кутящаго касира раньше, чѣмъ онъ успѣлъ наворовать до двухъ миліоновъ. Но это было совсѣмъ въ нашихъ нравахъ: и на Политковскаго въ былыя времена обратили вниманіе только тогда, когда онъ пожилъ всласть, укравъ слишкомъ миліонъ. Мы всегда опомнимся слишкомъ поздно, какъ покойный папа Пій IX. Тотъ дѣлалъ всевозможныя улучшенія въ странѣ и грѣшилъ только тѣмъ, что на каждое его распоряженіе ему приходилось отвѣчать: troppo tarde, Santo Padre! Онъ все боялся сдѣлать «слишкомъ рано» и потому дѣлалъ все «слишкомъ поздно». Не дай Богъ никому слѣдовать подобному примѣру.

Призывъ графа Лорисъ-Меликова очнуться отъ апатіи какъ разъ явился во время. Мы пережили недавно тяжелую войну, отозвавшуюся крайне неблагопріятно на нашихъ финансахъ и открывшую цѣлую массу злоупотребленій, начиная съ какихъ-нибудь Горвицевъ и компаніи; мы пережили цѣлый рядъ банковскихъ кражъ и краховъ, разорившихъ тысячи людей, довѣрявшихъ этимъ банкамъ; мы пережили цѣлый рядъ подпольныхъ волненій, не мало напугавшихъ наше общество и вызвавшихъ самые мрачные толки среди нашихъ враговъ заграницей, подхватывавшихъ и раздувавшихъ каждое извѣстіе о какомъ-нибудь покушеніи, о какой-нибудь подпольной типографіи, о какой-нибудь казни; мы переживаемъ тяжелыя времена опасеній за будущій годъ ради неурожая во многихъ мѣстахъ, гдѣ и гесенская муха, и жучекъ, и овражекъ сдѣлали свое дѣло, и страшное слово «голодъ» уже пестритъ то тутъ, то тамъ на столбцахъ нашихъ газетъ; мы, наконецъ, каждый день читаемъ крайне неутѣшительныя извѣстія о злоупотребленіяхъ въ разныхъ сферахъ и даже въ нашемъ самоуправленіи, гдѣ дѣло дѣлаютъ тѣже люди нашей одиннадцатой заповѣди, и отданные подъ судъ рузскій городской голова г. Порошинъ, керченскій городской голова г. Викторовъ и ялтинскій городской голова г. Рыбицкій являются, конечно, не «печальными исключеніями»: въ газетахъ указываютъ, что таже участь готовится орловскому городскому головѣ, а тамъ и еще кому-нибудь, и еще. Если внимательно слѣдить за газетами, то вы ежедневно наткнетесь на какой-нибудь фактъ въ родѣ слѣдующаго: въ уфимской губерніи, на р. Камѣ, близъ «Святаго Ключа», уступлена въ частныя руки казенная лѣсная дача по 10 руб. за десятину, хотя и была оцѣнена управленіемъ государственныхъ имуществъ по 20 рублей за десятину. Между тѣмъ, елабужскіе и пермскіе комерсанты за эту-же дачу въ 6,000 десятинъ предлагали 500,000 рублей. Присматриваясь ко всѣмъ этимъ явленіямъ, сознаешь, что, дѣйствительно, необходимо «разбудить общественную апатію»—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Призывъ графа Лорисъ-Меликова является не единичнымъ голосомъ, призывающимъ общество къ большей самостоятельности, къ большей самодѣятельности. Этою-же мыслью проникнута рѣчь министра народнаго просвѣщенія Сабурова, сказанная въ Ярославлѣ. Онъ говорилъ: «Когда школа только-что устанавливается, когда работники этой школы являются новичками въ дѣлѣ, когда создатель этой новой школы боится за невозможность осуществленія своего идеала, — тогда, быть можетъ, извѣстная регламентація, извѣстныя предписанія имѣютъ значеніе для школы въ смыслѣ ея большей устойчивости. Вся трудность въ томъ именно и состоитъ, чтобы найдти точку, уловить тотъ моментъ, когда регламентація и предписанія становятся уже излишними, когда школа должна быть призвана къ самостоятельной жизни и преподаватели изъ новичковъ-работниковъ должны явиться вполнѣ самостоятельными дѣятелями ея. Въ этомъ смыслѣ я обращаюсь къ вамъ съ просьбою—откровенно и даже, если хотите, радикально высказать мнѣ всѣ ваши желанія, всѣ тѣ средства, съ помощью которыхъ школа могла-бы стать школою свѣта и жизни. Мнѣ кажется, господа, что дѣло не въ класическомъ образованіи,—вѣдь если руское общество и не сочувствуетъ школѣ, то совсѣмъ не потому, что въ ней преподаются древніе языки. Быть можетъ, ошибка теперешней школы главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что она средства принимаетъ за цѣль, даже за идеалъ; я не могу не сочувствовать класическому образованію,—я самъ получилъ это образованіе,—но мнѣ всегда казалось страннымъ, какъ школа, имѣя задачею общее развитіе ученика—слѣдовательно, человѣчность,—какъ эта школа, я говорю, весь свой смыслъ, всю свою задачу полагала въ однихъ только древнихъ языкахъ. Я знаю, господа, что педагогическое дѣло—трудное дѣло, и вотъ почему мнѣ хотѣлось-бы знать все, что наболѣло на душѣ у каждаго изъ васъ. Дѣло преподавателя—дѣло до крайности живое, нужно, такъ сказать, поджигать себя, чтобы не заснуть. Я буду благодаренъ за каждое отдѣльное мнѣніе, высказанное кѣмъ-либо изъ васъ. Вѣдь я призываю васъ, господа, къ очень хорошему, даже великому дѣлу—къ осуществленію нашего общаго идеала. Впрочемъ, я долженъ вамъ сказать, что коренныхъ измѣненій, ломки я вообще не люблю, и тѣмъ болѣе ломки въ такомъ дѣлѣ, какъ школа; мы постепенно, не спѣша, будемъ стремиться съ вами къ осуществленію нашего идеала,—но только помните, господа, что не изъ моего кабинета получите вы всѣ тѣ благодѣянія для школы, о которыхъ мечтаете. Жизнь школы—въ васъ самихъ, вы можете и должны быть ея создателями; теорія, какъ-бы ни была она хороша, теряетъ свое жизненное значеніе, если не исходитъ изъ самой этой жизни». Еще положительнѣе высказался министръ на счетъ роли общества въ дѣлахъ школы, когда обращался къ тульскому земству съ слѣдующими словами :«Черезъ посредство губернскаго предводителя ядорянства позволилъ я себѣ просить васъ собраться, желая выслушать мнѣнія ваши о томъ, какъ сообща развить намъ дѣло народнаго образованія. Я полагаю, что намъ, въ этомъ дорогомъ для насъ дѣлѣ, не трудно будетъ сойдтись и устранить всякія недоразумѣнія и несогласія, и чтобы тотчасъ же уяснить ситуацію, я позволю себѣ въ краткихъ словахъ выяснить вамъ основной взглядъ свой. Прежде всего долженъ я замѣтить, что считаю дѣло народнаго образованія по преимуществу дѣломъ земскимъ. Земства должны знать, что нужно сдѣлать для того, чтобы удовлетворить потребностямъ школы и поставить ее на надлежащую высоту. Министерство же народнаго просвѣщенія въ дѣлѣ этомъ представляетъ только спеціалиста-эксперта, помощника земства, къ которому оно можетъ обращаться съ полнымъ довѣріемъ. Разъ я буду имѣть ваши заявленія о нуждахъ вашихъ или о недоразумѣніяхъ и несогласіяхъ, то я думаю мы быстро придемъ къ соглашенію». Въ другомъ мѣстѣ министръ выразился даже такимъ образомъ: «пора покончить дѣло съ кабинетными уставами. Впередъ мы будемъ получать уставы не изъ кабинета, но сами отъ себя. Мы сами будемъ составителями уставовъ и сами будемъ ихъ исполнителями». Во всѣхъ этихъ рѣчахъ вѣетъ какимъ-то новымъ духомъ, новымъ направленіемъ; обществу, наконецъ, говорятъ, что пора ему проснуться, пора заняться болѣе самостоятельно устройствомъ своихъ собственныхъ дѣлъ, пора покончить съ старымъ вопросомъ: «созрѣли мы или не созрѣли». Не бросившись въ воду, не научиться плавать; не пробуя своихъ силъ съ сферѣ общественной дѣятельности, нельзя достигнуть гражданину зрѣлости. Теперь общество призываютъ попробовать свои силы на этомъ поприщѣ — въ какихъ размѣрахъ — это покажетъ будущее; оно же покажетъ, какъ съумѣетъ общество выполнить свои задачи.

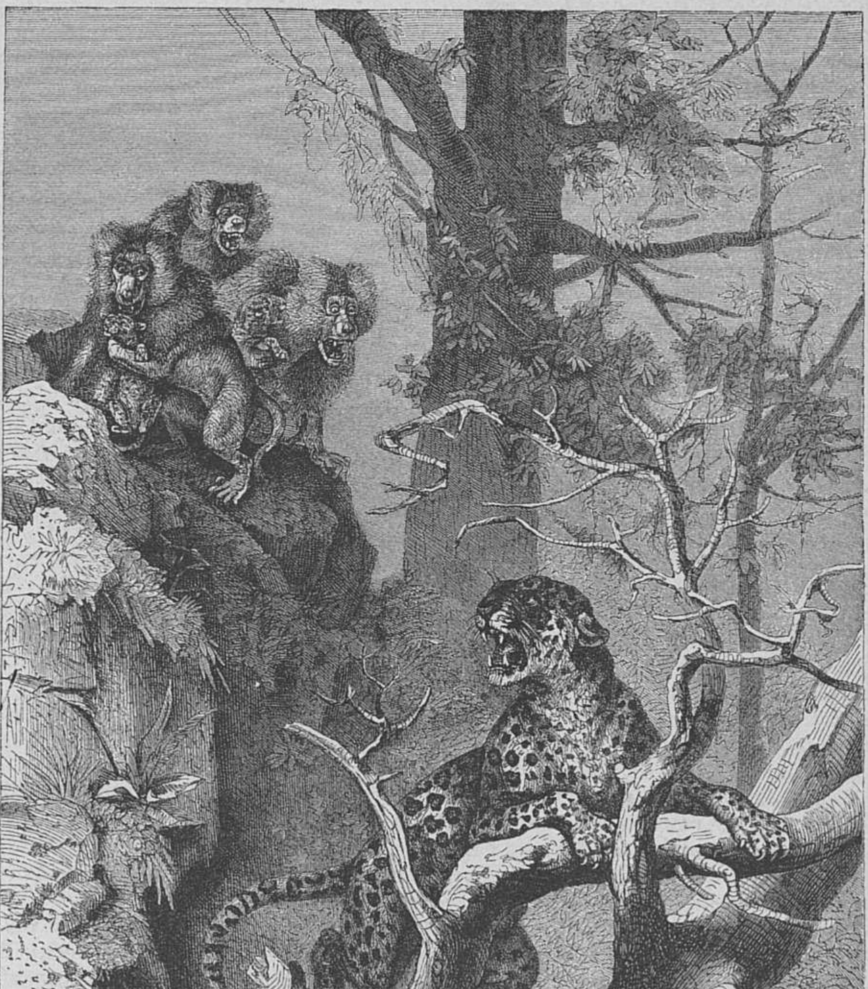
Но очнуться отъ апатіи, приняться за дѣло обществу—это только одна сторона медали; прежде всего нужно знать, что дѣлать, за что прежде всего приняться, на какой почвѣ работать, чтобы не начать созидать на пескѣ и не начать строить съ крыши. Отсюда совершенно своеобразный характеръ нашего времени: мы вдругъ принялись за изслѣдованіе неизвѣстной намъ страны. Эта terra incognita—наша родина. Симптомы этихъ попытокъ къ изслѣдованіямъ вы встрѣтите на каждомъ шагу. Въ газетахъ ежедневно читаются извѣстія въ родѣ слѣдующихъ: «Уфимское земство предприняло изслѣдованіе края преимущественно въ экономическомъ отношеніи. Членъ управы г. К. принялъ на себя изученіе волостей и съ этою цѣлью съ начала весны находился въ уѣздѣ. Описаніе Воскресенской волости уже напечатано». «Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ поднятъ вопросъ о скорѣйшей необходимости окончательнаго пересмотра нынѣ существующаго законодательства по ремесленному вопросу. Чтобы дать ремесленному производству возможность твердо стать на экономическую почву, а слѣдовательно, развиться и усовершенствоваться въ интересахъ общаго благосостоянія, предполагается, какъ слышно, въ основу такого пересмотра включить два пункта, вопервыхъ: изъятіе, по возможности, обученія ремесленному мастерству изъ подъ нынѣшней учительской опеки самихъ мастеровъ, съ постоянною организаціею взамѣнъ таковаго - городскихъ ремесленныхъ школъ, и вовторыхъ, упраздненіе повсемѣстно въ городахъ нынѣ существующаго отдѣльнаго ремесленнаго сословія, съ предоставленіемъ молодымъ или новымъ мастерамъ свободы дѣятельности на поприщѣ своего ремесла, не прикрѣпляя каждаго изъ нихъ къ одному какому либо мѣсту и не стѣсняя ихъ открывать ремесленныя заведенія какимъ-либо ограниченіемъ времени и срока, съ подчиненіемъ вообще мастеровъ въ огражденіе ихъ ремесленныхъ правъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ». «Въ высшихъ административныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о скорѣйшей необходимости преобразованія нынѣ существующихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Въ виду того, что нынѣшнее устройство и средства губернскихъ статистическихъ комитетовъ совершенно не соотвѣтствуютъ возлагаемымъ на нихъ обязанностямъ, какъ равно и отношенія комитетовъ къ различнымъ административнымъ, судебнымъ и земскимъ учрежденіямъ вообще и въ особенности по собиранію и доставленію статистическихъ свѣденій для всеподданнѣйшихъ отчетовъ, предполагается существующіе нынѣ губернскіе статистическіе комитеты замѣнить учрежденіями, извѣстными въ западной Европѣ подъ названіемъ статистическихъ бюро, которыя будутъ называться статистическими отдѣлами». «При министерствѣ народнаго просвѣщенія въ непродолжительномъ времени будутъ собраны двѣ комисіи. Одна изъ нихъ, съ участіемъ лицъ отъ разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и земствъ, займется разсмотрѣніемъ нынѣшней програмы реальныхъ училищъ. Другая комисія поставитъ себѣ задачей, не касаясь вопроса о класицизмѣ, выработать новую програму и новые пріемы для исполненія ея въ класическихъ гимназіяхъ. Наконецъ, въ настоящее время министерство спѣшитъ разрѣшеніемъ вопроса о сокращеніи канцелярскихъ работъ инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ, а также собраніемъ и публикаціей свѣденій по проекту о всеобщемъ обязательномъ первоначальномъ образованіи». На дняхъ выѣхалъ изъ Петербурга г. министръ народнаго просвѣщенія для обозрѣнія учебныхъ заведеній московскаго округа. Цѣль этой поѣздки не ограничивается однимъ ознакомленіемъ съ бытомъ и нуждами учебныхъ заведеній вѣдомства народнаго просвѣщенія. Г. министръ, исполняя волю Государя, предпринялъ настоящую поѣздку, между прочимъ, для обозрѣнія и изученія на мѣстѣ дѣйствительнаго положенія нашего начальнаго образованія, къ которому предшествовавшее министерство относилось не какъ любящая мать, а скорѣе какъ суровая мачиха. Еще до своей поѣздки г. министръ обратился ко многимъ земствамъ съ запросомъ о положеніи и нуждахъ начальной школы, причемъ далъ понять имъ, что политика споровъ и антагонизма, которой держалось прежнее министерство относительно земскихъ учрежденій, отнынѣ достояніе минувшаго, что теперь правительство, напротивъ, разсчитываетъ на самую тѣсную взаимность съ земствами для поднятія начальнаго образованія въ странѣ и вообще для такой постановки этого дѣла, которая обезпечивала бы наибольшій успѣхъ просвѣщенія въ народной массѣ. Нечего и говорить, что земства, давно не слыхавшія такого призыва со стороны учебной администраціи, встрѣтили съ горячимъ сочувствіемъ обращеніе г. министра и многія изъ нихъ уже доставили требуемыя свѣденія и мнѣнія. Эти-то земскіе отзывы, безъ сомнѣнія, и будутъ служить для г. министра канвою въ предпринятомъ обозрѣніи начальныхъ школъ». Но самыя сильныя надежды возлагаются на такъ называемую сенаторскую ревизію, которая разомъ коснется нѣсколькихъ губерній. Надежды эти заходятъ даже слишкомъ далеко, какъ вѣрно замѣчаютъ въ «Нов. времени», говоря, что и извѣстіе о предстоящей сенаторской ревизіи въ эти дни «надеждъ и упованій» увлекло многія газеты такъ далеко отъ истиннаго значенія сенаторскихъ ревизій, что преобразованія губернской власти для нихъ чуть не сдѣлалось синонимомъ общероссійской общественной реформы. Между тѣмъ, очевидно, что будущая ревизія, вопервыхъ, имѣетъ чисто административный характеръ и задача ея «не общественная», а также административная: прекратить злоупотребленія власти, гдѣ таковыя имѣются, и подготовить матеріалъ для реформы въ средѣ губернскихъ чиновниковъ,—реформы, очевидно, имѣющей очень отдаленное отношеніе къ «оживленію общественныхъ силъ».

При такомъ направленіи, господствующемъ въ правительственныхъ сферахъ, конечно, значительная роль должна выпасть и на долю пресы, имѣющей всегда возможность, если только она не стѣснена искуственно, громко и всесторонне обсуждать затрогиваемые въ правительственныхъ сферахъ вопросы, совершаемыя правительствомъ реформы, имѣющей всегда средства доставлять власти и обществу матеріалъ для необходимыхъ изслѣдованій, указанія на положеніе извѣстныхъ мѣстностей въ данную минуту и т. п. Въ этомъ случаѣ даже наша печать, не смотря ни на какія препятствія, сослужила свою службу: много она сдѣлала во время борьбы славянъ за независимость, многое она вывела изъ мрака на свѣтъ во время русско-турецкой войны, тотчасъ-же откликнулась она, когда поднялся вопросъ о чумѣ, въ данную минуту печать-же занимается изслѣдованіемъ мѣстностей, которымъ угрожаетъ по слухамъ голодъ. Сознаніемъ важности той роли, которую можетъ и должна играть преса въ дѣлѣ пробужденія общества отъ апатіи, объясняются тѣ толки, которые возникли въ послѣднее время объ облегченія условій печати. На сколько эти толки имѣютъ за собою серьезныхъ основаній—это покуда трудно сказать.

Недавно въ Швеціи, если не ошибаюсь, по случаю празднествъ въ честь Норденшильда и открытія вѣтви желѣзной дороги, прибыли депутаты отъ западно-европейскихъ газетъ. Король позаботился, чтобы имъ были отведены хорошія мѣста во время праздниковъ. «Въ государствѣ три силы, сказалъ онъ:—правительство, народъ и третья—преса». Великое благо гдѣ такъ смотрятъ на пресу и гдѣ она достойна такого возрѣнія. Впрочемъ, она и можетъ быть достойна такого возрѣнія только тамъ, гдѣ на нее смотрятъ именно такъ. Какъ у рабовъ плохо развито нравственное достоинство, такъ и у пресы—чѣмъ уже ея рамки, чѣмъ ничтожнѣе ея права, тѣмъ она хуже, мельче и непригляднѣе. Не имѣя возможности заниматься серьезными вопросами, она занимается личными дрязгами, мелочными сплетнями, ничтожными скандалами. Не имѣя возможности быть самостоятельной, она дѣлается продажной и лживой, вызывая презрѣніе вмѣсто уваженія и оказывая обществу вмѣсто услугъ только вредъ. Полезна преса только тогда, когда она можетъ серьезно и откровенно высказывать правду, не извращая фактовъ, не скрывая ничего, не кривя́ душой. Въ настоящее-же время, когда общество призываютъ проснуться отъ апатіи, когда нужно узнать какое дѣло неотложнѣе всего,—намъ именно и нужна правда. А что мы поневолѣ не всегда говорили правду—это уже ясно изъ того, напримѣръ, какіе толки возбудили двѣ великія перемѣны въ государствѣ: уничтоженіе III отдѣленія и перемѣна въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Если бы то, что говорится теперь по поводу этихъ перемѣнъ, могло быть высказано прежде—было бы, можетъ быть, лучше, такъ какъ всѣ настоящія разсужденія по поводу этихъ предметовъ являются чѣмъ-то въ родѣ безплодныхъ воспоминаній, бросанья каменьевъ въ зарытую могилу врага. Пользы отъ нихъ столько-же, сколько отъ разсказовъ одного изъ публицистовъ о томъ, что онъ десятки лѣтъ тому назадъ далъ кому-то крупную взятку въ нѣсколько тысячъ. Если бы онъ могъ разсказать объ этой взяткѣ тогда, результатъ, конечно, былъ бы иной. И такъ, пожелаемъ, чтобы въ будущемъ наша печать могла высказывать своевременно то, что нужно высказать обществу: другого пути гласно заявлять свои симпатіи и антипатіи, свои желанія и нужды у общества нѣтъ.

При такихъ условіяхъ, при такихъ вѣяніяхъ открывается въ нашемъ журналѣ отдѣлъ «Внутренняго обозрѣнія», въ которомъ мы отведемъ мѣсто разбору различныхъ вопросовъ, интересующихъ въ данную минуту общество.

ИЗЪ МІРА ПРИРОДЫ.



Обезьяны и леопардъ.

Политическая хроника.

Настоящей хроникой открывается въ «Живописномъ Обозрѣніи» отдѣлъ «внѣшней политики», который будетъ появляться періодически, черезъ нумеръ. Конечно, размѣры нашего журнала не позволяютъ вести этотъ отдѣлъ широко, но мы все-же поставимъ себѣ задачей своевременно сообщать нашимъ читателямъ о выдающихся политическихъ событіяхъ. Эту первую статью мы посвящаемъ краткому обзору положенія государствъ Европы и Америки, играющихъ первостепенную роль въ дѣлахъ международной политики,—положенія, обусловленнаго важнѣйшими событіями послѣдняго времени.

Начнемъ съ Франціи, которая, что-бы ни толковали панегиристы объединенной Германіи, снова твердо держитъ въ своихъ рукахъ знамя «передовой страны во всѣхъ движеньяхъ свѣта». Сами нѣмцы, если только они захотятъ быть искренними, должны сознаться, что въ своихъ газетахъ они прежде всего прочитываютъ извѣстія изъ Франціи, настолько ихъ интересуетъ все, что дѣлается въ этой странѣ, которой они завидуютъ и негодуютъ на нее за то, что она, побѣжденная ими, все-же по прежнему даетъ всему тонъ и ей всѣ стараются подражать, не исключая самихъ нѣмцевъ. О насъ и говорить нечего; французы искони пользовались нашими симпатіями и пользуются ими теперь даже болѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде. Франція, вынесшая страшный погромъ, въ короткое время съумѣла оправиться отъ него и уплатить небывалую контрибуцію, наложенную на нее торжествующимъ побѣдителемъ, причемъ ея экономическое благосостояніе не только не уменьшилось, но еще съ каждымъ годомъ увеличивается; наконецъ, она окончательно утвердила у себя форму правленія, по словамъ ея замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, единственно для нея возможную въ настоящее время, потому что, принимая республику, французы менѣе всего раздѣлены и могутъ вполнѣ обезпечить у себя спокойствіе и экономическое благосостояніе. И всего этого Франція достигла не путемъ усиленныхъ налоговъ, а увеличеніемъ у себя производительности, разумнымъ трудомъ. Какъ-же послѣ этого возможно человѣку живому, мыслящему, не слѣдить съ глубокимъ интересомъ за событіями въ странѣ, живущей полной жизнію, гдѣ идетъ неустанная борьба за прогресъ человѣчества?

Осмотрѣвшись послѣ погрома, французская буржуазія съ ужасомъ и стыдомъ должна была сознаться, что 20 лѣтъ она служила интересамъ горсти авантюристовъ, захватившихъ власть въ свои руки. Ихъ управленіе, бывшее непрерывной оргіей, сдѣлало свое дѣло. Вторженіе непріятеля застало Францію неспособной къ сопротивленію: французы выказали обычную храбрость, но большинство командующихъ генераловъ были или совершенныя неспособности или даже измѣнники; талантливыхъ людей затирали; имъ не было мѣста въ бонапартистской имперіи. Военное министерство торжественно заявляло о колосальныхъ запасахъ, но эти запасы оказались только на бумагѣ; въ дѣйствительности-же не хватало ни боевыхъ снарядовъ, ни предметовъ обмундировки, ни запасовъ провіанта и фуража. Свобода французовъ была попрана; въ общественныхъ слояхъ, дающихъ тонъ, господствовалъ наглый развратъ; шла безумная биржевая игра, причемъ явно практиковались разнообразныя мошенническія продѣлки; въ этой игрѣ участвовали и представители высшей администраціи, не гнушаясь подчасъ сообщеніемъ ложныхъ телеграмъ для направленія курса фондовъ въ свою пользу; погоня за наживой обуяла всѣхъ. Правительство безумно расточало государственную казну; взяточничество подъ разными видами стало обычнымъ явленіемъ; съ законами обращались самымъ безцеремоннымъ образомъ; вездѣ господствовалъ произволъ... И такую-то систему поддерживала французская буржуазія. Изъ боязни за свое личное матеріальное благосостояніе, она не только терпѣла вторую имперію, будто-бы представлявшую собою гарантію порядка и экономическаго процвѣтанія, но даже преклонялась передъ нею. Но гнилая и искуственная система рухнула; буржузія, которой пришлось испытать не мало потерь во время войны, снова уже трепетала за свои капиталы и доходы. На кого опереться? Какое правительство представитъ наиболѣе гарантій прочности? Такимъ являлось республиканское правительство, олицетворявшее собою принципъ «экономіи» и менѣе всего разъединявшее французскій народъ. Буржуазія на выборахъ стала подавать свои голоса въ пользу кандидатовъ республиканской партіи и теперь хвастается, что именно она утвердила республиканскую форму правленія во Франціи. Но въ этомъ она ошибается. Настали иныя времена и выступили на сцену иные люди, составляющіе теперь управляющее большинство.

Говоря «французская буржуазія» мы разумѣемъ ту ея часть, которая уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, благодаря своему богатству, оказывала большое вліяніе на ходъ дѣлъ во Франціи. Въ настоящее время вліяніе ея значительно ослабѣло; центръ тяжести перешелъ въ болѣе демократическіе слои французскаго общества и хозяевами Франціи являются уже не крупная буржуазія и крупные поземельные собственники, а мелкая буржуазія и мелкіе поземельные собственники, къ чему, естественно, съ развитіемъ образованія, должны были придти въ странѣ, пользующейся всеобщей подачей голосовъ при выборахъ. Нигдѣ нѣтъ такого количества сбереженій, какъ во Франціи. Стремленіе пріобрѣтать собственность, хотя-бы самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, стало господствующимъ между французами. Мелкая собственность своей массой подавила крупныхъ собственниковъ и получила преобладающее значеніе въ дѣлахъ внутренней политики. Это совершилось, разумѣется, не въ годъ и не въ два, движеніе въ эту сторону началось уже давно, но, благодаря второй имперіи, искуственно задерживавшей развитіе французскаго народа, оно не обнаружилось и сейчасъ послѣ разгрома могло казаться, что крупная буржуазія все еще пользуется преобладающимъ вліяніемъ и держитъ судьбы страны въ своихъ рукахъ. Но какъ только стало меньше преградъ естественному развитію, центръ тяжести перемѣстился туда, гдѣ ему слѣдовало быть въ силу измѣнившихся жизненныхъ условій.

Нашимъ читателямъ, вѣроятно, хорошо извѣстны событія послѣднихъ лѣтъ. Во французской палатѣ депутатовъ образовалось огромное республиканское большинство. Казалось-бы, этого достаточно для окончательнаго утвержденія республики во Франціи, но на дѣлѣ вышло не такъ, и потребовалось нѣсколькихъ лѣтъ усилій, чтобы это стало совершившимся фактомъ. Противники республики все еще располагали большинствомъ въ сенатѣ, въ генеральныхъ совѣтахъ и въ судѣ, между несмѣняемыми судьями. Однакожъ и здѣсь республиканскій принципъ постепенно усиливался и усиливается. Сенатъ уже почти неспособенъ къ сопротивленію. Послѣдніе выборы въ генеральные совѣты настолько увеличили въ нихъ республиканскій элементъ, что въ значительномъ большинствѣ совѣтовъ за республиканцами обезпечено большинство. Противодѣйствіе судей хотя и можетъ приводить иногда къ серьезнымъ затрудненіямъ, но оно безсильно въ смыслѣ опасности самимъ республиканскимъ учрежденіямъ. Такимъ образомъ, кажется, безошибочно можно сказать, что республика окончательно утвердилась во Франціи; по крайней мѣрѣ, невозможно предвидѣть въ близкомъ будущемъ опасности для ея существованія.

Сила и популярность республиканскаго правительства во Франціи особенно ярко проявились въ послѣднее время въ двухъ случаяхъ: 1) въ обнародованіи амнистіи за политическія преступленія и 2) во время празднества при раздачѣ новыхъ знаменъ войскамъ.

Вопросъ объ амнистіи уже помилованныхъ и находящихся еще въ каторгѣ и на поселеніи въ Новой Каледоніи осужденныхъ военными судами участниковъ въ возстаніи 1870 года принадлежалъ къ числу самыхъ жгучихъ вопросовъ, поселявшихъ раздѣленіе въ республиканской партіи. Противники республики ловко пользовались имъ для возбужденія раздора въ средѣ республиканцевъ. На выборахъ въ послѣдніе два года кандидаты считали непремѣнной обязанностью затрогивать вопросъ объ амнистіи и представители республиканской партіи давали обѣщаніе добиваться ея. Надобно было во чтобы-то ни стало покончить съ жгучимъ вопросомъ и покончить непремѣнно въ утвердительномъ смыслѣ. Иначе во время предстоящихъ общихъ выборовъ начинавшаяся рознь въ республиканской партіи могла-бы перейдти въ открытую вражду, которой несомнѣнно воспользовались-бы противники республики. Вожаки республиканской партіи поняли это и употребили всѣ усилія, чтобы убѣдить палату въ необходимости и своевременности обнародованія амнистіи. Справедливость требуетъ сказать, что успѣху въ этомъ дѣлѣ особенно помогла талантливая рѣчь Гамбеты въ пользу предлагаемой мѣры. Палата приняла законъ объ амнистіи значительнымъ большинствомъ. Такой исходъ дѣла, конечно, не могъ понравиться противникамъ республики и они рѣшили дать жестокій бой республиканцамъ въ сенатѣ. Къ ихъ благополучію, въ средѣ сенаторовъ-республиканцевъ нашелся человѣкъ, который, ради личной непріязни къ Гамбетѣ и оскорбленнаго самолюбія, такъ какъ онъ не занималъ никакой выдающейся правительственной должности, — согласился подать имъ руку помощи. Это былъ Жюль Симонъ, явившійся «боевымъ конемъ» реакціи въ вопросѣ объ амнистіи. Онъ произнесъ блистательную рѣчь, состоявшую изъ ловко-сплетенныхъ софизмовъ, и перетянулъ на сторону противниковъ амнистіи нѣсколькихъ сомнѣвавшихся сенаторовъ. Амнистія была отвергнута въ сенатѣ. Но тутъ-то и высказалась сила республиканской партіи. Замѣтя, что общественное мнѣніе страны высказывается рѣзко противъ резолюціи, принятой сенатомъ, сенаторы поспѣшили пойдти на компромисъ. Они снова вотировали амнистію и приняли законъ въ новой редакціи, которая, въ сущности, ничего не измѣняла въ прежней, такъ какъ сдѣланныя измѣненія невозможно было осуществить при практическомъ примѣненіи и они остались мертвой буквой. Сенатъ счелъ, что онъ съ честью вышелъ изъ щекотливаго положенія, а республиканская партія убѣдилась, что ей нечего опасаться серьезнаго противодѣйствія въ сенатѣ.

Потерпѣвъ пораженіе по вопросу объ амнистіи, противники республики надѣялись, что затѣянная правительствомъ торжественная раздача новыхъ знаменъ войскамъ послужитъ къ посрамленію республиканской партіи, потому будто бы, что республика не возбуждаетъ сочувствія въ арміи. Но реакціонеры горько ошиблись. Уже во время приготовленія къ празднику 14 августа (день взятія Бастиліи), который, очевидно, долженъ былъ принять чисто-республиканскій характеръ, противники республики не могли не убѣдиться, что напрасны ихъ надежды на холодное отношеніе войска къ предстоящему торжеству. И дѣйствительно, во время раздачи знаменъ войска такъ очевидно выразили свои симпатіи новому порядку во Франціи, что далѣе уже невозможно было сомнѣваться въ ихъ республиканизмѣ. Въ такомъ-же направленіи высказался и флотъ во время смотра его въ Шербургѣ президентомъ республики Греви, котораго сопровождали президенты: сената—Сэ и палаты депутатовъ—Гамбета.

Выбитые со всѣхъ своихъ позицій, на которыхъ они разсчитывали удержаться и дать отпоръ своимъ врагамъ, противники республики укрѣпились въ своей цитадели, которой служитъ для нихъ клерикализмъ. Не смотря на многочисленныя пораженія, испытанныя имъ въ послѣднее время, католическій клерикализмъ все еще силенъ, въ особенности во Франціи, гдѣ, казалось бы, ему давно нужно было исчезнуть. Онъ удержался здѣсь потому, что каждый разъ, когда политическая партія чувствовала свою слабость, когда ей грозило окончательное пораженіе, она хваталась за клерикаловъ, какъ за якорь спасенія. Клерикалы, какъ партія, всегда отличались способностью пользоваться обстоятельствами и немудрено, что мало-по-малу они не только возвратили себѣ прежнее вліяніе, но захватили даже и такія привилегіи, какими не пользовались до первой революціи. Ихъ вліяніе особенно усилилось во время второй имперіи, когда Наполеонъ III, замѣчая, что почва начинаетъ ускользать изъ-подъ его ногъ, бросился въ объятія клерикаловъ и для того, чтобы расположить ихъ къ себѣ, рѣшился на римскую экспедицію. Еще болѣе усилилось оно во время господства такъ называемаго «правительства нравственнаго порядка»—министерствъ Брольи и Бюффе, когда французской республикой управляли ея противники. Понятно, какъ только власть перешла въ руки республиканцевъ, они стали подумывать объ ослабленіи значенія клерикаловъ. Нѣсколько частныхъ, сравнительно ничтожныхъ мѣръ, принятыхъ въ этомъ направленіи, очень мало способствовали рѣшенію вопроса и вотъ республиканцы выступили съ общей мѣрой: предполагалось отнять у духовныхъ конгрегацій, преимущественно у іезуитовъ, средство воспитывать юношество въ клерикальномъ направленіи. Законъ о народномъ образованіи, составленный въ этомъ смыслѣ, былъ принятъ палатой депутатовъ и отвергнутъ въ сенатѣ. Противники республики торжествовали. Правительство, не успѣвшее согласить сенатское большинство ни на какой компромисъ, объявило, что оно потребуетъ точнаго исполненія декретовъ, изданныхъ прежними правительствами. А этими декретами іезуиты изгонялись изъ Франціи. Дѣло, однакожъ, шло не объ однихъ іезуитахъ; кромѣ нихъ во Франціи пріютилось нѣсколько духовныхъ конгрегацій, неимѣющихъ законнаго утвержденія ихъ обществъ. Эти-то конгрегаціи, вмѣстѣ съ іезуитами, распоряжались значительнымъ числомъ народныхъ школъ и, разумѣется, старались привить дѣтямъ клерикальныя возрѣнія. Правительство и предположило, если не совершенно уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить вліяніе этихъ конгрегацій. Отъ нихъ оно потребовало представленія уставовъ и просьбы о разрѣшеніи. Постановленіе объ этомъ правительство издало 17 марта. Всполошились клерикалы и съ обычной имъ энергіей принялись интриговать. Начали они съ того, что убѣдили нѣсколькихъ прокуроровъ подать въ отставку и тѣмъ выразить порицаніе правительственному постановленію. Далѣе, когда законъ объ изгнаніи іезуитовъ сталъ приводиться въ исполненіе, клерикалы постарались произвести народную манифестацію въ пользу іезуитовъ. Но ни отставки прокуроровъ, ни жалкая манифестація не произвели ожидаемаго дѣйствія и клерикалы должны были признать только, что республиканская партія сильнѣе, чѣмъ они думали. Въ тоже время клерикалы поняли, что серьезныя уступки съ ихъ стороны покажутъ ихъ слабость и послужатъ къ ихъ полному пораженію и они взялись за свою обычную тактику. Безсмертный типъ «Тартюфа» всегда служилъ для нихъ образцемъ; лицемѣріе они считаютъ величайшей добродѣтелью. И вотъ они пустили въ ходъ лицемѣріе: по виду они являются кроткими и незлобивыми, яко агнцы, они готовы на возможныя уступки, лишь бы не возбуждать несогласій, вредно отражающихся на благосостояніи ихъ любезнаго отечества, Франціи; въ дѣйствительности-же никакихъ уступокъ они не дѣлали, но своей лицемѣрной кротостью провели перваго министра Фрейсине, очень талантливаго инженера, но неопытнаго государственнаго человѣка.

Духовныя конгрегаціи, отъ которыхъ требовалось или представленія просьбъ правительству о разрѣшеніи или закрытія ихъ обществъ, заявили первому министру, что они готовы подчиниться требованію правительства и подадутъ просьбы о разрѣшеніи ихъ обществъ, причемъ тонко замѣчали, что текстъ ихъ заявленія проредактированъ въ Ватиканѣ. Такимъ образомъ, правительству представлялась въ одно и тоже время возможность съ честью выйдти изъ затруднительнаго положенія, въ какое поставило его обнародованіе декретовъ 17 марта, и возстановить хорошія отношенія съ папой, нарушенныя этимъ-же самымъ декретомъ. Фрейсине повѣрилъ искренности клерикаловъ и поспѣшилъ въ одной изъ своихъ рѣчей сдѣлать намекъ, что представляется возможность мирно разрѣшить вопросъ о духовныхъ конгрегаціяхъ. Этого только добивались клерикалы; имъ нужно было еще болѣе запутать положеніе и они достигли своей цѣли. Когда въ газетахъ было обнародовано письмо, съ которымъ должны были обратиться къ правительству духовныя конгрегаціи, всѣ убѣдились, что въ немъ нѣтъ и рѣчи ни о какихъ уступкахъ. Напротивъ, этимъ письмомъ заявлялось, что конгрегаціи остаются при прежнемъ своемъ мнѣніи, т. е. что правительству нѣтъ дѣла до ихъ уставовъ, которые утверждаетъ только одинъ папа. Въ тоже время клерикалы продолжали лицемѣрно утверждать, что они сдѣлали все, чего могло требовать правительство, при чемъ ѣдко замѣчали, что если правительство вздумаетъ требовать отъ нихъ еще большаго, этимъ самымъ оно покажетъ, что вторгается въ область религіи и нарушаетъ религіозный принципъ.

Положеніе Фрейсине критическое. Онъ убѣдился, что клерикалы провели его, но не знаетъ, какъ выйдти изъ затруднительнаго положенія. Онъ боится еще болѣе запутать дѣло. Между тѣмъ республиканская партія требуетъ примѣненія въ полной силѣ декрета 17 марта, т. е. распущенія духовныхъ конгрегацій, непризнанныхъ закономъ. На что рѣшится Фрейсине? Ему остается или выйдти въ отставку или исполнить желаніе республиканской партіи, къ которой онъ самъ принадлежитъ.

Но хотя клерикалы и поставили въ затруднительное положеніе республиканское правительство, изъ этого еще не слѣдуетъ, что ловко веденная ими интрига представляетъ опасность для существованія республики. Если Фрейсине не съумѣетъ побороть эту интригу, его замѣнитъ другой министръ, который съ успѣхомъ приведетъ къ концу начавшуюся борьбу съ клерикалами. Несомнѣнно побѣда надъ ними не легка; они долго не сложатъ оружія и постараются еще не разъ ставить затрудненія республиканскому правительству.

Побѣдительница Франціи объединенная Германія, получивъ пятимиліардную контрибуцію, не только не улучшила своего матеріальнаго благосостоянія, но и до сихъ поръ не оправилась еще отъ экономическаго разстройства, какое вызвано было въ ней чрезмѣрнымъ напряженіемъ ея производительныхъ силъ во время войны. Лучшей илюстраціей современнаго положенія Пруссіи можетъ послужить офиціальный отчетъ о состояніи нищенства въ Берлинѣ. Въ 1876 году столичной полиціей было арестовано за прошеніе милостыни 8,738 человѣкъ; въ 1877 году число это возрасло до 22,442; въ 1878—23,200; въ 1879—26,048 человѣкъ. Не показываютъ-ли эти краснорѣчивыя цифры о постоянномъ возрастаніи бѣдности въ столицѣ германской имперіи и не указываютъ-ли они на упадокъ экономическаго благосостоянія вообще во всей странѣ. Дѣйствительно и изъ провинцій получаются неутѣшительныя свѣденія. Бѣдность вездѣ увеличивается и паралельно этому усиливается эмиграція нѣмцевъ въ другія страны, преимущественно въ Соединенные штаты. Не надо забывать, что изъ Германіи уходятъ не нищіе, которыхъ бѣдность лишила всякой энергіи и предпріимчивости. Оставляютъ страну преимущественно люди съ характеромъ, энергичные, имѣющія сбереженія, которыя позволяютъ имъ обзавестись крайне необходимымъ въ новомъ отечествѣ; наконецъ, все это по большей части люди молодые, способные къ труду. Выселеніе такихъ людей не только не уменьшаетъ въ странѣ бѣдности, напротивъ, способствуетъ ея развитію, потому что страна теряетъ массу способныхъ работниковъ. Къ тому-же «вооруженный миръ», заставляющій содержать громадную армію, въ свою очередь отрываетъ массу молодыхъ рабочихъ силъ отъ производительнаго труда. Немудрено, что въ Германіи, поставленной въ такія неблагопріятныя условія, уровень экономическаго благосостоянія постоянно понижается. Неотлагательная необходимость многихъ внутреннихъ реформъ чувствуется всѣми, но всякія начинанія парализуются заботой быть всегда готовыми къ войнѣ. Въ Пруссіи точно не существуетъ никакихъ другихъ потребностей, кромѣ увеличенія состава арміи и средствъ къ оборонѣ на случай вторженія непріятеля. Исполняются слова графа Мольтке, заявившаго послѣ окончанія франко-прусской войны, что Германія для сохраненія своихъ завоеваній, т. е. Эльсаса и Лотарингіи, принуждена будетъ оставаться вооруженной, по крайней мѣрѣ, втеченіи 50 лѣтъ. Пруссіи не первой приходится испытывать на себѣ печальныя послѣдствія громкихъ побѣдъ и завоеваній.

Австрія устроилась лучше своей сосѣдки. Послѣ несчастной войны съ Пруссіей, Австрія, казалось, дошла до крайней степени слабости и разстройства. Государственный кредитъ ея настолько пошатнулся, что ей грозило банкротство. Еслибы австрійское правительство, заключивъ невыгодный для Австріи миръ, стало-бы заботиться только о возвращеніи потеряннаго и продолжало-бы прежнюю систему управленія, оно могло бы довести страну до окончательнаго паденія. Но оно примирилось съ совершившимся фактомъ, откинуло всякую мысль о возмездіи и рѣзко измѣнило свою правительственную систему. Либеральныя учрежденія оживили ослабѣвшій организмъ австрійскаго государства; съ тѣхъ поръ прошло всего 14 лѣтъ и Австрію узнать нельзя; производительность въ ней увеличилась, промышленность процвѣтаетъ; государственный кредитъ установился прочно. Въ Австріи, правда, все еще продолжается вражда между различными національностями, соединенными подъ скипетромъ габсбургскаго дома; но вражда эта окончательно исчезнетъ только въ такомъ случаѣ, если Австрія обратится въ федерацію различныхъ національностей, которыя получатъ туже самостоятельность, какой пользуются теперь одни венгерцы.

Однакожъ Австрія, во многомъ измѣнившая свою внутреннюю политику, во внѣшней держится почти тѣхъ же началъ, какія положены въ ея основу въ давнее время и особенно развиты Метернихомъ. Австрія, благодаря тому, что прочія европейскія державы считали необходимымъ для европейскаго равновѣсія ея существованіе, какъ могущественной державы,—Австрія всегда выходила сухой изъ воды и чужими руками таскала изъ жара каштаны. Въ такомъ исключительномъ положеніи Австрія находится до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ за какіе доблести предоставили ей по рѣшенію берлинскаго конгреса занять своими войсками Боснію и Герцеговину? Австрія не участвовала въ войнѣ Россіи съ Турціей, ее не связываютъ никакія симпатіи съ босняками и герцеговинцами, между тѣмъ, она смотритъ на эти провинціи какъ на свою собственность и хозяйничаетъ тамъ какъ у себя дома. А какъ она хозяйничаетъ — отвѣтомъ служитъ записка, поданная Гладстону патріотами Босніи и Герцеговины. Изъ этой записки оказывается, что австрійское управленіе для босняковъ и герцеговинцевъ несравненно тяжеле, чѣмъ даже было турецкое. Патріоты умоляютъ Гладстона защитить ихъ несчастную страну отъ австрійскихъ притѣсненій. Занявъ Боснію и Герцеговину Австрія сдѣлала непростительную ошибку; это занятіе уже и теперь обходится ей не дешево; въ близкомъ же будущемъ оно можетъ причинить ей большія затрудненія.

Въ Италіи идетъ дѣятельная агитація въ пользу избирательной реформы. Безпрестанно собираются сходки, на которыхъ заявляется требованіе о введеніи всеобщей подачи голосовъ. Прогрессивное министерство Кайроли давно уже представило въ парламентъ новый избирательный законъ, несравненно болѣе демократичный, чѣмъ существующій, но палата депутатовъ подъ разными предлогами отклоняетъ его разсмотрѣніе. Однакожъ, агитація въ пользу избирательной реформы такъ сильна, что парламенту, во избѣжаніе серьезныхъ волненій, придется наконецъ заняться этимъ неотложнымъ вопросомъ.

Въ Италіи лучше всего можно видѣть, въ какой степени католическій клерикализмъ вліяетъ на умственное и экономическое состояніе страны. Въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ клерикалы еще составляютъ силу, масса невѣжественна и подавлена бѣдностью, какъ напримѣръ, въ Неаполѣ, Сициліи и части бывшихъ папскихъ владѣній. Изслѣдуя остальныя провинціи, мы убѣждаемся, что самыя просвѣщенныя и пользующіяся болѣе высшимъ экономическимъ благосостояніемъ изъ нихъ именно тѣ, въ которыхъ клерикалы имѣютъ наименьшее значеніе и оказываютъ ничтожное вліяніе на ходъ дѣлъ. При такой очевидности немудрено, если республиканская партія во Франціи ведетъ съ крайней страстностью борьбу противъ клерикаловъ.

Въ біографіи Гладстона, напечатанной въ № 18 «Живописнаго Обозрѣнія», разсказано, какъ въ Англіи совершилась знаменательная перемѣна министерства. Авантюристская, безцеремонная политика графа Биконсфильда до того надоѣла англичанамъ, что они съ необыкновеннымъ одушевленіемъ высказались противъ нея на общихъ выборахъ въ палату депутатовъ. Либеральная партія получила въ палатѣ значительное большинство и порученіе составить новое министерство было дано королевой Гладстону. Биконсфильдовское министерство оставило новому премьеру незавидное наслѣдство. Финансы были разстроены, въ Ирландіи бродило неудовольствіе, нѣсколько успокоенное реформами Гладстона въ его предыдущее министерство; часть англійской арміи въ Афганистанѣ была разбита Эюбъ-ханомъ, владѣтелемъ Герата, претендентомъ на афганистанскій престолъ; въ Турціи была заварена такая каша, которую очень мудрено было расхлебать; однимъ словомъ, во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ оказывалась масса ошибокъ, которыя надо было во что-бы то ни стало поскорѣе исправить. Гладстонъ началъ съ объявленія о необходимости точно выполнить постановленія берлинскаго конгреса, такъ какъ Турція видимо принимаетъ все въ шутку. Затѣмъ, не имѣя возможности тотчасъ-же предложить болѣе существенныя мѣры для успокоенія Ирландіи, Гладстонъ представилъ палатѣ законъ о вознагражденіи фермеровъ въ Ирландіи за тѣ улучшенія въ почвѣ, которыя они дѣлаютъ во время арендованія ими фермъ у землевладѣльцевъ. По существующимъ законамъ землевладѣлецъ, отказывая фермеру въ арендѣ и сгоняя его съ земли, не былъ обязанъ уплачивать ему за тѣ улучшенія въ почвѣ, которыя значительно возвышали размѣръ аренды. Гладстонъ, доказывая несправедливость такихъ отношеній владѣльца къ нанимателю, предложилъ назначить фермерамъ опредѣленное вознагражденіе. Палата общинъ приняла новый законъ; палата-же лордовъ его отвергла. Это неожиданное противодѣйствіе лордовъ произвело бурю въ палатѣ общинъ. Много горькихъ истинъ было высказано депутатами верхней палатѣ. Наконецъ, всталъ министръ по ирландскимъ дѣламъ Форстеръ и въ своей рѣчи выразилъ рѣзкое порицаніе дѣйствіямъ палаты лордовъ; онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Парламентская тактика палаты лордовъ можетъ сдѣлать не только желательнымъ, но даже необходимымъ измѣненіе устава этой палаты». Въ этихъ словахъ увидѣли косвенный намекъ на необходимость уничтоженія наслѣдственной верхней палаты и рѣчь Форстера произвела сильное впечатлѣніе, въ особенности на континентѣ Европы. Объ этой рѣчи много говорили и наши газеты. Если не ошибаемся кажется всѣ наши газеты сошлись въ одномъ, что Форстеръ первый изъ министровъ рѣшился порицать палату лордовъ съ трибуны палаты депутатовъ. На этотъ разъ они ошиблись: Форстеръ вовсе не первый изъ министровъ, рѣшившійся на порицаніе верхней палаты съ парламентской трибуны; онъ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ предшественникомъ Брайта. Будучи однимъ изъ членовъ министерства Гладстона въ 1869 году, Брайтъ, по поводу отверженія палатой лордовъ закона объ ирландской церкви, въ своей рѣчи высказалъ, что лорды поступаютъ очень неразумно, отвергая законъ, принятый палатой общинъ; и что если они не поправятъ своей ошибки, народъ можетъ задать себѣ вопросъ: какой смыслъ имѣетъ конституція, если при ней возможно, что одна палата принимаетъ законъ большинствомъ 100 голосовъ, въ тоже время другая палата отвергаетъ его большинствомъ тоже въ 100 голосовъ. Брайтъ заключилъ свою рѣчь утвержденіемъ, что палата лордовъ можетъ долго просуществовать, если она будетъ дѣйствовать въ соглашеніи съ общественнымъ мнѣніемъ страны; если-же она захочетъ ему противодѣйствовать, ей угрожаютъ весьма непріятныя послѣдствія.

Вскорѣ послѣ произнесенія этой рѣчи Брайтомъ, лорды приняли законъ объ ирландской церкви. Можетъ быть, и рѣчь Форстера приведетъ къ подобнымъ-же послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе, что въ Ирландіи отвѣтомъ на отверженіе палатою лордовъ закона о вознагражденіи фермеровъ появилась масса враждебныхъ митинговъ и начались аграрныя убійства. Въ самомъ Лондонѣ, въ Гайдпаркѣ, состоялся громадный митингъ, на которомъ присутствовало болѣе 10,000 человѣкъ. Митингъ выразилъ свое порицаніе палатѣ лордовъ.

Гладстону посчастливилось въ Афганистанѣ. Англичане разбили на голову Эюбъ-хана, который бѣжалъ въ Гератъ. Эта побѣда снова подняла обаяніе англичанъ въ Афганистанѣ, сильно скомпрометированное испытаннымъ ими пораженіемъ.

Въ Соединенныхъ штатахъ готовятся къ предстоящимъ въ нынѣшемъ году выборамъ президента. Двѣ соперничающія партіи, республиканская и демократическая, каждая выбрала уже своего кандидата.

Строго слѣдуя ученію Монроэ, «Америка для американцевъ», Соединенные штаты ревниво оберегаютъ Америку отъ вторженія европейскаго вліянія. Они высказались противъ проекта Лесепса о прорытіи Панамскаго перешейка. Лесепсъ пытался найдти капиталы для своего предпріятія въ Соединенныхъ штатахъ и вездѣ получилъ отказъ. Въ тоже время американскіе инженеры составили свой проектъ соединенія Атлантическаго океана съ Тихимъ и ихъ проектъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ Соединенныхъ штатахъ. Впрочемъ, онъ имѣетъ то преимущество передъ проектомъ Лесепса, что для его осуществленія потребуется несравненно меньшая сумма денегъ, но проектъ французскаго инженера грандіознѣе и лучше удовлетворяетъ предположенной цѣли.

Къ рисункамъ.

Интересная книга, картина Тульмуша. Тульмушъ принадлежитъ къ числу самыхъ модныхъ парижскихъ будуарныхъ живописцевъ. Грація и шикъ его кисти, его женскія головки, его кокетливыя фигурки, незатѣйливыя сцены, взятыя исключительно изъ міра свѣтской жизни,—вотъ чѣмъ собственно онъ нравится въ Парижѣ, гдѣ его картины цѣнятся на вѣсъ золота, и гдѣ считается почти обязательнымъ имѣть картину Тульмуша въ роскошномъ будуарѣ парижской франтихи. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи, онъ неподражаемъ; его картины даютъ чрезвычайно вѣрное изображеніе свѣтской парижанки, со всей пустотой ея умственныхъ интересовъ и со всею граціею ея внѣшности. Весьма понятно, что онъ, какъ спеціальный художникъ свѣтской женщины, очень много вниманія обращаетъ на аксесуарную часть: платья, головныя уборы, кокетливую обувь, кружева, шелкъ, бархатъ и проч. Но при всѣхъ этихъ спеціальныхъ достоинствахъ, Тульмушъ въ то-же время очень поверхностенъ. Онъ, такъ сказать, никогда не интересуется внутреннею жизнію свѣтской женщины, никогда не заглядываетъ въ ея душу; онъ видитъ ее только сквозь розовую, но довольно фальшивую призму свѣта, но не знаетъ ни ея радостей, ни ея печалей.

Его картина «Интересная книга» даетъ довольно полное понятіе объ этомъ своеобразномъ жанрѣ Тульмуша,—жанрѣ, который можно было-бы назвать «свѣтскимъ жанромъ». Передъ вами—роскошный будуаръ: на паркетѣ богатый коверъ, на стѣнахъ дорогія картины, у дверей тяжелыя драпри, скрытыя японской ширмочкой; затѣмъ вазы, бронза и проч. Этотъ будуаръ представляетъ собою собраніе всевозможныхъ стилей, начиная съ мебели во вкусѣ Людовика XV и японскихъ бездѣлушекъ и кончая стилемъ второй имперіи. На роскошномъ диванѣ полу-лежа красуются двѣ дамы: они только что читали новый романъ; вѣроятно, романъ былъ не изъ самыхъ интересныхъ, потому что, не докончивъ главы обѣ уже заснули. Парижскій типъ лица этихъ дамъ, ихъ костюмы, вся обстановка переносятъ насъ прямо въ парижскую великосвѣтскую жизнь, но даютъ намъ только ея внѣшнюю, покорвую сторону.

Обезьяны и леопардъ. Міръ природы безъ сомнѣнія также интересенъ, какъ и міръ людей. Въ немъ такія-же драмы и такая-же борьба за существованіе. Вотъ почему цѣлая школа художниковъ-анимолистовъ, посвящаетъ себя изученію міра животныхъ. На рисункѣ: «Обезьяны и леопардъ», художникъ знакомитъ насъ съ одною изъ такихъ драмъ. Замѣтивъ нѣсколько обезьянъ, леопардъ вздумалъ было полакомиться ими, но обезьяны взобрались на скалу и оттуда пугливо смотрятъ на своего врага, который взбирается на дерево, откуда онъ разсчитываетъ броситься на свою добычу. Свирѣпое выраженіе леопарда и испугъ обезьянъ — хорошо схвачены.

Буря, картина Гааса. Какъ и предшествующій рисунокъ, такъ и картина Гааса,—взяты изъ міра природы, только въ рисункѣ мы имѣемъ дѣло съ животными, между тѣмъ какъ въ картинѣ Гааса мы знакомимся со страшною стихіей—моремъ. Пейзажъ представляетъ бурю въ океанѣ; разъярившіяся волны сливаются съ небомъ и играютъ, какъ щепкой, несчастнымъ кораблемъ, который вѣроятно погибнетъ. Картина имѣетъ несомнѣнныя достоинства.

Урокъ танцевъ, картина Вормса. Читатели наши уже знакомы съ произведеніями Вормса, французскаго художника, посвятившаго себя исключительно разработкѣ испанской народной жизни. Въ «урокѣ танцевъ» онъ знакомитъ васъ съ андалузской жизнію. На дворикѣ стариннаго зданія (вѣроятно церкви), у фонтана, молодая дѣвочка, за которою стоитъ ея мать, беретъ урокъ танцевъ; на ступенькахъ зданія сидитъ старая андалузка въ бѣломъ платкѣ на головѣ, молодой андалузецъ, хлопающій успѣхамъ дѣвочки, и женщина среднихъ лѣтъ, играющая на гитарѣ. Оригинальность всей обстановки, самая сцена, и выразительная типичность всѣхъ лицъ,—замѣчательны. Глядя на картину Вормса, невозможно ошибиться: это дѣйствительно Испанія, со всею своеобразностью ея жизни, со всѣми особенностями культуры и нравовъ.

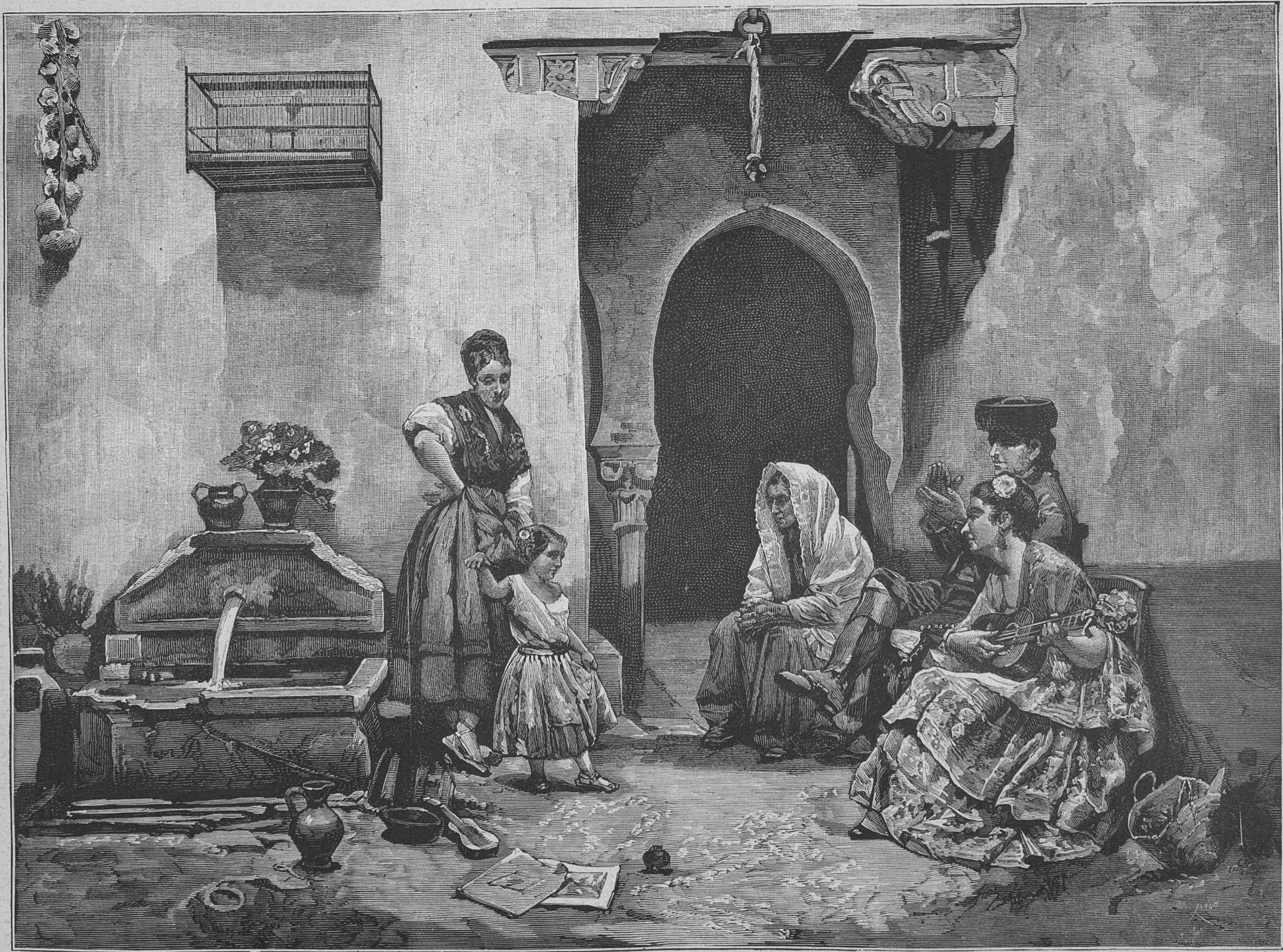
Гонта надъ трупомъ отца, картина Мартиновича. Содержаніе этой картины заимствовано изъ извѣстной поэмы Шевченко и не требуетъ объясненій. Г. Мартиновичъ,—молодой русскій художникъ,—какъ кажется спеціально посвятилъ себя иллюстраціи малороссійскаго поэта. Онъ съ любовью изучаетъ малороссійскіе типы и наблюдаетъ нравы южной Россіи. Лицо Гонты—чрезвычайно выразительно и типично. Мы-бы однакожъ замѣтили молодому художнику, что рисунокъ его далеко еще не достигъ совершенства, и надъ техникой ему придется еще много поработать. Въ живописи, какъ и во всякомъ иномъ искуствѣ, прежде всего нужно овладѣть техникой, чтобы свободно выражать свою мысль.

Могила Гоголя, рисунокъ Матвѣева. Гоголь похороненъ въ Москвѣ. Г. Матвѣевъ знакомитъ насъ въ своемъ рисункѣ съ поэтической обстановкой его могилы; рисунокъ очень хорошъ и вѣрно передаетъ мѣстность.

* * *

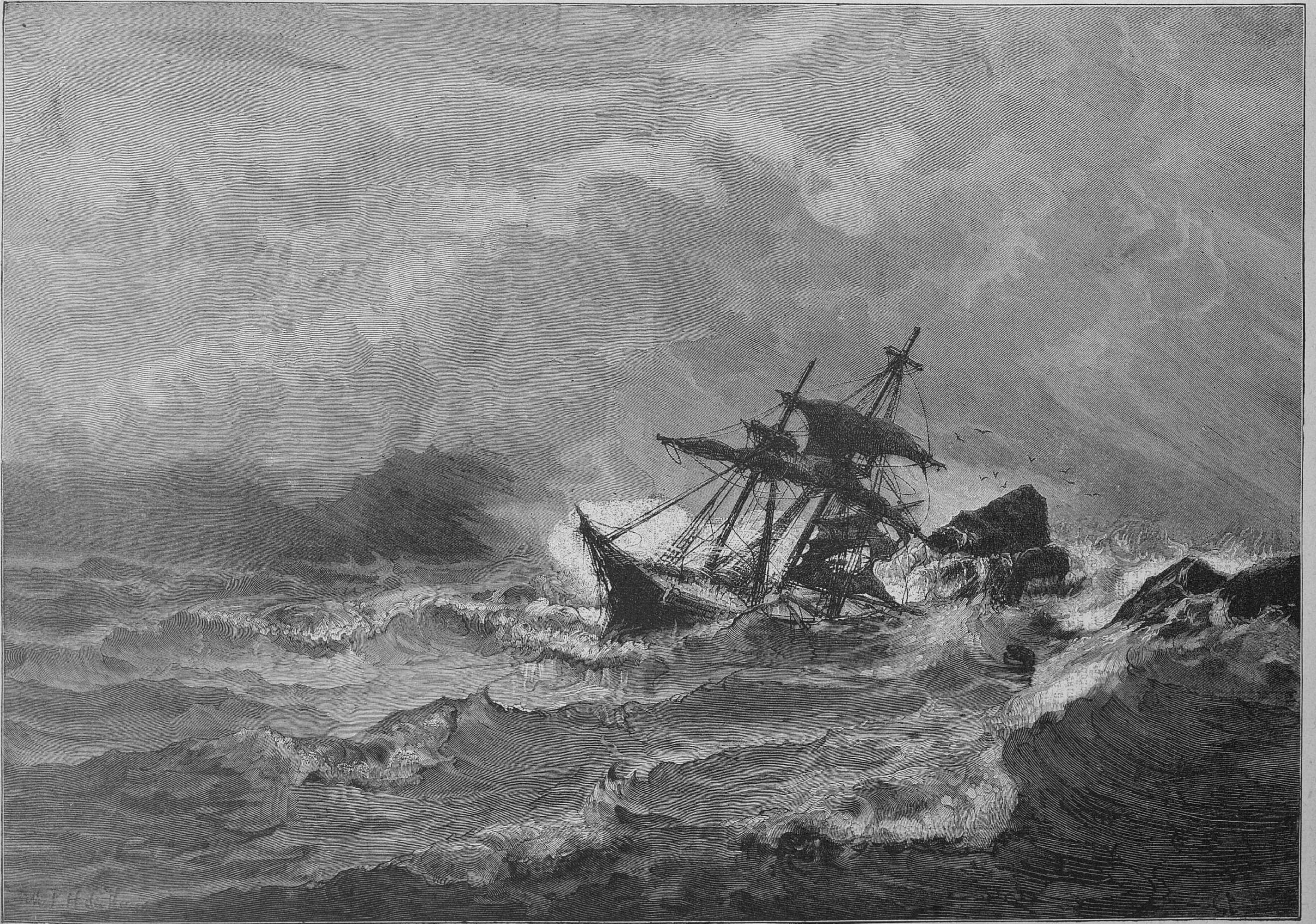
ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ВОРМСА.



Урокъ танцевъ (Изъ андалузской жизни).

Рѣзано на деревѣ въ Барселонѣ.



КАРТИНА ГААСА. Буря.

Рѣзано на деревѣ въ Америкѣ.

Правительственныя распоряженія.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

данный на имя министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта графа М. Т. Лорисъ-Меликова.

Графъ Михаилъ Таріеловичъ. Прискорбныя событія послѣднихъ лѣтъ, выразившіяся цѣлымъ рядомъ злодѣйскихъ покушеній, вынудили Меня учредить подъ главнымъ вашимъ начальствомъ верховную распорядительную коммиссію и облечь васъ чрезвычайными полномочіями, для борьбы съ преступною пропагандою, пытавшеюся, путемъ насилія, поколебать спокойствіе дорогаго намъ отечества. Отличная, втеченіе многихъ лѣтъ, служба ваша на Кавказѣ, блистательно завершившаяся славнымъ участіемъ вашихъ въ послѣдней войнѣ; благоразумная и энергическая дѣятельность, выказанная вами при командированіи въ Приволжскій край во время свирѣпствовавшей тамъ эпидеміи и затѣмъ въ званіи временнаго харьковскаго генералъ-губернатора, служили Мнѣ ручательствомъ, что вы съ такимъ же знаніемъ дѣла, усердіемъ и твердостью исполните и новое многотрудное порученіе, особымъ Моимъ довѣріемъ на васъ возложенное. Послѣдствія вполнѣ оправдали Мои ожиданія. Настойчиво и разумно слѣдуя втеченіе шести мѣсяцевъ, указаннымъ Мною путёмъ, къ умиротворенію и спокойствію общества, взволнованнаго дерзостью злоумышленниковъ, вы достигли такихъ успѣшныхъ результатовъ, что оказалось возможнымъ если не вовсе отмѣнить, то значительно смягчить дѣйствіе принятыхъ временно чрезвычайныхъ мѣръ, и нынѣ Россія можетъ вновь спокойно вступить на путь мирнаго развитія. Высоко цѣня оказанныя вами заслуги, Я съ особеннымъ удовольствіемъ и признательностью жалую васъ кавалеромъ Императорскаго ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклоннымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Искренно васъ любящій и благодарный
«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Ливадіи.
30-го августа 1880 года.

Смѣсь.

— Впечатлѣнія воздухоплавательницы (Г-жи Сильвіи Фламаріонъ, переводъ В. В. Юзефовича). Путешествіе на аэростатѣ... фантастически - обаятельное сновидѣніе, безмѣрный восторгъ, рядъ нескончаемыхъ, поразительныхъ ощущеній!.. Сколько неизвѣданныхъ радостей, грандіозныхъ нечаянностей ожидаютъ смѣльчака, мужественно ввѣряющагося безконечной эфирной шири!.. Ему одновременно дается познать: планету—его жилище, природу—во всеоружіи царственнаго величія, Творца — въ ореолѣ неисчерпаемыхъ богатствъ его творчества!

Наконецъ-то назначенъ рѣшительный день. Астрономъ нашъ сказалъ: «мы отправимся завтра, если погода позволитъ». Я взглянула на небо: синее, безъ малѣйшаго облачка, оно такъ и манитъ къ себѣ; едва замѣтный вѣтерокъ лѣниво перешептывается о чемъ-то съ дремлющей листвой деревьевъ. Славный предстоитъ намъ на завтра путь. Сердце полно надежды; все существо охвачено нетерпѣливымъ трепетомъ ожиданія. Странное это чувство: близкое къ нѣгѣ, къ истомѣ, оно является чѣмъ-то среднимъ между ощущеніемъ безпричиннаго счастья и страхомъ,—но только пріятное, даже какъ будто слегка опьяняющее—вѣкъ бы, кажется, не рассталась съ нимъ. Вотъ всходитъ луна; всѣ дружески привѣтствуютъ въ ней будущаго товарища-спутника, поэтическій свѣточъ въ безбрежномъ, таинственномъ плаваніи. Ночь наступаетъ—тревожная, лихорадочная; всѣмъ грезится шаръ, хотѣлось бы быть уже тамъ, въ высотѣ! А разсвѣтъ, какъ нарочно, медлитъ своимъ появленіемъ! Показался и онъ—непривѣтливый, хмурый. Вѣтеръ—нестерпимѣйшій врагъ воздухоплавателя, неистово мечетъ все встрѣчающееся ему на пути, словно силится доказать: «я единственный повелитель въ природѣ». На насъ нападаетъ тоска; мы то и дѣло вопросительно взглядываемъ на небо: тамъ однѣ лишь мрачныя облака бѣшено мчатся, перегоняя другъ друга! Увы, на сегодня, видно, намъ незадача! А надежда, этотъ неунывающій утѣшитель всего человѣчества, робко старается насъ ободрить: пока еще утро; до вечера буря успѣетъ утихнуть...

Время идетъ; ураганъ, дѣйствительно, начинаетъ слабѣть; вотъ и солнышко глянуло между тучъ. Радостные, спѣшимъ мы на мѣсто посадки. Кормчій нашъ уже тамъ; только выраженіе лица его что-то неутѣшительное! «Нечего торопиться шаръ наполнять, говоритъ онъ,—подождемъ, такъ-то вѣрнѣе будетъ». Ждать, снова ждать! Это ужасно! Скрывая отчаяніе, въ сотый разъ принимаемся мы разсматривать остовъ аэростата, распластанный у нашихъ ногъ. Что за громадина: длинный, длинный и узкій, точно гигантская змѣя. Просто не вѣрится, какъ подумаешь, что эта безформенная масса матеріи, черезъ какой-нибудь часъ, одушевленная газомъ, получитъ способность увлечь насъ за предѣлы всего намъ извѣстнаго! Аэронавтъ Годаръ нервно прохаживается взадъ и впередъ, поминутно совѣтуясь съ горизонтомъ. Его робость понятна: отвѣтственность лежитъ исключительно на немъ! Тѣмъ не менѣе, намъ оттого не легче; мы ждемъ, но уже съ оттѣнкомъ апатіи, почти безнадежно! Вдругъ громко раздался повелительный возгласъ: «къ шару! Скорѣй наполняйте его; мы сейчасъ отправляемся!» Крикъ восторга, единодушно вылетѣвшій какъ-бы изъ общей груди, привѣтствуетъ отданное приказаніе. Всѣ суетливо кидаются оканчивать давно уже начатыя приготовленія. Фламаріонъ повѣряетъ свои барометры, термометры, гигрометры, книги, атласы—весь неизбѣжный скарбъ ученаго. Я вижу, съ какимъ презрѣніемъ косится онъ на мой, едва-ли не лишній, по его мнѣнію, багажъ; истый астрономъ, онъ съ трудомъ допускаетъ необходимость ѣды. Шаръ, между тѣмъ, понемногу приподнимается, вырисовывая постепенно свои очертанія; вотъ онъ дрожитъ, волнуется, подъ вліяніемъ газа, въ него входящаго; со стороны кажется, точно и онъ раздѣляетъ общее нетерпѣніе. Друзья, пришедшіе насъ проводить, не налюбуются на этого колоса объемомъ въ 1,500 куб. метровъ. Построенный изъ крѣпчайшей шелковой китайской матеріи, онъ покрытъ веревочной сѣткой минимальнаго вѣса.

Кончился процесъ наполненія газомъ; аэронавтъ собственноручно прикрѣпляетъ лодку подъ сѣткой. Все готово, пора отправляться, а то, чего добраго, воздушный корабль умчится одинъ; 12 рабочихъ насилу его удерживаютъ. «Скорѣе, скорѣе, торопитъ Годаръ,—всѣ по мѣстамъ». Мы, понятно, не ждемъ повторенія; по праву единственной женщины, я вхожу первая; за мной Фламаріонъ, потомъ гг. Фуше и Томасъ. Провожающіе, тѣснясь, окружаютъ лодку, жмутъ наши руки; у большинства замѣтно волненіе—имъ вчужѣ страшно за насъ! А мы... мы такъ далеки отъ этого чувства. Въ лодку входитъ Годаръ. Слышатся пожеланія: «счастливаго пути, возвращайтесь благополучно»; затѣмъ тишина. Годаръ размышляетъ. О чемъ? Что онъ медлитъ? Почему не даетъ сигнала къ отъѣзду? Въ душу закрадывается боязнь: ужь нѣтъ-ли между нами лишняго? Не меня-ль обрекутъ на изгнаніе?... Команда «отдай веревки» прерываетъ мои сомнѣнія. Плавно, не слышно, начинаемъ мы подниматься; друзья скрываются изъ виду, только голосà ихъ смутно еще долетаютъ до насъ. Наступившая ночь, освѣщенная луннымъ сіяніемъ, прелестна. Мы плывемъ надъ Парижемъ. Громадный, весь залитый огнями, онъ являетъ собою картину до того необычайную, до того поразительную, что мы въ одинъ голосъ воскликнули: «Боже, какъ хорошо!» Дѣйствительно кому удалось взглянуть на Парижъ ночью, съ высоты полета воздушнаго шара, въ томъ никогда не изгладится впечатлѣніе этого по истинѣ чуднаго зрѣлища. Но вотъ столица, со всѣмъ своимъ блескомъ, мало по малу, теряется, тонетъ въ прозрачной мглѣ и странно: только съ этой минуты мы сознательно ощутили свое одиночество въ безконечномъ пространствѣ! Такъ велико обаяніе всемірнаго города, что пока его видишь, хотя-бы съ аэростата, все кажется, будто привязанъ къ нему крѣпкою нитью.

Мы продолжаемъ подниматься. Извнѣ движеніе ничѣмъ не обнаруживается; точно стоишь на мѣстѣ, хотя въ тоже время увѣренъ, что летишь со скоростью быстрѣйшаго поѣзда. Тишина вокругъ полная, торжественнаго характера; такое абсолютное отсутствіе звуковъ намъ впервые довелось испытать. Убаюканные имъ не хуже любой гармоніи, мы сидимъ очарованные, не смѣя пошевельнуться, громко заговорить. Послѣднее, впрочемъ, объусловливается еще и тѣмъ, что въ чистомъ, тончайшемъ эфирѣ, насъ окружающемъ, человѣческій голосъ отдается столь грубо и рѣзко, что звукъ его вызываетъ болѣзненнонервное ощущеніе. Фламаріонъ правъ: ничто, напоминающее нашу тѣлесную оболочку, не должно встрѣчаться въ другихъ мірахъ. При такой обстановкѣ, въ полной зависимости отъ атмосферныхъ законовъ, мы начинаемъ казаться себѣ крайне ничтожными, слабыми; мнѣ приходитъ даже на мысль, что и самаго гордаго человѣка на свѣтѣ долговременное воздушное путешествіе, навѣрное, превратитъ въ самаго скромнаго. Изъ числа всѣхъ, находящихся въ шарѣ, я, конечно, счастливѣйшая и это понятно: аэронавтъ ни минуты не знаетъ покоя, слѣдя за всѣмъ, наблюдая теченія, прислушиваясь къ малѣйшему шороху управляемаго имъ механизма. Часто, когда онъ задумалъ слегка отдохнуть, въ свою очередь полюбоваться красотами заоблачной ночи—вдругъ онъ торопливо срывается съ мѣста и, вслѣдъ за тѣмъ раздается звукъ, напоминающій пистолетный выстрѣлъ. Это Годаръ замѣтилъ, что шаръ закурилъ свою трубку, т. е. что газъ, смѣшиваясь съ наружнымъ воздухомъ, легкимъ дымкомъ сталъ выходить изъ нижняго шароваго отверстія; защелкнутый клапанъ причина мнимо-пистолетнаго выстрѣла. Остальные путешественники углублены въ научныя и метеорологическія изслѣдованія; одна лишь я, охваченная мечтательностью, своеобразною, отличною отъ земной, лицомъ къ лицу съ фантастическими, подавляющаго вида картинами, волшебнымъ міромъ, позднѣйшее воспоминаніе о которомъ рождаетъ сомнѣніе, что когда-либо видѣлъ его въ дѣйствительности,—я чувствую, какъ проникаюсь безграничнымъ восторгомъ при мысли о божественномъ Разумѣ, создавшемъ вселенную. Наступаетъ часъ отдыха. Всѣ—кормчій и ученые—присосѣживаются возлѣ меня въ ожиданіи дебюта моего въ роли Провидѣнія, питающаго, какъ извѣстно изъ текста, «птицъ небесныхъ.» Весело мы болтаемъ, обмѣниваясь впечатлѣніями. Вдругъ Годаръ неожиданно спрашиваетъ: «который часъ?» За минуту веселое, симпатичное лицо его, сдѣлалось мрачнымъ, серьезнымъ. «Половина втораго», отвѣчаетъ Фушѐ.—«Ну-съ, милостивая государыня, мм. государи, еслибы нѣкій воздухоплаватель (положимъ, хоть я) разочарованный жизнью, обманутый въ своихъ ожиданьяхъ, потерявшій жену, дѣтей, состояніе, сказалъ вамъ: мнѣ все надоѣло, хочу умереть и вотъ, на что я рѣшился!!.»—Инстинктивно подвинулась я къ Фламаріону.—«Который-же часъ?» вновь повторяетъ свой вопросъ Годаръ и голосъ его при этомъ какъ-то странно звучитъ. «Вамъ вѣдь сказали—половина втораго», раздражается Томасъ, мой сосѣдъ.—«И такъ, продолжаетъ Годаръ, вотъ какимъ способомъ всѣ мы, здѣсь находящіеся, совершимъ переходъ въ страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Въ шарѣ есть трещина; сырость ночнаго воздуха дѣлаетъ свое дѣло; оболочка растягивается, трещина увеличивается, съ каждымъ мгновеніемъ становится шире и шире; да, впрочемъ, вы сами можете убѣдиться, взглянуть»... Протянувъ руку по направленію къ верху, онъ намъ указываетъ Дамокловъ мечъ, распростертый надъ нами. У меня въ глазахъ помутилось. «Приблизительно къ двумъ часамъ, шаръ окончательно лопнетъ; все будетъ кончено!!..» Я начинала чувствовать приступы обморока. Мой мужъ закричалъ: «да что вы, съ ума сошли, Годаръ, что-ли?» Тотъ, въ отвѣтъ, разразился хохотомъ, послѣ чего объяснилъ, что при подобныхъ-же обстоятельствахъ, такимъ-же ловко разыграннымъ экспромтомъ, чуть не до смерти перепугалъ однажды трехъ итальянцевъ, летѣвшихъ съ нимъ въ шарѣ и позволившихъ себѣ до полета обвинить его въ робости. У насъ, какъ гора, съ плечъ свалилась. Смѣясь, я приставила ножъ къ груди Годара, съ цѣлью ему показать, что еслибы экспромтъ былъ дѣйствительностью, мщеніе мое опередило-бы катастрофу. Не успѣли мы оправиться отъ испытаннаго волненія, какъ всѣ вмѣстѣ, единодушно, воскликнули: «восхитительно, безподобно!»

Передъ нами, на горизонтѣ, среди голубыхъ, розовыхъ, лиловыхъ, необычайной легкости и прозрачности, облаковъ, вспыхнулъ какой-то блѣдный, мерцающій, сосредоточенный въ одной части неба, свѣтъ. Съ боковъ и сзади аэростата небесный сводъ сохраняетъ еще темносиній, переходящій въ черный оттѣнокъ. Луна продолжаетъ свѣтить, но сіяніе ея точно подернулось флеромъ; на востокѣ свѣтъ ростетъ, увеличивается. Неопредѣленный вначалѣ, онъ разгорается ярче и ярче, образуя громадный снопъ широкихъ, сребровидныхъ лучей. Съ каждымъ мгновеніемъ лучи удлиняются, серебро становится золотомъ, золото переходитъ въ пурпуръ—небосклонъ охватывается исполинскимъ пожаромъ и... словно треснула твердь небесная: показался гигантскій, пылающій, багряно-огненный шаръ, медленно, величаво поднимавшійся въ высь. Разомъ все освѣтилось: повелитель природы возсѣлъ на свою колесницу, щедро расточая обычные, царственные дары—свѣтъ, тепло, жизнь. Начался новый день. Мы низко летѣли—не болѣе 4—500 метровъ надъ земною поверхностью. Различные звуки земли, крики животныхъ и птицъ, увы, слишкомъ скоро окунули насъ въ реализмъ будничной жизни. Сбросивъ таинственные покровы мрака и тучъ, мы предстали открытыми удивленнымъ глазамъ не ожидавшихъ насъ смертныхъ. Крестьяне деревни, надъ которой мы пролетали, кричали намъ: «спускайтесь сюда, бросайте веревку» и странно при этомъ подпрыгивали, точно дѣти, старающіяся поймать недающуюся имъ въ руки игрушку. Это множество маленькихъ человѣчковъ, выходящихъ изъ маленькихъ домиковъ, расположенныхъ въ крошечныхъ деревенькахъ, забавно напомнило намъ страну лилипутовъ: мы отъ души разсмѣялись, на минуту забывъ, что и сами принадлежимъ къ ихъ числу. Поднимается вѣтеръ, пора подумать о разставаніи съ небомъ. При спускѣ на землю всегда овладѣетъ легкое чувство боязни. Предвидя опасность, путешественникъ инстинктивно готовится къ ней, твердо рѣшаясь всѣми силами отстаивать свою жизнь. Всѣ робко осматриваются, дрожащія руки цѣпляются при малѣйшемъ толчкѣ за снасти. У всѣхъ одно лишь желаніе: скорѣй-бы пристать... Приближеніе къ землѣ ощущается въ легкихъ размахахъ лодки; мы спускаемся быстро, только гдѣ-же мы упадемъ? Парки, поляны, лѣса, поочередно мелькаютъ подъ нами. «Какъ ваше мнѣніе, обратился ко мнѣ Годаръ,—не причалить-ли намъ на лужайкѣ вонъ того замка? Навѣрное, насъ-бы отлично встрѣтили его обитатели! Къ сожалѣнію усадьба, оказывается не жилою, приходится дальше летѣть. Мы бросаемъ послѣдній взглядъ на роскошную панораму, всюду открытую нашимъ глазамъ, но непріятное чувство спусканія беретъ верхъ надъ грустью и мы окончательно обращаемъ взоры на землю. Тамъ уже цѣлая деревня выбѣжала насъ встрѣтить. Всѣ простираютъ къ намъ руки; дѣти гогочутъ, женщины кричатъ, мужчины что-то стараются объяснить и всѣ насъ зовутъ: «вотъ они, вотъ они». Годаръ кидаетъ веревки; шумъ переходитъ въ неистовый ревъ восторга—каждый старается насъ схватить. Наконецъ, мы въ плѣну: шаръ всего въ разстояніи двухъ метровъ надъ почвой; но вотъ насъ притягиваютъ, мы ступаемъ на землю, мы снова обыкновенные смертные. Открывается тріумфальное шествіе толпы съ побѣдоноснымъ шаромъ въ рукахъ, по направленію къ г. Реймсу, вблизи котораго мы спустились. Кормчій нашъ непосредственно слѣдуетъ за лодкою. Въ порывѣ энтузіазма, тысячи голосовъ затягиваютъ Марсельезу. Одна я, далеко отставъ отъ товарищей, издали сопровождаю процесію. Вся еще подъ вліяніемъ перечувствованнаго, пережитаго, я силюсь продлить обаяніе поэтической, хотя, увы, слишкомъ скоротечной мечты нашего воздушнаго плаванія. Все кончено! Приходится довольствоваться землей. Кто однажды побывалъ въ облакахъ, отдалялся отъ земной оболочки, тотъ неизбѣжно, фатально еще разъ вернется туда. Полетъ на воздушномъ шарѣ—поэзія, торжество, идеалъ движенія!

— **Курьезное объявленіе.** Мы отыскали въ «Голосѣ» слѣдующее курьезное объявленіе: «Требуется комната съ мебелью и прислугою, въ 2 окна, съ особымъ ходомъ, не выше 3 этажа, въ благородномъ семействѣ, изъ служившихъ въ Петербургѣ до 1860 года, цѣною отъ 15 до 20 руб. въ мѣсяцъ, въ литейной части или въ одной изъ ближайшихъ къ ней частей, съ чистою, не зараженною водою, а при полученіи ея чрезъ водопроводъ, чтобы со стороны домовладѣльца имѣлось строгое наблюденіе за злоумышленниками, разведенными въ Петербургѣ неблагонамѣренными людьми, дабы они не могли заражать воду посредствомъ устраиваемыхъ ими тайно въ трубахъ фокусовъ. Адресоваться: по Малой Итальянской, д. № 24, кв. № 17, на имя С. Н. Ш. Кто отыщетъ такую комнату, тому будетъ дано 10 руб. въ награду. Стараться видѣться лично».

— **Женскій университетъ.** Въ Оксфордѣ открытъ первый въ Англіи университетъ для женщинъ съ 3-мя факультетами: словеснымъ, естественнымъ и медицинскимъ. Курсъ 5-лѣтній.

— **Соперникъ доктора Таннера.** Въ Неаполѣ извѣстный пѣвецъ Гольсмитъ предложилъ громадное пари на то, что онъ пробудетъ безъ пищи, въ комнатѣ, не выходя на воздухъ, 50 дней; онъ будетъ употреблять въ день одну кружку воды мѣрою въ литръ. Пари принято; постъ начался 8 (20) сентября.

— **Новый тунель.** Французское правительство дало концесію на прорытіе тунеля чрезъ гору Бланъ и поручило произвести изысканія инженеру Липинажу, ассигновавъ 3.000,000 франковъ. Длина тунеля будетъ около 8 миль.

— **Выгодный аукціонъ.** Послѣ поѣздки экс-императрицы Евгеніи въ Африку, гдѣ былъ убитъ ея сынъ зулусами, остались ея экипажи: коляска, карета, роскошное ландо и другіе. На устроившемся въ портѣ Наталь аукціонѣ, всѣ эти экипажи проданы по такой цѣнѣ, что съ избыткомъ окупили не только ихъ стоимость, но и перевозку и даже расходы во время пребыванія экс-императрицы въ этомъ городѣ.

— **Гигантскія пушки.** По заказу итальянскаго правительства изготовлены въ Туринѣ по системѣ Россета, 2 орудія, предназначенныя для строющихся броненосцевъ «Дандоло» и «Дуило». Пушки эти камерной системы, заряжающіяся съ казенной части. Каждое орудіе отлито изъ желѣза и скрѣплено 7,000 стальныхъ колецъ; внутренность дула нарѣзана концентрическими кругами, вѣсъ ядра одна тонна, вѣсъ пороха около 450 фунт.; для заряжанія и выстрѣла требуется $6^1/_2$ минутъ времени. Общій вѣсъ орудія сто одна тонна. Такого великана еще не было. Опыты стрѣльбы, производившіеся изъ этихъ пушекъ въ Специи съ крѣпостнаго бастіона св. Маріи, дали поразительные результаты: броня въ 11 дюйм. была разбита на разстояніи около 3 верстъ; подобной силы удара еще недостигалось и знаменитые англійскіе великаны отошли на второй планъ.

— **Нѣтъ болѣе насморка.** Какъ только вы схватите насморкъ, поставьте лицо надъ парами кипящей воды, въ которую прибавьте небольшое количество (нѣсколько капель) камфарнаго спирта. При этомъ накройте голову чѣмъ-нибудь для того, чтобы паръ не разлетался. Средство это дѣйствуетъ моментально.

— **Гигрометрическій шерстяной мохъ.** Мохъ этотъ вяжется обыкновеннымъ способомъ, только изъ бѣлой шерсти и какъ можно тѣснѣе, компактнѣе. Когда работа готова, ее погружаютъ въ ключемъ кипящую воду и держатъ въ ней нѣсколько минутъ. Затѣмъ, вынувъ, просушиваютъ. Такъ повторяютъ до трехъ разъ. Наконецъ, послѣ послѣдняго раза мохъ напитываютъ растворомъ хлористаго никеля и снова просушиваютъ. Хлористый никель, окрашивая въ желтый цвѣтъ во время ясной, сухой погоды, становится ярко-зеленымъ передъ и во время дождя.

— **Электрическая удочка.** Новѣйшее изобрѣтеніе—электрическая удочка состоитъ изъ маленькаго челнока, который при помощи дѣйствующаго въ немъ колеса, приводимаго въ движеніе винтомъ, можно безшумно направить къ данной точкѣ водной поверхности. Разъ прибывъ на желанное мѣсто, онъ выпускаетъ якорь, не смотря на теченіе и вѣтеръ, леса-же и крючекъ погружаются въ воду. Челнокъ заключаетъ въ себѣ электрическую батарею и электро-магнитъ, такъ приспособленные, что малѣйшее дерганье рыбою крючка, устанавливаетъ электрическій токъ. Мгновенно, съ быстротою молніи, при помощи электро-магнита—удилище, лёса, крючекъ съ рыбою, все взлетитъ на воздухъ, становясь въ вертикальное положеніе; при этомъ раздается звукъ колокольчика, извѣщающій рыбака на берегу о поимкѣ добычи и о томъ, что онъ можетъ ею овладѣть, притянувъ челнокъ за веревку.

— **Магнитная пещера.** Въ Калифорніи, недалеко отъ Пин-Грове, открыта громадная пещера. Г. Штикесъ, посѣтившій эту пещеру, такъ разсказываетъ о ней. «Пройдя $1^1/_4$ мили по подземельнымъ ходамъ, я и спутники мои очутились въ длинной узкой комнатѣ, стѣны которой состояли изъ темножелтой и черной желѣзной руды. При входѣ въ эту пещеру мы замѣтили крайне своеобразное движеніе магнитной стрѣлки, которая постоянно поворачивалась то въ ту, то въ другую сторону; а иногда даже впродолженіи нѣсколькихъ минутъ такъ быстро вертѣлась въ одномъ направленіи, что едва можно было наблюдать за нею. Сами мы испытывали какое-то странное ощущеніе, нѣсколько похожее на то, которое испытываешь, находясь безъ зонтика подъ проливнымъ дождемъ. Ощущеніе это начиналось въ верхней части спины и затѣмъ распространялось на оконечности. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ сильнѣе становилось это ощущеніе и подъ конецъ сдѣлалось почти невыносимымъ. Вмѣстѣ съ этимъ и магнитныя свойства пещеры становились все замѣтнѣй и сильнѣй. У одного изъ спутниковъ нашихъ, несшаго въ рукѣ топоръ, послѣдній былъ вырванъ магнитной скалой, къ которой онъ имѣлъ неосторожность слишкомъ приблизиться. Топоръ съ такой силой присталъ къ скалѣ, что соединенныя усилія всѣхъ присутствующихъ не въ состояніи были оторвать его отъ нея. Перочинный ножикъ, случайно упавшій на полъ этой пещеры, такъ и остался тамъ, потому что ни у кого не хватило силы поднять его. Но это было еще не все. На одномъ изъ моихъ спутниковъ, по имени Массонъ, надѣты были сапоги подошвы которыхъ подбиты были желѣзными гвоздями. Вдругъ этотъ несчастный остановился и уже не могъ болѣе двинуться ни взадъ ни впередъ. Его принуждены были вынуть изъ сапоговъ. Утомленные и обезпокоенные этимъ эпизодомъ, Штикесъ и его товарищи поспѣшили выйдти изъ этой ужасной пещеры.

— **Баснословная сумма.** Одинъ изъ парижскихъ журналовъ задаетъ вопросъ во что обратилось бы одно су къ 1-му января 1880 г., если бы оно было положено на проценты въ первый годъ нашей эры, т. е. въ годъ Рождества Христова и еслибы это су приносило 5% въ годъ. Рѣшеніе этой задачи журналъ приводитъ тутъ же. Провѣрить рѣшеніе легко каждому, такъ какъ извѣстно, что капиталъ дающій 5% дохода, чрезъ 14 лѣтъ и $2^1/_2$ мѣсяца удваивается. Раздѣливъ же 1879 (число года) на 14,206 получимъ 130 удвоеній, или 2 су возвышенныя въ 130 степень. Возвысивъ при помощи логарифмовъ 2 въ 130-ую степень получимъ 68,000,000,000,000,000,000,000,000,000,000,000,000. Принявъ во вниманіе, что объемъ земного шара равенъ 1,080,759,882,645,175,284,064 кубическимъ метрамъ, и что средній вѣсъ кубическаго метра земли 5,5 килограма, получимъ вѣсъ нашего земнаго шара равный 5, 944, 179, 354, 548, 464, 062, 352, 000 килогр. Еслибы этотъ шаръ былъ составленъ изъ чистаго золота, то его стоимость по вышеприведенному вѣсу составляла-бы 64,000,000,000,000,000,000,000,000,000 су. Взявъ сумму 68,000,000,000,000,000,000,000,000,000,000,000,000 и раздѣливъ ее на 64,000,000,000,000,000,000,000,000,000, получимъ въ частномъ 1,000,000,000, т, е. выводъ, что за одно су, отданное на 5% 1879 лѣтъ тому назадъ, можно было-бы теперь пріобрѣсти 1,000,000,000, шаровъ изъ чистаго золота, равныхъ по объему и вѣсу нашему земному шару.

— **Вдова какихъ мало.** Въ концѣ прошлаго 1879 года въ Америкѣ умеръ нѣкто Беджаменъ Аботъ, который былъ женатъ 2 раза; его-же супруга послѣ его смерти, сдѣлалась вдовою въ 7-й разъ. Въ день ея послѣдняго бракосочетанія съ покойнымъ Аботомъ ей было 82 года отъ роду, а ея тогдашнему жениху 78. Она вступила въ свѣтъ съ именемъ миссъ Вильямъ и потомъ носила слѣдующія имена: м-съ Паранексъ, м-съ Ригкъ, м-съ Фароу, м-съ Валасъ, м-съ Барри и м-съ Пратъ. Избалованная многочисленными супружествами и вѣря къ тому-же одному сну, 86-ти лѣтняя вдовушка, м-съ Аботъ, твердо убѣждена, что ей придется носить 9-ю фамилію.

— **Любопытная характеристика женщинъ.** Сэръ Крэсвель-Кросвель, главный судья по бракоразводнымъ дѣламъ въ Лондонѣ, вынесъ изъ своей многолѣтней опытности слѣдующія любопытныя данныя. Всѣ почти женщины, являвшіяся истцами противъ своихъ мужей, имѣли голубые глаза; тѣже, наоборотъ, которыя обвинялись мужьями въ супружеской невѣрности, имѣли черные глаза. Отсюда сэръ Крэсвель-Кросвель дѣлаетъ выводъ, что голубоокія женщины большею частью бываютъ существами кроткими и добродѣтельными, между тѣмъ какъ черноокіе—чудовища страсти и невѣрности.

— **Кошачья почта.** Голуби, имѣвшіе до настоящаго времени между животными исключительную привилегію на почтовое сообщеніе, рискуютъ найдти сильныхъ конкурентовъ въ этомъ дѣлѣ въ лицѣ кошекъ. Бельгія, настоящая родина почтовыхъ голубей, дѣлала недавно опыты надъ кошками, пробуя ихъ почтовыя способности. Дюжина кошекъ была зашита въ мѣшокъ, который былъ отнесенъ на противоположный конецъ города. Когда-же кошки были пущены на свободу, онѣ, не смотря на сбивчивость дороги, всѣ снова вернулись по домамъ. И такъ, принимая во вниманіе тонко изощренный нюхъ этихъ животныхъ въ соединеніи съ ихъ природною хитростью и лукавствомъ, кружокъ изслѣдователей новаго почтоваго агенства нашелъ, что кошки могутъ быть съ успѣхомъ приспособлены для передачи писемъ, преимущественно любовнаго содержанія, и если онѣ уступятъ голубямъ въ быстротѣ сообщенія, то имѣютъ другого рода преимущество, именно возможность лучше сохранять тайны возложеннаго на нихъ порученія.

— **Топофонъ.** Подъ этимъ именемъ извѣстенъ изобрѣтенный недавно однимъ американцемъ апаратъ, имѣющій своимъ назначеніемъ отмѣчать и указывать направленія, въ какомъ распространяются звуки. Съ помощью особаго приспособленія, звуковыя колебанія сами отмѣчаются на специально для того устроенномъ кружкѣ, который соединенъ съ компасомъ такимъ образомъ, что направленіе, въ какомъ воспринимаются звуковыя волны кружочкомъ, сообщается также стрѣлкѣ компаса, вслѣдствіе чего является возможность тотчасъ-же опредѣлить откуда исходятъ звуки; при этомъ безразлично какого рода звуки: будетъ-ли то сигнальный свистокъ, крикъ о помощи, выстрѣлъ, барабанный бой и проч.—все равно, топофонъ съ точностью указываетъ направленіе, въ какомъ эти звуки распространяются. Этотъ апаратъ въ особенности съ пользою можетъ быть употребляемъ мореплавателями, такъ какъ съ его помощью является возможность опредѣлить направленіе приближающагося судна или парохода и тѣмъ избѣжать, во время сильнаго тумана, столкновенія, происходящаго нерѣдко благодаря именно ошибочному опредѣленію пути, котораго держатся встрѣчные параходы. Въ такихъ случаяхъ топофонъ дѣйствительно незамѣнимъ.

— **Желѣзныя дороги въ Соединенныхъ штатахъ.** Въ іюньскомъ № журнала «Американскаго общества гражданскихъ инженеровъ (Transactions of the American Socievy of Civil Engineers) помѣщенъ обстоятельный годовой отчетъ одного изъ вицепрезидентовъ этого общества, О. Чэнета. По этому отчету оказывается, что къ 1 января 1880 г. длина всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ штатахъ равнялась 86,121 анг. или америк. миль (по 69 съ небольшою дробью на градусъ экватора), т. е. 129,181 нашихъ верстъ. Втеченіи 1879 года проложено новыхъ линій на 4,280 англійскихъ миль (6420 верстъ). Изъ общаго числа (86,121 миль) узкоколейныхъ дорогъ на 4,700 миль (7,050 верстъ). Какъ извѣстно, первая на свѣтѣ желѣзная дорога построена въ 1830 году въ Англіи, между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, но почти одновременно началась постройка рельсовыхъ путей и въ Соединенныхъ штатахъ, такъ что въ 1830-же году ихъ тамъ было открыто на 23 ан. мили ($34^1/_2$ верс.). Черезъ 5 лѣтъ, въ концѣ 1835 года, ихъ было уже на 1,098 миль (1,647 верстъ), въ 1840 г.—на 2,818 м. (4,227 верстъ), въ 1845—4,633 мили (6,950 верстъ), въ 1850—9,021 м. (13,532 вер.), въ 1855—18,374 м. (27,562 версты), въ 1860—30,635 м. (45,953 верс.), въ 1865—35,085 м. (52,638 верс.), въ 1870—52,914 м. (79,372 в.), въ 1875—74,096 м. (111,145 в.), а къ 1 января 1880 г., какъ выше сказано, 86,121 м. (129,181 вер.). Въ 1879 г. когда длина всѣхъ эксплуатируемыхъ желѣзныхъ дорогъ не превышала еще 81,841 м. (122,762 верс.), число на нихъ локомотивовъ было 16,445; пасажирскихъ вагоновъ 11,683; багажныхъ, почтовыхъ и другихъ спеціальныхъ вагоновъ 4,413; товарныхъ и вообще грузовыхъ 423,013. Затраченный на постройку этихъ дорогъ и подвижного состава капиталъ равнялся 4,772,297,349 дол. (=6,363,063,132 мет. рублей, или по теперешнему курсу 9.544,594,698 кредитныхъ руб.); на каждую милю дороги приходится слѣдовательно по 58,915 доларовъ (а перечисляя на версты 51,849 метал. или 77,749 кред. руб. на версту); доходъ валовой въ 1879 году простирался до 490,103,351 дол. (=651,837,457 метал. или 980,206,700 кред. руб.), т. е. по 6209,52 дол. на милю (или 5,310 метал., 7,985 кред. руб. на версту); почти $62^0/_0$ валового дохода уходило на издержки эксплотаціи, именно 302,528,124 дол., т. е. по 3,887 дол. на милю (на версту-же по 3,278 метал. или 4,929 кред. руб.); чистаго дохода получено было 187,575,167 доларовъ (=249,474,972 метал. или 375,150,334 кред. руб.) т. е. по $2{,}332^1/_2$ дол. на милю (на версту-же 2,032 метал. или по 3,056 кред. руб.), что равняется почти $4^0/_0$ (3,93) на затраченный капиталъ. Стоимость англійской или американской мили желѣзныхъ дорогъ опредѣлялась: для Англіи (1878 г.) въ 195,059 дол., для Франціи (1873 г.)—въ 152,500 дол., для Бельгіи (1873 г.)—111,342 дол., для Австро-Венгріи 105,847 дол., для Германіи (1875 г.) 100,570 дол. Слѣдовательно, Соединенные штаты выстроили свои желѣзныя дороги вдвое дешевле, чѣмъ Европа свои. Англійскія дороги въ 1875 году получили въ сложности чистаго дохода на затраченный въ нихъ капиталъ $4{,}4^0/_0$, французскія—$5{,}1^0/_0$, германскія—тоже $5{,}1^0/_0$, австро-венгерскія — $3{,}9^0/_0$; американскія за 1878 г., какъ сказано, $3{,}93^0/_0$. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ паровозныхъ рельсовыхъ путей въ очень многихъ городахъ и мѣстечкахъ Соединенныхъ штатовъ проведены конножелѣзныя дороги, общая длина которыхъ въ настоящее время равняется уже 3,500 анг. милямъ (5,250 верстъ); но число такихъ путей очень быстро увеличивается.

— **Отважные мореплаватели.** Въ апрѣлѣ, пишутъ въ газетѣ «Молва», въ Нью-Іоркъ прибылъ одинъ изъ океанскихъ пароходовъ и привезъ двухъ пасажировъ, которые лѣтомъ прошедшаго года вышли изъ Бостона на небольшой шлюпкѣ съ цѣлью идти на ней въ Мельбурнъ и показывать ее на всемірной выставкѣ, бывшей тамъ, какъ извѣстно, въ прошедшемъ году. Владѣлецъ шлюпки и иниціаторъ этого смѣлаго предпріятія бостонскій житель, нѣкто Буриль, наслышавшись о смѣлыхъ плаваніяхъ на малыхъ парусныхъ судахъ черезъ океаны, задумалъ совершить то-же и самъ; онъ заказалъ на мѣстной верфи небольшую, въ $1^1/_2$ тонны водоизмѣщенія палубную шлюбку и оснастилъ ее шхуною. Въ небольшой рубкѣ была устроена крошечная каюта съ постелью на одной сторонѣ и шкафомъ для провизіи на другой. Найдя себѣ отважнаго товарища нѣкоего Куна, служившаго прежде на купеческихъ судахъ въ качествѣ простого матроса, Буриль взялъ съ собою запасъ провизіи, примѣрно на 4—5 мѣсяцевъ, и 9 іюля прошлаго года отплылъ изъ Бостона въ Мельбурнъ, куда надѣялся добраться еще до закрытія выставки, на которой намѣревался показывать свое суденышко за извѣстную плату. Начало путешествія ознаменовалось полнымъ успѣхомъ: черезъ два мѣсяца благополучнаго плаванія смѣльчаки достигли острововъ Зеленаго мыса, гдѣ остановились на недѣлю для покупки свѣжихъ припасовъ и нѣкоторыхъ исправленій и улучшеній, указанныхъ опытомъ, а главное для необходимаго отдыха. Черезъ недѣлю маленькій ботикъ снова смѣло пустился въ океанъ и поплылъ вдоль африканскаго берега. На этотъ разъ однако счастье, повидимому отвернулось отъ смѣлыхъ мореплавателей: постоянные противные и свѣжіе вѣтры только страшно утомляли ихъ и притомъ еще почти безплодно, такъ какъ маленькое суденышко очень мало подвигалось впередъ. По прошествіи двухмѣсячной борьбы съ океаномъ, смѣльчаковъ поразило новое несчастіе: провизія начала портиться и имъ пришлось большую ея часть выбросить за бортъ, а между тѣмъ время по прежнему шло непроизводительно въ напрасной и утомительной лавировкѣ. 11 декабря усталые моряки были порадованы попутнымъ вѣтромъ, но не надолго; кромѣ того отсутствіе съѣстныхъ припасовъ, за исключеніемъ незначительнаго количества консервовъ, годныхъ еще къ употребленію, давало себя чувствовать: силы начали падать, а вмѣстѣ съ ними упадала и энергія. Убѣдившись, что при такомъ положеніи дѣлъ имъ не достигнуть мыса Доброй Надежды, Буриль направилъ свое суденышко къ острову св. Елены; но и здѣсь судьба не переставала ихъ преслѣдовать. Наступившее маловѣтріе, морскія теченія и, наконецъ, ошибочность счисленій привели къ тому, что они прошли меридіанъ св. Елены, не видавши острова. Тогда они рѣшились плыть дальше, надѣясь достигнуть береговъ Америки. Когда они сдѣлали послѣднее счисленіе и опредѣлили свое мѣсто на картѣ — они находились на пути въ Бразилію и въ 600 морскихъ миляхъ отъ американскаго материка. Это было 27 февраля нынѣшняго года. Съ этого дня несчастные мореплаватели, за неимѣніемъ провизіи, поддерживали свое существованіе только какао и водой; сухари и консервы были уже съѣдены. Такимъ образомъ, имъ пришлось просуществовать еще около мѣсяца; съ каждымъ днемъ силы, видимо, покидали смѣльчаковъ: Буриль, менѣе выносливый, чѣмъ его товарищъ, такъ ослабѣлъ, что не въ состояніи былъ стоять на ногахъ; объ астрономическихъ наблюденіяхъ нечего было и думать, и они продолжали плыть совсѣмъ на-угадъ. Къ счастью, все это время вѣтеръ дулъ ровный и судно безостановочно стремилось на западъ. Наконецъ, 22 марта, когда оба моряка едва двигались отъ истощенія и впереди видѣли уже образъ голодной смерти, взошедшее солнце освѣтило имъ недалекій берегъ. Спустя нѣсколько часовъ, они пристали къ землѣ и вошли со своимъ судномъ въ устье небольшой рѣчки неподалеку отъ Багіи. Жители сосѣдняго селенія пріютили у себя несчастливцевъ и, благодаря ихъ попеченіямъ и заботамъ, имъ удалось возстановить свои силы и затѣмъ совершенно поправиться. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ они оставили гостепріимныхъ своихъ спасителей и отправились на своемъ ботикѣ въ Багію, а оттуда на пароходѣ прибыли въ Нью-Іоркъ, пробывъ въ отсутствіи около 10 мѣсяцевъ и переплывъ въ это время два раза Атлантическій океанъ.

— **Фактъ привязанности и ума собаки.** Въ «Revue d'Antropologie» разсказывается интересный случай, недавно происшедшій въ Страсбургѣ, сообщенный професоромъ Шуценбургомъ. Хозяинъ сада, при которомъ находился небольшой огородъ, замѣтилъ, что въ корзинѣ, въ которой была сложена морковь, вырытая наканунѣ, не достаетъ доброй ея половины. Позвавъ садовника, онъ указалъ ему на это и, желая поймать вора, они рѣшили спрятаться за плетнемъ. Не прошло и четверти часа, какъ въ саду показалась собака, принадлежавшая хозяину и, направившись прямо къ корзинѣ съ морковью, взяла въ зубы одну штуку и быстро убѣжала прочь. Зная, что собаки не ѣдятъ сырой моркови, заинтересованный хозяинъ пошелъ вслѣдъ за воромъ; собака направилась въ конюшню и, прибѣжавъ туда, радостно виляя хвостомъ, положила морковь передъ стоявшей тамъ лошадью, которая, конечно, не заставила себя просить и съѣла принесенную ей морковь. Разсерженный садовникъ готовъ былъ уже броситься на умное животное и наказать за кражу, но хозяинъ удержалъ его и сталъ продолжать свои наблюденія. Собака между тѣмъ выбѣжала изъ конюшни и черезъ минуту снова показалась съ морковью въ зубахъ. Занятіе это она продолжала до тѣхъ поръ, пока не перетаскала своему товарищу по ночлегу (собака спала въ конюшнѣ) всю морковь, находившуюся въ корзинѣ.

— **Допотопный носорогъ.** Въ Штейершталѣ, въ наносной илистой долинѣ Штайгеръ, землекопы при прорытіи канала наткнулись на громадный скелетъ и первоначально откопали голову гигантскихъ размѣровъ. Управляющій работами инженеръ Балцеръ тотчасъ далъ знать о находкѣ и въ присутствіи собравшейся комисіи професоровъ былъ вырытъ цѣльный скелетъ животнаго, который оказался допотопнымъ носорогомъ; длина становаго хребта у него имѣетъ 7 футовъ, кости всѣ найдены. Положеніе скелета въ землѣ было вертикальное, изъ чего можно заключить, что животное утонуло; кости покрыты толстымъ слоемъ чернобурой земли, очевидно образовавшейся отъ разложенія мяса животнаго. Находка эта очень важна; цѣльный скелетъ гигантскаго носорога найденъ въ первый разъ; ученые до сихъ поръ опредѣляли размѣры этого животнаго приблизительно.

— **Курьезные охотники.** Въ Парижѣ въ настоящее время образовался курьезный кружекъ охотниковъ «за лягушками». Охотники вооружаются самострѣлами и отправляются въ лѣса, болота и т. п., причемъ каждый членъ имѣетъ свою даму и первый выстрѣлъ предоставляетъ ей. Побѣдительница, т. е. настрѣлявшая большее число лягушекъ, дѣлается хозяйкою праздника, который устраивается во время отдыха послѣ трудной и опасной охоты. Доступъ въ это общество открытъ только избраннымъ и притомъ обладающимъ довольно крупными средствами, такъ какъ разводъ лягушекъ въ предназначенныхъ для охоты лѣсахъ и болотахъ требуетъ большихъ издержекъ, въ особенности при истребленіи такой массы ихъ рьяными охотницами и охотниками. Одинъ острякъ замѣтилъ, что если это общество просуществуетъ 3 года, то лягушекъ придется выписывать во Францію изъ за границы.

— **Случай съ Вейзе.** Професоръ Вейзе, лучшій датскій композиторъ, имѣлъ несчастье жить въ одномъ домѣ съ семействомъ, члены котораго, не смысля ничего въ музыкѣ, ежедневно брянчали на старомъ піанино. Однажды маэстро былъ сильно занятъ своей большой композиціею. Дѣло шло у него прекрасно, какъ вдругъ изъ квартиры сосѣдей доносятся фальшивые и рѣжущіе звуки. Работать при такой адской музыкѣ было невозможно. Въ моментъ у Вейзе созрѣло рѣшеніе, хотя на сегодня избавиться отъ музыки сосѣдей. Какъ былъ, въ халатѣ и туфляхъ, онъ пошелъ въ квартиру сосѣдей и позвонилъ. Онъ нашелъ тамъ большое общество, которое ничего не имѣло противъ визита геніальнаго чудака. Поздоровавшись съ хозяиномъ и хозяйкой, не говоря ни слова, онъ сѣлъ за инструментъ и съигралъ фантазію, которая всегда приводила въ восторгъ его слушателей. Но вдругъ игра прервалась, онъ заперъ инструментъ, положилъ ключъ въ карманъ и, опять не говоря ни слова, вышелъ, къ удивленію гостей. На сегодня онъ достигъ своей цѣли.

— **Курьезъ изъ міра науки.** Жюль Днизэ, который оспаривалъ существованіе «каменнаго вѣка», разсказываетъ въ своей книгѣ «Научныя заблужденія» слѣдующій анекдотъ. Въ 1840 году требовалось перевести одну карфагенскую надпись. Генералъ Дювинье перевелъ ее такъ: здѣсь покоится Гамилькаръ, отецъ Ганнибала, подобно сыну своему, дорогой родинѣ и грозный врагамъ. Сольси, впослѣдствіи сенаторъ, переводилъ надпись нѣсколько иначе, именно: Фрица Озисъ воздвигла этотъ памятникъ веснѣ, граціямъ и розамъ, чарующимъ и оплодотворяющимъ міръ. Такъ какъ каждый изъ двухъ ученыхъ переводчиковъ отстаивалъ свой варіантъ, академія надписей изящной словесности обратилась къ эксперту переведшему надпись опять иначе: Храмъ этотъ посвященъ волнамъ и бурямъ для утоленія ихъ гнѣва. Замѣчательно, что всѣ 3 переводчика считались спеціалистами и знатоками по части переводовъ древнихъ надписей.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 36-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 6 сентября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 8 сентября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Ночи, стих. **Дм. Ушакова.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3-хъ част. **М. Ф. Каменской.**—Русскія суевѣрія, очерки **С. С. Шашкова.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Могила Н. В. Гоголя.—Внутреннее обозрѣніе.—Политическая хроника.—Къ рисункамъ.—Правительственныя распоряженія.—Смѣсь.

Рисунки: Интересная книга, карт. **Тульмуша.**—Могила Н. В. Гоголя, рис. **Г. Матвѣева.**—Гонта надъ трупами дѣтей, рис. **П. Мартыновича.**—Обезьяны и леопардъ.—Урокъ танцевъ, карт. **Вормса.**—Буря, карт. **Гасса.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

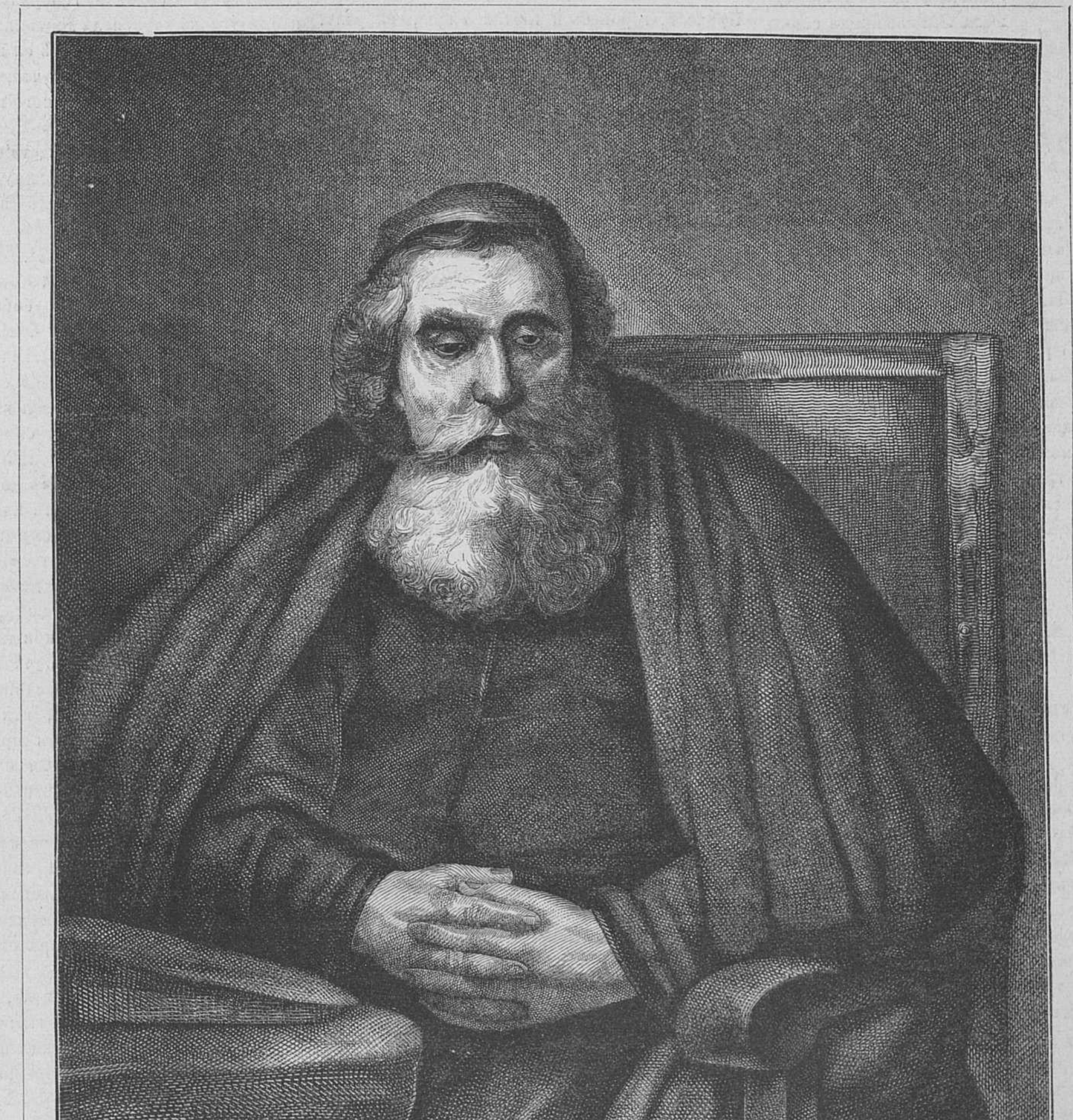
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 сентября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 38. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 20 Сентября 1880 г.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА РЕМБРАНДТА.



Портретъ старика.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

Съ болгарскаго.

Стих. **В. И. Немировича-Данченко.**

Молодыя думы,
Вы-ли мнѣ сулили,
Сколько счастья будетъ,
Лишь-бы силы были!..
Силъ нашлось не мало!
Сердце счастья ждало,
Битвы не боялось,
Да грозы искало...
Силъ нашлось не мало,
А любви такъ много...
Но на долю пала
Торная дорога...
Общая, прямая,
Какъ по ней не бродишь —
До тюрьмы, до петли
Каждый разъ доходишь!..

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава XVI.

Много горькихъ и счастливыхъ минутъ пережила Лёло во время своего выздоровленія. Сергѣй Александровичъ мучилъ и терзалъ ее своею любовью больше, чѣмъ когда нибудь. Цѣлые дни просиживалъ онъ у нея въ спальнѣ, молча глядѣлъ въ глаза, не позволялъ ей ни шевельнуться, ни сказать слова. Петра Петровича первые дни Лёло не видала. Найдти новый предлогъ позвать къ себѣ управляющаго, конечно, она-бы могла, но не хотѣла. Новое счастье Лёло было какъ-то не полно: она была мать, у нея былъ ребенокъ, а отца этого ребенка подлѣ нея не было. Какъ кара небесная, сидѣлъ противъ нея мужъ и радостью своей изгонялъ радость изъ ея сердца. При немъ ей какъ-то совѣстно было любоваться своимъ сыномъ, совѣстно поцѣловать его. А когда генералъ требовалъ къ себѣ на колѣни малютку, восхищался имъ и приходилъ въ восторгъ, Лёло становилось стыдно и досадно вмѣстѣ, такъ что Лёло постоянно была въ какомъ-то натянутомъ, неестественномъ положеніи. Къ этимъ различнымъ чувствамъ еще примѣшивалось постоянное желаніе увидѣть Петра Петровича. Прозорливая бабка скоро смекнула дѣло и поняла, чего именно не достаетъ ея паціенткѣ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, замѣтивъ, что Лёло очень грустна, Амалія Карловна вдругъ предложила:

— Сударинъ мой, вамъ скучно, теперь вы не такъ слабъ, можно вамъ кто нибудь книжки почиталъ.

— Можно?.. можно?.. Хочешь, крошка моя, я тебѣ почитаю, вотъ только очки мои надо поискать, я почитаю! сказалъ готовый на все, чтобы угодить женѣ, Сергѣй Александровичъ.

— И полнъ, вашъ превосходительствъ, какъ можнъ вамъ глаза трудилъ весь вечеръ! Петръ Петровичъ человѣкъ молодой, онъ можно почиталъ, ему ничто не дѣлается.

— Ну, да, ну, да, позовите его, голубчика, пусть его въ самомъ дѣлѣ почитаетъ что нибудь, а мы съ Лёлечкомъ послушаемъ.

Амалія Карловна тотчасъ же слетала и вернулась съ Котиковымъ, который съ книгою въ рукахъ вошелъ въ спальню.

— Здравствуйте, Петръ Петровичъ!.. почитайте мнѣ, пожалуйста, въ слухъ, мнѣ скучно, попросила спокойно Лёло.

— Да, да, голубчикъ мой, почитай, бабушка позволила. Только ты смотри не громко, потише!

— Слушаю, ваше превосходительство, отвѣтилъ Котиковъ, усаживаясь поодаль у стола.

— Ахъ, нѣтъ! Вы поближе ко мнѣ сядьте, я ничего не буду слышать, сказала Лёло.

— Да! да! подвинься, голубчикъ! Ей, моей душкѣ, не слышно будетъ.

Амалія Карловна пододвинула стулъ къ столику, который стоялъ у кровати Лёло. Послушный Петръ Петровичъ сѣлъ.

— Что вы будете мнѣ читать? спросила Лёло.

— Я получилъ новый нумеръ «Библіотеки для чтенія.» Въ немъ есть интересная статейка барона Брамбеуса.

— Брамбеуса? Это тотъ, что Сеньковскимъ зовутъ?.. Что еще сказки пишетъ? Ты знаешь, голубчикъ мой, я вѣдь на него стихи написалъ.

— Не слыхалъ, ваше превосходительство, съ видимымъ любопытствомъ, сказалъ Петръ Петровичъ.

— Не слыхалъ?.. А вотъ я тебѣ скажу... умора, а не стихи. Слушай, слушай! умора, а не стихи:

Напрасно Сеньковскій хлопочешь
И усыплять меня сказками хочешь,
Довольно для моего усыпленья,
И «Библіотеки для чтенья»!..

Прочелъ, торопясь и глотая слова, генералъ.

— Вѣдь хорошо? спросилъ онъ съ довольнымъ видомъ.

— Мѣтко и зло, ваше превосходительство.

— Да, да, мѣтко и зло! трясясь отъ смѣха и кашляя, проговорилъ генералъ.

Началось чтеніе.

Выдумка хитрой Амальи Карловны удалась, какъ нельзя лучше. Сергѣй Александровичъ трудно переносилъ всякое чтеніе; черезъ нѣсколько минутъ генералъ разинулъ ротъ и началъ всхрапывать съ присвистомъ. Чтеніе смолкло и подъ музыку генерала въ спальнѣ слышался тихій шопотъ двухъ голосовъ. Амалія Карловна въ другомъ углу, свернувшись въ калачикъ на диванѣ, сладко вторила генералу чѣмъ-то въ родѣ волторны. Съ этого блаженнаго вечера чтеніе вошло въ моду и превратилось въ какой-то месмеризмъ; какъ только нужно было усыпить Сергѣя Александровича, такъ брались за книгу, и черезъ нѣсколько минутъ генералъ доходилъ до окончательнаго усыпленія. Такъ прошло время карантина Лёло.

Дрёмно закипѣло новою жизнью съ появленіемъ въ немъ маленькаго человѣка. Всѣ бѣгали, всѣ суетились. На всѣхъ разно подѣйствовало это важное событіе въ домѣ Столбина. Осыпанная на радости щедротами генерала прислуга улыбалась и услуживала на пропалую. Лёло похорошѣла, какъ день. Петръ Петровичъ сталъ задумчивѣе и меньше шутилъ. Генералъ отъ счастія весь осунулся, похудѣлъ, сильно кашлялъ и жаловался одышкой. Маменька Елизавета Никитишна, услыша въ домѣ крикъ ребенка, начала неистово радоваться и просить, чтобъ ее пустили къ Володинькѣ. А когда ее не пустили въ спальню и отвели въ ея комнату, она впала въ совершенное бѣшенство, такъ-что нѣсколько людей насилу могли удержать ее. Изъ опасенія, чтобы Елизавета Никитишна не испугала родильницы, Петръ Петровичъ вытребовалъ генерала изъ спальни и доложилъ ему о томъ, что случилось. Сергѣй Александровичъ приказалъ приставить къ Елизаветѣ Никитишнѣ еще двухъ сильныхъ дѣвокъ — держать ее взаперти и никогда не подавать ей чернаго хлѣба. Всѣ приказанія генерала были исполнены. Мало-по-малу Елизавета Никитишна отъ бѣшенства перешла къ тихому безсмыслію и совершенной покорности. Петръ Петровичъ опять доложилъ генералу объ этой перемѣнѣ и спросилъ, не послать-ли за докторомъ. Сергѣй Александровичъ на это не изъявилъ своего согласія, а напротивъ того строго запретилъ Котикову упоминать о болѣзни Елизаветы Никитишны, если докторъ самъ пріѣдетъ навѣстить генеральшу. Гордость генерала не позволяла ему сознаться въ томъ, что мать его совершенно лишилась ума. Генералъ въ этомъ несчастіи видѣлъ какое-то пятно своему имени. И хотя всѣ сосѣди знали очень хорошо, что Елизавета Никитишна не въ полномъ разумѣ, и часто видѣли и слышали старушку, какъ она заговаривается, но при всякой новой безумной выходкѣ матери своей, генералъ строго наказывалъ людямъ сора изъ избы не выносить. И поважнѣе причины не могли заставить генерала сознаться въ томъ, что мать его помѣшана.

Имѣніе покойнаго отца его состояло изъ родовыхъ пятисотъ душъ, которыя послѣ того наслѣдовалъ Сергѣй Александровичъ, и изъ пятисотъ душъ, которыя были записаны на имя жены его. И до сихъ поръ ими владѣла Елизавета Никитишна, тогда какъ генералу стоило только объявить начальству о сумасшествіи матери своей и попросить ее освидѣтельствовать, чтобы еще при жизни ея войдти во владѣніе и ея пятьюстами душъ. Но таже семейная гордость не дозволяла генералу сдѣлать этого и онъ только управлялъ деревнями сумасшедшей старухи и строго клалъ всѣ ея приходы въ ломбардъ, въ полной надеждѣ, что, по закону природы, мать умретъ прежде него и имѣніе ея безъ сраму перейдетъ къ нему.

Вѣроятно, и теперь вслѣдствіе такой-же комбинаціи Елизавету Никитишну безъ помощи доктора генералъ приказалъ запереть въ ея комнатѣ, а самъ занялся другими дѣлами.

Глава XVII.

Надо было окрестить маленькаго Сергѣя Сергѣевича Столбина, а это событіе не могло пройдти безъ хлопотъ, тѣмъ болѣе, что недавно пріѣхала изъ за границы княгиня Черново-Свѣтинская. Узнавъ, что у сосѣда ея, Сергѣя Александровича Столбина, родился сынъ, она прислала поздравить генерала и сама назвалась въ крестныя матери новорожденнаго. Такихъ примѣровъ вниманія къ сосѣдямъ до сихъ поръ еще не было слышно въ околоткѣ и генералъ сильно почувствовалъ сдѣланную ему княгинею честь и хотѣлъ принять именитую свою кумушку на славу. Да и кумомъ былъ приглашенъ, въ пандапъ княгинѣ, старый князь Норкинъ, богатый помѣщикъ, служившій нѣкогда при дворѣ. Вслѣдствіе этого всѣ комнаты въ домѣ чистились и убирались, какъ къ свѣтлому празднику; людямъ было заказано новое платье, птичницы кормили на убой индѣекъ грецкими орѣхами и поили одпѣми сливками. Да мало-ли еще что готовилось и дѣлалось къ торжественному дню крестинъ.

Самъ генералъ, не довѣряя на этотъ разъ даже распоряженію Котикова, приказалъ носить себя по всему дому и самъ своими глазами слѣдилъ за всѣмъ, что приготовлялось.

Наконецъ, насталъ назначенный день для крестинъ.

На селѣ зазвонили колокола, всѣ крестьяне въ праздничныхъ платьяхъ шли къ обѣднѣ. Генералъ съ утра почувствовалъ въ себѣ какую-то энергію и силу. Не смотря на просьбы всѣхъ домашнихъ не ѣздить къ обѣднѣ, онъ не послушался, облекся въ мундиръ, во всѣ свои регаліи, съ помощью людей сошелъ съ лѣстницы; крехтя, влѣзъ въ коляску и уѣхалъ въ церковь. Нѣсколько сосѣдей, приглашенныхъ на крестины, съѣхались къ обѣднѣ. Сергѣй Александровичъ, войдя въ церковь, поддерживаемый ливрейнымъ лакеемъ, прошелъ, кланяясь на обѣ стороны, до приготовленнаго ему по лѣвую сторону у клироса кресла, сѣлъ, помолился и оглянулся назадъ; къ нему начали подходить здороваться сосѣди. Въ полголоса завязался разговоръ. Въ половинѣ обѣдни, по церкви раздался шепотъ, и народъ раздвинулся. Сергѣй Александровичъ просіялъ: два огромныхъ лакея несли коверъ и кресло, за ними подвигались княгиня Черново-Свѣтинская, подъ руку съ княземъ Норкинымъ. За ней компаньонка несла шаль, крошечный карликъ несъ зонтикъ. Сергѣй Александровичъ пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Здравствуй, мой милый. Вотъ тебѣ кумъ и кума на лицо, подавая руку генералу, сказала, слегка кивнувъ, Евгенія Дмитріевна.

— Не знаю, какъ благодарить васъ за честь, княгиня, которую вы намъ дѣлаете, цѣлуя протянутую руку, сладко проговорилъ Сергѣй Александровичъ.

— И полно, mon chère!.. ну, что́, tu te portes bien?..

— Merci, princesse, tout-à-fait bien!

— Ну, слава Богу!

— А жена, дитя здоровы?

— Слава Богу, княгиня.

— Dieu merci!.. ну, пусти меня, я молиться хочу.

Княгиня пошла и сѣла на свое кресло, у праваго клироса. Сергѣй Александровичъ разсыпался въ благодарностяхъ и любезностяхъ съ княземъ Норкинымъ и оба они стали напротивъ княгини, на лѣвой сторонѣ. Генералъ не сѣлъ, какъ прежде, а только держался за свое кресло.

Княгиня то вставала и молилась, то опять садилась, подзывала къ себѣ компаньонку, давала ей приказанія; она переносила ихъ двумъ лакеямъ, лакеи сновали взадъ и впередъ по церкви, входили въ алтарь, ставили свѣчи мѣстнымъ образамъ и тѣмъ святымъ, на которыхъ показывала пальцемъ княгиня. Вдругъ Евгенія Дмитріевна обратила вниманія на то, что Сергѣй Александровичъ стоитъ, подозвала къ себѣ карлика и сказала ему шепотомъ:

— Мопсикъ, что Столбинъ не сидитъ, поди, скажи ему, чтобы онъ сѣлъ.

Карликъ перешелъ на другую сторону и передалъ слова княгини.

— Благодарю княгиню, я не усталъ, отвѣтилъ Сергѣй Александровичъ, почтительно кланяясь черезъ церковь Евгеніи Дмитріевнѣ. Карликъ вернулся съ отвѣтомъ къ княгинѣ.

— Онъ вретъ, онъ усталъ, поди, позови его ко мнѣ!

Карликъ опять перешелъ къ генералу и привелъ его къ княгинѣ.

— Что ты стоишь, мой милый? Сядь, у тебя вѣдь ноги болятъ.

— Покорно благодарю васъ, княгиня, за ваше вниманіе... я не чувствую никакой боли.

— Полно! это ты меня церемонишься оттого, что я теперь стою, такъ я здорова, а ты боленъ... передъ Богомъ-же ты сидѣлъ, а передо мной не хочешь, сядь, сядь, я тебѣ приказываю... Вѣра Андреевна, прикажи перенести его кресло сюда ко мнѣ, я ему не позволю вставать.

Лакеи княгини принесли кресло Сергѣя Александровича и поставили ихъ подлѣ кресла княгини.

— Ну, садись, садись... упирая на плечо генерала, милостиво проговорила Евгенія Дмитріевна.

Сергѣй Александровичъ, оглянувшись на присутствующихъ, опустился на кресло.

Отошла обѣдня, священникъ вынесъ три просфоры: княгинѣ, князю и генералу.

— Ну, мой милый, поѣдемъ теперь къ тебѣ, сказала княгиня.

Два лакея подхватили ее подъ руки и повели изъ церкви. Компаньонка шла впередъ и подавала милостыню нищимъ.

— Этому не давай! у него рожа красная... ты ничего не видишь, Вѣра Андреевна! Вонъ женщина-то съ ребенкомъ, подай! А ты, мальчикъ, вонъ пошелъ! говорила княгиня, проходя изъ церкви на паперть, передъ которой ждала ее вороная четверка врядъ, запряженная въ желтую четвероместную карету.

Оба лакея подсадили въ экипажъ княгиню; одинъ изъ нихъ вытащилъ изъ кареты вязаное, шерстяное одѣяло, завернулъ въ него съ головою карлика, другой поднялъ его на руки и посадилъ противъ княгини; потомъ оба вмѣстѣ впихнули Вѣру Андреевну, подняли подножку, захлопнули дверцы, вскочили на запятки и карета покатилась. Вслѣдъ за ней коляска Сергѣя Александровича и экипажи всѣхъ гостей потянулись къ усадьбѣ Столбина. Генералъ велѣлъ опередить княгиню, чтобы успѣть встрѣтить ее на крыльцѣ. Петръ Петровичъ поджидалъ генерала и помогъ ему вылѣзть изъ коляски и подняться на лѣстницу.

— Вы устали, ваше превосходительство? Какъ можно вамъ такъ не беречь себя.

— Ничего, ничего, оставь меня, вотъ княгиня ѣдетъ, помоги ей выйдти изъ кареты, запыхавшись, проговорилъ Сергѣй Александровичъ.

Котиковъ оставилъ его на площадкѣ и подбѣжалъ къ каретѣ княгини въ то время, когда лакеи откинули подножку.

— А, это ты? здравствуй, мой милый! сказала княгиня и оперлась съ одной стороны на руку Петра Петровича, а съ другой на руку гайдука. Другой гайдукъ высадилъ компаньонку и понесъ за княгиней завернутаго въ одѣяло карлика.

— А ты на вѣтру стоишь? Какъ тебѣ не стыдно, Сергѣй Александровичъ? ты простудишься, тогда на моей душѣ грѣхъ будетъ.

— За васъ, княгиня, и умереть пріятно, сладко отвѣтилъ генералъ на слова княгини.

— А жена-то молодая что скажетъ? улыбнувшись, сказала Евгенія Дмитріевна. — Ну, веди меня къ ней!

Сергѣй Александровичъ повелъ ее подъ руку въ комнаты. Лёло встрѣтила княгиню въ залѣ и повела въ гостиную.

— Поздравляю васъ, моя милая, съ новорожденнымъ! Не рано-ли вы выходите? C'est très dangereux...

— Ахъ! нѣтъ, княгиня, я давно поправилась, мнѣ вѣдь ужъ три недѣли.

— Comme elle a embelli! сказала сама себѣ Евгенія Дмитріевна, глядя въ лорнетъ на хозяйку дома.

Лёло сильно покраснѣла.

— Нѣтъ, право, похорошѣла, я ее только разъ видѣла, когда ты ко мнѣ съ визитомъ ее привозилъ. Тогда она мнѣ такая толстая показалась. Non, elle a beaucoup embelli, обратясь къ генералу, повторила княгиня.

— Слава Богу, что матери моей здѣсь нѣтъ, что бы съ ней сдѣлалось, еслибъ она это услыхала? подумала Лело, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Это мы маменьки стали, вотъ отчего мы похорошѣли, проговорилъ генералъ, взявъ за талію жену.

Княгиня лукаво улыбнулась. Пришелъ священникъ. Всѣ гости усѣлись въ гостиной. Офиціанты начали подавать кофе и шоколадъ.

— Гдѣ-же мой Мопсикъ? Вѣра Андреевна, приведи Мопсика ко мнѣ! приказала княгиня компаньонкѣ, ставя подлѣ себя на столъ двѣ чашки шоколаду и накладывая двѣ порціи бисквитъ.

— Вы съ собачкой пріѣхали, княгиня? спросила удивленная Лёло.

— Почти, милая моя... Погоди, вотъ сейчасъ приведутъ, посмотри! Вотъ и мы! ну, ну, Мопсикъ мой, поди сюда! сказала княгиня, маня къ себѣ карлика, которой показался въ дверяхъ съ Вѣрой Андреевной.

— Ну, подойди къ этой дамѣ, шаркни ей ножкой!

Карликъ расшаркался.

— Ну, посмотри на эту даму въ лорнетку, какъ въ Парижѣ франты глядятъ на дамъ.

Карликъ вынулъ изъ кармана ключъ и началъ лорнировать Лёло.

— Ну, покажи, какъ русскіе львы модничаютъ.

Карликъ, перегнувъ спину, лорнируя всѣхъ гостей, закартавилъ:

— J'étais flaner à Parris. J'étais flaner à Berrlin, j'étais flaner à Nice...

Княгиня, генералъ и всѣ гости захохотали.

— Ну, довольно, уродъ! пей шоколадъ. Вѣра Андреевна, спроси у человѣка салфетку Мопсику, да усади его хорошенько!

Офиціантъ подалъ салфетку, Вѣра Андреевна повязала карлика, какъ ребенка, подложила на кресло подушку съ дивана и усадила на нее подлѣ княгини Мопсика.

— Вы, милая моя, простите, что я у васъ такъ распоряжаюсь безъ церемоніи. Онъ ужь у меня такъ пріученъ; не сдѣлай ему этого, онъ разозлится, — вѣдь эти карлики презлые.

— Помилуйте, княгиня, мнѣ очень пріятно, что вы у меня, какъ дома, сказала Лёло, глядя съ сожалѣніемъ на карлика.

— Ахъ, Сергѣй Александровичъ! помнишь ты моего Марса? Помнишь—тотъ, что я все въ собольемъ мѣшкѣ возила?

— Какъ-же, помню, княгиня, онъ презабавный былъ карликъ.

— Знаешь, другъ мой, я вѣдь его женила въ то время, какъ ты былъ въ Петербургѣ?

— Что вы, княгиня! Возможно-ли это?..

— Право, женила, спроси вотъ у батюшки! У насъ съ нимъ изъ за этой свадьбы еще баталія была... Помнишь ты карлицу Венеру?..

— Какъ не помнить, еще головастикъ такой...

— Ну, да, да!.. Ты послушай, вѣдь это умора. Вотъ сижу я разъ у себя въ кабинетѣ и вышиваю по канвѣ. Вдругъ вбѣгаютъ Марсъ и Венера и бухъ ко мнѣ въ ноги.—Что вы тамъ надѣлали?.. Разбили что нибудь?.. спрашиваю я.—«Нѣтъ, Женя, не разбили... А благослови!» запищали оба вмѣстѣ.—На что благословить? спрашиваю я.—«На законный бракъ!.. Я люблю Венеру!.. Я люблю Марса!» кричатъ мнѣ два урода, а сами ноги мнѣ такъ и цѣлуютъ. Я, знаете-ли вы, думаю, что они меня смѣшатъ... и хохочу, хохочу до слезъ... «Да ты не хохочи, Женя!.. Мы въ правду; а не благословишь, двѣ души загубишь...» А я еще больше хохочу, до того хохочу, что мнѣ ужь въ бока закололо.—Пошли вонъ! кричу имъ, мнѣ больно... а они все не отстаютъ. Надоѣло мнѣ, я людей позвонила и, помнится мнѣ, ихъ посѣчь немного приказала, чтобъ впередъ фарсъ не пересаливали... Приказала посѣчь и забыла про нихъ, сижу себѣ и вышиваю, ни объ чемъ не думаю. Вдругъ слышу въ кабинетѣ покойника мужа крикъ необычайный... испугалась, вскочила, бѣгу. Вбѣгаю въ кабинетъ и что-же вижу: камердинеръ мой Модестъ держитъ за рученки Марса и Венеру и въ рученкахъ у нихъ два кинжала... Марсъ мраченъ, а Венера реветъ и на рукѣ у нея кровь... Что-жъ бы вы думали это за исторія была? Какъ Марса и Венеру посѣкли немного, они съ отчаянія и любви поклялись умереть вмѣстѣ... Забрались въ кабинетъ моего мужа, вскарапкались на стулья, отцѣпили два кинжала и стали въ позу, чтобы убить другъ друга. Марсъ пырнулъ Венеру въ руку и оба вмѣстѣ завизжали. На крикъ вбѣжалъ Модестъ и растащилъ ихъ... Осмотрѣли руку Венеры; злодѣй Марсъ порядочно проткнулъ ей руку. Что-жъ послѣ этакой милой выходки мнѣ было дѣлать?.. Любовь, все тебѣ прощено... Послала я за батюшкой. Вотъ, говорю, двухъ голубчиковъ соединить надо!.. Батюшка и слышать не хочетъ. «Помилуйте, княгиня, это грѣхъ распложать уродовъ!..» говоритъ онъ мнѣ. А я ему: если они такъ безъ вѣнца?.. это развѣ не грѣхъ?.. Ну, и убѣдила. Обвѣнчали мы ихъ: что-жъ бы вы думали? Соединивъ эти два любящія сердца, уѣхала я заграницу. Прожила тамъ годъ, возвращаюсь назадъ. Всѣ крестьяне, вся дворня встрѣчаютъ меня, а Марса и Венеры нѣтъ. Я спрашиваю, что съ ними, гдѣ они?.. Управляющій и всѣ люди не могутъ удержаться отъ смѣха. Да что такое? спрашиваю я опять. Наконецъ, управляющій могъ мнѣ проговорить: что Марсу въ эту ночь Венера даровала сына. Я такъ удивилась и сейчасъ-же велѣла принести себѣ ребенка показать. Принесли... ужь я до того хохотала, что мнѣ дурно сдѣлалось. Представьте вы себѣ,—этотъ сынъ Марса и Венеры — котенокъ!.. ну, совершенный слѣпой котенокъ! Я его Амуромъ прозвала, посмотрю, что изъ него будетъ?

Всѣ гости хохотали до слезъ.

— Однакожъ, я васъ смѣшу, а не пора-ли крестить? Кажется, все готово? спросила княгиня, глядя въ залу, гдѣ уже поставлена была купель и приготовлено все для крещенія

— Если вамъ угодно, княгиня, все готово, сказалъ генералъ.

— Ну, ну, ступай съ женой вонъ, вамъ нельзя здѣсь быть, проговорила княгиня, вставая съ своего мѣста.

— Пойдемъ, Лёлечикъ, насъ гонятъ съ тобою, пойдемъ, душка моя! позвалъ жену Сергѣй Александровичъ.

Всѣ гости встали, священникъ прошелъ въ залу...

— Не оставайся въ залѣ, когда будутъ крестить, тебѣ нельзя, шепнула Лёло, проходя мимо Котикова, который стоялъ въ дверяхъ.

— Хорошо! отвѣтилъ ей такъ-же тихо Петръ Петровичъ, невольно улыбнувшись.

Амалія Карловна вынесла ребенка въ голубомъ, обшитомъ кружевомъ одѣялѣ. Разодѣтая вся въ бархатъ и золото, мамка шла сзади. Кумъ, кума и бабушка съ ребенкомъ встали у купели.

Начались крестины.

Лёло въ это время усердно молилась, стоя передъ образами въ своей спальнѣ. Генералъ сѣлъ отдохнуть на диванѣ, ему становилась очень тяжело, его давилъ кашель, душила одышка, но онъ перемогалъ себя, бодрился и не сказалъ Лёло, что чувствуетъ себя дурно.

Кончились крестины.

Княгиня внесла въ спальню маленькаго христіанина, передала его съ рукъ на руки матери и поздравила генерала и Лёло. Амалія Карловна начала разносить шампанское. Пошли поздравленія, а потомъ тосты, за кума, за куму, за новорожденнаго, за генерала, генеральшу и за всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ.

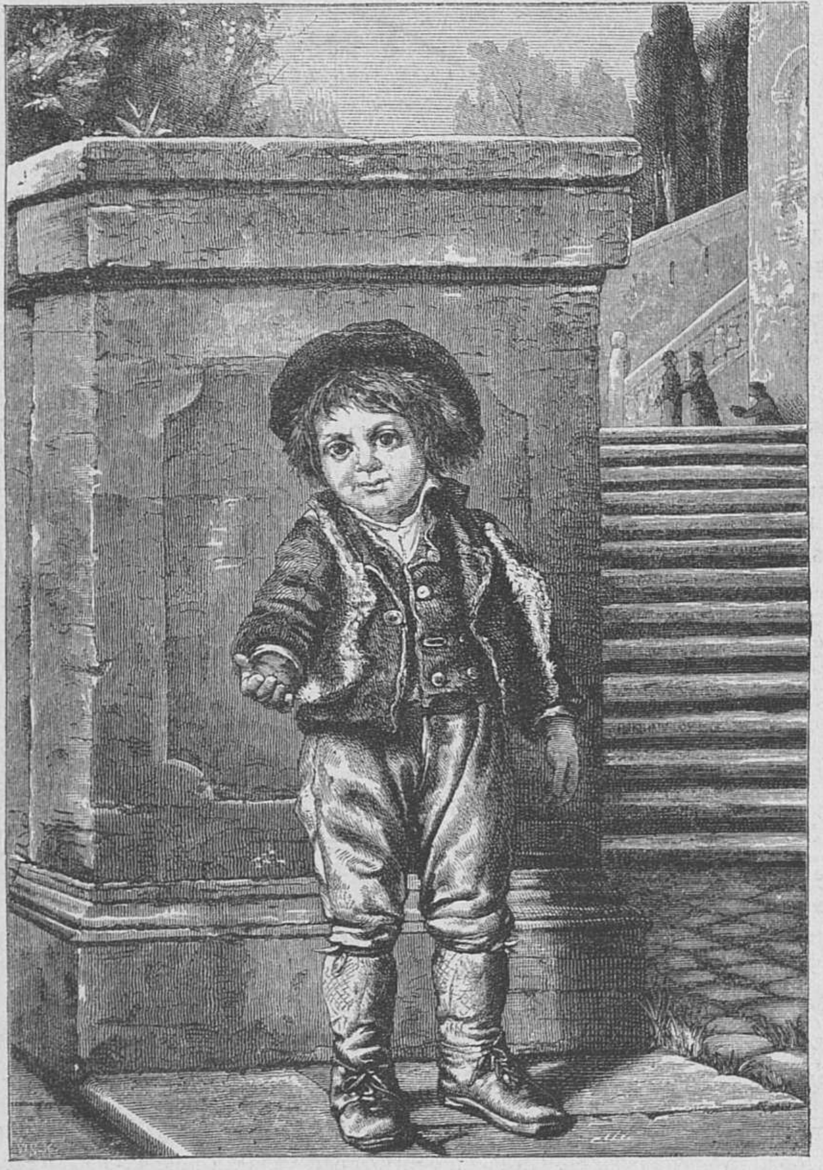
— Петя, ты не поздравилъ меня, мнѣ скучно!.. тихо сказала Лёло, подходя съ бокаломъ къ окну, гдѣ стоялъ Котиковъ.

— Мнѣ поцѣловать тебя хочется, отвѣтилъ ей Петръ Петровичъ.

— И мнѣ тоже...

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА А. БЕГАСА.



Дай грошикъ!

Рѣзано на деревѣ въ Берлинѣ.

— Ну, поцѣлуемся! Разодолжимъ генерала, княгиню и всю честную публику.

— Пожалуй! хочешь, я сейчасъ брошусь къ тебѣ на шею? тихо проговорила Лёло и разразилась звонкимъ смѣхомъ.

— Доволенъ ты, другъ мой, своимъ управляющимъ? спрашивала въ тоже время у генерала княгиня, стоя тоже съ бокаломъ въ другомъ углу залы и глядя въ амбразуру окна, гдѣ стояли Лёло съ Котиковымъ.

— Ужь и не знаю, какъ и благодарить васъ, княгиня, за него? Это золото, а не человѣка мнѣ вы прислали... Первымъ дѣломъ: вѣренъ, честенъ, дѣло свое знаетъ, а главное, какъ ни люби, какъ ни балуй его, не балуется, не забывается, держитъ себя на своемъ мѣстѣ... а ужь весельчакъ какой!

— Да, да, я вижу... вонъ, твоя жена какъ съ нимъ хохочетъ...

— Да! да!.. какъ сойдутся, такъ и хохотъ... вѣдь мой Лёлечикъ дитя, совершенное дитя!.. а онъ, мой голубчикъ, съ ней точно нянька возится.. я захвораю, такъ ужь онъ все...

— Такъ ужь онъ все... это очень хорошо!.. Я очень рада, что ты доволенъ.

— Ужь какъ доволенъ!.. Прежде, знаете-ли, княгиня, я его на такой ногѣ держалъ, какъ всѣхъ управляющихъ, а послѣ не выдержалъ... поневолѣ полюбилъ его, какъ сына.

— Ну, тогда онъ этого не стоилъ... а теперь... это всегда такъ бываетъ... важно качнувъ головой, сказала княгиня.—Надо мнѣ его похвалить за то, что онъ тебѣ такъ угождаетъ.. Я поощрять людей люблю... сказала княгиня и, улыбаясь, пошла къ Котикову, отъ котораго только что отошла Лёло.

— Я за твое здоровье хочу выпить, мой милый, и поблагодарить тебя, что ты мою рекомендацію такъ поддержалъ... за то, что ты такъ угождаешь Сергѣю Александровичу.

— Позвольте и мнѣ, ваше сіятельство, выпить за ваше здоровье! А благодарить меня совершенно напрасно, я исполняю только мою обязанность..

— Такъ все, что ты тутъ дѣлаешь, твоя обязанность? спросила княгиня, глядя прямо въ душу Петру Петровичу.

— Точно такъ, ваше сіятельство!

— Конечно, конечно.. генералъ слабъ, не здоровъ, надо помочь ему...

— Точно такъ, ваше сіятельство, я сколько могу, замѣняю генерала...

— А былъ ты въ залѣ, когда крестили?

— Не былъ, ваше сіятельство!

— Ну, и хорошо сдѣлалъ!

— Отчего-же, ваше сіятельство?.. Развѣ лакеямъ нельзя быть при крестинахъ? спросилъ Котиковъ, глядя княгинѣ прямо въ глаза, такъ-же какъ и она ему.

— Да, ты премилый—я тебя мало знала, заѣзжай ко мнѣ, когда... я тебѣ всегда рада буду, я умныхъ людей люблю.

Котиковъ, молча, низко поклонился.

Съ хохотомъ отошла отъ него княгиня и весь день была въ духѣ и любезна со всѣми, въ особенности была мила съ Лёло и нѣсколько разъ ласково заговаривала съ Котиковымъ. Долго тянулся парадный обѣдъ, гостей кормили и поили на убой. Сергѣй Александровичъ, который сильно любилъ поѣсть и попить, то-же не воздержался и подъ шумокъ поѣлъ и попилъ здорово. Шампанское, котораго онъ давно не пилъ, вдругъ какъ-бы освѣжило и помолодило его. Весь обѣдъ онъ шутилъ, смѣялся, говорилъ нѣжности женѣ и любезничалъ съ княгинею. Послѣ чая, часовъ въ десять вечера, гости начали разъѣзжаться.

— Ну, смотри-же, мой милый, пріѣзжай ко мнѣ, я тебя жду... Я передъ тобой еще виновата, надо вину загладить... Ты мнѣ сегодня такъ одного человѣка напомнилъ,— ну, ты самъ знаешь, кого... а я вѣдь его любила!.. сказала княгиня Петру Петровичу, когда онъ усаживалъ ее въ карету.

Отправивъ княгиню, Котиковъ не успѣлъ еще подняться на лѣстницу, какъ къ нему навстрѣчу сбѣжалъ блѣдный лакей.

— Петръ Петровичъ! пожалуйте на верхъ-съ, баринъ помираютъ-съ!..

— Какъ умираетъ? Что съ нимъ? спрашивалъ Котиковъ, летя на лѣстницу стрѣлой.

— Въ гостиной-съ, какъ курченокъ, свернулись, храпятъ-съ и пѣна на губкахъ, отвѣчалъ лакей на бѣгу, шагая черезъ нѣсколько ступеней, чтобъ не отстать отъ Петра Петровича.

Когда Котиковъ вошелъ въ гостиную, генералъ лежалъ уже повернутый на спину на диванѣ, нѣсколько запоздалыхъ гостей растегивали на немъ мундиръ и снимали галстукъ. Лакеи тянули съ барина сапоги. Лёло, вся въ слезахъ, поддерживала подушки подъ головой мужа. Петръ Петровичъ протолкался впередъ и началъ всматриваться въ Сергѣя Александровича. Онъ былъ блѣденъ сквозь румяны, тихо храпѣлъ; на синихъ губахъ выбивала пѣна.

— Ударъ! сказалъ одинъ изъ гостей.

— Надо скорѣй пустить кровь, сказалъ другой.

— Не ударъ, а обморокъ. Отворите окна! Дайте одеколону, скорѣй! снимая съ генерала парикъ, приказалъ Петръ Петровичъ. Нѣсколько людей бросились исполнять приказаніе.

Когда принесли одеколону, Котиковъ проворно помочилъ уголъ платка, далъ понюхать генералу и началъ тереть ему виски. Сергѣй Александровичъ вздрогнулъ и вдругъ открылъ глаза.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки **Вл. Михневича**.

(*Продолженіе.*)

XII.

Учрежденіе баловъ и асамблей при Петрѣ В.—Привлеченіе русской женщины къ общественнымъ увеселеніямъ. — Обученіе танцамъ. — Первыя танцорки петровскихъ временъ. — Офиціально-придворные балы.—Описаніе бальныхъ танцевъ начала прошлаго вѣка.

Въ 1700 г. Петръ, въ видахъ вящшаго распространенія въ русскомъ обществѣ «люцкости», по выраженію князя Щербатова, разумѣвшаго подъ этимъ словомъ гуманитарность, «за нужное почелъ, какъ повѣствуетъ Голиковъ, учреждать при дворѣ и у бояръ, подобные европейскимъ, столы, балы и другія увеселенія»...

Эти просвѣтительно-эпикурейскія учрежденія пришли одновременно съ переодѣваньемъ въ заморскіе костюмы, обязательнымъ бритьемъ бороды и прочими, въ этомъ родѣ, туалетными «реформами», повергшими благочестивыхъ поклонниковъ старины въ неописанный ужасъ и заставившими ихъ уподобить златоглавую Москву нечестивому Вавилону, а ея перекостюмировавшихся «питомцевъ славы»—исчадьямъ антихриста.

Впослѣдствіи, уже въ Петербургѣ, этого рода увеселительныя собранія получили правильную организацію, съ разъ установленными правилами, въ видѣ хорошо извѣстной «асамблеи».

Въ асамблеѣ танцамъ отводилось видное мѣсто. Въ изданномъ въ 1718 г. «Объявленіи, какімъ образомъ асамблеи отправлять надлежитъ» требовалось, чтобы для танцовъ отводилась особая комната и чтобы «никто другому прешкодить или унімать» «да не дерзалъ» — «сідѣть, ходіть, играть» («въ фанты и другія забавныя игры»), а также и танцовать. Учредитель объ одномъ только позаботился, чтобы въ то время, когда «въ Австеріи и въ прочіхъ мѣстахъ будутъ балы или банкетъ», ни подъ какимъ видомъ «лакѣи или служітели» не имѣли туда доступа, въ качествѣ, разумѣется, гостей.

Учреждая «балы и другія увеселенія», ради «люцкости», ради смягченія жестокихъ нравовъ, необходимо было ввести въ нихъ присутствіе женскаго элемента, да и какой-же «балъ» на подобіе европейскаго мыслимъ безъ дѣятельнаго участія въ немъ прекраснаго пола? И вотъ, въ одно время съ «учрежденіемъ» общественно-увеселительныхъ собраній послѣдовало распоряженіе, чтобы на оныя «приглашаемы были и всѣ знатныхъ людей жены и дочери, одѣтыя по-нѣмецки, по-французски и по-англійски».

Приказъ объ этомъ былъ данъ еще въ Москвѣ въ 1700 г. Впослѣдствіи онъ не разъ подтверждался и отчасти повторенъ въ уставѣ объ асамблеяхъ, а именно: обозначивъ, какихъ чиновъ и званій мужчинамъ представлялось право являться въ эти собранія, учредитель счелъ долгомъ упомянуть, что «такімъ-же образомъ разумѣется и женскому полу пріходити на асамблеи противъ выше означенныхъ мужеска полу чіновъ». Въ другомъ пунктѣ поставлено въ обязанность хозяевамъ асамблей отводить для женщинъ особую комнату, въ которой онѣ могли бы забавляться играми.

Конечно, одѣться въ новомодный костюмъ и выйти изъ опостылаго терема въ свѣтъ, людей посмотрѣть, себя показать, московскимъ красавицамъ было недолго; но стать свѣтской дамой, заблистать въ салонѣ разными «talents de société» и въ томъ числѣ танцовальнымъ искуствомъ—для этого нужна была цѣлая продолжительная школа. Ненапрасно Петръ, въ предусмотрѣніи развитія этого рода «люцкости» въ своемъ царствѣ, отправляя за-границу цивилизоваться русскую молодежь, ставилъ ей въ обязанность выучиться тамъ и танцовать.

«Учились мы, писалъ одинъ изъ этой молодежи, Неплюевъ, въ бытность свою за-границей:—солдатскому артикулу, на шпагахъ биться, танцовать, на лошадяхъ ѣздить и пр.» Для многихъ изъ нихъ едва-ли не въ пріобрѣтеніи однихъ лишь этихъ искуствъ и заключался весь курсъ наукъ, какъ это можно видѣть по «щеголю» Медору, осмѣянному Кантемиромъ. Тотъ-же Неплюевъ, похваляясь успѣхами, сдѣланными имъ и товарищами его въ означенныхъ предметахъ, свидѣтельствуетъ, что по математикѣ, напр., они «безъ дѣла сидѣли», каковое обстоятельство и повергало его въ нѣкоторое грустное сомнѣніе: могутъ-ли, говорилъ онъ, одни «шпажное и танцовальное ученія къ нуждѣ его величества въ насъ годны быть?..» Конечно, «годны» могли быть, но Петръ хотѣлъ, чтобы его «птенцы», преуспѣвая въ танцахъ и въ «люцкости», не менѣе того были свѣдущи и въ математикѣ.

Во всякомъ случаѣ, ко времени учрежденія обязательныхъ баловъ, которые притомъ, въ дни Петра, давались чрезвычайно часто, у насъ не было недостатка въ свѣтскихъ кавалерахъ и ловкихъ танцорахъ; но гдѣ было выучиться этому московскимъ, «знатныхъ людей женамъ и дочкамъ?» По этой причинѣ на первыхъ порахъ героинями петровскихъ баловъ являются почти исключительно однѣ иностранки — колонистки московской нѣмецкой слободы: большею частью жены и дочери служившихъ въ царскомъ войскѣ офицеровъ. Пунктуальный лѣтописецъ Корбъ, описывая одинъ изъ тогдашнихъ баловъ, перечислилъ всѣхъ участвовавшихъ въ немъ дамъ поименно. Между ними нѣтъ ни одной русской фамиліи.

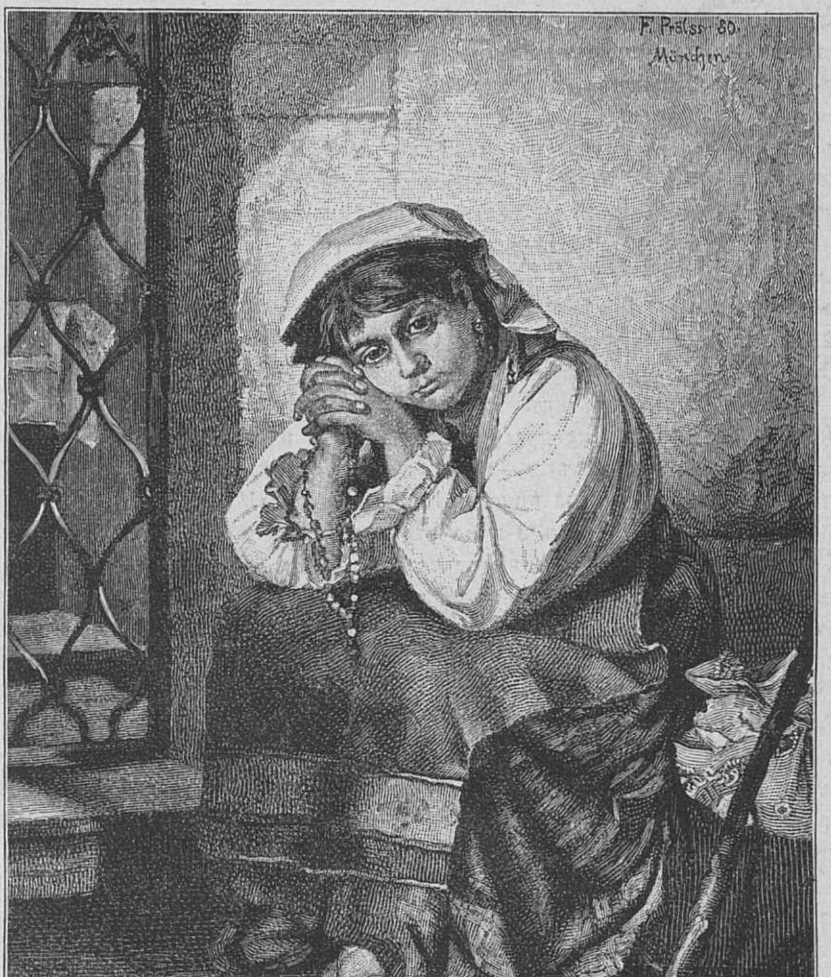
Но ждать выступленія, въ должномъ престижѣ элегантности и граціи, прирожденныхъ русскихъ барынь на бальномъ паркетѣ пришлось недолго. Скоро онѣ заблистали на немъ, не уступая нѣмкамъ въ искуствѣ щеголять, манерничать и танцовать. И иначе не могло быть, если согласиться съ компетентнымъ историкомъ, княземъ Щербатовымъ, что «пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ».

На первыхъ порахъ пришлось для этого обратиться къ услугамъ заѣзжихъ иностранцевъ, среди которыхъ явились на спросъ искустные учителя танцамъ, и не только танцамъ, но и «тѣлесному благолѣнію», а также «поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ», какъ титуловался одинъ изъ нихъ. Были такіе многосторонне-просвѣтительные професора и въ Москвѣ, еще до основанія Петербурга. Одинъ изъ нихъ отъ той эпохи увѣковѣчилъ даже свое имя. Это нѣкто Стефанъ Рамбуръ, «танцовальный мастеръ» въ московскомъ пансіонѣ пастора Глюка. Нужно полагать, что онъ точно былъ мастеръ своего дѣла, судя потому, что въ 1703 г. на него возложили высокую честь обучить танцамъ царевенъ (дочерей Прасковьи Федоровны и младшую сестру Петра). Рамбуръ, впрочемъ, одной честью не удовольствовался. «Обучалъ я ихъ высочествъ со всякою прилежностью, — жаловался онъ царю, много времени спустя, — а за оные труды обѣщано по 300 рублевъ на годъ», и, «однако, принужденъ, послѣ 10-лѣтнихъ моихъ докукъ», просить «всемилостивѣйше повелѣть ваше державство» выдать «за мои вѣрные труды»—1,500 руб. за 5 лѣтъ.

Нельзя, конечно, допустить, чтобы курсъ танцовальнаго искуства продолжался въ данномъ случаѣ 5 лѣтъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, Рамбуръ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Ф. ПРЁЛЬСА.



Богомолка.

Рѣзано на деревѣ въ Берлинѣ.

состоялъ при царевнахъ въ качествѣ постояннаго придворнаго танцмейстера. Въ придворномъ штатѣ такая должность въ тѣ времена необходимо полагалась, потому что даже петровскіе вельможи содержали своихъ домовыхъ танцмейстеровъ. Такъ, у Берхгольца встрѣчаемъ извѣстіе о танцмейстерѣ князя Меньшикова, фигурировавшемъ въ знаменитомъ маскарадѣ 1721 г., въ костюмѣ Сатира, и «дѣлавшемъ на ходу (въ процесіи) искустные и трудные прыжки».

Такъ или иначе, но петровскія русскія дамы съ перенесеніемъ столицы въ Петербургъ настолько уже обладали внѣшней свѣтскостью, «тѣлеснымъ благолѣпіемъ» и «учтивствами», что, по свидѣтельству Вебера, иностранецъ, попавъ въ ихъ общество, «рѣшительно могъ подумать, что находится не въ Россіи, а въ Лондонѣ или Парижѣ»... «до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не вступитъ съ ними въ разговоръ». Что-же касается танцевъ, то, по словамъ того же очевидца, «всѣ русскіе вообще имѣли большое расположеніе къ этому упражненію и исполняли его съ граціею».

Это подтверждаетъ другой обстоятельный хроникеръ Берхгольцъ, извѣстный «Дневникъ» котораго переполненъ описаніями петербургскихъ баловъ, маскарадовъ и вечеринокъ съ танцами. Танцовали тогда всѣ, и старъ, и младъ. Примѣръ подавалъ царь, почти въ каждомъ такомъ собраніи лично открывавшій танцы въ парѣ, большею частію, съ царицей. «Государь и государыня исполняли всѣ па, какъ самые молодые люди», восхищался танцемъ ихъ величествъ Берхгольцъ на одной свадьбѣ въ 1721 г., т. е., когда Петру было уже почти 50 лѣтъ, а Екатеринѣ подъ 40. 50 лѣтъ не считались тогда слишкомъ зрѣлымъ возрастомъ для танцовальныхъ па и пируэтовъ; а князь Меньшиковъ, напр., только на 50-мъ году принялся учиться танцовать менуэтъ и потомъ, «исполнилъ его не дурно».

Изъ петербургскихъ русскихъ дамъ славились въ то время, какъ искустныя и граціозныя танцорки: во-первыхъ, императрица, затѣмъ великія княжны и, въ особенности, тогда еще очень юная, Елисавета Петровна, княгиня Черкасская, первая красавица и львица, княгиня Кантемиръ, графини Головкины, княжна Трубецкая, Лопухина и друг. Первенство-же между всѣми ними знатоки отдавали старшей графинѣ Головкиной, которая, по отзыву Берхгольца, «танцовала лучше всѣхъ въ Петербургѣ».

Нужно и то сказать, что для усовершенствованія въ танцовальномъ искуствѣ свѣтскому обществу временъ Петра I практика представлялась большая. Плясали круглый годъ, и лѣто, и зиму, на многочисленныхъ празднествахъ, церковныхъ, государственныхъ и семейныхъ. Бассевичъ насчиталъ однихъ офиціально-придворныхъ праздниковъ больше 30 въ году; они раздѣлялись на лѣтніе и зимніе: первые справлялись обыкновенно въ царицыномъ саду (нынѣ лѣтній), а вторые—въ почтовомъ домѣ, а также въ великолѣпномъ дворцѣ князя Меньшикова.

Приведемъ, кстати, изъ петровскихъ «Санктпетербургскихъ вѣдомостей» описаніе одного изъ баловъ того времени, даннаго въ 1719 г. въ имянины государя въ лѣтнемъ саду. «Вышедши изъ церкви, повѣствуетъ современный фельетонистъ,—радость всенародная съ громкою пушечною стрѣльбою, пированіе и трапезы царскія, всякое изобиліе въ брашнахъ и питіяхъ, имущая съ сладкогласнымъ пѣніемъ, трубами и мусикіею. По сихъ гулба въ вертоградѣ царскомъ, гдѣ-же вся чувства насладилися: зрѣніе—видящее неизреченную красоту древесъ... Уханіе—отъ благовонныхъ цвѣтовъ, имуще свою сладость. Слышаніе—отъ мусикійныхъ, трубныхъ и пушечныхъ гласовъ. Вкушеніе—отъ различнаго и нещаднаго (!) питія... Послѣди-же по западѣ солнца были преизрядные фейерверки, и огня, въ гору летущаго и по водамъ плавающаго... Но хотя воистину при томъ торжествѣ свѣтлы были палаты, веселы вертограды, сладки трапезы, и самое новопрестольнаго града мѣсто дивное... но неудобвлилася-бы тако любы невидяща тѣлесныма очима самаго торжественнаго именинника, аще-бы не присутствовала тамо неложная утѣха живый его величества образъ: всемилостивѣйшая наша государыня Екатерина Алексѣевна съ прелюбезнѣйшими дщерьми»...

Дѣйствительно, Екатерина была душою этихъ торжественно-увеселительныхъ собраній, умѣя поддерживать, по словамъ очевидцевъ, «блескъ двора съ удивительнымъ величіемъ и непринужденностью».

На праздникахъ въ лѣтнемъ саду танцы происходили въ нарочно построенныхъ для того галереяхъ. Они начинались, обыкновенно, около 9 часовъ вечера и оканчивались къ 12; во время ихъ изъ саду никого не выпускали, для чего у входовъ разставлялись часовые. Балъ открывали высочайшія особы: большею частью, царь съ царицей и великія княжны съ знатнѣйшими вельможами или съ пріѣзжими принцами. Танцовали для открытія польскій (полонезъ) или «нѣмецкій танецъ». Это составляло церемоніальную прелюдію къ балу: пока танцовали царственные гости, остальная бальная публика бездѣйствовала, исполняя роль почтительныхъ зрителей. Послѣ перваго танца танцовали уже всѣ, кто хотѣлъ, безъ разбора.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда придворному балу предшествовалъ парадный обѣдъ, всегда сопровождавшійся, по обычаямъ того времени, «нещаднымъ питіемъ», въ которомъ не безучастенъ былъ и прекрасный полъ, танцы начинались гораздо раньше—при дневномъ свѣтѣ. Петръ, по всегдашней привычкѣ, уходилъ послѣ обѣда отдыхать часа 2 и на это время приставлялъ къ пиршественному чертогу часовыхъ съ строгимъ приказомъ никого не выпускать. Гости, обремененные яствами и питіями, томились, какъ въ заключеніи, пока царь не возвращался: тогда начинались танцы, оканчивавшіеся въ такихъ случаяхъ часамъ къ 10 вечера.

Вельможи старались не отставать отъ двора въ гостепріимствѣ и кромѣ обязательныхъ асамблей, наперерывъ другъ передъ другомъ задавали по разнымъ случаямъ балы и банкеты «съ доброю церемоніею и веселіемъ». Если на этихъ собраніяхъ присутствовалъ царь со своимъ семействомъ, то въ танцахъ соблюдался вышеописанный порядокъ. Вообще-же честь открытія бала всегда возлагалась на самыхъ почетныхъ гостей. На свадебныхъ пиршествахъ это дѣлалъ такъ называвшійся «маршалъ», игравшій роль главнаго распорядителя.

Свадебные танцы начинались особенной церемоніей. «Маршалъ», съ присвоеннымъ его званію жезломъ въ рукѣ, ангажировалъ невѣсту и открывалъ балъ. За нимъ слѣдовали 2 старшіе шафера—одинъ съ посаженной матерью, другой съ посаженной (или родною) сестрою невѣсты. Подъ звуки марша съ медленнымъ темпомъ дамы становились по одну сторону, кавалеры по другую; въ такомъ положеніи и тѣ и другіе дѣлали «реверансы» своимъ сосѣдямъ и другъ другу каждая пара; потомъ кавалеры и дамы брались за руки и, сдѣлавъ поворотъ, церемонно шли кругомъ по залѣ, отвѣшивая поклоны гостямъ. Танецъ этотъ въ такомъ порядкѣ продѣлывался нѣсколько разъ со смѣною танцующихъ, пока въ немъ не принимали участіе всѣ почетные и спеціально-свадебные гости: шафера, дружки и проч. Къ слову сказать, въ свадьбахъ знати во время Петра строго соблюдались многіе старинные русскіе свадебные обряды.

Послѣ описаннаго церемоніальнаго танца, начинался польскій, въ которомъ уже принимали участіе всѣ гости, безъ различія, но во всѣхъ свадебныхъ танцахъ «маршалъ» обязательно долженъ былъ фигурировать въ первой парѣ, не разставаясь со своимъ жезломъ, такъ что исправленіе этой почетной должности требовало крѣпкихъ ногъ и неутомимости.

Танцы въ тѣ беззаботныя времена имѣли мѣсто не на однихъ только заранѣе условленныхъ вечерахъ и балахъ. Свѣтскіе люди танцовали при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Гдѣ только сходилось нѣсколько дамъ и кавалеровъ и случалась подъ рукою музыка или хотя-бы плохенькій какой-нибудь скрипачъ, тотчасъ послѣ угощенія молодежь пускалась въ плясъ. Если правъ Веберъ, что наши дамы того времени не обладали еще искуствомъ салонной «causerie», то, понятно, танцы должны были служить самымъ главнымъ посредникомъ для сближенія половъ. Этимъ способомъ, напр., герцогъ голштинскій 4 года вытанцовывалъ себѣ благосклонность великой княжны Анны Петровны...

Асортиментъ бальныхъ танцевъ состоялъ тогда изъ польскаго, менуэта, англеза и «нѣмецкаго танца». Балъ проходилъ въ безконечномъ ихъ повтореніи. «Мы, разсказываетъ Берхольцъ объ одной вечеринкѣ у Головкина,—танцовали по 2 польскихъ и по 2 англійскихъ танца сряду и, наконецъ, начали одинъ такой, который продолжался болѣе получаса: 10 или 12 паръ связали себя носовыми платками и каждый изъ танцовавшихъ, идя впереди, долженъ былъ выдумывать новыя фигуры. Особенно дамы танцовали съ большимъ удовольствіемъ. Когда очередь доходила до нихъ, онѣ дѣлали свои фигуры не только въ самой залѣ, но и переходили изъ нея въ другія комнаты; нѣкоторыя водили въ садъ, въ другой этажъ дома и даже на чердакъ. При всѣхъ этихъ переходахъ одинъ изъ музыкантовъ со скрипкой долженъ былъ постоянно прыгать впереди, такъ что измучился, наконецъ, до крайности» (это былъ, конечно, танецъ, извѣстный и нынѣ подъ именемъ «гросъфатера»). Замучивая музыкантовъ, танцоры старались взаимно—дамы кавалеровъ и кавалеры дамъ—тоже довести до полнаго изнеможенія и въ этомъ заключался особенный интересъ такого времяпрепровожденія.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

Глава VI.

Мертвые собираются воскреснуть.

Прошло нѣсколько дней послѣ описанныхъ нами событій. Капитанъ де-Марби въ уединенномъ паркѣ стариннаго замка, въ окрестностяхъ Пуату, предавался припадкамъ безумной ярости. Увѣренный, что его никто не видитъ, онъ бродилъ по тѣнистымъ алеямъ, разговаривалъ вслухъ самъ съ собою и потрясалъ тростью, какъ шпагой.

— Всѣхъ перебью, одного за другимъ! кричалъ онъ.—Начну съ тебя, старый! У-у! разможу, какъ червяка! Разъ, два, разъ, два, три... Что? вотъ-же тебѣ! Издохни, старый бездѣльникъ! Я вытрясу изъ тебя твою грязную душонку.

Избавившись отъ перваго мнимаго врага, капитанъ останавливался для передышки и затѣмъ снова пускался маршировать и говорить монологи.

— Теперь вы! другіе... Погодите, вотъ снимутъ печати съ нашего дома, принесутъ мнѣ бумаги, тогда берегитесь—громъ и молнія! я примусь и за васъ! О! если-бы они были всѣ здѣсь, передо мною! всѣ...

И онъ неистово набрасывался на дерево или на заборъ и рычалъ, напирая на него:

— Убью, всѣхъ убью!

Разъ изъ чащи деревъ вышелъ слуга, крича ему:

— Капитанъ, вы не слышите меня?

Старый воинъ кинулся на него съ дикимъ ревомъ:

— Наконецъ-то ты откликнулся! Сейчасъ я посмотрю, какая у тебя кровь! Я выпущу изъ тебя кишки.

Ни въ чемъ неповинный слуга едва успѣлъ уклониться отъ удара и убѣжалъ, крича:

— Господи! онъ съ ума сошелъ!

Капитанъ тотчасъ опомнился; онъ провелъ платкомъ по лбу, съ котораго струился потъ; отеръ губы, на которыхъ показалась пѣна и, запыхавшись, оперся одною рукою на трость, а другою на дерево. Въ такомъ положеніи онъ сконфуженно смотрѣлъ на слугу, который, отбѣжавъ шаговъ 20, остановился и смотрѣлъ на капитана, желая удостовѣриться, дѣйствительно-ли онъ рехнулся. Де-Марби позвалъ его успокоительнымъ тономъ, но слуга и не помышлялъ подходить, будучи вполнѣ убѣжденъ, что онъ избѣгнулъ важной опасности и что у стараго офицера былъ припадокъ delirium tremens.

— Слышишь-ли? иди сюда! крикнулъ капитанъ. Но малый не двигался съ мѣста и капитану пришлось придумать какое-нибудь объясненіе своимъ страннымъ эволюціямъ. Это было не совсѣмъ легко, однако капитанъ нашелся:

— Чего ты, глупый, испугался? вскричалъ онъ съ громкимъ смѣхомъ.—Развѣ не видишь, что я упражняюсь въ фехтованіи? Гдѣ-же мнѣ иначе упражняться? Вѣдь въ вашихъ развалинахъ нѣтъ фехтовальной залы.

— Но вы кричали, что вы всѣхъ убьете.

— Ну, это такъ, чтобы развернуться... Неужели ты думаешь, гусь этакой, что я могъ-бы проколоть твой жиръ тростью? Иди сюда.

Слуга съ трепетомъ приблизился, боязливо озираясь по сторонамъ и ища куда-бы ему юркнуть, въ случаѣ возобновленія кризиса. Но, въ успокоеніе его, капитанъ отдалъ ему свою трость.

— Теперь мнѣ полегче! сказалъ онъ, шумно вздохнувъ.

Слуга успокоился; глаза капитана, хотя все еще налившіеся кровью, не имѣли болѣе того дикаго взгляда, который такъ испугалъ его; судорожное искаженіе рта, пропускавшее изъ него только брань и проклятія, также прекратилось. Словомъ, Илэръ казался спокойнымъ и старался даже улыбаться.

— Однако, капитанъ, у васъ странные пріемы, когда вы дѣлаете моціонъ, сказалъ слуга.— Я никогда въ жизни не пугался такъ, какъ сегодня.

— Что ты дѣлалъ въ паркѣ? Ты давно слѣдовалъ за мной, спросилъ капитанъ съ тайной тревогой.

Вспомнивъ, что въ припадкѣ бѣшенства онъ громко выкрикивалъ имена, сопровождая ихъ нелестными эпитетами, Илэръ сталъ бояться, не узналъ-ли слуга того, что такъ тщательно скрывалось, т. е. именъ его, капитана, и стараго президента.

— Я не слѣдовалъ за вами, а искалъ васъ; услыхавъ вашъ голосъ, я узналъ, гдѣ вы находитесь, и позвалъ васъ. Но вы сердито закричали: «Поди-ка, сюда, поди, лежебокъ!» Я побѣжалъ на вашъ зовъ и вдругъ наткнулся на васъ. Но у васъ былъ такой страшный видъ, какъ будто вы хотѣли проколоть меня вашей тростью. Мнѣ показалось, что это шпага, и я отскочилъ въ сторону, но споткнулся о хворостъ... вы видѣли. Потомъ я успокоился, но, Господи! какъ я испугался!

По правдѣ сказать, и было чего испугаться: видъ капитана былъ далеко не привлекателенъ. Мы уже сказали, что передъ отъѣздомъ изъ Парижа онъ сбрилъ свои волосы, брови и усы. Волоса начали снова рости и покрыли его лицо щетиной, которая придавала ему ужасный видъ. Его круглые, выпуклые глаза; толстый, широкій носъ и огромный ротъ, посреди лица, напоминавшаго тѣло ежа, были поистинѣ неизобразимы, тѣмъ болѣе когда черты его искажались бѣшенствомъ. Выслушавъ слугу, капитанъ громко расхохотался.

— Да чего тебѣ, гусь, было нужно отъ меня?

— Васъ ищутъ, капитанъ; маркизъ дожидается васъ въ гостиной.

— Иди впередъ; я сейчасъ приду.

Слуга повиновался и ушелъ, ворча себѣ подъ носъ:

— Ладно, меня не проведешь кроткимъ видомъ. Я знаю теперь, каковъ ты иногда бываешь. Не успѣй я отскочить въ сторону,—мнѣ былъ бы капутъ!..

Капитанъ тотчасъ явился въ гостиную, гдѣ его дожидался де-Мейранъ. Озабоченное выраженіе лица молодого человѣка поразило его.

— Нѣтъ-ли чего новаго? спросилъ онъ.

— Есть, капитанъ... Мы должны немедленно уѣхать отсюда въ Парижъ.

— Въ Парижъ? Что-же случилось?

— Я уже говорилъ вамъ, что въ префектурѣ находится одинъ человѣкъ, служившій въ арміи подъ начальствомъ моего отца. Онъ преданъ мнѣ. Онъ хотѣлъ бросить службу въ полиціи, гдѣ его не умѣютъ цѣнить, но остался затѣмъ, чтобы услужить мнѣ... Это онъ взялся извѣщать насъ обо всемъ, что произойдетъ; онъ предупреждаетъ меня, что полиція напала на слѣдъ Элизы, и совѣтуетъ уѣхать.

— Онъ знаетъ меня? спросилъ капитанъ съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ; для него, какъ и для всѣхъ, капитанъ де-Марби умеръ. Когда я сошелся съ нимъ, я васъ еще не зналъ; это было до примиренія вашего съ Элизой; онъ взялся тогда охранять насъ съ нею. Вы знаете, при какихъ странныхъ обстоятельствахъ мы сошлись съ вами; я вамъ все объяснилъ; онъ-же ничего этого не знаетъ; для него наше дѣло не связано съ вашимъ. Но свѣденія, которыя онъ доставляетъ намъ, интересуютъ также и васъ. Это онъ сообщилъ мнѣ, что г-жа де-Марби удалилась въ общину «Кающихся», гдѣ онъ за нею наблюдаетъ... Должно быть произошли какія-нибудь новыя усложненія, потому что сегодня онъ мнѣ пишетъ: «Маркизъ, уѣзжайте немедленно, по полученіи этой записки. Вашъ слѣдъ открытъ; къ тому-же пора возвратиться въ Парижъ; пора дѣйствовать. Не теряйте ни минуты. Возвращайтесь по западной желѣзной дорогѣ, потому что на орлеанскую высланы агенты. Извѣстите меня телеграмой тотчасъ по отъѣздѣ. Я буду ждать васъ на станціи Монпарнасъ и провожу васъ въ надежное мѣсто. Вашъ преданный слуга Гюре».

— И вы довѣряете этому человѣку? Вы не опасаетесь ловушки?

— Нѣтъ, капитанъ; онъ зналъ съ самаго начала, что мы находимся здѣсь, и имѣлъ-бы время выдать насъ, если-бы хотѣлъ.

— Хорошо, г. де-Мейранъ, я полагаюсь на васъ. Ѣдемъ; я готовъ. Тѣмъ лучше, если пора дѣйствовать. Сейчасъ я позову слугу, чтобы уложить мой чемоданъ.

— Нѣтъ, капитанъ, не дѣлайте этого; багажа не надо. Мы возьмемъ съ собою только одинъ маленькій чемоданъ и скажемъ здѣсь, что мы ѣдемъ охотиться къ одному сосѣду въ Плэнъ, въ Вандею. Я велю заложить кабріолетъ и самъ буду править. По прибытіи на станцію, которую мы изберемъ, мы оставимъ экипажъ и лошадь въ гостинницѣ и такимъ образомъ нашъ внезапный отъѣздъ не возбудитъ подозрѣній. Завтра, когда сюда явятся сыщики, они потеряютъ нашъ слѣдъ и станутъ дожидаться нашего возвращенія, такъ какъ мы скажемъ, что возвратимся послѣ-завтра.

— Отлично! Вы вполнѣ дѣловой человѣкъ.

— Готовьтесь-же, капитанъ, а я пойду предупредить Элизу.

— Я буду живо готовъ. Долго-ли солдату снарядиться!

Капитанъ отправился въ свою комнату, а Оливье позвалъ слугу и приказалъ сдѣлать всѣ нужныя приготовленія для охоты, заложить кабріолетъ и уложить въ него ружья и патроны. Все это показалось прислугѣ очень естественнымъ и Оливье отправился къ Элизѣ.

Она жила въ особомъ павильонѣ. Придя къ ней, молодой человѣкъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что она плакала: глаза ея были красны и влажны.

— Боже мой, что съ вами, Элиза! Вы плакали?..

— Да, отвѣчала она, силясь улыбнуться,— только, пожалуйста, мой другъ, не спрашивайте, о чемъ.

— Отчего-же? Вы позволяете мнѣ дѣлить ваши опасенія, ваши заботы; такъ почему-же вы не хотите подѣлиться со мною и вашимъ горемъ?

— Потому-то я и плачу, что не могу подѣлиться имъ съ вами, не могу рѣшиться открыть вамъ одного обстоятельства, о которомъ вы должны-бы знать.

— Отчего-же? говорите, прошу васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Оливье; не теперь... Я не въ силахъ.

Онъ попытался настаивать, но Элиза, улыбаясь сквозь слезы, зажала ему ротъ своею маленькой рукой и сказала умоляющимъ тономъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... Я вамъ все скажу потомъ. Что привело васъ ко мнѣ въ этотъ часъ? Вамъ нужно что-нибудь сказать мнѣ?

— Да, и время не терпитъ.

— Что случилось? съ испугомъ спросила молодая женщина.

— Я получилъ письмо отъ извѣстнаго вамъ Гюре; онъ извѣщаетъ, что мы не безопасны здѣсь, и совѣтуетъ немедленно уѣхать; онъ говоритъ, что наше присутствіе въ Парижѣ необходимо. Вотъ его письмо, прочтите.

Элиза задрожала, тщетно стараясь скрыть свое волненіе; она взяла письмо и пробѣжала его.

— Черезъ нѣсколько минутъ я буду готова, сказала она, прочтя письмо.

Онъ повернулся, чтобы уйти, но у дверей залы, до которой она проводила его, онъ остановился и взялъ ея руки.

— Элиза, я хочу знать причину вашихъ слезъ.

— Потомъ.

— Помните, что вы оставляете во мнѣ тяжелую заботу... Я вашъ другъ, Элиза, какое-же право имѣете вы скрывать отъ меня ваше горе? Я хочу дѣлить его, какъ дѣлю ваши радости.

— Вы очень добры, Оливье... но прежде нужно спастись, а потомъ поговоримъ.

— Когда-же? Дорогой? Отвѣчайте же, Элиза.

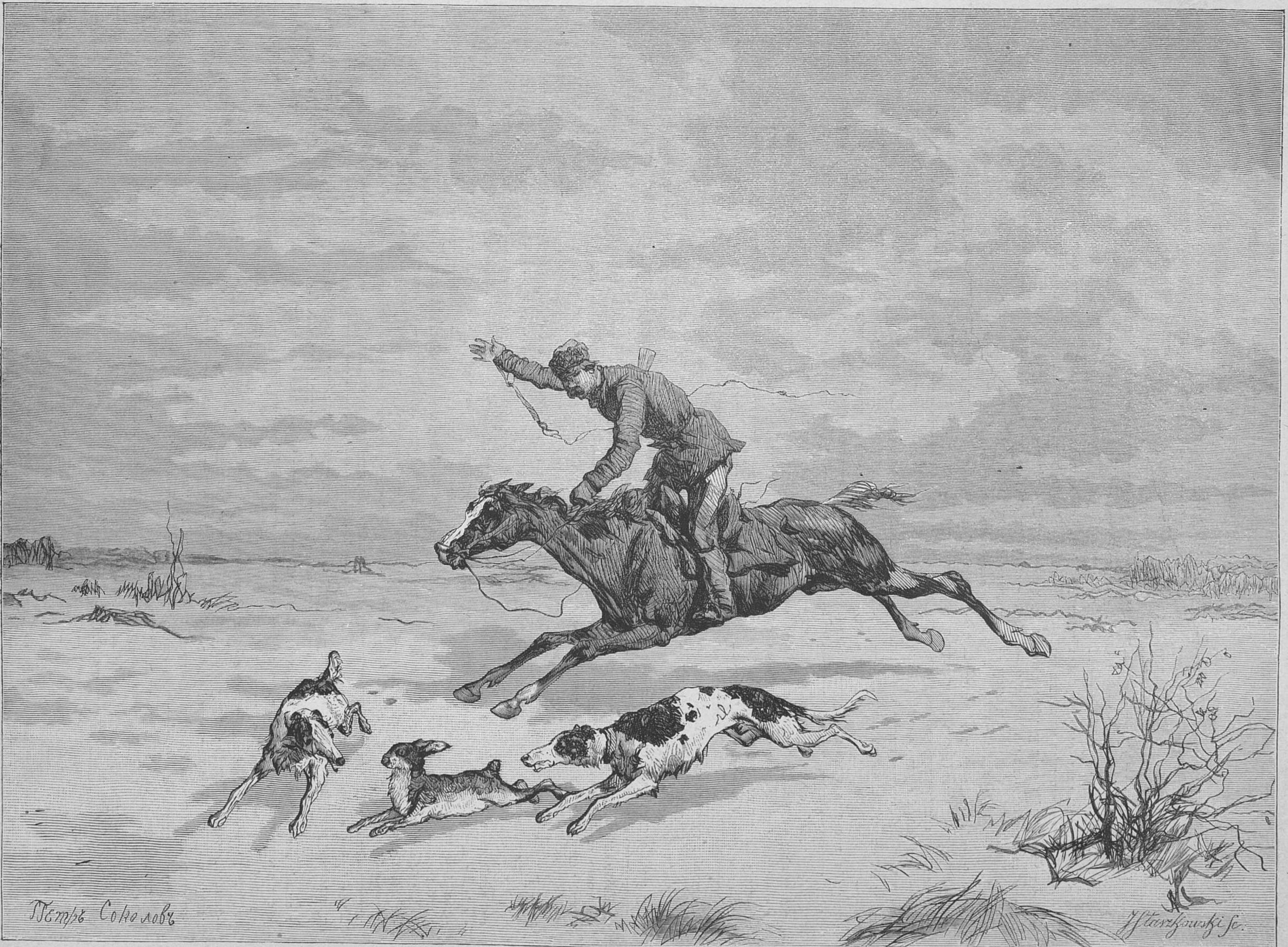
— Да.

Онъ поцѣловалъ ея руки и вышелъ.

Кабріолетъ былъ заложенъ и слуги старательно уложили въ него охотничьи костюмы и оружіе. Первымъ былъ готовъ капитанъ. Въ пальто, застегнутомъ на-глухо; въ англійской фуражкѣ, надѣтой на бекрень и похожей на полицейское кепи, онъ стоялъ у подножки кабріолета, прямой, какъ шестъ. Вскорѣ вышелъ Оливье, одѣтый въ деревенскій костюмъ; наконецъ, явилась и Элиза, въ простомъ темномъ нарядѣ. Оливье посадилъ ее съ собою рядомъ на переднюю скамейку, капитанъ-же помѣстился на зад-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ПЕТРА СОКОЛОВА.

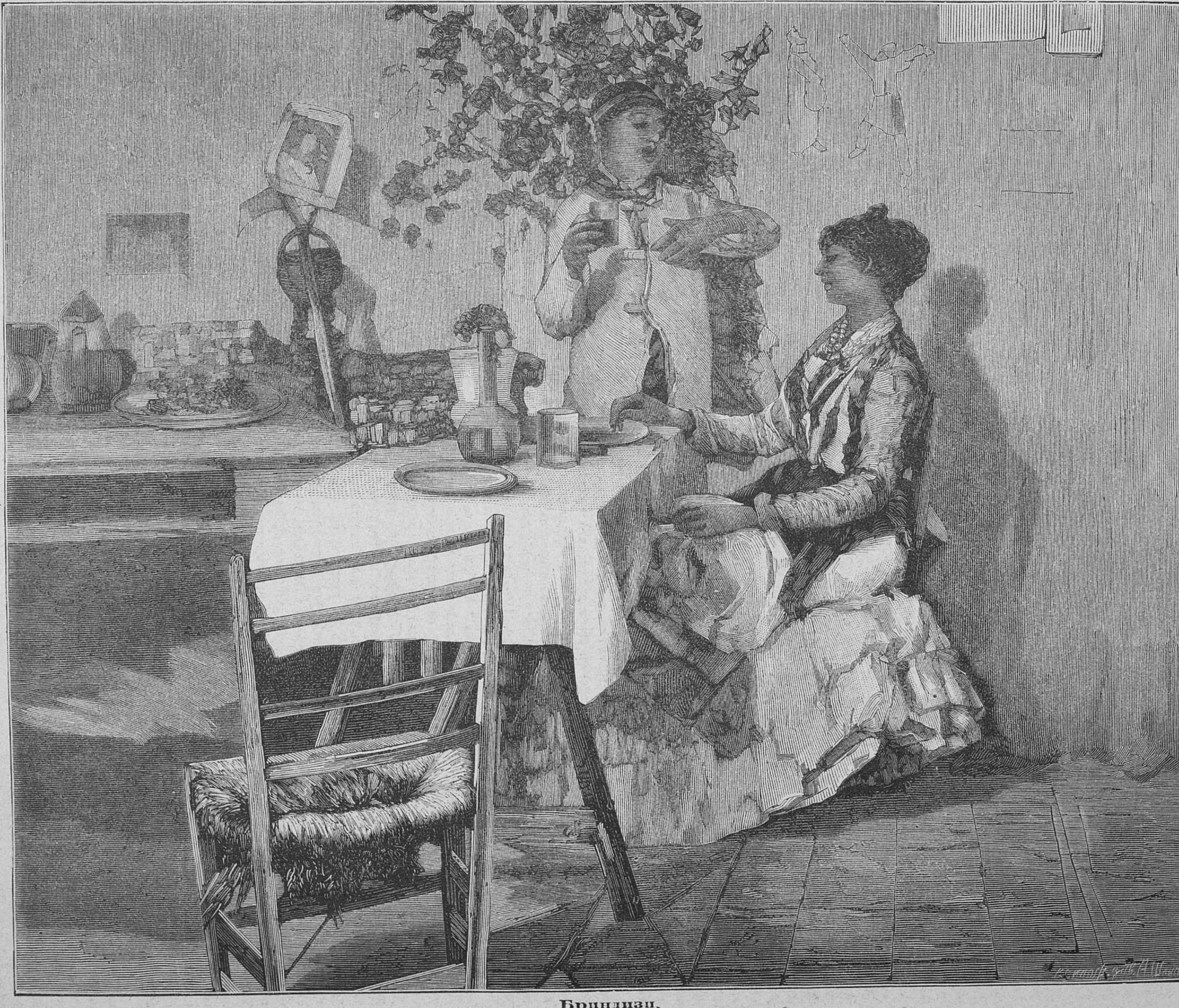

Петръ Соколовъ
J. Starzkowski sc.

По порошѣ за зайцемъ.

Рисовалъ на деревѣ авторъ; рѣзано въ „Варшавской политипажнѣ“

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ 1880 Г.

КАРТИНА МОНТЕФУСКО.



Бриндизи.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

ней. Оливье хлестнулъ лошадь и экипажъ умчался.

Дорогой всѣ трое чувствовали нѣкоторый страхъ, въ виду неизвѣстности того, что ихъ ожидало. Всѣ трое молчали и каждый былъ погруженъ въ свои думы. Элиза спрашивала себя, какія новыя усложненія могутъ еще болѣе запутать ея положеніе. Оливье думалъ только объ Элизѣ, о причинѣ ея слезъ. Въ планахъ будущности, которые они вмѣстѣ строили, они никогда не затрогивали одного важнаго предмета: ребенка Элизы. Молодая женщина сама избѣгала говорить о ребенкѣ, чувствуя инстинктивное отвращеніе къ нему Оливье. Разъ только объ этомъ ребенкѣ зашла рѣчь: это было въ тотъ день, когда Элиза разсказала своему другу, какому таинственному обстоятельству этотъ ребенокъ былъ обязанъ жизнью. Отсюда явилась непримиримая ненависть Оливье къ президенту, котораго онъ считалъ виновнымъ въ подломъ преступленіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольное отвращеніе къ ребенку. Онъ далъ себѣ слово жениться на Элизѣ только въ тотъ день, когда презрѣнный человѣкъ, пятнавшій свою судейскую тогу, будетъ позорно изгнанъ изъ службы; мало того, совсѣмъ исчезнетъ. Оставался ребенокъ; бѣдняжка не могъ быть отвѣтственнымъ за преступленіе своего отца, а между тѣмъ въ душѣ Оливье не было ни малѣйшей жалости къ несчастному созданію. Онъ не хотѣлъ, чтобы его дѣти были братьями и сестрами сына негодяя. Чѣмъ больше онъ размышлялъ, тѣмъ больше убѣждался, что причиной слезъ Элизы было именно это; значитъ нужно было ускорить развязку и при первомъ-же случаѣ откровенно поговорить съ Элизой. Онъ скажетъ ей, что свадьба ихъ будетъ только послѣ того, когда онъ отомститъ за нее, т. е. послѣ смерти Матье де-Тальи, которому нельзя оставлять возможности похваляться въ кругу развратниковъ плодомъ его преступленія. Но самымъ щекотливымъ вопросомъ былъ ребенокъ. Нужно было уговорить Элизу разстаться съ нимъ навсегда и,— такъ какъ онъ носилъ уважаемое имя Самюэля Бота,—отправить его воспитываться въ Америку и обезпечить за нимъ достаточное состояніе. Въ Нью-Іоркѣ не трудно было найдти хорошее училище, которое взяло-бы его совершенно на свое попеченіе. Но согласится-ли на это Элиза? Дѣло шло не о прихоти, не о фантазіи; предстояло бороться противъ самой природы, противъ чистѣйшаго, священнѣйшаго изъ чувствъ — чувства материнской любви. Можетъ-ли женщина колебаться между материнскою и плотскою любовью? Мать, безъ сомнѣнія, пересилитъ любовницу и Оливье придется сказать прости всѣмъ своимъ радужнымъ мечтамъ. Онъ былъ молчаливъ и мраченъ, потому что разсудокъ и логика говорили ему, что Элиза пожертвуетъ имъ. Но онъ былъ не въ силахъ отказаться отъ нея; онъ предвидѣлъ, что любовь заглушитъ разсудокъ, а кто зналъ, какими несчастіями грозило это въ будущемъ?

Капитанъ также молчалъ и, развалясь на задней скамейкѣ, покачивалъ головой и жестикулировалъ руками, ясно давая понять этими жестами, гдѣ были его мысли. Если онъ ѣдетъ въ Парижъ для того, чтобы дѣйствовать, какъ говорилось въ письмѣ, то онъ готовъ, ему нужно только повидаться на нѣсколько минутъ съ Матье де-Тальи. Послѣ того недостойнаго судью нечего будетъ болѣе бояться, о самомъ-же себѣ онъ, капитанъ, не заботился... Онъ отмститъ за себя и этого довольно. Что касается его жены, онъ не сомнѣвался, что найдетъ ее; но относительно ея онъ не питалъ болѣе такихъ жестокихъ намѣреній, какъ въ первое время; онъ такъ хорошо узналъ ее теперь, что она не внушала ему болѣе ничего, кромѣ отвращенія. Онъ желалъ теперь только скандалезнаго процеса, который выяснилъ-бы его честность и на вѣкъ заклеймилъ-бы позоромъ эту женщину, закрывъ для нея двери свѣта.

Такимъ образомъ, трое спутниковъ продолжали свою дорогу, не обмѣниваясь ни однимъ словомъ. Въ полночь они пріѣхали въ Луденъ, гдѣ остановились въ гостинницѣ. Поужинавъ и отдохнувъ, они вышли рано утромъ и, оставивъ свой кабріолетъ съ лошадью на попеченіе прислуги, сказали, что они идутъ въ окрестности и возвратятся за экипажемъ. Съ первымъ-же поѣздомъ они доѣхали до Анжера, гдѣ пересѣли на другой поѣздъ. Оттуда Оливье отправилъ депешу Гюре и вечеромъ они прибыли въ Парижъ.

Приставъ дожидался ихъ на станціи; онъ посадилъ ихъ въ карету, а самъ сѣлъ на козлы, вмѣсто кучера. Они не знали, куда они ѣдутъ; было уже темно и они съ трудомъ распознавали пустынныя улицы кварталовъ Монпарнаса и Инвалидовъ. Оливье замѣтилъ, что они выѣзжаютъ изъ Парижа. Часа черезъ полтора карета остановилась и Гюре ввелъ путешественниковъ въ маленькій домикъ, мѣщанскаго вида и совсѣмъ пустой.

— Гдѣ мы? спросилъ Оливье.

— Въ Медонѣ. Входите, не опасайтесь, я уѣду съ каретой. Завтра мы повидаемся, а вы пока отдохните. Васъ ждетъ обѣдъ, приготовленный служанкой, м-ль Марго.

Не дожидаясь отвѣта, онъ влѣзъ на козлы и уѣхалъ.

Путники вошли въ домъ, нѣсколько озадаченные таинственнымъ поведеніемъ Гюре. Въ особенности встревоженъ былъ Оливье. Капитанъ думалъ только объ одномъ: что пришла пора дѣйствовать. Предосторожности Гюре убѣждали его въ томъ, что дѣло не замедлитъ начаться, и ему казалось, что начинается кампанія, что непріятель въ виду и нужно вести себя съ величайшей осторожностью. Готовилась засада, для которой необходимы тайна, тишина и мракъ ночи. Ненависть и бѣшенство снова начинали клокотать въ душѣ стараго солдата и онъ готовился къ бою.

Элизу ожидалъ пріятный сюрпризъ: ее встрѣтила ея горничная Марго, которая все приготовила для своей госпожи.

Путешественники разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы оправиться послѣ дороги, а черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое снова собрались за столомъ, на которомъ былъ накрытъ обѣдъ. Они были такъ утомлены дорогой, что тотчасъ послѣ обѣда, который прошелъ молча и скоро, разошлись по своимъ комнатамъ. Элиза спѣшила остаться наединѣ съ своей горничной. Запершись въ своей комнатѣ, она спросила Марго:

— Что новаго? Вотъ уже пять дней, какъ я не имѣю отъ васъ извѣстій.

— Но я уже шесть дней нахожусь здѣсь, въ этомъ домѣ. Меня привелъ сюда посланный вами человѣкъ, который велѣлъ мнѣ все приготовить къ вашему пріѣзду.

— Такъ этотъ человѣкъ пришелъ къ вамъ отъ моего имени?

— Развѣ не вы его послали?

— Я. Имѣете-ли вы какія-нибудь свѣдѣнія о г-жѣ де-Марби? Что съ нею сталось?

— Да, имѣю... но, право, я не смѣю вамъ передать того, что говорятъ...

— А что-же? напротивъ, говорите скорѣе.

— Вотъ какъ объясняютъ то, что случилось: капитанъ будто-бы жилъ не по средствамъ, промоталъ состояніе своей жены и увязъ въ долгахъ. Г-жа де-Марби обратилась за совѣтомъ къ президенту де-Тальи, и тотъ посовѣтовалъ ей разъѣхаться съ мужемъ, на что поведеніе его давало ей полное право. Узнавъ объ этомъ, капитанъ, въ припадкѣ умоизступленія, рѣшился отомстить президенту за его совѣты. Съ этою цѣлью онъ пришелъ къ нему въ домъ и покусился на его жизнь. Послѣ того онъ сталъ искать свою жену, чтобы и съ нею сдѣлать тоже самое, но она успѣла укрыться отъ его ярости въ общинѣ «Кающихся».

— Въ общинѣ «Кающихся»! Орели!

— Да, и какъ теперь всѣ ее жалѣютъ! Мало того, говорятъ, будто, узнавъ о смерти бѣднаго капитана, она рѣшилась отказаться отъ свѣта и посвятить себя добрымъ дѣламъ.

— Но нѣтъ, это невозможно!..

— Такъ пишутъ въ газетахъ.

Въ эту минуту въ домѣ послышался шумъ и Элиза, все еще не успокоившаяся, вздрогнула.

— Что это? слышите?

— Не бойтесь; сюда никто не придетъ.

— Какъ не бояться, Марго? Если я попадусь въ руки этихъ людей, мнѣ будетъ плохо.

— Не бойтесь. Это, вѣроятно, одному изъ нашихъ господъ что-нибудь понадобилось. Погодите, я узнаю.

Элиза, дрожа отъ страха, прислушивалась къ шуму шаговъ въ домѣ. Марго взяла свѣчу и вышла; спустившись съ лѣстницы, она наткнулась на капитана, который уже совсѣмъ было улегся, но, вспомнивъ, что онъ оставилъ свой револьверъ въ мѣшкѣ, въ столовой, всталъ, чтобы взять его. Капитанъ былъ въ ночной сорочкѣ, длинной, какъ саванъ, и шелъ безъ свѣчки, натыкаясь на мебель и бранясь, какъ оглашенный. Горничная, протянувъ руку со свѣчой и внезапно увидѣвъ въ темнотѣ бѣлую фигуру капитана, страшно вскрикнула, бросила свѣчу и въ ужасѣ пустилась бѣжать обратно въ комнату своей госпожи, которая окаменѣла отъ испуга, увидѣвъ ее въ такомъ положеніи. Служанка поспѣшно захлопнула за собою дверь и упала въ кресло, задыхаясь и шепча:

— Боже мой! Боже мой! Вѣдь это онъ тамъ!.. Его тѣнь!.. капитана!..

Элиза дрожала всѣми членами, но, услыхавъ эти слова, она тотчасъ успокоилась.

— Господи, какъ вы меня перепугали! Да полно, глупая, вѣдь это онъ и есть, г. де-Марби; онъ пріѣхалъ съ нами.

— Г. де-Марби! Но онъ умеръ!

— Значитъ нѣтъ, если вы его сейчасъ видѣли.

— Да что-же это? или я сошла съ ума? вѣдь я видѣла его тамъ, внизу, въ саванѣ; и лицо совсѣмъ искаженное, какъ есть мертвецъ!

Элиза не могла удержаться отъ смѣха, видя, какое впечатлѣніе произвело на горничную преобразованіе физіономіи капитана.

— Успокойтесь, капитанъ живъ; вы видѣли его живого и чтобы удостовѣриться въ этомъ прислушайтесь къ тому, что онъ говоритъ.

Марго подошла къ двери и прислушалась.

— Сто чертей! говорилъ капитанъ,—что это вы нарочно бросаете мнѣ подъ ноги подсвѣчники? Вотъ дура, испугалась! Какъ будто я такъ страшенъ.

— Посвѣтите! сказала Элиза горничной.

— О нѣтъ! ради Бога, я боюсь. Человѣкъ, котораго считаютъ мертвымъ, и вдругъ...

Элиза, взявъ свѣчу, вышла на помощь къ капитану, который, въ потьмахъ, ломился въ шкафъ, полагая, что онъ отворяетъ дверь своей комнаты.

— Боже мой! что съ тобою, Илэръ?

— Наконецъ-то догадались посвѣтить! Что со мной? Я пошелъ за своимъ мѣшкомъ и когда возвращался по лѣстницѣ, служанка швырнула мнѣ подъ ноги подсвѣчникъ и взвизгнула мнѣ въ ухо. Я не зналъ, куда я попалъ.

— Ты забываешь, что для нея ты мертвецъ.

— А, такъ вотъ что! Однако, она умна, чортъ побери! она приняла меня за привидѣніе! Ну, теперь спокойной ночи, Элиза.

Онъ вошелъ въ свою комнату. Марго, выглядывавшая изъ за двери, за спиной своей госпожи, все еще не могла придти въ себя отъ изумленія.

— Какъ горе измѣнило его! сказала она Элизѣ.

— Пойдемъ ко мнѣ и продолжайте свой разсказъ.

— И такъ, я уже сказала вамъ, продолжала горничная,—что баронесу считаютъ жертвою грубаго и промотавшагося мужа. Да мало-ли, что еще разсказываютъ... Но вотъ будетъ потѣха, когда узнаютъ, что г. де-Марби живъ!

— Вы никому не говорите объ этомъ.

— Не безпокойтесь; я ничего не скажу. Но какъ я перетрусила! Слава Богу, что бѣдняга остался въ живыхъ! Жаль было-бы, еслибъ онъ такъ кончилъ, въ особенности, когда знаешь всю правду.

— И такъ, г-жа де-Марби въ общинѣ «Кающихся». Тѣмъ лучше для нея. Значитъ, она сознаетъ свои вины и чувствуетъ угрызенія совѣсти. Это спасетъ ее отъ болѣе страшной участи... Только пойдетъ-ли она до конца? Хватитъ-ли у нея рѣшимости?

— О, это уже рѣшено, могу васъ увѣрить; теперь только объ этомъ и говорятъ. Всѣ тѣ дамы, которыя злословили ее, когда она затмѣвала ихъ своей красотой, своими побѣдами, заговорили теперь о ней совсѣмъ другое. Она стала въ ихъ глазахъ мученицей, а мужъ ея—послѣднимъ негодяемъ. Если она осталась честной, говорятъ онѣ, то ужь никакъ не благодаря ему. Онъ принуждалъ ее къ разсѣянной свѣтской жизни; онъ своимъ обращеніемъ съ нею, своимъ невниманіемъ къ ней старался толкнуть ее на путь порока и нарочно для этого предоставлялъ ей полную свободу.

— О, негодныя!..

— Но еслибы вы знали все, что говорятъ!

— Смотрите, никогда не передавайте этого капитану.

— Какъ можно! мнѣ жаль его, бѣднягу. Но что досаднѣе всего—даже тѣ дамы, которыя едва знали ее, увѣряютъ теперь, что онѣ были очень дружны съ нею и домогаются увидѣть ее.

— Какъ это пошло! А какъ относится ко всему этому г-жи де-Мейранъ?

— Да, я забыла вамъ сказать: однѣ онѣ осуждаютъ ее. Это всѣми замѣчено. Онѣ вслухъ сожалѣютъ о томъ, что такъ грубо ошиблись въ ней, и говорятъ, что она была недостойна ихъ дружбы. Того-же мнѣнія и многіе мужчины. Но дамы всѣ за нее.

— Ну, а есть-ли какія-нибудь извѣстія объ Аристидѣ?

— Никакихъ. Я вамъ переслала послѣднее письмо. Сегодня я не успѣла сходить на почту и поэтому не знаю, получено-ли еще письмо на ваше имя. Развѣ послѣднее письмо было тревожное?

— Нѣтъ, но онъ все еще былъ болѣнъ, очень слабъ.

— Значитъ, теперь лучше, если медлятъ писать. Но не думайте болѣе объ этомъ; вы устали, ложитесь. Завтра, прежде чѣмъ вы проснетесь, я схожу узнать, нѣтъ-ли писемъ, и принесу ихъ вамъ, если есть.

— Да, да, Марго. Но вы останетесь здѣсь, со мною?

— Конечно. Я такъ рада, что опять съ вами! Если я понадоблюсь, позовите. Я сплю рядомъ.

— Благодарю, Марго.

Горничная уложила молодую женщину въ постель и Элиза, неспавшая впродолженіи полутора сутокъ, скоро заснула. Марго опустила пологъ и вышла.

Рано утромъ вѣрная служанка отправилась за письмами. Элиза, опасаясь, что адресованныя къ ней письма будутъ перехватываться, распорядилась, чтобы ихъ адресовали на имя одной родственницы Марго. На этотъ разъ было всего одно письмо, но при видѣ его молодая горничная похолодѣла. Оно было съ черной каймой и съ штемпелемъ той мѣстности, гдѣ жила кормилица Аристида, сына ея госпожи. Марго не знала, что дѣлать; она хотѣла было распечатать и прочесть письмо, но разсудила, что это не годится. Элиза, безъ сомнѣнія, проснулась и нетерпѣливо ждетъ ее съ письмами. Встревоженная и грустная дѣвушка возвратилась въ Медонъ медленными шагами. Не успѣла она отворить наружную дверь, какъ услыхала звавшій ее голосъ Элизы.

— Марго, идите скорѣе.

Горничная, спрятавъ письмо, поднялась по лѣстницѣ. Элиза стояла у полуотворенной двери. Еще не было шести часовъ.

— Какъ? вы уже встали!

— Я проснулась уже болѣе часа и все ждала васъ. Я видѣла ужасный сонъ.

— Какой-же? спросила Марго, нетвердымъ голосомъ.

— Есть-ли письмо? перебила Элиза, не отвѣтивъ на вопросъ.

Марго опустила голову и заплакала. Элиза громко вскрикнула и схватила письмо, которое горничная подала ей. Быстро пробѣжавъ его, молодая женщина глубоко вздохнула и, какъ подкошенная, упала на полъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Стефенъ Мятчель.

Повѣсть изъ флоридской жизни **М-съ Робинзъ**,
переводъ **А. А. Разсказовой**.

Глава I.

Сидя на верандѣ нашего хорошенькаго котеджа, я услышала медленные, тяжелые шаги; кто-то шелъ по боковой дорожкѣ мимо нашего дома, съ трудомъ передвигая ноги по глубокому песку. Было ясное декабрьское утро, такое утро, какое трудно встрѣтить въ другое время года и въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Сент-Огюстена въ полутропическомъ штатѣ Флоридѣ. Воздухъ былъ такъ нѣженъ и ароматиченъ, какъ рѣдко бываетъ у насъ въ новой Англіи даже въ душистомъ іюнѣ. Дрозды-пересмѣшники, качаясь на вѣтвяхъ дуба, около нашего дома, заливались веселымъ музыкальнымъ ритмомъ, о которомъ, не слыша, трудно составить себѣ понятіе. Большія апельсинныя деревья, обремененныя золотистыми плодами, бѣлыя отъ цвѣтовъ и бутоновъ, насыщали каждую струйку воздуха восхитительнымъ благоуханіемъ; розы и гіацинты, жасмины и жонкили, великолѣпные, цвѣтущіе кустарники и экзотическія растенія, рѣдкія у насъ, въ новой Англіи, но обыкновенныя здѣсь, дѣйствуя опьяняющимъ образомъ на чувства, приводили въ полудремотное состояніе покоя, столь свойственное этой странѣ.

Шаги по песку, медленные, тяжелые шаги, показавшіеся бы странными во всякомъ другомъ мѣстѣ, естественны здѣсь; наше короткое пребываніе успѣло уже убѣдить насъ, что ходить по мелкому прекрасному песку не такъ легко; поневолѣ приходится измѣнить твердую, быструю походку на медленный, волочащійся шагъ. Я передвинула немного свой стулъ, чтобы посмотрѣть, кому принадлежали эти шаги и увидѣла молодого человѣка съ наклоненной головой и впалой грудью, длинной, худощавой рукой придерживающагося за рѣшетку, служившую оградой. «Бѣдняга чахоточный, подумала я грустно.—Онъ, какъ и многіе другіе, пріѣхалъ сюда въ надеждѣ на излеченіе, но, кажется, онъ скоро умретъ». Вѣроятно, сожалѣніе высказалось на моемъ лицѣ, потому что молодой человѣкъ остановился передъ нашими воротами, съ тоской, какъ мнѣ показалось, взглянулъ на яркое шерстяное одѣяло, прикрывавшее мнѣ ноги, приподнялъ голову, чтобы бросить взглядъ надъ моей головой во внутренность нашего жилища, дотронулся до шляпы и прошелъ въ манящую его впередъ прохладную тѣнь. Что-то въ его лицѣ привлекло мое вниманіе. Оно было блѣдно той особой блѣдностью, которая неразлучна съ болѣзнью, на немъ рѣзко выдѣлялись два большіе, темные глаза, полные глубокой тоски, которую невозможно описать словами. Это были голодные глаза, взывающіе къ вамъ какъ будто въ крайней нуждѣ и даже болѣе, чѣмъ взывающіе — заставляющіе васъ спѣшить на помощь, если вы имѣете малѣйшую возможность. Почти безсознательно я подошла къ воротамъ, облокотилась на нихъ и, стараясь придать своимъ дѣйствіямъ видъ беззаботности, продолжала наблюдать за нимъ. Все таже медленная, волочащаяся походка, все таже рука, скользящая вдоль рѣшетки, таже склоненная голова и впалая грудь.

— Долженъ-же кто-нибудь посовѣтовать ему держаться прямѣе, сказала я, капризно оборачиваясь къ дому и обращаясь къ мужу, сидѣвшему въ комнатѣ. — Видано-ли, чтобы особа, пріѣхавшая во Флориду лечиться отъ чахотки, сгибалась совсѣмъ въ дугу? Или онъ воображаетъ, что этотъ чудесный воздухъ исцѣлитъ его легкія, не имѣя къ нимъ доступа? Неужели никто не рѣшится сказать ему объ этомъ?

— О комъ ты говоришь? спросилъ безмятежно мой мужъ.

— О молодомъ человѣкѣ, умирающемъ отъ чахотки, который только что прошелъ мимо — и с, Богъ мой! — какой онъ жалкій!

— Я думалъ, ты уже достаточно привыкла къ этому; изъ сотенъ людей, зимующихъ здѣсь, едва-ли найдется семейство, у котораго не было бы своего больного.

— Или умирающаго, отвѣчала я уныло. — Я прихожу въ ужасъ; здѣсь жить все равно, что на кладбищѣ.

— Не болѣе получаса назадъ, сказалъ, улыбаясь, мой мужъ,—я слышалъ, какъ одна дама, сидѣвшая на верандѣ, окруженной апельсинными деревьями, говорила, что Сент-Огюстенъ настоящій рай и она сомнѣвается, чтобы во всемъ мірѣ было другое мѣсто наполовину столь прекрасное, какъ это.

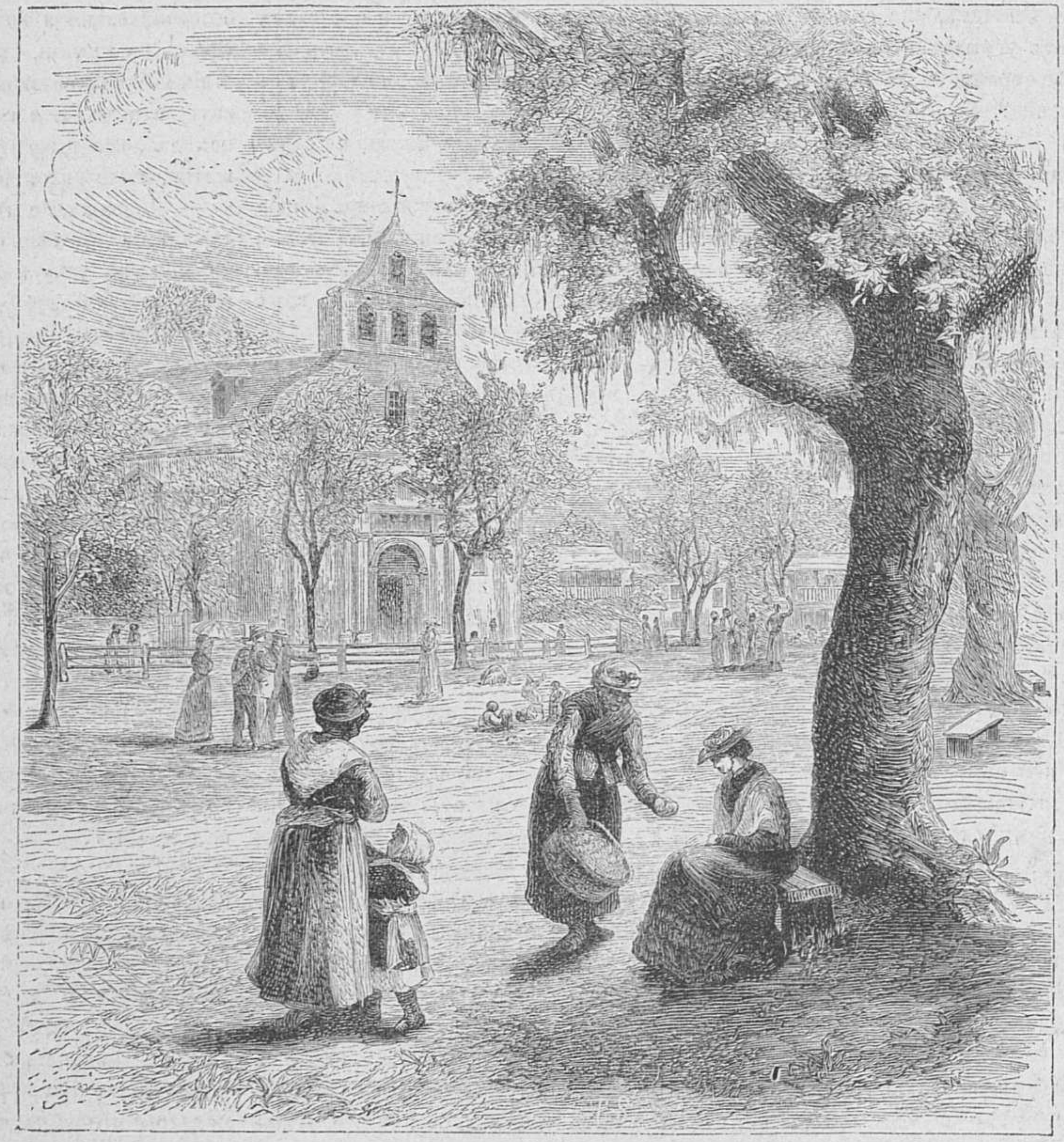
— Но то было прежде, чѣмъ я увидѣла этого молодого человѣка, отвѣчала я, сконфуженная;— мысль о немъ преслѣдуетъ меня. Желала бы я знать, кто онъ, откуда. Я увѣрена, что онъ бѣденъ и одинокъ, болѣнъ и страдаетъ, и ни одного человѣческаго существа нѣтъ около него, чтобы сказать ему доброе слово, оказать ласковое вниманіе. Онъ умретъ здѣсь; я убѣждена, что таковъ будетъ его конецъ.

— Да, можетъ быть, и такъ; но не зная степени его болѣзни, не слишкомъ-ли рано тревожиться о похоронахъ; не благоразумнѣе-ли подождать немного.

Выслушивая этотъ мудрый совѣтъ, я не спускала глазъ съ медленно удалявшейся фигуры чахоточнаго. Теперь онъ проходилъ мимо дома, окруженнаго прекраснымъ садомъ. Нерѣдко прохожіе останавливались передъ воротами, чтобы полюбоваться этимъ садомъ; я ожидала, что чахоточный тоже остановится: такъ и случилось. Я почти надѣялась, что одна изъ дамъ, живущихъ въ домѣ, необыкновенно добрая и любезная, выйдетъ изъ дому сказать нѣсколько ласковыхъ словъ больному, отъ которыхъ я воздержалась. Я ждала ее съ чѣмъ-то похожимъ на упрекъ совѣсти, слѣдующій тотчасъ-же за нашими поступками, если мы не совершенно очерствѣли. Но увы, она не видала его, а то, конечно, не допустила бы его удалиться безъ привѣта, какъ сдѣлала это я. Послѣ короткой остановки онъ продолжалъ свой путь и я потеряла его изъ виду на мосту черезъ рѣчку Марiа Санхосъ; но весь день мысль о немъ не покидала меня. Непреодолимое безпокойство овладѣло мною. Ни книги, ни работа не интересовали меня; наконецъ, не находя себѣ покоя, я надѣла широкополую соломенную шляпу и пошла бродить.

Удивительно какъ много разнообразныхъ интересныхъ предметовъ останавливаетъ ваше вниманіе въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Сент-Огюстенъ. Древнѣйшій городъ въ Америкѣ, основанный еще въ XVI столѣтіи и населенный выходцами почти каждой націи, имѣвшими достаточно предпріимчивости, чтобы переплыть моря, считавшійся опорой религіи, окрещенный въ крови и запечатлѣнный въ исторіи религіознаго преслѣдованія и вѣроломства, — Сент-Огюстенъ могъ доставить любителю древности массу наслажденій. Куда ни оглянитесь—вездѣ передъ вами памятники прошлаго, имѣющаго свою исторію. Направьтесь, какъ и я сегодня, къ древней площади «Плаца», самое имя которой имѣетъ свою исторію, и вы можете провести здѣсь цѣлые часы, не скучая. Площадь эта представляетъ небольшое пространство дурно содержимаго, тощаго дерна, съ широкими тропинками, перекрещивающими его, съ немногими дубами, въ развѣсистой тѣни которыхъ поставлены грубой работы деревянныя скамьи, постоянное пристанище негровъ. Но съ одной ея стороны находится старинный соборъ, древнѣйшее зданіе въ этой части свѣта; онъ былъ построенъ въ 1690 г., чрезвычайно безобразенъ и неуклюжъ. Отнимите у него любопытное сочетаніе крестовъ на башнѣ и всѣми признанную древность, имѣющую столько привлекательности для американца, никто не обратитъ на него вниманіе, только развѣ чтобы посмѣяться надъ его неуклюжестью. Построенъ онъ изъ кокино, единственнаго строительнаго матеріала Флориды, который вблизи такъ хорошъ, какъ рѣдко можетъ быть камень. Это странное сочетаніе раковинъ, цементированныхъ углекислой известью, мягкой при добываніи ея изъ каменоломни и быстро твердѣющей отъ соприкосновенія съ воздухомъ. Разсмотрите со вниманіемъ стѣну дома, вы здѣсь найдете раковины всѣхъ сортовъ, цѣлыя и сломанныя, начиная отъ обыкновенной устричной, до самой нѣжной, какую когда либо море выбрасывало на берегъ.

КЪ РОМАНУ „СТЕФЕНЪ МИТЧЕЛЬ“.



Площадь въ Сент-Огюстенѣ.

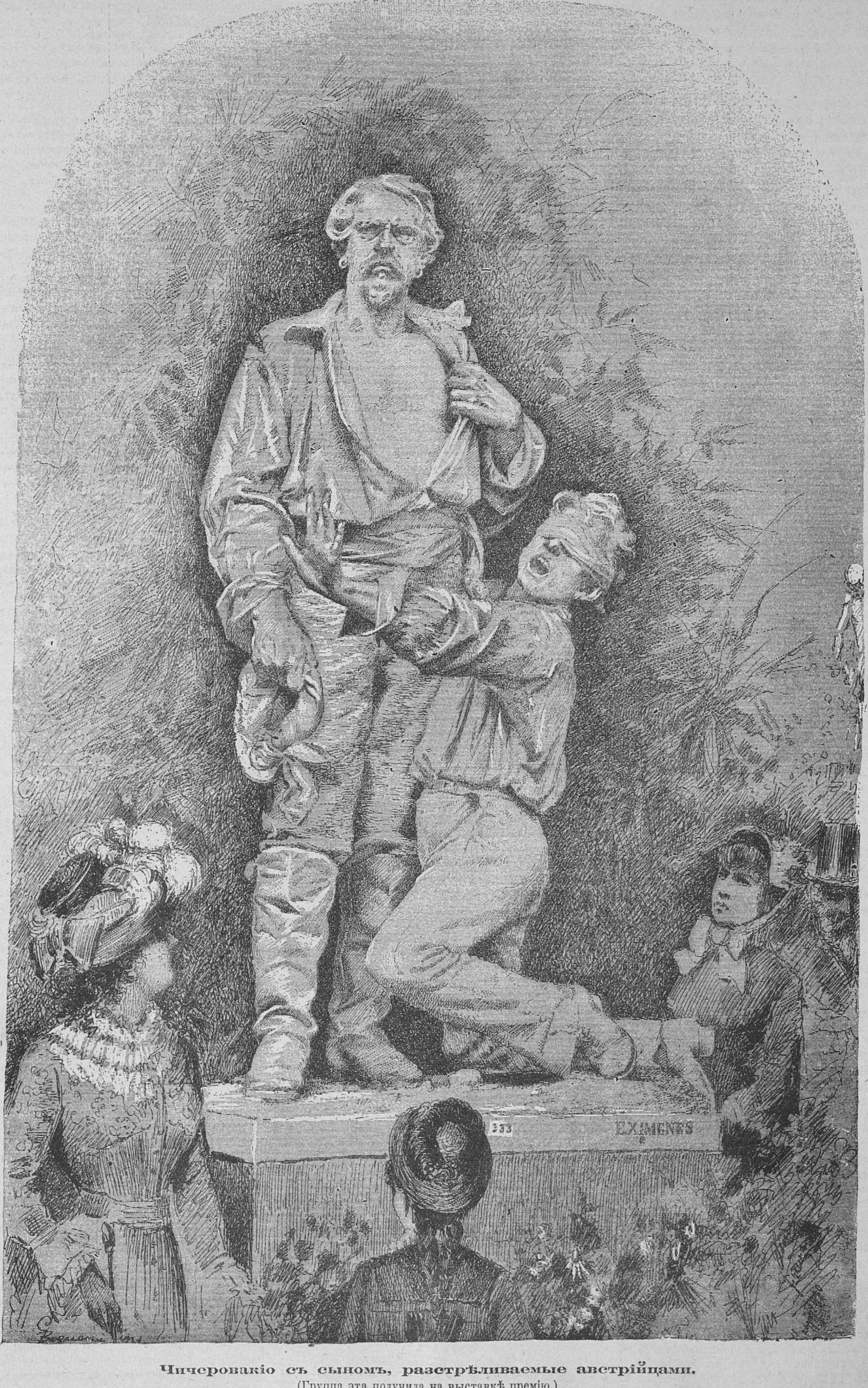
Дойдя до площади, я опустилась на скамью со слабой надеждой встрѣтить своего инвалида, присѣвшаго здѣсь отдохнуть, но увидѣла только старую негритянку, которая съ заискивающей улыбкой протягивала мнѣ полную корзину роскошныхъ апельсиновъ; няньку съ больнымъ ребенкомъ, заботливо направлявшую слабые шаги малютки, четырехъ негровъ-мальчишекъ съ волосами въ видѣ шапки и бѣлыми зубами, столь-же легко и часто стоящихъ на головѣ, какъ на ногахъ, и партію молодыхъ людей съ сѣвера, находившую удовольствіе въ шумномъ провожденіи времени. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ я поняла, что ничто не можетъ привлечь сюда больного и направила свои шаги въ улицу Георга, главную улицу города. Эта улица, шириною въ 15 футовъ, застроена домами въ чисто испанскомъ стилѣ, такъ что, обладая самой небогатой фантазіей, можно вообразить себя мгновенно перенесеннымъ черезъ океанъ въ какой-нибудь изъ древнихъ мавританскихъ городовъ. Дома, почти всѣ, построены прямо на улицу, какова бы ни была величина участка земли; съ боковъ или позади нихъ часто тянутся большіе сады, всегда скрытые отъ глазъ высокой рѣшеткой или стѣной изъ кокино. У большей части домовъ со вторыхъ этажей выступаютъ балконы съ открывающимися на нихъ дверями и окнами, такъ что, идя по улицѣ, можно бы сказать, что идешь по крытому мосту; но между домами вездѣ видна длинная линія темно-голубого неба Флориды, глубинѣ и красотѣ котораго можетъ позавидовать даже столь прославленное небо Италіи.

Вдоль улицы, но ближе къ площади, помѣщаются лавки; проходя сотню разъ мимо нихъ, навѣрное вы остановитесь 99, чтобы взглянуть на рѣдкія раковины, на акваріумы съ живыми крошечными алигаторами, безобразными, но съ прекрасными кроткими глазами, обаянію которыхъ вы уступаете, чтобы купить это животное, которое, какъ это ни кажется страннымъ, чрезвычайно любимо пріѣзжими, спѣшащими подѣлиться новинкой съ своими сѣверными друзьями, такъ что пришлось издать законъ, запрещающій вывозъ этихъ животныхъ для предупрежденія вредныхъ послѣдствій. Нерѣдкость увидѣть здѣсь элегантно одѣтыхъ дамъ съ алигаторами на колѣняхъ вмѣсто собачки; у дѣтей-же это любимая игрушка, съ которой они играютъ безнаказанно, пока животныя не выросли. Акваріи окружены разнообразной тропической растительностью, населенной пернатыми всѣхъ цвѣтовъ радуги: великолѣпной розовой коровайкой, бѣлоснѣжной цаплей, птичками, голубыя крылья которыхъ кажутся какъ бы окрашенными воздухомъ, въ которомъ онѣ летаютъ, попугаями съ богатымъ, жаркимъ опереньемъ, нектарницами съ маленькими дерзкими головками, скрывающимися въ чашечкѣ цвѣтка апельсиннаго дерева. Или вы останавливаетесь съ удивленіемъ передъ изящными бездѣлушками, которыя бѣдность—мать изобрѣтенія—научила бѣдныхъ жителей Флориды выдѣлывать изъ окружающихъ ихъ матеріаловъ; зубы алигаторовъ, обращенные въ пуговки, запонки, серьги, флаконы, ручки тростей, булавочныя коробочки съ рѣзьбой, свидѣтельствующей о вкусѣ и терпѣніи, оправленные въ золото и такимъ образомъ изъ простого зуба возвышающіеся до произведенія искуства; вѣера, сдѣланные изъ птичьихъ перьевъ, украшенные цвѣтами изъ того-же матеріала, столь натурально сдѣланными, что вы невольно наклоняетесь, чтобы вдохнуть ихъ ароматъ. «Что-нибудь изъ всѣхъ этихъ чудесъ привлечетъ вниманіе больного и я, конечно, найду его здѣсь у одного изъ оконъ», думала я, медленно проходя вдоль улицы; но нигдѣ ни слѣда. Затѣмъ я вышла на большую дорогу, шоссированную битыми раковинами, смѣшанными съ пескомъ. «Я пойду къ моимъ розамъ, рѣшила я. — Я убѣждена, что пучекъ золотистыхъ розъ доставитъ ему удовольствіе, а можетъ быть, и утѣшеніе. Развѣ больной при смерти останется не чувствительнымъ къ ихъ прелести».

Я была уже подлѣ городскихъ воротъ и по обыкновенію остановилась полюбоваться ими. Сент-Огюстенъ единственный городъ въ Соединенныхъ штатахъ, обнесенный стѣнами; тоже можно сказать и о воротахъ, что это наша единственная настоящая развалина и къ тому-же очень живописная; даже тамъ, гдѣ руины встрѣчаются на каждомъ шагу, эти ворота привлекли бы вниманіе. Во время многочисленныхъ войнъ, послѣдовавшихъ вскорѣ за основаніемъ города, въ которыхъ онъ призванъ былъ играть роль, его обнесли стѣною и устроили укрѣпленіе. Стѣны были выведены по всѣмъ правиламъ фортификаціоннаго искуства Стараго Свѣта—съ рвами, воротами, подъемными мостами, но время и миръ разру-

ТУРИНСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

СКУЛЬПТУРА Е. ХИМЕНЕСА.



Чичеровакіо съ сыномъ, разстрѣливаемые австрійцами.

(Группа эта получила на выставкѣ премію.)

Рѣзано на деревѣ въ Миланѣ; рисовалъ самъ авторъ.

шили ихъ, частью сравнявъ съ землей, частью засыпавъ ихъ. Уцѣлѣли только ворота съ двумя башнями, съ гербомъ, представляющимъ гранату и крестъ, съ портиками и аркообразными сводами. Въ трещинахъ между раковинами пріютился зеленый мохъ и маленькіе нѣжные цвѣточки, кокетливо выглядывающіе и манящіе прохожаго сорвать ихъ и унести съ собой. И я сорвала золотистый цвѣтокъ, такой нѣжный и крошечный, что, казалось, необходимо разсмотрѣть его подъ микроскопомъ, чтобы оцѣнить совершенство его строенія. Этотъ цвѣтокъ я также назначала для моего неизвѣстнаго больного. Быть можетъ, у него есть друзья, которые, какъ и мои, оцѣнятъ этотъ подарокъ. А мужчина, да еще больной, рѣдко позаботится о такихъ мелочахъ.

Тѣмъ, которые сами не гуляли въ подобное декабрьское утро, я могу дать лишь слабое понятіе о разстилавшейся передо мною дорогѣ. Вѣрнѣе было бы сказать — объ окружающихъ ее предметахъ, такъ какъ дорога сама по себѣ ровная плоскость, какъ и вся страна. Съ одной стороны живописно разбросанные маленькіе домики съ широкими верандами и настежъ открытыми окнами и дверями; прилегающія къ нимъ земли густо покрыты растеніями въ полномъ цвѣту; сады гордо выставляютъ на показъ тяжело обремененныя плодами апельсинныя деревья. По другую сторону — обширное пространство песку съ широколиственными, низкорослыми пальмами, большія опахала которыхъ, кажется, прохлаждаютъ воздухъ, медленно проносящійся надъ ними. Лавры и молодила, перепутанные вьющимися жасминами, оспариваютъ у пальмъ безплодную почву, но пальмы вездѣ удерживаютъ за собою первенство. «Развѣ не довольно этого, чтобы вылечить человѣка отъ смертельной болѣзни, повторяла я себѣ самой. — Удивляюсь, отчего онъ не приходитъ сюда. Этотъ розовый садъ съ четырьмя стами сортовъ розъ, изъ которыхъ многія въ полномъ цвѣту въ настоящее время, былъ бы дѣйствительнымъ лекарствомъ отъ всевозможныхъ болѣзней». И я повернула на дорожку, ведущую къ воротамъ сада.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Политическая хроника.

Фрейсине не счелъ возможнымъ исполнить требованіе республиканской партіи, вручившей ему власть, и вышелъ въ отставку. Нѣкоторые публицисты такое рѣшеніе Фрейсине приравниваютъ къ гражданскому подвигу. Нелегко, говорятъ они, разстаться съ властью и если человѣкъ, желая остаться вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, отказывается отъ нея, онъ совершаетъ гражданскій подвигъ. Это было-бы вѣрно, еслибы въ данномъ случаѣ вопросъ на самомъ дѣлѣ шелъ объ уступкѣ противъ своего убѣжденія. Но не надо забывать, что самъ-же Фрейсине былъ авторомъ декрета о духовныхъ конгрегаціяхъ. Если онъ полагалъ, въ чемъ позволительно сомнѣваться, что клерикалы тотчасъ-же покорятся, то товарищи его по министерству предвидѣли сопротивленіе, о чемъ и было говорено въ совѣтѣ министровъ. Слѣдовательно Фрейсине зналъ, что дѣлалъ, когда предлагалъ президенту республики подписать декретъ, въ настоящее время возбуждающій въ немъ сомнѣніе. Значитъ дѣло не въ убѣжденіяхъ Фрейсине, а совсѣмъ въ другомъ. Во Франціи привыкли возлагать слишкомъ большую отвѣтственность на администрацію, пользующуюся и соотвѣтственной властью. Французъ любитъ все сваливать на администрацію. Можетъ быть, потому французскій администраторъ, подчасъ нетерпимый и прибѣгающій къ произволу при отправленіи своихъ обычныхъ обязанностей, теряется, когда дѣло коснется серьезнаго вопроса; его пугаетъ отвѣтственность. Ораторъ на трибунѣ смѣлъ и рѣшителенъ, но какъ только ему вручатъ административную власть, онъ начинаетъ колебаться, его тревожатъ сомнѣнія и гордый орелъ въ оппозиціи нерѣдко становится мокрой курицей, когда приходится примѣнять на дѣлѣ исповѣдуемыя имъ убѣжденія. Фрейсине преувеличилъ силу клерикаловъ, испугался послѣдствій рѣшительныхъ дѣйствій противъ нихъ и предпочелъ ретироваться. Причемъ-же тутъ гражданская доблесть? Но не признавая въ отставкѣ Фрейсине факта гражданской доблести, мы, однакожъ, не можемъ не выразить сожалѣнія, что французская администрація потеряла въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ дѣятелей. Такихъ честныхъ, умныхъ и талантливыхъ людей, какъ Фрейсине, немного. Достаточно вспомнить его дѣятельность во время прусской войны, когда онъ въ самое короткое время сформировалъ луарскую армію. Фрейсине былъ хорошимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, но для должности перваго министра у него не доставало рѣшимости.

Отставка Фрейсине подала поводъ нѣкоторымъ нашимъ и западно-европейскимъ, преимущественно нѣмецкимъ, газетамъ, къ другому не менѣе странному выводу. «Франція, говорили они, идетъ быстрыми шагами къ уничтоженію республики. Крайніе все болѣе и болѣе оказываютъ вліяніе на ходъ дѣлъ и если они не могли сносить такого радикала, какъ Фрейсине, то, понятно, они не успокоятся до тѣхъ поръ, пока министерскіе посты не будутъ заняты дѣятелями парижской комуны. А этого они непремѣнно достигнутъ»... и т. д. Къ удивленію ихъ, новое министерство поручено было составить Жюлю Ферри, еще менѣе радикальному, чѣмъ Фрейсине. Новый первый министръ изъ группы лѣвой республиканской, но нерѣдко подавалъ свой голосъ вмѣстѣ съ лѣвымъ центромъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ Бартелеми Сент-Илеръ, изъ лѣваго центра, придерживающійся самыхъ умѣренныхъ политическихъ убѣжденій. Многіе въ отставкѣ Фрейсине видѣли также поворотъ Франціи къ воинственной политикѣ. Какъ-бы желая разувѣрить въ этомъ Европу, новый министръ иностранныхъ дѣлъ обратился къ дипломатическимъ агентамъ Франціи заграницей съ слѣдующимъ циркуляромъ: «Будучи, довѣріемъ президента республики, призванъ къ должности министра иностранныхъ дѣлъ, считаю первымъ моимъ долгомъ просить васъ увѣрить правительство, при которомъ вы акредитованы, что новый кабинетъ ни въ чемъ не измѣнитъ внѣшней политики предшествовавшаго министерства. Никогда Франція не придавала болѣе, чѣмъ теперь, цѣны сохраненію мира, столь плодотворнаго для ея процвѣтанія и для чести; система эта, водворенная мудростью Тьера, другомъ котораго я былъ такъ долго, была съ постоянствомъ преслѣдуема втеченіе десяти лѣтъ и принесла превосходные плоды. Мы останемся вѣрными столь счастливой традиціи и сдѣлаемъ все, чтобъ еще болѣе развить добрыя отношенія, которыя французская республика поддерживаетъ съ другими правительствами. Что касается меня лично, я къ этому приложу всѣ мои силы и разсчитываю, что въ этой патріотической задачѣ мнѣ помогутъ своимъ искреннѣйшимъ содѣйствіемъ всѣ представители нашей дипломатіи». Впрочемъ едва-ли нужно было новому министру увѣрять Европу въ миролюбивыхъ стремленіяхъ французскаго правительства. Французскій народъ такъ очевидно высказывается противъ воинственной политики, что нѣтъ никакого основанія опасаться, что Франція нарушитъ миръ, если къ тому не будетъ вызвана.

Выходя въ отставку, Фрейсине можетъ утѣшиться, что въ его управленіе Франція, безъ войны, безъ всякихъ затратъ, пріобрѣла цѣлое королевство. Отаитскій король Помаре V передалъ французской республикѣ свои права на владѣніе группой острововъ Товарищества. Конечно, въ данную минуту Франція пріобрѣла лакомый кусокъ безъ затратъ, но стоили ей эти острова не дешево: много затратила она денегъ и надѣлала несправедливостей, пока наконецъ добилась своего.

Группа острововъ Товарищества открыта въ 1606 году испанцемъ Квиросомъ. Затѣмъ о нихъ забыли и только въ 1767 году капитанъ англійскаго корабля Уолэсъ объявилъ ихъ принадлежащими Англіи. Но обладаніе это было чисто фиктивное; островитяне продолжали управляться своими вождями, пока одинъ изъ нихъ, Помаре, не соединилъ большую часть острововъ подъ своей властью. Европейцы дали ему титулъ короля. Превосходный климатъ и удивительная производительность земли обратили наконецъ на острова Товарищества вниманіе европейцевъ и они все чаще и чаще стали заходить туда. Первые христіанскіе миссіонеры прибыли на острова Товарищества въ 1797 году. Въ началѣ христіанство распространялось очень туго между туземцами, пока его не принялъ король Помаре II. Однакожъ, языческіе жрецы рѣшились сопротивляться до послѣдней крайности; на ихъ сторонѣ все еще оставалось большинство населенія и они возмутили его противъ короля и христіанъ. 12 ноября 1815 года произошло сраженіе между христіанами и язычниками. Послѣдніе были совершенно разбиты и христіанство окончательно водворилось на островахъ Товарищества. Успѣхъ, пріобрѣтенный протестантами, возбудилъ зависть въ Римѣ и папа, въ 1836 году, отправилъ на острова Товарищества двухъ іезуитовъ французовъ. Іезуиты стали мутить жителей; управлявшая въ то время королева Помаре изгнала ихъ. Французское правительство, которому не нравилось, что англичане хозяйничаютъ на островѣ Товарищества, воспользовалось изгнаніемъ іезуитовъ, какъ предлогомъ для вмѣшательства. Адмиралъ Дюпети-Туаръ въ 1838 году явился на 68-пушечномъ фрегатѣ «Венера» передъ Таити и потребовалъ отъ королевы Помаре извинительнаго письма къ королю Люи Филиппу; разрѣшенія французамъ, какова-бы ни была ихъ профессія, селиться на островахъ и уплаты изгнаннымъ миссіонерамъ 2,000 талеровъ. Королева сопротивляться не могла и на все согласилась. Вскорѣ на Таити былъ построенъ католическій храмъ. Нѣсколько французовъ переселились въ Таити. Первое время переселенцы жили въ мірѣ съ туземцами, но случилась драка между французомъ и отаитяниномъ, и Дюпети-Туаръ счелъ этотъ случай удобнымъ поводомъ къ новому вмѣшательству. Въ 1842 году онъ явился въ Таити и потребовалъ 10,000 піастровъ въ вознагражденіе за потери, будто бы понесенныя французами по милости отаитянъ. Такой суммы королева внести не могла и должна была согласиться на французскій протекторатъ надъ ея владѣніями. Въ 1843 году Дюпети-Туаръ нашелъ новый поводъ и объявилъ королеву лишенною престола, а ея владѣнія французской колоніей. Но это насиліе вызвало негодованіе въ Европѣ и Люи-Филиппъ долженъ былъ отказаться отъ обладанія островами Товарищества, но протекторатъ Франціи былъ признанъ надъ отаитскимъ королевствомъ. Съ тѣхъ поръ дѣйствительной владыкой острововъ была Франція, что послужило никакъ не къ увеличенію благосостоянія на этихъ островахъ. Французы очень плохіе колонизаторы. Они прежде всего стали притѣснять отаитянъ и тѣ возстали противъ нихъ въ 1844 году. Два года сопротивлялись отаитяне, наконецъ были побѣждены и французы стали безпрепятственно распоряжаться на островахъ. Результаты ихъ неумѣлаго управленія вскорѣ обнаружились: торговые корабли совсѣмъ перестали посѣщать гавани острововъ; даже китоловные судна, до протектората заходившіе сюда сотнями, стали искать другихъ гаваней вслѣдствіе обременительныхъ пошлинъ, введенныхъ французами, и мелочныхъ притѣсненій французской полиціи. Торговля упала до такой степени, что въ настоящее время ограничивается только вывозомъ апельсиновъ. Французы не только не извлекали никакихъ выгодъ, но приплачивали очень большія суммы за свой протекторатъ. Съумѣютъ-ли французы исправить сдѣланное зло теперь, когда они стали полными господами острововъ — покажетъ будущее. Но, повторяемъ, французы до сихъ поръ были плохими колонизаторами и трудно ожидать, чтобы они внезапно сдѣлались лучшими.

Телеграфъ принесъ извѣстіе, что «въ Рагузу прибылъ адмиралъ Сеймуръ, начальникъ соединенной эскадры европейскихъ флотовъ. Переговоры съ Риза-пашей и начатіе эскадрой дѣйствій противъ Дульциньо считается неизбѣжнымъ. Албанская лига грозитъ, что въ случаѣ открытія враждебныхъ дѣйствій противъ Дульциньо, находящіеся въ Албаніи консулы будутъ захвачены ею».

Можетъ быть, на этотъ разъ извѣстіе о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ соединенной эскадры окажется вѣрнымъ и берлинскій трактатъ наконецъ будетъ выполненъ относительно Черногоріи. Но горькій опытъ заставляетъ невольно сомнѣваться. Должно быть согласіе европейскихъ державъ по восточному вопросу далеко еще не установилось, если Турція не пугается даже соединенной эскадры изъ судовъ австрійскихъ, англійскихъ, германскихъ, итальянскихъ, русскихъ и французскихъ. Турецкое правительство поощряетъ албанцевъ къ сопротивленію. Албанцы не хотятъ отдать черногорцамъ Дульциньо, а Европа удерживаетъ черногорскаго князя отъ начатія военныхъ дѣйствій для овладѣнія територіей, переданной Черногоріи берлинскимъ трактатомъ. Много дней стоитъ уже соединенная эскадра передъ Дульциньо; Риза-паша, турецкій генералъ, получившій отъ лорда Сеймура требованіе въ 4-дневный срокъ передать черногорцамъ Дульциньо, не считаетъ нужнымъ даже послать какой-нибудь отвѣтъ англійскому адмиралу. Назначенный срокъ проходитъ, но рѣшительныя дѣйствія эскадры снова откладываются. Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ телеграфъ привезъ вѣрное извѣстіе. Но вотъ вопросъ, что послѣдуетъ за передачей Дульциньо черногорцамъ. Не объявитъ-ли себя независимой Албанія? Усложненія въ Турціи съ каждымъ днемъ наростаютъ и имъ не предвидится конца. Теперь очередь за передачей Греціи назначенныхъ ей округовъ, а тамъ появятся затрудненія въ Румеліи. Такъ всегда бываетъ, когда дипломаты, не справившись ни съ народными преданіями, ни съ народными желаніями, возьмутъ карту страны, проведутъ новую пограничную черту, а далѣе уже не ихъ забота;—пусть заинтересованныя стороны расправляются какъ знаютъ. А если произойдетъ новая война, если возникнутъ новыя затрудненія, именно вслѣдствіе неудачнаго опредѣленія новой границы, чтожъ такое—снова можно будетъ заняться исправленіемъ границъ.

Наши переговоры съ Китаемъ, повидимому, принимаютъ совершенно мирный исходъ. Когда маркизъ Цзенгъ, китайскій посолъ въ Лондонѣ, посланный въ Петербургъ съ спеціальной цѣлью склонить русское правительство на пересмотръ трактата, заключеннаго Чунхоу, заявилъ о своемъ порученіи, наше правительство отвѣтило, что оно можетъ возобновить эти переговоры только съ высшими китайскими властями въ Пекинѣ. Кромѣ того оно потребовало, чтобы китайское правительство окончило всѣ дѣла по удовлетворенію денежныхъ претензій русскихъ подданныхъ и представило гарантію, что вновь выработанныя условія трактата будутъ окончательными. Маркизъ Цзенгъ телеграфировалъ въ Пекинъ и получилъ отвѣтъ, что китайское правительство согласно исполнить требованія русскаго и перенести переговоры въ Пекинъ. Изъ этого можно заключить, что китайское правительство далеко не такъ воинственно, какъ было нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, и что, можетъ быть, намъ болѣе не угрожаетъ война съ Китаемъ. Однакожъ, на китайское правительство никогда нельзя полагаться. Кому не извѣстно, какъ исполняетъ оно свои обѣщанія и какъ любитъ тянуть время въ напрасныхъ переговорахъ.

Къ рисункамъ.

Портретъ старика, картина Рембрандта. Рембрандтъ, какъ и всѣ почти голландскіе художники его времени, нисколько не стремились къ изображенію идеальной красоты; онъ желалъ только дать форму внутреннему настроенію своей души. Формы у него не имѣютъ рѣзко опредѣленныхъ очертаній и намѣчены только бойкою и энергическою кистью. Стремительно прорывающійся свѣтъ, рѣзко отдѣляя лишь главныя точки, въ тоже время проникаетъ великолѣпными рефлексами въ окружающую темноту, придавая ей теплоту и жизнь. Благодаря этому фигуры Рембрандта являются передъ нами точно существами чужого намъ, сказочнаго міра, и переносятъ насъ въ то поэтически-мрачное настроеніе, котораго добивался художникъ. Въ раннихъ своихъ произведеніяхъ, эта своеобразность, однакожь, менѣе замѣтна; картина и портреты этого періода отличаются законченнымъ выполненіемъ и портретною правдою, да кромѣ того, отсутствіемъ эфектныхъ пріемовъ, свойственныхъ позднѣйшимъ картинамъ Рембрандта. Отличительными произведеніями въ этомъ родѣ можно считать портреты, находящіеся въ Голландіи; весьма цѣнные образцы можно видѣть также въ англійскихъ частныхъ галлереяхъ, въ петербургскомъ Эрмитажѣ, въ Луврѣ, въ галереяхъ: дрезденской, мюнхенской, брауншвейгской, кассельской. Портретъ, помѣщаемый нами въ настоящемъ нумерѣ, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ этого рода. Оригиналъ его неизвѣстенъ; во всѣхъ каталогахъ онъ извѣстенъ просто подъ названіемъ: «портретъ старика».

«Дай грошикъ, Христа ради!» картина Адальберта Бегаса, и «Богомолка», картина Фридриха Прельса. Эти двѣ картиночки могутъ служить другъ другу въ pendant. Обѣ, хотя и двухъ разныхъ художниковъ, принадлежатъ къ одному роду, къ почти миньятюрному жанру, вся прелесть котораго заключается въ выраженіи головокъ. На первой, принадлежащей Бегасу, мы видимъ съ плутовскими глазками мальчика, просящаго милостыню. На другой, молодая дѣвочка, богомолка, присѣла на ступеняхъ церкви, держа въ рукѣ свои четки. Обѣ прелестны по тонкой живописи, по прекрасной отдѣлкѣ деталей, по ловко и талантливо схваченной выразительности этихъ фигурокъ.

Смѣсь.

— **Графъ М. Т. Лорисъ-Меликова.** Тифлиская дума въ засѣданіи 1 сентября постановила: учредить въ будущемъ кавказскомъ университетѣ двѣ стипендіи имени графа Лорисъ-Меликова; до открытія кавказскаго университета, стипендіи предоставляются мѣстнымъ уроженцамъ, воспитывающимся въ московскомъ и петербургскомъ университетахъ. Далѣе, рѣшено поднести графу титулъ почетнаго гражданина города Тифлиса, и назвать одну изъ улицъ—Атаманскую—Лорисъ-Меликовскою.

— **Бенефисъ г-жи Струйской.** Бенефиціантку публика встрѣтила шумными рукоплесканіями и дождемъ цвѣтовъ изъ литерныхъ ложъ. Затѣмъ ей поднесено было нѣсколько букетовъ, вѣнковъ и цвѣточныхъ корзинъ и, наконецъ, цѣнный подарокъ, состоящій изъ браслета, отдѣланнаго бриліантами. Въ печати былъ сообщенъ слухъ, что г-жа Струйская оставляетъ сцену и это ея послѣдній бенефисъ. Публика захотѣла высказать свое сочувствіе добросовѣстной артисткѣ, которая, до поступленія г-жи Савиной на петербургскую сцену, втеченіи десяти лѣтъ играла первыя роли во всѣхъ драмахъ и комедіяхъ, въ то время появлявшихся на сценѣ. Не обладая первокласнымъ талантомъ, г-жа Струйская всегда добросовѣстно относилась къ своему дѣлу и если игра ея не увлекала зрителя, то, во всякомъ случаѣ, удовлетворяла на столько, что лишь тѣ пьесы, въ которыхъ участвовала г-жа Струйская, зазывали въ театръ публику.

Бенефиціантка играла роль «графини» въ старинной пьесѣ Корженевскаго «Окно во второмъ этажѣ» и публика могла замѣтить, что г-жа Струйская очень похудѣла и ей необходимъ отдыхъ для поправленія здоровья. По словамъ «Суфлера», компетентнаго въ вопросахъ, касающихся нашего театра, слухъ о томъ, что г-жа Струйская сходитъ со сцены, невѣренъ. Мы можемъ только порадоваться этому; такая артистка, какъ г-жа Струйская, вовсе не лишняя въ нашей труппѣ, не богатой дарованіями.

Главной приманкой бенефиснаго спектакля была, конечно, новая пьеса автора имѣющей успѣхъ «Маіорши», г. Шпажинскаго. «Фофанъ»—таково заглавіе новой комедіи—очень милое, безпритязательное произведеніе; это скорѣе ловко составленный и литературно написанный водевиль. «Фофанъ» понравился публикѣ и вѣроятно долго продержится на сценѣ. Смотря эту пьесу, вы отъ души смѣетесь, вамъ весело; предъ вами проходятъ живые люди, а не маріонетки, изображенныя по извѣстному шаблону; если мѣстами и проглядываетъ нѣкоторая шаржировка, вы невольно извиняете ее автору, потому что въ цѣломъ произведеніе вполнѣ жизненное, свѣжее. Автора много разъ вызывали.

Содержаніе «Фофана» очень несложное. Пожилая женщина, недалекая и пришибленная, выходитъ за отставнаго военнаго, Колера (г. Новиковъ), моложе ея лѣтами, но, надо полагать, здороваго, краснощекаго, вообще еще молодца-мужчины. Мы говоримъ «надо полагать», потому что г. Новиковъ представлялъ собою чудовище, въ котораго едва-ли могло влюбиться даже и такое безотвѣтное существо, какимъ была его жена. Колеръ сталъ безконтрольно управлять имѣніемъ жены, завелъ ключницу, мѣщанку Рогачиху (г-жа Левкѣева 2-я), съ которою вступилъ въ близкія отношенія. Рогачиха совершенно оттерла настоящую хозяйку, обращалась съ нею презрительно и безпрестанно оскорбляла ее, что, повидимому, очень нравилось ея возлюбленному. Несчастную женщину оскорблялъ также ея племянникъ (г. Панчинъ 1-й), выгнанный изъ гимназіи за лѣность, живущій на хлѣбахъ у тетки, но старающійся вторить ея мужу, потому что тотъ сила. Къ этой-то забитой женщинѣ пріѣзжаетъ погостить ея крестница, красивая разбитная вдова Левшина (г-жа Савина). Видя, въ какомъ загонѣ находится ея крестная мать, Левшина даетъ себѣ слово избавить ее отъ оскорбленій и успѣваетъ. Сперва она желаетъ поднять упавшій духъ несчастной женщины, но та до такой степени потеряла энергію и способность къ какому бы то ни было сопротивленію, что пришлось оставить ее въ покоѣ. Левшина влюбляетъ въ себя Колера и заставляетъ его выгнать Рогачиху, а затѣмъ племянника, который, конечно, тоже влюбился во вдову и подалъ поводъ къ ревности Колеру. Избавивъ крестную мать отъ двухъ ея враговъ, хорошенькая вдовушка окончательно сводитъ съ ума своего пылкаго обожателя Колера и заставляетъ его выдать женѣ отдѣльный видъ на жительство, объясняя необходимость выдачи его тѣмъ, что они ушлютъ старуху въ Москву, а сами останутся вдвоемъ въ деревнѣ. Въ тоже самое время Левшина убѣждаетъ кулака-землевладѣльца изъ купцовъ, Шкуракова (г. Варламовъ), взять имѣніе ея крестной матери въ аренду. Все устраивается по желанію ловкой Левшиной, но когда приходится подписывать контрактъ объ арендѣ, несчастную старуху начинаютъ мучать сомнѣнія, но Шкураковъ, замѣтя это, подходитъ къ окну и говоритъ: «А Рогачиха опять вернулась!» Имя ненавистной соперницы придаетъ бодрости глупой забитой старухѣ и она подписываетъ контрактъ. Возвращается Колеръ, котораго усылала Левшина, и узнаетъ о всемъ случившемся. Ему объявляютъ, что онъ «Фофанъ» и занавѣсъ падаетъ.

Пьеса была бы розыграна хорошо, еслибы общаго хорошаго впечатлѣнія не испортилъ г. Новиковъ. Сразу взявъ фальшивую ноту, онъ уже до конца пьесы не могъ попасть на настоящую дорогу. Онъ загримировался какимъ-то уродомъ, не въ мѣру неистовствовалъ, глоталъ слова, такъ что невозможно было разобрать, что онъ говоритъ. Между тѣмъ въ пьесѣ, написанной такимъ прекраснымъ языкомъ, интересно слышать каждое слово. Ужь если слышно было г-жу Читау (игравшую роль жены Колера), старавшуюся говорить убитымъ, надтреснутымъ голосомъ, то г. Новиковъ тѣмъ болѣе могъ выговаривать каждое слово при его громкомъ голосѣ. Мнѣ кажется, г. Новиковъ, несомнѣнно имѣющій дарованіе, нерѣдко играетъ слабо именно потому, что слишкомъ старается играть; онъ переигрываетъ. А жаль! Хотя у г. Новикова комизмъ не слишкомъ высокой пробы, но все же онъ актеръ полезный и хорошій и его рѣшительно некѣмъ замѣнить въ нѣкоторыхъ изъ его ролей. Не случилось-ли съ нимъ того же, что произошло со многими изъ его товарищей, укрѣпившихся на казенной сценѣ: не сталъ ли онъ небрежно относиться къ искуству? Лучше думать, что этого нѣтъ, что его промахи случайные и онъ доставитъ публикѣ удовольствіе дѣйствительнымъ созданіемъ роли въ одной изъ будущихъ пьесъ.

Г-жа Савина была по обыкновенію очаровательна и мила. Такой отзывъ о талантливой артисткѣ сдѣлался общимъ мѣстомъ, но чтоже дѣлать, если трудно примѣнить другіе эпитеты къ ея игрѣ. Въ «Фофанѣ» г-жа Савина въ десятый разъ воспроизводитъ типъ, который такъ художественно и мило создала она въ началѣ свой артистической карьеры въ Петербургѣ. Ничего новаго въ настоящемъ ея созданіи въ «Фофанѣ» не замѣчается и по неволѣ приходится повторять объ ея игрѣ то, что уже много разъ говорилось.

Вотъ г-жа Левкѣева 2-я вполнѣ художественно и реально провела свою роль. Лучшаго исполненія этой роли трудно себѣ представить. Въ ея игрѣ сама правда, сама натура. Остается только пожалѣть, что эта даровитая артистка рѣдко появляется на сценѣ. Въ текущемъ репертуарѣ не мало ролей, исполняемыхъ г-жами Павловой, Карповой и др., которыя вышли-бы совсѣмъ иными при исполненіи ихъ г-жею Левкѣевой 2-й.

Очень хорошо сыгралъ кулака Шкуракова г. Варламовъ. Смѣхъ его до того заразителенъ, что весь театръ невольно хохоталъ отъ души.

— **Продѣлки торговцевъ хлѣбомъ.** По словамъ газеты «Астраханскій Листокъ», нѣкоторые изъ господъ «куреньщиковъ« идутъ все дальше и дальше въ дѣлѣ экспериментовъ надъ желудками. «Кромѣ отрубей, они начали подмѣшивать къ ржаной мукѣ песокъ, несмотря на то, что хлѣбъ поднялся до небывалой цѣны — 4 коп. за фунтъ! И хоть-бы песокъ-то былъ помельче! А то что твой булыжникъ: такъ и хруститъ на зубахъ! Хлѣбъ, продаваемый ими, большею частью сырой, невыпеченный. Это вполнѣ понятно, потому что такой хлѣбъ вѣситъ гораздо больше».

— **Варварское истязаніе.** Въ «Смоленскій Вѣстникъ» пишутъ, что въ селѣ Бѣлоручье, смоленскаго уѣзда, близъ самой большой дороги, стоитъ крестьянскій дворъ Долганова. Съ лѣвой стороны этого двора, обращенной въ огородъ, натянутъ канатъ отъ задняго угла до половины постройки, и къ этому канату привязанъ 17-ти лѣтній юноша съ закрученными назадъ руками, лишь въ одной только рубашкѣ невыразимаго достоинства и качества, по грязности и ветхости. Этотъ несчастный не привязанъ, а скорѣе стянутъ сзади тонкою бечевкою, такъ что тѣло на рукахъ до костей прорѣзано; въ сознаніи, онъ испускаетъ потрясающіе стоны, вѣроятно, отъ голода, отъ боли ранъ, отъ кусанья комаровъ и различныхъ другихъ насѣкомыхъ; отъ солнца и дождя ничѣмъ не защищенъ. Изъ разспросовъ матери этого несчастнаго выяснилось, что сынъ ея бываетъ иногда подверженъ тихому помѣшательству, во время котораго не въ состояніи располагать своими естественными отправленіями; поэтому въ огражденіи неопрятности въ домѣ, а равно чтобъ не ушолъ куда, въ то время, когда она занята полевыми работами, его привязываютъ. Какъ цѣпной сабакѣ ему предоставлена свободная прогулка на пространствѣ 6 аршинъ (длина веревки).

— **Мальчинъ-дѣвочка.** По словамъ газеты «Берегъ», въ Петербургѣ, на Пескахъ, проживаетъ одно небогатое семейство, обремененное многочисленными дѣтьми. Старшій сынъ съ успѣхомъ занимается въ безплатномъ дѣтскомъ пріютѣ. Ревнуя объ ученіи и второго своего сына, мать, когда ему минуло семь лѣтъ, привела его въ тотъ-же пріютъ, но увы, оказалось, что принять его нельзя, потому что онъ окрещенъ дѣвочкою. Ни мать, ни отецъ этого бѣднаго мальчика-дѣвочки не знаютъ грамотѣ; теперь имъ очень много хлопотъ и расходовъ; но врядъ-ли скоро удастся имъ возстановить полъ своего сына, да еще и удастся-ли?..

— **Содержаніе здоровой въ сумасшедшемъ домѣ.** Изъ Москвы «Молвѣ» сообщаютъ о слѣдующемъ загадочномъ происшествіи: «Мѣсяца два тому назадъ въ одну изъ здѣшнихъ частныхъ лѣчебницъ для душевно-больныхъ была привезена жена городского головы губернскаго города П. Въ лѣчебницу привезъ ее самъ мужъ, а содержатель лѣчебницы, освидѣтельствовавъ больную, призналъ ее помѣшанною и помѣстилъ ее въ свое заведеніе за весьма хорошее вознагражденіе. Между тѣмъ несчастная, сознавая себя вполнѣ здоровою, нашла, какъ говорятъ, возможность увѣдомить о своемъ положеніи своихъ родныхъ, и при ихъ содѣйствіи начались хлопоты о переосвидѣтельствованіи заключенной въ больницу для умалишенныхъ. Наконецъ хлопоты эти увѣнчались успѣхомъ: на-дняхъ въ полицейской больницѣ въ присутствіи властей и нѣсколькихъ врачей-спеціалистовъ заключенная была подвергнута самому тщательному освидѣтельствованію, причемъ признано, что она не обнаруживаетъ на малѣйшаго разстройства умственныхъ способностей. Такимъ образомъ оказалось, что одна изъ московскихъ частныхъ лѣчебницъ для душевно-больныхъ за хорошее вознагражденіе готова даже и вполнѣ здоровыхъ людей держать по нѣскольку мѣсяцевъ въ заключеніи вмѣстѣ съ умалишенными. По поводу этого печальнаго случая ходятъ разные слухи, которые нуждаются еще впрочемъ въ подтвержденіи. Пока одно лишь достовѣрно извѣстно: несчастная женщина, попавшая «по ошибкѣ» въ домъ для умалишенныхъ, обладаетъ большимъ состояніемъ, принадлежащимъ лично ей».

— **Комикъ-патріотъ.** Въ газету «Die Presse», сообщаютъ изъ Парижа слѣдующее: Жюль Перецъ, извѣстный комикъ театра Пале-Рояля, бывшій долгое время однимъ изъ любимцевъ парижской публики, впалъ за послѣднее время въ умопомѣшательство. Теперь онъ въ лѣчебницѣ мѣстечка Вальса, гдѣ его посѣтилъ Жоржъ Дюваль, сотрудникъ Evenement и имѣлъ съ нимъ очень интересный разговоръ. Жюль-Перецъ помѣшанъ на мысли, что, благодаря его стараніямъ, состоялось возвращеніе Лотарингіи Франціи, и что за это онъ получилъ отъ французскаго правительства крестъ почетнаго легіона, «но, всегда скромно прибавляетъ онъ, — я исполнилъ только свою обязанность».

Эта мысль не даетъ ему покоя, не покидая его ни на минуту.

— Видите-ли вы, сказалъ онъ Жоржу Дювалю,— я съ Бисмаркомъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, даже дружескихъ. Я его разъ встрѣтилъ и сказалъ: Вы постоянно обѣщали мнѣ что-нибудь сдѣлать и до сихъ поръ не исполнили обѣщанія.—Чтоже вамъ угодно? спросилъ меня Бисмаркъ.—Я-бы желалъ возвратить Лотарингію Франціи. — Можетъ быть, тоже и Эльзасъ?—Нѣтъ: эльзасцы скверный народъ; надо только одну Лотарингію. Она находится на всѣхъ французскихъ картахъ, слѣдовательно по праву принадлежитъ Франціи.—Ну, хорошо, я вамъ даю ее, Перецъ.—И онъ мнѣ ее дѣйствительно далъ; я привезъ ее во Францію, за что меня и сдѣлали кавалеромъ почетнаго легіона.

— Вы еще можете требовать очень многаго, сказалъ Дюваль, дѣлая видъ, что соглашается съ мечтою помѣшаннаго.

— Да я не честолюбивъ, какъ Рошфоръ (Надо замѣтить, что Рошфоръ близкій другъ комика, онъ написалъ для него не одну роль).

— Кстати, что вы думаете объ Рошфорѣ?

— Я его очень люблю. Я думалъ что онъ вернется старымъ и отвратительнымъ; но сильно ошибся. Онъ ежедневно у меня бываетъ. Поговариваютъ, что его назначатъ депутатомъ. Пора; такіе люди нужны въ палатахъ. Его хотятъ представить какимъ-то чудовищемъ. Если-бы весь свѣтъ такъ думалъ, то Франція не подвигалась-бы впередъ...

— **Изобрѣтатель спичекъ.** Бартоломей Ириней, изобрѣтатель спичекъ, умеръ нѣсколько недѣль тому назадъ въ Фоньесской общинѣ шабольскаго графства (комитата). Ириней былъ въ тридцатыхъ годахъ слушателемъ медицины при пештскомъ университетѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ 1848—1849 г. и достигъ оберъ-офицерскаго чина. Послѣ революціи онъ удалился въ свое помѣстье, гдѣ онъ велъ до самой смерти тихую спокойную жизнь. Тамъ-же онъ сдѣлалъ свое открытіе, которое безспорно самое распространенное въ нынѣшнемъ столѣтіи; но такъ какъ онъ не взялъ привилегіи на свое изобрѣтеніе, то не получилъ отъ него никакихъ матеріальныхъ выгодъ.

— **Предусмотрительный слуга.** Въ послѣднее время въ Монако на рулеткѣ сильно везло одному молодому нѣмецкому барону, принадлежащему къ весьма извѣстной и уважаемой фамиліи. Слѣпое счастье покровительствовало ему впродолженіи нѣсколькихъ часовъ и онъ два раза сорвалъ банкъ. Въ рукахъ у него оказалось нѣсколько сотъ тысячъ франковъ. Но на другой день, къ величайшему удивленію молодого барона, этихъ денегъ въ его шкатулкѣ не оказалось. Послѣ первыхъ распросовъ, оказалось, что вмѣстѣ съ деньгами исчезъ и старый слуга барона. Юноша впрочемъ не столько жалѣлъ о пропажѣ денегъ, сколько о нечестности своего Іоhann'а, котораго онъ привезъ съ собой съ родины и который выросъ въ домѣ барона. Онъ тотчасъ-же телеграфировалъ старику-графу своему отцу объ случившемся и въ тотъ-же день получилъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«Іоганнъ здѣсь вмѣстѣ съ деньгами. Онъ боялся, чтобъ ты не спустилъ ихъ тѣмъ-же способомъ, какимъ пріобрѣлъ; поэтому онъ привезъ ихъ ко мнѣ. Жду тебя. Твой отецъ.

— **Ядъ лягушкообразныхъ гадовъ.** Въ одномъ изъ послѣднихъ № «La Nature» французскій зоологъ Сожажъ собралъ рядъ любопытныхъ фактовъ относительно вопроса о вредоносномъ дѣйствіи яда лягушкообразныхъ гадовъ, каковы, между прочимъ, жабы, саламандры, въ особенности земноводныя и проч. Съ искони уже вѣковъ жаба считается однимъ изъ опаснѣйшихъ гадовъ, а въ простонародіи и по настоящее время распространены объ этомъ животномъ самыя нелѣпыя вѣрованія. Многіе продолжаютъ думать, что жидкость, выбрасываемая жабой, когда ее потревожатъ, вредна, причиняетъ злокачественную сыпь и проч. На самомъ-же дѣлѣ жидкость эта совершенно чистая вода, содержащаяся въ мочевомъ пузырѣ животнаго. Но нельзя того-же сказать о другой бѣлесоватой, липкой, съ крайне непріятнымъ запахомъ жидкости, выдѣляемой накожными ячейками жабы, а также ея околоушными железами. Опыты показываютъ, что жидкость эта ядовита, причемъ дѣйствіе самаго яда отличается нѣкоторыми характерными особенностями. Какъ извѣстно, смертоносное дѣйствіе змѣинаго яда обнаруживается только тогда, когда ядъ прямо введенъ въ кровь, но онъ совершенно безвреденъ, если ввести его въ желудокъ. Напротивъ, жабій ядъ одинаково опасенъ, вводится-ли онъ прямо въ кровь или въ желудокъ. Правда, на нѣкоторыхъ животныхъ ядъ жабы не оказываетъ никакого вліянія: очковая змѣя, японская саламандра и др. также безнаказанно пожираютъ жабъ, кожа которыхъ усѣяна ядоносными ячейками, какъ и безвредныхъ лягушекъ. Но не всѣ однако такъ называемыя холоднокровныя животныя застрахованы отъ вредоноснаго дѣйствія жабьяго яда. Латастъ заставилъ жабу укусить одну очень живучую зеленую ящерицу; спустя незначительное время, движенія послѣдней стали неровныя, затѣмъ она вдругъ остановилась и, пораженная сильными судорожными вздрагиваніями, издохла по истеченіи 9-минутнаго отравленія. Не менѣе вредоносное дѣйствіе оказываетъ ядъ жабы и на теплокровныхъ животныхъ: Вульпіанъ сдѣлалъ на передней правой ногѣ собаки небольшой надрѣзъ и ввелъ въ ранку небольшое количество яда, извлеченнаго изъ околоушной железы обыкновенной жабы. Спустя незначительное время, собака не могла ступать на заднюю правую ногу, издавала жалобный крикъ и казалась возбужденной. По истеченіи получаса, появился позывъ къ рвотѣ, а затѣмъ и сильная рвота, повторившаяся въ 20 минутъ 10 разъ, послѣ чего рвоты стали еще чаще и сопровождались съ каждымъ приступомъ ужасными страданіями животнаго. Спустя часъ послѣ отравленія, собака стала шататься какъ опьяненная, она совершенно ошалѣла; но затѣмъ вдругъ сдѣлала нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ, упала на брюхо, вытянула судорожно шею, завыла и послѣ нѣсколькихъ конвульсивныхъ подергиваній умерла. Такое-же дѣйствіе, какъ показываютъ опыты того-же ученаго, производитъ ядъ жабы и на индѣйскую свинью. И у этого животнаго также за періодомъ возбужденія наступаетъ ослабленіе, рвота, а затѣмъ—конвульсивныя движенія, которыя у индѣйской свиньи очень сильны и продолжительны; въ концѣ концевъ кризисъ разрѣшается смертью.

Не менѣе ужасными послѣдствіями сопровождается и отравленіе птицъ ядомъ жабы или зеленой саламандры: птица прежде всего теряетъ способность летать, а затѣмъ совершенно становится уже неподвижной и сидитъ нахохлившись въ глубинѣ клѣтки. Ея взглядъ становится неопредѣленнымъ, она не видитъ ни свѣта, ни предметовъ и относится индеферентно ко всему ее окружающему. На головѣ время отъ времени подымаются перья, появляется позывъ къ рвотѣ, клювъ переполняется кровяной пѣной. Несчастное животное дѣлаетъ отчаянныя усилія къ бѣгству, но тщетно—половина тѣла оказывается парализованной, ноги судорожно скорчены. Затѣмъ наступаетъ періодъ конвульсивныхъ движеній, сопровождаемыхъ сильными криками; птица то падаетъ, то вдругъ вновь вскакиваетъ и неистово кружится. Всѣ перья приподнимаются, дыханіе затруднено, обѣ половинки клюва судорожно щелкаютъ другъ о друга; наконецъ, животнымъ одолѣваетъ полнѣйшее изнеможеніе и оно умираетъ въ конвульсіяхъ. «Иногда, говоритъ Соважъ,—смерть наступаетъ не скоро; такъ, мы видѣли воробья, который погибъ лишь черезъ 6 часовъ послѣ отравленія ядомъ жабы». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отравленныя птицы отдѣлывались только припадками болѣе или менѣе сильными, послѣ которыхъ совершенно оправлялись; иногда-же онѣ умирали внезапно.

Лягушки въ свою очередь могутъ быть отравлены ядомъ жабъ или зеленыхъ саламандръ. Если привить къ лягушкѣ этотъ ядъ, ея дыханіе становится порывистымъ, появляются спазмы, мускулы судорожно сокращаются и животное начинаетъ бѣшено прыгать; затѣмъ члены его вытягиваются и оно умираетъ пораженное столбнякомъ. Тѣже результаты получаются, какъ показалъ Вульпіанъ, если заставить лягушку проглотить ядъ жабы или саламандры. Если помѣстить въ одинъ мѣшокъ жабъ и лягушекъ, говоритъ Соважъ, то по истеченіи нѣкотораго времени послѣднія окажутся мертвыми.

Подобно яду жабъ и саламандръ, ядъ тритоновъ въ свою очередь отличается не менѣе сильнымъ дѣйствіемъ. Собака, отравленная этимъ ядомъ, умираетъ въ такихъ-же ужасныхъ мученіяхъ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ. Кромѣ того было обнаружено, что при отравленіи ядомъ тритона и жабы прежде всего поражается сердце, тогда какъ ядъ саламандры убиваетъ дѣятельность спиннаго мозга. Весьма поучительно также, что ядомъ названныхъ гадовъ можно отравлять ихъ самихъ: ядъ жабы убиваетъ тритона и, на оборотъ, ядъ саламандры убиваетъ и жабу, и тритона. Наконецъ, какъ показалъ Клодъ Бернаръ, каждое изъ этихъ животныхъ можетъ быть отравлено своимъ собственнымъ ядомъ, только для этого необходимо большее количество ядовитаго вещества, нежели какое потребовалось-бы при прививкѣ яда отъ гада другой породы.

— **Копилка китайскаго императора.** Когда въ 1662 году императоръ Хонгъ-Хи вошелъ на китайскій тронъ, онъ прежде всего обратилъ свое вниманіе на улучшеніе финансовъ, въ чемъ его сильно поддерживали 2 французскіе іезуита: Гербильонъ и Бувэ. Съ цѣлью обезпеченія финансовъ за императорской фамиліей, онъ выстроилъ по совѣту іезуитовъ въ городѣ Мукдель (мѣсто рожденія нынѣ царствующей династіи въ Китаѣ), укрѣпленную башню и въ ней положилъ на сбереженіе капиталъ въ 10 миліоновъ тэль (приблизительно 18 миліоновъ рублей) золотой и серебряной монетой. Деньги эти онъ предназначилъ тѣмъ изъ своихъ потомковъ, которые будутъ низвергнуты съ трона; они одни только имѣли право дотронуться до этого сокровища, которое и до настоящаго времени хранится въ упомянутой башнѣ и нѣсколько недѣль назадъ нынѣшній китайскій императоръ Куани Зу приказалъ снабдить эту башню громоотводомъ, чтобы вѣрнѣе застраховать этотъ капиталъ отъ могущей постигнуть его случайности.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 37-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 13 сентября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 15 сентября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Съ болгарскаго, стих. **В. И. Немировича-Данченко.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3-хъ част. **М. Ф. Каменской.**—Пляски и танцы на Руси, истор.-біологич. очерки **Вл. Михневича.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Стефенъ Митчель, пов. изъ флоридск. жизни **М-съ Робинзъ**, перев. **А. А. Разсказовой.**—Политическая хроника.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.

Рисунки: Портретъ старика, карт. **Рембрандта.**—Дай грошикъ, карт. **А. Бегаса.**—Богомолка, карт. **Ф. Прѣльса.**—По порошѣ за зайцемъ, карт. **Петра Соколова.**—Бриндизи, карт. **Монтефуско.**—Одинъ рисунокъ къ роману «Стефенъ Митчель».—Чичеровакіо съ сыномъ, разстреливаемые австрійцами, скульптура **Е. Хеменеса.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

При этомъ нумерѣ прилагается одиннадцатый и послѣдній двойной листъ романа А. Михайлова „Чужіе грѣхи“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 сентября 1880 **года.** Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

Живописное Обозрѣніе

№ 39. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 27 Сентября 1880 г.

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ част.

М. Ф. Каменской.

(*Продолженіе.*)

Глава XVIII.

— Я, я думалъ, что я умираю, голубчикъ мой... Что со мной было? спросилъ Сергѣй Александровичъ, когда совершенно пришелъ въ себя и увидалъ передъ собой Котикова.

— Вамъ сдѣлалось немного дурно, ваше превосходительство, вѣроятно, отъ усталости, вы не поберегли себя сегодня.

— Дурно? То-то я ничего не помню... а Лёлечикъ гдѣ?

— Я здѣсь, папочка, отвѣтила Лёло, подходя къ генералу.

— Поди, поди ко мнѣ! Я испугалъ тебя.

— Слава Богу, вамъ лучше, папочка, позвольте перенести васъ въ спальню, вамъ надо успокоиться.

— Ну, хорошо, хорошо, пусть перенесутъ, я усталъ.

Петръ Петровичъ съ людьми перенесъ генерала въ спальню и положилъ на постель; Сергѣй Александровичъ тотчасъ-же уснулъ. Немного погодя его разбудило удушье, сильный кашель и обморокъ опять повторился. Всю ночь провозились съ нимъ Лёло и Петръ Петровичъ. Подъ утро генералъ опять крѣпко уснулъ и проснулся только въ девять часовъ утра.

— Какъ я сладко уснулъ... долго я спалъ? Солнышко-то ужъ высоко, проговорилъ Сергѣй Александровичъ, проснувшись и глядя въ окно.

— Да, вы сладко уснули, папочка, отвѣтила Лёло, поднимаясь съ креселъ и подходя къ мужу.

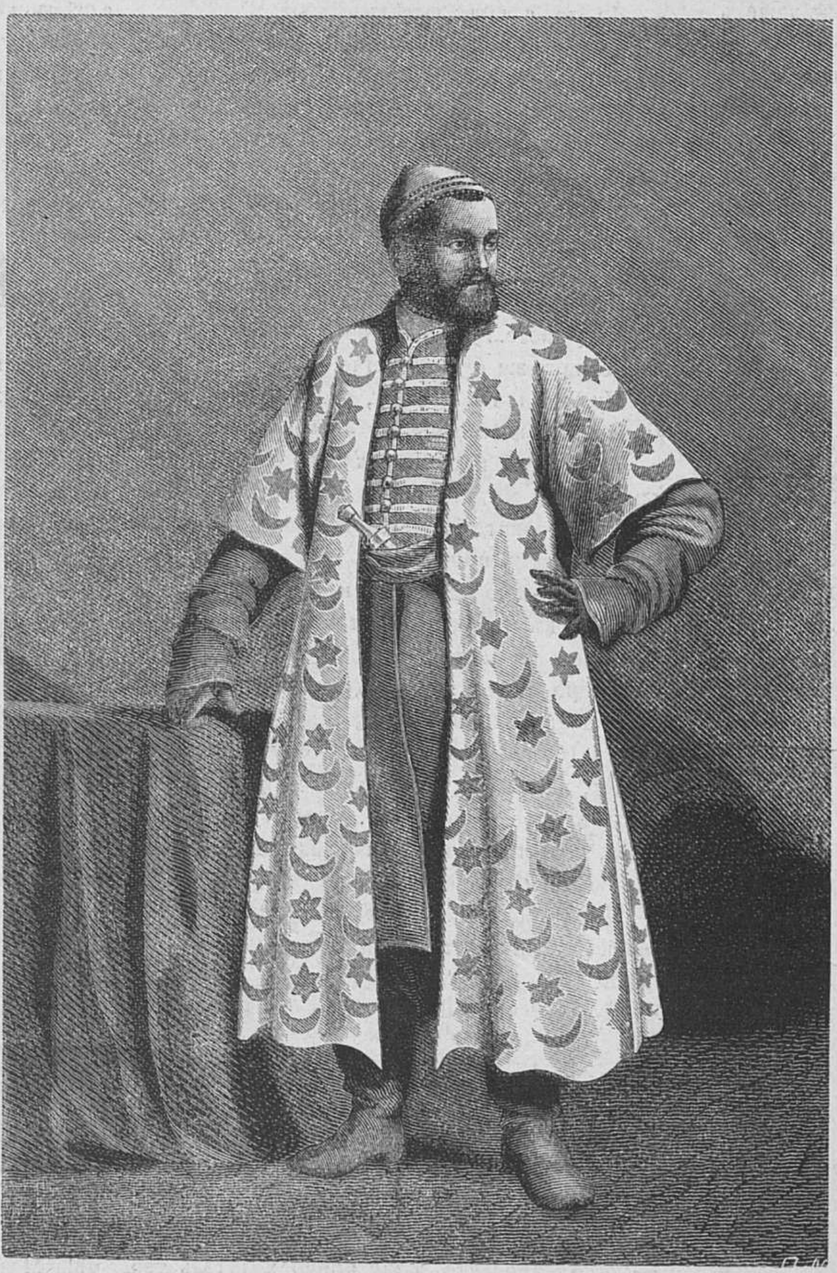
— А ты подлѣ меня сидишь, душка моя? Что же ты не спишь?

— Я только встала, папочка.

— Такъ ты спала, ну, хорошо... А я сонъ какой славный видѣлъ, я скоро выздоровлю.

— Конечно, вы не такъ больны, это скоро пройдетъ; а что-же вы видѣли во снѣ, папочка?

— Славный сонъ видѣлъ... Вижу я, что я въ нашей церкви стою противъ алтаря и выходитъ ко мнѣ отецъ мой духовный съ чашею въ рукѣ... Я и подошелъ будто-бы къ причастію... Смотрю, а лжицы на чашѣ нѣтъ. Что-же это, батюшка, развѣ вы меня не причастите? спрашиваю я. А отецъ мой духовный мнѣ всю чашу подастъ и говоритъ: «На, возьми всю, пей понемногу, и когда допьешь, здравъ будешь!» Я взялъ и проснулся. Вотъ, вотъ сейчасъ, какъ мнѣ проснуться, только все это видѣлъ.



Борисъ Годуновъ.

(Изъ драмы гр. Толстого, «Смерть Іоанна Грознаго».

РИСУНОКЪ В. ШВАРЦА.

Рисовалъ Н. Малышевъ; рѣзалъ А. Шлиперъ.

— Точно, этотъ сонъ вамъ предвѣщаетъ скорое выздоровленіе, ваше превосходительство, сказалъ Петръ Петровичъ, подойдя тоже къ генералу.

Лёло не сказала ничего, пошла изъ спальни и мигнула Матренѣ, чтобы та шла за ней.

— Матрена, этотъ сонъ не хорошъ? спросила Лёло, садясь на сундукъ въ дѣвичьей.

— Не хорошъ-съ, подпершись рукою подъ щеку, печально отвѣтила Матрена.

— Мнѣ тоже кажется, что не хорошъ... скажи, что, по твоему, онъ значитъ?

— Что значить-съ? Да вотъ, по моему, что онъ значитъ-съ: чаша, по моему, эвто страданіе-съ... ну, вотъ-съ, еслибъ генерала съ разу пріобщилъ батюшка, оно-бы, такъ полагать надо-съ, къ облегченію-съ бы-было... а какъ оно на домъ взять чашу-съ, да пить по немногу-съ, такъ это, по моему-съ, продолжительное страданіе съ; ну, а какъ до конца допьютъ-съ, здравы будутъ-съ... это, по моему, значитъ, что черезъ страданіе тѣлесное имъ очищеніе духовное будетъ-съ, вотъ, по моему, что значитъ: «здравъ будешь».

— Матрена, голубушка, неужели Сергѣй Александровичъ умретъ? Я не хочу этого, Боже сохрани!

— Что-же, матушка, дѣлать, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, сегодня здѣсь, а завтра тамъ... Только-бы ихъ Богъ привелъ съ покаяніемъ-съ, ужъ вы этого упустить не извольте-съ... Батюшку-бы позвать надо.

— Ахъ, Матрена, можетъ быть, Сергѣй Александровичъ еще поправится. Да что это такъ долго докторъ не ѣдетъ, еще вчера вечеромъ нарочнаго за нимъ послали, а его все нѣтъ.

— Да развѣ, матушка, этимъ докторамъ чужого живота жаль-съ! Ну и пріѣдетъ, что сдѣлаетъ? Только душу на послѣдокъ опоганитъ, да и все... а, по моему, право-бы, духовнымъ лекарствомъ лучше.

— Ваше превосходительство, докторъ пріѣхалъ! сказалъ лакей, выглянувъ въ дѣвичью.

— Слава Богу!.. перекрестясь, проговорила Лёло и пошла въ спальню.

Докторъ осмотрѣлъ больного, разспросилъ, что съ нимъ было, прописалъ лекарство, разсказалъ, какъ его давать и вышелъ изъ спальни.

— Какъ вы находите генерала? Онъ не опасенъ? спросилъ Котиковъ, провожая доктора.

— Ну, нѣтъ, онъ не хорошъ, отвѣтилъ докторъ.

— Что-же у него? Всѣ эти дни ему было лучше, вотъ ужь двѣ недѣли, какъ онъ пересталъ жаловаться ногой.

— Это-то и гадко.

— Что-же у него?

— Старость.

— Да генералъ совсѣмъ еще не такъ старъ. Ему, кажется, только шестьдесятъ четыре года.

— А жизнь генерала вы ни во что не ставите? Онъ пожилъ хорошо... Прибавьте на эту жизнь смѣло еще двадцать лѣтъ и будете въ расчетѣ.

— Да что-же у него теперь?

— Водяная въ груди, старческій катаръ; это давно уже приготовлялось, я зналъ, что этимъ кончится.

— Если у него водяная въ груди, стало быть, его спасти нельзя?

— Трудно!

— А долго это продолжится?

— Не долго!

— А страдать онъ будетъ?

— Будетъ! А потомъ тихо заснетъ. Прощайте, мнѣ некогда, мнѣ надо еще заѣхать къ княгинѣ Черново-Свѣтинской. Давайте лекарство, какъ я вамъ сказалъ, я буду послѣ завтра.

Докторъ уѣхалъ, а Петръ Петровичъ вернулся къ больному.

— Ну, что онъ обо мнѣ сказалъ? спросилъ Сергѣй Александровичъ, когда Котиковъ вошелъ въ спальню.

— Онъ говоритъ, что вы простудились, ваше превосходительство, что это скоро все пройдетъ.

— Ну, слава Богу! А я все боялся. Мнѣ еще не хочется... Теперь бы мнѣ только пожить. Сереженьку моего хотѣлъ-бы видѣть, какъ онъ подростетъ. Да и Лелечка на кого я оставлю! Я жить хочу. Мнѣ ихъ жаль... сказалъ генералъ и заплакалъ.

— И будете жить, ваше превосходительство, развѣ можно умереть отъ маленькой простуды.

— Благодарю тебя, другъ мой! Я никогда не забуду, что ты для меня дѣлаешь...

Лёло, спрятавшись за ширмы, горько плакала.

Часто заѣзжалъ докторъ, мѣнялъ лекарство, а болѣзнь генерала все шла быстро впередъ. По ночамъ генералъ сильно страдалъ. День ото дня усиливалось удушье и кашель. Обмороки повторялись; послѣ всякаго обморока Сергѣй Александровичъ видимо ослабѣвалъ. Такъ прошло двѣ недѣли. Во все это время Лёло не ложилась въ постель, всѣ ночи дежурила у больного и только подъ утро едва могъ уговорить ее Петръ Петровичъ прилечь тутъ-же въ спальнѣ, на диванѣ. Въ половинѣ третьей недѣли Сергѣю Александровичу стало очень тяжко; онъ едва могъ дышать отъ страшной боли внутри, рвалъ себѣ грудь и метался. Лёло и Петръ Петровичъ дѣлали все, чтобы облегчить его страданія, и ничто не помогало. Когда генералъ немного успокоился, Матрена отозвала барыню въ уголокъ и тихо сказала:

— Что-же вы, матушка, дѣлаете?.. Вѣдь баринъ еле дышутъ-съ... А вы въ него всю эту чертовщину, прости Господи, льете... Сами изволите видѣть, что оно ихъ только моритъ... Вы-бы лучше за батюшкой послали... Ну, Боже упаси, духъ вонъ, безъ покаянія, такъ вѣдь за душеньку его вы Богу отвѣтъ дадите-съ.

— Я скажу Петру Петровичу.

— Скажите, матушка, долгъ христіанскій исполнить надо, а тамъ да будетъ воля Божья.

— Послушай, Матрена, я выйду въ дѣвичью, а ты позови ко мнѣ Петра Петровича.

— Слушаю, матушка! тихо отвѣтила Матрена.

Лёло вышла изъ спальни въ дѣвичью.

— Петръ Петровичъ, надо послать за священникомъ, тихо сказала Лёло, когда Котиковъ къ ней вышелъ.

— Что это, какъ ты со мной говоришь?.. что это за Петръ Петровичъ?..

— Ахъ, теперь не время... Я васъ прошу послать за священникомъ.

— Зачѣмъ это? Генералъ говѣлъ въ посту.

— Я этого хочу.

— Ну, хочешь, такъ посылай, только смотри, старикъ и безъ того боится смерти, онъ испугается священника. Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь, только я не стану говорить объ этомъ генералу.

— Я скажу!.. Поди пошли за священникомъ, а я пойду къ Сергѣю Александровичу.

Лёло пошла въ спальню и подсѣла къ постели больного. Генералъ взглянулъ на нее и подалъ ей руку.

— Вамъ тяжело, папочка? тихо спросила Лёло, цѣлуя худую руку старика.

— Тяжело... тяжело... едва слышно отвѣчалъ больной и закашлялъ.

Лёло приподняла его на подушкахъ.

— Ангельчикъ мой, я измучилъ тебя...

Лёло плакала.

— Ты плачешь, кажется... Не плачь, я скоро поправлюсь...

— Я знаю, папочка... Помните вашъ сонъ... Это хорошій былъ сонъ...

— Да, да, я чашу видѣлъ...

— Это самъ Богъ вамъ свое лекарство посылаетъ... Вы-бы пріобщились, папочка.

— А что, развѣ я умираю?.. вдругъ приподнявшись съ подушки, спросилъ генералъ, уставивъ свои мутные глаза на Лёло

— Нѣтъ, папочка, вамъ совсѣмъ не такъ худо, но мнѣ хочется, что-бы вамъ скорѣе было облегченіе, я вѣрую въ вашъ сонъ.

— Нѣтъ, я боюсь .. я умру!..

— Не умрете... Я васъ прошу, пріобщитесь!.. Вамъ сейчасъ-же будетъ легче.

— Ну, коли ты хочешь, пожалуй!.. Только вѣдь это ужь послѣднее...

— Ахъ, нѣтъ, папочка, сколько людей выздоравливаютъ и живутъ послѣ причастія.

— Ну, позовите священника... ослабѣвъ и упадая на подушки, прошепталъ генералъ.

Лёло заботливо оправила и прибрала мужа, подвинула къ кровати столикъ, накрыла его салфеткой и поставила образъ.

— Скоро придетъ священникъ? спросилъ Сергѣй Александровичъ.

— Скоро, папочка! отвѣтила ему Лёло.

— Ну, мнѣ вѣдь прощенье надо у всѣхъ попросить передъ исповѣдью... Прости меня, моя крошка, коли я тебя когда огорчилъ! Я невольно... Я люблю тебя...

— Меня простите!.. почти вскрикнула Лёло, упавъ на колѣни у кровати и крѣпко обнявъ старика.

— Что-ты? что-ты?.. ты ни въ чемъ не виновата передо мной..

Лёло прижала голову къ мужу и задыхалась отъ слезъ.

Вошелъ Петръ Петровичъ.

— А, это ты, мой голубчикъ? Я пріобщаться хочу... Прости, коли я въ чемъ предъ тобой согрѣшилъ!..

— Меня простите, ваше превосходительство, кланяясь генералу, тихо проговорилъ Котиковъ.

— У матушки, у людей я-бы хотѣлъ попросить прощенія... Можетъ быть, вы меня обманываете? можетъ-быть, я умираю?.. вкрадчиво глядя въ глаза Петру Петровичу, спрашивалъ генералъ.

— Мы васъ не обманываемъ, вамъ совсѣмъ не такъ худо, ваше превосходительство.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, худо... Сереженьку я бы хотѣлъ благословить.

— Это васъ разстроитъ, ваше превосходительство.

— Нѣтъ! я хочу... Сейчасъ принесите мнѣ Сереженьку!..

— Сію минуту, ваше превосходительство! сказалъ Петръ Петровичъ и вышелъ изъ спальни.

Лёло бросилась за нимъ.

— Петя! Петя! не носи!.. я умру... Мы и полумертваго его обманываемъ! вскрикнула Лёло и, ломая себѣ руки, упала на сундукъ.

Котиковъ не остановился; черезъ нѣсколько минутъ Петръ Петровичъ провелъ мимо нея мамку съ ребенкомъ въ спальню генерала. Лёло, увидавъ сына, закрыла лицо руками.

— Баринъ, кажется, уснули-съ... прошептала Матрена, когда Петръ Петровичъ съ мамкой вошли въ спальню.

— Ну, мамушка, поди въ дѣтскую, я тебя позову, если генералъ еще спроситъ маленькаго, тихо приказывалъ Петръ Петровичъ, подошелъ къ постели, посмотрѣлъ на генерала, тихо укрылъ его одѣяломъ, сѣлъ возлѣ на кресло и отъ усталости невольно началъ дремать.

Вдругъ дверь въ спальню опять отворилась и старый Фомка ввелъ подъ руку Елизавету Никитишну.

— Это еще зачѣмъ? Генералъ спитъ! очнувшись, сердито сказалъ старому лакею Котиковъ.

— Какъ зачѣмъ?.. сынъ умираетъ, а я мать зачѣмъ веду? Зачѣмъ мать сына благословитъ?.. А сынъ у матери зачѣмъ прощенія попроситъ?.. Оставьте вы ужь меня, я лучше васъ порядки-то знаю...

— Да я тебѣ говорю, что генералъ спитъ...

— Ну, пусть соннаго мать благословитъ, отъ этого худо не будетъ, проворчалъ старикъ, подводя Елизавету Никитишну къ постели.

Петръ Петровичъ махнулъ рукой и вышелъ въ дѣвичью, гдѣ сидѣла Лёло.

— Ты меня обманулъ, mon cher Фомка, тутъ нѣтъ моего сына?

— Какъ нѣтъ, матушка, вотъ это вашъ сыночекъ лежитъ.

— Ты врешь, mon cher, это не мой сынъ... Володенька хорошенькій, маленькій, а это какой-то страшный... Я боюсь!.. пойдемъ отсюда, mon cher..

— Матушка, барыня, да придите вы въ себя... Посмотрите хорошенько... Это вѣдь Сергѣй Александровичъ. Это вѣдь вашъ старшій сынокъ...

— Нѣтъ, это чужой...

— Свой, матушка... свой! Да поцѣлуйте вы ихъ, они проснутся... у васъ прощенія попросятъ, а вы ихъ благословите, какъ быть слѣдуетъ.

— Нѣтъ, я боюсь!..

— Не бойтесь, матушка... Я рабъ вашъ вѣрный, васъ прошу, не бойтесь, поцѣлуйте!.. насильно наклоняя Елизавету Никитишну къ сыну, уговаривалъ старый Фомка, громко всхлипывая.

— Не плачь, mon cher Фомка, я поцѣлую...

— Поцѣлуйте, поцѣлуйте матушка!..

Елизавета Никитишна послушно наклонилась, поцѣловала сына и вдругъ отскочила.

— Холодный! Я боюсь! вдругъ вскрикнула старушка. Сергѣй Александровичъ не шевельнулся.

— Что вы, что вы пугаетесь, Христосъ съ вами!.. Матрешенька, возьми-ка ты ихъ... Что это такое, дай-ка я погляжу, засуетившись, проговорилъ старикъ.

Матрена взяла Елизавету Никитишну подъ руку. Фомка ощупалъ барина, снялъ абажуръ со свѣчки, поднесъ ее къ лицу генерала, поглядѣлъ на него, поставилъ свѣчу опять на столъ, перекрестился и поклонился въ ноги у кровати.

— Священникъ пришелъ, сказала Лёло, входя тихо въ спальню.

— Поздно, матушка! тяжело вставая съ колѣнъ, отирая слезы рукою, проговорилъ старый Фома.

— Сергѣй Александровичъ спитъ? спросила Лёло, подходя на цыпочкахъ.

— Спятъ-съ...

— Ну, пусть его спитъ, батюшка подождетъ.

— Да нечего ждать-съ... они совсѣмъ спятъ-съ и не проснутся-съ...

— Что ты говоришь?

— Не пугайтесь, матушка, баринъ вамъ долго жить приказали-съ...

— Умеръ! вскрикнула Лёло.

— Умеръ! умеръ!.. Я не хочу! я не хочу! начала кричать во все горло Елизавета Никитишна.

Старый Фомка, обхвативъ сумасшедшую старушку, утиралъ себѣ слезы рукавомъ. Матрена громко выла. Вошелъ Петръ Петровичъ, взглянулъ на генерала, молча подошелъ къ Лёло и вывелъ ее изъ спальни.

— Лёлька моя, хотѣлъ бы я тебя утѣшить, да что-то словъ не нахожу, сказалъ Петръ Петровичъ, когда привелъ Лёло въ маленькую диванную.

— И не утѣшайте, ради Бога.. Вы меня любите, я это знаю, и я васъ люблю, я это доказала и докажу... Но теперь, именемъ этой любви, я васъ прошу: не подходите ко мнѣ, не говорите мнѣ ни одного ласковаго слова... Мы довольно насмѣялись надъ этимъ бѣднымъ старикомъ, когда онъ былъ живъ... Не будемъ же смѣяться надъ его тѣломъ, это страшно! Я знаю, вы не можете думать, что я притворяюсь...

— Знаю, ты не повѣришь, а вѣдь и мнѣ жаль твоего генерала, я къ нему привыкъ.

— Если вамъ жаль его, дайте же мнѣ спокойно молиться за него... Дайте мнѣ выплакать все, что у меня на душѣ, можетъ быть, мои слезы омоютъ мой грѣхъ... А то вѣдь я сама себѣ противна... Я ненавижу себя, захлебываясь слезами, умоляла Лёло.

— Славна ты баба, Лёлька!.. ты и безъ слезъ чиста. Ну, плачь, плачь, омывайся, сколько хочешь, я тебѣ мѣшать не буду, сказалъ Петръ Петровичъ и пошелъ распоряжаться, какъ одѣть и положить генерала.

Сергѣя Александровича одѣли въ мундиръ и положили въ залѣ на столъ. Петръ Петровичъ приказалъ впускать мужиковъ, которые пожелаютъ видѣть покойнаго барина. Всѣ три дня, въ которые Сергѣй Александровичъ стоялъ на дому, въ залѣ толпилось множество народу, всѣ мужики генерала приходили поклониться тѣлу барина. На панихиды съѣзжались сосѣди помѣщики. Петръ Петровичъ одинъ принималъ и угощалъ ихъ; Лёло не выходила ни къ кому Тихо молилась она одна въ гостиной. Напротивъ нея, въ дверяхъ маленькой диванной, старый Фомка держалъ подъ руку маменьку Елизавету Никитишну. Старикъ тихо плакалъ, сумасшедшая старушка играла свѣчей, капала на Фомку, дѣлала шарики и улыбалась.

На четвертый день утромъ опять съѣхалось все сосѣдство и княгиня Черново-Свѣтинская пріѣхала отдать послѣдній долгъ Сергѣю Александровичу. Послѣ панихиды мужики подняли гробъ барина и понесли его въ церковь. Лёло, блѣдная, какъ смерть, пошла за гробомъ. Два сосѣда хотѣли подхватить ее подъ руки, но она поблагодарила ихъ и пошла одна; немного поодаль отъ нея шла княгиня Черново-Свѣтинская рядомъ съ Петромъ Петровичемъ.

— Ну, голубчикъ, жаль мнѣ тебя, провожаемъ мы съ тобой твоего благодѣтеля въ вѣчное жилище...

— Не благодѣтеля, а господина, княгиня...

— Да, да, ты вѣдь служилъ ему вѣрой и правдой... Онъ теперь видитъ, какъ ты ему служилъ... Все видитъ... Теперь тебѣ помогать ужь некому, самъ будешь всѣ тяжести нести... Да, я думаю, ты бы и не хотѣлъ помощника, зачѣмъ тебѣ, ты молодъ—одинъ справишься...

— Боже избави, княгиня, тогда бы я отказался отъ этой должности...

— То то, то-то, и я такъ думаю... Ты милый, право, премилый, я очень тебя полюбила. Ну, а въ насаженныя матери-то ты меня позовешь?..

— Какъ буду жениться, непремѣнно, княгиня!

— А какъ ты думаешь, скоро-ли это будетъ?

— Это будетъ зависѣть отъ моей невѣсты, когда она захочетъ, я готовъ...

— Конечно, пусть она износитъ башмаки, въ которыхъ шла за гробомъ мужа... Ну, да что-жъ, можно вѣдь и не до дыръ износить... Вашъ Гамлетъ еще малъ, бѣсноваться не будетъ...

Гробъ внесли въ церковь. Лёло, Петръ Петровичъ, княгиня и всѣ провожатые тоже скрылись за дверями, только нѣсколько мужичковъ, да нищіе, которымъ не достало въ церкви мѣста, на паперти клали земные поклоны.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Смерть казака.

Стих. **В. Львова.** Посв. **В. Т—му.**

Гдѣ тихо струятся днѣпровскія воды,
Средь «Луга Великаго», степи глухой,
Безоблачны неба гдѣ синіе своды,
Лежалъ, весь въ крови, запорожецъ лихой.

Усѣяно мертвыми поле, изрыто...
Оружіе, кони, смѣшавшись, лежатъ...
Не мало, знать, было тутъ крови пролито!
Ужь смерть съ тишиною на полѣ царятъ!..

Кровавой пирушкой за муки, обиды
Казаки коварному ляху-врагу
Лихвой отплатили—и скрылись изъ виду,
И бродятъ лишь стаи волковъ по лугу...

И жертвами битвы осталось не мало
На полѣ сраженныхъ казацкихъ головъ,
Не мало защитниковъ родины пало,
Простилось съ привольемъ родныхъ хуторовъ!

Забыли товарищи нà полѣ брани
О раненомъ на-смерть бойцѣ-казакѣ;
Лежитъ онъ и грозно поводитъ очами,
И саблю-подругу сжимаетъ въ рукѣ...

Въ нѣмомъ ожиданьи желанной кончины,
Онъ молча межъ труповъ, недвижимъ, лежалъ,
Невольно предъ смертью былого картины
Онъ смутно, какъ будто во снѣ, вспоминалъ.

Вотъ видитъ,—въ садахъ потонувшій вишневыхъ
Онъ дѣдовъ родной на горѣ хуторокъ,
Тамъ рѣчки струятся въ зеленыхъ дубровахъ
И еле шумитъ, притаясь, вѣтерокъ.

Тамъ шепчется колосъ въ поляхъ золотистый
О славныхъ побѣдахъ, былой старинѣ,
И вьется щегленокъ, поетъ, голосистый,
И рѣютъ орлы въ голубой вышинѣ...

И рѣзвыхъ коней украинскихъ на волѣ
Пасутся въ шелковыхъ лугахъ табуны...
Но, видно, не все улыбается доля:
Пришли уніаты, жиды и паны!..

Какъ сонъ, улетѣло приволье былое!
По своему стали враги управлять
И рабство постыдное злою судьбою
Назначено вольнымъ казакамъ узнать:

Поруганы храмы и вѣра святая,
И женъ, дочерей ихъ поругана честь!
Все молча казакъ выносилъ, выжидая,
Пока наступила желанная месть...

На небѣ собрались багровыя тучи:
Быть бурѣ, часъ грозный возстанья насталъ!
Раздался въ Украйнѣ кликъ воли могучій:
Къ оружью и мести казаковъ онъ звалъ...

Во имя Христа и за церковь святую,
За вѣру и вольность былую отцовъ,
Слетались, кровавую битву почуя,
Отвсюду полки казаковъ-удальцовъ...

И въ степи широкой, у брега Лимана,
Двѣ силы сошлись, закипѣла борьба
И вскорѣ лихихъ казаковъ атамана
Достойнымъ побѣды избрала судьба!..

А «онъ»?—впереди, словно левъ разъяренный,
Враговъ поражаетъ и топчетъ конемъ...
Вдругъ алая струйка изъ груди пронзенной
Жупанъ оросила кровавымъ ручьемъ!..

Закрылись орлиныя, грозныя очи,
Покинули силы, съ коня онъ упалъ
И долго до свѣжей, живительной ночи,
Какъ будто во снѣ, въ забытьѣ пролежалъ...

Очнулся... затихли ужь бранные звуки,
Разбивши враговъ, унеслись казаки!..
Онъ чувствуетъ холодъ, предсмертныя муки
И молвитъ, исполненъ тяжелой тоски:

«На вѣки прощай, моя жизнь удалая!
«Прощайте, собратья лихіе, друзья!
«Прощай, Украина, отчизна святая!
«За волю твою погибаю здѣсь я!..

«Умру средь чужого, пустыннаго края
«И скоро друзья позабудутъ меня,
«Къ могилѣ съ барвинкомъ казачка младая
«Молиться не выйдетъ, головку склоня!..

«И воронъ мнѣ выклюетъ ясныя очи,
«Что грозны такъ были Украйны врагамъ,
«И стая волковъ, завывая средь ночи,
«Споетъ панихиду казацкимъ костямъ!..

«О, Боже великій, мои прегрѣшенья
«Остави, въ предсмертный мой часъ отпусти,
«Послѣднему, страстному внемли моленью:
«Отчизну, отчизну мою защити!

«Спаси Украину отъ мукъ и неволи,
«Казакамъ побѣду надъ ляхами дай,
«Чтобъ вновь золотилось пшеницею поле
«И пѣсню отрадную пѣлъ оратай!

«Чтобъ миръ и свобода на вѣки царила,
«Рѣкой не лилася невинная кровь
«И вновь процвѣтала, и съ новою силой
«На славу отчизна воскреснула вновь!»...

То было героя послѣднее слово
О родинѣ тихо молилъ онъ Творца...
И жадная смерть безпощадно, сурово
На вѣки скосила лихого бойца.

Зарока не давай.

(Il ne faut jurer de rien.)

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ **Альфреда де-Мюссэ.**
Переводъ **С. А. Боборыкиной.**

Дѣйствующія лица:

Ван-Букъ, бывшій негоціантъ.
Валентинъ, его племянникъ.
Абатъ.
Учитель танцевъ.
Трактирный служитель.
Работникъ съ фермы.
Слуга Валентина.
Слуга баронесы де-Мансъ.
Баронеса де-Мансъ.
Сесиль, ея дочь.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ: *)

Ван-Букъ. Негоціантъ, лѣтъ подъ 60; здоровый, плотный, франтоватый старикъ. Очень вспыльчивъ, но старается сдерживать себя.

Валентинъ. Блестящій молодой человѣкъ, очень избалованный дядей, съ легкимъ оттѣнкомъ фатовства, но очень искренній въ нѣжныхъ сценахъ.

---

*) Характеристики въ оригиналѣ не находится. Она составлена по тѣмъ традиціямъ, по какимъ эта пьеса всегда дается въ Парижѣ на театрѣ «Comédie Fraçaise».

Абатъ. Сѣденькій, худенькій старичекъ. Выражается изысканно, говоритъ медленно. Съ баронессой очень почтителенъ. Чрезвычайно довѣрчивъ. Одѣтъ въ черную сутану; на головѣ—бархатная шапочка.

Учитель танцевъ. Высокій, сухой, очень воздушный танцоръ, среднихъ лѣтъ. Съ хохолкомъ, бритый, губы сердечкомъ. Въ чулкахъ и башмакахъ.

Слуги, въ ливреяхъ.

Служитель изъ трактира, въ фартукѣ, какъ ходятъ гарсоны въ кафé.

Работникъ съ фермы въ костюмѣ французскаго крестьянина.

Баронеса де-Мансъ. Живая старуха лѣтъ 50; вспыльчивая и въ высшей степени разсѣянная. Она всегда слушаетъ собесѣдника на половину. Съ дочерью старается держать себя строго. Говоритъ мало. Видна большая привычка приказывать. Красива, одѣта нарядно, со вкусомъ.

Сесиль. Молоденькая дѣвушка, съ большими, удивленными глазами. Наивная, искренняя, теплая натура.

Туалеты и обстановка современные.

Дѣйствіе I—въ Парижѣ; II и III въ имѣніи баронесы, около Парижа.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ Валентина.

Сцена I.

Валентинъ сидитъ въ халатѣ и чиститъ себѣ ногти. Ван-Букъ входитъ.

Ван-Букъ. Племянничикъ, здравствуйте!

Валентинъ. Дядюшка, къ вашимъ услугамъ.

Ван-Букъ. Сидите, мнѣ надо поговорить съ вами.

Валентинъ. Слушаю. Присядьте. Не угодно-ли вотъ въ это кресло?

Ван-Букъ. Милостивый государь, всякое терпѣніе и настойчивость самая упорная лопнутъ-же когда-нибудь! Что прежде извинялось, то теперь ужъ не прощается. Непоправимое не исправишь. И кто 20 разъ протягивалъ руку помощи сумасброду, желающему утопиться, тотъ, наконецъ, бросаетъ его или погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Валентинъ. О! о! какое вступленіе! Ваши метафоры таки спозаранку поднялись.

Ван-Букъ. Милостивый государь, не угодно-ли вамъ помолчать, мнѣ не до вашихъ шутокъ. Тщетно преподавались вамъ впродолженіи трехъ лѣтъ самые благоразумные совѣты. Безпечность, неудавшіеся планы, тысяча предлоговъ одинъ другого лучше, проклятая снисходительность—все, что только я могъ сдѣлать и могу еще (но клянусь, я уже больше ничего не сдѣлаю)... Скажите: куда вы ведете меня? Вы, также упрямы...

Валентинъ. Дядюшка Ван-Букъ, кажется, вы разгнѣвались...

Ван-Букъ. Милостивый государь, не прерывайте меня! Вы настолько-же упрямы, насколько я, къ несчастію, былъ терпѣливъ и довѣрчивъ. Ну, мыслимо-ли это, спрашиваю я васъ, чтобы молодой человѣкъ въ 25 лѣтъ жилъ такъ, какъ вы живете? Къ чему служатъ всѣ мои внушенія и когда-же вы, наконецъ, остепенитесь? У васъ ничего нѣтъ, потому что въ концѣ концовъ все, что вы имѣете, это—мое; но умирать я еще не собрался и пищевареніе у меня прекрасное. Что-же вы намѣрены дѣлать въ ожиданіи моей смерти?

Валентинъ. Дядюшка Ван-Букъ, вы слишкомъ разгорячились и непремѣнно скажете лишнее.

Ван-Букъ. Нѣтъ, милостивый государь. Я знаю, что говорю. Если я одинъ изъ всей семьи пошелъ по комерческой дорогѣ, такъ только благодаря мнѣ, помните это, крохи нашего разореннаго состоянія были собраны. Вамъ-ли улыбаться?! Еслибъ я не торговалъ индѣйской кисеей въ Антверпенѣ, вы-бы въ вашемъ щегольскомъ халатѣ очутились въ богадѣльнѣ. А теперь съ этой проклятой игрой..

Валентинъ. Дядюшка Ван-Букъ, вотъ ужь это тривьяльно. Вы перемѣнили тонъ, вы расходились; а начали вы гораздо лучше.

Ван-Букъ. Ты смѣешься надо мной, чортъ тебя возьми! Видно, я на то только и годенъ, чтобъ платить по твоимъ векселямъ? Мнѣ сегодня еще принесли твой вексель въ 60 золотыхъ. Долго-ли тебѣ издѣваться надо всѣми? Къ лицу-ли тебѣ розыгрывать фешьонебля (къ чорту эти англійскія слова) когда ты не можешь заплатить портному? Я думаю не все равно: соскочить-ли съ дорогой лошади и взойдти въ богатую квартиру или, выскочивъ изъ наемной кареты, взбираться въ четвертый этажъ. Возвращаясь съ балу, ты, въ твоемъ модномъ жилетѣ, спрашиваешь свѣчку у привратника и тотъ ворчитъ, если онъ ничего не получилъ отъ тебя къ новому году; а одинъ Господь Богъ вѣдаетъ: даришь-ли ты каждый годъ. Живя въ томъ свѣтѣ, который тебѣ не по средствамъ, ты чувствуешь только презрѣніе къ самому себѣ, даже въ обществѣ твоихъ пріятелей. Ты пописываешь что-то въ газеткахъ; но каждый уличный писецъ достойнѣе тебя. Но я кончу тѣмъ, что перестану помогать тебѣ. И умирай тогда на чердакѣ.

Валентинъ. Добрѣйшій дядюшка Ван-Букъ, я люблю васъ и уважаю. Сдѣлайте милость, выслушайте меня. Вы сегодня утромъ уплатили по моему векселю. Когда вы взошли, я стоялъ у окна и видѣлъ, какъ вы пріѣхали. Вы всю дорогу обдумывали проповѣдь такую-же длинную, какъ разстояніе отъ меня до васъ. Пожалуйста, сократите ее. Вѣдь все, что вы придумали, я уже знаю; а то, что вы говорите—вы не всегда такъ думаете. У меня есть долги и я ни на что негоденъ—согласенъ. Но что-жь съ этимъ дѣлать? У васъ 60 тысячъ гульденовъ годового дохода...

Ван-Букъ. 50.

Валентинъ. 60, дядюшка. У васъ нѣтъ дѣтей и вы очень ко мнѣ добры. Если я этимъ пользуюсь, чтожъ тутъ дурного? Съ 60 тысячами годового дохода...

Ван-Букъ. 50, 50!

Валентинъ. 60; вы сами мнѣ говорили.

Ван-Букъ. Никогда. И откуда ты это взялъ?

Валентинъ. Ну, положимъ 50. Вы свѣжи, крѣпки еще и любите пожить. Развѣ это бѣситъ меня? Развѣ я жду-не-дождусь вашего наслѣдства? Нѣтъ, я увѣренъ вы не такъ дурно обо мнѣ думаете. Вы знаете, что и съ вѣтреной головой можно иногда имѣть хорошее сердце. Вы вонъ разсердились на мой халатъ; а сами еще такіе-ли нашивали! Вы жалуетесь на мои модные жилеты—развѣ вамъ угодно, чтобъ я выходилъ въ рубашкѣ? Вы говорите, что я бѣденъ, а друзья мои богаты—тѣмъ лучше для нихъ. Я въ этомъ не виноватъ. Вы воображаете, что они меня балуютъ и ихъ примѣръ портитъ меня. Я отношусь съ презрѣніемъ только къ тому, что надоѣдаетъ мнѣ. Вы платите мои долги, поэтому я ни у кого и не занимаю. Вы упрекаете меня за наемную карету—своего экипажа у меня нѣтъ. Вы желаете, чтобы я занялся чѣмъ нибудь—сдѣлайте меня хоть министромъ, вы и увидите тогда, какую я составлю себѣ карьеру; но если я стану коптѣть заштатнымъ писцомъ въ конторѣ какого-нибудь стряпчаго, скажите на милость, чему я тамъ научусь? Одному только, что все суета суетъ! Вы ставите на видъ мою игру; но если мнѣ везетъ—я выигрываю; а какъ только я начинаю проигрывать—повѣрьте, я ужасно раскаяваюсь въ своей глупости. Вы говорите, что еслибъ я, соскочивъ съ дорогой лошади, взошелъ въ квартиру съ богатой обстановкой—эфектъ вышелъ-бы иной. Еще-бы! Вамъ хорошо такъ разсуждать. Вы прибавляете, что гордитесь тѣмъ, что торговали индѣйской кисеей. Господи! еслибъ я только могъ продавать индѣйскую кисею! Вѣдь это доказывало-бы, что мнѣ есть на что́ покупать ее. (Перемѣняя тонъ). Послушайте, дядюшка, я, кажется, не ошибаюсь—вы еще не завтракали? Вы уѣхали голоднымъ, благодаря этому гадкому векселю, запьемъ его вмѣстѣ. Вотъ кстати и завтракъ.

(Входитъ слуга съ подносомъ, на которомъ поставленъ завтракъ. Онъ ставитъ второй приборъ и уходитъ).

Ван-Букъ. Чортъ возьми, какой завтракъ! Ты живешь однако баричемъ.

Валентинъ. Что дѣлать! Если умирать съ голоду, такъ ужь потѣшивъ себя чѣмъ-нибудь.

Ван-Букъ. (Усаживаясь за завтракъ). Ты навѣрно воображаешь, что я все простилъ... потому что я сѣлъ?

Валентинъ. И не думаю. Когда вы разсержены, у васъ проскользаютъ выраженія... напоминающія прилавокъ, и это меня огорчаетъ. Да, вы сами, не замѣчая, уклоняетесь отъ той утонченной вѣжливости, которая васъ отличаетъ отъ другихъ. Но вы понимаете, что я не пойду повсюду разсказывать...

Ван-Букъ. Ну, хорошо, хорошо. Ничего у меня не проскользаетъ. Довольно объ этомъ, поговоримъ о другомъ. (Совершенно измѣняя тонъ). Тебѣ надо-бы жениться.

Валентинъ. Господь съ вами! Что это вы говорите?

Ван-Букъ. Налей мнѣ. Я говорю, что ты входишь въ возрастъ и тебѣ пора жениться.

Валентинъ. Дядюшка! что я вамъ такое сдѣлалъ?

Ван-Букъ. Векселей надавалъ. Да еслибы ты мнѣ и ничего не сдѣлалъ, такъ чтожъ ужаснаго въ женитьбѣ? Послушай, поговоримъ серьезно. Скажите, какое несчастье, еслибъ вотъ сегодня отдали за тебя хорошенькую, воспитанную дѣвушку и въ придачу положили на столъ 50 тысячъ экю, чтобъ было чѣмъ позабавиться вамъ на другой день свадьбы—да, истинное несчастье и есть отъ чего затуманиться! Нечего сказать! Ты должаешь—я плачу твои долги. Женишься—перемѣнишься. Къ тому-же Сесиль де-Мансъ обладаетъ всѣмъ...

Валентинъ. Сесиль де-Мансъ! Вы шутите?

Ван-Букъ. Ея имя сорвалось у меня съ языка. Нѣтъ, не шучу. Она, если ты захочешь...

Валентинъ. И если она захочетъ. Это какъ въ пѣсенкѣ поется:

Je sais bien il ne tiendrait qu' à moi
De l'épouser, si elle voulait.

Ван-Букъ. Нѣтъ, это отъ тебя зависитъ, ты ей нравишься.

Валентинъ. Я ее никогда не видалъ.

Ван-Букъ. Это ничего; говорю тебѣ—ты ей нравишься.

Валентинъ. Серьезно?

Ван-Букъ. Честное слово.

Валентинъ. Ну, такъ она мнѣ не нравится.

Ван-Букъ. Почему?

Валентинъ. Потому-же самому, почему и я ей нравлюсь.

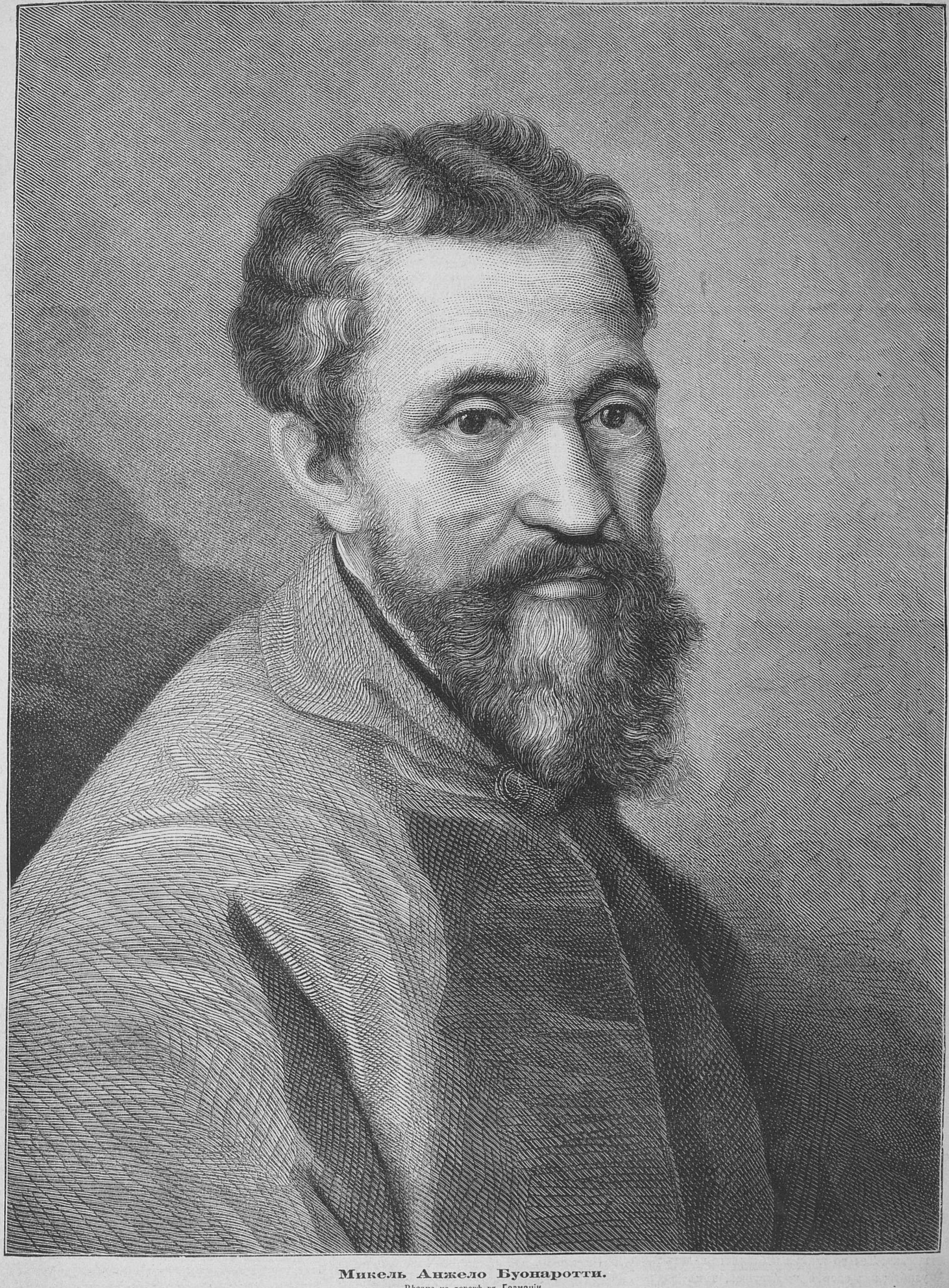
Ван-Букъ. Это безсмыслица: говорить, что люди намъ не нравятся, когда мы ихъ и не знаемъ.

Валентинъ. Такая-же безсмыслица, какъ говорить, что они намъ нравятся. Прошу васъ, оставимъ этотъ разговоръ.

Ван-Букъ. Но подумай, милый,—налей мнѣ—вѣдь когда-же нибудь надо кончать.

Валентинъ. Конечно, всѣ умремъ.

Ван-Букъ. Я хочу сказать, что пора и успокоиться, обзавестись хозяйствомъ, семьей. Ну, что́ съ тобой будетъ? Предупреждаю, не нынче-завтра я, помимо моей воли, посажу тебя. Я не



Микель Анжело Буонаротти.

Рѣзано на деревѣ въ Германіи.

желаю, чтобы ты разорялъ меня и если ты разсчитываешь на мое наслѣдство—долго тебѣ придется ждать. Твоя женитьба, правда, не дешево мнѣ станетъ; но, по крайней мѣрѣ, это ужь разъ навсегда и потомъ все-таки будетъ дешевле, чѣмъ всѣ твои глупости. Наконецъ, я просто хочу отвязаться отъ тебя—вотъ и все. И такъ, намѣренъ ты расплатиться съ долгами, жениться на хорошенькой дѣвушкѣ и жить спокойно?

Валентинъ. Вы этого желаете, дядюшка? Вы говорите серьезно? Позвольте и мнѣ отвѣчать серьезно. Возьмите еще паштета и потрудитесь выслушать меня.

Ван-Букъ. Послушаемъ.

Валентинъ. Я не стану забираться слишкомъ далеко и утомлять васъ ненужнымъ предисловіемъ, напомню только: ка̀къ поступили съ человѣкомъ добрымъ, права спокойнаго, который добродушно принялъ жену въ домъ даже послѣ ея безчестнаго поступка. Онъ, какъ вы припомните, былъ братъ могущественнаго монарха и его украсили такъ некстати уборомъ...

Ван-Букъ. Да про кого это ты говоришь?

Валентинъ. Про Менелая, дядюшка.

Ван-Букъ. Чортъ тебя побери! И я-то хорошъ, слушаю тебя!

Валентинъ. Отчего-же? Мнѣ кажется, напротивъ...

Ван-Букъ. Несносный мальчишка, сумасбродъ! Нѣтъ никакой возможности заставить тебя говорить серьезно. Перестанемъ, довольно. Нынѣшняя молодежь никого и ничего не уважаетъ.

Валентинъ. Дядюшка Ван-Букъ, вы опять разгорячитесь.

Ван-Букъ. Нѣтъ, государь мой! Но, право, слыханное-ли это дѣло, чтобъ человѣкъ моихъ лѣтъ служилъ потѣхой школьнику? Ты видно, принимаешь меня за своего товарища? Повторяю...

Валентинъ. Какъ, дядюшка, вы, стало быть, никогда не читали Гомера?..

Ван-Букъ. Ну, а если бы и читалъ? (опять садится).

Валентинъ. Вы говорите мнѣ о супружеской жизни, я привожу вамъ примѣръ славнаго, древняго мужа, это очень естественно.

Ван-Букъ. Нужна мнѣ твоя болтовня! Намѣренъ ты говорить серьезно?

Валентинъ. Хорошо. Выпьемъ за дружбу. Только не перебивайте, иначе вы не поймете меня. Я не затѣмъ упомянулъ о Менелаѣ, чтобъ похвалиться своимъ знаніемъ, а затѣмъ, чтобы не цитировать по напрасну различныхъ честныхъ мужей. Позволяете мнѣ говорить безъ обиняковъ?

Ван-Букъ. Да, и поскорѣй или я ухожу.

Валентинъ. Мнѣ было 16 лѣтъ, я только что вышелъ изъ школы, когда въ первый разъ одна прекрасная дама, наша знакомая, почтила меня своимъ расположеніемъ. Можно-ли въ эти годы различать что хорошо, что дурно? Какъ-то вечеромъ я сидѣлъ у ней. Ея мужъ былъ тутъже. Вдругъ онъ встаетъ и говоритъ, что хочетъ идти гулять. При этихъ словахъ мы съ нею обмѣнялись такимъ взглядомъ, что сердце у меня застучало въ груди отъ радости. Мы останемся вдвоемъ! Я обернулся и вижу — добрякъ надѣваетъ перчатки. Это были козьи перчатки зеленоватаго цвѣта, широкія и съ распоровшимся швомъ на большомъ пальцѣ. Пока мужъ, стоя посреди комнаты, впихивалъ въ нихъ свои руки, чуть замѣтная улыбка проскользнула по лицу жены, очертивъ легкими тѣнями двѣ ямочки на щекахъ. Только глазъ влюбленнаго видитъ такія улыбки; ихъ скорѣе чувствуешь, чѣмъ видишь. Ея улыбка прямо запала мнѣ въ душу. Но по какой-то непонятной странности, воспоминаніе объ этой блаженной минутѣ связано у меня въ головѣ съ представленіемъ о двухъ красныхъ рукахъ, неуклюже втиснутыхъ въ зеленыя перчатки. Съ тѣхъ поръ я не могу вспомнить о нихъ безъ того, чтобъ чисто женская улыбка не скользнула у меня по губамъ. И я поклялся, что никогда, никакая женщина въ мірѣ не надѣнетъ на меня перчатокъ... рогоносца!

Ван-Букъ. Иначе—ты, какъ истый волокита, сомнѣваешься въ добродѣтели женщинъ и боишься, чтобъ тебѣ не отплатилось за прошлое.

Валентинъ. Совершенно вѣрно. Я боюсь «лукаваго» и не хочу ходить въ зеленыхъ перчаткахъ.

Ван-Букъ. Пустые страхи молодости!

Валентинъ. Пожалуй, не вѣрьте. Но и черезъ 30 лѣтъ, если я только доживу, это будетъ убѣжденіемъ моей старости. Поэтому-то я никогда и не женюсь.

Ван-Букъ. Ты утверждаешь, что всѣ женщины лгутъ и обманываютъ своихъ мужей?

Валентинъ. Ничего я не утверждаю и ничего не знаю. Я только знаю одно, что когда я выхожу на улицу, то подъ колеса каретъ не бросаюся; когда хочу пить — въ разбитый стаканъ не наливаю, и когда знакомлюсь съ хорошенькой женщиной — на ней не женюсь. И то я еще не могу утверждать, что умру безъ переломленныхъ ногъ, безъ выбитыхъ зубовъ, безъ...

Ван-Букъ. Полно! Сесиль де-Мансъ добрая, честная, воспитанная дѣвочка.

Валентинъ. Сохрани меня Боже говорить о ней дурно. Лучше ея и на свѣтѣ нѣтъ. Вы говорите, что она воспитана? Но какое воспитаніе получила она? Вывозятъ ее на балы, на скачки, въ театръ? Она выѣзжаетъ одна въ каретѣ утромъ, чтобъ возвратиться въ сумерки? Есть у нея разбитная горничная и особый входъ? Читаетъ она романы въ фельетонахъ? Состоитъ при ней красивый танцоръ, который послѣ вальса слегка пожимаетъ ей пальчики? Принимаетъ она одна по послѣ-обѣдамъ, въ полусвѣтѣ? Есть у нея въ комнатѣ бронзовыя задвижки у дверей, которыя она задвигаетъ мизинчикомъ, отвернувши головку и опуская небрежно тяжелую, непроницаемую портьеру? Кладетъ ли она перчатку въ бокалъ, когда обносятъ шампанское? Выучили-ли ее, при пѣніи моднаго тенора, закатывать глаза? Ѣздитъ она на воды? Страдаетъ-ли мигренями?

Ван-Букъ. Господи! Да что ты, что ты говоришь?

Валентинъ. Если она этого ничего не знаетъ, не многому-же ее выучили? И какъ только она выйдетъ замужъ, сама станетъ все это продѣлывать и тогда ужь нельзя ни за что отвѣчать...

Ван-Букъ. У тебя престранныя понятія о женскомъ воспитаніи. Чтожъ, по твоему, надо слѣдовать твоимъ совѣтамъ?

Валентинъ. Нѣтъ, но я хочу, чтобъ молодая дѣвушка была подобно травѣ въ лѣсу, а не растенію въ кадкѣ. Пойдемте, дядюшка, гулять и не станемъ объ этомъ больше волноваться.

(Снимаетъ халатъ и надѣваетъ выходное платье, приготовленное на стулѣ).

Ван-Букъ. Ты отказываешься отъ Сесиль де-Мансъ?

Валентинъ. Отъ нея-ли, отъ другой-ли—все равно.

Ван-Букъ. Ты неисправимъ! Ты въ гробъ меня уложишь. А у меня уже составилось столько блестящихъ плановъ!.. Со временемъ Сесиль будетъ пребогатая. Ты-же меня разоришь да и самъ такъ... сгинешь. (Перемѣняя тонъ). Это что такое? Что тебѣ надо?

Валентинъ. Я подаю вашу трость и шляпу, чтобъ пойдти вмѣстѣ освѣжиться.

Ван-Букъ. Очень мнѣ нужно освѣжаться! Я тебя лишу наслѣдства, если ты не женишься.

Валентинъ. Лишите?

Ван-Букъ. Да, клянусь тебѣ! Я такъ-же буду упрямъ, какъ и ты. Вотъ тогда и посмотримъ, кто кому уступитъ.

Валентинъ. Вы какъ лишите, дядюшка, письменно или словесно?

Ван-Букъ. Словесно, грубіянъ!

Валентинъ. Кому-же оставите ваши капиталы? Или, быть можетъ, учредите премію добродѣтели и латинской граматики?

Ван-Букъ. Чѣмъ давать себя разорять, я ужь самъ лучше разорюсь всласть.

Валентинъ. Теперь больше не существуетъ ни лотерей, ни рулетки; всего-же пропить и проѣсть—невозможно.

Ван-Букъ. Брошу Парижъ, уѣду въ Антверпенъ и женюсь. И если на то пошло, нарожу тебѣ съ полдюжины двоюродныхъ братьевъ.

Валентинъ. А я отправлюсь въ Алжиръ, поступлю въ драгуны трубачемъ, женюсь на эфіопкѣ и нарожу вамъ двѣ дюжины внучатъ черныхъ, какъ чернила, и глупыхъ-преглупыхъ.

Ван-Букъ. Ну, смотри! Я вотъ какъ возьму эту трость да начну...

Валентинъ. Дядюшка, не сломайте опору вашей старости!

Ван-Букъ. (Обнимая его). Ахъ ты несчастный! Какъ ты надо мной издѣваешься...

Валентинъ. Послушайте: женитьба — претитъ мнѣ; но для васъ, добрый мой дядюшка, я на все готовъ. Какъ бы ни показалось вамъ нелѣпымъ то, что я сейчасъ вамъ предложу—обѣщайте согласиться безъ всякихъ отговорокъ; я съ своей стороны даю вамъ мое слово...

Ван-Букъ. Ну, что такое? Говори скорѣй.

Валентинъ. Обѣщайте сперва, а потомъ я скажу.

Ван-Букъ. Что обѣщать, если я ничего не знаю.

Валентинъ. Обѣщайте согласиться, милый дядюшка, это необходимо.

Ван-Букъ. Ну, хорошо, обѣщаю.

Валентинъ. Если вы желаете, чтобъ я женился на Сесиль де-Мансъ, для этого есть только одно средство: именно доказать мнѣ, что она никогда не натянетъ мнѣ ту пару перчатокъ, о которой мы говорили.

Ван-Букъ. Какъ-же я могу доказать?

Валентинъ. На это есть разныя вѣроятія, изъ которыхъ легко будетъ сдѣлать выводъ. Вѣдь еслибъ я убѣдился, что ее можно совратить въ 8 дней, то, женившись на ней, я сдѣлалъ бы громадный промахъ.

Ван-Букъ. Конечно; но какія вѣроятія?

Валентинъ. Больше 8 дней я у васъ не прошу. Ни баронеса, ни ея дочь никогда меня не видали. Вы отправляйтесь къ нимъ въ имѣнье и скажите, что, къ вашему великому прискорбію, вашъ племянникъ желаетъ умереть холостякомъ. Я явлюсь вслѣдъ за вами; но вы старайтесь показывать видъ, что не знаете меня. Вотъ все, чего я прошу отъ васъ. Остальное— мое дѣло.

Ван-Букъ. Ты пугаешь меня. Что ты придумалъ? Подъ какимъ-же предлогомъ ты къ нимъ явишься?

Валентинъ. Ужь это мое дѣло. Помните только—вы не знаете меня.

Ван-Букъ. Ты съ ума сошелъ! Что ты выдумалъ? Ухаживать подъ чужимъ именемъ, что-ли? Нашелъ, нечего сказать! Да нѣтъ ни одной сказки, гдѣ бы эти глупости не были терты и перетерты. Ты меня, видно, принимаешь за дядюшку изъ комедіи?

Валентинъ. Я-то? Сохрани меня Богъ! Я принимаю васъ за настоящаго дядюшку, даже больше — за самаго лучшаго изъ всѣхъ существующихъ дядей. Право, пойдемте гулять. Послѣ сытнаго завтрака и маленькой ссоры прогулка на солнцѣ даже очень здорова. Пойдемте. Я вамъ повѣдаю всѣ мои мысли, разскажу всѣ планы. Пока вы будете меня бранить, я стану защищать свой тезисъ; пока я буду говорить, вы станете читать мнѣ мораль. И какая-же должна быть незадача, если намъ не повстрѣчается статная лошадь или хорошенькая женщина, которыя насъ обоихъ не развлекутъ. Мы будемъ разговаривать, не слушая другъ друга; это лучшее средство столковаться. Идемте, идемте. (Занавѣсъ.)

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Изъ Л. Аккерманъ.

Пер. **В. Лихачева.**

I.

Отъѣздъ.

О тяжкій, горькій мигъ! Отчизну покидая,
Какъ страшно я черства и холодна душой!
Ни одного лица, которому-бъ могла я
Послать прощальный взоръ, омоченный слезой!

Кто, скорбью міровой и злобой угнетаемъ,
Изъ сердца и души все доброе изгналъ,
Кто съ человѣчествомъ всѣ узы разорвалъ —
О! тотъ разстанется легко съ родимымъ краемъ.

Но видитъ Богъ, что я хотѣла бы любить
Всѣмъ существомъ своимъ, восторженно и свято;
Хотѣла-бъ жребій свой съ чужимъ соединить
Безъ сожалѣнія, боязни и возврата.

Не думайте-жъ, что мнѣ легко теперь, когда
Всѣ упованія, всѣ грезы золотыя,
Какъ мимолетный дымъ, исчезли безъ слѣда:
И мертвыя сердца страдаютъ, какъ живыя.

II.

Прощаніе съ поэзіей.

Мои стенанія и слезы
Одной лишь мнѣ принадлежатъ
И въ глубину моей печали
Не погрузится чуждый взглядъ.

Непроницаемая тайна —
Удѣлъ страдальческой души;
Свой путь безропотно свершу я
Въ уединеньи и тиши.

Разбита лира — и на-вѣки
Умолкъ ея докучный стихъ:
Мнѣ легче бремя мукъ безмолвныхъ,
Чѣмъ пѣсни громкія о нихъ.

Школа французскихъ импресіонистовъ.

Ст. **Дилетанта.**

Когда, въ 1877 году, молодая школа французскихъ художниковъ — импресіонистовъ устроила въ Парижѣ выставку своихъ произведеній, выставку, которая впервые обратила на нихъ вниманіе парижской публики, то критика почти единогласно осмѣяла ихъ. Впечатлѣніе-же большинства зрителей было, тѣмъ не менѣе, гораздо благопріятнѣе молодымъ художникамъ, искавшимъ съ замѣчательной энергіей новыхъ путей въ искуствѣ. Это впечатлѣніе можно было резюмировать слѣдующимъ образомъ: «импресіонисты» не лишены таланта; они могли бы писать прекрасныя картины, если бы захотѣли работать какъ всѣ, по извѣстной торной дорожкѣ, по рутинѣ; къ несчастью, они всѣми силами стараются надѣлать много шуму, вызвать скандалъ, обратить на себя вниманіе какимъ бы то ни было образомъ. Въ общемъ, благодаря выставкѣ 1877 года, импресіонисты пріобрѣли репутацію людей безпокойныхъ и мало серьезныхъ и эта репутація сохранилась за ними до настоящаго времени, что главнымъ образомъ доказывается насмѣшками, предметомъ которыхъ они не перестаютъ быть.

Извѣстно, что для парижанина насмѣшка — страшное оружіе, убивающее противника на повалъ. Только дѣйствительно сильные люди, натуры богато одаренныя, нравственные атлеты могутъ устоять противъ этого оружія. Это послѣднее случилось именно съ импресіонистами; они не только не погибли подъ градомъ насмѣшекъ, но напротивъ того пріобрѣли въ мірѣ искуства нѣкоторое вліяніе; нашлись любители, которые ихъ оцѣнили, ихъ картины покупаются и въ концѣ концовъ они увѣрены, что побѣдятъ. Въ сущности, ихъ судьба чрезвычайно похожа на судьбу французскихъ белетристовъ-реалистовъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ никто не говорилъ серьезно о Зола. Этотъ романистъ, каждое произведеніе котораго производитъ теперь невѣроятный шумъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ возбуждалъ однѣ лишь насмѣшки; его даже не оспаривали, его просто убивали молчаніемъ; онъ пріобрѣлъ извѣстность писателя, прибѣгающаго къ скабрезнымъ эфектамъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Но настойчивость Зола при несомнѣнномъ талантѣ сдѣлало свое дѣло: два-три романа, въ которыхъ талантъ билъ широкою струей, примирилъ публику съ этимъ эксцентрикомъ; она стала его читать, убѣдилась въ его талантливости, и теперь Зола сдѣлался популярнѣйшимъ писателемъ Франціи. Своей популярностью онъ, впрочемъ, нѣсколько злоупотребляетъ: онъ не довольствуется быть первокласнымъ романистомъ, онъ хочетъ быть еще и главой школы, онъ пишетъ цѣлые трактаты о новомъ направленіи въ искуствѣ, доказывая, что путь, по которому онъ слѣдуетъ, есть истинный путь, а прочее все (напр., Викторъ Гюго и романтики). . прочее все — гиль.

Къ сожалѣнію, импресіонисты слѣдуютъ по его стопамъ съ замѣчательной настойчивостью, гораздо болѣе занимаясь теоріями, чѣмъ практикой искуства. Съ ихъ теоріями случается тоже, что случилось съ теоріями Зола: то, что въ ихъ теоріяхъ есть истиннаго — не ново, а то, что ново — то рѣшительно никуда не годится и принадлежитъ къ числу наивнѣйшихъ заблужденій. Что-же касается собственно ихъ произведеній, то это другое дѣло. Эти произведенія, несомнѣнно, обнаруживаютъ не только талантъ, но и обнаруживаютъ нѣчто совершенно новое, способное къ обновленію искуства. Въ этомъ отношеніи преслѣдованія и насмѣшки, которымъ подвергаются импресіонисты, ровно ничего не доказываютъ. Не мало было споровъ о томъ, можетъ-ли обыкновенная публика, не вооруженная спеціальными знаніями, при эстетическомъ вкусѣ средняго развитія, — можетъ-ли такая публика быть хорошимъ судьей произведеній искуства. На это можно отвѣтить, не боясь слишкомъ грубо ошибиться, что подобная публика — хорошій судья, когда дѣло коснется художественныхъ формъ, уже признанныхъ, извѣстныхъ установившихся рутинныхъ пріемовъ: имѣя дѣло съ знакомыми и всѣми признанными формами, отвѣчающими къ тому-же и большинству вкусовъ, — легко опредѣлить и значеніе содержанія, заключающагося въ нихъ. Но когда эта-же публика встрѣчается лицомъ къ лицу съ идеями совершенно новыми, съ своеобразными пріемами, къ которымъ глазъ еще не привыкъ, когда форма, воплощающая эти идеи, принадлежитъ къ числу необычныхъ и неизвѣстныхъ формъ, то, конечно, публика плохой судья.

Живопись, которая для того, чтобы быть понятной, требуетъ особаго принаровленія органа зрѣнія и извѣстной привычки видѣть изъ-за фактуры личное настроеніе художника, — есть искуство менѣе другихъ доступное толпѣ. Шопенгауэръ класифицировалъ различные роды искуства по степенямъ трудности ихъ пониманія; самымъ легкимъ родомъ онъ признаетъ гимнастовъ, танцоровъ, затѣмъ актеровъ; самыми трудными для пониманія въ его системѣ являются мыслители, а непосредственно передъ ними онъ ставитъ живописцевъ. Справедливость этой класификаціи подтверждается всѣмъ, что мы видимъ ежедневно. Всѣ реформаторы въ искуствѣ (какъ, впрочемъ, и въ жизни) встрѣчались съ недовѣріемъ и насмѣшками. Въ тридцатыхъ годахъ лучшіе цѣнители искуства увѣряли, что Делакруа не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о рисункѣ и что его картины — какая-то мазня, недостойная вниманія. Миллэ упрекали въ томъ, что его пейзажи грубы и циничны и что ихъ нельзя вѣшать въ приличной гостиной. За Коро не признавали даже колорита. Величайшее произведеніе русской живописи, — «Явленіе Христа народу», — встрѣчено въ Петербургѣ было какимъ-то недоумѣніемъ и нужно было болѣе двадцати лѣтъ, чтобы значеніе Иванова выяснилось вполнѣ. Вотъ почему есть возможность предполагать, что если импресіонизмъ не пуфъ, то онъ въ концѣ концовъ восторжествуетъ...

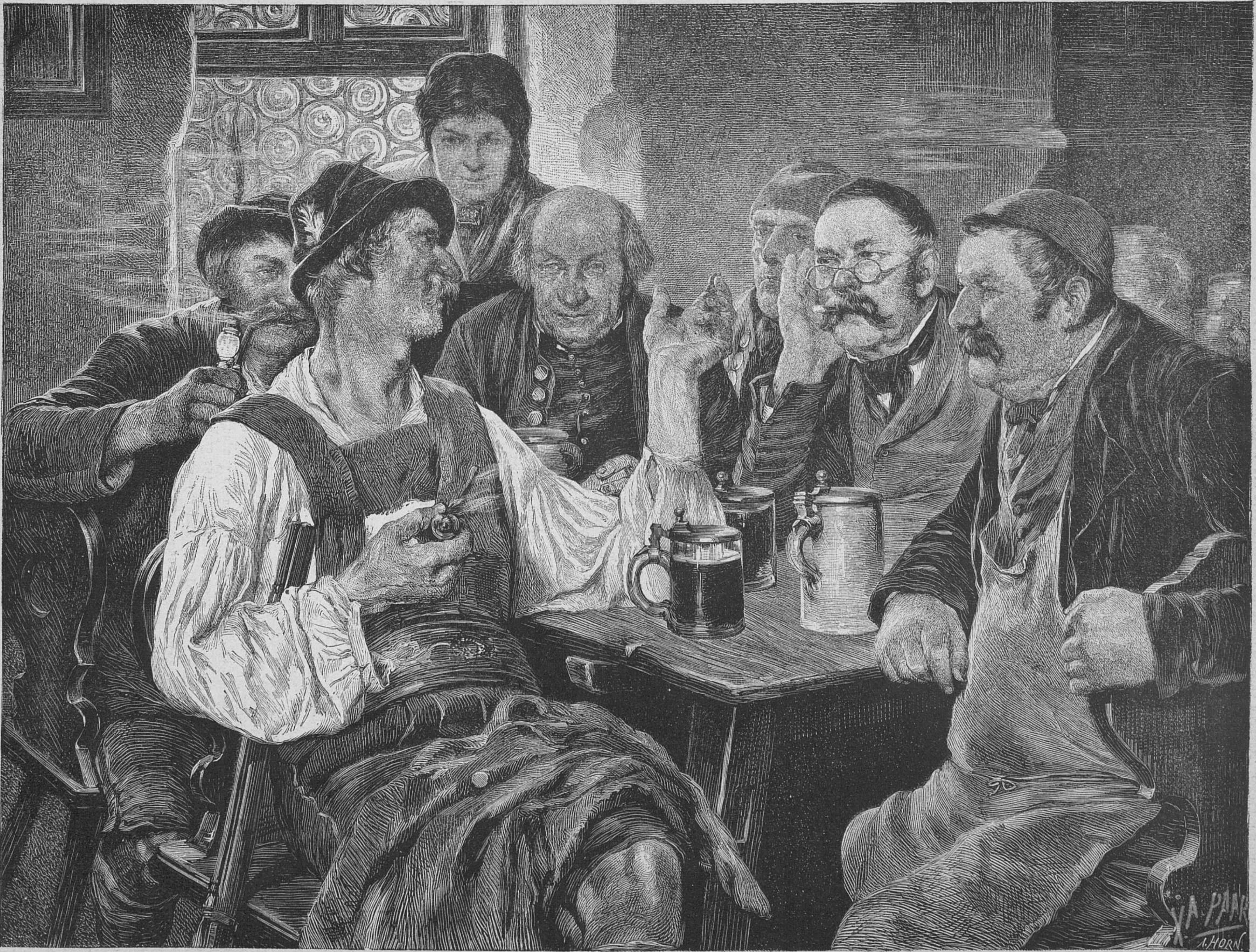
⁂

Вліяніе фотографіи на живопись оказалось въ одно и тоже время и полезнымъ, и вреднымъ. Благодаря фотографіи, художники освободились отъ условности, внесли въ изученіе пластической формы больше точности, однимъ словомъ, они приблизились къ природѣ, сдѣлались искреннѣе. Но съ другой стороны, благодаря фотографіи, мысль художника сдѣлалась лѣнивѣе, рука — менѣе свободной, фактура — сухой и безсодержательной, личное чувство художника, его пониманіе природы уступили въ значительной мѣрѣ безжизненному воспроизведенію формъ. Въ этомъ отношеніи фотографія ввела въ современное искуство новый элементъ, не извѣстный прежде, элементъ, который можно было бы назвать «фотографизмомъ».

Весьма понятно, что эта вредная сторона вліянія фотографіи должна была вызвать реакцію, но странное дѣло, — эта реакція привела современную живопись къ другой новинкѣ, являющейся слѣдствіемъ фотографизма, но въ тоже время и совершенно противоположной ему. Фотографическій снимокъ даетъ моментальное, мгновенное воспроизведеніе предмета, но въ этомъ воспроизведеніи что находимъ мы, кромѣ формы? Нѣчто въ родѣ земного пятна, точный, но мрачный и сухой слѣдъ дѣйствительности. Художники задались цѣлью фиксировать быстрые и блестящіе эфекты свѣта, замѣчаемые въ природѣ, но фиксировать съ такою-же точностью, какъ это дѣлаетъ фотографія по отношенію къ формѣ. Разница заключается только въ томъ, что фотографія есть способъ чисто механическій, между тѣмъ какъ въ искуствѣ произведеніе является результатомъ наблюденія и мысли. Эфекты, которые приходится такимъ образомъ фиксировать на холстѣ, — мимолетны, едва уловимы. Они — слѣдствія постоянныхъ измѣненій въ атмосферическомъ воздухѣ. Дуновеніе вѣтерка приноситъ и уноситъ безпрестанно, съ чрезвычайной быстротой эти минутныя слiянія облаковъ, эти эфемерныя гармоніи цвѣтовъ, которыя организуются и дезорганизуются въ то время, какъ вы ихъ наблюдаете. Такова, въ общемъ, исходная точка импресіонистовъ, что, впрочемъ, и обнаруживается этимологическимъ значеніемъ французскаго ихъ названія. Во всякомъ случаѣ этой школѣ нельзя отказать въ направленіи, достойномъ вниманія. Исходная точка, безъ всякаго сомнѣнія, вѣрна и нова. Всякому понятенъ интересъ, представляемый природой, когда ее наблюдаешь въ подвижности ея формъ, движенія, ея тональностей. Но умѣніе фиксировать впечатлѣнія (impression), представляетъ въ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГУГО КАУФМАНА.

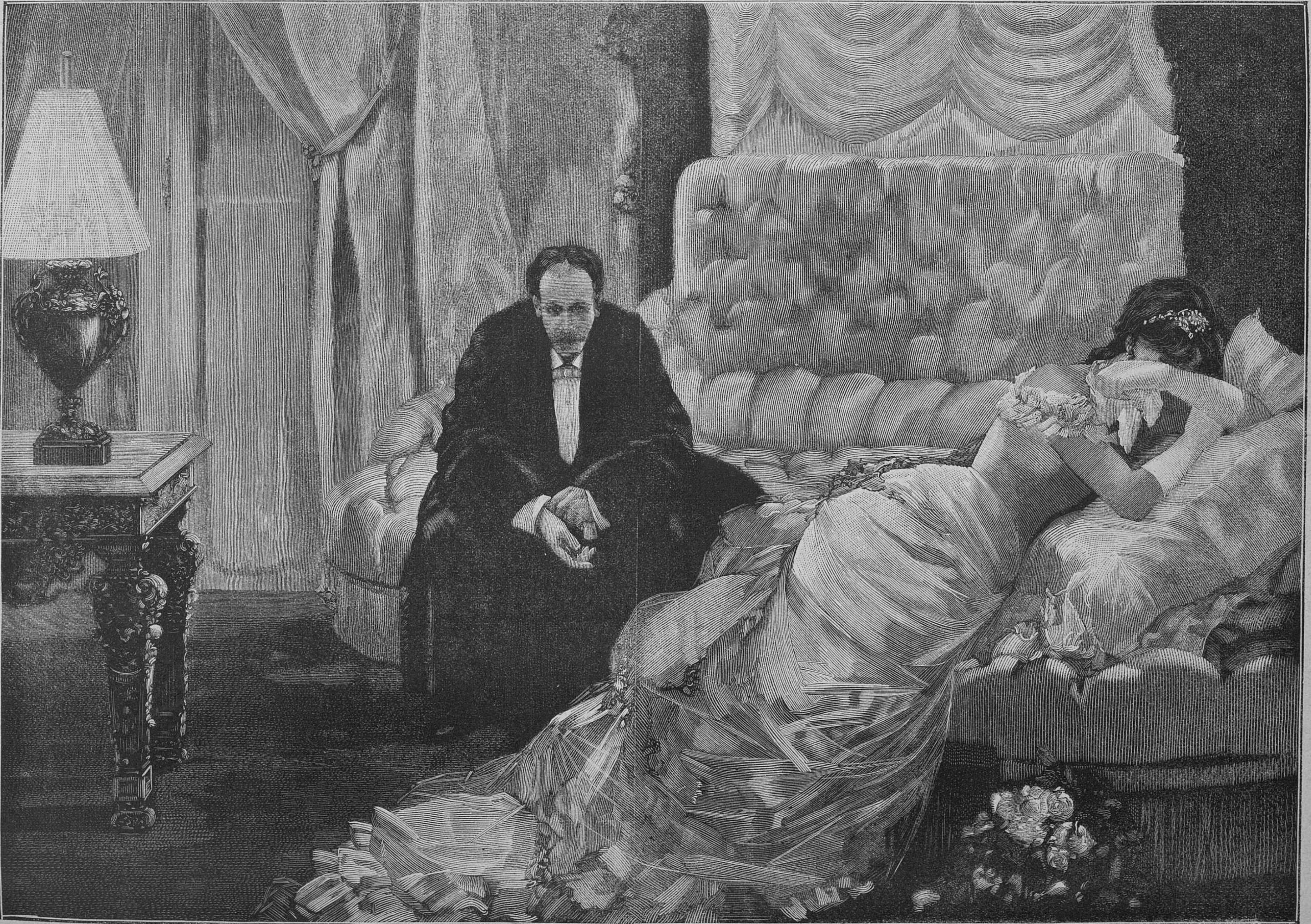

A. PAAR
J. HORN.

За пивомъ.

Рѣзалъ на деревѣ Пааръ.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 Г.

КАРТИНА АНРИ ЖЕРВЕ.



Послѣ бала.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

живописи чрезвычайную трудность и можетъ быть пріобрѣтено только значительнымъ опытомъ. Нельзя сказать, чтобы импресіонисты, даже талантливѣйшіе между ними, побѣдили эти трудности; ихъ попытки по большей части неудачны; но въ этихъ попыткахъ одно рѣзко бросается въ глаза, — отвращеніе къ живописной условности, отвращеніе къ искуственному освѣщенію мастерскихъ. Работать на открытомъ воздухѣ, писать въ воздухѣ, изображать предметы не отдѣльно и изолированно, а въ окружающей ихъ атмосферѣ, — таковы цѣли и задачи импресіонизма.

Само собой разумѣется, что импресіонисты имѣютъ предшественниковъ и ихъ ученіе не болѣе, какъ результатъ правильнаго развитія современной французской школы живописи. Natura non fecit saltum,—въ живописи такъ же мало, какъ и въ другихъ областяхъ. Импресіонисты прямые наслѣдники художниковъ-натуралистовъ, представителями которыхъ во французской живописи можно считать Коро, Курбэ и Манэ. Отъ нихъ импресіонисты заимствовали элементарные пріемы, лепку массами и широкими штрихами; отъ нихъ заимствовали они также работы на открытомъ воздухѣ, чувство не только цвѣтовъ, но и малѣйшихъ оттѣнковъ колорита, тона и, наконецъ, изученіе отношеній, заключающихся между состояніемъ атмосферы и общей тональностью предметовъ, утопающихъ въ этой атмосферѣ.

Курбэ, Манэ и Коро были великими художниками, оставившими безсмертныя произведенія, въ которыхъ природа оживаетъ съ необыкновенной силой. Послѣ нихъ движеніе продолжалось въ томъ-же направленіи. Явились художники, которые, не имѣя, конечно, силы и красоты ихъ исполненія, расширили ихъ формулу, изучивъ болѣе старательно законы свѣта и еще болѣе удалившись отъ школьныхъ рецептовъ. На открытомъ воздухѣ свѣтъ представляется не столько однороднымъ, но являются безчисленные оттѣнки и колебанія, разнообразящіе и радикально измѣняющіе видъ живыхъ и неживыхъ существъ. Это измѣненіе свѣта въ его безконечныхъ оттѣнкахъ и есть то, что названо было болѣе или менѣе удачно «импресіонизмомъ», потому что картина становится такимъ образомъ впечатлѣніемъ (impression) минуты, пережитымъ въ природѣ. Карикатуристы ухватились за это и въ своихъ карикатурахъ стали изображать импресіонистовъ, на лету схватывающихъ впечатлѣнія и тремя-четырьмя ударами кисти заносящихъ ихъ на картину. Надо сознаться, что нѣкоторые импресіонисты оправдали эти нападки, довольствуясь набросками совершенно элементарными. Затрудненія, дѣйствительно, велики. Живописцы долго божились, что невозможно писать на открытомъ воздухѣ, или даже тогда, когда солнечные лучи проникаютъ въ мастерскую. Многіе до сихъ поръ пожимаютъ плечами, видя попытки (часто неудачныя) импресіонистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо знать секреты ремесла, чтобъ понять какія трудности приходится побѣждать, если желаешь уловить природу въ ея смутномъ и перемѣнчивомъ колоритѣ; конечно, гораздо проще и удобнѣе завладѣть свѣтомъ, фиксировать его помощью абажуровъ и сторъ, но только при этомъ природа является условной и искуственной, а импресіонисты задались цѣлью изображать ее въ ея непосредственной правдѣ.

⁂

Кромѣ вліянія художниковъ-натуралистовъ, импресіонисты много заимствовали отъ японской живописи. Трепещущія тѣни японскихъ акварелистовъ, ихъ яркій, непосредственный колоритъ, были настоящимъ откровеніемъ для европейской живописи. У японцевъ оказались простота средствъ и сила впечатлѣнія, поразившія молодыхъ европейскихъ художниковъ и толкнувшихъ ихъ на путь писанія картинъ, полныхъ свѣта и воздуха. Вліяніе японизма было, безъ сомнѣнія, очень полезно въ томъ отношеніи, что отвлекло европейское искуство отъ традицій, черныхъ, грязныхъ красокъ, и вообще отъ условности въ дѣлѣ колорита. Въ своеобразномъ, естественномъ,—если можно такъ выразиться,—колоритѣ и заключается, какъ мнѣ кажется, существенная, характеристическая особенность японизма. Японцы, въ этомъ отношеніи, прежде всего натуралисты и ихъ примѣръ лучше всего доказываетъ, по сравненію, условность нашихъ европейскихъ точекъ зрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, когда вы гуляете на берегу Невы, на Каменномъ или Крестовскомъ островѣ, въ жаркій, ясный лѣтній день, то при малѣйшемъ съ вашей стороны вниманіи васъ поразитъ яркій, веселый, теплый колоритъ природы: желтая или коричневая стѣна деревяннаго дома, яркая бѣлизна каменнаго дома, желтизна дорожки, усыпанной пескомъ, спокойный голубой цвѣтъ рѣки. Сопоставьте теперь это непосредственное, естественное впечатлѣніе съ впечатлѣніемъ, которое вы выносите при взглядѣ на пейзажъ того-же характера. Въ картинѣ вы найдете тоже самое, только умѣренное, обезсиленное, смягченное сѣроватымъ и грязнымъ тономъ. Въ этомъ отношеніи появленіе въ Европѣ японскихъ альбомовъ открыло глаза художникамъ, они впервые убѣдились во очію, что живопись можетъ передавать рѣзкіе свѣтовые эфекты, ничего не теряя въ гармоніи цвѣтовъ, они убѣдились, что на холстѣ художника, какъ и въ природѣ, возможны рѣзко коричневый цвѣтъ желѣзной крыши, яркая бѣлизна стѣны, желтая дорога и голубая вода, безъ всякой примѣси сажи. До появленія японскихъ альбомовъ это казалось невозможнымъ,—художникъ вѣчно и сознательно лгалъ на дѣйствительность. Природа своими яркими тонами ему вѣчно мозолила глаза; онъ вѣчно ослаблялъ колоритъ, купая его въ какомъ-то грязноватомъ общемъ полутонѣ.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ этомъ откровеніи японизма есть много правды и импресіонисты были вполнѣ правы, когда задались цѣлью усвоить себѣ смѣлые пріемы японцевъ, которые доставляютъ возможность передавать на холстѣ яркіе и смѣлые свѣтовые эфекты. Къ сожалѣнію, они слишкомъ увлеклись японизмомъ и стали имъ злоупотреблять. Въ японизмѣ есть свои достоинства, но не слѣдуетъ всюду пихать его; иначе искуство превратится въ игрушку. Мы не можемъ признать за послѣднее слово искуства это слишкомъ наивное упрощеніе искуства, эти любопытныя плоскія тѣни, эту утонченность чертъ и красокъ. Японизмъ только намекъ на искуство, но далеко не самое искуство.

⁂

Усвоивъ себѣ фактуру великихъ французскихъ пейзажистовъ работы на открытомъ воздухѣ, замѣтивъ смѣлый характеръ японскихъ акварелей, передающихъ съ необыкновенной силой свѣтовые эфекты, импресіонисты принялись за работу. Общій характеръ этой работы представляется въ слѣдующемъ видѣ: импресіонистъ ненавидитъ мастерскую; онъ садится на берегу рѣки и принимается писать. Смотря по состоянію неба, углу зрѣнія, времени дня, смотря по погодѣ и состоянію атмосферы, всѣ окружающіе предметы: вода, земля, деревья, трава, зданія,—окрашиваются извѣстнымъ образомъ; этотъ колоритъ быстро мѣняется, потому что быстро мѣняется состояніе неба, солнечные лучи и характеръ воздуха. Импресіонистъ старается уловить эти быстро преходящіе эфекты и заносить ихъ на холстъ. Если небо покрыто тучами, погода дождливая, онъ изображаетъ воду сѣровато-зеленой, тяжелой, мутной и темной; при яркомъ солнцѣ,—вода у него выходитъ блестящей, серебристой, лазурной; при вѣтрѣ—онъ старается изобразить свѣтовые рефлексы, получаемые игрою волнъ; солнце приближается къ горизонту, наступаетъ вечеръ,—импресіонистъ, фиксируя эфекты, свойственные этому моменту, прибѣгаетъ къ желтому и красному колориту... Но тутъ публика начинаетъ улыбаться; ей кажется страннымъ красный цвѣтъ солнечнаго отраженія въ водѣ.

Тѣмъ не менѣе, импресіонистъ не смущается; наступаетъ зима, появляется снѣгъ. Онъ замѣчаетъ, что при солнечномъ освѣщеніи тѣни, получающіяся на снѣгѣ, имѣютъ голубой отливъ и вотъ въ качествѣ ярого японца онъ изображаетъ голубыя тѣни... Публика хохочетъ.

Но и этотъ хохотъ его не смущаетъ; извѣстная глинистая почва принимаетъ лиловые оттѣнки; замѣтивъ это, импресіонистъ наводняетъ свой пейзажъ лиловой краской. Тутъ ужь публика начинаетъ ругаться и издѣваться.

При лучахъ лѣтняго солнца, въ рефлексахъ зелени онъ видитъ, что тѣло и платье очень часто принимаютъ лиловую окраску,—и вотъ безстрашный, ничѣмъ не смущающійся импресіонистъ, вѣрующій только своимъ впечатлѣніямъ, изображаетъ лиловыхъ людей подъ тѣнью деревьевъ. Тогда публика рѣшительно выходитъ изъ себя, критики показываютъ кулаки несчастному художнику, всячески ругая его. Импресіонистъ протестуетъ, увѣряетъ въ своей искренности, заявляетъ, что онъ пишетъ только то, что видитъ; не виноватъ-же онъ, если видитъ, напримѣръ, лиловыхъ людей, что онъ всегда вѣренъ природѣ. Но публика и критики не слушаютъ его; они не спрашиваютъ себя: дѣйствительно-ли изображеніе художника отвѣчаетъ тому, что онъ видитъ. Они знаютъ только одно: что импресіонисты вносятъ на свои картины то, чего не находится на картинахъ другихъ, признанныхъ ими художниковъ. Inde ira.

Такова, обыкновенно, роль извѣстной эстетической рутины. Разъ установившійся взглядъ не легко устранить. Публика не вѣритъ своимъ глазамъ, когда ее ставятъ передъ иными картинами, написанными на открытомъ воздухѣ, въ извѣстные часы. Она глядитъ, разиня ротъ на голубую траву, лиловую землю, красныя деревья, на воду, окрашенную всѣми цвѣтами призмы. И въ самомъ дѣлѣ, что за чепуха? Кто не знаетъ, что трава зеленая, а нисколько не голубая?.. А между тѣмъ, художникъ не лжетъ; онъ, быть можетъ, преувеличиваетъ вслѣдствіе реакціи рѣзкость тоновъ, которые подмѣтилъ его глазъ, но, въ сущности, наблюденіе его вѣрно: въ природѣ не существуетъ чисто условной простоты, приписываемой ей традиціями школы. Отсюда смѣхъ толпы, глазѣющей на картины импресіонистовъ, не смотря на совершенную добросовѣстность и наивныя усилія молодыхъ художниковъ. Ихъ считаютъ шутниками, шарлатанами, насмѣхающимися надъ публикой, тогда какъ напротивъ того, они серьезные и убѣжденные наблюдатели, не желающіе ходить по торной дорожкѣ рутиннаго искуства.

Въ оправданіе публики и критики можно, однакожъ, сказать, что господа импресіонисты очень часто наивничаютъ; если можно и слѣдуетъ хвалить ихъ энергическія усилія освободиться отъ живописной условности, то нельзя не замѣтить, что они слишкомъ злоупотребляютъ своею смѣлостію; они дѣйствительно японцы, не только по пріемамъ, но и по характеру, японцы не только въ хорошемъ смыслѣ этого слова, но и въ дурномъ: они наивно преувеличиваютъ эфекты, неумѣло и дѣтски вводятъ въ картину пестроту и смѣсь всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ тоновъ; гоняясь за вѣрной передачей впечатлѣній, они, не замѣчая, утрируютъ эти впечатлѣнія и вслѣдствіе того ихъ картины напоминаютъ уже не японскія акварели, а просто дѣтскія раскрашенныя картинки или лубочныя изображенія. Смѣлость въ искуствѣ вещь прекрасная, но ею, какъ и всѣми другими свойствами человѣческой натуры, не слѣдуетъ злоупотреблять.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Испуганная Марго побѣжала по всему дому, зовя на помощь. Оливье и капитанъ выбѣжали изъ своихъ комнатъ, наскоро набросивъ на себя платье. Марго, въ двухъ словахъ, разсказала имъ о случившемся и капитанъ остановилъ Оливье, направлявшагося къ комнатѣ Элизы.

— Позвольте, г. де-Мейранъ, сказалъ онъ,— ваше мѣсто не тамъ. Мнѣ она приходится сестрой, почти дочерью; вы-же совсѣмъ другое дѣло.

Сказавъ это, онъ вошелъ въ сопровожденіи Марго въ комнату Элизы. Она лежала на полу, въ ночномъ пеньюарѣ, холодная и безжизненная; но трепещущая грудь ея показывала, что она дышетъ и, стало быть, внѣ опасности. Старый солдатъ, сильно взволнованный, взялъ ее на руки и положилъ на постель; потомъ, съ нѣжностью отца, приподнялъ ея голову и расправилъ на лбу волосы.

— Элиза! Элиза! что съ тобою, дитя мое? Ты не одна, съ тобою друзья; тебѣ нечего бояться. Что случилось?

Молодая женщина открыла глаза, силясь улыбнуться, чтобы поблагодарить капитана; но взглядъ ея искалъ кого-то позади него. Марго смекнула, кого она ищетъ, и пошла отворить дверь. Въ комнату вошелъ Оливье, стоявшій за дверью въ тоскливомъ ожиданіи. Увидя его, Элиза стала спокойнѣе.

Марго дала ей понюхать спиртъ и намочила ей виски.

— Что случилось? Ради Бога, что съ нею? спрашивалъ Оливье капитана.

— Почемъ я знаю? отвѣчалъ тотъ.—Вѣдь у женщинъ вѣчно что-нибудь такое.

— Прочтите письмо, которое лежитъ на коврѣ, г. маркизъ, сказала горничная.

Мужчины переглянулись.

— Траурное!

Оливье поднялъ письмо. Между тѣмъ Элиза приходила понемногу въ себя и когда сознаніе совсѣмъ возвратилось къ ней, она горько зарыдала. Оливье, съ письмомъ въ рукѣ, мучимый тревогой, стоялъ, наклонившись надъ нею.

— Элиза, опять слезы? Что съ вами? Отвѣтьте мнѣ хотя одно слово.

Молодая женщина горько улыбнулась и тихо сказала, прерывающимся отъ слезъ голосомъ:

— Вы уже знаете... увы! мое горе должно васъ радовать.

— О, Элиза! что вы говорите?

— Правду! сказала она, сдерживая рыданія; но тутъ-же, предавшись своему горю, залилась слезами.

— Мой бѣдный малютка! Нѣтъ его болѣе у меня.. О мой бѣдный мальчикъ...

— Бѣдный мальчикъ! воскликнулъ капитанъ и грустно опустилъ голову, въ знакъ уваженія къ смерти.

— Ваше дитя!.. бѣдная Элиза!

Молодая женщина остановила на лицѣ маркиза пристальный взглядъ; казалось, она хотѣла прочесть на немъ его мысли. Нужно отдать справедливость Оливье: въ эту минуту онъ искренно сочувствовалъ ея материнскому горю. Онъ видѣлъ въ ней только женщину, подавленную смертью ея ребенка, и Элиза, понявъ это, почувствовала значительное облегченіе. Но сочувствіе молодого человѣка къ ея горю не могло продолжаться долго; невольно явилась мысль, что смерть ребенка уничтожила поводъ къ мучительнымъ сомнѣніямъ. Будущность прояснилась; горизонтъ сталъ чище; этотъ ребенокъ могъ сдѣлаться причиной усложненія, могъ быть препятствіемъ на пути въ борьбѣ Оливье съ врагами. Само собою разумѣется маркизъ скрылъ эти мысли, промелькнувшія въ его умѣ.

Элиза продолжала плакать, сидя на постелѣ, а друзья ея стояли вокругъ и молчали изъ уваженія къ ея горю. Марго, наклонившись къ ней, старалась утѣшить ее и только одна она могла разслышать монологъ, который шептала, сквозь рыданія, молодая женщина.

— Бѣдный малютка... Я ненавидѣла тебя, пока ты не родился; я стыдилась тебя, но когда ты родился, когда я услыхала твой первый крикъ,—все существо мое перевернулось и я узнала чувство, о которомъ не имѣла до тѣхъ поръ никакого понятія. Я сказала себѣ, что ты мой, только мой, и прильнула къ тебѣ всей душой... Бѣдняжка! ты былъ обреченъ несчастью; ты стоилъ мнѣ слезъ, страданій!.. Но зачѣмъ ты явился на свѣтъ, если тебѣ было суждено, бѣдному малюткѣ, только страдать и такъ рано умереть?. Твоя-ли вина, что ты былъ плодомъ преступленія? Тебя-ли, насъ-ли съ тобой слѣдовало наказать?..

Бѣдная женщина обливалась слезами.

— Теперь ей легче; слезы облегчили ее, шепнула Марго капитану и маркизу.—Вы можете уйдти, а я останусь съ нею и постараюсь успокоить ее.

— Это правда, сказалъ капитанъ,—уйдемъ теперь отсюда.

Оливье ничего не отвѣчалъ; подойдя къ постели, онъ опустился на колѣни и, взявъ руку молодой женщины, нѣжно поцѣловалъ ее и съ чувствомъ сказалъ:

— Будьте тверды, Элиза; я слишкомъ понимаю ваше горе, чтобы утѣшать васъ; но будьте тверды; не поддавайтесь такому отчаянію.

Она покачала головой и еще пуще разрыдалась. Капитанъ и Оливье сочли за лучшее удалиться. По уходѣ ихъ, Элиза спросила у горничной письмо, въ которомъ подробно описывалась смерть ея ребенка; она прочла его вслухъ, ежеминутно прерывая рыданіями, и наконецъ съ нею сдѣлался новый истерическій припадокъ.

— Что я сдѣлала? кричала она.—За что мнѣ столько страданій?.. Я никому не дѣлала зла... или я проклята!..

И она судорожно каталась по изголовью. Марго, глубоко потрясенная этимъ горемъ, плакала вмѣстѣ съ нею, не находя словъ для ея успокоенія. Она ухаживала за нею съ материнскою нѣжностью, утирала ея слезы, расправляла ея волосы и твердила:

— Успокойтесь, голубушка... Бѣдный мальчикъ! нельзя не жалѣть его, но зачѣмъ-же такъ убивать себя. Довольно одного...

— Оставьте меня, сухо сказала Элиза.

Впродолженіи цѣлаго часа, пока Марго прибирала въ комнатѣ, Элиза рыдала, уткнувшись лицомъ въ подушку. Вдругъ она лихорадочно вскочила, откинула назадъ волосы, вытерла глаза и встала съ постели.

— Я проклята, я буду страдать всю жизнь... Лучше пойдти на встрѣчу всему...

Она надѣла платье, которое подала ей Марго, и сказала:

— Передайте Оливье, что мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

Нельзя было долѣе колебаться въ виду положенія дѣлъ, которое могло каждый день привести къ катастрофѣ. Нужно было предупредить новыя усложненія.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Оливье; у него былъ озабоченный видъ.

— Что съ вами, Элиза? Вамъ хуже?

— Нѣтъ, Оливье; у меня твердый характеръ. Я столько страдала, что выучилась терпѣнію. Правда, этотъ новый ударъ очень жестокъ; я не ожидала его. Онъ лишилъ меня моего единственнаго утѣшенія. Небо не хотѣло оставить мнѣ его. Но должно быть, мнѣ суждено вѣчно страдать; несчастье идетъ за мною по пятамъ точно какое-то проклятіе, прибавила она съ горечью.

— Элиза, не говорите этого, вы раздираете мнѣ душу.

— Но вы видите, я тверда. Я не плачу. У меня нѣтъ больше моего ребенка, а я не плачу я съ вами бесѣдую. Говорю вамъ, что я привыкла къ несчастьямъ. Мало того: я сама иду на встрѣчу имъ, поэтому и хочу поговорить съ вами.

— Успокойтесь, Элиза; это нервы говорятъ въ васъ. Отложимъ этотъ разговоръ до другого раза.

— Нѣтъ, я пойду до конца. Сядьте сюда, противъ меня, Оливье, чтобы я могла читать вашу мысль на вашемъ лицѣ.

Маркизу было тяжело и непріятно видѣть молодую женщину въ такомъ нервномъ состояніи. Но противиться настойчивой волѣ, которую она обнаружила, не было возможности. Оставалось покориться; сопротивленіе могло усилить кризисъ. Оливье сѣлъ возлѣ Элизы. Она была жалка въ эту минуту; руки ея судорожно сжимались; все тѣло вздрагивало; въ глазахъ былъ странный блескъ. Помолчавъ нѣсколько секундъ, она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы подавить слезы, которыя сдавливали ей горло.

— Пока мое дитя было живо, сказала она,— я не смѣла побуждать васъ отомстить за преступленіе, жертвой котораго я сдѣлалась; какъ-бы ни былъ низокъ и преступенъ отецъ моего ребенка, но я опасалась, что если я сдѣлаюсь причиной гибели этого человѣка, то сынъ потребуетъ отъ меня когда-нибудь отчета въ этой мести. Но теперь у меня нѣтъ сына и отъ преступленія его отца не осталось ничего, кромѣ моего позора...

— Не говорите этого; вы были жертвой...

— Жертвой, это правда, подтвердила она съ горечью,—но сознайтесь чистосердечно, что мысль объ этомъ мучила васъ болѣе всего въ нашихъ планахъ будущаго. Вы видѣли въ ребенкѣ препятствіе къ нашему браку.

Оливье молчалъ.

— Такъ? Сознайтесь, продолжала Элиза.— Умоляю васъ, отвѣчайте мнѣ также искренно, какъ я съ вами говорю.

— Да, это было серьезнымъ затрудненіемъ для меня.

— Вотъ, видите!..

— Но ужь если такъ, то дайте мнѣ все высказать. Вы будете моей женой, Элиза; но, знайте, я не потерплю, чтобы какой-бы то ни было мужчина въ мірѣ могъ указать на васъ пальцемъ, когда вы пойдете рядомъ со мною, и сказать о маркизѣ де-Мейранъ: «Я обладалъ этой женщиной»... Такъ какъ ребенка вашего нѣтъ болѣе, то не будемъ растравлять ваше горе, говоря о немъ. Но кто могъ-бы поручиться въ томъ, что гнусное преступленіе, которое дало жизнь бѣдному малюткѣ, не отозвалось-бы тяжело на его будущности?.. Впрочемъ, повторяю, оставимъ это; скажите, о чемъ вы желали поговорить со мной?

— Я именно и желала поговорить съ вами объ отцѣ моего ребенка.

— Объ этомъ презрѣнномъ Матье де-Тальи?

— Нѣтъ; у этого и безъ того довольно преступленій на совѣсти. Я узнала, наконецъ, всю истину... Виновникъ не Матье; мнѣ было суждено испытать самыя крайнія униженія. Поэтому-то я и хотѣла говорить съ вами откровенно, прежде, чѣмъ вы станете искать случая наказать этого человѣка. Вы еще можете отступиться, если хотите.

— Скажите мнѣ, скажите скорѣе, кто онъ?

— Первый любовникъ Орели.

— Не можетъ быть!

— Это несомнѣнно. Какъ ни тяжело разсказывать объ этомъ, но я должна все сказать вамъ. Выслушайте и, повторяю вамъ, вы свободны; вы можете отказаться отъ меня и я не буду въ правѣ пенять на васъ.

— Не говорите этого, Элиза... бѣдная, святая жертва! Вы довольно страдали, чтобы заслужить право на счастье.

Наступила минута молчанія. Элиза собиралась съ мыслями, а Оливье, сидѣвшій съ нею рядомъ, взялъ ея руку и нѣжно смотрѣлъ ей въ глаза, поощряя ее этимъ взглядомъ къ откровенности.

— Я уже говорила вамъ, начала она, — какъ я едва не сдѣлалась жертвой Матье де-Тальи, когда я пришла просить его о снятіи печатей съ имущества де-Фаржа. Я была ошеломлена, разбита вынесено мною возмутительной сценой... По возвращеніи въ Пасси, я разсудила, что съ моей стороны глупо не занимать квартиры, которая принадлежала мнѣ и гдѣ я была-бы окружена воспоминаніями о человѣкѣ, который былъ моимъ первымъ другомъ. Поэтому, возвратившись, я рѣшилась тотчасъ же перебраться изъ мансарды въ квартиру Аристида... Я такъ и сдѣлала.

Она на минуту остановилась, но нѣжное пожатіе руки придало ей бодрость продолжать.

— Странное чувство внушаетъ намъ смерть! Мнѣ кажется, что въ эту минуту я испытываю тоже самое, что и тогда. Входя въ комнату, я чувствовала себя твердой и рѣшительной. Мнѣ было какъ-то неловко, но я старалась подавить это чувство, находя его смѣшнымъ. Я легла спать. Тутъ пошло совсѣмъ другое. Горѣвшая лампа, освѣщая всѣ предметы, усиливала мой страхъ; я потушила ее, но мнѣ стало еще страшнѣе. Мнѣ казалось въ потьмахъ, что стѣнныя драпировки колеблются и изъ каждаго угла выступаютъ привидѣнія. Стояла нестерпимая жара и я оставила окно полуоткрытымъ; но при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, колебавшемъ оконныя гардины, мнѣ казалось, что онѣ принимаютъ странныя формы... Словомъ, я боялась. Тщетно прятала я голову подъ простыню, — мнѣ все чудилось, что обширный альковъ наполненъ привидѣніями. Тогда, на свое несчастье, я вспомнила, что въ столикѣ, стоявшемъ у постели, лежатъ лепешки... Де Фаржъ часто страдалъ и, чтобы успокоить боли и заснуть, употреблялъ эти лепешки, — кажется, изъ хлорала. Обезумѣвъ отъ страха, я съѣла ихъ нѣсколько. Дѣйствіе ихъ не заставило себя ждать и я заснула мертвымъ сномъ. Въ эту самую ночь, въ отворенное окно, проникъ въ комнату одинъ человѣкъ... Остальное понятно.

— Боже! и этотъ мерзавецъ...

— Послѣдній изъ негодяевъ... воръ. Это онъ укралъ письма, которыя мы потомъ нашли; онъ же укралъ, вѣроятно, и деньги, такъ какъ чиновники, явившіеся снять печати, были удивлены, не найдя у де-Фаржа наличныхъ денегъ.

— Но какъ вы узнали все это?

Элиза передала разговоръ, слышанный ею изъ за двери своей комнаты въ трактирѣ тетки Маделены, — разговоръ, открывшій ей, что она была жертвой любовника ея сестры.

— Теперь, прибавила Элиза, — вамъ все извѣстно... и вы свободны.

— Вы съ ума сошли, Элиза! Въ чемъ-же это можетъ измѣнить наши планы? Нужно наказать этого негодяя; мы должны найдти его; но чрезъ кого?

— Въ этомъ могутъ помочь три человѣка.

— Кто?

— Во-первыхъ, Орели; но отъ нея трудно будетъ узнать что-нибудь.

— А можетъ быть... Кто-же другіе?

— Тетка Маделена, трактирщица въ Пюто, у которой этотъ негодяй довольно долго жилъ, и, пожалуй, Эмиль Обле.

— Да, нужно повидаться съ этимъ Обле; онъ можетъ быть намъ полезенъ.

— Я пошлю за нимъ сегодня Марго. Вы знаете, что мы можемъ положиться на него; но нужно поговорить прежде съ капитаномъ.

— Я берусь за это... Теперь, Элиза, вы должны успокоиться. Положитесь на насъ. У васъ свое великое горе. Плачьте, вамъ нужно выплакать его. При такой потерѣ, утѣшенія неумѣстны. Плачьте, но помните, если это можетъ облегчить васъ, что вашъ другъ всегда съ вами, что онъ любитъ васъ и скоро будетъ вашимъ мужемъ.

Элиза, со слезами на глазахъ, бросилась въ объятія Оливье, который держалъ ее нѣсколько минутъ, покрывая поцѣлуями ея лобъ и нѣжно гладя ея мягкіе волосы.

— Не приходите-же въ отчаяніе, Элиза. Будьте тверды.

— Буду, буду. Вы такъ добры!

— Скоро это тяжелое для насъ время минуетъ и всѣ ваши несчастья будутъ заглажены.

Элиза ничего не отвѣчала; она плакала. Оливье поцѣловалъ ее и, понимая, что слезы будетъ лучшимъ облегченіемъ послѣ такого напряженнаго состоянія, ушелъ, сказавъ ей:

— До свиданія, Элиза... мужайтесь.

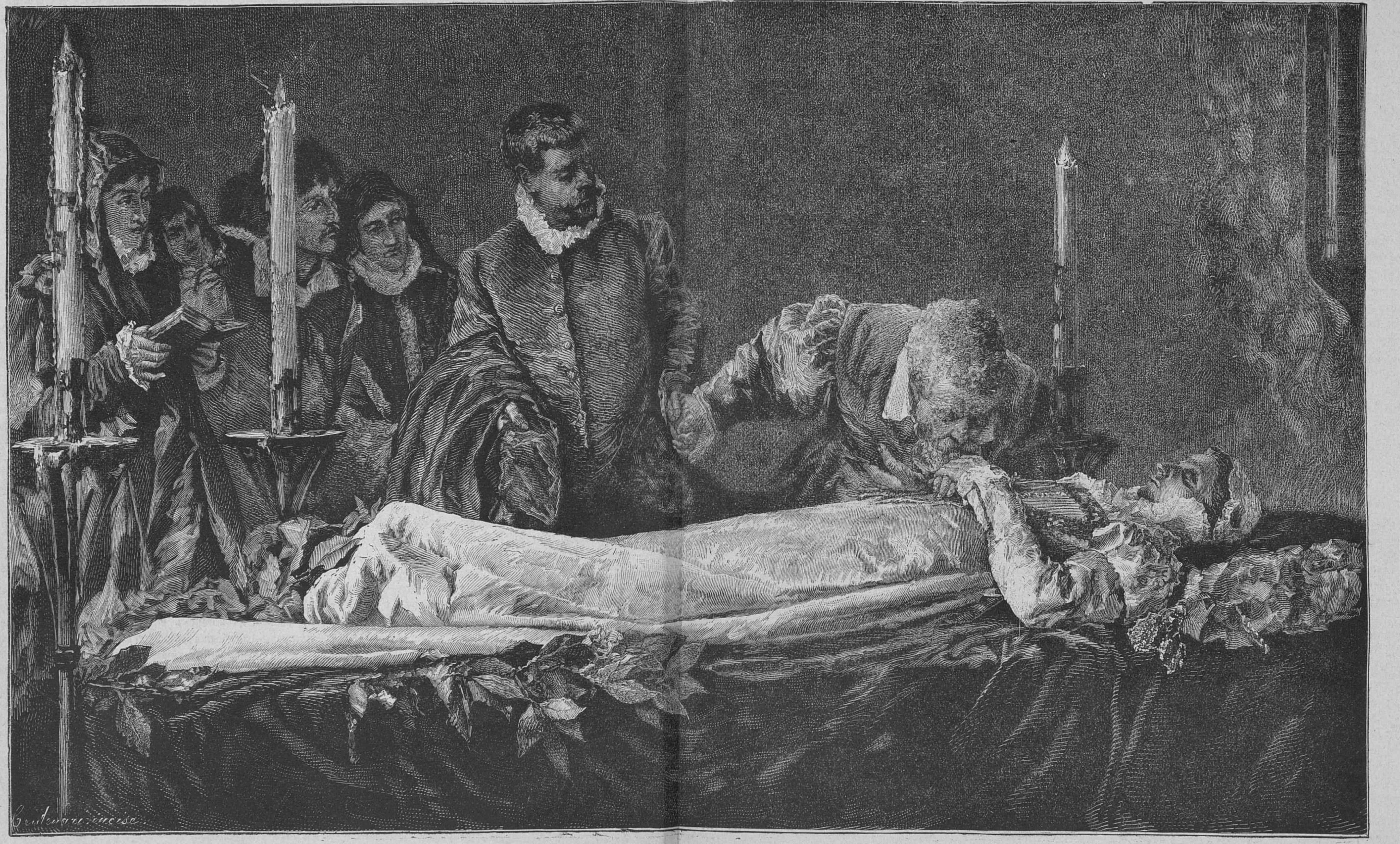
Оставшись одна, молодая женщина упала на колѣни возлѣ своей кровати и, закрывъ руками лицо, горько зарыдала:

— Бѣдное, бѣдное дитя мое! Неужели я должна купить мое счастье твоею жизнью?..

Часа черезъ два послѣ того, вошедшая Марго нашла свою госпожу все въ томъ-же положеніи и почти раскричалась на нее, чтобы принудить ее сойдти къ завтраку въ общую столовую.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ 1880 Г.


Centenari incise.

Микель Анджело у гроба Викторіи Колонна. КАРТИНА ФРАНЧЕСКО ДЖАКОВАЧИ.

Стефенъ Митчель.

Повѣсть изъ флоридской жизни **М-съ Робинзъ**.

Переводъ **А. А. Разсказовой**.

Глава II.

Утро выдалось благопріятное для сбора розъ. «Собранный мною букетъ могъ исцѣлить всякаго больного», подумала я и довольная успѣхомъ отправилась назадъ. У самыхъ городскихъ воротъ разбросано нѣсколько старыхъ полуразрушенныхъ домиковъ. Они населены преимущественно выходцами изъ Минорки, о поселеніи которыхъ разсказываютъ чрезвычайно трогательную исторію. Какой-то испанскій авантюристъ ложными обѣщаніями сманилъ ихъ бросить родину и переселиться въ новый свѣтъ; когда-же они очутились вдали отъ друзей и совершенно въ его власти, онъ перемѣнилъ тактику, довелъ ихъ до состоянія личнаго рабства и подвергъ ихъ жестокому религіозному преслѣдованію. Долго терпѣли они; наконецъ, возмутились и переселились въ Сент-Огюстенъ, который въ то время уже не принадлежалъ Испаніи, и живутъ здѣсь до сихъ поръ, робко, пугливо выглядывая изъ своихъ дверей и оконъ. Ихъ грустныя лица служатъ постояннымъ протестомъ противъ вѣроломства, разбившаго ихъ счастіе. Живя въ этихъ полуразрушенныхъ домикахъ, они сами составляютъ какъ бы часть развалины безъ того интереса, который присущъ камню или дереву. Въ одномъ изъ этихъ домишекъ съ сломанной, живописно изогнутой верандой, мое вниманіе было привлечено колеблющейся оконной занавѣской. Казалось, кто-то поспѣшно задернулъ ее, вѣтеръ-же, подхвативъ, приподнялъ, открывая такимъ образомъ внутренность комнаты. У самаго окна блѣдный съ еще болѣе голодными глазами сидѣлъ мой больной юноша. Приподнялъ-ли онъ занавѣску, чтобы взглянуть на меня? Могла-ли я, должна-ли я остановиться и дать ему розу? Цѣль моей прогулки была собрать для него букетъ, а между тѣмъ при представившейся возможности передать этотъ букетъ я колебалась, я даже сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ; но тотчасъ-же возвратилась и подошла къ окну; выбравъ самую крупную золотистую розу, я протянула ее къ нему.

— Едва-ли въ цѣломъ свѣтѣ найдутся розы красивѣе этихъ, сказала я.—Позвольте подѣлиться съ вами... Право-же я принесла ихъ нарочно для васъ, закончила я, замѣтивъ его колебаніе.

Краска, быстро покрывшая его лицо, еще быстрѣе исчезла, оставивъ послѣ себя мертвенную блѣдность, такъ что когда онъ, принимая цвѣты, нечаянно дотронулся до моей руки, мнѣ показалось, что это холодная рука мертвеца. Затѣмъ послѣдовала улыбка, чуть замѣтная, нѣжная, прелестная улыбка, которая появляется на лицѣ только въ унисонъ съ сердцемъ.

— Очень, очень благодаренъ вамъ, сказалъ онъ тихимъ, торопливымъ голосомъ.—Какъ прелестна эта роза!

Мнѣ хотѣлось дать ему всѣ мои розы, но я чувствовала, что этого дѣлать не слѣдуетъ; мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ, спросить его: удобно-ли ему? есть-ли у него все, что требуется для больного? есть-ли у него здѣсь друзья? не придетъ-ли онъ въ нашъ уютный домикъ, которому мы успѣли придать обстановку нашего далекаго сѣвера? не могу-ли я быть чѣмъ-нибудь ему полезна? Но я только прибавила золотистый цвѣточекъ, сорванный мною на городскихъ воротахъ, говоря, что этотъ цвѣтокъ можетъ быть пріятнымъ подаркомъ въ письмѣ къ друзьямъ. Затѣмъ, круто повернувшись, я черезъ нѣсколько минутъ ворвалась въ комнату мужа съ восклицаніемъ;

— Я нашла его и дала ему розу!

— Не мѣшало-бы мнѣ знать, кого ты нашла, и къ чему такое волненіе по поводу подаренной розы, отвѣчалъ мужъ.

— Ну, тому больному молодому человѣку. Если бы ты видѣлъ его такъ, какъ я, ты, конечно, почувствовалъ-бы тоже, что и я.

Прошло нѣсколько дней; я не видала, не слыхала, да правду сказать и не думала о моемъ больномъ. Быть можетъ, во мнѣ жило сознаніе, что я сдѣлала все, что могла, даже болѣе, чѣмъ другія сочли бы нужнымъ, для совершенно незнакомаго человѣка;—я погрузилась въ старую жизнь, въ которой онъ не занималъ никакого мѣста.

Разъ подъ вечеръ мы съ мужемъ направились по обыкновенію къ морской стѣнкѣ, представляющей удобную для прогулки, гранитную дорожку, возвышавшуюся надъ глубокимъ пескомъ, который вездѣ, куда-бы вы ни пошли, затрудняетъ шаги. Стѣнка эта возведена для защиты города отъ высокихъ, иногда очень разрушительныхъ приливовъ. Она представляетъ крѣпкую преграду волнамъ. Мы никогда не уставали сидѣть на этой стѣнкѣ, смотрѣть вдаль на низкія, каменныя строенія, обращенныя въ службы, со сводами для дверей, выступающими впередъ окнами, мундирами на граціозныхъ балконахъ и развѣвающимися флагами. Конечно, сравнительно съ европейскими укрѣпленіями, въ этомъ фортѣ не было ничего грознаго или величественнаго; но для насъ, болѣе склонныхъ къ миру, чѣмъ къ войнѣ, длинные ряды пушекъ подъ чистыми холщевыми чехлами, часовые, мѣрно расхаживающіе взадъ и впередъ, лагерь изъ бѣлыхъ палатокъ и солдаты, разсыпанные повсюду, составляли праздничное зрѣлище. Если этой картинѣ не доставало величавости,—сѣрый фортъ съ избыткомъ выкупалъ недостатокъ. Построенный въ XVI столѣтіи, онъ занималъ единственное въ этомъ краѣ господствующее положеніе и сразу могъ защищать и море и сушу, какъ и слѣдуетъ хорошему форту; онъ, вмѣстѣ съ древними воротами, составлявшими когда-то часть окружавшей его стѣны, представляетъ живописную картину, какую рѣдко можно встрѣтить на американской почвѣ. Старинный подъемный мостъ, поросшіе травой рвы, темно-сѣрыя разрушающіяся стѣны, увитыя виноградной лозой и испещренныя пучками мелкихъ цвѣтовъ, широкіе валы, освѣщенные солнцемъ Флориды и поверхъ всего улыбающееся небо Флориды; а внизу съ шумомъ разбивающіяся о древній фортъ еще болѣе древнія волны;—чего-же лучше! Въ то время, какъ я была тамъ, въ фортѣ жило до 70 индѣйцевъ, взятыхъ въ плѣнъ. У большинства изъ нихъ вмѣсто всякой одежды были только широкіе пояса вокругъ бедеръ, а въ длинныхъ черныхъ волосахъ вплетены скальпы убитыхъ ими враговъ. Казалось невѣроятнымъ, что въ XIX столѣтіи въ христіанской цивилизованной странѣ, какъ Америка, могли жить человѣческія существа на столь низкой ступени развитія, но я съ радостію прибавлю, что перемѣна, происшедшая въ нихъ послѣ шестимѣсячнаго пребыванія, составляетъ также одно изъ чудесъ этого столѣтія. Подходя сегодня вечеромъ къ форту Маріонъ, мы встрѣтили нѣсколько индѣйцевъ въ солдатскихъ мундирахъ Соединенныхъ штатовъ съ обрѣзанными волосами, составлявшими прежде ихъ славу и гордость. Проходя мимо насъ по узкой морской стѣнкѣ, каждый изъ нихъ приподнялъ свою шляпу легко и граціозно. Готовность, съ которой индѣйцы подчиняются военной дисциплинѣ, и желаніе всему научиться по истинѣ изумительны. Они быстро учатся читать и писать и очень трудолюбивы. Только вечерняя перекличка, на которую они обязаны являться, послѣ чего ихъ запираютъ въ казармахъ на ночь, напоминаетъ имъ, что они плѣнники.

У форта мы увидѣли толпу народа и я вспомнила, что сегодня день стрѣльбы изъ лука. Нѣсколько молодыхъ дѣвицъ, незнавшихъ какъ убить время, стали брать уроки стрѣльбы изъ лука у индѣйцевъ. Многіе, конечно, тоже незнавшіе какъ убить время, являлись смотрѣть на забаву. Ничто насъ здѣсь не привлекало и мы направились вокругъ форта къ мѣсту обыкновенно мало посѣщаемому. Однако въ этотъ разъ, подойдя къ скамейкѣ, нашли ее уже занятой молодымъ человѣкомъ, въ которомъ я тотчасъ-же узнала моего больного. Неожиданность встрѣчи дала мнѣ право первой поклониться и заговорить съ нимъ какъ со старымъ знакомымъ.

— Я рада, что вижу васъ здѣсь, сказала я,—живительный морской воздухъ придастъ вамъ силы; здѣсь все такъ не похоже на Новую Англію.

При моихъ словахъ онъ приподнялся, но тотчасъ-же по слабости силъ опустился на свое сидѣнье и густая краска выступила на его лицѣ. Съ минуту я думала, что онъ мнѣ не отвѣтитъ.

— Вы изъ Новой Англіи? наконецъ, спросилъ онъ.

— Да, изъ Бостона.

— Я самъ изъ Масачусетса, отвѣчалъ онъ.

Мнѣ понравились его юношескія манеры. Ему нельзя было дать на видъ болѣе 22 лѣтъ.

— Значитъ, мы земляки, сказала я,—мы должны чаще видѣться. Вы не сочтете нескромностью съ моей стороны вопросъ: довольны-ли вы своимъ помѣщеніемъ?

— У меня лучшее помѣщеніе, какое я могъ найдти; за мои деньги, конечно, отвѣчалъ онъ охотно.—Мнѣ угождаютъ, какъ могутъ.

— Это означаетъ, что вамъ даютъ жесткую флоридскую говядину и пустую похлебку. Хорошъ-ли, по крайней мѣрѣ, у васъ хлѣбъ?

— Я почти забылъ, что называется этимъ именемъ, мнѣ даютъ нѣчто подъ названіемъ сухарей, но я думаю, что это скорѣе печеныя пули.

И мы оба засмѣялись; смѣхъ сблизилъ насъ болѣе. Я присѣла возлѣ него и между нами начался разговоръ о разныхъ предметахъ, но чегобы онъ ни касался, я находила моего больного одинаково развитымъ и сообщительнымъ. Мы провели полчаса въ пріятной бесѣдѣ и когда я, наконецъ, встала, онъ сказалъ:

— Благодарю васъ еще разъ за прелестную розу; она доставила мнѣ большое удовольствіе.

— Когда вы будете чувствовать себя лучше, отвѣчала я,—мы зайдемъ за вами и вмѣстѣ отправимся въ садъ, гдѣ я сорвала ее. Какъ далеко вы можете ходить?

— Это моя самая дальняя прогулка, сказалъ онъ, слегка краснѣя;—съ каждымъ днемъ онѣ становятся короче. Сначала я ходилъ всюду, а теперь едва ползаю.

— Не отчаявайтесь, ободряла я его, хотя сердце мое не раздѣляло этого мнѣнія,—вы здѣсь такъ недавно и не могли получить еще значительнаго облегченія; надо много времени для излеченія болѣзни, подобной вашей. Мнѣ приходилось видѣть такихъ-же больныхъ, какъ вы, которые послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія здѣсь, благополучно возвращались домой.

— Благополучно, повторилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ, которое проникало прямо въ сердце.

— Да, благополучно. Здѣшній воздухъ имѣетъ цѣлебное свойство. Подумайте только, что теперь въ Новой Англіи снѣгъ въ 10 футовъ толщиною, а мы комфортабельно сидимъ на открытомъ воздухѣ безъ теплаго платья. А море! Если вы уроженецъ Масачусетса, вы знаете, какое оно тамъ мрачное, а здѣсь... взгляните на воду, говорила я, указывая на маленькія волны, которыя, поднимаясь, дробились и искрились, какъ опалы.

— Я не хотѣлъ жаловаться, сказалъ онъ уныло,—но мои ожиданія не оправдались; напрасно было-бы скрывать это, я надѣялся быть уже здоровымъ.

Сильный припадокъ кашля прервалъ его слова. Когда-же кашель прекратился, молодой человѣкъ медленно всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ съ помощію моего мужа, но, почувствовавъ въ себѣ достаточно силы, тотчасъ-же освободился отъ посторонней помощи и не твердыми шагами пошелъ домой. Очевидно, онъ не хотѣлъ сожалѣнія, не хотѣлъ, чтобы за нимъ наблюдали, и мы, простившись съ нимъ, оставили его, не поворачивая даже головы въ его сторону.

— Бѣдняга! сказала я,—дни его сочтены. Хотѣла-бы я знать, кто онъ, откуда, есть-ли у него друзья, которыхъ слѣдовало-бы предупредить объ его положеніи. Желала-бы я сдѣлать для него что-нибудь.

— Лучшее, что мы можемъ сдѣлать, отвѣчалъ мой мужъ,—предоставить его самому себѣ. Развѣ ты не замѣтила, какъ въ разговорѣ съ тобою онъ былъ сдержанъ? Я удивлялся смѣлости, съ которой ты распрашивала его. Еслибы это сдѣлалъ мужчина, ему отвѣчали-бы дерзостью. Послушай моего совѣта: если ты ему понадобишься, пусть онъ самъ придетъ къ тебѣ. У него есть что-то на сердцѣ, чего онъ не желаетъ высказывать.

— А все-таки я буду о немъ заботиться, отвѣчала я упрямо.—Было-бы безсердечно предоставить его самому себѣ.

Нѣсколько дней спустя, я отправилась на почту и спросила, нѣтъ-ли мнѣ письма? Оказалось, что не было, и я хотѣла уже идти домой, когда меня остановилъ голосъ старой негритянки, занявшей мое мѣсто у окошечка.

— Нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь для массы Стефена Митчеля?

— Стефена Митчеля, Стефена Митчеля! повторялъ почтмейстеръ.—Да, для него два письма. И скажите ему, что они лежатъ здѣсь уже болѣе недѣли?

— Такъ, такъ, это очень дурно, онъ скоро долженъ умереть и ждетъ ихъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

— Зачѣмъ-же онъ не пришелъ за ними?

— Не пришелъ за ними, такъ, такъ! Онъ такъ боленъ, что никогда болѣе не придетъ.

— Умираетъ? спросилъ равнодушно почтмейстеръ;—надѣюсь, его друзья съ нимъ. По лицу его видно, что онъ потерялъ всякую надежду на выздоровленіе.

— Умираетъ, это вѣрно, покачивала головой негритянка; — у него такой ужасный кашель. Что пользы, Флорида не можетъ вылечить его, когда Богъ призываетъ,—надо идти. У него нѣтъ друзей, онъ умретъ одинокимъ. Я дѣлаю что могу, но могу-ли я возвратить его къ жизни.

И съ горловымъ звукомъ, полухрюканьемъ, полустономъ, которымъ негры выражаютъ свое волненіе, она, прихрамывая, направилась къ выходу. Я остановила ее.

— Кто боленъ, тетушка? спросила я (всѣ старые негры любятъ, чтобы ихъ называли дядями и тетками).

— Масса Стива Митчель, отвѣчала она, присѣдая.

— А гдѣ живетъ масса Стива Митчель?

Она назвала тотъ самый домъ, гдѣ я видѣла моего больного, а нѣсколько вопросовъ окончательно убѣдили меня, что именно онъ и есть масса Стива.

— Передайте ему, сказала я,—что вы встрѣтили даму, которая придетъ сегодня къ нему; скажите, что это та самая дама, которая разговаривала съ нимъ въ фортѣ. Не забудете, тетушка?

— Благодарю васъ, миссисъ, я не забуду; я очень рада; такъ ужасно видѣть его одинокаго, умирающаго и никто не пожалѣетъ о немъ. Люди, у которыхъ онъ живетъ, дѣлаютъ что могутъ, но не этого ему нужно; ему нужно, чтобы кто-нибудь пожалѣлъ его, вотъ чего ему недостаетъ.

— Мы всѣ нуждаемся въ сочувствіи, когда больны. Я непремѣнно зайду, сказала я, слѣдя глазами за плавными движеніями негритянки, удалявшейся съ мягкимъ граціознымъ покачиваніемъ, неизмѣняющимся даже съ лѣтами. «Да, выборъ могъ пасть и на худшую сидѣлку, думала я; она, кажется, искренно привязана къ нему; иначе зачѣмъ слезы на ея глазахъ. Вѣроятно, это Тереза, о которой я слышала какъ объ отличной сидѣлкѣ».

Часъ спустя, чтобы дать ему время прочитать письма и насладиться ими, я пошла къ нему. Теперь я знала его имя, частью была знакома съ нимъ, предложеніе услугъ съ моей стороны становилось естественнымъ, но я все-таки колебалась войдти въ полуразрушенный домикъ. А что если онъ визитъ мой сочтетъ за навязчивость? Да, даже и въ такомъ случаѣ, я должна идти; слово участія не можетъ оскорбить его. Я несмѣло постучала въ покосившуюся дверь и тотчасъ-же тетка Тереза отворила мнѣ, присѣдая и выставляя на показъ блестящіе, какъ слоновая кость, зубы.

— Можетъ-ли м-ръ Митчель принять меня?

— Да, сударыня; онъ можетъ сидѣть; войдите, пожалуйста.

Какое унылое жилище! Какая печальная комната! Я невольно остановилась при входѣ. Старая кровать съ грязной, темной постелью, прикрытая изорванной сѣтью отъ москитовъ. Два искалѣченные стула съ прорванными плетеными сидѣньями, столъ на безчисленныхъ ножкахъ, стѣны, запятнанныя дождями и плѣсенью, полъ на половину изъ кокино, на половину изъ драницъ, и молодой человѣкъ, старающійся приподняться съ одного изъ стульевъ, блѣдный, какъ смерть, съ впалыми щеками и глазами, пронизывающими меня,—вотъ что увидѣла я. Онъ съ улыбкой протянулъ мнѣ руку. Улыбка умирающаго,—даже теперь, когда я пишу, она какъ будто носится передъ моими глазами.

— Я очень сердита на васъ, сказала я, стараясь прикрыть свое волненіе, — зачѣмъ вы не дали мнѣ знать, что вамъ хуже.

— Искренно радъ васъ видѣть, отвѣчалъ онъ, стараясь придвинуть мнѣ тяжелый стулъ.

— Садитесь, сказала я строго.—Знайте, м-ръ Митчель, я явилась сюда, чтобы присматривать за вами, и если только вы не выгоните меня, я намѣрена забрать васъ въ руки. Чтó вы боитесь меня?

— Немного, отвѣчалъ онъ, слегка краснѣя.— Я стараюсь пріучаться...

— Къ чему?

— Жить одному, продолжалъ онъ. —Мнѣ кажется, это самая трудная вещь, которую я когда либо пробовалъ.

— Не больному пріучаться къ этому, отвѣчала я рѣшительно.—Нездоровый человѣкъ долженъ быть подъ началомъ у другого. Напримѣръ, вы сидите такъ, что вѣтеръ изъ окна дуетъ вамъ прямо въ спину. Я никогда не позволяю своимъ больнымъ такъ садиться; повернитесь къ окну лицомъ. Хорошо. Даже и во Флоридѣ сквозной вѣтеръ можетъ быть очень опаснымъ для больного. Совѣтовались-ли вы здѣсь съ докторомъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ едва замѣтнымъ содроганіемъ. — Я слишкомъ боюсь того, что долженъ услышать.

— И, вѣроятно, вы услышите совсѣмъ не то, что думаете, сказала я, стараясь ободрить его.— Что если мы пошлемъ за нимъ теперь; или лучше я зайду къ нему на возвратномъ пути домой. Здѣшніе доктора съумѣютъ предписать соотвѣтствующія климату лекарства.

— Я никогда не думалъ объ этомъ, сказалъ онъ и удовольствіе внезапно освѣтило его лицо.—Когда посылаютъ человѣка во Флориду потому, что онъ не можетъ болѣе жить на сѣверѣ, ему слѣдуетъ привозить съ собою гробъ.

— Что за нелѣпость! Съ такими мыслями, конечно, трудно поправиться. Быть можетъ, вы и не желаете?

Не знаю, что заставило меня сдѣлать этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, я не далъ бы и соломинки, отвѣчалъ онъ,—чтобы...

— Именно такъ; я этого и ожидала. Жаль только, что вы не захватили съ собою гробъ; это избавило бы васъ отъ лишнихъ хлопотъ и издержекъ. А разъ, что вы сдѣлали эту оплошность, продолжала я, — слѣдуетъ постараться загладить ее и вылечиться, тогда ошибка останется безъ послѣдствій. Прежде всего вамъ нужно комнату, въ которой цѣлый день было-бы солнце, доступную живительному морскому вѣтру. Сомнѣваюсь, чтобы вы видѣли здѣсь когда-нибудь солнце, а о морѣ вы, я думаю, и понятія не имѣете?

— Это лучшее, что я могъ найдти за свои деньги, сказалъ онъ поспѣшно. — Средства мои очень ограничены.

— Попытаюсь найдти вамъ комнату за ту-же цѣну съ бòльшими удобствами, сказала я.—Можетъ быть, это вамъ замѣнитъ доктора. Надо попробовать. А вотъ и тетка Тереза; она знаетъ всѣ закоулки города и сразу можетъ указать намъ требуемое; не правда-ли, тетушка?

— Въ другое время, отвѣчала негритянка, безпокойно поглядывая на полуоткрытую дверь.— Въ другое время; городъ теперь полонъ, трудно найдти что-нибудь

— Другое время не годится, тетушка Тереза. Больному медлить нельзя, надо сейчасъ-же.

— Да, сударыня?

И тетка Тереза, схвативъ стаканъ, исчезла въ дверяхъ, плотно притворивъ ихъ за собою. Мы проводили ее дружнымъ смѣхомъ.

— Трудно помочь дѣлу, сказала я, — а между тѣмъ объ этомъ слѣдовало бы прежде всего позаботиться. Надѣюсь, вы получили утѣшительныя вѣсти изъ дому?

— Письма не изъ дому, отвѣчалъ онъ довольно сухо;—это дѣловыя письма.

— Всякая вѣсть съ сѣвера пріятна, сказала я, немного смущаясь.—Я всегда рада получить даже газету.

Ни слова въ отвѣтъ, только отвернувъ голову, онъ началъ кашлять. Тереза сдѣлала мнѣ знакъ удалиться, что я немедленно и сдѣлала. Я вынесла изъ этого визита убѣжденіе, что весь организмъ его потрясенъ какимъ-то жестокимъ ударомъ нравственнымъ или физическимъ. «Онъ измученъ до смерти, думала я,—а такъ какъ я не знаю причины, то, понятно, не могу придумать лекарства. Его нервная система потрясена до основанія. Впрочемъ, такъ пожалуй и лучше, больше для него остается надежды. И мое леченіе солнцемъ, морскимъ воздухомъ и женскимъ попеченіемъ, можетъ быть, принесетъ пользу».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

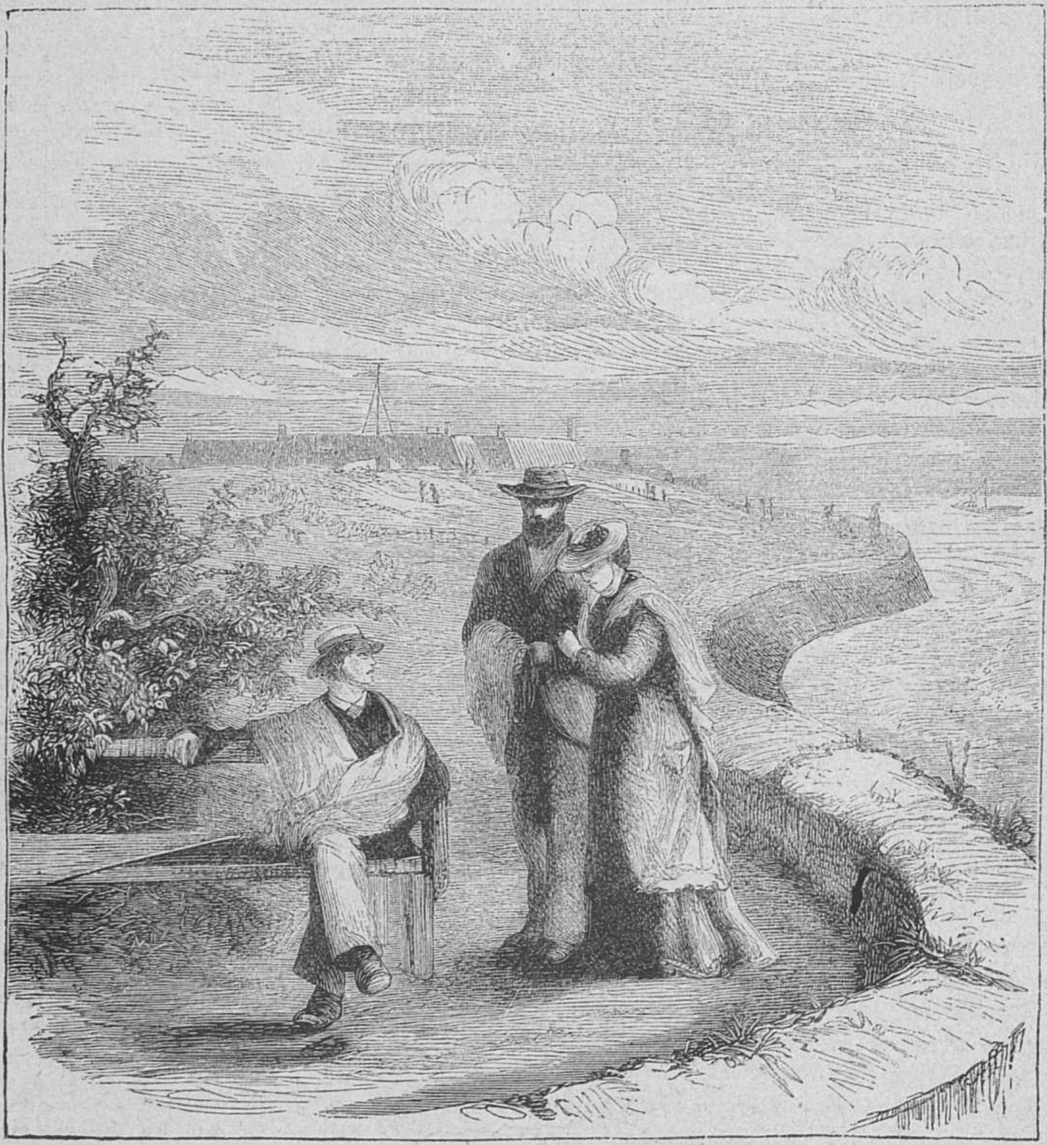
Внутреннее обозрѣніе.

Въ послѣднее время наше общество опять стало жить надеждами. Одну изъ подобныхъ надеждъ подаетъ предпринятое правительствомъ изслѣдованіе губерній черезъ особо командированныхъ для этого сенаторовъ. Мы попросимъ у читателя позволенія вдаться по поводу сената и сенаторской ревизіи вообще, въ нѣкоторыя подробности.

Сенатъ былъ излюбленнымъ учрежденіемъ Петра Великаго, которое должно было замѣнять его на случай его отлучекъ изъ Петербурга. Назвавъ сенатъ «правительствующимъ», Петръ хотѣлъ именно указать на высокую государственную роль этого учрежденія. По основной мысли Петра сенатъ долженъ вѣдать правосудіе, государственные доходы и расходы, дѣла торговыя, распорядокъ службы и смотрѣть надъ колегіями; кромѣ того «для смотрѣнія всякихъ дѣлъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, чтобъ во всякихъ дѣлахъ была правда», Петръ установилъ сенаторскіе ревизіи. Сенаторскіе ревизіи, какъ ихъ понималъ Петръ, должны были приносить громадную пользу развитію губернскаго управленія. Сенаторы, стоящіе совершенно независимо отъ всѣхъ административныхъ вѣдомствъ, могли, нисколько не стѣсняясь, заявлять царю о недостаткахъ или злоупотребленіяхъ мѣстныхъ управленій, не давая никакихъ поводовъ къ подозрѣніямъ въ лицепріятіи. Но подобныя поѣздки приносили еще и другую пользу: они знакомили сенаторовъ съ дѣлами на мѣстѣ, въ самой жизни, такъ сказать съ живымъ отправленіемъ административнаго механизма.

Въ послѣдующія царствованія сенаторскія ревизіи утратили значеніе, которымъ они пользовались при Петрѣ Великомъ. Причина этого заключалась преимущественно въ шаткости правительствъ, обращавшихъ главнѣйшее вниманіе на политическіе порядки, вслѣдствіе чего главное наблюденіе за ходомъ дѣлъ какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ находилось въ рукахъ тайной канцеляріи; гражданская-же администрація оставалась почти безъ всякаго высшаго надзора. Провинціальная администрація, предоставленная сама себѣ, кончала тѣмъ, что становилась тяжелой для мѣстныхъ населеній, вызывала нескончаемыя жалобы на притѣсненія, неправосудіе, взяточничество, казенное воровство и чѣмъ правительство обнаруживало долѣе свое невниманіе къ провинціальному управленію, тѣмъ запутаннѣе и громаднѣе бывали мѣстные безпорядки. Любопытно, что, чѣмъ исключительнѣе отдавалось правительство преслѣдованію политическихъ цѣлей и водворенію политическаго порядка въ провинціи, тѣмъ административные безпорядки бывали больше и дѣло кончалось всегда тѣмъ, что приходилось прибѣгать къ сенаторской ревизіи. Такъ, императрица Елизавета Петровна въ концѣ своего царствованія, назначила сенаторскую ревизію, потому что провинціальный административный механизмъ разшатался совершенно и терпѣть дальше мѣстныя злоупотребленія было невозможно. Екатерина II, думала излечить зло общими мѣрами, она организовала губернское управленіе, учредила суды на выборномъ началѣ и назначила намѣстниковъ, снабженныхъ обширными полномочіями. Впослѣдствіи однако оказалось, что общія мѣры, въ томъ видѣ, какъ онѣ были установлены, не въ состояніи сообщить провинціальному административному механизму стройности и гармоніи. Дѣло кончилось тѣмъ, что и при Екатеринѣ II, какъ и при императрицѣ Елизаветѣ, оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ сенаторской ревизіи. При Павлѣ I повторилось тоже. Но желая поступить радикальнѣе своихъ предшественниковъ, императоръ Павелъ не ограничился только ревизіей провинціальной администраціи, а повелѣлъ освидѣтельствовать въ Петербургѣ и въ Москвѣ колегіи, канцеляріи, банки, конторы и таможни. При императорѣ Александрѣ I первая сенаторская ревизія была произведена въ моментъ главныхъ преобразованій, и сенаторской ревизіи подлежали не только губернскія, но и уѣздныя мѣста, не только администрація и судъ, но и хозяйственное управленіе,—лѣса, оброчныя статьи, земледѣліе, таможня.

КЪ РОМАНУ „СТЕФЕНЪ МИТЧЕЛЬ“.



Фортъ Маріонъ.

Сенаторскія ревизіи, начиная съ Петра и до нашего времени, имѣли всегда одну и туже цѣль. Онѣ назначались только въ такія мѣстности или въ такихъ случаяхъ, когда нужно было опредѣлить причины разстройства администраціи, открыть или уничтожить безпорядки и злоупотребленія, вообще, когда требовалось опредѣлить, почему губернскій административный механизмъ дѣйствуетъ неправильно и вмѣсто пользы приноситъ вредъ. Къ сожалѣнію, правительства, смѣнившія Петра Великаго, никогда не пользовались сенаторскими ревизіями, какъ правильно организованнымъ угражденіемъ, а прибѣгали къ нимъ тогда, когда безпорядки становились вопіющими.

По инструкціи, которой должны руководствоваться сенаторы, они, кромѣ присутственныхъ мѣстъ, находящихся въ губернскомъ городѣ, должны осматривать присутственныя мѣста городовъ, лежащихъ по пути, могутъ распространять свою ревизію и на губерніи сосѣднія и если ревизующій сенаторъ признаетъ нужнымъ произвести гдѣ-нибудь особенное изслѣдованіе, онъ можетъ поручить его даже не чиновникамъ, а постороннимъ лицамъ, напримѣръ, кому-нибудь изъ дворянъ, пользующихся общею довѣренностью. О результатахъ своей ревизіи сенаторъ доноситъ его величеству по дѣламъ особенно важнымъ, а о дѣлахъ и подробностяхъ менѣе важныхъ—сенату.

Уже Карамзинъ предвидѣлъ, что новыя наслоенія, усиливающія личное начало въ администраціи, умалятъ значеніе сената и лишатъ его того правительственнаго характера, который сообщилъ ему Петръ Великій. «Подобно древней боярской думѣ, говоритъ Карамзинъ въ извѣстной «Запискѣ о древней и новой Россіи»—сенатъ въ началѣ своемъ имѣлъ всю власть, какую только вышнее правительствующее мѣсто въ самодержавіи имѣть можетъ. Генералъ-прокуроръ служилъ связью между нимъ и государемъ; тамъ вершились дѣла, которыя надлежало-бы вершить монарху; по человѣчеству, не имѣя способа обнять ихъ множество, онъ далъ сенату свое верховное право и свое око въ генералъ-прокурорѣ, опредѣливъ, въ какихъ случаяхъ дѣйствовать сему важному мѣсту по извѣстнымъ законамъ и въ какихъ требовать его высочайшаго соизволенія. Сенатъ издавалъ законы, повѣрялъ дѣла колегій, рѣшалъ ихъ сомнѣнія, или спрашивалъ у государя, который, принимая на него жалобы отъ людей частныхъ, грозилъ строго казнію ему въ злоупотребленіи власти или дерзкому челобитчику въ несправедливой жалобѣ». Эту систему императоръ Александръ I замѣнилъ системою министерствъ, которыя должны были заполнить пустоту, находившуюся между трономъ и сенатомъ. Новая система вмѣсто колегіальнаго управленія ввела единоличное. «Теперь спросимъ о пользѣ, говоритъ Карамзинъ:—министерскія бюро заняли мѣсто колегій. Гдѣ трудились знаменитые чиновники, президентъ и нѣсколько засѣдателей, имѣя долговременный навыкъ и строгую отвѣтственность правительствующаго мѣста, тамъ увидѣли мы маловажныхъ чиновниковъ, директоровъ, экспедиторовъ, столоначальниковъ, которые подъ щитомъ министра дѣйствуютъ безъ всякаго опасенія. Скажутъ, что министръ все дѣлаетъ и за все отвѣчаетъ, но одно честолюбіе бываетъ неограниченно, силы-же и способности смертнаго заключены въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ. Напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, захвативъ почти всю Россію, могъ-ли основательно вникать въ смыслъ безчисленныхъ входящихъ къ нему и выходящихъ отъ него бумагъ? Могъ-ли даже разумѣть предметы столь различные? Начали являться одни за другими комитеты. Они служили сатирою на учрежденіе министерствъ, доказывая ихъ недостатокъ для благоуспѣшнаго управленія... Далѣе, основавъ бытіе свое на развалинахъ колегій, министры стали между государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: «Я имѣлъ счастіе докладывать государю»,—заграждали уста сенаторамъ и сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государемъ, сообщались сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіею управляли министры, т. е. каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать. Спрашивается: кто болѣе заслуживаетъ довѣренности, одинъ-ли министръ, или собраніе знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, которое мы обыкли считать высшимъ правительствомъ, главнымъ орудіемъ монаршей власти».

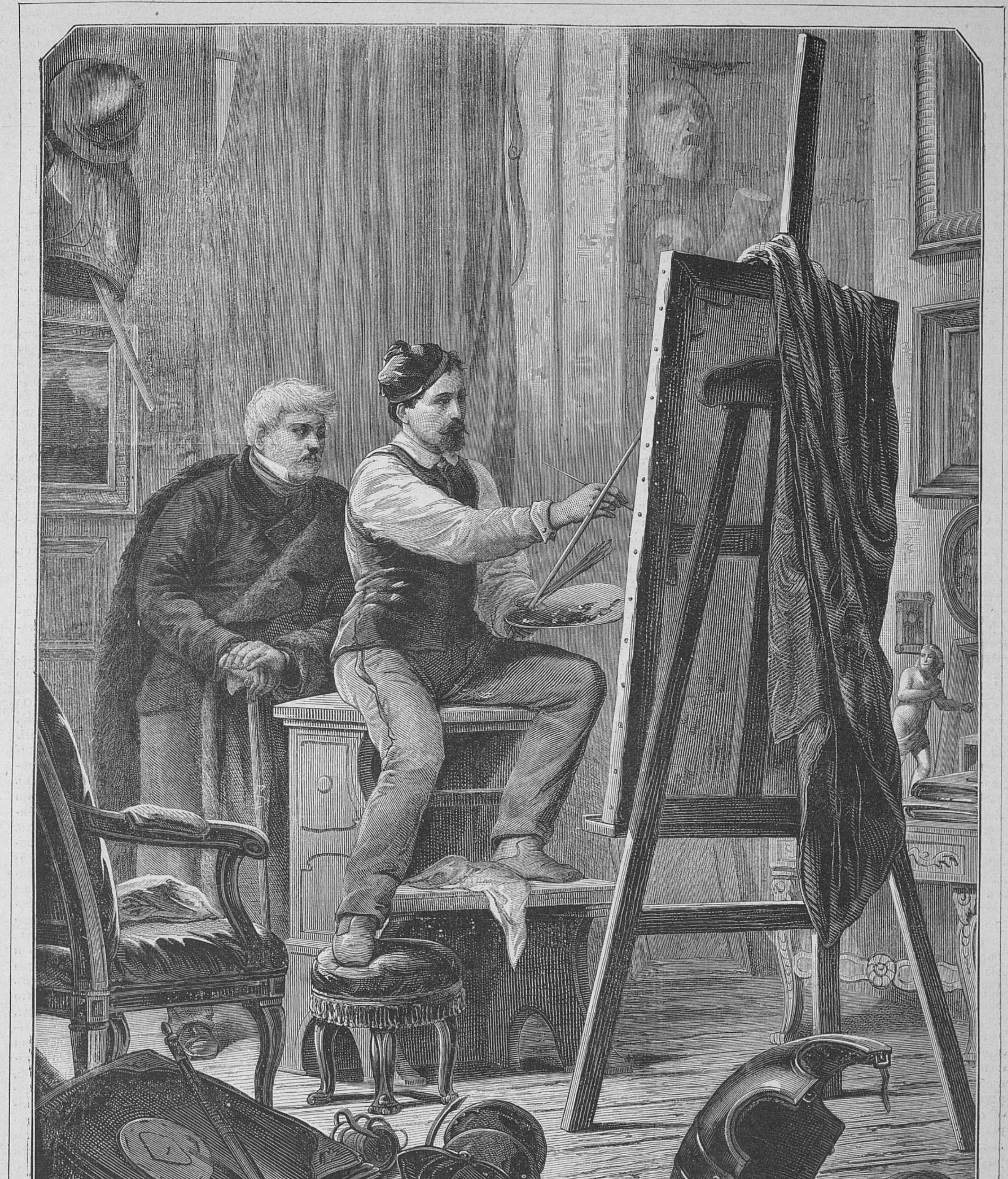
Конечно, Карамзинъ въ своей оцѣнкѣ учрежденія министерствъ отдавался нѣсколько страстной нетерпимости. Учрежденіе министерствъ казалось Карамзину новшествомъ на европейскій ладъ и потому нетерпимость Карамзина понятна.

Послѣ долгаго перерыва послѣдовала по представленію графа Лорисъ-Меликова новая сенаторская ревизія. Какъ объяснилъ редакторамъ большой пресы 6-го сентября графъ Лорисъ-Меликовъ, теперешняя сенаторская ревизія назначена въ нѣсколькихъ губерніяхъ, чтобы дознать желанія, нужды, состояніе населенія и на основаніи того, что будетъ добыто ревизіонными изслѣдованіями, удовлетворить по возможности нужды и желанія населенія. На основаніи общихъ полномочій сенаторы, вѣроятно, коснутся и другихъ мѣстныхъ вопросовъ, потому что, не касаясь, напримѣръ, положенія земства, невозможно правильное экономическое разрѣшеніе нуждъ населенія. Въ этомъ смыслѣ состоявшаяся нынче сенаторская ревизія представляетъ небывалую особенность. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ сенатъ, сенаторскія ревизіи дѣлались исключительно съ административными цѣлями, т. е. съ цѣлями изслѣдованія безпорядковъ и злоупотребленій. Это еще первая сенаторская ревизія, имѣющая цѣлью изслѣдованіе хозяйственныхъ нуждъ; изслѣдованіе-же ихъ невозможно безъ изслѣдованія положенія земства, какъ основнаго органа провинціальнаго хозяйственнаго управленія.

Насколько нужнѣе всего для провинціи и для народа предоставленіе земству возможности пользоваться правами, дарованными ему «Положеніемъ о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ», и именно въ экономическихъ нуждахъ населенія, разъяснитъ слѣдующее. Извѣстно, что основный вопросъ государственнаго и земскаго хозяйства составляютъ подати и повинности и вообще равномѣрное распредѣленіе налоговъ. Поэтому опредѣленіе наиболѣе справедливыхъ основаній для раскладки составляли главный, основный и капитальный трудъ нашихъ земскихъ управленій. Отыскать это основаніе при отсутствіи всякихъ точныхъ свѣденій о капиталахъ и имуществахъ было работой въ высшей степени трудной и многосложной. Цѣнность имущества не всегда могла быть принята въ основаніе налоговъ, потому что многія имущества не приносятъ никакого дохода. Съ другой стороны, если принять за основаніе чистый доходъ по показанію самихъ владѣльцевъ, то, какъ справедливо выразилась одна изъ земскихъ комисій, «это значило-бы облагать въ извѣстной мѣрѣ большую или меньшую добросовѣстность». Поэтому при недостаткѣ свѣденій о земельныхъ имуществахъ приходилось опредѣлять нормальный доходъ, выведенный не изъ показаній самихъ владѣльцевъ, но изъ общихъ соображеній, основанныхъ на постановленіяхъ выкупнаго положенія. Чтобы убѣдиться, какой гигантскій трудъ требовался при оцѣнкѣ имуществъ и опредѣленіи ихъ цѣнности и доходности, мы укажемъ читателю на статистическую работу этого рода, предпринятую въ черниговской губерніи и, къ сожалѣнію, неоконченную. Опредѣленіе цѣнности и доходности другихъ земскихъ имуществъ, напримѣръ, городскихъ земель, земель монастырскихъ, церковныхъ, лѣсовъ государственныхъ, удѣльныхъ, и разнообразныхъ промышленныхъ заведеній, фабрикъ, заводовъ, составляло не меньшій трудъ. Земскія собранія, руководствуясь общимъ земскимъ интересомъ, приняли въ началѣ своихъ хозяйственныхъ дѣйствій систему наиболѣе равномѣрнаго обложенія всѣхъ имуществъ, безъ какихъ-либо предпочтеній одного рода имуществъ другому. Но вотъ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА СИПНЕВСКАГО.



Въ мастерской художника.

Рѣзалъ на деревѣ **Пуцъ** въ Варшавѣ.

21 ноября 1866 года послѣдовало новое распоряженіе въ отношеніи уѣздныхъ и губернскихъ раскладокъ, по которому фабричныя и заводскія заведенія должны были облагаться земскими сборами на иныхъ основаніяхъ. Это новое постановленіе совершенно разрушило тотъ принципъ равномѣрности обложенія, который былъ уже принятъ въ основаніе земствами. По новому положенію для торговыхъ свидѣтельствъ фабрикъ и заводовъ высшей нормою обложенія установлены 25 и $10^{0}/_{0}$ съ пошлинъ, платимыхъ въ казну торговыми свидѣтельствами. Какую разницу въ платежахъ устанавливало это новое положеніе, читатель увидитъ изъ слѣдующаго расчета. Напримѣръ, по новгородской губерніи процентъ съ пошлинъ по сравненію его съ нормальными доходами составлялъ только $3^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$. Принимая эту цифру за общій законъ равномѣрности для всѣхъ остальныхъ обложеній, слѣдовало-бы и всѣ остальныя имущества губерніи облагать тоже не болѣе $3^{1}/_{2}$ копѣекъ съ рубля нормальнаго дохода. Въ этомъ случаѣ земли перваго разряда вмѣсто 10 до 22 копѣекъ, которыми онѣ были обложены, пришлось-бы обложить $5^{1}/_{2}$ копѣйками, а земли второго разряда вмѣсто 0,55 и до 4 копѣекъ,—обложить 0,3 копѣйки. Такимъ образомъ, если-бы положеніе 21 ноября примѣнить и къ земельнымъ земскимъ имуществамъ, то весь сборъ на новгородскія губернскія и уѣздныя повинности составилъ-бы 193,481 рубль, между тѣмъ какъ однихъ обязательныхъ расходовъ на 1867 годъ предстояло къ выполненію 412,602 р. Ясно, положеніе 21 ноября нельзя было распространить на земельныя имущества, ибо земскій бюджетъ былъ-бы вполнѣ подорванъ. Слѣдовательно, для оцѣнки земель нужно было оставить первыя принятыя основанія, но какъ эти основанія нельзя было примѣнить къ торговымъ свидѣтельствамъ, то налогъ съ нихъ, въ силу льготы, имъ предоставленной, оказывался уменьшеннымъ и по одной новгородской губерніи это уменьшеніе составляло 50,000 руб. и ихъ приходилось переложить на земли. Но земли новой прибавки были не въ состояніи вынести и потому пришлось поурѣзать земскую смѣту на такихъ статьяхъ, которыя позволяли это хотя нѣсколько. Такими статьями оказались дорожная повинность, расходы на содержаніе губернской управы, расходы по народному образованію, по народному здравію и расходы на предварительныя мѣры противъ повальныхъ болѣзней. Такимъ образомъ, освобожденіе торговыхъ свидѣтельствъ отъ обложенія равнаго съ остальнымъ земскимъ имуществомъ хотя и пало на такъ называемые необязательные расходы, но этими необязательными расходами оказались расходы на исправленіе дорогъ, на женскую гимназію, на читальню въ Новгородѣ, на лютеранскую школу, на содержаніе врача при губернской управѣ и пансіонерокъ въ родовспомогательномъ институтѣ. Слѣдствіемъ-же того-же постановленія 21 ноября было постоянное по мѣрѣ увеличенія земскихъ расходовъ увеличеніе обложенія земель и уменьшеніе дохода съ торговыхъ свидѣтельствъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ привести общихъ цифръ по всей Россіи тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ общемъ земскомъ бюджетѣ вслѣдствіе льготнаго положенія торговыхъ свидѣтельствъ въ сравненіи съ земскими землями. Нужно думать, что по цѣлой Россіи должны были образоваться весьма замѣтныя разницы въ земскомъ бюджетѣ.

Другая сторона земскаго самоуправленія, которая не минуетъ, конечно, вниманія сенаторовъ, будетъ отношеніе земства къ высшей губернской администраціи. На основаніи «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ» губернаторъ имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія земства, если постановленіе противно законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ. Губернаторъ имѣетъ право остановить исполненіе постановленія и въ тѣхъ случаяхъ, когда земство не сдѣлаетъ распоряженій къ исполненію тѣхъ повинностей, отправленіе которыхъ законъ признаетъ обязательнымъ для земства. Если напоминанія губернатора останутся безуспѣшными, то, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, онъ приступаетъ къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ земства. На практикѣ подобное право, предоставленное губернатору, получило гораздо большее развитіе, чѣмъ это, вѣроятно, было желательно законодателю...

Предстоящая-же сенаторская ревизія, какъ мы думаемъ, будетъ для земства единственной возможностью выяснить свои нужды и положеніе.

Къ рисункамъ.

Въ пивной. Картина Кауфмана, превосходно переданная въ нашей гравюрѣ, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ по экспресіи лицъ произведеній нынѣшняго года. Среди этой групы ремесленниковъ и бюргеровъ, собравшихся за пивнымъ столомъ и слушающихъ розсказни охотника или лѣсника, что ни лицо, то типъ, выхваченный изъ жизни, не подкрашенный. Это чисто реальное произведеніе: смотря на него, вы невольно всматриваетесь въ выраженіе каждаго изъ этихъ лицъ, точно хотите угадать, что оно думаетъ.

Чичеровакіо. Помѣщенмый въ прошломъ нумерѣ снимокъ со статуи, изображающей смерть Чичеровакіо, — народнаго итальянскаго трибуна,— требуетъ нѣкоторыхъ историческихъ объясненій, которыя мы даемъ здѣсь тѣмъ охотнѣе, что они касаются крайне интересной эпохи въ политической жизни Италіи, именно 1848 года.

Папа Пій IX, какъ извѣстно, вступилъ на папскій престолъ въ 1846 году. Реакція въ Италіи достигла въ это время своего крайняго развитія и политическая буря готова была вспыхнуть, но папа сдѣлалъ важныя уступки народу. Полная амнистія политическимъ преступникамъ была объявлена. Энтузіазмъ римлянъ къ новому папѣ не имѣлъ предѣловъ. «Крикъ истиннаго восторга раздался не только въ церковной области, но и во всей Италіи; все уповавшее на лучшую будущность окружило Пія IX; они сдѣлали изъ добраго, благонамѣреннаго человѣка— великаго понтифа, освободителя Италіи, величайшаго вѣнценосца въ Европѣ». Къ сожалѣнію, роль, выпавшая на долю папы Пія IX, оказалась слишкомъ тяжелою для него; какъ человѣкъ безхарактерный и слабый, онъ подчинялся вліяніямъ окружавшихъ его, а окружавшіе (въ томъ числѣ, кардиналъ Антонели) совѣтовали ему репресивныя мѣры. Конституція, обнародованная въ Римѣ 14 марта 1848 года, хотя и жалкая, удовлетворила все-таки на время народъ. Подъ давленіемъ народнаго волненія, папа принужденъ былъ также принять нѣкоторое участіе въ движеніи къ независимости противъ Австріи. Папа поручилъ генералу Дурандо отправиться съ арміей въ 17,000 человѣкъ къ По, но драться только въ крайнемъ случаѣ. Дурандо не выполнилъ приказанія папы и былъ смѣненъ; министерство подало въ отставку и народное волненіе въ самыхъ грозныхъ размѣрахъ вспыхнуло въ Римѣ. Однимъ изъ главныхъ представителей народа былъ Чичеровакіо (Анджело Бунето). Чичеровакіо, — il gran popolano, какъ называли его римляне, — простой, честный римскій плебей, былъ идоломъ черни. Вліяніе въ Римѣ онъ пріобрѣлъ гораздо раньше; къ нему ходили совѣтоваться о семейныхъ и торговыхъ дѣлахъ, онъ судилъ и разбиралъ ссоры, отдавалъ послѣднія деньги товарищамъ и былъ въ большемъ почетѣ между ними. Съ избраніемъ новаго папы, Чичеровакіо бросился на политическую арену: онъ принесъ свое вліяніе въ опору меньшинству, работавшему съ Піемъ IX въ пользу Рима. Значеніе его особенно возрасло въ эпоху такъ называемаго ламбрускиньевскаго заговора. Кардиналы, видя уступки папы, задумали противъ него заговоръ подъ предводительствомъ Ламбрускини; въ немъ участвовали австрійскій посланникъ, неаполитанскій король, начальникъ шпіоновъ папы Григорія XVI и іезуиты. Заговорщики хотѣли силою заставить папу отречься отъ всего имъ сдѣланнаго, и были готовы не только свергнуть его съ престола, если онъ не согласится, но даже убить его, предоставляя себѣ удовольствіе свалить потомъ злодѣйство на либеральную партію. Для этого имъ нужно было народное волненіе, уличный шумъ. О приготовленіи къ этому движенію узналъ Чичеровакіо и съ хитростью итальянца добрался до главныхъ заговорщиковъ. Съ тѣхъ поръ его вліяніе сильно возрасло. Упорный защитникъ народныхъ требованій, неутомимый представитель народныхъ нуждъ, онъ тѣмъ больше пріобрѣталъ авторитетъ, что былъ совершенно чистъ характеромъ, не хотѣлъ никакой общественной перемѣны своего положенія и оставался тѣмъ-же плебеемъ, какимъ былъ и прежде. Отправляясь къ лорду Минто, онъ на дорогѣ игралъ съ кучеромъ въ мору и, выходя отъ папы, шелъ въ кабакъ съ какимъ-нибудь солдатомъ. Со дня открытія заговора, полиція, замѣшанная въ немъ, исчезаетъ, порядокъ въ городѣ увеличивается, Чичеровакіо исправляетъ, такъ сказать, должность полицмейстера, ему помогаютъ факины, дровосѣки и весь народъ. Губернаторъ приказываетъ выслать изъ Рима неаполитанскаго изгнанника; Чичеровакіо отправляется къ губернатору и говоритъ, что онъ идетъ его провожать и что онъ не отвѣчаетъ за то, что народъ, оскорбленный этимъ поступкомъ, сдѣлаетъ безъ него въ Римѣ; губернаторъ беретъ назадъ приказъ.

Благодаря вліянію Чичеровакіо, который руководствовался отчасти совѣтами Мадзини, папа назначилъ либеральное министерство Маміани, но оно не долго удержалось у кормила власти. Волненіе снова вспыхнуло. Испуганный папа бѣжалъ изъ Рима, прося помощи и защиты у Австріи, Франціи, Испаніи и неаполитанскаго королевства. Въ это время въ Римѣ была провозглашена республика, во главѣ которой сталъ тріумвиратъ, состоящій изъ Маццини, Сафи и Армелини. Франція въ началѣ надѣялась было уладить дѣло мирнымъ путемъ при помощи римской либеральной партіи; но Маміани отвѣчалъ, что онъ въ данномъ случаѣ безсиленъ. Тогда Франція рѣшилась отправить армію въ Римъ, съ цѣлью предупредить Австрію. Вмѣшательство французскаго дипломата Лессепса не могло спасти Римъ отъ бомбардированія и взятія. Генералъ Удино вступилъ во взятый городъ и реакція началась. Папа, однакожъ, не возвратился немедленно въ Римъ, но выслалъ туда трехъ комисаровъ, извѣстныхъ своимъ консерватизмомъ; эти комисары выказали большое недовѣріе къ французамъ, организовали репресаліи противъ возмутившихся гражданъ и установили систему притѣсненій. Послѣ взятія Рима французами, Чичеровакіо съ сыномъ отправился въ Ломбардію; тамъ Гарибальди со своими легіонерами боролся противъ австрійцевъ. Чичеровакіо и его сынъ поступили въ легіонъ Гарибальди. Попавъ въ плѣнъ къ австрійцамъ, они были разстрѣляны безъ всякаго суда. Статуя изображаетъ il gran popolano въ ту минуту, когда его разстрѣливаютъ; героическимъ жестомъ онъ разрываетъ рубашку и раскрываетъ грудь, въ то время какъ сынъ его, съ завязанными глазами, на колѣняхъ, старается защитить отца отъ пуль. Статуя чрезвычайно эфектна и производитъ сильное впечатлѣніе. Она будетъ поставлена въ Римѣ, гдѣ память о Чичеровакіо до сихъ поръ живетъ среди народа. Чичеровакіо — одно изъ самыхъ популярныхъ именъ современной Италіи.

Въ мастерской художника, картина Сипневскаго. Польскій художникъ довольно удачно изобразилъ сцену въ мастерской. Самъ хозяинъ мастерской, сидя на какомъ-то невѣроятномъ табуретѣ, похожемъ на шкафъ или комодъ,—держитъ палитру и доканчиваетъ картину, стоящую на мольбертѣ. Посѣтитель, вѣроятно, даже покупатель, стоитъ тутъ же, облокотившись, и смотритъ на работу художника. Вся обстановка вполнѣ художническая, часто встрѣчающаяся въ мастерскихъ: статуи, костюмы, рѣдкія вещи, ковры, однимъ словомъ, весь живописный безпорядокъ, столь свойственный художникамъ. Очень недурна фигура самого художника.

Бриндизи, картина Монтефуско. (№ 38 Ж. О.) Пить за здоровье чье-нибудь, произносить тостъ, на итальянскомъ языкѣ выражается словомъ brindisi. Названная этимъ словомъ картина-жанръ художника Монтефуско представляетъ лѣтнюю сценку нелишенную юмора и остроумія. Дѣло происходитъ въ деревнѣ, подъ вечеръ, когда дневной жаръ спалъ и работы окончены. Двое поселянъ, мужчина и женщина, въ своей убогой комнатѣ расположились обѣдать. Нѣтъ сомнѣнія, что дама—хозяйка, а молодой человѣкъ—служащій у нея работникъ. Оба, очевидно, довольны и принялись обѣдать съ большимъ апетитомъ. Но... хорошая ѣда и въ особености хорошее питье располагаютъ къ нѣжности и чувствительности. За десертомъ эти нѣжности достигли уже своего высшаго предѣла и вотъ молодой работникъ, взявъ въ руки стаканъ съ краснымъ виномъ и вставъ, предлагаетъ тостъ за здоровье дамы своего сердца. Лѣвую руку онъ приложилъ къ сердцу и въ лицѣ его выражается такой избытокъ нѣжности, что слезы готовы брызнуть изъ его глазъ. Дама сердца, скромно опустивъ глазки, столь-же нѣжно улыбается, очевидно, польщенная нѣжнымъ чувствами молодого человѣка... Художникъ очень мѣтко схватилъ эту простую сценку изъ итальянской жизни, надѣливъ ее типами, очевидно, схваченными съ натуры. Жаль только, что эта картина написана слишкомъ эскизно, можно даже сказать, небрежно, что впрочемъ составляетъ, какъ кажется, принадлежность современной живописи въ Италіи. Погоня за оригинальностью и даже экцентричностью такъ сильно укоренилась въ итальянскихъ художникахъ, что они ищутъ ее даже въ техническихъ пріемахъ, забывая, что оригинальность не имѣетъ никакой цѣны, когда она выражается въ небрежномъ выполненіи и что, когда натура художника не своеобразна, не имѣетъ своей точной физіономіи, то всякая погоня за нею будетъ лишь афектаціей и недостаткомъ.

Смѣсь.

— Програма графа Лорисъ-Меликова. Въ «Отечественныхъ запискахъ» напечатано: «Г. министръ внутреннихъ дѣлъ пригласилъ къ себѣ редакторовъ большой пресы съ специальною цѣлью разъяснить имъ, чтобъ они не волновали напрасно общественныхъ умовъ, настаивая на необходимости привлеченія общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи, въ видѣ ли представительныхъ собраній европейскихъ, въ видѣ ли бывшихъ нашихъ древнихъ земскихъ соборовъ, что ничего подобнаго въ виду не имѣется и что ему, министру, подобныя мечтательныя разглагольствія пресы тѣмъ болѣе непріятны, что напрасно возбуждаемыя ими надежды въ обществѣ связываются съ его именемъ, хотя онъ, министръ, никакихъ полномочій на это не получалъ и самъ лично въ виду ничего подобнаго не имѣетъ, будучи твердо убѣжденъ, что въ настоящее время самое необходимое, чѣмъ надобно заняться и на что̀ онъ обратитъ все свое вниманіе и трудъ—это дать должную силу новымъ учрежденіямъ, уже существующимъ, а также привести въ сообразность и гармонію съ послѣдними учрежденія стараго порядка, видоизмѣнивъ ихъ, насколько то потребуется для этой цѣли.

«Поэтому, ближайшею его програмою, исполненіе которой, можетъ быть, потребуетъ 5—7 лѣтъ времени, будетъ:

«1) Дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ пользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ закономъ, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытѣ въ томъ или другомъ отдѣлѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣла и экономическаго улучшенія мѣстностей.

«2) Привести къ единообразію полицію и поставить ее въ гармонію съ новыми учрежденіями, чтобъ въ ней не было болѣе возможности проявляться разнымъ уклоненіямъ отъ закона, существовавшимъ доселѣ.

«3) Дать провинціальнымъ учрежденіямъ бо̀льшую самостоятельность въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ имъ дѣлъ, чтобъ они не имѣли нужды съ каждымъ, иногда совсѣмъ незначительнымъ вопросомъ, обращаться въ Петербургъ и ждать разрѣшенія оттуда.

«4) Дознать желанія, нужды, состояніе населенія разныхъ губерній, для чего, по ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ, высочайше назначены сенаторскія ревизіи нѣсколькихъ губерній, и на основаніи того, что будетъ добыто означенными ревизіями, по возможности удовлетворить желанія и нужды населенія, обративъ при этомъ вниманіе и на его экономическое положеніе.

«5) Дать печати возможность обсуждать различныя мѣропріятія, постановленія, распоряженія правительства съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ она не смущала и не волновала напрасно общественные умы своими помянутыми мечтательными илюзіями».

— **Высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ.**—Въ «Современныя Извѣстія» сообщаютъ изъ Кіева о высшихъ женскихъ курсахъ, открытыхъ, въ 1878 году, професоромъ Гогоцкимъ, что теперь на курсахъ число учащихся до 500. Съ нынѣшняго года, открытъ третій курсъ, послѣ котораго, передаютъ нѣкоторые, будетъ первый выпускъ. На историко-филологическомъ отдѣленіи читаются слѣдующіе предметы: нравственное богословіе, церковная исторія, русскій языкъ, русская исторія, исторія русской литературы, логика, психологія, исторія философіи, исторія класической литературы, всеобщая литература, всеобщая гражданская исторія, педагогика и языки: англійскій, французскій, нѣмецкій и латинскій; обязателенъ только одинъ. На физико-математическомъ: церковная и русская исторія, языки новые, алгебра, геометрія, диференціальное исчисленіе, аналитическая геометрія, теорія уравненій, физика, химія, астрономія, психологія, гигіена и педагогика. Исторія философіи для математическаго отдѣленія не обязательна.

— **Адріена Лекувреръ на русской сценѣ.** Много лѣтъ русская драматическая труппа не имѣла режисера. Правда, числящееся по штату мѣсто режисера не оставалось вакантнымъ, но его занимали люди ровно ничего несмыслящіе въ режисерскомъ дѣлѣ. Наконецъ, въ концѣ прошлаго сезона главнымъ режисеромъ былъ назначенъ г. Федоровъ-Юрковскій. Его назначеніе возбудило надежды, что наконецъ-то режисерская часть перестанетъ хромать, пьесы будутъ обставляться съ толкомъ, каждому актеру будетъ указано надлежащее мѣсто, сообразуясь съ его способностями и пр. и пр. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ (считая, конечно, и продолжительныя каникулы, которыми режисеръ могъ воспользоваться для подготовительныхъ работъ) и позволительно спросить: сбылись-ли ожиданія публики? Да, кое въ чемъ замѣтна перемѣна къ лучшему, но вообще отвѣтъ можно дать скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный. Не слѣдуетъ-ли отсюда выводъ, что публика заблуждалась въ оцѣнкѣ г. Федорова? Несовсѣмъ. Г. Федоровъ безспорно несравненно лучшій режисеръ, чѣмъ его предшественники; говорятъ, что онъ знаетъ свое дѣло и могъ-бы вести его хорошо, но ему мѣшаютъ причины, устранить которыхъ онъ не можетъ. Г. Федоровъ при другихъ обстоятельствахъ, вѣроятно, сдѣлалъ-бы гораздо больше, чѣмъ дѣлаетъ теперь. Ему приходится завѣдывать трупой, которая должна играть на трехъ театрахъ. Очень мудрено дѣлить ее такъ, чтобы на всѣхъ сценахъ дать хорошій спектакль. Если-бы труппа была раздѣлена на двѣ и каждая изъ нихъ имѣла-бы своего режисера, несомнѣнно дѣло пошло-бы глаже и только тогда на г. Федорова можно-бы было возлагать вполнѣ отвѣтственность за промахи и ошибки. Наконецъ, при существующихъ въ нашемъ театрѣ порядкахъ, режисеръ не обладаетъ никакой самостоятельностію, онъ находится въ полной зависимости отъ начальника репертуарной части, который руководитъ и режисерскимъ дѣломъ. Не надо забывать также, что при системѣ бенефисовъ каждую недѣлю ставится новая пьеса, что лишаетъ возможности срепетовать ее какъ слѣдуетъ. Допустимъ, что все это вѣрно, но не выходитъ-ли отсюда прямое заключеніе, что надо ставить такія пьесы, которыя не требуютъ сложной постановки, которыя въ средствахъ артистовъ труппы. Очень пріятно было-бы видѣть на нашей сценѣ пьесы класическаго репертуара, но если исполненіе ихъ будетъ только посредственное, если невозможна хорошая постановка ихъ, то придется обходиться и безъ нихъ. Но если при постановкѣ такихъ пьесъ, режисеръ имѣетъ извиненіе, что онъ желалъ дать публикѣ произведеніе геніальнаго автора, то какое-же оправданіе онъ можетъ принести, ставя пьесу заурядную. «Адріена Лекувреръ» принадлежитъ именно къ такимъ произведеніямъ и русская публика ничего не потеряла-бы, если-бы эта пьеса не была включена въ репертуаръ. Для «Адріены Лекувреръ», въ которой одна роль слишкомъ выдается, требуется исполнительница съ сильнымъ талантомъ, нужна первостепенная трагическая актриса. Будь такая актриса въ нашей трупѣ, можно-бы объяснить постановку этой пьесы. Но такой актрисы у насъ не имѣется. Г-жа Абаринова, исполняющая роль Адріены, артистка талантливая, но не для трагическихъ ролей. Нельзя сказать, чтобы г-жа Абаринова дурно исполнила роль Адріены. Нѣтъ, были мѣста въ роли, съигранныя ею безукоризненно хорошо, но въ общемъ роль проведена слабо; г-жѣ Абариновой не удались особенно сильныя мѣста: та сцена, когда она посылаетъ Мишоне съ деньгами для освобожденія изъ тюрьмы Морица саксонскаго и въ особенности сильнѣйшее мѣсто въ драмѣ, когда она монологомъ изъ «Федры» желаетъ поразить свою соперницу. Въ этой сценѣ была также слаба и г-жа Дюжикова, которой вообще не совсѣмъ удалась роль принцесы бульонской. Странно, почему это г-жѣ Дюжиковой вѣчно даютъ роли злодѣекъ. Въ игрѣ ея такъ много нѣжности и теплоты, что при исполненіи роли злодѣекъ ей приходится говорить неестественнымъ голосомъ и невольно впадать въ мелодраматичный тонъ. Изъ прочихъ исполнителей выдавался г. Петипа, очень удачно исполнившій роль абата. Г. Сазоновъ былъ только не дуренъ; не надо забывать, что роль его самая благодарная въ пьесѣ и при мало-мальски приличномъ исполненіи она обезпечиваетъ успѣхъ артисту. Г. Горевъ очень слабо сыгралъ свою роль Морица саксонскаго; онъ былъ до крайности холоденъ; между тѣмъ эта роль даетъ хорошій матеріалъ для исполнителя и талантливый актеръ могъ-бы многое сдѣлать изъ нея. Также трудно представить себѣ болѣе вялое и апатичное исполненіе, какимъ подарила публику г-жа Подобѣдова 2-я; казалось, ей тяжело играть. Не лучше-ли было замѣнить ее г-жей Хлѣбниковой 2-й, которая несравненно болѣе подходитъ къ этой роли. Здѣсь прямо видѣнъ промахъ режисера. Но еще болѣе замѣтенъ онъ въ отсутствіи ансамбля при исполненіи «Адріены Лекувреръ», которое было вялымъ и скучнымъ.

— **Новый потопъ.** Съ Филипинскихъ острововъ сообщаютъ о страшномъ бѣдствіи, разразившемся надъ городомъ Манилой. 19 (31) августа съ востока подулъ съ необычайной силой мусонъ; вскорѣ образовались сплошныя свинцово-синія тучи и разразились ужаснѣйшимъ ливнемъ. Воцарилась наводящая ужасъ темнота. Дождь безъ перерыва шелъ втеченіи 227 часовъ, въ совершеннѣйшей темнотѣ; въ довершеніе ужаса послышался подземный гулъ, затѣмъ трескъ, земля буквально колебалась, зданія разрушались. На шестой день ливень прекратился, выглянуло солнце и освѣтило печальную картину опустошенія и разрушенія; роскошнаго города Маниллы не существовало; вмѣсто него груды развалинъ и масса человѣческихъ труповъ. Уцѣлѣлъ одинъ сторожевой баракъ, да нѣсколько лачугъ въ окрестностяхъ.

— **Изверженіе вулкана.** Въ Гватемалѣ въ ночь на 29 августа (10 сентября) на восточномъ склонѣ сопки Фуэго поднялся обильный паръ, затѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ раздался сильнѣйшій подземный трескъ, сопровождаемый гуломъ; еще минута—и громадный снопъ пламени поднялся на высоту почти до зенита. Лава хлынула въ разныя стороны, образовавъ огненные потоки; всѣ окрестные селенія уничтожены, все живое погибло. Изверженіе продолжается.

— **Памятникъ Кореджіо.** Въ Неаполѣ воздвигнутъ монументъ великому художнику, открытіе котораго послѣдуетъ въ день памяти его рожденія 1-го октября.

— **Примѣненіе электричества къ движенію.** Опыты надъ примѣненіемъ электричества къ движенію увѣнчались успѣхомъ; въ настоящее время въ Соединенныхъ штатахъ, между Нью-Іоркомъ и Нью-Джерсеемъ, на протяженіи 8-ми миль, ходятъ поѣзды въ 18 платформъ, приспособленныхъ для публики; поѣздъ двигается электричествомъ.

— **Нѣкоторыя статистическія свѣденія о Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ.** Въ Correspondance Américaine мы читаемъ: Судя по извѣстіямъ, которыя мы имѣемъ подъ рукою и которыя почерпаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, мы узнаемъ изъ статистики вывоза, что въ послѣднемъ мѣсяцѣ въ Европу было вывезено 133,000,000 четвертей хлѣба; отправка этого громаднаго количества хлѣба требуетъ 325 судовъ; изъ нихъ 146 паровыхъ, 24 трехмачтовыхъ, 144 паруснымъ и 11 бриговъ. Не надо удивляться числу употребляемыхъ пароходовъ, хотя можетъ показаться не нормальнымъ явленіемъ, что отправители испытываютъ большія затрудненія для перевозки своего груза, такъ какъ устройство не всѣхъ судовъ допускаютъ нагрузку хлѣба. Если положиться на статистическія свѣденія, то найдемъ, что̀ нагрузка хлѣба, предназначаемаго въ Европу, въ сентябрѣ мѣсяцѣ достигнетъ громадной цифры: 150,000,000 четвертей.

Всѣ суда, годныя для перевозки хлѣба, уже наняты и контракты съ компаніями пароходствъ, ведущими правильные рейсы съ Европою, заключены уже до 1-го ноября.

Перепись населенія въ 1880 году только что состоялась въ Соединенныхъ штатахъ. Изъ отчетовъ, частью точныхъ, частью приблизительныхъ, цифры которыхъ все-таки не должны значительно удаляться отъ дѣйствительности, видно, что численность населенія тридцати восьми штатовъ и десяти територій (исключая Аляски, Новой Мехики, Вашингтона и Йоминга) простирается до 49,865,142 человѣкъ. Эти же четыре небольшія територіи только округляютъ это общее число—все населеніе составляетъ 50 миліоновъ человѣкъ; прибавка противъ 1870 года будетъ въ 11,700,000 т. е. приращеніе болѣе чѣмъ на 30%. Такое увеличеніе нигдѣ не встрѣчается.

New York Herald о хлопчато-бумажной дѣятельности Соединенныхъ штатовъ говоритъ слѣдующее: На югѣ замѣчается дѣятельность, дотолѣ неслыханная, и хлопчато-бумажныя фабрики умножаются съ невѣроятной быстротой.

Въ одной Алабамѣ считаютъ 60,000 шпилекъ и 900 ткацкихъ станковъ съ 2,500 рабочими и капиталомъ больше чѣмъ въ 1,000,000 доларовъ. Георгія имѣетъ 200,000 шпилекъ и отъ 5-ти до 6,000 станковъ, 10,000 рабочихъ и около 5,000,000 капитала.

Сѣверная Каролина имѣетъ болѣе 100,000 шпилекъ и 1,500 станковъ; Мисисипи 30,000 шпилекъ и 800 станковъ. Затраченный капиталъ равняется приблизительно 10 миліонамъ доларовъ, а число рабочихъ доходитъ до 20 тысячъ.

— **Гоненіе на табакъ въ Абиссиніи.** Король Іоаннъ издалъ декретъ, воспрещающій потребленіе въ его государствѣ табаку подъ страхомъ тяжкихъ наказаній. Надъ исполненіемъ этого закона наблюдаетъ теперь цѣлая армія надсмотрщиковъ, разсѣянныхъ по всей странѣ. Въ силу этого закона, если въ куреніи попадется лицо изъ «страны львовъ» и довольно богатое, оно подвергается штрафу, состоящему изъ одного мула, и при этомъ ему дѣлается строгое предупрежденіе. Бѣдные-же люди подвергаются тѣлесному наказанію; но большею частью ихъ увѣчатъ какимъ-нибудь образомъ, напр., отрѣзываютъ нижнюю губу. Тѣ изъ курильщиковъ, которые будутъ арестованы въ Амгарѣ, по ту сторону рѣки Таказіе, подлежатъ еще болѣе тяжелому наказанію, такъ какъ судятся самимъ королемъ или его совѣтомъ: они должны лишиться руки или ноги. Впрочемъ, это жестокое наказаніе еще не примѣнялось; пока удовлетворялись тѣмъ, что у преступника конфисковали все его имущество и выпускали на свободу. Декретъ короля Іоанна служитъ офиціальнымъ подтвержденіемъ запрещенія, объявленнаго еще въ 1869 году въ Аксумѣ однимъ абиссинскимъ монахомъ. По словамъ этого фанатика, въ тотъ день, когда Іисусъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ, всѣ земные злаки засохли; только одинъ дьявольскій злакъ, табакъ, остался цѣлъ, въ полномъ своемъ цвѣтѣ; поэтому всѣ курильщики или нюхальщики табаку—богопротивники и, какъ таковые, должны быть строго наказуемы.

— **Замѣчательныя иконы.** «Донскія Областныя Вѣдомости» передаютъ, что въ одной изъ слободъ области войска Донского находится очень интересная вещь: на рыбѣ камбалѣ написаны двѣ иконы—знаменія Божіей Матери и усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи. Работа очень недурна, хотя отъ времени иконы и потускнѣли. Эта интересная вещь находится въ слободѣ, въ которой церковь построена супругою генерала Краснощекова въ прошломъ столѣтіи, такъ что церкви насчитываютъ около 139 лѣтъ существованія.

— **Выходяшій изъ ряду случай.** Въ газетѣ «Берегъ» описанъ слѣдующій случай удивительнаго спасенія ребенка. Бьернеборгская газета «Satakunta» разсказываетъ, что во время послѣдняго рейса парохода «Ваза» на югъ, пасажиры были свидѣтелями необыкновеннаго случая, котрый произвелъ на нихъ глубокое впечатлѣніе. На пароходѣ ѣхала дама съ миловиднымъ полугодовымъ ребенкомъ, который вскорѣ сдѣлался общимъ любимцемъ всѣхъ пасажировъ, поочередно носившихъ его на рукахъ. Случилось, что одна изъ нихъ уронила ребенка на цилиндрическій паровой котелъ, откуда онъ, къ ужасу всѣхъ очевидцевъ этого паденія, скатился въ двигавшіяся части машины, которыя втягивали и подталкивали его все глубже и глубже. Пасажиры были увѣрены, что дитя смято и раздавлено машиною, но, къ ихъ радости и удивленію, оно здравымъ и невредимымъ вскорѣ было вынесено на верхъ машинистомъ и возвращено рыдавшей матери. Машинистъ во-время замѣтилъ его въ работавшихъ частяхъ машины и быстрымъ движеніемъ руки успѣлъ вырвать его оттуда. Ребенокъ отдѣлался отъ опасности только синимъ пятномъ на лбу и даже не заплакалъ, освободившись отъ угрожавшей ему гибели.

— **Ископаемый городъ.** Въ Пассо-Мартино, близъ Катаніи, археологамъ посчастливилось натолкнуться на развалины извѣстнаго въ древности города Синеатуса, на рѣкѣ того-же имени, теперь совершенно высохшей, гдѣ нѣкогда Плиній писалъ свою исторію. На обломкѣ стѣны, по всѣмъ вѣроятіямъ, храма, хорошо сохранились надписи и пока еще ничего не найдено, чтобы свидѣтельствовало, что городъ существовалъ въ то время, когда уже господствовало христіанство. Предметы, до сихъ поръ найденные, принадлежатъ къ языческому періоду римской исторіи.

— **Исполинская цистерна.** Въ Помпеѣ отрыта громадная цистерна изъ цѣльнаго мрамора. Она имѣетъ видъ вазы; діаметръ ея 80 футовъ; высота съ пьедесталомъ 40 фут.; толщина стѣнъ этой исполинской чаши около 3 фут.; къ ней идетъ мраморная лѣстница съ широкими ступенями. Ваза найдена подъ грудами каменныхъ обломковъ.

— **Интересная находка.** Близъ береговъ Адербеншира, въ морѣ, водолазами найдена большая выкованная изъ желѣза пушка, длиною 8 футъ, съ рѣзнымъ вензелемъ и сохранившимся очертаніемъ портрета и подписью имени короля испанскаго Филипа II. Замѣчательно, что пушка эта имѣетъ выдвижную камеру и очевидно заряжалась круглымъ снарядомъ и съ казенной части. Этимъ доказывается, что предки наши знали удобства заряжанія орудій съ казенной части. Очевидно, эта пушка была на одномъ изъ кораблей, принадлежащихъ къ флотиліи, извѣстной подъ именемъ «испанской арманды».

— **Количество сахара, ежегодно потребляемаго въ Европѣ и Соединенныхъ штатахъ.** Статистикъ Бивортъ публиковалъ недавно слѣдующія цифровыя данныя о количествѣ сахара, потребляемаго ежегодно различными государствами Европы, а также и Соединенными штатами. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Великобританія, потребляющая ежегодно 900,000 тоннъ (т. е. 54,000,000 пудовъ), что составляетъ на каждаго жителя въ годъ 29 килограмовъ и 350 грамовъ (около 70 фунтовъ). За Великобританіей слѣдуетъ Германія, на долю которой приходится въ годъ 280,000 тоннъ (16,800,000 пудовъ) сахара или $6^1/_2$ килогр. на человѣка; Франція употребляетъ 265,000 тоннъ (15,900,000 пудовъ), а каждый ея гражданинъ среднимъ числомъ потребляетъ въ годъ 7 килогр. 350 грам. сахара. Россія потребляетъ въ годъ 250,000 тоннъ, т, е. 15,000,000 пудовъ сахара, что составляетъ на каждаго жителя 3 килогр. и 90 грам., т. е. нѣсколько болѣе 7 фунтовъ Австрія потребляетъ 200,000 тоннъ (12,000,000 пуд.) или на человѣка 5 килогр. 550 грам. На долю Италіи приходится 90,000 тоннъ (5,400,000 пуд.), а на каждаго ея обитатель 3 килогр. 250 грам. Наконецъ въ Турціи потребленіе сахара въ годъ составляетъ 25,000 тоннъ (1,500,000 пуд.), а на каждаго жителя приходится 1 килогр. 580 грам. Такимъ образомъ оказывается, что по числу народонаселенія, изъ всѣхъ названныхъ выше европейскихъ государствъ, наименьшее количество сахара потребляется въ Турціи, а затѣмъ въ Россіи. Великобританія потребляетъ этого продукта почти въ 3 раза болѣе, чѣмъ Австрія, Италія и Турція взятыя вмѣстѣ и въ 4 раза болѣе, чѣмъ каждое изъ остальныхъ упомянутыхъ выше государствъ. Даже Соединенные штаты уступаютъ Великобританіи, такъ какъ количество ежегодно потребляемаго тамъ сахара равняется 800,000 тоннамъ (54,000,000 пуд.) или на каждаго жителя 16 килогр. 660 грам. Наконецъ, во всей Европѣ ежегодно потребляется 2,223,000 тоннъ сахара (133,980,000 пудовъ), что, среднимъ числомъ, составляетъ на человѣка 7 килогр. 300 гр. т. е. около $17^1/_4$ фунтовъ.

* * *

Шахматный отдѣлъ.

Слѣдующая партія играна по консультаціи 14 іюля 1880 г. въ кёльнскомъ шахм. клубѣ; гг. Гаммахеръ, Кокелькорнъ, Лефманъ и Веммерсъ играли бѣлыми противъ барона фон-Оппенгейма и Цукерторта.

ПАРТІЯ № 20.

Шотландская партія.

Бѣлые	*Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. К g1—f3	2. К b8—c6
3. d2—d4	3. e5 : d4
4. К f3 : d4	4. С f8—c5
5. С c1—e3	5. Ф d8—f6
6. c2—c3	6. К g8—e7
7. С f1—c4	7. К c6—e5 *a*
8. С c4—e2	8. Ф f6—g6
9. 0—0	9. d7—d5 *b*
10. e4 : d5	10. С c8—h3
11. С e2—f3	11. 0—0—0
12. К b4—c6 *c*	12. b7 : c6!
13. С e3 : c5	13. К f6 : d5
14. Ф d1—e2	14. К e5 : f3 †
15. Ф e2 : f3	15. К d5—f4
16. К b1—a3 *d*	16. Л d8—d3!
17. С c5—e3	17. К f4—e2 †
18. Кр g1—h1	18. С h3—g4!

Бѣлые сдались.

Примѣчанія къ партіи:

a) Въ матчевой партіи г. Чигорина съ г. Шифферсомъ здѣсь было играно 7. d7—d6, на что послѣдовалъ отвѣтъ 8. f2—f4. Ходъ 7. К c6—e5 лучше хода d7—d6.

b) Довольно энергичная атака, которую черные ведутъ и до конца игры.

c) Чтобы уменьшить нѣсколько атаку слѣдовало играть 12. К d4—f5.

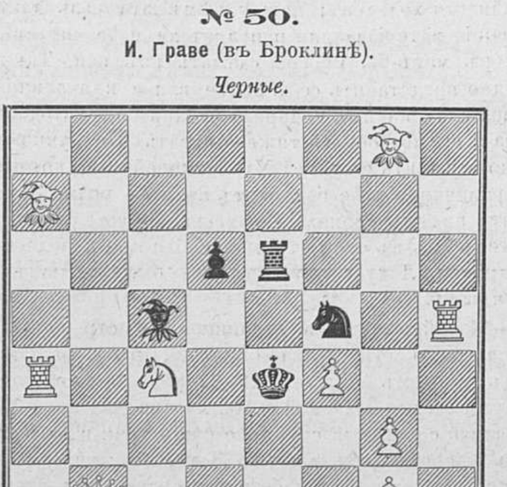
d) Бѣлые уже не могутъ отразить атаку. Если 16. g2—g3, то С h3 : f1; 17. Ф f3 : f4, Л d8—d1.

ЗАДАЧИ.

№ 50.

И. Граве (въ Броклинѣ).

Черные.



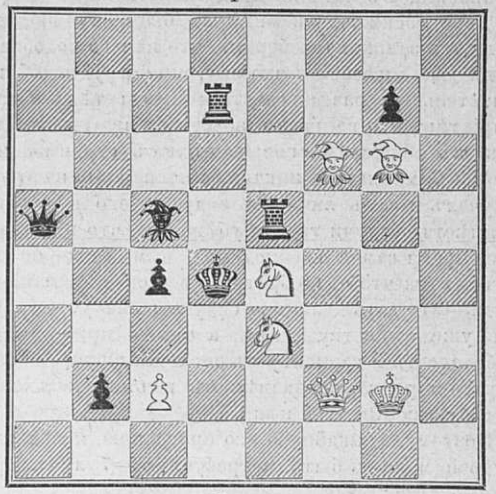
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

№ 51.

К. Байера.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшенія задачъ (въ № 32 и 34).

№ 45. Е. Прадиньята.

1. $\frac{\text{Ф}\,h1-b1}{\infty}$ 2. Ф или К X

Рѣшили: *Н. Даржанъ*, *В. Бинштокъ*. Приславшіе рѣшеніе, начинающееся ходомъ 1. Ф h1—h7, ошибаются.

№ 46. Д. Кларка.

1. $\frac{\text{Л}\,g1-g4}{\text{С}\,h1-e4!}$ 2. $\frac{\text{Ф}c3-a3\dagger}{\text{Кр}\,c5:d4}$ 3. К d2—f3 X

№ 47. С. Гольда.

1. $\frac{\text{К}b2-c4}{\infty}$ 2. Ф или К X. Рѣшилъ *«Новгородецъ»*.

Опечатка въ № 36. Въ предложенномъ къ разрѣшенію концѣ партіи Стейница, король черныхъ стоитъ не на g7, какъ напечатано, а на g8.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 38-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 20 сентября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 22 сентября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3-хъ част. **М. Ф. Каменской.**—Смерть казака, стих. **В. Львова.**—Зарока не давай, комед. въ 3 дѣйст. **Альфреда де-Мюссе**, пер. **С. А. Боборыкиной.**—Изъ Л. Аккерманъ, стих.—Школа французскихъ импресіонистовъ, ст. **Дилетанта.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Стефенъ Митчель, пов. изъ флоридск. жизни **М-съ Робинзъ**, перев. **А. А. Разсказовой.** — Внутреннее обозрѣніе.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: Борисъ Годуновъ, рис. **В. Шварца.**—Микель-Анджело Буонаротти.—За пивомъ, карт. **Гуго Кауфмана.**—Послѣ бала, карт. **Анри Жерве.**—Микель-Анджело у гроба Викторіи Колонна, карт. **Франческо Джаковачи.** — Одинъ рисунокъ къ роману «Стефенъ Митчель».—Въ мастерской художника, карт. **Сипневскаго.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

Вышла новая книга

В. И. Немировича-Данченко

ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

Очерки и впечатлѣнія русскаго корреспондента въ Освобожденной Болгаріи.

Служитъ продолженіемъ «Года войны» того-же автора. 340 страницъ, цѣна 2 рубля.

Рецензіи въ «Вѣстникѣ Европы», «Отечественныхъ Запискахъ», «Голосѣ», «Новомъ Времени», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Сынѣ Отечества», «Temps» и другихъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ П. Е. Кехрибарджи. Невскій, д. № 32.

При этомъ нумерѣ разсылается гг. иногороднымъ подписчикамъ объявленіе отъ книгопродавца **Земскаго.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 сентября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 40. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ.

За полгода — 4 рубля. **4 Октября 1880 г.**

Тучка.

Стих. **Д. Мережковскаго.**

Я съ думой гляжу на закатъ потухающій,
По облачкамъ пѣжнымъ румянцемъ играющій.
Лучъ жаркій съ воздушпою тучкой лобзается
И пурпуромъ страстнымъ она зажигается.
Но тучка прозрачна, но тучка нѣжна,—
Подъ знойнымъ лобзаньемъ растаетъ она..

О, если-бъ я могъ быть той тучкой небесною!..
Такою-жь прозрачной, такою-жь прелестною,
Растаять отъ знойнаго солнца лобзанія,—
Погибнуть той смертью безъ мукъ, безъ страданія:
Съ высокаго неба на землю взглянуть—
И въ морѣ лучей безъ слѣдовъ потонуть!..

* * *

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава XIX.

Еще страшнѣе сталъ послѣ похоронъ генерала старый барскій домъ въ Дреминѣ.

Въ залѣ всѣ сторы остались спущены, картины и зеркала завѣшаны. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояло тѣло Сергѣя Александровича, въ углу передъ образомъ горѣла желтая колода и грамотные мужики попеременно читали въ носъ и на-распѣвъ день и ночь псалтырь. Заунывное это чтеніе слышалось далеко по дому и наводило на всѣхъ грусть и тоску. Лакеи и горничныя въ плёрезахъ ходили на цыпочкахъ, точно боялись разбудить кого-нибудь. Маменька Елизавета Никитишна, тоже одѣтая въ глубокій трауръ, бродила, какъ тѣнь, съ своимъ старымъ Фомкой по комнатамъ.

Лёло каждый день ходила въ церковь, стояла обѣдню, панихиду и усердно молилась за покойнаго генерала. Изъ церкви, не смотря на холодъ и вьюгу глубокой осени, всякій разъ заходила на могилу Сергѣя Александровича и раздавала милостыню за упокой души его. Возвратясь домой, Лёло поднималась прямо наверхъ, гдѣ въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, подлѣ дѣтской сына, помѣстилась она послѣ смерти Сергѣя Александровича. Цѣлый день проводила она тамъ, играла, возилась съ ребенкомъ и уходила къ себѣ только тогда, когда малютку укладывали спать на ночь.

Когда начинало смеркаться, на Лёло нападалъ страхъ. Отъ каждаго шороха она вздрагивала. Ей начинало чудиться, что шевелятся занавѣски, что кто-то все трогаетъ дверь. Проворно зажигала она свѣчи, звала къ себѣ Матрену, заставляла ее скалывать булавками плотно занавѣски и запирала дверь на ключъ. Весь вечеръ не отпускала она отъ себя Матрену ни на шагъ, а на ночь зазывала ночевать къ себѣ въ комнату еще двухъ горничныхъ дѣвушекъ. И не смотря на это, всѣ ночи проводила въ какомъ-то лихорадочномъ страхѣ и засыпала только тогда, когда всходило солнце. Петра Петровича Лёло просто бѣгала и боялась съ нимъ встрѣтиться. Страшная борьба была въ ея душѣ. Она сильно скучала, проводя цѣлые дни безъ Петра Петровича; ей всякую минуту хотѣлось позвать его, чтобы взглянуть на него, поговорить съ нимъ, и она останавливала себя отъ этого всею силою своей воли. Она знала, что ей стоитъ только сойдтись съ нимъ, взглянуть на него и пойдутъ опять тѣже поцѣлуи, таже любовь. Странно, а Лёло было стыдно и страшно дѣлать въ домѣ покойнаго мужа, что она дѣлала при живомъ и почти на глазахъ его. «Потерплю теперь, сдержу свое слово, исполню долгъ мой. Пройдетъ годъ... годъ—это не вѣчность! А тамъ выйду замужъ за Петю и всю жизнь буду любить его, всю жизнь буду вѣрная жена... Неужели и тогда Богъ не проститъ меня?.. Господи! да не могла-же я любить генерала!..» думала сама съ собой Лёло, сама обвиняла, сама оправдывала и сама утѣшала себя.

Петръ Петровичъ тоже скучалъ одинъ. Всякій день по нѣсколько разъ разспрашивалъ Матрену объ барынѣ, зналъ все, что дѣлалось съ Лёло, чувствовалъ по себѣ, что она не можетъ не скучать по немъ, и нѣсколько разъ порывался нарушить данное слово, влетѣть къ Лёло, разсмѣшить, расцѣловать ее, прогнать и страхъ, и слезы, и обѣтъ, и зажить съ ней по прежнему. Но одно его останавливало: зная характеръ Лёло, онъ думалъ, что переломить ее не во-время—только продлить еще долѣе ея раскаяніе и слезы; а если дать ей выплакаться въ волюшку, безъ помѣхи, такъ она скорѣй успокоится и безъ раскаянія придетъ къ нему сама. Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти генерала, Петръ Петровичъ вспомнилъ, что Лёло еще не извѣстила матери своей о потерѣ мужа; ему показалось это неловко и онъ вошелъ въ комнату Лёло, чтобы напомнить ей написать письмо.

Лёло вспыхнула отъ удовольствія, увидѣвъ Петра Петровича.

Въ комнатѣ никого не было. Котиковъ подошелъ и поцѣловалъ ей руку.

— Прости, что я нарушилъ мое слово, Лёлька, я пришелъ напомнить тебѣ только, что ты еще не написала къ твоей матери о смерти мужа... Не хорошо, коли она узнаетъ это отъ постороннихъ.

— Ахъ, Петръ Петровичъ, я ужь объ этомъ думала. Да я не могу писать. Все, что я не напишу, будетъ ложь и обманъ... это скверно... гадко... Я не могу больше лгать.

— Помилуйте, ваше превосходительство, развѣ это обманъ, что генералъ скончался?

— Зачѣмъ вы называете меня ваше превосходительство?.. вдругъ, взглянувъ въ глаза Котикову, спросила удивленная Лёло.

— Зачѣмъ вы назвали меня Петромъ Петровичемъ, Елена Михайловна!..

— Ахъ, Петя! я называю тебя такъ потому, что не хочу быть съ тобой въ это время, какъ прежде. Развѣ ты не понимаешь меня? Когда я назову тебя Петей, мнѣ хочется кинуться къ тебѣ на шею и поцѣловать тебя,—а теперь этого нельзя... это грѣхъ...

— Понимаю! А если вы со мной не какъ прежде, если это грѣхъ, стало быть, я вашъ управляющій, а вы моя барыня, и я долженъ говорить вамъ: ваше превосходительство!

— Вотъ видишь, Петя, ты сердишься... а я такъ просила тебя помочь мнѣ исполнить мой долгъ.

— Я не сержусь, ваше превосходительство, и если я нарушилъ данное вамъ слово, такъ это только для того, чтобы напомнить вамъ другой долгъ, извѣстить вашу матушку о вашей потерѣ.

— Я тебѣ говорю, Петя, что я не могу писать... Написать, что я въ отчаяніи, что мнѣ жаль мужа, что я скучаю... Да мнѣ самой будетъ противно, если я это напишу... а написать просто, холодно, что подумаютъ обо мнѣ мать и братъ? Нѣтъ, я не умѣю, не умѣю писать объ этомъ.

— Такъ прикажите мнѣ написать за васъ,—это нисколько не удивитъ вашу матушку, что въ такомъ страшномъ горѣ вы не могли писать сами.

— Это все ложь, я не хочу!..

— Это будетъ послѣдняя ложь, Елена Михайловна.

— Да, Петя, пусть это будетъ послѣдняя моя ложь, но я не позволю тебѣ лгать изъ-за меня. Хорошо!.. Я сама напишу къ матери, солгу и больше мнѣ никогда уже не придется говорить неправду... Скоро я начну новую жизнь и въ этой жизни все будетъ правда, все чисто, все свѣтло...

— Какой вы славный дуракъ, ваше превосходительство!

— Прелесть моя!.. Радость моя!.. Ты любишь меня?.. вскрикнула Лёло и бросилась къ Петру Петровичу.

— Не люблю... Кто можетъ любить такого дурака?.. крѣпко цѣлуя Лёло, сказалъ Котиковъ.

— Вотъ видишь, Петя, я и не выдержала... Не даромъ я отъ тебя бѣгала, я знала, что какъ только я сойдусь съ тобой, такъ и забуду все... А послѣ, когда останусь одна, начну раскаяваться, плакать... Пожалѣй-же меня, не ходи ко мнѣ, не говори со мной... Потерпимъ немного... годъ траура скоро пройдетъ, тогда мы женимся и совѣсть наша не будетъ упрекать насъ хоть въ томъ, что мы не могли выдержать даже этого короткаго срока...

— Принимаю ваше лестное предложеніе, ваше превосходительство! А вотъ одно только — знаете-ли вы хорошо, сколько дней въ году? Въ моей азбукѣ помнится было сказано: триста шестьдесятъ пять дней!.. Такъ какъ вы объ этомъ думаете, хватитъ-ли у насъ съ вами силы и терпѣнія играть триста шестьдесятъ пять дней въ гулючки, прятаться и нарочно не находить другъ друга... Я за себя не ручаюсь, я могу въ одинъ прекрасный день найдти васъ, вытащить изъ вашей засады и отъ долготерпѣнія расцѣловать васъ при всѣхъ, кто бы тутъ ни былъ.. Жениться, положимъ, можно подождать, а ужь и не видаться—это, кажется, лишнее?.. Теперь же мы такіе близкіе сосѣди... Знать, что между нами только двухъ-аршинный коридоръ... это вѣдь трудно, ваше превосходительство!

Лёло стояла, задумавшись.

— Лёлька, вѣдь трудно?..

— Конечно, трудно, Петя... Ну, знаешь что, перейди ты внизъ, ты вѣдь не боишься генерала?

— Да чего мнѣ его бояться: мы съ нимъ друзья были.. Перейдти внизъ можно, только это выйдетъ мѣра насильственная, а я насильственныхъ мѣръ терпѣть не могу и всегда иду имъ наперекоръ... Снизу-то я какъ разъ черезъ двѣ ступеньки влечу наверхъ и учиню какой-нибудь скандалъ... Нѣтъ, ужь лучше я останусь въ своей кануркѣ и буду терпѣливо ждать окончанія карантина, буду ждать, когда моя барыня придетъ ко мнѣ сама и выведетъ меня изъ управляющаго въ санъ барина...

— Умница!.. добрый!.. хорошій!.. подожди немного. Ну, хоть полгода!..

— Не долго-ли?.. Въ полугодѣ-то сто восемьдесятъ два дня съ половиною...

— Конечно, это долго... Знаешь, Петя, хочешь, будемъ видѣться всякій день? Только не здѣсь, не у меня, а въ дѣтской у Сережи...

— При мамкѣ и при младенцѣ?.. Не глупо придумано... Славная баррикада для траурныхъ дней... Уморительная ты фигура, Лёлька... Изъ одной оригинальности твоей выдумки стоитъ пустить ее въ ходъ... Ну, быть по твоему, будемъ видѣться, какъ два преступника, подъ зоркимъ окомъ часового-мамки и при невидящемъ окѣ невиннаго ангела.

Въ коридорѣ послышались шаги; Петръ Петровичъ наскоро поцѣловалъ Лёло и проворно вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одна, Лёло тотчасъ-же написала письмо къ матери и отправила его на почту. Въ эту ночь Лёло меньше боялась генерала, она даже забыла приказать Матренѣ зашпилить занавѣски на окнахъ. И если ей не спалось, то не отъ страха... Много, много хорошаго, веселаго передумала она до зари и уснула сладкимъ, спокойнымъ сномъ.

Съ слѣдующаго-же дня начались свиданья въ дѣтской и продолжались такъ всякій день. Очень чинно велъ себя Петръ Петровичъ при караульномъ въ сарафанѣ. Но, на бѣду, въ часъ свиданья маленькій Сережа начиналъ хмуриться, пищать и мамка, убаюкавъ его, и сама безъ церемоніи ложилась прикорнуть, чтобы не потерять золотого времени. Скоро раздавался въ дѣтской здоровый храпъ молодой бабы и тогда карантинъ не очень свято выдерживался...

Наканунѣ сорокового дня, Петръ Петровичъ рано утромъ прислалъ спросить у Лёло, можетъ-ли онъ войдти переговорить объ дѣлѣ? Лёло приказала просить. Петръ Петровичъ вошелъ и притворилъ за собою дверь.

— Лёлька! вотъ письмо; кажется, отъ твоей матери... сказалъ Котиковъ, поздоровавшись съ Лёло.

— Да, это отъ маменьки, ея рука...

Лёло сорвала конвертъ, пробѣжала нѣсколько строчекъ и начала улыбаться.

— Секретовъ вѣдь нѣтъ, Лёлька? Читай вслухъ, я смерть люблю такія посланія...

— Нѣтъ, Петя, я послѣ одна дочитаю...

— Вѣрно, что-нибудь раздирательное?.. Дай, пожалуйста, мнѣ прочесть! присталъ Петръ Петровичъ.

— Нѣтъ, Петя, не дамъ, ты смѣяться будешь...

— А сама-то ты развѣ не смѣялась?... Давай!.. давай!.. и Котиковъ вырвалъ письмо.

Лёло старалась выхватить его, но Петръ Петровичъ поднялъ высоко руку и началъ читать: «Другъ ты мой, дочь ты моя, какое страшное горе насъ поразило! Нѣтъ на свѣтѣ нашего ангела генерала; подлинно, что Господь подаетъ силу людямъ; кто-бы сказалъ, что мы съ тобой живы послѣ такого ужаснаго удара»!

— Отдай... отдай мнѣ письмо, Петя... Я тебя прошу!.. Коли любишь, отдай! прыгая около Петра Петровича, чтобы достать письмо, умоляла Лёло.

Котиковъ, поднявъ еще выше руку и вертясь во всѣ стороны отъ Лёло, урывками продолжалъ читать!

«Конечно, надо утѣшать себя хоть... своимъ... испытанія свои... ангелу генералу тамъ..»

Лёло вспрыгнула и вырвала письмо.

— Лёлька, голубушка, отдай!.. бѣгая за Лёло, просилъ Петръ Петровичъ.

— Не дамъ... не дамъ! прячась, кричала Лёло.

Котиковъ опять вырвалъ письмо. Лёло надулась и сѣла на диванъ.

— Послушай, Лёлька, вотъ тутъ что-то очень хорошо... и Котиковъ прочелъ: «Марья Петровна ждетъ послѣ ангела нашего какого-то наслѣдства»...

— Какая это Марья Петровна? спросилъ Котиковъ, прервавъ чтеніе.

— Это племянница Сергѣя Александровича и другъ маменьки...

— Такъ она отъ ангела хочетъ того... понятно... посмотримъ, что дальше... «И хочетъ писать къ тебѣ, ужь я и не понимаю съ какой это стати!.. Седьмая вода на киселѣ! Когда у нашего ангела сынъ остался. Такъ напиши ты ей, коли ничего нѣтъ, чтобъ она отъ меня отстала! Надо тебѣ сказать, другъ мой, что я въ ней очень ошибалась, эта женщина большая интриганка. Прижмись къ моему сердцу!» И прочее.. и ни одной запятой, и все восклицательные знаки... Экая прелесть! Подари, Лёлька, это письмо въ мою колекцію...

— Ужь этого-то не будетъ... Отдай мнѣ его сейчасъ!..

— Извольте, ваше превосходительство, но помните, что вы нанесли мнѣ великую обиду и великій ущербъ моему собранію автографовъ и что потомство вамъ не проститъ этого!..

— Да полно, Петя, ты точно сумасшедшій: пришелъ говорить о дѣлѣ, а самъ врешь всякій вздоръ.

— Дѣло не медвѣдь, Лёлька, въ лѣсъ не уйдетъ. Дѣла ты хочешь,—вотъ тебѣ и дѣло: завтра генералу шесть недѣль...

— Я знаю, Петя... Какъ время-то скоро летитъ...

— Ну, что ты знаешь? Ничего ты не знаешь... Я пришелъ сказать тебѣ, что завтра послѣ обѣдни пріѣдутъ вводить во владѣніе наслѣдника генерала, а тебя въ опекунство надъ малолѣтнимъ, и ты примешь на свои руки все движимое и недвижимое имѣніе малолѣтняго и дашь обязательство хранить все въ цѣлости до совершеннолѣтія твоего сына. И тебѣ отдѣлятъ законную часть, которая слѣдуетъ вдовѣ. Понимаешь?

— Понимаю; да возьми ты все на себя, Петя, я, право, не умѣю...

— Молчи, дуракъ, и слушай!

— Ну, слушаю! улыбнувшись, сказала Лёло.

— Это вѣдь не такъ легко дѣлается, какъ ты думаешь: «Поди, Петя, и возьми все»... Не даромъ-же, какъ только умеръ генералъ, я далъ знать земской полиціи и она сейчасъ-же прискакала и сдѣлала опись всему имѣнію покойнаго Сергѣя Александровича. Не даромъ запечатали его кабинетъ. Завтра же вскроютъ два запечатанные пакета безъ подписи, которые лежатъ на столѣ генерала; можетъ быть, въ нихъ найдется духовная, тогда по ней и сдѣлается должное распоряженіе. Этому слѣдуетъ быть при свидѣтеляхъ. А какъ у генерала здѣсь близкихъ родственниковъ нѣтъ, кромѣ Елизаветы Никитишны, а она теперь сильно завирается и ее выпустить нельзя, то надо сказать, что она по болѣзни присутствовать при актѣ не можетъ и на ея мѣсто попросить кого-нибудь изъ значительныхъ сосѣдей.

— Кого-же надо пригласить, Петя?

— Да кого-же ближе, какъ не крестную мать и крестнаго отца Сережи. Ну, а третьяго — хоть священника, духовнаго отца покойнаго генерала. Къ тому же князь Норкинъ славный хозяинъ и я хочу, чтобы онъ видѣлъ, какъ я велъ дѣла покойнаго генерала, и сказалъ: хорошо или нѣтъ.

— Ахъ, Боже мой, къ чему же это? Развѣ я тебѣ не вѣрю, Петя; кто можетъ сомнѣваться въ твоей честности? Покойный Сергѣй Александровичъ всѣмъ говорилъ, что у тебя всѣ дѣла въ такомъ порядкѣ и что ты увеличилъ его доходъ съ имѣнія.

— Это все прекрасно, Лёлька, да вѣдь теперь Сергѣя Александровича нѣтъ, а я хочу, чтобы всѣ знали, что у меня все въ порядкѣ. Вотъ почему я и выбралъ княгиню Евгенію Дмитріевну и князя Норкина; если они скажутъ, что Котиковъ хорошій управляющій, такъ весь околотокъ закричитъ, что такого управляющаго, какъ Котиковъ, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ! А мнѣ это нужно...

— Какой ты самолюбивый, Петя, я этого не знала?

— Ты много, Лёлька, чего не знаешь...

— Я знаю, что ты мое золото, сокровище! Знаю, что я люблю тебя больше жизни... А больше ничего и знать не хочу...

— Ну, такъ разрѣшаешь ты мнѣ съѣздить отъ твоего имени просить завтра на панихиду княгиню и князя, а изъ церкви къ тебѣ?

— Дѣлай, дѣлай все, что хочешь, Петя, и, пожалуйста, не спрашивай меня; я въ дѣлахъ ничего не понимаю.

— Учись, Лёлька, ты вѣдь теперь важное лицо будешь—опекунша своего сына...

— А ты будешь мой опекунъ...

— Ладно... Прощай, голубка, пора ѣхать къ княгинѣ...

Петръ Петровичъ уѣхалъ.

Когда княгинѣ Черново-Свѣтинской доложили о пріѣздѣ Котикова, она тотчасъ-же приказала его принять и даже встала и пошла къ нему на встрѣчу.

— Здравствуй, милый! Какимъ это попутнымъ вѣтромъ тебя ко мнѣ занесло?.. а я думала, что ты меня и знать не хочешь: ждала, ждала и ждать тебя перестала, милостиво протянувъ руку Петру Петровичу, сказала Евгенія Дмитріевна.

— Простите, княгиня, каюсь, безъ вины виноватъ. Вы мнѣ не повѣрите, если я вамъ скажу, что страшно былъ занятъ все это время.

— Какъ-же... какъ-же... я знаю, что у тебя дѣла по горло... Одну вдовушку утѣшать сколько времени надо... Гдѣ ужь тутъ по старухамъ разъѣзжать... Ну, Господь съ тобой, повинную голову и мечъ не сѣчетъ... И теперь, вѣрно, нужда ко мнѣ загнала; ну, говори прямо, что тебѣ надо?.. Ужь не въ посаженныя-ли матери ты звать меня пріѣхалъ?

— Нѣтъ, это еще слишкомъ рано, княгиня... Завтра сороковой день послѣ смерти генерала и я пріѣхалъ просить васъ отъ имени Елены Михайловны пожаловать на панихиду, а послѣ присутствовать при открытіи бумагъ Сергѣя Алыксандровича.

— Понимаю, мой милый, понимаю... Пріѣду, пріѣду непремѣнно...

— Я еще хочу просить отъ имени Елены Михайловны присутствовать при этомъ и князя Норкина; можетъ быть, Сергѣй Александровичъ оставилъ духовное завѣщаніе, такъ лучше, если будутъ тутъ такія лица, какъ вы, княгиня, и князь Норкинъ. Къ тому же, вы были оба воспріемниками сына покойнаго генерала...

— Сына покойнаго генерала!.. Да, конечно, лучше, мой милый... Только ты напрасно думаешь, что Сергѣй Александровичъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Во-первыхъ, я бы это знала, ужь онъ бы мнѣ сказалъ, а во-вторыхъ, онъ такой трусъ былъ, такъ боялся смерти... А такіе люди никогда не дѣлаютъ завѣщаній, имъ всегда кажется, что какъ они только подпишутъ духовную, такъ изъ нихъ и духъ вонъ.

— Да, княгиня, генералъ очень боялся смерти послѣднее время... Это странно: съ молоду онъ столько видѣлъ смертей, самъ былъ герой 12-го года, обвѣшанный орденами... Какъ старость-то мѣняетъ людей!

— И полно, мой батюшка, что Сергѣй Александровичъ за герой! Да онъ и съ молоду былъ трусъ, я ужь вижу по сложенію, онъ былъ точно воробей... Топни только ногой и его нѣтъ. А шпага-то за храбрость, ордена, — такъ я убѣждена, что онъ все это съ перепугу нахваталъ... знаешь, какъ маленькія дѣти—чего боятся, на то и лѣзутъ... право, такъ!.. Къ чему бишь я это начала, мой милый?

— Мы говорили объ завѣщаніи, княгиня.

— Ахъ, да!.. Да нѣтъ никакого завѣщанія, вотъ тебѣ моя рука... Ну, скажи, мой милый, вѣдь опекуна надо выбрать хорошаго наслѣднику генерала? спросила вдругъ княгиня, глядя прямо въ глаза Котикову.

— Это ужь будетъ зависѣть отъ воли Елены Михайловны.

— Да чего же ей далеко-то искать, мой милый, ты у нея подъ рукой, а ужь я, положа руку на сердце, скажу, что этому генеральскому сыну никто такъ имѣнія не сбережетъ, какъ управляющій Котиковъ.

— Конечно, княгиня, за это и я поручусь.

— Такъ я тебя предложу, мой милый, и твой... ахъ, прости!.. генеральскій сынъ поблагодаритъ меня старуху, когда выростетъ...

Княгиня и Котиковъ улыбнулись.

— Позвольте проститься съ вами, княгиня, мнѣ еще надо заѣхать къ князю Норкину.

— И не ѣзди, мой милый, что лошадей по пустому гонять. Князь у меня сегодня обѣдаетъ; будь спокоенъ, я его завтра привезу.

— У меня еще будетъ просьба до князя: я хочу просить его проревизовать мои дѣйствія, пересмотрѣть мои книги... Я человѣкъ еще молодой, неопытный въ этомъ дѣлѣ; можетъ быть, я что нибудь и упустилъ въ хозяйствѣ, а князь, какъ извѣстный хозяинъ во всемъ околоткѣ, можетъ лучше всѣхъ указать мнѣ мои ошибки.

— Если ты этого хочешь, такъ это значитъ, что у тебя нѣтъ этихъ ошибокъ, что у тебя все въ такомъ порядкѣ, что и иголочки никто не подпуститъ... Изволь, изволь, я и эту твою просьбу передамъ князю. А меня-то ты въ хозяйствѣ развѣ ни за что не считаешь?.. Да ты развѣ не помнишь, кто у князя Петра все хозяйство велъ? Вѣдь я!.. А что у насъ развѣ дурно было? Я хоть баба, а маракую въ этомъ дѣлѣ... Постой, я тебѣ сама строгую ревизію задамъ! И не прогнѣвайся, найду что не хорошо, больно уши выдеру... Я вѣдь кого люблю, того и бью. Да, да, я тебя за умъ и за твои проказы полюбила. Я такихъ мужчинъ люблю, которые ложки мимо рта не проносятъ.. Полюбила, полюбила... А кого княгиня Черново-Свѣтинская полюбитъ, за того постоять съумѣетъ. Помни это!

— Не знаю, какъ благодарить васъ, княгиня, за вашу милость ко мнѣ!

— Не благодари, не благодари! Я еще у тебя въ долгу... Я давно ждала тебя, чтобъ облегчить свою совѣсть... Я передъ тобой много виновата... Теперь мы одни, насъ никто не слышитъ, будемъ говорить прямо.. Ты очень хорошо знаешь, чей ты сынъ?

— Знаю, княгиня.

— И то ты знаешь, что я тебѣ тетка?

— И то знаю, княгиня.

— Теперь дѣло прошлое. Надо говорить всю правду: я тебя терпѣть не могла...

— И это я зналъ, княгиня.

— Еще бы не знать! Я жестоко обошлась съ тобою послѣ смерти брата Петра. Не думай, однакожъ, чтобъ я тогда обманула тебя, Боже меня сохрани! Точно, твой отецъ не вспомнилъ тебя передъ смертью. Болѣзнь его такъ круто схватила, а при послѣднихъ минутахъ онъ былъ все безъ памяти. А вотъ это кольцо твое! Возьми его. Княгиня сняла съ пальца дорогой солитеръ и подала его Котикову.

— Что это за подарокъ, княгиня? Я не могу принять его, сказалъ Петръ Петровичъ, отодвигаясь.

— Это не подарокъ, мой милый, это кольцо твое! И въ томъ тебѣ покаюсь, какъ оно ко мнѣ на палецъ попало... Надо тебѣ сказать, что я страшная охотница до хорошихъ бриліантовъ. А въ этомъ, погляди, какая вода!.. Выслушай меня и ты возьмешь это кольцо. Въ то время, какъ ты, послѣ изгнанія твоего отъ насъ за поцѣлуй съ деревенской дѣвчонкой, отличался въ университетѣ, братъ Петръ ѣздилъ въ Петербургъ и вернулся оттуда съ этимъ кольцомъ на рукѣ. Я увидѣла, плѣнилась и начала выпрашивать его у брата. Онъ ни за что не хотѣлъ отдать его мнѣ и какъ теперь помню его слова; «не проси, сестра, не дамъ, это я Петрушкѣ купилъ, онъ у меня молодецъ, славно учится, надо потѣшить мальчишку». Вскорѣ отецъ твой простудился, занемогъ и умеръ воспаленіемъ въ мозгу. Съ мертваго я ужь сняла это кольцо и, признаюсь тебѣ, жаль мнѣ было съ нимъ разстаться. А тутъ еще ты написалъ мнѣ письмо, въ которомъ безъ церемоній величалъ меня тетушкой и справлялся объ наслѣдствѣ послѣ отца... Я разсердилась на тебя и совсѣмъ не хотѣла отдать этого кольца. А послѣ я тебя и изъ виду потеряла... Не встрѣться я съ тобой нечаянно у дурака помѣщика, гдѣ ты былъ гувернеромъ, я бы объ тебѣ совсѣмъ позабыла. Услышавъ твою фамилію, я взглянула на тебя и сходство твое съ братомъ Петромъ поразило меня. Признаюсь, не смотря на все мое предубѣжденіе къ тебѣ, ты мнѣ понравился съ перваго взгляда. И знаешь, чѣмъ понравился?

— Право, не знаю, княгиня! сказалъ, улыбаясь, Котиковъ.

— Понравился тѣмъ, что не подошелъ ко мнѣ и представился, что меня отъ роду въ глаза не видалъ. Я тутъ же, глядя на тебя, повернула кольцо на пальцѣ и подумала, что оно твое. На же, возьми его и помни, что тетка твоя, княгиня Черново-Свѣтинская, не забудетъ тебя, когда станетъ умирать.

Петръ Петровичъ молча надѣлъ кольцо на палецъ и поцѣловалъ руку княгини.

Княгиня поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, прощай, прощай, мой милый! Поѣзжай къ своей барынѣ и скажи ей, что я завтра буду непремѣнно.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Подъ снѣгомъ.

Стих. В. Юрьева.

I.

Покрытыя снѣгомъ поляны,
Замерзшіе рѣки, ручьи...
Туманы, густые туманы!
И,—луннаго свѣта струи.

Зеленыя сосны и ели
Такъ строго, сурово глядятъ
Свободно играютъ мятели,
И вольные вѣтры шумятъ.

Въ глубокомъ снѣгу утопая,
Охвачена тьмою ночной,
Чернѣетъ деревня большая;
Царитъ въ ней покой гробовой.

II.

Безмолвны поля снѣговыя
Подъ кровомъ тумана и тьмы.
Чернѣются рельсы стальныя
Чрезъ эти лѣса и холма.

Вотъ поѣздъ несется стрѣлою...
Грохочатъ десятки колесъ;
Вагоны ведя за собою,
Дымитъ и пыхтитъ паровозъ.

Послышался лай въ отдаленьи...
Фонарь паровоза блеснулъ
И свѣтъ отъ него на мгновенье
По крышамъ деревни скользнулъ.

Скользнулъ и пропалъ онъ... И снова
Деревня окутана тьмой,
И вѣтеръ уныло, сурово
Гудитъ, какъ въ трубѣ домовой.

А поѣздъ промчался по полю,
Бросая и дымъ, и огонь,
Какъ будто, попавшій на волю,
Сорвавшійся съ привязи конь!..

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

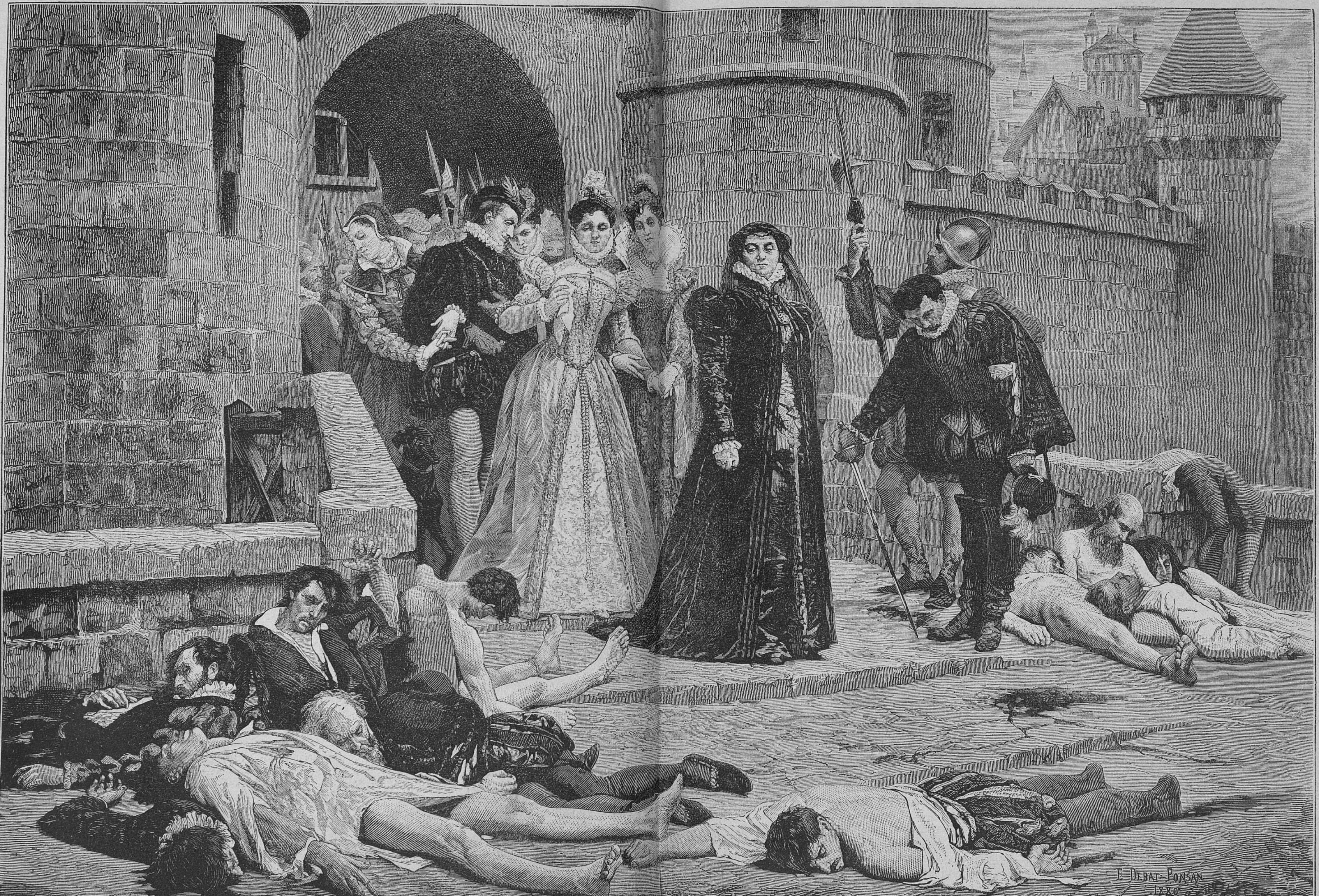
Глава VII.

Новое ремесло Жюля.

Когда Жюль почувствовалъ себя подъ крыломъ полиціи, которая всегда была до того времени его пугаломъ, онъ совѣмъ переродился. Но, главное, онъ имѣлъ теперь ремесло, общественное положеніе. На другой-же день онъ получилъ по почтѣ карточку, предоставлявшую ему полную свободу дѣйствій. Онъ смотрѣлся въ зеркало и не могъ удержаться отъ смѣха: онъ, Жюль, — блюститель общественной нравственности, призванный надзиратель за тѣмъ гнуснымъ міркомъ, среди котораго онъ до сихъ поръ жилъ! Онъ можетъ теперь пользоваться своими связями, злоупотреблять сочувствіемъ своихъ бывшихъ подругъ, чтобы легче излавливать ихъ! Бездѣльникъ находилъ все это очень натуральнымъ. По совѣту агента, завербовавшаго его, онъ одѣлся по-чище и сталъ похожъ на прина-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ДЕБА-ПОНСАНЪ.


E. DEBAT-PONSAN
1880

Ворота Лувра на другой день послѣ „Варфоломеевской ночи“.

Рѣзалъ на деревѣ по фотограф Брауна Тришонъ въ Парижѣ.

рядившагося по праздничному рабочаго. Но онъ не могъ стереть съ себя отпечатка того класса людей, къ которому онъ принадлежалъ. Онъ все-таки напоминалъ своей внѣшностію мазурика. Получивъ власть надъ позорною дичью, за которою ему поручено было присматривать, онъ безъ церемоніи пользовался тою, которая ему нравилась, и принуждалъ ее выкупать ласками свою свободу. Это дѣлало его новую жизнь еще болѣе пріятною.

Недѣли черезъ двѣ, онъ былъ призванъ къ Гюре и явился къ нему, трепещущій отъ страха, въ ожиданіи упрековъ; но приставъ, напротивъ, похвалилъ его.

— Отлично, Менге; я вижу съ твоей стороны усердіе, смѣтливость, осторожность. Очень хорошо. Мнѣ остается только хвалить тебя.

Жюль сіялъ.

— Я хотѣлъ испытать тебя, посмотрѣть, можешь-ли ты дѣйствовать, какъ умный человѣкъ. Теперь-же я поручу тебѣ болѣе важныя дѣла. Выслушай меня внимательно и запомни все, что я тебѣ скажу.

— Я весь вниманіе.

— Теперь ты будешь имѣть дѣло не съ простыми проститутками, а съ развратными женщинами, но имѣющими извѣстное положеніе. Ты понимаешь, что малѣйшая ошибка можетъ быть чрезвычайно опасна. Необходимо дѣйствовать осмотрительно, хладнокровно и, въ особенности, осторожно. Когда ты задержишь женщину, то устрой такъ, чтобы она не могла собрать вокругъ себя публику, которая, какъ и всегда, приняла бы ея сторону и побѣжала бы описывать исторію въ газетахъ.

— Понимаю, г. Гюре; разъ она будетъ въ моихъ рукахъ — дѣло кончено! и знать объ этомъ будемъ только вы да я.

— Именно.

— Но для этого нужно дать мнѣ точныя указанія, чтобы я не ошибся.

— Это не трудно: ты зорко слѣдишь за тою, которая тебѣ указана, не упускаешь ее изъ вида и принимаешь мѣры только тогда, когда можно накрыть ее на дѣлѣ, т. е. когда она будетъ говорить съ мужчиной и когда ея жесты, слова и движенія обратятъ на себя твое вниманіе.

— Понимаю; пока она смирна, я не трогаюсь съ мѣста.

— Если бы такъ, то дѣло было бы слишкомъ легко и я не имѣлъ бы надобности спеціально обращаться къ тебѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я васъ не понимаю.

— Тѣмъ хуже, а дѣло просто. Искуство твое должно состоять именно въ томъ, чтобы принудить ее тѣмъ или другимъ способомъ обнаружить себя. Нужно или напустить на нее кого-нибудь, или вовлечь ее въ исторію, чтобы создать, по крайней мѣрѣ, кажущіяся улики противъ нея, и затѣмъ накрыть ее на самомъ фактѣ, дѣйствуя быстро во избѣжаніе скандала. Словомъ, ты понялъ меня? Главное, будь остороженъ. Арестуй безъ скандала, втихомолку. Нужно разставлять ловушку тому, кого слѣдуетъ взять, чтобы по возможности оставаться въ предѣлахъ легальности.

— Или по наружности, прибавилъ Жюль.

— Именно. Значитъ, ты понялъ.

— Но какъ я долженъ поступать при задержаніи?

— Такъ-же, какъ ты поступалъ въ другихъ случаяхъ.

— То есть позвать агента и отвести женщину на полицейскій постъ?

— Такъ; но въ извѣстныхъ случаяхъ, которые я тебѣ укажу, ты обязанъ немедленно извѣстить меня о мѣстѣ, гдѣ находится задержанная... Сегодня-же вечеромъ отправляйся въ улицу Фельянтинокъ, №..., къ помѣщенію общины «Кающихся». Я узналъ, что туда входятъ по ночамъ мужчины или оттуда выходятъ женщины въ то время, когда въ монастырѣ, повидимому, всѣ спятъ. Мнѣ нужно разъяснить эту загадку. Слѣди и за женщинами, и за мужчинами, и пришли мнѣ подробный отчетъ. Сообразуясь съ нимъ, я дамъ тебѣ новыя инструкціи.

— Хорошо, но, въ ожиданіи, я не долженъ принимать никакихъ мѣръ, что-бы я ни увидѣлъ?

— Нѣтъ, нѣтъ; прежде нужно узнать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Ступай.

Жюль ушелъ, а Гюре тотчасъ-же поѣхалъ въ Медонъ, въ извѣстный намъ маленькій домикъ. Онъ сообщилъ маркизу де-Мейрану, что полицейскій надзоръ получилъ предписаніе немедленно арестовать его, какъ человѣка, ведущаго тайную переписку. Въ этомъ дѣлѣ ему помогала будто бы дѣвица Элиза Буатель, выдающая себя за американку, вдову Лоизу Ботъ. Полиціи извѣстно, что они оба находятся во Франціи.

— Вы должны быть очень осторожны, прибавилъ Гюре; — ваше положеніе опасно. Предписаніе это, съ вашими примѣтами, разослано по всѣмъ полицейскимъ постамъ, съ особымъ внушеніемъ дѣйствовать быстрѣе. Мы возвращаемся къ прежнимъ пріемамъ: къ тайнымъ арестамъ и заключеніямъ.

— И это возможно! вскричалъ Оливье.

— Въ наше время, все возможно. Честнѣйшая женщина можетъ быть задержана блюстителями правовъ только за то, что она громко засмѣялась на улицѣ, или просто ни за что. У насъ ни передъ чѣмъ не останавливаются. Да вотъ я вамъ разскажу примѣръ: недѣли двѣ тому назадъ, насъ извѣстили изъ Лондона, что одинъ опасный и на все способный человѣкъ, имѣющій сношенія съ тайными обществами, ѣдетъ въ Парижъ. Въ тотъ же вечеръ одному изъ моихъ товарищей — я употребляю это слово, г. Оливье, потому что еще служу, а служить буду, пока не спасу васъ, — поручено было во чтобы то ни стало арестовать этого человѣка. Агентъ выслѣдилъ его въ пустынномъ кварталѣ, гдѣ тотъ остановился; настигъ его между Монружемъ и Монпарнасомъ: бросился на него и, въ избыткѣ усердія, умертвилъ его. Потомъ онъ представилъ свой докладъ и получилъ награду... На слѣдующій день въ газетахъ появилась замѣтка, сообщавшая, что въ пустынномъ мѣстѣ, въ Монружѣ, поднятъ трупъ неизвѣстнаго человѣка; смерть объяснилась кровоизліяніемъ въ кишкахъ, вслѣдствіе пьянства. Въ сущности, кровоизліяніе произошло отъ пули, ранившей несчастнаго въ горло. Вотъ, что у насъ дѣлается, г. маркизъ!

— Но это ужасно.

— Это сущая истина. Можете судить по этому, каково мнѣ честному солдату служить съ такими людьми. Я думалъ, что полиція защищаетъ честныхъ людей отъ негодяевъ. Я думалъ, что она охраняетъ нравственность, повинуется законамъ... Но со времени декабрьскаго переворота она злоупотребляетъ властью для удовлетворенія своихъ пороковъ и для мщенія своимъ врагамъ. Если-бы вы знали, чего я насмотрѣлся! Если-бы вы знали, сколько разъ я долженъ былъ лгать передъ своей совѣстью, чтобы повиноваться начальству! Мнѣ не разъ приказывали прекратить выслѣживаніе виновнаго и завѣдомо выслѣживать невиннаго; и я долженъ былъ спокойно смотрѣть на все это; видѣть виновнаго оправданнымъ, а ни въ чемъ неповиннаго наказаннымъ, и все это по милости какого-нибудь развратника, который таялъ отъ одного взгляда женщины... Но довольно объ этомъ. Теперь къ дѣлу: вамъ грозитъ важная опасность; берегитесь. Не полагайтесь на свое высокое положеніе, вашъ врагъ пользуется неограниченнымъ вліяніемъ.

— Вы пугаете меня, Гюре. Что же намъ дѣлать?

— Скрываться, какъ можно тщательнѣе. Затѣмъ, нужно быть откровеннымъ со мною, ясно и прямо объяснить мнѣ ваше положеніе, ваши цѣли и, въ особенности, сказать мнѣ имена тѣхъ, кого вы имѣете поводъ опасаться.

— Что же я долженъ сообщить вамъ?

— Я всѣмъ былъ обязанъ вашему отцу и зналъ васъ еще ребенкомъ. Напомню вамъ ваши слова: «Мою невѣсту, молодую женщину, заслуживающую полнаго участія, — вдову Лоизу Ботъ, урожденную Буатель, предписано изгнать изъ Франціи. Мнѣ самому грозитъ изгнаніе подъ нелѣпымъ предлогомъ: за то, что я женюсь на Лоизѣ Ботъ противъ воли моихъ родныхъ. Мы желаемъ остаться въ Парижѣ; помогите намъ избѣжать ареста». Я исполнилъ ваше желаніе. Въ другой разъ вы извѣстили меня запиской, что вы были съ капитаномъ де-Марби у президента Матье де-Тальи, лица, очень вліятельнаго при дворѣ, чтобы сдѣлать ему вызовъ. Это было истолковано совсѣмъ иначе. Тогда я вамъ посовѣтовалъ бѣжать и это, а въ особенности мнимое самоубійство капитана, сбили съ толка вашихъ преслѣдователей. Вы опасались Матье де-Тальи, но теперь онъ въ немилости. Его поведеніе всѣхъ скандализировало. Я извѣстилъ васъ, что пора дѣйствовать; но, въ сущности, я не знаю вашего дѣла.

— Хорошо, я объясню вамъ все: какъ вы видѣли, мы возвратились втроемъ; но третій спутникъ нашъ, не братъ, а зять моей жены, капитанъ Тенаръ де-Марби.

— Такъ онъ съ вами?

— Да. Мы сыграли эту комедію съ тѣмъ, чтобы отклонить вниманіе полиціи.

— Вотъ, не ожидалъ! Но какая-же связь между вашимъ дѣломъ и дѣломъ капитана де-Марби?

— Я сказалъ вамъ, что онъ зять г-жи Лоизы Ботъ.

— Да, правда... Я помнилъ только г-жу Ботъ и забылъ ея дѣвичье имя... Элиза Буатель и г-жа де-Марби, урожденная Орели Буатель, — сестры. Значитъ, покушеніе на убійство было дѣломъ семейнымъ...

— Оно касалось одной г-жи де-Марби.

— Такъ, такъ, понимаю... Мнѣ извѣстно, что Матье де-Тальи былъ любовникомъ и покровителемъ г-жи де Марби.

— Вы знаете это?

— Я многое знаю, но вы больше, и поэтому вы должны объяснить мнѣ все, по порядку, для того, чтобы я могъ служить вамъ съ пользой.

Оливье передалъ ему все, что намъ уже извѣстно. Гюре слушалъ, съ трудомъ подавляя ненависть и негодованіе. Казалось, онъ переживалъ всѣ страданія, испытанныя несчастными жертвами. Когда Оливье кончилъ, приставъ всталъ и вынулъ изъ кармана большой пакетъ.

— Ужь теперь, маркизъ, вы не удержите меня отъ отставки. Я буду полезнѣе вамъ, когда сдѣлаюсь свободнымъ. Я знаю все, что дѣлается и замышляется противъ васъ.

— Поступайте, какъ знаете; не затрудняйтесь средствами къ жизни. Но прежде, чѣмъ вы выйдете въ отставку, мнѣ хотѣлось бы получить отъ васъ кое-какія свѣдѣнія.

— Что-же? Можно. Я долженъ еще быть завтра въ префектурѣ и могу подать въ отставку черезъ три дня. Скажите, чего вы желаете отъ меня.

— Мнѣ нужно отыскать одного негодяя, котораго зовутъ Жюлемъ Менге.

— Менге! вскричалъ приставъ, — первый и послѣдній любовникъ красивой баронесы!

— О!

— Да онъ у насъ подъ рукою. Изрядный мерзавецъ!

— Не упускайте его; чрезъ нѣсколько дней, онъ мнѣ понадобится.

— На что онъ вамъ нуженъ?

— Вы узнаете это, когда приведете его ко мнѣ.

Гюре съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ измѣнилось лицо маркиза, когда онъ говорилъ о Менге. Сначала онъ покраснѣлъ до корня волосъ, а при послѣдней фразѣ поблѣднѣлъ и обтеръ рукою холодный потъ, выступившій у него на лбу. Гюре не настаивалъ и всталъ, чтобы уйти.

— И такъ, сказалъ онъ, — будьте осторожны и не двигайтесь съ мѣста. Дня черезъ два, я опять приду. Теперь я все знаю и могу дѣйствовать по плану. До свиданія, маркизъ.

— До свиданія, отвѣтилъ Оливье.

Оставшись одинъ, маркизъ подумалъ: «Хорошо, что этотъ мерзавецъ въ его рукахъ».

Онъ заскрежеталъ зубами и съ трудомъ подавилъ яростный жестъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Хозяйство и промыслы муравьевъ.

Общественное и домашнее хозяйство муравьевъ возбуждаетъ не меньшій интересъ, какъ и ихъ политическія и семейныя отношенія.

Въ постройкѣ своихъ жилищъ муравьи отличаются сообразительностью, искуствомъ и познаніями, которыя сдѣлали-бы честь даже людямъ. Муравьиныя жилища или такъ называемыя муравьиныя кучи возводятся частью на землѣ, частью подъ землею и состоятъ иногда отъ 20 до 40 этажей. Слѣдовательно, самыя высокія человѣческія жилища оказываются относительно гораздо ниже муравьиныхъ кучъ. Нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ вышиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина и настолько же идутъ надъ землею, окружность же ихъ доходитъ до 5 саженъ. Муравьи для своихъ построекъ пользуются всякимъ матеріаломъ, который попадаетъ подъ руку: дерево, земля, камешки, иглы, вѣточки, — все идетъ въ дѣло, если оказывается пригоднымъ.

Закладывая муравейникъ, муравьи вырываютъ сначала углубленіе, величина котораго соображается съ величиною будущаго муравейника. Выброшенная земля и другой матеріалъ, который находится въ окрестности, употребляется для устройства этажей, коридоровъ, отдѣльныхъ комнатъ и т. п. Этажи укрѣпляются колонами или вертикальными балками изъ глины или изъ дерева и крѣпость балокъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подвергается тщательному изслѣдованію. Балки бываютъ иногда значительной длины и толщины. Форель видѣлъ балки въ 13 сантиметровъ длины и въ $1\frac{1}{2}$ милиметра толщины и въ 5 сантиметра длины и $3\frac{1}{2}$ милиметра въ діаметрѣ. Не смотря на этотъ громадный размѣръ балокъ, рабочіе муравьи носятъ ихъ довольно свободно. Балки большого размѣра служатъ для устройства помѣщеній или залъ, служащихъ центромъ такъ называемаго лабиринта. Вокругъ центральнаго зала располагаютъ рядъ комнатъ или галерей, раздѣленныхъ стѣнами. Особенною прочностью и правильностью постройки отличаются нижніе этажи, которымъ приходится выносить наибольшее давленіе. Когда муравьямъ приходится нести большія тяжести, напр., балки, то для этого соединяются обыкновенно 2 или больше муравьевъ, и прежде, чѣмъ они дойдутъ до соглашенія, какъ вести дѣло, у нихъ пропадаетъ иногда даромъ не мало усилій. Напр., одинъ муравей тянетъ балку изо всѣхъ силъ за одинъ конецъ въ одну сторону, а другой — за другой конецъ въ противуположную. Конечно, изъ этого ничего не выходитъ. Но вотъ, сообразивъ въ чемъ дѣло, муравьи догадываются, что нужно тащить балку вмѣстѣ, а не врозь — и затѣмъ балка доставляется успѣшно по назначенію.

Муравьи подобно нашимъ архитекторамъ не чужды промаховъ и ошибокъ и нерѣдко выводятъ кривыя стѣны, устанавливаютъ непрочныя балки и т. д. Эти ошибки неосмотрительности всегда исправляются. Недостаточно вертикальная или невѣрно направленная стѣна сламывается и на ея мѣсто выстраивается другая; отдѣльныхъ же рабочихъ, которые не такъ ведутъ дѣло, поправляютъ рабочіе болѣе опытные, подъ руководствомъ которыхъ они потомъ и работаютъ.

Характеристическая особенность архитектуры муравьевъ заключается въ томъ, что у нихъ нѣтъ никакой шаблонности, которою отличаются осы и пчелы. Муравьи строятся, соображаясь съ обстоятельствами и съ качествомъ матеріала; при этомъ они обнаруживаютъ особенную способность извлекать изъ каждаго предмета пользу. Но еще любопытнѣе, что каждый муравей работаетъ по своему собственному плану, но случается, что работаютъ и вдвоемъ по общему плану. Понятно, что при подобномъ порядкѣ неизбѣжны недоразумѣнія и не рѣдко одинъ разрушаетъ то, что сдѣлалъ другой. Этимъ объясняется, почему муравейныя кучи созидаются по лабиринтной системѣ. Обыкновенно одни и тѣже работники, отличающіеся большей изобрѣтательностью или выносливостью, обнаруживаютъ свое руководящее вліяніе и при постройкѣ. Если муравью удалось достигнуть того, что другой муравей слѣдуетъ его плану, то обыкновенно ко второму присоединяется третій; третьему подражаетъ четвертый и муравей изобрѣтатель скоро исчезаетъ въ массѣ послѣдователей. Однимъ словомъ, въ постройкахъ, какъ и во всемъ другомъ, у муравьевъ царитъ республиканскій принципъ.

Если бы муравьи слѣдовали только механическому инстинкту, то они съ рабскою точностью придерживались бы постоянно одного геометрическаго плана. Но чтобы выстроить неправильный, многоэтажный муравейникъ, чтобы расположить въ немъ комнаты удобно и разнообразно, чтобы выбрать благопріятное время для каждой отдѣльной работы, чтобы соображаться съ случайными обстоятельствами и пользоваться ими выгоднымъ образомъ, наконецъ, чтобы правильно судить о цѣлесообразности той или другой операціи, — для всего этого нужны способности, очень близкія къ уму и достаточно убѣждающія, что муравей дѣйствуетъ не какъ автоматъ, а какъ существо, понимающее цѣль своей работы.

Соображаясь съ этими цѣлями, муравьи строятъ иногда помѣщенія времянныя, продолжительность же другихъ разсчитана на нѣсколько лѣтъ. Также измѣняется и планъ постройки, смотря по тому, назначается ли муравейникъ для большого или для маленькаго населенія. И наружный видъ муравейника бываетъ неодинаковъ, смотря по тому, закрытъ-ли онъ наглухо, за исключеніемъ одного замаскированнаго выхода, или-же снабженъ многими внѣшними отверстіями. Тотъ или другой порядокъ практикуется не разными породами муравьевъ, а одной и той же породой, но смотря по обстоятельствамъ. Напр., если муравьямъ можетъ грозить опасность отъ сосѣдства улицы, дороги или двора, или если поверхность земли очень крѣпка, то подземный муравейникъ бываетъ иногда до того замаскированъ, что только случай можетъ помочь открыть его. Вынутая земля относится обыкновенно очень далеко и 2 или 3 крошечныхъ отверстія служатъ для выходовъ и входовъ. Тѣже самые муравьи, но только въ другой мѣстности, не станутъ относить далеко земли, а напротивъ дѣлаютъ такъ называемыя кратеры, т. е. оставляютъ вынутую землю возлѣ отверстій. Муравьи, строющіе муравейники съ насыпными стѣнами, роютъ при другихъ обстоятельствахъ минные муравейники, точно также какъ минные муравьи строютъ при случаѣ муравейники со стѣнами. Робкія породы дѣлаютъ ходы очень узкіе, такъ что болѣе крупнымъ муравьямъ въ нихъ и не пролѣзть. Нѣкоторые муравьи, чтобы защититься отъ разбойничьихъ набѣговъ рабовладѣльческихъ породъ, стараются раскидывать ходы какъ можно дальше и соединяютъ ихъ съ муравейникомъ узкими и извилистыми ходами. Въ этомъ случаѣ муравьи поступаютъ такъ-же, какъ поступали, напр., нѣмецкіе рыцари, которые дѣлали въ своихъ замкахъ скрытыя и замаскированныя убѣжища. Иногда въ муравейникѣ бываетъ 2 рода ходовъ — одни, болѣе широкіе и правильные, для общихъ сношеній всего населенія; другіе узкіе и трудно замѣтные — исключительно для рабочихъ.

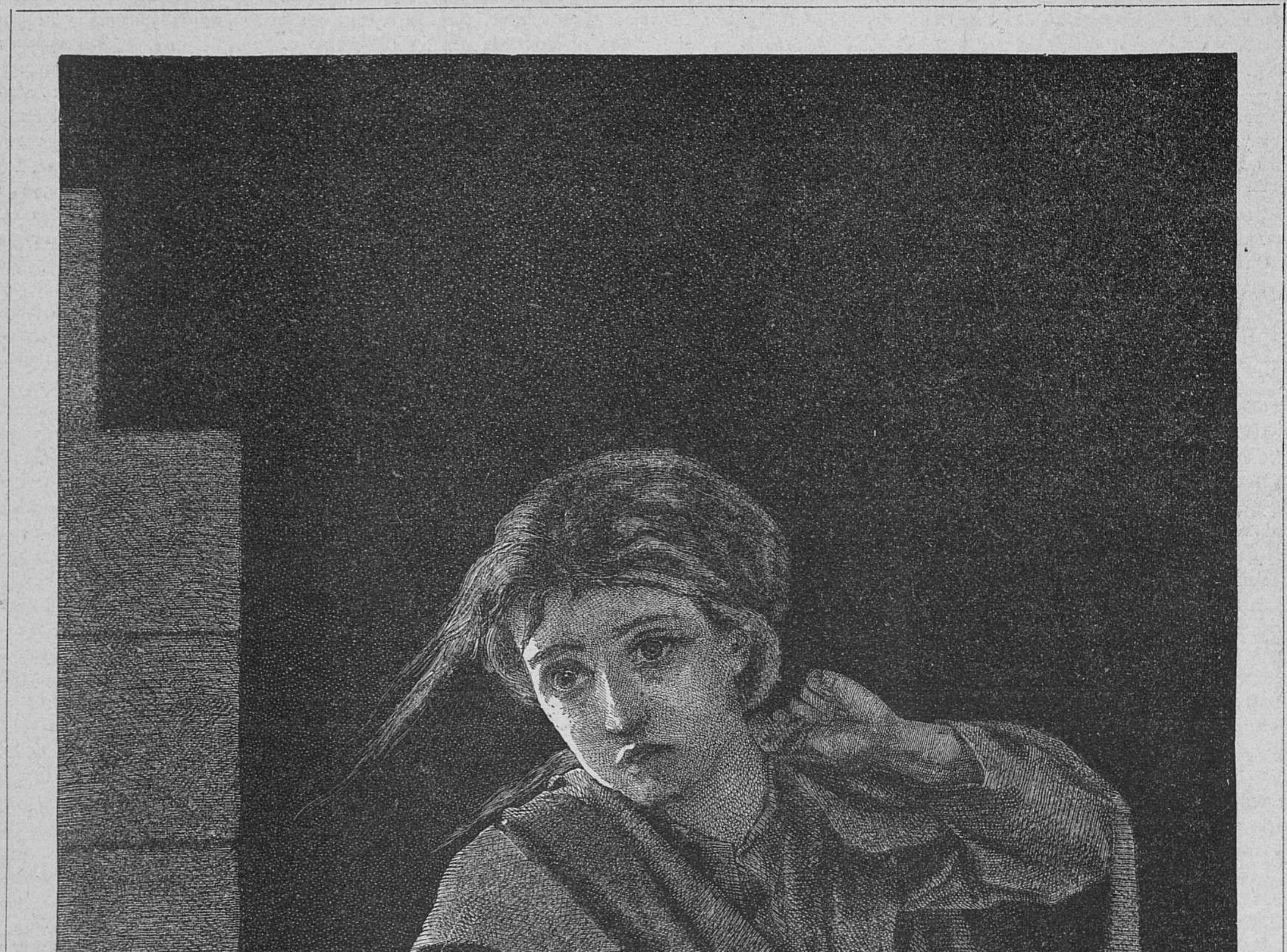
Не меньшую ловкость, предусмотрительность и знаніе обнаруживаютъ муравьи и въ постройкѣ дорогъ. Дороги служатъ муравьямъ облегчающимъ средствомъ въ ихъ внѣшнихъ сношеніяхъ и потому играютъ очень важную роль въ государственной и домашней экономіи муравьевъ. Дороги бываютъ или въ видѣ подземныхъ каналовъ или открытыхъ тропинокъ, или въ видѣ закрытыхъ галерей и тунелей. При постройкѣ дорогъ муравьи не руководствуются только инстинктомъ, а поступаютъ, смотря по надобностямъ и обстоятельствамъ. Подземные каналы служатъ муравьямъ или для сообщенія съ другими колоніями или для замаскированія выходовъ изъ муравейника или они ведутъ въ мѣста, гдѣ хранится пища и помѣщается дойная тля. Форель видѣлъ крытую дорогу, выстроенную изъ земли, имѣвшую 2 сантиметра ширины и 1 сантиметръ вышины, которая поднималась по небольшой каменной стѣнѣ и затѣмъ опускалась по другую ея сторону, чтобы обезпечить муравьямъ проходъ изъ двора въ садъ. Случается, что подобныя дороги идутъ по стволу дерева или растенія, на которомъ муравьи держатъ своихъ дойныхъ коровъ въ особенныхъ выстроенныхъ изъ листьевъ помѣщеніяхъ. Муравьи держатъ своихъ коровъ иногда въ самомъ строгомъ заключеніи. Подобныя тюрьмы, впрочемъ, довольно просторны и снабжены обыкновенно очень узкими отверстіями, черезъ которыя муравьи пролѣзаютъ внутрь, тогда какъ выходъ заключенной тлѣ воспрещенъ. Форель видѣлъ на дубовой вѣтви такую тюрьму въ видѣ кокона, въ которой была заключена дойная тля и которую муравьи тщательно оберегали отъ всякихъ постороннихъ покушеній.

Что при постройкѣ тунелей муравьи руководствуются опытомъ и наблюденіемъ, Форель имѣлъ случай убѣдиться на слѣдующемъ опытѣ. Онъ держалъ колонію муравьевъ въ помѣщеніи, сдѣланномъ изъ сухого гипсоваго порошка. Муравьи пытались убѣжать, но всякій разъ падали вмѣстѣ съ отдѣлявшимися частичками гипса. Это тянулось 2 недѣли, пока муравьямъ не пришла мысль вырыть въ гипсѣ тунель. Много пришлось сдѣлать имъ опытовъ, прежде чѣмъ имъ удалось провести ходъ въ рыхлой, обсыпающейся массѣ. Наконецъ, муравьи прорыли ходъ. Тогда Форель встряхнулъ легко массу и тунель обрушился. Муравьи не упали духомъ и, благодаря навыку, который они пріобрѣли, принявшись съ энергіей вновь за работу, они устроили опять тунель довольно уже скоро и убѣжали, унеся съ собою личинокъ и куколокъ.

Закрытыя дороги муравьи строятъ еще и для того, чтобы защитить себя отъ лучей солнца. Этого рода постройки практикуетъ въ особенности африканскій охотничій муравей или муравей-загонщикъ. Очень чувствительный къ палящимъ лучамъ африканскаго солнца онъ обыкновенно предпринимаетъ свои походы ночью или при облачномъ небѣ. Охотничій муравей не имѣетъ постояннаго жительства и вообще не

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ДЕВИСА.

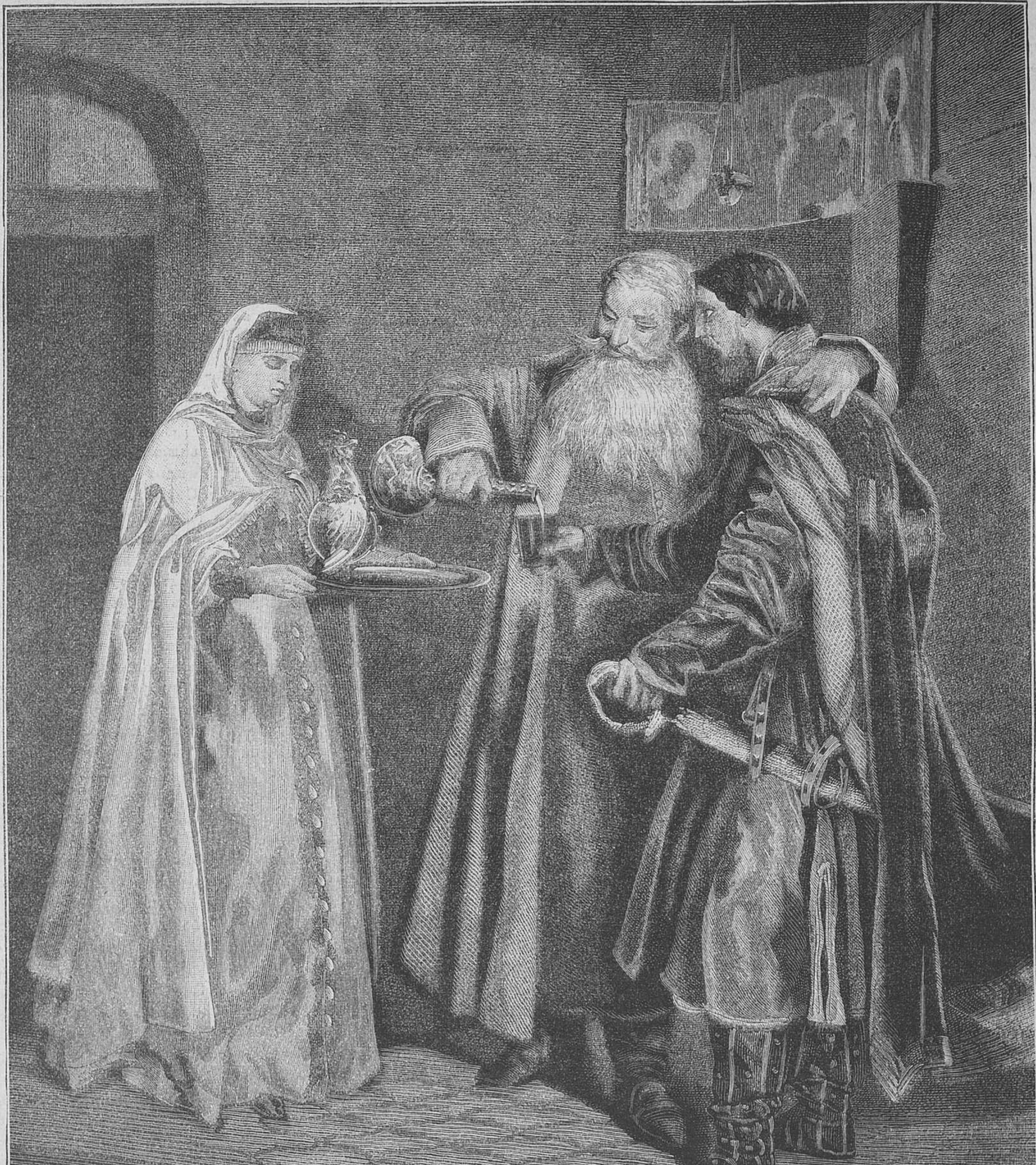

R BRENDAMOUR

На мосту.

Рѣзалъ на деревѣ Брендамуръ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Ц. ШВАРЦА.



Поцѣлуйный обрядъ.

(Серебряный и Морозовъ, изъ романа гр. Толстого.

Рисовалъ на деревѣ Н. Т. Малышевъ; рѣзалъ А. Шлиперъ.

строитъ муравейниковъ, а помѣщается или въ пустыхъ древесныхъ корняхъ или въ трещинахъ скалъ или въ другихъ подобныхъ тѣнистыхъ мѣстахъ. Онъ совершаетъ свои передвиженія длинной и узкой колоной въ 2 дюйма шириною и на своемъ пути уничтожаетъ все живое, что ему попадется. Этотъ страшный муравей есть истинная язва мѣстности, въ которой онъ поселится. Въ серединѣ колоны идутъ обыкновенно рабочіе муравьи, несущіе пищу и личинокъ; по бокамъ-же маршируютъ такъ называемые солдаты или офицеры, т. е. муравьи съ необыкновенно большою головою и съ сильными челюстями. Воины не несутъ никакихъ тяжестей, но наблюдаютъ за порядкомъ и безопасностью шествія и каждую минуту готовы отразить нападеніе. Впрочемъ, на этого страшнаго муравья нападать никто и не отваживается — ни человѣкъ, ни животное. Если колона будетъ задержана въ своемъ передвиженіи какой-нибудь богатой добычей и палящее солнце застанетъ охотничьяго муравья въ полѣ, то рабочіе муравьи принимаются немедленно за постройку изъ земли или грязи тѣнистаго навѣса.

Главный промыселъ этого муравья есть разбой и охота; даже большія животныя не избавляются отъ его нападеній. Туземцы увѣряютъ, что удавъ, задушивъ свою жертву, прежде чѣмъ ее съѣсть, описываетъ кругъ въ $^1/_4$ мили въ діаметрѣ, чтобы убѣдиться, что вблизи нѣтъ охотничьяго муравья; въ противномъ-же случаѣ удавъ уползаетъ, оставляя свою жертву. Если на пути ночного похода встрѣтится муравью человѣческое жилище, то людямъ остается одно — бѣжать. Всѣ животныя, находящіяся въ домѣ, — крысы, мыши, змѣи, ящерицы, пауки, клопы и т. д., не исключая даже и домашнихъ животныхъ, какъ свиньи, куры, которыхъ забыли взять, дѣлаются жертвою хищника. Уничтоживъ все живое, муравей-разбойникъ уходитъ далѣе и тогда люди могутъ уже безопасно возвратиться. Подобный-же странствующій муравей-охотникъ или фуражиръ-муравей живетъ и въ Южной Америкѣ, практикуя совершенно тѣже обычаи и разбойничьи порядки.

Но любопытнѣе всѣхъ муравей, живущій въ Бразиліи и извѣстный подъ названіемъ «сауба» или зонтичнаго муравья. Когда «сауба» совершаетъ свои переходы, каждый муравей колоны держитъ въ челюстяхъ круглый кусочекъ листа величиною въ $^1/_4$ копѣйки. Сауба тоже язва той страны, въ которой онъ живетъ, потому, что обгрызаетъ листья кофейныхъ и померанцевыхъ деревьевъ и дѣлаетъ невозможнымъ ихъ разведеніе. Лунтъ разсказываетъ, что разъ онъ проходилъ мимо дерева, покрытаго густой листвой и былъ пораженъ шумомъ какъ-бы отъ падающаго дождя, хотя небо было ясно. Лунтъ подошелъ ближе и увидѣлъ, что на каждомъ листѣ сидѣлъ муравей, работавшій изъ всѣхъ силъ надъ стебелькомъ. У корня дерева сцена была еще любопытнѣе: земля вокругъ него была вся покрыта муравьями, которые обваливавшіеся листья перегрызали на куски. Втеченіи какого-нибудь часа всѣ листья съ дерева были обгрызены, перерѣзаны на куски и унесены. Извѣстный путешественникъ Дампье видѣлъ шествіе зонтичнаго муравья, которое представлялось громаднымъ рядомъ движущихся листочковъ, совершенно скрывавшихъ несущихъ ихъ муравьевъ. Это была движущаяся зеленая дорожка и муравьи, не смотря на тяжесть ноши, шли довольно скоро. Впрочемъ, сауба пользуется листочками вовсе не какъ зонтикомъ, а употребляетъ ихъ для покрытія муравейника.

Сауба дѣлаетъ въ Бразиліи хозяйство на нѣкоторыя растенія совершенно невозможнымъ. Батесъ наблюдалъ, какимъ образомъ зонтичный муравей хозяйничаетъ съ древесными листьями. Челюстями, острыми, какъ ножи, сауба вырѣзываетъ въ листѣ полукругъ съ верхней его поверхности и затѣмъ быстрымъ движеніемъ листъ обрываетъ. Иногда отрѣзанный листъ сауба бросаетъ товарищамъ, стоящимъ внизу; но большею частью каждый муравей несетъ самъ отрѣзанный имъ листъ. Культурныя деревья сауба предпочитаетъ всѣмъ остальнымъ. Замѣчательны подземныя работы этого муравья. Кларкъ говоритъ, что въ Ріо-Жанейро тамошній сауба подъ рѣкою Парахаба, широкой, какъ Темза, прорылъ тунель, чтобы проходить въ магазинъ, стоявшій по другую сторону рѣки. Ватесъ разсказываетъ, что въ окрестностяхъ Пара сауба подрылся подъ дамбу большого резервуара, изъ котораго и ушла вся вода. Въ ботаническомъ саду Пара одинъ французскій садовникъ перепробовалъ безплодно всякія средства для уничтоженія саубы. Разъ онъ разложилъ огонь на главныхъ выходахъ муравейника и вдувалъ сѣрный дымъ во входы; каково-же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ, что дымъ выходитъ изъ отверстія, лежащаго на 70 футовъ въ сторону! Вотъ размѣръ построекъ этого муравья!

Кромѣ истребленія культурныхъ деревьевъ, сауба не прочь и отъ ночного воровства. Вотъ что о продѣлкахъ этого рода разсказываетъ Ватесъ. Разъ Ватесъ былъ разбуженъ за нѣсколько часовъ до восхода солнца крикомъ лакея, что крысы напали на муку изъ мандіоки. Такъ какъ мука эта стояла хорошо въ цѣнѣ, то Ватесъ всталъ, чтобы самому лично принять мѣры противъ воровства; но ему показалось, что шумъ, производимый въ коробахъ, не походилъ на шумъ, производимый крысами. Ватесъ зажегъ свѣчу и увидѣлъ, что масса въ нѣсколько тысячъ муравьевъ съ необыкновенной поспѣшностью и энергіей выносила содержимое коробовъ черезъ двери вонъ изъ дома. Короба сплошь были покрыты муравьями и часть муравьевъ была занята тѣмъ, чтобы перегрызать сухіе листья, которые лежали въ коробахъ въ видѣ подстилки. Эта-то операція и производила шумъ, разбудившій слугу. Индѣецъ-слуга сказалъ Ватесу, что если не предпринимать ничего противъ муравьевъ, то они въ ночь очистятъ всѣ короба до тла. И вотъ они принялись убивать муравьевъ деревянными башмаками, но борьба оказалась безуспѣшной, сколько они ни убивали муравьевъ, но со всѣхъ сторонъ сходились новые. Наконецъ, Ватесъ разсыпалъ по полу порохъ и поджегъ его.

Ватесъ не могъ объяснить себѣ, для чего надобились муравьямъ твердыя и сухія сѣмяна мандіоки. Между тѣмъ еще въ древности былъ извѣстенъ обычай муравьевъ собирать запасы хлѣбныхъ зеренъ, но правдивость разсказовъ о муравьяхъ, собирающихъ зерна, отрицалась новыми писателями. Даже Губеръ смотрѣлъ на эти разсказы, какъ на басни. Онъ говорилъ, что органы ядѣнія у муравьевъ вовсе не приспособлены для твердой пищи, а зимніе запасы ужь потому не нужны муравьямъ, что они въ зимнее время впадаютъ въ спячку. Хотя Губеръ нисколько и не ошибался относительно органовъ ядѣнія и зимней спячки муравьевъ, но и разсказы древнихъ тоже вѣрны. Губеръ, къ сожалѣнію, не наблюдалъ муравьевъ, собирающихъ сѣмяна, хотя одинъ видъ этой породы водится и въ Швейцаріи. Эти муравьи, собравъ сѣмяна, выжидаютъ, когда въ нихъ начнется прорастаніе и крахмалъ превратится въ сахаръ, который они и высасываютъ. Что-же касается спячки, то муравьи дѣйствительно впадаютъ отъ холода въ оцѣпенѣніе; но если муравья держать въ теплой комнатѣ, то съ нимъ спячки не бываетъ. И въ теплыхъ странахъ муравьи не впадаютъ въ оцѣпенѣніе. Любопытно, что во время заготовленія запасовъ муравьи придерживаются принципа раздѣленія труда. Если дорога отъ мѣста, гдѣ хранится жатва муравьевъ и до муравейника слишкомъ велика, то по пути муравьи устраиваютъ отдѣльные склады запасовъ и пользуются для этого каменьями, кучами наваленныхъ листьевъ и т. д. Переносъ зеренъ отъ одного депо до другого совершается отдѣльными отрядами. Еще интереснѣе наблюденія Могриджа. Онъ видѣлъ, какъ отдѣльные муравьи взбирались по стеблю до колоса и оттуда сбрасывали зерна, а муравьи, стоящіе внизу, брали и уносили зерна до входа въ муравейникъ, а здѣсь новыя партіи муравьевъ уносили зерна внутрь. Могриджъ задумалъ разъ обмануть муравьевъ и разбросалъ фарфоровыя бусы, величиной и цвѣтомъ похожія на зерна. Муравьи вдались въ обманъ, но вскорѣ умныя животныя поняли свою ошибку и не дотрогивались до бусъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Зарока не давай.

(Il ne faut jurer de rien.)

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ **Альфреда де-Мюссэ**.

Переводъ **С. А. Боборыкиной**.

(*Продолженіе.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ имѣніи баронесы де-Мансъ. Гостиная съ терасой въ садъ. Двери въ садъ растворены.

Баронеса вышиваетъ. Абатъ перелистываетъ книгу. Танцовальный учитель даетъ урокъ танцевъ Сесиль.

Баронеса (вдругъ перестаетъ вышивать и начинаетъ что-то искать). Престранно! Куда я дѣвала клубокъ желтой шерсти?

Абатъ (оставляя книгу и смотря кругомъ). Вы его держали въ рукахъ не больше четверти часа назадъ. Онъ куда-нибудь укатился.

Учитель. Потрудитесь еще повторить эту фигуру, а потомъ мы отдохнемъ.

Сесиль. Я хочу поучиться вальсировать въ два pà.

Учитель. Баронеса воспрещаютъ. Не угодно ли вамъ повернуть головку и дѣлать мнѣ опозиціи.

Абатъ. Какъ вамъ понравилась, баронеса, послѣдняя проповѣдь? Вы, кажется, присутствовали на ней?

Баронеса. Это зеленое съ розовымъ по черному фону, какъ маленькое кресло наверху.

Абатъ. Чего-съ?

Баронеса. Ахъ, извините, я совсѣмъ не о томъ думала.

Абатъ. Мнѣ показалось, что вы тамъ были.

Баронеса. Гдѣ?

Абатъ. Въ церкви св. Павла, въ прошлое воскресенье.

Баронеса. Да, очень понравилась. Всѣ плакали. Баронъ безпрестанно сморкался. Я ушла въ половинѣ проповѣди, потому что отъ моей сосѣдки ужасно пахло духами — я теперь во власти гомеопатовъ.

Учитель. Какъ я васъ ни прошу, вы не желаете мнѣ дѣлать опозицій. Поверните слегка головку въ сторону и скруглите ручки.

Сесиль. Но если не хочешь упасть, надо смотрѣть прямо.

Учитель. Помилуйте! Это очень некрасиво. Позвольте — смотрите, нѣтъ ничего легче. Глядите на меня: развѣ я падаю? Вы идете направо, а смотрите налѣво. Вы идете налѣво, а смотрите направо. Это такъ легко.

Баронеса. Понять не могу: куда я дѣвала желтую шерсть.

Сесиль. Maman, отчего вы не желаете, чтобы я вальсировала въ два pà?

Баронеса. Оттого, что это неприлично. (Абату.) Вы читали «Вѣчнаго Жида»?

Абатъ. Читалъ, баронеса. Тамъ есть прекрасныя страницы, но самая канва, признаюсь вамъ...

Баронеса. Канва темная, какъ на томъ креслѣ. Вы увидите это съ отдѣлкой палисандровымъ деревомъ.

Сесиль. Но, maman, вальсируютъ-же мисъ Клара и м-ль Ренбо.

Баронеса. Мисъ Клара—англичанка. (Абату.) Я увѣрена, что вы сидите на ней.

Абатъ. Я, баронеса! На мисъ Кларѣ?

Баронеса. Ахъ, нѣтъ!—на шерсти. А, вотъ! Нѣтъ, это красный клубокъ. Куда-же укатился тотъ?

Абатъ. Я нахожу, что нѣкоторыя сцены прекрасны; есть воображеніе, много таланта, легкости.

Сесиль. Maman, почему-же англичанкѣ прилично вальсировать?

Баронеса. Я тоже читала одинъ новый романъ, мнѣ прислали его отъ Шарпантье; теперь я не помню ни заглавія, ни имени автора. Вы читали его?

Абатъ. Читалъ, баронеса.

Баронеса. Это недурно написано.

Абатъ (прислушиваясь). Кажется, отпираютъ рѣшетку. Вы ожидаете гостей?

Баронеса. Ахъ, да. Сесиль, подите сюда.

Учитель. Баронеса желаютъ вамъ что-то сказать.

Абатъ (у окна). Кареты не видно. Должно быть, это лошадей хотятъ проваживать.

Сесиль. Вы звали меня, maman?

Баронеса. Нѣтъ. Ахъ, да, да. Тутъ... пріѣдетъ. Наклонитесь, я скажу вамъ на ухо. Это—партія. Вы причесаны?

Сесиль. Партія?

Баронеса. Да, очень порядочная, отъ 25 до 30 лѣтъ или моложе, я не знаю; родственникъ Ван-Бука.

Сесиль. Родственникъ?

Баронеса. Ван-Бука. Я его не видала. Онъ очень приличный. Ступайте танцовать.

Сесиль. Но, maman, развѣ...

Баронеса. Просто непостижимо, куда пропалъ этотъ клубокъ? У меня только и былъ одинъ желтый. Точно улетѣлъ.

Слуга (докладывая). Г. Ван-Букъ.

Сцена II.

Тѣ-же, Ван-Букъ.

Ван-Букъ. Баронеса, честь имѣю вамъ кланяться. Мой племянникъ никакъ не могъ со мной явиться. Онъ просилъ меня передать вамъ свое глубочайшее сожалѣніе и простить, что не могъ сдержать даннаго слова.

Баронеса. А? Такъ онъ не пріѣдетъ? Вотъ моя дочь, она беретъ урокъ танцевъ. Вы позволите ей продолжать? Я позвала ее сюда, потому что у нея въ комнатѣ слишкомъ тѣсно.

Ван-Букъ. Надѣюсь, я не стѣсняю. Еслибъ мой сумасбродъ племянникъ...

Баронеса. Не хотите-ли чего-нибудь? Какъ поживаете? Садитесь.

Ван-Букъ. Мой племянникъ, баронеса, душевно сожалѣетъ...

Баронеса. Послушайте, что я вамъ скажу. (Абату.) Вы останетесь съ нами; да? Сесиль, что съ тобой?

Учитель. Онѣ устали.

Баронеса. Пустяки! На балѣ протанцовала-бы до четырехъ часовъ и не устала бы. Это ясно, какъ день. (Ван-Буку.) Такъ вы говорите, что это не состоится?

Ван-Букъ. Опасаюсь и если позволите мнѣ сказать...

Баронеса. А! Онъ отказался? Мило!

Ван-Букъ. Баронеса, ради Бога, не подумайте... Я тутъ не причемъ... Клянусь вамъ прахомъ моего отца.

Баронеса. Онъ отказывается? Значитъ дѣло это надо бросить?

Ван-Букъ. Но повѣрьте, баронеса, еслибъ я могъ... (Слышенъ шумъ.)

Баронеса. Что это такое? (Абату.) Посмотрите, пожалуйста.

Абатъ (у окна). Карету опрокинуло, баронеса, у самой рѣшетки дома. Сюда несутъ какого-то молодого человѣка, онъ, кажется, безъ чувствъ.

Баронеса. Боже мой! Ко мнѣ несутъ мертвеца. Скорѣй, чтобъ приготовили зеленую комнату. Пойдемте Ван-Букъ, дайте мнѣ вашу руку. Сесиль, останьтесь и дожидайтесь меня. (Всѣ уходятъ въ двери въ садъ.)

Сцена III.

Сесиль одна.

Господи, мертвецъ! Вотъ ужасное происшествіе! Мнѣ очень хочется посмотрѣть, но я боюсь. (У окна.) Ахъ, Боже мой! Это тотъ молодой человѣкъ, котораго я видѣла прошлой зимой на балѣ. Онъ племянникъ Ван-Бука. Ужь не о немъ-ли сейчасъ говорила мнѣ maman? Онъ вовсе не мертвый—вотъ онъ разговариваетъ съ maman. Они идутъ сюда. Странно, я не могу ошибаться, я его знаю. Какая-же у него была цѣль не назваться съ разу? О! я узнаю.

Сцена IV.

Сесиль, Баронеса.

Баронеса. Ступайте, Сесиль, вамъ не къ чему оставаться здѣсь.

Сесиль. Онъ убился, maman?

Баронеса. Вамъ какое дѣло? Ступайте, сударыня, ступайте. (Обѣ уходятъ въ двери налѣво.)

Сцена V.

Ван-Букъ, Валентинъ, съ повязкой на рукѣ, входятъ въ главную дверь съ терасы.

Ван-Букъ. Несчастный! Неужели ты вывихнулъ руку?

Валентинъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, даже очень возможно; но дѣйствительно-ли—вопросъ другой. (Снимаетъ повязку.)

Ван-Букъ. Опять твои мерзкія шутки.

Валентинъ. Нужно-же было найдти подходящій предлогъ. Неловко явиться инкогнито въ порядочное семейство. Я далъ золотой кучеру, взявъ съ него обѣщаніе, что онъ меня вывалитъ передъ самымъ домомъ. Кучеръ—человѣкъ честный, не могу на него пожаловаться. Онъ достоинъ вознагражденія. Онъ съ такимъ мужествомъ всадилъ колесо кареты въ канаву, что, кромѣ шутокъ, я рисковалъ сломать себѣ шею. Но я не жалуюсь, напротивъ, я очень доволенъ. Этотъ несчастный слуга придалъ моему плану нѣкоторый оттѣнокъ правды, который очень заинтересовываетъ въ мою пользу.

Ван-Букъ. Что ты будешь дѣлать, какія у тебя намѣренія?

Валентинъ. Я явился сюда вовсе не затѣмъ, чтобъ добиться руки м-ль де-Мансъ, а единственно затѣмъ, чтобъ доказать вамъ, какая громадная ошибка могла-бы выйдти, еслибъ я женился на ней. Планъ мой готовъ. До сихъ поръ все идетъ прекрасно. Вы сдержали свое обѣщаніе, какъ Регулъ или Эрнани: вы ни разу еще не назвали меня «племянникомъ»—это главное и самое трудное. Надо отдать справедливость вашей баронесѣ—она также искренно оказала мнѣ помощь, какъ кучеръ вывалилъ меня. Теперь остается только узнать: будетъ-ли конецъ соотвѣтствовать началу? Во-первыхъ, я сдѣлаю признаніе въ любви. Во-вторыхъ, напишу записочку...

Ван-Букъ. Напрасно разсчитываешь. Я не потерплю, чтобъ эта гадкая шутка продолжалась.

Валентинъ. Вы отказываетесь отъ своего слова? Какъ вамъ угодно. И я отказываюсь отъ моего.

Ван-Букъ. Но послушай.

Валентинъ. Я посылаю за лошадьми и уѣзжаю обратно въ Парижъ. Можете лишать меня наслѣдства, если хотите!

Ван-Букъ. Ну, попался-же я въ ловушку! Да объяснись, наконецъ.

Валентинъ. Припомните, дядюшка, нашъ уговоръ. Мы рѣшили такъ: если я вамъ докажу, что моя будущая супруга способна заставить меня носить нѣкія зеленыя перчатки, то я буду дуракъ, женившись на ней.

Ван-Букъ. Однако, позвольте, есть-же извѣстныя границы, извѣстные предѣлы... Я прошу васъ замѣтить, что если вы перейдете за нихъ... Богъ мой! Какъ это, право, ты такъ скоро все предрѣшаешь.

Валентинъ. Если-же она на самомъ дѣлѣ такова, какой вы мнѣ ее расписываете, то для нея нѣтъ ни малѣйшей опасности. Напротивъ, она-же еще выигрываетъ въ моемъ мнѣніи. Ну, представьте себѣ, что я первый попавшійся молодой человѣкъ, влюбленный въ дѣвицу де-Мансъ, въ добродѣтельную супругу Валентина Ван-Бука. Вспомните, какъ нынѣшняя молодежь смѣла и предпріимчива. Чего только влюбленный не сдѣлаетъ! Чего не придумаетъ! Какія страстныя письма, сколько слезъ и сколько фунтовъ конфектъ! Влюбленный не знаетъ преградъ. Онъ и не сознаетъ ихъ. И наконецъ, что тутъ дурного? Кого онъ этимъ обижаетъ. Онъ любитъ! О! дядюшка Ван-Букъ, вспомните то время, когда вы любили!

Ван-Букъ. Я всегда и вездѣ былъ приличенъ. Но надѣюсь, и вы станете слѣдовать моему примѣру. Иначе я все разскажу баронесѣ.

Валентинъ. Я ничего и не думаю дѣлать неприличнаго. Во-первыхъ, я признаюсь въ любви; во-вторыхъ, напишу нѣсколько записочекъ; въ третьихъ, подкуплю горничную; въ четвертыхъ, стану бродить по темнымъ уголкамъ; въ пятыхъ, сниму воскомъ форму замочныхъ скважинъ; въ шестыхъ, запасусь веревочной лѣстницей и перерѣжу перстнемъ стекла рамъ; въ седьмыхъ, брошусь на колѣни и прочту наизусть страницу изъ любого романа и въ восьмыхъ, если ничего не достигну, пойду и утоплюсь въ басейнѣ; но клянусь вамъ, что во всемъ останусь приличенъ и не скажу ни одного рѣзкаго слова, которое могло-бы оскорбить благовоспитанность.

Ван-Букъ. Ты—наглый повѣса и ничего подобнаго я не допущу.

Валентинъ. Подумайте: черезъ 4 года все, что́ я сейчасъ насчиталъ, станетъ продѣлывать другой, если я женюсь на Сесиль де-Мансъ, и какъ-же мнѣ узнать силу ея характера, не попытавшись самому? Вѣдь другой еще дальше зайдетъ, у него будетъ больше времени. Я-же, выпросивъ у васъ восьмидневный срокъ, выказалъ этимъ самымъ крайнюю скромность.

Ван-Вукъ. Ты просто поставилъ мнѣ ловушку. Никогда ничего подобнаго я не могъ предвидѣть.

Валентинъ. А что-же вы предвидѣли, когда пошли на мое пари?

Ван-Букъ. Я предвидѣлъ, я думалъ... что ты начнешь ухаживать... сдержанно, сдѣлаешь признаніе... вскользь... Но вѣдь ты ужасенъ! (Сесиль показывается въ глубинѣ сада.)

Валентинъ. Смотрите, вонъ ваша кроткая Сесиль идетъ маленькими шажками. Она направляется къ намъ. Спрячьтесь куда нибудь, вы будете свидѣтелемъ первой стычки, потомъ скажете мнѣ ваше мнѣніе.

Ван-Букъ. Ты женишься на ней, если она тебя дурно приметъ?

Валентинъ. Положитесь на меня и сидите

смирно. (Ван-Букъ открываетъ маленькую дверь направо въ сосѣднюю комнату и останавливается въ дверяхъ, на порогѣ, держась за ручку дверей.) Я очень радъ, что вы тутъ. Вы увидите, что при нѣкоторой ловкости (обматываетъ руку повязкой), жертвы, сдѣланныя во имя красоты, воздаются сторицей. Главное, не двигайтесь. Это критическая минута; не забывайте святость клятвы. (Ван-Букъ скрывается въ сосѣднюю комнату.)

Сцена VI.

Валентинъ, Сесиль.

Валентинъ (кланяясь). М-ль.

Сесиль. Ахъ, это вы? Я васъ не узнала. Какъ вашъ вывихъ?

Валентинъ (въ сторону). Вывихъ! какое гадкое слово. (Вслухъ.) Благодарю васъ, вы слишкомъ добры. Есть страданія, которыя чувствуешь на половину, и то вниманіе, какое мнѣ здѣсь оказываютъ...

Сесиль. Я прикажу принести вамъ бульону. (Уходитъ.)

Сцена VII.

Валентинъ, Ван-Букъ.

Ван-Букъ. Ты женишься на ней! Ты женишься! Признайся: вѣдь она прелестна? Сколько простоты! Какая скромность! Лучшаго выбора и сдѣлать нельзя.

Валентинъ. Подождите, подождите, дядюшка. Вы ужасно скоро все улаживаете.

Ван-Букъ. Зачѣмъ ждать? Къ чему? Ты ясно видишь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Какъ ты будешь счастливъ съ такой женой! Пойдемъ, признаемся баронесѣ. Я берусь ее успокоить.

Валентинъ. Бульону! Бульону! Какъ это молоденькая дѣвушка рѣшается произнести подобное слово! Она мнѣ не нравится. Она дурна и глупа. Прощайте, дядюшка. Я ѣду въ Парижъ.

Ван-Букъ. Вы шутите? Такъ-то вы сдерживаете свое слово? Вы смѣетесь надо мной или принимаете меня за повѣсу изъ вашей категоріи? Вы пользуетесь моей опрометчивостью для вашихъ мерзкихъ штукъ? Или вы въ самомъ дѣлѣ явились сюда совращать? Праведный Боже! Еслибъ я только могъ повѣрить...

Валентинъ. Развѣ я виноватъ, что она мнѣ не нравится. Я за это не отвѣчаю.

Ван-Букъ. Чѣмъ-же это она вамъ не понравилась? Она хорошенькая или ужь я ничего не смыслю въ женской красотѣ. У нея прекрасные глаза, великолѣпные волосы, недурной станъ. Она хорошо образована, знаетъ по-англійски и по-итальянски. У нея 30 тысячъ годового доходу, въ ожиданіи большого наслѣдства. Чего по вашему ей не достаетъ и почему-же она вамъ не нравится?

Валентинъ. Никогда нельзя съ точностью опредѣлить, почему такія личности намъ нравятся, другія нѣтъ. По крайней мѣрѣ, я знаю одно: она мнѣ не нравится, ни она сама, ни ея вывихъ, ни ея бульонъ.

Ван-Букъ. Это въ васъ заговорило самолюбіе. Еслибъ меня тутъ не было, вы-бы съ три короба наболтали мнѣ про вашу первую встрѣчу и прихвастнули-бы даже. Вы воображали побѣдить ее въ одинъ мигъ. Вотъ это-то васъ и задѣло за живое. Вы находите, что она дурна, потому что она мало обратила на васъ вниманія. Я прекрасно васъ знаю, лучше, чѣмъ вы думаете; но я легко не сдамся, я не позволю вамъ уѣзжать.

Валентинъ. Какъ хотите. Повторяю: она мнѣ не по вкусу. Я нахожу, что она не хороша и у нея такой глупый видъ, что даже возмутительно. Глаза, правда, недурны; но безъ всякаго выраженія. Вотъ вы находите, что станъ у нея... такъ себѣ, по моему-же если и есть въ ней что хорошаго, такъ это еще, пожалуй, фигура. Она знаетъ по-итальянски—ну и поздравляю ее. Она, можетъ быть, по-итальянски не такъ глупа. Что-же до ея приданаго, пускай ужь оно остается при ней, такъ-же, какъ и ея бульонъ.

Ван-Букъ. Ну, найдется-ли во всемъ мірѣ другая такая взбалмошная голова? Не слушай, не слушай дядю. Я сегодня утромъ истинную правду сказалъ тебѣ: ты только и годенъ на одни дурачества. Я съ тобой больше носиться не стану. Женись хоть на прачкѣ, если желаешь! Ты отказываешься отъ своего счастья, оно у тебя подъ руками. Богъ мнѣ свидѣтель—за послѣдніе 3 года мое терпѣніе было таково, что другой-бы на моемъ мѣстѣ...

Валентинъ. Или это мнѣ показалось? Посмотрите-ка, дядюшка, она опять идетъ.

Ван-Букъ. Гдѣ? Кто? Что ты говоришь?

Валентинъ. Развѣ вы не видите; вонъ мелькаетъ бѣлое платье между кустовъ сирени? Я не ошибаюсь—это она. Скорѣй, дядюшка, уходите; не надо, чтобъ насъ видѣли вмѣстѣ.

Ван-Букъ. Зачѣмъ мнѣ прятаться—она тебѣ не нравится.

Валентинъ. Я хочу къ ней подойдти, чтобы вы потомъ не упрекали меня.

Ван-Букъ. Ты женишься, если она не поддастся тебѣ?

Валентинъ. Ш-шъ! тише, она идетъ. (Ван-Букъ скрывается въ сосѣднюю комнату.)

Сцена VIII.

Валентинъ, Сесиль.

Сесиль. Maman поручила мнѣ спросить васъ: вы думаете сегодня ѣхать?

Валентинъ. Сегодня. Я уже послалъ за лошадьми.

Сесиль. Сядутъ въ вистъ играть, maman было-бы очень пріятно, еслибъ вы сѣли четвертымъ.

Валентинъ. Я весьма сожалѣю, но я не умѣю играть.

Сесиль. Не останетесь-ли вы у насъ отобѣдать. Будетъ фазанъ съ трюфелями.

Валентинъ. Благодарю васъ, я трюфелей не ѣмъ.

Сесиль. Послѣ обѣда кое-кто пріѣдетъ, станемъ танцовать.

Валентинъ. Простите меня, я никогда не танцую.

Сесиль. Очень жаль. Прощайте. (Уходитъ.)

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Стефенъ Митчель.

Повѣсть изъ флоридской жизни **М-съ Робинзъ**.
Переводъ **А. А. Разсказовой**.

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Въ слѣдующіе три дня я исходила всѣ закоулки города. Куда только солнце и морской воздухъ имѣли доступъ, туда я шла, но всѣ поиски мои оказывались напрасны. Тереза была права: городъ переполненъ, всякій уголъ занятъ. Подъ конецъ третьяго дня мой мужъ сказалъ мнѣ:

— Надѣюсь, ты, наконецъ, бросишь свои поиски, ты добѣгалась до лихорадки и все понапрасну. Молодой человѣкъ—Стефенъ Митчель, такъ, кажется, его зовутъ, — долженъ остаться тамъ, гдѣ находится теперь, пока не начнутъ выѣзжать изъ города.

— Никогда не слѣдуетъ отказываться отъ надежды, пока не испробованы всѣ средства, отвѣчала я задорно.

— Пріѣзжихъ здѣсь около 40,000; нужно-же всѣмъ найдти мѣсто.

Я болѣе не возражала и вышла на терасу. Маленькій негритенокъ постукивалъ босыми ногами въ калитку сада, желая привлечь мое вниманіе.

— Кого вамъ надо? спросила я.

— Тетка Тереза послала меня. Она говоритъ, что вы можете найдти комнату у массы Санхосъ и велѣла мнѣ проводить васъ туда.

— Сейчасъ буду готова, отвѣчала я, проходя черезъ комнату, въ которой сидѣлъ мужъ; я не могла не бросить на него торжествующаго взгляда.

— Подожди, пока вернешься, сказалъ онъ, приподнимая голову надъ книгами.

Комната массы Санхосъ была именно такая, какую я искала; она освободилась нѣсколько часовъ назадъ. Цѣна, правда, превосходила средства больного, но я уговорила хозяина подавать счетъ жильцу въ меньшей суммѣ и дополучать съ меня остальное. Комната осталась за мной. Два окна ея выходили на площадь, всегда полную жизни; другія два—на море. Убравъ комнату, я поспѣшила домой, срѣзала лучшіе цвѣты, за которыми ухаживалъ мой мужъ, заставила его помогать мнѣ и, часъ спустя, сидѣла въ каретѣ въ ожиданіи молодого человѣка. Къ чести моего мужа надо сказать, что, разъ принявъ въ комъ нибудь участіе, онъ не скупился на помощь. Онъ позаботился обо всемъ необходимомъ для перевозки и, поддерживая больного своими сильными руками, свелъ его и усадилъ въ карету.

— Не говорите ни слова, сказала я, видя, что больной собирается благодарить меня.—Не за что. Мнѣ досадно, что я раньше не могла этого сдѣлать. Городъ такъ переполненъ. Теперь отклонитесь назадъ. Такъ хорошо. Закройте глаза. М-ръ Станлей позаботится о васъ; опустите голову на его плечо, онъ умѣетъ водиться съ больными. Удобно-ли вамъ?

— Очень.

И онъ не произнесъ ни слова, пока мы не остановились у дверей дома массы Санхосъ. Какъ оживилъ его переѣздъ! онъ легче вышелъ изъ кареты, чѣмъ вошелъ въ нее. Это добрый знакъ. Тетка Тереза съ поклонами встрѣтила насъ въ дверяхъ новаго жилища и онъ весело сказалъ:

— Какъ вы перелетѣли сюда тетушка Тереза? А, это мое новое жилище, какъ оно хорошо! Этимъ я обязанъ вамъ, м съ Станлей?

— О нѣтъ, отвѣчала я;—за цвѣтами ухаживаетъ м-ръ Станлей; я только пользуюсь ими.

— Какъ хорошо! повторялъ онъ.—Если я долженъ умереть, лучше умереть здѣсь, а не въ той комнатѣ.

— Зачѣмъ говорить о смерти? сказала я.—Вы должны поправиться. Посмотрите, я поставила вашу качалку такъ, что вы, лежа, можете видѣть море. Въ сумерки, когда всѣ лодки отправляются на ночныя экскурсіи изъ Сент-Огюстена, открывается превосходный морской видъ. Воздухъ здѣсь такъ живителенъ, что можетъ исцѣлить всякую болѣзнь. Нѣтъ, вы должны жить и будете жить.

Онъ засмѣялся веселымъ смѣхомъ, въ которомъ слышалось болѣе жизни, чѣмъ смерти, я же, увидѣвъ Терезу съ чашкой бульону въ рукахъ, сдѣлала знакъ мужу и мы простились съ больнымъ и уѣхали.

Глава IV.

Ежедневные визиты, иногда длившіеся по нѣсколько часовъ, сблизили меня съ молодымъ человѣкомъ. Однажды онъ попросилъ меня называть его «Стивой». «Я не буду чувствовать себя, такимъ одинокимъ, говорилъ онъ, если буду слышать это дорогое, знакомое мнѣ имя»,—и я стала называть его этимъ именемъ, пріобрѣтая въ тоже время болѣе свободы въ ухаживаніи за больнымъ. Изрѣдка онъ заговаривалъ со мной о своей прошлой жизни, но всегда сдержанно и съ сильнымъ волненіемъ, вредно дѣйствовавшимъ на него. Я старалась избѣгать всякихъ поводовъ къ подобнымъ разговорамъ, но не всегда удачно, такъ какъ не могла отдѣлаться отъ мысли, что было нѣчто въ его прошломъ, что повліяло на всю его послѣдующую жизнь.

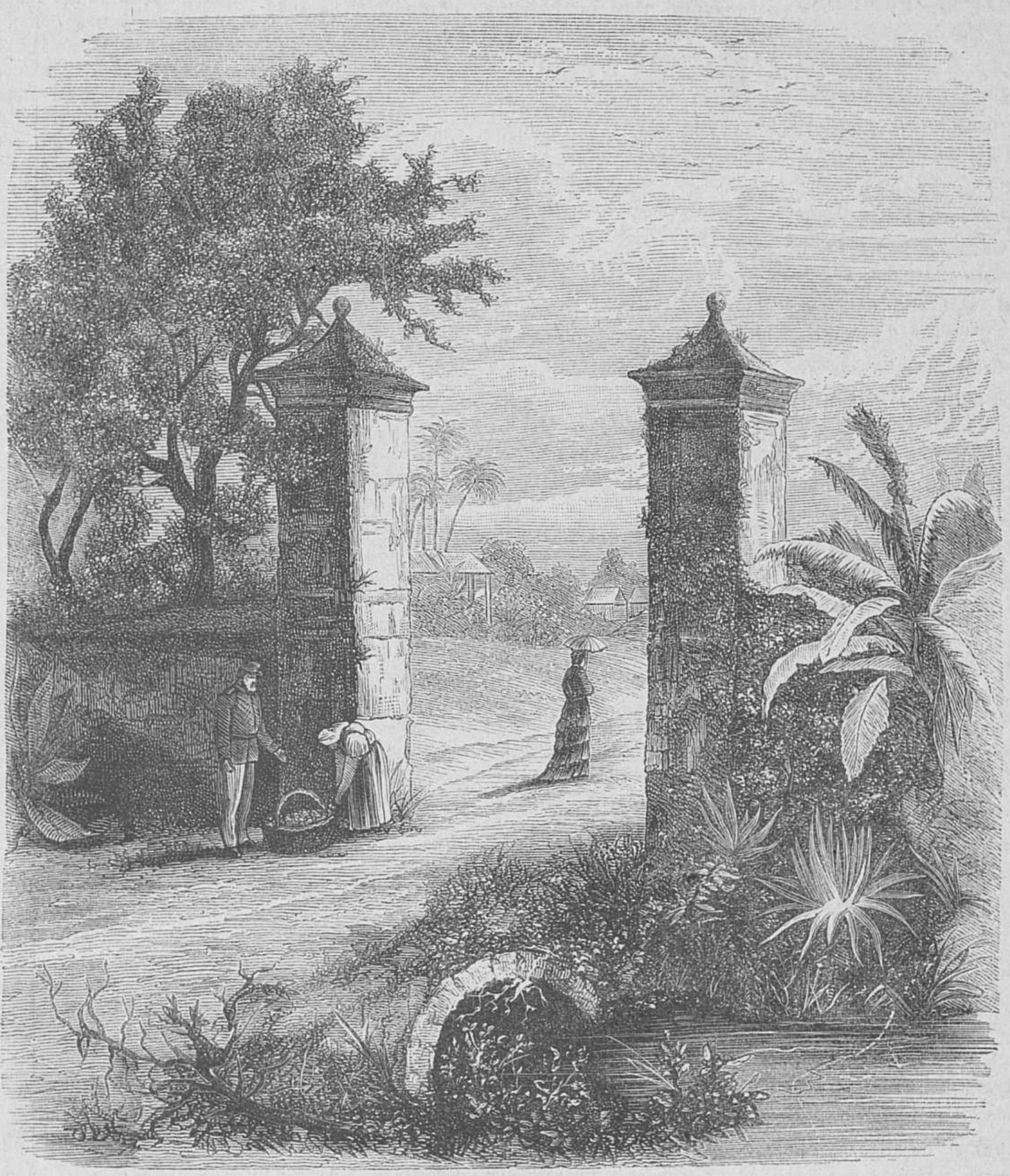
Разъ я принесла ему письмо, надписанное смѣлою, хотя, очевидно, женскою рукой.

— Вотъ вамъ письмо отъ кого-то, кто, повидимому, не любитъ терять времени на остановки, чтобы ставить точки на i, или доводить до конца буквы, сказала я.—Если судить по почерку это письмо отъ особы съ характеромъ; надѣюсь, содержаніе его доставитъ вамъ удовольствіе.

Онъ ничего не отвѣчалъ, но протянутая за письмомъ рука его задрожала такъ сильно, что онъ съ трудомъ могъ взять его. Удивленная и упрекая себя за свою неосмотрительность, я хотѣла уже отойдти отъ него, какъ онъ сказалъ:

— Не будете-ли вы такъ добры вскрыть это письмо.

КЪ РОМАНУ „СТЕФЕНЪ МИТЧЕЛЬ“.



Старые ворота въ Сент-Огюстенѣ.

Я вскрыла письмо, заботливо развернула и подала ему.

— Будьте спокойнѣе, сказала я,—всякое волненіе вамъ вредно.

Я отвернулась къ окну, чтобы дать ему возможность читать безъ стѣсненія. Черезъ нѣсколько минутъ онъ окликнулъ меня слабымъ голосомъ и я увидѣла, что онъ протягиваетъ ко мнѣ письмо.

— Прочтите, сказалъ онъ,—мнѣ такъ хотѣлось разсказать вамъ все, но я не могъ. Мнѣ кажется, я буду спокойнѣе, счастливѣе, когда вы все узнаете.

Его лицо было мертвенно блѣдно; онъ тяжело дышалъ. Я подала ему стаканъ оршаду и онъ съ трудомъ выпилъ его. Затѣмъ я прочла письмо слѣдующаго содержанія:

«Дорогой Стива! я долго повиновалась вамъ и не писала, но что въ томъ пользы? вы можете возвратить мое письмо не распечатаннымъ, я не могу помѣшать этому, но не въ состояніи не писать. Я сойду съ ума, если такъ будетъ продолжаться. Изъ вашихъ писемъ домой я вижу, что вы не поправляетесь; вы больны, я это знаю, и мое мѣсто около васъ. Съ слѣдующимъ-же поѣздомъ я прилетѣла бы къ вамъ, не обращая вниманія на толки, еслибъ знала, что вы будете рады видѣть меня; только одна боязнь, что вы не позволите остаться съ вами ни одного часа, удерживаетъ меня. Если бы вы только знали, какъ я страдала при мысли о васъ, больномъ, одинокомъ, покинутомъ,—вы тотчасъ-же вызвали-бы меня. Къ чему буду я опять и опять увѣрять васъ, что считаю васъ вполнѣ невиннымъ и что если бы весь свѣтъ считалъ васъ виновнымъ, я была бы убѣждена въ противномъ. Я почти со страхомъ пишу вамъ, что ни одинъ новый лучъ не пролилъ свѣту на это дѣло. М-ръ Бондъ добръ, освѣдомляется о васъ каждый разъ, когда встрѣчаетъ меня, часто ходитъ совѣтываться къ вашей теткѣ, но имѣетъ видъ, какъ будто обязанъ считать васъ виновнымъ, пока вы не докажете своей невинности. Я не смѣю открыть рта, чтобы спросить, не узналъ-ли онъ чего-нибудь новаго; я увѣрена, что онъ тотчасъ-же сообщитъ мнѣ, когда дѣло приметъ благопріятный оборотъ. Какое ужасное тяжелое положеніе! И не для меня только, но и для васъ и для другихъ, считающихъ васъ виновнымъ. О Стива! не будьте такъ горды, позвольте мнѣ пріѣхать къ вамъ. На колѣняхъ умоляю васъ объ этомъ. Вы видите, мнѣ необходимо было высказаться, а то я сошла бы съ ума. Ваша тетка не можетъ успокоить меня, она такъ похожа на льдину; она ничѣмъ не тревожится. Дорогой Стива! позвольте мнѣ пріѣхать; до послѣдняго дня своей жизни я буду благословлять васъ за это. Мой бѣдный больной, одинокій... (здѣсь нѣсколько пятенъ отъ слезъ стерли буквы) я не буду тревожить васъ, во мнѣ хватитъ на это мужества, но я стану зорко слѣдить за этимъ дѣломъ, выдержу всякое испытаніе. Обо мнѣ не безпокойтесь, разрѣшите только писать вамъ время отъ времени и обѣщайтесь не забывать меня, пока все не разъяснится. А это навѣрное случится рано или поздно: Богъ милосердъ. Я надѣюсь на хорошій исходъ и если бы потеряла надежду, я умерла бы. Это дѣло Джона Каульза, никто меня не разувѣритъ, что виновный именно онъ. Когда я сказала объ этомъ вашей теткѣ, она ледянымъ тономъ отвѣчала мнѣ: «Еслибъ я не знала, что вы не помните, что говорите, Руфь, я дивилась бы на васъ. Совѣтую вамъ не высказывать подобныхъ нелѣпостей, а то васъ запрутъ въ сумасшедшій домъ». Ну что-же, пусть запираютъ, если хотятъ, я все-таки увѣрена, что виновный—Джонъ Каульзъ. Въ прошлое воскресенье вечеромъ онъ ждалъ меня при выходѣ изъ церкви, чтобы проводить домой, а я не видѣла и не слышала его, хотя онъ долго шелъ рядомъ со мною, не переставая говорить. Онъ замѣчаетъ, что я подозрѣваю его. О, Стива! Я не смѣю болѣе писать, а между тѣмъ мнѣ такъ многое хочется сказать вамъ. Къ чему это запрещеніе! Это такъ жестоко съ вашей стороны, такъ не похоже на васъ, на вашу всегдашнюю заботливость обо мнѣ. Ваша тетка показываетъ мнѣ ваши письма къ ней, она добра, по крайней мѣрѣ; но нечего и говорить, какъ эти письма недостаточны для меня. Смѣю-ли я, могу-ли я надѣяться на самое коротенькое письмо, хотя въ нѣсколько строкъ?

«Руфь».

— Безъ сомнѣнія, хотя бы пришлось писать мнѣ самой, воскликнула я, кончая письмо.—Въ чемъ дѣло Стива? Вы поступаете безчестно, безсердечно. Что за сумасшествіе овладѣло вами? Такъ вотъ изъ-за чего вы умираете. Не лучше-ли поправляться скорѣе и схватить этого Джона Каульза за горло и заставить сознаться. Ну-же, разсказывайте мнѣ все, съ начала до конца. Но прежде выпейте еще стаканъ оршаду и поспѣшите. Тетка Тереза кончила свои разговоры, сейчасъ будетъ здѣсь. Чѣмъ скорѣе вы отдѣлаетесь, тѣмъ лучше. Ну, начинайте-же. Эта Руфь, вѣроятно, ваша невѣста, съ которой вы обращаетесь такъ отвратительно; да, я не хочу употребить болѣе мягкое выраженіе—отвратительно, а васъ подозрѣваютъ въ...

— Въ кражѣ 5,244 доларовъ 52 центовъ, прервалъ онъ меня.—Я былъ бухгалтеромъ у м-ра Бонда, богатаго торговца посудой. Джонъ Каульзъ — касиръ. Онъ заявилъ о пропажѣ изъ касы 5,244 доларовъ 52 центовъ. Въ ночь кражи я оставался въ конторѣ поздно вечеромъ за работой. Совершено было нѣсколько крупныхъ сдѣлокъ и работы у меня прибавилось. Кромѣ Джона Каульза я одинъ имѣлъ доступъ въ кассу. Мои книги найдены измѣненными, цифры тщательно подчищены, какъ разъ на ту сумму, которая исчезла. Всѣ знали, что я ожидаю только улучшенія моего положенія, чтобы жениться на Руфи. Никто не могъ взять денегъ, кромѣ Джона Каульза или меня; вопросъ въ томъ, который изъ насъ. М-ръ Бондъ былъ всегда очень добръ ко мнѣ. Запершись со мной въ конторѣ, онъ сказалъ: «Стива, мнѣ очень грустно, что дѣло обернулось противъ васъ. Я дѣлаю то, что едва-ли одинъ человѣкъ изъ миліона сдѣлалъ бы въ подобныхъ обстоятельствахъ, я не отсылаю васъ прочь, а оставляю при себѣ и даю вамъ случай спасти ваше доброе имя. Если вы взяли деньги—возвратите ихъ, если-же нѣтъ, высоко держите вашу голову и вее пойдетъ по прежнему. Однакожъ, я долженъ буду взять ключъ отъ кассы, который прежде поручалъ вамъ и каждый вечеръ просматривать ваши книги. Тотъ, кто взялъ деньги, безъ сомнѣнія, подчистилъ и книги. Я не вѣрю, чтобы это сдѣлали вы, но, понятно, вы отвѣчаете за подчистку».—И я исполнилъ его требованіе, я остался, но сталъ хирѣть; я началъ сильно кашлять: мать моя умерла отъ чахотки; всѣ говорили, что я послѣдую за ней. Не смотря на стараніе сохранить тайну, кое-что сдѣлалось извѣстнымъ и пошли разговоры. Знакомые холодно пожимали плечами при встрѣчѣ со мной; даже тетка стала смотрѣть на меня другими глазами. О, это было ужасно! Потомъ она послала меня сюда. Тетка Софія добра по натурѣ, но боится, чтобы ее не сочли легковѣрной, и потому почти повѣрила дурнымъ слухамъ обо мнѣ. Я радъ былъ уѣхать, я не въ состояніи былъ видѣться съ Руфью; я желалъ, чтобы она забыла меня. Бѣдная Руфь!

— Да, бѣдная Руфь! сказала я.—Если бы я не видѣла, Стива Митчель, что вы больной человѣкъ, я сочла бы васъ идіотомъ. Да гдѣ же было ваше мужество? Зачѣмъ вы не слѣдили за этимъ Джономъ Каульзомъ? Вамъ слѣдовало пригласить сыщика, а не надѣяться на м-ра Бонда. Положимъ, онъ былъ довольно добръ... да, я думаю, онъ поступалъ благородно. Но какъ вы могли отступиться отъ всего съ такою кротостію: потерять Руфь, свое доброе имя и жизнь, и все отъ недостатка мужества. Вы серьезно должны-бы—и я говорю это не изъ желанія осуждать васъ—стыдиться самого себя. Да, бѣдная Руфь и слабый, безхарактерный Стива. Завтра-же вызовите ее. Позвольте мнѣ телеграфировать. Она пріѣдетъ прямо ко мнѣ и будетъ жить у меня, пока вы на столько не поправитесь, чтобы обвѣнчаться.

Стива медленно, печально покачалъ головой.

— Этому не бывать. Руфь не должна унизить себя замужествомъ съ человѣкомъ, котораго считаютъ воромъ. Нѣтъ, пусть лучше она умретъ. Лучше смерть для насъ обоихъ; это самый удобный путь разрѣшить всѣ затрудненія.

— Удобный путь, повторила я съ презрѣніемъ. — Стива, если бы вы не были больнымъ человѣкомъ...

— Умирающимъ, перебилъ онъ меня.

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ; но у больныхъ такъ мало мужества, меньше даже, чѣмъ физическихъ силъ. Ну будьте-же умницей. Позвольте мнѣ написать Руфи. Я скажу ей, что вы скоро поправитесь и вернетесь назадъ, чтобы вцѣпиться этому Джону Каульзу въ горло и заставите его признаться. Предоставьте мнѣ устроить это дѣло. Мой мужъ адвокатъ и имѣлъ на своихъ рукахъ много уголовныхъ дѣлъ. Я посовѣтуюсь съ нимъ. Я напишу Руфи... извините, я не знаю еще ея полнаго имени?

— Ее зовутъ Руфь Риплей, сказалъ онъ.

— Руфь Риплей... мнѣ нравится это имя. Скажите мнѣ что-нибудь о ней. Что она брюнетка или блондинка, высокая или низенькая, хорошенькая или некрасивая, умная или глупая, кроткая или капризная?

— Брюнетка, высокая, хорошенькая, умная кроткая, отвѣчалъ онъ съ натянутымъ смѣхомъ.

— О, конечно, я должна бы это знать. Ну, Стефенъ Митчель, можете успокоиться, теперь ваше дѣло перейдетъ въ руки самаго искустнаго адвоката въ штатѣ Масачусетсъ; а Руфь Риплей уже попала во власть самой отъявленной свахи во всемъ штатѣ. А вотъ и Тереза! Я приду опять. Ложитесь спокойно спать, ваше дѣло въ хорошихъ рукахъ. Прощайте.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Микель-Анджело Буонароти.

Помѣщенная въ прошломъ нумерѣ картина «Микель-Анджело у гроба Витторіи Колонна», даетъ намъ случай побесѣдовать съ читателями объ этомъ великомъ художникѣ итальянскаго возрожденія. Въ небольшой замѣткѣ нѣтъ никакой возможности дать болѣе или менѣе полную біографію Микель-Анджело; мы, поэтому, ограничимся только нѣкоторыми чертами изъ его жизни и бѣглой характеристикой его произведеній *).

На первый взглядъ кажется, будто жизнь этого величайшаго художника древняго и стараго міра не заключаетъ въ себѣ ничего выдающагося, не богата событіями, несчастіями. Если ему не давали покоя алчные родственники, если два или три раза капризъ или смерть могущественнаго покровителя останавливали задуманное имъ произведеніе, если его родина была порабощена, если вокругъ себя онъ видѣлъ пониженіе личности, то все это дѣло обычное, не выходящее изъ ряда обыкновенныхъ условій жизни. Развѣ мало другихъ художниковъ, его современниковъ, находились въ тѣхъ-же условіяхъ? Но страданіе измѣряется не внѣшнимъ толчкомъ, а степенью того внутренняго сотрясенія, на которое способенъ чувствующій организмъ. Такимъ именно былъ Микель-Анджело. Вмѣстѣ съ болѣзненно развитою чувствительностью, онъ былъ «робокъ» **), любилъ уединеніе и до такой степени былъ наивенъ, что втеченіи всей жизни не могъ рѣшиться дать обѣдъ своимъ друзьямъ. Съ ранней юности онъ не любилъ шумныхъ собраній и жилъ совершенно уединенно, среди книгъ и картинъ, за что всѣ считали его необыкновенно гордымъ человѣкомъ. Позднѣе, на вершинѣ славы, онъ не покинулъ этого уединенія, гулялъ одинъ, имѣлъ одного лишь слугу, вѣчно былъ погруженъ въ собственныя думы. Оно и понятно,—вокругъ себя онъ не видѣлъ никого, кто былъ-бы ему подъ-стать. Онъ страстно любилъ все благородное и великое, въ особенности искуство, которое онъ сталъ изучать не смотря на сопротивленіе отца и которое изучалъ такъ настойчиво, что заболѣлъ подъ конецъ; онъ никогда не поступался своимъ человѣческимъ достоинствомъ, отстаивая его съ опасностью рѣзко передъ самыми гордыми папами, такъ что заставилъ уважать себя, какъ равнаго, хотя и бравировалъ ихъ «больше, чѣмъ могъ-бы бравировать король французскій». Онъ презиралъ всѣ обыкновенныя наслажденія, «будучи богатымъ, жилъ, какъ бѣднякъ», всегда воздержный, часто обѣдалъ простымъ кускомъ хлѣба, постоянно работая; не зналъ роскоши, не считалъ денегъ, дарилъ свои картины и статуи друзьямъ, двадцать тысячъ франковъ—слугѣ, тридцать или сорокъ тысячъ—племяннику. Кромѣ того, жилъ, какъ монахъ, цѣломудренно, при дворѣ, удивлявшемъ міръ своей роскошью и развратомъ, зная лишь одну любовь,—строгую и чистую,—къ женщинѣ столь же гордой и столь же великой души, какъ и онъ,—къ Витторіи Колонна. Вечеромъ, послѣ занятій, онъ сочинялъ сонетъ въ ея честь, умственно преклоняясь передъ нею, какъ Дантъ у ногъ Беатриче, умоляя ее поддержать его духъ и направлять на «прямую дорогу». Онъ поклонялся ей съ совершенно мистической экзальтаціей рыцарей среднихъ вѣковъ. Въ ея красотѣ онъ видѣлъ откровеніе божественной сущности. Она умерла раньше его; долгое время,—всю свою жизнь,—не могъ онъ оправиться отъ этого удара, «подавленный и какъ бы безумный». Много лѣтъ спустя, онъ таилъ въ сердцѣ своемъ сожалѣніе, что, когда она умерла, онъ поцѣловалъ ея руку, а не лобъ или щеку ***).

Вся остальная часть жизни Микель-Анджело соотвѣтствовала этой интенсивности чувства. Онъ любилъ «размышленія ученыхъ людей», любилъ также чтенія поэтовъ, Петрарка, а въ особенности Данта, котораго «божественную комедію» зналъ наизустъ. Изъ книгъ онъ предпочиталъ библію и въ особенности проповѣди Саванаролы,—его учителя и друга, котораго онъ видѣлъ привязаннымъ у позорнаго столба и сожженнымъ, котораго «слово живое жило въ тайникахъ его души». Человѣкъ, который такъ живетъ и чувствуетъ, не въ состояніи принаровиться къ условіямъ обыденной жизни; онъ слишкомъ различенъ отъ другихъ. Если онъ внушаетъ къ себѣ восторженное поклоненіе другихъ, то самъ недоволенъ собою. «Онъ не цѣнилъ своихъ произведеній, находя, что никогда не могъ вполнѣ выразить идеи, которая возникла вь душѣ его». Однажды его встрѣтили,—стараго уже и дряхлаго,—у подножія Колизея, въ снѣгу. «Куда это вы идете?» спросили его.—«Иду въ школу учиться»,—отвѣчалъ онъ. Не разъ отчаяніе овладѣвало имъ. Подъ конецъ жизни онъ теряетъ вѣру въ себя, къ «этому искуству, которое было его повелителемъ и идоломъ; пусть ничто теперь не тревожитъ души моей, обращенной къ божественной любви, которая на крестѣ открыла объятія, чтобъ принять насъ»,—послѣдній вздохъ высокой души въ эпоху паденія и разврата, среди порабощеннаго народа. Втеченіи шестидесяти лѣтъ его произведенія дѣлали для всѣхъ очевидною героическую борьбу, кипѣвшую въ его сердцѣ. Сверхестественныя фигуры, столь-же несчастныя, какъ и мы, фигуры боговъ, раздираемыхъ земными страстями, цѣлый Олимпъ, среди котораго разыгрывается человѣческая трагедія,—вотъ мысль, которая нисходитъ на васъ со всѣхъ сводовъ Сикстинской капелы въ Ватиканѣ. Было-бы ребячествомъ сравнивать эти произведенія съ «Сивилами» или съ «Исаіей» Рафаэля. Фигуры Рафаэля, правда, сильны и прекрасны; въ нихъ, можетъ быть, обнаруживается столь же совершенное искуство, но съ перваго же взгляда очевидно, что онѣ не имѣютъ закала фигуръ Микель-Анджело. Его Іеремія, мечтающій, облокотивши свою громадную голову на колосальную руку, борода Іеремій покрывающая всю грудь, руки, огрубѣвшія въ трудѣ, лобъ, покрытый морщинами, громъ, который, кажется, готовъ раздаться въ этой колосальной груди,—все, словомъ, напоминаетъ тѣхъ вождей варваровъ, которые сокрушили римскую имперію. Езекіилъ грозно поворачивается съ внезапными вопросами и его движеніе такъ быстро, что взволнованный воздухъ приподымаетъ на его плечѣ часть его плаща. Старая Персика, подъ длинными складками своего покрывала, читаетъ книгу, которую держитъ своими костлявыми руками и на которую жадно устремила свои горящія глаза. Іона падаетъ съ откинутой назадъ головой, пораженный сверхестественнымъ видѣніемъ, въ то время, какъ по пальцамъ онъ безсознательно считаетъ сорокъ дней, оставшихся Ниневіи. Либина порывисто сходитъ, унося книгу, которую схватила. Вокругъ этихъ величественныхъ фигуръ, на выступахъ свода, голые юноши упражняются въ борьбѣ. Надъ ними старый пилигримъ, сгорбленный и дряхлый, садится; женщина, цѣлующая своего ребенка, мужчина въ отчаяніи, взглядомъ какъ-бы вызывающій судьбу на бой, молодая дѣвушка съ красивымъ, веселымъ лицомъ, мирно спящая, десятки другихъ,—всѣ говорятъ каждымъ жестомъ, каждой складкой платья.

И все это по бокамъ свода; на самомъ сводѣ,—длиною въ двѣсти футъ,—изображены событія библіи и освобожденіе Израиля, сотвореніе міра, созданіе мужчины и женщины, первородный грѣхъ, изгнаніе первыхъ людей изъ рая, потопъ, мѣдный змѣй, убійство Олоферна, мученія Амана,—цѣлый лѣсъ трагическихъ фигуръ. Зритель ложится ничкомъ на коверъ, покрывающій паркетъ Сикстинской капелы, и смотритъ. Какъ-бы эти фигуры ни были далеки отъ взора, почернѣвшія отъ времени, сдавленныя, находящіяся внѣ всѣхъ условій нашей современной живописи, нашего вѣка, нашихъ умственныхъ привычекъ, — онѣ невольно и неудержимо приковываютъ вниманіе. Микель-Анджело такъ великъ, что для него не существуетъ различій вѣковъ и народовъ.

Трудность для зрителя, однакожъ, заключается не въ томъ, чтобъ подчиниться очарованію генія, а въ томъ, чтобъ объяснить себѣ это очарованіе. Когда, насытившись зрѣлищемъ этихъ произведеній, вы уйдете, когда послѣ впечатлѣній наступитъ минута размышленій и когда вы себя спросите: въ чемъ-же заключается тайна этого генія, то неизбѣжно отвѣтите, что у Микель-Анджело была душа Данта и что онъ всю свою жизнь изучалъ формы человѣческаго тѣла. Формы, изображаемыя имъ, выразительны необыкновенно, во всѣхъ своихъ деталяхъ, въ мускулахъ, драпировкахъ, позахъ, пропорціяхъ, такъ что зритель пораженъ сразу всѣми частями изображенія. И эти формы выражаютъ страстное увлеченіе, гордость, смѣлость, отчаяніе, силу неудержимой страсти, героическую волю, такъ что зритель потрясенъ самыми могучими душевными импульсами. И когда, затѣмъ, вы познакомитесь тутъ-же въ этой Сикстинской капелѣ съ его «Послѣднимъ судомъ», то невольно забудете нѣкоторое злоупотребленіе искуства, замѣтное въ этомъ произведеніи, и увидите только великаго ученика Данта, друга Саванаролы, патріота, стоика, судью, который носилъ въ своемъ сердцѣ трауръ по Флоренціи, который присутствовалъ на похоронахъ свободы и Италіи и который среди погибшихъ стремленій, приниженныхъ характеровъ, оставался твердъ и великъ, посвятивъ девять лѣтъ этой колосальной картинѣ, съ неотступной мыслію о послѣднемъ судѣ и какъ-бы прислушиваясь къ трубному гласу.

---

*) Живописецъ, скульпторъ, архитекторъ, поэтъ,—Микель-Анджело родился въ 1475, умеръ въ 1564 г. Былъ ученикомъ Доминикино и Гирляндайо. Изъ его скульптурныхъ произведеній извѣстны: «Спящій купидонъ», «Вакхъ», «Pietà» (въ церкви св. Петра въ Римѣ), «Моисей» (статуя, предназначавшаяся для мавзолея Юлія II), «Гробница Медичи» (въ капелѣ Сен-Лоренцо въ Флоренціи). Сикстинская капела въ Ватиканѣ украшена колосальными фресками Микель-Анджело: потолокъ покрытъ фресками изъ библіи и мифологіи, одна изъ стѣнъ—«Послѣднимъ судомъ». Какъ архитекторъ, онъ построилъ базилику св. Петра, Капитолій и капитолійскій музей.

**) Всѣ выписки въ ковычкахъ заимствованы изъ сонетовъ Микель-Анджело.

***) Картина, помѣщенная нами, воспроизводитъ эту сцену у гроба Витторіи Колонна. Итальянскій художникъ очень талантливо изобразилъ тотъ моментъ, когда Микель-Анджело цѣлуетъ руку трупа. Въ особенности хорошо удалась голова Микель-Анджело, затѣмъ второстепенныя лица и вся мрачная обстановка.

Но удивленіе удваивается, трепетъ охватываетъ васъ, когда вы входите въ капелу Сан-Лоренцо во Флоренціи, гдѣ находится его «Гробница Медичи». Въ современной скульптурѣ ничто не можетъ быть сравниваемо съ этимъ произведеніемъ, а греческое искуство не создало ничего выше его. Греческія статуи—другія, вотъ все, что можно сказать. Фидій создалъ счастливыхъ боговъ, Микель-Анджело—страдающихъ героевъ, но страдающіе герои стоятъ счастливыхъ боговъ. Каждый видѣлъ или рисунокъ, или гипсовый снимокъ съ этихъ статуй; но кто не видѣлъ ихъ въ оригиналѣ, тотъ не знаетъ ихъ. Чтобъ знать ихъ, нужно созерцать, колосальную, сверхестественную массу этихъ громадныхъ, лежащихъ тѣлъ, всѣ мускулы которыхъ интенсивно живутъ, видѣть трагическія формы этихъ дѣвъ, олицетворяющихъ собою гордость и страданіе и внушающихъ чувство невольнаго страха и состраданія. Онѣ рѣшительно принадлежатъ къ другой высшей расѣ: падшая Діана въ плѣну у варваровъ Тавриды имѣла-бы эту талію и это лицо. Одна изъ нихъ, полулежа, просыпается, какъ-бы отгоняя отъ себя мрачный сонъ. Голова повисла, брови нахмурены, глаза впали, щеки похудѣли. Ея красота еще не поблекла, но внутреннее страданіе уже кладетъ свою руку на нее. Благородная кровь, живая энергія членовъ еще сохранились, но душа уже изнемогаетъ; съ усиліемъ она приподнимается, облокачиваясь рукой, и ея взоръ, какъ-бы съ сожалѣніемъ, снова встрѣчаетъ день. Рядомъ съ нею сидящій мужчина отворачивается съ мрачнымъ видомъ, точно побѣжденный. Но каково будетъ зрѣлище, когда эта колосальная масса мускуловъ, окружающихъ торсъ, задвигается и схватитъ въ свои могучія объятія врага! На другой гробницѣ плѣнный (фигура не оконченная и голова только намѣченная) съ вытянутыми руками, съ напряженнымъ тѣломъ, приподымается, грозно обводя взоромъ вокругъ. Всѣ эти фигуры—точно фигуры Данта: Уголино, грызущій черепъ своего врага; осужденныя, выходящія изъ ихъ пылающихъ могилъ.

Но вотъ и послѣдняя фигура—спящая колосальная женщина; у ногъ ея помѣщается сова. Это—сонъ утомленія, мрачное забытье обезсиленнаго существа. Фигуру эту называютъ Ночью и Микель-Анджело написалъ на ея пьедесталѣ: «Мнѣ сладко спать и еще слаще быть изъ мрамора до тѣхъ поръ, пока живутъ несчастіе и позоръ. Ничего не видѣть, ничего не чувствовать—вотъ мое блаженство. Поэтому не буди меня! О, говори тише!» Но великому художнику не нужны были стихи,—его статуи говорятъ сами за себя. Флоренція только что была побѣждена; напрасно онъ укрѣплялъ ее и защищалъ; послѣ осады цѣлаго года папа Климентъ взялъ городъ. Послѣднее свободное правительство погибло. Наемники ходили изъ дома въ домъ, убивая лучшихъ гражданъ. Четыреста шестьдесятъ изгнанниковъ были приговорены за-очно къ смерти. Домъ Микель-Анджело былъ разграбленъ; безъ друга, который его спасъ, онъ-бы погибъ. Скрываясь въ своемъ убѣжищѣ, онъ слѣдилъ, какъ смерть уноситъ благороднѣйшихъ людей. Если впослѣдствіи папа пощадилъ его, то лишь потому, что хотѣлъ, чтобъ онъ окончилъ капелу Медичи. Онъ уединился въ этой капелѣ, работая день и ночь, стараясь въ трудѣ забыть погибель свободы, предсмертныя судороги опозоренной родины, попраніе справедливости, безсильное отчаяніе, постоянныя униженія гражданскаго чувства,—и все это онъ вложилъ въ свои каменныя фигуры. Надъ этими фигурами, въ каскѣ воина, онъ помѣстилъ молчаливаго Лаврентія Медичи, съ рукой, положенной на уста, готоваго приподняться и встать. Таковъ долженъ былъ быть Фридрихъ Барберусса, когда онъ приказалъ провести плугомъ по Милану.

У дверей капелы—великолѣпная, неоконченная статуя Богоматери съ божественнымъ сыномъ. Ея худощавое лицо выражаетъ какую-то грустную доброту. Какъ и ея сестры, покоющіяся на гробницахъ Медичи, она принадлежитъ къ нечеловѣческой расѣ; все это существа, которыя не въ состояніи примириться съ жизнію и которыя, поэтому, вѣчно борются. Между его первой статуей «Pietà», находящейся въ церкви св. Петра въ Римѣ, и этою Богоматерью, столь грандіозной, проникнутой столь высокимъ чувствомъ,—какая громадная разница! Присоедините еще его «Моисея» и своды Сикстинской капелы и вы увидите, какъ онъ росъ и какъ страдалъ... Вотъ дѣйствительно современное искуство, совершенно личное, обнаруживающее лишь индивидуальность художника и составляющее полный контрастъ съ древнимъ искуствомъ, личнымъ, выражающимъ нѣчто общее, именно, античный городъ. Тоже различіе легко замѣтить между Гомеромъ и Дантомъ, между Эсхиломъ и Шекспиромъ. Искуство все болѣе и болѣе превращается въ личную, интимную исповѣдь самого художника...

Политическая хроника.

Соединенная эскадра европейскихъ флотовъ покидаетъ Адріатическое море и дѣла подъ Дульциньо остаются въ прежнемъ положеніи, изъ котораго, впрочемъ, легко могутъ возникнуть новыя затрудненія. Албанцамъ можетъ придти въ голову блажъ наказать черногорцевъ и они захотятъ сдѣлать попытку вторгнуться въ Черногорію. Риза-паша, разумѣется, не въ состояніи будетъ удержать ихъ отъ такого рѣшенія. Что же касается турецкаго правительства, то для него накопленіе усложненій даже желательно. Разъ оно торжественно отказалось отъ исполненія берлинскаго трактата, имъ принятаго, оно только можетъ выиграть отъ запутанности положенія. Всякое новое усложненіе должно замедлять дѣйствіе соединенной эскадры; адмиралы принуждены испрашивать новыхъ инструкцій у своихъ правительствъ; правительства въ свою очередь должны переговариваться между собою для выработки одной общей инструкціи, а время идетъ и этой проволочкой пользуется турецкое правительство, прекрасно понимающее, что всякое соглашеніе существуетъ только до поры до времени и легко можетъ случиться, что сегодняшніе союзники завтра встанутъ другъ къ другу во враждебныя отношенія. Настоящее соглашеніе европейскихъ великихъ державъ не можетъ считаться прочнымъ уже потому, что у нихъ нѣтъ общаго интереса, который скрѣплялъ бы ихъ союзъ. Можетъ ли искренно относиться къ этому соглашенію, напримѣръ, Австрія, которая, занявъ Боснію и Герцеговину, считала себя полной хозяйкой въ турецкихъ дѣлахъ, въ особенности, когда ей удалось подчинить своему вліянію правительства княжествъ сербскаго и черногорскаго. Германія, находящаяся въ тѣсномъ союзѣ съ Австріей и не имѣющая никакихъ личныхъ интересовъ въ Турціи, тоже не можетъ относиться горячо къ соглашенію. Напротивъ, германскія вліятельныя газеты твердятъ теперь о необходимости сильной Турціи для спокойствія Европы, лучше сказать, онѣ желаютъ, чтобы было отсрочено исполненіе берлинскаго трактата и Турція осталась-бы въ тѣхъ границахъ, въ какихъ находится въ настоящее время. Италія искони питала дружелюбныя чувства къ албанцамъ и потому невольно сочувствуетъ ихъ сопротивленію передать Дульциньо черногорцамъ. Во Франціи общественное мнѣніе высказывается противъ вмѣшательства въ турецкія дѣла и потому правительство дѣйствуетъ нерѣшительно. Остаются только Англія и Россія, желающія точнаго и немедленнаго исполненія всѣхъ постановленій берлинскаго трактата.

Только расчитывая на непрочность соглашенія и могло позволить себѣ турецкое правительство обратиться къ европейскимъ державамъ съ странной нотой, въ которой оно прямо говоритъ, что не намѣрено исполнять берлинскаго трактата. Оно говоритъ, что употребитъ всѣ старанія, чтобы албанцы отдали Дульциньо черногорцамъ; что оно готово уступить Греціи часть территоріи, назначенной берлинскимъ трактатомъ, но остальную часть сохранитъ за собой, считая это для себя необходимымъ; что черезъ 3 мѣсяца оно приступитъ къ реформамъ въ Арменіи и пр., но сдѣлаетъ это подъ условіемъ удаленія соединенной эскадры. По словамъ телеграмъ, эта нота произвела вездѣ неблагопріятное впечатлѣніе. Позволительно въ этомъ сомнѣваться; не могли же встрѣтить съ неудовольствіемъ эту ноту тѣ, которые способствовали ея появленію. Надо полагать, что въ Германіи и Австріи къ ней отнесутся снисходительно.

Тотъ же телеграфъ принесъ извѣстіе, что будто-бы непосредственнымъ результатомъ обнародованія турецкой ноты явилось соглашеніе между державами дѣйствовать на Турцію морской демонстраціей не у албанскихъ береговъ, а въ Архипелагѣ и въ видѣ залога занять два какихъ-нибудь острова и блокировать порты, конфискуя впредь до точнаго исполненія берлинскаго трактата таможенные доходы Турціи. Разумѣется, еслибы такія мѣры были приняты, турецкому правительству ничего бы болѣе не оставалось, какъ немедленно выполнить обязательства, принятыя имъ на себя въ силу берлинскаго трактата. Но опять-таки нельзя не усомниться въ прочности и этого новаго соглашенія.

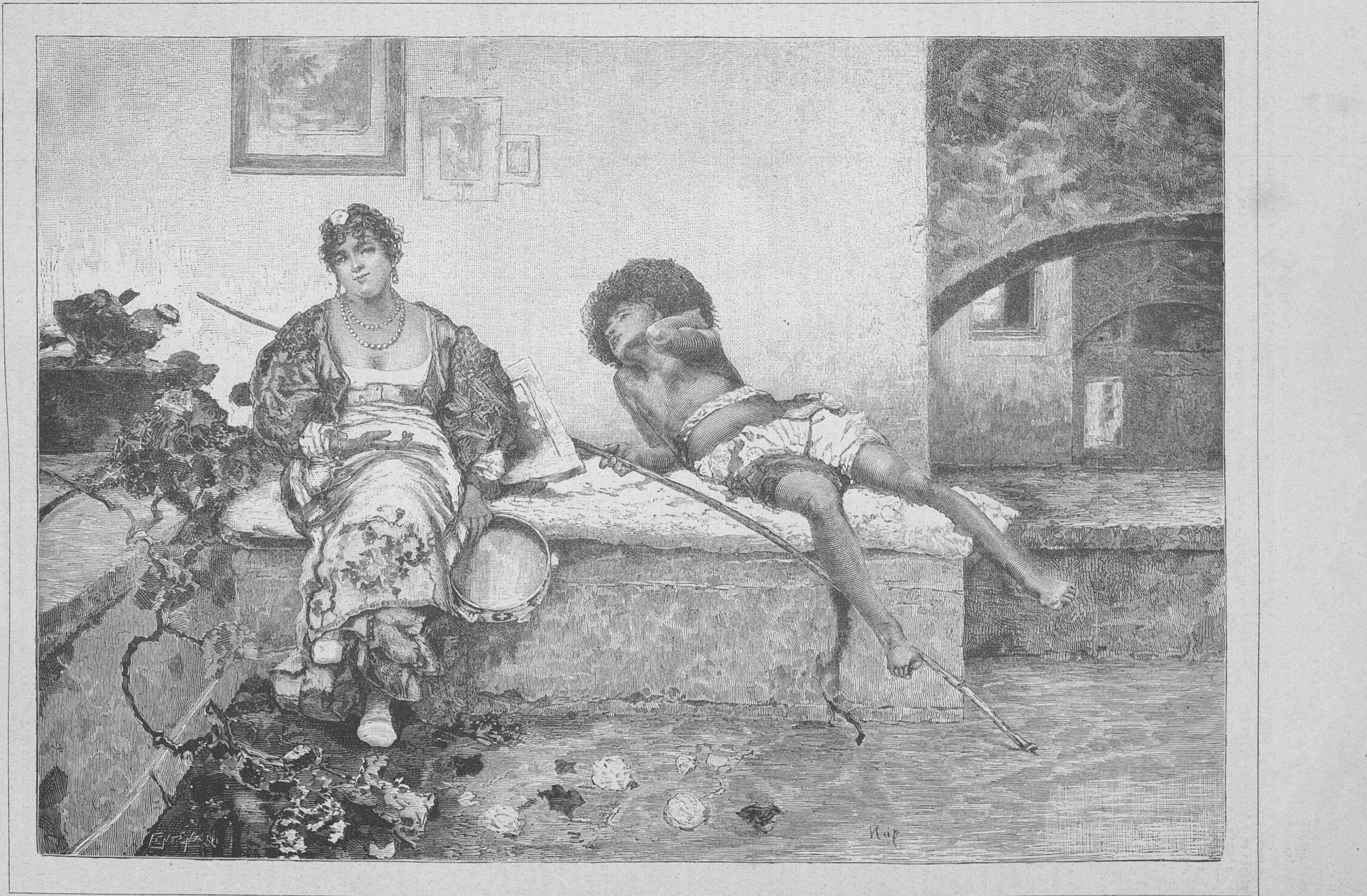
Европейскимъ государствамъ, принимающимъ участіе въ соглашеніи, очень много заботъ у себя дома и имъ по необходимости приходится обращать большее вниманіе на внутреннюю, чѣмъ на внѣшнюю политику. Вѣчное больное мѣсто Англіи—Ирландія надѣлала не мало хлопотъ англійскому правительству въ послѣднее время. На отверженіе палатою лордовъ билля о вознагражденіи ирландскихъ фермеровъ, ирландцы отвѣчали аграрными убійствами, которыми они снова заявляютъ о страшной ненависти, существующей между ирландскими землевладѣльцами и съемщиками ихъ земель—земледѣльцами. Особенно сильное впечатлѣніе во всей Англіи произвело послѣднее убійство: лорда Моунтмореса. Подробности его чрезвычайно характеристичны, изъ нихъ видно до какого ожесточенія дошла ненависть между враждующими сторонами. Лордъ Моунтморесъ очень строго относился къ обязательствамъ своихъ фермеровъ; при малѣйшей неисправности ихъ во взносѣ арендной платы онъ тотчасъ-же «выдворялъ» ихъ, говоря офиціальнымъ языкомъ, попросту выгонялъ ихъ, не давая никакого вознагражденія за сдѣланныя улучшенія въ почвѣ, что практикуется во всей Ирландіи и что хотѣлъ устранить Гладстонъ биллемъ, отвергнутымъ палатою лордовъ. Моунтморесъ былъ также мировымъ судьей; приговоры его отличались суровостью, что сдѣлало его еще болѣе непопулярнымъ. Зная, что его намѣреваются убить, Моунтморесъ выходилъ изъ дому не иначе, какъ въ сопровожденіи приставленнаго къ нему для его охраны полицейскаго агента. Никто не смѣлъ къ нему наняться въ слуги и онъ проживалъ въ домѣ одинъ. Въ день его убійства, онъ отправился верхомъ одинъ, безъ полицейскаго; онъ отъѣхалъ недалеко отъ дома и былъ убитъ нѣсколькими выстрѣлами. Замѣчательно, что ни одинъ изъ окрестныхъ жителей не позволилъ внести къ себѣ въ домъ трупа убитаго, гдѣ бы онъ лежалъ до тѣхъ поръ пока прибудетъ экипажъ покойнаго. Мало того, полиція не могла найдти ни одного человѣка, который бы согласился положить покойнаго въ гробъ; наконецъ, трупъ пришлось везти на кладбище окольнымъ путемъ изъ опасенія, что ненависть можетъ довести ирландцевъ до самаго поруганія надъ трупомъ.

Это убійство навело паническій страхъ на ирландскихъ землевладѣльцевъ и они заявили требованіе о принятіи правительствомъ чрезвычайныхъ мѣръ. Но такъ какъ министерство не могло бы рѣшиться на это безъ согласія парламента, то ирландскіе землевладѣльцы предлагаютъ созвать парламентъ ранѣе назначеннаго срока. Министерство Гладстона, кончено, противъ принятія чрезвычайныхъ мѣръ. На крики землевладѣльцевъ объ опасности, оно отвѣтило совершенно спокойнымъ отношеніемъ къ митингу, созванному въ Лондонѣ, въ Гайд-паркѣ, ирландскимъ агитаторомъ, депутатомъ палаты общинъ, Парнелемъ. На этомъ митингѣ Парнель громилъ министерство Гладстона, по его словамъ, нежелающее оказать справедливости Ирландіи. Въ Англіи такъ привыкли къ свободному выраженію мнѣній на митингахъ, что даже министерство Биконсфильда никогда не рѣшалось затруднять собраніе ирландскихъ митинговъ, на которыхъ высказывались рѣзкія мнѣнія, направленныя противъ англійскаго правительства и даже требовалось отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи.

Совсѣмъ иначе смотритъ на право сходокъ французское республиканское правительство: однѣ оно разрѣшаетъ, другія запрещаетъ. Недавно, по почину Рошфора, должна была собраться сходка для высказанія порицанія правительству за его вмѣшательство въ турецкія дѣла. Министерство Ферри запретило эту сходку. Послѣдствіемъ этого запрещенія въ газетахъ явилось нѣсколько статей, направленныхъ противъ новаго министерства, а популярность Рошфора, начинавшая падать, замѣтно возрасла. Въ тоже время правительство совершенно спокойно отнеслось къ демонстраціямъ легитимистовъ 17 (29) сентября, которыя на этотъ разъ были особенно шумны. Конечно, демонстраціи эти невинны; изъ года въ годъ онѣ повторяются безъ всякихъ измѣненій. На нихъ постоянно раздаются крики: «да здравствуетъ король Генрихъ V!» и выражается несомнѣнная надежда, что черезъ нѣс-

ВЫСТАВКА ВЪ ПАРИЖѢ 1880 ГОДА.

КАРТИНА Е. ДАЛБОНО.

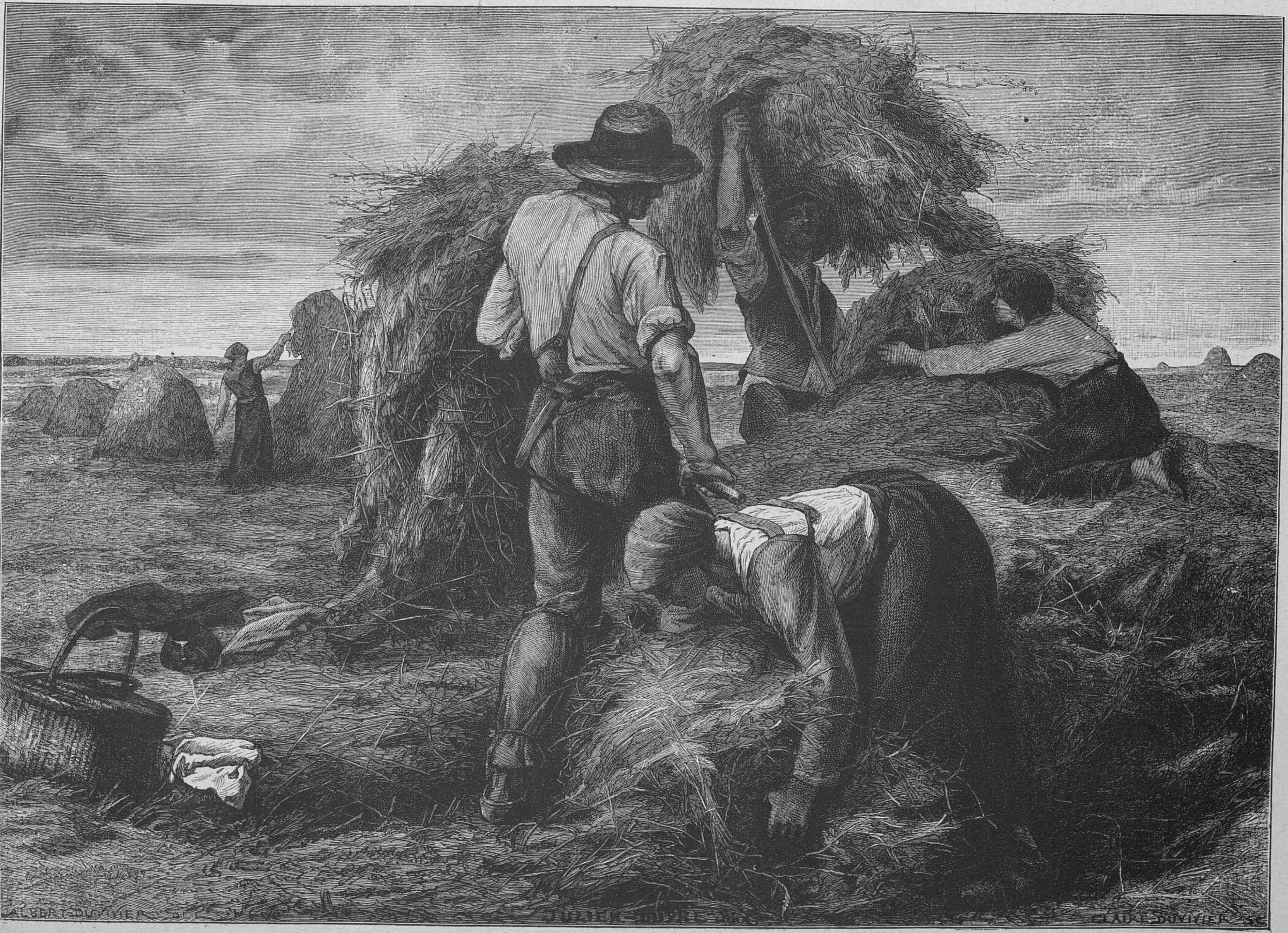


Влюбленные.

Рисовалъ на деревѣ К. Мишетти; рѣзалъ на деревѣ Центенари.

ВЫСТАВКА ВЪ ПАРИЖѢ 1880 Г.

КАРТИНА ЖУЛЬЕНА ДЮПРЕ.


ALBERT DUVIVIER DEL
JULIEN DUPRE
CLAIRE DUVIVIER SC

Сѣнокосъ.

Рисовалъ **Дювивье** съ фотографіи **Гупиля.**

колько дней законный король явится во Францію, которая ждетъ-не дождется его прибытія. Много лѣтъ выражается эта надежда, а король и не трогается съ мѣста. Но какъ бы то ни было французскія газеты правы, говоря, что никакихъ исключеній не должно дѣлаться: если легитимистамъ дозволяются враждебныя правительству демонстраціи, почему-же онѣ запрещаются другимъ, сторонникамъ существующей формы правленія, пожелавшимъ только высказать порицаніе одной изъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ.

Въ Италіи въ настоящее время много толковъ возбуждаетъ отказъ Гарибальди и его сына отъ депутатскихъ полномочій. По словамъ газетъ, онъ вызванъ будто бы арестомъ генерала Канціо, зятя Гарибальди. Генералъ Канціо былъ преданъ суду за участіе въ безпорядкахъ, происшедшихъ въ Генуѣ въ прошломъ году. Судъ приговорилъ Канціо къ тюремному заключенію. Генералъ заявилъ протестъ; дѣло разсматривалось въ апеляціонномъ судѣ, утвердившемъ приговоръ. Въ силу этого приговора Канціо и посаженъ въ тюрьму, въ Генуѣ. Генуэзцы обратились къ первому министру Кайроли съ просьбою объ отмѣнѣ приговора, но министръ, конечно, не можетъ этого сдѣлать, если Канціо не согласится подать просьбу королю о помилованіи. Но генералъ на это не согласенъ.

Сынъ итальянскаго патріота напечаталъ въ газетахъ опроверженіе на слухъ, что отецъ его отказался отъ званія депутата вслѣдствіе ареста Канціо; онъ говоритъ, что письмо Гарибальди къ избирателямъ съ отказомъ отъ депутатскихъ полномочій было послано ранѣе арестованія генерала Канціо. Вотъ это письмо: «Любезные друзья! Съ прискорбіемъ долженъ я отказаться отъ званія представителя вашего въ парламентѣ. Душею я буду съ вами до конца моей жизни. Но въ настоящее время я не могу принадлежать къ числу законодателей страны, въ которой попирается свобода и законы, въ которой охраняютъ и защищаютъ лишь свободу іезуитовъ и враговъ Италіи, — той Италіи, за которую боролись и гибли лучшіе сыны ея втеченіи цѣлаго шестидесятилѣтія. Я мечталъ не о такой Италіи, какою она является въ настоящее время: униженная извнѣ, достойная жалости внутри и сдѣлавшаяся добычей самой недостойной части націи. Я не желаю также, чтобы мое молчаніе истолковывалось въ смыслѣ одобренія поступковъ людей, управляющихъ страною нашей на ея горе. Всеобщей подачѣ голосовъ, а не рѣшенію немногихъ привилегированныхъ лицъ принадлежитъ право избранія людей, способныхъ и проникнутыхъ желаніемъ возстановить величіе и процвѣтаніе великаго итальянскаго отечества. Отказавшись отъ депутатскаго званія, я тѣмъ не менѣе остаюсь на вѣки вашимъ Гарибальди». Письмо это можетъ надѣлать не мало хлопотъ министерству Кайроли, самому либеральному изъ всѣхъ министерствъ въ Италіи, какъ называютъ его прогрессивныя итальянскія газеты. Кайроли другъ Гарибальди и республиканецъ по убѣжденіямъ; многіе изъ его товарищей принадлежатъ къ той же партіи. Сторонники Гарибальди тоже республиканцы. Въ виду этого, кажется, можно надѣяться, что возникшее несогласіе окончится примиреніемъ.

Въ Генуѣ собрался второй конгресъ для уничтоженія легальной проституціи. Первый когресъ собирался въ 1877 году въ Женевѣ. Раздѣлившись на 5 отдѣловъ: гигіены, нравственности, соціальной экономіи, благотворительности и законодательства, первый конгресъ занялся подготовительными работами, что исполнилъ съ знаніемъ дѣла. Вотъ этими то работами и будетъ руководиться настоящій конгресъ, цѣль котораго отыскать средства для практическаго осуществленія тѣхъ мѣръ, которыя будутъ найдены необходимыми. Конгресъ находится подъ предсѣдательствомъ Саффи, который въ 1848 году былъ однимъ изъ тріумвировъ римской республики. Изъ числа собравшихся членовъ, укажемъ на слѣдующихъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ работахъ перваго конгреса: герцогъ Вивальди-Паска; ректоръ болонскаго университета, професоръ Реньоли, докторъ Бертани; г-жа Жозефина Бетлеръ; г-жа Винтури, ученица Мадзини; доктора: Невинсъ, Чапманъ и Уайтль изъ Ливерпуля; Эме Гюмберъ изъ Невшателя; графиня Штакъ, организовавшая лигу для уничтоженія проституціи въ Германіи и др. Многіе изъ рабочихъ союзовъ Италіи и Англіи прислали на конгресъ своихъ депутатовъ для врученія конгресу ихъ петицій. Конгресъ по обычаю открытъ синдикомъ гор. Генуи, а затѣмъ уже Саффи занялъ предсѣдательское мѣсто и обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой поставилъ вопросъ о распредѣленіи занятій конгреса.

Празднованіе Бельгіею пятидесятилѣтія ея независимости обратило на нее вниманіе всей Европы. Оказывалось, что эта маленькая страна, пользовавшаяся благодѣяніями нейтралитета и либеральными учрежденіями, сдѣлала чрезвычайно много какъ для увеличенія своего матеріальнаго благосостоянія, такъ и для умственнаго развитія. Интересно было прослѣдить, какъ клерикальная партія, вначалѣ господствовавшая въ Бельгіи, по мѣрѣ развитія страны, постепенно теряла свое вліяніе и даже принуждена была, когда въ послѣдній разъ власть находилась въ ея рукахъ, прибѣгать къ либеральнымъ мѣрамъ, чтобы хотя на время удержать за собой государственныя должности. Однакожъ клерикаламъ все-таки пришлось сойдти со сцены и при такихъ обстоятельствахъ, что одно время можно было думать, что этой партіи въ Бельгіи нанесено окончательное пораженіе. И дѣйствительно, бельгійскіе клерикалы на время затихли, они подготовляли средства для борьбы, ожидая случая заявить о своемъ существованіи. Случай представился. Городское управленіе г. Брюгге предложило конгрегаціи «братьевъ милосердія» очистить 16 (28) сентября помѣщеніе, занятое ею подъ школу въ домѣ городского госпиталя. Это распоряженіе не было новостью для конгрегаціи, которая была заранѣе предупреждена и уже подыскала себѣ новое помѣщеніе. Не смотря на это, клерикалы представились застигнутыми въ расплохъ; они закричали о наносимой имъ обидѣ и раззореніи и вызвали уличную демонстрацію. «Пускай насъ выгоняютъ силою, добровольно мы не оставимъ занимаемаго нами помѣщенія», твердили «братья милосердія», повторяя слова французскихъ іезуитовъ. Городское управленіе командировало чиновника съ нѣсколькими полицейскими, который и предложилъ монахамъ очистить непринадлежащее имъ помѣщеніе. Братья вышли на улицу съ непокрытыми головами и безъ плащей и остановились у дверей. Вскорѣ собралась толпа народа, выражавшая сочувствіе монахамъ и ругавшая «безбожное» правительство. Только вмѣшательство 4-хъ жандармовъ позволило чиновнику благополучно добраться до кареты. Между полицейскими и толпою произошла свалка; одинъ изъ полицейскихъ былъ раненъ ножемъ; произведено нѣсколько арестовъ. Клерикалы, однакожъ, не удовольствовались этой демонстраціей и въ тотъ-же вечеръ произвели новую. Они напечатали на красной бумагѣ и наклеили на углахъ улицъ объявленіе, въ которомъ говорилось, что «братья милосердія», 58 лѣтъ посвящавшіе себя дѣлу народнаго образованія, постыдно изгнаны изъ школы». Правительство обвинялось въ насиліи, а сочувствующихъ монахамъ приглашали произвести манифестацію въ честь изгнанныхъ. Собралась толпа народа, преимущественно женщинъ, и съ факелами и хоромъ музыки прошла процесіей по городу; впереди несли 4 транспаранта съ надписями: «Въ награду за 58-лѣтнюю службу постыдно изгнаны». «Долой притѣснителей!» «За свободу преподаванія!» «Выгонимъ государство изъ школы!» Вскорѣ, однакожъ, эта процесія была встрѣчена свистками и насмѣшками и учавствовавшіе въ ней поспѣшили разойдтись по домамъ. Такимъ-то образомъ бельгійскіе клерикалы заявили о своемъ существованіи.

Въ Румыніи идетъ сильнѣйшая агитація противъ министерства Братіано, съ которымъ не желаетъ разставаться князь Карлъ. Противники министерства, видя, что на легальной почвѣ они ничего не добьются, принялись за распространеніе въ народѣ прокламацій, въ которыхъ говорится, что если князь Карлъ не уволитъ министровъ, Румыніи придется избрать другого князя. Министерство, какъ кажется не придаетъ большого значенія этой агитаціи и не предпринимаетъ никакихъ мѣръ. Впрочемъ, оно предоставило полиціи право дѣйствовать, а полиція обратилась за инструкціями къ князю Карлу, находящемуся въ настоящее время въ Швейцаріи.

Къ рисункамъ.

Послѣ бала, картина Анри Жерве. Въ прошломъ нумерѣ «Жив. Обоз.» (№ 39) была помѣщена картина Жерве, имѣвшая на парижской выставкѣ 1879 года большой успѣхъ. Успѣхъ этотъ объясняется не только прекраснымъ талантомъ автора, но также и самымъ содержаніемъ картины. Сюжетъ взятъ изъ парижской великосвѣтской жизни и, несомнѣнно, способенъ обратить на себя вниманіе по своему драматическому элементу. Мужъ и жена возвратились съ бала и вотъ дома происходитъ супружеская сцена, очень часто, вѣроятно, случающаяся въ парижскихъ семьяхъ. Жена, не раздѣваясь, въ бальномъ платьѣ, бросилась на кушетку, и закрывъ лицо руками, плачетъ. Мужъ еще въ пальто, снимая перчатки, усѣлся тутъ-же съ сердитымъ видомъ, съ страданіемъ въ лицѣ. Не мудрено догадаться въ чемъ дѣло: ревнивый мужъ замѣтилъ какъ жена его кокетничала на балѣ съ какимъ-нибудь молодымъ франтомъ, можетъ быть, онъ подмѣтилъ тайное пожатіе руки, взглядъ, брошенный украдкой, или любовную записку, можетъ быть, все это ему только показалось,—можетъ быть, онъ просто нѣчто вродѣ современнаго Отелло, который ревнуетъ безъ причины и этимъ мучитъ не только жену, но и себя. Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ сцену въ каретѣ и теперь мы ихъ встрѣчаемъ въ самомъ плачевномъ состояніи... Чѣмъ кончится эта сцена, неизвѣстно, но картина, изображающая ее, достойна вниманія. Не только самая суть передана превосходно, но и всѣ аксесуары разработаны художникомъ превосходно.

Ворота Лувра на другой день послѣ Варфоломеевской ночи, картина Деба-Понсана. Извѣстенъ страшный эпизодъ французской исторіи, названный Варфоломеевской ночью. Екатерина Медичи и ея сынъ Карлъ IX, французскій король, были главными авторами рѣзни протестантовъ католиками, бывшей 24-го августа 1572 года, въ день св. Варфоломея. Историки расходятся въ мнѣніяхъ на счетъ того, сколько протестантовъ погибло въ этой рѣзнѣ; одни говорили, что цифра жертвъ достигла 60,000, другіе—не болѣе 30,000. Во всякомъ случаѣ, Варфоломеевская ночь не только не прекратила междоусобной войны между протестантами и католиками, но даже разожгла ее, а самый эпизодъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ кровавыхъ эпизодовъ французской исторіи. Художникъ взялъ сюжетомъ для своей картины тотъ моментъ, когда, на другой день послѣ Варфоломеевской ночи, Екатерина Медичи съ придворнымъ выходитъ изъ Лувра и смотрятъ съ презрительной улыбкой на трупы протестантовъ, убитыхъ ночью, и еще не убранныхъ. Картина превосходно скомпанована и превосходно передаетъ этотъ моментъ.

На мосту, картина Девиса. Читатели наши знакомы уже съ разнообразнымъ талантомъ англійскаго художника Девиса. На этотъ разъ, въ картинѣ «На мосту», его талантъ обнаруживается съ новой стороны,—со стороны драматическаго элемента. Бѣдная и несчастная дѣвушка въ отчаяніи рѣшилась утопиться, и съ этой цѣлью пришла ночью на мостъ. Художникъ изобразилъ ее въ ту минуту, когда она готова броситься въ воду, но о чемъ-то на минуту задумалась. Свѣтъ сосѣдняго фонаря освѣтилъ рѣзкимъ контрастомъ одну сторону ея лица, въ которомъ выражено сильнѣйшее нравственное страданіе вмѣстѣ съ ужасомъ. Фигура написана превосходно.

Поцѣлуйный обрядъ, картина В. Шварца. Сюжетъ картины Шварца заимствованъ изъ романа гр. А. Толстого «Князь Серебряный», и изображаетъ одинъ изъ нѣкоторыхъ старо-русскихъ обычаевъ, извѣстный подъ именемъ «Поцѣлуйнаго обряда». Намъ не представляется надобности возобновлять въ памяти читателей этой сцены, которую они, конечно, еще не забыли. Въ картинѣ замѣчательны не только типы старыхъ русскихъ бояръ, но и костюмы.

Сѣнокосъ, картина Дюпре. Картина эта представляетъ одинъ изъ лучшихъ пейзажей парижской выставки 1880 г. Дюпре съ большимъ талантомъ изображаетъ типы французскихъ крестьянъ, не идеализируя ихъ, подобно многимъ другимъ, и не утририруя, подобно нѣкоторымъ крайнимъ реалистамъ. Типы крестьянъ, превосходное расположеніе самойкартины, сѣно, весь пейзажъ, такъ же, какъ и всѣ подробности, указываютъ на то, что художникъ не разъ видѣлъ подобную сцену въ дѣйствительности. Онъ ее изобразилъ съ тѣмъ трезвымъ реализмомъ, въ которомъ выражается вся сущность современнаго искуства: воспроизводить дѣйствительность во всѣхъ подробностяхъ, но не рабски фотографировать ее, какъ дѣлаютъ реалисты, и не идеализировать ее, какъ требуютъ романтики.

Смѣсь.

— **Бенефисъ г. Малышева.** Нѣсколько недѣль тому назадъ стало извѣстно, что г. Гэ написалъ драму «Карьеристъ», темой для которой ему послужилъ извѣстный процесъ Ландсберга, и что эта драма пойдетъ въ бенефисъ г. Малышева. Можно было смѣло разсчитывать, что публика наполнитъ театръ и дѣйствительно, въ день бенефиса, онъ былъ достаточно наполненъ: оставались не занятыми только нѣсколько ложъ. Что же такое это новое произведеніе г. Гэ? Это въ полномъ смыслѣ слова винегредъ, притомъ очень дурно составленный. Въ самомъ дѣлѣ, чего только нѣтъ въ этомъ удивительномъ «Карьеристѣ»: бенгальскій огонь, луна, облака, до такой степени освѣщенныя солнцемъ, что ихъ можно было принять за отблескъ пожара, шкалики, пѣніе за сценой, разсказъ о лягушкѣ, потопленіе, убійство, арестъ, земскіе дѣятели, желѣзнодорожные дѣльцы изъ жидовъ, передовая дѣвушка, шутиха изъ бѣдныхъ помѣщицъ, дьячекъ, наконецъ, роли для актеровъ. Однимъ словомъ все, кромѣ пьесы, ея-то и нѣтъ. Можно легко себѣ представить процесъ писанія этой драмы г-мъ Гэ. Прежде всего онъ остановился на сюжетѣ. «Возьму процесъ Ландсберга, это будетъ заманчиво, публика ради сильныхъ ощущеній полѣзетъ въ театръ». Далѣе началъ онъ перебирать артистовъ, которымъ можно будетъ поручить роли. «Надо, чтобы для каждаго была роль выигрышная, съ эфектами, тогда никто не откажется играть». Дамамъ первое мѣсто. «Г-жа Савина не играла во «Второмъ бракѣ», пожалуй, не захочетъ играть и въ «Карьеристѣ». Ее въ сторону. Обойдусь и безъ нея». Далѣе г-жа Абаринова. «Она очень обязательна, играть согласится». И вотъ пишется роль для г-жи Абариновой,—роль съ сильной страстью, съ ревностью. «Не худо вмѣстѣ съ ней выпустить г-жу Читау 2-ю; публика ее любитъ». Пишется роль для г-жи Читау 2-й. Юная актриса предпочитаетъ играть въ одной пьесѣ съ своей матушкой. Пишется роль и для г-жи Читау 1-й. Теперь мужчины. «Самого карьериста надо отдать г. Гореву; онъ вновѣ на здѣшней сценѣ и радъ будетъ всякой роли». Стряпается для него роль. «Но какъ же обойтись безъ г. Варламова, вѣдь онъ любимецъ публики. Прекрасно! для него можно изобрѣсти роль дьячка—и мило и оригинально! А г. Арди? онъ тоже пользуется симпатіями публики; ему можно дать роль желѣзнодорожнаго воротилы, жида; гримироваться онъ мастеръ. Къ тому же, къ нему можно пристегнуть и г. Вейнберга, онъ будетъ говорить чистѣйшимъ жидовскимъ акцентомъ и распотѣшитъ публику». Написаны и эти роли. Тутъ авторъ вспоминаетъ, что забылъ о самомъ бенефиціантѣ. Долго думалъ г. Гэ, какимъ образомъ сдѣлать выигрышной роль г. Малышева, актера второстепеннаго. Наконецъ придумалъ: написалъ пародію на «Любима Торцова». Но вотъ роли составлены, надо связать ихъ; автору приходитъ геніальная мысль: напустить въ пьесу всего по немножку: земство, администрацію, либеральнаго технолога, легонькихъ женщинъ и пр. И составился винегредъ съ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, безъ всякой надобности толкающихся по сценѣ и говорящихъ разный вздоръ. Передать содержаніе «Карьериста» трудно, потому что оно слишкомъ сумбурное. Инженеръ путей сообщенія Маревъ, онъ же и карьеристъ, проживаетъ въ меблированныхъ комнатахъ вдовы Годдаръ (г-жа Абаринова), свѣтской дамы и помѣщицы, очень дружной съ важнымъ лицомъ, Далматовымъ (г. Нильскій), и его дочерью Инной (г-жа Читау 2-я). Что побудило эту барыню взяться за содержаніе меблированныхъ комнатъ г. Гэ не объясняетъ. Вдовушка съ карьеристомъ находятся въ интимныхъ отношеніяхъ. Авторъ при открытіи занавѣса рекомендуетъ карьериста, какъ человѣка способнаго на шантажъ, если онъ не получитъ виднаго мѣста, что явствуетъ изъ письма ни съ того ни съ сего прочитываемаго горничной. Въ комнатѣ этого Марева собираются и пьютъ вмѣстѣ чай важное лицо и какой-то закладчикъ (г. Трофимовъ) съ женой (какъ это натурально!) Вдова рекомендуетъ важному лицу карьериста. Важное лицо обѣщаетъ дать Мареву мѣсто по желѣзнымъ дорогамъ. Маревъ же соображаетъ, что не худо жениться на генеральской дочери, ибо за ней приданое не малое. Когда важное лицо уходитъ, закладчикъ требуетъ съ Марева должныя имъ деньги. Маревъ упрашиваетъ его подождать, причемъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи жениться на богатой невѣстѣ. Ростовщикъ соглашается, главное потому, что на векселѣ Марева стоитъ бланкъ Годдаръ. Во второмъ дѣйствіи завтракъ у важнаго лица. Маревъ тамъ и преуспѣваетъ; Инна влюбляется въ него. Появленіе на сценѣ желѣзнодорожныхъ тузовъ и земскихъ дѣятелей, изображенныхъ совсѣмъ ужь нелѣпо. Вторгается пародія на «Любима Торцова», прокутившійся и спившійся съ круга помѣщикъ. Хозяинъ хочетъ его выгнать, но за пьяницу вступается Инна, сажаетъ его за свой столъ и подаетъ ему кусокъ имянипнаго пирога. Желѣзнодорожникъ говоритъ сумбурную рѣчь. За нимъ выступаетъ Инна и произноситъ либеральный спичъ. Занавѣсъ падаетъ. Рукоплесканія и вызовъ автора. Кстати о публикѣ, наполнявшей театръ. Большая половина ея состояла изъ купечества, въ одиночку, а также съ женами, чадами и домочадцами. Эта-то часть публики и аплодировала г. Гэ. Въ третьемъ дѣйствіи безъ всякой надобности выведенъ дьячекъ, роль котораго превосходно исполнена г. Варламовымъ. Онъ вполнѣ художественно изобразилъ типъ сельскаго дьячка, теперь уже исчезающій, потому что дьячки-бурсаки во многихъ мѣстахъ замѣнены наемными разныхъ сословій. Дьячекъ понадобился только для того, чтобы у него въ домѣ остановился пріѣхавшій изъ Петербурга ростовщикъ для полученія денегъ съ Марева. Является карьеристъ, говоритъ, что онъ на дняхъ женится на богатой невѣстѣ; ростовщикъ знать ничего не хочетъ, грозитъ отправиться къ Далматову, наконецъ соглашается вмѣсто 6 тысячъ получить 25. Въ этомъ-же дѣйствіи происходитъ объясненіе Марева съ его бывшей любовницей Годдаръ; сцена эта превосходно исполнена г-жей Абариновой; артистка за нее была вызвана нѣсколько разъ. Въ 4-мъ дѣйствіи Маревъ воркуетъ съ своей невѣстой; вдругъ является незнакомецъ и начинаетъ разсказывать объ убійствѣ въ Петербургѣ, въ Новой улицѣ, ростовщика и его жены. Наконецъ показываетъ Мареву обручальное кольцо, которое тотъ признаетъ своимъ, и изобличаетъ его въ убійствѣ закладчика, потому что кольцо найдено на умывальникѣ въ комнатѣ убитаго. Публика остается въ недоумѣніи, что-же могло побудить Марева совершить убійство, вѣдь ростовщикъ согласился ждать, бланкъ Годдаръ на векселѣ былъ настоящій, а не фальшивый, Маревъ получилъ блистательное мѣсто и на дняхъ долженъ былъ жениться? Какія-же умозаключенія могли толкнуть его на преступленіе. Сумбуръ, полнѣйшій сумбуръ! Арестованный Маревъ произноситъ рѣчь, въ которой все сваливаетъ на среду. Ему отвѣчаетъ Далматовъ, защищающій среду и называющій людей, подобныхъ Мареву, пьявками. Занавѣсъ падаетъ. Публика уже не рѣшается снова вызвать автора.

Всѣ артисты исполнили свои роли хорошо. Г. Горевъ былъ приличенъ, г-жа Читая 2-я очень мила, г. Трофимовъ — типиченъ. Всѣ остальные были каждый на своемъ мѣстѣ. Обстановка въ декоративномъ отношеніи очень хорошая.

— **Несчастный случай въ Парижѣ.** Утромъ 26 сентября (новаго стиля) въ Парижѣ случилось страшное происшествіе; въ той части клоаковъ, которые проходятъ подъ бульваромъ Рошшуаръ, на углу улицы Клиньянкуръ 5 рабочихъ были задушены удушливыми газами. Газеты сообщаютъ слѣдующія подробности: Восемь рабочихъ подъ руководствомъ старшаго надсмотрщика, Бурильона, были посланы наканунѣ вечеромъ главнымъ смотрителемъ Гальмишемъ, чтобъ произвесть очистку этой части клоаковъ. Постоянные дожди и бури увлекали съ собой туда песокъ, грязь, цѣлыя вѣтки, даже камни, сквозь уличныя отверстія, и все это образовало громадныя массы сплошного мусора, которыя совершенно закрыли проходъ для свободнаго стока нечистотъ; такія очистки производились довольно часто и ничего опаснаго сами по себѣ не представляли. Назначенные восемь человѣкъ приступили къ работѣ въ 11 часовъ вечера; пять изъ нихъ спустились въ клоакъ, а трое остались наверху, чтобъ принимать отъ своихъ товарищей ведра съ мусоромъ и грязью. Отверстіе, черезъ которое должна была происходить передача, была противъ дома № 36. Такимъ образомъ работы продолжались до пяти часовъ утра.

Въ это время одинъ изъ находящихся наверху рабочихъ закричалъ черезъ отверстіе:

— Уже пять часовъ. Васъ ждутъ. Выходите.

— Хорошо, отвѣтилъ Бурильонъ. — Откройте другое отверстіе; мы подымаемся.

Эти три работника исполнили приказаніе; отверстіе находилось противъ 38-го номера. По прошествіи пяти минутъ одинъ изъ нихъ взялъ ломъ и трижды постучалъ старшему въ знакъ исполненія приказанія. Не получивъ отвѣта, онъ спустился въ клоакъ, но газовыя испаренія были такъ сильны, что онъ долженъ былъ живо подняться наверхъ, чтобъ не упасть.

— Я увѣренъ, что они тамъ задушились, сказалъ онъ своимъ товарищамъ.

Всѣ трое бросились предупредить своего главнаго начальника, Гальмиша, который, прибѣжавъ, во очію убѣдился въ самомъ происшествіи. Онъ тотчасъ-же потребовалъ ближайшую команду саперъ, которая была расположена на томъ-же бульварѣ. Явились сержантъ Форестъ и три сапера.

Сдѣлаемъ здѣсь маленькое отступленіе, чтобъ сказать нѣсколько словъ объ Форестѣ, который одинъ спустился въ клоакъ съ фонаремъ въ рукѣ; съ опасностью жизни ему удалось спасти одного молодого человѣка, семнадцати лѣтъ, нѣкоего Бро, который еще дышалъ. Газовыя испаренія были такъ сильны, что Форестъ долженъ былъ по временамъ затыкать себѣ ноздри и опираться на стѣны клоаковъ, чтобъ не свалиться. Его каска, пуговицы его мундира, покраснѣли и почернѣли отъ дѣйствія вредоносныхъ газовъ.

Къ несчастью, Бро, не смотря на оказанную ему медицинскую помощь случайно присутствовавшаго доктора, умеръ, едва пріѣхавъ въ больницу. Его мать, которую успѣли предупредить услужливые товарищи, прибѣжала въ тотъ моментъ, когда вынимали его изъ отверстія клоака. Тогда произошла раздирающая душу сцена. Бѣдная женщина обнимала и цѣловала своего сына. Ее пришлось силою оторвать отъ больного, чтобы онъ могъ свободно дышать. Когда его положили на носилки, чтобъ нести въ больницу, мать думала, что ея сынъ спасенъ: онъ умеръ черезъ часъ. Поступивъ на службу въ эту артель, онъ первый разъ работалъ ночью въ клоакахъ.

Трое изъ погибшихъ лежали на днѣ клоака лицами въ грязи и водѣ, которая постоянно течетъ по немъ. Четвертый лежалъ на спинѣ съ пѣною во рту. Гальмишъ послѣдовалъ за Форестомъ и они вдвоемъ перенесли трупы къ отверстію, откуда ихъ приняли находящіеся наверху саперы.

Задушеніе было мгновеннымъ. По мнѣнію доктора Бо, его слѣдуетъ приписать отдѣленію газовъ отъ нечистотъ. Многіе подходившіе къ тѣламъ пострадавшихъ, свидѣтельствуютъ, что запахъ отъ нихъ исходящій подтверждаетъ мнѣніе доктора Бо.

Полицейскій комисаръ Денисъ, началъ по этому случаю слѣдствіе, которое должно открыть настоящую причину смерти этихъ несчастныхъ.

Извѣстно только, что рабочіе парижскаго общества очищенія нечистотъ, произвели въ эту-же ночь очистку помойныхъ ямъ дома №17 по улицѣ Клиньянкуръ. Утромъ, какъ только узнали объ происшествіи, въ публикѣ начались разныя разсужденія о тайномъ выливаніи нечистотъ изъ домовъ въ уличные клоаки, вмѣсто того, чтобъ вывозить ихъ за городъ. Только что эти слухи дошли до работавшихъ въ домѣ № 17, они тотчасъ вскочили на свои телѣги и попытались скрыться изъ виду. За ними бросились двое полицейскихъ, которымъ и удалось ихъ нагнать. Комисаръ Денисъ приказалъ привести этихъ рабочихъ къ себѣ на допросъ.

Дѣйствительно, очень вѣроятно, что они опоражнивали свои бочки въ уличную трубу, тѣмъ болѣе что противъ № 17 находится наружное отверстіе. Когда производится чистка клоаковъ, то на время задерживаютъ стокъ нечистотъ посредствомъ заставовъ; по окончаніи работъ ихъ вынимаютъ и стокъ идетъ своимъ порядкомъ. На этотъ разъ нечистотъ накопилось слишкомъ много, такъ какъ было очень большое количество ихъ; а слѣдовательно были и слишкомъ сильныя испаренія удушливыхъ газовъ.

— **Противогнилостная жидкость.** Недавно въ Парижѣ были выставлены ученымъ Пенне цѣлыя серіи животныхъ тканей, отличавшихся такою свѣжестью, словно онѣ только что были препарированы. Эти ткани оказались вполнѣ застрахованными отъ гніенія, благодаря особой жидкости, которой онѣ были смочены. Эта противогнилостная жидкость, изобрѣтенная Пенномъ, состоитъ изъ уксусной кислоты, въ которую входятъ: салициловая кислота, уксуснокислый алюминій, спиртъ, желѣзнякъ и лавенда. Ткани, погруженныя въ эту жидкую смѣсь, сохраняютъ въ совершенствѣ не только свой цвѣтъ, но и вообще всѣ свои внѣшніе характерные признаки.

— **Рѣчи англійскихъ политическихъ дѣятелей и расходы на передачу этихъ рѣчей по телеграфу.** Одинъ англійскій статистикъ имѣлъ терпѣніе высчитать, сколько за послѣднія 7 лѣтъ было произнесено рѣчей каждымъ изъ главныхъ политическихъ дѣятелей Англіи; изъ сколькихъ словъ состоятъ эти рѣчи и во что обошлась передача ихъ по телеграфу въ газеты. Первое мѣсто принадлежитъ Гладстону, который втеченіи 7 послѣднихъ лѣтъ произнесъ 34 рѣчи, состоящихъ въ общей сложности изъ 215,000 словъ, передача которыхъ по телеграфу обошлась въ 25,000 франковъ. За Гладстономъ слѣдуетъ Брайтъ. Онъ произнесъ 24 рѣчи, употребилъ въ общей сложности 125,000 словъ; расходъ по телеграфу = 17,500 франк. Биконсфильдъ произнесъ такое-же число рѣчей, какъ и Брайтъ, но рѣчи его почти въ 3 раза короче, что видно изъ общей цифры словъ, употребленныхъ имъ; цифра эта 40,000; расходъ по телеграфу 3,000 франк. Гартингтонъ произнесъ больше рѣчей, чѣмъ Брайтъ и Биконсфильдъ, но рѣчи его въ общей сложности состоятъ изъ меньшаго числа словъ. Изъ остальныхъ политическихъ дѣятелей наибольшее число рѣчей, сопряженныхъ съ наибольшимъ расходомъ по телеграфу, хоть и менѣе предыдущихъ, принадлежитъ Стафорду Норскоту и Форстеру, а затѣмъ Сэндону и Смиту.

— **Голуби-контрабандисты.** Владѣлецъ одного изъ домовъ въ Лугано (Швейцарія) пріучилъ нѣсколько сотъ голубей къ тому, чтобъ они перелетали черезъ итальянскую границу къ своему кореспонденту и возвращались-бы тотчасъ оттуда. Ихъ хозяинъ занимается контрабандой при ихъ помощи очень остроумнымъ способомъ. Привязавъ къ лапкамъ голубей небольшія золотыя часы, онъ выпускаетъ ихъ на свободу; пріученныя птицы летятъ черезъ границу и тамъ на итальянской територіи отдаютъ ношу по назначенію. Благодаря своей выдумкѣ, контробандистъ безпошлинно и безъ всякаго риску отсылаетъ ежедневно по сотнѣ дамскихъ часовъ. Только очень недавно итальянская таможенная стража обратила вниманіе на этотъ способъ контрабанды, но до сихъ поръ ей не удалось еще открыть мѣсто ихъ остановки въ самой Италіи.

— **Современная педагогія.** Въ Лицбургѣ (Швейцарія) въ одной изъ низшихъ народныхъ школъ, на одного ученика за худо выученный урокъ было наложено слѣдующее наказаніе: учитель заставилъ бѣднаго мальчика стоять впродолженіи цѣлаго часа съ протянутыми вдоль стѣны руками, на которыя было положено по тяжелой книгѣ. Какъ только мальчикъ опускалъ усталые руки, то учитель угрожалъ ему еще большимъ наказаніемъ: розгами, лишеніемъ обѣда и т. п. Наконецъ у бѣднаго страдальца не хватило больше человѣческихъ силъ, у него отнялись руки и въ настоящее время, онъ лежитъ въ больницѣ, опасно больной. Учитель преданъ суду за жестокое обхожденіе съ учениками.

На-дняхъ-же въ нижней Баваріи, въ городѣ Перкамѣ на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ одинъ учитель начальныхъ народныхъ школъ. Онъ обвинялся въ неосторожномъ нанесеніи смертельной раны одному своему ученику, мальчику лѣтъ семи; мальчикъ этотъ не былъ особенно понятливъ въ математикѣ, чѣмъ приводилъ своего наставника въ страшное раздраженіе. Каждый разъ за нерѣшенную задачу онъ подвергался извѣстному наказанію, но наконецъ его непонятливость вывела учителя изъ терпѣнія; схвативъ своего питомца за уши, онъ его такъ ударилъ объ спинку сзади стоявшей скамейки, что тотъ упалъ въ обморокъ. Впослѣдствіи у него сдѣлалось воспаленіе въ мозгу и онъ умеръ на седьмой день.

Гуманный педагогъ былъ осужденъ на пять мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, но благодаря смягчающимъ обстоятельствамъ наказаніе было на половину уменьшено.

— **Замѣчательное явленіе на Альпахъ.** Недавно на Альпахъ наблюдалось интересное явленіе: на одной изъ возвышенностей этихъ горъ въ темную ночь сосновый лѣсъ подъ вліяніемъ тихаго электрическаго разряда вдругъ освѣтился весь яркимъ серебристымъ свѣтомъ, распространяя вокругъ себя море огня. Затѣмъ тоже явленіе повторилось въ Тиролѣ, на возвышенности Гроссъ-Глокнеръ: нѣсколько туристовъ были застигнуты здѣсь ночью страшной грозою; раскаты грома, усиливаемые безконечно повторяющимся эхо, бѣшенный вѣтеръ, проносившійся съ демонскимъ свистомъ по скаламъ, совершенно ошеломили туристовъ. Не успѣли послѣдніе опомниться, какъ вдругъ огненное море совершенно покрыло ихъ; свѣтъ былъ до того ослѣпительный, что свидѣтели этого замѣчательнаго явленія невольно закрыли глаза. «Когда, разсказываютъ туристы, мы отняли руки отъ лица, глазамъ нашимъ представилось новое, необыкновенное зрѣлище: со всей нашей одежды, съ волосъ на головѣ, съ бороды сыпались искры, а на шляпахъ появились цѣлые снопы свѣтовыхъ лучей». Происхожденіе этого свѣтоваго эфекта, извѣстнаго у мѣстныхъ жителей подъ именемъ огня святой Эльмы, всецѣло обязано дѣйствію электрическаго разряда.

— **Жизненная энергія человѣческаго зародыша.** Давно уже извѣстный физіологъ Пфлюгеръ обратилъ вниманіе ученыхъ эмбріологовъ на важность изслѣдованія жизненной энергіи человѣческаго зародыша. Въ самомъ дѣлѣ, съ анатомической или точнѣе съ морфологической точки зрѣнія извѣстно уже очень хорошо, что человѣческій зародышъ приближается къ типу простѣйшихъ организмовъ; но существуетъ-ли подобное сходство и въ отношеніи жизненной энергіи, которая у низшихъ организмовъ отличается меньшей интенсивностью? Вопросъ этотъ до послѣдняго времени оставался открытымъ и только недавно Бернгардъ Равитцъ представилъ рядъ наблюденій, болѣе или менѣе опредѣленно рѣшающихъ данную дилему. Въ іюнѣ прошлаго года Равитцъ имѣлъ случай наблюдать выкидышъ длиною въ 11 сантиметровъ человѣческаго яйца, черезъ оболочку котораго ясно просвѣчивалъ погруженный въ воду зародышъ. Послѣдній осторожно былъ извлеченъ изъ окружающей его оболочки и оказался 8 сантиметровъ длиною; головной мозгъ зародыша оставался еще совершенно раскрытымъ, причемъ, однако, большія полушарія, хотя и безъ малѣйшихъ еще извилинъ, ясно уже выдѣлялись отъ остальныхъ частей этого центральнаго органа нервной системы. По истеченіи почти четверти часа съ момента выкидыша, въ зародышѣ еще ясно продолжали обнаруживаться движенія брюшной и грудной полостей одновременно съ ритмическими сокращеніями сердца. Затѣмъ Равитцъ осторожно отдѣлилъ часть грудной клѣтки и могъ непосредственно наблюдать за пульсаціей сердца, продолжавшаго функціонировать, не смотря на операцію. Каждое сокращеніе и расширеніе этого органа сопровождалось болѣе или менѣе продолжительною паузою, послѣ которой сердце вновь дѣлало одно сокращеніе и одно расширеніе. Эти послѣдовательныя ритмическія движенія продолжались правильно втеченіи 4 часовъ. Затѣмъ въ ритмѣ стали замѣчаться неровности и пульсація сердца, постепенно ослабѣвая, наконецъ, совершенно прекратилась. Такимъ образомъ, было найдено, что втеченіи 4 часовъ сердце зародыша сокращалось со скоростью 20 полныхъ ударовъ въ минуту, что составляло 4800 ударовъ втеченіи всего наблюдаемаго періода—т. е. болѣе, чѣмъ въ 3 раза слабѣе той энергіи, съ какой таже функція обнаруживается у вполнѣ развитаго человѣческаго организма и какъ нельзя болѣе соотвѣтствующая жизненной интенсивности низшихъ холоднокровныхъ животныхъ. Это послѣднее обстоятельство даетъ опредѣленный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ, показывая съ достаточною точностью, что какъ въ морфологическомъ отношеніи человѣческій зародышъ приближается къ низшимъ животнымъ формамъ, тоже обнаруживается и въ физіологическомъ отношеніи, въ отношеніи жизненной энергіи: низшая степень морфологическаго сложенія идетъ рука объ руку съ низшей степенью жизнедѣятельности, низшей не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи, т. е. не только въ отношеніи сложности функціи, но и въ отношеніи ея энергіи.

— **Производство часовъ въ Швейцаріи.** Въ кантонѣ Кутенбергѣ, занимается 5,700 работниковъ, на 150 фабрикахъ, на сумму въ годъ 580,000 фр., въ кантонѣ Прунтрутъ, на 120 фабрикахъ работаютъ 2,500 работниковъ, на сумму 330,000 франк.; въ Билѣ, на 1,000 фабрикъ, 2,000 работниковъ фабрикуютъ часовъ на сумму 300,000 фр.; въ Фрейбергенѣ, на 30 фабрикахъ работаютъ 1,300 рабочихъ, на 80,000 фр.; а въ Мюнстерѣ на 3 фабрикахъ 1,309 человѣкъ рабочихъ изготовляютъ часовъ на 50,000 франковъ.

— **Подземная рѣка и поздземное озеро.** Недавно, въ Америкѣ, поблизости одного водопада, сдѣлано было замѣчательное открытіе. Двое рудокоповъ, работавшихъ вблизи этого водопада, выломавъ большой камень и разчищая шахту, замѣтили, что дальше идетъ проходъ въ пещеру, дно которой покрыто водой. Они сколотили наскоро плотъ, взяли съ собой фонари и поплыли по подземной рѣкѣ; проплывъ 60 метровъ, они въѣхали въ большое озеро съ чистой прозрачной водой. Пещера была очень высока, и потолокъ ея покрытъ великолѣпными сталактитами. Дальше рудокопамъ приходилось мѣстами проходить между гигантскими столбами изъ сталактитовъ и сталагмитовъ. Отъ другого края озера шелъ каналъ къ югу. Каналъ этотъ представляетъ широкую разщелину, оканчивающуюся у Себдова, но съ противоположнаго конца до сихъ поръ не удалось на нее напасть. Открывшіе этотъ подземный водяной путь опредѣляютъ протяженіе его въ 3 километра, а ширину озера въ 2 километра. Они наловили довольно много рыбы, которая такъ и вертѣлась вокругъ ихъ плота.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Подписка на 1880 г. продолжается. Гг. подписчики получатъ всѣ номера, начиная съ 1-го со всѣми приложеніями и преміями.

II. Выписывающіе «Живописное Обозрѣніе» за 1878 и 1879 годы получаютъ журналъ съ преміями, но безъ приложеній: «Гигіены» и «Парижскихъ Модъ». Цѣна журнала съ пересылкою: за 1878 годъ—6 руб., за 1879 г.—7 руб.; безъ пересылки—1878 г.—4 руб., 1879 г.—5 руб. Журнала за 1877 годъ въ продажѣ не имѣется.

III. Просимъ гг. подписчиковъ въ Москвѣ и Одессѣ за полученіемъ премій обращаться въ мѣстныя конторы «Живописнаго Обозрѣнія»: въ Москвѣ—въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; въ Одессѣ—въ Южное агентство газетъ и журналовъ, на Дерибасовской улицѣ, д. Вагнера, кв. № 11.

IV. Гг. подписчики въ Петербургѣ получаютъ премію въ Главной конторѣ журнала, Новая ул. д. № 6.

V. Одинъ изъ гг. подписчиковъ предлагаетъ намъ отвѣтить печатно: было-ли извѣстно Редакціи, что помѣщаемый въ «Живописномъ Обозрѣніи» романъ «Своя рубашка ближе къ тѣлу» передѣланъ изъ другого романа того же автора,—романа, который былъ уже разъ напечатанъ въ другомъ журналѣ подъ заглавіемъ «Непѣтый?» Отвѣчаемъ, не было извѣстно. «Непѣтый», былъ напечатанъ въ 1863 году въ журналѣ «Свѣточъ», имѣвшемъ весьма ограниченное число читателей.

VI. Новые **переплеты** для «Живописнаго Обозрѣнія» 1880 года изготовлены на первое полугодіе. Цѣна за переплетъ 2 руб., съ пересылкой 2 р. 30 коп.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 39-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 27 сентября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднную почту 29 сентября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Тучка, стих. **Д. Мережковскаго.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3-хъ част. **М. Ф. Каменской.**—Подъ снѣгомъ, стих. **В. Юрьева.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Хозяйство и промыслы муравьевъ.—Зарока не давай, комед. въ 3 дѣйст. **Альфреда де-Мюссе**, пер. **С. А. Боборыкиной.**—Стефенъ Митчель, пов. изъ флоридск. жизни **м-съ Робинзъ**, перев. **А. А. Разсказовой.**—Микель-Анджело Буонароти.—Политическая хроника.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Ворота Лувра на другой день послѣ «Варфоломеевой ночи», карт. **Деба-Понсана.**—На мосту, рис. **Девиса.**—Поцѣлуйный обрядъ, карт. **Ц. Шварца.**—Одинъ рисунокъ къ роману «Стефенъ Митчель».—Влюбленные, карт. **Е. Далбоно.**—Сѣнокосъ, карт. **Жульена Дюпре.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

РЕДАКЦІЕЙ
„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“
ИЗДАНО
СОЧИНЕНІЕ А. МИХАЙЛОВА.
„НАШИ ДѢТИ“.

Содержаніе книги: Гл. I Вліяніе родителей на дѣтей до рожденія послѣднихъ. Гл. II Вытравленіе плода, дѣтоубійство. Гл. III Дѣти въ родной семьѣ, на воспитаніи у чужихъ, въ воспитательныхъ домахъ. Гл. IV Школа. Гл. V Дѣти-работники. Гл. VI Дѣти-бродяги, дѣти-нищіе, дѣти-фигляры. Гл. VII Дѣти-преступники. Гл. VIII Наказанія и филантропія. Гл. IX Заключеніе.

Цѣна: безъ пересылки 2 р. 20 к. съ пересылкой 2 р. 50 к. Гг. подписчикамъ на „Живописное Обозрѣніе“ книга эта уступается за 1 р. 50 к. безъ пересылки, 1 р. 75 коп. съ пересылкой.

П. А. САЛМАНОВЪ.
КНЯЗЬ БОРИСЪ ЩЕГЛЯТЕВЪ.
Историческій романъ XIII вѣка изъ временъ нашествія Батыя на Россію.

Цѣна 1 р. 80 коп. съ пересылкой 2 р.

Авторъ изъявилъ желаніе уступать гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» этотъ романъ за 1 р. 30 коп., съ пересылкою за 1 р. 50 коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 октября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

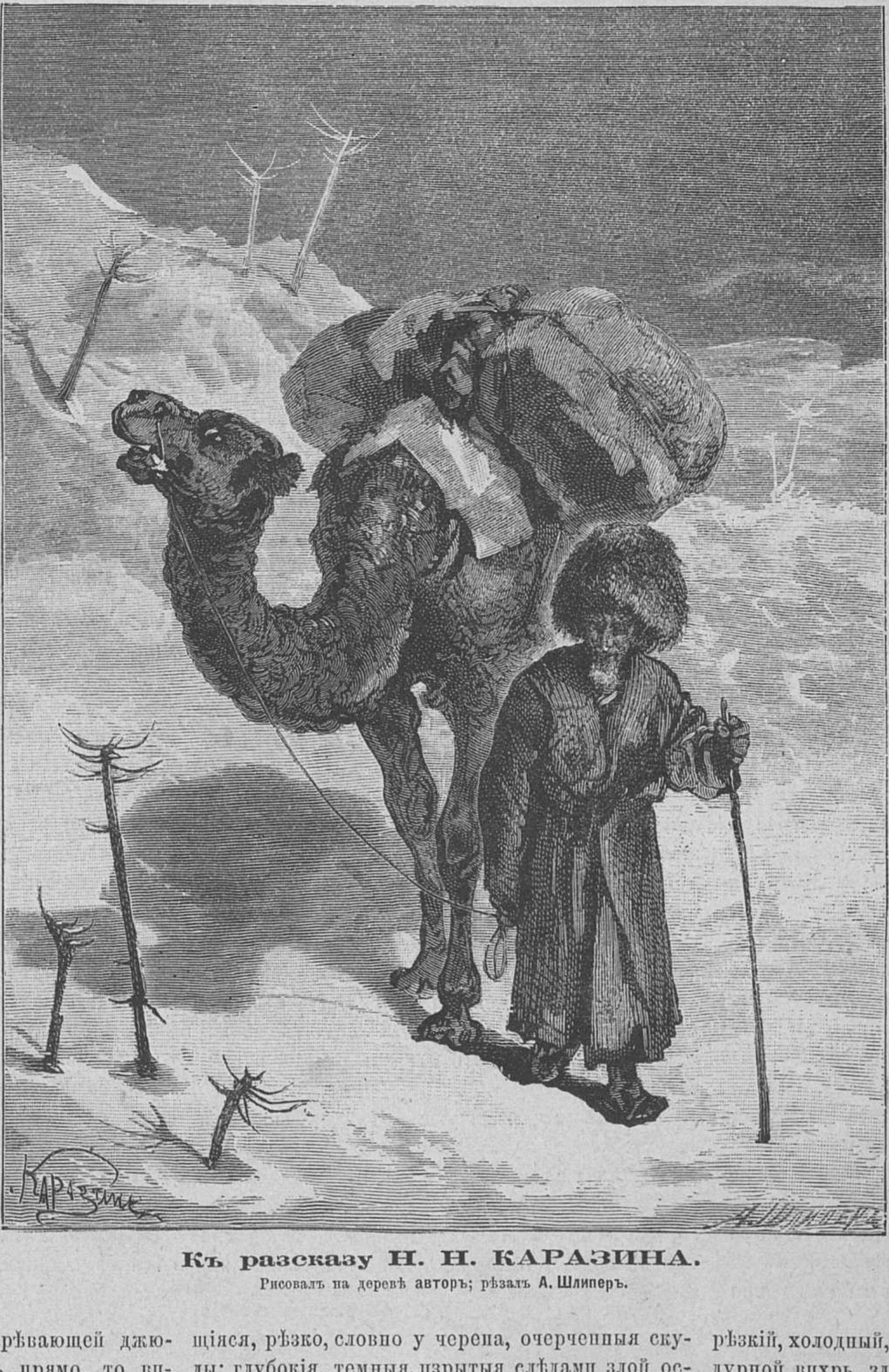
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 41. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 11 Октября 1880 г.

Этюды изъ жизни въ средне-азіатскихъ пустыняхъ.

II.

Тюркменъ «Сяркей» *).



Къ разсказу Н. Н. КАРАЗИНА.
Рисовалъ на деревѣ авторъ; рѣзалъ А. Шлиперъ.

На его головѣ громадная, косматая шапка изъ бурой овчины, сильно повытертой отъ долгой носки, выгорѣвшей на солнцѣ, въ колтунъ сбитой отъ порывовъ капризнаго степного вѣтра. Рослый, матеровой баранъ цѣликомъ пошелъ на эту шапку. На плечахъ его, узкихъ, сухихъ, угловатыхъ, словно на вѣшалкѣ, а не на живомъ тѣлѣ, заношенный халатъ изъ бурокрасной алачи **) съ мелкими черными полосками, а подъ этимъ халатомъ-отрепьемъ,—когда-то, можетъ быть, и бѣлая, грубая бумажная рубаха, къ ткани которой капля воды не прикасалась съ тѣхъ поръ, когда она впервые прикрыла его сухое, старческое тѣло. На босыхъ, мозолистыхъ ногахъ его, какъ защита отъ острыхъ кремней и ракушекъ песковъ, отъ колючихъ шиповъ степной растительности, отъ укуса ядовитаго скорпіона и тарантула, надѣто что то похожее на туфли изъ заскорузлой сыромятины.

Впрочемъ, неизвѣстно еще, что было-бы прочнѣе и неподатливѣе: эта-ли сыромять или его собственныя подошвы, истоптавшія на своемъ вѣку десятки тысячъ верстъ безконечнаго, степного пространства.

Странный видъ имѣетъ эта крохотная фигурка въ своихъ отрепьяхъ и въ этой громадной, косматой, сказочной шапкѣ! Когда смотришь сзади, то кажется, что и шапка эта, и бурокрасныя лохмотья надѣты на колъ и назначены для пуганія птицъ на поляхъ дозрѣвающей джюгары ***), но когда смотришь прямо, то видишь какъ пристально, лукаво, подсмѣиваясь «себѣ на умѣ», прямо такъ вотъ въ душу и глядятъ два черные, какъ уголь, глаза, искорками сверкая въ тѣни грязныхъ космъ бурой овчины. Ниже этихъ глазъ лоснятся сильно выдающіяся, рѣзко, словно у черепа, очерченныя скулы; глубокія, темныя, изрытыя слѣдами злой оспы впадины щекъ оттѣняютъ маленькій, тонкій, острый и крючковатый, какъ у ястреба, носъ; подъ этимъ носомъ жидкая, черная съ просѣдью щетинка подстриженныхъ усовъ; тонкія, сухія, внутрь сжатыя губы и крохотная козья бородка, прикрывающая глубокій, зубчатый шрамъ на горловыхъ хрящахъ, идущій направо назадъ, за ухо, вплоть до жилистаго, раздвоеннаго затылка.

Его ноги коротки, чтобы поспѣвать шагъ въ шагъ за широкимъ, размашистымъ шагомъ верблюда, онъ наверстываетъ и время и разстояніе частымъ, дробнымъ переставленіемъ этихъ ногъ. Онъ ходитъ словно все спѣшитъ, торопится куда-то, ходитъ разслабленною, старческою походкою, но ходитъ долго, ходитъ не зная устали,—можетъ идти по двадцати часовъ въ сутки, дѣлая въ часъ не менѣе трехъ верстъ и по сыпучему, глубокому песку, съ бархана на барханъ, и по блестяще-гладкому, ровному такыру *) одинаково.

Таковъ тюркменъ Сяркей. Таковымъ я увидѣлъ его въ первый разъ на колодцахъ «Кукчи» въ «Кызылъ-кумахъ» и странно, что всѣ, кто его знали и знаютъ, только такимъ его видѣли и помнятъ многіе годы тому назадъ.

Колесный караванъ нашъ прибылъ къ колодцамъ «Кукчи» передъ закатомъ солнца.

Пока распрягли и развьючили горбатыхъ «кораблей пустыни» и пустили ихъ на паству, на окрестные песчаные барханы, поросшіе рѣдкимъ сухимъ саксаульникомъ и гребенщикомъ; пока разложили огонь для варки пищи и чаю, пока устроились кое-какъ на мѣстѣ ночлега, солнце уже закатилось и на западѣ протянулась яркокрасная полоса угасающей зари, обѣщающая намъ на слѣдующій день, а можетъ, еще и съ этою ночью рѣзкій, холодный, степной «джаманъ-джиль» (т. е. дурной вихрь, злой) какъ называютъ здѣсь періодическій сѣверо-восточный вѣтеръ, свирѣпствующій въ степяхъ на горе путникамъ какъ разъ въ данное время года, выпавшее на долю нашего переѣзда черезъ пустыню.

---

*) Собственное имя.

**) Родъ мѣстной бумажной ткани.

***) Китайское просо.

*) Солонцевато-осадочныя горизонтальныя пространства степи.

Вотъ на этой-то красной полосѣ осенняго заката, разомъ, словно выросли изъ сыпучихъ песковъ, показались два черныхъ силуэта. Одинъ силуэтъ изображалъ собою верблюда, худого одногорбаго «нара» съ узкою длинною мордою, съ широкимъ разставомъ ногъ, тонкимъ перехватомъ въ пахахъ, однимъ словомъ, со всѣми характерными признаками уроженца степныхъ пространствъ, лежащихъ по ту, лѣвую сторону Аму. Другой силуэтъ, это былъ, должно быть, человѣкъ, впрочемъ, скорѣе походившій на обезьяну съ необычайно громадною косматою головою—голова эта оказалась потомъ шапкою, но такихъ необыкновенныхъ размѣровъ, что наши лаучи (верблюжьи вожатые) начали сперва потихоньку, а потомъ, ободренные безнаказанностью, и явно подсмѣиваться.

Верблюдъ былъ навьюченъ тремя тяжелыми мѣшками съ джюгарою и маленькимъ мѣшечкомъ русу поверхъ вьюка. Онъ шагалъ лѣниво, оттягивая на ходу лѣвую заднюю ногу, и поминутно испускалъ невыносимо противный, болѣзненный, хриплый ревъ. «Шапка-великанъ» словно скатилась съ откоса бархана, натянула волосяной арканъ, соединяющій ее съ надорванною уже ноздрею верблюда, тотъ снова зарычалъ и тяжело опустился на переднія колѣна.. Мѣшки его вьюка колыхнулись впередъ, потомъ назадъ, опять впередъ, словно поклонъ отдали, и, легко покачавшись изъ стороны въ сторону, успокоились. Косматая шапка принялась распутывать узлы поддерживающихъ вьюкъ веревокъ, быстро и ловко управилась съ этимъ привычнымъ дѣломъ, затѣмъ откатилась—именно откатилась—нѣсколько шаговъ въ сторону и присѣла на песокъ на корточки, держась поодаль, особнякомъ, отъ нашего бивуака, не входя даже въ свѣтовой кругъ нашего костра.

Мы почти не обратили никакого вниманія на это появленіе; меня, какъ художника, заняло оно только со стороны своей картинности, эфекта черныхъ силуэтовъ на красномъ фонѣ вечерней зари. Увлекшись горячимъ чаемъ и походнымъ ужиномъ, мы и забыли о сосѣдѣ, сидѣвшемъ неподвижно все на томъ-же мѣстѣ, и о его верблюдѣ, переставшемъ, наконецъ, ревѣть и вздыхать, мертвою глыбою дремавшемъ между своихъ вьюковъ, и сами, забравшись въ тарантасы, затянули фартуки, спустили зонты и крѣпко заснули, завернувшись въ бурки и бараньи шубы.

Ночь была очень холодна. Началось уже то время осени, когда днемъ солнце нагрѣваетъ песокъ до двадцати пяти градусовъ жара, а ночью температура падаетъ ниже нуля, градуса на три, на пять, а то и болѣе.

Мы еще спали, когда лаучи за полчаса передъ разсвѣтомъ запрягли наносныхъ вволю верблюдовъ и тронулись въ путь; мѣрное покачиванье тарантасовъ не особенно способствовало пробужденію и когда я, проснувшись, наконецъ, отъ яркаго солнечнаго луча, заглянувшаго ко мнѣ во внутрь тарантаса въ боковой просвѣтъ фартука, выглянулъ на свѣтъ Божій, нашъ караванъ уже отошелъ отъ колодцевъ «Кукчи» верстъ восемь, а кругомъ насъ разстилалась гладкая, какъ паркетъ, блестящая, точно окаменѣвшее озеро, поверхность большого такыра. Вдали, впереди, словно берега этого озера, виднѣлась гряда сыпучихъ, барханистыхъ песковъ и тамъ чуть-чуть маячила какая-то крохотная живая точка...

Шапки-великана и его горбатаго нара не было съ нами. Остался-ли онъ на колодцахъ, ушелъ-ли раньше, пошелъ-ли въ сторону? эти вопросы насъ не интересовали, да никто изъ насъ и не вспомнилъ о сосѣдѣ по мѣсту ночлега.

Составъ нашего каравана былъ таковъ: два тарантаса, запряженныхъ каждый четверикомъ верблюдовъ, сильныхъ и выдержанныхъ, кромѣ того шесть верблюдовъ запасныхъ подъ вьюкомъ, которые и тащили на своихъ спинахъ весь экипажный грузъ, за исключеніемъ только пасажировъ; иначе нагруженные тарантасы такъ-бы глубоко рѣзали своими колесами песокъ, что и десяти верблюдамъ не вытащить-бы ихъ на барханистыхъ подъемахъ. А этихъ подъемовъ на нашемъ пути предстояло столько, что и счетъ имъ давнымъ-давно утерянъ людьми въ степяхъ бывалыми.

На нашемъ пути особенно затруднительныхъ мѣстъ пока еще не встрѣчалось, но впереди предстояли такія, что заставляли нашего караванъ-баша—Достъ-Магомета—задумываться и уныло поглядывать на проклятыя русскія арбы, совсѣмъ уже къ странствованію по пескамъ не приспособленныя. Одно изъ такихъ мѣстъ находилось даже очень близко, именно тамъ, впереди, на выѣздѣ съ такыра, гдѣ прямо крутымъ скатомъ сбѣгаютъ на такырную гладь сыпучіе пески, едва скрѣпленные на поверхности узловатыми корневищами гребенщика и саксаульника.

Наши лаучи и сопровождавшій насъ конный джигитъ, киргизъ Аманъ-Бай, видимо озабоченные предстоящимъ подъемомъ, вели между собою совѣщаніе и я, еще не вылѣзя изъ экипажа, слышалъ, какъ Достъ-Магометъ произнесъ:

— Проклятый джиль (вѣтеръ) занесъ пескомъ старыя колеи... Порѣжемъ мы тамъ свою скотину!

— Бей... Таннаузинъ сигейнъ! провздыхалъ другой лауча—Джаулъ-Бай—свое излюбленное ругательство.

— А мы вьюки снимемъ и всѣхъ припряжемъ, говорилъ Аманъ-Бай джигитъ.

— Толку не будетъ, замѣтилъ караванъ-башъ. —Путаться только будутъ; взяться имъ не ловко, всѣмъ-то...

— Въ прошломъ году на этомъ самомъ мѣстѣ полковникъ проѣзжалъ съ семьею, тремя бабами и дѣтьми, сообщилъ Джаулъ-Бай,—мои верблюды тоже были. Такъ трое сутокъ на одномъ мѣстѣ бились.. Такъ и не выѣхали...

— Бросили повозки?

— А то чтоже дѣлать?! Бросили!.. Бабъ и дѣтей навьючили на верблюдовъ и пошли дальше. А время было холодное, позднѣе этого. Съ Донъ-Казгана бураны завертѣли.. Одна баба дорогою сдохла, другую довезли до Казалы совсѣмъ захирѣвшую... Дѣти всѣ переколѣли... Бѣда!..

— Пріятная перспектива, нечего сказать! подумалъ я, слушая эти разговоры, и вылѣзъ изъ экипажа.

Смотрю и спутники мои тоже вылѣзли изъ передняго тарантаса, оба пѣшкомъ идутъ и по временамъ останавливаются, вглядываясь во что-то впереди съ помощью бинокля.

Вооружилъ и я свои глаза. Гляжу,—а на одномъ изъ крайнихъ бархановъ торчитъ знакомая фигура одногорбаго нара и рядомъ косматая шапка...

— Вишь ты, гдѣ уже онъ! произнесъ я вслухъ.

— Онъ еще до свѣту вышелъ, сообщилъ мнѣ тутъ Аманъ-Бай.—Чаю у насъ просилъ немножко, да я не далъ... Эхъ, говорилъ онъ, давно чаю не пилъ, чай хорошо, чай лучше водки вашей!.. Ха, ха!..

— Отчего-же не далъ!

— Да и такъ обойдется,—за что его чаемъ поить! опять-же ты уже спалъ, а мѣшокъ у тебя въ головахъ былъ, потяну, думалъ, разбужу, ругаться станешь!

Передній тарантасъ остановился; остановился и мой; кое что лопнуло въ запряжкѣ, кое что спуталось; принялись за исправленіе;опять послышались противный ревъ и вздохи верблюжьи...

А впереди, прямо передъ нами, пересѣкая дорогу, гребнемъ протянулся, очевидно, свѣженанесенный вѣтромъ сыпучій песчаный перекатъ, за нимъ ярусомъ другой, тамъ третій, тамъ опять чуть замѣтными паралельными линіями обозначились косогоромъ полузасыпанныя старыя колеи, и опять цѣлыя горы песку, желтаго, чистаго, словно просѣяннаго... Бѣда да и только!

Опытный Достъ-Магометъ тупо, апатично поглядывалъ на эти, казалось, неодолимыя преграды, предавая и себя и верблюдовъ своихъ на волю всемогущаго аллаха; джигитъ Аманъ-Бай отправился кормить крошками сухарей куръ,—нашъ дорожный запасъ «живья», въ клѣткѣ привязанный за тарантасомъ.

— Вотъ теперь это, указалъ рукою Джаулъ-Бай, еще хуже того, что тогда съ полковникомъ было...

— Обидно!

Къ Достъ-Магомету подошелъ въ эту минуту человѣкъ въ большой шапкѣ, оставивши на волѣ своего нара.

Онъ началъ что-то быстро говорить нашему караванъ-башу, указывая рукою то туда, то сюда, въ разныя направленія.

— Ой, якши, ой коп якши!.. (хорошо, очень хорошо), раздавались одобрительные возгласы Достъ-Магомета, сопровождавшіе каждый жестъ большой шапки.

Оказалось, что этотъ прохожій человѣкъ, незванный, непрошенный, да еще обиженный отказомъ въ чаѣ, позаботился о нашей печальной участи заблаговременно. Онъ предвидѣлъ эти песчаные заносы, раньше насъ прибылъ на мѣсто и все копался тутъ, отыскивая возможность выбраться. Онъ высмотрѣлъ всѣ повороты и изгибы бархановъ и перекатовъ, онъ, съ громадною опытностью обитателя песчаныхъ пустынь, съумѣлъ оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ мертвыхъ песковъ и теперь сообщилъ караванъ-башу свой планъ перетаскиванія нашихъ тарантасовъ.

— Баракельды! хлопнулъ его Достъ-Магометъ по плечу.

И мы отдались въ руки этого непрошеннаго, добровольнаго путеводителя.

Боже мой, какой мучительный день провели мы здѣсь! Мы одолѣвали десять, пятнадцать шаговъ пространства и отдыхали часъ, мы осиливали одну преграду для того, чтобы тотчасъ наткнуться на другую, еще труднѣйшую.

Тюркменъ Сяркей, какъ звали нашего путеводителя, былъ душою всей этой гигантской работы, всей этой массы труда верблюжьяго и человѣческаго.

Лавируя зигзагами между барханами, прокладывая себѣ путь тамъ, гдѣ песокъ былъ менѣе глубокъ, руками разрывая его подъ колесами экипажей, увязавшихъ по ступицу, мы, шагъ за шагомъ, подавались впередъ, а все-таки впередъ, и къ вечеру, окончательно измучивъ животныхъ, выбившись изъ силъ сами, съ разбитыми, ноющими поясницами, съ охрипшими отъ крика голосами, мы въ изнеможеніи расположились на отдыхъ, по ту сторону всей групы перекатовъ, на спускѣ къ новому, гладкому, какъ скатерть, «такыру».

Киргизъ Аманъ-Бай, нацѣдивъ изъ турсука воды въ чайники, егозилъ и заискивалъ у «косматой шапки»: онъ, видимо, хотѣлъ смягчить свой вчерашній отказъ въ чаѣ и, разводя огонекъ, десятый разъ повторялъ.

— Чаю много пей... сколько душа хочетъ, пей... ничего... чай хорошій... съ сахоромъ пить будешь... Ц.. ц.. охъ, хорошій человѣкъ... ха, ха!

И онъ хлопалъ тюркмена Сяркея по плечу,

бѣгалъ къ своимъ чайникамъ, опять къ нему съ ласковымъ привѣтомъ, а тотъ молча сидѣлъ на корточкахъ и только его черные быстрые глаза ласково и добродушно подсмѣивались надъ хлопотами и ухаживаніями мальчика-джигита.

На этомъ привалѣ мы познакомились съ тюркменомъ Сяркеемъ покороче, а дорогою сошлись съ нимъ настолько, чтобы о немъ вполнѣ сохранилось самое отрадное воспоминаніе, какъ о лучшемъ другѣ, какъ о человѣкѣ, провидѣніемъ самимъ брошенномъ въ эти печальныя пустыни, на благо и добро ея полудикимъ кочующимъ обитателямъ, на благо занесеннымъ сюда судьбою временнымъ посѣтителямъ...

Сколько лѣтъ тюркмену Сяркею, этого и онъ самъ не могъ бы опредѣлить; судя по внѣшнему виду—около пятидесяти, но многіе старики помнятъ, что еще въ своей молодости видали и знали его такимъ-же.

У Сяркея нѣтъ и не было постояннаго дома, у него не было даже кибитки собственной. Все его съ нимъ двигалось по степи, изъ конца въ конецъ, по всему громадному пространству Кызылъ-кумовъ и день, и ночь, и зиму, и лѣто...

Если и случалось ему посидѣть на мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ аулѣ, то день-два, но не больше; все-же остальное время, за исключеніемъ ночлеговъ и часового отдыха, поглощалось торопливымъ передвиженіемъ его коротенькихъ сухихъ ножекъ, размашистымъ, неуклюжимъ шагомъ его постояннаго спутника, вьючнаго верблюда.

Тюркменъ Сяркей занимался торговлею, почему носилъ громкій титулъ—купца. Тюркменъ Сяркей зналъ коранъ и шаріатъ наизусть, даже, какъ говорятъ, побывалъ въ Меккѣ, почему къ титулу купца добавляли иногда еще почетнѣйшій титулъ мулы и даже хаджи.

Торговыя операція Сяркея были самаго простого свойства: онъ преимущественно покупалъ на берегахъ Аму у мѣстныхъ тюркменъ и каракалпаковъ джюгару, покупалъ не много, столько, сколько можно навьючить на одного верблюда, и везъ этотъ товаръ черезъ всѣ Кызылъ-кумы, на берега Сыръ-Дарьи, гдѣ продавалъ въ трое дороже покупки.

Громадный трудъ перевозки черезъ пустыню, занимающій туда и обратно иногда болѣе мѣсяца времени, оплачивался шестью или семью рублями разницы въ пользу купца, но тюркменъ Сяркей ничуть не становился отъ этого богаче: онъ на барыши накупалъ въ Казалинскѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ занятомъ русскими пунктѣ, цвѣтныхъ платочковъ, бумажной дешевой матеріи, разныхъ бездѣлушекъ и все это расходилось у него по ауламъ, или-же совсѣмъ безплатно, или-же съ такимъ вознагражденіемъ, съ котораго, хотя по поговоркѣ «шубы и не сошьешь», но все-таки ему тепло и весело было жить на свѣтѣ. Онъ просто на просто раздаривалъ свои диковинные товары.

Тюркменъ Сяркей былъ самый желанный гость въ каждомъ аулѣ. Всѣ—и старъ и младъ—радовались его приходу, печалились его уходомъ, косо на него смотрѣли только—да и то не всѣ—мулы и мирзы, поучавшіе народъ и правившіе нравственной «чистотою истинной вѣры пророка».

Сяркей самъ былъ сторонникъ корана и добрый сынъ пророка, но какъ-то умѣлъ добродушно и тонко подсмѣиваться надъ охранителями вѣры и находить вѣчное противорѣчіе въ словахъ святыхъ мулъ и ихъ поступкахъ.

Онъ былъ посвященъ и въ нѣкоторыя тайны природы: онъ зналъ много цѣлебныхъ травъ и средствъ, удачно лѣчилъ людей, дѣтей преимущественно, а также овецъ, лошадей и верблюдовъ. Для тѣхъ и другихъ аптеки его и методы леченія были совершенно одинаковы.

За это къ его уже имѣющимся двумъ почетнымъ титуламъ добавлялся третій: «хакимъ» (мудрецъ).

Тюркменъ Сяркей зналъ исторію всего края. Не было ни одной пѣсни, ни одной сказки, ни одной легенды, которая была бы ему не извѣстна, и на всѣхъ пирахъ и празднествахъ ему, какъ пѣвцу, поэту, барду степей, отводилось почетнѣйшее мѣсто.

Тюркменъ Сяркей не былъ никогда женатъ. Самые злые языки степныхъ сплетницъ не могли бы уязвить его репутаціи, не могли бы указать ни на одну женщину, связанную съ нимъ какимъ бы то ни было романическимъ эпизодомъ, но, не смотря на это, у него было много дѣтей. У него было ихъ столько, ровно столько, сколько у всѣхъ обитателей степи было вмѣстѣ.

Это потому случилось, что всѣ дѣти были его дѣти, онъ ихъ всѣхъ любилъ ровно и настолько, что во всякомъ случаѣ ни одинъ настоящій отецъ не могъ бы любить болѣе.

И сколько этихъ поколѣній дѣтскихъ выростало на его глазахъ, выходило изъ рамокъ его заботливости и попеченій, уступая свое мѣсто новымъ легіонамъ крохотныхъ, полуголыхъ, чумазыхъ питомцевъ!

Понятно, что такой «отецъ» не могъ помнить не только по именамъ, но и по мѣсту рожденія и жительства всѣхъ своихъ дѣтей, но за то всѣ дѣти отлично помнили и знали своего отца, хотя и не разъ отплачивали ему черною неблагодарностью.

Разъ, одинъ изъ такихъ сыновей, выросши уже большимъ скуластымъ болваномъ, укралъ у него во время сна его верблюда и когда черезъ годъ случайно встрѣтился съ обиженнымъ лицомъ къ лицу, въ одномъ изъ ауловъ, то Сяркей, подманивъ сынка-вора пальцемъ, спросилъ:

— А ты никому объ этомъ не разсказывалъ?

— Чего говорить-то! пробормоталъ, потупясь воръ,—никому не хвасталъ...

— Ну, то-то; а то, пожалуй, скажутъ про тебя: «эхъ какой Джюра дурной человѣкъ!.. Джюру бить надо, за него самой ледящей дѣвки замужъ отдать нельзя!..» Не хорошо будетъ! Смотри же, молчи, никому не разсказывай...

Такъ этотъ Джюра, послѣ такого разговора, не ѣлъ, говорятъ, цѣлую недѣлю, не спалъ даже, пока еще двухъ верблюдовъ не укралъ, гдѣ-то близъ Дау-Кара, и не привелъ ихъ Сяркею взамѣнъ перваго.

Природу своихъ степей тюркменъ Сяркей изучилъ до тонкости. Онъ зналъ всѣ мельчайшіе признаки, указывающіе перемѣны погоды; онъ умѣлъ отсиживаться и отъ песчанныхъ урагановъ лѣтнихъ и отъ снѣжныхъ бурановъ зимою. Время года не стѣсняло его походовъ. Онъ зналъ всѣ созвѣздія въ небѣ и умѣлъ ими пользоваться для оріентировки въ степи; онъ зналъ чуть не каждый вершокъ этой однообразной пустыни и приведи его откуда угодно и куда съ завязанными глазами,—онъ безошибочно и точно могъ бы указать пунктъ своего мѣстонахожденія.

Нечего и говорить, что онъ зналъ не только гдѣ въ данное время лучшій подножный кормъ, но даже гдѣ и въ какое время такого корма надо ожидать навѣрное... а вѣдь степь на этотъ счетъ куда какъ капризна и прихотлива. Его совѣтами пользовались кызылъ-кумскіе киргизы въ своихъ перекочевкахъ.

Когда на эти пустыни грозило еще нашествіе русскихъ, когда къ русскимъ относились здѣсь со страхомъ, недовѣріемъ и ненавистью, тюркменъ Сяркей не раздѣлялъ этихъ чувствъ; онъ всегда говорилъ, что всѣ люди, какъ люди, всѣ хороши; а между всѣми, кто бы они ни были, одинаково есть и злые и добрые, а добрые всегда сильнѣе злыхъ, всегда верхъ возьмутъ.

Онъ подкрѣплялъ свою теорію наглядным практическимъ примѣромъ: онъ говорилъ, что «бѣлое всегда яснѣе и лучше видно вдали, чѣмъ черное».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Листки изъ дневника.

Стих. **П. В. Быкова.**

I.

Когда ликуетъ вся природа,
Полна волшебной красоты,
Кагда съ лазореваго свода
Льетъ солнце столько теплоты,

Когда чарующія краски
Вездѣ, вездѣ на всемъ лежатъ,
А воздухъ, полный нѣги, ласки,
Струитъ чудесный ароматъ,

Когда невидимые хоры
Звучатъ въ садахъ, въ тѣни алей
И отдыхаютъ сладко взоры
На свѣжей зелени полей,—

На этомъ праздникѣ природы
Я нѣмъ... Я боль въ душѣ таю;
Какъ камень, старыя невзгоды
Гнетутъ больную грудь мою.

Да, я хотѣлъ бы наслаждаться,
Ласкать теперь и взоръ, и слухъ,
Но свѣтлымъ радостямъ отдаться
Мѣшаетъ мнѣ мой скорбный духъ.

Давно ужь душетъ грудь отравой
Среди міазмовъ лжи и зла,—
Тоска сосущая стоглавой
Змѣей мнѣ сердце обвила...

И я томлюсь. Нетерпѣливо
Я жду, когда промчатся дни
Поры цвѣтущей и счастливой...
Увы, она мнѣ не сродни!

Когда по цѣлымъ днямъ лазури
Не будетъ видно изъ-за тучъ,
Дожди польютъ, завоютъ бури,
Грѣть перестанетъ солнца лучъ

И стужа злая съ непогодой
Сорветъ съ деревьевъ ихъ нарядъ,—
Тогда я съ матерью-природой
Не буду чувствовать разладъ.

И мракъ осенній, похоронный
Сольется съ тьмой моей души,
И будутъ вторить сердца стоны
Рыданьямъ бурь въ ночной тиши!

II.

Нѣжные звуки,
Полные муки...
  Знаю я ихъ!
Страстью знакомой,
Сладкой истомой
  Вѣетъ отъ нихъ...
Тише! Уймитесь...
О, не стремитесь
  Вызвать любовь
Въ сердцѣ, какъ прежде,—
Свѣтлой надеждѣ
  Крылья дать вновь...
Долей сердитой
Сердце разбито,
  Крови полно,
Жить перестало
Вовсе... И стало
  Трупомъ оно.
Вы не молчите?..
Что-же, звучите
  Хоть безъ конца:
Сердце спать будетъ...
Кто-же пробудитъ
  Сонъ мертвеца!..

III.

Не проливалъ я слезъ, чтобъ возбудить участье;
Какъ только могъ, скрывалъ мой недугъ злой,
несчастье.

Но мой унылый взоръ, болѣзненный мой видъ
Порою выдаютъ все, что душа таитъ.

Мнѣ страшно, чтобъ въ очахъ моихъ не прочитали
Безвыходной тоски, немолкнущей печали.

Какія муки я жестокія терплю,
Какъ противъ воли я проклятья жизни шлю!..

Я не хочу, чтобъ людъ холодный, лживый вѣчно,
Душевныхъ ранъ моихъ касался безсердечно,

Изъ любопытства ихъ напрасно растравлялъ
И мучиться меня сильнѣе заставлялъ;

Готовый въ грязь топтать, готовый на клеветы,
Спѣшитъ мнѣ подавать дешевые совѣты

И, промахи мои безжалостно кляня,
Глубоко обижалъ и унижалъ меня

И жалостью своей, и лаской, полной фальши...
Нѣтъ, нѣтъ, желаю быть я отъ людей подальше.

Пусть лучше буду я одинъ вдвойнѣ страдать,—
Безъ ропота и слезъ отрадной смерти ждать!

Зарока не давай.

(Il ne faut jurer de rien.)

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ **Альфреда де-Мюссэ.**

Переводъ **С. А. Боборыкиной.**

(*Продолженіе.*)

Сцена IX.

Ванъ-Букъ, Валентинъ.

Ванъ-Букъ. (Выходя). Ну, что, женишься на ней? Или въ самомъ дѣлѣ ты послалъ за лошадьми? Ты шутишь?

Валентинъ. Да, она мила. Теперь она мнѣ показалась лучше, чѣмъ въ первый разъ. У нея есть около рта родимое пятнышко, котораго я не замѣтилъ.

Ванъ-Букъ. Куда ты ѣдешь, что съ тобой случилось? Угодно тебѣ отвѣчать мнѣ серьезно?

Валентинъ. Я никуда не ѣду. Вы находите, что она дурно сложена?

Ванъ-Букъ. Я? Избави меня Богъ! По мнѣ она совершенство.

Валентинъ. Теперь еще рано садиться играть въ карты. Вы играете, дядюшка, въ вистъ?

Ванъ-Букъ. Конечно.

Валентинъ. Сядьте за четвертаго.

Ванъ-Букъ. Я дожидаюсь, когда вамъ будетъ угодно отвѣчать мнѣ: остаетесь вы здѣсь или нѣтъ?

Валентинъ. Если я останусь, то единственно ради нашего заклада. Мнѣ-бы не хотѣлось его проиграть, только, пожалуйста, ни на что не разсчитывайте до вечера. Мнѣ хочется выпить бульону. Потомъ надо-бы написать. Я увижусь съ вами за обѣдомъ.

Ванъ-Букъ. Писать? Надѣюсь это не къ ней?

Валентинъ. Ради нашего заклада—мы съ вами уже условились.

Ванъ-Букъ. Я рѣшительно возстаю или ты мнѣ покажешь письмо.

Валентинъ. Смотрите, сколько угодно! Я сказалъ и опять повторяю: она мнѣ нравится... слегка.

Ванъ-Букъ. Какая-же тогда необходимость писать? Почему ты не сдѣлалъ ей сейчасъ словеснаго признанія, какъ обѣщалъ?

Валентинъ. Почему?

Ванъ-Букъ. Ну, да, что́ тебѣ помѣшало? Ты ни крошечки не смутился.

Валентинъ. Смотрите, вотъ она въ третій разъ проходитъ, видите вонъ тамъ, по алеѣ?

Ванъ-Букъ. Она поворачиваетъ къ куртинѣ.

Валентинъ. Ахъ, кокетливая дѣвочка! Она точно бабочка играетъ съ огнемъ. Брошу эту монету: орелъ или рѣшетка, чтобъ узнать, полюблю-ли я ее.

Ванъ-Букъ. Постарайся сперва, чтобъ она тебя-то полюбила. Остальное не такъ трудно.

Валентинъ. Хорошо. Давайте смотрѣть на нее. Она должна пройдти между двумя купами деревьевъ; если она повернетъ голову въ нашу сторону—я люблю ее; если нѣтъ—я уѣзжаю въ Парижъ.

Ванъ-Букъ. Бьюсь объ закладъ, что не обернется.

Валентинъ. Какже! Давайте смотрѣть, давайте.

Ванъ-Букъ. Ты выигралъ... ахъ нѣтъ, нѣтъ еще; она что-то внимательно читаетъ.

Валентинъ. Я увѣренъ, что она обернется.

Ванъ-Букъ. Нѣтъ... она подвигается. Я увѣренъ, что она не станетъ оборачиваться.

Валентинъ. Однако, она должна насъ видѣть оттуда. Насъ ничто не скрываетъ, говорю вамъ—она обернется.

Ванъ-Букъ. Прошла! Ты проигралъ.

Валентинъ. Разрази меня Богъ, если я не напишу ей! Долженъ-же я знать, наконецъ, чего мнѣ держаться. Невѣроятно, чтобъ молоденькая дѣвочка обращалась такъ небрежно съ порядочными людьми. Просто одно притворство, кокетство. Я вотъ ей сейчасъ пошлю любовное посланіе по всѣмъ правиламъ. Скажу, что умираю по ней; руку переломилъ ради свиданія съ нею и что если она меня отвергнетъ—то я застрѣлюсь; а если полюбитъ—то завтра же я похищаю ее.

Ванъ-Букъ. Умѣрьте вашъ пылъ, племянникъ! Что съ вами? Вы надѣлаете бѣдъ.

Валентинъ. По вашему два-три слова, брошенныя на вѣтеръ, означаютъ что-нибудь? Ни я, ни она ничего другъ-другу особеннаго не сказали; съ чего ей было обертываться? Она ничего не знаетъ и я ничего не съумѣлъ ей сказать. Если хотите, я, можетъ быть, и страненъ; но я задѣтъ за живое, самолюбіе мое страдаетъ. Дурна-ли она, хороша-ли—мнѣ все равно; только я хочу знать, что у нея на душѣ. Тутъ непремѣнно кроются какія нибудь хитрости, какая нибудь задняя мысль, какой мы и не подозрѣваемъ. Предоставьте мнѣ все разъяснить.

Ванъ-Букъ. Чортъ возьми, какъ ты расходился. Ужь не влюбился-ли ты въ самомъ дѣлѣ?

Валентинъ. Нѣтъ; говорю вамъ, она мнѣ не нравится. Скорѣй, скорѣй, я хочу ей писать. Я покажу вамъ письмо.

Ванъ-Букъ. Ужь я сказалъ, что никакихъ писемъ не допускаю, тѣмъ болѣе такого, какое вы собираетесь послать.

Валентинъ. Повторяю: покажу вамъ письмо, покажу. (Оба уходятъ въ садъ).

Сцена X.

Баронеса, Абатъ (изъ дверей налѣво),

Баронеса. Что хотите говорите, но играть съ болваномъ непріятно; поэтому я деревни терпѣть не могу.

Абатъ. Гдѣ-же г. Ванъ-Букъ? (Они садятся за карточный столъ).

Баронеса. Онъ на верху съ вываленнымъ господиномъ, который — между прочимъ — не очень-то вѣжливо поступилъ, отказавшись отобѣдать съ нами.

Абатъ. У него, можетъ быть, спѣшныя дѣла.

Баронеса. Дѣла! У кого-же ихъ нѣтъ? Хороша отговорка! Еслибъ только думали о дѣлахъ, то ни на что́ другое не годились-бы. Давайте играть въ пикетъ. Я сегодня въ ужасномъ настроеніи.

Абатъ. Несомнѣнно нынѣшніе молодые люди не стараются быть вѣжливыми.

Баронеса. Вѣжливыми! Еще-бы. Да понимаютъ-ли они, знаютъ-ли они, что такое быть вѣжливымъ? Мой кучеръ вѣжливъ. Въ мое время, абатъ, молодежь была внимательна.

Абатъ. То было хорошее время, баронеса.

Баронеса. (Сдавая карты). Дѣла! Желала-бы я видѣть, какъ поступилъ-бы мой братъ, который жилъ при дворѣ, еслибъ его опрокинули передъ домомъ и сами хозяева выбѣжали-бы къ нему на помощь: да онъ скорѣй состояніе свое потерялъ-бы, чѣмъ отказываться сѣсть четвертымъ въ вистъ. Дѣла! Развѣ у меня ихъ нѣтъ! Вотъ сегодняшній вечеръ, напримѣръ: у меня ужь силъ не хватаетъ распоряжаться, хлопотать. Ахъ, ахъ, опять мой мигрень!..

Абатъ. Но при такихъ важныхъ обстоятельствахъ не можете-ли вы отложить вечеръ?

Баронеса. Вы съ ума сошли? Чтожь вы хотите, чтобъ я, позвавши гостей, поблагодарила ихъ за посѣщеніе и выпроводила вонъ. Подумайте, что вы только говорите.

Абатъ. Я думалъ, что при такихъ неожиданныхъ обстоятельствахъ... какъ ваше нездоровье, можно было-бы, никого не обижая...

Баронеса. И къ довершенію всего еще не хватаетъ свѣчъ! Взгляните, пожалуйста, тамъ-ли дворецкій.

Абатъ. (Посмотрѣвъ въ двери налѣво). Онъ занятъ прохладительными.

Баронеса. Благодарю. Вотъ еще эти несносныя прохладительныя — есть, право, отъ чего умереть. Цѣлую недѣлю я сама о нихъ пишу въ городъ и ихъ сейчасъ только привезли. Спрашиваю васъ: неужели все это выпьется?.. Вамъ брать. Вы ничего не оставляете?

Абатъ. Нѣтъ, баронеса. Мнѣ надо туза. Вотъ и г. Ванъ-Букъ.

Сцена XI.

Баронеса, Абатъ, Ванъ-Букъ.

Баронеса. Продолжайте, вамъ хвалиться.

Ванъ-Букъ. (Тихо баронесѣ). Баронеса, мнѣ необходимо сказать вамъ два слова.

Баронеса. (Абату). Что-же?

Абатъ. 5 картъ въ 45 очковъ.

Баронеса. Не годятся. (Ванъ-Буку). Что такое?

Ванъ-Букъ. Прошу васъ на одну минуту. Я не могу говорить при свидѣтелѣ; то, что я имѣю вамъ сообщить, не терпитъ отлагательства.

Баронеса. (Вставая). Вы пугаете меня, что случилось?

Ванъ-Букъ. Нѣтъ, очень важное. Вы, пожалуй, станете гнѣваться на меня; но я вынужденъ даже измѣнить слову, которое имѣлъ неосторожность дать. Молодой человѣкъ, принятый вами—мой племянникъ.

Баронеса. А — ба!

Ванъ-Букъ. Онъ желалъ познакомиться съ вами подъ чужимъ именемъ. Я-же, не видя въ этомъ ничего дурного, согласился на его выдумку, къ тому-же она и нова.

Баронеса. Боже мой, да такія-ли выдумки я видала!

Ванъ-Букъ. Но я долженъ предупредить васъ, что племянникъ написалъ письмо вашей дочери и въ самыхъ необузданныхъ выраженіяхъ. Ни просьбы мои, ни угрозы не могли удержать его отъ этого поступка. И одинъ изъ вашихъ слугъ, къ моему прискорбію, взялся передать письмо по назначенію. Въ письмѣ сдѣлано признаніе въ любви и я долженъ прибавить: въ любви самой пылкой.

Баронеса. Правда? Ну, чтожь, это еще не страшно. Вашъ мальчикъ съ воображеніемъ.

Ванъ-Букъ. Создатель, съ какимъ еще! Кому вы это говорите? Теперь, баронеса, вамъ слѣдуетъ принять мѣры, чтобъ остановить послѣдствія всей этой исторіи. Вы у себя, что-же касается меня, то признаюсь вамъ, я просто задыхаюсь, я едва стою на ногахъ. Уфъ! (Падаетъ въ кресло).

Баронеса. Ахъ, Боже мой! Что съ вами? Вы блѣдны, какъ полотно! Скорѣй, разскажите мнѣ все, ничего ужъ не скрывайте.

Ван-Букъ. Я все вамъ разсказалъ.

Баронеса. Такъ это только-то? Успокойтесь. Если вашъ племянникъ писалъ Сесиль, она покажетъ мнѣ письмо.

Ван-Букъ. Убѣждены-ли вы, баронеса? Любовь—опасная вещь.

Баронеса. Вотъ вопросъ! Что-жъ бы это было, еслибъ дочь не показывала писемъ матери?

Ван-Букъ. Гмъ... ну, а я-бы не поручился.

Баронеса. Что вы хотите сказать, г. Ван-Букъ? Знаете-ли, съ кѣмъ говорите? Въ какомъ обществѣ вы жили, чтобъ сомнѣваться въ подобныхъ вещахъ? Я не знаю, какъ теперь поступаетъ наша буржуазія, и какъ она ведетъ себя въ подобныхъ случаяхъ... но оставимъ этотъ разговоръ. Кстати вотъ дочь моя; вы увидите, что она идетъ показать мнѣ письмо. (Къ абату). Что-жъ, продолжайте игру.(Опять усаживается за карты).

Сцена XII.

Абатъ, Баронеса, Ван-Букъ, Сесиль. (Садится въ сторонѣ).

Абатъ. 45 не годятся?

Баронеса. Не годятся. У васъ ничего нѣтъ. 14 тузовъ, 6 и 15 составятъ 95. Вамъ ходить.

Ван-Букъ. (Тихо баронесѣ). Я не замѣчаю, чтобъ ваша дочь хотѣла показать вамъ письмо.

Баронеса. (Тихо Ван-Буку). Вы не знаете, что говорите. Абатъ стѣсняетъ ее. Я въ ней увѣрена, какъ въ самой себѣ. (Абату). Я все свое взяла. Вамъ брать.

Слуга (докладывая). Г. абатъ, васъ просятъ. Пришелъ церковный сторожъ.

Абатъ. Что имъ надо? Я занятъ.

Баронеса. Передайте карты Ван-Буку. Онъ сыграетъ за васъ эту игру. (Абатъ и слуга уходятъ).

Сцена XIII.

Ван-Букъ, Баронеса, Сесиль.

Баронеса. Вамъ сдавать — я снимала. Что это какъ вы сдаете!

Ван-Букъ. Признаюсь вамъ, я не спокоенъ. М-ль Сесиль и не думаетъ показывать вамъ письма.

Баронеса. Говорю вамъ, я отвѣчаю за нее; это вы стѣсняете ее. Вонъ она мнѣ дѣлаетъ знаки, я отсюда вижу.

Ван-Букъ. Вы полагате? Я ничего не вижу.

Баронеса. Сесиль, подойдите сюда, вы за версту сидите. (Сесиль садится ближе). Вы, кажется, хотѣли мнѣ что-то сказать?

Сесиль. Я?—нѣтъ, maman.

Баронеса. Ба! у меня только 4 карты! Ван-Букъ, игра ваша. У меня 3 валета.

Ван-Букъ. Можетъ быть, вы желаете остаться наединѣ.

Баронеса. Нѣтъ, не уходите, это ничего. Сесиль, ты можешь говорить и при г. Ван-Букъ.

Сесиль. Да у меня нѣтъ секретовъ, maman.

Баронеса. Вы не сбирались со мной поговорить?

Сесиль. Нѣтъ, maman.

Баронеса. Не понимаю! И что это вы выдумали, Ван-Букъ?

Ван-Букъ (тихо). Я сказалъ истинную правду, баронеса.

Баронеса (тихо). Невозможно. Сесиль ничего не говоритъ, ясно, что она ничего и не получала.

Ван-Букъ (тихо). Я видѣлъ своими глазами.

Баронеса (вставая). Сесиль, что это значитъ? Встаньте и смотрите мнѣ прямо. Что у васъ въ карманѣ?

Сесиль. Maman, я не виновата, это... тотъ молодой человѣкъ написалъ мнѣ.

Баронеса. Посмотримъ. (Сесиль подаетъ письмо). Меня интересуетъ стиль того молодого человѣка, какъ вы его зовете. (Читаетъ). «Я умираю отъ любви къ вамъ. Я встрѣчалъ васъ прошлой зимой и, услыхавъ, что вы въ деревнѣ, рѣшился увидать васъ опять или погибнуть. Я далъ золотой кучеру»...—Не желаетъ-ли онъ, чтобъ мы возвратили ему его золотой? Большая нужда намъ знать.—«Кучеру, чтобъ онъ опрокинулъ меня передъ вашимъ домомъ. Я видѣлъ васъ сегодня два раза, но ваше присутствіе такъ меня смутило, что я ничего не нашелся вамъ сказать. Страхъ потерять васъ и необходимость ѣхать»...—Это хорошо! Кто-же заставляетъ его уѣзжать? Онъ самъ отказался отобѣдать.—«Заставляютъ меня просить у васъ свиданія. Я знаю, что не имѣю никакого права на ваше довѣріе...»—Прекрасная оговорка и очень кстати!—«Но любовь все извиняетъ. Сегодня вечеромъ, въ 9 часовъ, во время бала, я буду около фермы. Всѣ подумаютъ, что я уѣхалъ. Я выѣду изъ вашего дома въ каретѣ передъ самымъ обѣдомъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я изъ кареты выйду».—Нѣсколько шаговъ! По его выходитъ будто наша главная алея въ 3 аршина длины—шагнулъ и тутъ!—«Если во время вечера вы можете улучить нѣсколько минутъ, постарайтесь сдѣлать такъ, чтобы боковая дверь въ павильонѣ была отперта, иначе я пущу себѣ пулю въ лобъ...»—Хорошо.—«Въ лобъ. Я не думаю, чтобъ ваша матушка...»—А, ваша матушка! Посмотримъ-ка.—«Очень о васъ безпокоилась. У нея, какъ слышно, вѣтеръ бродитъ въ головѣ...»—Г. Ван-Букъ, что это значитъ?

Ван-Букъ. Я не слыхалъ, баронеса.

Баронеса (передавая ему письмо). Читайте сами и потрудитесь передать вашему племяннику, чтобы онъ сію минуту убирался изъ моего дома и чтобы никогда не возвращался.

Ван-Букъ. Дѣйствительно, стоитъ: «вѣтеръ бродитъ въ головѣ». Я не замѣтилъ; а онъ письмо мнѣ прочелъ.

Баронеса. Онъ прочелъ вамъ и вы передали письмо моимъ людямъ! Подите прочь! Вы старый дуракъ и я не хочу больше васъ видѣть. (Сесиль) А вы, сударыня, пожалуйте сюда. (Ведетъ ее къ маленькой двери направо).

Сесиль. Но, maman...

Баронеса. Идите, сударыня, и не разсуждайте. (Запираетъ за нею дверь на ключъ).

Сцена XIV.

Баронеса, Абатъ изъ дверей налѣво, ВанБукъ бѣгаетъ по комнатѣ

Абатъ. Баронеса, я пришелъ попросить васъ...

Баронеса (Кладя ключъ въ карточный столъ). Слава Богу, заперла ее.

Абатъ. Заперли? Кого? (Ван-Буку). Что съ вами, г. Ван-Букъ?

Ван-Букъ (Горячась). Что со мной? Что?.. Довольно съ меня.

Баронеса (Также). И съ меня тоже!

Ван-Букъ. Я ухожу изъ этого дома навсегда. Объ одномъ только сожалѣю: зачѣмъ бывалъ.

Баронеса. А я сожалѣю, зачѣмъ васъ принимала! (Сильно разсерженные уходятъ въ разныя стороны).

Сцена XV.

Абатъ одинъ, Сесиль за сценой.

Абатъ. Что все это обозначаетъ? (Сесиль стучится въ дверь).

Сесиль (Изъ сосѣдней комнаты). Г. абатъ, г. абатъ, отоприте мнѣ, пожалуйста!

Абатъ. Не могу, сударыня, безъ предварительнаго разрѣшенія.

Сесиль. Ключъ тамъ, въ карточномъ столѣ.

Абатъ. Какъ-же вы знаете?

Сесиль. Я смотрѣла въ замочную скважину; вамъ стоитъ только взять ключъ и отпереть мнѣ.

Абатъ (Достаетъ ключъ изъ стола). Правда ваша: ключъ дѣйствительно здѣсь; но я никоимъ образомъ не могу имъ воспользоваться, хотя это и противно моему желанію.

Сесиль. Ахъ, мнѣ дурно!

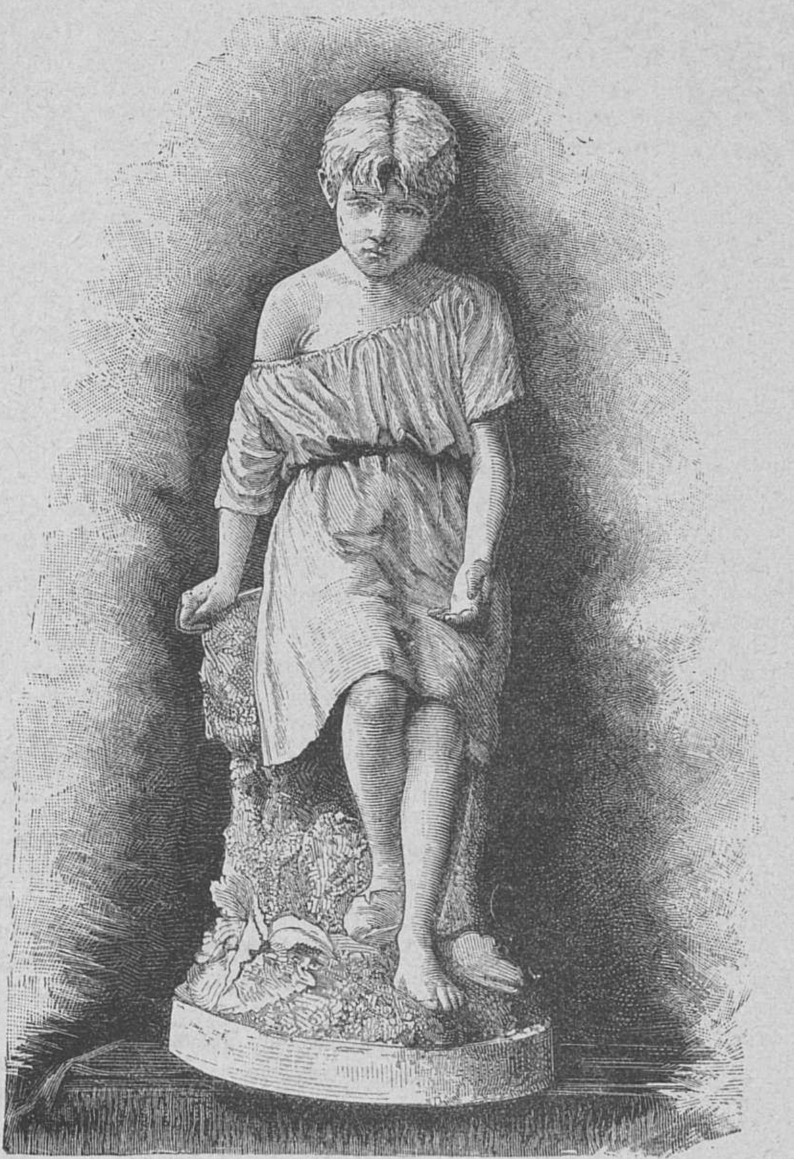
Абатъ. Боже милостивый! Успокойтесь. Ужь не случилось-ли съ вами чего опаснаго? Ужь не кончаетесь-ли вы? Умоляю васъ, отвѣчайте мнѣ? Что вы чувствуете?

Сесиль. Мнѣ дурно, мнѣ дурно!

Абатъ. Не могу-же я оставить безъ помощи такую милую особу. Будь—что будетъ, я на себя возьму всю вину, хоть и станутъ сердиться. (Отпираетъ дверь).

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ. 1880. Г.

СКУЛЬПТУРА Ф. ВИЛЛАНИСА.



Нищая дѣвочка.

Рѣзалъ на деревѣ въ Миланѣ Центенари.

Сесиль. А я, абатъ, убѣгу, чтобы тамъ ни говорили! (Убѣгаетъ стремглавъ въ садъ).

Занавѣсъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Зимнія мысли.

Стих. **Дм. Черткова.**

Зима. Все уснуло покоемъ могильнымъ,
Все поле зарыто подъ снѣгомъ обильнымъ
И голыя вѣтви осинъ и березъ
Стоятъ неподвижно, безъ жизни, безъ шума,
Какъ будто томитъ ихъ какая то дума,
Какъ будто-бы полны таинственныхъ грезъ.
Мечтаютъ онѣ о весенней природѣ...
Тогда все опять зацвѣтетъ на свободѣ,
Тогда ужъ не будетъ ни снѣга, ни льдинъ...
Я тоже мечтаю, мечтаю глубоко,
Но счастья не видно, но счастье далеко,
Иду я печальный, иду я одинъ.
Всегда окруженъ я суровой зимою,
Печальною ночью, глубокою тьмою.
Не зная ни чуднаго лѣта, ни дня,
Не зная, не видя желаннаго счастья,
Боряся подъ гнетомъ невзгодъ и ненастья
И нѣтъ ужъ надежды святой для меня.

⁂

Ночи холодныя
Русской земли...
Волки голодные
Воютъ вдали;
Вьюги раздольная
Пѣсня слышна,
Тѣшится, вольная,
Въ полѣ она.
Ночь безконечная...
Грустно, темно.
Что ты, сердечная,
Смотришь въ окно?
Вѣтра-ли гнѣвнаго
Слушаешь вой?
Горя-ль душевнаго
Гнетъ роковой
Ношей тяжелою
Давитъ на грудь?
Брось, будь веселою,
Все позабудь!

⁂

Сѣрое небо, какъ саванъ тяжёлый,
Будто-бы крыша огромной тюрьмы,
Давитъ на сердце. Въ душѣ невеселой
Полно все грусти и полно все тьмы.
Вспомнилъ я прежніе, дальніе годы,
Годы довѣрія, годы любви...
Все измѣнилось и жизни невзгоды
Пылъ погасили горячей крови.
То, чему вѣрилъ я въ пору отрады,
Нынѣ мнѣ кажется ложнымъ, смѣшнымъ,
Нѣтъ ужъ мнѣ въ жизни мгновенной услады,—
Опытнымъ сдѣлавшись, сталъ я инымъ.
Все бы я отдалъ, чтобъ вѣрить, какъ прежде,
Чтобы увлечься мечтаньями вновь,
Жить въ безмятежной, спокойной надеждѣ,
Вѣровать слѣпо въ святую любовь.

⁂

Когда темной ночью, ненастной, морозной,
Я слышу, какъ вѣтеръ реветъ на дворѣ,
Какъ съ пѣсней своею унылой, но грозной
Онъ мечется по полю, будто въ игрѣ,
Какъ будто въ забавѣ злорадной, безпечной,—
Внезапно становится мнѣ тяжело,
Подавленъ я бременемъ скорби сердечной,
Какъ будто не снѣгомъ меня занесло,
А скорбью терзающей, мукой душевной
И гнетомъ житейскихъ, томящихъ тревогъ...
О! еслибъ я въ тяжкой борьбѣ ежедневной
Достигнуть желаннаго могъ!

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова.**

(*Продолженіе.*)

Одно изъ злодѣяній вѣдьмъ — выдаиваніе молока изъ коровъ. Въ духовномъ стихѣ грѣшная душа говоритъ тѣлу: «пойду я въ муку вѣчную, безконечную, въ горючи огни». — Почему-жъ ты, душа, себя угадываешь? спрашиваетъ тѣло.

—Потому я, тѣло бѣлое, себя угадываю,
Что какъ жили мы были на вольномъ свѣту—
Изъ чужихъ мы коровъ молоко выдаивали,
Мы изъ хлѣба спорынью вынимывали,
Не ходили ни къ обѣдни, ни къ заутрени.

Въ другомъ стихѣ читаемъ—

Чѣмъ-же души у Бога согрѣшили?
А первая душа согрѣшила:
Во ржи залому заломала,
Въ хлѣбушкѣ споры вынимала...
Четвертая душа согрѣшила:
Въ чистомъ полѣ корову заклинала,
У коровки молочко отымала,
Во сырую землю выливала,
Горькую осину забивала,
Горькую осину засушивала.

На святки не слѣдуетъ выпускать изъ хлѣвовъ скота, въ предохраненіе его отъ вѣдьмъ, которыя особенно 3 января, возвращаясь съ гулянья и будучи голодными, задаиваютъ коровъ, для охраны которыхъ нужно привязывать къ воротамъ свѣчку, а на Крещенье ставить мѣломъ кресты въ хлѣвахъ. Весною на Юрьевъ день вѣдьмы превращаются въ телятъ, собакъ и кошекъ, чтобы высасывать у коровъ молоко, которое вообще послѣ вѣдовскаго доенья пропадаетъ въ сосцахъ. 30 іюля вѣдьмы задаиваютъ коровъ до смерти и, опившись молокомъ, обмираютъ сами. Самый процесъ доенія кіевскія вѣдьмы совершаютъ такъ: выйдя на дворъ въ длинныхъ рубашкахъ, когда люди уснутъ, онѣ заволакиваютъ мѣсяцъ и звѣзды тучами и, при наступившей бурѣ, начинаютъ доить коровъ такъ сильно, что изъ сосцевъ вмѣстѣ съ молокомъ брызжетъ кровь. Другія загоняютъ луну въ хлѣвъ и доятъ коровъ при ея свѣтѣ. Вѣдьма и издали можетъ выдоить корову. Она втыкаетъ въ соху, столбъ или дерево ножъ и по нему течетъ молоко, а въ ближайшемъ стадѣ начинаетъ ревѣть корова, а вымя ея пустѣетъ. Также вѣдьма можетъ выдоить корову, воткнувъ деревянный клинъ въ столбъ скотнаго двора или сваривъ въ подойникѣ стружки, срѣзанныя съ придорожныхъ крестовъ, съ крестьянскихъ воротъ и дверей. Изъ молока вѣдьмы дѣлаютъ масло и сыръ. Онѣ также воруютъ хлѣбъ и производятъ неурожаи. Въ 1024 г. говоритъ лѣтописецъ, возстали въ Суздалѣ волхвы, «избиваху старую чадь, по дьяволю наученью и бѣсованью, глаголюще, яко содержать гобино. Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ. Слышавъ-же Ярославъ... изымавъ волхвы, расточи, а другія показни, и рекъ сице: Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ, или иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже». Подъ 1071 г. находимъ другое извѣстіе: «бывши бо единою скудости въ ростовстѣй области, всташа два волхва отъ Ярославля, глаголюща, яко вѣ свѣвѣ (мы вѣдаемъ), кто обилье держитъ. И поидоста по Волзѣ; гдѣ придутъ въ погостъ, туже нарицаху лучшія (добрыя) жены, глаголюща, яко си жито держатъ, а си медъ, а си рыбы, а си скору (мѣха). И привожаху къ нима сестры своя, метере и жены своя; они же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета себѣ». Наконецъ, волхвы пришли на Бѣлоозеро; за ними слѣдовало до трехсотъ человѣкъ. Въ это время Янъ собиралъ на Бѣлоозерѣ княжескую дань. «Повѣдоша ему бѣлозерци, яко два кудесника избили уже многы жены по Волхсвѣ и по Шекснѣ». Янъ потребовалъ отъ нихъ выдачи волхвовъ; но бѣлозерцы «сего не послушаша». Янъ рѣшился дѣйствовать противъ волхвовъ собственными средствами, и когда они были схвачены, то спросилъ: «что ради погубаста толико человѣка?» Волхвы отвѣчали: «яко ти держать обилье; да еще избіевѣ сихъ—будетъ гобино; аще ли хощеши, то передъ тобою вынимевѣ жито, ли рыбу, ли ино что. Янъ же рече: по истинѣ лжа то!» Въ XIII в. епископъ Серапіонъ энергично вооружался противъ этого суевѣрія: «Малъ часъ порадовахся о васъ, чада! видя вашю любовь и послушаніе... А еще поганскаго обычая держитесь, волхованію вѣруете, и пожигаете огнемъ невинныя человѣкы и наводите на весь міръ и градъ убійство. А еще кто и не причастися убійству, но въ соньми быхъ въ единой мысли—убійца-же бысть, или мога й помощи, а не понеже аки самъ убити повелѣлъ есть. Отъ которыхъ книгъ или отъ кихъ писаній се слышасте, яко волхованіемъ глади бываютъ на земли, и паки волхованіемъ жита умножаються? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я? Молитесь и чтите я, и дары приносите имъ, ать (пусть) строятъ міръ, дождь пущаютъ, тепло приводятъ, земли плодити велятъ. Се нынѣ по три лѣта житу рода нѣсть не токмо въ Руси, но и въ Латѣнѣ: се вълхвове ли створиша? Аще не Богъ ли строитъ свою тварь, яко же хощетъ за грѣхъ нас томя?»... Даже самихъ духовныхъ иногда заподозрѣвали въ вѣдовствѣ, и новгородцы въ 1228 г., испугавшись того, что «тепло стоитъ долго», прогнали своего владыку, «аки злодѣя пхающе». Въ Малоросіи, при засухѣ и неурожаѣ, вѣдьмъ топили до позднѣйшаго времени; въ 1839 г. утопить вѣдьму распорядилась даже одна помѣщица. Кромѣ засухи, вѣдьмы производятъ неурожаи посредствомъ закрута: перевязываютъ ниткой пукъ колосьевъ на корню или, заламывая ихъ, закручиваютъ къ западу. Въ старинныхъ требникахъ были даже особыя молитвы отъ этого закрута, теперь же въ случаѣ закрута призываютъ колдуна, который осиновымъ коломъ выдергиваетъ очарованные колосья и сожигаетъ ихъ благовѣщенскою свѣчею. Вѣдьма производитъ не одинъ только неурожай, но и вообще безплодіе, лишая его женщинъ, воруя дѣтей, портя беременныхъ бабъ. Особенно зорко нужно беречься вѣдьмы при свадьбѣ, а то какъ разъ лишитъ невѣсту чадородія, произведетъ у молодого безсиліе и т. д., и въ нѣкоторыхъ деревняхъ во время свадьбы затворяютъ двери и замыкаютъ трубы, чтобы не влетѣла вѣдьма. Въ 1690 г. въ стародубскій магистратъ нѣкто Тимошка Матвѣевъ подалъ жалобу на Чернобая, который во время свадьбы обвязывалъ его невѣдомо для чего ниткою и съ того де часу онъ, Тимошка, вотъ уже два года не имѣетъ съ женою какъ подобаетъ, а нитку Чернобай забросилъ и говоритъ: что безъ нея снять чары не можетъ. Узлами можно и роды затруднить и поэтому при трудныхъ родахъ читаютъ заговоръ: «Пресвятая мати Богородица! сходи со престола господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божіей (имя рекъ) мясныя ворота и выпущяй младеня на свѣтъ и на божью волю». Наговаривая на водку или другой напитокъ, колдуны вселяютъ въ тѣло пьющаго его лихорадку и чертей, которые, превращаясь въ змѣй, лягушекъ и мышей, терзаютъ внутренности, вздуваютъ животъ, сосутъ кровь и, наконецъ, умерщвляютъ человѣка. Это зелье чаще всего приготовляется изъ травъ и въ народныхъ пѣсняхъ разсказывается:

Тутъ ходила-гуляла душа красная дѣвица,
А копала она коренья—зелье лютое;
Она мыла тѣ кореньица въ синемъ морѣ,
А сушила кореньица въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья въ серебреномъ кубцѣ,
Разводила тѣ кореньица меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ
И хотѣла извести своего недруга...

По указанію другой пѣсни, задумала сестра погубить постылаго брата:

Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки на огонь клала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала;
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.

Зелье было страшное: едва—

Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорѣлася.

Вѣдьмы насылаютъ и эпидеміи. При царѣ Михаилѣ была баба—вѣдунья, которая, наговаривая на хмѣль, хотѣла напустить на Русь повѣтріе. Во время мора въ глухую полночь вѣдьма въ бѣлой рубашкѣ, просовывая руку въ окна избъ, кропитъ спящихъ своимъ зельемъ и всѣ они умираютъ. Колдуны и вѣдьмы для своихъ цѣлей превращаются въ разныхъ животныхъ—въ коровъ, лошадей, кошекъ, медвѣдя. Въ прошломъ вѣкѣ одинъ дворянинъ увѣрялъ извѣстнаго Татищева, «якобы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышащіе довольно вѣрили». На Украинѣ вѣдьмы превращаются иногда въ чудовищныхъ сукъ съ огромными сосцами, которые волочатся по землѣ. Превращаются онѣ также въ сорокъ, какъ Марина Мнишекъ, улетѣвшая въ такомъ видѣ изъ дворца во время бунта. Татищевъ разсказываетъ: «въ 1714 г. заѣхалъ я въ Лубны къ фельдмаршалу графу Шереметеву и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилася. Я хотя много представлялъ, что то неправда и баба на себя лжетъ, но фельдмаршалъ нимало мнѣ не внималъ». Въ олонецкой губерніи одинъ мужикъ поймалъ сороку за хвостъ, которая вырвалась и улетѣла, а въ рукахъ у него осталась женская рубашка,—то была вѣдьма. Чтобы напугать вѣдьмъ, крестьяне убиваютъ сороку и вѣшаютъ ее около коровниковъ и конюшенъ. Въ былинахъ волхвъ умѣетъ—

По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ ворономъ,
По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
По крутымъ горамъ тонкимъ, бѣлымъ горностаемъ,
По синимъ морямъ плавать сѣрой утушкою.

Въ народныхъ пѣсняхъ отданная замужъ дѣвица прилетаетъ оттуда на родину горемычною кукушкою, а въ другой сестры идутъ искать своего милаго брата:

Какъ и старшая сестра въ море щукою,
А средняя сестра въ поле соколомъ,
А меньшая сестра въ небо звѣздочкою.

Въ народной сказкѣ молодая царица родила 3 чудесныхъ младенцевъ; баба-яга вызвалась быть повитухою, оборотила царевичей волчатами, а взамѣнъ ихъ подложила простого крестьянскаго мальчика. Царь разгнѣвался на жену, велѣлъ посадить ее вмѣстѣ съ ребенкомъ въ бочку и пустить въ сине море. Бочка пристаетъ къ пустынному берегу и разваливается; царица и подкидышъ выходятъ на сухое мѣсто, молятъ Бога даровать имъ хлѣбъ насущный, и по ихъ молитвѣ превращается вода въ молоко, а песокъ въ кисель. Проходили мимо нищіе и немало дивилися, что вотъ живутъ себѣ люди—о хлѣбѣ не думаютъ: подъ руками рѣка молочная, берега кисельные; пришли къ царю и разсказали про это диво. А царь уже успѣлъ жениться—на дочери бабы-яги. Услыхала тѣ вѣсти новая царица, выскочила и крикнула: «экое диво разсказываютъ! у моей матушки есть получше того: кувшинъ о семи рожкахъ—сколько ни ѣшь, сколько ни пей, все не убываетъ». Царь до этого хотѣлъ было ѣхать на диво посмотрѣть, а тутъ и думать пересталъ. Когда узналъ объ этомъ подкидышъ, тотчасъ-же собрался въ путь и унесъ у бабы-яги завѣтный кувшинъ. Снова заходятъ къ царю нищіе, разсказываютъ про рѣку молочную, берега кисельные и кувшинъ о семи рожкахъ. Царица выскочила: «нашли, говоритъ, чѣмъ хвастаться! у моей матушки получше того: зеленый садъ, въ томъ саду птицы райскія, поютъ пѣсни царскія». Подкидышъ отправился садъ добывать, обошелъ вокругъ него и, произнеся проклятіе, заигралъ въ дудочку—въ туже минуту деревья двинулись съ мѣста и послѣдовали за нимъ. Тогда царица стала похваляться зеркальцемъ: «у моей матушки есть почище того: чудное зеркальце—какъ взглянешь въ него, такъ сразу весь свѣтъ увидишь». Подкидышъ заказалъ кузнецу сковать 3 прута желѣзные да щипцы, пришелъ къ бабѣ-ягѣ, поймалъ ее за языкъ щипцами, началъ бить прутьями желѣзными и заставилъ отдать себѣ зеркальце. Принесъ зеркальце домой; царица взглянула въ него и увидѣла своихъ дѣтокъ волчатами, на чистой полянѣ, по травкѣ-муравкѣ валяются. Подкидышъ вызвался на новое дѣло: онъ пришелъ на поляну и пока волчата спали—развелъ костеръ и связалъ у нихъ хвосты въ одинъ крѣпкій узелъ, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ: «не пора спать, пора вставать!» Волчата вскочили и рванулись бѣжать въ разныя стороны—волчьи шкуры съ нихъ мигомъ слетѣли и явились 3 добрыхъ молодца, 3 родныхъ братца, которые и воротились къ матери. Услыхалъ царь про царицу и царевичей, не вытерпѣлъ, поѣхалъ къ нимъ и узналъ все, что было; въ тотъ-же день онъ приказалъ разстрѣлять бабу-ягу съ ея дочкой. Сказка эта передается еще съ слѣдующими варіантами: царица родила 2 сыновей и 3-ю дочь-красавицу, которая, когда улыбалась—розы сыпались, а когда плакала—вмѣсто слезъ алмазы съ бриліантами падали. При самомъ рожденіи дѣти подмѣняются щенками да котятами; впослѣдствіи царевичи были превращены въ камни, а царевна добываетъ птицу говорунью, поющее дерево и живую воду; этою водою она возвращаетъ братьевъ къ жизни и колдовство рушится. Если у оборотня взять платье, то онъ такъ и останется тѣмъ, во что обернулся, поэтому-то, обращаясь въ животныхъ, колдунъ запрятываетъ свою одежду такъ, чтобы ее никто не нашелъ.

Превращаясь сами, знахари и вѣдьмы могутъ и другихъ людей превращать въ разныхъ животныхъ. Эти невольные оборотни сохраняютъ человѣческую душу, сильно страдаютъ и даже плачутъ о своемъ несчастіи. Часто эти превращенія случаются при свадьбахъ и въ духовномъ стихѣ грѣшница кается—

По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьми оборачивала.

Въ Бѣлорусіи на одной свадьбѣ всѣ мужчины вдругъ обратились въ волковъ, женщины въ сорокъ, а невѣста въ кукушку, которая съ тѣхъ поръ неутѣшно носится за своимъ суженымъ; гдѣ она пролетаетъ, тамъ бѣгутъ ручьи и ростетъ трава кукушкины слезы. Однажды пристала на дорогѣ къ извощикамъ черная собака, такая умная, что всѣмъ на-диво: что ни скажутъ ей—все понимаетъ, только говорить не умѣетъ. «Ужь не оборотень-ли это», подумали извощики и показали собаку знахарю. Тотъ сейчасъ узналъ, что собака не простая, и говоритъ имъ: «истопите баню, какъ можно жарче, и тащите туда чернаго пса, положите на полокъ и парьте такъ, чтобы шкура долой слѣзла; слѣзетъ шкура—человѣкъ будетъ!» Извощики такъ и сдѣлали: ошпарили оборотня, шкура слѣзла—и сталъ передъ ними знакомый парень изъ сосѣдней деревни; начали его разспрашивать и узнали, что его оборотила собакою старая колдунья.

Колдунъ и вѣдьма продаютъ сатанѣ свою душу, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи чертей вплоть до смерти. Черти требуютъ постоянной работы и при неимѣніи ея могутъ задушить колдуна, который во избѣжаніе этого, если нѣтъ настоящаго дѣла, заставляетъ ихъ вить изъ воды и песку веревки. Когда колдунъ и вѣдьма умираютъ, черти входятъ въ нихъ, терзаютъ ихъ внутренности, вытягиваютъ изъ нихъ языкъ; при этомъ трясется земля, воютъ звѣри, каркаютъ вороны и, наконецъ, черти уносятъ вѣдовскую душу въ адъ. Мертвые колдуны, вѣдьмы, самоубійцы, опойцы превращаются часто въ упырей, которые выходя по ночамъ изъ могилъ подъ видомъ разныхъ животныхъ, летаютъ по воздуху и рыщутъ по землѣ, проникаютъ въ избы и сосутъ кровь изъ сонныхъ, особенно изъ дѣтей. Если около постелей посыпать солью, то можно утромъ на ней замѣтить слѣды ногъ упыря, а если разрыть его могилу, то онъ окажется съ свѣжимъ румянцемъ на лицѣ и съ запекшеюся на губахъ кровью. Въ тамбовской губерніи ѣхалъ мужикъ мимо кладбища, а ужь стемнѣло. Нагоняетъ его незнакомецъ въ красной рубахѣ и новомъ полушубкѣ; «остановись! говоритъ, возьми меня въ попутчики».—«Изволь, садись!» Пріѣзжаютъ они въ село, подходятъ къ тому, къ другому дому: хоть ворота и настежь, а незнакомый говоритъ: «заперто!»—потому что на тѣхъ воротахъ кресты выжжены. Подходятъ къ крайнему дому, ворота на запорѣ и замокъ въ полпуда виситъ, но креста нѣту—и ворота сами собой растворяются. Вошли въ избу; тамъ на лавкѣ спятъ двое: старикъ да молодой парень. Незнакомецъ взялъ ведро, поставилъ позади парня, ударилъ его по спинѣ—и тотчасъ спина открылась и полилась алая кровь; нацѣдилъ полное ведро и выпилъ. Затѣмъ другое ведро крови нацѣдилъ онъ изъ старика, утолилъ свою жажду, и говоритъ мужику: «ужь свѣтаетъ! пойдемъ теперь ко мнѣ». Въ одинъ мигъ очутились они на кладбищѣ. Упырь было обхватилъ мужика руками, да пѣтухи запѣли—и мертвецъ сгинулъ. На утро смотрятъ,—и молодой парень, и старикъ—оба померли. По другому разсказу колдунъ-мертвецъ является на свадьбу, вынимаетъ два пузырька, ранитъ шильцемъ руки жениха и невѣсты и точитъ изъ нихъ горячую кровь. Упырямъ, какъ мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ, приписываютъ эпидеміи, засухи, неурожаи и принимаютъ противъ нихъ разныя суевѣрныя мѣры.

Сказочная баба-яга есть миѳическое олицетвореніе вѣдьмы.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

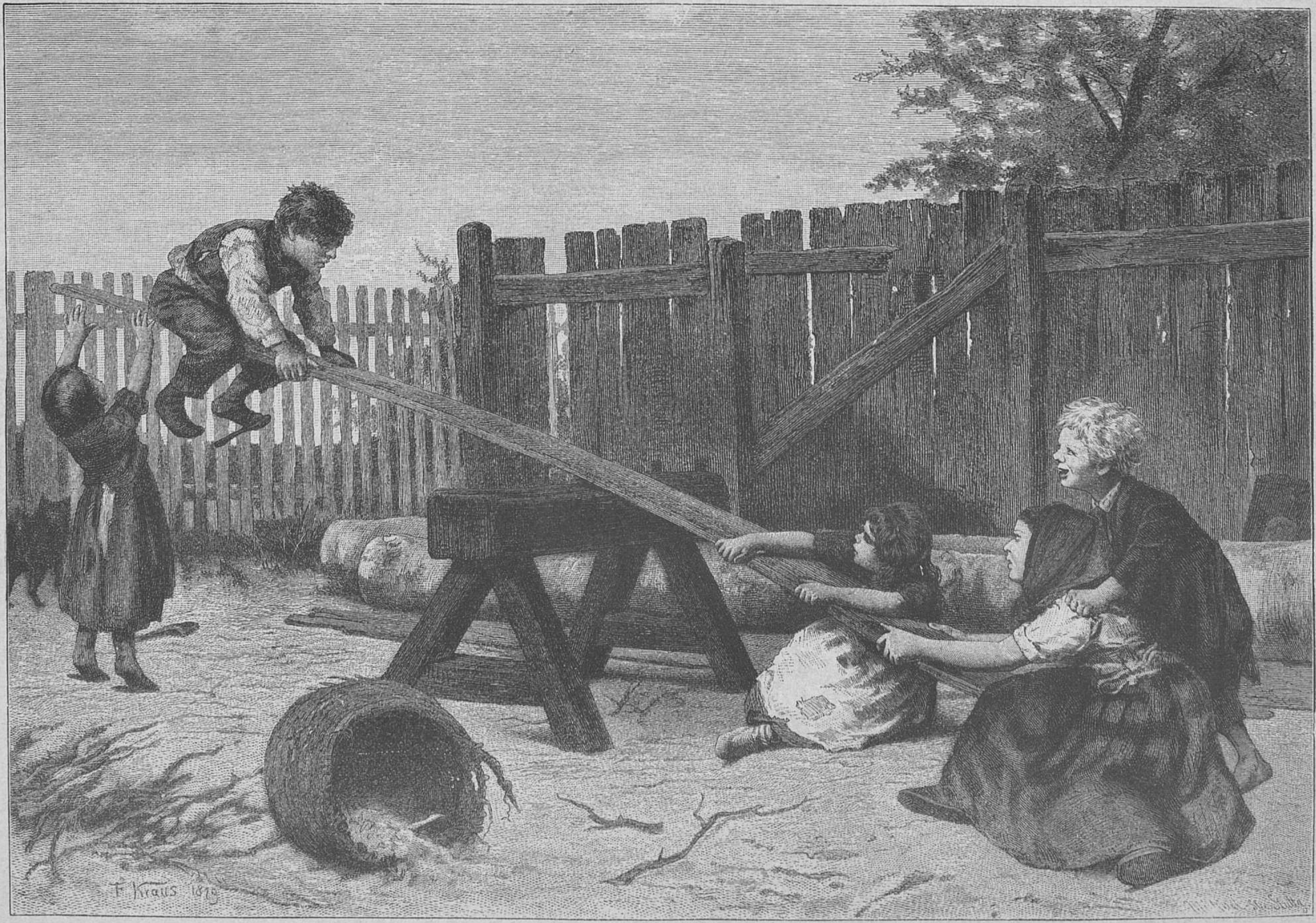
Глава VIII.

Орели и Люкъ.

Было великолѣпное утро; помѣщеніе общины «Кающихся» имѣло праздничный видъ. Сестра Нананъ встала съ зарей и разбудила своихъ помощницъ. Чрезъ нѣсколько минутъ въ очагѣ запылалъ огонь. Нужно было отличиться въ этотъ день. Служить обѣдню долженъ былъ самъ В... (тотъ самый, который, вскорѣ, къ концу имперіи,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Ф. КРАУСА.

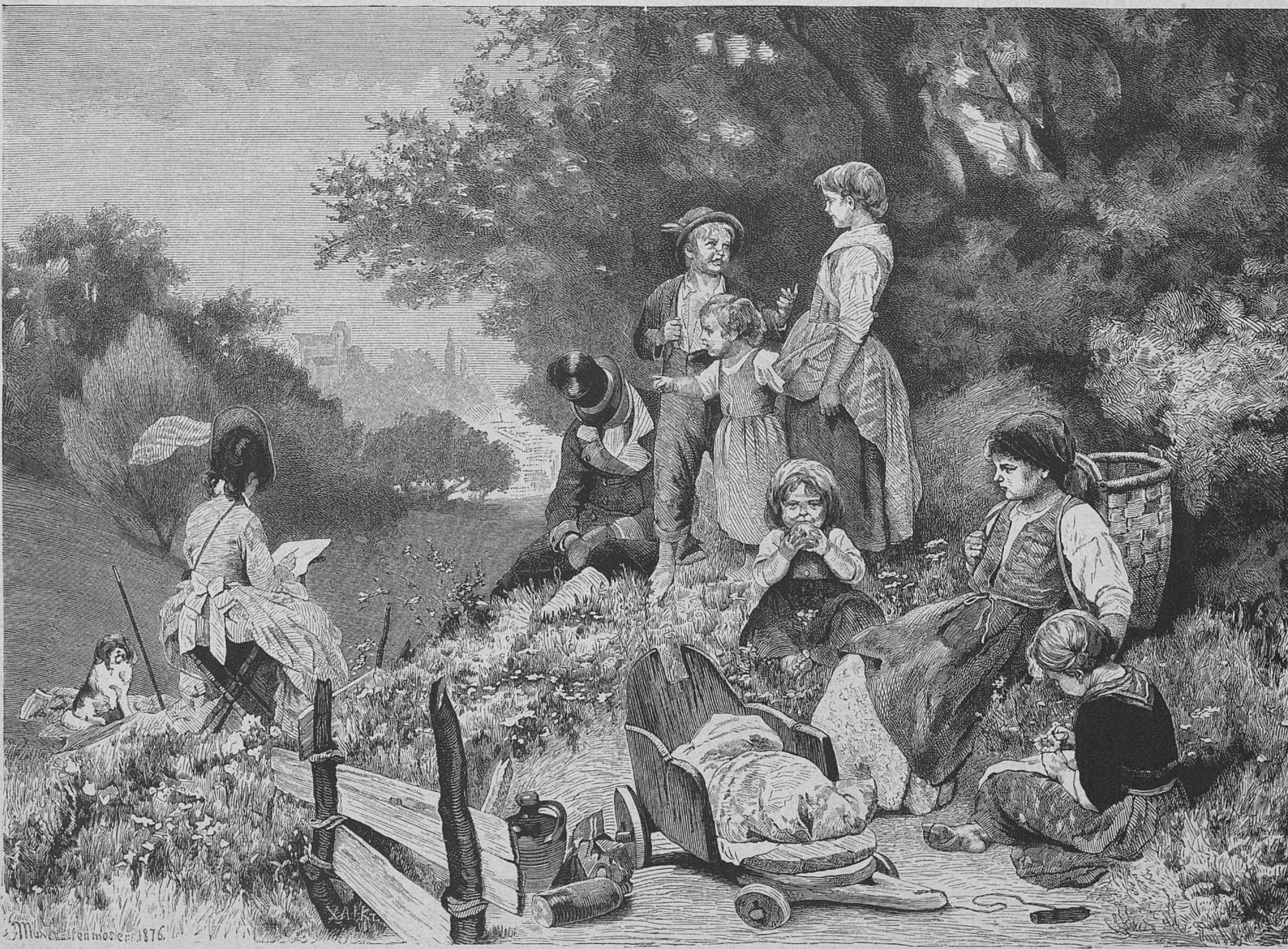

F. Kraus 1879

Качели.

По изданію Фотографическаго общества въ Берлинѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КАЛЬТЕНМОЗЕРА.


Max Kaltenmoser 1876.
XAL Kr

Лѣтнія художественныя занятія.

Рисовалъ самъ авторъ; рѣзано на деревѣ въ Берлинѣ.

былъ осужденъ судомъ исправительной полиціи), обѣщавшій почтить своимъ присутствіемъ обѣдъ общины. Сегодня прелестная баронеса де-Марби окончательно поступала въ общину. Многія великосвѣтскія дамы получили приглашенія на церемонію поступленія и едва-ли даже билетовъ на первое представленіе добивались съ такимъ усердіемъ, какъ этого приглашенія; свѣтскія красавицы тѣснились въ маленькой капелѣ общины, задыхаясь отъ жары, и тайкомъ указывая одна другой на своихъ бывшихъ пріятельницъ, сестеръ «Кающейся-Магдалины», уже занявшихъ свои мѣста на хорахъ. При этомъ шопотомъ разсказывались исторіи, которыя привели тѣхъ въ эту обитель. Церемонія пріема въ общину была назначена въ 11 часовъ, но къ 10 уже не было ни одного свободнаго мѣста. Служба въ капелѣ началась еще до прибытія В., но тутъ случилось странное обстоятельство. Рядомъ съ общиной, въ домѣ, выходящемъ въ ея садъ, помѣщалась мастерская съ значительнымъ числомъ работниковъ. Вотъ эти-то рабочіе запѣли пѣсню, въ которой прославлялась энергія и разсказывалась жизнь работника, обремененнаго семьею. Каждое слово этой пѣсни доносилось въ открытыя окна капелы и, конечно, заглушало пѣніе сестеръ подъ звуки органа. Абатъ Люкъ, покраснѣвшій отъ досады и негодованія, приказалъ затворить окна и двери, но пѣніе рабочихъ все-таки продолжало раздаваться подъ сводами капелами.

Наконецъ появился В., а за нимъ вошла Орели. Церемонія поступленія ея въ общину продолжалась недолго. Ей не пришлось пожертвовать своими волосами; ихъ обрѣзали только по плечи и она одѣлась въ изящный костюмъ чернаго и бѣлаго цвѣтовъ. По окончаніи церемоніи, къ ней подошелъ абатъ де-Люкъ.

— Идите, сказалъ онъ,—сестра Онорина, молиться съ вашими сестрами.

Она ушла за своими подругами.

Органъ продолжалъ играть; сестры пѣли. В. удалился въ ризницу, чтобы снять облаченіе. Капела понемногу пустѣла; начальница провожала своихъ гостей.

Придя въ свою комнату, Орели сказала:

— Какъ все это странно!

Въ трапезной части сдѣлали честь пышному обѣду, приготовленному сестрой Нананъ. За столомъ начальницы расточались неистощимыя похвалы искуству поварихи. Смѣху, остротамъ не было конца. В. съ начальницей ѣдко острили на счетъ слишкомъ вызывающихъ туалетовъ нѣкоторыхъ изъ дамъ, бывшихъ на церемоніи. Одинъ только абатъ де-Люкъ оставался молчаливымъ и задумчивымъ среди этого шумнаго веселья и начальница уже не разъ освѣдомлялась, не боленъ-ли онъ. Но онъ отдѣлывался незначущими объясненіями: что въ капелѣ было слишкомъ жарко, и что его раздосадовала пѣсня работниковъ, спѣтая съ явнымъ умысломъ. В. замѣтилъ, что необходимо, во чтобы то ни стало, избавиться отъ такого непристойнаго сосѣдства.

— Не говоря уже о такихъ случаяхъ, какъ сегодняшній, люди, занимающіе сосѣднія квартиры, могутъ подсматривать за всѣмъ, что происходитъ здѣсь.

Это замѣчаніе, сдѣланное абатомъ де-Люкъ, побудило начальницу обернуться въ его сторону и остановить на немъ пристальный взглядъ, смыслъ котораго, вѣроятно, былъ понятенъ одному ему.

— Вы полагаете, что эти люди подсматриваютъ за нами.

— Несомнѣнно.

— Если такъ, то этому нужно положить конецъ.

— Вы можете жаловаться, сказалъ В.

— Жалобу оставятъ безъ послѣдствій, къ тому же мнѣ не хотѣлось-бы имѣть дѣло съ полиціей.

— Есть другое средство, сказалъ абатъ.

— Какое?

— Нанять квартиры, окна которыхъ выходятъ въ садъ общины.

— Въ самомъ дѣлѣ нужно немедленно написать нашему повѣренному, чтобы онъ устроилъ это.

— Весьма благоразумная мѣра, одобрилъ В.— Но на всякій случай я пожалуюсь сегодня кому слѣдуетъ, чтобы предупредить повтореніе скандала.

— Вы уже уходите, абатъ?

— На нѣсколько минутъ. Я только напишу повѣренному и схожу за новой сестрой, которую монсиньоръ желаетъ видѣть.

— Да, сказалъ В.,—я просилъ абата позвать сюда сестру Онорину.

Начальница посмотрѣла на В. и на абата, повидимому, не совсѣмъ понимая это желаніе. Между тѣмъ де-Люкъ всталъ и вышелъ. Мрачный, озабоченный, спустился онъ по главной лѣстницѣ и послалъ привратницу за сестрой Онориной. Онъ полагалъ, что она находится въ трапезной вмѣстѣ съ другими сестрами. Но возвратившаяся привратница объявила, что сестра Онорина почувствовала себя дурно и удалилась въ свою комнату. Привратница вызвалась узнать о здоровьи сестры Онорины, но абатъ удержалъ ее.

Онъ возвратился къ начальницѣ и сообщилъ В. о результатѣ даннаго ему порученія. Когда подали кофе, абатъ де-Люкъ наклонился къ начальницѣ, прося позволенія удалиться. Ему нужно было, какъ онъ сказалъ, идти на урокъ, который онъ ежедневно давалъ. Начальница взяла съ него обѣщаніе, что онъ скоро возвратится, и отпустила его, съ улыбкой сказавъ:

— Возвращайтесь-же скорѣе.

Абатъ смиренно обратился съ тою-же просьбой и къ В.

— Идите, сынъ мой, отвѣчалъ тотъ;—долгъ прежде всего. Возвращайтесь скорѣе.

Абатъ ушелъ, а В. продолжалъ разговоръ съ начальницей.

Между тѣмъ де-Люкъ задумчиво перешелъ обширный дворъ, но прежде, чѣмъ войдти подъ арку воротъ, отдѣлявшую дворъ отъ улицы, поднялъ голову, чтобы взглянуть на окно комнаты сестры Онорины... Но онъ тотчасъ-же отступилъ подъ арку, опасаясь быть замѣченнымъ: Орели сидѣла у окна, оперши сь подбородкомъ на руку и поднявъ глаза къ верху. Казалось, она была погружена въ свои думы и ничего не видѣла вокругъ себя. Подъ аркой никого не было и де-Люкъ стоялъ, любуясь Орели. Желая убѣдиться, что его никто не видитъ, онъ обвелъ глазами окрестныя окна и невольно сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ, увидѣвъ мужчину въ томъ самомъ окнѣ, изъ котораго раздавалась пѣсня, которая смутила по утру церковную церемонію. Мужчина, свѣсившись изъ окна, смотрѣлъ тоже на Орели, рискуя упасть во дворъ. Злоба закипѣла въ груди де-Люка. Взбѣшенный такимъ оскорбительнымъ нахальствомъ, онъ готовъ былъ побѣжать къ настоятельницѣ, чтобы показать ей на это очевидное доказательство необходимости избавиться отъ неудобнаго сосѣдства; готовъ былъ идти къ этимъ людямъ, чтобы заставить ихъ вести себя приличнѣе, а прежде всего хотѣлъ закричать молодому человѣку... но тотъ скрылся. Въ туже минуту абатъ замѣтилъ, что Орели увидѣла его и, слѣдуя за его взглядомъ, открыла смотрѣвшаго на нее мужчину.

Сконфуженный абатъ позвалъ привратницу, чтобы она отворила ему дверь, и ушелъ.

Онъ прямо направился къ привратницѣ сосѣдняго дома. Распросивъ, кто занималъ квартиру, жильцы которой вели себя такъ неприлично, онъ узналъ, что эта квартира не занята, что теперь ее отдѣлываютъ и въ ней работаютъ маляры. Абатъ заявилъ желаніе посмотрѣть эту квартиру, говоря, что сосѣдняя община желаетъ нанять большое помѣщеніе для устройства въ немъ швейной мастерской для женщинъ, нуждающихся въ работѣ.

— Какія добрыя, эти сестры! сказала привратница и объяснила условія найма, которыя абатъ нашелъ подходящими. Но намъ извѣстно, что цѣль его посѣщенія была совсѣмъ другая. Онъ послѣдовалъ за привратницей. Всѣ двери огромной квартиры стояли настежъ; былъ часъ обѣда и рабочіе отсутствовали. Только одинъ изъ нихъ стоялъ, прислонясь къ косяку окна и видимо прячась; онъ не слыхалъ приближавшихся шаговъ и жадно смотрѣлъ на окно комнаты сестры Онорины. Орели не было болѣе у окна, но внимательный наблюдатель могъ-бы замѣтить, какъ отъ времени до времени край оконной гардины приподнимался. Рабочій такъ былъ поглощенъ своими наблюденіями, что не замѣтилъ, какъ привратница ввела въ комнату абата, выхваляя обширность помѣщенія. Де-Люкъ, не слушая ее, направился къ рабочему и ударилъ его по плечу. Тотъ съ удивленіемъ обернулся.

— Развѣ вы не понимаете, рѣзко сказалъ абатъ,—что ваша нескромность неприлична? Вы пришли сюда, чтобы работать, а не шпіонить за благочестивыми сестрами.

Молодой человѣкъ растерялся и не зналъ, что сказать. Но увидя, что передъ нимъ духовное лицо, онъ почтительно отвѣтилъ:

— Я не имѣлъ дурныхъ намѣреній. У насъ отдыхъ... Я полюбопытствовалъ безъ всякой дурной цѣли.

Почтительный тонъ и манеры молодого работника смягчили де-Люка.

— Вы, конечно, понимаете, другъ мой, сказалъ онъ,—что пристальный взглядъ мужчины не можетъ не стѣснять женщинъ, которыя, по самому положенію своему, болѣе другихъ скромны и застѣнчивы. Я затѣмъ и пришелъ сюда, что ваше вниманіе показалось мнѣ непочтительнымъ, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вы пѣли здѣсь хоромъ неприличныя пѣсни, мѣшавшія богослуженію.

— Этотъ упрекъ не относится ко мнѣ, сказалъ молодой человѣкъ.—Я работаю на другомъ концѣ квартиры; я столяръ, а здѣсь работаютъ маляры.

— Напрасно вы не сказали мнѣ этого, г. абатъ, вмѣшалась привратница.—Довольно-бы одного слова. Я скажу подрядчику.

— Это лишнее, возразилъ абатъ;—распорядитесь только, чтобы въ комнатахъ, обращенныхъ окнами къ общинѣ, были прекращены всѣ работы. Начальница намѣрена приспособить ихъ къ своему плану, поэтому излишне входить въ безполезные расходы.

— Значитъ, вы удерживаете эту квартиру за собой?

— Да; повѣренный общины сегодня-же сходитъ къ домовладѣльцу.

Абатъ сунулъ въ руку привратницы луидоръ и обрадованная женщина съ живостью поблагодарила его.

— Какъ я рада, воскликнула она,—что нашими жилицами будутъ благочестивыя женщины.

Абатъ хотѣлъ уйдти; но, замѣтивъ, что молодой рабочій желаетъ что-то передать ему, онъ остановился и сказалъ:

— Надѣюсь, я не обидѣлъ васъ, другъ мой. Вы, конечно, понимаете мои побужденія. Всякій честный человѣкъ уважаетъ женщину.

— Я объяснилъ вамъ, г. абатъ, какое побужденіе руководило мною. Это было просто любопытство. Такъ въ этомъ домѣ живутъ...

— Благочестивыя сестры общины «Кающейся Магдалины», отвѣчалъ де-Люкъ.

— Скажите, всякая женщина можетъ поступить въ эту общину?

— Почему вы это спрашиваете?

Молодой рабочій краснѣлъ и видимо смущался отъ испытующаго взгляда патера.

— Такъ; просто изъ любопытства... Это очень интересно...

Привратница, съ жалостью смотрѣвшая на глупаго, по ея мнѣнію, малаго, хотѣла избавить абата отъ труда просвѣщать его.

— Ничего онъ не понимаетъ, сказала она,— сюда поступаютъ благочестивыя дѣвы.

— Вотъ какъ! Значитъ, сюда принимаютъ только дѣвицъ? спросилъ молодой рабочій, обращаясь къ абату.

— Нѣтъ, другъ мой. Эта община, напротивъ того, служитъ мѣстомъ успокоенія и молитвы для женщинъ, испытавшихъ жизненныя бури, понявшихъ, что жизнь исполнена ошибокъ и заблужденій.

— Значитъ, онѣ не имѣли семьи, не были замужемъ, если могли такимъ образомъ удалиться отъ свѣта?

— Да, онѣ дѣвушки или вдовы.

— А! или вдовы! произнесъ молодой человѣкъ какимъ-то страннымъ тономъ.

Абатъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Но отчего это васъ такъ интересуетъ?

— Такъ, просто... Мнѣ показалось, что всѣ тѣ, которыхъ я видѣлъ въ окно, болѣе похожи на замужнихъ женщинъ, чѣмъ на дѣвушекъ.

Это объясненіе было не совсѣмъ удовлетворительно, но возвращались другіе рабочіе и патеру не хотѣлось оставаться съ ними. Онъ послѣдовалъ за уходившей привратницей, а молодой столяръ, въ раздумьи возвращаясь къ своему станку, сказалъ про себя:

— Такъ она овдовѣла.

Между тѣмъ де-Люкъ, возвращаясь домой, припоминалъ всѣ подробности знакомства своего съ Орели, въ которую онъ теперь былъ страстно влюбленъ, и невольно вспомнилъ первый разговоръ съ нею черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ ея въ домъ общины.

— Есть страсти, которымъ невозможно противустоять; отъ которыхъ суждено вѣчно страдать, сказала Орели.

— Это наименьшая изъ жертвъ, которыя вы должны принести теперь, отвѣчалъ онъ.

— Э! что вы говорите о жертвахъ? Развѣ сами вы приносите ихъ?

— Да, Орели, приношу, и вы знаете это, потому что я подавляю мою любовь къ вамъ.

— Вы не подавляете эту любовь, а поддерживаете въ нашихъ постоянныхъ сношеніяхъ и если она остается до сихъ поръ чистою, то это только потому, что я противлюсь соблазну... Стало быть, о жертвахъ нечего и толковать.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я уже все сказала вамъ... Ни натура моя, ни характеръ не могутъ свыкнуться съ здѣшней жизнью, и если я соглашаюсь сносить ее, подчиняться ей, то у меня должны быть на это важныя причины. Вы протянули мнѣ руку въ минуту отчаянія. Но моя признательность къ вамъ и ваше участіе ко мнѣ, къ стыду нашему, перешли въ другое чувство. Ни вы, ни я не боролись съ своею страстью. Знайте, я не такъ простодушна, какъ вы думаете. Вы любите меня, вы мнѣ сказали это... Я тоже любила васъ и прямо сказала вамъ это. Моя любовь усиливается отъ приносимыхъ мнѣ жертвъ. Вамъ не дозволяется любить, но вы полюбили меня и это усиливало мое чувство къ вамъ.

— Вы говорите, что любили меня; но отчего-же вы вдругъ перемѣнились и изъ довѣрчивой сдѣлались суровой? Вы отвернулись отъ меня въ ту минуту, когда я думалъ...

— Это правда, но вотъ почему: значеніе жертвы, которую, какъ я думала, вы мнѣ приносите, вдругъ уменьшилось. Я ревнива, требую, чтобы тѣ, кого я люблю, принадлежали мнѣ безраздѣльно. Между тѣмъ разъ вечеромъ я увидѣла, какъ вы выходили отъ начальницы. Съ тѣхъ поръ я наблюдала за вами обоими... Я не хочу, чтобы тотъ, кого я избрала, былъ связанъ съ другою. Откажитесь отъ этой женщины и тогда я буду знать, что отвѣчать вамъ.

— Васъ, Орели, я люблю безумно.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ выбирайте между мною и ею.

Съ этого дня для де-Люка началась несносная жизнь; онъ чувствовалъ, что Орели не спускаетъ съ него глазъ, и старая графиня не могла объяснить себѣ его внезапной холодности къ ней.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Леона.

(Записки доктора Бернагіуса)

Повѣсть **Люсіена Біара**. Переводъ **А. А. Разсказовой**.

Глава I.

Было два часа ночи, когда я вышелъ изъ дому судьи Артеага, поручивъ заботамъ опытныхъ женщинъ толстаго мальчугана, только что появившагося на свѣтъ. Счастливый отецъ непремѣнно хотѣлъ проводить меня домой и я долженъ былъ показать видъ, что сержусь, чтобы удержать его у изголовья его больной жены, которая съ своей стороны заставила меня провести около нея нѣсколько тревожныхъ часовъ. Мать и дитя, насколько позволяли обстоятельства, чувствовали себя отлично. Единственной моей заботой теперь было добраться до дому и отдохнуть, чтобы съ наступленіемъ дня приняться опять за свои ежедневныя занятія.

Артеага не переходилъ еще въ новый домъ, построенный имъ въ центрѣ города; онъ жилъ у воротъ Эскамела, у подошвы горы того же имени. Требовалось не менѣе получаса скорой ходьбы, чтобы добраться отъ его дома до моего; тѣмъ не менѣе, вмѣсто того, чтобы направиться по переулкамъ, что значительно сократило бы мой путь, я сталъ медленно подниматься по главной улицѣ, съ наслажденіемъ вдыхая относительно свѣжій воздухъ. Шумно раздавались мои шаги; казалось, все спало въ миломъ городкѣ — Аризачуатлѣ, имя, которое испанскіе побѣдители передѣлали въ Оризаву. Съ темносиняго неба мерцали тысячи звѣздъ. Легкій, тепловатый вѣтерокъ, пропитанный благоуханіемъ апельсинныхъ деревьевъ, изобилующихъ въ окрестностяхъ, слегка освѣжалъ воздухъ. Луна серебрила своимъ блѣднымъ свѣтомъ неровную мостовую и я, чтобы удалиться отъ знойнаго дыханія бѣлыхъ стѣнъ, нагрѣтыхъ дневнымъ, хотя и декабрьскимъ солнцемъ, шелъ со шляпой въ рукахъ по серединѣ улицы. Передо мною возвышались горы: Борего, Сен-Кристофъ и Жемчужная, лѣсистыя вершины которыхъ рельефнѣе обыкновеннаго обрисовывались на темной лазури. Ничто не нарушало господствовавшей тишины, кромѣ отдаленнаго журчанія рѣки Агвакатесъ, разбивавшей свои быстрыя волны о прибрежныя скалы, частицу которыхъ она ежегодно уноситъ во время дождей. Подвижная струя много вѣковъ уже подмываетъ незамѣтно кварцъ и гранитъ, сглаживаетъ Кордильеры и заваливаетъ долины ихъ обломками. Я прошелъ мимо таможни, около которой до 20 метисовъ, завернувшись въ плащи, спали подъ открытымъ небомъ на голой землѣ, служащей имъ постелью. И они счастливы по своему эти пасынки фортуны; воздержные, преданные волѣ Божіей, они ни въ чемъ не нуждаются; мягкій климатъ ихъ родины служитъ имъ одеждой, а увѣренность, что по пробужденіи они найдутъ дерево съ сочными плодами для утоленія ихъ голода, исключаетъ всякую заботу о завтрашнемъ днѣ. У насъ теперь декабрь. Я вспоминаю, что въ это время холодный вѣтеръ завываетъ, злится и крутитъ снѣгъ въ суровыхъ странахъ сѣвера и еще разъ благословляю эти цвѣтущія тропическія земли, гдѣ свободный и гордый Діогенъ не нуждался бы даже въ бочкѣ. Шумъ моихъ шаговъ не потревожилъ сна метисовъ; имъ нечего страшиться воровъ. Я прохожу мимо дома, откуда до меня доносятся звуки гитары и останавливаюсь на минуту. Я только что принялъ на свои руки дитя при появленіи его на свѣтъ; другой, бѣдняжка, котораго я не могъ вырвать у смерти, покоится здѣсь на ложѣ изъ цвѣтовъ; родственники и знакомые пѣніемъ напутствуютъ переходъ его въ рай. Мать—такъ требуетъ національный обычай — принимаетъ участіе въ празднествѣ. Она лишилась своего ребенка, но убѣждена, что на небѣ зачислилось однимъ ангеломъ болѣе.

До моего уха опять доносятся звуки гитары; я подхожу къ дому, у оконъ котораго толпятся женщины въ бальныхъ костюмахъ. Здѣсь празднуютъ свадьбу, на которой я долженъ былъ присутствовать. Меня узнаютъ, мое имя на языкѣ у всѣхъ. Женихъ, молодой и красивый малый, выскакиваетъ на улицу, схватываетъ меня за руку и объявляетъ, что употребитъ силу, если я не войду по доброй волѣ выпить стаканъ французскаго вина за его здоровье. Онъ ведетъ меня къ своей молодой женѣ, смуглой метискѣ, пылкій взглядъ которой не покидаетъ того, чье имя она носитъ со вчерашняго дня. Я пью за здоровье молодыхъ и желаю имъ дюжину дѣтей.

— Да услышитъ васъ Богъ, докторъ, говорятъ они въ одинъ голосъ.

Принимая во вниманіе ихъ сложеніе и взаимную любовь, я увѣренъ, что мое пожеланіе осуществится.

Иду далѣе и вхожу въ узкій переулокъ, гдѣ луна едва освѣщаетъ края крышъ. Не успѣлъ я сдѣлать 20-ти шаговъ, какъ изъ подъ воротъ быстро выскакиваетъ тѣнь и произноситъ глухимъ голосомъ:

— Если вы дорожите жизнью, сеньоръ, возвращайтесь назадъ.

Привыкнувъ къ подобнымъ приключеніямъ, я продолжаю свой путь и скоро становлюсь лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, завернутымъ въ плащъ, въ шляпѣ, надвинутой на глаза, съ ножемъ въ рукѣ.

— Назадъ, повторяетъ онъ мнѣ угрожающимъ тономъ.

— Потише, потише, сеньоръ, отвѣчаю я;—надѣюсь, вы не помѣшаете мнѣ вернуться домой. Я Жуанъ Бернагіусъ.

— Клянусь небомъ, вы можете накликать на себя несчастіе, докторъ; лучше удалитесь.

— Но...

— Загробной жизнью вашей матери заклинаю васъ въ послѣдній разъ, удалитесь.

Незнакомецъ сдѣлалъ шагъ впередъ; я повернулъ назадъ, досадуя, что не могу прямо вернуться домой, и браня въ душѣ всѣхъ влюбленныхъ. Какая же красавица живетъ въ этой улицѣ? Во-первыхъ, Сильвія Гернандецъ, но она уже помолвлена и ея будущему мужу не для чего прятаться, чтобы давать ей серенады. Роза Ніето? Этой плутовкѣ всего 14 лѣтъ и если какой нибудь изъ обожателей ея ранней красоты бродитъ ночью вокругъ ея дома,—это долженъ быть юноша, который скорѣе самъ спрячется при видѣ прохожаго, чѣмъ нападетъ на него. Да, здѣсь живетъ еще красавица, богатая вдова испанка, Ачеведо, которую очень многіе изъ кавалеровъ желали-бы утѣшить. Но донѣ Альбѣ нечего скрываться, она можетъ принимать днемъ кого ей угодно. Быть можетъ, я жертва шутки? Меня хотѣли только испугать?

Я знаю всѣхъ молодыхъ людей Оризавы, но ни манеры, ни голосъ человѣка, преградившаго мнѣ путь, не вызвали въ моемъ умѣ знакомаго представленія. Я возвращаюсь назадъ; ворота, подъ которыми скрылся кавалеръ, принадлежатъ дому банкира Лопеца; я этого сначала не замѣтилъ. Не собираются-ли его ограбить? Если дѣло идетъ о любовномъ приключеніи, приличія требуютъ, чтобы я оставался глухъ, слѣпъ и нѣмъ. Но если здѣсь злоумышленники за работой... Въ ту минуту какъ я вошелъ въ улицу Ласъ-Дамасъ раздался свистокъ и кавалеръ, выйдя изъ своего убѣжища, удалился бѣгомъ; на ногахъ у него были шпоры. Изъ осторожности я держался середины улицы, останавливаясь время отъ времени, чтобы прислушаться. Впереди, казалось, не было ничего подозрительнаго. Позади звонкій голосъ возвѣщалъ, который часъ; я узналъ окликъ начальника альгвазиловъ Серано. Онъ догналъ меня и направилъ на меня свѣтъ своего фонаря.

— Да хранитъ васъ Богъ, докторъ, сказалъ онъ, узнавая меня;—развѣ кто нибудь опасно заболѣлъ, что вы въ такое время вышли изъ дому?

Я объяснилъ ему, что былъ у судьи и что затѣмъ со мною случилось.

— Вамъ кто-то угрожалъ? спросилъ онъ.

— Да, мой храбрый Серано, и эта шутка мнѣ тѣмъ болѣе непріятна, что я не привыкъ къ подобному обращенію. Мои ночныя посѣщенія заставляютъ меня иногда, вѣроятно, такъ же, какъ и васъ, тревожить влюбленныхъ; но они знаютъ мои шаги и становятся вдоль стѣнъ въ ту минуту, какъ я прохожу, и этимъ все кончается.

— Я провожу васъ домой, сеноръ, меня начинаетъ тревожить то, что вы мнѣ разсказали.

Серано пошелъ впередъ. Каждый разъ, какъ мы проходили мимо двери, онъ внимательно изслѣдовалъ замокъ и петли. Вотъ мы поровнялись съ жилищемъ вдовы Ачеведо; двери открыты настежъ. Серано передалъ мнѣ фонарь, обнажилъ саблю и мы вошли въ прихожую, потомъ во внутренній коридоръ. Мы наткнулись на завернутаго въ шерстяное одѣяло и лежащаго на циновкѣ слугу вдовы—индѣйца. Онъ спалъ такъ крѣпко, что Серано пришлось встряхнуть его раза два, чтобы разбудить. Наконецъ, онъ вскочилъ и, видя насъ, инстинктивно схватился за ножъ, заткнутый у него за поясомъ.

— Тише, тише, сказалъ Серано,—мы друзья, развѣ ты не узнаешь насъ? Почему это у васъ дверь дома открыта настежъ въ такое время?

— Не я, сеноръ, обязанъ затворять ее.

— Кто-же?

— Камеристка сеноры.

Мы возвратились въ переднюю, осторожно осматривая всѣ закоулки и говоря между собой вполголоса. Ничего подозрительнаго, и я высказываю мнѣніе, что камеристка, потревоженная нами на любовномъ свиданіи, прячется гдѣ нибудь и выжидаетъ нашего удаленія. Серано хотѣлъ вызвать горничную и послать ее разбудить хозяйку дома. Я отговорилъ его: къ чему тревожить сонъ доны Альбы, къ чему пугать ее? Будетъ еще время завтра днемъ разсказать ей о нашемъ приключеніи и посовѣтывать ей быть осторожнѣе.

Проходя возлѣ залы, начальникъ альгвазиловъ, ремесло котораго сдѣлало его недовѣрчивымъ, направилъ свѣтъ фонаря такъ, чтобы освѣтить просторную комнату. Онъ вскрикнулъ и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, въ испугѣ отодвинулся назадъ. На полу, почти голая, лежала женщина. Я бросился къ ней и приподнялъ блѣдную прекрасную голову вдовы Ачеведо, доны Альбы, лѣвая грудь которой была въ двухъ мѣстахъ ранена кинжаломъ; раны были глубоки; смерть должна была послѣдовать мгновенно.

Глава II.

Начальникъ альгвазиловъ былъ человѣкъ находчивый. Онъ бросился къ воротамъ и далъ нѣсколько рѣзкихъ свистковъ. Сбѣжались нѣсколько альгвазиловъ и окружили домъ, а одинъ изъ нихъ пошелъ предупредить судью Артеага. Я же былъ занятъ исключительно бѣдной женщиной. Съ помощію индѣйца я перенесъ ее на диванъ. Потребовалось мало времени для убѣжденія, что всѣ мои старанія будутъ напрасны: она умерла, безвозвратно. Печально смотрѣлъ я на это молодое тѣло, бѣлизна и гармоничность формъ котораго рельефно выдѣлялись на красномъ бархатѣ дивана, куда я перенесъ его. И такъ, эта красота, эта увлекательная улыбка, вскружившая не мало головъ, этотъ взглядъ, заставлявшій биться многія сердца, это обольстительное цѣлое, имѣвшее всего 20 лѣтъ, черезъ нѣсколько часовъ будетъ предметомъ отвращенія даже для тѣхъ, кто ее любилъ. Не я одинъ любовался доной Альбой; со мною рядомъ стоялъ индѣецъ и волненіе было написано на его спокойномъ лицѣ. Я поспѣшно прикрылъ покойницу ковромъ, случившимся у меня подъ рукою, опустилъ голову ея на подушку; она казалась спящей. Неровный свѣтъ лампадки, теплящейся передъ распятіемъ изъ слоновой кости, усиливалъ обманъ; мнѣ казалось, что молодая женщина движется, грудь ея приподнимается. Тщетная надежда, она болѣе не будетъ дышать.

Наскоро разбуженныя служанки появились одна за другой и не хотѣли сначала вѣрить сообщенной имъ новости. При видѣ своей госпожи онѣ съ ужасомъ отступили, разразились рыданіями, ломали руки и распустили волосы въ знакъ печали. Какъ могло совершиться убійство? Серано предложилъ намъ осмотрѣть домъ. Камеристка, на обязанности которой лежало затворять дверь, клялась спасеніемъ своей души, что исполнила по обыкновенію свою обязанность и положила ключъ подъ изголовье госпожи.

Артеага, явившійся на мѣсто происшествія со своимъ помощникомъ, въ свою очередь тоже осмотрѣлъ домъ и снялъ со всѣхъ допросъ. По видимому, дѣло происходило такъ. Постучались въ окно доны Альбы; молодая женщина поспѣшно встала, не одѣваясь, съ босыми ногами пошла отворить дверь. Она была поражена неожиданно посреди залы въ то время, какъ возвращалась назадъ въ свою комнату, и хотя первый ударъ былъ безусловно смертеленъ, убійца нанесъ второй. Никакого измѣненія не было въ чертахъ молодой женщины, очевидно, она вполнѣ довѣряла лицу, которое впускала къ себѣ. «Возлюбленный», сказалъ судья. Я отвергъ это предположеніе. Никогда поведеніе доны Альбы не давало повода къ злословію, а хорошенькая женщина должна быть трижды добродѣтельна, чтобы избѣгнуть клеветы. О воровствѣ не могло быть и рѣчи. Пальцы доны Альбы были покрыты кольцами, которыми она любила украшать ихъ; медальонъ, усыпанный бриліантами, съ изображеніемъ ея святой покровительницы, висѣлъ еще у нея на шеѣ. Браслеты и серьги лежали на ночномъ столикѣ, куда ихъ положила вечеромъ камеристка. Преступленіе совершено, вѣроятно, въ ту минуту, когда кавалеръ, котораго я не могъ признать, принудилъ меня вернуться назадъ и я обратилъ вниманіе судьи на странное отсутствіе сторожей, которымъ поручено наблюденіе за этимъ кварталомъ. Серано сообщилъ намъ, что онъ призвалъ ихъ, чтобы рознять двухъ пьяныхъ бездѣльниковъ, грозившихъ проколоть другъ друга ножемъ. Что это совпаденіе или искустная уловка? Убійца имѣлъ навѣрное одного сообщника,—того человѣка, котораго я видѣлъ, а между тѣмъ все показывало, что здѣсь дѣло шло о мщеніи. Ударъ нанесенъ изъ ревности, это было убѣжденіе судьи и мое.

Во время судебнаго допроса, Могуила, слуга вдовы, слѣдовалъ за нами по пятамъ, прислушиваясь къ нашимъ соображеніямъ. Я видѣлъ, какъ онъ осмотрѣлъ полъ залы, затѣмъ входъ въ домъ. Могуила, сердечно преданный донѣ Альбѣ, отцомъ которой былъ воспитанъ, казался глубоко потрясеннымъ. Онъ помогъ перенести свою госпожу на постель, гдѣ она отдыхала нѣсколько часовъ назадъ; затѣмъ, присѣвши на корточки у окна, не спускалъ съ нея глазъ. Мѣсто его было не въ этой комнатѣ и служанки принудили его выйти. Онъ становился у дверей задумчивый, молчаливый, но взглядъ его, повидимому, безжизненный, слѣдилъ за всякимъ, кто приходилъ поклониться въ послѣдній разъ его госпожѣ.

Когда я, наконецъ, отправился домой, наступилъ уже день и толпа любопытныхъ собралась передъ домомъ вдовы. Ударъ кинжаломъ — вещь довольно обыкновенная въ Оризавѣ, какъ и въ другихъ городахъ Мехики, но жертвы въ положеніи доны Альбы очень рѣдки и всякій терялся въ догадкахъ. Служанки утверждали, что у ихъ госпожи были только друзья, и люди, на которыхъ онѣ указали, какъ на частыхъ посѣтителей, первыми явились сюда, какъ только дошелъ до нихъ слухъ объ ужасной новости. Ихъ извѣстныя имена, общественное положеніе, ихъ глубокая печаль не позволяли подозрѣвать ни одного изъ нихъ. Къ тому же ударъ ревнивца направляется обыкновенно не на женщину, а на счастливаго соперника. Дона Альба хотѣла выйти замужъ; однакожъ, по разсказамъ служанокъ, она не оказывала предпочтенія ни одному изъ своихъ обожателей. Она была любима, но не любила.

На слѣдующій день около полуночи тѣло молодой женщины было скромно опущено подъ одну изъ плитъ приходской церкви. Ни родственника, ни друга, ни даже священника не было на этой печальной церемоніи, на которой присутствовали только Могуила и церковный сторожъ. Таковъ обычай погребенія въ Мехикѣ. Меня всегда поражалъ этотъ обычай погребать мертвыхъ въ такой католической странѣ, какъ Мехика. Бѣдная дона Альба!

Вмѣсто отдыха, на который имѣлъ право разсчитывать, я, по возвращеніи домой, досталъ тетрадь моихъ записокъ, чтобы внести въ нее странныя событія этой тревожной ночи. Таинственная кончина красавицы-вдовы впродолженіи цѣлой недѣли была единственной темой всѣхъ разговоровъ. Правосудіе не могло открыть слѣда убійцъ и жертва скоро была позабыта. Прошелъ годъ съ той поры, какъ прахъ вдовы Ачеведо покоится подъ плитами приходской церкви и въ забывчивомъ городѣ, который она поражала своей красотой, вѣроятно, я одинъ поминаю еще ея имя.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Библіографическій листокъ.

Былое, стихотворенія В. Буренина. С.-Петербургъ 1880 г. (335 стр., цѣна 1 р. 75 к.)

Просматривая томъ стихотвореній г. Буренина, мы невольно вспомнили «былое», то хорошее, не особенно давно прошедшее «былое», когда въ «Свисткѣ» появлялись юмористическія и сатирическія стихотворенія Добролюбова, когда въ «Искрѣ» помѣщались такія же произведенія покойнаго В. Курочкина. Отъ юмористическихъ и сатирическихъ произведеній г. Буренина вѣетъ тѣмъ же духомъ, вѣетъ тѣмъ-же талантомъ. Просматривая ихъ, вы невольно припоминаете цѣлый рядъ прошлыхъ «событій», «вопросовъ дня», «жгучихъ споровъ», преній о геніальности Бисмарка и паденіи блудной Франціи, о спасеніи Россіи при помощи классицизма и гибели ея черезъ реализмъ, о послабленіяхъ суда присяжныхъ и необходимости сѣчь мужика. Какъ-бы финаломъ всѣхъ этихъ тревогъ и страховъ прошлаго является слѣдующій «Гимнъ благонамѣреннаго»:

Благодарю тебя, мой Боже,
Что ты судилъ мнѣ въ мірѣ жить,
Когда всѣ рвутся вонъ изъ кожи,
Чтобы порядокъ водворить.

Имѣя собственность, семейство,
Религію, спокоенъ я:
Не потрясетъ теперь злодѣйство
Сіи основы бытія.

Не страшны въ наши дни порывы
Противниковъ законныхъ правъ:
Хранятъ насъ Тьеръ краснорѣчивый
И Бисмаркъ князь и Мольтке графъ.

Пришелъ конецъ пустымъ идеямъ,
Должно ученье буйства пасть...
Не обзовутъ теперь лакеемъ
Того, кто чтитъ начальства власть,

Кто о чинахъ душой болѣетъ,
Въ комъ жажда къ благочестью есть,
Кто нѣчто отъ отцовъ имѣетъ
И нѣчто жаждетъ пріобрѣсть;

Но склонятся предъ нимъ съ почтеньемъ
И поощрительно рекутъ:
Будь полонъ къ высшимъ уваженьемъ,
Эксплоатируй низшихъ трудъ.

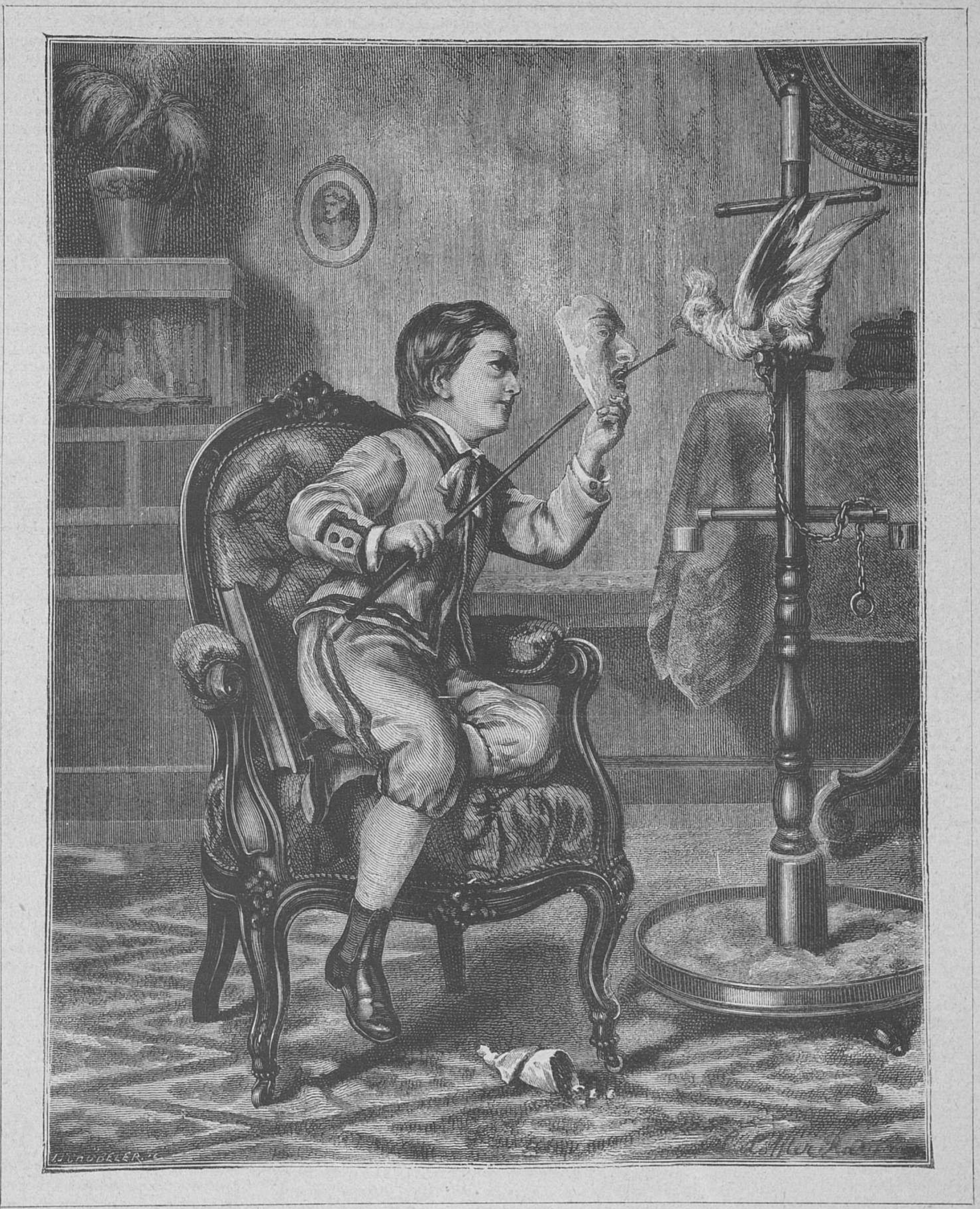
А вслѣдъ за этимъ успокоительнымъ гимномъ рисуется и «Будущность прогреса по современному образцу»:

На плацу маршированье,
Стройность пѣшихъ массъ,
Командировъ восклицанья:
«Лѣвой! Правой! въ разъ!»
Ружья всѣ съ казенной частью,
Чудный блескъ штыковъ,
Укрощенья высшей властью
Дерзостныхъ умовъ,
Рядъ народныхъ столкновеній,
Зла и бѣдствій тьма,
Звѣрства, ужасы сраженій
И чума, чума!

Всѣ эти «шутки», когда ихъ перечитаешь одну за другою, наводятъ на серьезныя думы и оставляютъ въ душѣ тяжелое чувство. Въ этомъ-то и заключается главное серьезное достоинство юмористическихъ и сатирическихъ произведеній г. Буренина, среди которыхъ нѣтъ безцѣльно шутовскихъ стишковъ, приподносимыхъ такъ часто публикѣ другими нашими юмористами послѣдней формаціи. Кромѣ этихъ произведеній въ книгѣ г. Буренина собрано нѣсколько прочувствованныхъ серьезныхъ стихотвореній и множество прекрасныхъ переводовъ изъ Томаса Гуда, Виктора Гюго, Барбье и др. Г. Буренинъ давно извѣстенъ, какъ хорошій переводчикъ и особенно удачны его переводы изъ «Ямбовъ» Барбье и «Chatiments» Виктора Гюго. Эти полные гнѣва и негодованія стоны двухъ французскихъ поэтовъ передаются г. Буренинымъ нерѣдко съ замѣчательной силой. Впрочемъ, если мы не ошибаем-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЛЁФЛЕРА.



Шалунъ.

Рѣзалъ на деревѣ **Шюболеръ**.

ся, г. Буренинъ и составилъ себѣ впервые имя въ литературѣ своими переводами изъ Барбье.

Просматривая эту книгу, мы не нашли въ ней многаго, что было написано и напечатано г. Буренинымъ по разнымъ журналамъ. Что это—излишняя строгость автора къ себѣ или нѣкоторыя вещи пришлось отложить поневолѣ? Во всякомъ случаѣ жаль, что въ этой книгѣ нѣтъ нѣкоторыхъ стихотвореній, которыя стоило-бы перепечатать. Книга издана хорошо.

Les femmes qui tuent et les femmes qui votent.

«Женщины, убивающія и подающія голоса на выборахъ», такъ назвалъ свое новое произведеніе Александра Дюма. Начиная съ драмы «Принцеса Жоржъ», Дюма во многихъ изъ своихъ произведеній старается доказать, что въ ненормальныхъ явленіяхъ брачной и семейной жизни виноватъ мужчина, создавшій себѣ привилегированное положеніе и пользующійся правами, не неся отвѣтственности по имъ самимъ написаннымъ законамъ ни за обольщеніе молодыхъ дѣвушекъ, ни за бросаніе на произволъ судьбы своихъ дѣтей, ни за грабежъ жены на пользу любовницъ и т. д. Въ настоящей брошюрѣ онъ развиваетъ тѣже взгляды по поводу недавнихъ процесовъ во Франціи, въ которыхъ являлись на скамьѣ подсудимыхъ женщины различнаго общественнаго положенія, — аристократки, актрисы, служанки, — убившія или изуродовавшія купоросомъ измѣнившихъ имъ мужей, покинувшихъ ихъ любовниковъ или счастливыхъ соперницъ. Общую причину, побудившую графиню Тилли, Мари Бьеръ, Виржини Дюмэръ и прочихъ женщинъ-убійцъ взять въ свои руки правосудіе, Дюма видитъ въ томъ, что законъ не оказываетъ имъ никакой защиты. Мыслители говорятъ обществу: «Вы должны создать законы, которые охраняли бы цѣломудріе молодыхъ дѣвушекъ, честь замужней женщины, жизнь ребенка, права супруговъ и карали бы виновныхъ, вмѣсто невинныхъ». Общество отвѣчаетъ на это презрительнымъ молчаніемъ, считая подобныхъ мыслителей безумными мечтателями, вредными утопистами. «Тогда, восклицаетъ Дюма,—среди общаго равнодушія является грубый актъ насилія, совершается убійство, падаетъ жертва, выступаетъ на сцену убійца и безъ всякаго видимаго перехода происходитъ внезапное передвиженіе всѣхъ общественныхъ точекъ, смѣшеніе всѣхъ нравственныхъ и юридическихъ законовъ, жертва возбуждаетъ сочувствіе, совѣсть присяжныхъ переворачивается, судьи приходятъ въ смятеніе, законы колеблятся и офиціальное правосудіе кладетъ оружіе передъ толпой, которая получаетъ рѣшающій голосъ, какъ въ народномъ собраніи или театрѣ. Дѣйствительно, очень просто и, можетъ быть, нравственно говорить обществу: «Незаконные дѣти не имѣютъ права отыскивать своихъ отцовъ; мы признаемъ только права дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ или признанныхъ законнымъ актомъ, только замужнія женщины достойны уваженія и могутъ пользоваться нашимъ покровительствомъ; молодыя дѣвушки, послѣ 15 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ, обольщенныя мужчинами, но безъ прямого насилія, не могутъ жаловаться, если мужчины ихъ бросятъ, сдѣлавъ матерями; простое убійство наказуется тюрьмою, предумышленное убійство смертной казнью» и т. д. Все это, можетъ быть, очень мило, но не имѣетъ ничего общаго съ природой людей, ихъ инстинктами и окружающей ихъ жизнью. Потому всѣ эти условія, законы и страшныя угрозы ни къ чему не ведутъ и когда великая борьба мужского и женскаго элементовъ, въ которой мы, мужчины, захватили себѣ всѣ права, окончательно разыгрывается на аренѣ суда, то женщина, приносимая въ жертву столько столѣтій общественнымъ комбинаціямъ, какъ дочь, какъ жена и какъ мать, возстаетъ и эта убійца, среди двухъ жандармовъ, безъ раскаянія, а съ угрозой говоритъ обществу прямо въ лицо: «Да, я любила, да, я пала, какъ вы выражаетесь, т. е. уступила требованіямъ природы; да, я отдалась мужчинѣ; да, я задумала потомъ преступленіе и научилась владѣть мужскими орудіями смерти; да, я подкараулила этого человѣка и гнусно поразила его кинжаломъ изъ за угла, на улицѣ, среди бѣлаго дня; да, я вымолила у своего любовника послѣдній поцѣлуй и, пока онъ меня обнималъ, выстрѣлила въ него изъ револьвера; да, я заклеймила измѣнившаго мнѣ и неблагодарнаго мужа на лицѣ его сообщницы; я облила купоросомъ молодую дѣвушку, мнѣ лично ничего не сдѣлавшую и не считавшую меня, всѣми уважаемую, свѣтскую женщину, способной на подобную гнусность. Все это правда, но я мать... хорошо, я преступница, но я совершила преступленіе именемъ ребенка, невиннаго, не отвѣчающаго за мать, и котораго вы не охраняете, хотя обязаны его охранять. Вы дозволили мужчинѣ взять меня дѣвственной, сдѣлать меня матерью и бросить съ ребенкомъ, обезчещенную и безъ куска хлѣба; вы ему позволили также жениться на мнѣ, потомъ мнѣ измѣнить и завести другихъ женщинъ, отъ которыхъ вы не хотите или не можете меня охранить; вы позволили ему расхитить мое состояніе, состояніе моихъ дѣтей и прогулять его съ другими женщинами, а меня вы приговорили вѣчно жить съ нимъ, какой бы онъ негодяй ни былъ. Вы смѣетесь надо мною, когда я остаюсь старой дѣвой, вы бросаете въ меня грязью, если я дѣвушкой рожаю дѣтей, вы заточаете меня и лишаете всякой самостоятельности, если я выхожу замужъ и дѣлаюсь матерью; мнѣ становится не въ мочь и я убиваю. Вы дозволяете, чтобъ мой ребенокъ, законный или незаконный, не имѣлъ отца, бросьте-же въ тюрьму или убейте теперь его мать, только этого не доставало».

«Что на это отвѣчать? спрашиваетъ Дюма:—что никто не имѣетъ права брать въ свои руки правосудіе и что преднамѣренное убійство карается закономъ? Попробуйте! Такъ неужели убійцы правы? Нѣтъ, но онѣ обнаруживаютъ, что не правы также мужчины, не правъ законъ, не право общество, и тогда толпа, т. е. природный инстинктъ, заставляетъ васъ оправдать виновныхъ во имя невиннаго ребенка. И этотъ законъ Линча, эта личная месть, это око за око и зубъ за зубъ, эти преступленія, эти скандалы, эти беззаконія будутъ продолжаться, пока общество не соберется съ мужествомъ и не создастъ законовъ, которые обезпечатъ чести молодыхъ дѣвушекъ, хотя тѣже гарантіи, какъ товару, окажутъ одинаковую справедливость всѣмъ дѣтямъ и дадутъ одному изъ супруговъ, разоренному, униженному, обезчещенному и покинутому другимъ, право получить свободу и спокойствіе, не прибѣгая къ прелюбодѣянію, убійству или самоубійству».

Такимъ образомъ, небольшая книжечка Александра Дюма, сущность которой мы постарались выяснить нѣсколькими выписками, представляетъ логичную защиту развода. Но Дюма считаетъ, что этого ему мало и во второй части своей брошюры доказываетъ, что женщина не будетъ находиться въ нормальномъ положеніи, пока не будетъ имѣть равнаго съ мужчиною голоса въ составленіи законовъ. «Женщина, говоритъ онъ,—т. е. мать, жена, дочь, эта половина насъ во всѣ возрасты жизни, отвѣчаетъ по закону за всѣ свои дѣйствія, какъ членъ общества, отвѣчаетъ передъ этимъ самымъ обществомъ, какъ частное лицо за всѣ свои чувства; это существо живое, думающее, любящее, страдающее, имѣетъ умъ, сердце и душу, какъ мы, а потому у нея есть свои требованія, свои стремленія, свои интересы, свои права, которые должны быть защищаемы ея представителями въ законодательныхъ собраніяхъ. Обставьте законъ о правѣ голоса женщинъ въ политическихъ дѣлахъ какими угодно условіями, такъ какъ въ нашей странѣ рутина всѣмъ дорога; устройте выборы двойные, тройные если угодно, но только создайте этотъ законъ и сдѣлайте женщинъ сначала избирателями, а потомъ, если окажется, что онѣ разумно пользуются этимъ правомъ, допустите ихъ въ палату депутатовъ».

Вторая часть брошюры слабѣе первой. Въ заключеніе нашей замѣтки приводимъ изъ первой части мастерски и картинно разсказанный Дюма процесъ Морамбо, производившійся 3 или 4 года тому назадъ и служащій однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ вѣрности проповѣдуемыхъ Дюма идей:

«Молодая дѣвушка, трудолюбивая работница и примѣрнаго поведенія, поддалась соблазну и была обольщена молодымъ человѣкомъ, прикащикомъ въ томъ же магазинѣ, гдѣ она находилась въ обученіи; она забеременѣла, а молодой человѣкъ ее бросилъ. Вотъ начало исторіи. Какъ видите, это старо, всѣмъ извѣстно. Но вдругъ уму, сердцу и совѣсти отца молодой дѣвушки вздумалось измѣнить обычную развязку этой исторіи. Отецъ дѣвицы Морамбо, честный работникъ, очень любилъ дочь и не дозволилъ этому дѣлу окончиться обыкновеннымъ путемъ. Онъ спряталъ въ карманъ ножъ, пошелъ къ прикащику, спросилъ его—намѣренъ-ли онъ жениться на его дочери и, получивъ отказъ, ударилъ его ножемъ въ грудь. Жизнь молодого человѣка была долго въ опасности; весь Парижъ пришелъ въ волненіе; убійцу арестовали и предали суду. Вотъ мы и въ залѣ суда. Все здѣсь на мѣстѣ для доставленія торжества правосудію и для достойнаго наказанія виновныхъ. Многочисленная публика сдерживается полицейскими, которые готовы очистить залу при малѣйшемъ одобреніи или при первомъ свисткѣ; 2 жандарма стоятъ по обѣ стороны обвиняемаго, чтобы онъ не могъ ни убѣжать, ни броситься на судей, ни наложить на себя руки; адвокаты набѣжали толпами, словно студенты на анатомическое сѣченіе трупа, судьи въ красныхъ мантіяхъ сидятъ на своихъ мѣстахъ, такъ же, какъ прокуроръ, имѣющій обязанность обвинить подсудимаго и отомстить за оскорбленную нравственность, знаменитый адвокатъ, долгъ котораго оправдать подсулимаго, и присяжные, выбранные изъ самыхъ почтенныхъ мѣстныхъ гражданъ. Среди этой торжественной обстановки вотъ что происходитъ.

Законъ, въ лицѣ предсѣдателя, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ:—Вы были, по общимъ показаніямъ свидѣтелей, честной и работящей швеей.

Молодая дѣвушка. Да.

Законъ. Васъ обольстилъ этотъ молодой человѣкъ?

Молодая дѣвушка. Да.

Законъ. Онъ обѣщалъ жениться на васъ?

Молодая дѣвушка. Да.

Законъ. Онъ васъ бросилъ, узнавъ, что вы беременны?

Молодая дѣвушка. Да.

Законъ. Ребенокъ дѣйствительно его?

Молодая дѣвушка. Да, клянусь.

Законъ. Вы причина отчаянія и преступленія вашего отца. Вы родите ребенка безъ отца, безъ общественнаго положенія и, вѣроятно, онъ выростетъ безнравственнымъ и невѣжественнымъ, такъ какъ вы не имѣете никакихъ средствъ. Этотъ человѣкъ сдѣлается опасностью или обузой общества. И все это потому, что вы не могли удержаться отъ соблазна и поддались животной страсти. Вашъ поступокъ ужасный, но мы тутъ безсильны. Садитесь... Приведите молодого человѣка. Вы были любовникомъ этой молодой дѣвушки?

Молодой человѣкъ. Да.

Законъ. Вы были первымъ ея любовникомъ?

Молодой человѣкъ (послѣ нѣкотораго колебанія). Да.

Законъ. Она беременна отъ васъ?

Молодой человѣкъ (также послѣ нѣкотораго колебанія). Да.

Законъ. Вы отказываетесь на ней жениться?

Молодой человѣкъ (безъ малѣйшаго колебанія). Да.

Законъ. Вы обезчестили эту молодую дѣвушку и бросаете ее, бросаете своего ребенка. Вашъ поступокъ ужасный, но мы тутъ безсильны. Садитесь. Встаньте отецъ. Вы признаете, что хотѣли убить этого молодого человѣка?

Отецъ. Да.

Законъ. Потому что онъ обольстилъ вашу дочь?

Отецъ. Да.

Законъ. Вы намѣренно взяли ножъ, чтобъ его убить, если онъ откажется жениться на вашей дочери?

Отецъ. Да.

Законъ. И вы нанесли ему ударъ ножемъ съ твердымъ намѣреніемъ убить его?

Отецъ. Да.

Законъ. Вы хотѣли взять въ свои руки правосудіе, что воспрещается закономъ, вы хотѣли убить человѣка, что воспрещено божественной и человѣческой нравственностью; вы совершили преднамѣренное убійство, наказуемое смертной казнью или каторгой. Вашъ поступокъ ужасный, но мы тутъ безсильны. Вы можете всѣ идти по домамъ.

«Къ чему-же были въ этой залѣ судьи, присяжные, жандармы, судебные пристава, законы, правосудіе? Къ чему вся эта торжественная обстановка, всѣ эти издержки, всѣ эти безпокойства? Зачѣмъ вы отправляете домой не наказанными, даже не оштравованными, этихъ трехъ людей, виновныхъ въ преступленіяхъ не только противъ ихъ собственной нравственности, но противъ общественной нравственности и общественной безопасности? Потому что, отвѣтите вы, это случай исключительный. Молодая дѣвушка очень симпатична по своей прежней примѣрной жизни, а отецъ, честно жившій до тѣхъ поръ, не могъ удержаться отъ вспышки горя и негодованія при видѣ холодной неблагодарности и циничной жестокости молодого человѣка. Мы это поняли и оправдали его. Нѣтъ, вы указываете на эти причины потому, что не можете и не хотите указать на настоящія, а вотъ они: не имѣя возможности наказать дѣйствительныхъ преступниковъ, вы естественно должны освобождать тѣхъ, виновность которыхъ прямое слѣдствіе не только не наказуемаго, но покровительствуемаго вами преступленія, такъ какъ во многихъ случаяхъ вы не имѣете права упоминать имени настоящаго преступника, и вамъ предстоитъ только карать невиннаго и часто жертву.

Викторъ Рагозинъ. Волга. Т. I.

Уже давно стало общимъ мѣстомъ, что русскіе менѣе всего знаютъ свое отечество. Это опредѣленіе вполнѣ справедливо въ томъ отношеніи, что у насъ издано очень не мало книгъ, и при томъ хорошихъ, посвященныхъ описанію различныхъ странъ Европы и Америки, а толковыхъ книгъ, описывающихъ Россію, очень немного, и вообще, кромѣ правительственныхъ изданій, наберется развѣ десятокъ другой книгъ, занятыхъ описаніемъ различныхъ мѣстностей Россіи. По этому нельзя не порадоваться появленію изданія г. Рагозина. «Волга» будетъ состоять изъ 9 томовъ: первые 3 тома посвящены географическому описанію Волги; 4-й—земледѣліе, скотоводство и хлѣбная торговля; 5-й—рыбная и соленая промышленность; 6-й—фабрики и заводы; 7-й—кустарная промышленность; 8-й—нефтяная промышленность; 9-й—ярмарки, пароходство, желѣзныя дороги, подвозные пути. Изъ этой програмы видно, что описаніе Волги будетъ обстоятельное и коснется самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Вышедшій первый томъ изданъ очень хорошо, снабженъ многими, не дурно исполненными гравюрами, политипажами и отдѣльнымъ атласомъ, въ которомъ собрано нѣсколько картъ теченія Волги отъ ея истока до сліянія ея съ Окою. Назначенная цѣна за 1-й томъ, 3 р. 50 коп., принимая въ расчетъ роскошь изданія, гравюры и географическія карты, весьма умѣренная, но вмѣстѣ съ тѣмъ доступная для немногихъ. Какая цѣна будетъ назначена за слѣдующіе томы, изъ предисловія издателя не видно, но, надо полагать, все изданіе будетъ стоить не менѣе 25 руб. А много-ли у насъ найдется людей, которые захотятъ истратить такую сумму на книгу, хотя-бы очень полезную и необходимую. Между людьми, обладающими капиталами, мало охотниковъ читать и собирать книги; иной каждый вечеръ прокучиваетъ десятки рублей, а на книги и 3 рубля находитъ тяжелой затратой. Считающіе-же чтеніе необходимою потребностію и любящіе собирать книги, въ большинствѣ случаевъ, не обладаютъ средствами для покупки книгъ. И хромаетъ у насъ книжное дѣло, и невозможно найдти издателей на произведенія серьезныя, появленіе которыхъ въ печати крайне необходимо и желательно! Хорошо, что г. Рагозинъ самъ обладаетъ значительными денежными средствами и могъ на свой страхъ предпринять дорогое изданіе. Не будь этого, его «Волга», навѣрное, не нашла-бы издателя и собранный богатый матеріалъ остался-бы въ ящикѣ письменнаго стола автора. Пишущему эту замѣтку извѣстенъ добросовѣстный татантливый трудъ, на который употреблено нѣсколько лѣтъ, остающійся до сихъ поръ въ портфелѣ автора, потому что на него не находится издателя. А не находится по той причинѣ, что для изданія требуется затрата въ 4,000 руб. и никто не хочетъ рискнуть такой суммой, видя въ какомъ жалкомъ положеніи находится у насъ книжная промышленность.

Н. А. Лейкинъ — Мѣдные лбы.

Г. Лейкинъ едва-ли не самый плодовитый изъ русскихъ белетристовъ. Въ самое короткое время имъ издано 7 сборниковъ его бытовыхъ разсказовъ. Книги г. Лейкина расходятся очень хорошо: нѣкоторые изъ сборниковъ вышли уже 2-мъ изданіемъ; слѣдовательно ихъ охотно читаютъ. Сборникъ «Мѣдные лбы» обладаетъ тѣми же достоинствами и недостатками, какіе указаны нами въ № 52 Ж. Об. 1879 года, при разборѣ другой книги г. Лейкина. Юморъ почтеннаго автора не глубокій; но читая его бытовые очерки вы невольно расхохочетесь и признаете, что изображенные въ нихъ лица списаны съ натуры, съ фотографической точностью. Въ особенности хорошо г. Лейкинъ описываетъ купца, составляющаго въ настоящее время дѣйствительную злобу дня, благодаря непомѣрной дороговизнѣ и, несмотря на нее,—вѣрнѣе, вслѣдствіе ея,—кутежамъ и безобразіямъ, которыми отличаются многіе изъ нашихъ доморощенныхъ комерсантовъ. Вотъ эти-то кутежи и безобразія купцовъ составили тему для многихъ бытовыхъ очерковъ г. Лейкина.

Внутреннее обозрѣніе.

На-дняхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» явилось правительственное сообщеніе, что слухи объ обложеніи пошлиною вывозимаго хлѣба и о воспрещеніи отпуска его за-границу лишены всякаго основанія.

Правительственное сообщеніе получаетъ особенную важность потому, что выясняетъ взгляды нашего финансоваго управленія на этотъ вопросъ. Нѣкоторые изъ нашихъ органовъ печати думаютъ что производство хлѣбовъ и хлѣбная торговля могутъ выигрывать при охранительной системѣ. Защитники охранительной пошлины находятъ вредной лишь пошлину высокую. И любопытно, что подобные взгляды высказываются газетами, считающими себя наиболѣе компетентными въ экономическихъ вопросахъ. Нужно замѣтить, что хлѣбъ такой громоздкій и вмѣстѣ съ тѣмъ такой дешевый продуктъ, который уже по этой одной причинѣ не выноситъ обложенія. Во-вторыхъ, обложеніе хлѣба вывозной пошлиной, какъ постоянная мѣра, можетъ совершенно убить нашу хлѣбную торговлю и закрыть для насъ европейскіе рынки. Конечно, можно возразить, что хлѣбъ, оставшійся внутри страны, найдетъ себѣ мѣстнаго потребителя, пойдетъ на продовольствіе фабричнаго рабочаго и слѣдовательно поможетъ развитію фабричной производительности. Но прежде, чѣмъ совершится подобное развитіе, утечетъ много воды и могутъ явиться вовсе не желательныя послѣдствія. Еслибъ для развитія промышленности было достаточно только обращенія хлѣба на внутренніе рынки и промышленность могла-бы созидаться безъ капиталовъ и знаній, то, владѣя такимъ простымъ и нехитрымъ секретомъ, мы могли-бы превратиться въ короткое время въ сильное промышленное государство. Къ сожалѣнію, подобныя вещи не дѣлаются по щучьему велѣнью и промышленное развитіе страны зависитъ отъ множества условій, имѣющихъ вліяніе на общее экономическое состояніе народа. Неоспоримо, что встрѣчаются случаи, когда, пользуясь нуждой крестьянъ въ деньгахъ, кулаки и хлѣботорговцы скупаютъ хлѣбъ по дешевой цѣнѣ послѣ жатвы, а къ веснѣ крестьянинъ остается безъ хлѣба. Но этого зла пошлина на вывозной хлѣбъ не уничтожитъ, если хлѣба производится такое количество, что онъ найдетъ себѣ сбытъ на внутреннихъ рынкахъ и скупщики по прежнему будутъ пользоваться народной нуждой; если-же хлѣбъ не требуется, то во всякомъ случаѣ его покупать не станутъ.

То, чего думаютъ достигнуть защитники пошлины на хлѣбъ въ цѣляхъ развитія промышленности, достигнется и само собой уравновѣшеніемъ международной производительности на международномъ рынкѣ. Каждая страна въ международной хлѣбной производительности изображаетъ собою извѣстную норму или среднюю величину, такъ что всегда существуетъ извѣстный средній балансъ, выше или ниже котораго производство составляетъ уже уклоненіе. Устранить совершенно это уклоненіе невозможно по самому существу сельскохозяйственной промышленности, зависящей отъ случайностей урожая. Уклоненія отъ нормы бываютъ ежегодно, потому что ни въ одной странѣ урожай никогда не можетъ быть одинаковъ. Такъ и нынче изъ свѣденій, помѣщенныхъ въ «Земледѣльческой газетѣ» видно, что въ 1880 году урожай выше средняго получился въ Соединенныхъ штатахъ, въ Италіи, въ Бельгіи, въ южной Германіи, въ Румыніи. Средній урожай оказался въ Голандіи, въ Швейцаріи, въ Даніи, въ Швеціи, Норвегіи и Сербіи. Въ Австро-Венгріи урожай былъ на два процента ниже нормы, а во Франціи и въ Великобританіи онъ ниже нормы на 10%. Разсчитываютъ, что избытокъ урожая нѣкоторыхъ мѣстностей Австріи и Италіи покроетъ недостатокъ хлѣба въ Германіи и въ другихъ мелкихъ европейскихъ государствахъ, а дефицитъ Франціи и Великобританіи покроется урожаемъ Америки. Но такъ какъ Америка имѣетъ избытокъ, превышающій въ 3 раза болѣе дефицитъ Франціи и Великобританіи, то американскій урожай и урожай другихъ хлѣбородныхъ странъ Европы не только совершенно устранитъ нужду въ хлѣбѣ европейскаго населенія, но еще и значительно понизитъ цѣны на хлѣбъ. Однимъ словомъ, хлѣбъ въ Европѣ будетъ дешевый. Къ чему-же повело-бы запрещеніе вывоза хлѣба изъ Россіи, когда европейскій рынокъ съ его низкими цѣнами и безъ того повліяетъ гнетущимъ образомъ на русскую хлѣбную торговлю. Гнетущее вліяніе обнаружилось уже и теперь. Какъ говорятъ «Петербургскія Вѣдомости», торговыя фирмы, запродавшія рожь изъ Россіи на берлинскомъ рынкѣ, стали съ прошлой недѣли выкупать свои контрактныя обязательства на будущій товаръ, какъ проданный на ближайшіе, такъ и на отдаленные сроки. Эти выкупы дѣлаются потому, что купцы, запродавшіе рожь, считаютъ невозможнымъ доставить ее по условленной цѣнѣ и во избѣжаніе большого убытка считаютъ болѣе удобнымъ заплатить теперь небольшую разницу.

Рядомъ съ этимъ возстановленіемъ равновѣсія въ вывозѣ русскаго хлѣба неизбѣжно должно обнаружиться да и обнаружился уже ввозъ хлѣба къ намъ. Уже теперь привезено въ С.-Петербургъ изъ Штетина больше 700 кулей муки и по такой цѣнѣ, которая понизила цѣны петербургскаго хлѣба. До доставки муки изъ Штетина четверть продавалась за 15 рублей и выше, а послѣ привоза нѣмецкаго хлѣба она тотчасъ-же упала до 14 рублей. Если-же къ намъ пойдутъ избытки американскаго хлѣба, то они или пріостановятъ доставку въ Петербургъ хлѣба изъ внутреннихъ губерній, или-же русскій хлѣбъ будетъ продаваться въ Петербургѣ по американскимъ цѣнамъ; а если эти цѣны окажутся для него невыгодными, то хлѣбъ останется въ складахъ, пока не подойдетъ для него цѣна болѣе подходящая. Однимъ словомъ, американскій и европейскій урожай не допуститъ обнаружиться въ Петербургѣ цѣнамъ несообразнымъ и столичному населенію тревожиться нечего. Гораздо труднѣе будетъ удовлетворить нужды внутренней Россіи и населеніе мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.

«Земледѣльческая газета» говоритъ, что урожаи хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ имѣютъ характеръ народнаго бѣдствія и о размѣрахъ народной нужды пока трудно еще составить себѣ понятіе. Стараго хлѣба нѣтъ ни зерна, новаго мало, дожди не только задерживали уборку, но и избили хлѣбъ въ копнахъ и даже въ скирдахъ, гдѣ его не успѣли достаточно прикрыть. Вслѣдствіе этого цѣны на хлѣбъ поднялись и ростутъ все больше и больше, а населеніе не только нуждается въ продовольствіи, но даже и не имѣетъ мѣстами сѣмянъ для посѣва. Правительство ассигновало на пособіе нуждающемуся населенію 3.571,000 рублей въ ссуду изъ продовольственнаго капитала. Уже по размѣру этой суммы можно судить о размѣрѣ нужды. Конечно, нельзя сказать, чтобы нужда эта грозила страшнымъ, невыносимымъ и безъисходнымъ бѣдствіемъ. Но вопросъ и не въ этомъ.

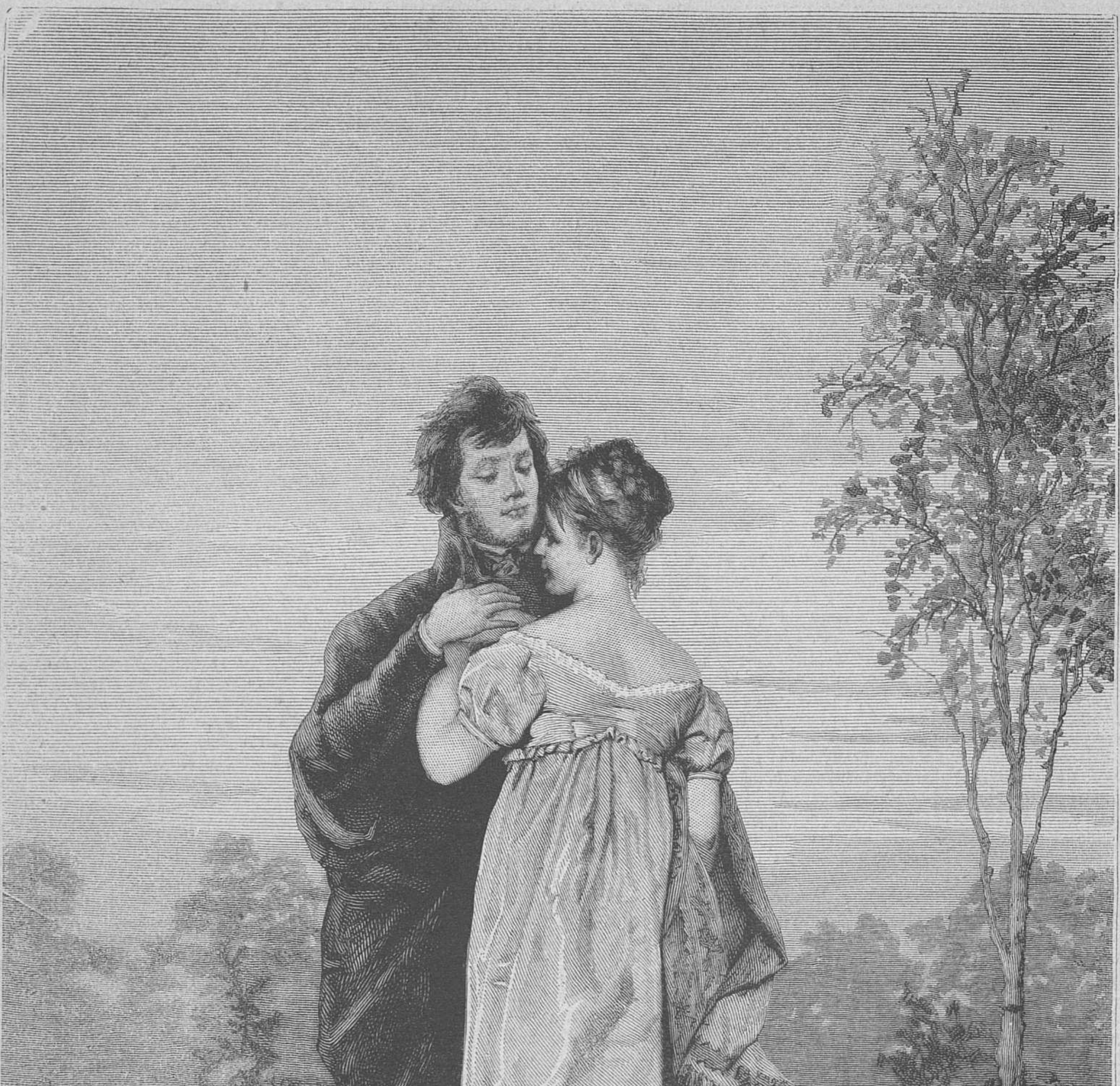
Какъ было замѣчено выше урожаи никогда и нигдѣ не составляютъ постоянной нормы, а всегда колеблются или въ сторону недостатка, или въ сторону избытка. Этого недостатка или избытка не въ состояніи предусмотрѣть и устранить никакая человѣческая мудрость, да и задача человѣческой мудрости заключается не въ этого рода предусмотрительности. На земномъ шарѣ всегда найдется страна, въ которой можетъ оказаться урожай ниже необходимаго, но за то найдется и страна, въ которой онъ будетъ выше необходимаго. Слѣдовательно, то, чего не будетъ доставать въ одной странѣ, достанется изъ другой страны. Борьба трудна не противъ природы, съ которой и не приходится вообще особенно бороться, а гораздо труднѣе борьба съ такими внутренними условіями, которые мѣшаютъ правильному распредѣленію даровъ природы. У насъ, напримѣръ, гораздо легче обезпечить потребность въ хлѣбѣ скученнаго, почти миліоннаго петербургскаго населенія, чѣмъ какой-нибудь глухой волости костромской, вятской или даже тульской губерніи. Самъ Петербургъ не производитъ ровно ничего, а между тѣмъ онъ не только сытъ и одѣтъ, но ѣстъ такъ вкусно и гастрономически, какъ никогда даже и не смѣетъ мечтать объ этомъ самая богатая деревня любой внутренней губерніи. Вся причина только въ удобно-устроенныхъ сообщеніяхъ, по которымъ хлѣбъ въ Петербургъ гораздо легче привезти изъ Нью-Іорка, чѣмъ у насъ изъ тульской губерніи въ орловскую, или въ калужскую. Если-бы сношеніе нашихъ внутреннихъ губерній было-бы также легко и удобно, какъ сношеніе Петербурга съ Нью-Іоркомъ, то и равновѣсіе во внутреннихъ потребностяхъ устанавливалось-бы такъ-же просто, какъ устанавливается равновѣсіе международныхъ нуждъ. У насъ, какъ извѣстно, только одна половина Россіи производитъ хлѣбъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ ей нужно, а другая производитъ его въ меньшемъ. Слѣдовательно, постоянно есть губерніи, которыя нуждаются въ хлѣбѣ и потому получаютъ его изъ другихъ губерній. Внутренній обмѣнъ между этими двумя полосами, производящей и непроизводящей излишка, установился уже давно и вошелъ въ извѣстную норму. Бѣда наступаетъ тогда, когда нарушается норма и является нужда въ полосѣ, производившей избытокъ. Такой случай какъ разъ повторился нынче. Мы этимъ замѣчаніемъ не думаемъ нисколько уменьшать значенія нужды нынѣшняго года, мы хотимъ только сказать, что не въ естественныхъ причинахъ заключается наша бѣда, а въ причинахъ такихъ, устраненіе которыхъ зависитъ отъ нашей воли.

Конечно, хорошо устроенные пути сообщенія, которые-бы обезпечивали каждой мѣстности дешевую удобную доставку хлѣба, были-бы одной изъ желательнѣйшихъ мѣръ для обезпеченія правильныхъ внутреннихъ сношеній Россіи, но устройство такихъ сообщеній не только въ настоящее время, да пожалуй и во времена болѣе денежныя, чѣмъ нынѣшнія, оказалось-бы невозможнымъ. Слѣдовательно, ставить обезпеченіе народной нужды въ зависимость отъ повсемѣстнаго проложенія желѣзныхъ дорогъ и устройства каналовъ было-бы слишкомъ мечтательно.

Еще средство, предлагаемое для устраненія нужды, и средство, конечно, радикальное, еслибы оно оказалось возможнымъ—усовершенствованіе крестьянскаго сельскаго хозяйства. Наши агрономы весьма справедливо разсуждаютъ, что, если за-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЛОЗИКА.

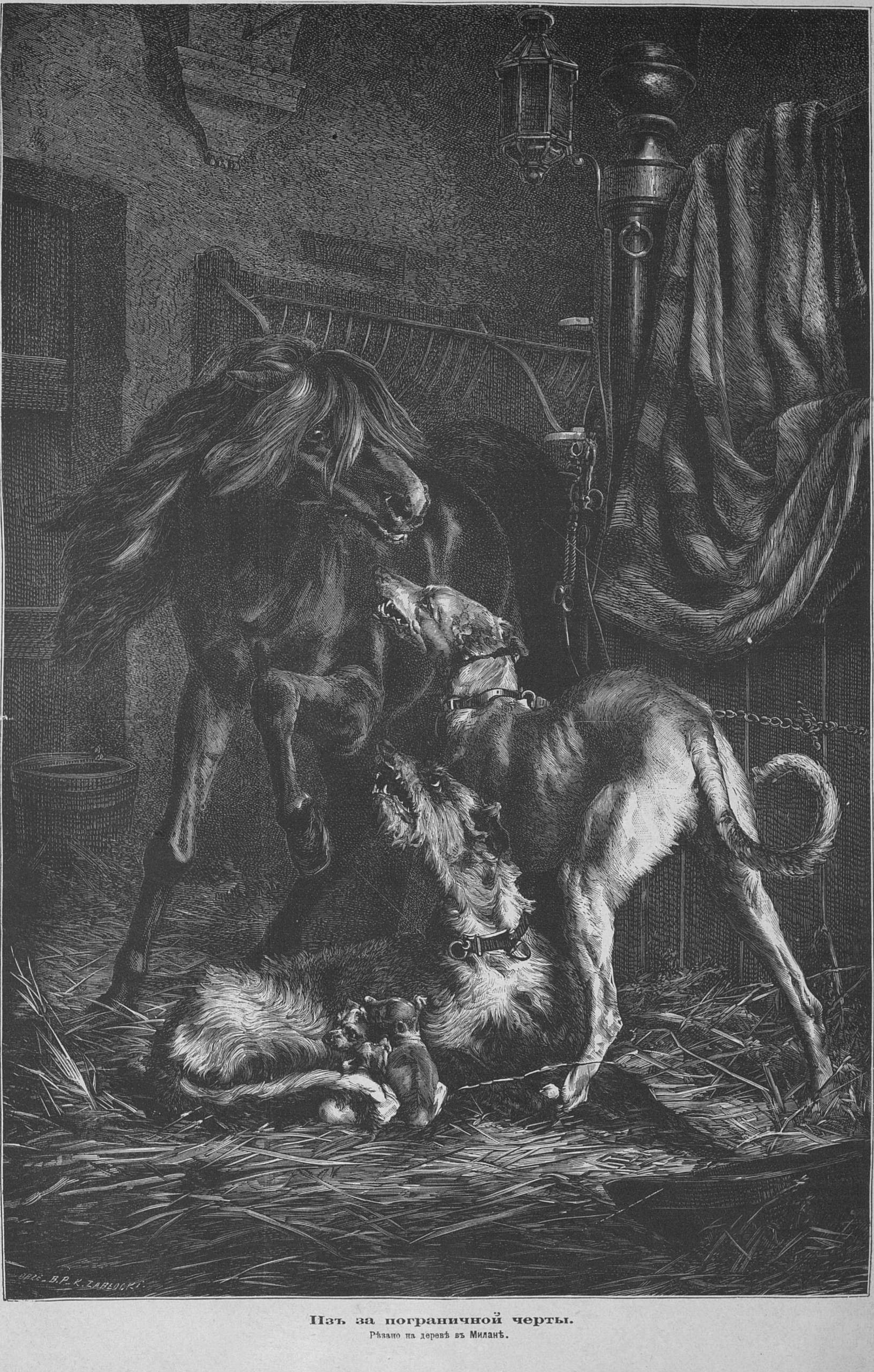

F. Losik
J. HOLEWINSKI Sc.

Послѣднее прости.

Рѣзалъ на деревѣ Голевинскій.

ВЫСТАВКА ВЪ ПАРИЖѢ 1880 Г.

КАРТИНА П. МОРГАРИ.


B.P. K. ZABLOCKI

Изъ за пограничной черты.

Рѣзано на деревѣ въ Миланѣ.

ставить крестьянскую землю производить хлѣба вдвое, то никакой нужды никогда не будетъ. А для того, чтобы земля производила вдвое, трехпольная система хозяйства должна быть замѣнена плодоперемѣнной. Средство это, конечно, дѣйствительное; весь вопросъ только въ томъ, чѣмъ и какъ заставить крестьянъ перемѣнить трехпольную систему на многопольную. Наши агрономы предлагали для этого очень много средствъ, начиная съ сельскохозяйственныхъ выставокъ и кончая образцовыми фермами и сельскохозяйственными школами; но ни одно изъ нихъ не оказалось до сихъ поръ дѣйствительнымъ. Московское губернское земское собраніе предположило въ прошлую зиму произвести опытъ сельскохозяйственныхъ улучшеній на крестьянскихъ земляхъ, съ тѣмъ, чтобы подобное опытное хозяйство послужило для крестьянъ руководящимъ примѣромъ. Предполагалось вызвать крестьянъ добровольно подвергнуть свою землю подобнымъ экспериментамъ и вознаградить ихъ за опытъ въ случаѣ неудачи. Для экспериментовъ думали на первый разъ взять не болѣе 300 десятинъ или что-то въ родѣ этого. Не знаемъ, были-ли произведены опыты и привели-ли они къ чему нибудь, но въ одномъ нельзя сомнѣваться, что, какъ-бы опытъ ни удался, онъ пропадетъ безслѣдно. Вопросъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы крестьяне не вѣрили въ возможность улучшеннаго сельскаго хозяйства, раціональные образцы котораго крестьяне имѣли возможность видѣть въ хорошо устроенныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ; вопросъ въ томъ, чтобы крестьяне ввели у себя болѣе усовершенствованные пріемы сельскаго хозяйства и чтобы введеніе ихъ было-бы повсемѣстно. Только въ этомъ и вся задача. Крестьянинъ очень хорошо видитъ и знаетъ, что ременная сбруя лучше веревочной, кормленая и сильная лошадь лучше лошади ростомъ съ теленка, хорошо обработанная пашня лучше пашни, обработанной дурно, и всѣ эти улучшенія онъ охотно бы ввелъ у себя, еслибы онъ могъ только подняться на ноги. Не отрицая желательности подобной мѣры, на нее можно смотрѣть какъ на нѣчто осуществимое лишь въ очень отдаленномъ будущемъ. Въ настоящее-же время мѣра эта не обѣщаетъ ничего и предлагать ее, какъ средство противъ голодухъ и неурожаевъ, едва-ли практично. Вѣдь мы страдаемъ не столько отъ недостаточныхъ неурожаевъ, сколько отъ неравномѣрнаго распредѣленія урожаевъ и отъ невозможности установить въ нихъ равновѣсіе. Ужь кажется нынѣшній годъ нельзя причислить къ числу плодородныхъ, но у насъ тѣмъ не менѣе все-таки нашлось хлѣба, чтобы везти его заграницу. Очевидно, что наша бѣда не въ этомъ. Противъ неурожаевъ у сельскаго хозяйства не существуетъ никакихъ средствъ. Въ Великобританіи и во Франціи сельское хозяйство стоитъ на высокомъ уровнѣ развитія, а между тѣмъ въ нынѣшнемъ году у французовъ и англичанъ оказывается хлѣба менѣе на 10%. При правильныхъ внутреннихъ экономическихъ порядкахъ этихъ странъ неурожай даже вдвое большій не вызвалъ-бы у нихъ ни паники, ни боязни за будущее. У насъ же вопросъ объ неурожаѣ есть не столько вопросъ о бѣдствіи текущемъ, сколько боязнь за постоянное ухудшеніе нашихъ сельскохозяйственныхъ отношеній, грозящихъ сельскохозяйственнымъ кризисомъ. Это не столько вопросъ агрономическихъ методовъ или сельскохозяйственной системы, сколько вопросъ о земледѣльческихъ принципахъ, отъ которыхъ и зависитъ весь нашъ дурно сложившійся земледѣльческій бытъ.

Агрономы, предлагающіе плодоперемѣнную систему вмѣсто трехпольной, очень наивно сводятъ все къ волѣ божіей и думаютъ, что, давай земля вдвое, мы будемъ самымъ счастливымъ народомъ въ мірѣ. Конечно, получить хлѣба вдвое очень недурно, да вѣдь кому-же не извѣстенъ фактъ, возможный только въ Россіи,—фактъ, повидимому невѣроятный и болѣе похожій на парадоксъ, что у насъ урожай еще большее бѣдствіе, чѣмъ неурожай. При неурожаѣ у крестьянина нѣтъ денегъ, потому что ему нечего продать, а при урожаѣ онъ еще бѣднѣе, потому что у него некому купить. При такомъ ненормальномъ положеніи вещей намъ пойдутъ въ убытокъ даже агрономическія улучшенія. Произведемъ мы много очень дешеваго хлѣба и останется намъ только любоваться имъ, потому что его будетъ некуда дѣть. Неужели это такое желательное благополучіе?

Вопросъ заключается вовсе не въ этомъ. Главный вопросъ во времена голодухъ и неурожаевъ заключается въ томъ, чтобы существовали хорошо организованные средства для помощи населенію, нѣчто въ родѣ банковъ натурой, предлагающихъ крестьянину даровой кредитъ. Этими банками были нѣкогда запасные хлѣбные магазины. Дурная организація подорвала ихъ кредитъ и въ настоящее время хлѣбныхъ магазиновъ почти не существуетъ. Выдача денегъ едвали однако въ состояніи замѣнить выдачу хлѣба натурой. Деньги не замѣнятъ крестьянину ни сѣмянъ для посѣва, ни хлѣба въ натурѣ, если нѣтъ вблизи складовъ откуда бы онъ могъ пріобрѣсти и то и другое. А именно подобныхъ-то складовъ у насъ и не существуетъ. Если они и имѣются кое-гдѣ, то это не больше какъ склады купцовъ, торгующихъ хлѣбнымъ товаромъ. Купецъ очень хорошій банкиръ для себя, но онъ вовсе не банкиръ для крестьянина, которому нуженъ или дешевый, или даровой кредитъ. Значитъ ясно, что купецъ воспользуется нуждой, чтобы прижать крестьянина. Слѣдовательно, его натуральный кредитъ для выручки крестьянина изъ бѣды къ дѣлу не идетъ, а между тѣмъ другихъ хлѣбныхъ магазиновъ не существуетъ и остается одна денежная помощь. Конечно, эта денежная помощь оказывается не въ непосредственномъ видѣ, но тогда возникаетъ цѣлый рядъ затрудненій едва одолимыхъ. Въ примѣръ этихъ затрудненій мы могли-бы привести снабженіе хлѣбомъ въ послѣдніе голода крестьянъ архангельской и новгородской губерній, когда приходилось покупать хлѣбъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, спѣшить его перевозкой при нашей бездорожицѣ и преодолѣвать массу чисто физическихъ затрудненій и препятствій, до крайности затруднявшихъ все это дѣло.

Но предположимъ, что у насъ есть прекрасные пути сообщенія, что доставка хлѣба не представляетъ никакихъ затрудненій, что наше народное сельское хозяйство достигло совершенства и урожаи удвоились, что для обезпеченія народной нужды у насъ устроены вездѣ хлѣбные запасные магазины, однимъ словомъ, явилось необыкновенное процвѣтаніе и полное обезпеченіе народнаго продовольствія. Но вотъ случился непредвидѣнный неурожай и нужно оказать народу чрезвычайную помощь. Располагаемъ-ли мы для этого такими порядками внѣ сельскохозяйственныхъ отношеній, чтобы помощь достигала своей цѣли и чтобы народъ дѣйствительно былъ удовлетворенъ и обезпеченъ какъ слѣдуетъ.

У насъ правительство и земство, т. е. власть, стоящая во главѣ, всегда обнаруживала достаточно энергическій починъ въ минуты народныхъ бѣдствій и еще разъ проявило его и нынче. По представленію земствъ мѣстностей, нуждавшихся въ хлѣбѣ, правительствомъ были асигнованы ссуды, которые, напримѣръ, для одной саратовской губерніи чуть-ли не дошли до миліона рублей. Земства, которымъ были отпущены ссуды, съ такой-же энергіей поспѣшили распоряженіями о выдачѣ пособій и выдача началась на мѣстахъ. Но вотъ два факта, которые наглядно показываютъ, насколько мужицкая нужда, о которой, повидимому, такъ всѣ пекутся, удовлетворяется въ дѣйствительности.

«Послѣ долгихъ и напряженныхъ ожиданій, пишутъ въ «Недѣлю» изъ Камышина, саратовской губерніи, которая нынче потерпѣла больше всѣхъ остальныхъ:—8-го сентября явился въ даниловское волостное правленіе посланецъ съ извѣстіемъ, что рожь для обсѣмененія полей земствомъ куплена и на дняхъ будетъ выдаваться крестьянамъ въ дер. Банной. На слѣдующій день къ вечеру рожь была уже въ даниловскомъ хлѣбномъ магазинѣ, а 10-го началась выдача сѣмянъ, по предварительно составленнымъ волостнымъ старшиною Ковалевымъ съ другими спискомъ. Каково-же было разочарованіе неимущихъ крестьянъ, когда они увидѣли, что выдача сѣмянъ приняла характеръ львинаго дѣлежа въ полномъ смыслѣ этого слова. Волостной старшина отдѣлилъ себѣ до 50 пудовъ зерна, между тѣмъ, какъ онъ вполнѣ состоятельный человѣкъ. Далѣе слѣдовала выдача сѣмянъ тѣмъ, отъ которыхъ зависитъ сидѣнье старшины на волостной трибунѣ, тогда какъ нѣкоторые изъ «тѣхъ» имѣютъ очень хорошія средства, ведутъ хлѣбную торговлю, имѣютъ лавки съ краснымъ и другимъ товарами, водяныя мельницы, большіе и очень доходные фруктовые сады, лѣсные и земельные участки. Что касается дѣйствительно неимущихъ крестьянъ, то тѣ изъ нихъ, кто посмѣлѣе, получили ржи пуда по 4, по 2, по одному, а остальнымъ и въ томъ было отказано. Благодаря самоуправству сильныхъ даниловскаго міра, этихъ бѣдняковъ ожидаетъ конечное раззореніе и голодъ».

Другой фактъ той-же категоріи, еще нагляднѣе рисуетъ зависимость деревни отъ внутреннихъ распорядковъ. «Прежде выдачи пособія, пишетъ самарскій кореспондентъ «Нов. Вр.», списки крестьянъ посылаются въ земскую управу, у которой испрашивается указаніе, кому изъ крестьянъ выдавать хлѣбъ и кому нѣтъ. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что общество само, получивши разрѣшеніе на выдачу, назначаетъ на сходѣ, кому слѣдуетъ выдать. Когда покончится вся эта процедура, общество избираетъ нѣсколько человѣкъ попечителей, которые вмѣстѣ съ вахтеромъ, завѣдывающимъ общественными магазинами, и приступаютъ къ выдачѣ хлѣба крестьянамъ. Такъ велось дѣло и въ с. Ивантѣевкѣ, самарской губ. Но вотъ, однажды, стали замѣчать, что вахтеръ начинаетъ что-то частенько погуливать. Пронеслись темные слухи, что его угощаютъ нѣкоторые изъ крестьянъ за то, что онъ ихъ «уважилъ» при раздачѣ хлѣба. Уваженіе это состояло въ томъ, что вахтеръ вмѣсто ржи, пшеницы и ячменя отпускалъ одной пшеницы или ржи, обмѣнивалъ ячмень на рожь, отпускалъ лишки и т. п. Кутежи вахтера и нѣкоторыхъ попечителей не остались незамѣченными, и темные вначалѣ слухи стали болѣе опредѣленными. Дошло до того, что одинъ крестьянинъ предложилъ вахтеру 5 руб. съ тѣмъ, чтобы тотъ отпустилъ ему 5 мѣшковъ пшеницы. Вахтеръ почему-то на этотъ разъ не согласился. Тогда крестьянинъ, получившій отказъ, сталъ слѣдить за вахтеромъ и, воспользовавшись случаемъ, обнаружилъ всенародно все. Оказалось, что хлѣбъ выдавался, какъ вздумается попечителямъ и вахтеру. Одинъ родственникъ вахтера, имѣя одну душу, получилъ до 30 мѣръ; церковный сторожъ, вмѣсто опредѣленнаго количества ржи и пшеницы, получилъ то-же количество одной пшеницы, самъ староста тоже взялъ одной пшеницы; нѣкоторымъ выдавали хлѣбъ по 2 раза; выдавали такимъ, которымъ было положено не выдавать, и не выдавали, напротивъ, такимъ, которымъ положено было выдавать. Наконецъ, получали такіе, которые вовсе не принадлежали къ этому селу, а проживали въ немъ только для промысла. Кромѣ того, оказалось, что мѣра, которою выдавался хлѣбъ крестьянамъ была на одинъ гарнецъ меньше той мѣры, по которой принимаютъ отъ крестьянъ хлѣбъ при засыпкѣ амбаровъ. Спрошенный по этому поводу сельскій староста отвѣчалъ, что такъ велѣно дѣлать отъ волостного старшины по какимъ-то экономическимъ соображеніямъ». Тутъ ужь цѣлая круговая порука, гдѣ всѣ деревенскія власти доятъ мужика, какъ корову.

И выходитъ, что милостивъ царь, да не милостивъ псарь. Къ чему-же поведутъ и раціональное сельское хозяйство и пути сообщенія и всевозможныя другія улучшенія, если всѣ они должны разбиться о такую стѣну, какъ тѣ порядки и отношенія, которые существуютъ въ самомъ административномъ строѣ крестьянской общины и въ крестьянскомъ самоуправленіи. Очевидно, что въ самомъ строѣ крестьянскаго самоуправленія есть нѣчто такое, что мѣшаетъ благосостоянію крестьянъ и ставитъ ихъ въ зависимость отъ личнаго произвола любого вахтера, любого старшины и любого волостного писаря, а всю остальную массу деревенскаго населенія дѣлаетъ безгласной, точно у нея нѣтъ никакихъ правъ и даже права отстаивать свои собственные интересы. Выводъ изъ всего этого одинъ: пока въ организаціи крестьянской общины не явится истиннаго свѣта, никакія желѣзныя дороги и никакія агрономическія улучшенія не помогутъ народу въ его нуждахъ и дѣлахъ.

Къ рисункамъ.

Дѣвочка-нищая. Среди массы большихъ, имѣющихъ серьезное значеніе статуй, привлекавшихъ вниманіе зрителей на выставкѣ въ Туринѣ въ нынѣшнемъ году, было не мало и тѣхъ прелестныхъ скульптурныхъ вещицъ, которыя могутъ служить украшеніемъ этажерокъ, кабинетныхъ столиковъ и т. п. Однимъ изъ самыхъ граціозныхъ произведеній этого сорта нужно признать «Дѣвочку-нищую» Вилланиса, сдѣланную со вкусомъ и съ большимъ знаніемъ дѣла.

Качели, картина Крауса. Краусъ одинъ изъ лучшихъ и талантливѣйшихъ жанровыхъ художниковъ Германіи; въ его картинахъ всегда такъ много неподдѣльнаго юмора, такъ много жизни, типы такъ правдивы и такъ мѣтко схвачены, что долго незабываются. Въ его картинѣ «Качели, сюжетъ необыкновенно простъ, или вѣрнѣе, нѣтъ никакого сюжета. У забора собралось нѣсколько дѣтей, со старухой-бабушкой и матерью. Они устроили какую-то первобытную изъ доски качель и забавляются. Одинъ конецъ доски притянутъ къ землѣ и его держатъ дѣвочки и двѣ женщины, на другомъ—помѣстился мальчишка, который, увидѣвъ себя на воздухѣ и къ тому-же на наклонной плоскости, пришелъ въ ужасъ и готовъ разрыдаться. Вся прелесть картины заключается въ выраженіи лицъ: въ особенности хорошъ мальчишка и подсмѣивающаяся старуха-бабушка.

Лѣтнія художественныя удовольствія, картина Макса Кальтенмозера. Цѣлая семья отправилась ins Grüne, въ окрестности города, въ прекрасный лѣтній день. Одна дама, усѣвшись по удобнѣе, снимаетъ раскрывающійся передъ нею видъ для собственнаго альбома. Дѣти въ различныхъ группахъ расположились на травѣ въ тѣни и играютъ. Вдали лакей въ ливреѣ мирно дремлетъ, маленькая собачка, усѣвшись на корточки, также предается лѣтнимъ удовольствіямъ. Въ картинѣ много жизни и нѣсколько мѣтко схваченныхъ типовъ.

Послѣднее прости. На картинѣ изображенъ извѣстный польскій поэтъ Адамъ Мицкевичъ, прощающійся съ своей возлюбленной. Мы не знаемъ изъ какой эпохи жизни великаго поэта заимствовалъ художникъ свой сюжетъ. Вѣроятно, это не болѣе, какъ алегорическое и идеальное изображеніе поэта, подобно нѣкоторымъ картинамъ Каульбаха изъ жизни Гете. Но картина г. Лозина имѣетъ несомнѣнныя достоинства. Мицкевичъ представленъ еще молодымъ человѣкомъ, но сходство съ портретомъ его сохранились во всей своей цѣлости. Фигура женщины въ красивой драпировкѣ также удалось художнику.

Шалунъ, картина Лефлера. Мальчикъ дѣйствительно шалунъ; онъ взобрался на кресло, досталъ откуда-то маску и продѣвъ сквозь ротъ маски тросточку дразнитъ ею попугая, который, растопыривъ крылья, злится и хочетъ кусать тросточку. Лицо мальчика, занимающагося этимъ серьезнымъ дѣломъ, можетъ быть, недостаточно выразительно, но вся обстановка и аксесуары очень недурны.

Смѣсь.

— **Подземная желѣзная дорога.** Работы устройства подземной желѣзной дороги подъ городомъ Нью-Іоркомъ идутъ успѣшно; уже началось движеніе рабочихъ поѣздовъ на пространствѣ перваго участка. Открытіе всего пути, согласно концесіи, должно произойдти 6 мая 1883 года.

— **Значеніе косы для китайца.** Отправляя сына для поступленія въ европейскія и американскія учебныя заведенія, родители въ Китаѣ приказываютъ ему въ особенности беречь косу, предваряя, что за потерей ея могутъ произойдти печальныя послѣдствія. Недавно съ однимъ изъ юныхъ китайцевъ, поступившимъ въ нью-іоркскій университетъ, случилось слѣдующее: на одной изъ пирушекъ, въ которой между прочимъ приняли участіе нѣсколько студентовъ и женщинъ, зашла рѣчь о нелѣпости многихъ обычаевъ, причемъ было указано и на косу юнаго китайца. Насмѣшка такъ подѣйствовала на юношу, что онъ схватилъ ножъ и обрѣзалъ себѣ косу. Послѣдствія для него вышли самыя печальныя. Юноша былъ вызванъ на родину и поплатился головою. Родителей его и всю ихъ семью отправили въ ссылку; косу-же несчастнаго торжественно сожгли.

— **Удавшаяся продѣлка.** Двое молодыхъ людей, долго скитавшихся по Европѣ, вздумали отправиться въ Америку. Путешествіе было вполнѣ благопріятно, но когда пароходъ, на которомъ ѣхали наши путешественники, остановился въ Нью-Іоркѣ, они съ грустью должны были сознаться, что кошельки ихъ совершенно пусты. Какъ быть? Ѣсть-пить надо, къ тому-же имъ было необходимо съѣздить въ Вашингтонъ. Слѣдовало придумать средство выйдти изъ затруднительнаго положенія и они придумали. Въ тотъ-же день, какъ они высадились на берегъ, въ одной изъ газетъ появилась слѣдующая публикація: «Молодой американецъ въ дѣтствѣ оставившій своихъ родителей и проживавшій въ Европѣ, занимаясь комерческими предпріятіями, возвратился съ значительнымъ капиталомъ въ Нью-Іоркъ и желаетъ найдти своихъ родителей и затѣмъ жить подъ сѣнію родительскаго крова, ни въ чемъ не нуждаясь. Родителей, желающихъ видѣть своего сына, просятъ обращаться по указанному адресу». Впродолженіи трехъ дней у юноши нашлось 622 отца, 984 матери, 749 братьевъ, 1,474 сестры и множество различныхъ родственниковъ, изъ которыхъ почти всѣ доставили ему надлежащія удостовѣренія. Но такъ какъ возвратившійся изъ Европы молодой человѣкъ не бралъ на свой счетъ издержекъ на справки, то каждый отецъ, мать, братъ, сестра и пр. должны были оставлять опредѣленную сумму на расходы его повѣренному, который настолько ловко велъ дѣло, что въ короткое время у нашихъ путешественниковъ составился капиталецъ и они могли продолжать свое путешествіе.

— **Число подписчиковъ у парижскихъ газетъ.** Lanterne получила изъ вѣрныхъ источниковъ свѣденія о числѣ подписчиковъ на газеты, издающіяся въ Парижѣ. Оказывается, что 1) изъ республиканскихъ: Petit Journal имѣетъ 583,820 подписчиковъ, Petite République—196,372, Lanterne—150,531, Intrensigeant—71,601, Paix—52,949, Petit National—46,837, France—43,752, Petit Parisien—39,412, Temps—22,764, Rappel—33,535, Marseillaise — 28,818, Nouveau Journal—27,384, Liberté—17,921, Mot d'Ordre—16,316, Siècle—15,082, XIX Siècle—14,881, National—14,543, Evénement—14,285, Reveil social—13,316, Justice—12,847, Verité—12,263, Voltaire—11,506, République française—10,431, Citoyen—10,351, Petit Républicain—9,890, Telegraph—8,464, Débats—6,935, Journal à un Sou—5,643, Prolétaire—5,606, Globe—4,625, Soir—4,556, Droit—3,111, Presse—2,046, Courier du Soir—1,919; всего—1,514,321. 2) Монархическія газеты имѣютъ: Figaro—104,924 подписчика, Petit Moniteur—100,476, Soleil—45,190, Petit Caporal—25,051, Petite Presse—22,629, Gaulois—14,854, France Nouvelle—14,554, Univers—10,367, Moniteur universel—13,872, Estafette—8,846, Peuple Français—9,464, Pays—6,715, Patrie—6,434, Monde—6,130, Paris Journal—6,051, Gazette de France—5,864, En avant—4,968, Français—4,718, Union—4,592, Defense—4,288, Ordre—3,153, Civilisation—3,735, Gazette des tribunaux—2,918, Coustitutionel—2,135; всего 431,707 подписчиковъ. Вмѣстѣ-же на республиканскія и монархическія газеты подписывается всего 1,946,028 человѣкъ. Республиканскія газеты имѣютъ на 1,082,614 человѣкъ подписчиковъ болѣе, чѣмъ монархическія.

— **Средство противъ пьянства въ Мехикѣ.** Вахлигъ, въ своихъ «Экскурсіяхъ по Мехикѣ», разсказываетъ слѣдующій эпизодъ. «Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ своеобразнаго наказанія въ одномъ отрядѣ индѣйскихъ волонтеровъ. Одинъ индѣецъ предавался неумѣренному употребленію вина и начальникъ отряда придумалъ для него такое наказаніе, которое могло-бы служить примѣромъ для другихъ. Съ этою цѣлью составлено было каре, въ середину котораго при оглушительномъ звукѣ трубъ и барабановъ введенъ былъ виновный. Около него стали 3 капрала; одинъ держалъ въ рукѣ кружку съ мыльной водой; другіе двое по палкѣ. Командиръ сказалъ при этомъ краткую, энергическую рѣчь и присудилъ пьяницу выпить до дна приготовленную для него кружку мыльной воды. Не смотря на все отвращеніе къ этому напитку, преступникъ долженъ былъ его выпить, потому что въ противномъ случаѣ ему грозили палочные удары. Мнѣ передавали, что послѣ того, какъ введено было это оригинальное леченіе, между индѣйцами стало гораздо меньше случаевъ сильнаго пьянства».

— **Охота посредствомъ электричества.** Не такъ давно въ окрестностяхъ Марселя впервые былъ употребленъ электрическій апаратъ Румкорфа для особеннаго рода охоты. Было замѣчено, что многія перелетныя птицы садятся цѣлыми стадами на деревья, на которыхъ для приманки помѣщено чучело этихъ птицъ. Выбравъ подходящее для этого дерево, ставятъ подлѣ жердь; на ней, какъ на оси, укрѣплено колесо изъ тонкой мѣдной проволоки. Чучело дрозда на верхушкѣ жерди служитъ приманкой. Стадо дроздовъ, завидя чучело, садится на проволоку, соединенную съ электрической батареей, ударъ которой мгновенно убиваетъ всѣхъ сидящихъ на проволокѣ птицъ, какъ извѣстно, чрезвычайно чувствительныхъ къ дѣйствію электричества. Эта охота подала мысль винодѣлу Дальмасу употребить тотъ-же способъ для истребленія филоксеры. Обвивая кусты винограда проволокой и пропуская сильный электрическій токъ, Дальмасъ убивалъ мгновенно не только насѣкомыхъ, но и ихъ зародышей, чѣмъ спасъ свои виноградники.

— **Обученіе арифметикѣ у древнихъ римлянъ.** Въ многочисленныхъ элементарныхъ школахъ древняго Рима, которыя были посѣщаемы множествомъ воспитанниковъ, преподаваніе арифметики имѣло мало успѣха. Для уясненія счета дѣтей впослѣдствіи стали учить считать по пальцамъ и по такъ называемой счетной машинѣ (abacus). Посредствомъ 18 фигуръ, изображаемыхъ лѣвой рукой, давали ученикамъ понятіе о 9 единицахъ и 9 десяткахъ и посредствомъ того-же числа фигуръ правой руки о 9 сотняхъ и тысячахъ. Древніе римляне устраняли изъ своего счета изображеніе нуля, такъ какъ оно весьма затрудняло у нихъ писаніе чиселъ. Для того, чтобы изобразить наши 2-хъ и 3-хъ цифровыя числа, имъ требовалось не менѣе десяти цифръ сразу, такъ, напр., чтобы написать число 99 имъ нужно было изображать его слѣдующимъ образомъ LXXXXIX, а число 985—DCCCCLXXXV. Математическая арифметическая доска древнихъ римлянъ, нѣкоторые образцы которой сохранились до настоящаго времени, представляетъ необыкновенно сложную конструкцію. Намъ едва понятно, какъ можно было изучать по ней первыя четыре правила арифметики. Пособіе для изученія геометріи у римлянъ было также довольно своеобразно; это была большая грифельная доска, посыпанная мелкимъ пескомъ, на которой грифелемъ изображались различныя геометрическія фигуры.

— **Вмѣстимость нѣкоторыхъ храмовъ.** Самый обширный храмъ въ свѣтѣ,—это церковь св. Петра въ Римѣ; она вмѣщаетъ въ себѣ 54,000 человѣкъ, миланскій соборъ—37,000, церковь св. Павла въ Римѣ 32,000. Затѣмъ слѣдуютъ церкви св. Павла въ Лондонѣ и Петронія въ Болоньи, каждая изъ коихъ можетъ вмѣстить по 25,000 человѣкъ. Софійская мечеть въ Константинополѣ вмѣщаетъ 23,000 чел., св. Іоанна въ Римѣ 22,000, соборъ парижской Богоматери 21,000, новый соборъ въ Пизѣ и соборъ св. Стефана въ Вѣнѣ каждый по 12,500 чел., церковь св. Доминика въ Болоньи—11,400 чел., церковь св. Марка въ Венеціи—7,000 человѣкъ.

— **Замокъ Патти.** Въ газетѣ «Presse» помѣщена кореспонденція одного изъ гостей извѣстной пѣвицы Патти, въ которой онъ такимъ образомъ описываетъ ея замокъ: «На зеленыхъ холмахъ древняго Валиса соловушко свилъ свое гнѣздышко. Замокъ, пріобрѣтенный Аделиною Патти, называется «замкомъ Ночи», и надо сказать, что названіе это какъ разъ подходитъ для жилища соловья, лучшія пѣсни, котораго обыкновенно раздаются по ночамъ. Замокъ стоитъ на горахъ, покрытыхъ богатой зеленью. Самое зданіе выстроено изъ сѣро-краснаго камня, и къ нему пристроены уже пѣвицей 2 флигеля. Внизу замокъ окруженъ роскошными оранжереями съ тропическими растеніями. Замку принадлежитъ право охоты на 3,000 гектарахъ земли и Эрнесто Николини, замѣчательный охотникъ, удачно пользуется этимъ правомъ и столъ дивы постоянно изобилуетъ дичью. Рыбной ловлей Николини занимается какъ истый англичанинъ и форели сильно страдаютъ отъ его сосѣдства. Аделина тоже любитъ рыбную ловлю, счастье ей благопріятствуетъ и тутъ: она никогда не уходитъ отъ рѣчки съ пустыми руками. У Патти есть 2 прелестныя карія лошадки пони, отлично выѣзженныя, на которыхъ она каждый день катается по горамъ. Ея любимецъ пони ловко умѣетъ отворять задвижку въ конюшнѣ. Часто онъ отворитъ задвижку, выбѣжитъ во дворъ и отправляется въ кухню, гдѣ умильно смотритъ на повара до тѣхъ поръ, пока тотъ не дастъ ему кусокъ сахару. Послѣ этого онъ повертывается и съ спокойствіемъ философа направляется обратно въ конюшню.

Какъ проводимъ мы время въ «Замкѣ Ночи?» Прежде всего здѣсь не говорятъ о политикѣ. Мы здѣсь не знаемъ даже, гдѣ стоитъ союзный флотъ. Слово «Дульциньо» здѣсь не произносится. Лондонскія и парижскія газеты лежатъ въ прихожей на столѣ не развернутыми. Музыкой занимаемся мы немного, хотя всѣ мы любители музыки. Всѣ гости, живущіе въ настоящую минуту подъ кровлей Патти,—ея близкіе друзья, всѣ занимаютъ себя какъ знаютъ, и дѣлаютъ что хотятъ. Гости только должны приходить къ завтраку въ $11^1/_2$, а къ обѣду въ $6^1/_2$ часовъ; поваръ въ замкѣ отличается и умѣньемъ и изобрѣтательностью. Въ 9 часовъ утра всѣ въ домѣ поднимаются, за исключеніемъ Николини, который уже съ восходомъ солнца выходитъ изъ замка, выпивъ предварительно чашку козьяго молока и положивъ въ ягдташъ нѣсколько шоколадныхъ конфектъ. Мы не успѣемъ еще взять ванну, какъ онъ является съ роскошной провизіей для обѣда. Первый завтракъ приносится каждому гостю къ нему въ комнату, потомъ всѣ отправляются гулять по парку въ одиночку или вмѣстѣ, или ходятъ по оранжереямъ до завтрака. Нѣкоторые изъ гостей предпринимаютъ прогулки въ горы, а смѣльчаки переходятъ на другую сторону рѣчки по мостику, устроенному для акробатовъ, и состоящему изъ 2 досокъ, положенныхъ на 4 невыструганныя жерди, съ проволокой вмѣсто перилъ. Когда въ замкѣ раздается звонкій колоколъ, столовая наполняется смѣющимися лицами, такъ какъ серьезныя лица по принципу не допускаются въ замкѣ у Патти. Заблудившихся и запоздавшихъ призываютъ такой громогласной трубой, которая звуками своими могла-бы пробудить мертваго. Въ сараѣ стоитъ 8-дюймовая круповская пушка, но къ ней прибѣгаютъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда колоколъ и труба оказываются недостаточными. За завтракомъ обыкновенно идетъ бесѣда, которая привела-бы въ восторгъ репортера «Figaro» или «World'a» и онъ длится до 2 часовъ. Послѣ этого къ крыльцу подаются кареты, коляски, викторіи, брики и т. д. Дамы поспѣшно надѣваютъ шляпы и накидки, и всѣ ѣдутъ подъ предводительствомъ прелестной хозяйки замка кататься. Въ 6 часовъ все общество возвращается, мѣняетъ туалетъ и собирается въ бильярдной. Обѣдъ длится обыкновенно еще дольше, чѣмъ завтракъ, такъ какъ между гостями всегда находятся прекрасные разскащики, да и сама Аделина говоритъ очень увлекательно. Она видѣла столько странъ и знаетъ столько лицъ, извѣстныхъ въ послѣдніе 20 лѣтъ. Послѣ кофе и папиросъ всѣ направляются въ музыкальную залу. Кто нибудь играетъ на фортепьяно, иногда поетъ сама хозяйка. Черезъ полчаса начинается битва на бильярдѣ и прекрасный полъ раздаетъ призы побѣдителямъ. Въ полночь всѣ отправляются на покой, и съ слѣдующаго утра начинается таже беззаботная жизнь.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Для облегченія пріобрѣтенія книги и для удешевленія пересылки ея для гг. подписчиковъ въ Москвѣ и Одессѣ, въ мѣстныя конторы (въ Москвѣ, книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; въ Одессѣ, Южное агентство газетъ и журналовъ, Дерибасовская улица, д. Вагнера, кв. № 11) отправлено достаточное количество экземпляровъ изданной Редакціею книги «**Наши дѣти**», А. Михайлова. Гг. московскіе подписчики могутъ пріобрѣтать ее изъ магазина г. Соловьева по 1 р. 50 коп., т. е. ничего не платятъ за пересылку; гг. одесскіе подписчики, покупая книгу въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, платятъ за нее 1 р. 60 коп., т. е. для нихъ пересылка книги удешевляется на 15 коп.

II. На сдѣланный намъ запросъ однимъ изъ гг. подписчиковъ, отвѣчаемъ, что обѣщанное въ объявленіи на 1880 годъ произведеніе П. Д. Боборыкина «**Первый балъ**» начнетъ печататься въ 43 № «Жив. Об.» Что-же касается романа «Рябая Красавица», то онъ непремѣнно будетъ оконченъ печатаніемъ въ нынѣшнемъ году. Олеографическая картина «Малороссіянки», выданная преміей въ этомъ году, поступитъ въ продажу въ будущемъ мѣсяцѣ и тогда будетъ объявлена ея цѣна.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 40-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 4 октября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 6 октября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Этюды изъ жизни въ средне-азіятскихъ пустыняхъ. Листки изъ дневника, стих. **П. В. Быкова.**—Зарока не давай, комед. въ 3 дѣйст. **Альфреда де-Мюссе**, пер. **С. А. Боборыкиной**.—Зимнія мысли, стих. **Дм. Черткова**.—Русскія суевѣрія, очерки **С. С. Шашкова.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Леона, зап. докт. **Бернагіуса**, пов. **Люсіена Біара**, перев. **А. А. Разсказовой.**—Библіографическій листокъ.—Внутреннее обозрѣніе.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Одинъ рисунокъ къ разсказу **Н. Н. Каразина.**—Нищая дѣвочка, скульпт. **Ф. Вилланиса.**—Качели, карт. **Ф. Крауса.**—Лѣтнія художественныя занятія, карт. **Кальтенмозера.**—Шалунъ, карт. **Лёфлера.**—Послѣднее прости, карт. **Лозика.**—Изъ за пограничной черты, карт. **Моргари**.

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

РЕДАКЦІЕЙ
„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“
ИЗДАНО
СОЧИНЕНІЕ А. МИХАЙЛОВА.
„НАШИ ДѢТИ“.

Содержаніе книги: Гл. I Вліяніе родителей на дѣтей до рожденія послѣднихъ. Гл. II Вытравленіе плода, дѣтоубійство. Гл. III Дѣти въ родной семьѣ, на воспитаніи у чужихъ, въ воспитательныхъ домахъ. Гл. IV Школа. Гл. V Дѣти-работники. Гл. VI Дѣти-бродяги, дѣти-нищіе, дѣти-фигляры. Гл. VII Дѣти-преступники. Гл. VIII Наказанія и филантропія. Гл. IX Заключеніе.

Цѣна: безъ пересылки 2 р. 20 к. съ пересылкой 2 р. 50 к. Гг. подписчикамъ на „Живописное Обозрѣніе“ книга эта уступается за 1 р. 50 к. безъ пересылки, 1 р. 75 коп. съ пересылкой.

Открыта подписка на изданіе журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ въ 1881 году.

Нашимъ читателямъ извѣстно, что настоящая редакція начала свою работу въ «Живописномъ Обозрѣніи» съ 1878 года; издательскія-же права пріобрѣтены ею только съ іюня 1879 года. Ея постояннымъ стремленіемъ было улучшеніе журнала, на что она не щадила ни трудовъ, ни издержекъ, весьма значительныхъ. Безъ сомнѣнія, улучшеніе журнала обусловливается количествомъ подписчиковъ на него и редакція «Жив. Об.» имѣетъ уже доказательство сочувствія къ ея дѣятельности: на 1879 годъ подписчиковъ было несравненно больше, чѣмъ въ 1878 году; на 1880 годъ болѣе, чѣмъ въ 1879 г. Это-то усиленіе подписки на журналъ, увеличивавшее бюджетъ изданія, и давало возможность редакціи производить улучшенія въ изданіи и вынести такіе весьма значительные расходы, какъ, напримѣръ, въ 1880 году: улучшеніе бумаги во второмъ полугодіи и разсылка двухъ лишнихъ премій, не обѣщанныхъ въ объявленіи редакціи о подпискѣ на 1880 годъ. Редакція можетъ смѣло сказать, что никогда не давала обѣщаній, которыхъ не могла выполнить; гг. подписчики получали все, на что указывалось въ журнальномъ объявленіи, и если нѣкоторыя изъ обѣщанныхъ статей не появились въ журналѣ, то это произошло отъ различныхъ обстоятельствъ, устраненіе которыхъ было не во власти редакціи; эти статьи были замѣнены другими. Результаты труда редакціи на глазахъ читателей и не ей, конечно, быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. Вы, гг. подписчицы и подписчики, рѣшите, достигла-ли редакція предположенной ею цѣли улучшенія журнала. Ваше мнѣніе выразится въ подпискѣ на журналъ: число возобновившихъ свою подписку читателей укажетъ редакціи на степень сочувствія къ ея трудамъ публики. Правда, редакція имѣетъ указанія на то, что нравилось въ журналѣ ея читателямъ или что не подходило подъ ихъ личные вкусы, но, къ сожалѣнію, этихъ указаній очень немного. Только немногіе изъ гг. подписчиковъ въ своихъ письмахъ высказали свое мнѣніе на счетъ журнала, указали на хорошіе, по ихъ мнѣнію, статьи и рисунки, а также и на неудачные. Редакція надѣется, что въ будущемъ году писемъ отъ читателей будетъ больше и смѣетъ увѣрить своихъ кореспондентовъ, что всякое дѣльное указаніе ихъ будетъ принято ею во вниманіе; всякое требованіе, если только оно въ средствахъ редакціи, будетъ исполнено.

Для напечатанія въ «Живописномъ Обозрѣніи» въ 1881 году въ распоряженіи редакціи уже имѣются слѣдующія произведенія: 1) повѣсть **П. Д. Боборыкина;** 2) романъ **П. Лѣтнева**; 3) романъ **Н. И. Северина;** 4) рядъ статей «о русскомъ расколѣ», **П. П. Васильева;** 5) рядъ статей подъ заглавіемъ «Новыя гнѣзда», **А. Михайлова (А. К. Шеллера)**; 6) «Политика за кулисами», ст. **В. В. Чуйко.** Въ 1881 году, какъ и въ нынѣшнемъ, будутъ періодически помѣщаться статьи **И. Ф. Василевскаго (Буквы)**. О другихъ статьяхъ, которыя будутъ пріобрѣтены редакціей, послѣдуетъ въ свое время особое заявленіе.

Програма журнала въ 1880 году нѣсколько измѣнилась введеніемъ двухъ новыхъ отдѣловъ: политической хроники и внутренняго обозрѣнія. По желанію, выраженному нѣсколькими гг. подписчиками, мы станемъ чаще помѣщать библіографическій листокъ, въ которомъ будетъ даваться отчетъ о выходящихъ новыхъ книгахъ.

Гг. подписчики на 1881 годъ получатъ слѣдующія преміи: **двѣ олеографическія картины**, прекрасно исполненныя за-границей (образцы ихъ уже получены редакціей). Преміи эти будутъ совершенно готовы къ 1 января, такъ что онѣ могутъ быть разосланы въ январѣ-же мѣсяцѣ всѣмъ гг. подписчикамъ, уплатившимъ деньги за годовое изданіе журнала. Подписавшіеся-же съ разсрочкой платежа получатъ преміи по окончаніи полнаго разсчета съ редакціей. Подписавшіеся на полгода и на три мѣсяца премій не получаютъ.

Кромѣ олеографическихъ картинъ, гг. подписчики получатъ илюстрированную **литературную** премію, которая будетъ разослана въ ноябрѣ 1881 г.

Особымъ безплатнымъ приложеніемъ будетъ высылаться отдѣлъ «Парижскія моды» съ илюстраціями.

Гг. подписчики на «Живописное Обозрѣніе» могутъ пріобрѣтать по возможно дешевой цѣнѣ различныя олеографическія картины, исполненныя за-границей *), и пользуются значительной уступкой съ цѣны книгъ, изданныхъ редакціей, которыхъ къ будущему году будетъ напечатано нѣсколько.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**.

	Безъ доставки и пересылки.	Съ доставкою и пересылкою.
Подписная цѣна на журналъ: на годъ.........	**6** р.	**7** р.
» полгода.......	**3** р. **50** к.	**4** р.
» три мѣсяца...	**2** р.	**2** р. **25** к.
За границу на годъ.........		**9** р.

Желающіе втеченіи года получить **шесть** модныхъ выкроекъ въ натуральную величину прибавляютъ къ годовой подписной суммѣ **60** коп. сер. Кто пожелаетъ получить художественныя преміи застрахованной посылкой приплачиваетъ **40** коп.; не внесшіе этой приплаты получатъ преміи въ трубкѣ, бандерольнымъ отправленіемъ.

За перемѣну адреса платятъ:	
съ городского на иногородній...	**85** коп.
съ иногородняго на городской...	**1** р.
иногородняго на иногородній....	**21** коп.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ**, Новая ул. д. № 6; **въ Москвѣ**, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ**, въ книжномъ магазинѣ, бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ**, въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, Дерибасовская. д. Вагнера, кв. № 11.

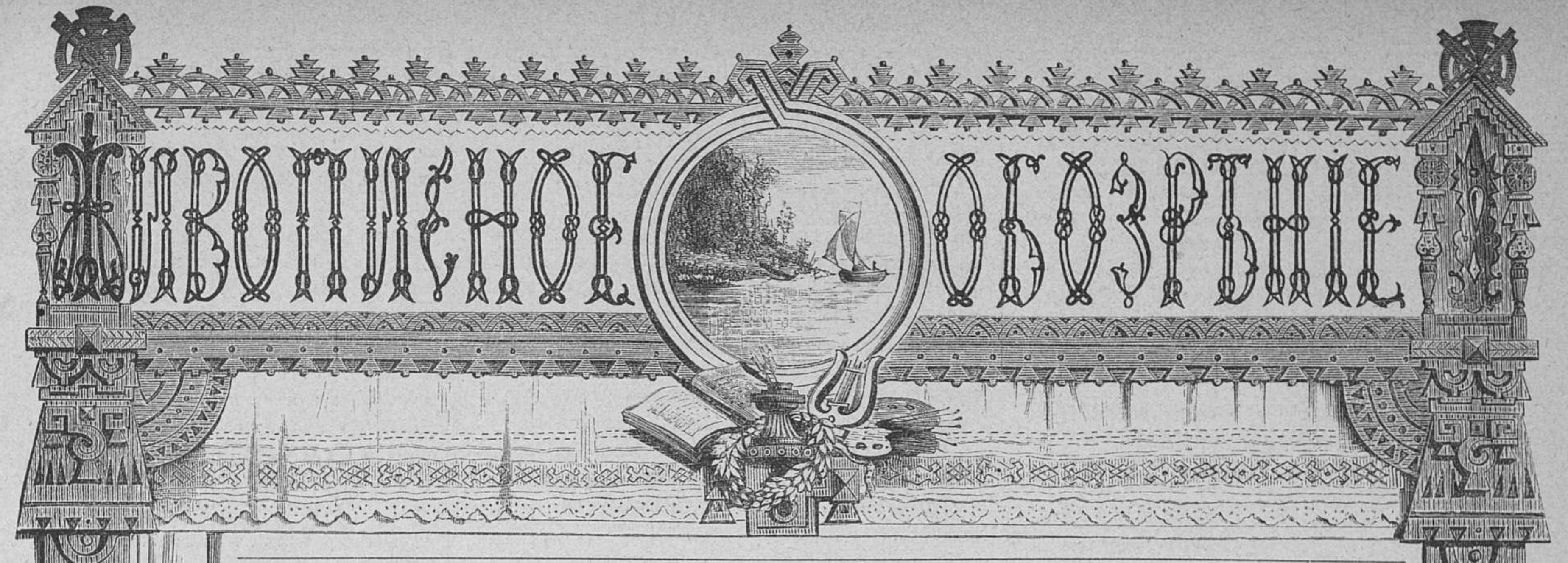
Редакторъ-издатель **Н. ШУЛЬГИНЪ.**

---

*) Въ настоящее время пріобрѣтено еще нѣсколько новыхъ картинъ, о которыхъ будетъ публиковано въ слѣдующемъ нумерѣ «Живописнаго Обозрѣнія».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 октября 1880 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)



№ 42. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. **18 Октября 1880 г.**

Открыта подписка на изданіе

ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1881 году.

Нашимъ читателямъ извѣстно, что настоящая редакція начала свою работу въ «Живописномъ Обозрѣніи» съ 1878 года; издательскія-же права пріобрѣтены ею только съ іюня 1879 года. Ея постояннымъ стремленіемъ было улучшеніе журнала, на что она не щадила ни трудовъ, ни издержекъ, весьма значительныхъ. Безъ сомнѣнія, улучшеніе журнала обусловливается количествомъ подписчиковъ на него и редакція «Жив. Об.» имѣетъ уже доказательство сочувствія къ ея дѣятельности: на 1879 годъ подписчиковъ было несравненно больше, чѣмъ въ 1878 году; на 1880 годъ болѣе, чѣмъ въ 1879 г. Это-то усиленіе подписки на журналъ, увеличивавшее бюджетъ изданія, и давало возможность редакціи производить улучшенія въ изданіи и вынести такіе весьма значительные расходы, какъ, напримѣръ, въ 1880 году: улучшеніе бумаги во второмъ полугодіи и разсылка двухъ лишнихъ премій, не обѣщанныхъ въ объявленіи редакціи о подпискѣ на 1880 годъ. Редакція можетъ смѣло сказать, что никогда не давала обѣщаній, которыхъ не могла выполнить; гг. подписчики получали все, на что указывалось въ журнальномъ объявленіи, и если нѣкоторыя изъ обѣщанныхъ статей не появились въ журналѣ, то это произошло отъ различныхъ обстоятельствъ, устраненіе которыхъ было не во власти редакціи; эти статьи были замѣнены другими. Результаты труда редакціи на глазахъ читателей и не ей, конечно, быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. Вы, гг. подписчицы и подписчики, рѣшите, достигла-ли редакція предположенной ею цѣли улучшенія журнала. Ваше мнѣніе выразится въ подпискѣ на журналъ: число возобновившихъ свою подписку читателей укажетъ редакціи на степень сочувствія къ ея трудамъ публики. Правда, редакція имѣетъ указанія на то, что нравилось въ журналѣ ея читателямъ или что не подходило подъ ихъ личные вкусы, но, къ сожалѣнію, этихъ указаній очень немного. Только немногіе изъ гг. подписчиковъ въ своихъ письмахъ высказали свое мнѣніе на счетъ журнала, указали на хорошіе, по ихъ мнѣнію, статьи и рисунки, а также и на неудачные. Редакція надѣется, что въ будущемъ году писемъ отъ читателей будетъ больше и смѣетъ увѣрить своихъ кореспондентовъ, что всякое дѣльное указаніе ихъ будетъ принято ею во вниманіе; всякое требованіе, если только оно въ средствахъ редакціи, будетъ исполнено.

Для напечатанія въ «Живописномъ Обозрѣніи» въ 1881 году въ распоряженіи редакціи уже имѣются слѣдующія произведенія: 1) повѣсть **П. Д. Боборыкина**; 2) романъ **П. Лѣтнева**; 3) романъ **Н. И. Северина**; 4) рядъ статей «о русскомъ расколѣ», **П. П. Васильева**; 5) рядъ статей подъ заглавіемъ «Новыя гнѣзда», **А. Михайлова (А. К. Шеллера)**; 6) «Политика за кулисами», ст. **В. В. Чуйко.** Въ 1881 году, какъ и въ нынѣшнемъ, будутъ періодически помѣщаться статьи **И. Ф. Василевскаго (Буквы)**. О другихъ статьяхъ, которыя будутъ пріобрѣтены редакціей, послѣдуетъ въ свое время особое заявленіе.

Програма журнала въ 1880 году нѣсколько измѣнилась введеніемъ двухъ новыхъ отдѣловъ: политической хроники и внутренняго обозрѣнія. По желанію, выраженному нѣсколькими гг. подписчиками, мы станемъ чаще помѣщать библіографическій листокъ, въ которомъ будетъ даваться отчетъ о выходящихъ новыхъ книгахъ.

Гг. подписчики на 1881 годъ получатъ слѣдующія преміи: **двѣ олеографическія картины**, прекрасно исполненныя за-границей (образцы ихъ уже получены редакціей). Преміи эти будутъ совершенно готовы къ 1 января, такъ что онѣ могутъ быть разосланы въ январѣ-же мѣсяцѣ всѣмъ гг. подписчикамъ, уплатившимъ деньги за годовое изданіе журнала. Подписавшіеся-же съ разсрочкой платежа получатъ преміи по окончаніи полнаго расчета съ редакціей. Подписавшіеся на полгода и на три мѣсяца премій не получаютъ.

Кромѣ олеографическихъ картинъ, гг. подписчики получатъ иллюстрированную **литературную** премію, которая будетъ разослана въ ноябрѣ 1881 г.

Особымъ безплатнымъ приложеніемъ будетъ высылаться отдѣлъ «Парижскія моды» съ иллюстраціями.

Гг. подписчики на «Живописное Обозрѣніе» могутъ пріобрѣтать по возможно дешевой цѣнѣ различныя олеографическія картины, исполненныя за-границей, и пользуются значительной уступкой съ цѣны книгъ, изданныхъ редакціей, которыхъ къ будущему году будетъ напечатано нѣсколько.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**.

	Безъ доставки и пересылки.	Съ доставкою и пересылкою.
Подписная цѣна на журналъ: на годъ.........	6 р.	7 р.
» полгода.......	3 р. 50 к.	4 р.
» три мѣсяца...	2 р.	2 р. 25 к.
За границу на годъ.........		9 р.

Желающіе втеченіи года получить **шесть** модныхъ выкроекъ въ натуральную величину прибавляютъ къ годовой подписной суммѣ **60** коп. сер. Кто пожелаетъ получить художественныя преміи застрахованной посылкой,—приплачиваетъ **40** коп.; не внесшіе этой приплаты получатъ преміи въ трубкѣ, бандерольнымъ отправленіемъ.

За перемѣну адреса платятъ: съ городского на иногородній... 85 коп.
съ иногородняго на городской... 1 р.
иногородняго на иногородній... 21 коп.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ**, Новая ул. д. № 6; **въ Москвѣ**, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ**, въ книжномъ магазинѣ, бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ**, въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, Дерибасовская, д. Вагнера, кв. № 11.

Редакторъ-издатель **Н. ШУЛЬГИНЪ.**

Стих. А. Золотарева.

1.

Съ арабскаго.

Ты говоришь: когда умру я
И прахомъ сдѣлаюсь въ землѣ,
То снова радости земныя
Даны судьбою будутъ мнѣ:

Что тамъ найду я садъ роскошный
И чудныхъ дѣвъ волшебный рой
И, вмѣсто вѣчнаго покоя,
Любви восторги неземной.

О нѣтъ! не вѣрю въ возрожденье!
Нѣтъ! не вернутся счастья дни
И трупъ холодный не проснется
Для ласкъ небесныхъ, для любви.

2.

* * *

Мнѣ грезилось: въ сумракѣ ночи
Явилася ты предо мной
И темныя, чудныя очи
Подернуты были слезой!

Ты плакала... грустно и больно
Вдругъ стало на сердцѣ моемъ
И самъ зарыдалъ я невольно,
Скорбя о несчастьи твоемъ.

Не плачь! позабудь о минувшемъ!
Клянусь, позабуду о всёмъ,
О чувствѣ на вѣки уснувшемъ,
О сердцѣ разбитомъ моемъ.

Ты плачешь, ты просишь забвенья,
Готовъ я простить, все забыть,
Всѣ слезы мои и мученья,
Что дало мнѣ слово «любить».

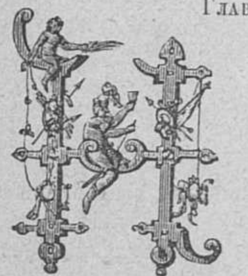
Желаю и самъ примиренья.
Прости мнѣ одно: что любилъ,—
Любилъ, не забывши мученья
И тѣмъ я себя погубилъ.

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава XX.



На другой день утромъ, послѣ обѣдни, панихиды и литіи на могилѣ генерала, священникъ, княгиня, князь, Лёло и Петръ Петровичъ отправились на домъ, гдѣ уже разгуливали по залѣ разныя должностныя лица, пріѣхавшія вводить наслѣдника во владѣніе. Отдохнувъ немного, всѣ отправились въ кабинетъ генерала. Первымъ дѣломъ взялись за два запечатанные пакета безъ надписи. Но, увы! сломивъ печати, нашли въ одномъ пакетѣ разные стишки самого генерала, въ томъ числѣ и «Напрасно Сенковскій хлопочетъ», а въ другомъ пакетѣ—завернутый въ розовую бумажку чей-то темнорусый, длинный локонъ и нѣсколько записочекъ любовнаго содержанія за подписью какой-то Лизы и Вареты. При этомъ важномъ открытіи княгиня громко захохотала. Лёло какъ-то особенно взглянула на Петра Петровича и священникъ даже, когда вытащили изъ бумажки локонъ, невольно улыбнулся и отошелъ къ окну. Болѣе въ столѣ генерала, кромѣ старыхъ счетовъ, писемъ, пятисотъ рублей разными бумажками и мелочью, да рисованныхъ перомъ картинокъ подъ гравюру имъ же самимъ, еще кадетомъ,—ничего не нашлось. При осмотрѣ пузатаго штучнаго бюро Сергѣя Александровича нашли собраніе старинныхъ табакерокъ, разныя печати, кольца, брилліантовые перстни, ломанныя золотыя и серебряныя вещи, необдѣланные каменья, свернутые въ бумажкѣ, и въ большомъ крестномъ книжникѣ безъименныхъ ломбардныхъ билетовъ суммою на двѣсти сорокъ тысячъ рублей асигнаціями. А духовной никакой не оказалось.

Долго длились разныя проформы; наконецъ, Лёло провозгласили опекуншей малолѣтняго сына и предложили ей выбрать себѣ помощника опекуна. Княгиня не успѣла даже выговорить слова, какъ Лёло сама назвала Петра Петровича Котикова. Княгинѣ осталось только подтвердить, что она, какъ крестная мать малолѣтняго Столбина находитъ, что лучшаго выбора Елена Михайловна не могла сдѣлать. Князь Норкинъ за ней повторилъ то же самое. Всѣ отправились обѣдать. Послѣ обѣда княгиня подозвала къ себѣ Котикова.

— Ну, мой милый, ты думаешь, я забыла твою просьбу... Веди насъ къ себѣ, показывай твои книги и отчеты, мы тебя съ княземъ по ниточкѣ разберемъ... Да уши-то береги...

— Не угодно-ли вамъ будетъ пожаловать въ маленькую диванную, княгиня, и вамъ, князь; я тамъ все приготовилъ, чтобы вамъ не подниматься ко мнѣ на верхъ.

— Напрасно, напрасно... я бы и на верхъ поднялась, всякую птичку любопытно въ гнѣздѣ видѣть... Ну, да ужъ такъ и быть, пойдемъ въ диванную.

Княгиня съ княземъ усѣлись рядомъ на турецкомъ диванѣ и внимательно начали слушать Котикова и разсматривать его отчеты. Княгиня надѣла очки и нѣкоторыя статьи по хозяйству читала сама въ слухъ князю. Князь часто перебивалъ ее словами: «C'est étonnant! Какое знаніе дѣла, какой вѣрный взглядъ»!—Лёло сидѣла поодаль у окна. Только въ девять часовъ вечера, когда внесли чай, княгиня встала и, пряча свои очки въ карманъ, сказала князю:

— Non, vraiment, vous êtes content?

— C'est étonnant! Очень, очень все хорошо! Поздравляю васъ, молодой человѣкъ; продолжалъ князь, обращаясь къ Котикову:—изъ васъ выйдетъ замѣчательный сельскій хозяинъ.

Петръ Петровичъ поклонился, собралъ всѣ свои бумаги и понесъ ихъ на верхъ.

— Mais, c'est un homme d'or, princesse! Où est ce que le général l'a pêché?

— Я, я ему прислала! Чего тутъ удивляться, я дурного человѣка не рекомендую... Моя рекомендація всегда такая... И я очень довольна за васъ, моя милая, что у васъ будетъ такой помощникъ, да и за крестника своего совершенно спокойна! прибавила княгиня, обратясь къ Лёло, которая пересѣла ближе къ дивану.

— Et moi, madame, je suis aussi charmé! поддакнулъ старый князь, прихлебывая чай.

— Кстати о крестникѣ, мы тутъ съ разными дѣлами объ немъ и позабыли... Развѣ вы мнѣ его не покажете, моя милая?

— Я думаю, онъ спитъ, княгиня.

— Что-жъ, если вы не боитесь сглазу, я на него и на соннаго погляжу. Онъ у васъ вѣрно наверху, сведите меня къ нему.

— Ахъ, какъ можно вамъ безпокоиться, княгиня: если онъ не спитъ, я велю его принести сюда.

Лёло побѣжала наверхъ. На счастье княгини, маленькій Сережа, распеленатый, гулялъ въ люлькѣ. Его сейчасъ же спеленали, надѣли на него парадную шапку, завернули въ кружевное одѣяло и мамка понесла его за Лёло. Княгиня надѣла опять очки, поглядѣла на ребенка, потрепала по пухлой щекѣ, назвала дождевымъ пузыремъ, перекрестила и отпустила опять наверхъ.

— Ну, ужъ охота вамъ, сударыня, всѣмъ младенца показывать... Вишь она, еще крестная мать, а ничего не понимаетъ. Мало ей, старой, своихъ глазъ, прости Господи!.. На младенца въ четыре глаза глядитъ... Умыть его святой водой надо; ужь я знаю, что онъ куражиться теперь будетъ! ворчала мамка на Лёло.

— А знаешь, мой милый, на кого похожъ будетъ мой крестникъ? говорила въ тоже время тихо княгиня Петру Петровичу.

— Право, я еще въ немъ никакого ни съ кѣмъ сходства не нахожу, княгиня.

— Да ты и найдти этого сходства не можешь... Этотъ пузырь будетъ похожъ на Розу. Замѣтилъ ты у него глубокую ямочку на подбородкѣ,—вотъ у нея точно такая была.

— Пріятно будетъ имѣть живой портретъ, княгиня.

— Да, у нея прелесть что за мордочка была.

Вошла Лёло, проболтали еще до одиннадцати часовъ и княгиня и князь уѣхали домой.

— Ну, Петя, какъ я рада, что тебя сдѣлали опекуномъ Сережи, сказала Лёло, проводивъ князя и княгиню и возвращаясь въ маленькую диванную.

— Да!.. скажи, пожалуйста, какъ это ты такъ проворно брякнула меня въ опекуны! Я отъ тебя такой прыти не ожидалъ!

— Признаюсь тебѣ, Петя, что когда мнѣ предложили выбрать опекуна, я въ эту минуту ни объ какихъ дѣлахъ не думала, а глядѣла на тебя и у меня въ разсѣянности сорвалось съ языка твое имя...

— Ахъ, дуракъ, дуракъ! Ну, а если-бы въ то время, когда тебѣ предложили выбрать опекуна сыну, ты глядѣла въ разсѣяніи на желтаго пѣтуха, который все утро гулялъ подъ окнами кабинета,—ты бы такъ и сказала: «желтаго пѣтуха»!

Лёло расхохоталась до слезъ.

— Не смѣши меня, Петя, я хочу тебѣ разсказать, какъ тебя хвалили княгиня и князь, когда ты уходилъ съ бумагами наверхъ.

— Что-же они говорили?

— Они говорили, que tu es un homme d'or, что ты такъ хорошо знаешь свое дѣло...

— Много они понимаютъ!

— Ну, вотъ, Петя, ты всегда противорѣчишь. Когда тебя люди хвалятъ, такъ ты говоришь, что они ничего не понимаютъ... Я вижу, что ты меня бѣсить хочешь... Ну, скажи еще, что у тебя все не въ порядкѣ, дурно... Скажи, что ты не честный человѣкъ...

— Да не совсѣмъ, качаясь на стулѣ, серьёзно сказалъ Котиковъ.

— Неправда; Сергѣй Александровичъ очень хорошо понималъ это дѣло, а онъ всегда говорилъ, что честнѣе тебя человѣка нѣтъ.

— Нѣтъ?.. а хочешь знать правду?

— Ну, хочу.

— Погляди на этотъ сюртукъ, хорошъ онъ?

— Очень хорошъ.

— Нѣтъ, точно хорошъ?... Тебѣ онъ нравится?

— Очень нравится, Петя.

— Ну, а я его на ворованныя деньги купилъ...

— Полно, Петя! Какія глупыя шутки, разсердившись, сказала Лёло, вырвала у Петра Петровича руку и отошла къ окну.

— Да ужъ сердись не сердись, а сюртукъ-то на мнѣ краденый.. Я его изъ Сережкинаго приданаго выгодалъ.

— Это глупо! глупо!... Не смѣй говорить этого.

— Не кричите такъ, ваше превосходительство, люди подумаютъ, что я передъ вами провинился и что вы мнѣ здѣсь гонку задаете. Это мой кредитъ портитъ.

— Петя, голубчикъ, не бѣси меня... сказала Лёло, подойдя опять къ Петру Петровичу, и, взявъ обѣими руками его голову, начала глядѣть ему въ глаза.

— Что ты щупаешь мнѣ голову? Ищешь, нѣтъ ли шишки воровства?

Лёло стала вырываться у Петра Петровича, онъ не пускалъ ее.

— Пусти меня, Петя! сквозь слезы просила Лёло.

— Не пущу, Лёлька! Садись, я сейчасъ успокою тебя.

— Ты со мной играешь, какъ кошка съ мышью, Петя.

— Да садись,—я тебѣ говорю.

Лёло сѣла и обняла Котикова. Котиковъ вынулъ изъ бокового кармана портфель, порылся въ немъ и подалъ Лёло почтовую синюю бумажку.

— Что это? спросила Лёло.

— Ну, смотри, сама узнаешь.

Лёло развернула и увидѣла счетъ московскаго портного Отто.

— Ну, читай, читай!

«Сюртукъ изъ чернаго сукна съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ», прочла Лёло.

— Что-жъ мнѣ это читать, Петя? Вѣдь это скучно.

— Ну, ну, ну, читай до конца...

Лёло, улыбаясь, прочла про себя все остальное.

— Что-жъ изъ этого?

— Изъ этого то, что по этому счету я еще не заплатилъ, а изъ сего то, что я еще не укралъ, а украду у тебя, чтобъ разсчитаться съ портнымъ.

— Милый!. милый!.. милый!.. Я тебѣ дарю ихъ, проговорила Лёло, цѣлуя черные волосы Котикова.

— Что и слѣдовало доказать, проговорилъ Котиковъ, цѣлуя руку Лёло.

Она расхохоталась до слезъ. Билъ часъ, когда Лёло со свѣчой въ рукѣ поднималась по лѣстницѣ наверхъ. Петръ Петровичъ шелъ за ней.

— А завтра что-жъ, неужели опять карантинъ? тихо спросилъ Петръ Петровичъ, когда Лёло взялась за ручку двери.

— Нѣтъ, Петя; карантинъ прошелъ! шепнула Лёло и, кивнувъ Котикову головой, исчезла за дверью.

Съ этого дня Лёло вдругъ перестала бояться нижняго этажа. Какъ прежде стала сходить въ залу къ утреннему чаю. Опять поселилась въ своей любимой маленькой диванной и, кромѣ спальной генерала, разгуливала безъ страха по всѣмъ комнатамъ. Разумѣется, не одна, а съ Петромъ Петровичемъ. Погода стояла скверная. Гулять не было никакой возможности. Лёло должна была сидѣть дома. Отъ нечего дѣлать она начала себѣ новую работу по канвѣ. По вечерамъ Петръ Петровичъ читалъ ей вслухъ что выходило новенькаго въ русской литературѣ, или они болтали. Котиковъ ей вралъ всякій вздоръ и она хохотала до колики. Долго Лёло не отворяла своего рояля; ей все казалось, что еще рано и неловко, чтобы музыка раздавалась въ домѣ, гдѣ такъ недавно былъ покойникъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда Лёло очень усердно занялась своей работой и порола розу, въ которой сильно наврала противъ узора, Петръ Петровичъ, ничего не говоря, тихо подкрался къ роялю, открылъ его, усѣлся и грянулъ:

«Ты скажи, вдова-вдовица»...

Лёло съ хохотомъ вбѣжала въ залу и бросилась цѣловать Петра Петровича. Котиковъ вскочилъ съ табурета и посадилъ Лёло. Лёло взглянула на него и быстрые ея пальчики побѣжали по клавишамъ. Такъ вышло разрѣшеніе и на музыку въ домѣ покойнаго Сергѣя Александровича.

Запорошилъ снѣжокъ, дня два валилъ онъ хлопьями, на третій пріударилъ морозецъ и къ вечеру взошла ясная луна. Лёло поглядѣла въ окошко, позвонила и сама велѣла запречь «Милку» въ бѣговыя сани. Все пошло по прежнему. Не на кого было только оглядываться Петру Петровичу и Лёло. Стала своя волюшка. Несмотря на эту свободу, Петръ Петровичъ при прислугѣ или при комъ нибудь чужомъ ни разу не выходилъ изъ роли, въ которую такъ ловко вошелъ съ первыхъ же дней, какъ поступилъ къ генералу въ управляющіе, и велъ себя съ Лёло, какъ человѣкъ домашній, близкій, но не позволяющій себѣ никакихъ ни съ кѣмъ фамильярностей. Словомъ, въ глазахъ всѣхъ Лёло была генеральша — барыня, а Петръ Петровичъ ея управляющій—изъ дворянъ и больше ничего. Лёло, напротивъ того, очень часто проговаривалась и какъ проговорится, такъ и вспыхнетъ вся, какъ зарево. И тутъ Петръ Петровичъ своимъ ловкимъ словцомъ умѣлъ всегда отвлечь вниманіе на себя и замять дѣло, такъ что никто ничего и не замѣчалъ. А часто, когда Лёло всѣми силами старалась какъ нибудь не забыться и взвѣшивала каждое свое слово, Петру Петровичу вдругъ приходила фантазія выбить ее изъ колеи и заставить проврагься или засмѣяться не во-время. Труднѣе всего было для Лёло удерживаться отъ смѣха и когда она начинала удерживаться, это значило, что она тутъ-то и расхохочется. Заставить Лёло хохотать до упаду ни къ селу, ни къ городу, среди серьёзнаго разговора, было наслажденіемъ для Петра Петровича. А добиться до этого ему не стоило никакого труда. Онъ умѣлъ въ одну минуту перемѣнить десять разъ выраженіе своего лица, глядя на Лёло, дѣлать уморительно-смѣющееся лицо и сейчасъ же, оборотясь въ другую сторону, скорчить убито печальную физіономію. Онъ умѣлъ даже въ одно время одною стороной лица смѣяться, а другою плакать.

Спрашивается, замѣчали ли люди въ домѣ, что между ихъ молодой барыней и управляющимъ дѣется что-то такое?.. Замѣчали и шушукались между собою въ кухнѣ, только всѣ они такъ любили барыню и любили и боялись Петра Петровича, что изъ избы сору не выносили. И не смотря на желаніе, можетъ быть, посплетничать, никто во всемъ околоткѣ про Елену Михайловну Столбину ни одного дурного слова не сказалъ. Можетъ быть, это и потому, что Лёло находилась подъ крылышкомъ у княгини Черново-Свѣтинской.

Петръ Петровичъ часто посылалъ Лёло къ княгинѣ, которая очень полюбила ее, ласкала, принимала, какъ родную, и даже, въ знакъ особеннаго благоволѣнія, начала говорить ей ты. Не смотря на разницу лѣтъ и на предубѣжденіе противъ княгини, Лёло невольно привязалась къ старухѣ и находила большое удовольствіе бывать въ ея домѣ. Княгиня была женщина обаятельная, когда хотѣла. Много она путешествовала на своемъ вѣку, много видѣла и слышала, и все было свѣжо въ ея памяти. А говорила княгиня, какъ живая книга. Не безгрѣшно провела она свою молодость и оттого что-ли прощала всѣмъ грѣшки и даже любила разныя интрижки и всегда интересовалась ими. Всякій романъ напоминалъ княгинѣ много изъ золотого ея прошедшаго и два любящія сердца всегда могли найдти отголосокъ въ незастывшемъ еще сердцѣ старухи.

Соединить, обвѣнчать Котикова съ Лёло сдѣлалось идеею fixe княгини. И мало того, что обвѣнчать, нѣтъ: обвѣнчать и заставить всѣхъ кричать, что это прекрасно... Вотъ чего хотѣла княгиня. Она дѣлать вещей въ половину не любила.

— Это очень хорошо, моя милая, что ты у меня часто бываешь, пусть тебя всѣ видятъ у меня. Я еще познакомлю тебя съ тѣми сосѣдями, которые того стоятъ. Положимъ, что мужъ твой, по болѣзни, не могъ возить тебя по гостямъ... А теперь ты вдова, женщина свободная, можешь выѣзжать одна; ничто тебѣ не мѣшаетъ завести порядочное знакомство. Тебѣ пренебрегать связями не надо. Мало ли что въ жизни можетъ повстрѣчаться. Всегда полезно имѣть связи... Ну, ты вдругъ замужъ выйдти захочешь?.. Вѣдь не зарыться-же тебѣ съ твоею красотою и молодостью живой въ могилу Сергѣя Александровича. Вѣдь ты не индѣянка... Ну, такъ вотъ хоть-бы на этотъ случай и очень хорошо будетъ, когда ты своими связями и мужа твоего на хорошую ногу поставишь въ обществѣ и ходъ ему дашь. А когда ты у меня принята въ домѣ, какъ другъ, такъ я думаю, вся губернія за честь почтетъ видѣть у себя Елену Михайловну Столбину и оказать тебѣ всякую услугу.

Часто такъ проповѣдывала княгиня и знакомила Лёло при всякомъ удобномъ случаѣ съ избраннымъ сосѣдствомъ. Вслѣдствіе этого Лёло начала разъѣзжать по помѣщикамъ и принимать ихъ у себя.

Незамѣтно пролетѣла зима. Смерти генерала прошло полгода. Незамѣтно прошли тоже весна и лѣто. Маленькій Сережа сталъ уже молодецъ: держась ручонкой за мамку, начиналъ переступать. Противъ мальчика, по совѣту княгини, уже замышляли зло, готовили ему первое въ жизни горе... Хотѣли отнять у него бѣлую мамку, Аксинью, посадить его на бульонъ и приставить къ нему новую няньку нѣмку. Пришла опять осень. Смерти генерала стукнула годовщина. Опять наѣхали сосѣди помѣщики на поминки. Лёло, блѣдная, худая, закутанная въ шаль, стояла у обѣдни; часто уставала она и садилась на стулъ. Княгиня Евгенія Дмитріевна не разъ поглядывала на нее во время службы. Не дождавшись конца панихиды, княгиня пошла изъ церкви. Петръ Петровичъ подошелъ къ ней и повелъ ее подъ руку.

— Вамъ дурно, княгиня? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мой милый, ничего. Отъ ладону голова разболѣлась. Я домой поѣду... Признаюсь тебѣ, я поминокъ терпѣть не могу, это безобразіе... А ты завтра утромъ непремѣнно ко мнѣ пріѣзжай, слышишь, непремѣнно... Мнѣ съ тобой переговорить надо. Вы, просто, дураки!..

— Буду, княгиня! улыбаясь сказалъ Котиковъ, подсаживая вмѣстѣ съ гайдукомъ княгиню въ карету. Карета покатилась.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Осеннія мелодіи.

Стих. Д. Мережковскаго.

I.

Взглянешь на небо — туманы свинцовые,
Тучи угрюмыя, тучи суровыя;
Взглянешь на землю — толпою печальною
Листія съ пѣсней бѣгутъ погребальною,
Желты, измяты кручиною злой...
Ахъ, не поймать мнѣ весны золотой!

Въ душу заглянешь — тоска безотрадная,
Словно какъ туча, легла, непроглядная...
Гонятся думы листами осенними
Съ пѣсней унылой за днями весенними!..
Ноетъ и стонетъ въ уныніи грудь,
Ноетъ!... нѣтъ силы свободно вздохнуть...

II.

Природу лѣтнею порой
Ласкалъ и нѣжилъ жгучій зной
Восторгомъ страсти молодой...
Я также упивался!

Тепла и трепета полна,
На ложѣ розъ была она
Виномъ любви опьянена...
Я также упивался!..

Но пресыщенія тоска
И ядовита, и тяжка:
Увы! болѣзнь была близка...
Теперь я тѣмъ-же боленъ!..

На ложѣ слезъ она лежитъ,
Тревожно мечется, дрожитъ,
А смерть холодная грозитъ...
Теперь я тѣмъ-же боленъ!

III.

Утомился солнце съ землей
И пресытились нѣгою жаркой:
Сталъ мучителенъ ласкъ его зной,
Его лучъ воспаленный и яркій;

И печалію блѣдной своей
Ликъ свѣтила туманы покрыли...
И лобзанья могучихъ лучей,
И объятья живыя остыли.

Утомился солнце съ землей
И готовы заснуть безмятежно;
Снится имъ о веснѣ золотой
Въ полуснѣ томъ, въ дремотѣ той нѣжной,

Какъ опять возвратитъ имъ весна
Сладострастія теплыя грозы!.
И въ надеждѣ земля среди сна
Льетъ осеннія, тихія слезы.

Если-бъ также неслышно заснуть
Безконечностью сна золотого,
Преклонившись на милую грудь,—
И во вѣкъ не проснуться-бы снова!..

IV.

Осень-плакса надоѣла!..
Все объ лѣтѣ вѣчный стонъ,—
Слезы, слезы то и дѣло...
Лучше смерти тихій сонъ!

Ахъ, устали плакать очи
По лазурнымъ небесамъ!
Лучше, братцы, что-бъ съ полночи
Шла зима скорѣе къ намъ.

Наша добрая старуха
Вся въ алмазахъ дорогихъ,
Въ одѣяньяхъ мягче пуха,
Въ покрывалахъ снѣговыхъ,

Приходи скорѣй, сверкая
Льдистымъ, царственнымъ вѣнцомъ!
Пусть объ лѣтѣ забывая,
Безмятежно мы заснемъ!

Очи сини, губы алы...
Такъ прими-же мой привѣтъ!
Хоть сама ты исхудалый
И безжизненный скелетъ...

Отчего-жь такъ сини очи
Въ влажныхъ сладостныхъ лучахъ?..
Это небо зимней ночи,—
Все въ трепещущихъ звѣздахъ!

Отчего-жь уста такъ рдѣютъ?
Это зимняя заря;
То лучи заката тлѣютъ,
Яркимъ пурпуромъ горя...

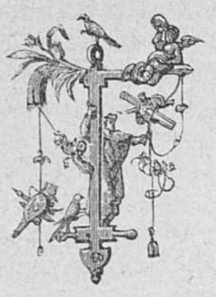
Что-жь въ объятьяхъ держитъ нѣжныхъ,
Какъ сокровище, она,
Хоронитъ въ покровахъ снѣжныхъ,
Гордой радости полна?..

То подарокъ невеселый,
То младенецъ, новый годъ:
Меньше-ль онъ тоски тяжелой,
Меньше-ль горя принесетъ?..

Все-же лучше, что-бъ съ полночи
Шла зима скорѣе къ намъ!
Ахъ, устали плакать очи
По лазурнымъ небесамъ...

Этюды изъ жизни въ средне-азіатскихъ пустыняхъ.

(Продолженіе.)



Года два тому назадъ, старый капитанъ, Ларіонъ Марковичъ Скобленый, дослужившійся до своего почтеннаго чина изъ солдатъ и все въ степи, чуть не съ самаго рекрутства, собирался устроить новоселье по случаю полученія, наконецъ, подъ старость, теплаго, постояннаго мѣстечка, смотрителя складовъ сухарныхъ, въ фортѣ на Аму, и ждалъ только пріѣзда своей семьи изъ Казалинска, съ которою уже списался по этому поводу, увѣдомивъ, что «молъ фатерка обстроена первымъ сортомъ и даже съ «небѣлью. —«Чистая половина особо, хоть генерала принимать, такъ въ пору, и кладовыя есть съ ледникомъ... А денегъ на дорогу выслано черезъ купца Мудренаго тридцать пять рублей, а ежели что не хватитъ, то доплачено будетъ здѣсь, на мѣстѣ».

Получивъ такое посланіе, Алёна Васильевна Скобленая, третья жена уже, съ двумя малолѣтками, однимъ груднымъ даже, снарядила свой тарантасикъ, наняла киргизика съ тройкою верблюдовъ и, благословясь, тронулась въ дальній путь черезъ пустыни Кызылъ-кумскія...

А дѣло было уже поздно, въ концѣ октября мѣсяца, морозы начались сильные и Джаманъ-джиль не на шутку разгуливалъ по степи.

Ну, да что за бѣда! Баба Алена Васильевна была сама степнячка привычная, тарантасикъ исправный и легкій, киргизъ Бутузъ-бай надежный, съ медалью, а верблюды, кормленые до сыта .. чего-бы не доѣхать!

Дорогою, еще до настоящихъ песковъ не дотянулись, въ Кара-башлыкскомъ урочищѣ обогнали ихъ чабаръ-почтовый о дву-конь и прапорщикъ Курлубаевъ; выпили водочки изъ запаса у «мадамъ Скобленой», пожелали счастливаго пути, обѣщали мужа увѣдомить, что молъ выѣхала и все благополучно, и дальше погнали.

Только дѣло-то подъ конецъ вышло странное:

И чабаръ давно уже прибылъ, сдалъ въ фортѣ свою почту, обратную уже повезъ, и прапорщикъ Курлубаевъ, увѣдомивъ Ларіона Марковича, вторую недѣлю уже какъ живетъ при батальонѣ, а все нѣтъ да и нѣтъ Алёны Васильевны съ ея чадами...

Сталъ капитанъ Скобленый сильно по этому поводу безпокоиться и первымъ дѣломъ, конечно, снарядилъ джигитовъ въ степь, по казалинскому тракту, за развѣдками...

А всю прошлую недѣлю такіе бураны снѣжные гуляли по степи, что свѣту не видно было! Дорогу караванную мѣстами совсѣмъ завалило, даже мазарки, что у колодцевъ Кукчей въ сторонѣ виднѣются, занесло съ куполами. Да на бѣду еще морозы закрутили... По Аму «сало» пошло сплошными массами, а мелкіе протоки и совсѣмъ стали.

Вернулись гонцы развѣдчики дней черезъ восемь, говорятъ: прошли до самаго того мѣста, гдѣ послѣдній разъ барыню видѣли, доѣхали, никого не встрѣтили и слѣду даже экипажнаго не видѣли.

— Врутъ, подлецы, собачьи дѣти! выругался Ларіонъ Марковичъ и самъ въ путь снарядился.

Велѣлъ коней себѣ сѣдлать, двухъ джигитовъ взялъ, всякаго запасу дорожнаго наклалъ въ перемѣтныя суммы. Изъ знакомыхъ офицеровъ, кто посвободнѣе были да добромъ поминали кулебяки скобленовскія, тоже вызвались на розыски, снарядились и тронулись.

Чего чего не натерпѣлись въ степи новые развѣдчики, самъ Ларіонъ Марковичъ до самой Казалы промахалъ; волкомъ взвылъ съ горя... Видимое дѣло, покончила свое земное существованіе его Алена Васильевна съ ребятами, занесло ее снѣгомъ, сбило бураномъ съ дороги, а какъ искать до весны? Степь-то всю не перероешь лопатами!

Разузнали тутъ въ Казалѣ, что киргизъ Бутузъ-бай съ медалью, взявшійся везти русскую барыню, гдѣ-то по близости въ аулахъ проявился, послали искать его, нашли, привели къ допросу.

Плачетъ бѣдняга, разсказываетъ, что и самъ чуть не погибъ, одного только верблюда привелъ домой, раззорился!.. Говоритъ, точно сбились съ дороги и трое сутокъ бродили ни вѣсть въ какомъ урочищѣ, что какъ завалило ихъ, такъ самъ поѣхалъ дорогу искать, или аулишка какого-нибудь случайнаго. Аула и дороги не нашелъ, да не нашелъ и мѣста, гдѣ тарантасъ остался.

Запилъ съ горя Ларіонъ Марковичъ, взялъ даже отпускъ для запою форменный на одиннадцать дней и панихиду отслужилъ по усопшимъ рабамъ божіимъ и отрокамъ—имя рекъ. Прочіе тоже его горю весьма сочувствовали...

Такъ дѣло тянулось вплоть до конца февраля мѣсяца.

Въ одно прекрасное утро, какъ разъ къ этому времени, въ домикъ капитана Скобленаго, какъ ядро пушечное, влетѣлъ прапорщикъ Курлубаевъ съ крикомъ:

— Алёна Васильевна пріѣхали-съ!..

И точно, въ воротахъ двора показались два верблюда съ войлочными качалками, одна даже съ верхомъ, крытая, въ которыхъ возсѣдала сама мадамъ Скобленая, оба ея дѣтища и киргизъ Джюра, тотъ самый, что скралъ верблюдовъ у стараго Сяркея.

Переполохъ поднялся въ фортѣ страшный. Все населеніе воспылало радостью великою и любопытствомъ острѣйшаго свойства.

Алёна Васильевна предстала предъ всѣми живая, здоровая, дѣти ея тоже, да еще располнѣли несказанно. Только грязи на нихъ и копоти кибиточной накопилось столько, что чуть не цѣлый день вся семья въ банѣ отмывалась.

Спросы да распросы пошли... Самъ полковникъ съ супругою своею въ тотъ день къ Ларіону Марковичу обѣдать пришли, за просто, а отецъ Иридій просфору прислалъ фунтовую съ тройною вырѣзкою.

Изъ разсказовъ Алёны Васильевны оказалось слѣдующее:

На четвертый день пути они сбились съ дороги. Узнали объ этомъ поздно, когда уже почти цѣлый день пропутали, не попавъ къ ночи къ колодцамъ. Верблюды сильно измучились да и киргизъ тоже обезсилѣлъ. За ночь ихъ замело такъ, что пришлось къ утру откапываться. Прошло еще нѣсколько часовъ, пока верблюды кое какъ могли тащить повозку и уже на второмъ ночлегѣ, такъ и не попавъ на дорогу, дѣла путешественниковъ приняли оборотъ окончательно трагическій.

Киргизъ Бутузъ-Бай просто бѣжалъ, видя гибель все равно не минучую, а снѣжный ураганъ дѣлалъ свое дѣло и скоро намоталъ у экипажа колоссальный сугробъ, въ нѣдрахъ котораго суждено было погибнуть несчастному семейству.

Двое сутокъ мать и дѣти находились въ такомъ положеніи. Провизіи пока еще хватало на пропитаніе, но запасы уже подходили къ концу,—приходилось и замерзать и умирать съ голоду.

О спасеніи нечего было и думать. Объ немъ и не думали. Опытная и понимающая хорошо данное положеніе Алена Васильевна мысленно простилась со всѣмъ, что ей было дорого въ этой жизни, и поручила себя провидѣнію.

Это провидѣніе явилось къ ней въ лицѣ маленькаго старичка въ громадной мѣховой шапкѣ. Старичекъ случайно наткнулся на нихъ и пріѣхалъ на большомъ одногорбомъ верблюдѣ. Онъ закуталъ мать съ дѣтьми вмѣстѣ въ коверъ, привьючилъ на своего верблюда, бросивъ въ снѣгъ свои собственные вьюки, и послѣ двухсуточнаго странствованія по глубокимъ снѣгамъ привезъ въ аулъ-зимовку къ киргизамъ перовскаго уѣзда, такъ какъ, оказалось, путешественники отбились отъ настоящаго направленія влѣво, верстъ на полтораста.

Сильные бураны, свирѣпствовавшіе чуть не всю зиму, не позволили оставить этого гостепріимнаго аула раньше конца зимы и мать съ дѣтьми провела почти три мѣсяца въ кибиткѣ Нурмедъ-хана, куда помѣстилъ ее маленькій старичекъ въ большой шапкѣ.

Теперь ее доставили сюда прямо изъ этого аула, старичекъ провожалъ ихъ почти всю дорогу, но уже на послѣднемъ переходѣ сдалъ на руки этому самому Джюрѣ, а по какимъ причинамъ не захотѣлъ самъ явиться въ фортъ, то Алёнѣ Васильевнѣ осталось неизвѣстнымъ.

Денегъ, предложенныхъ Алёной Васильевной ни хозяинъ Нурмедъ ханъ, ни старичекъ не взяли, послѣдній еще отъ себя подарилъ дѣтямъ по жестяной погремушкѣ и по крашенному прянику.

Притянули къ допросу Джюру. Тотъ говоритъ, что ничего не знаетъ, а это молъ хакимъ Сяркей приказалъ ему доставить «русскую бабу съ ребятами въ крѣпость, бережно и сохранно, а больше ничего...» «и бить его Джюру за это не за что, потому что онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ... онъ сдѣлалъ только то, что велѣно ему хакимомъ Сяркеемъ...»

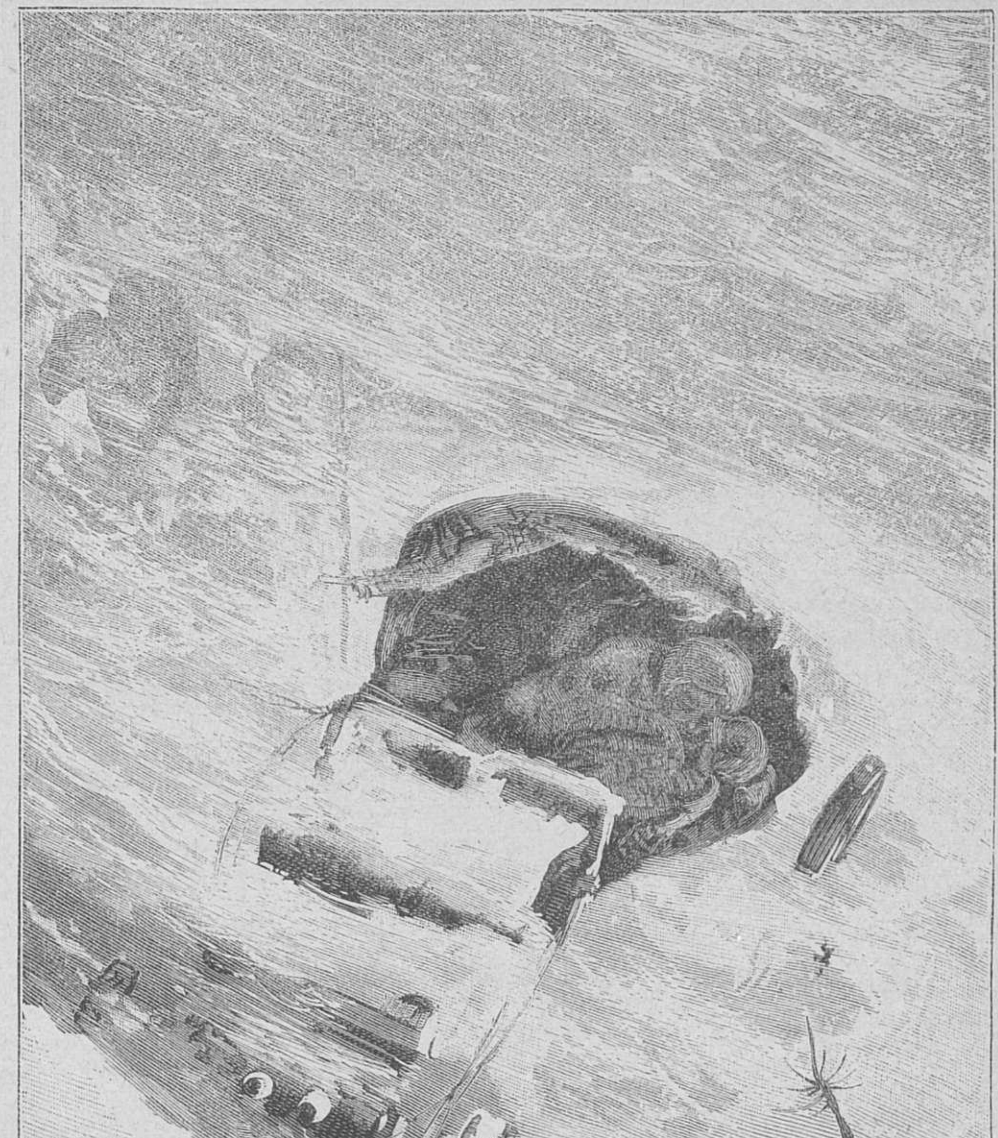
Джюрѣ, конечно, сказали, что его бить не будутъ, но, должно быть, онъ имѣлъ основаніе не вѣрить этому и, улучивъ свободную минуту, какъ только стемнѣло, ловко удралъ изъ форта, съ обоими своими верблюдами.

Поговорили обо всемъ случившемся день-другой; жизнь форта вошла въ свою обыденную колею и скоро забыли и о бѣжавшемъ Джюрѣ и о названномъ имъ тюркменѣ хакимѣ Сяркеѣ, хотя для очистки совѣсти комендантъ форта и послалъ обо всемъ форменное донесеніе съ приложеніемъ ходатайства «о награжденіи вышеозначеннаго киргизина Сяркея бронзовою медалью за спасеніе, для нехристіанъ установленною».

Недавно мнѣ пришлось побывать въ Казалѣ, проѣздомъ изъ Ташкента. Дѣла, а главное полная неисправность почтоваго тракта между Казалою и Терекли задержали меня здѣсь сутокъ на двое.

Скука была-бы невыносимая, да, спасибо, попался старый пріятель-охотникъ, узналъ, что я остановился въ гостинницѣ Морозова, зашелъ, а черезъ часъ-другой мы уже, вооружившись двухстволками, поплелись на тотъ берегъ въ заводи стрѣлять дикихъ гусей и утокъ.

Стрѣляли удачно, выходили верстъ двадцать и уже къ вечеру подошли къ перевозу на «Сырѣ».



Къ разсказу Н. Н. КАРАЗИНА.

Рисовалъ на деревѣ **авторъ**; рѣзалъ **А. Шлиперъ**.

Вечеръ былъ чудный.

Солнце садилось чисто; на зеленоватомъ тонѣ неба ни одного облачка, мазарки на курганахъ рисовались отчетливыми лиловатыми силуэтами, надъ береговыми камышами стлался легкій туманъ, а на томъ берегу рѣки привѣтливо вились дымки изъ пѣчныхъ трубъ и ярко искрились окошки скромныхъ домиковъ казалинскихъ предмѣстій.

Весь берегъ у перевоза былъ буквально загроможденъ верблюжьими вьюками. Это было время перекочевокъ и длинныя коши *) бивакировали на берегу, а изъ степи мѣрнымъ шагомъ, позвякивая бубенцами, подтягивались все новыя и новыя вереницы косматыхъ верблюдовъ, навьюченныхъ домашнею утварью номадовъ и разобранными частями юламеекъ.

Коши останавливались въ ожиданіи очереди переправы, подальше, поскромнѣе, развьючивались и пускали верблюдовъ на паству, торговые караваны съ русскими прикащиками жались къ самому берегу,—эти были менѣе терпѣливы и взаимно мѣшали другъ другу, производя неимовѣрный безпорядокъ на переправѣ.

Спускъ къ тому мѣсту, гдѣ причаливаетъ желѣзный паромъ, устроенъ очень дурно, правильнѣе сказать не устроенъ вовсе, глинистый берегъ безпрестанно размываетъ волною прибоя и рушитъ толчками самого парома, сходней никакихъ... Верблюды, чуя опасность подобнаго спуска ревутъ, упираются; ихъ тащутъ на паромъ или съ парома на берегъ силою. Человѣкъ десять хватаютъ несчастное животное за что попало, бьютъ немилосердно, орутъ дикими голосами, въ воздухѣ стоитъ непрерывный гулъ болѣзненнаго, верблюжьяго рева, дикой ругани человѣка и щелканье нагаекъ и палокъ по живымъ костямъ и тѣлу...

Кончится пытка на этомъ берегу, нагрузятъ паромъ, отчалятъ, а черезъ полчаса на томъ берегу поднимается такой-же гвалтъ, снова повторяется таже мучительная верблюжья и человѣческая пытка.

Я съ своимъ пріятелемъ, пробравшись кое какъ чрезъ лабиринтъ тюковъ съ хлопкомъ и товарныхъ ящиковъ, подошли къ спуску на перевозъ и сѣли на самомъ обрывѣ погрѣться у огонька, разложеннаго для заварки чаю татарами паромщиками. Желѣзный паромъ только что нагрузился на томъ берегу и уже отчалилъ. Тяжелая масса этого судна медленно двигалась на веслахъ, наискось сносимая теченіемъ рѣки. У каждаго весла работали по нѣсколько человѣкъ, кряхтѣли и надсаживались такъ, что даже сюда ясно доносилось ихъ хоровое кряхтеніе; длинныя весла въ тактъ ударяли по водѣ, за паромомъ тянулась длинная борозда, живымъ золотомъ сверкая на заходящемъ солнцѣ.

На паромѣ, доминируя надо всѣмъ остальнымъ грузомъ, возвышался громадный семейный тарантасъ съ бѣлымъ холщевымъ верхомъ, на его дрогахъ и козлахъ громоздились тяжелые кованые сундуки, кожанные баулы и чемоданы всѣхъ сортовъ и величинъ, изъ окна тарантаса выглядывала какая-то женская фигура и копошились дѣтскія головки.

— Это видите-ли кто? замѣтилъ мой товарищъ, указывая трубочкою по направленію парома,—это Скоблениха съ дѣтьми назадъ возвращаются... Вонъ и самъ на кормѣ стоитъ, слышите, какъ ругается, паромщиковъ подбадриваетъ?

Дѣйствительно, присмотрѣвшись, я увидѣлъ и самаго стараго капитана; его характерная фигура, высокая, сутуловатая съ сѣдыми щетинистыми усами, торчала на кормовомъ помостѣ. Одна капитанская рука вооружена была нагайкою, другая грозно сжималась въ кулакъ и внушительно, жестикулировала въ воздухѣ. Вокругъ капитана, по крайней мѣрѣ въ районѣ дѣйствій его могучихъ рукъ чувствовался нѣкоторый трепетъ и смущеніе.

---

*) Караванъ не торговый, а исключительно перекочевочный.

— Знакомы? обратился ко мнѣ мой пріятель.— Помните, еще когда во второй ротѣ въ Коттакурганѣ стояли.

— Какже... хорошо знакомъ, отвѣчалъ я.

— Онъ теперь зашибъ деньгу не малую, отъ первой жены сына въ офицеры вывелъ, отъ второй обѣихъ дѣвочекъ, помните Полиньку и Лушу... ну-съ, въ институтъ пристроилъ на казенный. Теперь шабашить хочетъ со службою, говоритъ: «довольно, пора и мѣру знать, по новымъ порядкамъ какъ-бы подъ судъ не угодить вмѣсто безпорочной отставки съ пенсіономъ.» Эхъ, долго мы здѣсь проваландаемся, солнышко-то уже совсѣмъ сѣло...

Дѣйствительно, сумерки замѣтно сгущались, отъ костровъ замигало красное зарево, черныя линіи тюковъ и лежащихъ между ними верблюдовъ слились въ сплошныя массы... Туманомъ сплошь затянуло низовую сторону. Паромные сторожа подвалили на костеръ вязанки сухого камыша и яркій столбъ трескучаго пламени взвился высоко-высоко, освѣщая багровымъ свѣтомъ мѣсто причала...

Паромъ уже подходилъ, гоня передъ собою грязную пѣнистую волну, плеско ударяющую въ берегъ.

— Бери причалы.. Гей! словно надтреснутая басовая труба, раздался чуть не надъ самымъ ухомъ, капитанскій голосъ.

Казалось, берегъ дрогнулъ отъ могучаго толчка парома, на паромѣ что-то затрещало, все живое на немъ колыхнулось, качнулась даже на своихъ ногахъ и длинная фигура Скобленаго.

— Черти, дьяволы... легче!... Ку...да... подлецы... Берись за тарантасъ прежде всего.. Доски сюда живо... Ты, Алёна Васильевна, не вылазь, сиди, чего ноги-то мочить.

Щелкъ!

Это скобленовская нагайка прогулялась по спинѣ какого-то киргизенка, попытавшагося было проскочить съ своимъ ишакомъ преждевременно...

— Громовержецъ! понизивъ голосъ, замѣтилъ мой пріятель охотникъ.

Паромщики принялись вытаскивать тарантасъ. Съ шумомъ, съ гамомь они кое какъ приподняли передокъ и перевалили его за края борта. Экипажъ скрипѣлъ весьма подозрительно... Капитанъ Скобленый начиналъ уже выходить изъ себя и сгонялъ народъ на подмогу.

Кое-какъ подсунули доски подъ переднія колеса, надвинули, тарантасъ сильно качнуло на бокъ. Алёна Васильевна невозмутимо засѣдала въ немъ со своими чадами и даже вытащила имъ изъ мѣшка по ватрушкѣ.

— Лег...че!.. надсаживался капитанъ. — Подопри плечомъ, суй багоръ подъ колеса... Да тащите-же тамъ спереди, что-ли!.. Эко проклятый народъ!

Вдругъ доска изъ подъ колеса выскользнула и тарантасъ накренило такъ, что даже сама невозмутимая «мадамъ Скобленая» взвизгнула благимъ матомъ.

Нѣсколько человѣкъ киргизовъ, сидѣвшихъ на берегу праздно, безо всякаго призыва ринулись съ кручи на помощь.

Они чуть не зубами вцѣпились въ тарантасъ. Мнѣ казалось, что эта грузная махина непремѣнно должна раздавить кого-нибудь изъ этихъ косоглазыхъ оборвышей.

Алёна Васильевна выпрыгнула прямо въ воду и вытащила своихъ ребятъ, съ мокрымъ подоломъ, скользя и спотыкаясь, она выкарабкалась на берегъ и принялась отряхиваться.

Капитанъ Скобленый разсвирѣпѣлъ. Весь багровый, съ какимъ-то неестественнымъ ревомъ онъ ураганомъ обрушился на кучку киргизъ-добровольцевъ, выхватилъ на удачу одного изъ нихъ и принялся крушить...

Все отхлынуло прочь въ какомъ-то паническомъ ужасѣ и замерло... Даже старый, бѣлый ишакъ, начавшій уже пронзительно вопить, разомъ смолкъ, попятился и рысью скрылся въ темнотѣ.

А капитанъ все тузилъ и тузилъ свою жертву. Все это было дѣломъ мгновенія, но въ это мгновеніе много было сдѣлано, благодаря капитанской энергіи.

Большая косматая шапка, сбитая ударомъ кулака, взвилась въ воздухѣ и отлетѣла шаговъ на десять, обнаживъ голый, обритый черепъ... У этого черепа заискрились выразительные черные, какъ уголь, глазки, беззубый ротъ зазѣвалъ какъ у рыбы, вытащенной на берегъ. Крохотная фигурка попавшейся жертвы капитанской необузданности, словно мячъ, каталась въ могучихъ рукахъ Ларіона Марковича, каталась молчаливо, безъ стоновъ, безъ криковъ, безъ жалобъ.

Вдругъ раздался отчаянный дѣтскій крикъ и вслѣдъ за этимъ звукомъ гнѣвный голосъ Алёны Васильевны.

— Папа, папа... не бей... оставь дѣдушку... не бей! слезливо кричалъ ребенокъ.

— Да, оставь же ты, оглашенный! взывала Алёна Васильевна.—Оставь. Кого бьешь, не знаешь!

— Дѣдушка, дѣдушка!

— Сяркеюшка голубчикъ!

Ларіонъ Марковичъ остолбенѣлъ и, словно очнувшійся отъ страшнаго кошмара, безмысленно ворочалъ глазами во всѣ стороны.

— Что за чортъ, бормоталъ онъ,—Сяркей... Какой Сяркей?.. Ахъ, да... Вотъ такъ оказія... будь я проклятъ... эко, дѣло какое!..

Вдругъ онъ зарыдалъ, зарыдалъ безъ слезъ, дико, по собачьи словно залаялъ, и, какъ подкошенный ничкомъ, рухнулъ прямо въ ноги своей жертвы.

— Прости ты меня окаяннаго... стоналъ капитанъ, лицомъ ёрзая по глинѣ.

Нѣсколько человѣкъ изъ присутствующихъ подбѣжали къ нему и поставили на ноги.

Капитана трясло, какъ въ лихорадкѣ, перепачканное лицо его было невозможно безобразно въ эту минуту... Онъ неожиданно вырвался, кинулся на валявшуюся подлѣ нагайку и принялся ее рвать, ломать и грызть зубами.

— Трижды будь я проклятъ... разрази меня Господь, хрипѣлъ онъ,—если хоть разъ возьму тебя въ руки, анафемскую!..

— Ларіонъ Марковичъ, да очнись ты, Бога ради, подошла тутъ къ нему Алёна Васильевна!— Не хорошо... народу сколько... Вонъ тамъ господа чужіе сидятъ...

— Что мнѣ народъ! пущай на мое окаянство смотрятъ... Такъ мнѣ, старому чорту, звѣрю каторжному, и надо... Сяркеюшко отецъ.. Да прости-же ты меня!.. Прости... родненькій.

А Сяркей уже оправился отъ трепки, только шапки своей не нашелъ пока и, утирая рукавомъ рванаго халата кровь, текущую у него изъ беззубаго рта, бормоталъ смущеннымъ голосомъ:

— Не надо прости... зачѣмъ прости... Богъ прости... Сяркею не больно совсѣмъ... прошла ужь... не надо прости...

— Ой якши, ой баракелды! слышались кругомъ одобрительные голоса.

— Какой матка у тебя болшой сталъ балла... виросла, батыръ будитъ... якши балла... узнала мене... якши...

— Сяркеюшка... гладила его по бритой головѣ полная ручка Алены Васильевны.

— Погоды... постой... А, таннаузинъ, куда-же она дѣвалась?! А тутъ, баръ, баръ...

Сяркей полѣзъ въ карманъ своихъ кожаныхъ шароваръ, вытащилъ оттуда конфетку въ красной бумажкѣ, обмотанную золотой ниточкою, и совалъ ея въ ротъ младшему ребенку, приговаривая;

— Си...ладка... болно с...ладка... кушай, балла, кушай, пожалиста.

. . . .

Я незамѣтно проскользнулъ за толпою, забрался на паромъ и усѣлся тамъ на кормѣ, не желая обнаруживать своего присутствія и смущать еще болѣе и безъ того до нельзя смущеннаго, растерявшагося Ларіона Марковича.

Это былъ послѣдній разъ, когда я видѣлъ тюркмена Сяркея, но не отчаяваюсь видѣть его еще разъ, а можетъ быть, и болѣе, когда судьба снова приведетъ мнѣ бродить по пустынямъ кызылъ-кумскимъ. Тогда, вѣроятно, я узнаю еще что-нибудь объ этомъ «добромъ геніи пустыни», а узнавъ, не замедлю разсказать вамъ, ибо разсказъ «о хорошемъ человѣкѣ» и старому, и малому всегда на радость и пользу.

Изъ исторіи рабства въ древности.

Ст. С. Терновскаго.

(*Продолженіе.*)

VI.

Рабство въ Римѣ.

Вредное вліяніе рабства сказалось также и въ Римѣ, но тамъ его печальныя послѣдствія были долгое время сдерживаемы и предупреждаемы. Прежде всего вліяніе рабства отразилось на частной жизни свободныхъ людей. Рабамъ поручаютъ воспитаніе дѣтей. Обычай этотъ былъ особенно распространенъ во времена императорскія и въ концѣ республиканскихъ временъ, такъ какъ тогда отъ образованнаго римлянина требовалось только знаніе греческаго языка и литературы, а хорошими и дешевыми преподавателями того и другого были греческіе невольники. При выборѣ наставника не особенно обращали вниманіе на его способности, нравственность и честность. Плутархъ съ ироніею замѣчаетъ, что хорошихъ рабовъ дѣлаютъ земледѣльцами, ремесленниками и торговцами, а другимъ неспособнымъ и ни къ чему негоднымъ поручаютъ воспитаніе дѣтей. Часто рабы остаются при своемъ воспитанникѣ и по окончаніи воспитанія. Въ чемъ же заключается обязанность такого педагога;—мѣръ строгости онъ употребить не смѣетъ и ему остается только вкрасться въ довѣріе своего воспитанника всѣми позволенными и непозволенными средствами. Только въ этомъ случаѣ онъ можетъ разсчитывать на улучшеніе своего положенія въ будущемъ; онъ поневолѣ, только подчиняясь окружающимъ обстоятельствамъ, долженъ содѣйствовать всѣмъ дурнымъ наклонностямъ своего воспитанника. Съ другой стороны, паденіе религіи повлекло за собою и паденіе нравственности; противозаконные и безправственные поступки перестали даже удивлять тогдашнее общество. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо только привести свидѣтельство Петронія объ уменьшеніи законныхъ браковъ; мѣсто матроны занимаетъ простая сожительница, обыкновенно выбранная изъ рабынь.

Римъ былъ городомъ гладіаторовъ по преимуществу. Однѣ игры въ немъ смѣнялись другими, а необходимое число гладіаторовъ бралось изъ рабовъ. Извѣстно вліяніе этихъ кровавыхъ зрѣлищъ на упадокъ нравственности въ Римѣ. И вотъ мы видимъ слѣдовательно еще два дурныя послѣдствія рабства. Съ теченіемъ времени полноправные граждане принимаютъ участіе въ этихъ играхъ, даже сами императоры, эти повелители всего древняго міра, считаютъ за честь побѣдить на аренѣ какого-нибудь преступника или раба.

Но рабство также имѣло вліяніе на государственный строй великаго Рима; оно погубило римское государство также точно, какъ Спарту, Афины и др.

Спартанцы признавали только одно занятіе достойнымъ гражданина — это войну; афиняне — земледѣліе и всѣ ремесла. Римъ-же сталъ между ними по серединѣ, признавъ одно только земледѣліе, заниматься которымъ могъ также и патрицій.

Всѣ завоеванныя земли признавались собственностью государства, а также и военноплѣнные и жители покоренныхъ странъ; но пользоваться этими землями могли только одни патриціи. Мало по-малу пользованіе переходитъ въ право собственности. Мы видѣли, что въ первый періодъ существованія Рима почти каждый гражданинъ самъ обрабатывалъ свой участокъ, теперь-же это стало физически невозможнымъ и обработка полей переходитъ въ руки рабовъ. Тогда начинаетъ развиваться система, получившая впослѣдствіи громадное значеніе въ исторіи Рима. Это—система колоніальная: на захваченныхъ земляхъ оставляли туземныхъ жителей, съ правомъ обработывать ихъ прежніе земельные участки, но съ обязательствомъ отдавать за это право треть всѣхъ доходовъ. Съ теченіемъ времени эта плата все повышалась и, наконецъ, къ императорскимъ временамъ достигла до девяти десятыхъ всѣхъ добываемыхъ колоніями продуктовъ. Но очень многіе предпочитали обработывать свои земли руками рабовъ. Такимъ образомъ образовался новый безземельный класъ, который наводнилъ Римъ, требуя работы, но нигдѣ ее не находя въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ и въ ремеслахъ, и въ торговли они имѣли опасныхъ соперниковъ — невольниковъ. Нужно было какъ-нибудь опредѣлить положеніе этихъ людей, дать имъ средства къ пропитанію и тѣмъ избавить отъ необходимости идти въ кабалу. По мѣрѣ распространенія римскаго господства по всему тогда извѣстному міру все увеличивалось и увеличивалось количество общественной земли (ager publicus), но право пользованія его признавалось только за одними патриціями.

Засѣвъ всей земли сдѣлался фактически невозможнымъ; не засѣянныя пространства обратились въ пастбища; развелось скотоводство, которое впослѣдствіи совершенно вытѣснило земледѣліе; оно требовало меньше надзора и оставляло богатому класу болѣе свободнаго времени для занятія другими дѣлами и спекуляціями, такъ, напр., подряды на армію, откупа, сборъ налоговъ прямыхъ и косвенныхъ и т. п. Главною заботою, значитъ, сдѣлалось пріобрѣтеніе денегъ, всѣми позволенными и не позволенными средствами, даже растовщичествомъ. Постепенно собиралась гроза готовая обрушиться надъ Римомъ; готовилась борьба между богатыми и бѣдными не изъ за власти и преобладанія, а изъ за куска насущнаго хлѣба. Много благородныхъ и честныхъ личностей стремились цѣлымъ рядомъ постановленій привести къ соглашенію эти двѣ партіи, но въ большинствѣ случаевъ ихъ старанія пропадали даромъ. Достаточно указать на Лицинія, на братьевъ Гракховъ, Тиверія и Кая, убитыхъ патриціями на глазахъ того народа, благо котораго составляло единственную цѣль всей ихъ жизни. Дѣятельность ихъ слишкомъ извѣстна, чтобы была надобность приводить ее здѣсь. Напомнимъ только, что они хотѣли и плебеямъ доставить право участвовать въ пользованіи общественными землями. Патриціи не стыдились прибѣгать къ подкупу, къ ложнымъ обѣщаніямъ. Они перетянули на свою сторону товарища Кая, трибуна Друза, который на каждое предложеніе Кая, дѣлалъ предложеніе (иногда даже и отъ имени сената) еще болѣе выгодное. Такими мѣрами удалось пошатнуть довѣріе народа къ Каю. Само собой разумѣется, что всѣ обѣщанія, данныя Друзомъ, исполнены не были. Благодаря настояніямъ Кая, былъ принятъ законъ, имъ предложенный, о продажѣ хлѣба по уменьшенной цѣнѣ бѣднѣйшимъ гражданамъ. Семпроній черезъ нѣсколько времени предложилъ раздавать хлѣбъ совершенно даромъ. Такая раздача имѣла видъ подаянія, оно развивало нищенство, покровительствовало лѣни и способствовало совершенной потерѣ нравственнаго чувства у народа. Граждане за деньги готовы были отдать свой избирательный голосъ тому, кто больше за него заплатитъ, и этимъ пользовались многіе честолюбцы для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей; такимъ образомъ мы ясно видимъ причины, которыя способствовали легкому утвержденію неограниченной монархіи въ Римѣ. Потворствуя голодной и жадной толпѣ, которая изображала изъ себя нѣкогда великій римскій «народъ», императоры проводили всѣ постановленія, которыя они только хотѣли. Постояннымъ требованіемъ празднаго народа сдѣлались слова «panem et circenses» (хлѣба и зрѣлищъ). И тотъ, кто могъ имъ доставить и то, и другое, тотъ могъ быть увѣренъ въ готовности толпы стоять горой за его желанія. Этими средствами воспользовался и Августъ для усиленія своей власти, но онъ же постарался со временемъ ограничить этотъ обычай, конечно, насколько то было въ его власти.

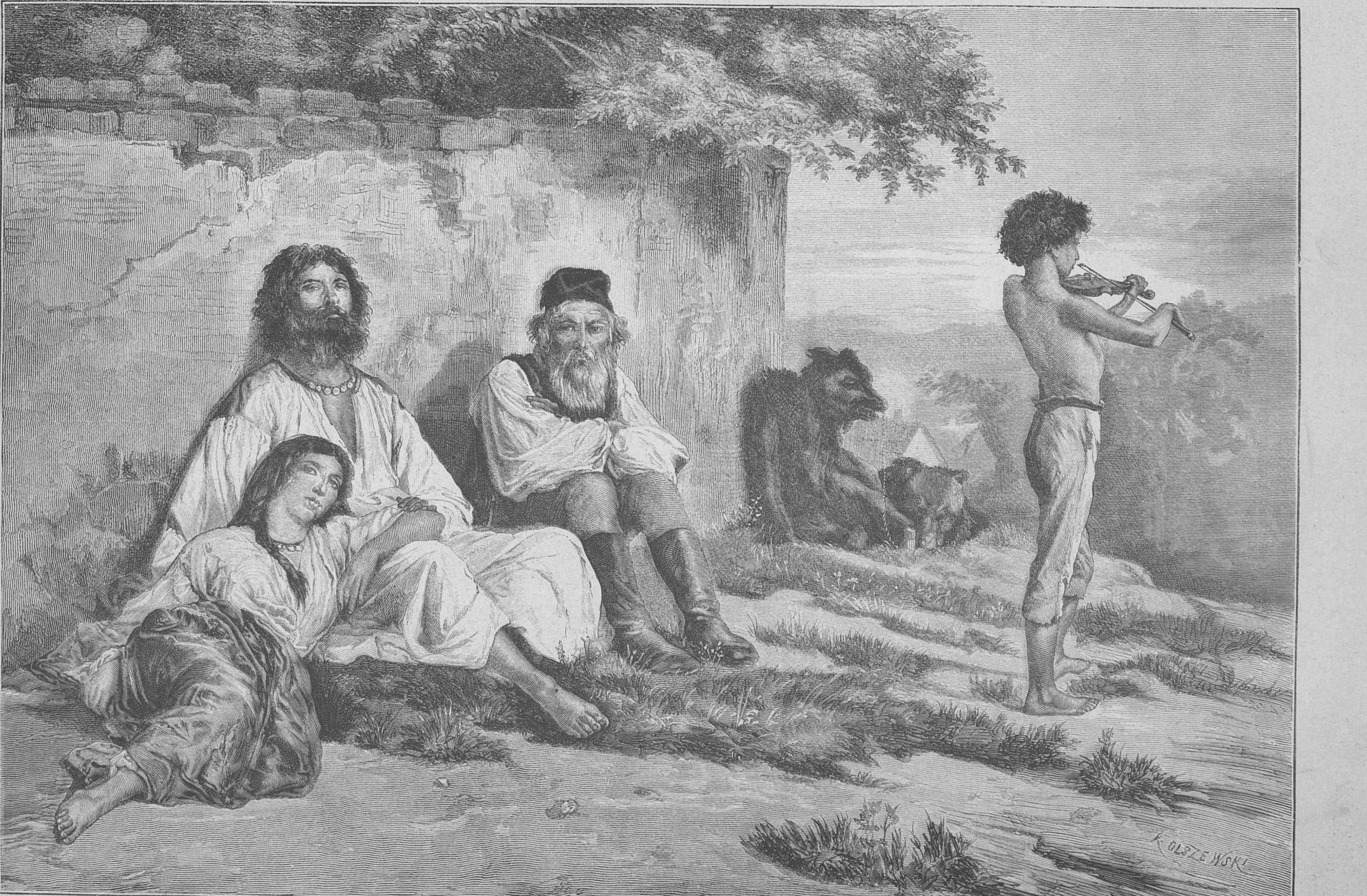
Теперь на очереди вопросъ объ отпущеніи на волю. Власть отца семейства, очень ясно видимая въ установленіи рабства, еще нагляднѣе высказывается въ отпущеніи на волю. Онъ могъ сдѣлать раба не только свободнымъ, но и полноправнымъ гражданиномъ, распоряжаясь такимъ образомъ однимъ правомъ, повидимому, принадлежащимъ всему городу. Было нѣсколько видовъ добровольнаго отпущенія на волю. Главныхъ было два: торжественное, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, и простое, не торжественное. Первое совершалось путемъ усыновленія раба, по завѣщанію, посредствомъ виндикаціи и записи въ цензы. Въ завѣщаніи владѣлецъ могъ прямо отпустить на волю раба, или же поручить это сдѣлать своему наслѣднику; тогда отпущенный на волю становился кліентомъ наслѣдника, но объ этомъ ниже. Виндикація это есть фиктивная тяжба передъ римскимъ магистратомъ, въ которой рабъ доказываетъ свои права на свободу, а его господинъ не опровергаетъ показаній раба. Магистратъ признаетъ раба свободнымъ. Наконецъ, третьимъ торжественнымъ способомъ отпущенія на волю было запись въ цензъ; владѣлецъ раба, желая его освободить, приходилъ къ цензору и просилъ о записи раба въ опредѣленный цензъ. Не торжественными формами отпущенія на волю были: письмо, простое засвидѣтельствованіе объ отпущеніи на сценѣ театра, на пиру, позднѣе въ церкви передъ обществомъ прихожанъ и др. Но въ этихъ случаяхъ рабъ пользовался только фактической свободой, а не юридической; политическихъ правъ онъ не имѣлъ, а пріобрѣталъ только нѣкоторыя гражданскія. Его законнымъ наслѣдникомъ считался его бывшій господинъ. Но всякій отпущенный на волю какимъ-бы то ни было способомъ совершенно самостоятельнымъ не дѣлался; онъ становится въ особенныхъ отношеніяхъ къ государству и къ своему бывшему господину. Разберемъ сначала его частныя отношенія. Эти отношенія не возникали только въ томъ случаѣ, если отпущеніе на волю послѣдовало по опредѣленію закона. Но отпущенный частнымъ лицомъ становился его кліентомъ, а бывшій владѣлецъ — патрономъ. Право патронатства имѣли не только физическія лица, но и юридическія. Оно прекращалось со смертью патрона. Патронъ былъ естественнымъ покровителемъ своихъ кліентовъ, онъ былъ ихъ представителемъ на судѣ; ему принадлежала опека надъ несовершеннолѣтними; опека патрона надъ кліентками прекращалась только при ихъ замужествѣ.

Съ другой стороны на вольноотпущенномъ лежали также извѣстныя обязанности: онъ долженъ былъ оказывать своему патрону почтеніе и уваженіе, не имѣлъ права подавать противъ него иска, влекшаго за собой безчестіе, участвовалъ въ его свитѣ при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Кліентъ долженъ былъ помогать своему патрону и деньгами, если положеніе патрона сдѣлается бѣдственнымъ; онъ былъ также обязанъ приготовить приданое его дочерямъ. За несоблюденіе этого налагалось наказаніе, сначала легкое. При троекратномъ повтореніи нарушенія обязанностей со стороны патрона слѣдовало полное освобожденіе кліента и уничтоженіе права патронатства, а при такомъ-же нарушеніи обязанностей со стороны кліента слѣдовало возвращеніе въ рабство. Освобожденіе было возможно также и подъ условіемъ, т. е. рабъ обязывался исполнять извѣстныя требованія своего господина, за что получалъ свободу. Рабъ могъ также и выкупиться изъ рабства. Тогда онъ дѣлался кліентомъ своего прежняго хозяина. За патрономъ сохранялось право полнаго наслѣдованія послѣ раба. Такое постановленіе встрѣчается еще въ законахъ XII таблицъ; оно потомъ было развито преторскимъ правомъ. Къ концу республики и къ началу имперіи начало это стало смягчаться; за патрономъ признали право получать только половину наслѣдства, но и это постановленіе съ теченіемъ времени смягчилось еще болѣе и, наконецъ, совершенно утратило свою силу при христіанскихъ императорахъ. Государство въ свою очередь налагало на раба нѣкоторыя ограниченія его самостоятельности и независимости. Ему запрещаютъ надѣвать тогу полноправныхъ римскихъ гражданъ. Впрочемъ, тутъ удивительнаго нѣтъ ничего, такъ какъ если изъ-за право способности были такія натянутыя отношенія между патриціями и плебеями, то здѣсь тѣмъ болѣе сильно (даже законно съ ихъ точки зрѣнія) должно было быть нежеланіе римлянъ вдругъ согласиться принять вольноотпущенныхъ въ свою среду, передать имъ даромъ тѣже права, которыя римскій народъ пріобрѣлъ съ такимъ великимъ трудомъ. Вольноотпущенные не имѣли права такъ называемаго суфрагіума (избирательнаго голоса), права занимать высшія офиціальныя должности; на такихъ вольноотпущенныхъ налагались особенно тяжелыя подати и налоги.

Только въ случаяхъ необходимости постановленіе это можно было отмѣнить; когда государству грозили особенно страшныя нашествія, которыя влекли за собой его покореніе, то вольноотпущенные призывались на военную службу и въ награду наиболѣе отличившихся отпускали на волю; они также принимались и на военную службу, но въ администраціи занимали только низшія мѣста. Такое состояніе (не полноправное) переходило и на сына и на внука отпущеннаго; и только за третьимъ поколѣніемъ признавались права, принадлежащія полноправ-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА К. ШТЕФФЕКА.

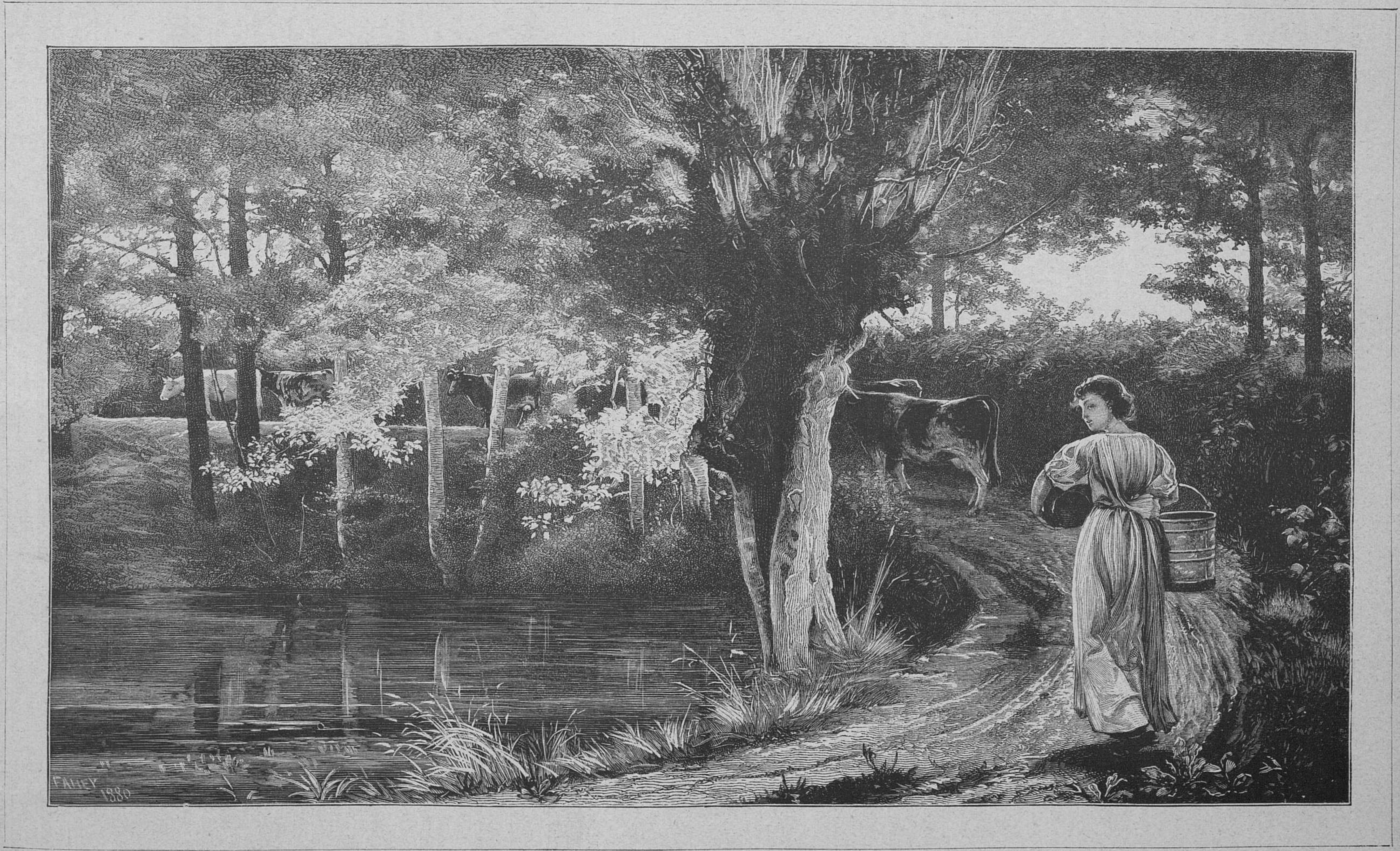

K. OLSZEWSKI

Отдыхъ цыганъ.

Рѣзалъ на деревѣ Ольшевскій.

ВЫСТАВКА ВЪ ЛОНДОНѢ 1880 Г.

КАРТИНА ЕДВАРДА ФАГЕЙ.



Коровница.

Рѣзано на деревѣ въ Лондонѣ

нымъ гражданамъ. Различіе между полнородными гражданами (ingenui) и ими не прекращалось совершенно и тутъ; различіе это, впрочемъ, не заключалось въ уменьшеніи правоспособности, а только общественное мнѣніе ставило ихъ ниже ingenui.

Отпускать на волю рабовъ сдѣлалось выгодной спекуляціею. Римскій гражданинъ отпускалъ, напр., своего раба съ условіемъ полученія извѣстной суммы денегъ (обыкновенно превышавшей номинальную стоимость раба) и на эти деньги покупалъ себѣ новаго раба, отпуская его и т. д. до безконечности. Теперь у него образовался обширный класъ кліентовъ, которые ему помогали деньгами, услугами и по смерти которыхъ онъ получалъ половину наслѣдства, не говоря уже о томъ, что кліенты поддерживали своего патрона при избраніи на какую-бы то ни было должность. Все это грозило сперва республикѣ, а потомъ и императорамъ надо было предпринять какія-нибудь мѣры. Было издано нѣсколько постановленій императорскихъ и сенатусъ-консультовъ (указовъ, даваемыхъ сенатомъ), чтобъ ограничить отпущеніе рабовъ на волю. Однимъ закономъ запретили отпускать на волю рабовъ моложе 30 лѣтъ; другимъ ограничивалось число отпускаемыхъ, такъ что кто имѣлъ 3 раба, могъ отпустить на волю только двухъ; кто имѣлъ отъ 3-хъ до 10—половину, отъ 10 до 100—треть; отъ 100 и болѣе четверть, но никакъ не болѣе ста. (Законъ этотъ примѣнялся только при отпущеніи на волю по завѣщанію.)

Августъ запретилъ отпускать раба на волю безъ уважительной причины и перечислилъ также и эти причины: напр., можно было освободить раба, чтобъ сдѣлать его управляющимъ, опекуномъ своихъ дѣтей, родственниковъ своей жены; рабу, чтобъ на ней жениться, и нѣкоторыя другія.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Зарока не давай *).

(*Окончаніе.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лѣсъ. Сбоку маленькій трактиръ.

Сцена I.

Ванъ-Букъ, Валентинъ, потомъ Слуга изъ трактира.

Ванъ-Букъ. Опять письмо! Это ужь изъ рукъ вонъ!

Валентинъ. Да, и опять, и еще, и 10—если нужно. Проклятая баронеса разстроила мое первое свиданіе, я назначилъ второе и теперь дождусь здѣсь отвѣта. Эй! кто тамъ есть!

Слуга (изъ трактира). Не желаете-ли, сударь, откушать?

Валентинъ. Нѣтъ. Подайте одного шампанскаго, если оно у васъ найдется.

Ванъ-Букъ. Подадутъ тебѣ мерзѣйшаго вина; уксусъ какой-нибудь.

Слуга. Помилуйте, у насъ можно получить все, что пожелаете.

Ванъ-Букъ. Вотъ какъ? Въ такой-то дырѣ? Что ты хвастаешься?

Слуга. Здѣсь собираются господа во время охоты и мы все имѣемъ. (Приноситъ шампанское и уходитъ. Ванъ-Букъ впродолженіи всей сцены понемногу пьетъ.)

Валентинъ. Ну, дядюшка, не малодушествуйте.

Ванъ-Букъ. Будь покоенъ, я тебя не оставлю. Клянусь прахомъ покойнаго брата и свѣтомъ очей моихъ: пока носятъ меня ноги и голова моя на плечахъ—я неустанно буду препятствовать твоему мерзкому замыслу и отвращать ужасныя послѣдствія.

Валентинъ. Будьте увѣрены, что я ни на іоту не отступлю. Клянусь моимъ праведнымъ гнѣвомъ и мракомъ ночи, которая мнѣ покровительствуетъ: пока будетъ у меня бумага и чернила, я стану продолжать и доведу до конца мой мерзкій замыселъ, какъ-бы вы тамъ ни старались мнѣ препятствовать.

Ванъ-Букъ. И еслибъ ты еще любилъ ее! Еслибъ я былъ увѣренъ, что всѣми твоими безумствами руководитъ какое-нибудь человѣческое чувство, а то вѣдь—нѣтъ! Ты просто—ловеласъ, ты только и думаешь, какъ-бы соблазнить, и твоя цѣль, твоя мечта—самая гнусная измѣна. Нѣтъ, ты не племянникъ мнѣ!

Валентинъ. И еслибъ еще вы бранились, еслибъ я видѣлъ, что въ душѣ вы посылаете ко всѣмъ чертямъ и баронесу, и ея знакомыхъ, а то вѣдь нѣтъ! Вы просто устали и никакого оскорбленія, нанесеннаго намъ обоимъ, не чувствуете. Нѣтъ, вы не дядя мнѣ! Я не люблю эту дѣвочку, но еслибъ и любилъ, то месть моя была-бы еще сильнѣе и убила-бы всякую любовь въ моемъ сердцѣ. Клянусь, она сдѣлается моей возлюбленной, но никогда не будетъ моей женой! Долой всякія испытанія, обѣщанія, увертки! Краснѣйте, дядюшка Ванъ-Букъ, краснѣйте за насъ обоихъ! Вы называете меня ловеласомъ? Да, я ловеласъ. Имя это идетъ ко мнѣ. Мнѣ, какъ и ему, захлопнули подъ носомъ дверь, украшенную гербами. Меня, какъ и его, надменная семья жестоко оскорбила. Я, какъ дикій ястребъ, какъ все тотъ-же ловеласъ, высматриваю, кружусь надъ моей добычей. Я наброшусь на нее и она, какъ ханжа Кларисса, будетъ принадлежать мнѣ!

Сцена II.

Ванъ-Букъ, Валентинъ, Работникъ съ фермы.

Работникъ. Извольте, сударь, отвѣтъ.

Валентинъ. Скоро-жь обернулся ты, пріятель.

Работникъ. Я повстрѣчалъ горничную у рѣшетки дома; она взяла ваше письмо и сейчасъ принесла отвѣтъ.

Валентинъ. Вотъ тебѣ золотой за труды. (Работникъ уходитъ.)

Сцена III.

Ванъ-Букъ, Валентинъ.

Ванъ-Букъ. Чего тутъ торжествовать! Она шлетъ тебѣ отказъ.

Валентинъ. Въ этой запискѣ?

Ванъ-Букъ. Непремѣнно; Сесиль де-Монсъ во второй разъ отказываетъ тебѣ. Распечатай записку. Я ужь заранѣе знаю, что въ ней.

Валентинъ. И я тоже знаю.

Ванъ-Букъ. Глупецъ! Ты жалуешься на оскорбленія, а самъ такъ и напрашиваешься на нихъ.

Валентинъ. Тутъ-то оскорбленіе? Какъ вы еще юны, дядюшка. Посмотрите хорошенько: какая миленькая записочка. Ее хоть и наскоро писали, а все-таки нашли возможность придать ей кокетливый видъ. Главное, замѣтьте, какъ она сложена. Видите этотъ трехугольникъ съ печаткой посерединѣ? Это называется шляпочкой. Такъ не пишутъ ни родителямъ, ни повѣренному, ни духовнику, ни даже пріятельницамъ. Оскорбленіе! Повѣрьте, дядюшка, никогда письмо, написанное въ минуту раздраженія, не будетъ такъ сложено.

Ванъ-Букъ. Распечатай твою шляпочку и посмотримъ, что тамъ есть.

Валентинъ. Стоитъ только одно слово.

Ванъ-Букъ. Одно?

Валентинъ. Да, одно слово.

Ванъ-Букъ. Вотъ какъ! Дѣвочка любитъ выражаться кратко. Позволь полюбопытствовать—какое слово?

Валентинъ. Это слово: «хорошо».

Ванъ-Букъ. Да?

Валентинъ. Посмотрите сами.

Ванъ-Букъ. Быть не можетъ!

Валентинъ. Видите. Ну, дядюшка, умѣрьте ваше изумленіе и допейте бокалъ.

Ванъ-Букъ. Непостижимо? И ты просилъ у нея свиданія?

Валентинъ. Сами видѣли. Пейте-жь. Вы, хоть сто разъ перевертывайте эту записку—лишняго слова не выжмете.

Ванъ-Букъ. Просьба, сдѣланная на удачу, и въ отвѣтъ одно слово: «хорошо!» Это «хорошо» перепутало всѣ мои мысли. Я никогда ничего подобнаго этому «хорошо» не видывалъ. Извини, я считалъ тебя за сумасброда и все, что было во мнѣ честнаго, возмущалось при видѣ твоего нахальства; но теперь это «хорошо» меня смутило, убило, уничтожило. Это «хорошо» просто невѣроятно! И не будь я тебѣ дядей, я-бы, пожалуй, согласился съ твоимъ мнѣніемъ о женщинахъ. (Наступаетъ ночь.)

Валентинъ. И вы были-бы правы! (Кричитъ по направленію къ трактиру.) Эй! Принесите другую бутылку. На этомъ свѣтѣ всякій поступаетъ такъ, какъ ему удобнѣе. Ну, однимъ словомъ больше, однимъ меньше?—Что такое! Послушайте, дядюшка, помиримтесь. Смѣните гнѣвъ на милость. (Слуга приноситъ другую бутылку шампанскаго и уходитъ.) Чѣмъ браниться—выпьемъ лучше. А знаете-ли что, вѣдь это «хорошо», которое васъ такъ перевернуло—вовсе неглупо. У дѣвочки есть умъ. Даже больше: въ этомъ одномъ словѣ чувствуется сердце, проглядываетъ какая-то нѣжность, смѣлость, простота и... отвага. Ахъ, сердце—великій учитель! Того не придумаешь, что оно само укажетъ. Видно только на сердце и можно положиться.

Ванъ-Букъ. Я помню, въ Гагѣ, со мной случилась такая-же штука. Она была прекрасивый бабецъ: росту 5 футовъ и нѣсколько дюймовъ и съ такими, я тебѣ доложу, тѣлесами!.. Настоящія Венеры эти фламандки! Теперь и понятія не имѣютъ, что такое женщина. Во всѣхъ вашихъ парижскихъ красавицахъ на половину тѣла и на половину ваты.

Валентинъ. За здоровье вашихъ возлюбленныхъ.

Ванъ-Букъ. А знаешь, для простенькаго трактирчика это винцо недурно. Мнѣ необходимо было выпить и отдохнуть. Теперь я себя чувствую гораздо бодрѣе.

Валентинъ. Предлагаю условія мира. Во-первыхъ: разрѣшите мнѣ свиданіе.

Ванъ-Букъ. Но, милый... я надѣюсь, что ты...

Валентинъ. Клянусь вамъ ничего такого не дѣлать, чего-бы вы сами не сдѣлали на моемъ мѣстѣ. Этимъ все сказано. Смотрите, дядюшка, какъ я во всемъ исполняю ваши желанія. Въ концѣ-концовъ стаканъ вина—добрый помощникъ. Вспыльчивость-же никуда не годится. Разрѣшите четверть часа любовной интрижки и я отказываюсь отъ моей мести. Дѣвочка возвратится къ себѣ; а мы—въ Парижъ, и дѣло съ концомъ. Что-же до противной баронесы—я наказываю ее моимъ забвеніемъ! (Совсѣмъ наступаетъ ночь.)

Ванъ-Букъ (слегка опьянѣвъ). Согласенъ, другъ ты мой. Конечно, развѣ женятся на дѣвочкахъ, которыя посылаютъ вамъ такія «хорошо»; ты обѣщаешь мнѣ вести себя порядочнымъ человѣкомъ—ну и ступай, ступай, въ добрый часъ! Не бойся, изъ-за одного неудавшагося сватовства невѣстъ не растеряемъ. Я ужь берусь похлопотать, это мое дѣло. Еще не бывало, что какая-нибудь старая дура могла повредить честнымъ людямъ, которые съумѣли составить себѣ состояніе да и собой-то тоже недурны. Съ 60 тысячами годового дохода!

---

*) Это замѣчательное произведеніе Мюссе, написанное давно, въ настоящее время съ громаднымъ успѣхомъ идетъ на сценѣ «Французской комедіи» въ Парижѣ. Роли распредѣлены такъ: аббатъ — Го; Валентинъ—Делоне; Ванъ-Букъ—Тиронъ; баронеса—Маделена Броганъ; Сесиль—Рейхенбергъ.

Валентинъ. 50, дядюшка.

Ван-Букъ. Говорятъ тебѣ, 60! и при такихъ-то деньгахъ не найдти себѣ невѣсты... и вина?! (пьетъ.) Сегодня лунная ночь. Это напоминаетъ мнѣ молодость.

Валентинъ. Точно огонь тамъ мелькнулъ. Чтобы это значило? Ужь не облава-ли на насъ?

Ван-Букъ. Это, должно-быть, приготовленія къ балу. Сегодня у нихъ танцовальный вечеръ.

Валентинъ. Для большей безопасности—разойдемтесь. Послушайтесь меня: идите въ трактиръ, прикажите затопить, усядьтесь передъ огнемъ, закурите вашу добрую фламандскую сигару и грѣйте себѣ ноги передъ добрымъ фламандскимъ комелькомъ. Это васъ еще больше встряхнетъ. Черезъ полчаса я къ вашимъ услугамъ.

Ван-Букъ. Хорошо. Въ добрый часъ, мальчикъ! Ты мнѣ все разскажешь и мы сложимъ вмѣстѣ пѣсенку. Въ былое время мы всегда такъ дѣлали... Про каждую шалушку—куплетъ. (поетъ)

Правда-ль, милая Нанета,
Правда-ль, милая моя...

(Что-то напѣваетъ и скрывается въ трактирѣ. Валентинъ уходитъ въ противоположную сторону.)

Сцена IV.

Баронеса, Абатъ съ фонаремъ въ рукахъ,
потомъ Ван-Букъ.

Баронеса. Ясно, какъ день—она съ ума сошла. Съ ней сдѣлалось головокруженіе.

Абатъ. Она кричитъ: «мнѣ дурно!» Представьте себѣ мое положеніе.

Баронеса. Какъ разъ въ эту самую минуту вижу: подъѣзжаетъ карета. Я только успѣла кликнуть дворецкаго; дворецкаго нѣтъ; а ужь тамъ изъ кареты вышли и идутъ ко мнѣ—маркиза Вольгуяръ и баронъ Вальбузенъ.

Абатъ. Когда я услыхалъ, что она кричитъ, я еще не сразу подалъ ей помощь. Но что-же мнѣ было дѣлать: мнѣ представилось, что она лежитъ на полу безъ чувствъ, распростертая; а она кричитъ изо всѣхъ силъ. Ключъ-же былъ у меня въ рукахъ.

Баронеса. А, каково это? Дочь моя умчалась, сломя голову, и разомъ 30 каретъ въѣзжаетъ на дворъ; нѣтъ, я никогда не переживу этой минуты.

Абатъ. Да еще еслибъ у меня было время, я могъ-бы ее удержать за шаль... или по крайней мѣрѣ... наконецъ, мои просьбы, мои увѣщанія...

Ван-Букъ (Выходя изъ трактира, поетъ):

Правда-ль, милая Нанета,
Правда-ль, милая моя...

Баронеса. Это вы, Ван-Букъ? Ахъ, другъ мой, мы погибли! Моя дочь съ ума сошла и теперь бѣгаетъ по полямъ. Она исчезла, какъ сонъ. Она сбила съ ногъ абата и перешагнула черезъ него. Я съ вами рѣзко обошлась—забудьте и помиримтесь. Помогите мнѣ. Вѣдь вы мой старый другъ. Я мать, Ван-Букъ. Ахъ, ужасный случай! За что́ я такъ жестоко наказана?

Ван-Букъ. Баронеса, васъ-ли я вижу? Однѣ, пѣшкомъ, вы ищете вашу дочь! Боже праведный, вы плачете?! Ахъ, я несчастный. (Плачетъ.)

Баронеса (Абату). Что это съ нимъ?

Абатъ. Онъ, кажется, очень огорчился. Умоляемъ васъ, г. Ван-Букъ, сообщите намъ, если вы уже что слышали.

Ван-Букъ. Скорѣй, баронеса, скорѣй, пожалуйте мнѣ руку. (Беретъ ее подъ руку.) Только-бы Богъ помогъ намъ найдти ихъ! Я вамъ все разскажу. Не безпокойтесь, племянникъ мой честный человѣкъ, еще не все погибло.

Баронеса. Ба! Такъ это опять свиданье? Скажите, пожалуйста, какая хитрая! Ну, кому теперь можно вѣрить? (Уходятъ всѣ трое.)

Сцена V.

Валентинъ, Сесиль встрѣчаются.

Валентинъ. Сесиль, это вы?

Сесиль. Да; что́ это тамъ за огоньки?

Валентинъ. Не знаю. Какое намъ дѣло? Вѣдь это не для насъ.

Сесиль. Пойдемте вонъ туда, тамъ луна свѣтитъ.

Валентинъ. Нѣтъ, пойдемте сюда. Здѣсь темнѣе. Очень можетъ быть, что васъ ищутъ и вамъ надо скрыться.

Сесиль. Я здѣсь не увижу вашего лица; пойдемте, Валентинъ, послушайтесь меня.

Валентинъ. Куда тебѣ угодно. Пойдемъ, милая. Куда ты пойдешь, туда и я за тобой. (Садятся на дерновую скамью.)

Сесиль. Представьте, я уже давно заперлась въ павильонѣ и все ждала, ничего не знала. Я сама заперлась въ этой тюрьмѣ, боясь, чтобъ меня не заперли въ другой—похуже. А вы давно ужь меня ждете?

Валентинъ. Весь вечеръ. Видишь это письмо, омоченное слезами? Это твоя записка ко мнѣ.

Сесиль. Обманщикъ! Вѣтеръ и дождь смочили ее.

Валентинъ. Нѣтъ, моя Сесиль, дорогая, я плакалъ надъ твоей запиской отъ радости и любви. Что тебя безпокоитъ? Чего ты оглядываешься?

Сесиль. Не понимаю: куда-же дѣвался вашъ дядя? Я думала онъ здѣсь.

Валентинъ. Дядя выпилъ шампанскаго. Твоя мать далеко, все вокругъ насъ тихо.

Сесиль. Вашъ дядя выпилъ? Зачѣмъ сегодня утромъ онъ спрятался?

Валентинъ. Сегодня? Когда? Что ты хочешь сказать?

Сесиль. Да, сегодня утромъ. Я разговаривала съ вами, а онъ стоялъ за дверью. Развѣ вы не замѣтили? Я его видѣла, когда вошла въ гостиную.

Валентинъ. Ты навѣрно ошиблась; я ничего не видалъ.

Сесиль. Ахъ, какъ-же,—я его видѣла. Онъ еще чуть-чуть отворилъ дверь. Онъ, должно быть, подслушивалъ насъ.

Валентинъ. Какой вздоръ! Тебѣ это во снѣ приснилось. Не будемъ объ этомъ говорить. Дай мнѣ руку.

Сесиль. Отъ всего сердца, другъ мой! Зачѣмъ въ вашемъ первомъ письмѣ вы дурно отзываетесь о maman?

Валентинъ. Прости минуту отчаянія, я не могъ совладать съ собой.

Сесиль. Она спросила у меня ваше письмо; я не посмѣла не показать его. Я знала чѣмъ это кончится. Но кто предупредилъ ее? Сама она не могла догадаться; письмо было у меня въ карманѣ.

Валентинъ. Бѣдная! Тебя мучили. Это твоя горничная насъ выдала.

Сесиль. Ахъ, нѣтъ! На нее можно положиться и безъ денегъ. Но развѣ вы не подумали, что, отзываясь дурно о maman, вы этимъ оскорбляете меня?

Валентинъ. Ты уже простила мнѣ, не станемъ больше поминать. Зачѣмъ отравлять эти блаженныя минуты! О, дорогая моя, скажи, какими клятвами могу я искупить твое довѣріе ко мнѣ?

Сесиль. Валентинъ, сердце мое любитъ правду. Зачѣмъ вы пріѣхали къ намъ подъ чужимъ именемъ?

Валентинъ. Нельзя сказать. Это такъ... капризъ; я держалъ пари.

Сесиль. Пари? Съ кѣмъ?

Валентинъ. Не помню. Какое тебѣ дѣло до этихъ глупостей!..

Сесиль. Не съ дядей-ли? Да?

Валентинъ. Да, съ нимъ. Я любилъ тебя, я хотѣлъ узнать тебя ближе и чтобъ никто намъ не мѣшалъ-бы.

Сесиль. Вы правы, на вашемъ мѣстѣ я такъ-же-бы поступила.

Валентинъ. Какая ты любопытная! Къ чему всѣ эти вопросы? Вѣдь ты меня любишь. Отвѣчай—да, и довольно.

Сесиль. Да, другъ мой, да. Сесиль васъ любитъ. Она желаетъ быть достойной вашей любви. Вы ее любите—и она счастлива.. Зачѣмъ вы отказались отъ обѣда, когда я васъ стала приглашать?

Валентинъ. Я хотѣлъ ѣхать. У меня дѣла.

Сесиль. Должно быть, неважныя и близко, потому что вы сейчасъ-же и вышли изъ кареты.

Валентинъ. А ты почему знаешь? Развѣ ты меня видѣла?

Сесиль. Я слѣдовала за вами. Зачѣмъ вы сказали, что не танцуете мазурку, когда мы вмѣстѣ танцовали ее прошлой зимой?

Валентинъ. Гдѣ? Я не помню.

Сесиль. У г-жи Жеврѐ, на костюмированномъ вечерѣ. Какъ, вы забыли? А еще говорите въ вашемъ письмѣ, что видѣли меня зимой на балѣ. Это тамъ и было.

Валентинъ. Ахъ! да, помню. Посмотри, какая ясная ночь. Все спитъ. Только влюбленные не спятъ. Позволь мнѣ отбросить тюль и обнять тебя.

Сесиль. Позволяю. Ахъ, какъ я желала бы казаться вамъ красивой. Не отнимайте вашей руки отъ моей: мнѣ такъ хорошо съ вами. Зачѣмъ-же вы хотѣли уѣхать и заставить всѣхъ думать, что вы въ Парижѣ?

Валентинъ. Надо было для дяди. Смѣлъ-ли я надѣяться, что ты придешь на свиданье? О! какъ я боялся, посылая тебѣ письмо, и какъ я мучился, дожидаясь тебя!

Сесиль. Вы боялись, что я не приду? Отчего-же мнѣ было не придти? Я знала, что вы женитесь на мнѣ. (Валентинъ быстро встаетъ и прохаживается.) Что съ вами? Чѣмъ вы огорчились? Подите сюда, сядьте опять рядомъ со мной.

Валентинъ. Ничего, такъ... Я думалъ... Мнѣ послышалось, точно кто-то прошелъ тамъ?..

Сесиль. Мы совершенно одни, не бойтесь. Подите сюда. Или хотите я встану? (Встаетъ.) Не сказала-ли я такого, что огорчило васъ? Или, можетъ быть, вы обидѣлись, что я не сняла мантилью. (Снимаетъ мантилью.) Что съ вами? Вы молчите? Вамъ грустно? Чтобы такое я могла сказать? Я вижу: это я васъ огорчила.

Валентинъ. Нѣтъ, ничего. Вамъ такъ кажется. Помимо моей воли мнѣ сейчасъ пришла въ голову одна мысль.

Сесиль. Вы все время говорили мнѣ «ты» и даже... довольно... небрежно. Скажите, какая гадкая мысль разстроила васъ? Вы разсердились на меня? Простите, если я виновата. Но мнѣ кажется, я ничего худого не сказала. Дайте мнѣ вашу руку. (Гуляютъ подъ руку по аванъ-сценѣ.) Знаете, что я вамъ скажу: сперва я послала къ вамъ въ комнату бульону, — Генріэта готовитъ его превкусно, — потомъ пошла въ гостиную, увидала васъ и сейчасъ вамъ предложила его; но я думала, что вы не хотите бульону, не любите. Я 3 раза прошлась по алеямъ—вы замѣтили меня? Вы ушли къ себѣ на верхъ. Я сейчасъ-же побѣжала въ цвѣтникъ—оттуда видны ваши окна. Вижу: вы стоите у окна и, схвативши чашку обѣими руками, такъ-то славно кушаете бульонъ! (Смѣется.) Вѣдь правда? А каковъ бульонъ?!

Валентинъ. Отличный! Прелестный ребенокъ!

Сесиль. Когда мы женимся, вы увидите, я еще не такъ буду ухаживать за вами. Но зачѣмъ вы велѣли кучеру въѣхать въ канаву?

Рисковать жизнью! И къ чему все это? Вы знали заранѣе, что васъ здѣсь хорошо примутъ. Вы желали скрыть вашу фамилію—это еще я понимаю; но зачѣмъ все остальное? Вы, можетъ быть, любите романы? Вы читаете ихъ?

Валентинъ. Иногда. Пойдемъ, сядемъ опять. (Садятся.)

Сесиль. Признаюсь, я не очень люблю романы. И въ тѣхъ, какіе я читала, мало смысла. Мнѣ кажется, что романы—просто однѣ сказки, выдуманныя авторами для ихъ собственной забавы. Въ романахъ только и говорится, что объ интригахъ, хитростяхъ, о соблазнителяхъ, о тысячѣ вещей самыхъ неправдоподобныхъ. Возьмемъ хоть сегодняшній вечеръ: когда я получила ваше письмо, я увидала, что мнѣ предстоитъ свиданье въ лѣсу! Конечно, я поддалась романическому желанію—придти. Но вѣдь въ этомъ свиданіи было много и реальнаго; а реальная сторона говорила въ мою пользу. Если maman узнаетъ о нашемъ свиданіи, а она узнаетъ, — насъ непремѣнно женятъ. Какъ бы вашъ дядюшка съ ней ни ссорился, а все-таки они помирятся. Мнѣ стыдно было, что меня заперли; и въ самомъ дѣлѣ, что я такого сдѣлала, чтобъ запирать меня? Пришелъ абатъ—я притворилась, что мнѣ дурно, онъ мнѣ отперъ и я убѣжала.

Валентинъ (въ сторону). Или я самъ попался въ свои тенета или я былъ слѣпъ и теперь только начинаю прозрѣвать.

Сесиль. Что-же вы мнѣ не отвѣчаете? Долго будетъ еще длиться ваша грусть?

Валентинъ. Вы слишкомъ умны для своихъ лѣтъ, а вѣтрены такъ-же, какъ и я.

Сесиль. Сознаюсь, вѣтрена. Но, милый Валентинъ, вѣдь я люблю васъ. Я вамъ теперь во всемъ признаюсь. Я знала, что вы меня любите и не со вчерашняго дня. Я встрѣтила васъ зимой только 3 раза; но у меня есть сердце и я не забываю. Вы вальсировали со мной; когда я проходила мимо дверей, моя гребенка задѣла за драпировку и волосы у меня разсыпались. Припоминаете теперь? Неблагодарный! Въ вашемъ письмѣ съ перваго слова вы говорили, что помните. И какъ-же у меня забилось сердце, читая ваше письмо! Повѣрьте мнѣ, вотъ это-то и доказываетъ, что любишь, поэтому я и пришла сюда.

Валентинъ (въ сторону). Она—или хитра, какъ чортъ, или чиста, какъ ангелъ.

Сесиль. Что касается моего ума — это дѣло другое. У меня много было учителей и всѣхъ сортовъ; но хорошему я научилась отъ матери.

Валентинъ. Отъ твоей матери? Вотъ бы не повѣрилъ!

Сесиль. Вы мало ее знаете, Валентинъ. Вы полюбите ее, когда станете жить, какъ мы, по фермамъ, съ крестьянами, и когда у васъ будутъ свои бѣдные. Тогда вы не станете улыбаться, говоря о ней. Вы будете благословлять ее и уважать.

Валентинъ. Дорогой, милый ребенокъ! Ты занимаешься добрыми дѣлами, я вижу какая ты славная!

Сесиль. Да, мать научила меня всему хорошему, лучше ея нѣтъ женщины на свѣтѣ.

Валентинъ. Будто?

Сесиль. Ахъ, другъ мой, не вы одни—многіе не хотятъ вѣрить, что она прекрасная женщина. Кто видѣлъ мать четверть часа, тотъ судитъ о ней по нѣсколькимъ словамъ, брошеннымъ на вѣтеръ. Правда, дни она проводитъ за картами, вечера за вышиваньемъ. Она ни для какого знатнаго гостя не оставитъ своего пикета; но лишь только взойдетъ дворецкій и доложитъ ей тихо—она сейчасъ-же побѣжитъ. Это значитъ, что пришелъ бѣдный и проситъ помощи. Сколько разъ въ церкви я видала бѣдныхъ, плачущихъ отъ радости, когда мать подходила къ нимъ. Нѣтъ, ей есть чѣмъ гордиться и я горжусь ею. (Перемѣняя тонъ.) Точно кто-то ходитъ тутъ?

Валентинъ. Нѣтъ, все тихо. Тебѣ не страшно? Ты не боялась, когда шла сюда?

Сесиль. Чего страшно? Чего мнѣ бояться? Неужели васъ или темноты?

Валентинъ. Развѣ ты не боишься меня? Кто тебя убережетъ? Вѣдь я молодъ, ты хороша, мы одни здѣсь.

Сесиль. Такъ что-же изъ этого? Что тутъ дурного?

Валентинъ. Да, тутъ ничего нѣтъ дурного. Выслушай меня и позволь мнѣ стать на колѣни предъ тобой.

Сесиль. Что съ вами? Вы дрожите?

Валентинъ. Я дрожу отъ страха и радости. Я хочу во всемъ тебѣ покаяться. Я злой, я гадкій нахалъ; хотя на все, что я придумалъ, стоитъ только пожать плечами. Ты сказала, что романы тебѣ не нравятся. Я много читалъ ихъ и самыхъ плохихъ. Есть одинъ романъ, онъ называется «Клариса Гарловъ»; я дамъ тебѣ прочитать его, когда ты будешь моей женой. Герой влюбляется въ красивую дѣвушку, какъ ты, милая; онъ думаетъ на ней жениться; но прежде онъ хочетъ испытать ее. Онъ похищаетъ ее и привозитъ въ Лондонъ, но она сопротивляется ему. Пріѣзжаетъ Бетфоръ... то есть Томлисонъ, капитанъ... я хочу сказать Мордонъ... нѣтъ, я ошибаюсь... Однимъ словомъ... нѣтъ, это все не то, все не то. Ловеласъ дуракъ, а я тѣмъ болѣе, потому что хотѣлъ дѣйствовать, какъ онъ! Слава Богу! Ты не поняла меня, ты ничего не поняла. Я люблю тебя, я женюсь на тебѣ. Чѣмъ меньше разсуждаешь въ любви, тѣмъ лучше!..

Сцена VI.

Валентинъ, Ван-Букъ, Абатъ, Баронеса,
Сесиль.

Баронесса. Я ни слова вамъ не вѣрю. Онъ еще слишкомъ молодъ, чтобъ быть такимъ испорченнымъ. Соблазнять мою дочь! Теперь такихъ вещей больше не дѣлаютъ. Смотрите: вонъ они! Да они премилые! Здравствуйте, Валентинъ, куда это вы оба забились?

Абатъ. Жаль, что наши поиски увѣнчались позднимъ успѣхомъ. Вѣроятно, всѣ гости уже разъѣхались.

Ван-Букъ. Что-же нашъ закладъ?

Валентинъ. Дядюшка, никогда, ни кому не прекословьте.

Ван-Букъ. А ты, племянникъ, зарока не давай.

Занавѣсъ.

Хозяйство и промыслы муравьевъ.

(Окончаніе.)

Могриджъ, наблюдая осенью одинъ муравейникъ, замѣтилъ около него большую кучу отбросовъ и по ней заключилъ, что въ муравейникѣ долженъ быть большой запасъ зеренъ. Разслѣдовавъ муравейникъ, онъ нашелъ въ разныхъ частяхъ его массы собранныхъ зеренъ. Полъ въ камерахъ, служащихъ магазинами, былъ тщательно выровненъ и цементованъ. Камеры были различныхъ величинъ, во большею частью съ карманные часы. Въ каждой камерѣ хранилось до 100 грановъ зеренъ, а такъ какъ въ муравейникѣ бываетъ отъ 80 до 100 камеръ, то общее количество запаса должно составлять фунтъ или болѣе. Зерна принадлежали разнымъ растеніямъ, хотя муравьи предпочитаютъ сѣмяна культурныхъ растеній. Для Могриджа осталось необъяснимымъ, какимъ образомъ муравьи могутъ удерживать зерна отъ проростанія. Внутри влажнаго и теплаго муравейника зерна не могутъ сохраниться долго, а такъ какъ проростаніе зеренъ не должно входить въ цѣли муравьевъ, то, очевидно, что муравьи владѣютъ какимъ-то секретомъ и умѣютъ задерживать проростаніе. Что это дѣйствительно такъ, Могриджъ убѣдился изъ слѣдующаго случая. Онъ не допускалъ муравьевъ до нѣкоторыхъ камеръ, въ которыхъ хранились сѣмяна и эти сѣмяна проростали; также проростали сѣмяна и въ тѣхъ частяхъ муравейника, которыя муравьи забросили. Слѣдовательно, ясно, что не внѣшнія обстоятельства задерживали проростаніе зеренъ. Могриджъ думаетъ, что муравьи закупориваютъ какимъ-нибудь механическимъ средствомъ ростковое отверстіе, черезъ которое входитъ влажность въ середину зерна, и что для этого муравьи употребляютъ какое-нибудь липкое вещество. Когда наступитъ время, муравьи удаляютъ это липкое вещество и затѣмъ сѣмячко начинаетъ проростать. Когда-же муравьямъ нужно остановить ростъ, они обгрызаютъ ростокъ или корешокъ и выносятъ сѣмя на солнце, чтобы оно просохло—и ростъ его опять пріостановится. Если-же сѣмяна смокнутъ какъ-нибудь отъ дождя, муравьи ихъ выносятъ на солнце и просушиваютъ.

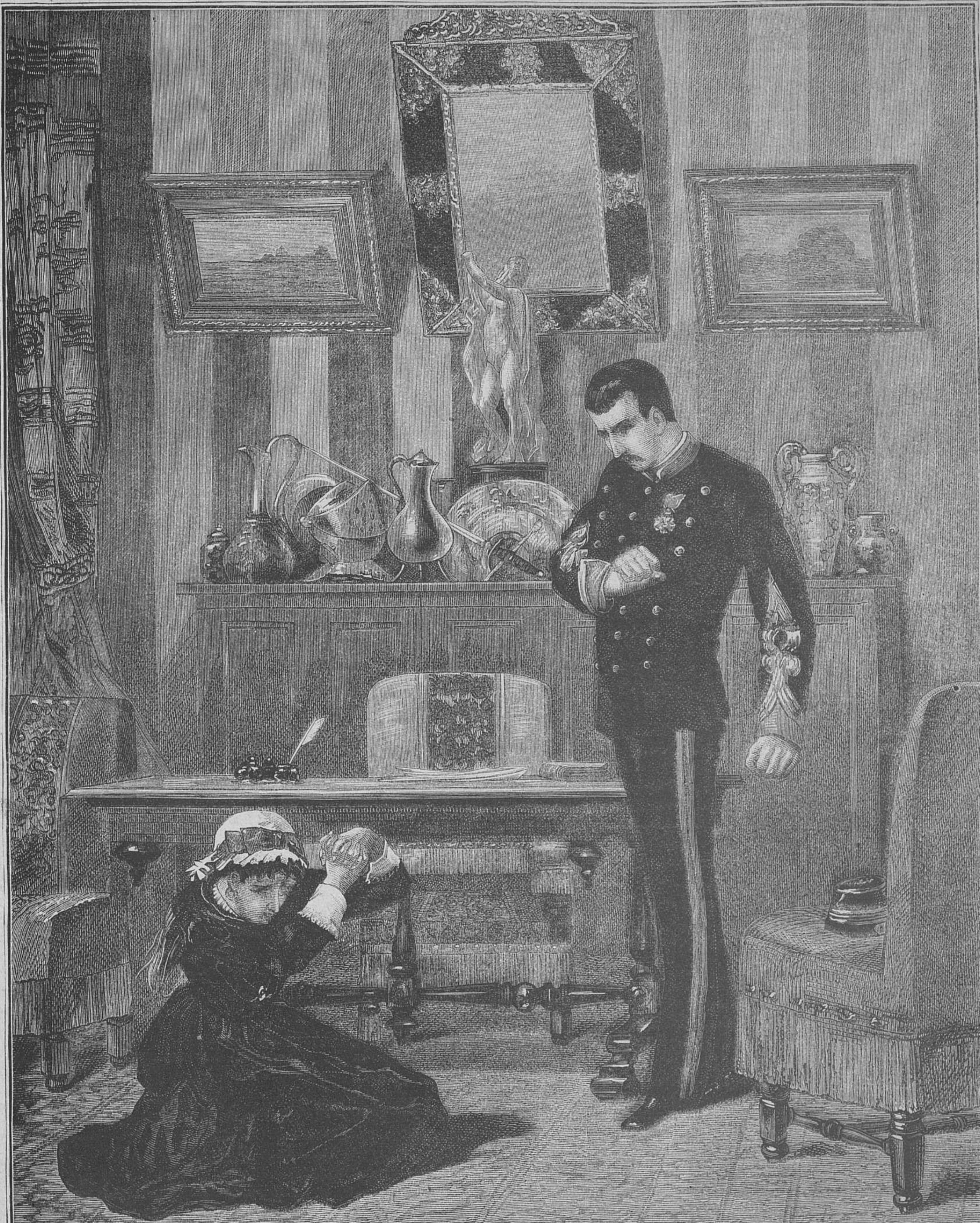
При проростаніи крахмалъ, находящійся въ сѣмянахъ, превращается въ сахаръ и камедь; въ тоже время твердая оболочка растрескивается и ядро становится мягкимъ. Зерно, пришедшее въ такое состояніе, служитъ пищей для муравьевъ и для личинокъ, шелуху-же муравьи выносятъ вонъ и она въ видѣ отрубей составляетъ тѣ кучи, которыя весной лежатъ возлѣ муравейниковъ. Процесъ, которому подвергаютъ муравьи хлѣбныя сѣмяна, извѣстенъ у пивоваровъ подъ именемъ солодованія. Поэтому, едва-ли можно сомнѣваться, что муравьямъ неизвѣстна одна изъ важнѣйшихъ отраслей человѣческой промышленности; ничего нѣтъ мудренаго, что муравьямъ этотъ процесъ былъ извѣстенъ ранѣе, чѣмъ на землѣ появился человѣкъ. Ужь разумѣется, что муравей научился приготовлять солодъ не инстинктомъ, а опытомъ. Правильное-же примѣненіе случайно сдѣланнаго открытія къ одной и той-же постоянной цѣли должно было превратиться въ наслѣдственный обычай или привычку.

Впрочемъ, муравьи достаточно умны, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда это имъ выгоднѣе, не слѣдовать своей наслѣдственной привычкѣ. Такъ, если муравьи, находятъ, что грабить удобнѣе и легче, чѣмъ заниматься собираніемъ и жатвой,—они грабятъ или человѣческіе запасы или склады своихъ другихъ муравейниковъ. Могриджъ видѣлъ въ Ментонѣ цвѣтущую колонію изъ породы Atta structor, поселившуюся въ воротахъ дома одного хлѣбнаго торговца, которая, нисколько не стѣсняясь, собирала валявшіяся на землѣ зерна овса и пшеницы. Другой муравейникъ устроился въ томъ-же городѣ, недалеко отъ дома крестьянина, державшаго канареекъ, и пробавлялся канареечными сѣмянами, которыя выбрасывались.

Но, кажется, муравьи находятъ болѣе достойнымъ себя грабить своихъ собратьевъ. По понятіямъ муравьевъ въ этомъ, конечно, болѣе рыцарства. Подобными рыцарскими наклонностями прославился больше другихъ блестящій смолено черный муравей—Atta barbara, который ведетъ свои грабительскія войны иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Могриджъ видѣлъ подобную войну, которая тянулась съ 18 января по 4-е марта. Сколько разъ онъ ни посѣщалъ втеченіи этого времени воинствовавшій муравейникъ, онъ постоянно видѣлъ только сцены борьбы и опустошенія. Враждебные муравейники лежали въ разстояніи 15 футовъ и противники дрались почти изъ за каждаго зерна. Мѣсто побоища было постоянно покрыто мертвыми или страшно изуродованными муравьями. Самое частое поврежденіе заключалось въ отгрызенной задней

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ АДРІЕНЪ-МАРИ.



Сцена изъ драмы „Le fils de Coralie“.

части, но оставшаяся передняя, состоявшая, большею, частью изъ головы и нѣкоторыхъ ногъ, все еще держала схваченное зерно, такъ что побѣдитель уносилъ зерно вмѣстѣ съ головою побѣжденнаго. Только тогда противникъ оказывался вполнѣ безпомощнымъ, если врагу удавалось оборвать или поранить его щупальца. Только послѣ 4 марта кончилось побоище, когда ограбленнымъ муравьямъ нечего было охранять; тѣмъ не менѣе побѣжденные не оставили своего муравейника. Но когда Могриджъ посѣтилъ мѣсто битвъ осенью — ограбленный муравейникъ оказался покинутымъ, тогда какъ муравейникъ грабителей кипѣлъ полною жизнью. Въ другомъ случаѣ война тянулась 31 день и ограбленный муравейникъ былъ покинутъ его обитателями. Когда Могриджъ вскрылъ муравейникъ — въ его магазинахъ не оказалось ни одного зерна.

Но самый изумительный изъ всѣхъ муравьевъ есть живущій въ Мехикѣ муравей-земледѣлецъ. Этотъ муравей не только разводитъ нужныя ему растенія, но жнетъ ихъ, такъ что можно сказать, что онъ ведетъ настоящее сельское хозяйство, располагая свои дѣйствія соотвѣтственно временамъ года. Муравей-земледѣлецъ устраиваетъ свои муравейники на столько особеннымъ образомъ, что ихъ называютъ муравьиными городами. Въ разстояніи 3 или 4 футовъ отъ воротъ своего города муравей устраиваетъ свои поля и въ нихъ кромѣ растеній, которыя онъ культируетъ, не встрѣчается ни одного посторонняго листочка. Муравей-земледѣлецъ держитъ свои поля въ самомъ строгомъ порядкѣ и тщательно скусываетъ всякую постороннюю растительность. При такомъ тщательномъ уходѣ культируемый хлѣбъ ростетъ очень хорошо и даетъ обильныя жатвы сѣмянъ, извѣстныхъ подъ названіемъ муравьинаго риса. Когда сѣмяна риса созрѣютъ, рабочіе муравьи тщательно собираютъ ихъ, затѣмъ очищаютъ отъ шелухи или мякины и выносятъ за границы муравейника. Во время худой или дождливой погоды муравей-земледѣлецъ выноситъ отсырѣвшія или попорченныя зерна на солнце, чтобы они высохли, затѣмъ здоровыя зерна выноситъ назадъ, а испорченныя бросаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Техаса есть очень древніе города муравьевъ-земледѣльцевъ, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе занимаются земледѣліемъ.

Такимъ образомъ и муравей дошелъ до той степени культуры, до которой человѣчество, какъ извѣстно, достигло послѣ двухъ очень продолжительныхъ періодовъ — охотничей и пастушеской жизни. Муравей не удовлетворился однако однимъ земледѣліемъ, онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и выработалъ 2 паралельныхъ съ нимъ занятія — скотоводство и молочное хозяйство. Дойными коровами служитъ муравью тля. Хотя осы и пчелы тоже эксплуатируютъ сладкій сокъ тли, но только одинъ муравей съумѣлъ приручить тлю. Дарвинъ дѣлалъ тщетныя попытки, чтобы заставить тлю выдѣлить изъ себя сладкій сокъ. Онъ ждалъ пока для тли наступитъ время освободиться отъ сладкаго сока, бралъ тоненькій волосокъ и, подражая муравью, нѣжно щекоталъ тлю, однако ничего изъ этого не выходило. Затѣмъ онъ припустилъ къ тлѣ муравья. Муравей сейчасъ-же началъ щекотать щупальцами заднюю часть тѣла тли и она, приподнявъ ее, выдѣлила каплю свѣтлой жидкости, которую муравей тотчасъ-же и съѣлъ. Отношеніе муравьевъ къ тлѣ извѣстно уже давно и еще Линей назвалъ тлю коровой муравья, хотя онъ и не зналъ, что муравей держитъ иногда тлю внутри своего муравейника и ведетъ настоящее молочное хозяйство. Губеръ замѣтилъ, что муравьиная колонія тѣмъ богаче, чѣмъ у нея больше тли и чѣмъ раціональнѣе ведется молочное хозяйство. Особенно нѣжнымъ уходомъ и ласкою муравьи умѣютъ заставлять тлю выдѣлять столько сладкаго сока, сколько имъ нужно. Въ этомъ между прочимъ и заключается причина, что страдаютъ деревья, часто посѣщаемыя муравьями. Но муравей не прямая причина страданія; онъ виноватъ только тѣмъ, что разводитъ тли больше, чѣмъ ее было бы безъ его ухода, и тѣмъ, что заставляя тлю выдѣлять сокъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ ее больше сосать листья. Если нѣтъ муравьевъ, то тля и сама выкидываетъ изъ себя сладкій сокъ. Но когда дерево посѣщается муравьями, тля не выбрасываетъ изъ себя сладкую жидкость, а терпѣливо ждетъ, пока не придутъ муравьи и ее не подоятъ. Безъ муравья тля очень долгое время не выдѣляетъ сока, тутъ-же она быстро выдѣляетъ каплю за каплей и муравьи сосутъ этотъ сокъ сколько достаетъ у нихъ силъ. Излишекъ сока муравей отрыгаетъ и удѣляетъ его или товарищамъ или кормитъ имъ личинокъ. Если по дереву бѣгаетъ много муравьевъ, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что на деревѣ есть тля. На плодовыя деревья муравьи лазятъ только ради тли и никогда не трогаютъ не поврежденныхъ плодовъ. Случалось не разъ, что пытались помѣшать путешествіямъ муравьевъ на деревья, частью, чтобы испытать ихъ умъ, частью, чтобы спасти отъ нихъ деревья. Съ какимъ трудомъ удавалось послѣднее, — покажутъ слѣдующіе факты. Хотя муравья и легко испугать всѣмъ, что ему незнакомо, но испугъ его продолжается не долго. Муравей или убѣдится, что опасность только мнимая, или-же придумаетъ средство, чтобы избавиться отъ нея. Если на стволѣ дерева, посѣщаемаго муравьями, провести вокругъ черту мѣломъ, то муравьи сначала не отваживаются ползти черезъ нее. Но вотъ нѣсколько смѣльчаковъ, изслѣдовавъ кажущуюся опасность, убѣждаются, что вреда нѣтъ никакого, переползаютъ черту, затѣмъ за ними ползутъ и всѣ остальные. Професоръ Лейкартъ сдѣлалъ разъ слѣдующій опытъ: онъ обвелъ вокругъ дерева широкую полосу табачнымъ сокомъ. Когда муравьи, ползшіе сверху, дошли до препятствія, они вернулись и, чтобы попасть на землю, стали спрыгивать съ вѣтвей. Труднѣе было тѣмъ, которые хотѣли взобраться на дерево съ земли. Убѣдившись, что препятствіе грозитъ ихъ жизни, они сползли внизъ, затѣмъ снова вернулись и каждый муравей тащилъ при этомъ въ челюстяхъ кусочекъ земли. Эту землю они прилѣпили къ намазанной полосѣ и продолжали свою работу до тѣхъ поръ, пока не устроили безопасной дороги, по которой и ползали взадъ и впередъ. Еще любопытнѣе слѣдующій опытъ. Кленъ, кишѣвшій тлей и сильно посѣщаемый муравьями, былъ на высотѣ одного фута надъ землею обмазанъ смолою. Первые муравьи, пытавшіеся переползти черезъ полосу, къ ней прилипли. Что-же сдѣлали остальные? Они вернулись на дерево, взяли тлю и наклеили ее одну рядомъ съ другой, такъ что образовался мостъ, по которому муравьи затѣмъ и ползали безопасно.

Муравьи отличаются особенной способностью отыскивать все сладкое, какъ-то сахаръ, сладкіе плоды, сиропы. Ловкость, съ которою отыскиваютъ муравьи сладкое, далеко превосходитъ людскую изобрѣтательность, съ которой эти вещи отъ нихъ прячутъ. Когда муравей открылъ сладкое сокровище, то, подчиняясь непобѣдимому закону эгоизма, онъ старается удовлетворить свою жадность и наѣдается, сколько можетъ. Только послѣ личнаго удовлетворенія муравей вспоминаетъ о долгѣ къ себѣ подобнымъ и идетъ извѣстить товарищей о кладѣ. Тѣ, разумѣется, не заставляютъ себя долго ждать и спѣшатъ къ кладу толпами.

Чтобы испытать умъ муравьевъ, докторъ Франклинъ поставилъ въ уединенную комнату горшокъ съ сиропомъ. Очень скоро явилась масса муравьевъ и принялась уничтожать сладости. Франклинъ вынесъ горшокъ и повѣсилъ его на веревкѣ подъ потолокъ комнаты, но случайно остался въ горшкѣ одинъ муравей котораго Франклинъ не замѣтилъ. Этотъ муравей, наѣвшись сколько могъ, собрался уйдти и ему стоило большого труда выискать нитку, на которой висѣлъ горшокъ. Выискавъ, наконецъ, ее, онъ черезъ потолокъ и стѣну добрался до полу и убѣжалъ. Не прошло и часу, какъ пришла громадная толпа муравьевъ, взобралась на стѣну и черезъ потолокъ и нитку влѣзла въ горшокъ. Первую толпу смѣнила другая и этотъ маневръ повторялся до тѣхъ поръ, пока не исчезъ весь сиропъ.

Подобныя наблюденія, сдѣланныя не разъ, возбуждаютъ 2 вопроса: какимъ образомъ муравьи находятъ дорогу отъ мѣста, гдѣ была пища, если мѣсто лежитъ далеко или нѣтъ возможности его увидѣть? И второй вопросъ — какимъ средствомъ муравьи сообщаютъ одинъ другому о своихъ открытіяхъ и заставляютъ своихъ товарищей слѣдовать за собою? Первый вопросъ разрѣшается тѣмъ, что у муравьевъ развито тонкое обоняніе. Оно у нихъ такъ чувствительно, что достаточно приблизить къ дорогѣ, по которой проходятъ муравьи, человѣческую руку, чтобы возбудить осторожность муравьевъ. Леспесъ говоритъ, что если положить руку на муравейную дорогу, когда она пуста, и затѣмъ снять ее, то муравей, дойдя до этого мѣста, останавливается въ испугѣ и затѣмъ бѣжитъ изъ всѣхъ силъ назадъ. Затѣмъ приходитъ второй, третій и всѣ они поступаютъ также. Если между муравьями найдется хоть одинъ достаточно смѣлый, чтобы переползти черезъ препятствіе и это ему сойдетъ благополучно, то остальные слѣдуютъ примѣру храбреца. Форель замѣтилъ, что если дотронуться пальцемъ до дороги муравьевъ, когда она пустая, то ближайшій муравей, который затѣмъ прибѣжитъ къ этому мѣсту, поднимаетъ свои щупальцы и вертитъ ими въ разныя стороны, затѣмъ прибѣгаютъ другіе и съ очевиднымъ безпокойствомъ начинаютъ изслѣдовать сомнительную мѣстность и переходятъ ее только тогда, когда убѣдятся, что опасности нѣтъ никакой. Форель говоритъ, что, дѣлая наблюденія надъ муравьями, нужно закрывать носъ и ротъ, потому что самое легкое человѣческое дыханіе достаточно для того, чтобы испугать муравьевъ и чтобы опытъ не удался. Чтоже касается отыскиванія муравьями дороги, по которой они разъ прошли, то это объясняется тѣмъ, что муравьи отдѣляютъ отъ себя сильный запахъ.

Относительно-же языка муравьевъ извѣстно вотъ что: когда 2 муравья разговариваютъ, то они стоятъ головами одинъ противъ другого и очень оживленно жестикулируютъ щупальцами, бьютъ одинъ другого ими по головѣ и т. д. Что этимъ способомъ муравьи дѣлаютъ одинъ другому вполнѣ опредѣленныя сообщенія — подтверждается многочисленными наблюденіями. Англичанинъ Іессе разсказываетъ, что онъ нѣсколько разъ клалъ небольшую зеленую личинку близъ муравейника. Немедленно за этимъ являлся муравей и схватывалъ личинку, чтобы нести ее въ муравейникъ. Но такъ какъ это оказывалось не подъ силу одному муравью, онъ отправлялся за товарищемъ. Муравьи останавливались одинъ противъ другого, жестикулировали щупальцами и, окончивъ разговоръ, отправлялись за личинкой, чтобы унести ее соединенными усиліями. Іессе наблюдалъ нѣсколько разъ, какъ 2 муравья, встрѣтившись на дорогѣ къ муравейнику, останавливались, трогали другъ друга щупальцами и, очевидно, сообщали другъ другу что-то. Какъ увѣряетъ Іессе, подобныя сообщенія имѣли цѣлью фуражировку. Гогъ пишетъ въ одномъ письмѣ къ Дарвину, что къ нему повадились лазить муравьи на цвѣтокъ, стоявшій на каминѣ. Ихъ сметали нѣсколько разъ щеткой, но все это ни вело ни къ чему и тогда нѣсколько муравьевъ были задавлены пальцемъ. Явившіеся затѣмъ муравьи немедленно съ ужасомъ бѣжали назадъ, чтобы предупредить о бѣдѣ своихъ товарищей; ихъ извѣстіе, какъ кажется, не было признано за правдоподобное, потому что, не смотря на сообщеніе, муравьи полѣзли на каминъ и вернулись только тогда, когда увидѣли собственными глазами грозившее имъ несчастіе.

Ландуа думаетъ, что муравьи кромѣ языка жестовъ владѣютъ и звуковымъ языкомъ. Разъ онъ бросилъ на муравейникъ большого крестовика (паукъ); муравейникъ немедленно-же пришелъ въ волненіе, быстроту котораго можно было объяснить только слѣдствіемъ акустическаго сообщенія. Громадная масса муравьевъ накинулась на паука и началась ожесточенная борьба, кончившаяся торжествомъ муравьевъ. Тотъ же Ландуа замѣтиль на задней части муравьевъ, преимущественно у породъ понера, звуковой апаратъ. Звукъ, производимый звуковымъ апаратомъ этого муравья, достигаетъ человѣческаго уха, звукъ-же обыкновеннаго муравья — нѣтъ.

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье**.

(*Продолженіе.*)

Черезъ нѣсколько дней послѣ приведеннаго выше разговора де-Люкъ сказалъ Орели, что ему извѣстно все, что дѣлается въ общинѣ, даже то, что она принимала Матье де-Тальи, не взирая на запрещеніе начальницы. Это не столько удивило, сколько раздосадовало Орели и она рѣшила, что не останется въ общинѣ. Покорная своимъ страстямъ, она желала, чтобы абатъ любилъ ее, потому что онъ ей нравился. Что-же касается де-Люка, онъ еще никогда не знавалъ подобной кокетки. Ея хитрость казалась ему ребячествомъ; онъ думалъ, что покорилъ ее, тогда какъ самъ онъ попался въ ея сѣть, опутанный по рукамъ и по ногамъ. Онъ не зналъ, что любовь этой несчастной вела къ роковому концу, что отъ нея оставалась опозоренная или разбитая жизнь. Полагая, что передъ нимъ капризная, легкомысленная, вѣтренная женщина, де-Люкъ очень легко смотрѣлъ на любовь къ ней. Онъ вздумалъ подѣйствовать на ея тщеславіе и намекнулъ ей однажды, что графиня В. не безсмертна и что онъ можетъ помочь Орели занять ея мѣсто. Г-жа де-Марби промечтала объ этомъ цѣлую ночь, но она была слишкомъ легкомысленна, чтобы долго думать о чемъ-нибудь, въ особенности, когда сердце ея было занято любовью.

Таковы были отношенія и чувства Орели и де-Люка въ тотъ день, когда баронеса де-Марби окончательно поступила въ общество сестеръ «Кающихся». Знай абатъ, что произошло въ ея душѣ въ ту минуту, когда она сидѣла у окна, — отъ котораго она внезапно отскочила, всмотрѣвшись въ лицо молодого работника, — онъ тотчасъ-же побѣжалъ бы утѣшать ее.

Орели была спокойна; она размышляла о своей будущей мирной жизни въ общинѣ; объ удовлетвореніи своего каприза. Когда-же все это надоѣстъ, она уйдетъ, сброситъ съ себя одежду сестры и возвратится въ свѣтъ, гдѣ ей некого теперь бояться, потому что мужъ умеръ, а отъ Элизы и де-Мейрана обѣщалъ избавить ее Матье де-Тальи. Все сдѣлалось къ лучшему; она удалилась въ общину, какъ уѣзжаютъ въ деревню: для отдыха, для разнообразія; ее интересуютъ обычаи и нравы общины, имѣющіе для нея прелесть новизны, какъ нравы и обычаи поселянъ для столичнаго жителя. Вдобавокъ подвернулась любовная интрижка, и она увлеклась ею, не придавая ей, впрочемъ, большой важности. Словомъ, будущее улыбалось ей: впереди были богатство, свобода, независимость, а нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ общинѣ, прибавятъ ко всему этому уваженіе и почетъ. Орели чувствовала себя счастливой и улыбалась своему свѣтлому горизонту. Но вдругъ взглядъ ея, разсѣянно бродившій, встрѣтилъ глаза молодого работника. Она вскрикнула, поблѣднѣла и отскочила отъ окна. Она узнала въ молодомъ рабочемъ Эмиля Обле, — того, кого она позволила осудить, чтобы избѣжать позора. Грозно встало передъ нею будущее: она понимала, что прощеніе невозможно. Этотъ будетъ неумолимъ. Она помнила, какъ она обошлась съ нимъ въ судѣ, какъ она уничтожила его своимъ состраданіемъ, своимъ презрѣніемъ; изъ любовника она сдѣлала вора. Когда несчастный искалъ въ ея взглядѣ ободренія, утѣшенія въ позорѣ, на который она его обрекла, она только мѣряла его съ головы до ногъ своимъ холоднымъ взглядомъ. Какой стыдъ, какое презрѣніе наполняли ея душу! И этотъ негодяй смѣлъ говорить, что она его любила! что она измѣнила для него своимъ супружескимъ обязанностямъ! Фуй! Тогда она прочла во взглядѣ этого человѣка, какую ненависть онъ почувствовалъ къ ней, и когда онъ возмутился противъ ея сообщника, президента суда, позволившаго себѣ оскорбить его въ несчастьи, она услыхала въ тонѣ его голоса такую угрозу себѣ въ будущемъ, которая заставила ее содрогнуться. Этотъ слишкомъ много выстрадалъ. Годы тюрьмы незабываются. Въ мрачной тишинѣ тюрьмы мысль работаетъ, ненависть укореняется и вмѣстѣ съ надеждой на свободу сердце лелѣетъ надежду на месть. Орели чувствовала, что и сама она никогда не простила бы тому, кто предалъ бы ее въ жертву публичному позору.

Этотъ работникъ, явившійся ей въ своей широкой бѣлой блузѣ, облитой солнечнымъ свѣтомъ; это ярко освѣщенное лицо, выступившее изъ темнаго фона окна, какъ будто съ ореоломъ вокругъ темныхъ волосъ, перевернуло вверхъ дномъ всѣ ея чувства. Ей показалось, что это видѣніе; что судья пришелъ за преступникомъ. Орели сдѣлалось страшно; у нея потемнѣло въ глазахъ. Она была не въ силахъ вынести этотъ взглядъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, она затворила окно и, приподнимая край гардины, смотрѣла, не ушелъ-ли Обле. Ей не было видно сцены, происшедшей между нимъ и абатомъ, но когда молодой рабочій возвратился къ своему дѣлу и окно опустѣло, Орели сѣла на свою постель, стараясь собраться съ мыслями и обдумать, что дѣлать. Колебаться не было возможности; нужно было дѣйствовать. Обле свободенъ и видѣлъ ее. Онъ имѣлъ теперь полную возможность исполнить то, въ чемъ ему помѣшало заключеніе въ тюрьмѣ: представить доказательства своихъ любовныхъ сношеній съ Орели, доказательства, которыя сдѣлали бы изъ вора любовника, а изъ женщины — чудовище. Она знала, что ему легко было сдѣлать это. Тогда она погибла! Необходимо было скрыться отъ него, уйти изъ дома, гдѣ онъ ее видѣлъ. Но, главное, нужно было повидаться поскорѣе съ Матье де-Тальи для того, чтобы онъ прибавилъ имя Эмиля Обле къ списку людей, которыхъ надо было, во чтобы-то ни стало, удалить изъ Парижа. Какой мучительный день провела Орели! Сколько страха, отчаянія испытала она въ этотъ день! Неужели ея прошлое вѣчно будетъ стоять передъ нею грознымъ призракомъ? Она радовалась, думая, что достигла цѣли, и вдругъ весь пройденный путь приходится снова начинать. Нѣтъ, такъ продолжаться не можетъ: нужно покончить. Изъ тѣхъ, кому было извѣстно ея прошлое, остался только этотъ человѣкъ и его слѣдуетъ удалить. Прежде всего необходимо избѣжать встрѣчи съ нимъ. Обле узналъ теперь ея убѣжище; нужно уйти отсюда. Орели немедленно стала готовиться къ этому. Но развѣ она убѣжитъ одна? Развѣ, отказываясь отъ той жизни, о которой она мечтала, она должна отказаться и отъ своего каприза? А что, если любовь, закравшаяся въ ея сердце, не дастъ ей покоя? Нѣтъ, она не чувствовала себя способной ни на какую жертву. Она убѣжитъ, но взявъ съ собою того, кто ей дорогъ. Орели стала придумывать, что она скажетъ де-Люку на свиданіи, которое было условлено между ними въ этотъ вечеръ; онъ долженъ увезти ее и спрятать.

Сѣрые осенніе сумерки уже застилали паркъ общины, когда раздался колоколъ, созывавшій сестеръ въ трапезную къ ужину. Орели, сказавшаяся больной, сошла съ лѣстницы, проскользнула незамѣтно вдоль стѣны и углубилась въ паркъ. Тамъ она сѣла на скамью въ ожиданіи абата. Уже было совсѣмъ темно, когда въ одной изъ алей показался его силуэтъ. Нетерпѣніе или желаніе заставило Орели вскочить и побѣжать къ нему на встрѣчу.

— Отчего такъ поздно? спросила она, взявъ его за руку.

— Я не могъ придти раньше, отвѣчалъ онъ.

— Вы были у нея.. это она васъ задержала?

— Я уже сказалъ вамъ, Орели, что я покончилъ съ нею. Я думаю теперь только о васъ... о васъ одной.

— Идемъ, Люкъ, сказала она.

— Присядемъ здѣсь на минуту.

— Нѣтъ, сухо отвѣтила Орели.

— Отчего-же? спросилъ абатъ, только тутъ замѣтившій странное состояніе, въ которомъ она находилась. Въ темнотѣ онъ не могъ видѣть ея лица.

— Что съ вами, Орели? Вы дрожите, у васъ горячія руки.

Она ничего не отвѣтила и они пошли въ глубину парка. Но вдругъ она остановилась и сказала съ лихорадочною дрожью въ голосѣ:

— Послушайте, Люкъ, вы исполнили мое желаніе и я сдержу свое обѣщаніе. Но я не могу жить той жизнью, которую вы мнѣ присовѣтывали; я уйду изъ этого дома.

— Какъ! уже? вскричалъ изумленный абатъ.

— Не расспрашивайте меня. Знайте только, что я подвергаюсь въ этомъ домѣ большой опасности. Я должна бѣжать отсюда.

— Но это невозможно.

— Невозможно, такъ оставьте меня, я уѣду одна.

— Что вы говорите?

— То, что я намѣрена сдѣлать.

— Я совершенно озадаченъ. Сегодня утромъ вы были спокойны, ясны; вы назначили мнѣ свиданіе; я пришелъ и вдругъ все, что было условлено, всѣ наши планы перевернулись вверхъ дномъ!

— Я вовсе не то говорила. Вспомните, что я вамъ сказала: мы любимъ другъ друга. Пожертвуйте мнѣ тою, къ которой я васъ ревную; думайте только обо мнѣ и я полюблю васъ. Я сдержала слово, Люкъ, но увезите меня изъ этого дома, какъ можно скорѣе. Мнѣ страшно здѣсь, я не въ безопасности. Я не могу вамъ всего объяснить, но, повѣрьте, что я говорю правду.

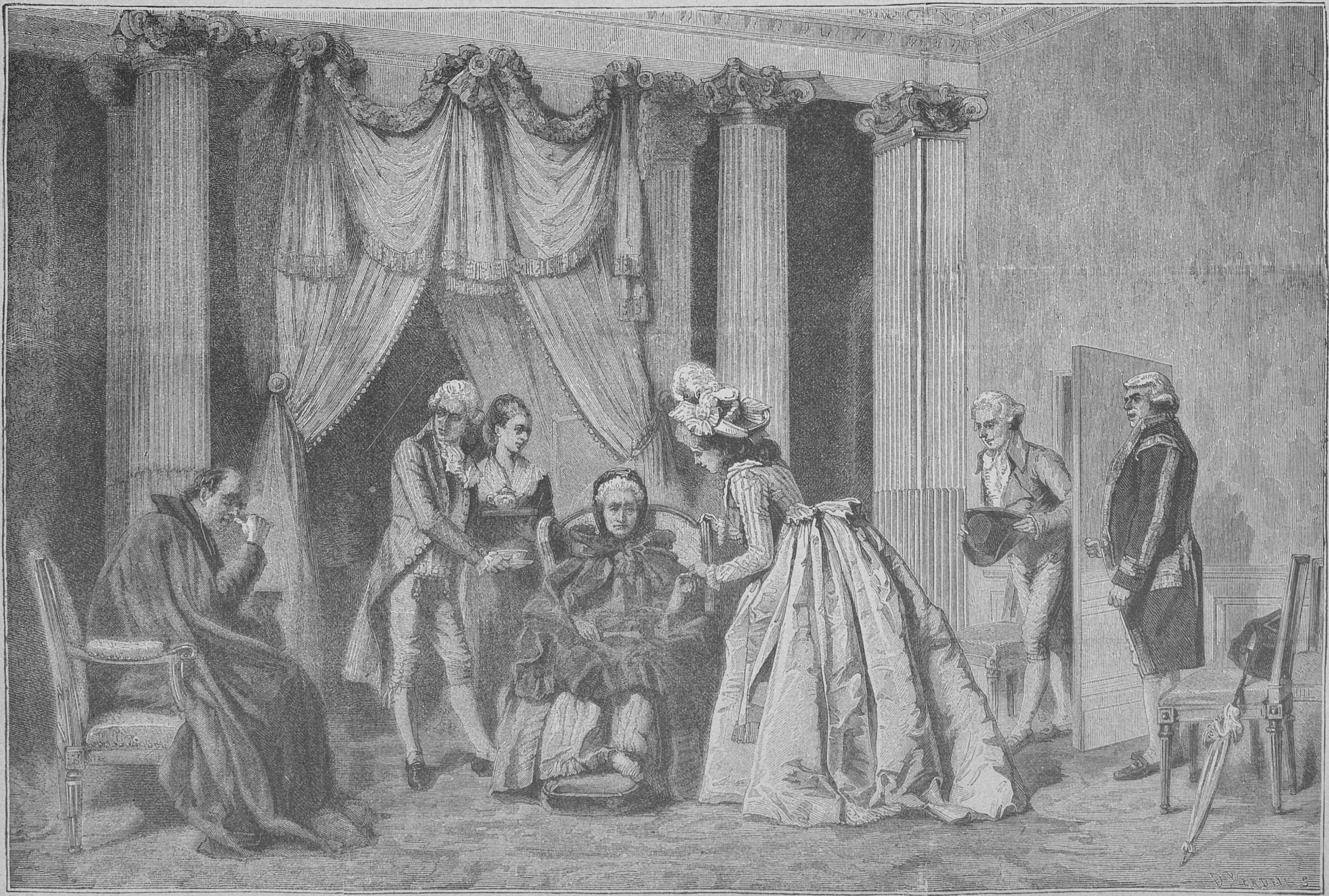
Онъ не расспрашивалъ болѣе, не возражалъ, а только сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ идемъ ко мнѣ.

Орели взяла его за руку и, доведя до калит-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ВОРМСА.

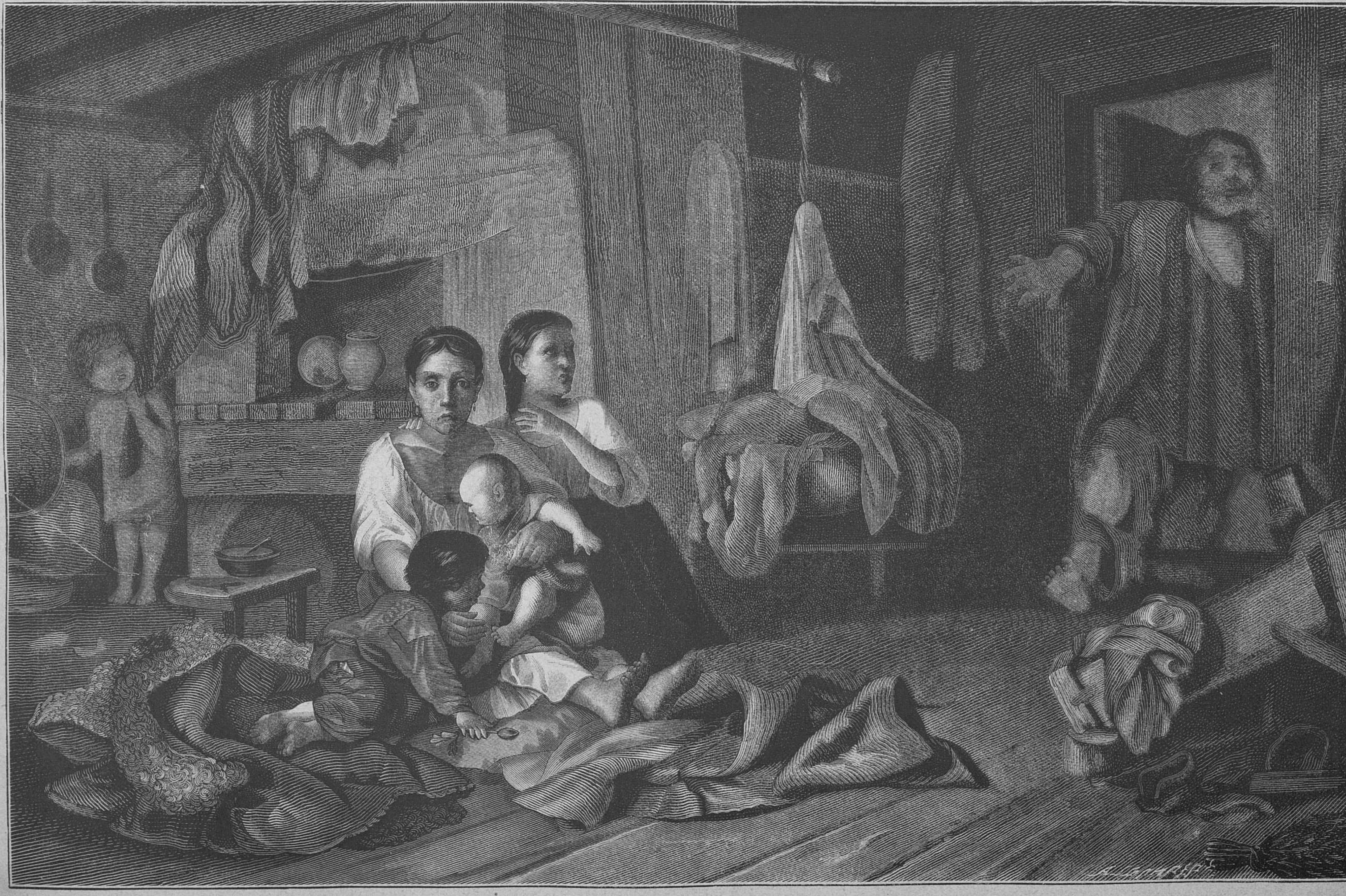


Богатая тетка.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КОРЗУХИНА.



Пьяный хозяинъ.

Рисовалъ на деревѣ **Земцовъ**; рѣзалъ **А. Шлиперъ.**

ки, выходившей на улицу Фельянтинокъ, шепнула:

— Подождите меня здѣсь.

Она побѣжала къ дому и поднялась въ свою комнату. Тамъ она проворно достала изъ подъ кровати небольшой кожаный мѣшокъ, въ которомъ были спрятаны ея драгоцѣнности, ея богатство, и тотчасъ-же опять спустилась съ лѣстницы и вскорѣ бѣгомъ скрылась въ паркѣ. Де-Люкъ отперъ калитку, пропустилъ Орели впередъ и вышелъ вслѣдъ за нею. Орели машинально оперлась на его плечо, но онъ отодвинулся отъ нея, сообразивъ, что такое положеніе было-бы слишкомъ компрометирующимъ.

— Возьмите карету и поѣзжайте ко мнѣ. Вашъ костюмъ можетъ обратить на васъ вниманіе.

Орели остановилась и, взглянувъ на свое платье, согласилась съ мнѣніемъ абата. На ней былъ костюмъ сестеръ «Кающейся Магдалины», поразительной свѣжести. Она повернула къ площади Обсерваторіи, чтобы взять фіакръ, а де-Люкъ быстро пошелъ къ своему дому.

Оригинальность, сумасбродство ночной прогулки по парижскимъ улицамъ въ костюмѣ сестеръ «Кающихся», приводили Орели въ восторгъ. Всѣ ея опасенія разсѣялись при видѣ покорности влюбленнаго абата. Она не думала болѣе объ Эмилѣ Обле; она оставила въ домѣ общины всѣ свои опасенія, точно такъ же, какъ, убѣжавъ, въ свое время, изъ дома мужа, оставила въ немъ всѣ свои заботы. Ея легкомысленному, непостоянному характеру нравились эти перемѣны; съ улыбкой смотрѣла она на свой черный съ бѣлымъ костюмъ и думала объ эфектѣ, который она будетъ производить въ свѣтѣ, постоянно нося такой нарядъ Она — сестра «Кающейся Магдалины»; никто не вправѣ оспаривать у нея этого сана, а ужь она съумѣетъ имъ воспользоваться. Но прежде, чѣмъ возвратиться въ свѣтъ, необходимо обезпечить себя отъ встрѣчи съ врагами. Для этого она завтра-же, въ этомъ самомъ костюмѣ, отправится къ своему старому другу, Матье де-Тальи.

Размышляя такимъ образомъ она пришла на площадь Обсерваторіи и сѣла въ карету, не поворачивая головы. Она была слишкомъ погружена въ свои мысли, чтобы заниматься окружающимъ, а между тѣмъ для нея было-бы очень небезполезно оглянуться въ эту минуту назадъ.

Едва успѣла она переступить черезъ порогъ калитки парка, ведущей на улицу Фельянтинокъ, какъ за нею слѣдомъ пошелъ какой-то человѣкъ, прячась въ тѣни домовъ и за выступами подъѣздовъ и видимо стараясь увидѣть ея лицо при свѣтѣ фонаря. Увидѣвъ его наконецъ, незнакомецъ пріостановился.

— Она! это она! сказалъ онъ себѣ. — Но куда-же она идетъ въ эту пору?

Онъ послѣдовалъ за Орели шагахъ въ 30. Когда она сѣла въ карету, онъ ухватился за ресоры и побѣжалъ за каретой.

Въ то-же самое время въ улицѣ Фельянтинокъ произошелъ другой странный эпизодъ. Когда де-Люкъ, выйдя изъ калитки, отправился къ себѣ домой, изъ сосѣдняго трактира вышелъ какой-то человѣкъ, который съ минуту стоялъ въ нерѣшимости, не зная, слѣдовать-ли ему за мужчиной или за женщиной, и, наконецъ, пошелъ за абатомъ. Молодой патеръ шелъ шибко, боясь, чтобы Орели не доѣхала много раньше его, а преслѣдователь его ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Нужно узнать, наконецъ, куда они ходятъ по ночамъ. Вонъ какъ удираетъ! Должно быть, спѣшитъ. Поди-ка, не обрадовался-бы встрѣчамъ.

Когда де-Люкъ дошелъ до своего дома, преслѣдователь его перешелъ черезъ дорогу и спрятался за выступомъ подъѣзда съ цѣлью наблюдать, что будетъ далѣе. У воротъ стояла карета. Абатъ подошелъ къ кучеру, заплатилъ ему и отворилъ дверцу. Съ его помощью изъ кареты выпорхнула на тротуаръ молодая женщина, которую онъ повелъ въ свою квартиру.

— Э! э! вотъ они какъ! Тамъ разошлись, чтобы здѣсь встрѣтиться! сказалъ про себя наблюдавшій за ними человѣкъ. — А тотъ, другой, куда-же онъ-то дѣвался? Чтобы это значило? Однако теперь уже поздно справляться въ домѣ. Нужно пока записать.

Человѣкъ этотъ, очевидно, былъ парижанинъ. Онъ зналъ названіе улицы и только взглянулъ на нумеръ дома. Послѣ того онъ подошелъ къ фонарю, вынулъ памятную книжку и написалъ въ ней: «Замѣтивъ, что въ домѣ происходитъ нѣчто особенное, я наблюдалъ цѣлый день. Происходила церемонія и былъ большой съѣздъ гостей. Вечеромъ, не видя ничего особеннаго, я зашелъ пообѣдать въ трактиръ насупротивъ парка. Часовъ въ 9, когда я собирался уходить, я увидѣлъ, что калитка парка отворилась и изъ нея вышли патеръ и сестра. Послѣднюю, вѣроятно, ждали, потому что патеръ разстался съ нею, а изъ сосѣдняго дома вышелъ какой-то мужчина, котораго я сначала не замѣтилъ. Онъ пошелъ за сестрой, а я послѣдовалъ за патеромъ, который остановился въ улицѣ ля-Кле, у дома, гдѣ, вѣроятно, всего одна или двѣ квартиры. Въ то-же время сестра, съ которой я его сначала видѣлъ, вышла изъ кареты и вмѣстѣ съ нимъ вошла въ домъ».

— А нумеръ-то я и позабылъ!

Онъ обернулся, чтобы посмотрѣть нумеръ дома и, къ удивленію своему, увидѣлъ того самаго человѣка, который послѣдовалъ за сестрой изъ улицы Фельянтинокъ. Человѣкъ этотъ сѣлъ въ карету, привезшую сестру и сказалъ кучеру:

— Въ Медонъ! живѣе!

Экипажъ уѣхалъ, а наблюдатель посмотрѣлъ на часы и подумалъ:

— Ну, на сегодня довольно. Слишкомъ поздно, чтобы бѣжать еще за этимъ. Быть можетъ, я его поймаю завтра. Надѣюсь, что дядя Гюре останется доволенъ мною.

Онъ спокойно зажегъ сигару, смотря вслѣдъ удалявшейся каретѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Леона.

(Записки доктора Бернагіуса)

Повѣсть **Люсіена Біара.** Переводъ **А. А. Разсказовой.**

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Въ двухъ миляхъ отъ Оризавы, по живописной дорогѣ въ Сонголико лежитъ помѣстье Теквила, окружающее индѣйскую деревеньку, отъ которой и получило свое названіе. Это помѣстье раззоренное, опустошенное, разбитое на части во время возстанія мехиканцевъ противъ Испаніи, было мало-по-малу возстановлено старымъ Итуріагой. Постоянно одѣтый въ заплатанную куртку, завернутый въ плащъ, прозрачный отъ ветхости, въ шляпѣ, которую онъ носилъ, вѣроятно, въ то время, когда ходилъ еще въ школу, спокойный, хитрый, разсудительный и набожный, какъ старый креолъ, Итуріага, по его словамъ, любилъ болѣе всего послѣ Бога поля, засѣянныя маисомъ. Пріобрѣтя за бездѣлицу уцѣлѣвшія постройки помѣстья, онъ, при помощи терпѣнія, хитрости, бережливости и твердой воли, скупилъ понемногу всѣ его разрозненныя части. Когда я пріѣхалъ въ Оризаву, общественное мнѣніе, обыкновенно все преувеличивающее, утверждало, что состояніе скупца превосходило миліонъ піастровъ. Но общественный голосъ на этотъ разъ ошибался: послѣ смерти Итуріаги его единственная дочь, очень странная и дикая Леона, наслѣдовала состояніе въ 6.000,000 франковъ.

Я давно уже сдѣлался постояннымъ врачемъ рабочихъ Итуріаги; его самого мнѣ не приходилось лечить; блѣдный, худощавый, щедушный Итуріага никогда не жаловался ни на какую болѣзнь и только въ первый и единственный разъ слегъ въ постель передъ смертію. Никогда не платилъ онъ мнѣ за мои визиты, но какъ искусный заемщикъ безпрестанно говорилъ о своемъ долгѣ, уплату котораго постоянно откладывалъ до будущей жатвы, такъ какъ настоящая по обыкновенію оказывалась неудачной. Я молча принималъ его отговорки и не только не заставлялъ повторять приглашеніе, когда меня звали въ Теквилу, но пріѣзжалъ иногда туда безъ всякаго зову. Особой привлекательной силой для меня обладалъ гротъ, находившійся въ горѣ, къ которой примыкали зданія помѣстья, и въ этомъ-то гротѣ, естественномъ убѣжищѣ летучихъ мышей, я постоянно находилъ все новые и новые экземпляры. Видя, какъ я при каждомъ моемъ посѣщеніи увозилъ двухъ или трехъ рукокрылыхъ, которыхъ съ восторгомъ показывалъ ему, Итуріага задумчиво смотрѣлъ на меня своими маленькими блестящими глазками. Однажды онъ вздумалъ похвалиться своей щедростію. Эти летучія мыши, за которыми я охотился въ его владѣніяхъ, безспорно принадлежали ему, однакожъ, онъ не препятствовалъ мнѣ увозить ихъ, хотя зналъ, что я отсылаю ихъ въ Европу, гдѣ мнѣ платятъ за нихъ на вѣсъ золота. Онъ объявилъ, что теперь самъ хочетъ вести торговлю обитателями грота и откажется отъ этого лишь въ такомъ случаѣ, если я дамъ ему формальное удостовѣреніе, что не потребую съ него суммы, должной мнѣ за почти десятилѣтнее леченіе его рабочихъ. Я, не колеблясь, подписалъ документъ, составленный имъ самимъ, отъ души смѣясь надъ наивностью скупца, котораго тотчасъ-же обезпокоилъ мой смѣхъ.

— А, сказалъ онъ съ горечью, — я, глупецъ, обокралъ самъ себя; мнѣ слѣдовало потребовать съ васъ вдвое.

На этотъ разъ я пересталъ смѣяться и разсердился. Я взялъ на себя трудъ объяснить новому Гарпагону, что только любовь къ наукѣ, а не стремленіе къ наживѣ, какъ думаютъ глупцы, заставляетъ меня собирать не только летучихъ мышей, но и насѣкомыхъ, растенія, камни, древности. Я доказалъ моему слушателю, что настоящій глупецъ въ только-что заключенной сдѣлкѣ называется Жаномъ Бернагіусомъ. Принимавшій вещи съ болѣе философской точки зрѣнія, чѣмъ я, Итуріага не разсердился и мы остались друзьями.

Въ то время теквильскій гротъ состоялъ (мои раскопки измѣнили его впослѣдствіи) изъ узкаго входа, ведущаго въ обширную залу, къ стѣнамъ которой, прицѣпившись когтями своихъ крыльевъ, головою внизъ висѣли тысячи летучихъ мышей. Вооружившись факеломъ, я входилъ въ ихъ мрачное жилище; интересныя животныя, испуганныя, ослѣпленныя неожиданнымъ свѣтомъ, сотнями кружились вокругъ меня, задѣвая по лицу своими тепловатыми крыльями, испуская тихіе крики, не рѣдко гася факелъ. Не смотря на окружающую суматоху, я продолжалъ подвигаться впередъ, пока не натыкался на препятствіе въ видѣ обрушившейся части свода. Этотъ обвалъ приводилъ меня въ отчаяніе, раздражалъ мои нервы. Нѣсколько глиняныхъ обломковъ, найденныхъ мною въ разныхъ мѣстахъ, заставляли меня предполагать, что позади этой кучи камней и земли, преграждавшей дальнѣйшій доступъ въ пещеру, скрываются сокровища древности. Хихимеки, предшественники ацтековъ на мехиканской почвѣ, имѣли обыкновеніе, какъ это каждому извѣстно, погребать своихъ вождей въ пещерахъ, окружая трупъ драгоцѣнными украшеніями, оружіемъ, статуэтками изъ обожженой глины. Если-же я ошибался, если недоступная внутренность грота не была древнимъ кладбищемъ, тамъ непремѣнно должны находиться кости ископаемыхъ, что могло бы пролить новый свѣтъ на геологическую исторію долины. Я мечталъ очистить гротъ и если бы Итуріага согласился отдать въ мое распоряженіе 5—6 рабочихъ, въ два мѣсяца я бы справился съ обваломъ. Моя настойчивость по этому поводу не разъ заставляла призадуматься стараго креола.

— Не хитрите со мной, говорилъ онъ,—признайтесь, что вы вычитали въ тѣхъ старыхъ книгахъ, въ которыхъ постоянно роетесь, что въ глубинѣ грота скрыто сокровище?

— Я узналъ это не изъ книгъ, но увѣренъ, что за обваломъ скрыто сокровище.

Глаза его загорались и онъ пытливо смотрѣлъ на меня.

— Что-же тамъ: золото, серебро, брильянты? допытывался онъ.

— Нѣтъ, тамъ древняя глиняная посуда, допотопныя кости и, можетъ быть, нѣсколько драгоцѣнныхъ вещицъ.

— Которыя принадлежатъ мнѣ?

— Безъ сомнѣнія, и если вы предпримете раскопки, я прошу васъ только уступить мнѣ честь описать находку и привести ее въ систему.

— Но очистка грота обойдется дорого. А если мы не найдемъ тамъ ничего, обѣщаете-ли вы уплатить мнѣ издержки?

Эти издержки, принимая въ расчетъ дороговизну рабочихъ рукъ въ Мехикѣ, могли дойдти до нѣсколькихъ тысячъ піастровъ. Мои ограниченныя средства не позволяли мнѣ взять на себя обязательство, которое я не могъ выполнить и дѣло кончилось ничѣмъ. Однакожъ, бывая въ Теквилѣ, я каждый разъ проводилъ нѣсколько часовъ, раскапывая обвалъ и вынося землю изъ грота. Скоро я вычислилъ, что если я ограничусь своими собственными средствами, мнѣ потребуется лѣтъ десять для достиженія цѣли, и я опять вернулся къ охотѣ на летучихъ мышей.

Однажды утромъ Итуріага послалъ за мной лично для себя. Я засталъ его въ третьемъ пароксизмѣ злокачественной лихорадки. Онъ пригласилъ меня слишкомъ поздно. Къ вечеру того-же дня, 2 мая 1846 г., Итуріага умеръ и тогда лишь въ точности узнали, какъ велико его состояніе.

Единственной наслѣдницѣ этого состоянія, Леонѣ, только что пошелъ двадцатый годъ. Леона, мать которой умерла тотчасъ-же, какъ произвела ее на свѣтъ, по своему росту, чертамъ лица, привычкамъ, занятіямъ скорѣе походила на мальчика, чѣмъ на дѣвочку. Пріученная отцемъ къ полевымъ работамъ, Леона была настоящая ранхера, умѣвшая лучше укротить лошадь или повалить быка, чѣмъ взяться за иглу. Она читала, писала и считала съ трудомъ; непостижимая скупость отца удерживала ее въ полномъ незнаніи цѣнности денегъ и обычаевъ свѣта. Высокаго роста, крѣпко-сложенная, съ свѣтло-оливковымъ цвѣтомъ лица, сильнымъ голосомъ, Леона обладала единственной принадлежностью ея пола, длинными волосами, да маленькими руками и ногами, свойственными ея расѣ. Жизнь на открытомъ воздухѣ, постоянныя тѣлесныя упражненія сдѣлали изъ нея смѣлаго наѣздника, ловко обнажавшаго ножъ, чтобы наказать лѣниваго или непокорнаго индѣйца; еще болѣе, чѣмъ отецъ, она заботилась о матерьяльномъ процвѣтаніи помѣстья. Смерть Итуріаги ничего не измѣнила ни въ привычкахъ его дочери, ни въ образѣ ея жизни, ни въ занятіяхъ. Ей съ трудомъ разъяснили, какъ она богата; но рука ея раскрывалась скорѣе, чѣмъ рука отца, и она съ почти дѣтской заботой занялась украшеніемъ теквильской церкви. Далеко не глупая, Леона въ глубинѣ души обладала слѣпымъ фанатизмомъ и любопытной чувствительностью. Она бывала до слезъ растрогана при видѣ Христа на крестѣ и высказывала желаніе убить хотя одного изъ его палачей. Не разъ она говорила, что еслибы она со своими слугами присутствовала при распятіи, событія приняли бы другой оборотъ и тамъ произошла бы великая рѣзня. Между тѣмъ она не отличалась нѣжностію и наказывала своихъ работниковъ съ тѣмъ-же равнодушіемъ, какъ убивала быка. Какъ и у ея отца, первобытный туалетъ Леоны не измѣнялся никогда. Въ іюлѣ, какъ и въ декабрѣ, она носила туже сборчатую рубашку, оставлявшую полуоткрытыми плечи, ситцевую юбку, спускавшуюся немного ниже колѣнъ, сандаліи на босыхъ ногахъ и шарфъ, въ который драпируются ея соотечественницы. Для верховой ѣзды Леона надѣвала на свои черные волосы, заплетенные въ косы, какъ у швейцарки, тяжелую шляпу, украшенную золотымъ витымъ шнуркомъ, а на ноги сапожки со шпорами. Неловкая, когда ей приходилось ходить пѣшкомъ, она совершенно измѣнялась, садясь на лошадь,—такъ ловко она управляла своими всегда отлично выбранными скакунами.

Леона Итуріага, конечно, считалась отличной партіей, но ни одинъ изъ молодыхъ людей, воспитаніе которыхъ верхомъ на спинѣ лошади подходило къ ея собственному, не думалъ за нею ухаживать. Она была не хороша, а ея дикія выходки пугали жениховъ. Послѣ смерти ея отца разнесся слухъ, что она выходитъ замужъ за своего управляющаго, которому оказывала явное предпочтеніе, раздѣляя его вкусы и занятія. Но Леона не на шутку разсердилась, даже краска выступила на ея лицѣ, когда я разъ намекнулъ ей объ этихъ слухахъ, и отвѣтила, что она не совсѣмъ еще оставлена Богомъ и людьми, чтобы выйдти замужъ за неблагороднорожденнаго.

Леона рѣдко появлялась въ Оризавѣ, она посѣщала очень немногихъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Оставшись сиротою, она чаще стала пріѣзжать ко мнѣ за совѣтомъ и одобреніемъ. Ея привычка, какъ у ребенка, вертѣться и дотрогиваться до всякой вещи, заставляла меня опасаться за мои колекціи и я боялся ея визитовъ. Но она всегда показывала мнѣ такую живую дружбу, такое искреннее удивленіе, такое полное довѣріе, что я не могъ не принимать ее ласково, не любить ее, соболѣзнуя о недостаткѣ воспитанія, въ чемъ бѣдняжка, конечно, не была виновата.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Итуріага покоился въ теквильской часовнѣ, и годъ, какъ дона Альба была похоронена подъ плитами приходской церкви. Однажды послѣ обѣда, работая надъ своимъ сочиненіемъ о короткошеихъ, я услышалъ во дворѣ звукъ лошадиныхъ копытъ. Вмѣсто того, чтобы остановиться, животное направилось по мавританскому коридору, на который выходили всѣ двери моего дома, и Леона, по свойственной ей ужасной привычкѣ, ворвалась верхомъ на лошади въ обширную комнату, служившую мнѣ кабинетомъ.

— Дочь дьявола, закричалъ я, бросаясь къ ней на встрѣчу,—когда ты научишься вести себя приличнѣе, ты хочешь еще разъ уничтожить мои колекціи.

— Сами вы сынъ дьявола, докторъ, отвѣчала амазонка;—ну, не сердитесь-же, никто не желаетъ портить ваши сокровища. Но прежде, чѣмъ сойдти съ лошади, я хотѣла знать, дома-ли вы.

— Развѣ ты не могла этого спросить?.. Да держи-же лошадь, несчастная; если она сдѣлаетъ шагъ назадъ, она разобьетъ витрину, а шагъ впередъ, она съѣстъ мой гербарій.

— Вы, можетъ быть, думаете, что она мною управляетъ? Постараюсь убѣдить васъ въ противномъ, докторъ, заставивъ ее прогуляться вокругъ вашей комнаты и не задѣть ни одну изъ чучелъ, разставленныхъ въ ней.

Не дожидаясь отвѣта, Леона, подобравъ поводья лошади, предприняла обѣщанную прогулку. Я бросился къ ней на встрѣчу съ приподнятыми руками; испуганная лошадь встала на дыбы.

— Клянусь Іудой, закричала она, успокоивая животное,—вы разобьете всѣ ваши драгоцѣнности и меня въ добавокъ. Отойдите-же въ сторону, докторъ, чтобы я могла выѣхать, видите, здѣсь слишкомъ мало мѣсто, чтобы Тордило могъ повернуться.

Испуганный и взволнованный, я не понималъ, что мнѣ говорила Леона, и не трогался съ мѣста. Она быстро приподняла своего скакуна, заставила его повернуться на заднихъ ногахъ и однимъ скачкомъ очутилась за дверью. Я вскрикнулъ, увѣренный, что она разбила себѣ голову о притолку, но она избѣжала удара, откинувшись назадъ.

— Ну, сказала она, сходя съ лошади и развертывая ласо, чтобы спутать ноги коню,—разбила я что нибудь?

— Нѣтъ, но я удивляюсь, какъ сама ты еще цѣла.

— Не затворяйте вашу дверь, докторъ, я пріѣхала къ вамъ за совѣтомъ.

— Мы можемъ разговаривать въ этомъ коридорѣ.

— Это не удобно; мнѣ надо говорить съ вами по секрету, а здѣсь насъ могутъ слышать.

— Въ такомъ случаѣ оставь здѣсь свой хлыстъ и обѣщай мнѣ ни до чего не дотрогиваться.

— Развѣ я имѣю обыкновеніе рыться въ вашихъ коробкахъ?

— У тебя есть привычка схватывать, вертѣть, крутить и часто ломать вещи, находящіяся по близости.

— Правда; но я дѣлаю это безъ всякаго умысла. Такъ оставьте же мнѣ хлыстъ, онъ помѣшаетъ мнѣ заняться чѣмъ-нибудь другимъ.

— Нѣтъ; руки твои еще не такъ опасны, какъ этотъ свинцовый ремень, которымъ ты постоянно машешь во всѣ стороны.

Я вошелъ въ кабинетъ и поставилъ кресло для Леоны такъ, чтобы по близости не было ни одной изъ моихъ драгоцѣнностей. Она опустилась въ него, сняла свою тяжелую шляпу, покрутила въ рукахъ золотой галунъ и бросила ее на полъ. Затѣмъ взявъ одну изъ своихъ длинныхъ косъ, стала играть ею, какъ хлыстомъ.

— Не больна-ли ты? спросилъ я ее, беря за руку.

— Нѣтъ, добрый докторъ; впрочемъ, пожалуй, да. Знаете-ли, что мнѣ минетъ скоро двадцать три года?

— Да, я зналъ тебя еще ребенкомъ и мнѣ не трудно сосчитать твои года.

Леона, никогда не останавливавшаяся ни передъ какимъ вопросомъ, казалось, была въ смущеніи. Я съ любопытствомъ разсматривалъ ее въ ожиданіи, пока она заговоритъ. Она покраснѣла подъ моимъ взглядомъ и быстро произнесла:

— Я хочу выйдти замужъ, докторъ; а такъ какъ у меня нѣтъ друзей, кромѣ васъ, я пришла съ вами посовѣтоваться.

— Ты можешь быть увѣрена въ моемъ одобреніи и это давно было-бы сдѣлано, еслибы ты меня слушала. Но желалъ-бы я знать, какъ ты, съ твоими привычками, будешь воспитывать дѣтей.

— Я научу ихъ ѣздить верхомъ.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь и хорошо, если у тебя будутъ только мальчики. Но предположимъ, что у тебя будутъ дочери...

— Я буду воспитывать ихъ иначе, чѣмъ была воспитана сама, докторъ, перебила она меня.—Я не порицаю моего бѣднаго отца, прибавила она,—но было-бы лучше, еслибы онъ пріучилъ меня носить чулки, платья и шали, какъ это дѣлаютъ другія женщины.

Леона замолкла, задумалась и я видѣлъ, какъ двѣ крупныя слезы медленно скатились по ея загорѣлымъ щекамъ. Этотъ припадокъ чувствительности въ столь энергичной натурѣ, какъ ея, удивилъ меня.

— О чемъ же ты плачешь? спросилъ я съ участіемъ, приближаясь къ молодой дѣвушкѣ.

— Вотъ уже годъ почти, какъ мнѣ часто приходится плакать.

— И чтобы побороть свою печаль, ты хочешь выйдти замужъ?

— Чтобы покончить съ нею.

— Ты любишь кого нибудь?

— Да, и я долго была несчастна; я думала, что не могу быть любима.

— Перестань, дитя мое, къ чему такъ преувеличивать. Ты не можешь быть щеголихой, это правда, но ты честная дѣвушка, и я готовъ поручиться, что будешь хорошей женой. Посмотримъ, кого ты любишь? Надѣюсь, что дѣло идетъ о человѣкѣ достойномъ тебя, который не гонится только за твоимъ состояніемъ?

— Нѣтъ, докторъ, человѣкъ, котораго я люблю, одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ, честный и безкорыстный, какъ и вы.

— Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ! съ удивленіемъ повторилъ я.—Давидъ женатъ, Филиберъ тоже; не думаю, чтобы шестидесятилѣтній Пелисье могъ...

— Не ищите, докторъ, я говорю о донѣ Пабло.

— Пабло! ни одинъ французъ, поселившійся здѣсь, не носитъ этого имени.

— Вы забываете дона Пабло Шульца.

Я быстро вскочилъ со стула.

— Шульцъ нѣмецъ и пруссакъ, милая моя Леона, а не французъ.

— Да развѣ же онъ не европеецъ? Вы сами не разъ повторяли мнѣ, что вы тоже европеецъ?

Я хотѣлъ отвѣчать, оспаривать ложныя понятія Леоны о національностяхъ, особенно-же проектъ ея о замужествѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ Шульцъ, съ его грушевиднымъ животомъ, широкимъ лицомъ, окаймленнымъ бакенбардами, и глазами на выкатѣ, видѣлъ и могъ видѣть въ этой дѣвушкѣ, которую бралъ себѣ въ жены, только ея громадное приданое. Союзъ этихъ двухъ существъ, столь различныхъ по характеру, нравамъ, привычкамъ, казался мнѣ безсмыслицей. Признаюсь, я былъ сильно предубѣжденъ противъ Шульца; не желая отвѣчать Леонѣ подъ вліяніемъ своей, быть можетъ, несправедливой антипатіи, я попросилъ у нея двадцать четыре часа на размышленіе, обѣщая дать ей безпристрастный и чистосердечный совѣтъ.

— Развѣ вы сердитесь на дона Пабло? спросила она со страхомъ.

— Нѣтъ, милый другъ; но мы принадлежимъ къ различнымъ расамъ, рѣдко живущимъ въ мирѣ между собою. Но такъ какъ дѣло идетъ о твоемъ счастьи, а не о моихъ вкусахъ, я не хочу дать тебѣ легкомысленный совѣтъ. Ты очень любишь этого пруссака?

— Готова жизнь за него отдать, докторъ.

И, вставая, Леона схватила лупу, которую я поспѣшно у нея вырвалъ.

— Хорошо, отвѣчалъ я ей со смѣхомъ,—но какъ-же возникла эта громадная любовь?

— Не знаю. Я продала ему черное дерево и онъ почти два мѣсяца провелъ у меня въ имѣніи, наблюдая за рубкой лѣса, а по вечерамъ мы сидѣли вмѣстѣ на верандѣ и я любила слушать его разсказы объ его отдаленной родинѣ. Онъ уѣхалъ на недѣлю въ Мехику, мнѣ сдѣлалось грустно, я думала только о немъ, онъ унесъ съ собой мою душу. Онъ, казалось, не замѣчалъ, что я его любила, что я страдала, и мнѣ захотѣлось убить его.

— Чортъ возьми, твоя любовь не изъ нѣжныхъ. Но, если я не ошибаюсь, Шульцъ уже болѣе года тому назадъ покупалъ у тебя черное дерево?

— Я страдала все это время, докторъ; сегодня я счастлива, онъ меня любитъ такъ-же, какъ я его, онъ мнѣ самъ это сказалъ.

— Въ такомъ случаѣ между вами все уже рѣшено?

— Да, двѣ недѣли тому назадъ.

— Къ чему-же тогда тебѣ мои совѣты?

Леона казалась въ затрудненіи.

— Я бы желала знать, добрый-ли онъ христіанинъ, сказала она, наконецъ,—потому что, начиная съ васъ, докторъ, пропускающихъ часто обѣдню, почти всѣ иностранцы немного еретики.

— Есть нѣсколько способовъ поклоненія Богу, дитя мое, хотя Онъ только одинъ.

— Справедливо, что Богъ одинъ; но также справедливо и то, что только одинъ способъ поклоненія Ему есть истинный, это католичество.

— Я не зналъ, что ты такъ сильна въ теологіи. Во всякомъ случаѣ успокойся, если Шульцъ дурной католикъ, онъ сдѣлается хорошимъ изъ любви къ тебѣ.

— Покойный отецъ, продолжала серьезнымъ тономъ молодая дѣвушка,—мнѣ часто говорилъ, что, помимо денежныхъ вопросовъ, въ которыхъ вы ничего не смыслите, онъ не зналъ человѣка болѣе способнаго, чѣмъ вы, подать добрый совѣтъ. Я не буду покойна, докторъ, если вы не одобрите моего выбора, вотъ зачѣмъ я здѣсь.

— Ты пришла за совѣтомъ немного поздно; во всякомъ случаѣ ты узнаешь мое мнѣніе завтра.

Леона обхватила меня своими руками, приподняла съ земли и сжала въ своихъ объятіяхъ такъ сильно, что я едва не задохся, затѣмъ вскочила на лошадь. Я проводилъ ее до улицы, удивляясь ея чувствительности. Она ускакала галопомъ, а я задумчиво возвратился въ свой кабинетъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Политическая хроника.

Во Франціи существуетъ партія, внушающая къ себѣ непріязненныя чувства не только въ своемъ отечествѣ, но даже и внѣ его. Французамъ, обязаннымъ господству бонапартистовъ, многими страданіями и потерями, конечно, позволительно питать не только непріязнь, но даже ненависть къ этой партіи, руководимой беззастѣнчивыми авантюристами; но если ее въ тоже время недолюбливаютъ иностранцы, то ясно, что она образовалась изъ самыхъ несимпатичныхъ элементовъ. Она брала наглостью, потому что талантъ и умъ въ ней отсутствовали; во все время господства бонапартистовъ, они изъ своей среды не выставили ни одного дѣйствительно талантливаго человѣка, ни одного государственнаго дѣятеля, отличающагося выдающимися способностями. Тайна успѣха этой партіи заключалась въ умѣньи ея руководителей пользоваться самыми дурными страстями людей и въ потаканіи наглому разврату, прикрытому красивой внѣшностью. Нашъ извѣстный сатирикъ, г. Щедринъ, въ послѣднемъ замѣчательномъ трудѣ своемъ «За рубежемъ», напечатанномъ въ сентябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», очень мѣтко охарактеризовалъ дамочекъ легкаго поведенія, къ какой бы націи они ни принадлежали, названіемъ «бонапартистки». Эти дамочки процвѣтали во Франціи во время господства бонапартистовъ, и за это горячо поддерживали бонапартизмъ. Развратъ все больше и больше распространялся во Франціи и съ его усиленіемъ укрѣплялась бонапартисткая партія. Можно безъ всякой натяжки сказать, что бонапартисты плодили развратъ и имъ держались. Разумѣется, такой порядокъ не могъ долго существовать, бонапартисты должны были пасть и пали. Опасаясь возмездія за свои преступленія, бонапартисты въ первое время по водвореніи республики во Франціи сидѣли смирно, попрятавшись въ глуши провинцій или за-границей; если который-нибудь изъ нихъ рѣшался выступить кандидатомъ въ депутаты національнаго собранія, онъ тщательно скрывалъ свою принадлежность къ бонапартистской партіи и объявлялъ себя просто «консерваторомъ». Вотъ почему въ первой палатѣ, собравшейся въ Бордо, не было почти ни одного бонапартиста, но это такъ только казалось. Когда бонапартисты убѣдились, что ихъ никто не намѣренъ трогать, они повылѣзли изъ шкуръ, взятыхъ ими на прокатъ, и явились въ своемъ натуральномъ видѣ и вскорѣ ознаменовали свое присутствіе въ палатѣ безпрестанными скандалами. Партія бонапартистовъ постепенно крѣпла, ея естественный глава, сынъ Наполеона III, Луи, достигъ совершеннолѣтія; бонапартисты начинали-было подумывать, нельзя-ли совершить новое преступленіе, подобное декабрьскому государственному перевороту, но тутъ ихъ постигла незадача: принцъ Луи, незнавшій что ему дѣлать отъ скуки, отправился въ Африку сражаться съ зулусами и былъ убитъ. Главой партіи, въ силу закона о престолонаслѣдіи, изданнаго Наполеономъ III, сдѣлался принцъ Жеромъ Бонапартъ, крайне нелюбимый большинствомъ бонапартистовъ, которыхъ принцъ въ свою очередь презираетъ. Въ бонапартистской партіи произошелъ расколъ. Бонапартисты-демократы примкнули къ принцу Жерому; остальные стали подумывать объ отысканіи новаго главы партіи и выборъ ихъ остановился на старшемъ сынѣ принца Жерома, Викторѣ. Ссылаясь на то, что принцъ Жеромъ рѣшительно отказался дѣйствовать противъ существующаго во Франціи правительства, фракція бонапартистовъ, его противниковъ, назначила сходку въ циркѣ Фернандо, на бульварѣ Рошешуаръ, въ Парижѣ, для выбора новаго предводителя партіи. Французское правительство разрѣшило собраніе сходки, что послужило къ его прямой выгодѣ, потому что на этой сходкѣ обнаружилась полнѣйшая несостоятельность бонапартистовъ.

Сходка была бурной; и не могло быть инымъ собраніе партіи, въ составѣ которой находится не мало буяновъ и уличныхъ скандалистовъ. Когда было заявлено президентомъ сходки о необходимости избрать другого предводителя партіи вмѣсто принца Жерома, одинъ изъ присутствующихъ въ собраніи попытался высказать возраженіе. Не успѣлъ онъ произнести нѣсколькихъ словъ, въ собраніи поднялся невообразимый гвалтъ; на несчастнаго протестанта посылались не только ругательства, но даже удары палками, зонтиками и кулаками; его избили до крови. Возмущенный этимъ насиліемъ, членъ парижскаго муниципальнаго совѣта, Маріусъ Мартенъ, горячій бонапартистъ, высказалъ свое негодованіе, прося президента принять мѣры, чтобы не могло повториться подобное безобразіе. Но президентъ молчалъ. Тогда Мартенъ пригласилъ своихъ друзей удалиться изъ собранія и направился къ выходу; за нимъ послѣдовало человѣкъ 50, какъ и онъ, возмущенныхъ безобразіями, происходившими въ собраніи. И на этихъ людей, въ которыхъ не заглохло еще чувство порядочности, посылались также ругательства и удары буяновъ. Чтобы наши читатели не могли подумать, что мы почерпнули свѣденія объ этихъ безобразіяхъ изъ газетъ, враждебныхъ бонапартистамъ, считаемъ необходимымъ заявить, что разсказъ о скандалѣ на сходкѣ въ циркѣ Фернандо приведенъ нами со словъ газеты «Gaulois», скорѣе сочувственной, чѣмъ враждебной бонапартистамъ, какъ и большая часть парижской бульварной пресы, которая вмѣстѣ съ кокотками процвѣтала во время владычества бонапартистовъ.

Оставшіеся въ собраніи послѣ удаленія Мартена и другихъ, бонапартисты порѣшили, что принцъ Жеромъ Бонапартъ не годится быть предводителемъ партіи и потому долженъ уступить свои «права на престолъ» старшему сыну своему принцу Виктору Бонапарту. Положено было послать къ принцу Жерому депутацію, которая обязывалась уговорить принца подчиниться приговору собранія. Но принцъ отказался принять депутацію, а затѣмъ послалъ письмо къ руководителямъ сходкой въ циркѣ Фернандо, въ которомъ говоритъ, что онъ не намѣренъ ни отъ чего отказываться, а сынъ его также вовсе не желаетъ принимать навязываемой ему кандидатуры.

Такой исходъ затѣи, придуманный вожаками бонапартистовъ, заставилъ большинство ихъ призадуматься. Ни для кого не было тайной, что нѣкоторые изъ бонапартистовъ уже давно подумывали дать тягу изъ партіи, для которой не предвидится ничего хорошаго въ ближайшемъ будущемъ; они только ждали благовиднаго предлога; теперь предлогъ этотъ существуетъ: не можетъ же партія оставаться безъ предводителя;—и вѣроятно въ скоромъ времени большинство бонапартистовъ оставитъ свою партію и присоединится къ другимъ партіямъ; часть отойдетъ къ лѣвому центру, т. е. къ консервативнымъ, лучше сказать, буржуазнымъ республиканцамъ; часть увеличитъ собою составъ монархическихъ партій; очень возможно, что нѣкоторые изъ бонапартистовъ перейдутъ даже на крайнюю лѣвую. Во всякомъ случаѣ бонапартистская партія распадется и если останется партія, которая будетъ носить это имя, она не будетъ пользоваться ни вліяніемъ, ни значеніемъ, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ.

За нѣсколько дней до сходки бонапартистовъ въ циркѣ Фернандо, въ парижскомъ судѣ исправительной полиціи разбиралось дѣло газеты «Gaulois» и ея сотрудника, пресловутаго кореспондента Ивана де-Вестина; во время этого разбирательства обнаружены неблаговидныя дѣйствія, въ которыхъ принимали главное участіе представители бонапартистской партіи въ арміи. Вестинъ съ обычной ему наглостію напечаталъ въ газетѣ «Gaulois» извѣстіе, что служащій въ военномъ министерствѣ подполковникъ Юнгъ укралъ важные документы о составѣ и расположеніи французской арміи и продалъ ихъ германскому правительству. Юнгъ подалъ въ отставку, но не вызвалъ Вестина на дуэль, какъ тотъ разсчитывалъ, а началъ дѣло судомъ. И на судѣ открылись изумительныя вещи, а главное, лица, желавшія своей клеветой нанести непріятность Юнгу и республиканцамъ, вышли изъ суда совершенно посрамленными.

Генералъ Фарръ, сдѣлавшись военнымъ министромъ, уволилъ нѣкоторыхъ изъ командировъ частей, извѣстныхъ своей враждебностью къ существующему правительству; въ числѣ уволенныхъ было нѣсколько бонапартистовъ. Распространился слухъ, что на военнаго министра имѣетъ большое вліяніе подполковникъ Юнгъ и ему именно уволенные обязаны потерей своихъ мѣстъ. Генералъ Ней, бонапартистъ, находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Вестинымъ, сообщаетъ ему, что ходитъ слухъ, будто Юнгъ похитилъ важные документы и продалъ ихъ въ Германію. Генералъ Ней на судѣ заявилъ, что онъ не предполагалъ, что Вестинъ предастъ гласности ходившій слухъ. Но такая отговорка по меньшей мѣрѣ наивна; зная хорошо своего пріятеля, Ней не могъ не быть убѣжденнымъ что его сообщеніе непремѣнно появится въ печати. Но какъ нѣтъ дыма безъ огня, то и сплетня, пущенная противъ Юнга оказалась имѣвшей достовѣрность, только виновникомъ въ передачѣ свѣденій въ Германію былъ вовсе не Юнгъ.

Юнгъ былъ женатъ и крайне несчастливо. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Юнгъ разошелся съ своей красавицей-женой и она, принявъ свою дѣвичью фамилію, баронесы фон-Каула, стала блистать въ парижскомъ полусвѣтѣ. Въ 1875 и 1876 годахъ баронеса находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ военнымъ министромъ, генераломъ Сиссе, которымъ управляла какъ хотѣла, такъ что онъ не могъ отказать ей даже въ доступѣ къ секретнымъ документамъ военнаго министерства, откуда она извлекала свѣденія, интересныя для Германіи и передавала ихъ туда. Объ этомъ узнала парижская полиція, слѣдившая за баронесой Каула, какъ за шпіонкою германскаго правительства. Префектомъ полиціи былъ въ то время Вуазенъ. Онъ донесъ о своихъ открытіяхъ президенту республики, маршалу Мак-Магону, прося его принять зависящія мѣры, причемъ объявилъ, что если маршалъ не приметъ ихъ, онъ, Вуазенъ, долженъ будетъ арестовать не только г-жу Юнгъ, но и генерала Сиссе. Маршалъ Мак-Магонъ приказалъ выслать г-жу Юнгъ изъ Франціи, а генералу Сиссе подать въ отставку. Однакожъ, уволивъ его отъ должности военнаго министра, президентъ республики назначилъ генерала Сиссе командиромъ 11-го корпуса. Вуазенъ этимъ удовольствовался и дѣло было замято.

Это скандальное разоблаченіе побудило теперешняго военнаго министра, генерала Фарра уволить генерала Сиссе отъ командованія корпусомъ. Въ приказѣ по корпусу, которымъ онъ прощался съ войсками, находившимися подъ его командой, генералъ Сиссе говоритъ, что онъ оправдается отъ взводимыхъ на него обвиненій. Если онъ исполнитъ свое слово, новый процесъ обѣщаетъ быть очень интереснымъ.

Французское правительство, между тѣмъ, начало примѣнять мартовскіе декреты къ духовнымъ конгрегаціямъ. Опасаясь вызвать разомъ уличныя демонстраціи въ различныхъ частяхъ Франціи, къ которымъ прибѣгаютъ клерикалы, французское правительство стало примѣнять декретъ постепенно. Пока примѣнили его только къ капуцинамъ. Достопочтенные отцы капуцины продѣлали тоже самое, что и іезуиты: полиція призывала слесарей, чтобы отворять запертые замки; многихъ отцевъ выносили на рукахъ и пр. Серьезныхъ безпорядковъ при этомъ не происходило; демонстраціи не отличались ни особенной шумливостію, ни многочисленностію лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Однимъ словомъ, дѣло закрытія недозволенныхъ конгрегацій капуциновъ совершилось для правительства болѣе благопріятно, чѣмъ можно было ожидать, но тѣмъ не менѣе еще много хлопотъ предстоитъ французскому правительству, пока она не развяжется съ щекотливымъ для него вопросомъ, такъ какъ трудно ожидать, чтобы клерикалы пошли на мировую.

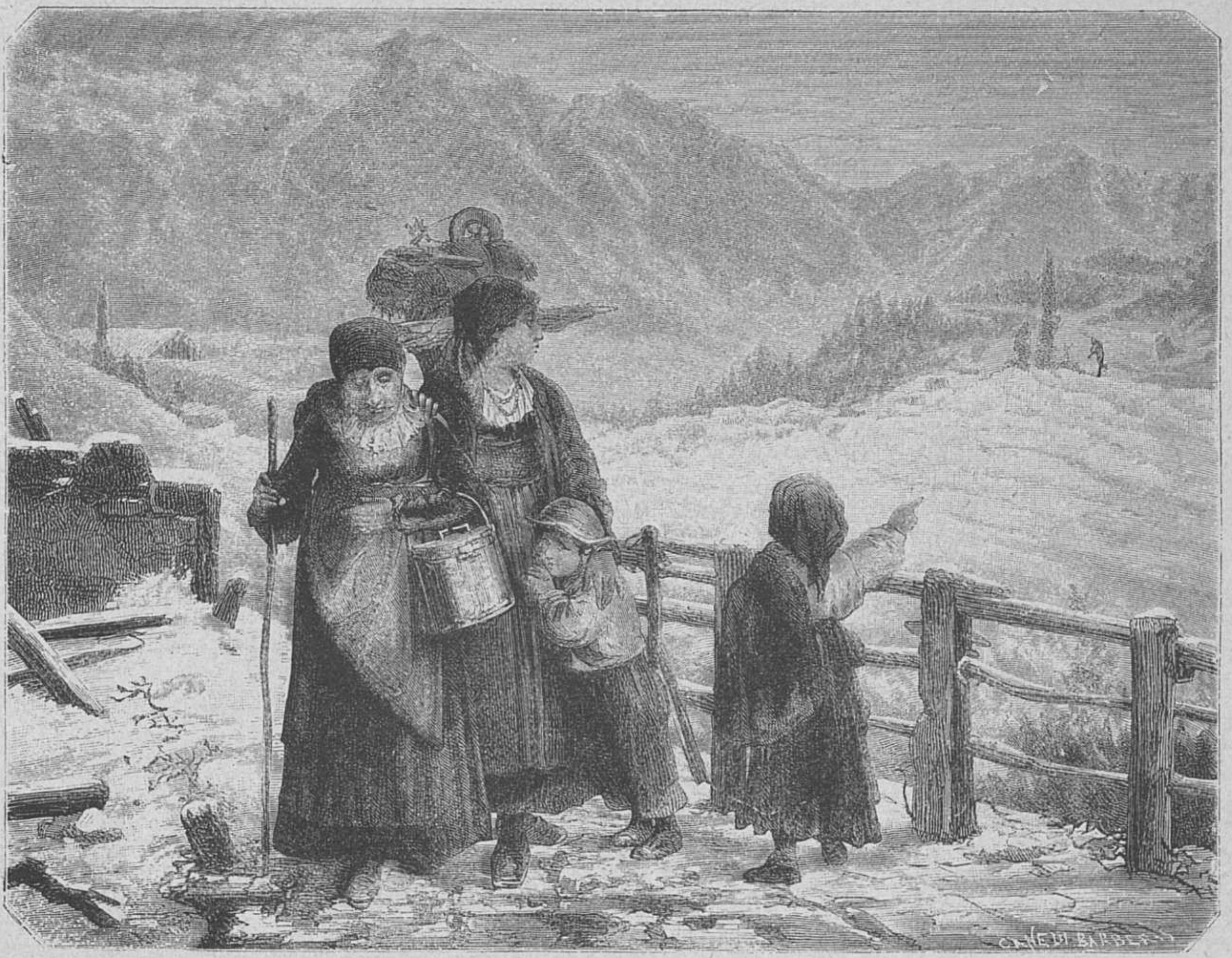
Католическій клерикализмъ не умиротворился и въ Германіи, что обнаружилось во время торжества по случаю достройки знаменитаго кельнскаго собора. На торжествѣ не присутствовалъ мѣстный архіепископъ, пожелавшій показать этимъ, что католическая церковь угнетена въ германской имперіи. Однакожъ, не смотря на этотъ протестъ, жители Кельна искренно радовались празднику своего города, которому правительство старалось придать характеръ національнаго германскаго торжества. Всѣ дома были увѣшаны германскими флагами; вечеромъ городъ былъ илюминованъ, а соборъ освѣщенъ электрическимъ свѣтомъ, что было очень эфектно. Погода въ этотъ день (2 (14) октября) была пасмурная, но дождя не шло и толпы народа гуляли вечеромъ по улицамъ.

Большинство прусскихъ газетъ поспѣшило воспользоваться кельнскимъ праздникомъ, чтобы торжественно заявить о крѣпости единенія Германіи; эти газеты стараются увѣрить, что кельнское торжество было торжествомъ единой сплоченной Германіи и дѣлаютъ это неспроста: имъ хочется изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на поборниковъ германскаго единства послѣдними событіями въ южной Германіи, въ которыхъ особенно ярко выразилось, какъ силенъ еще духъ партикуляризма у нѣмцевъ. Одно изъ этихъ событій, какъ особенно характеристичное, мы разскажемъ здѣсь.

Въ августѣ этого года исполнилось 700 лѣтъ со дня вступленія на баварскій престолъ нынѣ царствующей династіи. Мюнхенцы праздновали этотъ день съ особеннымъ торжествомъ. Почти всѣ дома вывѣсили національный баварскій флагъ, но нашлось нѣсколько домовладѣльцевъ, которымъ взду-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

АКВАРЕЛЬ ИНДУНО.



Первый снѣгъ.

Рѣзано на деревѣ въ **Миланѣ**.

малось повѣсить рядомъ съ баварскимъ и германскій флагъ. Передъ этими домами собрались толпы и требовали, чтобы германскіе флаги, которые онѣ презрительно назвали «германскою тряпкой», были немедленно сняты. Полиція держалась въ сторонѣ и партикуляристы добились своего: германскіе флаги были сняты. Когда-же одинъ рабочій сказалъ, что каждый воленъ вывѣшивать на своемъ домѣ флагъ, какой ему вздумается, толпа напала на несчастнаго и избила его. На другой день той-же участи едва не подвергся издатель одной либеральной газеты, вздумавшій подразнить толпу «германской тряпкой», которую онъ вывѣсилъ на своемъ домѣ. Ему пригрозили побоями и онъ поспѣшилъ снять ненавистный флагъ.

Нечего и говорить, что это и подобныя ему происшествія заставили призадуматься князя Бисмарка, которому дѣла и въ самой Пруссіи доставляютъ не мало заботы. Привыкнувъ къ безгласности и покорности національно-либеральной партіи, составляющей большинство въ парламентѣ, Бисмаркъ слишкомъ надменно сталъ обходиться съ ея членами, а когда замѣтилъ, что національ-либералы начинаютъ роптать и выказывать иногда сопротивленіе, вотируя въ палатѣ не такъ, какъ ему желательно, канцлеръ началъ сближаться съ центромъ, т. е. съ представителями католическаго клерикализма и партикуляризма. Національ-либералы всполошились; «если канцлеръ покидаетъ насъ, почемужъ и намъ не покинуть его», рѣшили самые рѣшительные изъ нихъ, и 30 человѣкъ, подъ предводительствомъ Форкенберга, вышли изъ состава національ-либеральной партіи и составили особую «чисто-либеральную» партію, угрожая канцлеру, что по многимъ вопросамъ они будутъ высказываться противъ него. Какъ ни слаба эта новая опозиціонная партія, прусское правительство должно быть не такъ сильно, какъ увѣряютъ преданныя ему газеты, если князь Бисмаркъ не презрѣлъ новыми противниками; напротивъ, показалъ, что опасается ихъ и желалъ бы съ нами примириться. Канцлеръ приказалъ преданнымъ ему газетамъ тотчасъ опровергнуть слухъ о томъ, что онъ ищетъ сближенія съ партіей центра, съ которой, впрочемъ, едва-ли бы удалось ему сблизиться. Но какъ человѣкъ предусмотрительный, онъ началъ подготовлять почву для сближенія съ иными элементами.

Извѣстно, что было время, когда князь Бисмаркъ искалъ сближенія съ демократами и даже соціалистами; затѣмъ онъ началъ жесгоко преслѣдовать соціалистовъ. Теперь онъ снова дѣлаетъ попытку завербовать на свою сторону рабочихъ. Средство это онъ видитъ въ проведеніи нѣкоторыхъ реформъ соціально-демократическаго характера и первой, самой необходимѣйшей изъ нихъ, онъ считаетъ «страхованіе рабочихъ». Рабочій, внося опредѣленную небольшую сумму, будетъ имѣть право на полученіе пенсіи, когда придетъ старость или-же по какимъ-нибудь причинамъ онъ не въ состояніи будетъ работать. Чтобы сдѣлать эту реформу болѣе популярной во мнѣніи рабочихъ, канцлеръ чрезъ преданныхъ ему людей и преданныя ему газеты, спѣшитъ заявить, что фабриканты и хозяева ремесленныхъ заведеній обязаны будутъ вносить извѣстную сумму въ страховой капиталъ, изъ котораго будутъ пользоваться одни рабочіе; наконецъ, что страхованіе будетъ обязательнымъ. Трудно предугадать, удастся-ли Бисмарку осуществленіемъ этой реформы привлечь рабочихъ на свою сторону? Наконецъ удастся-ли ему осуществить эту реформу въ такой степени, чтобы выгоды ея были очевидны для рабочихъ? Извѣстно, что рабочій, получающій сравнительно ничтожную заработную плату очень неохотно соглашается на отторженіе изъ нея самой небольшой части. Во всякомъ случаѣ, отдѣляя изъ своего заработка извѣстную часть его, рабочій долженъ примириться съ нѣкоторыми лишеніями, которыя ему придется отъ этого испытывать. Онъ охотно заплотитъ только въ томъ случаѣ, если ему очевидно докажутъ выгоды для него отъ реформы въ будущемъ. Привлеченіе къ платежу преміи хозяевъ, конечно, такая мѣра, которая скорѣе всего удовлетворитъ рабочихъ, но встрѣтится непремѣнно затрудненіе въ опредѣленіи ея нормы. Слишкомъ малая плата въ ничтожной степени будетъ увеличивать страховой капиталъ; слишкомъ большая можетъ вызвать ропотъ со стороны хозяевъ и они постараются затормозить реформу. Не легко будетъ князю Бисмарку, несмотря на его умъ и ловкость, провести предположенную реформу черезъ всѣ препятствія, какія представятся ей на пути. Затрудненіе, можетъ быть, не было-бы такъ велико, еслибъ Бисмаркъ относился къ реформѣ только съ экономической точки зрѣнія, но онъ ставитъ вопросъ вмѣстѣ и на политическую почву.

Конгресъ соціальныхъ наукъ въ нынѣшнемъ году собрался въ Эдинбургѣ и открылъ свои засѣданія 6 октября рѣчью своего президента, лорда Рея. Рѣчь эта очень мало касалась предметовъ вѣдомства конгреса и была чисто политической. Рей посвятилъ ее преимущественно англійской внѣшней политикѣ и политической будущности англо-саксонской расы. Сдѣлавъ краткій обзоръ состоянія странъ на европейскомъ континентѣ, которое онъ считаетъ далеко незавиднымъ, благодаря сильно-развитому въ нихъ милитаризму и большому значенію клерикальной партіи, лордъ Рей переходитъ къ Англіи и говоритъ, что благодаря тому, что англичане живутъ на островѣ и избавлены тѣмъ отъ непріятельскаго вторженія, они находятся въ исключительно благопріятномъ положеніи. Въ Англіи не было поводовъ къ развитію милитаризма, клерикальная партія не пользуется въ ней значеніемъ. Исключительное положеніе дало возможность Англіи обратить преимущественное вниманіе на свои внутреннія дѣла. Но какъ ни было благопріятно положеніе Англіи, она все-таки не могла жить обособленной жизнью и по необходимости должна была принимать участіе въ дѣлахъ континентальной Европы. Во внѣшней политикѣ она дѣлала не мало ошибокъ и теперь ей предстоитъ трудная задача лавировать такъ, чтобы не быть втянутой въ европейскую войну по поводу-ли восточнаго или западнаго вопроса. Государственные люди Англіи, по словамъ лорда Рея, должны обладать большимъ тактомъ, чтобы соблюдать дружественный нейтралитетъ со всѣми державами. Ораторъ совѣтуетъ Англіи прежде всего держаться союза съ второстепенными государствами, которыхъ такъ часто стараются захватить ихъ сосѣди, пользуясь ихъ слабостью. Въ заключеніе лордъ Рей указываетъ Англіи на возможность въ будущемъ свободной федераціи народовъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ. Въ составъ этой федераціи войдутъ Англія, Соединенные штаты, Австралія и Индія и тогда вполнѣ утвердится умственное и матеріальное развитіе этихъ странъ.

Дульциньо все еще не передано черногорцамъ, хотя телеграфъ по прежнему заявляетъ, что передача должна непремѣнно состояться въ скоромъ времени. Надо думать, что турецкому правительству очень трудно сладить съ албанцами, которыхъ оно само-же подняло; для устраненія встрѣчающихся затрудненій, можетъ быть, очень кстати случилась смерть 4-хъ главныхъ вождей албанцевъ, которые, по сообщенію телеграмы, должно быть отравлены. Кто виновникъ этого преступленія—телеграфъ не сообщаетъ; пожалуй и не найдутъ виновныхъ и припишутъ все случаю, которому очень часто приходится отвѣчать за проказы людей.

Желая еще болѣе запутать Европу, турецкое правительство выдумало новый вопросъ—курдскій. О курдахъ въ Европѣ почти ничего не знали, слышали только, что курды кочевое племя, полунезависимое, одинаково враждебное къ обоимъ своимъ сосѣдямъ: персіанамъ и туркамъ, которымъ оно платитъ дань. И вдругъ теперь оказывается, что курдовъ сильно обижаютъ армяне, захвативъ ихъ земли. Дѣло въ томъ, что турецкое правительство по берлинскому трактату обязалось произвести реформы въ оставшейся подъ его владычествомъ части Арменіи. Неурожай и сильные правительственные поборы произвели возстаніе въ Арменіи. Турецкія войска, посланныя для усмиренія возстанія, были разбиты инсургентами. Тогда турецкое правительство придумываетъ слѣдующій хитроумный способъ для выхода изъ затруднительнаго положенія. Оно собираетъ первыхъ попавшихся курдскихъ вождей и предлагаетъ имъ подписать протестъ о захватѣ ихъ земли армянами. Сыны степей сперва никакъ не могли взять въ толкъ, о какой землѣ идетъ рѣчь, наконецъ, при помощи угощенія и подарковъ, ихъ удалось убѣдить, чтобы они приложили свои печати подъ протестомъ, что они и сдѣлали. Получивъ этотъ драгоцѣнный документъ, турецкое правительство препроводило копію съ него ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ. А чтобы придать еще болѣе вѣроятія курдскому протесту, султанъ сдѣлалъ пашей одного изъ курдскихъ вождей, Бехри-бея, и поручилъ ему составить отрядъ изъ курдовъ, надъ которымъ принять начальство и присоединиться къ турецкимъ войскамъ, дѣйствующимъ противъ инсургентовъ. Участіе Бехри-бея, однакожъ, не поправило дѣла и турки вмѣстѣ съ курдами снова разбиты армянами, которыми предводительствуетъ Маршимонъ.

Трудно приходится Турціи, которой вскорѣ предстоитъ приняться за исполненіе берлинскаго трактата по отношенію къ Греціи. Турецкое правительство старается протянуть дѣло, но всему бываетъ конецъ. Грецiя, предвидя войну или, по крайней мѣрѣ необходимость показать себя вполнѣ готовой къ войнѣ, въ настоящее время приступила къ вооруженіямъ; отданъ приказъ о мобилизаціи греческой арміи. Возстаніе же въ Фессаліи пріостановилось только по совѣту греческаго правительства и оно можетъ снова вспыхнуть, если турки подадутъ къ тому малѣйшій поводъ.

Къ рисункамъ.

Коровница, картина Эдуарда Фагей. Реализмъ, разумѣется, не исключаетъ и фантазіи. Пейзажъ англійскаго художника Эдуарда Фагей, бывшій на лондонской выставкѣ 1880 года, можетъ служить въ этомъ отношеніи интереснымъ pendant къ картинѣ Дюпре. Дюпре только талантливо воспроизвелъ видѣнную имъ сцену и понравившійся ему пейзажъ. Англійскій художникъ освѣтилъ свой пейзажъ яркимъ, эфектнымъ освѣщеніемъ, хотя самый пейзажъ переданъ имъ съ такою-же вѣрностью, какъ и у французскаго художника. Картина изображаетъ заходъ солнца въ лѣсу, близъ деревни; молодая коровница съ ведромъ въ рукѣ идетъ за стадомъ коровъ, приготовляясь доить ихъ; красные лучи заходящаго солнца освѣщаютъ деревья, придавая имъ яркій, эфектный колоритъ. Густая зелень, дорожка, извивающаяся въ лѣсу, вода, въ которой отражаются тѣни деревьевъ, наконецъ, молодая коровница,—все это передано англійскимъ художникомъ не только талантливо, но и поэтически.

Первый снѣгъ, акварель Индуно. Очень милая, съ замѣчательнымъ талантомъ написанная акварель. Двѣ крестьянки съ разной ношей и съ ними двое дѣтей идутъ изъ одной итальянской деревушки въ другую. Уже глубокая осень и выпалъ первый снѣгъ; вдали, среди горъ, утопающихъ въ туманѣ, все пространство покрыто снѣгомъ. Пейзажъ прелестенъ, а фигуры схвачены съ удивительнымъ талантомъ.

Отдыхъ цыганъ, Штеффека. Эта картина переноситъ насъ на югъ Австріи. Въ теплый лѣтній день у старой, полуразвалившейся стѣны на пригоркѣ расположилась незатѣйливая групa цыганъ съ медвѣдемъ. Оборванные, полуголые, эти люди наслаждаются полнымъ отдыхомъ и только одинъ цыганенокъ-скрипачъ играетъ на скрипкѣ. Превосходно схваченные типы этихъ людей составляютъ главное достоинство этой картины, дышущей спокойствіемъ и поэзіей. Особенно хорошъ старикъ съ серьезными и проницательными глазами, испытавшій и видѣвшій много на своемъ вѣку.

Богатая тетка, Вормса. Талантъ Вормса хорошо извѣстенъ нашимъ читателямъ и говорить о немъ нечего. Сюжетъ настоящей его картины простъ: «богатая тетка» больна; разумѣется, за нею ухаживаютъ всѣ, имѣющіе желаніе получить наслѣдство, около нея увивается и изгибается въ три дуги вся родня. Это, конечно, не ускользаетъ отъ вниманія абата, понюхивающаго табачекъ и хитро посматривающаго на всѣхъ этихъ любящихъ племянниковъ и племянницъ. Абатъ соображаетъ, много-ли оставитъ старушка и на церковь. Картина исполнена прелестно, отдѣлана до мелочей. Взгляните только хоть на шелковое платье подходящей къ старухѣ дѣвушки и вы поймете, съ какимъ тщаніемъ написаны всѣ детали картины.

Сынъ Корали. Эта драма, передѣланная изъ романа, пользовалась въ нынѣшнемъ году большимъ успѣхомъ въ Парижѣ и была дана у насъ въ Петербургѣ для открытія Михайловскаго театра. Сюжетъ ея—сынъ кокотки выростаетъ, не зная, чѣмъ была его мать прежде; онъ думаетъ жениться и вдругъ родные его невѣсты узнаютъ прошлое его матери; свадьба разстраивается и сынъ жестоко упрекаетъ мать, вымаливающую у его ногъ прощенье за прошлые грѣхи. Авторъ помѣщенной нами картины передалъ этотъ потрясающій моментъ драмы, когда Корали (г-жа Тиссандье) лежитъ у ногъ сына (г-на Гюитри). По обычаю французскихъ драматурговъ конецъ драмы является счастливымъ: всѣ примиряются и сынъ кокотки женится. Изъ этого-же романа была у насъ скроена русская драма, появившаяся на александринской сценѣ подъ именемъ «Безъ роду, безъ племени», она провалилась на первомъ-же представленіи, чего она и заслуживала вполнѣ, такъ какъ эта передѣлка бездарна.

Изъ-за пограничной черты. (№ 41). Эта картина на туринской выставкѣ принадлежала къ числу лучшихъ. Передъ нами конюшня. Въ одномъ стойлѣ помѣщается лошадь, въ другомъ лежитъ пара собакъ съ щенятами. Лошадь вздумала перейдти «пограничную черту» и вотъ собаки, защищая свои владѣнія, поднялись на нее съ оскаленными зубами. Эта простая сценка исполнена съ замѣчательной наблюдательностью, съ замѣчательнымъ стараніемъ.

Художникъ отдѣлалъ всѣ мелочи, не пренебрегая ничѣмъ.

Пьяный хозяинъ. Пьяный, разбитый, оборванный мужикъ вваливается въ избу, гдѣ и безъ того невесело и неприглядно. У его жены, сидящей на полу, вытянулось и какъ-бы застыло съ выраженіемъ ужаса лицо. Дѣти всполошились и не знаютъ, что дѣлать отъ страха, ожидая сцены буйства, битья и брани. Тяжелое чувство пробуждаетъ вся эта сцена, безрадостнымъ чѣмъ-то вѣетъ отъ этой убогой обстановки. Смотря на эту картину, вы дѣлаетесь зрителемъ ежедневно повторяющейся драмы, глубоко хватающей за сердце. Здѣсь нѣтъ ни прикрасъ, ни смягченій.

Смѣсь.

— Крушеніе поѣзда. Въ «Голосъ» телеграфируютъ изъ Царицына: «9-го октября, ночью, на 56-й верстѣ отъ Царицына, на желѣзной дорогѣ послѣдовалъ крупный несчастный случай. Товарный поѣздъ свалился съ откоса; 21 вагонъ разбитъ въ дребезги; убиты артельщикъ и машинистъ, послѣ котораго остались жена и четверо дѣтей. Судя по всѣмъ признакамъ, крушеніе поѣзда произошло вслѣдствіе умышленнаго поврежденія пути, такъ какъ рельсы оказались развинченными и подкладки вынутыми изъ подъ нихъ. По всей вѣроятности, злоумышленники предполагали послѣ крушенія ограбить поѣздъ. Мѣсто катастрофы представляетъ ужасную картину: вагоны буквально превращены въ щепки, которыя, перемѣшанныя съ товаромъ, образуютъ груду развалинъ. Большаго труда будетъ стоить очистить путь для пропуска поѣздовъ».

— Снѣжная буря. Разразившаяся 9-го октября снѣжная буря произвела многочисленныя поврежденія телеграфныхъ линій, и районъ мѣстности, на которую распространялось въ предѣлахъ Россіи ея вліяніе, простирается отъ балтійскаго прибрежья къ востоку до Вологды и къ югу до австрійской границы. Кромѣ поврежденій, бывшихъ 7-го и 8-го октября, линіи привислянскаго и сѣверо-западнаго краевъ почти повсемѣстно подверглись болѣе или менѣе значительныхъ поврежденіямъ, причемъ во многихъ мѣстахъ на линіи были въ большомъ количествѣ опрокинуты сломанныя бурею деревья, поломавшія столбы и оборвавшія проводы. На петербургско-варшавской линіи, кромѣ другихъ поврежденій, въ участкѣ между Псковомъ и Рѣжицею въ разныхъ пунктахъ опрокинуто 15 столбовъ и оборвана проволока. Линіи, соединяющія Вологду съ Петербургомъ и Москвою, были повреждены въ нѣсколькихъ мѣстахъ; на послѣдней между Вологдою и Ярославлемъ произошло 18 обрывовъ проводовъ; въ 30 мѣстахъ проводы были перепутаны. Вслѣдствіе этихъ поврежденій общее движеніе телеграфной кореспонденціи подверглось значительнымъ затрудненіямъ, и депеши неизбѣжно замедлялись, въ особенности кореспонденціи Варшавы и Привислянскаго края, такъ какъ 9-го числа сообщеніе Варшавы со всѣми станціями какъ русскими, такъ и заграничными, было прекращено, и 10-го числа утромъ удалось лишь возстановить дѣйствіе между Петербургомъ и Варшавой. Одновременно съ поврежденіемъ русскихъ линій были повреждены континентальныя линіи въ Даніи, соединяющія либавскій кабель съ лондонскимъ, вслѣдствіе чего установившееся прямое сообщеніе Петербурга съ Лондономъ вновь прекратилось, и русско-англійская кореспонденція опять передается въ обходъ черезъ Финляндію и Швецію.

— Новыя пьесы на русской сценѣ. Два дня къ ряду Александринскій театръ угощалъ публику новыми пьесами. Отсюда, пожалуй, можно было бы вывести заключеніе о продуктивности русскихъ драматурговъ, но обѣ пьесы были не оригинальныя, а переводныя. Правда, одна изъ нихъ передѣлана на русскіе нравы, что, однакожъ, не помѣшало ей остаться пьесой часто французской, не имѣющей ничего общаго съ русской жизнью. Эта пьеса, озаглавленная «Не люби двухъ разомъ» привлекла въ театръ многочисленную публику. Новая пьеса, впрочемъ, оказалась старой. Она шла уже въ Москвѣ и провинціи подъ другимъ заглавіемъ: «Карточка съ политехнической выставки»; года 3 тому назадъ она была поставлена и въ Петербургѣ, на сценѣ собранія художниковъ. Эта пьеса передѣлана изъ веселой французской комедіи Вафлара и Фульженса «Les deux menages», до сихъ поръ удержавшейся во французскомъ репертуарѣ и въ настоящее время идущей на сценѣ «Французской комедіи» въ Парижѣ. У насъ эта пьеса привлекла публику, вѣроятно, потому, что въ ней играли три главныя актрисы петербургской русской трупы: г-жи Васильева, Дюжикова и Савина. Играли онѣ не скучно, и это все, чего можно было отъ нихъ требовать въ ихъ роляхъ. Мужскія роли исполнялись гг. Сазоновымъ и Петипа весьма прилично. Вообще пьеса прошла недурно, хотя позволительно спросить: для чего ее возобновляли? Пьеса, несмотря на русскія имена дѣйствующихъ лицъ, осталась чисто-французской, требующей веселости и живости исполненія, которыхъ въ должной степени не могутъ проявить русскіе артисты; нѣтъ въ пьесѣ выдающихся ролей, выдвигающихъ исполнителей; однимъ словомъ, нѣтъ ничего, чемъ можно бы было объяснить ея возобновленіе.

Въ этотъ-же день шла «Женитьба Бальзаминова», г. Островскаго съ новымъ актеромъ, г. Давыдовымъ, въ главной роли. Нельзя не поблагодарить дирекцію за пріемъ въ здѣшнюю трупу этого превосходнаго актера. Г. Давыдовъ еще молодъ; говорятъ, онъ очень любитъ искусство, вполнѣ добросовѣстно относится къ дѣлу; у него есть талантъ; нѣтъ сомнѣнія, что, при такихъ данныхъ, онъ вскорѣ сдѣлается любимцемъ петербургской публики. Роль Бальзаминова была сыграна имъ мастерски. Такой художественной правды въ исполненіи, такого реализма въ игрѣ намъ не случалось видѣть на петербугской сценѣ со времени выхода въ отставку покойнаго Васильева 2-го. Г. Давыдовъ, уступая Васильеву въ сценической опытности, имѣетъ передъ нимъ одно важное преимущество: у Давыдова звучный громкій голосъ и отчетливое произношеніе, чего не доставало Васильеву. Остается только пожелать, чтобы г. Давыдова не затирали, а давали бы ему играть почаще. Тоже пожеланіе приходится высказать и относительно г-жи Левкѣевой 2 й, столь-же правдиво и реально исполнившей роль вдовы Бѣлотѣловой. Выдающееся исполненіе въ короткое время двухъ ролей: въ «Фофанѣ» и въ «Женитьбѣ Бальзаминова» могло бы, кажется, обезпечить за г-жей Левкѣевой 2-й право на полученіе ролей въ подобномъ-же жанрѣ и въ другихъ пьесахъ, но бывали уже примѣры, что о такомъ правѣ забывалось. Будемъ надѣяться, что новый режисеръ водворитъ на сценѣ и новые порядки.

Слѣдуетъ отдать справедливость г. Федорову-Юрковскому, что съ каждой постановкой новой пьесы все болѣе и болѣе замѣчается его режисерская дѣятельность. Пьеса «Жизнь прожить не поле перейдти», данная въ бенефисъ г. Марковецкаго, поставлена хорошо и при исполненіи ея достигнутъ возможный ансамбль. Новая пьеса составляетъ переводъ драмы Октава Фелье «Le roman d'un jeune homme pauvre» и давно уже идетъ на провинціальныхъ сценахъ подъ заглавіемъ «Управитель». Ради чего вздумалось г. Райскому изобрѣтать вовсе неподходящее заглавіе—понять трудно. Драма Ожье ходульная и тенденціозная. Написана она въ то время, когда романтизмъ еще не былъ совершенно побѣжденъ болѣе реальными, жизненными произведеніями и драма Фелье составлена по рецепту романтиковъ, въ особенности главная роль пьесы, въ которой и высказалась тенденціозность автора. Добродѣтели и способности героя драмы, маркиза де-Шансе, возвышенны до приторности. Въ каждомъ актѣ, въ каждой картинѣ (а ихъ всего 7) приподносятся публикѣ обращики способностей и добродѣтелей несчастнаго молодого человѣка, который дошелъ до того, что долженъ зарабатывать свой хлѣбъ. Маркизъ знатокъ литературы, выдающійся музыкантъ, художникъ; онъ замѣчательный ѣздокъ верхомъ на лошади; онъ готовъ лучше умереть съ голода, чѣмъ принять предлагаемый обѣдъ, потому что у него нѣтъ денегъ, онъ спасаетъ отъ смерти собачку, онъ прыгаетъ въ пропасть, чтобы не компрометировать дѣвушки, страшно оскорбившей его; онъ сжигаетъ документъ, дающій ему въ руки богатство, чтобы семья, въ которой онъ живетъ, не знала о своемъ позорѣ и пр. и пр. Роль этого до крайности добродѣтельнаго человѣка игралъ г. Петипа и очень недурно выполнилъ выпавшую на его долю трудную задачу. Исполненіе его было нѣсколько холодное, что надо приписать опасенію его переиграть. Вообще г. Петипа сдѣлалъ большіе успѣхи противъ прошлаго года; онъ обыгрался и изъ него выработался хорошій исполнитель на роли «первыхъ любовниковъ».

Разумѣется, добродѣтельный герой долженъ быть вознагражденъ въ концѣ пьесы въ лицѣ прелестнѣйшей особы прекраснаго пола. Такой особой въ драмѣ Фелье является Маргарита, внучка злодѣя пьесы, Ларока. Воспитанная въ нѣгѣ и роскоши, избалованная, нѣсколько взбалмошная и до крайности самолюбивая, Маргарита по пьесѣ также очень добродѣтельна. Задавшись идеей, что мужчины ухаживаютъ за нею не столько ради нея самой, сколько ради ея богатства, Маргарита очень недовѣрчиво относится къ представителямъ непрекраснаго пола. Конечно, она влюбляется въ добродѣтельнаго управляющаго (маркизъ взялъ мѣсто управляющаго имѣніемъ Ларока, но поступилъ сюда не подъ именемъ маркиза де-Шансе, а подъ другимъ своимъ именемъ), но ея компаньонка (г-жа Дюжикова), злодѣйка пьесы, возбуждаетъ сомнѣнія въ Маргаритѣ, указавъ на то, что маркизъ перемѣнилъ имя и ясно, онъ желаетъ поправить свое разстроенное состояніе женитьбой на богатой наслѣдницѣ. Вслѣдъ затѣмъ Маргарита случайно встрѣчается съ маркизомъ въ живописныхъ развалинахъ; тамъ пастухъ запираетъ ихъ. Маргарита сыплетъ оскорбленіями въ лицо маркизу, обвиняя его, что онъ подготовилъ эту сцену, что онъ хочетъ ее компрометировать и тѣмъ заставить ее выйдти за себя замужъ. Для доказательства своей невинности маркизъ прыгаетъ въ пропасть. Скучно передавать дальнѣйшее содержаніе этой романтической драмы. Въ пятомъ дѣйствіи объясняется вся сила добродѣтели героя и Маргарита кидается въ его объятія, со словами: «я люблю тебя!» Занавѣсъ падаетъ. Роль Маргариты играла г-жа Савина и неудачно. Сильныя роли не по средствамъ талантливой премьерши Александринскаго театра. Голосъ у нея слабъ, играть нервами она не можетъ; понятно, что у нея должны пропадать сильныя потрясающія мѣста ролей; она не можетъ увлечь зрителей такъ, какъ увлекаютъ, напримѣръ, Деляпортъ, Стрепетова, Федотова; зрители замираютъ и ждутъ... слышно, какъ муха пролетитъ. Такъ и въ драмѣ Фелье, у г-жи Савиной совершенно пропала сцена въ развалинахъ и сцены въ 4-мъ актѣ; удалась-же ей вполнѣ только сцена въ 1-й картинѣ 2-го акта, подходящая къ ея средствамъ.

Очень хорошо исполнили свои роли г-жа Дюжикова и г. Пильскій, прекрасно гримировавшійся. Неудались роли г-жѣ Левкѣевой 1-й и г. Новикову. Была въ этотъ день и дебютантка, воспитанница театральнаго училища г-жа Свѣдѣнцова, очень мило исполнившая небольшую роль Христины, за что была вызвана нѣсколько разъ.

— Бычачій вальсъ. Извѣстно, что когда Моцартъ былъ занятъ созданіемъ какой-нибудь музыкальной пьесы, онъ совершенно углублялся въ самого себя, не слышалъ и не видѣлъ ничего, что происходило вокругъ него. Разсказываютъ, что разъ, когда онъ писалъ одну изъ своихъ драгоцѣннѣйшихъ арій, къ нему пришелъ мясной торговецъ съ требованіемъ уплаты по старому счету. Тщетно жена Моцарта старалась обратить на себя вниманіе художника, витавшаго въ высшихъ сферахъ; онъ не замѣчалъ ея присутствія или не хотѣлъ оторваться отъ своихъ мыслей. Со слезами на глазахъ, она снова спустилась съ лѣстницы, чтобъ сказать мясному торговцу, что ея мужа нельзя видѣть и чтобъ онъ зашелъ въ другой разъ. Но торговца нельзя было убѣдить такъ легко; онъ хотѣлъ непремѣнно видѣться съ Моцартомъ и сталъ подыматься по лѣстницѣ. Моцартъ, чувствовавшій, что вблизи его совершается нѣчто необычное, и боясь, что несвоевременное посѣщеніе не дастъ ему удачно окончить музыкальное твореніе, созрѣвшее въ его голосѣ, схвативъ стоявшую близъ него палку и протянувъ ее одною рукою по направленію къ двери, другою рукою между тѣмъ продолжалъ торопливо набрасывать ноты на бумагу. Между тѣмъ на лѣстницѣ происходилъ шумъ. Жена композитора уговаривала мясника зайдти въ другой разъ и не безпокоить ея мужа; тотъ не хотѣлъ слушать и продолжалъ подвигаться къ двери. Моцартъ становился все тревожнѣе, его перо лихорадочно скользило по бумагѣ, какъ вдругъ въ дверь раздался стукъ. Твореніе художника подвергалось опасности быть прерванымъ передъ самымъ концомъ и, слѣдовательно, погибнуть. Композиторъ въ отчаяніи озирается и его взоръ, къ счастью, падаетъ на большой колъ, стоявшій въ углу комнаты. Онъ вскакиваетъ съ мѣста, беретъ этотъ колъ и упираетъ имъ дверь, послѣ чего съ неистовствомъ, и уже не обращая вниманія на стукъ, продолжаетъ писать. Эта подпора не могла устоять долго, но она сопротивлялась первымъ усиліямъ ломившихся въ комнату. Послѣдовала небольшая пауза. Но вотъ голоса стали громче и громче; толчки усилились. Повидимому, и сила композитора увеличилась вмѣстѣ съ его тревогою. Но дверь, наконецъ, подалась и стучавшіеся въ нее ворвались въ комнату именно въ то мгновеніе, когда композиторъ написалъ заключительную ноту. «Г-нъ Моцартъ!» началъ мясникъ. «Постойте, постойте!» вскричалъ композиторъ, схватилъ бумагу и побѣжалъ къ фортепьяно. Онъ сѣлъ и инструментъ сталъ издавать прелестные звуки, которые привели въ умиленіе супругу композитора и мясника. Моцартъ сыгралъ свое произведеніе до конца, потомъ подбѣжалъ къ своему письменному столу, чтобы сдѣлать нѣкоторыя поправки. «Г-нъ Моцартъ, началъ растроганный до слезъ мясникъ, послѣ того какъ композиторъ положилъ перо, — вы знаете, что я скоро женюсь». «Нѣтъ, не знаю», отвѣчалъ Моцартъ, мало-по-малу возвращающійся къ дѣйствительности. «Ну, такъ знайте, таперь; вы знаете также, что должны мнѣ за мясо». «Это я знаю», отвѣчалъ Моцартъ со вздохомъ. «Вотъ, что, г. Моцартъ, сочините мнѣ хорошенькій вальсъ ко дню моей свадьбы и я вычеркну вамъ долгъ, да кромѣ того цѣлый годъ буду поставлять вамъ мясо безденежно». «Идетъ!» воскликнулъ Моцартъ съ одушевленіемъ, вскочилъ со стула, сѣлъ за фортепьяно и сталъ играть прелестный вальсъ, подобнаго которому мясникъ никогда не слыхалъ. «Я сказалъ, что буду доставлять вамъ цѣлый годъ мясо, воскликнулъ восторженный торговецъ.—Нѣтъ, сто дукатовъ дамъ я вамъ за него, только сдѣлайте мнѣ его съ литаврами, трубами, рожками и скрипками и поскорѣе». «Я переложу его вамъ на оркестръ, отвѣчалъ обрадованный композиторъ, едва вѣрящій своимъ ушамъ. — Черезъ часъ вы его получите». Довольный торговецъ ушелъ. Черезъ часъ вальсъ былъ переложенъ на полный оркестръ и отосланъ мяснику. Спустя нѣкоторое время, мясникъ снова пришелъ къ композитору и заплатилъ ему сто дукатовъ, т. е. такую цѣну, какой Моцартъ не получилъ отъ короля за свою оперу, одну изъ величайшихъ. Такимъ образомъ произошелъ знаменитый «Бычачій вальсъ» (Ochsenvalzer).

— **Выставка мануфактуры и искуствъ.** Въ г. Сисилѣ открывается въ концѣ этого мѣсяца первая въ Индіи выставка туземной промышленности и искуствъ.

— **Нашествіе кротовъ.** Въ Викторіи (въ Австраліи) за послѣднее время появилось такое множество кротовъ, что ими не только уничтожены поля, но даже обгрызены деревья; мало этого, въ самомъ городѣ кроты подкапываютъ дома. Принятыя мѣры оказываются безсильными. Всѣ лѣса, луга, поля сплошь усѣяны норами хищниковъ. Ежедневные обвалы домовъ нагнали на жителей панику и многіе начали выселяться.

— **Подводный вулканъ.** Въ Тихомъ океанѣ, близъ острова св. Александра открылся новый подводный вулканъ, выбрасывающій морскую воду и струю пара на необычайную высоту; берега острова усѣяны трупами морскихъ животныхъ и рыбъ, по временамъ вмѣстѣ съ паромъ вылетаютъ огромные огненные, ярко свѣтящіеся шары, по всѣмъ вѣроятіямъ, камни. Волненіе моря ужасное.

— **Лондонская художественная выставка.** Художественная выставка въ Гросвенорской галереѣ въ 1880 году чрезвычайно интересна для исторіи художества въ Европѣ и Америкѣ. Какъ извѣстно, международная выставка этого года по массѣ доставленныхъ предметовъ представляетъ одну изъ самыхъ громадныхъ по количеству, но по качеству произведеній самую печальную, характеризующую упадокъ художественныхъ силъ и художества вообще. На выставку было доставлено 169,147 экземпляровъ, представляющихъ собою болѣе 150 различныхъ школъ; изъ нихъ на выставку поступило 989 картинъ; на конкурсѣ удержалось лишь 406, въ залу принца Альберта, куда помѣщаютъ только образцовые оригинальные картины, не принято ни одной. Въ 1879 году изъ 153,047 картинъ на выставку поступило 1,395, выдержали конкурсъ 997, въ залу Альберта попала одна картина. Упадокъ весьма замѣтный; въ 1878 году въ залу принца Альберта было помѣщено 3 картины и между ними картина извѣстнаго русскаго художника г. Мещерскаго «Истоки Ріона», въ настоящее время находящаяся въ тифлискомъ музеѣ его высочества великаго князя Михаила Николаевича.

— **Новая живопись.** Заграницею въ послѣднее время появились въ продажѣ произведенія особаго рода живописи по фотографіи. Для этого фотографическіе снимки—преимущественно виды различныхъ комнатъ, внутренностей храмовъ, различныхъ мельчайшихъ украшеній, надписей и т. п. —переводятся на полотно и затѣмъ уже очень удачно раскрашиваются масляными красками. Этотъ родъ живописи сталъ примѣняться и къ жанровымъ сценамъ.

— **Современная архитектура.** Подъ этимъ заглавіемъ въ англійскихъ газетахъ помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Послѣ только что оконченной реставраціи одной изъ католическихъ церквей въ Манчестерѣ, во время обѣдни рухнулъ потолокъ и вмѣстѣ съ нимъ стѣны. До сихъ поръ изъ подъ груды камней вынуто 78 труповъ. Свидѣтелей этой катастрофы не оказывается, должно быть, все, что было живого въ церкви, погибло».

— **Величайшая картина въ мірѣ.** Періодъ завоеванія Индіи англичанами постоянно давалъ богатый матеріалъ для англійскихъ художниковъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія лондонская академія художествъ предложила конкурсъ съ громадною преміею на воспроизведеніе въ картинѣ одной изъ славныхъ битвъ англійскихъ войскъ съ раджею Мефомъ, а именно осаду его столицы Серингопотама. Втеченіи 18 лѣтъ никто не могъ удовлетворить требованіямъ конкурса и всѣ картины браковались. Но вотъ въ г. Бомбеѣ поселяется неизвѣстный дотолѣ въ художественномъ мірѣ художникъ Партеръ. Работалъ онъ 19 лѣтъ и написалъ картину, имѣющую размѣры 100 фут. длины и 30 ширины; на первомъ планѣ въ средней части картины помѣщено болѣе 1,000 фигуръ сражающихся; влѣво отъ этой групы перспектива лагеря и городъ, а вправо приближеніе свѣжихъ резервовъ Окончивъ свою картину, художникъ въ 1819 году доставилъ ее на выставку и получилъ призъ. Въ тоже время картина была куплена какимъ-то лордомъ и не появилась болѣе предъ публикой. Теперь, какъ оказывается, картина эта пріобрѣтена городомъ, гдѣ родился художникъ, и въ особомъ устроенномъ для нея зданіи сдѣлалась снова достояніемъ публики. Городъ Гельголъ пріобрѣлъ эту картину по частямъ, такъ какъ первый владѣлецъ ея пожелалъ подарить картину тремъ лицамъ и для того разрѣзалъ ее на 3 части. Новые владѣльцы продали каждый свою часть городу, который соединилъ ихъ въ одно цѣлое.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 41-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 11 октября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 13 октября въ 2 часа по полудни.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Къ числу объявленныхъ уже олеографическихъ картинъ, продающихся исключительно гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе», Редакція можетъ предложить еще слѣдующія:

№ по каталогу Редакціи.	Названіе картинъ.		Цѣна				Размѣръ картинъ въ вершкахъ.	
			Безъ пересылки.		Съ пересылкой.			
			Руб.	коп.	Руб.	коп.	Ширина.	Высота.
39.	**Гаремъ**	Эти три картины замѣчательно хорошо выполнены.	5	25	1	25	$16^{1}/_{4}$	$22^{1}/_{8}$
40.	**Діана**		4	50	1	25	$16^{1}/_{2}$	$22^{1}/_{2}$
41.	**Свиданіе**		3	50	1	—	15	$18^{1}/_{4}$
42.	**Хочу учиться**	Милыя жанровыя картинки, копіи съ картинъ Ціо.	1	40	—	60	$9^{1}/_{4}$	12
43.	**Сердитая**		1	40	—	60	$9^{1}/_{4}$	12
44.	**Чтеніе завѣщанія въ монастырѣ**........		2	—	—	75	13	$10^{7}/_{5}$
45.	**Бальмораль**	Превосходно исполненныя копіи съ картинъ Ригера, изображающ. виды этихъ очаровательн. мѣстностей.	3	50	1	—	$19^{3}/_{4}$	$14^{1}/_{2}$
46.	**Вильгемсгое**		3	50	1	—	$19^{3}/_{4}$	$14^{1}/_{2}$
47.	**Сансуси**		3	50	1	—	$19^{3}/_{4}$	$14^{1}/_{2}$
48.	**Виндзоръ**		3	50	1	—	$19^{3}/_{4}$	$14^{1}/_{2}$
49.	**Кайнакскія скалы**	Морскіе виды; копіи съ карт. Монгфорда.	3	—	1	—	$18^{7}/_{8}$	$11^{1}/_{8}$
50.	**Пенменпульская переправа**		3	—	1	—	$18^{7}/_{8}$	$11^{1}/_{8}$
51.	**Женская головка**....		—	40	—	20	$5^{5}/_{8}$	$6^{3}/_{4}$
52.	**Тоже**..		—	40	—	20	$5^{5}/_{8}$	$6^{3}/_{4}$

Остается въ своей силѣ правило, что при выпискѣ не менѣе трехъ картинъ, за пересылку ихъ прилагается половина назначенной цѣны за пересылку. Картины высылаются по почтѣ тщательно навернутыми на палки только при выпискѣ ихъ на 1 рубль (считая съ пересылкой) и болѣе; выписывающимъ менѣе, чѣмъ на рубль, картины высылаются въ трубкахъ.

II. Мы очень часто получаемъ отъ гг. московскихъ подписчиковъ жалобы на неполученіе ими нумеровъ журнала; почти въ каждомъ письмѣ дѣлается предположеніе, что № не высланъ Редакціей. Смѣемъ увѣрить гг. подписчиковъ, что при существующемъ порядкѣ отправки журнала, этого случиться не можетъ. Адреса печатаются на цѣлый годъ; каждый нумеръ считается, какъ въ Редакціи, такъ и въ С.-петербургскомъ почтамтѣ. Ошибка всегда можетъ быть замѣчена во время. Очевидно, нумера теряются въ Москвѣ почтальонами, разносящими газеты по городу. Редакція выслала уже въ Москву въ нынѣшнемъ году болѣе 300 двойныхъ экземпляровъ. Доводимъ объ этомъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ и просимъ ихъ заявлять о неполученіи № по полученіи ими послѣдующаго но не позже, иначе Почтамтъ не принимаетъ жалобы для производства разслѣдованія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стих. **А. Золотарева.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3-хъ част. **М. Ф. Каменской.**—Осеннія мелодіи, стих. **Д. Мережковскаго.**—Этюды изъ жизни въ средне-азіятскихъ пустыняхъ, **Н. Н. Каразина.**—Изъ исторіи рабства въ древности, ст. **С. Терновскаго**—Зарока не давай, комед. въ 3 дѣйст. **Альфреда де-Мюссе**, пер. **С. А. Боборыкиной.**—Хозяйство и промыслы муравьевъ.—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—Леона, зап. докт. **Бернагіуса**, пов. **Люсіена Біара**, пер. **А. А. Разсказовой.**—Политическая хроника.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Одинъ рисунокъ къ разсказу **Н. Н. Каразина.**—Отдыхъ цыганъ, карт. **К. Штеффена.**—Коровница, карт. **Едварда Фагей.**—Сцена изъ драмы, рис. **Адріенъ-Мари.**—Богатая тетка, карт. **Вормса.**—Пьяный хозяинъ, карт. **Корзухина.**—Первый снѣгъ, акварель **Индуно.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

П. А. САЛМАНОВЪ.

КНЯЗЬ БОРИСЪ ЩЕГЛЯТЕВЪ.

Историческій романъ XIII вѣка изъ временъ нашествія Батыя на Россію.

Цѣна 1 р. 80 коп. съ пересылкой 2 р.

Авторъ изъявилъ желаніе уступать гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» этотъ романъ за 1 р. 30 коп., съ пересылкою за 1 р. 50 коп.

РЕДАКЦІЕЙ

„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

издано

СОЧИНЕНІЕ А. МИХАЙЛОВА.

„НАШИ ДѢТИ“.

Содержаніе книги: Гл. I Вліяніе родителей на дѣтей до рожденія послѣднихъ. Гл. II Вытравленіе плода, дѣтоубійство. Гл. III Дѣти въ родной семьѣ, на воспитаніи у чужихъ, въ воспитательныхъ домахъ. Гл. IV Школа. Гл. V Дѣти-работники. Гл. VI Дѣти-бродяги, дѣти-нищіе, дѣти-фигляры. Гл. VII Дѣти-преступники. Гл. VIII Наказанія и филантропія. Гл. IX Заключеніе.

Цѣна: безъ пересылки 2 р. 20 к. съ пересылкой 2 р. 50 к. Гг. подписчикамъ на „Живописное Обозрѣніе“ книга эта уступается за 1 р. 50 к. безъ пересылки, 1 р. 75 коп. съ пересылкой.

При этомъ нумерѣ разсылается всѣмъ подписчикамъ № 5-й приложенія «**Парижскія моды**»; лицамъ, получающимъ выкройки, разсылается выкройка № 5.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 октября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

№ 5-й. С.-Петербургъ. 1880 г.

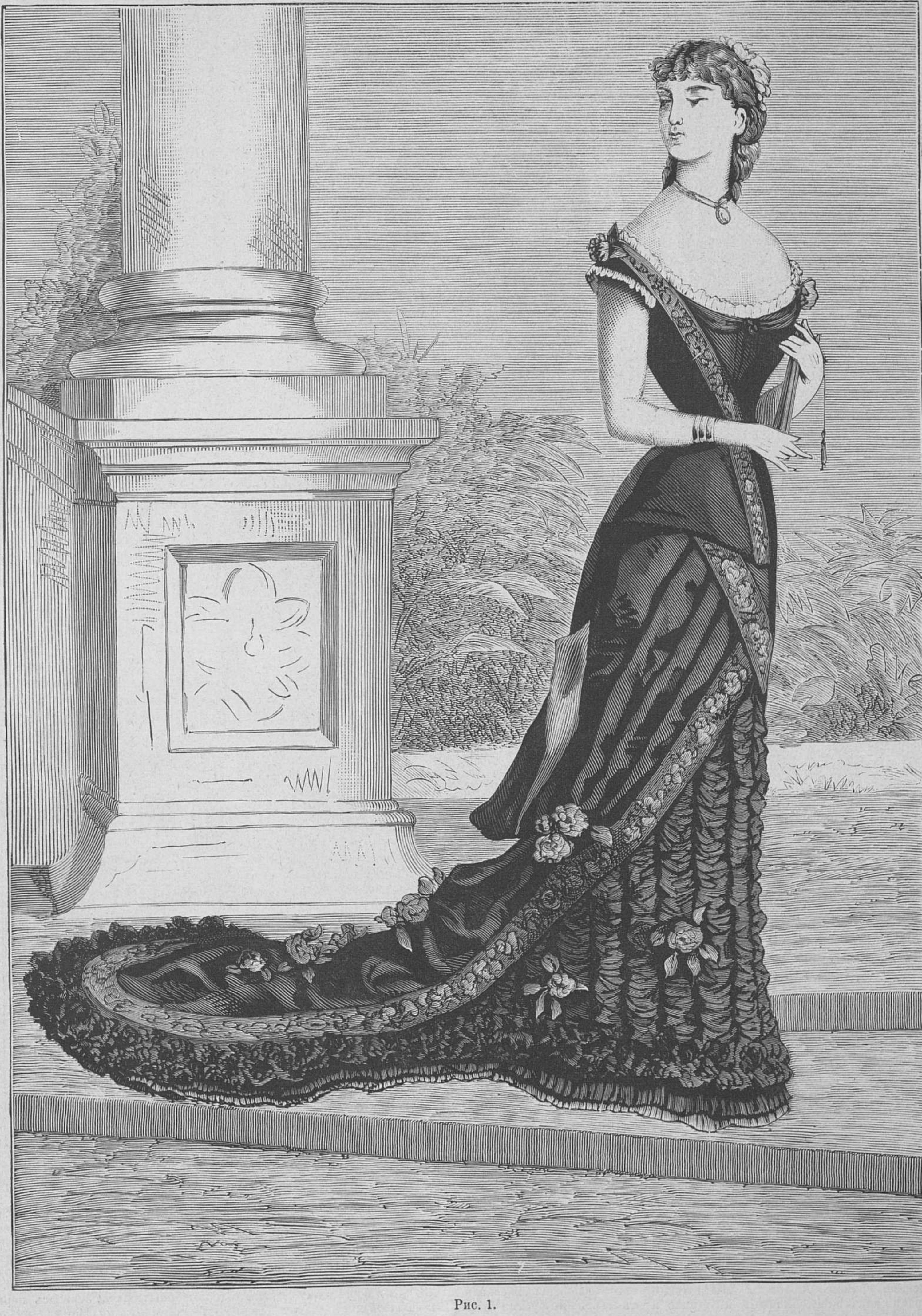


Рис. 1.

Какъ ни трудно предугадать фантазіи, могущія возродиться въ умѣ первокласныхъ парижскихъ закройщицъ, или капризы извѣстныхъ модницъ, мы все таки постараемся опредѣлить теперь-же, что предполагаютъ носить въ настоящій зимній сезонъ. Многія модели уже появились, но типы ихъ до того разнообразны, что почти нѣтъ возможности описать ихъ всѣ; впрочемъ, своеобразность ихъ заключается не столько въ покроѣ, сколько въ подробностяхъ. Всякій родъ костюма имѣетъ своихъ послѣдовательницъ, исключая, впрочемъ, корсажа съ длинными фрачными фалдами, который, кажется, окончательно исчезнетъ, но корсажы съ круглыми или острыми басками, временъ Людовика XIII и Людовика XVI, равно какъ habit villageois, auvergnac и проч. и проч. всѣ будутъ имѣть одинаковый успѣхъ. Жилеты уже менѣе видны, за то платья принсесъ опять займутъ первенствующее мѣсто, также какъ и корсажи съ кулисами, съ мелкими сборками и поясомъ только спереди. Жакеты изъ бархата или мягкаго драпа остаются въ большой модѣ, только къ нимъ прибавлена новая отдѣлка, состоящая изъ воротника и обшлаговъ цвѣтного бархата, вышитые золотомъ. Одной изъ самыхъ красивыхъ жакетъ въ такомъ родѣ надо признать жакетку изъ синяго драпа, съ двумя рядами эмалевыхъ пуговицъ и золотыми якорями. Воротникъ и обшлага блѣдно-голубые бархатные, вышитые синей синелью и золотомъ. Вообще синелевая вышивка въ перемѣжку съ цвѣтными бусами будутъ въ большой модѣ нынѣшній годъ. Для искустныхъ рукъ, любящихъ изящную работу, такого рода вышивка представляетъ возможность выказать свой вкусъ. Особенное предпочтеніе отдается тѣмъ вышивкамъ, которыя изображаютъ цѣлыя гирлянды цвѣтовъ изъ разноцвѣтныхъ бусъ; здѣсь необходимо умѣніе подобрать тѣни такъ, чтобы тоны сливались одинъ въ другой, не бросаясь въ глаза своими яркими абрисами. Гирлянды нерѣдко замѣняютъ пальмовыми, восточными рисунками, подражающими индѣйскимъ шалямъ. Вѣроятно ,потому такъ хороши рисунки индѣйскихъ шалей, что въ нихъ удивительный подборъ тѣней. Недавно на промышленной выставкѣ въ Парижѣ цѣлая толпа любопытныхъ тѣснилась передъ мастерской трехъ, четырехъ индѣйцевъ, работавшихъ

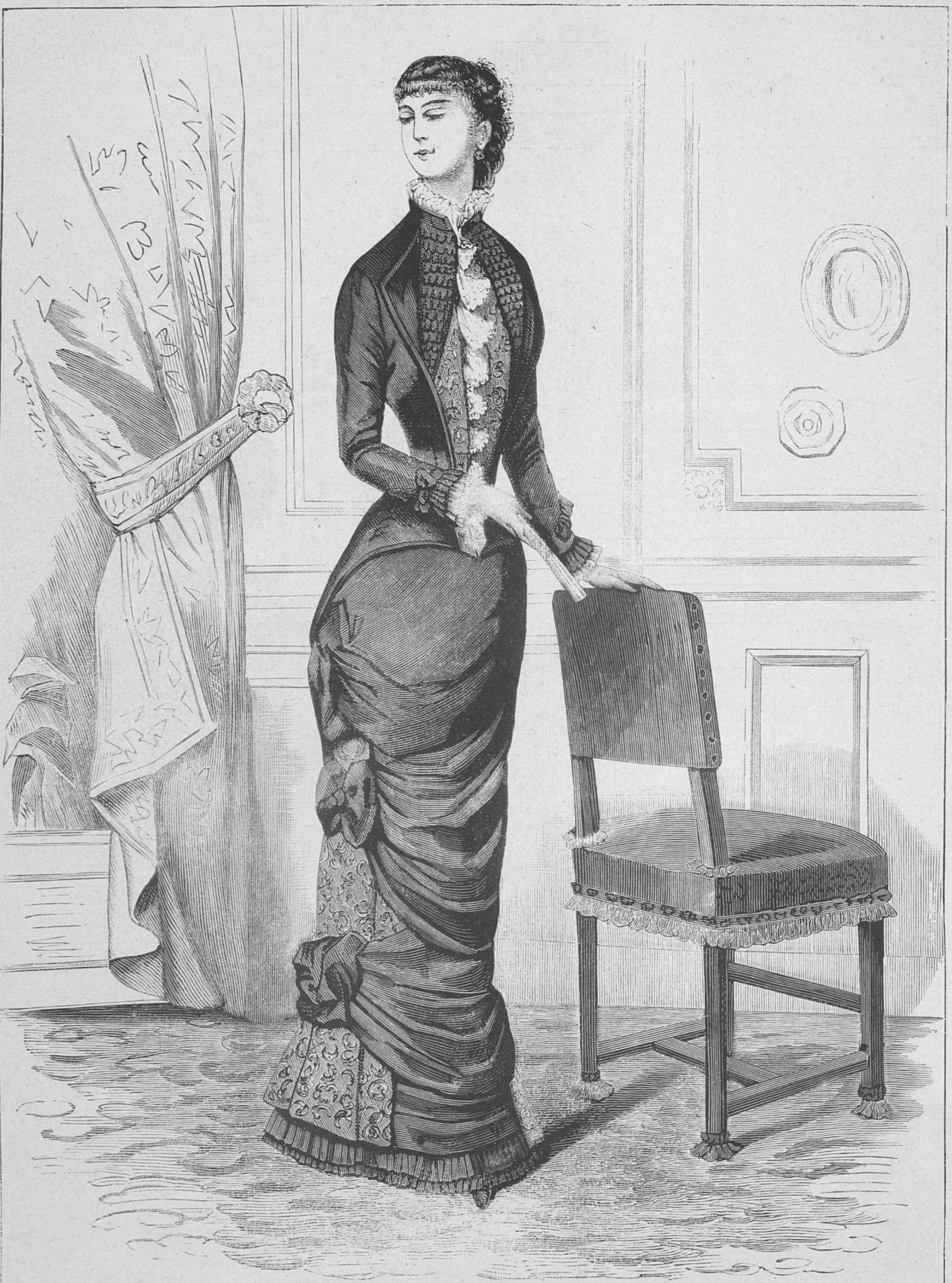


Рис. 2.

на глазахъ публики свою прелестную ткань для шалей. Одинъ професоръ, бывшій въ числѣ зрителей, написалъ большую статью, въ которой говоритъ, что, благодаря своеобразнымъ рисункамъ на шаляхъ, жители Кашмира стали извѣстны всему міру, и совѣтуетъ каждой націи послѣдовать примѣру индѣйцевъ и изобрѣсти каждой свою національную ткань и рисунокъ, которые могли-бы послужить потомству образцемъ ихъ вкуса. Но мы удалились отъ своего предмета.

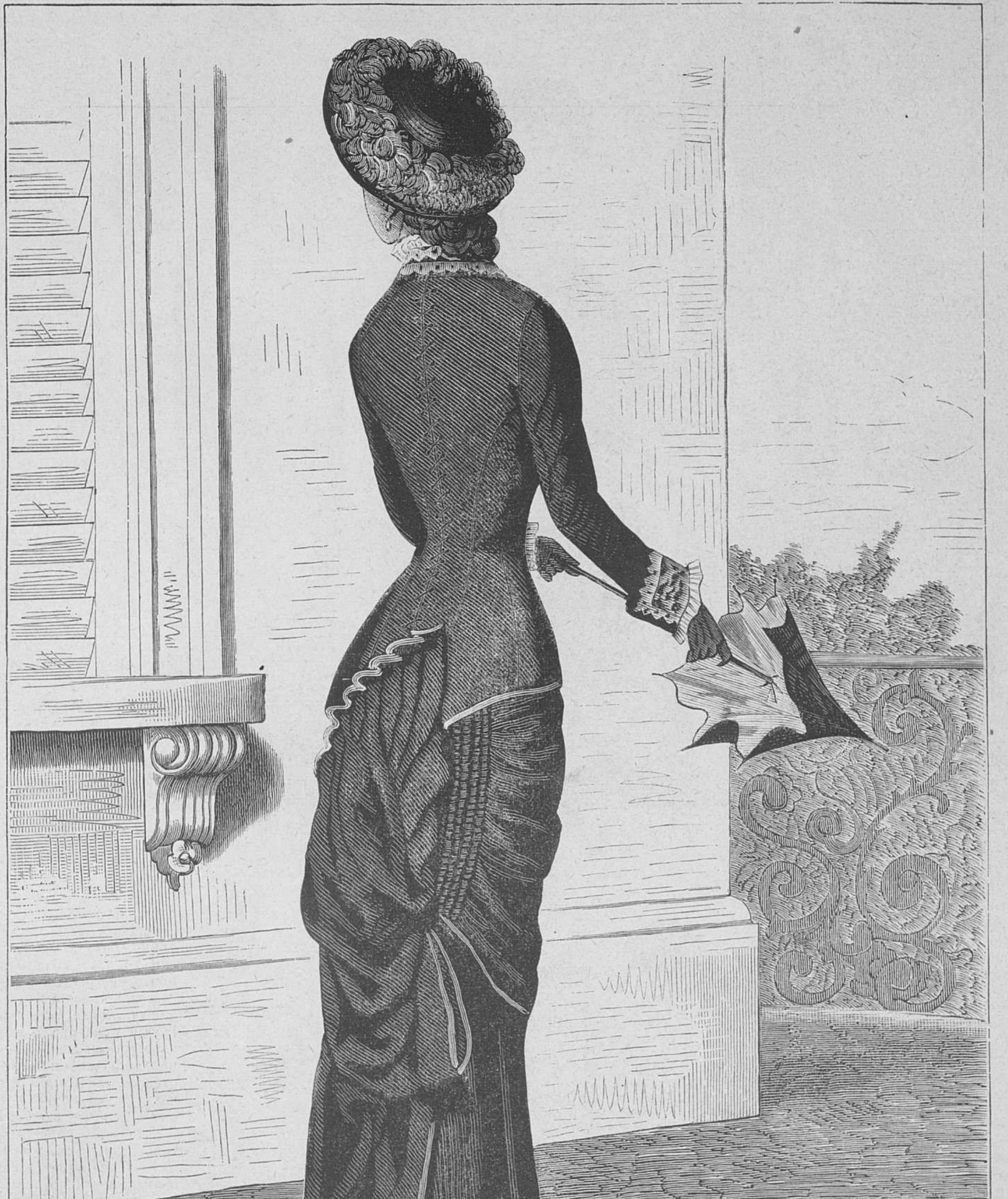


Рис. 3.

И такъ, синелевымъ бисернымъ и золотымъ вышиваньямъ уступлено первое мѣсто. Особенно на бальныхъ туалетахъ они поразительно эфектны. Намъ удалось видѣть привезенные изъ Парижа нѣсколько нарядныхъ туалетовъ для княгини Д. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательно бѣлое атласное платье, съ богатой рюшевой отдѣлкой изъ неширокихъ черныхъ кружевъ, между которыми промежутками положены пунцовыя синелевыя кисти. Лифъ гладкій, бѣлый атласный, зашнурованный сзади, богатая синелевая кисть на лѣвомъ плечѣ. Вмѣсто тюника 2 пунцовые синелевые шарфа въ видѣ сѣтки, драпированные такъ, что концы верхняго шарфа перехвачены огромной серебрянной пряжкой на правомъ боку; нижній граціозно спадаетъ до самаго трэна. Этотъ туалетъ при вечернемъ освѣщеніи долженъ быть поразительно хорошъ. Другой не менѣе нарядный костюмъ напоминаетъ собой фосфорическую морскую волну. Платье принсесъ изъ зеленовато-голубого фая, сплошь покрытое газомъ того-же цвѣта; все оно капитонэ, совершенно на подобіе мягкой мебели, только вмѣсто пуговокъ газовыя складки, схваченныя золотыми зеленоватыми мелкими букашками, которыя при каждомъ движеніи осыпаютъ все платье какъ-бы лучомъ фосфорическаго блеска. На бокахъ платья вмѣсто килей, сверху до самаго подола, граціозно перепутанныя, висячія морскія травы. Другой отдѣлки на юбкѣ нѣтъ, и эта кажущаяся простота костюма имѣетъ свою особенную прелесть. На корсажѣ, съ длинными мысами какъ спереди, такъ и сзади, вмѣсто берты спускается граціозная бахрома изъ ползучихъ

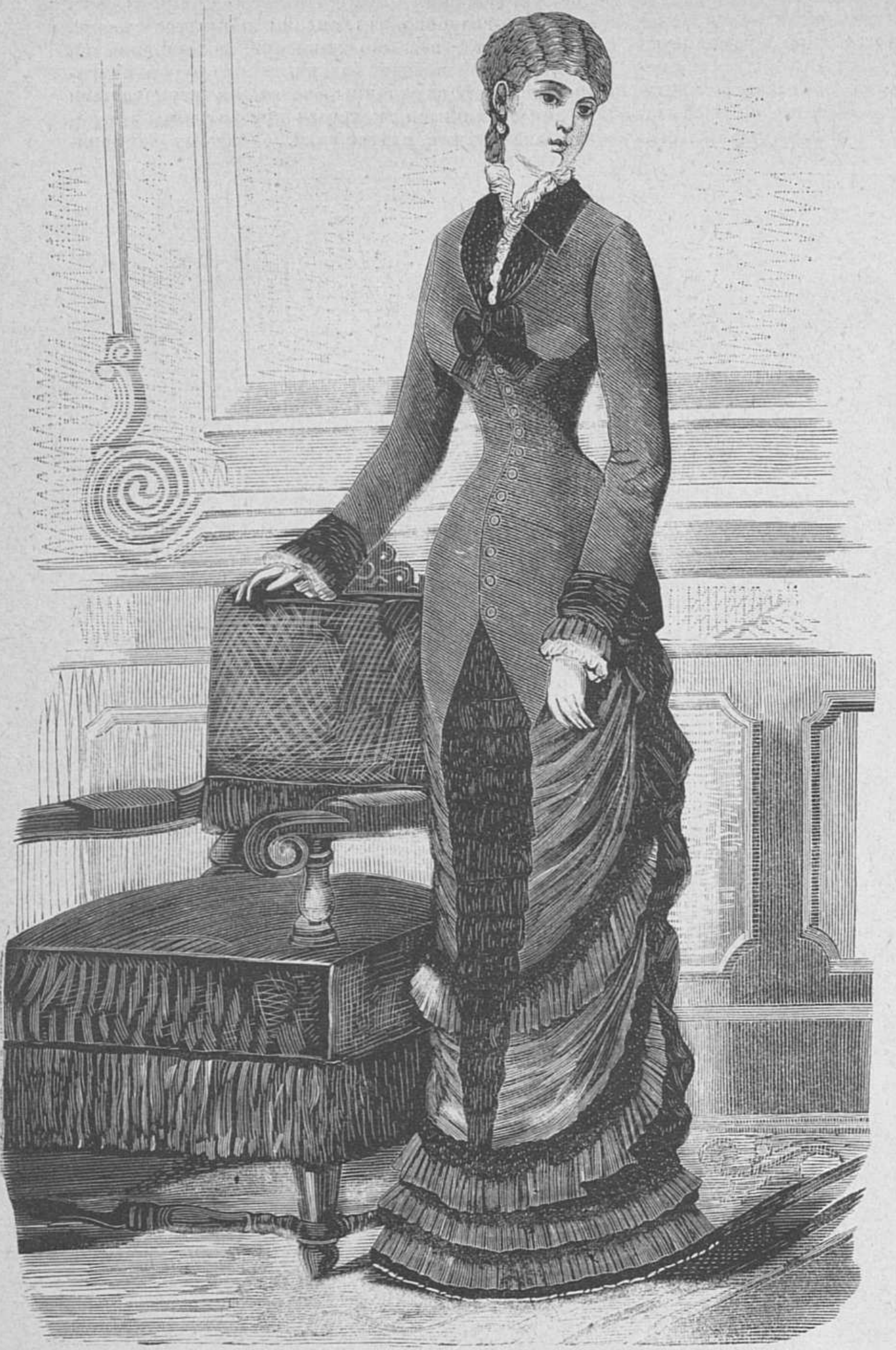


Рис. 4.

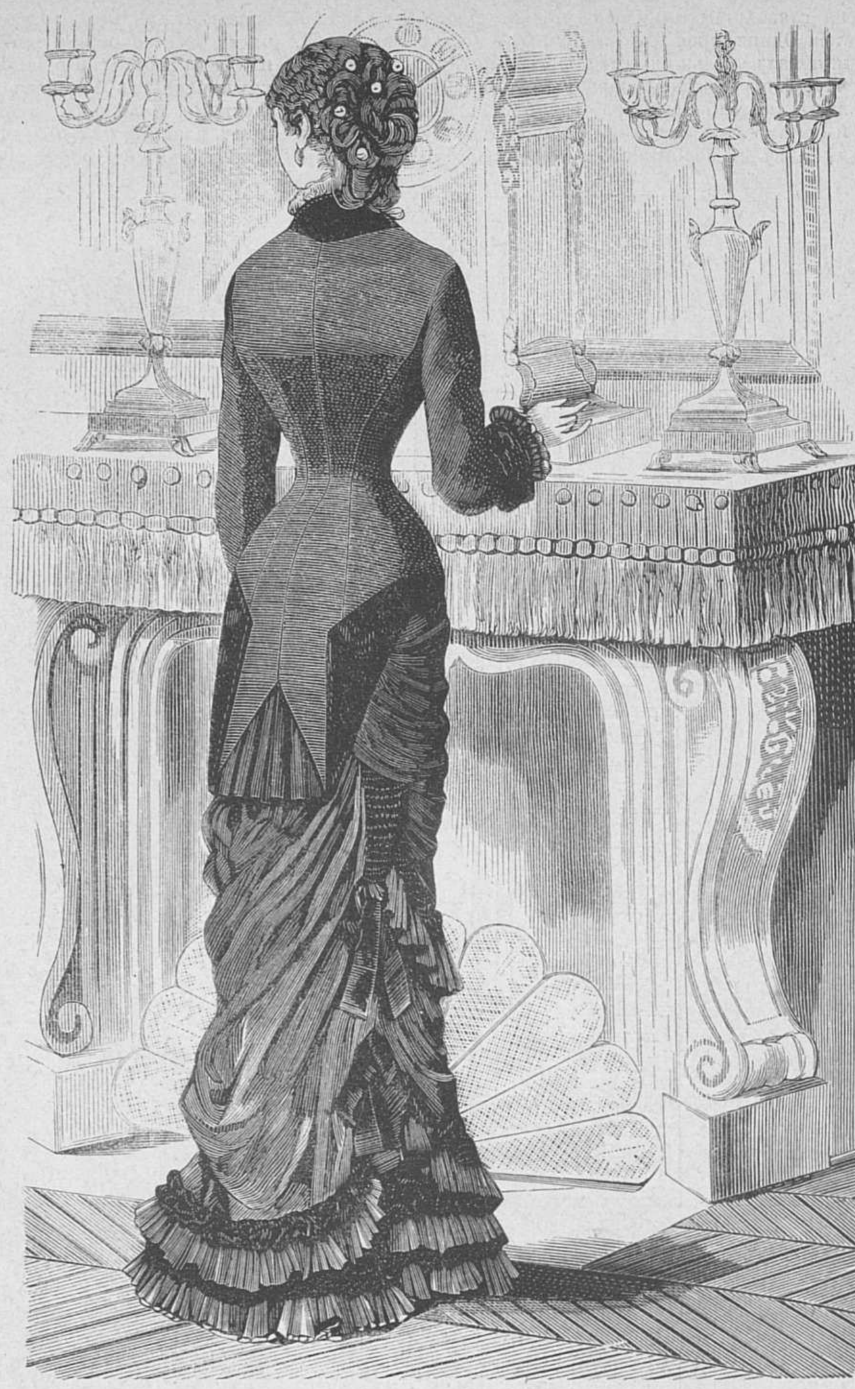


рис. 5.

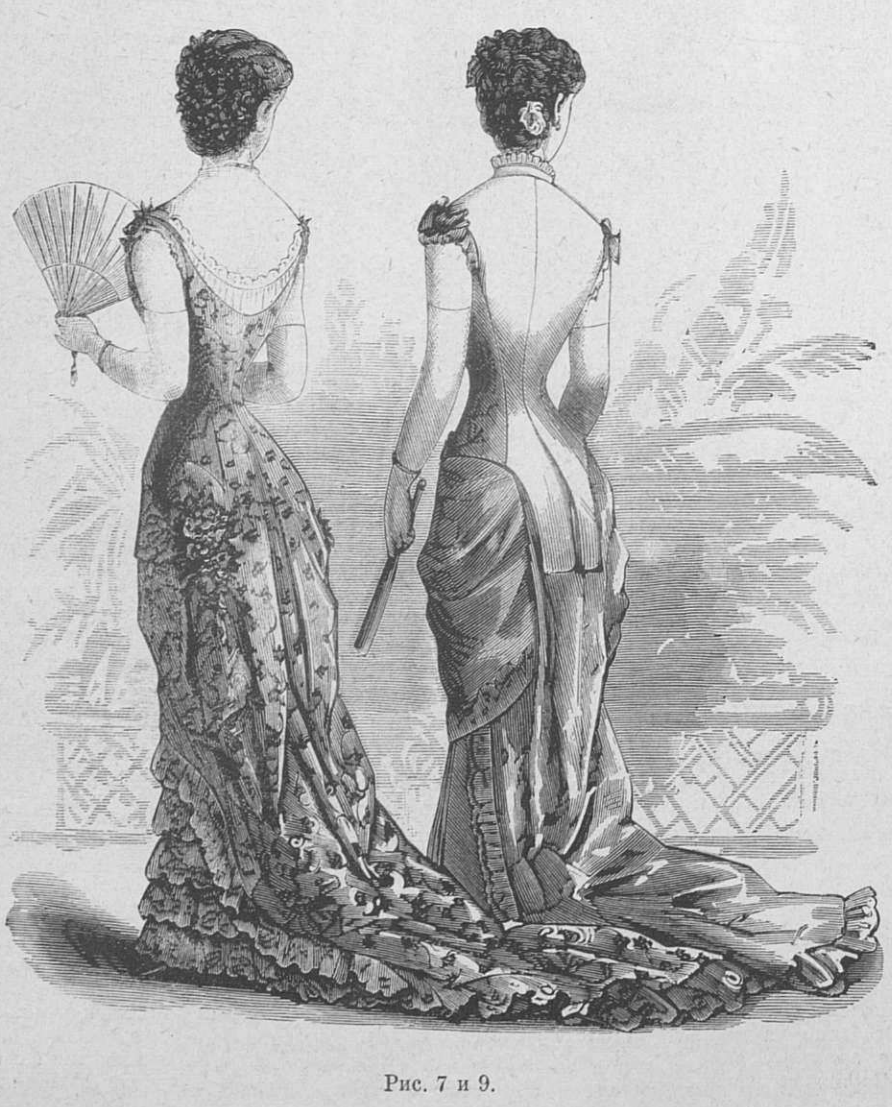


Рис. 7 и 9.

травъ. Колье изъ мелкой висячей травки съ фермуаромъ, изображающимъ изумрудную букашку, замѣняетъ дорогое ожерелье. Такой костюмъ можетъ заставить мечтать самую прозаическую особу и мы склонны думать, что многіе, увидавъ его, поймутъ, что не богатство костюма составляетъ его прелесть, но изящество и тотъ неподражаемый вкусъ, при которомъ является умѣнье согласовать и типъ, и тѣнь, и покрой самаго затѣйливаго туалета. Для молодыхъ дѣвицъ, понятно, ничто не можетъ замѣнить для бальныхъ туалетовъ прозрачную легкую матерію. Мы видѣли прелестныя газовыя матеріи всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, затканныя съ серебристой или золотой ниткой; онѣ до того легки, прозрачны и красивы, что могутъ удовлетворить самый разборчивый вкусъ, а между тѣмъ онѣ дешевы, всего 60 копѣекъ за аршинъ; трудно найдти что нибудь наряднѣе для вечерняго туалета. Отдѣлка-же изъ цвѣтовъ можетъ часто мѣняться, черезъ что одинъ и тотъ-же туалетъ пріобрѣтаетъ другой видъ и можетъ служить нѣсколько разъ. Большой запасъ этой матеріи находится въ Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, въ магазинѣ Барышникова, который намъ уже случалось рекомендовать.

Во 2 № нашего моднаго приложенія за настоящій годъ мы описали кирасу, затканную изъ любой матеріи по мѣркѣ каждой заказчицы, и тогда еще предсказали непрактичность этой моды, указывая на затрудненіе, происходящее отъ ошибочной мѣрки, хотя бы на одинъ сантиметръ. Но парижане съумѣли отстранить это неудобство. Появилась шерстяная и шелковая новая ткань всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и достоинствъ, называемая Surcot vèronese, въ видѣ вязаннаго трико, которая по своей эластичности до того облегаетъ станъ, что почти не требуетъ выточекъ у бюста. Обыкновенно эту ткань вышиваютъ стеклярусомъ или бусами, на груди, рукавахъ и даже на спинѣ; зашнуровываютъ часто сзади, но чаще совершенно безъ видимой застежки, съ одними швами на плечахъ и на бочкахъ. Тогда сюрко очень вырѣзанъ въ видѣ сердца у ворота и этого совершенно достаточно для того, чтобы надѣть его на себя. Сюрко длиннѣе обыкновеннаго корсажа, только необходимо вшивать маленькіе гирьки вокругъ всего сюрко, чтобы онъ не поднимался къ верху. Внизу его долженъ быть поперечный шарфъ, заложенный нѣсколькими складками, одного цвѣта съ юбкой. Сюрко-же можетъ быть другого цвѣта съ остальнымъ костюмомъ. Иногда воротникъ къ нему дѣлается бархатный, вышитый золотомъ, съ такими-же обшлагами, но чаще кружевная фреска окаймляетъ вырѣзанный воротъ; на рукавахъ таже отдѣлка. Говорятъ, всѣ парижскіе модные магазины переполнены этими нарядными готовыми кирасами. Онѣ, впрочемъ, представляютъ слѣдующее удобство: имѣя сюрко, положимъ черный, вышитый стеклярусомъ, можно постоянно мѣнять свой туалетъ, надѣвая съ нимъ всѣ возможныя цвѣтныя юбки. Пока эти кирасы еще не дешевы: шерстяной вышитый сюрко стоитъ не менѣе 20 руб., шелковый-же отъ 25 до 35 руб., смотря по качеству матерьяла, а главное стеклярусовой вышивкѣ. При заказѣ слѣдуетъ только прислать свою мѣрку и можно быть увѣренной въ тщательномъ исполненіи заказа.

О модѣ на шляпы можно дать положительныя свѣденія. Объемъ ихъ принимаетъ все болѣе громадные размѣры и всѣ онѣ дѣлаются изъ тяжелыхъ матерій; плюшъ съ длиннымъ ворсомъ, фетръ мохнатый или бархатъ тигретъ, это все матеріи далеко не легкія, не говоря уже о массѣ всевозможныхъ перьевъ, птичьихъ крылышекъ и пр., покрывающихъ ихъ.

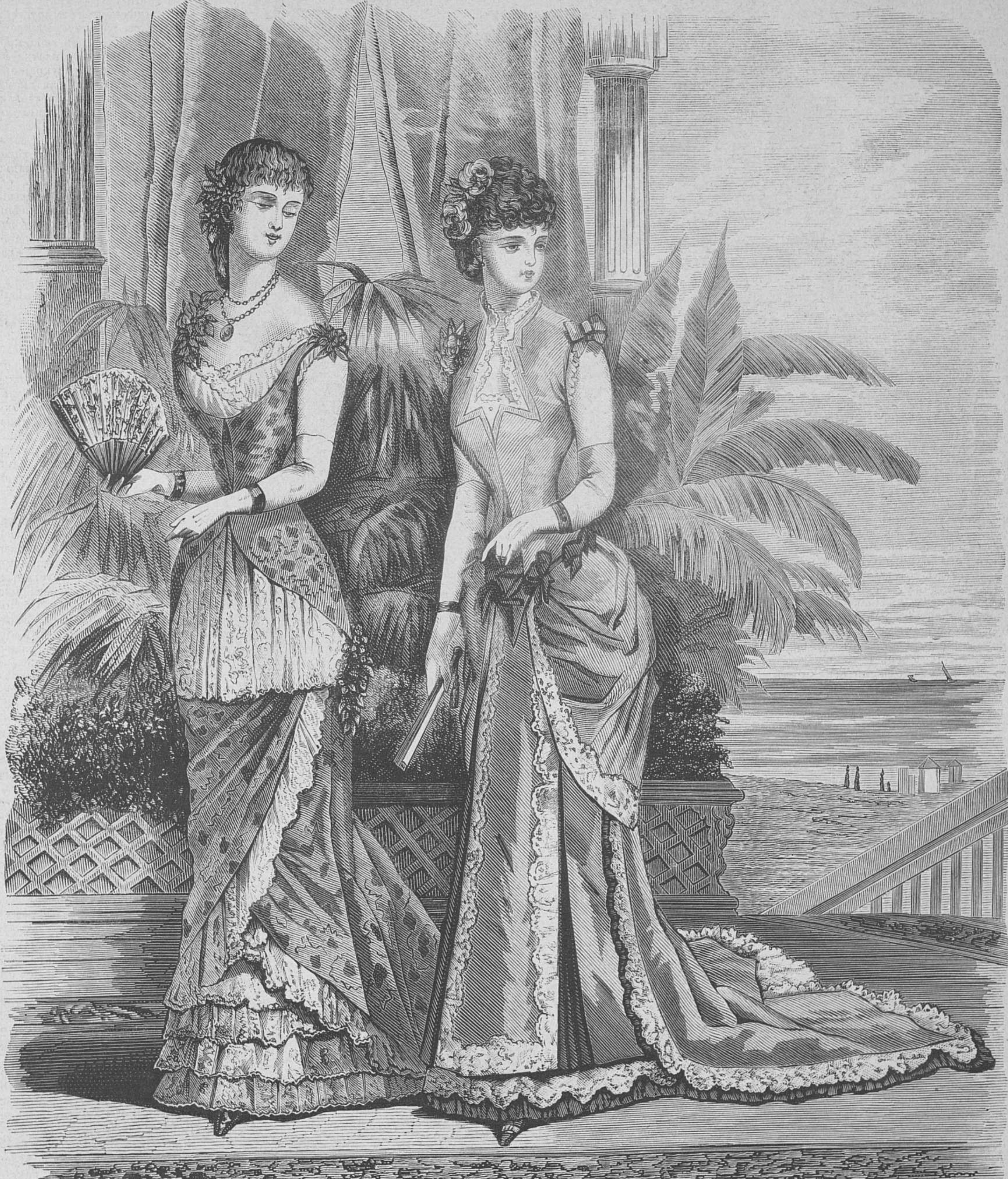


Рис. 6 и 8.

Всякія золотыя украшенія, начиная отъ пуговокъ, бусъ, булавокъ, даже брелокъ допускаются на нихъ. Надняхъ мы видѣли шляпу только что привезенную изъ Парижа изъ шотландскаго плюша, съ выгнутыми полями надъ лбомъ, отдѣланную гирляндой темнозелеными перьями; такая-же отдѣлка съ одного бока; а сзади слѣва большое золотое кольцо съ висячей брелокой, изображающей кабана; если бы эта шляпа предназначалась для охотника, былъ бы понятенъ ея фасонъ и отдѣлка, но для нарядной визитной дамской шляпы она слишкомъ ужь оригинальна.

Такъ какъ всѣ эти открытыя шляпы далеко не ограждаютъ голову отъ холода, ихъ возможно носить только въ закрытыхъ экипажахъ. Для обыкновенныхъ прогулокъ круглыя токи всетаки остаются самыми практичными и потому ихъ не перестаютъ носить. Совершенная новость — это шляпа класическій беретъ, образцы котораго можно видѣть на портретахъ Рембрандта и на картинахъ, гдѣ изображены средневѣковые нѣмецкіе пажи. Эта шляпа производитъ настоящій фуроръ; не знаемъ, долго-ли эта мода удержится; впрочемъ, для молодыхъ дѣвицъ и для дѣтей эта куафюра красива, надѣтая немного на бокъ; главное-же ея достоинство состоитъ въ теплотѣ, такъ какъ она дѣлается изъ бархата или фетра плюшъ, непремѣнно съ традиціоннымъ висячимъ бѣлымъ перомъ. На отдѣлку шляпъ употребляются всевозможные предметы; укажемъ, напримѣръ, на золоченныя лапки всевозможныхъ звѣрей, начиная отъ тигровой, львиной и кончая куриной. Львиныя или тигровыя изъ настоящаго мѣха съ золочеными когтями могутъ служить не только украшеніемъ, но отгоняютъ всякаго рода насѣкомыхъ, начиная съ паука.

Новыя матеріи поражаютъ своей роскошью, напримѣръ, плюшъ ciselées, вышитый бисеромъ тогоже цвѣта, или генуэзскій бархатъ, затканный крупными цвѣтами, оттѣненными синелевой вышивкой, или-же, наконецъ, штофныя матеріи, затканныя

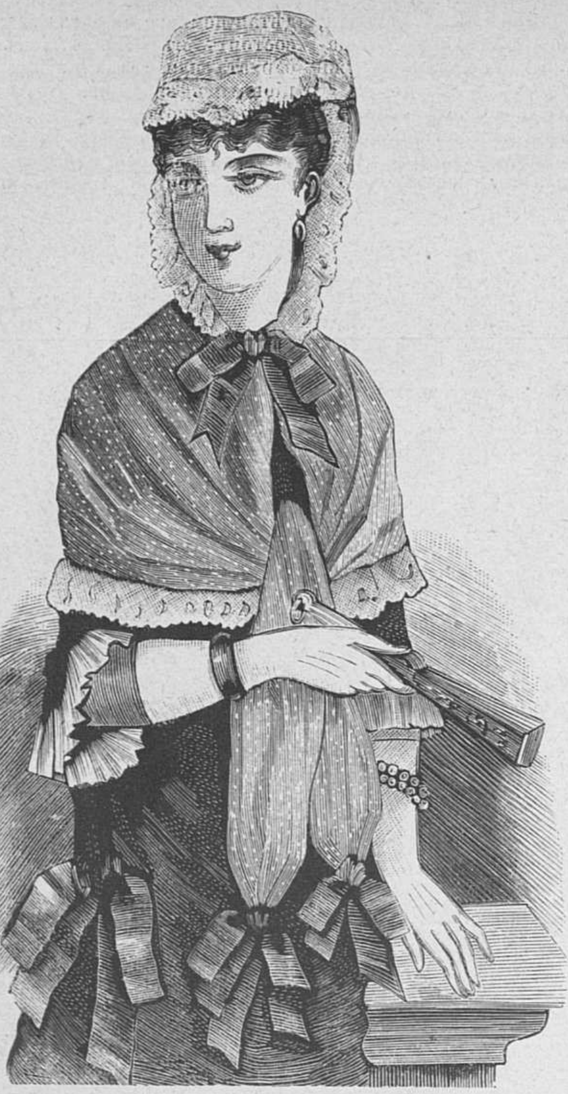


Рис. 10.

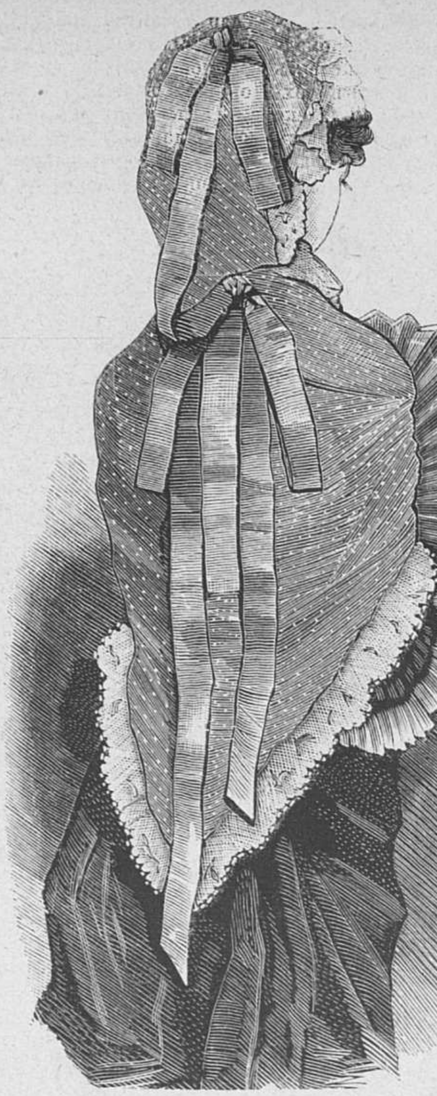


Рис. 11.

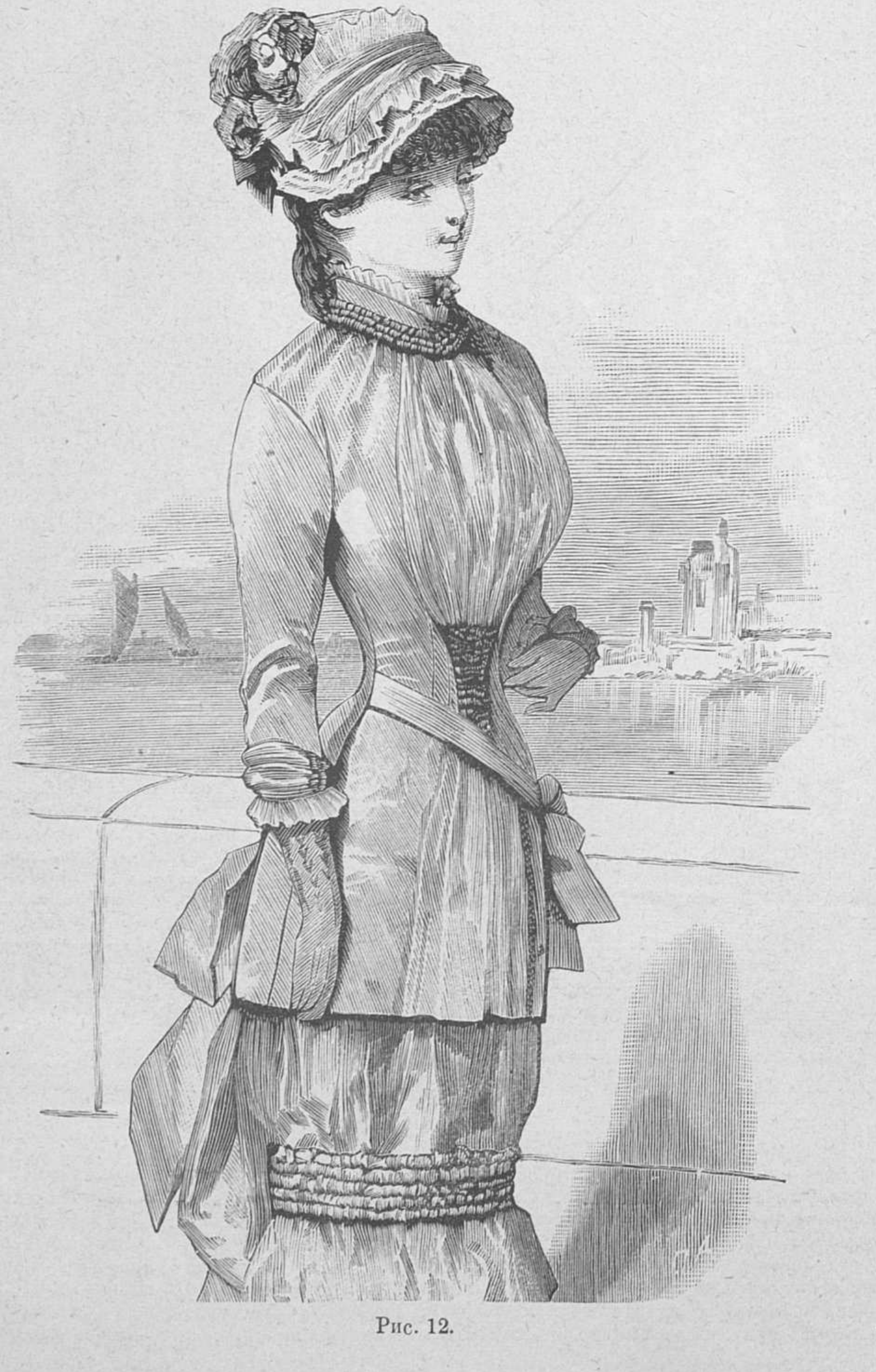


Рис. 12.

золотомъ или серебромъ самыхъ яркихъ тѣней. Самый-же модный цвѣтъ названъ Vin de Champagne. Онъ совершенно напоминаетъ всѣмъ извѣстный, золотисто розоватый цвѣтъ шампанскаго, искрящагося въ бокалахъ, и для того, чтобы сходство было поразительнѣе, въ атласную ткань этого цвѣта затканы серебристыя блестки, вполнѣ изображающія искорки пѣнящагося шампанскаго. Изобрѣтательная фантазія парижанъ истинно изумительна!

Для гулянья и домашнихъ туалетовъ все еще употребительны большіе каро, какъ шотландскіе, такъ и двутѣневые квадраты которыхъ достигаютъ иногда такихъ размѣровъ, что весь лифъ обыкновенной таліи умѣщается менѣе, чѣмъ въ одномъ квадратѣ; признать это красивымъ мы затрудняемся, но, вѣроятно, многимъ это нравится, такъ какъ требованія на этого рода матеріи не прекращается. Мы-же предпочитаемъ мелкіе клѣтчатые англійскіе, легкіе драпы для обыденныхъ костюмовъ, изъ которыхъ многія дѣлаютъ одну юбку, заложенную въ широкія складки съ полонезомъ, спереди доходящимъ до колѣнъ, а сзади формы принсесъ, составляя небольшой пуфъ, спускающимся почти до подола. Для утренняго выѣзда стоитъ прибавить мѣшокъ-клякъ, подбитый бархатомъ или плюшемъ, тѣнью темнѣе костюма.

Для дѣтскихъ костюмовъ шотландскія матеріи очень удобны, ихъ часто гарнируютъ бѣлыми вышивками или русскими кружевами, какъ болѣе грубыми и подходящими для тяжелыхъ тканей. Изъ нихъ будутъ дѣлать и верхнія платья. При дѣтскихъ костюмахъ носятъ капоры, но мы не совѣтуемъ этого для дѣтей моложе 5—6 лѣтъ, довольно съ нихъ и тяжести плюшевой или фетровой шляпы съ большими полями. Намъ кажется, что пальто со сборками у ворота (на подобіе выкройки корсажъ Агнесъ) съ матроскимъ воротничкомъ только сзади, гораздо граціознѣе для малютокъ.

Двѣ неизбѣжности нынѣшняго туалета: это турнюръ и ридикюль. Никакой нарядный туалетъ не можетъ безукоризненно сидѣть безъ того, чтобы баска и заднія складки тюника не были поддержаны турнюромъ. Они не дѣлаются болѣе изъ стали, но изъ волосяной матеріи, чѣмъ избавляютъ отъ необходимости надѣвать нѣсколько нижнихъ юбокъ. Съ турнюромъ достаточно одной юбки съ трэномъ, еще чаще замѣняемымъ подстегнутымъ фальшивымъ трэномъ, и складкн платья будутъ пышно, граціозно лежать сзади. Такіе турнюры, равно какъ всевозможные самые лучшіе и недорогіе корсеты, можно получить въ Петербургѣ, въ Пассажѣ, во 2-й галерееѣ, у г-жи Декроа.

Вторая неизбѣжность—это ридикюль, употребляемый съ той поры, какъ мода отмѣнила наружные карманы на тюникахъ, а платья остались такими-же обтянутыми, такъ что внутренній карманъ почти невозможенъ. Взамѣнъ кармана придумали ридикюль, возлюбленную принадлежность нашихъ бабушекъ. Нынѣшній ридикюль тѣмъ разнится отъ прежняго, что по своей миніатюрности настолько неудобенъ, насколько старинный былъ удобенъ. Ридикюль нашихъ бабушекъ представлялъ маленькую кладовую, заключая иногда въ себѣ столько прелестей, что внучата вспоминаютъ его съ удовольствіемъ и до сихъ поръ; за то тѣ ридикюли по внѣшности не изумляли никого. Нынѣшній-же ридикюль обладаетъ совершенно другими качествами. По своему микроскопическому размѣру, онъ съ трудомъ вмѣщаетъ въ себѣ что-либо, кромѣ носового платка, за то онъ разукрашенъ столькими бантиками, рюшиками, или стеклярусовыми вышивками, что соорудить его не особенно легкая задача. При всемъ томъ, сомнительно, чтобы нынѣшній ридикюль, обращающій вниманіе своей красивой внѣшностью, остался въ памяти потомства подобно неуклюжему, не красивому ридикюлю нашихъ бабушекъ.

Описаніе модныхъ картинокъ.

Рис. 1. Бальный черный туалетъ съ золотомъ. Передъюбки черный, атласный, покрытъ пирамидальнымъ тюлевымъ бульонэ. Вокругъ всей юбки 2 атласныхъ плисэ: верхнее черное, нижнее соломеннаго цвѣта. Надъ этими воланами густая шнурообразная тюлевая рюшь. Затѣмъ передникъ изъ 2-хъ атласныхъ полотнищъ, перекрещивающихся (a la Japonaise), изъ которыхъ короткое правое все заложено складками и соединяется съ трэномъ, лѣвое-же спускается до самой юбки, образуя уголъ; оно соединено тоже съ трэномъ. Самый шлейфъ изъ чернаго атласа положенъ на фальшивую юбку; онъ подобранъ пуфомъ и слѣва отдѣланъ бантомъ, въ видѣ кокильэ, подбитымъ цвѣтнымъ атласомъ. Съ правой стороны пуфъ отвернутъ реверомъ цвѣтного атласа. Черная тюлевая полоска, изящно вышитая золотомъ, окаймляетъ весь тюникъ и трэнъ. Желтыя розы съ темными листьями разбросаны на передникѣ и на трэнѣ. Корсажъ кирасъ черный атласный, очень вырѣзанный, зашнурованъ сзади. Вокругъ ворота небольшая атласная драпри; наискось положена вышитая тюлевая полоска съ праваго плеча до конца мыса по лѣвую сторону; на обѣихъ плечахъ по букету розъ. Воротъ и рукава обшиты крепъ-лисъ. На головѣ гирлянда такихъ-же розъ.

Рис. 2 и 13. Обѣденный туалетъ, показанъ спереди и сзади. Костюмъ изъ фая цвѣта коринки съ византійскимъ брошэ. Темная юбка оканчивается 2-мя плисэ. 3 фаевые шарфа положены поперегъ передника, справа они раздѣляются и драпированы подъ круглыми фаевыми бантами и почти скрываютъ 2 плисэрованные киля изъ матеріи брошэ. Сзади пуфъ изъ брошэ. Темный корсажъ. Спереди виднѣется часть жилета изъ брошэ съ 2-мя вставками кулисэ сверху, окаймленными сверху до низу фаевыми реверами. Спинка четырехугольная баска, она подбита брошэ и подвернута къ верху. Рукавъ со сборкой на локтѣ отдѣланъ драпри и плисэ. Прямой воротникъ. Кружевной кокильэ спускается вдоль передковъ. Этотъ туалетъ очень красивъ для молодой дамы. Мы видѣли его исполненнымъ изъ тонкаго плюша loutre, съ блѣдно-голубымъ атласомъ.

Рис. 3 и 14. Визитный костюмъ, показанный съ двухъ сторонъ. Костюмъ изъ темнозеленаго индѣйскаго кашемира съ золотымъ галуномъ. Юбка кашемировая съ высокимъ воланомъ плисэ, изъ подъ котораго выходитъ узенькое плисэ золотистаго атласа. Корсажъ совершенно гладко облегаетъ талію, зашнурованъ сзади золотымъ шнуркомъ. Небольшой передникъ, укрѣпленный нѣсколькими мелко-собранными кулисами, сбоку обшитъ золотымъ галуномъ, сверху и снизу; сзади полотнище отдѣлано съ плисэ головкой и также обшито галуномъ и положено снизу таліи немного наискось. Это полотнище драпировано пуфомъ и спадаетъ косынкой на юбку. Воротникъ и обшлага темно-зеленаго бархата съ нѣсколькими рядами золотого галуна. Шляпа Chasseur, изъ шелковаго чернаго плюша, подбита зеленымъ бархатомъ и вся отдѣлана перьями. Этотъ туалетъ можетъ служить также и для вечерняго выѣзда молодой дѣвицѣ.

Рис. 4 и 5. **Туалетъ для солидной дамы**, передъ и задъ. Изъ фіолетоваго surah и атласа того-же цвѣта. Юбка съ полутрэномъ отдѣлана 2-мя плисэ съ рюшэ головками изъ атласа. Двойная юбка Baretta гарнирована такимъ-же плисэ; спереди положено второе плисэ, которое образуетъ какъ-бы двойной передникъ. Передъ тюника гарнированъ мысомъ изъ сборчатаго атласа; на боку сборчатый атласный карманъ съ атласными бантами. Корсажъ съ расходящеюся баской спереди, съ выемкой на бокахъ, образуетъ сзади фалды. Воротникъ реверъ и обшлага атласные. Кружевная обшивка у ворота и рукавовъ. Чеканныя стальныя пуговицы на платьѣ. Выкройка тюника прилагается при семъ нумерѣ, она состоитъ изъ двухъ кусковъ. Передъ вмѣстѣ съ бочкомъ; спереди показано вырѣзками, гдѣ должны собираться буфы. Задъ длиннѣе, но уже переда. Сбоку вырѣзки означаютъ какъ закладывать складки.

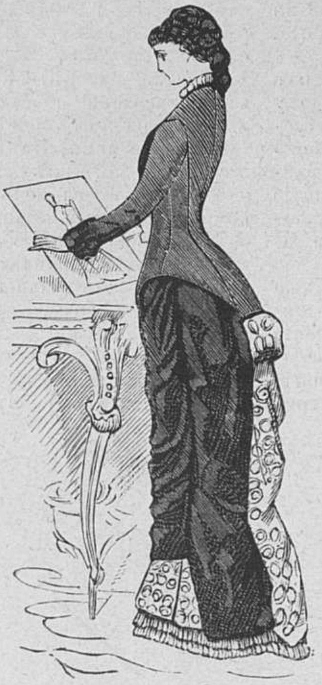


Рис. 13 (къ кост. рис. 2.)

Рис. 6 и 7. **Бальный туалетъ**, показанный съ обѣихъ сторонъ. Костюмъ изъ фая янтарнаго цвѣта, съ шелковымъ газомъ, затканнымъ лиловыми цвѣтами и широкими кружевами, point d'Alencon. Юбка фаевая, совершенно круглая, она покрыта кружевными воланами. Два газовыя полотнища, обшитыя кружевами, драпированы спереди. Спинка корсажа принсесъ, оканчивается длиннымъ трэномъ, подбитымъ фаемъ и гарнированнымъ широкимъ плисэ, на которое спадаетъ кружевной воланъ. Передки корсажа двойные, сперва виднѣется фаевый жилетъ, образуя спереди весьма глубокую вырѣзку корсажа, въ которую вшивается бѣлое тюлевое gorgette-fichu съ кружевами. Этотъ жилетъ застегнутъ патами подъ корсажемъ и оканчивается широкимъ кружевнымъ воланомъ. Собственно-же корсажъ застегнутъ только у самой таліи и выставляетъ такимъ образомъ весь жилетъ. Бочка скругленные до самаго бокового шва. Букеты анютиныхъ глазокъ съ золотистыми висячими травами на плечахъ, бокахъ и на головѣ.

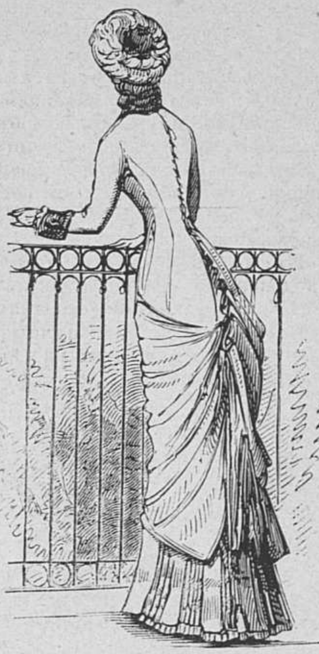


Рис. 14 (къ кост. рис. 3.)

Рис. 8 и 9. **Туалетъ для молодой дѣвицы**, изъ блѣднорозоваго voile de nonne съ пунцовымъ фуляромъ. Фальшивая юбка оканчивается плисэ и кружевнымъ воланомъ. Передъ юбки состоитъ изъ 3-хъ фуляровыхъ полосъ, покрытыхъ voile de nonne и отдѣленныхъ другъ отъ друга суфлэ въ видѣ вѣера изъ фуляра; передняя полоса гарнирована отложнымъ кружевомъ. 2 розовыя панье подбиты фуляромъ и обшиты кружевами; они драпированы на бочкахъ и теряются подъ складками трэна, который окаймленъ плисэ изъ фуляра, покрытаго кружевомъ. Корсажъ «Анны австрійской» изъ розовой матеріи. Изъ подъ передковъ съ оригинальной вырѣзкой и шнуровкой виднѣется пунцовый жилетъ. 3 банта въ видѣ бабочки положены на концѣ маленькой баски. Спинка postillon съ внутренними складками. Вмѣсто рукавовъ къ проймамъ и къ вороту пришиты кружева. Подобный-же бантъ бабочка на лѣвомъ плечѣ, на правомъ-же букетъ гранатныхъ цвѣтовъ. Такіе-же цвѣты и на головѣ. Этотъ туалетъ показанъ съ обѣихъ сторонъ.

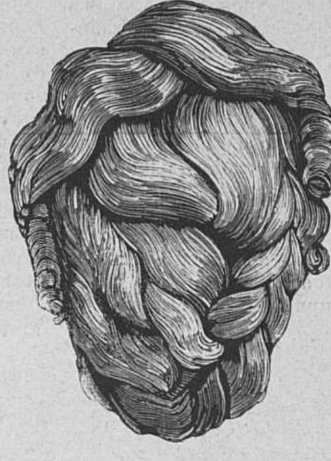


Рис. 15.

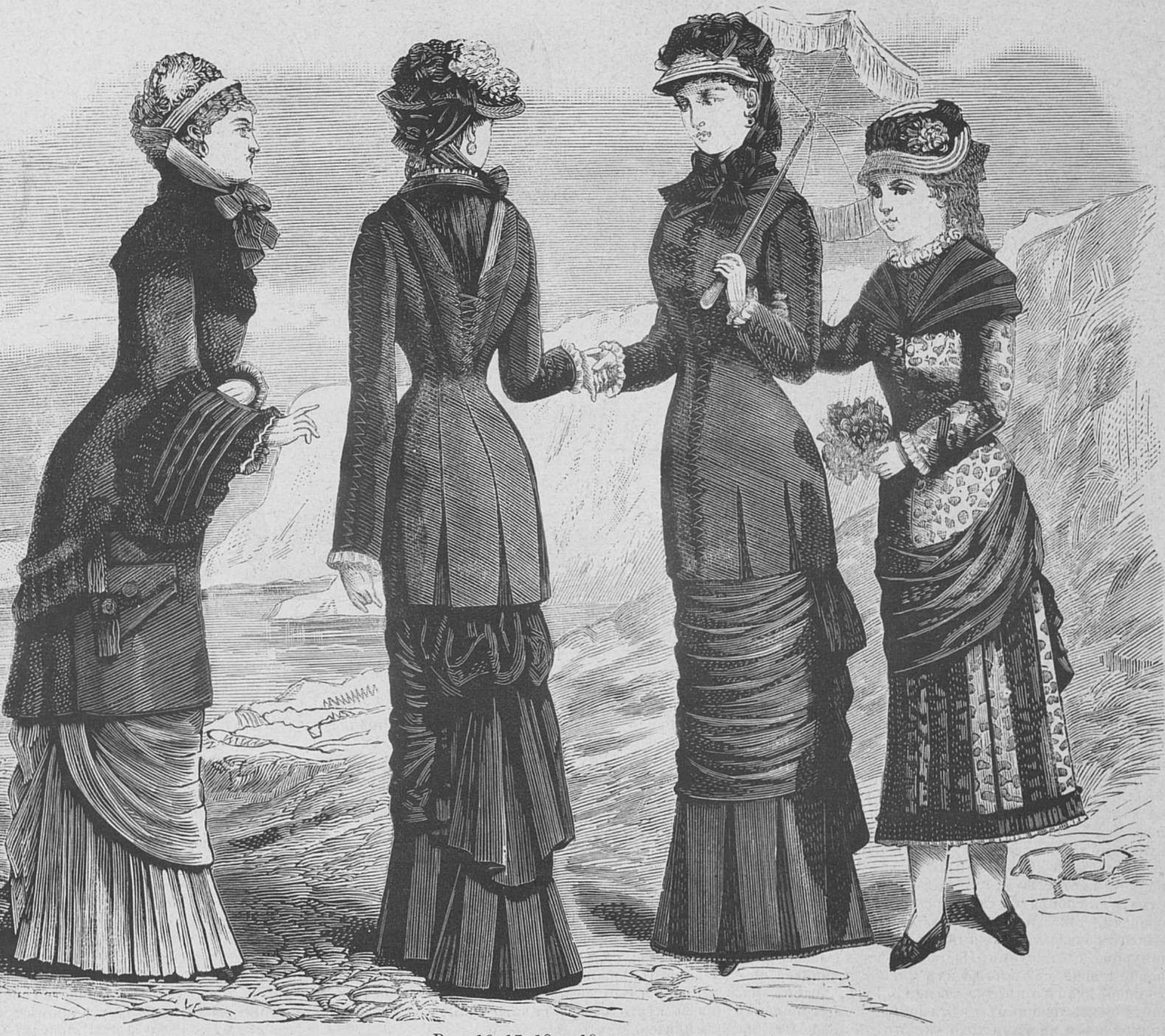


Рис. 16, 17, 18, и 19.

Рис. 10 и 11. **Капюшъ-мантилья** (задъ и передъ), изъ кашемира, фуляра, атласа или какой-либо мягкой ткани. Одинъ конецъ спадаетъ на спину косынкой, другой приподнятъ на голову на лбу скругленной капюшей, фасона Маріи Стюартъ. Вся мантилья и капюшъ обшита кружевами, концы спереди собраны и оканчиваются 5-ю висячими петлями изъ лентъ. Бантъ у ворота. На головѣ висячій бантъ, одинъ конецъ котораго соединенъ съ спускными бантами на шеѣ, откуда спадаетъ 3-мя петлями и 2-мя длинными концами лентъ, доходящими до мыса косынки. Такая капюшъ, сдѣланная изъ бѣлаго шелковаго гренадина съ мушками и подбитая цвѣтнымъ атласомъ или тафтой, очень удобна для молодой особы, отправляющейся въ театръ; при этой капюшѣ темный домашній туалетъ оживляется. Для болѣе пожилыхъ особъ рекомендуемъ куафюру, сдѣланную изъ черной кружевной косынки или тюля, подбитаго гранатоваго или сафироваго цвѣта легкой шелковой тканью; она можетъ вполнѣ замѣнить всякій другой головной уборъ, тѣмъ болѣе, если ее граціозно приколоть золотыми булавками. Говорятъ, въ Парижѣ до того понравился этотъ головной уборъ, что въ пасмурную погоду для утреннихъ выѣздовъ его надѣваютъ вмѣсто шляпки.

Рис. 12. Корсажъ Агнесъ, состоящій изъ одного куска. Этотъ корсажъ послѣдняя модная новость. Онъ имѣетъ только одинъ шовъ подъ рукавомъ и, если кто пожелаетъ, въ серединѣ спинки. Передки и задъ мелко собраны нѣсколькими кулисами у ворота и у тальи. Поясъ изъ лентъ, выходящій изъ боковыхъ швовъ, завязывается слѣва на боку ниже таліи. Большой бантъ бэбе прикрѣпленъ сзади ниже таліи. Мы даемъ выкройку этого корсажа, такъ какъ онъ имѣлъ необыкновенный успѣхъ у нашихъ законодательницъ модъ въ Парижѣ, которая разсылается при этомъ нумерѣ гг. подписавшимся отдѣльно на 6 выкроекъ. Не только корсажи для костюмовъ были сдѣланы по его фасону, но даже верхнія одежды. Стоитъ удлинить его по желанію, да измѣнить рукавъ, вмѣсто узкаго гладкаго замѣнить его болѣе широкимъ, собравъ его нѣсколькими кулисами на эластикѣ у кисти руки, и прибавить сзади висячій капюшъ, и мы получимъ преудобный верхній костюмъ. Разумѣется, въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ собирать кулисы очень густо у таліи какъ спереди, такъ и сзади, чтобы костюмъ не былъ вполнѣ облегающимъ, а поясъ изъ лентъ замѣнить шнуромъ съ кистями. Подобный манто, названный bonne femme, сдѣланный изъ мягкой пушистой матеріи орѣховаго цвѣта, съ капюшемъ, подбитымъ шелковымъ плюшемъ цвѣта loutre, съ пуговицами, шнуркомъ и кистями того же цвѣта, надѣтый на русской графинѣ В. при ея первомъ появленіи въ Булонскомъ лѣсу, обратилъ на себя всеобщее вниманіе и заслужилъ общее одобреніе какъ за его простоту, такъ и за удобство. Надѣемся, что наши подписчицы оцѣнятъ всю практичность этого фасона.

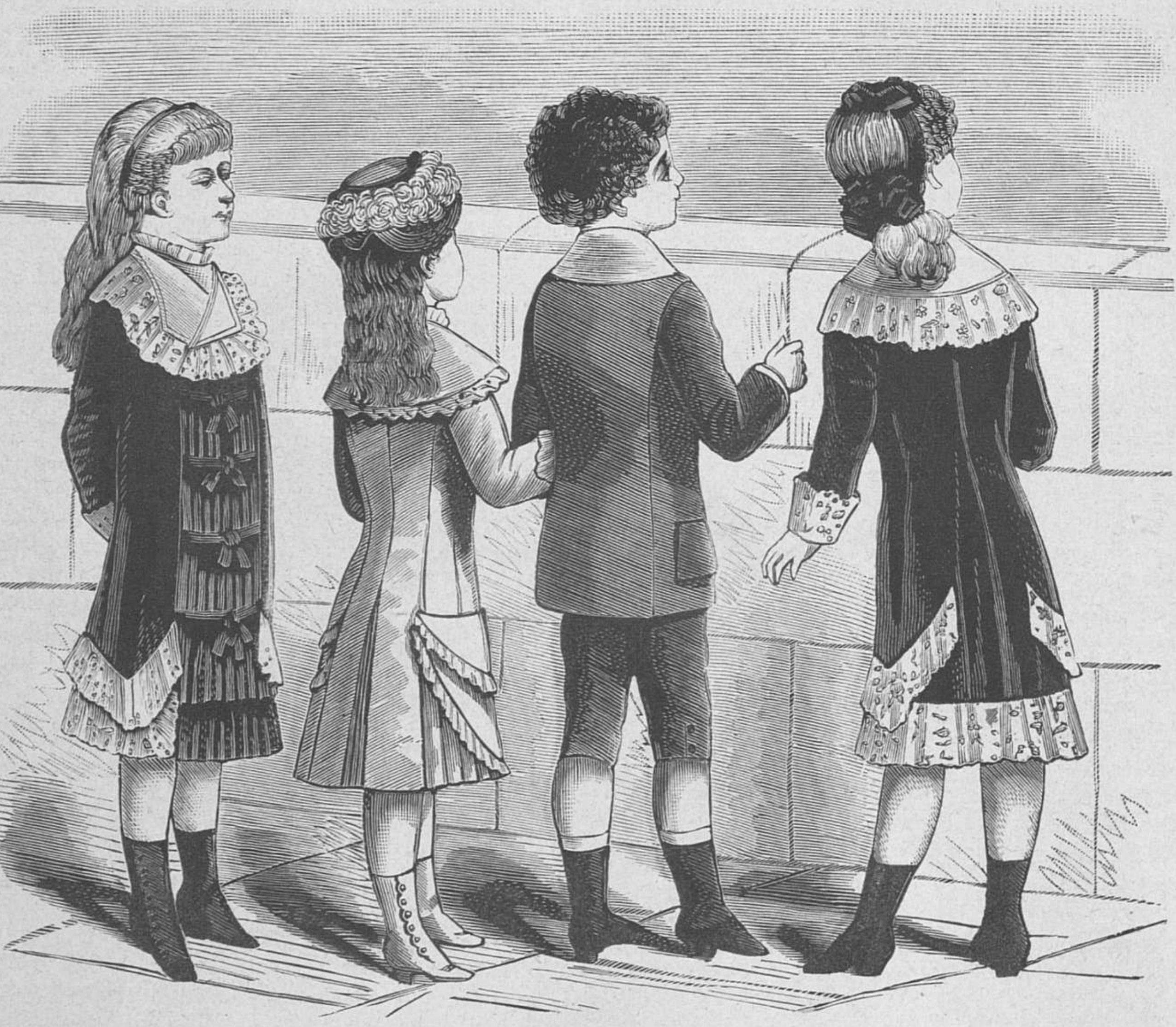


Рис. 20, 21, 22 и 23.

Выкройка состоитъ изъ 3-хъ кусковъ: передъ вмѣстѣ со спинкой, съ обозначеніемъ рѣзцомъ, гдѣ должны быть сборки у ворота, такъ и у тальи; рукавъ и стоячій воротникъ.

Рис. 15. Домашняя прическа; двѣ небольшія косы, концы которыхъ завиты локономъ, прикрывающимъ мѣсто прикрѣпленія косъ.

Рис. 16. Осенняя накидка, изъ армюра, родъ визитки съ выемкой у таліи и плисэ сзади. Кружевная рюшь скрываетъ начало складокъ. Рукава съ широкой отдѣлкой, состоящей изъ 5 косыхъ складокъ съ кружевнымъ рюшемъ. Круглая пелерина съ 3-мя кружевными рюшами къ низу и однимъ у ворота. Карманы съ мысомъ.

Рис. 17 и 18. Жакета Андреа, передъ и задъ, изъ тонкаго драпа, облегающая, съ атласными суфлэ у всѣхъ кутюръ и съ острымъ капюшемъ, зашнурованнымъ шелковымъ шнуркомъ. Короткій тюникъ съ поперечными складками, подобранный аграмантомъ изъ 3-хъ листьевъ, образуетъ вверху большую коку, оканчивающуюся широкими трубчатыми складками. Шляпа фетровая съ двойнымъ бантомъ и завязками сверхъ полей.

Рис. 19. Костюмъ 14-лѣтней дѣвочки. Юбка съ 2-мя продольными складками изъ сѣраго фуляра въ перемѣжку съ такими-же складками изъ пестраго фуляра. Шарфъ изъ гладкой матеріи схватываетъ юбку; онъ слегка спущенъ на лѣвой сторонѣ. У подола юбки гладкое плисэ; корсажъ съ пестрой «баветкой оверньятъ», фишю изъ гладкой матеріи заложенъ 3-мя складками и заходитъ подъ баветку Кружевная фреска. Плюшевая черная шляпа, съ фуляровой торсадой и букетомъ китайскихъ розъ.

Рис. 20 и 23. Костюмъ дѣвочки отъ 6 до 8 лѣтъ (задъ и передъ), изъ лиловаго бархата; не обрисовываетъ вполнѣ талію; съ вышитой отдѣлкой или брюжъ кружевами; атласный пластронъ, заложенный складками. Батистовый суроваго цвѣта воротникъ, обшитый кружевомъ

Рис. 21. Костюмъ дѣвочки 4-хъ лѣтъ. Кашемировое блѣдно-голубое платье, отдѣланное узенькими полосками вышивкой бѣлымъ шелкомъ. Спинка въ складкахъ суфлэ; низъ передка оканчивается воланомъ плисэ, надъ которымъ спадаетъ двойное гладкое драпри, образуя большіе карманы. Круглая пелерина. Плюшевая шляпа съ голубымъ перомъ.

Рис. 22. Костюмъ мальчика 6 лѣтъ. Панталоны и курточка изъ синяго трико, батистовый воротникъ.

Спасательный снарядъ отъ потопленія. Англичанинъ Коуэль Броунъ изобрѣлъ простое и практичное средство предохраненія отъ потопленія. Оно состоитъ въ химическомъ составѣ, которое нужно класть за подкладку платья; прибавленіе вѣса отъ этого незначительно. Въ моментъ паденія человѣка въ воду, одежда разбухаетъ и поддерживаетъ тѣло на водѣ. Это изобрѣтеніе подвергалось испытанію на морскихъ купаньяхъ въ Шефильдѣ и оказалось вполнѣ удобнымъ. Изобрѣтатель увѣряетъ, что его простой апаратъ можетъ поддерживать человѣка надъ водою довольно продолжительное время, напримѣръ, 40, 50 часовъ. Въ случаѣ обморка, апаратъ, находящійся за спиной и съ боковъ груди, образуетъ родъ подушки, на которой голова утопленника можетъ безопасно покоиться. Исчисленно, что не менѣе 2,600 человѣкъ ежегодно тонутъ въ рѣкахъ, каналахъ и озерахъ Англіи и Уэльса, не считая Шотландію и Ирландію. Желательно, чтобы химическое изобрѣтеніе Броуна поскорѣе вошло бы въ употребленіе повсемѣстно и тѣмъ избавило бы тысячи людей отъ неминуемой гибели.

Бумажный домъ. На выставкѣ въ Сиднеѣ былъ помѣщенъ домъ изъ бумаги. Вся мебель, не исключая даже люстры, печки—изъ бумаги, равно какъ ковры и оконныя драпри. Въ спальнѣ, находится большая бумажная кровать съ одѣяломъ, простынями и всѣми принадлежностями дамскаго бѣлья; изъ бумаги-же сдѣланы платья и чепцы самой послѣдней моды.

Средство для истребленія мышей и крысъ. Одинъ изъ читателей журнала «Aclimatation», прислалъ заявленіе о вѣрномъ средствѣ избавляться отъ этихъ непріятныхъ грызуновъ. Въ одномъ магазинѣ, говоритъ онъ, наполненномъ крысами, поставили нѣсколько боченковъ петролеума и крысы совершенно исчезли. Желая испытать вполнѣ это средство въ конюшнѣ, гдѣ были прогрызены крысами большіе щели въ стѣнахъ, попробовали заштукатурить ихъ известкой, разведенной частью водою, частью петролеумомъ; затѣмъ крысы исчезли совсѣмъ.

Примѣненіе яичной скорлупы въ дѣло. Обыкновенно яичныя скорлупы выбрасываются, но это большая ошибка; въ скорлупѣ содержится большое количество извести, которая можетъ принести пользу въ хозяйствѣ. Надо истолочь въ порошокъ нѣсколько яичныхъ скорлупокъ и сыпать въ пищу домашнимъ животнымъ, напримѣръ, курицѣ, поросенку, теленку. Присутствіе извести въ пищѣ много способствуетъ къ развитію силы и росту животнаго. Пробовали давать толченую скорлупу съ пищей курамъ и нашли, что количество снесенныхъ ими яицъ увеличивается. Скорлупа кромѣ того имѣетъ свойство вычищать стеклянную посуду. Стоитъ только размять ее между ладонью и разведя водою наполнить графинъ, бутыль, и потомъ нѣсколько разъ взболтать, и всякая стеклянная посуда получаетъ такой блескъ, какъ будто только что куплена. Особенно полезна скорлупа для чистки ламповыхъ стеколъ.

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 октября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 43. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 25 Октября 1880 г.

Первый балъ.

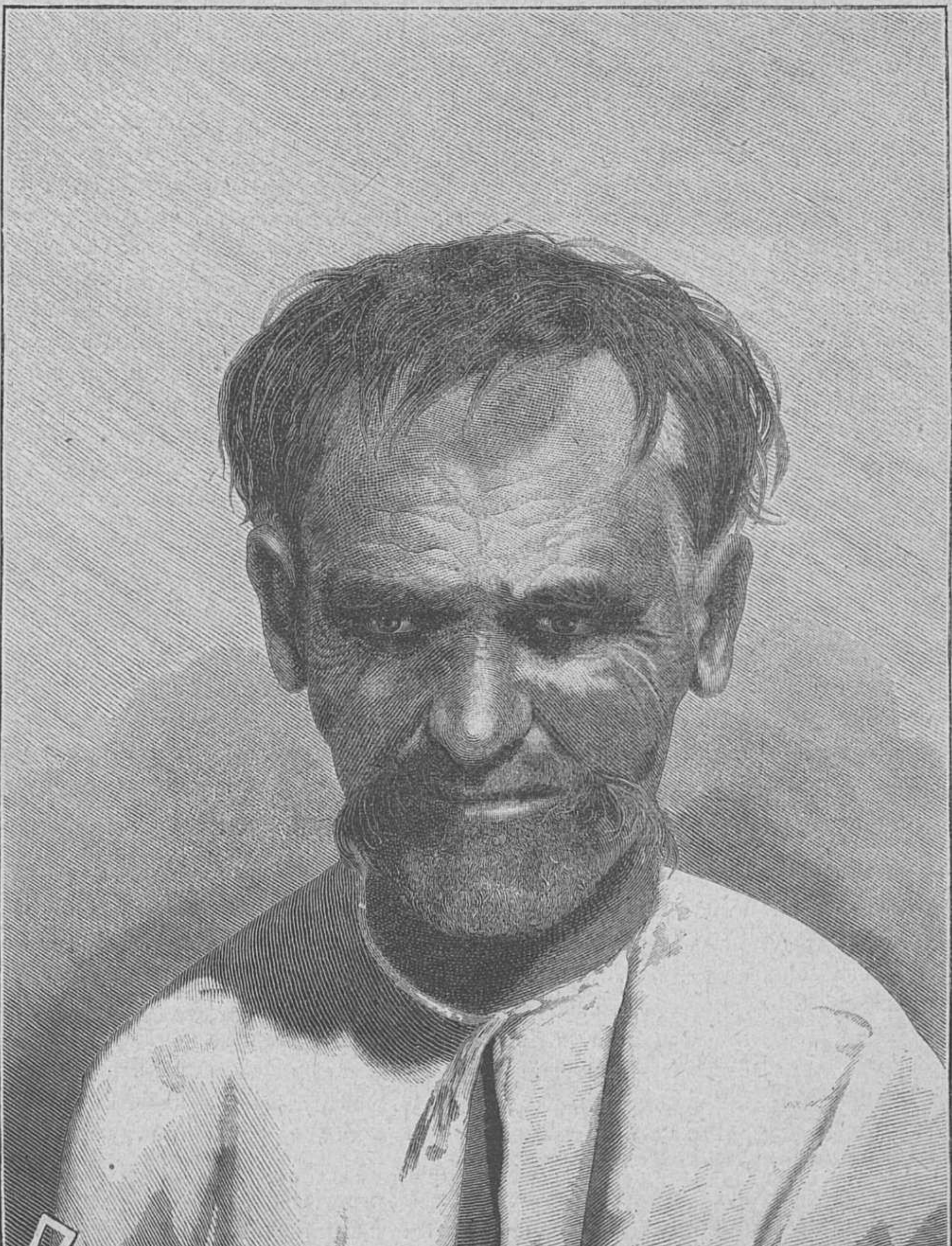
Разсказъ **П. Д. Боборыкина.**

I.

Вава Царицына стояла, сильно окруженная мужчинами, посрединѣ бальной залы. Только что кончился вальсъ. Ее приглашали разомъ два кирасира, морякъ-гардемаринъ и статскій. Всѣ кадрили она раздала. Ея глазки, когда полузакрыты, немножко мышиные, съ игривымъ выраженіемъ, могутъ широко раскрываться. Они такъ и бѣгаютъ отъ одного мужчины къ другому. Ею любовались и она улыбалась въ отвѣтъ. Глаза ея говорили: «да, это мой первый балъ; вы меня оглядываете—на здоровье!» Въ вырѣзъ ея моднаго шелковаго платья нескромно заглядываютъ. И это ее не стѣсняетъ. Она сама, нѣтъ-нѣтъ, да и поправитъ на груди золотой медальонъ, — сегодняшній подарокъ матери. Платье дорогое, съ пестрымъ корсажемъ, все въ кружевныхъ прошивкахъ, сзади короткія фалды—смѣшно, когда повернешься передъ зеркаломъ, за то модно. Юбка въ обтяжку, еле можно передвигать ноги. Но мужчины любятъ этотъ покрой. Нужды нѣтъ, что ее считаютъ дѣвочкой, что ей только семнадцатый годъ. Двое молодыхъ людей уже сказали, что она «чудо, какъ сложена!..» А третій сравнилъ ее съ матерью и прибавилъ, что у ней будутъ «такія-же роскошныя плечи лѣтъ черезъ пять, шесть»... Она видитъ, что нынѣшнія моды хорошо разсчитаны на мужскіе вкусы. Когда она стояла передъ трюмо въ полусвѣтѣ своей комнаты, ей казалось, что она совсѣмъ не одѣта. Цвѣтъ платья нѣжно-персиковый почти тѣлесный. Руки обнажены до ключицъ, шведскія перчатки безъ пуговицъ покрывали ихъ выше локтей... Строгій стиль!.. Спереди платье на три вершка отстоитъ отъ полу. Нога видна вся въ башмакѣ съ перехватомъ и въ чулкѣ изъ valenciennes, à grosses mailles. Тѣло просвѣчивается, такъ точно, какъ у ея матери..

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ П. МАРТЫНОВИЧА.



Типъ старика малоросса.

Рисовалъ на деревѣ **авторъ**, рѣзалъ **А. Шлиперъ.**

У Вавы—такъ зовутъ ее съ дѣтства—черные волосы лоснятся, проборъ, бѣлый-бѣлый, тонкой ниткой прошелъ по ея головѣ, немного сдавленной. Причесана она молодой дѣвушкой, въ одну короткую косу, затянутую книзу; съ боку цвѣтокъ, на лбу отдѣлилось нѣсколько волосковъ; никакъ не поддаются щеткѣ. Вотъ эти волоски всего больше и нравятся. Ихъ не надо приглаживать. Отъ чернаго изсиня цвѣта волосъ лобъ Вавы кажется еще бѣлѣе. Носикъ ея вздернутъ, ноздри расширены, бѣлые зубы блестятъ въ крошечномъ ртѣ, на каждой щекѣ по двѣ ямочки; онѣ отражаются въ улыбкахъ всѣхъ ея кавалеровъ.—Она знаетъ это. Когда Вава была въ пансіонѣ, ей не нравились эти четыре ямочки. Слишкомъ много, по дѣтски... Она услыхала тогда, что ихъ называютъ «nids d'amour». Но и названіе не нравилось Вавѣ. Теперь другое дѣло... Боялась она, что останется маленькаго роста. Ростомъ она вышла не меньше матери. Выше она-бы и не желала.

Проиграли ритурнель кадрили. Въ четыре ряда становились пары. Это былъ большой благотворительный балъ. Зала наполнилась. По диванамъ вдоль двухъ стѣнъ сидѣли нетанцующіе. Становилось жарко. Газъ въ люстрахъ и боковыхъ лампахъ тускнѣлъ. Два вальса и двѣ кадрили уже подняли незамѣтную сначала пыль. Она смѣшалась съ испареньями толпы и повисла дымкой надъ колышущимися пестрыми рядами. Женскія прически, плечи, голыя руки, оголенныя спины, лифы, таліи, крутыя, обтянутыя бедра, пестрота матерій, лентъ, цвѣтовъ, затканныхъ полосъ и разводовъ на юбкахъ и корсажахъ раздражали и подъ конецъ тяготили глазъ. На эстрадѣ впереди оркестра охорашивался дирижеръ—брюнетъ съ венгерской наружностью. Онъ взялъ скрипку, подложилъ подъ лѣвый лацканъ фрака батистовый носовой платокъ, помѣстилъ скрипку на эту подкладку и взмахнулъ смычкомъ...

Пары задвигались. Вава танцовала съ гардемариномъ. Онъ казался ей совсѣмъ мальчуганомъ. Она глядѣла на него снисходительно, почти какъ на ребенка. Но ей было съ нимъ весело. Ихъ обоихъ охватила струя молодости. Вмѣсто одного оборота онъ крутилъ ее два раза, оканчивая фигуру. Они-бы пошли прыгать. Разговаривали они больше восклицаніями. Гардемаринъ былъ красивенькій.

— Гдѣ maman? спросила его Вава.

— А вонъ направо, у оркестра.

Вава живо оглянулась. Ея мать танцуетъ въ первой кадрили у самой эстрады. Она-бы закричала ей, еслибъ не такой большой вечеръ, гдѣ она знаетъ далеко не всѣхъ. Ей пріятно смотрѣть на мать. Вава находитъ ее очень красивою. Да и кто скажетъ, что она мать такой большой дѣвицы? Немного полна, но все такая-же, какъ и прежде, съ тѣхъ поръ, какъ Вава помнитъ себя. А плечи!.. Этакихъ плечъ у ней не будетъ... Точно сметана, бѣлыя, матовыя, въ волнистыхъ линіяхъ и маленькихъ углубленіяхъ.. И сегодня черное атласное платье съ золотымъ шитьемъ такъ и облило ее. Вотъ ужь у ней видно—какъ она сложена!.. Мать пудритъ лицо, но не притирается. Это Вава навѣрно знаетъ... Проборъ, волосы и даже нѣсколько непокорныхъ волосковъ—у нихъ одинаковые... Ну руки у матери такія, какихъ Вавѣ не имѣть и черезъ десять лѣтъ. Подъ стать плечамъ. Больше она ничего не желаетъ, какъ быть въ тридцать шесть лѣтъ совершенно похожей на мать.

— Ахъ, мама!.. вырвалось у Вавы.

— Какъ молода;—подхватилъ гардемаринъ.

— Еще-бы!

— Точно сестра ваша...

— Всѣ это говорятъ. Видите, какая у меня мама. Другая-бы не вывозила меня.

Вава знаетъ, что мать заботится о ея наружности, туалетахъ; сегодня еще давала ей множество разныхъ совѣтовъ. Другая-бы не стала. когда сама еще такъ молода и нравится, и должна нравиться...

— Это monsieur Сомовъ... ея кавалеръ? спросилъ гардемаринъ.

— Да, вы его не знаете?

— Такъ, видалъ.

— Не правда-ли, хорошъ?

— Н-да...

— Пожалуйста!.. Безъ гримасъ!..

II.

Мать Вавы танцовала съ рослымъ мужчиной лѣтъ за тридцать. Издали привлекала его русая борода-вѣеромъ. Волосы немного порѣдѣли на лбу, но онъ ихъ старательно зачесывалъ на передъ, двумя красивыми завитушками. Широкая, выпуклая грудь выставлялась изъ жилетнаго вырѣза. Сѣрые, крупные глаза и брови красивой дугой смягчали чувствительный ротъ и ширину, щекъ и скулъ.

— Вава кланяется намъ, тихо сказалъ Сомовъ своей дамѣ.

Царицына обернулась.

Дочь ея дѣлала въ эту минуту balancez второй фигуры.

— Довольны вы? спросила она.

— Она мила...

Мать улыбнулась.

— Ребенокъ!.. Какъ веселится!..

— Первый балъ, сказала мать.

Они стали.

Тонъ у нихъ былъ простой, пріятельскій. Оба говорили о Вавѣ, какъ о дорогомъ ребенкѣ. Въ томъ свѣтѣ, къ которому принадлежала Зинаида Сергѣевна Царицына Сомова считали другомъ ея дома и давно, лѣтъ пять, шесть.

Глаза Сомова безпрестанно обращались на лѣво, къ парѣ, гдѣ рядомъ съ плечомъ гардемарина и его золотымъ аксельбантомъ поднималась головка съ короткой косой, высокій воротникъ съ фрезой и два розовыхъ уха съ маленькими жемчужинами.

— Посмотрите на капельмейстера, сказала ему Царицына.

— А что?

— Какіе усы. И горячо какъ играетъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Больше меня любуетесь моей дочерью, выговорила Царицына, уже не тѣмъ тономъ. Хорошо-ли я сдѣлала, что повезла ее въ первый разъ сюда?

— Да, здѣсь всякаго люду довольно.

— Будто? съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросила мать.

— Не то, чтобы настоящій demi-monde... а знаете балъ въ клубѣ... какая гарантія?

Онъ поморщился.

— Къ ней не пристанетъ, сказала мать.

— Вы ее за женщину еще не считаете?

Глаза Сомова пристально остановились на Царицыной.

— Не знаю... Нынче онѣ въ шестнадцать лѣтъ то, что мы были въ двадцать два.

— Будто?

Имъ обоимъ вдругъ стало неловко. Въ глазахъ что-то такое появилось и сейчасъ исчезло... Бѣлое, сохранившее слѣды неудовольствія, лицо Царицыной потемнѣло. Сомовъ улыбался сдержанно и фальшиво... Она это почувствовала.

Шесть лѣтъ длится ихъ связь. Она отдалась ему послѣ двухъ недѣльнаго знакомства. Онъ былъ на три года моложе ея. Мужа она почти не выносила. Ее сдерживали прежде не боязнь запретнаго плода, а чувство собственнаго превосходства. Она не хотѣла, чтобы мужъ имѣлъ передъ нею преимущество порядочности. Невѣрность казалась ей грязной; тогда она еще думала, что полюбить,—значитъ, бросить мужа, а это отзывалось слишкомъ большимъ рискомъ. Но связь съ Сомовымъ обошлась безъ всякаго риска. Она не ушла отъ мужа. Объ этомъ не было даже и рѣчи между ею и ея любовникомъ. У ней всегда были широкіе взгляды на любовь. А тутъ ея другъ помогъ ей своими собственными доводами. По его теоріи выходило, что сказать мужу прямо: «я тебѣ измѣнила», значитъ, признавать равенство; а этого нельзя было признать ни подъ какимъ видомъ. Она сама отлично знала, что мужъ ей не ровня. Она молода и хороша—онъ дуренъ, неуклюжъ, старъ. Она пріятна и умна—онъ скученъ и баналенъ. Всѣ признаютъ за ней вкусъ и тактъ—онъ невыносимъ даже для своихъ сослуживцевъ, пріятелей и подчиненныхъ. Ему нужна была молодая дѣвушка съ роскошными формами, хорошей фамиліи и съ приличнымъ приданымъ. Все это она ему доставила. Довольно и того, что онъ первый насладился ею, какъ женщиной. Потомъ—и очень скоро, лѣтъ черезъ пять—она съумѣла отдѣлить себя стѣной отъ него, живя въ одномъ домѣ. Они видятся только за обѣдомъ. У него большое помѣщеніе въ первомъ этажѣ, свои выѣзды, пріемы, дѣла, биліардъ, собаки, охота, обѣды съ рѣчами. Говорятъ, что есть даже француженка... Очень можетъ быть. Она этимъ совсѣмъ не интересуется...

Когда Сомовъ сталъ бывать каждый день—мужъ едва замѣтилъ это. За обѣдомъ онъ ворчливо кидалъ слова и тотчасъ-же спускался къ себѣ внизъ курить. Съ такимъ человѣкомъ невозможно считать себя обязанной къ равенству правъ и отношеній. Довольно съ него и того, что онъ шелъ въ гору, какъ дѣлецъ, съ его куринымъ умомъ и отвратительнымъ характеромъ...

Сомовъ указалъ ей на десятокъ такихъ «ménages à trois». А сколькихъ они еще не знали!.. Мужъ почти всегда пріятель любовника, довольный, пользуется «другомъ», идетъ впередъ по службѣ. Въ такихъ тройныхъ супружествахъ что-то не слышно ни о разводахъ, ни о дуэляхъ, ни о сценахъ... Да и можетъ-ли быть иначе для такой умной женщины, сознающей, что она и безъ того слишкомъ долго терпѣла въ цѣпяхъ никому не нужной вѣрности? Одна только связь съ красивымъ, милымъ, страстнымъ, тонко-понимающимъ человѣкомъ и вознаграждаетъ—и то не вполнѣ—за первые долгіе годы унижающихъ ласкъ постылой обезьяны, за душевное одиночество, за рабство, за положеніе хуже всякаго разврата!.

III.

— Какъ зовутъ капельмейстера? спросила Вава у своего кавалера.

Тотъ не зналъ.

— Ахъ! Плохой вы!.. Посмотрите... глаза, усы!

— По найму играетъ...

— Такъ чтожь?.. А вы не получаете жалованья?

— Mademoiselle, обидѣлся, юноша,—это большая разница.

— Никакой!..

Она топнула ножкой и отвернулась опять къ эстрадѣ.

Живописнѣе не было мужчины въ залѣ. Тѣ какъ-то на одно лицо: статскіе съ волосами на лбу, точно болонки, или съ двумя коками; военные—или стриженые съ маленькими кусочками шерсти подъ ушами, или съ бакенбардами въ видѣ котлетъ. Кто съ хорошей бородой, тотъ обрюзгъ. Только и есть, что одинъ Сомовъ. Такъ онъ блондинъ... А этотъ итальянцемъ смотритъ или венгерцемъ. Глаза съ синими бѣлками, самъ такъ и замретъ, когда начнетъ дѣйствовать смычкомъ.

Давно начали возить Ваву въ театры, въ цирки, во всякія зрѣлища. При ней безпрестанно и мать, и другія женщины, а потомъ въ пансіонѣ между подругами то и дѣло разбирали мужчинъ. Какъ кто сложенъ, какіе ноги, глаза, волосы, грудь—пѣвцовъ, акробатовъ, наѣздниковъ, танцовщиковъ... Она очень рано смотрѣла большой, по пятнадцатому году. Когда какой-нибудь танцовщикъ или гимнастъ выскакивалъ въ одномъ трико и начиналъ кружиться по сценѣ или вертѣться на трапеціи—она любовалась; но ей уже не было стыдно ни за себя, ни за публику, ни за этихъ мужчинъ. Она отчетливо соображала, что всѣ они раздѣты такъ, какъ изъ женщинъ появляются только однѣ акробатки... И никто, ни мать, ни подруги, не говорили ей: «какъ тебѣ не стыдно?»—когда она распространялась о торсѣ и формахъ наѣздника или пѣвца, или о глазахъ и усахъ скрипача или піяниста...

Раздались выкрикиванья дирижера-танцевъ, коротенькаго корнета съ желтымъ кускомъ на воротникѣ. Онъ кричалъ точно на пожарѣ или въ манежѣ:

— Rond des dames! Cavaliers seuls!

Дамы поворачивались, шли направо, налѣво, наклонялись, сплетались руками, прорывали цѣпь. Вава попала въ первый разъ въ такую большую, жаркую толкотню... Щеки ея горѣли, ее безпрестанно хватали за талью мужскія руки... То она балансировала, то кружилась, то, вся выгнувшись, съ грудью на выкатъ, переходила въ полоборота передъ цѣпью кавалеровъ... Потомъ подхватывали ее въ вальсъ. Фигуры затягивались безконечно. Но глаза ея постоянно уходили въ сторону эстрады. Смуглый обликъ капельмейстера привлекалъ ее. Голову онъ повернулъ на лѣвый бокъ, прижимаетъ скрипку, волосы откинуты назадъ. Правая рука нервно водитъ смычкомъ. Глаза его то закатятся, то широко раскроются. И все ускоряетъ темпъ!..

Щеки Вавы въ огнѣ, въ груди спирается дыханіе, она совсѣмъ лежитъ на рукѣ кавалера, глаза полузакрыты... Ей хорошо... Она еще не знала такихъ ощущеній...

— Chaine des dames! вопилъ дирижеръ танцевъ.

Вава пошла направо, вмѣсто того, чтобы взять налѣво.. Цѣпь перепуталась; но она этого не замѣтила. Ей ужасно весело; больше, чѣмъ весело. Голова слегка кружится, она смѣло смотритъ на попадающихся ей мужчинъ, улыбается имъ. Такъ бы она теперь и понеслась отсюда на морозъ, въ тройкѣ, за заставу... Она знаетъ куда... Всѣ говорятъ о зимнемъ садѣ, о цыганахъ. Не сегодня, такъ завтра, но ее возьмутъ на пикникъ... И она настоитъ, чтобы наняли оркестръ вотъ съ этимъ самымъ капельмейстеромъ...

Гардемаринъ ищетъ ее по всей залѣ. Но она ужь и забыла о его существованіи. Столько ихъ этихъ «gommeux». Она знаетъ и это слово. Въ, пансіонѣ иначе и не выражались въ выпускномъ класѣ. И всегда мужчинъ будетъ столько-же еще больше. Очень долго такъ будетъ, пока не уйдетъ молодость.. Да вонъ ея мама... на двадцать лѣтъ ее старше... а развѣ она еще не окружена мужчинами?.. Двадцать лѣтъ—цѣлая вѣчность... Будутъ и большіе, и маленькіе, и умные и глупые, и кавалеристы, и моряки, и адъютанты... Она и умныхъ не боится... Ахъ, Боже мой!. Развѣ она не читала книжекъ? Съ двѣнадцати лѣтъ она все читала безъ запрету. Память у ней какая!.. Два раза прочтетъ стихотвореніе и знаетъ наизусть. И твердо—ни одного стиха не выпуститъ. Она иногда любитъ говорить о «вопросахъ». Она знаетъ и Герберта Спенсера книжку о воспитаніи, мама ей подарила. У ней никакихъ предразсудковъ. Времени столько впереди. На все хватитъ. И на курсы запишется. Пожалуй и экзаменъ сдастъ...

Но жить хочется! Вотъ такъ, какъ сегодня. Слыхала она, что есть несчастныя дѣвушки: имъ выѣзжать все равно, что дежурить на скучной службѣ. Но отчего? Оттого, что у нихъ нѣтъ надежды «вытанцовать» себѣ жениха... Можно-ли объ этомъ думать?.. Женихъ!..

Вавѣ дико это слово. Всѣ тутъ—кто ни есть—ея женихи: и старые, и молодые, даже женатые... Развѣ нѣтъ случаевъ, что разводятся?.. Она знаетъ пять случаевъ и со всѣми подробностями... Какже иначе? Человѣкъ не любитъ, жена ему опостылѣла; она старая, капризная. Онъ приходитъ и говоритъ: «Ты должна пожертвовать собой».

И жена пожертвуетъ... За что-же сердиться?!..

IV.

— Вава! гдѣ ты? Мы тебя ищемъ.

Ее остановила мать подъ руку съ Сомовымъ.

— Ахъ! Я перепутала chaine, смѣется она въ отвѣтъ.

Вотъ и гардемаринъ подбѣжалъ.

— Извинись, шепчетъ ей мать.

Стоитъ-ли? Онъ такой маленькій, точно гимназистъ.

— Сами виноваты, не отыскали, дурачливо сказала она ему; но при этомъ такъ на него посмотрѣла, что гардемаринъ улыбнулся во весь ротъ и показалъ бѣлые, какъ кипень, зубы.

— Виноватъ-съ! повторилъ онъ, низко нагнувъ голову, потомъ стукнулъ каблуками, за отсутствіемъ шпоръ, и отошелъ...

— Ахъ, мама, какъ славно!

Она чмокнула мать.

— Ты вся растрепалась.

— Коса?

— Нѣтъ, по спереди.

— Вихоръ? Такъ это ничего... Вѣдь ничего, Платонъ Дмитричъ?

Она протянула Сомову свою ужь наливавшуюся руку въ шведской желтоватой перчаткѣ.

Сомовъ давно не сводилъ съ нея глазъ.

— И такъ прекрасно!

Мать что-то сказала ей на ухо.

— Ахъ какія ужасти! продолжала дурачиться Вава.—Пойдемъ въ уборную.

Къ нимъ подошли двѣ дамы съ генераломъ. Завязался разговоръ. Вавѣ начали говорить любезности. Она нагнулась къ уху матери и шепнула:

— Tonton меня возьметъ и приведетъ назадъ.

Сомова она дѣвочкой десяти лѣтъ начала звать Tonton вмѣсто Платонъ, и всѣхъ это очень смѣшило. Теперь, когда она большая, она уже не зоветъ его въ глаза Tonton; но какъ только заговоритъ объ немъ съ матерью, не можетъ удержаться. Онъ звалъ ее когда-то Вавочкой и теперь зоветъ часто Вава, прежде говорилъ и «ты». Больше трехъ лѣтъ они перешли на «вы», но иногда, когда заспорятъ, незамѣтно явится у нихъ и «ты» и «Tonton» и «Вавочка».

Сомовъ повелъ ее черезъ гостиныя. Рука ея лежала на его рукѣ. Она чувствовала, какъ онъ прижимаетъ руку. Вава наклонила голову близко къ его плечу и заглядываетъ ему въ лицо. Его борода щекочетъ ей шею. Ей хочется смѣяться. Съ нимъ ей такъ ловко ходить. Она чувствуетъ, что они идутъ въ ногу. Во второй гостиной она вздрогнула...

— Холодно? заботливо спросилъ онъ.

— Свѣжо!.. Да ничего!..

И она сама прижалась къ нему. Онъ глядѣлъ на нее и мысленно раздѣвалъ ее.

За три минуты передъ этимъ онъ сравнивалъ ее съ матерью. Только въ бальномъ туалетѣ Зинаида Сергѣевна казалась еще нетронуто свѣжей, даже роскошной. Но онъ зналъ, что это только кажущаяся свѣжесть. Рядомъ съ нею Вава блистала точно кусокъ вдохновеннаго мрамора. На его глазахъ изъ худенькой дѣвочки съ длинными, красноватыми руками сложилась прекрасное дѣвственное тѣло. Эти ямочки, и ноздри, и бѣлая нитка пробора, и затылокъ...

Приговоръ матери былъ безповоротно подписанъ ея любовникомъ.

— Tonton, милый бородачъ! вдругъ шепнула ему на ухо Вава и захохотала.

Этотъ шепотъ, дѣтское прозвище, смѣхъ, пронесшійся серебристымъ дрожаньемъ по пустой засвѣжевшей гостиной съ золоченой мебелью, заставили Сомова закрыть глаза. Онъ похолодѣлъ.

— Сейчасъ, кивнула ему Вава и скрылась за дверью уборной.

Горячимъ спертымъ воздухомъ, гдѣ пудра и табакъ смѣшались въ одинъ густой чадъ, обдало Ваву... Она не сразу разглядѣла трюмо. Ихъ было три. Передъ каждымъ стояло по двѣ дамы. У одной укалывали оборванный подолъ; двумъ зашивали лопнувшіе корсажи. Четвертой поправляли прическу. На креслахъ и на диванѣ отдыхали еще нѣсколько разгорѣвшихся женщинъ. Курило больше половины всѣхъ бывшихъ тутъ дѣвицъ и дамъ...

Вава чуть не задохнулась. Пріучали ее въ пансіонѣ и мать ея иногда выкуритъ папироску. Но она не хочетъ. Развѣ послѣ. У кого такіе зубы—она инстинктивно находила это—та должна беречь ихъ, а также и талью, и руки, и блескъ глазъ, и ямочки...

— Что вамъ, барышня? спросила ее освободившаяся горничная.

— Вотъ тутъ, указала она на подпоровшуюся на груди modestie.

Горничная усмѣхнулась.

— Сію минуту... Только какъ-бы не уколоть васъ.

Всѣ осматривали ее съ ногъ до головы. Ее это не раздражало. Пускай смотрятъ!.. Вѣдь мужской смотръ конченъ, а онъ главное. Она видѣла себя въ трюмо. Не хотѣлось ей никого обижать, но—у кого-же такой бюстъ, и руки, и поворотъ головы, и ноги?.. Tonton знаетъ толкъ въ женщинахъ. Еще-бы! А онъ еще въ каретѣ шепнулъ:

— Прелесть! A croquer!

Капельмейстеръ—новѣе, поэтичнѣе, чѣмъ Tonton... Но вѣдь онъ только капельмейстеръ... На него можно любоваться каждый балъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Стих. А. Шитова.

I.

Изъ воспоминаній дѣтства.

Когда меня объемлетъ грусть порой,
Забвенья проситъ сердце и покоя,
Какъ на яву, встаетъ передо мной
Былое время, дѣтство золотое...
Воспоминаній свѣтлыхъ чудный рой,
Въ душѣ уснувшей, пробудясь, тѣснится,
Знакомыя и дорогія лица
Минувшихъ дней являются опять..
Ихъ нѣтъ теперь... Мнѣ ихъ не увидать,
Но память мнѣ о нихъ не измѣнила:
Душѣ моей по прежнему все мило...

Старинный домъ въ деревнѣ помню я
И садъ густой съ алеей вѣковою,
Гдѣ мы, дѣтей веселая семья,
Играть любили лѣтнею порою
И слушать ночью трели соловья...
По цѣлымъ днямъ рѣзвились мы, бывало,
Природа насъ собою восхищала,
Въ блаженную ту пору дѣтскихъ лѣтъ
Прекрасенъ намъ казался Божій свѣтъ;
Мы на него глядѣли беззаботно
И время шло въ забавахъ мимолетно....

Когда земля подъ снѣжной пеленой,
Какъ въ саванѣ покойникъ, отдыхала
И роща наша въ тишинѣ нѣмой,
Блестя алмазнымъ инеемъ, стояла,—
Любили мы веселою толпой
Коньками рѣзать гладь рѣки зеркальной;
Намъ нравился зимы уборъ печальный,
Ея морозъ лихой... По вечерамъ
Внимали часто няни мы рѣчамъ
И, въ рядъ усѣвшись, въ трепетномъ вниманьи
Выслушивали чудныя сказанья...

Все восхищало насъ тогда собой:
Не знали мы ни горя, ни печали,
Своей довольны были мы судьбой
И каждый день мы радостно встрѣчали,
А время шло обычною чредой:
За годомъ годъ спѣшилъ исчезнуть въ Летѣ,
Въ мужей съ лѣтами обратились дѣти
И, жизнь спѣша узнать, вступили въ свѣтъ,
И многихъ смерть взяла, и ихъ ужь нѣтъ...
Но не забылъ я ихъ и ихъ страданья,
И сохранилъ о нихъ воспоминанье...

II.

Горемыка.

Я-бъ хотѣлъ забыться на мгновенье,
Хоть на мигъ хотѣлъ бы отдохнуть..
Мнѣ страдать нѣтъ силы и терпѣнья,
Мой суровъ и труденъ жизни путь..

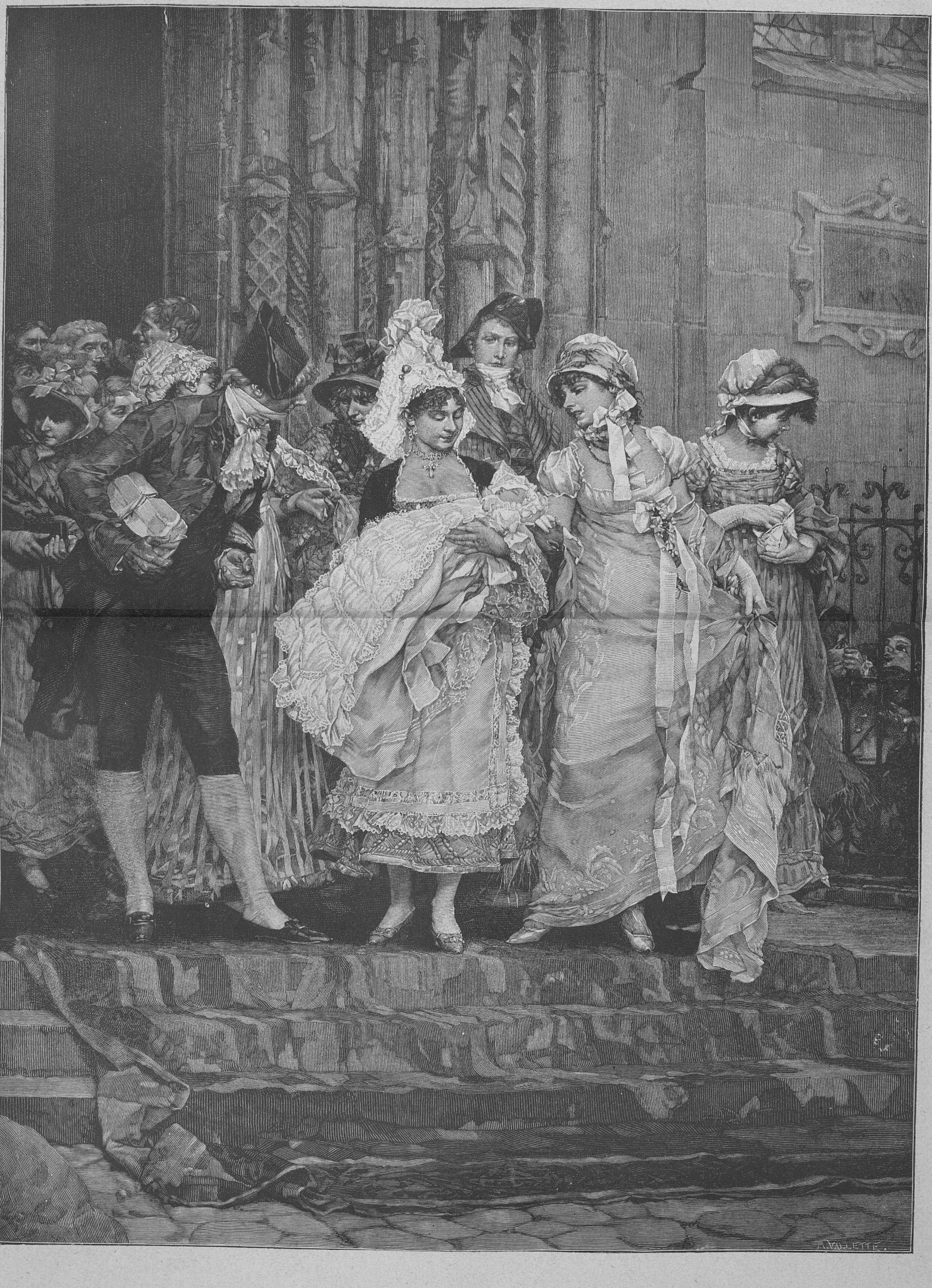
Отчій домъ я кинулъ сиротою,
Кинулъ я родимые края,
Съ той поры я не знавалъ покоя,
Но съ судьбой боролся храбро я...

Перенесъ лишеній я не мало..
Знать, удачи не сулилъ мнѣ рокъ:
Отъ меня, казалось, убѣгало
Счастье: я настичь его не могъ..

Дней счастливыхъ я почти не видѣлъ
И сурова жизнь была моя...

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КЕМЕРЕРА.



Крестины.
Рѣзалъ на деревѣ въ Парижѣ Валлетъ.

Никого я въ жизни не обидѣлъ,
Никому добра не сдѣлалъ я...

Я съ судьбой боролся постоянно,
Не жалѣя силы и труда;
Думалъ цѣли я достичь желанной,
Къ ней стремился тщетно я всегда...

Съ юныхъ лѣтъ съ застѣнчивостью скромной
Я сроднился на свою бѣду;
Съ нею я и до могилы темной,
Все утративъ въ жизни, добреду...

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава XXI.

На другой день утромъ, въ двѣнадцать часовъ, Петръ Петровичъ вошелъ въ кабинетъ княгини и засталъ ее за чаемъ

— Поди, поди сюда, мой милый; чаю хочешь?

— Я человѣкъ русскій, княгиня, отъ чаю никогда не отказываюсь.

— А какой ты чай любишь, крѣпкій?

— Разумѣется, крѣпкій, княгиня,

— Стало быть, знатокъ и охотникъ, безъ сливокъ и безъ лимону?

— Безо всего княгиня.

— Ну, какъ тебя не любить... На, пей, чай славный... А потомъ я браниться начну!

— Не портите чаю, княгиня... онъ удивительно хорошъ.

— Я и не порчу, пей, сколько хочешь, а съ послѣднимъ глоткомъ на расправу..

— Этакъ я отъ страху у васъ три самовара выпью...

— Не дамъ, не стоишь!

— Послѣдній глотокъ, княгиня, сказалъ Котиковъ, ставя на столъ чашку.

— Хочешь еще?

— Благодарю, княгиня... Не могу, неспокоенъ духомъ.

— Да ты не смѣйся... Я серьезно хочу вымыть тебѣ голову. Слушай меня!..

— Слушаю, княгиня.

— До сихъ поръ мы съ тобой понимали другъ друга, sans mettre les points sur les i. Теперь играть въ сфинксы не время. Скажи, пожалуйста, объ чемъ ты думаешь? Отчего вы не женитесь?.. Вѣдь я по глазамъ Лёло вижу, что пора!

— Пора, княгиня... Да что вы будете дѣлать съ Лёло, она ни за что не хотѣла вѣнчаться прежде окончанія траура.

— Да это смѣшно, одно приличіе стоитъ другого... Повѣрь ты мнѣ, что никто бы не смѣлъ осудить Лёло, еслибы она вышла замужъ и прежде года, когда бы я васъ сосватала и сказала, что я этого хочу... А вотъ если у нея, у вдовы, родится маленькій Котиковъ... въ этомъ ужь и я не помогу...

— До этого еще далеко, княгиня.

— Все таки надо торопиться. Тоже не очень будетъ благовидно, если у васъ у молодыхъ, черезъ какихъ нибудь мѣсяца два, завякаетъ въ домѣ новорожденный... Ну, мѣсяцъ, другой прежде времени—это ничего, можно сказать, что недоносокъ.

— Такъ оно и будетъ, княгиня.

— И прекрасно, семимѣсячные всегда живутъ.

— Мы хотимъ на дняхъ обвѣнчаться тихонько, княгиня.

— Ну, и дураки, дураки, дураки!.. Надо вѣнчаться съ помпой и при всѣхъ... Тайна, мой милый, позволяется только невиннымъ голубкамъ... А вамъ, пускай всѣ глядятъ въ глаза и всѣ ничего не видятъ!

— Для Елены Михайловны это будетъ трудно, она больна и не можетъ одѣться...

— Должна одѣться!.. я ее одѣну!.. Говорилъ ты ей, что я все знаю?

— Не говорилъ, княгиня, она бы стала отъ васъ прятаться.

— Теперь скажи... Приготовь ее, я завтра пріѣду и устрою все остальное.

Вернувшись домой, Петръ Петровичъ разсказалъ Лёло весь разговоръ свой съ княгиней. Лёло сперва испугалась, переконфузилась; но Котиковъ скоро и ловко съумѣлъ объяснить ей всѣ выгоды предложеній княгини. Лёло сейчасъже успокоилась и согласилась на все. Петръ Петровичъ и тутъ не забылъ напомнить Лёло, чтобы она обо всемъ извѣстила мать. Котиковъ никогда изъ приличій не выходилъ. Въ тотъ-же вечеръ Лёло написала къ Авдотьѣ Кириловнѣ, просила ея благословенія и объявляла ей, что выходитъ замужъ по любви за опекуна своего сына Петра Петровича Котикова. У княгини все дѣлалось по щучьему велѣнью, по ея хотѣнью.

Черезъ двѣ недѣли, въ воскресенье, въ восемь часовъ вечера, сельская церковь въ Дрёминѣ горѣла огнями; около паперти толпились крестьяне. За оградой стояло много разнокалиберныхъ экипажей.

Въ церкви Лёло, розовая, хорошенькая, съ тоненькой таліей, въ бѣломъ муаровомъ платьѣ, съ бѣлыми розами на головѣ, стояла подъ вѣнцомъ съ Котиковымъ. Подлѣ Лёло, разодѣтая въ пухъ, въ беретѣ съ перьями, въ браліантовомъ склаважѣ на шеѣ, гордо стояла княгиня Черново-Свѣтинская. Со стороны Петра Петровича стоялъ князь Норкинъ, какъ ракъ, въ красномъ сенаторскомъ мундирѣ, съ лентою черезъ плечо. Два неженатые молодые помѣщика держали вѣнцы надъ женихомъ и невѣстой. Вся церковь была полна поѣзжанами и любопытными Священникъ обручалъ раба божьяго Петра рабѣ божьей Еленѣ.

Много шушукали въ разныхъ углахъ церкви и вездѣ можно было подслушать что нибудь въ родѣ этого:

«Княгиня сама сватала... Онъ сынъ какого-то очень важнаго лица... Онъ у княгини свой... Княгиня хотѣла... Княгиня торопила»...

Когда молодые пошли прикладываться къ образамъ, княгиня съ княземъ сѣли въ карету и полетѣли впередъ, чтобы встрѣтить на дому новобрачную чету. На крыльцѣ крестьяне осыпали Котикова и Лёло житомъ. Княгиня и князь въ дверяхъ залы благословили ихъ образомъ, хлѣбомъ и солью.

Не долго пировали гости на свадьбѣ. Княгиня, выпивъ за здоровье молодыхъ бокалъ шампанскаго, послѣ чаю ловко намекнула всѣмъ, что пора гостямъ по домамъ, и уѣхала первая: За ея каретой потянулись со двора и экипажи близкихъ сосѣдей. А тѣ, которые жили дальше, остались, по деревенскому обычаю, ночевать въ комнатахъ, приготовленныхъ во флигелѣ.

— Ну, жена, цѣлуй мужа! сказалъ Петръ Петровичъ, когда они остались одни.

— Петя, какъ я счастлива! бросившись къ мужу на шею, проговорила Лёло.

— Ты устала, моя бѣдная?

— Очень устала, Петя.

— Эта злодѣйка княгиня; она тебя, кажется, затянула въ корсетъ и подрумянила?

— Да, Петя! обтирая платкомъ фальшивый румянецъ и вспыхнувъ натуральнымъ, отвѣтила Лёло.

— Экая выжига-женщина эта княгиня!

— Не брани ее, Петя, она хотѣла мнѣ добра..

— Да, умная баба, чортъ ее возьми... завтра я ей съ апетитомъ руку поцѣлую..

— Она звала насъ завтра обѣдать къ себѣ.

— Да, надо непремѣнно ѣхать. Посмотри, какой она обѣдъ намъ задастъ. Цѣлый мѣсяцъ помѣщики не переварятъ его.

— Вѣрно много будетъ народу; какая мука наряжаться.

— Ужь отзвони, Лёлька, да и съ колокольни долой. Завтра пріѣдешь домой, я твой корсетъ весь на кусочки изрѣжу. Я осъ терпѣть не могу!.. Откормлю тебя, какъ пулярдку, вотъ какая ты у меня будешь!.. и кромѣ бѣлыхъ капотиковъ-раздуванчиковъ и въ глаза ничего не увидишь.

Отбыли молодые обѣдъ у княгини, отбыли свадебные визиты, Лёло облеклась въ бѣлый капотикъ-раздуванчикъ и засѣла съ мужемъ дома. Она была такъ счастлива, что ей никуда ѣздить не хотѣлось! Скоро послѣ свадьбы у старушки Елизаветы Никитишны приключилось большое горе. Фаворитъ ея, старый Фомка, въ одно утро вдругъ ослабѣлъ и пожелалъ лечь. Его уложили въ особой покойной комнатѣ. Лёло и Петръ Петровичъ сами ухаживали за нимъ, послали за докторомъ. Къ вечеру пріѣхалъ докторъ, прописалъ лекарство. Но старикъ и посылать за нимъ не велѣлъ.

— Нѣтъ, матушка, Елена Михайловна, и не посылайте, не приму...не поможетъ... это Богъ по душеньку мою шлетъ... А вотъ я одинъ ходить не могу... такъ коли милость ваша будетъ, такъ прикажите лакеямъ меня до барыни моей старой дотащить... соскучился я по ней... Еще разъ хочется мнѣ на нее, горемычную, взглянуть.. ручку ея страдальческую поцѣловать... А тутъ и за священникомъ пошлите, исповѣдывать меня, грѣшнаго, и пріобщить... Да собороваться елеемъ, кабы Богъ сподобилъ, всегда желаніе мое было.

Сейчасъ же просьба Фомки была исполнена. Самъ Петръ Петровичъ съ однимъ изъ лакеевъ взяли старика подъ руки и бережно повели въ комнату Елизаветы Никитишны. Лёло пошла за ними. Елизавета Никитишна сперва испугалась, увидавъ, что къ ней въ комнату вошло такъ много людей. Но какъ только вглядѣлась въ Фому, узнала его тотчасъ-же и съ радостнымъ лицомъ пошла къ нему на встрѣчу.

— Гдѣ ты былъ, mon cher Фомка? Мнѣ скучно безъ тебя было, я плакала... таща къ себѣ за руку старика, сказала старушка.

— Я прихворнулъ, матушка, лежалъ, нѣжился, какъ старый песъ... Да скучно стало, взглянуть на васъ захотѣлось. Дайте мнѣ ручку вашу поцѣловать!.. со слезами на глазахъ проговорилъ старикъ.

— Ты плачешь, mon cher Фомка... Вѣрно, онъ тебя обидѣлъ? спросила Елизавета Никитишна, показывая пальцемъ на Котикова.

— Нѣтъ, матушка, они меня не обижали, они ко мнѣ милостивы.

— Неправда!.. Онъ обидѣлъ... онъ гадкій, я его терпѣть не могу... Поди вонъ!.. вскрикнула старуха, топнувъ ногой на Петра Петровича.

— Не хорошо, не хорошо сердиться, матушка, я уйду и никогда не приду, погрозивъ пальцемъ Елизаветѣ Никитишнѣ, строго проговорилъ Фома.

— Не уходи, mon cher Фомка, я никогда не буду сердиться... останься, гадкій.. не уходи!.. прибавила она, взглянувъ изъ подлобья на Котикова.

— Ну, матушка, дайте же мнѣ ручку поцѣловать!

Елизавета Никитишна, улыбаясь, протянула ему свою худую руку. Старикъ прильнулъ къ ней губами и слезы градомъ потекли изъ глазъ его.

— Тебѣ скучно, mon cher, хочешь табачку?

— Не хочу, матушка, а вы благословите меня, мнѣ весело будетъ.

— Ты развѣ спать идешь? спросила Елизавета Никитишна, которая даже въ дни совершеннаго отсутствія разсудка не забывала благословлять своего любимца, когда онъ уходилъ на ночь спать около ея двери на полу.

— Да, матушка, спать иду... благословите стараго раба вашего, онъ спокойнѣе уснетъ.

Елизавета Никитишна проворно, какъ крестятъ маленькія дѣти, начала крестить старика.

— Ну, прощайте, матушка, дай вамъ Богъ самимъ скорѣе уснуть, взглянувъ на образа, проговорилъ старикъ.

— Да вотъ, матушка, кого любите и слушайтесь; онѣ добрыя... показывая на Лёло, прибавилъ старикъ.

— Я буду любить, mon cher Фомка... она добрая... протягивая руку Лёло, сказала Елизавета Никитишна.

Лёло съ чувствомъ обняла старушку. Фома сильно ослабѣлъ и попросилъ, чтобы его проводили до постели. Когда его увели, Лёло осталась въ комнатѣ Елизаветы Никитишны и послала за Матреной. Матрена скоро пришла. Лёло отвела ее въ сторону и тихо сказала ей:

— Матрена, съ сегодняшняго дня ты будешь ходить за Елизаветой Никитишной. Врядъ ли старый Фома встанетъ, докторъ говоритъ, что онъ очень слабъ. Я на тебя на одну только могу положиться. Береги старушку!

— Слушаю, сударыня.

— Смотри за Оленой, она такая грубая...

— Слушаю-съ, будьте благонадежны-съ.

— Елизавета Никитишна! Вотъ эта женщина будетъ тоже ходить за вами; она веселая, она вамъ понравится.

— Это Матрена, я ее знаю, она добрая, ее Фомка любитъ и я ее буду любить...

Лёло только тогда ушла изъ комнаты, когда убѣдилась, что Елизавета Никитишна не поняла, что ея Фомка приходилъ съ ней проститься въ послѣдній разъ и что старушка совершенно спокойна.

Петръ Петровичъ между тѣмъ послалъ за священникомъ. Бѣдный Фома ослабѣвалъ видимо и съ нетерпѣніемъ ожидалъ своего духовнаго отца. Передъ исповѣдью старикъ просилъ прощенья у Елены Михайловны, у Петра Петровича, у всей дворни, и пожелалъ съ молодой барыней поговорить наединѣ. Когда всѣ вышли изъ комнаты, онъ сказалъ ей:

— Матушка, Елена Михайловна, вы хоть не нашихъ господъ да у васъ сердце доброе... я хочу васъ просить, коли милость ваша будетъ, быть моей душеприкащицей.

— Приказывайте мнѣ все, что вамъ угодно, я все свято исполню, отвѣтила Лёло, отирая слезы.

— Вотъ, матушка, вамъ ключъ отъ моего сундука. Онъ стоитъ тамъ, гдѣ я спалъ, подлѣ комнаты моей старухи сердечной, въ коридорѣ... Какъ крышку-то вы подымите, такъ на правой рукѣ въ маленькомъ ящичкѣ узелокъ красный, веревочкой перевязанный, найдете... Въ немъ у меня на тысячу четыреста бумажками ломбардныхъ билетовъ спрятано... А подъ узелочкомъ-то, просто такъ, двѣ синенькія лежатъ, да красненькая одна, да мелочью серебромъ, не припомню ужь сколько .. Да вы не подумайте, матушка, Елена Михайловна, что я это какъ не честно добылъ... нѣтъ, видитъ Богъ! Въ копейкѣ барской не повиненъ... Нѣтъ, по милости господъ, все честнымъ трудомъ нажилъ. Я съ молоду парикмахеръ дамскій былъ, такъ господа меня отпущали барынь причесывать.. Да и офиціантъ я хорошій былъ... Такъ и на банкеты господа меня служить отпущали... Вотъ я копейку-то и нажилъ... Хоть у стариковъ на селѣ спросите... они помнятъ, они вамъ скажутъ, что оно подлинно такъ и есть...

— Я вѣрю вамъ! сказала Лёло.

— Вѣрьте, вѣрьте, матушка... Фома никогда не вралъ... Такъ вотъ господа меня, по милости своей, всю жизнь поили, кормили, одѣвали... такъ на что мнѣ было деньги-то тратить. Развѣ когда Богу свѣчку въ праздникъ поставить, да нищему копеечку подашь... а то все цѣло у меня осталось... Такъ вотъ я васъ прошу, матушка, этими деньгами по смерти моей вотъ какъ распорядиться: изъ мелкихъ-то бумажекъ—синенькую одну извольте отцу моему духовному за исповѣдь, да за соборованіе заплатить... а другая-то синенькая да красненькая пусть на гробикъ мнѣ, да на отпѣваніе пойдутъ... А мелочь-то намѣнять прикажите на копеечки, да нищимъ въ день похоронъ моихъ раздать. Одѣть меня въ новый коричневый сюртучекъ, брючки синіе, новенькіе... А рубашка, галстучекъ бѣленькій, жилеточка и крестъ деревянный... все особо у меме свернуто въ полотенце, давно лежитъ въ сундукѣ. Остальную одежду мою: тюфячишко, одѣялишко, подушенку, все тряпье, что въ сундукѣ моемъ найдется, нищимъ... крестикъ серебряный, что на мнѣ, въ крестъ деревянный врѣзать прикажите и на могилку мою поставить

Старикъ усталъ, перевелъ духъ, посидѣлъ немного молча и опять заговорилъ:

— А тысячу четыреста асигнаціями, усердно васъ прошу, старушкамъ сирымъ, убогимъ, помощь творить... Особенно глупенькимъ какимъ, безумнымъ... это за старуху мою, страдалицу. Обѣщаніе далъ, чтобы Господь ее къ избранному своему стаду причислилъ и грѣхъ ей невольный простилъ...

— Святой старикъ! прошептала Лёло, съ умиленіемъ сложивъ руки.

— Да не оставьте вы ее, несчастную, именемъ Бога васу прошу!.. Не приглядѣть за ней, такъ ей, глупенькой, пожалуй, и затрещинъ надаютъ... Охъ... охъ... охъ... Тяжко мнѣ... горько мнѣ оставить тебя одну, старушечка моя дорогая... мать ты моя! Иди ты за мной... не оставайся ты на землѣ... Пора намъ съ тобою... приговаривалъ старикъ, рыдая и качаясь на постели.

Лёло хотѣла утѣшить его, но слезы не давали ей выговорить слова.

— Не плачьте.. не плачьте... Я даю вамъ честное слово, что не оставлю Елизавету Никитишну, наконецъ, могла выговорить Лёло.

— Воздай вамъ за это Матерь Божія, сказалъ старикъ и, схвативъ руку Лёло, крѣпко прижалъ къ губамъ. Лёло наклонилась и съ благоговѣніемъ поцѣловала старика въ лобъ. Лобъ былъ горячъ, а руки холодны, какъ ледъ.

— Ну, матушка, коли милость ваша будетъ, попросите батюшку войдти... пора...

Лёло вышла изъ комнаты и позвала духовнаго отца Фомы. Послѣ исповѣди священникъ отворилъ двери и попросилъ желающихъ войдти.

Лёло, Петръ Петровичъ, нѣсколько женщинъ и мужчинъ изъ прислуги вошли въ комнату, остальные толпились въ дверяхъ. Священникъ поднесъ къ постели запасные дары и началъ читать: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую».. Фома громко и внятно прочелъ за нимъ всю предпричастную молитву до конца и причастился. Началось соборованіе. Все время Фома сидѣлъ на кровати, со свѣчей въ рукѣ, и молился. Когда его отсоборовали, онъ легъ и тихо сказалъ священнику:

— Потрудитесь, батюшка, мнѣ отходную прочесть!

Священникъ прочелъ отходную. Съ послѣдними словами отходной старичекъ началъ дремать. Всѣ тихо вышли изъ комнаты. Подлѣ Фомы осталась только одна ключница, которой приказано было придти сказать, если больному что понадобится. Скоро и ключница крѣпко уснула въ креслахъ. Черезъ нѣсколько времени Петръ Петровичъ опять вошелъ посмотрѣть, что дѣлается съ старикомъ. Фомы не было уже на свѣтѣ, онъ лежалъ мертвый, крѣпко сжавъ окостенѣлою рукою свой серебряный крестъ.

— Славно умеръ старикъ, не по генеральски, подумалъ Петръ Петровичъ и, почесывая за ухомъ, вышелъ изъ комнаты.

Рано на другое утро хватилась Елизавета Никитишна своего Фомки и начала звать его. Матрена сказала ей, что онъ боленъ, не можетъ придти. Старушка начала плакать и просить, чтобъ ее отвели къ нему.

— Нельзя, матушка, вамъ къ нему, докторъ никого пускать не велѣлъ, кротко уговаривала Матрена.

— Докторъ дуракъ!.. Я пойду!.. Я хочу къ Фомкѣ! топая ногой около запертой на ключъ двери, настойчиво твердила старушка.

Ее не пустили; она начала сердиться и кричать. Матрена испугалась, попросила Олену отвести Елизавету Никитишну отъ двери, а сама пошла доложить господамъ, что старая барыня безпокоится.

Олена, не говоря ни слова, безъ церемоніи, силою посадила старуху на волтеровское кресло и задвинула ее столомъ. Елизавета Никитишна взбѣсилась, опрокинула столъ, вскочила, треснула Олену по щекѣ и бросилась къ двери.

— Ну, куда вы лѣзете? Нѣтъ вашего Фомки... онъ ножки протянулъ! грубо крикнула злая дѣвка, загородивъ барынѣ дорогу.

Елизавета Никитишна не поняла этого и все рвалась къ двери.

— Да умеръ вашъ Фомка... умеръ!

— Ты врешь!.. остановившись, сказала старуха.

— Умеръ! повторила Олена.

— Нѣтъ, mon cher Фомка не умеръ.. Вотъ тотъ страшный старикъ умеръ...а Фомка не умеръ, онъ придетъ...

— Вамъ-то за нимъ пора, проговорила Олена сквозь зубы.

Вернулась Матрена.

— Послушай, Матрена, Олена говоритъ, что Фомка умеръ... Вѣдь она вретъ? Вѣдь онъ скоро придетъ...

— Да что ты это, ошалѣла, что ли? Кто тебя просилъ имъ это говорить? сердито заворчала Матрена на Олену, вмѣсто отвѣта Елизаветѣ Никитишнѣ.

— Ну, ее... Ну, и сказала... умеръ, такъ умеръ...

— Бога ты не боишься... змѣя ты подколодная! Видишь, человѣкъ больной, такъ тебѣ еще разстроивать надо... тьфу, ты дьяволъ! прости Господи!.. Барыня сама хотѣла ихъ приготовить... а ты, на-ко тебѣ, ляпнула... Вотъ черти-то за языкъ тащутъ ..

Обѣ женщины стали перебраниваться; Елизавета Никитишна, слушая ихъ, разсѣялась и притихла. Скоро пришла и Лёло; старушка тотчасъ же вспомнила про своего любимца и начала жаловаться на Олену. Лёло подумала, что легче будетъ Елизаветѣ Никитишнѣ, если ужь покончить дѣло разомъ, чѣмъ далѣе длить ея мученіе и напрасное желаніе увидать Фомку. Тихо и кротко подтвердила ей Лёло, что Фомка точно умеръ. Но Елизавета Никитишна и ей не повѣрила и все твердила свое:

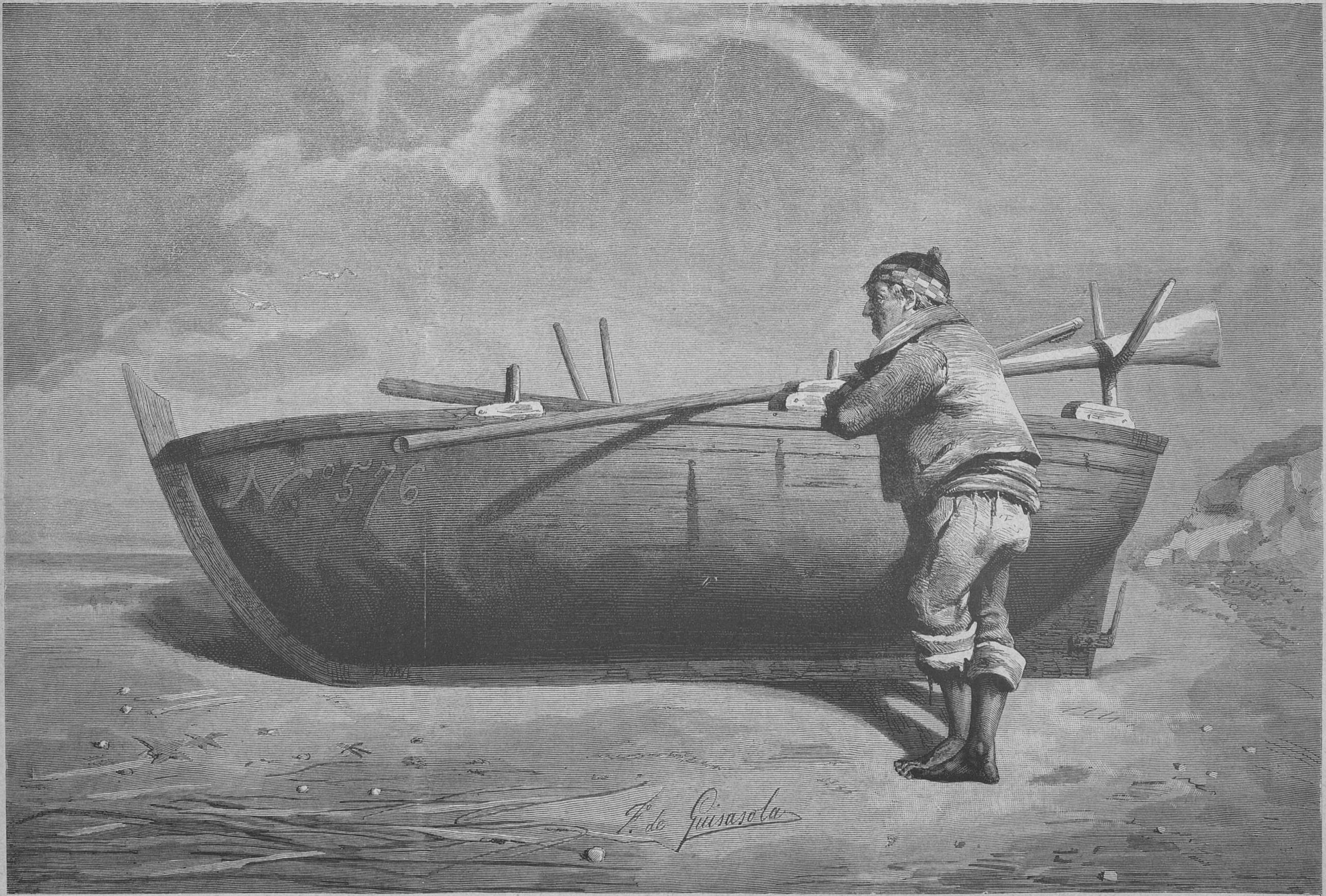
— Ты врешь, ma chère!.. Это страшный старикъ умеръ, а не Фомка... Фомка здѣсь, вы его спрятали... Вы всѣ злые... я его найду...

Показать Фому мертваго Елизаветѣ Никитишнѣ побоялись и она осталась въ полномъ убѣжденіи, что ея Фомка живъ.

Жалость было смотрѣть на старушку: все бродила она подъ руку съ Матреной по комнатѣ, заглядывала во всѣ уголки и все искала своего Фомку. А какъ только встрѣтитъ Лёло, такъ жа-

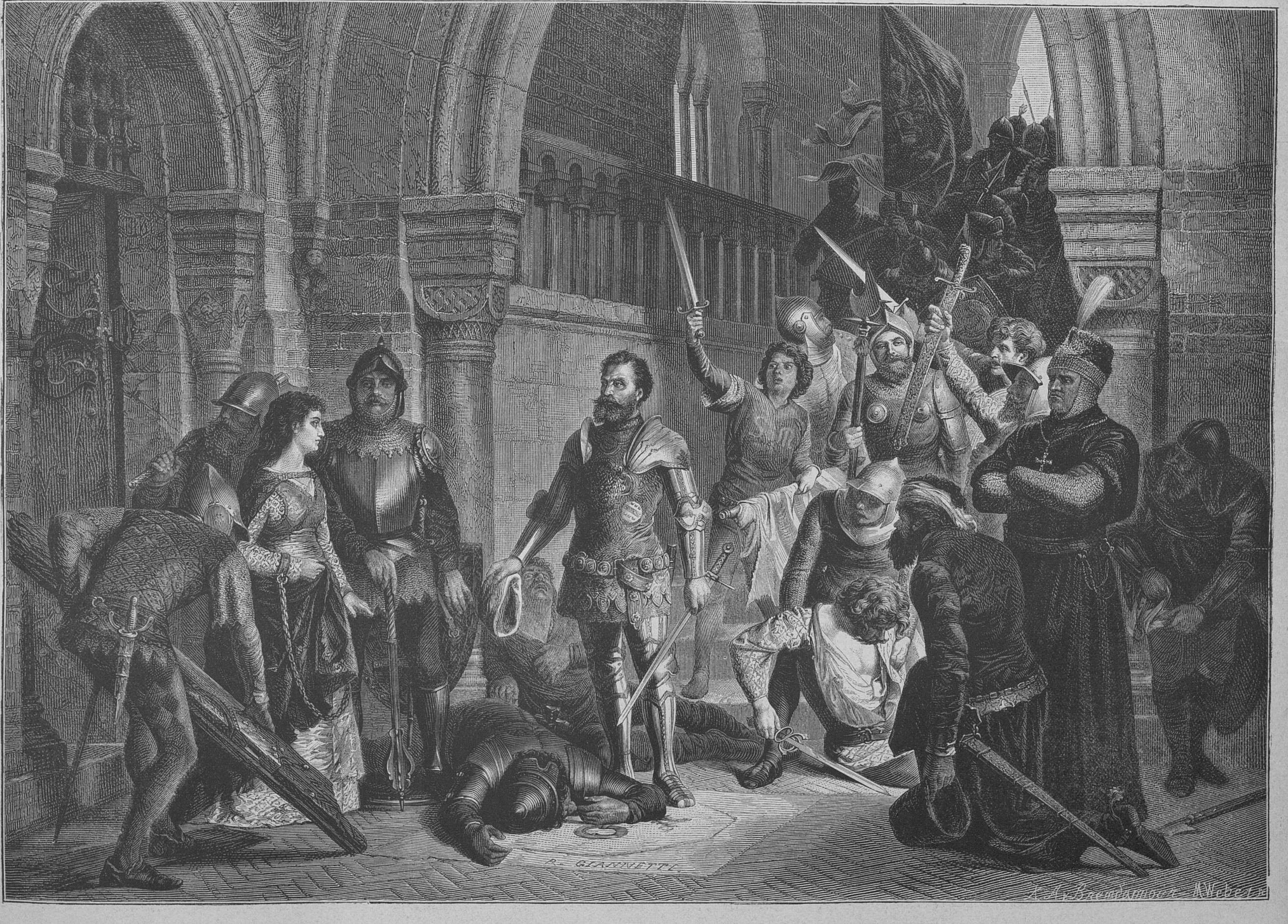
ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГИЗАЗОЛА.


№ 576
F. de Guisasola

Хозяинъ лодки.

Рѣзано на деревѣ въ Барселонѣ.


P. GIANNETTI
A. A. Brendamour & Weber

Іоаннъ Барбориго освобождаетъ изъ тюрьмы Марію, венгерскую королеву.

КАРТИНА ДЖІАНЕТТИ.

Рѣзали на деревѣ Брендамуръ и Веберъ.

лостно скажетъ: «Ma chére, пожалуйста, найди мнѣ Фомку»...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Изъ М. Бушора.

Пер. **Д. Ушакова.**

XX Сонетъ.

Безъ цѣли я иду по ровному пути.
Нѣтъ зелени на немъ, нѣтъ жизни и движенья;
Идя по немъ, нельзя забыться на мгновенье,
Не думая о томъ, что будетъ впереди.

Однако всѣ пойдутъ по этому пути!
Всѣ, испытавшіе отрады и мученья,
Уснутъ на-вѣки тамъ, гдѣ даже сновидѣнья
Не вызовутъ опять волненій въ ихъ груди.

Несчастные спѣшатъ съ отрадою туда,
Надѣясь тамъ забыть тяжелые года,
Надѣясь тамъ найдти покой и утѣшенье...

Надежды этой нѣтъ теперь въ моей душѣ;
Напрасно отдалить хочу я часъ крушенья:
Зіяющій обрывъ влечетъ меня къ себѣ.

XXIV Сонетъ.

Я съ вами пировалъ въ послѣдній разъ, друзья.
Свершилось... Предо мной открылся путь далекій;
Въ плащѣ изорванномъ, подъ шляпою широкой,
Быть можетъ, тамъ сочтутъ за странника меня.

Того, въ комъ жизнь кипитъ, въ комъ много силъ, огня,
Смутитъ мой дикій видъ усталый, одинокій;
Увидитъ онъ на мнѣ слѣды борьбы жестокой,
Въ которой пронеслась былая жизнь моя.

И если встрѣчу я въ глухомъ монастырѣ,
Вдали отъ суеты, съ тоскою на душѣ
Молящихъ у Него въ грѣхахъ своихъ прощенье,—

Я стану говорить, какъ я боролся съ Нимъ,
Какъ молча Онъ внималъ проклятіямъ моимъ;
И въ души ихъ вселю тяжелыя сомнѣнья.

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

Глава IX.

Полезная прогулка въ фіакрѣ.

Получивъ приглашеніе Элизы повидаться съ нею, Эмиль Облэ не замедлилъ придти. Вскорѣ послѣ этого свиданія, на которомъ былъ условленъ дальнѣйшій планъ дѣйствій, молодой столяръ открылъ убѣжище той, которую искалъ; онъ же былъ свидѣтелемъ ночной прогулки Орели съ абатомъ. Вскочивъ въ карету, изъ которой вышла Орели, и приказавъ везти себя въ Медонъ, онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія; ему казалось, что лошади идутъ шагомъ, такъ велико было его желаніе прибыть поскорѣе къ цѣли. Необходимо было дѣйствовать, не откладывая, и немедленно возвратиться въ Парижъ. Капитанъ былъ въ правѣ заставить отворить передъ нимъ двери того дома, гдѣ находилась его жена. На этотъ разъ можно было, наконецъ, накрыть презрѣнную на самомъ фактѣ измѣны; Облэ не сомнѣвался въ томъ, что Орели—любовница абата, котораго онъ узналъ, когда тотъ прошелъ мимо него, чтобы отворить дверцу кареты. Столяръ понялъ теперь причину, побудившую въ то утро абата такъ рѣзко потребовать у него объясненія: то была ревность. Несомнѣнно, Орели теперь у него и, если ее застанутъ тамъ, она будетъ вынуждена дать ему, Облэ, письменное заявленіе, которое возстановитъ его честь.

Обдумывая все это, Облэ нетерпѣливо ёрзалъ на подушкахъ кареты, какъ вдругъ, вытянувъ ноги на переднюю скамейку, ощутилъ какой-то твердый предметъ. Онъ нагнулся и поднялъ небольшой кожанный мѣшокъ, показавшійся ему очень вѣскимъ. «Вотъ было бы кстати, еслибы это ей принадлежало!» подумалъ онъ, раскрылъ мѣшокъ и увидѣлъ при свѣтѣ фонарей много футляровъ и драгоцѣнныхъ вещей, обернутыхъ въ лайку. «Такъ и есть! Это ея вещи». Но вдругъ въ умѣ его мелькнула страшная мысль: что̀ если Орели, хватившись мѣшка, выбѣжитъ на улицу, позоветъ полицейскаго агента и, съ его содѣйствіемъ, догонитъ его, Облэ? Вѣдь онъ будетъ тогда рецидивистомъ! Его снова схватятъ съ поличнымъ. Это было невѣроятно, невозможно, однако все же ему сдѣлалось страшно. Онъ думалъ уже заявить кучеру о своей находкѣ, но это значило бы отказаться отъ чрезвычайно полезнаго оружія. Облэ предпочелъ другую мѣру: старательно закрывъ мѣшокъ, онъ положилъ его на прежнее мѣсто. Въ случаѣ погони, онъ можетъ сказать, что не замѣтилъ мѣшка; это было бы такъ натурально, и онъ успокоился.

Орели, съ свойственнымъ ей легкомысліемъ, такъ увлеклась своимъ любовнымъ приключеніемъ, что совершенно забыла о драгоцѣнностяхъ, составлявшихъ все ея состояніе. Эта любовь, исполненная опасностей для обѣихъ сторонъ, тѣмъ самымъ получала для нея особенную прелесть. Когда абатъ отворилъ дверцу экипажа и протянулъ руку, чтобы помочь ей выйдти, она быстро выскочила изъ экипажа и поспѣшила скрыться, вслѣдъ за абатомъ, въ темномъ коридорѣ, дверь котораго онъ отперъ. Голова ея была слишкомъ занята въ эту минуту, чтобы думать о мѣшкѣ; она совсѣмъ забыла о немъ.

Эмиль Облэ благополучно пріѣхалъ въ Медонъ и расплатился съ кучеромъ, который дремалъ и не замѣтилъ, что сѣдокъ его вынесъ изъ кареты небольшой мѣшокъ. Изъ предосторожности молодой человѣкъ вышелъ изъ экипажа при самомъ въѣздѣ въ Медонъ и направился къ дому, гдѣ жили его друзья, пѣшкомъ. Онъ позвонилъ и Марго, испуганная этимъ ночнымъ посѣщеніемъ, отворила ему дверь. Увидѣвъ его, она съ удивленіемъ сказала:

— Облэ! Такъ поздно! Не случилось-ли чего?

— Что ваши уже спятъ?

— Нѣтъ еще; войдите. Мужчины въ гостиной играютъ въ пикетъ, а г-жа Ботъ у себя въ комнатѣ. Я доложу ей о вашемъ пріѣздѣ.

Капитанъ и маркизъ, удивленные звонкомъ въ такой поздній часъ, съ тревогой прислушивались къ разговору у подъѣзда. Наконецъ, маркизъ всталъ и, пріотворивъ дверь въ прихожую, увидѣлъ, что Марго, со свѣчей въ рукѣ, ведетъ Эмиля Облэ.

— Это вы, Облэ! вскричалъ маркизъ, узнавъ молодого столяра.—Что васъ привело въ такой поздній часъ? Что новаго?

Эмиль Облэ вошелъ въ комнату и положилъ на столъ кожанный мѣшокъ. Тѣмъ временемъ Марго побѣжала извѣстить Элизу объ его пріѣздѣ.

— Много новаго, господа, сказалъ Облэ.—Необходимо дѣйствовать сегодня-же вечеромъ, и я пріѣхалъ за вами.

Въ эту минуту въ гостиную вошла Элиза.

— Что случилось, Облэ? спросила она.—Что васъ привело въ такую пору?

— Онъ пріѣхалъ за нами, сказалъ капитанъ, поднимаясь съ мѣста и принимая воинственный видъ; можно было подумать, что онъ готовится вести на непріятеля свою роту.—Мы готовы, прибавилъ онъ.

— Выслушайте меня, началъ Облэ.—Я нашелъ г-жу де-Марби; я знаю, гдѣ она проводитъ эту ночь.

— Идемъ туда! скомандовалъ капитанъ.

— Да погоди, выслушай, сказала ему Элиза.—Стало быть, она уже не въ общинѣ? спросила она Облэ.

— Я не знаю, какъ и объяснить все это. Я узналъ, въ какой общинѣ она живетъ и, кончивъ работу, отправился навести по сосѣдству справки объ этой общинѣ. Вдругъ я увидѣлъ, что она выходитъ оттуда въ костюмѣ «сестеръ Кающихся«. Я пошелъ за нею и видѣлъ, какъ она встрѣтилась съ абатомъ, у котораго она и находится въ эту минуту. Вотъ это ея мѣшокъ.

Элиза знакомъ пригласила Эмиля сѣсть и сама сѣла противъ него.

— Разскажите все обстоятельно, г. Облэ, сказала она.

— Да, надобно все разсказать вамъ по порядку. Вы рѣшите тогда, что дѣлать.

Молодой человѣкъ описалъ всѣ уже извѣстныя намъ событія этого дня. Во время его разсказа Элиза открыла мѣшокъ и разсматривала драгоцѣнности. Когда Облэ кончилъ, она просидѣла нѣсколько минутъ въ раздумьи.

— Что намъ теперь дѣлать? спросилъ маркизъ, поглядывая на капитана и на Облэ.

Де-Марби снова всталъ и выпрямился.

— Что дѣлать? Извѣстно что. Ѣхать въ Парижъ, взять полицейскаго комисара и съ нимъ отправиться къ этому абату; мы велимъ отворить намъ дверь дома, гдѣ находится эта тварь. Я отхлещу ее по щекамъ и мы сдадимъ ихъ обоихъ въ руки полицейскаго комисара. Ихъ осудятъ, меня съ нею разведутъ и все будетъ покончено на-чисто. Ѣдемъ!

Но Оливье видимо не одобрялъ планъ капитана, хотя Облэ, казалось, сочувствовалъ ему. Маркизъ вопросительно взглянулъ на свою невѣсту, повторяя:

— Что-же дѣлать?

— Только не то, что ты предлагаешь, сказала Элиза своему зятю.

— Почему-же нѣтъ? спросилъ тотъ.

— Потому, что ты все невѣрно разсчиталъ, Илэръ. Ты не имѣешь тѣхъ правъ, которыя приписываешь себѣ, или, по крайней мѣрѣ, права твои очень спорныя. Юридически ты умеръ. Ты самъ распустилъ слухъ о своей смерти, самъ содѣйствовалъ тому, что этому слуху повѣрили. Поэтому жена твоя въ правѣ считать себя вдовою и, стало быть, совершенно свободною въ своихъ дѣйствіяхъ. Если полицейскій комисаръ послушается тебя и покусится задержать ее, она объявитъ и докажетъ, что она вдова, и тогда не она, а ты будешь арестованъ.

Нельзя было не признать логичности этого довода. Капитанъ пришелъ въ отчаяніе.

— Что-же намъ дѣлать? твердилъ онъ.

— Не нужно впутывать пока въ это дѣло ни полицію, ни правосудіе; надобно дѣйствовать намъ самимъ, какъ это совѣтовалъ Гюре.

— Прекрасно! оживился капитанъ. — Возьмемъ сейчасъ карету, арестуемъ ихъ сами и привеземъ сюда!

— Это совсѣмъ невыполнимо. Нѣтъ, нужно оставить ее на сегодня въ покоѣ. Вѣдь ты не ревнуешь ее болѣе, такъ какое тебѣ дѣло до ея поведенія?

— Но если мы не будемъ дѣйствовать сейчасъ-же, вмѣшался Облэ,—она можетъ уѣхать куда-нибудь въ эту-же ночь или завтра и мы потеряемъ ея слѣдъ.

— Но почему-же вы думаете, что она не возвратится въ общину? Она, быть можетъ, удалилась на время. Такое предположеніе весьма вѣроятно, если правда то, что вы слышали отъ сосѣдей объ этой странной общинѣ. Во всякомъ случаѣ, сестры «Кающихся» не станутъ разглашать объ ея отсутствіи во избѣжаніе скандала.

— Но если вы ошибаетесь, если она ушла совсѣмъ. Вѣдь она избѣжитъ тогда нашихъ рукъ, сказалъ Облэ,—а я твердо рѣшился покончить съ нею.

— И я тоже, подтвердилъ капитанъ.—Ѣдемъ сейчасъ, чтобы ни случилось.

Но тутъ вмѣшался Оливье.

— Я твердо полагаюсь на благоразуміе Элизы и совѣтую вамъ послушаться ея. Не забывайте, что мы обязались ничего не предпринимать, не посовѣтовавшись съ Гюре.

— Но что-же вы намѣрены дѣлать? спросилъ Облэ Элизу.

— Я вамъ говорю, что мы можетъ оставить ее сегодня въ покоѣ. Она не уйдетъ отъ насъ. Мы держимъ ее вотъ этимъ.

Она взяла мѣшокъ и вынула изъ него горсть футляровъ.

— Здѣсь, вѣроятно, все ея состояніе. Завтра-же она начнетъ отыскивать свою потерю, мы-же объявимъ завтра въ газетахъ, что мы нашли вечеромъ, въ каретѣ, кожанный мѣшокъ съ драгоцѣнностями и готовы возвратить его потерявшему. Завяжется переписка, мы назначимъ ей свиданіе, гдѣ хотимъ; она явится, ничего не подозрѣвая, и тогда она будетъ дѣйствительно въ нашихъ рукахъ.

— Отлично! вскричали въ одинъ голосъ Оливье и Облэ.—Такъ и сдѣлаемъ. Это всего проще и вѣрнѣе.

— Одобряю! весело вскричалъ капитанъ.— Въ самомъ дѣлѣ, такъ лучше. Я поквитаюсь съ нею глазъ на глазъ.

— Тогда, продолжала Элиза,—вы заставите ее назначить свиданіе этому Матье де-Тальи, такъ какъ главная опасность грозитъ намъ съ его, а не съ ея стороны. Онъ явится по ея приглашенію и мы достигнемъ желаемаго.

Всѣ одобрили этотъ планъ.

— Вотъ такъ планъ! радовался капитанъ:— просто, ясно и рѣшительно. Успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію. Наконецъ-то я получу возможность поквитаться съ этимъ негодяемъ! Вы, Облэ, получите нужное вамъ заявленіе, а я посчитаюсь съ этимъ человѣкомъ, какъ водится между мужчинами. Онъ не смѣетъ отказаться; мы почти одинаковаго возраста. Сто чертей! посмотрю я тогда, есть-ли еще въ его жилахъ кровь. Маркизъ, вы будете моимъ секундантомъ.

— Мнѣ тоже нужно разсчитаться съ однимъ человѣкомъ, сказалъ Оливье,—и она должна сказать мнѣ, гдѣ я найду его.

— Значитъ, всѣ будутъ удовлетворены!

Когда все было такимъ образомъ условлено, наши знакомцы роспили, въ угоду капитану, бутылку вина, такъ какъ онъ настойчиво потребовалъ этого. Облэ ушелъ и друзья, проводивъ его, разошлись по своимъ комнатамъ.

Элиза взяла мѣшокъ къ себѣ и принялась съ любопытствомъ разсматривать драгоцѣнныя вещи своей сестры. Онѣ были ослѣпительны, но восторгъ Элизы усилился, когда въ глубинѣ мѣшка она нашла маленькую памятную книжку и въ ней два письма. Взглянувъ на подпись, она радостно вскрикнула.

— Теперь мы несомнѣнно избавимся отъ нихъ, произнесла она про себя.

Она почувствовала себя спокойнѣе, предвидя близкій конецъ своихъ страданій. Но это чувство не было удовлетворенной жаждой мести,—нѣтъ, это было просто спокойствіе, которое давало ей увѣренность въ томъ, что она лишитъ своихъ враговъ возможности вредить ей. Элиза много выстрадала отъ презрѣнія, которое она встрѣчала со всѣхъ сторонъ; она нашла въ своей жизни только двухъ человѣкъ, достаточно сильныхъ и умныхъ, чтобы не повѣрить распускаемымъ о ней клеветамъ; то были: старый докторъ, который питалъ къ ней отеческую нѣжность и далъ ей свое имя, и молодой маркизъ, почтившій ее своею любовью и, что было еще важнѣе для нея,—своимъ уваженіемъ. Но первый изъ этихъ двухъ друзей умеръ, а второй сдѣлался жертвой распускаемыхъ на его счетъ клеветъ. Каждую ночь засыпала она въ страхѣ за завтрашній день. Возвращаясь во Францію, она полагала, что въ своемъ новомъ положеніи она будетъ въ силахъ бороться съ своими гонителями, а между тѣмъ она нашлась вынужденною скрываться: ея свободѣ, ея будущности, самой ея жизни грозила опасность. До сихъ поръ ей придавалъ твердость ея ребенокъ, ея Аристидъ; но онъ умеръ. Ей казалось, что, не будь ребенка, она не согласилась-бы долѣе влачить такое жалкое существованіе. Но вотъ ребенка нѣтъ болѣе, а мысль о смерти ни на минуту не приходитъ ей на умъ. Она была подавлена, убита этой потерей, но все-же хотѣла жить. Стало быть, мечтая о будущности, она видѣла въ ней не одного только своего сына; въ ней живетъ другая любовь: она любитъ Оливье, она любима имъ взаимно и хочетъ жить для него.

Элиза пережила долгіе часы отчаянія; не разъ она падала духомъ, не разъ говорила себѣ, что цѣль ея недостижима, что мечта ея безумна, что она слишкомъ занеслась и подготовляетъ себѣ жестокое паденіе; она готова была отъ всего отказаться. Но вотъ, наконецъ, цѣль достигнута; враги ея погибли; они не могутъ болѣе грозить ей; сила на сторонѣ тѣхъ, кого они считали уже побѣжденными. Еще нѣсколько дней—и Элиза получитъ возможность снова явиться въ свѣтъ.

Размышляя такимъ образомъ, она пересматривала драгоцѣнности и опять укладывала ихъ въ мѣшокъ. Какая женщина не заинтересуется бриліантами? Вдругъ Элизѣ послышался шорохъ. Испуганная, она съ живостью закрыла мѣшокъ и обернулась. Окно ея комнаты распахнулось и въ немъ показалась человѣческая фигура, ярко обрисовавшаяся на темномъ фонѣ ночи. Элиза въ ужасѣ бросилась къ двери, крича: «Спасите!» и, не переставая кричать, ухватилась за портьеру, чтобы не упасть. Между тѣмъ незнакомецъ соскочилъ въ комнату и взялъ въ руку ножъ, который онъ держалъ въ зубахъ. При видѣ ножа ноги молодой женщины подкосились отъ страха и она, съ громкимъ крикомъ о пощадѣ, упала на коверъ. Въ ту-же минуту разбойникъ бросился къ ней.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

П. П. Брока.

(Ст. **К. Н. Смирнова**).

Недавно Франція, а съ нею и весь цивилизованный міръ потеряли одного изъ знаменитѣйшихъ дѣятелей науки: умеръ отецъ антропологіи Пьеръ-Поль Брока.

Брока родился 28 іюня 1824 года въ Сенъ-Фуа въ департаментѣ Жиронды; здѣсь-же въ лицеѣ онъ получилъ свое первоначальное образованіе. Та отрасль науки, на поприщѣ которой Брока достигъ своей славы, привлекла его вниманіе не сразу: первоначально онъ думалъ посвятить себя математикѣ, а позднѣе медицинѣ. Антропологіей же Брока началъ заниматься лишь съ 1847 года, когда ему было поручено префектомъ Парижа привести въ порядокъ и описать скелеты, найденные при раскопкахъ селестинской церкви, одной изъ древнѣйшихъ парижскихъ церквей. Эта задача потребовала отъ Брока, взглянувшаго на дѣло очень серьезно, ознакомленія хотя-бы съ самыми элементарными свѣдѣніями по краніологіи; но изученіе ея роковымъ образомъ повліяло на дальнѣйшую дѣятельность молодого ученаго и антропологія пріобрѣла въ его лицѣ своего самого горячаго адепта. Надо замѣтить, что въ это время антропологіи, какъ отдѣльной науки, еще не существовало, а все, что извѣстно теперь подъ этимъ именемъ, носило тогда названіе этнографіи. Въ Парижѣ еще съ 1838 года дѣйствовало ученое общество, посвятившее себя изученью этнографическихъ и антропологическихъ вопросовъ, носившее названіе «этнологическаго»; впрочемъ, черезъ 10 лѣтъ послѣ своего основанія, т. е. въ 1848 году, общество это прекратило свое существованіе или, вѣрнѣе сказать, очистило мѣсто другому обществу, существующему и теперь и обязанному своимъ возникновеніемъ главнымъ образомъ Брока; названіемъ его антропологія впервые заявила свои права на существованіе. Любопытенъ самый поводъ возникновенія антропологическаго общества. Дѣло въ томъ, что общество этнологическое послѣ своего уничтоженія было замѣнено обществомъ біологическимъ, на засѣданіяхъ котораго Брока сталъ читать рефераты о своихъ изслѣдованіяхъ; къ числу этихъ послѣднихъ относится его рефератъ о помѣсяхъ въ животномъ царствѣ, въ которомъ онъ прямо выступилъ защитникомъ полигенистовъ и ревностнымъ противникомъ моногенистовъ,—двухъ партій, которыя въ то время сильно полемизировали между собой. Насколько сильна была эта полемика и насколько Брока попалъ въ больное мѣсто моногенистовъ видно изъ того, что президентъ біологическаго общества Рейе запретилъ Брока продолжать его рефераты и тѣмъ самымъ объявилъ открытую войну полигенистамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многимъ членамъ общества; понятно, существованіе его сдѣлалось послѣ этого скандала немыслимымъ и общество прекратило свое дѣятельность. Тогда-то послѣ многихъ затрудненій и явилось общество «антропологическое», столь извѣстное въ настоящее время. Затрудненія эти происходили просто отъ непониманія самого слова антропологія, которое пугало, потому что заставляло предполагать о существованіи въ обществѣ политическихъ интересовъ. Отсюда неудивительно, что на первыхъ засѣданіяхъ общества присутствовалъ полицейскій комисаръ, которому было вмѣнено въ обязанность доносить начальству обо всемъ, что тамъ происходило. 19 мая 1859 года состоялось первое засѣданіе новаго ученаго общества и Брока принялъ на себя обязанности его секретаря каковыя исполнялъ до самой смерти.

Антропологическое общество поставило главной цѣлью своей дѣятельности изученіе естественной исторіи рода человѣческаго какъ въ современномъ его состояніи, такъ и въ первобытномъ.

Благодаря почти полному отсутствію краніологическихъ колекцій и массѣ явившихся вопросовъ, требующихъ разрѣшенія, новому обществу предстояло не мало трудностей, но онѣ были разрѣшены, благодаря тому, что въ числѣ его членовъ стоялъ такой человѣкъ, какъ Поль Брока, при желѣзной волѣ котораго, умѣ и необыкновенной любви къ наукѣ трудности эти оказались эфемерами.

Съ первыхъ же шаговъ на новомъ поприщѣ Брока дѣятельно принялся за собираніе колекцій, для чего онъ сталъ сноситься съ своими товарищами по професіи, т. е. врачами. Затѣмъ Брока взялся за осуществленіе другого предпріятія, именно за устройство лабораторіи для антропологическихъ работъ; съ этой цѣлью онъ выхлопоталъ себѣ 2 комнаты при анатомическомъ театрѣ. Этого мало, онъ открылъ при лабораторіи курсы антропологіи, сдѣлавшіеся теперь едва ли не самыми популярными; съ теченіемъ времени курсы расширились и сдѣлалось возможнымъ устроить практическія работы для слушателей обоего пола. Наконецъ, въ 1872 году Брока основалъ первый антропологическій журналъ: Revue d'Anthropologie.

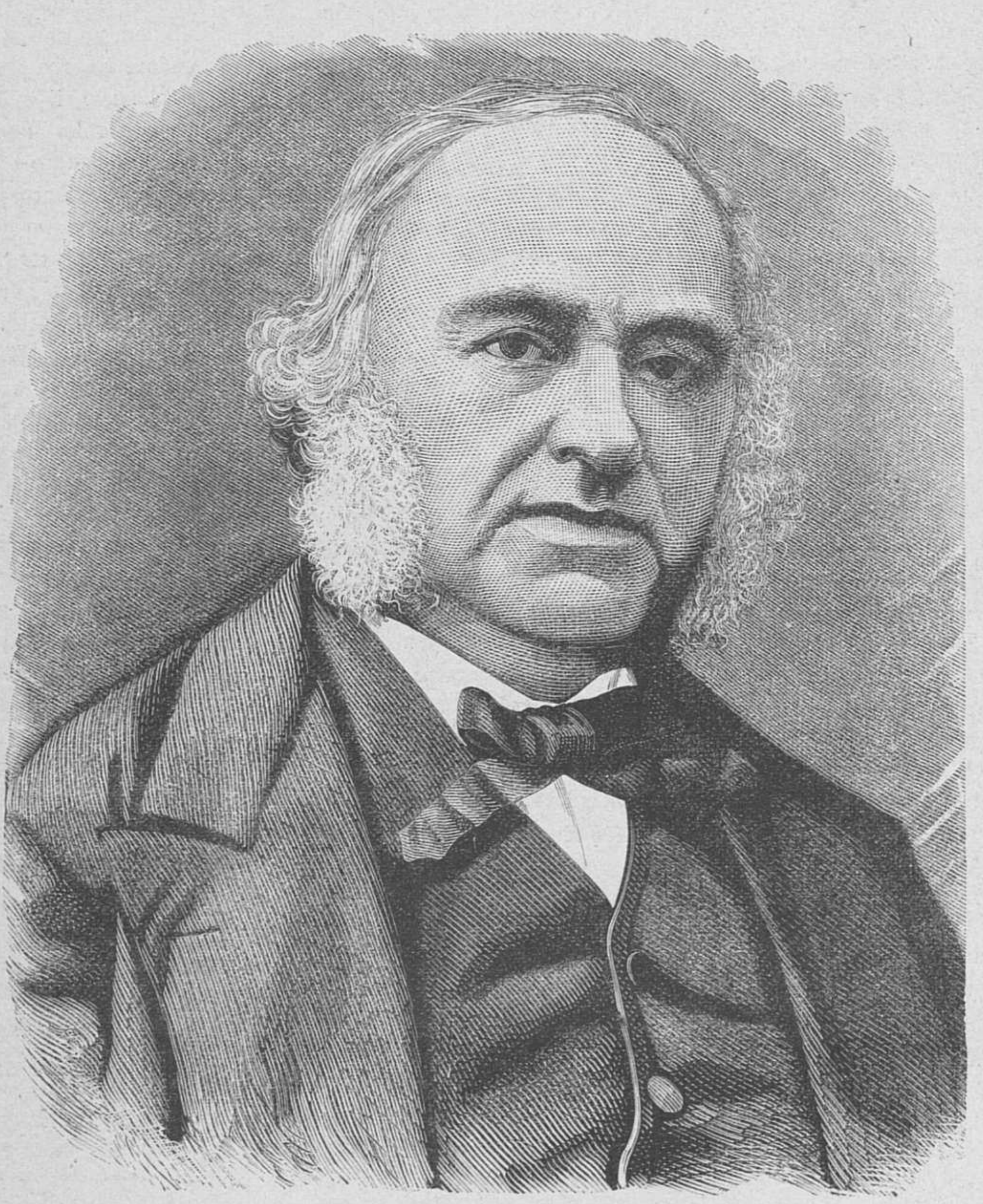
Но въ 1876 году антропологіи пришлось начать борьбу съ новымъ врагомъ—клерикалами, которые усмотрѣли въ этой наукѣ нѣчто безбожное и вредное. Тѣмъ не менѣе курсы, общество и лабораторія все болѣе и болѣе разростались; явилась возможность осуществить новое предпріятіе—антропологическій музей.

Имя Брока получило міровую извѣстность и на бывшемъ во время парижской выставки международномъ антропологическомъ конгресѣ Брока былъ избранъ президентомъ.

Такимъ образомъ, благодаря неутомимой дѣятельности этого геніальнаго труженика, создалась и окрѣпла антропологія; благодаря ему, она получила права гражданства среди другихъ наукъ. Одно за другимъ стали возникать антропологическія общества въ различныхъ городахъ Европы и Америки: въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Москвѣ, Манчестерѣ, Флоренціи, Берлинѣ, Вѣнѣ и Стокгольмѣ.

Таковъ былъ Поль Брока, какъ ученый, но онъ не менѣе извѣстенъ и какъ гражданинъ Франціи. По своимъ убѣжденіямъ онъ былъ всегда человѣкомъ передовымъ. Въ сенатѣ онъ постоянно стоялъ за дарованіе права женщинамъ на высшее образованіе. Въ февралѣ нынѣшняго года онъ былъ избранъ несмѣняемымъ секретаремъ.

Потеря его одна изъ самыхъ чувствительныхъ за послѣднее время.



П. П. Брока.

Стефенъ Митчель.

Повѣсть изъ флоридской жизни
М-съ Робинзъ.
Переводъ **А. А. Разсказовой.**
(*Продолженіе.*)

Глава V.

— Теперь я знаю всю исторію!—этимъ восклицаніемъ я прервала чтеніе м-ра Станлея, возвращаясь отъ Стефена Митчеля.

— Всю исторію, сказалъ онъ, добродушно поднимая глаза съ книги, — это уже много. Часто намъ, адвокатамъ, приходится не мало поработать пока мы прослѣдимъ ее всю.

— Но, сказала я, сознавая какъ многаго я еще не знала, —я подразумѣвала не это; я хотѣла сказать, что уже извѣстное мнѣ, возбуждаетъ во мнѣ желаніе узнать остальное. Я думаю, это самое интересное дѣло, которое когда либо попадало въ твои руки.

— Я не чувствую ни малѣйшаго желанія браться за дѣла, отвѣчалъ онъ очень рѣшительно.—Я полагалъ, что единственной цѣлью нашего пріѣзда во Флориду было отдохновеніе.

— О, безъ сомнѣнія; да это и не имѣетъ дѣлового вида, подожди, пока услышишь.

— Я весь вниманіе, только помни, я пріѣхалъ во Флориду, чтобы отдыхать.

— Да, на это похоже, сказала я, взглядывая на кипы книгъ, его окружавшихъ.—Вотъ моя исторія.

И я разсказала ему все, что говорилъ Стива. Кончая, я была сильно взволнована, думала и его найдти такимъ-же, но, къ моему удивленію, онъ сказалъ только:

— Я совершенно отклоняю отъ себя это дѣло.

— Отклоняешь, отклоняешь! повторяла я съ негодованіемъ; — тутъ и рѣчи не можетъ быть объ отклоненіи. Развѣ ты не видишь, что это Джонъ Каульзъ взялъ деньги, а не Стива, и что этотъ прекрасный молодой человѣкъ, вѣроятно, умретъ и двѣ жизни будутъ разбиты, потому что никто не хочетъ оправдать его отъ ложнаго обвиненія.

На лицѣ мужа появилась знаменательная улыбка, которая сразу указала на сдѣланную мною ошибку.

— Ну чтожъ за бѣда? сказала я со смѣхомъ,— не всякое слово въ строку. Развѣ ты думаешь, я не понимаю, что если онъ умретъ, одна только жизнь будетъ разбита? Нечего придираться и пользоваться этимъ, чтобы замять непріятный для тебя разговоръ.

— Но, моя дорогая, проговорилъ онъ уже совершенно серьезно, — я не знаю на сколько вѣрно ты передала факты. А ты знаешь, это одна изъ твоихъ слабыхъ сторонъ, когда затронуты твои чувства; но мое впечатлѣніе таково, что не разслѣдуя подробно дѣла, мнѣ кажется, что твой молодой человѣкъ виноватъ и лучшій для него путь сознаться какъ можно скорѣе и возвратить деньги.

Съ минуту мое негодованіе не знало границъ; но мужъ мой именно такой человѣкъ, съ которымъ невозможно ссориться, и я, быстро повернувшись на каблукахъ, вышла изъ комнаты. «Онъ скоро раскается и позоветъ меня», думала я, сѣла на верандѣ, вдыхая ароматъ апельсинныхъ цвѣтовъ, и ждала, бросая по временамъ взглядъ черезъ открытое окно въ комнату, гдѣ сидѣлъ мужъ. Опять онъ уткнулся въ большую книгу въ сафьянномъ переплетѣ и казался совершенно поглощеннымъ ею, какъ будто никогда на свѣтѣ не существовало умирающаго человѣка по имени Стефенъ Митчель.

— Виль, позвала я наконецъ, не вытерпѣвъ,— ты ищешь разрѣшенія моего дѣла въ этой книгѣ.

— И не думаю, отвѣтилъ онъ любезно,—я читаю гражданскіе законы. Не прочитать-ли тебѣ страничку?

— Но, Виль, это не поможетъ мнѣ, а меня такъ печалитъ Стива.

— И меня тоже. Лучше бы онъ сознался. Это самый прямой и честный путь. По крайней мѣрѣ, онъ умретъ съ чистой совѣстью.

— Какъ тебѣ не грѣхъ! Неужели професія адвоката обращаетъ человѣческое сердце въ камень? Развѣ ты не видишь, не чувствуешь, что онъ такъ-же невиненъ, какъ ты или я?

— И не вижу и не чувствую.

— Вильямъ Станлей мнѣ стыдно за васъ.

— Это очень грустно слышать, но, къ сожалѣнію, я ничего не могу сдѣлать.

— Не глупи, ты отклоняешься отъ главнаго предмета. А мнѣ нужна твоя момощь.

— Къ сожалѣнію, м-съ Станлей, я не могу дать ее.

— Когда такъ, я возьму это дѣло въ свои руки и изслѣдую его, хотя бы мнѣ пришлось для этого ѣхать на сѣверъ, сказала я угрюмо.

— Отлично! отвѣчалъ онъ съ вызывающей улыбкой,—и если тебѣ удастся оправдать Стефена Митчеля въ этой кражѣ, я зачислю тебя третьимъ кандидатомъ въ нашу фирму.

— Я отказываюсь отъ чести полученія этого мѣста. Если я войду въ компанію, то съ человѣкомъ, который будетъ защищать невиннаго и осуждать виноватаго.

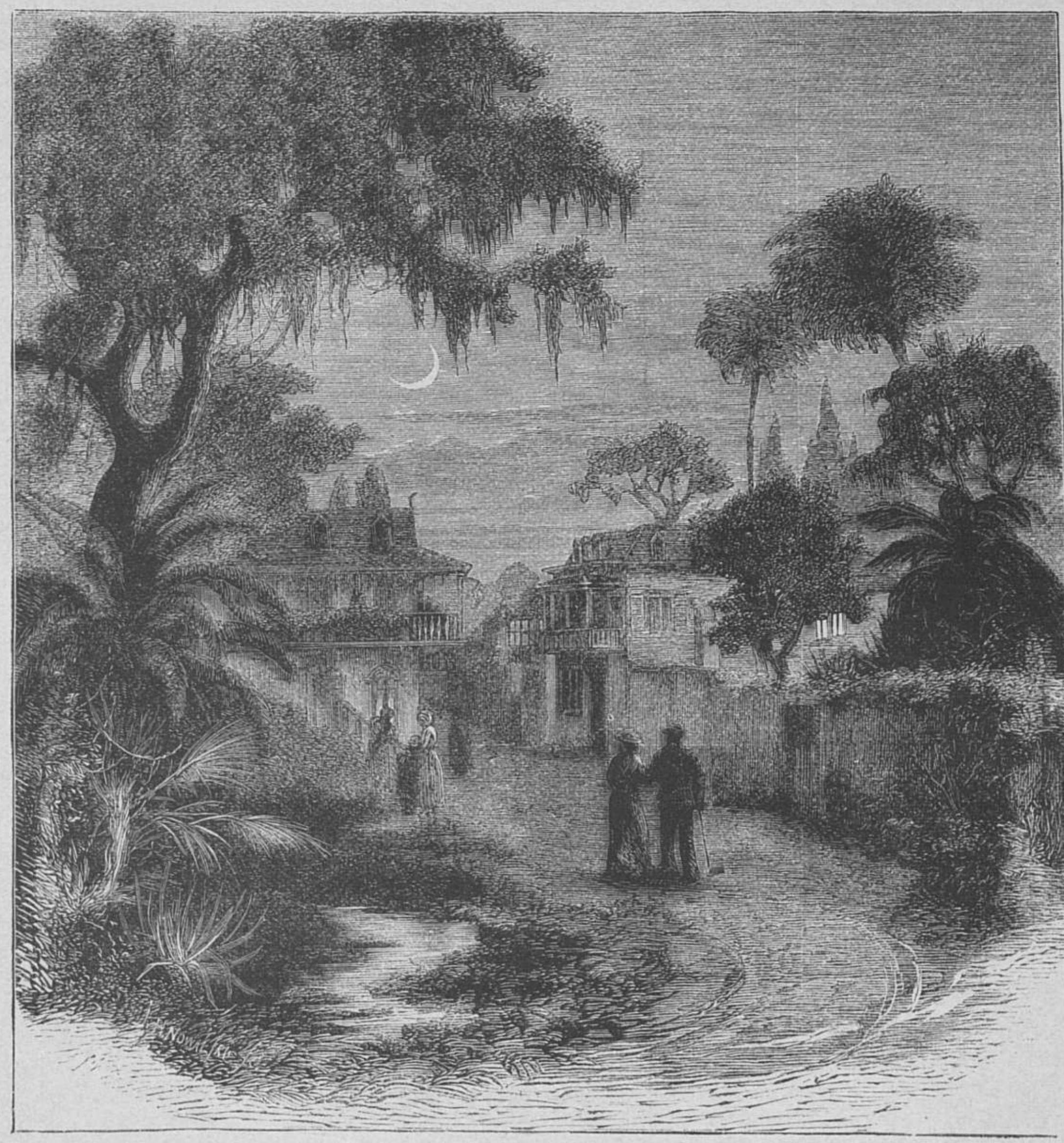
Слѣдуетъ сознаться, что единственнымъ отвѣтомъ на мою вспышку былъ добродушный смѣхъ.

Пока я сидѣла на верандѣ, ожидая разрѣшенія судьбы Стивы, на сколько она зависѣла отъ мужа, я составила слѣдующій планъ. Если онъ будетъ упрямиться и не возмется за это дѣло, я напишу сама м-ру Бонду, сдѣлаю ему нѣсколько предварительныхъ вопросовъ. Я принялась за письмо и написала слѣдующее: «М-ръ Бондъ, дорогой сэръ! Надѣюсь вы извините меня за смѣлость, съ которой я, совершенно неизвѣстная вамъ, рѣшаюсь писать о предметѣ, который, какъ я имѣю основаніе полагать, вы стараетесь сохранить въ тайнѣ. Единственное мое оправданіе заключается въ участіи, которое я принимаю въ молодомъ человѣкѣ, Стефенѣ Митчелѣ. Онъ мнѣ разсказалъ свою грустную исторію, и я вполнѣ убѣждена, что онъ невиненъ. Онъ умирающій человѣкъ и умираетъ не отъ болѣзни, но отъ потрясенія, вслѣдствіе того несчастнаго дѣла. Мой мужъ опытный и, смѣю думать, извѣстный адвокатъ по уголовнымъ дѣламъ, и если бы вы ему сообщили какіе-нибудь факты, онъ могъ бы оказать несчастному значительную помощь. М-ръ Митчель разсказывалъ о вашей добротѣ къ нему и одна изъ самыхъ горькихъ капель безъ того горькой для него чаши именно та, что вы считаете его виновнымъ—такъ онъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ. Онъ, пожалуй, не проживетъ долго и все, что мы захотимъ для него сдѣлать, надо дѣлать немедленно. Въ подобныхъ обстоятельствахъ я считаю излишнимъ просить васъ отвѣтить мнѣ при первой возможности. Этимъ вы чрезвычайно обяжете уважающую васъ Катерину Станлей».

Запечатавъ письмо я принялась за другое. Вотъ оно: «Дорогая мисъ Риплей. Такъ какъ я принадлежу къ числу друзей м-ра Митчеля, то не считаю необходимымъ извиняться за это письмо. Я увѣрена, что вы желали бы знать о состояніи его здоровья и объ окружающей его обстановкѣ. У него прехорошенькая комнатка въ самой лучшей части старипнаго города и сидѣлка, заботящаяся о немъ съ материнской нѣжностью. Желала бы дать вамъ болѣе пріятный отзывъ объ его болѣзни, но не могу: м-ръ Митчель очень боленъ. Онъ разсказывалъ мнѣ о васъ многое, почему я и пишу къ вамъ. Ваше желаніе быть съ нимъ совершенно естественно, онъ очень нуждается въ васъ. Если вы будете имѣть возможность пріѣхать, пріѣзжайте прямо ко мнѣ (у насъ большое помѣщеніе и найдется комната для васъ); мы будемъ вмѣстѣ выходить; приличія будутъ соблюдены. Болѣе я не должна писать, такъ какъ вполнѣ сознаю, что для васъ я совершенно посторонняя и вы можете взглянуть на мое письмо, какъ на непрошенное вмѣшательство. Прошу васъ не считайте меня навязчивой. Мнѣ кажется, что въ виду серьезной болѣзни нашего друга, разсудительные люди не должны гнаться за выполненіемъ церемоній; но, во всякомъ случаѣ, какъ бы вы ни смотрѣли на меня, надѣюсь, что вамъ пріятно будетъ узнать, что у м-ра Митчеля нашлись здѣсь преданные друзья, заботящіеся о его спокойствіи и здоровьи.

«Преданная вамъ
«Катерина Станлей».

КЪ РОМАНУ „СТЕФЕНЪ МИТЧЕЛЬ“.



Улица въ Сент-Огюстенѣ.

Запечатавъ и это письмо, я положила оба на столикъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ мужъ, расчитывая, что онъ отнесетъ ихъ на почту. Когда пришло время ему идти, онъ взялъ ихъ, взглянулъ на адресы, улыбнулся, положилъ въ карманъ и вышелъ, не сказавъ ни слова. «Онъ не сдается, думала я,—и я не могу этому помочь. Во всякомъ случаѣ, все что отъ меня зависитъ, я сдѣлала».

Пришло время вечерняго визита къ Стивѣ, я со страхомъ отправилась къ нему, ожидая вопросовъ о томъ, что сказалъ мужъ и подалъ-ли онъ какую нибудь надежду. Что я могла отвѣтить? Но утреннія событія такъ утомили Стиву, что мои опасенія оказались напрасными. Тереза, караулившая мое приближеніе, встрѣтила меня въ дверяхъ:

— Онъ очень плохъ, сказала она, показывая бѣлки глазъ,—онъ долго не проживетъ.

— О Тереза, отвѣчала я,—мнѣ очень грустно это слышать. Утреннее волненіе слишкомъ тяжело отозвалось на немъ.

— Повидимому такъ. Знаете-ли, ему совсѣмъ нечѣмъ дышать, оттого онъ скоро и устаетъ. Лучше бы пригласить доктора, хотя и тотъ много не поможетъ; больной такъ плохъ, что только чудо можетъ спасти его.

— Я пойду за докторомъ, сказала я, немедленно поворачиваясь назадъ.—Быть можетъ, онъ пропишетъ какое-нибудь укрѣпляющее средство.

Но не успѣла я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, Тереза догнала меня.

— Онъ проситъ васъ придти сію-же минуту, сказала она.

Приглашеніе было такъ настойчиво, что я поспѣшила назадъ и со страхомъ вошла въ комнату; онъ спокойно лежалъ на кушеткѣ и, взглянувъ на меня съ улыбкой, сказалъ:

— Не уходите; вы для меня лучше всѣхъ докторовъ въ Сент-Огюстенѣ; я только усталъ, очень усталъ... Садитесь въ качалку, такъ, чтобы я могъ видѣть васъ, и работайте, я буду воображать, что я дома. Сегодня у меня тоска по родинѣ.

И я сидѣла тамъ пока совершенно не стемнѣло. Сначала онъ не спускалъ съ меня глазъ, почти не мигая; и какіе это были большіе, голодные, жалобные глаза! слезы подступали у меня къ горлу каждый разъ, когда я взглядывала на него. Наконецъ онъ заснулъ тихимъ спокойнымъ сномъ; дыханіе сдѣлалось ровнѣе и правильнѣе. «Это показываетъ, думала я, что болѣзнь его чисто нервная; слѣдовательно не вся надежда еще потеряна».

Сонъ былъ такъ продолжителенъ и непрерывенъ, я такъ боялась нарушить его малѣйшимъ своимъ движеніемъ, что совершенно стемнѣло, когда я наконецъ пошла домой. По дорогѣ я встрѣтилась съ м-ромъ Станлеемъ, шедшимъ за мной.

— Вы такъ заговорились съ своимъ кліентомъ о дѣлѣ, что забыли время? спросилъ онъ насмѣшливо.

— Увы, отвѣчала я,—ни одинъ изъ насъ не произнесъ ни слова впродолженіи двухъ послѣднихъ часовъ.

— Развѣ ему хуже? спросилъ онъ, какъ мнѣ показалось съ тревогой въ голосѣ.

— Нѣтъ, но онъ чрезвычайно утомленъ утреннимъ разговоромъ. Бѣдный, какъ мое сердце страдаетъ за него.

— Послушай, Кэтъ, не мѣшало бы тебѣ, если онъ такъ плохъ и ты имѣешь на него достаточно вліянія, уговорить его очистить свою совѣсть передъ смертью. Я видѣлъ, что ты писала его друзьямъ; въ этомъ нѣтъ ничего дурного, но мало будетъ и хорошаго. Я не желалъ бы видѣть тебя обманутой въ твоихъ ожиданіяхъ.

— Я и не буду обманута, отвѣтила я слегка торжествующимъ тономъ, что не укрылось отъ него.—Такъ или иначе, я должна дѣйствовать, а не сидѣть, сложа руки, съ предвзятымъ рѣшеніемъ.

— Какъ мнѣ ни грустно сказать, а рѣшеніе мое не предвзятое, оно основано на долголѣтней опытности въ подобныхъ дѣлахъ. М-ръ Бондъ, повидимому, чрезвычайно добръ; онъ отвѣтитъ любезно, но тѣмъ дѣло и кончится.

— Не кончится, сказала я рѣшительно,—я доведу его до конца.

— Это не трудно сдѣлать, но результатъ будетъ совершенно противуположенъ твоимъ ожиданіямъ.

Какъ хороша была эта южная ночь. Городскія улицы не были освѣщены, надъ нами мерцали въ прозрачномъ ночномъ воздухѣ звѣзды. Мы остановились. Дроздъ - пересмѣшникъ заливался жалобными звуками, раздававшимися рельефнѣе и чище въ господствующей тишинѣ. Ароматъ безчисленнаго множества цвѣтовъ, высушиваемый знойнымъ солнцемъ, былъ очень силенъ, а голоса миріадъ насѣкомыхъ въ мелодичныхъ звукахъ воспѣвали все окружающее.

— Какъ хороша флоридская ночь! сказала я растроганная,—не странно ли, что при подобной обстановкѣ могутъ находить себѣ здѣсь мѣсто и смерть, и горе!

Глава VI.

Понятно, я съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта на свои письма. На двѣнадцатый день, послѣ отправленія ихъ, я получила слѣдующее письмо: «Дорогая м-съ Станлей.—Не могу найдти достаточно словъ, чтобы выразить вамъ мою благодарность за ваше доброе письмо. Еслибъ вы знали, какую тяжесть сняли вы съ моего сердца теперь, когда я узнала, что въ Сент-Огюстенѣ нашлись люди, которые заботятся о моемъ бѣдномъ другѣ. Такъ ужасно быть вдали отъ него, слабого, больного, быть можетъ, умирающаго. Вы пишете, чтобы я пріѣхала къ нему. Съ какою радостью я полетѣла бы къ вамъ, несмотря ни на какія препятствія. Но могу ли я сдѣлать это, когда онъ не высказываетъ на это желанія, даже положительно запрещаетъ. Онъ требовалъ, чтобы я не писала къ нему, пока его имя не очистится отъ павшаго на него пятна. Жизнь его должна идти совершенно другой дорогой, онъ освободилъ меня отъ всякаго обѣщанія, почти грубо и неумолимо отказался выслушать меня, когда я умоляла оставить между нами все по прежнему, какъ будто я не знаю, что онъ невиненъ! Какъ будто это положеніе вещей не двойная смерть для меня! О будте добры къ нему! увѣдомте меня, какъ онъ себя чувствуетъ. Есть-ли надежда на его выздоровленіе? Кто ухаживаетъ за нимъ? Онъ очень боленъ, и я не съ нимъ! я знаю, что долго не выдержу и мы оба умремъ! Не можете ли вы уговорить его позволить мнѣ пріѣхать? Я расчитываю на васъ. Я выѣду тотчасъ-же какъ вы увѣдомите меня. Разстояніе меня не испугаетъ. Телеграфируйте мнѣ, я буду съ нетерпѣніемъ прислушиваться къ шагамъ посыльнаго, несущаго желанную вѣсть. Вы вѣдь пошлете ее, не правда-ли? Я знаю, что вы пошлете, потому что вы добры, иначе онъ не довѣрился-бы вамъ. Извините, прошу васъ, я такъ спѣшу писать; не болѣе получаса какъ я получила ваше письмо, но времени терять нельзя, вы такъ далеко отсюда.

«Уважающая васъ и благодарная вамъ, Руфь Риплей».

— Бѣдная Руфь! сказала я, кончая письмо,— какъ бы я хотѣла исполнить ея желаніе, телеграфировать ей сейчасъ-же, но благоразумнѣе подождать отвѣта отъ м-ра Бонда, вѣроятно, онъ тоже не замедлитъ написать.

Я колебалась, показать ли ея письмо Стивѣ; я говорила ему, что писала, онъ выслушалъ меня съ благодарностью, но какъ только я предложила вызвать Руфь въ Сент-Огюстенъ, онъ рѣшительно отказалъ въ этомъ. Даже при простомъ напоминаніи объ ней, онъ волновался и выходилъ изъ себя, а между тѣмъ спокойствіе ему необходимо. Привыкнувъ всегда, во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, совѣтоваться съ мужемъ, въ этотъ разъ я не могла обратиться къ нему, такъ какъ на мои частые вопросы о вѣроятности полученія скораго отвѣта, я слышала, что это мое дѣло, а не его, и что онъ не желаетъ даже объ этомъ думать. Но послѣ долгаго колебанія, я взяла письмо, рѣшившись прочитать его Стивѣ съ нѣкоторыми пропусками изъ предосторожности. Но всѣ мои намѣренія разлетѣлись. Стива взялъ самъ письмо, съ жадностью прочелъ его и, возвращая его съ счастливой улыбкой, сказалъ:

— Не говорилъ-ли я вамъ, какая это хорошая женщина.

— И вы позволите ей пріѣхать? спросила я, видя какъ онъ счастливъ и спокоенъ.

— Ни въ какомъ случаѣ; если мнѣ суждено умереть, я желаю избавить ее отъ мученія присутствовать при моихъ послѣднихъ минутахъ. Если-же останусь живъ, она должна носить имя незапятнанное названіемъ вора. Неужели вы думаете, м-съ Станлей, что я позволю ей влачить свое существованіе въ моемъ позорѣ? Нѣтъ, я слишкомъ горячо люблю ее для этого.

— Вы не правы, отвѣчала я угрюмо,—вы, мужчины, не понимаете женщинъ; иначе вы знали-бы, что величайшее страданіе ихъ происходитъ отъ разлуки; безчестіе, даже смерть сравнительно легче.

— Разлука началась, когда на меня пала первая тѣнь подозрѣнія. Какъ страненъ свѣтъ, м-съ Станлей; какъ часто мы дѣлаемся жертвами случая, обстоятельствъ, судьбы, какъ хотите называйте это! Эти случаи внезапно лишаютъ счастія и благополучія и повергаютъ свою жертву въ бездну нищеты и смерти, заставляютъ чувствовать какъ будто... Но я не хочу жаловаться. Надѣюсь, что у меня достанетъ силы вытерпѣть все до конца.

— Чего мы не знаемъ теперь, мы можемъ узнать впослѣдствіи, сказала я.

— Вы такъ добры, м-съ Станлей. Вы себѣ представить не можете какъ во мнѣ силенъ духъ мятежа и какъ это убиваетъ меня, но я стараюсь совладать со своими чувствами...

— Перестаньте говорить, сказала я, замѣтивъ его блѣдность и утомленіе.—Прощайте; я ѣду кататься по морю. Если бы вы не такъ устали, я взяла бы васъ съ собой.

— Я очень усталъ, сказалъ онъ, опускаясь на кушетку;—но какъ вы добры и заботливы.

Я присоединилась къ мужу, который на противуположной сторонѣ улицы ожидалъ меня.

— Я нанялъ твою любимую лодку, встрѣтилъ меня мужъ этими словами;—Парсети ждетъ насъ. Посмотри, паруса уже подняты и вѣтеръ крѣпчаетъ. Мы быстро помчимся, такъ что даже ты останешься довольна.

— Хорошо, коротко отвѣтила я.—Для Стивы было-бы слишкомъ вѣтрено, даже еслибы онъ въ состояніи былъ ѣхать. Я только что показала ему письмо миссъ Риплей и это дало мнѣ возможность открыть новыя стороны въ его характерѣ.

— Онъ долженъ быть очень разносторонній молодой человѣкъ, замѣтилъ насмѣшливо мужъ,— ты каждый разъ открываешь въ немъ новыя стороны.

— Да, безъ сомнѣнія. Я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязываюсь къ нему.

— Такъ куда же это заведетъ тебя, съ веселымъ смѣхомъ сказалъ мужъ. — Пойдемъ-же, оставь его въ покоѣ и покатаемся въ свое удовольствіе. Я тоже люблю этого молодого человѣка, но излишній пріемъ чего бы то ни было не въ моемъ вкусѣ.

— Ты чудо терпѣнія и снисходительности,— сказала я искренно. Такимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, такъ какъ, надо сознаться, я имѣла много недостатковъ, и однимъ изъ главныхъ былъ тотъ, что все мое вниманіе совершенно поглощалось предметомъ заинтересовавшимъ меня.—А вотъ и Парсети въ лодкѣ устанавливаетъ паруса.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Новыя замѣтки о старыхъ вопросахъ.

La question du divorce par **Al. Dumas fils.** Paris. 1880.

На прилавкахъ французскихъ книжныхъ магазиновъ Петербурга появилась новая книга, которую вы, читатель, если вы не читаете по-французски, не прочтете, быть можетъ, никогда, потому что ее теперь никто не рѣшится цѣликомъ перевести на русскій языкъ, а потомъ она устарѣетъ, какъ старѣетъ все, касающееся вопросовъ дня. Въ ней много есть такого, что покуда у насъ считается возможнымъ допускать для знающихъ иностранные языки и отъ чего мы оберегаемъ незнающихъ иностранныхъ языковъ. Самая сущность книги вполнѣ безобидна, но въ ея подробностяхъ есть много «волтерьянства» и оно-то и помѣшаетъ перевести ее вполнѣ на русскій языкъ. О немъ, объ этомъ «волтерьянствѣ», конечно, не стану бесѣдовать съ вами и я, тѣмъ болѣе, что и безъ этой, можетъ быть, слишкомъ пряной приправы книга остается интересною сама по себѣ, по вопросу, поднимаемому въ ней. Эта книга—новое произведеніе Александра Дюма-сына «О разводѣ».

Дюма-сынъ... Въ Вѣнѣ говорятъ, что Дюма-сынъ это Офенбахъ въ литературѣ, тогда какъ Офенбахъ это Дюма-сынъ въ музыкѣ,—кумиры «кокотокъ», боги «полусвѣта». Вѣнцамъ такъ и подобаетъ говорить, печалуясь о тѣхъ родныхъ составителяхъ «поссъ» и создателяхъ «оперетъ», которые что ни создавали, что ни писали, а все-таки не могли выйдти на свѣтъ Божій изъ-за заслонившихъ ихъ Дюма-сына и Офенбаха. Люди, смотрящіе болѣе безпристрастно на дѣло, очень хорошо понимаютъ, что ни Офенбаха, ни Дюма-сына не вычеркнешь изъ исторіи и что главная ихъ заслуга заключается вовсе не въ томъ, что они умѣли «cascader la vertu». Это люди сдѣлали-бы и безъ нихъ. Дюма-сынъ принадлежитъ къ числу тѣхъ самостоятельныхъ и смѣлыхъ представителей мысли, съ которыми можно не соглашаться, можно спорить, но на которыхъ нельзя смотрѣть свысока,—нельзя уже потому, что они оставляютъ по себѣ на долго неизгладимые слѣды въ умахъ, въ обществѣ, въ литературѣ. «La dame aux camélias»—это былъ первый романъ Дюма-сына, надѣлавшій большого шуму. Въ немъ авторъ возстановляетъ падшую женщину, какъ-бы бросая вызовъ обществу нравственныхъ людей. Мотивъ этого романа въ высшей степени гуманенъ и не новъ. Этотъ-же мотивъ слышится въ словахъ: «пусть броситъ въ нее камень тотъ, кто самъ безъ грѣха»; имъ-же навѣяна пѣсня Некрасова: «Когда изъ мрака заблужденья я душу падшую извлекъ»; онъ-же звучитъ въ одномъ изъ лучшихъ произведеній Дранмора и т. д. Вездѣ и всюду гуманизмъ подсказывалъ прощенье падшей женщины. Но когда Дюма сынъ разработалъ смѣло этотъ мотивъ въ романѣ—строгіе фарисеи закричали, что онъ прославляетъ кокотокъ и проповѣдуетъ развратъ. Многіе критики старались подсмѣяться надъ нимъ; многіе называли его романъ ложнымъ по идеѣ и безнравственнымъ по морали. Но все-таки этотъ романъ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки; онъ въ формѣ драмы обошелъ всѣ сцены стараго и новаго свѣта; онъ въ формѣ оперы сталъ знакомъ всѣмъ и каждому; на предполагаемую могилу его героини долго носили вѣнки. Съ произведеніями эфемерными, съ произведеніями, лишенными оригинальности и силы, этого не бываетъ. Когда потомъ—много лѣтъ спустя—тотъ-же Дюма-сынъ написалъ драму «La femme de Claude», эту исторію жены-обманщицы, жены-развратницы, и высказалъ, что такую женщину во Франціи можно только убить,—въ обществѣ долго не умолкали споры по поводу его категорической, рѣзкой фразы «tue-la!» (убей ее!) Передо мной лежитъ цѣлая груда брошюръ, вызванныхъ этой драмой: Анри д'Идевилль написалъ: «Человѣкъ, который убиваетъ, и человѣкъ, который прощаетъ»; неизвѣстная писательница издала книжку подъ названіемъ «Человѣкъ, который знаетъ»; другая писательница написала брошюру «Женщина-мужчина»; Эмиль Жирарденъ выпустилъ въ свѣтъ двѣ книги «Мужчина и женщина» и «Равная своему сыну» и т. д. И все это по поводу одной драмы! Однѣми банальными фразами, одною бойкостью пера нельзя такъ встревожить общество и возбудить столько споровъ. Дюма-сынъ своею фразою «tue-la» смѣло бросилъ французскому обществу въ лицо перчатку, сказавъ, что во Франціи, гдѣ нѣтъ развода, обманутому мужу нѣтъ другого исхода, какъ убить развратницу-жену. Правда, во Франціи жена, застигнутая на мѣстѣ преступленія, можетъ быть, приговорена къ тюремному заключенію отъ двухъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ, но... есть-же люди, которые совѣстятся публиковать во всеобщее свѣденіе о полученной ими пощечинѣ. Уголовные процесы Франціи ясно свидѣтельствуютъ о существованіи подобныхъ щекотливыхъ людей и когда передъ судомъ является мужъ, убившій свою развратную жену, какъ это сдѣлалъ Деме въ Лиллѣ,—судъ выноситъ оправдательные приговоры, а общество оправдываетъ въ свою очередь судъ за эти приговоры. Дюма-сынъ только смѣло и громко констатировалъ существующій фактъ, заявивъ въ тоже время, что эти убійства должны существовать и будутъ существовать, покуда не будетъ допущенъ разводъ. Это было сдѣлано смѣло и рѣзко, но сдѣлай Дюма-сынъ это иначе,—никто не сталъ-бы и говорить о вопросѣ, который нужно-же было поднять, обсудить и рѣшить.

Таковъ авторъ книги, по поводу которой я пишу эту замѣтку. Понятно, какъ набросилась публика на эту новую книгу Дюма-сына, увидавъ на заглавномъ листѣ этой книги надпись: «Вопросъ о разводѣ», и она, конечно, не разочаровалась въ своихъ ожиданіяхъ, просмотрѣвъ эту книгу.

Намъ давно не приходилось читать ни одного болѣе или менѣе серьезнаго произведенія, написаннаго болѣе блестящимъ языкомъ, съ большею ѣдкостью, съ большимъ остроуміемъ. Что интереснѣе всего, такъ это то, что вся книга Дюма-сына, занимающая болѣе четырехсотъ страницъ, написана въ формѣ письма къ абату Видье, противнику развода, то есть въ самой неудобной формѣ, и тѣмъ не менѣе она не кажется скучной. Остроуміе, пикантныя подробности, смѣлая постановка вопросовъ, умѣнье словить противника на словѣ, все это дѣлаетъ книгу занимательной и легкой, какъ самый интересный романъ. Главной противницей развода во Франціи является католическая церковь, вслѣдствіе этого главные выстрѣлы Дюма-сына направлены именно противъ этой церкви: пусть предаетъ его папа анафемѣ и осуждаетъ его книгу на сожженіе,—alea jacta est, онъ все-таки открываетъ смѣло обществу глаза, указывая, какую роль играла эта католическая церковь и что дѣлали эти папы, когда нужно было разводить королей и королевъ, удерживая въ тоже время нерасторжимость брака для простыхъ смертныхъ. Для насъ, русскихъ, можетъ показаться излишней та масса сарказмовъ, та масса обличительныхъ фактовъ, которыми Дюма-сынъ осыпаетъ католическое духовенство и за его пресмыканье передъ сильными міра сего, и за его стремленье быть третьимъ свидѣтелемъ у супружескаго ложа, и за его вѣчное стремленіе управлять не одною душою, но и тѣломъ человѣчества. Но чтобы понять отчасти необходимость этихъ нападеній, нужно вспомнить, что эта книга написана католикомъ и для католиковъ. Непогрѣшимость католической церкви и непогрѣшимость папы для нихъ имѣютъ такое значеніе, о которомъ мы не имѣемъ и понятія. Это значеніе проявляется въ тысячѣ мелочей. Когда ожидали въ нынѣшнемъ году рожденія ребенка у испанской королевы, изъ Рима послали за водой изъ Іордана для крестинъ; папа долженъ былъ благословить пеленки и свивальники, приготовленные для ребенка; когда папа заказалъ для малютки дѣтскую одежду у модистки итальянской королевы и при свиданіи благословилъ эту модистку, клерикалы пришли въ ужасъ, такъ какъ они считаютъ даже модистку итальянской королевы отлученною отъ церкви личностью. Все это для насъ странная, чтобы не сказать больше, комедія; для нихъ это серьезные вопросы, какъ для магометанина очень серьезный вопросъ: въ туфляхъ или безъ туфлей войдти въ мечеть. Гдѣ такъ смотрятъ на церковь, тамъ не легко убѣдить общество въ томъ, что, напримѣръ, догматъ католичества о нерасторжимости брака далеко не такъ святъ, не такъ безусловенъ, даже для самой католической церкви, какъ это желаютъ представить абаты. Доказывая это, Дюма-сынъ приводитъ цѣлую массу цитатъ изъ Библіи и показываетъ, каковы были отношенія патріарховъ къ ихъ женамъ; онъ приводитъ цѣлый рядъ дѣяній папъ, допускавшихъ разводы; онъ въ концѣ-концовъ откровенно высказываетъ, что католическая церковь вообще слишкомъ далеко зашла въ своихъ заботахъ о присвоеніи себѣ власти въ дѣлахъ сего міра. «Если я привожу факты противорѣчій церкви съ самой собою, говоритъ онъ, то, не думаете-ли вы, господинъ абатъ, что это дѣлается ради удовольствія и легкаго торжества подмѣтить погрѣшности церкви? Вовсе нѣтъ. Церковь, какъ всѣ человѣческія учрежденія, часто, очень часто становилась, какъ между двухъ огней, между своими абсолютными принципами и временными условіями жизни и она выходила изъ затруднительнаго положенія, какъ могла, при помощи человѣческихъ средствъ, то есть стараясь насколько возможно примирить свои двойственныя обязанности, что не мѣшаетъ, впрочемъ, вамъ называть ее стойкою, неизмѣнною, непреклонною и вѣчною. Быть можетъ, если-бы наша церковь занималась только небомъ, какъ ея божественный учитель Іисусъ, если-бы она, подобно Ему, заявила, что ея царство не отъ міра сего, если-бы она ограничивалась однимъ дѣломъ поучать и пропагандировать наилучшую мораль, какую только можно предложить человѣку, вязать и разрѣшать только въ области духовной;—тогда, быть можетъ, у нея было-бы менѣе затрудненій и болѣе шансовъ на прочность, даже на вѣчность. Но ради тѣхъ или другихъ причинъ она недовольствовалась небомъ и захотѣла прибавить къ владычеству надъ душами владычество надъ тѣломъ. Тутъ она должна была ожидать препятствій». Вслѣдствіе этой двойственности, проистекающей изъ жажды власти, католическая церковь не только дѣлала уступки, она просто торговала отпущеніями грѣховъ, индульгенціями, совѣстью. Дюма-сынъ приводитъ цѣлый списокъ самыхъ гнусныхъ поступковъ разнузданности и разврата, которые католическая церковь прощала за опредѣленную плату. Гдѣ-же такой церкви проповѣдовать святость и нерасторжимость брака. Онъ нерасторжимъ для нея, покуда за расторжимость его человѣкъ не заплатитъ хорошей суммы денегъ,—вотъ и все. А между тѣмъ къ чему ведетъ нерасторжимость брака во Франціи? Дюма-сынъ даетъ илюстраціи къ этому вопросу.

«Вы говорите, что я произнесъ «мрачное слово», сказавъ: «убей ее!» говоритъ онъ.—Вы говорите, что я позабылъ слова великаго учителя: «пусть броситъ въ нее камень тотъ, кто самъ безъ грѣха». Посмотримъ-же, что можетъ сдѣлать у насъ обманутый мужъ». Мужъ можетъ вызвать любовника жены на дуэль, драться съ нимъ за даму его сердца. Это божій судъ! Что глупѣе всего здѣсь, такъ это то, что, будучи обманутъ, мужъ еще рискуетъ быть убитымъ и освободить такимъ образомъ вполнѣ виновную жену, или, если онъ убьетъ, остаться все-таки навѣки привязаннымъ къ этой-же женѣ и, вслѣдствіе этого, ничего не выиграть убійствомъ противника, кромѣ развѣ очень кратковременнаго удовольствія, вызваннаго такимъ ничтожнымъ результатомъ. Кромѣ того дуэли возможны только между свѣтскими людьми, такъ какъ этотъ способъ рѣшенія споровъ и ссоръ практикуется не всѣми класами общества и не всѣми темпераментами. Да онъ и исчезаетъ мало по малу изъ употребленія. Мы имъ пользуемся еще на сценѣ и то рѣдко: это ужь не производитъ большого эфекта. Правда, Августинъ совѣтуетъ примиряться съ развратными женами, если онѣ раскаялись въ своемъ грѣхѣ. Но это дѣйствительно простой и удобный способъ, если только не брать въ разсчетъ природы и страстей человѣка. Природа, страсти, все это надо подавлять? Но къ несчастію, это легко только на словахъ. Правда, существуетъ еще выходъ: судебный процесъ съ рѣчами адвокатовъ тяжущихся сторонъ, съ грязью, которою одинаково запачкаютъ и мужа, и жену, запачкаютъ до того, что дѣтямъ придется стыдиться и отца, и мать, процесъ, не приводящій, въ сущности, ни къ чему, такъ какъ полнаго развода нѣтъ. Вслѣдствіе этого остается одинъ выходъ—убійство. И убійства совершаются. Въ «древнихъ обычаяхъ Бѣрри» говорится: «Если женатый человѣкъ найдетъ съ женою другого, то сказанный мужъ можетъ убить ихъ обоихъ, то есть жену и мужчину, не отвѣчая передъ закономъ и не платя пени, и если сказанный мужъ недостаточно силенъ и сомнѣвается въ возможности побѣдить противника, то онъ можетъ привести съ собой своего сына для помощи и сынъ не заплатитъ пени, какъ и отецъ, но сказанный сынъ не долженъ поднимать руки на мать, а только помочь отцу побѣдить врага. Въ этомъ случаѣ нельзя преслѣдовать и присуждать къ пени сказаннаго сына». Это было очень давно. А теперь? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сентъ-А. одинъ господинъ былъ втеченіи долгихъ лѣтъ предметомъ надувательствъ со стороны жены, которую онъ, по совѣту Августина, постоянно прощалъ. Наконецъ, его терпѣніе лопнуло; онъ призвалъ своего семнадцатилѣтняго сына, велѣлъ ему сторожить съ ружьемъ человѣка, который долженъ былъ выпрыгнуть изъ окна, а самъ пошелъ стучаться къ женѣ: онъ рѣшился убить ее; сынъ долженъ былъ застрѣлить любовника. Сынъ далъ два промаха; отецъ нанесъ два смертельные удара. Ихъ судили и оправдали при громкихъ одобреніяхъ публики. Правда, не всѣ такъ поступаютъ, говоритъ Дюма-сынъ. Вотъ недавно одинъ молодой человѣкъ женился, какъ слѣдуетъ, по всѣмъ обрядамъ церкви, на молоденькой католичкѣ, которая, должно быть, изъ убѣжденія, что всѣ люди равны и братья передъ Богомъ, раздѣлила свое ложе между мужемъ и его лакеемъ—мужа такъ изумила эта христіанская снисходительность жены, что онъ застрѣлился. А вотъ одинъ женатый человѣкъ, довольно смышленный мужикъ, совершилъ насиліе надъ своей дочерью, дѣвушкой восемнадцати лѣтъ. Она сдѣлалась матерью. Тайно рожденное ею дитя было убито отцемъ; сперва трупъ былъ брошенъ въ яму, потомъ сваренъ въ котлѣ и зарытъ, чтобы не было слѣдовъ. Дочь, испытавшая насиліе, видѣвшая эти ужасы убійства, не смѣла донести на отца и ея мать, зная тоже все, также не смѣла донести на мужа, будучи съ нимъ связана на вѣки. И точно, его послали-бы на каторгу, но вѣдь это не ведетъ за собой развода. Его могли-бы съ теченіемъ времени простить «за хорошее поведеніе» и онъ вернулся-бы отомстить дочери и женѣ за доносъ. А между тѣмъ, оставшись на свободѣ, онъ попробовалъ сдѣлать тоже со своею младшею дочерью. Въ другомъ процесѣ у любящей матери ея мужъ—дикій и грубый звѣрь—убиваетъ единственную дочь трехъ-четырехъ лѣтъ. Его обвиняютъ, ссылаютъ и что-же: у женщины, кроткой и нѣжной, нѣтъ дорогого ребенка и она прикована брачными узами къ убійцѣ этого дитяти. Она не можетъ выйдти замужъ, чтобы имѣть другихъ дѣтей; она обязана принять убійцу своей дочери, какъ мужа, если онъ когда нибудь вернется съ каторги. За что католическая церковь осуждаетъ на пытки этихъ людей? Отсутствіе развода заставляетъ частныхъ людей прибѣгать ко всякимъ крайностямъ. Съ другой стороны вслѣдствіе той же причины сама непогрѣшимая церковь, дорожа своими связями съ сильными міра сего, должна прибѣгать къ недостойнымъ уловкамъ, къ явной лжи, чтобы «гусей не раздразнить». Въ 1871 или 1872 году одна знаменитая куртизанка послѣ многихъ космополитическихъ похожденій скабрезнаго свойства вышла замужъ за католика въ странѣ, гдѣ бракъ считается нерасторжимымъ. Въ скоромъ времени ей вздумалось выйдти за одного миліонера, который тоже желалъ непремѣнно дать ей свое имя. Католическая церковь уничтожила первый бракъ, признавъ qu'il n'avait jamais été consommé, т. е. брачнаго сожитія вовсе не было. Это дало возможность не разводу, но признанію несуществованія—nulité—брака. Но интересно бы было узнать, говоритъ Дюма-сынъ, какими остроумными способами могла убѣдиться церковь въ несуществованіи брачнаго сожитія этой женщины, прошедшей огонь и воду любовныхъ скандаловъ уже до перваго брака? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ герцогиня X., вышедшая замужъ за князя Z, вздумала порвать брачныя узы. Тутъ былъ ребенокъ и значитъ нельзя было отрицать брачное сожитіе, если не считать, что рожденіе ребенка было въ данномъ случаѣ чудомъ. Но и мужъ, и жена принадлежали къ знати и значитъ средство надо было найдти,—его и нашли: мать герцогини заявила, что она выдала дочь насильно замужъ; дочь сказала, что ее заставили произнесть при вѣнчаніи «да», когда она мысленно произнесла «нѣтъ». На этомъ основаніи бракъ былъ признанъ незаконно совершеннымъ, а значитъ признагось и его несуществованіе. При этомъ никто не спросилъ: а какъ-же ребенокъ-то явился? Или тоже тутъ говорилось «да», а думалось «нѣтъ»? Впрочемъ, случаи есть и болѣе комичные: бракъ одного кирасира—настоящаго храбраго кирасира, а не переодѣтой кирасиромъ опереточной хористки—признали недѣйствительнымъ потому, что этого храбраго воина женила насильно его тетка, старая дѣва. Какъ насильно? спросите вы. Она, видите-ли, грозила лишить его наслѣдства! «Чудесные доводы для Бога!» восклицаетъ Дюма-сынъ. При такомъ положеніи дѣлъ католическая церковь снисходитъ значитъ только къ нуждамъ куртизанокъ, князей, королей и миліонеровъ и, чтобы избавить себя отъ всякихъ нареканій, постановляетъ просто и коротко: «Если кто нибудь скажетъ, что дѣла, относящіяся до брака, не касаются духовныхъ судей,—да будетъ анафема!»

Издавая свою книгу, Дюма-сынъ подвергъ себя анафемѣ. Но гдѣ родители очень часто посылаютъ своихъ дѣтей къ чорту, тамъ дѣти перестаютъ боятся этого чорта.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Внутреннее обозрѣніе.

Надняхъ въ техническомъ обществѣ происходила бесѣда, обѣщавшая большой интересъ. Г. Филипенко, посѣтившій лѣтомъ саратовскую губернію, сообщилъ весьма любопытныя данныя о земледѣльческихъ условіяхъ губерніи. Если для каждаго вопроса имѣется своя очередь, то несомнѣнно, что для нашего земледѣльческаго вопроса, ставшаго злобой дня, наступила уже очередь.

Губернія саратовская, сѣверная часть астраханской, губернія самарская, южная часть казанской, наконецъ, губерніи оренбургская и уфимская образуютъ громадную степную полосу въ нѣсколько миліоновъ десятинъ, отличающуюся совершенно особыми климатическими и почвенными условіями. Отъ этихъ степей вѣетъ просторомъ, чѣмъ-то некультурнымъ, азіятскимъ и какою-то первобытностью. Даже флора края имѣетъ азіятскій характеръ и рѣзко отдѣляется отъ флоры губерній, лежащихъ по эту сторону Волги.

Заволжскій край отличался нѣкогда баснословнымъ плодородіемъ и баснословной дешевизной. Еще недавно самарскую губернію населяли кочевники, удаленные по повелѣнію императора Николая въ киргизскія степи, потому что потребовалось мѣсто для русскихъ поселенцевъ. Во времена калмыковъ жилось очень просто и о баснословномъ плодородіи самарскихъ и саратовскихъ степей европейская Россія знала только по смутнымъ толкамъ отъ первыхъ русскихъ піонеровъ, поселившихся въ этомъ степномъ краѣ. Цѣны на земли стояли тогда, конечно, ничтожныя, а арендная плата показалась бы нынче невѣроятною. Калмыки заключали контракты съ русскими піонерами обыкновенно на продолжительные сроки и водка при договорахъ играла очень важную роль. Когда въ 1851 году было учреждено для управленія калмыцкими землями самарской губерніи казенное управленіе, ему пришлось принять массу контрактовъ, заключенныхъ съ калмыками на 24-лѣтній срокъ по 10 копѣекъ въ годъ за десятину. Когда же сроки калмыцкихъ контрактовъ кончились и были объявлены казенные торги, то арендная плата за десятину поднялась сразу съ 10 копѣекъ до 7 рублей. При обязательной трехпольной системѣ, дѣйствительно обработываемая десятина давала казнѣ доходу не 7 рублей, а 10 рублей 50 коп.

Въ тѣ благословенныя и баснословныя времена залежи въ самарскихъ и саратовскихъ степяхъ составляли очень обыкновенное явленіе. Залежами назывались и называются пространства, оставленныя на отдыхъ. Признакомъ, что земля отдохнула и пріобрѣла свою первобытную силу, служилъ ковыль; ковыль-же появлялся только на двѣнадцатый годъ отдыха.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали заселяться степи и вмѣсто калмыцкаго явилось русское хозяйство, ковыль сталъ преданіемъ и земледѣльцы новаго поколѣнія едва ли объ немъ имѣютъ и понятіе. Теперь уже не встрѣтишь чумаковъ, на возахъ которыхъ красуются пучки бѣлаго, пушистаго ковыля, а въ тѣ времена ни одна телѣга не могла обойдтись безъ пучка ковыля, привязаннаго къ передней грядкѣ. Все это было еще такъ недавно, какія-нибудь лѣтъ 30 назадъ, и все это кажется нынче невѣроятнымъ и чѣмъ-то настолько отдаленнымъ, точно припоминаешь прошлое столѣтіе или говоришь о первобытной странѣ.

И край этотъ былъ дѣйствительно первобытный. Въ немъ не было никакой культуры, или, точнѣе, царила культура дикая, степная,—культура безграничнаго простора, неистощимыхъ богатствъ природы, манившихъ воображеніе и сулившихъ баснословное, матеріальное счастіе. Теперь на смѣну этой дикой культуры явилась культура русская, которая не манитъ ни мечтами о счастіи и безграничномъ обогащеніи, не тянетъ къ себѣ ни просторомъ, ни изобиліемъ, ни свободной, нестѣсненной ничѣмъ жизнію; напротивъ культура, убивающая надежду, культура истощенія, культура, возбуждающая даже боязнь нужды, лишеній и бѣдности. Природа осталась тою же, но лучшія ея силы культурный русскій человѣкъ съэксплуатировалъ. Остались только силы враждебныя, съ которыми бороться ему уже не подъ силу и суровое вліяніе которыхъ не уравновѣшиваютъ благодѣтельныя силы природы. Культурный русскій человѣкъ слишкомъ вѣрилъ въ ихъ неистощимость и не задумывался надъ тѣмъ, что для нихъ можетъ наступить конецъ.

Степной заволжскій край даетъ и теперь мѣстами урожаи, какіе можно встрѣтить только въ преріяхъ Америки. Но эти оазисы составляютъ очень рѣдкое исключеніе и уже не ими обрисовывается общій характеръ мѣстности. Теперь вопросъ края заключается не въ томъ, чтобы собирать жатву, не думая о завтрашнемъ днѣ, а вопросъ въ томъ, чтобы устранить вредно дѣйствующія вліянія рѣзко обнаруживающагося континентальнаго климата. Вопросъ о засухѣ и вопросъ о водѣ, вотъ главный вопросъ заволжскаго степного земледѣлія. Но гдѣ взять эту воду? рѣкъ въ краѣ мало, хотя онъ и изборожденъ ериками, въ которыхъ можно удерживать снѣговую воду. Но какъ ее удержать? какъ сообщить этому накопленію воды въ ерикахъ значеніе общей системы и сдѣлать ее, такъ сказать, повсемѣстною? Можно ли разсчитывать на мѣстное населеніе, достанетъ ли у него для этого сознанія и средствъ, наконецъ, дѣйствительно ли только обводненіе возвратитъ краю его плодородіе? Извѣстно, и это вполнѣ оправдалось опытами лѣсоразведенія въ новороссійскихъ степяхъ, что лучшее средство противъ засухи есть глубокая вспашка. Но по силамъ ли это средство крестьянамъ, да и есть ли въ нихъ убѣжденіе въ дѣйствительной его полезности? Чтобы поднять плугомъ землю на 12 вершковъ, какъ это дѣлывалъ извѣстный колонистъ Корнисъ и практиковалось въ Велико-Анадольской плантаціи въ екатеринославской губерніи, нуженъ плугъ необыкновенно крѣпкой конструкціи и 8 паръ воловъ. Откуда крестьянину взять этотъ плугъ, откуда ему взять 8 паръ воловъ, а, главное, чѣмъ ихъ прокормить. Слѣдовательно, вопросъ о глубокой вспашкѣ ведетъ уже къ новому вопросу, частію къ вопросу о средствахъ, а еще больше къ вопросу о лугахъ и сѣнѣ. Поэтому мнѣніе о цѣляхъ и задачахъ обводненія сводится уже не къ урожаямъ хлѣбовъ, а къ урожаямъ травъ, отъ которыхъ будутъ зависѣть хлѣбные урожаи.

Г. Филипенко между прочими примѣрами вліянія орошенія на урожаи указывалъ на плотину, устроенную помѣщикомъ княземъ Чингисханомъ. Князь Чингисханъ устроилъ у себя плотину, которая обошлась ему въ 25 тысячъ рублей, и втеченіи 15 лѣтъ получалъ ежегодно отъ образовавшихся заливныхъ луговъ по 15 тысячъ рублей. Не думаемъ, чтобы центръ вопроса, подлежавшаго обсужденію, заключался въ этомъ фактѣ. Вопросъ не въ томъ, чтобы доказывать полезность обводненій, и даже странно встрѣчать людей, усиливающихся доказывать его пользу. Въ западной Европѣ ирригація и дренажъ два такіе краеугольные камня сельскаго хозяйства, что, напримѣръ, въ Германіи и въ Саксоніи безъ дренажа не производятся даже лѣсныя культуры. У насъ же въ Россіи, несмотря на то, что ужь министерство государственныхъ имуществъ начало въ нынѣшнемъ году предварительныя работы по изученію климатическихъ, почвенныхъ и гидрофизическихъ условій мѣстностей, нуждающихся въ орошеніи, а съ будущаго года начнетъ общее нивелированіе въ басейнахъ рѣкъ и рѣчекъ въ екатеринославской, херсонской, таврической и воронежской губерніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ шурфовку и буреніе,—несмотря на это, намъ, людямъ образованнымъ, обществу, нужно доказывать пользу орошенія и открывать Америку въ такомъ вопросѣ, который извѣстенъ каждому азіяту. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что бесѣда г. Филипенко имѣла нѣсколько странный характеръ. Весь вечеръ рѣчь шла о пользѣ ирригацій, въ полезности которыхъ едва ли кто нибудь когда-нибудь и сомнѣвался. Если обществу пришлось доказывать пользу ирригацій, то очевидно, что сельскохозяйственное значеніе обводненія техническому обществу было неизвѣстно. Иначе зачѣмъ бы г. Филипенко доказывать выгоды обводненія и въ примѣръ этого указывать на доходы г. Чингисхана. Итакъ, очевидно, что техническому обществу идея орошенія, какъ понятіе теоретическое, была чужда. Можно возразить, что техническому обществу дозволительно не вѣдать лежащую внѣ его компетентности область сельскаго хозяйства; если это вѣрно, если «общество» слѣдуетъ судить въ предѣлахъ его компетентности, посмотримъ, что же оно дѣлаетъ или можетъ дѣлать въ этихъ предѣлахъ. Какъ техническое, оно желаетъ вѣдать сооруженія. Г. Филипенко и говорилъ о сооруженіяхъ, но вся его рѣчь объ нихъ свелась къ тремъ плотинамъ на арендуемыхъ крестьянами казенныхъ земляхъ, къ плотинамъ очень микроскопическимъ, длиною каждая около 200 саженъ. Насколько вопросъ о нихъ можетъ быть вопросомъ техническаго обсужденія техническаго общества, засѣдающаго въ главной столицѣ Россіи? Эти будущія плотины, которыя, можетъ быть, никогда и не явятся, могутъ ли служить предметомъ обсужденія для почтенныхъ членовъ общества, имѣющаго, конечно, не частный, а такъ сказать, всероссійскій характеръ? Князь Чингисханъ при постройкѣ своей громадной плотины обошелся безъ всякаго петербургскаго техническаго общества. Крестьяне, дѣлающіе свои маленькія плотины, ужь конечно и не подозрѣваютъ, что въ Петербургѣ есть техническое общество. Устройствомъ плотинъ, сооруженій, какъ извѣстно, очень нехитрыхъ, занимаются у насъ вездѣ и повсюду сами крестьяне и сколько извѣстно безъ содѣйствія и указаній техническаго общества. Очень можетъ быть, что и эти и всякія другія плотины, не исключая мельничныхъ, въ Россіи строятся очень дурно и члены петербургскаго техническаго общества съумѣли-бы соорудить ихъ гораздо раціональнѣе, лучше, дешевле, прочнѣе и т. д., а если все это такъ, то почему-же русскія плотины строятся повсюду и нынче по той-же допотопной системѣ, по которой онѣ строились до учрежденія техническаго общества. Существуя какъ общее, всероссійское учрежденіе, какія услуги оказало Россіи техническое общество, да и могло ли оно ихъ оказывать. Напримѣръ, въ вопросѣ объ ирригаціи, состоящемъ въ вѣденіи министерства государственныхъ имуществъ, всѣ частности, подробности, планы составляются и разрушаются собственными техниками и инженерами министерства. Экспедиція по осушкѣ болотъ въ Полѣсьи и въ новгородской губерніи дѣйствовала и дѣйствуетъ безъ всякихъ соотношеній къ техническому обществу и, конечно, не это общество, а инженеры министерства государственныхъ имуществъ будутъ производить изслѣдованія, турфованіе и буреніе въ степяхъ новороссійскаго края. Какая-же компетенція и какія задачи могутъ быть причиною существованія техническаго общества и чѣмъ объяснить его существованіе, если для его дѣятельности не остается никакой пищи. А между тѣмъ общество существуетъ, члены его собираются въ засѣданія и собираются не для видимости, а въ дѣйствительности обсуждаютъ вопросы, но только у этихъ обсужденій не имѣется никогда и никакого реальнаго конца.

Само по себѣ техническое общество не хуже и не лучше другихъ обществъ и оно только раздѣляетъ ихъ общую судьбу. У насъ есть общества экономическія, сельскохозяйственныя, учредились даже сельскохозяйственные съѣзды, число которыхъ дошло чуть-ли не до 80, и повсюду и вездѣ они являются только мѣстомъ для бесѣдъ, не имѣющихъ никогда никакого практическаго значенія. Въ сущности, эти общества не больше, какъ клубы съ интелектуальными цѣлями, въ которые собираются люди для разговорнаго времяпровожденія, потому что имъ иначе некуда пристроить своихъ силъ. Знаменитое вольно-экономическое общество, лѣтъ 8 тому назадъ праздновавшее свой столѣтній юбилей, не обнаружило въ свое вѣковое существованіе ни малѣйшаго вліянія на ходъ русскаго сельскаго хозяйства и живетъ какимъ-то отрѣзаннымъ ломтемъ отъ живой жизни, которой хотѣло-бы служить. Развѣ всѣ его разсужденія о компостахъ и зеленыхъ удобреніяхъ удобрили хоть одну десятину крестьянской земли; его толки о скотоводствѣ и лучшихъ породахъ рогатаго скота и лошадей создали хоть одного порядочнаго теленка у крестьянина земледѣльца. Въ то время, какъ вольно-экономическое общество болѣе ста лѣтъ разсуждаетъ о лучшихъ системахъ земледѣлія, наши южныя и юговосточныя степи до того испахались, что ковыль сталъ баснословнымъ преданіемъ, неурожаи стали хроническими, на истощенный безсильный хлѣбъ напалъ кузька и земледѣлію сталъ грозить кризисъ, самое названіе котораго не было извѣстно не только нашимъ дѣдамъ, но и отцамъ. Зачѣмъ-же мы, общество образованныхъ людей, думали такъ упорно цѣлыя сто лѣтъ о сельскомъ хозяйствѣ и для чего мы такъ много думали и говорили? А ужь сколько мы думали и говорили! Пропали наши думы, пропали наши мысли, пропали наши слова, точно ихъ никогда и не бывало. Если-бы они могли принести какую-нибудь пользу русскимъ полямъ, развѣ неурожаи могли-бы сдѣлаться хроническими и Россія изъ страны земледѣльческой, изъ житницы Европы, могла-бы превратиться въ земледѣльческую пустыню? Въ томъ-ли причина безполезнаго существованія нашихъ сельскохозяйственныхъ обществъ, что они слишкомъ много говорятъ, или въ томъ, что они слишкомъ много молчатъ. Они молчатъ о томъ, о чемъ слѣдуетъ говорить, и говорятъ о томъ, о чемъ говорить безполезно. Развѣ кто-нибудь и когда-нибудь доказывалъ, что нашъ мужикъ пашетъ хорошо и что ему не слѣдуетъ пахать лучше? Развѣ кто нибудь и когда-нибудь доказывалъ, что крестьянскій скотъ, болѣе похожій на телятъ,—скотъ хорошій, что крестьянамъ не нужны лучшія лошади, лучшія орудія для обработки земли. Развѣ объ этомъ слѣдовало вести рѣчь? Ее слѣдовало вести о томъ, почему крестьянинъ пашетъ дурно, почему его скотъ голоденъ и слабосиленъ, совокупностью какихъ условій создались такія невѣроятныя возможности, что громадный заволжскій край и не менѣе громадный край новороссійскій стали страдать отъ голодовокъ и нуждаются въ помощи.

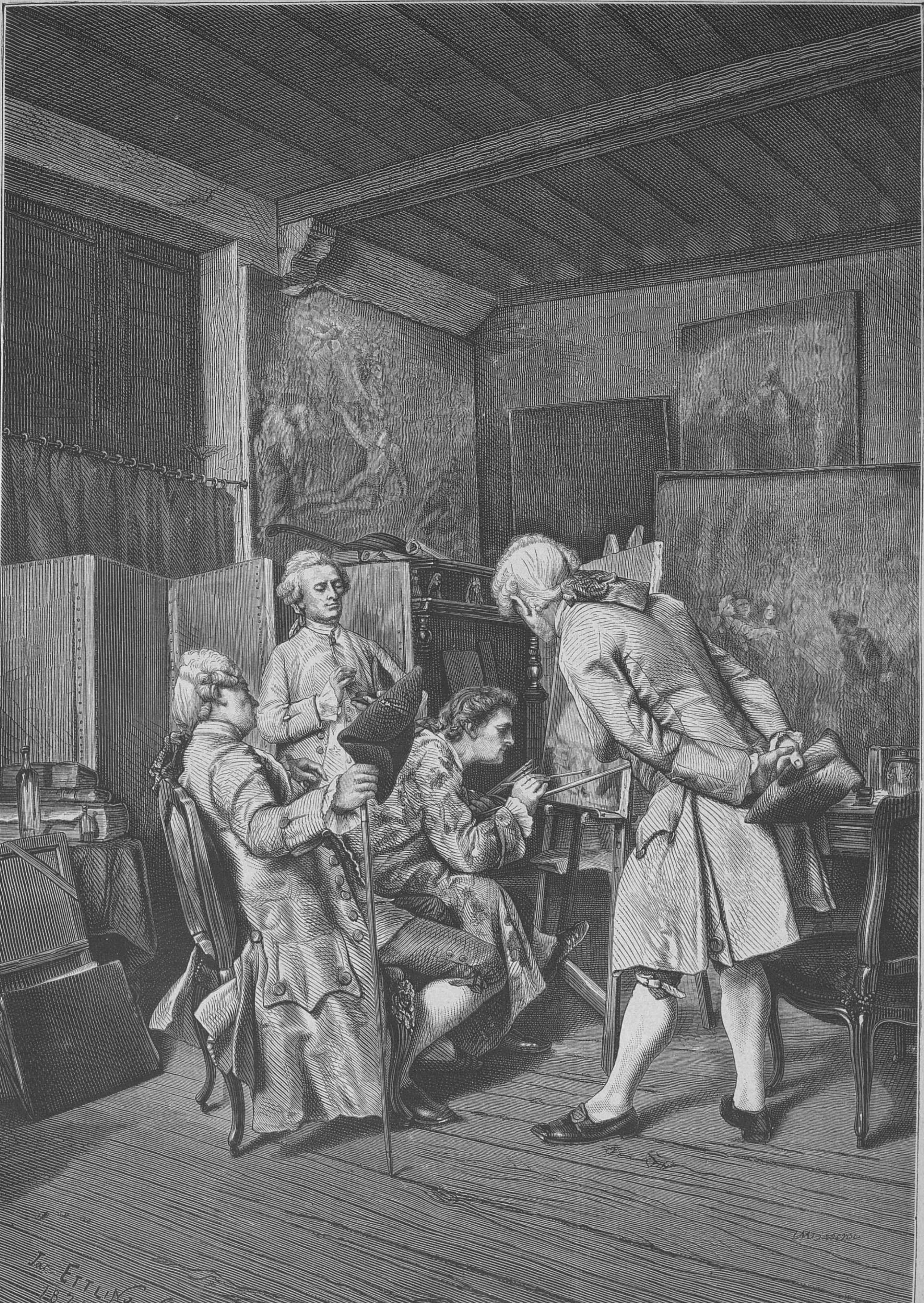
Но какъ ко всѣмъ подобнымъ вопросамъ относились всѣ наши общества и тѣ-ли стороны онѣ въ нихъ видѣли и на тѣ-ли стороны было обращено ихъ вниманіе, которыя одни и слѣдуетъ видѣть? Изображая изъ себя научное представительство, наши общества вѣдали только чистое знаніе, точно оно можетъ существовать внѣ почвы, внѣ реальныхъ отношеній къ явленіямъ жизни и къ той крестьянской избѣ, заботамъ о которой посвящаетъ себя наука. И вотъ наука осталась наукой, а крестьянскіе закромы оказались безъ хлѣба. Однимъ изъ публицистовъ шестидесятыхъ годовъ былъ высказанъ слѣдующій афоризмъ, съ тѣхъ поръ еще не разрѣшенный ни однимъ изъ нашихъ ученыхъ обществъ: «оттого ли мы глупы, что бѣдны, или оттого бѣдны, что глупы?» Не одни наши ученыя общества, какъ сельскохозяйственныя и техническія, но даже и земства думали спасать крестьянина просвѣщеніемъ и наукою. Для его сельскохозяйственнаго просвѣщенія учреждались образцовыя фермы, образцовыя школы, сельскохозяйственныя выставки, для обезпеченія его продовольствія сооружались магазины, собирались капиталы, а мужицкое земледѣліе все падало, да падало и когда наконецъ наступили хроническіе неурожаи и хлѣба не оказалось ни на поляхъ, ни въ магазинахъ, наши ученые представители интересовъ сельскаго хозяйства порѣшили, что это земледѣльческій кризисъ и что нужно запретить вывозъ хлѣба за-границу. Для чего-же вы, господа, такъ много учились своей наукѣ, такъ много думали о лучшихъ системахъ науки? И не правъ-ли деревенскій землепашецъ, если онъ не вѣритъ вашей наукѣ и думаетъ, что секретъ плодородія заключается не въ ней и не въ томъ, чему вы хотите учить.

Новое доказательство безплодности и безполезности нашего образованнаго вмѣшательства въ экономическую судьбу народа представляютъ еще разъ только что организованные сельскохозяйственные съѣзды. Прежніе сельскохозяйственныя общества, какъ извѣстно, оказались настолько-же полезными для русскаго земледѣлія, насколько юридическія общества для русской юриспруденціи, а техническія общества для развитія техническихъ производствъ. И вотъ, чтобы придать собраніямъ сельскихъ хозяевъ болѣе реальный и полезный характеръ, проектированы и утверждены сельскохозяйственные съѣзды. Мѣстами это вновь организованное представительство сельскохозяйственныхъ интересовъ уже воплотилось въ кровь и въ плоть и изъ газетныхъ извѣстій есть уже возможность судить о характерѣ, который будутъ имѣть съѣзды.

Въ «Харьковскихъ вѣдомостяхъ» былъ напеча-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА МЕЙСОНЬЕ.


Jac. ETTLING Sc.
1873
EMeissonier

Цѣнители искуства.

Рѣзалъ на деревѣ Жакъ Еттлино.

танъ отчетъ о занятіяхъ сельскохозяйственнаго съѣзда, собравшагося нынче въ Харьковѣ, и, какъ можно заключить изъ напечатанныхъ о немъ свѣденій, земледѣліе харьковской губерніи едва-ли направится по истинному своему пути. На первыхъ засѣданіяхъ разсуждалось о сельскохозяйственныхъ орудіяхъ и машинахъ и одинъ изъ ораторовъ развивалъ мысль, что отсутствіе техническаго образованія у народа служитъ главною причиною малаго распространенія земледѣльческихъ машинъ и орудій. Поэтому ораторъ думалъ, что прежде всего нужно озаботиться устройствомъ ремесленныхъ школъ. Другой ораторъ доказывалъ, что главный тормазъ для развитія машиностроенія и примѣненія машинъ къ земледѣлію есть пьянство рабочихъ и обиліе праздниковъ. Затѣмъ указывалось на безурядицу нашихъ желѣзныхъ дорогъ, на небрежное обращеніе на дорогахъ съ земледѣльческими орудіями и т. д. все въ этомъ-же родѣ. Однимъ словомъ, вмѣсто земледѣлія явился вопросъ о производствѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и невыгодности его для заводчиковъ. Рядомъ съ вопросомъ о машинахъ харьковскій съѣздъ предполагаетъ обсудить еще мѣры къ исполненію обоюдныхъ условій, какъ со стороны рабочихъ, нанимающихся для сельскихъ работъ, такъ и со стороны нанимателей. Замѣтимъ кстати, что въ Кіевѣ, гдѣ окружный сельскохозяйственный съѣздъ назначенъ на 1-е декабря, будетъ возбужденъ этотъ-же вопросъ, и затѣмъ предполагается разсуждать объ улучшеніи грунтовыхъ дорогъ и объ устройствѣ шосейныхъ подъѣздныхъ путей къ желѣзнымъ дорогамъ.

Конечно, дѣлать изъ этихъ очень обрывочныхъ и недостаточныхъ свѣденій обобщенія было-бы, можетъ быть, слишкомъ скоро; но, съ другой стороны, даже и по этимъ свѣденіямъ можно уже судить съ нѣкоторой вѣроятностью на защиту какихъ интересовъ будутъ дѣйствовать съѣзды. Развѣ не чувствуется въ разсужденіяхъ машиностроителей таже умственная струйка, которая характеризовала всегда бесѣды вольно-экономическаго общества. Опять тѣже заботы объ образованіи и школахъ, опять разговоры о несущественномъ, опять путаница въ очереди вопросовъ. Развѣ русское земледѣліе создаетъ неурожаи, только оттого, что ему неизвѣстны машины? Нужно чтобы прежде машинъ явились желаніе и возможность ихъ пріобрѣтать. Но создастся-ли эта возможность, если рабочіе на фабрикахъ сельскохозяйственныхъ машинъ откажутся не только отъ праздниковъ и отъ водки, но даже будутъ работать днемъ и ночью, а на желѣзныхъ дорогахъ не только не будетъ никакихъ безпорядковъ, но машины будутъ перевозиться даромъ? Предположите, что все такъ и случится по щучьему велѣнію харьковскихъ машиностроителей и что они даже предложатъ свои машины въ подарокъ крестьянамъ. Возьметъ-ли ихъ русская деревня и станетъ-ли она ими пользоваться? Ужь, конечно, нѣтъ, и это нѣтъ явится не потому, чтобы мужикъ не понималъ, что хорошая машина будетъ ему полезна, а потому, что существуетъ еще масса другихъ условій, которыя не позволятъ крестьянину сдѣлать полезное употребленіе изъ приподнесеннаго ему подарка. Какъ послушаешь харьковскихъ машиностроителей, такъ подумаешь, что на свѣтѣ нѣтъ другихъ людей, кромѣ машинныхъ фабрикантовъ и нѣтъ другого дѣла, кромѣ постройки машинъ. И почему съѣздъ началъ свои разговоры съ машинъ; почему онъ считаетъ машины самымъ первымъ дѣломъ въ сельскомъ хозяйствѣ, а вторымъ вопросомъ—исполненіе обоюдныхъ условій между работниками и хозяевами? И причемъ тутъ крестьянское земледѣліе и кто изображалъ на съѣздѣ его представительство? Тенденція харьковскаго съѣзда совершенно ясна и если на всѣхъ остальныхъ съѣздахъ обнаружатся подобныя же тенденціи, то можно впередъ предсказать, что разсужденія съѣздовъ принесутъ русскому земледѣлію такую же пользу, какую оказали ему сельскохозяйственныя общества, вольно-экономическое общество и проч. Можно уже предвидѣть, что новое направленіе сельскохозяйственной мысли, если оно получитъ достаточное обобщеніе и возможность для практическаго осуществленія, перенесетъ въ сферу земледѣльческой промышленности тотъ капитализмъ, идеи котораго уже давно управляютъ промышленностью неземледѣльческой. До сихъ поръ это печальное явленіе миновало еще наше земледѣліе, но весьма вѣроятно, что, благодаря просвѣщенному содѣйствію лицъ очень заинтересованныхъ въ установленіи отношеній между нанимателями и сельскохозяйственнымъ работникомъ, будетъ приподнесенъ Россіи сознательно обдуманный и организованный сельскохозяйственный капитализмъ со всѣми его послѣдствіями. Признаки этого нарождающагося порядка уже кое-гдѣ намѣчаются и фермерское хозяйство пытается водвориться уже на розданныхъ разнымъ лицамъ неземледѣльческаго сословія башкирскихъ земляхъ. Если наши сельскохозяйственныя общества, разговаривая 100 лѣтъ, договорились до земледѣльческаго капитализма, то, конечно, они не даромъ потратили свое время и сослужили своимъ интересамъ вѣрную службу. Только причемъ же тутъ Россія и ея земледѣльческое населеніе?

Къ рисункамъ.

Крестины въ концѣ XVIII столѣтія, картина Генриха Кемерера. Картина Кемерера на столько уже извѣстна по гравюрамъ и эстампамъ, она имѣла такой значительный успѣхъ, что подробно описывать ее не представляется надобности. Кромѣ превосходно схваченныхъ типовъ, главный интересъ картины заключается въ талантливой и живой групировкѣ лицъ и въ костюмахъ XVIII столѣтія, на нашъ взглядъ уже нѣсколько странныхъ. Наивная кормилица, держащая ребенка, въ какомъ-то удивительномъ чепцѣ, разряженная въ бархатъ и кружева; крестный отецъ въ жабо и странномъ фракѣ; крестная мать въ шолковомъ платьѣ и остальная публика, толпящаяся вокругъ этихъ главныхъ трехъ лицъ,—въ особенности удались талантливому художнику.

Хозяинъ лодки. Этотъ превосходный этюдъ съ натуры испанскаго художника Гизазола не хуже любой картины. Превосходный рисунокъ деталей, талантливо схваченный типъ,—вотъ главныя достоинства этого этюда. Лодка вытащена на берегъ; вдали чуть-чуть виднѣется море; у лодки стоитъ характерный старикъ, посматривая въ даль; онъ, вѣроятно, ожидаетъ прилива, чтобъ отчалить въ морѣ на рыбную ловлю.

Типъ малоросса, этюдъ г. Мартыновича. Этотъ рисунокъ удался г. Мартыновичу въ особенности хорошо, и типъ, переданный имъ заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія; вѣроятно, это одинъ изъ тѣхъ старыхъ лирниковъ, бандуристовъ, которые теперь уже переводятся въ Малороссіи, и которыя прежде были такъ сказать живою лѣтописью малороссійской исторіи. Каждая черта этого лица дышетъ жизнью.

Смѣсь.

— **Дѣло Плеянова.** Прекрасное исполненіе артистами на сценѣ драматическаго произведенія нерѣдко придаетъ ему въ глазахъ увлеченной публики такія достоинства, какихъ въ дѣйствительности оно не имѣетъ. Это самое случилось въ Москвѣ съ пьесою В. Александрова «Дѣло Плеянова.» Всѣ безъ исключенія московскіе кореспонденты петербургскихъ газетъ и театральные хроникеры московской прессы провозгласили «Дѣло Плеянова» выдающимся произведеніемъ, а игру московскихъ актеровъ настолько прекрасною, что нѣкоторые изъ рецензентовъ съ пафосомъ воскликнули: «теперь мы можемъ смѣло сказать, что труппа Малаго театра — первая въ мірѣ»! Но «Дѣло Плеянова» появилось на петербургской сценѣ, 17 октября, въ бенефисъ г. Варламова и, при далеко не выдающейся игрѣ артистовъ труппы Александринскаго театра, оказалось произведеніемъ зауряднымъ, сдѣланнымъ, правда, очень ловко, но лишеннымъ всякихъ выдающихся достоинствъ. Русская пьеса заимствована изъ французской драмы Сарду «Ferreol». Г. Александровъ вложилъ въ передѣлку не мало своего; онъ передѣлалъ и завязку и развязку драмы, но передѣлалъ неудачно; у Сарду и то и другое жизненнѣе, вѣрнѣе дѣйствительности. Въ русской передѣлкѣ пьеса является въ слѣдующемъ видѣ. Нѣкій молодой человѣлъ, Дарскій (г. Сазоновъ) воспылалъ страстью къ г-жѣ Авериной (г-жа Абаринова), женѣ мѣстнаго предводителя дворянства (г. Кисилевскій); барынька какъ-то ненарокомъ позволила Дарскому поцѣловать себя; Дарскій же вообразилъ, что можно повести дѣло далѣе и, воспользовавшись отсутствіемъ мужа, вторгнулся насильственно въ будуаръ прелестной женщины, но былъ прогнанъ оттуда со страмомъ; г. Аверина осталась вѣрной, добродѣтельной супругой, а Дарскій далъ ей слово немедленно уѣхать въ Италію. Отъ этого приключенія сильно отговаривалъ Дарскаго другъ его Плеяновъ, вызвавшійся сторожить въ саду, пока будетъ происходить свиданіе; возвращаясь домой, Плеяновъ теряетъ въ саду свой порт-сигаръ. Въ ночь когда происходило это свиданіе, въ сосѣднемъ домѣ найденъ зарѣзаннымъ купецъ Перехватовъ, на племянницѣ (г-жа Васильева) котораго женатъ Плеяновъ. То обстоятельство, что Плеяновъ находился не въ ладахъ съ Перехватовымъ, и найденный въ саду порт-сигаръ служатъ для ретиваго прокурора (г. Душкинъ) слишкомъ достаточными уликами для обвиненія Плеянова въ убійствѣ; его арестуютъ и назначается день суда надъ нимъ. Вотъ завязка драмы. Все разсказанное выше происходитъ, однакожъ, не на сценѣ, а зритель узнаетъ эти подробности какъ изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, собравшихся въ гостиной у предводителя, такъ, впослѣдствіи, изъ объясненія Авериной съ Дарскимъ. Компанія, собравшаяся у предводителя, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода прокурора и адвоката (г. Полонскій)—знаменитости, выписанной изъ Москвы спеціально для защиты Плеянова. О доблести московскаго адвоката трещитъ г-жа Лущанина (г-жа Дюжикова), провинціальная барышня изъ образованныхъ и эмансипированныхъ. Ранѣе прихода обвинителя и защитника прибѣгаетъ изъ суда помѣщикъ Отрубановъ (г. Варламовъ), вызванный изъ своей деревни для присутствованія въ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. Это лицо, талантливо и правдиво изображаемое въ Москвѣ г. Самаринымъ, по мнѣнію москвичей, особенно удалось автору. Но добродушный брюзга, съ прекраснымъ сердцемъ, всегда будетъ удачно изображенъ каждымъ мало-мальски опытнымъ драматургомъ. Отрубаньевъ жалуется, что его вызвали изъ деревни въ то время, когда поспѣла гречиха и ее надо убирать; говоритъ, что его нисколько не интересуютъ подсудимые, что онъ на зло прокурору оправдалъ еврея, хотя ясно видѣлъ, что тотъ мошенникъ. Онъ высказываетъ рѣзкости въ глаза прокурору и адвокату, которыхъ проситъ освободить его отъ обязанностей присяжнаго засѣдателя. При всемъ томъ зритель ни на минуту не сомнѣвается, что Отрубаньевъ принадлежитъ къ числу людей, способныхъ на истинно-доброе и хорошее дѣло. Онъ уже заполучилъ медицинское свидѣтельство о своей глухотѣ; но является жена Плеянова и въ его присутствіи трогательно описываетъ Авериной свое горе и безвыходное положеніе,—и Отрубаньевъ разрываетъ медицинское свидѣтельство и спѣшитъ въ судъ, чтобы заявить о своемъ желаніи принять участіе въ засѣданіи по дѣлу Плеянова. Къ несчастію, онъ въ тотъ же день въ клубѣ говоритъ грубости прокурору и его отводятъ; однакожъ, онъ не уѣзжаетъ въ деревню, куда еще недавно такъ стремился, и остается до окончанія суда надъ Плеяновымъ. Между тѣмъ, пока идутъ эти толки о дѣлѣ Плеянова, возвращается изъ Италіи Дарскій. Онъ говоритъ Авериной, что Плеяновъ невиненъ, что онъ потерялъ порт-сигаръ, сторожа свиданіе его, Дарскаго, съ нею, и не объясняетъ этой потери изъ опасенія компрометировать ни въ чемъ неповинную женщину. Вмѣстѣ они даютъ слово спасти Плеянова, но въ ихъ распоряженіи всего день времени и они не успѣваютъ ничего сдѣлать. Плеяновъ обвиненъ и присужденъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. Тогда Дарскій въ отчаяніи объявляетъ, что онъ убилъ Перехватова, но ему никто не вѣритъ, уже потому, что онъ не подумалъ заранѣе о томъ, какъ разсказать подробности убійства. Пришлось бы Плеянову прогуляться въ Сибирь, но является развязка въ лицѣ купца Кулагина (г. Давыдовъ). Кулагинъ былъ другомъ покойнаго Перехватова и главнымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ Плеянова, постаравшемся въ своемъ показаніи выставить обвиняемаго съ особенно-дурной стороны. Кулагинъ, человѣкъ пожилой, влюбился въ племянницу Перехватова, былъ отвергнутъ и вотъ причина ненависти его къ Плеянову. Аверина, узнавъ, что монахъ Варнава, много разглагольствовавшій о смерти Перехватова, удалился изъ города и не могъ явиться свидѣтелемъ по дѣлу Плеянова, въ разговорѣ съ Кулагинымъ, ловко заводитъ рѣчь о Варнавѣ и изъ отрывочныхъ фразъ купца убѣждается, что Кулагинъ что-то намѣренно скрываетъ. Она уже проситъ прокурора снова допросить Кулагина и потребовать Варнаву, когда является Кулагинъ и вручаетъ прокурору письмо Перехватова, которое будто бы замѣшалось въ его бумагахъ и онъ теперь нашелъ его случайно. Въ этомъ письмѣ Перехватовъ проситъ никого не винить въ его смерти, такъ какъ онъ рѣшается самъ покончить съ собою.

Пьеса была разыграна ровно, но въ общемъ довольно заурядно. Выдѣлились двое исполнителей: г-жа Васильева и г. Давыдовъ. Г-жа Васильева провела свою роль искренно, правдиво и увлекла зрителей, отвѣтившихъ ей громомъ рукоплесканій. Г-жа Васильева талантливая артистка; въ ея игрѣ всегда много чувства и нервности, къ сожалѣнію, ея природный недостатокъ — глухой голосъ — мѣшаетъ иногда цѣлостности впечатлѣнія, производимаго ея умной талантливой игрой. Г-жа Васильева играетъ рѣдко и это слѣдуетъ поставить въ вину г. режиссеру. Г. Давыдовъ безподобно исполнилъ роль купца Кулагина. Онъ создалъ полный типъ, что сказалось и въ интонаціи голоса и въ гримировкѣ. Я видѣлъ г. Давыдова въ 3-хъ роляхъ и ни въ одной изъ нихъ актеръ не замѣчался; въ каждой г. Давыдовъ создавалъ типъ, живое лицо. Г. Давыдовъ умѣетъ изумительно мѣнять свой голосъ, походку, внѣшность. Въ петербургской трупѣ ему слѣдуетъ безспорно отвести первое мѣсто. Комизмъ его высокій, безъ всякой шаржировки, безъ ненужныхъ подчеркиваній. Очень недурно передала свою роль г-жа Дюжикова, игравшая живо и весело. Самъ бенефиціантъ игралъ живо и увлекательно, онъ вызывалъ веселый смѣхъ и рукоплесканія зрителей, но типа не создалъ, въ его игрѣ былъ скорѣе виденъ Варламовъ, но не Отрубановъ. И загримировался онъ очень неудачно; онъ болѣе походилъ на купца, чѣмъ на помѣщика. Неудачно сыгралъ свою роль и г. Сазоновъ. И зачѣмъ онъ взялъ ее? Это роль не его, а г. Горева, игравшаго роль Плеянова, которую могъ сыграть всякій другой актеръ. Если имя г. Сазонова требовалось для афиши, отчего онъ не взялъ на себя роли прокурора, изъ которой, при сценической опытности, могъ-бы создать живое лицо. Между тѣмъ эту роль—типичную по заданію автора—поручили г. Душкину, который, конечно, ничего не могъ изъ нея сдѣлать будучи только сноснымъ водевильнымъ актеромъ. Г-жа Абаринова и г. Киселевскій провели свои роли вполнѣ прилично; только первая была суха и холодна. Въ декоративномъ и бутафорскомъ отношеніи пьеса обставлена сносно, кромѣ 3-го акта. Здѣсь безвкусица невообразимая: голубые обои и желтая мебель; а въ фонарѣ поставлены красныя кресла. Можно также поставить въ упрекъ г. режисеру постановку 1-го акта. Въ гостиной у предводителя собралось много гостей и они разсаживаются такъ, что закрываютъ одни другихъ. Между тѣмъ изъ групъ можно было составить превосходную картину, что такъ важно для сценической илюзіи. Умѣньемъ располагать на сценѣ групы славятся французы и это умѣнье много способствуетъ успѣху пьесъ на французской сценѣ.

— **Эдуардъ Милль и Джорджъ Бентонъ.** Разсказъ Марка Твена. (Пер. С. Терновскаго) *). Они были близкими родственниками, что-то въ родѣ семиродныхъ братьевъ. Еще очень маленькими они остались сиротами и ихъ пріютила одна бездѣтная чета, Брантсъ, и скоро къ нимъ сильно привязалась.

Супруги Брантсъ постоянно повторяли имъ: «Будьте добродѣтельны, честны, прилежны, трезвы, вѣжливы съ другими и вы получите вѣрную награду въ жизни». Дѣти слышали эти наставленія по тысячѣ разъ въ день; они выучили ихъ наизусть, прежде чѣмъ узнали «Отче нашъ». Эти наставленія были прибиты надъ дверью дѣтской и были первою вещью, которую дѣти стали читать. Они должны были сдѣлаться неизмѣнными правилами въ жизни Милля и Бентона.

Иногда, впрочемъ, Брантсы измѣняли нѣсколько свою постоянную поговорку и говорили: «будьте добродѣтетельны, честны, прилежны, трезвы и вѣжливы съ другими, и у васъ не будетъ недостатка въ друзьяхъ».

Маленькій Милль привлекалъ симпатіи каждаго своимъ обхожденіемъ. Если ему что-нибудь захочется, стоитъ ему только сказать, что данной вещи достать нельзя, онъ сейчасъ-же оставитъ свои требованія. Не то бывало съ Бентономъ; что ему разъ захотѣлось, то должны были дать ему во что-бы то ни стало; отказъ еще хуже раздражалъ его; тутъ не дѣйствовали ни ласки, ни уговоры.

Маленькій Милль былъ очень добрымъ мальчикомъ; онъ всегда раздаривалъ всѣ свои игрушки. Маленькій Бентонъ постоянно ломалъ свои и тогда дѣлался такимъ назойливымъ и такимъ надоѣдливымъ, что Брантсы бросались уговаривать Милля отдать свои игрушки Джорджу.

Дѣти стали подростать и начали оказываться ихъ склонности и черты характера. Бентонъ никогда ни о чемъ не заботился; всегда рвалъ и пачкалъ свое платье, вслѣдствіе чего часто ходилъ въ обновкахъ, чего не случалось съ Эдуардомъ, который отличался своею акуратностью.

Дѣти все росли и росли. Милль доставлялъ одни только радости, а Бентонъ причинялъ только заботы и огорченія. Миллю было достаточно сказать: «Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы ты это бросилъ», т. е. плаваніе, катаніе на лодкѣ, на конькахъ, бѣганіе по лѣсу, охоту и т. п.,—вообще всѣ тѣ вещи, которыя имѣютъ неотразимую прелесть для мальчика, и Эдуардъ всегда молча повиновался желанію стариковъ. Но Бентону этого было мало; запрещенное еще сильнѣе привлекало его къ себѣ. Понятно, что никто такъ часто не бѣгалъ по лѣсу, какъ Бентонъ, никто такъ часто не катался на лодкѣ, не охотился; правда и то, что у него не было и соперниковъ по этимъ предметамъ.

Добрые Брантсы позволяли дѣтямъ играть по субботамъ на дворѣ; но въ 9 час. они должны были уже спать въ своей комнатѣ,—но это касалось одного только Милля. Бентонъ черезъ часъ вскакивалъ, пролѣзалъ черезъ окно и возвращался только около полуночи. Казалось невозможнымъ отучить его отъ этой привычки; это удалось сдѣлать только подкупомъ, посредствомъ яблоковъ, пряниковъ и др. сластей. Брантсы приложили всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобъ исправить Джорджа; но всѣ старанія ихъ оставались тщетными.

А дѣти все росли и росли. Настало время приступить къ занятіямъ; Милль отличался добросовѣстностью и усердіемъ; онъ охотно взялся за трудъ; не то было съ Бентономъ, онъ даже убѣжалъ отъ своего хозяина и старику Брантсу стоило многихъ хлопотъ опять вернуть его туда, да и то не надолго; Джорджъ убѣжалъ вторично; Брантсу это стоило еще большихъ хлопотъ и просьбъ. Наконецъ, онъ убѣжалъ въ третій разъ, захвативъ съ собою нѣсколько бездѣлушекъ, которыя ему удалось украсть. Добрый Брантсъ не зналъ уже, что и дѣлать; едва-едва онъ уговорилъ хозяина Бентона взять его къ себѣ опять; при этомъ онъ умолчалъ о кражѣ. Бентону съ тѣхъ поръ позволили по временамъ приходить домой.

Милль между тѣмъ все трудился и трудился; онъ сдѣлался первымъ помощникомъ хозяина, его правой рукой. Бентонъ лѣнился постоянно и только любящія сердца его благодѣтелей спасали его отъ конечной гибели.

Эдуардъ еще мальчикомъ всегда посѣщалъ воскресныя школы, евангелическія собранія, воскресныя собранія съ разными наставительными цѣлями; все это его очень интересовало; сдѣлавшись вполнѣ взрослымъ человѣкомъ, онъ сталъ усердно посѣщать церковь; былъ членомъ всѣхъ благотворительныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью наставить человѣчество на путь истины и благочестія: общество воздержанія, напр., общество поощренія труда и т. п. Но онъ не требовалъ ни выраженія удивленія, ни уваженія за свои хорошія свойства и дѣйствія; все это было его природнымъ влеченіемъ.

Года шли да шли. Умерли старики Брантсы. Въ своемъ завѣщаніи они отказали все свое имѣніе Бентону, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что Эдуардъ не пропадетъ, что онъ не нуждается въ чужой поддержкѣ; что онъ самъ выйдетъ въ люди. Не то можно было сказать о Бентонѣ; онъ одинъ погибнетъ окончательно, поэтому Брантсы и поручили его заботамъ и попеченіямъ Милля. Но имѣніе было оставлено Бентону подъ условіемъ заплатить извѣстную часть компаньону Эдуарда, иначе оно все отказывалось одному благотворительному обществу: «обществу призрѣнія освобожденныхъ преступниковъ». Эдуардъ рѣшился добросовѣстно исполнить послѣднюю просьбу своихъ благодѣтелей; онъ сдѣлалъ Джорджа участникомъ въ своихъ дѣлахъ, хотя, конечно, такой товарищъ не могъ принести много пользы; хорошо если-бы онъ еще не портилъ,—тѣмъ болѣе что теперь онъ совершенно предался пьянству, прежде-же онъ пилъ гораздо умѣреннѣе. Даже цвѣтъ лица и выраженіе глазъ у него измѣнились самымъ непривлекательнымъ образомъ.

Съ нѣкотораго времени Эдуардъ полюбилъ одну молодую, прелестную дѣвушку; они нѣжно любили другъ друга; но она также очень понравилась и Джорджу и тотъ со слезами на глазахъ сталъ уговаривать Мэри отказать Эдуарду и принять его предложеніе. Она долго колебалась, но въ одинъ прекрасный день явилась къ Миллю и сказала ему, что она не должна подпадать подъ вліяніе своихъ собственныхъ эгоистическихъ стремленій, что она должна уступить требованіямъ своего долга, что она, наконецъ, отказывается отъ счастья быть его женой и твердо рѣшилась быть женой бѣднаго Джорджа. Она знаетъ, что сердце Милля разрывается отъ отчаянія, но долгъ остается долгомъ.

Она вышла замужъ за Джорджа; сердце Милля было близко къ погибели, но онъ сдержался и черезъ нѣсколько времени женился на такой-же прекрасной дѣвушкѣ.

Скоро пошли дѣти въ обѣихъ семьяхъ. Мэри дѣлала все возможное, чтобъ удержать мужа отъ его дурныхъ склонностей; но задача была бѣдной женщинѣ не по силамъ, Джорджъ предавался пьянству все сильнѣе и сильнѣе; онъ сталъ даже бить жену и дѣтей. Многіе добрые люди всѣми силами старались ему помочь, но онъ смотрѣлъ на всѣ эти хорошія стремленія, на всю ихъ любезность и доброту, какъ на нѣчто должное ему, и нисколько не пытался исправиться. Скоро прибавилось еще одно бѣдствіе для семьи. Бентонъ сталъ тайно проигрывать всѣ деньги, которыя ему попадались подъ руку; онъ очутился весь въ долгахъ; сдѣлавшись товарищемъ Милля, онъ выдавалъ обязательства отъ имени фирмы, такъ что насталъ день, когда служитель правосудія отнялъ у обоихъ братьевъ все ихъ состояніе, оставивъ ихъ что называется безъ гроша.

Это были худыя времена, но должны были настать еще худшія; Милль переселился со своею семьею на какой-то чердакъ; цѣлые дни онъ ходилъ изъ дома въ домъ, прося со слезами работы, но вездѣ ему отказывали, онъ не могъ ее найдти.

Несчастіе застигло его въ расплохъ, но его главнымъ образомъ удивляло и оскорбляло, что сразу исчезло все то сочувствіе и уваженіе, которое, казалось, питали къ нему всѣ люди, но, поборовъ свою скорбь, онъ все-же искалъ работы и наконецъ досталъ занятія на одномъ кирпичномъ заводѣ,—и за это онъ былъ благодаренъ. Но поэтому-то его никто и знать болѣе не хотѣлъ, никто не кланялся съ нимъ. Онъ не могъ уже исправлять свои прежнія обязанности по отношенію къ всевозможнымъ благочестивымъ учрежденіямъ и онъ съ большою досадою узналъ, что его оттуда выключили.

Но чѣмъ быстрѣе исчезало общее любезное участіе къ несчастному Эдуарду, тѣмъ скорѣе оно росло по отношенію Джорджа. Однажды утромъ его нашли пьянымъ и разбитымъ, лежащимъ гдѣ-то въ ямѣ. Одинъ членъ женскаго благотворительнаго общества взялъ его къ себѣ, устроилъ въ его пользу подписку и даже досталъ ему мѣсто, ради того, что Джорджъ не пилъ цѣлую недѣлю.

Въ данномъ случаѣ общее вниманіе благотворно подѣйствовало на бѣднаго Джорджа; явилось множество людей, которые путемъ увѣщаній и заботъ старались предохранить его отъ его собственной гибели; дѣйствительно, впродолженіи двухъ мѣсяцевъ онъ капли не выпилъ.

Но онъ снова палъ; его опять нашли въ канавѣ; это событіе вызвало общую скорбь; но благородныя сестры филантропическаго общества снова его пріютили, обезпечили, одѣли, накормили; онѣ выслушали его обѣщанія раскаяться, какъ лучшую музыку, и вторично доставили ему мѣсто.

По этому случаю было открыто засѣданіе; городъ утонулъ въ общей радости по поводу спасенія заблудшей овцы.

На общемъ собраніи общества умѣренности и трезвости было сказано нѣсколько рѣчей, одна другой нравственнѣе, одна другой благочестивѣе; наконецъ, самъ предсѣдатель съ чувствомъ произнесъ: «здѣсь приготовляется драма, на которую немногіе тутъ находящіеся, будутъ смотрѣть безъ слезъ».

Послѣдовала торжественная пауза, тогда Джорджъ Бентонъ, сопутствуемый нѣсколькими дамами изъ общества благотворительныхъ пріютовъ, подошелъ къ трибунѣ и подписалъ свое вступленіе въ общество. Зала задрожала отъ общихъ аплодисментовъ, всѣ кричали отъ радости, всѣ трясли и жали руку новообращеннаго, онъ былъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, онъ былъ героемъ.

Джорджъ Бентонъ регулярно черезъ три мѣсяца впадалъ въ свой обычный порокъ, но каждый разъ его возстановляли въ прежнее его состояніе и снабжали доходными мѣстами. Наконецъ, его отправили показаться по разнымъ мѣстностямъ, чтобъ онъ живымъ примѣромъ убѣждалъ людей вести трезвую жизнь; его лекціи и проповѣди имѣли большое значеніе, онъ сдѣлался очень популярнымъ и достигъ въ эпохи своей трезвости такого довѣрія, что, воспользовавшись именемъ одного богатаго гражданина, онъ съумѣлъ захватить изъ банка крупную сумму денегъ.

Были употреблены всѣ зависящія отъ его благодѣтелей мѣры, чтобъ отстранить отъ него непріятныя послѣдствія подлога; онѣ дѣйствительно отчасти и увѣнчались успѣхомъ: онъ былъ осужденъ только на два года тюремнаго заключенія.

Но едва прошелъ годъ его заключенія, какъ усиленныя просьбы его доброжелателей сдѣлали то, что его выпустили изъ тюрьмы; его поручили заботамъ общества покровительства освобожденныхъ преступниковъ и ему достали занятія; другіе добрые люди всячески его утѣшали и помогали ему по мѣрѣ силъ и возможности.

Эдуардъ Милль тоже однажды обратился къ названному обществу, прося у него работы, страшная нужда его къ этому принудила, но вопросъ: «А развѣ вы освобожденный преступникъ?» былъ яснымъ и короткимъ отвѣтомъ на его просьбу...

Пока происходили эти событія, Милль твердо и постоянно боролся съ несчастіемъ. Онъ былъ еще бѣденъ, но уже имѣлъ вѣрное, хотя и скромное мѣсто касира какого-то банка, его уважали и ему довѣряли. Бентона онъ не видѣлъ, ни у кого, объ немъ не справлялся. Джорджъ сталъ отъ времени до времени отлучаться изъ города, иногда на довольно продолжительные сроки; о немъ стали понемногу распространяться нехорошіе слухи, но опредѣленнаго не было ничего. Въ одинъ зимній вечеръ ворвалась шайка замаскированныхъ разбойниковъ въ банкъ, гдѣ находился одинъ Милль. Они потребовали отъ него ключъ отъ кассы, онъ отказалъ. Они стали угрожать смертью. Онъ отвѣтилъ, что его начальники ему довѣрили кассу и онъ это довѣріе не обманетъ, онъ умретъ даже, если это будетъ нужно, но живой ключа не отдастъ. Разбойники его убили. Полиція тотчасъ-же начала дѣятельные розыски; ей показалось, что предводитель шайки былъ Бентонъ—общая симпатія перешла на сторону несчастной вдовы и бѣдныхъ сиротъ; всѣ газеты требовали, чтобы банки Соединенныхъ штатовъ доказали свое уваженіе вѣрности и героизму убитаго кассира, при помощи всеобщей подписки въ пользу семейства погибшаго. Результатомъ подписки было громадное количество звонкой монеты, около 500 (!) доларовъ, т. е. въ среднемъ около $^3/_8$ центовъ съ каждаго банка Соециненныхъ штатовъ. Тотъ-же банкъ, въ которомъ служилъ Милль, выразилъ ему свою величайшую благодарность тѣмъ, что попробовалъ (къ стыду своему, неудачно) доказать, что книги этого неподражаемаго кассира были не въ порядкѣ и что онъ самъ раскроилъ себѣ черепъ, чтобы избѣжать ревизіи и наказанія. Но скоро вдова и сироты были совершенно забыты: всѣ опять занялись несчастнымъ Бентономъ. Сколько денегъ и вліянія было употреблено, чтобъ спасти Бентона! Но на этотъ разъ ничего не удалось; онъ былъ приговоренъ къ смерти. Тотчасъ началась осада губернатора просьбами о помилованіи. Онѣ ему подавались плачущими молодыми дѣвушками, печальными, старыми дѣвами, депутаціею патетическихъ вдовицъ, толпами сиротъ, — но все напрасно. На этотъ разъ губернаторъ остался непреклоннымъ.

---

*) Маркъ Твенъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ американскихъ сатириковъ нашего времени.

Джорджъ Бентонъ сталъ искать прибѣжище въ религіи. Эта радостная вѣсть распространилась повсюду съ быстротою молніи. Съ этого момента его темница была полна дѣвушками и женщинами; украшена лучшими цвѣтами: впродолженіи всего дня раздавались молитвы, гимны, благодарственныя пѣсни, а слезы, — имъ конца не было, онѣ лились безпрерывно, развѣ иногда давалось пять минутъ для отдыха. Такъ продолжалось до самой казни.

Бентонъ, одѣтый въ черное, гордо умеръ въ присутствіи плачущей толпы. Его могила долгое время ежедневно украшалась свѣжими цвѣтами и вѣнками. Надпись на ней была: «онъ храбро боролся», подъ рукой, указывающею на небо.

На могилѣ честнаго касира была высѣчена слѣдующая надпись: «Будь добродѣтеленъ, честенъ, прилеженъ, трезвъ, вѣжливъ и у тебя не будетъ недостатка...» Никто не знаетъ, кто заказалъ эту надпись, но дѣло въ томъ, что она тамъ находится.

Говорятъ, что семья касира находится въ настоящее время въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, но это никого не касается. Множество добродѣтельныхъ людей, которые не хотѣли придать забвенію благородный поступокъ Милля и не хотѣли оставить его невознагражденнымъ, собрали 42,000 доларовъ на постройку церкви въ его воспоминаніе.

— **Табакъ князя Бисмарка.** Изъ Кисингена сообщаютъ, что нынче лѣтомъ князь Бисмаркъ предпринималъ прогулку къ голубымъ горамъ Рина. Когда экипажъ князя проѣхалъ красивое мѣстечко Нейштадтъ, на Шпре, судьба послала ему въ спутники патріархальную телѣгу одного крестьянина, внѣшность котораго къ тому-же была до того добродушно-курьезна, что вызвала невольную улыбку у кн. Бисмарка. Будучи въ хорошемъ настроеніи духа, князь приказалъ остановить карету, вышелъ изъ нея и сказалъ удивленному крестьянину: «Дружище, удѣлите-ка мнѣ немного мѣстечка; мнѣ хочется проѣхаться съ вами». Крестьянинъ отодвинулся въ сторону и опросталъ кн. Бисмарку мѣсто на связкѣ соломы, на которую и сѣлъ имперскій канцлеръ, между тѣмъ какъ его карета поѣхала сзади. Добродушный крестьянинъ, который сначала съ робостью посматривалъ на «знатнаго господина», не зная, конечно, кто онъ такой, скоро, однакожъ, ободрился, когда князь ласково сталъ разспрашивать о сельскихъ работахъ, и наконецъ, поболтавъ съ нимъ нѣкоторое время, спросилъ—можетъ ли онъ быть ему чѣмъ-нибудь полезенъ? «Кажется, ничѣмъ, отвѣчалъ крестьянинъ,—я, слава Богу, ни въ чемъ не нуждаюсь; а вотъ если хотите сдѣлать мнѣ добро, то скажите, гдѣ вы покупаете табакъ; очень хорошо онъ пахнетъ, словно гвоздика!»—«Съ удовольствіемъ, мой другъ, отвѣчалъ кн. Бисмаркъ и записалъ его адресъ.—Я пришлю вамъ самъ этого табаку». Съ этими словами онъ распростился съ своимъ спутникомъ и сѣлъ въ свою карету, которая скоро скрылась изъ глазъ удивленнаго крестьянина. По прошествіи двухъ дней, ринскій крестьянинъ получилъ дюжину красивыхъ пачекъ табаку того сорта, который курилъ въ его телѣгѣ канцлеръ. Крестьянинъ узналъ, кому онъ обязанъ этимъ подаркомъ

Шахматный отдѣлъ.

Правленіе петербургскаго общества шахматной игры проситъ насъ довести до свѣденія любителей этой игры, что на основаніи § 6 устава общества годичные членскіе взносы (съ ноября 1880 по ноябрь 1881 г.) должны быть внесены втеченіи октября и ноября мѣсяцевъ; лица желающія поступить въ число членовъ общества могутъ обращаться съ заявленіями ежедневно съ 7 час. вечера. Годовая членская плата, вносимая въ два срока,—15 р. и при вступленіи въ члены уплачивается единовременно 5 руб. Въ общество допускаются и гости съ платою по 30 коп. за вечеръ или 3 руб. въ мѣсяцъ. Помѣщеніе общества (Екатерининскій каналъ, противъ Государственнаго Банка, д. 27, кв. 11) открыто ежедневно съ 6 час. вечера.

Въ настоящее время посѣтители шахматнаго общества заинтересованы исходомъ матча, состоявшагося между извѣстными здѣшними игроками С. З. Алапинымъ и М. И. Чигоринымъ. Главныя условія матча обыкновенныя: побѣдителемъ будетъ признанъ тотъ, кто первый выиграетъ 7 партій; въ часъ времени каждымъ игрокомъ должно быть сдѣлано не менѣе 15 ходовъ; игра назначена по вторникамъ и субботамъ, съ 7 час. вечера. Первыя двѣ партіи, игранныя 9 и 11 октября, выиграны г. Чигоринымъ. Съ партіями этого интереснаго матча мы познакомимъ нашихъ читателей.

ПАРТІЯ № 21.

Центральный гамбитъ.

Играна по консультаціи, въ Копенгагенѣ.

Гг. Фромъ и **Нильсенъ.**	**Гг. Герцпшрунгъ** и **Петерсенъ.**
Бѣлые	*Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. d2—d4	2. e5 : d4
3. c2—c3	3. d4 : c3
4. С f1—c4	4. К b8—c6 *a*
5. К g1—e2	5. К g8—f6
6. 0—0	6. С f8—c5
7. К b1 : c3	7. d7—d6
8. h2—h3	8. К c6—e5 *b*
9. С c4—b3	9. С c8—e6 *c*
10. С b3 : e6	10. f7 : e6
11. К e2—f4	11. Ф d8—d7
12. Ф d1—b3	12. Кр e8—f7
13. Ф b3 : b7	13. g7—g5
14. К f4—e2	14. Л a8—g8
15. Кр g1—h1	15. h7—h5 *d*
16. С c1 : g5!	16. К f6—g4 *e*
17. С g5—e3 *f*	17. К g4 : e3
18. f2 : e3†	18. Кр f7—e7
19. К e2—d4	19. Л g8—g3
20. К c3—d5 †!	и бѣлые выигрываютъ *g*.

Примѣчанія къ партіи:

a) Черные могутъ брать еще пѣшку b2, но тогда у бѣлыхъ получается очень сильная атака, напр., 4 ... c3 : b2; 5. С c1 : b2, К g8—f6; 6. e4—e5, С f8—b4†; 7. Кр e1—f1!, d7—d5! (если 7 ... К f6—g8; то 8. e5—e6); 8. С c4—b5†, К f6—d7! (если 8 ... c7—c6, то 9. e5 : f6, c6 : b5; 10. Ф d1—e2†, С c8—e6; 11. Ф e2 : b5 † и т. д.); 8. Ф d1—g4, С b4—f8 (лучше Ф d8—e7!; 9. Ф g4 : g7, Л h8—f8 и т. д.); 9. e5—e6!, f7 : e6; 10. Ф g4—h5†, Кр e8—e7 (или g7—g6, 11. Ф h5—e5 и выигрываютъ ладью), 11. С c1—a3†, c7—c5; 12. С a3 : c5†, К d7 : c5; 13. Ф h5—h4† и выигрываютъ ферзя.

b) Слабый ходъ; лучше было теперь-же играть слономъ на e6 и если бѣлые отвѣтятъ 9. С b3 : e6, f7 : e6; 10. Ф d1—b3, то Ф d8—d7; 11. Ф b3 : b7 (если 11. К e2—f4, то К c6—d8), 0—0!; у черныхъ очень хорошая игра.

c) Теперь этотъ ходъ очень слабъ; лучше было рокировать.

d) Черные имѣли еще нѣсколько способовъ защиты; напр. 15 ... К e5—d3, 16. С c1—e3 (или f2—f4, 17. g5—g4), 16 ... С c5 : e3 и т. д. Ходъ-же въ партіи погубилъ игру.

e) Конечно на 16. Л g8 : g5, послѣдуетъ 17. f2—f4.

f) Если 17. h3 : g4?, то 18. Л g8 : g5, 18. f2—f4?, h5 : g4 X.

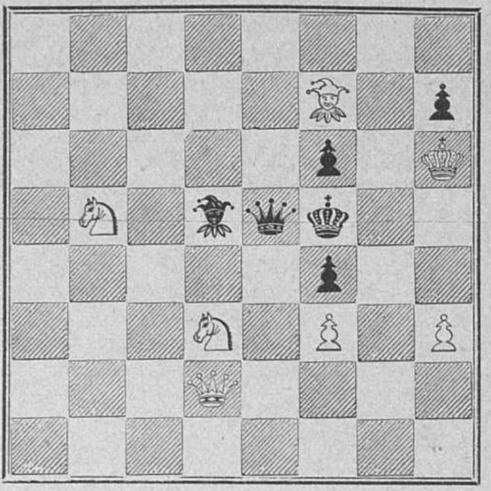
g) На 20 ... e6 : d5 послѣдовало-бы К d4—f5†. На 20 ... Кр d7—e8; 21. Ф b7—b8†, Ф d7—c8; 22. К d4 : e6†.

ЗАДАЧИ.

№ 52.

Мистрисъ **Еллы Спенсеръ** (въ Америкѣ).

Черные.



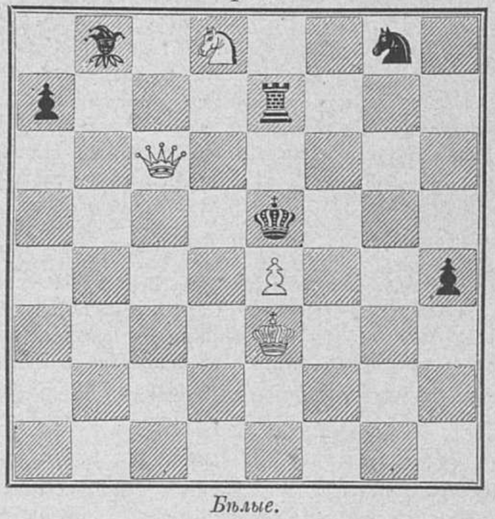
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

№ 53.

Германа (въ Христіаніи).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшенія задачъ (въ № 36).

№ 48. Хохолуша.

$$1.\ \frac{\text{Ф g8—b8}}{\text{Л h1—h2}}\quad 2.\ \frac{\text{Кр e1—e2}}{\infty}\quad 3.\ \text{Ф b8—b1}\ \times$$

$$1.\ \frac{\dots}{\text{Кр g1—h1}}\quad 2.\ \frac{\text{К e4—g3}\ \dagger}{\text{Кр h1—g1}}\quad 3.\ \text{Ф b8—b6}\ \times$$

Правильное рѣшеніе прислали: *А. Сафоновъ, «Новгородецъ», Н. Лобшицъ, В. Коробановъ. Н. Даржанъ.*

№ 49. Колинса.

$1.\ \frac{\text{Л a4—e4}}{\infty}\quad 2.$ С, Ф. или Л X. Рѣшили тѣже лица и *Н. Петеръ, М. Канищевъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Къ числу произведеній, находящихся въ разпоряженіи Редакціи для помѣщенія въ будущемъ 1881 году, мы можемъ добавить повѣсть А. Михайлова (А. К. Шеллера) **«Жить хочется.»**

ОТЪ КОНТОРЫ. № 42-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 19 октября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 21 октября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Первый балъ, разск. **П. Д. Боборыкина.**—Стих. **А. Шитова.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3-хъ част. **М. Ф. Каменской.**—Изъ М. Бушора, пер. **Д. Ушакова.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—П. П. Брока, ст. **К. Н. Смирнова.**—Стефенъ Митчель, пов. изъ флоридск. жизни **М-съ Робинзъ,** пер. **А. А. Разсказовой.**—Новыя замѣтки о старыхъ вопросахъ.—Внутреннее обозрѣніе.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.

Рисунки: Типъ старика малоросса, рис. **П. Мартыновича.**—Крестины, карт. **Кемерера.**—Хозяинъ лодки, карт. **Гизазола.**—Іоаннъ Барбориго освобождаетъ изъ тюрьмы Марію, венгерскую королеву, карт. **Джіанетти.**—Портретъ П. П. Брока.—Одинъ рисунокъ къ роману «Стефенъ Митчель».—Цѣнители искуства, карт. **Мейсонье.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 октября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на изданіе

ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1881 году.

Нашимъ читателямъ извѣстно, что настоящая редакція начала свою работу въ «Живописномъ Обозрѣніи» съ 1878 года; издательскія-же права пріобрѣтены ею только съ іюня 1879 года. Ея постояннымъ стремленіемъ было улучшеніе журнала, на что она не щадила ни трудовъ, ни издержекъ, весьма значительныхъ. Безъ сомнѣнія, улучшеніе журнала обусловливается количествомъ подписчиковъ на него и редакція «Жив. Об.» имѣетъ уже доказательство сочувствія къ ея дѣятельности: на 1879 годъ подписчиковъ было несравненно больше, чѣмъ въ 1878 году; на 1880 годъ болѣе, чѣмъ въ 1879 г. Это-то усиленіе подписки на журналъ, увеличивавшее бюджетъ изданія, и давало возможность редакціи производить улучшенія въ изданіи и вынести такіе весьма значительные расходы, какъ, напримѣръ, въ 1880 году: улучшеніе бумаги во второмъ полугодіи и разсылка двухъ лишнихъ премій, не обѣщанныхъ въ объявленіи редакціи о подпискѣ на 1880 годъ. Редакція можетъ смѣло сказать, что никогда не давала обѣщаній, которыхъ не могла выполнить; гг. подписчики получали все, на что указывалось въ журнальномъ объявленіи, и если нѣкоторыя изъ обѣщанныхъ статей не появились въ журналѣ, то это произошло отъ различныхъ обстоятельствъ, устраненіе которыхъ было не во власти редакціи; эти статьи были замѣнены другими. Результаты труда редакціи на глазахъ читателей и не ей, конечно, быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. Вы, гг. подписчицы и подписчики, рѣшите, достигла-ли редакція предположенной ею цѣли улучшенія журнала. Ваше мнѣніе выразится въ подпискѣ на журналъ: число возобновившихъ свою подписку читателей укажетъ редакціи на степень сочувствія къ ея трудамъ публики. Правда, редакція имѣетъ указанія на то, что нравилось въ журналѣ ея читателямъ или что не подходило подъ ихъ личные вкусы, но, къ сожалѣнію, этихъ указаній очень немного. Только немногіе изъ гг. подписчиковъ въ своихъ письмахъ высказали свое мнѣніе на счетъ журнала, указали на хорошіе, по ихъ мнѣнію, статьи и рисунки, а также и на неудачные. Редакція надѣется, что въ будущемъ году писемъ отъ читателей будетъ больше и смѣетъ увѣрить своихъ корреспондентовъ, что всякое дѣльное указаніе ихъ будетъ принято ею во вниманіе; всякое требованіе, если только оно въ средствахъ редакціи, будетъ исполнено.

Для напечатанія въ «Живописномъ Обозрѣніи» въ 1881 году въ распоряженіи редакціи уже имѣются слѣдующія произведенія: 1) повѣсть **П. Д. Боборыкина;** 2) романъ **П. Лѣтнева;** 3) Жить хочется, повѣсть **А. Михайлова (А. К. Шеллера);** 4) романъ **Н. И. Северина;** 5) рядъ статей «о русскомъ расколѣ», **П. П. Васильева;** 6) рядъ статей подъ заглавіемъ «Новыя гнѣзда», **А. Михайлова (А. К. Шеллера);** 7) «Политика за кулисами», ст. **В. В. Чуйко.** Въ 1881 году, какъ и въ нынѣшнемъ, будутъ періодически помѣщаться статьи **И. Ф. Василевскаго (Буквы).** О другихъ статьяхъ, которыя будутъ пріобрѣтены редакціей, послѣдуетъ въ свое время особое заявленіе.

Програма журнала въ 1880 году нѣсколько измѣнилась введеніемъ двухъ новыхъ отдѣловъ: политической хроники и внутренняго обозрѣнія. По желанію, выраженному нѣсколькими гг. подписчиками, мы станемъ чаще помѣщать библіографическій листокъ, въ которомъ будетъ даваться отчетъ о выходящихъ новыхъ книгахъ.

Гг. подписчики на 1881 годъ получатъ слѣдующія преміи: **двѣ олеографическія картины**, прекрасно исполненныя за-границей (образцы ихъ уже получены редакціей). Преміи эти будутъ совершенно готовы къ 1 января, такъ что онѣ могутъ быть разосланы въ январѣ-же мѣсяцѣ всѣмъ гг. подписчикамъ, уплатившимъ деньги за годовое изданіе журнала. Подписавшіеся-же съ разсрочкой платежа получатъ преміи по окончаніи полнаго расчета съ редакціей. Подписавшіеся на полгода и на три мѣсяца премій не получаютъ.

Кромѣ олеографическихъ картинъ, гг. подписчики получатъ илюстрированную **литературную** премію, которая будетъ разослана въ ноябрѣ 1881 г.

Особымъ безплатнымъ приложеніемъ будетъ высылаться отдѣлъ «Парижскія моды» съ илюстраціями.

Гг. подписчики на «Живописное Обозрѣніе» могутъ пріобрѣтать по возможно дешевой цѣнѣ различныя олеографическія картины, исполненныя за-границей, и пользуются значительной уступкой съ цѣны книгъ, изданныхъ редакціей, которыхъ къ будущему году будетъ напечатано нѣсколько.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	Безъ доставки и пересылки.	Съ доставкою и пересылкою.
Подписная цѣна на журналъ: на годъ.........	**6** р.	**7** р.
» полгода.......	**3** р. **50** к.	**4** р.
» три мѣсяца...	**2** р.	**2** р. **25** к.
За границу на годъ.........		**9** р.

Желающіе втеченіи года получить **шесть** модныхъ выкроекъ въ натуральную величину прибавляютъ къ годовой подписной суммѣ **60** коп. сер. Кто пожелаетъ получить художественныя преміи застрахованной посылкой,—приплачиваетъ **40** коп.; не внесшіе этой приплаты получатъ преміи въ трубкѣ, бандерольнымъ отправленіемъ.

За перемѣну адреса платятъ:	
съ городского на иногородній...	**85** коп.
съ иногородняго на городской...	**1** р.
иногородняго на иногородній....	**21** коп.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ,** Новая ул. д. № 6; **въ Москвѣ,** въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ,** въ книжномъ магазинѣ, бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ,** въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, Дерибасовская, д. Вагнера, кв. № 11.

Редакторъ-издатель **Н. ШУЛЬГИНЪ.**

Лечебницы Врачебной Общины:

1) Уголъ Невскаго и Большой Морской, домъ Росмонъ № 13—9 входъ съ Невскаго 2-й подъѣздъ.
2) Семіоновскій переулокъ домъ № 5.
3) Николаевская улица близь Разъѣзжей, домъ № 52.
4) Пески, уголъ 9-ой улицы и Дегтярной, домъ № 37—20.

Пріемъ приходящихъ больныхъ по всѣмъ спеціальностямъ ежедневно отъ 12 до 3 часовъ.

Общая Консультація врачей по Воскресеньямъ отъ 1 до 2 часовъ.

Ночное дежурство врачей отъ 10 часовъ вечера до 6 ч. утра.

Вышла новая книга

В. И. Немировича-Данченко

ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

Очерки и впечатлѣнія русскаго корреспондента въ Освобожденной Болгаріи.

Служитъ продолженіемъ «Года войны» того-же автора. 340 страницъ, цѣна 2 рубля.

Рецензіи въ «Вѣстникѣ Европы», «Отечественныхъ Запискахъ», «Голосѣ», «Новомъ Времени», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Сынѣ Отечества», «Temps» и другихъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ П. Е. Кехрибарджи. Невскій, д. № 32.

П. А. САЛМАНОВЪ.

КНЯЗЬ БОРИСЪ ЩЕГЛЯТЕВЪ.

Историческій романъ XIII вѣка изъ временъ нашествія Батыя на Россію.

Цѣна 1 р. 80 коп. съ пересылкой 2 р.

Авторъ изъявилъ желаніе уступать гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» этотъ романъ за 1 р. 30 коп., съ пересылкою за 1 р. 50 копѣекъ.

РЕДАКЦІЕЙ
„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“
ИЗДАНО
СОЧИНЕНІЕ А. МИХАЙЛОВА.

„НАШИ ДѢТИ“.

Содержаніе книги: Гл. I Вліяніе родителей на дѣтей до рожденія послѣднихъ. Гл. II Вытравленіе плода, дѣтоубійство. Гл. III Дѣти въ родной семьѣ, на воспитаніи у чужихъ, въ воспитательныхъ домахъ. Гл. IV Школа. Гл. V Дѣти-работники. Гл. VI Дѣти-бродяги, дѣти-нищіе, дѣти-фигляры. Гл. VII Дѣти-преступники. Гл. VIII Наказанія и филантропія. Гл. IX Заключеніе.

Цѣна: безъ пересылки 2 р. 20 к. съ пересылкой 2 р. 50 к. Гг. подписчикамъ на „Живописное Обозрѣніе“ книга эта уступается за 1 р. 50 к. безъ пересылки, 1 р. 75 коп. съ пересылкой.

У всѣхъ книгопродавцевъ продается слѣдующія книги:

Н. А. ЛЕЙКИНА

МѢДНЫЕ ЛБЫ.

1880 г. около 300 стр., 65 разск. Ц. 1 р. 50 к., безъ пер.

Н. А. ЛЕЙКИНА

СОВРАСЫ БЕЗЪ УЗДЫ.

1880 г., около 300 стр. убористой печати, 72 разск. Ц. 1 р. 50 к. безъ перес.

Н. А. ЛЕЙКИНА

НАШИ ЗАБАВНИКИ.

1879 г., 78 юмористическихъ разсказовъ, 300 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

РАДИ ПОТѢХИ.

1879 г., 63 юмор. разсказа, 308 стр. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.

НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ.

1879 г., 40 юмор. разск., 318 стр. Цѣна 1 р. 50 к. безъ перес.

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ.

(Изданіе 2-е дополненное).

1880 г., 87 юмор. разск., 320 стр. Ц. 1 р. 50 к. безъ перес.

Лица, выписывающія не менѣе трехъ книжекъ отъ автора (С.-Петербургъ, Николаевская ул. № 48), за пересылку ничего не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНІЕ

„НОВОСТИ“

И

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“.

НА 1881 ГОДЪ

(пятый годъ изданія подъ новою редакціею).

(Форматъ большихъ газетъ, 28 столбцевъ или около 4500 строкъ убористаго шрифта въ нумерѣ).

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ: на 1 г. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 80 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 г. 9 р., на 11 м. 8 р. 25 к., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1880 г. и на весь 1881 годъ платятъ за время: съ 1-го сентября 1880 г. по 1-е января 1882 г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ—12 р. 50 к.,** съ 1-го октября 1880 года по 1-е января 1882 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к.,** съ 1-го ноября — 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 75 к.

Письма и деньги адресуются: *въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ»* (Гороховая, 32).

Газета **„Новости“** выходитъ **безъ предварительной цензуры**, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней, если получаются важныя телеграмы.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило — не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ-нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣденій, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ спеціальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ или два нумера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутины, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, получаемыхъ редакціей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и кореспондентовъ (рубрики: «Административныя», «духовныя», «дипломатическія», «военныя» и «морскія» новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя Почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствованія изъ другихъ изданій подчинять самому строгому критическому выбору и пріурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская Печать» редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣни» наиболѣе выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой, практическій матеріалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матеріальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты пріуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

Содержаніе газеты „Новости“ и „Биржевая газета“.

1) Политическія Телеграммы (доставляемыя собственными кореспондентами и «Международнымъ Агентствомъ»). 2) Дневникъ (руководящія статьи). До 1-го сентября напечатано: по внѣшнимъ вопросамъ около 650 статей, а по внутреннимъ — около 100 статей. Въ этомъ отдѣлѣ участвовали слѣдующіе авторы: Л. К. Весинъ, А. А. Головачовъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. Б. Думашевскій, А. И. Забѣлинъ, Р. Ѳ. Ильишъ, А. К. Киркоръ, А. Клевановъ, Л. К. Лебедевъ, В. О. Михневичъ, В. Н. Никитинъ, О. К. Нотовичъ, Б. П. Онгирскій, Л. К. Панютинъ, Р. И. Сементковскій, М. А. Филиповъ, Н. П. Черепнинъ, С. А. Шапиро и многіе другіе.—3) Административныя, духовныя, дипломатическія, военныя и морскія новости. (Отъ нашихъ спеціальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 1000 извѣстій.—4) Русская Лѣтопись. (Отъ нашихъ спеціальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ этою же рубрикою печатались: всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, сообщенія и телеграммы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской городской думы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ. Кромѣ того, своевременно помѣщались всѣ, болѣе или менѣе важныя, распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія. 5) Театръ и Музыка. Подъ этой рубрикой помѣщено болѣе 1,000 извѣстій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этой же рубрикою печатаются собственныя и заимствованныя извѣстія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ. 6) Всемірный Калейдоскопъ, печатающійся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣденія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіяхъ, событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта. 7) Правительственныя распоряженія, представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльныхъ національностей, классовъ и городскихъ или сельскихъ населеній, печатаются цѣликомъ. 8) Внутренняя Почта (Письма и сообщенія отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ кореспондентовъ). 9) Русская Печать (ежедневное обозрѣніе газетъ и журналовъ). 10) Литературный и научный отдѣлы. Въ этомъ отдѣлѣ участвовали слѣдующіе авторы: Л. К. Весинъ, А. А. Головачовъ, А. И. Забѣлинъ, Л. К. Лебедевъ, Н. С. Лѣсковъ, В. О. Михневичъ (Коломенскій кандидъ), В. Н. Никитинъ, Л. К. Панютивъ, Р. И. Сементковскій, А. А. Серебренниковъ, Ф. Н. Устряловъ, М. А. Филипповъ и многіе другіе. 11) Библіографія: отзывы о новыхъ книгахъ. 12) Беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ напечатаны слѣдующія беллетристическія произведенія: «Сынъ», ром. Э. Римбура.—«Ливія Августа», истор. ром. Курти.—«Бригитта», разск. Ауэрбаха. — «Всемірный путешественникъ», разск. Вл. Михневича.—«Послѣдній мамай», юмор. очеркъ, его же.—«Нана», ром. Эм. Зола.—«Широкая масляница», юмор. очеркъ Л. Панютина (Нилъ Адмирари). — «Дѣдушка Лебигръ», разск. Эркмана-Шатріана.—«Подложное завѣщаніе», ром. Дебана. — Письма Диккенса и сборн. статей Жоржъ-Зандъ. — «Дама ночи», ром. изъ испанск. жизни, Гонзалеса. — «Глорія», ром. изъ испанск. жизни, Гальдоса. — «Тифэна», разск. съ предисл. А. Дюма и др.—13) Между прочимъ (юмористическія и сатирическія замѣтки по текущимъ вопросамъ).—14) Свѣтъ и Тѣни.—15) Экономическій отдѣлъ.—16) Биржевой отдѣлъ. (Оба послѣдніе отдѣлы вполнѣ замѣняютъ спеціальную биржевую газету).—17) Судебный отдѣлъ.—18) Объявленія. **Воскресные нумера** печатаются въ форматѣ, удобномъ для переплета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ нумерахъ беллетристическихъ произведеній, по истеченіи года, составится объемистый томъ въ 26 листовъ газетго формата.

НОВОСТЬ КОСЫ НОВОСТЬ

ШИНЬОНЫ, ЛОКОНЫ И БУФФОНЫ.

ИЗЪ РАСТИТЕЛЬНАГО ВОЛОСА

ПРИГОТОВЛЕНІЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННАГО СПОСОБА

ЕВГЕНІЯ ФЕВАЛЯ

легко, чисто, безвредно и дешево.

Косы отъ **1** рубля **75** коп. до **8** рублей.

Высылка по заказнымъ письмамъ и по присылкѣ образчика волосъ въ толщину спички и на почтовые расходы съ косы по 75 коп., 50 различныхъ тѣней.

ЕДИНСТВЕННЫЙ МАГАЗИНЪ

ПАРИЖСКИХЪ МОДЕЛЕЙ

ДАМСКИХЪ И ДѢТСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ

И

ВЫКРОЕКЪ.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ НА ПАРИЖСКІЕ МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

АГЕНТЪ ПАРИЖСКАГО МОДНАГО ДОМА

ДЕМОРЕСТЪ.

Книга съ картинками модъ Демореста.
Цѣна **75** коп., съ пересылкой **1** рубль.

С.-Петербургъ,
Невскій проспектъ, уголъ Новой улицы, домъ №75—2,
кв. № 5.

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА
КИРѢЕВСКАЯ.

„БУДИЛЬНИКЪ“,

сатирическій журналъ съ рисунками и карикатурами.

(Семнадцатый годъ изданія).

Открыта подписка на 1881 годъ.

Въ 1881-мъ году «Будильникъ» будетъ выходить на прежнихъ основаніяхъ еженедѣльно (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями въ 4-ю долю листа большого формата, отъ 14 до 20 страницъ въ каждой. Такимъ образомъ, втеченіи года «Будильникъ» дастъ своимъ подписчикамъ: 100 хромолитографированныхъ рисунковъ (по два въ каждомъ нумерѣ), болѣе ста страницъ мелкихъ карикатуръ и до 1,500 столбцовъ текста.

ПРОГРАМА ЖУРНАЛА:

I. **Юмористическая лѣтопись русской жизни:** столичная хроника, нравоописательныя и бытовыя кореспонденціи изъ провинціи; карикатурные портреты героевъ дня. II. **Обозрѣніе политической и общественной жизни иностранныхъ государствъ** въ юмористическихъ разсказахъ, очеркахъ, стихотвореніяхъ, фельетонахъ и карикатурахъ. III. **Литературная лѣтопись:** новости и курьезы печати; портреты (шаржъ) современныхъ литераторовъ и журналистовъ; статьи полемическаго содержанія. IV. **Театральная хроника,**— преимущественно московская; художественныя новости: портреты и апотеозы выдающихся артистовъ; «Домашній театръ» «Будильника»: пародіи, феерiи, арлекинады. V. **Беллетристика:** повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки и стихотворенія. VI. **Смѣсь** („**Звонки**“): новости, слухи, памфлеты, анекдоты, каламбуры, остроты, шутки и проч. VII. **Рисунки и карикатуры:** гг. Богданова, Грибкова, Кланга, Коренева, Лебедева, Любовникова, Малышева, Рачкова, Чичагова и Чехова. VIII. **Рекламы и объявленія**, среди которыхъ помѣщаются анекдоты, мелкія стихотворенія и карикатуры.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ,

право на полученіе которыхъ предоставляется исключительно годовымъ подписчикамъ:

1) **Альманахъ „Будильника“ на 1881 годъ** (3-й годъ изданія), въ который между прочимъ вошли:

а) Ребусъ, за разгадку котораго до 1-го января 1881 года редакція «Будильника» объявляетъ денежную премію въ 300 рублей,—б) «Каскадная галерея»: восемь, въ краскахъ исполненныхъ, рисунковъ К. Н. Чичагова: 1) Клеретта («Дочь рынка»),—2) Камарго,—3) Габріель («Парижская жизнь»),—4) Серполетта («Корневильскіе колокола»),—5) Булотта («Синяя борода»),—6) Прекрасная Елена,—7) Перикола и 8) Лянсинъ («Чайный цвѣтокъ»).

Разсылка альманаха гг. подписчикамъ началась 15 октября текущаго 1880 года, въ розничную-же продажу онъ будетъ выпущенъ (по цѣнѣ 1 р. 50 к. за экз., съ пересылк. 2 р.)—не ранѣе первыхъ чиселъ января будущаго 1881 года.

2) „**Альбомъ Маралы Іерихонскаго**“: 12 юмористическихъ поэмъ, изъ которыхъ каждую будетъ сопровождать большой (форматъ «Будильника») хромолитографированный рисунокъ.—Разсылка листовъ альбома предполагается ежемѣсячная (черезъ каждые три нумера журнала); вмѣстѣ съ послѣднимъ листомъ разослана будетъ, для брошюровки альбома, золотомъ отпечатанная обложка.

3) „**Пикантная исторія**“, олеографія съ картины Л. Германа, исполненная (подъ акварель), по заказу редакціи «Будильника», торговымъ домомъ А. и С. Кауфманъ въ Берлинѣ.

Желающіе могутъ получить, вмѣсто этой олеографіи, другую—съ картины Кизля: «Лѣнивка»; желающіе получить обѣ олеографіи доплачиваютъ, сверхъ подписной суммы, одинъ рубль. Какъ та, такъ и другая олеографія будутъ высылаемы навернутыя на скалкѣ.

подписная цѣна на «Будильникъ» 1881 года:

	на годъ.	на 6 мѣс.
Въ Москвѣ, безъ доставки. . . .	7 р.	4 р. — к.
» съ дост. на домъ. .	8 »	4 » 50 »
Съ пересылкой на города . . , .	9 »	5 » — »

Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ редакціи (Леонтьевскій пер., домъ Мичинера), у гг. Соловьева, Суворина, Вольфа, Мамонтова, Васильева и друг. книгопродавцевъ; въ Петербургѣ у гг. Исакова, Мелье, Мамонтова, Вольфа, Суворина, Черкесова, Малышева и друг.; въ провинціи—у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ Парижѣ—у гг. Гавасъ и К⁰ (Place de la Bourse, 8). Подписныя деньги присылаются исключительно на имя издательницы, Л. Н. Уткиной. Гг. подписчики благоволятъ высылать доли рубля—**деньгами**, а не почтовыми марками. Недославшимъ денегъ не будутъ досланы, въ концѣ года, по разсчету, послѣдніе нумера журнала. Контора отвѣчаетъ за неисправную доставку журнала подписавшимся у книгопродавцевъ—только въ томъ случаѣ, если ей сообщенъ адресъ подписчика.

Хотя конторою редакціи «Будильника» и приняты всѣ мѣры къ своевременной и акуратной высылкѣ журнала гг. иногороднымъ подписчикамъ, но эта послѣдняя, очевидно, можетъ быть достигнута только въ томъ случаѣ, если сами гг. подписчики будутъ заявлять свои требованія возможно заблаговременно и точно.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ.

Съ 1-го декабря 1880 г. будетъ выходить въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, новое ежедневное дешевое изданіе подъ редакціею **И. А. Баталина (Осы)** и подъ названіемъ:

„МИНУТА“

(ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ).

Кто пять лѣтъ почти ежедневно бесѣдовалъ съ публикою въ очень распространенномъ изданіи, откликаясь на всѣ вопросы и событія дня; кто пять лѣтъ доказывалъ стойкость своихъ убѣжденій, почерпаемыхъ изъ сердца и разума;—тому нѣтъ нужды рекомендоваться. Смѣемъ думать, что имя Осы хорошо извѣстно читающей публикѣ, въ особенности столичной.

Нынѣ Оса, покинувъ чужой улей, устраиваетъ свое собственное гнѣздо, болѣе просторное, такъ какъ газета «**Минута**» будетъ выходить ежедневно, при самой обширной програмѣ.

Съ вѣрою въ успѣхъ, съ жаждою неустаннаго труда, съ надеждою на сочувствіе къ намъ публики—выступаемъ мы на болѣе обширное поле дѣятельности! Обѣщаемъ быть смѣлыми, честными борцами на этомъ полѣ! Обѣщаемъ не льстить дурнымъ инстинктамъ, но и не заискивать у сильныхъ! Обѣщаемъ послужить, сколько можемъ, нашей бѣдной родинѣ, которую любимъ и часто призываемъ мысленно словами великаго Гоголя: «Русь! Русь! Бѣдна природа въ тебѣ; но какая непостижимая тайна влечетъ къ тебѣ? Русь! Что пророчитъ твой необъятный просторъ? Здѣсь-ли, въ тебѣ-ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Русь!!..»

Мы вѣримъ въ славное будущее Россіи, посреди постигающихъ ее бѣдствій, какъ вѣримъ въ свои собственныя силы. Мы предвидимъ пути къ облегченію современныхъ нуждъ, но не тамъ, гдѣ тщетно ихъ ищутъ многіе. Смѣло пойдемъ на эту дорогу! Кто прежде былъ съ нами, тотъ и теперь пойдетъ за нами!

«**Минута**», вѣрная своему названію, постарается быть живымъ органомъ современности. Свѣжесть, обиліе и разнообразіе фактовъ, бойкое изложеніе, новизна нѣкоторыхъ журнальныхъ пріемовъ и разнообразный матеріалъ для чтенія—вотъ главныя достоинства, которыми постарается украсить себя новая газета. Пятилѣтній опытъ редакторства убѣдилъ насъ, что жалобы на отсутствіе талантовъ, особенно молодыхъ, несправедливы. Начинанія убиваются рутиною, но мы ихъ поддержимъ: поощримъ всякое новое дарованіе. Пусть будетъ «**Минута**» пробою для свѣжихъ силъ.

Въ составъ газеты «**Минута**» войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Передовыя статьи по вопросамъ внѣшней и внутренней политики (ясность, краткость и живость изложенія—главныя при этомъ условія). 2) Правительственныя извѣстія. 3) Хроника (въ этотъ обширный отдѣлъ войдутъ отчеты объ интересныхъ событіяхъ, о засѣданіяхъ публичныхъ собраній, городскихъ думъ, о процесахъ въ камерахъ судей и всякаго рода свѣденія, представляющія общій интересъ). 4) Провинціальныя извѣстія и кореспонденціи (будетъ допущено самое широкое обличеніе дѣйствительныхъ золъ и злоупотребленій). 5) Политическія извѣстія. 6) Биржа и экономическій отдѣлъ. 7) Судебная хроника (процесы будутъ излагаться въ очеркахъ). 8) Научныя свѣденія (смѣсь). 9) Критика и библіографія (отчеты о всѣхъ замѣчательныхъ новыхъ книгахъ и новыхъ книжкахъ журналовъ). 10) Фельетонъ (въ каждомъ № будутъ два фельетона: одинъ «Ежедневная Бесѣда» Осы, а другой—романъ. На выборъ романовъ будетъ обращено особое вниманіе). Кромѣ этого введена будетъ юмористическая рубрика «Звонокъ» (асамблея сценъ, куплетовъ, остротъ, интересныхъ задачъ и проч.). 11) Театръ и музыка (Редакція имѣетъ возможность всѣ театральные слухи сообщать изъ вѣрныхъ источниковъ). 12) Телеграмы (въ случаѣ выдающихся событій). 13) Справочный отдѣлъ. 14) Объявленія (по таксѣ 8 к. за строку).

Газета «**Минута**» будетъ выходить ежедневно (кромѣ послѣ-праздничныхъ дней) листомъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на годъ 6 р. 50 к., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣсяцъ 75 к., съ доставкою на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 90 к., съ пересылкою на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 2 р. 60 к., на 1 мѣсяцъ 90 к.

Годовые подписчики на будущій 1881 г. получаютъ газету за декабрь этого года безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ газеты «**Минута**», въ Петербургѣ, на углу Большой Итальянской и Большой Садовой (противъ Пассажа), въ д. Крафта.

Иногородные адресуютъ посылки: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «**Минута**».

Редакторъ-издатель **И. А. БАТАЛИНЪ (ОСА)**.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ **1881** ГОДУ

самаго дешеваго ежедневнаго изданія

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Газеты русской и заграничной (политической) жизни, литературной, коммерческой, казенныхъ и частныхъ объявленій.

Не прибѣгая къ громкимъ рекламамъ и многорѣчивымъ обѣщаніямъ, мы употребимъ всѣ свои матеріальныя и нравственныя силы, чтобы «Одесскій Листокъ» могъ вполнѣ отвѣчать требованіямъ минуты и чтобы въ глазахъ своихъ читателей онъ имѣлъ значеніе руководящаго органа, немудрствующаго лукаво, безъ предвзятыхъ мнѣній и заднихъ цѣлей, освѣщающаго факты и событія изъ ежедневной общественной жизни.

Краткое изложеніе фактовъ, всесторонній анализъ и освѣщеніе ихъ, полнота и свѣжесть извѣстій стоятъ у редакціи на первомъ планѣ.

«Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно въ форматѣ столичныхъ и провинціальныхъ большихъ газетъ. Печататься будетъ новымъ, отчетливымъ шрифтомъ, по слѣдующей програмѣ:

I. Правительственныя распоряженія. II. Внутренній отдѣлъ. Статьи по городскому и земскому хозяйствамъ, сельской и торговой промышленности Россіи. III. Телеграмы. Международ. телегр. агентства и отъ собственныхъ кореспондентовъ изъ всѣхъ странъ свѣта. IV. Ежедневная хроника. Отдѣлъ этотъ дѣлится на слѣдующія рубрики: а) городскіе новости и слухи, б) рефераты: судебные, думскіе, земскіе и разныхъ другихъ обществъ и учрежденій и желѣзно-дорожныя новости, в) «мимоходомъ» и различныя сцены и г) театральная и библіографическая хроника. V. Внутреннія извѣстія. Кореспонденція изъ всѣхъ концовъ Россіи и перепечатки изъ другихъ газетъ. VI. Заграничныя извѣстія. Статьи, кореспонденціи и позаимствованія изъ иностранныхъ газетъ о выдающихся событіяхъ политической и экономической жизни Европы. VII. Фельетоны. Воскресные и въ будніе дни. VIII. Смѣсь. Свѣденія о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; изъ областей науки, искуства, литературы и дамскихъ модъ, сцены и разсказы юмористическаго содержанія IX. Комерческій отдѣлъ. Комерческія телеграмы и кореспонденціи изъ значительныхъ по торговлѣ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ городовъ; статьи по вопросамъ экономическимъ, финансовымъ, хозяйственнымъ и промышленно-торговымъ. Цѣны на хлѣбъ, шерсть, сахаръ и пр. товары внутренней и отпускной торговли. Цѣны на цѣнныя бумаги и звонкую монету. X. Справочный отдѣлъ. Въ этомъ отдѣлѣ будемъ помѣщать свѣденія о дѣлахъ, назначенныхъ къ разбирательству въ судебной палатѣ, окружномъ судѣ, городскомъ и уѣздномъ съѣздахъ мировыхъ судей и коммерческомъ судѣ, объ отходѣ и приходѣ пасажирскихъ и товарныхъ пароходовъ и поѣздовъ жел. дор.; о прибывающихъ въ г. Одессу и выбывшихъ. XI. Отдѣлъ объявленій. Объявленія казенныя и частныя на всѣхъ европейскихъ языкахъ печатаются по весьма умѣренной таксѣ, а для большаго распространенія объявленій въ публикѣ, «Листокъ» во многихъ частяхъ города расклеивается на особо устроенныхъ доскахъ, что даетъ возможность каждому желающему безплатно читать, вслѣдствіе чего объявленія достигаютъ скорѣе своей цѣли.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ, съ ежедневною доставкою на домъ, въ годъ (12 мѣсяцевъ) 6 руб., полгода (6 мѣсяцевъ) 3 руб. 50 коп., три мѣсяца 2 р., одинъ мѣсяцъ 85 коп.

Для иногородныхъ подписчиковъ съ ежедневною пересылкою по почтѣ: на годъ (12 мѣсяцевъ) 7 руб., полгода (6 мѣсяцевъ) 4 руб., три мѣсяца 3 руб., одинъ мѣсяцъ 1 руб. 20 коп.

Подписавшіеся до декабря мѣсяца на полученіе газеты въ 1881 г. за декабрь мѣсяцъ получатъ **безплатно.**

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

Объ изданіи въ **1881** году журнала

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

(годъ седьмой).

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый нумеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана въ видѣ **преміи** 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ: Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки **8** руб., съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ **8** руб. **50** коп., съ пересылкою иногороднымъ **9** руб.

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ **5** руб. и къ 1-му мая остальныя.

подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ:—**Въ С.-Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ Исакова. **Въ Москвѣ**—при книжныхъ магазинахъ Соловьева—Страстной бульваръ, д. Алексѣева, и Мамонтова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія», Шпалерная улица, д. № 42.

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ исключительно въ редакцію, а городскихъ въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.

Недавно вышелъ изъ печати въ Симбирскѣ

МѢСЯЦЕСЛОВЪ
ПРАВОСЛАВНОЙ КАФОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ,

(Изданіе 2-е, исправл. и дополн., до 930 стр. мелкаго убормст. шрифта).

Составленный г. **Косолаповымъ**,

могущій служить справочною книгою о всѣхъ святыхъ, чтимыхъ святою православною церковію. По обилію заключающихся въ мѣсяцесловѣ свѣденій, онъ заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ православныхъ. Въ мѣсяцесловѣ встрѣчается множество именъ такихъ святыхъ, о которыхъ доселѣ не упоминалось даже въ самыхъ полныхъ мѣсяцесловахъ. Кромѣ того, почти всѣ святые имѣютъ краткое описаніе жизни и даже съ описаніемъ (у нѣкоторыхъ) тѣхъ случаевъ изъ жизни, по которымъ въ православномъ народѣ сложилось вѣрованіе прибѣгать съ молитвою о помощи къ разнымъ святымъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ мѣсяцесловѣ указаны также всѣ праздества въ честь явленныхъ иконъ Божіей Матери, съ описаніемъ случаевъ ихъ явленія. Въ концѣ мѣсяцеслова приложены: алфавитъ именъ святыхъ, полный индиктіонъ, чтенія Воскресныхъ Евангелій и Апостоловъ на всѣ недѣли года.

Цѣна мѣсяцеслову **3** руб. **50** коп. безъ пересылки. За пересылку прилагается на 2 фунта по разстоянію. Выписывающіе 10 экземпл. пользуются уступкою 10%. Книгопродавцамъ обычная уступка. Складъ изданія при типографіи Н. Г. Анучина, въ Симбирскѣ.

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

БРОШЮРА ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

О ПРИМѢНЕНІИ
СОГРѢВАЮЩИХЪ КОМПРЕССОВЪ
ВЪ ЛЕЧЕНІИ РАЗЛИЧНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ И ПОВРЕЖДЕНІЙ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА,

СОСТАВЛЕННАЯ ВРАЧЕМЪ **А. Преображенскимъ**.

Цѣна брошюры 10 коп., съ пересылкой 15 коп. Продается въ Симбирскѣ, въ типографіи Н. Г. Анучина. Выписывающіе не менѣе 50 экземпл. пользуются уступкою 10%.

въ 1881 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ),

иллюстрированный журналъ для дѣтей и домашняго и общественнаго воспитанія.

Будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣже сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1880 году.

Полное годовое изданіе журнала **состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ «Педагогической хроники».** Подписная цѣна на полный журналъ безъ доставки **11** р., съ доставкой и перес. **12** р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей** выходитъ ежемѣсячно, 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна безъ доставки **9** р., съ дост. и перес. **10** р.

II. **Учебно-воспитательный отдѣлъ** (**для родителей и воспитателей**) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ **«Педагогической хроники»**, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна безъ дост. **4** р. и съ дост. и перес. **5** р.

Первый отдѣлъ (**для дѣтей**) даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Второй отдѣлъ (**для родителей и воспитателей**) содержитъ общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій и пр. **„Педагогическая хроника“** даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею, и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр, 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа“** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. Краевичъ**.

Объ изданіи въ **1881** году

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНАГО ЖУРНАЛА

„МЫСЛЬ“

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Журналъ «Мысль» поставилъ своей цѣлью въ общедоступномъ изложеніи знакомить публику съ состояніемъ и развитіемъ мысли, науки и литературы у насъ и на Западѣ, а также установить критическое отношеніе къ этимъ явленіямъ. Осуществить эту цѣль въ широкихъ размѣрахъ журналъ не претендуетъ въ настоящее время, въ виду довольно распространеннаго въ нашей публикѣ равнодушія къ интересамъ мысли, но старается дать по возможности все, что позволяетъ какъ небольшой объемъ журнала (до 130 страницъ въ каждой книжкѣ), такъ и низкая подписная плата (6 рублей въ годъ съ пересылкой). Въ 1880 году, въ числѣ прочихъ произведеній, въ нашемъ журналѣ были помѣщены слѣдующія капитальныя вещи: переводъ извѣстнаго сочиненія Гер. Спенсера «Данныя науки о нравственности» («The data of Etics»), «Сила, какъ результатъ движенія» професора Охоровича, Соціологическіе очерки, професора Фулье, Біологическіе этюды, проф. Тарханова, Педагогическіе этюды Перре, а также статьи по химіи, физикѣ, физіологіи, зоологіи, философіи и др. наукамъ, и масса мелкихъ замѣтокъ научнаго и научно-философскаго содержанія: научныя новости, извѣстія о новыхъ книгахъ и пр. Въ отдѣлѣ критики, кромѣ разбора многихъ белетристическихъ и публицистическихъ произведеній текущей литературы, было помѣщено подробное изложеніе такихъ сочиненій, какъ новая книга Льюиса («О жизни и духѣ»), Айрлэнда («Объ идіотизмѣ»), Макса Мюллера («О происхожденіи религій»), Гайденгайна («О гипнотизмѣ»), Н. Грота («Психологія чувствованій») и мног. другія. Наконецъ, въ отдѣлѣ белетристики помѣщались романы, повѣсти, разсказы, при выборѣ которыхъ редакція главнымъ образомъ руководствовалась стремленіемъ знакомить нашу интелигенцію съ бытомъ и типами народа, освѣщая трезвой и художественной мыслью явленія русской жизни вообще.

Подписная плата:

На годъ въ Петербургѣ безъ доставки **5** р.; тамъ же съ доставкой **5** р. **50** к., съ пересылкой въ др. города **6** р.

Адресъ редакціи: Фурштадтская, д. № 38, **Л. Е. Оболенскому.**

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА

„СОВРЕМЕННОСТЬ“

СЪ ОСОБЫМЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

„СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1881 году.

Въ будущемъ году «Современность» будетъ издаваться въ томъ-же направленіи, что и въ нынѣшнемъ году. Въ редакціи газеты будетъ принимать постоянное участіе отецъ мой, бывшій редакторъ газеты «Сынъ Отечества», А. В. Старчевскій.

Цѣль газеты, главнѣйшее ея стремленіе—вносить въ русское общество одни здравыя, положительныя начала, полезныя знанія, могущія содѣйствовать всестороннему и основательному развитію образованія въ среднемъ и низшемъ класахъ нашего общества, для которыхъ мы преимущественно и предназначаетъ нашу газету. Поэтому, кто хочетъ слѣдить за преуспѣяніемъ во всѣхъ сферахъ—политической, умственной, художественной, технической и общественной дѣятельности, тотъ найдетъ въ «Современности» все, что его можетъ интересовать.

Газета «Современность» издается безъ предварительной цензуры.

Въ будущемъ году «Современность» будетъ выходить ежедневно.

«Семейное Чтеніе» вовсе не имѣетъ въ виду преслѣдовать педагогическую цѣль, а тѣмъ менѣе доставлять русскимъ небогатымъ семействамъ матеріалъ для одного лишь легкаго чтенія и развлеченія. «Семейное Чтеніе» служитъ необходимымъ дополненіемъ газеты «Современность» и предназначается для того класа общества, который не имѣетъ возможности подписываться на большую газету и въ тоже время на толстый журналъ, стоющіе вмѣстѣ болѣе 30 руб. сер.

Втеченіе двухлѣтняго изданія нами «Современности», читатели могли убѣдиться, что цѣль наша состоитъ въ томъ, чтобы «Современность» служила, на сколько это позволяетъ объемъ ея, вѣрнымъ отраженіемъ лучшихъ взглядовъ и выводовъ нашихъ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна на газету «Современность» съ «Семейнымъ Чтеніемъ» за годъ **6** руб.; съ перес. и доставкою на домъ **7** руб.; съ преміей (необязательной), состоящей изъ 6 олеографическихъ картинъ **8** руб.

Выписка газеты въ долгъ не допускается.

Подписка принимается въ редакціи газеты, въ С.-Петербургѣ, уголъ Ямской и Свѣчнаго переулка, домъ № 9, кварт. № 18.

Редакторъ-издатель **А. А. Старчевскій.**

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“

изд. Е. ЛЕБЕДЕВОЙ.

(бывшій Львовой)

Журналъ выходитъ пятнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ произведенія, самыя новѣйшія, иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими или имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами, такъ чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ провожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ-бы его съ наиболѣе интересными и наиболѣе пользующимися успѣхомъ, въ различныхъ странахъ Запада, произведеніями изящной литературы.

Для болѣе лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему-либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются наибольшею популярностью за-границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ будетъ помѣщенъ парижскій романъ Генри Рошфора—«Мадмуазель Бисмаркъ», гдѣ читатель встрѣтитъ лицъ, заправляющихъ въ настоящее время судьбою Франціи, какъ, напримѣръ, Гамбетту и т. п. При январской книжкѣ мы приложимъ и портретъ Рошфора, вмѣстѣ съ его краткой біографіей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на 12 мѣсяцевъ 8 руб., на 6 мѣсяцевъ 4 руб. 25 коп. Съ дост. на домъ: на 12 мѣсяц. 8 руб. 50 коп., на 6 мѣсяц. 4 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ города: на 12 мѣсяц. 9 руб., на 6 мѣс. 5 руб.

Допускается разсрочка по полугодично, по третямъ и помѣсячно, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., во второмъ—3 руб., а въ третьемъ—2 рубля.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно въ контору **«ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ»**, Спб., Надеждинская ул., д. № 28—2.

„НУВЕЛЛИСТЪ“
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го января 1881 года «НУВЕЛЛИСТЪ», вступая въ 42-й годъ своего существованія, будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ «НУВЕЛЛИСТѢ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

«НУВЕЛЛИСТЪ», Музыкально-Театральная Газета, будетъ выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона: въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ и состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра какъ въ Россіи, такъ и за-границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искуства. 4) Фельетонъ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики «НУВЕЛЛИСТА» получатъ въ концѣ года **ПРЕМІЮ**—полную оперу въ двѣ руки или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти нумеровъ, указанныхъ редакціею.

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» съ Музыкально-Театральною Газетою и преміею **5** руб. Съ доставкою или пересылкою **6** руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

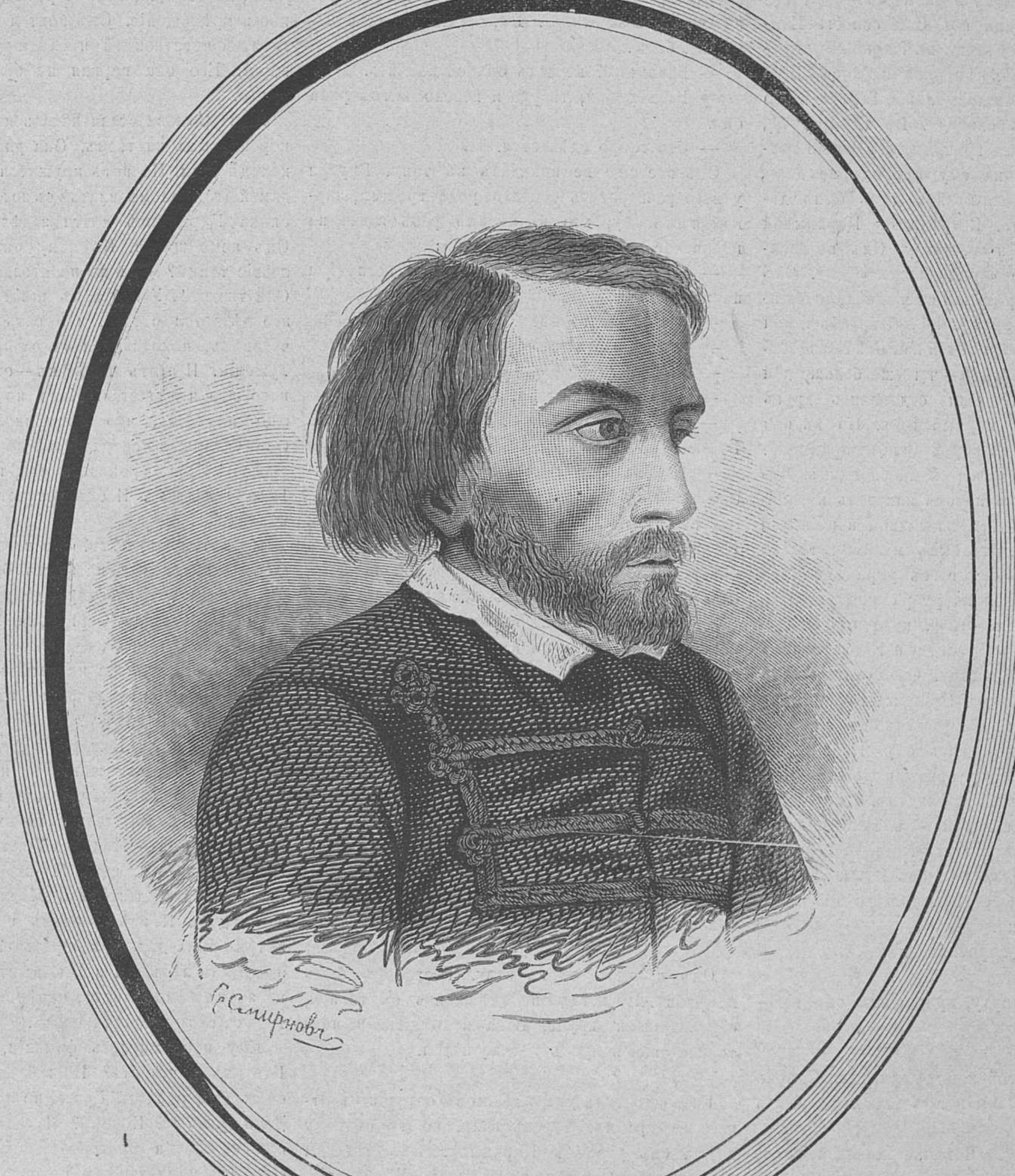
Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ «НУВЕЛЛИСТА» при музыкальномъ магазинѣ **М. Бернарда,** поставщика двора Его Величества, Невскій проспектъ, № 10. **Въ Москвѣ:** въ музыкальномъ магазинѣ **А. Б. Гутхейль,** поставщика двора Его Величества, Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. **Въ Казани:** въ музыкальномъ магазинѣ **«Восточная Лира».** **Въ Харьковѣ:** у **Гергарда.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 октября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 44. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 1 Ноября 1880 г.

ПОРТРЕТЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.



В. Г. Бѣлинскій наканунѣ смерти *).
Переведено на дерево въ фотографіи г. **Лаптева**. Рѣзалъ **Смирновъ**.

---

*) Этотъ драгоцѣнный портретъ, до сихъ поръ совершенно неизвѣстный публикѣ, нарисованъ г-жею **Языковой** передъ смертью великаго критика. Копія съ него была собственностью **Н. А. Некрасова** потомъ она была подарена **П. А. Ефремову**, любезно дозволившему намъ воспроизвести его на страницахъ нашего журнала. Подробности читателя найдутъ въ статьѣ о Бѣлинскомъ.

Первый балъ.

Разсказъ **П. Д. Боборыкина.**

(Продолженіе.)

V.

Сомовъ присѣлъ на диванъ. Гостиная была въ эту минуту пуста. Онъ еще находился подъ обаяніемъ. Да и не сегодня онъ разглядѣлъ, что за женщина выдетъ изъ Вавы... Выдетъ!.. Теперь уже вышла!

Ему тридцать три года. Еще пять, шесть лѣтъ—и онъ старый холостякъ. Онъ не честолюбивъ, средства у него хорошія, не изъ чего ему биться, думать о карьерѣ. Думаетъ онъ объ одномъ: какъ бы ему полегче пожить. А нѣтъ жизни безъ женщины. Но онъ рано встрѣтилъ ту, кто теперь владѣетъ имъ на правахъ тайной подруги. Передъ тѣмъ онъ не имѣлъ серьезной связи. Обходился и безъ легкихъ свѣтскихъ интригъ. Онъ жилъ больше за-границей. Ему довольно было случайныхъ знакомствъ—одну недѣлю, мѣсяцъ... Пѣвица изъ Café concert Елисейскихъ полей, цвѣточница въ Флоренціи, акробатка въ Франкфуртѣ, нѣмецкая ingénue въ Висбаденѣ... Такъ ему казалось слаще. Больше всего онъ боялся потерять свободу. Въ Петербургѣ, по возвращеніи изъ-за границы, ему стало тоскливо... Натуры игрока ему природа не дала, кутежа онъ не любилъ, къ лошадямъ былъ довольно равнодушенъ. Встрѣча съ Царицыной захватила его, какъ и ее, сразу. Онъ не взвидѣлся, какъ она уже «принадлежала» ему. Онъ не допустилъ ее до разрыва съ мужемъ, до скандала. Все обошлось прекрасно... Обладать такой женщиной—самой роскошной изъ всѣхъ извѣстныхъ ему въ Петербургѣ—чего-же больше для самолюбія мужчины? Они отдавались другъ другу одинаково въ первый годъ. Но въ ней страсть росла, въ немъ переходила въ привычку. Она была брюнетка, онъ рыхлый блондинъ. Черезъ три года Сомовъ началъ находить неудобства даже въ такой покладливой и пріятной связи. Въ сущности, онъ былъ мужемъ, только съ обязательствомъ сидѣть съ утра до вечера въ чужомъ домѣ. Своя квартира превратилась для него въ номеръ отеля, куда онъ пріѣзжалъ спать и мѣнять туалетъ и куда тайкомъ являлась иногда Царицына. Онъ отсталъ отъ холостого порядка жизни. Принужденъ онъ былъ также видѣть супруга и выносить его генеральскій разговоръ, поддакивать ему. Но все это обратилось бы въ новую привычку, еслибъ годъ тому назадъ Сомовъ не разглядѣлъ, что выйдетъ изъ той Вавочки, которой онъ такъ недавно дарилъ куклы и говорилъ «ты».

— Вотъ и я! раздался голосъ Вавы.

Сомовъ всталъ, быстро подошелъ къ ней и взялъ ее за обѣ руки.

— Душно тамъ? спросилъ онъ.

— Уфъ!..

— Сядемъ на минуту, пригласилъ онъ ее.—Надо-же отдохнуть.

— Здѣсь славно.

Они сѣли на другой конецъ дивана. Сомовъ глядѣлъ на бюстъ Вавы и продолжалъ держать ее за обѣ руки.

— Первый балъ!.. Чего-же хочется вамъ, Вава?

— Ахъ какой вы, Ton... она хотѣла поправиться.

— Зачѣмъ! Зовите меня Tonton, какъ прежде.

— Хорошо. Tonton... Чего мнѣ хочется?... Право, не знаю.

— Чтобы вся жизнь прошла, какъ этотъ балъ?

— Все танцовать?.. Нѣтъ! Мало-ли есть еще хорошаго! Въ Парижъ хочется.

— Въ Парижъ?

— Да... только...

Она не договорила... Онъ угадалъ ея мысль.

— Не съ maman? Не дѣвочкой?..

— Да, да, страстнымъ шопотомъ, отвѣтила она.—Вездѣ быть, все видѣть...

— Вотъ и поѣдемъ, стремительно сказалъ Сомовъ и приблизилъ къ ней лицо.

— Вдвоемъ?

— Вдвоемъ!

— Мама не пуститъ.

Вава произнесла это такъ, что Сомовъ мгновенно подумалъ: «Неужели она все знаетъ?»

— Теперь не пуститъ!

— А когда-же?

Глазки ея свѣтились, вздернутый носикъ вздрагивалъ нервно, она вся превратилась въ вопросъ, полный знойнаго чувства новизны и опасности.

— Когда вы будете свободны!

— Да-а, протянула Вава.—Я знаю: вотъ выду замужъ... Парижъ!.. Италія!.. Это ужасно соблазнительно, Tonton!.. И я все-таки не хочу торопиться... изъ за этого... Выскочить сейчасъ замужъ... безъ...

— Безъ чего? не далъ онъ ей кончить.

— Безъ любви, твердо и весело выговорила она.

— Это скоро сдѣлается.

Онъ все еще не попадалъ въ тонъ. Внутри у него разгоралась особаго рода тревога, знакомая всякому, кто въ первый разъ идетъ на воровское дѣло.

— Не знаю, выговорила Вава и поглядѣла на него изъ подлобья.

— Здѣсь никого нѣтъ?..

— Я влюбилась!

— Въ кого?

— Въ капельмейстера.

— Ну, это неопасно... А такъ въ залѣ... Кто-же?

— Всѣ на одно лицо... Вотъ только вы, Tonton... другихъ заслоняете.

Она дурачилась. Это его начало раздражать. Въ ребенкѣ онъ чуялъ женщину, о какихъ онъ никогда не мечталъ. И она тутъ, около него, онъ можетъ ей все сказать, все предложить...

— Вава, началъ онъ и языкъ не сразу сталъ повиноваться ему,—вы на вашего Tonton какже смотрите?

— Онъ милый! шепнула она ему прямо въ ухо.

— Я серьезно.

— И я серьезно.

— Какъ на стараго дядю?

— Боже мой!.. Разжалобить хотите...

— Вы знаете-ли?..

— Что? низкой нотой спросила она.

Изъ залы донеслась мелодія вальса. Вава вскочила.

VI.

Онъ привелъ ее въ залу. Разговоръ былъ прерванъ. Но когда они смѣшались съ толпой, образовавшей кругъ, Вава вспомнила и повторила свой вопросъ той-же нотой.

— Что-же?

Ее подхватилъ уланъ. Сомовъ остался съ открытымъ ртомъ. Черезъ залу, по ту сторону круга, онъ увидѣлъ Царицыну. Ихъ взгляды встрѣтились. Она ему улыбнулась. Улыбка показалась ему приторной. Вѣдь этой женщинѣ тридцать семь скоро стукнетъ, она почти на четыре года старше его. Неужели онъ надѣлъ на себя вериги любви на-вѣки? Довольно и того, что втеченіи шести лѣтъ онъ оставался ей вѣренъ. Это слишкомъ добродѣтельно!.. Или дожидаться кончины его превосходительства и заступить его законнымъ образомъ? Онъ читалъ давно разсказъ въ русскомъ журналѣ, очень даровитый. Такая-же вотъ женщина, вѣроятно, за тридцать, освободилась наконецъ: мужъ умеръ, губернскій баринъ; она летитъ въ Петербургъ, къ нему и сейчасъ съ ножемъ къ горлу: когда-же въ церковь? А онъ не желаетъ. Слезы, крики, истерика, жалкія слова... Она ему всѣмъ пожертвовала, у ней дочь невѣста, партію должна сдѣлать, нельзя-же имъ не прикрыть вѣнцомъ своего прошедшаго!.. Вотъ оно что! Прикрыть! Флеръ-д'оранжъ на голову, бабѣ подъ сорокъ лѣтъ, и все оттого, изволите видѣть, что за дочь сватается камеръ-юнкеръ!

Точно то-же можетъ быть и съ нимъ, Сомовымъ, если онъ станетъ дожидаться апоплексическаго удара его превосходительства. А если этотъ ударъ случится черезъ десять лѣтъ? Неужели еще десять лѣтъ состоять въ такихъ-же отношеніяхъ? Но тогда она—руина, а онъ еще не старый блондинъ... Послѣднее молодое десятилѣтіе будетъ загублено, когда тутъ ему стоитъ протянуть руку и роскошный цвѣтокъ — его! Все равно будетъ-же одно изъ двухъ: или разрывъ, не сегодня, такъ черезъ полгода, или полное закрѣпощеніе. Онъ боится мягкой цѣпкости этой чувственной и сантиментальной женщины. Его она первая не броситъ. Онъ—ея вещь...

Глаза Сомова стали искать пары съ нѣжно персиковымъ платьемъ. Она улетѣла въ другой конецъ залы. Но вотъ кружится адъютантъ съ дамой въ черномъ платьѣ съ золотомъ. Широкая спина Царицыной почти задѣла его по лицу. Онъ поморщился. Къ чему она пускается въ легкіе танцы? Она не на столько сохранилась. Она тяжела!.. У ней нѣтъ линій для вальса. Все это дѣлается оттого, что есть здѣсь въ залѣ человѣкъ, находящійся въ ея крѣпостномъ услуженіи. И этотъ человѣкъ—онъ, Сомовъ. Для него это и дѣлается. Надо показать, что она еще порхаетъ, что лѣта скользятъ по ней... Она—старшая сестра своей дочери...

Дочь! Слово пронизало его, точно иглой. Да, Вава—ея дочь... И онъ мечтаетъ... Сомовъ покраснѣлъ...

Но почему-же нѣтъ? Это чистая случайность. Онъ могъ, сегодня, на этомъ балѣ, въ первый разъ увидать прелестную дѣвушку, узнать, что ея мать—Зинаида Сергѣевна Царицына... Ничего больше!..

Опять ему пришла на память цѣлая исторія. Всѣ образованные люди ее знаютъ. На комъ былъ женатъ Мольеръ? На Мадленѣ Бежаръ—дочери Арманды Бежаръ; а Арманда — это историческій фактъ—жила съ нимъ долгіе годы. Есть даже подозрѣніе, какое подозрѣніе, есть очень вѣскія свидѣтельства—ихъ приводятъ въ книжкахъ — что Мадлена была его дочь!.. Ну, положимъ, это клевета. Но кто-же станетъ спорить противъ того, что Мадлена была дочь Арманды?.. И всѣ съ этимъ примирились!.. Да зачѣмъ такъ далеко забираться? Мольеръ жилъ за двѣсти лѣтъ... А здѣсь, въ этомъ Петербургѣ, на этомъ самомъ балѣ, навѣрно есть нѣсколько такихъ супружескихъ паръ...

Ему припомнились фамиліи, слухи, факты. Кто ихъ провѣритъ? Но всѣ говорятъ... Грязь, скажутъ моралисты! Грязь, но не кровосмѣшеніе. Да и грязь-ли? Почему? Я долженъ отказаться отъ обладанія прелестнѣйшей дѣвушкой, даже если она меня любитъ, потому только, что былъ шесть лѣтъ въ близкихъ отношеніяхъ съ ея матерью?..

Сомовъ протестовалъ противъ такого ригоризма. Это—фальшь, гримасы, тартюфство! На сто человѣкъ — восемьдесятъ поступаютъ такъ. Ахъ, боже мой! Да ему извѣстны случаи, когда матери воспитывали дочерей для своихъ возлюбленныхъ... Умныя женщины! Онѣ видѣли, что настанетъ такой день, когда другъ уйдетъ... Въ провинціи, гдѣ онъ провелъ дѣтство, въ губернскомъ городѣ—всѣ указывали на даму съ остатками красоты и говорили, «какъ умно» она устроила счастье своей дочери... Съ дочерью онъ игралъ въ воланъ... Правда, въ французскихъ драмахъ изъ этого дѣлаютъ раздирательные сюжеты... Дочь влюбилась въ любовника матери. И жертвуетъ собою. Ее убиваетъ отецъ, она, умирая, клевещетъ на себя, говоритъ, что тотъ прокрался ночью къ ней. Пьеса была освистана за безнравственность. Сомовъ былъ на представленіи, и по его мнѣнію она просто провалилась. Вся эта исторія вышла притворна, фальшива, ходульна.

— Умираю!.. задыхаясь, вскричала Вава и чуть не упала ему на руки.

Ея кавалеръ—гусаръ—бросился поддерживать ее.

Но Сомовъ не допустилъ. Онъ придержалъ ее за талью. Ея дыханіе горячей струей дунуло ему въ лицо. Ея грудь трепетала и учащенно поднималась. Онъ взялъ ее подъ руку и увелъ за уголъ и усадилъ на диванъ.

— Ахъ, ахъ!.. обмахивалась она вѣеромъ. Боже мой! До чего они меня довели... Гдѣ мама?

— Не знаю.

— Опять отпоролось!.. Милый Tonton... Надо въ уборную...

Онъ чувствовалъ небывалую дрожь.

VII.

Онъ довелъ ее до уборной, эта дрожь не пропадала. Но какъ то было выше всего, что онъ чувствовалъ, когда сходился съ матерью... И онъ еще способенъ на такое сильное волненіе! Да это молодость, самая первая, зеленая, животворящая! Да за одно это надо все отдать прелестному созданію, сулящему вторую жизнь, краше, роскошнѣе, безумнѣе всей его выдохшейся любви!..

Они шли скоро. Вава громко дышала. Еще сильнѣе опиралась она на его руку. Голова у ней еще кружилась отъ вальса. И онъ ускорилъ шагъ. Ему хотѣлось скрыться изъ залы. Точно онъ боялся, что ихъ кто-нибудь нагонитъ. Инстинктивно онъ даже оглянулся...

— Прелесть, прелесть! шепталъ онъ ей.

Она не могла отвѣчать ему. Но онъ чувствовалъ однимъ прикосновеніемъ къ ея благоуханному тѣлу, какъ ей пріятны эти похвалы.

— Сейчасъ, сейчасъ, бросила она ему у дверей уборной и хлопнула по рукѣ вѣеромъ съ черными перьями.

Онъ ждалъ не долго. Вава торопила горничную. Tonton сегодня такой милый, что ей хочется разцѣловать его... Разцѣловать!.. И красивый какой!.. Вотъ капельмейстеръ—очень хорошъ... Но у Tonton лицо мягче... А борода!.. Онъ славный... Больше шести лѣтъ она его знаетъ—никогда онъ не разсердился... Даже съ отцомъ любезенъ... Когда она была дѣвочка—какъ онъ ее ласкалъ. Мама такъ не умѣла... Ей не разъ приходило на мысль, что онъ ее любитъ больше, чѣмъ мать... И ходить съ нимъ удобно, и танцовать, и борода его такъ пріятно щекочетъ щеку, когда онъ приблизитъ лицо... Зачѣмъ она не съ нимъ сейчасъ вальсировала?.. Это глупо... Слѣдующій вальсъ будетъ съ нимъ, только съ нимъ. Всѣмъ этимъ «міошамъ» станетъ отказывать... И кадриль съ нимъ... Ахъ! нельзя! Отдала всѣ, глупая, глупая!..

Опять они на диванѣ, вдвоемъ. Прошли двѣ дамы. Вава только что хотѣла было признаваться ему въ любви. Онѣ помѣшали. Но вотъ теперь никого.

— Надо подольше посидѣть, сказалъ онъ ей первый и взялъ за обѣ руки.

Какъ онъ мило беретъ за руки! Такъ никто не умѣетъ.

— Да, да, милый!..

Слово «милый» вырвалось у нея одно, безъ его имени. Но она не смутилась. Стало быть, она такъ хотѣла.

— Милый? переспросилъ онъ и сѣлъ близко, близко.

— Да, милый!.. я сейчасъ вотъ, Tonton... Нѣтъ, не скажу!..

Вава отшатнулась и вырвала у него руки.

Изъ уборной пробѣжали двѣ дѣвицы и пристально поглядѣли на нее.

— Чего онѣ! Я не испугалась!.. Tonton, какія всѣ эти бабенки гадкія.

— Бабенки!..

Она расхохоталась.

— Я не испугалась, повторила Вава; зрачки ея глазъ расширились.—Знаете, о чемъ я думала тамъ, въ уборной... Или нѣтъ, о комъ?..

— О капельмейстерѣ?

— Ахъ, нѣтъ! Объ васъ... И вотъ я сейчасъ вамъ скажу въ трехъ словахъ: вы славный, прелесть!..

Ребенокъ это болтаетъ или говоритъ женщина? Но зачѣмъ ему допытываться?.. Слова дышутъ пыломъ чувства... Развѣ онъ отецъ ея?.. Онъ—молодъ! Ей хочется нравиться ему... Она уже отдается по своему, какъ дѣвушка шестнадцати лѣтъ, съ безсознательной нѣгой... Она сама шлетъ ему вызовъ...

— Вава, началъ онъ полушопотомъ,—и я вамъ скажу два слова.

— Какія?—скажите.

— Люблю тебя!..

Ваву, точно что отбросило въ сторону. Она перестала смѣяться. Голосъ Сомова дрогнулъ. Не такъ бы онъ произнесъ эти два слова, еслибъ хотѣлъ говорить съ нею, какъ съ маленькою. Вспыхнуть она не могла—щеки ея и безъ того горѣли. Ей стало на минуту страшно. а потомъ безумно весело. Tonton, милый, борода, мягкій тонъ, добрый такой, ласковый, щедрый, образованный, повезетъ ее въ Парижъ!.. Да это рай!.. Щеки Вавы начали блѣднѣть, въ труди заново сперлось; но не такъ, какъ отъ вальса, а совсѣмъ по другому. Въ ногахъ дрожь, въ колѣнкахъ... Взглянуть на него?..

Она опустила глаза, но руки ея очутились опять въ его рукахъ. Какъ онъ жметъ. Опять вся кровь прилила къ лицу. На глазахъ, кажется, слезы? Ахъ какой стыдъ! Нѣтъ, не стыдно...

Вава подняла глаза, повернула къ нему голову, чуть-чуть склонилась къ нему.

— Правда? спросила она, усиленно вдыхая въ себя воздухъ.

— Хочешь быть моей женой?

Женой?.. Зачѣмъ? Такъ скоро? Сейчасъ, въ эту зиму? Съ перваго бала?.. Отчего-же не невѣстой? Годъ, по крайней мѣрѣ, годъ, чтобы остаться дѣвушкой; да, а то и больше... поѣздить за границей... цѣловаться... То flirt, вотъ какъ англичанки. А не сейчасъ. Все это легко сдѣлать. Онъ согласится.

VIII.

Вава сдержала походку въ слѣдующей гостиной. Въ двухъ углахъ сидѣли пары. О! теперь она видитъ, что это—любовныя à parte. Поскорѣе—въ залу, смѣшаться съ толпой. Мать ее не найдетъ. Она побѣжитъ къ ней, все разскажетъ. Нѣтъ! Зачѣмъ? Это останется, пока, между ею и Сомовымъ. Она задумалась на минуту.

Сомовъ, мама! Что-то она вдругъ ощутила неловкое. Онъ другъ мамы. И давно мама души въ немъ не чаетъ. Если онъ такъ прямо сказалъ ей:

— «Люблю тебя!»

Не можетъ быть, чтобы онъ сдѣлалъ это безъ вѣдома ея матери?.. Немыслимо!.. Она тайно сочувствовала. Полно, такъ-ли? Три года—такъ ей это ясно представлялось теперь—она пріѣхала изъ пансіона и застала ихъ вдвоемъ въ будуарѣ матери. Они сидѣли очень близко другъ къ другу. Какъ будто послышался ей поцѣлуй, когда она подходила къ портьерѣ. Можетъ быть. Чтожъ такое? Бѣдная мама всегда скучала. Отца нельзя-же ей было любить? Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Tonton ей нравился. Онъ—какъ родной!..

Кавалеръ искалъ Ваву для четвертой кадрили. Въ залѣ опять становились пары. Но ей не хочется танцовать съ кирасиромъ-дирижеромъ. Хоть немножко подождать. Еще слишкомъ она полна того, что было тамъ. Будь тутъ хоть одна подруга, или братъ—у ней нѣтъ братьевъ, или кто нибудь близкій, она бросилась бы къ нимъ на шею и все бы повторяла:

— Tonton милый! Милый Tonton!..

Въ одномъ мѣстѣ стояли стѣной мужчины. Вава проходила между ними и приступками дивановъ.

— Сомовъ! донесся до нея молодой мужской голосъ.—Вотъ тотъ? говорилъ военный статскому.

— Ну да.

Она пріостановилась.

— Разумѣется, съ madame Царицыной...

— А онъ все еще... при ней?..

— Въ годовыхъ!..

И оба засмѣялись.

Вава покраснѣла... Что это за гадкое слово «въ годовыхъ?» Что оно значитъ? И про мать ея говорятъ эти «мальчишки» такимъ тономъ? Какъ они смѣютъ! Она хотѣла подбѣжать къ нимъ и крикнуть:

— Вы—дрянь!

Она поняла прекрасно: про Tonton всѣ стали сплетничать. Въ городѣ онъ извѣстенъ, какъ... Вава искала слово—какъ bienaimé ея матери. Слово было произнесено ею... Ахъ, мало-ли что болтаютъ!.. Это ничуть не странно, когда женщина такъ хороша, какъ ея мать, такъ свѣжа и молода. И цѣлыхъ шесть лѣтъ ее видятъ съ однимъ и тѣмъ-же мужчиной... Вотъ и сплетня... Шесть лѣтъ... Оба молоды, хороши, такъ близки...

Мысли Вавы начали путаться. Она не могла ничего разрѣшить и не хотѣла портитъ себѣ такую чудную минуту... Поскорѣе отыскать его!.. Хоть на минуту, подастъ ему руку, тайкомъ—и при всѣхъ. Восторгъ!..

У колоны онъ стоялъ съ какимъ-то полковникомъ. Вава смѣло подошла и прикоснулась концомъ вѣера къ его рукѣ.

Вотъ они опять подъ руку, ушли за колоннаду, гдѣ меньше народу.

— Tonton, шепнула она, чувствуя сладкій трепетъ отъ того, что можетъ говорить ему ты,—Tonton, милый... одно словечко...

— Прелесть моя!

— Мама знаетъ?

Онъ поднялъ голову и нѣсколько секундъ молчалъ.

— Не знаетъ?

— Нѣтъ еще.

— Ты скажешь?

Не знаетъ?! Какже это? Вава не можетъ понять. Или, быть можетъ, оно такъ просто, что ему и въ голову не приходило предупреждать маму?

— Вава, выговорилъ Сомовъ, глядя ей прямо въ лицо,—ты ужь большой человѣкъ, да?

— Да! радостно повторила она...

— Докажи это на дѣлѣ.

— Докажу.

— Ты должна первая сказать матери.

— Я... Первая?

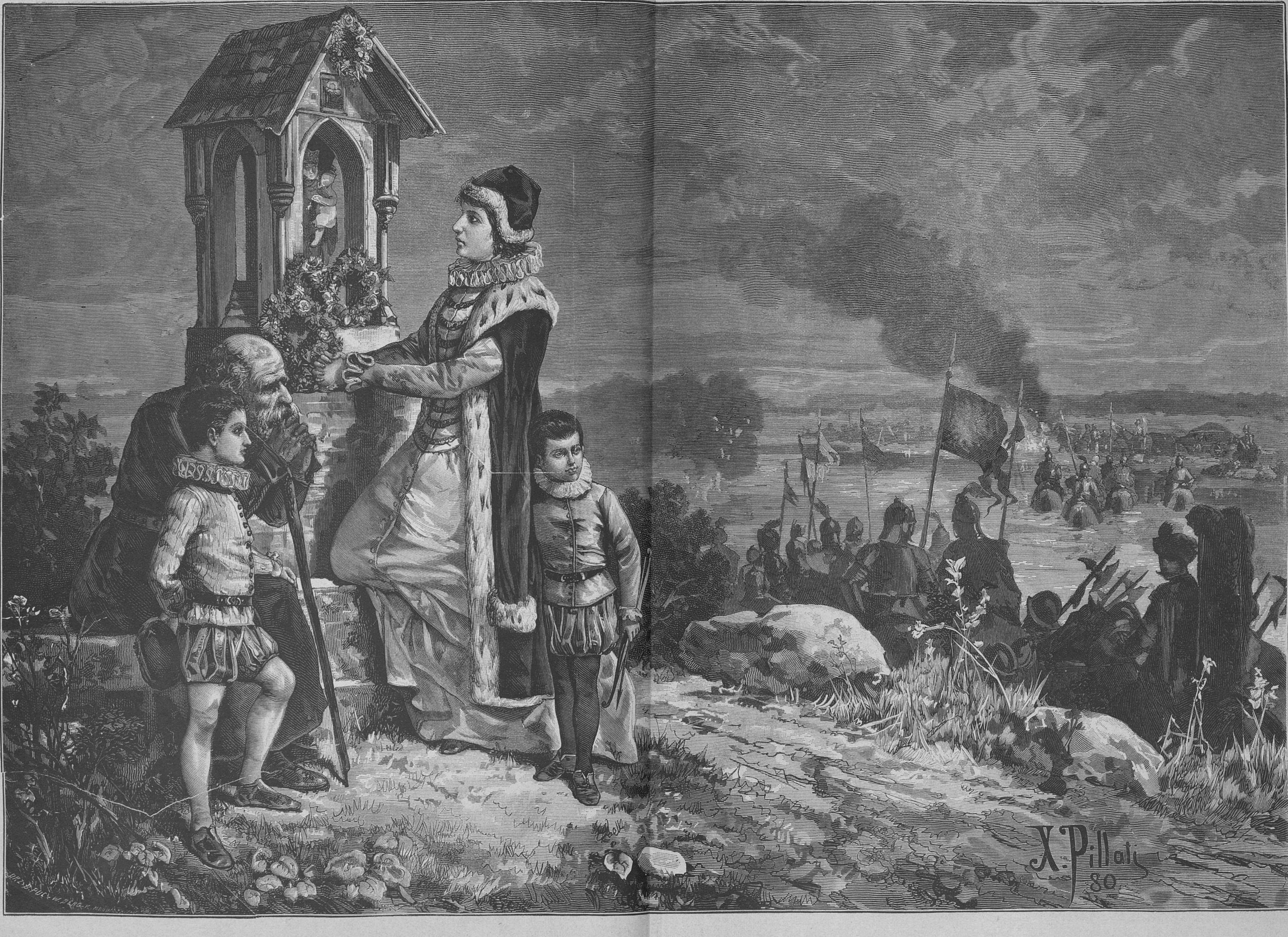
— Пойми... Я вѣдь старше тебя...

— На сколько?

— Ты знаешь, на пятнадцать лѣтъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ПИЛЛАТИ.


X. Pillati
80

Во время войны.

Рѣзали на деревѣ Б. Пуцъ, В. Бергъ.

— Ничего не значитъ!

— Лучше будетъ, если твоя мать сама увидитъ, что ты...

— Доканчивай!

— Ну, что ты... я не фатъ Вава...

— Что ты славный, что я тебя люблю, что никогда никто мнѣ больше не нравился! Ты умно придумалъ. Разумѣется, я должна первая объ этомъ сказать... Это прелесть! Я буду дѣлать тебѣ предложеніе... Только одно большое условіе.

— Какое?

— Долго... женихомъ, очень долго, годъ!

— Годъ? Зачѣмъ?

— Я такъ хочу! Ну, можетъ, смилуюсь. Но полгода непремѣнно.

— Хорошо!

Онъ такъ былъ увлеченъ ея чарующей наивностью, что изъ памяти его совсѣмъ исчезъ образъ женщины, которая тутъ-же, рядомъ, ходила по залѣ на глазахъ всѣхъ, кто зналъ про ихъ связь.

— А когда? спросила Вава, ведя его назадъ.

— Да хоть сегодня!..

— Послѣ бала?

— Да!

Эта мысль пришла ему внезапно. Онъ ей обрадовался.

— Это прелестно, Tonton .. Я и послѣ котильона не устану... Maman зайдетъ ко мнѣ. А ты насъ проводишь?

— Будетъ-ли это...

— Нѣтъ, нѣтъ! Непремѣнно!.. Мы, какъ ни въ чемъ не бывало—и вдругъ... славно!

«Она ничего не знаетъ» успокоился Сомовъ и донельзя молодо почувствовалъ себя. Раздался ритурнель кадрили.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Звѣзда.

Стих. **Дм. Черткова.**

Звѣзда мерцаетъ яркая
Съ небесной высоты...
Волнуютъ сердце жаркое
Тревожныя мечты.

Повсюду тьма глубокая,
Повсюду сонъ и тишь...
Зачѣмъ, звѣзда высокая,
Такъ ярко ты блестишь?

Какъ будто есть желаніе
Сказать мнѣ съ высоты,
Что кончится страданіе,
Что сбудутся мечты.

Не вѣрю я, небесная,
Въ земную благодать!
Одна могила тѣсная
Мнѣ можетъ счастье дать.

Смотри: подходитъ черная
Толпа угрюмыхъ тучъ,
Подходитъ грусть упорная
И гаснетъ счастья лучъ.

Ты видишь: грусть, ненастія
Не минутъ никогда...
Не будетъ сердцу счастія,
Полночная звѣзда.

Изъ исторіи о неудавшихся дѣтяхъ.

Разсказъ **Н. Северина.**

Лёшу нельзя было назвать ни лѣнтяемъ, ни глупцомъ, но ученіе не давалось ему. Какъ ни бился онъ надъ уроками, какъ ни вытверживалъ ихъ, непремѣнно на экзаменѣ провалится, если не на одномъ, то на другомъ предметѣ, и только благодаря переэкзаменовкамъ, которыя каждый разъ настойчиво выхлопатывалъ ему старшій братъ, переходилъ онъ изъ класа въ класъ.

Сестра его приписывала эти неудачи позднему развитію мальчика и тому обстоятельству, что онъ все свое раннее дѣтство провелъ съ бабушкой въ деревнѣ.

— Онъ тамъ велъ совсѣмъ животную жизнь, увѣряла Аня,—бабушкѣ-бы только по хозяйству хлопотать, да закармливать его до отвала. Учиться мыслить и работать ему было не у кого, вотъ почему у него до сихъ поръ такая апатія ко всему серьезному, ко всему, что интересуетъ другихъ дѣтей его лѣтъ. У другихъ съ малолѣтства развиваютъ и память, и любознательность, и вообще всѣ мыслительныя способности.

Но Аркадій Дмитріевичъ увѣрялъ, что всему причиной несчастная разсѣянность мальчика.

— У него вѣчно мысли разбѣгаются по сторонамъ, никакъ не можетъ сосредоточить ихъ на одномъ предметѣ, растеряется и все перезабудетъ, даже и то, что за нѣсколько часовъ отлично зналъ, повторялъ онъ съ досадой.—Конечно, это со временемъ должно пройдти.

— Пройдетъ, если въ немъ разовьется настоящая любовь къ труду, а разовьется-ли она когда-нибудь, вотъ въ чемъ вопросъ, замѣчала на это со вздохомъ его сестра.

И оба были правы; Лёша былъ и разсѣянъ, и застѣнчивъ, а къ довершенію всего, то, чему его учили, вовсе не интересовало его. Онъ долбилъ одинаково терпѣливо и съ одинаковымъ отвращеніемъ арифметику, граматику, латынь или географію. Люди, которыхъ онъ любилъ, сказали ему, что надо кончить курсъ въ гимназіи, что это необходимо для ихъ удовольствія и успокоенія, вотъ онъ и старался.

Эти близкіе люди отлично знали Лешу: еслибъ они сказали ему, что ему надо учиться для самого себя, у него навѣрное не хватило-бы силъ и терпѣнія на такую нравственную ломку.

Кому первому пришла въ голову несчастная мысль отдать Лёшу въ гимназію, да еще въ класическую?

Еслибъ предложить этотъ вопросъ его сестрѣ или брату, они съ удивленіемъ отвѣтили-бы: —Да куда-же было его отдать? Мы тоже учились въ гимназіи.

Оба вышли съ золотой медалью. Аркадій поступилъ въ университетъ, а Аня начала посѣщать класы рисованія при академіи и теперь оба, и братъ, и сестра, даютъ уроки въ тѣхъ самыхъ заведеніяхъ, въ которыхъ сами воспитывались. Кромѣ того у нихъ есть частныя занятія и съ тѣхъ поръ, какъ больной отецъ умеръ, имъ можно даже откладывать копѣйку на черный день. Чего-же лучше? Существованіе ихъ обезпечено.

Разумѣется, Лёша долженъ былъ стремиться къ той-же цѣли и достигнуть ее во что-бы то ни стало. Онъ никого не видѣлъ и не слышалъ умнѣе и дѣльнѣе брата и сестры; съ кого-же брать примѣръ, какъ не съ нихъ? Странно было-бы предполагать, чтобъ у него могъ выработаться свой взглядъ на вещи, свой идеалъ счастья, нисколько не похожій на тотъ, на который указывали ему люди, замѣнявшіе ему родителей!

А между тѣмъ это было такъ. Но про мысли Лёши и желанія его знала одна только бабушка, которой, конечно, никогда и въ голову не приходило выдавать завѣтныя мечты своего любимца.

Бабушка съ внучкомъ жили очень дружно. Никогда мальчику не надоѣдало ей прислуживать, помогать ей топить печки, стряпать. Все, что она дѣлала, такъ ему нравилось и онъ такъ старательно все это перенималъ, что выучился даже шить и бѣлье стирать. Никогда не тянуло его ни на улицу, ни на тѣсный дворъ, стиснутый со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами пятиэтажнаго дома, въ которомъ они жили. На дворѣ этомъ, напоминающемъ колодезь, во всякое время года кишѣло цѣлое населеніе ребятъ разнаго возраста и состоянія, но Лёша избѣгалъ ихъ шумныхъ игръ столько-же, сколько столкновеній со взрослыми. Да и вообще онъ людей такъ чуждался, что когда его посылали зачѣмъ нибудь въ лавочку или письмо опустить въ почтовый ящикъ, онъ стремглавъ и безъ оглядки спускался по лѣстницѣ, съёживаясь при этомъ насколько возможно, чтобъ казаться меньше, и прижимаясь къ стѣнкѣ, чтобъ быть незамѣченнымъ попадавшимся ему на встрѣчу народомъ. И не однихъ чужихъ людей стѣснялся Лёша, на него и при своихъ нападала робость, никогда не подавалъ онъ голоса въ присутствіи брата съ сестрой; забьется, бывало, въ какой нибудь темный и дальній уголокъ и сидитъ тамъ такъ тихо, что не было ничего легче, какъ забыть объ его существованіи въ домѣ.

Бабушка тоже старалась всячески стушевываться въ присутствіи старшихъ внуковъ. Ея уваженіе къ ихъ занятіямъ и заботамъ доходило до благоговѣнія, а благодарность за то, что они пріютили ее, когда ее выгнали изъ того угла въ деревнѣ, который она всю жизнь считала своимъ угломъ, была такъ глубока, что для нея сдѣлалось просто потребностью доказывать Аркадію и Анѣ, какъ она это чувствуетъ и помнитъ, а также и то, что настоящіе хозяева въ домѣ они, работники на семью, а не кто другой.

Лёшѣ она съумѣла внушить тѣ-же чувства. Да и вообще старушка съ мальчикомъ такъ сжились и спѣлись вмѣстѣ во всемъ, что часто безъ словъ понимали другъ друга, по одному взгляду или намеку. У нихъ были секреты отъ старшихъ и надо было только видѣть, какъ ловко умѣли они при случаѣ поддерживать одинъ другого, чудо!

Когда, напримѣръ, сестра тревожно спрашивала:

— У насъ, кажется, мало остается дровъ, бабушка?

А старушка торопливо отвѣчала:

— Еще хватитъ на недѣльку, голубушка. Не правда-ли, Лёшинька?

Лёша утвердительно кивалъ головой, хотя онъ отлично зналъ, что дровъ остается самая малость и что для того, чтобъ протянуть ихъ еще на недѣльку, придется пустить въ ходъ всевозможныя хитрости и уловки, затапливать печки поздно вечеромъ, передъ самымъ приходомъ братца съ сестрицей, и по цѣлымъ утрамъ сидѣть въ холодѣ.

На счетъ прочихъ хозяйственныхъ распоряженій между бабушкой и младшимъ внучкомъ тоже царило полнѣйшее единодушіе. Когда старушка, узнавши, что старшіе не будутъ обѣдать дома, увѣряла, что ей вовсе не хочется ѣсть, и спрашивала у Лёши, нужно-ли для него варить супъ, Лёша всегда отвѣчалъ, что и онъ тоже ни крошечки не голоденъ и что для него ничего не надо готовить.

И во всемъ было такъ. Но, къ несчастью, время шло и Лёша росъ. Наступила минута, когда благоразумный Аркадій и заботливая Аня удосужились серьезно заняться судьбой меньшого братишки и, предварительно перетолковавъ между собою, объявили бабушкѣ, что Лёшу надо готовить въ гимназію.

— Ему ужь десять лѣтъ. Подумайте только, бабушка, какое это будетъ несчастье, если онъ не привыкнетъ къ ученію. Вѣдь надѣяться ему не на что, на нашей шеѣ онъ и самъ не захочетъ сидѣть, мальчикъ онъ совѣстливый.

— Правда, правда, голубчикъ, машинально повторяла озадаченная старушка.

Однако, немножко погодя, она собралась съ духомъ и спросила:

— Вы изъ него тоже учителя хотите сдѣлать?

«Такого-же чахлаго и щедушнаго, какъ ты самъ?» думала она при этомъ, устремляя растерянный взглядъ на печальную фигуру старшаго внука.

Аркадію Дмитріевичу не было еще и тридцати лѣтъ, но онъ былъ такъ худъ и блѣденъ, что ему казалось далеко за сорокъ. Старила его также морщина, образовавшаяся вокругъ его рта и придававшая что-то горькое всей его физіономіи. Да и не въ одной этой морщинѣ, а въ каждой чертѣ выцвѣтшаго прежде времени и гладко выбритаго лица лежалъ отпечатокъ непосильной, трудовой жизни, тянувшейся долгіе, долгіе годы, безъ отдыха и передышки, изо дня въ день. Отъ этой жизни у него и спина сгорбилась, и волосы повылѣзли, и глаза померкли, а умственный кругозоръ такъ съузился, что кромѣ предметовъ, касающихся его професіи, никакіе міровые вопросы не интересовали его.

— Разумѣется, Лёша долженъ сдѣлаться учителемъ, лучше этого для него ничего не придумаешь. Адвокату или доктору нужны протекціи и деньги, чтобъ въ люди выйдти, а мы ему ни того, ни другого не можемъ доставить. Учителемъ-же гимназіи его сдѣлаютъ тотчасъ-же, для этого ему стоитъ только заниматься прилежно и вести себя добронравно въ университетѣ. Теперь такое время, что молодыхъ людей, не зараженныхъ завиральными идеями, нельзя не цѣнить, а въ провинцію такъ положительно только благонадежныхъ и посылаютъ.

Голосъ у Аркадія Дмитріевича былъ скучный и наставительный; такой тонъ почти всегда усвоивается людьми, занимающимися много лѣтъ сряду преподаваніемъ одного и того-же предмета.

— Тѣмъ изъ моихъ товарищей, которые избрали себѣ другую карьеру, было еще труднѣе пробиться, чѣмъ мнѣ, многіе вовсе не пробились.

И въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ началъ приводить примѣры, одинъ другого печальнѣе, о тѣхъ голодающихъ и холодающихъ товарищахъ, одинокихъ или семейныхъ, которые имѣли глупость предпочесть педагогической дѣятельности адвокатуру или медицину и частныя занятія коронной службѣ.

— А вѣдь тоже кончили курсъ въ университетѣ и знаютъ не меньше другихъ и почестнѣе будутъ многихъ, а работы все нѣтъ да нѣтъ. Многіе спились съ кругу, другіе отупѣли совсѣмъ, такъ что ни на что не стали способны, третьи мошенниками сдѣлались... Ну, этимъ везетъ, пока не попались, прибавилъ онъ съ грустной усмѣшкой.

Онъ зналъ множество такихъ исторій, а также и сестра его. Когда они начинали перебирать судьбу тѣхъ неудачниковъ, среди которыхъ они постоянно вращались, у бабушки душа надрывалась при мысли, что и Лёшу ожидаетъ та-же участь, если онъ не пристрастится къ наукѣ и не пойдетъ по стопамъ братца Аркадія Дмитріевича и Ани.

Самъ же Лёша слушалъ всѣ эти разговоры такъ равнодушно, что можно было думать, что онъ относится къ нимъ вполнѣ безучастно; но однажды, оставшись съ бабушкой наединѣ, онъ предложилъ ей странный вопросъ:

— Зачѣмъ эти люди не пойдутъ въ мужики? спросилъ онъ у нея.

— Какіе люди? повторила старушка, которой и въ голову не приходило, что вопросъ этотъ имѣетъ отношеніе къ тому, что говорилъ наканунѣ вечеромъ Аркадій Дмитріевичъ.

— Да тѣ люди, что работы не могутъ себѣ найдти и сидятъ безъ денегъ. Я вотъ что думаю, продолжалъ онъ, устремивъ задумчивый взглядъ въ пространство,—зачѣмъ они въ мужики не пойдутъ? Тамъ работы на всѣхъ хватитъ и сыты всѣ, и у всѣхъ дома есть, и за квартиру платить не надо... Я бы пошелъ...

Еслибъ Лёша высказалъ эти мысли комунибудь другому, ему, можетъ быть, объяснили бы, что онъ ошибается, что и мужики часто голодаютъ и должны работать сверхъ силъ, но бабушка ничего этого ему не съумѣла объяснить. Мысль мальчика показалась ей до такой степени глупой, что она мысленно поблагодарила Бога за то, что онъ не высказалъ ее при старшихъ. Ужь и безъ того они считаютъ ея любимца слабоумнымъ ребенкомъ. Старушка прочитала ему длинное нравоученіе.

— Что это ты, Лёшинька, Христосъ съ тобой! Да развѣ можно благородному человѣку въ мужики идти, гдѣ-жь это видано, Господи помилуй! И нашелъ кому завидовать, мужику! Да знаешь-ли ты, глупенькій, что нынче каждый простолюдинъ, который поумнѣе, паровитъ сколотить грошъ только для того, чтобъ дѣтямъ воспитаніе дать, чтобъ они изъ мужицкаго званія выходъ себѣ нашли, а не то чтобъ... Ахъ ты, глупенькій, глупенькій!

Мальчикъ ничего не возражалъ и съ тѣхъ поръ онъ больше никогда не заговаривалъ объ этомъ предметѣ съ бабушкой. Впрочемъ, съ поступленіемъ въ гимназію для него началась совершенно новая жизнь и прежнія отношенія съ бабушкой сдѣлались ужь не тѣ, сидѣть съ нею наединѣ некогда было, все время, которое онъ проводилъ дома, поглощалось приготовленіемъ уроковъ, разговорами объ этихъ урокахъ и заботами объ нихъ. По праздникамъ было еще хуже; къ праздникамъ обыкновенно накапливалось столько «недоимокъ», такъ называлъ Аркадій плохо вытверженные уроки и неудачно спущенныя задачи, что зубрить надо было еще усерднѣе. Къ тому-же и Аня въ эти дни занималась дома и пристальнѣе обыкновеннаго могла слѣдить за Лёшей, могла каждую минуту встряхивать его апатію и будить засыпающую энергію.

Въ этомъ отношеніи Аня такъ изучила своего брата, что никакія хитрости, никакія уловки не помогали. Лёша могъ сколько угодно времени сидѣть на одномъ мѣстѣ, совсѣмъ тихо, не болтая ни ногами, ни руками и не отрывая взгляда отъ раскрытой передъ нимъ книги, сестра умѣла угадывать по его лицу, по опущеннымъ вѣкамъ, по движенію губъ, шевелитъ-ли онъ ими машинально или дѣйствительно твердитъ урокъ, вникаетъ-ли онъ въ то, что написано въ книгѣ, или думаетъ о другомъ.

— Ты ужь кончаешь, Лёша? спрашивала она у него, когда мальчику становилось не въ моготу дольше насиловать свое вниманіе и когда, робко оглядываясь на сестру, онъ складывалъ книжку и приподнимался со стула. — Неужели ты уже выучилъ? Дай сюда книжку, я спрошу.

И начиналась пытка. Несносное переспрашиванье съ неумолимыми придирками къ каждой обмолвкѣ, къ каждой ошибкѣ, даже къ интонаціи. А затѣмъ, вѣчныя ссылки на старое и вѣчно на то именно, что было забыто, приказанія повторить то-то хорошенько, вытвердить это-то, да не забыть еще и того-то...

— Нельзя учить новое, не зная стараго, замѣчала она весьма логично.

Лѣтомъ-же, во время вакацій, старшій братъ посвящалъ всѣ свои досуги Лёшѣ и не безуспѣшно. Мальчикъ начиналъ мало-по-малу втягиваться въ трудъ, это по всему было замѣтно; теперь онъ могъ по три, по четыре часа сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ и вытверживать заразъ гораздо большее число страницъ, чѣмъ прежде. На переходномъ экзаменѣ въ 4-й класъ всѣ предметы сошли сносно, кромѣ греческаго языка.

Эту послѣднюю неудачу надо было приписать главнымъ образомъ тому обстоятельству, что дома съ нимъ никто не репетировалъ уроковъ по этому предмету. Съ латынью Аня еще кое-какъ справлялась, благодаря знанію французскаго языка, но справляться съ греческимъ ей было не по силамъ.

Она очень огорчилась, когда узнала, что Лёшѣ придется передерживать экзаменъ въ греческомъ осенью.

— Не сокрушайся, пожалуйста, утѣшалъ ее старшій братъ,—нынѣшнее лѣто я съ нимъ займусь этимъ такъ пристально, что все пойдетъ отлично. Если посвятить всѣ вакаціи на греческій языкъ, онъ будетъ его знать не хуже другихъ, пожалуй, даже и лучше.

Но Аркадію Дмитріевичу не удалось дать меньшому брату это новое доказательство своей заботливости объ немъ: въ первыхъ числахъ іюня, нѣсколько дней спустя послѣ окончанія экзаменовъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ получилъ по городской почтѣ письмо слѣдующаго содержанія:

«Милый, дорогой братецъ, не сердитесь на меня, пожалуйста, я не могу больше терпѣть, такая тоска, ужасъ! У меня давно эта мысль, съ самаго Рождества... Помните, разъ вечеромъ сестрица послала меня книги перемѣнить въ библіотекѣ и мнѣ потомъ выговоръ сдѣлали за то, что такъ долго по улицамъ валандаюсь? Я тогда не на улицѣ валандался, а все на набережной стоялъ, у проруба... да холодно мнѣ тогда показалось, къ тому-же и книжки сестрицѣ не съ кѣмъ было отправить... Бабусю мнѣ очень жалко, да что-жъ дѣлать, когда я не могу учиться такъ, какъ вы хотите, чтобъ я учился... ей тоже не легко это видѣть... каждый годъ переэкзаменовки... а вамъ съ сестрицей одни только хлопоты со мной, да издержки, развѣ я этого не понимаю... Вотъ что еще, братецъ, не ищите меня, пожалуйста, все равно не найдете, ужь я придумалъ штуку... только понапрасну хлопотать будете, лучше не ищите».

Письмо это было написано на разграфленномъ листкѣ, оторванномъ отъ ученической тетрадки, крупнымъ, несложившимся почеркомъ. Въ началѣ страницы буквы выводились довольно старательно и четко, но къ концу видно было, что мальчикъ заторопился и что рука его дрожала отъ внутренняго волненія, потому что слова расползались въ безпорядкѣ или скучивались недописанныя по краямъ листка безобразными каракулями, ужасно непонятными. Но Аркадію Дмитріевичу тотчасъ-же сдѣлался ясенъ смыслъ этихъ каракуль и лицо его сдѣлалось очень блѣдно.

Первымъ его движеніемъ было броситься къ сосѣдней комнатѣ, гдѣ сестра его пила чай съ старой бабушкой, но дойдя до двери, онъ раздумалъ туда войдти и ограничился тѣмъ, что громко спросилъ, въ которомъ часу вышелъ изъ дому Лёша и гдѣ живетъ тотъ товарищъ, къ которому онъ отправился?

Онъ старался говорить какъ можно спокойнѣе, но голосъ его дрожалъ и поминутно прерывался отъ волненія.

— Кузнецовъ живетъ на Выборгской сторонѣ, номера дома я не знаю, но, должно быть, недалеко отъ полиціи, потому что отецъ его тамъ служитъ, проговорила Аня своимъ ровнымъ, немножко пѣвучимъ голосомъ.

Дѣвушка не замѣтила волненія брата, но старушка заволновалась.

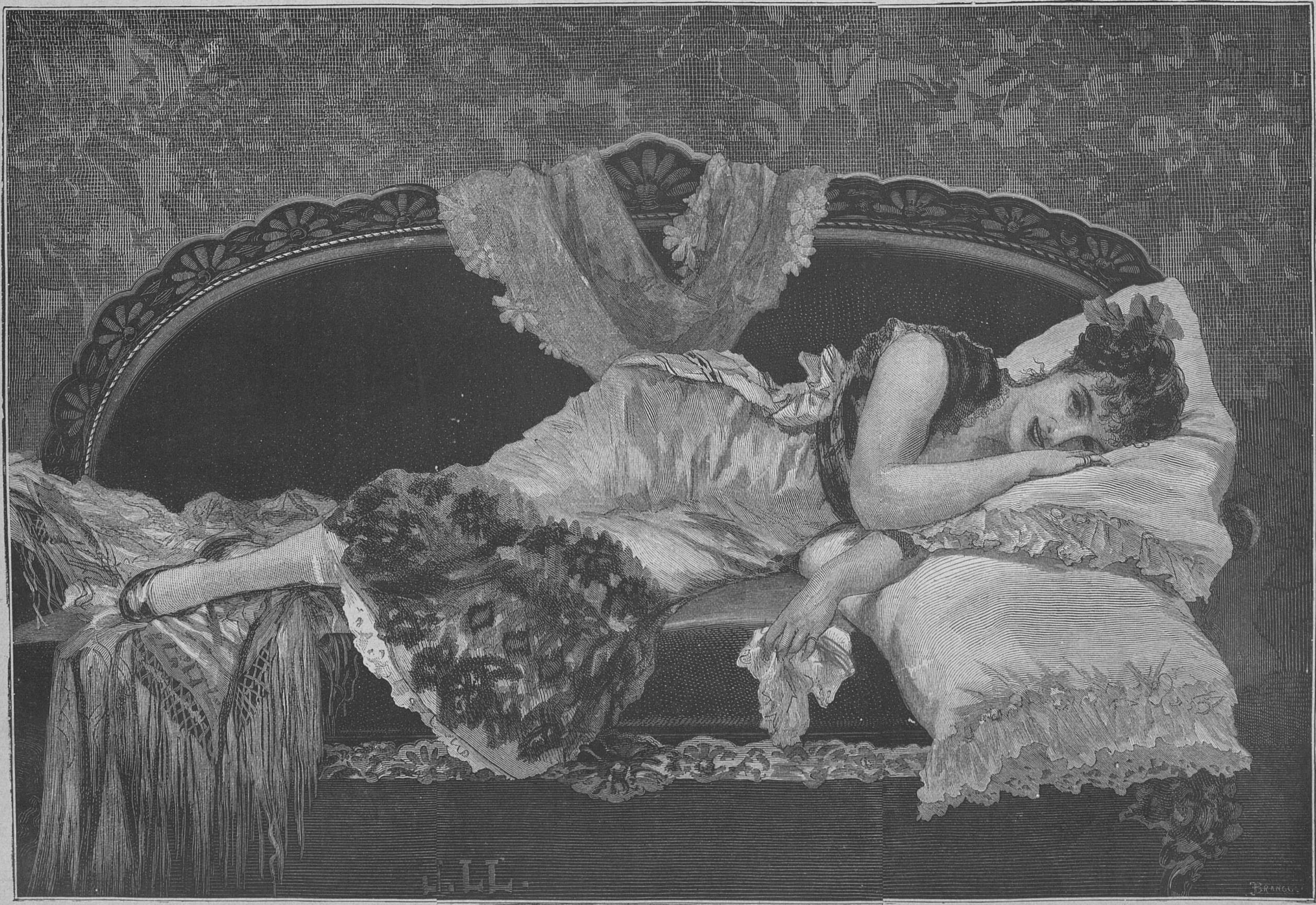
— Тебѣ зачѣмъ Кузнецова, Аркаша, спросила она, тревожно взглядывая на припертую дверь, за которой раздавался голосъ ея старшаго внука.

Но отвѣта не послѣдовало; должно быть, Аркадій Дмитріевичъ очень торопился; обѣ женщины слышали, какъ онъ снялъ пальто съ вѣшалки и вышелъ изъ дому.

— На что ему Лёшинъ товарищъ попадо-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

АКВАРЕЛЬ ЛОВЕРА.

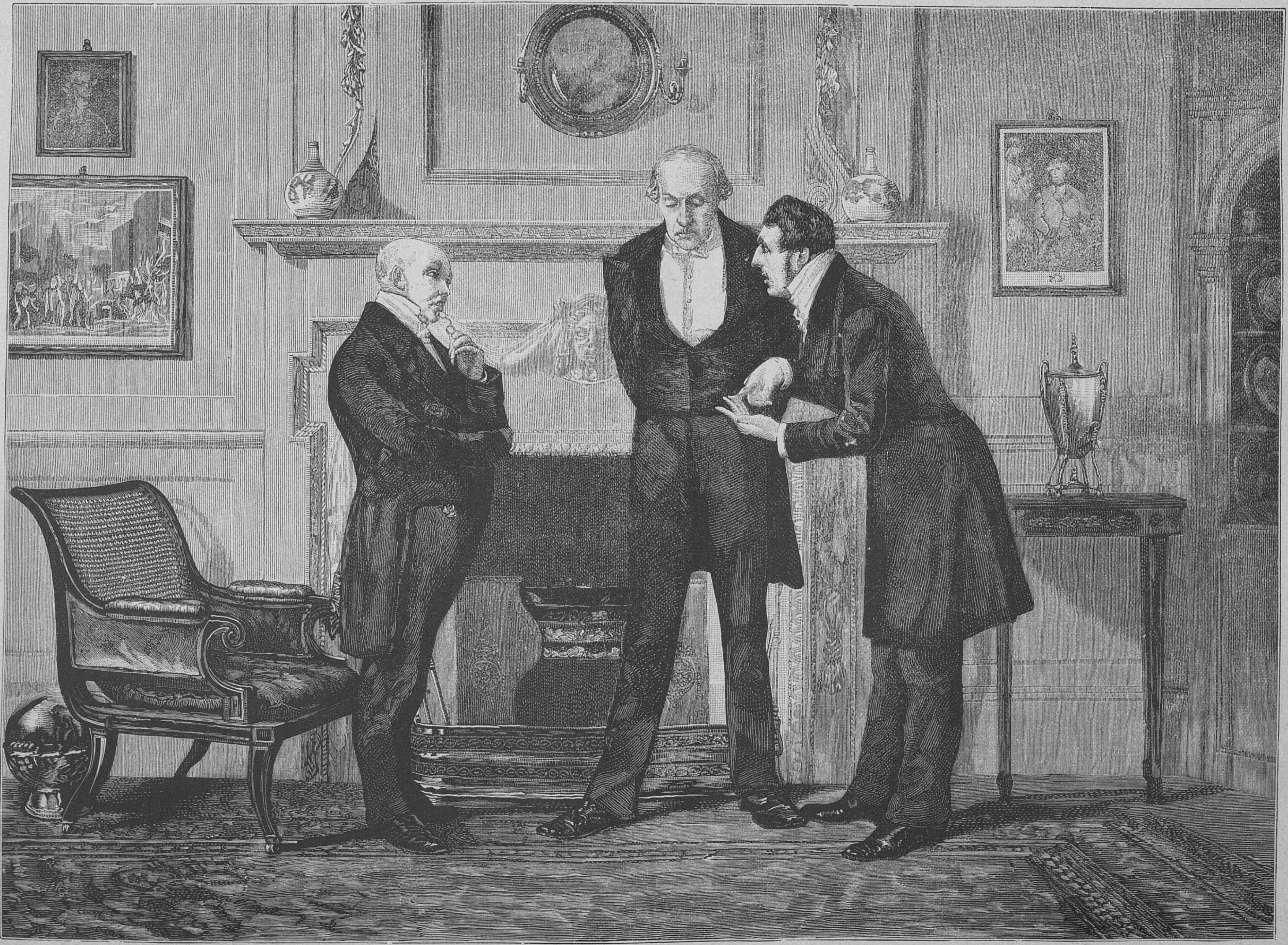


Лѣность.

Рѣзано на деревѣ въ Туринѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГРИНА.



Консультація врачей.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

бился? повторила старушка, озабоченно покачивая головой и устанавливая перемытую посуду въ маленькій шкапъ, служившій буфетомъ.—Какъ ты думаешь, Аня?

— Вѣрно дѣло какое-нибудь, лаконично отвѣчала дѣвушка.

Она сѣла за столъ, на которомъ были разложены ея рисовальныя принадлежности и принялась за работу. Изъ подъ простенькаго бумажнаго абажура, надѣтаго на маленькую керосиновую лампу, свѣтъ падалъ на гладко отполированную деревянную дощечку, на которую она срисовывала пейзажъ для гравера, и на ея худую, блѣдную руку съ карандашемъ, лицо-же ея и вся щедушная, миньятюрная фигура были въ тѣни.

Дешовые часы въ сосѣдней комнатѣ пробили десять. Старушка вздрогнула.

— Господи помилуй! ужь и ночь, а Лёши все нѣтъ... Не знаешь, право, что и думать, проговорила она, пересчитавши всѣ удары одинъ за другимъ.—Десять часовъ!..

— Вы сами виноваты, бабушка, не надо было отпускать его, я вамъ говорила.

— Скучный онъ такой всѣ эти дни, Аничька, просто вся душа выболѣла на него глядючи...

— А намъ не скучно съ нимъ долбить, точно съ маленькимъ, какъ вы думаете? прервала ее дѣвушка, откидываясь въ изнеможеніи на спинку стула и всматриваясь издали въ рисунокъ, который она держала подъ свѣтомъ лампы.

— Аркадій нарочно вернулся сегодня пораньше домой, чтобъ заняться съ нимъ, отказался для этого отъ прогулки, а его дома нѣтъ, очень пріятно! Впрочемъ, онъ, вѣроятно, для того именно и ушелъ, чтобъ не заниматься съ братомъ, онъ вовсе не готовился къ уроку.

— Какъ не готовился? Онъ занимался сегодня утромъ, развѣ ты не видѣла?

— Я видѣла, что онъ «Вечера на Диканькѣ» читалъ, а чтобъ учиться, даже и не думалъ!

— Да вѣдь сегодня воскресенье, проговорила съ досадой старушка.—Ужь я не знаю, право; конечно, вамъ лучше знать... но только мнѣ кажется, что больше отъ ребенка нельзя требовать... И въ будни учись, и въ праздникъ учись... надо же и отдохнуть наконецъ!

— А развѣ мы съ Аркадіемъ отдыхаемъ когда нибудь?

— Ужь вамъ отъ Господа Бога это дано, терпѣніе такое ангельское и пристрастіе къ наукѣ, его приравнивать къ вамъ нельзя, продолжала отстаивать своего любимца бабушка.—Чтожъ дѣлать, если Господь его понятіемъ обидѣлъ, ничего не подѣлаешь, прибавила она со вздохомъ.—Не всѣмъ умнымъ быть...

Она смолкла на минуту, а затѣмъ продолжала:

— Я вотъ что думаю, Анинька, не отдать ли его въ какую-нибудь ремесленную школу? Говорятъ, есть теперь такія въ Петербургѣ... По крайней мѣрѣ вѣрный кусокъ хлѣба будетъ и безъ муки... У Лёши всегда было пристрастіе къ простой работѣ; я знаю, ему и жизнь въ какой ни на есть мастерской будетъ не въ тягость, даже совсѣмъ напротивъ... съ измальства его къ простому народу тянуло.

Вспомнилось ей, какъ три года тому назадъ, Лёша ей сознавался, что желалъ-бы быть мужикомъ. Она тогда отнеслась съ большимъ негодованіемъ къ этой идеѣ, но теперь мысли ея измѣнились на этотъ счетъ и ей самой часто казалось, что Лёша не былъ бы такъ несчастливъ, еслибъ родился и выросъ крестьяниномъ, но старшіе внуки ея еще не дошли до этого убѣжденія, а потому предложеніе старушки было встрѣчено весьма несочувственно.

— Что за вздоръ, бабушка! нетерпѣливо прервала ее Аня.—Объ этомъ надо было раньше думать, теперь ужь поздно, онъ перешелъ въ 4-й класъ и Аркадій ни за что не согласится взять его изъ гимназіи. Вѣдь подумайте только, сколько намъ стоило хлопотъ и трудовъ, чтобъ продержать его тамъ и вдругъ все бросить! Нѣтъ, это невозможно, прибавила она съ большой рѣшимостью.

А затѣмъ, помолчавъ немного, она продолжала:—И гдѣ тамъ хлопотать! Помѣстить въ ремесленную школу, развѣ это легко? Тамъ тоже экзаменъ требуется и все по такимъ предметамъ, о которыхъ онъ и понятія не имѣетъ.

Бабушка ничего не возражала и въ комнатѣ наступила полнѣйшая тишина.

На этотъ разъ тишина длилась очень долго; съ часъ времени ничего не было слышно, кромѣ шелеста бумагъ въ папкѣ съ эскизами, которые перебирала Аня, да позвякиванья спицъ въ чулкѣ, который вязала старушка, но затѣмъ и этотъ шумъ прекратился—Аня отыскала все, что ей было нужно въ папкѣ, а старушка задремала и сѣдая голова ея въ бѣломъ чепцѣ начала все ниже и ниже опускаться на работу.

Опять прозвонили часы.

— Легли бы вы почивать, бабушка, сказала Аня, не оборачиваясь и не отрывая глазъ отъ работы,—я одна дождусь братьевъ и запру за ними дверь. Первый часъ, вамъ давно пора.

Старушка встрепенулась и, опомнившись отъ забытья, произнесла вслухъ все туже мысль, неотвязно преслѣдовавшую ее на яву и во снѣ:

— Что это Лёшинька нейдетъ! Господи помилуй, ужь не случилось ли чего?

— Аркадій туда пошелъ, вѣрно вмѣстѣ вернутся, замѣтила дѣвушка,—идите спать, бабушка, а завтра разбудите меня пораньше, не забудьте, пожалуйста. Часовъ въ шесть, если можно.

— Что такъ рано? Поди чай, долго еше просидишь.

— Чтожъ дѣлать, бабушка, работа спѣшная, отвѣчала Аня.

Но въ эту ночь ей вовсе не суждено было заснуть. Старшій братъ вернулся домой въ третьемъ часу утра одинъ и такой измученный и блѣдный, что Аня чуть не вскрикнула, когда его увидѣла. Чтобъ не разбудить старушку, Аркадій Дмитріевичъ увелъ сестру въ маленькую горенку, служащую ему кабинетомъ, и тамъ далъ ей прочитать письмо Лёши, а также разсказалъ ей, какъ онъ безуспѣшно искалъ его и у Кузнецовыхъ и по набережнымъ.

У Кузнецовыхъ ему сказали, что Лёша къ нимъ и не показывался, а отъ лодочниковъ и городовыхъ, у которыхъ онъ спрашивалъ: не видѣли-ли они гимназиста лѣтъ тринадцати, бѣлокуренькій такой, вихрястый, заикается немножко? тоже ничего нельзя было добиться.

Да и понятно. Мало-ли проходило сегодня гимназистовъ, и по мостамъ, и по набережнымъ! День былъ воскресный.

Аркадію Дмитріевичу посовѣтовали объявить объ исчезновеніи брата въ полиціи и онъ послѣдовалъ этому совѣту.

Цѣлыхъ шесть недѣль Лёша не отыскивался. Наконецъ, подъ одну изъ лодочекъ, что каждое лѣто покачиваются у береговъ Малой Невки, прибило волной какую-то безформенную масу, которую вытащили баграми на берегъ. Трупъ былъ въ полномъ разложеніи и Лёшу можно было узнать только по форменному сюртучку, застегнутому на всѣ пуговицы, да по отпускному билету, на которомъ стояло его имя. Билетъ не совсѣмъ размокъ, благодаря каменьямъ, наполнявшимъ карманы мальчика. Лёша позаботился натолкать каменьевъ и въ голенищи сапоговъ и вездѣ, куда только можно было. Вокругъ его стана была обмотана тряпка, въ которой тоже были зашиты камни, очень старательно и крѣпко. Съ такимъ поясомъ трудно было не пойдти ко дну.

— Предусмотрительный былъ парень, съострилъ участковый докторъ, призванный для осмотра трупа.

Волна.

Стих. **В. Юрьева.**

Зыблется тихо волна голубая;
Нѣгой ея переливы полны.
Вѣтеръ цѣлуетъ ее и лаская
Шепчетъ волшебные, чудные сны!

Слушаетъ сказки волна и мечтаетъ.
Утро далеко и въ тучахъ востокъ...
Тихо на берегъ она набѣгаетъ,
Приподымаетъ разбитый челнокъ.

Но неподвижно лежитъ онъ разбитый,
Связанный ржавою цѣпью съ землей.
Тиною вязкой и грязной покрытый,
Онъ не услышитъ волны голубой!..

Леона.

(Записки доктора Бернагіуса)

Повѣсть **Люсіена Біара.** Переводъ **А. А. Разсказовой.**

(*Продолженіе.*)

Глава IV.

Пабло Шульцу, судя по его голубымъ глазамъ, свѣтло-русымъ волосамъ и розовому цвѣту лица, могло быть лѣтъ тридцать пять. Небольшой ростъ, выпуклая грудь, правильный, скорый, тяжелый шагъ свидѣтельствовали объ его пребываніи въ прусской арміи. Впрочемъ, онъ не скрывалъ, что былъ солдатомъ, простымъ солдатомъ. Онъ былъ порядочно образованъ, свободно объяснялся по французски и испански.

Шульцъ, уже три года жившій въ Оризавѣ, занимался торговлей чернымъ и краснымъ деревомъ, мало развитой въ Мехикѣ. Онъ велъ трудолюбивую жизнь, много работалъ и мало получалъ, что кажется естественнымъ закономъ въ этомъ мірѣ. Тотчасъ-же по пріѣздѣ въ городъ, онъ постарался сойдтись со мною, но я оставался глухъ къ его любезностямъ. Я не чувствовалъ къ нему ни малѣйшаго расположенія, причемъ не малую роль играла его національность. Въ 1814 году мой отецъ много пострадалъ отъ прусской наглости, а желчный тонъ берлинскихъ ученыхъ, которымъ они критиковали одинъ изъ моихъ трактатовъ, не могъ примирить меня съ ихъ націей, глупо надменной, даже болѣе, чѣмъ мы, французы, тщеславны.

Благодаря своей професіи, я былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вліятельными жителями города,—сношеніяхъ на столько дружелюбныхъ, что мехиканцы совѣтовались со мной не только о здоровьѣ, но и о различныхъ подробностяхъ, касающихся ихъ домашней жизни. Замѣтивъ всеобщее уваженіе, которымъ я пользовался, Шульцъ, опираясь на званіе европейца, сталъ выдавать себя за моего соотечественника. Однажды онъ даже явился ко мнѣ съ просьбой не обрывать его въ подобныхъ случаяхъ, какъ мнѣ не разъ приходилось это дѣлать.

— Я бѣжалъ изъ Пруссіи, разсказывалъ онъ мнѣ довѣрчиво,—чтобы возвратить себѣ свободу и избавиться отъ тяжести военныхъ законовъ, о всей строгости которыхъ вы едва ли имѣете понятіе. Я бѣглецъ, сознаюсь вамъ, но я честный человѣкъ. У меня не осталось ничего на родинѣ, я избралъ Мехику новымъ отечествомъ и желалъ-бы окончательно поселиться въ Оризавѣ. Мое честолюбіе заключается теперь въ томъ, чтобы жениться на мехиканкѣ съ небольшимъ приданымъ, что помогло бы мнѣ расширить мою торговлю деревомъ. А взамѣнъ принесеннаго моею женою состоянія, я съумѣю сдѣлать ее счастливой. Я люблю Францію; это истина, которую я докажу вамъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Шульцъ обратился къ моей добротѣ и правдивости и я поборолъ для него предубѣжденіе противъ его національности. Что же касается его намѣренія жениться, я ему замѣтилъ, что браки по разсчету въ Мехикѣ очень рѣдки и для достиженія цѣли ему прежде всего надо заслужить любовь избранной имъ. Въ сущности, я пообѣщалъ ему лишь оставаться нейтральнымъ. Онъ объявилъ, что большаго не желаетъ и такъ тепло благодарилъ меня, что мнѣ стало совѣстно за свою холодность и забывчивость, что большая часть правилъ имѣетъ свое исключеніе.

Я скоро узналъ, что Шульцъ, не оставляя торговли деревомъ, записался въ ряды поклонниковъ одной изъ самыхъ богатыхъ наслѣдницъ города. Къ несчастію для него, онъ былъ не на столько молодъ, чтобы имѣть успѣхъ у молоденькихъ дѣвушекъ, и я вѣжливо далъ ему это понять. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и обратилъ свое вниманіе на вдовъ, но желалъ непремѣнно такую, которая была бы еще хороша и не имѣла дѣтей. Въ минуту смерти доны Альбы онъ былъ однимъ изъ самыхъ пылкихъ ея поклонниковъ и даже поговаривали, что имѣлъ шансы на успѣхъ. Эта брюнетка съ глубокими черными глазами охотно смотрѣлась въ наивные, большіе, синіе глаза Шульца, германская чистосердечность которыхъ трогала ее. Таинственная смерть вдовушки повергла въ отчаяніе Шульца и въ память ея онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе индѣйца Могуплу, вѣрнаго слугу покойной. Печаль, выказанная Шульцемъ по поводу трагической смерти доны Альбы, расположила всѣхъ въ его пользу. Женщины разсыпались въ похвалахъ ему, какъ будто мужское постоянство вещь столь рѣдкая и неизвѣстная, что необходимо было поощрять его. До сихъ поръ рѣзкія, методическія манеры добраго нѣмца и его виды на женитьбу служили цѣлью насмѣшекъ для подвижныхъ креолокъ. Съ этого же времени къ нему стали относиться снисходительнѣе. Не мало вдовъ, прежде не обращавшихъ на него ни малѣйшаго вниманія, теперь смотрѣли ласково и даже не прочь были его утѣшить. Сто разъ доказано опытомъ, что любовь хорошенькой женщины вѣрнѣйшее средство для привлеченія вниманія всѣхъ другихъ женщинъ. Это явленіе совершенно однородно съ тѣмъ, что при видѣ зѣвающаго человѣка чувствуешь самъ непреодолимое желаніе зѣвнуть. Но Шульцъ, погруженный въ свою торговлю и печаль, повидимому, отказался отъ женитьбы, оставаясь вѣрнымъ памяти той, которая его отличила.

Я былъ такъ увѣренъ въ его намѣреніи оставаться холостымъ, что сообщеніе Леоны вдвойнѣ удивило меня. Не подозрѣвая, безъ сомнѣнія, перемѣны, происшедшей въ умѣ вдовъ въ его пользу, и отчаяваясь пріобрѣсти расположеніе въ Оризавѣ, Шульцъ обратилъ свое вниманіе на молодую теквильскую дикарку. На этотъ разъ усилія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: онъ былъ любимъ. Любилъ-ли онъ съ своей стороны или это былъ только ловкій разсчетъ? Я склонялся къ послѣднему мнѣнію. Леонѣ тоже не легко было выйдти замужъ въ странѣ, гдѣ красота считается такъ-же могущественной, какъ и приданое; гдѣ въ вопросахъ брака любовь очень часто имѣетъ перевѣсъ надъ деньгами.

Если Шульцъ, рѣшившись вести себя какъ порядочный человѣкъ, успѣлъ убѣдить Леону въ своей любви, хорошо-ли было мѣшать некрасивой дѣвушкѣ слѣдовать ея влеченію; отчего же не способствовать союзу, который сдѣлалъ-бы ее счастливой и далъ ей мужа, хорошаго помощника въ управленіи ея обширнымъ имѣніемъ? Я обязанъ принять участіе въ этой дѣвушкѣ хотя бы потому, что она ко мнѣ обратилась; къ тому же отецъ ея, не будучи моимъ другомъ, былъ болѣе, чѣмъ простымъ знакомымъ, и я считалъ справедливымъ въ память уступленныхъ имъ мнѣ въ гротѣ летучихъ мышей не отказать въ добромъ совѣтѣ его дочери.

Принявъ это рѣшеніе, я отправился къ тѣмъ изъ больныхъ, состояніе здоровья которыхъ требовало моего присутствія. Покончивъ съ ними, я направился въ предмѣстье Пихокайо, гдѣ жилъ Шульцъ. Онъ поблѣднѣлъ при моемъ появленіи; я же, прерывая любезности, которыми онъ встрѣтилъ меня, прямо объявилъ ему о причинѣ моего прихода.

— Я ждалъ васъ, докторъ, и Леона частію по моей просьбѣ поѣхала къ вамъ. Въ этомъ дѣлѣ, на сколько оно касается общественнаго мнѣнія, я всего болѣе дорожу вашимъ одобреніемъ.

— Леона говорила мнѣ тоже самое и такъ же, какъ ей, я отвѣчу вамъ, что вы обратились ко мнѣ за совѣтомъ немного поздно, потому что между вами уже все рѣшено. Она любитъ васъ; теперь самое важное, любите-ли вы ее?

— Да, отвѣчалъ онъ,—и я объясню вамъ какимъ образомъ это случилось. Я уже не первой молодости, докторъ; я вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда дѣйствуютъ очертя голову; мои поступки подчинены разсудку. Вамъ давно извѣстно мое желаніе жениться и чего я ищу при этомъ. Состояніе доны Леоны превосходитъ всѣ мои мечты; я искалъ меньшаго, но это, конечно, не причина отказываться отъ большаго.

— Безъ сомнѣнія, нѣтъ, но Леона не такая женщина, какъ всѣ остальныя. Недостатокъ образованія, ея характеръ, привычки должны причинить вамъ рано или поздно не мало страданій; какъ перенесете вы всѣ ея эксцентричныя выходки?

— Я вижу въ донѣ Леонѣ, отвѣчалъ серьезно Шульцъ,—честную и правдивую дѣвушку, которая страстно полюбила меня и это меня глубоко трогаетъ. Я не обманываю себя ни на счетъ ея характера, ни привычекъ, ни красоты, и чувство, которое я къ ней питаю—дружба съ примѣсью глубокой признательности. Она дѣлаетъ изъ меня человѣка богатаго и въ этомъ никогда не раскается. Я надѣюсь съ пользой употребить авторитетъ, который ея любовь даетъ мнѣ надъ нею, чтобы перевоспитать ее, чтобы пріучить къ жизни болѣе сообразной съ требованіями ея пола. Вмѣсто пылкаго любовника, она найдетъ во мнѣ преданнаго, терпѣливаго, снисходительнаго друга. Я убѣжденъ, что между нами тотчасъ же установится то довѣріе, та взаимная привязанность, которыя составляютъ истинное основаніе всѣхъ счастливыхъ супружествъ.

Честная откровенность Шульца болѣе говорила въ его пользу, чѣмъ всѣ увѣренія въ любви, которыхъ я ждалъ. Я не скрылъ отъ него благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня его словами, одобрилъ его разумныя намѣренія, прибавляя, что перевоспитать Леону, привыкшую съ дѣтства не знать другой воли, кромѣ своей собственной, дѣло не легкое. Я совѣтывалъ Шульцу подумать еще разъ, обѣщая подыскать ему другую партію, если онъ откажется отъ Леоны. Прежде всего я хотѣлъ, чтобы эта дѣвушка была счастлива.

— Въ томъ настроеніи, въ которомъ теперь находится Леона, возразилъ лукавымъ тономъ Шульцъ,—она задушила бы васъ, докторъ, еслибы узнала, что вы совѣтуете мнѣ жениться на другой женщинѣ.

— Совершенная правда; она не задумается передъ ударомъ кинжала, объ этомъ вамъ тоже не мѣшаетъ подумать для будущаго.

— Я буду вѣрнымъ мужемъ и разсчитываю быть счастливымъ, дѣлая и ее счастливой.

Я собирался уже уходить, довольный объясненіемъ, но Шульцъ попросилъ меня опять сѣсть.

— Такъ какъ одобреніе ваше получено, а рѣшеніе мое неизмѣнно, я съ этого дня считаю себя хозяиномъ Теквилы. Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ: какъ это случилось, что вы никогда не просили дону Леону изслѣдовать внутренность грота, который вы такъ часто посѣщаете? Быть можетъ, вы измѣнили свое мнѣніе и не вѣрите болѣе въ существованіе ископаемыхъ и археологическихъ сокровищъ въ этой пещерѣ?

— Я убѣжденъ въ этомъ болѣе, чѣмъ когда либо, и если я удерживался и удерживаюсь говорить объ этомъ съ доной Леоной, то только изъ чувства деликатности, которое вы поймете лучше всякаго другого. Раскопки требуютъ большихъ денегъ и если бы Леона предприняла ихъ по моему настоянію, это дало бы поводъ говорить, что я въ своихъ интересахъ пользуюсь моимъ вліяніемъ на одинокую дѣвушку. А о своей честности я думаю тоже, что Цезарь о своей женѣ, что она не должна даже заслуживать подозрѣнія.

— Я понимаю вашу щекотливость, докторъ, и долженъ бы самъ объ этомъ догадаться. Позвольте-же мнѣ сказать вамъ, что на другой день нашей свадьбы, или, самое большее, черезъ недѣлю послѣ нея, въ гротѣ будутъ предприняты работы. Леона и я, мы обязаны дать вамъ это доказательство нашей привязанности и благодарности.

Я былъ до слезъ растроганъ деликатнымъ вниманіемъ Шульца. И такъ этотъ человѣкъ, котораго я не хотѣлъ признавать своимъ соотечественникомъ, происхожденіе котораго внушало мнѣ нѣкоторую антипатію, готовъ безъ лишнихъ словъ исполнить мое завѣтное желаніе. Чѣмъ загладить мои несправедливыя предубѣжденія! Я обхватилъ его руками по мехиканскому обычаю, приподнялъ съ земли и сжалъ въ своихъ объятіяхъ. Опираясь на такое сердце, Леона будетъ счастлива, я не могъ болѣе въ этомъ сомнѣваться.

Поблагодаривъ съ жаромъ будущаго владѣтеля Теквилы, я далъ ему нѣсколько наставленій, какъ слѣдуетъ вести раскопки, посовѣтывалъ не употреблять сразу болѣе двухъ или трехъ рабочихъ, чтобы не слишкомъ обременять свой бюджетъ. Онъ отвѣтилъ, что теперь это уже дѣло его и его жены и мнѣ остается лишь подбирать находки. Я объяснилъ, что желаю только имѣть честь собрать и описать ихъ, но что онѣ останутся его собственностію.

— Вотъ этого то и не будетъ, докторъ, отвѣчалъ Шульцъ.—Я обязанъ вамъ состояніемъ и доброй женой, а Леона хорошимъ мужемъ, клянусь вамъ въ этомъ. И потому отъ ея имени и отъ своего я предлагаю вамъ все, что будетъ отрыто въ гротѣ, исключая развѣ золотой руды. Въ такомъ случаѣ мы подѣлимся.

Это была милая шутка, такъ какъ извѣстно, что почва въ долинѣ Оризавы отнюдь не золотоносная. Я поблагодарилъ Шульца новымъ объятіемъ и просилъ его считать меня съ этого времени въ числѣ его преданныхъ друзей.

— Еще одно обстоятельство приводитъ меня въ отчаяніе, сказалъ онъ, провожая меня.—Мы не въ состояніи будемъ приняться за раскопки ранѣе пяти или шести мѣсяцевъ.

— Во время дождей, когда всасывающаяся вода размягчаетъ почву... вы не подумали объ этомъ, любезный Шульцъ.

— Напротивъ, я объ этомъ только и думаю, такъ какъ нашу свадьбу поневолѣ приходится отложить до этого времени.

— Почему такъ?

— У меня здѣсь всѣ бумаги, удостовѣряющія мое общественное положеніе, кромѣ одной, однакожъ, крайне необходимой въ этой странѣ; мнѣ не достаетъ свидѣтельства о крещеніи, о чемъ я уже написалъ въ Берлинъ. Пріоръ францисканскаго монастыря, гдѣ Леона непремѣнно желаетъ вѣнчаться, сказалъ мнѣ, что лишь въ такомъ случаѣ можетъ обойдтись безъ него, если...

— Говорите-же скорѣе, обратился я къ Шульцу, который, казалось, колебался.

— Если за меня будетъ порукой одно изъ почетныхъ лицъ города въ томъ, что я втеченіи года представлю требуемое свидѣтельство.

— Только-то, сказалъ я, свободно переводя духъ, такъ какъ сердце мое болѣзненно сжалось при новой отсрочкѣ выполненія моего дорогого желанія; — только-то! Я по своимъ занятіямъ одно изъ почетныхъ лицъ города; къ тому-же пріоръ изъ числа моихъ друзей, и если онъ приметъ мое поручительство...

Шульцъ не далъ мнѣ докончить; въ свою очередь, сжавъ меня въ объятіяхъ и задыхаясь отъ волненія, онъ сказалъ:

— Право, докторъ, я думаю, что страсть заразительна; радость, которую я испытываю при мысли, что менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, я могу быть мужемъ Леоны, доказываетъ мнѣ, что я люблю эту странную дѣвушку болѣе, чѣмъ думалъ.

Отъ Шульца я отправился къ пріору. Желаніе загладить прежнюю несправедливость, сдѣлать двухъ человѣкъ счастливыми и видѣть начало раскопокъ, сдѣлало меня краснорѣчивымъ. Не безъ усилій, однакожъ, удалось мнѣ восторжествовать надъ нерѣшительностью пріора, пока онъ не принялъ моего ручательства. Я тотчасъже извѣстилъ Шульца о счастливомъ результатѣ моихъ хлопотъ и онъ немедленно явился благодарить меня. Я просилъ его предоставить мнѣ сообщить Леонѣ о благопріятномъ рѣшеніи и въ тоже время дать отвѣтъ на требуемый ею совѣтъ. Онъ согласился, не скрывая, что это составляетъ для него жертву, такъ какъ онъ не прочь сейчасъ-же осѣдлать лошадь и ускакать въ Теквилу. Я былъ такъ доволенъ проведеннымъ днемъ, что отъ волненія съ трудомъ заснулъ; сонъ мой былъ очень тревоженъ. Мнѣ снилось, что входъ въ пещеру, куда я хотѣлъ проникнуть, стерегутъ драконы. Вооружившись пикой, одѣтый въ доспѣхи, я боролся съ химерическимъ животнымъ волшебныхъ сказокъ и проснулся въ ту минуту, когда, побѣдивъ дракона, проникалъ въ глубь пещеры.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

Глава X.

Послѣдствія прогулки въ фіакрѣ.

Орели, выходя изъ кареты, бросилась въ объятія абата де-Люкъ; онъ схватилъ ее одною рукою за талью, а другую вытянулъ впередъ, ощупывая въ потьмахъ дорогу. Молодая женщина повисла на немъ; завязки ея чепца щекотали его щеки и по временамъ по лицу его скользило ея теплое, ароматическое дыханіе. Онъ велъ ее, не говоря ни слова, кромѣ «тише!» которымъ онъ напоминалъ ей, что въ домѣ есть другіе жильцы. Быть можетъ, онъ произносилъ это только для извиненія своего молчанія. Такимъ образомъ они поднялись по узкой лѣстницѣ. Онъ почти несъ ее на рукахъ и чувствовалъ, что ему измѣняютъ силы отъ ея жгучихъ прикосновеній. Абатъ, очевидно, былъ увѣренъ, что Орели пріѣдетъ къ нему. Когда онъ отворилъ дверь своей квартиры, они вошли въ пріятноосвѣщенную комнату; въ канделябрахъ горѣли розовыя свѣчи. Все въ комнатѣ имѣло веселый видъ; картины и статуи самыхъ веселыхъ сюжетовъ; тутъ языческій Панъ, играющій съ нимфами; тамъ вакханки, сатиры, амуры. Конечно, у абата была другая половина, убранная сообразно его духовному сану; здѣсь-же онъ являлся вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ. У него было два выхода и жильцы дома и не подозрѣвали о томъ, что абатъ является въ двухъ различныхъ видахъ.

Орели удивилась этому странному убранству, но не надолго; она тотчасъ все поняла. Углубившись въ мягкое кресло передъ каминомъ и закрывъ лицо руками, какъ будто отъ стыда, она видѣла, какъ абатъ сбросилъ съ себя рясу, встряхнулъ свои завитые волосы, перемѣнилъ поступь и выраженіе лица и приблизился къ ней, изящный и граціозный, въ неглиже временъ Людовика XV. Штиблеты и шелковые чулки обрисовывали его стройныя ноги; изъ подъ жилета выбивались оборки тонкаго батистоваго жабо; онъ былъ великолѣпенъ и явился передъ этой новой Манонъ, подобный красавцу Дегріё. По тѣлу безумной женщины пробѣжала дрожь и глаза ея сверкнули страстью. Едва успѣлъ де-Люкъ протянуть руку, какъ она уже была въ его объятіяхъ и страстно его поцѣловала и въ этомъ долгомъ поцѣлуѣ разыгралась цѣлая сцена нѣмой, животной любви. Они закрыли глаза, не желая ничего видѣть; этотъ моментъ любви имѣлъ въ себѣ нѣчто ослѣпительное, чего глаза ихъ не могли перенести. Онъ продолжался минуты двѣ, послѣ чего Орели, нервно вздрогнувъ, вырвалась изъ объятій де-Люка... Ей нужно было высвободить руки; ея прическа растрепалась и подрѣзанные поутру волосы разсыпались по плечамъ. Она вырвалась изъ его объятій и побѣжала къ зеркалу, — къ настоящему венеціанскому зеркалу,—чтобы поправить свою прическу. Бросивъ взглядъ въ зеркало, она осталась довольна; страсть оживляла и возвышала ея красоту; но она нашла свой нарядъ слишкомъ простымъ. Въ ушахъ ея не сверкали бриліанты.

Бываетъ иногда довольно одного пожатія руки, одной ласки, чтобы женщина пала; но бываетъ также довольно одной мысли, чтобы она удержалась отъ паденія... Орели вспомнила о своихъ драгоцѣнностяхъ. Въ ушахъ ея должны были сверкать ея бриліантовыя серьги; крупные солитеры блестѣли бы, какъ двѣ капли росы на розовыхъ лепесткахъ... Но гдѣ онѣ?.. Эта мысль, какъ молнія, блеснула въ ея умѣ. Орели окинула вокругъ себя быстрымъ взглядомъ. Мѣшка не было! Тутъ она вспомнила, что позабыла его въ каретѣ... Но въ этомъ мѣшкѣ было все ея состояніе!..

Въ эту минуту подошелъ къ ней де-Люкъ и хотѣлъ обнять ее, но она нервно оттолкнула его и поспѣшно заговорила:

— Пусти меня, пусти! Боже мой!.. Я сейчасъ вернусь... Я погибла, если...

Абатъ въ изумленіи отступилъ: онъ подумалъ, что она помѣшалась. Между тѣмъ Орели, отстранивъ его съ дороги, бросилась къ двери и исчезла. Вскорѣ послышался стукъ захлопнутой наружной двери, а де-Люкъ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Но это нелѣпо! вскричалъ онъ наконецъ.— Куда она побѣжала?

Онъ поспѣшно накинулъ пальто и бросился догонять ее, но, къ удивленію его, на улицѣ не было ни души. Куда она дѣлась? Абатъ остановился на порогѣ двери и нахмурилъ брови.

— Не одурачила-ли меня эта женщина? Не ловушка-ли это?

Простоявъ нѣсколько времени въ оцѣпенѣніи отъ этого необъяснимаго исчезновенія, онъ вышелъ на улицу и прошелъ нѣсколько шаговъ, потомъ вернулся, прислушиваясь къ малѣйшему шуму; но ничего не было слышно, кромѣ стука удалявшихся экипажей. Поискавъ нѣсколько минутъ, де-Люкъ почувствовалъ холодъ; ночная свѣжесть забиралась подъ его тонкую батистовую рубашку. Онъ вернулся домой, продрогшій отъ холода, и съ тревогой въ душѣ поднялся къ себѣ. Этотъ таинственный случай не представлялъ ничего успокоительнаго; такое странное исчезновеніе что-нибудь да означало; абатъ не повѣрилъ обѣщанію Орели сейчасъ вернуться.

Возвратившись къ себѣ, въ свой маленькій будуаръ, де-Люкъ сѣлъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла Орели за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Ему казалось, что онъ еще слышитъ шелестъ ея платья, чувствуетъ на губахъ огонь ея поцѣлуя. Нѣтъ, невозможно, чтобы все это была одна комедія! Въ минуту долгаго поцѣлуя онъ прочелъ въ ея глазахъ любовь, истинную, животную любовь. Очевидно, она вырвалась изъ его объятій не затѣмъ, чтобы бѣжать отъ него. Но тогда что-же значитъ это внезапное бѣгство? Онъ выбѣжалъ за нею почти по ея слѣдамъ, но ея уже не было. Не спряталась-ли она гдѣ-нибудь около дома? Не дожидался-ли ея кто-нибудь? Не держала-ли она пари, что заставитъ молодого абата лежать у ея ногъ, скомпрометироваться для нея, а потомъ убѣжитъ отъ него? Нѣтъ, это невозможно. Вспомнивъ ея обѣщаніе возвратиться, онъ снова началъ надѣяться и отворилъ окно, прислушиваясь къ шуму шаговъ на улицѣ. Но онъ потерялъ бы всякую надежду, если бы зналъ, что происходило въ эту минуту съ Орели.

Хватившись своего мѣшка, въ которомъ заключалось все ея богатство, она, какъ мы уже сказали, выбѣжала на улицу въ надеждѣ найдти еще у дверей карету, которая ее привезла. Не видя этой кареты, она побѣжала по улицѣ деля-Кле и прошла мимо тюрьмы Сент-Пелажи, не замѣтивъ недоумѣнія часового при видѣ женщины, въ костюмѣ «сестеръ Кающихся», бѣгавшей въ такой поздній часъ по улицамъ. Правда, онъ тотчасъ-же нашелъ объясненіе этому, подумавъ: «А я и не зналъ, что уже наступилъ карнавалъ»...

Орели повернула въ другую улицу, всматриваясь во всѣ стороны, въ надеждѣ увидѣть карету. На углу, у подъѣзда одного дома, стоялъ какой-то мужчина, зажигавшій спички, тщетно стараясь раскурить дешевую сигару. Орели прямо направилась къ нему, чтобы спросить, не проѣхала-ли мимо него карета. Заслышавъ шаги, мужчина обернулся. Взглянувъ на костюмъ молодой женщины, онъ съ удивленіемъ откинулся назадъ, держа въ рукѣ зажженную спичку.

— Да, это она! вскричалъ онъ и бросился къ Орели, которая, узнавъ голосъ, испугалась и хотѣла бѣжать. Но мужчина схватилъ ее за руку.

— Какъ! Это ты? въ такомъ платьѣ!.. Наконецъ-то я нашелъ тебя.

— Пустите меня, пустите! говорила Орели, вырываясь,—или я закричу: караулъ! и васъ задержатъ.

Она узнала Жюля и надѣялась, что угроза скандаломъ и арестомъ подѣйствуетъ и заставитъ его отвязаться отъ нея.

Но онъ грубо отвѣтилъ:

— Можешь кричать, сколько хочешь. Теперь не меня арестуютъ, а я арестую. Лучше не кричи, а не то я тебя задержу и напишу въ рапортѣ: «Задержана ночью на улицѣ женщина, въ платьѣ «сестеръ Кающихся», подошедшая ко мнѣ съ предложеніями». Вотъ-то будетъ потѣха!

— О! негодяй! съ негодованіемъ вскричала Орели.

Жюль, забавляясь ея положеніемъ, хохоталъ во все горло.

— Ну, полно, идемъ со мной. Я слишкомъ любилъ тебя, чтобы обижать, если ты будешь мила; но ты должна разсказать мнѣ, что ты здѣсь дѣлала въ такой часъ, да еще въ этомъ костюмѣ. Я видѣлъ, какъ ты вошла въ одинъ домъ съ маленькимъ абатомъ.

Орели вдругъ мелькнула мысль воспользоваться встрѣчей съ Жюлемъ и сдѣлать его своимъ сообщникомъ. Съ свойственнымъ ей легкомысліемъ, она тотчасъ перешла отъ презрѣнія къ дружбѣ и, не отвѣчая на его вопросъ, спросила:

— Ты былъ здѣсь? Въ которую сторону уѣхала карета?

— А что? спросилъ Жюль, удивленный озабоченнымъ тономъ этого вопроса.

— Жюль, милый Жюль, помоги мнѣ, умоляю тебя! Ты знаешь, у меня есть бриліанты; это все мое состояніе.

— Да, тѣ, что ты сцапала у меня.

— Я взяла ихъ съ собой въ мѣшкѣ и позабыла въ каретѣ.

— Боже мой! вскричаль Жюль.

— Понимаешь-ли, что въ моемъ положеніи и при тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ я ихъ потеряла, я не могу ихъ розыскивать черезъ полицію. А нужно-же найдти ихъ.

— Еще-бы! И мы найдемъ ихъ навѣрное.

— Но какъ?

— Иди за мной! Иди скорѣе!

Онъ схватилъ ее за руку и повлекъ, говоря:

— Мы отыщемъ карету. Но да будетъ тебѣ извѣстно, что я хочу быть въ долѣ.

— Обѣщаю тебѣ, только помоги.

— Идемъ-же, бѣги! Подхвати твой длинный хвостъ; теперь твоихъ икръ не увидятъ. Идемъ на извощичью биржу, у Зоологическаго сада.

Они побѣжали. Къ ихъ счастью, этотъ кварталъ, даже днемъ не очень людный, ночью былъ совсѣмъ пустыненъ. Во избѣжаніе недоумѣнія, которое могъ-бы возбудить въ кучерѣ костюмъ Орели, спутникъ ея поспѣшилъ подсадить ее въ карету, кучеръ которой спалъ на козлахъ, и затѣмъ уже Жюль разбудилъ его ударомъ по плечу.

— Хороша-ли у тебя лошадь? спросилъ онъ. —Мнѣ нужно далеко и скоро.

— Моя лошадь хороша, когда плата хороша, отвѣчалъ возница, принадлежавшій къ разряду извощиковъ-хозяевъ, выѣзжавшихъ только по ночамъ, послѣ установленнаго часа, на лихомъ меринѣ, нерѣдко не уступающемъ въ горячности чистокровному бѣгуну.

— Вамъ куда? спросилъ кучеръ.

— Въ Медонъ, отвѣчалъ Жюль, помня адресъ, данный Эмилемъ Обле при наймѣ кареты у дверей дома абата.

— Въ Медонъ! вскричалъ кучеръ, чуть не упавшій на козлы.—А сколько вы дадите за это, въ такой часъ?

— Двадцать франковъ.

— Положите тридцать; каяться не будете.

— Хорошо, тридцать; но живо!

Жюль вскочилъ въ карету, которая тотчасъ помчалась.

Онъ вѣрно разсчиталъ, что двѣ кареты, взятыя съ одного мѣста и къ одной цѣли, поѣдутъ одной дорогой и послѣдняя имѣетъ всѣ шансы нагнать первую; весь вопросъ былъ въ быстротѣ ѣзды. Жюль далъ себѣ слово сѣсть на козлы, по проѣздѣ укрѣпленій, чтобы самому погонять лошадь.

Усѣвшись въ каретѣ рядомъ съ Орели, онъ осмотрѣлъ ее съ ногъ до головы, хохоча надъ ея костюмомъ.

— Ну, милая сестра, сказалъ онъ,—удастся-ли намъ розыскать ваши бриліанты.

Орели ничего не отвѣчала; она задумалась о своемъ положеніи. Побѣгъ ея изъ общины неминуемо долженъ былъ произвести скандалъ; участь ея зависѣла отъ абата де-Люкъ, а любовь ея къ нему была не болѣе, какъ безправственный капризъ. Впрочемъ, уйдя изъ общины въ самый день своего окончательнаго поступленія туда, Орели только ускорила исполненіе заранѣе предначертаннаго плана. Ее побудилъ къ этому страхъ, когда она узнала, что убѣжище ея открыто Эмилемъ Обле. Поступая въ общину на пятилѣтній срокъ, она имѣла въ виду получить право носить платье «сестеръ Кающихся» и это право оставалось за нею и послѣ побѣга изъ общины. Но мы уже достаточно ознакомили читателей съ истерическою натурою этой несчастной, чтобы имѣть надобность объяснять странныя мысли, бродившія въ ея мозгу. Для нея не существовало въ жизни ничего, кромѣ любви; это было ея единственное занятіе, единственная цѣль ея бытія. Избавившись отъ мужа, избавившись отъ двухъ своихъ заклятыхъ враговъ—сестры и де-Мейрана—она мечтала возвратиться въ свѣтъ, не въ банальной и устарѣлой роли молодой вдовы, а въ оригинальной роли женщины, хотя и отрекшейся отъ міра, но живущей свѣтскою жизнью канониссы XVIII столѣтія. Несчастная давно потеряла всякое нравственное чувство. Но для того, чтобы занимать въ свѣтѣ подобающее ей мѣсто, чтобы играть роль, о которой она мечтала, нужно было, по крайней мѣрѣ, первое время, ни въ комъ не нуждаться; къ тому-же Орели страшно боялась бѣдности. Необходимо было найдти мѣшокъ съ драгоцѣнностями во чтобы то ни стало, и Орели готова была дорого заплатить тому, кто ей поможетъ въ этомъ. Для подобной цѣли Жюль, готовый на все, даже на преступленіе, былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ.

— Разскажи-же мнѣ, какъ тебя обокрали? спросилъ онъ.

Жюль не допускалъ, чтобы можно было потерять такія драгоцѣнности; онъ полагалъ, что онѣ были искусно похищены.

Орели подробно описала ему все случившееся.

— Держу пари, что твой абатъ не чуждъ этому дѣлу, рѣшилъ онъ.

— О! протестовала Орели.

Когда карета проѣхала укрѣпленія, Жюль сказалъ:

— Мы слишкомъ тихо ѣдемъ. Я сяду съ кучеромъ.

Онъ остановилъ карету, влѣзъ на козлы и велѣлъ кучеру гнать лошадей. Медонъ былъ уже близокъ, но на дорогѣ никто не встрѣчался.

— Меня провели! съ отчаяніемъ размышлялъ Жюль.—Вѣроятно, дорогой этотъ плутъ перемѣнилъ адресъ.

Уже по пріѣздѣ въ Медонъ, они увидѣли фіакръ, шагомъ выѣхавшій изъ Большой улицы, возвращаясь въ городъ.

Въ такой часъ и на такой пустынной дорогѣ этотъ фіакръ несомнѣнно былъ тѣмъ самымъ, за которымъ они гнались. Поэтому Жюль соскочилъ съ козелъ и подошелъ къ кучеру порожняго экипажа.

— Эй, любезный, не вы-ли взяли сѣдока въ улицѣ де-ля-Кле?

— Я, а что?

— Мы догоняемъ его, чтобы отдать ему одну вещь, которую онъ забылъ. Гдѣ онъ остановился?

— Онъ вышелъ на углу Большой улицы, но я постоялъ, чтобы дать передохнуть лошадямъ, и видѣлъ, что онъ пошелъ вонъ туда, къ маленькому домику, что стоитъ въ сторонѣ.

— Сойдите и покажите толкомъ.

Кучеръ слѣзъ съ козелъ. Орели, высунувшись въ окно фіакра, съ замираніемъ сердца вслушивалась въ разговоръ. Кучеръ довелъ Жюля до переулка и указалъ ему на небольшой домъ, стоявшій особнякомъ среди сада, обнесеннаго низкой оградой. Въ двухъ изъ оконъ этого дома, въ верхнемъ и въ нижнемъ этажѣ, былъ виденъ свѣтъ и верхнее окно было полуотворено.

— Вонъ тамъ, сказалъ кучеръ.

— Вы увѣрены въ этомъ? спросилъ Жюль.

— Да, на сколько можно видѣть издали. Впрочемъ, въ переулкѣ домовъ мало; если не здѣсь, то вы можете спросить въ другихъ домахъ.

— Благодарю!

Жюль сунулъ въ руку кучеру двадцать су и тотъ, возвратившись къ своему экипажу, уѣхалъ.

— Найдемъ! Выходи, шепнулъ Жюль, подойдя къ Орели.

Кучеръ, видя, что сѣдоки его выходятъ, сказалъ:

— Вамъ извѣстно, буржуа, что я не стану дожидаться. Меня рядили только довезти.

— Такъ, такъ, сейчасъ, сказалъ Жюль и съ свойственною ему находчивостью сдѣлалъ видъ будто шаритъ въ карманѣ, шепча въ тоже время Орели:

— Есть-ли у тебя тридцать франковъ?

Она дала два луи. Кучеръ вручилъ Жюлю десять франковъ сдачи, которые тотъ, вѣроятно, по забывчивости, положилъ въ свой карманъ.

— Уѣзжайте, вы больше не нужны, сказалъ онъ послѣ того кучеру.

Когда фіакръ отъѣхалъ, Жюль нагнулся къ своей спутницѣ:

— Я подозрѣваю, что здѣсь притонъ шайки мошенниковъ. Спрячься за угломъ улицы, пока я обойду вокругъ этого дома и посмотрю, какъ намъ дѣйствовать. Досадно, что этотъ фонарь на углу мѣшаетъ намъ; впрочемъ, въ эту пору намъ нечего опасаться и мы обдѣлаемъ все проворно. Мы знаемъ теперь, что наше сокровище тамъ.

Онъ указалъ на домъ.

— Если-бы намъ не удалось добыть его собственными силами, я имѣю возможность сдѣлать обыскъ въ этомъ ящикѣ въ эту-же ночь. Ты можешь быть спокойна за твои вещи.

— Иди-же скорѣе, сказала Орели.

Жюль повиновался и цѣлыхъ полчаса бродилъ вокругъ дома, высматривая средство проникнуть въ него. Наконецъ онъ рѣшился влѣзть на ограду и по деревьямъ добраться до окна. Вдругъ ему показалось, что подъ нимъ отворилась дверь. Не услыхали-ли, какъ онъ крадется? Не вышли-ли осмотрѣть вокругъ дома? Жюль замеръ на своемъ мѣстѣ, но послѣ того опять все стихло. Онъ видѣлъ сквозь гардины двигающіяся тѣни. Уцѣпившись за подоконникъ, онъ заглянулъ въ полуотворенное окно и у него загорѣлись глаза при видѣ женщины, которая разсматривала драгоцѣнныя вещи и любовалась тысячами огней, сверкавшихъ въ бриліантахъ, которыя она держала передъ свѣчей... «Ихъ-то намъ и нужно! подумалъ Жюль. Сейчасъ все будетъ въ нашихъ рукахъ».

Женщина сидѣла спиной къ окну и не могла видѣть бездѣльника, который раскрылъ складной ножъ и взялъ его въ зубы, сказавъ про себя:

— Нужно имѣть отвѣтъ на готовѣ, если насъ спросятъ о нашихъ правахъ.

Онъ подсунулъ руку подъ крючекъ, которымъ было притворено окно и, отворивъ его во всю ширину, вскочилъ въ комнату.

Мы уже знаемъ, въ какой ужасъ пришла Элиза при видѣ вооруженнаго человѣка, вошедшаго такимъ образомъ въ ея комнату, и притомъ-же человѣка, въ которомъ она узнала негодяя, чудовище, видѣнное ею въ гостинницѣ тетки Маделены; преступника, жертвою котораго сдѣлала ее судьба. Она безъ чувствъ упала на коверъ. Видя это, Жюль улыбнулся и не сталъ болѣе заниматься ею. Онъ сгребъ въ мѣшокъ футляры съ вещами, заперъ его и ушелъ тѣмъ-же путемъ, которымъ пришелъ. Выскочивъ на улицу, онъ услыхалъ въ концѣ ея крики. Быть можетъ, полицейскіе агенты допрашивали Орели... Стоило-ли рисковать собою для ея спасенія и подвергаться аресту, будучи въ безопасности и имѣя въ рукахъ такое богатство?.. Жюль рѣшилъ, что не стоило, и пустился бѣжать въ противоположномъ направленіи, разсуждая про себя:

— Рано или поздно эти вещи должны же были вернуться ко мнѣ... Притомъ-же теперь она навѣрное придетъ ко мнѣ.

Жюль бѣжалъ, крѣпко держа драгоцѣнный мѣшокъ и стараясь предохранить вещи отъ тренія. Онъ бѣжалъ, не оборачиваясь, и, пробѣжавъ подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, добрался чрезъ Мулино до нижняго Медона. Была уже почти полночь и всюду царствовала мертвая тишина. Жюль дошелъ до берега Сены, противъ острова Бильянкура. На поворотѣ дороги стоялъ кабачекъ, отворившій свои двери для огородниковъ, шедшихъ съ товарами на рынокъ. Жюль зашелъ въ этотъ кабачекъ, спросилъ вина и закурилъ сигару. Онъ расположился у столика и, положивъ на него локти, сталъ размышлять о томъ, что ему теперь предпринять. Онъ былъ малый практичный. Очень красивый собой, онъ замѣчалъ уже, однако, смотрясь въ зеркало, что въ темныхъ волосахъ его проглядываютъ серебряныя нити. Члены его утратили прежнюю гибкость и упругость. Пора было покончить съ разгульною жизнью и начать новую, болѣе спокойную. Кипучая молодость прошла и Жюль далъ себѣ слово не упускать случая составить себѣ состояніе или даже выискать этотъ случай во чтобы то ни стало. Мы уже знаемъ, что значило «случай» у Жюля. Такой случай представился; Жюль зналъ, что бриліанты, попавшіе въ его руки, представляли капиталъ, по меньшей мѣрѣ, въ сто тысячъ франковъ. Стало быть, счастье, о которомъ онъ мечталъ, было въ его рукахъ, и при этомъ онъ ничѣмъ не рисковалъ, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, при которыхъ была сдѣлана эта кража. Орели разсказала ему о своемъ побѣгѣ изъ общины и сама объяснила ему, что ей невозможно при такихъ обстоятельствахъ розыскивать черезъ полицію свои пропавшія драгоцѣнности. Значитъ Жюль могъ быть спокоенъ на этотъ счетъ. Къ тому-же никто не видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ комнату, похитилъ вещи и ушелъ съ ними; въ ту минуту, когда онъ бѣжалъ, Орели, безъ сомнѣнія, была задержана полиціей, поэтому она сама не можетъ винить его въ томъ, что онъ ихъ унесъ. Главное, нужно было избѣгать пока встрѣчи съ нею, а она, конечно, не замедлитъ начать розыскивать его. Что-же ему предпринять теперь? Возвратиться къ себѣ и ждать, что она завтра-же нагрянетъ къ нему? Это было-бы слишкомъ глупо. Разбогатѣвъ, Жюль разлюбилъ ее. Нужно, однакожъ, было обратить вещи въ деньги; но какъ продать ихъ, не возбудивъ подозрѣній? Впрочемъ, Жюль былъ слишкомъ уменъ, чтобы не найтись въ этихъ затрудненіяхъ. Послѣ долгаго размышленія, онъ улыбнулся и спокойно возвратился пѣшкомъ въ Парижъ, на свою квартиру. Онъ привелъ въ порядокъ всѣ свои дѣла, заперъ дверь своей квартиры и тщательно уложилъ драгоцѣнности въ маленькій ручной чемоданъ. Онъ вынулъ только одно кольцо съ крупнымъ бриліантомъ. Съ этимъ кольцомъ онъ отправился въ ломбардъ и заложилъ его тамъ за тысячу двѣсти франковъ. Запасшись такимъ образомъ деньгами и заботливо оберегая свой мѣшокъ, онъ отправился на станцію орлеанской желѣзной дороги.

На другой день Жюль былъ уже въ Испаніи. Въ Бордо онъ заказалъ себѣ визитныя карточки и печатные бланки съ слѣдующимъ адресомъ: «Жюль Менге, ювелиръ. Улица Гренье-Сен-Лазаръ, Парижъ. Спеціальность бриліантовыхъ украшеній».

При помощи этихъ карточекъ и бланковъ, онъ успѣлъ продать всѣ свои вещи, ни въ комъ не возбудивъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

Черезъ двѣ недѣли, Жюль Менге возвратился въ Парижъ, одѣтый по послѣдней модѣ, и началъ играть на биржѣ. Онъ плутовалъ,—плутовалъ гордо, нагло, высокомѣрно, всегда готовый на всякое мошенническое дѣло, мало того, преимущественно занимаясь такими дѣлами.

Но возвратимся въ Медонъ, гдѣ мы оставили Орели.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.

Помѣщаемый въ этомъ нумерѣ «Жив. Об.» портретъ Бѣлинскаго сдѣланъ за нѣсколько дней до его смерти. Вотъ исторія этого портрета, какъ любезно сообщилъ намъ ее Михаилъ Александровичъ Языковъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ современниковъ и друзей Бѣлинскаго. «Бѣлинскій умеръ тридцати семи лѣтъ въ чахоткѣ, пишетъ М. А. Языковъ,—и за нѣсколько недѣль передъ смертью по большей части лежалъ цѣлый день на своей кушеткѣ и въ такомъ положеніи принималъ близкихъ ему людей. Въ это-то время моя жена, часто навѣщавшая семейство Бѣлинскаго, какъ-то разъ оставалась дольше обыкновеннаго, сидя у больного на той-же кушеткѣ, гдѣ онъ лежалъ, и тихо разговаривая со страдальцемъ. Положеніе Бѣлинскаго произвело на нее сильное впечатлѣніе и жена моя, возвратясь домой, нарисовала карандашемъ, ночью, въ одинъ присѣстъ, портретъ Бѣлинскаго съ страдальческимъ выраженіемъ лица, т. е. въ томъ видѣ, какъ онъ ей показался въ тотъ вечеръ. Портретъ вышелъ поразительнаго сходства. Некрасовъ, придя ко мнѣ и увидѣвъ портретъ, просилъ мою жену сдѣлать копію и она подъ живымъ впечатлѣніемъ нарисовала копію такъ удачно, что невозможно было отличить ее отъ оригинала. Оригиналъ портрета хранился у меня до нынѣшняго лѣта. Въ бытность мою въ Москвѣ во время пушкинскихъ празднествъ я встрѣтился съ П. М. Третьяковымъ, собирателемъ портретовъ русскихъ замѣчательныхъ людей, и уступилъ ему портретъ Бѣлинскаго. Какъ мнѣ кажется, Павелъ Михайловичъ имѣлъ намѣреніе воспроизвести портретъ Бѣлинскаго масляными красками для своей московской галереи. Въ настоящее время у меня хранится другой портретъ Бѣлинскаго, писанный карандашемъ юнымъ художникомъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, а нынѣ почтеннымъ академикомъ К. А. Горбуновымъ. Этотъ портретъ по желанію П. В. Анненкова послужилъ для изданія сочиненій Бѣлинскаго, которое приняли на себя Щепкинъ и Солдатенковъ».

О Бѣлинскомъ, какъ о критикѣ и писателѣ, говорилось много, но мало говорили о немъ, какъ о страдальцѣ и мученикѣ, какъ о борцѣ за правду и справедливость. Для Бѣлинскаго жизнь была мачихой, она не баловала и не ласкала его. Напротивъ, жизнь его была сплошнымъ страданіемъ и гоненіемъ за идею блага и добра, которой онъ служилъ. Уже въ университетѣ Бѣлинскій вступилъ на путь жизни, на которомъ не собираются сладкіе плоды, по крайней мѣрѣ при жизни. Можетъ быть, и теперь будущее, для котораго онъ сѣялъ, не вполнѣ еще наступило. За то ему рано пришлось бороться и протестовать противъ того склада жизни, который его окружилъ.

Еще студентомъ Бѣлинскій писалъ домой, что въ правѣ назвать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ. «Въ моей груди, писалъ онъ,—сильно пылаетъ пламя тѣхъ чувствъ высокихъ и благородныхъ, которыя бываютъ удѣломъ немногихъ избранныхъ,—и при всемъ томъ меня очень рѣдкіе могутъ цѣнить и понимать. Всѣ мои желанія, намѣренія и предпріятія самыя благородныя какъ въ разсужденіи самого себя, такъ и другихъ, оканчивались или неудачами, или ко вреду мнѣ-же, и, что всего хуже, навлекали на меня нареканіе и подозрѣніе въ дурныхъ умыслахъ... Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности...» Конечно, Бѣлинскій не могъ сказать въ этомъ письмѣ, что кромѣ бѣдности и во многомъ другомъ его домашняя жизнь была похожа на адъ, а между тѣмъ положеніе Бѣлинскаго по отношенію къ его семейству было невыносимо. Пьянство и нравственный упадокъ его отца, бѣшеная раздражительность матери, постоянный раздоръ между родителями, доходившій до послѣдней крайности, все это приводило иногда Бѣлинскаго въ положеніе крайняго унынія. Въ одномъ изъ писемъ къ своему брату, Константину, Бѣлинскій пишетъ между прочимъ, что онъ нѣсколько разъ просилъ свою мать, чтобы она старалась укрощать пылкій до дикости и неистовства характеръ, чтобы она берегла себя для своихъ дѣтей, для своего семейства и исполняла-бы всѣ обязанности, предписываемыя женамъ божественными и человѣческими законами. Бѣлинскій пишетъ, что несчастія его и его брата зависятъ только отъ ихъ родителей, которые губятъ и себя и дѣтей. Бѣлинскому рано пришлось явиться судьею своихъ родителей и въ особенности протестовать противъ заброшеннаго воспитанія его брата, мальчика даровитаго, но непоправимо испорченнаго домашней обстановкой. Родители Бѣлинскаго невольно признавали за нимъ право говорить съ ними тѣмъ иногда суровымъ языкомъ, которымъ были написаны нѣкоторыя изъ его писемъ. Но что онъ могъ сдѣлать своими письмами. То, противъ чего онъ протестовалъ, могла покончить только смерть и, дѣйствительно, только смерть покончила раздоры его родителей.

Внѣ дома Бѣлинскій не былъ счастливѣе. Его пламенное желаніе поступить въ университетъ хотя и исполнилось, но по несчастью онъ попалъ въ казеннокоштные студенты. Казенныхъ кормили плохо, или, какъ говорилъ Бѣлинскій,—падалью, обращались, какъ нельзя хуже, и за самые ничтожные поступки брали на замѣчаніе. Въ одномъ изъ писемъ Бѣлинскій говоритъ вотъ что о «казенномъ коштѣ»: «Я теперь нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что лучше бы согласился быть подъячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ, нежели жить на этомъ каторжномъ, проклятомъ казенномъ коштѣ. Еслибъ я прежде зналъ, каковъ онъ, то лучше бы согласился наняться къ кому-нибудь въ лакеи и чищеньемъ сапогъ и платья содержать себя, нежели жить въ немъ». Разъ Бѣлинскій опоздалъ возвращеніемъ послѣ каникулъ. Ректоръ, призвалъ его въ правленіе, началъ бранить, а професоръ Перевощиковъ безпрестанно кричалъ при этомъ, что Бѣлинскаго нужно выгнать изъ университета. «Наконецъ, пишетъ Бѣлинскій, — ректоръ въ заключеніе спектакля сказалъ: замѣтьте этого молодца; при первомъ случаѣ его надобно выгнать. Многіе казенные-же пріѣзжали гораздо позже меня и имъ за это ни слова не сказали. Передъ окончаніемъ холеры я не ночевалъ ночи двѣ или три дома. Прихожу къ Щепкину за однимъ дѣломъ, онъ начинаетъ меня ругать: говоритъ, что меня за это онъ отдастъ, какъ какого-нибудь каналью, въ солдаты, и наконецъ съ презрѣніемъ началъ выгонять изъ своихъ комнатъ... Надѣясь сорваться съ казеннаго кошта, я далъ себѣ клятву все терпѣть и сносить и потому ничего ему не сказалъ»..

Желаніе избавиться во что бы то ни стало отъ казеннаго кошта было для Бѣлинскаго источникомъ новаго несчастія. Бѣлинскій и въ университетѣ, какъ въ гимназіи, учился не столько въ класахъ, сколько изъ книгъ и разговоровъ. Любимымъ чтеніемъ его были русскіе журналы не старѣе двадцатыхъ годовъ, а недостающее онъ пополнилъ тѣмъ, что слышалъ въ бесѣдахъ съ друзьями. Наклонность къ литературнымъ занятіямъ пробудилась въ Бѣлинскомъ очень рано и въ «11-мъ нумерѣ», въ которомъ жилъ Бѣлинскій съ товарищами, умственная дѣятельность шла бойко. Тогда происходили еще въ литературѣ ярые споры о класицизмѣ и романтизмѣ, перешедшіе въ университетъ. Бѣлинскій принадлежалъ къ самымъ ревностнымъ поборникамъ романтизма и отличался необыкновенною горячностью въ спорахъ, которые происходили на случайныхъ сходкахъ въ 11-мъ нумерѣ. Эти случайныя сходки скоро приняли постоянный характеръ и превратились въ «литературные вечера». Бѣлинскій былъ однимъ изъ главныхъ учредителей вечеровъ. Университетская обстановка, литературное движеніе мысли, въ которомъ играли тогда важную роль и члены университета, не могли, конечно, не повліять на характеръ умственныхъ занятій студентовъ, и Бѣлинскій, пописывавшій стихи еще въ гимназіи, задумалъ еще разъ поиспробовать свои силы въ литературѣ. Подъ вліяніемъ романтическихъ впечатлѣній Бѣлинскій написалъ трагедію и эта-то злополучная трагедія послужила для Бѣлинскаго источникомъ новаго несчастія. Вотъ что самъ Бѣлинскій разсказываетъ о своей трагедіи и о послѣдствіяхъ, къ которымъ она привела. «Осужденный страдать на казенномъ коштѣ, я вознамѣрился избавиться отъ него и для этого написалъ книгу (т. е. трагедію), которая могла скоро разойдтись и доставить мнѣ немалыя выгоды. Въ этомъ сочиненіи, со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ, довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными: его мысли вольны, поступки бѣшены,—и слѣдствіемъ ихъ была его гибель. Вообще скажу, что мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и что цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ цензуру—и что-же вышло?. Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный професоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много распространяться, скажу только, что, не смотря на то, что мой цензоръ въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты, какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!..»

Дѣло однако кончилось хуже. Бѣлинскій былъ изъ университета исключенъ и главною причиной исключенія была несчастная трагедія. «Исторія Бѣлинскаго сильно взволновала студентовъ, разсказываетъ одинъ изъ современниковъ,—и долго толковали о ней товарищи. Мы съ удивленіемъ услыхали, что Бѣлинскій исключенъ изъ университета за неспособностью. Конечно, никто изъ насъ не подозрѣвалъ въ немъ знаменитаго критика, какимъ онъ явился впослѣдствіи, но все-же мы почитали его однимъ изъ самыхъ умныхъ и даровитыхъ студентовъ и въ исключеніи его видѣли вопіющую несправедливость. Самого Бѣлинскаго исключеніе это поразило, какъ громомъ, тѣмъ болѣе, что исключеніе совершилось чуть-ли не наканунѣ окончанія курса». Только черезъ 9 мѣсяцевъ Бѣлинскій рѣшился написать объ этомъ къ матери. «Девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастіе, писалъ онъ ей,—обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, лгалъ и лицемѣрилъ, скрѣпя сердце... но теперь не могу болѣе. Вѣдь когда-нибудь надобно-же узнать вамъ; можетъ даже быть, что вы это знаете,—можетъ быть, вамъ сообщено это съ преувеличеніями, а вы—женщина и мать...» Въ письмѣ къ отцу отъ того-же числа Бѣлинскій пишетъ: «счастливъ тотъ, кто еще можетъ остановиться во время и употребить себѣ въ пользу собственныя ошибки и суровые уроки судьбы. Я еще только выѣхалъ на своемъ челнѣ въ это открытое море свѣта, а до сего времени держался у береговъ, слѣдовательно, еще не все потеряно... Впрочемъ, какія бы ни были обстоятельства, навлекшія на меня мое несчастіе, вы можете быть всегда твердо увѣрены, что ничѣмъ предосудительнымъ не обезчестилъ имени своего отца...»

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Новыя замѣтки о старыхъ вопросахъ.

(*Продолженіе.*)

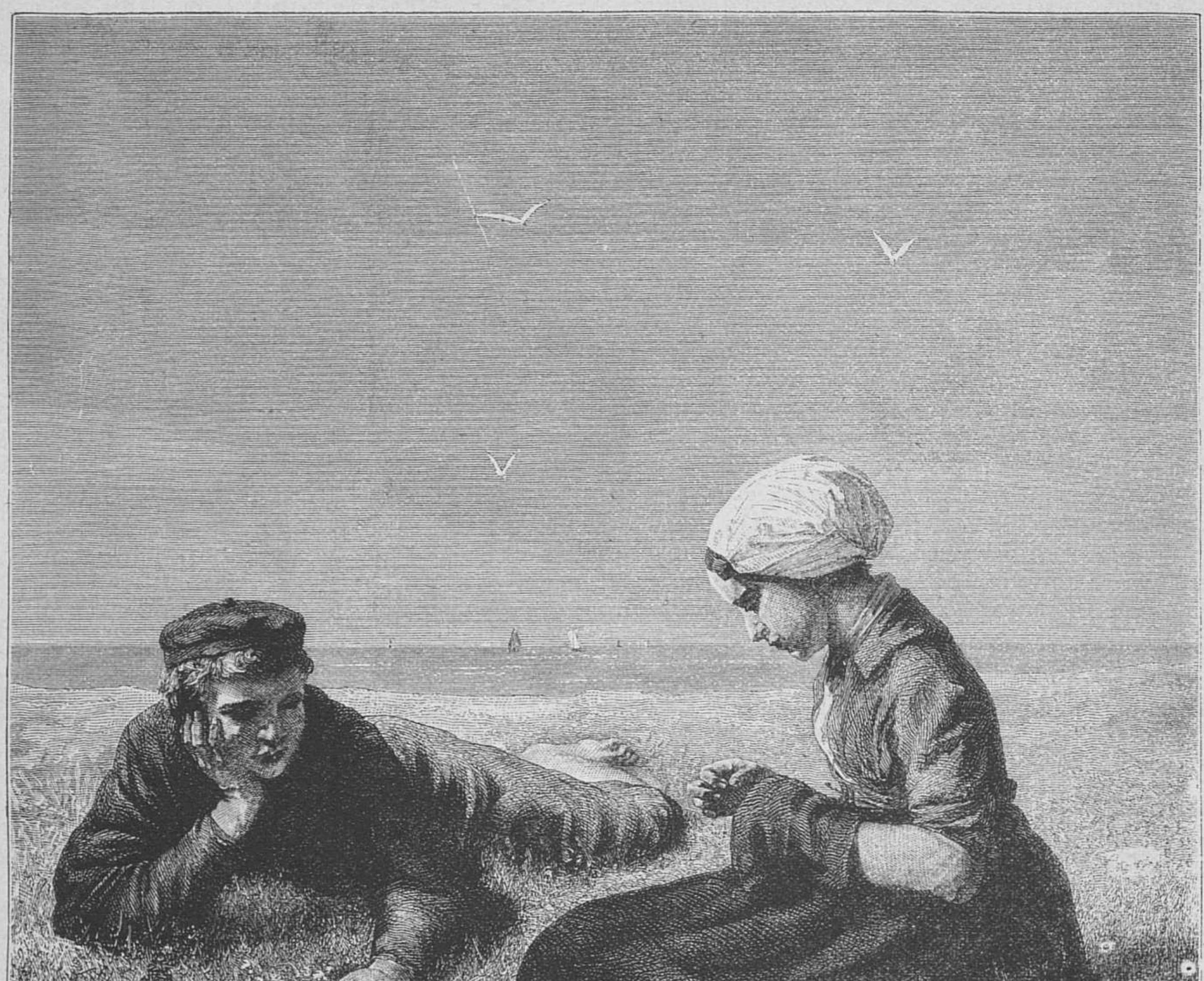
Такимъ образомъ, Дюма-сынъ говоритъ, что о нерасторжимости брака не говорится ни въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, ни въ Новомъ Завѣтѣ, ни въ Апостольскихъ Посланіяхъ, далѣе онъ доказываетъ, что католическая церковь, постановивъ нерасторжимость брака, по-неволѣ должна была всегда лукавить и двоедушествовать; наконецъ, онъ разсказываетъ, къ какимъ недостойнымъ уловкамъ прибѣгала она въ этихъ случаяхъ, чтобы угодить сильнымъ міра сего. Въ этомъ заключается одна сторона содержанія его книги. Другую онъ посвящаетъ доказательству, что при расторжимости брака семейныя узы, семейный очагъ не распадутся, не ослабѣютъ. Тутъ доказательства на лицо: Англія и Германія, гдѣ расторжимость брака допускаются, могутъ служить образцами хорошей семейной жизни; онѣ ею гордятся по праву; Германія даже постоянно указываетъ на отсутствіе семейной жизни въ «вавилонской блудницѣ», т. е. во Франціи. Правда, при расторжимости брака есть одинъ роковой вопросъ—это положеніе дѣтей. Но этотъ вопросъ при современномъ устройствѣ человѣческихъ обществъ существуетъ и при нерасторжимости брака. «Между нами, простыми смертными, говоритъ Дюма-сынъ, ничто не можетъ разрушить отцовской и материнской любви, если ее дала намъ природа; ничто не можетъ дать намъ ее, если ея нѣтъ. Напрасно будете вы требовать исправительныхъ мѣръ противъ мужчинъ и женщинъ, не признающихъ этой любви, вы не навяжете имъ ее, какъ и не вырвете ее еще болѣе насильственными мѣрами изъ сердецъ тѣхъ, которые питаютъ ее. Если бы несчастію было угодно, чтобы отецъ и мать, просящіе развода, не любили оба своихъ дѣтей, то въ интересахъ дѣтей навсегда быть разлученными и раздѣленными съ этими глупыми родителями и быть отданными чужимъ, самымъ равнодушнымъ чужимъ людямъ, которые будутъ менѣе опасны для дѣтей, чѣмъ не любящіе ихъ отецъ и мать. Никогда посторонній человѣкъ, которому ввѣренъ ребенокъ, не будетъ обращаться такъ жестоко съ послѣднимъ, какъ отецъ и мать, исполненные антипатіи къ существу, созданному ими. Нужно-ли вамъ напоминать о тѣхъ гнусныхъ отцахъ и матеряхъ, которыхъ отъ времени до времени мы видимъ предстающими на судѣ? Они бросили, они терзали, они уродовали, они убивали, они развращали своихъ дѣтей и даже передъ лицомъ суда и наказанія они не находили ни слова раскаянья, ни слезы сожалѣнія. Это животныя, скажете вы мнѣ. Пусть будетъ такъ. Но эти животныя физіологически созданы, какъ вы, и я; они, не имѣя способности любить, имѣли способность производить и пользовались этой способностью съ разрѣшенія или безъ разрѣшенія христіанскаго брака». Отъ такихъ родителей лучше всего взять дѣтей; это сознаютъ сами дѣти, привязываясь всей душой не къ такимъ родителямъ, а къ тѣмъ, которые ихъ презрѣли. Бѣдная женщина подняла со ступеней церкви брошеннаго д'Аламбера и сдѣлалась настоящею матерью великаго философа; когда потомъ госпожа Тенсэнъ сказала ему: «Я твоя мать», онъ отвѣтилъ ей: «Вы ошибаетесь, сударыня, вы не мать мнѣ; моя мать вотъ эта бѣдная женщина, поднявшая меня, кормившая меня, любившая меня». Да, вопросъ о положеніи дѣтей и при расторжимости и при нерасторжимости брака остается вопросомъ роковымъ: люди еще не научились любить дѣтей, они еще не имѣютъ часто средствъ, чтобы любить дѣтей, какъ слѣдуетъ.

Такова въ общихъ чертахъ книга Дюма-сына о разводѣ. Нельзя не сочувствовать его стремленіямъ добиться во Франціи расторжимости брака и нужно пожелать, чтобы въ этомъ случаѣ людей стѣсняли какъ можно меньше. Опека въ дѣлѣ брака ни къ чему не ведетъ, кромѣ разврата и всякихъ неурядицъ въ семьѣ.

Просматривая эту книгу, мы невольно вспомнили о нашихъ бракоразводныхъ дѣлахъ: у насъ уже давно толкуютъ даже въ офиціальныхъ сферахъ о необходимости нѣсколько измѣнить существующій порядокъ «консисторскихъ разводовъ». Онъ представляетъ массу неудобствъ и въ концѣ концовъ разводъ у насъ существуетъ только для ловкихъ людей, съ одной стороны, и для богачей, съ другой. Какъ извѣстно, всѣ разводы у насъ совершаются, главнымъ образомъ, на основаніи только двухъ причинъ: невѣрности одной изъ сторонъ и неспособности къ брачной жизни мужчины,—чаще всего на основаніи только первой изъ этихъ причинъ. Чтобы развестись съ своею женою, вы должны представить свидѣтелей, заставшихъ ее на мѣстѣ преступленія. Если у васъ есть одинъ свидѣтель — этого недостаточно; если у васъ есть два, три свидѣтеля, застававшіе ее на мѣстѣ преступленія въ разное время—и это недостаточно; ваши свидѣтели должны непремѣнно застать ее въ одно и тоже время на мѣстѣ преступленія, тогда у васъ есть поводъ къ разводу. Но развѣ такъ легко застать мужчину или женщину въ ту именно минуту, когда люди самые безцеремонные и разнузданные стараются уединяться, замыкаться, прятаться? Можно сказать, что изъ тысячи случаевъ только въ одномъ дѣйствительно удастся проникнуть въ комнату, гдѣ скрылись любовники ради извѣстной цѣли. Въ остальныхъ случаяхъ приходится прибѣгать къ лжесвидѣтелямъ, которые хотя ничего не видали, но съумѣютъ разсказать всѣ подробности той сцены, на основаніи которой можно устроить разводъ. Кромѣ того, не лжесвидѣтели, а просто люди, случайно увидавшіе подобную сцену, вообще не охотно разсказываютъ о такихъ вещахъ. Такимъ образомъ, разводъ обыкновенно въ этомъ случаѣ и устраивается при помощи лжесвидѣтелей, которыхъ нельзя сбить съ толку, у которыхъ все затвержено какъ по нотамъ. Святые отцы консисторіи могутъ задавать имъ какіе угодно сбивчивые вопросы—они отвѣтятъ на все. Но этимъ свидѣтелямъ приходится дорого платить. «Тоже эта граматика не легка», какъ выражался одинъ изъ нихъ, разсказывая, о какихъ мелочахъ могутъ спросить въ этихъ случаяхъ. Кромѣ ихъ приходится платить не мало адвокату, находящему ихъ. Потомъ нужно вездѣ смазывать и подмазывать, чтобы дѣло не скрипѣло, а шло, какъ по маслу. Самый дешевый разводъ обойдется тысячи въ три. Правда, съ лжесвидѣтелями можно за то устроить разводъ даже съ человѣкомъ, ни въ чемъ неповиннымъ. Отвертеться онъ не съумѣетъ, если только захотятъ. Гдѣ ему доказать свое alibi въ ту минуту, когда по словамъ лжесвидѣтелей онъ согрѣшилъ? Какъ ему доказать свою невинность и чистоту, когда противная сторона доказываетъ подъ присягой его развратъ? Ему остается только покориться. Съ другой стороны, при всѣхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ ловкіе люди умѣютъ затягивать такъ дѣла развода, что дѣлу не предвидится и конца. Мы знаемъ одно такое дѣло, тянувшееся нѣсколько лѣтъ. Оно уже пришло почти къ концу, какъ вдругъ обвиняемая сторона заявляетъ, что показанія свидѣтелей ложны, такъ какъ свидѣтели говорятъ, что они открыли дверь и увидали извѣстную сцену, а между тѣмъ въ комнатѣ, гдѣ происходила сцена, нѣтъ даже и дверей, а есть простой сводъ. Вслѣдствіе этого жалующаяся сторона проситъ осмотрѣть эту комнату. Комната находилась въ деревенскомъ домѣ за сотни верстъ отъ Петербурга; сцена, происходившая въ ней, совершилась за десять лѣтъ; попробуйте-же провѣрить фактъ и доказать, что въ эти десять лѣтъ двери были сняты и сдѣлана арка въ комнатѣ; представьте тѣхъ работниковъ, которые передѣлывали комнату. Затяжка опять пошла на цѣлые мѣсяцы. Такихъ случаевъ не пересчитаешь. Вслѣдствіе этого разводы у насъ, какъ мы сказали, очень легки только для ловкихъ людей, чтобы не сказать болѣе, и потомъ для богачей, могущихъ нанять не только лжесвидѣтелей, но даже настоящихъ свидѣтелей, т. е. заплатить отступного той личности, съ которой разводятся, послать ее съ нанятымъ или настоящимъ любовникомъ въ извѣстное мѣсто, потомъ отправить туда-же нанятыхъ свидѣтелей и, когда все необходимое совершится въ полнѣйшемъ порядкѣ, начать хлопотать о разводѣ. На такіе разводы бросаются тридцать, пятьдесятъ, сто тысячъ, но за то они совершаются скоро и въ Петербургѣ вамъ могутъ указать десятокъ женъ, купленныхъ вторыми мужьями у первыхъ или даже перешедшихъ въ третьи руки. Это ни для кого не тайна. «Большой свѣтъ» очень снисходительно смотритъ на эту куплю и продажу женъ. Впрочемъ, и то сказать: не можетъ-же этотъ свѣтъ, промотавшійся, проигравшійся, разорившійся, ссориться съ финансовыми тузами, среди которыхъ и практикуется этотъ способъ передачи женъ. Также дурно или даже еще хуже обставлены у насъ разводы съ неспособными къ брачной жизни мужьями. Въ этихъ случаяхъ обмана почти не бываетъ; на этомъ основаніи разводятся съ мужьями дѣйствительно несчастныя созданія и потому-то грустно подумать, что эти несчастныя созданія должны прожить со своими гнусными обманщиками не мѣсяцъ, не годъ, а цѣлые годы, чтобы потомъ, пройдя позорную процедуру доказательствъ, получить свободу. Мы знаемъ въ настоящую минуту два такихъ супружества и, право, болѣе позорнаго, болѣе тяжкаго наказанія нельзя придумать для женщины, какъ такая брачная жизнь. Намъ пришлось года два тому назадъ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА АРТЦА.



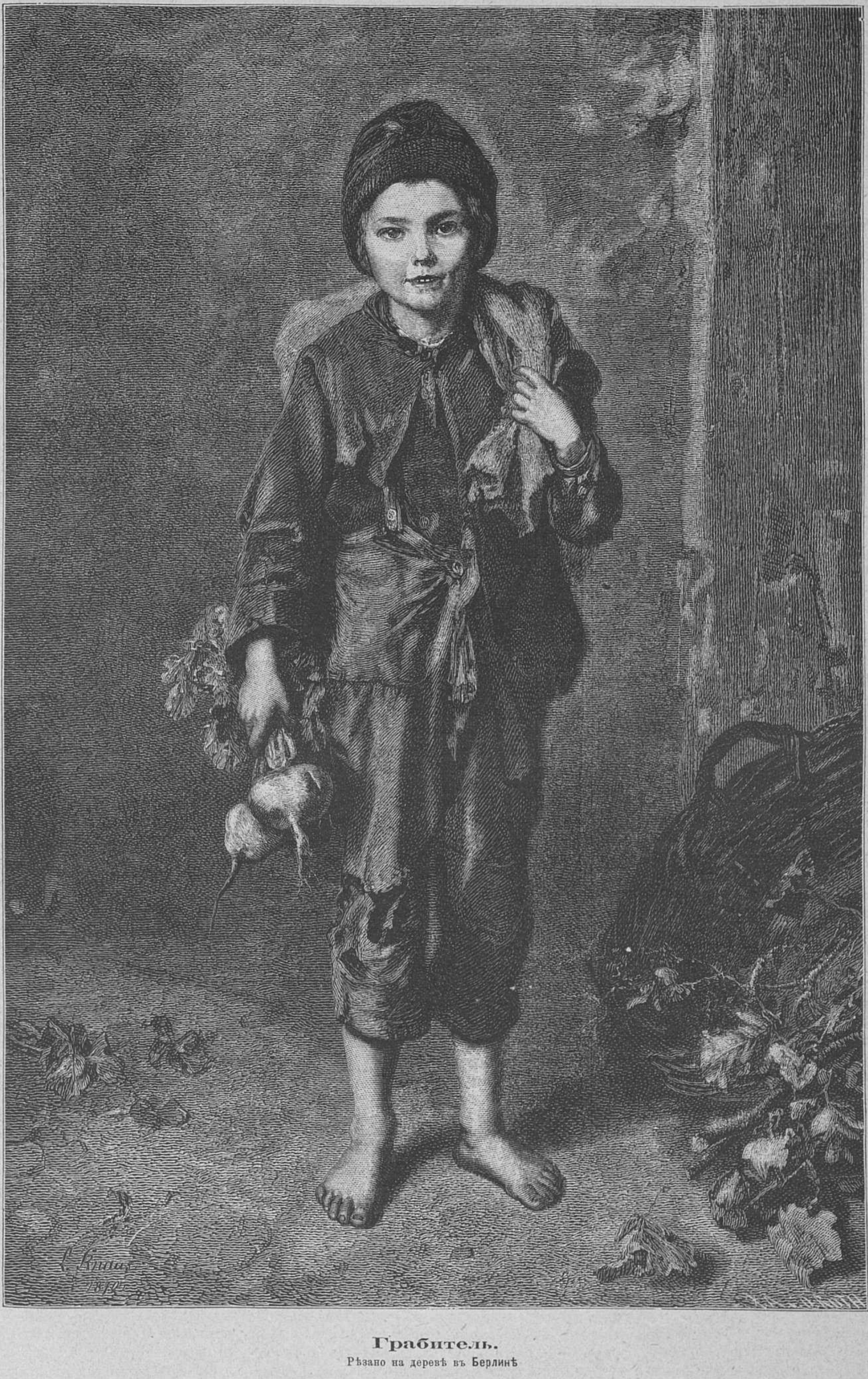
На дюнахъ.

Съ акварели, изданной фонъ-Гогомъ, въ Амстердамѣ.

присутствовать на свадьбѣ восемнадцатилѣтней дѣвушки съ человѣкомъ лѣтъ тридцати. Бракъ, повидимому, обѣщалъ быть счастливымъ, молодые люди любили другъ друга, оба они были, какъ казалось, пара, хотя женихъ и выглядѣлъ нѣсколько болѣзненнымъ, желтоватымъ, облысѣвшимъ. Прошло дней десять послѣ свадьбы и вдругъ «молодая» пріѣзжаетъ къ своей старшей замужней сестрѣ изъ имѣнія своего мужа,—пріѣзжаетъ больная, надломленная, опозоренная. На нее было страшно смотрѣть; она избѣгала встрѣчи съ людьми. Все, что было въ ней дѣвически чистаго, женственно стыдливаго, все было опозорено, запятнано, возмущено. Ей стыдно было разсказывать сестрѣ о событіяхъ этихъ десяти дней, о перенесенныхъ ею униженіяхъ и пыткахъ, она не могла безъ омерзѣнія произнести имени своего мужа, а между тѣмъ законъ приговаривалъ ее жить съ нимъ и испытывать новыя и новыя униженія, — только этимъ путемъ она могла когда-нибудь отъ него освбодиться. Онъ былъ для нея чужой, она оставалась дѣвушкой, но законъ давалъ право втеченіи долгихъ дней, недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ этому «чужому» человѣку надругиваться надъ стыдливостью, надъ чистотой этой «дѣвушки». Мало того, законъ требовалъ, чтобы она во все время этого страшнаго искуса оставалась вѣрна человѣку, сдѣлавшемуся ей ненавистнымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она потеряла бы даже право на разводъ. Другой случай такого-же рода совершился недавно въ Петербургѣ и интереснѣе всего въ этомъ дѣлѣ то, что женихъ вполнѣ сознавалъ, вступая въ бракъ, всѣ послѣдствія своей женитьбы, но онъ, видите-ли, хотѣлъ «отомстить» своей невѣстѣ, такъ какъ онъ предлагалъ ей свою руку еще семь лѣтъ тому назадъ, когда ей было семнадцать лѣтъ, и получилъ отказъ; спустя семь лѣтъ, она согласилась выйдти за него замужъ и вышла, не подозрѣвая, что готовитъ ей супружеская жизнь. Всѣ подобныя явленія въ нашей практикѣ разводовъ требуютъ пересмотра законовъ о разводѣ, пересмотра тщательнаго и осмотрительнаго, а не такого, какъ предлагалъ одинъ дѣлецъ: онъ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КНАУСА.



Грабитель.

Рѣзано на деревѣ въ Берлинѣ

хотѣлъ только, чтобы обѣимъ сторонамъ дозволяли послѣ развода заключать брачные союзы. «Для чего вамъ кажется это необходимымъ?» спросили его въ дружескомъ кружкѣ. — «Да тогда обѣ стороны платить будутъ!» отвѣчалъ онъ. Дѣйствительно, на дѣла бракоразводныя смотрятъ у насъ до сихъ поръ только съ одной точки зрѣнія: ихъ признаютъ за калифорнскія золотыя розсыпи.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Политическая хроника.

Теперь, когда мы пишемъ эту замѣтку, уже окончилась избирательная борьба въ Соединенныхъ штатахъ. Судя по полученнымъ телеграмамъ, сообщающимъ объ исходѣ борьбы въ отдѣльныхъ штатахъ и територіяхъ, побѣда несомнѣнно должна остаться за республиканской партіей и ея кандидатомъ на президентство, Гарфильдомъ. Вначалѣ шансы успѣха казались на сторонѣ демократовъ, съ изумительной энергіей и ловкостью отстаивавшихъ свое дѣло. Видя это, республиканцы въ свою очередь усугубили свои усилія, обративъ вниманіе преимущественно на тѣ штаты, гдѣ исходъ голосованія казался сомнительнымъ. Въ числѣ принятыхъ ими мѣръ для обезпеченія успѣха было выступленіе на арену избирательной борьбы молчаливаго генерала Гранта. Хотя Грантъ лично потерпѣлъ пораженіе, выступивъ кандидатомъ на президентство, но имя его очень популярно и республиканцы не ошиблись въ своемъ расчетѣ, поручивъ ему сказать рѣчь въ пользу Гарфильда. Дѣйствительно, рѣчь эта произвела такое впечатлѣніе, что многіе изъ сомнѣвавшихся перешли на сторону кандидата республиканской партіи.

Выборы президента Соединенныхъ штатовъ производятся слѣдующимъ образомъ:

Каждый штатъ назначаетъ столько избирателей, сколько онъ имѣетъ своихъ представителей въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ. Всѣ эти избиратели собрались 21 октября (2 ноября) въ главномъ городѣ своего штата и подавали свой голосъ за Гарфильда или Генкока. Поданные ими бюлетени въ запечатанномъ конвертѣ немедленно отправлялись въ Вашингтонъ на имя президента сената. Когда соберутся конверты отъ всѣхъ штатовъ, президентъ сената распечатаетъ ихъ въ соединенномъ засѣданіи сената и палаты депутатовъ. Получившій большинство голосовъ будетъ объявленъ президентомъ и вступитъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей 20 февраля (4 марта) 1881 года.

Замѣчательно, что и Гарфильдъ и Генкокъ, по своимъ убѣжденіямъ, расходятся со своими избирателями по нѣкоторымъ пунктамъ ихъ политической програмы. Республиканцы защитники идей централизаціи и протекціонной системы. Гарфильдъ горячо поддерживаетъ идею свободы торговли. Демократы проповѣдуютъ автономію штатовъ и свободу торговли. Генкокъ защитникъ протекціонной системы. Въ своихъ рѣчахъ и манифестахъ къ избирателямъ, онъ особенно выставлялъ свои симпатіи къ протекціонной системѣ. Демократы не мѣшали ему это дѣлать, расчитывая, что этимъ маневромъ они привлекутъ на свою сторону многихъ изъ сомнѣвавшихся въ сѣверныхъ штатахъ, гдѣ протекціонистская система пользуется особенной популярностью.

Побѣда досталась республиканцамъ и мы не можемъ этому не порадоваться, потому что симпатіи наши принадлежатъ этой партіи, освободительницѣ рабовъ. Но если бы побѣда утвердилась за демократами, еще недавно бывшими защитниками рабства, не могло бы предвидѣться никакой опасности для либеральныхъ учрежденій Соединенныхъ штатовъ. Болѣе 100 лѣтъ существуетъ эта республика и никогда еще ни одинъ изъ ея президентовъ даже и не помыслилъ о возможности съ его стороны нарушенія основныхъ законовъ страны; ни одному изъ нихъ не приходили въ голову диктаторскія поползновенія; нѣтъ основанія опасаться, что въ близкомъ будущемъ можетъ угрожать опасность либеральнымъ учрежденіямъ Соединенныхъ штатовъ, гдѣ, по словамъ Линкольна, существуетъ вполнѣ народное правительство, управляющее посредствомъ народа и для народа.

Благодаря своимъ политическимъ и общественнымъ учрежденіямъ, Соединенные штаты по всей справедливости могутъ считать себя самой благоденствующей страной въ мірѣ. Матеріальное благосостояніе ея по истинѣ изумительное. Междоусобная война, стоившая странѣ болѣе 6 миліардовъ доларовъ, заставила сдѣлать огромный государственный долгъ, который къ 31 августу 1865 года выражался цифрой въ 2 миліарда 800 миліоновъ доларовъ, съ ежегоднымъ процентомъ въ 151 миліонъ доларовъ. Правительство Соединенныхъ штатовъ нашло возможнымъ ежегодно погашать часть долга и въ настояшее время онъ уменьшился до 1 миліарда 725 миліоновъ съ ежегоднымъ процентомъ въ $79^1/_2$ миліоновъ доларовъ. Только при ежегодно возроставшемъ благосостояніи страны и возможно было достигнуть этого блистательнаго финансоваго результата, подобнаго которому не достигала никакая другая страна. Дѣло не шуточное заплатить слишкомъ миліардъ доларовъ въ 15 лѣтъ и послѣ жестокой междоусобной войны, на долгое время затруднившей промышленную и земледѣльческую дѣятельность почти въ половинѣ странѣ.

Какова-же эта дѣятельность въ настоящее время, показываютъ слѣдующіе весьма внушительные цифры. Вывозъ въ 1879 году былъ на 835,000,000 доларовъ, что превышаетъ на 320 миліоновъ хорошій для торговли Соединенныхъ штатовъ 1875 годъ; ввозъ въ томъ-же году опредѣлился цифрою въ 668,000,000 доларовъ, на 135 миліоновъ больше противъ 1875 года. Не менѣе поразительныя цифры даетъ земледѣліе. Въ нынѣшнемъ году сборъ пшеницы былъ слишкомъ 480,000,000 бушелей (почти 82 миліона русскихъ четвертей); средній урожай 9 четвертей на русской десятинѣ. Для мѣстнаго потребленія необходимо нѣсколько болѣе 50 миліоновъ четвертей; слѣдовательно для вывоза за-границу остается слишкомъ 30 миліоновъ четвертей, что и вывезено въ нынѣшнемъ году и послужило причиной упадка цѣны на хлѣбъ въ западной Европѣ. Но производство пшеницы въ Соединенныхъ штатахъ ничтожно сравнительно съ производствомъ кукурузы, которой собрано въ нынѣшнемъ году 1 миліардъ 800 миліоновъ бушелей (слишкомъ 310 миліоновъ русскихъ четвертей). Мы не упоминаемъ о другихъ менѣе цѣнныхъ хлѣбахъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, овесъ, также служатъ предметомъ вывоза.

Мудрено-ли, что при такомъ завидномъ благосостояніи страны, государственное казначейство можетъ въ нынѣшнемъ году каждую недѣлю уменьшать государственный долгъ на $2^1/_2$ миліона доларовъ.

Не такъ завидно идутъ дѣла у другой представительницы англосаксонскаго племени—въ Великобританіи. Несмотря на выдающіяся способности государственнаго человѣка, занимающаго постъ великобританскаго перваго министра, англійскому правительству очень трудно покончить съ затрудненіями, оставленными въ наслѣдство министерствомъ лорда Биконсфильда и вызванными противодѣйствіемъ палаты лордовъ принятію билля о вознагражденіи ирландскихъ фермеровъ. Агитація въ Ирландіи противъ землевладѣльцевъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Убійствъ въ послѣднее время, правда не было, но ничто не показываетъ, чтобы они совершенно прекратились; между тѣмъ ни для кого не тайна, что многіе изъ землевладѣльцевъ, строго примѣнявшихъ свое право «выдворенія» фермеровъ, не заплатившихъ въ срокъ аренды, обречены на смерть и если остаются живы, то только потому, что охраняются полицейскими, живущими у нихъ въ домѣ. Многіе землевладѣльцы, считая для себя опаснымъ жить въ Ирландіи, покидаютъ свои имѣнія и переселяются въ Англію. Оставаться въ Ирландіи, пока не умиротворится страна, имъ дѣйствительно едва-ли возможно. Вотъ какъ описываетъ положеніе одного изъ землевладѣльцевъ, обреченныхъ на смерть, кореспондентъ газеты «Daily-News».—Капитанъ Бойкотъ управляетъ имѣніями лорда Эрна. Онъ «выдворилъ» нѣсколькихъ фермеровъ. Люди, заправляющіе агитаціей въ Ирландіи, рѣшили выжить Бойкота изъ страны угрозой смерти. Какъ только распространилась вѣсть, что Бойкотъ «обреченъ», всѣ слуги оставили его. Когда кореспондентъ «Daily-News» подъѣхалъ къ фермѣ Бойкота, которую тотъ арендовалъ у лорда Эрна, онъ встрѣтилъ капитана загоняющимъ съ поля стадо овецъ. За капитаномъ слѣдовали двое полицейскихъ съ заряженными ружьями въ рукахъ. На фермѣ Бойкота проживало нѣсколько человѣкъ полицейскихъ. Въ такомъ положеніи капитанъ Бойкотъ живетъ уже нѣсколько недѣль и не можетъ уѣхать изъ Ирландіи, потому что будетъ совершенно раззоренъ. Снявъ въ аренду ферму, онъ затратилъ на хозяйство большія деньги; нынѣшній годъ у него случился хорошій урожай; онъ собралъ отличную жатву, но не можетъ продать своихъ продуктовъ, потому что никто не смѣетъ купить ихъ у него, какъ у «обреченнаго».

Конечно, ирландскіе землевладѣльцы продолжаютъ требовать отъ Гладстона принятія чрезвычайныхъ репресивныхъ мѣръ. Но принятіе подобныхъ мѣръ для министерства Гладстона равносильно отреченію отъ своихъ принциповъ и, разумѣется, Гладстонъ скорѣе выйдетъ въ отставку, чѣмъ согласится на нихъ. Наоборотъ принять мѣры, способныя успокоить ирландцевъ, министерство не въ правѣ безъ разрѣшенія парламента, потому что онѣ принадлежатъ къ числу мѣръ, которыя проводятся законодательнымъ путемъ. Но надобно-же что-нибудь предпринять и министерство остановилось на мѣрѣ, которая не только не можетъ удовлетворить ни одну изъ враждующихъ сторонъ, но скорѣе способна вызвать еще большее раздраженіе. Министерство рѣшилось воспользоваться существующимъ въ англійскомъ законодательствѣ закономъ о заговорахъ. Въ силу этого закона заговоромъ признается всякое соглашеніе между двумя и большимъ числомъ лицъ, клонящееся къ совершенію противозаконнаго дѣйствія или къ достиженію, хотя бы и законной цѣли, но противозаконными средствами. Въ Ирландіи существуетъ общество «ирландской земельной лиги». Главная задача общества заключается въ оказываніи пособія фермерамъ, которыхъ выдворяютъ землевладѣльцы. Лига пользуется большой популярностью въ странѣ и къ ней принадлежатъ всѣ выдающіеся дѣятели Ирландіи, не исключая и членовъ парламента, представителей страны. Нечего и говорить, что лига руководитъ агитаціей, но она устами своихъ ораторовъ, горячо возстаетъ противъ аграрныхъ убійствъ и едвали возможно доказать, что ея опозиціонная дѣятельность незаконна. Опираясь на законъ о заговорахъ, министерство Гладстона поручило государственному прокурору составить обвинительный актъ противъ членовъ ирландской земельной лиги и внести его въ высшій судъ. Въ числѣ 19 обвиненныхъ находятся члены парламента: Парнель, Дилонъ, Секстонъ, Бригаръ, Бренанъ и Сюливанъ. Они обвиняются въ составленіи заговора, съ цѣлью воспрепятствовать арендаторамъ въ уплатѣ законной аренды, посредствомъ устройства многолюдныхъ сборищъ; далѣе говорится, что они помѣшали землевладѣльцамъ получить арендную плату и отдать имѣнія въ аренду; что они, обвиняемые, произносили возбуждающія рѣчи противъ тѣхъ, кто заплатилъ аренду и кто арендуетъ свободныя имѣнія и пр.

Едва-ли найдутся присяжные въ Ирландіи, которые осудятъ этихъ преданныхъ суду 19 членовъ ирландской земельной лиги. Судъ будетъ происходить въ Дублинѣ и несомнѣнно, присяжные не найдутъ въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ ничего противозаконнаго; ни одного такого дѣянія, которое могло бы подвергнуться осужденію на основаніи закона о заговорахъ. Слѣдовательно преданіе суду этихъ популярныхъ людей въ Ирландіи, на которое министерство рѣшилось, желая хотя нѣсколько успокоить ирландскихъ землевладѣльцевъ, только напрасно вызоветъ возбужденіе умовъ. Недавній случай съ Гили показываетъ, чего можетъ ожидать правительство въ случаѣ несомнѣннаго оправданія обвиняемыхъ. Гили, секретарь извѣстнаго ирландскаго депутата Парнеля, былъ арестованъ по обвиненію въ томъ, что онъ запугивалъ фермеровъ, желающихъ брать землю въ аренду у землевладѣльцевъ. Гили былъ препровожденъ къ мировому судьѣ, который предложилъ ему внести залогъ. По внесеніи залога Гили былъ освобожденъ и населеніе города Дублина сдѣлало ему овацію. Эта овація подала поводъ торійскимъ газетамъ высказать свое опасеніе, что въ Ирландіи должно скоро вспыхнуть возстаніе. Но очевидно, ирландскіе землевладѣльцы чрезмѣрно напуганы: изъ-за каждаго куста имъ чудится ружейное дуло и кажется, что не сегодня-завтра въ Ирландіи начнется бунтъ и польются потоки крови.

Вотъ во Франціи клерикалы, повидимому, желаютъ вызвать гражданскую войну. Смиренные монахи католической церкви жаждутъ пролитія крови. Они организуютъ уже открытыя возстанія противъ установленной власти. Они подбиваютъ несчастныхъ вандейцевъ взяться за оружіе для защиты церкви, точно и въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ о церкви, а не о выгодахъ клерикаловъ. «Не мы первые начали, говорятъ клерикалы, насъ оскорбляютъ, мы имѣемъ право прибѣгать къ средствамъ самозащиты». Но вѣдь французское правительство предложило клерикаламъ мирно разрѣшить щекотливое дѣло. Нѣкоторыя духовныя конгрегаціи, утвержденныя папой, не были признаны свѣтскимъ правительствомъ во Франціи и оно предложило этимъ конгрегаціямъ обратиться къ правительству съ просьбой объ утвержденіи. Но клерикалы не имѣютъ привычки дѣлать уступки; они требуютъ, чтобы предъ ними преклонялись, чтобы у нихъ вымаливали согласіе. Разумѣется, прежде окончательнаго рѣшенія сопротивляться, французскіе клерикалы обратились за приказаніями въ Римъ, къ папѣ. Оттуда пришелъ приказъ: не уступать и конгрегаціи вездѣ сопротивляются до послѣдней возможности. Еслибы дѣло ограничилось только взломами дверей и выносомъ достопочтенныхъ отцовъ на улицу на рукахъ полицейскихъ агентовъ; но клерикаламъ этого мало, и они уже начинаютъ возбуждать массы, требуя, чтобы темные люди брались за оружіе на защиту религіи. Кромѣ организованія вооруженнаго возстанія, клерикалы прибѣгали и къ другому оружію, нѣкогда страшному, но въ настоящее время совершенно недѣйствительному: къ отлученію отъ церкви. Такъ, епископъ въ Монпелье торжественно отлучилъ отъ церкви мѣстнаго префекта.

Да и какъ не сопротивляться клерикаламъ, когда папа, вначалѣ дѣйствовавшій не офиціально, теперь выступилъ съ офиціальнымъ письмомъ, въ которомъ торжественно благословляетъ это сопротивленіе. Въ письмѣ къ парижскому архіепископу Гиберу, папа поздравляетъ епископовъ съ тѣмъ, что они защищаютъ религіозные ордена, преслѣдованіе которыхъ даетъ поводъ предвидѣть серьезныя бѣдствія. Папа сожалѣетъ, что высшія лица французскаго правительства не приняли деклараціи конгрегацій, которая была предложена для того, чтобы повсюду охранить учрежденія и права церкви. Мы уже сообщили въ одной изъ нашихъ хроникъ какова была эта декларація и могло-ли принять ее французское правительство.

Въ настоящее время всѣ конгрегаціи, подлежащія закрытію, въ силу мартовскихъ декретовъ закрыты, исключая монастыря «премонстранскихъ монаховъ». Монастырь этотъ, построенный въ видѣ замка, на горѣ, въ Фриголе, близъ Тараскона, укрѣпленъ и монахи забарикадировались въ немъ, вмѣстѣ съ значительнымъ числомъ мірянъ, рѣшившихся защищать достопочтенныхъ отцовъ. Правительство окружило монастырь войскомъ и приказало держать монаховъ въ блокадѣ до тѣхъ поръ, пока они не сдадутся. Въ виду того, что можетъ воспослѣдовать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, монахи начали удалять изъ монастыря мірянъ, своихъ защитниковъ.

Любопытно свѣденіе, сообщаемое газетою Presse о цѣнности недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ недозволеннымъ и теперь закрытымъ конгрегаціямъ, и о суммѣ платимаго ими налога:

Имена конгрегацій.	Цѣнность недвижимыхъ имуществъ.	Сумма платимаго налога.
	Франковъ.	
Іезуиты...........	42,000,000	145,500
Кармелиты.........	15,500,000	78,000
Капуцины.........	4,300,000	11,400
Шартрезы	6,000,000	27,000
Доминиканцы	6,400,000	23,000
Эдисты............	2,000,000	10,400
Госпитальеры	4,600,000	31,300
Братья св. Іосифа...	2,700,000	7,700
Маристы...........	8,000,000	31,600
Сестры Чистилища..	1,400,000	5,700
Сестры «Священнаго Сердца»..........	5,300,000	22,900
Сестры Надежды...	4,200,000	18,000
Маристки..........	1,900,000	2,600

27-го октября (8 ноября) открылись засѣданія французскихъ палатъ и министерство Ферри потребовало отъ нихъ выраженія ему довѣрія, причемъ оно ссылается на выполненіе декретовъ о конгрегаціяхъ, на предстоящее вскорѣ отозваніе французской эскадры изъ Адріатическаго моря и на внесеніе новыхъ законовъ о народномъ образованіи.

Къ рисункамъ.

Консультація врачей, картина Грина. Осмотрѣвши тяжело больного, три почтенныхъ эскулапа отправились въ гостиную, чтобы обсудить степень опасности и согласиться на счетъ средствъ дальнѣйшаго леченія. Докторъ, лечившій больного съ начала болѣзни, разсказываетъ исторію болѣзни и по пальцамъ исчисляетъ лекарства, которые были имъ прописываемы. Онъ видимо взволнованъ и говоритъ съ большимъ оживленіемъ. Другіе два врача слушаютъ его. Типы врачей — превосходно схвачены и очень удачно написаны.

Лѣность, картина Ловера. Несмотря на то, что Ловера — испанскій художникъ, онъ отлично умѣлъ схватить характеръ будуарной, чисто парижской живописи. Его картина, дѣйствительно, принадлежитъ къ этому исключительному и нѣсколько искуственному жанру. Молодая дѣвушка, въ прелестномъ испанскомъ костюмѣ, въ кружевахъ и блондахъ, нѣжится на кушеткѣ и вспоминая что-то, сладко улыбается. Грація этой фигуры, свободная и вполнѣ естественная поза, прелесть смѣющагося лица, кокетливыя ножки и красивый костюмъ, придаютъ картинѣ живой интересъ.

На дюнахъ. Вдали чуть-чуть виднѣется море; кое-гдѣ видны паруса, а тутъ, на дюнахъ, среди высокой травы, въ чудный лѣтній день помѣщается група, состоящая изъ мужчины и женщины. Молодой мальчикъ, развалившись въ травѣ, подбираетъ цвѣты; дѣвушка, въ крестьянскомъ костюмѣ, сидитъ тутъ-же и что-то шьетъ. Пейзажъ и фигуры прелестны по своему поэтическому колориту.

Грабитель, картина Людвига Кнауса. Кнаусъ извѣстенъ всему міру своими дѣтскими типами. Въ этотъ разъ подъ названіемъ «грабителя», онъ изображаетъ намъ мальчишку, который натаскалъ, вѣроятно, на чужомъ огородѣ, разныхъ овощей и веселый, возвращается домой послѣ этой незаконной охоты. Плутоватое и улыбающееся личико его верхъ совершенства по выразительности.

Во время войны, картина Пилати. Сраженіе или нападеніе на територію врага кончилось, войска удаляются, — на обнаженномъ холмѣ около придорожной часовенки остались только четверо несчастныхъ людей: старикъ, молодая женщина и два ребенка. Это очевидно жертвы войны, бѣжавшія, можетъ быть, изъ разореннаго замка. Вотъ содержаніе картины Пилати. Но дѣло не въ содержаніи, а въ прелести композиціи. Група людей въ средневѣковомъ одѣяніи, прелесть лицъ, прекрасный пейзажъ, красивая даль съ удаляющимися среди пыли и дыма войсками, все это ловко передано художникомъ.

Цѣнители искуства, картина Мейсонье (№ 43). Въ мастерскую художника явились трое любителей живописи, и въ то время, какъ художникъ продолжаетъ писать, они любуются его искуствомъ. Удачно схваченные типы этихъ лицъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои особенности, — составляютъ все содержаніе картины, которая тѣмъ не менѣе представляетъ одно изъ лучшихъ произведеній знаменитаго французскаго художника. Мейсонье, конечно, не разъ и самъ имѣлъ случай видѣть подобную сцену у себя и наблюдать типы «любителей». Онъ ихъ одѣлъ въ костюмъ времени Людовика XV, въ кафтаны и парики, въ чулки и башмаки, что придаетъ фигурамъ болѣе живописный характеръ.

Іоаннъ Барбариго освобождаетъ изъ тюрьмы венгерскую королеву Марію, картина Джіането (№ 43). Послѣ смерти Людовика I-го, короля Венгріи и Польши, венгерскій престолъ перешелъ къ дочери его, Маріи, невѣстѣ принца люксамбургскаго, Сигизмунда. Мать королевы Ядвиги и Маріи (венгерской), Елизавета послѣ смерти своего мужа, Людовика, желала другого мужа для Маріи. Она отправила во Францію посольство за принцемъ Людовикомъ, а въ Италію — за принцемъ Карломъ Малымъ, изъ Неаполя. Узнавъ объ этомъ, Сигизмундъ заявилъ свои права на руку Маріи и съ этою цѣлью сдѣлалъ вооруженное нападеніе на Венгрію, заключилъ въ тюрьму обѣихъ королевъ и женился на Маріи. Это обстоятельство, однакожь, не помѣшало королевѣ Елизаветѣ интриговать, тѣмъ болѣе, что внезапно явился Карлъ Малый, вслѣдствіе чего Сигизмундъ принужденъ былъ бѣжать. Тѣмъ не менѣе, эта междоусобица длилась недолго; Сигизмундъ съ значительнымъ войскомъ снова явился, прогналъ Карла Малаго и окончательно утвердился на престолѣ, освободивъ изъ тюрьмы свою супругу Марію. Это освобожденіе, собственно, и составляетъ сюжетъ картины Джіането.

Правительственное сообщеніе.

Въ «Правит. Вѣстн». напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе: «На основаніи воспослѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря графа Валуева особаго совѣщанія, для обсужденія основныхъ началъ, на которыхъ возможно было-бы приступить къ окончательному пересмотру нынѣ дѣйствующихъ законоположеній и временныхъ правилъ о печати, — 23-го октября, состоялось предварительное совѣщаніе между министромъ внутреннихъ дѣлъ, товарищемъ его, статсъ-секретаремъ Кахановымъ, начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати и предсѣдателемъ комитета министровъ.

«Слѣдующее засѣданіе, въ полномъ составѣ Высочайше назначенныхъ членовъ, состоится на будущей недѣлѣ».

Смѣсь.

— **Политическій процесъ.** 25 октября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ начался разбирательствомъ политическій процесъ. Подсудимыми въ этомъ дѣлѣ являются слѣдующія лица: дворянинъ Александръ Квятковскій, крестьянинъ Степанъ Ширяевъ, мѣщанинъ Ааронъ Зунделевичъ, дворянинъ Людвигъ Кобылянскій, крестьянинъ Яковъ Тихоновъ, мѣщанинъ Иванъ Окладскій, мѣщанинъ Андрей Прѣсняковъ, сынъ тайнаго совѣтника Николай Бухъ, купеческій племянникъ Лейзеръ Цукерманъ, канцелярскій служитель Сергѣй Мартыновскій, сынъ священника Афанасій Зубковскій, земскій врачъ Александръ Буличъ, дворянинъ Владиміръ Дриго, дочь маіора Софья Иванова, крестьянка Марья Грязнова и дворянка Евгенія Фигнеръ. Они обвиняются въ принадлежности къ тайному сообществу соціально-революціонной партіи, стремящейся, путемъ бунта и насилія, ниспровергнуть государственный и общественный порядокъ и обнаружившей свою дѣятельность цѣлымъ рядомъ самыхъ тяжкихъ государственныхъ преступленій, и въ другихъ преступленіяхъ.

— **Бенефисъ г. Зубова.** На этотъ разъ г. Зубовъ, отличавшійся въ прежнее время ловкимъ составленіемъ бенефисной афиши, выбралъ для своего бенефиса неудачную пьесу. Это былъ худшій изъ всѣхъ бенефисовъ нынѣшняго года. За то цѣны на мѣста въ театрѣ, назначенныя бенефиціантомъ, кажется, превышали всѣ самыя крупныя надбавки въ нынѣшнемъ году. Г. Зубову, для обезпеченія хорошаго сбора, была нужна во чтобы то ни стало, новая пьеса и еще такая, въ которой для него самого была-бы выигрышная роль. Хороша или дурна пьеса — бенефиціанту заботы мало, онъ хлопочетъ только о сборѣ въ день своего бенефиса. Капитальной пьесой бенефиса г. Зубова была пустая до крайности и безсодержательная комедія кн. Урусова «Радуга первой любви». Г. Зубовъ остановился на этой пьесѣ, вѣроятно, потому, что въ ней есть роль отставного генерала, удобная для вызова аплодисментовъ. Г. Зубовъ игралъ эту нехитрую роль по шаблону, былъ въ ней ни хорошъ, ни дуренъ, но нѣсколько разъ ему приходилось выкрикивать грозное «молчать!» и вызывать рукоплесканія. Что касается пьесы, это просто повѣсть во вкусѣ 30-хъ годовъ, изложенная въ формѣ діалоговъ. Драматическое дѣйствіе въ ней совершенно отсутствуетъ; дѣйствующіе лица разговариваютъ возвышеннымъ слогомъ, безпрестанно прижимая руку къ сердцу. Тутъ есть графиня, вдова (г-жа Дюжикова), скучающая, разочарованная, потому что 7 лѣтъ тому назадъ блестящій гвардеецъ на балу сдѣлалъ ей признаніе въ любви, затѣмъ улетучился, убоявшись узъ законнаго брака. Вышерѣченный гвардеецъ, Пожаринъ (г. Петипа), благородный и великодушный кутила, прожилъ все свое состояніе и, по желанію своего дяди, отставного генерала (г. Зубовъ), является претендентомъ на руку графини, которой онъ признавался въ любви 7 лѣтъ тому назадъ. По присущему ему благородству, онъ объясняетъ графинѣ планы своего дяди. Графиня, желая отомстить коварному мужчинѣ, снова влюбляетъ его въ себя (потомъ оказывается что онъ и не переставалъ любить ее) и, когда онъ дѣлаетъ ей признаніе, хохочетъ надъ нимъ. Отвергнутый любовникъ рѣшается ѣхать на Кавказъ. Но тутъ отъ его деньщика (г. Варламовъ) графиня узнаетъ, что Пожаринъ дрался изъ-за нея на дуэли и кидается въ объятія своему великодушному защитнику. Въ пьесу безъ всякой надобности введена роль молодой дѣвушки (г-жа Савина), подруги графини. Кромѣ вышеозначенныхъ лицъ въ комедіи выведенъ другой претендентъ на руку графини, крупное чиновное лицо, хорошо изображенное г. Киселевскимъ. Вообще пьеса была разыграна очень дружно, въ особенности хороша была г-жа Дюжикова. Одно только можно пожелать, чтобы пьесы, подобныя комедіи «Радуга первой любви», болѣе не появлялись на сценѣ. Критика отнеслась очень строго къ «Карьеристу» г. Гэ, но, право, лучше посмотрѣть 10 «Карьеристовъ», чѣмъ одну «Радугу». «Карьеристъ» всетаки сцениченъ, въ немъ есть отдѣльныя сцены, недурно сдѣланныя, но «Радуга» вызываетъ только томящую скуку и досаду.

— **Королева Викторія.** Надняхъ королева Викторія застраховала свою жизнь въ парижскомъ торговомъ домѣ «Compagnie de Lyon» за весьма крупную сумму. Черезъ нѣсколько дней герцогъ Кембриджскій послѣдовалъ примѣру своей царственной родственницы и застраховалъ также свою жизнь въ томъ же обществѣ.

— **Состояніе эксъ-президента Гранта.** Одною изъ причинъ, выставляемыхъ противъ избранія ген. Гранта, говоритъ Illinois Staads Zeitung, — это его бѣдность, не смотря на всѣ его заслуги; онъ не можетъ, будто-бы, встрѣчать къ себѣ уваженія со стороны народа, который всегда будетъ того мнѣнія, что онъ добился столь высокой должности только по нуждѣ въ деньгахъ. Дѣйствительно, состояніе ген. Гранта не изъ завидныхъ. По его собственному сознанію, у него послѣ его кругосвѣтнаго путешествія, стоившаго ему 50,000 доларовъ, оставалось нѣсколько менѣе 100,000 дол. По нынѣшнему низкому проценту при вѣрномъ помѣщеніи капитала, эта сумма можетъ дать годового дохода всего на всего до 5,000 доларовъ. Конечно, на такую сумму нельзя умереть съ голоду; тѣмъ не менѣе, въ виду нынѣшней дороговизны жизни въ Соединенныхъ штатахъ, а также необходимости всякому мало мальски извѣстному американцу вести довольно открытую жизнь, эти средства недостаточны. Въ Америкѣ многіе очень молодые люди, занимающіе должности въ большихъ торговыхъ домахъ, въ банкахъ или на желѣзныхъ дорогахъ, получаютъ гораздо больше. Въ послѣднее время, однакожъ, положеніе ген. Гранта значительно измѣнилось къ лучшему. Надняхъ его выбрали президентомъ одного акціонернаго общества, съ жалованьемъ въ 25,000 дол. Кромѣ того, его сынъ Улисъ, зять миліонера Флуда въ Калифорніи, въ то время, когда отецъ былъ въ Мехикѣ, спекулировалъ на его счетъ на биржѣ и такъ счастливо, что по возвращеніи родителя, вмѣсто 25,000 дол., оставленныхъ на этотъ предметъ, могъ вручить ему 65,000 дол. Благодаря этому, состояніе ген. Гранта увеличилось почти до 140,000 дол. Поэтому о денежныхъ затрудненіяхъ теперь уже не можетъ быть и рѣчи. Если онъ рискнетъ своимъ состояніемъ и проиграетъ его въ политической борьбѣ, у него все-таки останется хорошая должность и сынъ Улисъ, одаренный чрезвычайно счастливою рукою. Улису только 28 лѣтъ, а онъ уже владѣетъ состояніемъ въ 300,000 дол., нажитыхъ имъ самимъ,—правда, не трудами, а счастливою игрою на биржѣ. Воспитанный въ гарвардской колегіи, Улисъ Грантъ предназначался сперва въ адвокаты, практиковалъ даже нѣкоторое время, но скоро обратился къ банковымъ и биржевымъ занятіямъ, къ которымъ чувствовалъ больше склонности. Въ Нью-Іоркѣ онъ зашибъ такимъ образомъ изрядный кушъ. Переселясь въ Калифорнію, онъ поступилъ на службу колосально богатой фирмы Флудъ и О'Бріенъ, а его женитьба на дочери Флуда поставила его самого въ ряды миліонеровъ.

— **Новая китайская азбука.** Изъ Рима сообщаютъ, что епископъ пріенскій Элигій Кеси, апостольскій, или, по просту, папскій викарій въ Кантонѣ, составилъ новую китайскую азбуку изъ 33 буквъ, которыми можно удобно выражать всѣ китайскія слова, требующія теперь безчисленнаго множества знаковъ.

— **Количество смертныхъ случаевъ на всемъ земномъ шарѣ.** Въ Европѣ считается народонаселенія до 309 миліоновъ, въ Азіи 804 миліона, въ Африкѣ до 199 мил., въ Океаніи до $4^1/_2$ мил. и въ Америкѣ до 85 м., въ общей суммѣ слѣдовательно 1,421 мил. Если принять для вычисленія процентъ смертности во Франціи,—странѣ, находящейся въ сравнительно выгодныхъ гигіеническихъ условіяхъ,—то получимъ общее количество смертныхъ случаевъ на всемъ земномъ шарѣ ежегодно въ 35.693.350 и ежедневно въ 97.790. Общее количество рожденій въ минуту равно 70, а въ день 104.800.

— **Итальянскій филантропъ.** Франческо Риццоли, профессоръ хирургіи при болонскомъ университетѣ, недавно умершій, завѣщалъ свое громадное состояніе, оцѣненное въ 6.000,000 франковъ, болонскому муниципалитету съ условіемъ, чтобы капиталъ этотъ былъ употребленъ на поддержку и расширеніе образцовой ортопедической больницы, находящейся въ его имѣніи въ Боско, на которую при жизни онъ уже затратилъ до 2.000,000 франковъ.

— **Солнечный кругъ.** При наблюденіи солнечнаго затмѣнія 29 іюня 1878 года, американскіе астрономы замѣтили весьма любопытныя подробности. Извѣстно, что при полномъ солнечномъ затмѣніи можно ясно разглядѣть прозрачную полосу, окружающую темный солнечный шаръ, но до настоящаго времени было трудно составить себѣ опредѣленное понятіе о сущности этого круга или кольца. Различныя гипотезы, предполагавшія, что кругъ этотъ есть ничто иное, какъ прилегающая къ солнцу атмосфера, или сгущеніе эфира около солнца, не подтвердились изслѣдованіемъ. Этимъ гипотезамъ болѣе всего противорѣчило то обстоятельство, что плотность солнечнаго круга не во всѣхъ частяхъ его одинакова. Съ начала нынѣшняго столѣтія было сдѣлано много опытовъ для изслѣдованія свѣтовыхъ лучей, множество новоизобрѣтенныхъ оптическихъ снарядовъ съ достовѣрностью опредѣляютъ, исходитъ-ли лучъ отъ самосвѣтящагося или освѣщеннаго тѣла? Примѣненный къ долгому изслѣдованію спектральный апаратъ показалъ, что свѣтящійся кругъ около солнца состоитъ изъ маленькихъ, космическихъ, небесныхъ тѣлъ, которыя непрерывно притягиваются солнцемъ и отчасти поглощаются имъ. Эти-то космическія небесныя тѣла, которыя въ безчисленномъ множествѣ наполняютъ міровое пространство, безпрерывно обновляютъ дѣятельность и энергію солнца. Безъ ихъ участія утрата теплоты и химической силы давно-бы ослабили солнечную дѣятельность. И такъ, американскіе астрономы пришли къ заключенію, что солнечный кругъ есть ничто иное, какъ космическія облака, вращающіяся около солнца. Гипотеза пополненія солнечной силы путемъ космическихъ массъ, поглощаемыхъ солнцемъ, встрѣчаетъ въ свою пользу все болѣе и болѣе основаній; свѣтящійся кругъ не составляетъ постоянной принадлежности солнца, но есть измѣняемая часть его, дѣйствующая то съ большей, то съ меньшей силою; свѣтовые лучи этого круга суть ничто иное, какъ отраженные лучи солнца.

— **Ископаемая деревня.** Вблизи г. Неаполя, по дорогѣ въ г. Регнетъ, найдена подъ слоемъ земли, пепла и частью лавы, цѣлая деревня, вѣроятно, погибшая одновременно съ Геркуланушомъ и Помпеею.

Шахматный отдѣлъ.

Въ настоящемъ нумерѣ мы даемъ первую партію матча г. Алапина съ г. Чигоринымъ, о которомъ было сообщено въ № 43 «Жив. Об.» По 25 октября было сыграно еще три партіи, изъ которыхъ 2 выигралъ г. Чигоринъ и 1 г. Алапинъ. Результатъ матча пока слѣдующій:

г. Чигоринъ выигралъ	4 партіи.
г. Алапинъ	1 партію.

ПАРТІЯ № 22.

Французская партія.

Играна 9 октября 1880 года.

М. Чигоринъ. *Бѣлые*	**С. Алапинъ.** *Черные*
1. e2—e4	1. e7—e6
2. d2—d4	2. d7—d5
3. e4 : d5 *a*	3. e6 : d5
4. К g1—f3	4. К g8—f6
5. С f1—d3	5. С f8—d6
6. 0—0	6. 0—0
7. К b1—c3	7. К b8—c6
8. С c1—g5	8. С c8—g4
9. h2—h3 *b*	9. С g4 : f3
10. Ф d1 : f3	10. К c6 : d4
11. Ф f3—e3 *c*	11. К d4—e6
12. С g5 : f6	12. Ф d8 : f6
13. К c3 : d5	13. Ф f6—h4 *d*
14. Л a1—e1	14. c7—c6
15. К d5—c3	15. С d6—f4
16. Ф e3—e2	16. К e6—d4
17. Ф e2—d1 *e*	17. f7—f5! *f*
18. К c3—e2	18. Л a8—d8 *g*
19. К e2 : f4	19. Ф h4 : f4
20. c2—c3 *h*	20. К d4—f3 †! *i*
21. g2 : f3	21. Л d8—d6
22. Л e1—e6! *k*	22. Л d6 : e6
23. Ф d1—b3	23. Л f8—f6
24. Л f1—e1	24. Л f6—g6 †
25. Кр g1—f1	25. Ф f4 : f3 *l*
26. Л e1—e3	26. Ф f3—g2†
27. Кр f1—e1	27. Кр g8—f8 *m*
28. Л e3 : e6	28. Ф g2—h1 †
29. Кр e1—e2	29. Л g6—g1
30. Ф b3—b4 †	30. Кр f8—g8
31. Л e6—e8 †	31. Кр g8—f7
32. Ф b4—e7 †	32. Кр f7—g6

33. Ф e7—e6 † и выигрываютъ

Примѣчанія къ партіи:

a) Ходъ 3. e4—e5 хуже, тогда черные продолжаютъ c7—c5; 4. c2—c3, К b8—c6; 5. К g1—f3, Ф d8—b6, получая очень хорошую партію.

b) Въ другой матчевой партіи г. Чигоринъ игралъ здѣсь К c3 : d5 и продолженіе было: 9. ... С d6 : h2†; 10. Кр g1 : h2, Ф d8 : d5 и т. д.

c) Также не дурно было Ф f3—d1; пѣшку бѣлые возвращаютъ всегда.

d) Лучше, чѣмъ брать пѣшку b2.

e) Бѣлые могли здѣсь также играть 17. Ф e2—g4, получая хорошую партію, но выгоды особой не получали.

f) Сильный ходъ; бѣлые конечно не могутъ выиграть коня послѣ С d3—e4†.

g) Слабый ходъ; слѣдовало брать коня и играть на ничью.

h) Еще лучше было 20. Л e1—e7, выигрывая во всякомъ случаѣ пѣшку. При ходѣ-же въ партіи, черные, жертвуя коня,—получаютъ атаку и, какъ кажется, могли сдѣлать ничью.

i) Лучшее продолженіе; если К d4—b5, то Ф d1—b3 † и выигрываютъ пѣшку.

k) Тоже лучшій ходъ.

l) Здѣсь слѣдовало играть 25. ... Ф f4—d2!, 26. Л e1 : e6†!, Ф d2 : d3†; 27. Л e6 : e2†, Кр g8—*f*8! (если 27. ... Кр g8—h8, то 28. Ф b3—c2!, Ф d3—d7; 29. Ф c2 : f5); 28. Ф b3—b4†, Кр f8—g8 и партія, по всей вѣроятности, должна быть ничья.

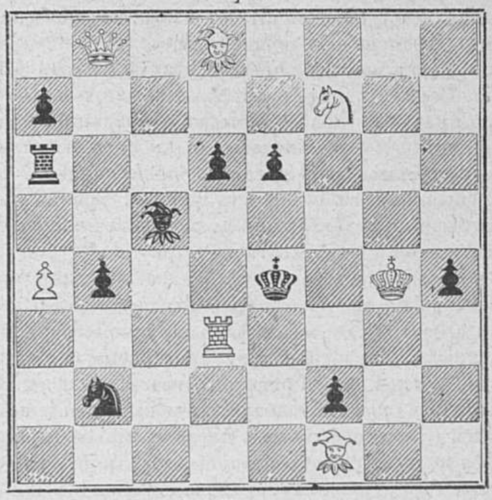
m) Черные спасти партіи не въ состояніи; если 27. ... Ф f3—d5, то конечно 28. С d3—c4.

ЗАДАЧИ.

№ 54.

Гр. Понграча (въ Тирнау).

Черные.



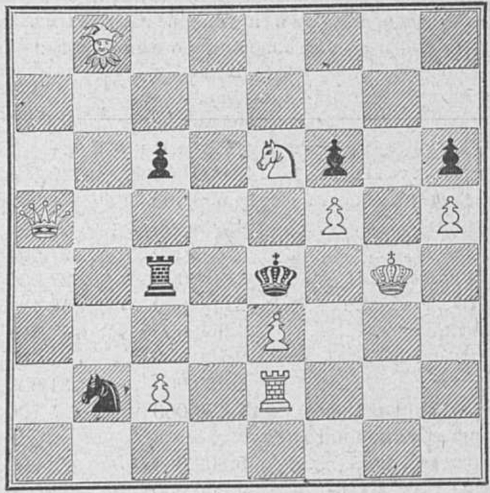
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

№ 55.

К. Клерка (въ Везелѣ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе конца партіи **Стейница** (въ № 36).

Положеніе: Бѣлые : Кр e7, С h4, пѣшка g6 и h6.

Черные—Кр g8, Л h1.

1. $\frac{\text{h6—h7†}}{\text{Кр g8—g7}}$ 2. $\frac{\text{h7—h8 Ф†}}{\text{Кр g7 : h8}}$ 3. $\frac{\text{Кр e7—f7}}{\text{Л h1—f1†}}$

4. С h4—f6 † и выигрываютъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 43-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 25 октября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 27 октября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Первый балъ, разск. **П. Д. Боборыкина.**—Звѣзда, стих. **Дм. Черткова.**—Изъ исторіи о неудавшихся дѣтяхъ, разск. **Н. Северина.**—Волна, стих. **В. Юрьева.**—Леона, зап. докт. **Бернагіуса,** пов. **Люсіена Біара,** перев. **А. А. Разсказовой.**—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.**—В. Г. Бѣлинскій.—Новыя замѣтки о старыхъ вопросахъ.—Политическая хроника.—Къ рисункамъ.—Правительственное сообщеніе.—Смѣсь.—Шахматы.

Рисунки: Портретъ В. Г. Вѣлинскаго наканунѣ смерти.—Во время войны, карт. **Пиллати.**—Лѣность, акварель **Ловера.**—Консультація врачей, карт. **Грина.**—Надюнахъ, карт. **Артца.**—Грабитель, карт. **Кнауса.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

При этомъ нумерѣ разсылается: 1) всѣмъ гг. подписчикамъ четвертый двойной листъ «Гигіены» и 2) гг. иногороднымъ подписчикамъ, кромѣ Москвы, объявленіе отъ книжнаго магазина **С. И. Леухина.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 октября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 45. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 8 Ноября 1880 г.

Открыта подписка на изданіе

ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1881 году.

Нашимъ читателямъ извѣстно, что настоящая редакція начала свою работу въ «Живописномъ Обозрѣніи» съ 1878 года; издательскія-же права пріобрѣтены ею только съ іюня 1879 года. Ея постояннымъ стремленіемъ было улучшеніе журнала, на что она не щадила ни трудовъ, ни издержекъ, весьма значительныхъ. Безъ сомнѣнія, улучшеніе журнала обусловливается количествомъ подписчиковъ на него и редакція «Жив. Об.» имѣетъ уже доказательство сочувствія къ ея дѣятельности: на 1879 годъ подписчиковъ было несравненно больше, чѣмъ въ 1878 году; на 1880 годъ болѣе, чѣмъ въ 1879 г. Это-то усиленіе подписки на журналъ, увеличивавшее бюджетъ изданія, и давало возможность редакціи производить улучшенія въ изданіи и вынести такіе весьма значительные расходы, какъ, напримѣръ, въ 1880 году: улучшеніе бумаги во второмъ полугодіи и разсылка двухъ лишнихъ премій, не обѣщанныхъ въ объявленіи редакціи о подпискѣ на 1880 годъ. Редакція можетъ смѣло сказать, что никогда не давала обѣщаній, которыхъ не могла выполнить; гг. подписчики получали все, на что указывалось въ журнальномъ объявленіи, и если нѣкоторыя изъ обѣщанныхъ статей не появились въ журналѣ, то это произошло отъ различныхъ обстоятельствъ, устраненіе которыхъ было не во власти редакціи; эти статьи были замѣнены другими. Результаты труда редакціи на глазахъ читателей и не ей, конечно, быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. Вы, гг. подписчицы и подписчики, рѣшите, достигла-ли редакція предположенной ею цѣли улучшенія журнала. Ваше мнѣніе выразится въ подпискѣ на журналъ: число возобновившихъ свою подписку читателей укажетъ редакціи на степень сочувствія къ ея трудамъ публики. Правда, редакція имѣетъ указанія на то, что нравилось въ журналѣ ея читателямъ или что не подходило подъ ихъ личные вкусы, но, къ сожалѣнію, этихъ указаній очень немного. Только немногіе изъ гг. подписчиковъ въ своихъ письмахъ высказали свое мнѣніе на счетъ журнала, указали на хорошіе, по ихъ мнѣнію, статьи и рисунки, а также и на неудачные. Редакція надѣется, что въ будущемъ году писемъ отъ читателей будетъ больше и смѣетъ увѣрить своихъ корреспондентовъ, что всякое дѣльное указаніе ихъ будетъ принято ею во вниманіе; всякое требованіе, если только оно въ средствахъ редакціи, будетъ исполнено.

Для напечатанія въ «Живописномъ Обозрѣніи» въ 1881 году въ распоряженіи редакціи уже имѣются слѣдующія произведенія: 1) повѣсть **П. Д. Боборыкина**; 2) Темная вода, романъ **П. Лѣтнева**; 3) Жить хочется, повѣсть **А. Михайлова (А. К. Шеллера)**; 4) Крушеніе у пристани, романъ **Н. И. Северина**; 5) Рядъ статей «о русскомъ расколѣ», **П. П. Васильева**; 6) Рядъ статей подъ заглавіемъ «Новыя гнѣзда», **А. Михайлова (А. К. Шеллера)**; 7) «Политика за кулисами», ст. **В. В. Чуйко.** Въ 1881 году, какъ и въ нынѣшнемъ, будутъ періодически помѣщаться статьи **И. Ф. Василевскаго** (**Буквы**). Редакція получила письмо отъ **Фр. фонъ-Боденштедта** (извѣстнаго поэта и переводчика Пушкина и Лермонтово), обѣщающаго ей рядъ писемъ о современной жизни въ Германіи. О другихъ статьяхъ, которыя будутъ пріобрѣтены редакціей, послѣдуетъ въ свое время особое заявленіе.

Програма журнала въ 1880 году нѣсколько измѣнилась введеніемъ двухъ новыхъ отдѣловъ: политической хроники и внутренняго обозрѣнія. По желанію, выраженному нѣсколькими гг. подписчиками, мы станемъ чаще помѣщать библіографическій листокъ, въ которомъ будетъ даваться отчетъ о выходящихъ новыхъ книгахъ.

Гг. подписчики на 1881 годъ получатъ слѣдующія преміи: **двѣ олеографическія картины**, прекрасно исполненныя за-границей (образцы ихъ уже получены редакціей). Преміи эти будутъ совершенно готовы къ 1 января, такъ что онѣ могутъ быть разосланы въ январѣ-же мѣсяцѣ всѣмъ гг. подписчикамъ, уплатившимъ деньги за годовое изданіе журнала. Подписавшіеся-же съ разсрочкой платежа получатъ преміи по окончаніи полнаго расчета съ редакціей. Подписавшіеся на полгода и на три мѣсяца премій не получаютъ.

Кромѣ олеографическихъ картинъ, гг. подписчики получатъ илюстрированную **литературную** премію, которая будетъ разослана въ ноябрѣ 1881 г.

Особымъ безплатнымъ приложеніемъ будетъ высылаться отдѣлъ «Парижскія моды» съ илюстраціями.

Гг. подписчики на «Живописное Обозрѣніе» могутъ пріобрѣтать по возможно дешевой цѣнѣ различныя олеографическія картины, исполненныя за-границей, и пользуются значительной уступкой съ цѣны книгъ, изданныхъ редакціей, которыхъ къ будущему году будетъ напечатано нѣсколько.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	Безъ доставки и пересылки.	Съ доставкою и пересылкою.
Подписная цѣна на журналъ: на годъ.........	6 р.	7 р.
» полгода.......	3 р. 50 к.	4 р.
» три мѣсяца...	2 р.	2 р. 25 к.
За границу на годъ.........		9 р.

Желающіе втеченіи года получить **шесть** модныхъ выкроекъ въ натуральную величину прибавляютъ къ годовой подписной суммѣ **60** коп. сер Кто пожелаетъ получить художественныя преміи застрахованной посылкой,—приплачиваетъ **40** коп.; не внесшіе этой приплаты получатъ преміи въ трубкѣ, бандерольнымъ отправленіемъ.

За перемѣну адреса платятъ:	съ городского на иногородній...	85 коп.
	съ иногородняго на городской...	1 р.
	иногородняго на иногородній...	21 коп.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ**, Новая ул. д. № 6; **въ Москвѣ**, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ**, въ книжномъ магазинѣ, бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ**, въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, Дерибасовская, д. Вагнера, кв. № 11.

Редакторъ-издатель **Н. ШУЛЬГИНЪ.**

Побѣда.

Стих. А. Вигилянскаго.

Я—гигантъ, все подавляющій.
Я—владычица страдающей
И истерзанной страны.
Въ тогѣ, пурпуромъ блистающей,
Съ аттрибутами войны,
Я влекома колесницею,
Запряженной четверней...
Смерть сидитъ на ней возницею
Съ окровавленной косой.
Рядъ героевъ, мной увѣнчанныхъ,
Выступаетъ на виду;
Плѣнныхъ, сирыхъ, изувѣченныхъ,
Въ жертву бѣдствіямъ намѣченныхъ,
Я на привязи веду.
Гладкій путь украшенъ арками,
Всюду ленты и цвѣты...
Подъ матеріями яркими
Скрыта ветошь нищеты.
Гимны слышатся побѣдные,
Хрипло стонутъ трубы мѣдныя
Мнѣ во слѣдъ, а впереди
Дѣти хилыя и блѣдныя
Сыпятъ розы на пути.
Торжество и упоеніе,
А въ изнанкѣ—лесть и страхъ.
Въ раболѣпномъ настроеніи
Люди падаютъ во прахъ.
Всюду трепетные зрители
И поддѣльная краса...
Вотъ наемные хвалители
Напрягаютъ голоса:
«Приходи, царица жданная!
«Мы на вѣкъ твои сыны,
«О, владычица желанная,
«Осчастливленной страны!»

Первый балъ.

Разсказъ **П. Д. Боборыкина.**

(*Окончаніе.*)

IX.

Карета глухо и жестко гудѣла по мерзлой мостовой. Въ глубинѣ, укутанныя въ мѣха, сидѣли мать съ дочерью; на переднемъ мѣстѣ—Сомовъ. Ему видна была сквозь смутный, колеблющійся свѣтъ фонаря голова Вавы, въ бѣлой пуховой косынкѣ. Маленькія точки ея глазъ, словно свѣтляки, горятъ въ полутьмѣ. Онъ чувствуетъ прикосновеніе ея колѣнъ. Ему не хочется говорить. Вава танцовала котильонъ около него. Они все время обмѣнивались взглядами и отрывочными фразами. Съ Царицыной онъ избѣгалъ встрѣчъ. Въ промежуткахъ, отъ кадрили до другой, онъ два раза водилъ ее по залѣ.

— Гдѣ мы ужинаемъ? спросила она.

Онъ предложилъ въ клубѣ. Ей хотѣлось «кутнуть», какъ она выразилась, въ ресторанѣ.

— Поздно, сказалъ онъ суховато.

Въ каретѣ Царицына запретила дочери говорить.

На балѣ всѣ восхищались ея Вавой, прожужжали ей уши. И удивительно, какъ она держала себя на первомъ въ ея жизни большомъ вечерѣ. Точно ее пять лѣтъ вывозятъ. Какъ бойко отвѣчаетъ мужчинамъ, красивыя движенья головы, рукъ, танцуетъ лучше всѣхъ. Къ концу бала какъ-то особенно оживилась...

Царицына замѣтила, что Сомовъ сѣлъ рядомъ съ Вавой во время котильона. Отъ нея не укрылись ихъ взгляды, усмѣшки, обмѣнъ маленькихъ фразъ.

Хорошо ли она сдѣлала, что такъ рано вывезла дочь? Ей съ перваго разу стало неловко при мысли, что вѣдь это ея дочь, неловко въ присутствіи Сомова. Долго-ли можно будетъ скрывать отъ нея? Въ эти годы инстинктъ подсказываетъ многое... Все!

А Вавѣ, въ шубкѣ, въ пуховой косынкѣ, было мягко, тепло и весело. Она ни мало не боялась разговора съ матерью. Въ этомъ молчаливомъ возвращеніи было для нея что-то завлекательное... Вотъ онъ тутъ, противъ нея, глядитъ на нее и молчитъ; но она знаетъ, о чемъ онъ думаетъ...

Нѣтъ-нѣтъ, да Вавѣ и жалко станетъ своей мамы... Почему? Она сама не знаетъ. Можетъ быть, все это и не такъ... Ахъ, Боже мой! Почему не такъ?.. Вотъ свадьба... Она не хочетъ сейчасъ... До весны пускай это останется тайной. Отъ всѣхъ, кромѣ матери, даже отъ отца. Онъ, разумѣется, дастъ согласіе. Что ему?.. Да и что онъ можетъ сказать? Ровно ничего. Tonton завидный женихъ... Хорошъ, молодой, богатый, ни отъ кого не зависитъ... и славный характеръ... Ужь на счетъ характера она знаетъ кое-что. Мама иногда бываетъ такая... томная, нервная, съ ней не всегда легко... А Tonton вотъ неизмѣнно, больше шести лѣтъ около нея... и ни разу они не поссорились. Самой маленькой исторіи не было. Она бы увидала... Правда, она три года жила въ пансіонѣ; но каждую суботу возвращалась домой и пробывала до понедѣльника... И все тотъ же Tonton... Характеръ чудесный... Вотъ они весной поѣдутъ втроемъ заграницу, прямо въ Неаполь... Тамъ она попроситъ маму отпустить ее съ нимъ на цѣлую недѣлю одну... Какъ это будетъ чудесно!..

— Ваша улица, прервала молчаніе Царицына и кивнула головой Сомову.

Онъ встрепенулся... Передъ тѣмъ онъ все глядѣлъ полузакрытыми глазами на бѣлую форму милой головки. Его не смущала близость другой женщины. Ему совсѣмъ не хотѣлось раздумывать, спрашивать себя, какъ это будетъ? Это будетъ—вотъ что онъ зналъ. И какже могло иначе случиться? Чтожъ скажетъ мать родной дочери? Ударъ; но ударъ вѣрный и самый умный, какой только можно было разсчитать... Даже благородный... По крайней мѣрѣ, съ разу и радикально!.. Лучше-же, чѣмъ еслибъ онъ ее бросилъ для первой попавшейся французской дряни, которой весь Петербургъ знаетъ ходячую цѣну?

— Моя улица? повторилъ онъ, точно просыпаясь.

— Вы, кажется, бай-бай? спросила Царицына.

«Нѣтъ, Tonton не спитъ», подумала за него Вава, разсмѣялась вслухъ и, нагнувшись къ нему, сказала:

— Бай-бай!..

Карета остановилась. Лакей соскочилъ и отперъ дверцу.

— Завтра нашъ день, сказала Царицына и протянула ему руку:

— Гдѣ? спросилъ онъ.

— Ахъ, что это... вы совсѣмъ спите. Какъ гдѣ? Въ оперѣ.

— Ахъ да!

Онъ приложился губами къ ея рукѣ—въ перчаткѣ. Поцѣлуй этотъ былъ такъ не выразителенъ, что Зинаида Сергѣевна поглядѣла на Сомова. Но она не могла разглядѣть его лица—она видѣла только его шляпу.

Сомовъ пожалъ потомъ руку Вавы. Шубка ея распахнулась, рука вышла до половины.

— Не раскрывайся, строго сказала ей мать.

Когда Сомовъ сошелъ съ подножки и заперъ дверцу, Вава чуть слышно шепнула ему:

— Сейчасъ-же!..

Онъ понялъ, что это такое значитъ; но ничего не отвѣтилъ. Вава схватила его взглядъ и весело откинулась въ глубь кареты.

До дому имъ было не далеко. Мать замѣтила, что Вава что-то шепнула Сомову, но спрашивать объ этомъ она не хотѣла. Какой-нибудь вздоръ...

— Вава, окликнула она ласково, хотя и запрещала дочери говорить.

— Что мама?

— Кто-же тебѣ больше понравился?

— Никто.

— Будто-бы?

«О Tonton я помолчу» добавила про себя Вава.

— Право, мама... Все или gommeux какіе-то, или мальчуганы...

— Вотъ какъ!

Царицына разсмѣялась. Она такъ не говорила въ шестнадцать лѣтъ...

— Да вѣдь тебѣ было очень весело?

— Очень!.. это такъ... Все вообще. Вава нагнулась, обняла мать и поцѣловала. Карета остановилась.

X.

У Вавы была своя горничная. Она ее дожидалась. Въ дверяхъ спальни въ шубкѣ и платкѣ, Вава крикнула матери:

— Я не прощаюсь съ тобой maman. Приду, сейчасъ раздѣнусь.

— Поздно, милая...

— Ничего... На минутку... Все равно не заснешь сразу.

Шубка, платокъ, кружевной шарфъ, все это летитъ съ ея плечъ; горничная едва успѣваетъ прибирать. Все еще она не остыла. Корсажъ давитъ. Скорѣе шнуровку! Ахъ, какъ славно безъ платья, безъ юбки! Въ спальнѣ горитъ лампа подъ розовымъ абажуромъ. Въ трюмо видны: и лампа, и укутанный въ кисею туалетъ, и драпировка алькова, и вся Вава видна себѣ... Ноги горятъ въ башмакахъ... Скорѣй туфли! Халата не надѣнетъ. Жарко будетъ. Ей подали кофту. Она надѣла, хотѣла сейчасъ-же бѣжать къ матери; но вспомнила, что мать раздѣвается долго, дѣлаетъ свой туалетъ съ почи...

— Уберите все, Паша, сказала Вава горничной и прилегла на кровать.

За занавѣсью темно, но не душно, пахнетъ ея любимыми духами. Вава лежитъ съ загнутой книзу головой, глаза зажмурила, одну ножку трясетъ и пальцами опущенной правой руки щупаетъ атласное одѣяльце. Такъ и невѣстой она будетъ себя чувствовать, точно такъ... Постель у ней дорогая, подушки въ оборкахъ, въ кружевахъ. Развѣ она не невѣста?.. Вѣдь это кончено. Кромѣ ея и его никто не можетъ рѣшить такого дѣла! О, у ней свои взгляды, ее нельзя третировать, какъ маленькую, она знаетъ свои права. Теперь каждая дѣвушка идетъ за кого ей вздумается. Не будь она въ дружбѣ съ мамой, она-бы и не сказала ничего до самой послѣдней минуты. Было бы еще пріятнѣй! Вотъ Marie Манина. Наканунѣ свадьбы только объявала роднымъ—кто будетъ ея мужемъ. Для приданаго немножко неудобно. Да и что за приданое? Вѣдь ей дѣлали полное trousseau какихъ нибудь пять мѣсяцевъ. Все у ней есть. Какое бѣлье! Платья шелковыя. Нынче и разницы нѣтъ противъ замужнихъ женщинъ... Она была же въ файѣ на первомъ своемъ балѣ...

И Вава въ полудремотѣ улыбалась. Она—счастливица. Кто такъ, какъ она сегодня, выѣзжаетъ на свой первый большой вечеръ? Другія ищутъ, мучатся, сохнутъ, дѣлаются злыми «старыми дѣвками!» Какъ бишь эти стихи... Пушкина...

И она шепчетъ:

«Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,

Увы! весталка,
Тебя мнѣ жалко!»

Весталка!.. Оставаться весталкой до старости. Ну, положимъ, съ ней-бы этого никогда не случилось. Но можно-ли ручаться—за кого выйдешь? Вотъ мать ея... Красивая, умная... и состояніе было... А развѣ она нашла въ мужѣ ce qu'elle avait rêvé? И не любила его... Вѣрно и тогда онъ ей не нравился, женихомъ... А пошла-же...

Вава раскрыла глаза и спрыгнула съ постели. Ей сдѣлалось свѣжо; но въ кофтѣ все-таки лучше; она не надѣнетъ халата.

Она перебѣжала по короткому коридорчику въ спальню матери и широко растворила маленькую дверцу.

Зинаида Сергѣевна вытирала себѣ лицо полотенцемъ. Она была ужь въ бѣломъ шитомъ пеньюарѣ. Безъ корсета ея грудь потеряла твердость и красоту линій. Весь станъ, еще пышный—отзывался ея годами. Утираясь, она обнажила лобъ, обыкновенно прикрытый прядью волосъ. Лобъ пожелтѣлъ и явственныя морщины бороздили его. Вся она опустилась отъ утомленія. Вальсы и котильоны не проходили ей даромъ. Вава бросила на нее быстрый взглядъ и почувствовала, что эта женщина—не сестра ея, не старшая подруга, а мать...

— Я тебя поразить хочу, мама.

— Какъ это?

— Буду свататься... сама!..

Царицына круто обернулась; но не отнимала еще руки съ гребнемъ отъ волосъ.

— Что, что такое?

— Я сдѣлала предложеніе... угадай, кому?

— Полно вздоръ говорить, Вавочка... Спать тебѣ пора.

— Ну, хорошо...

Вава встала, подошла близко къ матери, обняла ее и шепнула:

— Tonton меня любитъ... Хочетъ, чтобы я была его женой!.. Просилъ сказать тебѣ... Вотъ что, моя безцѣнная!..

И она начала цѣловать Зинаиду Сергѣевну прежде, чѣмъ та опомнилась.

— Ты дурачишься?

Голосъ матери прозвучалъ глухо. Гребень чуть не выпалъ изъ рукъ ея. Она даже оттолкнула дочь и вся выпрямилась.

Вава стояла передъ ней и улыбалась.

— Нѣтъ, мама, я не дурачусь...

XI.

Царицына все поняла и не разспрашивала больше: серьезно это или дѣтская забава?.. Отчего же нѣтъ? Она видѣла, какъ онъ пожиралъ взглядами Ваву, убѣгалъ съ нею; у нихъ былъ уговоръ, она ему шепнула что-то въ каретѣ...

Господи!!... Въ глазахъ Зинаиды Сергѣевны потемнѣло. Она почти упала на кресло.

— И Платонъ Дмитричъ поручилъ тебѣ,—ее душило,—поручилъ тебѣ, сегодня-же?..

— Да, почти съ испугомъ выговорила Вава, и, какъ дѣвочка, съ опущенной головой, приблизилась къ креслу.

— Самъ?

— Но чтожъ въ этомъ такого? уже смѣлѣе спросила Вава и подняла голову.

— Чтожъ въ этомъ!.. А-а!..

Ярость пересилила Царицыну. Она вскочила, схватила дочь за обѣ руки, вытащила ее на средину комнаты и начала трясти.

— Мерзкая дѣвчонка!.. Тебѣ нѣтъ семнадцати лѣтъ... и ты сама заводишь интриги, тайкомъ отъ твоей... матери?..

Она все сильнѣй и сильнѣй трясла Ваву за руки, зрачки ея съузились, на губахъ показалась пѣна.

Вава вырвалась и отбѣжала къ кровати.

— Мама, крикнула она оттуда, — какъ ты смѣешь такъ кричать на меня!

— Какъ я смѣю?!..

Мать кинулась на нее съ поднятыми кулаками. Вава сама схватила ее за обѣ руки и держала, твердыми и упругими, какъ сталь, пальцами.

— Не смѣешь, тихо, почти шопотомъ и раздѣльно выговорила она.—Не смѣешь!.. Никто тебѣ не давалъ права... За что? Что я такое сдѣлала? Какая интрига?.. Это гадко, грязно, недостойно тебя!..

— Пусти!

— Не пущу... Дай слово, что ты не станешь на меня кидаться... тогда я отпущу. Раньше—нѣтъ...

Въ голосѣ «дѣвчонки» было столько силы, что мать прошептала:

— Пусти, не стану!

Вава выпустила ея руки изъ своихъ и отошла въ уголъ, къ туалету. Царицына сдѣлала жестъ рукой, точно хотѣла оттолкнуть что отъ себя. Потомъ присѣла на кровать, убитая, съ позеленѣлымъ лицомъ.

— Мама, начала первая Вава,—зачѣмъ все это, развѣ это такой ударъ для тебя?

— Молчи, молчи! крикнула Царицына.—Это безуміе!.. Онъ погубитъ тебя!.. Ему тридцать пять лѣтъ... Ты ребенокъ!.. Никогда не соглашусь я на этотъ бракъ... Ты слышишь—никогда!..

«Не согласится, работала голова Вавы,—мы и безъ согласія обвѣнчаемся... Если ты будешь меня тиранить—я уйду».

Все это уложилось у ней мгновенно и она знала, что такъ именно поступитъ.

— Мама, выговорила она вслухъ.—Ты меня поражаешь!.. Человѣкъ—твой другъ... самый близкій... шесть лѣтъ бываетъ въ домѣ... Ты меня пріучила смотрѣть на него, какъ на родного... И вдругъ! Я даже удивилась, когда Tonton сказалъ мнѣ, что ты еще не знаешь. Я думала, что это у васъ давно слажено...

«Ужасно! перебирала мысленно мать.—Она мнѣ все это говоритъ!.. Она!.. Издѣвается такъ надъ матерью, такъ нахально и ловко лжетъ и лицемѣритъ! Задушу, задушу ее!»

Матери уже не было въ эту минуту въ Зинаидѣ Сергѣевнѣ... Голосъ Вавы точно рѣзалъ ее тупымъ ножомъ. Она взглянула на нее, вся пылающая, и похолодѣла...

Нѣтъ, дочь ничего не знаетъ! Такъ невозможно притворяться! Развѣ она выставляетъ на показъ свою связь съ Сомовымъ? Нарочно держала она дочь въ пансіонѣ отъ тринадцати до шестнадцати лѣтъ, чтобы та ни о чемъ не догадывалась. Но вѣдь рано или поздно оно должно было открыться! Чтожъ она скажетъ?.. Какой простой, готовый отвѣтъ? Дочь—умна, бойка не по лѣтамъ, у нея—неумолимая логика молодости.

— А то какже, мама? Скажи!..

«Сказать!» Шесть лѣтъ обладанія мужчиной взяли свое. Царицына уже не могла дышать безъ него, безъ его стана, бороды, рукъ, ногъ, голоса, всего его существа!.. Надо, чтобы онъ тутъ былъ каждый день. Безъ него она зарѣжется, отравитъ его самого, мужа, дочь!.. Лучше позоръ, лучше полное паденіе, гнусная ложь, послѣдняя грань униженія... все на свѣтѣ!.. Но отдать его сейчасъ этой дѣвочкѣ, которую она родила, носила, воспитала?!..

— Вава, начала Царицына, голова ея качалась изъ стороны въ сторону,—ты должна отказаться отъ него.

— Отказаться?

— Онъ... не можетъ жениться на тебѣ... Ты понимаешь... не можетъ... Вѣришь ты мнѣ?

Она встала и, шатаясь, приблизилась къ дочери.

— Вѣришь мнѣ? Я вѣдь знаю его жизнь лучше тебя.

— Не можетъ... Почему?

— У него... есть любовь...

— Онъ обѣщалъ жениться на другой?

— Нѣтъ, Вавочка... но онъ не можетъ...

— Ахъ, мама, ты повторяешь все: не можетъ, не можетъ... Но если онъ не женатъ, а я знаю сама, что онъ холостой... То почему-же?.. Онъ мнѣ сказалъ: я тебя люблю, Вава!

— Онъ такъ и сказалъ тебѣ? Когда? когда?

— Сегодня, на балѣ!

— Онъ лжетъ!.. Это... это... извергъ!.. Онъ погубитъ и тебя, и тебя!..

— А кого-же онъ погубилъ? Кого?.. Мама, такъ нельзя говорить о хорошемъ человѣкѣ!.. Если Tonton сказалъ мнѣ, что любитъ меня—я ему вѣрю...

— Да знаешь-ли ты...

Зинаида Сергѣевна схватила опять дочь за обѣ руки. Признаніе готово было вылетѣть изъ ея горячихъ, трепещущихъ губъ. Но она отшатнулась и съ воплемъ кинулась поперегъ на кровать...

XII.

Вава не слыхала еще такихъ рыданій и воплей. Она бросилась сначала къ двери и заперла ее. Точно кто ей сталъ вертѣть подъ самымъ сердцемъ.

— Мама, мама, повторяла она, растерявшись, и вся дрожала,—зачѣмъ, зачѣмъ...

Мать каталась головой по одѣялу и подушкамъ, а руками какъ будто обнимала кого-то... Дочь нагнулась надъ нею, взяла ее за талью, хотѣла поцѣловать... Зинаида Сергѣевна подняла голову, глянула на нее посоловѣлыми глазами и упала къ ногамъ Вавы, обхватила ея колѣни, прижалась къ нимъ, судорожно вся извивалась.

— Не губи мать, не губи, разрозилась она сильными рыданіями... Ты дитя... У тебя цѣлая жизнь впереди... Я — старуха... черезъ три, четыре года... Господи!.. Мать тебя молитъ!.. Нельзя этому быть, Вава!.. Дитя мое, отдай, отдай!..

И она схватила ея руку и начала цѣловать, а потомъ колѣна, ноги, бедра... Разомъ все рухнуло въ этой женщинѣ: инстинктъ матери, стыдъ, выдержка, привычка носить личину. Она почувствовала, что передъ ней страшная, неотразимая соперница. Ей нельзя бороться. Любовнику она опостылѣла. Онъ разглядѣлъ, что такое Вава, что она будетъ черезъ годъ... Молить надо, лизать руки и ноги. Дочь-полуребенокъ, ей жаль будетъ, она не выдержитъ, она откажется...

— Мама!..

Слова замерли на блѣднѣющихъ губахъ Вавы.

И она стала понимать. Такъ вотъ что!.. Жалость загорѣлась у ней внутри большая, хорошая. Она не хочетъ убивать маму, Боже мой!.. Развѣ она предвидѣла, что такъ выйдетъ?..

— Мама, встань, голубушка, встань...

Мать судорожно охватила ея ноги и всхлыпывала... Вава высвободилась и сама стала на колѣни, взяла мать одной рукой подъ мышку, а другой начала ее гладить по волосамъ.

— Не говори такъ, мама... Я не хочу... Это твое дѣло... Но вѣдь тутъ не я, пойми, тутъ онъ...

— Ты его такъ любишь? тверже выговорила Царицына.

— Люблю... но не то, чтобъ ужь такъ влюблена.. Люблю, да... Я и сама не знала до сегодняшняго вечера... Когда онъ мнѣ сказалъ: будь моей женой, мнѣ стало ясно, что Tonton всегда мнѣ былъ милъ... Онъ лучше другихъ...

— Онъ и тебя броситъ, какъ вещь!

— Не говори остановила опять Вава, — не говори такъ... Тебѣ будетъ стыдно завтра, когда пройдетъ...

Она задумалась.

— Знаешь—вотъ что я тебѣ скажу, мама...

— Что? чуть слышно выговорила Царицына.

— Меня онъ не броситъ... Это невозможно...

Онъ меня старше на пятнадцать лѣтъ.. Это ужасно важно!..

— Ужасно! повторила за ней мать.

— Мама, милая... Ты видишь... Я не маленькая... Ну, хорошо, я откажусь отъ него.. лучше тебѣ будетъ?.. Онъ все равно уйдетъ...

Мать почти съ ужасомъ посмотрѣла на нее. Неужели она все поняла и способна такъ говорить?.. Но дочь ея смотрѣла на нее съ участіемъ, въ глазахъ слезы, а ротъ улыбается, зубы блестятъ... Она соблазнительно хороша въ эту минуту! Кто-же она? Монстръ или вѣчная, неисправимая наивность?

— Уйдетъ, повѣрь мнѣ... Подождемъ... я ему скажу, чтобы подождалъ... Онъ сдѣлаетъ все, что я ему скажу... Только ты не вмѣшивайся, предоставь мнѣ... Мама, безцѣнная моя, вѣдь онъ тебя моложе, пойми!.. Хуже будетъ потомъ, если...

— Если что? какъ ужаленная поднялась мать. Вава встала вмѣстѣ съ ней.

— Если... онъ Богъ знаетъ на кого промѣняетъ тебя... Богъ знаетъ на кого! повторила она.

И она обняла шею матери, говоря это тономъ старшей сестры, успокоивающей капризнаго ребенка. Зинаида Сергѣевна примолкла, совсѣмъ уничтоженная. Силы ее оставили. Она безпомощно сѣла на край постели...

— Хорошо, шопотомъ промолвила она.—Иди... Иди спать.

— Я тебя уложу...

— Не надо!..

— Утро вечера мудренѣе, мама... Подумай... Твоя Вава—не виновата... И ты не виновата... А онъ... Я не знаю—если очень виноватъ, я не пойду за него!.. Честное слово!.. Прощай!

И, оглядываясь, она задомъ вышла изъ спальни, а въ дверяхъ послала матери поцѣлуй.

Истуканомъ сидѣла Царицына на краю постели. Съ чѣмъ пойдетъ она къ мужу? Теоріи Сомова, на которыя она такъ легко и охотно поддалась, сдѣлали свое дѣло, какъ ярь-мѣдянка вытравили, въ ней все, кромѣ молодушной, безстыдной жажды обладать мужчиной.

— Подлый, подлый, шептали ея губы, посинѣлыя отъ внутренняго жара.

«Негодяй!..» Но какія-же права у ней? Обманъ общій... позоръ—также... И дочь теперь знаетъ... Неужели она падетъ еще ниже и поведетъ дальше грязную борьбу?.. А впереди—пошлый, обманутый мужъ, скука, горечь, потребность отдаться кому-нибудь, первому встрѣчному... И она придетъ, эта потребность!

Взять спичекъ съ ночного стола, наглотаться—и конецъ!..

Но, кто знаетъ, быть можетъ, эта дѣвочка все напутала, сболтнула?.. Онъ вернется завтра! Непремѣнно!.. Да, но любовь его улетѣла навѣки!..

А въ своей спальнѣ—Вава съ нервной дрожью вспрыгнула на постель. Сонъ овладѣлъ ею мгновенно. Она засыпала съ полураскрытымъ, снова алѣющимся ртомъ. И ей снилось, какъ она чудесно все уладитъ: всѣмъ будетъ хорошо, и мамѣ, и ей, и Tonton останется доволенъ. А тамъ они поѣдутъ въ Парижъ, въ Неаполь... съ нимъ вдвоемъ. Ахъ, какъ славно!..

Вѣна. Сентябрь, 1880 г.

На кладбищѣ.

Стих. **Дм. Ушакова.**

Въ темносинемъ небѣ ярко звѣзды блещутъ,
Тополя при тихомъ вѣтрѣ чуть трепещутъ,
Ярко освѣщаетъ мѣсяцъ съ высоты
Стараго кладбища сѣрые кресты,
Памятники, плиты... Сколько думъ, желаній,
Радостей и горя, счастья и страданій,
Скрыли подъ собою мраморъ и земля,
Кипариса вѣтви, плющъ и тополя...

⁂

Вотъ ея могила: мраморныя плиты,
Кажется, давно ужь всѣми позабыты;
Поросли травою пыльною и мхомъ,
И вѣнокъ засохшій видѣнъ надъ крестомъ.
Рано тебя скрыла, бѣдную, могила;
Безъ тебя мнѣ грустно, жизнь моя постыла;
Рядомъ здѣсь съ тобою скоро-ль лягу я?..
Успокоитъ думы горькія земля.

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава XXII.

Въ скоромъ времени сама судьба сжалилась надъ бѣдной Елизаветой Никитишной. Если старушка не совершенно забыла своего вѣрнаго друга Фомку, то, по крайней мѣрѣ, менѣе стала тосковать по немъ.

Совсѣмъ нечаяннымъ случаемъ нашла Елизавета Никитишна себѣ новаго любимца.

Съ самаго рожденія маленькаго Сережи Лёло страшно боялась, чтобы онъ какъ нибудь не попался на глаза Елизаветѣ Никитишнѣ. Ей все казалось, что, увидавъ ребенка, старушка тотчасъ вспомнитъ своего Володеньку и опять впадетъ въ припадки сумасшествія и бѣшенства. Строго было запрещено нѣмкѣ-нянькѣ сносить малютку въ нижній этажъ, когда гуляла тамъ Елизавета Никитишна. Долго это соблюдалось въ точности.

Разъ Петру Петровичу понадобилось зачѣмъ-то въ городъ, Лёло тоже нужно было сдѣлать разныя покупки и они уѣхали. Во время отлучки господъ, разумѣется, приказанія ихъ не такъ свято исполнялись людьми. Нянька, должно быть, соскучилась сидѣть съ ребенкомъ въ дѣтской наверху и, не освѣдомившись, гуляетъ ли по комнатамъ Елизавета Никитишна или нѣтъ, снесла ребенка внизъ и пустила его бѣгать по теплой стеклянной галереѣ, что выходила на дворъ, а сама сѣла у окна и заглядѣлась на бабъ, которыя покупали у разнощика ситцы. Маленькій Сережа бѣгалъ, бѣгалъ по галереѣ, потомъ вдругъ завернулъ въ столовую, а изъ столовой бѣгомъ пустился въ залу и прямо налетѣлъ на Елизавету Никитишну, которую Матрена водила по залѣ. Старушка ахнула, наклонилась, подняла и прижала къ себѣ ребенка. Напрасно вбѣжавшая вслѣдъ за Сережей испуганная нянька хотѣла отнять его у Елизаветы Никитишны,—старушка все крѣпче прижимала малютку къ себѣ, цѣловала и приговаривала:

— Володенька мой... Володенька!..

— Да не рвите вы ребенка, нянюшка... Вы видите, что барыня имъ обрадовалась, ласкаютъ ихъ, а дурного ничего не дѣлаютъ. Слава тебѣ Господи, что такъ оно случилось. Вамъ бы смотрѣть за дитей лучше надо, а теперь рвать-то съ рукъ нечего... Да сама молодая барыня рады будутъ, когда узнаютъ, что бабушка внучка своего такъ приласкали, проговорила Матрена нотацію нянькѣ. Нянька успокоилась и обѣ стали глядѣть на радость Елизаветы Никитишны.

Ужь чего, чего она ни дѣлала съ ребенкомъ: и въ глазки-то ему глядѣла, и по шейкѣ хлопола, и пальчики всѣ перецѣловала. А Сережа нисколько и не испугался. Все болталъ что-то по своему, да рученкой старался оторвать бородавку на щекѣ старушки. Матрена залилась слезами, глядя на эту сцену, даже нѣмка такъ расчувствовалась, что у нея покраснѣли брови и проборъ. Петръ Петровичъ нисколько не разсердился, когда по возвращеніи его Матрена разсказала ему, что у нихъ случилось съ маленькимъ бариномъ и Елизаветой Никитишной.

— Это очень хорошо! По крайней мѣрѣ, мальчишку бѣднаго прятать не надо будетъ... Вотъ какъ ошиблись тогда, что побоялись показать старухѣ ребенка может быть, она бы и не бѣсновалась!

— Такъ нянюшка спрашиваетъ, сударь, можно-ли носить къ старой барынѣ Сергѣя Сергѣича-съ? Онѣ ихъ все спрашиваютъ...

— Да носите, пусть старуха тѣшится. Сережкѣ отъ этого ничего не сдѣлается. А нянькѣ сказать: что если она еще разъ осмѣлится забыть барынино или мое приказаніе, то я ее на телѣгу и вонъ! Слышишь?.. сію минуту на телѣгу и вонъ! повторилъ Петръ Петровичъ, взглянувъ на Матрену.

— Слушаю-съ! не совсѣмъ храбро отвѣтила Матрена и, сложивъ руки, мелкими шажками отправилась къ нѣмкѣ съ барскимъ наказомъ.

Какъ только вышло разрѣшеніе носить маленькаго къ старой барынѣ, такъ сейчасъ нянька этимъ и воспользовалась, и вмѣсто того, чтобы самой занимать ребенка, то и дѣло таскала его къ бабушкѣ. Посадитъ его на коверъ, а сама чулокъ вяжетъ, да разсказываетъ Матренѣ да Оленѣ всю подноготную про господъ, у которыхъ она прежде жила. Съ этого времени Елизавета Никитишна стала почти неразлучна съ маленькимъ Сережей. Старый да малый сильно подружились. Какъ бы ни плакалъ Сережа, стоило только сказать: «къ бабѣ, къ бабѣ пойдемъ!» и сейчасъ мальчикъ начиналъ улыбаться и тянуться ручонками въ дверь. Какъ-бы ни капризничала, ни сердилась Елизавета Никитишна, стоило только внести маленькаго Сережу, тотчасъ старушка усмирялась, начинала ласкать ребенка и смѣяться. Всѣ въ домѣ замѣчали, что Елизавета Никитишна стала даже меньше заговариваться и лучше понимала, что ей говорили. Будь Елизавета Никитишна молодая женщина, можетъ быть, этотъ случай совершенно возвратилъ бы ей разсудокъ. Видимо было, что старушка хотѣла что-то припомнить, старалась собрать въ головѣ разныя обстоятельства своей жизни, составить ихъ по порядку и добиться до чего-то, что́ туманно бродило въ ея памяти. Но все у нея не клеилось: чѣмъ больше напрягала она свою память, тѣмъ больше путалась; всѣ мысли какъ-то забѣгали одна за другую, и она совершенно сбивалась съ толку. А помочь ей распутать эту путаницу было некому. Матрена и Олена скорѣе способны были одурить здраваго человѣка своимъ говоромъ, чѣмъ сумасшедшаго вывести на путь истинный. Часто, глядя на Сережу, который игралъ на коврѣ у ногъ ея, Елизавета Никитишна въ раздумьи шептала себѣ подъ носъ:

— Это мой Володенька. Онъ маленькій... А я-то сама гдѣ-же?

— Что это, матушка, Господь съ вами... Что это вы говорить изволите? Какъ гдѣ вы? Да вы здѣсь. Кто же это на креслѣ сидитъ, коли не вы? вступалась Матрена.

— Это не я.

— Да какъ же не вы? Да вы пощупайте себя... ущипните легонько,—такъ и узнаете, что это вы. Мать пресвятая Богородица, что это съ вами за новое такое дѣлается? Ну, вотъ я вамъ ручку пожму. Ну, чувствуете?.. Ну, чья же это ручка?

— Это моя рука.

— Ну, и значитъ, что вы и есть!

— А кто я?

— Ангелъ съ вами хранитель!.. Какъ кто вы? Вы наша барыня, Елизавета Никитишна Столбина.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Столбина—это я. А я—не я... я чужая старуха.

— Такъ не вѣкъ же молоду быть, матушка! Вы не однѣ старѣетесь. Вотъ и я, какъ печеное яблоко, стала, а мнѣ всего еще пятьдесятъ пятый годъ пошелъ... а вы, слава тебѣ Господи восемьдесятъ слишкомъ годовъ на бѣломъ свѣтѣ прожили, да все молоденькія быть хотите.

— Отчего-же Володенька все маленькій? спросила вдругъ Елизавета Никитишна.

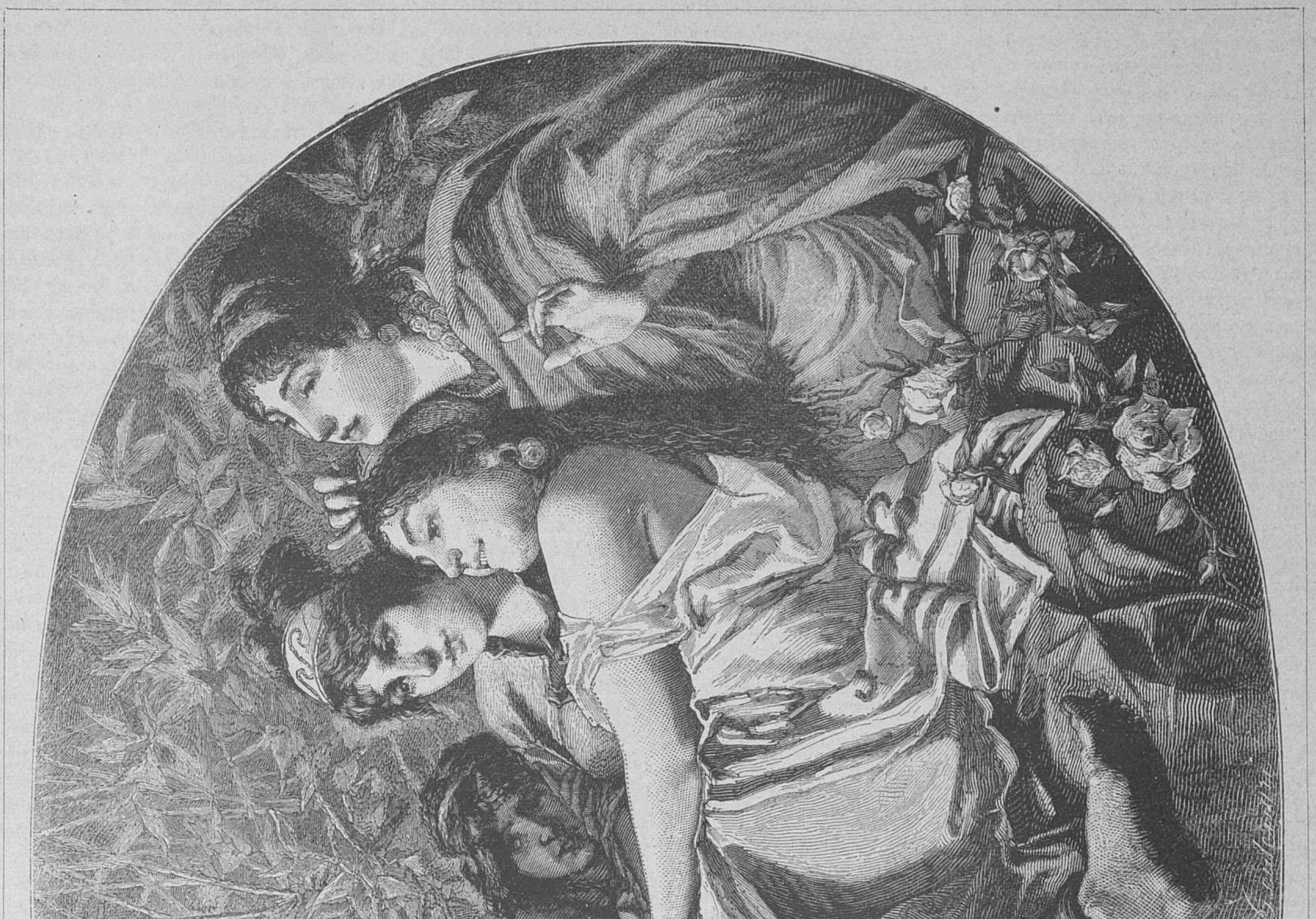
Матрена въ тупикъ станетъ съ своими доводами, а сказать, что это на коврѣ сидитъ не Володенька, а Сереженька, боится. И такъ путаетъ, путаетъ бѣдная Елизавета Никитишна и никакъ не распутаетъ. Но ужъ и тому всѣ были рады, что старушка спокойнѣе стала, не тосковала такъ по Фомкѣ, не бродила цѣлые дни отъ тоски все кругомъ по комнатамъ, какъ бѣлка въ колесѣ, а сидѣла смирно у себя и сама какъ дитя, играла съ Сережей. Болѣе всѣхъ радовалась Лёло, что бѣдная Елизавета Никитишна нашла себѣ игрушку въ ея сынѣ. Почти каждое утро ходила она любоваться на ихъ дружбу. Такъ сильна была любовь Елизаветы Никитишны къ мальчику, что даже Петръ Петровичъ съ Сережей на рукахъ, безъ боязни растревожить старушку, могъ входить во всякое время въ ея комнату и разговаривать съ ней, сколько ему хотѣлось. А когда онъ входилъ безъ Сережи, Елизавета Никитишна сейчасъ же отпускала ему свой обычный привѣтъ;

— Гадкій, поди вонъ! Я тебя боюсь! И Петръ Петровичъ, улыбаясь, выходилъ скорѣй изъ комнаты.

Наступило время вторыхъ родовъ Лёло и она благополучно разрѣшилась мальчикомъ. На этотъ разъ она безъ всякихъ билетиковъ назвала ребенка Петромъ. Княгиня опять назвалась крестить, но посовѣтовала окрестить маленькаго келейно, черезъ нѣсколько дней. Сейчасъ же, какъ только Петръ Петровичъ пріѣхалъ объявить княгинѣ, что у него родился сынъ, княгиня собралась дѣлать визиты. Нѣсколько дней сряду разъѣзжала она по сосѣдямъ и даже заѣзжала къ тѣмъ помѣщикамъ, которыхъ прежде

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА РОБЕРТА ФОНТАНА.



Эзопъ, разсказывающій басни.

Рѣзалъ на деревѣ Центенари (Италія.)

никогда не удостоивала своего лицезрѣнія. Много шуму и грому надѣлала неожиданная милость княгини.

— Княгиня у насъ была!

— И у насъ была! хвастались другъ передъ другомъ помѣщицы даже въ мелкопомѣстныхъ усадьбахъ.

— Слышали вы, у Котиковыхъ-то какое случилось несчастье?

— Слышала, слышала, какъ же, мнѣ княгиня разсказывала. Елена Михайловна, бѣдная, разрѣшилась прежде времени, ее собака испугала... семимѣсячнымъ, княгиня говоритъ, разрѣшилась.

— Да, да, и княгиня разсказывала, собака Елену Михайловну повалила. И собаку-то я знаю, страшилище лохматое... эта та самая, что мужикамъ купаться не даетъ, все ихъ изъ рѣчки вонъ тащитъ. Охота, право, этимъ мужчинамъ этакую страсть держать... и такъ, безъ цѣпи. Вѣдь это все равно, что льва пустить по комнатамъ бѣгать... а еще Петръ Петровичъ такой умнѣйшій мужчина. Хорошо еще, что бѣдная женщина выдержала. А княгиня говоритъ, что очень слаба. Никого и не принимаютъ.

— А ребенка-то, княгиня сказывала, въ зайчинкѣ будутъ держать до того срока, какъ ему правильно родиться слѣдовало.

— Да ребенокъ-то что... Богъ съ нимъ, этого товару много будетъ. А вотъ мать-то жаль. Женщина-то какая милая; княгиня говоритъ, хозяйка какая.

— Ужь какая у княгини дружба съ Котиковыми, то и дѣло мимо насъ въ Дрёмино ѣздитъ, точно они родные... и крестить опять у нихъ княгиня будетъ.

— Да, да и мнѣ княгиня говорила.. и чуть-ли ужь не окрестили, боялись, что недоносокъ-то умретъ.

— Нѣтъ, съ княгининой легкой руки, я не я, если жить не будетъ.

Долго такъ на разные голоса и манеры и въ разныхъ углахъ толковали объ несчастныхъ родахъ Лёло. И наконецъ всѣ успокоились, когда, отдавая визиты княгинѣ, узнали отъ нея, что родильница и новорожденный, слава Богу, поправляются.

Глава XXIII.

Много надѣлали волненія и передрягъ три извѣстія:—о смерти генерала, о второмъ замужествѣ Лёло и о рожденіи второго—сына, и въ Петербургѣ, на Лиговкѣ, въ собственномъ домѣ Марьи Петровны Камковой; тѣмъ болѣе, что обѣ подруги забыли и думать о томъ, что на людей смерть есть.

По отъѣздѣ генерала и Лёло въ Дрёмино у Авдотьи Кириловны духу не хватило отправиться во свояси въ Калязинъ. Она, какъ и прежде предполагала, осталась въ Петербургѣ. Сперва въ видахъ экономіи хотѣла перебраться жить къ сыну, но Марья Петровна не допустила ее до этого. Увѣрила Авдотью Кириловну, что ея Николай, Богъ знаетъ, какую даль отъ всего живетъ, что Лиговка въ центрѣ города, что съ Лиговки всюду рукой подать. А для сокращенія расходовъ предложила и Николаю Михайловичу переѣхать къ ней въ домъ и жить съ матерью. Онъ долго не соглашался, наконецъ, двѣ женщины взяли верхъ и перетащили его на Лиговку. Обжившись немного, Николай Михайловичъ очень остался доволенъ своимъ перемѣщеніемъ. У Марьи Петровны въ домѣ передъ каждымъ парадомъ, передъ каждымъ смотромъ стояли гусары. Кутежъ и попойки были страшные, а Николай Михайловичъ былъ не глупъ и выпить, и покутить.

Авдотья Кириловна по своему наслаждалась столичною жизнью. Избавившись отъ дочери, которая, неизвѣстно почему, всегда раздражала ее и безъ вины была виновата передъ ней, Авдотья Кириловна съ любовью занялась сама собой и съ жадностью начала наверстывать пропащее въ Калязинскомъ уѣздѣ время. Цѣлые дни безо всякой надобности рыскала она съ Марьей Петровной по Невскому, по магазинамъ, по гостиному двору. Рылись, смотрѣли все, покупали разныя тряпки, заѣзжали ко всѣмъ знакомымъ на минуту и опять пускались куда глаза глядятъ. Часто бѣднымъ некогда было даже пообѣдать, какъ добрымъ людямъ. По дорогѣ, голодныя, заворачивали онѣ въ рыбную лавку, покупали себѣ фунтъ икры, калачъ, глотали ихъ на-скоро и, жуя, садились опять въ экипажъ. Мало этого, всякій день онѣ успѣвали поклониться какой-нибудь святынѣ, застать хоть «съ миромъ изыдемъ» въ какой нибудь попавшейся на пути церкви. Часто летали онѣ даже въ Сергіевскій монастырь, и оттуда торопили кучера, чтобы не опоздать въ театръ. Разумѣется, всякій разъ опаздывали и съ Лиговки попадали въ театръ только ко второму или къ третьему дѣйствію. Марьѣ Петровнѣ эти неудачи ничего не значили, она никогда не слушала, что говорилось на сценѣ, а зѣвала на партеръ, откуда постояльцы ея, офицеры, чуть не дѣлали ей ручкой. Но Авдотью Кириловну такіе поздніе пріѣзды сильно огорчали. Она любила за свои деньги поплакать хорошенько въ театрѣ, а тутъ и сама не знаетъ, объ комъ сожалѣть изъ актеровъ, чью сторону держать.

— Вотъ, Маша, всегда мы опоздаемъ, опять къ концу пріѣхали, теперь и смысла никакого въ пьесѣ не разберешь, говорила недовольная Авдотья Кириловна.

— Ну, что, Душа, вздоръ какой нибудь играютъ! Я тебѣ все втолковать не могу, что ноньче не въ модѣ пріѣзжать въ театръ, когда лампы зажигаютъ. Да не гляди на сцену. Посмотри, какъ сегодня милъ Баладинъ. Что это за бельомъ! проговоритъ въ носъ Марья Петровна и начнетъ снова глядѣть въ лорнетку.

Долго не могла Марья Петровна соблазнить своего друга ѣхать въ маскарадъ.

— Да что, Маша, право, мнѣ кажется, что по моимъ лѣтамъ оно неловко, говорила Авдотья Кириловна, которой самой смерть хотѣлось поглядѣть, что за маскарадъ.

— И полно, Душа!.. У тебя старосвѣтскія понятія. Что твои за лѣта? Ты со мной почти ровесница, а я теперь только начинаю жить. Право! Повѣрь ты мнѣ, что эти молоденькія куколки совсѣмъ не нравятся молодымъ мужчинамъ. Это только старики за ними волочатся. Да хочешь, завяжи мнѣ глаза и поставь передо мной мужчину, я тебѣ сейчасъ узнаю, молодъ онъ или старъ; только спрошу, какихъ лѣтъ онъ любитъ женщину? Если отвѣтитъ: «въ шестнадцать, въ восемнадцать лѣтъ!»—ну, и старикъ, выжатый лимонъ. А отвѣтитъ: «женщину въ тридцать пять, въ сорокъ!»—ну, и душка! милка! молодой!..

Такъ образовывала Марья Петровна своего уѣзднаго друга. И добилась до того, что Авдотья Кириловна съ ней ни одного маскарада не пропускала.

И такъ метались, кружились двѣ подруги безъ устали. Все дѣлалось у нихъ въ перемежку: покупки, визиты, молитва, театры, маскарады, все одно погоняло и перегоняло другое. Разъ въ маскарадный день, возвратившись въ одиннадцать часовъ вечера отъ всенощной изъ Сергіевскаго монастыря, проворно накинули онѣ на черныя шелковыя платья, въ которыхъ только что молились, черныя домино съ пунцовыми бантами на плечахъ, надѣли маски, взяли букеты и на тѣхъ же несчастныхъ лошадяхъ покатили въ благородное собраніе. Войдя на лѣстницу и оправляясь передъ зеркаломъ, Марья Петровна вдругъ громко ахнула.

— Что съ тобой, Маша? спросила испуганная Авдотья Кириловна.

— Ахъ, Душа, что я сдѣлала! Я отца Серафима въ маскарадъ привезла.

Марья Петровна, одѣваясь въ торопяхъ въ маскарадъ, совсѣмъ забыла вынуть изъ за капота большой портретъ Серафима, который всегда носила при себѣ. Взглянувъ въ зеркало, она вдругъ увидѣла уголъ деревянной доски, который торчалъ изъ капота, увидѣла и ахнула. Но разстаться съ маскарадомъ обѣимъ подругамъ было жаль. Онѣ вошли въ залу, повисли на руки какого-то черкеса и начали пищать ему въ уши съ двухъ сторонъ.

Среди этихъ милыхъ занятій и развлеченій, какъ бомба, влетѣло въ домъ на Лиговкѣ письмо съ черною печатью, а въ немъ извѣстіе о кончинѣ генерала. Авдотья Кириловна упала на диванъ, съ ней сдѣлалась истерика. Марья Петровна тоже опустилась на кресло и прижала платокъ къ глазамъ, но не долго высидѣла. Въ такомъ интересномъ положеніи столько мыслей зароилось у нея въ одну минуту въ головѣ, что она не выдержала, вскочила и, забывъ объ Авдотьѣ Кириловнѣ, которая то мычала, то хохотала, лежа на диванѣ, начала быстрыми шагами ходить по гостиной. «Дядюшка умеръ, думала она.—Умеръ... неужели-же онъ меня не вспомнилъ передъ смертью! Вѣдь ближе меня у него никого нѣтъ, всѣ родные его перемерли. Вѣдь его отца женѣ, бабушкѣ Елизаветѣ Никитишнѣ, матери моей мать была двоюродная сестра. Неужели и Лёло забыла добро, которое я ей сдѣлала, и изъ благодарности не напомнила мужу обо мнѣ... Да, вѣрно, дядюшка самъ не позабылъ. Голубчикъ, онъ былъ влюбленъ въ меня, ухаживалъ за мной и я была къ нему неравнодушна... Онъ былъ такой бель-омъ. Я даже записочки къ нему посылала и подарила на память мой локонъ... неужели онъ забылъ все... Да нѣтъ, онъ, вѣрно, отказалъ мнѣ что нибудь. Голубчикъ, я его такъ всегда уважала. Дай Богъ ему царство небесное!» И дальше, и больше разыгрывалась фантазія Марьи Петровны, и она ходила все шибче и шибче.

— Гдѣ я?.. Что со мной? вдругъ вскрикнула Авдотья Кириловна, приподнимаясь на диванѣ.

— Ахъ, Душа, другъ мой! прости, — я такъ замечталась, совсѣмъ забыла, что ты тутъ, подбѣжавъ къ Авдотьѣ Кириловнѣ, весело сказала Марья Петровна.

— Что это, я во снѣ что-ли видѣла, что нѣтъ ангела нашего на свѣтѣ?

— Полно, Душа, выпей воды! что-же дѣлать! Будь философъ!.. Посмотри на меня: первую минуту я была поражена, убита.. а потомъ разсудила, что слезами дядюшку не вернуть.

— Охъ, Господи!., Охъ, Господи!.. не могу. Сердце у меня не такое, качаясь съ боку на бокъ, проговорила Авдотья Кириловна.

— Послушай, Душа, какъ ты думаешь, отказалъ мнѣ что нибудь дядюшка? вдругъ сорвалось съ языка Марьи Петровны, у которой мысль о наслѣдствѣ засѣла въ голову.

— Что отказалъ? выпрямившись, спросила Авдотья Кириловна.

— Разумѣется, изъ имѣнья нельзя, его имѣніе родовое; это бабушка Елизавета Никитишна можетъ оставить мнѣ свое имѣніе, оно благопріобрѣтенное, а дядюшка, вѣрно, отказалъ мнѣ что нибудь изъ капитала.

— Какъ изъ капитала? Да вѣдь у него родной сынъ остался и жена.

— Все-таки дядюшка воленъ наградить кого хочетъ. Этого ему никто запретить не можетъ. Неужели тебѣ и дочери твоей жаль будетъ, если дядюшка откажетъ мнѣ нѣсколько тысячъ? Признаюсь, Душа, я отъ тебя этого не ожидала. Вотъ что значитъ дѣлать добро людямъ!

— Какое добро? Не на меня ли ты намекаешь?.. такъ позволь спросить тебя, какое добро ты мнѣ сдѣлала? Что я нищая, что-ли; что я у тебя даромъ живу; что ты меня кормишь, что-ли? вдругъ вскочивъ съ мѣста и вспыхнувъ, проговорила залпомъ Авдотья Кириловна.

— Не горячись, Душа, пожалуйста, никто не говорилъ, что ты нищая, что я тебя кормлю,— это все вздоръ... А что я тебѣ добро сдѣлала, такъ сдѣлала. Еслибъ не я, дядя мой никогда-бы не женился на твоей дочери.

— Да что моя дочь—мѣщанка, что-ли?.. Что за диковина, что на ней женился генералъ?

— Конечно, вы никогда не могли ожидать такой партіи.

— Да отвяжись отъ меня, пожалуйста, съ своей партіей, что ты ко мнѣ пристала, Маша, побойся Бога. То-ли у меня въ головѣ? Зять у меня умеръ. Дочь несчастная овдовѣла... а ты мнѣ еще исторіи дѣлаешь. Ну, хорошо, пусть дочь моя не стоитъ твоего генерала, пусть ты наша благодѣтельница, покорно тебя благодарю!.. Покорно благодарю!.. вдругъ опять свела на жалобный тонъ Авдотья Кириловна, низко кланяясь своей подругѣ.

— Ну, Душа, полно, все вздоръ, все пустяки, мы съ тобой повздорили, помиримся и конецъ.

— Хорошо, хорошо, Богъ тебѣ судья... не ожидала я отъ тебя этого, махая рукой, говорила Авдотья Кириловна, уходя къ себѣ.

Марья Петровна хотѣла было остановить ее, но вдругъ опять въ головѣ ея пробѣжала какая-то мысль; она повернулась и опять проворно пошла ходить по комнатамъ и улыбаться.

Пріѣхалъ Теодоръ изъ должности. Марья Петровна, услышавъ его голосъ въ передней, вдругъ какъ бы проснулась отъ сладкаго сна, начала кричать:

— Теодоръ! Теодоръ!. Теодоръ, это ты?

— Я, маменька съ! крикнулъ ей изъ передней Теодоръ.

— Да помилуй, что ты тамъ долго возишься, какой ты копунь!

— Калоши завязли, маменька, войдя, наконецъ, въ гостиную, сказалъ Теодоръ.

— Знаешь, Теодоръ, какое несчастіе; дядюшка Сергѣй Александровичъ скончался, сдѣлавъ печальное лицо, объявила сыну Марья Петровна.

— Почемъ вы знаете, маменька?

— Письмо Душа получила... умеръ добрый дядюшка.

— Отчего, маменька?

— Полно, Теодоръ, ребенка представлять,— отъ болѣзни умеръ.

— Отъ какой, маменька?

— Почемъ я знаю. Какъ ты думаешь, Теодоръ, отказалъ онъ намъ что нибудь въ своей духовной?

— Не знаю, маменька.

— Я знаю, что ты не знаешь, да какъ ты думаешь? Вѣрно, отказалъ.

— Вѣрно, отказалъ, маменька.

— Что это ты все мои слова повторяешь, Теодоръ! Какъ на тебя нападетъ дистракція, такъ ты точно дурачекъ. Да не моргай такъ глазами, сколько разъ мнѣ тебя просить... Послушай меня внимательно, я съ тобой объ дѣлѣ говорить хочу.

— Я слушаю, маменька.

— Какъ ты думаешь, не написать ли мнѣ къ Лёло, чтобы узнать, что оставилъ мнѣ дядюшка?

— Напишите, маменька.

— Непремѣнно напишу. Ахъ, Теодоръ, я цѣлое утро мечтала. Если дядюшка оставилъ мнѣ что нибудь значительное, то я этотъ домъ сейчасъ же продамъ, прибавлю еще изъ своего капитала и куплю домъ съ балкономъ на Морской или на Дворцовой набережной. Если ты женишься, я вамъ съ женой отдамъ нижній этажъ, а сама буду жить въ бель-этажѣ.

— Нѣтъ, ужь лучше, маменька, на Англійской набережной.

— Да, и тамъ хорошо, тамъ тоже бомондъ живетъ. Вотъ надо тоже лошадей купить, наши не хороши.

— Сѣрыхъ въ яблокахъ, маменька, купите... и сѣтку пунцовую на нихъ.

— Пунцовую, Теодоръ! Что это за дурацкій цвѣтъ... нѣтъ, синюю или зеленую.

— Извощикъ пришелъ, сударь, вы ему деньги изволили забыть отдать, доложилъ старый лакей, явясь на порогѣ гостиной.

— Ахъ, я забылъ! Маменька, дайте мнѣ двугривенный.

— Это несносно, Теодоръ, съ тобой никогда объ дѣлѣ переговорить нельзя, ты все всякимъ вздоромъ перебиваешь. Да гдѣ-жъ у тебя деньги? Я тебѣ вчера цѣлковый рубль дала.

— Вышелъ весь, маменька; вчера Митрюшкинъ меня въ кондитерскую пригласилъ, мы съ нимъ по двѣ чашки шоколаду выпили и онъ за все заплатилъ, а сегодня мнѣ совѣстно было — я его тоже шоколадомъ угостилъ.

— Прошу покорно у меня по кондитерскимъ не шататься съ такими лѣнтяями, какъ Митрюшкинъ. Вотъ я все занята, заѣзжать за тобой перестала, а ты ужь и кутить началъ, Теодоръ... Смотри, чтобъ это было въ послѣдній разъ, а то я сама къ директору поѣду и разскажу ему, что Митрюшкинъ ничего не дѣлаетъ и тебя съ толку сбиваетъ. Да помни, что у меня твоего жалованья только одна синенькая осталась, а за твои рубашки еще прачкѣ заплатить надо. На, отдай извощику гривенникъ! прочитавъ натацію сыну, обратясь къ лакею, сказала Марья Петровна, подавая ему мѣдныя деньги.

— Извощикъ, сударыня, говоритъ, что его за двугривенный рядили, да стоялъ долго, такъ прибавки проситъ.

— Довольно, довольно, скажи ему, что я его сейчасъ въ часть отправлю.

— Пошли Господи вашему барину мой гривенникъ на свѣчку, да на саванъ, проворчалъ извощикъ, отъѣзжая отъ китайскаго подъѣзда.

А Марья Петровна въ эту минуту строила передъ Теодоромъ новые воздушные замки.

Наверху, въ то самое время, какъ Теодоръ копошился въ передней, Николай Михайловичъ тоже вошелъ къ своей матери.

— Николай! другъ ты мой! кого мы съ тобой потеряли! встрѣтила такъ Авдотья Кириловна сына.

— Кого, мамочка?.. я никого и ничего не потерялъ.

— Нѣтъ ангела нашего генерала!.. Сергѣй Александровичъ приказалъ тебѣ долго жить.

— А, шалунъ-амуръ улетѣлъ! Великолѣпіе! Да объ чемъ же тутъ плакать, мамачка?

— Да какъ-же не плакать, Николай? Дочь моя осталась вдовой, съ груднымъ сиротой.

— И прекрасно, мамачка... надо-же и Лёло пожалѣть. Я такъ очень доволенъ амуромъ, онъ собой очень умно распорядился. Не плачьте, мамачка, посмотрите, какъ вамъ теперь хорошо будетъ: Лёло сдѣлалась свободна, станетъ сама отъ себя зависѣть; посмотрите, какъ она будетъ помогать вамъ.

— Хорошо, кабы оно такъ, Николай.

— То-то, мамачка, оно очень хорошо, амуръ-то былъ себѣ на умѣ. Много мы отъ него ожидали, а что онъ намъ сдѣлалъ?

— Да, это конечно, что ничего.

И замечтала и Авдотья Кириловна съ Николаемъ Михайловичемъ. Вечеромъ она усѣлась писать письмо къ дочери. Марья Петровна влетѣла къ ней, какъ ни въ чемъ не бывало, и усѣлась подлѣ нея.

— Кому это ты пишешь, Душа?

— Къ Лёло моей несчастной пишу, Маша, надо мнѣ ей материнское мое утѣшеніе въ горѣ послать.

— Послушай, Душа, у меня до тебя большая просьба: мнѣ самой неловко еще писать къ Лёло, а ты напиши и узнай у нея, нѣтъ-ли обо мнѣ чего въ духовной дядюшки. Если она напишетъ, что есть, то я сама буду писать къ Лёло и узнаю, когда мнѣ нужно будетъ пріѣхать, чтобы получить, что мнѣ назначилъ дядюшка.

— Хорошо, Маша, я напишу, сказала, сдерживаясь отъ сердца, Авдотья Кириловна.

Она исполнила свое обѣщаніе и написала то самое письмо, которое отнималъ у Лёло Петръ Петровичъ въ свою колекцію.

Когда былъ полученъ отвѣтъ на него, въ которомъ ясно было сказано, что генералъ никакой духовной не оставилъ, Авдотья Кириловна съ наслажденіемъ послала его внизъ прочесть Марьѣ Петровнѣ.

Съ этого времени между друмя пріятельницами пробѣжала черная кошка. Замѣтная холодность въ обращеніи замѣнила прежнее изліяніе любви и дружбы, хотя онѣ все еще продолжали говорить другъ другу: Маша, Душа и ты. Видаться онѣ стали гораздо рѣже. Авдотья Кириловна, облекшись въ глубокій трауръ, все разъѣзжала по церквамъ, служила панихиды по зятѣ генералѣ, плакала и раздавала милостыню за упокой «раба божьяго генерала Сергѣя». Марья Петровна, въ полной надеждѣ, что скоро умретъ восьмидесяти-трехлѣтняя бабушка Елизавета Никитишна и откажетъ ей непремѣнно все свое наслѣдство, утѣшилась въ томъ, что дядюшка умеръ, не оставивъ духовной, и начала попрежнему возить и отвозить сына въ должность, а въ промежуткѣ отъ десяти часовъ до четырехъ колесила по Петербургу.

Такъ прошелъ годъ.

Изъ Дрёмина грянуло на Лиговку второе извѣстіе объ томъ, что Лёло выходитъ замужъ за опекуна своего сына. Авдотья Кириловна опять упала на диванъ и опять съ ней сдѣлалась истерика. Николай Михайловичъ, вернувшись домой къ обѣду, засталъ мать на кровати и съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ.

— Николай, другъ ты мой! что это твоя сестрица уморить, что ли, меня хочетъ? встрѣтила Авдотья Кириловна сына этими словами.

— Что, мамачка, что случилось? спросилъ Николай Михайловичъ, подойдя къ кровати.

— Ой, другъ ты мой! осрамила она мать.. опозорила меня!

— Да что такое, мамачка, говорите-же?

— Мерзавка, за своего управляющаго выходитъ...генеральша-то! За опекуна своего сына! А?..

— Ахъ, мамачка, да объ чемъ же тутъ разрываться? За опекуна? Что-жъ опекунша за опекуна, да что-жъ тутъ такого ужаснаго?

— Да какъ-же. Генеральша за опекуна! Вѣдь мнѣ этого при людяхъ и не выговорить, носу мнѣ никуда показать нельзя.

— Да кто жъ васъ проситъ и выговаривать. Да кто вамъ мѣшаетъ всѣмъ говорить, что этотъ опекунъ самъ генералъ. Вѣдь опекуны разные бываютъ.

— Не пишетъ сестрица твоя милая объ этомъ ничего... что ей, что мать въ гробъ изъ-за нея пойдетъ. Только и пишетъ, что замужъ идетъ. Да на вотъ самъ прочти!—

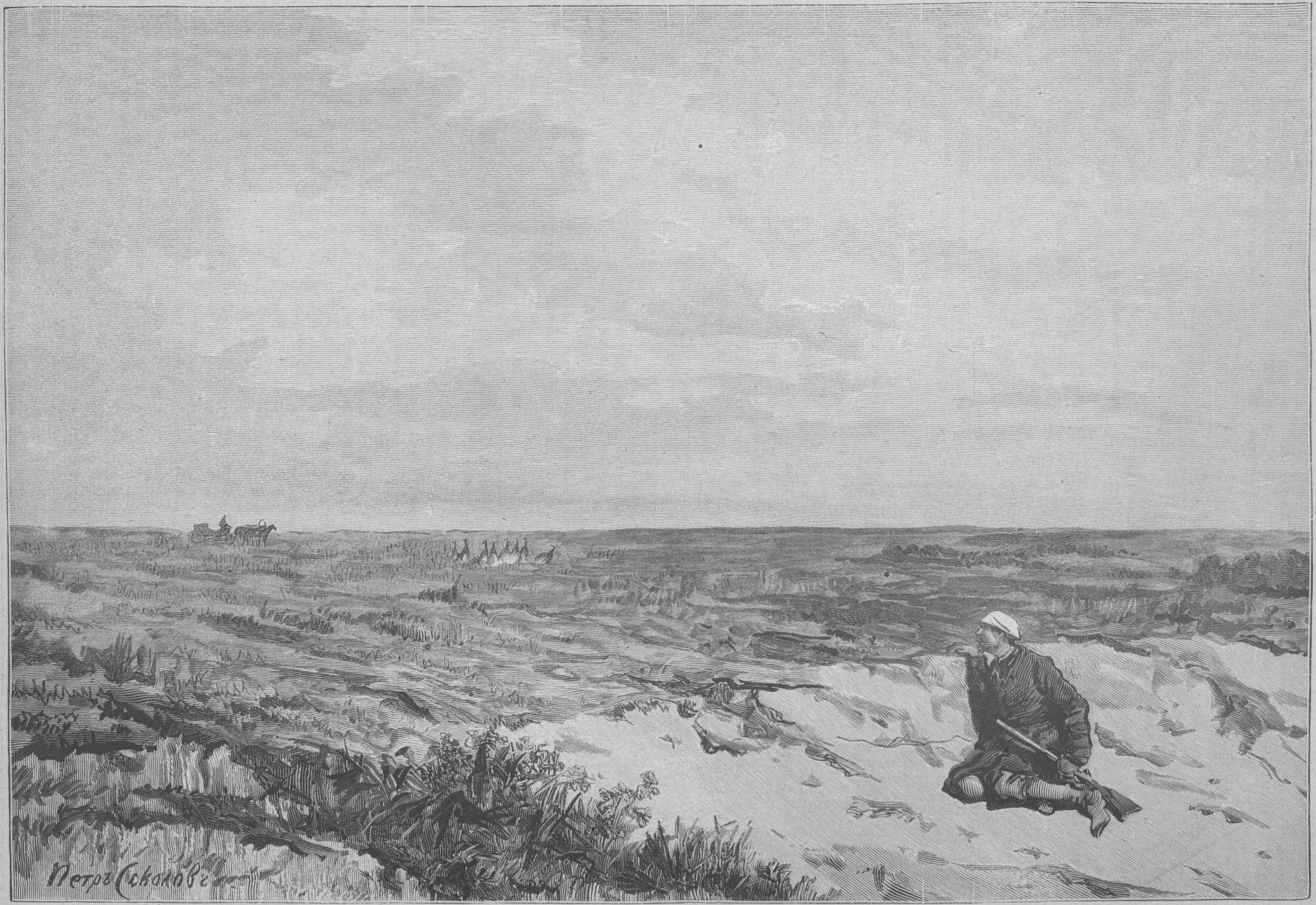
Николай Михайловичъпрочелъ письмо.

— И, мамачка, полноте сердиться. Вникните вы во все: во-первыхъ, нельзя же Лёло обречь себя на вѣчное вдовство оттого, что она была генеральша. Да прикиньте еще къ тому, что генералъ былъ шалунъ-амуръ и больше ничего. А Лёло молодая женщина,—что-жъ мудренаго, если она и полюбила молодого человѣка; я и прежде зналъ, что это такъ будетъ.

— Да какъ же она, безстыдница, и подождать-

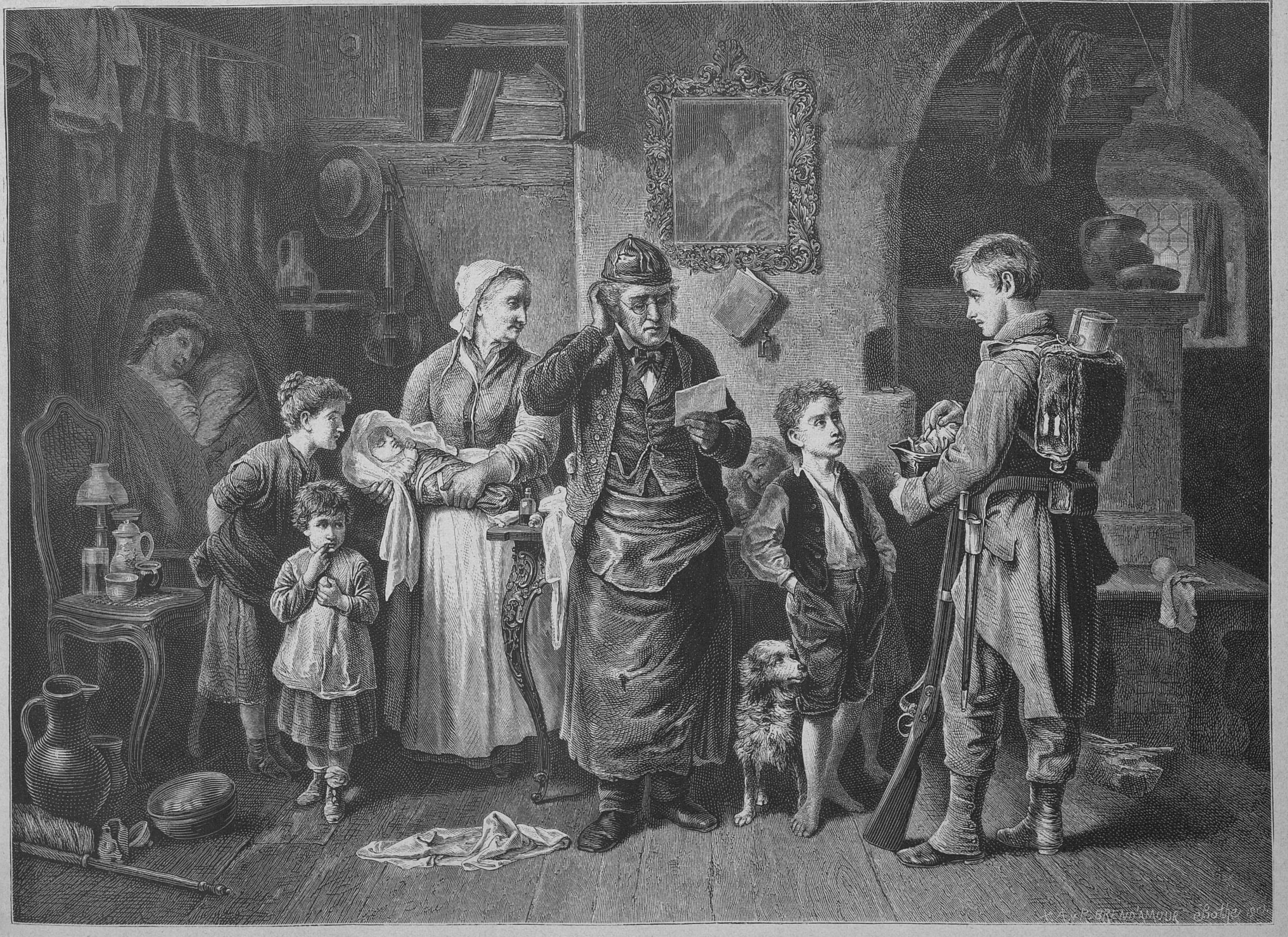
РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ПЕТРА СОКОЛОВА.


Петръ Соколовъ

Охота за дрохвами.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“ г. Діаментовскаго.


X. A. v. P. BREND'AMOUR Bothe sc.

Непрошенный гость. Картина ФРИДЛЕНДЕРА, рѣзалъ на деревѣ Брендамуръ.

то не могла? Что за спѣшка такая пришла? И добро бы за кого, а то за управляющаго.

— Да дайте же мнѣ говорить, мамочка. Что вы все твердите опекунъ да опекунъ! Я только хотѣлъ вамъ представить и ту выгоду, что она вышла за опекуна. Что бы дѣлала Лёло съ чужимъ-то опекуномъ, вѣдь у нея руки были бы связаны, во всякой копейкѣ отчетъ должна бы была отдавать.

— Это-то, конечно, правда.

— Да какъ-же не правда, мамочка? опекунша за опекуномъ—да это великолѣпіе!.. Своя рука владыка значитъ. И вамъ при старости надоѣстъ жить одной, всегда вамъ Лёло будетъ рада и мужъ не помѣшаетъ ей взять къ себѣ мать. А одна-то она, вдовою, не могла бы этого сдѣлать, опекунъ бы сказалъ, что она растрачиваетъ дѣтскія деньги... содержитъ на нихъ родню свою.

— Это то такъ, такъ... мало по малу смягчаясь, проговорила Авдотья Кириловна, бросая мокрое полотенце съ головы на полъ.

— Да развѣ вы не прочли и того, что княгиня Черново-Свѣтинская, ихъ сосѣдка, принимаетъ большое участіе въ ихъ свадьбѣ, что она будетъ посаженая мать Лёло.

— Этого-то я не дочла, у меня истерика сдѣлалась.

— Вотъ, мамочка, слона-то вы и не примѣтили. Ужь еслибъ Петръ Петровичъ Котиковъ былъ человѣкъ ничтожный, то такая женщина и не приняла-бы участія въ свадьбѣ Лёло.

— Да, да.. ну, да благословитъ ее Господь!.. Я ей образъ пошлю. Только вотъ что, не будемъ говорить объ этомъ ни слова Машѣ. Она меня засмѣетъ, она и то мнѣ ляпнула, что мы бы безъ нея никогда и не нашли бы такой партіи Лёло, какъ былъ дядюшка ея, генералъ; а теперь она мнѣ такъ и скажетъ: вотъ управляющій — это женихъ по васъ... Она вѣдь ядовитая такая! слѣзая съ кровати, сказала Авдотья Кириловна.

— Вотъ, мамочка, нашли кого бояться, Машуту... Да что она вамъ, благодѣтельница что-ли въ самомъ дѣлѣ?

— Ужь и не говори. Да что и вправду: плевать я на нее хотѣла, плюнувъ проговорила Авдотья Кириловна; затѣмъ подошла къ божницѣ и начала переглядывать, который-бы образъ послать ей Лёло.

Но не смотря на эту храбрость, Авдотья Кириловна все-таки умолчала Марьѣ Петровнѣ, что дочь ея выходитъ замужъ за своего управляющаго. Николай Михайловичъ первый какъ-то въ разговорѣ проговорился объ этомъ Теодору, а Теодоръ сообщилъ новость матери. Марья Петровна тотчасъ побѣжала наверхъ.

— Поздравляю тебя, Душа, съ новымъ зятемъ! насмѣшливо сказала она, влетѣвъ въ гостиную, гдѣ Авдотья Кириловна раскладывала гранъ-пасьянсъ.

— Благодарю тебя, Маша! отвѣтила Авдотья Кириловна, у которой вся внутренность закипѣла.

— Немного скоро твоя Лёло утѣшилась по мужѣ... У дядюшки, я думаю, еще ноги не успѣли остыть, а она ужь невѣста... И какую блистательную дѣлаетъ партію... можно позавидовать.

— Нечего, Маша, обиняки-то мнѣ говорить... Я не дура... Всѣ шпильки твои понимаю...

— И я все понимаю... Я очень хорошо теперь понимаю, отчего дядюшка не оставилъ мнѣ ничего... Это все штуки управляющаго и твоей Лёло...

— Да что дочь моя—негодяйка какая-нибудь? Да я и понимать-то тебя не хочу... Какъ ты смѣешь мнѣ такія вещи говорить!

— Вотъ это мило, вы мнѣ запретите говорить, что́ я думаю, Авдотья Кириловна...

— И запрещу, Марья Петровна, запрещу!

— Не запретите. Я все таки скажу вамъ, что дочь ваша—негодяйка, что я вывела ее изъ ничтожества...

— Изъ ничтожества? Ахъ, ты, Матерь Божья! Да что же я такое по вашему, наконецъ? зашипѣла, посинѣвъ отъ злости, Авдотья Кириловна.

— Помѣщица, почти однодворка... А дочь ваша ничтожная дѣвчонка. Я сжалилась надъ ней, пристроила за моего дядю, за генерала, съ огромнымъ состояніемъ, а она изъ благодарности столкнулась съ управляющимъ и не допустила моего дядю оставить мнѣ что нибудь послѣ смерти... И, въ довершеніе всего, опозорила нашу фамилію и вышла замужъ за этого управляющаго. Я знаю, для чего это: это для того, чтобы обобрать наслѣдника и подобрать къ рукамъ все имѣніе,—но этого не будетъ, пока я жива! Я буду слѣдить за ними. Я еще должна получить наслѣдство отъ бабушки, я сама туда поѣду... Выведу на свѣжую воду всѣ плутни вашей дочери и мужа, ея управляющаго, подамъ на нихъ просьбу, отрѣшу ее отъ опекунства и заставлю выбрать наслѣднику дяди моего новаго опекуна! Слышали? Вотъ таки я сказала! прокричала залпомъ Марья Петровна и, хлопнувъ дверью, ушла къ себѣ.

— Васька! Дашка! Васька! Человѣкъ!.. въ бѣшенствѣ завопила Авдотья Кириловна, когда вышла Марья Петровна.

Васька, Дашка и старый лакей влетѣли въ гостиную съ испуганными лицами.

— Бѣгите всѣ, ищите Николая Михайловича, скажите ему, чтобы онъ мнѣ сію минуту квартиру нашелъ, что я у этой мерзавки часу въ домѣ не останусь... Да бѣгите-же, проклятые! топая ногой, крикнула Авдотья Кириловна.

Дашка, Васька и старый лакей исчезли.

На третій день послѣ этой сцены, Сивкова выѣхала съ Николаемъ Михайловичемъ изъ дома Марьи Петровны. Вскорѣ Авдотья Кириловна получила еще письмо отъ Лёло и Петра Петровича. Въ этомъ письмѣ Котиковъ рекомендовался своей новой маменькѣ и просилъ ее полюбить его, какъ сына. Письмо было написано до того въ духѣ и въ слогѣ Авдотьи Кириловны, что она, прочтя его, сразу влюбилась въ своего новаго зятя. Объ рожденіи второго внука Петръ Петровичъ извѣстилъ маменьку Авдотью Кириловну уже одинъ и трогательно и живо описалъ ей несчастный случай съ собакой, отъ котораго Лёло родила преждевременно семимѣсячнаго ребенка. Много охала, много разсказывала всѣмъ своимъ знакомымъ Авдотья Кириловна про этотъ несчастный случай съ ея дочерью. Знакомые у Авдотьи Кириловны съ Марьей Петровной были общіе. Въ одно прекрасное утро Авдотья Кириловна получила записку слѣдующаго содержанія:

«Не думайте, Авдотья Кириловна, чтобы я повѣрила хоть слову въ исторіи, которую вы распускаете про роды вашей дочери и про собаку... Поздравляю васъ съ такимъ-же скороспѣлкой внукомъ, какъ поздравляла васъ съ скороспѣлкой зятемъ. Скоро, скоро я полюбуюсь сама на счастье вашихъ голубковъ: нынѣшнюю осень, возвращаясь изъ деревни моей, я заѣду съ Теодоромъ навѣстить милую бабушку Елизавету Никитишну и посмотрѣть своими глазами, что дѣлается въ Дрёминѣ.

«Остаюсь готовая къ услугамъ вашимъ
«Марья Камкова».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.

(*Окончаніе.*)

Первое время по исключеніи изъ университета Бѣлинскій очутился въ крайней нуждѣ и искалъ себѣ уроковъ и литературной работы. Чтобы заработать что нибудь, Бѣлинскій принялся за переводъ Монфермельской молочницы Поль де Кока. «Къ Рождеству, писалъ Бѣлинскій домой,—съ великими трудами, просиживая иногда напролетъ цѣлыя ночи, а во время дня не слѣзая съ мѣста, перевелъ романъ въ надеждѣ пріобрѣсти рублей триста. Но фортуна и тутъ прежестоко подшутила надо мной. Въ газетахъ было объявлено о другомъ переводѣ сего самаго сочиненія и потому я едва, едва могу получить сто рублей асигнаціями». Потомъ у Бѣлинскаго явился планъ отправиться на кондиціи въ Вологду или въ орловскую губернію, но, познакомившись въ половинѣ поста 1833 года съ Надеждинымъ, онъ сталъ переводить для его журнала. Вмѣстѣ съ тѣмъ и уроки его шли лучше. За переводъ Магдалины онъ получилъ 200 рублей, за уроки получалъ 64 рубля въ мѣсяцъ и нанималъ отдѣльную комнату, за которую со столомъ и чаемъ платилъ 40 рублей въ мѣсяцъ. Это положеніе казалось Бѣлинскому необыкновенно блестящимъ. «Я внѣ себя отъ восхищенія, пишетъ онъ по этому случаю,—натерпѣвшись отъ своей прежней бѣдности, что нанялъ квартиру, гдѣ тишина и уединеніе даютъ мнѣ совершенную возможность заниматься науками. Теперь я начинаю дышать свободнѣе, начинаю отдыхать отъ тяжелой ноши горестей и безпрерывныхъ бѣдъ, подъ тяжестью которыхъ чуть было не утратилъ совершенно и душевнаго и тѣлеснаго здоровья». Каково же было это матеріальное довольство, которымъ такъ восхищался Бѣлинскій, можно судить изъ слѣдующаго описанія житья-бытья Бѣлинскаго, сдѣланнаго Лажечниковымъ. «Бѣлинскій квартировалъ въ бельэтажѣ, въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Красивъ же былъ его бельэтажъ! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его каморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью! Каково было слышать за дверями упоительную бесѣду прачекъ и подъ собой стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, не запертой (хотя я не засталъ хозяина дома), потому что въ ней нечего было украсть. Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то, что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось кровью... Я спѣшилъ бѣжать отъ смраду испареній, обхватившихъ меня, скорѣе на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я прочувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи уже свое имя»...

А между тѣмъ этотъ же самый Бѣлинскій, жившій въ такой страшной трущобѣ на Трубѣ, любилъ необыкновенно чистоту и порядокъ. Онъ любилъ свой домашній уголъ, какъ сообщаетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Онъ любилъ свой домашній уголъ и устраивалъ его всегда по мѣрѣ своихъ средствъ съ нѣкоторымъ комфортомъ. Въ его кабинетѣ нигдѣ не видно было ни соринки. Если кто-нибудь, бывало, оставитъ слѣды ногъ на полу, насоритъ у него сигарочнымъ пепломъ, или плюнетъ на полъ, Бѣлинскій обыкновенно нахмурится и начнетъ ворчать. Прежде чѣмъ садиться за работу, онъ всякій разъ смахивалъ пыль со всѣхъ своихъ вещей въ кабинетѣ. Свѣтъ и тепло поддерживали всегда хорошее расположеніе его духа. Когда Бѣлинскій былъ свободенъ отъ работы, не страдалъ своими обычными припадками и когда къ нему сходились по вечерамъ нѣкоторые изъ его пріятелей, онъ обыкновенно зажигалъ нѣсколько свѣчей въ своемъ кабинетѣ».

«Наблюдатель», въ которомъ работалъ Бѣлинскій въ Москвѣ, платилъ Бѣлинскому самыя ничтожныя деньги, да и то въ неопредѣленные сроки. Мелочные долги его тревожили, а усиленная борьба съ тяжелыми обстоятельствами утомляла его. А между тѣмъ его живая душа стремилась къ «высшей жизни духа», ему хотѣлось все понять и постигнуть и онъ постоянно болѣлъ душевной неудовлетворенностью и жаловался, что не можетъ удержаться на высотѣ жизни духа. «Возстань моя воля и возьми сама собою то, что тебѣ не дается, какъ благодать. Буду работать, примусь за объективное наполненіе, какъ другіе принимаются за пьянство, за разгулъ, чтобы найдти какой-нибудь выходъ. Если это будетъ безплодно, если я въ послѣдній разъ удостовѣрюсь, что воля—призракъ, то буду жить какъ нибудь, утѣшая себя мыслью, что когда нибудь не буду же жить».

Эта высшая жизнь духа была невозможна для Бѣлинскаго еще и потому, что его постоянно заѣдала бѣдность и нужда. Обстоятельства Бѣлинскаго были плохи и тогда, когда существовалъ «Телескопъ», въ которомъ онъ работалъ, а послѣ запрещенія этого журнала онъ почти два года провелъ въ бѣдственномъ положеніи безплодныхъ поисковъ работы. «Московскій Наблюдатель» далъ было Бѣлинскому надежду на устройство его матеріальныхъ дѣлъ, но продержался недолго и Бѣлинскій опять очутился въ безвыходномъ положеніи. Нуждаясь въ работѣ для своего существованія, Бѣлинскій задумалъ составить учебникъ граматики. Онъ надѣялся, что учебникъ его будетъ принятъ и напечатается на казенный счетъ, но книга не была принята и Бѣлинскій очутился «на краю бездны». Онъ напечаталъ книгу на свой счетъ и думалъ, что распродажа ея поправитъ его обстоятельства, но обманулся. «Книга шла очень туго, говоритъ г. Пыпинъ;—напечатаніе ея сдѣлало еще лишній долгъ, а между тѣмъ болѣзнь принуждала его ѣхать на Кавказъ. Здоровье его разстроилось, болѣзнь явилась съ тревожными признаками и поѣздка найдена была необходимой. Онъ былъ совершенно безъ всякихъ средствъ и съ братомъ и племянникомъ на рукахъ. Въ это тяжелое время нѣсколько разъ выручалъ его Боткинъ; съ конца 1836 г. онъ сдѣлалъ еще займы у Ефремова, Аксакова и другихъ знакомыхъ. Еще къ бóльшему огорченію его, Бѣлинскому приходилось пользоваться помощью и такихъ людей, которыхъ онъ мало или вовсе не уважалъ. «Я не только потонулъ въ долгахъ, пишетъ онъ въ это время изъ Пятигорска,—я живу на чужой счетъ, вспоможеніями друзей, подаяніями людей, презираемыхъ мною... Какой-нибудь Н. Ф. П. кричитъ во всеуслышаніе, что я не имѣю права хулить его литературныхъ заслугъ, ибо-де онъ одолжилъ меня деньгами. Какой-нибудь Ал... можетъ, если захочетъ, заставить меня и покраснѣть, и поблѣднѣть однимъ намекомъ объ извѣстныхъ ему и мнѣ 250 рубляхъ»... «Я бы выздоровѣлъ и душевно, и тѣлесно, еслибы будущее не стояло передо мною въ грозномъ видѣ, еслибы пріѣздъ мой въ Москву былъ обезпеченъ. Вотъ что меня убиваетъ и изсушаетъ во мнѣ источникъ жизни. Едва родится во мнѣ сознаніе силы, едва почувствую я теплоту вѣры, какъ квартира, авошная лавочка, сюртуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчасъ убиваютъ силу и вѣру, и тогда я могу только играть въ свои козыри или въ шашки. Эти пошлыя удовольствія доставляютъ мнѣ много пользы: они заставляютъ меня забываться въ какой-то пустотѣ, которяя все-таки лучше отчаянія»... И это писалъ знаменитый русскій критикъ, которымъ уже и тогда гордилась Россія.

Хотя поѣздка на Кавказъ и освѣжила Бѣлинскаго, но внѣшняя жизнь его не устроилась лучше и для поправленія обстоятельствъ не представлялось никакихъ возможностей. Въ это время у Бѣлинскаго явилась мысль переселиться въ Петербургъ. «Я хочу существовать матеріально и нравственно, писалъ онъ,—и почему-то, не зная самъ, думаю, что только въ Петербургѣ могу жить тѣмъ и другимъ образомъ». Дѣйствительно, Петербургъ несравненно болѣе могъ удовлетворить его жаждѣ дѣятельности и въ переселеніи въ Петербургъ Бѣлинскій видѣлъ свое нравственное спасеніе, котораго онъ не находилъ въ московской жизни и въ исключительной атмосферѣ кружка. Но Петербургъ не принесъ Бѣлинскому спасенія, котораго онъ искалъ. Его страшно утомила журнальная работа и нездоровье, которое его давно уже одолѣвало, все стало усиливаться и принимать болѣе тяжелыя формы. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, какъ работалъ Бѣлинскій и на какой ничтожной работѣ истощались его силы. «Надо было видѣть его въ тѣ минуты, когда онъ писалъ что нибудь, въ чемъ принималъ живое и горячее участіе. Лицо и глаза его горѣли, перо съ необыкновенною быстротою бѣгало по бумагѣ, онъ тяжело дышалъ и безпрестанно отбрасывалъ въ сторону исписанный полулистъ. Онъ обыкновенно писалъ только на одной сторонѣ полулиста, чтобы не останавливаться въ ожиданіи, покуда просохнутъ чернила»... Разъ Панаевъ засталъ его ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиліемъ махающимъ правою рукою. «Что это съ вами?» спросилъ онъ.—«Рука отекла отъ писанія... я часовъ 8 сряду писалъ, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писаніе свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть, это отчасти и правда, но взгляните, Бога ради, сколько книгъ мнѣ присылаютъ. И какія еще книги—азбуки, граматики, сонники, гадальныя книжонки! Да еслибы вы знали, какое вообще мученіе повторять зады, твердить одно и тоже—все о Лермонтовѣ, Гоголѣ, Пушкинѣ, не смѣть выходить изъ опредѣленныхъ рамъ—все искуство, да искуство! Ну, какой я литературный критикъ! Я рожденъ памфлетистомъ и не смѣть пикнуть о томъ, что накипѣло въ душѣ, отъ чего сердце болитъ»... А между тѣмъ Бѣлинскому не только не приходилось не быть тѣмъ, къ чему онъ началъ теперь тяготѣть всею душою, и говорить о томъ, отъ чего у него болѣло сердце, но ему приходилось еще спасать свою жизнь. Постоянныя лишенія и душевныя страданія подъѣли окончательно здоровье Бѣлинскаго и докторъ сказалъ ему, что по роду его болѣзни онъ долженъ ѣхать непремѣнно заграницу. Средства нашлись, какъ говоритъ Панаевъ, и весною 1847 года Бѣлинскій отправился заграницу. Онъ воротился въ августѣ и первое время казался гораздо свѣжѣе и бодрѣе прежняго, такъ что въ друзьяхъ его явилась надежда, что его здоровье поправится. Но вотъ «наступила глухая осень съ безразсвѣтными петербургскими днями, съ мокрымъ снѣгомъ, падавшимъ хлопьями на грязь, съ сыростью, проникающею до костей. У Бѣлинскаго снова явилось удушье, кашель опять началъ мучить его днемъ и ночью и силы его гаснули замѣтно съ каждымъ днемъ. Осень и зима 1847 года тянулись для него мучительно; вмѣстѣ съ физическими силами падали силы его духа. Его болѣзненныя страданія усиливались еще больше отъ разныхъ огорченій, непріятностей и отъ разныхъ предчувствій чего-то недобраго. Стали носиться какіе-то неблагопріятные для него слухи, все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ него, статьи его разсматривались все строже и строже».

Къ веснѣ болѣзнь начала дѣйствовать быстро и разрушительно. Щеки страдальца ввалились, глаза потухли, грудь впала, онъ еле передвигалъ ноги и начиналъ дышать страшно. «Въ минуты смерти его я не присутствовалъ, говоритъ Панаевъ,—но тѣ, которые были тутъ, разсказывали мнѣ, что Бѣлинскій, лежавшій уже въ жару безъ силъ и безъ памяти на постели, вдругъ къ изумленію ихъ вскочилъ съ сверкающими глазами, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, проговорилъ невнятно, но съ энергіею какія-то слова и началъ падать»... Черезъ четверть часа его уже не стало.

Немногіе петербургскіе друзья проводили тѣло Бѣлинскаго на кладбище. Къ нимъ, какъ говоритъ Панаевъ, присоединилось три или четыре неизвѣстныхъ, вдругъ, Богъ знаетъ, откуда взявшихся. Они оставались до самаго конца печальной церемоніи на кладбищѣ и слѣдили за всѣмъ съ величайшимъ любопытствомъ, хотя слѣдить было ровно не зачѣмъ. Похоронили Бѣлинскаго на деньги, собранныя между близкими друзьями, а семейство его осталось безъ всякихъ средствъ.

Бѣлинскій былъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ; въ ноябрѣ 1861 года рядомъ съ Бѣлинскимъ похоронили Добролюбова, а въ 1868 году прибавилась тутъ и еще одна могила—Писарева.

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

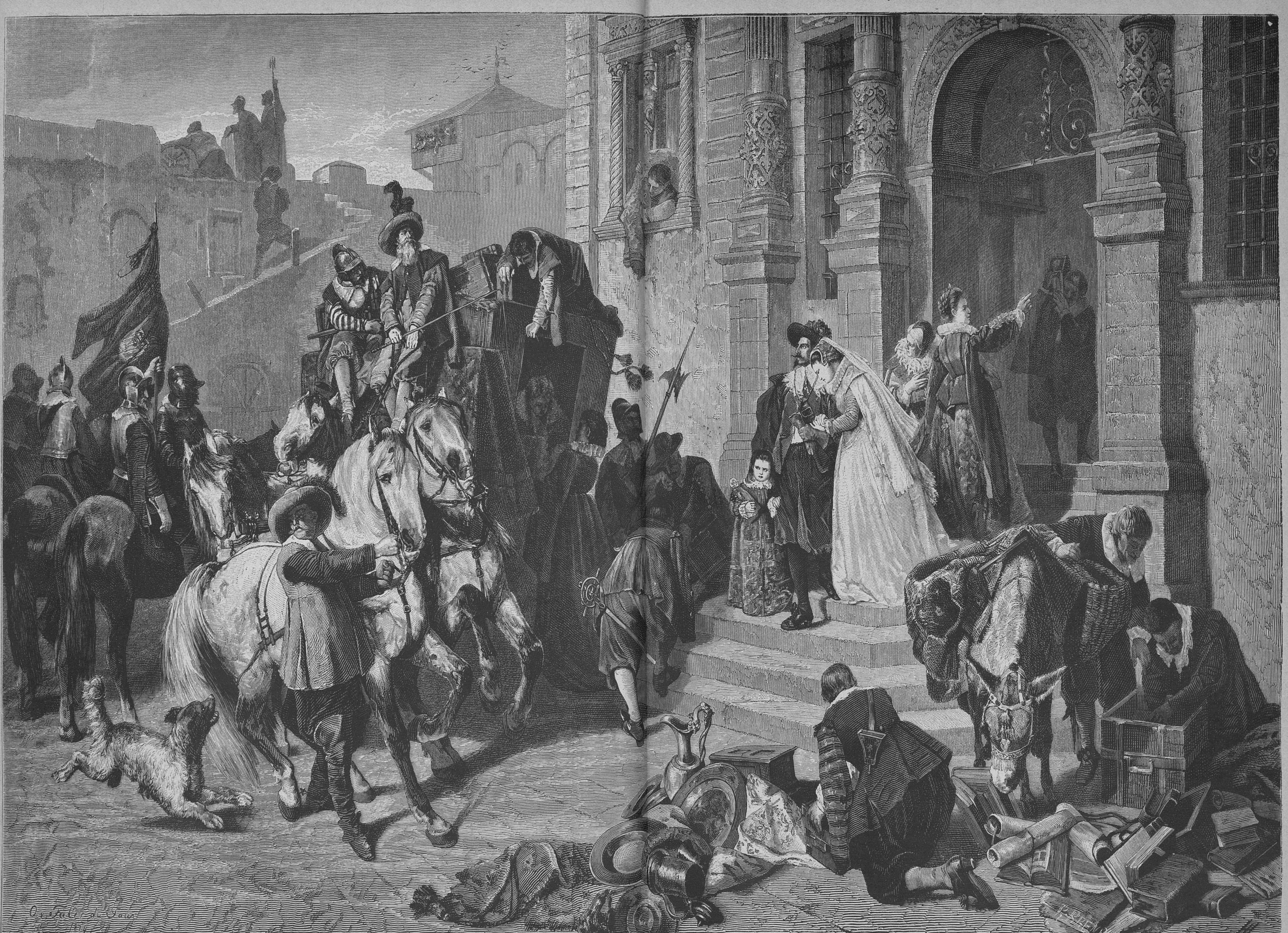
(*Продолженіе.*)

Глава XI.

Семейная сценка.

Обле ушелъ довольный, послѣ того, какъ капитанъ, одобривъ мысль Элизы, обѣщалъ ему содѣйствовать его плану, въ признательность за то, что онъ отдалъ Орели въ его руки. Капитанъ увѣрилъ его, что первое, чего отъ нея требуютъ, будетъ письменное удостовѣреніе въ несправедливости его осужденія, и молодой человѣкъ удалился успокоенный и обнадеженный. Предположенія Элизы казались ему вполнѣ логичными. Орели несомнѣнно будетъ розыскивать потерянныя вещи, и объявленіе въ газетахъ не останется безъ результата. Явившись на свиданіе и увидѣвъ себя во власти своего мужа и своей сестры, Орели должна будетъ покориться; она пойметъ, что истина открыта и что ей ничего болѣе не остается, какъ сознаться въ своей винѣ и постараться загладить свое преступленіе. Разъ овладѣвъ письменнымъ заявленіемъ, сдѣланнымъ этою женщиною и подтвержденнымъ ея мужемъ, Облэ покажетъ его всѣмъ, и тогда онъ, наконецъ, можетъ поднять голову; забудетъ годы, проведенные въ каторгѣ, забудетъ все, и исполнитъ завѣтную мечту своей тетки Мадлэны: женится на своей кузинѣ. Наконецъ-то онъ докажетъ всѣмъ, что онъ честный человѣкъ.

Давъ себѣ слово возвратиться въ Медонъ на слѣдующій день, онъ выходилъ изъ маленькаго дома, занятый своими утѣшительными думами; собираясь повернуть за уголъ, онъ увидѣлъ, при свѣтѣ фонаря, женщину, которая, посмотрѣвъ, на него внимательно, скользнула въ тѣнь домовъ. Но этого взгляда было достаточно для Облэ, чтобы замѣтить странный костюмъ женщины. Она была одѣта въ костюмъ сестеръ «Кающихся». Какъ попала она въ такой часъ въ Медонъ. Это безуміе или что-то совсѣмъ непонятное. «Неужели Орели слѣдила за мной?» мелькнула ему мысль. Онъ быстро повернулъ за уголъ. Женщина въ широкомъ бѣломъ платьѣ стояла, прижавшись за выступомъ воротъ. Облэ бросился къ ней, она хотѣла бѣжать, но онъ схватилъ ее за руку. Испуганная Орели вскрикнула. Этотъ самый крикъ и слышалъ Жюль. Но Облэ нечего было опасаться; напротивъ, онъ желалъ скандала, который открылъ бы истину.


O. v. Faber du Faur
1874
R. BRENDAMOUR X.A.

Выѣздъ короля Фридерика V изъ Праги. Картина ФАБЕРЪ ДЕ-ФОРА.

Рѣзалъ на деревѣ Брендамуръ.

Онъ привлекъ женщину къ фонарю и они оба вскрикнули.

— Такъ и есть, это она!

— Боже! Облэ!

Помня свое преступленіе, помня все зло, которое она ему сдѣлала, Орели пришла въ ужасъ и напрягала всѣ силы, чтобы вырваться изъ рукъ молодого человѣка. Она даже закричала:

— Жюль! Жюль! помоги!

Но Облэ, побѣдивъ ея сопротивленіе, зажалъ ей ротъ, обхватилъ ее за талью и повлекъ за собою.

— Наконецъ-то я васъ нашелъ! сказалъ онъ.—Теперь вы не уйдете отъ меня.

И онъ увлекалъ ее, не встрѣчая болѣе сопротивленія.

— Не дѣлай мнѣ зла, Эмиль, я иду съ тобой, только сказала она, расчитывая дружескимъ, фамильярнымъ тономъ обезоружить его.

Бѣдный малый! Это фамиліардное «ты» показалось ему кровной обидой. По его жиламъ пробѣжалъ холодъ и лобъ его покрылся краской стыда. Онъ крѣпче обхватилъ ее, приподнялъ съ земли и побѣжалъ.

— Теперь ты въ моихъ рукахъ, потаскушка! сказалъ онъ, добѣжавъ съ нею до маленькаго дома.

Облэ сильно толкнулъ колѣномъ дверь, которая тотчасъ распахнулась. Капитанъ и маркизъ де-Мейранъ еще находились въ маленькой гостиной нижняго этажа, и первый, услыхавъ стукъ, закричалъ:

— Кого еще тамъ несетъ въ эту пору?

При звукѣ этого голоса, Орели вздрогнула и почти выпрямилась въ рукахъ молодого человѣка.

Облэ вбѣжалъ съ нею въ комнату.

— Это я, вскричалъ онъ; — я привелъ ее къ вамъ!

И онъ поставилъ Орели передъ двумя изумленными мужчинами. Въ ужасѣ, она вырвалась изъ его рукъ и попятилась въ уголъ гостиной.

Можно себѣ представить, что почувствовалъ капитанъ, увидя Орели. Онъ готовъ былъ броситься на нее, но Оливье удержалъ его. Испуганная, она упала на колѣни и, сложивъ руки, съ ужасомъ смотрѣла на трехъ мужчинъ, во власти которыхъ она находилась. Она была такъ ошеломлена, увидѣвъ разомъ всѣхъ этихъ трехъ человѣкъ, которыхъ она боялась больше всего въ мірѣ, что потеряла всякую силу сопротивляться. Она только молила:

— Простите! пощадите меня!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ совѣщанія, Оливье, первый, обратился къ ней.

— Вы, конечно, помните все зло, которое вы сдѣлали каждому изъ насъ. Здѣсь вы въ нашихъ рукахъ. Прежде, чѣмъ выдти отсюда, вы должны дать каждому изъ насъ то удовлетвореніе, котораго мы потребуемъ.

Орели опустила голову и молчала.

— Прежде всего вы должны вспомнить, какъ, однажды, принимая къ себѣ вашего любовника, Эмиля Облэ, и подвергаясь опасности быть застигнутою мужемъ, вы выдали любовника за вора. За это онъ былъ осужденъ.

— Помнишь ты это, негодница, потаскушка? закричалъ де-Марби угрожающимъ тономъ.

— Позвольте, капитанъ, прервалъ Оливье,— дайте говорить одному мнѣ. Не забудьте, что вы обѣщали сдерживаться. Какъ бы ни была недостойна и презрѣнна эта личность, но все-же она женщина.

Эти слова немного ободрили Орели.

— Это правда; что-же я могу сдѣлать, чтобы загладить это? спросила она Оливье.

— Вы должны написать нѣсколько строкъ, въ которыхъ вы объявите, что Эмиль Облэ былъ вашимъ любовникомъ, что онъ пришелъ къ вамъ на свиданіе и потому находился въ вашей комнатѣ и что, для спасенія своей репутаціи, вы солгали, обвинивъ его въ кражѣ, которой онъ никогда не совершалъ.

— О, я согласна! вскричала Орели, которая ожидала, что отъ нея потребуютъ чего-нибудь болѣе страшнаго.

Облэ положилъ на столъ бумагу и чернила и подалъ Орели перо, приглашая ее знакомъ сѣсть и писать.

— Диктуйте сами, сказалъ ему маркизъ.

— Это лишнее, возразила Орели и сѣла писать.

« Г. Эмиль Облэ, я поступила съ вами недостойно. Мучимая раскаяніемъ, я рѣшаюсь просить у васъ прощенія. Вы были моимъ любовникомъ. Будучи застигнута съ вами моимъ мужемъ и опасаясь его гнѣва и его справедливой мести, а также желая избѣжать скандала, я выдала васъ за вора. Я солгала; теперь я письменно заявляю, что вы всегда были честнымъ человѣкомъ, и пишу эти строки съ тѣмъ, чтобы вы могли показать ихъ всѣмъ».

Она подписалась: «Орели Тенаръ де-Марби».

— Хорошо, сказалъ Облэ, взявъ бумагу, которую она ему протянула.

Орели поднялась съ мѣста, полагая, что она окончательно раздѣлалась, но капитанъ съ бранью подступилъ къ ней.

Оливье еще разъ удержалъ его, напомнивъ объ его обѣщаніи, и сказалъ, обращаясь къ Орели:

— Вы еще не кончили; сядьте и подождите.

Трое мужчинъ снова пошептались между собою.

— Пишите, началъ Оливье, диктуя:

«Мой милый другъ...»

— Кому вы заставляете меня писать? спросила Орели.

— Твоему любовнику, тварь! Матье де-Тальи.

Орели отбросила перо.

— Я не стану писать ему, сказала она.

Капитанъ кинулся на нее и, грубо схвативъ ее за плечо, принудилъ сѣсть и замахнулся на нее, готовый ее ударить.

— Ты будешь писать, я тебя заставлю, или...

Тутъ снова вмѣшался Оливье и отвелъ капитана.

— Капитанъ, я васъ прошу.. если вы будете такъ дѣйствовать, я удалюсь.

Капитанъ, ворча, повиновался.

— Стоитъ-ли деликатничать съ такой тварью! пробурчалъ онъ, пожавъ плечами и отходя отъ Орели.

Она поблѣднѣла; угроза капитана заставила ее снова сѣсть и взяться за перо.

— Я исполню ваше желаніе, сказала она.

— Напишите Матье де-Тальи, чтобы онъ пріѣхалъ сюда сейчасъ-же по полученіи письма. Заставьте его сдѣлать это, отъ этого зависитъ ваша участь. Онъ долженъ пріѣхать съ тѣмъ самымъ лицомъ, которое вручитъ ему ваше письмо. Судьба ваша рѣшится только тогда, когда онъ будетъ здѣсь.

— Но, что-же вы ходите дѣлать?

— Этого мы не обязаны говорить вамъ. Согласны-ли вы написать?

Орели ничего болѣе не оставалось, какъ покориться. Она опустила голову и написала слѣдующую записку:

«Мой милый другъ, я ушла сегодня вечеромъ изъ общины. Теперь я нахожусь въ Медонѣ и прошу васъ немедленно повидаться со мною. Податель этой записки привезетъ васъ ко мнѣ. Пріѣзжайте тотчасъ. Отъ вашего пріѣзда зависитъ моя жизнь. Я васъ жду. Пріѣзжайте».

Она подписала письмо.

Оливье взялъ письмо, внимательно прочелъ его, потомъ вложилъ въ конвертъ и отдалъ Облэ.

— Идите, сказалъ онъ ему;—мы возлагаемъ на васъ это порученіе.

Облэ тотчасъ удалился. Послѣ его ухода, Оливье увелъ капитана и оставилъ Орели одну въ маленькой гостиной. Она слышала, какъ щелкнулъ замокъ запираемой двери.

Была поздняя осень. Дворъ находился въ Сен-Клу, гдѣ онъ проводилъ хорошіе сентябрьскіе дни передъ отъѣздомъ въ Компьенъ. Два или три раза въ недѣлю бывали пріемы и праздники и всѣ приближенные двора расположились по окрестнымъ дачамъ. Это обстоятельство было хорошо извѣстно Оливье, который объяснилъ Облэ, гдѣ онъ найдетъ президента Матье де-Тальи.

Во время пребыванія двора въ Сен-Клу, де-Тальи жилъ на собственной прелестной дачѣ, на севрскихъ холмахъ. Туда и отправился Облэ. Когда онъ пріѣхалъ, швейцаръ еще не спалъ и домъ былъ освѣщенъ. Облэ позвонилъ. Ему тотчасъ отворили и когда онъ объяснилъ, что онъ привезъ весьма нужное письмо, которое долженъ лично вручить президенту, швейцаръ отвѣтилъ ему, что президента нѣтъ дома и что его ждутъ изъ Сен-Клу часу во второмъ ночи. Облэ объявилъ, что будетъ дожидаться. Швейцаръ позвонилъ и вышедшій слуга провелъ молодого человѣка въ небольшую пріемную.

Не прошло и получаса, какъ Облэ услыхалъ стукъ подъѣзжающаго экипажа и скрипъ отворяемой рѣшетки воротъ. Матье возвратился мрачный, озабоченный. Въ этотъ вечеръ, при дворѣ, многіе отворачивались отъ него. Императоръ сдѣлалъ видъ, что не видитъ его. Немилость была явная. Истина, а по мнѣнію Матье клевета, прокладывала себѣ путь. Каждый разсказывалъ про него какую-нибудь мерзость; презрѣніе росло, какъ лавина; Матье чувствовалъ, что ему пришелъ конецъ. Онъ состарѣлся, онъ не нуженъ болѣе, и имъ жертвуютъ. Какимъ холодомъ повѣяло на него отъ этого ледянаго пріема! Матье уѣхалъ, не дождавшись конца вечера. Ни одна рука не протянулась къ нему; на него глядѣли и шептались. Тутъ онъ почувствовалъ, сколько винъ, почти преступленій, лежитъ у него на совѣсти, и ему стало страшно. Онъ не уѣхалъ, а бѣжалъ изъ Сен-Клу.

Дорогой, пока уносилъ его экипажъ, онъ размышлялъ, не пора-ли ему подать въ отставку и уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ чужіе края, пока о немъ не забудутъ.

Но что-же была за причина этой внезапной немилости? Что ее подготовило?—Семейство де-Мейранъ, которое нашло себѣ поддержку и добыло документы, окончательно компрометировавшіе стараго бездѣльника. Одинъ онъ не зналъ еще того, что было всѣмъ извѣстно. Никто не рѣшался повторить ему въ лицо взводимыхъ на него обвиненій. Но въ этотъ вечеръ, по сдѣланному ему пріему, онъ многое угадалъ, и возвращался мрачный и печальный.

Слуга помогъ ему подняться по лѣстницѣ и доложилъ, что его ждетъ какой-то человѣкъ, съ важнымъ письмомъ. Матье сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ и сказалъ, что онъ никого не приметъ. Но онъ тотчасъ перемѣнилъ намѣреніе.

— Спросите письмо, сказалъ онъ слугѣ.

Пока съ президента снимали верхнее платье, слуга возвратился съ письмомъ Орели въ рукѣ.

Матье де-Тальи пробѣжалъ его при свѣтѣ лампы, освѣщавшей сѣни. Съ первыхъ-же строкъ, лицо его просвѣтлѣло и онъ улыбнулся. «Кстати! подумалъ онъ, это разгонитъ мои черныя мысли».

— Жюстенъ обратился онъ къ слугѣ,— скажите, чтобы лошадей не отпрягали; мнѣ опять нужно выѣхать; а принесшаго письмо попросите подождать.

Матье вошелъ въ свою уборную, отдалъ себя на нѣсколько минутъ въ руки камердинера и потомъ опять сошелъ внизъ.

Облэ съ безпокойствомъ дожидался его въ сѣняхъ, боясь, что онъ узнаетъ въ немъ подсудимаго, котораго онъ когда-то осудилъ. Но Облэ, успокоился, слыша распоряженія, которыя президентъ отдавалъ своему слугѣ.

— Велите кучеру посадить этого человѣка съ собою на козлы. Онъ покажетъ ему, куда ѣхать.

Лакей спросилъ, дожидаться ли ему возвращенія г. президента, но тотъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не дожидайтесь. Заприте все, я возвращусь къ утру.

Говоря это, президентъ сходилъ съ подъѣзда, а Облэ уже сидѣлъ рядомъ съ кучеромъ.

— Далеко-ли? спросилъ его Матье.

— О, нѣтъ; на вашихъ лошадяхъ мы доѣдемъ въ десять минутъ.

— Прекрасно. А вы не дожидайтесь, возвращайтесь домой, сказалъ онъ кучеру, и сѣлъ въ карету.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки **Вл. Михневича.**

(*Продолженіе.*)

XIII.

(Балы XVIII столѣтія.—Вѣкъ «праздности и нѣги».—Танцовальное искуство въ системѣ воспитанія юношества.—Идеалы «петиметра» и «жеманихи»).

Огромная великолѣпная зала, среди зимы превращенная въ роскошный садъ. Померанцевыя и миртовыя деревья въ полномъ цвѣту, разставленныя шпалерами по обѣимъ сторонамъ залы, образуютъ тѣнистыя, благоуханныя алеи, подъ сѣнію которыхъ журчатъ фонтаны... Тысячи огней, стройные, мелодическіе звуки огромнаго оркестра; толпы «изящныхъ кавалеровъ и очаровательныхъ дамъ въ праздничныхъ нарядахъ»; аркадскіе пастушки и нимфы, то гуляющіе въ алеяхъ, то вьющіеся пестрой вереницей въ граціозномъ танцѣ. «Все это заставляло думать, что находишься въ странѣ фей» и въ восхищенномъ воображеніи вставали поэтическія картины изъ «Сна въ лѣтнюю ночь», Шекспира..

Въ такихъ краскахъ описываетъ придворный балъ при Аннѣ Іоанновнѣ наблюдательная иностранка, леди Рондо.

Перенесемся въ другое царствованіе, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя.

Лѣтній вечеръ высокоторжественнаго дня. Апартаменты дворца приняли праздничный видъ и наполнились многочисленными кавалерами и дамами, «блистающими уборами и драгоцѣнными каменьями». Изумительны красота и богатство апартаментовъ, по ихъ «затмило пріятное зрѣлище 400 дамъ, вообще очень красивыхъ и очень богато одѣтыхъ... Къ этому поводу восхищенія присоединился другой: внезапно произведенная одновременнымъ паденіемъ всѣхъ сторъ темнота смѣнилась въ тоже мгновеніе свѣтомъ 1,200 свѣчей, которыя со всѣхъ сторонъ отражались въ зеркалахъ»... Грянулъ оркестръ изъ 80 музыкантовъ, и—великій князь съ великой княгиней открыли балъ... Вдругъ все смолкло, послышался шумъ, «имѣвшій нѣчто величественное: дверь быстро отворилась настежъ и мы увидѣли блестящій тронъ», а на немъ императрицу. Сойдя съ трона, окруженная царедворцами, она вошла въ бальную залу при всеобщемъ почтительномъ молчаніи и неподвижности. Поговоривъ съ нѣкоторыми лицами, государыня дала знакъ къ продолженію танцевъ. «Зала была очень велика, танцовали заразъ по 20 менуэтовъ, что составляетъ довольно необыкновенное зрѣлище; контрадансовъ танцовали мало, кромѣ нѣсколькихъ англезовъ и полонезовъ. Балъ продолжался до 11 часовъ, когда гофмаршалъ пришелъ доложить ея величеству, что ужинъ готовъ. Всѣ перешли въ очень обширную, великолѣпно убранную залу, освѣщенную 900 свѣчами, въ которой красовался фигурный столъ на 400 кувертовъ. На хорахъ залы начался вокальный и инструментальный концертъ, продолжавшійся во все время банкета. Были кушанья всевозможныхъ націй».

Такъ описываетъ извѣстный Мессельеръ одинъ изъ пышныхъ баловъ Елизаветы Петровны.

Перевернемъ еще нѣсколько страницъ исторіи житья-бытья нашихъ предковъ минувшаго вѣка.

Вотъ мы въ таврическомъ дворцѣ на достопамятномъ, чисто вальтасаровскомъ пиршествѣ 28 апрѣля 1791 года, обошедшемся въ 500,000 рублей. Ничего подобнаго Петербургъ не видѣлъ ни прежде, ни послѣ. Цѣлыя тысячи рабочихъ втеченіи нѣсколькихъ недѣль были заняты убранствомъ дворца и сада, сооруженіемъ «храмовъ», павильоновъ, тріумфальныхъ воротъ, каскадовъ и всякихъ другихъ затѣй прихоти и вкуса. Для илюминаціи потребовалось 300 пуд. воску и 20,000 разнообразныхъ, причудливой формы, шкаликовъ и фонарей. Пруды покрылись раззолоченными гондолами; фонтаны били ароматической водой, напр., лавандовой; въ тѣни деревьевъ раздавалось пѣніе соловьевъ и другихъ пѣвчихъ птицъ; въ алеяхъ сада курились фиміамы; для развлеченія гостей были предложены театръ, балетъ, концерты—вокальный и инструментальный. Ужинъ, блюда и напитки котораго, «казалось, приготовлены были самою роскошью», поданъ былъ на драгоцѣнной золотой и серебряной посудѣ. Блестящее общество состояло изъ 3,000 гостей. При появленіи императрицы, ее встрѣтила стройная кадриль, составленная изъ 24 паръ. Въ ней участвовала знатнѣйшая молодежь—на подборъ красавицы и красавцы, въ бѣлыхъ атласныхъ костюмахъ, усѣянныхъ бриліантами, которыхъ въ итогѣ было на 10 миліоновъ рублей. Танцы аранжировалъ придворный балетмейстеръ Пикъ; танцовавшими предводительствовали великіе князья. Въ концѣ балета явился самъ Пикъ и отличился какимъ-то удивительнымъ соло. Въ заключеніе бала была спѣта оперными пѣвцами итальянская кантата, въ которой между прочимъ говорилось: «Царство здѣсь удовольствій—владычество щедротъ твоихъ; здѣсь вода, земля и воздухъ—дышетъ все твоей душой!» Въ этихъ виршахъ хозяинъ праздника, князь Потемкинъ, выражалъ своей высокой гостьѣ, императрицѣ Екатеринѣ II, одушевлявшія его вѣрноподданическія чувства.

Державинъ, восхищенный зрѣлищемъ этого роскошнаго пиршества и граціей украшавшихъ его свѣтскихъ дамъ, пѣлъ, обращаясь, къ Анакреону:

«О, пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда-бы лишь увидѣлъ
Столько нимфъ и столько милыхъ,
Безъ вина-бы и безъ хмѣлю
Ты во всѣхъ-бы въ нихъ влюбился»...

Изъ безчисленнаго множества, описанныхъ въ стихахъ и въ прозѣ, баловъ и пиршествъ прошлаго вѣка, поражавшихъ своей изумительной роскошью, блескомъ и расточительностью, мы остановились только на трехъ, выхваченныхъ изъ трехъ различныхъ эпохъ. Нашей цѣлью было — въ нѣсколькихъ характеристическихъ штрихахъ набросать общую картину этого рода общественнаго времяпрепровожденія нашихъ предковъ. Подробное и обстоятельное, годъ за годомъ, изображеніе того, какъ и въ какой обстановкѣ веселились и плясали русскіе, обезпеченные крѣпостнымъ трудомъ, эпикурейцы XVIII столѣтія—безъ надобности утомило-бы только читателей.

Въ сущности, все это столѣтіе, особенно начиная съ дней Анны Іоанновны, было у насъ, въ верхушкахъ общества, какой-то безконечной, нерѣдко доходившей до безумія, вакханаліей. Не безуміе-ли, съ нынѣшней точки зрѣнія, этотъ, напр., полумиліонный пиръ «великолѣпнаго» князя Таврическаго? Всѣ эти пышные Лукулы и Сарданапалы, большіе и маленькіе, все общество, по выраженію сатирика, «стремило мыслей бѣги» лишь

На то, чтобъ вѣкъ ихъ протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги...

Графъ Сегюръ, наблюдая жизнь русскихъ вельможъ второй половины прошлаго вѣка, говоритъ, что они «начали подражать патриціямъ Рима; въ то время въ Москвѣ можно было встрѣтить не одного Лукула». Пышность и сластолюбіе господствовали не въ однѣхъ столицахъ. Тотъ-же историкъ видѣлъ на балу въ Смоленскѣ «до 300 дамъ въ богатыхъ нарядахъ: онѣ показали намъ, говоритъ онъ, до какой степени внутри имперіи дошло подражаніе роскоши, модамъ и пріемамъ, которые встрѣчаются при блистательныхъ дворахъ европейскихъ».

Авторъ «Описанія обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ» (ч. III), говоря о нравахъ и «упражненіяхъ» россійскаго дворянства екатерининскихъ временъ, свидѣтельствуетъ, что «всякій праздникъ, каждый балъ вскружали головы щеголямъ и щеголихамъ петербургскимъ и московскимъ». А такъ какъ балы, маскарады и всякаго рода увеселенія были въ тѣ времена безпрерывны и составляли все содержаніе общественной жизни, то подобное головокруженіе было, можно сказать, нормальнымъ состояніемъ каждаго истиннаго «щеголя» и каждой свѣтской «щеголихи».

Поэтъ, воспѣвая молодость, находитъ, что она «даръ безцѣнный»; но что-же въ ней было дорого для него? Онъ вспоминаетъ счастливые дни:

«Скачу на балъ богатый, пышный,
Гдѣ нектаръ изъ сосудовъ бьетъ
И гдѣ умѣренность гость лишній,
Гдѣ роскошь царствуетъ, живетъ—
Тамъ съ нимфами въ кругу рѣзвяся,
Себя Парисомъ воображалъ» и т. д.

«Всѣ жившіе въ Петербургѣ, говоритъ Энгельгардтъ въ своихъ запискахъ, жили вольно и пріятно, безъ всякаго принужденія». При дворѣ бывали каждую недѣлю «куртаги», не считая большихъ баловъ и маскарадовъ въ праздничные и высокоторжественные дни. Вельможи держали открытые дома и, соперничая роскошью и блескомъ, наперерывъ другъ передъ другомъ давали пышные обѣды, балы и вечера. «Люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись, говоритъ Энгельгардтъ, избраніемъ, у кого обѣдать или съ пріятностью проводить вечеръ». За всѣмъ тѣмъ оставались еще клубы, «вольные дома», общественные маскарады въ театрахъ, гдѣ тоже можно было съ неменьшею «пріятностью» проводить время.

Очерчивая образъ жизни и «упражненія» знатныхъ россіянокъ, авторъ «Описанія народовъ» говоритъ, что главнѣйшей задачей ихъ существованія было—«ѣздить на всѣ собранія, на всѣ балы, въ спектакли, въ клубы, воксгалы, маскарады, на редуты», гдѣ онѣ «отличаются не благородною осанкою, не степеннымъ поведеніемъ, но стараются обладать такими только прелестями, кои меньше достопочтенны и болѣе желательны: станъ, образъ и вкусъ Грацін, небрежность, легкомысліе, рѣзвость Нимфы, искуство нравиться и вселять во всѣхъ мужчинъ желаніе себя любить»...

Пріобрѣтеніе этихъ «прелестей» и искуство ихъ высказывать составляли цѣль воспитанія свѣтской дѣвушки. Это достигалось обученіемъ танцамъ, музыкѣ, играмъ и салонному обхожденію, въ чемъ, въ сущности, и заключался весь кругъ образованія «петиметровъ» и «жеманихъ» XVIII столѣтія.

Особенное вниманіе обращалось на обученіе танцамъ. Бывали такіе чадолюбивые родители, что весь курсъ школьнаго образованія своихъ дѣтей ограничивали одними танцами. Въ 70-хъ годахъ нѣкто Элертъ содержалъ въ Смоленскѣ пансіонъ, въ которомъ обучалось мѣстное юношество разнымъ наукамъ. Кромѣ того онъ давалъ, такъ называвшіеся, «танцъ-бодены», на которые пріѣзжало много дѣвицъ, и между ними не мало взрослыхъ, учиться танцамъ. Элертъ бралъ за выучку съ каждой по 30 рублей и, повидимому, бралъ не даромъ. Училась у него нѣкая дѣвица Лебедева «очень непонятная; одинъ разъ Элертъ, по разсказу очевидца, отбилъ ей руки о спинку стула при многолюдномъ собраніи; но до совершеннаго обученія менуэта и контратанцовъ никто не бралъ своихъ дѣтей обратно».

Танцы считались основаніемъ «добраго воспитанія» даже въ сферѣ офиціальныхъ взглядовъ на учебное дѣло. «Доброй походкѣ и наружности ничѣмъ лучше выучиться не можно, какъ танцеваніемъ», писала сама Екатерина II въ «Инструкціи о воспитаніи великаго князя». И дѣйствительно, читая «Записки» Порошина, воспитателя великаго князя Павла Петровича, невольно удивляешься, какъ много отдавалось тогда времени и труда танцовальному искуству въ дѣлѣ воспитанія. Акуратно ведя журналъ занятій и времяпрепровожденія юнаго великаго князя, Порошинъ чуть не каждый день упоминаетъ о танцовальныхъ урокахъ, о подготовкѣ къ балетамъ и маскарадамъ, въ которыхъ его высочество принималъ личное участіе. Великаго князя обучалъ танцамъ придворный балетмейстеръ Гранже. Во время этихъ танцъ-класовъ, обыкновенно, «пріѣзжали къ его высочеству танцовать графъ А. С. Строгановъ, графиня Е. К. Сиверсша, маленькій С. А. Олсуфьевъ, маленькій-же князь Куракинъ и друг. Потомъ вмѣстѣ съ ними великій князь являлся на сценѣ Эрмитажа передъ придворной публикой въ балетѣ, или танцовалъ съ придворными дамами на балахъ и куртагахъ»...

Такое-же видное мѣсто отводилось танцамъ и въ системѣ общаго образованія. Такъ, екатерининское «Генеральное Учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества» требовало развитія и поддержанія въ дѣтяхъ постоянной веселости, посредствомъ разныхъ забавъ и игръ, и искорененія въ нихъ наклонности къ «скукѣ, задумчивости и прискорбію».

По этой причинѣ, при воспитаніи юношества «первое и главнѣйшее ученіе основывалось, говоритъ современный правоописатель,—на изученіи французскаго языка, при совершенномъ презрѣніи россійскаго» и такихъ предметовъ, какъ, напр., исторія, землеописаніе и проч. За то давалось «весьма тонкое познаніе въ танцованіи, въ декламаціи, въ музыкѣ, въ фехтованіи, въ верховой ѣздѣ, болѣе-же всего въ непринужденномъ, смѣломъ и легкомысленномъ искуствѣ впасть въ чужую рѣчь, и т. под.» «Что до меня, говоритъ въ одной сатирѣ знатный дворянинъ,—я въ книгу никогда не заглядываю и когда умѣю на лету стрѣлять птицъ, пѣть, танцовать, подписывать свое имя, я почитаю себя столь-же, какъ и покойный Цицеронъ, знающимъ».

Таковъ былъ идеалъ свѣтскаго человѣка, «петиметра». А вотъ идеалъ благородной дѣвицы, выступающей въ свѣтъ въ полномъ блескѣ «прелестей», достигнутыхъ образцовымъ воспитаніемъ. Уже въ отрочествѣ «наученная выраженію сильныхъ страстей, а наче страсти Федриной, она напрягаетъ нѣжный голосъ, вращаетъ глаза и порывистыми движеніями стана и рукъ ужасаетъ и удивляетъ зрителей». «Потомъ начинается танцованіе, музыка и пѣніе: сладострастное переплетаніе рукъ въ Аллеманѣ, непристойные прыжки Казачка, ужимки плечами и помана глазъ сластныхъ въ пляскѣ Русской пріобрѣтаютъ ей рукоплесканіе; но когда достигнетъ совершенства въ нѣжноприсядливомъ Менуэтѣ, или въ прискакиваніи, вертяся, минуэтъ а-ла-Рень, тогда тщаніе не жалѣющихъ ничего на воспитаніе родителей обращается къ пѣнію италіянскому» и т. д.

Отсюда понятно то тщеславіе, съ которымъ одна свѣтская женщина писала издателю «Живописца» (1773 г.): «Кто выгоняетъ изъ молодыхъ людей задумчивость?—Мы, женщины»... Даже позднѣе, уже во времена александровскія, по наблюденію г-жи Сталь, въ высшемъ петербургскомъ обществѣ «считалось неприличіемъ говорить о какомъ нибудь предметѣ умственныхъ занятій; всякій разговоръ о чемъ либо, кромѣ нарядовъ, танцевъ, jolie fournure, признавался педантствомъ»...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Школа французскихъ импресіонистовъ.

Диллетанта.

(*Продолженіе.*)

Наиболѣе оригинальнымъ, и, прибавлю, талантливымъ художникомъ школы импресіонистовъ является Клодъ Монэ. Можно сказать, что Монэ, по преимуществу, импресіонистъ, въ буквальномъ значеніи этого слова. Клодъ Монэ съ удивительнымъ искуствомъ и несомнѣннымъ талантомъ фиксируетъ быстро-преходящія впечатлѣнія, на которыя его предшественники не обращали вниманія, или-же считали невозможнымъ воспроизводить. Тысячи оттѣнковъ, принимаемыхъ морской волной, игра свѣта въ облакахъ и тучахъ, блестящій и какъ-бы трепещущій колоритъ цвѣтовъ, пестрые рефлексы зелени при лучахъ яркаго солнца,—все это передаетъ онъ съ несомнѣнной правдой. Обращая вниманіе не только на то, что въ природѣ есть постояннаго, неподвижнаго, но замѣчая по преимуществу эфекты мѣняющихся явленій атмосферы и воздуха, Монэ наполняетъ свой пейзажъ необыкновенно живымъ, интенсивнымъ чувствомъ. Его картины, дѣйствительно, даютъ впечатлѣнія, или скорѣе вызываютъ ихъ: его снѣгъ—холоденъ, его солнечные лучи—жарки.

Въ началѣ, когда особенности его таланта еще не опредѣлились, Клодъ Монэ, по преимуществу, писалъ фигуры. Его «Femme verte», купленная извѣстнымъ романистомъ Арсеномъ Уссэ, обратила на себя вниманіе на выставкѣ 1865 года и тогда уже всѣ пророчили ему блестящую художественную будущность, такую карьеру, которая потомъ досталась на долю Каролюса Дюрана. Монэ, однакожъ, оставилъ фигуры и всецѣло отдался изученію природы. Вотъ что Зола говоритъ, между прочимъ, объ этомъ художникѣ, котораго можно считать представителемъ импресіонистовъ: «Онъ рѣшился въ нынѣшнемъ году послать двѣ картины на выставку. Только одна изъ этихъ картинъ была принята, да и то съ трудомъ, благодаря чему ее повѣсили такъ высоко, что ее нельзя видѣть. Это—пейзажъ Лавакуръ. Сена съ островкомъ по серединѣ и бѣлымъ домикомъ селенія на правомъ берегу. Никто не поднимаетъ головы, картина остается незамѣченной. А между тѣмъ даромъ, что ее скверно поставили, все-же она какъ-бы вноситъ свѣтъ и воздухъ въ этотъ мрачный уголъ, тѣмъ болѣе, что случай послалъ Монэ въ сосѣдство темныя картины мрачной бездарности, среди которыхъ она сіяетъ, какъ восходящее солнце. Монэ тоже мастеръ. Онъ не такъ изященъ, какъ Маллнэ, онъ аляповато рисуетъ фигуры; но онъ несравненный пейзажистъ и тона его очаровательно правдивы. Всего лучше рисуетъ онъ морскіе виды, вода дремлетъ, колышется, журчитъ въ его картинахъ съ такой правдивостью въ оттѣнкахъ и такой прозрачностью, какихъ я нигдѣ не видалъ. Прибавьте, что онъ очень искустный техникъ своего дѣла и долженъ былъ-бы понравиться публикѣ, если-бы хотѣлъ. Поэтому, для всѣхъ насъ очень удивительно то, что этотъ даровитый живописецъ до сихъ поръ не пробилъ себѣ дороги, послѣ того какъ дебютировалъ на выставкѣ картинами, возбудившими всеобщее вниманіе, какъ, напр., «La femme à la robe verte», о которой еще до сихъ поръ толкуютъ. Я объяснилъ, что компанія, затѣянная Монэ вмѣстѣ съ импресіонистами, не была счастлива для него. Теперь для полноты обзора пришлось-бы сообщить нѣсколько личныхъ деталей объ этомъ художникѣ, но я на это не рѣшаюсь. Скажу только, что Монэ былъ слишкомъ плодовитъ. Много набросковъ вышло изъ его мастерской въ трудныя минуты жизни, а это никуда не годится для живописца, потому что пріучаетъ его къ небрежной работѣ. Когда легко удовлетворяешься, когда продаешь эскизы, неуспѣвшіе еще высохнуть, тогда теряешь охоту исподволь трудиться надъ картиной; а только одинъ трудъ можетъ создать солидныя произведенія. Монэ расплачивается теперь за свою торопливость, за необходимость скорѣйшаго сбыта картинъ».

⁂

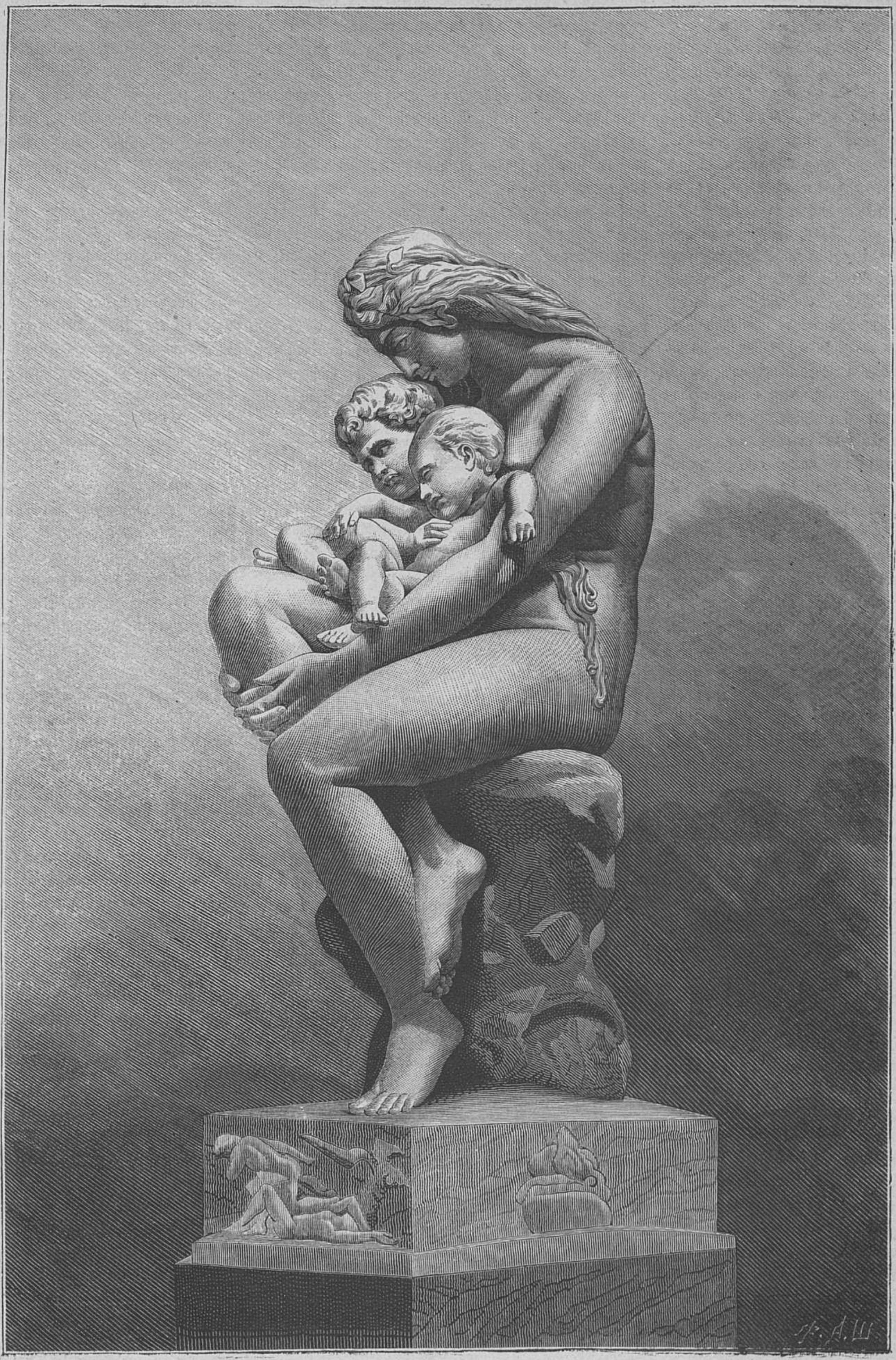
Нельзя, однакожъ, сказать, чтобъ одинъ Клодъ Монэ былъ болѣе или менѣе выдающеюся личностью,—une personnalité,—среди импресіонистовъ; эта молодая школа настолько уже окрѣпла, на столько сознала свои силы, что среди нея выдѣляются уже таланты, признанные и публикой и критиками, помимо всякихъ вопросовъ школьнаго характера.

Такою личностью, между прочимъ, является также и Сислей. Живопись Сислея даетъ впечатлѣніе природы веселой, улыбающейся. Онъ вовсе не меланхоликъ; напротивъ того, онъ весельчакъ, разсматривающій жизнь, какъ высшее благо; это чувство довольства онъ ищетъ въ природѣ и переноситъ его на свой холстъ. Конечно, онъ не такъ смѣлъ, какъ Монэ; въ его живописи менѣе неожиданностей, менѣе поразительныхъ и странныхъ эфектовъ; онъ не такъ претенціозенъ и гораздо проще. Но за то онъ почти всегда достигаетъ цѣли, что не всегда случается съ Монэ, который по временамъ старается уловить столь неуловимые эфекты природы, что, по большей части, изъ его стараній ничего не выходитъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Сислей сдѣлалъ-бы себѣ уже давно значительную репутацію, если-бы, не мудрствуя лукаво, просто подражалъ своимъ признаннымъ публикой предшественникамъ, въ родѣ, напр., Коро; но бѣда въ томъ, что онъ слишкомъ самостоятеленъ, а слишкомъ рѣзкая самостоятельность, какъ извѣстно, шокируетъ. Импресіонизмъ Сислея главнымъ образомъ заключается въ его своеобразномъ колоритѣ. Обратите вниманіе, напр., на его извѣстный пейзажъ «Vue de Noisy le Grand». О ужасъ! Въ его пейзажѣ вы какъ разъ встрѣтите этотъ лиловый тонъ, который такъ возмущаетъ публику и критику. Небо покрыто тучами и выдѣляетъ изъ себя тотъ, такъ сказать, разсѣянный свѣтъ, который окраши-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

СКУЛЬПТУРА А. ДЕБЭ.



Каинъ и Авель.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

ваетъ предметы въ общій сѣро-лиловатый тонъ. Тона чрезвычайно прозрачны и необыкновенно легки. Картина, очевидно, цѣликомъ списана съ природы и эфектъ, производимый ею, дѣйствительно правдивъ. Но несомнѣнно также, что художникъ рѣзко удаляется отъ традицій пріемовъ своихъ предшественниковъ. Если-бы онъ, напр., придалъ старымъ домикамъ деревни сѣро-грязный тонъ, если-бы онъ изобразилъ тѣни черными и непрозрачными для рѣзкаго колорита съ свѣтлыми пятнами, тогда онъ находился-бы въ школьныхъ традиціяхъ, съ которыми уже свыклась публика. Но онъ не захотѣлъ идти по торной дорожкѣ рутины въ колоритѣ, онъ попробовалъ открыть свой путь. Можетъ быть, многое онъ преувеличилъ, многое исказилъ, но при всемъ томъ его заслуга несомнѣнна.

Писсаро менѣе другихъ импресіонистъ въ строгомъ значеніи этого слова; онъ скорѣе реалистъ,—реалистъ, подобно Золя, преувеличивающій свой реализмъ, вслѣдствіе чего этотъ реализмъ дѣлается нѣсколько условнымъ и фальшивымъ. И въ самомъ дѣлѣ есть реализмъ, который такъ же далекъ отъ дѣйствительности, какъ и идеализмъ. Здѣсь я говорю не о самой школѣ реалистовъ, а о тѣхъ эксцесахъ, которыя по временамъ проявляются даже въ лучшихъ представителяхъ этой школы. Изображать человѣка, напр., не во всей сложности его психическихъ особенностей, а со стороны лишь его физическаго темперамента, какъ это дѣлаетъ въ своихъ романахъ Золя, значитъ, просто съуживать область искуства и ограничивать эту область лишь низменными инстинктами; эти инстинкты, несомнѣнно, принадлежатъ человѣческой природѣ и избѣгать изображенія ихъ въ художественномъ произведеніи, подобно тому, какъ это дѣлаютъ идеалисты, значитъ, изображать человѣка односторонне, т. е. условно и фальшиво. Къ сожалѣнію, Писсаро дѣлаетъ въ живописи тоже самое, что дѣлаетъ Золя въ романѣ; его реализмъ выражается именно въ томъ, что онъ изображаетъ въ природѣ лишь тѣ стороны, которыя менѣе всего привлекательны; а такъ какъ онъ изображаетъ только эти стороны (хотя замѣчательно правдиво), намѣренно забывая о другихъ, то и впечатлѣніе получается условное и фальшивое.

Тѣмъ не менѣе, Писсаро имѣетъ свои достоинства; онъ по преимуществу изображаетъ дикую природу и изображаетъ ее смѣло рѣзкими тонами и широкими штрихами. Его картины даютъ яркое впечатлѣніе пространства и уединенія...

⁂

Огюстъ Ренуаръ — по преимуществу художникъ фигуръ; пейзажъ въ его произведеніяхъ играетъ лишь аксесуарную роль. Нѣкоторыя его картины—значительныхъ размѣровъ—доказываютъ, что онъ способенъ справиться даже со сложной композиціей. Нѣкоторыя его картины оцѣнены по достоинству, напр., его «Lise», бывшая на выставкѣ 1868 года, затѣмъ его «Bal à Montmarre» и въ особенности его «Amazone galoppant dans un parc». По большей части въ его картинахъ фигуры натуральной величины, поясныя; онѣ или читаютъ или разговариваютъ между собой, или сидятъ въ ложѣ театра. Однимъ словомъ, это нѣчто въ родѣ жанра, принявшаго широкіе размѣры. Его импресіонизмъ заключается по преимуществу въ томъ, что онъ не сосредоточиваетъ главнаго интереса на человѣческой фигурѣ, не дѣлаетъ эту фигуру центромъ картины, а старается найдти общую гармонію тоновъ и линій.

Туже самую особенность, принадлежащую уже не просто техническимъ пріемамъ въ живописи, а особому направленію искуства, замѣчаемъ мы въ другомъ французскомъ художникѣ, котораго также можно причислить къ импресіонистамъ, въ Бастіенъ-Лепажѣ. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи его картина: «Saison d'automne». Сюжетъ картины очень простъ: нѣсколько крестьянокъ собираютъ съ поля картофель. Интересъ, однакожъ, заключается не въ сюжетѣ, тѣмъ болѣе, что Бастіенъ-Лепажъ не первый пейзажистъ, старавшійся передать этотъ сюжетъ въ большихъ размѣрахъ; Жюль Бретонъ, раньше Лепажа, выполнилъ его съ большимъ успѣхомъ. Весь интересъ картины Бастіенъ-Лепажа заключается, такъ сказать, въ общемъ характерѣ. Простота и ясность общаго вида, гармонія частностей, необыкновенная нѣжность въ передачѣ едва уловимыхъ оттѣнковъ, единство въ эфектахъ свѣта и колорита, безъ всякаго искуственнаго и условнаго освѣщенія, словомъ, живое, непосредственное впечатлѣніе, производимое внѣшнимъ характеромъ природы,—вотъ объ чемъ онъ прежде всего заботится и что передаетъ съ рѣдкимъ талантомъ. Его крестьянки, такъ сказать, купаются въ воздухѣ и не выдѣляются рѣзко изъ общей среды, а составляютъ только часть ея; онѣ дополняютъ гармонію внѣшней природы и интересуютъ только по стольку, по скольку онѣ часть этой природы. Это, если можно такъ выразиться, физическій пантеизмъ, но пантеизмъ, котораго значеніе невозможно отрицать.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Стефенъ Митчель.

Повѣсть изъ флоридской жизни **М-съ Робинзъ.**

Переводъ **А. А. Разсказовой.**

(*Продолженіе.*)

Глава VII.

Парсети, молодой испанецъ, съ которымъ мы ѣхали кататься, былъ прекраснымъ образцомъ той англо-испанской расы, которую мы часто встрѣчаемъ здѣсь. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлые панталоны съ голубой фланелевой жакеткой, вышитой на груди и на плечахъ; ярко-красный шелковый галстукъ, завязанный настоящимъ морскимъ узломъ, спускался изъ-подъ широкаго морского воротника, маленькая соломенная, искусно-сплетенная шляпа крѣпко сидѣла на густыхъ черныхъ курчавыхъ волосахъ, изъ-подъ ея узкихъ полей привѣтливо глядѣли два черные блестящіе глаза, а медленно обращающаяся кровь слегка окрашивала оливковую кожу. Парсети былъ очень привязанъ къ моему мужу и они часто отправлялись вмѣстѣ въ дальнія поѣздки и на успѣшныя рыбныя ловли.

— Катанье подъ парусами будетъ отличное, Парсети, сказала я, спускаясь по ступенькамъ пристани къ лодкѣ.

— Мы полетимъ какъ стрѣла, отвѣчалъ онъ. —Я почти ожидалъ, что вы приведете съ собой больного. Качки сильной не будетъ, а воздухъ такъ живителенъ, такъ мягокъ, что почти всѣ больные въ Сент-Огюстенѣ выѣхали на прогулку. Я могъ-бы каждые полчаса отдавать свою лодку съ тѣхъ поръ, какъ м-ръ Станлей нанялъ ее.

— Не сходить-ли за нимъ теперь? сказала я нерѣшительно.

— Пустяки! отвѣчалъ мужъ, усаживая меня очень рѣшительно въ лодку.—Приливъ и вѣтеръ не будутъ ждать, а намъ пора выходить.

Что это была за прогулка! Флоридскій закатъ солнца освѣщалъ воду своими блестящими красками пунцеваго съ золотомъ, обращая слегка вздымавшіяся волны въ массы опала, ежеминутно уступавшія свое мѣсто глубокимъ колодцамъ разнообразныхъ оттѣнковъ, откуда выскакивали рыбы, а оторванные кусочки водорослей казались пунцевыми, розовыми или бѣлыми коралами, смотря потому какой свѣтъ падалъ на нихъ; лодки были разсыпаны въ различныхъ направленіяхъ; и все это озарялось волшебнымъ закатомъ, разливающимъ свои таинственные лучи.

— Какая прекрасная ночь! повторяла я, пока мужъ не засмѣялся, а Парсети въ отвѣтъ кивнулъ своей курчавой головой. Мы прошли мимо древняго форта, который казался еще сѣрѣе, ниже и живописнѣе со старымъ вождемъ индѣйцевъ, который по обыкновенію, какъ и каждый вечеръ, стоялъ на высшемъ пунктѣ западной башни и съ трогательной грустью смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ была его родина, которую онъ болѣе уже никогда не увидитъ.

— Онъ похожъ на бронзовую статую, сказалъ Парсети, указывая на него.

Сравненіе было удачно. Индѣйскій начальникъ дѣйствительно казался изваяннымъ художникомъ.

— Онъ поставленъ здѣсь рукой артиста, сказалъ мой мужъ, прерывая мои размышленія.

Поѣздка по Флоридскому морю во многихъ отношеніяхъ разнится отъ плаванія по другимъ морямъ, особенно-же плаваніе въ чертѣ сент-огюстенскаго порта. Низменныя пространства земли окружаютъ его почти со всѣхъ сторонъ и только въ одномъ мѣстѣ полоса бѣлой пѣны указываетъ на препятствіе, едва видимое глазомъ, плаваніе около котораго считается моряками самымъ затруднительнымъ на всемъ прибрежьи Атлантическаго океана, что дѣлаетъ эту гавань, которая могла-бы стать значительнымъ торговымъ портомъ, совсѣмъ безполезной. Сегодня, съ свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ, мы отправились вокругъ этого препятствія къ сѣверному берегу, рѣдко посѣщаемому и изобильно покрытому самыми разнообразными раковинами. Парсети одинъ никогда не ѣздилъ туда. Короткія частыя волны были не безопасны для его лодки. Мы-же нерѣдко отправлялись туда, хотя Идалія,—имя данное лодкѣ въ честь черноокой дѣвушки, которую мы однажды видѣли сидящей на кормѣ,—прыгала и подскакивала какъ молодое животное, выпущенное на волю. Въ этихъ случаяхъ я вела себя мужественно, не блѣднѣла, не вскрикивала, и тѣмъ заслужила расположеніе молодого моряка.

— Нѣтъ другой леди въ Сент-Огюстенѣ, сказалъ онъ,—которую-бы я рѣшился повезти сюда при подобномъ волненіи.

— Развѣ есть опасность, спросилъ мой мужъ.

— Надѣюсь что нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкой;—лучше объ этомъ не думать пока мы не будемъ благополучно дома. Всего болѣе пугаетъ пасажировъ разговоръ о самомъ плаваніи. Девять изъ десяти навѣрное спросятъ меня, хорошо-ли я плаваю и снабжена-ли лодка спасительными поясами; если-же нѣтъ, то они наймутъ другую. Я увѣренъ, что раззорился-бы въ одинъ сезонъ, если-бы мнѣ пришлось ѣздить только съ ними. Я вовсе не желаю рисковать своей лодкой—это лучшее ручательство; а такъ какъ я плаваю въ этихъ водахъ съ тѣхъ поръ какъ научился ходить, то могъ узнать ихъ хорошо. Славная волна... что, васъ обдало?

— Не важность, сказала я, стряхивая воду съ платья.—Не за этимъ-ли мы ѣдемъ въ море. Вотъ и другая! Отлично, ни капли воды въ лодкѣ на этотъ разъ.

И такъ мы плыли, возбуждаемые борьбой съ волнами и еще болѣе красотой сумерекъ, смѣнившихъ солнечный закатъ и накинувшихъ сѣрую мантію на воды.

Сѣверный берегъ, на который мы высадились, представляетъ унылую картину заброшенности и пустоты. Куда-бы глазъ ни обращался, вездѣ бѣлый песокъ и широкій плоскій берегъ.

— Совсѣмъ другое небо и другая земля, сказала я съ невольной дрожью, выходя на берегъ.—Настоящая земля канибаловъ.

— Здѣсь всегда пустынно, отвѣчалъ Парсети.—Прислушайтесь къ шуму волнъ, онѣ какъ будто поютъ похоронную пѣснь.

— И не удивительно, замѣтила я,—здѣсь настоящее кладбище, усѣянное плоскими, опустившимися могилами.

— Пустяки! посмотри на эти раковины, Кэтъ, говорилъ весело мой мужъ.—Ну-же торопись, за дѣло, ты вѣрно захочешь собрать ихъ нѣсколько десятковъ, а на возвратномъ пути домой намъ будетъ дуть встрѣчный вѣтеръ; слышишь вѣтеръ крѣпчаетъ.

Полчаса я прилежно занималась собираніемъ раковинъ; затѣмъ Парсети, тревожно посматривая на небо, сказалъ:

— Эти облака предвѣщаютъ штормъ. М-съ Станлей, пора отправляться.

Глава VIII.

Когда мы вернулись домой, было совсѣмъ темно, той особой темнотой, которая всегда бываетъ подъ густолиственными раскидистыми дубами. На порогѣ дома насъ ожидала старая Хлоя, посматривая тревожно на улицу.

— Хвала Богу, сказала она набожно, услышавъ скрипъ отворявшейся калитки;—вѣтеръ восточный, а съ нимъ всегда надо ждать бѣды. Я рада, что вы благополучно вернулись домой.

— Но съ нами былъ Парсети, Хлоя, отвѣчала я.

— Съ вами былъ Богъ, поправила она меня съ упрекомъ.—Парсети хорошъ, но Онъ держитъ воды въ своей десницѣ, въ немъ безопасность.

— Такъ Хлоя, сказала я.—Я хотѣла только сказать, что Парсети знаетъ свою лодку и мы весело плыли домой. И конечно пріѣхали-бы гораздо раньше, еслибъ не пришлось лавировать всю дорогу.

Въ гостиной, освѣщенной лампой, насъ ждалъ яркій огонь, придававшій комнатѣ особую прелесть. Этотъ дровяной огонь такая роскошь для насъ, сѣверянъ, что мы часто разводили его въ то время, когда жители Флориды, сидѣли съ раскрытыми дверями и окнами. Понятно, у насъ тоже отворялись двери и окна, но огонь разводился. Когда мы наконецъ усѣлись, мужъ досталъ изъ кармана письмо и, подавая его мнѣ, сказалъ:

— Я не отдалъ тебѣ раньше, чтобы ты могла хорошенько насладиться прогулкой.

— Письмо! О, Виль, зачѣмъ ты это сдѣлалъ! Письмо отъ м-ра Бонда; наконецъ-то!

— Ну, хорошо, не волнуйся и прочтай письмо въ слухъ.

Я и не думала исполнять его просьбы, пока не прочитала про себя письма до послѣдняго слова. Потомъ я прочла въ слухъ слѣдующее:

«Дорогая м-съ Станлей! Письмо ваше не удивляетъ меня. Всякій кто только познакомится съ Стефеномъ Митчелемъ не можетъ не полюбить его. Не смотря на все, я продолжаю любить его...

— Не смотря на все, вставилъ мой супругъ значительно.

— Не смотря на все, повторила я рѣшительнымъ тономъ и продолжала читать:

«...точно родного сына и я искренно, глубоко огорченъ его критическимъ положеніемъ. Я увѣренъ, что открытіе преступленія ускорило то, что, безъ сомнѣнія, было неизбѣжно...

— Открытіе преступленія, повторилъ опять мой мужъ.

— Преступленія, а не его преступленія, отвѣчала я тѣмъ-же тономъ.

«...Душевно желалъ-бы я послать вамъ какія-нибудь свѣденія, которыя могли-бы послужить вашему мужу ключемъ къ доказательству его невинности...

— Но, Кэтъ, я говорилъ тебѣ, прервалъ меня несносный человѣкъ,—что я не желаю имѣть ничего общаго съ этимъ дѣломъ.

«...Мнѣ хорошо извѣстны, продолжала я читать, возвышая голосъ на тонъ или на два,— замѣчательныя способности и высокая честность вашего мужа; онъ занимаетъ видное мѣсто между молодыми адвокатами по уголовнымъ дѣламъ въ Масачусетсѣ. Но я сомнѣваюсь, чтобы даже и онъ могъ помочь тутъ чѣмъ-нибудь; при судебномъ разбирательствѣ осужденіе Митчеля несомнѣнно. Стива рано остался круглымъ сиротой и былъ принятъ на воспитаніе незамужней теткой, считавшей его всегда лишней обузой; тяжелая жизнь лишеній, даже нужды, которую онъ долженъ былъ вести, пока не научился содержать себя самъ своимъ трудомъ; затѣмъ его быстрое возвышеніе по службѣ; его увлекательное обращеніе со всѣми, дѣлавшее изъ него всеобщаго любимца, постоянные набѣги на его кошелекъ веселыхъ товарищей, между которыми онъ жилъ; и наконецъ помолвка съ моей племянницей, обстановка и образъ жизни которой требовали средствъ, далеко превосходящихъ жалованье Стивы, какъ бухгалтера. Въ виду всего этого и зная, что его способности далеко не изъ обыкновенныхъ, я рѣшился упрочить его будущее, давъ ему часть въ своемъ дѣлѣ...

— О Боже мой, Боже мой, сказала я, останавливаясь,—желала-бы я знать, подозрѣвалъ-ли это Джонъ Каульзъ, когда бралъ деньги.

Ни слова въ отвѣтъ отъ мужа.

«...Еслибъ онъ подождалъ только нѣсколько недѣль, продолжала я чтеніе,—или сдѣлалъ-бы это раньше, ничего подобнаго не случилось-бы; но его домашняя обстановка была такъ уныла, а Руфь такъ очаровательна и ждала только одного слова, чтобы сдѣлать его счастливымъ. Я долженъ сказать, что впродолженіи семи лѣтъ, проведенныхъ имъ у меня на службѣ, я не могъ атестовать его иначе, какъ человѣкомъ безупречной честности. Я безусловно довѣрялъ ему. Признаюсь, паденіе его для меня совершенно необъяснимо. Любя его, я не заявлялъ о своей потерѣ; въ дѣйствительности денежная потеря для меня ничтожна сравнительно съ другой потерей: съ горькимъ разочарованіемъ и печальной необходимостью обвинить Стиву... Вы просите у меня фактовъ; единственный, который м-ръ Станлей сочтетъ вѣроятно наиболѣе благопріятнымъ — это лестный отзывъ, который я, какъ хозяинъ, съ удовольствіемъ даю объ характерѣ Митчеля. Другой-же,—я упоминаю о немъ между прочимъ,—на которомъ я не могъ не останавливаться съ нѣкоторою надеждою— тотъ, что цифры прихода въ книгахъ были измѣнены. Это сдѣлано было не совсѣмъ искусно, что я открылъ при первомъ взглядѣ на нихъ, провѣряя счеты. Если-бы Стива готовился сдѣлать это безчестное дѣло, для чего-бы ему вносить эти деньги на приходъ?.. Моя племянница настаиваетъ, что деньги взяты Джономъ Каульзомъ, моимъ кассиромъ, что совершенно нелѣпо. Джонъ находится у меня на службѣ съ десятилѣтняго возраста. Это тихій, угрюмый, молчаливый, сердитый, непопулярный человѣкъ, всѣ мысли и желанія котораго направлены только на успѣхъ моего дѣла. Онъ равнодушенъ ко всему остальному и такъ умѣренъ въ своихъ привычкахъ, что ежегодно откладываетъ деньги. Все его честолюбіе заключается въ томъ, чтобы удержать за собой настоящее мѣсто. У него нѣтъ друзей, нѣтъ товарищей. Однимъ словомъ, нѣтъ поводовъ, нѣтъ цѣли къ воровству. А такъ какъ вопросъ, кто совершилъ преступленіе, колеблется между этими двумя, ибо никто другой не имѣлъ доступа къ книгамъ и кассѣ, м-ръ Станлей пойметъ, почему мои подозрѣнія направились въ ту сторону. Если-бы Стива только сознался въ своей слабости и возвратилъ деньги, я съ радостію принялъ-бы его назадъ; это должно послужить ему тяжелымъ урокомъ».

— Полагаю что такъ, изъ-за этого онъ умираетъ, сказала я.—Если бы я была адвокатомъ, дѣло приняло бы другое направленіе.

— Я предлагалъ тебѣ поступить компаньономъ въ нашу фирму, отвѣчалъ мужъ съ улыбкой,—если ты успѣешь доказать невинность своего пріятеля. Что письмо кончено?

— Да, то, что имѣетъ важность. Онъ спрашиваетъ меня дальше, не нуждается-ли въ чемъ Стива, есть-ли у него все необходимое, онъ съ радостью готовъ прислать мнѣ для него денегъ. Не ясно-ли, что и м-ръ Бондъ сомнѣвается въ виновности Стивы, иначе, гдѣ-же тѣ несчастные пять тысячъ доларовъ, за которые онъ умираетъ.

— Еслибы ты такъ же долго была адвокатомъ, какъ я, ты бы знала, что дѣлать вопросы не сравненно легче, чѣмъ отвѣчать на нихъ, сказалъ мой мужъ, придвигая къ себѣ бумагу и перо и черезъ нѣсколько минутъ подалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Дорогой м-ръ Бондъ! М-съ Станлей сильно заинтересована дѣломъ м-ра Митчеля, я тоже долженъ сознаться, что ваше письмо пробудило во мнѣ адвокатскіе инстинкты. Будьте добры наблюдайте внимательно за Джономъ Каульзомъ впродолженіи двухъ недѣль, и извѣстите меня о результатѣ. Искренно преданный Вильямъ Станлей».

— О благодарю тебя, Виль! сказала я, прочитавъ его письмо. — Теперь все пойдетъ хорошо.

При этомъ безсознательномъ комплиментѣ жены, онъ угрюмо улыбнулся, коротко замѣтивъ:

— Теперь уже болѣе двѣнадцати, не довольно-ли на сегодня.

— Да, пора спать, сказала я.

— Надѣюсь, ты на столько разсудительна, сказалъ мнѣ м-ръ Станлей на слѣдующее утро, когда я надѣвала шляпу, чтобы идти къ Стивѣ,— что не скажешь ему ни слова о вчерашнемъ письмѣ.

— Понятно, отвѣчала я не твердо, такъ какъ въ дѣйствительности я все утро размышляла, показать-ли Стивѣ письмо и переговорить о всемъ дѣлѣ, или умолчать.

— Грустно было бы возбудить надежды, которыя могутъ никогда не оправдаться; я могу теперь сказать только, что дѣло не такъ плохо, какъ мнѣ показалось съ перваго взгляда. Этого немного.

— Только этого мнѣ отъ тебя и было нужно, отвѣчала я весело. — Я видѣла, какъ ты выходилъ побѣдителемъ тамъ, гдѣ не оставалось ни луча надежды.

— Здѣсь тоже не больше. Но въ тебѣ такъ много вѣры и надежды, Кэтъ, что я не желалъ-бы сразу разочаровать тебя.

— И не пробуй, отвѣчала я, выходя съ дерзкимъ смѣхомъ.

Я нашла Стиву гуляющимъ на солнечной сторонѣ дорожки.

— Мнѣ сегодня гораздо лучше, я чувствую себя такимъ веселымъ, спокойнымъ, привѣтствовалъ онъ меня.

— Пойдемте, сказала я, просовывая его холодную, бѣлую руку въ свою, — съ моря дуетъ теперь свѣжій вѣтерокъ, въ каждомъ дуновеніи котораго жизнь и здоровье. Обопритесь на меня, не стѣсняясь; всякій подумаетъ, что это мать съ больнымъ сыномъ; въ городѣ ихъ такъ много.

Онъ только засмѣялся, но на видъ ему казалось несравненно лучше, чѣмъ я когда либо видала прежде; мы медленно направились къ городской стѣнкѣ, спустились около нея на берегъ, чтобы и солнце и море могли приносить ему одинаковую пользу.

Мальчики негры съ инстинктивной симпатіей, столь быстро возникающей въ этой расѣ, собрались надъ нами на верху стѣнки, болтая, какъ обезьяны, принимая разнообразныя позы, столь естественныя въ нихъ, или раскалывая устричныя раковины, подбирая этихъ двустворчатыхъ тутъ-же у себя подъ ногами; они смотрѣли ласково на насъ своими большими черными глазенками, какъ бы дожидаясь только позволенія раздѣлить съ нами свою радость.

— Маленькія обезьяны! сказалъ Стива, бросая имъ нѣсколько пенсовъ и наблюдая за послѣдовавшей затѣмъ свалкой, съ интересомъ по истинѣ изумительнымъ въ такомъ больномъ человѣкѣ.

— Они намъ больше не дадутъ покоя, сказала я.—Хотите остаться здѣсь или идти далѣе. Желала бы я знать, гдѣ Парсетти со своей лодкой. Вы могли бы полежать въ его лодкѣ; я желала-бы какъ можно долѣе держать васъ на этомъ воздухѣ.

— Мнѣ кажется я съ удовольствіемъ провелъ бы ночь на водѣ.. Но намъ не везетъ, Парсетти куда-то уѣхалъ.

Стива былъ разочарованъ и тотчасъ-же опустился.

— Пойдемте домой, становится холодно, сказалъ онъ. Холоду не чувствовалось пока онъ былъ веселъ. И такъ я была права, считая его болѣзнь чисто нервной. Теперь онъ будетъ распрашивать меня о м-рѣ Бондѣ, и я должна буду разсказать ему, можетъ быть, показать письмо; пожалуй это лучше, чѣмъ возбудить въ немъ подозрѣнія, что въ письмѣ кроется что-нибудь худшее, чѣмъ въ дѣйствительности. Такъ и случилось; какъ только мы повернули въ глухую уединенную улицу по направленію къ дому и остались совершенно одни, онъ спросилъ:

— Еще нѣтъ писемъ отъ м-ра Бонда?

— Есть; но я не хотѣла показывать вамъ пока не получится что-нибудь опредѣленное. Мнѣ очень жаль, что вы спросили объ этомъ. Можете-ли вы положиться на меня и не стараться узнать болѣе.

Смертная блѣдность разлилась по его лицу; я сразу увидѣла свою ошибку и поспѣшно прибавила:

— Я покажу письмо, если вы непремѣнно хотите; въ немъ нѣтъ ничего особеннаго; м-ръ Бондъ повторяетъ всю исторію, высказываетъ свою привязанность и прежнюю безграничную довѣренность къ вамъ... Вы только не приписывайте, больше значенія чѣмъ это можетъ имѣть въ дѣйствительности,—я такъ боюсь разочаровывать васъ впослѣдствіи, — онъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя остановили вниманіе м-ра Стаплея, и онъ немедленно написалъ, прося продолженіи двухъ недѣль наблюдать внимательно за Джономъ Каульзомъ и сообщить ему результаты наблюденій.

Это было сказано тономъ торжества, но онъ только уныло спросилъ:

— Могу я узнать какія это обстоятельства?

Я коротко разсказала ему.

— Я самъ могъ указать на нихъ; но знаете-ли, я предпочелъ принять на себя всѣ послѣдствія преступленія, чѣмъ хотя на минуту стать въ положеніе виновнаго, старающагося оправдаться и указывать на другого виновнаго.

— Это было очень великодушно, но въ высшей степени глупо и несправедливо къ самому себѣ, сказала я съ замѣшательствомъ; — вамъ слѣдовало бы прослѣдить настоящаго виновника, а не удаляться съ опущенной головой. Вы показали только недостатокъ мужества, что меня очень удивляетъ.

— Можетъ быть, вы правы, сказалъ онъ.— Но мнѣ казалось, что ударъ поразилъ меня въ самое сердце. Пойдемте скорѣе, я очень усталъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Внутреннее обозрѣніе.

Недѣли двѣ назадъ Кіевъ раздавалъ награды экспонентамъ, участвовавшимъ въ кіевской промышленной выставкѣ. Вотъ главнѣйшіе изъ наградъ: двѣ золотыя медали получилъ графъ Браницкій, одну за полеводство, другую за техническое производство, золотую-же медаль получило кіевское товарищество пивовареннаго завода. Затѣмъ были выданы серебряныя и бронзовыя медали: графу Браницкому за скотъ, гг. Каменскому и Ошмянецъ за земледѣльческія орудія, г. Миллеру за ткацкія издѣлія, г. Стробелю за фортепіано, г. Родичеку за часы, г. Кобцу за кожи, г. Мордасевичу за чугунно-литейныя и механическія издѣлія, г. Валькеру за лампы, г. Вессеру за садоводство, г. Островскому за издѣлія изъ камня, гг. Раевскому и Волейко за медъ и пчеловодство, г. Дронянкову за восковыя издѣлія, г. Аристархову за колбасы, четыремъ экспонентамъ за конфекты, двумъ экспонентамъ за теракотовыя издѣлія, а г-жѣ Куликовской почетный отзывъ за скульптурныя издѣлія.

Судя по этимъ наградамъ, приходится думать, что Кіевъ столица Аркадіи и служитъ центромъ мѣстности, настолько довольной и обезпеченной, что ея счастливые жители посвящаютъ свои досуги высшимъ наслажденіямъ и покровительствуютъ художествамъ, искуствамъ и т. д. Право, счастливый край!

Но вотъ съ противоположнаго конца той-же русской страны мѣстный хроникеръ сообщаетъ слѣдующій фактъ. На этотъ разъ дѣло идетъ уже о дѣйствительной столицѣ, о Петербургѣ, и о происшествіи на Большой Дворянской улицѣ на Петербургской сторонѣ. Нѣсколько рабочихъ зашли въ мелочную лавку купить ржаного хлѣба. Услышавъ отъ лавочника, что онъ желаетъ получить за фунтъ 6 копѣекъ, рабочіе резонно замѣтили, что эта цѣна несообразная, что такой цѣны еще нигдѣ не было и нѣтъ, и попросили сбавки. Лавочникъ не только не сдѣлалъ сбавки, а сказалъ рабочимъ, что на завтра за тотъ-же самый хлѣбъ они заплатятъ гораздо дороже и попросилъ ихъ уйдти. Рабочіе не только не ушли, но настойчиво требовали сбавки. Чтобы отдѣлаться отъ такихъ настойчивыхъ покупателей лавочникъ вышелъ изъ-за прилавка и объявилъ рабочимъ, что онъ закрываетъ лавку и не будетъ торговать до тѣхъ поръ, пока цѣны на хлѣбъ не повысятся еще болѣе. Выслушавъ эти резоны, рабочіе распорядились такъ. Они вытолкали лавочника изъ лавки, отрѣзали хлѣба сколько имъ было нужно, свѣсили его и оставили на прилавкѣ деньги по расчету той цѣны, какую предлагали. Вытолканный лавочникъ пригласилъ полицію, произошла уличная сцена, потерпѣвшимъ оказался околоточный, а рабочіе ушли на Выборгскую сторону. По Петербургу ходятъ смутные слухи и о другихъ происшествіяхъ подобнаго-же рода.

Петербургская дороговизна составляетъ злобу дня уже настолько, что сдѣлалась предметомъ обсужденія представителей городского хозяйства и даже мѣстной власти. Въ разныхъ частяхъ города и даже въ разныхъ улицахъ стоятъ разныя цѣны на хлѣбъ и, какъ говорятъ, онъ продается дороже именно тамъ, гдѣ населеніе скученнѣе и гдѣ живутъ по преимуществу рабочіе. Рабочіе, народъ, всегда будутъ служить главнымъ основаніемъ для расчетовъ и соображеній нетолько спекуляціи, но даже и финансистовъ, на основаніи извѣстнаго закона, выражающагося формулой: «съ міра по ниткѣ, бѣдному рубашка». На этомъ законѣ, напримѣръ, основаны всѣ расчеты таможеннаго тарифа, который предметы общаго потребленія облагаетъ всегда большею пошлиной, чѣмъ дорогіе предметы, служащіе для надобности людей болѣе обезпеченныхъ. Этотъ злополучный законъ—мы называемъ его закономъ только въ смыслѣ того, что онъ есть неизбѣжное слѣдствіе господствующихъ воззрѣній и потому неустранимъ, пока подобное воззрѣніе существуетъ,—этотъ злополучный законъ можно парализовать только тѣми средствами, которыя заключаются въ немъ самомъ. Спекуляторъ, конечно, правъ, если, пользуясь нуждой, желаетъ нажить деньгу. Разсказываютъ, что всѣ хлѣботорговцы Петербурга призажались и, не увлекаясь никакими филантропическими идеями, втайнѣ ликуютъ и ожидаютъ еще большихъ повышеній на хлѣбъ. Какъ купцы, всѣ эти почтенные люди, конечно, правы. Расчитывать на то, что ихъ прошибешь народной нуждой, или принудишь таксой къ пониженію цѣны, совершенно ошибочно и потому едва-ли есть основаніе полагаться на успѣшность той принудительной мѣры, слухи о которой распространились въ газетахъ. Говорятъ, что хлѣбнымъ торговцамъ было объявлено, чтобы они понизили цѣны на хлѣбъ и что если они ихъ не понизятъ, то будутъ подвергнуты отвѣтственности. Личный денежный интересъ слишкомъ могучая сила, чтобы купцы согласились уступить подобному резону, тѣмъ болѣе, что всегда есть возможность обойдти даже законъ. Ходитъ слухъ,—а всѣ подобные слухи имѣютъ основаніе,—что вынужденное великодушіе петербургскихъ хлѣботорговцевъ скрываетъ ловко замаскированный купеческій расчетъ и есть не больше, какъ своего рода комерція. Въ продажѣ существуетъ нѣсколько сортовъ хлѣба. Есть сорты высшіе, есть сорты низшіе, есть сорты, которые идутъ для заграничнаго потребителя, и есть сорты, которыми питается менѣе прихотливый русскій человѣкъ. Разсказываютъ, что торговцы, согласившіеся на уступку, которую отъ нихъ требовали официальнымъ путемъ, и обѣщавшіе снабдить Петербургъ дешевымъ хлѣбомъ, сдѣлали распоряженіе о доставкѣ такого его сорта, который прежде былъ задержанъ ими на мѣстахъ; слѣдовательно, это такой хлѣбъ, который при продажѣ его по кажущейся болѣе дешевой цѣнѣ, въ сущности, и не стоитъ дороже. Однимъ словомъ, комерческіе люди сохранятъ и невинность и пріобрѣтутъ капиталъ въ силу того-же закона: «съ міру по ниткѣ, бѣдному рубашка», отъ котораго они не думаютъ, да и не могутъ отступать.

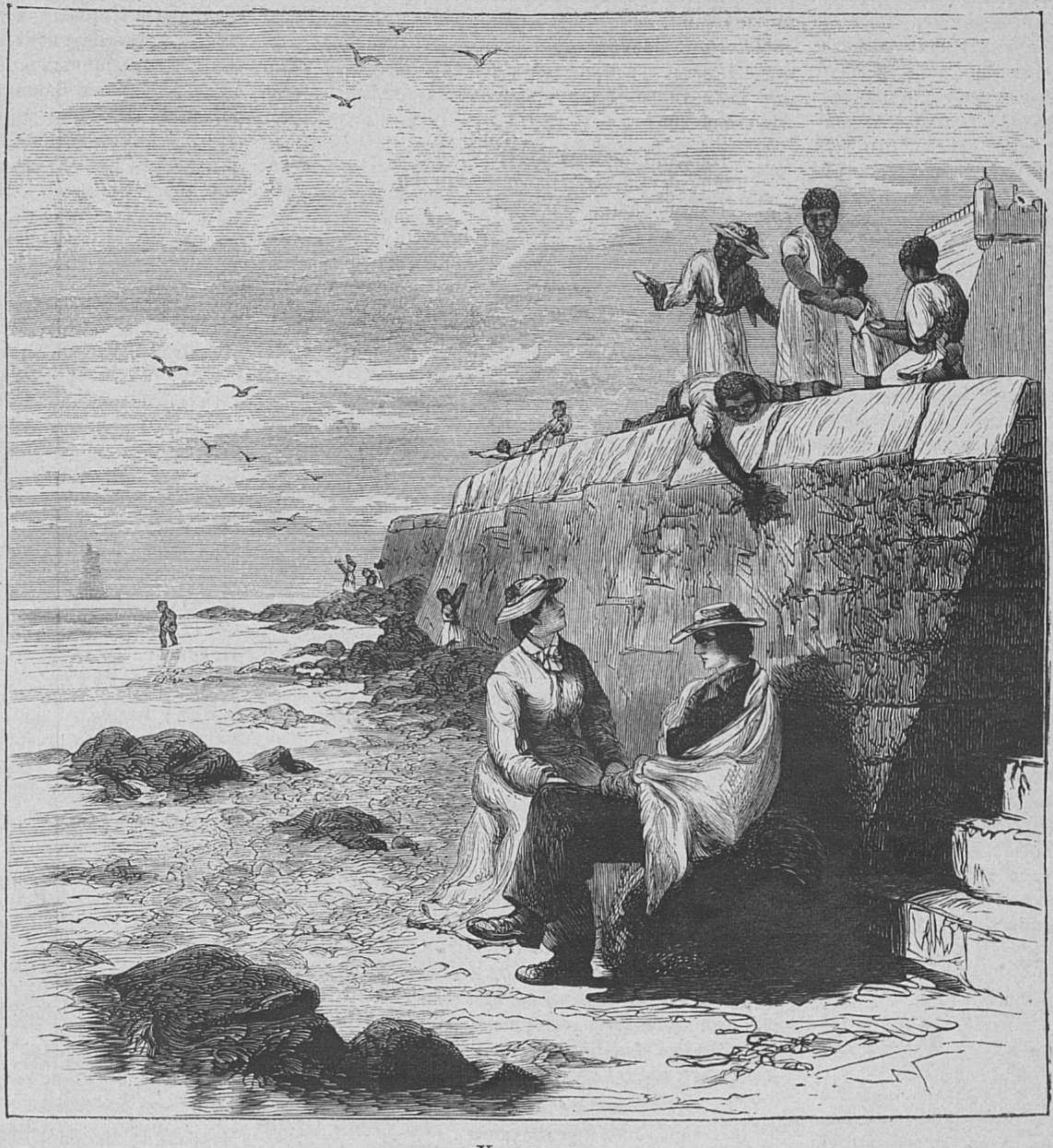
Средство для борьбы съ купеческой эксплуатаціей и наживой должно быть на ея-же почвѣ и ея собственнымъ оружіемъ. Хлѣботорговцы увѣряютъ, что они имѣютъ съ куля весьма скромный барышъ отъ 50 коп. до 1-го рубля. Насколько это вѣрно, читатель убѣдится изъ слѣдующихъ цифръ. Напримѣръ, въ половинѣ августа цѣна куля муки стояла отъ 12 до 13 рублей, а нынче тотъ-же куль продается за 17 рублей. Наживая на куль отъ 4 до 5 рублей, купецъ имѣетъ 40 рублей барыша на 100 руб. Предположимъ, что въ этомъ расчетѣ заключаются расходы на храненіе и разные проценты, даже, пожалуй, вознагражденіе за задержки въ отпускѣ хлѣба заграницу; но развѣ таже самая задержка не можетъ быть прямымъ слѣдствіемъ желанія большей наживы въ расчетѣ на повышеніе цѣны? При всемъ желаніи понять, насколько внѣшнія принудительныя средства могутъ помѣшать стремленію къ наживѣ и желанію барыша, мы этого никакъ понять не можемъ и въ тоже время нисколько не довѣряемъ великодушнымъ и сладкогласнымъ рѣчамъ петербургскихъ хлѣботорговцевъ, противъ комерческихъ расчетовъ которыхъ нужно дѣйствовать тѣми-же комерческими средствами. Оказывается, что въ Швеціи можно купить хлѣбъ съ доставкой въ Петербургъ по 14 р. 50 к. за четверть. Извѣстно также, что 13 тысячъ четвертей хлѣба, привезенныхъ въ Петербургъ изъ Штетина, немедленно-же понизили цѣну петербургскаго хлѣба. Ясно, что если-бы петербургскій рынокъ представлялъ возможность доставки на него хлѣба изъ заграницы и если-бы американцы взялись поставить хлѣбъ въ наши южные порты, напримѣръ, въ Таганрогъ, какъ объ этомъ и былъ уже слухъ, то несомнѣнно, что не оказалось-бы большой нужды играть на великодушныхъ чувствахъ русскаго купечества и совѣсть его освободилась-бы отъ грѣха ненужной лжи; хлѣбъ-же подешевѣлъ-бы въ силу закона той-же комерческой выгоды, которая одна и управляетъ купеческой совѣстью.

Но говорятъ, что Петербургу грозитъ такая-же опасность, какъ и Россіи, т. е. что въ немъ не достаетъ запасовъ хлѣба и если наличное количество будетъ съѣдено, то наступитъ нѣчто, никому нежелательное, и опасность весьма серьезная. Поэтому явилась мысль изслѣдовать хлѣбные запасы Петербурга и если они окажутся недостаточными, позаботиться о подвозѣ хлѣба изъ другихъ мѣстъ Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ думаютъ разрѣшить въ Петербургѣ свободную торговлю печенымъ хлѣбомъ.

Впрочемъ, за голодъ въ Петербургѣ бояться нечего и, если судить о Петербургѣ по его внѣшней жизни, то онъ счастливъ не менѣе Кіева и могъ-бы точно также раздавать медали за теракотовыя издѣлія и за художественныя произведенія. Театръ привлекаетъ по прежнему массу публики, всѣ, повидимому, очень довольны и счастливы, картина Куинджи «Ночь на Днѣпрѣ» привлечетъ толпы любителей художества, а насчетъ шампанскаго еще никогда не получалось такихъ утѣшительныхъ извѣстій, какъ нынче. Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на безденежье, общественное мнѣніе, повидимому, даже запугано страшнымъ призракомъ голода, будто-бы уже начавшаго ходить по весямъ и городамъ, и въ тоже время оказывается, что ввозъ шампанскаго въ Петербургъ въ нынѣшнемъ году не только не уменьшился, но значительно увеличился. Ужь конечно, послѣ Кіева, т. е. того Кіева, который собирается въ контрактовой залѣ, Петербургъ самый счастливый городъ на землѣ. Другой вопросъ, что дѣлается за Петербургомъ.

По ликующему состоянію Кіева, собирающемуся въ контрактовой залѣ, конечно, нельзя судить о томъ, что дѣлается въ Россіи. Изъ официіальныхъ и частныхъ источниковъ извѣстно, что нынѣшній годъ тяжелъ для народа во всѣхъ отношеніяхъ, что ему не достанетъ не только хлѣба до весны, но даже уменьшились и заработки; упадокъ-же нашего злополучнаго рубля до 62 копѣкъ измѣняетъ настолько всѣ расчеты работника, что и трудъ его упалъ въ отношеніи соотвѣтсвенномъ съ упадкомъ курса. Мы не станемъ перечислять читателю всѣхъ голодающихъ губерній и не станемъ приводить ему всѣ цифры народныхъ потерь, хотя подборъ этихъ цифръ и не представлялъ бы особенныхъ затрудненій. Мы укажемъ только на одинъ фактъ, который говоритъ очень кросноречиво за себя, хотя въ немъ и нѣтъ ни одной цифры. Земскія управы и сельскохозяйственныя общества уже съ осени возбудили вопросъ о сурогатахъ хлѣба и когда г. Родіоновъ изобрѣлъ картофельный хлѣбъ, то это необыкновенное открытіе окрылило всѣхъ надеждою, что голодъ не коснется мужицкой избы. Недавно еще г. Родіоновъ писалъ въ «Земледѣльческой газетѣ», что приготовленіе картофельнаго хлѣба быстро распространяется въ симбирской губ., что работники не нахвалятся этимъ хлѣбомъ, что недостаточныя лица всѣхъ сословій осаждаютъ г. Родіонова разными вопросами по приготовленію картофельнаго хлѣба и что такимъ образомъ, говоритъ г. Родіоновъ, «вопросъ о картофельномъ хлѣбѣ получаетъ важное значеніе». Не знаемъ, считаетъ-ли себя г. Родіоновъ изобрѣтателемъ этого сурогата, или онъ явился только его пропагандистомъ, но мы относительно картофельнаго хлѣба замѣтимъ вотъ что. Вареный картофель, какъ примѣсь ко ржаному тѣсту, употреблялся уже давно и не составляетъ ни новости, ни открытія. Еслибъ примѣсь эта, сообщающая дѣйствительно хлѣбу лучшій видъ, представляла бы какія-нибудь практическія хозяйственныя удобства и выгоды, то картофельный хлѣбъ, давно уже извѣстный хозяйкамъ западныхъ польскихъ губерній, вошелъ бы во всеобщее употребленіе. Но этого не случилось; не случилось-же только потому, что примѣшиваніе картофеля усложняетъ приготовленіе хлѣба и въ тоже время уменьшаетъ питательность хлѣба. Питательныя свойства картофеля давно извѣстны и гигіена смотритъ на него, какъ на вещество, очень способствующее развитію золотухи. Конечно, въ голодные года о золотухѣ говорить не приходится и если въ числѣ сурогатовъ хлѣба допускаются мохъ и даже глина, то картофель во всякомъ случаѣ будетъ лучше этихъ примѣсей. Впрочемъ, нашъ вопросъ не въ томъ, чтобы относиться отрицательно къ предложенію г. Родіонова; мы пользуемся его предложеніемъ, какъ фактомъ, указывающимъ на трудное положеніе народа. Въ виду неустранимой нужды теперь предлагаются не только сурогаты, но и воздѣлываніе такихъ хлѣбныхъ растеній, которые раньше нашему сельскому хозяйству были неизвѣстны. Напримѣръ, тотъ-же самый г. Родіоновъ, игнорируя опытъ Ирландіи, предлагаетъ ввести картофель въ крестьянскій сѣвооборотъ. Нашъ крестьянинъ и безъ того уже питается скверно и незнакомъ съ азотистой пищей, а г. Родіоновъ думаетъ оказать услугу отечеству тѣмъ, что станетъ кормить народъ картофелемъ и воспитывать на немъ крестьянскихъ дѣтей. Вообще нужно отдать справедливость «Земледѣльческой газетѣ», что она очень заботится о продовольствіи народа и въ интересахъ его предлагаетъ нерѣдко мѣры весьма радикальныя. Мы уже не говоримъ о желаніи ея ввести въ крестьянскій сѣвооборотъ картофель, которому, впрочемъ, и сама «Земледѣльческая газета» не придаетъ значенія универсальности. Гораздо симпатичнѣе ея отношеніе къ кукурузѣ. «Земледѣльческая газета» разсуждаетъ такъ. По ея соображеніямъ при нынѣшнемъ недородѣ только одна кукуруза, посѣянная въ видѣ опыта на Маріинской фермѣ на 2—3 десятинахъ, дала съ одной десятины 304 пуда зерна и 700 пудовъ соломы. Для «Земледѣльческой газеты» совершенно ясно, что если бы саратовская губернія посѣяла кукурузу не на двухъ, а на 10 тысячахъ десятинъ, «то тогда вопросъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія далеко не представлялъ бы тѣхъ затрудненій, съ какими приходится теперь бороться правительству и земству, ибо цѣны на рожь и пшеницу не достигли бы той высоты, до какой онѣ поднялись уже въ настоящее время». Что и говорить, средство простое. Крестьяне вводятъ въ свой сѣвооборотъ новыя растенія вродѣ картофеля и кукурузы; трехпольное хозяйство замѣняютъ плодоперемѣннымъ, и Россія снова становится житницей Европы и въ каждой нуждающейся русской деревнѣ является изобиліе и довольство. Вашими бы устами да медъ пить, гг. редакторы и сотрудники «Земледѣльческой газеты»! Конечно, если бы дѣлалось у насъ «то-то» и «то-то», если бы вмѣсто трехпольнаго хозяйства ввелось бы десятипольное и если бы на землѣ совершалось все по щучьему велѣнью, какъ этого желаетъ «Земледѣльческая газета», то нашъ земледѣлецъ давно бы пилъ лимонадъ вмѣсто квасу, а жены земледѣльцевъ играли бы на фортепьянахъ. Къ сожалѣнію, одного введенія картофеля и кукурузы въ крестьянскій сѣвооборотъ еще недостаточно, чтобы явились фортепьяно въ каждой крестьянской избѣ. Даже на нынѣшній годъ сѣтованія «Земледѣльческой газ.» на непредусмотрительность крестьянъ, недогадавшихся посѣять кукурузу и картофель, оказываются совершенно безполезными, потому что дѣлаются заднимъ числомъ. Мало-ли что могло бы быть, если бы было! Разумѣется, еслибы вся Россія посѣяла въ прошедшемъ году картофель и кукурузу, то нынѣшней нужды не было бы. «Землед. газ.» и всѣ ея сторонники возразятъ, что они говорятъ не о прошедшемъ, а желаютъ посѣвовъ кукурузы и улучшенія сельскаго хозяйства только въ будущемъ, а если они говорятъ о будущемъ, въ такомъ случаѣ придется искать спасенія не въ кукурузѣ и въ картофелѣ, а въ мѣрахъ, болѣе коренныхъ и спасительныхъ, заключающихъ въ себѣ большія ручательства, что въ крестьянской избѣ явится фортепьяно и мужики вмѣсто кваса будутъ пить шипучій лимонадъ.

КЪ РОМАНУ „СТЕФЕНЪ МИТЧЕЛЬ“.



У отмели.

Сельскіе хозяева, думающіе спасти Россію сельскохозяйственными и промышленными выставками, очень вѣрно подмѣтили, что наше земледѣліе падаетъ. Напримѣръ, 20 лѣтъ тому назадъ приходилось на каждаго человѣка зерноваго хлѣба и картофеля 2,5 четверти, а нынче того и другого почти 2 четверти. На продовольствіе же одного человѣка нужно въ годъ $2^1/_4$ четверти. Ясно, что теперешнее населеніе должно не доѣдать. Въ тоже время, не смотря на упадокъ производительности, вывозъ хлѣба заграницу усиливался. Многимъ казалось, что усиленный вывозъ доказываетъ усиленную производительность. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимало это дѣло обыденное общественное мнѣніе. Но еще бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Л. С. Маковъ обратилъ на это дѣло вниманіе и разъяснилъ, что хлѣбъ вывозится нами заграницу не отъ избытка, а отъ недостатка, вывозится вслѣдствіе излишняго давленія на податныя силы и вслѣдствіе этого народъ въ виду другихъ настоятельныхъ надобностей, которымъ онъ долженъ удовлетворить, урѣзываетъ свою потребность въ продовольствіи. Извѣстно, что съ 1862 года и по нынѣшній государственные доходы съ 310 миліоновъ возрасли до 661. Къ этимъ платежамъ присоединился еще значительно возросшій въ послѣднія 15 лѣтъ государственный долгъ. Расходы государственные усилились, а между тѣмъ платежныя средства не увеличились. Создавать новыхъ налоговъ невозможно, потому что они упадутъ на туже крестьянскую землю и на тоже сельское хозяйство, которое ихъ уже и теперь не выноситъ. Всякій новый косвенный налогъ падаетъ бременемъ на тотъ же главный платежный источникъ. Напримѣръ, года два тому назадъ для поддержанія средствъ государственнаго казначейства были обложены налогомъ желѣзныя дороги. Чѣмъ же это кончилось? Кончилось тѣмъ, что на многихъ желѣзныхъ дорогахъ сократилось движеніе, а такъ какъ доходъ желѣзнодорожныхъ линій былъ гарантированъ правительствомъ, то недоборъ пришлось покрывать средствами государственнаго казначейства. Налогъ на желѣзныя дороги оказался такимъ образомъ мѣрой, которая привела къ совершенно обратнымъ результатамъ. Когда эта мѣра вводилась, то думали, что пасажиры внесутъ отъ себя 30 миліоновъ и на 30 же миліоновъ увеличатся средства казначейства, но на дѣлѣ вышло иначе, что, впрочемъ, уже и тогда предвидѣлось печатью. Оказалось, что проѣзжающая публика не пожелала внести 30 миліоновъ, большинство стало ѣздить класомъ ниже, доходъ желѣзныхъ дорогъ уменьшился и казначейству пришлось приплачивать гарантію, на которую пошла часть другихъ доходовъ. Совершилось такъ называемое переложеніе налога. Тѣ, на кого былъ расчетъ, разными способами уклонились отъ платежей, и истиннымъ плательщикомъ оказался все тотъ-же народъ.

Нельзя сказать, чтобы для увеличенія производительности страны наше финансовое управленіе не принимало очень заботливыхъ мѣръ. Въ виду этой заботы строились у насъ и желѣзныя дороги и правительство взяло на себя даже посредничество при заключеніи займовъ для частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Займы эти дошли до почтенной цифры въ 900 миліоновъ рублей, проценты на которые наши желѣзнодорожныя общества уплачиваютъ настолько исправно, что къ 1 января 1879 года считалось на нихъ недоимки до 450 миліоновъ. Въ тоже время на крестьянахъ считается только 15 миліоновъ подушной подати и $10^{1}/_{2}$ миліоновъ оброчной подати. Что-же значитъ собственно долгъ желѣзнодорожныхъ обществъ? Кто его платитъ? Доходы желѣзныхъ дорогъ слагаются изъ провозной платы, а правительственные платежи процентовъ по капиталамъ дѣлаются изъ общихъ доходовъ государства, въ которыхъ главнымъ вкладчикомъ является народъ. Слѣдовательно, ясно, что всякая недоимка по платежамъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ концѣ концовъ покрывается платежными силами народа. Тутъ ужь ни посѣвъ картофеля, ни посѣвъ кукурузы, предлагаемые «Землед. Газ.» ничему не помогутъ, а необходимы извѣстныя сокращенія въ общихъ расходахъ страны и облегченіе податныхъ тягостей. Что-же сдѣлано у насъ для ихъ облегченія? Законъ податной справедливости заключается въ томъ, чтобы брать съ плательщика только часть его чистаго дохода. Но у насъ это правило никогда не соблюдалось и въ виду ростущихъ государственныхъ надобностей постоянно увеличивались какъ прямые, такъ и косвенные налоги. Но всякое увеличеніе имѣетъ свой предѣлъ и мы уже дошли до него и идти дальше некуда, ибо Россія находится наканунѣ промышленнаго и сельскохозяйственнаго кризиса. Одно время пронесся даже слухъ, что петербургская биржа хочетъ объявить себя банкротомъ. Конечно, такой шагъ петербургской биржи былъ-бы невозможенъ, но мы и не говоримъ о его возможности или невозможности, а хотимъ указать на ту серьезность нашего положенія, при которой даже и невѣроятные слухи становятся возможными и вѣроятными. Всѣ они служатъ показателями нашего труднаго положенія и необходимости такихъ общихъ мѣръ, при которыхъ народный трудъ былъ-бы поставленъ въ лучшее положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ была-бы снята и непосильная податная тяжесть, лежащая на главномъ нашемъ производителѣ и заставляющая его отказывать себѣ въ хлѣбѣ, лишь-бы удовлетворить другимъ настоятельнымъ государственнымъ надобностямъ. Россія представляетъ единственный примѣръ европейскаго государства, въ которомъ хлѣбъ продается не отъ избытка, а отъ недостатка. Въ такой моментъ кореннаго разстройства производительныхъ силъ совершенное ребячество говорить о посѣвѣ картофеля, или ставить въ примѣръ всей Россіи маріинскую ферму саратовской губерніи, которая засѣяла кукурузой 2—3 десятины. Дѣйствительную пользу можетъ принести только полный пересмотръ всѣхъ статей нашего государственнаго бюджета и податная реформа, которая уже давно ждетъ своей очереди. Сокращеніе государственныхъ расходовъ и уменьшеніе народныхъ платежей—вотъ два единственныхъ средства для того, чтобы хоть нѣсколько и съ болѣе замѣтнымъ ближайшимъ результатомъ поднять народное благосостояніе.

Библіографическій листокъ.

«Чѣмъ хата богата», пѣсни и рифмы **Д. Минаева**. С.-Петербургъ. 1880. Цѣна 1 р. 50 к.

На дняхъ появился въ продажѣ полный сборникъ стихотвореній г. Минаева, озаглавленнаго «Чѣмъ хата богата». Хотя г. Минаевъ далъ своей книгѣ очень скромное названіе: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, однако, «богатство хаты» оказалось очень почтеннымъ, не говоря уже о количествѣ (въ книгѣ 350 стр. и болѣе ста разныхъ стихотвореній). Что касается до таланта г. Минаева, то говорить о немъ ничего не приходится: онъ, какъ поэтъ, очень хорошо и давно извѣстенъ русскому обществу. Въ своей книгѣ г. Минаевъ раздѣляетъ всѣ стихотворенія на три большіе отдѣла: 1) пѣсни и поэмы, 2) юмористическіе мотивы и 3) арабески.

Въ первомъ отдѣлѣ встрѣчается много чрезвычайно удачныхъ переводовъ изъ Виктора Гюго, Барбье, Мюссе, Гейне и др.; есть также стихотворенія вполнѣ оригинальныя. Между прочимъ нѣсколько прекрасныхъ пѣсенъ «изъ старой тетрадки»—пѣсенъ, которыя, хоть онѣ и взяты изъ старой тетрадки, будутъ, впрочемъ, долго юны и новы. Напр. пѣснь пятая:

Словно море, темно мое горе,
Словно море, оно глубоко
И въ его безграничномъ просторѣ
Потеряться, какъ въ морѣ, легко.
Но какъ капля, упавшая въ море,
Исчезаетъ въ просторѣ морскомъ,
Такъ и жалкое личное горе
Тонетъ въ общемъ страданьи людскомъ.

Второй отдѣлъ—«юмористическіе мотивы»—не менѣе удаченъ; онъ полонъ остроумныхъ, ѣдкихъ стихотвореній про политику, общественные пороки и т. п. Изъ этой групы стихотвореній особенно рѣзко выдѣляется цѣлый рядъ очерковъ подъ названіемъ «галерея силуэтовъ». Всѣхъ силуэтовъ шесть. Въ первомъ г. Минаевъ ищетъ отвѣта на занимающій его вопросъ:

Кто въ наше время мудрый самый,
Достойный русскій гражданинъ?

Содержаніе второго силуэта видно изъ эпиграфа: «Ничего—великое слово: выразительнѣе его нѣтъ въ русскомъ языкѣ» Далѣе описывается жизнь стараго молодящагося старика, жизнь одного неудачника, вѣчный припѣвъ котораго составляютъ слова: «по ошибкѣ». Этимъ объясняются всѣ его несчастья и бѣдствія.

Очень оригинально стихотвореніе «Пѣвецъ въ станѣ россійскихъ дѣятелей». Пѣвецъ пьетъ здоровье нашихъ современныхъ дѣятелей, причемъ очень вѣрно намѣчены ихъ характерныя черты, очень мѣтко выставлены слабости каждаго; тутъ и Межовъ, и Комаровъ, и Алексѣй Суворинъ, Гиляровъ, Мещерскій и др.

Мѣсто не позволяетъ намъ дѣлать большихъ выписокъ изъ этой книги. Мы беремъ на удачу одно изъ стихотвореній юмористическаго отдѣла: «Незамѣнимый эпитетъ».

Не одни скупцы на свѣтѣ
Любятъ золото. Блескъ солнца,
Очарованы, какъ дѣти,
Видимъ въ блескѣ мы червонца,

Любимъ юность «золотую»,
«Золотыя» нивы юга;
Превозносимъ за частую
«Золотое» сердце друга.

Даже ты, поэтъ унылый,
Ты поешь не ради хлѣба
«Золотыя» кудри милой,
«Золотыя» звѣзды неба,

«Золотые» дни свободы
И эпитетъ этотъ чудный
Золотитъ намъ дни невзгоды
Освѣщаетъ путь нашъ трудный.

Чѣмъ у насъ арена шире,
Тѣмъ печальнѣе судьбина,
Но счастливѣе всѣхъ въ мірѣ
«Золотая середина»...

А вотъ и еще стихотвореніе, которое можетъ служить образцомъ шутливаго жанра:

Разъ вечеромъ два генерала,
Бесѣдуя, шли по Морской.
Дѣйствительный статскій совѣтникъ
Другому замѣтилъ съ тоской:

—«Отъ новости самой ужасной
Дрожитъ все мое естество...
Вы слышали, будто не будетъ
Чиновъ на Руси, ваше-ство?»

—«Чины уничтожатъ? Но если
Слухъ вѣренъ,—Господь упаси,—
То значитъ и насъ, генераловъ,
Не будетъ совсѣмъ на Руси?»

—«И насъ упразднятъ, вѣроятно»...
—«Нѣтъ это все вздоръ, баловство.
Зловредныя мысли такія
И слушать нельзя, ваше-ство.

«Я уши свои затыкаю,
Не вѣрю, почтеннѣйшій, нѣтъ!..
То выдумки вздорныхъ мальчишекъ,
То сплетни досужихъ газетъ.

«Безъ насъ поколеблется разомъ
Жизнь общества, mon général,
Безъ насъ и прогресъ современный
Развалится... en général!

«Скорѣе исчезнутъ артисты,
Ученые, професора,
Банкиры, дѣльцы всѣхъ профессій
Юристы, архитектора;

«Скорѣй на небѣ звѣзды потухнутъ
И солнце сорвется съ небесъ—
Но въ мірѣ никто не дождется,
Чтобъ ростъ генеральскій исчезъ.

«Слѣдя за всемірнымъ порядкомъ,
Хранитъ насъ само божество,
Попросятъ насъ даже въ день судный:
«Извольте вставать, ваше-ство!»...

«Повѣрьте, никто не посмѣетъ
Тревожить основу основъ:
Тамъ были-бы всюду безчинства,
Гдѣ-бъ не было вовсе чиновъ.

«Забудьте-жъ вы глупые толки
Предъ нами всѣ гнутся въ серсо»...
И два генерала подъ ручку
Вошли величаво къ Дюссо.

Впрочемъ, всѣхъ стихотвореній не передать: среди нихъ есть, конечно, и болѣе интересныя, и болѣе слабыя. Но «на вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ», говоритъ русская поговорка. Что касается до третьяго отдѣла «Арабески» (надписи, экспромты, мелочи), то приходится указать про эти мелкія стихотворенія, что они написаны очень ловко, какъ и все, выходящее изъ-подъ пера г. Минаева. Многія изъ нихъ заставятъ отъ души посмѣяться.

Изданіе книги очень изящное. Качество бумаги, шрифта и т. п. не заставляетъ желать ничего лучшаго.

Каинъ, мистерія лорда **Байрона**. Пер. **Барышова**. С.-Петербургъ, 1880 г.—**Сидъ**, поэма **Корнеля**. Пер. **Барышова**. С.-Петербургъ, 1880 г.

Нѣтъ ничего хуже, какъ копія съ геніальной картины, сдѣланная рукою маляра, какъ мелодіи великихъ маэстро, передаваемыя разбитой шарманкой, какъ переводъ замѣчательныхъ произведеній Байрона и Корнеля, совершенный—право, мы считаемъ этотъ переводъ преступленіемъ—совершенный г. Барышовымъ. Мы не знаемъ, насколько знакомъ г. Ефремъ Барышовъ съ французскимъ и англійскимъ языками, но изъ его переводовъ мы видимъ, что онъ крайне плохо знаетъ русскій языкъ и вовсе не имѣетъ понятія о стихахъ. Разбирать его переводы нельзя. Изъ нихъ, изъ этого сборника всякихъ курьезовъ, можно сдѣлать только выписки. Не угодно-ли полюбоваться, какъ пишетъ г. Барышовъ:

Любовь, которая для нихъ блаженство, рай,
Какихъ сперва они, не знавъ ея, не знали,
Должна-ли влечь она самихъ васъ въ мрачный край
Отчаянья, тоски, унынья и печали?

……

Отчаянье и скорбь—онѣ-ли, другъ мой, свѣтъ?
Вотъ въ ихъ-то мглѣ должна таить я свой секретъ.

……

Оно, когда-бъ любви къ нему въ немъ было мало,
При имени его такъ биться-бы не стало.

……

Я только не хочу идти стезей покатой,
Сойдти, спуститься внизъ, оттуда, гдѣ стою;
Поддаться не хочу той страсти бѣсноватой,
Которая влетѣть дерзнула въ грудь мою.

Это у Корнеля говоритъ инфанта! Что-же мудренаго, что говорящей такимъ языкомъ инфантѣ хочется выйдти замужъ за простого смертнаго, хотя какъ говоритъ гувернантка инфанты.,—

Подобнымъ бракамъ нѣтъ и не было примѣра—
Принцесѣ полюбить простого кавалера!

Не лучше этихъ горничныхъ выражаются и величавые герои Корнеля. Вотъ ихъ языкъ:

Ну, вотъ! И выборъ вашъ не вѣренъ и не строгъ,
Осмѣлюсь снова я, продерзостный, замѣтить.
Вашъ сынъ, мнѣ кажется, теперь-бы очень могъ
На партію себѣ повыше этакъ мѣтить.
Онъ, разумѣется, самолюбивъ, непростъ,
Далекъ отъ скромныхъ чувствъ почтеннаго беззубья...

……

Чтобъ ни было, но, Родригъ, не жалѣй,
Что ты отцу не отказалъ въ защитѣ,
И поцѣлуй вотъ здѣсь напечатлѣй,
На этой вотъ, омытой ужь, ланитѣ.

Господи, что за выраженія у этихъ аристократовъ

Переводъ байроновскаго Каина еще постыднѣе. Неправильное стихосложеніе, неправильный языкъ, пошлые обороты рѣчи, тутъ есть все. Какъ тяжелы эти вирши, видно изъ слѣдующаго примѣра:

Но знай-же ты—всѣ виды тѣхъ существъ,
Которыя своимъ считаютъ Богомъ
Того, Кто мнѣ надѣлалъ столько зла,
И передъ Тѣмъ чело во прахъ склоняютъ,
Кто создалъ все единственно за тѣмъ,
Чтобъ сущее, чтобъ всѣ Его творенья
Предъ Нимъ, Творцемъ, предъ вѣчностью Его
Суровою, печальной, одинокой,
Почтительно склонялись, не ропща—
Такъ знай-же ты, что всѣ такіе виды
Я презиралъ...

Зачѣмъ издалъ г. Барышовъ эти книги? Право, на это трудно отвѣтить: онѣ профанируютъ великія имена, онѣ составятъ очень плохую репутацію переводчику, онѣ не принесутъ даже денежной прибыли издателю, потому что на такія издѣлія найдется, вѣроятно, мало охотниковъ, особенно когда эти двѣ тощія книжечки стоятъ 2 р. 25 к. За двѣсти страничекъ это ужь слишкомъ дорого.

Щедринскіе типы. Премія журнала «Стрекоза».

Желая показать какія трудности долженъ испытывать художникъ, поставившій себѣ задачею изобразить рисункомъ щедринскіе типы, Редакція «Стрекозы» говоритъ въ своемъ предисловіи: «Типы Щедрина прекрасно представляются умомъ, но плохо видятся глазомъ. Матеріализировать и воплощать ихъ очень трудно. Карандашъ художника, изучая ихъ, чувствуетъ себя чрезвычайно свободнымъ». Далѣе: «Какъ найдти такую точку опоры, стоя на которой, можно бы и оставаться вѣрнымъ Щедрину и въ тоже время не грѣшить натяжкою, односторонностью или случайностью въ рисункѣ?» Г. Лебедеву, автору альбома «Щедринскіе типы», дѣйствительно предстояло не мало трудностей. До сихъ поръ очень немногіе изъ художниковъ черпали сюжеты для своихъ рисунковъ въ произведеніяхъ талантливѣйшаго изъ нашихъ сатириковъ, такъ что г. Лебедеву пришлось вспахивать почти-что новь. И, надо отдать ему справедливость, онъ удачно поборолъ встрѣтившіяся затрудненія и обошелъ преграды. Большинство его рисунковъ исполнены хорошо. Альбомъ изданъ изящно и составляетъ очень хорошую премію, выдающуюся безплатно подписчикамъ на журналъ «Стрекозу».

Князь Борисъ Щеглятевъ. Историческій романъ XIII вѣка изъ временъ нашествія Батыя на Россію. **П. А. Салманова.**

Авторъ этого романа П. А. Салмановъ, осматривая въ 1851 году то мѣсто, на которомъ когда-то стояла Старая Рязань, узналъ изъ надписи на доскѣ, что здѣсь крестьянинъ, вспахивая землю, нашелъ желѣзный ларецъ и въ немъ 6 драгоцѣнныхъ камней, которые отвезъ въ Петербургъ и представилъ императору Николаю Павловичу. Эти-то камни и подали г. Салманову мысль написать историческій романъ, въ которомъ бы они играли роль. Но до послѣдняго времени историческій романъ не пользовался у насъ популярностью, пока не нашлась снова для него публика. Теперь историческіе романы пекутся у насъ какъ блины, появляется ихъ множество и, правду сказать, большинство изъ нихъ очень плохи. И романъ г. Салманова не можетъ быть причисленъ къ разряду удачныхъ. Трудно понять, что хотѣлъ сказать имъ авторъ! Недостатковъ романа не выкупаетъ даже вѣрность изображенія эпохи. Прочитывая романъ не чувствуешь себя перенесеннымъ въ XIII вѣкъ, который пытается изобразить авторъ. Еслибы не было хронологическихъ указаній, можно бы подумать, что дѣйствіе происходитъ въ XI или въ XV вѣкѣ. За то воображеніе г. Салманова заходитъ иногда черезъ чуръ далеко. Представьте себѣ такую сцену. Герой романа, прекрасный кавалеръ, купается въ рѣкѣ. На берегу прекрасная дѣвица совлекаетъ съ себя всѣ одежды и въ натуральномъ видѣ спускается въ рѣку, подходитъ къ кавалеру и изъясняется ему въ своей любви. Какъ ни патріархальны были нравы нашихъ предковъ въ XIII столѣтіи, но едва-ли они могли доходить до такой первобытности.

Народный календарь для южной Россіи на 1881 годъ.

Этотъ календарь стоитъ всего 20 коп. и отличается своей полнотой. Въ немъ очень много полезныхъ практическихъ свѣденій; онъ снабженъ нѣсколькими географическими картами и планами; къ нему приложена хорошо исполненная гравюра. Изданъ календарь очень опрятно.

Нашего поля ягодки. Юмористическіе разсказы И. Мясницкаго. Москва.

Въ средѣ нашего купечества очень ярко выдѣляется типъ «безобразника», проводящаго свою жизнь въ кутежахъ и скандалахъ. И домашняя жизнь большинства россійскихъ комерсантовъ представляетъ такія особенности, которыя не могутъ не броситься въ глаза. Эти-то особенности и эти безобразія послужили сюжетомъ для многихъ талантливо-написанныхъ разсказовъ г. Лейкина. Ихъ успѣхъ въ публикѣ соблазнилъ многихъ, явились подражатели г. Лейкину и въ послѣднее время въ различныхъ журналахъ и газетахъ появился рядъ разсказовъ и сценокъ, на всѣ лады воспѣвающихъ купеческія безобразія. Къ числу такихъ подражателей г. Лейкину слѣдуетъ причислить и г. Мясницкаго, помѣщавшаго свои разсказы въ журналѣ «Будильникъ» и теперь издавшаго ихъ отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ «Нашего поля ягодки». Г. Мясницкій талантомъ не богатъ; разсказы его грубоваты, подчасъ сальны, напримѣръ «На вербахъ», юморъ въ нихъ очень дешевый; они мало содержательны, сюжеты ихъ избиты; но есть въ его книгѣ нѣсколько разсказовъ, которые можно прочесть и посмѣяться, напримѣръ, «Баба дуритъ», «У мирового», «Младенца подкинули», но и въ нихъ интересъ чисто внѣшній.

Къ рисункамъ.

Непрошенный гость. Въ домѣ только что совершилось прибавленіе семейства. Всѣ въ хлопотахъ и около новорожденнаго младенца, и около его больной матери. И вдругъ среди этого семейнаго хаоса появляется «непрошенный гость»—солдатъ, присланный на постой. Всѣ взволновались, всѣ ожидаютъ, какъ-то пристроитъ хозяинъ этого гостя, а хозяинъ читаетъ бумагу, почесываетъ въ головѣ и ума не приложитъ, что дѣлать съ молодымъ солдатомъ, такъ какъ комната всего одна. Вотъ содержаніе картины Фридлендера, полной жизни и движенія.

Эзопъ, разсказывающій басни. Великій рабъ, окруженный прелестными женщинами, разсказываетъ имъ свои безсмертныя басни. Вотъ содержаніе картины, помѣщенной нами. Но тутъ все дѣло въ исполненіи, въ экспресіи этихъ улыбающихся лицъ, въ контрастѣ уродливой фигуры Эзопа и красоты этихъ женщинъ.

Каинъ и Авель. Эта статуя исполнена прекрасно: Ева держитъ на рукахъ двухъ своихъ сыновей, изъ которыхъ одному суждено сдѣлаться братоубійцей. На подставкѣ статуи сдѣланы барельефы, изображающіе исторію Каина и Авеля.

Отъѣздъ короля Фредерика V изъ Праги въ 1620 году, картина Фабера-дю-Фора. Фредерикъ V, избранный королемъ чешскимъ 4-го ноября 1619 года, принужденъ былъ бѣжать изъ Праги черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего избранія; такимъ образомъ онъ процарствовалъ только одну зиму, вслѣдствіе чего и получилъ насмѣшливое прозвище «Однозимняго». Вскорѣ послѣ сраженія при Бѣлой горѣ (8 ноября 1620 г.), въ которой войска Фредерика V были разбиты на голову арміей австрійскаго императора, — въ Чехіи началась страшная реакція. Было казнено болѣе 27 лучшихъ чешскихъ патріотовъ. Извѣстный тогдашній чешскій писатель Михаилъ Девисъ былъ повѣшенъ, а языкъ его пригвожденъ къ висѣлицѣ шиломъ. Всѣ имѣнія «неблагонадежныхъ» были конфискованы. Австрійскій императоръ рѣшилъ искоренить протестантизмъ и уничтожить чешскую національность. По городамъ и селамъ расхаживали отряды войскъ, имѣвшіе приказаніе жечь чешскія книги, которыя попадутся имъ подъ руку. Болѣе 36 тысячъ чешскихъ семей принуждены были эмигрировать. Чешскій языкъ былъ замѣненъ нѣмецкимъ и латинскимъ и на цѣлыхъ два столѣтія потухла умственная жизнь чеховъ... Извѣстіе о проигранномъ сраженіи было получено въ королевскомъ дворцѣ въ то время, какъ Фредерикъ среди многочисленной толпы придворныхъ развлекалъ себя пріятной бесѣдой. Вмѣсто того, чтобъ укрѣпить Прагу и, собравши остатки арміи, пользуясь воинственнымъ настроеніемъ народа, дать новое сраженіе, которое могло-бы еще спасти его,—обезумѣвшій отъ испуга Фредерикъ отдалъ столицу непріятелю, а самъ съ женой и дѣтьми убѣжалъ въ Нидерланды, черезъ Бреловъ и Берлинъ, и убѣжалъ съ такой поспѣшностью, что оставилъ во дворцѣ важные политическіе документы и даже корону. Этотъ, оставшійся въ памяти народный эпизодъ, былъ воспроизведенъ въ картинѣ мюнхенскимъ художникомъ Фаберомъ-дю-Форомъ съ большимъ талантомъ.

Именные высочайшіе указы правительствующему сенату.

I.

Нашего генералъ-адъютанта, полнаго генерала Грейга—всемилостивѣйше увольняемъ, согласно прошенію его, отъ должности министра финансовъ, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіяхъ генералъ-адъютанта и сенатора.

II.

Предсѣдателю департамента государственной экономіи государственнаго совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику Абазѣ—всемилостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ финансовъ.

На подлинныхъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Ливадіи.
Октября 27-го дня 1880 года.

Государь Императоръ, во 2-й день сего ноября, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: замѣнить опредѣленную приговоромъ военнаго суда, утвержденнымъ временно-командующимъ войсками петербургскаго военнаго округа, смертную казнь Ширяеву, Тихонову и Окладскому ссылкою въ каторжныя работы безъ срока.

Смѣсь.

— **Приговоръ по политическому дѣлу.** Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано:

С.-петербургскій военно-окружной судъ, 30-го сего октября, въ $11^1/_2$ часовъ утра, удалился для постановленія приговора, и въ 1 часъ ночи вынесъ слѣдующую резолюцію:

Выслушавъ дѣло о дворянинѣ Александрѣ Александровѣ Квятковскомъ, 27 лѣтъ; крестьянинѣ Степанѣ Григорьевѣ Ширяевѣ, 23 лѣтъ; мѣщанинѣ Ааронѣ Исаковѣ Зунделевичѣ, 25 лѣтъ; дворянинѣ Людвигѣ Александровѣ Кобылянскомъ, 22 лѣтъ; крестьянинѣ Яковѣ Тихоновѣ Тихоновѣ, 28 лѣтъ; мѣщанинѣ Иванѣ Ѳедоровѣ Окладскомъ, 22 лѣтъ; мѣщанинѣ Андреѣ Корнѣевѣ Прѣсняковѣ, 24 лѣтъ; сынѣ тайнаго совѣтника Николаѣ Константиновѣ Бухѣ, 26 лѣтъ; купеческомъ племянникѣ Лейзерѣ Іоселевѣ Цукерманѣ, 28 лѣтъ; канцелярскомъ служителѣ Сергѣѣ Ивановѣ Мартыновскомъ, 20 лѣтъ; сынѣ священника Афанасіи Андреевѣ Зубковскомъ, 25 лѣтъ; дворянинѣ Александрѣ Петровѣ Буличѣ, 27 лѣтъ; дворянинѣ Владимірѣ Васильевѣ Дриго, 31 года; дочери маіора Софіи Андреевой Ивановой, 23 лѣтъ; крестьянкѣ Маріи Васильевой Грязновой, 22 лѣтъ и дворянкѣ Евгеніи Николаевой Фигнеръ, 21 года,—Судъ призналъ ихъ виновными въ принадлежности къ тайному обществу, стремящемуся путемъ пропаганды и агитаціи возбудить народъ къ возстанію, для ниспроверженія существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, и не только допускающему, но и въ дѣйствительности совершавшему политическія убійства и даже покушенія на жизнь Священной Особы Государя Императора, а потому, на основаніи 241, 249, 17, 19, 20 и 31 ст. улож. о нак. и 830 ст. 24 кн. св. воен. пост., постановилъ: подсудимыхъ Квятковскаго, Ширяева, Тихонова, Окладскаго и Прѣснякова лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе, а остальныхъ 11 подсудимыхъ въ виду признанныхъ судомъ уменьшающихъ ихъ вину обстоятельствъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ: Зунделевича безъ срока; Кобылянскаго, Буха и Зубковскаго на 20 лѣтъ; Цукермана, Булича, Мартыновскаго и Дриго на 15 лѣтъ, и на заводахъ: Иванову, Грязнову и Фигнеръ на 15 лѣтъ.

Приговоръ этотъ, по вступленіи его въ законную силу, представить на усмотрѣніе помощника командующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, причемъ ходатайствовать о смягченіи нижепоименованнымъ подсудимымъ опредѣленнаго имъ наказанія тѣмъ, чтобы Цукермана и Иванову сослать въ каторжныя работы на заводахъ—перваго на 8 лѣтъ, а вторую на 4 года; Фигнеръ и Грязнову, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе—первую въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, а послѣднюю въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ; Булича и Дриго, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Томскую губернію. Судебныя по дѣлу издержки взыскать съ подсудимыхъ по ровну, съ круговою другъ за друга отвѣтственностью, а въ случаѣ несостоятельности всѣхъ ихъ, принять на счетъ казны.

Затѣмъ предсѣдатель объявилъ, что приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 31-го октября, въ 9 часовъ вечера.

1 ноября на подлинномъ приговорѣ с.-петербургскаго военно-окружного суда временно-командующимъ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа собственноручно написано: «Приговоръ военнаго суда и его ходатайство утверждаю, но подсудимыхъ Буха и Зубковскаго сослать въ рудники вмѣсто 20-ти лѣтъ на 15 лѣтъ. Приговоръ этотъ обратить къ исполненію. Генералъ-адъютантъ Костанда».

— **Бенефисъ г. Леонидова.** Составленный очень разнообразно бенефисъ почтеннаго ветерана здѣшней драматической труппы, казалось, долженъ былъ привлечь въ театръ значительную публику. Но театръ былъ почти на половину пустъ, хотя г. Леонидовъ назначилъ сравнительно умѣренныя цѣны на мѣста. Бенефиціантъ игралъ въ драмѣ «Польскій еврей» и еще разъ доказалъ, какое огромное вліяніе имѣетъ на артиста «хорошая» школа. Г. Леонидовъ настолько отличался своей красивой, обдуманной игрой отъ окружавшихъ его исполнителей, что это невольно бросалось въ глаза. Драма «Польскій еврей» написана извѣстными французскими писателями Эркманомъ и Шатріаномъ. Она написана во времена ихъ молодости, когда во всѣхъ ихъ произведеніяхъ преобладалъ фантастическій элементъ. Въ драмѣ собственно нѣтъ фантастическаго элемента, но она построена совершенно меладраматически. Въ пьесѣ собственно одна роль—всѣ остальныя роли ничтожны—и потому для нея требуется очень талантливый исполнитель. Въ Парижѣ когда-то эту роль игралъ великій актеръ Фредерикъ Леметръ и драма Эркмана и Шатріана долго не сходила съ репертуара. Г. Леонидовъ, взявшійся за эту роль, не обладаетъ первокласнымъ талантомъ; онъ могъ сыграть ее только вполнѣ прилично; нѣкоторыя мѣста своей роли онъ провелъ задушевно и не разъ вызывалъ рукоплесканія. Содержаніе драмы слѣдующее. Въ одной деревнѣ въ Эльзасѣ живетъ бургомистръ Матисъ (г. Леонидовъ), трактирщикъ. Вначалѣ пьесы онъ отсутствуетъ; начинается буря, естественно, его домашніе, гости, бражничающіе въ трактирѣ, его пріятели, и женихъ его дочери, жандармъ Христіанъ (г. Каширинъ) говорятъ о немъ. Изъ ихъ словъ мы узнаемъ, что Матисъ былъ близонъ къ раззоренію, но какъ разъ наканунѣ объявленія его несостоятельности, раздобылся деньгами, которыя, по его словамъ, были получены имъ въ наслѣдство отъ дѣда. Во время бесѣды одинъ изъ гостей замѣчаетъ, что нынче зима суровая, совершенно такая, какъ 15 лѣтъ тому назадъ, которую прозвали «зимою поляка». Жандармъ, человѣкъ новый въ этой мѣстности, проситъ объяснить, почему ту зиму назвали «зимой поляка». Потому, отвѣчаютъ ему, что въ ту зиму былъ убитъ здѣсь польскій еврей и убійство такъ ловко было скрыто, что убійца до сихъ поръ не найденъ. Передаются и подробности: еврей, одѣтый въ зеленый плащъ и мѣховую шапку, вошелъ въ домъ Матиса, снялъ поясъ, наполненный золотыми монетами, и объявилъ, что чрезъ часъ намѣренъ ѣхать далѣе. На другой день нашли его плащъ и шапку, но тѣла найдти не могли, не смотря на самые тщательные розыски. Едва окончился этотъ разсказъ, входитъ Матисъ и сообщаетъ о томъ, что онъ дѣлалъ въ городѣ, упоминаетъ между прочимъ о магнетизерѣ и зрителю становится ясно, что магнетизеръ будетъ играть роль въ ходѣ драмы. Затѣмъ мужчины садятся ужинать и, конечно, частенько прикладываются къ стаканамъ съ виномъ. Къ концу этого ужина растворяется дверь, входитъ еврей, одѣтый такъ-же, какъ былъ одѣтъ убитый, и произноситъ тѣже самыя слова, какія говорилъ тотъ. Появленіе этого еврея производитъ потрясающее дѣйствіе на Матиса. Съ нимъ дѣлается ударъ. Во второмъ дѣйствіи мы видимъ Матиса оправившагося отъ болѣзни; у него остается только звонъ въ ушахъ; ему чудится звонъ колокольчика и онъ наединѣ разсказываетъ, что онъ убилъ еврея и что на лошади убитаго былъ колокольчикъ, звонъ котораго теперь постоянно слышится ему. Онъ признается, что отдаетъ свою дочь за жандарма для того, чтобы въ зятѣ имѣть защитника на случай, если явится подозрѣніе, что онъ, Матисъ, совершилъ преступленіе. Матисъ, опасаясь повторенія удара, торопится со свадьбой дочери. Контрактъ подписанъ. Матисъ, нѣсколько подгулявшій на пиру, удаляется спать въ комнату въ верхнемъ этажѣ, а гости внизу продолжаютъ веселиться. Матисъ засыпаетъ и видитъ сонъ. Этотъ сонъ составляетъ главный интересъ въ пьесѣ и требуетъ тщательной постановки. Матису чудится, что онъ въ судѣ, въ качествѣ обвиняемаго. Его допрашиваютъ, онъ во всемъ запирается; тогда призываютъ магнетизера, который усыпляетъ его, и Матисъ со всѣми подробностями объявляетъ, какъ онъ совершилъ преступленіе. Судъ приговариваетъ его къ смертной казни. Этотъ сонъ такъ дѣйствуетъ на Матиса, что съ нимъ дѣлается ударъ и онъ умираетъ, окруженный своей семьей и гостями. У насъ пьеса была поставлена очень плохо. Судьи были одѣты въ какія-то невозможныя хламиды; публику представляла собою одна или двѣ дѣвицы; обвиняемаго посадили на деревянный табуретъ и на вопросы предсѣдателя суда онъ отвѣчалъ сидя, что противорѣчитъ обычаямъ суда. Исполнители были тоже не важные; вообще было сдѣлано все, чтобы пьеса провалилась; но все-таки она настолько понравилась публикѣ, что, вѣроятно, нѣкоторое время продержится въ репертуарѣ. «Польскій еврей» превосходно переведенъ П. И. Вейнбергомъ.

Второй пьесой бенефиса была веселенькая комедія, передѣланная г. Корнѣевымъ изъ французской пьесы «Les femmes terribles», подъ заглавіемъ «Виновна, но заслуживаетъ снисхожденія». Въ пьесѣ собственно одна роль, сдѣланная спеціально для г-жи Савиной, и г-жа Савина играетъ ее прекрасно; эта роль вполнѣ по ея средствамъ. Дѣло въ томъ, что милая дамочка, г-жа Сомова, своей вѣчной болтовней, запутываетъ всѣхъ и вся, такъ что изъ водевиля готова уже произойдти драма, но ловкая барыня находитъ исходъ и всѣ остаются довольны. Есть въ пьесѣ еще роль, которую авторъ, вѣроятно, считалъ второстепенной и никакъ не ожидалъ, что исполнитель можетъ выдвинуть ее на первый планъ и даже затмить главную роль въ комедіи. Это чародѣйство совершилъ талантливый г. Давыдовъ, выдвинувшій незначительную роль до такой степени, что заставилъ забыть даже г-жу Савину. Почти каждая его фраза сопровождалась рукоплесканіями и во время дѣйствія онъ вызванъ былъ нѣсколько разъ. Совѣтую каждому, любящему театръ, посмотрѣть г. Давыдова въ этой роли, чтобы убѣдиться, что даровитый актеръ и изъ ничтожной роли можетъ создать типъ.

Третьей пьесой были оригинальныя сцены покойнаго Слѣпцова, «Въ камерѣ судьи», почему-то дававшіяся съ исключеніями. Много разъ эти сцены шли безъ исключеній въ Художественномъ собраніи и нѣсколько тысячъ петербургскихъ жителей пересмотрѣли ихъ. И что-же исключено? Сцена двухъ гробовщиковъ, поссорившихся изъ-за того, кому изъ нихъ хоронить умершаго генерала, — сцена характеристичная и очень ловко написанная. Кромѣ этого страннаго исключенія передѣлана еще одна сцена. У Слѣпцова купецъ, судимый за оскорбленіе, нанесенное горничной, проситъ у нея извиненія, что выходило очень комично; въ новой передѣлкѣ этотъ купецъ оправдывается мировымъ судьею. Трудно понять, какія соображенія въ этомъ случаѣ руководили передѣлывателями, которыми были, говорятъ, заправители репертуаромъ. Изъ числа исполнителей въ сценахъ выдался: г. Шкаринъ, художественно исполнившій роль мужика, обвиняющаго дворника въ убійствѣ гуся, которое совершилось потому, что этотъ дворникъ дернулъ возжи извощичьей лошади, та тронула дрожки и колесомъ переѣхало шею гуся. Также замѣчательно хорошо съигралъ г. Арди роль военнаго писаря. Сцены Слѣпцова жизненны и бойко написаны.

— **Извѣстіе объ экспедиціи Франклина.** Въ 1845 году извѣстный Франклинъ на корабляхъ «Эребусъ» и «Терроръ» отправился въ полярное море; спустя годъ послѣ его отъѣзда, стали все рѣже и рѣже появляться слухи объ его экспедиціи и наконецъ совсѣмъ прекратились. Съ того времени для узнанія, что сталось съ экспедиціей Франклина, нѣсколько разъ снаряжались англійскія, германскія, бельгійскія и разныя другія экспедиціи, но ничего не находили и тайна по прежнему скрывалась въ морской глубинѣ. Въ 1879 году, какъ мы уже сообщали, норвежскимъ китоловамъ удалось у береговъ Новой земли поднять съ морского дна деревянную часть якоря съ надписью «Эребусъ», что доказывало, что Франклинъ былъ здѣсь, но гдѣ онъ погибъ все еще оставалось неизвѣстнымъ. Теперь лондонское географическое общество получило слѣдующее извѣстіе, доставленное ему черезъ Швецію: «Англійская практическая экспедиція нашла наконецъ корабли «Эребусъ» и «Терроръ» затертыми льдами, а по сосѣдству съ ними нѣсколько человѣческихъ скелетовъ.

— **Новый замѣчательный пловецъ.** Съ береговъ Платенскаго озера, въ Венгріи, увѣдомляютъ о новомъ подвигѣ плаванія, который, по всей справедливости, слѣдуетъ назвать безпримѣрнымъ и героемъ котораго былъ ротмистръ Коломанъ Секреніешки. 17-го августа, въ 11 ч. 7 м. утра, этотъ офицеръ пустился вплавь отъ Сіофокскихъ купаленъ и въ 5 ч. 52 м. вечера вышелъ изъ воды на противоположномъ берегу озера, у школы плаванія въ Балатонъ-Туредѣ. Ширина озера въ этомъ мѣстѣ 9,800 туазовъ, или около 17 верстъ, но разстояніе, проплытое Секреніешки, было, по крайней мѣрѣ, на 500 туазовъ болѣе по случаю уклоненій отъ прямого пути, причиняемыхъ сильнымъ теченіемъ. Этотъ смѣлый подвигъ, въ успѣхѣ котораго сомнѣвались всѣ, былъ исполненъ въ присутствіи всего окрестнаго населенія, собравшагося на берегъ въ числѣ многихъ тысячъ человѣкъ. Неустрашимый пловецъ, по выходѣ на берегъ, былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ мортиръ и восторженными криками купальщиковъ, къ которымъ присоединилось и все окрестное населеніе. Слѣдуетъ прибавить, что во время плаванія, озеро сильно волновалось и пловецъ совершилъ свой подвигъ безъ помощи какого бы то ни было апарата.

— **Богадѣльня для животныхъ.** Въ окрестностяхъ Парижа, близъ Гонеса, существуетъ пріютъ для старыхъ животныхъ и птицъ. Вотъ возрастъ нѣкоторыхъ изъ пансіонеровъ этого благотворительнаго заведенія новаго рода: коровѣ 36 лѣтъ, лошаку 72 года, свиньѣ 25 лѣтъ, козѣ 18 лѣтъ, воробью 31 годъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. На вопросъ одного изъ гг. подписчиковъ, отвѣчаемъ, что **С. С. Шашковъ** и **Н. В. Шелгуновъ** и въ 1881 году будутъ принимать участіе своими трудами въ «Живописномъ Обозрѣніи».

II. На вопросъ другого г. подписчика отвѣчаемъ, что, розсылаемая, какъ безплатное приложеніе къ журналу, «Гигіена» будетъ окончена въ нынѣшнемъ году.

III. Олеографическія картины, значащіяся въ пашемъ каталогѣ подъ №№ 1 и 2, у насъ болѣе продаваться не будутъ. Вмѣсто нихъ мы ставимъ въ каталогъ слѣдующія двѣ новыя картины:

№ по каталогу Редакц.	Названіе картинъ.	Цѣна Безъ пересылки. Руб.	 коп.	 Съ пересылкой. Руб.	 коп.	Размѣръ картинъ въ вершкахъ. Ширина.	 Высота.
1.	**Прерванный урокъ музыки,** карт. Эрдмана.	3	—	—	75	$12\frac{1}{4}$	$15\frac{1}{4}$
2.	**Затруднительное объясненіе,** карт. его же.	3	—	—	75	$12\frac{1}{4}$	$15\frac{1}{4}$
	Кромѣ означенныхъ картинъ мы можемъ предложить гг. подписчикамъ еще слѣдующія новыя картины:						
53.	**Приморскій видъ,** карт. Краузе.........	1	20	—	40	$13\frac{1}{8}$	$9\frac{1}{2}$
54.	**На берегу въ Нормандіи,** его же.........	1	20	—	40	$13\frac{1}{8}$	$9\frac{1}{2}$
55.	**Пастушка,** карт. Брошау...............	1	25	—	40	$8\frac{5}{8}$	$10\frac{3}{8}$
56.	**Королевна и Королевичъ,** карт. Фегера....	1	25	—	40	9	$11\frac{1}{2}$
57.	**Тюремный стражъ,** карт. Арнольда.......	2	50	—	75	$11\frac{1}{4}$	$15\frac{1}{2}$

Включаемъ въ нашъ каталогъ и преміи нынѣшняго года. Онѣ будутъ продаваться по слѣдующимъ цѣнамъ: № 58) **Портретъ Государя Императора**, произведенный олеографическимъ способомъ 20 коп., съ пересылкой 45 коп. (портретъ высылается въ конвертѣ заказнымъ письмомъ, если требуется одинъ безъ другихъ картинъ). № 59) **Малороссіянки**, карт. К. Е. Маковскаго, 1 р., пересылка 40 коп.; № 60) **На перевязочный пунктъ**, карт. проф. Ковалевскаго, 80 коп., пересылка 30 коп. Гравюры: № 61) **Явленіе Христа народу**, карт. Иванова 1 р. 50 коп.; пересылка 50 коп. № 62) **Христосъ въ пустынѣ**, картина Крамскаго 30 коп.; пересылка 20 коп.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 44-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 1 ноября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 3 ноября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Побѣда, стих. **А. Вигилянскаго.**—Первый балъ, разск. **П. Д. Боборыкина.**—На кладбищѣ, стих. **Дм. Ушакова.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, романъ въ 3 частяхъ **М. Ф. Каменской.**—В. Г. Бѣлинскій.—Рябая красавица, романъ **А. Бувье.** — Пляски и танцы на Руси, истор.-біолог. очерки **Вл. Михневича.**—Школа французскихъ импресіонистовъ, ст. **Дилетанта.**—Стефенъ Митчель, пов. изъ флорид. жизни **М-съ Робинзъ**, перев. **А. А. Разсказовой.**—Внутреннее обозрѣніе.—Библіографическій листокъ.—Къ рисункамъ.— Смѣсь.

Рисунки: Эзопъ, разсказывающій басни, карт. **Роберта Фонтана.**—Охота за дрохвами, рис. **Петра Соколова.**—Непрошенный гость, карт. **Фридлендера.**—Выѣздъ короля Фредерика V изъ Праги, карт. **Фаберъ де-Форъ.**—Каинъ и Авель, скульптура **А. Дебэ.**—Одинъ рисунокъ къ роману «Стефенъ Митчель».

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ**.

При этомъ нумерѣ гг. иногороднымъ подписчикамъ разсылается подписной конвертъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 ноября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНІЕ

„НОВОСТИ“

И

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“.

НА 1881 ГОДЪ

(пятый годъ изданія подъ новою редакціею).

(Форматъ большихъ газетъ, 28 столбцевъ или около 4500 строкъ убористаго шрифта въ нумерѣ).

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ: на 1 г. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 80 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 г. 9 р., на 11 м. 8 р. 25 к., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1880 г. и на весь 1881 годъ платятъ за время: съ 1-го сентября 1880 г. по 1-е января 1882 г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ—12 р. 50 к.,** съ 1-го октября 1880 года по 1-е января 1882 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к.,** съ 1-го ноября — 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 75 к.

Письма и деньги адресуются: *въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ»* (Гороховая, 32).

Газета **„Новости“** выходитъ **безъ предварительной цензуры**, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней, если получаются важныя телеграмы.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило — не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ-нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣденій, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ специальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ или два нумера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутины, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, получаемыхъ редакціей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и кореспондентовъ (рубрики: «Административныя», «духовныя», «дипломатическія», «военныя» и «морскія» новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя Почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствованія изъ другихъ изданій подчинять самому строгому критическому выбору и пріурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская Печать» редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣни» наиболѣе выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой, практическій матеріалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матеріальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты пріурочепъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

Содержаніе газеты „Новости“ и „Биржевая газета“.

1) Политическія Телеграммы (доставляемыя собственными кореспондентами и «Международнымъ Агентствомъ»). 2) Дневникъ (руководящія статьи). До 1-го сентября напечатано: по внѣшнимъ вопросамъ около 650 статей, а по внутреннимъ — около 100 статей. Въ этомъ отдѣлѣ участвовали слѣдующіе авторы: Л. К. Весинъ, А. А. Головачовъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. Б. Думашевскій, А. И. Забѣлинъ, Р. Ѳ. Ильишъ, А. К. Киркоръ, А. Клевановъ, Л. К. Лебедевъ, В. О. Михневичъ, В. Н. Никитинъ, О. К. Нотовичъ, Б. П. Онгирскій, Л. К. Панютинъ, Р. И. Сементковскій, М. А. Филиповъ, Н. П. Черепнинъ, С. А. Шапиро и многіе другіе.—3) Административныя, духовныя, дипломатическія, военныя и морскія новости. (Отъ нашихъ спеціальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 1000 извѣстій.—4) Русская Лѣтопись (Отъ нашихъ спеціальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ этою же рубрикою печатались: всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, сообщенія и телеграммы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской городской думы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ. Кромѣ того, своевременно помѣщались всѣ, болѣе или менѣе важныя, распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія. 5) Театръ и Музыка. Подъ этой рубрикой помѣщено болѣе 1,000 извѣстій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этой же рубрикою печатаются собственныя и заимствованныя извѣстія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ. 6) Всемірный Калейдоскопъ, печатающійся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣденія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіяхъ, событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта. 7) Правительственныя распоряженія, представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльныхъ національностей, классовъ и городскихъ или сельскихъ населеній, печатаются цѣликомъ. 8) Внутренняя Почта (Письма и сообщенія отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ кореспондентовъ). 9) Русская Печать (ежедневное обозрѣніе газетъ и журналовъ). 10) Литературный и научный отдѣлы. Въ этомъ отдѣлѣ участвовали слѣдующіе авторы: Л. К. Весинъ, А. А. Головачовъ, А. И. Забѣлинъ, Л. К. Лебедевъ, Н. С. Лѣсковъ, В. О. Михневичъ (Коломенскій кандидъ), В. Н. Никитинъ, Л. К. Панютивъ, Р. И. Сементковскій, А. А. Серебренниковъ, Ф. Н. Устряловъ, М. А. Филипповъ и многіе другіе. 11) Библіографія: отзывы о новыхъ книгахъ. 12) Беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ напечатаны слѣдующія беллетристическія произведенія: «Сынъ», ром. Э. Римбура.—«Ливія Августа», истор. ром. Курти.—«Бригитта», разск. Ауэрбаха. — «Всемірный путешественникъ», разск. Вл. Михневича.—«Послѣдній мамай», юмор. очеркъ, его же.—«Нана», ром. Эм. Зола.—«Широкая маслянница», юмор. очеркъ Л. Панютина (Нилъ Адмирари). — «Дѣдушка Лебигръ», разск. Эркмана-Шатріана.—«Подложное завѣщаніе», ром. Дебана. — Письма Диккенса и сборн. статей Жоржъ-Зандъ. — «Дама ночи», ром. изъ испанск. жизни, Гонзалеса. — «Глорія», ром. изъ испанск. жизни, Гальдоса. — «Тифэна», разск. съ предисл. А. Дюма и др.—13) Между прочимъ (юмористическія и сатирическія замѣтки по текущимъ вопросамъ).—14) Свѣтъ и Тѣни.—15) Экономическій отдѣлъ.—16) Биржевой отдѣлъ. (Оба послѣдніе отдѣлы вполнѣ замѣняютъ специальную биржевую газету).—17) Судебный отдѣлъ.—18) Объявленія. **Воскресные нумера** печатаются въ форматѣ, удобномъ для переплета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ нумерахъ беллетристическихъ произведеній, по истеченіи года, составится объемистый томъ въ 26 листовъ газетго формата.

ВѢДОМОСТИ

ТАГАНРОГСКАГО ГРАДОНАЧАЛЬСТВА

ГОДЪ XII,

будутъ выходить въ 1881 году по прежней програмѣ два раза въ недѣлю:

ПО СРЕДАМЪ И ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: для городскихъ подписчиковъ			5 р.
» $1/2$ года	»	»	2 р. 50 к.
» 3 мѣсяца	»	»	1 р. 25 »
» 1 мѣсяцъ	»	»	— 50 »
На годъ: для иногородн. подписчиковъ			6 р.
» $1/2$ года	»	»	3 р.
» 3 мѣсяца	»	»	1 р. 75 к.
» 1 мѣсяцъ	»	»	1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Редакціи Вѣдомостей, при Канцеляріи Таганрогскаго Градоначальника и у всѣхъ Полицейскихъ Приставовъ г. Таганрога, ихъ Помощниковъ и Смотрителя Волостей Градонач.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

„СУФЛЕРЪ“

газета театральная, музыкальная, художественная и литературная.

(**годъ третій**).

Выходитъ **два раза** въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ, въ форматѣ большого газетнаго листа, имѣя въ текстѣ рисунки, портреты и планы.

ПРОГРАМА ГАЗЕТЫ:

1) Вопросы театра. Подъ этою рубрикою помѣщаютъ статьи, заключающія въ себѣ общіе вопросы, относящіеся до всѣхъ отраслей театральнаго дѣла.

2) Текущій репертуаръ. Всѣ новости сцены, разсматриваемыя съ критической точки зрѣнія. Сужденія объ игрѣ артистовъ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ.

3) Провинціальный театръ. Кореспонденціи изъ всѣхъ театральныхъ центровъ о современномъ состояніи театральнаго дѣла въ провинціи.

4) Заграничные театры. Кореспонденціи изъ Парижа, Лондона, Берлина, Вѣны и Неаполя. Выборки изъ газетъ спеціально-театральныхъ о всѣхъ новинкахъ театральнаго, музыкальнаго, художественнаго и литературнаго міра.

5) Среди театральныхъ рецензентовъ. Этотъ отдѣлъ посвященъ разбору мнѣній и отзывовъ, дѣлаемыхъ рецензентами газетъ и журналовъ.

6) Среди музыкальныхъ рецензій. Суть этого отдѣла та-же, что и предшествующаго.

7) Письма въ редакцію. Этотъ отдѣлъ принадлежитъ гг. артистамъ, музыкантамъ и художникамъ, для возраженій, которыя они могутъ дѣлать критикамъ всѣхъ газетъ, если бы нашли ихъ отзывы о себѣ почему либо неправильными.

8) Исторія театра, историческіе и біографическіе эпизоды, анекдоты, письма, воспоминанія, курьезы театральнаго міра.

9) Въ области слуховъ, вѣстей и предположеній. Сообщенія о всѣхъ новинкахъ и предположеніяхъ.

10) Изъ газетъ. Выборки газетныхъ статей, касающихся театра, по вопросамъ общимъ и частнымъ.

11) Режисерскій отдѣлъ. Монтировки пьесъ, т. е. сырой матеріалъ для постановки пьесъ на сцену, облегчающій важную задачу режисерамъ, дающій имъ возможность всегда имѣть подъ руками справки, до пьесы относящіяся. Такъ какъ новинки драматической литературы почти всегда получаютъ крещеніе на столичныхъ сценахъ, то режисеры провинціальныхъ театровъ будутъ имѣть монтировки ранѣе, чѣмъ пьеса достигнетъ ихъ города, а потому будутъ имѣть возможность все приготовить для возможно скорѣйшей постановки.

Примѣч. Сюда будутъ прилагаться рисунки декорацій, костюмовъ и аксесуаровъ.

12) Фельетонъ, въ которомъ помѣщаются романы, повѣсти, очерки, разсказы, стихотворенія, анекдоты, шарады, ребусы, анаграммы, изрѣченія и проч.

13) Справочный отдѣлъ. Здѣсь помѣщаются всевозможныя справки: репертуаръ, цѣны на мѣста въ театрахъ, планы театровъ, извѣщенія о выходѣ новыхъ книгъ и музыкальныхъ сочиненій; списокъ драматическихъ сочиненій, просмотрѣнныхъ цензурою, и проч., и проч., и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Петербургѣ безъ доставки: на годъ. 6 р., на полгода. 3 р. 50 к., на три мѣсяца. 2 р., на одинъ мѣсяцъ 75 к., съ доставкою: на годъ. 7 р., на полгода. 4 р., на три мѣсяца. 2 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 1 р., съ пересылкою на годъ: 8 р., на полгода. 4 р. 50 к., на три мѣсяца. 3 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Отдѣльно № 10 коп.

Гг. служащіе могутъ подписываться чрезъ гг. казначеевъ съ разсрочкою платежа. Кромѣ того гг. подписчикамъ предоставляется право разсрочки платежа подписныхъ денегъ въ слѣдующіе сроки: съ доставкою въ Петербургѣ—при подпискѣ 3 р., въ концѣ марта 3 р., въ концѣ мая 1 руб.; съ пересылкою—при подпискѣ 4 р., въ концѣ марта 2 руб., въ концѣ мая 2 руб.

Подписка принимается:

Въ главной конторѣ, находящейся при редакціи газеты «Петербургскій Листокъ» (у Казанскаго моста, домъ Ковалевскаго).

ВЪ „СОВРЕМЕННОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ“

(рядомъ съ Публичной Библіотекой), въ С.-Петербургѣ, поступили въ продажу слѣдующіе отрывные календари на каждый день, съ изящнымъ ртутнымъ термометромъ:

КАЛЕНДАРЬ-ТЕРМОМЕТРЪ

Православныя, протестантскія и римско-католическія святцы; самыя полныя астрономическія и календарныя свѣденія. Замѣчательныя событія изъ русской исторіи. Восходъ и заходъ солнца и луны, виды и старость луны, солнечныя и лунныя затмѣнія, уравненіе времени, и проч.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Тотъ-же календарь безъ термометра цѣна 75 к., съ перес. 1 р. 20 к.

ВОЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Кромѣ самыхъ полныхъ календарныхъ и астрономическихъ свѣденій, святцъ, и проч., помѣщены всѣ полковые праздники, военныя событія, форма одежды на разные торжественные дни и проч.

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Тотъ-же календарь безъ термометра цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

СЕМЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

На обратной сторонѣ каждаго листа помѣщается обѣденное меню на каждый день. Роскошная папка, работа художника И. С. Панова.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Вмѣстѣ съ новою поваренною книгою **«Домашній столъ»** ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 30 к. На переплетъ прилагается 50 к. Календарь рекомендуется всѣмъ хозяйкамъ.

Большая-Садовая, д. № 12, кв. № 15,

Тамъ-же продается новая, самая полная и общедоступная поваренная книга для молодыхъ хозяекъ:
постный и скоромный

„ДОМАШНІЙ СТОЛЪ“

составленъ **А. Толивѣровой** и **А. Сальниковой.**

Многочисленные рецепты и полезныя свѣденія.

Цѣна 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 25 к., и 1 р. 80 к.

Купившіе «Семейный календарь» платятъ за «Домашній столъ» 75 к., а въ переплетѣ 1 р. 25 к. На пересылку прилагается 25 коп.

Въ **«Современномъ»** книжномъ магазинѣ принимается подписка на всѣ журналы и газеты по редакціоннымъ цѣнамъ. Всевозможныя требованія исполняются немедленно и аккуратно.

ПРИРОДА и ОХОТА

IX ГОДЪ.

Выходитъ ежемѣсячно, книгами до 250 страницъ, съ политипажами въ текстѣ и 2—3 отдѣльными рисунками (частію хромолитографированными) въ каждой книгѣ. Въ январѣ будетъ разослана годовымъ подписчикамъ большая олеографія, исполненная въ Берлинѣ, съ оригин. рисунка, заказаннаго редакціей: **«Привалъ охотниковъ»**.

Програма: Популярныя естественно-историч. статьи. Этнографія. Путешествія. Аклиматизація. Монографіи охотничьихъ и промысловыхъ, вредныхъ и полезныхъ животныхъ. Звѣриный, рыбный и птичій промыслы. Ружейная, псовая, голубиная охота. Коннозаводство. Уженье рыбы, рыбоводство, птицеводство. Охотничьи законы. Воспитаніе, разведеніе, обученіе и леченіе собакъ, лошадей и птицъ. Выставки животныхъ. Ружье и охотничьи принадлежности. Новости охотничьяго міра. Охотничьи разсказы и очерки. Кореспонденціи изъ различныхъ мѣстностей Европ. и Азіатск. Россіи.— Отчеты и дѣйствія охотничьихъ обществъ.

Подписная цѣна: на годъ **13** р., съ пер. **14** р., на полгода **7** р., съ пер. **8** р.

Лицамъ, подписавшимся на 1881 г. до 1-го января въ редакціи (а не въ книжн. магазинахъ), выдаются немедленно или высылаются въ январѣ (вмѣстѣ съ преміей 1881 г:) литографир. портретъ С. Т. Аксакова и двѣ большія гравюры, исполненныя въ Парижѣ (Парфорсная охота).—Подписка въ разсрочку допускается за ручательствомъ казначеевъ или по соглашенію съ редакціей, съ правомъ полученія преміи по уплатѣ всѣхъ подп. денегъ.

Подписка отъ иногородныхъ принимается исключительно въ редакціи (Москва, Тверская, Пименовскій переул. д. Коровина).

Ред. Изд. **Л. П. Сабанѣевъ.**

Въ текущемъ году помѣщены, между прочими, слѣдующія статьи:

Звукъ въ мірѣ животномъ. Н. Зо—тницкаго. Съ черт.—Путешествіе въ Западную Сибирь. О. Финша и А. Брэма. Съ рисунками.—Эльбрусъ. Н. Динника.— Картины дальняго сѣвера. Ф. Арсеньева.—Бекасъ. Монографія. М. Мензбира.—Глухарь. В. А. Разевига.—Кавказскій тетеревъ. Н. Динника.—Тянь-шанскіе горные козлы. С. Алфераки. — Маралъ и мараловодство въ южномъ Алтаѣ. В. Плотникова.—Хорьковый промыселъ. Николая К. Съ рисунк. —Охота на соболя. П. Белдыцкаго.—Охота за изюбромъ на ревъ. А. Арандаренко.—Способы истребленія волковъ. Л. П. Сабанѣева —Беркутъ и охота съ нимъ. Д. Далматова.—Рыболовство на Ростовскомъ озерѣ. А. Маракуева.—Охота у древнихъ грековъ. Н. В—а.—Статьи объ охотничьихъ законахъ. Н. Н. Левашова, С. В. Безобразова, Н. Б.— Охота на стрепета. Е. К. Бочарникова.—Объ осеннемъ пролетѣ вальдшнеповъ. Н. Томашевскаго.— Ружейная охота: въ Курляндіи. Г. Ф. Гебеля; въ Турціи, Н. Н. Е. и М. Чайковскаго; въ вятской губ. В. Бѣлова; въ Чердынскомъ Уралѣ. П. Белдыцкаго; въ камышинскомъ уѣздѣ В. Санарскаго; на нижней Волгѣ. Е. Т. Смирнова; въ Задонскихъ степяхъ. Н. Андреянова; въ Землѣ войска Донскаго; въ Закавказьѣ.—Б. Познанскаго, Н. В. Никитенко, М. К.; на Сыръ-Дарьѣ.—Записки охотника тверской губерніи о ружейной охотѣ съ гончими. Николая К. —Псовая охота въ Малороссіи. П. Филатова.— Статьи о псовой охотѣ: Н. П. Ермолова, Н. Ступишина, Н. В. Мажорова, В. Дмитріева, В. С. Толстого, А. И. Новикова, А. Е. Корша, Стараго охотника, М. С.; Охотничьи письма П. М. Мачеваріанова.— Въ защиту современнаго поколѣнія коннозаводчиковъ. Ф. А. Свѣчина.—Породы лошадей на востокѣ. М. Чайковскаго.—Замѣтки объ уженьи рыбы. Барона П. Г. Черкасова (въ 7 книг.). Съ рисунками.— Статьи объ уженьи рыбы: Н. Л.; Н. Т—скаго, А. Д., Е. и друг.—Охотничьи разговоры о чистыхъ голубяхъ. Рукопись 1809 г.—Статьи о голубиной охотѣ: П. А. Елагина, М. Борисова, А. Н. Алферова, Н. Р.— Дресировка легавой собаки. Е. Беллькруа.—Статьи о легавыхъ: Л. П. Сабанѣева, А. Савельева, Н. Томашевскаго, Н. Малыхина, Н. П. Ермолова; о гончихъ—Николая К.; о борзыхъ: Стараго охотника, Н. П. Ермолова, А. Е. Корша, Экспонента и др.— Болѣзни собакъ. П. А. Квасникова.—Бѣшенство у людей и животныхъ, А. Х—ковскаго.—Статьи о болѣзняхъ собакъ: П. Ермолаева, В. Т., М. Ф.—Наивыгоднѣйшіе заряды и снаряды. Ф. П. Шиповскаго.—Таблицы для опредѣленія зарядовъ. Н. Н. Всеволожскаго.—Ружейная гильза. Дмитрія В.—Составныя металическія гильзы. Е. Т. Смирнова. Съ чертеж.—Статьи о ружьяхъ, пыжахъ и патронахъ (частію съ чертеж.): Л. М. Ушкова, Н. В. Никитенко, г. Адасовскаго, В. Алисова, Н. Старова, А. Селастенникова, А. Арандаренко, А. Галина, И. В. Шишкина, А. Львовскаго, Н. Томашевскаго, В. Г. —Былое и настоящее. А. И. Новикова.—Охотничьи разсказы: Дмитрія В., Н. В., А. Корсуна, Н. Ст—ова, Н. Сахацкаго, Д. З., П. М., Ружейнаго охотника, Н. Г. Бунина, И. Г. Шведова, Струтосова, А. Макарова, Николая К., Ф. А. Свѣчина, И. А. Малышева и друг.—Стихотворенія: Н. Б. Куроѣдова, Н. Сахацкаго, Дмитрія В., Г. К.—Многочисленныя кореспонденціи изъ различныхъ мѣстностей Европ. и Азіатской Россіи.

Въ приложеніи 30 отдѣльныхъ рисунковъ (въ томъ числѣ 5 хромолитограф.). Преміи: Большая олеографія **«Медвѣжья охота»**, съ картины В. Г. Перова (стоющая въ отдѣльной продажѣ 6 р.) и портреты извѣстныхъ охотниковъ: С. Т. Аксакова и П. М. Мачеваріанова. Всѣ преміи эти выдаются только уплатившимъ за журналъ 12 р. безъ и 13 р. 50 к. съ пересылкой.

Журналъ «Природа и Охота» за 1878 и 1879 гг. можно получать по 10 р. за годъ (на пересылку каждаго года прилагается за 10 ф. по разстоянію).— «Журналъ Охоты» и Сборникъ «Природа», издававшіеся до 1878 года отдѣльно, продаются: немногіе оставшіеся экземпляры Журнала Охоты 1874—1877 гг. (7 томовъ, съ 46 хромо и литографіями) за 25 р. (пересылка за 20 ф.); Журналъ Охоты 1875—1877 безъ отдѣльныхъ рисунковъ за 12 р. и по 4 р. за годъ (пересылка за 17 ф.); Сборникъ «Природа» за 1873—1877 гг. (17 томовъ съ 1400 рис. въ текстѣ) съ 100 хромолитогр. и литографіями за 25 р. (вмѣсто 53 р.); съ 50 приложеніями за 15 р. На пересылку каждаго экземпляра Сборника по почтѣ прилагается за 1 пудъ 5 фунтовъ, по разстоянію; можно пересылать чрезъ транспортныя конторы, съ переводомъ платежа и уплатой пересылочныхъ денегъ на мѣстѣ.

Открыта подписка на 1881 годъ

Годъ III.

„ШУТЪ“

Годъ III.

большой

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

КАРИКАТУРЪ,
печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ
(хромолитографія).

Выходитъ еженедѣльно, въ форматѣ большихъ илюстрацій, in quarto, помѣщая на своихъ страницахъ: рисунки, карикатуры, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, анекдоты, шарады, загадки, ребусы и т. д. Журналъ будетъ всесторонне касаться явленій текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной, расширивъ програму своей дѣятельности. Успѣхъ первыхъ годовъ даетъ возможность привлечь болѣе широкій кругъ литературныхъ и художественныхъ силъ къ сотрудничеству въ нашемъ журналѣ и улучшать постоянно внѣшнюю сторону отдѣла карикатуръ.

Въ видѣ преміи мы предлагаемъ нашимъ годовымъ подписчикамъ роскошный альбомъ, состоящій изъ **20 листовъ картинъ-гравюръ, эскизовъ и рисунковъ**, преимущественно юмористическаго содержанія, отпечатанныхъ на эстампной бумагѣ.

Въ отдѣльной продажѣ въ С.-Петербургѣ этотъ художественный альбомъ стоитъ **5 рублей** безъ пересылки.

Краткій перечень содержанія журнала «ШУТЪ»: въ годъ **52** нумера большого формата, которые содержатъ между прочимъ: **156** большихъ рисунковъ въ четыре краски, болѣе **350** рисунковъ въ одну краску, **260** страницъ тексту въ прозѣ и стихахъ.

Кромѣ того на страницахъ журнала помѣщаются также ноты для пѣнія съ акомпанементомъ.

Условія подписки:

За годъ съ пересылкой и доставкой…….	**6** р.
» » безъ доставки……………….	**5** »
» шесть мѣсяцевъ съ перес. и достав.…	**4** »
» » » безъ доставки…….	**3** »

Гг. годовые подписчики, желающіе получить вышеупомянутую премію, благоволятъ приложить къ подписной цѣнѣ: съ пересылкой и доставкой 1 р. 50 к.—безъ пересылки и доставки 1 р.

Подписка принимается на имя редакціи: С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 110.

Редакторъ-издатель **Д. А. Есиповъ.**

КАРМАННО-ЖИЛЕТНЫЙ

инструментъ «Регуляторъ часовъ»; въ немъ: 1) **Часы** солнечные, показывающіе время во всѣхъ мѣстностяхъ, 2) **Компасъ** и 3) **Угломѣръ**, привилегированный, съ наставленіемъ. Съ перес. 3 р., большій 4 руб., посеребр. 5 руб., позолоч. 6 руб. Адресъ: г. **Вытегра,** олон. губ., Іос. Андр. **Милевскому**. Выписывающіе единовременно 5 штукъ получатъ 6-й безплатно.

ГАЗЕТА

КОННОЗАВОДЧИКОВЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛОШАДЕЙ

въ 1881 году.

(годъ восьмой).

Будетъ издаваться по той-же програмѣ, какъ и въ предъидущіе семь лѣтъ (съ 1874 г.), безъ предварительной цензуры, 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ объемѣ одного (или болѣе) печатнаго листа убористаго шрифта. Цѣль газеты—служить въ качествѣ независимаго органа интересамъ русскаго коннозаводства, спорта, кавалерійскаго и ремонтнаго дѣла въ Россіи, знакомя въ тоже время интересующуюся этимъ дѣломъ публику съ движеніемъ его заграницею.

Въ приложеніи къ газетѣ печатаются **описи рысистыхъ и верховыхъ заводовъ въ Россіи**, составляющія продолженіе изданныхъ уже по этому предмету заводскихъ книгъ (стутбуковъ).

Кромѣ того къ концу года всѣ подписчики получаютъ въ видѣ преміи **«Альбомъ замѣчательныхъ лошадей»**, состоящій изъ портретовъ наиболѣе выдающихся (преимущественно въ данномъ году) лошадей, художественно исполненныхъ новымъ фотолитографическимъ способомъ, съ описательнымъ текстомъ. Портреты эти по изяществу исполненія могутъ служить украшеніемъ кабинета каждаго любителя.

Цѣна годовому изданію газеты со всѣми къ ней приложеніями **семь** руб. съ пересылкою и доставкою на домъ.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ Редакціи газеты, а также у книгопродавцевъ И. Г. Соловьева, А. Л. Васильева, М. О. Вольфа, Н. И. Мамонтова и другихъ; въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Я. А. Исакова, М. О. Вольфа, Н. И. Мамонтова, Э. Гартье и другихъ.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія исключительно такъ: **въ Москву, въ Редакцію газеты коннозаводчиковъ и любителей лошадей, на углу Остоженки и Лопухинскаго переулка, д. Мясникова.**

Редакторъ-издатель **Н. Лодыгинъ.**

ВЪ

ДОНСКОЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1881 годъ

вошли подробныя свѣденія о войскѣ Донскомъ, заимствованныя изъ вѣрныхъ источниковъ.

Цѣна съ пересылкою **60** коп., которыя можно присылать почтовыми марками.

Адресъ: Новочеркаскъ. Въ редакцію «Донского Календаря.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

Шестой годъ.

Газета, посвященная вопросамъ врачебной науки, медицинскаго быта и земско-медицинскаго дѣла, выходитъ и въ будущемъ 1881 году еженедѣльно (50 №№ въ годъ).

Цѣна за годъ съ доставкою и пересылкою 8 рублей, за полгода 5 рублей.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи «Врачебныхъ Вѣдомостей». *С.-Петербургъ.*

При конторѣ редакціи открытъ съ прошлаго года книжный складъ (Петербургъ, Владимірская, № 7) медицинскихъ изданій, изъ котораго можно выписывать всѣ вышедшія доселѣ и находящіяся въ продажѣ книги медицинскаго и гигіеническаго содержанія. Каталогъ склада высылается желающимъ за почтовую (7 к.) марку.

Въ концѣ этого года выйдетъ: медицинскій ежегодникъ, въ форматѣ заграничныхъ календарей, содержащій избранныя магистральныя формулы и другія необходимѣйшія справочныя свѣденія. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 25 коп. съ пересылкою, а для подписчиковъ «Врач. Вѣдом.» цѣна 1 руб.

РЕДАКЦІЕЙ

„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

ИЗДАНО

СОЧИНЕНІЕ А. МИХАЙЛОВА.

„НАШИ ДѢТИ“.

Содержаніе книги: Гл. I Вліяніе родителей на дѣтей до рожденія послѣднихъ. Гл. II Вытравленіе плода, дѣтоубійство. Гл. III Дѣти въ родной семьѣ, на воспитаніи у чужихъ, въ воспитательныхъ домахъ. Гл. IV Школа. Гл. V Дѣти-работники. Гл. VI Дѣти-бродяги, дѣти-нищіе, дѣти-фигляры. Гл. VII Дѣти-преступники. Гл. VIII Наказанія и филантропія. Гл. IX Заключеніе.

Цѣна: безъ пересылки 2 р. 20 к. съ пересылкой 2 р. 50 к. Гг. подписчикамъ на „Живописное Обозрѣніе“ книга эта уступается за 1 р. 50 к. безъ пересылки, 1 р. 75 коп. съ пересылкой.

„БУДИЛЬНИКЪ“,

сатирическій журналъ съ рисунками и карикатурами.

(Семнадцатый годъ изданія).

Открыта подписка на **1881** годъ.

Въ 1881-мъ году «Будильникъ» будетъ выходить на прежнихъ основаніяхъ еженедѣльно (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями въ 4-ю долю листа большого формата, отъ 14 до 20 страницъ въ каждой. Такимъ образомъ, втеченіи года «Будильникъ» дастъ своимъ подписчикамъ: 100 хромолитографированныхъ рисунковъ (по два въ каждомъ нумерѣ), болѣе ста страницъ мелкихъ карикатуръ и до 1,500 столбцовъ текста.

ПРОГРАМА ЖУРНАЛА:

I. **Юмористическая лѣтопись русской жизни:** столичная хроника, нравоописательныя и бытовыя кореспонденціи изъ провинціи; карикатурные портреты героевъ дня. II. **Обозрѣніе политической и общественной жизни иностранныхъ государствъ** въ юмористическихъ разсказахъ, очеркахъ, стихотвореніяхъ, фельетонахъ и карикатурахъ. III. **Литературная лѣтопись:** новости и курьезы печати; портреты (шаржъ) современныхъ литераторовъ и журналистовъ; статьи полемическаго содержанія. IV. **Театральная хроника,**—преимущественно московская; художественныя новости: портреты и апотеозы выдающихся артистовъ; «Домашній театръ» «Будильника»: пародіи, фейеріи, арлекинады. V. **Беллетристика:** повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки и стихотворенія. VI. **Смѣсь** („**Звонки**“): новости, слухи, памфлеты, анекдоты, каламбуры, остроты, шутки и проч. VII. **Рисунки и карикатуры:** гг. Богданова, Грибкова, Кланга, Коренева, Лебедева, Любовникова, Малышева, Рачкова, Чичагова и Чехова. VIII. **Рекламы и объявленія,** среди которыхъ помѣшаются анекдоты, мелкія стихотворенія и карикатуры.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ,

право на полученіе которыхъ предоставляется исключительно годовымъ подписчикамъ:

1) **Альманахъ „Будильника“ на 1881 годъ** (3-й годъ изданія), въ который между прочимъ вошли:

а) Ребусъ, за разгадку котораго до 1-го января 1881 года редакція «Будильника» объявляетъ денежную премію въ 300 рублей,—б) «Каскадная галерея»: восемь, въ краскахъ исполненныхъ, рисунковъ К. Н. Чичагова: 1) Клеретта («Дочь рынка»),—2) Камарго,—3) Габріель («Парижская жизнь»),—4) Серполетта («Корневильскіе колокола»),—5) Булотта («Синяя борода»),—6) Прекрасная Елена,—7) Перикола и 8) Лянсинъ («Чайный цвѣтокъ»).

Разсылка альманаха гг. подписчикамъ началась 15 октября текущаго 1880 года, въ розничную-же продажу онъ будетъ выпущенъ (по цѣнѣ 1 р. 50 к. за экз., съ пересылк. 2 р.)—не ранѣе первыхъ чиселъ января будущаго 1881 года.

2) „**Альбомъ Маралы Іерихонскаго**“: 12 юмористическихъ поэмъ, изъ которыхъ каждую будетъ сопровождать большой (форматъ «Будильника») хромолитографированный рисунокъ. — Разсылка листовъ альбома предполагается ежемѣсячная (черезъ каждые три нумера журнала); вмѣстѣ съ послѣднимъ листомъ разослана будетъ, для брошюровки альбома, золотомъ отпечатанная обложка.

3) „**Пикантная исторія**“, олеографія съ картины Л. Германа, исполненная (подъ акварель), по заказу редакціи «Будильника», торговымъ домомъ А. и С. Кауфманъ въ Берлинѣ.

Желающіе могутъ получить, вмѣсто этой олеографіи, другую—съ картины Кизля: «Лѣнивка»; желающіе получить обѣ олеографіи доплачиваютъ, сверхъ подписной суммы, одинъ рубль. Какъ та, такъ и другая олеографія будутъ высылаемы навернутыя на скалкѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «Будильникъ» 1881 года:

	на годъ.	на 6 мѣс.
Въ Москвѣ, безъ доставки. . . .	7 р.	4 р. — к.
» съ дост. на домъ .	8 »	4 » 50 »
Съ пересылкой на города . . , .	9 »	5 » — »

Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ редакціи (Леонтьевскій пер., домъ Мичинера), у гг. Соловьева, Суворина, Вольфа, Мамонтова, Васильева и друг. книгопродавцевъ; въ Петербургѣ у гг. Исакова, Мелье, Мамонтова, Вольфа, Суворина, Черкесова, Малышева и друг.; въ провинціи—у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ Парижѣ—у гг. Гавасъ и К⁰ (Place de la Bourse, 8). Подписныя деньги присылаются исключительно на имя издательницы, Л. Н. Уткиной. Гг. подписчики благоволятъ высылать доли рубля—**деньгами**, а не почтовыми марками. Недославшимъ денегъ не будутъ досланы, въ концѣ года, по разсчету, послѣдніе нумера журнала. Контора отвѣчаетъ за неисправную доставку журнала подписавшимся у книгопродавцевъ—только въ томъ случаѣ, если ей сообщенъ адресъ подписчика.

Хотя конторою редакціи «Будильника» и приняты всѣ мѣры къ своевременной и акуратной высылкѣ журнала гг. иногороднымъ подписчикамъ, но эта послѣдняя, очевидно, можетъ быть достигнута только въ томъ случаѣ, если сами гг. подписчики будутъ заявлять свои требованія возможно заблаговременно и точно.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ.

Съ 1-го декабря 1880 г. будетъ выходить въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, новое ежедневное дешевое изданіе подъ редакціею **И. А. Баталина (Осы)** и подъ названіемъ:

„МИНУТА“

(ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ).

Кто пять лѣтъ почти ежедневно бесѣдовалъ съ публикою въ очень распространенномъ изданіи, откликаясь на всѣ вопросы и событія дня; кто пять лѣтъ доказывалъ стойкость своихъ убѣжденій, почерпаемыхъ изъ сердца и разума;—тому нѣтъ нужды рекомендоваться. Смѣемъ думать, что имя Осы хорошо извѣстно читающей публикѣ, въ особенности столичной.

Нынѣ Оса, покинувъ чужой улей, устраиваетъ свое собственное гнѣздо, болѣе просторное, такъ какъ газета **«Минута»** будетъ выходить ежедневно, при самой обширной програмѣ.

Съ вѣрою въ успѣхъ, съ жаждою неустаннаго труда, съ надеждою на сочувствіе къ намъ публики—выступаемъ мы на болѣе обширное поле дѣятельности! Обѣщаемъ быть смѣлыми, честными борцами на этомъ полѣ! Обѣщаемъ не льстить дурнымъ инстинктамъ, но и не заискивать у сильныхъ! Обѣщаемъ послужить, сколько можемъ, нашей бѣдной родинѣ, которую любимъ и часто призываемъ мысленно словами великаго Гоголя: «Русь! Русь! Бѣдна природа въ тебѣ; но какая непостижимая тайна влечетъ къ тебѣ? Русь! Что пророчитъ твой необъятный просторъ? Здѣсь-ли, въ тебѣ-ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Русь!!..»

Мы вѣримъ въ славное будущее Россіи, посреди постигающихъ ее бѣдствій, какъ вѣримъ въ свои собственныя силы. Мы предвидимъ пути къ облегченію современныхъ нуждъ, но не тамъ, гдѣ тщетно ихъ ищутъ многіе. Смѣло пойдемъ на эту дорогу! Кто прежде былъ съ нами, тотъ и теперь пойдетъ за нами!

«Минута», вѣрная своему названію, постарается быть живымъ органомъ современности. Свѣжесть, обиліе и разнообразіе фактовъ, бойкое изложеніе, новизна нѣкоторыхъ журнальныхъ пріемовъ и разнообразный матеріалъ для чтенія—вотъ главныя достоинства, которыми постарается украсить себя новая газета. Пятилѣтній опытъ редакторства убѣдилъ насъ, что жалобы на отсутствіе талантовъ, особенно молодыхъ, несправедливы. Начинанія убиваются рутиною, но мы ихъ поддержимъ: поощримъ всякое новое дарованіе. Пусть будетъ **«Минута»** пробою для свѣжихъ силъ.

Въ составъ газеты **«Минута»** войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Передовыя статьи по вопросамъ внѣшней и внутренней политики (ясность, краткость и живость изложенія—главныя при этомъ условія). 2) Правительственныя извѣстія. 3) Хроника (въ этотъ обширный отдѣлъ войдутъ отчеты объ интересныхъ событіяхъ, о засѣданіяхъ публичныхъ собраній, городскихъ думъ, о процесахъ въ камерахъ судей и всякаго рода свѣденія, представляющія общій интересъ). 4) Провинціальныя извѣстія и кореспонденціи (будетъ допущено самое широкое обличеніе дѣйствительныхъ золъ и злоупотребленій). 5) Политическія извѣстія. 6) Биржа и экономическій отдѣлъ. 7) Судебная хроника (процесы будутъ излагаться въ очеркахъ). 8) Научныя свѣденія (смѣсь). 9) Критика и библіографія (отчеты о всѣхъ замѣчательныхъ новыхъ книгахъ и новыхъ книжкахъ журналовъ). 10) Фельетонъ (въ каждомъ № будутъ два фельетона: одинъ «Ежедневная Бесѣда» Осы, а другой—романъ. На выборъ романовъ будетъ обращено особое вниманіе). Кромѣ этого введена будетъ юмористическая рубрика «Звонокъ» (асамблея сценъ, куплетовъ, остротъ, интересныхъ задачъ и проч.). 11) Театръ и музыка (Редакція имѣетъ возможность всѣ театральные слухи сообщать изъ вѣрныхъ источниковъ). 12) Телеграмы (въ случаѣ выдающихся событій). 13) Справочный отдѣлъ. 14) Объявленія (по таксѣ 8 к. за строку).

Газета **«Минута»** будетъ выходить ежедневно (кромѣ послѣ-праздничныхъ дней) листомъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на годъ 6 р. 50 к., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣсяцъ 75 к., съ доставкою на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 90 к., съ пересылкою на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 2 р. 60 к., на 1 мѣсяцъ 90 к.

Годовые подписчики на будущій 1881 г. получаютъ газету за декабрь этого года безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ газеты **«Минута»**, въ Петербургѣ, на углу Большой Итальянской и Большой Садовой (противъ Пассажа), въ д. Крафта.

Иногородные адресуютъ посылки: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты **«Минута»**.

Редакторъ-издатель **И. А. БАТАЛИНЪ (ОСА)**.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ **1881** ГОДУ

самаго дешеваго ежедневнаго изданія

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Газеты русской и заграничной (политической) жизни, литературной, коммерческой, казенныхъ и частныхъ объявленій.

Не прибѣгая къ громкимъ рекламамъ и многорѣчивымъ обѣщаніямъ, мы употребимъ всѣ свои матеріальныя и нравственныя силы, чтобы «Одесскій Листокъ» могъ вполнѣ отвѣчать требованіямъ минуты и чтобы въ глазахъ своихъ читателей онъ имѣлъ значеніе руководящаго органа, немудрствующаго лукаво, безъ предвзятыхъ мнѣній и заднихъ цѣлей, освѣщающаго факты и событія изъ ежедневной общественной жизни.

Краткое изложеніе фактовъ, всесторонній анализъ и освѣщеніе ихъ, полнота и свѣжесть извѣстій стоятъ у редакціи на первомъ планѣ.

«Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно въ форматѣ столичныхъ и провинціальныхъ большихъ газетъ. Печататься будетъ новымъ, отчетливымъ шрифтомъ, по слѣдующей програмѣ:

I. Правительственныя распоряженія. II. Внутренній отдѣлъ. Статьи по городскому и земскому хозяйствамъ, сельской и торговой промышленности Россіи. III. Телеграмы. Международ. телегр. агентства и отъ собственныхъ кореспондентовъ изъ всѣхъ странъ свѣта. IV. Ежедневная хроника. Отдѣлъ этотъ дѣлится на слѣдующія рубрики: а) городскіе новости и слухи, б) рефераты: судебные, думскіе, земскіе и разныхъ другихъ обществъ и учрежденій и желѣзно-дорожныя новости, в) «мимоходомъ» и различныя сцены и г) театральная и библіографическая хроника. V. Внутреннія извѣстія. Кореспонденція изъ всѣхъ концовъ Россіи и перепечатки изъ другихъ газетъ. VI. Заграничныя извѣстія. Статьи, кореспонденціи и позаимствованія изъ иностранныхъ газетъ о выдающихся событіяхъ политической и экономической жизни Европы. VII. Фельетоны. Воскресные и въ будніе дни. VIII. Смѣсь. Свѣденія о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; изъ областей науки, искуства, литературы и дамскихъ модъ, сцены и разсказы юмористическаго содержанія IX. Комерческій отдѣлъ. Комерческія телеграмы и кореспонденціи изъ значительныхъ по торговлѣ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ городовъ; статьи по вопросамъ экономическимъ, финансовымъ, хозяйственнымъ и промышленно-торговымъ. Цѣны на хлѣбъ, шерсть, сахаръ и пр. товары внутренней и отпускной торговли. Цѣны на цѣнныя бумаги и звонкую монету. X. Справочный отдѣлъ. Въ этомъ отдѣлѣ будемъ помѣщать свѣденія о дѣлахъ, назначенныхъ къ разбирательству въ судебной палатѣ, окружномъ судѣ, городскомъ и уѣздномъ съѣздахъ мировыхъ судей и коммерческомъ судѣ, объ отходѣ и приходѣ пасажирскихъ и товарныхъ пароходовъ и поѣздовъ жел. дор.; о прибывающихъ въ г. Одессу и выбывшихъ. XI. Отдѣлъ объявленій. Объявленія казенныя и частныя на всѣхъ европейскихъ языкахъ печатаются по весьма умѣренной таксѣ, а для большаго распространенія объявленій въ публикѣ, «Листокъ» во многихъ частяхъ города расклеивается на особо устроенныхъ доскахъ, что даетъ возможность каждому желающему безплатно читать, вслѣдствіе чего объявленія достигаютъ скорѣе своей цѣли.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ, съ ежедневною доставкою на домъ, въ годъ (12 мѣсяцевъ) 6 руб., полгода (6 мѣсяцевъ) 3 руб. 50 коп., три мѣсяца 2 р., одинъ мѣсяцъ 85 коп.

Для иногородныхъ подписчиковъ съ ежедневною пересылкою по почтѣ: на годъ (12 мѣсяцевъ) 7 руб., полгода (6 мѣсяцевъ) 4 руб., три мѣсяца 3 руб., одинъ мѣсяцъ 1 руб. 20 коп.

Подписавшіеся до декабря мѣсяца на полученіе газеты въ 1881 г. за декабрь мѣсяцъ получатъ **безплатно**.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

Недавно вышелъ изъ печати въ Симбирскѣ

МѢСЯЦЕСЛОВЪ

ПРАВОСЛАВНОЙ КАФОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ,

(Изданіе 2-е, исправл. и дополн., до 930 стр. мелкаго убористаго шрифта).

Составленный **г. Косолаповымъ,**

могущій служить справочною книгою о всѣхъ святыхъ, чтимыхъ святою православною церковію. По обилію заключающихся въ мѣсяцесловѣ свѣденій, онъ заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ православныхъ. Въ мѣсяцесловѣ встрѣчается множество именъ такихъ святыхъ, о которыхъ доселѣ не упоминалось даже въ самыхъ полныхъ мѣсяцесловахъ. Кромѣ того, почти всѣ святые имѣютъ краткое описаніе жизни и даже съ описаніемъ (у нѣкоторыхъ) тѣхъ случаевъ изъ жизни, по которымъ въ православномъ народѣ сложилось вѣрованіе прибѣгать съ молитвою о помощи къ разнымъ святымъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ мѣсяцесловѣ указаны также всѣ праздества въ честь явленныхъ иконъ Божіей Матери, съ описаніемъ случаевъ ихъ явленія. Въ концѣ мѣсяцеслова приложены: алфавитъ именъ святыхъ, полный индиктіонъ, чтенія Воскресныхъ Евангелій и Апостоловъ на всѣ недѣли года.

Цѣна мѣсяцеслову **3** руб. **50** коп. безъ пересылки. За пересылку прилагается на 2 фунта по разстоянію. Выписывающіе 10 экземпл. пользуются уступкою 10%. Книгопродавцамъ обычная уступка. Складъ изданія при типографіи Н. Г. Анучина, въ Симбирскѣ.

въ 1881 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ),

иллюстрированный журналъ для дѣтей и домашняго и общественнаго воспитанія.

Будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣже сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1880 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ «Педагогической хроники»**. Подписная цѣна на полный журналъ безъ доставки **11** р., съ доставкой и перес. **12** р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей** выходитъ ежемѣсячно, 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна безъ доставки **9** р., съ дост. и перес. **10** р.

II. **Учебно-воспитательный отдѣлъ (для родителей и воспитателей)** выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ **«Педагогической хроники»**, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна безъ дост. **4** р. и съ дост. и перес. **5** р.

Первый отдѣлъ (для дѣтей) даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Второй отдѣлъ (для родителей и воспитателей) содержитъ общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій и пр. **„Педагогическая хроника“** даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею, и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа“** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. Краевичъ.**

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА

„СОВРЕМЕННОСТЬ“

съ особымъ еженедѣльнымъ приложеніемъ:

„СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1881 году.

Въ будущемъ году «Современность» будетъ издаваться въ томъ-же направленіи, что и въ нынѣшнемъ году. Въ редакціи газеты будетъ принимать постоянное участіе отецъ мой, бывшій редакторъ газеты «Сынъ Отечества», А. В. Старчевскій.

Цѣль газеты, главнѣйшее ея стремленіе — вносить въ русское общество одни здравыя, положительныя начала, полезныя знанія, могущія содѣйствовать всестороннему и основательному развитію образованія въ среднемъ и низшемъ класахъ нашего общества, для которыхъ мы преимущественно и предназначаетъ нашу газету. Поэтому, кто хочетъ слѣдить за преуспѣяніемъ во всѣхъ сферахъ—политической, умственной, художественной, технической и общественной дѣятельности, тотъ найдетъ въ «Современности» все, что его можетъ интересовать.

Газета «Современность» издается безъ предварительной цензуры.

Въ будущемъ году «Современность» будетъ выходить ежедневно.

«Семейное Чтеніе» вовсе не имѣетъ въ виду преслѣдовать педагогическую цѣль, а тѣмъ менѣе доставлять русскимъ небогатымъ семействамъ матеріалъ для одного лишь легкаго чтенія и развлеченія. «Семейное Чтеніе» служитъ необходимымъ дополненіемъ газеты «Современность» и предназначается для того класа общества, который не имѣетъ возможности подписываться на большую газету и въ тоже время на толстый журналъ, стоющіе вмѣстѣ болѣе 30 руб. сер.

Втеченіе двухлѣтняго изданія нами «Современности», читатели могли убѣдиться, что цѣль наша состоитъ въ томъ, чтобы «Современность» служила, на сколько это позволяетъ объемъ ея, вѣрнымъ отраженіемъ лучшихъ взглядовъ и выводовъ нашихъ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна на газету «Современность» съ «Семейнымъ Чтеніемъ» за годъ **6** руб.; съ перес. и доставкою на домъ **7** руб.; съ преміей (необязательной), состоящей изъ 6 олеографическихъ картинъ **8** руб.

Выписка газеты въ долгъ не допускается.

Подписка принимается въ редакціи газеты, въ С.-Петербургѣ, уголъ Ямской и Свѣчнаго переулка, домъ № 9, кварт. № 18.

Редакторъ-издатель **А. А. Старчевскій.**

Объ изданіи въ **1881** году журнала

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

(годъ седьмой).

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый нумеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана въ видѣ **преміи** 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ: Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки **8** руб., съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ **8** руб. **50** коп., съ пересылкою иногороднымъ **9** руб.

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ **5** руб. и къ 1-му мая остальныя.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для городскихъ подписчиковъ:—**Въ С.-Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ Исакова. **Въ Москвѣ**—при книжныхъ магазинахъ Соловьева—Страстной бульваръ, д. Алексѣева, и Мамонтова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія», Шпалерная улица, д. № 42.

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ исключительно въ редакцію, а городскихъ въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го января 1881 года «НУВЕЛЛИСТЪ», вступая въ 42-й годъ своего существованія, будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ-или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ «НУВЕЛЛИСТѢ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

«НУВЕЛЛИСТЪ», Музыкально-Театральная Газета, будетъ выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона: въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ и состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра какъ въ Россіи, такъ и за-границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искуства. 4) Фельетонъ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики «НУВЕЛЛИСТА» получатъ въ концѣ года **ПРЕМІЮ** — полную оперу въ двѣ руки или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти нумеровъ, указанныхъ редакціею.

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» съ Музыкально-Театральною Газетою и преміею **5** руб. Съ доставкою или пересылкою **6** руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ «НУВЕЛЛИСТА» при музыкальномъ магазинѣ **М. Бернарда,** поставщика двора Его Величества, Невскій проспектъ, № 10. **Въ Москвѣ:** въ музыкальномъ магазинѣ **А. Б. Гутхейль**, поставщика двора Его Величества, Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. **Въ Казани:** въ музыкальномъ магазинѣ **«Восточная Лира»**. **Въ Харьковѣ:** у **Гергарда.**

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“

изд. Е. ЛЕБЕДЕВОЙ.

(бывшій Львовой)

Журналъ выходитъ пятнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ произведенія, самыя новѣйшія, иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими или имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами, такъ чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ провожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ-бы его съ наиболѣе интересными и наиболѣе пользующимися успѣхомъ, въ различныхъ странахъ Запада, произведеніями изящной литературы.

Для болѣе лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему-либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются наибольшею популярностью за-границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ будетъ помѣщенъ парижскій романъ Генри Рошфора—«Мадмуазель Бисмаркъ», гдѣ читатель встрѣтитъ лицъ, заправляющихъ въ настоящее время судьбою Франціи, какъ, напримѣръ, Гамбетту и т. п. При январской книжкѣ мы приложимъ и портретъ Рошфора, вмѣстѣ съ его краткой біографіей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на 12 мѣсяцевъ 8 руб., на 6 мѣсяцевъ 4 руб. 25 коп. Съ дост. на домъ: на 12 мѣсяц. 8 руб. 50 коп., на 6 мѣсяц. 4 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ города: на 12 мѣсяц. 9 руб., на 6 мѣс. 5 руб.

Допускается разсрочка по полугодично, по третямъ и помѣсячно, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., во второмъ—3 руб., а въ третьемъ—2 рубля.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно въ контору **«ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ»**, Спб., Надеждинская ул., д. № 23—2.

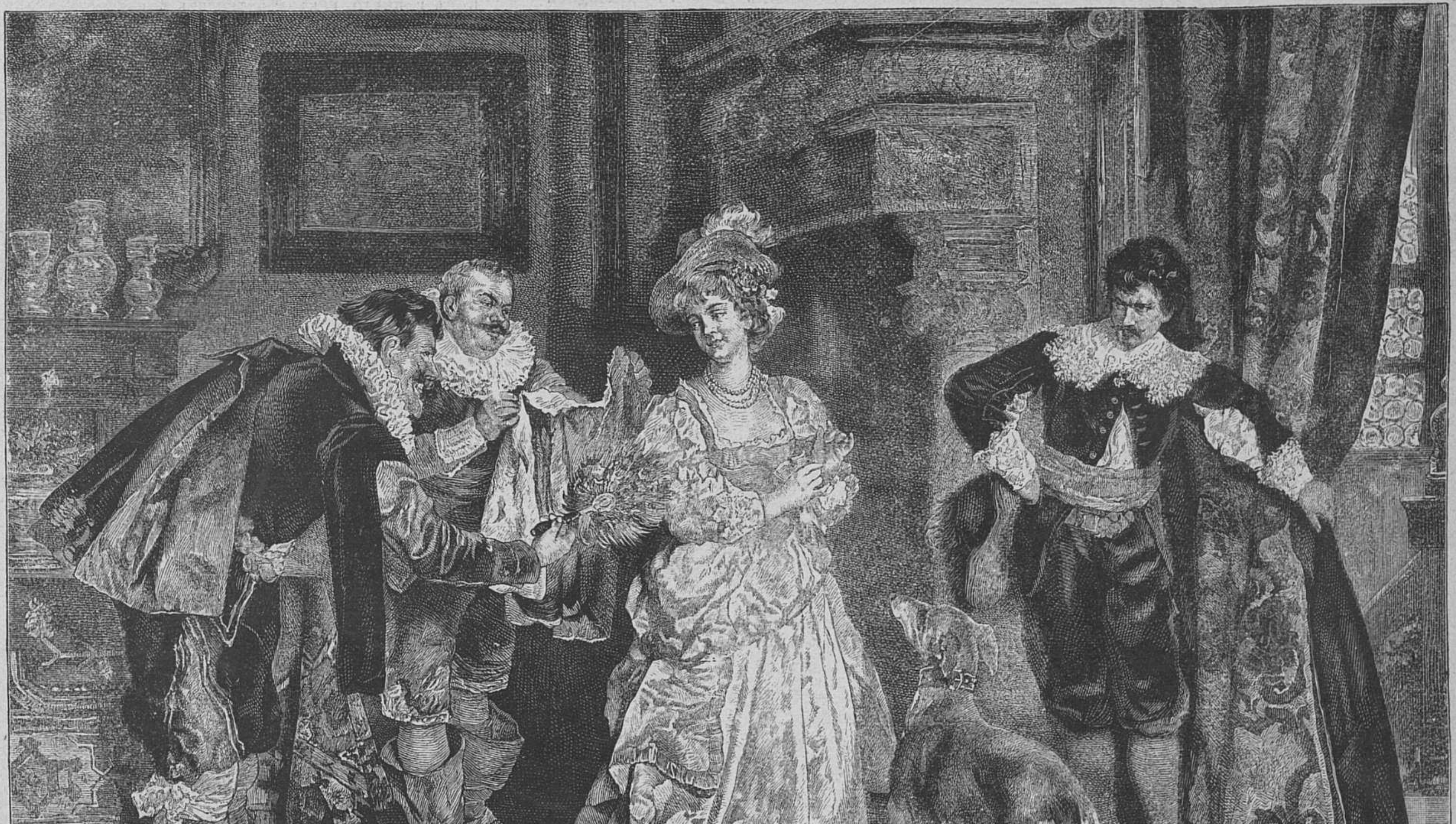
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 ноября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 46. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 15 Ноября 1880 г.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КАРЛА БЕКЕРА.



Соперники.

Рѣзано на деревѣ въ Берлинѣ.

Архановъ.

Разсказъ **Д. Черткова.**

I.

Въ губерніи орловской, на Соснѣ,
Лежитъ село Архановка. Бывало,
Жилося въ ней, какъ говорили мнѣ,
Превесело. Гостей всегда не мало
Съѣзжалося къ помѣщику туда
И прежнихъ лѣтъ помѣщичье веселье—
Вино да банкъ, охота да бездѣлье—
Въ большомъ ходу считалося тогда.
Помѣщикъ былъ слегка умомъ отсталый,
Но вѣчно пьянъ и презабавный малый.

Года прошли. Не мало перемѣнъ
Произошло въ Архановкѣ и нынѣ
Живется тамъ среди угрюмыхъ стѣнъ
И сумрачно, и тихо, какъ въ пустынѣ.
Не слышенъ въ ней ни шумъ ночныхъ забавъ,
Ни громкій звонъ бутылокъ и стакановъ,
Все оттого, что умеръ самъ Архановъ
И, въ царствіе загробное попавъ,
Безмолвно спитъ и сельское кладбище
Теперь его спокойное жилище.

Въ Архановкѣ осталася одна
Сестра его, дѣвица ужь сѣдая
Но жить одной соскучилась она
И вспомнила, что гдѣ то молодая
Живетъ ея племянница въ глуши.
Она ея отъ самой колыбели
Не видѣла почти что. «Неужели
Нельзя ее и выписать! Души
Живой здѣсь нѣтъ». Такъ думала старушка:
«Развеселитъ меня моя рѣзвушка».

Пріѣхала племянница. Она
Чарующей, чудесной красотою
Природою была одарена.
Улыбкою, наивной простотою
Съумѣла всѣхъ она очаровать
И Оленька (племянницу такъ звали)
Не вѣдала ни скорби, ни печали
И горькихъ думъ тяжелая печать
Чела ея еще не заклеймила..
Все было въ ней такъ просто и такъ мило.

Въ семнадцать лѣтъ, съ улыбкой на устахъ
Смотря на жизнь, не испытавши горя
И вѣря, что все истинно въ мечтахъ,
Она ждала отъ жизненнаго моря
Не скорбныхъ думъ, не горести, не слезъ,
А радости спокойной и безпечной.
Въ душѣ ея, въ тиши ея сердечной
Таился рой надеждъ и свѣтлыхъ грезъ.
Ей путь земной казался безпечальнымъ,
Направленный лишь къ цѣлямъ идеальнымъ.

Въ деревнѣ жизнь такъ лѣтомъ хороша,
Такъ дышется спокойно и привольно,
Что алчная до отдыха душа
Въ мечтаніяхъ уносится невольно,
И кажется, что счастье на землѣ
Не бредъ пустой, что счастіе возможно,
Что всѣмъ вездѣ живется нетревожно,
Безъ горестной морщины на челѣ.
Забыты всѣ минувшія страданья,
Душа полна надежды, ожиданья.

Тогда въ борьбѣ вскипѣвшая вражда
Къ виновникамъ безжалостныхъ мученій
На время спитъ. Въ душѣ больной тогда
Рождается рой новыхъ увлеченій,
Рождаются о будущемъ мечты,
Чудесныя, святыя сновидѣнья. .
Иная жизнь, иныя наслажденья
Внѣ области мишурной суеты,
Вдали отъ всѣхъ безсмысленныхъ волненій,
Столичныхъ модъ и пошлыхъ развлеченій.

А кто не зналъ ни горести, ни слезъ,
Не испыталъ мученій безотрадныхъ
И вѣчно жилъ въ волшебномъ мірѣ грезъ,
Въ мечтаніяхъ хоть лживыхъ, но отрадныхъ,
Вдвойнѣ счастливъ тотъ будетъ въ той тиши,
Гдѣ царствуетъ могучая природа,
Гдѣ чувствамъ всѣмъ полнѣйшая свобода,
Гдѣ есть просторъ для любящей души...
И Ольга въ ней жила, смѣясь, безпечно,
Забывъ про то, что счастіе не вѣчно.

Подъ сѣнію тѣнистыхъ тополей
Сидѣть она любила и глядѣла
Изъ темноты запущенныхъ алей
На нивы и на поле безъ предѣла,
Покрытое волнистою травой,
Зеленое, взволнованное море,
Шумящее отъ вѣтра на просторѣ
И слитое съ небесной синевой...
И было такъ душѣ легко и чудно,
Что горе ей казалось безразсудно.

Настанетъ ночь; надъ тихою Сосной
Взойдетъ луна; лучами золотыми
Начнетъ играть съ прозрачною волной.
Тамъ запоетъ за листьями густыми
Ночной поэтъ природы—соловей—
И пѣснь его, какъ бредъ души несчастной,
Полна любви, стремленья, муки страстной,
И кажется, что о тоскѣ своей,
О горестныхъ, томящихъ сердце мукахъ
Онъ разсказать стремится въ дивныхъ звукахъ.

А ближній лѣсъ, угрюмый и густой,
Какъ чуденъ онъ! Въ тѣни его прохладной
Такъ хорошо! Съ крылатою мечтой
Уносишься въ какой-то край отрадный;
Играетъ вихрь зеленою листвой;
Тамъ иволга запѣла золотая,
Съ вѣтвей густыхъ внезапно улетая;
Тамъ сѣрый дроздъ трещитъ надъ головой.
Полудня жаръ удушливый и знойный
Не жжетъ лицъ въ лѣсной тиши покойной.

Вотъ сельскій храмъ. Когда въ воскресный день
Зоветъ къ себѣ призывомъ колокольнымъ
Онъ жителей окрестныхъ деревень,
Идутъ къ нему со рвеньемъ богомольнымъ
Толпы крестьянъ.
Подгнившіе кресты
Простыхъ могилъ стоятъ кругомъ на стражѣ.
Здѣсь грустно все, безмолвно все и даже
Завяли здѣсь надгробные цвѣты.
Здѣсь вѣчный сонъ для тружениковъ вѣчныхъ,
Проведшихъ жизнь въ лишеньяхъ безконечныхъ.

II.

Такъ время шло въ Архановкѣ и тамъ
Сложилась жизнь спокойно и счастливо,
Но надоѣсть легко вѣдь можетъ намъ
Спокойствіе, поэтому не диво,
Что съ радостью тамъ встрѣтили ту вѣсть,
Что родственникъ Архановой намѣренъ
Пріѣхать къ ней. «Въ столицѣ климатъ скверенъ.
Писалъ онъ такъ,—и я хочу провесть
Въ Архановкѣ два мѣсяца, не болѣ,
Поотдохнуть, поправиться на волѣ».

Извѣстье то, какъ будто волшебствомъ,
Архановку мгновенно оживило
И толки шли единственно о томъ,
Какъ весело всѣмъ будетъ и какъ мило
Устроится въ ней жизнь. Въ чаду хлопотъ
Промчались дни. О прежней жизни блѣдной,
Наскучившей, хотя вполнѣ безбѣдной,
Не знающей мученій и заботъ,
Ни тяжкаго душевнаго томленья,
Помину нѣтъ въ порывѣ оживленья.

Желанный гость, Архановъ Николай,
По мнѣнью всѣхъ, своимъ пріѣздомъ только
Пересоздать съумѣетъ скучный край,
Архановку безмолвную, настолько,
Что скуку онъ изгонитъ навсегда.
Онъ явится... забавы и веселье
Замѣнятъ дней томительныхъ бездѣлье,
Безмолвіе ихъ сельскаго гнѣзда.
Въ Архановкѣ, въ глуши ея суровой
Все зажило какой-то жизнью новой.

Пріѣхалъ онъ. Архановъ былъ изъ тѣхъ,
Которые, земныхъ скорбей не зная,
Ростутъ въ кругу веселья и утѣхъ
И думаютъ, что наша жизнь земная
Намъ всѣмъ дана для радости одной,
Что грусть смѣшна. Онъ былъ судьбой доволенъ,
Не очень глупъ, совсѣмъ не богомоленъ
И каждый день забавою иной
Онъ отмѣчать умѣлъ всегда съ успѣхомъ
И все встрѣчалъ своимъ веселымъ смѣхомъ.

Его всегда веселый, праздный умъ,
Къ мышленію серьезному не годный,
Не порождалъ въ немъ горькихъ, тяжкихъ думъ
Всегда пустой, въ своей душѣ холодной
Онъ не таилъ свободныхъ, чудныхъ грёзъ
И сердца въ немъ какъ будто не бывало.
Весь вѣкъ шутя, онъ въ скорби вѣрилъ мало,
Лишь оттого, что самъ горячихъ слёзъ
Не проливалъ, и горести тяжелой
Не вѣдая, онъ скептикъ былъ веселый.

Онъ молодъ былъ, но былъ уже вполнѣ
Испорченъ той средою беззаботной,
Въ которой росъ. Не по своей винѣ
Онъ сталъ такимъ. Онъ силой безотчетной
Былъ увлеченъ, направленъ, и съ тѣхъ поръ
Онъ дѣйствовалъ безъ мысли, апатично,
Какъ принято, какъ дѣйствовать прилично,
И чувства всѣ, какъ будто лишній соръ,
Онъ выкинулъ изъ нѣдръ души холодной,
Лишь потому, что чувстовать не модно.

Онъ былъ красивъ холодной красотой
И сдѣлался поэтому онъ фатомъ,
Прельщаемымъ салонной пустотой,
Извѣстнымъ всѣмъ богатствомъ и развратомъ,
Безчисленнымъ количествомъ побѣдъ.
Онъ былъ любимъ въ кругу салонной сферы
За разговоръ, приличныя манеры
И дружескій вездѣ встрѣчалъ привѣтъ,
Онъ свѣтомъ былъ столичнымъ избалованъ
И суетой мишурной очарованъ.

Соединялъ въ себѣ онъ всѣ черты
Приличнаго, пустого человѣка,
Рожденнаго для свѣтской пустоты.
Красивъ лицомъ, душою же калѣка,
Воспринялъ онъ отъ общества лишь ядъ,
Все ложное, пустое, мелочное,
Все вредное, условно напускное,
Которое смѣшитъ на первый взглядъ,
Какъ дѣтская, безсмысленная шалость,
И лишь потомъ въ насъ будитъ гнѣвъ и жалость

Онъ не одинъ пріѣхалъ. Вмѣстѣ съ нимъ
Товарищъ былъ, по имени Куратовъ,
Тотъ молодъ былъ, но тихъ и нелюдимъ,
Не изъ толпы противной свѣтскихъ фатовъ,
Не изъ толпы безсмысленныхъ шутовъ.
Духъ пошлости, великосвѣтскихъ сплетенъ
Въ Куратовѣ былъ вовсе не замѣтенъ;
Архановъ же посплетничать готовъ
Былъ каждый мигъ и радъ былъ въ разговорѣ
Потолковать о безполезномъ вздорѣ!

Такой у насъ обычай на Руси,
(Онъ, вѣрно, къ намъ пришелъ изъ за границы).
Хоть вѣкъ болтай, хоть вѣчно чушь неси,
Ты, знать, уменъ, коль можешь вереницы
Безцѣльныхъ словъ умѣстно изливать
Хоть о балахъ, о музыкѣ, о модѣ,
О кутежахъ, о страждущемъ народѣ;
Тотъ даровитъ, кто можетъ вѣкъ болтать
И болтовней тамъ отличаться, гдѣ мы
И не найдемъ для разговора тэмы.

Случалося, я помню, часто мнѣ
Претерпѣвать томительную пытку,
Прикованнымъ быть къ пошлой болтовнѣ
И замѣчать нелегкую попытку

Больныхъ умовъ: стремленье къ остротѣ,
Стремленіе къ подобью краснорѣчья..
Тогда головъ незримыя увѣчья
Передо мной являлись въ наготѣ,
Вдругъ узнавалъ я многое невольно
И на душѣ мнѣ было грустно, больно.

Я не люблю блестящей мишуры,
Безцѣльныхъ словъ и барышень кисейныхъ
И изрѣдка, какъ норка изъ норы,
Гляжу на жизнь. Привычекъ беззатѣйныхъ
Во мнѣ есть тьма и страшно мнѣ людей,
Какъ будто бы они лютые звѣри,
И затворилъ я къ жизни шумной двери.
Я не болтунъ, не ловкій лицедѣй,
Мнѣ фатовской монокль совсѣмъ не къ глазу...
Но вѣдь пора вернуться мнѣ къ разсказу.

Увлекся я и высказалъ вамъ то,
Чего вамъ знать поистинѣ нѣтъ нужды;
Сужденія мои для васъ ничто,
Понятія мои вполнѣ вамъ чужды.
Непонятымъ оставшись до сихъ поръ,
Пусть буду я непонятымъ поэтомъ,
Непризнаннымъ разумнымъ вашимъ свѣтомъ.
Я не гонюсь за славой (это вздоръ)
Опасною и скользкою дорогой,
Притомъ боюсь бича цензуры строгой.

Карать людей насмѣшливымъ стихомъ,
Сатирою, исполненною злобы,
Не мой удѣлъ. Я пополамъ съ грѣхомъ
Пишу разсказъ и мнѣ не помогло бы
Желаніе исправить жизни строй,
Привившійся общественный порядокъ
И доблести, пришедшія въ упадокъ.
Что говорить! Я самъ вѣдь не герой,
Я самъ грѣшу общественнымъ порокомъ,
Быть не могу судьею иль пророкомъ.

Самъ надъ собой смѣюсь я отъ души
Въ холодный мигъ душевнаго затишья
И говорю: «нѣтъ, лучше не грѣши,
Вѣдь колкостью удачнаго двустишья
Не суждено желаннаго достичь.
Надѣяться, безумецъ, не смѣшно ли!
Въ твоихъ стихахъ нерѣдко мало соли
И ты несешь подъ часъ такую дичь,
Что у другихъ не хватитъ и терпѣнья
Прочесть твои несчастныя творенья».

Пишу разсказъ безъ цѣли, безъ нужды,
Чтобъ не пропалъ нежданный часъ бездѣлья
На менѣе безвредные труды,
На праздныя и пошлыя веселья.
Прочтетъ его, кто будетъ терпѣливъ,
Тотъ, у кого не очень много дѣла.
Поэзія ужъ многимъ надоѣла
И тотъ поэтъ несказанно счастливъ,
Котораго читаютъ безъ зѣвоты;
Такъ мала въ насъ къ поэзіи охоты.

Но, Господи! увлекся я опять!
Вѣдь надо знать предѣлы, честь и совѣсть.
Читателя опасно усыплять
И безъ конца, пожалуй, будетъ повѣсть.
И такъ вполнѣ спокоенъ, скроменъ, тихъ,
Куратовъ былъ, хотя умѣлъ не рѣдко
На выходки друзей отвѣтить ѣдко
И рѣзкостью смутить веселье ихъ,
Нежданное свое вставляя слово.
Онъ на людей, на жизнь смотрѣлъ сурово.

Ужъ съ первыхъ лѣтъ злорадная судьба
Ему дала не мало скорби, горя
И началась тяжелая борьба.
Съ несчастіемъ своимъ отважно споря,
Онъ побѣдилъ, былъ закаленъ въ борьбѣ,
Узналъ онъ жизнь, глубокія мученья,
Послѣдствія довѣрья, увлеченья.
Онъ крѣпокъ сталъ, онъ вѣрилъ лишь себѣ
И, отстранивъ преграды понемногу,
Себѣ впередъ прокладывалъ дорогу

Онъ пережилъ ту мрачную пору,
Пору борьбы невѣдомой, подпольной,
Въ стремленіи къ желанному добру,
Съ душою зломъ житейскимъ недовольной.
Кругомъ него сраженные въ бою
Со злой судьбой толпою погибали,
Не выдержавъ терзающей печали,
А онъ съумѣлъ исправить жизнь свою.
Безъ робости постыдной, недостойной
Онъ поступью пошелъ впередъ спокойной.

III.

И вотъ сбылась пріятная мечта,
Томящаго ужъ нѣтъ уединенья:
Архановка теперь ужъ не пуста.
Дѣйствительно, забавы, развлеченья
Весь заняли бездѣйственный досугъ.
Безмолвіе исчезло; оживленье
Явилося и будто опьяненье
Внезапное всѣхъ охватило вдругъ.
Архановъ вѣдь знатокъ былъ въ этомъ дѣлѣ,
И весело промчались дни, недѣли.

Куратовъ самъ умѣлъ развлечь порой
Все общество Архановки спокойной.
Архановъ-же былъ увлеченъ игрой
Невинною, вполнѣ его достойной.
Хорошенькой онъ Ольгой сталъ играть,
На отдыхѣ себѣ нашедши дѣло.
Вдругъ задался онъ цѣлію всецѣло
Красавицу собой очаровать
И онъ смотрѣлъ на милую рѣзвушку,
Какъ смотримъ мы на новую игрушку.

Наружностью красивою своей
И съ помощью разсчетливыхъ уловокъ
Надѣялся понравиться онъ ей.
Онъ былъ хитеръ и безподобно ловокъ
Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ помощь лжи важна,—
И потому ждалъ полнаго успѣха,
А новая, невинная потѣха
Лишь для того была ему нужна,
Чтобъ не скучать и, безъ другой причины,
Онъ, какъ паукъ, разставилъ паутины.

Себѣ не разъ онъ въ жертву приносилъ
Чужой покой, какъ безсердечный демонъ
Терзаетъ насъ игрою адскихъ силъ,
И каждый разъ онъ побѣждалъ. Затѣмъ онъ
Искалъ другой потѣхи для себя,
Не думая о скорби причиненной
Наивности, коварно увлеченной;
Онъ счастливъ былъ, терзая и губя,
Къ страданіямъ чужой души безпеченъ,
Такъ всякій фатъ бываетъ безсердеченъ.

А Ольга? До тѣхъ поръ она жила
Вдали отъ язвъ испорченнаго свѣта,
Не вѣдая обыденнаго зла
И, простоты вѣрнѣйшая примѣта,
Не вѣрила въ притворство. Съ первыхъ лѣтъ
Кругомъ себя она видала только
Такихъ людей, въ которыхъ нѣтъ нисколько
Пороковъ тѣхъ, которыхъ полонъ свѣтъ,
И съ мнѣніемъ младенческимъ и ложнымъ
Коварство лжи считала невозможнымъ.

Созданія такія на землѣ
Встрѣчаются не часто въ наше время;
Они живутъ въ невѣдѣньи, во мглѣ,
И счастливы. Но лишь познанья сѣмя
Разгонитъ сонъ довѣрчивой души,
Разрушивши надежды, заблужденья,—
Являются гнетущія мученья
И больше нѣтъ душевной той тиши.
Внезапно въ нихъ убита вѣры сила,
Утѣшить ихъ съумѣетъ лишь могила.

Архановъ въ ней тотчасъ-же увидалъ
Всѣ качества наивности сердечной
(Для фата вѣдь наивность идеалъ),
Проживъ свой вѣкъ въ средѣ безчеловѣчной,
Гдѣ доблестью считается обманъ,
Гдѣ слова «честь» утеряно значенье,
Гдѣ каждое порочно увлеченье,
Составилъ онъ спокойно хитрый планъ
Всѣмъ дѣйствіямъ и ждалъ побѣды славной,
Достигнутой въ борьбѣ ему забавной.

И способовъ невинныхъ цѣлый рядъ
Пустилъ онъ въ ходъ: притворный видъ печали,
То робкій вздохъ, то полный страсти взглядъ,
Все то, о чемъ такъ много ужъ писали,
Чему конца не будетъ никогда
И чѣмъ полны романы и поэмы.
По хитрости заѣзженной системы
Удобнѣе, вѣрнѣе иногда,
Чѣмъ новизны коварныя уловки,
Къ которымъ нѣтъ привычки и сноровки.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ созданъ грѣшный свѣтъ,
Паукъ все такъ-же ставитъ паутины
И потому обману нужды нѣтъ
И избѣгать сложившейся рутины,
Истоптанной тропою добрести
До цѣли намъ вѣдь легче, безъ сомнѣнья,
И новыя, пустыя усложненья
Насъ могутъ сбить съ привычнаго пути
И дѣйствовать мы станемъ неумѣло...
Притомъ въ любви ничто не устарѣло.

Несчастная повѣрила и въ ней,
Въ ея груди невѣдомое чувство
Проснулось вдругъ и съ каждымъ днемъ грустнѣй
Была она. Арханова искуство
Огонь любви въ душѣ ея зажгло.
Прошла пора младенческой забавы,
Теперь душа ея полна отравы,
Внезапно жить ей стало тяжело.
Такъ часто душъ невинныхъ пробужденье
Приноситъ имъ томящее мученье.

IV.

Удушливый къ концу приходитъ день...
Со всѣхъ сторонъ подходятъ тучи... вскорѣ
Накинули онѣ густую тѣнь;
Поднялся вихрь и поле, точно море,
Волнуется; несется пыль столбомъ,
Внезапная свирѣпо воетъ буря.
Деревья всѣ, листву свою понуря,
Нагнулися. Реветъ съ угрозой громъ,
Какъ дикій звѣрь, несущійся по полю,
Покинувшій насильную неволю...

Гроза прошла, все тихо на селѣ.
Угрюмыхъ тучъ умчалась вереница.
Темно совсѣмъ, лишь изрѣдка во мглѣ
Блеснетъ вдали безмолвная зарница.
Чудесна ночь.. Іюльскій воздухъ чистъ...
Нѣтъ мѣсяца... въ полночной тьмѣ глубокой
Лишь яркихъ звѣздъ мерцаетъ сонмъ высокій
Безмолвно все.. не шелохнется листъ.
Пришла пора душевныхъ слезъ, мученій,
Безумныхъ грезъ, безумныхъ увлеченій.

Пришла пора ошибокъ роковыхъ,
Къ которымъ насъ любовь одна приводитъ,
Среди рядовъ деревьевъ вѣковыхъ
Съ Архановымъ по саду Ольга бродитъ.
Признаніе горячее и вновь
Горячее и жгучее признанье,
Безсвязныхъ словъ святое обаянье,
Всесильная и первая любовь..,
Свои дѣла умѣлъ вести Архановъ
При помощи безжалостныхъ обмановъ.

Пора любви, счастливая пора!
Архановъ самъ былъ счастливъ увлеченьемъ,
Какъ радуетъ насъ новая игра,
Представившись нежданнымъ развлеченьемъ.
А Оленька, во власти той любви,
Которая была ей счастьемъ чуднымъ,
Вся предалась надеждамъ безразсуднымъ,
Твердившимъ ей: «любовію живи,
Не вѣрь въ печаль, въ гнетъ скорби безконечной;
Ты будешь жить въ любви, въ отрадѣ вѣчной».

Побѣдою похвастаться своей
Куратову торопится Архановъ.

Вѣдь... что любовь? Онъ только видѣлъ въ ней
Удачный ходъ коварства и обмановъ:
Хоть онъ въ любви не видѣлъ торжества,
Но торжество онъ находилъ въ удачѣ.
Куратовъ-же смотрѣлъ на то иначе
И рѣзкія, правдивыя слова,
Холодное и желчное презрѣнье
Арханова клеймили поведенье.

Тотъ защищалъ съ искуствомъ, какъ всегда,
Себя въ глазахъ разгнѣваннаго друга:
Онъ не слыхалъ донынѣ никогда
Подобнаго въ салонахъ свѣтскихъ круга
Того, гдѣ онъ сужденья почерпалъ
И набрался житейскихъ мудрыхъ правилъ;
Отъ подлости вѣдь Богъ его избавилъ
И лучше-бы Куратовъ удержалъ
Свой гнѣвный пылъ, напрасный, неумѣстный...
Онъ человѣкъ и человѣкъ онъ честный.

«Не человѣкъ ты, нѣтъ, ты пошлый фатъ,
Ты существо безъ чувства состраданья.
Къ душѣ твоей привившійся развратъ
Иль заглушитъ обманутой рыданья
Иль наведетъ, со временемъ, тебя
На гнусныя, безжалостныя цѣли.
Ужь ты привыкъ отъ самой колыбели
Жить не живя, не вѣря, не любя,
И ты, въ чаду копѣечной гордыни,
Не признаешь ни чувства, ни святыни.

«Ты осквернить насмѣшкою готовъ
Всѣ прелести чужого идеала,
Всю чистоту невинныхъ, юныхъ сновъ.
Она въ тебѣ, быть можетъ, увидала
Завѣтныя, туманныя черты
Умчавшейся и недоступной грёзы;
Ты-жъ, осмѣявъ страдальческія слёзы,
Забвеніемъ убьешь ея мечты
И позабыть на вѣкъ съумѣешь вскорѣ
Довѣрчивой души страданье, горе.

Уѣдешь и, дней нѣсколько спустя,
Въ кругу друзей, такихъ-же пошлыхъ фатовъ,
Разскажешь ты, какъ вѣрило дитя,
Что говорилъ тебѣ о томъ Куратовъ,
И съ хохотомъ безжалостнымъ тогда
Одобрятъ всѣ ту горестную повѣсть.
Что дивнаго? Въ васъ всѣхъ умолкла совѣсть,
Чужая грусть не тронетъ никогда
Вашъ пошлый міръ кривляющихся пѣшекъ,
Достойный лишь презрѣнья и насмѣшекъ.

«Я рѣзокъ, да. Я съ молоду привыкъ
Не украшать ни мнѣнія, ни чувства
И мой простой, безхитростный языкъ
Не вѣдаетъ салоннаго искуства.
Я мысли не прикрою никогда
Безсмысленнымъ покровомъ пошлой фразы.
Чуждаетесь вы правды, какъ заразы,
И даже нѣтъ въ васъ истины слѣда.
Вы никогда не сбросите личины
И лжете всѣ, всегда и безъ причины».

Не возражалъ Архановъ, но слова
Куратова, какъ эхо правды вѣчной,
Увѣренность пустого фатовства
Убили въ немъ. Улыбкою безпечной
Прикрылъ скорѣй онъ признаки стыда,
Но прежняя испытанная сила
Арханову, казалось, измѣнила;
Казалося, исчезла навсегда.
Онъ сталъ зѣвать и говорилъ цинично:
«C'est ennuyeux, ужь слишкомъ платонично»

Да! онъ не могъ въ святой любви найдти,
Чего искалъ, пороками влекомый,
Чего въ тотъ разъ успѣлъ достичь почти,
Прибѣгнувши ко лжи ему знакомой
И принося себѣ на пользу вредъ.
Все прелести любови поэтичной
Въ своей душѣ холодной и скептичной
Онъ презиралъ, какъ безполезный бредъ:
Въ ней времени безсмысленная трата
И лишняя преграда для разврата.

Куратовъ правъ былъ. Сильно заскучавъ
Въ Архановкѣ, Архановъ беззаботно
Поѣхалъ въ край обыденныхъ забавъ,
Въ столицу, гдѣ поддался онъ охотно
Вліянію ея мишурныхъ чаръ,
И позабылъ въ своемъ весельи пошломъ
Объ Ольгѣ и объ увлеченьи прошломъ,
Которому безжалостно ударъ
Безпечностью своей нанесъ смертельный,
Исходъ любви обманчивой, поддѣльной.

V.

Какъ ранній цвѣтъ при первыхъ дняхъ весны
Внезапно мретъ отъ поздняго мороза,
Такъ Ольги всѣ заманчивые сны
И радости обманчивая грёза
Исчезли вдругъ предъ грустію земной,
Предъ горестью явившейся до срока,
Когда любовь была еще глубока
И вѣрою жила она одной.
Обрушилась волшебная картина
И впереди страданье иль кончина.

Быть жертвою ей было суждено,
Игрушкою безжалостнаго фата.
Все кончено... ей предстоитъ одно —
Въ могилу лечь. Святыхъ надеждъ утрата
Жить не даетъ ей больше на землѣ.
«Мнѣ смерть нужна, такъ Ольга говорила
Сама себѣ,—моя угасла сила—
Надежды лучъ; осталась я во мглѣ.
Мнѣ смерть нужна, и доски гробовыя
Изгладятъ скорбь, страданья роковыя.

«Безумныя, свободныя мечты,
Созданія стремленій безразсудныхъ
И призраки волшебной красоты
Всѣхъ прежнихъ сновъ обманчивыхъ и чудныхъ,
Исчезните, умолкните теперь.
Изсякъ во мнѣ источникъ прежней вѣры;
Безсильны вы, блестящія химеры,
Передъ толпой испытанныхъ потерь,
И голосъ вашъ, какъ жалкій дѣтскій лепетъ,
Не приведетъ мнѣ сердца въ прежній трепетъ.

«Томящій гнетъ бѣды пережитой
И вѣчныя страданія, мученья
Мирятся-ли съ чудесною мечтой!
Мнѣ жалкими былыя увлеченья
Всѣ кажутся, когда, взглянувъ назадъ,
Я вижу цѣпь несбывшихся желаній
И темный рядъ смертельныхъ испытаній.
Разстратила я свой безцѣнный кладъ—
Довѣріе и не могу, какъ прежде,
Найдти покой въ обманчивой надеждѣ».

. . . .

Настала ночь. Разбитая тоской,
Томимая какой-то думой мрачной,
Стоитъ она надъ тихою рѣкой,
Какъ зеркало блестящей и прозрачной.
Холодный свѣтъ на землю льетъ луна,
Свѣтло, какъ днемъ, среди безмолвной ночи.
Стоитъ она, ея блистаютъ очи,
Она глядитъ, какъ катится волна,
Какъ лучъ луны ласкаетъ нѣжно волны..
Ея глаза какой-то грусти полны.

Вдругъ... тихій плескъ, раздвинулась вода
И сдвинулась. Надъ Тихою Сосною
Безмолвно все и Ольги нѣтъ слѣда.
Бѣжитъ волна поспѣшно за волною,
Играетъ въ ней блестящая луна,
Какъ будто бы исполнены тоскою
Нагнулися ракиты надъ рѣкою;
Бѣжитъ впередъ блестящая волна...
Какъ ночь тиха! Какъ дышется привольно!
Забыты всѣ страданія невольно.

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ част. **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава XXIV.

Между тѣмъ въ Дрёминѣ Лёло и Петръ Петровичъ нисколько не чуяли, что Марья Петровна въ Петербургѣ готовилась грянуть на нихъ своимъ праведнымъ гнѣвомъ. Весна въ Дрёминѣ стояла чудная. Лёло была здорова и весела, возилась съ дѣтьми и принимала гостей, которые, какъ только начали опять принимать ихъ, повалили со всѣхъ сторонъ.

Сережа сталъ уже болтать и бѣгать съ своей нѣмкой по саду. Бабушка Елизавета Никитишна бродила по пятамъ его съ Матреной. Даже маленькій Петя наслаждался по своему и сладко спалъ въ саду подъ липками въ своей колясочкѣ. Петръ Петровичъ былъ сильно занятъ, разъѣзжалъ по полямъ, присматривалъ за работами, строилъ плотину, мельницу и тутъ-же подлѣ, на берегу рѣки, въ концѣ сада, русскую деревенскую избу для Лёло. Петръ Петровичъ былъ озабоченъ и не веселъ. Кромѣ всѣхъ этихъ хлопотъ и занятій по хозяйству съ самаго рожденія маленькаго Пети засѣла ему въ голову новая неотвязная мысль и не давала ему покою ни днемъ, ни ночью. Будущность сына Петра начала тревожить его. Чѣмъ-бы онъ ни былъ занятъ, что-бы ни дѣлалъ, писалъ ли деревенскіе отчеты, занималъ ли гостей въ гостиной,—у него все стояло въ головѣ: «Какъ же это у меня одинъ сынъ будетъ богатъ, а другой почти такой-же нищій, какъ я...» Часто бродилъ онъ одинъ по саду или просиживалъ по цѣлымъ часамъ на берегу рѣки и все таже мысль не покидала его. Онъ сидѣлъ и все думалъ и думалъ: у Сережи будетъ пятьсотъ душъ родовыхъ, великолѣпное благоустроенное имѣніе, и бабкины пятьсотъ душъ пойдутъ тоже ему. А у Петра ничего и материна седьмая часть послѣ ея смерти, какъ часть родоваго имѣнія, должна опять возвратиться въ родъ тому-же Сережѣ. А что если этотъ Сережка да выйдетъ мерзавецъ и не только не дастъ ничего своему родному брату, но и матери, а, какъ сынъ генерала, возненавидитъ меня, родного отца, и выгонитъ изъ дому... Мать съ Петромъ, разумѣется, бросятъ все и пойдутъ за мной... Чтожъ тогда?.. И Петръ Петровичъ начиналъ свистать, глядя на воду, гдѣ маленькія рыбки дѣлали круги. И опять въ головѣ его начинали роиться мысли: «Вотъ еслибъ Елизаветы Никитишны пятьсотъ душъ Петру, тогда бы и хорошо... оба брата были бы ровны, и Петръ ужь бы родного отца не выгналъ... А вѣдь очень легко могло бы случиться... Елизаветы Никитишны пятьсотъ душъ благопріобрѣтенныя, она вольна отдать ихъ, кому хочетъ... да она сумасшедшая, ей ничего не втолкуешь... а будь она въ здравомъ умѣ, еще хуже: тогда она сама-бы отдала все своему милому родному внуку Сережкѣ... Что бы сдѣлать?.. ломалъ себѣ голову Петръ Петровичъ.

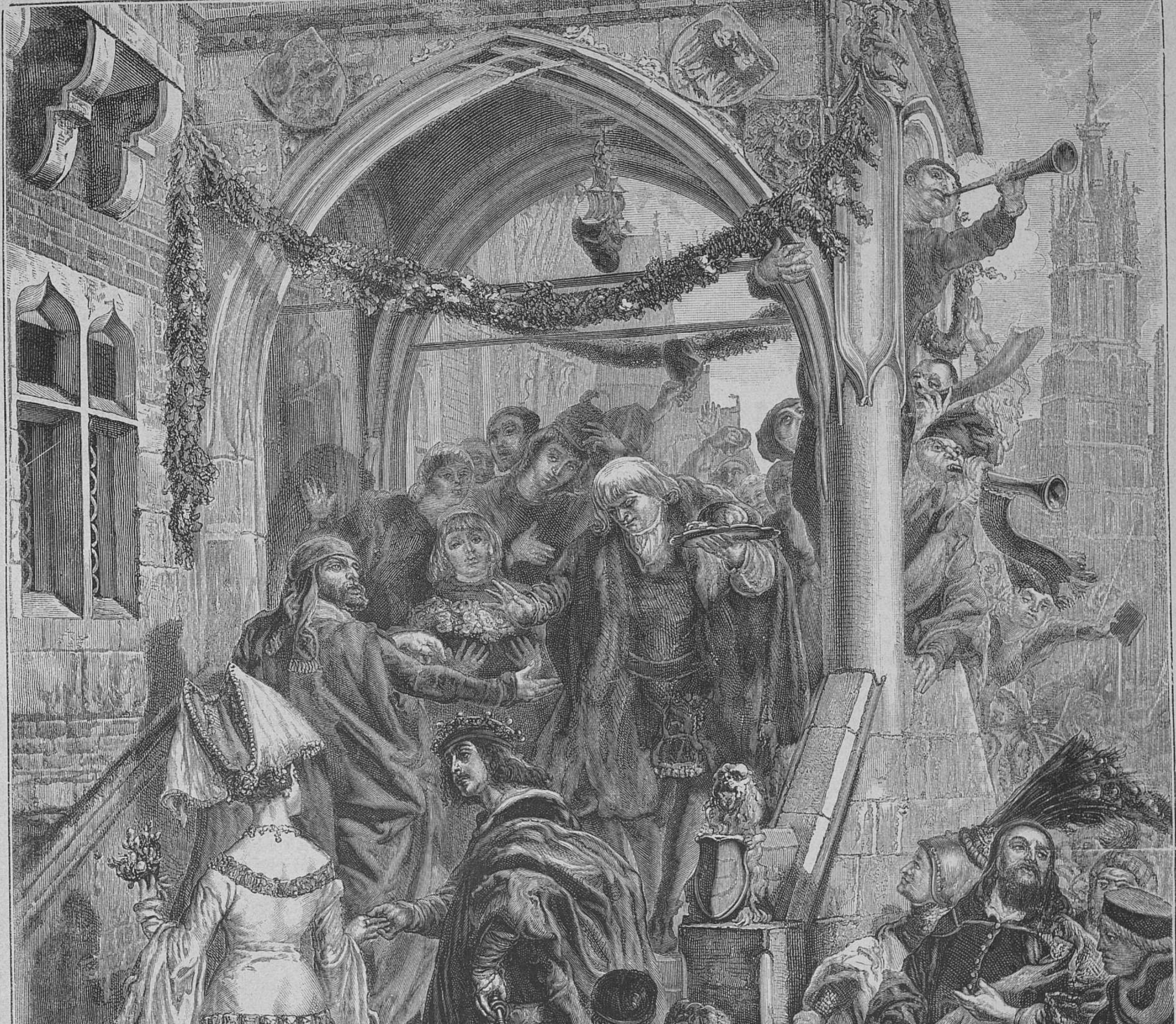
Лёло часто хватится мужа, побѣжитъ искать его и найдетъ Петра Петровича, гдѣ нибудь задумавшись; онъ до того углубится въ свои мысли, что даже и не услышитъ шаговъ ея и вздрогнетъ, когда Лёло наклонится поцѣловать его въ голову.

— Что съ тобой, Петя? Ты все объ чемъ-то думаешь?.. что тебя тревожитъ?.. Скажи мнѣ!.. спроситъ заботливо Лёло.

— Ахъ, Лёлька, дѣла куча, голова кругомъ идетъ... дай мнѣ освободиться немного, я опять буду веселъ, отыграется такъ отъ Лёло Петръ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЯНА МАТЕЙКО.


K. OLSZEWSKI sc.

Торжественный пріемъ.

Рѣзалъ на деревѣ Ольшевскій.

Петровичъ, а на другой день она опять поймаетъ гдѣ-нибудь задумавшагося.

Сильно начала безпокоиться объ мужѣ Лёло; но вдругъ Петръ Петровичъ сталъ по прежнему веселъ, меньше ходилъ на работы, цѣлые дни вертѣлся въ семьѣ, шутилъ, дурачился съ женой, съ дѣтьми и ухаживалъ за маменькой Елизаветой Никитишной. По цѣлымъ часамъ, съ Сережей на рукахъ, сидѣлъ подлѣ старушки, болталъ съ ней, тѣшилъ ее, какъ ребенка. Елизавета Никитишна перестала бояться его и начала даже называть «mon cher!..»

— Не говорила-ли я, что ты колдунъ, Петя?.. Вотъ ты добился до того, что заколдовалъ и Елизавету Никитишну.

— Да я такъ милъ, что меня нельзя не любить...

— Я это знаю, Петя.

— То-то-же, держи ухо востро... я человѣкъ обаятельный; если сумасшедшія женщины не могутъ устоять противъ моей прелести, что-жь будетъ съ здоровыми, если я за ними приволокнусь?.. изсушу, какъ былинку на солнцѣ...

— И это я знаю и не боюсь, прижавшись къ мужу, тихо сказала Лёло.

Весело для всей семьи бѣжало лѣто. Въ началѣ іюля изба Лёло была совершенно готова. Лёло занялась новинкой, какъ ребенокъ; цѣлые дни возилась она въ своей избѣ; устанавливала и переставливала на разные манеры мебель, перетаскивала изъ большого дома свои фарфоровыя куколки и дамскія бездѣлушки и конца не было ея хлопотамъ. Въ одно утро, когда Лёло съ садовникомъ принялась убирать растеніями и цвѣтами свой новый уголокъ, и сама трудилась въ потѣ лица, Петръ Петровичъ залучилъ къ себѣ въ кабинетъ маленькаго Сережу и съ бабушкой Елизаветой Никитишной. Усадилъ ихъ рядышкомъ на диванъ и надавалъ имъ книгъ съ картинками. Старый и малый съ жадностью ухватились за картинки и начали разсматривать ихъ.

— Что вы носы-то повѣсили?.. чай кофейку хочется?.. спросилъ вдругъ Петръ Петровичъ, взглянувъ на няньку и Матрену, которыя, задумавшись, стояли поодаль.

— Ничего, сударь, мы еще успѣемъ, — отвѣтила Матрена за двухъ.

— Да чего успѣемъ! Я вижу, что у васъ въ горлѣ пересохло... вы всегда въ этотъ часъ кофе пьете... ужь ступайте я за васъ за вашими двумя дѣтищами присмотрю...

Матрена и нянька все еще переминались.

— Убирайтесь, вамъ говорятъ... и дуйте кофе сколько душенькѣ угодно, благо на меня стихъ нашелъ нянькой быть... а разбуянятся ваши дѣти, я позвоню и пришлю за вами.

Нянька и Матрена не заставили еще себя упрашивать, воспользовались барскимъ позволеніемъ, ушли въ кухню и обѣ взялись каждая за свой кофейникъ.

— Что, хороши картинки, Елизавета Никитишна? спросилъ Петръ Петровичъ, подсѣвъ къ старушкѣ.

— Очень хороши, mon cher! Это натуральная исторія.. я все это въ Смольномъ знала наизустъ... я вѣдь очень хорошо училась, mon cher, я вѣдь изъ первыхъ была... я и медаль получила... здраво отвѣтила Елизавета Никитишна.

У Петра Петровича, какъ молнія, блеснула радость на лицѣ.

— А въ каллиграфіи вы тоже были изъ первыхъ?

— Ахъ, mon cher, я такъ хорошо писала, что всѣмъ меня учитель ставилъ въ примѣръ.

А теперь вы, я думаю, уже не можете писать, у васъ рука слаба... ввернулъ свое словцо старушкѣ Петръ Петровичъ.

— Ахъ, нѣтъ, mon cher, я и теперь хорошо могу написать.

— Ну-ка, покажите мнѣ, какъ вы пишите, я вамъ дамъ бумаги и перо.

— Дай, mon cher, я напишу тебѣ.

Петръ Петровичъ положилъ передъ Елизаветой Никитишной листъ бумаги, поставилъ чернильницу на столъ и подалъ ей перо.

— Ну, пишите, пишите, я посмотрю.

— Что-же мнѣ писать, mon cher? взглянувъ на Петра Петровича, спросила старушка.

— Ну, напишите хоть: «Володенька, я люблю тебя».

Елизавета Никитишна, какъ дитя, усердно принялась писать и крупными буквами написала довольно твердо «Володенька я люблю тебя».

— Что, вѣдь хорошо?.. спросила она, когда кончила, любуясь сама на свое писанье.

— Очень, очень хорошо... ну, теперь напишите еще: «какія прекрасныя картинки»... продиктовалъ тихо Петръ Петровичъ.

— Ахъ, mon cher, я все могу написать... и старушка опять принялась за работу.

— Только не пишите такъ крупно, пишите просто скорописью.

— Я и такъ умѣю, mon cher... И старушка старинной, но четкой и довольно твердой рукой написала «какія прекрасныя картинки»...

— Ай да молодецъ Елизавета Никитишна... А вотъ я, бѣдный, такъ очень гадко пишу... Можете вы переписать мнѣ одну вещь, Елизавета Никитишна?.. Вы-бы очень меня одолжили, я самъ не могу, я гадко пишу...

— А я могу, mon cher, давай!.. сказала весело старушка, настроенная Петромъ Петровичемъ на одну и ту-же мысль: что она можетъ хорошо писать.

Петръ Петровичъ, не теряя ни минуты, подалъ ей листъ чистой бумаги и положилъ возлѣ нея другой, исписанный четкой его рукой.

— Вотъ Елизавета Никитишна, спишите это точно такъ, какъ тутъ написано.

Елизавета Никитишна опять придвинулась къ столу и машинально начала копировать: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа»...

Петръ Петровичъ не дышалъ, вся кровь бросилась ему въ голову.

«Въ полной памяти»... продолжала писать Елизавета Никитишна «и совершенномъ разсудкѣ».. и такъ изъ буквы въ букву, со всѣми знаками препинанія и, соблюдая такія-же разстоянія, какія были на рукописи, которую положилъ передъ ней Петръ Петровичъ, списала своей рукой весь листъ. И въ концѣ, не останавливаясь ни на минуту, такъ-же машинально списала «Къ сему духовному завѣщанію вдова отставнаго гвардіи корнета Александра Сергѣевича Столбина Елизавета Никитишна Столбина руку приложила и подписуюсь».

Какъ только дописала Елизавета Никитишна, сейчасъ-же Котиковъ взялъ у нея бумагу. И не давая опомниться, ничего не говоря, подложилъ ей два конверта; одинъ чистый, а на другомъ было написано: «Прошу вскрыть послѣ моей смерти». Елизавета Никитишна списала тотчасъ-же и это, Петръ Петровичъ схватилъ и оба конверта и обѣ бумаги, спряталъ все въ столъ, заперъ, положилъ ключъ въ карманъ, взялъ со стола маленькій органъ, нажалъ пуговку и подсѣлъ съ нимъ къ Елизаветѣ Никитишнѣ и Сергѣю. Бабушка и внукъ ухватились за органъ.

— Покорно благодарю васъ, батюшка! сказала Матрена, войдя въ кабинетъ. Нянька, войдя за ней, тоже поблагодарила Петра Петровича.

— Ужь вы рады, только пусти васъ... Обирайте своихъ ребятъ, они меня умаяли да и музыку-то несите къ себѣ... я ее вамъ дарю, проговорилъ Петръ Петровичъ, вставая съ мѣста и расправляя себѣ спину.

Матрена взяла свою барыню, нянька Сережу и всѣ очень довольные отправились въ комнату Елизаветы Никитишны.

Вечеромъ Петръ Петровичъ вдругъ неожиданно собрался въ городъ и уѣхалъ. Вернувшись домой черезъ два дня, онъ опять началъ расхаживать по полямъ, гдѣ мѣстами начали уже снимать хлѣбъ.

Разъ, въ началѣ августа, вечеромъ, Петръ Петровичъ съ Лёло сидѣли въ новой избѣ. Лёло играла на фортепіано, Петръ Петровичъ слушалъ, сидя съ сигарой у открытаго окна. Вдругъ по прямой липовой алеѣ, отъ большого дома, послышались шаги и голоса нѣсколькихъ людей. Петра Петровича это удивило, онъ легъ на окно и началъ глядѣть вдаль по алеѣ: какая то черная масса подвигалась впередъ и яснѣе долетали звуки голосовъ. Наконецъ, Петръ Петровичъ ясно разсмотрѣлъ золотыя эполеты на плечахъ одного человѣка и свѣтлое платье женщины. Какая-то черная фигура шла впередъ и видимо служила проводникомъ.

— Лёлька! Лёлька! посмотри, къ намъ гости идутъ! Какой то офицеръ и дама... Кто-бы это былъ, я понять не могу?.. обернувшись къ женѣ, сказалъ Петръ Петровичъ и опять началъ всматриваться въ приближающуюся групу.

Лёло подбѣжала къ окну и, обнявъ мужа, тоже стала смотрѣть въ алею.

Вдругъ ясно долетѣли до нихъ слова:

— Далеко еще, милый мой? Гдѣ же они? проговорилъ женскій голосъ.

Лёло ахнула. Кинулась въ дверь, стрѣлой пустилась по алеѣ и упала на грудь полной женщины, которую, наконецъ, ясно могъ разсмотрѣть Петръ Петровичъ.

— Мамачка!.. Родная!.. Дорогая!.. кричала Лёло, цѣлуя тысячи разъ руки Авдотьи Кириловны.

— Лёло моя!.. Дочь моя!.. Увидала я тебя... твердила Авдотья Кириловна, обнявъ Лёло.

— Коля, голубчикъ и ты?.. Ахъ, какъ я рада!.. какъ я рада! вырвавшись отъ матери и бросившись къ брату на шею, повторяло Лёло. — Да что я васъ тутъ держу, я совсѣмъ одурѣла отъ радости, пойдемте я васъ познакомлю съ мужемъ, Петя!.. Петя!.. Бѣги сюда скорѣй, это маменька съ Колей пріѣхала.

Петръ Петровичъ тотчасъ-же выскочилъ изъ избы и бросился цѣловать Авдотьѣ Кириловнѣ руки.

— Сынъ ты мой! Другъ ты мой! Полюби ты меня!..

— Могу ли я не любить мать моей жены! Мнѣ остается только заслужить вашу любовь, маменька, съ чувствомъ проговорилъ Петръ Петровичъ.

— Я-то давно уже полюбила тебя... Ты меня полюби, другъ ты мой!..

— Николай Михайловичъ, позвольте мнѣ обнять васъ, какъ брата! сказалъ Петръ Петровичъ, подходя къ Сивкову.

— Если, какъ брата, то что-же это за Николай Михайловичъ? улыбаясь, поправилъ Петра Петровича Сивковъ.

— Ну, Николай!..

— Ну, и Петръ!..

Оба крѣпко обнялись. Всѣ пошли въ избу. Лёло начала хлопотать объ чаѣ. Петръ Петровичъ усадилъ Авдотью Кириловну на диванъ, Николая Михайловича на кресло и самъ подсѣлъ къ нимъ.

— Ахъ, Петрушенька, да какой же ты милый, я не нагляжусь на тебя... А гдѣ же внучки то мои милые?

— Они ужь спятъ, маменька, я послѣ васъ къ нимъ сведу... Они въ большомъ домѣ... Мы вѣдь здѣсь не живемъ... Этотъ домикъ — моя игрушка...

— Ужь подлинно, что игрушка, а не домикъ... какъ все мило, цвѣтовъ сколько. Рай, да и только!

— Ахъ, мамачка, голубушка, какъ я рада, что вы у насъ; я гляжу на васъ и глазамъ не вѣрю, что это вы. Какъ это вамъ вздумалось пріѣхать въ Дрёмино?.. И не написали; я бы съ Петей выѣхала вамъ на встрѣчу.

— Правду тебѣ сказать, Лёло, мнѣ бы давно надо къ вамъ пріѣхать.. Да вотъ все Николая не отпускали въ отпускъ. Насилу я выпросила его у начальства. Я вѣдь къ вамъ не просто повидаться пріѣхала; у меня важное дѣло есть... это дѣло до васъ самихъ касается... Теперь объ немъ разсказывать долго. Мнѣ еще на васъ полюбоваться хочется, а завтра на свободѣ потолкую съ тобой и съ мужемъ. Сами увидите, что дѣло важное.

До поздней ночи просидѣли они въ избѣ, и всѣ вмѣстѣ отправились на ночлегъ въ большой домъ. Лёло спокойно уложила Авдотью Кириловну въ своей любимой маленькой диванной. Петръ Петровичъ проводилъ брата въ свой кабинетъ, гдѣ ему была оправлена постель. Котиковъ, передъ тѣмъ, чтобы уснуть, долго ломалъ себѣ голову, чтобы значилъ этотъ неожиданный наѣздъ матери и брата и объ какомъ дѣлѣ собиралась говорить Авдотья Кириловна. Добрая Лёло, увидавъ мать, забыла все свое прошедшее. Отъ сильной радости, она провела ночь въ какомъ то лихорадочномъ волненіи и проснулась чѣмъ свѣтъ. Не успѣла Авдотья Кириловна открыть глазъ, какъ Лёло притащила къ ней на диванъ обоихъ своихъ мальчиковъ и сама усѣлась въ ногахъ ея. Авдотья Кириловна ахала-ахала, цѣловала, крестила внуковъ и не могла разстаться съ ними. Петръ Петровичъ съ Николаемъ напились чаю; успѣли уже сходить на мельницу и вернуться, когда Лёло съ матерью вышла къ нимъ въ залу. Петръ Петровичъ опять усѣлся за сомоваръ и началъ второй разъ разливать чай.

— Ну, друзья мои, накормили вы, напоили меня досыта; а теперь пойдемте куда нибудь въ уголокъ, чтобъ насъ никто не слыхалъ и я вамъ разскажу, зачѣмъ я къ вамъ пріѣхала.

Лёло предложила опять пойдти въ ея новую избушку. Предложеніе было принято и всѣ вмѣстѣ отправились въ домикъ Лёло.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Рябая красавица.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Черезъ четверть часа экипажъ остановился у маленькаго дома въ Медонѣ. Облэ соскочилъ съ козелъ и помогъ президенту выйдти изъ кареты.

Экипажъ тотчасъ же уѣхалъ. Облэ отворилъ дверь и ввелъ старика въ маленькую гостиную, гдѣ находилась Орели.

Увидѣвъ ее, онъ быстро пошелъ къ ней, говоря:

— Ты видишь: по первому твоему слову, по первому знаку, я здѣсь. Но какъ ты восхитительна въ этомъ костюмѣ! прибавилъ онъ, окидывая ее взглядомъ.

Облэ, введя его въ комнату къ Орели, удалился и президентъ нашелъ это естественнымъ, считая за слугу того, кто его привезъ. Молодая женщина, сидѣвшая, съежившись, въ креслѣ, подняла голову; глаза ея блестѣли, щеки пылали; ее трясла лихорадка. Уже цѣлый часъ она просидѣла въ этомъ положеніи, терзаемая тревогой и страхомъ; она спрашивала себя, суждено-ли ей выйдти живой изъ этого дома.

Самыя сумазбродныя мысли бродили въ ея мозгу. Группируя факты, она рѣшила, что противъ нея былъ составленъ заговоръ, что ей разставили ловушку, въ которую она попалась. Она была всѣми одурачена, начиная съ абата и Жюля, и попалась въ сѣть вмѣстѣ съ своими драгоцѣнностями. Теперь она совершенно во власти своихъ враговъ и, судя о нихъ по себѣ, она не разсчитывала на пощаду. Ея блестящіе глаза и лихорадочный румянецъ придавали живость и блескъ ея красотѣ; Матье де-Тальи объяснилъ себѣ ея волненіе пикантностью приключенія. Развратный старикъ видѣлъ во всемъ происходившемъ только смѣлое и безнравственное любовное приключеніе.

Онъ подошелъ къ Орели и протянулъ къ ней руки, не замѣчая ничего, кромѣ нея. Онъ всталъ передъ нею на колѣни, обнялъ ея талію, а взглядъ ея все продолжалъ оставаться неподвижно прикованнымъ къ его глазамъ. Старику это нравилось. Онъ слышалъ, какъ затворилась за нимъ дверь; она все подготовила; они одни, совсѣмъ одни.

— Ты невыразимо прелестна сегодня, Лили, сказалъ онъ, прижимаясь къ ней. — Еслибы ты знала, какія черныя заботы разогнало твое письмо и какимъ обожаніемъ наполнилось мое сердце, когда я увидѣлъ тебя; одинъ твой взглядъ разогналъ всѣ мои заботы, думы, горе... Ты еще никогда не была такъ обольстительна, какъ сегодня, въ этомъ костюмѣ...

— О чемъ ты говоришь со мной? сказала она вдругъ, какъ будто ни слова не понявъ изъ всего, что онъ говорилъ.

— О любви, отвѣчалъ онъ, нѣжно пожимая ея руку.

— Несчастный, или ты не знаешь, что мы погибли?

Матье наморщилъ брови. Слово «погибли» напомнило ему грозный вечеръ этого дня.

— Что ты говоришь? спросилъ онъ.

Она высвободилась изъ его рукъ и, глядя ему прямо въ глаза, наклонилась къ его лицу и прошептала:

— Ты всемогущъ; ты долженъ спасти насъ обоихъ... Меня принудили назначить тебѣ свиданіе... Мы у нихъ!

— Да говори же толкомъ, наконецъ! Или ты съ ума сошла? вскричалъ онъ.

— Мы здѣсь, у моего мужа, отвѣчала она глухимъ голосомъ. — Исторія его смерти — сказка, онъ живъ. Они всѣ здѣсь, и маркизъ, и де-Мейранъ. Меня привелъ сюда Облэ, — тотъ самый, который ѣздилъ за тобою. Ты не узналъ его... Понялъ ли ты теперь?

Матье де-Тальи всталъ и осмотрѣлся вокругъ. Онъ попытался отворить двери, но онѣ были заперты.

— А! такъ это западня, сказалъ онъ, — и это ты завлекла меня въ нее!

— Меня заставили подъ страхомъ смерти написать тебѣ записку. Но я никогда такъ не пишу тебѣ, Матъ; я полагала, что ты усомнишься.

Старикъ позеленѣлъ отъ страха. Онъ былъ во власти тѣхъ, кто не побоялся покуситься на его жизнь въ самомъ его домѣ, среди его людей. И онъ былъ теперь у нихъ одинъ, безъ защитника!..

— Это правда, мы погибли, сказалъ онъ гробовымъ голосомъ.

— Но ты всемогущъ, тебѣ нечего бояться, ты долженъ спасти насъ обоихъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ и, опустивъ руку въ карманъ, вынулъ револьверъ и осмотрѣлъ, въ порядкѣ-ли онъ.

— Я буду всемогущъ только по выходѣ изъ этого дома. Нужно выйдти отсюда, во что-бы то ни стало.

Орели ободрилась, увидѣвъ, что старый президентъ вооруженъ.

— Мы найдемъ выходъ, сказала она, быстро вскочивъ, и подбѣжала къ окну, чтобы отворить его. Но ставни были крѣпко заперты.

— А! насъ заперли... Что теперь дѣлать? съ отчаяніемъ спросила Орели.

«Мнѣ нечего опасаться скандала», подумалъ Матье де-Тальи, направился къ камину и взялъ желѣзные щипцы, чтобы разбить ими дверь. Но въ ту же минуту отворилась другая дверь и въ комнату разомъ вошли капитанъ, Оливье и Облэ. Матье обернулся.

— Вотъ они, Матъ; защити насъ! вскричала Орели.

Повинуясь ей, онъ выстрѣлилъ на угадъ. Пуля никого не задѣла; Облэ, бросившись къ де-Тальи, толкнулъ его руку и двѣ другія пули послѣдовательно исчезли въ потолкѣ.

Матье обезоружили и грубо толкнули въ уголъ комнаты вмѣстѣ съ Орели.

— Негодяи! кричалъ де-Тальи, — берегитесь! Вы поплатитесь жизнью за это новое преступленіе!

Капитанъ въ изступленіи бросился на него съ потокомъ ругательствъ, но Оливье остановилъ его, говоря президенту:

— Преступникъ здѣсь — вы, г. Матье. Роли перемѣнились. Теперь мы ваши судьи.

Облэ принудилъ де-Тальи сѣсть противъ капитана и Оливье. Орели прижалась въ углу и, прячась въ тѣни, едва не падала отъ страха. Де-Тальи былъ уничтоженъ. Не видя возможности ни бѣжать, ни защищаться, онъ сидѣлъ съ посоловѣлыми отъ страха глазами, стараясь прочесть на лицахъ своихъ враговъ ожидавшую его участь. Въ умѣ его рисовалась картина торжественнаго засѣданія суда; длинныя, красныя тоги; онъ самъ на президентскомъ мѣстѣ; вокругъ люди, готовые повиноваться ему по первому жесту. Если ему и мелькала когда-нибудь мысль, что онъ самъ можетъ сдѣлаться подсудимымъ за свои многія вины, то ему рисовался судъ, еще болѣе торжественный. Только такой судъ могъ изречь надъ нимъ приговоръ. И вдругъ, вмѣсто всего этого, маленькая, тѣсная комната, запертая со всѣхъ сторонъ; и эти трое судей, — судей непримиримыхъ, потому что это три его жертвы!

— Вы обвиняли меня въ заговорѣ противъ государства, началъ Оливье, — вы показали, будто я переписываюсь съ врагами моей страны; будто я, солдатъ, — измѣнникъ отечеству! Вы солгали, вы это хорошо знаете. Ваша цѣль была погубить меня. Вы служили орудіемъ этой женщины, жаждавшей мести. Вы негодяй, г. де-Тальи; вы подлецъ. Я не могу требовать отъ васъ удовлетворенія и такъ какъ вы не въ силахъ болѣе вредить намъ, я васъ прощаю.

Де-Тальи не отвѣтилъ ни слова. Конечно, еслибы онъ вырвался цѣлымъ изъ этой западни, онъ отплатилъ бы маркизу за испытанное униженіе.

Послѣ Оливье выступилъ Облэ.

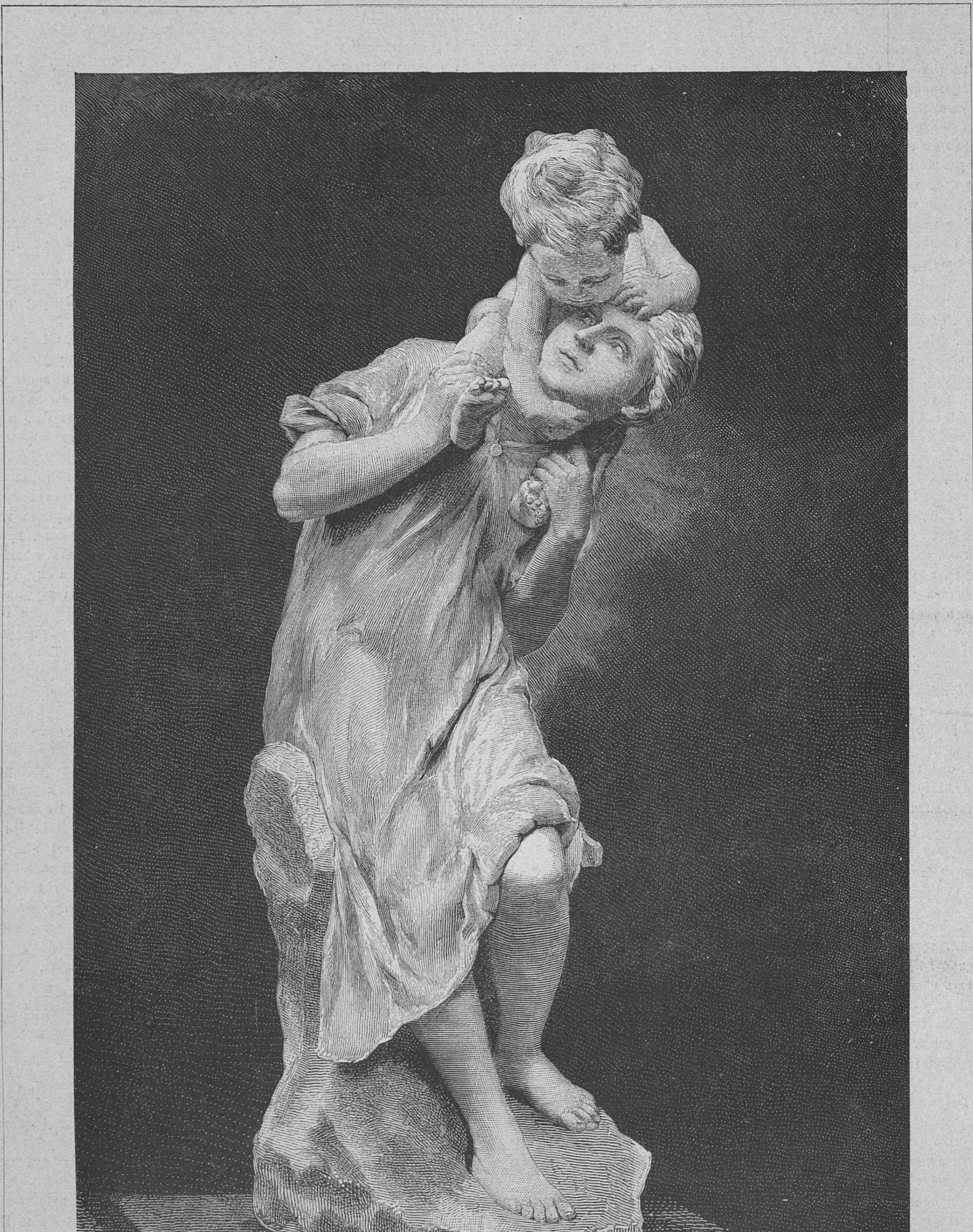
— Вы узнаете меня теперь. Вы принесли меня въ жертву для этой женщины. Вы, руководя мнѣніемъ присяжныхъ, внушили имъ, что я — воръ, хорошо зная, что это ложь. Доказательство преступленія, которое вы совершили относительно меня, находится въ моихъ рукахъ, но, презирая васъ, я вамъ прощаю.

Капитанъ слушалъ ихъ обоихъ съ изумленіемъ, кусая губы и съ трудомъ сдерживаясь. Когда они кончили, онъ вытянулся, какъ палка, промаршировалъ черезъ комнату, какъ автоматъ, и остановился передъ самымъ лицомъ стараго судьи. Тотъ невольно попятился назадъ.

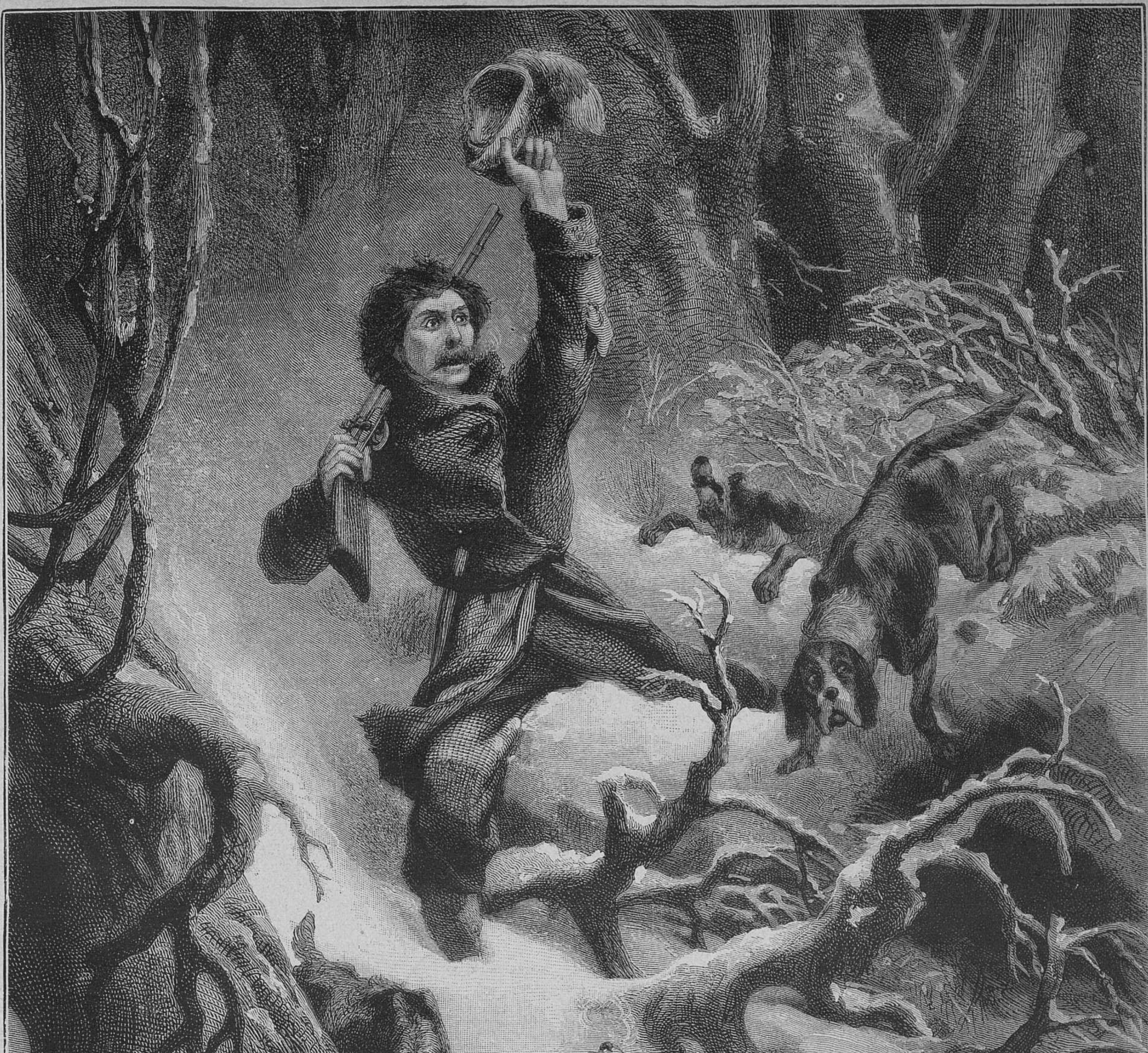
— Но я, я не прощаю, Матье де-Тальи. Я старый солдатъ; мое прошлое безукоризненно. Когда я собирался жениться на женщинѣ, которую вы обезчестили, вы должны были, еслибы вы были достойны вашего положенія въ обществѣ и вашего судейскаго званія — вы должны были предупредить меня, честнаго солдата,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

СКУЛЬПТУРА ПРОФЕССОРА ВИГМИЛЛЕРА.



Группа для фонтана.
Рѣзано на деревѣ въ Мюнхенѣ.


John S Davis
Jonnard

У берлоги. Рисунокъ ДЖ. ДЕВИСА.

Рѣзалъ на деревѣ Жоннаръ.

что я женюсь на вашей любовницѣ. Вы поступили иначе; но это не все. Вы не прекратили вашей связи съ нею и тогда, когда она сдѣлалась моей женой. Вы помогали ей во всѣхъ ея проступкахъ. Вы принесли въ мой домъ безчестіе, тогда какъ я былъ увѣренъ, что я обязанъ моимъ положеніемъ своимъ заслугамъ; вы позорили меня вашимъ покровительствомъ, выдавая меня за мужа-колпака. Сдѣлавъ меня смѣшнымъ, вы постарались выдать меня за подлеца. Негодяй! Для такихъ, какъ вы, можетъ быть только одно наказаніе—палка; но вамъ хотѣлось выдать меня за убійцу, когда я явился къ вамъ въ качествѣ противника. Такъ знай-же, судья, я хочу драться съ тобой. Мы будемъ драться. Или я изъ тебя выпущу кровь, или ты изъ меня. Слышишь-ли, подлецъ?

Видя, что судья пятится отъ него, капитанъ съ яростью закричалъ:

— Если ты откажешься драться, я убью тебя, какъ собаку!

И онъ уже искалъ глазами револьвера, который Облэ вырвалъ изъ рукъ президента.

— Я убью тебя, убью васъ обоихъ...

Капитанъ придвигался съ поднятыми кулаками. Матье де-Тальи почти прижался къ стѣнѣ, рядомъ съ Орели, которая, видя угрожающіе жесты мужа, кричала, потерявъ голову:

— Спасите! Матъ, Матъ! защити меня!

Этотъ отчаянный призывъ привелъ въ изступленіе ея мужа. Оттолкнувъ судью, онъ кинулся на жену, схватилъ ее, приподнялъ, изрыгая потокъ грубыхъ оскорбленій и площадныхъ ругательствъ. Въ этотъ моментъ Оливье и Облэ подскочили къ нему и, вырвавъ Орели изъ его рукъ, увлекли ее въ другую комнату, оставивъ капитана наединѣ съ Матье де-Тальи.

— Оставьте эту несчастную, капитанъ, сказалъ маркизъ;—мужчина не долженъ мстить женщинѣ. Мы оставляемъ васъ съ вашимъ врагомъ.

Матье пришелъ въ ужасъ, оставшись вдвоемъ съ этимъ человѣкомъ, и тоскливо искалъ глазами выхода.

— Они правы; поквитаемся лучше съ тобою. Будешь-ли ты драться? Говори, старый трусъ!

Матье упалъ на колѣни.

— Пощадите! вскричалъ онъ, дрожа всѣми членами.

Капитанъ вышелъ изъ себя и схватился за револьверъ.

— Нѣтъ, ты не человѣкъ. Умри-же, какъ собака.

Онъ выстрѣлилъ. Матье вскрикнулъ и упалъ ничкомъ. Дверь отворилась. Оливье и Облэ прибѣжали на шумъ выстрѣла.

— Я убилъ его, хладнокровно сказалъ имъ капитанъ.

Испуганные, они бросились поднимать несчастнаго.

При видѣ человѣка, который былъ прямою причиной всѣхъ его несчастій, капитанъ впалъ въ бѣшеную ярость. Вся ненависть его возвратилась къ нему, когда онъ началъ припоминать ужасное прошлое своей жены.

Онъ не сознавалъ болѣе своихъ поступковъ; онъ опьянѣлъ отъ жажды мести. Когда маркизъ и Облэ вошли въ комнату, капитанъ вспомнилъ о своей женѣ и, держа въ рукахъ еще дымившійся револьверъ, выбѣжалъ въ смежную комнату, говоря:

— Теперь примемся за нее... Убью всѣхъ! Нужно смыть кровью мой позоръ.

Орели, трепещущая, испуганная слышаннымъ ею выстрѣломъ, бѣгала по комнатѣ, ища выхода. Она знала своего мужа, знала, до чего онъ можетъ дойдти въ припадкѣ бѣшенства. Ей было извѣстно, что видъ крови раздражалъ его, какъ дикаго звѣря. Увидѣвъ его передъ собою глазъ на глазъ, съ оружіемъ въ рукѣ, она сочла себя погибшей.

— О, не убивайте меня! Пощадите! закричала она отчаяннымъ голосомъ.

Растрепанная, обезумѣвшая отъ ужаса, она бѣгала по комнатѣ отъ капитана; онъ уже готовъ былъ схватить ее, рука его коснулась ея плеча... Орели выбѣжала въ гостиную, куда ушли отъ нея маркизъ и Облэ.

— Спасите! спасите! онъ убьетъ меня! кричала она.

Они поднимали въ эту минуту тѣло де-Тальи, чтобы положить его на длинное кресло. Орели съ мольбою прибѣжала къ нимъ, прячась за мебель; оба они тотчасъ бросились къ ней на помощь. Но бѣшенство удвоило силы капитана. Грубо оттолкнувъ обоихъ мужчинъ, онъ схватилъ Орели; глаза его налились кровью; съ пѣной у рта, онъ приставилъ къ ея лбу дуло револьвера, рыча:

— Она опозорила насъ; смерть ей!

Еще мгновеніе и долженъ былъ послѣдовать выстрѣлъ. Но вдругъ отворилась дверь и вбѣжала Элиза, полуодѣтая, съ помертвѣлымъ лицомъ, съ блуждающими глазами, съ распущенными волосами. Быстро поднявъ рукой оружіе, она прикрыла сестру своимъ тѣломъ. Пуля задѣла ея ухо, на которомъ показалась капля крови.

— Илэръ, ты не убьешь ее! вскричала она.— Если ты убійца, такъ убей-же насъ обѣихъ.

Капитанъ машинально отступилъ назадъ. Онъ былъ уничтоженъ и въ смущеніи смотрѣлъ на молодую женщину, опустивъ руку съ револьверомъ.

— Элиза! Ты, ты требуешь для нея пощады?.. Но она причина несчастья всей твоей жизни!

— Ты помогалъ ей. Вѣдь я простила тебя; прости-же и ты ее.

Оливье и Облэ схватили капитана подъ руку, опасаясь, что онъ упадетъ, такъ сильно онъ былъ взволнованъ, а Элиза, воспользовавшись минутнымъ затишьемъ, увела сестру.

— Бѣги! сказала она ей, когда онѣ вышли изъ залы,—и постарайся загладить свое прошлое.

Она отворила дверь на улицу.

Орели, почувствовавъ свѣжій воздухъ и свободу, тотчасъ пришла въ себя и первая мысль ея была о предметѣ, который привелъ ее въ это мѣсто.

— Я исправлюсь, Элиза, обѣщаю тебѣ; но возврати мнѣ мои бриліанты.

— Но они не у меня, сказала Элиза, вздрогнувъ при воспоминаніи о появленіи негодяя въ ея комнатѣ.

— У кого-же?

— У твоего любовника, Жюля Менге.

— Менге! да гдѣ-же онъ?

— Почему я знаю?

— Онъ убѣжалъ!.. съ моими вещами?

Въ эту минуту въ комнатахъ послышался шумъ и Орели испугалась. Элиза толкнула ее на улицу, говоря:

— Иди! иди! Прощай!

Она захлопнула дверь. Орели добѣжала до конца улицы и остановилась.

— Теперь я погибла! сказала она, схвативъ себя за волосы.

Съ нею сдѣлалась судорожная дрожь; зубы ея стучали и она въ безсиліи опустилась на землю въ углу подворотни. Скорчившись и положивъ голову на руки, она сидѣла и бормотала безсвязныя фразы:

— Мой мужъ живъ... Онъ было умеръ... Теперь я выйду за Облэ. Онъ возвратитъ мнѣ вещи. Вѣдь я сказала, что онъ не кралъ ихъ... Жюль защититъ меня... А абатъ...

Между тѣмъ Оливье и Облэ, уведя капитана, вышли изъ дома въ сопровожденіи Элизы. Они прошли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ несчастной, не замѣтивъ ея...

Спустя нѣсколько часовъ, ее подняли полицейскіе агенты и отвели въ депо, гдѣ они заявили, что нашли ее, пьяную или безумную, на улицѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова.**

(*Продолженіе.*)

XII.

Вѣдовскіе процесы въ Россіи.

Еще при введеніи у насъ христіанства, церкви пришлось вести ожесточенную борьбу съ языческими жрецами и знахарями. Въ 1071 г. появившійся въ Кіевѣ волхвъ предсказывалъ что черезъ 5 лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, земля русская станетъ на мѣстѣ греческой, а греческая—на мѣстѣ русской. Его кто-то убилъ ночью. Въ 1091 г. убили волхва въ Ростовѣ. Посланные на Бѣлоозеро Янъ и другіе дружинники имѣли кровавое столкновеніе съ народомъ изъ-за волхвовъ, которыхъ съ трудомъ захватили. Волхвы просили отправить ихъ къ князю Святославу: «самъ ты ничего не можешь намъ сдѣлать, говорили они Яну,—такъ повѣдаютъ наши боги!»—«Лгутъ ваши боги!» возразилъ Янъ и велѣлъ бить и рвать за бороды волхвовъ, потомъ связалъ ихъ, посадилъ въ ладью и вмѣстѣ съ ними поплылъ по Шекснѣ. Остановясь на устьѣ рѣки, онъ спросилъ: «что вамъ повѣдаютъ боги?»—«Боги повѣдаютъ, отвѣчали волхвы, что не быть намъ въ живыхъ».—«Правду говорятъ!»—«Но если отпустишь насъ—много будетъ тебѣ добра; а погубишь—многую печаль и зло пріимешь». Янъ не повѣрилъ предсказанію; оба волхва были убиты и повѣшены на дубѣ; трупы ихъ достались въ пищу лѣснымъ звѣрямъ. Болѣе значительное возстаніе волхва было въ Новгородѣ при князѣ Глѣбѣ, о чемъ лѣтопись повѣствуетъ такъ: «всталъ волхвъ... творяся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града; глаголашеть бо, ако перейду по Волхову предъ всѣми. И бысть мятежъ въ градѣ, и вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа; епископъ-же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: иже хощетъ вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруетъ кто, то ко кресту да идеть. И раздѣлишася на двое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва, и бысть мятежъ великъ межи ими». Тогда князь, скрывши подъ верхнею одеждою топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ: «знаешь-ли, что будетъ утромъ и что будетъ къ вечеру?»—«Все знаю!» отвѣчалъ волхвъ. «Знаешь-ли, что теперь должно совершиться?»—«Я сотворю великія чудеса!» При этихъ словахъ князь выхватилъ топоръ и ударилъ волхва съ такою силою, что онъ тотчасъ-же палъ мертвый. Церковь постоянно преслѣдовала эпитиміями и обличеніями всѣхъ, обращавшихся къ знахарямъ. «О, говорили пастыри, горе намъ, прельщеннымъ бѣсомъ и скверными бабами!» Проповѣдникъ совѣтуетъ недужнымъ приглашать поповъ, «да творять молитвы врачебныя, Бога призывающе». Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ новгородцамъ (1410 года) предписываетъ священникамъ: «также учите ихъ (паству), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примовленья, ни зелья, ни вороженья и елика такова; занеже съ того гнѣвъ божій приходитъ, и гдѣ таковыя бабы находятся—

учите ихъ, чтобы перестали и каялись-бы, а не имутъ слушати—не благословляйте ихъ; христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ не держали между себѣ нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себѣ, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ отъ церкви отлучайте». Но невѣжественный народъ, не имѣвшій ни школъ, ни литературы, ни медиковъ, не слушалъ пастырей и шелъ къ колдунамъ и знахаркамъ, особенно женщина, о которой старинный памятникъ говоритъ: «Издѣтска начнетъ она у проклятыхъ бабъ обавничества навыкать и еретичества искать, и вопрошати будетъ многихъ, како-бъ ей замужъ выйтить и какъ-бы ей мужа обавити на первомъ ложѣ и въ первой банѣ; и взыщетъ обавниковъ и обавницъ, и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою будетъ шепты ухищряти, и подъ позѣ подсыпати, и въ возглавіе и въ постелю вшивати, и въ порты рѣзаючи, и надъ челомъ втыкаючи, и всякія прилучившіяся къ тому промышляти, и кореніемъ и травами примѣшати, и всѣмъ надъ мужемъ чаруетъ».

Власти не ограничивались обличеніями и нерѣдко истребляли колдуновъ, да и самъ народъ иногда жестоко расправлялся съ ними. Въ народной пѣснѣ братъ чародѣйки, узнавъ о ея зломъ умыслѣ противъ него—

Снималъ онъ съ сестры буйну голову...
И онъ бралъ со костра дрова,
Онъ клалъ дрова середи двора;
Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое
Что до самаго до пепелу,
Онъ развѣялъ прахъ по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить, плакати.

Въ 1227 г. «появившася въ Новѣградѣ волхвы, вѣдуны, потворницы, и многая волхованія и потворы и ложная знаменья творяху, и много зла сотворяху, многихъ прельщающе. И собравшеся новгородцы изымаша ихъ, и ведоша ихъ на архіепископовъ дворъ. И се мужи княжіи Ярославли вступишася о нихъ; новгородцы-же ведоша волхвовъ на Ярославль дворъ, и складше огнь велій на дворѣ, и связавше волхвовъ всѣхъ и вринуша во огнь, и ту сгорѣша вси». Преслѣдованіе колдовства особенно усилилось во время борьбы Москвы съ удѣлами, когда враги пускали въ ходъ и ядъ, и тайное убійство, и чары. По разсказу лѣтописи, напр., въ 1497 г. «опалу положилъ князь великій на жену свою на великую княгиню Софію о томъ, что къ ней приходиша бабы съ зеліемъ; обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнити—потопити въ Москвѣ-рѣкѣ нощію, а съ нею съ тѣхъ мѣстъ нача жити въ бреженіи». Эту Софью Палеологовну такъ и звали въ Москвѣ чародѣйкой греческой. Великая княгиня Соломонія, жена Василія Ивановича, чтобы излечиться отъ безплодія, доставала себѣ колдуній черезъ Сабурова. «Есть, говорила ему великая княгиня, на Москвѣ жонка—Стефанидою зовутъ, рязанка, и ты ее добудь и ко мнѣ пришли». Сабуровъ исполнилъ просьбу и съ помощью своей жены привелъ Стефаниду къ великой княгинѣ; ворожея смотрѣла ей брюхо и сказывала, что дѣтей у нея не будетъ; потомъ наговаривала въ рукомойникѣ воду и совѣтовала великой княгинѣ тою водою умываться, чтобы любилъ ее мужъ, а когда понесутъ къ великому князю сорочку, чехолъ или порты, и въ то время она-бы, омочивъ свои пальцы въ рукомойникѣ, охватывала имъ бѣлье. Соломонія послѣдовала наставленію и дѣйствительно смачивала наговорной водой мужнино бѣлье и платье. Въ другой разъ она говорила Сабурову: «сказали мнѣ черницу, что она дѣти знаетъ (т. е. можетъ отвращать неплодіе), а сама безноса, и ты ту черницу добудь». Черница была найдена, приведена къ Сабурову на подворье и тамъ наговаривала не то масло, не то медъ прѣсный, и «посылала къ великой княгинѣ съ Настею (женою Сабурова), а велѣла ей тѣмъ тертися отъ того жь, чтобъ ее князь великій любилъ, да и дѣтей дѣля»,—и великая княгиня тѣмъ снадобьемъ терлась. Въ заключеніе своихъ показаній Сабуровъ добавилъ: «того мнѣ и не испамятовати, сколько ко мнѣ о тѣхъ дѣлѣхъ жонокъ и мужиковъ прихаживало!» Соломонію насильно постригли въ монастырь. Женившись снова, Василій, по разсказу Курбскаго, «самъ старъ будучи, искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему ко плодотворенію. О чаровникахъ оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы, и оттуду провожаху имъ къ нему... совѣтниковъ сатанинскихъ, и за помощью ихъ, отъ прескверныхъ сѣменъ, по произволенію презлому, а не по естеству отъ Бога вложенному, уродишеся ему два сына: единъ таковый прелютый и кровопійца... а другій былъ безъ ума и безъ памяти, и безсловесенъ. Ту ми зрите и прилежно созерцайте, христіанскіе родове! яже держаютъ непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣдкамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и бабъ, смывателей и шептуней, и иными различными чарами чарующихъ, общующе со діаволомъ и призывающе его на помощь, что за полезную и яковую помощь отъ того имѣете!» Когда въ 1547 г. выгорѣла Москва, народъ кричалъ: «княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми волховала, вынимала сердца, клала ихъ въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила,—и отъ того Москва выгорѣла». Народъ хотѣлъ истребить всѣхъ Глинскихъ и имъ едва удалось спастись. Иванъ Грозный подъ старость былъ окруженъ колдунами. При немъ воевода Воротынскій, обвинявшійся въ сношеніяхъ съ вѣдьмами, былъ подвергнутъ ужаснымъ истязаніямъ. Связаннаго князя привели и поставили передъ царемъ, который сказалъ ему: «се на тя свидѣтельствуетъ слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровати и добывалъ еси на меня бабъ шепчущихъ». Воротынскій отвѣчалъ: «не научихся, о царю! и не навыкохъ отъ прародителей своихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрити, но Бога единаго хвалити... А сей клеветникъ—мой есть рабъ и утече отъ меня, окравши меня: не подобаетъ ти сему вѣрити и ни свидѣтельства отъ таковаго пріимати, яко отъ злодѣя и отъ предателя моего, лжеклевещущаго на меня!» Воротынскаго положили на бревно между двухъ огней и начали медленно поджаривать, причемъ самъ Грозный жезломъ подгребалъ къ его тѣлу горячіе уголья; послѣ пытки еле-живого князя повезли въ ссылку, но дорогою онъ скончался. При Годуновѣ отбиралась уже присяга о неоколдованіи государя, а при воцареніи Шуйскаго подданные клялись: «лиха мнѣ государю, царицѣ и ихъ дѣтямъ не хотѣти, не мыслити и не дѣлати никоторою хитростью—ни въ ѣствѣ, ни въ питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ чемъ никакого лиха не учинити, и зелья лихого и коренья не давати и не испортити, да и людей своихъ съ вѣдовствомъ да со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати, а вѣдуновъ и вѣдуней не добывати на государево лихо, и ихъ, государей, на слѣду, всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не посылати и слѣду не вынимати».

Въ концѣ XVI в. въ Астрахани судили колдуновъ, испортившихъ крымскаго царевича. Воеводы, видя, что онъ боленъ, привели къ нему лекаря арапа, который объявилъ, что «его излечить не можно, покамѣста сыщетъ вѣдуновъ, кои его спортили; и взя съ собою людей русскихъ и пошелъ въ юрты, и въ юртахъ переималъ вѣдуновъ, и приведе къ нему и муча ихъ... Вѣдуны ему рекоша: буде де кровь ихъ не замерзла, инъ де можно пособить. Тотъ-же арапъ, многій знатецъ, повелѣ имъ вѣдунамъ изъ себя метати кровь въ лохань. Они-же изъ себя выметали всю кровь, кои татарове и татарки перепорчены съ царевичемъ». Лекарь спросилъ: «коево чья кровь? И они начаша сказывати все по ряду; коя де кровь не замерзла, и тою кровью помажутъ которого татарина или татарку, и онъ живъ станетъ; царевича-же кровь и царицына всѣ замерзли, и они сказали, что имъ живымъ не быть». Воеводы дали знать о томъ въ Москву; царь Федоръ послалъ въ Астрахань Астафья Пушкина и велѣлъ ему учинить розыскъ и «тѣхъ вѣдуновъ пытать накрѣпко, по чьему умышленію царевича и царицу и татаръ испортили? и пытавъ ихъ, государь велѣлъ пережечь». По пріѣздѣ въ Астрахань, Пушкинъ принялся за пытки, но ничего не могъ доискаться. Тогда пришелъ арапъ и посовѣтовалъ вложить колдунамъ въ зубы конскія удила, повѣсить ихъ за руки и бить не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ, «и они всѣ почали сказывати. Воеводы-же пытавъ ихъ, велѣли жечь; а жегъ тотъ-же арапъ своимъ мастерствомъ. А какъ стали ихъ жечь, и туто слетѣлися сорокъ и воронъ многое множество, и какъ ихъ пережгли—и онѣ (птицы) всѣ исчезли. А на пыткахъ тѣ вѣдуны сказывали, что портили царевича и царицу и татаръ—имали изъ нихъ изъ сонныхъ кровь». Въ 1625 г. въ Москвѣ судили и пытали верхотурскаго протопопа Якова, взятаго съ какими-то кореньями. Въ 1628 г. дьячекъ Семейко былъ осужденъ на пожизненное заключеніе въ кандалахъ за найденныя у него волшебныя тетради, а въ 1660 г. судили другого дьяка тоже за колдовство. Въ 1671 г., во время Разина, около Темникова была взята вѣдьма, которая «войско себѣ сбирала и съ ворами вмѣстѣ воровала, да съ нею-же принесли попы воровскія заговорныя письма и коренья». Воевода приказалъ ихъ пытать, огнемъ жечь, и «воръ-старица въ распросѣ и съ пытки сказалась: зовутъ ее Аленою, родиною де она города Арзамаса, Выѣздныя слободы крестьянская дочь и была замужемъ тое-жъ слободы за крестьяниномъ, и какъ де мужъ ея умеръ—и она постриглась и была во многихъ мѣстехъ на воровствѣ и людей портила; а въ нынѣшнемъ 1671 г. пришедъ она изъ Арзамаза въ Темниковъ и сбирала съ собою на воровство многихъ людей и стояла въ Темниковѣ на воевоцкомъ дворѣ съ атаманомъ съ Федькою Сидоровымъ и его учила вѣдовству». Поповъ повѣсили, а «вора-старицу за ея воровство и съ нею воровскія письма и коренья» сожгли въ срубѣ. Около того-же времени сожжены въ Астрахани колдунъ Семеновъ, а въ Тотьмѣ вѣдьма Федосья. Вообще въ XVII в. процесы о колдовствѣ были часты, хотя и не всегда кончались смертною казнью. Страхъ колдовства былъ до того силенъ, что Федоръ Алексѣевичъ, заводя въ Москвѣ академію, думалъ сдѣлать изъ нея настоящую инквизицію: «А отъ церкве возбраняемыхъ наукъ, наипаче-же магіи естественной и иныхъ, такимъ не учити и учителей таковыхъ не имѣти. Аще-же таковые учители, гдѣ обрящутся, и они со учениками, яко чародѣи, безъ всякаго милосердія да сожгутся». Блюстителю и учителямъ академіи предписывалось имѣть тщательное наблюденіе, чтобы никто изъ духовныхъ и мірскихъ людей не держалъ у себя «волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всякихъ отъ церкви возбраняемыхъ книгъ и писаній, и по онымъ не дѣйствовалъ, и иныхъ тому не училъ». У кого-же объявятся такія богопротивныя книги, тотъ вмѣстѣ съ ними «безъ всякаго милосердія да сожжется».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Стефенъ Митчель.

Повѣсть изъ флоридской жизни **М-съ Робинзъ.**

Переводъ **А. А. Разсказовой.**

(*Продолженіе.*)

Глава IX.

Сезонъ въ Сент-Огюстенѣ былъ во всемъ разгарѣ. Всѣ гостинницы, всѣ дома были переполнены пріѣзжими, можно было подумать, что этотъ городъ обратился въ громадный лазаретъ для Соединенныхъ Штатовъ. Но не одни больные пріѣзжали сюда, было не мало искателей развлеченій, пріѣхавшихъ или со знакомыми, или чтобы избѣгнуть суровой сѣверной зимы; многіе для воздѣлыванія апельсинныхъ деревьевъ,—вѣтвь промышленности развивающаяся въ гигантской пропорціи во Флоридѣ, такъ какъ здѣшніе апельсины считаются лучшими въ свѣтѣ.

Однажды я предложила Стивѣ, когда онъ поправится, заняться воздѣлываніемъ апельсиновъ. Мы купимъ плантацію, а онъ круглый годъ будетъ оставаться во Флоридѣ, хозяйничая на плантаціи.

— Не подождать-ли пока я поправлюсь, отвѣчалъ онъ съ своей грустной, трогательной улыбкой.

Послѣ этого разговора, мы не разъ возвращались къ этому предмету, такъ что онъ сталъ вѣрить, что предлагаемый мною планъ осуществимъ.

— Вы привезете сюда Руфь, т. е. миссъ Риплей, сказала я въ одномъ изъ нашихъ послѣднихъ разговоровъ, — а мы, если спѣшныя дѣла не будутъ задерживать м-ра Станлея, каждый годъ будемъ пріѣзжать къ вамъ на мѣсяцъ или на два, чтобы помочь вамъ при сборѣ апельсиновъ, укупоркѣ и отправкѣ ихъ на рынокъ. Не правда-ли какъ это будетъ хорошо?

— Слишкомъ хорошо, чтобы могло когда-нибудь сбыться, отвѣчалъ онъ. И какъ я ни переворачивала и ни развивала этотъ планъ, я никакъ не могла вызвать на его лицѣ выраженія довѣрія и надежды, пока не прочитала ему письмо, полученное мною отъ м-ра Бонда. Тогда только онъ совершенно неожиданно сказалъ мнѣ:

— М-съ Станлей! если я не умру скоро, если м-ру Станлей удастся оправдать меня, и если Руфь будетъ такимъ ангеломъ, что забудетъ и проститъ все и согласится пріѣхать сюда, я думаю, что апельсинная плантація годится для меня. Я никогда не буду въ состояніи жить на сѣверѣ, переносить морозы.

— Наконецъ-то вы становитесь разсудительнѣе! съ восторгомъ воскликнула я.—Поскорѣе примемся за исполненіе нашего плана. Руфи нечего прощать и забывать, когда дѣло касается васъ.

— Вы забываете пятно безчестія на моемъ имени. М-съ Станлей предположите только на одну минуту, что,—будь онъ такъ-же невиненъ, какъ я,—еслибъ на мистера Станлея пало подозрѣніе въ воровствѣ, могли-ли бы вы когда-нибудь... нѣтъ, вы никогда не могли-бы выйдти за него.

— Я поспѣшила-бы выйдти за него, чтобы доказать мою безусловную вѣру въ него. Я поступила-бы такъ даже противъ его желанія.

Онъ недовѣрчиво засмѣялся и не отвѣтилъ ни слова; но я серьезно ухватилась за планъ покупки плантаціи и не дала мужу покою, пока онъ не выписалъ отъ агента по продажѣ земель печатныя таблицы съ именами и условіями продажи апельсинныхъ рощъ. Онъ сдѣлалъ это неохотно, такъ какъ, по его словамъ, хотя онъ и написалъ м-ру Бонду, но всетаки не увѣренъ въ невиновности м-ра Митчеля, а дать ему въ управленіе плантацію, значитъ дать ему возможность, не навлекая подозрѣнія, пустить въ оборотъ украденныя деньги.

— Какъ будто, сказала я съ негодованіемъ, —онъ не можетъ самъ купить себѣ плантацію на эти деньги, не обязываясь никому. Право, м-ръ Станлей, въ этомъ случаѣ я болѣе проницательный адвокатъ, чѣмъ вы.

— Да, ты совсѣмъ готова къ поступленію въ фирму,—сказалъ онъ съ вызывающимъ смѣхомъ. Я же, просмотрѣвъ таблицы, отнесла ихъ къ Стивѣ.

Когда пришло письмо отъ м-ра Бонда, Стива значительно поправился. Онъ почти каждый день приходилъ къ намъ и проводилъ по цѣлымъ часамъ, лежа на кушеткѣ въ нашей уютной гостиной, окруженный книгами и цвѣтами. Старая Хлоя всегда подавала ему изящно сервированный, апетитный завтракъ, а я никогда не забывала устроить его такъ, чтобы онъ чувствовалъ себя совсѣмъ дома. Онъ былъ у насъ и въ то утро, когда получилось письмо отъ м-ра Бонда. Я-бы не показала ему письма, пока не узнала содержанія; но можно-ли ожидать такой предусмотрительности отъ мужчины?

М-ръ Станлей, возвращаясь съ почты, сказалъ:

— Вотъ письмо отъ м-ра Бонда. Онъ человѣкъ акуратный; прошло ровно двѣ недѣли и столько времени, сколько нужно для полученія письма.

Стива поблѣднѣлъ; онъ закрылъ глаза и нервно сжалъ руки. Какъ я была сердита на мужа! Къ довершенію всего онъ медленно сломалъ печать и прочиталъ съ первой строки до послѣдней, не дѣлясь съ нами ни однимъ замѣчаніемъ. Я дрожала отъ нетерпѣнія, когда онъ наконецъ подалъ мнѣ письмо, говоря:

— Прочти въ слухъ. Въ немъ нѣтъ ничего такого, чего нельзя-бы было слышать Стивѣ, если онъ только желаетъ слушать.

Стива кивнулъ головой въ знакъ согласія. Я сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ произнести хотя слово, даже еслибъ и хотѣлъ. Я быстро пробѣжала глазами страницу. Первая фраза была не особенно успокоительна. Письмо начиналось:

«Дорогой м-ръ Станлей. Я исполнилъ то, о чемъ вы просили меня, хотя, долженъ откровенно сознаться, не охотно...

— Въ такомъ случаѣ дѣло сдѣлано только на половину, вставила я.

— Продолжай, сказалъ мужъ спокойно.

«...Характеръ Джона Каульза выше подозрѣнія. Я навелъ какія только могъ справки, не возбуждая подозрѣнія и ничего не нашелъ противъ него; но меня поразило, что, хотя всѣ отзывались о немъ какъ о человѣкѣ безупречномъ, никто не выказывалъ къ нему ни малѣйшаго расположенія. Джонъ Каульзъ всегда велъ жизнь уединенную. Если у него есть честолюбіе внѣ моего дѣла, онъ никогда не выказывалъ его, а люди безъ честолюбія легко остаются честными...

— Я въ этомъ не увѣренъ, вставилъ мужъ.

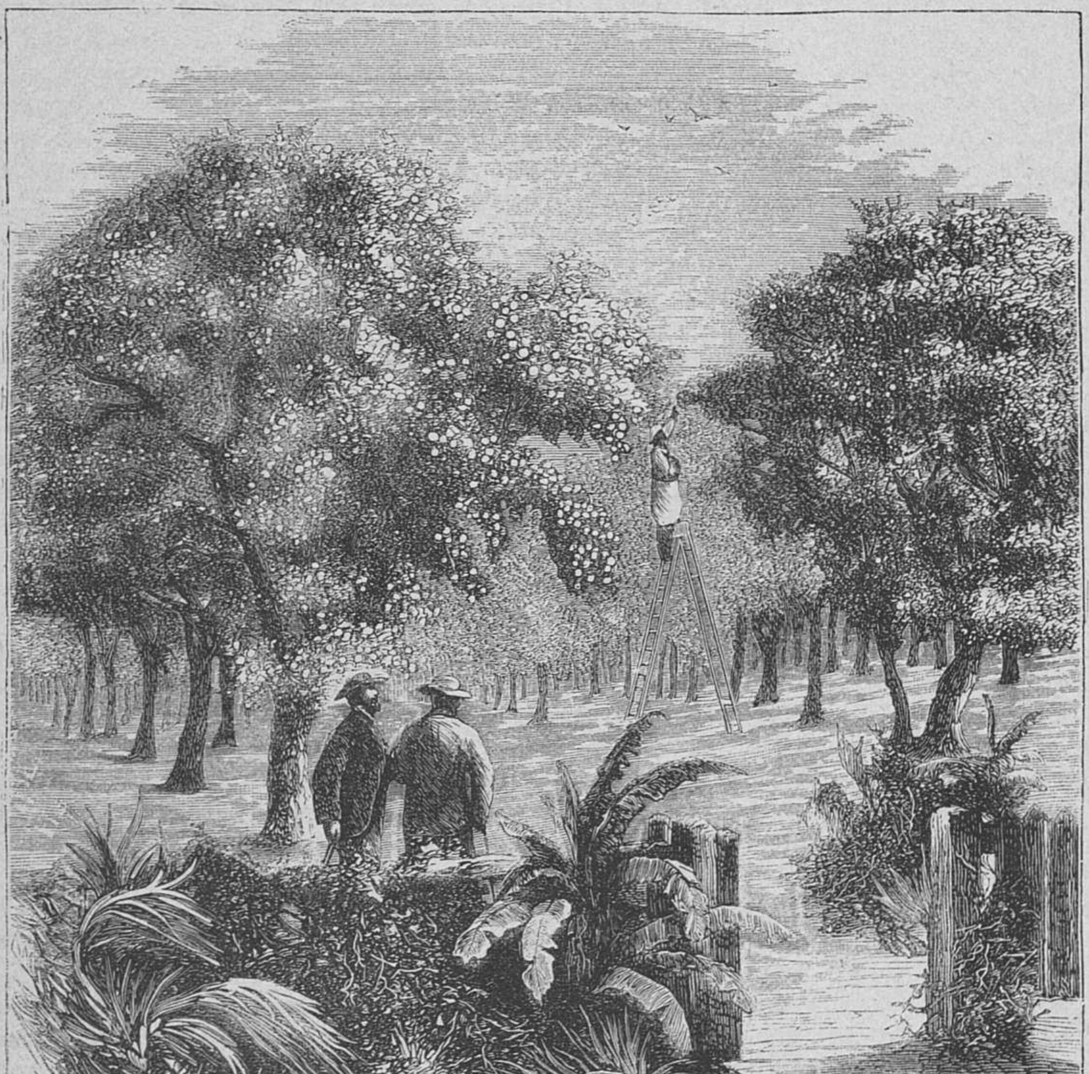
— Понятно, м-ръ Бондъ не понимаетъ о чемъ пишетъ, съ досадой сказала я.—Подобные угрюмые, нелюбимые и нелюбящіе люди настоящій матерьялъ, изъ котораго выходятъ хитрые воры.

— Настоящій женскій, быстрый выводъ, съ улыбкой возразилъ адвокатъ.

— И совершенно правильный, отвѣтила я.—Читаю далѣе:

«...Онъ велъ постоянно спокойную жизнь, живя съ своей матерью за городомъ. У него хорошенькій котеджъ съ садомъ. Никогда никто

КЪ РОМАНУ „СТЕФЕНЪ МИТЧЕЛЬ“.



Апельсинная роща.

не заходитъ къ нимъ и сами они ни у кого не бываютъ. Церковь единственное мѣсто, гдѣ можно ихъ встрѣтить, кромѣ моей конторы. Джонъ, какъ я уже писалъ вамъ, прикапливаетъ деньги, которыя желаетъ вложить въ мое дѣло. Иногда мнѣ кажется, что онъ стремится сдѣлаться моимъ компаньономъ, но онъ слишкомъ угрюмъ для этого. Но изъ всѣхъ служащихъ у меня, только одного Стиву я желалъ-бы принять къ себѣ въ товарищи. Потеря его—моя тяжелѣйшая потеря впродолженіи многихъ лѣтъ...

— Да вы и не потеряли его, м-ръ Бондъ, сказала я весело; но Стива не сказалъ ни слова, и я продолжала:

«... Я думаю, что подозрѣвать Джона болѣе невозможно, и мы должны искать преступника въ другомъ мѣстѣ. Я охотно отдалъ-бы половину всего, что имѣю, лишь-бы доказать невинность Стивы и никакъ не могу разстаться съ этой надеждой; Стива очень дорогъ мнѣ; племянницу я тоже люблю и вдвойнѣ страдаю ея и своими страданіями. Ей пришла въ голову безумная мысль отправиться въ Сент-Огюстенъ подъ покровительство м-съ Станлей, но объ этомъ нечего и говорить, ея друзья не допустятъ до этого... Мнѣ очень жаль, что я не могъ воспользоваться вашими услугами для раскрытія этой тайны, если только можно назвать ее тайной, когда существуютъ такія улики противъ бѣднаго Стефена.

«Вашъ покорнѣйшій слуга В. Бондъ».

— И не смотря на все это, сказала я, складывая письмо,—я твердо увѣрена, что настоящій виновникъ Джонъ Каульзъ, что и будетъ доказано.

— И держись крѣпче за это, ласково сказалъ мужъ,—въ большинствѣ случаевъ это половина выигранной битвы.

— И буду.

Стива всталъ, чтобы идти домой. Онъ зашатался при первыхъ-же шагахъ и м-ръ Станлей, поспѣшно надѣвъ шляпу, пропустилъ его слабую больную руку подъ свою сильную мускулистую, и мягкимъ нѣжнымъ тономъ, произнесъ:

— Я пройдусь съ вами. Я сегодня мало ходилъ, а воздухъ такъ хорошъ, что грѣшно сидѣть цѣлый день дома. А вотъ моя новая палка изъ апельсиннаго дерева, попробуйте ее. Она кажется подходитъ подъ вашъ ростъ.

Я оставалась на верандѣ до тѣхъ поръ, пока мужъ не вернулся; въ его шагахъ я услышала тотъ особенный звукъ, который означалъ, что случилось что-нибудь пріятное. Почта только что пришла и первой моей мыслью было письмо изъ дому, но то была телеграма отъ м-ра Бонда. Мужъ прочиталъ ее съ горячностью, за которую я благословляла его.

«Дорогой мистеръ Станлей. Неожиданно я нашелъ ключъ отъ разгадки. Я напишу вамъ завтра. Сегодня нѣтъ ни минуты свободной. Уважающій васъ В. Бондъ».

Я присѣла на ступеньку и, надо сказать правду, залилась слезами. Это глупая привычка выражать слезами неожиданную радость. М-ръ Станлей никогда не могъ привыкнуть къ ней и сказалъ:

— Кэтъ, о чемъ-же ты плачешь теперь? Время для слезъ было послѣ полученія перваго письма, а не этого. Теперь, милая, жена, я хочу предупредить тебя. Стефенъ Митчель не долженъ знать объ этой телеграмѣ. Ему гораздо хуже отъ сегоднишняго волненія; съ трудомъ я довелъ его до дому. Боюсь, что онъ потерялъ все, что пріобрѣлъ до этого письма. Тетка Тереза была поражена, увидѣвъ его.

— Скажи пожалуйста, отвѣчала я сквозь слезы, — кто-же дѣйствовалъ неосмотрительно? Я бы скрыла или умолчала о томъ письмѣ. Ты такъ удивилъ меня.

— Но, сказалъ онъ, медленно, сознавая свою ошибку. — Я думалъ, вы такъ много говорили объ этомъ дѣлѣ, что вреда не произойдетъ.

— Конечно, кромѣ горькаго разочарованія. Но прошлаго не воротишь, а здѣсь его спасеніе.

Я перечитала немногія слова, заключавшіяся въ этомъ листкѣ бумаги, стараясь проникнуть въ ихъ скрытый смыслъ, но напрасно.

— О, какъ долго ждать, сказала я нетерпѣливо.

— Можетъ быть, не особенно долго; онъ, конечно, увѣренъ въ своемъ ключѣ, если пишетъ о немъ.

— Слѣдующая почта придетъ только завтра въ половинѣ третьяго, сказала я.

— А та, которая привезетъ письмо м-ра Бонда, можетъ быть, не ранѣе двухъ недѣль, или мѣсяца. Вотъ почему я совѣтую тебѣ не возбуждать никакихъ надеждъ въ Стефенѣ, чтобы избавить его отъ мучительнаго ожиданія.

— Я послѣдую твоему совѣту! отвѣчала я и сдержала свое слово.

Прошло почти двѣ недѣли, когда наконецъ получилось письмо. Ожиданіе и безпокойство совершенно разстроили мои нервы, тѣмъ болѣе, что я видѣла, какъ падали силы Стивы. Интересъ его къ апельсиннымъ плантаціямъ исчезъ, если-же я заводила о нихъ рѣчь, онъ отвѣчалъ мнѣ своей грустной улыбкой.

Это нетерпѣливо ожидаемое письмо заключалось въ слѣдующемъ:

«Дорогой м-ръ Станлей. Недавно кѣмъ-то, подъ вымышленнымъ именемъ, сдѣланъ былъ здѣсь заказъ акцій чикаго-мильваукской желѣзной дороги на сумму 2,250 доларовъ. Управляющій дорогою, вложивъ въ закрытый конвертъ, прислалъ эти акціи на мое имя по слѣдующимъ причинамъ: когда онъ получилъ письмо съ заказомъ, случилось, что въ его конторѣ былъ въ то время одинъ изъ графтонскихъ жителей, которому онъ въ разговорѣ сказалъ: «одинъ изъ вашихъ земляковъ желаетъ вложить деньги въ нашу дорогу. Что, онъ человѣкъ со средствами?» Пріятель, услышавъ имя, тотчасъ-же сказалъ, что оно вымышленное, что въ Графтонѣ нѣтъ такого человѣка. Онъ далъ управляющему мой адресъ, совѣтуя послать акціи мнѣ, какъ человѣку, на котораго можно положиться, если въ этомъ скрывается какое-нибудь мошенничество... Я передаю вамъ фактъ, какъ онъ есть безъ всякихъ коментарій. Вы можете дѣлать съ нимъ что хотите, или совершенно выкинуть изъ головы, какъ незаслуживающій вниманія. Акціи я задержу до полученія отъ васъ отвѣта; если здѣсь что-нибудь не чисто, то плутовство такъ мелко, что его не трудно будетъ открыть. Надѣюсь, что Стива поправляется. Уважающій васъ В. Бондъ».

Глава X.

Черезъ часъ-же м-ръ Станлей отправилъ письмо м-ру Бонду; мнѣ онъ не показалъ его, но разсказалъ содержаніе. Онъ предлагалъ возвратить акціи въ Чикаго, а почтовую графтонскую контору просить о наблюденіи затѣмъ, кто явится за полученіемъ ихъ. Этотъ образъ дѣйствій былъ такъ простъ, что надо было удивляться, какъ м-ръ Бондъ самъ не пришелъ къ такому рѣшенію, избѣгая такимъ образомъ продолжительной отстрочки до полученія извѣстій отъ м-ра Станлея. Мужъ мой, при этомъ, выразилъ надежду, что время не потеряно, но что вообще трудно руководить дѣломъ издали. Однакожъ, оказалось, что человѣкъ, заказавшій акціи, сталъ тревожиться не получая ихъ и написалъ въ Чикаго, спрашивая о причинѣ замедленія; онъ прибавлялъ въ своемъ письмѣ, что такъ какъ ему приходится уѣзжать изъ Графтона, онъ проситъ прислать акціи въ городъ, лежащій въ пятидесяти миляхъ разстоянія, гдѣ онъ ихъ и получитъ.

Пріятеля изъ Графтона не было по близости, когда управляющій получилъ письмо и онъ, думая, что далъ всѣ средства для открытія мошенничества, отправилъ акціи по адресу и выкинулъ это дѣло изъ головы, — такъ по крайней мѣрѣ онъ отвѣтилъ м-ру Бонду, который, прождавъ значительное время возвращенія акцій въ Графтонъ, написалъ ему опять. Эту новость м-ръ Бондъ сообщилъ мужу съ быстротой, дѣлавшей ему честь.

— Такъ и есть, сказалъ мужъ, — я могъ бы предсказать подобный результатъ въ девяти случаяхъ изъ десяти. Бѣдный Стива кажется особенно несчастливъ. Надѣюсь, ты довольна, Кэтъ, что не сказала ему ничего.

— Но ты не откажешься отъ этого дѣла? спросила я.

— Ни въ какомъ случаѣ; въ адвокатской практикѣ ничего нѣтъ справедливѣе поговорки, что затрудненіе удваиваетъ рвеніе. Я рѣшился довести дѣло до конца, даже еслибъ пришлось самому отправиться на сѣверъ.

— Этого ты не сдѣлаешь, поспѣшно вставила я, припоминая, какъ докторъ настаивалъ на полнѣйшемъ отдохновеніи для мужа.—Совершенно достаточно писемъ и телеграфа.

— О письмахъ ты могла уже сама составить понятіе, какъ мало они приносятъ пользы; а телеграмы надо посылать осторожно, неизвѣстно въ чьи руки они попадутъ; но мы посмотримъ.

Какъ хладнокровно говоритъ мужчина «мы посмотримъ», когда женщинѣ кажется, что нельзя терять ни минуты; но помочь было нечѣмъ, приходилось ждать.

Послѣ обѣда было отправлено новое письмо, въ которомъ просили м-ра Бонда узнать, не уѣзжалъ-ли Джонъ Каульзъ или кто-нибудь другой, изъ Графтона.

— Но Виль, сказала я,—это вовсе не достигаетъ цѣли. Какъ можетъ знать м-ръ Бондъ, сидя въ своей лавкѣ, наполненной изящнымъ фарфоромъ, кто пріѣзжаетъ или уѣзжаетъ изъ Графтона. Не лучше-ли поручить развѣдки миссъ Рипдей. Ты, конечно помнишь, что она первая стала подозрѣвать Джона Каульза.

— Ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ;—въ подобныхъ вещахъ не слѣдуетъ довѣряться женщинѣ.

— Смѣю ли я спросить, почему это такъ?

— Почему? отвѣтъ совершенно ясенъ. Если я тебя хорошо понялъ, ты желаешь поручить Руфи Риплей то, что не удалось м-ру Бонду, человѣку немолодому, опытному, умному?

— Именно, ты хорошо выражаешь мою мысль. Теперь, когда мы понимаемъ другъ друга, я опять спрашиваю, какія основанія имѣешь ты не довѣрять Руфи?

— Я положительно требую, чтобы ей не было сообщено ни слова. Я серьезно подумываю отправиться на сѣверъ, въ Графтонъ; желалъ-бы я знать, гдѣ онъ лежитъ?

— А я говорю серьезно, если ты поѣдешь, поѣду и я; ты помнишь, что говорилъ докторъ о возвратномъ воспаленіи горловыхъ вѣтвей, особенно же въ этомъ мѣсяцѣ. Боже мой, какъ упрямы эти мужчины!

Вечеромъ того же дня къ моему немалому удивленію м-ръ Станлей сказалъ мнѣ:

— Тебѣ пріятно будетъ узнать, что я написалъ м-ру Бонду, не можетъ ли онъ поручить кое-что миссъ Риплей и руководить ея дѣйствіями. Я совѣтывалъ довѣриться ей, если, конечно, можно на нее положиться. Дѣла не могутъ идти такъ, какъ теперь, рискъ необходимъ. Я охотнѣе самъ отправился бы на сѣверъ; но чего нельзя, того нельзя.

— Понятно нельзя, иначе какъ вмѣстѣ со мной.

— А объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Ты

такъ же хорошо знаешь, какъ и я, все безразсудство подобнаго поступка.

— Если уже ты рѣшаешься сообщить все миссъ Риплей, я не вижу, какой вредъ могло бы принести мое письмо?

— Нельзя, пока я не услышу отъ м-ра Бонда, что онъ переговорилъ съ нею. Имѣй терпѣніе.

Наконецъ получилось письмо отъ м-ра Бонда. «Миссъ Риплей вполнѣ заслуживаетъ довѣрія, говорилъ онъ. Удивляюсь, какъ мнѣ не пришла эта мысль раньше. Она всегда отличалась быстрымъ, яснымъ соображеніемъ. Когда она была еще ребенкомъ, мы всегда удивлялись, какъ скоро она понимала самую суть дѣла; это-то и заставило меня быть столь снисходительнымъ къ милому Стивѣ. Я почти невольно подчинялся ея вліянію. Самъ я не открылъ ничего новаго. Я испытываю теперь непріятное чувство человѣка, за которымъ внимательно слѣдятъ. Я долженъ призвать кого нибудь къ себѣ на помощь или отступиться отъ всего дѣла».

— Теперь ты можешь написать миссъ Риплей, когда тебѣ вздумается, сказалъ мужъ, кончая чтеніе письма.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ посланіе было готово. Онъ засмѣялся надъ моею горячностью.

Между тѣмъ положеніе Стивы опять немного улучшилось, онъ по прежнему интересовался апельсинными плантаціями. Разъ я встрѣтила его въ то время, когда онъ возвращался изъ имѣнія м-ра Атвуда, куда обыкновенно ходили полюбоваться роскошными тропическими плодами и научиться воздѣлыванію апельсиновъ.

М-ръ Атвудъ, съ тактомъ и энергіей сѣверянина привелъ запущенную южную плантацію въ цвѣтущее состояніе. У него большая апельсинная школа, и я узнала, что Стива ходилъ справляться о цѣнахъ на молодыя деревья и о воздѣлываніи плодовъ.

У больного въ то время появилось много друзей, кромѣ меня. Странно, какъ дѣйствительная зависимость отъ другихъ переходитъ скоро въ право, которое никто не думаетъ оспаривать. Каждый день я находила у него букеты свѣжихъ цвѣтовъ, чудесные плоды, присланные ему; иногда новую книгу—часто послѣднюю бостонскую или нью-іоркскую газету.

Наступилъ февраль, похожій на нашъ іюнь; ночные дожди смывали коричневую, выжженную солнцемъ траву, вызывая на ея мѣсто нѣжную, почти изумрудную травку. Листья на дубахъ и китайскихъ деревцахъ свертывались и опадали, замѣняясь въ одну ночь миріадами блестящихъ, распускающихся преемниковъ. Рѣдкія растенія покрывались роскошными цвѣтами. Розы, какія можетъ ласкать только знойное солнце юга, висѣли большими пучками съ розовыхъ кустовъ, ландыши наполняли своимъ ароматомъ знойный воздухъ, японскія лиліи раскрывали восковые бутоны, готовыя обнять пышную бабочку, порхавшую вокругъ нихъ. Подъ широкими листьями магноліи, заключенный въ глянцовитый коричневый футляръ, спалъ роскошный цвѣтокъ, ожидая своего времени. Золотые и зеленые плоды апельсиннаго дерева раздвигались, уступая дорогу нѣжнымъ бѣленькимъ цвѣточкамъ, которые тоже требовали себѣ мѣста.

Я получила отъ Руфи только слѣдующія нѣсколько строкъ, показавшихъ, что мы не ошиблись въ оцѣнкѣ ея характера: «Тысячу разъ благодарю васъ за все, что вы дѣлаете для насъ. Когда нибудь—я знаю что мы увидимся—я вамъ скажу, какъ многимъ я обязана вамъ. Я твердо увѣрена,—хотя повидимому нѣтъ достаточной причины для этой увѣренности,—что мои поиски увѣнчаются успѣхомъ. Я тороплюсь писать и не прибавляю болѣе ни строчки. Стивѣ не слѣдуетъ сообщать о новыхъ надеждахъ, говоритъ дядя. Но м-съ Станлей, умоляю васъ, будте добры къ нему еще нѣсколько времени. Скоро ваши заботы придутъ къ концу. Я вижу какъ надо дѣйствовать».

— Видитъ какъ надо дѣйствовать, повторилъ мужъ, кончая письмо.—Если она видитъ, то, конечно, знаетъ болѣе, чѣмъ я. Желалъ бы я чтобы она объяснилась подробнѣе. Эта таинственность такъ похожа на женщину.

Я была слишкомъ счастлива, чтобы обидѣться несправедливой насмѣшкой надъ женщинами и только замѣтила:

— Надѣюсь, Виль, что мы передали наконецъ дѣло настоящему человѣку, только какъ все это долго.

— Римъ былъ построенъ не въ одинъ день, отвѣтилъ онъ.

А между тѣмъ онъ знаетъ, что нѣтъ выраженія во всемъ языкѣ, которое я такъ не терпѣла бы какъ это, и бросилъ мнѣ его въ лицо. Какое мнѣ дѣло то того, сколько времени строился вѣчный городъ. Я ничего не отвѣтила, но, взявъ шитье, пошла провести утро у Стивы.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Новыя замѣтки о старыхъ вопросахъ.

(*Окончаніе.*)

Въ виду такого положенія вопроса о разводѣ, у насъ пришлось такъ или иначе создать возможность для супруговъ расходиться, если они не имѣютъ законныхъ основаній для развода. Эта необходимость сознавалась вполнѣ правительствомъ, такъ какъ иногда принуждать супруговъ къ совмѣстному сожительству значило подталкивать ихъ на какія нибудь преступленія. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовало у насъ до послѣдняго времени III отдѣленіе. Оно не имѣло права развести супруговъ, не имѣло права дать имъ возможность вполнѣ освободиться отъ супружескихъ узъ, но оно давало супругамъ право разъѣхаться, жить отдѣльно. Подобныхъ дѣлъ было въ III отдѣленіи очень много и именно въ этомъ отношеніи дѣятельность III отдѣленія была необходима, такъ какъ инымъ путемъ супруги не могли разойдтись во многихъ случаяхъ. Какъ широко дѣйствовалъ тутъ произволъ, какія совершались злоупотребленія,—говорить объ этомъ не для чего. Но, не смотря на это, супруги все таки нерѣдко обращались сюда, не видя иного выхода. Но теперь III отдѣленія не существуетъ. Что же будутъ дѣлать тѣ изъ супруговъ, которые не имѣютъ возможности развестись, а между тѣмъ жить вмѣстѣ для нихъ тоже невозможно? Куда они обратятся съ просьбою развести ихъ? III отдѣленіе прекратило свое существованіе очень недавно, а жизнь уже дала отвѣтъ на поставленный нами вопросъ. Недавно въ курскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло двухъ супруговъ, которые сначала вели свое дѣло въ III отдѣленіи, и судъ вынесъ приговоръ, какого не ожидалъ никто: судъ отказалъ въ искѣ женѣ, настаивавшей на своемъ правѣ жить съ мужемъ. Такого закона, который лишалъ бы честную жену права жить съ мужемъ, нѣтъ, но тѣмъ не менѣе судъ не призналъ въ данномъ случаѣ права жены жить съ мужемъ, не призналъ не на основаніи какого нибудь закона, а потому, что у жены, какъ кажется, невыносимый характеръ, потому что мужъ можетъ бояться всякихъ преступленій, живя съ нею, потому что въ перехваченномъ мужемъ письмѣ жены есть слова «если я его не доканаю, то и не знаю, что еще пробовать». Однимъ словомъ, судъ руководствовался въ данномъ случаѣ не закономъ, а соображеніями, подсказанными самой жизнью, и отказалъ въ искѣ женѣ, которая требовала только одного: жить съ мужемъ и съ дѣтьми. Это дѣло крайне интересно потому, что это первое дѣло послѣ уничтоженія III отдѣленія, рѣшенное судомъ такъ, какъ могло бы его рѣшить только III отдѣленіе, а никакъ не судъ, обязанный по буквѣ закона дать право женѣ жить съ мужемъ, даже еслибы жена и мужъ были людьми несогласными, ссорящимися. Мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ такой статьи закона, которая говорила бы, что мужъ можетъ прогнать жену только за то, что она ссорится съ нимъ.

Дѣло это было таково. Одинъ очень пожилой помѣщикъ женился на дѣвушкѣ хорошаго круга. Она была очень молода, онъ много пожилъ. Бракъ съ первыхъ же дней сдѣлался не особенно счастливымъ. Это можно было предвидѣть и до брака. Могъ ли немолодой, поживщій человѣкъ удовлетворить восемнадцатилѣтнюю дѣвушку въ какомъ бы то ни было отношеніи? Если она не любила его вовсе до свадьбы, то на другой день свадьбы она должна была почувствовать къ нему или отвращеніе, или ненависть. Это было неизбѣжно, это и случилось. Съ своей стороны старый мужъ инстинктивно долженъ былъ угадать, что эта дѣвушка шла за него безъ любви и что съ первыхъ же дней супружеской жизни въ ней явилось отвращеніе къ нему. Все это можно было сказать a priori; но, къ сожалѣнію, въ нашемъ обществѣ такіе браки не рѣдкость. Пожившіе старики стремятся сдѣлаться мужьями молоденькихъ дѣвушекъ, не разсуждая о томъ, что изъ этого выйдетъ. Молоденькія дѣвушки, получившія тщательное свѣтское воспитаніе, выходятъ за стариковъ, даже и не подозрѣвая, какой адъ онѣ создаютъ себѣ въ будущемъ, а ихъ «опытные» отцы и матери заботятся въ своей родительской нѣжности только объ одномъ, какъ бы сбыть дочерей съ рукъ. Такъ случилось и въ настоящемъ дѣлѣ. Супруги чувствовали отвращеніе другъ къ другу, хотя это и не помѣшало имъ прижить двоихъ дѣтей. Послѣ рожденія второго ребенка они разъѣхались и началось то дѣло, которое кончилось на дняхъ въ окружномъ судѣ. Началось это дѣло съ того, что мужъ оставилъ свою жену въ Генуѣ съ двухмѣсячною дочерью, а самъ уѣхалъ въ Россію съ восемнадцатимѣсячною дочерью. Мужъ въ своемъ отзывѣ говоритъ, что жена сама не захотѣла съ нимъ ѣхать; жена утверждаетъ, что она не поѣхала съ нимъ потому, что не могла ѣхать. Не имѣя средствъ къ жизни, жена обратилась къ русскому консулу въ Генуѣ съ просьбой помочь ей. Консулъ написалъ въ III отдѣленіе и III отдѣленіе вошло въ переписку съ мужемъ. Онъ согласился выдавать женѣ по 1500 рублей въ годъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы она отдала ему и младшую дочь. Она на это не согласилась и III отдѣленіе объявило, что оно не можетъ больше ничего сдѣлать и совѣтуетъ обратиться къ судебной власти. Жена подала прошеніе въ московскій окружной судъ. Мужъ далъ отзывъ, что онъ вовсе и не думалъ прекращать супружеской жизни съ женою, что она сама осталась заграницею и что потому ея прошеніе не имѣетъ смысла. Вслѣдствіе этого жена снова вернулась къ мужу и снова начался тотъ домашній адъ, который обѣими сторонами рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Мужъ тѣснитъ жену, шпіонитъ за нею; она отравляетъ ему каждую минуту, не скрываетъ своихъ чувствъ къ нему и еще обѣщаетъ, что впереди «много будетъ битой посуды». Передъ нами стоятъ люди, принадлежащіе къ привилегированному сословію, богатые, хорошо образованные, но до послѣдней степени плохо воспитанные въ чисто семейномъ, домашнемъ, если можно такъ выразиться, отношеніи. Прислуга, знакомые, родные, всѣ знаютъ, что происходитъ въ семьѣ. Тутъ нѣтъ ни такта, ни деликатности, ни той чуткости, которая заставляетъ многое скрывать, носить только въ своей душѣ. Въ концѣ концовъ здоровье молодой женщины не выдержало семейныхъ пытокъ и мужъ отправилъ ее снова заграницу. По возвращеніи изъ заграницы она снова пріѣхала къ мужу, но онъ сказалъ, что жить съ нею онъ не желаетъ, что удалитъ ее изъ дому насильно. Тогда-то произошло событіе, о которомъ говорится въ прошеніи истицы въ курскій окружной судъ. Въ 7 часовъ вечера ее пригласили въ Москвѣ въ жандармское управленіе къ одному генералъ-маіору. Здѣсь ей сказали, что ее удалятъ изъ дома мужа. Затѣмъ позвали ея мужа, который наговорилъ ей кучу непріятностей. Потомъ отъ нея потребовали, чтобы она письменно отказалась вторгаться въ домъ мужа и видѣться съ дочерью. Наконецъ, мужъ ея объявилъ, что, пока шли эти переговоры, дочь ея увезена и онъ самъ перемѣнилъ квартиру. Женѣ остался опять одинъ путь—жаловаться въ III отдѣленіе на московское жандармское управленіе и требовать возстановленія своихъ правъ. III отдѣленіе предоставило ей обратиться къ судебному разбирательству. Прежде чѣмъ обратиться въ судъ, жена попробовала снова явиться въ домъ мужа въ Льговѣ, но была силой удалена изъ дому, о чемъ свидѣтельствуетъ протоколъ мирового судьи. Тогда она подала прошеніе въ курскій окружной судъ «о водвореніи ея въ домъ къ мужу для совмѣстнаго съ нимъ сожительства на предметъ совмѣстнаго присмотра и ухода за малолѣтними дѣтьми». Мужъ ничего не отвѣтилъ суду и обратился въ свою очередь въ III отдѣленіе, хлопоча о томъ, чтобы не жить съ женою. III отдѣленіе не знало, что дѣлать съ этой четой, какъ умиротворить и удовлетворить требованія обѣихъ сторонъ. Наконецъ, рѣшено было, чтобы дѣло велось судомъ, а тутъ кстати подошло и закрытіе III отдѣленія. И вотъ насталъ судъ. Мы не станемъ излагать всего, что происходило на судѣ. Мы приведемъ только существенную часть рѣчи истицы и отзыва отвѣтчика, такъ какъ эти документы крайне характерны. Истица стоитъ на почвѣ закона; отвѣтчикъ говоритъ то, что подсказываетъ ему логика жизни.

«Мужъ мой говоритъ, что я сама оставила его и старшую дочь, такъ начала истица свою рѣчь,—но это было не такъ. Когда въ Генуѣ онъ объявилъ мнѣ, чтобъ я немедленно слѣдовала за нимъ, мнѣ не было никакой возможности это сдѣлать, послѣ родовъ я была въ такомъ положеніи, такъ больна и слаба, что убила бы и себя и ребенка, котораго кормила, еслибъ пустилась въ такой дальній путь. Даже объ наемныхъ кормилицахъ заботятся, берегутъ ихъ нравственно и физически; каждая изъ нихъ находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ я. Мужъ поставилъ мнѣ такое условіе: или я ѣду съ нимъ сейчасъ же, или онъ со мной разъѣзжается навсегда, вторую нашу дѣвочку хоронитъ навсегда. Я, конечно, приняла эти угрозы за пустыя слова, онъ оставилъ мнѣ 100 р. и уѣхалъ. Когда нѣсколько времени спустя, зять мой написалъ ему, что онъ уѣзжаетъ въ Грецію и не знаетъ, что дѣлать со мной, то мужъ мой написалъ то письмо, которое было прочтено г. судьей. Въ III отд. я не обращалась, а обратилась къ нашему консулу съ просьбой доставить мнѣ возможность вернуться въ Россію; консулъ же написалъ въ III-е отд., которое вступило въ переговоры съ моимъ мужемъ. Вернувшись въ Петербургъ, я просила прис. пов. Требуля съѣздить къ мужу и узнать его намѣренія на счетъ меня и моихъ дочерей, мужъ мой отвѣчалъ: «пусть лучше не пріѣзжаетъ, я ее такъ приму, что она сама отъ меня уйдетъ». Но я все таки поѣхала къ нему, потому что слишкомъ тосковала по моей дѣвочкѣ. Я нисколько не скрываю, что главной моей цѣлью было какимъ бы то ни было образомъ заставить его отдать мнѣ ребенка, но когда я убѣдилась, что законъ противъ меня и что мнѣ никогда этого не добиться, я рѣшилась все терпѣть, только не разставаться съ дѣтьми. Жизнь моя была каторжная, объ этомъ свидѣтельствуетъ и письмо, прочитанное сейчасъ и перехваченное моимъ мужемъ. Письмо это было написано къ отцу, а не къ прокурору, я была озлоблена мелкими придирками, оскорбленіями, униженіями,—мнѣ каждую минуту говорили: «убирайтесь вонъ»; я тосковала по второй моей дѣвочкѣ. Когда, наконецъ, я привезла этого ребенка въ домъ, мужъ запретилъ людямъ прислуживать ему, говоря: «самовольно привезла, пусть сама и няньчится съ нею». Я нѣсколько разъ уронила ее, такъ измучена я была... (плачетъ). Даже чужіе, докторъ принялъ во мнѣ участіе. Онъ говорилъ съ мужемъ и по его совѣту мужъ мой предложилъ мнѣ ѣхать лечиться. Уѣзжая, я нѣсколько разъ повторяла ему, что пріѣду назадъ, какъ только поправлюсь немножко, и писала ему это, онъ отвѣчалъ на это бранными письмами и угрозами. Въ январѣ, узнавши, что онъ въ Москвѣ съ дочерью, я пріѣхала туда и жила въ комнатѣ дѣвочки, безъ исторій, безъ сценъ, ничего у насъ не было, только вдругъ онъ меня позвалъ и говоритъ: «убирайтесь вонъ, вы имѣете видъ, деньги, убирайтесь». Я ему отвѣтила, что не могу оставить Олю, она дурно содержана, не могу ее оставить... «Ну, въ такомъ случаѣ васъ полиція выгонитъ». Три дня ничего не было, а тамъ моя дѣвочка бѣжитъ изъ кабинета отца и кричитъ: «мама, мама, тебя сегодня полиція выгонитъ»... (плачетъ). Въ тотъ же день случилась исторія въ жандармскомъ управленіи. Въ Петербургѣ мнѣ сказали, что со мной не имѣли права такъ поступать и совѣтовали мнѣ обратиться въ судъ. Чтобъ избѣгнуть скандала, я поѣхала въ Льговъ, думая, не уладится ли дѣло безъ суда—вѣдь мнѣ одного только надо: жить съ обѣими дѣвочками, вотъ и все. Въ Льговѣ случилась та исторія, что розыгралась у мирового судьи. Въ ноябрѣ, когда я, наконецъ, подала въ судъ, опять вмѣшалось III-е отд., опять начинаютъ меня увѣрять, что уладятъ дѣло между мной и мужемъ, и уговаривать остановить дѣло, начатое въ судѣ... И все это были обманы и больше ничего, но условія, которыя мнѣ предлагали, подписать я не могла согласиться, потому что всѣ они клонились къ тому, чтобъ раздѣлить между нами дѣтей. Меня уговаривали, мнѣ грозили и, наконецъ, опять принялись обманывать. Меня начали увѣрять, что если я подпишу условіе, я не буду лишена возможности наблюдать за дочерью, могу пріѣзжать къ ней и оставаться при ней сколько хочу, что нянька, которая возстановляетъ ее противъ меня, будетъ смѣнена и что III-е отд. будетъ способствовать къ выполненію всѣхъ этихъ условій... Мнѣ ничего больше не оставалось, какъ подписать эти условія... (плачетъ). Мужъ мой ничего не исполнилъ—первое мое свиданіе съ дочерью онъ устроилъ у своихъ знакомыхъ и при такихъ условіяхъ, что я не могла долѣе часу оставаться съ дѣвочкой. Да и что это за свиданіе! Я не видала ее 8 мѣсяцевъ и когда увидѣла ее такой худенькой, блѣдненькой, она такъ чуждалась меня!.. (плачетъ, словъ не слышно). Ее выучили оскорблять меня, она спросила: «зачѣмъ ты пріѣхала? Мнѣ тебя не нужно»... Мнѣ такъ захотѣлось взять ее на руки и унести. Я удержалась отъ этого искушенія только потому, что насъ подкарауливали и вырвали бы ее у меня (плачетъ). Послѣ этого свиданія я уѣхала въ Петербургъ и отправилась опять въ III отдѣленіе и разсказала все, про то, что мужъ не соблюдаетъ условіе, что его поддерживаютъ въ Москвѣ и просила освидѣтельствовать мою дѣвочку черезъ д-ра Вульфіуса. III отдѣленіе послало телеграму въ Москву и д-ръ Вульфіусъ далъ то свидѣтельство, которое приложено къ дѣлу; оно мало чѣмъ отличается отъ свидѣтельства курскихъ врачей; я никогда не настаивала на томъ, чтобъ дѣвочку везти заграницу, она и здѣсь можетъ поправиться, но только не при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она находится, и никто не можетъ слѣдить за ней такъ, какъ мать. Мужъ мой настаиваетъ на томъ, что будто у меня нѣтъ больше связи съ его домомъ, я говорю, что единственная связь между нами—это дѣти наши. Единственное, что влечетъ меня въ его домъ,—это моя старшая дочь. Онъ говоритъ про скандалы, но отъ него зависитъ, чтобъ ихъ не было. Первое время моя дѣвочка плакала и пугалась, когда отецъ начиналъ кричать и топать на меня, теперь же ее такъ возстановили противъ меня, что она гонитъ меня отъ себя и повторяетъ: «убирайся, тебя выгонитъ полиція, намъ тебя не нужно, ступай къ своей Катѣ!».. Катя ея сестра, она ненавидитъ ее только потому, что та при мнѣ. Развѣ это нравственно? Развѣ ребенокъ пяти лѣтъ повторялъ бы такія слова, еслибъ не слышалъ ихъ безпрестанно отъ окружающихъ? Она не виновата, иначе и быть не можетъ, по цѣлымъ днямъ она съ нянькой и прислугой. Мужъ мой никогда не бываетъ дома, что совершенно понятно, домъ пустой, ему не весело въ немъ, и ребенокъ брошенъ на произволъ судьбы и часто пьяной прислуги, сварливой, необразованной няньки, которую даже III отд. нашло нужнымъ замѣнить другой. А другая наша дочь? Мужъ мой сбросилъ съ себя всякую обязанность относительно ее, онъ никогда не выражаетъ желанія ее видѣть, не заботится объ ней, втеченіи четырехъ лѣтъ ничего не присылалъ на ея воспитаніе и только одинъ разъ, по настоянію III-го отд., выслалъ для нея 150 р. Онъ говоритъ, что у меня какой-то умыселъ въ моемъ желаніи водвориться въ его домѣ. Со временемъ онъ пойметъ, что всѣ мои умыслы, желанія и надежды клонятся только къ тому, чтобъ исполнить мой долгъ въ отношеніи къ моимъ дѣтямъ. Они не собаки, чтобъ самовольно располагать ихъ судьбой, одну лишать отца, другую матери и разлучать другъ съ другомъ; нашъ долгъ забыть для нихъ всякую вражду и ненависть, забыть наше личное я и разъ что они у насъ есть—всѣ пробѣлы въ нашей жизни должны наполняться исполненіемъ нашихъ обязанностей къ нимъ. Помогите мнѣ, г.г. судьи, исполнить мой долгъ относительно моихъ дѣтей. Я готова перенести безропотно всѣ непріятности, всѣ невзгоды, все, чему бы не подвергнула меня жизнь съ человѣкомъ, который меня ненавидитъ, все это перенесу я для того, чтобъ быть съ дѣтьми... Покорнѣйше прошу судъ принять во вниманіе, что я восьмой мѣсяцъ живу безъ паспорта, безъ денегъ. Я просила III-е отд. выдать мнѣ видъ, оно отказало мнѣ; я обратилась къ исправнику города Льгова, онъ отвѣчалъ, что безъ согласія моего мужа не вправѣ исполнить мою просьбу, мужъ же мой отвѣчаетъ на всѣ мои письма ругательствами?»

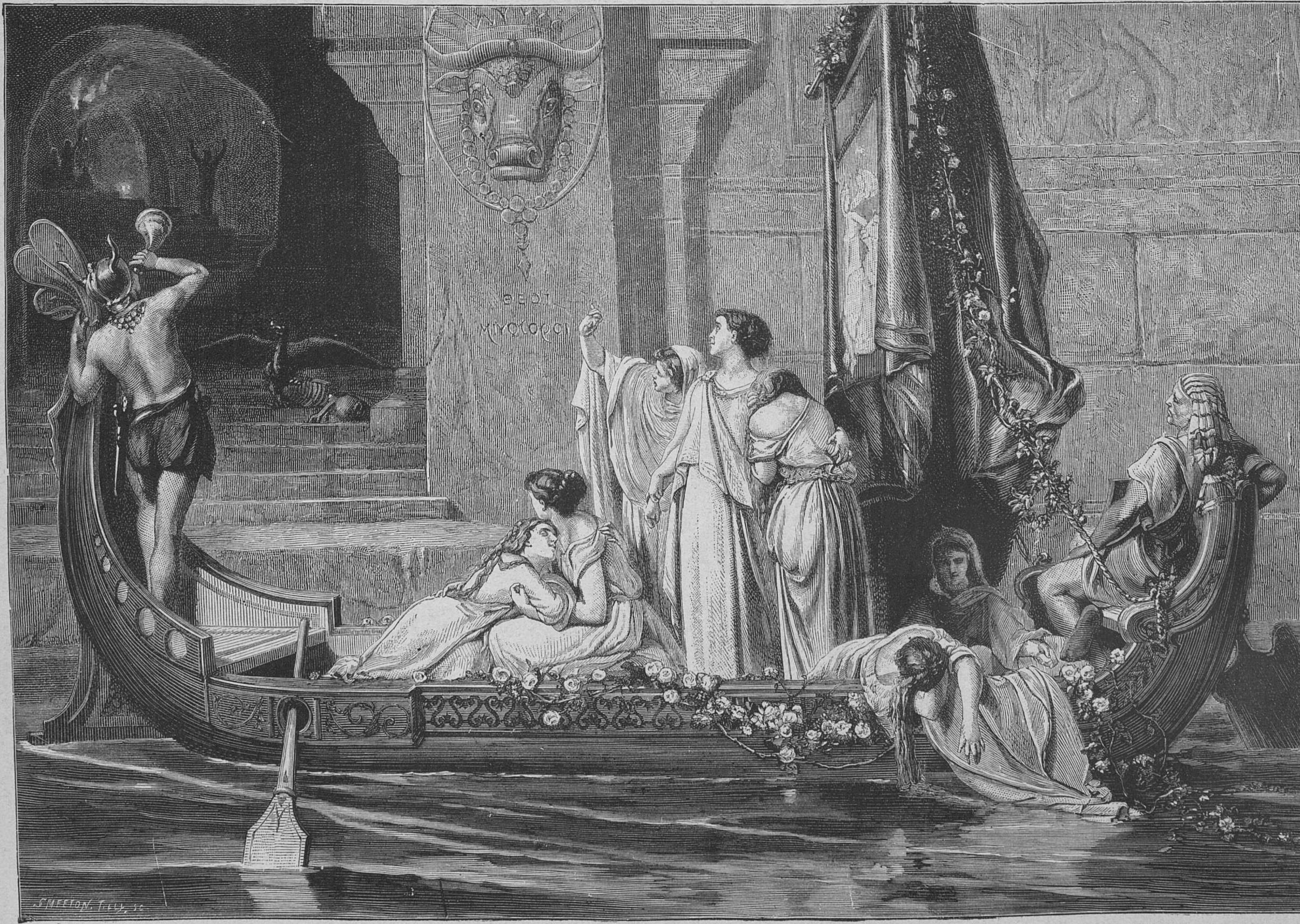
Неправда ли, это страшная исповѣдь несчастной матери, несчастной жены; несчастной женщины? Она можетъ растрогать хоть какихъ судей. Прибавьте еще къ этому, что истица, отстаивающая свои права сама, такъ молода, такъ прекрасна собою, такъ изящна въ каждомъ движеніи и—такъ несчастна! Это трогательно. Но ей и не нужно растрогивать судей. На ея сторонѣ стоитъ буква закона, права? Однако, послушаемъ и другую сторону. Что говоритъ онъ, этотъ старикъ, заѣвшій молодую жизнь, этотъ виновный мужъ, не желающій подчиняться закону? Вотъ его отвѣтъ:

«Считаю необходимымъ заявить суду, что изъ самаго свойства прошенія жены моей, равно какъ изъ всѣхъ приложеній къ прошенію жены, судъ усмотритъ: 1) что жена моя, рѣшившись оставить меня и не слѣдовать со мною изъ заграницы, предоставила мнѣ въ Генуѣ старшую дочь Ольгу, а младшую Екатерину оставила при себѣ, прекратила со мною всякую переписку и обратилась къ г. шефу жандармовъ съ требованіемъ отъ меня денежнаго содержанія, которое она съ тѣхъ поръ и получаетъ отъ меня въ количествѣ 1500 руб. въ годъ черезъ жандармское управленіе, въ чемъ и имѣются у меня росписки; 2) что, не живя со мною болѣе четырехъ лѣтъ, она потеряла всякую нравственную связь съ моимъ домомъ; 3) что хотя она и пріѣзжала ко мнѣ въ домъ въ г. Льговъ, въ 1878 году, въ концѣ апрѣля, и прожила у меня въ домѣ два съ половиною мѣсяца, но изъ прилагаемой при семъ копіи съ случайно попавшагося мнѣ письма ея къ ея отцу, судъ увидитъ, насколько въ ней выразилось злобы и ухищреній, чтобы доканать меня, какъ она сама цинично выражается, и что такое пребываніе ея могло повести лишь къ еще большему разъединенію; 4) что III отдѣленіе, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства нашего семейнаго дѣла, признало только возможнымъ нашъ дальнѣйшій бытъ въ отдѣльномъ жительствѣ каждаго изъ насъ, почему и было заключено соглашеніе, по которому старшая дочь наша, живущая со мною уже болѣе четырехъ лѣтъ, остается у меня, а младшая при женѣ моей, причемъ я выдаю женѣ денежное содержаніе, какъ и выдавалъ прежде для нея и для дочери, а паспортъ жена должна получать отъ правительства, слѣдовательно, она обезпечена въ матеріальномъ отношеніи и удовлетворена въ нравственномъ; 5) что разрѣшаемый въ настоящемъ случаѣ вопросъ не есть вопросъ о чемъ-либо матеріальномъ, а чисто нравственный, осуществить который со стороны правовой, то есть принудительнымъ способомъ по самому существу вопроса самъ судъ признаетъ невозможнымъ, такъ какъ никакимъ законнымъ постановленіемъ нельзя искуственно связать два лица для постоянной совмѣстной и согласной ихъ жизни, нельзя заставить искуственно расположиться одного супруга къ другому, и всякой принудительной къ тому мѣрой можно только увеличить еще болѣе ихъ взаимную непріязнь и довести ихъ до раздраженія; 6) что поэтому совмѣстная наша жизнь невозможна и никогда таковою сдѣлаться не можетъ; что при настоящемъ, несовмѣстномъ нашемъ образѣ жизни есть у каждаго изъ родителей на попеченіи ребенокъ, напоминающій своимъ присутствіемъ объ обязанности родителя по отношенію къ нему и дополняющій сколько-нибудь тотъ тяжелый пробѣлъ въ жизни семейнаго человѣка, когда супруги не могутъ ужиться вмѣстѣ; 9) что скандалы, о которыхъ жена говоритъ въ своемъ письмѣ, дѣлались ею нарочно, чтобы вывести меня изъ терпѣнія, и что они не могутъ прекратиться, если бы послѣдовало насильственное водвореніе моей жены въ моемъ домѣ,—уже не говоря про самый скандалъ водворенія,—и что скандалы эти производились бы опять, какъ было прежде, не только въ присутствіи моихъ знакомыхъ, домашней прислуги, но и самихъ дѣтей, что не можетъ не отразиться вредно на дѣтяхъ, дѣлая совмѣстную жизнь съ женою невыносимою; 10) что законъ, возлагая на мужа обязанность заботливости и попеченія о женѣ его, въ тоже время обязываетъ жену повиноваться своему мужу и почитать его, и не можетъ быть счастья въ семейной жизни, если только одна сторона будетъ исполнять свой долгъ по закону и по совѣсти, а другая будетъ только злоупотреблять своими правами; 11) что наше законодательство, положивъ тѣсную рамку для поводовъ къ формальному разводу, предоставило III отдѣленію разрѣшать такого свойства частные случаи въ жизни семейныхъ людей, причемъ дѣйствія III отдѣленія не всегда врачевали нравственныя язвы, происходящія отъ семейныхъ раздоровъ, и несчастливцы не всегда знали, гдѣ искать себѣ помощи—въ третьемъ ли отдѣленіи или въ судебныхъ мѣстахъ; 12) что, маскируя себя вдругъ пробудившеюся въ ней потребностью совмѣстной жизни, жена моя только желаетъ этимъ, быть можетъ, скрыть какой-нибудь другой умыселъ, такъ какъ при нашемъ уровнѣ развитія немыслимо обращаться къ судебной власти съ искреннимъ убѣжденіемъ достигнуть въ такомъ дѣлѣ посредствомъ суда и оглашенія дѣла—семейнаго счастія».

На основаніи всего изложеннаго отвѣтчикъ проситъ судъ отказать въ искѣ истицѣ. Къ этимъ доводамъ мужъ присоединяетъ только письмо жены къ ея отцу, письмо, говорящее о безтактности, о неблаговоспитанности, о невыносимомъ характерѣ писавшей. Эго письмо должно было быть той послѣдней каплею, вслѣдствіе которой вѣсы правосудія могли склониться въ пользу мужа. И они склонились въ его пользу, обходя букву закона, руководствуясь только логикой, выработанной самою жизнью. Вѣроятно, каждый членъ суда задалъ при рѣшеніи этого дѣла самому себѣ роковой для истицы вопросъ: «а могъ ли бы я жить съ женой при такихъ условіяхъ?»... Отвѣтъ долженъ былъ быть одинъ: «нѣтъ».

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

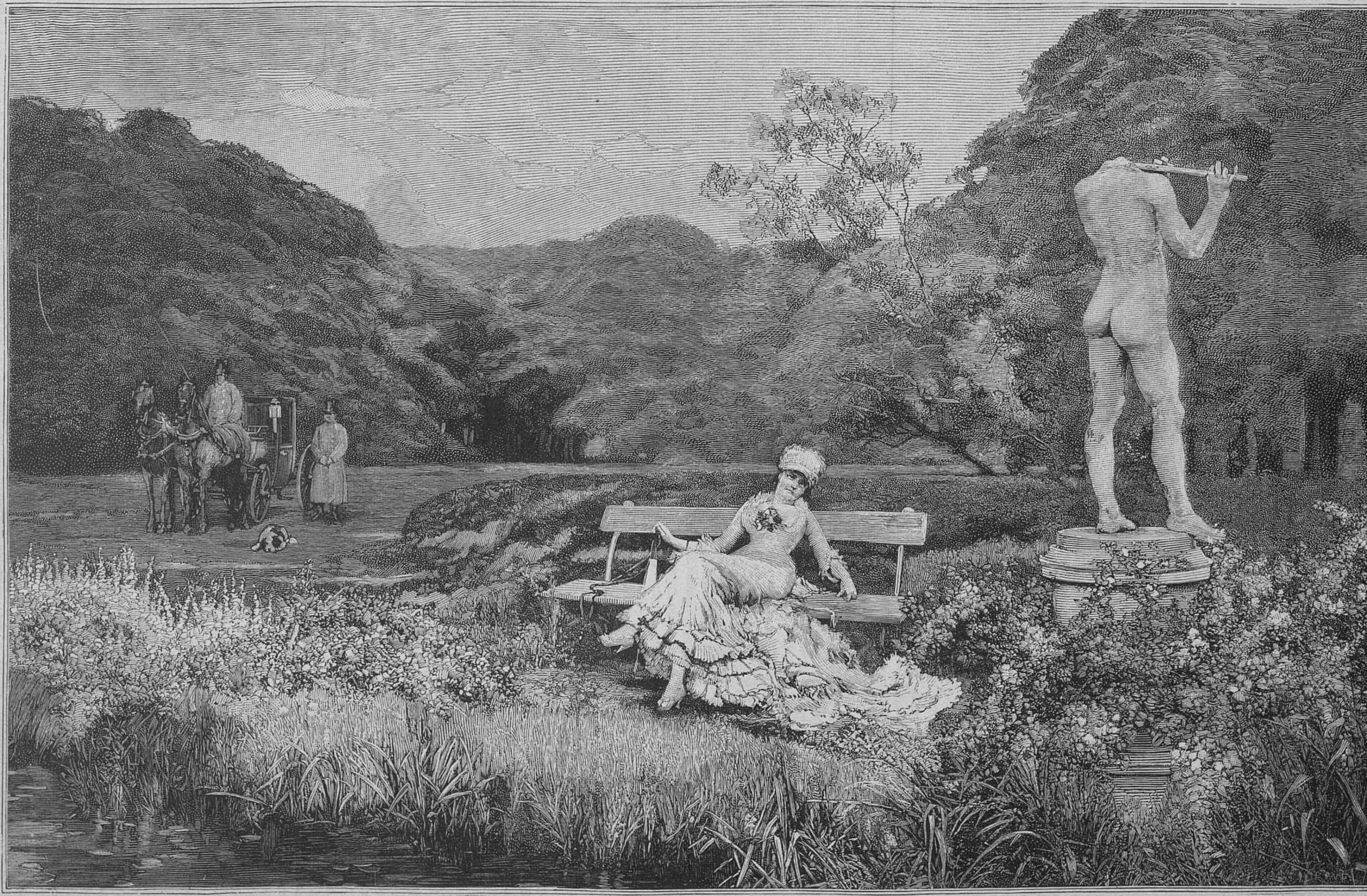
КАРТИНА А. ЖЕНДРОНА.


SMEETON, TILLY, SC

Жертвы Минотавру въ Афинахъ.
Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА ЖАНА ФОНЪ-БЕЕРА.



Лѣтній вечеръ.

Гравюра **Лепера** по фотографіи „l'Art contemporain“.

Но окружной судъ не послѣдняя инстанція. Судъ высшей инстанціи можетъ рѣшить иначе, согласно съ буквой закона. Что-же выйдетъ тогда? Жена насильно водворится въ домъ мужа. Измѣнятся-ли ихъ характеры и отношенія? Нѣтъ, онъ будетъ стараться отравить каждую минуту ея существованія, она будетъ стараться доканать его. Свидѣтелями всего явятся дѣти. Теперь не особенно отрадно, что дѣти ростутъ внѣ родительскаго круга. Но лучше-ли будетъ, если они выростутъ въ такомъ родительскомъ кругу? Теперь дѣти могутъ не любить и не уважать одного изъ родителей, тогда они потеряютъ и любовь, и уваженіе къ обоимъ. Въ домѣ будутъ два враждебные лагеря и въ каждомъ лагерѣ будетъ по ребенку. Теперь-же дѣти почти не знаютъ другъ друга и могутъ вырости равнодушными другъ къ другу, чужими другъ другу. Тогда настанетъ не отчужденіе, а страстная вражда, активная борьба между сестрами. Теперь каждый изъ родителей можетъ еще надѣяться, что онъ воспитаетъ изъ своего ребенка хорошаго человѣка. Тогда у родителей не останется и этого утѣшенія: въ семейномъ аду, среди скандаловъ родителей, среди вражды двухъ сестеръ могутъ вырости только тѣ мегеры, которыя отравятъ и свою жизнь, и чужое существованіе. Конечно, не этого желала истица, когда она требовала водворенія ея въ домѣ мужа.

Я привелъ это дѣло потому, что оно крайне знаменательно. Оно говоритъ обществу: у насъ поводы къ разводу очень ограничены и когда ихъ расширятъ, это неизвѣстно; до сихъ поръ вмѣсто этого расширенія существовало вмѣшательство III отдѣленія и дѣла кое-какъ улаживались; теперь III отдѣленіе уничтожено и въ обществѣ явился пробѣлъ, который пополнить можно только тѣмъ, что судъ будетъ уклоняться отъ буквы закона, но желательно-ли это и всегда-ли возможно это? Въ виду всего этого наша литература обязана коснуться этого вопроса, благо жизнь сама подсказываетъ ей неизбѣжность толковъ объ этомъ вопросѣ: курское дѣло первое въ этомъ родѣ, навѣрное, не послѣднее.

Политическая хроника.

Въ прошлой хроникѣ мы сообщили объ открытіи французскаго парламента и о намѣреніи министерства потребовать у палаты депутатовъ выраженія къ нему довѣрія. Министерство Ферри сочло необходимымъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ потому, что оно составилось случайно, во время парламентскихъ вакацій. Уже во второе засѣданіе палаты депутатовъ, Ферри внесъ на разрѣшеніе палаты очередной порядокъ дѣлъ, при чемъ требовалъ, чтобы первымъ вопросомъ, подлежащимъ разрѣшенію палаты, былъ поставленъ вопросъ о народномъ образованіи. Палата приняла иной порядокъ, назначивъ первымъ вопросомъ: пересмотръ дѣйствующаго законодательства о судебномъ вѣдомствѣ. Такое рѣшеніе палаты Ферри счелъ косвеннымъ порицаніемъ министерства и министерство подало въ отставку. Однакожъ, отставка министерства Ферри не входила въ планы республиканскаго большинства; начались переговоры съ министерствомъ и все было свалено на прискорбное недоразумѣніе; министерству выражено довѣріе и оно взяло назадъ отставку; конечно, очередной порядокъ, принятый палатой, остался въ своей силѣ.

Палата, выражая свое довѣріе министерству, тѣмъ самымъ одобрила дѣйствія его по примѣненію декретовъ о закрытіи духовныхъ конгрегацій. Дѣйствія эти, какъ мы знаемъ, не нравились клерикаламъ, которые мстили правительству и вообще республиканцамъ не только оскорбительными статьями въ преданныхъ ихъ партіи газетахъ, но даже возбужденіемъ вооруженныхъ возстаній. Наконецъ, они рѣшились на новый способъ мести: на произведеніе крупнаго скандала въ самой палатѣ депутатовъ, разсчитывая уронить въ общественномъ мнѣніи своихъ противниковъ, но, къ ихъ несчастію, запутались въ собственныхъ сѣтяхъ и вышли изъ дѣла осмѣянными, что для французовъ хуже самаго тяжкаго пораженія.

Дѣло происходило такъ. Въ палатѣ засѣдаетъ представитель Вандеи, ярый легитимистъ и клерикалъ, Бодри д'Ассонъ. Богатый человѣкъ, ловкій наѣздникъ, охотникъ и фланеръ, Бодри д'Ассонъ не отличается ораторскими способностями. Но за то онъ обладаетъ другимъ качествомъ, которымъ рѣшили воспользоваться клерикалы. Бодри д'Ассонъ отличается въ палатѣ тѣмъ, что онъ прерываетъ республиканскихъ ораторовъ нелѣпѣйшими восклицаніями и вопросами, при чемъ иногда не воздерживается даже отъ сквернословія. Ему не разъ уже приходилось выносить парламентскій выговоръ, но ничто не дѣйствовало на вандейскаго депутата и, наконецъ, оказалось, что онъ способенъ на самый крупный скандалъ. Начавъ запросъ о духовныхъ конгрегаціяхъ, Бодри д'Ассонъ, говоря о правительствѣ, назвалъ его «грабителями со взломомъ» (crochèteurs). Президентъ палаты, Гамбета, руководствуясь уставомъ палаты, объявилъ Бодри д'Ассону парламентскій выговоръ, съ воспрещеніемъ присутствовать на засѣданіяхъ палаты втеченіи 2 недѣль. Палата утвердила этотъ приговоръ и президентъ предложилъ Бодри д'Ассону оставить залу засѣданія, но вандейскій депутатъ отрицательно качнулъ головою и сѣлъ на свое мѣсто. Въ виду этого неповиновенія, Гамбета закрылъ засѣданіе. Черезъ день, въ слѣдующее засѣданіе, Бодри д'Ассонъ появился снова въ палатѣ. Какъ оказалось потомъ, онъ прошелъ тайкомъ, черезъ почтовое бюро палаты, иначе его не впустили-бы. Гамбета снова предложилъ Бодри д'Ассону удалиться изъ залы засѣданія. Тотъ ничего не отвѣтилъ, но сидѣвшій съ нимъ рядомъ, депутатъ Буржуа заявилъ, что Бодри д'Ассонъ лишенъ права участвовать въ преніяхъ, но не сидѣть въ палатѣ. Гамбета объявилъ перерывъ засѣданія и предложилъ всѣмъ присутствующимъ удалиться. Всѣ депутаты повиновались этому предложенію, кромѣ нѣсколькихъ депутатовъ крайней правой, которые окружили Бодри д'Ассона и шумно выразили свой протестъ. Когда зала опустѣла, въ нее вошли квесторы и пристава и одинъ изъ квесторовъ пригласилъ упрямаго депутата удалиться. Бодри д'Ассонъ объявилъ, что не намѣренъ этого дѣлать. Тогда Гамбета призвалъ начальника почетной стражи палаты и приказалъ ему вывести Бодри д'Ассона силою. Полковникъ, снявъ оружіе, приказалъ своимъ солдатамъ сдѣлать тоже самое и повелъ ихъ въ залу засѣданія.

Между тѣмъ остававшіяся въ залѣ депутаты перешли съ своихъ мѣстъ на чужія и сомкнулись вокругъ Бодри д'Ассона съ намѣреніемъ не выдавать его. Полковникъ Ріу 3 раза обратился къ Бодри д'Ассону съ предложеніемъ оставить залу и каждый разъ получалъ отрицательный отвѣтъ. Въ тоже время депутатъ епископъ Фрепель поднялся и съ слѣдующими словами обратился къ солдатамъ: «Воины, вы обязаны служить избранникамъ народа, а не употреблять противъ нихъ силу. Насиліе, совершенное въ этой залѣ, составляетъ грѣхъ клятвопреступленія. Откажитесь отъ недостойной роли. Г. полковникъ, мой другъ Бодри д'Ассонъ въ порывѣ негодованія рѣшилъ, что разможжитъ голову первому, кто дотронется до него». Эти слова, однакожъ, не подѣйствовали на солдатъ и они, по приказанію полковника, двинулись впередъ, чтобы захватить Бодри д'Ассона и вывести его силой. Самъ полковникъ, конечно, двинулся впереди всѣхъ. Произошла невообразимая свалка. Депутаты начали колотить солдатъ, досталось и полковнику. Сначала солдаты, исполняя полученное приказаніе, не отвѣчали на удары, но, наконецъ, раздраженные, стали отвѣчать ударами-же и порядкомъ-таки помяли расходившихся депутатовъ. Въ концѣ-концевъ солдаты одержали верхъ и вынесли на рукахъ Бодри д'Ассона, котораго полковникъ засадилъ въ парламентскій карцеръ, называемый «маленькимъ покоемъ». Отъ Бодри д'Ассона потребовали, чтобы онъ далъ слово не появляться въ залѣ засѣданій втеченіи 2 недѣль и тогда его выпустятъ. Цѣлый вечеръ вандейскій депутатъ отказывался дать слово, но на слѣдующее утро объявилъ, что ѣдетъ въ Вандею на 2 недѣли. Квесторъ вывелъ его за ворота бурбонскаго дворца, гдѣ засѣдаетъ палата депутатовъ, и объявилъ его свободнымъ.

Когда засѣданіе возобновилось, Гамбета открылъ его слѣдующими словами: «Я глубоко огорченъ происшедшимъ; но я всегда буду исполнять свой долгъ и съумѣю охранить свои права и права палаты противъ кого бы то ни было. Пока я занимаю мѣсто президента палаты, можете быть увѣрены, что законъ не будетъ нарушенъ безнаказанно». Эти слова вызвали громъ рукоплесканій.

Вопреки предположеніямъ клерикаловъ, общественное мнѣніе оказалось на сторонѣ Гамбеты; большинство газетъ выразило ему одобреніе за высказанную имъ твердость. Несчастнаго-же Бодри д'Ассона со всѣхъ сторонъ пронимали насмѣшками. Вандейскій депутатъ сдѣлался теперь притчей во языцѣхъ.

Клерикаламъ предстоитъ еще разъ сразиться съ своими противниками въ очень важномъ вопросѣ. Во Франціи признанъ принципъ несмѣняемости судей. Правительство можетъ уволить только судью, достигшаго 60 лѣтъ отъ рода. Во время второй имперіи судебный персоналъ мало-по-малу переполнился ярыми бонапартистами. Республиканское правительство, не имѣя права смѣщать судей, по необходимости, должно терпѣть на службѣ людей, явно ему враждебныхъ. Манистръ юстиціи внесъ теперь въ палату проектъ судебной реформы, при чемъ предлагаетъ на одинъ годъ пріостановить дѣйствіе закона о несмѣняемости судей. Телеграфъ извѣстилъ, что эта статья проекта вызвала оживленныя пренія въ палатѣ, но окончательно принята значительнымъ большинствомъ.

Въ разрѣшеніи вопроса о несмѣняемости судей, какъ и въ вопросѣ о духовныхъ конгрегаціяхъ, республиканскому правительству приходится дѣйствовать противъ исповѣдуемыхъ имъ принциповъ. Очень грустная необходимость, но возможно-ли было избѣжать ея? Въ вопросѣ о духовныхъ конгрегаціяхъ, кокъ мы уже говорили раньше, возможности этой не представлялось. И въ удержаніи нетронутымъ принципа несмѣняемости судей встрѣтились такія затрудненія, объ устраненіи которыхъ нечего было и думать. Пришлось требовать нарушенія этого принципа, что, впрочемъ, не составляетъ новости во Франціи. Во время реставраціи правительство потребовало у палатъ отмѣны несмѣняемости судей на нѣсколько мѣсяцевъ; палаты согласились на это и правительство смѣнило судей, которые ему не нравились. И на этотъ разъ новый законъ принятъ палатой депутатовъ; но едва-ли правительство встрѣтитъ такую-же поддержку въ сенатѣ, гдѣ противъ него, по всей вѣроятности, выскажется большинство, если правительство не успѣетъ перетянуть на свою сторону групу, такъ называемыхъ «конституціоналистовъ», которая всегда даетъ перевѣсъ той сторонѣ, къ которой присоединится при вотированіи.

Въ послѣднее время между Фраціею и Италіею снова установились натянутыя отношенія, поводомъ къ которымъ послужило давнишнее соперничество обоихъ государствъ въ Тунисѣ. Каждому изъ нихъ желательно имѣть преобладающее вліяніе въ этой странѣ. Еще недавно вѣсы перетягивали на сторону Италіи, что естественно вызвало особенную энергію во французскихъ дипломатахъ. Борьба возгорѣлась изъ-за концесіи на желѣзную дорогу. Итальянское акціонерное общество построило галетскую желѣзную дорогу; явилась необходимость продолжить ее и итальянцы были увѣрены, что концесія будетъ предоставлена имъ. Но французы не дремали; они въ свою очередь захотѣли получить эти концесію. Кончилось тѣмъ, что тунисскій бей предоставилъ концесію французамъ. Итальянцы, конечно, сочли себя оскорбленными. Этимъ не замедлилъ воспользоваться германскій посланникъ, начавшій снова добиваться сердечныхъ отношеній между Италіей и Германіей. Къ его благополучію представился еще другой поводъ неудовольствія итальянскаго правительства противъ Франціи.

3 ноября произошло въ Миланѣ открытіе памятника въ честь воиновъ, павшихъ въ битвѣ подъ Ментаной. На этомъ открытіи предсѣдательствовалъ Гарибальди, пославшій приглашеніе нѣсколькимъ представителямъ французской крайней республиканской партіи. Присутствіе на торжествѣ этихъ представителей радикальной республики придало ему характеръ республиканскій, что не понравилось итальянскому правительству.

Самое торжество происходило при громадномъ стеченіи публики, отнесшейся къ нему съ величайшимъ энтузіазмомъ. Гарибальди, обложенный подушками, не выходилъ изъ экипажа и рѣчь его была прочитана его зятемъ, генераломъ Канціо; рѣчь касалась всеобщей подачи голосовъ. Статуя изображаетъ Италію въ видѣ женщины, собирающейся положить вѣнокъ на могилу павшихъ въ бою, и сооружена, чтобъ служить вѣчнымъ протестомъ противъ свѣтской власти папы и противъ наполеоновскаго владычества.

Турція продолжаетъ прежнюю игру подъ Дульциньо; телеграфъ безпрестанно сообщаетъ, что черногорцы непремѣнно на дняхъ получатъ этотъ злополучный городъ; что Дервишъ-паша, которому поручено совершить эту передачу, человѣкъ энергичный, который ни передъ чѣмъ не остановится. Наконецъ было заявлено, что Дервишъ-паша увѣрилъ черногорцевъ, что 30 октября они могутъ вступить въ Дульциньо. Но послѣ этого категорическаго заявленія прошло почти 2 недѣли, а дѣла подъ Дульциньо остаются въ прежнемъ положеніи. Теперь снова толкуютъ, что англійское правительство въ послѣдній разъ дало турецкому 10 дней сроку для передачи черногорцамъ Дульциньо и что если и на этотъ разъ Турція не исполнитъ своего обязательства, будетъ приступлено къ энергическимъ дѣйствіямъ. Но и это извѣстіе, по всей вѣроятности, окажется невѣрнымъ, какъ и масса ему предшествовавшихъ.

Въ Филипопольскомъ судѣ оконченъ процесъ убійцъ генеральши Скобелевой, ея горничной и кучера. Подсудимыми были: черногорцы Илья и Андрей, македонянинъ Стефанъ Барчикъ и братъ застрѣлившагося главнаго виновника, Николай Узатисъ. Первые трое обвинялись, какъ убійцы, а Узатисъ въ томъ, что онъ зналъ о задуманномъ преступленіи. Какъ выяснилось на судѣ, преступленіе было заранѣе задумано Александромъ Узатисомъ и Барчикомъ. Илья и Андрей поразили ударомъ ятагановъ унтеръ-офицера и кучера; а Узатисъ убилъ женщинъ. Шайка захватила шкатулку съ 30,000 руб. бумажными деньгами. Деньги не найдены.

По рѣшенію суда, оба черногорца приговорены, согласно требованію прокурора, къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но принимая во вниманіе полное сознаніе Андрея, судъ постановилъ ходатайствовать передъ султаномъ, сюзереномъ Восточной Румеліи, о замѣнѣ Андрею смертной казни другимъ наказаніемъ. Барчикъ признанъ зачинщикомъ убійства и приговоренъ къ двѣнадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Братъ Узатиса присужденъ къ 18-ти мѣсячной каторжной работѣ, но съ вычетомъ всего времени предварительнаго заключенія.

Въ Ирландіи положеніе дѣлъ нисколько не улучшилось. Считаемъ не безполезнымъ передать дальнѣйшую исторію капитана Бойкота, о которомъ мы говорили въ прошлой хроникѣ. Настойчивый англичанинъ рѣшился довести дѣло до конца и во чтобы то ни стало собрать свой хлѣбъ и картофель. Для этого онъ выписалъ рабочихъ изъ Англіи. Когда изъ ближайшаго къ фермѣ Бойкота города отправился желѣзнодорожный поѣздъ съ этими рабочими, на пути были выставлены войска съ цѣлью предупредить нападеніе на поѣздъ или воспрепятствовать намѣренію произвести крушеніе поѣзда. Благодаря этой предосторожности рабочіе прибыли на ферму благополучно и приступили къ работамъ, которыя производили подъ охраною значительнаго отряда солдатъ и вооруженной команды полицейскихъ агентовъ. Бойкоту остается еще сбыть собранные продукты. Какъ извѣстно, никто въ Ирландіи не посмѣетъ купить ихъ. Онъ постарается запродать ихъ въ Англію; чтобы доставить ихъ до порта, придется опять конвоировать ихъ значительнымъ отрядомъ войскъ. Но если явится нѣсколько подражателей энергичному капитану, англійскихъ войскъ, расположенныхъ въ Ирландіи, не хватитъ для конвоированія рабочихъ и земледѣльческихъ продуктовъ. Вотъ до какого положенія привело Англію упрямство палаты лордовъ!

Къ рисункамъ.

Соперники, картина Карла Беккера. Съ нѣкоторыхъ поръ въ Германіи обращаетъ на себя вниманіе художественная дѣятельность Карла Беккера. Онъ и теперь уже одна изъ художественныхъ знаменитостей современной Германіи; и дѣйствительно, Беккеръ выдѣляется изъ среды нѣмецкихъ жанристовъ не только типичностью изображаемыхъ имъ лицъ, но также удачно выбираемыми сюжетами, прекрасной композиціей и большимъ юморомъ. Его картина «Соперники» можетъ до извѣстной степени познакомить съ его манерой. Вокругъ красивой дамочки ухаживаютъ ея поклонники: одинъ съ приторной улыбкой подаетъ вѣеръ, другой держитъ мантилью, третій приподымаетъ драпри дверей и съ злобой посматриваетъ на первыхъ двухъ. Сцена эта напоминаетъ знаменитую сцену третьяго акта въ «Мизантропѣ», Мольера, тѣмъ болѣе, что и костюмы,—XVII столѣтія,—очень подходящи. У Беккера роль мизантропа Альцеста играетъ мрачный поклонникъ, который мрачно смотритъ на ухаживанія двухъ другихъ, болѣе счастливыхъ поклонниковъ.

Лѣтній вечеръ, картина Жана фонъ-Берса. На послѣдней парижской выставкѣ «Лѣтній вечеръ» фонъ-Берса обращалъ на себя не малое вниманіе толпы. Дѣйствительно, картина задумана очень остроумно и выполнена съ обычнымъ французскимъ brio. Парижская франтиха захотѣла насладиться лѣтнимъ вечеромъ и поэтому отправилась въ живописныя окрестности своего замка. Окрестности дѣйствительно интересны: вдали—горы, на первомъ планѣ начинается запущенный паркъ, что между прочимъ видно и по одиноко стоящей статуѣ, должно быть, какого нибудь Фавна, игравшаго на флейтѣ, но увы! давно уже потерявшаго свою голову и теперь не прельщающаго даже своими голыми формами. Позади стоитъ скамейка. Тутъ-то и усѣлась франтиха, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ и любуясь картинами природы. Вдали на дорогѣ видна карета съ лакеемъ, кучеромъ, лошадьми и собакой. Всѣ эти существа видимо скучаютъ, а мопсъ такъ даже заснулъ съ тоски. На нихъ природа не производитъ никакого впечатлѣнія, но они должны быть по неволѣ свидѣтелями восторговъ своей барыни.

Жертвы Минотавру въ Афинахъ, картина Жендрона. Древне-греческая легенда, которою Жендронъ воспользовался для своей картины, заключается въ слѣдующемъ: Миносъ, король острова Крита, прославившійся своими законами, считался сыномъ Юпитера и Европы. Онъ съ такой мудростью управлялъ своими народами, что поэты прославили его въ стихахъ. Онъ женился и имѣлъ сына, котораго афиняне умертвили. Смерть своего сына онъ отомстилъ тѣмъ, что опустошилъ Аттику и на Эгея, короля Аттики, наложилъ ежегодную дань, состоящую изъ семи молодыхъ дѣвушекъ, которыя должны были быть пожираемы Минотавромъ. Этотъ послѣдній, чудовище острова Крита, на половину человѣкъ, на половину быкъ, рожденный отъ связи жены Миноса съ быкамъ, былъ запертъ въ лабиринтѣ, построенномъ Дедалемъ, гдѣ его питали человѣческимъ тѣломъ. Впослѣдствіи, Минотавръ былъ убитъ Тезеемъ, который проникъ въ лабиринтъ, благодаря Аріадниной нити. Полагаютъ, что баснословный быкъ, отъ котораго произошелъ Минотавръ,—есть ни что иное, какъ нѣкоторый Таурусъ, военачальникъ короля Миноса.

Торжественный пріемъ, картина Яна Матейки. Въ этой великолѣпной композиціи, напоминающей нѣкоторыя картины Рубенса, извѣстный польскій художникъ изображаетъ намъ торжественный пріемъ въ Краковѣ въ эпоху среднихъ вѣковъ. Сюжетъ понятенъ самъ собою. Громадное количество самыхъ разнообразныхъ средневѣковыхъ типовъ, масса лицъ, своеобразная архитектура зданій, украшенныхъ цвѣтами и фресками,—вотъ главныя достоинства этой картины. Въ настоящее время Матейко можетъ считаться единственнымъ художникомъ, который съ такимъ рѣшительнымъ искуствомъ и свободой располагаетъ массами, не вредя разнообразію въ композиціи и деталяхъ. При превосходной групировкѣ этой ликующей толпы, мы тѣмъ не менѣе отмѣчаемъ типы, изъ которыхъ каждый интересенъ въ какомъ-либо отношеніи. Такъ, на первомъ планѣ картины, въ правомъ углу, обращаетъ на себя вниманіе шутъ-карликъ; въ лѣвомъ — интересенъ шляхтичъ съ бритой головой; въ центрѣ картины—дама, шлейфъ которой несутъ два пажа. Въ окнахъ зданія, на колонахъ трубачи трубятъ, въ то время, какъ торжественная процесія подымается по лѣстницѣ.

У берлоги, картина Дж. Девиса. Очень драматическій и очень оживленный эпизодъ охоты. Охотникъ съ собаками наткнулся, вѣроятно, случайно на берлогу медвѣдя. Утопая въ снѣгу, онъ криками поощряетъ своихъ собакъ, въ то время какъ онѣ суетятся. Интересный зимній пейзажъ, большое оживленіе среди собакъ, взволнованный охотникъ,—отлично передаютъ эту сцену, которою художникъ воспользовался съ талантомъ.

Фигура для фонтана, скульптурный эскизъ проф. Вагмюллера. Эскизъ этотъ очень изящно задуманъ и, конечно, составитъ украшеніе фонтана въ саду. Онъ изображаетъ групу матери съ ребенкомъ. Мать въ рубашкѣ играетъ съ ребенкомъ; ребенокъ, взобравшись на ея плечи сзади, играетъ съ ея лицомъ, вслѣдствіе этого мать должна была наклониться и повернуть голову къ ребенку. Прекрасныя формы женщины, много движенія и граціи, — вотъ главныя достоинства произведенія Вагмюллера, которое, однакожъ, можно упрекнуть въ нѣкоторой манерности и въ нѣкоторой изысканности позы.

Смѣсь.

— **Г. Е. Благосвѣтловъ.** (Некрологъ). 7 ноября скончался талантливый журналистъ Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ. Онъ началъ свою дѣятельность педагогомъ, преподавая въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ Маріинскомъ институтѣ. Въ это время онъ близко сошелся съ извѣстнымъ переводчикомъ и лучшимъ въ то время преподавателемъ русской словесности Введенскимъ. У Введенскаго устраивались литературныя собранія, на которыхъ появлялись лучшіе литературные дѣятели того времени, принадлежавшіе къ либеральному лагерю. Несомнѣнно, что какъ эти собранія, такъ, въ особенности, частыя бесѣды съ умнымъ, хорошо образованнымъ Введенскимъ оказали благотворное вліяніе на развитіе молодого человѣка. Благосвѣтловъ, какъ самъ онъ не разъ говорилъ, принялся за самообразованіе. Онъ читалъ много, неутомимо и развилъ въ себѣ способность къ критикѣ и анализу. Наконецъ, онъ рѣшился попробовать свои силы на литературномъ поприщѣ; первые литературные труды его появились въ «Отечественныхъ Запискахъ», г. Краевскаго, и были замѣчены. Вскорѣ ему пришлось отказаться отъ педагогическихъ занятій по поводу нѣсколькихъ рѣзкихъ фразъ, сказанныхъ имъ на одной изъ его лекцій въ пажескомъ корпусѣ. Благосвѣтловъ уѣхалъ за-границу и въ Парижѣ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ, занимаясь въ тоже время преподаваніемъ русскаго языка въ частныхъ домахъ. Въ Парижѣ Благосвѣтловъ познакомился съ графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко, который пригласилъ его принять редакцію издаваемаго графомъ журнала «Русское Слово». На первыхъ же порахъ Благосвѣтловъ показалъ себя очень способнымъ редакторомъ и быстро поднялъ значеніе «Русскаго Слова». Въ 1862 году «Русское Слово» было пріостановлено правительствомъ и когда оно снова возобновилось, гр. Кушелевъ передалъ Благосвѣтлову издательскія права на этотъ журналъ. Новый издатель пригласилъ къ участію въ журналѣ молодыхъ писателей и журналъ принялъ вполнѣ опредѣленное направленіе. Въ 1866 изданіе «Русскаго Слова» было запрещено и Благосвѣтловъ перенесъ свою дѣятельность въ возникшій тогда журналъ «Дѣло», сдѣлался его издателемъ, которымъ и оставался до самой смерти.

Редакторы «Живописнаго Обозрѣнія» много лѣтъ работали вмѣстѣ съ Благосвѣтловымъ и могутъ сказать, что Григорій Евлампіевичъ во все время своей журнальной дѣятельности былъ неутомимымъ работникомъ. Вѣчно занятый, онъ почти не выходилъ изъ своего рабочаго кабинета. Онъ горячо принималъ къ сердцу всякую невзгоду на тернистомъ журнальномъ пути. А этихъ невзгодъ приходилось ему испытывать очень много, что сильно вліяло на его здоровье. Послѣ каждаго волненія онъ заболѣвалъ, но часто и больной продолжалъ заниматься своимъ любимымъ дѣломъ.

Покойный обладалъ важнымъ недостаткомъ: онъ не умѣлъ ладить съ людьми. Этому-то неумѣнью и слѣдуетъ приписать, что Благосвѣтлову никогда не прощалась ни одна изъ его ошибокъ. Одно время нѣкоторые изъ фельетонистовъ безпрестанно занимались имъ, выставляя его далеко не въ симпатичномъ свѣтѣ. Такимъ и представляло его себѣ большинство людей, интересующихся литературными дѣятелями. Но не такимъ считали его люди, знавшіе его близко. Благосвѣтловъ отличался многими прекрасными качествами характера, имѣлъ свѣтлый умъ, обладалъ большой начитанностью, хорошимъ образованіемъ и твердо держался своихъ убѣжденій, усвоенныхъ имъ путемъ основательнаго изученія западно-европейскихъ образцевъ науки и литературы. Вотъ эти-то достоинства Благосвѣтлова совершенно примиряли съ его недостатками людей его направленія, хорошо знавшихъ, что онъ никогда не свернетъ въ другую сторону.

Въ заключеніе скажемъ, что Благосвѣтлову пришлось сидѣть въ крѣпости по политическому дѣлу (онъ былъ признанъ невиновнымъ во время слѣдствія и освобожденъ) и вообще много страдать во всю его жизнь. Очень немного свѣтлыхъ минутъ въ жизни досталось на долю покойнаго!

Благосвѣтловъ умеръ 54 лѣтъ отъ роду.

— **Бенефисъ г-жи Левкѣевой.** Бенефиціанткѣ былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ; изображенныя внутри его цифры показали, что г-жа Левкѣева 1-я находится на сценѣ 37 лѣтъ. Г-жа Левкѣева не обладаетъ выдающимся талантомъ, но принадлежитъ къ числу полезныхъ дѣятелей нашей сцены. Вначалѣ своей карьеры она была любима публикой, какъ хорошая водевильная актриса. Ея игра въ то время отличалась живостью и бойкостью; по словамъ старыхъ театраловъ, г-жа Левкѣева особенно хороша была въ пьесахъ съ переодѣваніями. Потомъ она играла самыя разнообразныя роли въ трагедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ и даже опереткахъ. Въ послѣднее время г-жа Левкѣева 1-я появляется на сценѣ несравненно рѣже, чѣмъ прежде, и опредѣлить настоящее ея амплуа довольно трудно. Она всегда отличалась умѣньемъ составлять бенефисную афишу и въ прошлые годы въ ея бенефисы публика всегда наполняла театръ. На этотъ разъ, однакожъ, театръ былъ наполненъ только на половину, что случилось, можетъ быть, потому, что цѣны на мѣста были назначены слишкомъ высокія; а можетъ быть и потому, что было поставлено «Сидоркино дѣло».

Это «Сидоркино дѣло», г. Аверніева, предполагалось къ постановкѣ въ прошломъ году въ бенефисѣ г. Сазонова, причемъ роль Сидорки долженъ былъ играть бенефиціантъ. Почему-то пьеса не пошла и въ публикѣ распространился слухъ, что она забракована бенефиціантомъ только ради ея очень сомнительныхъ достоинствъ. Разъ утвердилось такое мнѣніе, очень немудрено, что публика не захотѣла смотрѣть, сомнительную пьесу, платя за мѣста едва-ли не тройныя цѣны. Конечно, очень жаль, что на долю г-жи Левкѣевой достанется ничтожный сборъ съ ея бенефиса, но не послужатъ-ли почти постоянныя неудачи бенефиціантовъ, получающихъ небольшой сборъ, указаніемъ, что бенефисы даже со стороны вознагражденія артистовъ отжили свой вѣкъ и пора уничтожить бенефисную систему, вредящую цѣлямъ и развитію сценическаго искуства. Не стану повторять избитыя доказательства вреда бенефисной системы, скажу только, что вся печать въ этомъ вопросѣ высказывалось и высказывается единодушно. Вредъ бенефисовъ сознаютъ также и лучшіе артисты и все-таки система продолжаетъ существовать. Вообще странная судьба постигаетъ всякія единодушныя указанія пресы по вопросамъ, касающимся нашего театра. Всѣ безъ исключенія газеты и журналы въ одно слово твердили объ упадкѣ нашей французской сцены и указывали на причины этого упадка. И что же въ результатѣ? Французская сцена прогресивно ухудшается и по прежнему на ней господствуетъ г-жа Дика Пти, захватившая себѣ безраздѣльно лучшія роли репертуара, которыя она исполняетъ или слабо, или заурядно. Между тѣмъ г-жа Дика Пти получаетъ громадное содержаніе, едва-ли не большее, чѣмъ получала, напримѣръ, высоко-талантливая г-жа Деляпортъ. Но возвращаюсь къ «Сидоркину дѣлу».

Г. Аверкіевъ избралъ своей спеціальностью пьесы изъ нашего стариннаго быта. О вкусахъ не спорятъ и если бы произведенія г. Аверкіева отличались талантомъ, ничего нельзя бы сказать противъ пристрастія драматурга къ старинѣ. Но г. Аверкіевъ не только не первокласный талантъ, но даже не важный драматическихъ дѣлъ мастеръ. Еще его «Каширская старина» отличалась нѣсколькими удачно написанными сценами и была сценична. Но въ остальныхъ его пьесахъ нѣтъ даже и этихъ достоинствъ. «Сидоркино дѣло» слабѣе всѣхъ произведеній г. Аверкіева. Авторъ задался цѣлью, какъ кажется, изобразить людей переходной эпохи, когда европейскіе обычаи уже начали оказывать вліяніе на старинную московскую Русь. Сидорка, по заданію автора, очевидно, долженъ былъ изображать человѣка, уже нѣсколько знакомаго съ европейскими обычаями, человѣка новаго. Но въ пьесѣ все новшество Сидорки состоитъ въ томъ, что онъ хитростью заводитъ жениха своей пятиюродной сестры въ имѣніе, гдѣ ее скрывали отъ взоровъ постороннихъ мужчинъ, и устраиваетъ свиданіе молодыхъ людей, которые, такимъ образомъ, вопреки обычаю, знакомятся ранѣе свадьбы. Собственно эта сцена свиданія—единственная, интересная въ комедіи г. Аверкіева. Нѣтъ въ произведеніи г. Аверкіева и мастерского изображенія быта XVII вѣка. Содержаніе пьесы слѣдующее. Богатый бояринъ Мартюхинъ (г. Варламовъ) желаетъ выдать свою дочь Лизу (г-жа Савина) за Павлюка (г. Давыдовъ), сына стольника Мѣшецкаго (г. Зубовъ), родственника супруги царя Федора Іоанновича и потому вліятельнаго при дворѣ. Пятиюродный племянникъ Мартюхина, Сидорка (г. Арди) подшучиваетъ надъ подъячимъ; тотъ, ругаясь съ шутникомъ, говоритъ, что Мартюхинъ смошенничалъ, выдавъ замужъ свою кривобокую дочь, которую на смотринахъ подмѣнялъ другою дѣвушкою. Эти слова слышалъ Павлюкъ и, конечно, усомнился въ назначенной ему невѣстѣ Лизѣ. Сидорка его разувѣряетъ и, чтобъ его окончательно успокоить, устраиваетъ свиданіе, о которомъ сказано выше. Молодые люди, конечно, влюбляются другъ въ друга. Въ тоже время, Мартюхинъ, узнавшій отъ Мѣшецкаго-отца, что тотъ любитъ полныхъ женщинъ, горюетъ, что Лиза сухопара и замѣняетъ ее на смотринахъ племянницей, Настасьей (г-жи Лядова), женщиной полной; а чтобы обманъ не бросился въ глаза во время вѣнчанія, велитъ спить невѣстѣ лѣтникъ на ватѣ. Мѣшецкій-отецъ узнаетъ, однакожъ, объ обманѣ, но прелестная невѣстка увлекаетъ его и все кончается къ общему благополучію. Г-жа Савина превосходно провела свою роль; правда, мѣстами она смахивала на современную барышню, но эта ошибка выкупалась совершенно вѣрнымъ воспроизведеніемъ характера исполняемой ею роли. Хорошъ также былъ и г. Арди въ роли Сидорки. Всѣ остальные, включая въ то число и бенефиціантку, игравшую роль жены Мартюхина, способствовали ансамблю. Замѣтно было только не совсѣмъ твердое знаніе ролей, но, право, трудно за это винить актеровъ. Г. Аверкіевъ пишетъ какимъ-то невозможнымъ языкомъ. Автора вызвали.

Въ этотъ-же спектакль шли сцены Пушкина «Скупой рыцарь» и исполнены были неудачно. Одинъ только г. Горевъ прекрасно прочелъ пушкинскіе стихи. Г. Нильскій, исполнявшій роль скупца, загримировался очень хорошо, но игралъ слабо.

— **Англичанинъ и американецъ.** Англичанинъ: Вы едва повѣрите, какимъ страннымъ образомъ мнѣ пришлось жениться. Былъ я однажды по дѣламъ въ Константинополѣ; въ одинъ прекрасный день я ѣду на лодкѣ по водамъ Золотого Рога и ѣду я, знаете, у самаго берега, почти подъ стѣнами серальскаго дворца. Вдругъ открывается окно и въ воду падаетъ тяжелый мѣшокъ. Мнѣ удалось съ помощью лодочника-грека вытащить мѣшокъ изъ воды. Я спѣшу его раскрыть и вообразите себѣ мое удивленіе, когда передо мною предстала женщина, красавица, какихъ мнѣ еще не случалось видѣть. Она вся дрожала; щеки ея были покрыты страшною блѣдностью. Она въ нѣсколькихъ словахъ сказала мнѣ, что невинно сдѣлалась жертвою ревности султана; на нее наклеветали ея подруги, завидуя ея красотѣ. Приговоренная къ обыкновенному въ сераляхъ наказанію, красавица, благодаря только случайности, осталась жива. Для выраженія благодарности за свое спасеніе она не находила достаточно словъ. Я тогда былъ въ довольно хорошемъ положеніи, она могла легко доказать свое хорошее происхожденіе, я предложилъ ей быть моей женой... Развѣ это не замѣчательно?

Американецъ: Это ничего не значитъ въ сравненіи съ моей женитьбою. Однажды я купался въ Гудзонѣ, почти неодѣтый, я былъ далеко довольно отъ берега, вдругъ вижу, что на берегу у самой рѣки внезапно загорѣлся домъ. Я употребляю всѣ усилія, чтобъ скорѣе плыть и принесть посильную помощь. На берегу уже работала огромная пожарная труба; не замѣтивъ ее, я было бросился къ своему платью, какъ вдругъ меня что-то съ невѣроятною силою подбросило на воздухъ, (это было, какъ оказалось послѣ, столбъ воды паровой машины, подъ который я случайно попалъ) и я моментально очутился во второмъ этажѣ горящаго дома. Тамъ привлекли мое вниманіе раздирающіе душу крики; я пристально всматриваюсь и сквозь дымъ вижу женщину; забывъ совершенно о своемъ костюмѣ я бросаюсь къ ней, схватываю ее на руки, но она, увидя меня въ одеждѣ праотцовъ, отклонила мое содѣйствіе. Желая сохранить ея стыдливость, я успѣлъ сказать ей: «Желаете-ли вы быть моей, сударыня?» —«На вѣки», былъ едва слышный отвѣтъ. Тогда она, измученная страхомъ и волненіемъ, упала въ мои объятія въ обморокѣ. Я съ опасностью жизни вынесъ ее на свѣжій воздухъ. Впослѣдствіи я узналъ, что она совершенно свободна и при томъ наслѣдница 20.000,000 доларовъ, которые она вмѣстѣ съ своей рукой и сердцемъ охотно отдала своему избавителю. Вотъ какимъ образомъ я сдѣлался женатымъ человѣкомъ.

Этотъ характерный разсказъ напечатанъ въ Local Anzeiger der «Presse».

— **Выставка въ восточномъ вкусѣ.** Въ окрестностяхъ Смирны свирѣпствовала шайка, состоявшая изъ шести негодяевъ, которые совершали всевозможные грабежи и разбои. Новый губернаторъ Смирны, извѣстный Митхадъ-паша, распорядился послать сильный отрядъ войска для поимки разбойниковъ. Экспедиція была удачна какъ нельзя болѣе: всѣхъ разбойниковъ перестрѣляли, затѣмъ головы ихъ отрѣзали, «посолили» и послали въ Смирну—на выставку. Выставка продолжалась «только» три дня, затѣмъ головы были зарыты въ землю. Напрасно, кажется, туркофилы упрекаютъ Митхада-пашу въ излишнемъ «европеизмѣ»: каковы его «убѣжденія»—это покрыто мракомъ неизвѣстности, но дѣйствуетъ онъ очевидно more majorum.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 45-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 8 ноября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 10 ноября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Архановъ, разск. **Д. Черткова.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3 част. **М. Ф. Каменской.**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Русскія суевѣрія, очерки **С, С. Шашкова**.—Стефенъ Митчель, пов. изъ флорид. жизни **М-съ Робинзъ**, перев. **А. А. Разсказовой.**—Новыя замѣтки о старыхъ вопросахъ. — Политическая хроника. — Къ рисункамъ.—Смѣсь —Объявленія.

Рисунки: Соперники, карт. **Карла Бекера.**—Торжественный пріемъ, карт. **Яна Матейко.**—Группа для фонтана, скульпт. профес. **Вигмиллера.**—У берлоги, рис. **Дж. Девиса.** — Одинъ рисунокъ къ роману «Стефенъ Митчель». — Жертвы Минотавру въ Афинахъ, карт. **А. Жендрона.** — Лѣтній вечеръ, карт. **Жана Фонъ-Беера.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ**.

Объявленія.

Въ книжномъ магазинѣ Александра Игнатьевича **Бортневскаго,** *на углу Троицкаго и Графскаго переулковъ въ* **С.-Петербургѣ,** *находятся въ складѣ:*

Сочиненіе А. МИХАЙЛОВА. 6 томовъ. Цѣна 13 руб.

Полное собраніе сочиненій Николая Федоровича Щербины. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

Тайны Палермскихъ монастырей. Историческій ром. Оскара Піо, пер. съ итальянскаго Н. А. Петрова. Цѣна 2 руб.

Ожерелье Королевы Маріи-Антуанеты Новый истор. романъ А. Дюма, пер. съ франц. Н. А. Лачинова. Цѣна 1 р. 25 коп.

По краю пропасти. Романъ въ 4 частяхъ, соч. П. Ближнева. Цѣна 1 р. 75 коп.

Вторая жена. Новый романъ Эд. Стивенса, перев. съ англійскаго Л. В. Солодовниковой. Цѣна 1 р. 25 коп.

Жизнь отвѣтила. Повѣсть изъ современной жизни А. Т. Щегловитова. Цѣна 1 р. 25 коп.

Птичка вылетѣла изъ клѣтки. Романъ Джуліи Кавена. Пер. съ англ. Л. В. Солодовниковой. Цѣна 2 руб.

Фиктивный бракъ. Оригинальный ром. С. Долгиной. Цѣна 1 р. 50 коп.

Свадебный визитъ. Ком. А. Дюма. Цѣна 50 коп.

Человѣкъ, который смѣется. Ром. В. Гюго. 2 тома. Цѣна 2 р.

Требованія исполняются немедленно. На пересылку книгъ прибавляютъ 10 коп. на рубль.

Объ изданіи журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ въ 1881 году.

Гг. подписчики на 1881 годъ получатъ слѣдующія преміи: **двѣ олеографическія картины,** прекрасно исполненныя за-границей (образцы ихъ уже получены редакціей). Преміи эти будутъ совершенно готовы къ 1 января, такъ что онѣ могутъ быть разосланы въ январѣ-же мѣсяцѣ всѣмъ гг. подписчикамъ, уплатившимъ деньги за годовое изданіе журнала.

Кромѣ олеографическихъ картинъ, гг. подписчики получатъ илюстрированную **литературную** премію, которая будетъ разослана въ ноябрѣ 1881 года.

Особымъ безплатнымъ приложеніемъ будетъ высылаться отдѣлъ «Парижскія моды» съ илюстраціями.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	Безъ доставки и пересылки.	Съ доставкою и пересылкою.
Подписная цѣна на журнал: на годъ.........	**6** р.	**7** р.
» полгода..	**3** р. **50** к.	**4** р.
» три мѣсяца..	**2** р.	**2** р. **25** к.
За границу на годъ.........		**9** р.

Желающіе втеченіи года получить **шесть** модныхъ выкроекъ въ натуральную величину прибавляютъ къ годовой подписной суммѣ **60** коп. сер. Кто пожелаетъ получить художественныя преміи застрахованной посылкой приплачиваетъ **40** коп.; не внасшіе этой приплаты получатъ преміи въ трубкѣ, бандерольнымъ отправленіемъ.

За перемѣну адреса платятъ: съ городского на иногородній...	**85** коп.
съ иногородняго на городской...	**1** р.
иногородняго на иногородній....	**21** коп.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ,** Новая ул. д. № 6.

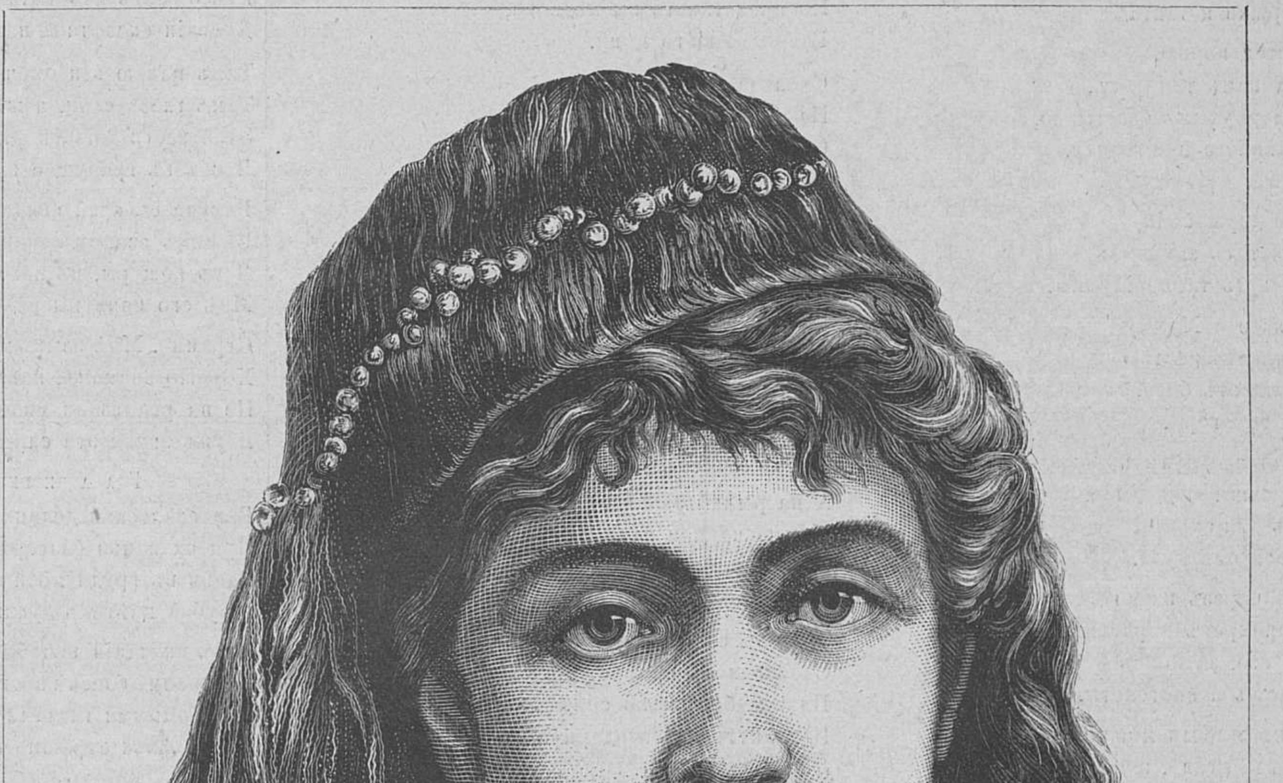
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 ноября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 47. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 22 Ноября 1880 г.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА НЕЙМАННЪ.



Гречанка.
Рѣзано на деревѣ въ Петербургѣ.

Атта Троль *).

Сонъ въ лѣтнюю ночь. 1841—1842 г.

Поэма **Г. Гейне**. Переводъ **Мих. Шелгунова**.

(Переводъ посвящается Н. С. Русанову).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Опоясанъ цѣпью горъ,
Поднимающихся къ небу,
Убаюканъ дикимъ ревомъ
Водопадовъ, словно греза,

Спитъ въ долинѣ элегантный
Котерэ. Со всѣхъ балконовъ
Бѣлыхъ домиковъ его
Смотрятъ дѣвушки и дамы;

Да, онѣ со смѣхомъ смотрятъ
На шумящій, пестрый рынокъ,
Гдѣ подъ музыку бандуры
Пляшетъ пара медвѣдей.

Исполняютъ этотъ танецъ
Атта Троль съ своей супругой,
Черной Муммой по прозванью;
Баски смотрятъ и дивятся.

Благородный Троль танцуетъ
Такъ серьезно, con grandezza,
Но въ мохнатой половинѣ
Мало выдержки и такта.

Даже кажется порою,
Что она канканъ танцуетъ,
Задомъ, вздернутымъ безстыдно,
Grard' Chaumière напоминая.

Поводарь, здоровый парень
На цѣпи ее державшій,
Наконецъ и тотъ замѣтилъ
Непристойность танца Муммы.

По спинѣ за это Мумму
Онъ вытягиваетъ плетью
И реветъ она отъ боли,
Пробуждая эхо горъ.

Сей вожатый на картузъ
Образки Пречистой Дѣвы
Понавѣсилъ для охраны
Головы своей отъ пули.

Носитъ онъ черезъ плечо
Росписной покровъ парчевый,—
Это плащъ его, за поясъ
Заткнутъ ножъ и пистолеты.

Былъ онъ въ юности монахомъ,
Послѣ грабить сталъ, а послѣ
И вторымъ и первымъ дѣломъ
Занялся у Донъ Карло́са.

А когда разбитъ былъ Карлосъ
Со своимъ столомъ всѣмъ круглымъ
И приня́лись паладины
За дворянскія ремесла—

(Сталъ писать Мазуриковскій),—
То завелъ нашъ рыцарь вѣры
Медвѣдей ученыхъ пару
И водить ихъ сталъ по селамъ.

Заставляетъ предъ народомъ
Ихъ по ярмаркамъ плясать онъ;—
Въ Котерэ, на людномъ рынкѣ,
Атта Троль въ оковахъ пляшетъ.

На горахъ, жильѣ свободы,
Троль хозяйничалъ когда-то—
Гордый царь звѣрей—теперь-же
Мужичье онъ тѣшитъ пляской.

Для презрѣннаго метала
Принужденъ плясать онъ, раньше
Родомъ правившій звѣринымъ,
Нагоняя страхъ по царски.

Троль, свою припомнивъ юность
И господство надъ лѣсами,
Звуки мрачные печали
Изрыгаетъ изъ груди;

Онъ глядитъ, насупясь мрачно,
Словно мавръ у Фрейлиграта—
Тотъ неважно барабанилъ,
Троль съ досады плохо пляшетъ.

Но лишь смѣхъ онъ возбуждаетъ
Вмѣсто жалости. Жюльета,
Даже та глядитъ со смѣхомъ
На отчаянную пляску.

Безсердечная Жюльета,
Вся во внѣшности она,
Какъ француженка, по внѣшность
Эта блещетъ красотою.

Сѣть лучей ея глаза,
Въ эту сѣть, какъ рыбка, сердце
Попадается и долго
Бьется, сладко замирая.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мавританскій князь, воспѣтый
Въ фрейлигратовой поэмѣ,
Такъ усердствовалъ, что дно
Разорвалъ у барабана!

Это фактъ весьма прискорбный,
Барабанно—коже—страшный,
Но представьте вы медвѣдя,
Разрывающаго цѣпи.

Смолкла музыка, улыбки
На устахъ застыли; съ крикомъ
Съ рынка бросился народъ;
Дамы даже поблѣднѣли.

Цѣпи рабства и неволи
Сокрушилъ единымъ разомъ
Атта Троль. Бѣжитъ прыжками
Онъ по улицамъ. Съ дороги

Всѣ сторонятся учтиво.
Онъ взбирается на скалы,
Внизъ съ ироніей глядитъ
И скрывается въ ущельи.

А на рынкѣ опустѣвшемъ
Мумма черная вдвоемъ
Съ вожакомъ осталась. Злобно
Шапку о земь онъ бросаетъ,

Топчетъ злобно каблуками
Свой оплотъ срываетъ, съ тѣла
Плащъ, безстыдно обнажаясь,
И клянетъ неблагодарность

Чернокожихъ медвѣдей!
Съ Атта Тролемъ онъ, какъ съ другомъ,
Обходился,—мишку танцамъ
Обязательно наставилъ.

Всѣмъ ему былъ Троль обязанъ,
Даже жизнію. Не даромъ
Сотни талеровъ онъ не взялъ
За пріятельскую шкуру.

На бѣдняжку Мумму, грустно,
Какъ была, на заднихъ лапахъ
Продолжавшую стоять
Предъ разгнѣваннымъ владыкой,

Сей разгнѣванный владыка
Опрокидываетъ гнѣвъ;
Бьетъ ее, браня при этомъ
Непотребными словами.

Это горе—приключенье
Было въ жаркій лѣтній полдень,
День смѣнился тихой ночью,
Ночью страсти и томленья.

Я провелъ почти полночи
На балконѣ; любовались
Мы вдвоемъ съ Жюльетой небомъ,
Ярко блещущимъ звѣздами.

«Звѣзды»—такъ она вздохнула,—
«Мнѣ милѣй всего въ Парижѣ,
Гдѣ онѣ, осенней ночью,
Отражаются въ грязи».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Греза ночи! Фантастична
И безцѣльна пѣснь моя;
Какъ любовь, какъ жизнь безцѣльна,
Какъ Творенье и Творецъ.

Прихотливъ и своеволенъ,
То галопомъ, то на крыльяхъ
Въ царствѣ сказочномъ блуждаетъ
Мой излюбленный Пегасъ.

Онъ не бюргерская кляча,
Чтобъ тянуть покорно лямку,
И не конь для распри партій,
Гордо скачущій и ржущій!

Чистымъ золотомъ подкованъ
Мой крылатый бѣлый конь;
Поводъ—нитку жемчуговъ—
Я пустилъ висѣть свободно.

Ты неси меня по волѣ,
По крутымъ, веселымъ высямъ,
Гдѣ тревожно водопады
Ниспадаютъ въ бездны вздора,

По долинамъ мирнымъ, тихимъ,
Гдѣ растутъ дубы серьезно,
Гдѣ бѣжитъ изъ тихой рощи
Древній сказочный источникъ.

Тамъ напьюсь и омочу я
Тамъ глаза свои, я жажду
Этой влаги животворной,
Чтобъ въ грядущее прозрѣть.

Пелена съ очей спадаетъ!
Вѣщимъ взоромъ проникаю
Я въ пещеры, въ лого Троля;
Мнѣ его понятны рѣчи.

Странно. Мнѣ языкъ медвѣжій
Хорошо знакомъ, какъ будто;
Не на родинѣ-ли милой
Я ужь звуки эти слышалъ?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ронсевальская долина!
При названьи благородномъ
Вновь въ груди моей трепещетъ
Голубой цвѣтокъ душистый.

Міръ сказаній позабытыхъ
Въ новомъ блескѣ воскресаетъ
И огромными глазами
Привидѣнья страшно смотрятъ.

Звонъ и клики. Это франки
Съ сарацинами дерутся,
Робко рогъ звучитъ роландовъ,
Словно кровью обливаясь.

Тамъ, въ долинѣ, недалеко
Отъ разсѣлины Роланда—
Вѣдь Роландъ, отважный витязь,
Пролагая къ бѣгству путь,

По скалѣ мечемъ Дюрандой
Такъ погибельно ударилъ,
Что до нынѣ виденъ слѣдъ
Достославнаго удара—

Тамъ-то въ впадинѣ глубокой,
Обрамленной частымъ лѣсомъ
И кустарникомъ, гнѣздится
Троля темная пещера.

Тамъ въ кругу своихъ домашнихъ
Отдыхаетъ Троль отъ бѣгства
Многотруднаго и бѣдствій,
Приключившихся съ нимъ въ свѣтѣ.

Сладкій часъ свиданья! Дѣтокъ
Онъ обрѣлъ въ родной пещерѣ,
Гдѣ ихъ съ Муммой онъ вскормилъ;
Было шестеро ихъ счетомъ.

Дочки (двѣ ихъ) бѣлокуры,
Словно дочери пастора,
Буры мальчики, а черенъ
Только младшій, одноухій.

---

*) Атта Троль былъ переведенъ на русскій языкъ два раза: Д. Писаревымъ и Д. Аверкіевымъ.

Онъ былъ матери любимцемъ;
Какъ-то разъ она, играя,
Откусила сыну ухо
И съ любовью проглотила.

Мальчикъ онъ съ большимъ талантомъ
На гимнастику. Вѣдь онъ
Кувыркается не хуже,
Чѣмъ гимнастикъ славный Массманъ.

Свой языкъ онъ только любитъ,
Пышный цвѣтъ родимой почвы,
Никогда не изучалъ онъ
Языка Римлянъ и Грековъ.

Свѣжъ, благочестивъ, свободенъ,
Веселъ, ненавидитъ мыло—
Роскошь нашихъ умываній—
Ну, точь въ точь гимнастикъ Массманъ.

Съ замѣчательнымъ искуствомъ
Онъ взбирается проворно
По деревьямъ, густо росшимъ
Отъ подошвы до вершины,

На обширную площадку.
Здѣсь подъ вечеръ все семейство
Вкругъ отца собраться любитъ,
Въ темнотѣ потолковать.

Троль разсказываетъ имъ,
Какъ онъ жилъ на свѣтѣ, сколько
Городовъ, людей онъ видѣлъ,
Сколько горя претерпѣлъ онъ,

Лаэртидъ въ медвѣжьей шкурѣ,
Отличаясь только тѣмъ,
Что скитался неразлучно
Онъ съ мохнатой Пенелопой.

Послѣ Троль ведетъ разсказъ
Объ успѣхѣ колосальномъ,
Каковой снискалъ онъ всюду
У людей своею пляской.

Старъ и младъ, онъ увѣряетъ,—
Восторгались имъ, когда
Онъ плясалъ по люднымъ рынкамъ
Подъ напѣвъ бандуры сладкій.

А въ особенности дамы.
Да, цѣнительницы эти
Аплодировали громко
Съ милой, нѣжною улыбкой.

О, тщеславіе артиста!
Вспоминаетъ Троль со смѣхомъ
О порѣ, когда публично
Онъ показывалъ талантъ.

И увлекшись самохвальствомъ,
Доказать онъ хочетъ дѣломъ,
Что не враль онъ, нѣтъ,—что въ танцахъ
Онъ дѣйствительно великъ—

Соскочивъ съ земли проворно,
Онъ встаетъ на заднихъ лапахъ,
Свой излюбленный гавотъ
Вновь, какъ прежде, начиная.

Молча, вытянувши морды,
Созерцаютъ медвѣжата,
Какъ отецъ при лунномъ свѣтѣ
И чудно́, и дико скачетъ.

Глава пятая.

На спинѣ, въ пещерѣ темной,
Окруженъ семьей, задумчивъ,
Возлежитъ нашъ Троль и лапу
Онъ сосетъ, вздыхая грустно:

«Мумма, выудилъ тебя я
Въ морѣ жизненномъ когда-то,
Чудный перлъ, ахъ, въ морѣ жизни
Я тебя утратилъ снова.

«Ахъ, ужель съ тобой не свижусь
Я нигдѣ, иль только тамъ,
Гдѣ, земныя сбросивъ цѣпи,
Чудно духъ твой просвѣтлѣетъ?

«О, желалъ-бы до тѣхъ поръ я
Хоть разочекъ рыло Муммы
Облизать; оно такъ сладко,
Словно вымазано медомъ!

«О, желалъ-бы я упиться
Муммы запахомъ чудеснымъ,
Этотъ запахъ милой Муммы
Мнѣ милѣе розъ душистыхъ!

«Но, увы! она томится
Подъ ярмомъ того отродья,
Что зовется человѣкомъ,
Властелиномъ всей природы.

«Смерть и адъ. Вѣдь эти люди,
Эти бары вѣковые,
На животный смѣтрятъ міръ
Съ наглой гордостью дворянской,

«Нашихъ женъ, дѣтей воруютъ,
И въ цѣпяхъ морятъ ихъ, даже
Изъ корысти низкой бьютъ насъ,
Чтобъ продать нашъ мѣхъ и мясо.

«Не стыдятся эту мерзость
Совершать они, всѣхъ больше
Съ медвѣдями, и зовутъ
Это правомъ человѣка!

«Человѣческое право!
Кто-же далъ вамъ это право?
Ужь, конечно, не природа,
Столь природная во всемъ!

«Человѣческое право!
Преимущества такія
Вамъ, конечно, далъ не разумъ,
Не настоль онъ не разуменъ!

«Ужь не тѣмъ-ли лучше, люди,
Вы другихъ, что вашу пищу
Вы вареною ѣдите?
Мы хоть кормимся сырою,

«Но конечный выводъ все-же
Тотъ-же самый, благородитъ
Не богатство, а поступки
Благородные и мысли.

«Люди, тѣмъ вы, что-ли, лучше,
Что искуствомъ и наукой
Занимаетесь успѣшно.
Мы не выродки вѣдь тоже.

«Развѣ нѣтъ собакъ ученыхъ?
Лошадей, что такъ считаютъ,
Какъ совѣтники? А зайцы
Развѣ плохо барабанятъ?

«Въ гидростатикѣ познаньемъ
Ужь давно бобры извѣстны
И открытіемъ клистира
Міръ не аисту-ль обязанъ?

«А ослы не пишутъ критикъ?
Обезьяны ль не актеры?
Есть-ли мимикъ столь извѣстный,
Какъ Батавія, мартышка?

«Соловьи-ли не поютъ?
Фрейлигратъ-ли не поэтъ?
Кто воспѣлъ-бы льва искуснѣй,
Земляка его верблюда?

«Самъ я въ танцахъ искусился
И не менѣе, чѣмъ Раумеръ
Въ стихоплетствѣ. Развѣ лучше,
Чѣмъ танцую я, онъ пишетъ?

«Люди, чѣмъ другихъ вы лучше?
Хоть и держите высоко
Всѣ вы головы, но мысли
Всё въ нихъ низкія роятся.

«Или тѣмъ вы, люди, выше,
Что блестяща ваша кожа
И гладка; но этой честью
Подѣлитесь вы съ змѣями.

«Да, двуногія вы змѣи,
Понимаю я, зачѣмъ
Вы въ штанахъ: подъ нашей шерстью
Наготу змѣи вы скрыли.

«Берегитесь, дѣти, этихъ
Безволосыхъ проходимцевъ;
Дочки, помните, не вѣрьте
Этимъ брючникамъ поганымъ».

Здѣсь выписывать я кончу,
Какъ медвѣдь, равенствомъ бредя,
Громко, нагло издѣвался
Надо всей людской породой.

Вѣдь въ концѣ концовъ и самъ я
Человѣкъ и не намѣренъ
Повторять обидной брани
На людей глупца-медвѣдя.

Человѣкъ я, да, я лучше
Всѣхъ другихъ животныхъ міра;
Отрицать не стану я
Преимуществъ по рожденью,

И всегда въ борьбѣ съ скотами
Я стоять за человѣчность
Твердо буду, за святыя
Прирожденныя права.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ЭТЮДЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ВЪ СРЕДНЕ-АЗІАТСКИХЪ ПУСТЫНЯХЪ.

Очерки **Н. Н. Каразина**.

III.

Какъ чабаръ Мумынъ берегъ ввѣренную ему казенную почту.

Передъ дверьми маленькаго домика, гдѣ помѣщалось комендантское управленіе Глухого форта, съ утра, чуть не съ солнечнаго восхода, дежурилъ приземистый, коренастый киргизъ-чабаръ съ своими конями.

Чабара звали Мумынъ; товарищи—Мумынъ-бай, русскіе-же всѣ безъ исключенія отъ самаго коменданта до послѣдняго пьянаго кузнеца, шесть съ половиною дней въ недѣлю пребывавшаго въ арестантской ямѣ,—Мумынкою.

Мумынъ былъ представитель чистѣйшаго типа степного бѣгуна чабара. Его кости были ничуть не слабѣе желѣза, его мышцы не знали усталости, его прищуренные, заплывшіе жиромъ, узкіе, словно щелочки, косопрорѣзанные глаза видѣли въ даль даже ночью лучше комендантской трубки съ хитрыми стеклами. Прилегши ухомъ къ землѣ, онъ могъ за часъ до встрѣчи распознать какое угодно движеніе въ степи: сайгаки-ли перебѣгаютъ по Такыру, верблюдъ-ли бродитъ гдѣ отставшій, конные ѣдутъ-ли, какимъ шагомъ и сколько. Слѣды въ степи онъ разбиралъ и толковалъ безошибочно, даже и не особенно свѣжіе, недѣлю спустя этакъ, а то и больше. Къ русскимъ въ услуженіе поступилъ давно, во время большого похода степного, когда маленькимъ былъ еще, при своемъ братѣ Бикетаѣ, убитомъ во время ночного нападенія тюркменъ на русскій транспортъ, и теперь за мирнымъ временемъ служитъ чабарную службу, то есть возитъ черезъ степь почти на шестисотъ верстное разстояніе казенную почту изъ форта Глухого до форта Заброшеннаго, а жалованья получаетъ за это по восьми рублей бумажныхъ за конецъ съ обратнымъ.

Кони его собственные, одежа его, харчи тоже и для себя, и для коней, а сумка кожанная для пакетовъ—казенная. Просрочки, по договору, «чтобы ни Боже мой!» Потерь или утраты—«оборони Господь». Подмочки—«и не кажи глазъ лучше». Ну, а расчетъ за службу—это все равно, хоть по мѣсячно, хоть по третно, хоть за каждый разъ получай особо, однимъ словомъ, когда коменданту удобно будетъ и досужно такимъ мелкимъ дѣломъ заниматься, тогда и приходи.

Впрочемъ, Мумынъ рѣдко безпокоилъ комендантскій денежный сундукъ своими требованіями

Года три тому назадъ у него конь одинъ издохъ отъ чумы, ну, тогда точно выдали ему двадцать семь рублей сорокъ три копѣйки съ четвертью. Мумынъ такъ считалъ, что это все за прошлое время и что еще за комендантомъ осталось, а начальство ему заявило, будто это впередъ ему по особому довѣрію и расположенью выдано.

Мумыну послѣднее это было настолько лестно и пріятно, что онъ уже и не допытывался провѣрки въ счетахъ. «Пускай, молъ, будетъ по вашему впередъ, если только по особому довѣрію и расположенію...»

Такъ вотъ теперь этотъ самый Мумынъ-чабаръ и сидѣлъ передъ дверьми комендантскаго домика въ ожиданіи, когда ему комендантскій писарь вынесетъ хорошо знакомую, обвязанную веревкою съ припечатанными концами, кожанную сумку и большую старую книгу, гдѣ Мумынъ долженъ приложить свою тамгу въ удостовѣреніе того, что все содержимое сумки принято имъ «полностью и въ исправномъ видѣ».

Мумынъ сидѣлъ на корточкахъ въ тѣни своихъ собственныхъ лошадей и дремалъ, пригрѣтый мартовскимъ весеннимъ солнышкомъ; кони его, понуривъ свои большія, неуклюжія головы съ надрѣзанными ушами, дремали тоже.

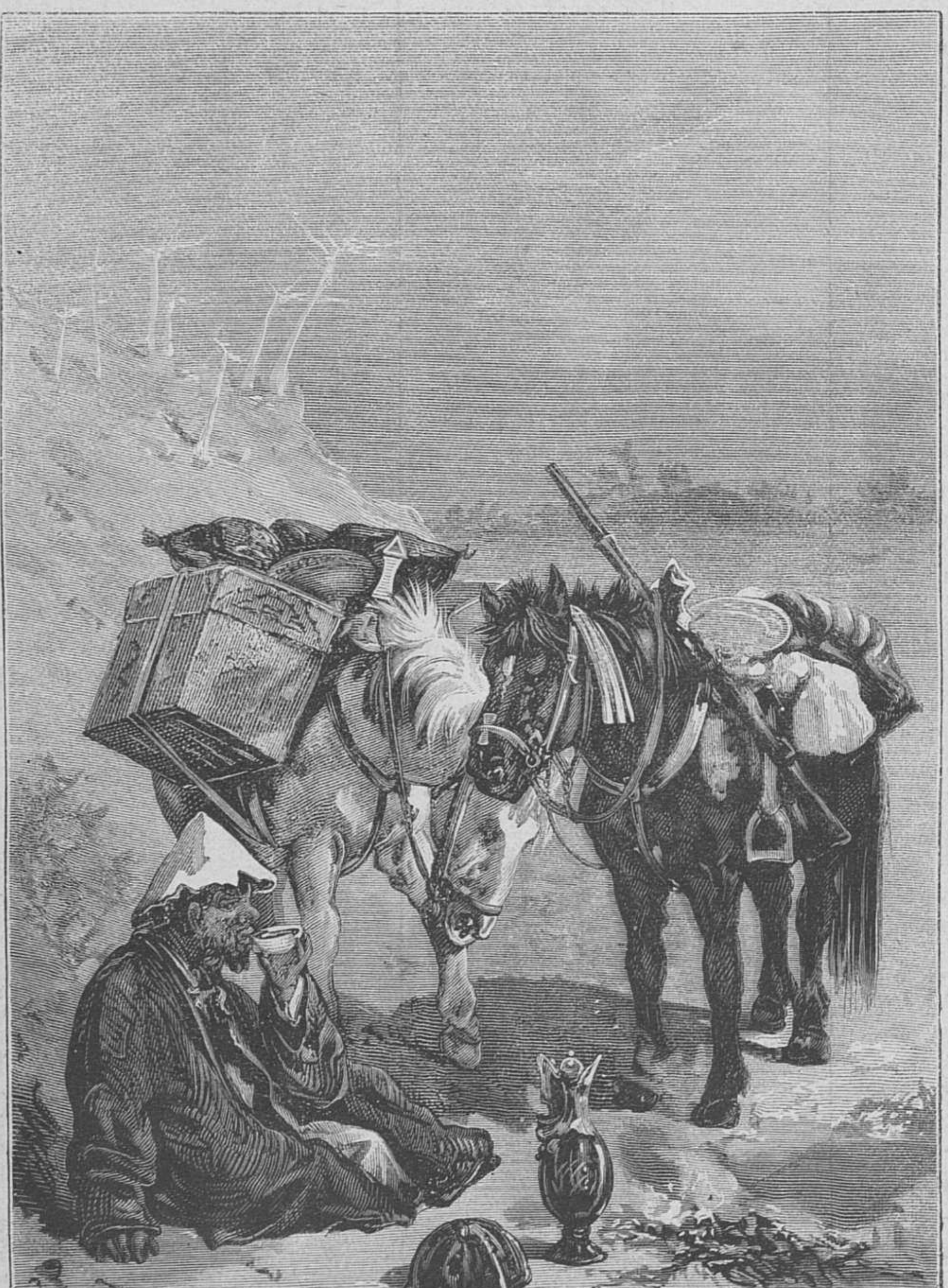
Одного коня сѣраго звали «куцый», а другого, чалаго, «карноухій», ибо они имѣли соотвѣтствующія кличкамъ примѣты. Оба коня были осѣдланы одинаково, только на куцомъ черезъ сѣдло перекинуты были вьючные ковровые коржумы съ ячменемъ и кое-какимъ дорожнымъ запасомъ самаго Мумына и небольшой козій мѣхъ съ водою. У сѣдла «карноухаго», предназначеннаго «съ мѣста» для самаго хозяина, висѣлъ мѣдный закопченный кунганчикъ для чая и узорчатый съ ременною кистью «калмыкъ-башъ» для чашекъ.

На головѣ Мумына поверхъ засаленной тюбейки былъ надѣтъ рогатый, разрѣзной малахай лѣтній, изъ бѣлаго войлока, а на плечахъ три халата: нижній — алачевый-полосатый, средній — канаусный, подарокъ проѣзжаго полковника одного, что бралъ его въ провожатые, а верхній — изъ желтаго верблюжьяго сукна; шаровары у Мумына были кожанные, сохранившіе еще слѣды вышивного шелками узора, а сапоги изъ нечерненаго выростка съ острыми, загнутыми кверху носками и острыми-же, окованными жестью каблуками.

Оружіе на случай недоброй встрѣчи чабаръ нашъ завелъ себѣ не кое-какое: у него сабля, клынчъ, и ножъ у пояса были обыкновенные, положимъ, но за то ружье не кремневое, а ударное, двухствольное, тульской работы; только одинъ и былъ небольшой недостатокъ у этого ружья, что иногда оно стрѣляло изъ обоихъ стволовъ разомъ, хотя на такую двойственность пальбы и не было личнаго желанія стрѣлявшаго.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ Н. Н. КАРАЗИНА.



Чабаръ мумынъ пилъ чай...

Рисовалъ на деревѣ **авторъ**; рѣзалъ **Хелмицкій** въ Варшавѣ.

Изъ этого описанія видно было, что Мумынъ-чабаръ былъ во всѣхъ отношеніяхъ исправный и что таковому довѣрять «казенное дѣло было вполнѣ не опромѣтчиво.

Долго, очень долго сидѣлъ и дожидался посылокъ чабаръ-Мумынъ.

Солнце уже высоко поднялось и перешло на эту сторону комендантскаго домика, скользнуло по войлочнымъ ставнямъ, задѣло косякъ двери съ приклееннымъ листомъ бумаги: «входъ постороннимъ строго воспрещается», заиграло на галунахъ и пуговицахъ комендантскаго мундира, вывѣшаннаго для просушки послѣ вчерашней подмочки на имянинахъ у купца-маркитанта Онучина, алмазами разсыпалось на бутылѣ особенной настойки отъ всѣхъ недуговъ, полыновки и камышевки вмѣстѣ, отбросило фигурную тѣнь отъ самовара, выставленнаго на порогѣ деньщикомъ Кочетковымъ и уже начинавшаго пускать струйки поющаго пара.

Должно быть, теперь самъ комендантъ скоро долженъ проснуться, вытянуться, зевнуть и выругаться. Пора бы! Мухи докучныя коней мумыновыхъ донимаютъ, ему самому дремать мѣшаютъ, роями надъ потнымъ, мѣдно-краснымъ затылкомъ вьются и на носъ десятками усаживаются.

Вотъ, наконецъ, ставень одинъ самъ собою отъ толчка изнутри выскочилъ, вотъ другіе два деньщикъ Кочетковъ торопливо выставилъ и по пути въ трубу самоварную дунулъ. Вотъ красивая, полная тѣломъ солдатка Анисья изъ заднихъ дверей шмыгнула и украдкою, по застѣнками, пошла въ слободку. Писарь Ардальоновъ съ подбитымъ глазомъ квасу потребовалъ въ полголоса. Словно въ нѣдрахъ старинныхъ стѣнныхъ часовъ передъ боемъ, захрипѣло на разные лады въ комендантскомъ горлѣ и послышался знакомый всему форту начальствующій басъ:

— Послать къ попадьѣ за ботвиньей!..

……

Большую на этотъ разъ «почту» навалили на спины «куцаго» и «карноухаго!» Уже по одной описи, къ которой приложилъ свою «тамгу» чабаръ Мумынъ, видно было, что дѣло не шуточное.

Во-первыхъ, шесть отношеній комендантскаго управленія форта Глугохо въ комендантское же управленіе форта Заброшеннаго (одно отношеніе стихами), два фунта чаю и четыре фунта самохваловскаго табаку, въ общемъ ящикѣ съ тремя казенными печатями и надписью «весьма цѣнное», полушубокъ и сапожный товаръ на шесть человѣкъ, отправленныхъ еще въ прошломъ году изъ форта Глухого въ Заброшенный на пополненіе тифозной убыли въ вышеозначенномъ фортѣ, шляпка для госпожи комендантши въ особомъ ящикѣ, циркуляры начальника края срочные, по недоразумѣнію залежавшіеся въ фортѣ Глухомъ, вотъ уже скоро два года, семь книжекъ «Русскаго Вѣстника» и семьдесятъ два листа газеты «Русскій Инвалидъ». Кромѣ этой казенной клади еще сумка съ частною перепискою и двѣ баночки превосходной ваксы — издѣлія самого писаря Ардальонова, предназначенныя въ подарокъ товарищу, писарю форта Заброшеннаго Кутималинову.

Даже чалый запрялъ остаткамъ своего уха и попятился, завидя ношу, готовую залечь на его спину, а куцый - сѣрый фыркнулъ и затоптался на мѣстѣ, косясь выразительно глазомъ на своего хозяина: «что-же это, другъ ты нашъ, съ нами хотятъ дѣлать?..»

— И чтобы вполнѣ сохранно, потому дѣло первой важности! грозя чубукомъ изъ окна, пробасило само начальство. — Особенно этотъ вотъ ящикъ, чтобы... ни Боже мой! ни одной трещинки. Понимаешь!?. Ардальоновъ, укажи ему тотъ самый ящикъ съ казенными цѣнностями... Не этотъ, дуракъ!.. Эхъ! да вонъ тотъ, куда вчера эту глупую шляпку Анисья укладывала!..

— Хопъ! кланялся Мумынъ, прижавъ руки пониже желудка. — Хопъ, тюра, хопъ! все цѣла будытъ... казонной бамага знаю... Голова ни жалка, казна жалка... все цѣла будытъ.

— Ну, гайда, съ Богомъ!

— Мумынка, слушь, шепнулъ ему деньщикъ Кочетковъ, — поѣдешь, дружище, назадъ, захвати въ Заброшенномъ шиповъ соленыхъ, покрупнѣе, парочку, тамъ они дешевы... Теперь не жарко, можетъ не попрѣютъ дорогою-то...

— Эй ты, косоглазый! Дорогою по ауламъ не шляться, по пустому не засиживаться... Везти акуратнѣй!

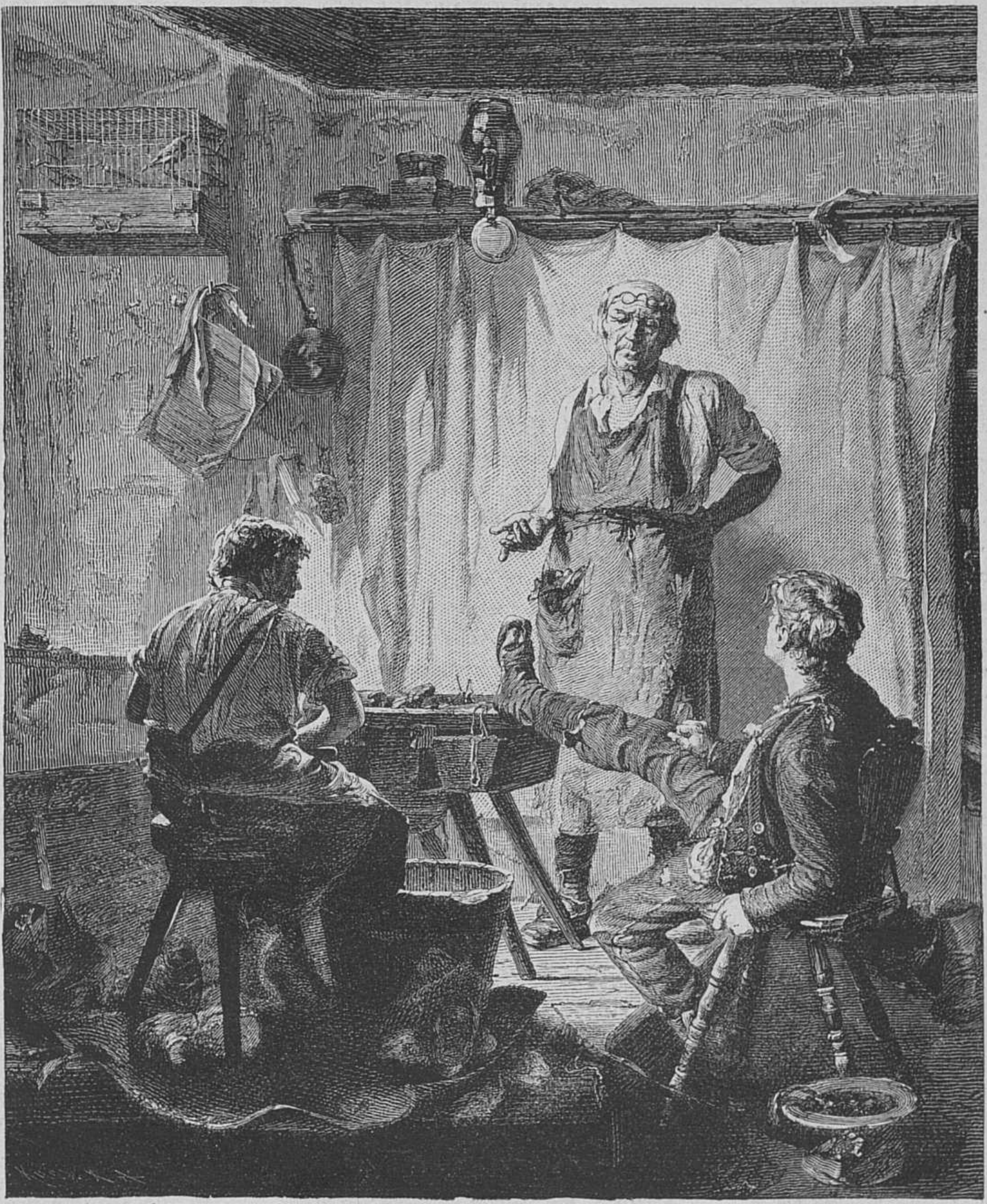
— Хопъ, тюра... Ваши белагородію, хопъ!.. Ми свое дѣло хорашо понымаимъ...

— Ну, то-то!

Выбрался-таки чабаръ Мумынъ изъ комендантскаго дворика и дробнымъ шажкомъ, переступью погналъ своихъ навьюченныхъ казенною почтою коней къ степному выѣзду изъ форштадской слободки.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КОТШЕНРЕЙТЕРА.



Нѣтъ спасенія!

Рѣзано на деревѣ въ Берлинѣ.

Хорошо, привольно въ степи раннею весною!

Молодая травка еще не пригорѣла на солнцѣ, зелено кругомъ и пестро, цвѣтисто. Краснѣютъ въ травѣ головки полевыхъ тюльпановъ, желтыя звѣздочки подснѣжниковъ, бѣлая кашка, лиловые ирисы. На высокихъ мѣстахъ, раньше просохшихъ, выглянули на свѣтъ Божій пепельно-сѣрые побѣги молодой полыни; на низкихъ мѣстахъ, около лужъ солонцеватыхъ, щеткою поросла темнозеленая осока, тамъ и старыя прошлогодніе стебли желтаго камыша виднѣются. По глубокимъ балкамъ кудрявый гребенщикъ раскинулся, а дальше на низовомъ выходѣ изъ балки, словно зеркало, сверкаетъ мелководное озеро, мелкимъ живымъ серебромъ копошатся въ соленой грязи тысячи крохотныхъ куличковъ, чайки кивикаютъ въ воздухѣ, орлы въ безпредѣльной синевѣ рѣютъ и звонко, гулко, разносисто слышенъ въ чистомъ, ароматномъ, степномъ воздухѣ ихъ гортанный клёкотъ.

Тамъ несмѣтнымъ числомъ овечьи атары бродятъ, дымокъ на пригоркѣ вьется, пастухи огонь развели. Тамъ верблюжій табунъ на паству выгнали, караванъ гдѣ-то далеко-далеко идетъ, не видать вереницы верблюдовъ, только мелодичный звонъ бубенцевъ слышится; пара всадниковъ выскакала на бугоръ и опять въ лощину спряталась. Худой, поджарый волкъ за кочками прячется, къ овцамъ киргизскимъ подбирается.

Ѣдетъ Мумынъ-чабаръ «о дву-конь», посвистываетъ, ногайкой помахиваетъ, пѣсню подъ носъ мурлычитъ. А пѣсня у него какая! Что только видитъ глазъ, что только слышитъ ухо, что ни взбредетъ зря въ голову, все въ эту пѣсню безконечную, монотонную укладывается.

«Что ты это, сѣрый мой, спотыкаешься?
«А вѣдь это бродятъ верблюды казы-магометовы...
«Козонный пошта вези, давай все коменданту въ порядкѣ...
«Э... гей, юлдашъ-бай, здорово!.. Куда ѣдешь, таннаузинъ-сигейнъ?
«Стой, карноухій! Вижу, третъ тебѣ брюхо подпруга. Сейчасъ поправлю!
«Утки на болото сѣли, беркутъ сѣрый ударить на нихъ паровитъ...
«Ого... го... гой!..»

— Мумынъ-бай... Ама...а...а...нъ! доносится съ кургана, гдѣ пастухи у огня сидятъ кучкою.

— Аманъ... бала... Ама...а...анъ! зѣваетъ имъ въ отвѣтъ Мумынъ.

Куда уже солнце за полдень перевалило. Бѣгутъ ровно, покойно привычные ходоки, кони чабарскіе, поту не даютъ даже. Въ важномъ ящикѣ казенномъ что-то болтается, постукиваетъ, кунганчикъ мѣдный позваниваетъ своею крышкою. Карноухому, знать, мошки въ носъ набились, трясетъ на ходу головою горбоносою, пофыркиваетъ.

Къ вечеру чабаръ до озера соленаго «Кокъ-сай» добѣжитъ, тамъ и привалъ первый сдѣлаетъ. Такой уже у него маршрутъ заведенъ издавна, кони сами этотъ маршрутъ наизустъ заучили, хоть однихъ пусти, такъ не собьются.

Вонъ она, эта мертвая, песчаная степь впереди синѣетъ волнистою линіею своихъ сыпучихъ бархановъ, вонъ и «Кокъ-сай»—озеро блеснуло, окаймленное черными, илистыми берегами. Вонъ и могила мазаръ на курганѣ. У подножья этой могилы что череповъ бараньихъ круторогихъ валяется! Были они тутъ сложены кучею высокою, да года три тому назадъ наѣзжали сюда русскіе, ученые какіе-то, не военные, всю кучу перерыли; подъ самый мазаръ даже подкапывались. Какіе почуднѣе были черепа, что уже теперь и нѣтъ такихъ, съ собою увезли; эти вотъ раскидали зря. Вонъ она, эта могила самая...

А солнце уже низко-низко спустилось, уже зеленая живая степь, что назади осталась, дымкою синеватою затянулась. Табунчикъ сайгачій подходилъ сторожко да чутко къ озеру, водопоя ради, да назадъ въ пески шарахнулся съ перепугу. Тѣни, вишь, длинныя очень отъ коней мумыновыхъ протянулись, чуть было робкаго звѣря не догнали.

— Тпру!.. стой!.. Вотъ тутъ и передохнемъ мало-мало!

Отъ старыхъ костровъ золы много накопилось здѣсь, а на холодной, отсырѣвшей на мокромъ солонцѣ золѣ кружечки отъ кунгановъ отпечатаны. Подошва старая лежитъ, съ одного бока подгорѣлая. Ишь-ты! папиросный окурокъ валяется!.. Знать, кто изъ русскихъ былъ недавно!.. Вонъ и слѣдъ коня, на шипы кованнаго...

— Это тотъ рыжебородый, что отъ чумы скотину лечитъ и людямъ ришту перевязываетъ, это тотъ здѣсь шатался, сообразилъ Мумынъ, приглядѣвшись къ кованнымъ слѣдамъ пристально.

«А у Мумына спичка есть хорошая, огонь давать будитъ, пожалуста!..
«Мумынъ чай варить хочетъ. Яяя...кши чай и лепешка баръ, сухаря русскаго мало-мало...
«Ну, куцый, чего чухаешься!.. Погоди разсѣдлаю, тогда и валяться станешь...»

Ловко управляется чабаръ со своимъ дѣломъ, все у него кипитъ подъ руками. И коней разсѣдлываетъ, и ногою сухой пометъ въ кучку сдвигаетъ. Минуты двѣ всего прошло, а уже бивакъ слаженъ, кони, освобожденные отъ тяжести вьюковъ, по песку вываливаются, спины чешутъ, кровь разбиваютъ. Тонкая струйка синяго дыма поднялась надъ кунганомъ, красные язычки его копченое дно снизу облизываютъ, апетитно бурлитъ и всхлипываетъ что-то въ середкѣ.

Заботливо чабаръ Мумынъ оглядѣлъ добро казенное, пуще всего особенно цѣнный ящикъ, что дорогою постукивалъ.

— Ничего, слава Богу, кажись, пока все въ полной исправности.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Глава XXV.

— Ну, друзья мои, вотъ я зачѣмъ къ вамъ пріѣхала, усѣвшись въ серединѣ дивана и хлопнувъ обѣими руками по колѣнямъ, начала торжественно Авдотья Кириловна: — помнишь ты, Лёло, какъ умеръ Сергѣй Александровичъ я писала тебѣ, что Марья Петровна велѣла у тебя справиться, не оставилъ-ли ей наслѣдства дядюшка по духовному завѣщанію?

— Помню, маменька!.. Я и отвѣтила вамъ, что духовнаго завѣщанія никакого нѣтъ.

— Вотъ-съ!.. Я этотъ твой отвѣтъ сейчасъ же и послала внизъ прочесть Марьѣ Петровнѣ. А надо вамъ сказать, что мы еще передъ этимъ съ Марьей Петровной повздорили. Я, знаете-ли, какъ получила вѣсть о смерти генерала... ну, вы не можете себѣ представить, что со мной тутъ было!.. Дурно мнѣ сдѣлалось. Лежу я на диванѣ и свѣта божьяго не вижу, а Марья Петровна тутъ же подлѣ меня на креслѣ ломается, кривляется. Видите-ли, и ей жаль дядюшку. Такая комедьянка эта женщина, что уму не постижимо! Ломалась, она ломалась, кривлялась, кривлялась, да какъ вскочитъ и ну бѣгать по гостиной... Бѣгала, бѣгала, да вдругъ какъ налетитъ на меня и ну меня уговаривать... Да ни съ того, ни съ сего какъ ляпнетъ: «что мнѣ дядюшка оставилъ»? Я, знаете-ли, въ такомъ горѣ, а все-таки опомнилась, да и говорю: «какое тебѣ наслѣдство отъ генерала? Вѣдь у него жена и сынъ остались»? А она мнѣ: «вамъ съ Лёло, вѣрно, жаль? Я вамъ добро сдѣлала, а вы вотъ какъ»!.. и пошла, и пошла молоть. Я думаю себѣ; «уйду отъ грѣха». Взяла да и ушла. Ну-съ, весь годъ я, кромѣ храма божьяго, никуда ни ногой. А эта женщина развѣ вытерпитъ? металась все время, какъ угорѣлая кошка.

— Да вы, маменька, ужь оставьте Машуту въ покоѣ; разскажите только суть-то, выйдя изъ терпѣнія, перебилъ мать Николай Михайловичъ.

— Да что-жъ ты меня перебиваешь, Николай? Объ комъ же я говорю? Вѣдь объ Марьѣ Петровнѣ, такъ какъ-же ты хочешь, чтобы я ее выпустила?.. Преглупая у тебя манера мать учить.. что я полоумная, что ли?.. Слава Богу, я, кажется, нигдѣ дѣтей не осрамила... что же ты меня муштруешь, какъ дѣвченку какую нибудь!.. хоть бы Петрушеньку постыдился.

— Продолжайте, маменька, продолжайте, пожалуйста! сконфузившись немного, сказалъ Николай Михайловичъ.

— Продолжайте... безъ тебя знаю, что буду продолжать, тебя не испугаюсь, язычка не подожму. Ну, вотъ-съ, какъ прошелъ генералу годъ, да какъ написала мнѣ Лёло, что за тебя замужъ выходитъ, я, знаете ли, и не почла за надобность бѣжать внизъ рапортовать моей хозяюшкѣ объ этомъ. Что, думаю себѣ, въ самомъ дѣлѣ, за благодѣтельница такая, что мнѣ ей въ глаза забѣгать... Да и молчу... Только эта чертова баба и пронюхай, должно быть, черезъ людей. Вѣдь она преподлая, надо вамъ сказать. Вотъ-съ пронюхала. Я сижу, ни объ чемъ не думаю. Вдругъ дверь отворяется и влетаетъ ко мнѣ моя хозяюшка съ такой ядовитой улыбочкой и ну меня поздравлять... А сама то мнѣ все шпильки да шпильки подпускаетъ. Я слушала, слушала, да и лопнула: «что ты это, говорю, меня за малаго ребенка, что-ли, принимаешь?.. Что ты мнѣ обиняки-то ввертываешь?.. я все понимаю!.. не смѣй, говорю, мнѣ про родную дочь дурно говорить»! А она мнѣ: «не смѣть? А вотъ смѣю!» Да какихъ же она мнѣ тутъ низостей про васъ наговорила... что и говорить не хочется: «это все ихъ штуки, говоритъ, что я не получила ничего отъ дяди... Это они стакнулись, говоритъ; я, говоритъ, этого такъ не оставлю... я сама поѣду, говоритъ; выведу ихъ на свѣжую воду, говоритъ; отъ опекунства его отрѣшу, своего опекуна приставлю, говоритъ...

— Да по какому-же это праву, маменька, Марья Петровна можетъ отрѣшить моего мужа отъ опекунства, если я этого хочу!.. Я мать Сережи, вдругъ вся вспыхнувъ, прервала Лёло.

— Молчи, пѣтухъ! Дай слушать!.. улыбнувшись, сказалъ Петръ Петровичъ.

— А вотъ по какому праву: она говоритъ, что ей отъ матери Сергѣя Александровича пятьсотъ душъ слѣдуетъ получить, такъ она не хочетъ, чтобъ ими управлялъ теперь Петрушенька, а хочетъ поставить своего.

— Конечно, имѣніе Елизаветы Никитишны благопріобрѣтенное и она можетъ отдать его, кому хочетъ, и если она отдастъ его Марьѣ Петровнѣ, то она будетъ въ правѣ взять другого управляющаго на свои пятьсотъ душъ! пресерьёзно сказалъ Петръ Петровичъ.

— Такъ неужели-же, Петрушенька? Этакая страсть, легко-ли пятьсотъ душъ такой площадной бабѣ попадутъ?.. Вѣдь это жалости достойно! Да вѣдь Сереженька Елизаветѣ Никитишнѣ внукъ родной, неужели-же она обойдетъ его, моего голубчика?.. всплеснувъ руками, спросила Авдотья Кириловна.

— Все это будетъ зависѣть отъ воли Елизаветы Никитишны, равнодушно отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

— Да помилуй, Петя, Елизавета Никитишна Марью Петровну, кажется, и не знаетъ или забыла; по крайней-мѣрѣ, я ни разу не слыхала, чтобы она помянула ея имя, вступилась опять Лёло.

— Можетъ-быть, къ слову не пришлось, невольно улыбнувшись, сказалъ Петръ Петровичъ.

— Знаетъ, знаетъ, друзья мои... Марья Петровна изъ нашего пансіона прямо къ Столбинымъ въ домъ уѣхала и отъ нихъ и замужъ вышла... Какъ не знать, знаетъ...

— Да какъ-же утверждать, маменька, что знаетъ, когда тому, какъ Марья Петровна вышла изъ пансіона, въ субботу сто лѣтъ минетъ! Ну, и знала ее старуха да давно забыла... опять перебилъ Николай Михайловичъ мать.

— Да что-же ты это на зло, что-ли, дѣлаешь, что ты мнѣ слова выговорить не даешь... дай ты мнѣ, Христомъ Богомъ, досказать!.. что, бишь, я говорила?.. да... Вотъ пошумѣла Марья Петровна, накричала дерзостей такихъ, что мнѣ бы слѣдовало людей позвать, да изъ моей квартиры ее въ шею вытолкать, а у меня, вообразите себѣ, ни рукъ, ни ногъ, ни языка, точно соляной столбъ стою, а какъ опомнилась, сію-же минуту мебель всю на возы и вонъ съ квартиры. Съ тѣхъ поръ и нога моя у этой кляузницы не была... Какъ успокоилась я, и спрашиваю у Николая, писать-ли вамъ обо всемъ этомъ, или не писать?.. А онъ мнѣ и говоритъ: «и, маменька, что это всякія дрязги писать... Ну что она можетъ сдѣлать? Это она только пугаетъ»... И я признаюсь вамъ, и сама также подумала: пугаетъ, шальная баба... да такъ и не написала... Только вотъ-съ извѣстили вы меня, что у васъ сынъ родился... Я, знаете ли, въ такой радости, а ко мнѣ вдругъ записка. Ты не обидься, Петрушенька, и ты не огорчись, Лёло, собака лаетъ — вѣтеръ носитъ... а я эту записочку нарочно привезла и вамъ покажу.

Авдотья Кириловна порылась въ карманѣ, вынула и подала Петру Петровичу записку. — На, Петрушенька, прочти сперва тихо, а потомъ женѣ дай... Громко, я вамъ скажу, эту мерзкую записку даже читать не прилично.

Петръ Петровичъ отошелъ къ окну, прочелъ записку, улыбнулся, положилъ ее въ карманъ и спокойно сказалъ Авдотьѣ Кириловнѣ:

— Что-жъ, маменька, пусть пріѣзжаетъ Марья Петровна, милости просимъ!.. Мы съ Лёлюшкой народъ гостепріимный.

— Да вѣдь, другъ ты мой, она сюда на васъ кляузничать ѣдетъ. Ну, какъ она въ самомъ дѣлѣ просьбу подастъ?

— Пусть подастъ и просьбу, равнодушно отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

— Петя, что это за записка, покажи мнѣ? спросила Лёло.

— Нѣтъ, Лёлюшка этой записки я тебѣ не покажу.

— Я хочу!.. покажи, Петя!..

— Сказалъ, что не покажу и не покажу!.. Лёло надула губки и сѣла на свое мѣсто.

— И дѣло, Петрушенька, и не показывай!.. Что молодой женщинѣ пакости такія читать... я рада, что ты-то прочелъ... по крайней мѣрѣ, ты теперь все знаешь, а то у меня душа была не на мѣстѣ, все думалось, нагрянетъ къ нимъ эта фурія, а я ихъ еще и не предупредила.

— Разумѣется, маменька, вы это очень хорошо сдѣлали, что сами пріѣхали... Мы теперь съ вами примемъ вашу Марью Петровну и посмотримъ, какъ она меня отъ опекунства отрѣшитъ? цѣлуя руку Авдотьѣ Кириловнѣ, весело сказалъ Петръ Петровичъ.

— Посмотримъ, Петрушенька, посмотримъ!.. А провожать будемъ — такъ мы ей въ дверяхъ хвостъ хорошенько защемимъ, чтобъ не хвастала! проговорила сквозь смѣхъ предовольная Авдотья Кириловна.

— Можно, можно, мамачка, и хвостъ прищемить, потѣшая Авдотью Кириловну, поддакнулъ Петръ Петровичъ.

— А по нашему, лучше за хвостъ, да и палкой, великолѣпіе!.. громко расхохотавшись, вставилъ свое словцо Николай Михайловичъ.

Петра Петровича позвали за чѣмъ-то. Онъ ушелъ. Лёло побѣжала за нимъ въ надеждѣ выпросить у него прочесть записку.

— Что за милый этотъ Петрушенька, умница какая, а шутникъ какой, качая головой, сказала Авдотья Кириловна.

— Мой Петръ? Великолѣпіе!

— И ничего онъ не боится?

— Да не Машуты-ли вы ему прикажете бояться? Что она можетъ ему сдѣлать?

— Мало-ли, другъ ты мой, какъ можетъ нагадить злая баба? Вѣдь злая баба хуже дьявола.

— Моему Петру? да ему и дьяволъ ничего не сдѣлаетъ... онъ и ему хвостъ прищемитъ.

Долго протолковала такъ маменька съ сынкомъ, сидя вдвоемъ въ деревенскомъ домикѣ.

Лёло между тѣмъ догнала мужа и стала у него выпрашивать записку.

— Ахъ, ты матерь Ева! смерть хочется прочесть? А за любопытство изъ рая выгоняютъ... а въ аду огонь вѣчный, остановившись въ алеѣ, сказалъ женѣ Петръ Петровичъ.

— Дай, дай, Петя, если любишь?

— Да ты, матушка, кажется, и огня вѣчнаго бояться перестала? На, дуракъ, читай! Я не далъ тебѣ ее давеча, чтобы ты не покраснѣла передъ матерью.

Лёло проворно схватила записку, прочла и вспыхнула, какъ зарево.

— Эй! Кто съ ведромъ? Кто съ багромъ? сюда! пожаръ! горимъ! крикнулъ Петръ Петровичъ, взглянувъ на лицо Лёло.

— Петя! Петя! что ты? маменька услышитъ, зажимая мужу ротъ рукой, проговорила Лёло.

Петръ Петровичъ умолкъ и оба они, обнявшись, пошли по алеѣ къ большому дому.

Опять все стало по прежнему въ Дрёминѣ, съ тою разницею, что въ немъ прибавилось двое жильцовъ.

Авдотья Кириловна скоро обжилась, перестала церемониться. Мало-по-малу начала вмѣшиваться въ хозяйство, прикрикивать на людей и ворчать по прежнему на дочь. Но Петръ Петровичъ сейчасъ-же подмѣтилъ это и не далъ у себя въ домѣ розыграться въ полной силѣ милому ея характеру. Какъ только первый разъ засталъ онъ Авдотью Кириловну въ гнѣвѣ, такъ взглянулъ на нее по своему, своими черными глазами, что Авдотья Кириловна тотчасъ-же отложила попеченіе соваться въ его хозяйство, перестала ворчать на Лёло и сдѣлалась шелковая.

Николай Михайловичъ съ самаго начала повелъ себя безвредно. Много невинныхъ удовольствій нашелъ онъ съ перваго-же дня пребыванія въ Дрёминѣ. Во-первыхъ, отрылъ въ кабинетѣ покойнаго Сергѣя Александровича пистолеты Кухенрейтера, пороховницу, пули и, исчертивъ кругами старый сарай, началъ сажать въ него пулю за пулей. Дворовые деревенскіе мальчишки сбѣжались, окружили его и начали зѣвать, розиня ротъ на барина, который палитъ. Тутъ Николаю Михайловичу отъ нечего дѣлать пришла еще новая идея: онъ сейчасъ-же завербовалъ всѣхъ мальчишекъ въ солдаты, срѣзалъ имъ по хворостинѣ и началъ формировать изъ нихъ полкъ. Скоро мальчишки проглотили военную мудрость. Стали тянуть гусемъ ноги, поворачиваться на пяткахъ, дѣлать палками ружейные пріемы и маршировать учебнымъ и бѣглымъ шагомъ. По цѣлымъ часамъ, сидя на погребѣ, Николай Михайловичъ наслаждался своимъ твореніемъ, то командуя, то напѣвая какой нибудь военный маршъ. Но чаще всего пропадалъ безъ вѣсти Николай Михайловичъ въ столбинскихъ конюшняхъ, любовался лошадьми, цѣловалъ ихъ, кормилъ морковью или, приложивъ свою голову къ головѣ какой нибудь красавицы лошадки, долго, долго, разговаривалъ съ нею объ чемъ-то, а она слушала и губами тащила тихонько его за погонъ на плечѣ. Особенно Николай Михайловичъ не пропускалъ ни одного купанья лошадей. Въ какомъ-то азартѣ бѣгалъ онъ по мосту, держа на длинной веревкѣ одну изъ своихъ любимецъ, или сбѣгалъ подъ мостъ, сбрасывалъ съ себя сюртукъ на траву и, засуча рукава рубашки, начиналъ преусердно помогать кучерамъ мыть лошадей. Часто заставалъ Петръ Петровичъ Николая Михайловича въ конюшнѣ, подмѣтилъ страсть его къ лошадямъ и началъ задавать ему по братски просто бенефисы. Войдетъ этакъ, какъ будто бы нечаянно, въ конюшню, походитъ, походитъ съ Николаемъ Михайловичемъ между стойлъ да вдругъ и скажетъ:

— А какъ ты думаешь, Коля, вѣдь Гекторъ-то застоялся? Хоть бы ты потрудился, промялъ бы его. Право, Коля, сдѣлай дружбу, прокатись-ка на немъ!

— Промять? изволь, Петръ! и сейчасъ-же сѣдло на Гекторѣ, а на сѣдлѣ Николай Михайловичъ и слѣдъ простылъ, только пыль стоитъ по дорогѣ столбомъ.

А прокатиться съ Петромъ Петровичемъ по полямъ на бѣговыхъ дрожкахъ вдвоемъ, а главное самому прокатить Петра Петровича—было для Николая Михайловича высшимъ блаженствомъ.

Съ перваго-же дня Николай Михайловичъ полюбилъ мужа своей сестры, но когда при немъ Петръ Петровичъ однимъ мгновеніемъ ока усмирилъ до сихъ поръ ни чѣмъ не усмиримую Авдотью Кириловну, Николай Михайловичъ почувствовалъ къ нему мало что уваженіе, но благоговѣніе, которое день ото дня развивалось въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ, что Петру Петровичу стоило-бы только сказать: «Коля, любишь меня? кинься въ воду!» и Николай Михайловичъ тотчасъ-бы юркнулъ внизъ головой,—а это было-бы очень много, потому что Николая Михайловича вода не держала, онъ какъ въ воду, такъ, какъ ключъ, ко дну.

Всѣ въ домѣ, казалось, забыли, что Марья Петровна и на свѣтѣ живетъ, и обѣщалась посѣтить своимъ гнѣвомъ Дрёмино и его жителей. Петръ Петровичъ съ самаго разговора въ домикѣ Лёло ни разу даже и не помянулъ ея имени. Лёло прежде тревожилась за мужа, но, видя, что Петръ Петровичъ такъ покоенъ, и сама успокоилась. Одна Авдотья Кириловна хотя и не высказывалась, но въ глубинѣ души волновалась и ожидала съ наслажденіемъ минуты, когда коварный другъ ея будетъ разбитъ на голову и со срамомъ, въ ея глазахъ, пустится въ постыдное бѣгство изъ Дрёмина.

Жары стояли все еще страшныя, на синемъ небѣ начинали забѣгать барашки. Снятый ржаной хлѣбъ совершенно просохъ. Петръ Петровичъ, боясь дождей, торопилъ уборкой хлѣба и цѣлые дни пропадалъ на полѣ.

Все удушнѣй и удушнѣй становился воздухъ. Вѣтеркомъ не шелохнуло; суетливыя ласточки низко носились надъ землей; видимо было, что жары должны разрѣшиться сильной грозой.

Разъ вечеромъ все семейство собралось пить чай на балконѣ большого дома. Авдотья Кириловна усѣлась за самоваръ. Николай Михайловичъ лежалъ на диванѣ съ трубкой въ зубахъ и пускалъ колечки изъ дыму. Маленькій Сережа, сидя на дядѣ верхомъ, ловилъ каждое колечко ручонкой и заливался звонкимъ хохотомъ. Лёло съ Петромъ Петровичемъ, облокотившись на балюстраду балкона, смотрѣли на дорогу и кланялись мужикамъ, которые, возвращаясь съ работы, снявъ шапки, проходили мимо барскаго дома въ деревню. Огромный тернефъ, собака Петра Петровича, жалобно визжа, царапалъ лапой своего барина и старался пролѣзть между нимъ и Лёло.

— Что ты, Кайндъ, прячешься? Скажи: гроза будетъ? посторонившись немного, спросилъ Петръ Петровичъ у собаки.

Кайндъ тотчасъ-же вскочилъ, положилъ лапы на балюстраду между Лёло и Петромъ Петровичемъ, лизнулъ его въ щеку и залаялъ.

— Будетъ гроза, будетъ... Кайндъ лучше всѣхъ знаетъ, что будетъ... боится моя собака?.. боится?..

Тернефъ, опустивъ уши, поджалъ хвостъ и жалобно завизжалъ.

— Ахъ, Петя! Я и не видала, посмотри какія страсти? сказала Лёло, взглянувъ на небо, которое затягивалось кругомъ черно-розовыми тучами и, казалось, садилось все ниже и ниже.

— Да, славная будетъ гроза.. Давно пора освѣжить воздухъ.

— Ахъ, Матерь Божія! страсти какія! А мы-то сидимъ подъ навѣсомъ, да ничего не видимъ, вставъ тоже съ своего мѣста и глядя тоже на небо, прошептала со страхомъ Авдотья Кириловна.

— Петя, я боюсь, вели перенести все въ комнату, тутъ нельзя пить чай, проговорила Лёло, хватая Сережу и собираясь унести его въ комнаты.

— Полно, матушка, оставь Сережку, мы еще успѣемъ напиться чаю до грозы... Мамачка, наливайте-же скорѣе этому молодцу, сказалъ Петръ Петровичъ, отнявъ у Лёло сына и сажая его подлѣ бабушки на высокій стулъ.

— Хорошо тебѣ, Петрушенька, говорить скорѣй... ты, вѣрно, не боишься грозы... а вотъ мы съ Лёло, несчастныя, какъ только громъ, такъ и залѣзешь отъ страха, куда не знаешь. Вонъ у меня, ничего еще не видя, руки такъ и пляшутъ, а ты говоришь скорѣй, наливая дрожащею рукой чай и оглядываясь на тучи, проворчала Авдотья Кириловна.

— Урррррръ!.. вдругъ вскрикнулъ во все горло Николай Михайловичъ, вскакнувъ неожиданно съ дивана и дѣлая лицомъ молнію.

Авдотья Кириловна вздрогнула и плеснула изъ чайника мимо ситечка на поднось.

Николай Михайловичъ, схватившись за бока, хохоталъ до слезъ.

— Дуракъ, право, дуракъ!.. сердито сказала Авдотья Кириловна, раздавая всѣмъ чай.

Вдругъ вѣтеръ сильно рванулъ занавѣски балкона, понеслась съ дороги пыль и совершенно стемнѣло.

Авдотья Кириловна опрокинула стаканъ съ чаемъ и стремглавъ бросилась въ комнаты. Лёло, схвативъ на руки Сережу, за ней, а за ними, поджавъ хвостъ, и Кайндъ. Не успѣли онѣ вбѣжать въ залу и передать нянькѣ на руки маленькаго Сережу, какъ блеснула первая молнія и раскатился первый ударъ грома. Авдотья Кириловна забилась въ маленькую диванную, сѣла и накрылась съ головой ваточнымъ салопомъ. Лёло въ другомъ углу дивана уткнула голову въ подушки. Въ комнатѣ было почти совсѣмъ темно и только молнія по временамъ освѣщала двѣ скорченныя фигуры на диванѣ. Не смотря на предосторожность Авдотьи Кириловны, чтобы не видать молніи, она все-таки блистала ей въ глаза сквозь разрѣдѣвшуюся вату стараго салопа. Авдотья Кириловна всякій разъ зажмуривала глаза, крестилась и подъ салопомъ слышался глухой шепотъ молитвы. Лёло съ каждымъ блескомъ молніи тоже крестилась и пряталась въ подушку. Вдругъ она почувствовала, что ее кто-то тащитъ за руку, приподнялась и увидѣла Петра Петровича.

— Вотъ вы куда забились? А я васъ вездѣ искалъ.

— Ахъ, Петя, какъ страшно; кажется, гроза надъ самымъ нашимъ домомъ? схвативъ крѣпко за руку мужа, спросила Лёло.

— Не надъ самымъ домомъ, а не далеко...

— Сядь подлѣ меня, Петя, мнѣ съ тобой не такъ страшно.

— Хочешь, Лёлька, я тебя навсегда вылѣчу отъ этого страха? Ты никогда не будешь бояться грозы...

— Какъ это, Петя? Я бы и хотѣла не бояться, да не могу...

— Пойдемъ со мной на балконъ... постоимъ тамъ минутъ нѣсколько и весь страхъ твой пройдетъ... это залюбованіе, а не гроза..

— Ахъ, Петя, голубчикъ, не могу... я и тутъ боюсь; посмотри, какъ у меня сердце бьется... это нервное, этого страха переломить нельзя...

— И, Лёлька, это не нервы, а воображеніе и дурной примѣръ, показывая на укутанную съ головой Авдотью Кириловну, улыбаясь, сказалъ Петръ Петровичъ.

Сильно блеснула молнія и тотчасъ-же послѣ нея раздался ударъ грома. Лёло вырвала руку у мужа и опять юркнула въ подушку.

Авдотья Кириловна зашептала молитву.

— Вставай, вставай, Лёлька, полно дурить, ужь убить, такъ и здѣсь убьетъ... пойдемъ!..

— Что это ты пугаешь, Петрушенька? Видишь, что мы безъ души. Что это за шутки такія... надо же человѣчество имѣть...

— Да вы сидите подъ шелковымъ салопомъ, маменька, васъ молнія не тронетъ, я васъ и не зову... вотъ Лёлька пойдетъ со мной...

— Петя, голубчикъ, не могу! привставъ, опять, проговорила Лёло, глядя со страхомъ въ окно.

— Докажи, что любишь, Лелька, вставай и пойдемъ.

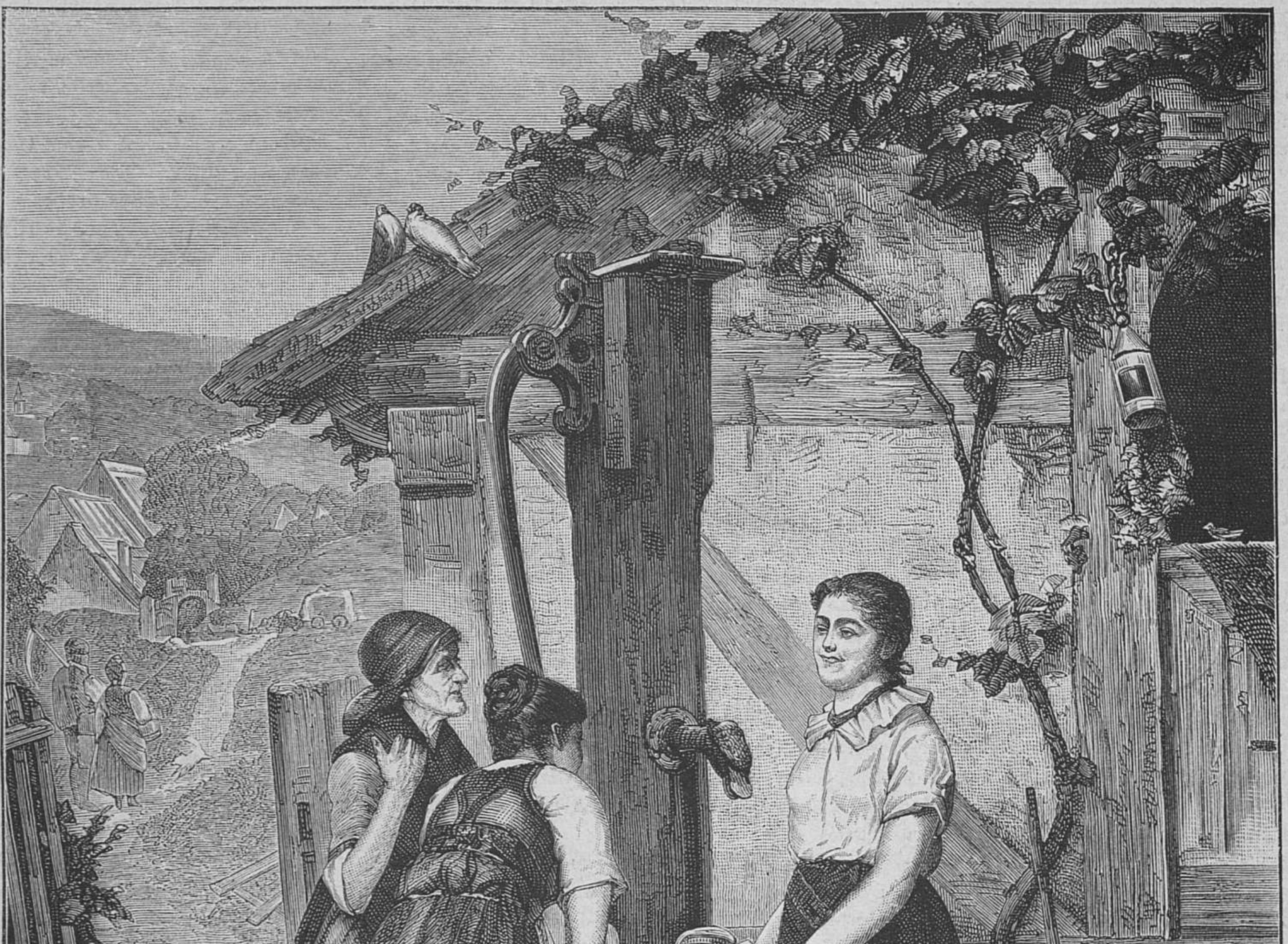
— Пойдемъ, Петя! вскочивъ съ мѣста, сказала Лёло.

— Молодецъ, Лелька! Пойдемъ скорѣй! Посмотри, какъ братъ тамъ наслаждается.

— Коля развѣ на балконѣ?

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

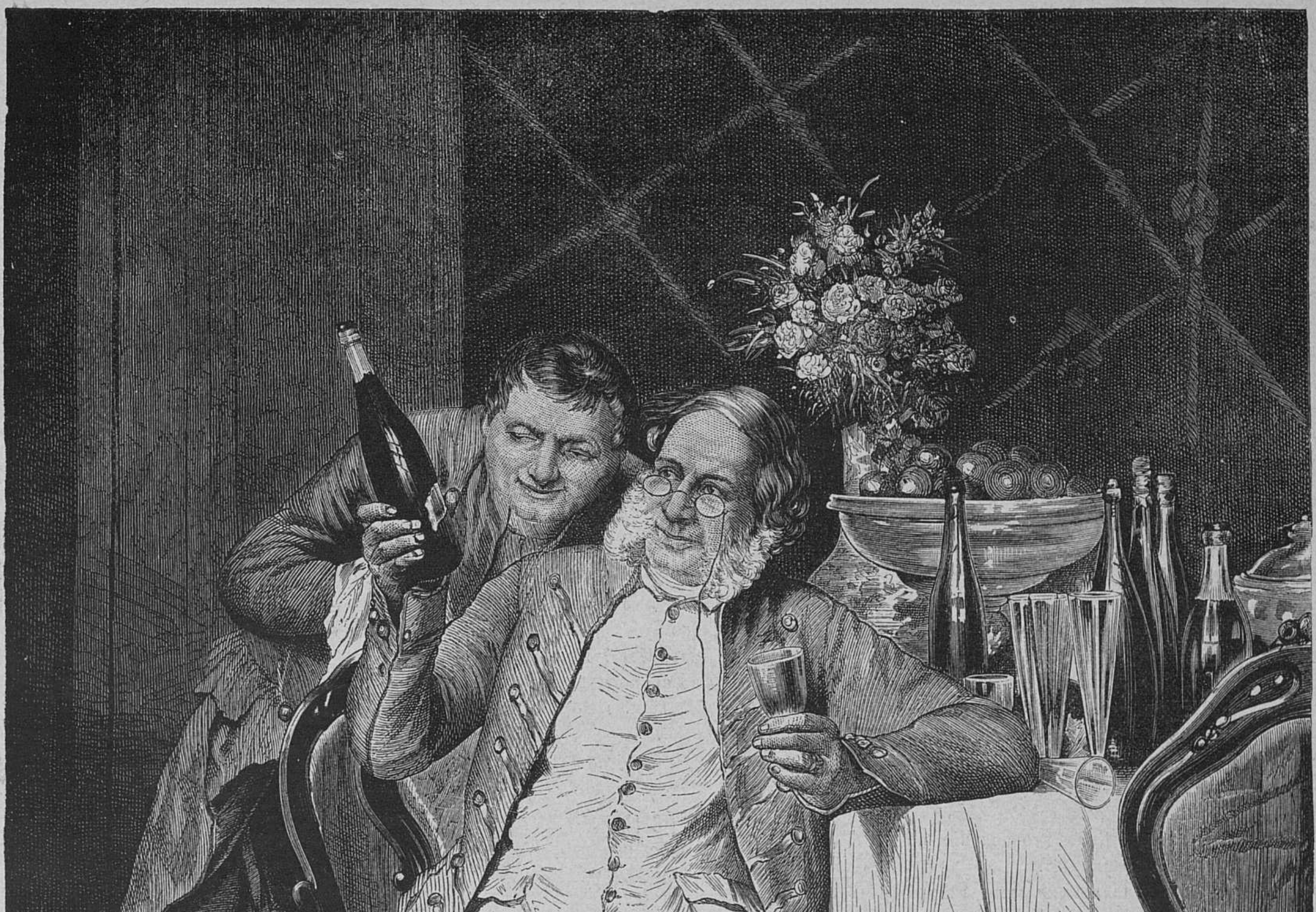
КАРТИНА ФОНЪ-ДЕРЪ-БЕКА.



Интересная тэма.
(Первая премія на лондонской выставкѣ 1879 года.)
Рѣзалъ на деревѣ Рихтеръ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Л. ПОЛЯ.



Знатокъ.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

— Поди, сама посмотри, гдѣ онъ!

Петръ Петровичъ обнялъ Лёло и они вмѣстѣ пошли изъ маленькой диванной.

— Лёло! Лёло! Куда ты ушла... Я одна боюсь! кричала подъ салопомъ Авдотья Кириловна, но за новымъ раскатомъ грома Лёло не слыхала ея голоса.

Когда они подошли къ стеклянной двери балкона, опять блеснула молнія. Лёло рванулась назадъ и потащила мужа за руку.

— Не любишь? шепнулъ ей Петръ Петровичъ.

— Люблю! твердо сказала Лёло и сама отворила дверь.

— Гдѣ-жъ Коля? Я его не вижу.

— Погоди молніи и увидимъ... Смотри на средину луга!

Молнія не заставила себя долго ждать.

Лёло сильно вздрогнула, но не забыла взглянуть на лугъ и увидѣла брата, который лежалъ на спинѣ на самой срединѣ круглаго луга передъ домомъ.

— Что́ это Коля тамъ дѣлаетъ? спросила съ удивленіемъ Лёло.

— Любуется великолѣпнымъ явленіемъ природы! отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

Лёло захохотала. Блеснула еще молнія; она быстро перекрестилась. Вдругъ начали падать крупныя капли дождя; Николай Михайловичъ вскочилъ и журавлинымъ шагомъ пустился подъ навѣсъ балкона.

— Что-жъ ты удралъ, Коля? Вѣдь и дождь великолѣпное явленіе природы, сказалъ Петръ Петровичъ.

— Это явленіе въ ротъ накапало, а я воду не жалую, скача черезъ двѣ ступеньки, отвѣчалъ Николай Михайловичъ.

— Коля, и я здѣсь! похвасталась передъ братомъ Лёло.

— Великолѣпіе!.. отряхаясь, вскрикнулъ Николай Михайловичъ.

— Тебя не удивляетъ, Коля, это явленіе не природы, а трусихи на балконѣ?..

— Мало того, что удивляетъ, я даже въ ней съ этой минуты сестры не признаю... Отъ моей матери не могла родиться такая храбрая дочь... или нѣтъ! поцѣлуй меня, ты вся въ брата—герой! Но все-таки позвольте узнать причину этого явленія?..

— Причина—любовь, Коля! восторженно проговорилъ Петръ Петровичъ, приложа къ сердцу руку.

— Любовь?.. Великолѣпіе!..

Прямой дождь полилъ, какъ изъ ведра; примѣтно начало свѣтлѣть; Николай Михайловичъ набилъ трубку, вырубилъ огня, закурилъ и сѣлъ на лѣстницу подъ навѣсомъ.

Лёло совершенно ободрилась отъ страха, подсѣла къ брату и, подобравъ платье, оставила около себя мѣсто мужу. Петръ Петровичъ тоже усѣлся.

— Ну, что, Лёлька, вылечилась отъ страха? спросилъ Петръ Петровичъ, закуривая черезъ Лёло изъ трубки брата сигару.

— Не знаю, Петя, что́ будетъ въ другой разъ, а теперь мнѣ что-то не страшно, цѣлуя мужа, отвѣтила Лёло.

— А вотъ цѣловаться не нужно... поцѣлуи притягиваютъ электричество...

— Врешь, Петька, не боюсь!—и Лёло чмокнула Петра Петровича нѣсколько разъ.

— Полно, дуракъ!.. Смотри, какой ливень... мы точно сидимъ подъ водянымъ колпакомъ. Экая прелесть! Я ничего такъ не люблю, какъ такіе дожди.

Въ самомъ дѣлѣ, вода лила сплошной массой кругомъ съ большого желѣзнаго навѣса.

— Посмотрите! посмотрите!.. Великолѣпіе!.. Молодая испанка бѣжитъ подъ вуалемъ. Браво! Браво!.. Бисъ! бисъ! закричалъ Николай Михайловичъ, хлопая въ ладоши.

Петръ Петровичъ и Лёло взглянули на дорогу и увидѣли бабу, которая, заворотивъ подолъ на голову, вся облипшая отъ дождя, на рысяхъ неслась мимо барскаго дома въ деревню.

— Ахъ, бѣдная, она простудится, позовемъ ее, Петя!

— Догони, Лёлька, она голосу изъ за дождя не услышитъ, улыбаясь, предложилъ женѣ Котиковъ.

Вслѣдъ за бабой, измоченное, запоздалое въ полѣ стадо барановъ, тѣснясь и толкаясь, тоже бѣжало въ деревню.

— Лёло! Лёло! чтожъ ты? пригласи эту мокрую невинность на балконъ!.. у нея насморкъ сдѣлается...

— Нѣтъ, Коля, это твои гости, захохотавъ, отвѣтила Лёло брату.

— Это что еще такъ скачетъ?.. Кажется, тарантасъ? спросилъ Петръ Петровичъ, глядя въ даль на дорогу.

— Тарантасъ!.. Ахъ, несчастіе! вѣрно ихъ эта страшная гроза на дорогѣ застала...

— Не пригласить-ли и тарантасъ Лёлька?

— Эй, господа, не шутите, завернетъ какая-нибудь Милитриса Кирбитьевна отъ грозы, и послѣ ее не выживешь.

— Ай!.. Ай!. заворачиваетъ! захохотавъ, сказала Лёло.

— Браво!.. браво!.. бисъ!.. бисъ!.. захлопавъ опять въ ладоши, крикнулъ Николай Михайловичъ.

Тарантасъ точно завернулъ въ липовую алею, которая вела къ надворной сторонѣ дома, гдѣ было большое крыльцо.

— Кто бы это былъ, Петя? Поди, посмотри!..

— Ахъ, Лёлька, дай посидѣть, для такихъ печальныхъ извѣстій, какъ говоритъ Макбетъ, «всегда будетъ время»...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова**.

(*Продолженіе.*)

Въ концѣ XVII столѣтія, по разсказу Щербатова, «наипросвѣщеннѣйшій мужъ въ Россіи князь Василій Васильевичъ Голицынъ (извѣстный наперстникъ царевны Софіи) гадателей призывалъ и на мѣсяцъ смотрѣлъ о познаніи судьбы своей. Въ 1689 г. по его челобитью пытанъ былъ въ земскомъ приказѣ Иванъ Бунаковъ за то, что вынималъ княжой слѣдъ. Въ томъ-же году стольникъ Безобразовъ судился за сношенія съ Шакловитымъ и за то, что на пути къ Нижнему посылалъ по городамъ и селамъ людей своихъ отыскивать ворожей и волхвовъ—верстъ за 20 и далѣе; посланные приводили къ нему разныхъ колдуновъ: въ Москвѣ—мельника Сеньку Антонова, въ Коломнѣ—волхва Ганьку, въ Касимовѣ—жонку татарку и бабу Аксютку, въ Нижнемъ—коновала Дорошку Кабанова, портного Ивашку Матвѣева и дворника Оську Охапкина, и тѣ колдуны и колдуньи ворожили на костяхъ, деньгахъ и на водѣ о здравіи царя Петра Алексѣевича и матери его Наталіи Кириловны, умышляючи злое дѣло, и о бунтѣ и побѣдѣ на бояръ. Волхвъ Дорошка «накупился у Безобразова напустить по вѣтру тоску на царя и царицу, чтобы они сдѣлались къ нему добры и поворотили бы его къ Москвѣ»; для этого, снабдивъ Дорошку запасомъ и виномъ, Безобразовъ отправилъ его къ Москвѣ съ человѣкомъ своимъ Ивашкой Щербачовымъ и велѣлъ этому послѣднему указать ему государя Петра и царицу мать его. А жена Безобразова заставляла писать царскія имена—Петръ и Наталія—на 7 старыхъ полотняныхъ лоскуткахъ и, вставивъ локутки въ восковыя свѣчи, на мѣсто фитилей, посылала тѣ свѣчи по церквамъ и приказывала, затепля, ставить ихъ передъ иконами, да смотрѣть пока онѣ догорятъ. Безобразову отрубили голову, Дорофея Кабанова и Федора Бобыля сожгли, остальныхъ, наказавъ кнутомъ нещадно, сослали въ Сибирь съ женами и дѣтьми.

Съ реформою Петра вѣдовскіе процесы начали постепенно уменьшаться, хотя и продолжались почти до настоящаго вѣка. Въ 1750 г., напр., началось дѣло о сержантѣ Тулубьевѣ, который, квартируя въ Тюмени у жены разночинца Екатерины Тверитиной, вступилъ въ блудную связь съ ея дочерью Ириною, а потомъ ее, Ирину, насильно обвѣнчалъ съ своимъ дворовымъ человѣкомъ Родіономъ Дунаевымъ, но жить съ нимъ не позволилъ. Чтобы закрѣпить любовь и вѣрность Ирины, онъ на третій день послѣ вѣнца бралъ ее съ собой въ баню и творилъ надъ нею разныя чары: взявъ 2 ломтя печенаго хлѣба, Тулубьевъ обтиралъ ими съ себя и съ своей любовницы потъ; затѣмъ хлѣбъ этотъ смѣшалъ съ воскомъ, печиною, солью и волосами, сдѣлалъ два колобка и шепталъ надъ ними невѣдомо какія слова, смотря въ волшебную книгу. Онъ-же, Тулубьевъ, срѣзывалъ съ хоромныхъ угловъ стружки, собиралъ грязь въ теплую банную воду и приготовленнымъ настоемъ поилъ Ирину; поилъ ее и виномъ, смѣшаннымъ съ порохомъ и рослымъ ладономъ; наговаривалъ еще на воскъ и сѣру, и тѣ снадобья заставлялъ ее носить, прилѣпивъ къ шейному кресту, а самъ онъ постоянно носилъ при себѣ ея волосы, надъ которыми также нашептывалъ. Подобными чарами Тулубьевъ такъ приворожилъ Ирину, что она безъ него жить не могла, и когда ему случалось уходить со двора — бѣгала за нимъ слѣдомъ, тосковала и драла на себѣ платье и волосы. Консисторія опредѣлила: лишить Тулубьева сержантскаго званія и сослать его на покаяніе въ енисейскій монастырь, а бракъ Ирины съ Дунаевымъ расторгнуть; какъ блудница, Ирина должна бы подлежать монастырскому заключенію, «но понеже она навращена къ тому по злодѣянію того Тулубьева, чародѣйствомъ его и присушкою, а не по свободной волѣ,—для такихъ резоновъ отъ посылки въ монастырь ее освободить». Около того-же времени управляющій имѣніемъ гр. Тышкевича въ Литвѣ писалъ къ нему: «яспевельможный пане! съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія сжегъ я шесть чаровницъ: 3 сознались, а остальныя нѣтъ. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третья тоже лѣтъ 50, да къ тому же 11 дней онѣ всѣ просидѣли у меня подъ чаномъ, такъ вѣрно и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рожь въ двухъ мѣстахъ заломана. Я сбираю теперь съ 10 костеловъ св. воду и буду на ней варить кисель, говорятъ, непремѣнно всѣ колдуньи прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа! Вотъ и г. Эпернети, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мужчину... этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина созналась во всемъ и съ великимъ отчаяньемъ пошла на тотъ свѣтъ». Въ 1834 г. въ Грузіи народъ сожигалъ, вѣшалъ и топилъ вѣдьмъ по поводу неурожая. Въ 1878 г. въ тихвинскомъ уѣздѣ крестьяне врачевской волости сожгли колдунью. Въ 1879 г. въ пензенской губерніи убитъ колдунъ, «испортившій крестьянскую свадьбу». Газеты первой половины 1880 г. передаютъ нѣсколько подобныхъ фактовъ. Въ г. Дмитровѣ, московской губ., въ домѣ Раковой живетъ старуха-знахарка, которая лечитъ отъ всѣхъ недуговъ, главнымъ-же образомъ отъ порчи. Порченые, являясь къ знахаркѣ, приносятъ обыкновенно водку. Водка эта выпивается врачемъ и больнымъ, а затѣмъ начинается самое леченье, состоящее изъ чувствительныхъ ударовъ вербой съ приличными случаю заклинаніями. Къ знахаркѣ обращается не одинъ только темный людъ. Къ ней посылаетъ за наговорной водой мировой посредникъ, къ ней прибѣгаетъ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, чтобы вылечиться отъ запоя *). Въ г. Николаевскѣ, самарской губерніи, 6-го февраля текущаго года отдѣленіемъ окружнаго суда разсматривалось дѣло объ убійствѣ колдуна, крестьянина Григорія Гомозкова **). Въ убійствѣ этомъ сознался крестьянинъ той же деревни Ивановки, Табунщиковъ. Убилъ онъ Гомозкова, когда тотъ лежалъ пьяный, за ворожбу и за угрозы испортить его до смерти. Свидѣтели, въ томъ числѣ 2 мѣстныхъ священника, удостовѣрили, что Гомозковъ дѣйствительно слылъ за колдуна и многихъ испортилъ. Подсудимый Табунщиковъ, 33 л., объявилъ: «да, справедливо, я убилъ его, потому что онъ былъ колдунъ, людей портилъ. Всѣхъ людей портилъ; кого захочетъ, того и испортитъ. У меня дочку трехъ лѣтъ испортилъ». Табунщиковъ утверждалъ однако, что билъ Гомозкова безъ намѣренія убить, въ пьяномъ видѣ. Свидѣтель крестьянинъ Климушинъ показалъ слѣдующее: «не хорошій былъ человѣкъ (Гомозковъ), людей портилъ, давалъ воды пить, либо что. Наговоритъ, и сейчасъ и начинаютъ родить — и мужики, и бабы». Въ поясненіе къ сказанному Климушинымъ сельскій староста Давыдовъ добавилъ, что «начнутъ рожать (съ порчи) и мужчины, а разродиться не могутъ». Начальству не говорили: боялись колдуна. Не говорили и священнику: тотъ самъ зналъ. Свидѣтель Мазалкинъ поѣлъ кусковъ хлѣба, которые Гомозковъ вынулъ изъ сумы, и черезъ 2 часа сталъ родить. Съ мѣсяцъ мучился. Вылечилъ странникъ книгами: книги читалъ. По словамъ крестьянина Копытина, убитый колдунъ ударилъ много лѣтъ тому назадъ по плечу одну женщину; она сбѣсилась, да палецъ ему укусила, — н-ну, и стало съ того полегче. Нѣсколько другихъ крестьянъ подтверждало существованіе подобнаго рода случаевъ. Интересно показаніе старика-священника, о. Разсудова. Голосъ общій, говорилъ о. Разсудовъ, что Гомозковъ былъ дурной человѣкъ, повреждалъ здороваго. Всѣ его опасались, опасался и свидѣтель. «Все какое-то опасенье къ нему чувствуешь, и въ лицѣ у него что-то такое было. Всѣ рады, что избавились отъ него». «Въ церковь онъ ходилъ, продолжалъ о. Разсудовъ, къ себѣ меня принималъ, во всякое время, все исполнялъ». Ходили къ священнику испорченныя женщины; онъ совѣтывалъ имъ молиться, давалъ святой воды, — и полегче станетъ. Колдовствомъ Гомозковъ занимался издавна: батюшка состоитъ въ приходѣ 45 лѣтъ, а Гомозковъ началъ еще до него. Колдуна часто били, о. Разсудовъ часто пріобщалъ его, не надѣясь уже на выздоровленіе, «исповѣдывалъ его, продолжалъ свидѣтель, но о дѣлахъ его этихъ съ нимъ не говорилъ». Со смертью Гомозкова не было ни одного случая порчи. Крестьянинъ Воробьевъ заявилъ, что колдуна хотѣли разъ убить, побили хорошо, да онъ опять ожилъ. — Что ему?.. «Ну, да теперь-то не оживетъ, ничего»; при этихъ словахъ Васильевъ засмѣялся, засмѣялись и другіе крестьяне. Обвиняемый послѣ рѣчи товарища прокурора сталъ на колѣни и сказалъ: «я не съ тѣмъ, чтобъ убить... въ пьянствѣ». Послѣ рѣчи предсѣдателя Табунщиковъ вновь сталъ на колѣни, на этотъ разъ молча. Присяжные вынесли оправдательный приговоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ изъ этихъ исторій играетъ роль не одно суевѣріе, а дѣйствительная отрава, причиняемая колдунами и производящая несомнѣнную нервную болѣзнь — кликушество. Болотовъ въ своихъ запискахъ (т. III, с. 706—712) разсказываетъ, какъ онъ съ докторомъ лечили одну бабу отъ порчи. Въ кишкахъ у нея чувствовался какой-то движущійся комокъ, который докторъ принялъ сначала за скопленіе глистовъ. Но никакія противоглистныя не помогали, а когда бабѣ дали сильнѣйшую дозу рвотнаго, то ее вырвало «кровавымъ кускомъ», оказавшимся при разсмотрѣніи лягушкою: кожа ея стиралась при малѣйшемъ треніи, она была слѣпа, заднія лапы ея приросли къ животу. Нѣсколько подобныхъ-же случаевъ, удостовѣренныхъ медиками и другими свидѣтелями, приводитъ извѣстный писатель и медикъ Даль. У одного еврея лягушки развелись въ животѣ отъ выпитой имъ болотной воды и были выведены посредствомъ рвотнаго. Самъ Даль наблюдалъ солдата, который «проглотилъ 2 или 3 піявки, напившись ночью изъ какой-то лужи, и эти животныя спокойно жили, вѣроятно, въ желудкѣ человѣка нѣсколько недѣль, пока ихъ не извели ложкою соли и ихъ выкинуло рвотой» (О повѣрьяхъ русскаго народа, изд. 2-е, Спб. 1880, стр. 67). Кликуша — таже вѣдьма, только доходящая періодически до помѣшательства. Въ 1670 г. жители Шуи жаловались: «Въ прошлыхъ и нынѣшнихъ годахъ пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу прев. Богородицы Смоленскія со многихъ городовъ и уѣздовъ всякихъ чиновъ люди молитися — мужскій и женскій полъ и дѣвичъ; а привозятъ съ собою всякихъ чиновъ людей, различными скорбьми (одержимыхъ)... и которые пріѣзжіе люди и шуянъ посацкихъ людей жены и дѣти одержими отъ нечистыхъ духовъ, страждущіе, въ божественную литургію и въ молебное время мечтаются всякими различными козподѣйствы и кличутъ въ порчѣ своей стороны на уѣздныхъ людей, что де ихъ портятъ тотъ и тотъ человѣкъ. И въ прошломъ году страдала отъ нечистаго духа шуянина посацкаго человѣка Ивашкова жена Маурина, Иринка Федорова, а кликала въ порчѣ своей на шуянина посацкаго человѣка, на Федьку Якимова, и по твоему великаго государя указу, по тое Ивашковы жены Маурина выкличка, тотъ Федька Якимовъ взятъ въ Суздаль и кончился злою смертью (конечно, на пыткѣ). А нынѣ та Иринка и уѣздные люди, страждущіе отъ нечистыхъ духовъ, кличутъ въ порчахъ на иныхъ шуянъ посацкихъ людей — на Ивашку Телѣгина съ товарищи». Заявленіе это сдѣлали шуяне въ съѣзжей избѣ воеводѣ для того, какъ они выразились, «чтобы намъ всѣмъ шуянамъ посацкимъ людишкамъ въ томъ не погибнуть, и въ пѣнѣ и въ опалѣ не быть; а кто тѣхъ страждущихъ, скорбныхъ людей портитъ, про то мы не вѣдаемъ». Въ 1671 г. заявилъ въ шуйской земской избѣ посацкій человѣкъ Федька Саратовцевъ: «была де у нихъ свадьба, женился братъ его Степка, и на той де свадьбѣ учинилась надъ матерью ихъ Федоркою и надъ снохою Овдотьицею скорбь — почали быть безъ ума и безъ памяти, стали кликать къ порчѣ; а отпускалъ де ту свадьбу отъ всякаго лиха Гришка Трофимовъ, сынъ Панинъ». Подобныя явленія, какъ видно изъ упомянутыхъ процесовъ послѣдняго времени, до сихъ поръ дѣло обыкновенное въ русскихъ деревняхъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Леона.

(Записки доктора Бернагіуса.)

Повѣсть **Люсіена Біара**. Переводъ **А. А. Разсказовой**.

(*Продолженіе.*)

Глава V.

Не ранѣе десяти часовъ слѣдующаго утра я могъ отправиться въ Теквилу и менѣе, чѣмъ черезъ часъ, я былъ у дома Леоны. Мнѣ сказали, что молодая наѣздница уѣхала на разсвѣтѣ и возвратится только около полудня. Предупредивъ прислугу, что я буду завтракать съ ихъ госпожей, я отправился на поиски за нею. Она хотѣла присутствовать при чисткѣ табуна лошадей, только что пригнаннаго изъ саваны. Я зналъ, куда обыкновенно загоняютъ этихъ полудикихъ животныхъ, и не нуждался въ проводникѣ.

Хотя гротъ, въ глубину котораго такъ часто проникало мое воображеніе, не лежалъ на пути, я свернулъ съ дороги, чтобы проѣхать мимо него. Болѣе высокій, чѣмъ широкій, входъ былъ на половину скрытъ вѣтвями плюща. Громадные стебли растенія, какъ змѣи, ползли по скаламъ, цѣпляясь за нихъ безчисленными усиками, и походили на гигантскихъ тысяченожекъ, грѣющихся на солнцѣ. Я устоялъ противъ желанія проникнуть въ пещеру, гдѣ, — я убѣжденъ былъ болѣе чѣмъ когда либо, — находилось кладбище воинственныхъ хихимековъ. Повернувъ лошадь, я переѣхалъ черезъ маленькую рѣчку, выходящую вполнѣ образовавшейся изъ нѣдръ горы, и направился вдоль ея извилистаго берега. Я осторожно подвигался впередъ по полю, усѣянному кучками mala mujer (злой жены), гигантской крапивы, листья которой, покрытые тонкимъ пушкомъ, вонзаютъ тысячи отравленныхъ колючекъ въ нечаянно дотронувшуюся до нихъ руку.

Я остановился, чтобы полюбоваться птицей-мухой, казавшейся, смотря по освѣщенію, золотой, голубой или рубиновой. Она порхала надъ цвѣтами дикой ванили, извилистые стебли которой цѣплялись за стволъ чернаго дерева. Опуская свой тонкій язычекъ въ цвѣточную чашечку, наполненную медомъ, маленькая птичка съ такой быстротой шевелила крылышками, что совершенно невозможно было различить ея цвѣтъ и форму и легко было принять ее за большого жука. Я прослѣдилъ за нею до самаго гнѣзда, чудесно устроеннаго изъ мягкаго пуху, расположеннаго на скрещиваніи двухъ вѣтвей и снаружи прикрытаго зеленымъ и краснымъ мохомъ. Внутри мягкаго жилища двигались двѣ розовыя точки. Я не тронулъ этого гнѣздышка и бросился за двуутробкой, схватившей на моихъ глазахъ молодого броненосца. Я хотѣлъ спасти бѣднаго грызуна отъ преждевременной смерти, — поступокъ далеко не похвальный, такъ какъ лишилъ-бы двуутробку завтрака, можетъ быть, давно жданнаго. Меня всегда приводилъ въ смущеніе этотъ законъ взаимнаго истребленія, въ силу котораго броненосецъ поѣдается двуутробкой, бѣлка змѣей, лань пумой, подёнка стрекозой. Однакожъ, я не спасъ броненосца и выѣхалъ въ обширную савану, граничащую туманными вершинами Сіеры Сонголико. Здѣсь я увидѣлъ Леону, съ увлеченіемъ галопировавшую за испуганной лошадью. Она бросила ей вслѣдъ кожанный ремень съ ловкостію, ставившею ее наравнѣ со способнѣйшими изъ ея пеоновъ, и быстрымъ поворотомъ опрокинула животное на бокъ. Два новыхъ лассо упали на голову скакуна, который не могъ уже болѣе двинуться. Леона спѣшилась, чтобы помочь очистить уши животнаго отъ паразитовъ, обыкновенно гнѣздящихся въ нихъ у дикихъ лошадей, но увидѣвъ меня, бросилась ко мнѣ на встрѣчу.

— Говорите скорѣе, закричала она.

— Я пріѣхалъ извѣстить тебя, что если ты не измѣнила своего намѣренія, ты менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ будешь доной Итуріагой Шульцъ.

— Съ вашего одобренія?

— Полнаго и безусловнаго, моя милая.

Могучая амазонка обвила меня своими руками и такъ прижала къ себѣ, что я едва не вылетѣлъ изъ сѣдла. Вскочивъ на лошадь, она предложила мнѣ въ ея компаніи повалить быка или дикую лошадь. Этотъ родъ развлеченія былъ не въ моемъ вкусѣ и не по моимъ способностямъ, и я, поблагодаривъ любезную хозяйку, предложилъ ей ѣхать завтракать. Подскакавъ къ своимъ вакеросамъ, чтобы дать имъ нужныя приказанія, она вернулась ко мнѣ и мы тихимъ шагомъ направились домой.

---

*) Одесскій Вѣстникъ № 14.

**) Русскій Курьеръ, №№ 46—47.

Понимая мучительное любопытство Леоны, я не ждалъ ея вопросовъ. Я признался ей въ моемъ предубѣжденіи противъ Шульца, и какъ онъ разсѣялъ его своей чистосердечной откровенностію. Затѣмъ разсказалъ о моемъ визитѣ къ пріору и успѣшномъ окончаніи переговоровъ. Я умолчалъ только о расчисткѣ грота. Мнѣ казалось и приличнымъ и деликатнымъ предоставить это дѣло Шульцу, зная, что Леона согласится на все, чего онъ захочетъ.

Молодая дѣвушка внимательно слушала, не спуская съ меня глазъ, не произнося ни слова.

— Какъ ты серьезна, сказалъ я,—хорошо-ли я сдѣлалъ, что такъ спѣшилъ сообщить тебѣ эти новости?

— Безъ сомнѣнія, докторъ; только мнѣ кажется, что я все это вижу во снѣ; я такъ счастлива, что не смѣю говорить изъ боязни проснуться и видѣть, какъ еще разъ исчезнутъ мои надежды. Я долго думала, что день, о которомъ вы возвѣстили, не взойдетъ никогда; уже два года какъ я люблю дона Пабло.

— Два года, плутовка! Ты вчера мнѣ разсказывала, что это случилось въ то время, когда онъ покупалъ у тебя дерево...

— Я вамъ говорила, что это онъ меня полюбилъ тогда; меня-же мысль о немъ мучила давно. Это было... но я не хочу вспоминать о прошломъ. Докторъ, въ день моей свадьбы я дамъ тысячу піастровъ бѣднымъ пріора. Потомъ я закажу въ часовню серебряное распятіе съ тѣмъ, чтобы тамъ служили обѣдню за меня каждый понедѣльникъ.

Помолчавъ немного, Леона продолжала:

— Мнѣ-бы хотѣлось и вамъ сдѣлать что-нибудь пріятное, дорогой мой другъ, но я не знаю, какъ взяться за это. Васъ нельзя вознаградить деньгами; вы презираете ихъ и это выводило изъ себя моего бѣднаго отца.

— Онъ ошибался, Леона; я очень люблю деньги, но не для нихъ самихъ, а какъ средство быть независимымъ.

— Когда такъ, сказала Леона съ смущеніемъ, —будьте добры, скажите мнѣ, сколько тысячъ піастровъ потребовалось-бы вамъ, чтобы сдѣлаться независимымъ.

— Я независимъ, милая Леона, я даже богатъ, если ты хочешь, такъ какъ того, что заработываю, мнѣ слишкомъ достаточно.

— Однакожъ, мнѣ хотѣлось бы какимъ-нибудь образомъ способствовать вашему счастію, вы такъ много сдѣлали для моего.

Я протянулъ руку своей спутницѣ, она схватила и сжала ее со слезами на глазахъ. Я тоже не ясно видѣлъ въ данную минуту. Но оправившись отъ волненія, я сказалъ:

— Такъ какъ ты желаешь сдѣлать мнѣ что-нибудь пріятное, я прошу тебя только объ одномъ: послѣдуй моему совѣту, который я даю единственно изъ участія къ тебѣ. Вмѣсто того, чтобы пріучать тебя къ домашнему хозяйству, твой отецъ, повинуясь своему духу наживы, сдѣлалъ изъ тебя смѣлаго, дѣятельнаго мальчика, привыкшаго къ полевымъ работамъ. Я не порицаю его, онъ любилъ тебя по своему и сдѣлалъ изъ тебя богатѣйшую наслѣдницу округа. Я бы не помянулъ о твоемъ воспитаніи, если бы ты выходила замужъ за твоего соотечественника, привыкшаго проводить цѣлые дни верхомъ на лошади. Но ты выходишь за европейца, и чтобы не пришлось ни тебѣ, ни ему раскаяваться въ вашемъ бракѣ, я желалъ бы, чтобы ты измѣнила нѣкоторыя изъ твоихъ привычекъ. Я тебя засталъ сегодня галопирующей по слѣдамъ дикой лошади; подобное занятіе ты должна предоставить вакеросамъ. Неприлично особѣ твоихъ лѣтъ, пола и положенія рыскать такимъ образомъ по лугамъ и лѣсамъ. Предупреждаю тебя, что европейцы любятъ видѣть своихъ женъ у домашняго очага.

— Развѣ донъ Пабло хочетъ запретить мнѣ ѣздить верхомъ?

— Нѣтъ, дитя мое. Къ тому-же въ настоящую минуту я говорю лично отъ своего имени. Я не думаю запрещать тебѣ верховую ѣзду, это значило бы требовать невозможнаго. Довольствуйся только наблюденіемъ за твоими пеонами, не прилагая рукъ къ ихъ дѣлу. До сихъ поръ твои привычки вакероса были неудобны для тебя одной, въ будущемъ онѣ могутъ не понравиться тому, имя котораго ты будешь носить. Постарайся сдѣлаться женщиной, какъ и всѣ другія, счастіе твое будетъ прочнѣе.

— Вы по порученію дона Пабло читаете мнѣ эту проповѣдь?

— Нѣтъ, клянусь честью; это моя личная забота о вашемъ счастіи.

— Но онъ раздѣляетъ ваши убѣжденія?

— Я въ этомъ увѣренъ.

Леона задумалась, потомъ сказала:

— Продолжайте, докторъ, я слушаю васъ и вѣрю вамъ, какъ отцу или духовнику. Я слишкомъ большими страданіями, сомнѣніемъ и отчаяніемъ заплатила за счастье быть женой дона Пабло и не желала бы вновь потерять его. Я готова на все, чтобы быть любимой.

— Ты любима; пойми, что слова мои относятся къ будущему, а не къ настоящему.

— Говорите, мой добрый другъ.

Мнѣ такъ многое хотѣлось сказать, что я былъ въ затрудненіи. Прежде всего я коснулся туалета Леоны и посовѣтывалъ ей пріучаться къ ежедневному употребленію длинныхъ платьевъ, косынокъ, чулокъ и башмаковъ.

— Я кажусь странной на ваши глаза, докторъ, сказала она, тряхнувъ головою,—но окружающіе меня люди, ничего не понимающіе въ модахъ, привыкли видѣть меня такою. Слѣдуя вашему совѣту, я рискую сдѣлаться смѣшной въ ихъ глазахъ.

— Нѣтъ, твое полное смысла замѣчаніе ручается, что ты не будешь разыгрывать изъ себя важную барыню, не перейдешь извѣстныя границы. Къ тому-же я не требую, чтобы перемѣна произошла въ одинъ день. Пріучайся къ этому мало-по-малу. Возьми камеристку, если желаешь, я выберу тебѣ такую, на которую ты могла-бы положиться, и ты увидишь, что не такъ трудно походить на всѣхъ другихъ, какъ ты воображаешь.

Мы доѣхали до дому. Сойдя съ лошади, Леона тотчасъ-же направилась къ образу Спасителя, передъ которымъ горѣла лампадка, опустилась на колѣни и нѣсколько разъ прочла въ слухъ Ave Maria. По окончаніи молитвы мы отправились къ столу. Пока слуги были въ комнатѣ, разговоръ вертѣлся около хозяйства. Выпивъ кофе, Леона увела меня въ тѣнь банановой аллеи, гдѣ мы оставались нѣсколько часовъ, разговаривая объ ея женихѣ. Когда я наконецъ потребовалъ лошадь, чтобы вернуться въ Оризаву, молодая дѣвушка тоже отправилась провожать меня.

Во время дороги она заставила меня еще разъ повторить всѣ мои совѣты и я увидѣлъ, какое глубокое впечатлѣніе произвели они. Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Леона объявила, что готова слѣпо повиноваться имъ. Хотя Шульцъ увѣрялъ меня, что готовится ко всему, но дикія выходки Леоны могли вызвать въ будущемъ серьезныя затрудненія между супругами и я указалъ моей ученицѣ, какъ она сама называла себя, на подводные камни, могущіе разрушить ея счастіе.

Леона, собираясь каждую минуту вернуться, проводила меня до самаго дома. Когда мы проѣзжали мимо прежняго жилища доны Альбы, она пришпорила лошадь и перекрестилась.

— Бѣдная дона Альба, сказалъ я, догоняя амазонку,—едва прошелъ годъ послѣ ея смерти и никто не вспоминаетъ о ней.

— Такъ и слѣдуетъ, отвѣчала Леона, опять осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. — Къ чему говорить о мертвыхъ? Я не люблю, когда тревожатъ мертвецовъ?

— Изъ какого суевѣрія? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Это приноситъ несчастіе.

— Ты, кажется, была въ родствѣ съ доной Альбой?

— Мы были двоюродными сестрами по матерямъ.

— Значитъ, ты ея наслѣдница?

— Нѣтъ, я отказалась отъ наслѣдства.

— Развѣ вы не были дружны?

— Я рѣдко видѣлась съ нею; она подсмѣивалась надъ моими манерами.

Мы въѣхали во дворъ моего дома. Могуила, ждавшій меня въ коридорѣ, подошелъ, чтобы подержать лошадь Леоны, думая, что она сойдетъ. Леона подняла ее на дыбы, что заставило отскочить индѣйца, столь-же удивленнаго, какъ и я, подобнымъ маневромъ. Онъ подалъ мнѣ письмо.

— Посланіе отъ твоего возлюбленнаго, сказалъ я, ломая печать. — Онъ справляется о результатахъ моего визита къ тебѣ и о томъ, что ты дѣлаешь?

— Отвѣчайте, что я его люблю, докторъ.

И, подъѣхавъ къ гранатному дереву, она сорвала вѣтку, покрытую цвѣтами.

— Для твоего господина, сказала она, подавая ее Могуилѣ.

Бросивъ піастръ къ ногамъ индѣйца и, сказавъ мнѣ поспѣшное «до свиданія», она быстро поскакала домой.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Разъ въ мѣсяцъ.

Бесѣда **И. Василевскаго (Буквы).**

Пушкинская выставка.

Выставка! Это офиціальное слово совсѣмъ не идетъ къ скромной и полуфамильной пушкинской колекціи. «Выставка» требуетъ обширныхъ и рисующихся помѣщеній, витринъ, декорацій, отдѣловъ, групъ, турникета, экспонентовъ, экспертовъ и подвижного моря мелькающихъ среди толкотни и гама посѣтителей. Ничего подобнаго вы не увидите въ двухъ небольшихъ комнатахъ, отведенныхъ памяти Пушкина въ «Обществѣ поощренія художниковъ». Ничего для глазъ, ничего бросающагося, подкрашеннаго и охорашивающагося. Нѣсколько простѣночныхъ щитовъ завѣшаны портретами, картинами, снимками; нѣсколько щитовъ отведено нотамъ; въ нѣсколькихъ ящикахъ подъ стекломъ книги, брошюры, рукописи, кореспонденціи; одинъ ящикъ отведенъ кое-какимъ вещамъ и бездѣлушкамъ; двѣ-три скульптурныя модели, большая, недавно написанная спеціально для пушкинской выставки картина Айвазовскаго,—тутъ и все или почти все. Повторяю, выставки, въ общеупотребительномъ смыслѣ слова, нѣтъ никакой. Но передъ вами восхитительная колекція живыхъ и краснорѣчивыхъ преданій, длинный рядъ вещей и предметовъ, сближающихъ зрителя съ дорогою памятью, масса деталей, какъ бы вводящихъ васъ во внутреннюю домашнюю жизнь угасшаго генія и необозримое количество тѣхъ результатовъ, которые вызваны были личностью Пушкина и его талантомъ въ чуткихъ и воспріимчивыхъ областяхъ печатнаго слова, музыки и живописи, начиная масляными красками разноимянныхъ художниковъ и кончая пестрымъ, грошовымъ лубкомъ московскаго тисненія. Съ этой стороны пушкинская колекція въ высокой степени интересна и поучительна: интересна потому, что всякій чувствуетъ себя въ ней точно дома, благодаря необыкновенной популярности пушкинской біографіи, а поучительна потому, что даетъ возможность бросить одинъ общій взглядъ на всю Пушкиніяну, какъ на огромное и единое духовное цѣлое. Я думаю, что кстати здѣсь будетъ заявить о подобающей общественной признательности, по праву принадлежащей одному изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ и знатоковъ Пушкина—В. П. Гаевскому, почти единолично осуществившему это сложное и большое дѣло, требовавшее огромныхъ письменныхъ сношеній съ сотнями лицъ, раскинутыхъ по Россіи и заграницею, не говоря уже о многодневныхъ и суетливыхъ хлопотахъ по установкѣ предметовъ, класификаціи ихъ, по составленію каталога (очень полнаго и обстоятельнаго) и проч.

Я поговорю о пушкинской колекціи, придерживаясь ея каталогической системы. Все въ ней заключающееся распредѣлено въ указателѣ на 5 слѣдующихъ групъ: I) Семейство Пушкина; лицей; портреты поэта. II) Портреты современниковъ Пушкина, его друзей и лицъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ. III) Рисунки къ сочиненіямъ Пушкина; сцены изъ его жизни; виды мѣстностей, гдѣ онъ жилъ; снимки памятника. IV) Витрины, ноты и рисунки надъ витринами. V) Скульптура и картины.

I.

Портретовъ поэта много, относящихся къ разнымъ возрастамъ его и исполненныхъ разными способами. Тутъ есть и масляныя краски, и grisaille и гравюра, и литографія, и акварель, и наброски карандашемъ, и оригиналы, и копіи. Но я не буду останавливаться на этой серіи во первыхъ потому, что она относительно не любопытна, и во вторыхъ за отсутствіемъ въ ней чего либо замѣчательнаго. Пушкинское лицо было очень характерно и самобытно. Графически оно легко воспроизводилось и вотъ почему нельзя сказать ничего опредѣленнаго и рѣшительнаго объ этой серіи. Есть болѣе схожіе портреты, есть менѣе схожіе, но трудно указать на что либо совершенное и вполнѣ вашему представленію отвѣчающее. Слѣдуетъ еще замѣтить, что портретная техника пушкинскаго времени сама по себѣ заставляла желать очень многаго. Она отличалась сухостью рисунка, тусклостью колорита и робостью кисти. За то нѣсколько портретовъ жены Пушкина постоянно привлекаютъ къ себѣ общее и продолжительное вниманіе. Извѣстно, какая капитальная роль выпала въ жизни поэта на долю жены его. Обворожительная Наталія Николаевна то свѣтила поэту зарею пурпурною, то заволакивала тучами его общественный и семейный горизонтъ. Пушкинъ любилъ безъ ума, «съ огнемъ въ очахъ. съ гитарой сладкогласной», эту кокетливую и легкомысленную женщину. Онъ отдалъ ей не просто любовь и увлеченіе; онъ отдалъ ей всѣ чары и тайны чувства возвышеннаго, до нельзя развитаго, годами вскормленнаго и, такъ сказать, подраздѣленнаго на бездну оттѣнковъ, формъ и переходовъ, заполнявшихъ собою всю душу крѣпко и экстатически пламенно любившаго человѣка. Красивая и поверхностная, избалованная и неглубокая паркетная дама отплатила ему трагическимъ финаломъ, не умѣвъ ни понять, ни оцѣнить генія, молившагося на ея красоту. Колекція заключаетъ въ себѣ 4 портрета Натальи Николаевны. Лучшимъ, мнѣ думается, слѣдуетъ признать небольшую акварель работы Гау; Пушкина изображена здѣсь въ розовомъ бальномъ платьѣ, въ гладкой и высокой прическѣ того времени. Статностью и внѣшнею гармоніею вѣетъ отъ этой женщины. Лицо красиво и симпатично: открытый высокій лобъ, большіе оживленные глаза, правильный, изящнаго рисунка носъ, мягкій овалъ, кокетливый подбородокъ и небольшой розовый ротикъ, вѣроятно, скрывавшій крошечные и частые зубки ослѣпительной бѣлизны. Въ общемъ—прелестная салонная дама со всѣми атрибутами свѣтской и обворожительной особы: съ граціею и превосходнымъ французскимъ діалектомъ, находчивостью и пикантностью, развязностью и веселонравіемъ. Такою вѣдь была жена Пушкина въ дѣйствительности. Тутъ-же портреты и Пушкинскихъ родителей: отца, завѣщавшаго сыну свой носъ и свои африканскія губы почти безъ измѣненія, и матери—барыни представительной и довольно красивой, съ двумя длинными вьющимися пукольками по сторонамъ чела. Есть старенькій и порыжѣлый видъ царскосельскаго дворца, лицея и директорскаго дома, такъ много говорившій воспоминаніямъ поэта и относящійся ко времени перваго юношескаго разсвѣта будущаго великана. Есть интересная и довольно большая масляная картина неизвѣстнаго художника, придравшагося къ суботнимъ вечернимъ собраніямъ, бывавшимъ (въ 1834 году) въ кабинетѣ у Жуковскаго въ зимнемъ дворцѣ, чтобы совокупить въ одно цѣлое весь тогдашній литературный Олимпъ въ его наиболѣе крупныхъ и блестящихъ представителяхъ. Картина съ этой стороны только и замѣчательна, ибо нѣтъ въ ней ни перспективы, ни колорита, хотя сходство лицъ и сохранено до извѣстной степени. Она изображаетъ большой и просторный кабинетъ Жуковскаго, обставленный скромно и по ученому. По стѣнамъ идутъ книжные шкапы, полки и этажерки; налѣво большой письменный столъ, нѣсколько круглыхъ столовъ для послѣобѣденной бесѣды; мягкая, низенькая мебель стариннаго фасона, нѣсколько бюстовъ здѣсь и тамъ. Писатели представлены въ различныхъ позахъ, бесѣдующими между собою групами. Слѣва Жуковскій и Плетневъ, по срединѣ у стола конфузливый, какъ-бы спутанный, Кольцовъ, у дивана сумрачный Гоголь въ одиночку, очевидно, молчитъ; на диванѣ въ непринужденныхъ позахъ князь Одоевскій, Пушкинъ и добродушно толстый Крыловъ, а на другомъ концѣ дивана—Перовскій оживленно споритъ о чемъ-то съ Віелигорскимъ, облокотившимся на каминъ; преніямъ ихъ сосредоточенно внимаютъ Вигель и Александръ Карамзинъ. Паралельно съ этою картиною можетъ стать по внутреннему интересу снимокъ съ картины проф. Гэ—«Пушкинъ и Пущинъ въ селѣ Михайловскомъ». Вы знаете ея сюжетъ, она сдѣлалась достояніемъ почти всѣхъ илюстрированныхъ изданій и заслужила свою популярность. Ближайшій другъ опальнаго поэта, Пущинъ, сидитъ на диванѣ и восторженно слушаетъ. Старуха-няня умилилась отъ волшебной музыки родного слова, воспроизводящаго въ перлъ созданія ея-же сказочныхъ героевъ, и тоже вся ушла въ слухъ, а Пушкинъ, стоя по срединѣ комнаты и держа тетрадь въ лѣвой рукѣ, декламируетъ свои чудныя видѣнія и золотыя грезы, окруженныя таинственностью сумерекъ и роскошными картинами разыгравшейся фантазіи. Есть двѣ масляныя картины и политипажъ, посвященныя дуэли Пушкина. Все это неудачно, съ претензіею на эфектъ и банальностью. Глухой лѣсъ; секунданты налѣво, выпрямленный Дантесъ, уже выстрѣлившій, стоитъ механическою мишенью; наконецъ, раненый полуупавшій поэтъ съ протянутымъ въ дрожащей рукѣ пистолетомъ. Если я упомяну еще въ этой главѣ о рисункѣ Брюлова, тушью, для «Новоселья»,—рисункѣ, служащемъ полуюмористическою виньеткою, собравшею за одинъ общій пировой столъ съ бокалами въ рукахъ Крылова, Пушкина, Хвостова, Смирдина, Греча, Булгарина; о рисункѣ, изображающемъ Пушкина въ гробу (рисунокъ Бруни), и литографіи неизвѣстнаго художника, изображающей мертваго, лежащаго на столѣ Пушкина, то и можно будетъ двинуться дальше.

II.

Второй отдѣлъ пушкинской колекціи лишь косвенно относится къ послѣдней. Онъ служитъ портретною галереею той великолѣпной «орловъ стаи», которая обусловливала своею дѣятельностью литературный блескъ пушкино-гоголевскаго періода. Извѣстно, что поэтъ находился въ болѣе или менѣе дружественныхъ и близкихъ отношеніяхъ со всѣми тогдашними знаменитостями, служа ихъ центральною звѣздою, искреннимъ любимцемъ для однихъ и столь-же искреннимъ противникомъ для другихъ. Здѣсь вы найдете нѣсколько портретовъ Мицкевича, изъ которыхъ одинъ (пастэль Орловскаго) заслуживаетъ вниманія по своему удачному исполненію; портреты Плетнева, Тургенева, Александра Ивановича, извѣстнаго декабриста, Баратынскаго, кн. Вяземскаго, Жуковскаго, Языкова, Козлова, Глинки и даже знаменитаго своими драконовскими курьезами пушкинскаго цензора Тимковскаго, о которомъ поэтъ сказалъ—

О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.

Здѣсь-же портретъ пушкинскаго пріятеля и наперстника, порывистаго и благороднаго Чаадаева, прекрасно характеризованнаго извѣстнымъ четверостишіемъ поэта—

Онъ высшей волею небесъ
Живетъ въ оковахъ службы царской;
Онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Афинахъ—
Периклесъ,
У насъ онъ—офицеръ гусарскій.

Темными, зловѣщими пятнами выдѣляются изъ этой галереи только литографическіе портреты двухъ злѣйшихъ враговъ Пушкина: литературнаго—Фаддея Булгарина и семейно-житейскаго—барона Георгія Дантеса, убійцы поэта. Портретъ перваго, надо полагать, былъ очень схожъ съ оригиналомъ. Лукавство и пронырство, дрянность и самодовольствіе точно написаны на жирномъ, слегка обвисломъ, почти геометрически кругломъ булгаринскомъ лицѣ. Оно выбрито очень тщательно; маленькіе, безпокойные, пронзительные глазки, плотоядныя губы, стриженные котлетками чиновничьи бакенбарды и общее выраженіе кажущейся кротости и добродушія. Дантесъ въ военномъ костюмѣ, въ раскинутой шинели; внизу fac simile съ росчеркомъ и завитушками; съ усами, лицо довольно правильное, но непріятное и пошловатое, типа франтоватыхъ офицеровъ.

Больше въ этой групѣ нѣтъ ничего интереснаго.

III.

Судя по массѣ предлагаемаго пушкинскою колекціею матеріала, трудно опредѣлить, кто больше и плодотворнѣе поработалъ надъ пушкинскими неисчерпаемыми мотивами и темами—художники или композиторы? И рисунковъ, и нотъ бездна. Въ одно посѣщеніе выставки немыслимо познакомиться даже съ одними только сюжетами и заглавіями, хотя-бы придерживаясь самаго поверхностнаго обозрѣнія. Изъ подъ рисунковъ не видно двухъ стѣнъ, а чешуйчатыми рядами нотъ закрыты два огромные щита, величиною въ полевую мишень каждый. Тутъ собраны въ одно цѣлое труды десятковъ лѣтъ и сотни лицъ, начиная именами первостепенныхъ мастеровъ своего дѣла и кончая скромными фирмами мало извѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ вкладчиковъ. Тутъ только можно наглядно убѣдиться, какою бездонною художественною кладезью служилъ Пушкинъ какъ для своихъ современниковъ, такъ и для послѣдующихъ поколѣній, отнюдь не боявшихся повтореній и круговращательной дѣятельности на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Представители Пушкиніяны справедливо находили, что великое не старѣется, и усердно продолжали во всѣхъ отрасляхъ литературы, живописи и музыки развитіе и раскрытіе пушкинскаго наслѣдства.

Начиная съ иллюминованныхъ красками рисунковъ, слѣдуетъ замѣтить, что болѣе всего посчастливилось, какъ и можно полагать а priori, «Руслану и Людмилѣ» «Бахчисарайскому фонтану» и «Кавказскому плѣннику». Московскія и петербургскія литографіи появляются въ концѣ двадцатыхъ годовъ и доходятъ съ незначительными промежутками времени вплоть до нынѣшняго года. Къ числу болѣе удачныхъ можно отнести сцену Брюлова «Донъ-Жуанъ на монастырскомъ дворѣ», «Съумасшествіе Маріи» (съ гравюры Трутовскаго) и двѣ сцены изъ «Евгенія Онѣгина», воспроизведенныя смѣлымъ и талантливымъ карандашемъ Микѣшина. Въ ряду оригиналовъ первое мѣсто слѣдуетъ отвести пяти большимъ картинамъ виньеточнаго жанра, исполненнымъ дилетантомъ-художникомъ г. Григорьевымъ—однимъ изъ служащихъ въ государственномъ банкѣ. Мы бѣдны дѣйствительно изящными и оригинальными виньетистами, а потому работа Григорьева выдѣляется весьма рельефно. У г. Григорьева богатая орнаментующая фантазія; отсутствіе повтореній и банальныхъ виньеточныхъ завитушекъ; прекрасное умѣніе владѣть пятнами; мягкая, скрадывающая очертанія, растушевка и акварельные тоны, подобранные нѣжно и съ большимъ вкусомъ. Даровитый любитель остановился на пиру въ гридницѣ Владиміра, на чудесной сценѣ въ гаремѣ Черномора, на возвращеніи Руслана съ Людмилою въ Кіевъ и на отправленіи жениховъ въ поиски за Людмилою. Не меньше хорошаго необходимо сказать и о декоративныхъ набросках для оперы «Русланъ и Людмила» высокодаровитаго и столь преждевременно умершаго художника-архитектора Гартмана. Роскошный и фантастичный тронъ Черномора, богато и своеобразно орнаментованная въ строго русскомъ вкусѣ кровать Людмилы и сказочный драконъ для полета Черномора съ Людмилою—все это большой цѣнности художественные перлы. Было бы непростительнымъ не упомянуть еще о прекрасномъ акварельномъ рисункѣ художника-рисовальщика А. И. Лебедева, изобразившаго Татьяну въ то время, когда—

> ...Въ сердце дума заронилась,
> Пора пришла, она влюбилась.

Типъ чистой, мечтательной и трепещущей подъ напоромъ новаго и сильнаго чувства дѣвушки удался вполнѣ. Передъ лебедевскимъ рисункомъ останавливаются очень многіе и любуются, встрѣчая въ немъ близко знакомое воображенію и соотвѣтствующее ему лицо.

Есть безконечно длинный рядъ гравюръ и илюстрацій на пушкинскія темы, — илюстрацій, появлявшихся въ свое время въ «Сѣверномъ сіяніи», «Художественномъ листкѣ», «Полярной звѣздѣ» и другихъ изданіяхъ этого рода. Не чувствуется недостатка и въ болѣе или менѣе типичныхъ образцахъ лубочнаго, простонароднаго производства, сдѣлавшаго многихъ героевъ Пушкина достояніемъ отдаленной деревни и еле грамотнаго люда. Сравнительно однако собранная весною на московской пушкинской выставкѣ колекція дешевыхъ, скитающихся по ярмаркамъ и базарамъ рисунковъ была болѣе разнообразною и любопытною. Она служила тамъ почти законченнымъ цѣлымъ, илюстрируя чуть-ли не всѣ болѣе популярныя пушкинскія сказки.

Чтобы разстаться съ рисунками, упомяну еще о видѣ запущеннаго и уединеннаго Святогорскаго монастыря, въ оградѣ котораго похороненъ Пушкинъ, и о литографіи столь извѣстнаго села Михайловскаго, изображающаго

> ...смиренный домикъ, гдѣ жилъ я съ бѣдною
> няней моей.

Села собственно не видно. Поверхность волнующаяся, слегка гористая; на первомъ планѣ небольшой помѣщичій домикъ менѣе, чѣмъ средней руки, круглый цвѣтникъ передъ неуклюжимъ бревенчатымъ крыльцомъ; направо, сзади, уголокъ небольшого сада, весело и дружески подкрадывающагося къ дому, а дальше поля, поля и поля, по которымъ бродилъ задумчивый взоръ отшельника поэта.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

ЭПИЛОГЪ.

I.

Начало конца.

Послѣ ужасныхъ сценъ, разсказанныхъ нами, обитатели маленькаго домика въ Медонѣ покинули его и, по совѣту Облэ, скрылись въ Пюто, у Маделены.

На разсвѣтѣ маркизъ де-Мейранъ отправился къ сыщику Гюрэ. Тотъ спокойно спалъ; когда его разбудили и онъ увидѣлъ передъ собой маркиза, онъ съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Вы здѣсь, г. Оливье, и въ такое время? Что случилось?

— Очень важныя событія!

— Боже мой, вы меня пугаете!

— Сегодня ночью въ Медонъ пріѣзжали г-жа де-Марби и Матье де-Тальи.

— Что вы говорите?

— Чистую правду. Г-жа де-Марби вынуждена была искать спасенія въ бѣгствѣ и гдѣ она теперь, мы не знаемъ. Матье умеръ и его тѣло лежитъ въ маленькой гостиной...

— Что произошло тамъ у васъ? спросилъ Гюрэ съ безпокойствомъ.

— Выслушайте меня и вы все узнаете, отвѣчалъ маркизъ и разсказалъ подробно все, что уже извѣстно читателямъ, съ той только разницей, что, по его предположенію, вполнѣ искреннему, Матье де-Тальи былъ убитъ на дуэли.

Гюрэ съ нетерпѣніемъ дослушалъ до конца разсказъ.

— А ваши друзья остались тамъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, они въ Пюто, у Маделены.

— Вы хорошо сдѣлали, что на первое время скрылись отъ розысковъ полиціи. Теперь надо всего опасаться, г. Оливье. Конечно, не вы убили Матье, но жаль, что вы этому не помѣшали. Возвратитесь немедленно въ Пюто и скрывайтесь тамъ какъ можно тщательнѣе. По счастью, я еще состою на службѣ. Я наведу справки обо всемъ и достану къ вечеру четыре паспорта. Вамъ необходимо уѣхать поскорѣе изъ Франціи.

— Гюрэ, я сдѣлаю все, что вы посовѣтуете, но у меня есть еще къ вамъ просьба.

— Какъ, въ эту минуту?

— Вы должны найдти мнѣ Жюля Минге.

— Право, теперь не время заниматься этимъ человѣкомъ.

— Я не могу покинуть Франціи, не отыскавъ его.

— Я не понимаю, для чего вамъ нуженъ этотъ негодяй, но я его приведу къ вамъ сегодня вечеромъ. А до тѣхъ поръ вы постарайтесь приготовиться къ отъѣзду.

Оливье вернулся въ Пюто и по дорогѣ купилъ газеты, но въ нихъ еще не было извѣстія о катастрофѣ съ Матье де-Тальи. Съ своей стороны Гюрэ отправился въ префектуру и долго тщетно ожидалъ какихъ-нибудь свѣденій объ этомъ трагическомъ событіи. Наконецъ, въ два часа лакей и кучеръ Матье де-Тальи явились и объявили, что ихъ господинъ не возвратился изъ дома въ Медонѣ, куда кучеръ отвезъ его наканунѣ, что было удивительно, особенно въ виду его отставки, напечатанной въ газетахъ. Гюрэ поручили сдѣлать дознаніе и онъ тотчасъ отправился на мѣсто.

Вечеромъ онъ явился въ назначенное время къ Маделенѣ. Только капитанъ не хотѣлъ приготовляться къ отъѣзду; онъ сдѣлалъ, что хотѣлъ, онъ отомстилъ и теперь ему было безразлично, чтобы съ нимъ не случилось.

Всѣ четверо новыхъ жильцовъ Маделены находились въ комнатѣ Элизы и были очень изумлены, увидавъ веселую улыбку на лицѣ сыщика.

— Ну, что, Гюрэ? спросилъ маркизъ.

— Вы можете спать спокойно.

— Какъ, значитъ, мы не уѣзжаемъ! воскликнулъ Облэ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Развѣ вы не читали вечернихъ газетъ? Тѣло Матье де-Тальи найдено и отвезено въ его домъ. Сегодня ночью его отправятъ на мѣсто родины, гдѣ онъ будетъ похороненъ наслѣдниками. Вчера его отставили отъ службы и онъ вернулся изъ Сен-Клу обезчещенный, съ отчаяніемъ въ душѣ. Его скандальная, преступная жизнь была вполнѣ раскрыта и всѣ вчера говорили, что лучшій для него исходъ: самоубійство.

— Что-же онъ сдѣлалъ?

— Онъ принялъ участіе въ какомъ-то финансовомъ дѣлѣ, которое на биржѣ, пожалуй, назовутъ только аферой, но въ судѣ мошенничествомъ.

— Онъ былъ способенъ на все, замѣтилъ капитанъ.

— Мнѣ поручили сдѣлать дознаніе и я вмѣстѣ съ докторомъ отправился въ Медонъ. Докторъ, зная о ходившихъ въ городѣ слухахъ, заключилъ, что Матье самъ наложилъ на себя руки. Въ карманѣ у него нашли письмо, которымъ ему назначено было любовное свиданіе въ этомъ домѣ; это письмо окончательно убѣдило доктора въ самоубійствѣ де-Тальи; по его предположенію, старый развратникъ убилъ себя самъ послѣ постыдныхъ излишествъ распутно проведенной ночи.

— Значитъ, насъ не будутъ преслѣдовать? воскликнули въ одинъ голосъ маркизъ и Облэ.

— Нѣтъ, вы всѣ можете считать себя теперь свободными. Маркизъ, возвращайтесь въ свой домъ и вы, сударыня, такъ же, а вы, капитанъ, воскресайте безъ всякой боязни.

— А она, что сталось съ нею? спросилъ капитанъ.

— Неизвѣстно, отвѣчалъ Гюрэ;—она убѣжала,—вотъ все, что мы знаемъ. Жюль Мингэ такъ же отлучился изъ дома и все заставляетъ предполагать, что они уѣхали вмѣстѣ. Путь имъ дороженька. Вы на вѣки отъ нихъ освободились.

— Благодарю васъ, Гюрэ... Но мнѣ надо знать объ этомъ человѣкѣ.

— Маркизъ, все кончено. Я подалъ сегодня въ отставку и она принята.

— Я его отыщу, сказалъ Оливье.

Элиза бросилась къ нему на шею и заплакала. Онъ поцѣловалъ ее и шопотомъ прибавилъ:

— Вы понимаете, Элиза, этотъ человѣкъ долженъ исчезнуть.

Облэ, уходившій внизъ, вернулся.

— Теперь, когда мы всѣ спокойны, пойдемте внизъ, сказалъ онъ.—Насъ ждетъ обѣдъ.

Всѣ съ удовольствіемъ приняли это предложеніе.

Маделена посадила своихъ гостей за большой столъ; въ ту минуту, когда она намѣревалась отправиться въ кухню за кушаньемъ, Облэ при всѣхъ обнялъ ее.

— Тетушка, сказалъ онъ громко, — честь имѣю просить у васъ руки вашей дочери и представляю вамъ моихъ шаферовъ: барона де-Марби и маркиза Мейрана.

Маделена едва не задохлась отъ счастья. Около минуты она не могла произнести ни слова; оправившись отъ волненія, она подбѣжала къ дверямъ и крикнула:

— Анета! Анета! Иди сюда скорѣе! Твой кузенъ беретъ тебя. Приходи скорѣе.

И, обернувшись, она крѣпко сжала въ своихъ объятіяхъ любимаго племянника.

— Ну, дѣти мои, сказала она сквозь слезы; — за эту добрую вѣсть я васъ угощу на славу.

И, махая надъ головой своей деревянной ложкой, она быстро направилась къ плитѣ.

— Живо! Подавайте скорѣе! Маршъ! кричала она.

На слѣдующее утро всѣ вернулись въ Парижъ.

Капитанъ заявилъ офиціально, что онъ живъ и тотчасъ приступилъ къ продажѣ своего дома въ Отейлѣ. Вырученной суммы не только хватило на уплату кредиторамъ, но у него осталось еще десять тысячъ франковъ и онъ могъ удобно устроиться на новой квартирѣ... Но чело его было сумрачно и брови постоянно насуплены. Его мучила мысль, что сталось съ Орели, о которой онъ ничего не зналъ.

Несчастная женщина, какъ мы уже сказали, была поднята на улицѣ агентами полиціи. У нея открылась горячка и въ бреду она разсказывала въ отрывочныхъ, неясныхъ фразахъ роковыя событія прошлой ночи. Но полицейскіе приняли ее за пьяную и повели въ депо, гдѣ она оставалась цѣлый день среди воровокъ и проститутокъ. На допросѣ передъ отправкой въ Сен-Лазаръ она отвѣчала такъ непонятно и смутно, что ея бредъ приняли за комедію и только въ Сен-Лазарѣ докторъ отправилъ ее въ лазаретъ, гдѣ она оставалась десять дней между жизнью и смертью. По прошествіи мѣсяца она оправилась и ее выпустили на свободу; но съ тѣхъ поръ она была записана въ книгу проститутокъ подъ именемъ дѣвицы Орели Буатель, такъ какъ она изъ осторожности скрыла фамилію своего мужа.

Болѣзнь однако оставила въ ней слѣды; каждое утро у нея былъ припадокъ сухого, раздирающаго грудь кашля. Выйдя изъ Сен-Лазара, она остановилась на минуту, не зная куда идти и что дѣлать. У нея не было ни крова, ни друзей. Единственный человѣкъ, который былъ ея покровителемъ, умеръ и умеръ ради нея. Она невольно заплакала.

Тутъ подошла къ ней старуха и начала ей что-то говорить вполголоса. Орели слушала ее, вылупивъ глаза и дрожа всѣмъ тѣломъ. Старуха взяла ее за руку, посадила рядомъ съ собою въ фіакръ и крикнула:

— Въ Левалуа-Перрэ.

По дорогѣ, видя, что несчастная продолжала плакать, старуха сказала въ видѣ утѣшенія:

— Вы, моя милая, не раскаетесь. Вы будете жить съ шикомъ. Я никогда не лгу.

Орели думала, что во всякомъ случаѣ у нея будетъ кровъ на эту ночь, а утромъ она рѣшитъ что дѣлать.

Но слѣдующій день увидѣлъ ея окончательное паденіе; не имѣя ни средствъ къ жизни, ни поддержки, она была вынуждена согласиться на постыдныя предложенія старухи. Послѣдняя одѣла ее съ головы до ногъ и Орели узнала даже въ одномъ изъ данныхъ ей платьевъ свое собственное, проданное Жюлемъ Минге. Все было кончено для несчастной; всякое нравственное сознаніе въ ней исчезло. Разговоры съ женщинами, заключенными въ Сен-Лазарѣ докапчивали то, что начато было ея прежней развратной жизнью.

Спустя нѣсколько недѣль, она поняла, что эта жизнь не приносила ей лично никакой денежной пользы и бросила старуху, которая на прощаніе сказала ей:

— Ты въ этомъ раскаешься.

Орели помѣстилась въ меблированной комнатѣ близъ бульваровъ и стала жить развратомъ. Лакеи въ кофейняхъ и ресторанахъ звали ее прекрасной Лили.

Такимъ образомъ несчастная спустилась по всѣмъ общественнымъ ступенямъ до послѣдней и погрязла въ грязи въ то самое время, когда ея сестра, начавъ жизнь съ низу, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, живя богато и роскошно. Одна искала счастья въ трудѣ и честной жизни, терпѣливо перенося все: горе, нищету, лишенія, а другая, напротивъ, искала только удовлетворенія своихъ животныхъ страстей. Изъ работницы она стала женой капитана и повела буржуазную жизнь, но не могла сдѣлаться честной женщиной. Благодаря тому-же разврату, она превратилась въ свѣтскую даму, но и этого ей было мало; она хотѣла развратничать, надѣвъ на себя и костюмъ общины «сестеръ Кающихся». Но тутъ счастіе отъ нея отвернулось и красавица Орели, баронеса Тенаръ де-Марби стала уличной развратницей. Чтобъ помириться съ своимъ постыднымъ ремесломъ, она прибѣгала къ пьянству и каждый вечеръ напивалась. Разгульная жизнь доканала ее и припадки кашля, повторяясь все чаще и чаще, довели ее до чахотки. Но она по прежнему оставалась очень красивой женщиной; она только немного похудѣла; но цвѣтъ лица у нея сталъ еще прозрачнѣе, щеки горѣли, губы были ярче, а глаза блестящѣе прежняго. Однимъ словомъ, она оставалась красавицей, хотя имѣла болѣзненный видъ и вся ея фигура немного опустилась.

Не смотря на все это, Орели сохранила жгучую потребность кого-нибудь любить. Почти каждый вечеръ за ней приходилъ мужчина, по наружности котораго было не трудно отгадать его ремесло. Онъ называлъ ее «моя маленькая жена», утѣшалъ ее, покровительствовалъ ей и опаивалъ. Она его любила. Большой-Шикаръ замѣнилъ Минге. Она вездѣ искала Жюля, желая потребовать отъ него свои бриліанты. Она разсказала однажды исторію о томъ, какъ обокралъ ее Жюло, своему новому любовнику и тотъ воскликнулъ:

— Хорошо, не безпокойся, если ты мнѣ его когда-нибудь укажешь, я отниму у него наши бриліанты или...

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

Внутреннее обозрѣніе.

По поводу высочайше утвержденной подъ предсѣдательствомъ графа Валуева комисіи для разсмотрѣнія законовъ о печати въ газетахъ до сихъ поръ продолжаютъ появляться статьи. Для участія въ трудахъ комисіи были приглашены и представители печати. Наканунѣ второго засѣданія комисіи разослано было приглашеніе къ нѣкоторымъ изъ редакторовъ и въ числѣ ихъ къ старѣйшему представителю газетной петербургской печати. Такъ какъ не было извѣстно, ради чего приглашаются редакторы и какую роль они будутъ играть въ комисіи, то г. Краевскій просилъ къ себѣ редакторовъ петербургскихъ газетъ и журналовъ для предварительнаго формулированія заявленій печати о ея нуждахъ и желаніяхъ. Вотъ въ какомъ видѣ предполагалось выразить желаніе печати, еслибы представители ея были бы о нихъ спрошены:

Отмѣна предварительной цензуры для печати вообще.

Отмѣна спеціальныхъ цензуръ, какъ-то: духовной, почтамтской, театральной и полицейской.

Предоставленіе свободнаго права изданія, съ точнымъ опредѣленіемъ въ законѣ условій для лицъ, неимѣющихъ сего права.

Отмѣна высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта отъ 16-го іюня 1873 года, предоставляющаго министру внутреннихъ дѣлъ право воспрещать оглашеніе или обсужденіе въ печати какого либо вопроса «государственной важности».

Въ случаѣ невозможности выполнить п. 4-й—точное опредѣленіе вопросовъ, могущихъ быть изъятыми отъ гласнаго обсужденія и установленіе такихъ изъятій чрезъ комитетъ министровъ.

Установленіе возможно краткихъ сроковъ возбужденія администраціей судебнаго преслѣдованія для дѣйствительности примѣненнаго ею предварительнаго ареста.

Точное опредѣленіе состава проступковъ, совершаемыхъ путемъ печати и вредящихъ государству, обществу или частному лицу.

Отмѣна административныхъ взысканій и замѣна ихъ приговорами судебной власти.

Точное опредѣленіе подсудности по проступкамъ.

а) полицейскимъ, предоставляемымъ сужденію мировыхъ судей или окружныхъ судовъ, по мѣрѣ положеннаго взысканія;

б) противъ частныхъ лицъ (дифамація, клевета, брань)—окружнымъ судамъ;

в) публичнаго характера—судебнымъ палатамъ и сенату.

Чтобы сдѣлать читателю яснѣе желанія представителей печати, мы должны объяснить, что у насъ существуютъ собственно двѣ печати. Льготная—безцензурная, дѣйствующая на основаніи закона 6-го апрѣля 1865 года, и другая, подчиненная предварительной цензурѣ. Въ комисію были приглашены только представители безцензурной печати и ея же желанія были выражены въ вышеприведенныхъ 9 пунктахъ.

Намъ ничего неизвѣстно о програмѣ дѣйствій комисіи и о томъ, какого рода перемѣны будутъ предположены ею въ законодательствѣ о печати. Но изъ того, что формулировалось редакторами у г. Краевскаго, слѣдуетъ заключить, что наша безцензурная печать желаетъ возможнаго расширенія своихъ правъ. Конечно, сравнительно съ тѣмъ, что существуетъ, желанія безцензурной печати можно считать очень смѣлыми; но сравнительно съ тѣмъ, чтобы могло быть—желанія эти довольно скромны. Эти болѣе широкія желанія, которыя при иныхъ условіяхъ, конечно, могли бы быть осуществимы и у насъ, были выражены г. Суворинымъ въ одномъ изъ воскресныхъ фельетоновъ «Новаго Времени» въ видѣ бесѣды съ пріятелемъ, долго пробывшимъ въ Америкѣ. Американецъ смотритъ на печать, какъ на нѣчто вовсе не выходящее изъ ряда вонъ и думаетъ, что представители печати не образуютъ собою какой либо привилегированный классъ, а что они такіе же простые граждане, какъ и всѣ остальные люди. Онъ думаетъ, что никакого особаго законодательства для печати не должно быть, а достаточно коротенькой регламентаціи объ обязанностяхъ типографій, авторовъ и издателей, вродѣ той, какая существуетъ для торговли вообще. При отмѣнѣ всякаго спеціальнаго законодательства для печати, издательство будетъ особымъ видомъ собственности и будетъ подчиняться такимъ же законамъ, какимъ подчиняется право имѣть мастерскую, домъ, землю и т. д.. Журналъ будетъ въ этомъ случаѣ не больше, какъ извѣстной фирмой, на которую распространятся общіе законы и тѣже общіе законы будутъ примѣнены къ преступленіямъ и проступкамъ журналистовъ. Всякій спеціальный характеръ преступленій и проступковъ печати долженъ быть уничтоженъ. Оскорбитъ-ли журналъ кого-нибудь—разберетъ этотъ проступокъ мировой судья; будетъ призывать газета или журналъ къ неповиновенію властямъ и къ бунту, или станетъ кощунствовать и клеветать—разсудитъ уголовный судъ. Судъ же можетъ быть или присяжнымъ, или же въ видѣ уступки можно допустить для печати судъ спеціальный.

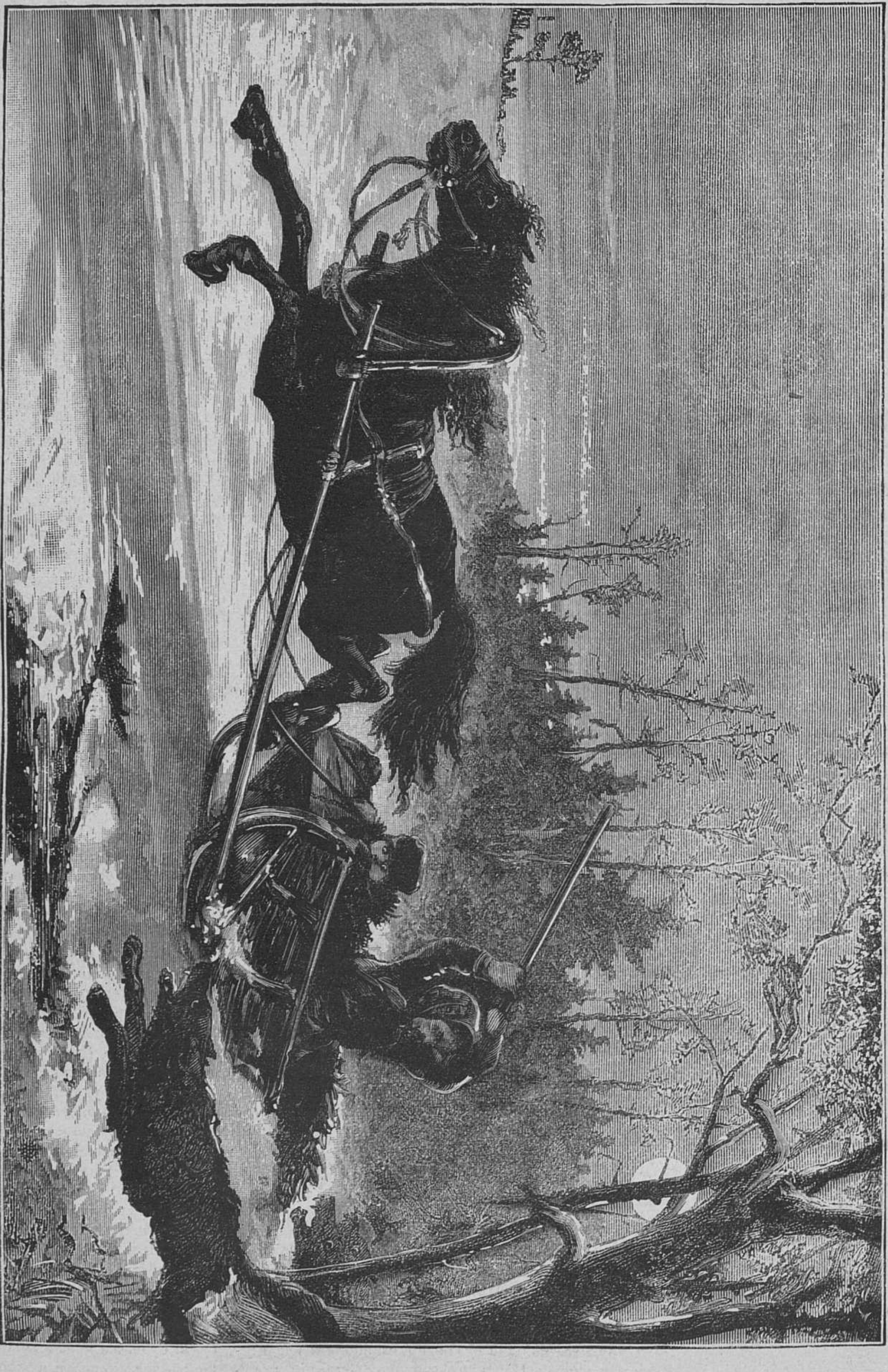
Мнѣніе это настолько просто, что противъ него возражать нечѣмъ. Всѣ законодательства о печати въ концѣ концовъ должны придти къ уничтоженію и, разумѣется, такой порядокъ когда нибудь наступитъ и у насъ. Что же касается до настоящаго времени, то онъ только потому и невозможенъ, что слишкомъ простъ. Весь вопросъ о печати, какъ онъ ставится и стоитъ въ настоящее время, настолько далекъ отъ подобнаго конца, что даже и тѣ пункты, которые обсуждались у г. Краевскаго, захватываютъ повидимому слишкомъ далеко. Въ числѣ этихъ пунктовъ самый главный выраженъ короче всѣхъ и менѣе всего замѣтенъ. Пунктъ этотъ гласитъ, что «желательна отмѣна предварительной цензуры для печати вообще». А между тѣмъ на этомъ короткомъ пунктѣ держится вся сущность вопроса. Привилегированнымъ положеніемъ пользуются у насъ очень немногіе органы петербургской и московской печати и всѣ ихъ можно перечислить по пальцамъ. Затѣмъ всѣ илюстрированныя изданія и вся провинціальная печать обязательно подчинена цензурѣ—иначе сказать, изъ всего громаднаго пространства Россіи только изданія Москвы и Петербурга, да и то съ большими исключеніями, пользуются льготными правами, а всѣ остальныя несутъ большія или меньшія неудобства подцензурности. О томъ, что цензурныя стѣсненія составляютъ главную причину неразвитія провинціальной печати, писалось и доказывалось достаточно, но, сколько извѣстно даже изъ недавнихъ фактовъ, положеніе провинціальной печати нисколько не улучшилось, а безъ большей свободы печати провинціальной, конечно, нечего ожидать и развитія въ Россіи печати вообще. Мы не знаемъ насколько слѣдуетъ вѣрить слухамъ, что высочайше утвержденная комисія предполагаетъ расширить только свободу столичной печати, а провинціальную подчинить извѣстнымъ ограниченіямъ. Если это случится, то едвали провинціальная печать выиграетъ особенно много. Прежде всего нужно знать тѣ провинціальные нравы и условія, которымъ волей-неволей должна подчиняться печать провинціальная.

Мы приведемъ два примѣра, одинъ изъ настоящаго времени, другой изъ болѣе отдаленнаго. Какъ пишетъ кореспондентъ «Новороссійскаго Телеграфа», газета «Харьковъ» достигла максиміальнаго обезцвѣченія. «Это все, что угодно, кромѣ газеты. Послѣдняя предполагаетъ хоть какую нибудь идейку, хоть какое-нибудь жиденькое міровоззрѣніе. «Харьковъ» ничего подобнаго не представляетъ. Не будь въ немъ копеечныхъ отчетовъ о представленіяхъ въ харьковскихъ театрахъ, вы бы даже не знали, почему онъ называется «Харьковомъ». При одноформенности и безцвѣтности содержанія, этотъ листокъ былъ бы одинаковымъ абсурдомъ, какъ въ Харьковѣ, такъ и на Сандвичевыхъ островахъ. Что-же вызываетъ это прозябаніе провинціальнаго слова? Одной изъ главныхъ причинъ является всеподавляющая цензура». «Нравы нашей цензуры, говоритъ тотъ же кореспондентъ:—достаточно опредѣлены исторіей, для того, чтобы о нихъ много распространяться. Тѣмъ не менѣе о харьковской цензурѣ стоитъ промолвить словечко. Прежде всего у насъ, собственно говоря, цензура вовсе не обрѣтается. Обязанности «подтягиванія» и «упраздненія» исправляетъ какой-то чиновникъ губернаторской канцеляріи, едвали получившій образованіе въ уѣздномъ училищѣ. Понятно, что этотъ господинъ, блѣднѣющій при словѣ «цивилизація», держитъ нашу и безъ того обиженную разумомъ газетку въ ежевыхъ рукавицахъ. Что будетъ дальше, одинъ Аллахъ вѣдаетъ».

Эти жалобы только повтореніе въ сотый или въ тысячный разъ того, что постоянно высказывалось въ провинціи по поводу тѣхъ стѣсненій, которыя встрѣчаетъ печать въ лицѣ цензоровъ. Харьковскій кореспондентъ обвиняетъ въ безцвѣтности газеты между прочимъ и редактора, но развѣ редакторъ съ цвѣтомъ могъ бы явиться въ провинціи, когда при всякой маломальски серьезной попыткѣ организовать хорошій органъ провинціальной печати всѣ усилія оказываются тщетными. Если бы для печати были бы разъ навсегда опредѣлены точныя правила и рамки, изъ которыхъ газеты не должны вы-

РУСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ АДАМОВА.



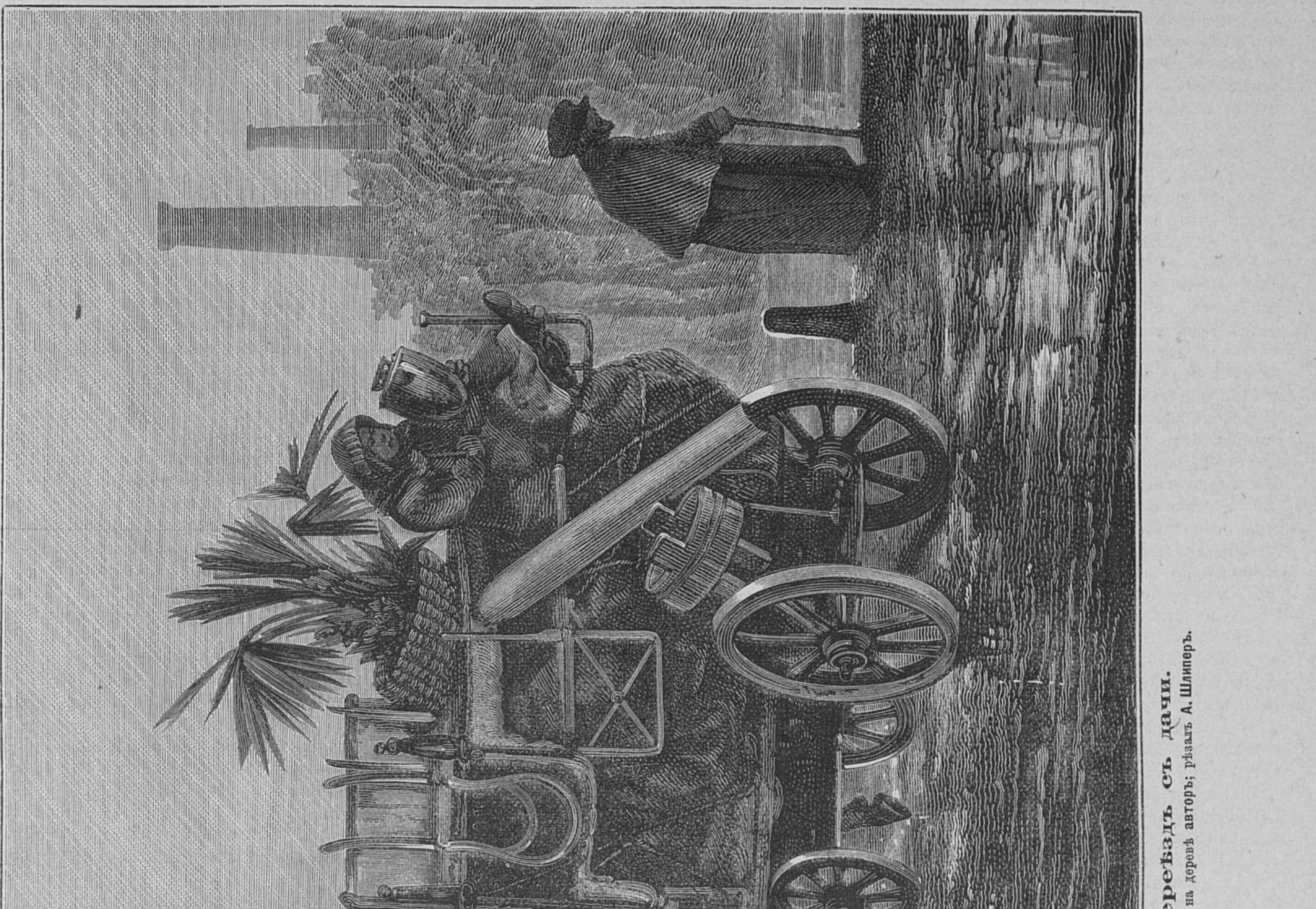
Нападеніе волковъ.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ".

ходить, то, конечно, положеніе редакторовъ и сотрудниковъ было бы очень просто. Но и редакторы и сотрудники провинціальныхъ газетъ совершенно потеряли голову, не зная о чемъ и какъ говорить. Вычеркиваются самыя невинныя фразы, недопускаются къ печати самыя скромныя статьи и даже перепечатки изъ столичныхъ газетъ. Извѣстно, какую борьбу съ цензурой пришлось вынести «Обзору», издававшемуся въ Тифлисѣ г. Николадзе. Постоянныя урѣзыванія статей и сокращенія нумеровъ на половину привели къ тому, что г. Николадзе вызвалъ на дуэль предсѣдателя цензурнаго комитета. И любопытно, что, какъ предсѣдатель цензурнаго комитета, такъ и г. Николадзе, оба весьма симпатичныя личности, всѣми уважаемыя и въ тоже время сочувственно относившіяся другъ къ другу. По поводу этой исторіи, надѣлавшей тогда большаго шума, мѣстый кореспондентъ сообщалъ, что предсѣдатель цензурнаго комитета и не думалъ относиться враждебно къ тифлисской печати, но напротивъ желалъ ей полнаго преуспѣянія и содѣйствовалъ ей по мѣрѣ своихъ силъ. О г. Николадзе было тоже извѣстно, что онъ весьма уступчивый господинъ, несклонный ни къ какому самоуправству въ какой бы то ни было формѣ. «Но такова сила вещей, сила цензурныхъ отношеній, писалъ тифлисскій кореспондентъ, что даже людей самыхъ кроткихъ и уступчивыхъ они въ состояніи довести до преступленія и самозабвенія. Стоитъ быть редакторомъ, чтобы возненавидѣть до крайности самаго мягкаго, самаго добродушнаго цензора, будь то даже родной отецъ». Въ видѣ илюстраціи мы приведемъ случай изъ нашей личной практики. Была написана нами разъ статья экономическаго содержанія, гдѣ, между прочимъ, говорилось о любской маркѣ и о поддѣлкѣ ея въ XVI столѣтіи правительствами. Казалось бы въ этой мысли не было ничего ни опаснаго, ни нескромнаго. Но мѣстный исправникъ, въ цензуру котораго шли статьи, нашелъ нецензурнымъ не только это мѣсто, но даже всю статью. На вопросъ: «что-же тутъ нецензурнаго?» онъ отвѣтилъ: «какъ-же вы говорите о поддѣлкѣ монеты. Да у насъ въ царствованіе императора Николая тоже поддѣлывалась монета». Большого труда стоило убѣдить исправника, что вся эта поддѣлка существуетъ только въ его воображеніи и говоря о любской маркѣ XVI столѣтія авторъ и не помышляетъ дѣлать какихъ либо намековъ на русское правительство. Только послѣ двухъ часовъ самыхъ убѣдительныхъ доводовъ и доказательствъ исправникъ склонился наконецъ признать статью цензурной. Трудность положенія провинціальной печати въ томъ именно и заключается, что у нея нѣтъ настоящихъ цензоровъ. Петербургское цензурное управленіе составляютъ люди литературно образованные, начитанные, достаточно богатые жизненнымъ опытомъ, знакомые съ исторіей и имѣющіе настолько разностороннія познанія, что ихъ не поставить въ затрудненіе никакая статья. Такихъ разносторонне-образованныхъ людей въ Россіи слишкомъ немного и ужь конечно человѣкъ съ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ Н. Н. КАРАЗИНА.



Переѣздъ съ дачи.

Рисовалъ на деревѣ авторъ; рѣзалъ А. Шлиперъ.

энциклопедическимъ образованіемъ не пойдетъ на слишкомъ скромную и непріятную должность провинціальнаго цензора. Поэтому понятно, что провинціальныхъ цензоровъ приходится выбирать изъ чиновниковъ губернскаго правленія, слишкомъ дисциплинированныхъ и зависимыхъ для того, чтобы отъ нихъ можно было ожидать той умственной самостоятельности, которая требуется подчасъ отъ цензора. Поэтому казалось бы, что для провинціальной печати болѣе, чѣмъ для столичной, требуется полное уничтоженіе предварительной цензуры. А между тѣмъ если есть только возможность давать вѣроятіе слухамъ, провинціальная печать и теперь получитъ значительно меньшую долю свободы, чѣмъ печать столичная.

Стѣсненное положеніе подцензурной печати было очень хорошо извѣстно высшей администраціи. Комисіи, учрежденныя въ 1862 и 1863 годахъ для соображенія новыхъ основаній для печати, явившихся затѣмъ въ видѣ закона 6 апрѣля 1865 года, признавали обѣ одинаково, что новый законъ открываетъ «для повременныхъ изданій способъ выйдти изъ докучливой, тяжкой и ежедневной мелочной опеки цензуры». Въ другомъ мѣстѣ одна изъ комисій говоритъ, что «механизмъ дѣйствій цензоровъ, дающій имъ право при всякомъ малѣйшемъ сомнѣніи останавливать обнародованіе сочиненія, не только даетъ возможность, но даже возлагаетъ на цензоровъ обязанность держать издателей въ полной постоянной зависимости и опекѣ. Кромѣ того, самое существованіе цензуры даетъ иногда предосудительный характеръ въ глазахъ правительства и общества такимъ произведеніямъ, которыхъ появленіе безъ цензуры не могло бы показаться страннымъ и достойнымъ взысканія». Такимъ образомъ оказывается, что подцензурность даже въ глазахъ правительства бросаетъ тѣнь на подцензурное изданіе.

А въ тоже время законъ относится вообще довольно мягко къ печати и постановленія его ясны и опредѣленны. Такъ, цензура должна запрещать только то, что клонится къ поколебанію ученія православной церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры. Она запрещаетъ статьи или сочиненія, стремящіяся поколебать неприкосновенность верховной власти, уваженіе къ императорскому дому и что либо противное коренным государственнымъ постановленіямъ. По цензурному уставу недозволяются сочиненія, оскорбляющія добрые нравы и благопристойность, а также оскорбляющія честь какого-нибудь лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою. Въ печать не допускаются сочиненія и статьи, излагающія ученія социализма и комунизма, или клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка, или къ водворенію анархіи. Въ этихъ статьяхъ заключается вся сущность того, о чемъ цензура не позволяетъ говорить въ печати.

Для огражденія авторовъ отъ излишней строгости цензурнаго надзора, законъ велитъ цензорамъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣренія автора и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не позволяя себѣ произвольнаго толкованія ея въ дурную сторону. Цензоръ не долженъ привязываться къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ, «однако наблюдаетъ, чтобы и въ сихъ словахъ или выраженіяхъ о предметахъ важныхъ или высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ». Цензоры не должны увлекаться никакими личными видами, пристрастіемъ или предубѣжденіемъ. Они не должны останавливаться на частныхъ неисправностяхъ, требующихъ только небольшой перемѣны, и на словахъ и на отдѣльныхъ выраженіяхъ, когда самая мысль не предосудительна и не противна правиламъ устава.

Казалось бы, что эти правила настолько льготны и выгодны для печати, что цензура не должна бы изображать изъ себя никакого бремени. Но почему же при такихъ льготныхъ цензурныхъ постановленіяхъ могутъ обнаруживаться такіе факты, которые мы привели по поводу газеты «Харьковъ» и еще тѣ болѣе печальные факты, которые разрѣшились вызовомъ на дуэль начальника кавказской цензуры г-омъ Николадзе. Причина этого объясняется отвѣтственностью цензоровъ. Вотъ что по поводу этого говоритъ «Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства по дѣламъ печати». «Относительно сочиненій съ воспрещеннымъ содержаніемъ законъ не дѣлаетъ никакого различія между подцензурною и безцензурною печатью, но случаются сочиненія и такого содержанія, которыя хотя и не воспрещены закономъ, но которыхъ тѣмъ не менѣе, какъ показываетъ цензурная практика, цензура не дозволяетъ къ печатанью». Это противорѣчіе между закономъ и практикой, какъ объясняетъ «Сборникъ», не есть вовсе противорѣчіе, такъ какъ при подобнаго рода содержаніяхъ вопросъ переходитъ въ новый—кто несетъ отвѣтственность за содержаніе? Въ безцензурной печати отвѣтственность эта упадаетъ по закону на автора, редактора, издателя, а въ подцензурной и на цензора. «На этомъ основаніи, говоритъ «Сборникъ», что печатается подъ отвѣтственностью автора, редактора, издателя, невсегда можетъ быть напечатано въ подцензурной прессѣ, гдѣ отвѣтственности этой подпадаетъ и цензоръ. Напр. редакторъ и издатель повременнаго безцензурнаго изданія печатаютъ такъ называемую обличительную статью, въ которой указываютъ на какіе-либо безпорядки и злоупотребленія и осуждаютъ ихъ или даже не осуждаютъ, но представляютъ эти безпорядки и злоупотребленія, какъ несомнѣнные факты. Само собою разумѣется, что если эти безпорядки и злоупотребленія измышлены (чего было у насъ множество случаевъ) или (что еще чаще случается) преувеличены или если вообще факты такъ искажены, что бросаютъ, безъ всякаго основанія и повода, невыгодную тѣнь на честь и доброе имя лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, отвѣтственность за все это падаетъ, по закону, на авторовъ, редакторовъ и издателей безцензурныхъ изданій, и цензурному вѣдомству нѣтъ дѣла до такихъ проступковъ авторовъ, редакторовъ и издателей, они сами отвѣчаютъ за то и другое и ихъ добрая воля печатать статьи съ подобнымъ содержаніемъ или не печатать. Цензоръ же, неимѣющій возможности, права и обязанности повѣрять такого рода содержаніе, обязанъ не разрѣшать его изъ опасенія той отвѣтственности, которой онъ подпалъ бы въ противномъ случаѣ». Отвѣтственность же цензора настолько велика, что, рискуя своей служебной судьбою, а иногда и судебной отвѣтственностью, конечно, онъ не станетъ подвергать себя никакому риску. «Сборникъ», отстаивающій интересы цензоровъ, замѣчаетъ правильно, что было бы совершенно несправедливо требовать отъ цензора, чтобы онъ изъ за личныхъ видовъ авторовъ, редакторовъ и издателей принялъ на себя отвѣтственность. Но едвали можно согласиться съ другимъ замѣчаніемъ «Сборника», что будто бы цензоръ собственною своею властью ничего не запрещаетъ, а только дозволяетъ, а запрещаетъ по его докладу полный составъ комитета. Это справедливо только въ тѣхъ смучаяхъ, когда дѣло касается цѣлой статьи. Что же касается до частныхъ вычеркиваній, до отдѣльныхъ фразъ, выраженій и мыслей, то цензоръ пользуется въ этихъ случаяхъ безапеляціонной властью. Наконецъ, замѣчаніе «Сборника» относится до столичной печати, а не провинціальной. Въ провинціи цензоръ только запрещаетъ, и такъ какъ провинціальные цензора выбираются обыкновенно изъ чиновниковъ, такъ какъ въ провинціи не существуетъ совѣщательнаго, колегіальнаго цензурнаго состава, какъ московскій и петербургскій цензурные комитеты, то ясно, что цензорская обязанность, возложенная на обыкновеннаго чиновника, къ ней неподготовленнаго и кромѣ того лично зависящаго отъ мѣстной администраціи, проявляется въ строгости, для столичной печати неизвѣстной. Только вслѣдствіе этого и могъ сложиться тотъ порядокъ отношеній, при которыхъ примѣненіе вполнѣ гуманнаго и снисходительнаго закона, даже покровительствующаго печати, оказалось на практикѣ такимъ, какимъ мы его встрѣчаемъ. Провинціальныя газеты, зависящія отъ мѣстной администраціи, обезличились не потому, чтобы законъ не хотѣлъ допустить существованія печати въ провинціи, а только потому, что провинціальный цензоръ изъ чиновниковъ трепеталъ за свою личную отвѣтственность и боялся пропустить то, что могло бы вызвать хоть малѣйшее неудовольствіе со стороны губернатора и другихъ высокопоставленныхъ провинціальныхъ лицъ. Что провинціальные цензора поступали такимъ образомъ, никто, конечно, не поставитъ имъ въ личную вину. Виноваты условія отвѣтственности, въ которой они находились, условія, о которыхъ справедливо говоритъ тифлискій корреспондентъ, что сила цензурныхъ отношеній даже людей самыхъ кроткихъ и уступчивыхъ доводитъ до состоянія невмѣнясмости и стоитъ быть редакторомъ, чтобы возненавидѣть самаго мягкаго, самаго добродушнаго цензора, будь то даже родной отецъ. И еслибы зависимость отъ цензора вполнѣ ограждала цензурныя изданія отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности, то при всей ея тягости съ нею можно было бы еще примириться. Между тѣмъ оказывается, что при такъ называемомъ вредномъ направленіи цензурнаго изданія, оно можетъ быть пріостановлено министромъ внутреннихъ дѣлъ и подцензурность не спасетъ его отъ этой кары. Такимъ образомъ, вынося постоянный гнетъ цензорскаго надзора, подцензурное изданіе ничѣмъ не гарантировано въ своемъ существованіи и можетъ быть пріостановлено точно такъ же, какъ и изданіе нецензурное, пользующееся сравнительно громадными льготами. Понятно поэтому, насколько учрежденіе комисіи для разсмотрѣнія законовъ о печати окрылило надеждами всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ процвѣтанія русскому печатному слову, и въ особенности представителей провинціальной журналистики. Московская и петербургская печать пользуются сравнительно громадными льготами и огромной свободой. Конечно, желательна имъ свобода еще большая, но еще желательнѣе, чтобы новыя постановленія о печати, которыя по всей вѣроятности будутъ результатомъ трудовъ комисіи, дали бы возможность создаться у насъ журналистикѣ провинціальной.

Къ рисункамъ.

Гречанка, картина Неймана. Очень недурной этюдъ головы. Художникъ искусно умѣлъ передать нѣкоторыя особенности греческой красоты, съ большими глазами, прекраснымъ правильнымъ носомъ и громадными роскошными волосами. Богатый греческій костюмъ дополняетъ впечатлѣніе.

Знатокъ, картина Леона Поля. На этотъ разъ знатоками хорошихъ винъ являются лакеи. Они только что приготовили столъ для ужина; наставили цвѣтовъ, вазы съ фруктами и выставили цѣлую батарею различнаго сорта бутылокъ въ перемежку съ рюмками и бокалами. Все находится еще въ безпорядкѣ; но любители уже принялись за свое дѣло. Одинъ изъ нихъ, старый, опытный лакей, сѣлъ въ кресло и, взявши въ одну руку бутылку, а въ другую рюмку, съ любовью смотритъ ее на свѣтъ, какъ бы желая угадать достоинство напитка, заключеннаго въ ней. Онъ, очевидно, хорошій знатокъ, чего нельзя сказать о другомъ, который однакожъ тоже большой любитель; онъ нагнулся къ первому и тоже жадно осматриваетъ бутылку, но уже безъ всякой тонкости въ пониманіи; онъ просто съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, когда можно будетъ роспить эту бутылку,—для него важно не столько качество, сколько количество...

Нѣтъ спасенія! картина Котченрейтера. Подъ этимъ страннымъ названіемъ нѣмецкій художникъ изобразилъ намъ превосходно задуманную сцену. Къ старику сапожнику является молодой человѣкъ, прося починить сапоги. Для большаго удобства онъ даже положилъ ногу на станокъ и, повернувшись къ старику-сапожнику, ожидаетъ, что онъ скажетъ. Но отвѣтъ мастера приводитъ его въ отчаяніе: сапогъ до такой степени истрепанъ, что его невозможно починить! Картина очень интересна по деталямъ и композиціи. Замѣчательною тонкостью отличается и гравюра, напоминающая работы на стали.

Переѣздъ съ дачи, рисунокъ Н. Н. Каразина. Сѣрый осенній день клонится къ вечеру, дождь льетъ, не переставая ни на минуту, захолустныя улицы Петербурга тонутъ въ грязи и въ водѣ, рѣдкіе пѣшеходы, кутаясь въ шинели и салопы, спѣшатъ домой. Въ эту-то пору тащится возъ съ жалкой домашнею рухлядью, —возъ переѣзжающихъ въ городъ съ дачи небогатыхъ петербуржцевъ, проведшихъ лѣто гдѣ-нибудь въ «Новой деревнѣ», на «Крестовскомъ островѣ», въ «Коломягахъ», среди тощей зелени, массы пьянаго народа, портерныхъ и трактировъ. Этотъ возъ, эта жалкая мебель, этотъ закутавшійся въ рогожу ломовикъ, эта петербургская кухарка на возу съ самоваромъ въ рукахъ, эти «тропическія растенія» на возу, все это схвачено съ натуры нашимъ даровитымъ художникомъ и вызываетъ невольную улыбку.

Интересная тема. Деревенскія сплетницы сошлись около лоханки и въ запуски обсуждаютъ интересную тему: исторію молодой дѣвушки, только что прошедшей мимо сплетницъ съ молодымъ парнемъ. Эта пара, очевидно, занимаетъ всю деревню своею любовью, можетъ быть, незаконною связью. Вотъ сюжетъ помѣщенной нами въ настоящемъ нумерѣ картины англійскаго художника, получившей премію на годичной выставкѣ. Картина дѣйствительно очень мила; пейзажъ, экспресія лицъ, правильность рисунка, все это прекрасно въ картинѣ.

Нападеніе волковъ. Покойный Адамовъ взялъ для своей картины очень обыкновенную сценку изъ деревенской жизни: крестьянка въ саняхъ, ѣдущая черезъ лѣсъ, отбивается отъ нападенія волковъ. Фигура женщины, бѣгъ крестьянской лошаденки, все это выражаетъ испугъ и переполохъ, произведенные неожиданнымъ нападеніемъ. Зимній пейзажъ простъ, но очень недуренъ.

Смѣсь.

— **Необъяснимый исходъ балотировки.** Академики: Бутлеровъ, Чебышевъ, Овсянниковъ и Кошкаровъ предложили 1-му отдѣленію Академіи Наукъ избрать своимъ дѣйствительнымъ членомъ професора Менделѣева. Г. Менделѣевъ оказался забалотированнымъ. Такой исходъ балотировки изумилъ всѣхъ. Г. Менделѣевъ, безспорно, въ настоящее время самый замѣчательный изъ русскихъ ученыхъ. По словамъ «Голоса», «Д. И. Менделѣеву, какъ двигателю науки, принадлежитъ честь открытія и установленія такъ называемаго «періодическаго закона элементовъ», который въ настоящее время признается «главною опорою и руководителемъ знаній о самыхъ существенныхъ свойствахъ простыхъ веществъ». Благодаря открытіямъ г. Менделѣева, явилось не только возможнымъ установить правильную систематику элементовъ, основанную на величинѣ атомныхъ вѣсовъ, причемъ систематика эта сдѣлалась основою современнаго ученія о химическомъ сродствѣ, но и открывать новые, неизвѣстные еще элементы, изъ которыхъ нѣкоторые и были предсказаны нашимъ ученымъ».

А вотъ отзывы о нашемъ ученомъ иностранныхъ авторитетовъ: «Г. Менделѣевъ, говоритъ французскій ученый Готье,—ученый съ обширными воззрѣніями. Физикъ, химикъ и хорошій математикъ, онъ, стремясь групировать многочисленные факты новѣйшей химіи, пришелъ къ тому замѣчательному выводу, что при помощи этихъ фактовъ можно не только предвидѣть существованіе значительнаго числа элементовъ, еще неизвѣстныхъ, но можно даже описать заранѣе ихъ главныя химическія и физическія свойства и сдѣлать предположеніе о томъ, при какихъ условіяхъ и какими методами они будутъ открыты».

«Предсказаніе свойствъ элементовъ, еще неизвѣстныхъ, говоритъ Лотаръ Мейеръ, оцѣнивая научное значеніе трудовъ Д. И. Менделѣева:—представляетъ одну изъ самыхъ заманчивыхъ, но за то и труднѣйшихъ задачъ химіи,—оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ вычисленіемъ еще неоткрытыхъ планетъ, вызывающемъ общее изумленіе и неученаго міра».

«Если бы мемуаръ Менделѣева, замѣчаетъ англійскій ученый Корнели,—былъ болѣе читанъ и если бы методы, имъ предлагаемые, подвергались болѣе широкому примѣненію, было бы избѣгнуто много безплодныхъ изслѣдованій и много важныхъ проблемъ было бы разрѣшено скорѣе, чѣмъ это вообще случилось теперь».

Высокое значеніе г. Менделѣева, какъ ученаго, признано Вюрцомъ, Кенвилемъ, Кругсомъ, Нильсономъ и мн. другими. Вообще въ ряду европейскихъ и американскихъ ученыхъ г. Менделѣевъ занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ.

— **Портретъ М. Г. Савиной** (премія газеты «Суфлеръ»). Мы получили исполненный въ Парижѣ, у Лемерсье, портретъ извѣстной артистки петербургскаго драматическаго театра, М. Г. Савиной. Исполненіе этого портрета замѣчательно хорошо. Онъ воспроизведенъ съ фотографическаго портрета г-жи Савиной, снятаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ и потому въ настоящее время не отличается поразительнымъ сходствомъ. При этомъ нельзя не сказать о добросовѣстномъ веденіи своего дѣла газетою «Суфлеръ». Кромѣ интересно составляемой газеты, выходящей 2 раза въ недѣлю, редакція разослала своимъ подписчикамъ нѣсколько премій, изъ которыхъ портретъ г-жи Савиной—самая замѣчательная. Портретъ напечатанъ на превосходной бумагѣ большого формата.

— **Новая драма гг. Островскаго и Соловьева.** Вѣроятно, въ Москвѣ была очень дурная погода въ день бенефиса г. Садовскаго, когда шла въ первый разъ драма гг. Островскаго и Соловьева «Свѣтитъ, но не грѣетъ». Если не предполагать заранѣе принятаго рѣшенія провалить пьесу во чтобы то стало, кромѣ болѣзненнаго дѣйствія ужасной погоды на нервы и мозги публики, актеровъ и рецензентовъ, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить страннаго, чтобы не сказать болѣе, отношенія ихъ къ пьесѣ, написанной талантливо и сценично. По словамъ московскихъ рецензентовъ, драма гг. Островскаго и Соловьева прошла до того плохо и скучно, что публика ранѣе окончанія спектакля толпами оставляла театръ; что она въ патетическихъ мѣстахъ смѣялась и, въ довершеніе всего, шикала и свистала. Посмотрѣвъ пьесу на петербургской сценѣ, гдѣ она имѣла вполнѣ заслуженный большой успѣхъ, нельзя не придти къ заключенію, что въ Москвѣ она была розыграна отвратительно. Правда, въ ея исполненіи не участвовали любимцы публики: г-жа Федотова и гг. Самаринъ и Ленскій; не участвовала молодая симпатичная артистка г-жа Ильинская; но пьеса даетъ такъ много матеріала для игры, что и участвовавшіе въ ней, вовсе не бездарные артисты могли сыграть ее вполнѣ прилично и не уронить пьесы. Повторяю, вѣрно погода была ужь слишкомъ плоха, если талантливую пьесу могла провалить лучшая драматическая труппа въ Россіи.

Въ Петербургѣ драма Островскаго и Соловьева, шедшая въ бенефисъ г. Бурдина, имѣла значительный успѣхъ и, надо думать, долго продержится въ репертуарѣ. Написана она живо, литературно; выведенныя въ ней дѣйствующія лица не шаблонныя изображенія, а взятыя изъ живой дѣйствительности современные типы. Пьеса смотрится легко и увлекаетъ зрителя. Есть, конечно, въ ней и недостатки. 4-е дѣйствіе слѣдовало бы окончить той сценой, когда Оля бѣжитъ топиться; а то разсужденія, вовсе не идущія къ дѣлу, деревенскаго кулака Дерюгина, расхолаживаютъ впечатлѣніе, производимое прекрасно написанной сценой горя обманутой дѣвушки. Окончаніе 5-го акта слишкомъ ходульно; это всенародное покаяніе, на колѣняхъ, съ возгласами: «мать сыра земля» пахнетъ мелодрамой. Авторы сдѣлали бы очень хорошо, еслибъ уничтожили совсѣмъ заключительную сцену 4-го акта и нѣсколько передѣлали послѣднюю сцену пьесы.

Содержаніе драмы чрезвычайно просто и жизненно. Богатая старуха, княгиня, имѣетъ при себѣ компаньонку Реневу, красивую дѣвушку, которая въ ея домѣ пользуется полной свободой и ведетъ праздную, разсѣянную свѣтскую жизнь. Барышня одѣвается какъ кукла, по послѣдней модѣ; за ней мужчины ухаживаютъ очень настоятельно, преимущественно, въ разсчетѣ, что княгиня оставитъ ей хорошее состояніе. Барышня кокетничаетъ на пропалую и срываетъ легкіе цвѣты удовольствія. Но княгиня умираетъ, не оставляя ничего своей компаньонкѣ; ухаживатели быстро исчезаютъ. Коварство мужчинъ, впрочемъ, мало трогаетъ свѣтскую барышню; она знаетъ, что она еще настолько хороша собой, что можетъ продать себя весьма выгодно; но она также убѣждена и въ томъ, что выгодная продажа возможна только при хорошей обстановкѣ, а для такой обстановки у нея нѣтъ денегъ въ наличности. Припоминаетъ она, что гдѣ-то, въ глуши, есть у нея имѣніе и что, слѣдовательно, можно превратить это имѣніе въ наличныя деньги. И вотъ она пріѣзжаетъ въ эту глушь. Она обращается къ бывшему своему старостѣ, а теперь деревенскому кулаку, Дерюгину, за совѣтомъ, какъ бы устроить продажу имѣнія. Плутоватый кулакъ объясняетъ ей, что за имѣніе можно взять тысячъ 15 (оно стоитъ вдвое) и что покупщикъ имѣется въ лицѣ отставного статскаго генерала Худобаева, желающаго чистымъ воздухомъ излечить насиженный имъ на службѣ геморой и одолѣвающіе его ревматизмы. Покупщикъ оказывается человѣкомъ нерѣшительнымъ, ему надо прежде, чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе, подумать и долго подумать. А барышнѣ хочется поскорѣе заполучить денежки и укатить въ Парижъ. Что-же дѣлать? Не проводить-же время съ своими старыми слугами, до того старыми, что имъ трудно даже сдержать въ рукахъ подносъ съ чайными чашками. Скука, смертная скука! И барышня рѣшаетъ поразвлечься игрою въ любовь. Въ сосѣдствѣ живетъ помѣщикъ Залѣшинъ, съ которымъ у нея когда-то былъ легкій романъ. Но Залѣшинъ, женившійся на купеческой дочкѣ, далѣе соленья, варенья, поросятъ и жирной ѣды, отъ жизни ничего болѣе не требующей, и самъ опускается до того, что тоже примиряется съ этими нехитрыми жизненными удобствами; онъ обрюзгъ, пополнѣлъ, забылъ о какихъ бы то ни было идеалахъ, тѣмъ болѣе объ идеальничаньи въ любви. Слѣдовательно, онъ не годится для игры въ любовь, о чемъ и заявляетъ обольстительной кокеткѣ и предлагаетъ ей заняться молодымъ Рабачевымъ, тоже ея сосѣдомъ, который, хотя самъ пашетъ и вообще занимается мужицкой работой, но за неимѣніемъ лучшаго, кавалеръ подходящій: молодъ, здоровъ, краснощекъ и, пожалуй, не глупъ. Барышня хватается за Рабачева, какъ за якорь спасенія. Еще не познакомившись съ молодымъ человѣкомъ, она въ первый-же день пріѣзда подсмотрѣла сцену свиданія его съ любимой дѣвушкой въ ея саду и въ досадѣ воскликнула: «Почему это не со мной! О, какъ бы я желала разбить ихъ счастье!» Эти слова прекрасно характеризуютъ эту пустую свѣтскую дѣвицу.

Залѣшинъ, однакожъ, не смотря на отрицаніе идеальничанья въ любви, при встрѣчѣ съ ловкою кокеткою, почувствовалъ, что у него что-то перевернулось въ груди, по-просту влюбился въ очаровательницу, и съ горя запилъ. Рабачевъ—черноземная сила, человѣкъ работящій, простой, конечно, тоже не могъ устоять противъ чаръ опытной кокетки. Рабачевъ уже любитъ и пользуется взаимностію. Предметъ его любви Оля Васильковна, дочь бывшаго управляющаго Реневой, дѣвушка простая, хорошая, на любовь она смотритъ серьезно, она отдается ей честно, безхитростно; полюбила она Рабачева и отдалась ему вся, безраздѣльно. Оля—поэтическое созданіе, дѣвушка сильно впечатлительная; въ любви къ Габачеву вся ея жизнь. Очевидно, измѣнитъ онъ ей и жизнь ея совершенно разбита; для нея останется одинъ выходъ—самоубійство. Такъ и случилось: сирена Ренева увлекла Рабачева; Оля подслушала ихъ разговоръ; она слышала, какъ ея женихъ страстно изъяснялся въ любви къ другой женщинѣ. Послѣдовало объясненіе ея съ любимымъ человѣкомъ; приласкай онъ ее, скажи ей, что онъ не переставалъ ее любить и Оля повѣрила бы. Но Рабачевъ настолько честенъ, что лгать не можетъ. Онъ говоритъ ей пошлыя фразы о томъ, что, можетъ быть, она будетъ счастлива съ другимъ и даже не прощается съ нею, когда она оставляетъ его. Могло ли перенести такое поруганіе надъ ея святой любовью бѣдное поэтическое созданіе. Оля не вынесла, она бросилась въ рѣку и утонула.

Между тѣмъ Худобаевъ раздумывалъ и раздумье привело его къ тому, что ему слѣдуетъ жениться на очаровательной Реневой. Глупо, цвѣтисто онъ дѣлаетъ ей предложеніе. Ренева, съ нетерпѣніемъ выслушивавшая его рѣчь, потому что торопилась уѣхать, опасаясь любви Рабачева, принявшаго въ серьезъ ея кокетливыя заигрыванія,—Ренева отказываетъ статскому генералу и продаетъ свое имѣніе Дерюгину, который пользуясь случаемъ, выторговываетъ еще тысячку рублей. Дерюгинъ отправляется домой за деньгами, но вскорѣ возвращается, потерянный, съ извѣстіемъ о самоубійствѣ Оли. За нимъ вбѣгаетъ Рабачевъ, упрекаетъ Реневу, а она хладнокровно говоритъ ему: «Я шутила, вы же, вѣроятно, плохо любили вашу невѣсту, если для другой женщины было достаточно двухъ дней, чтобы заставить васъ забыть о вашей первой любви». Рабачевъ во всемъ обвиняетъ себя и также оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ.

Драма была разыграна хорошо; всѣ участвующіе исполнили свои роли со смысломъ; видно, что они поработали надъ ролями и получился ансамбль, столь рѣдкій на сценѣ александринскаго театра. Лучше всѣхъ играла г-жа Савина; ея исполненіе было вполнѣ художественное; она создала такой поэтическій образъ простой любящей дѣвушки, который надолго останется въ памяти зрителя; это лучшая изъ всѣхъ сыгранныхъ г-жею Савиной въ нынѣшнемъ году ролей и едва-ли не лучшая во всемъ ея репертуарѣ. Вполнѣ вѣрный типъ воспроизвелъ своей игрой и г. Сазоновъ, который, къ сожалѣнію, въ послѣднее время „рѣдко давалъ" право хвалить его игру. Г. Давыдовъ создалъ еще новый на нашей сценѣ типъ деревенскаго кулака изъ породы Разуваевыхъ. Г. Нильскій игралъ хорошо, но гримировался слишкомъ старымъ; это слѣдуетъ поставить въ вину г. Нильскому, который вообще отличается умѣньемъ гримироваться. Г-жа Абаринова провела свою роль не дурно; однакожъ исполненіе ея нельзя назвать выдающимся. Всѣ остальные, не исключая самого бенефиціанта, не портили общаго хорошаго впечатлѣнія.

— **Не забудь меня.** Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во всѣхъ иностранныхъ газетахъ разсказывали, какъ одинъ бѣдный мальчикъ, уроженецъ Савойи, съ привязанностью собаки всюду слѣдовалъ за знаменитой пѣвицей Паулиной Лукка; онъ ходилъ за нею изъ города въ городъ. Ему, наконецъ, удалось обратить на себя ея вниманіе; Паулина Лукка подозвала его къ себѣ. Но на всѣ ея разспросы мальчикъ отвѣчалъ одной только просьбою, чтобъ она что-нибудь ему спѣла, ему одному. Исполнивъ его просьбу, Паулина хотѣла отдать ему и свой кошелекъ, но маленькій савояръ съ гордостью отклонилъ отъ себя дорогой подарокъ. Тронутая этимъ поступкомъ Лукка подарила ему на память букетъ незабудокъ, который она тогда держала въ рукахъ. Съ тѣхъ поръ Паулина болѣе не видала своего юнаго поклонника (его звали Паоло Маттеи). Теперь на страницахъ итальянскихъ журналовъ появилось другое сообщеніе, которое служитъ какъ-бы продолженіемъ первому разсказу. На-дняхъ въ одной миланской больницѣ умеръ отъ злѣйшей чахотки одинъ очень молодой человѣкъ. Онъ занимался въ консерваторіи и его способности обратили на него всеобщее вниманіе; его учитель и товарищи единогласно утверждали, что у него изъ ряду выходящій талантъ. Передъ самою смертью онъ сочинилъ пѣсню «Non ti scodar di me» (не забудь меня); этотъ листокъ нашли въ его окоченѣлыхъ пальцахъ. Рядомъ на постели лежала фотографическая карточка Паулины Лукка, на оборотѣ которой была написана карандашемъ просьба передать пѣсню знаменитой пѣвицѣ. Тутъ-же стояла подпись: Paolo Mattei, compositore, а внизу латинскими буквами было написано нѣмецкое слово Vergiss mein nicht. Просьба умирающаго была исполнена въ точности и теперь въ будуарѣ Лукка виситъ надъ письменнымъ столомъ въ роскошной рамкѣ подъ стекломъ и самый оригиналъ пѣсни.

Одна изъ музыкальныхъ фирмъ, говорятъ, собирается издать эту пѣсню съ портретомъ Лукка.

— **Мужественный мальчикъ.** Финская газета «Savo» разсказываетъ, что въ началѣ этого мѣсяца въ лѣсистыхъ окрестностяхъ Хейнявеси появился медвѣдь, угрожавшій пасшемуся вблизи скоту и полакомившійся въ одну изъ своихъ прогулокъ теленкомъ. Раздосадованный этою потерею 14-ти лѣтній сынъ землевладѣльца, которому принадлежалъ заѣденный медвѣдемъ теленокъ, выпросилъ у сосѣдняго крестьянина старое кремневое ружье, немного свинцу, пороху и, собравшись въ походъ на медвѣдя, пригласилъ къ участію въ задуманной экспедиціи малолѣтняго сына этого самаго крестьянина; когда-же приглашенный мальчикъ благоразумно отказался отъ предложенной ему чести, смѣлый охотникъ на слѣдующее утро одинъ отправился къ мѣсту, гдѣ медвѣдь заѣлъ теленка и тамъ, взобравшись на высокую ель, покойно сталъ поджидать косолапаго непріятеля. Вскорѣ медвѣдь появился и прямо направился къ дереву; но оттуда раздался мѣткій ружейный выстрѣлъ, убившій медвѣдя наповалъ. Для большей вѣрности, осторожный мальчикъ выстрѣлилъ въ свою жертву еще разъ, а потомъ соскочилъ съ ели и бывшимъ у него топоромъ нанесъ убитому медвѣдю нѣсколько ударовъ въ голову.

— **Китайское повѣрье.** Во многихъ городахъ и селеніяхъ на видномъ мѣстѣ, на столбѣ, на крышѣ или на стѣнѣ, красуется надпись, состоящая изъ пяти китайскихъ буквъ. Большею частью надпись эта фигурируетъ у входа въ улицу, въ алею, и всегда состоитъ изъ однихъ слѣдующихъ словъ: «Тай Чамъ Чихъ Канъ Тангъ», что значитъ—мѣсто это равно крѣпкой горѣ. По китайскимъ вѣрованіямъ, надъ каждымъ мѣстомъ или жилищемъ носятся злые геніи. Но эти враждебныя силы до того глупы, до того непроницательны, что малѣйшее препятствіе, малѣйшая угроза заставляютъ ихъ удаляться отъ мѣста, которому они желаютъ и могли бы нанести вредъ. Приведенная здѣсь надпись имѣетъ въ виду удалить злыхъ духовъ, которые, какъ предполагаютъ китайцы, не могутъ не повѣрить, что мѣсто это, имѣющее крѣпость горы, недоступно ихъ пагубному вліянію.

— **Срѣзалась на купаньѣ.** Забавный случай вышелъ въ этотъ сезонъ въ Гамбургѣ въ дамской купальнѣ, посѣщаемой почти исключительно знатью. Въ большомъ басейнѣ одна молодая дама, прехорошенькая собою, вдругъ остановилась, какъ вкопанная, на одномъ мѣстѣ, ужасно сконфуженная. Наконецъ, немного придя въ себя, она начала просить своихъ купавшихся подругъ нырнуть и поискать одну дорогую вещь, которую она, купаясь, выронила, но успѣла захватить ногою. Многія пытались это сдѣлать, но напрасно, потому что ихъ непромокаемый купальный костюмъ поддерживалъ ихъ на поверхности. Наконецъ, одна изъ красавицъ, бойкая брюнетка, подала мысль захватить драгоцѣнность пальцами ногъ и, такимъ образомъ, вытащить на свѣтъ Божій. Другія купальщицы поддержали смѣтливую даму руками, между тѣмъ какъ она черезъ минуту нащупала въ водѣ таинственную находку и собиралась было «вручить» ее обѣими ногами раскраснѣвшейся Юнонѣ, но та уже подъ водою выхватила ее и была такова—исчезла въ ближней гардеробной комнатѣ, отъ души благодаря за оказанную ей услугу.—«Но что-же такое, наконецъ, было?» спросили всѣ съ любопытствомъ —«Дорогая брошка?»—«О, нѣтъ! просто дорогая колекція фальшивыхъ зубовъ!»

— **Замѣчательное самоубійство китайской дѣвушки.** Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Пу-Тунгѣ одна дѣвушка изъ хорошаго семейства была обручена съ молодымъ человѣкомъ по имени Ча-о. Незадолго до свадьбы, женихъ умеръ вслѣдствіе одного несчастнаго случая. Невѣста была неутѣшна и умоляла своихъ родителей позволить ей посѣтить покойника. Родители отказали ей въ этомъ, но дѣвушка, выбравъ удобную минуту, убѣжала въ домъ покойника, бросилась на полъ около гроба и плакала на взрыдъ, рвала себѣ волосы и била себя въ грудь. Всѣ попытки утѣшить ее были напрасны. Кромѣ того дѣвушка неотступно просила позволенія остаться въ домѣ родителей молодого человѣка и жить съ ними до ихъ смерти. Родители покойнаго были очень бѣдны, но это обстоятельство еще болѣе укрѣпляло дѣвушку въ ея намѣреніи остаться съ ними и помогать имъ своими трудами. Не смотря на всѣ старанія, не удалось отклонить дѣвушку отъ ея геройскаго рѣшенія, и она осталась жить въ домѣ покойнаго. Раздосадованные ея родители отреклись отъ нея. Когда старики-родители покойнаго жениха умерли, дѣвушка схоронила ихъ съ возможными по ея состоянію почестями. Затѣмъ нужно было подумать о себѣ. Но въ это время политическое состояніе страны было крайне неспокойно. Носился слухъ, что тайпинги приближаются къ городу. Неистовства инсургентовъ были хорошо извѣстны; населеніемъ овладѣла паника и дѣвушка была увѣрена, что если тайпинги вступятъ въ городъ, то ея безпомощное положеніе подвергаетъ ее опасности лишиться не только чести или свободы, но также всего, что она имѣетъ. Поразмысливъ, она рѣшилась на безпримѣрный поступокъ. Надѣвъ на себя свои самыя дорогія платья, какъ-бы приготовившись къ празднику, она, взявъ иголку и шелковыя нитки, пришила одежду къ своему тѣлу. Совершивъ это самоистязаніе, она приняла яду и умерла. На слѣдующій день въ городъ вступили инсургенты. Найдя тѣло этой страдалицы, они почувствовали уваженіе къ ея геройскому поступку и съ почетомъ схоронили ее.

— **Экзаменъ при вѣнчаніи.** Одинъ швабскій священникъ спросилъ пришедшихъ къ нему вѣнчаться жениха и невѣсту: «И такъ, вы желаете приступить къ святому таинству? Но достаточно-ли вы приготовились, чтобы рѣшиться сдѣлать столь важный шагъ? — Совершенно достаточно, г. пасторъ, отвѣчала невѣста.—Мы зарѣзали свинью и 12 куръ, изготовили лапшу, пирогъ, однимъ словомъ, столъ будетъ не дуренъ, да, я думаю, и достаточенъ».

— **Новомодныя свадебныя приглашенія.** Въ Англіи только что введена новая форма свадебныхъ приглашеній. Пригласительныя письма печатаются на обѣихъ внутреннихъ страничкахъ листа. На лѣвой страницѣ помѣщается приглашеніе родителей невѣсты, на правой приглашеніе родителей жениха. Это очень упрощаетъ дѣло приглашеній и кромѣ того представляетъ ту хорошую сторону, что, по-крайней мѣрѣ, до свадьбы родня новобрачныхъ уживается дружелюбно бокъ о бокъ.

— **Интересная статистика.** Въ 1801 году нѣмецкій языкъ занималъ первое мѣсто въ ряду европейскихъ языковъ: на немъ говорило 38 мил. чел.; за нимъ слѣдовали, французскій—34 мил.; испанскій—32 мил.; русскій—30 мил.; англійскій—22 мил.; итальянскій—18 мил. и португальскій—8 мил. Въ 1880 г. порядокъ совершенно измѣнился. Первое мѣсто занимаетъ англійскій языкъ, на которомъ говоритъ 90 мил. чел., что представляетъ 310 проц. увеличенія. Нѣмецкій языкъ занимаетъ уже второе мѣсто, 66 мил. чел., или 70 проц. увеличенія. Русскій языкъ перешелъ изъ 4 въ 3 рядъ — 66 мил., 110 проц. увеличенія. Французскій языкъ спустился изъ 2 ряда въ 4-й—46 мил., 36 проц. увеличенія. Испанскій языкъ спустился изъ 3 разряда въ 5-й—44 м., 36 проц. увеличенія. Итальянскій и португальскій занимаютъ свои мѣста: первый — 30 мил., т. е. 66 проц., а второй—13 мил., 62 проц. увеличенія. Необыкновенный ростъ Сѣверо - американскихъ штатовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи былъ главною причиною распространенія англійскаго языка.

— **Самый богатый изъ всѣхъ ученыхъ** былъ геологъ Кавендишъ. Будучи старшимъ сыномъ герцога Девоншира онъ всѣ разсчеты на богатство принесъ въ жертву любви къ наукѣ. Онъ началъ свою ученую карьеру бѣднякомъ. Его біографъ разсказываетъ, что родители его, считая, что онъ ни на что не годенъ, относились къ нему равнодушно; онъ покинулъ родительскій домъ и мало-по-малу сталъ отчуждаться отъ родной семьи. Онъ самъ выбился на дорогу и сталъ первымъ химикомъ своего времени, и только когда онъ пріобрѣлъ уже большую извѣстность, одинъ изъ его дядей, вернувшись изъ заграницы, передалъ ему въ даръ состояніе въ 300.000 франковъ годового дохода. Кромѣ того онъ же оставилъ ему по смерти богатство въ 30 миліоновъ франковъ. Кавендишъ былъ, такимъ образомъ, самымъ богатымъ изъ всѣхъ ученыхъ и, вѣроятно, самымъ ученымъ изъ всѣхъ богатыхъ.

— **Фантазія миліонера.** Покойный Робертъ Стивенсъ, американскій миліонеръ, задумалъ на удивленіе всему міру соорудить военный корабль неслыханныхъ размѣровъ. Верфи этого морского чудовища, извѣстныя подъ названіемъ «батареи Стивенса»—занимаютъ пространство въ 80,000 квадратныхъ футовъ, стоимостью въ 125,000 доларовъ. Робертъ Стивенсъ затратилъ на корабль втеченіи 37 лѣтъ постройки 1,800,000 доларовъ и умеръ, не докончивъ задуманнаго предпріятія. Наслѣдники его порѣшили развязаться съ нимъ и назначили его къ продажѣ съ аукціона.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 46-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 15 ноября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 17. ноября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Атта Троль, поэма **Г. Гейне**, перев. **Мих. Шелгунова.**—Этюды изъ жизни въ средне-азіатскихъ пустыняхъ, очерки **Н. Н. Каразина.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3 част. **М. Ф. Каменской.**—Русскія суевѣрія, очерки **С. С. Шашкова.**—Леона, зап. докт. **Бернагіуса**, пов. **Люсіена Біара**, перев. **А А Разсказовой.**—Разъ въ мѣсяцъ, бесѣда **И. Василевскаго (Буквы).**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.** — Внутреннее обозрѣніе. — Къ рисункамъ.— Смѣсь —Объявленія.

Рисунки: Гречанка, карт. **Неймана.**—Одинъ рисунокъ къ разсказу **Н. Н. Каразина.**—Нѣтъ спасенія, карт. **Котченрейтера.** — Интересная тема, карт. **Фонъ-деръ-Бека.**—Знатокъ, карт. **Л. Поля.** — Нападеніе волковъ, рис. **Адамова** —Переѣздъ съ дачи, рис. **Н. Н. Каразина.**

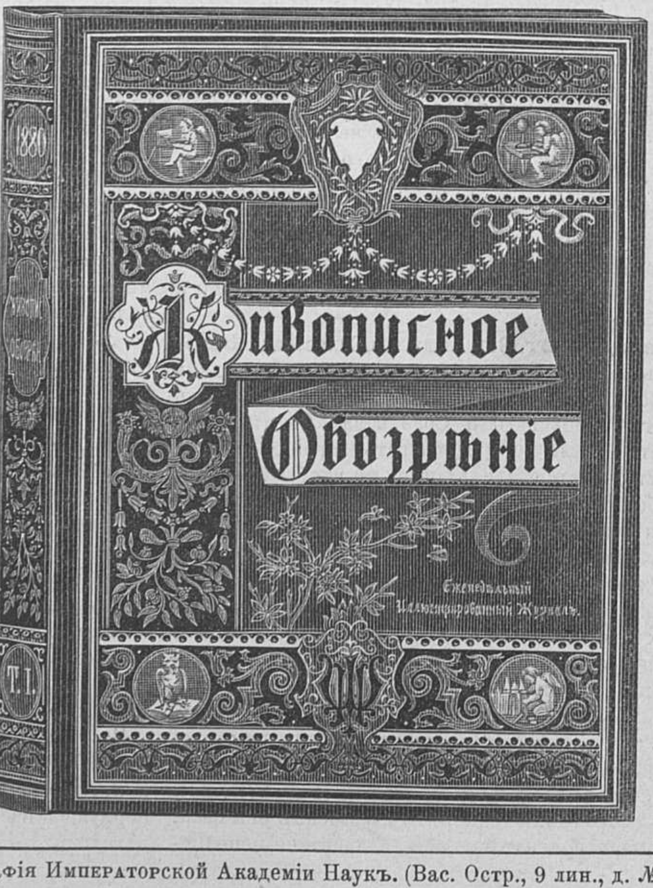
Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

Вышелъ въ свѣтъ и продается у издателя М. Якобсона, Спб. Эртелевъ пер., 7, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россійской имперіи

ЖИВОПИСНЫЙ
ОБИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ
на 1881 г., съ приложеніемъ
СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ.

Печатанъ на розовой бумагѣ, съ художественно исполненными рисунками, въ объемѣ болѣе 80 страницъ. Содержаніе: Свѣденія церковн., астрон. генеалогическ., географическо-статистическія, истор., почтов., телеграф., желѣзно-дорож., комерч., медицин., хозяйствен., адресо-указат., разсказы, анекдоты, ребусы, стихотворенія, портреты, карикатуры, загадки и проч. Цѣна вмѣстѣ со «Стѣннымъ календаремъ» **30** коп. за перес. 10 коп.



Цѣна переплету: 1-е полугодіе 1880 г. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.; пріобрѣтающіе вмѣстѣ 1-е и 2-е полугодіе 1880 г. платятъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.; одинъ переплетъ на цѣлый годъ 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 ноября 1880 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на изданіе Журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ въ 1881 году.

Нашимъ читателямъ извѣстно, что настоящая редакція начала свою работу въ «Живописномъ Обозрѣніи» съ 1878 года; издательскія-же права пріобрѣтены ею только съ іюня 1879 года. Ея постояннымъ стремленіемъ было улучшеніе журнала, на что она не щадила ни трудовъ, ни издержекъ, весьма значительныхъ. Безъ сомнѣнія, улучшеніе журнала обусловливается количествомъ подписчиковъ на него и редакція «Жив. Об.» имѣетъ уже доказательство сочувствія къ ея дѣятельности: на 1879 годъ подписчиковъ было несравненно больше, чѣмъ въ 1878 году; на 1880 годъ болѣе, чѣмъ въ 1879 г. Это-то усиленіе подписки на журналъ, увеличивавшее бюджетъ изданія, и давало возможность редакціи производить улучшенія въ изданіи и вынести такіе весьма значительные расходы, какъ, напримѣръ, въ 1880 году: улучшеніе бумаги во второмъ полугодіи и разсылка двухъ лишнихъ премій, не обѣщанныхъ въ объявленіи редакціи о подпискѣ на 1880 годъ. Редакція можетъ смѣло сказать, что никогда не давала обѣщаній, которыхъ не могла выполнить; гг. подписчики получали все, на что указывалось въ журнальномъ объявленіи, и если нѣкоторыя изъ обѣщанныхъ статей не появились въ журналѣ, то это произошло отъ различныхъ обстоятельствъ, устраненіе которыхъ было не во власти редакціи; эти статьи были замѣнены другими. Результаты труда редакціи на глазахъ читателей и не ей, конечно, быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. Вы, гг. подписчицы и подписчики, рѣшите, достигла-ли редакція предположенной ею цѣли улучшенія журнала. Ваше мнѣніе выразится въ подпискѣ на журналъ: число возобновившихъ свою подписку читателей укажетъ редакціи на степень сочувствія къ ея трудамъ публики. Правда, редакція имѣетъ указанія на то, что нравилось въ журналѣ ея читателямъ или что не подходило подъ ихъ личные вкусы, но, къ сожалѣнію, этихъ указаній очень немного. Только немногіе изъ гг. подписчиковъ въ своихъ письмахъ высказали свое мнѣніе на счетъ журнала, указали на хорошіе, по ихъ мнѣнію, статьи и рисунки, а также и на неудачные. Редакція надѣется, что въ будущемъ году писемъ отъ читателей будетъ больше и смѣетъ увѣрить своихъ кореспондентовъ, что всякое дѣльное указаніе ихъ будетъ принято ею во вниманіе; всякое требованіе, если только оно въ средствахъ редакціи, будетъ исполнено.

Для напечатанія въ «Живописномъ Обозрѣніи» въ 1881 году въ распоряженіи редакціи уже имѣются слѣдующія произведенія: 1) повѣсть **П. Д. Боборыкина**; 2) Темная вода, романъ **П. Лѣтнева**; 3) Жить хочется, повѣсть **А. Михайлова (А. К. Шеллера)**; 4) Крушеніе у пристани, романъ **Н. И. Северина**; 5) Рядъ статей «о русскомъ расколѣ», **П. П. Васильева**; 6) Рядъ статей подъ заглавіемъ «Новыя гнѣзда», **А. Михайлова (А. К. Шеллера)**; 7) «Политика за кулисами», ст. **В. В. Чуйко**. Въ 1881 году, какъ и въ нынѣшнемъ, будутъ періодически помѣщаться статьи **И. Ф. Василевскаго (Буквы)**. Редакція получила письмо отъ **Фр. фонъ-Боденштедта** (извѣстнаго поэта и переводчика Пушкина и Лермонтова), обѣщающаго ей рядъ писемъ о современной жизни въ Германіи. О другихъ статьяхъ, которыя будутъ пріобрѣтены редакціей, послѣдуетъ въ свое время особое заявленіе.

Програма журнала въ 1880 году нѣсколько измѣнилась введеніемъ двухъ новыхъ отдѣловъ: политической хроники и внутренняго обозрѣнія. По желанію, выраженному нѣсколькими гг. подписчиками, мы станемъ чаще помѣщать библіографическій листокъ, въ которомъ будетъ даваться отчетъ о выходящихъ новыхъ книгахъ.

Гг. подписчики на 1881 годъ получатъ слѣдующія преміи: **двѣ олеографическія картины**, прекрасно исполненныя за-границей (образцы ихъ уже получены редакціей). Преміи эти будутъ совершенно готовы къ 1 января, такъ что онѣ могутъ быть разосланы въ январѣ-же мѣсяцѣ всѣмъ гг. подписчикамъ, уплатившимъ деньги за годовое изданіе журнала. Подписавшіеся-же съ разсрочкой платежа получатъ преміи по окончаніи полнаго расчета съ редакціей. Подписавшіеся на полгода и на три мѣсяца премій не получаютъ.

Кромѣ олеографическихъ картинъ, гг. подписчики получатъ илюстрированную **литературную** премію, которая будетъ разослана въ ноябрѣ 1881 г.

Особымъ безплатнымъ приложеніемъ будетъ высылаться отдѣлъ «Парижскія моды» съ илюстраціями.

Гг. подписчики на «Живописное Обозрѣніе» могутъ пріобрѣтать по возможно дешевой цѣнѣ различныя олеографическія картины, исполненныя за-границей, и пользуются значительной уступкой съ цѣны книгъ, изданныхъ редакціей, которыхъ къ будущему году будетъ напечатано нѣсколько.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**.

	Безъ доставки и пересылки.	Съ доставкою и пересылкою.
Подписная цѣна на журналъ: на годъ.........	**6** р.	**7** р.
» полгода.......	**3** р. **50** к.	**4** р.
» три мѣсяца...	**2** р.	**2** р. **25** к.
За границу на годъ..........		**9** р.

Желающіе втеченіи года получить **шесть** модныхъ выкроекъ въ натуральную величину прибавляютъ къ годовой подписной суммѣ **60** коп. сер Кто пожелаетъ получить художественныя преміи застрахованной посылкой,—приплачиваетъ **40** коп.; не внесшіе этой приплаты получатъ преміи въ трубкѣ, бандерольнымъ отправленіемъ.

За перемѣну адреса платятъ:	
съ городского на иногородній...	**85** коп.
съ иногородняго на городской...	**1** р.
иногородняго на иногородній...	**21** коп.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ**, Новая ул. д. № 6; **въ Москвѣ**, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ**, въ книжномъ магазинѣ, бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ**, въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, Дерибасовская, д. Вагнера, кв. № 11.

Редакторъ-издатель **Н. ШУЛЬГИНЪ.**

РЕДАКЦІЕЙ

„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

издано

СОЧИНЕНІЕ А. МИХАЙЛОВА.

„НАШИ ДѢТИ“.

Содержаніе книги: Гл. I Вліяніе родителей на дѣтей до рожденія послѣднихъ. Гл. II Вытравленіе плода, дѣтоубійство. Гл. III Дѣти въ родной семьѣ, на воспитаніи у чужихъ, въ воспитательныхъ домахъ. Гл. IV Школа. Гл. V Дѣти-работники. Гл. VI Дѣти-бродяги, дѣти-нищіе, дѣти-фигляры. Гл. VII Дѣти-преступники. Гл. VIII Наказанія и филантропія. Гл. IX Заключеніе.

Цѣна: безъ пересылки 2 р. 20 к. съ пересылкой 2 р. 50 к. Гг. подписчикамъ на „Живописное Обозрѣніе“ книга эта уступается за 1 р. 50 к. безъ пересылки, 1 р. 75 коп. съ пересылкой.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ

Н. А. ШИГИНЪ.

(Въ Петербургѣ, по Большой Садовой, улицѣ въ домѣ Пажескаго корпуса, торговля № 5).

Предлагаетъ продавать съ уступкой гг. подписчикамъ журнала «Живописное Обозрѣніе» слѣдующія книги:

1) **Швейцарія и швейцарцы.** Сочиненіе Вильяма Гепворта **Диксона** (Самоуправленіе, церковь, школы, военная повинность). Переводъ съ англійскаго подъ редакціей **А. Михайлова** и **Н. И. Шульгина**. Ц. 1 руб. 25 коп.; гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» уступается за 1 руб. съ пересылкою.

2) **Живая сила**. Романъ **Фр. Герштекера,** переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 2 руб.; гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» уступается за 1 р. 50 к.

3) **Дѣти вѣка**. Романъ **Гейзе**, переводъ съ нѣмецкаго, 2 тома. Ц. 3 руб. 50 коп. Гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» уступается за 2 руб. съ пересылкою.

4) **Въ тихомъ омутѣ—буря**. (Мидльмартъ). Романъ въ восьми книгахъ **Джоржа Эллiота**, переводъ съ англійскаго. Ц. 2 руб. 50 коп. Гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» уступается за 2 руб. съ пересылкой.

5) **Исторія революціи 18 марта 1871 г.** Соч. **Поля Ланжеле** и **Поля Корье**. Ц. 1 руб. Гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» уступается за 50 коп. съ пересылкою.

П. А. САЛМАНОВЪ.

КНЯЗЬ БОРИСЪ ЩЕГЛЯТЕВЪ.

Историческій романъ XIII вѣка изъ временъ нашествія Батыя на Россію.

Цѣна 1 р. 80 коп. съ пересылкой 2 р.

Авторъ изъявилъ желаніе уступать гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» этотъ романъ за 1 р. 30 коп., съ пересылкою за 1 р. 50 копѣекъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

НА 1881 ГОДЪ.

Съ октября текущаго года журналъ «Странникъ» издается подъ новою редакціей, по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, програмѣ:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по общей церковной исторіи.

3) Слова, поученія, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) Разсказы, очерки, характеристики, повѣсти изъ

прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) Бытовые очерки и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простого народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное общее обозрѣніе текущей церковно-общественной жизни Россіи.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ.

12) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Критическія и библіографическія замѣтки и статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

14) Постоянный списокъ русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой.

15) Свѣтскіе журналы, газеты и книги: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ програмѣ нашего журнала.

16) Разныя отрывочныя извѣстія и мелкія замѣтки, новости, кореспонденціи, отвѣты редакціи.

17) Объявленія.

Основы и задача журнала выяснены въ особой статьѣ «отъ новой редакціи», въ октябрьской книжкѣ «Странника» за текущій годъ.

Журналъ будетъ выходить въ началѣ каждаго мѣсяца, книжками до десяти и болѣе листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе журнала съ пересылкою внутри Имперіи и доставкою въ С.-Петербургѣ **шесть рублей**; безъ доставки — **пять рублей пятьдесятъ коп.**; съ пересылкою за границу **восемь рублей**.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно по слѣдующему адресу: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій проспектъ, д. № 105, кв. № 1), а въ требованіяхъ точно обозначать свое имя, отчество, фамилію и то почтовое мѣсто, губернію и уѣздъ, куда слѣдуетъ высылать журналъ. Наличныхъ нашихъ читателей просимъ при возобновленіи подписки на 1881 годъ прилагать печатный адресъ бандероли, по которому высылается имъ журналъ въ текущемъ году.

Московскіе жители могутъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Ферапонтова.

Петербургскіе подписчики благоволятъ обращаться въ книжные магазины Исакова, Мамонтова, Тузова и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Подписка на журналъ безъ доставки принимается только въ книжномъ магазинѣ Тузова (Большая Садовая, д. № 16, противъ Гостинаго двора).

Объявленія принимаются для напечатанія въ журналѣ за слѣдующую плату: 5 руб. за объявленіе, занимающее страницу (корпуса въ 38 строкъ), 2 рубля 50 копѣекъ за полстраницы, 1 руб. 50 коп. за ¼ страницы. Отдѣльныя объявленія разсылаются при журналѣ съ платою по 5 рублей съ каждой тысячи.

Подписка на 1880 годъ продолжается.

Можно присылать требованія и на однѣ послѣднія четыре книги журнала за истекающій годъ, издаваемыя новою редакціей. Подписная цѣна за нихъ два рубля.

Всѣхъ, желающихъ содѣйствовать новой редакціи доставленіемъ статей, замѣтокъ, матеріаловъ и т. п., просимъ обращаться по тому же, означенному выше, адресу редакціи.

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.**
А. Пономаревъ.
Е. Прилежаевъ.

Подписка на **1881** годъ.

ТВЕРСКОЙ ВѢСТНИКЪ

ВЪ 1881 ГОДУ

будетъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ отъ одного до 2-хъ листовъ большого формата. Програма слѣдующая: постановленія и распоряженія правительства, преимущественно касающіяся тверской губ. и распоряженія мѣстнаго начальства, обзоръ дѣятельности мѣстныхъ земствъ и городского самоуправленія; статьи и замѣтки о состояніи просвѣщенія въ губерніи; судебная хроника; экономическія извѣстія; этнографическія свѣденія; историческій отдѣлъ; библіографія; медико-санитарныя извѣстія, касающіяся губерніи; общеполезныя свѣденія; дневникъ замѣчательныхъ происшествій въ Твери и ея губерніи; свѣденія о замѣчательныхъ событіяхъ Россіи и Европы; фельетонъ и справочный отдѣлъ.

Вышедшіе нумера за 1880 годъ достаточно опредѣлили физіономію нашего изданія. Въ будущемъ 1881 году редакція «Тверского Вѣстника» намѣрена держаться прежняго направленія и стараться обо всемъ и обо всѣхъ, въ предѣлахъ програмы, говорить правду, не взирая, пріятна она или нѣтъ. Редакція, принимая на себя обязанность выполнить вышеизложенную програму, позволяетъ себѣ надѣяться, что просвѣщенные общественные дѣятели тверской губ. и истинные друзья гласности не откажутъ **„Тверскому Вѣстнику“** въ нравственной своей поддержкѣ и не оставятъ его своими кореспонденціями и рефератами.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ.

	Съ пересылкой.	Безъ пересылки.
На годъ	**5** р. — к.	**4** р. **50** к.
» полгода	**3** р. — к.	**2** р. **75** к.
» три мѣсяца	**2** р. — к.	**1** р. **50** к.
» мѣсяцъ	» р. **75** к.	» р. **50** к.

Адресъ редакціи г. Тверь.

Изданіе придворнаго Е. И. В. книгопродавца К. К. Ретгера подъ фирмою Шмицдорфъ.

Открыта подписка на 1881 годъ.

На самый полный и самый дешевый дамскій, модный илюстрированно-литературный журналъ для семейнаго чтенія

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ

(15 годъ).

«Новый Русскій Базаръ» съ 1881 г. будетъ выходить и разсылаться по прежнему четыре раза въ мѣсяцъ, т. е. въ количествѣ 48 нумеровъ, 24 модныхъ и 24 литературныхъ, каждый отъ 1 до 2 листовъ самаго большого формата (in-folio), въ трехъ изданіяхъ, различающихся единственно по числу парижскихъ модн. раскрашенныхъ картинъ; текстъ и остальныя приложенія для каждаго изданія останутся одинаковы. I-е изданіе имѣетъ 12, II-е изд.— 24, и III-е—48 картинъ. Каждый подписчикъ I-го изд. получаетъ ежемѣсячно одну раскр. картинку, 1-го числа; II-го изд.—двѣ въ мѣсяцъ, т. е. 1 и 15 числа; и III-го изд.—четыре въ мѣсяцъ, т. е. одну съ каждымъ №.

Съ 1879 г. «Новый Русскій Базаръ» улучшился во всѣхъ отношеніяхъ и выходитъ въ увеличенномъ форматѣ, и украшается роскошными илюстраціями.

Давая массу рисунковъ и описаній какъ домашнихъ нарядовъ, такъ и костюмовъ для баловъ, визитовъ, вечеровъ, гулянья, маскарадовъ и проч. всякаго бѣлья и всевозможныхъ принадлежностей дамскаго и дѣтскаго туалета, «Н. Р. Базаръ» помѣщаетъ своевременно все, что выходитъ новаго и замѣчательнаго въ области моды.

Ни одно изданіе въ цѣломъ свѣтѣ не даетъ такого громаднаго выбора рукодѣлій и дамскихъ работъ, какъ «Новый Русскій Базаръ», не имѣя соперниковъ также и въ отношеніи полноты и разнообразія новѣйшихъ модъ, чему много способствуетъ то, что редакція моднаго отдѣла «Новаго Русскаго Базара» имѣетъ свои отдѣленія въ Парижѣ и Берлинѣ.

Чтобы дать читательницамъ возможность постоянно знакомиться со всѣми новѣйшими явленіями модъ, «Н. Р. Базаръ» помѣщаетъ и въ литературныхъ нумерахъ модную хронику съ прибавленіемъ рисунковъ новѣйшихъ модъ, такъ что подписчики его получаютъ не 24, а 48 разъ въ годъ самыя новыя парижскія моды.

Слишкомъ пятидесятилѣтнее существованіе фирмы Шмицдорфъ (К. К. Ретгеръ) ручается за **добросовѣстное и акуратное** веденіе «Н. Р. Базара», при стремленіи къ постоянному улучшенію журнала.

Годовые подписчики получатъ даромъ премію— **ВЕЛИКОЛѢПНУЮ ОЛЕОГРАФІЮ.**

«Новый Русскій Базаръ» содержитъ:

Въ модныхъ нумерахъ: около **3,000** рисунковъ парижскихъ модъ, нарядовъ (дамскихъ и дѣтскихъ) и рукодѣлій (гипюра, филеги-пюра, тамбурнаго, филейнаго и простого вязанья).

Значительное количество изящныхъ узоровъ по канвѣ, атласу и кожѣ, шелками и бисеромъ.

Выкройки, рисунки и мѣтки бѣлья: для дамскаго, мужскаго и дѣтскаго.

До **800** выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ (въ приложеніяхъ).

Изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки: **12**—для I-го, **24**—для II-го и **48** для III-го изд., работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ.

24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

Текстъ, т. е. самое подр. описаніе работъ.

Въ литературныхъ нумерахъ: Белетристика, оригинальная и переводная для семейнаго чтенія.— Гигіеническіе и воспитательные очерки.—Стихотворенія.—Юмористика.—Біографіи съ портретами.— Смѣсь (новости по женскому дѣлу, анекдоты, мысли, шарады и пр.).—Фельетонъ.—Описанія и рисунки новѣйшихъ модъ.—Кухня и хозяйство (полезные совѣты, косметика и пр.).—Ребусы и пр.—Почтовый ящикъ —Въ каждомъ нумерѣ превосходныя илюстраціи.

Гг. подписчики получаютъ также нѣсколько безплатныхъ приложеній: раскрашенные узоры, ноты и проч.

Подписная цѣна всѣхъ трехъ изданій:

I-е изд. съ 12 раскраш. парижск. картинками. На годъ: безъ дост. 6 р., съ дост. 7 р., съ пер. 8 руб. II-е изд. съ 24 раскр. парижск. картинками. На годъ: безъ дост. 7 р , съ дост. 8 р., съ перес. 9 р. III-е изд. съ 48 раскр. парижск. картинк. На годъ: безъ дост. 9 р., съ дост. 10 р., съ пер. 11 р.

На полгода—половина означенныхъ цѣнъ съ добавкой 50 копѣекъ.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала «Новый Русскій Базаръ», въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 5, при придв. книжн. магазинѣ Шмицдорфъ (К К. Ретгеръ); въ Москвѣ—у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, И. П. Анисимова, на Никольской ул., и въ центральной конторѣ объявленій Л. Метцель, въ Пасажѣ и на Большой Дмитровкѣ.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно.

Издатель: Придворный Е. И. В. книгопродавецъ
К. К. Ретгеръ.

Открыта подписка на 1881 годъ на недорогое періодическое изданіе, которое будетъ выходить пятый годъ подъ названіемъ:

„РУССКАЯ ГАЗЕТА“,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

КАЖДЫЙ № «РУССКОЙ ГАЗЕТЫ» ВМѢЩАЕТЪ ВЪ СЕБѢ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ КОЛОНЫ ПЛОТНАГО ШРИФТА ИЛИ ОКОЛО ЧЕТЫРЕХЪ ТЫСЯЧЪ СТРОКЪ ТЕКСТА ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

ЛЕГКАГО, ЖИВАГО И РАЗНООБРАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

«Русская Газета» выходитъ большими листами въ форматѣ дорогихъ с.-петербургскихъ и московскихъ газетъ по воскресеньямъ, вторникамъ, средамъ, четвергамъ и субботамъ. По понедѣльникамъ же и пятницамъ о выдающихся событіяхъ и особенно замѣчательныхъ случаяхъ будутъ печататься особыя прибавленія.

По своему характеру и тону «Русская Газета» рѣзко выдѣляется между всѣми изданіями нашей періодической печати и тѣмъ еще, что на ея страницахъ ежедневно помѣщаются подробныя «афиши» и «програмы» о зрѣлищахъ и увеселеніяхъ, какъ въ Императорскихъ, такъ и въ частныхъ театрахъ, клубахъ, садахъ и проч., на что другія газеты не имѣютъ права.

Стремленіе издателей сосредоточено на одной цѣли, чтобы «Русская Газета» удовлетворяла самымъ разнообразнымъ требованіямъ публики. Благодаря живому участію, которое принимаютъ въ изданіи газеты извѣстныя силы русской пресы, редакція убѣждена, что «Русская Газета» вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ минуты и имѣетъ въ глазахъ своихъ читателей значеніе органа, не мудрствующаго лукаво, безъ предвзятыхъ мнѣній освѣщающаго событія и случаи изъ вседневной общественной жизни. Издатели «Русской Газеты» не пожалѣютъ никакихъ средствъ для того, чтобы столбцы ихъ изданія были живымъ выраженіемъ злобы дня и духа времени. Всѣ проявленія въ разносословной и разнохарактерной жизни русскаго общества какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціальной глуши будутъ передаваться съ фотографическою вѣрностію.

Полнота и свѣжесть извѣстій поставлена на первомъ планѣ.

Имѣя въ виду массу читающей публики, редакція стремится къ тому, чтобы изданіе «Русской Газеты» было для всѣхъ одинаково интересно и занимательно по всѣмъ вопросамъ политической, экономической и общественной жизни, не оставляя также безъ вниманія выдающихся явленій изъ ученаго и художественнаго міра, давая въ тоже время самое широкое мѣсто для литературныхъ произведеній: романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, сценъ, стихотвореній и проч.

Вдаваясь въ жизненные вопросы всѣхъ слоевъ русскаго общества, мы, конечно, не оставимъ безъ вниманія нужды и интересы, общественную и частную жизнь нашего духовенства и употребимъ всѣ зависящія отъ насъ мѣры къ раскрытію тѣхъ давно сложившихся роковыхъ причинъ, которыя служатъ тормазомъ для сближенія его съ остальнымъ обществомъ и для улучшенія его матеріальнаго положенія.

Мы отведемъ въ «Русской Газетѣ» приличное мѣсто и для обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые могутъ интересовать военное сословіе.

Имѣя въ виду не одну «интелигенцію», но вообще массу читающей публики, мы будемъ стремиться къ тому, чтобы каждая статья въ «Русской Газетѣ» была написана живо, легко, занимательно и общепонятно. По всѣмъ вопросамъ политической, экономической, общественной, ученой, литературной и художественной жизни, мы будемъ говорить простымъ языкомъ.

Отличительной чертой нашего изданія—животрепещущій интересъ минуты и быстрое всестороннее ознакомленіе публики со всѣми явленіями въ нашемъ обществѣ.

Страницы нашего изданія открыты для всякаго сторонняго сообщенія.

Редакція проситъ кореспондентовъ и репортеровъ сообщать о всякомъ правдивомъ явленіи въ общественной и частной жизни. Сообщившій можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что фамилія его сохранится въ глубокой неизвѣстности, если только онъ этого пожелаетъ.

«Русская Газета» будетъ между прочимъ содержать:

I. Правительственныя распоряженія и постановленія. Отчеты административныхъ мѣстъ и лицъ. Свѣденія о пребываніи Высочайшихъ особъ.

II. Политика. Обозрѣніе иностранной и политической жизни. Статьи по разнымъ государственнымъ, политико-экономическимъ и общественнымъ вопросамъ.

III. Литература. Романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, стихотворенія—оригинальные и переводные. Путешествія. Фельетоны. Журналы и газеты. Біографіи.

IV. Театръ и музыка. Разборъ пьесъ. Оцѣнка игры артистовъ на столичныхъ и провинціальныхъ театрахъ, собраніяхъ, вечерахъ и проч.

V. Россія. Явленія въ общественной и частной жизни. Происшествія въ Россіи. Кореспонденціи. Вѣсти изъ провинціи. Случаи, слухи и курьезы.

VI. Исторія и статистика. Историческіе и этнографическіе очерки.

VII. Наука. Изобрѣтенія, открытія и искуства по всѣмъ отраслямъ знаній за границей и въ Россіи.

VIII. Хозяйство. Народное, домашнее, военное, церковное. Городское и сельское благоустройство. Санитарныя и гигіеническія нужды.

IX. Биржа и капиталъ. Денежный рынокъ. Заграничная и внутренняя биржевая хроника. Дѣятельность банковъ, акціонерныхъ обществъ и другихъ учрежденій. Акцизы.

X. Торговля и промыслы. Товарный рынокъ и торговая хроника. Фабричное, заводское и ремесленное дѣло. Кустарная промышленность.

XI. Судъ. Процесы въ комерческихъ судахъ, въ общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.

XII. Свѣденія: желѣзнодорожныя, судебныя, почтовыя и другія. Телеграмы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на годъ **6** р. **50** к., на $1/2$ года **3** р. **50** к., на 3 мѣсяца **2** р., на 1 мѣсяцъ **1** р.

Съ доставкой или пересылкой: на годъ **8** р., на $1/2$ года **4** р. **25** к., на 3 мѣсяца **2** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ **1** р. **15** к.

Подписка принимается въ Москвѣ:

Въ конторѣ изданія «Русской Газеты»: типографія Императорскихъ московскихъ театровъ, у Зоологическаго сада, д. И. И. Смирнова; въ книжномъ магазинѣ И. И. Смирнова, на углу Охотнаго ряда и Моховой улицы, д. Корзинкина.

Въ конторѣ редакціи: Никитская, противъ Никитскаго монастыря, д. княженъ Вадбольскихъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы «Русской Газеты» при книжномъ магазинѣ Карбасникова и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Иногородныхъ просимъ исключительно обращаться въ контору изданія «Русской Газеты»: Москва, типографія Императорскихъ московскихъ театровъ, у Зоологическаго сада, д. И. И. Смирнова.

ОБЪ ИЗДАНІИ
въ Тифлисѣ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„ФАЛАНГА“

«Фаланга» будетъ выходить еженедѣльно по воскресеньямъ. Первый нумеръ выйдетъ въ среднихъ числахъ ноября мѣсяца текущаго года. Нумера нынѣшняго года предназначаются исключительно для розничной продажи, которая будетъ организована въ Тифлисѣ и въ прочихъ городахъ Имперіи. По подпискѣ-же журналъ будетъ доставляться съ января мѣсяца будущаго 1881 года.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ. На 1 годъ **8** руб., на 6 мѣс. **4** руб. **50** коп., на 3 мѣс. **2** руб. **50** коп. Съ разсылк. по Имперіи. На 1 годъ **8** руб. **50** коп., на 6 мѣс. **5** руб., на 3 мѣс. **2** руб. **75** коп.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ д. Харазова, № 3.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Отъ редакціи „Фаланга“.

Статьи, стихотворенія и кореспонденціи, предназначаемыя для напечатанія въ «Фалангѣ», должны быть за подписью автора и съ адресомъ его, иначе печатанію онѣ подлежать не будутъ.

Статьи безъ обозначенія условій гонорара будутъ считаться редакціей безплатными.

Редакція оставляетъ за собою право сокращать и измѣнять присланныя рукописи по своему усмотрѣнію.

Статьи, признанныя редакціей неудобными къ печати, авторамъ не возвращаются.

Для объясненій съ редакторомъ редакція открыта по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, отъ 12 до 3 часовъ по полудни. Адресъ: Тифлисъ, Эриванская площ., домъ № 3.

Въ трудахъ редакціи непосредственное участіе примутъ Н. В. Симборскій и Горесмѣховъ (Это не я). Изъ числа лицъ, изъявившихъ согласіе быть сотрудниками «Фаланги», назовемъ пока Д. Д. Минаева, А. И. Пальма, Н. А. Плещеева, К. А. Бебутова, И. Ф. Тхоржевскаго, (Иванъ да Марья), «Наслѣдственнаго Поэта», Ак. Церетели... Карикатуры будутъ исполняться художникомъ Петерсономъ (псевдонимъ).

Редакторъ-издатель **Ив. Питоевъ.**

50-лѣтній юбилей журнала

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 Г.

ВАЗА

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ
С.-Петербургъ,
Ивановская, №14.

ДАМСКІЙ ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-МОДНЫЙ И РУКОДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ:

24 двойныхъ № (**24** модныхъ и **24** литерат. съ оригин. и перевод. повѣстями, романами, стихотвореніями и т. п.).

1000 политипажей парижскихъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.

24 раскрашенныя модныя картины, получаемыя непосредственно изъ Парижа.

24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

12 листовъ со множествомъ выкроекъ, узоровъ для вышиванія, вязанія, тамбурныхъ и другихъ работъ и рукодѣлій.

Раскрашенныя рисунки канвовыхъ работъ и въ русскомъ стилѣ.

Календарь карманный на 1881 годъ съ необходимѣйшими свѣденіями.

Каждый подписчикъ **1881** года получитъ **ШЕСТЬ ПРЕМІЙ**, а именно:

1) **Дамскій ручной сакъ-вояжъ**, вышитый золотомъ (настоящими серебряными и вызолоченными нитями). Вещь готовая.

II) **Картина** (олеогр.) ландшафтъ, лунная ночь надъ озеромъ въ Финляндіи (выш. $11^1/_2$ вершк. и ширина 17 вершк.). Исполнена превосходно, такъ что трудно отличить отъ оригинала, писаннаго кистью.

III. **Экранъ** большой (женская фигура въ рамкѣ). Матеріалъ для исполненія полный.

IV. **Портъ-летръ** стѣнной. Узоръ раскраш., отпечатанъ на самой канвѣ. Матеріалъ полный.

V. **Альбомъ** (12 листовъ). Русскіе и французскіе алфавиты для мѣтки бѣлья.

VI. **Поздравительные билеты** $1/2$ дюжины, роскошной отдѣлки съ выпуклыми цвѣтами.

Цѣнность премій превосходитъ подписную цѣну на самый журналъ. Выдача и разсылка премій начнется въ январѣ.

Старые подписчики «Вазы» получатъ въ память юбилея, безплатно, **юбилейный подарокъ,** цѣнность котораго непремѣнно будетъ равна подписной цѣнѣ на журналъ. Новые подписчики, желающіе получить этотъ подарокъ, доплачиваютъ 2 р. 50 коп. и 1 руб. на пересылку. Заявленія и доплата принимаются **только до 1-го января.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылкой.	Безъ пересылки.
На годъ съ преміями	**12** р.	**11** р. — к.
» » безъ премій	**7** р.	**6** р. — к.
На $1/2$ года съ преміями	**9** р.	**8** р. **40** к.
» » безъ премій	**4** р.	**3** р. **40** к.

На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 6 семикопѣечныхъ марокъ или 42 коп.

Редакт.-издат. **Б. И. Сестрженцевичъ-Богушъ.**

О ПОДПИСКѢ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“.

на 1881 годъ.

«Сынъ Отечества»—газета политическая и литературная, издается безъ предварительной цензуры, выходитъ ежедневно, въ форматѣ большого листа; воскресный № состоитъ изъ двухъ листовъ, посвященныхъ преимущественно белетристикѣ, съ карикатурами.

ПРОГРАМА ГАЗЕТЫ:

1) Внутренній отдѣлъ: Статьи по одному изъ современныхъ вопросовъ.—Толки газетъ.—Правительственныя распоряженія.—Главнѣйшія производства.—Судебный отдѣлъ.—Отчеты земства.—Народное образованіе.—Желѣзнодорожное дѣло.—Дѣятельность акціонерныхъ обществъ.—Отчеты техническихъ обществъ.—Промышленность и торговля.—Петербургская лѣтопись.—Внутреннія (областныя) извѣстія.—Кореспонденціи.

2) Иностранный отдѣлъ: Политическое обозрѣніе.—Политическія извѣстія.—Телеграмы.—Иностранная (не политическая) хроника.

3) Статьи по отраслямъ наукъ, искуствъ, художествъ и ремеслъ.

4) Критика, журналистика, библіографія.

5) Белетристическій отдѣлъ: Романы, повѣсти, разсказы, и пр.

6) Замѣтки и наблюденія изъ общественной жизни.

7) Провинціальная лѣтопись.

8) Театральныя и музыкальныя извѣстія и общественныя увеселенія.

9) Биржевыя и торговыя извѣстія и курсы.

10) Зрѣлища, желѣзныя дороги.

11) Карикатуры.

12) Смѣсь.

13) Объявленія внутри газеты, и въ приложеніяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

для городскихъ: Съ дост. въ Петерб. по город. почтѣ		для иногородныхъ: Съ пересылкою.	
На годъ....	7 руб.	На годъ....	8 руб.
На полгода.	3 » 60 к.	На полгода.	4 руб.
На 3 мѣсяца	2 » — »	На 3 мѣсяца	2 руб. 25 к.
На 1 мѣсяцъ	» » 75 »	На 1 мѣсяцъ	» » 75 »

Подписная цѣна за границею съ пересылкою **16** р.

Подписка на газету «Сынъ Отечества» принимается исключительно въ главной конторѣ, находящейся въ С.-Петербургѣ, въ Почтамтской улицѣ, домъ № 4, куда и просятъ обращаться какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ.

СИМБИРСКАЯ ЗЕМСКАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ еженедѣльно по воскресеньямъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты въ г. Симбирскѣ и во всѣхъ Земскихъ Управахъ симбирской губерніи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНІЕ

„НОВОСТИ“
И
„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“.

НА 1881 ГОДЪ

(пятый годъ изданія подъ новою редакціею).

(Форматъ большихъ газетъ, 28 столбцевъ или около 4500 строкъ убористаго шрифта въ нумерѣ).

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ: на 1 г. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 80 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 г. 9 р., на 11 м. 8 р. 25 к., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1880 г. и на весь 1881 годъ платятъ за время: съ 1-го сентября 1880 г. по 1-е января 1882 г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ—12 р. 50 к.,** съ 1-го октября 1880 года по 1-е января 1882 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к.,** съ 1-го ноября — 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 75 к.

Письма и деньги адресуются: *въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ»* (Гороховая, 32).

Газета **„Новости“** выходитъ **безъ предварительной цензуры**, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней, если получаются важныя телеграмы.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило — не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ-нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣденій, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ спеціальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ или два нумера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутины, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, получаемыхъ редакціей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и кореспондентовъ (рубрики: «Административныя», «духовныя», «дипломатическія», «военныя» и «морскія» новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя Почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствованія изъ другихъ изданій подчинять самому строгому критическому выбору и пріурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская Печать» редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣни» наиболѣе выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой, практическій матеріалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матеріальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты пріуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

Содержаніе газеты „Новости“ и „Биржевая газета“.

1) Политическія Телеграммы (доставляемыя собственными кореспондентами и «Международнымъ Агентствомъ»). 2) Дневникъ (руководящія статьи). До 1-го сентября напечатано: по внѣшнимъ вопросамъ около 650 статей, а по внутреннимъ — около 100 статей. Въ этомъ отдѣлѣ участвовали слѣдующіе авторы: Л. К. Весинъ, А. А. Головачовъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. Б. Думашевскій, А. И. Забѣлинъ, Р. Ѳ. Ильишъ, А. К. Киркоръ, А. Клевановъ, Л. К. Лебедевъ, В. О. Михневичъ, В. Н. Никитинъ, О. К. Нотовичъ, Б. П. Онгирскій, Л. К. Панютинъ, Р. И. Сементковскій, М. А. Филиповъ, Н. П. Черепнинъ, С. А. Шапиро и многіе другіе.—3) Административныя, духовныя, дипломатическія, военныя и морскія новости. (Отъ нашихъ спеціальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 1000 извѣстій.—4) Русская Лѣтопись. (Отъ нашихъ спеціальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ этою же рубрикою печатались: всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, сообщенія и телеграммы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской городской думы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ. Кромѣ того, своевременно помѣщались всѣ, болѣе или менѣе важныя, распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія. 5) Театръ и Музыка. Подъ этой рубрикой помѣщено болѣе 1,000 извѣстій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этой же рубрикою печатаются собственныя и заимствованныя извѣстія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ. 6) Всемірный Калейдоскопъ, печатающійся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣденія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіяхъ, событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта. 7) Правительственныя распоряженія, представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльныхъ національностей, классовъ и городскихъ или сельскихъ населеній, печатаются цѣликомъ. 8) Внутренняя Почта (Письма и сообщенія отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ кореспондентовъ). 9) Русская Печать (ежедневное обозрѣніе газетъ и журналовъ). 10) Литературный и научный отдѣлы. Въ этомъ отдѣлѣ участвовали слѣдующіе авторы: Л. К. Весинъ, А. А. Головачовъ, А. И. Забѣлинъ, Л. К. Лебедевъ, Н. С. Лѣсковъ, В. О. Михневичъ (Коломенскій кандидъ), В. Н. Никитинъ, Л. К. Панютинъ, Р. И. Сементковскій, А. А. Серебренниковъ, Ф. Н. Устряловъ, М. А. Филипповъ и многіе другіе. 11) Библіографія: отзывы о новыхъ книгахъ. 12) Беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ напечатаны слѣдующія беллетристическія произведенія: «Сынъ», ром. Э. Римбура.—«Ливія Августа», истор. ром. Курти.—«Бригитта», разск. Ауэрбаха. — «Всемірный путешественникъ», разск. Вл. Михневича.—«Послѣдній мамай», юмор. очеркъ, его же.—«Нана», ром. Эм. Зола.—«Широкая масляница», юмор. очеркъ Л. Панютина (Нилъ Адмирари). — «Дѣдушка Лебигръ», разск. Эркмана-Шатріана.—«Подложное завѣщаніе», ром. Дебана. — Письма Диккенса и сборн. статей Жоржъ-Зандъ. — «Дама ночи», ром. изъ испанск. жизни, Гонзалеса. — «Глорія», ром. изъ испанск. жизни, Гальдоса. — «Тифэна», разск. съ предисл. А. Дюма и др.—13) Между прочимъ (юмористическія и сатирическія замѣтки по текущимъ вопросамъ).—14) Свѣтъ и Тѣни.—15) Экономическій отдѣлъ.—16) Биржевой отдѣлъ. (Оба послѣдніе отдѣлы вполнѣ замѣняютъ спеціальную биржевую газету).—17) Судебный отдѣлъ.—18) Объявленія. **Воскресные нумера** печатаются въ форматѣ, удобномъ для переплета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ нумерахъ беллетристическихъ произведеній, по истеченіи года, составится объемистый томъ въ 26 листовъ газетго формата.

Объ изданіи въ **1881** году журнала

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

(годъ седьмой).

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый нумеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана въ видѣ **преміи** 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ: Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки **8** руб., съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ **8** руб **50** коп., съ пересылкою иногороднымъ **9** руб.

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ **5** руб. и къ 1-му мая остальныя.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для городскихъ подписчиковъ:—**Въ С.-Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ Исакова. **Въ Москвѣ**—при книжныхъ магазинахъ Соловьева—Страстной бульваръ, д. Алексѣева, и Мамонтова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія», Шпалерная улица, д. № 42.

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ исключительно въ редакцію, а городскихъ въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

БРОШЮРА ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

О ПРИМѢНЕНІИ СОГРѢВАЮЩИХЪ КОМПРЕССОВЪ

ВЪ ЛЕЧЕНІИ РАЗЛИЧНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ И ПОВРЕЖДЕНІЙ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА,

СОСТАВЛЕННАЯ ВРАЧЕМЪ **А. Преображенскимъ**.

Цѣна брошюры 10 коп., съ пересылкой 15 коп. Продается въ Симбирскѣ, въ типографіи Н. Г. Анучина. Выписывающіе не менѣе 50 экземпл. пользуются уступкою 10%.

Объ изданіи въ **1881** году

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНАГО ЖУРНАЛА

„МЫСЛЬ“

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Журналъ «Мысль» поставилъ своей цѣлью въ общедоступномъ изложеніи знакомить публику съ состояніемъ и развитіемъ мысли, науки и литературы у насъ и на Западѣ, а также установить критическое отношеніе къ этимъ явленіямъ. Осуществить эту цѣль въ широкихъ размѣрахъ журналъ не претендуетъ въ настоящее время, въ виду довольно распространеннаго въ нашей публикѣ равнодушія къ интересамъ мысли, но старается дать по возможности все, что позволяетъ какъ небольшой объемъ журнала (до 130 страницъ въ каждой книжкѣ), такъ и низкая подписная плата (6 рублей въ годъ съ пересылкой). Въ 1880 году, въ числѣ прочихъ произведеній, въ нашемъ журналѣ были помѣщены слѣдующія капитальныя вещи: переводъ извѣстнаго сочиненія Гер. Спенсера «Данныя науки о нравственности» («The data of Etics»), «Сила, какъ результатъ движенія» професора Охоровича, Соціологическіе очерки, професора Фуллье, Біологическіе этюды, проф. Тарханова, Педагогическіе этюды Перре, а также статьи по химіи, физикѣ, физіологіи, зоологіи, философіи и др. наукамъ, и масса мелкихъ замѣтокъ научнаго и научно-философскаго содержанія: научныя новости, извѣстія о новыхъ книгахъ и пр. Въ отдѣлѣ критики, кромѣ разбора многихъ белетристическихъ и публицистическихъ произведеній текущей литературы, было помѣщено подробное изложеніе такихъ сочиненій, какъ новая книга Льюиса («О жизни и духѣ»), Айрлэнда («Объ идіотизмѣ»), Макса Мюллера («О происхожденіи религій»), Гайденгайна («О гипнотизмѣ»), Н. Грота («Психологія чувствованій») и мног. другія. Наконецъ, въ отдѣлѣ белетристики помѣщались романы, повѣсти, разсказы, при выборѣ которыхъ редакція главнымъ образомъ руководствовалась стремленіемъ знакомить нашу интелигенцію съ бытомъ и типами народа, освѣщая трезвой и художественной мыслью явленія русской жизни вообще.

Подписная плата:

На годъ въ Петербургѣ безъ доставки **5** р.; тамъ же съ доставкой **5** р. **50** к., съ пересылкой въ др. города **6** р.

Адресъ редакціи: Фурштадтская, д. № 38, **Л. Е. Оболенскому.**

Открыта подписка на 1881 годъ

Годъ III. **„ШУТЪ“** **Годъ III.**

БОЛЬШОЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

КАРИКАТУРЪ,

печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ

(хромолитографія).

Выходитъ еженедѣльно, въ форматѣ большихъ илюстрацій, in quarto, помѣщая на своихъ страницахъ: рисунки, карикатуры, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, анекдоты, шарады, загадки, ребусы и т. д. Журналъ будетъ всесторонне касаться явленій текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной, расширивъ програму своей дѣятельности. Успѣхъ первыхъ годовъ даетъ возможность привлечь болѣе широкій кругъ литературныхъ и художественныхъ силъ къ сотрудничеству въ нашемъ журналѣ и улучшать постоянно внѣшнюю сторону отдѣла карикатуръ.

Въ видѣ преміи мы предлагаемъ нашимъ годовымъ подписчикамъ роскошный альбомъ, состоящій изъ **20 листовъ картинъ-гравюръ, эскизовъ и рисунковъ**, преимущественно юмористическаго содержанія, отпечатанныхъ на эстампной бумагѣ.

Въ отдѣльной продажѣ въ С.-Петербургѣ этотъ художественный альбомъ стоитъ **5 рублей** безъ пересылки.

Краткій перечень содержанія журнала «ШУТЪ»: въ годъ **52** нумера большого формата, которые содержатъ между прочимъ: **156** большихъ рисунковъ въ четыре краски, болѣе **350** рисунковъ въ одну краску, **260** страницъ тексту въ прозѣ и стихахъ.

Кромѣ того на страницахъ журнала помѣщаются также ноты для пѣнія съ акомпанементомъ.

Условія подписки:

За годъ съ пересылкой и доставкой	**6** р.
» » безъ доставки	**5** »
» шесть мѣсяцевъ съ перес. и достав.	**4** »
» » » безъ доставки	**3** »

Гг. годовые подписчики, желающіе получить вышеупомянутую премію, благоволятъ приложить къ подписной цѣнѣ: съ пересылкой и доставкой 1 р. 50 к.—безъ пересылки и доставки 1 р.

Подписка принимается на имя редакціи: С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 110.

Редакторъ-издатель **Д. А. Есиповъ.**

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го января 1881 года «НУВЕЛЛИСТЪ», вступая въ 42-й годъ своего существованія, будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ «НУВЕЛЛИСТѢ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

«НУВЕЛЛИСТЪ», Музыкально-Театральная Газета, будетъ выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона: въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ и состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра какъ въ Россіи, такъ и за-границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искуства. 4) Фельетонъ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики «НУВЕЛЛИСТА» получатъ въ концѣ года **ПРЕМІЮ** — полную оперу въ двѣ руки или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти нумеровъ, указанныхъ редакціею.

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» съ Музыкально-Театральною Газетою и преміею **5** руб. Съ доставкою или пересылкою **6** руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ «НУВЕЛЛИСТА» при музыкальномъ магазинѣ **М. Бернарда,** поставщика двора Его Величества, Невскій проспектъ, № 10. **Въ Москвѣ:** въ музыкальномъ магазинѣ **А. Б. Гутхейль,** поставщика двора Его Величества, Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. **Въ Казани:** въ музыкальномъ магазинѣ **«Восточная Лира»**. **Въ Харьковѣ:** у Гергарда.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 ноября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 48. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 29 Ноября 1880 г.

Этюды изъ жизни въ средне-азіатскихъ пустыняхъ.

Очерки **Н. Н. Каразина.**

(*Окончиніе.*)

Еще темно было, чуть чуть только бѣловатая полоска протянулась на востокѣ, а уже чабаръ коней посѣдлалъ и навьючилъ и въ путь пустился.

Печальнѣй и печальнѣй развертывалась передъ его глазами мертвая пустыня. Давно уже позади спряталась за барханами мазаръ-могила, давно и озеро соленое въ послѣдній разъ блеснуло; все пески вокругъ, словно волны мертваго моря окаменѣвшаго, кое гдѣ лишь барханами сухой саксаулъ буреѣетъ..

Солнце только показалось, а уже припекать стало. Быстро нагрѣвается сухой воздухъ, быстро знойная мгла даль затягиваетъ, дрожитъ, словно сѣтка, искрится блестками, слѣпитъ глаза, маревыми озерами, лживыми магигъ.

Шагъ въ шагъ, нога въ ногу, ровнымъ, степеннымъ ходомъ бѣгутъ куцый съ карноухимъ, сидитъ въ сѣдлѣ Мумынъ, малахай на глаза надвинулъ, покачивается.

А тишина какая кругомъ! Ящерка за сто саженъ проползетъ по песку и ту отчетливо слышно.

Къ полудню, къ самому сильному зною, верстъ сорокъ отмѣрялъ Мумынъ и у степного колодца, давно заброшеннаго, пескомъ засыпаннаго до краевъ, остановился приваломъ.

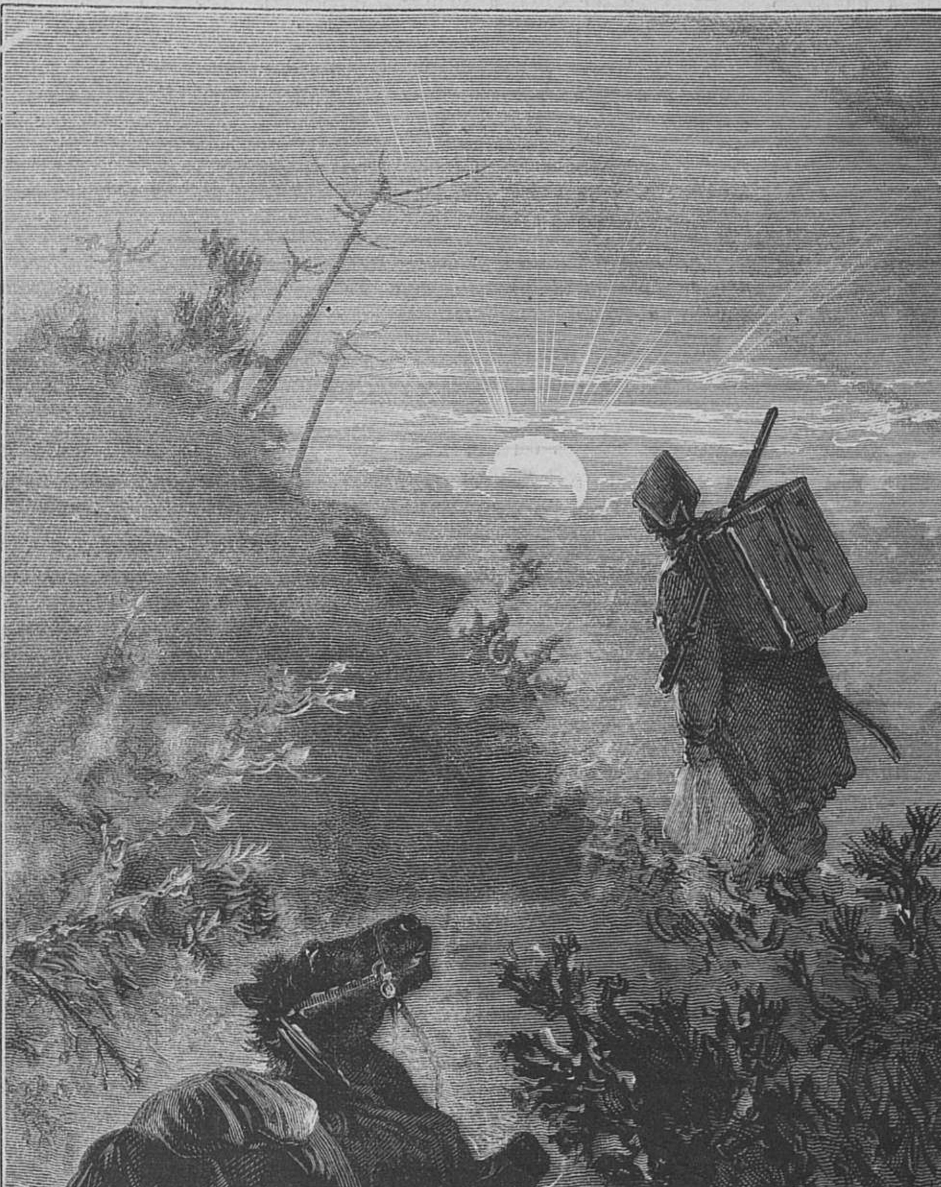
Вода для чаю съ собой есть, а кони до ночи обойдутся безъ пойла. Часа два перестоять да и съ Богомъ.

Опять гонитъ чабаръ-Мумынъ, опять все также пески кругомъ мертвые. Натоенная тропа то отчетливо, ясно видна, извиваясь змѣею, то теряется вовсе подъ пескомъ, то на самый гребень бархана взбѣгаетъ, то лощиною тянется и слѣдовъ на ней свѣжихъ только тѣ, что самъ Мумынъ проложилъ прошлымъ мѣсяцемъ.

На третій день пути встрепенулся Мумынъ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ Н. Н. КАРАЗИНА.



Мумынъ-чабаръ, слѣдящій за врагомъ...

Рисовалъ на деревѣ **авторъ**; рѣзалъ **Хелмицкій** въ Варшавѣ.

— Что за диковина такая!.. Дѣло какъ будто джаманъ—не больно ладное!.. Чужіе конскіе слѣды по песку залегли, да все свѣжіе. Вчера, не позднѣе того, здѣсь топтались.

Сталъ Мумынъ слѣды эти разглядывать, про себя раздумывать, да мозгами раскидывать.

— Вотъ эти сюда было шли, да назадъ повернули. Эва! какую сайгачью петлю загнули! Вонъ одинъ останавливался, знать, что пересѣдлывалъ, слѣзалъ... сапоги новые, кованые... Вонъ обгоняли другъ дружку... Все больше пароконные, двое всего одиночекъ, а лошади у нихъ не наши, а тюркменскія, долгоногія... Сколько-же ихъ всего тутъ?.. Разъ, два, три... Аллахъ, Аллахъ, цѣлыхъ восьмеро!.. и чего они тутъ гуляли?

Куцый съ карнаухимъ тоже трясутъ головами въ недоумѣніи, свѣжій пометъ обнюхиваютъ, на хозяина косятся, а тотъ скребетъ себѣ пятернею загорѣлый затылокъ, да такъ усердно, что малахай его войлочный совсѣмъ на носъ надвинулся.

— И чего только они здѣсь гуляли?

Понятное дѣло, не за добрымъ дѣломъ! Видимо, вольный народъ съ того берега на поиски сюда въ степь пришелъ, къ русской грани добираются, либо на трактъ караванный хотятъ выѣхать, пограбить товару купеческаго, перехватить кого, для выкупу годнаго. Вотъ, можетъ, такого-же чабара съ казенною почтою выловить, — почту забрать, а самаго прирѣзать. Зачѣмъ, молъ, собака, гяурамъ проклятымъ службу служишь! Вотъ для чего гуляютъ здѣсь въ степи люди недобрые.

Стоятъ они теперь на сайгачьихъ колодцахъ, а пришли съ «тюя-кудука», больше не откуда. Отъ сайгачьихъ колодцевъ на востокъ пять сутокъ идя—до воды не дойдешь, а на закатъ солнца на третьи только попадешь къ водѣ, да и то такой, что и верблюды нюхать не станутъ. Сюда, въ нашу сторону, ладно; сюда вода на дорогѣ скоро будетъ; сюда они и пойдутъ съ сайгачьихъ колодцевъ. Они и шли сюда, да чего то раздумали, или что недоброе зачуяли,—кто ихъ знаетъ!

Теперь и Мумыну нашему на сайгачьи колодцы дорога, ему тоже податься больше некуда, только какже ѣхать теперь? Какъ разъ на тѣхъ начешешься! Развѣ отойдти за барханы въ сторону, да переждать мало-мало. Какъ пройдутъ каракчи, такъ и ѣхать по ихъ же дорогѣ, только въ разныя стороны.

Надумалъ Мумынъ хорошо, да все неладно: хорошо пойдутъ они ночью, его слѣдовъ не разглядятъ, время дадутъ ему выиграть; а днемъ ежели побѣгутъ засвѣтло, тогда чѣмъ свою дорогу спутать, чѣмъ слѣдъ замести? Погода же стоитъ, какъ на зло, тихая, безвѣтренная, ни одинъ барханъ не курится.

«Назадъ развѣ гнать, удирать опять въ фортъ Глухой, къ коменданту сердитому? Не повѣритъ шайтанъ пучеглазый, скажетъ: «ты, собака лѣнивая, нарочно такъ сдѣлалъ отъ лѣни, а не со страха вернулся! Что, молъ, сказки разсказываешь! Откуда такое, при моей, молъ, бдительности и предусмотрительности, разбойники въ степи появились? Такъ то ты, такой-сякой, казенную почту къ сроку доставляешь!.. А еще тебѣ деньги впередъ выданы за службу по особому довѣрію!.. Нѣтъ, назадъ удирать не приходится!..»

Долго, долго такъ то соображалъ чабаръ Мумынъ и рѣшилъ, наконецъ, отдаться на волю Аллаха, на его всеблагое предопредѣленіе.

Отъѣхалъ онъ осторожно съ полверсты въ сторону, коней за крутымъ барханомъ на приколы поставилъ, самъ на гребень влѣзъ, малахай снялъ, чтобы не очень въ глаза издали кидалось, прилегъ на брюхо и зорко, внимательно оглядываетъ дорогу.

Прождалъ до глубокой ночи, ничего не слышно и не видно.

— Что же они тамъ на сайгачьихъ колодцахъ лѣтовать, что ли, собираются?

Прождалъ Мумынъ всю ночь, глазъ не смыкалъ ни на минуту—все никого не видать. Что за диковина!

А кони то его уже сильно притомились; измучила ихъ не дорога дальняя, а это скучное выжиданіе на мѣстѣ, да подъ вьюкомъ тяжелымъ въ жару знойную, безъ корму, безъ пойла. Ждать еще такъ то—и до сайгачьихъ колодцевъ не добредутъ, пожалуй.

У чалаго глаза совсѣмъ помутились, ноздри ссохлись, языкъ слюны не даетъ, тронулъ чабаръ рукою,—ну, напилокъ напилкомъ! Сѣрый бока подтянулъ такъ, что подпруги не держатъ, ослабли, а пахи ямами глубокими завалились. Да и самому чабару не подъ силу стало.

Все равно пропадать, если еще двое сутокъ стоять на мѣстѣ. А тѣ, можетъ быть, и не держатся вовсе на сайгачьихъ колодцахъ, можетъ, давно назадъ ушли...

— Эхъ! и вода то на этихъ колодцахъ какая холодная, свѣжая, вкусная!..

Передъ свѣтомъ Мумынъ тронулся въ путь.. А разсчиталъ такъ, чтобы до сайгачьихъ колодцевъ еще до солнца доѣхать, пока не такъ видно въ степи, все выглядѣть, неравно стоятъ еще тѣ, такъ самому прежде ихъ подо́зрить, чѣмъ тѣ его.

Кони чуютъ воду живую, бодро идутъ, послѣднія силы напрягаютъ, чалый тянетъ на поводу, даже впередъ забѣгаетъ.

Мумынъ ружье свое снялъ, оглядѣлъ, курки пощупалъ, въ стволину посовалъ пальцемъ и поперегъ сѣдла положилъ.

Ѣдетъ.

Чу, никакъ конь заржалъ! Далеко, далеко, а слышно... Да, вѣрно!.. Вонъ и куцый запрялъ ушами... Того гляди, откликнется...

Вонъ опять... Вонъ какъ будто и человѣческій голосъ... Дымкомъ то давно уже явственно въ воздухѣ утреннемъ предразсвѣтномъ попахиваетъ.

— Охъ, стоятъ проклятые на сайгачьихъ колодцахъ! Будь вотъ Мумынъ—не Мумынъ, не чабаръ казенный, особливо довѣренный, если не стоятъ!..

— И что только они тамъ дѣлаютъ?

Загнулъ чабаръ большой крюкъ въ сторону, заѣхалъ къ колодцамъ съ полуденной стороны,—тамъ, вишь ты, саксаульникъ погуще. Слѣзъ съ коня, пробрался пѣшкомъ по сыпучему песку, переползъ на брюхѣ открытую прогалину. Теперь ему все какъ на ладони видно.

Вонъ они въ ложбинкѣ, на низовомъ утоптанномъ мѣстѣ сайгачьи колодцы чернѣютъ, вонъ и люди чужіе сидятъ. Одинъ въ сторонѣ бродитъ, сухой валежникъ собираетъ. Вонъ и огонекъ курится. Кони на приколахъ просторно стоятъ, въ разгонку, пара высокихъ, подъ попонами полосатыми, на шеяхъ тоже попоны съ наушниками. Вонъ вьюки лежатъ, ружье торчитъ изъ за одного тюка. Барантачи въ кружокъ сидятъ, промежь себя въ полголоса разговариваютъ. Тотъ, что саксаулъ подбираетъ, сюда въ Мумынову сторону глядитъ пристально, кричитъ громко товарищамъ, а что кричитъ, не разберешь путемъ, потому не по нашему, а по тюркменскому...

— Неужели меня подозрилъ? струсилъ Мумынъ и сталъ ракомъ пятиться.

Нѣтъ, слава Богу! обошлось благополучно. Вонъ никакъ въ путь собираются. Коней поить хотятъ. Сами то, чай, въ досталь налакамились! Лошакъ съ ними есть одинъ, рослый, кряжистый, долгоухій. Этотъ подъ вьюкомъ ходитъ. Вонъ его тюркменъ ногою въ бокъ толкнулъ, тотъ вскочилъ, хвостомъ махнулъ, встрепенулся... Такъ и есть—вьючатъ!.. Эко народъ не проворный, какъ копаются!..

Ну, слава Аллаху, садятся! Куда поѣдутъ только... такъ и есть, въ нашу сторону!..

Теперь бы обождать въ засадѣ, чтобы дальше отъѣхали, назадъ бы зачѣмъ не вернулись, да и самому на ихъ мѣсто.

Ждетъ Мумынъ часъ, ждетъ другой, ждетъ терпѣливо, хотя и манятъ его больно колодцы съ водою холодною, свѣжею. Отъ вида этихъ колодцевъ пуще жжетъ его жажда смертельная, языкъ просто во рту не ворочается.

Давно прошли тѣ воровскою вереницею, давно уже послѣдній отзвукъ копытный былъ слышенъ. Теперь, знать, далеко отъѣхали, можно съ мѣста тронуться.

Вернулся чабаръ къ своимъ конямъ, взялъ ихъ за поводья, поволокъ. Живо у колодцевъ оставленныхъ справился... Воды въ турсукъ набралъ, чайничекъ поставилъ, коней поить началъ было. Вдругъ голосъ громкій такъ и зазвенѣлъ въ тишинѣ, такъ и рѣзанулъ Мумына по уху.

— Э, гей, сюда! Вонъ онъ, чьи слѣды мы видѣли!

Встрепенулся чабаръ да къ конямъ. А уже на барханѣ двѣ черныя, косматыя шапки торчатъ, изъ за бархана слѣва еще выѣзжаютъ рысцою четверо. Бѣда! Влопался!...

Только успѣлъ Мумынъ вскочить на сѣраго, а уже барантачи полукругомъ охватили колодцы, только въ одну сторону и можно кинуться.

Слава Богу, что еще кони чабарскіе не были развьючены.

— Погоди, думаетъ Мумынъ, я тебя угощу перваго, кто прытче окажется.

Обернулся въ полповорота на сѣдлѣ, да какъ пальнетъ изъ обоихъ стволовъ сразу, инда скулу ему прикладомъ чуть не своротило.

Взвился конь тюркменскій на дыбы, задомъ поддалъ, словно турсукъ съ водою, свалился на песокъ барантачъ въ черной шапкѣ, да не совсѣмъ, съ сѣдломъ вмѣстѣ подъ брюхо съѣхалъ, а прочь отъ коня не отдѣляется.

Злой жеребецъ бьетъ и задомъ, и передомъ, по барханамъ вскачь понесся, а сѣдокъ за нимъ слѣдомъ волочится...

Кто къ товарищу на выручку кинулся, кто издали ругается да саблею машетъ. Замялись на мгновеніе барантачи, оторопѣли отъ выстрѣла неожиданнаго. А Мумынъ уже съ четверть версты угналъ на своихъ, перевелъ на рысь.

— Эхъ, молится,—уноси Аллахъ... помоги выручать почту казенную!.. А тутъ солнце взошло уже и опять по вчерашнему припекать стало. Кони Мумыновы хоть и попоены мало мало, а все таки подбились изрядно, идутъ черезъ силу, того и гляди, пристанутъ...

Погоня близка, она вотъ за спиною чуется. Ударился чабаръ отъ дороги въ сторону, какъ разъ на востокъ, именно туда, гдѣ хоть пять сутокъ гони, до воды не догонишь. Отобьется, этакъ на сутки, пожалуй, и на колодезную додорогу не хватитъ силъ выбраться.

Сторона то та глухая, мертвая.

Пока за барханами ничего невидно, а вонъ какъ переваливалъ Мумынъ гребешокъ, такъ ясно, отчетливо видѣлъ, какъ тѣ, не спѣша, кучкою его выслѣживаютъ; знаютъ, собаки, что торопиться, мучить коней не слѣдуетъ,—на живомъ слѣду, какъ на арканѣ, дѣться некуда...

Гналъ такъ Мумынъ до полудни, гналъ и послѣ полудня, а къ вечеру его сѣрый со всѣхъ ногъ грянулся на земь и ногами задрыгалъ... Ноги-то конскія еще бѣгутъ словно, а уже голова косматая лежитъ неподвижно, глаза на выкатѣ, ноздри раздуло и кровь изъ нихъ на песокъ сочится.

Покончился.

Заторопился Мумынъ, забылъ и про турсукъ съ водою, главное ящикъ казенный тотъ самый отвязать поскорѣе, да на чалаго прикинуть.

До слезъ коня жалко, а плакать некогда. Повелъ въ поводу чалаго, гдѣ уже тому, усталому, двойную ношу тащить...

Тянется чалый на поводу, еле ноги переставляетъ, тянется вплоть до заката солнечнаго, посвѣжѣлъ было немного съ вечернею прохладою, да не надолго... Въ темнотѣ сталъ на подъемѣ, уперся и ни съ мѣста...

Звалъ его чабаръ, звалъ, манилъ, манилъ; воды обѣщалъ вволю, вотъ только до колодцевъ доберутся, еще немного... А чалый не вѣритъ, самъ знаетъ, что въ той сторонѣ никакихъ колодцевъ нѣту...

Бился, бился чабаръ, видитъ дѣло плохое, не минучее... Стащилъ со спины присталаго коня почту казенную, на себя взвалилъ и пошелъ дальше.

А чалый, только ношу сняли, такъ и прилегъ на песокъ тихонько, словно ноша эта его на ногахъ держала—прилегъ, морду подогнулъ подъ себя, ноги вытянулъ судорожно... и глаза у него, какъ у сѣраго «покойника», начали таращиться...

Гдѣ же теперь Мумыну-чабару уйдти пѣшему!

Вотъ онъ и подумалъ: «Самъ, молъ, пропаду, а сберегу почту казенную».

Зарылъ онъ ящикъ въ песокъ, саксаулу накидалъ поверхъ, самъ вернулся къ коню своему, присѣлъ на корточки и началъ творить намазъ-молитву...

— Э-ге-гей!.. слышно въ темнотѣ.

— Э-ге-гей! отзывается ближе.

— Вотъ онъ! опять тотъ-же голосъ, что впервой Мумынъ услыхалъ еще на сайгачьихъ колодцахъ.

Пуля провизжала въ воздухѣ и въ мертваго коня ударила.

— Аллахъ, Аллахъ, молится, бормочетъ про себя Мумынъ.—Пускай уже я пропаду, какъ собака, если нагрѣшилъ что, не по твоему закону сдѣлалъ, если гнѣвъ твой праведный самъ накликалъ на свою голову. Спаси только, сохрани ты, Аллахъ, почту казенную!..

Прошло полтора года.

Привели разъ къ коменданту форта Заброшеннаго человѣка, киргизина оборваннаго, больного, исхудалаго... Сквозь трепье одежи голое тѣло на всѣхъ мѣстахъ сквозило, на спинѣ рубцы кровавые, застарѣлые, одного уха нѣтъ совсѣмъ, а другое до половины обрѣзано, на рукахъ пальцевъ не хватаетъ большого и мизиннаго.

Притащилъ тотъ человѣкъ ящикъ да сумы переметныя, говоритъ, будто это почта изъ Глухого форта казенная.

Смѣхъ да и только!

Вскрыли ящикъ и сумы и вправду почта, только больно уже давнимъ числомъ помѣченная.

— Гдѣ-же это ты шлялся, собака, сколько времени нужную почту везъ, гдѣ пропадалъ.

— Подъ арестъ его, каналью, а послѣ къ допросу, вотъ какъ его благородіе пообѣдаетъ...

Допросили въ свое время.

Разсказывалъ чабаръ Мумынъ коменданту, какъ его дорогою хивинскіе барантачи застукали, какъ онъ уходилъ отъ нихъ, какъ почту въ пескѣ схоронилъ, какъ его самаго накрыли и на тотъ берегъ Аму пѣшкомъ между двухъ коней все гнали, какъ онъ у тюркменъ въ работникахъ жилъ всю зиму и лѣто, и еще зиму, какъ ушелъ оттуда да не смѣлъ въ фортъ безъ почты вернуться и пѣшкомъ къ самому Иркибаю въ пески ходилъ, какъ нашелъ онъ добро казенное и сюда приволокъ,—жаловался, что боленъ совсѣмъ, что брюхо болитъ, и грудь болитъ, и въ головѣ злой духъ поселился, руки и ноги трясутся... Просилъ очень, чтобъ ему денегъ дали коней купить, а то пѣшкомъ тяжело таскать почту будетъ, не подъ силу ему, больному, калѣчному; просилъ, чтобы ему штрафъ за просрочку впередъ за службу зачли, денегъ бы только на коня дали.

Все разсказалъ Мумынъ чабаръ на комендантскомъ допросѣ, ничего не утаилъ, только ему денегъ пока не дали; обѣщали, впрочемъ, списаться по начальству куда слѣдуетъ, какое тамъ, молъ, будетъ разрѣшеніе на этотъ экстраординарный расходъ въ семьдесятъ пять цѣлковыхъ, считая по тридцати пяти рублей за конскую голову.

Написали.

Впрочемъ, Мумыну не пришлось больше возить почту казенную. Подобрали его дня черезъ четыре за заборомъ въ пустомъ дворикѣ мертваго и отдали тѣло муллѣ схоронить на казенный счетъ...

Такъ чабаръ Мумынъ и покончилъ свое земное странствованіе, по пескамъ, между фортами Глухимъ и Заброшеннымъ. Пришелъ онъ таки и успокоился на своихъ послѣднихъ колодцахъ, а случилось это... какъ бы это опредѣлить хорошенько время... Да случилось это тогда именно, когда—помните?—полковникъ одинъ изъ интендантскихъ везъ почтовымъ трактомъ денегъ тридцать двѣ тысячи рублей сорокъ одну и три четверти копѣйки, да не довезъ до мѣста. Говорилъ, что будто на него разбойники дорогою напали, самого чуть не убили и деньги всѣ отобрали, какъ есть всѣ тридцать двѣ тысячи сорокъ одну и три четверти копѣйки. Тогда еще полковникъ рукавъ пальто показывалъ, будтобы саблею просѣченный.

Слѣдствіе производили тогда и точно что разбойники, по слѣдствію, оказались; чудно только всѣмъ прочимъ, не служащимъ, было: откуда такое въ той сторонѣ разбойники выискались?

Тогда-то именно и померъ чабаръ Мумынъ, полковникъ еще этотъ самый смѣялся:

— Вотъ, говорилъ, чудакъ косоглазый, изъ за дрянной шляпенки да двухъ баночекъ ваксы, муку такую на себя принялъ.

Атта Троль.

Поэма Г. Гейне. Переводъ **Мих. Шелгунова.**

(*Продолженіе.*)

Глава шестая.

Для людей, ступени высшей
Межъ животными земными,
Поучительно узнать,
Какъ пониже разсуждаютъ.

Да, пониже, въ сферѣ мрачной
Всѣхъ скорбей и бѣдъ звѣриныхъ,
Въ низшихъ общества слояхъ
Бродитъ бѣдность, гнѣвъ и гордость.

Ходъ естественный вещей,
Всѣ права, привычки наши,
Освященныя преданьемъ,
Эти твари отрицаютъ.

Отъ отца идутъ тамъ къ сыну
Злыя, лживыя ученья,
На землѣ грозя разрушить
И гуманность, и культуру.

«Дѣти, Атта Троль бормочетъ,
Возлежа на жесткомъ ложѣ,
Не подостланномъ ковромъ:
«Дѣти, будущее наше!

«Будь всѣ звѣри, всѣ медвѣди
Тѣхъ-же мыслей, какъ и я,
Мы, сплотясь, вступили-бъ разомъ
Съ угнетателями въ битву.

«Пусть съ конемъ соединится
Злой кабанъ, пусть слонъ по братски
Хоботъ свой завьетъ могучій
Вкругъ крутыхъ роговъ быка;

«Волкъ, медвѣди всѣхъ цвѣтовъ,
Обезьяны, овцы, зайцы
Пусть хоть временно сплотятся
И тогда побѣда наша.

«Да, единство! вотъ въ чемъ наша
Современная потребность,
Порознь насъ поработятъ,
Вмѣстѣ-жъ мы господъ поддѣнемъ.

«Да, единство! лишь тогда мы,
Побѣдивъ и ниспровергнувъ
Монополію, устроимъ
Царство братское животныхъ.

«Будетъ равенство животныхъ
Основнымъ закономъ нашимъ,
Безъ вниманія къ различью
Вѣры, запаха и шерсти.

«Да, тогда оселъ свободно
Должность высшую займетъ,
А на мельницу потащитъ
Гордый левъ мѣшки съ мукою.

«Чтожь касается собаки,
Хоть она натуры рабской,
Потому что съ нею люди
По-собачьи обращались,

«Но въ свободномъ нашемъ царствѣ
Къ ней права ея былыя
Возвратятся вновь, а съ ними
Возвратится благородство.

«И жиды тогда получатъ
Полноправное гражданство
И съ животными другими
Уравнятся предъ закономъ.

«Лишь плясать на рынкахъ имъ
Возбранить закономъ нужно,
Этотъ пунктъ я предлагаю
Ради чистаго искуства!

«Строгій стиль имъ непонятенъ,
Стройной пластики движеній
Незамѣтно въ нихъ, они
Вкусы публики испортятъ!»

Глава седьмая.

Мрачно въ сумрачной пещерѣ,
Окруженъ семьей любимой,
Возлежитъ нашъ мизантропъ
И ворчитъ, оскаливъ зубы:

«Люди, злобныя канальи!
Смѣйтесь! День придетъ великій
И спасетъ насъ отъ ярма
И улыбокъ мерзкихъ вашихъ!

«Мнѣ всегда была противна
Кислосладкая гримаса
На лицѣ ихъ; не могу я
Выносить людского смѣха!

«И когда на бѣломъ рылѣ
Роковую дрожь я вижу,
Отъ досады всѣ кишки
Въ брюхѣ корчатся отъ боли.

«Выразительнѣй и ярче,
Чѣмъ въ словахъ людей, замѣтна
Въ ихъ противномъ, нагломъ смѣхѣ
Вся ихъ нравственная порча.

«Всюду смѣхъ у нихъ—и въ дѣлѣ,
Гдѣ серьезнымъ глубоко-бы
Должно быть, въ минуты страсти,
Въ чудно сладкія мгновенья,—

«Всюду смѣхъ! Они, смѣясь,
Пляшутъ даже, унижая
Этимъ гордое искуство,
Быть-бы должное святыней.

«Въ старину бывали танцы
Благочестнымъ актомъ вѣры,
И жрецы благоговѣйно
Вкругъ престола танцовали.

«Такъ плясалъ передъ ковчегомъ
Царь Давидъ въ былое время;
Танецъ былъ богослуженьемъ,
Былъ молитвою ногами!

«Понималъ искуство танцевъ
Въ этомъ смыслѣ я, танцуя
Предъ толпой, меня встрѣчавшей
Громкимъ крикомъ одобренья.

«Съ удовольствіемъ, признаться,
Принималъ я одобренья;
Вѣдь всегда пріятно вызвать
Удивленье у враговъ!

«Но и тутъ, въ пылу восторга,
Улыбаются они.
Пошляковъ возвысить этихъ
Даже танцамъ не подъ силу!»

Глава восьмая.

Добродѣтельные люди
Часто пахнутъ очень скверно,
А отъ княжескихъ холоповъ
Ужь всегда разитъ духами.

Часто дѣвственныя души
Мыломъ моются зеленымъ,
Между тѣмъ какъ умащенъ
Масломъ розовымъ порочный

Потому-то носъ не морщи,
Дорогой читатель, если
Запахъ тролевой пещеры
Не напомнитъ благовоній.

Ты помедли здѣсь со мною
Въ мутной, смрадной атмосферѣ,
Изъ которой, какъ изъ тучи,
Держитъ рѣчь герой нашъ къ сыну:

«Сынъ мой, бедръ моихъ юнѣйшій
Отпрыскъ, днесь единымъ ухомъ
Приложись къ отцовской мордѣ
И внимай словамъ премудрымъ.

«Не держись людскихъ ты взглядовъ:
Въ нихъ души и тѣла гибель;
Между всей людской породой
Нѣтъ порядочныхъ людей.

«Даже лучшіе, бывало,
Нѣмцы, дѣти Туискьона,
Наши братья въ старину,
Какъ другіе, извратились,

«И теперь не вѣрятъ въ Бога,
Проповѣдуя безбожье;
Сынъ, мой сынъ, остерегайся
Фейербахова ученья.

«Не поддайся атеизму!
О, не сдѣлайся медвѣдемъ
Извращеннымъ, безъ боязни,
Предъ Творцомъ вселенной, Богомъ.

«Да, Творцомъ! на небѣ солнце,
Мѣсяцъ, звѣзды, какъ съ хвостами,
Такъ и безъ хвостовъ—вотъ отблескъ
Всемогущества его.

«А внизу моря и земли
Служатъ эхомъ божьей славы
И Творца красоты славятъ
Твари всякія немолчно.

«Даже крохотная вошка
Въ сѣдинахъ у пилигрима
По земной стезѣ проходитъ,
Воспѣвая Богу славу!

«Наверху, въ палаткѣ звѣздной
На златомъ сидитъ престолѣ
Всей вселенной самодержецъ—
Житель льдовъ, медвѣдь громадный.

«Снѣга вешняго бѣлѣе
Мѣхъ его, чело вѣнчаетъ
Изъ камней драгихъ корона,
Ярко по небу блистая.

«На лицѣ его величье
И дѣла нѣмыя мысли;
Только скипетромъ махнетъ онъ
И поютъ, звенятъ міры.

«У него въ ногахъ медвѣди—
Ликъ святыхъ—сидятъ, при жизни
Претерпѣвшіе, и въ лапахъ
Пальмы мучениковъ держатъ.

«Тотъ, другой порою вскочитъ,
Какъ святымъ объятый духомъ,
И торжественно они
Танецъ славы начинаютъ—

«Танецъ, гдѣ талантъ излишенъ
При экстазѣ ихъ священномъ,
Гдѣ душа, полна блаженства
Хочетъ вырваться изъ кожи.

«Недостойный рабъ, участье
Я приму-ль по смерти въ славѣ?
Изъ земной юдоли скорби
Перейду-ль въ страну блаженства?

«Буду-ль, небомъ упоенный,
Наверху въ палаткѣ звѣздной,
Славя Бога, съ пальмой въ лапѣ,
Я плясать передъ престоломъ?»

Глава девятая.

Мавританецъ Фрейлиграта
Выставлялъ изъ черной глотки,
Злость безсильную срывая,
Свой языкъ кроваво красный.

Такъ теперь выходитъ мѣсяцъ
Изъ за тучъ. Вдали рокочутъ
Неумолчно водопады,
Нагоняя сонъ и скуку.

Атта Троль стоитъ одинъ
На скалѣ своей любимой
И реветъ подъ звуки бури
Въ темень ночи непроглядной:

«Да, медвѣдь я—тотъ, кого вы
Называете ворчливымъ,
Дикимъ, злымъ, мохнатымъ Мишкой
И еще Богъ знаетъ какъ.

«Да, медвѣдь я—не скрываю—
Я тотъ увалень неловкій,
Надъ ужимками кого
Вы привыкли издѣваться.

«Я—мишень насмѣшекъ вашихъ,
Я то чудище, которымъ
Нагоняете вы ужасъ
На безпомощныхъ дѣтей.

«Я смѣшной герой всегдашній
Вашихъ бабушкиныхъ сказокъ,
Въ этомъ громко признаюсь я
Предъ людскимъ презрѣннымъ міромъ.

«Да, медвѣдь я, не скрываю
Своего происхожденья,
А горжусь имъ, какъ родствомъ
Съ Моисеемъ Мендельсономъ».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ част. **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Не прошло и десяти минутъ, какъ дверь балкона отворилась и вошелъ лакей.

— Кто тамъ пріѣхалъ, Степанъ? не давъ ему выговорить, спросила Лёло.

— Какая-то барыня съ бариномъ пріѣхали-съ. Не здѣшнія, должно быть съ, я ихъ еще никогда не видалъ-съ.

— Да фамилію ты развѣ не спросилъ? сказалъ Петръ Петровичъ, обернувшись къ лакею.

— Я ихъ спрашивалъ-съ, какъ онѣ прикажутъ объ себѣ доложить-съ, такъ онѣ фамиліи не сказываютъ-съ, а только велятъ себя проводить къ старой барынѣ-съ.

— Ахъ, Петя, это Марья Петровна!..

— Да ты, братецъ, не замѣтилъ: мусью-то, что съ ней, моргаетъ глазами?.. спросилъ Николай Михайловичъ.

— Сильно моргаютъ съ.

— Это моя Машутка! пустите меня, я кинусь къ ней на шею!.. вскрикнулъ Николай Михайловичъ, бросаясь съ распростертыми объятіями къ двери. Петръ Петровичъ схватилъ его за сюртукъ и потащилъ назадъ.

— Не дури, Колька.. Что-жъ, братецъ, проси ихъ въ гостиную! обратясь къ лакею, приказалъ Петръ Петровичъ.

— Я просилъ-съ, онѣ не идутъ-съ.

— Это что за оказія, пріѣхали въ гости и въ комнату не идутъ?.. Лёлька, поди прими ее, ты хозяйка дома...

— Ай!.. не пойду, ни за что не пойду!..

— Дуракъ, чего-же ты боишься? Ступай!..

— Ни за что, ни за что!.. Она мнѣ дерзостей наговоритъ, я боюсь!..

— Да пустите-же меня, я ее облобызаю и втащу къ вамъ!..

— Нѣтъ, оставайся съ сестрой, я пойду одинъ, сказалъ Петръ Петровичъ, и, бросивъ въ лужу окурокъ сигары, пошелъ въ комнаты. Войдя въ переднюю, онъ засталъ тамъ совершенно разоблачившуюся уже барыню, которая поправлялась передъ зеркаломъ. Какой-то молодой человѣкъ, глядя изъ-за нея тоже въ зеркало, причесывалъ свои прямые, какъ у чухонца, свѣтло-русые волосы.

— Позвольте узнать, сударыня, кого я имѣю честь видѣть у себя? спросилъ, раскланявшись, Петръ Петровичъ.

— Я полковница Марья Петровна Камкова, племянница покойнаго Сергѣя Александровича Столбина!.. А это сынъ мой, внукъ покойнаго генерала... Позвольте и мнѣ узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить? спросила Марья Петровна.

— Съ мужемъ хозяйки этого дома, съ Петромъ Петровичемъ Котиковымъ.

— А! Съ управляющимъ генерала!.. важно проговорила Марья Петровна, оглядывая съ головы до ногъ Котикова.

— И съ опекуномъ малолѣтняго Столбина, моего пасынка, сударыня, опять кланяясь, дополнилъ Петръ Петровичъ.

— Знаю!..

— Что-же мы тутъ стоимъ, сударыня? Милости просимъ въ гостиную; вы, кажется, знакомы съ моей женой? Елена Михайловна почтетъ за счастіе видѣть васъ у себя!..

— Благодарю, я пріѣхала не къ вамъ и не къ супругѣ вашей, а къ матушкѣ покойнаго генерала, бабушкѣ моей Елизаветѣ Никитишнѣ Столбиной. Давно уже я прошу вашихъ лакеевъ проводить меня и сына моего къ ней, но у васъ здѣсь такія строгости, что люди наслѣдника Столбина, моего кузена, не смѣютъ двинуться съ мѣста безъ вашего позволенія. Потрудитесь, господинъ Котиковъ, дать хоть теперь имъ разрѣшеніе проводить меня къ бабушкѣ, съ насмѣшливой улыбкой, сказала Марья Петровна.

— Помилуйте, сударыня! Я самъ за честь почту проводить васъ къ вашей бабушкѣ... Степанъ! Елизавета Никитишна еще не почиваетъ?.. обратившись къ лакею, спросилъ Котиковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, онѣ недавно только чай откушали-съ...

— Покорнѣйше прошу пожаловать со мной, сударыня, сказалъ Петръ Петровичъ, отворивъ дверь въ длинный коридоръ и пошелъ впередъ; Марья Петровна и Теодоръ пошли за нимъ.

Пройдя въ самый конецъ коридора, Котиковъ отворилъ послѣднюю дверь и попросилъ Камкову съ сыномъ войдти.

Елизавета Никитишна въ эту минуту дремала на диванѣ. Отъ шума она проснулась и начала протирать глаза. Марья Петровна не дала ей опомниться и съ крикомъ: «бабушка! милая бабушка!» бросилась обнимать ее.

Елизавета Никитишна взвизгнула и, толкая отъ себя Марью Петровну, начала кричать во все горло.

— Кто это?.. кто это?.. возьмите, возьмите ее!.. Я боюсь!.. я боюсь!..

— Бабушка! Милая бабушка! не пугайтесь!.. это я!.. это ваша внучка Маша! а это вашъ правнукъ, мой сынъ! Да что-же ты стоишь, Теодоръ?.. цѣлуй у прабабушкѣ ручку!.. Теодоръ вдругъ кинулся на старушку, схватилъ ея руку и началъ цѣловать.

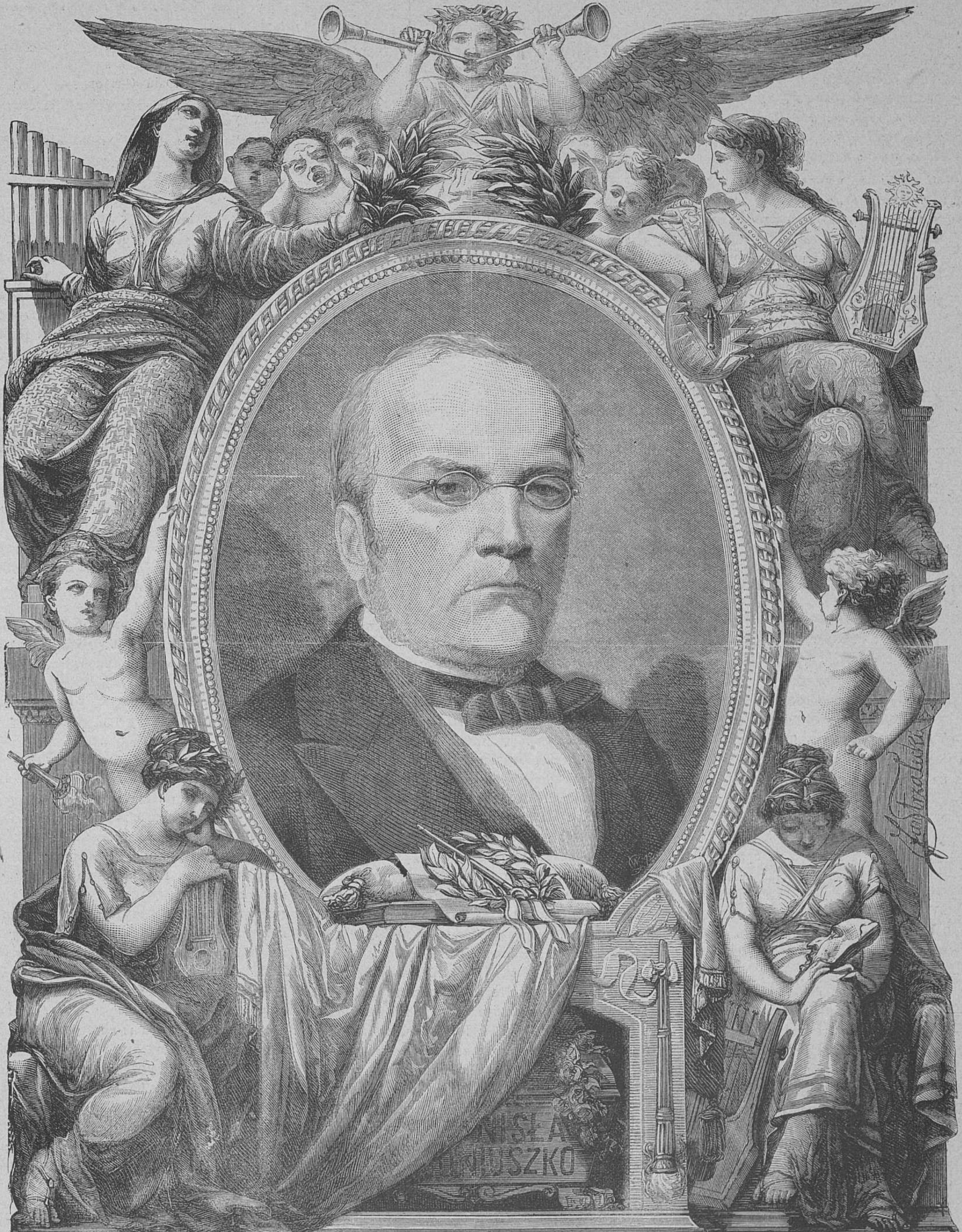
— Подите вонъ! подите вонъ! я васъ не знаю... Матрена, выгони ихъ! я ихъ боюсь!..

— Не надо кричать такъ, матушка, чего вы боитесь?.. Онѣ говорятъ, что онѣ ваши внучки, такъ вы приласкайте ихъ!.. приласкайте, матушка! какъ съ маленькимъ ребенкомъ, заговорила Матрена.

Но Елизавета Никитишна ничего не слушала и продолжала кричать: «пошли вонъ! пошли вонъ!.. прогоните! прогоните»!.. Петръ Петровичъ во все продолженіе этой сцены стоялъ въ тѣни, загороженный отъ Елизаветы Никитишны Марьей Петровной и Теодоромъ. Вдругъ Марья Петровна проворно обернулась къ нему и грубо спросила:

— Что-жъ это, правда, что она сумасшедшая?..

— Про кого вы говорите, сударыня, я не понимаю васъ!.. спросилъ въ свою очередь Петръ Петровичъ.


NISŁA
USZKO
Andriolli

Станиславъ Монюшко.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“

— Про эту старуху! Я васъ спрашиваю: это правда, что она сумасшедшая?

— Это вы про милую вашу бабушку изволите говорить? будто не понимая, спросилъ Котиковъ.

— Ну да, про нее, она сумасшедшая?..

— Скажи ты ей, что она сама дура, сумасшедшая, а не я! вдругъ отозвалась съ дивана Елизавета Никитишна.

— Извините, сударыня, но я не понимаю, что съ вами сдѣлалось, за что вы оскорбляете бабушку, которую только-что такъ пламенно желали видѣть!

— Она сама всю меня перецарапала и Богъ знаетъ что кричала, а вы хотите, кажется, увѣрить меня, милостивый государь, что она въ полномъ разумѣ?

— Елизавета Никитишна закричала съ испугу оттого, что вы кинулись на нее сонную, а за ваше оскорбленіе она заплатила вамъ оскорбленіемъ. Лѣта Елизаветы Никитишны и привычка къ уваженію отъ каждаго вполнѣ оправдываютъ ея поступокъ. Елизавета Никитишна никогда еще не слыхала, чтобы кто нибудь позволилъ себѣ назвать ее сумасшедшей. Вы первая...

— Молчите, милостивый государь!.. Я вижу, что она помѣшана, и вамъ не переувѣрить меня,— я не ребенокъ!..

— Маменька, маменька, перестаньте! таща мать за юбку, моргая, прошепталъ Теодоръ.

— Молчи, Теодоръ!.. я не ребенокъ, милостивый государь! я все понимаю, понимаю, почему вы скрываете, что эта старуха сумасшедшая... Это для того, чтобы на нее не наложили опеки, чтобы какъ нибудь съ вашей супругой обобрать ее...

— Маменька, маменька, что вы говорите! опять дергая за юбку мать, прошепталъ Теодоръ.

— Что ты меня дергаешь, Теодоръ, оставь... Я все понимаю, милостивый государь!.. это все ваши штуки, вамъ не хочется, чтобы я получила отъ бабушки свою часть... Такъ вы ошибаетесь, я свое получу, я докажу свои права... я выведу васъ на свѣжую воду... я васъ отрѣшу!..

— Маменька, маменька! потащивъ сильно за платье Марью Петровну, почти громко сказалъ Теодоръ.

— Да, оставь, Теодоръ!.. хлопнувъ по рукѣ сына, крикнула Марья Петровна и опять, обернувшись къ Котикову, начала кричать.

— Отрѣшу васъ, милостивый государь!.. своего опекуна выберу, поставлю на ваше мѣсто!.. слышите-ли, милостивый государь, поставлю!..

— Слышу, сударыня! равнодушно отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

— Поѣдемъ, Теодоръ!

— Поѣдемте, маменька! моргая, пробормоталъ Теодоръ и пошелъ за Марьей Петровной, которая, пунцовая отъ злости, выбѣжала въ коридоръ.

Между тѣмъ гроза прошла, Авдотья Кириловна вышла въ залу и, узнавъ о пріѣздѣ Марьи Петровны отъ дочери и сына, начала въ волненіи ходить по залѣ. Николай Михайловичъ безпрестанно бѣгалъ въ коридоръ подслушивать, что дѣлается въ комнатѣ Елизаветы Никитишны и возвращался всякій разъ съ новыми вѣстями: «Машута старуху испугала!.. Елизавета Никитишна что-то кричитъ!.. Теперь Машута что-то кричитъ! Все еще кричитъ»!.. Услышавъ каждую такую новость отъ сына, Авдотья Кириловна всплескивала руками и, качая головой, говорила: «Ахъ, подлая женщина! Ахъ, какая преподлая женщина»!.. Вдругъ Николай Михайловичъ вбѣжалъ въ залу и вскрикнулъ «ѣдутъ!.. ѣдутъ»!..

— Куда ѣдутъ? Какъ ѣдутъ? спросили обѣ вмѣстѣ Авдотья Кириловна и Лёло.

— Совсѣмъ со двора долой!.. побѣгу въ дѣвичью смотрѣть. Какъ они будутъ садиться въ тарантасъ, торопливо проговорилъ Николай Михайловичъ и пустился бѣжать въ дѣвичью.

— Побѣгу и я посмотрю, сказала Авдотья Кириловна и побѣжала за сыномъ.

Когда она вошла въ дѣвичью, окно уже было отворено и Николай Михайловичъ, перевѣсившись до половины, сь любопытствомъ глядѣлъ на крыльцо.

— Пусти, Николай! Пусти-ка меня и я погляжу! проговорила Авдотья Кириловна, толкая сына и протискиваясь тоже въ окно.

Первый вышелъ на крыльцо Теодоръ и послалъ куда-то Степана, вѣроятно, приказать своимъ людямъ подавать тарантасъ. Потомъ вышла и Марья Петровна. Сперва она стояла, говорила что-то, размахивала руками, но словъ нельзя было разслушать въ окно. Экипажа долго не подавали; Марья Петровна устала стоять, сѣла на ступеньку и подняла на голову капюшонъ салопа

— Посмотрите, мамачка, Машокъ простуды боится, вишь какъ кутается... гмъ, душка! громко сказалъ Николай Михайловичъ, обернувъ голову къ матери.

— Чтобъ ее всю продуло, мерзавку! проворчала Авдотья Кириловна въ отвѣтъ сыну.

Наконецъ, подъѣхалъ къ крыльцу тарантасъ.

— Мамачка, видите,—лѣзутъ! лѣзутъ! Смотрите, смотрите, у моей Машутки лапа-то какая, какъ у слона... а юбки-то, какъ изъ трубы вытащены? Quelle honte! Quelle honte, madame! крикнулъ въ окно Николай Михайловичъ.

— Да вѣдь у нея только платья-то бархатныя, а сахарными веревками чулки подвязываетъ... ей-Богу, Николай, не вру, своими глазами видѣла...

Николай Михайловичъ захохоталъ во все горло.

Тарантасъ началъ трогаться; въ немъ на первомъ мѣстѣ сидѣла въ подушкахъ Марья Петровна, возлѣ нея сынъ, а напротивъ горничная Алена, заваленная по самыя глаза разными разностями. Когда тарантасъ поровнялся съ дѣвичьей, Марья Петровна нечаянно взглянула въ окно и увидѣла Авдотью Кириловну съ сыномъ. Николай Михайловичъ не выдержалъ, закричалъ ей: «Adieu, Машокъ»! И сдѣлалъ ей ручкой. Марья Петровна высунулась вся изъ тарантаса и плюнула по направленію къ окну.

— Дура!.. крикнула ей, покраснѣвъ, Авдотья Кириловна и тоже плюнула изъ окна; лошади побѣжали рысцой и тарантасъ скрылся въ липовой алеѣ.

Глава XXVI.

На другой день послѣ пріѣзда въ Дрёмино Марьи Петровны Петръ Петровичъ ѣздилъ въ городъ и скоро вернулся оттуда назадъ. Не смотря на всю силу воли Котикова, можно было замѣтить, что у него какая-то тревога на душѣ.

Лёло тотчасъ-же начала приставать къ нему съ распросами:

— Что это, Петя, какой ты скучный? Скажи мнѣ правду: вѣрно, эта злая Марья Петровна можетъ повредить тебѣ? Ты только скрываешь отъ меня, а я знаю, что это такъ!

— Полно смѣшить, Лёлька, что́ можетъ сдѣлать мнѣ шальная баба? Развѣ меня не знаютъ всѣ!.. Успокойся, пожалуйста, я совсѣмъ не оттого скученъ... Ты знаешь, что у насъ теперь рекрутскій наборъ, а это для меня чистая мука. Да хоть-бы выбирать то было изъ кого: народъ все хорошій, работящій, не пьющій... просто жалость! Право, пожалѣешь подъ часъ, что и мерзавцевъ нѣтъ... Забрилъ бы лобъ и не поморщился!

— Добрый Петя! со слезами на глазахъ сказала Лёло.

— Добрый не добрый, Лёлька, а какъ видишь, что бабы ревутъ, ребята цѣпляются за отца, такъ по неволѣ мурашки по тѣлу пойдутъ. А ты еще спрашиваешь, отчего не веселъ? Не бойся, голубка, ваша Марья Петровна не заставила бы меня поморщиться...

Лёло повѣрила и успокоилась.

Черезъ нѣсколько дней къ Петру Петровичу пріѣхалъ изъ города знакомый чиновникъ, Юлій Осиповичъ Чепуркинъ. Петръ Петровичъ увелъ его въ свой кабинетъ и заперъ за собою дверь.

— Ну что, Юлій Осиповичъ, узнали-ли вы? спросилъ Котиковъ.

— Узналъ! отвѣчалъ чиновникъ.

— Что-жъ, подала Камкова просьбу?

— Подала!

— Вы сами видѣли?

— Видѣлъ!

— Ну, что-жъ она въ ней намарала?

— Да намарала-то она много дряни, а сущность въ просьбѣ та, что она хочетъ, чтобъ освидѣтельствовали матушку покойнаго генерала, и буди ее найдутъ не въ полномъ разумѣ, то наложить на нее опеку, какъ на умолишенную, а васъ за укрывательство Елизаветы Никитишны и за разореніе имѣнія малолѣтняго наслѣдника Столбина смѣнить и назначить другого опекуна. Это она шалитъ, голубка! Ей васъ и иголочкой не поддѣть: всѣ знаютъ, какъ вы вели и ведете дѣло Столбиныхъ, да если и ревизовать будутъ, ни чорта не возьмутъ; ей-же, какъ кляузницѣ, носъ наклеютъ. А что, скажите, пожалуйста, Петръ Петровичъ, про старуху-то Столбину вретъ она или нѣтъ? помнится мнѣ, я что-то про нее тоже слышалъ; кажется, говорили, что она сумасшедшая... Я вѣдь самъ то ее никогда не видалъ.

— Неправда! Была когда-то, говорятъ, помѣшана,—молоко что-ли разлилось, право, и я не знаю,—а теперь совсѣмъ здорова; я ужь ее засталъ въ полномъ разумѣ.

— Съ чего-жъ эта Камкова взяла плести на васъ церковную татьбу?

— Очень просто: она приходится Елизаветѣ Никитишнѣ какая-то четвероюродная внучка или что-то въ родѣ этого...

— Понимаю, понимаю: нашему слесарю двоюродный кузнецъ. У насъ на Руси такой родни много... Ну-те-съ...

— Ну, вотъ она и хочетъ во что бы то ни стало, чтобы Елизавета Никитишна отказала ей благопріобрѣтенныя покойникомъ мужемъ ея пятьсотъ душъ. А старуха-то разозлилась да и выгнала ее. Она, должно быть, со злости и подала просьбу на старуху и на меня тутъ-же кстати, потому-что она убѣждена въ томъ, что мы съ женой вооружили противъ нея Елизавету Никитишну. Понимаете?

— Понимаю. Да дурища она! Вѣдь еслибъ старуху-то нашли сумасшедшей, что-бы она взяла? Еще хуже ей отъ бабки ничего-бы не досталось. Вѣдь тогда, какъ опеку-то наложатъ, такъ хоть перехоти Елизавета Никитишна отдать имѣніе Камковой—слушать ее не станутъ, а все пойдетъ родному внуку. Вотъ ужь правду говоритъ пословица, что у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Ну, Христосъ съ ней! Объясните вы мнѣ на милость, Петръ Петровичъ, чего-же вы перетревожились, для чего вы просили меня дать себѣ тотчасъ знать, когда поступитъ просьба на васъ госпожи Камковой? Что вамъ въ этомъ, когда вы знаете, что она ничего этой просьбой не возметъ.

— Да какъ ужь вы тамъ не говорите, Юлій Осиповичъ, хотя я и очень хорошо знаю, что все кончится ничѣмъ, а согласитесь, что все таки оно непріятно... Наѣдутъ сюда разные черти, толкуй съ ними, возись...

— Да вы впередъ-то не ругайтесь, Петръ Петровичъ, можетъ быть, и меня пришлютъ.

— Милости просимъ, господинъ чиновникъ! Мы васъ употчуемъ, чтобы вы и слѣпы, и нѣмы были... Да нѣтъ, не шутя, Юлій Осиповичъ; будь я одинъ, я еще бы потѣшился надъ вашимъ братомъ. А то вѣдь у меня бабы въ домѣ, подика ты втолкуй имъ, что все это вздоръ, ничего, мыльный пузырь. Жена моя трусиха престрашная, перепугается, всполошится... Старуха Елизавета Никитишна, хоть и похрабрѣе, да та разобидится, разозлится; вотъ и вертись я тутъ между ними одинъ, какъ знаешь.

— Да ужь старуху-то свидѣтельствовать будутъ, безъ этого не обойдется...

— Бѣда: обозлится она, изъ себя выйдетъ отъ этой обиды; вы знаете, Юлій Осиповичъ, что значитъ барскую честь затронуть? Вы, пожалуйста, дайте мнѣ знать заранѣе, когда эту трагедію назначутъ, чтобъ я имѣлъ время хоть жену-то изъ дому услать, чтобъ она ничего и не знала объ этомъ. Смотрите-же, Юлій Осиповичъ, не забудьте, я на васъ надѣюсь.

— Да, надѣйтесь, какъ на каменную стѣну; какъ только узнаю, сейчасъ-же съ нарочнымъ напишу... Ну, прощайте, Петръ Петровичъ, мнѣ пора.

— Куда вы, развѣ не пообѣдаете у меня?

— Нѣтъ, благодарю, дѣла много... не до обѣдовъ.

— Ну, не можете, такъ дѣлать нечего! Петръ Петровичъ проводилъ гостя до передней.

— Ахъ, Петръ Петровичъ, я и забылъ вамъ печальную новость сообщить, вернувшись назадъ, сказалъ Юлій Осиповичъ.

— Что такое? спросилъ Котиковъ.

— Знаете, вашего доктора скрючило!

— Какъ скрючило?

— Въ постели лежитъ и бѣлугой воетъ.

— Онъ захворалъ, что у него?

— Говорю, что скрючило. Отъ ревматизма ногу къ спинѣ притянуло... Говорятъ, если заграницу на воды не поѣдетъ—на вѣкъ нога у спины останется... Наши губернскія барыни всѣ въ слезахъ, что форлякура ихъ прихватило... Некому, видите-ли, имъ клюковной водицы съ сахаромъ да съ флердоранжемъ прописывать... Я просился къ нимъ въ доктора, да, канальи, не берутъ: докторъ бель-омъ говорятъ, а ты молъ, плюгавый, не годишься... Ну, прощайте, Петръ Петровичъ.

Вернувшись въ свой кабинетъ, Котиковъ опять началъ ходить взадъ и впередъ скорыми шагами. Онъ былъ блѣднее обыкновеннаго, губы у него какъ-то подергивало. Вдругъ онъ остановился, ударилъ себя въ лобъ рукой и все лицо его просіяло.

Вошла Лёло, онъ кинулся къ ней, поднялъ ее высоко на воздухъ и, опуская внизъ, крѣпко поцѣловалъ.

— Что съ тобой, Петя? Отчего ты такъ веселъ? спросила Лёло.

— Оттого, что мнѣ хорошо, Лёлька, оттого я и веселъ, отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

Послѣ обѣда Петръ Петровичъ велѣлъ запречь себѣ одноколку, чтобы ѣхать въ поле. Николай Михайловичъ было увязался за нимъ.

— Нѣтъ, Коля, не возьму сегодня, я браниться ѣду... У меня тамъ лѣнтяи ничего не дѣлаютъ, а съ тобой поѣдемъ, будемъ врать, дурачиться, а путнаго ничего не выйдетъ. Сиди, сиди дома! отказалъ на отрѣзъ Петръ Петровичъ брату, сѣлъ на одноколку и уѣхалъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Школа французскихъ импресіонистовъ.

Диллетанта.

(*Окончаніе.*)

Бастіенъ-Лепажа я приберегъ къ концу моего обзора первоначальной групы импресіонистовъ, потому что въ немъ сохранились лучшія стороны новой школы и почти совершенно отсутствуютъ ея недостатки и эксцесы. Эти достоинства школы импресіонистовъ заключаются по преимуществу въ отсутствіи рутины, въ смѣлости, съ которой художники этой молодой школы ищутъ новыхъ путей и расширяютъ горизонтъ искуства. Въ этомъ отношеніи попытки импресіонистовъ чрезвычайно почтенны и достойны самаго тщательнаго вниманія. Къ сожалѣнію, это—только попытки, и попытки, къ тому-же, по большей части, неудачныя. Недостатокъ въ талантѣ, или трудность задачи, но теорія до сихъ поръ только въ самой незначительной степени переходитъ въ практику. Теорія, на первый взглядъ, кажется чѣмъ-то совершенно небывалымъ, рѣзко-смѣлымъ, оригинальнымъ и своеобразнымъ, а практика, выражающаяся въ картинахъ импресіонистовъ, поражаетъ не столько смѣлостью и своеобразнымъ пониманіемъ искуства, сколько эксцентричностью. Впрочемъ, всѣ новыя школы искуства переживаютъ, какъ кажется, этотъ первоначальный фазисъ эксцентричности. Въ общемъ, можно сказать, не боясь ошибиться, что всякое новаторство въ области искуства первоначально имѣетъ характеръ по преимуществу отрицательный. Прежде всего, прежде теоретическихъ, положительныхъ выводовъ является протестъ противъ извѣстныхъ, установившихся принциповъ въ искуствѣ, противъ традиціи и рутины, которыя всегда заступаютъ мѣсто живого творчества, когда та или другая признанная и устарѣвшая школа дошла до извѣстной степени развитія и совершенства. Это-то именно развитіе и замѣчается теперь во Франціи, въ движеніи, вызванномъ импресіонистами. Рутинные пріемы и традиціи, унаслѣдованные отъ романтизма, всецѣло завладѣли областью техники и во многомъ съузили кругъ свободнаго творчества. Вотъ противъ этихъ-то рутинныхъ пріемовъ, установившихся правилъ и произвольныхъ принциповъ, случайно укоренившихся, и протестуютъ теперь французскіе импресіонисты, утверждая, что художникъ долженъ подчиняться не тѣмъ, или другимъ пріемамъ и принципамъ, установившимся произвольно, онъ долженъ лишь подчиняться своему вдохновенію и минутному художественному впечатлѣнію. Это—таже теорія свободы въ искуствѣ, которую проповѣдывалъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія романтизмъ—только въ настоящую минуту эта теорія сводится на болѣе реалистическую почву.

Само собой разумѣется, что эта теорія свободы искуства имѣетъ лишь одно значеніе—значеніе протеста, не указывающаго, однакожъ, на положительные принципы новой школы. Только дальнѣйшее обособленіе школы могло вызвать разработку этихъ принциповъ, указать на идеалы, къ которымъ стремится эта школа. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Мы уже видѣли, въ чемъ именно заключаются эти принципы и эти идеалы. Съ одной стороны,—въ дѣлѣ техническихъ пріемовъ и фактуры,—наши новаторы вводятъ японизмъ, яркіе и сильные свѣтовые эфекты и кромѣ того настаиваютъ на живописи при открытомъ воздухѣ; съ другой стороны, идеалы новой школы выражаются стремленіемъ ввести въ живопись по возможности вѣрное, близкое и точное изображеніе природы, передавая скоро преходящія, едва замѣтныя перемѣны въ воздухѣ и въ освѣщеніи. Слѣдуетъ-ли, однакожъ, вѣрить на слово господамъ импресіонистамъ, которые утверждаютъ, что принципы и идеалы ихъ школы составляютъ нѣчто совершенно новое и небывалое въ искуствѣ? Не простое-ли это недоразумѣніе?

Одинъ изъ талантливѣйшихъ французскихъ художественныхъ критиковъ, г. Бюрто, описывая выставку импресіонистовъ нынѣшняго года, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Говоря по правдѣ, выставка эта представляетъ меньше курьезовъ, чѣмъ прошедшія выставки импресіонистовъ. Тутъ мы не находимъ произведенія ни г-жи Моризо, ни гг. Сислея и Ренуара. Эксцентричности, приводившія въ ужасъ публику и возмущавшія критику, исчезли. Напрасно искали-бы вы здѣсь портретовъ съ колоритомъ пламени горящаго пунша или лиловыхъ пейзажей. Сожалѣть объ этомъ нечего. Мы искренно поддерживали эту групу молодыхъ художниковъ въ началѣ ея образованія, потому что было поучительно знать, что изъ этой групы выйдетъ, когда она оперится, и потому еще, что даже въ самыхъ экстравагантностяхъ была замѣтна полезная и законная реакція противъ нелѣпой, педантской живописи, которая слишкомъ долго приводила ко всякого рода почестямъ и выгоднымъ заказамъ. Теперь опытъ сдѣланъ и критика должна быть болѣе строгой». Къ какимъ-же, однако, результатамъ приходитъ Бюрто въ своей критикѣ? Онъ, не колеблясь, заявляетъ, что эта група импресіонистовъ не представляетъ собой ничего новаго и особенно своеобразнаго. Господа импресіонисты, по его мнѣнію, не болѣе, какъ запоздалые пришельцы, борющіеся съ вѣтренными мельницами, enfonceurs de portes ouvertes, адвокаты и защитники давно уже выиграннаго дѣла. Не одни они умѣютъ тонко анализировать свѣтовыя явленія, помѣщать предметы въ ихъ естественной и нормальной средѣ, передавать нѣжную прелесть англійской живописи, воспроизводить живую, контрастную поэзію японизма.

Я думаю, что въ этомъ выводѣ мало справедливаго; не все, однакожъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вліяніе японизма и англійскаго искуства давно уже замѣчается во французской живописи и что техническіе пріемы, которыми такъ хвастаютъ импресіонисты,—въ родѣ, напр., живописи на открытомъ воздухѣ,—давно уже практикуются пейзажистами и не представляютъ никакой новости. Если, однакожъ, въ этомъ отношеніи импресіонисты «не выдумали пороху» и борятся съ вѣтренными мельницами, то заслугъ ихъ тѣмъ не менѣе отрицать невозможно. Они съ настойчивостью, по истинѣ, замѣчательной, не обращаютъ вниманія на насмѣшки и продолжаютъ работать въ принятомъ разъ направленіи съ глубокою вѣрою. Они не только совершенно освободились отъ рутины и застарѣвшей фактуры, но внесли въ живопись нѣчто новое и свѣжее. Если отдѣльно элементы ихъ школы существовали и прежде, то заслуги ихъ заключаются въ томъ, что они соединили эти элементы въ одно цѣлое и, такимъ образомъ, выработали своеобразный взглядъ на живопись, взглядъ, составляющій положительный и несомнѣнный шагъ впередъ.

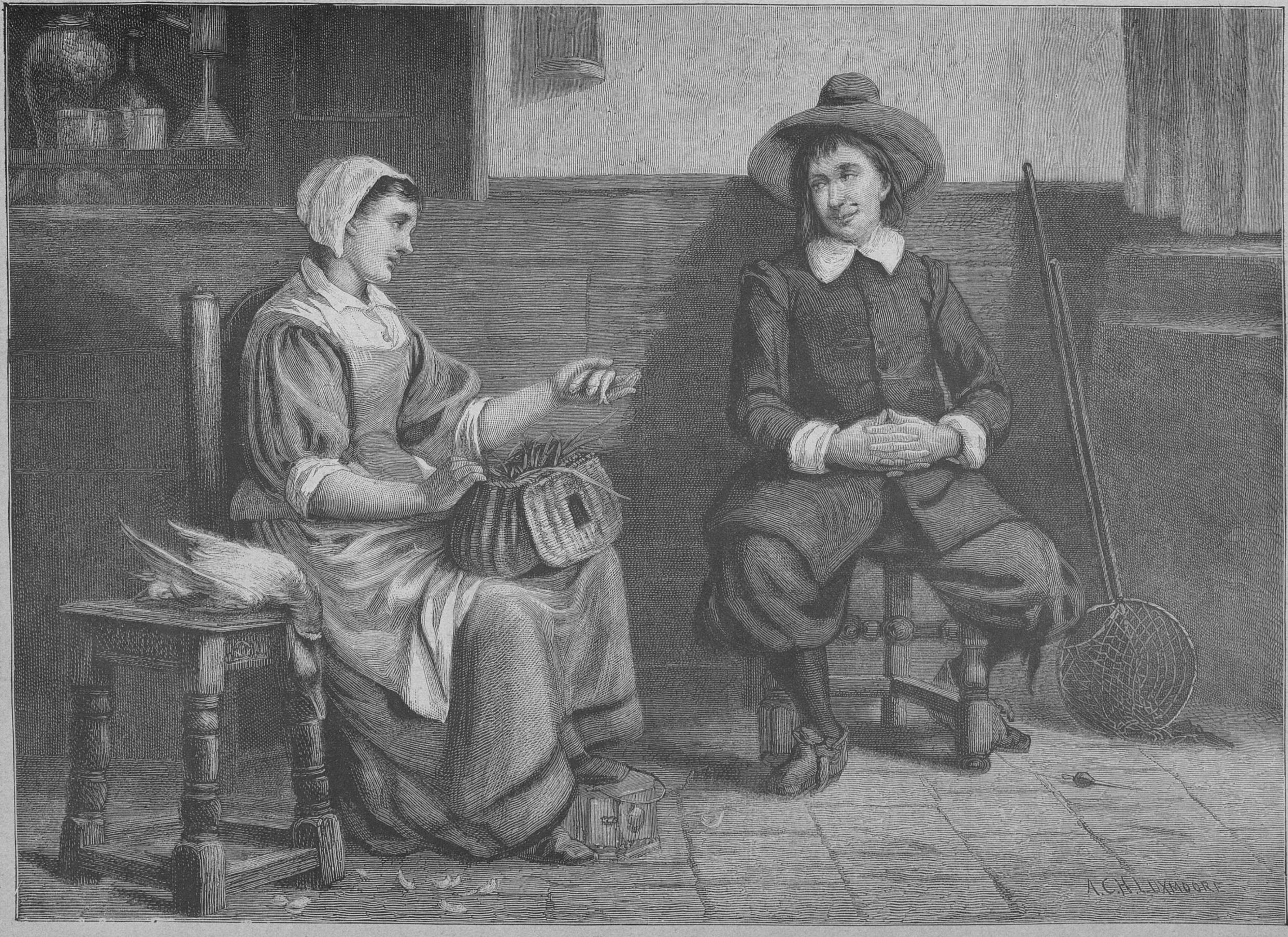
⁂

Мой этюдъ о французскомъ импресіонизмѣ былъ-бы не полонъ, если-бы я не коснулся отраженія его въ нашей отечественной живописи. Я говорю: отраженіе, избѣгая слова: вліяніе, потому что наши импресіонисты (ихъ уже нѣсколько) развились не подъ вліяніемъ движенія во французской живописи, а совершенно самостоятельно, инстинктивно, опять таки изъ потребности протестовать противъ рутины. Исторія этого протеста довольно поучительна.

Стѣснительныя и узкія рамки академическихъ традицій вызвали въ средѣ русскихъ молодыхъ художниковъ шестидесятыхъ годовъ весьма понятный и законный протестъ, который и послужилъ (какъ это ни странно) къ основанію новаго направленія. Само собой разумѣется, что одинъ голый протестъ никогда ни къ чему не приводитъ, ни кого не удовлетворяетъ, но часто онъ служитъ фундаментомъ новаго зданія. Такъ случилось и на этотъ разъ: случайно протестующіе оказались людьми та-

ВЫСТАВКА ВЪ ЛОНДОНѢ 1880 Г. (Въ галерѣ Дудлей.)

КАРТИНА ЛУКСМУРА.

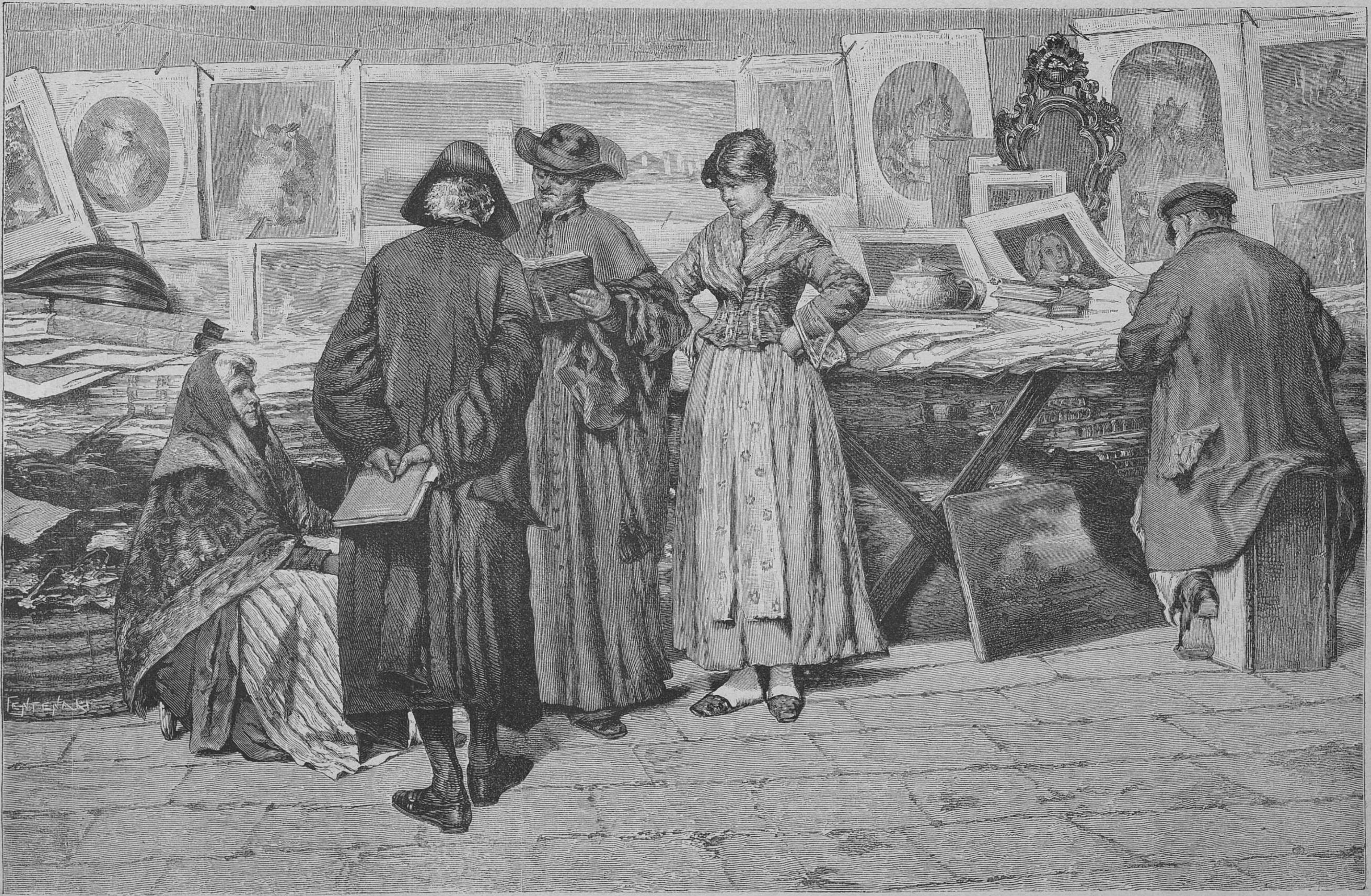

A.C.H. LUXMOORE

Рыболовство.

Рѣзано на деревѣ Лендэнѣ.

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ 1880 Г.

КАРТИНА ДЖІАКОМО ФАВРЕТТО.



Картины и книги. (Картина эта удостоена преміи.)

Рѣзано по фотографіи въ Туринѣ.

лантливыми, молодыми, полными силъ и вѣры въ нихъ. Протестъ усилилъ ихъ дѣятельность и направилъ на новый путь. Этотъ путь опредѣлился самъ собою изъ основныхъ мотивовъ протеста; отрицая традиціи и рутинные пріемы, стѣснительные для всякаго свѣжаго таланта, они, слѣдовательно, требовали большей свободы творчества, а такъ какъ рутина приводитъ неизбѣжно къ извѣстной манерности, то они настаивали на простотѣ и естественности. Тутъ нашлись и теоретики, которые пошли еще дальше: «простота и естественность, говорили они,— въ натурѣ русскаго человѣка, который не переноситъ ходульности, изысканности, манерности гнилого запада». И новаторы оказались, такимъ образомъ, носителями истиннаго русскаго будущаго, основателями русско-національной школы живописи. Конечно, въ сущности (не во гнѣвъ будь сказано теоретикамъ), ничего подобнаго нѣтъ. Школы въ искуствѣ, а тѣмъ болѣе школы національныя, не создаются по желанію одного или нѣсколькихъ лицъ, а являются результатами такихъ сложныхъ и разнообразныхъ причинъ, управлять которыми не въ нашей власти. Но новаторы, дѣйствительно, выдѣлялись изъ прежняго направленія, выдѣлились именно тѣмъ, что не признаютъ извѣстной рутины и извѣстныхъ условныхъ пріемовъ, а требуютъ свободы творчества.

Я не буду здѣсь распространяться о томъ, къ какимъ результатамъ пришли наши новаторы въ исторической живописи и жанрѣ. Замѣчу только, что попытки ихъ не удались. Они не обновили ни исторической живописи, ни жанра; въ крайнемъ случаѣ, можно только сказать, что они робкими и несмѣлыми шагами пробирались къ художественному натурализму. Совершенно другое случилось съ пейзажемъ. Русскій пейзажъ, дѣйствительно, выдавался и, благодаря талантливымъ художникамъ, въ главѣ которыхъ можно и слѣдуетъ поставить Куинджи, — выступилъ на совершенно новую дорогу. Пейзажъ этотъ по своему направленію и, главнымъ образомъ, по своимъ рѣзкимъ свѣтовымъ эфектамъ чрезвычайно близокъ къ школѣ французскихъ импресіонистовъ. По яркости и ясности колорита онъ, очевидно, приближается къ японизму, а въ эфектахъ видно стремленіе фиксировать на холстъ самыя разнообразныя перемѣны въ атмосферѣ и въ освѣщеніи. Съ этой точки зрѣнія, група нашихъ молодыхъ пейзажистовъ, съ Куинджи во главѣ, составляетъ какъ бы отрасль французскаго импресіонизма. Разница заключается только въ томъ, что русскіе импресіонисты не воплощаютъ, подобно французамъ, свои стремленія въ извѣстныя теоріи, а довольствуются только работой, не заботясь о тѣхъ принципахъ и идеалахъ, которые могутъ быть выведены теоретически изъ ихъ художественныхъ произведеній. Нельзя сказать, чтобъ эта умственная лѣнь, это равнодушіе къ теоретическимъ выводамъ отражались хорошо на самыхъ произведеніяхъ. Принципы важны именно тѣмъ, что они служатъ руководящимъ началомъ въ практической дѣятельности. Когда этого начала нѣтъ, когда оно отсутствуетъ, то практическая дѣятельность неизбѣжно представляетъ колебанія и за неимѣніемъ прочнаго критиріума не только приводитъ къ ошибкамъ, но и укореняетъ эти ошибки. Это послѣднее обстоятельство особенно замѣтно на одномъ изъ нашихъ импресіонистовъ, на г. Клеверѣ. Въ дни своей юности этотъ талантливый художникъ сдѣлалъ нѣкоторое открытіе импресіонистскаго характера: онъ нашелъ поэтическій свѣтовой эфектъ русскаго зимняго пейзажа при заходѣ солнца: снѣжная поляна, нѣсколько голыхъ, печальныхъ деревьевъ, покрытыхъ инеемъ, и красные лучи заходящаго солнца, освѣщающаго этотъ печальный зимній видъ. Несомнѣнно, г. Клеверъ съумѣлъ внести въ этотъ пейзажъ много поэтическаго чувства, понялъ его своеобразно, воспроизвелъ его не рутинно. Немудрено, поэтому, что пейзажъ произвелъ впечатлѣніе и сдѣлалъ имя художнику. Къ сожалѣнію, на этомъ, въ сущности, дешевомъ эфектѣ г. Клеверъ и остановился; вотъ уже около десяти лѣтъ нашъ импресіонистъ производитъ сотни картинъ со снѣжной поляной, прутьями безъ листьевъ, галками и краснымъ отливомъ солнца. Онъ, такъ сказать, застылъ на этомъ первомъ и, какъ кажется, единственномъ въ своей жизни художественномъ впечатлѣніи. Но отчего? Оттого-ли, что г. Клеверу не достаетъ художественнаго творчества? Нисколько, онъ, несомнѣнно, талантливъ. Исключительно, по моему мнѣнію, отъ того, что г. Клеверъ выступилъ на новый путь не вслѣдствіе теоретическаго вывода, не изъ принципа, а такъ, здорово-живешь,—благо онъ подмѣтилъ кое-что новое. Это новое оказалось удачнымъ открытіемъ и вотъ г. Клеверъ сталъ его эксплуатировать, повторяя вѣчно одинъ и тотъ-же эфектъ. Если бы въ художествѣ г. Клевера лежали какіе бы то ни было задатки художника, если бы у него были художественныя стремленія и идеалы, то на этомъ дешевомъ эфектѣ онъ, очевидно, не могъ бы остановиться; онъ бы искалъ болѣе полнаго выраженія своихъ стремленій и, продолжая работать въ этомъ направленіи, побуждаемый идеаломъ, онъ, можетъ быть, отыскалъ бы не одинъ свѣтовой эфектъ, а нѣсколько и, такимъ образомъ, обогатилъ бы русскую школу пейзажа не только своеобразнымъ взглядомъ на природу, но и новыми пріемами. Не имѣя за душой этихъ идеаловъ, равнодушный ко всякаго рода художественнымъ принципамъ, онъ просто сдѣлался ремесленникомъ и повторяетъ самого себя съ убійственной монотонностью.

Г. Куинджи, конечно, не ремесленникъ; онъ, напротивъ, въ полномъ значеніи слова художникъ, но и онъ не избѣгъ довольно печальныхъ послѣдствій извѣстнаго пробѣла въ своемъ художественномъ образованіи и отсутствія идеальныхъ стремленій. Г. Куинджи, по своему крупному и выходящему изъ ряда дарованію, заслуживаетъ, однако, болѣе полнаго и обстоятельнаго разбора, который я и постараюсь сдѣлать въ болѣе или менѣе скоромъ времени.

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье.

(*Окончаніе.*)

Глава II.

Парижъ ночью.

На дворѣ стоялъ декабрь. Каждый день шелъ дождь. Въ эту мрачную погоду Орели въ особенности почувствовала весь ужасъ своего положенія. Постоянное напряженіе нервовъ и истощеніе физическихъ силъ отъ излишняго злоупотребленія животной страстью развили въ ней отвращеніе къ жизни. Она пила, чтобы поддерживать въ себѣ хотя тѣнь мужества; пила, чтобы согрѣться немного въ длинные холодные вечера, которые она проводила на улицѣ подъ дождемъ. Она должна была ихъ проводить такъ ежедневно, не смотря ни на какую погоду, потому что Большой-Шикаръ не давалъ ей покоя. Она повиновалась инстинктивно, безнадежно, какъ животное, чувствуя себя совершенно безпомощной, всѣми презираемой, стоявшей внѣ закона и внѣ общества. Когда она не приносила денегъ, ее встрѣчали побоями. Сознавая вполнѣ свое униженіе и съ горечью вспоминая прежнюю счастливую жизнь, она ненавидѣла своего перваго любовника Мингэ, обвиняя его въ томъ, что она умирала въ этой грязи, хотя, въ сущности, никто въ этомъ не былъ виновенъ, кромѣ нея самой. Особенно въ холодныя, зимнія ночи она предавалась самому черному отчаянію и забывалась только въ обществѣ своего Большого-Шикара, съ которымъ напивалась до самозабвенія.

Въ этотъ декабрьскій вечеръ, нарумянивъ лицо, она отправилась въ кабачекъ, гдѣ ее ждалъ Большой-Шикаръ, который проводилъ цѣлые дни въ подобныхъ вертепахъ, проигрывая деньги, пріобрѣтенныя наканунѣ Орели. Въ этотъ вечеръ онъ былъ въ проигрышѣ и находился въ дурномъ настроеніи. Онъ сердито упрекнулъ Орели и выгналъ ее на улицу.

Дождь шелъ ливнемъ. По мостовой быстро катились экипажи, окна въ кофейняхъ блестѣли, но тротуары были пусты. Нѣсколько несчастныхъ, въ родѣ Орели, сновали по мокрому асфальту, приподнимая до колѣнъ свои шелковыя платья.

Цѣлый вечеръ она бродила, не смѣя вернуться въ кабачекъ безъ денегъ. Наконецъ закрылись магазины и кофейни; только отдѣльныя комнаты въ ресторанахъ соблазнительно блестѣли. Укрывшись въ тѣни двери отъ полицейскихъ агентовъ, такъ какъ узаконенный срокъ позорной торговли прошелъ, Орели безнадежно чего-то ждала. Вдругъ она увидала, что какой то мужчина вышелъ подъ руку съ женщиной изъ ресторана Биньонъ. Она быстро перебѣжала черезъ дорогу съ крикомъ:

— Это онъ!

Не обращая никакого вниманія на бывшую съ нимъ женщину, Орели схватила его за руку и воскликнула:

— Ага, наконецъ-то я тебя поймала, Жюль! Ты мнѣ отдашь все, что ты у меня укралъ, разбойникъ!

Женщина, бывшая съ Жюлемъ, въ испугѣ отскочила; слуги ресторана сбѣжались на шумъ. Жюль (это былъ онъ, но Жюль великолѣпно одѣтый по послѣдней модѣ и извѣстный на биржѣ, какъ ловкій, богатый маклеръ) позеленѣлъ. Онъ открылъ ротъ, но слова замерли на его губахъ.

— Я тебя не отпущу, продолжала Орели;— отдай мнѣ мои бриліанты, которые ты укралъ у меня. Это мой бывшій любовникъ, Мингэ, красавецъ Жюль, прибавила она, обращаясь къ слугамъ ресторана, которые не смѣли вмѣшаться.

Жюль вздрогнулъ и, кое какъ совладавъ съ своимъ волненіемъ, сказалъ сопровождавшей его женщинѣ:

— Садись въ карету и не тревожься. Это сумасшедшая; я отправлю ее въ полицію. Сходите за полицейскимъ, надо убрать эту развратницу, прибавилъ, онъ обращаясь къ одному изъ слугъ.

— Хорошо, я пойду въ полицію, воскликнула Орели, выходя изъ себя,—но я позову и тебя. Я скажу, кто ты такой! Насъ заберутъ обоихъ.

— Оставьте меня, отвѣчалъ Жюль, отталкивая ее;—я васъ не знаю. Что вамъ отъ меня надо?

— Каналья! заревѣла Орели,—онъ мнѣ ломаетъ руки.

Дѣйствительно, онъ сжалъ ей руки изо всей силы. Въ эту минуту переодѣтые полицейскіе агенты бросились на Орели и хотѣли ее увезти.

— Это Лили! Пойдемъ съ нами! сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Я пойду съ вами, но возьмите и его, кричала Орели, отбиваясь отъ своихъ новыхъ противниковъ;—это мой любовникъ. Онъ меня обокралъ! Караулъ! Караулъ! Помогите!

Но никто не обращалъ вниманія на ея крики и полицейскіе агенты потащили ее по мокрому тротуару. Она ревѣла, билась, металась. Не смотря па позднее время, собралась толпа.

— Это что такое! произнесъ грубый голосъ и Большой Шикаръ съ нѣсколькими своими товарищами, покинувши свой кабачекъ, растолкалъ толпу.

Увидавъ своего любовника, Орели напрягла послѣднія силы и, вырвавшись изъ рукъ полиціи, бросилась къ нему.

— Вотъ Мингэ, красавецъ Жюль, который меня обокралъ и теперь отправляетъ въ полицію! воскликнула она, указывая на Жюля, который стоялъ въ дверяхъ ресторана, дрожа отъ страха и злобы.

— А это ты, Жюль, произнесъ Большой-Шикаръ, подходя къ нему.—Я давно искалъ тебя. Я дамъ тебѣ встрепку, мой милый.

Жюль мгновенно всталъ въ оборонительное положеніе и между нимъ и Шикаромъ произошла страшная драка. Нѣсколько минутъ только были слышны глухіе удары, потомъ они оба повалились въ лужу. Жюль былъ сильнѣе и одерживалъ верхъ.

Полицейскіе агенты бросились на товарищей Большого-Шикара, желая удержать ихъ отъ участія въ побоищѣ. Орели была на ступени подъѣзда и у нея сдѣлался страшный припадокъ кашля.

Вдругъ раздался раздирающій стонъ. Полицейскіе поспѣшили къ бойцамъ. Но было уже поздно. Мертвый трупъ Жюля покатился по тротуару. Чувствуя себя побѣжденнымъ, Большой-Шикаръ вытащилъ изъ кармана ножъ и вонзилъ его по рукоятку въ спину Жюля.

На слѣдующій день Большой Шикаръ и его товарищи сидѣли въ префектурѣ, Орели лежала въ больницѣ, а тѣло Жюля было выставлено въ моргѣ.

Глава III.

Тишина послѣ бури.

Впродолженіи нѣсколькихъ дней то что принято называть «весь Парижъ» былъ очень занятъ неожиданнымъ появленіемъ «Рябой Красавицы», которая вдругъ исчезла и теперь снова каждый день передъ обѣдомъ каталась по Булонскому лѣсу. Успокоившись и питая свѣтлыя надежды на счастливую будущность, Элиза возвратилась къ своимъ прежнимъ привычкамъ.

Ей нечего было бояться, ее только мучила мысль объ исчезновеніи сестры и Жюля Мингэ. Зная характеръ Орели, она предполагала, что сестра ея, вѣроятно, нашла своего перваго любовника и жила съ нимъ. Но какъ ихъ было отыскать? А пока гнусный Жюль не отыщется, Оливье не согласится сдѣлать ее своей женой. Въ этомъ она была убѣждена, но съ другой стороны ее пугала встрѣча этихъ двухъ людей. Оставалось еще предположеніе, что Орели бѣжала съ Жюлемъ заграницу, желая скрыть свой позоръ. Но согласится-ли Оливье и въ этомъ случаѣ забыть прошлое Элизы, не отомстивъ Жюлю? Всѣ эти тревожныя мысли составляли единственное облако, ее омрачавшее.

Оливье видался съ нею довольно рѣдко; она знала, что онъ вмѣстѣ съ бывшимъ сыщикомъ Гюрэ производилъ дѣятельные розыски Жюля.

Однажды вечеромъ Оливье явился къ ней, сіяя счастіемъ.

— Элиза, все кончено! сказалъ онъ;—вы отомщены. Отъ васъ зависитъ назначить день нашей свадьбы.

Она бросилась къ нему на шею и они слились въ горячемъ поцѣлуѣ. Потомъ Оливье разсказалъ, что Гюрэ объявилъ ему о смерти Жюля, убитаго въ уличной дракѣ.

Элиза вздрогнула, но тотчасъ-же успокоилась. Теперь она была совершенно счастлива. Она оставила у себя обѣдать Оливье. Во время десерта къ ней подошла Марго и шепотомъ сказала, что ее желаетъ видѣть Гюрэ.

— Говорите громче! сказала Элиза,—все, что касается меня, должно быть извѣстно и маркизу.

— Что такое? спросилъ Оливье.

— Г. Гюрэ желаетъ меня видѣть.

— Что случилось?

— Пригласите его сюда.

Черезъ минуту вошелъ въ комнату отставной сыщикъ.

— Извините, маркизъ, сказалъ онъ,—я принесъ г-жѣ Ботъ печальное извѣстіе.

— Что такое? спросила Элиза, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ваша несчастная сестра арестована на дняхъ, теперь она въ больницѣ и умираетъ.

— О Боже мой, Боже мой! воскликнула Элиза, заливаясь слезами.

Это неожиданное извѣстіе поразило молодую женщину. Она забыла, что умирающая была ея жестокимъ врагомъ, а помнила только, что это ея сестра; впрочемъ, она никогда не питала къ ней ненависти, а только опасалась ее.

— Вы предупредили объ этомъ капитана Тенара де-Марби? спросилъ Оливье, очень довольный, что отдѣлался отъ такой непріятной родственницы.

— Я прямо отъ него. Она хочетъ видѣть его, а онъ отказывается исполнить послѣднее желаніе умирающей. Онъ не желаетъ простить ее; посинѣвъ отъ злобы, онъ сказалъ мнѣ: «Умираетъ развратница Лили, но смерть все очищаетъ и я воздамъ должное мертвымъ останкамъ баронесы Марби».

— Такъ она хотѣла видѣть мужа?

— Да, она только и говоритъ что о мужѣ и сестрѣ.

— Она меня спрашиваетъ? промолвила Элиза.

— Да, она умоляетъ, чтобы вы пріѣхали проститься съ нею.

— Шляпу и пальто, скорѣе, сказала Элиза, обращаясь къ Марго.

— Вы къ ней поѣдете? спросилъ Оливье.

— Да, отвѣчала она.—А пустятъ меня вечеромъ въ больницу? прибавила она, обращаясь къ Гюрэ.

— У меня есть разрѣшеніе и я васъ провожу.

— Какъ вы добры, Элиза, сказалъ Оливье, глубоко тронутый;—позвольте мнѣ поѣхать съ вами.

— Да, пожалуйста, отвѣчала молодая женщина,—но поѣдемте скорѣе!

Спустя полчаса, они были въ больницѣ; имъ пришлось пройдти чрезъ нѣсколько палатъ, слабо освѣщенныхъ лампами. Элиза дрожала всѣмъ тѣломъ, отыскивая глазами несчастную сестру.

Вдругъ занавѣсъ у одной кровати распахнулась и раздался крикъ:

— Это ты, Элиза, сестра... пойди сюда!

Элиза бросилась къ несчастной, которую она узнала только по голосу, такъ страшно она измѣнилась. Элиза поцѣловала ее и зарыдала.

— Ты плачешь, Элиза, сказала умирающая,—значитъ ты меня простила. О, Элиза, Элиза, какое я презрѣнное существо. Скажи, что ты меня прощаешь. При свиданіи тамъ съ нашей матерью мнѣ будетъ стыдно за все зло, которое я тебѣ сдѣлала. Прости меня, прости меня!

— О, бѣдная Орели, я тебя прощаю!

— Правда, такъ ты меня не проклинаешь?

— Я тебя благословляю, бѣдная сестра.

— Благодарю, благодарю, я теперь спокойно встрѣчу нашу мать.

Обѣ женщины, крѣпко обнявшись, продолжали молча рыдать. Всѣ присутствующіе были глубоко тронуты этой сценой. Слезы катились по щекамъ Оливье, а Гюрэ кусалъ себѣ губы, стараясь скрыть свое волненіе.

Черезъ нѣсколько минутъ умирающая закашляла и такъ сильно, что Элиза поблѣднѣла, боясь, что она умретъ у нея на рукахъ. Но припадокъ прошелъ и Орели спросила шепотомъ:

— Элиза, докажи мнѣ, что ты меня простила.

— Чѣмъ? Говори—я все сдѣлаю.

— Ты мнѣ ни въ чемъ не откажешь?

— Ни въ чемъ, клянусь.

— Элиза, сестра моя, мнѣ здѣсь страшно... Я не хочу умереть въ больницѣ... не хочу, чтобы мое тѣло рѣзали въ клиникѣ. Возьми меня къ себѣ. О, не оставляй меня здѣсь!

И несчастная дрожала въ сильной лихорадкѣ.

— Да, Орели, я сейчасъ отвезу тебя къ себѣ и ты не умрешь, отвѣчала Элиза,—мы тебя спасемъ. Можно ее везти? прибавила она, обращаясь къ сестрѣ милосердія, ходившей за Орели.

— Можно, сказала послѣдняя съ грустной улыбкой.

Гюрэ взялся достать дозволеніе выпустить умирающую изъ больницы и быстро ушелъ.

— Ее надо отнести на носилкахъ, сказалъ шепотомъ дежурный фельдшеръ, обращаясь къ Оливье;—но врядъ-ли вы донесете ее живою.

Какъ тихо онъ ни говорилъ, слова его долетѣли до ушей Орели. Она схватила Элизу за руку и умоляющимъ голосомъ прошептала:

— Элиза, унеси меня отсюда живую или мертвую.

— Да, не бойся, я тебя не оставлю здѣсь.

— О, какъ ты добра и...

Новый припадокъ кашля заглушилъ ея слова.

Спустя часъ, передъ домомъ Элизы остановились люди, несшіе умирающую на носилкахъ. Выскочивъ изъ кареты, Элиза подбѣжала къ носилкамъ.

— Орели, сказала она,—мы дома. Тебя сейчасъ внесутъ въ комнату.

Не получивъ отвѣта, она приподняла полотно, покрывавшее носилки.

Орели Тенаръ де-Марби лежала мертвая.

Глава IV.

Развязка.

Черезъ нѣсколько времени послѣ разсказанныхъ событій, «Рябая Красавица», одѣтая въ трауръ, каталась по обыкновенію въ Булонскомъ лѣсу. Молодой человѣкъ ѣхалъ верхомъ подлѣ ея ландо. Они оба обращали на себя всеобщее вниманіе, потому что въ это самое утро появилось въ газетахъ слѣдующее извѣстіе: «Завтра въ церкви св. Филипа маркизъ де-Мейранъ вѣнчается съ одной изъ парижскихъ звѣздъ, извѣстной по своей добродѣтели и красотѣ, вдовой Луизой Ботъ, прозванной Рябой Крпсавицей».

Читавшіе это извѣщеніе такъ-же коментировали и другую новость, напечатанную въ тѣхъ-же газетахъ. Бывшая свѣтская дама, графиня В., основавшая общину «Сестеръ Кающихся», бѣжала наканунѣ съ молодымъ абатомъ; этотъ абатъ, по имени де-Люкъ, былъ никто иной, какъ искатель приключеній, бывшій бульварный гуляка Альфонсъ Дюлюкъ. По словамъ хроникеровъ, они взяли съ собою все, что было драгоцѣннаго въ общинѣ, и оставили несчастныхъ сестеръ безъ всякихъ средствъ. Кромѣ того они оставили на общинѣ много долговъ, въ томъ числѣ четыре тысячи франковъ за шампанское и восемьсотъ франковъ за сигары. Въ обществѣ много смѣялись надъ этой скандальной исторіей и припоминали, что въ этой общинѣ находилась одно время баронеса де-Марби, дальнѣйшую судьбу которой никто не зналъ.

Каждое воскресенье около двухъ часовъ дня можно было видѣть на кладбищѣ Монмартръ человѣка, высокаго роста, съ военной осанкой и сѣдыми волосами. Мрачный, безмолвный, онъ направлялся къ одной могилѣ и клалъ машинально букетъ на простую плиту съ надписью:

Баронеса Тенаръ де-Марби
Господи, упокой ея душу.

Потомъ онъ опускался на колѣни и тихо плакалъ. Несчастный капитанъ Тенаръ де-Марби горько упрекалъ себя за то, что не простилъ умирающую.

Если вы, читатель, желаете убѣдиться въ справедливости этого длиннаго разсказа, отправьтесь въ Пюто, въ кабачекъ тетки Мадслены. Эмиль Облэ, женившійся на своей двоюродной сестрѣ, живетъ у тетки; угостивъ васъ хорошимъ обѣдомъ и добрымъ виномъ, онъ разскажетъ вамъ все, что уже вамъ извѣстно и чему онъ былъ свидѣтелемъ.

Разъ въ мѣсяцъ.

Бесѣда **И. Василевскаго (Буквы)**.

(*Окончаніе.*)

IV.

Теперь два слова особо о пушкинскихъ автографахъ, занимающихъ отдѣльную витрину. Писемъ поэта много. Большинство ихъ относится къ разнымъ эпизодамъ и къ частной перепискѣ поэта. Нѣсколько изъ нихъ на французскомъ языкѣ, которымъ Пушкинъ владѣлъ съ чисто французскимъ шикомъ и съ рѣдкимъ совершенствомъ. Выставлено между прочимъ и французское письмо — вызовъ завершившейся дуэли. Нельзя читать безъ волненія этихъ сильныхъ и благородныхъ строкъ, дышащихъ негодованіемъ, презрѣніемъ и высокою внутреннею правотою пишущаго. Въ отдѣлѣ кореспонденціи есть и маленькія шутливыя записки поэта, которымъ онъ умѣлъ сообщать столь много прелести, остроумія и простоты. Одна изъ записокъ, поднимающая вопросъ о слѣдующихъ Пушкину, но не полученныхъ имъ поцѣлуяхъ, скрѣплена подписью «яблочнаго пирога».

Литературныхъ рукописей на московской выставкѣ было значительно больше, чѣмъ на петербургской. Тамъ, между прочими, находились рукописи «Полтавы», «Голуба», «Радищева», «Арапа Петра Великаго» и «Евгенія Онѣгина». Здѣсь же можно видѣть только рукопись III тома «Стихотвореній А. Пушкина», отчасти собственноручно перебѣленную поэтомъ; первую главу изъ «Евгенія Онѣгина», къ сожалѣнію, тоже перебѣленную; нѣсколько черновыхъ стихотворныхъ набросковъ и кое какіе, тоже черновые, подготовленные матеріалы для историческихъ работъ Пушкина и отрывочные замѣтки для памяти.

Пушкинъ писалъ на листахъ большого формата съ довольно значительными пробѣлами и полями съ лѣвой стороны. Бумага толстая, желтая, шероховатая и порыжѣвшая отъ времени. Почеркъ у поэта былъ средняго типа: ни мелкій, ни крупный, скорѣе разгонистый, чѣмъ сжатый, кругловатый и довольно четкій; кое-какіе розчерки и завитушки служили его обычными атрибутами. Черновыя пушкинскія произведенія рябятъ сложною сѣтью поправокъ, вставокъ и помарокъ. Особенно много измѣненій, разумѣется, въ стихахъ. Въ нѣкоторыхъ главахъ «Евгенія Онѣгина» не оставлено, какъ говорится, «живого мѣста» и разобраться въ помаркахъ и выпискахъ чрезвычайно трудно.

Геній безъ труда не мыслимъ. На каждой страницѣ замѣтны слѣды многократнаго чтенія, сосредоточеннаго вниманія и самыхъ строгихъ критическихъ требованій стилистическаго благозвучія. Пушкинскія картины, точно въ калейдоскопѣ, по нѣскольку разъ мѣнялись передъ нимъ прежде, чѣмъ находили всѣ нужные имъ контуры, краски и тѣни. Широкія думы и поэтическія грезы писателя какъ бы останавливались на пути своемъ, осматривали самихъ себя во всемъ своемъ составѣ и, недовольныя данными очертаніями, тутъ же сворачивали то вправо, то влѣво, находя однако каждый разъ чудные и новые образы и комбинаціи. Пушкинъ искушался еще и въ рисункѣ. Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ много было образчиковъ пушкинскихъ набросковъ перомъ и карандашемъ. Принадлежа къ досуже-виньеточному жанру, воспроизводимому на поляхъ рукописей, въ антрактахъ головной работы, въ ожиданіи, пока мысль не розыграется, наброски эти малозначущи и не выдерживаютъ самой снисходительной критики. Поэтъ совсѣмъ не обладалъ рисовальнымъ дарованіемъ и рисунки его имѣютъ лишь чисто анекдотическое значеніе.

V.

Переходя къ музыкальной «Пушкиніянѣ», очень трудно оріентироваться и придерживаться, говоря о ней, какого либо внѣшняго порядка. Въ общемъ можно сказать только, что, пожалуй, сколько есть словесныхъ звуковъ въ пушкинскихъ стихахъ, столько же найдется въ музыкѣ акордовъ, групирующихся вокругъ пушкинскихъ стиховъ. Десятки партитуръ, сотни романсовъ и композиторскихъ именъ. Извѣстно, что русская музыка обладаетъ рядомъ оперъ, написанныхъ на пушкинскіе сюжеты: заслуженная и прекрасная опера Даргомыжскаго («Каменный гость»), опера г. Кюи («Кавказскій плѣнникъ»), г. Мусоргскаго («Борисъ Годуновъ») и г. Лишина («Графъ Нулинъ»). Почти всѣ элегическія бездѣлки Пушкина превращены въ музыкальные романсы. Кто же не знаетъ Афонасьевскаго «Соловья»; «Я васъ любилъ» Вителяро; «Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость» Даргомыжскаго; «Я умеръ отъ счастья» Ладыжинскаго и другихъ? Въ романсахъ Даргомыжскаго лира композитора споритъ о первенствѣ съ перомъ поэта. Многимъ пушкинскимъ стихотвореніямъ соотвѣтствуетъ по нѣскольку романсовъ на каждый. Первое мѣсто въ этомъ ряду принадлежитъ стихотворенію «Я васъ люблю». Оно создало восемь романсовъ восьмерыхъ композиторовъ. Да и мудрено ли. Струна чувства, сильно и задушевно дрожащая въ этомъ небольшомъ вздохѣ грустящей и разочарованной души, уже сама по себѣ составляетъ музыку. Не менѣе привлекало къ себѣ восторги композиторовъ и стихотвореніе «Я пережилъ свои желанія», всегда готовое искупить правдою и лирическою красотою словъ своихъ даже и посредственный акомпаниментъ. Есть 7 романсовъ, написанныхъ на эти слова. У стиховъ «Если жизнь тебя обманетъ», «Не пой, красавица, при мнѣ», «Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость» тоже есть по нѣскольку романсовъ. Есть даже и черезчуръ смѣлые попытки, такъ сказать, подшивать и подклеивать музыкою даже и совсѣмъ чуждые ей пушкинскіе стихи. Я упомяну о романсѣ г. Кюи, написанномъ на слова личнаго обращенія Пушкина къ Мицкевичу. Г. Кюи упустилъ изъ виду, что и для композиторовъ есть невозможное. Къ этому же ряду можно отнести и романъ нѣкоего Дьячкова «Возстань, о Греція», напыщенно-неблагодарное обращеніе всуе терзающей себя пѣвицы къ маленькимъ продавцамъ халвы, губокъ и ростовской пшеницы.

VI.

Чтобы составить себѣ общее и цѣльное понятіе о всемірности пушкинскаго генія, ставшаго международнымъ достояніемъ почти всѣхъ европейскихъ литературъ, стоитъ только познакомиться съ выставочною витриною, заключающею въ себѣ переводы Пушкина на иностранные языки. Эта колекція очень богата и принадлежитъ во всемъ своемъ составѣ Александровскому лицею. Нѣмецкая литература обладаетъ 8-ю переводами избранныхъ произведеній пушкинской прозы и поэзіи; въ числѣ переводовъ есть весь «Кавказскій плѣнникъ» и весь «Евгеній Онѣгинъ»; послѣдній въ звучныхъ и хорошихъ стихахъ доктора Вольфа, не взирая на значительныя трудности при переводѣ всѣхъ бытовыхъ мѣстъ поэмы. У французовъ 5 переводовъ. Они обладаютъ между прочимъ «Капитанскою дочкою», выдержками изъ «Евгенія Онѣгина» и «Кавказскаго плѣнника» и значительнымъ, съ умѣніемъ заимствованнымъ подборомъ небольшихъ, наиболѣе извѣстныхъ и популярныхъ стихотвореній. Въ англійской литературѣ есть особый сборникъ, исключительно посвященный Пушкину, и переводы изъ Пушкина на англійскій баденъ-баденскаго изданія княжны Абамеликъ. На итальянскій переведены весь «Кавказскій плѣнникъ» и «Борисъ Годуновъ»; въ испанской литературѣ существуетъ полный переводъ «Капитанской дочки» (Мадридъ 1879 г.) и самостоятельныя литературныя изслѣдованія Пушкина, тоже мадридскаго изданія. Почти всѣ родственныя намъ славянскія племена усвоили себѣ Пушкина. Не говоря о многочисленныхъ и весьма удовлетворительныхъ польскихъ переводахъ, еще существуютъ: чешскій переводъ 1870 г., хорватскій 1861 г., сербскій и малороссійскій (Полтава) 1836 г. Для полноты нынѣшняго перечня нельзя не назвать еще румунскаго перевода (Букарестъ 1875 г.) и турецкаго, вышедшаго въ Константинополѣ въ 1868 году и объемлющаго весь «Бахчисарайскій фонтанъ» съ обстоятельнымъ предисловіемъ отъ переводчика.

Вотъ сколькими изданіями обогатилъ Пушкинъ даже международный книжный рынокъ! Испанія и Турція — и тѣ оказались въ числѣ заимствующихъ.

VII.

Мнѣ остается только теперь сдѣлать бѣглое обозрѣніе вещей и предметовъ, имѣющихъ чисто сувенирное значеніе. Колекція эта, само собою разумѣется, носитъ характеръ «смѣси» и говоритъ только внѣшнему любопытству зрителя, но она чрезвычайно сближаетъ васъ съ дорогою памятью и точно уничтожаетъ всю полосу времени, легшую между Пушкинымъ и послѣдующими поколѣніями. Вотъ старинный угловой диванъ изъ корельской березы, покрытый истертою сѣренькою шерстяною матеріею. У этого дивана есть своя «исторія». Онъ стоялъ когда-то въ квартирѣ Пушкина въ домѣ княгини Волконской. Теперь-же—такова житейская иронія!—это собственность Ольги Шишкиной, «знаменитой» цыганки, фигурировавшей въ процесѣ Юханцева. Щедрый касиръ подарилъ своей возлюбленной дачу на Черной рѣчкѣ, а въ этой дачѣ, среди старинной мебели, и оказался какимъ-то образомъ пушкинскій диванъ. Вотъ погнутая и закоптѣлая когда-то въ зеленый цвѣтъ выкрашенная масляная лампа съ колпакомъ, при свѣтѣ которой работалъ поэтъ, живя въ селѣ Михайловскомъ; вотъ пушкинская чернильница, бездонная, неисчерпаемая чернильница, изображающая гробницу Наполеона I; вотъ крошечная визитная лакированная карточка—«А. С. Пушкинъ»; вотъ двѣ толстыя капитальныя пушкинскія палки, одна черная, простая, другая—желтая съ сердоликовымъ набалдашникомъ; вотъ золотой широкій печать-перстень, подаренный Пушкину въ Одессѣ кн. Воронцовою; по поводу этого перстеня написанъ извѣстный талисманъ; вотъ пушкинскіе волосы въ медальонѣ, принадлежащемъ И. С. Тургеневу, и пушкинская посмертная маска—послѣдній снимокъ съ неподвижнаго лица; и вотъ наконецъ—конецъ всѣмъ концамъ,—пожелтѣлый листокъ почтовой бумаги съ черною траурною каемкою и эпилогическимъ приглашеніемъ: «Наталія Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, двора Е. И. В. камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29 день сего января, покорнѣше проситъ пожаловать къ отпѣванію тѣла его въ Исакіевскій соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го февраля, въ 11 часовъ до полудня».

Свѣча теплившаяся, говоря словами Толстаго, погасла, и раскрытая книга неожиданно закрылась.

Леона.

(Записки доктора Бернагіуса.)

Повѣсть **Люсіена Біара.** Переводъ **А. А. Разсказовой.**

(*Продолженіе.*)

Глава VI.

Разсказываютъ тысячи чудесъ, совершаемыхъ любовью, но я не знаю ничего чудеснѣе преображенія Леоны. Послѣ моего визита къ пріору, свадьба молодой ранхеры не составляла болѣе тайны и сдѣлалась любимой темой для разговоровъ. Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, одни осуждали, другіе одобряли. Большое впечатлѣніе произвело появленіе Леоны у портнихи; много говорили о ея покупкахъ въ разныхъ магазинахъ, особенно-же о работахъ въ имѣніи, о которыхъ упоминалъ въ разговорѣ со мною Шульцъ и за которыми онъ частію наблюдалъ. Спустя мѣсяцъ послѣ моей поѣздки въ Теквилу, ко мнѣ явился посланный Леоны съ просьбой непремѣнно пріѣхать. Думая, что она, можетъ быть, нуждается въ медицинской помощи, я немедленно отправился къ ней и остановился въ изумленіи при въѣздѣ въ главный дворъ, обращенный теперь въ садъ. Около двадцати рабочихъ заняты были штукатуркой и окраской надворныхъ строеній. При входѣ въ залу, убранство которой почти полвѣка состояло изъ стараго кресла и разшатаннаго стола, за которымъ отецъ Леоны углублялся въ постоянныя вычисленія, я увидѣлъ обиліе стульевъ, дивановъ, шкаповъ и даже маленькихъ столиковъ. Леона показалась въ дверяхъ комнаты и я долженъ былъ два раза посмотрѣть на нее, чтобы убѣдиться, что это она.

Ея великолѣпные волосы, убранные со вкусомъ, выгодно оттѣняли лицо, съ котораго сошла часть загара. На ней было фуляровое платье античнаго рисунка, пріятнаго для глазъ. Ноги ея были обуты въ чулки и башмаки. Меня такъ поразили эти перемѣны, что я не скрылъ своего удивленія и восхищенія, что вызвало на ея лицо краску удовольствія.

Она повела меня въ свою комнату, откуда были вынесены загромождавшія ее сѣдла и уздечки и мѣсто ихъ занялъ туалетъ. Я еще разъ поздравилъ ее съ улучшеніями, которыя замѣчалъ на каждомъ шагу или въ ней самой, или въ окружающемъ ее. Она призвала изъ Оризавы Давида, столяра и обойщика, и дала ему полномочіе убирать комнаты, съ единственнымъ условіемъ работать скоро. Леона въ точности послѣдовала моимъ совѣтамъ: у нея была горничная. Хотя всѣ эти измѣненія произошли немного быстро и хозяйка чувствовала себя не совсѣмъ ловко въ своемъ новомъ нарядѣ, я порадовался ея доброй волѣ и не пожалѣлъ о данныхъ мною совѣтахъ.

Двѣ недѣли спустя, я сопровождалъ жениха и невѣсту въ церковь францисканскаго монастыря. Служилъ самъ пріоръ въ присутствіи толпы людей всѣхъ сословій, привлеченныхъ сюда любопытствомъ. Нельзя было не замѣтить неловкости Шульца каждый разъ, какъ ему приходилось креститься или опускаться на колѣни; онъ постоянно забывалъ, гдѣ находился, и по разсѣянности надѣвалъ шляпу на голову.

Невѣста, по обычаю, въ черномъ платьѣ съ шалью на плечахъ, имѣла очень приличный видъ. Не разъ мнѣ приходилось выслушивать мнѣніе молодыхъ людей, что если-бы они раньше всмотрѣлись въ нее, они, конечно, постарались-бы отбить эту богатую наслѣдницу у счастливаго прусака.

Черезъ недѣлю послѣ свадьбы Шульцъ съ своей молодой женой отправился въ Мехико. Я посовѣтовалъ ему предпринять это путешествіе. Отправившись на двѣ недѣли, молодые супруги такъ увлеклись увеселеніями столицы, что только черезъ три мѣсяца вернулись въ Теквилу, гдѣ я ихъ встрѣтилъ. Мнѣ еще разъ пришлось убѣдиться въ способности женщинъ къ цивилизаціи. Леона, не дѣлаясь барыней въ полномъ значеніи этого слова, утратила почти всякое сходство съ необузданной ранхерой прежнихъ временъ. Къ тому-же она была въ интересномъ положеніи, этомъ предверіи материнства, что придавало ей особую томность и блѣдность, дѣлавшихъ ее совершенно неузнаваемой.

24 августа 1847 года—я отлично помню этотъ день—начаты были раскопки въ теквильскомъ гротѣ въ присутствіи Леоны, опиравшейся на руку мужа и счастливой моей радостію. Я самъ вынесъ первыя корзины земли, чтобы показать индѣйцамъ, работавшимъ подъ присмотромъ Могуила, съ какою осторожностію надо вести раскопки. Особенно я просилъ ихъ избѣгать употребленія заступа, когда приходилось разрывать почву грота.

Шульцъ обѣщалъ мнѣ, что онъ самъ будетъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ моихъ приказаній. Я бы не допустилъ его до этого, если-бы двое или трое изъ моей постоянной практики не заболѣли серьезно въ эту торжественную минуту. Не будь этого препятствія я самъ поселился-бы въ Теквилѣ, чтобы наблюдать за ходомъ работъ. Волей-неволей я долженъ былъ ограничиться рѣдкими посѣщеніями Теквилы, когда мои больные не страдали отъ этихъ поѣздокъ. Если что-нибудь меня задерживало долѣе трехъ дней, Могуила, для котораго проскакать нѣсколько миль не составляло труда, пріѣзжалъ сообщить мнѣ о произведенныхъ работахъ. Онъ былъ настоящимъ перломъ между слугами и все-таки Леона не любила его. Шульцъ подсмѣивался надъ предубѣжденіемъ своей жены, лукаво объявляя, что знаетъ причину его.

Шульцъ, заразившись моимъ энтузіазмомъ, хотѣлъ быстро вести раскопки. Но факелы, число которыхъ тогда по необходимости увеличивалось, менѣе чѣмъ въ двадцать минутъ наполняли пещеру дымомъ. Воздухъ становился негоднымъ для дыханія и требовалось цѣлые полдня, чтобы освѣжить его и вновь приняться за работу. Съ общаго согласія мы ограничились четырьмя рабочими и замѣнили дымные факелы свѣчами. Организованныя такимъ образомъ работы велись правильно и я расчитывалъ, что мы въ два мѣсяца справимся съ обваломъ.

По возвращеніи изъ Мехико, Шульцъ взялъ въ свои руки завѣдываніе имѣніемъ. Не ограничиваясь обработкой маиса и разведеніемъ скота, онъ часть своихъ земель употребилъ подъ кофейныя плантаціи и расчитывалъ въ короткое время удвоить доходы съ Теквилы. Разведеніе виноградниковъ въ долинѣ Аризауатля считалось съ давнихъ поръ дѣломъ невозможнымъ, но Шульцъ, убѣжденный что это предразсудокъ, хотѣлъ заняться и этимъ.

Леона обожала своего мужа. Въ то время какъ онъ наблюдалъ за своими новыми плантаціями, молодая женщина, къ всеобщему удивленію, оставалась дома. Вліяніе мужа съ каждымъ днемъ преобразовывало грубую амазонку, казавшуюся неукротимой.

Совершенное согласіе, царившее между супругами, было предметомъ толковъ, удивленія и зависти и молодые честолюбцы досадовали, что не догадались раньше, какой бриліантъ скрывался подъ грубой наружностію дикарки Леоны.

Я-же только и думалъ о своихъ раскопкахъ, медленность которыхъ приводила меня въ лихорадочное состояніе. Эта лихорадка передавалась мною всѣмъ знакомымъ, весь городъ интересовался предпринятыми работами. Теквила сдѣлалась цѣлью прогулокъ всѣхъ праздныхъ людей, увѣренныхъ въ ласковомъ пріемѣ Шульца и его жены. Наши горожане не вѣрили въ древности, о которыхъ я говорилъ, и сообщали другъ другу о кучахъ золота, шкатулкахъ, наполненныхъ бриліантами и жемчугомъ, какъ въ восточныхъ сказкахъ. Подъ всѣми широтами умъ человѣческій склоненъ къ чудесному и отрицаетъ только истину.

Чѣмъ далѣе шли работы, тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ мчался я въ Теквилу, покончивъ съ дневными посѣщеніями своихъ больныхъ. Я прямо подъѣзжалъ къ гроту, гдѣ Могуила докладывалъ мнѣ въ подробностяхъ о произведенныхъ работахъ. Осмотрѣвъ раскопки, я направлялся къ дому, передъ которымъ обыкновенно находилъ Шульца съ женой, сидящихъ другъ возлѣ друга. Я садился между ними и мы проводили время въ разговорахъ до моего возвращенія въ Оризаву.

Что за чудные это были вечера! Насъ убаюкивала надежда: ихъ—ожиданіе сына, меня—новая страница въ неизвѣстной исторіи прошлаго. Я хотѣлъ, чтобы послѣдній ударъ заступа былъ сдѣланъ въ минуту появленія на свѣтъ ребенка, моего будущаго крестника, и это вниманіе, столь естественное съ моей стороны, трогало до слезъ Леону. Я уже говорилъ, что Шульцъ обладалъ познаніями, и мы разсуждали о будущемъ, слѣдя за закатывающимся солнцемъ за горою св. Кристофа. Хозяинъ, одѣтый въ бѣлую парусинную куртку, съ непокрытой головой, съ блаженнымъ видомъ курилъ изъ глиняной трубки, длинный чубукъ которой удивлялъ индѣйцевъ, такъ какъ трубка совершенно неизвѣстна въ Мехикѣ. Леона, сидя въ качалкѣ, смотрѣла и слушала. На золотистомъ фонѣ неба вырѣзались черные силуэты горъ съ увѣнчивающими ихъ лѣсистыми вершинами. Кардиналы съ пунцовымъ опереньемъ, воробьи въ голубой ливреѣ шумно размѣщались по кустарникамъ, хищныя птицы наполняли воздухъ своимъ рѣзкимъ свистомъ, поспѣшно направляясь въ гнѣзда. Мало по малу смолкали шумные звуки, гасли послѣдніе лучи дня и большая красная луна появлялась на небосклонѣ. Стрекозы затягивали тогда свой напѣвъ, летучія мыши, козодои и совы начинали свою ночную охоту. Водворялось торжественное молчаніе, рѣзко нарушаемое крикомъ шакала и отвѣтнымъ ржаніемъ лошади. Все пространство, куда проникалъ нашъ глазъ, было собственностію Шульца. Онъ часто говорилъ объ этомъ женѣ и съ благодарностію цѣловалъ ея руку, говоря, что онъ вполнѣ счастливъ и нечего болѣе просить ему у провидѣнія.

Когда наставалъ часъ моего отъѣзда, супруги жаловались на мою поспѣшность и я буквально долженъ былъ вырываться отъ нихъ. Шагомъ возвращался я въ Оризаву, довольный счастіемъ моихъ друзей, довольный тѣмъ, что частію я способствовалъ ему, и съ наслажденіемъ вдыхая тепловатый воздухъ чудныхъ тропическихъ ночей, которыя послѣ знойнаго дня кажутся прохладными.

Однажды вечеромъ я былъ въ особенно радостномъ настроеніи. Раскопки приближались къ концу; достаточно было двухъ дней, чтобы пробить тонкую перегородку, скрывавшую неизвѣданную глубину грота. Леона немного ошибласъ въ своихъ расчетахъ, но я геройски просилъ Шульца прекратить пока работы. Онъ согласился. И я только тогда понялъ громадность приносимой мною жертвы, когда безсонница удвоила для меня длину ночей. Отъ звука лошадиныхъ копытъ на улицѣ по мнѣ пробѣгала нервная дрожь, мнѣ каждую минуту казалось, что за мной пріѣхали и сердце мое билось, какъ у влюбленнаго. Наконецъ, въ одну бурную ночь за мной пріѣхали; шелъ дождь. Посланный, старый управляющій, видѣвшій рожденіе Леоны, привелъ съ собой осѣдланную лошадь, чтобы избѣжать минуты замедленія. Я тотчасъ-же вскочилъ въ сѣдло. Не успѣли мы проѣхать послѣднихъ домовъ города, какъ надъ нами разразился ливень. Боже, какой ураганъ! Порывы его вырывали деревья, ломали вѣтви,—настоящая перестрѣлка. Молніи съ такой силой и такъ часто слѣдовали одна за другой, что мы были совсѣмъ ослѣплены. Быстрая ѣзда по дорогѣ, изрытой рытвинами, была невозможна. Я держался какъ можно ближе къ своему проводнику, который то клялся, то молился. Сильные раскаты грома, повторяемые безчисленнымъ эхомъ горъ, наполняли долину адскимъ шумомъ. Нѣсколько разъ лошадь моя останавливалась.

Мы доѣхали до рѣки и были уже въ виду дома; я погналъ лошадь впередъ.

— Остановитесь, если вы дорожите жизнью! закричалъ мнѣ мой проводникъ.

Я остановился, удивленный и его восклицаніемъ и тономъ голоса. Почти въ туже минуту мимо меня пронеслась съ страшнымъ трескомъ масса скалъ, увлекаемыхъ водой. Мы опоздали, ѣхать въ бродъ было невозможно. Мой проводникъ сошелъ съ лошади, я послѣдовалъ его примѣру. Онъ спуталъ лошадей и мы пѣшкомъ направились къ скаламъ, чтобы переправиться на ту сторону по мосту изъ ліанъ, построенному для прохода индѣйцевъ. Я прошелъ по опасному мостику, колеблемому вѣтромъ надъ бѣшеной стихіей и десять минутъ спустя стоялъ у изголовья Леоны. Когда наступило яркое, лучезарное утро, молодая женщина мирно покоилась, держа возлѣ себя мою крестницу: Жуану Шульцъ.

Наконецъ-то я могъ заняться гротомъ. Тревожныя событія этой ночи были забыты и я разсчитывалъ, что черезъ часъ буду хотя приблизительно знать, какія сокровища скрыты въ таинственной глубинѣ пещеры. Я поспѣшно допивалъ чашку молока передъ отправленіемъ въ путь, когда вошелъ Могуила. По смущенному лицу индѣйца можно было догадаться, что произошло что-то особенное; онъ сообщилъ, что ночью произошелъ новый обвалъ, уничтожившій всѣ прежнія работы. Я бросился туда и убѣдился въ дѣйствительности несчастія.

Это было горькое разочарованіе и Шульцъ употребилъ не мало усилій успокоить меня, чего онъ достигъ лишь тогда, когда доказалъ мнѣ, что потребуется не болѣе восьми дней для расчистки этого новаго обвала. Я покорился печальной необходимости.

Около полудня состояніе здоровья матери и ребенка позволило мнѣ вернуться въ Оризаву. Солнце мирно освѣщало зеленѣющую долину, но дорога была усѣяна обломанными вѣтвями, а дно рѣки загромождено камнями, вокругъ которыхъ, тихо журча, струилась вода, точно ураганъ былъ только сновидѣніемъ. Переѣзжая въ бродъ рѣку по слѣдамъ управляющаго, провожавшаго меня, чтобы привести обратно лошадь, на которой я сидѣлъ, я вспомнилъ его слова: «остановитесь, если вы дорожите жизнью».

Эти самыя слова, произнесенныя тѣмъ-же тономъ, я слышалъ въ ночь убійства доны Альбы. Управляющій — человѣкъ степенный, молчаливый, какъ большинство живущихъ въ саванахъ. Я разсказалъ ему о сходствѣ его голоса съ тѣмъ незнакомцемъ, который принудилъ меня вернуться тогда назадъ. Онъ съ любопытствомъ выслушалъ меня.

— Очень можетъ быть, докторъ, что это былъ я.

Отвѣтъ этотъ, сдѣланный серьезнымъ тономъ, заставилъ меня расхохотаться; мой спутникъ посмотрѣлъ на меня, даже не улыбнувшись.

Три недѣли спустя, я опять возвращался по этой дорогѣ вполнѣ счастливый. Я только что оставилъ Леону, кормящую грудью мою крестницу; ни мать, ни ребенокъ не нуждались болѣе въ моей помощи. Могуила, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, прибѣжалъ сказать, что черезъ двое сутокъ новое препятствіе будетъ уничтожено. Я осмотрѣлъ самъ работы и убѣдился, что онъ правъ.

Я предупредилъ Шульца, почти столько-же взволнованнаго, какъ и я, что намѣренъ послѣ завтра весь день провести въ Теквилѣ. Я немного запоздалъ, разговаривая съ хозяевами о различныхъ подробностяхъ, и пробило уже полночь, когда я вернулся домой.

Вмѣсто того, чтобы прямо лечь спать, я зашелъ въ кабинетъ, чтобы приготовить тетрадь замѣтокъ, лупы, компасы, карандаши. Большой пакетъ на столѣ привлекъ мое вниманіе; на немъ былъ штемпель французскаго консульства въ Вера-Круцѣ. Я болѣе мѣсяца ждалъ увѣдомленія о принятіи моего сочиненія «О многобразіи красныхъ муравьевъ», которое я отправилъ въ бостонскій институтъ.

Я разорвалъ конвертъ, разсчитывая найдти жданный документъ, прочиталъ и снова перечиталъ офиціальное посланіе. Увы! дѣло шло вовсе не о муравьяхъ. Французскій консулъ отъ имени своего пруcкаго собрата горячо рекомендовалъ мнѣ даму, только что пріѣхавшую изъ Европы, которая должна прибыть въ Оризаву съ первымъ дилижансомъ. Эта дама розыскивала своего мужа Ефраима Шульца, поселившагося въ Оризавѣ, отъ котораго она два года не получала извѣстій.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Станиславъ Монюшко.

Ст. П. В. Га—на.

I.

Кто изъ читателей не забылъ біографическаго очерка перваго по заслуженной извѣстности польскаго композитора Фридриха Шопена, помѣщеннаго въ нашемъ журналѣ минувшимъ лѣтомъ *), тотъ, вѣроятно, найдетъ интересъ и въ очеркѣ композиторской дѣятельности и жизни втораго, послѣ Шопена, композитора изъ той-же славянской семьи, Станислава Монюшко, со времени смерти котораго прошло только восемь лѣтъ. Въ Литвѣ и въ Польшѣ Монюшко считается самымъ популярнымъ композиторомъ, и вообще послѣ Шопена занимаетъ первое мѣсто въ средѣ западно-славянскихъ композиторовъ. Хотя Монюшко не имѣлъ того таланта, какимъ былъ одаренъ Шопенъ, но онъ оставилъ, по количеству, не менѣе его сочиненій. Монюшко былъ преимущественно вокальный композиторъ и музыка его, проникнутая славянскимъ колоритомъ, напоминаетъ характеръ польскихъ и малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ шести книгахъ, подъ названіемъ «Спѣвники», изданы 126 пѣсень, романсовъ и баладъ, положенныхъ имъ на музыку. Кромѣ того, Монюшко написалъ музыку къ 94 романсамъ, пѣснямъ и дуэтамъ, изданнымъ отдѣльно. Музыка къ 6 драмамъ и 21 оперетамъ и операмъ заканчиваетъ композиторскую дѣятельность Монюшко по отдѣлу свѣтскаго пѣнія, заключающаго въ себѣ 250 нумеровъ.

Духовная или церковная музыка Монюшки представляетъ капитальную часть его композиторскаго таланта. Она заключается въ 37 нумерахъ, въ число которыхъ входятъ 5 мессъ, 2 реквіема, 2 гимна, 5 молитвъ, 7 литаній (литія) и нѣсколько псалмовъ и духовныхъ пѣсенъ. Большая часть этихъ пьесъ, до двадцати, написана съ акомпаниментомъ органа, на которомъ Монюшко игралъ превосходно. Шесть большихъ кантатъ написаны имъ для хора съ оркестромъ, и восемь крымскихъ сонетовъ на слова извѣстнаго поэта Мицкевича, а также и баллада послѣдняго «Пани Твардовска», исполненная въ Варшавѣ въ 1869 году.

Кромѣ того, для оркестра Монюшко написалъ семь большихъ пьесъ: «Сказку» (Conte d'hiver), игранную въ 1848 г. въ Вильно, а потомъ въ Варшавѣ, въ Петербургѣ и въ Краковѣ; оперу «Смерть Авеля», увертюра къ ней была играна въ Петербургѣ въ мартѣ 1856 г.; «Военную увертюру», исполненную въ Вильно въ 1857 году (двѣ послѣднихъ пьесы остались въ рукописи и не были изданы); «Похоронный маршъ» съ хоромъ; «Пѣснь по усопшемъ» (на смерть Добжинскаго); «Концертный полонезъ» для большого оркестра, и «Мазурка» для балета. Къ отдѣлу драматической музыки слѣдуетъ отнести: «Донъ-Жуанъ», мелодраму въ трехъ актахъ, игранную въ 1845 г. въ Вильно. «Федра», драма. «Гамлетъ», трагедію Шекспира, игранную въ 1871 г. «Гансъ Матисъ», драма. «Касперъ Гаузеръ», мелодрама въ четырехъ актахъ. «Благословеніе матери», мелодрама въ пяти актахъ, игранная въ Вильно въ 1845 году. Къ отдѣлу оперной музыки относятся двѣ первыя его оперетки «Идеалъ» и «Лотерея» (1840); потомъ также одноактныя: «Карманьоль» или «Французы любятъ пошутить» (1841); «Новый донъ-Кихотъ»; «Ночлегъ въ Апенинахъ»; «Желтая шапочка»; «Чудотворная вода»; «Рекрутскій наборъ» и другія, рукописи которыхъ затеряны. Изъ перечисленныхъ оперъ, только «Лотерея» была играна на варшавской сценѣ. Съ 1843 года, послѣ поѣздки своей въ Петербургъ, Монюшко написалъ нѣсколько большихъ и малыхъ оперъ. Къ первымъ относится извѣстная и у насъ «Галька» въ четырехъ актахъ, игранная въ Вильнѣ, Варшавѣ (до 200 разъ), Краковѣ, Познани, Петербургѣ и въ Москвѣ, съ большимъ успѣхомъ. «Графиня», въ трехъ актахъ, игранная въ Варшавѣ въ 1860 году. «Страшный дворъ», въ четырехъ актахъ съ прологомъ; играна въ Варшавѣ въ 1865 году. «Парія», въ трехъ актахъ, игранная въ первый разъ въ 1869 году. Монюшко считалъ эту оперу за наиболѣе удавшуюся изъ всѣхъ своихъ оперъ и говорилъ, что вложилъ въ нее всѣ свои познанія и долголѣтнюю опытность; но при всемъ томъ опера «Парія« имѣла небольшой успѣхъ и въ первые пять лѣтъ выдержала всего шесть представленій. Двухъактныя оперы: «Цыгане» (слова Княжнина) и «Поселянка» (слова Марцинкевича), были играны на любительскихъ театрахъ въ Вильнѣ и въ Минскѣ въ пятидесятыхъ годахъ. Къ числу одноактныхъ оперъ относятся также «Беата», «Бетли», «Флисъ», «Честное слово» (Verbum nobile) и другія, рукописи которыхъ затеряны, но извѣстны только по отрывкамъ, собраннымъ однимъ изъ друзей и единственнымъ біографомъ покойнаго композитора, Александромъ Валицкимъ *). Кромѣ того Монюшко написалъ музыку къ одноактному балету «На квартирѣ», игранному въ первый разъ въ Варшавѣ въ 1868 г., а также большую часть музыки въ четырехактномъ балетѣ «Проказы домового» и въ пятиактномъ балетѣ «Монте-Кристо», имѣвшихъ успѣхъ въ Варшавѣ. Большинство аранжированныхъ имъ на слова Мицкевича пѣсень напечатано съ переводомъ на нѣмецкій языкъ. Изъ сотни изданныхъ отдѣльно пьесъ для пѣнія съ акомпаниментомъ фортепьяно, есть не мало и русскихъ романсовъ и пѣсень, какъ, напримѣръ, извѣстные: «Ты не пой соловей», «Скажите мнѣ», «Люблю тебя», «Разскажи моя родная», «Тоска», «Пѣсня бобыля» и другіе. Въ русскомъ переводѣ В. Бенедиктова и другихъ нашихъ поэтовъ, есть также не мало пѣсень и романсовъ, аранжированныхъ Монюшко для фортепьяно. Кромѣ того, тридцать четыре пѣсни Монюшко переведены на французскій языкъ и изданы подъ названіемъ: Echos de Pologne. Melodies de Moniuszko, traduction française d'Alfred des Essarts. Paris. Maison G. Flaxland. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ написанъ акомпаниментъ для скрипки или віолончели Эмилемъ Перейра.

Изъ многихъ пьесъ, написанныхъ Монюшко для фортепьяно, имѣются въ варшавскомъ музыкальномъ магазинѣ Вольфа, главнаго издателя его сочиненій, только тридцать пьесъ, изданныхъ при жизни композитора; въ томъ числѣ восемь полонезовъ, четыре польки, три вальса, ноктюрнъ и другія. Изъ числа посмертныхъ фортепьянныхъ пьесъ Монюшко слѣдуетъ назвать: шесть полонезовъ, двѣ мазурки и нѣсколько маршей. Кромѣ всѣхъ почти 400 музыкальныхъ произведеній, Монюшко написалъ еще «Фортепьянную школу», оставшуюся въ рукописи, и «Руководство къ наукѣ гармоніи».

---

*) 1879 г. №№ 27, 29, 34, 35 и 36.

*) Stanislaw Moniuszko, przez Aleksandra Walickiego. Warsczawa. 1873. Naklad Autora, Sklad glowny u księgarni Gebethnera i Wolffa.

Всѣ эти музыкальныя произведенія, въ томъ числѣ и 20 оперъ, написаны Монюшко втеченіи тридцати лѣтъ (1840—'70), при самыхъ неблагопріятныхъ для его замѣчательнаго таланта условіяхъ жизни, и при его незавидной семейной обстановкѣ.

II.

Ознакомивъ съ музыкальной дѣятельностью Станислава Монюшко, скажемъ о его предкахъ и въ особенности о его дѣдѣ, какъ самой выдающейся личности изъ всѣхъ родственниковъ композитора. Въ запискахъ отца его говорится, что родъ Монюшко ведетъ свое начало отъ рыцарей, по фамиліи Монео (отъ латинскаго слова—напоминаю, увѣщеваю), двухъ братьевъ, прибывшихъ изъ Рима въ Польшу въ XV вѣкѣ. Оба брата получили вскорѣ право гражданства съ присвоеніемъ фамиліи Монюшко и, поселясь въ воеводствѣ подляскомъ, дали начало дальнѣйшему потомству.

Въ грамотѣ, выданной Петру Монюшко въ 1529 году, по приказанію короля Сигизмунда I, на потомственное дворянское достоинство, включенъ и гербъ этой фамиліи. Правнукъ Петра, ксендзъ Монюшко, въ 1669 г. завѣщалъ на вѣчныя времена значительный капиталъ, съ процентовъ котораго должны были воспитываться двое бѣднѣйшихъ дѣтей изъ рода Монюшко.

Это завѣщаніе исполнялось еще въ началѣ текущаго столѣтія. Одинъ изъ потомковъ Петра Монюшко въ шестомъ поколѣніи, Іосифъ Монюшко, женясь вторично, далъ своимъ дѣтямъ злую мачиху, съ которой не могъ ужиться пятнадцатилѣтній старшій сынъ его, Станиславъ, будущій дѣдъ композитора. Онъ рѣшился въ 1750 г. оставить навсегда родительскій домъ (въ 70 верстахъ отъ Гродно); безъ всякихъ средствъ добрался до Вильно, гдѣ былъ случайно принятъ въ одномъ богатомъ семействѣ и началъ вскорѣ посѣщать школу съ сыновьями своихъ благодѣтелей. Окончивъ пятилѣтній курсъ, Монюшко прожилъ два года у Казиміра Ходзько и у родственника своего Игнатія Монюшко, близь Вильно. Въ 1756 г. онъ поступилъ кандидатомъ на должность по судебному вѣдомству въ виленскій судъ, а черезъ четыре года перешелъ на должность помощника комисара по управленію имѣніями литовскаго гетмана, князя Радзивила. Тогда-же Станиславъ Монюшко сдѣлался управляющимъ имѣніемъ знакомаго ему Казиміра Ходзько. Новыя свои обязанности исполнялъ онъ втеченіи восьми лѣтъ съ такимъ успѣхомъ, что въ 1767 г. имѣлъ возможность взять въ аренду два большихъ имѣнія у князя Радзивила. Тогда-же, онъ нашелъ себѣ помощника въ товарищѣ по службѣ его въ виленскомъ судѣ, Францискѣ Опторпе, служившимъ секретаремъ у великаго гетмана литовскаго, князя Огинскаго, извѣстнаго любителя поэзіи и музыки, написавшаго нѣсколько томиковъ стихотвореній и извѣстные въ музыкальномъ мірѣ полонезы. Бывшіе товарищи сдѣлались друзьями, и условились вести сообща всѣ дѣла по увеличенію своего состоянія, и только тогда раздѣлить его между собою, когда разбогатѣютъ. Кромѣ управленія имѣніями, они брали на себя и подряды для продовольствія войскъ, приносившіе имъ значительныя выгоды. Князь Огинскій занималъ у нихъ деньги и, сдѣлавшись ихъ должникомъ, заложилъ имъ всѣ помѣстья, изъ которыхъ два главныхъ перешли за долги въ руки обоихъ друзей. Втеченіи шести лѣтъ они вели дѣла вмѣстѣ, и въ 1791 г. рѣшились раздѣлить по ровну свое состояніе. По этому раздѣлу Монюшко получилъ въ землѣ и помѣстьяхъ, состояніе въ нѣсколько миліоновъ злотыхъ (т. е. пятіалтынныхъ), что въ то время дѣлало его однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ Литвѣ. Получивъ отъ короля Станислава-Августа патентъ на званіе войсковаго судьи литовскаго княжества, съ жалованьемъ въ 4000 злотыхъ, Монюшко въ томъ-же году женился на дочери ротмистра, Евѣ Вайниловичъ, на 52-мъ году своей жизни.

Будучи самъ богатъ, онъ не искалъ приданаго за женою, а взялъ ее изъ бѣднаго семейства и прожилъ съ нею двадцать два года. Втеченіи этого времени онъ не увеличивалъ своего состоянія, а напротивъ, доходами съ него облегчалъ нужды бѣднаго класа людей во всей окрестности; но при этомъ онъ былъ самъ бережливъ, и желалъ внушить бережливость и дѣтямъ. Такъ, когда разъ сынъ его, Чеславъ, будущій отецъ композитора, выдернулъ изъ снопа колосъ, то онъ воспользовался этимъ случаемъ, собралъ всю семью, и сдѣлавъ строгое внушеніе сыну, объяснилъ, что и колосъ съ зернами имѣетъ свою цѣну, и что не слѣдуетъ безъ пользы уничтожать его зеренъ. Религіозныхъ своихъ убѣжденій онъ скрывать не любилъ; живя въ концѣ прошлаго столѣтія, отличавшагося вообще маловѣріемъ, Монюшко сильнымъ своимъ характеромъ и твердою вѣрой, внушилъ къ себѣ глубокое уваженіе въ обществѣ. Какъ примѣръ тому, приведенъ его привычку привѣтствовать незнакомую публику. Пріѣзжая въ Вильну и Минскъ, онъ, посѣщая театръ, при входѣ въ партеръ, обращался къ публикѣ съ громкимъ привѣтствіемъ: «Да прославится имя Христово!» Несмотря на такое едва-ли умѣстное въ театрѣ привѣтствіе, за которое на другого посыпались бы насмѣшки, публика отвѣчала ему всегда словами: «на вѣки вѣковъ!» Набожность войскового судьи была замѣчательна; онъ зналъ на память весь псалтирь и каждую ночь, вставая для молитвы, онъ прочитывалъ нѣсколько псалмовъ.

Благотворительность его также незнала границъ. Въ помощи онъ никому не отказывалъ. Давая въ займы деньги, нерѣдко значительными суммами, Монюшко не всегда требовалъ ихъ обратно. За его столомъ былъ лишній приборъ, на случай незваннаго гостя. Главное изъ его помѣстій, мѣстечко Смиловичи, составляло цѣлую колонію ремесленниковъ, охотно селившихся у него, такъ какъ Монюшко безплатно давалъ имъ землю, постройки и деньги на обзаведеніе хозяйствомъ. Живя широко, онъ принималъ у себя всѣхъ одинаково, богатыхъ и бѣдныхъ сосѣдей; но не терпѣлъ въ своемъ домѣ кутежей и карточной игры. Не имѣя самъ университетскаго образованія, онъ считалъ обязанностью дать своимъ дѣтямъ наилучшее образованіе; но болѣе всего отецъ заботился о развитіи въ дѣтяхъ ихъ хорошихъ душевныхъ наклонностей. Когда случалось, что кто-нибудь изъ дѣтей оказывалъ недостаточные успѣхи въ начальномъ обученіи грамотѣ, которымъ занималась ихъ мать, то на сѣтованія ея, Монюшко говорилъ своей женѣ: «не заботься много объ успѣхахъ ихъ, а старайся сдѣлать дѣтей добрыми и вѣжливыми». Сердечную доброту и вѣжливое обращеніе съ людьми, онъ считалъ выше и полезнѣе научныхъ успѣховъ. Доживъ до семидесяти трехъ лѣтъ, дѣдъ и теска композитора, Станиславъ Монюшко, скончался въ 1807 году, оставивъ жену съ шестью сыновьями и четырьмя дочерьми. Кромѣ этихъ десяти дѣтей, у него было еще шестеро, умершихъ въ дѣтствѣ. Каждый изъ сыновей получилъ отъ отца капиталъ въ сто тысячъ рублей и по сотнѣ крестьянскихъ семействъ въ наслѣдство; а четыре дочери получили по десяти тысячъ червонцевъ на приданое. Сыновья его кончили образованіе въ виленскомъ университетѣ и были людьми полезными для родины и честными дѣятелями въ своей средѣ. Двое изъ сыновей получили ученую степень доктора правъ.

Пятый по старшинству, сынъ Чеславъ, родившійся въ 1790 г., былъ отцомъ композитора, Станислава Монюшко; а потому скажемъ и о немъ нѣсколько словъ. На второмъ году отъ рожденія, Чеславъ Монюшко былъ зачисленъ въ пинскую кавалерійскую бригаду, какъ сказано въ выданномъ отцу его патентѣ отъ бригадира и коменданта Твардовскаго. Пяти лѣтъ Чеславъ лишился одного глаза отъ оспы. Отецъ, видя такой несчастный исходъ болѣзни, въ порывѣ сожалѣнія сказалъ сыну: «За потерю глаза, Господь наградитъ тебя чѣмъ другимъ въ твоей жизни». Это пророчество отца сбылось надъ сыномъ. Никто изъ братьевъ Чеслава—сыновей не имѣли; только у него былъ впослѣдствіи сынъ, ставшій гордостью фамиліи Монюшко и котораго имя сдѣлалось извѣстнымъ далеко за предѣлами родины. Первоначальное образованіе отецъ композитора получилъ подъ руководствомъ бывшаго мисіонера, ксендза Корвела. Мальчикъ былъ отданъ въ пансіонъ, изъ котораго перешелъ въ виленскій университетъ. При вступленіи арміи Наполеона въ Польшу, Чеславъ Монюшко былъ перечисленъ въ литовскій конный стрѣлковый полкъ, и состоя ординарцемъ при маршалахъ Даву и Мюратѣ, дослужился до чина капитана. Съ паденіемъ Наполеона, онъ вышелъ въ отставку въ 1815 году. Чрезъ три года послѣ того, Чеславъ Монюшко женился на Елизаветѣ Маджарской, прадѣдъ который былъ родомъ венгерецъ и основатель извѣстной въ Литвѣ фабрики кованныхъ галуновъ. Живя въ своемъ имѣніи Убелу, вблизи мѣстечка Смиловичи, Чеславъ въ первый-же годъ своей женитьбы былъ обрадованъ рожденіемъ сына, Станислава, которому предстояло прославить фамилію Монюшко необыкновенною даровитостью и разнообразіемъ своего музыкальнаго таланта.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

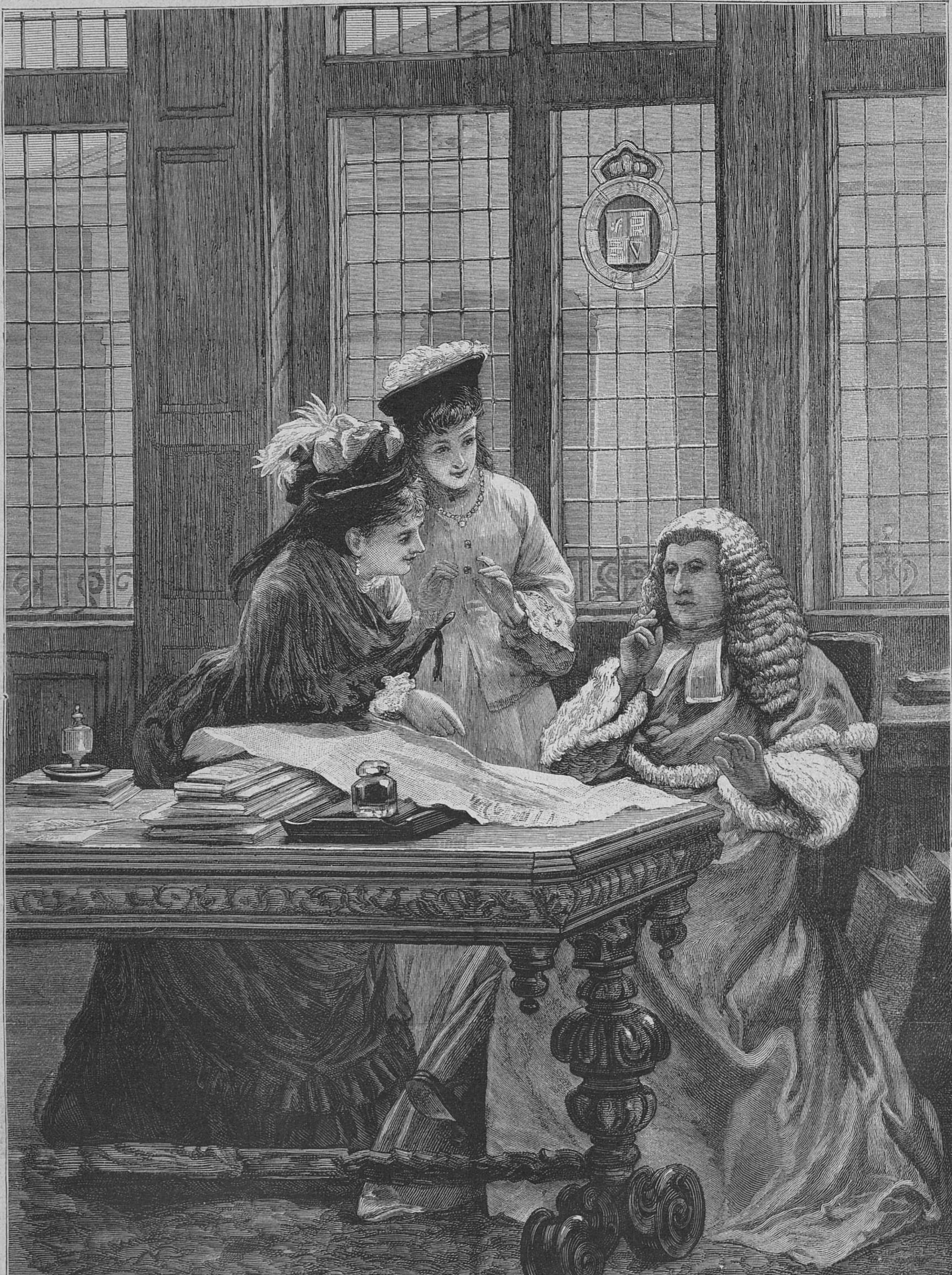
Политическая хроника.

Едва-ли не самое странное государство въ мірѣ—австрійская имперія. Она до сихъ поръ представляетъ собою только географическое выраженіе. Въ ней нѣтъ національности, преобладающей надъ всѣми другими, входящими въ составъ австрійскаго государства; австрійцевъ, въ сущности, не существуетъ; въ австрійской имперіи есть нѣмцы, венгерцы, чехи, русины, поляки, сербы, кроаты, далматы, румыны и др., но австрійцевъ нѣтъ. Составленная изъ различныхъ народностей, изъ которыхъ ни одна не можетъ сдѣлаться господствующею настолько, чтобы поглотить въ себя другія, австрійская имперія естественно должна бы имѣть федеративное устройство, основанное на равноправности различныхъ народностей, ее составляющихъ. Примѣръ такого государственнаго устройства у нея подъ рукою. Швейцарія, сосѣдка Австріи, уже нѣсколько столѣтій пользуется федеративнымъ устройствомъ и исторія этой страны представляетъ живой примѣръ большихъ удобствъ такого строя для государствъ, въ составъ которыхъ входитъ нѣсколько народностей и ни одна изъ нихъ не можетъ получить преобладающаго значенія надъ остальными. Въ Швейцаріи 3 народности: нѣмцы, французы и итальянцы; каждый кантонъ управляется тамъ самостоятельно, пользуясь самой широкой автономіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ, касающихся всего швейцарскаго союза. Въ Швейцаріи нѣмецъ, французъ и итальянецъ одинаково считаютъ себя швейцарцами, когда приходится отстаивать интересы всего союза, продолжая въ тоже время въ своемъ кантонѣ оставаться нѣмцемъ, французомъ и итальянцемъ. Вѣроисповѣданіе, нравы, обычаи, законодательства въ различныхъ кантонахъ значительно различаются между собою, но это различіе нисколько не мѣшаетъ имъ составлять одну душу и тѣло, когда вопросъ касается судьбы общаго ихъ отечества—всей Швейцаріи.

Еще недавно въ австрійской имперіи господствовали нѣмцы; но это господство основывалось не на нравственномъ превосходствѣ, не на численномъ преобладаніи, а обусловливалось тѣмъ, что правительство было нѣмецкое и нѣмцы представляли собой племя завоевателей. Разгромленіе австрійцевъ сперва въ Италіи французами, а затѣмъ въ самой австрійской имперіи прусаками, послѣдствіемъ чего было исключеніе Австріи изъ германскаго союза, уронило значеніе австрійскихъ нѣмцевъ въ австрійскомъ государствѣ. Въ это время австрійской имперіи представлялся чрезвычайно удобный случай обратиться въ федеративное государство, но этимъ случаемъ не воспользовались. Министръ Бейстъ, призванный спасать Австрію, предложилъ иной, очень хитроумный, проектъ, способный, по его мнѣнію, залечить раны австрійскаго государства и упрочить благоденствіе народовъ, входящихъ въ его составъ. Бейстъ предложилъ федерацію не всѣхъ народностей, составляющихъ австрійскую имперію, а только двухъ: нѣмцевъ и венгерцевъ, за которыми обезпечивалось преобладаніе надъ всѣми остальными народностями. Австрійская имперія обратилась въ дуалистическое государство, составленное изъ двухъ неровныхъ частей; въ одной преобладали нѣмцы, въ другой венгерцы. Этотъ новый государственный механизмъ явился не какъ послѣдствіе историческаго хода событій; онъ не вытекалъ изъ народныхъ желаній, а былъ составленъ келейно, въ канцеляріи. Понятно, по этому, что пущенная въ ходъ машина вскорѣ начала скрипѣть и потребовала починокъ. Дуализмъ удовлетворилъ, и то не вполнѣ, нѣмцевъ и венгерцевъ, въ особенности послѣднихъ, что и не замедлило вскорѣ обнаружиться. Прочія-же національности, составляющія австрійскую имперію, уже на первыхъ порахъ отнеслись враждебно къ новому государственному устройству и до сей поры не могутъ съ нимъ примириться. Бейстъ первое время сдерживалъ негодованіе не-господствующихъ національностей, маня ихъ надеждой на дарованіе имъ автономіи въ будущемъ. Но когда эти національности перестали вѣрить сулимому имъ журавлю въ небѣ, Бейстъ уступилъ свое мѣсто гр. Андраши, венгерцу. Прежде всего новый министръ постарался успокоить своихъ соотечественниковъ, которые уже не ладили съ нѣмцами, что ему отчасти удалось. За то онъ потерпѣлъ полную неудачу въ попыткахъ сблизиться съ чехами и поляками, возставшими противъ преобладанія нѣмцевъ и венгерцевъ. Несогласіе росло, положеніе обострялось; поѣздки императора Франца-Іосифа въ Прагу и Краковъ, убѣдившія его въ горячей симпатіи къ нему лично чеховъ и поляковъ, однакожъ, нисколько не подвинули дѣла соглашенія между этими и господствующими національностями. Смѣна министровъ не приводила ни къ какимъ результатамъ, потому что ни одинъ изъ нихъ не думалъ объ удовлетвореніи справедливыхъ требованій не-господствующихъ народностей. Наконецъ въ управленіе дѣлами вступило автономическое министерство Таафе, имѣющее своимъ назначеніемъ поладить съ не-господствующими національностями. Но такъ какъ эт

ВЫСТАВКА ВЪ ЛОНДОНѢ 1880 Г. (Въ королевской Академіи.)

КАРТИНА ДЖОНА МОРГАНА.

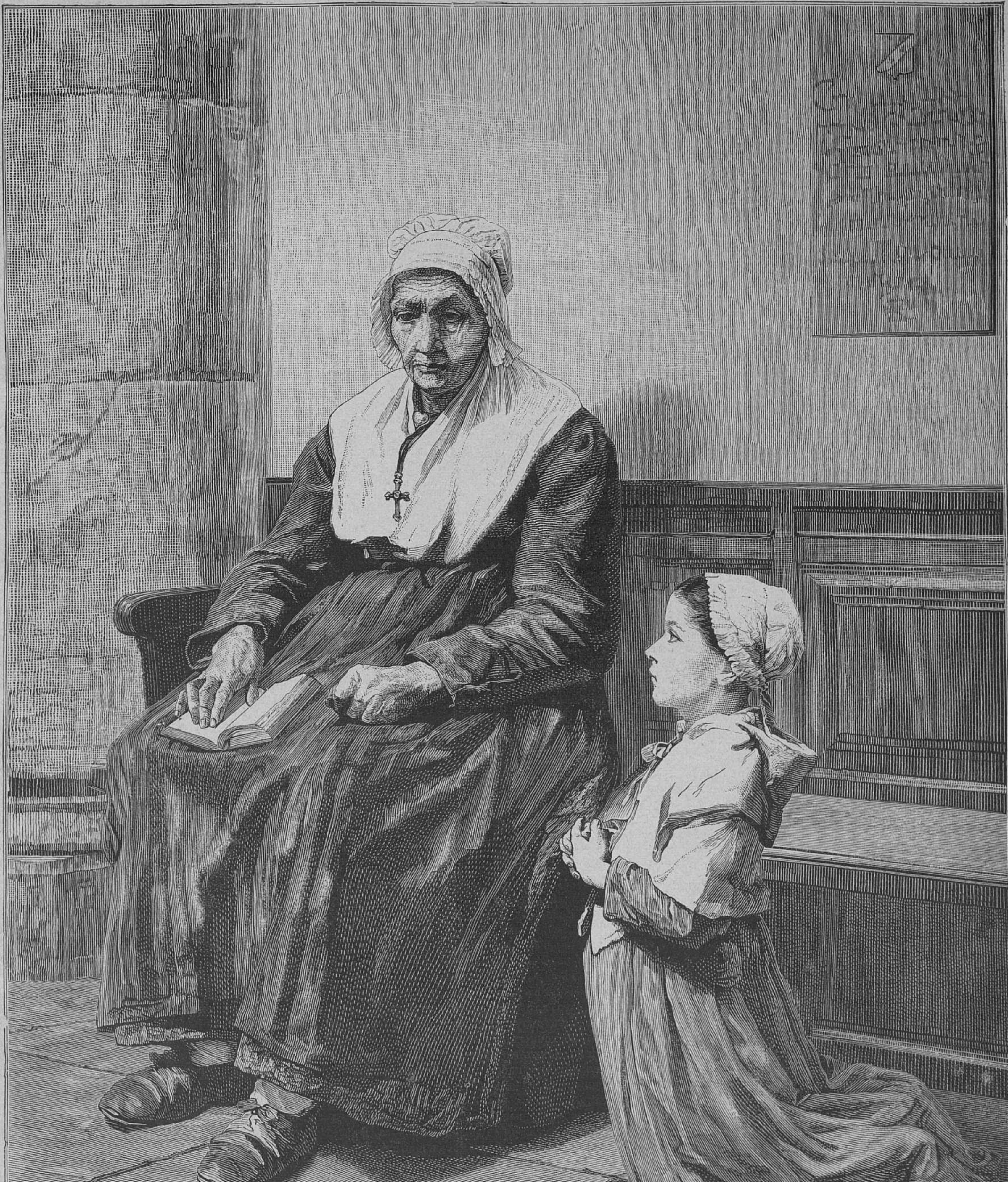


На совѣщаніи у судьи.

Рѣзано на деревѣ въ Лондонѣ.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА ЛЕРМИТТА.


LHermitte
TRICHON

Бабушка.

По фотографіи Блока; рѣзалъ на деревѣ Тришонъ.

министерство не рискуетъ на серьезныя реформы, то дѣла нисколько не пошли лучше, если еще болѣе не усложнились. Въ настоящее время всѣ народы австрійской имперіи находятся во взаимной враждѣ одинъ къ другому и каждый порознь не ладитъ съ министерствомъ. Нѣмецкая либеральная конституціонная партія, составлявшая главную поддержку всѣхъ бывшихъ конституціонныхъ министерствъ, имѣла недавно собраніе въ Вѣнѣ и рѣзко высказалась противъ автономическихъ стремленій министерства Таафе; она требуетъ удержанія дуализма, т. е. привилегированнаго положенія нѣмцевъ и венгерцевъ; она высказалась также за сохраненіе настоящаго избирательнаго закона. Напротивъ, нѣмецкая консервативная партія, на съѣздѣ въ Линцѣ, отнеслась сочувственно къ вопросу автономіи отдѣльныхъ народностей и высказалась въ пользу избирательной реформы, основанной на принципѣ всеобщей подачи голосовъ. Такимъ образомъ обѣ эти главныя партіи австрійскихъ нѣмцевъ помѣнялись своими ролями. Въ смыслѣ автономіи и избирательной реформы высказалась также нѣмецкая демократическая партія, на сходкѣ которой участвовали до 10 тысячъ рабочихъ.

Вражда между австрійскими нѣмцами и венгерцами, на время было утихнувшая, возгорѣлась съ новою силой. Венгерцы давно уже мечтаютъ о своей отдѣльной арміи. По конституціи армія для обѣихъ половинъ австрійской имперіи общая. Въ Венгріи стоятъ полки, составленные преимущественно изъ венгерцевъ, но офицеры въ этихъ полкахъ по большей части нѣмцы и славяне. Съ той поры какъ возникли новыя недоразумѣнія между недавними друзьями: нѣмцами и венгерцами, офицеры изъ нѣмцевъ стали требовательнѣе къ подчиненнымъ имъ солдатамъ изъ венгерцевъ. Въ короткое время вышло нѣсколько печальныхъ недоразумѣній, о которыхъ венгерская преса не замедлила высказать свое мнѣніе, весьма не лестное для офицеровъ изъ нѣмцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начала свою агитацію въ пользу сформированія отдѣльной венгерской арміи. Съ особенной энергіей въ этомъ направленіи высказывалась газета «Ellenzek», выходящая въ Клаузенбургѣ подъ редакціей Барты. Случилось, что одинъ изъ офицеровъ полка, квартирующаго въ этомъ городѣ, поручикъ Рустовъ назвалъ вольноопредѣляющихся «венгерскими псами». Газета разсказала этотъ случай, добавивъ къ своему разсказу очень рѣзкіе коментаріи. Поручикъ, утверждая, что онъ никогда не произносилъ этихъ словъ, требовалъ, чтобы въ газетѣ было напечатано опроверженіе извѣстія. Барта отказался печатать опроверженіе, ссылаясь на то, что свѣденіе получено имъ изъ самаго вѣрнаго источника. Рустовъ вызвалъ редактора на дуэль, тотъ не принялъ вызова. Тогда Рустовъ и сопровождавшій его другой офицеръ Динстлъ, обнаживъ сабли, напали на Барту, который могъ защищаться только палкой; редакторъ получилъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ. Между тѣмъ на улицѣ распространился слухъ о нападеніи офицеровъ на Барту; собралась толпа и, въ свою очередь, напала на офицеровъ. На выручку офицеровъ прибѣжали солдаты и произошла общая свалка; съ обѣихъ сторонъ пораненныхъ было не мало. Во всѣхъ венгерскихъ газетахъ явился рѣзкій протестъ противъ этого нападенія вооруженныхъ офицеровъ на безоружнаго журналиста и, конечно, преса съ еще большей энергіей стала требовать отдѣльной венгерской арміи. Объ этомъ-же случаѣ былъ сдѣланъ запросъ и въ венгерскомъ парламентѣ; министръ Тисса отвѣчалъ, что слѣдствіе уже назначено, а судъ будетъ составленъ на половину изъ военныхъ и гражданскихъ членовъ. Этотъ отвѣтъ, однакожъ, очень мало успокоилъ раздраженное общественное мнѣніе.

Чехи и поляки добиваются признанія за ними тѣхъ-же правъ, какими пользуются нѣмцы и венгерцы. Къ ихъ требованію присоединилось новое требованіе, котораго менѣе всего ожидали австрійскіе государственные люди. 18 ноября въ Львовѣ состоялся съѣздъ представителей руссинскаго народа, который съ этого времени сталъ официально звать себя русскимъ народомъ. На этомъ съѣздѣ состоялась резолюція, въ которой русскій народъ жалуется на притѣсненія, претерпѣваемыя отъ поляковъ, требуетъ для себя равныхъ правъ съ поляками и затѣмъ заявляетъ, что готовъ поддерживать только такое правительство, которое добросовѣстно и безпристрастно введетъ въ жизнь полную равноправность всѣхъ народностей. Существующему-же правительству, дѣйствующему на иныхъ началахъ, съѣздъ выразилъ свое недовѣріе.

Въ виду такъ категорически выражаемыхъ требованій, министерство Таафе не знаетъ что ему дѣлать, какъ примирить непримиримое. Единственный исходъ изъ этихъ затрудненій совершенное уравненіе правъ различныхъ народностей; одинаковая для всѣхъ автономія, хотя-бы совершенно подобная той, какою пользуются венгерцы. Но на такую широкую реформу, повидимому, еще долго не рискнутъ австрійскіе государственные люди.

Въ Германіи, нынѣшней союзницѣ Австро-Венгріи, тоже обстоитъ не совсѣмъ благополучно. Въ парламентѣ страны «философовъ»; страны, претендующей на «высшую въ мірѣ цивилизацію», на дняхъ серьезно обсуждался проектъ о лишеніи евреевъ многихъ изъ гражданскихъ и политическихъ правъ, какими они пользуются наравнѣ съ прочими гражданами германской имперіи. Изъ преній по этому поводу выяснилось, что антисемистская лига, агитирующая по еврейскому вопросу, имѣетъ значительное число членовъ во всѣхъ класахъ общества и въ различныхъ партіяхъ. Выходитъ, агитація не дѣло нѣсколькихъ фанатиковъ, какъ это было въ Венгріи года два тому назадъ, когда въ венгерскій парламентъ тоже было внесено предложеніе «о сокращеніи правъ жидовъ». Въ Германіи въ ненависти къ «жидамъ» соединились католики и протестанты, аристократы и демократы, консерваторы и такъ называемые «религіозные соціалисты». И какими жалкими мотивами оправдывали ораторы свою агитацію противъ евреевъ. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ преподобный Штекеръ, протестантскій пасторъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей партіи «религіозныхъ-соціалистовъ»: «Еврейскій вопросъ для меня вопросъ не религіозный, не вопросъ расы, но вопросъ соціально-нравственный. Онъ заключается въ томъ, что полмиліона евреевъ, согражданъ нашихъ, принадлежатъ къ другому племени, къ другой религіи, къ другому строю понятій, чувствъ и стремленій, отличающихъ ихъ отъ насъ, не всегда единодушныхъ съ нѣмцами, и что они начинаютъ занимать въ нашей націи положеніе, абсолютно несоотвѣтствующее численности еврейскаго населенія. Владѣя большой силой капитала, а также и таланта, эта група людей давитъ на нашу общественную жизнь; и не только въ торговлѣ и промышленности, но и въ общинныхъ дѣлахъ, въ соціально-нравственныхъ вопросахъ, даже въ церковныхъ вопросахъ они дѣйствуютъ пріобрѣтеннымъ ими вліяніемъ и это-то именно и не можетъ быть выносимо». Почти однородными мотивами объяснялъ свою агитацію противъ евреевъ католикъ и консерваторъ, Бахамъ. «Евреи, сказалъ онъ, главные представители биржевого дѣла, весьма опасные ростки котораго заставили министра желѣзныхъ дорогъ присвоить ему названіе ядовитаго дерева. Я не желаю возставать противъ чрезмѣрныхъ и безпричинныхъ восхваленій еврейскаго патріотизма, раздававшихся здѣсь за послѣдніе дни; замѣчу только, что на выпущенный въ 1870 г, сѣверо-германскимъ союзомъ заемъ берлинская биржа, находящаяся большею частью въ рукахъ евреевъ, подписалась всего на 3 миліона марокъ и только послѣ того, какъ получено было извѣстіе о побѣдѣ подъ Вертомъ, евреи стали приставать со своими предложеніями къ министру финансовъ, но тотъ объявилъ имъ, что онъ въ ихъ услугахъ болѣе не нуждается. За то въ покрытіи французскаго военнаго займа приняли участіе нѣмецкіе, главнымъ образомъ еврейскіе банкиры». Далѣе: «международный хлѣбный рынокъ находится большею частью въ рукахъ евреевъ. Ихъ опаснымъ спекуляціямъ мы обязаны въ нынѣшнее время дороговизною насущнаго хлѣба бѣднаго люда. Личный опытъ отдѣльныхъ депутатовъ, въ особенности-же депутатовъ восточныхъ провинцій, послужитъ подтвержденіемъ моихъ словъ, что большая часть тамошняго еврейскаго населенія занимается нечестными гешефтами, губящими честный трудъ и къ числу самыхъ обычныхъ средствъ которыхъ принадлежитъ пріостановленіе платежей. Въ этомъ именно и заключается ядро еврейскаго вопроса. Въ селахъ и деревняхъ, въ особенности въ восточныхъ провинціяхъ, относительно значительное число евреевъ занимается ростовщичествомъ, какъ ремесломъ».

Никто не станетъ оспаривать, что можно представить массу фактовъ злоупотребленій, совершенныхъ евреями. Но развѣ можно дѣйствовать противъ этихъ злоупотребленій отнятіемъ правъ у еврейскаго населенія вообще. Исторія показываетъ намъ, что общественныя язвы излечивались не ограниченіемъ, а напротивъ расширеніемъ политическихъ и гражданскихъ правъ гражданъ. Берлинскіе ораторы, противники «жидовъ», утверждаютъ, что евреи захватили въ свои руки капиталы и, пользуясь этимъ, производятъ давленіе во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Но вопросъ здѣсь вовсе не въ еврейской національности; такое-же давленіе производятъ люди и другихъ національностей, располагающіе большими капиталами. Все дѣло заключается въ промышленномъ фазисѣ жизни современнаго общества, когда капиталъ имѣетъ надо всѣмъ преобладающее значеніе; когда погоня за наживой во чтобы то ни стало сдѣлалась зауряднымъ явленіемъ. Евреи понимаютъ силу капитала и какъ они вообще болѣе всего склонны къ промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ, то легче другихъ собираютъ капиталы. Евреи сильны своею солидарностью, чего нельзя сказать о другихъ націяхъ; они поддерживаютъ другъ друга. Евреи сильны и тѣмъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ они живутъ по преимуществу, населеніе не охотно и неумѣло берется за промышленныя предпріятія и евреи дѣлаются необходимыми; къ нимъ обращаются, какъ къ посредникамъ; оттого такая масса евревъ-комисіонеровъ. Противъ преобладанія евреевъ можно дѣйствовать только вложеніемъ большей энергіи въ промышленныя предпріятія и развитіемъ солидарности между людьми другихъ націй, а никакъ не уменьшеніемъ политическихъ правъ. Смѣшно, право, читать, когда напримѣръ, професоръ Трейчке серьезно увѣряетъ, что германская нація, численностію въ 44 миліона, отдана въ жертву полумиліону евреевъ.

А какіе позорные факты случаются теперь въ Германіи! Напримѣръ, учитель гимназіи привлекается къ отвѣтственности за дурное обращеніе съ ученикомъ евреемъ. Онъ отвѣчаетъ на судѣ, что, въ качествѣ христіанина, онъ считаетъ себя вынужденнымъ угнетать по возможности еврейскихъ учениковъ. Что это? цинизмъ. тупоуміе или фанатизмъ? Но дальше, кажется, уже нельзя идти.

Во Франціи палатой депутатовъ принятъ чрезвычайно важный законъ о среднемъ женскомъ образованіи. До сихъ поръ францyженки могли получать среднее образованіе или въ монастыряхъ или въ вообще плохо устроенныхъ пансіонахъ для дѣвицъ. И въ тѣхъ и другихъ заведеніяхъ онѣ получали жалкое образованіе. Теперь правительство намѣревается открытъ нѣсколько женскихъ гимназій съ курсомъ почти одинаковымъ съ мужскими гимназіями. Есть полное основаніе предполагать, что новый законъ не встрѣтитъ противодѣйствія въ сенатѣ.

Генералъ Сиссэ, послужившій предметомъ нападокъ въ газетахъ послѣ процеса Юнга, о которомъ мы говорили въ одной изъ нашихъ хроникъ, — въ свою очередь выступилъ съ процесомъ противъ Рошфора, редактора газеты «Intransigeant» и Лезана, редактора газеты «Petit Parisien», обвиняя ихъ въ клеветѣ. Ни Рошфоръ, ни Лезанъ не представили достаточныхъ доказательствъ своихъ обвиненій противъ генерала Сиссе и были признаны судомъ виновными въ дифамаціи и приговорены къ штрафу и денежному вознагражденію каждый въ 12,000 франковъ. Впрочемъ, интересъ не въ этомъ приговорѣ, такъ какъ парламентское слѣдствіе по обвиненіямъ противъ Сиссэ еще не окончено и слѣдовательно послѣднее слово еще не сказано. Интересъ заключается въ демонстраціи, произведенной клерикалами и бонапартистами въ судѣ. Когда адвокатъ ген. Сиссэ, Робине де-Клери, разбирая побужденія обвинителей его кліента, сказалъ: «Кто-же эти люди, гг. судьи? Они—мстители за комуну... Да! генералъ де-Сиссэ круто обошелся съ убійцами и поджигателями; онъ видѣлъ въ нихъ не солдатъ, а разбойниковъ, и отвѣтственность за такой образъ дѣйствій онъ съ гордостью принимаетъ на себя!» — раздался взрывъ рукоплесканій въ томъ концѣ залы, который занятъ былъ адвокатами, одѣтыми въ мантіи, присвоенныя ихъ професіи. Предсѣдатель суда всталъ и потребовалъ прекращенія манифестаціи; въ отвѣтъ ему раздался новый, еще болѣе оглушительный взрывъ рукоплесканій. Судьи накрылись, въ знакъ того, что засѣданіе прекращено, и вышли изъ залы. Шумъ и крики продолжались послѣ ихъ ухода и только появленіе въ залѣ отряда вооруженныхъ войскъ заставило крикуновъ успокоиться. По возвращеніи въ залу суда, предсѣдатель объявилъ слѣдующее постановленіе суда: «Вслѣдствіе неприличной и оскорбительной манифестаціи, которая только-что произошла и виновниками которой были, по большей части, адвокаты, судъ предписываетъ немедленно удалить публику изъ залы засѣданія». Затѣмъ предсѣдатель объяснилъ, что, по полученнымъ имъ свѣденіямъ, въ числѣ лицъ, произведшихъ неприличную манифестацію, было нѣсколько непринадлежащихъ къ сословію адвокатовъ, но одѣтыхъ въ адвокатскія мантіи. Тоже самое подтвердилъ старшина парижскихъ адвокатовъ, Барбу, принесшій извиненіе суду отъ имени своихъ товарищей. Оказалось, что этотъ маскарадъ придуманъ клерикалами и бонапартистами, пожелавшими произвести крупный скандалъ въ судѣ.

Въ Португаліи, въ Лиссабонѣ, недавно окончилъ свои засѣданія конгресъ писателей. Первый конгресъ былъ въ Парижѣ, второй въ Лондонѣ; лиссабонскій—третій; четвертый будетъ въ Вѣнѣ въ 1881 году.

Изъ разрѣшенныхъ на лиссабонскомъ конгресѣ вопросовъ большій интересъ представляютъ слѣдующіе. Было выслушано предложеніе о томъ, чтобы въ тѣхъ странахъ, гдѣ «международная литературная асоціація» не имѣетъ еще своихъ представителей, составляющихъ комитетъ, заправляющій дѣлами, были найдены какіе-нибудь способы для защиты литературной собственности. Во время преній по этому предложенію было заявлено желаніе обратиться къ помощи правительствъ этихъ странъ, но конгресъ отклонилъ необходимость такого обращенія и рѣшилъ, что надо надѣяться только на силу идеи международной литературной асоціаціи и на результаты ея дѣятельности. Было принято предложеніе о томъ, чтобы въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ комитеты, были учреждены комисіи для составленія литературной статистики, такъ, чтобы на основаніи выведенныхъ данныхъ являлась возможность дѣлать правильныя заключенія о литературной производительности страны и о международномъ литературномъ обмѣнѣ.

Въ южной Америкѣ продолжается война между республикой Чили съ одной стороны и республиками: Перу, Боливія и Экуадоръ съ другой. Война ведется крайне жестоко и ей не предвидится конца. И Чили и Перу совершенно раззорены; воюющія стороны истребляютъ у непріятелей плантаціи, грабятъ товары, жгутъ или взрываютъ динамитомъ фабрики и частные дома. Война кажется грозитъ сдѣлаться всеобщей въ сѣверной половинѣ южной Америки. Повидимому, Аргентинская республика готова нарушить свой нейтралитетъ и сдѣлаться союзникомъ Перу; взамѣнъ, Перу, вѣроятно, потеряетъ своего союзника Экуадоръ, такъ какъ въ послѣднее время отношенія между союзниками сдѣлались очень натянутыми. Несчастному Чили грозитъ еще новая бѣда. Чилійскіе крейсеры, дѣйствуя чрезмѣрно ретиво, захватили нѣсколько судовъ, принадлежащихъ колумбійцамъ. Колумбія до сихъ поръ придерживалась строгаго нейтралитета, но теперь, сочтя себя оскорбленной, намѣрена объявить войну Чили. Не надо забывать, что въ этихъ южно-американскихъ республикахъ еще чрезвычайно сильно клерикальное вліяніе, а гдѣ оно есть, тамъ объ умѣренности не можетъ быть и рѣчи. Слѣдовательно ни жестокость, ни продолжительность войны въ южной Америкѣ не должны никого удивлять.

Къ рисункамъ.

Рыболовство, картина Лексмура. Рыболовъ только что вернулся домой и усталый сѣлъ на стулъ, въ то время какъ жена его, взявъ корзинку, принялась разсматривать добычу. Добыча оказалась не блестяща: все маленькія рыбки, плотички, и больше ничего. Она съ упрекомъ показываетъ мужу эти рыбки, давая понять, что этимъ сытъ не будешь. Мужъ нѣсколько сконфуженъ, но что-же дѣлать, если ловъ былъ неудаченъ? Въ картинѣ замѣчательно хорошо выраженіе лицъ.

Книги и эстампы, картина Джіакомо Фаврето. На туринской выставкѣ нынѣшняго года картина Фаврето получила премію. И дѣйствительно, эта картина-жанръ, довольно значительныхъ размѣровъ, весьма талантлива какъ по композиціи, такъ и по выполненію. Въ Италіи и во Франціи существуетъ обычай продавать старыя книги и гравюры на улицахъ, раскладывая ихъ на подвижныхъ столахъ и развѣшивая на стѣнахъ домовъ. У такой случайной лавки, кочующей иногда постоянно съ одного мѣста на другое, толпятся обыкновенно любители, которые сами принадлежатъ къ своеобразнымъ типамъ. На картинѣ Фаврето мы видимъ нѣсколько такихъ типовъ: два католическихъ патера, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ ордену іезуитовъ,—разсматриваютъ старинную книжку; одинъ изъ нихъ, открывъ ее случайно, читаетъ, улыбаясь; это, вѣроятно, одна изъ тѣхъ книгъ восемнадцатаго столѣтія, которыя отличались своимъ легкомысліемъ и двусмысленностью. Дочь хозяйки лавки, подбоченясь, стоитъ тутъ-же и прислушивается къ чтенію. Нѣсколько подальше на какомъ-то сундукѣ помѣстился другой любитель и разсматриваетъ гравюры. Съ другой стороны сидитъ, закутавшись въ платкѣ, сама хозяйка, съ которою патеры и начнутъ, вѣроятно, торгъ. Развѣшенныя картины и разставленныя въ безпорядкѣ книги дополняютъ сцену.

На совѣщаніи у судьи, картина Джона Моргана. Двѣ молодыя дамы явились къ судьѣ по дѣлу о раздѣлѣ наслѣдства. Аудіенція была дана и дамы съ жаромъ начали защищать каждая свои собственные интересы, можетъ быть, надѣясь на чарующее вліяніе своихъ красивыхъ глазъ и прелестныхъ улыбокъ. Но, увы! судья оказался непоколебимымъ. Онъ выслушалъ ихъ совершенно покойно и затѣмъ объяснилъ имъ всю неосновательность ихъ претензіи. Художникъ изобразилъ сцену въ то самое время, какъ дамы доказываютъ свои права судьѣ.

Бабушка, картина Лермита. Эта картина французскаго художника Лермита замѣчательна выраженіемъ лицъ. Сидящая старуха держитъ книгу, въ то время какъ ея внучка, стоя на колѣняхъ, молится вслухъ. Вотъ все содержаніе этой картины, но сколько въ ней смысла и съ какимъ талантомъ художникъ умѣлъ воспользоваться этимъ сюжетомъ!

Указъ Правительствующему Сенату.

Желая въ тяжкую годину неурожая, постигшаго нѣкоторыя изъ восточныхъ и южныхъ губерній имперіи, явить ввѣренному Намъ Божественнымъ Промысломъ народу Нашему новое доказательство Нашихъ заботъ о его благосостояніи, Мы признали за благо отмѣнить акцизъ, взимаемый съ соли, съ 1-го января 1881 года, и соразмѣрно уменьшить таможенную пошлину съ соли, привозимой изъ-за границы.

Возлагая на министра финансовъ дальнѣйшія по сему распоряженія, а также одновременное возмѣщеніе убыли въ государственныхъ доходахъ отъ сложенія солянаго сбора посредствомъ возвышенія нѣкоторыхъ изъ существующихъ налоговъ при соблюденіи уравнительнаго ихъ распредѣленія. Мы уповаемъ, что отмѣна акциза съ соли, вмѣстѣ съ пониженіемъ пошлины, взимаемой съ оной на границахъ имперіи, не только уменьшитъ тягости бѣднѣйшаго населенія, но и послужитъ къ развитію скотоводства, улучшенію земледѣлія, къ дальнѣйшимъ успѣхамъ рыбныхъ промысловъ и нѣкоторыхъ отраслей фабричной и заводской промышленности.

Да благословитъ Всемогущій Богъ труды, возлагаемые по исполненію сего указа, и да даруетъ Онъ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ благія послѣдствія, ожидаемыя отъ исполненія Нашей воли.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 23-го дня 1880 года.

Смѣсь.

— **Бенефисъ г-жи Читау 1-й.** Драма (вѣрнѣе, мелодрама) «Однимъ грѣхомъ болѣе» принадлежитъ начинающему писателю, г. Лаврову. Это первый его трудъ и, какъ большая часть первыхъ трудовъ, слабъ и страдаетъ недостаткомъ, имъ присущимъ. Автору все кажется, что онъ ввелъ мало фактовъ въ свое произведеніе, недостаточно уяснилъ свою мысль и потому драма выходитъ или слишкомъ длинной, утомляющей зрителя, или загроможденной ненужными эфектами. Въ драмѣ г. Лаврова такихъ эфектовъ много и они болѣзненно дѣйствуютъ на нервы зрителя. Однакожъ, нельзя сказать, чтобы произведеніе г. Лаврова было плохо; въ авторѣ замѣтно, если не присутствіе таланта, то, по крайней мѣрѣ, умѣнье написать вещь сценичную, не безъинтересную. Содержаніе драмы таково. Въ московской консисторіи служитъ маленькій чиновникъ Ручкинъ (г. Варламовъ). Ему начальство довѣрило получить 4,000 руб. казенныхъ денегъ. Получивъ ихъ, Ручкинъ встрѣтился съ товарищемъ, зашли они въ трактиръ, выпили по одной, по другой, а тамъ и напились. Когда Ручкинъ, проснувшись, хватился денегъ, ихъ не оказалось. Въ перспективѣ—ссылка; что дѣлать? У Ручкина былъ знакомый фабрикантъ Кругловъ (г. Новиковъ), которому Ручкинъ обдѣлалъ какое-то дѣло въ консисторіи. Обратился къ нему несчастный, разсказалъ о своей бѣдѣ и просилъ выручить. Кругловъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы Ручкинъ показалъ, что по неосторожности сжегъ фабрику Круглова, которую тотъ думаетъ сжечь, такъ какъ она застрахована въ большой суммѣ. Ручкинъ соглашается и переходитъ на службу на фабрику. Кругловъ и его прикащикъ Халюзовъ (г. Арди) сжигаютъ фабрику. Ручкина, который выдалъ Круглову вексель въ 10,000 руб. за взятые у него 4,000, предаютъ суду, потому что на него падаетъ подозрѣніе не сжегъ-ли онъ фабрики въ досадѣ на Круглова, которому долженъ такую крупную сумму. Кругловъ беретъ Ручкина на поруки. Разсказанное нами, впрочемъ, не составляетъ сюжета драмы, а драма изъ него вытекаетъ. Живетъ Ручкинъ, играя роль шута у Круглова, между тѣмъ у него подростаетъ дочь, Леночка (г-жа Читау 2-я), и становится красавицей. Въ нее влюбляются Халюзовъ и сынъ Круглова (г. Панчинъ). Халюзовъ дѣлаетъ предложеніе дѣвицѣ, получаетъ отказъ и даетъ клятву отомстить ей. Кругловъ нашелъ невѣсту своему сыну, но молодой человѣкъ, влюбленный въ Леночку и давшій ей обѣщаніе жениться на ней, отказывается брать жену по выбору отца. Отецъ Кругловъ, самодуръ, конечно, злится и желаетъ излить свою злобу въ монологѣ, но ему показывается видѣніе и останавливаетъ его изліянія. Дѣло въ томъ, что во время пожара фабрики сгорѣлъ сторожъ, намѣренно запертый тамъ Кругловымъ и его прикащикомъ. А заперли они его потому, что предлагали ему тоже, что предложили Ручкину, но сторожъ отказался. Вотъ призракъ этого старца вѣчно по вечерамъ носится въ воображеніи Круглова и мучаетъ его. Кругловъ кается съ колѣнопреклоненіемъ, но входитъ Халюзовъ и смущаетъ его. Халюзовъ говоритъ, что сынъ Круглова потому отказывается жениться на дѣвушкѣ, избранной его отцомъ, что влюбленъ въ дочь Ручкина. Онъ совѣтуетъ Круглову пригласить къ себѣ Леночку и предложить ей отступного. Она откажется. Кругловъ положитъ бумажникъ съ деньгами на столъ, а самъ выйдетъ въ другую комнату, вызванный имъ, Халюзовымъ. Возвратившись, Кругловъ согласится на бракъ сына съ Леночкой. Халюзовъ-же беретъ на себя устроить такъ, чтобы дѣвушка явилась въ глазахъ жениха обезчещенной. Халюзовъ подбрасываетъ бумажникъ въ квартиру Ручкина. Леночку обвиняютъ въ воровствѣ; приходитъ полиція съ обыскомъ и находитъ бумажникъ. Отъ Леночки отвертываются и отецъ и женихъ. Тогда несчастная схватываетъ револьверъ, который отецъ ея забылъ отнести настоящему его хозяину, и застрѣливается. Ручкинъ-же обвиняетъ Круглова, какъ виновника поджога фабрики.

Г-жа Читау 2-я очень недурно сыграла роль Леночки. Жаль, что юная артистка до сихъ поръ не можетъ отстать отъ излишней суетливости на сценѣ, что портитъ ея игру. Очень хорошъ былъ г. Арди и типично сыгралъ роль стараго слуги г. Шкаринъ. Сама бенефиціантка выступила въ небольшой вводной роли и еще разъ доказала, что простонародныя роли ей совсѣмъ не удаются; лучше-бы она ихъ оставила. Г-жа Читау 1-я заблуждается, предполагая, что у нея есть комическій талантъ, ей приходится шаржировать, говорить неестественнымъ голосомъ и это выходитъ очень некрасиво.

Въ этотъ-же спектакль шелъ переведенный съ французскаго фарсъ «Въ крови горитъ огонь желанья». Г. Давыдовъ былъ превосходенъ въ роли мужа, вздумавшаго надуть свою жену и попавшаго въ просакъ. Хорошъ былъ также и г. Петипа.

— **В. В. Самойловъ.** 23 ноября состоялся въ залѣ Кононова спектакль съ участіемъ В. В. Самойлова, устроенный собраніемъ художниковъ. Роль Ришелье въ старой англійской драмѣ того-же названія, принадлежитъ къ числу лучшихъ, и любимыхъ имъ самимъ, ролей г. Самойлова. Нѣсколько лѣтъ В. В. не игралъ этой роли. Бѣдность сценической обстановки, въ которой, увы, приходится, по большей части, появляться первому русскому артисту нашего времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ подмостки казеннаго театра, побуждало В. В. Самойлова исключать «Ришелье» изъ репертуара пьесъ, въ которыхъ онъ появлялся. Понятно, когда въ городѣ распространился слухъ, что В. В. Самойловъ рѣшился, наконецъ, снова исполнить роль Ришелье—это составило событіе въ кругу истинныхъ театраловъ и зала Кононова была биткомъ набита (несмотря на довольно высокія цѣны). Пріемъ любимому артисту былъ, разумѣется, восторженный, какъ всегда. Распространяться объ исполненіи В. В. Самойловымъ роли Ришелье будетъ, конечно, излишне. Кто-же, если не видѣлъ самъ, то не читалъ въ рецензіяхъ, какъ Самойловъ играетъ эту роль? Обстановка, въ которой пришлось играть В. В., оставляла, понятно, многаго желать. Условія, въ какія поставлены въ настоящемъ году спектакли собранія художниковъ, такъ тяжелы для устроителей этихъ спектаклей, что обставить порядочно, а не то, что хорошо, такую сложную пьесу, какъ «Ришелье», было бы просто фокусомъ. Запрещеніе актерамъ казеннаго театра играть на клубныхъ сценахъ остается въ прежней силѣ. Конечно, находятся смѣльчаки изъ казенныхъ артистовъ, дерзающіе, подъ псевдонимами, появляться на клубныхъ сценахъ, но участіе этихъ «смѣльчаковъ», стоитъ не малыхъ хлопотъ, страха и волненій устроителямъ спектаклей. Не только что объ акуратной явкѣ такихъ артистовъ на репетиціи клубныхъ спектаклей нечего и думать, но никогда нельзя быть увѣреннымъ, что и въ самый день спектакля, тотъ или другой артистъ не окажется неимѣющимъ возможности явиться на спектакль, будучи внезапно занятъ на казенной сценѣ. Остается комплектовать исполнителей изъ «любителей», а всѣмъ извѣстно, что наиболѣе способные изъ этихъ любителей, всѣ или въ провинціи или на казенной сценѣ. Сцена кононовской залы оказывается слишкомъ тѣсною для такихъ обстановочныхъ пьесъ, какъ «Ришелье», сверхъ того и сама драма устарѣла. Нужна сила таланта Самойлова для того, чтобы, несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, продержать въ напряженномъ состояніи вниманіе публики впродолженіи четырехъ часовъ сряду.

— **Новый музыкальный инструментъ.** 20 ноября, на художественномъ вечерѣ собранія художниковъ, въ залѣ Кононова, петербургская публика въ первый разъ имѣла случай познакомиться съ новымъ замѣчательнымъ музыкальнымъ инструментомъ. Эта интересная новинка—гармоніумъ-монстръ, вывезенный В. О. Главачемъ изъ Штутгардта. Уже до этого концерта музыкальные рецензенты, имѣвшіе случай познакомиться съ новымъ инструментомъ на квартирѣ г. Главача, провозгласили этотъ инструментъ чудомъ въ своемъ родѣ. Восторженные отзывы спеціалистовъ оказались не преувеличенными. Публика вполнѣ удовлетворена мастерской игрой г. Главача. И на обыкновенномъ гармоніумѣ, г. Главачъ игралъ мастерски, но новый его инструментъ, исполненный на фабрикѣ Шидмеера, по мысли и по указаніямъ самого Главача, даетъ ему возможность еще въ большей степени выказать свой талантъ исполнителя. Новый гармоніумъ имѣѐтъ 29 регистровъ; кромѣ двухъ ножныхъ педалей, онъ снабженъ еще четырьмя колѣнными педалями. Посредствомъ этихъ педалей г. Главачъ въ состояніи дѣлать на своемъ инструментѣ такъ называемые prolongement, т. е. достигать того, что нота или акордъ тянутся и по отнятіи пальца съ клавиша до тѣхъ поръ, пока не будутъ прекращены нажатіемъ другой педали. Благодаря этому г. Главачъ, играя на своемъ гармоніумѣ, близко подходитъ къ оркестровому исполненію пьесъ. Особенно рельефно это выказалось при исполненіи имъ увертюры изъ «Вильгельма Теля». Слушая эту увертюру въ исполненіи г. Главача, можно подумать, что играетъ цѣлый оркестръ. По исполненіи всей програмы (въ которую входили произведенія Баха, Бетховена, Шуберта, Шопена и др.) г. Главачъ исполнилъ еще импровизацію на заданный ему публикою мотивъ народной пѣсни «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Публика вызывала г. Главача много разъ и тутъ же, какъ мы слышали, г. Главачъ получилъ нѣсколько приглашеній на домашніе концерты съ его гармоніумомъ въ частныхъ домахъ.

— **Новая картина Макарта.** Въ Берлинѣ, въ академіи художествъ, выставлена новая колосальная картина Макарта «Охота Діаны». Публика уже достаточно знакома съ кистью Макарта по его прежнимъ картинамъ «Прибытіе Карла V въ Антверпенъ», «Пять чувствъ» и др. Извѣстна «спеціальность», которую избралъ себѣ этотъ художникъ, именно: изображеніе на полотнѣ нагихъ женскихъ фигуръ. Надо сказать правду, Макартъ съ каждымъ новымъ своимъ произведеніемъ все болѣе и болѣе совершенствуется въ этомъ направленіи. На картинѣ «Прибытіе Карла V въ Антверпенъ» вы видите только 2—3 голыхъ женскихъ фигуры, на слѣдующей затѣмъ картинѣ «Пять чувствъ» такихъ фигуръ уже 5, а на «Охотѣ Діаны» ихъ не менѣе 14. Сюжетъ и содержаніе этой колосальной картины слѣдующіе: Діана съ групой своихъ подругъ—на охотѣ; она прицѣливается застрѣлить изъ лука выбѣжавшаго ей на встрѣчу оленя. Подруги ея стараются спасти жизнь несчастнаго животнаго; однѣ умоляютъ Діану пощадить его, другія покрываютъ своимъ тѣломъ испуганнаго оленя. Вотъ и все содержаніе картины. Извѣстно, что главная сила произведеній Макарта заключается не въ ихъ общемъ содержаніи, а въ детальномъ исполненіи и въ вѣрномъ изображеніи человѣческаго тѣла и чертъ лица. На этотъ разъ Макартъ заботился и о внѣшней обстановкѣ своей картины: фонъ «Охоты Діаны» представляетъ великолѣпный ландшафтъ съ могучими деревьями. Но именно это обстоятельство чрезвычайно вредитъ картинѣ; красное платье, покрывающее часть тѣла Діаны, вовсе не гармонируетъ съ зеленью лѣса и представляетъ столь рѣзкій контрастъ, что рѣжетъ глаза зрителя и производитъ непріятное впечатлѣніе. «Охота Діаны», какъ слышно, будетъ выставлена также и въ Россіи.

— **Преступленіе отъ любви.** 58-лѣтняя Фридерика Блуменгагенъ занималась торговлей каменнаго угля на одной изъ городскихъ площадей города Гамбурга и жила со своимъ рабочимъ шестидесятилѣтнимъ Готфридомъ-Вильгельмомъ Штамельбахомъ. Жили они вмѣстѣ въ подвалѣ уже болѣе 10 лѣтъ. 16 сентября этого года произошелъ между ними споръ, который окончился тѣмъ, что Фридерика Блуменгагенъ заставила арестовать своего сожителя, которому вслѣдствіе этого-же запрещено было посѣщать ея домъ. Несмотря, однако, на запрещеніе, Штамельбахъ явился въ тотъ-же день въ 10 часовъ вечера въ подвалъ, гдѣ жила Фридерика и пытался возобновить съ нею прежнія отношенія. Она наотрѣзъ отказала ему; тогда Штамельбахъ удалился, проговоривъ: «если такъ, то на всегда». Спустя три часа послѣ этого посѣщенія онъ выдавилъ раму изъ окна, выходящаго на дворъ, и легко проникъ во внутрь квартиры. Въ кухнѣ нашелъ онъ стоявшій вблизи топоръ, и, вооружившись имъ, вошелъ въ комнату, гдѣ спала Блуменгагенъ съ своимъ пріемышемъ мальчикомъ 8 лѣтъ. Ребенокъ, разбуженный шумомъ, проснулся; но Штамельбахъ, молча, пригрозилъ ему топоромъ, если онъ будетъ двигаться. Тогда онъ поднялъ топоръ и нанесъ спящей женщинѣ сильный ударъ по головѣ и раскроилъ ей черепъ; хотя она уже не двигалась, но Штамельбахъ взялъ лежавшій на столѣ ножъ и нанесъ ей еще рану въ лѣвую часть шеи. До смерти перепуганный мальчикъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эту кровавую сцену и не смѣлъ шевельнуться, лежа въ одной кровати съ убитой. Онъ видѣлъ еще какъ Штамельбахъ этимъ-же ножемъ перерѣзалъ себѣ жилу, какъ онъ перешелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ складъ каменнаго угля, и тамъ удавился. Когда все стихло, мальчикъ всталъ, смылъ кровь со своего лица и платья и сѣлъ на диванъ, гдѣ просидѣлъ не смыкая глазъ до 7 часовъ утра. Къ этому времени сбѣжались люди, которымъ ребенокъ и разсказалъ все происшедшее.

— **Исполненіе двухъ ролей за разъ.** Пѣвица вѣнскаго придворнаго опернаго театра, г-жа Матерна, совершила недавно замѣчательный въ своемъ родѣ подвигъ: она исполнила двѣ роли въ одной оперѣ. Случалось иногда, что пѣвица гдѣ нибудь въ одинъ и тотъ же вечеръ исполняла роли Елизаветы и Венеры въ «Тангейзерѣ»; но чтобы примадонна пѣла въ «Донъ Жуанѣ» донну Эльвиру и вмѣстѣ съ тѣмъ донну Анну—этого никогда еще не случалось, по крайней мѣрѣ, въ вѣнскомъ оперномъ театрѣ. Г-жа Дильнеръ, пѣвшая Эльвиру, вдругъ захворала во второмъ актѣ настолько сильно, что не могла продолжать игру; тогда г-жа Матерна, исполнявшая роль донны Анны, изъявила готовность довести партію Эльвиры до конца. Такимъ пожертвованіемъ артистка спасла представленіе.

— **Парижская торговля.** Въ октябрѣ по обыкновенію была открыта выставка новыхъ туалетовъ въ извѣстномъ парижскомъ заведеніи Grande magasin du Louvre. Въ первый день выставки былъ необыкновенный приливъ дамъ, не менѣе 67 тысячъ; выручка одного дня представляла громадную сумму въ 1, 428, 407 франковъ; шелковыхъ матерій продано на 600, 000 франковъ.

— **Катастрофа въ воздухѣ.** Въ Парижѣ осенью должна была подняться на воздушномъ шарѣ д-ца Альбертини. Вмѣсто лодочки къ шару была прикрѣплена трапеція, къ которой пред полагалось привязать воздухоплавательницу, но она не явилась ко времени, назначенному для полета. Молодой гимнастъ Наваръ согласился за 50 франковъ заступить ея мѣсто. Навара хотѣли привязать къ трапеціи, но онъ отказался, заявивъ, что съумѣетъ удержаться и такъ. Дѣйствительно, онъ поднялся, держась руками за трапецію, но когда шаръ пролеталъ неподалеку отъ Курбвуа, злополучному гимнасту измѣнили силы. Онъ упалъ съ высоты 250 сажень, перевернулся нѣсколько разъ въ воздухѣ и, ударившись о земь, углубился по поясъ въ землю. Понятно, что онъ убился на мѣстѣ. Очевидцы утверждаютъ, будто тѣло несчастнаго воздухоплавателя послѣ удара о землю было подброшено аршина на 4 вверхъ и затѣмъ уже упало вторично. Шаръ полетѣлъ далѣе на западъ и спустился внизъ въ окрестностяхъ Менильмонтана.

— **Изъ американской жизни.** Вотъ обыкновеніе, свойственное исключительно Америкѣ: воспитанники и воспитанницы высшихъ учебныхъ заведеній пробиваются тамъ въ лѣтнихъ отеляхъ, служа писарями, лакеями, поварами и кухарками. Именно къ порѣ лѣтнихъ вакацій идетъ въ ходъ дѣло этихъ лѣтнихъ отелей и многіе, лишенные средствъ студенты и студентки, руководясь мыслію, что никакое честное занятіе не можетъ запятнать человѣка, заработываютъ себѣ такимъ образомъ средства къ продолженію ученія зимою.

—**Статистика лошадей.** Въ послѣднее время вычислено приблизительное количество лошадей въ разныхъ странахъ свѣта. Въ Австріи ихъ насчитывается до 1. 367. 000, головъ, въ Венгріи — 2. 179. 000, во Франціи около 3-хъ мил., въ Россіи 21. 470. 000, въ Германіи — 3. 352. 000, въ Великобританіи съ Ирландіею — 2. 255. 000, въ Турціи около 1-го миліона, въ Соединенныхъ штатахъ — 9. 504. 000, въ Аргентинской республикѣ 4. 000. 000, въ Канадѣ 2. 624. 000, въ Уравнаѣ 1. 600. 000 головъ.

— **Битва съ крысами.** Одинъ нѣмецъ, по имени Гросманъ, держалъ большой биргаузъ въ Франклинѣ, въ штатѣ Пенсильваніи. Разъ онъ послалъ двухъ своихъ сыновей, взрослыхъ мальчиковъ, принести швейцарскаго сыру, который былъ сложенъ въ подвалѣ со сводами, служившемъ прежде для пивоварни. Когда мальчики вошли въ подвалъ, на нихъ бросилась цѣлая армія голодныхъ крысъ. Оставивъ старшаго брата защищаться отъ напавшихъ животныхъ желѣзной палкой, младшій побѣжалъ звать на помощь. Гросманъ и два сосѣда, вооружившись дубинами, поспѣшили на выручку мальчика. Зрѣлище, представившееся ихъ глазамъ, когда они вступили подъ своды, было неописанное; ничего подобнаго они никогда не видали. Армія крысъ, повидимому, состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ. Вновь прибывшіе вступили въ битву, но противниковъ было такъ много, что понадобилось болѣе часу, чтобы перебить ихъ. Разумѣется, побѣдители оказались искусанными. 1,119 мертвыхъ крысъ было вытащено изъ подвала. Чтобы вывезти ихъ за городъ, понадобилась большая телѣга, запряженная двумя лошадьми.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Олеографіи, назначенныя въ премію гг. подписчикамъ на 1881 годъ, называются: 1) «Отдайте намъ братца» съ картины извѣстнаго художника Дифенбаха; 2) Тиролецъ, съ картины Бюхе.

	Выс.	Шир.	
Мѣра ихъ: 1)	$12^3/_8$	$9^1/_8$	вершковъ.
2)	$11^3/_8$	$8^7/_8$	

Это объявленіе служитъ отвѣтомъ на письма гг. подписчиковъ, пожелавшихъ получить вышеозначенныя свѣдѣнія.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 47-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 22 ноября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 24 ноября въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Этюды изъ жизни въ средне-азіатскихъ пустыняхъ, очерки **Н. Н. Каразина.**—Атта Троль, поэма **Г. Гейне**, перев. **Мих. Шелгунова.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3 част. **М. Ф. Каменской.**—Школа французскихъ импресіонистовъ, **Диллетанта.**—Рябая красавица, ром. **А. Бувье.**—Разъ въ мѣсяцъ, бесѣда **И. Василевскаго (Буквы).**—Леона, зап. докт. **Бернагіуса**, пов. **Люсіена Біара**, перев. **А А Разсказовой.**—Станиславъ Монюшко, ст. **П. В. Га—на.**—Политическая хроника. — Къ рисункамъ.—Указъ Правительствующему сенату—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Одинъ рисунокъ къ разсказу **Н. Н. Каразина.** — Станиславъ Монюшко. — Рыболовство, карт. **Лексмура.**—Картины и книги, карт. **Джіакомо Фавретто.**—На совѣщаніи у судьи, карт. **Джона Моргана.**—Бабушка, карт. **Лермитта.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

Вышелъ въ свѣтъ и продается у издателя М. Якобсона, Спб. Эртелевъ пер., 7, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россійской имперіи

ЖИВОПИСНЫЙ
ОБИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ
на 1881 г., съ приложеніемъ
СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ.

Печатанъ на розовой бумагѣ, съ художественно исполненными рисунками, въ объемѣ болѣе 80 страницъ. Содержаніе: Свѣденія церковн., астрон. генеалогическ., географическо-статистическія, истор., почтов., телеграф., желѣзно-дорож., комерч., медицин., хозяйствен., адресо-указат., разсказы, анекдоты, ребусы, стихотворенія, портреты, карикатуры, загадки и проч. Цѣна вмѣстѣ со «Стѣннымъ календаремъ» 30 коп. за перес. 10 коп.

При этомъ нумерѣ прилагается всѣмъ гг. подписчикамъ пятый двойной листъ «Гигіены».

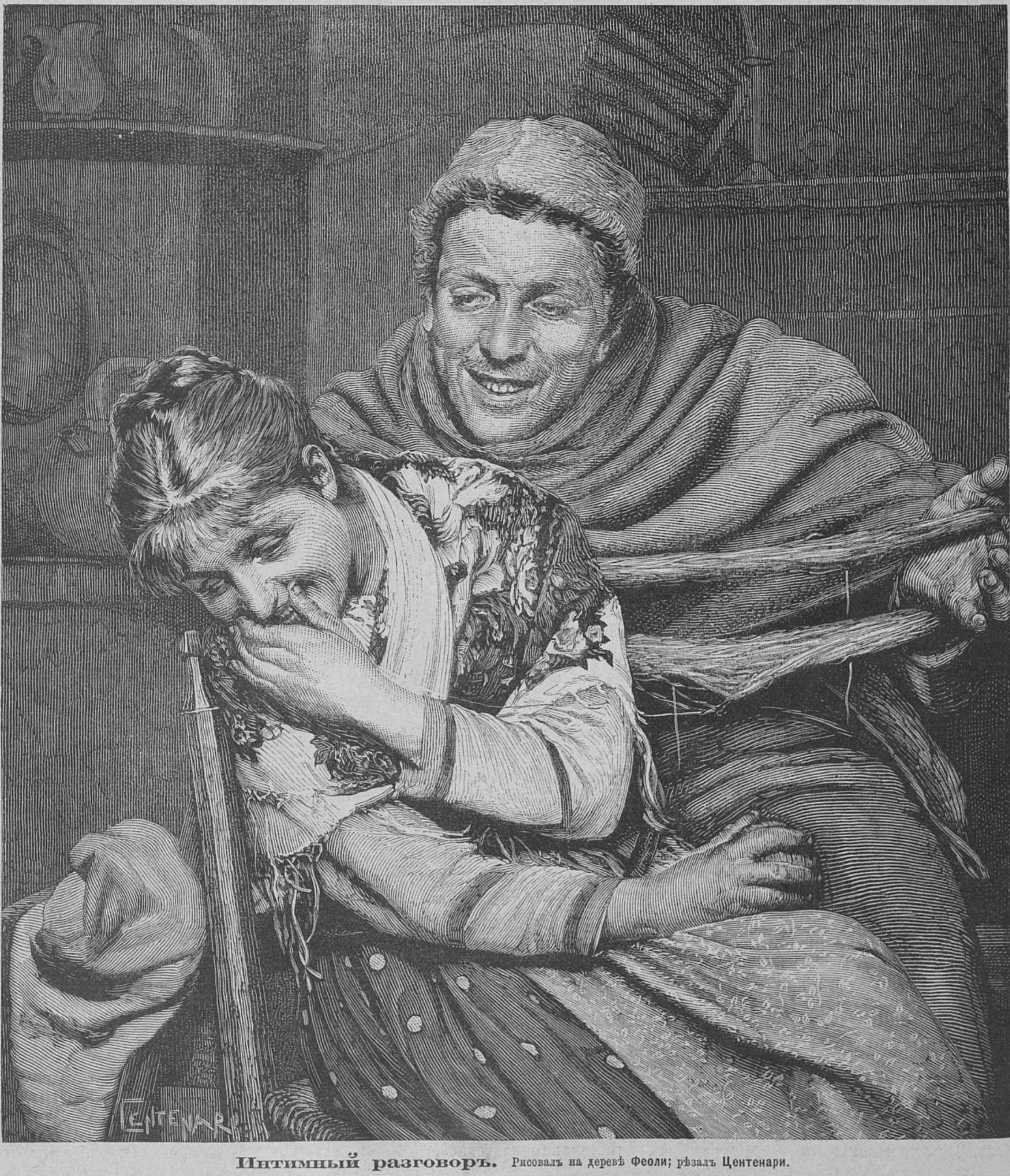
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 ноября 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 49. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 6 Декабря 1880 г.

ВЫСТАВКА ВЪ ТУРИНѢ 1880 Г.

КАРТИНА А. МОРАДЕИ.



Интимный разговоръ. Рисовалъ на деревѣ Феоли; рѣзалъ Центенари.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Обѣ олеографическія картины, назначенныя въ премію гг. подписчикамъ на 1881 годъ, уже получены Редакціей. Подписывающіеся въ конторѣ Редакціи могутъ получить ихъ при подпискѣ теперьже. Описаніе этихъ премій помѣщается въ настоящемъ нумерѣ.

Атта Троль.

Поэма **Г. Гейне.** Переводъ **Мих. Шелгунова.**

(*Продолженіе.*)

Глава десятая.

Двѣ угрюмыя фигуры
Изъ семьи четвероногихъ
Пробираются, ворча,
Въ полночь темной чащей лѣса.

Это Троль—отецъ съ своимъ
Одноухимъ юнымъ сыномъ.
Оба стали на опушкѣ,
Гдѣ лежитъ кровавый камень.

«Этотъ камень, Троль бормочетъ:—
Алтаремъ былъ, гдѣ Друиды
Приносили суевѣрно
Человѣческія жертвы.

«Возмутительно! При мысли
Лишь одной объ этомъ дыбомъ
Станетъ волосъ на спинѣ.
Кровь лилась въ угоду Богу.

«Ну, теперь, конечно, люди
Просвѣщеннѣе. Другъ друга
Не убьютъ изъ попеченья
О небесныхъ интересахъ;

«Ужь не вѣры заблужденья,
Не утопіи, не глупость,
Но одно своекорыстье
Побуждаетъ ихъ къ убійству.

«Всѣ преслѣдуютъ теперь
Лишь вещественныя блага
И въ исконной той борьбѣ
Для себя воруетъ каждый.

«Достоянье всѣхъ одни
Захватили и они-то
О своихъ правахъ владѣнья
И о собственности судятъ.

«Всѣ подобныя права
Воровство и ложь. Лишь люди
Эту смѣсь могли придумать
Изъ безумія съ лукавствомъ.

«Нѣтъ въ природѣ правъ владѣнья,
Нѣтъ въ ней собственности. Всѣ мы
Безъ кармановъ въ нашихъ шкурахъ
Появляемся на свѣтъ.

«Никого изъ насъ природа
Никогда не надѣляла
Въ шкурѣ этими мѣшками,
Чтобъ награбленное прятать.

«Человѣкъ одинъ, чужою
Одѣвающійся шерстью,
Точно также артистично
Свой костюмъ снабдилъ карманомъ.

«О, карманъ! онъ неестественъ,
Какъ и право на владѣнье,
Какъ и собственность. О, люди,
Всѣ карманные вы воры!

«Жарко ихъ я ненавижу!
Поклянись мнѣ здѣсь на камнѣ
Ненавидѣть ихъ, какъ я.
Вотъ тебѣ завѣтъ отцовскій!

«Будь врагомъ непримиримымъ
Угнетателей безстыжихъ
До скончанья дней твоихъ.
Сынъ, клянись, клянись мнѣ въ этомъ».

И поклялся сынъ, какъ древле
Ганнибалъ. Зловѣщимъ свѣтомъ
Мѣсяцъ облилъ старый камень
И обоихъ мизантроповъ.

Мы современемъ разскажемъ,
Какъ медвѣдь исполнилъ клятву;
Нашей лирой будетъ онъ
Въ новомъ эносѣ прославленъ.

Чтожъ касается до Троля,
То его мы здѣсь оставимъ,
Чтобы послѣ тѣмъ вѣрнѣе
Угодить въ него свинцомъ.

Злоумышленникъ коварный
Противъ власти человѣка,
Дѣлъ твоихъ оконченъ розыскъ
И на завтра быть суду!

Глава одиннадцатая.

На заснувшихъ баядерокъ
На зарѣ походятъ горы;
Облачка на нихъ тумана,
Какъ рубашечки, бѣлѣютъ.

Скоро богъ блестящій солнца
Ихъ согрѣетъ, съ нихъ сорветъ онъ
И сорочки, озаряя
Обнаженную красу.

Раннимъ утромъ мы съ Ласкаро
На медвѣжію охоту
Вмѣстѣ выбрались. Къ полудню
Были мы на Pont-d'Espagne.

Такъ въ Испанію зовется
Мостъ изъ Франціи, ведущій
Къ дикарямъ страны заката,
Лѣтъ на тысячу отставшимъ,—

Лѣтъ на тысячу отставшимъ
Въ взглядахъ нынѣшнихъ на вещи,
Наши варвары востока
Только на сто лѣтъ отстали.

Тихо, съ грустью я оставилъ
Землю Франціи святую,
Эту родину свободы
И моей страстишки, женщинъ.

На мосту испанецъ нищій,
Увидали мы, сидѣлъ.
О нуждѣ его гласили
И глаза, и плащъ дырявый.

Струны старой мандолины
Онъ щипалъ рукою тощей
И насмѣшливо фальшиво
Звукъ въ пучинѣ отдавался.

А порой онъ наклонялся
Надъ пучиною со смѣхомъ
И, бренча еще безумнѣй,
Запѣвалъ такую пѣсню:

«У меня поставленъ въ сердцѣ
Крошка столикъ золотой,
А вокругъ него четыре
Золотыхъ же крошки стула.

«За столомъ на стульяхъ этихъ
Дамы-крошечки играютъ
Въ карты, но межъ ними только
Все выигрываетъ Клара.

«Улыбается плутовка.
Ты въ моемъ сердечкѣ, Клара,
Каждый разъ ихъ обыграешь,
Всѣ вѣдь козыри твои».

Идя дальше, я подумалъ:
Странно, этотъ мостъ, ведущій
Отъ французовъ въ край испанцевъ,
Оглашенъ безумнымъ пѣньемъ:

Не прообразъ-ли тотъ нищій
Мѣны мыслей двухъ народовъ?
Иль народа своего онъ
Сумасшедшій заголовокъ?

Только къ вечеру дошли мы
До гостинницы плачевной,
Гдѣ варились въ грязной чашкѣ
Съ чадомъ ollea potrida.

И garbanzos тамъ я ѣлъ,
Ростомъ, тяжестью затмившихъ
Пули, даже несваримыхъ
Нѣмцамъ, выросшимъ на клецкахъ.

Съ этой кухнею подъ пару
И постель была, какъ перцемъ,
Нашпигована клопами,
Злѣйшимъ недругомъ людскимъ,

Гнѣва тысячи слоновъ
Непріятнѣе сраженье
Лишь съ однимъ клопомъ мизернымъ,
Къ вамъ забравшимся въ постелю.

Дашь ему кусать спокойно—
Это плохо; хуже вдвое,
Если ты его раздавишь.
Мучитъ вонь тебя всю ночь.

Да, всего ужаснѣй въ жизни
Это бой съ ничтожной дрянью,
Защищающейся вонью.
Напримѣръ, дуэль съ клопомъ.

Глава двѣнадцатая.

Даже жалкіе поэты
Иногда парятъ высоко
И природу воспѣваютъ,
Какъ громадный Божій храмъ.

Храмъ, котораго красоты
Славу Бога показуютъ,
Въ немъ на куполѣ, какъ лампы,
Свѣтятъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды.

Это такъ, друзья, пожалуй,
Но признайтесь, въ этомъ храмѣ
Плохи лѣстницы весьма,
Плохи лѣстницы до нельзя.

Эти спуски и подъемы,
Это прыганье по камнямъ,
Это лазанье и душу
Мнѣ и ноги утомляетъ.

Рядомъ шелъ со мной Ласкаро,
Блѣдный, длинный, словно свѣчка,
Словъ, улыбки онъ не знаетъ,
Онъ, умершій сынъ колдуньи.

Да, давно ужь,—ходятъ слухи—
Онъ мертвецъ, но чародѣйство
Мудрой матери Ураки
Жизнь въ немъ видимо хранило.

Будь вы прокляты, подъемы:
И теперь мнѣ непонятно,
Какъ я въ пропасть не свалился,
Какъ я шеи не свернулъ.

Какъ грохочутъ водопады!
Ель, бичуемая вѣтромъ,
Тяжко стонетъ; вдругъ разверзлись
Хляби неба, полилъ дождь.

Въ грязной хижинкѣ рыбацкой
Мы нашли на lac de Gobe -
Кровъ и жареныхъ форелей
Преотмѣннѣйшаго вкуса.

Старый лодочникъ былъ боленъ
И лежалъ въ глубокомъ креслѣ;
Двѣ племянницы-красотки
За больнымъ ходили дядей.

Двое полныхъ херувимовъ,
Какъ на Рубенса картинахъ:
Золотыя кудри, очи,
Смѣхомъ полныя здоровымъ,

Ямки въ пухлыхъ, алыхъ щечкахъ,
Гдѣ сквозитъ порой лукавство,
Члены крѣпкіе, тревогу
Пробуждающіе въ сердцѣ.

Эти нѣжныя красотки
Въ споръ вступили межъ собою,

Что теперь больному дядѣ
Выпить было бы пріятнѣй.

Вотъ одна ему подноситъ
Чашку липоваго цвѣта,
Оттолкнувъ ее, другая
Чай бузинный предлагаетъ.

«Не хочу чаевъ я вашихъ!
Забрюзжалъ старикъ сердито:—
Дайте мнѣ вина и гостя
Мы попотчуемъ получше».

Настоящее-ль вино я
Пилъ тогда на lac de Gobe,—
Я не знаю. Въ Брауншвейгѣ
Принялъ я-бъ его за сусло.

Лучшимъ черпымъ козьимъ мѣхомъ
То вино воняло страшно,
Но старикъ съ восторгомъ пилъ,
Становясь здоровъ и веселъ.

Онъ разсказывать намъ началъ
Про дѣла контрабандистовъ
И разбойниковъ, царившихъ
По дубровамъ Пиринеевъ.

Зналъ не мало и старинныхъ
Онъ разсказовъ между прочимъ,
Какъ когда-то воевали
Великаны съ медвѣдями.

Да, медвѣди и гиганты
До прихода человѣка
Состязались за господство
Надъ горами, надъ долами.

Но съ прибытьемъ человѣка
Изъ страны гиганты скрылись,
Озадачась, мало мозгу
Въ головахъ большихъ ихъ было.

Говорятъ еще, гиганты,
Прибѣжавъ на берегъ моря
И увидѣвши, какъ небо
Въ ясной влагѣ отражалось,

Море приняли за небо
И, на Бога уповая,
Въ волны бросились не медля;
Всѣ они тамъ потонули.

Медвѣдей-же;—ну, и ихъ
Тоже люди истребляютъ
Понемногу, съ каждымъ годомъ
Ихъ число въ горахъ все меньше.

«Такъ даетъ одинъ, сказалъ онъ—
На землѣ другому мѣсто.
А когда погибнутъ люди,
Перейдетъ господство къ карламъ,

«Къ умнымъ маленькимъ людишкамъ,
Въ темныхъ нѣдрахъ горъ живущимъ,
Собирающимъ усердно
Тамъ и золото, и камни.

«Часто видывалъ я ночью,
Какъ умно изъ норъ глядѣли
Ихъ головки; становилось
Мнѣ за будущее страшно.

«За малютокъ этихъ силу!
Я боюсь, потомки наши,
Какъ безумцы-великаны,
Прыгнутъ въ небо водяное!»

Глава тринадцатая.

Между скалъ, въ крутомъ ущельи
Дремлетъ озеро глухое.
И глядятъ, тоскливо блѣдны,
Съ неба звѣзды. Ночь тиха.

Ночь тиха. Удары веселъ—
И, какъ плещущая тайна,
Ѣдетъ лодка. Перевозятъ
Двѣ племянницы больного,

И гребутъ игриво, дружно;
Подъ лучемъ порою блещутъ
Ихъ голубенькіе глазки,
Обнаженныя ихъ ручки.

Я сижу съ Ласкаро рядомъ,
Какъ всегда, безмолвнымъ, блѣднымъ,
И меня пугаетъ мысль:
Ужь не умеръ-ли онъ, точно?

Можетъ быть, и самъ я умеръ
И теперь спускаюсь въ лодкѣ
Вмѣстѣ съ спутникомъ умершимъ
Въ царство мрачное тѣней.

Это озеро не Стикса-ль
Темный токъ? За мной служанокъ
Не прислала-ль Прозерпина
За отсутствіемъ Харона.

Не угасъ еще, не умеръ
Я еще, въ душѣ живое
Пламя жизни ярко блещетъ
И сверкаетъ шаловливо.

Эти дѣвушки, смѣясь
Насъ везущія, порою
Съ шаловливымъ смѣхомъ влагой
Обдающія насъ съ веселъ,

Эти свѣжія плутовки
Не безплотныя, конечно,
Ада комнатныя кошки,—
Не служанки Прозерпины?

Чтобъ отбросить всѣ сомнѣнья
Въ ихъ тѣлесности и жизни
И на дѣлѣ убѣдиться
Въ жизни собственной своей,

Прижимаюсь я губами
Къ ямкамъ розовыхъ ихъ щечекъ,
Силогизмъ при этомъ строя:
Я цѣлую,— ergo живъ я!

Переплывъ, еще цѣлую
Милыхъ дѣвушекъ, лишь этой
Взять монетой согласились
Съ насъ онѣ за перевозъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **М. Ф. Каменской.**

(*Продолженіе.*)

Столбинскія поля всѣ проѣхалъ Котиковъ и ни разу даже не взглянулъ, что на нихъ дѣлается. Напрасно мужики и бабы кланялись ему въ поясъ, онъ ничего не видалъ. Проѣхавъ столбинскую межу, Петръ Петровичъ своротилъ на проселочную, обросшую ольховникомъ дорогу. Шибко понеслась одноколка, низкія вѣтки ольховника хлестали Петра Петровича по лицу, цѣплялись за упряжь. Не обращая вниманія ни на что, не отслоняя вѣтвей, не наклоняя даже головы, летѣлъ, подпрыгивая въ одноколкѣ, Петръ Петровичъ по корнямъ и колеямъ изрытой дороги. Далеко передъ глазами его бѣжала впередъ дорога, то извивалась змѣйкой, то тянулась прямо полями, то опять пряталась въ кустарникъ, то снова выбѣгала на свѣтлые луга. Рысакъ Петра Петровича летѣлъ по ней, поднималъ за собою облака пыли. Вспугивая стаи маленькихъ птицъ, или сдерживая свой ходъ и фыркая, бережно ступалъ шагомъ, чтобъ не раздавить барановъ, которые, тѣснясь на дорогѣ отъ страху, совались во всѣ стороны. При такихъ остановкахъ Петръ Петровичъ съ нетерпѣніемъ начиналъ щелкать языкомъ и пошевеливать возжами. Проѣхавъ около двухъ часовъ, рысакъ Петра Петровича вмѣстѣ съ дорогой уткнулся прямо въ рѣчку, остановился, поднялъ уши и началъ переминаться на ногахъ. Петръ Петровичъ пустилъ вольно возжи, защелкалъ, лошадь вступила въ воду, перешла рѣчку въ бродъ и стрѣлой влетѣла на крутой берегъ противуположной стороны. Проѣхавъ еще немного по проселочной дорогѣ, Петръ Петровичъ остановилъ лошадь, спрыгнулъ съ одноколки и пошелъ прямо на перерѣзъ по полю къ тремъ огромнымъ кленамъ. Лошадь пошла за нимъ. Подъ тремя кленами мирно ютились два двора, одинъ ветхій, еле-еле слѣплянный съ вросшей въ землю избенкой; другой, хоть тоже старенькій, но чистый и съ довольно еще крѣпкимъ домишкомъ въ три окна. Подойдя къ этому домику, Петръ Петровичъ привязалъ лошадь къ плетню и застучалъ въ ворота. Первая во дворѣ на стукъ отозвалась дискантомъ маленькая собаченка, а за ней на разные тоны залаяли нѣсколько сабакъ, суя свои морды въ подворотню. Потомъ хлопнула тяжелая дверь и раздалось шлепанье босыхъ ногъ по мосткамъ.

— Кто тамъ-шъ? спросилъ изъ за калитки шепелявый ребячій голосъ.

— Я! Петръ Петровичъ Котиковъ! Барыня меня знаетъ, впусти!

— Шечашъ я барыни скажу-шъ, отвѣтилъ тотъ-же голосокъ. Доски мостиковъ заплясали.

Петръ Петровичъ постоялъ немного, опять зашлепали ноги, защелка поднялась и калитка отворилась.

— Пажалуйте-шъ, сказала хорошенькая дѣвочка, лѣтъ семи, выглядывая на Петра Петровича своими черными глазами изъ подъ растрепанныхъ бѣлыхъ почти волосъ.

— Ну, веди-же меня къ барынѣ!.. Какъ тебя зовутъ? спросилъ Петръ Петровичъ, взявъ дѣвочку за подбородокъ.

— Меня-шъ? Афрошкой-шъ зовутъ-шъ!.. сказала дѣвочка и, засунувъ пальцы въ ротъ, пошла впередъ на крыльцо и, отворивъ одностворчатую, скрыпучую дверь, ввела Котикова въ темные сѣнцы, гдѣ стоялъ пустой курятникъ и на веревочкахъ висѣли пучки разныхъ сушеныхъ травъ.

— Батюшка, Петръ Петровичъ! Ты-ли это? Войди въ комнату, я погляжу, показавшись на порогѣ, проговорила высокая, худая старуха, очень похожая на Елизавету Никитишну Столбину съ тою только ризницею, что на мѣсто мутныхъ, потухнувшихъ глазъ Елизаветы Никитишны, у этой старухи бойко глядѣли еще два умныхъ сѣрыхъ глаза.

— Здравствуйте, Степанида Ивановна! Вы не ждали гостя?.. спросилъ Петръ Петровичъ, наклонившись, чтобъ не стукнуться объ низкую притолку двери.

— Да какъ тебя ждать! Не ждала... Ты важный баринъ сталъ, гдѣ тебѣ меня мелкую помнить... Ну, пришелъ, такъ садись, гость будешь... Я чайкомъ напою!.. сказала старуха, садясь на стулъ у окна и показывая Петру Петровичу противъ себя стулъ.

— Ну, какъ поживаете, Степанида Ивановна?.. садясь на стулъ, спросилъ Котиковъ, взглядывая на старуху.

— Что ты на меня смотришь?.. Я то все таже, что мнѣ дѣлается... И живу-то все по прежнему, гдѣ полѣчу, гдѣ погадаю, гдѣ потру, пошепчу... все по прежнему... А вотъ ты-то не по прежнему... Прежде ты въ нанковыхъ штанишкахъ зимой ходилъ, а теперъ видишь, какой графъ сталъ.. Прежде ты чужихъ ребятъ за мѣдныя деньги училъ, а теперь, женка у тебя помѣщица, богатая вдовушка, и свой сынокъ есть, да и деньжонокъ, поди, куры не клюютъ..! Прежде ты у меня по рублику занималъ, а теперь мнѣ развѣ у тебя призанять?

— Сдѣлайте милость, Степанида Ивановна, хоть сейчасъ...

— Нѣтъ, батюшка, благодарю... Занять — отдать, а я только то беру, что заработаю... хоть спинку богатой помѣщицѣ мазью потру — и то трудъ, и то хлѣбъ... а даромъ я ничего не дѣлаю и даромъ ничего и не беру... Я все по прежнему, батюшка, все по прежнему. Скажи-же мнѣ, зачѣмъ ты ко мнѣ пріѣхалъ?.. Вѣдь и ты того поля ягода, что даромъ шагу не сдѣлаешь...

— Право, ни зачѣмъ, Степанида Ивановна, я на васъ взглянуть пріѣхалъ, соскучился, что васъ долго не видалъ...

— Ну, да, съ молодой женой соскучился, ко мнѣ старухѣ душу отвести пріѣхалъ... Вѣрю, вѣрю! Не ври, не ври, меня не обманешь... я тебя раскусила, когда ты еще учителишкомъ по помѣщикамъ таскался да ребятъ училъ... Правду говори... А не скажешь, сейчасъ карты раскину, сама узнаю...

— Ну-ка, узнайте, Степанида Ивановна!..

— Думаешь, не узнаю?.. Погоди, молодчикъ, — не говоришь, такъ я въ тебя сама загляну! сказала старуха и, взявъ карты, которыя лежали передъ ней, начала тасовать и шептать: «тридцать шесть братцевъ, скажите всю правду... тридцать шесть братцевъ, скажите всю правду».

— Ну, сними на три кучки.

Петръ Петровичъ началъ тихо снимать, а въ это время все пристально глядѣлъ на старушку и улыбался.

Степанида Ивановна начала выкидывать на столъ по три карты и кидала до-тѣхъ-поръ, пока выпалъ трефовый король.

— Ну, вотъ и ты выскочилъ, а въ головѣ у тебя обманъ, большой обманъ, а на сердцѣ интересъ, сказала старуха, выкинувъ на середину стола трефоваго короля и положивъ двѣ выпавшія съ нимъ карты, одну въ головахъ, а другую на трефоваго короля. Въ головахъ легла пиковая семерка, а на сердцѣ бубновая десятка.

— Ну, что-жь еще? нетерпѣливо спросилъ Петръ Петровичъ.

— Дай срокъ... Посмотримъ, кого ты хочешь обмануть! и Степанида Ивановна стала раскладывать карты вокругъ трефоваго короля. — У тебя хлопоты... Дороги были и еще будутъ, вотъ и ко мнѣ дороженька червонная. . А обмануть ты не одного человѣка, а цѣлую компанію хочешь, вотъ фигуры-то почти всѣ вышли.. У тебя бумага интересная есть... Ты объ ней сомнѣваешься, думаешь, что она не въ твою пользу будетъ... Не бойся, тебѣ червонная дама поможетъ... Это червонная дама я, — ты не гляди, что я сѣдая, я бѣлокурая была... У тебя злодѣйка есть, трефовая дама, она много зла тебѣ хочетъ сдѣлать... Не бось, не бось!.. Хлопотъ много еще будетъ, да все пройдетъ, а интересъ твой останется при тебѣ. Долговѣчный ты будешь... Почести тебѣ будутъ.,. Богатъ будешь. Денегъ-то, денегъ — куры не клюютъ. Вотъ всѣ бубны при тебѣ остались. Что, соврала, не бось?..

— Не знаю, какъ сбудется, а хорошо! сказалъ Котиковъ, у котораго невольно разлилась радость по лицу.

— Да, сбудется, сбудется... Наплюй мнѣ, старой, въ глаза, коли не сбудется... Говори прямо, что ты отъ меня хочешь и что дашь?.. И конецъ!.. Намъ съ тобой финтить нечего, ты меня знаешь, я тебя знаю... Поладимъ!

— Теперь не скажу ничего, а будьте готовы днемъ и ночью: я за вами пріѣду и повезу васъ куда надо, и дорогой вамъ все разскажу, а въ цѣнѣ сойдемся...

— Ладно, пріѣзжай!.. Ну, а теперь чайку со мной выпей!

— Выпьемъ!..

— Афроська, а Афроська!

— Чего изволите-шъ?.. спросила дѣвочка, выглянувъ изъ дверей.

— Скажи матери, чтобъ самоваръ скорѣй поставила!

— Матушка ужь поштавила-шъ.

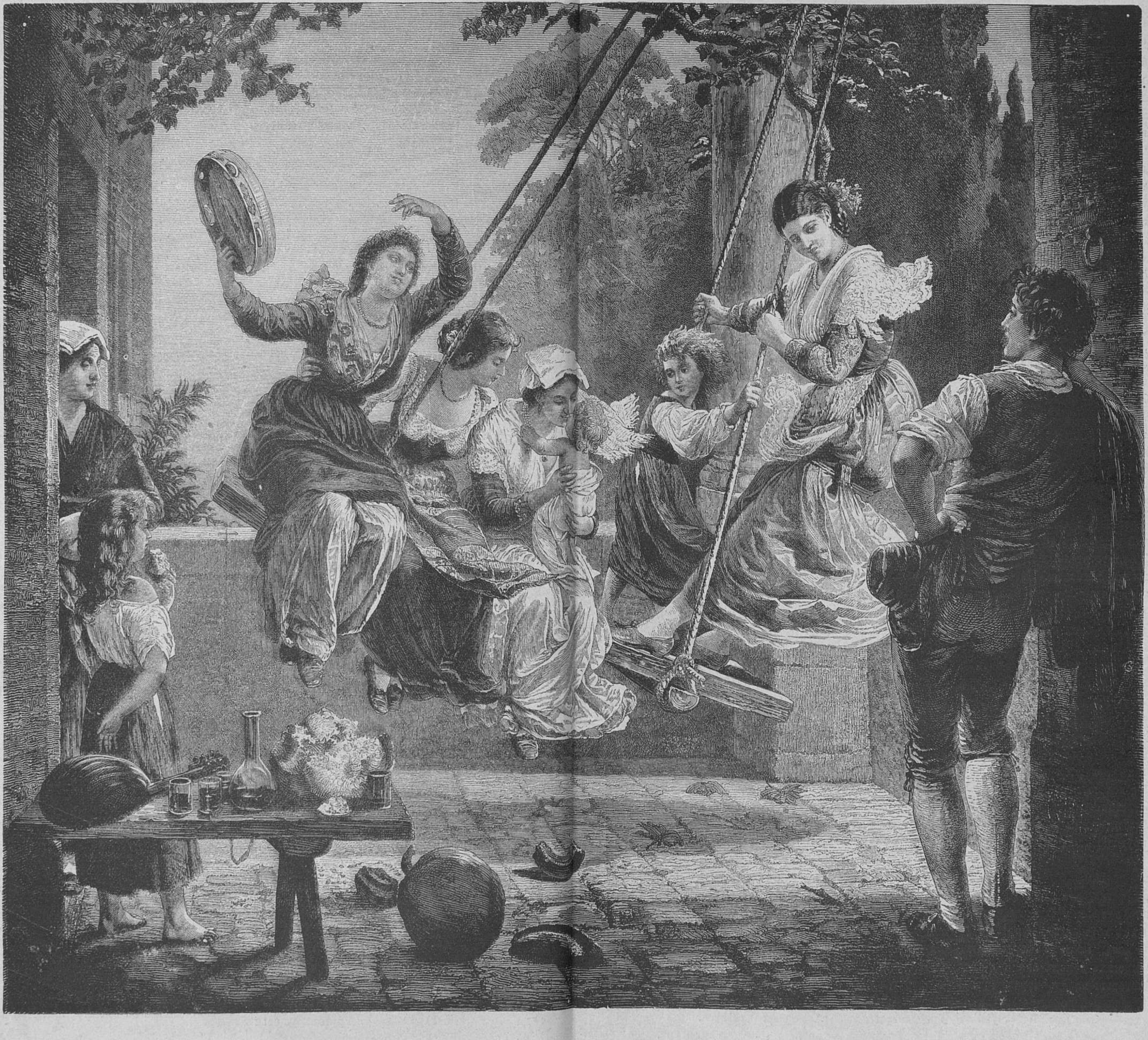
— Ну, стаканчикъ барину, мнѣ чашечку на подносъ поставь, да ящикъ-то чайный принеси сюда.

— Шлушаю-шъ.

— Ну что, Степанида Ивановна, не узнали-ли вы какого новаго лѣкарства? спросилъ Котиковъ, пересѣвъ съ старушкой на черный кожаный диванъ къ круглому столу.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КАРЛА БЛАЗА.



Праздничное утро въ Альбано.

Рѣзано на деревѣ въ Лейпцигѣ.

— Выучилась, батюшка, какъ не выучиться... вѣкъ живи и вѣкъ учись... Отъ водяной лѣчить выучилась... Не могу тебѣ еще сказать, совсѣмъ-ли искореняетъ это средство болѣзнь... Я еще недавно пробу дѣлала надъ деревенской бабой, а что помогаетъ, такъ очень помогаетъ... Всю воду съ одного раза выгнала, а вотъ теперь посмотрѣть надо, накопится она или нѣтъ?..

— Что-жъ за это средство? Сообщите вашему старому ученику, я много вашими лекарствами лѣчилъ и всегда удачно.

— Да отчего-жъ не сказать, отецъ мой, больныхъ-то на свѣтѣ много, ты моихъ не перехватишь, а я твоихъ не перейму... Всѣмъ докторамъ свои больныя найдутся, ихъ не занимать стать.. Слушай-же, я тебѣ все подробно разскажу. Вотъ здѣсь неподалеку отъ меня четыре двора помѣщицы Зявкиной, такъ вотъ у нея баба отъ простуды, что ли, Богъ ее вѣдаетъ, только въ сильной водяной была. Такъ вся и налилась, стекломъ. Меня-то тутъ въ околоткѣ всѣ знаютъ. Вотъ и дотащилась эта баба до меня, въ ноги кланяется, помоги да помоги.. А на нее страсть и взглянуть. Вѣришь-ли, Петръ Петровичъ, наклонится она на эту сторону, щечища вотъ какая сдѣлается, а другая-то щека, какъ у мертвеца, только косточки кожицей обтянуты, а на эту сторону наклонится, эта щека, какъ пузырь бычачій, виситъ, а другая худая прехудая! Пробовала я ее и морошкиной травой, и можжевеловыми ягодами поитъ; грѣшный человѣкъ, кто-то мнѣ сказалъ, что прусаковъ въ кофеѣ заворить да пить давать отъ водяной хорошо... и кофеемъ съ прусаками-то я ее напоила — все ничего. Ни хуже, ни лучше... Пришла она ко мнѣ какъ-то, а я стою на крылечкѣ да и думаю: что мнѣ съ ней дѣлать? чѣмъ-бы мнѣ еще попробовать?.. Стою сама, а глазами-то гляжу, какъ у меня на дворѣ навозъ изъ конюшни, да изъ коровника въ кучу въ уголъ сваливаютъ. Смотрю, а изъ навоза-то паръ такъ и валитъ. Вдругъ мнѣ и приди въ голову: вѣдь дѣлаютъ-же доктора отъ разныхъ болѣзней паровыя ванны, вспотѣетъ человѣкъ и облегченіе получаетъ, а въ водяной-то болѣзни вспотѣть, кажись, всего лучше... Дай-ка попробую, зарою мою бабу въ навозъ, авось пропотѣетъ и лучше будетъ... взяла да и зарыла... Что-жъ-бы ты думалъ, Петръ Петровичъ, она у меня прежде все жаловалась: «жарко да жарко, выньте да выньте», а я ей говорю: «врешь, сиди!.. въ навозѣ не сгоришь»... а чтобы она вонъ-то не просилась, взяла да и ушла въ комнату, да и людямъ не велѣла на дворъ выходить. Я занялась чѣмъ-то, не помню, а баба моя сидитъ да сидитъ въ навозѣ... Сама-то слаба, знаешь, отрыться одна не можетъ, а отрыть-то некому... Вотъ только вспомнила я про нее и пошла на дворъ, смотрю, а моя баба и голову повѣсила... Я сперва струхнула, — не умерла-ли, думаю?.. Подошла поближе, смотрю, нѣтъ, дышетъ и крѣпкимъ прекрѣпкимъ сномъ спитъ, а съ лица-то потъ такъ и течетъ.. Ну, дышешь, думаю себѣ, такъ сиди... И проспала она у меня такъ съ полудня до самаго вечера; ужъ корову Домна на дворѣ доить стала, тэкъ она проснулась да и вынуть ее изъ навоза опять просить стала. Домна-то мнѣ сказала, я и пошла да съ ней вмѣстѣ бабу изъ навозу вытащили. Вѣришь-ли ты, Петръ Петровичъ, поставили мы ее на ноги, смотрю на нее и глазамъ не вѣрю... Куда это брюшище, ручищи, ножищи страшныя дѣвались... Стоитъ моя баба худая, прехудая; руки, ноги по соломенкѣ, а на мѣсто живота-то только кожа одна виситъ. Одѣли мы ее, накормили, ночку она у меня переночевала и домой пѣшкомъ ушла... Ужь пытала я благодарить Господа, что онъ надоумилъ меня грѣшную... И теперь всякій день молюсь, чтобы воды опять не прибыло... А, можетъ, Господь дастъ и не прибудетъ.

— Ай да Степанида Ивановна! И я непремѣнно попробую это средство, у насъ тоже есть мужикъ въ водяной, улыбаясь, сказалъ Петръ Петровичъ.

— А вотъ еще я тоже сама дошла, какъ ногтоѣду лѣчить, продолжала затронутая за больную струну старуха.

— Научите, научите, у меня и съ ногтоѣдами бываютъ.

— Вотъ слушай. Сижу я какъ то зимой да отъ скуки велѣла себѣ Афроськѣ орѣховъ каленыхъ наколоть и ѣмъ... А у меня зубы-то вотъ какіе до сихъ поръ... Другія и молодыя барыни да выковыряли-бы ихъ у меня, у старухи, да себѣ-бы вставили... сказала Степанида Ивановна и, разинувъ широко ротъ, показала Петру Петровичу два ряда бѣлыхъ и совершенно еще крѣпкихъ зубовъ.

— Это значитъ, не клади пальца въ ротъ — откуситe, сказалъ, улыбнувшись, Котиковъ.

— Самъ знаешь, я мямлить не буду... Ну-съ, сижу я и орѣхи жую, а ко мнѣ вдругъ мужикъ входитъ съ завязаннымъ пальцемъ и проситъ палецъ полечить... Развязала я, гляжу, ногтоѣдъ. Подъ рукой-то у меня ничего не было, а встать да поискать лѣнь... Я взяла да все, что у меня во рту жеванаго орѣха было, на тряпку и выплюнула да палецъ мужику и обвязала... авось вытянетъ, думаю. Ступай, говорю, домой, а завтра приди, я погляжу, что будетъ. Пришелъ мой мужикъ на другой день, что-жъ-бы ты думалъ, Петръ Петровичъ?.. натянуло и прорвало!

— Благодарю васъ и за это лѣкарство, пожую и поплюю орѣшки, это средство мнѣ нравится... И дешево, и сердито!..

Долго еще, разливая чай, учила разнымъ лѣкарствамъ старуха Петра Петровича. Напившись чаю, Котиковъ всталъ и сталъ прощаться.

— Ну, прощай! До свиданья, днемъ или темной ноченькой... Помни-же, что лежитъ червонная дорога къ червонной дамѣ, а червонная дама изъ бѣды вытащитъ, сказала Степанида Ивановна, стоя на порогѣ калитки, когда Котиковъ садился въ одноколку.

— Помню и знаю! крикнулъ Котиковъ, пошевелилъ вожжами и рысакъ помчался на перекосокъ по полю къ рѣчкѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Наша улица.

Разсказъ **К. Баранцевича.**

I.

Случалось-ли вамъ, читатель, бродя по окраинамъ столицы, попасть въ такую удивительную мѣстность, что вы невольно останавливались и, осматриваясь, начинали чувствовать, какъ въ васъ мало-по-малу возникаетъ какое-то давнишнее, забытое чуть-ли не со временъ дѣтства идилическое чувство?

Вонъ, вправо, кокетливо вытянулись въ рядъ, словно только что выпущенные офицеры на смотру, деревянные, чистенькіе домики съ зелеными крышами, сверкающими на солнцѣ; передъ домиками садики съ клумбами незатѣйливыхъ цвѣтовъ, съ низко свѣсившимися надъ самыми окнами домиковъ красными кистями рябины; сзади пойдутъ огороды съ ветхимъ, покосившимся плетнемъ, на которомъ видны распластанные для просушки шаровары и юбки.

Налѣво такіе-же домики, изрѣдка прерываемые или извощичьими дворами съ кузницами или пустырями и полянами, на которыхъ меланхолично бродятъ тощія обывательскія коровы. А тамъ, вдругъ, потянулся нескончаемый заборъ, скрывающій отъ глазъ любопытнаго безчисленное множество грядъ съ начинающей уже завиваться капустой. Дойдите до угла, гдѣ кончается заборъ, и вы увидите дощечку съ надписью: «строго воспрещается курить» (запрещеніе, вызванное частыми пожарами) и тутъ-же натолкнетесь на обывателя, подъ самой дощечкой мирно раскуривающаго трубочку.

Щурясь отъ солнца, лучамъ котораго здѣсь полнѣйшій просторъ и воля, вы смотрите вдаль и видите передъ собой постепенно суживающуюся перспективу домиковъ, садиковъ, дворовъ, кузницъ, огородовъ и полянъ. Развѣ, развѣ, въ двухъ, трехъ мѣстахъ взоръ вашъ остановится на каменномъ домѣ, окруженномъ признаками цивилизаціи въ видѣ клочка мостовой и плитного тротуара, брезгливо, съ гордымъ величіемъ смотрящимъ сверху на всю эту деревянную мелкоту.

А мелкота эта все-таки живетъ себѣ да живетъ помаленьку, ютясь другъ къ дружкѣ, какъ гнѣзда ласточекъ, окруженная неизбѣжными атрибутами идиліи въ видѣ гусей, утокъ, свиней и прочей домашней твари.

Лѣтомъ, по вечерамъ, когда пыль уляжется, и отъ садиковъ повѣетъ прохладой, обыватель выходитъ за ворота и садится на завалинку. Мужчины съ закоптѣлыми отъ фабричной работы лицами курятъ, жены баюкаютъ грудныхъ дѣтей, грызутъ подсолнухи и судачатъ, а ребятишки съ гикомъ носятся по улицѣ и играютъ въ бабки. И на всю эту картину ласково смотритъ голубое, безоблачное небо, на которомъ чуть замѣтный дискъ блѣдной луны предвѣщаетъ ясную, тихую ночь.

Идилія! Но не постоянно она продолжается. Бываетъ и скучное время, и тогда все, что скрашивалось лѣтнимъ солнцемъ и яркой зеленью садиковъ, выступаетъ наружу и вопіетъ о безъисходной нуждѣ съ ея вѣчными спутниками: болѣзнями и голодовками.

Сѣренькое, осеннее утро. Сквозь густую пелену дыма, надвинувшуюся отъ окружающихъ фабрикъ и заводовъ, силится проглянуть заспавшееся солнце. Словно улыбка чахоточнаго, на минуту скользнули его блѣдные лучи по мокрымъ крышамъ домиковъ, заглянули на улицу, печально отразились въ огромной лужѣ съ плавающимъ по ней опоркомъ и снова скрылись въ глубинѣ мохнатыхъ, сизыхъ тучъ. Голыя деревца безпомощно протянули впередъ свои намокшія вѣтви и брызжутъ слезами въ запотѣвшія стекла крошечныхъ оконъ. Чахлый дымокъ тянется изъ трубъ: это хозяйки тщатся сварить жидкій кофе на мокрыхъ щепкахъ, собранныхъ вчера около какой-нибудь постройки. Щепки трещатъ, выпускаютъ клубы дыма и не загораются; ребятишки ревутъ, мужъ ругается, торопясь на фабрику.

Да и пора. Изъ всѣхъ домовъ стали уже выходить и, шлепая по лужамъ, собрались въ кучу. Лица хмуры, порою даже злы, и носятъ отпечатокъ похмѣлья.

— Здорово.

— Здорово.

И ни слова. Изрѣдка только завяжется что-то похожее на разговоръ.

— ...Три цалковыхъ прогулу собралъ, какъ пить далъ.

— Живодеръ, что говорить!

— . . . Онъ его какъ махнетъ, вотъ въ это мѣсто. Не пошелъ! «Будетъ», говоритъ.

— Тащи въ больницу, — подохнетъ!

— Ништо, отлежится.

Это наша улица выкладываетъ результаты «треклятой жисти». Непривычному человѣку непонятными могутъ показаться такія рѣчи, нашъ же обыватель разбирается въ нихъ отлично, потому что наша улица живетъ открыто, на виду, какъ-бы говоря прохожему: «вотъ я вся тутъ, какъ есть, понимай меня, какъ знаешь, а я сама себя знаю». И не тяготится наша улица своей однообразно-монотонной жизнью. Лѣтомъ, пригрѣтая солнцемъ, она вся убирается въ зеленый нарядъ; зимою заносится снѣгомъ и погружается во мракъ, въ глубину котораго неохотно пускаются даже самые храбрѣйшіе изъ обывателей.

Населеніе нашей улицы множится, ростетъ, и, отправивъ свои жизненныя функціи въ видѣ работы втеченіи всего существованія на заводѣ или табачной фабрикѣ, — умираетъ, «дохнетъ», какъ принято выражаться у насъ.

А на мѣсто этихъ являются новые, и опять новые, и огромное колесо жизни все вертится да вертится себѣ безостановочно, втягивая въ свой кругъ разные эпизоды, сцены и событія, своеобразно илюстрирующіе наше скромное прозябаніе.

II.

Но вотъ мы, кажется, пустились въ философію и совершенно напрасно. Выйдемъ, лучше, на улицу и посидимъ хоть на завалинкѣ.

Теплая, лѣтняя ночь. Воздухъ спертъ, удушливъ, почему во многихъ домахъ окна открыты, и, глядишь, изъ котораго-нибудь торчитъ уголъ грязной подушки, а на ней покоится голова томящагося отъ духоты обывателя. Всѣ звуки замерли. Даже сторожа не колотятъ въ свои колотушки и мирно спятъ у воротъ вмѣстѣ съ «Шариками» и «Буянами». Спятъ садики съ ихъ приземистыми, кудрявыми деревцами, на которыхъ не шелохнетъ ни одинъ листочекъ, спятъ извощичьи лошади въ стойлахъ и коровы въ полуснѣ смачно жуютъ свою жвачку.

А вотъ въ крайнемъ домикѣ нашей улицы, почти на чердакѣ, кто-то не спитъ и, подперевъ голову руками, смотритъ на окна приходящагося vis-à-vis домика съ зеленой крышей и ставнями, на которыхъ вырѣзаны сердечки.

Этотъ кто-то, — Демидка, или какъ его весьма рѣдко величаютъ: Демидъ Прохорычъ, парень лѣтъ 25, красивый, кудрявый, съ чуть замѣтнымъ чернымъ пушкомъ на подбородкѣ, съ живыми, черными глазами, успѣвшими не одну искру заронить въ сердца мѣстныхъ красавицъ.

Демидка сирота, служитъ на ближайшей желѣзной дорогѣ кочегаромъ, получаетъ около тридцати рублей въ мѣсяцъ жалованья, изъ нихъ пропиваетъ половину, платитъ за комнату четыре рубля, а на остальное продовольствуется и покупаетъ себѣ «бенжаки» и высокіе сапоги со сборами, до которыхъ большой охотникъ. Товарищи его любятъ, машинистъ тоже, и если прибавить еще къ этому, что Демидка здоровъ, силенъ, веселъ, что у него есть гармоника, на которой онъ въ часы досуга отхватываетъ польки и «кадрели», то остается заключить, что онъ долженъ быть счастливъ.

Да, и онъ былъ счастливъ, когда его круглаго сироту, безъ пристанища, взялъ служившій на желѣзной дорогѣ слесарь Елизаръ Карповъ, водворилъ у себя «замѣсто сына», кормилъ картофельной похлебкой и пріучалъ къ своему «рукомеслу». Онъ былъ счастливъ и тогда, когда слесарь опредѣлилъ его въ кочегары, да даже не особенно давно Демидка былъ еще счастливъ, когда ему удалось почти за безцѣнокъ купить въ кабакѣ неимовѣрно-огромные часы-луковицу, которые онъ не безъ хвастовства навѣсилъ на мѣдную, ярко вычищенную цѣпочку.

Увы, то было и прошло, а теперь Демидка чувствовалъ себя глубоко несчастливымъ человѣкомъ, и вздыхалъ, и ночи не спалъ, и даже «съ горя» загуливалъ.

Кто-же былъ виною всему этому?

О, виною былъ маленькій зеленый домикъ напротивъ, даже не домикъ, а маленькія его оконца со ставнями, украшенными вырѣзанными сердечками, и даже не оконца, а та русая, миловидная головка, которая иногда тамъ показывалась.

Охъ, эта головка! Закружила она, затуманила совсѣмъ бѣднаго Демидку такъ, что онъ объ ней только и думалъ. А когда достаточно надумался, то рѣшилъ, что и русая головка въ его кручинѣ не при чемъ, а виноватъ «старый чортъ». Бѣдный «старый чортъ», почтенный высокоуважаемый во всемъ околоткѣ извозопромышленникъ Лука Еремѣевъ. чуешь-ли ты, что въ то самое время, когда ты спишь на высоко-взбитой перинѣ, рядомъ съ своей монументальной супружницей и, выводя рулады носомъ, видишь, какъ желтенькія, зелененькія и иныхъ цвѣтовъ бумажки такъ и сыплятся рогомъ изобилія въ твой широкій карманъ, — чуешь-ли ты, несчастный человѣкъ, что близко, близко отъ тебя сидитъ нѣкто (мрачно подперевъ голову руками) и сулитъ тебѣ всяческихъ золъ и напастей?

— Чую-то, я чую, думаетъ во снѣ почтенный старецъ, — только это намъ наплевать, и Демидкѣ вотъ что!

И сонные пальцы складываются въ весьма оскорбительную фигуру.

А вереница золотыхъ сновъ все плыветъ да переплетается и въ перспективѣ разноцвѣтныхъ бумажекъ ясно обрисовывается фигура паспортиста изъ мѣстнаго участка, въ щегольской жакеткѣ тонкаго сукна, съ болтающейся на желудкѣ связкой брелоковъ, предлагающаго «руку и сердце» дочери Настѣ.

Увы, проклятый паспортистъ часто снится и Демидкѣ и ему всегда припоминается при этомъ то счастливое время, когда паспортиста, какъ говорится, и въ заводѣ не было, словомъ, время, когда Демидка познакомился съ Настей.

Это было въ первый день Пасхи, въ заутреню. До этого Демидка не разъ встрѣчался съ дѣвушкой и, какъ слѣдъ, и вѣжливый кавалеръ, всегда приподнималъ нѣсколько картузъ и издавалъ звукъ: ссс... который долженъ былъ обозначать: здравствуйте! Дѣвушка отвѣчала короткимъ поклономъ, почти кивкомъ и, какъ-бы недовольная, спѣшила мимо.

Въ самую-же заутреню вышелъ случай...

Припоминается онъ какъ-то всегда въ связи съ тѣми мелочами которыя его сопровождали и которыя въ общемъ произвели свое рѣшающее дѣйствіе.

Тихая, весенняя ночь, раздражающее дребезжанье дрожекъ, снующій по улицамъ народъ съ узелками, горящая всѣми огнями церковь. Въ церкви толпы народа, разряженнаго, съ какимъ-то возбужденно-ликующимъ выраженіемъ на лицахъ, зажженныя свѣчи въ рукахъ, свѣтлыя ризы духовенства и вдругъ: «Христосъ воскресъ!»

Демидка почувствовалъ тогда, что и у него словно что-то внутри воскресло, встрепенулось, и такъ легко и радостно стало вдругъ ему: какое-то новое, невѣдомое, но хорошее чувство зародилось въ немъ.

Онъ взглянулъ на стоявшую неподалеку отъ него Настю и свѣтлымъ ангеломъ показалась она ему въ своемъ бѣломъ, барежевомъ платьицѣ съ красненькимъ бантикомъ на шеѣ, изъ подъ котораго сверкалъ и переливался при огнѣ маленькій золотой крестикъ.

Заутреня отошла. Стали расходиться. Почти не помня себя, съ непрошенными слезами на глазахъ вышелъ изъ церкви Демидка. Вдругъ на поворотѣ въ улицу онъ увидѣлъ Настю, торопившуюся догнать отца, завернувшаго за уголъ. Въ одно мгновеніе Демидка очутился подлѣ нея и вдругъ оробѣлъ.

— Съ праздникомъ, Настасья Лукинишна, прошепталъ онъ, сдернувъ съ себя картузъ и теребя его,—Христосъ воскресъ!

Настя вздрогнула, обернулась, однимъ быстрымъ взглядомъ окинула на этотъ разъ пустынную улицу и вдругъ лукавая улыбка скользнула по ея губамъ.

— Воистину воскресъ! сказала она и подставила свою зарумянившуюся щечку.

III.

Дурной поводъ подала Настасья Лукинишна! Демидка цѣлую недѣлю толокся подъ окнами еремѣевскаго дома, выжидая появленія дѣвушки и сопровождая ее повсюду тайно; подружился съ еремѣевскими рабочими, пропаивалъ на нихъ пропасть денегъ и такимъ путемъ вывѣдывалъ подробности интимной жизни молодой дѣвушки. Ему даже удалось переслать ей записочку и получить отвѣтъ, написанный на клочкѣ почтовой розовой бумаги порядочными таки каракулями и съ слѣдующей орфографіей:

«Милостивый государь

«Напрасно ви стакими глупостьями и притомъ ещо черезъ рабочьяго Каторый завсигда пѣредастъ за румку вотки какъ перѣдалъ вамъ обомне Я отвечать вамъ не буду».

Далѣе слѣдовали какіе-то росчерки, а въ самомъ низу:

«Ты скора меня позабудишъ
Но я не забуду тибя».

Прочитавъ записку, Демидка смекнулъ, что со стороны Насти все обстоитъ благополучно: видимо, онъ ей нравился и дѣло стояло за родителями. Но тутъ сомнѣніе не на шутку забрало Демидку. Лука Еремѣевъ былъ старикъ въ высшей степени гордый, заносчивый и ужь, конечно, не рабочаго захотѣлъ бы имѣть зятемъ.

— Такъ-то оно такъ, тоскливо раздумывалъ Демидка,—да вѣдь я не простой какой-нибудь рабочій, а выходитъ на линіи помощника. А помощникъ-то получаетъ, — шутка сказать, — семьдесятъ шесть. Такъ я, можетъ, тогда и самъ не захочу смотрѣть. Велика фигура,—извощикъ! Что домъ-то да четыре закладки! Эка невидаль!

И подбодривши себя нѣсколько, Демидка заслалъ сватать одну знакомую старуху, Фоминишну, которая за бутылку сладкой водки принялась усердно посѣщать Еремѣиху и нашептывать ей про добра-молодца.

Однако эти нашептыванья, да и самыя посѣщенія должны были скоро прекратиться. Обо всемъ узналъ Лука Еремѣевъ и пришелъ въ великое негодованье.

— Вонъ, кричалъ онъ, стоя на ступенькахъ задняго крыльца и энергично поталкивая бѣдную Фоминишну,—чтобы и духу твоего не пахло! Откуда такая проявилась? Какого такого прохвоста откопала, подзаборнаго жителя? Ишь ты сваха тоже выискалась! А не хочешь-ли я тебя самую сосватою на моей палкѣ?! А?! Федька, гони ее въ шею!

Но Демидка и тутъ не упалъ духомъ. Удалось ему какъ-то подослать еще одну сваху «поуважительнѣе» первой, даже удалось лично, «честно и благородно» поговорить съ самой Еремѣихой, но и эта попытка привела только къ тому, что Лука Еремѣевъ, однажды, остановилъ его на улицѣ и, внушительно постукивая по тротуару своей стариковской палкой, сказалъ:

— Ты, парень, пустое не затѣвай и фамилію мою не трошь, отстань! Не по тебѣ дѣвка, понимаешь? А коли не хочешь по хорошему, такъ я съ тобой (тутъ было сказано нѣсколько неудобныхъ словечекъ) иначе распоряжусь!

Демидка пріунылъ. Пріунылъ и запилъ.

А покуда онъ, пьяный, мотался по кабакамъ да портернымъ, заводя скандалы съ мордобитіями и ночуя по участкамъ, къ Настѣ сталъ свататься паспортистъ...

Разъ онъ лежалъ у себя, пьяный и по обыкновенію рисовалъ въ воображеніи разныя фантастическія картины своей будущности. Вотъ мчится ярко вычищенный (какъ самоваръ у хорошей хозяйки) его паровозъ. Онъ стоитъ, скрестивъ руки, въ фуражкѣ съ позументомъ и горделиво смотритъ въ набѣгающее съ обѣихъ сторонъ дороги широкое цвѣтистое поле... Станція. Шумъ, движеніе, пропасть знакомыхъ: оберъ-кондукторъ, начальникъ станціи, его помощникъ, телеграфисты, всѣ наперерывъ здороваются съ нимъ и тащутъ къ буфету:

— А, пріятель, какъ поживаешь?

— Демитъ Прохорычъ, пожалуйста!

— Выпьемте, Демидъ Прохорычъ.

А за стойкой посреди цѣлой радуги разноцвѣтныхъ бутылокъ стоитъ миловидная дѣвушка и наливаетъ, все наливаетъ. Но что это? Какъ будто у дѣвушки Настино лицо? Вонъ и глаза большіе, каріе, и брови дугой соболиныя! Съ глубокимъ вздохомъ поворачивается Демидка на другой бокъ.

«Вотъ наважденье-то! Только она и мерещится!» Повернулся онъ и видитъ, что передъ самымъ его носомъ сидитъ Фоминишна и укоризненно качаетъ головой.

— Чего тебѣ?

— Ахъ ты безпутная твоя головушка, забубенная; дрыхнешь да пьянствуешь и не знаешь, что на свѣтѣ-то дѣлается!

— Чего?

— «Чего!» Заладилъ: чего да чего! Что, словно быкъ, глаза-то выпучилъ? Понятіе-то есть у тебя, аль пропилъ? Настька на будущей недѣлѣ замужъ выходитъ.

Демидку словно кто палкой ударилъ. Муть какая-то пошла въ головѣ.

— Ну! За кого?

— А за кого бы ни было! Тебѣ что за дѣло! Вонъ ты налилъ глаза, лежишь, какъ колода, да буркулы выворачиваешь. Тебѣ ништо́ что дѣвка убивается, руки на себя наложить хочетъ.

— Господи Боже ты мой, что-же я дѣлать-то стану?

— Эхъ ты, голова, голова, овечье твое сердце! «Что дѣлать стану!» А какъ въ наше то время добры-молодцы дѣлывали.

— Да какъ-же нужно-то, научи Фоминишна!

— А сладкой водочки не пожалѣешь?

— Эко, чего жалѣть! Слава тебѣ Господи!.. Да хоть сейчасъ!

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Изъ исторіи рабства въ древности.

Ст. С. Терновскаго.

(*Продолженіе.*)

VII.

Рабство въ Римѣ.

Въ то время, когда Римъ, переживая третій фазисъ своего развитія, изъ республики сдѣлался имперіею и когда, озабоченный уменьшеніемъ свободныхъ класовъ, онъ придумывалъ разныя мѣры, чтобы это уменьшеніе предотвратить и пополнить, въ глубинѣ одной изъ римскихъ провинцій подымался голосъ Христа, дававшій свободѣ болѣе широкое и крѣпкое основаніе. Голосъ этотъ говорилъ: «Нѣтъ болѣе ни эллина, ни еврея, ни раба, ни свободнаго, всѣ люди равны передъ Богомъ». Такимъ простымъ образомъ разрѣшалась масса философскихъ и политическихъ вопросовъ, мучившихъ тогдашнее общество. Но надо замѣтить, что новый принципъ вводился не какъ приказаніе, не какъ велѣніе какой-нибудь земной власти, которое неразлучно съ насиліемъ и съ принужденіемъ. Христіанство не нарушало государственнаго строя; признавая равенство людей, оно признавало его только передъ лицомъ Творца. Новая религія, распространяясь, дѣйствовала только на убѣжденія и не влекла за собой никакихъ насильственныхъ переворотовъ. Она признала даже за существующимъ общественнымъ строемъ санкцію Божества. Она говорила, что въ обществѣ, какъ въ любомъ организмѣ, каждый человѣкъ долженъ имѣть свое мѣсто и свое назначеніе, причемъ въ обоихъ самые слабые члены не суть самые ненужные. Для распространенія своего ученія Христосъ взялъ ни ученыхъ фарисеевъ, ни мудрыхъ языческихъ философовъ, а просто галилейскихъ рыбаковъ. Онъ самъ, будучи Богомъ, подавалъ примѣръ труда; во время своего дѣтства онъ помогалъ Іосифу, и потомъ, проповѣдуя свое ученіе, онъ работой пріобрѣталъ хлѣбъ свой. Онъ говорилъ: кто не работаетъ, не долженъ ѣсть. Онъ не проповѣдывалъ освобожденія рабовъ, сравнивая передъ собой рабовъ и ихъ владѣльцевъ; но, признавая различіе ихъ іерархическаго положенія въ обществѣ, требовалъ, чтобы рабы исполняли свои обязанности, а господа обходились съ ними гуманно, видя въ нихъ существа во всемъ себѣ подобныя и также сотворенныя по образу и подобію Божьему. Христосъ училъ владѣльцевъ обходиться съ рабами мягко и кротко, напоминая имъ, что и они суть рабы небеснаго отца. Но, не возводя освобожденіе рабовъ въ догматъ, христіанство тѣмъ не менѣе всѣми мѣрами старалось этому способствовать. Слова «раздай имѣніе твое неимущимъ» заключали въ себѣ такое стремленіе.

Новая церковь на основаніи вѣры постановила неизмѣнный принципъ равенства и свободы, ожидая, чтобы этотъ принципъ, или, вѣрнѣе, сама вѣра, распространяясь, ввела бы его въ нравы и убѣжденія людей. До тѣхъ-же поръ она ограничивалась утѣшеніемъ и обнадеживаніемъ трудящихся и гонимыхъ; въ каждомъ работникѣ она видѣла Христа трудящагося. Притомъ, подвергаясь постояннымъ гоненіямъ, она несла тѣже страданія и мученія святыхъ были тѣже пытки, которыя примѣняли въ наказаніе рабамъ. Видя Христа, распятаго на крестѣ, новая вѣра взяла себѣ въ символъ самое презрѣнное тогда орудіе казни—крестъ и съ этимъ знаменемъ она распространялась съ нечеловѣческой скоростью, ея знамя скоро сдѣлалось знаменемъ государства; она получила въ государствѣ первенствующее значеніе.

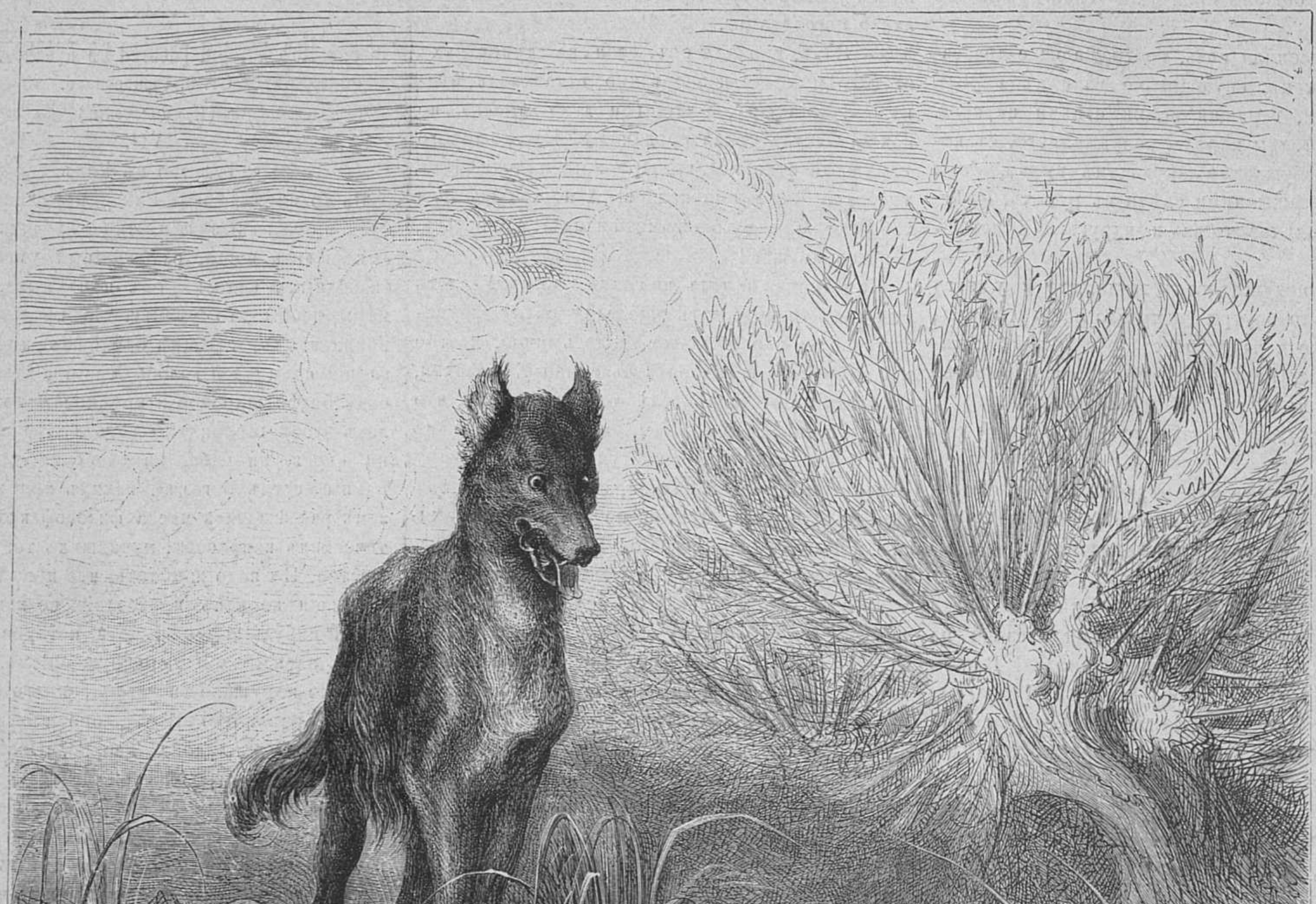
Благодѣтельное вліяніе церкви высказалось тотчасъ-же, хотя оно проявлялось и раньше. Знаменитый апологистъ, Юстинъ философъ, пишетъ двѣ апологіи, одну за другой — Антонину Пію и Марку Аврелію, излагая состояніе христіанской вѣры, говоритъ объ ея быстромъ распространеніи, объ ея успѣхахъ, величіи ея ученія и такимъ образомъ ему удалось провести новый взглядъ на многіе соціальные вопросы. Положеніе рабовъ съ теченіемъ времени все улучшается. Цѣлый рядъ императорскихъ постановленій свидѣтельствуетъ объ этомъ. Такимъ образомъ вліяніе церкви оказалось не только въ философіи, но и въ ученіи права еще задолго до признанія христіанства господствующей вѣрой.

Въ то время всѣ ученія греческихъ философовъ имѣли своихъ представителей въ Римѣ; всякій нѣсколько образованный римлянинъ принадлежалъ къ той или другой школѣ; изъ нихъ особенно распространены были двѣ: стоическая и эпикурейская, причемъ изъ обоихъ ученій римская образованность выбрала только одни крайности и недостатки.

Стоики, въ лицѣ Сенеки, говорили, что съ учрежденіемъ имперіи пропала личная свобода что теперь надъ всѣми гражданами стоитъ одно лицо, которому они должны подчиняться; они не могли говорить о свободѣ политической и поэтому перенесли ее на другую почву. Видя въ человѣкѣ разграниченіе плоти и духа, они учили его подчинять постоянно второе первому и говорили, что тотъ только истинно свободенъ, кто

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ Г. ДОРЕ́.



Волкъ и ягненокъ.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

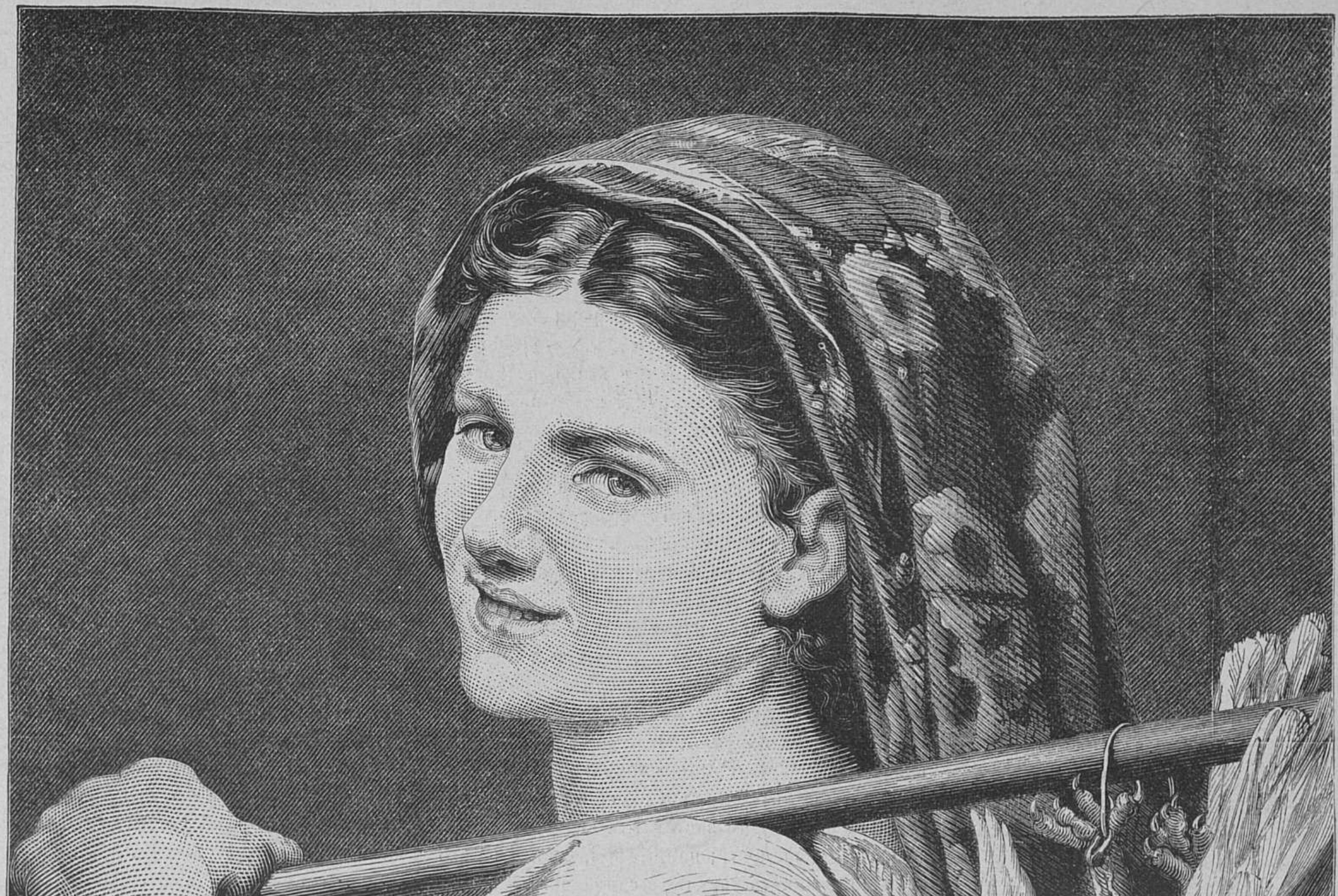
не рабъ своего тѣла. Надо все подчинить свободному духу, отказаться отъ всего лишняго, умертвить плоть, подвергнуться разнымъ мученіямъ и пыткамъ, но всегда съ холоднымъ расчетомъ умерщвленія плоти. «Такой духъ, говоритъ Сенека, можетъ быть и у всадника, и у раба, и у свободнаго.» Признавая такимъ образомъ равенство людей, онъ тѣмъ отличается отъ христіанскаго ученія, что признаетъ это равенство не во имя Бога, а во имя природы, сотворившей насъ всѣхъ изъ однихъ элементовъ и наполнившей взаимной любовью и общительностью. Другая его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ не ограничиваетъ своего круга дѣйствія какимъ нибудь однимъ сословіемъ или однимъ государствомъ; онъ говоритъ, что надо слѣдовать велѣніямъ природы, учащей насъ быть полезными всѣмъ людямъ, свободнымъ и рабамъ, богатымъ и знатнымъ, темнымъ и бѣднымъ. Прямымъ послѣдствіемъ этого ученія было облегченіе участи рабовъ и мы видимъ изъ исторіи Рима, что всѣ послѣдователи стоической философіи возвращались къ временамъ еще до республиканскимъ не только въ обхожденіи съ рабами, но и въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ.

Многіе раньше предполагали, да и теперь есть еще сторонники того мнѣнія, что Сенека былъ знакомъ съ апостоломъ Павломъ и что онъ развивалъ свое ученіе подъ его вліяніемъ; но, относясь критически къ этому мнѣнію и взявъ въ соображеніе общій ходъ мысли у Сенеки, мы должны придти къ противоположному выводу.

На совершенно другой почвѣ стоитъ школа эпикурейская; проповѣдуя постоянное удовлетвореніе страстей и прихотей, т. е. полное подчиненіе человѣка своей плоти, она видѣла въ рабахъ только средство къ исполненію такихъ влеченій. Не признавая за рабами человѣческаго достоинства, ихъ почти сравнивали съ животными; соотвѣтственно такому взгляду было и ихъ положеніе; съ ними можно было обходиться

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БУГРО.



Съ рынка.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

безнаказанно, какъ съ какими-то неодушевленными вещами, бить, ломать, уничтожать—это все позволялось и не только не считалось преступнымъ, но даже и не безнравственнымъ. Печальныя послѣдствія такого воззрѣнія выступаютъ очень ясно, если принять въ соображеніе, что римляне, хотя и потомки основателей «Великаго Рима», хотя и современники Брута и Кассія, Сенеки и другихъ ихъ послѣдователей, въ большинствѣ своемъ придерживались ученія эпикурейскаго; изнѣженные граждане не только не могли работать, снискивать себѣ пропитаніе, но всякій малѣйшій трудъ ихъ тотчасъ утомлялъ. Настало время господства страшной роскоши,—роскоши, затмившей пресловутую роскошь персидскихъ тирановъ. Пиры смѣнялись играми, игры пирами,—все время въ этомъ и проходило. А въ это-же время народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ, умиралъ съ голоду или по мѣрѣ силъ старался слѣдовать примѣру, подаваемому знатью. Понятно, къ чему это все должно было привести.

Посмотримъ теперь на тѣ смягченія, которыя принесли съ собой римскіе законы до Константина Великаго касательно положенія рабовъ. Римское законодательство строго, ибо оно логично и въ принципѣ оно не отличаетъ раба отъ вещи. Если онъ вещь, то пусть и обходятся съ нимъ, какъ съ вещью. Рабъ есть полная собственность господина и пусть господинъ обходится съ нимъ по своему усмотрѣнію. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сближенія римскаго народа съ другими, такой абсолютный взглядъ на положеніе рабовъ смягчается и мало-по-малу уступаетъ свое мѣсто новымъ взглядамъ, болѣе мягкимъ, болѣе согласнымъ съ человѣческою природою раба. Смягченія эти начались съ того, что было ограничено право отца (patria potestas) надъ членами своей семьи; прежде онъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми, теперь онъ можетъ тоже убить своего ребенка, но только съ разрѣшенія римскаго магистрата ради какой-нибудь уважительной причины. Гораздо позже было также запрещено и подкидываніе дѣтей; Константинъ опредѣлилъ, чтобъ самые бѣдные граждане получали отъ казны вспомоществованіе. Право самоубійства было также уничтожено Діоклетіаномъ. Что касается до другихъ источниковъ рабства, то нельзя сказать объ нихъ того-же, что было указано о предыдущемъ. Право войны обращать плѣнныхъ въ рабство осталось въ прежней силѣ, хотя пиратство и преслѣдовалось, но окончательно его уничтожить было нельзя; наравнѣ съ морскимъ пиратствомъ стѣснена сухопутная кража чужихъ невольниковъ и даже совершенно свободныхъ людей, но освобождали ихъ только подъ условіемъ выкупа. Діоклетіанъ прямо опредѣлилъ для всѣхъ замѣшанныхъ въ этихъ дѣлахъ смертную казнь. Но остался, наконецъ, четвертый и самый обильный источникъ рабства—это торговля; ограничить ее было невозможно ни физически, ни юридически; кромѣ того это было-бы невыгодно и съ финансовой точки зрѣнія, такъ какъ римское правительство брало за право торговли рабами страшныя деньги; къ концу имперіи налогъ доходилъ до 25%, т. е. равнялся четвертой части стоимости раба. Правительство, видя невозможность искоренить этотъ источникъ рабства, постаралось извлечь изъ него всевозможныя выгоды.

Было запрещено продавать разныхъ членовъ семьи врозь, но вначалѣ это касалось только родственниковъ первой и второй степеней, т. е. мужа и жены, отца и сына, матери и дочери; впослѣдствіи это правило было распространено и на братьевъ съ сестрами. Хотя съ другой стороны законодательство разными мѣрами успѣло закрѣпить власть владѣльца, придать ей больше законности, но въ тоже время и ограничить ее; такой мѣрой было, напримѣръ, взятіе отношеній рабовъ и ихъ владѣльцевъ подъ контроль правительства. Оставивъ за господиномъ право отпускать раба на волю и даже при соблюденіи извѣстныхъ условій право сдѣлать его полноправнымъ гражданиномъ, слѣдовательно, какъ-бы признавъ въ рабѣ зародышъ человѣческаго достоинства, римляне не признали за рабами самыхъ священныхъ правъ, напримѣръ, брака въ строгомъ смыслѣ у нихъ не было; связь между рабомъ и рабыней носила особый техническій терминъ — contubernium (сожительство). Рабы, имѣя свое имущество, пекулій, не могли дѣлать завѣщанія и единственнымъ наслѣдникомъ ихъ состоянія былъ господинъ.

Большею свободою пользовались рабы государственные, общественные, обыкновенно употребляемые для публичныхъ работъ. Они могли завѣщать по своему желанію половину своего имущества; остальное шло въ пользу государства.

Адріанъ запретилъ отдавать рабовъ для гладіаторскихъ игръ безъ разрѣшенія суда. Маркъ-Аврелій этотъ родъ смертной казни совершенно отмѣнилъ, а Антонинъ-Пій возстановилъ забытое право убѣжища, принадлежавшее нѣкоторымъ храмамъ; онъ приказалъ принимать жалобы рабовъ на своихъ господъ и въ случаѣ признанія такихъ жалобъ справедливыми, велѣлъ продавать такихъ рабовъ другимъ господамъ, извѣстнымъ по своему хорошему и гуманному обращенію со своими рабами. Жестокость прежняго хозяина наказывалась во-первыхъ тѣмъ, что рабъ продавался по уменьшенной цѣнѣ, а во вторыхъ и изъ этой суммы правительство брало себѣ извѣстный процентъ для вознагражденія за хлопоты. Жалоба раба на господина признавалась справедливой не только, если господинъ дурно или жестоко обходился со своимъ рабомъ, но и если онъ заставлялъ его работать не по его спеціальности; напримѣръ, если ученаго посылали пахать землю, считалось злоупотребленіемъ властью. Тоже было и по отношенію къ праву давать свидѣтельскія показанія; между рабами и свободными въ этомъ отношеніи была та разница, что когда отъ вторыхъ требовалось только простое показаніе, первые, т. е. рабы, должны были подвергнуться пыткѣ и такимъ образомъ подтвердить свои показанія,—Маркъ Аврелій ограничилъ примѣненіе пытки областью однихъ уголовныхъ преступленій; а во времена Адріана одними политическими. Во всѣхъ дѣлахъ, которыя рабъ могъ имѣть на судѣ, его законнымъ представителемъ считался его господинъ, самъ же онъ не могъ говорить за себя, будучи совершенно безправнымъ; постороннее лицо могло быть представителемъ несвободнаго только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя возникали у него противъ господина. Надо замѣтить, что этотъ послѣдній случай законъ призналъ только во времена императорскія; слѣдовательно, раньше рабъ жаловаться на своего господина не могъ.

Но особенно рѣзко замѣчается новое направленіе законодательства по отношенію къ вопросу объ отпущеніи на волю. Старые способы были сохранены съ значительнымъ облегченіемъ формальностей и кромѣ того придуманы новые, хотя въ тоже время были оставлены и нѣкоторыя старыя ограниченія—такъ, напримѣръ, нельзя было отпустить на волю раба съ цѣлью обмануть кредитора или чтобы избавить раба отъ пытки. Но во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ вопросъ рѣшался неизмѣнно въ пользу рабовъ; можно было даже отпускать раба и должнику, если этотъ рабъ не спеціально былъ предназначенъ для обезпеченія долга.

Двумя главными торжественными формами отпущенія на волю оставались отпущенія посредствомъ vindicatio и по завѣщанію. При первой требовалось соблюденіе извѣстныхъ законныхъ формальностей, какъ, напримѣръ, присутствіе отпускающаго и отпускаемаго было необходимо, на судѣ требовалась также санкція государственной власти. Императорскіе законы упростили этотъ способъ отпущенія на волю, сдѣлавъ достаточнымъ простое заявленіе господина на судѣ. Тоже было и съ завѣщаніями. Правительство начало съ того, что признало законнымъ заявленіе, сдѣланное не въ самомъ завѣщаніи, но и въ прибавленіяхъ къ нему. Отпущенные такимъ образомъ считались совершенно свободными; у нихъ не было даже и патрона и они поступали въ разряды почти полноправныхъ гражданъ. Но если завѣщатель въ своемъ завѣщаніи поручалъ своему наслѣднику отпустить на волю того или другого раба, то хотя освобожденіе и было обязательно, но отпущенный становился къ отпустившему въ отношенія либерта къ патрону. Всѣ спорныя дѣла и въ этихъ случаяхъ рѣшались въ пользу освобожденія рабовъ. Если господинъ согласился отпустить раба на волю въ случаѣ наступленія извѣстнаго явленія, то при его дѣйствительномъ наступленіи рабъ освобождался, подъ чьей-бы властью онъ ни находился. Тоже рабъ, проданный подъ условіемъ не употреблять его для извѣстныхъ работъ, въ случаѣ неисполненія условія отпускался на волю даже противъ воли его господина. Если господинъ, умирая, назначилъ своимъ дѣтямъ опекуна изъ рабовъ, то такой опекунъ освобождался по закону.

Отношенія между патронами и кліентами сдѣлались также болѣе человѣчными и согласными съ новыми правовыми воззрѣніями римскаго народа. Прежде всѣ права были на сторонѣ одного патрона, а обязательства—на сторонѣ кліентовъ, теперь-же и права и обязанности сдѣлались обоюдными. Кліенты должны были помогать своему патрону, но въ свою очередь могли требовать отъ него помощи и содержанія во время голода. Кліентъ долженъ былъ по отношенію къ своему патрону исполнять требованія вѣжливости и почтенія, а патронъ не имѣлъ права требовать отъ своихъ кліентовъ болѣе, чѣмъ было выговорено въ актѣ отпущенія на волю. Въ случаѣ неисполненія означенныхъ условій патронъ лишался права патронатства, а если вина происходила отъ кліента, то онъ снова обращался въ раба. Но были также случаи освобожденія кліентовъ отъ патронатства не только помимо воли патроновъ, но и противъ нея; такъ, законъ опредѣлялъ, что вольноотпущенный, прожившій въ Римѣ правительственнымъ сторожемъ не менѣе шести лѣтъ или построившій въ Римѣ домъ и мельницу, или открывшій въ немъ булочную, или занимающійся морской торговлей въ извѣстныхъ размѣрахъ—получали права гражданства и такимъ образомъ избавлялись отъ опеки патроновъ. Позднѣе императоры присвоили себѣ право за деньги освобождать кліентовъ и давать имъ право гражданства; императоръ давалъ въ такихъ случаяхъ золотыя кольца,—знакъ всадническаго сословія. Но, не смотря на все это, они не сразу смѣшивались съ общей массой гражданъ. На нихъ все-таки оставался отпечатокъ бывшаго рабскаго состоянія; они отличались отъ ingenui, (т. е. свободнорожденныхъ) и только при третьемъ поколѣніи отличіе это стушевывалось окончательно.

Въ IV и V вѣкахъ Римъ былъ постоянною цѣлью всѣхъ варварскихъ нашествій, которыя всегда сопровождались грабежами и взятіемъ жителей въ плѣнъ; благодаря этому, свобода потеряла долю своего прежняго значенія и немногіе старались выйдти изъ рабства, боясь при первомъ новомъ нашествіи варварскихъ ордъ вновь быть обращенными въ рабство.

Римляне были народомъ практичнымъ и строго логичнымъ; они всему хотѣли дать точное объясненіе. Ихъ законы, говоря о рабствѣ и объ отпущеніи на волю, говорятъ о послѣднемъ, употребляя выраженіе in integrum restitutio, т. е. о возстановленіи въ прежнее состояніе, т. е. въ то, которое рабъ имѣлъ при своемъ рожденіи. Это понятно по отношенію къ свободному, обращенному въ рабство; но какъ согласить это выраженіе въ случаяхъ, когда освобождался рабъ отъ раба рожденный —а этотъ источникъ происхожденія рабства былъ сильно развитъ. Вотъ юристы при своемъ стремленіи все обобщать, все подвести подъ одну мѣрку и стали объяснять, что здѣсь дѣло идетъ о возстановленіи человѣка въ то состояніе, въ которомъ люди жили до появленія рабства, т. е. когда всѣ были свободны. По мнѣнію юристовъ, война, а за ней и рабство, появились только съ развитіемъ гражданской жизни.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Леона.

(Записки доктора Бернагіуса)

Повѣсть **Люсіена Біара.** Переводъ **А. А. Разсказовой.**

(*Продолженіе.*)

Глава VII.

Въ три часа утра я все еще ходилъ взадъ и впередъ по внутреннему коридору моего дома и волненіе мое представляло рѣзкій контрастъ съ тихимъ яснымъ утромъ. Время отъ времени я перечитывалъ лаконическое посланіе консула, желая убѣдиться, что я не брежу. И такъ Шульцъ, этотъ простой и наивный сынъ Германіи, былъ негодяемъ, женатымъ въ своей странѣ и... Я встряхивалъ головой, не вѣря столь чудовищной двуличности. Вѣроятно, дѣло разъяснится и окончится сходствомъ имени, или-же въ крайнемъ случаѣ окажется, что г-жа Шульцъ только покинутая любовница, одна изъ тѣхъ ошибокъ молодости, которыя я никогда не понималъ, но на которыя такъ падки люди, будь они нѣмцы или французы.

Изъ-за чего я такъ мучился? Спокойное добродушіе Шульца лучше всего говорило въ его пользу. Развѣ бы онъ могъ съ такимъ блаженнымъ видомъ курить трубку, если бы надъ его головою висѣлъ подобный мечъ Дамокла? Къ тому-же не надо забывать, что Шульцы имя столь-же распространенное въ Германіи, какъ Дюраны во Франціи, Смиты въ Англіи, Перецы въ Испаніи. Если женщина розыскиваетъ мужа, носящаго фамилію Шульца, еще не значитъ, что она ищетъ моего Шульца, то есть Шульца Леоны, который къ тому-же называется Пабло, а не Ефраимомъ.

Это обстоятельство, которое должно бы разсѣять мои опасенія, безпокоило меня болѣе всего. Никогда католикъ не назывался подобнымъ именемъ, за милю пахнущимъ синагогой. И такъ Шульцъ не только обманщикъ и двоеженецъ, но и еврей. Какой хаосъ произошелъ въ моихъ мысляхъ, какая путаница! Я съ ужасомъ вспомнилъ о замѣченной всѣми неловкости пруссака во время обряда вѣнчанія, когда онъ не умѣлъ ни порядочно перекреститься, ни стоять передъ алтаремъ съ непокрытою головою. Бѣдная Леона! Она такъ счастлива и вдругъ узнаетъ, что она наложница и наложница еврея! Я предвидѣлъ ужасную катастрофу.

Допуская, что страшная гипотеза вѣрна, какъ-же вести себя, гдѣ найдти исходъ изъ этого невыносимаго положенія. Не смотря на поздній часъ, я хотѣлъ отправиться въ Теквилу и распросить Шульца. Но такой несвоевременный визитъ, очевидно, встревожитъ Леону. Къ тому-же зачѣмъ дѣлать напрасный скандалъ, если окажется, что произошла ошибка. Благоразумнѣе всего было дожидаться пріѣзда этой особы, одно слово которой могло разсѣять всѣ мои подозрѣнія. Наступилъ уже день, когда я пришелъ къ этому рѣшенію.

Тяжелый дилижансъ, поддерживающій сообщеніе между Вера-Круцомъ и Мехико, довольно пунктуально приходитъ въ Оризаву въ три часа по полудни; за долго до этого времени я прогуливался взадъ и впередъ по галереямъ станціоннаго дома. Моя озабоченность была такъ замѣтна, мое присутствіе въ этомъ мѣстѣ такъ необыкновенно, что праздные люди, привлекаемые любопытствомъ ко времени прихода дилижанса, поочередно подходили ко мнѣ и замѣчали, что я имѣю очень нездоровый видъ, что было совершенно естественно послѣ безсонной ночи. Я коротко отвѣчалъ на ихъ вопросы, желая скорѣе избавиться отъ ихъ докучливости. Такой образъ дѣйствія, не согласовавшійся съ моимъ характеромъ, удивлялъ окружающихъ и, вмѣсто того, чтобы оставлять меня въ покоѣ, они становились навязчивѣе.

— Право, докторъ, судя по вашему сердитому виду, можно подумать, что вы ждете должника, со смѣхомъ замѣтилъ мнѣ начальникъ станціи.

— Я ожидаю даму, отвѣчалъ я.

— Праведное небо! Не вашу-ли?

Эта глупая шутка вызвала смѣхъ у присутствовавшихъ и заставила меня быть осторожнѣе. Я вспомнилъ, что въ маленькомъ городкѣ все даетъ пищу любопытству; начнутся разговоры, станутъ допытываться о лѣтахъ, имени, положеніи особы, которую я жду, особенно-же о причинѣ ея пріѣзда въ Оризаву. Я видѣлъ, что слѣдуетъ сейчасъ-же дать другое направленіе толкамъ, и объявилъ, что дама, которую я жду, родственница германскаго консула, что здоровье ея требуетъ пребыванія въ Мехикѣ и что она остановится у меня на день или на два, чтобы посовѣтываться со мною. Это объясненіе удовлетворило слушателей и я поздравилъ себя съ выдумкой.

Дилижансъ, опоздавшій на цѣлый часъ, возвѣстилъ о своемъ прибытіи дребезжаніемъ и звономъ бубенчиковъ. Въ немъ было человѣкъ шесть пасажировъ и въ ихъ числѣ женщина, иностранный костюмъ которой показывалъ, что это именно та, которую я ожидаю. На ней было черное платье и шляпа—головной уборъ, не вошедшій еще въ употребленіе между мехиканками. Длинный вуаль скрывалъ ея черты, но манеры свидѣтельствовали о молодости. Я подошелъ къ ней, произнося свое имя; она отвѣчала мнѣ по-нѣмецки, единственный языкъ, на которомъ говорила; спросила, могу-ли я указать ей гостинницу, гдѣ бы она могла недорого помѣститься, такъ какъ средства ея ограничены. Я предложилъ ей свое гостепріимство.

— Прежде всего, милостивый государь, скажите мнѣ, прошу васъ, здѣсь-ли еще живетъ Ефраимъ Шульцъ, потому что тогда я попрошу васъ проводить меня къ нему.

— Никакой Шульцъ, называющійся Ефраимомъ, не живетъ въ Оризавѣ, отвѣчалъ я.

— Живетъ-же здѣсь германскій подданный съ этой фамиліей; двадцать человѣкъ подтвердили мнѣ это у консула.

— Его имя Пабло.

Молодая женщина на минуту призадумалась. Затѣмъ, быстро раскрывая свой дорожный сакъ, вынула изъ него брошку съ портретомъ, которую и подала мнѣ.

Я былъ пораженъ, смущенъ, уничтоженъ; передъ моими глазами былъ портретъ Шульца, мужа Леоны. Молодая женщина внимательно слѣдила за мною.

— Да, въ очертаніи рта, носа, въ общей фигурѣ есть что-то... да...

— Это онъ, я вижу, что онъ, прервала меня молодая женщина,—прошу васъ, проводите меня къ нему. Надѣюсь, онъ не боленъ?

— Вѣроятно, нѣтъ, отвѣчалъ я наивно.

Я чувствовалъ на себѣ взглядъ пріѣзжей, густой вуаль которой, сдѣлавшійся еще менѣе прозрачнымъ отъ дорожной пыли, не позволялъ различать ея черты. Въ первый разъ въ жизни я потерялся въ критическую минуту; но за то какая это была минута!

— Не могу положительно утверждать, отвѣчалъ я наконецъ путешественницѣ,—что отыскиваемый вами Шульцъ именно тотъ самый, котораго я знаю. Пабло Шульцъ, кажется, моложе. Во всякомъ случаѣ онъ не живетъ въ городѣ и ранѣе слѣдующаго утра вы не можете его видѣть. Вамъ необходимъ отдыхъ послѣ такого длиннаго переѣзда, я еще разъ прошу васъ принять мое гостепріимство.

Молодая женщина медленно взяла протянутую руку; она казалась смущенной. Сначала она распрашивала меня о моемъ знакомомъ Шульцѣ, потомъ разсказала свою собственную исторію. Она вышла замужъ по любви, дѣла мужа шли плохо и въ одинъ прекрасный день онъ отправился въ Соединенные штаты, откуда обѣщалъ прислать ей денегъ на переѣздъ. Сначала онъ правильно писалъ ей, жалуясь, что судьба преслѣдуетъ его въ Нью-Іоркѣ такъ-же, какъ и въ Берлинѣ. Въ послѣднемъ письмѣ онъ сообщалъ ей о своемъ отъѣздѣ въ Мехику и съ того времени она не получила ни строчки. Она долго считала себя вдовою, пока одинъ изъ ея соотечественниковъ, вернувшійся изъ Мехики, не разсказалъ ей, что мужъ ея, не успѣвшій обогатиться, живетъ порядочно на берегу Атлантическаго океана, занимаясь торговлей лѣсомъ. Тогда, отказывая себѣ даже въ необходимомъ и усиленно работая она собрала нѣсколько сотенъ франковъ и сѣла на пароходъ. Она пріѣхала съ надеждой и боязнью за участь того, отъ котораго столько времени не получала извѣстій и въ измѣну котораго не могла вѣрить.

Я передаю это кратко, но меня сильно растрогалъ разсказъ о бѣдствіяхъ, перенесенныхъ мужественной женщиной, опиравшейся на мою руку. Она безпрестанно прерывала свои слова, чтобы вытереть навертывавшіяся на глаза слезы или сдѣлать мнѣ нѣсколько вопросовъ. Я старался не давать ей прямыхъ отвѣтовъ; къ счастію, волненіе молодой женщины не позволило ей замѣтить мое собственное.

Я передалъ путешественницу на руки моей домоправительницы и, пока она освѣжала свой туалетъ, ожидалъ ее въ кабинетѣ. Боже, какое положеніе! И гдѣ-же изъ него исходъ? Сомнѣнія прошлой ночи возвратились ко мнѣ съ новой силой. Я спрашивалъ себя, кто-же передо мною: законная жена или покинутая любовница. Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ измѣнить или усложнить все дѣло. Но могла-ли эта женщина говорить съ такой увѣренностію, если бы ея права на Шульца не были дѣйствительны. Какой негодяй этотъ пруссакъ и какъ вѣренъ былъ мой инстинктъ, заставлявшій меня удаляться отъ него хотя и безъ всякаго основанія! Съ какой дерзостью съумѣлъ онъ ослѣпить меня, сдѣлать изъ меня свою игрушку, соучастника. Благодаря его приманкѣ раскопокъ въ гротѣ, я попался на закинутую мнѣ двоеженцемъ удочку и теперь считалъ себя виновнымъ въ этихъ страшныхъ событіяхъ.

Домоправительница пришла извѣстить меня, что молодая дама ждетъ въ столовой, куда я пошелъ, не начертавъ себѣ еще плана дѣйствій. Я увидѣлъ женщину лѣтъ двадцати восьми, съ правильными чертами, блѣднымъ лицомъ, освѣщеннымъ двумя большими черными глазами. Типичный профиль ея обличалъ еврейское происхожденіе и я не могъ удержаться, чтобы не сдѣлать ей этого замѣчанія.

— Да я, еврейка, отвѣчала она,—мы одной религіи съ мужемъ.

Я былъ ошеломленъ; да и было надъ чѣмъ призадуматься! Узнай объ этомъ жители Оризавы —не миновать бы намъ всѣмъ жестокой смерти.

Болѣе прежняго взволнованный, я сказалъ молодой женщинѣ, что сейчасъ же отправлюсь въ деревню, гдѣ жилъ тотъ, кого она считаетъ своимъ мужемъ, хотя почти навѣрное знаю, что онъ уѣхалъ въ Пуэблу. Если мое предположеніе справедливо, я достану адресъ и она завтра же можетъ отправиться къ нему. Она настаивала, чтобы ѣхать со мною, и мнѣ съ трудомъ удалось убѣдить ее, что путешествовать въ Мехикѣ не такъ легко, какъ въ Германіи, и что ей лучше терпѣливо подождать моего возвращенія.

— Я хочу дать вамъ одинъ совѣтъ и прошу васъ исполнить его въ точности; мы находимся въ странѣ крайне католической, гдѣ господствуютъ еще средневѣковые обычаи, т. е. полнѣйшая религіозная нетерпимость. Берегитесь сказать кому нибудь, что вы еврейка, вы рискуете натолкнуться на дурное обращеніе, а можетъ быть даже и на мучительную смерть.

— Нашъ консулъ предупреждалъ меня объ этомъ, сеноръ, но я думала, что съ вами могу говорить откровенно.

— И вы не ошиблись. А теперь позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, немного... грубый; но мнѣ необходимо получить на него отвѣтъ въ вашихъ же интересахъ. Законная ли вы жена Шульца?

Молодая женщина быстро вскочила съ кресла, густая краска покрыла ея лицо и слезы заблистали въ глазахъ. Она побѣжала въ свою комнату и принесла оттуда связку бумагъ, наверху которой лежало брачное свидѣтельство. Я просилъ ее извинить меня за нескромный вопросъ, который, какъ она увидитъ впослѣдствіи, былъ сдѣланъ не изъ простого любопытства, а изъ желанія быть ей полезнымъ

— Меня это безпокоитъ. Не живетъ ли Ефраимъ къ моему несчастію съ другой женщиной? Эта мучительная мысль не разъ приходила мнѣ въ голову.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я съ усиліемъ, негодуя, что мнѣ приходится говорить одну ложь за другой,—не знаю только съ какою цѣлью, но онъ выдаетъ себя за холостого.

— Такъ это онъ?

Не отвѣчая, я вскочилъ на лошадь и отправился въ Теквилу. Я наконецъ уяснилъ себѣ положеніе и рѣшилъ, что дѣлать. Донести на несчастнаго значило осудить его на вѣрную смерть, а его невинную, мужественную жену подвергнуть большимъ непріятностямъ, не принося ей ни малѣйшей пользы. Я намѣревался сообщить Шульцу о неожиданномъ пріѣздѣ его законной жены и заставить его уѣхать подъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы не слишкомъ поразить Леону. Сегодня же въ ночь я отправлю еврейку со строгимъ внушеніемъ увезти подальше мужа по причинамъ, которыя онъ самъ объяснитъ ей черезъ нѣсколько дней. Съ помощію францисканскаго пріора я открою Леонѣ истину. Боже, какая тяжелая обязанность!

Въ ту минуту, когда я думалъ о пріорѣ, я увидѣлъ его самого, идущаго по главной улицѣ города въ длинномъ бѣломъ одѣяніи, сандаліяхъ и шляпѣ съ необозримыми полями. Онъ шелъ въ сопровожденіи послушника, какъ ходили всѣ патеры, когда обязанность призывала ихъ внѣ монастырскихъ стѣнъ. У меня явилась мысль посовѣтываться съ нимъ на счетъ готовящихся событій, я спѣшился и подошелъ къ нему.

— Падре, сказалъ я, кланяясь,—если у васъ есть время, прошу васъ выслушать мою исповѣдь.

— Господи Іисусе, докторъ, неужели я такъ счастливъ, что вы, наконецъ, рѣшились искренно прибѣгнуть къ Богу. Скорѣе въ монастырь!

— Вы не такъ поняли мои слова, падре, хотя дѣйствительно мнѣ надо сообщить вамъ нѣчто очень важное; можете ли вы выслушать меня здѣсь посреди улицы? Она настолько широка, что насъ не могутъ подслушать.

Удивленный пріоръ сдѣлалъ знакъ послушнику, который остался на тротуарѣ, тогда какъ мы удалились на середину улицы. Тогда безъ всякихъ обиняковъ я разсказалъ пріору все, скрывъ только религію преступника, что могло бы встревожить совѣсть и затемнить сужденіе добродушнаго падре. Онъ жадно выслушалъ меня, крестясь при каждой моей фразѣ. Когда я объяснилъ ему, что намѣренъ дѣлать, онъ одобрилъ меня, прибавивъ, что не видитъ другого исхода изъ этого тяжелаго положенія.

Я ждалъ упрековъ, такъ какъ въ разсказѣ не пожалѣлъ черныхъ красокъ, обвиняя себя, что увлекся перспективой ископаемыхъ и археологическихъ сокровищъ теквильскаго грота и сдѣлался соучастникомъ преступленія Шульца.

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, зло не въ томъ, отвѣчалъ пріоръ;—не принадлежа къ невѣрующимъ, вы только на половину вѣрите во вмѣшательство Провидѣнія въ дѣла сего міра, и вы ошибаетесь. Еслибъ я имѣлъ время, я доказалъ бы вамъ, что здѣсь явно проявился перстъ Божій. Но пусть этотъ окаянный, надругавшійся надъ таинствомъ, бѣжитъ скорѣе; если народъ узнаетъ объ его святотатствѣ, никакія наши усилія не защитятъ его отъ избіенія камнями.

Одобреніе пріора успокоило меня. Я нашелъ Леону у колыбели дочери. Шульцъ осматривалъ свои новыя плантаціи и долженъ былъ сейчасъ вернуться. Я освѣдомился, гдѣ могу найдти его.

— Что съ вами, докторъ? спросила Леона.— Вы блѣдны, разстроены, не находите себѣ мѣста.

— Я принесъ дурныя извѣстія, дитя мое, твоему мужу необходимо сегодня же ѣхать въ Мехико.

— Уѣхать? повторила Леона.—Для чего, съ какою цѣлью?

— Носится слухъ, что банкиръ Макинтошъ прекращаетъ платежи; если я не ошибаюсь, вы помѣстили у него большіе капиталы.

— Только-то! отвѣчала молодая женщина.— И вы говорите объ этомъ съ такимъ мрачнымъ видомъ, что я испугалась. На имѣніи нѣтъ долга, докторъ, и оно всегда будетъ давать намъ даже лишнее. Садитесь возлѣ меня и подождите здѣсь Пабло. Мы пообѣдаемъ всѣ вмѣстѣ, мнѣ не нужно повторять вамъ, что я болѣе дорожу вашимъ обществомъ, чѣмъ деньгами.

Это не входило въ мои разсчеты. Я возражалъ, порицалъ молодую женщину за ея безкорыстіе, говорилъ, что теперь, когда у нея есть дочь, она передъ нею должна отвѣчать за свое состояніе. Леона съ удивленіемъ слушала меня. Я бросился отыскивать Шульца и скоро нашелъ его. Онъ встрѣтилъ меня съ улыбающимся лицомъ, которое я охотно въ эту минуту избилъ бы хлыстомъ.

— Милостивый государь, сказалъ я безъ всякихъ предисловій,—вы величайшій негодяй, а между тѣмъ, изъ сожалѣнія къ вашимъ жертвамъ, я явился спасти васъ. Вы еврей, двоеженецъ, вы...

— Это ложь, вскричалъ онъ, побагровѣвъ.

— Это истина. Ваша первая жена въ настоящее время у меня въ домѣ.

— Сефора?

Съ неестественно-открытыми глазами онъ три раза повторилъ это имя.

— Сегодня я говорю одну ложь за другою, надо же положить этому конецъ. Я только что видѣлъ Леону и сказалъ ей, что фирма Макинтошъ прекращаетъ платежи. Не время еще открыть бѣдной женщинѣ ея неисправимое несчастіе. Держите себя спокойнѣе, въ ея присутствіи по крайней мѣрѣ, потому что, если она узнаетъ, она убьетъ васъ своими руками. Вы отправитесь въ Пуэблу, куда завтра пріѣдетъ ваша жена, увы, законная. Выѣзжайте изъ мехиканской республики, чтобы вашего духу здѣсь не было.

Шульцъ смотрѣлъ на меня пристальнымъ, круглымъ, ядовитымъ взглядомъ пресмыкающихся, которыхъ потревожили во время отдыха, затѣмъ перевелъ глаза на окружающія насъ поля.

— Я понимаю, что потеря этого состоянія, пріобрѣтеннаго вашей дерзостію, сокрушаетъ васъ. Но благодарите еще Іегову, если плуты, подобные вамъ, вѣрятъ въ него, что ваша мужественная жена внушаетъ мнѣ настолько симпатіи, что я помогаю вамъ скрыть отъ нея истину. Вы проститесь съ Леоной и поѣдете со мною, я провожу васъ до воротъ Борейо.

Шульцъ, молча, шелъ возлѣ меня, не стараясь даже оправдываться. Леона воспротивилась было его отъѣзду и сдалась только, получивъ обѣщаніе отъ него вернуться какъ можно скорѣе. Я наконецъ увезъ пруссака и покинулъ его только въ разстояніи мили за городомъ, а самъ вернулся въ Оризаву.

Наступила уже ночь, когда я пріѣхалъ домой. Прекрасная еврейка ждала меня у окна кабинета. Я разсказалъ ей, что Пабло Шульцъ тотъ самый, котораго она называетъ Ефраимомъ; она разрыдалась и просила тотчасъ же отвезти ее къ нему. Я объяснилъ ей, что онъ уѣхалъ въ Пуэблу, куда она можетъ отправиться сегодня же въ ночь, если чувствуетъ въ себѣ достаточно силы. Бѣдняжка не колебалась и я еще долженъ былъ выслушать отъ нея похвалы этому негодяю.

Отъ нея я тоже сохранилъ все въ тайнѣ, какъ и отъ Леоны; не достаточно ли было одной жертвы? Въ полночь она сѣла въ дилижансъ. Разбитый отъ усталости и волненія я вернулся домой и, не смотря на всѣ нравственныя потрясенія дня, заснулъ, какъ убитый.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Аллюры человѣка.

(Статья **А. В. Елисѣева.**)

Въ одной изъ предъидущихъ статей *) я имѣлъ случай говорить о передвиженіи животныхъ организмовъ вообще, при чемъ опредѣлилъ самую сущность всѣхъ этихъ передвиженій, указалъ на теоретическую общность ихъ и различіе, а также на работу мышцъ, какъ основнаго и необходимаго движущагося элемента большинства всѣхъ животныхъ движеній. Міографическіе выводы, приложенные мною къ объясненію мышечныхъ сокращеній, вызвали необходимость нѣсколько болѣе остановиться на нихъ, чтобы были понятны механизмы летанія насѣкомыхъ и птицъ, о которыхъ я говорилъ въ предъидущей статьѣ. Теперь, обходя общія понятія, которыя были ранѣе предпосланы, я прямо приступлю къ всестороннему разсмотрѣнію передвиженій человѣка; я буду имѣть дѣло съ передвиженіями только наземными, такъ какъ водныя болѣе или менѣе искуственны. Передвиженія человѣка по землѣ одни изъ самыхъ простѣйшихъ передвиженій, такъ какъ совершаются только двумя ногами, въ противуположность большинству передвиженій, обусловливаемыхъ движеніемъ четырехъ и болѣе ногъ. Несмотря однако на сравнительную свою простоту, они могутъ быть раздѣлены на нѣсколько видовъ движеній, съ особеннымъ специфическимъ характеромъ, весьма трудно поддающихся теоретическому изученію. Предметъ этотъ уже давно заинтересовалъ теоретиковъ и былъ по этому изучаемъ многими учеными еще со временъ Борели, перваго обратившаго вниманіе на аллюры человѣка. Глубокомысленныя изслѣдованія Веберовъ, замѣчательно точно анализирующія механизмъ аллюровъ, и остроумныя экспериментальныя изысканія ученика Марея—Карле хорошо разъяснили многое непонятное въ этой сферѣ, благодаря только графическому методу, вносящему необыкновенную точность въ анализъ всякихъ явленій. Самымъ простымъ и наиболѣе употребляемымъ аллюромъ *) человѣка будетъ такъ называемая «ходьба». Особенность ея, какъ формы передвиженія, заключается въ томъ, что «тѣло никогда не покидаетъ земли, и что слѣды идутъ одни за другими безъ перерывовъ, такъ что тяжесть тѣла поочередно перемѣщается съ одной ноги на другую». Этотъ аллюръ, на первый взглядъ кажущійся простымъ до нельзя, при нѣсколько усиленномъ вниманіи покажется движеніемъ, обусловливаемымъ и сопряженнымъ со многими актами, разсмотрѣніе которыхъ въ частности и составитъ изученіе аллюра «ходьбы», на чемъ мы и остановимся. Актъ ходьбы, какъ и всякаго другого аллюра, совершаемаго ногами, представляетъ двѣ фазы: фазу упиранія въ землю и фазу висѣнія на воздухѣ; при чемъ суставы поочередно сгибаются и разгибаются, между тѣмъ какъ мышцы ноги и бедра, совершающія эти движенія, поперемѣнно то сокращаются, то растягиваются. Дѣйствіе мышцъ, вытягивающихъ бедро, голень и ступню и есть двигательная сила въ механизмѣ сложнаго передвиженія человѣка, отталкивающая землю внизъ, а тѣло вверхъ, при чемъ бедро, при вытянутомъ колѣнѣ, помѣщается переднею, самою широкою и плоскою частью своей составной поверхности на голени, а колѣнная чашечка инертна. Сгибаніе можетъ происходить только кзади, на величину дуги, приблизительно на 160°. При упираніи тѣла въ землю совершается давленіе его на эту послѣднюю; если почва оказываетъ рѣшительное сопротивленіе производимому на нее давленію, то все движеніе перейдетъ на туловище, которое и подымется на извѣстную высоту, положимъ на три сантиметра. Но если почва подается подъ давленіемъ ноги на 2 сантиметра внизъ, то, очевидно, что тѣло въ этомъ случаѣ поднимется лишь на одинъ сантиметръ, и полезная работа уменьшится на цѣлыя двѣ трети. Интересно поэтому изученіе самого давленія на почву въ его продолжительности, фазахъ и интензивности съ помощью пишущаго апарата, помѣщеннаго на подошвѣ и дѣйствующаго атмосферическимъ давленіемъ. Апаратъ этотъ (рис. 1), называемый «испытующею подошвою», состоитъ изъ каучуковой подошвы въ 1½ сантиметра толщины, прикрѣпляемой въ помощью разогрѣтый гутаперчи къ подошвѣ обыкновеннаго сапога.

---

*) См. «Живописное Обозрѣніе» 1878 г. № 33 и 34 «О передвиженіи живыхъ существъ».

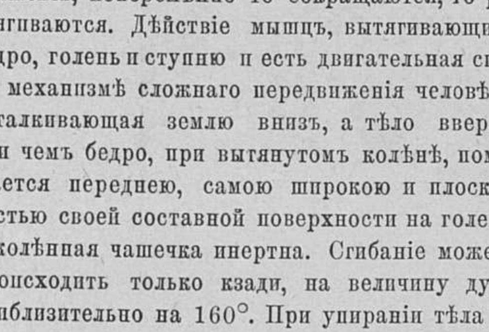


Рис. 1.

Внутри каучуковой подошвы устроена камера, наполненная воздухомъ и покрытая выдающеюся деревянною пластинкою. При давленіи этой послѣдней, обусловливаемомъ надавливаніемъ ноги на почву, камера сжимается и воздухъ устремляется изъ нея черезъ трубку въ барабанчикъ съ рычагомъ, которой и отмѣчаетъ продолжительность и фазы давленія ногъ. При извѣстномъ расположеніи испытующей подошвы и пишущаго апарата легко получить графически — слѣды или нажиманія ноги на почву. При этомъ легко замѣтить, что давленіе правой ноги начинается въ тотъ моментъ, когда давленіе лѣвой ослабѣваетъ и что въ каждомъ слѣдѣ замѣчается чередованіе между моментами упиранія *). Самыя фазы упиранія одинаково продолжительны для обѣихъ ногъ, такъ что тяжесть тѣла переходитъ поочередно съ одной на другую. Посредствомъ испытующей подошвы, какъ динамометромъ давленія, можно на основаніи высоты кривой, вычислить степень давленія, производимаго ногою, замѣняя только вѣсъ тѣла извѣстнымъ количествомъ килограмовъ. При этомъ оказывается, что при ходьбѣ давленіе ноги на почву не равняется одному только вѣсу тѣла, который поддерживаетъ нога, но что въ нѣкоторые моменты присоединяется еще новое усиліе, чтобы сообщить тѣлу движеніе поднятія и перемѣщенія впередъ, сообщаемыя ногою тѣлу. Движенія эти чрезвычайно сложны и происходятъ заразъ по всѣмъ направленіямъ, отъ чего линія, которую описываетъ въ пространствѣ идеальная точка тѣла, вѣчно-измѣняющаяся, къ которой относятся всѣ движенія противодѣйствія, представляется чрезвычайно извилистой. Для большаго поясненія возмемъ не идеальную точку, которой нѣтъ возможности избрать, а болѣе реальную и притомъ рѣзко-выдѣляющуюся. Большинство изслѣдователей приняли за такую точку центръ тяжести, тогда какъ болѣе новѣйшіе экспериментаторы—раціональнѣе—лобковое возвышеніе. Примѣняя къ этому пункту всѣ движенія противодѣйствія, сообщаемыя ему ногами, и изучая ихъ при помощи барабанчиковъ съ рыгачами, мы можемъ не только замѣтить, но даже графически изобразить кривыми вертикальныя и горизонтальныя колебанія точки, относящіяся ко всему тѣлу. На рис. 2 изображена по Марею желѣзная проволока, изогнутая въ разныхъ направленіяхъ, дающая нѣкоторое представленіе объ этомъ пути.

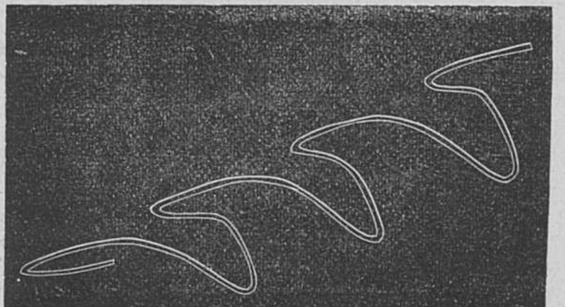


Рис. 2.

Посредствомъ барабанчиковъ съ штифтиками и рычажками можно изслѣдовать также перемѣщеніе тѣла сзади на передъ; при этомъ надо только замѣтить, что движеніе это не всегда имѣетъ одну и ту же скорость, а потому для точнѣйшаго изученія ихъ надо прибѣгнуть къ такимъ приспособленіямъ, которыя давали бы сразу и величину разстояній, проходимыхъ тѣломъ при каждомъ движеніи ходьбы, и время, употребляемое на прохожденіе каждаго изъ этихъ разстояній. Карле достигнулъ этого, соединивъ барабанчикъ съ рычагомъ съ двумя трубочками, изъ которыхъ одна передаетъ измѣненія въ давленіи испытующей подошвы, а другая десять колебаній въ секунду, производимыя большимъ діапазономъ. Расположеніе приборовъ видно на рис. 3 (А—барабанчикъ, В—пишущій апаратъ, С—трубочка, передающая колебанія діапазона, D—трубочка, передающая измѣненія въ давленіи испытующей подошвы).

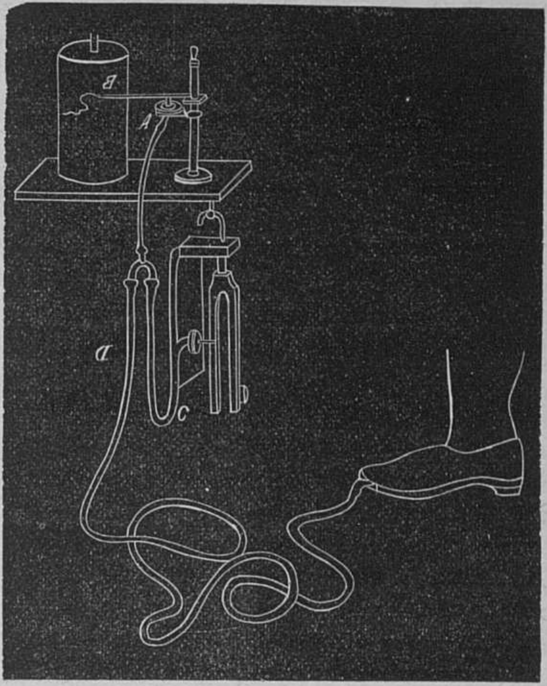


Рис. 3.

Черта, производимая штифтикомъ въ пишущей части апарата, представляетъ интерференцію двухъ движеній, опредѣляющихъ въ одно и тоже время и пройденное пространство и время, употребленное на прохожденіе этого послѣдняго. Изъ анализа, такимъ образомъ полученной, кривой, мы увидимъ, что давленіе ноги на землю, начинающееся съ момента прикасанія къ этой послѣдней, все возрастаетъ до конца упиранія и притомъ еще сообщаетъ тѣлу движеніе съ постоянно-возрастающею скоростью. Сообщая только окончательные результаты, мы не входили здѣсь, какъ и вездѣ, въ строгое анализированіе математическихъ данныхъ, что представляетъ для спеціалиста, безъ сомнѣнія, много интереснаго, но въ данномъ случаѣ не имѣло бы мѣста. Разсмотрѣнная нами неравномѣрность въ скорости передвиженія во время ходьбы придаетъ нашему передвиженію толчковый характеръ, что мѣшаетъ правильно употреблять свои силы или, выражаясь съ точки зрѣнія механики, — отрицательно утилизируетъ полезную работу. Послѣднее особенно бываетъ замѣтно въ томъ случаѣ, когда человѣкъ тащитъ какую-нибудь тяжесть; получая при каждомъ движеніи ногъ толчокъ, онъ долженъ по этому удваивать энергію несенія, что неблагопріятно отзывается на расходѣ механической силы. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ цѣлый рядъ актовъ, сопровождающихъ простѣйшій аллюръ человѣка—ходьбу, мы остановимся нѣсколько на видоизмѣненіи этого послѣдняго, имѣющемъ мѣсто при движеніи не по ровной плоскости, какъ это мы принимали ранѣе, а по подвижной почвѣ, наклонной плоскости и по лѣстницѣ.

Послѣднее видоизмѣненіе ходьбы при частой своей повторяемости особенно заслуживаетъ вниманія еще потому, что представляетъ забѣганіе слѣдовъ одного за другимъ, показывающее, что одна нога все еще упирается въ землю, когда другая уже успѣла установиться на слѣдующей ступени. При графическомъ изображеніи этого движенія видны забѣганія одной ноги за другую и можно даже составить себѣ понятіе о томъ, что максимумъ давленія ноги на землю совпадаетъ съ концемъ упиранія.

---

*) Аллюръ—форма передвиженій».

*) Періодъ, втеченіи котораго нога виситъ на воздухѣ, выражается горизонтальною линіей, соединяющею минимумы двухъ послѣдовательныхъ кривыхъ.

Близкимъ и схожимъ съ ходьбою аллюромъ представляется бѣгъ, въ сущности, ускоренная ходьба, при которомъ тѣло при каждомъ шагѣ отдѣляется на нѣкоторое время отъ почвы. Всматриваясь въ графическое изображеніе этого аллюра, мы замѣчаемъ, что при бѣгѣ упиранья ногъ происходятъ съ большею энергіею, чѣмъ при ходьбѣ, что необходимо слѣдуетъ уже изъ того, что на бѣгу должны сообщаться тѣлу быстрыя восходящія и выдвигающіяся движенія впередъ. Изъ кривыхъ упираній и поднятій правой и лѣвой ногъ можно еще замѣтить, что упиранія ногъ бываютъ гораздо менѣе продолжительны, чѣмъ при обыкновенной ходьбѣ, и продолжительность ихъ возрастаетъ обратно пропорціонально энергіи упираній. Висѣніе тѣла на воздухѣ нѣкоторое время,—необходимый актъ этого аллюра,—происходитъ не вслѣдствіе подкидыванія тѣла на воздухъ, какъ это кажется съ перваго взгляда, а вслѣдствіе сгибанія и отдѣленія самыхъ ногъ отъ земли, и время его продолжительности возрастаетъ обратно пропорціонально скорости бѣга. Кромѣ перечисленныхъ нами нормальныхъ аллюровъ человѣкъ еще можетъ воспроизводить передвиженія, совершаемыя его конечностями неправильнымъ, хотя и періодическимъ образомъ. Къ числу такихъ аллюровъ можно причислить галопъ и скачки,—аллюры, особенно часто совершаемые четвероногими. Въ галопѣ, при всей его неправильной каденціи, замѣчается энергическое и продолжительное упираніе одной ноги, продолжающееся до момента касанія земли другой ногой и наступающій послѣ этого моментъ сравнительно продолжительный—висѣніе въ воздухѣ. Графическія изображенія аллюровъ человѣка получаются съ помощью тѣхъ апаратовъ, о коихъ была рѣчь, съ прибавленіемъ только нѣкоторыхъ особенностей, регулирующихъ получаемые результаты и расположенныхъ такъ, какъ того требуютъ условія изысканій. Марей для удобнѣйшаго расположенія различныхъ апаратовъ, служащихъ для графическаго изображенія различныхъ аллюровъ, совѣтуетъ размѣщать приборы на головѣ, рукахъ и ногахъ экспериментатора. На голову человѣка, у котораго на ногахъ одѣты испытующія подошвы для измѣренія давленій, производимыхъ ногами на почву, надѣваютъ шлемъ съ испытующимъ барабанчикомъ съ рычагомъ, для измѣренія вертикальныхъ давленій, описанный нами уже въ прошедшей статьѣ *); а въ правую руку даютъ ручной пишущій апаратъ, на которомъ отмѣчаются кривыя давленія ногъ. Кромѣ того еще, для облегченія опыта и для того, чтобы апаратъ началъ свои равномѣрныя движенія нѣсколько раньше, чѣмъ штифтикъ чернилъ на бумагѣ, употребляютъ небольшой каучуковый пузырь, который держится въ лѣвой рукѣ и нажимается большимъ пальцемъ и который имѣетъ сообщенія со штифтиками чертящихъ рычаговъ. Сообщеніе между пузыремъ и штифтиками производится такъ, что эти послѣднія безъ нажатія каучуковаго пузыря не могутъ придти въ соприкосновеніе съ бумагою; а потому дѣйствіе и замедленіе апарата регулируются большимъ пальцемъ. Съ помощью такихъ приспособленій и получаются тѣ разнообразныя кривыя, о которыхъ мы говорили выше для разъясненія аллюровъ человѣка. Для полноты нашего очерка мы еще остановимся нѣсколько на одной особенности, свойственной всѣмъ видамъ аллюровъ и служащей часто къ ихъ опредѣленію. Это—ритмъ упираній ногъ, удары которыхъ по землѣ производятъ родъ шума, позволяющій опытному уху опредѣлить самый аллюръ, вызвавшій его, благодаря послѣдовательному порядку отдѣльныхъ звуковъ. На ритмѣ упираній многими учеными даже установлена класификація аллюровъ, хорошо изображаемая музыкальными знаками, которые въ данномъ случаѣ должны представлять за разъ и продолжительность каждаго изъ упираній, и ту ногу, которой соотвѣтствуетъ это упираніе и, наконецъ, продолжительность тѣхъ моментовъ, во время которыхъ тѣло находится въ воздухѣ. Эти знаки для ритмовъ получаются при помощи весьма не сложныхъ приспособленій. Такъ на рис. 4-мъ линіи представляютъ извѣстную намъ кривую, изображающую бѣгъ человѣка. Внизу этой послѣдней проведемъ двѣ горизонтальныя черты aa и bb, которыя и послужатъ нотными линейками. Опустимъ изъ точки начала восходящей кривой, изображающей слѣдъ правой ноги, на нотную линейку перпендикуляръ x; перпендикуляръ y, опущенный изъ конца кривой восхожденія, изобразитъ окончаніе упиранія этой ноги. Проведемъ между этими двумя точками широкую черту; своею длиною она выразитъ продолжительность упиранія правой ноги. Сдѣлавъ такое-же построеніе на нотной линейкѣ, bb, мы получимъ изображеніе упираній лѣвой ноги. Между упираніями обѣихъ ногъ существуетъ небольшая пауза, впродолженіи которой тѣло находится въ воздухѣ. Изображенія аллюровъ подобнымъ образомъ нотными знаками весьма удобно для опредѣленія самыхъ аллюровъ, что особенно важно въ изученіи такихъ движеній, которыя совершаются не двумя, а четырьмя и болѣе ногами, гдѣ запутанность движеній и сложность побочныхъ актовъ мѣшаетъ прибѣгнуть къ тѣмъ пріемамъ, которые мы только что изложили. Для разъясненія себѣ всѣхъ движеній человѣка мы должны глубже вникнуть въ теорію ихъ, причины ихъ вызывающія, и законы, на основаніи коихъ они совершаются. Когда мы будемъ знать основательнѣе теоретическую сторону всѣхъ мышечныхъ движеній, мы будемъ въ состояніи, копируя природу, достигнуть въ техникѣ такихъ усовершенствованій, какія дадутъ возможность вполнѣ утилизировать механическую работу нашихъ механизмовъ. Какъ на предвозвѣстника болѣе или менѣе совершеннаго изученія человѣческихъ движеній, мы можемъ указать на всѣмъ извѣстный остроумный оптическій инструментъ, изобрѣтенный Плато, и названный имъ фенакистископомъ. Этотъ инструментъ, называемый также стробоскопомъ и зоотропомъ, употребляемый въ настоящее время для забавы дѣтей, можетъ служить лучшимъ антетическимъ воспроизводителемъ аллюровъ человѣка, если помѣстить туда фигуры, тщательно отдѣланныя и вѣрно изображающія различныя положенія или фазы тѣла во время совершенія какого-нибудь аллюра. Карле и Дюваль достигли въ этомъ направленіи блестящихъ результатовъ, воспроизводя съ замѣчательною точностью даже всѣ детали различныхъ аллюровъ человѣка, помѣщая въ апаратѣ, составляющемъ видоизмѣненіе фенакистикопа, до 16 послѣдовательныхъ положеній для каждаго шага. Въ будущемъ труды ученыхъ, занимающихся этимъ предметомъ, достигнувъ еще болѣе значительныхъ результатовъ, дадутъ, вѣроятно, сильный толчекъ въ техникѣ и механикѣ, если не составятъ только цѣлой эпохи съ новыми направленіями, добытыми изъ природы, и слѣдуя природѣ во всѣхъ даже мельчайшихъ деталяхъ.

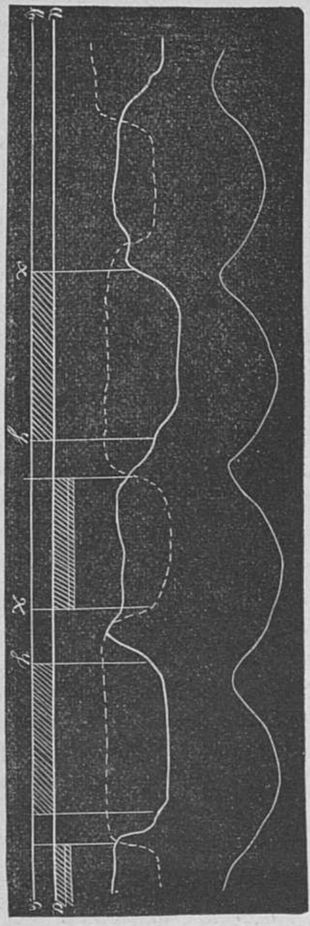


Рис. 4.

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова.**

(*Продолженіе.*)

XIII.

Блаженный.

Кликушество есть одна изъ формъ нервно-психическихъ болѣзней, которыя всѣ у народовъ неразвитыхъ объясняются одержимостью бѣсами. Въ каждомъ сумасшедшемъ, по мнѣнію дикаря, живетъ духъ, и оттого-то дикари такъ уважаютъ помѣшанныхъ, считаютъ ихъ святыми. У насъ тоже страдающихъ нѣкоторыми формами помѣшательства называютъ блаженными, блаженненькими, вѣрятъ въ ихъ пророческій даръ, обращаются къ нимъ за предсказаніями и совѣтами. Такихъ юродивыхъ много не только въ деревняхъ, но и въ городахъ. Таковъ, напр., былъ въ Москвѣ знаменитый Иванъ Яковлевичъ Корѣйша, грязный, циничный идіотъ, въ котораго такъ вѣровали москвичи. Въ Петербургѣ въ половинѣ XVIII в. жила юродивая Ксенія Григорьевна, которая пользовалась особеннымъ уваженіемъ легковыхъ извощиковъ; завидя ее на улицѣ, извощики на перерывъ предлагали ей свои услуги, вѣря, что кому хоть разъ удастся провезти ее, тому весь день повезетъ счастье. Передъ смертью императрицы Елизаветы, 24 декабря 1761 г., Ксенія ходила по петербургской сторонѣ и говорила жителямъ: «Пеките блины, пеките блины!—Вся Россія будетъ печь блины!» Въ настоящемъ столѣтіи такую же роль играла въ Петербургѣ Анна Ивановна. Подобно Ксеніи, она не имѣла постояннаго мѣстопребыванія; ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее нищимъ. Иногда заходила въ институты и пансіоны, гдѣ говорила по французски; но большею частію жила на Сѣнной площади у одного домовладѣльца. Разъ, забравшись въ Невскую лавру, она встрѣтилась съ однимъ ученымъ архимандритомъ и предсказала ему епископскій санъ. Дѣйствительно, архимандритъ вскорѣ посвященъ былъ въ епископы и оставленъ въ Петербургѣ викаріемъ. Въ благодарность за предсказаніе, онъ опредѣлилъ Анну Ивановну въ Охтенскую духовную богадѣльню, подъ вымышленною фамиліей Ложкиной. Впрочемъ, и послѣ этого Анна Ивановна чаще жила на Сѣнной, у своихъ благодѣтелей, говорятъ, потому, что жизнь богадѣленокъ ей не нравилась. Да и сама она не особенно нравилась богадѣленкамъ. За то у извощиковъ она пользовалась такимъ же глубокимъ уваженіемъ, какимъ пользовалась Ксенія. И побужденія у извощиковъ были тѣ же самыя. Толпами, на перерывъ одинъ передъ другимъ, неслись они, отчаянно стегая своихъ тощихъ кляченокъ, когда Анна Ивановна въ многолюдномъ мѣстѣ выходила изъ дому,—и все это для того, чтобы провезти ее хоть нѣсколько шаговъ. Въ благодарность за это, Анна Ивановна ругала ихъ самыми отборными словами, нерѣдко угощала и палкой. Все это не мѣшало обывателямъ Сѣнной относиться къ ней съ самымъ глубокимъ уваженіемъ. Торговцы, чернорабочіе и даже многіе изъ духовныхъ лицъ видѣли въ ней юродивую Христа-ради. Она умерла въ

---

*) Жив. Об. 1878 г., № 34. рис. 12.

1852 г. и при погребеніи ея присутствовали массы народа. До какой степени доходитъ иногда всеобщее уваженіе къ юродивому, доказываетъ примѣръ Ивана Васильевича, жившаго въ Острогожскѣ, въ началѣ нынѣшняго вѣка. Къ нему жители обращались за предсказаніями, за рѣшеніемъ ихъ тяжбъ и споровъ, за совѣтами по дѣламъ семейнымъ, хозяйственнымъ, даже общественнымъ. Когда онъ умеръ въ 1823 г., то, разсказываетъ лѣтописецъ, «на счетъ погребенія его вышло разногласіе и даже великая распря. Священникъ Георгій, младшей воспитанницы его мужъ, войсковые жители: Иванъ Андреевичъ Ларіоновъ, Степанъ Савинъ Щедринъ, Талицкіе и прочіе, живущіе въ слободѣ, близъ новостроящейся церкви, желали похоронить его въ новой церкви; а ольшанскій священникъ Симеонъ, старшей питомицы мужъ, и съ нимъ граждане желали положить на кладбищѣ; почему могила приготовлена была, какъ на кладбищѣ подлѣ церкви, близь алтарнаго окна, по правую сторону, такъ и внутри новостроящейся церкви. По желанію гражданъ, действующія лица: уѣздный судья и занимаемый (sic) должностъ предводителя Матвѣй Федоровичъ Мерщанскій, г. городничій маіоръ Гаврило Ивановичъ Чекмаревъ, подполковникъ Матвѣй Федоровичъ Матвѣевъ и прочіе всѣ граждане хотѣли похоронить на кладбищѣ. Господинъ же Субботинъ, Павелъ Семеновичъ, Корноуховъ, Илья Ивановичъ, и Золотаревъ желали похоронить при новостроящейся церкви, но болѣе держали неутралитетъ...

«Во вторникъ тѣло принесено въ соборную церковь, стояло до середы; при выносѣ, стеченіе народа было чрезвычайное. Тотъ день и почти всю ночь служили панихиды, и даже лютеране, ночью, служили панихиды. Въ среду, послѣ преждеосвященной обѣдни, отпѣли погребеніе при великомъ множествѣ собранія народа. При выносѣ изъ церкви сдѣлалось большое прѣніе и шумъ; одни желали въ слободу, а другіе на кладбище. Протопопъ Николай Соколовъ былъ на сторонѣ священника Георгія и Ларіонова, ибо отъ нихъ посланъ былъ нарочный къ преосвященному и ожидалось отъ него о положеніи тѣла въ новой церкви повелѣніе...

«Но городничій, съ полицейскою командою, ссору утишилъ и принудилъ, чтобъ тѣло несли на кладбище — и понесено. Тутъ усердіе къ покойному открылось столь велико, что гробъ его всякій желалъ нести, — первый купеческій сынъ Федотъ Крапивинъ поднялъ, и прочіе многіе граждане изъ простаго народа, подхватя, несли гробъ необыкновеннымъ образомъ до самаго кладбища, — несли мары *) съ гробомъ не на плечахъ, а на рукахъ, выше головъ. Принесли къ кладбищенской церкви, хотѣли тѣло поставить въ оной до полученія отъ преосвященнаго разрѣшенія; а церковь замкнута и ключа скоро сыскать было нельзя. Тутъ нечего было дѣлать: гробъ принесли къ могилѣ. Протопопъ и священникъ по духовному обряду тѣла землѣ не предали и удалились. Тутъ такое смятеніе было, что и вообразить нельзя. Одному человѣку споручено было положить въ гробъ мѣдную доску съ выбитыми словами, — жизнь покойнаго, — который едва могъ успѣть положить оную къ нему въ гробъ. Когда-жъ духовенство разбѣжалось, тутъ, гробъ закрывши, опустили въ могилу, и склепъ крѣпко закрѣпили, и могилу зарыли, и караулъ солдатъ поставили...

«Въ ту-жь среду, на вечеръ, протопопъ Соколовъ получилъ отъ преосвященнаго повелѣніе, чтобы, во уваженіе доброй жизни старца и желанія гражданъ, похоронить тѣло его близь строящейся церкви, а не внутри оной. Тогда они внѣ церкви приготовили, въ ночь, уже третью могилу, и въ четвергъ протопопъ Соколовъ явился на кладбище съ рабочими и съ народомъ, чтобы взять тѣло и отнесть въ слободу. А городничій, съ полицейской командою, — чтобы оные не дать. При семъ случаѣ разошлись безъ всякаго спору и тѣло осталось на кладбищѣ. Квартировавшій тогда въ городѣ второй драгунской дивизіи начальникъ генералъ-маіоръ и кавалеръ Редигеръ намѣренъ былъ не допустить съ кладбища переносить изъ могилы мертвое тѣло въ другое мѣсто. Въ пятницу полетѣли въ Воронежъ бумаги отъ священника Георгія съ товарищи, и отъ протопопа къ преосвященному Епифанію, что городничій тѣла перенести имъ не дозволилъ. А городничій отъ себя рапортъ и отъ гражданъ просьбу послалъ къ губернатору Солнцеву, что онъ преданное уже тѣло взымать (sic) и переносить на другое мѣсто воспретилъ, и что граждане желаютъ, чтобъ оно лежало на кладбищѣ. Губернаторъ сдѣлалъ сношеніе съ преосвященнымъ, и на сіе послѣдовало разрѣшеніе отъ губернатора и преосвященнаго: предать землѣ тѣло, по церковному чиноположенію на кладбищѣ; — и, по полученіи, тѣмъ же протопопомъ Николаемъ Соколовымъ со священники предано землѣ».

Даже до сихъ поръ подобные юродивые въ воронежской губерніи не переводятся.

XIV.

Порча и болезнь.

Всякая болѣзнь — отъ нечистой силы и служителей ея, колдуновъ и вѣдьмъ. Древнее сказаніе гласитъ, что, создавъ перваго человѣка, Богъ «поиде очи имати отъ солнца и остави Адама единого лежаща на земли. Пріиде же окаянный сатана ко Адаму и измаза его каломъ и тиномъ и возгрями. И пріиде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити, и видѣ, его мужа измазанна, и разгнѣвался Господь на діявола и нача глаголати: окаянне діяволе, проклятый! не достоитъ ли твоя погибель? что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость — измаза его? и проклятъ ты буди! И діяволъ исчезе, аки молнія, сквозь землю отъ лица Господня. Господь-же снемъ съ него пакости сатанины и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и въ томъ сотвори собаку, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама; а самъ отъиде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамлево. И пріиде вторые сатана и восхотѣ на Адама напустити злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежащу, и убояся вельми сатана. Собака начала зло лаяти на діявола; окаянный-же сатана вземъ древо и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему 70 недуговъ». — «Есть на Поморіи, говоритъ рукописное житіе Зосимы и Савватія, наволокъ Унежма; въ мѣстѣ же томъ (былъ) человѣкъ нѣкій именемъ Никонъ. Сему Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, имуще прю нѣкую межю собой. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣтельствовати; единому изъ нихъ угоди, а другого оскорби». Послѣдній «зельнѣ огорчися», и «яко же обычай имъ укоренился злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію нача кудесъ бити — таже насылаетъ бѣса на Никона». Въ повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи (XVII в.) разсказывается, что однажды ей послышалось, «аки пріиде нѣкто ко храминѣ; она же возста отъ ложа своего и отверзи двери, и пахну ей въ лицо, и во уши, и во очи, аки нѣкоторый вихорь велій, и явися аки пламя нѣкое огненно и сине... И бысть во всю нощь безъ сна; пріиде на нея трясеніе и великій, лютый ознобъ, и въ третій день она очути у себе во утробѣ демона люта, терзающа утробу ея, и бысть въ то время во иступленіи ума отъ живущаго въ ней демона». Максимовъ въ своей книгѣ «Годъ на Сѣверѣ» разсказываетъ, что въ 1815 г. пинежскій крестьянинъ Чухаревъ за порчу своей сестры былъ приговоренъ судомъ къ 35 ударамъ кнутомъ. Дѣла о порчѣ встарь были безчисленны и всякія пустяки возбуждали подозрѣніе въ намѣреніи кого-нибудь испортить. При Петрѣ В. напр, попъ Автонасьевъ получилъ изъ Кіева отъ своего шурина въ подарокъ литографированный портретъ Меньщикова. Разъ послѣ вечерни попадью его зазвала къ себѣ въ гости знакомая торговка и дала ей листъ, на которомъ были нарисованы видѣнные на небѣ «нѣкоторые знаки», — какія-то атмосферическія явленія. Попу вздумалось срисовать ихъ, и за неимѣніемъ бумаги, онъ скопировалъ ихъ на оборотѣ меньщиковскаго портрета. Какіе-то драгуны донесли объ этомъ, попа арестовали, привезли въ Петербургъ и началось дѣло «о изображеніи на персонѣ его княжей свѣтлости нѣкоторыхъ противныхъ знаковъ». Народъ до сихъ поръ вѣритъ, что болѣзни напускаются колдунами по вѣтру, землѣ или водѣ. «Натолкетъ онъ (колдунъ) въ ступкѣ стеколь или накрошитъ мелко на мелко свиной щетины и смотритъ въ чашку съ водою, и ужь видитъ тамъ, гдѣ ходитъ и что дѣлаетъ тотъ человѣкъ, котораго ему надо испортить, лишь-бы имя его знать. Какъ запримѣтилъ, что онъ вышелъ на улицу, особо вечеромъ, и стоитъ; выдетъ онъ и самъ на улицу и пуститъ мелкую щетину или толченыя стекла въ воздухъ; подымается вѣтеръ, стекла и полетѣли по наказу и всѣ засѣли въ человѣка... вотъ ею и колетъ во все тѣло, а въ усовы (бока) такъ и суетъ — и ни спать, ни лечь, ни ходить онъ не можетъ, буде когда сидитъ, такъ вольгота ему дается». Болѣзнь — это присутствіе въ тѣлѣ чорта или какого-нибудь гада. Одинъ архангельскій мужикъ разсказывалъ Максимову о дѣвкѣ-икотницѣ, у которой сто бѣсовъ животъ гложутъ. «Заболѣлъ, разсказываетъ одинъ этнографъ, у мужика животъ на другой день Пасхи или въ Рождество Христово.

— Пупъ у него палъ, говорятъ.

— Жерновъ, сказываютъ, перевернулся книзу, внутри хлѣба не можетъ перемалывать.

Больной думаетъ: «и точно спасть мельничная внутри перевернулась, али пупъ палъ; надо значитъ или поднять упавшій пупъ или перевернуть жерновъ».

Въ первомъ случаѣ тѣ-же сосѣдки ставятъ на животъ горшокъ, чтобы чрезъ зажженную на немъ куделю втянуть въ него всѣ внутренности а во второмъ, т. е. если жерновъ перевернулся, тѣ же сватьи на комело вѣника навертываютъ брюшные покровы и въ такомъ видѣ тянутъ кверху — боль страшная, но ничего — перенесетъ онъ ее. Если-же это не подѣйствовало, то вѣсятъ его кумушки кверху ногами на прясло, или къ воронцу, трясутъ и бьютъ по животу круглымъ полѣномъ.

Случись-же боль живота лѣтомъ, сосѣдки и начнутъ толковать:

— Гадъ (змѣя) зашелъ ему въ брюхо черезъ ротъ и сосетъ сердце и пока не выклюетъ всего, то и не выйдетъ.

Но какъ змѣя могла зайти въ брюхо? Очень просто, объясняютъ сватьи: «ляжешь спать на сѣнокосѣ на траву, не благословясь, отворишь съ просонья ротъ — вотъ и заползетъ туда гадина трехчетвертная. Она идетъ по горлу, а тебѣ кажется, что ты пьешь холодную воду».

Мужикъ придумываетъ, гдѣ-бы онъ могъ проглотить гада и, наконецъ, съ ужасомъ вспоминаетъ, что и съ нимъ на сѣнокосѣ случилось такое-же дѣло, когда ему во снѣ послѣ соленыхъ щей сильно захотѣлось испить и онъ чувствовалъ тогда, что глоталъ что-то холодное, какъ вода.

— Ну вотъ, тогда-то онъ къ тебѣ въ нутро и зашелъ, говорятъ: — вотъ и не дастъ покою-то.

---

*) Мары — носилки для гробовъ.

Надо-же выжить такую гадину; а какъ ее выживешь, пожалуй, придется брюхо пороть, да снова зашивать. Но миловалъ Богъ, дѣло обойдется безъ операціи: тѣ-же сосѣдки наказали:

— Слышала я этакъ-же тоже зашелъ змѣй въ брюхо мужику, такъ тотъ на малину вышелъ въ банѣ.

Баню, разумѣется, истопить можно, малины за полями сколько угодно. Баня истоплена, малина набрана, и мужикъ, нагнувшись, держитъ надъ каменкой открытый ротъ, предъ которымъ разсыпана малина на горячихъ каменьяхъ. Гадъ не выходитъ; значитъ надо пособить заговоромъ. Змѣевъ-же заговаривать мастерица бабка Михайловна, что живетъ на задворкахъ. Позвали бабку, и она шепчетъ надъ малиной: «Гадъ пестрой, гадъ сѣрой, гадъ черной, гадъ волочага! выходи съ раба Божія Василья на ягоду малину. Егорей Храбрый, достань его копьемъ своимъ булатнымъ».

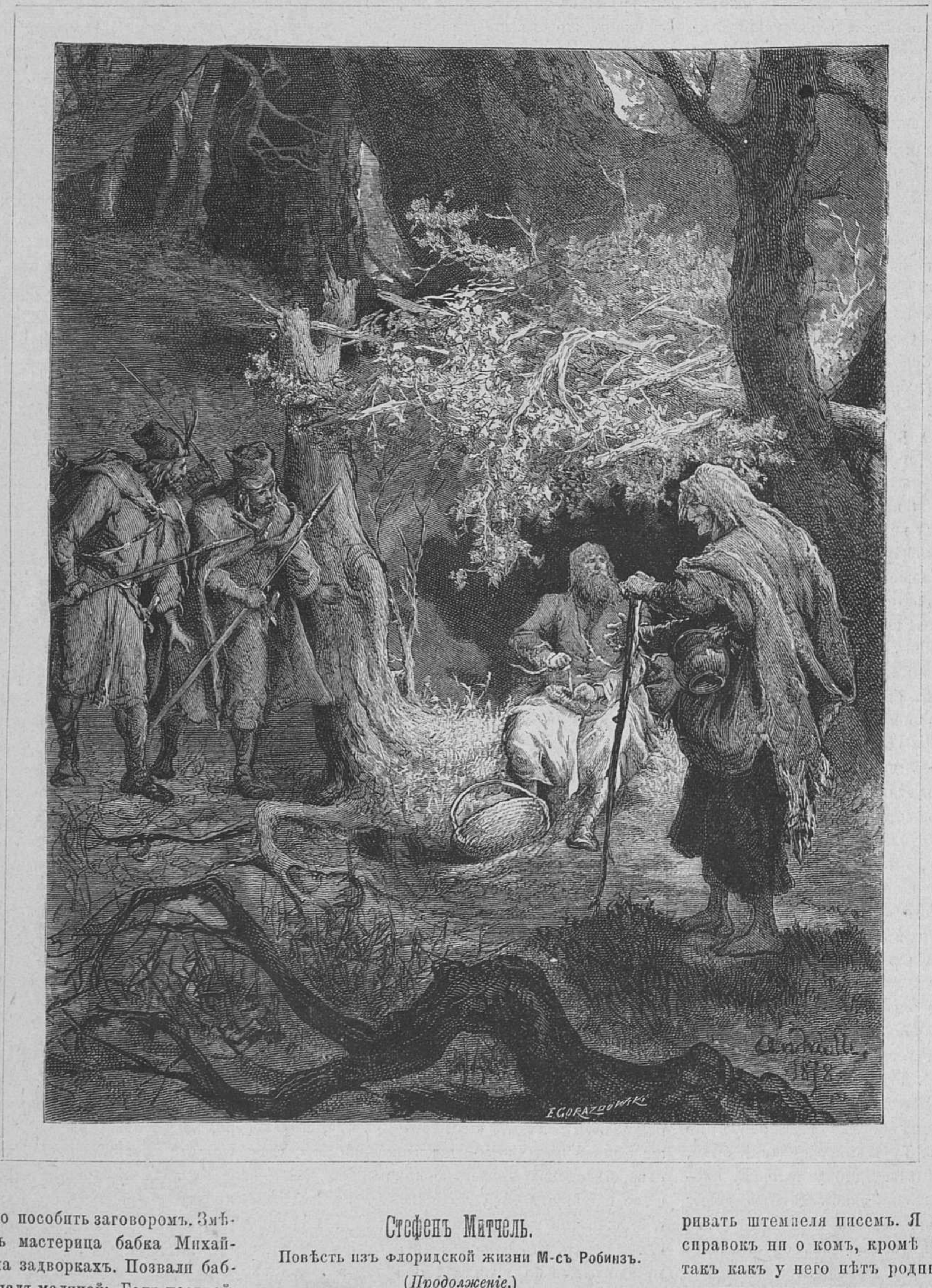
И мужикъ съ открытымъ ртомъ стоитъ опять надъ малиной. Заговоръ не подѣйствовалъ.

— Испорченъ значитъ, коли подъ этотъ законъ не подходитъ, говоритъ бабка. — Тотъ (змѣй) тамъ теперя и будетъ жить, и гнѣздо совьетъ, и дитятъ выведетъ въ утробѣ-то.

Боится мужикъ опасныхъ послѣдствій распложенія змѣй, даже самъ-бы скорѣе наложилъ на себя руки, чѣмъ дать гадамъ жить въ брюхѣ. Однако утроба перестала болѣть, но страхъ, что брюхо будетъ рости, заставляетъ его долгое время мѣрять его втихомолку отъ жены поясомъ — не прибываетъ-ли оно. Опасенія напрасны! брюхо не прибываетъ, развѣ послѣ обѣда и ужина на вершокъ другой.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

КЪ РОМАНУ „ДРЕВНЕЕ СКАЗАНІЕ“.



Стефенъ Митчель.

Повѣсть изъ флоридской жизни **М-съ Робинзъ**.

(*Продолженіе.*)

Глава XI.

Сегодня утромъ получилось два письма — одно отъ м-ра Бонда, другое отъ миссъ Риплей.

«Джонъ Каульзъ не выѣзжалъ изъ города, писала Руфь, — это вѣрно. Онъ наводилъ на меня ужасъ. Каждый день точно какая-то невидимая сила притягиваетъ меня къ окну, когда онъ идетъ мимо; онъ акуратенъ, какъ часы. Я знаю, что именно въ эту минуту онъ пойдетъ въ контору. Быть можетъ, онъ ѣздилъ въ Таунтонъ ночью, сказалъ мнѣ дядя. Нѣтъ, разстояніе слишкомъ велико для ѣзды на лошадяхъ, а поѣзда желѣзной дороги ходятъ не въ такіе часы, чтобы можно поѣхать ночью и къ утру вернуться; кто нибудь другой получилъ за него деньги. На дняхъ я ѣздила въ Таунтонъ. Это большой промышленный городъ. Мало было вѣроятности, чтобы почтмейстеръ запомнилъ, кто получилъ письмо. Такъ и случилось. Кореспонденція велика, почтмейстеру некогда разсматривать штемпеля писемъ. Я не могла наводить справокъ ни о комъ, кромѣ Джона Каульза; а такъ какъ у него нѣтъ родныхъ, кромѣ матери и я никого не знаю въ городѣ, то я ничего не могла узнать. Но если не ѣздилъ самъ Джонъ, могла поѣхать его мать. Это, вѣроятно, единственная особа въ Графтонѣ, которой онъ довѣряетъ. Матери его я почти не знаю; никогда не перекинулись мы ни однимъ словомъ. Я рѣшительно не знала какъ приступить къ дѣлу, но совершенно случайно наткнулась на ускользающую нить. У насъ въ кухаркахъ много лѣтъ жила одна ирландка. Она отъ насъ вышла замужъ, овдовѣла и съ тѣхъ поръ содержитъ себя и двухъ дѣтей поденной работой. Иногда она получала работу и у насъ. На дняхъ, проходя по комнатѣ, въ которой она работала, я остановилась поговорить съ нею. Она сказала мнѣ, что нѣсколько недѣль тому назадъ она провела нѣкоторое время въ домѣ м-съ Каульзъ, когда та уѣхала изъ города. На мои вопросы куда та ѣздила, она отвѣчала съ улыбкой и значительнымъ киваньемъ головы:—«Увѣряю васъ миссъ, это было для меня тайной; она никому ни слова не говорила объ этой поѣздкѣ; она собралась совершенно неожиданно». — И такъ м-съ Каульзъ уѣзжала, конечно, въ Таунтонъ, гдѣ и получила съ почты акціи. «Не торопитесь съ выводами», мнѣ кажется, останавливаетъ меня м-ръ Станлей. Но выслушайте до конца. У м-съ Каульзъ большое кроваво-красное пятно на лѣвой щекѣ; всякій, кто ее видитъ, непремѣнно замѣтитъ это пятно. Основываясь на этомъ, я снова отправилась къ таунтонскому почтмейстеру и спросила его, не припомнитъ-ли онъ, что къ нему въ контору приходила женщина съ кровавымъ пятномъ на щекѣ. Онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно видѣлъ ее и, по возвращеніи домой, сказалъ своей женѣ, что это пятно походило на клейма, какія кладутъ дикіе на своихъ военно-плѣнныхъ. Въ тоже время онъ прибавилъ:—Теперь, когда вы мнѣ напомнили объ этомъ, я могу навѣрное сказать вамъ, что передавалъ ей страховое письмо изъ Чикаго, о которомъ вы спрашиваете».—Не правда-ли теперь все ясно».

— Теперь все ясно, невольно повторила я.

М-ръ Бондъ писалъ коротко: «Руфь сообщила вамъ подробно обо всемъ; мнѣ прибавлять нечего. Прошу м-ра Станлея телеграфировать, что мнѣ теперь дѣлать?»

Черезъ пять минутъ мужъ послалъ телеграму: «Арестуйте Джона Каульза».

Поздно вечеромъ телеграфный посыльный постучалъ въ нашу дверь и черезъ минуту м-ръ Станлей прочелъ мнѣ слѣдующее: «Джонъ Каульзъ бѣжалъ!»

— Это хорошо; еслибъ я не думалъ, что Стефенъ Митчель уже спитъ и не такъ жалко было его лишать отдыха, мы могли бы пойдти къ нему и сообщить ему радостную новость.

— Къ сожалѣнію, Виль этого не слѣдуетъ дѣлать; Стива спитъ по ночамъ сномъ невинности, когда страшный кашель не прерываетъ его сна. А хорошо бы тотчасъ же обрадовать его.

— Тогда оставимъ его въ покоѣ, сказалъ мужъ.—Желалъ бы я знать всѣ подробности. Когда-то мы еще получимъ извѣстія отъ м-ра Бонда. Да, это выдающееся дѣло.

— И если бы ты самъ отправился на сѣверъ, едва-ли бы дѣйствовалъ успѣшнѣе, не такъ-ли? спросила я.

— Соглашаюсь; этотъ господинъ замѣтилъ, что его начинаютъ подозрѣвать и улизнулъ во время. Неужели м-ръ Бондъ не могъ дѣйствовать осторожнѣе; за это онъ поплатится своими деньгами, а Джонъ Каульзъ избѣжитъ тюремнаго заключенія.

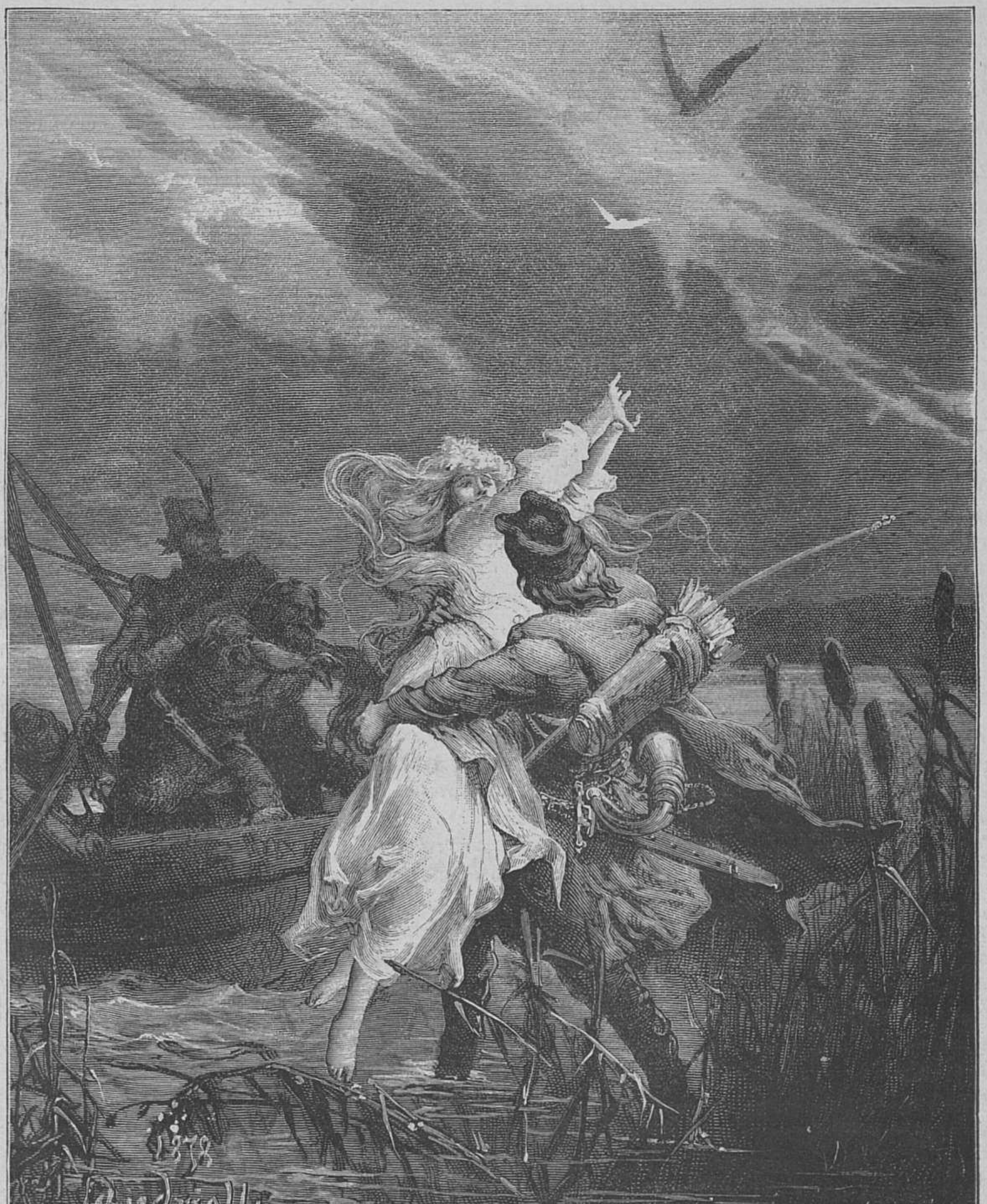
— Хотѣла бы я знать, гдѣ теперь его мать?

— Мать, судя по письму миссъ Риплей, участница въ преступленіи, быстро сказалъ м-ръ Станлей.—Если м-ръ Бондъ велитъ арестовать ее, у него въ рукахъ все-таки будетъ ключъ къ раскрытію дѣла. Я сейчасъ же телеграфирую.

— Не дѣлай этого, бѣдной матери и то придется много страдать.

— Вѣроятно, не столько, сколько она заслуживаетъ за то, что возростила такого негодяя.

КЪ РОМАНУ „ДРЕВНЕЕ СКАЗАНІЕ“.



Вѣрна старая поговорка: «какъ посѣешь такъ и пожнешь». Я телеграфирую, это необходимо.

Рано утромъ м-ръ Станлей послалъ вторую телеграму: «Слѣдуетъ арестовать м-съ Каульзъ какъ сообщницу. Спросите Миссъ Риплей».

— Вотъ это хорошо, радостно воскликнула я.—Руфь Риплей надо цѣнить на вѣсъ золота. Теперь, я думаю, мы можемъ сообщить Стивѣ хорошую вѣсть.

— Ты можешь сообщить Стивѣ, сказалъ значительно мужъ,—а по дорогѣ, Кэтъ, пожалуйста, отошли телеграму. Вѣроятно, скоро придетъ письмо отъ м-ра Бонда съ разъясненіемъ. Скажи Стефену Митчелю, что мнѣ надо поговорить съ нимъ.

Не доходя до телеграфа, я замѣтила вдали тетку Терезу, спѣшившую, насколько позволяли ея ревматическія ноги, къ жилищу доктора. Я ускорила шаги; нѣсколько разъ меня останавливали знакомые съ вопросомъ: «Что съ вами? не хуже-ли м-ру Митчелю?» такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что я принимаю въ немъ особенное участіе.

Отправивъ телеграму я пошла въ догонку за Терезой и нагнала ее, когда она выходила отъ доктора.

— Онъ очень плохъ, сударыня, сказала она;—онъ такъ дурно спалъ ночь, такъ дурно, что я ходила за докторомъ. Бѣдная овечка, онъ долго не выдержитъ, совсѣмъ плохъ!

— У меня есть лекарство, которое вылечитъ его, тетушка Тереза, весело отвѣтила я, успокоенная, что ему не такъ худо, какъ я опасалась.—Пойдемъ скорѣе, или нѣтъ, не торопитесь. Я пойду впередъ. А вотъ и тетка Юдифь со свѣжими плодами; выберите у нея лучшіе плоды, сегодня мы будемъ праздновать.

Вѣроятно, на лицѣ моемъ была написана радость, потому что не успѣла я войдти въ комнату, Стива сказалъ мнѣ:

— Вы принесли хорошія новости. Не получили ли вы другого письма отъ Руфи? Неужели она ѣдетъ сюда?

— Да, я вамъ принесла хорошія вѣсти, но не о пріѣздѣ Руфи, а что-то даже лучшее.

Онъ сдѣлалъ легкое умоляющее движеніе рукой и упалъ въ изнеможеніи на кушетку, а я разсказала ему все подробно. Онъ слушалъ меня молча, лишь изрѣдка прерывая мой разсказъ легкими восклицаніями. Когда я окончила,—я едва вѣрю этому даже теперь,—онъ сказалъ:

— Бѣдная м-съ Каульзъ! Какъ мнѣ жаль ее; вся ея жизнь заключается въ Джонѣ Каульзѣ. Онъ, кажется, не былъ дурнымъ человѣкомъ; что могло заставить его совершить воровство? Я почти надѣялся, что воромъ окажется кто нибудь другой.

— Но мать Джона, отвѣчала я, — сама не чиста въ этомъ дѣлѣ. Я бы болѣе жалѣла ее, если-бы она осталась честной.

О послѣдней телеграмѣ я благоразумно умолчала, вспомнивъ, что м-ръ Станлей настаивалъ, чтобы я сообщила больному только результатъ дѣла. Затѣмъ Стива быстро погрузился въ сонъ, что, конечно, свидѣтельствовало о его чрезмѣрной слабости.

Когда я передала м-ру Станлею слова Стивы, онъ былъ глубоко тронутъ безкорыстнымъ сожалѣніемъ молодого человѣка о несчастной женщинѣ.

— Девять человѣкъ изъ десяти при подобной обстановкѣ подумали бы только о себѣ самихъ. Ты права, Кэтъ, Стефенъ Митчель честенъ и благороденъ. Я такъ радъ, что ты спасла его.

— Я спасла его! повторила я съ нескрываемымъ удивленіемъ. — Да что-же я сдѣлала? я только передавала извѣстія, какъ хорошо дрессированная собака поноску. Ты все это сдѣлалъ, то есть съ помощью Руфи Риплей. Я не могу допустить, чтобы ее вычеркнули изъ списка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мужъ, — но ее ждетъ награда, ею руководилъ личный интересъ, котораго не существуетъ для другихъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ.

— Если ты подразумѣваешь и меня въ числѣ этихъ другихъ, быстро сказала я,—то я тоже получила богатѣйшую награду, и я руководилась личнымъ интересомъ. Я вложила сердце въ это дѣло—въ оправданіе невиннаго—и не могла бы равнодушно вынести разочарованіе.

— Отъ души радъ, что тебѣ не пришлось разочароваться, ласково отвѣчалъ онъ.—Признаюсь, я сначала не надѣялся на хорошій исходъ.

— Теперь намъ остается ухватиться обѣими руками и стараться вытащить человѣка изъ могилы, куда онъ спустилъ уже обѣ ноги. Еще мѣсяцъ и Стива былъ бы трупомъ.

— Не каркай, отвѣчалъ мой мужъ. — Если онъ и умретъ, для него будетъ не послѣднимъ утѣшеніемъ сознаніе, что онъ умретъ безъ пятна на имени; но я думаю, доказательство его невиновности непремѣнно спасетъ его.

— Надѣюсь; я боюсь только не слишкомъ-ли поздно пришло утѣшеніе. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, когда я уходила отъ него.

— Веселое сердце лучшее лекарство, сентенціозно произнесъ мужъ.

— Но никакое лекарство не можетъ вылечить умирающаго, возразила я мрачно. По какой-то необъяснимой причинѣ во мнѣ утвердилось убѣжденіе, что Стива долженъ умереть, и я никакъ не могла отдѣлаться отъ него.

— Ты устала, у тебя растроены нервы, поди и хорошенько выспись. Стива не покажется тебѣ такимъ безнадежнымъ послѣ хорошаго сна.

Черезъ пять дней получилось письмо отъ м-ра Бонда и другое отъ Руфи. М-ръ Бондъ писалъ, что, не смотря на всѣ старанія скрыть свои подозрѣнія, онъ, вѣроятно, чѣмъ-нибудь выказалъ ихъ, такъ какъ часто замѣчалъ взглядъ Джона Каульза, наблюдающаго за нимъ украдкой, и однажды, когда онъ неожиданно вернулся назадъ въ контору, онъ засталъ Джона пересматривающимъ бумаги на его столѣ. Джонъ далъ готовый отвѣтъ, что затерялъ одинъ счетъ; припомнивъ, что держалъ его въ рукахъ, когда былъ послѣдній разъ въ конторѣ, онъ думаетъ не положилъ-ли онъ его сюда. И дѣйствительно, къ немалому удивленію м-ра Бонда, приподнявъ нѣсколько бумагъ, Джонъ нашелъ искомый счетъ. Онъ, вѣроятно, слѣдилъ за м-ромъ Бондомъ, когда тотъ пошелъ на телеграфъ; по возвращеніи его оттуда, Джона уже не было. Онъ, вѣроятно, удалился поспѣшно, ничего не подготовивъ заранѣе, такъ какъ все было разложено для дневной работы, которая только что началась. Сначала никто не обратилъ вниманія на его отсутствіе. Онъ имѣлъ обыкновеніе уходить иногда изъ конторы, хотя и не часто, на часъ или на два, не предупреждая м-ра Бонда. И на эту отлучку никто не обратилъ вниманія и пока не получилось телеграмы отъ м-ра Станлея, требующей немедленнаго арестованія Джона Каульза, никто серьезно не думалъ объ его исчезновеніи. Даже и тогда м-ръ Бондъ не рѣшался дѣйствовать быстро. Ему такъ не хотѣлось сдѣлать рѣшительный шагъ, и онъ въ тайнѣ надѣялся, что дѣло приметъ именно такой оборотъ, какъ случилось. Только на слѣдующее утро, не видя Джона на его обыкновенномъ мѣстѣ, м-ръ Бондъ послалъ къ его матери узнать о немъ. Та отвѣчала, что ея сынъ былъ вызванъ неожиданно изъ города на нѣсколько дней, но что онъ скоро вернется домой. Понятно, для м-ра Бонда не оставалось болѣе сомнѣнія, что воромъ былъ Джонъ.

Въ письмѣ миссъ Риплей уже не упоминалось объ ея желаніи пріѣхать въ Сент-Огюстенъ; она соглашалась, что можетъ и подождать. Она видимо желала получить приглашеніе отъ самого Стивы. Принимая въ соображеніе состояніе здоровья Стивы, я не знала показать-ли ему это письмо. М-ръ Станлей, улыбаясь, замѣтилъ, что женщины не могутъ обойтись безъ жеманства и совѣтовалъ показать письмо. Стива, вѣроятно, раздѣлялъ убѣжденіе моего мужа, однакожъ выпросилъ у меня письмо и положилъ его подъ изголовье, чего прежде никогда не дѣлалъ.

Поведеніе Стивы не оправдывало моихъ надеждъ. Вмѣсто того, чтобы повеселѣть сразу и крѣпко ухватиться за жизнь, какъ бы слѣдовало, онъ по временамъ кашлялъ сильнѣе прежняго, становился слабѣе, блѣднѣе, прогулки его становились короче; только одинъ симптомъ оставлялъ во мнѣ лучъ надежды. Однажды я нашла его углубленнымъ въ разсматриваніе росписей апельсинныхъ плантацій и на мой вопросительный взглядъ онъ отвѣчалъ:

— Да, я размышлялъ, если Богъ оставитъ мнѣ жизнь, могу-ли я быть на что-нибудь полезнымъ. Вы знаете, я получилъ такой ударъ, отъ котораго я не оправлюсь еще долго, если еще встану когда либо крѣпко на ноги; а этотъ климатъ, эта чудная вѣчная весна — единственное мѣсто во всемъ обширномъ Божьемъ мірѣ, гдѣ я чувствую, что могу поправиться. Какъ вы думаете, согласится-ли она пріѣхать сюда, будетъ-ли она здѣсь счастлива? Послушайте какимъ обѣщаніемъ, звучитъ это.

И онъ своимъ слабымъ, прерывающимся голосомъ прочиталъ одно изъ увлекательнѣйшихъ описаній Флориды, прибавивъ съ улыбкой:

— Вѣдь это можетъ соблазнить ангела изъ рая. Не такъ-ли?

Однажды компанія молодыхъ людей уговорила его участвовать въ поѣздкѣ на островъ Анастасію. Странно, что они пригласили его, такъ какъ всѣ смотрѣли на него, какъ на умирающаго, но еще удивительнѣе, что онъ принялъ приглашеніе. Правда, онъ нерѣдко катался съ нами на лодкѣ, а эта компанія была изъ тѣхъ, которыя не прочь доставить удовольствіе, услужить слабому, такъ какъ у рѣдкаго изъ нихъ не было своего больного. Если-бъ я взглянула правильно, я поняла-бы, что Стива дѣлаетъ надъ собой усиліе, чтобы проложить Руфи Риплей путь въ пріятное общество, если его надежды привезти ее во Флориду сбудутся; но мнѣ такая мысль не пришла въ голову. Я только со страхомъ принимала всѣ мѣры, чтобы онъ не слишкомъ усталъ и давала совѣты пріятелямъ, взявшимъ его на свое попеченіе. Съ какимъ мрачнымъ предчувствіемъ слѣдила я за отчалившей лодкой: что-то привезетъ она назадъ? Но послѣдній взглядъ на Стиву успокоительно подѣйствовалъ на меня. Онъ казался спокойнымъ и счастливымъ, отказался отъ сидѣнья, устланнаго подушками, нарочно приготовленнаго для него, и даже до меня донесся его веселый смѣхъ.

— Онъ поправится, сказалъ мужъ, когда я разсказала ему о случившемся.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Наши преміи.

На прошлой недѣлѣ получены нами изъ-за границы заказанные нашей редакціей олеографическія преміи, которыя и раздаются въ городѣ всѣмъ подписавшимся на будущій годъ на нашъ журналъ и внесшимъ полную годовую плату. Эти преміи могутъ служить прекраснымъ подаркомъ къ празднику. Господа иногородные подписчики, подписавшіеся на нашъ журналъ до новаго года, получатъ преміи непремѣнно втеченіи января мѣсяца. Мы не писали никакихъ рекламъ объ этихъ картинахъ, такъ какъ ихъ достоинства сами говорятъ за себя, и каждый желающій можетъ ознакомиться съ этими произведеніями въ конторѣ редакціи нашего журнала. Въ отдѣльной продажѣ подобныя картины стоили-бы довольно дорого и редакція можетъ выдавать ихъ въ видѣ безплатныхъ премій только потому, что ея заказъ на эти картины очень великъ. Заплативъ за эти произведенія не одинъ десятокъ тысячъ рублей, редакція въ тоже время заключила условіе, по которому эти картины не могутъ продаваться въ Россіи никѣмъ.

Обѣ эти картины замѣчательны по исполненію и едва-ли можно ожидать въ настоящее время отъ олеографіи чего-нибудь большаго: онѣ съ полнѣйшей точностью передаютъ всѣ мельчайшія подробности оригиналовъ. Первая изъ этихъ картинъ «Тиролецъ, идущій на работу»—произведеніе молодого талантливаго художника Бюхе. Молодой парень въ тирольской одеждѣ, съ вилой на плечѣ, на которой виситъ его сюртукъ, съ тыквою для воды и боченкомъ для ѣды, идетъ на работу; вдали виднѣются синеватыя горы и слегка покрытое облаками небо. Сюжетъ картины, какъ видите, очень несложенъ, но здѣсь все дѣло въ изумительно тонкомъ исполненіи картины: тыква, боченокъ, вышитый шерстью кушакъ, шляпа, лицо юноши, все это исполнено отчетливо до мелочей; всматриваясь въ картину, вы не сразу повѣрите, что это олеографія, а не картина, писанная масляными красками. Вторая олеографія—картина Диффенбаха—представляетъ одинъ изъ прелестныхъ жанровъ, на которые такой мастеръ этотъ знаменитый нѣмецкій художникъ. Извѣстность Диффенбаха началась не вчера. Диффенбахъ, родившійся въ 1831 году въ Висбаденѣ и обучавшійся живописи въ Парижѣ и Дюссельдорфѣ, уже давно сдѣлался одною изъ европейскихъ знаменитостей въ области живописи. Его жанровыя картины всегда продуманы, всегда полны юмора, всегда тщательно написаны; пейзажная сторона этихъ произведеній обличаетъ изученіе природы и наблюдательность. Его «Охотничьи розсказни», «Недобрая встрѣча», «Рождественская елка», «День передъ свадьбой», «Посѣщеніе кормилицы», «Послѣдній исходъ», «Лакомый кусочекъ», все это произведенія, попавшія въ галереи дворцевъ и музеевъ и десятки разъ воспроизведенныя фотографіей, рѣзьбой на деревѣ и на мѣди. Изъ числа этихъ произведеній Диффенбаха однимъ изъ самыхъ граціозныхъ является картина «Оставьте намъ братца», копію съ которой даемъ мы теперь. Сюжетъ картины слѣдующій: въ дверяхъ дома, разубраннаго гирляндами цвѣтовъ, стоитъ нарядная нянька съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ; сзади няньки виднѣется група людей, готовыхъ идти за нянькою въ церковь, гдѣ будутъ крестить малютку. Маленькія дѣти, увидавъ, что отъ нихъ уносятъ братца, и не понимая, въ чемъ дѣло, бросились къ нянькѣ, ухватили ее за ноги, за платье, за передникъ, силясь ее остановить, чтобы она не уносила братца. Эта група полна прелести и движенія: улыбающееся лицо молодой няньки, плачущія лица дѣтей, все это живо схвачено съ натуры. Наша олеографія передаетъ вполнѣ тонкости оригинала: лица, одежды, бархатъ, все это исполнено прекрасно. Достоинство олеографій зависитъ не отъ одной вѣрности рисунка; громадную роль въ олеографіи играетъ количество красокъ, дающее возможность передать всѣ мелкіе оттѣнки оригинала, и отъ количества красокъ зависитъ въ большинствѣ случаевъ цѣна олеографіи. Очень часто олеографіи съ однимъ и тѣмъ-же сюжетомъ, одной и той-же величины продаются по разнымъ цѣнамъ: вглядитесь въ нихъ и вы увидите, что на болѣе дешевой переходы тоновъ грубѣе, что на ней менѣе оттѣнковъ красокъ, чѣмъ на болѣе дорогой. Вотъ этой-то грубости въ переходѣ тоновъ мы постарались избѣжать, не скупясь на количество красокъ. Отсюда и происходитъ достоинство этихъ двухъ картинъ. Кромѣ того, оба эти произведенія хорошо покрыты прочнымъ лакомъ, такъ что, вставленныя въ рамки безъ стеколъ, какъ масляныя картины, они могутъ всегда быть вымыты просто чистой тряпкой, смоченной немного холодною водою.

Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ деревняхъ, выражали намъ въ письмахъ затрудненія относительно рамокъ къ олеографіямъ: выписывать рамки дорого, на мѣстѣ же нѣтъ искусныхъ столяровъ. Но для олеографіи очень хороши простыя дубовыя рамки, дѣлающіяся изъ четырехъ дубовыхъ брусковъ пальца въ два шириною, сложенныхъ на углахъ крестообразно. Подобные бруски выстругаетъ любой столяръ; пригнать-же ихъ по картинѣ и склеить легко и дома самимъ, тѣмъ болѣе, что къ олеографіямъ не нужно стекла. Эти рамки просты и хороши.

О романѣ г. Крашевскаго „Древнее сказаніе".

Въ 1879 году къ юбилею знаменитаго польскаго писателя г. Крашевскаго, въ Варшавѣ отпечатано чрезвычайно роскошное изданіе его историческаго романа «Stara Basn». Илюстраціи къ роману сдѣланы извѣстнымъ илюстраторомъ г. Андріоли. Намъ удалось пріобрѣсти эти рисунки отъ гг. Гебетнера и Вольфа и получить разрѣшеніе отъ автора на переводъ его сочиненія. Романъ въ русскомъ переводѣ уже печатается и, мы надѣемся, выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ этого года.

Едва-ли нужно говорить о достоинствахъ этого романа. Имя г. Крашевскаго очень популярно въ Россіи и многіе изъ его произведеній уже переведены на русскій языкъ. Содержаніе романа «Древнее сказаніе» чрезвычайно интересно и для насъ, русскихъ. Дѣйствующими лицами въ немъ являются славяне того времени, когда патріархальное общинное устройство вело борьбу съ постоянно возраставшимъ вліяніемъ государственности. Г. Крашевскій съ замѣчательнымъ мастерствомъ описываетъ семейную и общественную жизнь славянъ этого отдаленнаго отъ насъ времени. Въ описаніяхъ природы г. Крашевскій такой же великій мастеръ, какъ нашъ И. С. Тургеневъ, и въ романѣ отведено не мало мѣста этимъ поэтическимъ описаніямъ. Рядомъ съ обработкой главной темы романа идетъ неизбѣжный романическій эпизодъ, а кому неизвѣстно, съ какимъ талантомъ ведетъ г. Крашевскій романическія сцены.

Для гг. подписчиковъ «Живописнаго Обозрѣнія» романъ «Древнее сказаніе» будетъ уступаться по значительно уменьшенной цѣнѣ. Они могутъ пріобрѣтать его за 3 руб., на пересылку прилагается 50 коп.; въ красивомъ переплетѣ 4 р. 20 к., съ пересылкой 5 р. Для неподписчиковъ цѣна 4 р. 50 коп. съ пересылкой 5 р.; въ переплетѣ 5 р. 70 коп. съ пересылкой 6 р. 50 коп. Рисунковъ къ роману 24; каждый въ цѣлую страницу. Образцы этихъ рисунковъ помѣщаются въ настоящемъ нумерѣ.

Внутреннее обозрѣніе.

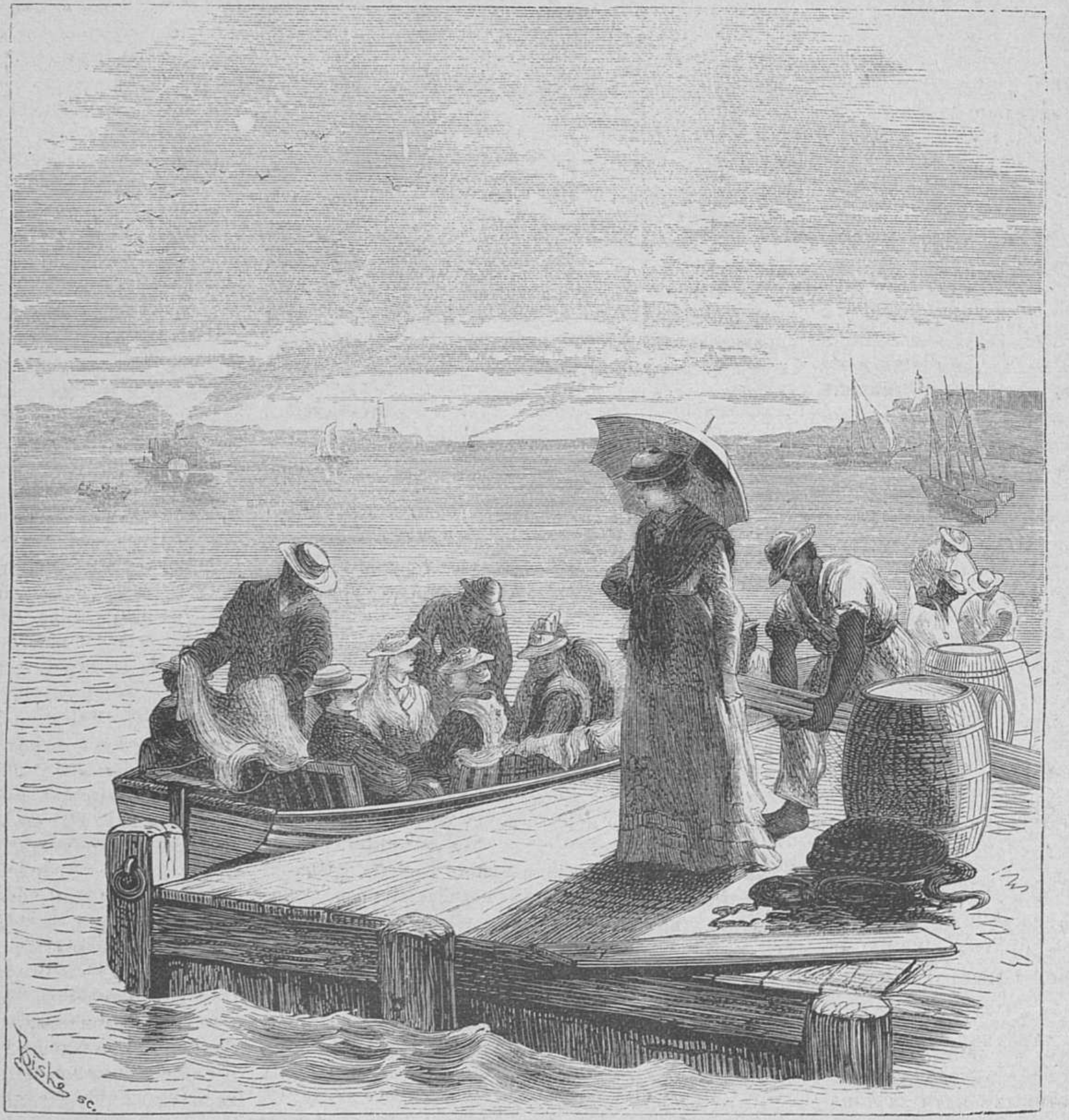
Въ воскресенье, 23-го ноября, въ день Александра Невскаго обнародованъ высочайшій указъ правительственному сенату объ отмѣнѣ акциза на соль.

Высочайшій указъ былъ встрѣченъ всей печатью, какъ одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ событій послѣдняго времени. Въ новомъ знакѣ вниманія царя къ нуждамъ своего народа «Голосъ» видитъ уничтоженіе «одной изъ тягчайшихъ печалей народа» и полагаетъ, что событіе это «составитъ одну изъ блестящихъ страницъ нашей исторіи» «Молва» усматриваетъ въ указѣ выраженіе особой монаршей заботливости о благѣ народа, ибо высочайшему повелѣнію не предшествовало ни министерское представленіе, ни разсмотрѣніе этого представленія въ законодательномъ порядкѣ. «Не даромъ, замѣчаетъ «Молва»,—намъ говорили о новой эрѣ и о новомъ вліяніи». И дѣйствительно указъ царя имѣетъ именно это значеніе. Извѣстно, что до сихъ поръ наше финансовое управленіе вѣдало исключительно финансовое и денежное хозяйство. Располагая такимъ подручнымъ средствомъ, какъ государственный банкъ, министерство вело постоянную борьбу съ курсомъ и не одинъ десятокъ лѣтъ изъ года въ годъ только и заботилось о томъ, чтобы поддержать цѣну нашего постоянно падавшаго бумажнаго рубля. Въ такой програмѣ министерства выражалась исконная традиція, наслѣдственно переходившая отъ одного министра финансовъ къ другому. Уже во времена Екатерины II велась упорная борьба съ пониженіемъ цѣны русскихъ денегъ. Пониженіе же ихъ зависѣло главнѣйше отъ цѣлаго ряда войнъ, которыя приходилось выносить Россіи. Всѣ рѣшительно войны мы вели при помощи бумажныхъ денегъ. Во время войны съ Польшей въ прошломъ столѣтіи было выпущено асигнацій на $21^1/_2$ миліоновъ, затѣмъ на войну съ Франціей въ 1798 году выпущенъ 31 миліонъ, во время войнъ 1805—1807 года выпущено асигнацій на 120 миліоновъ, въ слѣдующемъ году для войны со Швеціей—еще 95 миліоновъ, въ крымскую кампанію выпущено билетовъ на 450 миліоновъ рублей серебромъ, что при переложеніи на асигнаціи составляетъ 1,575 миліоновъ.

Такая страшная масса бумажныхъ денегъ не могла не привлекать на себя особеннаго вниманія министерства финансовъ, и оно совершенно справедливо приписывало многія изъ запутанностей экономическаго положенія Россіи исключительно обилію бумажныхъ денегъ. Этимъ объясняется вполнѣ и та энергія, съ которой во всѣ времена наше финансовое управленіе устремляло свое главное вниманіе на поправленіе курса. Съ этой цѣлью въ послѣднее время практиковалась чаще другихъ мѣръ покупка золота за границей. Много миліоновъ было истрачено на эти операціи, но результатъ ихъ оказывался всегда одинъ и тотъ же. На время какъ будто курсъ и поправлялся, а затѣмъ купленное золото уходило опять къ своему первоначальному источнику и русскій рубль снова падалъ. Паденіе рубля происходило вслѣдствіе переполненія денежнаго рынка бумажными деньгами, первымъ признакомъ чего служитъ всегда отливъ драгоцѣнныхъ металовъ. Русскія золотыя и серебрянныя монеты вывозились постоянно заграницу не какъ монета, а какъ драгоцѣнный металъ, и переливались на монетныхъ дворахъ въ Берлинѣ и во Франкфуртѣ на Майнѣ. Напримѣръ, въ 1876 году было перечеканено Пруссіей почти на 200 тысячъ русской золотой монеты, а въ 1877 году и еще больше. Россія служила для Пруссіи какъ бы золотыми рудниками, разработка которыхъ ей не стоила ничего. Золотая руда сама текла изъ Россіи къ ея доброму сосѣду и сама же Россія помогала, чтобы этотъ золотой источникъ никогда не изсякалъ для Пруссіи. И это не могло быть иначе, ибо наше народное и промышленное хозяйство сложилось такъ, что своими собственными производительными силами мы не были въ состояніи создать того, что намъ требовалось для нашихъ собственныхъ надобностей. Но при томъ же порядкѣ вещей и борьба съ постоянно падавшимъ курсомъ не могла приводить ни къ какому дѣйствительно полезному результату. Еслибы приращеніе производительныхъ средствъ страны выражалось ихъ дѣйствительнымъ ростомъ, то внѣшнимъ признакомъ этого явилась бы конечно и звонкая монета, но именно этого то и не было. Пришлось по необходимости производить усиленные выпуски бумажныхъ денегъ и вслѣдствіе этого монета стала исчезать. Пытались было удержать монету отъ вывоза заграницу чеканкой низкопробной монеты, но паденіе курса было настолько велико, что даже и вывозъ низкопробной монеты оказывался выгоднымъ. Наконецъ повторилось явленіе, нѣсколько напоминающее періодъ наполеоновскихъ войнъ съ 1807—1813 годъ. Вексельный курсъ упалъ, въ цѣнахъ на все явился рѣзкій переворотъ, жизнь необыкновенно вздорожала, а къ довершенію всего еще послѣдовалъ рядъ неурожаевъ. Такая мѣра, какъ устройство сѣти желѣзныхъ дорогъ, которую систематически проводилъ М. Х. Рейтернъ, конечно не могла привести къ осуществленію тѣхъ надеждъ, какія этотъ министръ возлагалъ на желѣзные пути. Послѣ 16-ти лѣтняго управленія М. Х. оставилъ свой постъ и, при увольненіи его, въ высочайшемъ рескриптѣ, какъ бы въ видѣ програмы для дѣятельности будущаго министра финансовъ, было сказано что благосостояніе государственнаго хозяйства зиждется на богатствѣ народа и обусловливается увеличеніемъ производительныхъ силъ его.

Теперешняя отмѣна соляного налога кладетъ первое основаніе для осуществленія на практикѣ этой великой мысли и служитъ указаніемъ въ будущемъ на характеръ мѣръ, которыхъ можетъ Россія ожидать отъ лицъ, стоящихъ во главѣ ея финансоваго управленія. Вмѣсто исключительно финансоваго хозяйства теперь нужно ожидать хозяйства государственнаго, основаннаго на доставленіи производительнымъ источникамъ средствъ къ развитію. Что финансовому управленію указана именно эта задача, ручательствомъ служитъ высочайшія слова указа: «да благословитъ всемогущій Богъ труды, возлагаемые по исполненію сего указа и да даруетъ онъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ благія послѣдствія, ожидаемыя отъ исполненія Нашей воли». Отмѣна акциза на соль есть безъ сомнѣнія первый шагъ къ цѣлому ряду мѣропріятій, которыя должны будутъ затѣмъ явиться. Если бы отмѣна акциза и сама по себѣ не имѣла важнаго значенія, то она получаетъ важность потому, что указываетъ на общую перемѣну, которая должна явиться во внутренней политикѣ нашего финансоваго управленія. Есть основаніе думать, что теперь политика эта перестанетъ носить характеръ исключительно финансовый, а станетъ политикой государственнаго хозяйства, основаннаго на болѣе широкихъ началахъ.

КЪ РОМАНУ „СТЕФЕНЪ МИТЧЕЛЬ“.



На лодкѣ.

Соляной налогъ составляетъ 12 миліоновъ рублей и отмѣна его не значитъ только сложеніе этого платежа съ народа; долженъ явиться еще рядъ перемѣнъ въ нашемъ соляномъ хозяйствѣ Соляной налогъ, какъ извѣстно, не фигурировалъ въ нашемъ бюджетѣ особенно замѣтной цифрой, ибо составлялъ всего $2^{0}/_{0}$. Но цифра эта не даетъ еще полнаго понятія о тягости налога и чтобы облегченіе отъ уничтоженія его почувствовалось болѣе, потребуются еще и чисто хозяйственныя мѣропріятія.

Извѣстно, что до 1860-хъ годовъ соль добывалась казеннымъ порядкомъ и какъ всякое казенное хозяйство было признано тогда несоотвѣтственнымъ и невыгоднымъ, то система казенныхъ заготовокъ была замѣнена системой акцизной. По этой системѣ соляные источники сдавались съ торговъ частнымъ лицамъ за попудную плату. Лицо, снимавшее участки, обязывалось добыть извѣстное количество соли и этимъ, заранѣе опредѣленнымъ, количествомъ гарантировался акцизный доходъ. Этотъ порядокъ былъ принятъ для казенныхъ соляныхъ мѣсторожденій, а частные промышленники на своихъ собственныхъ соляныхъ промыслахъ уплачивали одинъ акцизъ. Можетъ быть, акцизная система нѣсколько упростила прежній порядокъ казенной разработки, что-же касается собственно солянаго дохода, то акцизная система не особенно его увеличила. Такъ, при старой системѣ, въ 1855 году соляной доходъ составлялъ 9 миліоновъ, а въ 1879 году—11 миліоновъ. Конечно, соль не такой предметъ, на который бы слѣдовало разсчитывать, какъ на одну изъ важныхъ статей государственнаго дохода, и потому слабое увеличеніе дохода съ соли составляетъ скорѣе явленіе желательное, чѣмъ нежелательное.

Размѣръ солянаго налога въ формѣ акциза не указываетъ еще вполнѣ на размѣръ тѣхъ дѣйствительныхъ народныхъ платежей, которые падаютъ расходомъ на потребителей. Напримѣръ, въ архангельской губерніи платится соотвѣтственно такой-же небольшой акцизъ при разработкѣ соли, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Архангельская соль, какъ извѣстно, не только удовлетворяетъ требованіямъ сѣвернаго края, но и служитъ однимъ изъ главныхъ подспорій архангельскаго рыбнаго промысла. При такой важной роли соли въ хозяйствѣ и промышленности цѣлаго края, нужно было бы ожидать постояннаго развитія архангельскаго соляного промысла, а между тѣмъ съ прошлаго столѣтія онъ упалъ почти въ семь разъ, а иностранцамъ оказалось даже возможнымъ конкурировать съ нами. Въ прошломъ столѣтіи въ архангельскомъ краѣ добывалось до полумиліона пудовъ соли, а нынче ея добывается среднимъ числомъ только 70 тысячъ пудовъ. Причина этого упадка объясняется такъ. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго промышленники для выварки соли получали лѣсъ даромъ. Въ 1838 г. лѣсное управленіе нашло даровой отпускъ лѣса для казны невыгоднымъ и установило за лѣсъ, отпускаемый на солевареніе, пошлину. Введеніе пошлины на лѣсъ было явленіемъ настолько небывалымъ, что мѣстные промышленники приняли свои мѣры, чтобы по возможности уклониться отъ платежей и лѣсная пошлина, установленная закономъ, существовала лишь въ лѣсномъ уставѣ, а въ дѣйствительности никѣмъ на мѣстѣ не уплачивалась. Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ графа Муравьева, номинальный законъ сталъ закономъ дѣйствительнымъ и соляные промышленники уже не получали лѣса даромъ. Конечно, платежъ за дрова, который имъ пришлось теперь дѣлать, легъ добавочной цѣной на цѣну соли, а съ возвышеніемъ ея цѣны сталъ падать и соляной промыселъ. Вотъ разсчетъ производства архангельской соли, который мы беремъ изъ «Новостей»: «чтобы выварить, положимъ, 50 пуд. соли, нужно употребить 3 куб. сажени дровъ, рублей на 12 и болѣе (считая пошлину, вырубку и доставку на мѣсто); затѣмъ — уплатить акцизъ (10 к. съ пуда)—5 р., доставить на рынокъ—2 р. 50 к. Если приложить къ этому плату рабочимъ, то получится въ результатѣ стоимость соли въ 42 к. за пудъ. Въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ пунктовъ производства, соль достигаетъ цѣны вдвое, втрое или даже вчетверо высшей. Такъ, въ запечорскомъ краѣ, она стоитъ 1 р. 60 к. Какое-же вліяніе на эти цѣны будетъ имѣть сложеніе акциза (10 к.)? Соль будетъ стоить, вмѣсто 42 к., 32, вмѣсто 1 р. 60—1 р. 50 к. Если имѣть въ виду, что въ архангельскую губ. идетъ соль иностранная (провозъ которой ничего не стоитъ, такъ какъ она служитъ баластомъ), которая въ Англіи стоитъ очень дешево и пропускается на Мурманскій берегъ безпошлинно, то будетъ ясно, что сложеніе акциза съ туземной соли ни въ какомъ случаѣ не понизитъ цѣны ея до такой степени, чтобъ она могла выдержать конкуренцію съ иностранной солью». Относительно конкуренціи мы замѣтимъ, что едвали она и желательна. И изъ за чего тутъ конкурировать, если мы будемъ имѣть соль дешевле. Не все-ли равно, иностранная-ли она, или не иностранная, если весь вопросъ только въ удешевленіи. Производство соли не принадлежитъ къ такой отрасли промышленности, какую можно бы назвать народною, слѣдовательно, вопросъ заключается не въ томъ, чтобы разрѣшать какія-нибудь общія теоретическія соображенія, а въ томъ, при какихъ условіяхъ народъ будетъ имѣть болѣе выгодную соль. Если болѣе выгодной окажется соль англійская, шведская или норвежская, ну, и пусть будетъ это соль англійская, шведская и норвежская. Относительно сохраненія архангельскихъ лѣсовъ вопросъ нѣсколько сложнѣе. Что лѣсовъ въ архангельской губерніи еще много, это не подлежитъ сомнѣнію, но также справедливо и то, что архангельскіе лѣса значительно истреблены и что они требуютъ уже бережливаго обращенія. На это дѣлаютъ возраженіе, что въ архангельской губерніи лѣсу сгниваетъ больше, чѣмъ идетъ его на солевареніе. Выводъ поэтому ясенъ. Если на солевареніе идетъ дѣйствительно только тотъ лѣсъ, который сгниваетъ, то казалось бы нѣтъ причины облагать его пошлиной.

Очень важной мѣрой для удешевленія соли вообще дѣлало бы сокращеніе издержекъ перевозки. Въ тѣхъ же «Новостяхъ» мы читаемъ, что баскунганская соль, оплачиваемая акцизомъ въ 30 коп., обходится самимъ солепромышленникамъ въ Царицынѣ отъ 39 до 42 коп. за пудъ, въ казанской губерніи она стоитъ уже 50—70 коп., а въ тульской и харьковской 70—85 коп. Если вычесть изъ этого акцизъ, то въ казанской губерніи цѣна соли будетъ 20—40 коп., въ тульской и харьковской 40—55 коп. Цѣна эта во всякомъ случаѣ не низкая, въ особенности для соли, которая идетъ для скота и для химическихъ производствъ. Какимъ образомъ можно удешевить перевозку соли на нежелѣзныхъ путяхъ, опредѣлить довольно трудно, что же касается желѣзныхъ дорогъ, то въ возможности пониженія ихъ тарифа едва ли можетъ быть сомнѣніе.

По поводу того же солянаго налога явилось нѣкоторое недоумѣніе относительно «мѣропріятій, сопровождающихъ этотъ новый законъ». Недоумѣніе это было высказано г. Головачовымъ и сущность его заключается въ слѣдующемъ. Лицамъ, которые внесли залоги, обезпечивающіе акцизъ, признано необходимымъ возвратить эти залоги на сроки послѣ 31 декабря. «Чтобы вполнѣ взвѣсить значеніе этой мѣры, говоритъ г. Головачовъ, («Новости»),—необходимо принять во вниманіе, что изъ всего количества потребляемой въ Россіи соли болѣе 20 мил. пудовъ грузится весною въ суда по пристанямъ Волги и ея притоковъ и акцизъ разсрочивается оптовымъ солепромышленникамъ подъ залоги на 12 мѣсяцевъ. Соль втеченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ распродается мелкимъ промышленникамъ почти вся за наличныя деньги. Если и оказываются остатки со времени закрытія навигаціи, то они такъ незначительны, что не превышаютъ и 10 проц. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, главные оптовые торговцы, къ настоящему времени распродавъ свой товаръ, уже взыскали въ свою пользу ту сумму акциза, которая числится за ними въ долгу и обезпечена ими залогами. На этомъ основаніи возвратъ залоговъ безъ взысканія разсроченнаго акциза есть простой подарокъ крупнымъ солепромышленникамъ (которыхъ на Волгѣ не болѣе 10—12 человѣкъ) суммы, по меньшей мѣрѣ, въ 5 миліоновъ рублей, уже заплаченныхъ имъ или потребителями, или мелкими торговцами». Г. Головачовъ думаетъ, что это мѣропріятіе можетъ отозваться особенно неблагопріятно на мелкихъ торговцахъ, потому что оптовые продавцы уже сдѣлали распоряженіе о пониженіи цѣнъ при продажѣ остатковъ въ ихъ складахъ и потому мелкіе торговцы, сдѣлавшіе запасы соли на весь зимній періодъ, понесутъ огромные убытки.

Недоумѣніе г. Головачова разъясняется вполнѣ сообщеніемъ, напечатаннымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Министерству финансовъ и нельзя было поступить съ залогами иначе. «Запасы соли, акцизъ за которую обезпеченъ залогами, не подчиняются никакому надзору и учету и потому невозможно опредѣлить, сколько соли изъ этихъ запасовъ продано солепромышленниками съ полученіемъ отъ покупателей акциза и сколько у нихъ остается непроданной соли, за которую акцизъ еще не полученъ. Поэтому при исполненіи высочайшаго указа оставалось одно изъ двухъ—или требовать уплаты акциза за всю соль, отпущенную въ 1880 году подъ залоги на 12 мѣсяцевъ, или же освободить съ 1 января всѣ принятые за эту соль залоги. Исполненіемъ высочайшаго указа медлить оказывалось невозможнымъ и если при этомъ должно оказаться, что нѣкоторые изъ солепромышленниковъ и «воспользуются частью акциза за проданную ими уже соль, то высочайшая воля объ отмѣнѣ акциза съ соли будетъ приведена въ исполненіе съ 1 января 1881 года, а вмѣстѣ съ этимъ можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ и пониженія цѣны на этотъ необходимый предметъ народнаго потребленія».

Гораздо важнѣе не этотъ несущественный въ реформѣ вопросъ, ибо цѣна на соль несомнѣнно понизится, а вопросъ о томъ, изъ какихъ источниковъ покроются тѣ 12 миліоновъ, которые будутъ недополучены нынче государственнымъ казначействомъ. Правительственное разъясненіе говоритъ, что съ освобожденіемъ залоговъ не получится часть акциза, слѣдовавшаго къ поступленію въ 1881 году и взамѣнъ его, согласно высочайшему указу, уже изысканы другіе источники дохода. Какіе же эти новые источники дохода, которыми заполнится отмѣненный соляной налогъ? Нужно замѣтить, что кромѣ отмѣны акциза на русскую соль въ соотвѣтственной степени, конечно, отмѣнится и таможенная пошлина на иностранную соль. При теперешнемъ состояніи государственнаго казначейства думать о томъ, что сложенный налогъ не будетъ замѣненъ никакими другими поступленіями, нельзя. Слѣдовательно ясно, что вычеркнутая изъ государственнаго бюджета цѣлая доходная статья должна быть замѣнена другими поступленіями, но такими, которыя не легли бы тягостью на плательщиковъ, только что освобожденныхъ отъ налога. На кого же можетъ быть обращено возмѣщеніе исчезнувшей статьи? Конечно, на имущественные классы. И вотъ явились слухи, что дефицитъ предполагается пополнить съ одной стороны прибавкою на гильдейскія свидѣтельства, а съ другой—повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ. Когда, два года тому назадъ нижегородское ярмарочное купечество ходатайствовало передъ бывшимъ министромъ финансовъ Грейгомъ, оно указывало на прибавку къ цѣнѣ гильдейскихъ свидѣтельствъ, какъ на средство для пополненія дефицита, могущаго явиться отъ отмѣны налога на соль. Въ настоящее время, какъ извѣстно, гильдейскія свидѣтельства даютъ около 5 миліоновъ, которые по размѣру нашей торговли представляютъ цифру слишкомъ небольшую. Потомъ есть и еще одна особенность въ гильдейскомъ сборѣ, особенность, заключающаяся въ томъ, что онъ не соображенъ съ размѣромъ торговыхъ оборотовъ. Напримѣръ, банкиры, акціонерныя компаніи платятъ гильдейскій сборъ по первой гильдіи, т. е. такую ничтожную сумму, которая не только для нихъ вовсе незамѣтна, но является даже несправедливостью по отношенію къ остальнымъ разрядамъ плательщиковъ изъ торгующаго сословія. Обложеніе торговцевъ сообразно ихъ торговымъ оборотамъ явилось бы мѣрой не только вполнѣ раціональной и государственной, но и такой мѣрой, которая бы отвѣтила податной справедливости. Конечно, эта мѣра требуетъ нѣкоторой осторожности въ особенности по отношенію къ лицамъ, составляющимъ торговое сословіе небольшихъ городовъ, въ которыхъ они являются очень солидными вкладчиками земскаго бюджета.

Что-же касается таможенныхъ пошлинъ, то прибавка ихъ для многихъ отраслей народнаго хозяйства можетъ повліять даже очень оживляющимъ образомъ. Вообще таможенный доходъ можетъ служить главнымъ ресурсомъ для восполненія сокращеній по другимъ статьямъ государственнаго бюджета; вопросъ лишь въ томъ, какая можетъ быть принята система для таможеннаго обложенія и будетъ-ли имѣть она чисто фискальный характеръ, или покровительственный, а если покровительственный, то кому будетъ покровительствовать,—крупной-ли промышленности, или-же промышленности народной. Этотъ вопросъ очень важный и разрѣшеніемъ его опредѣлится вполнѣ характеръ той промышленной политики, которой намѣренъ держаться новый министръ финансовъ. Принимая 18-го ноября петербургскій биржевой комитетъ, А. А. Абаза, въ отвѣтъ на рѣчь представителя биржеваго купечества, сказалъ, что торговля и промышленность найдутъ въ немъ всегда вѣрнаго покровителя и горячаго защитника. «Конечно, это обязанность каждаго министра финансовъ, сказалъ А. А. Абаза;—но для меня лично исполненіе этой обязанности совпадаетъ съ давнишнимъ глубокимъ моимъ убѣжденіемъ, что съ успѣхами торговли и промышленности неразрывно связано развитіе общаго благосостоянія страны».

Наша промышленность, какъ извѣстно, имѣетъ двойной характеръ. Съ одной стороны она имѣетъ характеръ какъ бы аристократическій и удовлетворяетъ высшимъ нуждамъ, съ другой работаетъ для потребностей народа. Аристократическая промышленность удовлетворяетъ тѣмъ-же нуждамъ, которымъ удовлетворяютъ и иностранные товары, входящіе въ Россію таможеннымъ путемъ. Русскіе фабриканты, конечно, пожелаютъ, чтобы новая таможенная надбавка легла на такіе предметы, которые бы облегчили нашимъ производителямъ конкуренцію съ иностранцами. Если съ одной стороны обложеніе иностранныхъ товаровъ казалось-бы болѣе справедливымъ, потому что ляжетъ на потребителей болѣе зажиточныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ толчекъ русской промышленности, то съ другой болѣе зажиточные классы и вообще потребители предметовъ роскоши далеко не главные вкладчики таможеннаго дохода, ибо основная система таможеннаго обложенія, которая практикуется повсюду, а въ томъ числѣ и у насъ, заключается въ томъ, чтобы облагать предметы потребленія наиболѣе распространеннаго. Въ этомъ смыслѣ предметъ, вродѣ чая, который пьется въ каждой крестьянской избѣ, является въ таможенномъ отношеніи болѣе важнымъ, чѣмъ бархатъ и ліонскія матеріи. Обложить чай новымъ налогомъ значитъ конечно запереть для него не одну тысячу дверей крестьянскихъ избъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно содѣйствовать частью контрабандѣ, а частью производству суррогатовъ и расширить сбытъ капорскаго и спитаго подкрашеннаго чая. Если-же обложить бархаты и ліонскіе шелка, то можно, конечно, обнаружить давленіе на потребительницъ, отъ которыхъ таможенный доходъ не выигрываетъ вообще много и поощрить нашихъ шелковыхъ фабрикантовъ. Спрашивается, на какомъ компромисѣ остановится наше министерство финансовъ и какую точку равновѣсія оно изберетъ, чтобы, не нарушая выгодъ аристократической промышленности, въ тоже время помочь и тому народному труду, для котораго таможенный тарифъ очень важенъ и составляетъ съ одной стороны очень чувствительный налогъ, а съ другой можетъ сдѣлать народнаго производителя жертвой иностранной конкуренціи. Въ видѣ примѣра мы-бы указали на гжельскихъ мастеровъ, которые уже жалуются на конкуренцію англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ фарфоровыхъ и фаянсовыхъ фабрикъ.

Есть впрочемъ основаніе думать, что промышленная политика новаго министра будетъ имѣть народный характеръ, ибо въ числѣ мѣръ, о которыхъ ходятъ слухи, предполагается отмѣна круговой поруки, паспортной системы и вообще облегченіе народныхъ платежей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и для потребителей изъ болѣе обезпеченныхъ классовъ предполагается облегченіе уничтоженіемъ желѣзнодорожнаго сбора. Такимъ образомъ отмѣна соляного налога кладетъ начало цѣлому ряду податныхъ преобразованій и, если они будутъ проведены достаточно широко и въ интересахъ народной нужды, то несомнѣнно, что указъ 23 ноября кладетъ основаніе новой эрѣ.

Къ рисункамъ.

Съ рынка, картина Бугеро. Талантъ этого французскаго художника хорошо знакомъ нашимъ читателямъ и намъ нечего распространяться о немъ. Его крестьянка, возвращающаяся съ закупками съ рынка, здоровая и веселая, дышетъ такой бодростью и свѣжестью, что такъ и видишь въ ней «дитя полей и лѣсовъ». Вкусъ, грація и тонкость отдѣлки, присущіе таланту Бугеро, вполнѣ сказываются и въ этой картинѣ.

Волкъ и ягненокъ, рисунокъ Доре. Вы, конечно, знаете эту басню наизустъ, знаете, что и въ жизни всегда слабый виноватъ въ томъ, что онъ мутилъ воду. Доре превосходно передалъ эту сцену: и жалкій, поджавшійся ягненокъ, и свирѣпый волкъ, которому «хочется покушать», переданы съ замѣчательнымъ юморомъ. Они «говорятъ» и вы сразу видите, въ чемъ тутъ дѣло.

Праздничное утро въ Альбано. Художникъ переноситъ насъ подъ благословенное небо юга въ одинъ изъ чудныхъ лѣтнихъ дней. Група женщинъ и мужчинъ, наслаждающихся качаньемъ на качеляхъ и праздничнымъ dolce far niente, полны жизни, веселья и счастія. Ни одно облачко печали и унынія не ѳмущаетъ эту праздничную сцену, переданную мастерски художникомъ.

Интимный разговоръ, картина Мародеи. Эта превосходная картина находилась на туринской выставкѣ и принадлежитъ къ лучшимъ итальянскимъ жанрамъ. Молодая женщина мотаетъ нитки, которые ей держитъ мужчина. Усѣвшись, они принялись за это занятіе и для развлеченія стали болтать. Отъ слова къ слову, разговоръ перешелъ къ довольно пикантному содержанію, молодой человѣкъ сдѣлалъ намекъ, должно быть очень двусмысленный и смѣшной, потому что молодая дѣвушка покатилась со смѣху. Превосходное выраженіе лица улыбающагося мужчины и искренній хохотъ молодой дѣвушки невольно обращаютъ на себя вниманіе и вызываютъ улыбку.

Смѣсь.

— Приглашеніе къ пожертвованію. Въ «Рус. Вѣд.» напечатано письмо И. С. Тургенева къ П. Д. Боборыкину, которымъ нашъ извѣстный беллетристъ приглашаетъ русскихъ людей принять участіе въ подпискѣ на памятникъ Флоберу. Приводимъ слѣдующее мѣсто изъ этого письма:

«Вы, можетъ быть, слышали, говоритъ г. Тургеневъ, что здѣсь затѣвается сооруженіе памятника покойному Флоберу, и составленъ комитетъ, президентомъ котораго—В. Гюго, а вице-президентомъ я. На-дняхъ появится въ журналахъ воззваніе къ подпискѣ. Не можете-ли вы, съ своей стороны, извѣстить объ этомъ русскую публику, въ которой Флоберъ имѣетъ не мало почитателей, и прибавить, что желающіе заявить свое сочувствіе его памяти, хотя небольшой подпиской, могутъ присылать на мое имя въ Парижъ—Rue de Douai, 50 *) (имена дателей будутъ опубликованы). Или еще лучше: устройте, для этого, въ Москвѣ центръ, куда-бы стекались подписки, а когда ихъ наберется нѣсколько, перешлите ихъ мнѣ. Я о томъ-же пишу въ Петербургъ. Какъ только выйдетъ воззваніе въ здѣшнихъ газетахъ, я вамъ его немедленно доставлю. На весь памятникъ (бюстъ Флобера, на одной изъ площадей Руана) потребуется 13,000 франк., 8,000 уже въ кассѣ есть. Бюстъ взялся сдѣлать извѣстный ваятель Гильомъ, членъ института».

— В. В. Самойловъ. Для второй своей гастроли въ собраніи художниковъ, В. В. Самойловъ выбралъ роль графа Альдобранди въ итальянской комедіи «Сельская школа», написанной однимъ изъ популярнѣйшихъ въ Италіи драматическихъ писателей Кастельвеккіо и переведенной на русскій языкъ Н. С. Курочкинымъ. Пьеса эта была поставлена на сценѣ Александринскаго театра въ началѣ семидесятыхъ годовъ, кажется, въ бенефисъ покойнаго Зуброва, прекрасно исполнившаго главную въ ней роль школьнаго учителя. Роль графа Альдобранди не только не первая, но даже и не вторая, а третья изъ мужскихъ ролей въ пьесѣ. Вторая, по значенію роль въ пьесѣ—доктора Руджіеро, на казенной сценѣ исполнявшаяся г. Степановымъ, а на сценѣ собранія художниковъ г. Рѣльскимъ. Роль графа Альдобранди, въ которой В. В. Самойловъ появлялся и на казенной сценѣ, и теперь на сценѣ собранія художниковъ, принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ эпизодическихъ ролей. Изъ четырехъ актовъ въ первомъ В. В. Самойловъ даже не появляется на сцену, а въ 3-мъ и въ 4-мъ появляется лишь на нѣсколько секундъ и произноситъ по нѣсколько словъ. Вся его роль, собственно говоря, начинается и кончается во второмъ актѣ. Вѣроятно, этимъ, а также малоизвѣстностью пьесы, и объясняется, что зала Кононова на этотъ разъ была далеко не такъ полна, какъ это обыкновенно бываетъ на спектакляхъ съ участіемъ В. В. Самойлова. А жаль, потому что роль графа Альдобранди, несмотря на небольшіе ея размѣры, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ созданій В. В. Самойлова. Графъ Альдобранди, знатный богатый римскій аристократъ, когда-то, въ 1848 году, навлекшій на себя гоненіе папскаго правительства за его весьма впрочемъ безобидный либерализмъ,—остается на всю жизнь пуганою вороною, боящеюся всякаго куста. И самое гоненіе-то было не особенно чувствительное. Графа продержали одинъ день взаперти, да взяли съ него небольшой, при его богатствѣ, денежный штрафъ. Но и этого довольно! Чудакъ графъ Альдобранди вездѣ видитъ шпіоновъ, всю жизнь переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, окружаетъ всю свою жизнь доведенною до карикатуры таинственностью, съ прислугою объясняется не иначе, какъ жестами, боясь, чтобы не перетолковали въ другую сторону самыхъ простыхъ его словъ. Дѣйствіе происходитъ какъ разъ передъ объединеніемъ Италіи въ одномъ изъ городовъ еще подвластныхъ въ началѣ пьесы австрійскому владычеству, но въ 3-мъ актѣ уже дѣлающемся частью новаго итальянскаго королевства. Учитель Сальвоно и другъ его докторъ Руджіери энтузіасты итальянской независимости. Противуположная партія представляется іезуитомъ дономъ Калигула, аптекаремъ Розаліо и москательщикомъ Ризотто. Въ началѣ пьесы торжествующіе, донъ Калигула и К⁰, въ концѣ пьесы, конечно, капитулируютъ передъ сторонниками новаго восторжествовавшаго строя. Графъ Альдобранди между этими двумя партіями, какъ между двумя огнями. Онъ боится вѣрить въ совершившійся фактъ освобожденія Италіи и бѣжитъ изъ нея, неизвѣстно куда, въ тотъ самый моментъ, когда независимость уже офиціально провозглашена. Въ изображеніи В. В. Самойлова этотъ чудакъ трусъ Альдобранди совсѣмъ живое лицо; лицо, понятное для насъ, русскихъ, конечно, не менѣе, чѣмъ для итальянцевъ, такъ какъ мы у себя дома вдоволь насмотрѣлись на эти типы «пуганыхъ воронъ». Ансамбль второго спектакля съ участіемъ В. В. Самойлова былъ несравненно лучше ансамбля въ «Ришелье», такъ что пьеса была просмотрѣна публикою съ живѣйшимъ интересомъ. Да и сама по себѣ пьеса и сценична и прекрасно написана и представляетъ собою полнѣйшую новинку для большинства публики. На казенной сценѣ она, какъ извѣстно, шла всего два, три раза и затѣмъ снята съ репертуара, по соображеніямъ, вѣдомымъ лишь одной театральной дирекціи.

---

*) Одинъ изъ гг. подписчиковъ проситъ насъ объявить въ журналѣ адресы И. С. Тургенева и графа Л. Н. Толстаго. Адресъ перваго указанъ въ этой замѣткѣ. Графъ Толстой проживаетъ въ своемъ имѣніи, тульской губерніи въ с. Ясная Поляна (на московско-курской желѣзной дорогѣ).

Прим. Ред.

— **Преступленіе ради науки.** Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Галифаксѣ (Сѣв. Америка) было совершено оригинальное преступленіе. Вотъ подробности этого дѣла:

Въ Галифаксѣ живетъ одно почтенное семейство, по имени Дукторъ, состоящее изъ отца—Франциска, матери—Маріи, и шестнадцатилѣтней дочери,—Алисы. Однажды вечеромъ, въ довольно поздній часъ, когда все семейство уже разошлось по своимъ комнатамъ, Франциску и его женѣ послышались въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ спала Алиса, тяжелые мужскіе шаги, имъ показалось также, что они видятъ тамъ какой-то непривычный свѣтъ. Но скоро все успокоилось и оба супруга объяснили это явленіе своею полудремотой. Они не придали поэтому никакого значенія дѣлу и спокойно уснули. Но на другой день они были снова сильно встревожены, когда утромъ не увидѣли своей, всегда рано встававшей, дочери; они бросились въ ея комнату и тамъ взорамъ ихъ представилось неожиданная картина: пустая кровать, открытое окно и страшный безпорядокъ въ комнатѣ и во всѣхъ вещахъ, что ясно свидѣтельствовало или о насильственномъ похищеніи или о поспѣшномъ бѣгствѣ. Пораженные и огорченные родители исполнили всѣ требуемыя закономъ дѣйствія; повсюду послали указанія о внѣшности своей дочери и объ открытіи похищенія, но всѣ поиски долгое время оставались безъ всякаго успѣха. Вмѣстѣ съ Алисой пропала и ея любимая собаченка, но на это никто не обратилъ тогда вниманія. Черезъ нѣсколько недѣль вдругъ въ домъ Франциска и Маріи прибѣгаетъ эта самая собаченка; обрадованные родители тотчасъ-же представили себѣ, что они могутъ теперь найдти слѣды пропавшей дочери; надежда эта еще болѣе укрѣпилась, когда собаченка эта, не переставая лаять и метаться, вдругъ схватила Франциска за полу платья и потащила его изъ дому. За нимъ послѣдовали нѣкоторые его сосѣди. Они пришли въ одну отдаленную улицу, находящуюся какъ разъ въ противоположномъ концѣ города. Собака продолжала бѣжать впередъ, пока не привела своего господина и его спутниковъ къ одному, окруженному большимъ садомъ дому. Тутъ она остановилась, какъ бы желая дать понять, что здѣсь надо искать Алису. По требованію Дуктора явился взводъ полицейскихъ солдатъ и они приступили къ обыску дома, двора и сада. Хозяинъ дома, докторъ Эмероль, дома не былъ; налицо были только его слуги: старый слуга, не молодая кухарка и молодой мальчикъ—негръ. Долго поиски не приводили ни къ какимъ результатамъ, пока опять собака лаемъ своимъ не заставила обратить вниманіе искавшихъ на рабочій кабинетъ доктора. Но и тамъ самыя тщательныя изслѣдованія остались напрасными. Вниманіе одного изъ послѣдовавшихъ за Францискомъ сосѣдей было привлечено стоящимъ въ оконной нишѣ воздушнымъ насосомъ. Онъ былъ завѣшенъ густою матеріею. Поднявъ ее, присутствующіе увидѣли подъ стекломъ колпака, неподвижное, голое тѣло молодой дѣвушки. Францискъ безъ труда узналъ въ ней свою Алису. Тотчасъ-же разбили стекло, но Алиса была уже безъ всякихъ признаковъ жизни.

По прошествіи короткаго времени докторъ Эмероль уже былъ привлеченъ къ отвѣтственности и предсталъ передъ судомъ присяжныхъ. Онъ обвинялся въ преднамѣренномъ убійствѣ, насильственномъ вторженіи и нарушеніи семейнаго спокойствія. Обвиняемый—это семидесятилѣтній старикъ съ бѣлыми, какъ лунь, волосами. Сынъ довольно бѣдныхъ родителей, онъ родился въ Эльзасѣ, но благодаря содѣйствію болѣе богатыхъ родственниковъ, онъ получилъ довольно хорошее образованіе; потомъ сталъ очень успѣшно изучать медицыну, причемъ даже практиковалъ на своей родинѣ довольно долгое время, пока жажда знанія и открытій не принудила его отправиться въ Новый Свѣтъ. Чрезвычайно заинтересованный всевозможными химическими и физическими явленіями, онъ съ особенною юбовью занимался опытами съ воздушными насосами и разрѣжоннымъ воздухомъ. Его любознательность скоро обратилась въ ничѣмъ неукротимую манію. Его дни и ночи неотступно преслѣдовала мысль: сколько времени можетъ выдержать человѣческое существо подъ воздушнымъ насосомъ? Уже много лѣтъ онъ мучился этимъ вопросомъ; много безсонныхъ ночей онъ провелъ, стараясь побороть мысли, точно демономъ ему вселяемыя, о томъ, какъ бы достать человѣческое тѣло, надъ которымъ было бы можно произвести желанный опытъ. Въ это время онъ увидѣлъ Алису Дукторъ, твердо рѣшился ее похитить и произвести надъ ней свои эксперименты, разрѣшивъ такимъ образомъ сомнѣнія, уже столько лѣтъ его мучавшія. Смѣлые ирландскіе работники, уже не разъ помогавшіе ему въ его археологическихъ изслѣдованіяхъ, и въ этомъ случаѣ ему помогли. Шестнадцать дней онъ дѣлалъ надъ бѣдной дѣвушкой свои испытанія. Онъ утромъ приносилъ ее къ насосу и, раздѣвъ, запиралъ подъ колпакъ, до самого вечера, до тѣхъ поръ пока, однимъ словомъ, онъ уже переставалъ замѣчать послѣдніе признаки жизни. Тогда онъ ее или вынималъ изъ подъ колпака, или впускалъ туда воздухъ. Черезъ шестнадцать дней послѣ перваго опыта, когда его изысканія приходили уже къ концу, онъ былъ неожиданно призванъ къ одному трудно-больному. Забывъ, уходя, отворить кранъ насоса, онъ пробылъ у больного болѣе времени, чѣмъ могъ, и когда вернулся домой—спасти дѣвушку уже не было возможности. Докторъ Эмероль призывалъ Бога въ свидѣтели, что онъ не имѣлъ намѣренія погубить несчастную Алису, что онъ только хотѣлъ провѣрить на практикѣ свои познанія, теоретическія догадки, что онъ, наконецъ, хотѣлъ черезъ нѣсколько дней возвратить дѣвушку ея родителямъ съ щедрымъ вознагражденіемъ. Случилось несчастіе по его винѣ, по его неблагоразумію, онъ предлагаетъ свою жизнь за жизнь неповинной жертвы и съ полнымъ сознаніемъ своей виновности ожидаетъ справедливый приговоръ. Послѣ короткаго совѣщанія присяжные вынесли обвинительный приговоръ. Защита просила смягчить его на основаніи невмѣняемости и ограничить наказаніе водвореніемъ въ смирительномъ домѣ. Но присяжные засѣдатели сказали: «виновенъ», а за убійство, по мѣстнымъ законамъ, должна была слѣдовать смертная казнь; но судъ, взявъ во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, измѣнилъ приговоръ. Докторъ Эмероль былъ присужденъ къ пожизненному тюремному заключенію и къ уплатѣ 50,000 доларовъ родителямъ Алисы.

— **Приключеніе охотника.** Хроникеръ газеты «Soir» разсказываетъ слѣдующій забавный случай изъ своихъ воспоминаній. «У одного охотника была собака, которая при всѣхъ своихъ качествахъ имѣла одинъ существенный недостатокъ,—она слишкомъ забѣгала впередъ. Однажды, находясь на охотѣ, далеко отъ дома, нашъ охотникъ до того кричалъ на свою собаку, постоянно опережавшую его, что свихнулъ себѣ челюсть,—обстоятельство столь же смѣшное, сколько непріятное. Къ довершенію несчастья, онъ не могъ произнести ни слова: изъ его рта выходили какіе-то дикіе, безсвязные звуки. Что дѣлать? Онъ не могъ самъ произвести операціи. Самое лучшее было возвратиться въ городъ. Была темная ночь, когда онъ позвонилъ у дверей мѣстнаго эскулапа. Этотъ послѣдній былъ уже въ постели Наконецъ онъ открылъ окно. «Кто тамъ»? Паціентъ не говоритъ ни слова, но звонитъ пуще прежняго, въ отчаяніи видя, что окно закрывается, а въ домѣ водворилась тишина. Окно снова открывается, изъ него слышится тотъ-же окликъ, равнымъ образомъ остающійся безъ отвѣта. Наконецъ, утомленный эскулапъ, вѣроятно, вообразившій, что это дурная шутка или мистификація какого нибудь доморощеннаго проказника, спустился по лѣстницѣ, тихонько отворилъ дрерь и далъ своему непризнанному паціенту такую могучую пощечину, что свихнувшаяся челюсть въ одно мгновеніе очутилась на мѣстѣ, безъ всякихъ другихъ формальностей. Затѣмъ эскулапъ поспѣшилъ затворить дверь. Но прежде, чѣмъ удалиться, онъ успѣлъ услышать крикъ благодарности охотника, который, оглушенный такимъ пріемомъ, тотчасъ-же почувствовалъ облегченіе и получилъ возможность говорить».

— **Кошки-гончія.** Американскіе охотники нашли возможнымъ дрессировать кошекъ для охоты за бѣлками, такъ какъ собаки для этого не пригодны. Кошки превосходно исполняютъ свои обязанности: карабкаются на деревья и перепрыгиваютъ съ вѣтки на вѣтку въ погоню за добычею, которая рѣдко ускользаетъ отъ нихъ. Схвативъ добычу, кошка почтительно подноситъ ее своему хозяину.

— **Новое военное орудіе.** Американскія газеты сообщаютъ о новомъ изобрѣтеніи капитана Эриксона. Это новое торпедо, противъ котораго, если оно выдержитъ испытаніе, будетъ безсиленъ самый крѣпкій броненосецъ. Вѣсъ снаряда—1,281 фун.; діаметръ его 15 дюйм., длина 19 фут.. Зарядъ, помѣщающійся въ переднемъ концѣ торпедо, состоитъ изъ 250 фунт. динамита; противоположный конецъ снабженъ чугунной оправой, служащей противовѣсомъ заряду динамита. Новое торпедо имѣетъ форму громадной сигары и, разрѣзая воду острымъ концомъ болѣе, чѣмъ какое либо другое орудіе, способно пролагать себѣ дорогу. Капитанъ Эриксонъ утверждаетъ, что скорость его торпедо по выходѣ изъ пушки—160 миль въ минуту. Эта скорость естественно не можетъ долго поддерживаться при томъ сопротивленіи, которое представляетъ вода. Снарядъ приводится въ движеніе зарядомъ пороха. Изобрѣтатель утверждаетъ, что замѣна сжатаго воздуха, въ настоящемъ случаѣ, обыкновеннымъ порохомъ—есть самый важный прогресъ науки въ послѣднее время.

— **Полемика прежнихъ временъ.** По поводу любезностей, которыми ежедневно обмѣнивается современная преса—особенно бонапартистскія газеты,—одна парижская газета приводитъ слѣдующіе любопытные образчики газетной полемики 1791 г. Вотъ что, напр., писали въ одной тогдашней роялистской газетѣ: «Маратъ, называющій себя другомъ народа, на самомъ дѣлѣ есть «архи-негодяй», который продалъ себя другому негодяю, называющемуся Дантономъ, большой меделянской собакѣ республики пьяницъ, который, въ свою очередь, продался величайшему негодяю герцогу орлеанскому». Ниже идетъ рѣчь о нѣкоемъ «Госсе, называющемся адвокатомъ, но негодномъ во всѣхъ отношеніяхъ животномъ»... Естественно, что Маратъ не оставался въ долгу и отвѣчалъ въ томъ-же тонѣ. Вотъ что онъ говорилъ въ «Ami du peuple» о Лавоазье, знаменитомъ химикѣ: «Доношу вамъ на корифея шарлатановъ, г. Лавоазье, сына алтынника, ученика химіи, воспитанника женевскаго ажіотера, интимнаго друга Вовилье, неблагонадежнаго администратора военныхъ припасовъ, величайшаго интригана нашего вѣка.. Дай Богъ, чтобъ этотъ сообщникъ собирателей незаконныхъ налоговъ былъ повѣшенъ 6 августа!»

— **Новѣйшее американское изобрѣтеніе.** Можетъ быть, не найдется другой страны, гдѣ прибѣгали-бы къ столь остроумнымъ выдумкамъ, чтобы спускать фальшивыя бумажки, какъ Соединенные штаты. Недавно, одна прекрасно одѣтая леди входитъ въ магазинъ мануфактурныхъ товаровъ Стьюарта въ Нью-Іоркѣ и проситъ показать ей персидскія шали. Выбравъ изъ нихъ одну, стоющую 300 доларовъ, она вынимаетъ изъ портъ-монэ три билета по 100 дол., подаетъ ихъ прикащику, который тутъ-же передаетъ ихъ касиру. Послѣдній, по обыкновенію, разсматриваетъ ихъ и, найдя ихъ настоящими, собирается положить ихъ въ касу. Но процедура разсматриванія билетовъ, однакожъ, приводитъ въ негодованіе леди; она не можетъ простить такого къ себѣ подозрѣнія и отказывается взять шаль, требуя назадъ деньги. Билеты ей возвращаются, но подойдя къ дверямъ, она останавливается въ раздумьи и, наконецъ, говоритъ: «Дѣлать нечего, вы меня обидѣли, но шаль мнѣ очень нравится; я нигдѣ не могла найдти такой. Вотъ ваши деньги». Три билета по 100 дол. кладутся на прилавокъ, шаль вручается дамѣ и послѣдняя поспѣшно удаляется, какъ будто все еще взволнованная полученнымъ ею оскорбленіемъ. Вскорѣ, однакожъ, оказалось, что билеты, оставленные дамою, были уже не тѣ; на этотъ разъ они были фальшивыми. Другой случай еще курьезнѣе. Молодая чета является въ одну церковь въ Бостонѣ, въ штатѣ Масачусетѣ и проситъ пастора совершить надъ нею обрядъ бракосочетанія. Пасторъ исполняетъ это желаніе. Обычная плата за совершеніе обряда 5 дол. Молодой супругъ вынимаетъ изъ кармана 50-доларный билетъ, подаетъ его пастору и получаетъ съ него сдачи 45 дол. Молодая чета уходитъ изъ церкви, за нею отправляется домой и пасторъ. Но вотъ, вернувшись къ себѣ, пасторъ дѣлаетъ печальнее открытіе: билетъ, полученный имъ въ церкви отъ молодого супруга, оказывается фальшивый. Это открытіе пролило свѣтъ на многія странности, замѣченныя имъ во время обряда бракосочетанія: такъ, напр., невѣста держала себя какъ-то неловко и постоянно избѣгала смотрѣть ему прямо въ лицо; все это навело пастора на мысль, что юная чета была вовсе не женихъ съ невѣстой, а двое молодыхъ мошенниковъ, изъ коихъ одинъ нарядился въ подвѣнечное платье. Дальнѣйшіе розыски подтвердили это подозрѣніе.

— **Вѣрный своему слову.** Англійскій писатель Смайльсъ приводитъ слѣдующій примѣръ вѣрности данному слову. Сэръ Вильямъ Нэпиръ, англійскій генералъ и военный историкъ, умершій въ 1860 г., встрѣтилъ однажды, во время прогулки, маленькую дѣвочку пяти лѣтъ, горько плакавшую надъ разбитымъ горшкомъ, въ которомъ она относила въ поле обѣдъ своему отцу. Дѣвочка боялась, что ее будетъ бранить мать. Видя передъ собою господина съ добродушнымъ лицомъ, дѣвочка наивно спросила его — не можетъ ли онъ починить горшокъ? «Нѣтъ, милое дитя, отвѣчалъ генералъ,—этого я не могу сдѣлать, но я могу дать тебѣ 6 пенсовъ, на которые ты или твоя мать можете купить новый горшокъ». Генералъ вынимаетъ кошелекъ, дитя радостнымъ взглядомъ слѣдитъ за движеніемъ своего утѣшителя, протягиваетъ руку, чтобы получить монету, но, увы, сэръ Вильямъ Нэпиръ замѣчаетъ, что въ его кошелькѣ нѣтъ денегъ. Что дѣлать? «Милое дитя, говоритъ тогда генералъ, замѣтивъ огорченіе малютки,—ты скажешь своей матери, что одинъ господинъ дастъ тебѣ завтра 6 пенсовъ, чтобъ купить другой горшокъ, и ты придешь сюда въ этотъ самый часъ; я здѣсь буду». Дѣвочка повѣрила и, утѣшившись, ушла. Но вотъ, вернувшись домой, сэръ Вильямъ Нэпиръ находитъ приглашеніе на обѣдъ на слѣдующій день, въ домъ своего друга, куда должно было также пріѣхать одно лицо, которое генералъ въ особенности желалъ видѣть. Домъ, куда приглашали сэра Нэпира, былъ не близко, а часъ обѣда совпадалъ съ часомъ назначеннаго свиданія съ дѣвочкой. Какъ примирить свое желаніе съ даннымъ обѣщаніемъ? Сэръ Нэпиръ не долго колебался. Онъ написалъ своему другу, что отказывается отъ приглашенія по случаю даннаго прежде обѣщанія быть въ другомъ мѣстѣ. «Я не могу обмануть ожиданія моей маленькой незнакомки, говорилъ онъ себѣ, она казалась такъ увѣренной, что я сдержу свое слово»! И на другой день генералъ въ назначенный часъ вышелъ на свиданіе съ ребенкомъ.

— **Число евнуховъ въ Константинополѣ.** Недавно умеръ одинъ изъ знатнѣйшихъ сановниковъ турецкой имперіи, висларъ-агасси, буквально смотритель за дѣвушками, или оберъ-инспекторъ императорскаго гарема, Нурរединъ-ага. Покойный достигъ почтеннаго возраста—79 лѣтъ, и оставилъ послѣ себя состояніе въ 120,000 тур. лиръ, пріобрѣтенное имъ впродолженіе 60-ти лѣтней придворной службы. Его преемникомъ назначенъ евнухъ гафисъ Беранъ-ага. Почетный титулъ гафиса получаетъ только тотъ мусульманинъ, который сдастъ экзаменъ въ знаніи наизусть корана, а также въ знакомствѣ съ магометанской духовной литературой. Въ настоящую минуту въ разныхъ султанскихъ дворцахъ находится около 200 кастратовъ—негровъ, и отъ 5 до 6 тысячъ въ гаремахъ турецкихъ вельможъ Константинополя. Эти несчастные привозятся изъ Африки еще въ юношескомъ возрастѣ, отъ 12 до 15 лѣтъ; цѣна имъ колеблется, какъ и всякому товару,—отъ 30 до 100 лиръ за голову. Замѣчательна любовь всѣхъ евнуховъ къ элегантному костюму; евнухи Илдизъ-кіоска всегда показываются на улицахъ одѣтыми по послѣдней парижской модѣ.

— **Яблоня Евы.** На островѣ Цейлонѣ, богатомъ растительностію, нельзя не замѣтить яблони Евы, имѣющей свою легенду. Мѣстное названіе растенія — «дивизсадуру», что означаетъ запрещенный плодъ. Цвѣтокъ этого страннаго произведенія растительнаго царства испускаетъ ароматическое благоуханіе, которое однако скоро становится невыносимымъ. Плодъ очень красивъ, онъ столь соблазнительно выглядываетъ изъ листвы, что такъ и хочется его сорвать; снаружи онъ оранжеваго цвѣта, внутри — темномалиноваго; но всего курьезнѣе то, что онъ представляетъ видъ плода, отъ котораго небольшая часть откушена зубами. Нужно прибавить, что этотъ плодъ смертельный ядъ; тѣ, которые имѣли неосторожность отвѣдать его, умирали; это двойное обстоятельство заставило туземцевъ признать въ столь соблазнительномъ на видъ и столь обманчивомъ плодѣ запрещенный плодъ эдемскихъ садовъ, такъ какъ, кромѣ своей ядовитости, плодъ носилъ отпечатокъ укуса, сдѣланнаго первою женщиною по совѣту лукаваго змѣя. Ядовитое свойство плода уже давно извѣстно и европейцамъ. Спустя нѣсколько дней послѣ взятія Каламбо англичанами (1795 г.), два европейскихъ солдата, соблазненные красотою этого ядовитаго плода, поѣли его въ ничтожномъ количествѣ и все-таки вскорѣ умерли.

— **Капитолійская волчица.** Волчица, по обычаю содержащаяся въ особой клѣткѣ въ римскомъ Капитоліи, недавно разрѣшилась отъ бремени нѣсколькими волчатами. Но нынѣшнія волчицы уже не похожи на ту, которая вскормила первыхъ римскихъ царей; нѣжная мать вмѣстѣ со своимъ супругомъ преспокойно позавтракала новорожденными. Говорятъ, чадолюбивая волчья пара уже въ третій разъ даетъ такое представленіе римлянамъ.

Шахматный отдѣлъ.

Матчъ между г. Алапинымъ и г. Чигоринымъ (см. № 44 «Жив. Об.») окончился. Изъ 10 сыгранныхъ партій г. Чигоринъ выигралъ 7, слѣдовательно по условію и матчъ, проигралъ 3.

Въ петербургскомъ обществѣ любителей шахматной игры скоро состоится большой шахматный турниръ на призы отъ общества. Условія турнира еще неизвѣстны, но предполагается, что будутъ устроены, или одинъ большой турниръ-гандигапъ (съ дачей впередъ), въ которомъ игроки будутъ раздѣлены на категоріи, по силѣ каждаго изъ нихъ, или съ отдѣльными призами нѣсколько турнировъ для игроковъ приблизительно ровной силы. Въ этихъ турнирахъ могутъ принять участіе и гости общества, но со взносомъ небольшой платы. Турниръ игроковъ первой силы обѣщаетъ быть очень интереснымъ; въ немъ примутъ участіе наиболѣе сильные петербургскіе игроки: С. З. Алапинъ, М. С. Безкровный, г. Клеменцъ, М. И. Чигоринъ, Э. С. Шифферсъ и друг.

ПАРТІЯ № 23.

Французская партія.

5-я партія матча. Играна 21 октября 1880 года.

М. Чигоринъ.	С. Алапинъ.
Бѣлые	*Черные*
1. e2—e4	1. e7—e6
2. d2—d4	2. d7—d5
3. e4 : d5	3. e6 : d5
4. К g1—f3	4. К g8—f6
5. С f1—d3	5. С f8—d6
6. 0—0	6. 0—0
7. К b1—c3	7. К b8—c6
8. С c1—g5	8. С c8—g4 *a*
9. К c3 : d5	9. С d6 : h2 †
10. Кр g1 : h2	10. Ф d8 : d5
11. С g5 : f6	11. g7 : f6
12. С d3—e2	12. Ф d5—h5 † *b*
13. Кр h2—g1	13. Л a8—d8
14. Л f1—e1 *c*	14. Л d8—d6
15. c2—c3	15. f6—f5
16. Ф d1—d2	16. Л d6—g6
17. Ф d2—f4	17. Л f8—e8 *d*
18. С e2—c4! *e*	18. Л e8 : e1 † *f*
19. К f3 : e1	19. С g4—e2 *g*
20. С c4 : e2	20. Ф h5 : e2
21. К e1—f3!	21. Ф e2 : b2 *h*
22. Л a1—e1	22. Ф b2 : c3
23. Л e1—e8 †	23. Кр g8—g7
24. К f3—h4	24. h7—h5 *i*
25. К h4 : f5† *k*	25. Кр g7—h7
26. К f5—h4	26. Ф c3—c1 †
27. Кр g1—h2	27. Ф a1 : d4
28. К h4 : g6	28. f7 : g6
29. Ф f4 : c7 †	29. Кр h7—h6
30. Ф c7—f7	30. Ф d4—g7
31. Ф f7—f4 †	31. Кр h6—h7
32. Ф f4—d6 *l*	32. a7—a5
33. Л e8—c8	33. Ф g7—d4
34. Л c8—c7 †	34. Кр h7—h6
35. Ф d6 : d4	35. К c6 : d4
36. Л c7 : b7	36. Кр h6—g7
37. Л b7—a7	черные сдались.

Примѣчанія къ партіи:

a) Здѣсь также хорошій ходъ С c8—e6.

b) Черные могли выиграть пѣшку при слѣдующемъ продолженіи: 12. ... С g4 : f3; 13. С e2 : f3, Ф d5 : d4; 14. С f3 : c6, но это не было-бы выгодно для нихъ, продолжаютъ ли они 14. ... Ф d4—h4†; 15. Кр h2—g1, b7 : c6, или 14. ... Ф d4 : d1; 15. Л a1 : d1, b7 : c6; тогда 16. Л d1—d7, Л a8—c8; 17. Л f1—e1, и чернымъ весьма трудно будетъ защищать сдвоенныя пѣшки. Ходъ въ партіи даетъ атаку.

c) Лучшій ходъ; черные угрожали К c6—e5; теперь-же этотъ ходъ не опасенъ.

d) Если черные играютъ здѣсь 17. ... Кр g8—h8, чтобы сдвоить ладьи на линіи g, послѣ чего они получили-бы неотразимую атаку, бѣлые отвѣтили-бы 18. Ф f4—h2, вынуждая мѣну ферзей; или если черные отвѣтятъ 18. ... С g4—h3, съ ходомъ 19. К f3—e5, выигрываютъ качество.

e) Лучшій отвѣтъ; черные угрожали Л e8 : e2 даже и въ томъ случаѣ если бѣлые сыграли-бы Ф f4—h2.

f) Атака черныхъ посредствомъ 18. ... С g4 : f3; 19. Л e1 : e8†, Кр g8—g7; 20. С c4—f1!; Л g6—h6 не удалась-бы вслѣдствіи 21. Ф f4—g3†, Кр g7—f6; 22. Ф g3—h3!

g) Если 19. Л g6—h6, то f2—f3 и черные получили-бы плохое положеніе.

h) Выигрышъ этой пѣшки стоитъ партіи.

i) При всякомъ другомъ ходѣ черные еще скорѣе проигрываютъ (24. ... Ф c1—a1†; 25. Кр g1—h2, Л g6—h6?; 26. Ф f4—g5† и въ слѣд. ходъ матъ. Или 24. ... К c6 : d4; 25. Ф f4—e5† и выигрываютъ коня).

k) Лучше, чѣмъ брать теперь-же ладью, такъ какъ черные все равно не могутъ ее спасти.

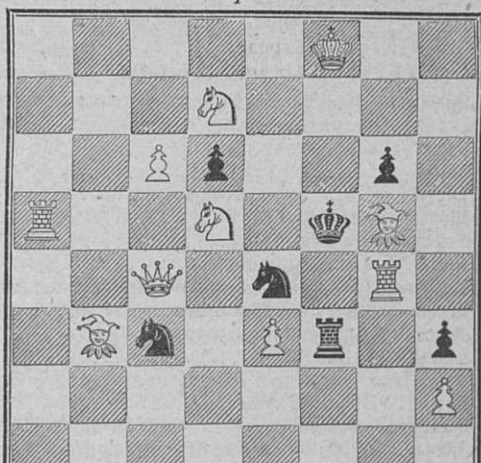
l) Необходимо; если теперь-же Л e8—c8, то К c6—e5.

ЗАДАЧИ.

№ 56.

В. Энгельгардта.

Черные.



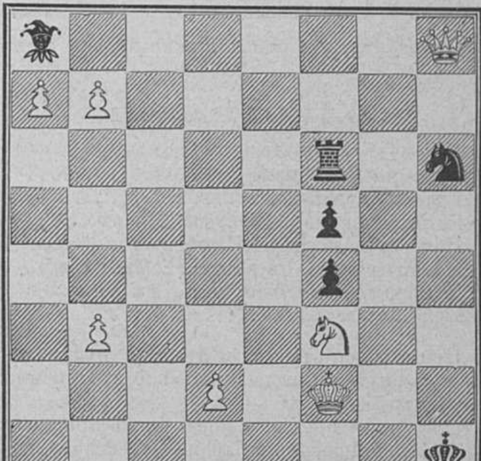
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

№ 57.

С. Лойда.

Черные.



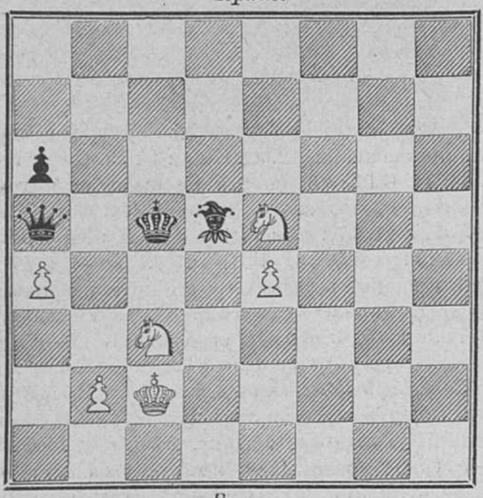
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Этюдъ № 1.

Горвица.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.
(Прекраснѣйшій этюдъ).

Рѣшеніе задачъ (въ № 39.)

№ 50. И. Граве.

$1.\ \frac{\text{Ф b2—b5}}{\text{Кр e4—d5}}\quad 2.\ \text{К c4—e3}\ \times$

$1.\ \frac{\dots}{\text{Кр e4—d3}}\quad 2.\ \text{К c4—a3}\ \times$

$1.\ \frac{\dots}{\infty}\quad 2.\ \text{К c4—d2 или К e1 : f2 (бер. Сл.)}$

Правильное рѣшеніе прислалъ *«Новгородецъ»*. Приславшіе рѣшеніе, начинающееся ходомъ 1. С c8 : e6—ошибаются.

№ 51. К. Байера.

$1.\ \frac{\text{С g6—f7}}{\text{Л d7 : f7!}}\quad 2.\ \frac{\text{К e4—c3}}{\text{Ф a5—a8†}}\quad 3.\ \text{К e3—d5}\ \times$

Прочіе варіанты болѣе легки.

«Намъ сообщаютъ, что втеченіи декабря петербургское общество любителей шахматной игры, въ новомъ своемъ помѣщеніи (гостинница «Россія», бывшая Соболева, близь Демидова переулка по Мойкѣ), устроитъ цѣлый рядъ шахматныхъ состязаній турнировъ и проч. Такъ, между прочимъ, 5 декабря начался матчъ между двумя первокласными игроками г. Алапинымъ и г. Шифферсомъ; въ субботу, 13 декабря, одинъ изъ извѣстныхъ любителей шахматистовъ дастъ первый сеансъ игры несмотря на доску одновременно съ пятью игроками; затѣмъ, въ концѣ декабря, начнутся рождественскіе турниры, на призы отъ общества, для игроковъ разной силы, въ которыхъ примутъ участіе не только члены, но и гости.

Вообще, повидимому, декабрь обѣщаетъ петербургскимъ шахматистамъ множество разнообразныхъ шахматныхъ удовольствій».

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Художественныя преміи,—двѣ олеографическія картины,—назначенныя къ выдачѣ гг. годовымъ подписчикамъ на журналъ «Живописное Обозрѣніе» посланы въ мѣстныя конторы журнала, въ Москву, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева, и въ Одессу, Дерибасовская, д. Вагнера, кв. № 11, при южномъ агенствѣ газетъ и журналовъ. Гг. подписывающіеся въ этихъ конторахъ получаютъ преміи при подпискѣ.

II. Литературная илюстрированная премія нынѣшняго 1880 года будетъ разослана всѣмъ гг. подписчикамъ при 51 № журнала. Содержаніе ея слѣдующее: 1) На родинѣ Шекспира (ст. илюстрир.); 2) Иможена и ея характеръ въ пьесѣ Шекспира; 3) Изъ «Декамерона», Боккачіо (илюстрир.); 4) Цимбелинъ, трагедія Шекспира (илюстр.).

ОТЪ КОНТОРЫ. № 48-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 29 ноября въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднную почту 1 декабря въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Атта Троль, поэма **Г. Гейне**, перев. **Мих. Шелгунова.**—Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3 част. **М. Ф. Каменской.**—Наша улица, разск. **К. Баранцевича.**—Изъ исторіи рабства въ древности, ст. **С. Терновскаго.** Леона, зап. докт. **Бернагіуса**, пов. **Люсіена Біара**, перев. **А А Разсказовой.**—Аллюры человѣка, ст. **А. В. Елисѣева.**—Русскія суевѣрія, очерки **С. С. Шашкова.**—Стефенъ Митчель, пов. изъ флор. жизни **м-съ Робинзъ.**—Наши преміи.—О романѣ г. Крашевскаго «Древнее сказаніе».—Внутреннее обозрѣніе.—Къ рисункамъ.—Смѣсь —Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: Интимный разговоръ, карт. **А. Мароди.**—Праздничное утро въ Альбано, карт. **Карла Блаза.**—Волкъ и ягненокъ, рис. **Г. Доре́.**—Съ рынка, карт. **Бугеро.**—Два рисун. къ роману «Древнее сказаніе».—Одинъ рисунокъ къ роману «Стефенъ Митчель».

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ**.

Объявленія.

МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.
ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

Сочиненіе **ГЕРМАНА ФЛОРІАНА** (8 страницъ). Цѣна **1 р.**, съ пересылкою **1 руб. 50 коп.**

Можно получить въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ музыкальныхъ магазинахъ Бернара, Бесселя, Юргенсона въ С.-Петербургѣ, а также и во многихъ другихъ магазинахъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ.

Получивъ уступку на нѣкоторыя картины, Редакція «Жив. Об.» можетъ предложить гг. подписчикамъ **олеографическія картины** по слѣдующимъ цѣнамъ:

№ по каталогу Редакц.	Названіе картинъ.	Цѣна картины.		Пересылка.		Мѣра картинъ. Въ вершкахъ.	
	I. СЦЕНЫ, ТИПЫ И ПР.	р.	к.	р.	к.	Выш.	Шир.
1.	**Эрдмана.** «Прерванный урокъ музыки...	3	—	—	75	$15^1/_4$	$12^1/_4$
2.	**Его-же.** «Затруднительное объясненіе»..	3	—	—	75	$15^1/_4$	$12^1/_4$
3.	**Эркмана.** «Любовное письмо»........	—	60	—	30	$9^1/_2$	$7^1/_2$
6.	**Тена.** «Мыльные пузыри»............	1	25	—	40	$11^3/_4$	$8^3/_4$
7.	**Его-же.** «Хорошъ портретъ».........	1	25	—	40	$11^3/_4$	$8^3/_4$
8.	**Жильбера.** «Въ будуарѣ»............	1	25	—	40	$10^1/_2$	$8^3/_4$
9.	**Его-же.** «На кухнѣ»................	1	25	—	40	$10^1/_2$	$8^3/_4$
10.	**Піо.** «Маленькій политикъ».........	1	40	—	40	$13^7/_8$	$10^3/_8$
11.	**Морлона.** Сц. «Изъ Севильск. цирюльн..	2	—	—	50	9	$14^1/_4$
12.	**Его-же.** «Изъ Свадьбы Фигаро».......	2	—	—	50	9	$14^1/_4$
17.	**Лейстенъ-Дюнтша.** «Имянины бабушки».	2	50	—	75	$15^3/_4$	12
18.	**Барабеля.** «Въ саду»................	2	50	—	75	$14^3/_4$	$10^1/_2$
19.	**Каульбаха.** «Знатная венеціанка».......	6	—	1	—	18	$15^1/_2$
20.	**Его-же.** «Знатная голландка».........	6	—	1	—	18	$15^1/_2$
21.	**Макарта.** «Средневѣковая знатная дама»	10	—	1	25	23	18
22.	**Зихеля.** «Марія Стюартъ, отправляющаяся на казнь»...............	11	50	1	25	$15^3/_4$	$22^3/_4$
23	«Маленькая кокетка».................	—	70	—	30	$9^3/_4$	$7^1/_2$
24.	«Шалунъ»...........................	—	70	—	30	$9^3/_4$	$7^1/_2$
25.	**Бюргерса.** «Театръ маріонетокъ».......	1	10	—	40	8	$14^1/_2$
26.	**Бюргерса.** «Кегли».................	1	10	—	40	8	$14^1/_2$
27.	**Эскюдье.** «Дѣвушка съ виноградомъ, на берегу»........................	3	50	1	—	18	$12^1/_4$
28.	**Эскюдье.** «Дѣвушка въ цвѣтахъ»......	3	50	1	—	18	$12^1/_4$
29.	**Стьюарта** «Мечты на терасѣ».........	8	—	1	25	$16^1/_4$	23
37.	**До** ⎱ урока Амура, преподаннаго	1	75	—	50	$12^3/_4$	9
38.	**Послѣ** ⎰ молодой дѣвушкѣ.	1	75	—	50	$12^3/_4$	9

№ по каталогу Редакц.	Названіе картинъ.	Цѣна картины.		Пересылка.		Мѣра картинъ. Въ вершкахъ.	
		р.	к.	р.	к.	Выш.	Шир.
39.	**Русса.** «Гаремъ».....................	5	25	1	25	$16^1/_4$	$22^1/_8$
40.	**Его-же.** «Діана»....................	4	50	1	25	$16^1/_2$	$22^1/_2$
41.	**Вольтце.** «Свиданіе»................	3	50	1	—	15	$18^1/_4$
42.	**Піо.** «Хочу учиться»................	1	40	—	60	$9^1/_4$	12
43.	**Его-же.** «Сердитая»................	1	40	—	60	$9^1/_4$	12
44.	**Лейстена.** «Чтеніе завѣщанія въ монастырѣ»..........................	2	—	—	75	13	$10^7/_8$
51.	**Андерса.** «Женская головка»..........	—	40	—	20	$5^5/_8$	$6^3/_4$
52.	**Его-же.** «Женская головка»..	—	40	—	20	$5^5/_8$	$6^3/_4$
55.	**Брошау.** «Пастушка»................	1	25	—	40	$8^5/_8$	$10^3/_8$
56.	**Фегера.** «Королевна и королевичъ».....	1	25	—	40	9	$11^1/_2$
57.	**Арнольда.** «Тюремный стражъ»........	2	50	—	75	$11^1/_4$	$15^1/_2$
	II. ВИДЫ.						
4.	**Могфорда.** «Рыбачье поселеніе»........	—	70	—	30	$7^1/_8$	$11^5/_8$
5.	**Его-же.** «Сельдяной промыселъ».......	—	70	—	30	$7^1/_8$	$11^5/_8$
13.	**Ригера.** «Въ Аппенинахъ»............	2	25	—	75	$14^1/_2$	$19^1/_2$
14.	**Краузе.** «Морской берегъ подлѣ Дувра».	2	25	—	75	$14^1/_2$	$19^1/_2$
15.	**Дунтце.** «Утро въ Нордфіордѣ»........	2	25	—	75	$14^1/_2$	$19^1/_2$
16.	**Его-же.** «Вечеръ въ Зюдфіордѣ».......	2	25	—	75	$14^1/_2$	$19^1/_2$
45.	**Ригера.** «Бальмораль»...............	3	50	1	—	$19^3/_4$	$14^1/_2$
46.	**Его-же.** «Вильгемсгое»...............	3	50	1	—	$19^3/_4$	$14^1/_2$
47.	**Его-же-** «Сансуси».................	3	50	1	—	$19^3/_3$	$14^1/_2$
48.	**Его-же.** «Виндзоръ»................	3	50	1	—	$19^3/_4$	$14^1/_2$
49.	**Монфорда.** «Кайнакскія скалы»........	3	—	1	—	$18^7/_8$	$11^1/_8$
50.	**Его-же.** «Пенменпульская переправа»...	3	—	1	—	$18^7/_8$	$11^1/_8$
53.	**Краузе.** «Приморскій видъ»...........	1	20	—	40	$13^1/_8$	$9^1/_2$
54.	**Его-же.** «На берегу въ Нормандіи».....	1	20	—	40	$13^1/_8$	$9^1/_2$

Кромѣ этихъ картинъ можно пріобрѣтать въ конторѣ Редакціи **преміи** прежнихъ годовъ по слѣдующей цѣнѣ:

№ по каталогу.	**I. ОЛЕОГРАФІИ.**	Цѣна картины.		Пересылка.	
		р.	к.	р.	к.
30.	Графиня Потоцкая.....................	—	40	—	30
31.	Графъ Кассельмонте....................	—	40	—	30
32.	Наказанное любопытство................	—	40	—	30
58.	Портретъ Государя Императора.........	—	20	—	25
59.	Малороссіянки, съ карт. **К. Е. Маковскаго**..	1	—	—	40
60.	На перевязочный пунктъ, съ картины пр. **Ковалевскаго**....................	—	75	—	40

№ по каталогу.	**II. ГРАВЮРЫ.**	Цѣна картины.		Пересылка.	
		р.	к.	р.	к.
33.	Тайная вечеря, съ карт. **Леонардо-да-Винчи**	—	30	—	20
34.	Продажа амулетовъ, съ картины г. **Семирадскаго**........................	—	30	—	20
35.	Свѣточи христіанства, съ карт. г. **Семирадскаго**........................	1	—	—	50
36.	Мадонна, съ картины **Мурильо**.........	1	25	—	50
61.	Явленіе Христа народу, съ карт. **Иванова.**	1	50	—	50
62.	Христосъ въ пустынѣ, съ карт. **Крамскаго.**	—	30	—	20

При выпискѣ не менѣе трехъ картинъ, на пересылку ихъ прилагается половина назначенной цѣны за пересылку. Картины высылаются по почтѣ тщательно навернутыми на палки только при выпискѣ ихъ на 1 рубль (считая съ пересылкой) и болѣе; выписывающимъ менѣе, чѣмъ на рубль, картины высылаются въ трубкахъ.

Литературныя преміи, вышедшія въ прошлыхъ годахъ, продаются по слѣдующимъ цѣнамъ:

1) Марко Фоскарини, драма Залевскаго, въ переводѣ **И. В. Омулевскаго**, съ илюстраціями на веленевой бумагѣ. Ц. 50 коп. съ пер. 70 коп.
2) Шекспиръ, А. Дауденса, съ илюстраціями на веленевой бумагѣ. Ц. 40 коп. съ пер. 60 коп.
3) Виндзорскія кумушки, комедія **Шекспира**, съ илюстраціями на веленевой бумагѣ, переводъ **П. И. Вейнберга** и **Н. И. Шульгина**, Ц. 75 коп. съ пер. 1 руб.

Кромѣ того продается, разсылавшееся приложеніемъ при журналѣ, «Жизнь и хозяйство», три тома, 1 р. 50 коп., съ перес. 2 рубля.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 декабря 1880 года.
Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ въ 1881 году.

Гг. подписчики на 1881 годъ получатъ слѣдующія преміи: **двѣ олеографическія картины**, прекрасно исполненныя за-границей (образцы ихъ уже получены редакціей). Преміи эти будутъ совершенно готовы къ 1 января, такъ что онѣ могутъ быть разосланы въ январѣ-же мѣсяцѣ всѣмъ гг. подписчикамъ, уплатившимъ деньги за годовое изданіе журнала.

Кромѣ олеографическихъ картинъ, гг. подписчики получатъ илюстрированную **литературную** премію, которая будетъ разослана въ ноябрѣ 1881 года.

Особымъ безплатнымъ приложеніемъ будетъ высылаться отдѣлъ «Парижскія моды» съ илюстраціями.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ. (А. Михайловъ).**

	Безъ доставки и пересылки.	Съ доставкою и пересылкою.
Подписная цѣна на журналъ: на годъ	**6** р.	**7** р.
» полгода	**3** р. **50** к.	**4** р.
» три мѣсяца	**2** р.	**2** р. **25** к.
За границу на годъ		**9** р.

Желающіе втеченіи года получить **шесть** модныхъ выкроекъ въ натуральную величину прибавляютъ къ годовой подписной суммѣ **60** коп. сер. Кто пожелаетъ получить художественныя преміи застрахованной посылкой приплачиваетъ **40** коп.; не внесшіе этой приплаты получатъ преміи въ трубкѣ, бандерольнымъ отправленіемъ.

За перемѣну адреса платятъ: съ городского на иногородній . . . **85** коп.
съ иногородняго на городской . . **1** р.
иногородняго на иногородній . . . **21** коп.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ,** Новая ул. д. № 6.

Вышелъ въ свѣтъ и продается у издателя М. Якобсона, Спб. Эртелевъ пер., 7, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россійской имперіи

ЖИВОПИСНЫЙ
ОБИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ
на 1881 г., съ приложеніемъ
СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ.

Печатанъ на розовой бумагѣ, съ художественно исполненными рисунками, въ объемѣ болѣе 80 страницъ. Содержаніе: Свѣденія церковн., астрон. генеалогическ., географическо-статистическія, истор., почтов., телеграф., желѣзно-дорож., комерч., медицин., хозяйствен., адресо-указат., разсказы, анекдоты, ребусы, стихотворенія, портреты, карикатуры, загадки и проч. Цѣна вмѣстѣ со «Стѣннымъ календаремъ» **30** коп. за перес. 10 коп.

РЕДАКЦІЕЙ

„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

ИЗДАНО

СОЧИНЕНІЕ А. МИХАЙЛОВА.

„НАШИ ДѢТИ“.

Содержаніе книги: Гл. I Вліяніе родителей на дѣтей до рожденія послѣднихъ. Гл. II Вытравленіе плода, дѣтоубійство. Гл. III Дѣти въ родной семьѣ, на воспитаніи у чужихъ, въ воспитательныхъ домахъ. Гл. IV Школа. Гл. V Дѣти-работники. Гл. VI Дѣти-бродяги, дѣти-нищіе, дѣти-фигляры. Гл. VII Дѣти-преступники. Гл. VIII Наказанія и филантропія. Гл. IX Заключеніе.

Цѣна: безъ пересылки 2 р. 20 к. съ пересылкой 2 р. 50 к. Гг. подписчикамъ на „Живописное Обозрѣніе“ книга эта уступается за 1 р. 50 к. безъ пересылки, 1 р. 75 коп. съ пересылкой.

Во всѣхъ петербургскихъ и московскихъ книжныхъ магазинахъ только что поступила въ продажу новая книга:

„МУЧЕНИКИ НАУКИ“.

Сочин. **ГАСТОНА ТИССАНДЬЕ.**

Переводъ съ французскаго, подъ редакціей Ф. Павленкова. Спб. 1880 г. 360 стр. съ 35 гравюрами и 20 портретами, роскошное изданіе, отпечатанное на веленевой глазированной бумагѣ.

Содержаніе: Герои труда и мученики прогреса.—Завоеваніе земного шара.—Изслѣдованіе высшихъ слоевъ атмосферы.—Открытіе системы міра.—Книгопечатаніе.—Научный методъ.—Творцы наукъ.—Промышленность и машины.—Паровыя суда и желѣзныя дороги.—Медицина.—Наука и отечество.—Трудовая армія науки. Цѣна 2 руб. **50** коп.

NB. Книгопродавцевъ просятъ обращаться за этой книгой въ книжный магазинъ Цвылева (Спб. Малая Садовая, № 2), гдѣ находится въ настоящее время складъ всѣхъ изданій Ф. Павленкова.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ ЖУРНАЛА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.
(второй годъ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1881 году въ томъ-же объемѣ, по той-же програмѣ и на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году.

Въ первыхъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» 1881 года будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія статьи:

«Черниговка». Быль второй половины XVII вѣка; **Н. И. Костомарова.**—«Ольховнякъ». Разсказъ изъ воспоминаній возвратившагося на родину изъ Сибири; **Его-же.**—«Несчастный». Неизданная повѣсть **Т. Г. Шевченки.**—«Дворянинъ-старовѣръ». Историческая повѣсть **Д. Л. Мордовцева.**—«Старые годы». Историческіе разсказы **В. С. Соловьева.**—«Решидъ-бей». Историческая повѣсть изъ эпохи переселенія кавказскихъ горцевъ въ Турцію; **В. И. Немировича-Данченко.**—«Религіозные мечтатели и нововѣры». Современные этюды **Н. С. Лѣскова.**—«Живые мертвецы». Очерки русскаго сектаторства; **В. Н. Майнова.**—«Морская экспедиція польскихъ повстанцевъ въ 1863 году»; **Н. В. Берга.**—«Потомокъ нормандскихъ герцоговъ на Камѣ». Изъ преданій прошлаго вѣка **П. А. Пономарева.**—«Школьные годы». Отрывокъ изъ воспоминаній **В. Г. Авсѣенки.**—«Выдержки изъ дневника» **В. И. Аскоченскаго.**—«Воспоминанія объ А. П Ермоловѣ»; **А. В. Фигнера.**—«Воспоминанія объ Я. П. Бутковѣ». **А. П. Милюкова.**—«Русскій путешественникъ по иностраннымъ государствамъ въ прошломъ вѣкѣ»; **Его-же.**—«Очерки русскаго придворнаго быта въ прошломъ столѣтіи». **Е. П. Карновича.**—«Разсказы изъ дѣлъ XVIII столѣтія». **Г. В. Есипова.**—«Русскій дипломатъ князь Б. П. Козловскій; **князя П. П. Вяземскаго.**—«Декабристъ среди людей шестидесятыхъ годовъ»; **В. О. Михневича.**—«Карточная игра и картежники на Руси съ древнѣйшихъ временъ»; **Его-же.**—«Августъ-Людвигъ Шлецеръ»; проф. **К. Н. Бестужева-Рюмина.**—«Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія. **И. Е. Забѣлина.**—«Обзоръ простонародной литературы». **Его-же.**—«Очерки украинской литературы нынѣшняго вѣка». Проф. **Н. И. Петрова.**—«Эпизодъ изъ литературы сороковыхъ годовъ». Акад. **М. И. Сухомлинова.**—«Университетская жизнь въ Кіевѣ 1869—1877 г.». Проф. **В. И. Модестова.**—«Афанасій Прокофьевичъ Щаповъ». Проф. **Н. Я. Аристова.**—«Разбойники и бѣглые послѣ Петра Великаго». **Его-же**—«Московскія вѣдомости во время французской революціи». Проф. **А. И. Кирпичникова.**—«Московскій словесникъ-моралистъ» (И. М. Снигиревъ). **Ф. И. Булгакова.**—«Послѣдніе пятнадцать лѣтъ въ исторіи русскаго просвѣщенія». **Его-же.**—«Шесть мѣсяцевъ въ средней Азіи». Путевыя записки проф. **Н. В. Сорокина.**—«Двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ». Проф. **А. А. Кочубинскаго.**—«Народные обычаи Абруццъ». Проф. **И. В. Цвѣтаева** и др.

Въ приложеніи къ «Историческому Вѣстнику» будутъ напечатаны два переводныхъ историческихъ романа: «Графиня Шатобріанъ» соч. **Лаубе,** и «Кромвель» соч. **Роденберга.**

Къ первымъ тремъ книжкамъ «Историческаго Вѣстника» будутъ приложены портреты нашихъ современныхъ историковъ: **К. Н. Бестужева-Рюмина, И. Е. Забѣлина,** и **Д. И. Иловайскаго,** гравированные въ Парижѣ извѣстнымъ граверомъ **Панемакеромъ.**

«Историческій Вѣстникъ» выходитъ ежемѣсячно книжками въ объемѣ до 16 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Подписная цѣна въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ: книжный магазинъ Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій просп., № 60. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ: Московское отдѣленіе книжнаго магазина «Новаго Времени», Никольская, домъ Ремесленной Управы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„СТРЕКОЗА“
VI-й ГОДЪ.

Широкое распространеніе нашего журнала освобождаетъ насъ отъ необходимости знакомить съ нимъ читающую публику; незнакомаго-же со «Стрекозою» въ скоромъ времени будутъ считать за человѣка mauvais ton'а, подобнаго тому, кто никогда не слышалъ еще ни одной итальянской оперы или не знаетъ о салонно-великосвѣтскомъ сочинительствѣ г. Болеслава Маркевича. «Стрекоза» и въ будущемъ году останется вѣрною своему сложившемуся уже характеру и своей програмѣ.

По прежнему это будетъ легкое и изящное настольное изданіе, всюду сующееся, всѣмъ интересующееся, обо всемъ толкующее и все неутомимо рисующее.

Въ нынѣшнемъ 1880 году наши подписчики получили большую, довольно цѣнную безплатную премію «Щедринскіе типы»—12 отдѣльныхъ большихъ листовъ съ групами (въ красивой оберткѣ), заимствованными изъ сочиненій нашего чтимаго сатирика М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина).

Въ будущемъ году хотя все останется по старому, редакція, однако, рѣшила ввести слѣдующія соотвѣтствующія ея жанру новинки:

Во-первыхъ, начиная съ января 1881 г., въ журналѣ будетъ появляться особыми страницами полная и законченная

„Исторія карикатуры въ образцахъ“.

Для исполненія этой задачи мы воспользуемся капитальными и очень интересными трудами Октава Сашо, Шанфлери и другихъ. Предметъ этотъ не можетъ не привлекать къ себѣ вниманія образованнаго человѣка. Ничто такъ близко не соприкасается съ исторіею цивилизаціи, какъ исторія карикатуры. Обзоръ нашъ начнется образцами античныхъ карикатуръ у грековъ и римлянъ, пройдетъ чрезъ средніе вѣка, внимательно остановится на карикатурномъ наслѣдствѣ конца XVIII вѣка и завершится второю половиной текущаго столѣтія. Образцы наши будутъ точными, художественно-исполненными копіями съ подлинниковъ.

Во-вторыхъ, всѣмъ годовымъ подписчикамъ роздана будетъ безплатная премія, сюжетомъ для которой избрано «Темное Царство»—галерея типовъ А. Н. Островскаго.

Во избѣжаніе однообразности въ рисункѣ, альбомъ этотъ будетъ исполненъ нѣсколькими нашими художниками. Каждый художникъ возьметъ на себя выработку только тѣхъ типовъ, которые ближе всего будутъ соотвѣтствовать индивидуальности его карандаша. Задачею журнала будетъ—отнестись съ такимъ-же тщаніемъ къ созданіямъ маститаго драматурга, съ какимъ,—смѣемъ думать—«Стрекоза» отнеслась въ нынѣшнемъ году къ типамъ нашего великаго сатирика Щедрина. «Темное царство» будетъ состоять изъ 16—20 отдѣльныхъ рисунковъ на толстой слоновой бумагѣ. Для удобства рисунки заключены будутъ въ особую изящную папку съ художественною виньеткой.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «СТРЕКОЗУ»:

Съ пересылкою во всѣ города. На годъ съ преміею. 10 *) р. По полугодіямъ безъ преміи 5 р. 50 коп. **).

Гг. иногородніе адресуются непосредственно въ редакцію журнала «Стрекоза», Лиговка, № 32.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	9 р.	5 р. — к.
Безъ доставки.................	8 »	4 » 50 »
За границу.....................	12 »	7 » — »

Городскіе-же обращаются со всякими требованіями своими и подпискою въ контору журнала по Михайловской улицѣ, въ домѣ «Европейской гостинницы».

Редакт. журн. «Стрекоза» **И. Ф. Василевскій (Буква).**
Издатель журнала «Стрекоза» **Германъ Корнфельдъ.**

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ"

Въ 1881 г: (годъ тринадцатый) будетъ издаваться подъ редакц. В. П. Острогорскаго, ежемѣсячными книжками не менѣе семи печатныхъ листовъ, съ политипажами въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложеніями. Годовое изданіе составитъ четыре тома, болѣе 20 листовъ каждый.

Журналъ **«Дѣтское Чтеніе»**:

1) Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія «одобренъ для библіотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ прогимназій и гимназій, а также рекомендованъ для чтенія въ семействахъ».

2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній «рекомендованъ военнымъ гимназіямъ и и прогимназіямъ, для чтенія воспитанниковъ младшаго возраста»

3) IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи «рекомендованъ для класныхъ библіотекъ женскихъ учебныхъ заведеній».

4) Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ «одобренъ къ допущенію въ духовныхъ училищахъ и къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій».

Въ журналѣ помѣщаются: небольшіе повѣсти и разсказы, очерки изъ народной жизни и быта промышленниковъ, біографіи, статьи по естественной исторіи, явленія природы, путешествія, техническія производства и промыслы, занятія, игры, задачи, и проч.

Приложеніе: Педагогическій Листокъ (для родителей и воспитателей). Большая часть статей посвящается начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто. Педагогическій Листокъ выходитъ 4 раза въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1881 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ:

Безъ доставки **5** р., съ доставкой и пересылкой **5** р. **75** к.

За Педагогическій Листокъ прилагается особо 1 руб.

Подписчики получаютъ журналъ съ № 1-го.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи- въ Новой улицѣ, д. № 10.

«Дѣтское Чтеніе» за прежніе года (1872, 1873, 1874 и 1875) продается: въ бумажной оберткѣ—3 р. за годъ, составляющій два тома; пересылка за 6 фунтовъ. За 1876 г.—5 р., въ переплетѣ 6 р., пересылка за 8 фун. по разстоянію, за 1877, 1878, 1879 и 1880 г.—по 6 р.; въ тисненомъ золотомъ переплетѣ 7 р. 50 к. и пересылка за 9 ф. по разстоянію.

Въ Редакціи заготовлено небольшое количество роскошныхъ крышекъ для переплетовъ журнала «Дѣтское Чтеніе» 1880 г. Цѣна 1 р. 25 коп., пересылка за 3 фунта, по разстоянію.

Контора Редакціи отвѣчаетъ за своевременную доставку журнала только предъ тѣми подписчиками, которые подписались въ конторѣ Редакціи.

«Дѣтское Чтеніе» за 1869, 1870 и 1871 года все распродано.

Редакторъ **В. П. Острогорскій.**
Издатель **В. П. Бородинъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ

„ДОНСКОЙ ПЧЕЛЫ"

ГАЗЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ.

Съ 1-го января 1881 года «Донская Пчела» будетъ издаваться по той же програмѣ, какъ издавалась въ предыдущія пять лѣтъ, два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ, по одному листу большого формата, въ 5-ти столбцахъ.

«Донская Пчела» имѣетъ своею главною цѣлью обсужденіе вопросовъ, относящихся до нуждъ и интересовъ При-азовскаго края, давая, впрочемъ, мѣсто, какъ видно изъ предыдущихъ годовъ, и тѣмъ вопросамъ, которые составляютъ въ данное время общій животрепещущій интересъ.

Въ 1881 году, какъ и прежде, почти въ каждомъ нумерѣ кромѣ тѣхъ свѣденій, какія обыкновенно даетъ столичная пресса, будутъ помѣщаться передовыя или руководящія статьи, относящіяся до нуждъ и интересовъ края, ежедневная хроника текущихъ явленій изъ мѣстной жизни, кореспонденціи, биржевая хроника: цѣны продуктамъ на мѣстныхъ рынкахъ и проч., судебная хроника, фельетонъ и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою въ Ростовѣ на Дону:

на годъ..................	6 р. — к.
» полгода..............	3 » 50 »
» 3 мѣсяца............	2 » — »

съ пересылкою иногороднымъ:

на годъ..................	7 р. — к.
» полгода..............	4 » — »
» 3 мѣсяца............	2 » 50 »

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Донской Пчелы» въ Ростовѣ на Дону, на Большой Садовой улицѣ, въ д. И. А. Теръ-Абраміанъ (бывшій Драшковича). Иногородніе благоволятъ адресоваться: въ редакцію «Донской Пчелы» въ Ростовъ на Дону.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, написавъ свои полные адресы четко и разборчиво.

Редакторъ-издатель **И. А. ТЕРЪ-АБРАМІАНЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ НА

„СВѢТЪ ВЪ КАРТИНАХЪ"

ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

Годъ IV.

Съ тремя изящно исполненными олеографическими преміями. Годовая цѣна **3 руб. 60 коп.**

Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, юмористическіе очерки и картинки, историческіе, біографическіе и бытовые очерки, общедоступныя бесѣды о наукахъ, искуствахъ, литературѣ, отчеты о главнѣйшихъ процесахъ, мелкія замѣтки о замѣчательныхъ и курьезныхъ явленіяхъ, анекдоты и карикатуры.

Редакція, продолжая неустанно работать на улучшеніе журнала, будетъ стараться доказать достоинство изданія не рекламами и обѣщаніями, а разнообразіемъ и богатствомъ помѣщаемыхъ статей и возможно лучшими илюстраціями.

Редакціи пріятно извѣстить своихъ читателей, что на 1881 годъ она поставлена въ возможность предложить имъ такія роскошныя олеографическія преміи, полныя художества и красоты, которыя въ состояніи удовлетворять самый утонченный вкусъ и которыя, безъ сомнѣнія, превзойдутъ всякія ожиданія.

Премія I. Сцена изъ оперы: **«Свадьба Фигаро»**. II. Сцена изъ оперы: **«Севильскій цирюльникъ»**. III. **«Большой ландшафтъ»**, въ размѣрахъ прошлогодняго ландшафта.

За каждую картину приплачивается по **80** коп.

Всѣ преміи высылаются немедленно, по полученіи требованія.

Подписка принимается въ конторѣ А. А. Шейнфлуга въ Ригѣ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Олеографическая премія: **«Свадьба Фигаро»**. За перес. **80** коп.

Олеографическая премія: **«Севильскій цирюльникъ»**. За перес. **80** коп.

Олеографическая премія: **«Большой ландшафтъ»**. За перес. **80** коп. Вышина $11^1/_4$ верш. Ширина 16 верш.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ВРАЧЪ"

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ И ВЪ ПРЕДСТОЯЩЕМЪ 1881 ГОДУ.

Не дѣло редакціи оцѣнивать, какъ она выполнила свою задачу въ истекающемъ году въ качественномъ отношеніи. Скажемъ только, что мы хорошо сознавали и сознаемъ слабыя стороны нашего дѣла и употребимъ всѣ усилія, чтобы обставить его возможно лучше.

Что-же касается до количественнаго выполненія обѣщаннаго, то, благодаря сочувствію товарищей, которое сказалось между прочимъ числомъ подписчиковъ, далеко превысившимъ наши самыя смѣлыя ожиданія, мы имѣли возможность не только давать по 2 листа въ № вмѣсто $1-1^1/_2$, но прибавить также и рисунки.

Програма «Врача» остается таже, а именно:

1) Статьи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины и по такимъ вопросамъ неклиническихъ медицинскихъ наукъ, которые имѣютъ прямой клиническій интересъ.

2) Статьи по общественной и частной гигіенѣ.

3) Статьи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и общественной дѣятельности врачей.

4) Біографіи, некрологи и статьи по исторіи медицины, преимущественно русской.

5) Критическія статьи и рецензіи нѣкоторыхъ иностранныхъ и главнѣйшихъ русскихъ книгъ, касающихся програмы «Врача»; кромѣ того, библіографическій перечень по возможности всѣхъ медицинскихъ книгъ и журнальныхъ статей, выходящихъ на русскомъ языкѣ.

6) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересовать врачей.

7) Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ текущей журнальной пресы, какъ иностранной (преимущественно англійской, нѣмецкой, французской, итальянской и польской), такъ и русской; рефераты составляются почти исключительно по подлинникамъ, а если подлинника достать нельзя, то всегда указывается, откуда заимствованъ рефератъ; въ распредѣленіи рефератовъ, насколько это выполнимо въ еженедѣльномъ изданіи, будетъ соблюдаться групировка по спеціальностямъ.

8) Хроника всѣхъ явленій русской и заграничной жизни, поскольку эти явленія представляютъ спеціальный интересъ для врачей.

9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ рекламъ о тайныхъ средствахъ.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора—профессора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (Петербургъ, Симбирская, 57, кв. 4).

Цѣна за годовое изданіе (еженедѣльно $1-1^1/_2$ листа), какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 р., а за полгода 4 р. 50 к. Подписка принимается у издателя—К. Л. Риккера (Невскій, 14, въ Петербургѣ).

ВѢДОМОСТИ ОДЕССКАГО ГРАДОНАЧАЛЬСТВА

будутъ выходить въ 1881 году по прежней програмѣ, ежедневно (кромѣ дней послѣ праздничныхъ).

Условія подписки.

Для городскихъ подписчиковъ: безъ доставки на годъ 4 р., полгода 2 р. 50 к., 1 мѣсяцъ 50 к. Съ доставкою на годъ 5 р., полгода 3 р., 1 мѣсяцъ 75 к.

Для иногороднихъ: съ пересылкою на годъ 6 р., полгода 3 р., 1 мѣсяцъ 75 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ «Вѣдостей Одесскаго Градоначальства», на Преображенской ул., д. Мими.

Воспроизводя на своихъ столбцахъ всѣ текущія новости и событія дня, отзываясь на всѣ болѣе или менѣе выдающіеся общественные вопросы, «Вѣдомости» даютъ своимъ читателямъ, кромѣ массы разнообразныхъ свѣденій и новостей, ежедневный телеграфическій бюлетень (Международнаго телеграфнаго агентства) о всѣхъ крупнѣйшихъ событіяхъ и явленіяхъ въ жизни Россіи и Европы.

Кромѣ того «Вѣдомости» имѣютъ еще то важное преимущество, что всѣ распоряженія администраціи края обнародываются исключительно чрезъ «Вѣдомости Градоначальства».

Редакція приняла всѣ мѣры, чтобы придать этому изданію возможно большую полноту и интересъ для читателей всѣхъ класовъ общества.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ОРЛОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

1881 ГОДА.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою на домъ:

На простой бумагѣ, на годъ: 4 р. 20 к., на 8 мѣс. 3 р., на 6 мѣс. 2 р. 60 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 70 к.

На лучшей бумагѣ, на годъ: 5 р. 20 к., на 8 мѣс. 4 р., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р., на 1 м. 1 р.

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, въ Редакціи—въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, а въ прочихъ городахъ орловской губерніи—въ мѣстныхъ полицейскихъ управленіяхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ 1881 Г. ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

„РУССКІЙ ЕВРЕЙ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Съ января будущаго 1881 года **«Русскій Еврей»** вступаетъ въ третій годъ своего существованія. Та часть читающей публики, для которой изданіе, подобное нашему, представляетъ интересъ, пускай судитъ, насколько мы стремились приблизиться къ намѣченной нами цѣли, насколько мы старались, съ одной стороны, раскрыть внутренній міръ евреевъ и ихъ міросозерцанія для тѣхъ, которые искренно желаютъ знакомиться съ еврействомъ; насколько, мы, съ другой стороны, старались воздѣйствовать на еврейство въ смыслѣ поднятія его нравственнаго и умственнаго уровня и улучшенія матеріальнаго быта евреевъ. Нѣкоторое знакомство лицъ, интересующихся еврействомъ, съ нашимъ изданіемъ избавляетъ насъ отъ необходимости прибѣгать къ заявленіямъ насчетъ характера нашей газеты, ея цѣли и направленія; во всякомъ случаѣ, мы намѣрены слѣдовать и въ будущемъ 1881 году по разъ избранному направленію, стараясь только, по мѣрѣ возможности, сдѣлать разныя улучшенія какъ расширеніемъ уже существующихъ, такъ и заведеніемъ новыхъ отдѣловъ. Уступая искони сложившемуся обычаю и печатая настоящее объявленіе, мы ограничимся лишь указаніемъ нѣкоторыхъ авторовъ, статьи которыхъ, между прочимъ, печатались въ «Русскомъ Евреѣ», и сотрудничествомъ которыхъ мы заручились и на будущее время.

---

*) За журналъ 9 р. 50 к. и 50 за пересылку преміи.

**) Просятъ не прилагать мелочи почтовыми марками.

Блюменфельдъ Г. Блюменфельдъ Ф., раввинъ. Богровъ Г. Брандъ Б. Брукъ Я., раввинъ. Баскинъ В. Гаркави А., д-ръ. Гетцъ Ф., Гольденвейзеръ М. Гурвичъ О. Канторъ Л., д-ръ. Кауфманъ А. Кацанъ А. Каценельсонъ Л., д-ръ. Кулишеръ Р., д-ръ. Леванда В. Леванда Л. Левинъ С. Минаевъ Д. Миноръ З., раввинъ. Оршанскій И., д-ръ. Пальтель П. Прессъ А. Рабиновичъ Г. Шкляревскій А. и мн. др.

Фельетоны будутъ по прежнему писать извѣстные читателямъ псевдонимы **Буки-бенъ-Іогли, Бенъ-багъ-багъ** и **Провинціалъ.**

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ «РУССКАГО ЕВРЕЯ» СЛѢДУЮЩІЕ:

I. Передовыя.—II. Публицистическія статьи—представляютъ разработку еврейскаго вопроса съ экономической, юридической, религіозной и др. его сторонъ.—III. Внутреннее обозрѣніе—выдающіяся явленія общественной жизни русскихъ евреевъ и ихъ освѣщеніе.—IV. Корреспонденціи.—V. Разныя извѣстія изъ газетъ, касающіяся русскихъ евреевъ.—VI. Среди газетъ и журналовъ—знакомитъ читателей со взглядами и сужденіями русской періодической печати о евреяхъ и представляетъ оцѣнку этихъ сужденій.—VII. Привислянская хроника—знакомитъ съ жизнью евреевъ Царства Польскаго въ параллели съ жизнью и бытомъ евреевъ другихъ мѣстностей.—VIII. Иностранное обозрѣніе.—IX. Изъ всѣхъ странъ свѣта. Факты и явленія изъ жизни заграничныхъ евреевъ.—X. Заграничныя корреспонденціи.—XI. Критика и библіографія.—XII. Учено-литературный отдѣлъ: статьи историческаго и научнаго содержанія. Біографія замѣчательныхъ еврейскихъ дѣятелей (съ портретами).—Белетристика. Стихотворенія.—XIII. Фельетоны.—XIV. Смѣсь.

Условія подписки:

Въ С.-Петербургѣ на годъ: 6 р., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р.

Во всѣ города Имп. съ пер. на годъ: 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к.

За границею на годъ: 12 р., на 6 мѣс. 7 р., на 3 мѣс. 4 р.

Допускается разсрочка подписн. денегъ: при подпискѣ 3 р., черезъ 3 мѣсяца 2 р., черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ подписки 2 р.

Учителя учебныхъ заведеній, учащіеся и духовныя лица, выписывающіе газету непосредственно черезъ главную контору, пользуются уступкою въ 20%.

Отдѣльные нумера по 20 к.

За объявленія по 8 коп. за строку петита.

Редакція и главная контора помѣщаются въ С.-Петербургѣ, Измайловскій проспектъ, д. № 7.

Издатель **Г. Рабиновичъ.** Ред.-изд. **Л. Берманъ.**

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продается: **Философія безсознательнаго, дарвинизмъ и реальная истина.** Ц. 1 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

КОТОРАЯ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ Москвѣ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Сознательная потребность слѣдить изо дня въ день за тѣми явленіями политической и общественной жизни, которыя, быстро смѣняясь, оставляютъ за собою болѣе или менѣе глубокій слѣдъ, все сильнѣе и настоятельнѣе ощущается въ нашей читающей публикѣ и задача ежедневной газеты заключается прежде всего въ удовлетвореніи этой потребности. Но для успѣшнаго выполненія этой задачи, во всемъ ея объемѣ, необходима совершенно особая организація редакціоннаго дѣла, при которой редакція являлась бы однимъ изъ конечныхъ пунктовъ телеграфной проволоки. Такую именно организацію имѣетъ редакція Московскаго Телеграфа.

Газета Московскій Телеграфъ будетъ имѣть существенное отличіе отъ всѣхъ прочихъ газетъ. Это будетъ первая въ Россіи телеграфная газета, половина содержанія которой будетъ непосредственно получаема редакціей по телеграфной проволокѣ. При этомъ условіи каждый № Московскаго Телеграфа представитъ собою полный и точный обзоръ всѣхъ событій и извѣстій того дня, въ который этотъ № поступитъ въ печать. Такимъ образомъ, большая часть извѣстій дойдутъ до читателей Московскаго Телеграфа ранѣе, чѣмъ эти извѣстія появятся въ другихъ газетахъ.

Это одна сторона изданія. Что касается другой его стороны—направленія, выраженіемъ котораго служитъ критическая оцѣнка сообщаемыхъ фактовъ, то, избѣгая громкихъ словъ, редакція можетъ только обѣщать своимъ читателямъ, что Московскій Телеграфъ будетъ честно служить истинѣ.

ПРОГРАМА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1. Руководящія статьи.
2. Офиціальный отдѣлъ. Дѣйствія правительства.
3. Телеграмы собственныхъ кореспондентовъ газеты и Международнаго Телеграфнаго Агентства.
4. Хроника Москвы: отчеты о засѣданіяхъ общественныхъ и сословныхъ учрежденій и т. п.; дневникъ происшествій.
5. Внутреннія извѣстія.
6. Судебная хроника и юридическій отдѣлъ.
7. Библіографія и критическая оцѣнка всѣхъ наиболѣе выдающихся произведеній русской и заграничной печати.
8. Иностранныя извѣстія.
9. Фельетонъ. Статьи научнаго содержанія. Литературныя статьи. Общественная жизнь, театръ, музыка и пр.
10. Мелкія извѣстія.
11. Объявленія, казенныя и частныя.

Редакція постарается добросовѣстно выполнить эту широкую програму. Высочайшія повелѣнія, грамоты, указы, правительственныя сообщенія, распоряженія всѣхъ министерствъ, а также приказы и распоряженія по военному вѣдомству будутъ печататься въ Московскомъ Телеграфѣ одновременно съ ихъ обнародованіемъ. Читатели, интересующіеся биржевыми свѣденіями, найдутъ въ Московскомъ Телеграфѣ подробныя и точныя торговыя телеграмы изъ Петербурга, Одессы, Риги, Берлина, Лондона, Нью-Іорка, Парижа, Ливерпуля, Гамбурга, Амстердама, Антверпена и друг. городовъ. Въ отдѣлѣ справокъ, кромѣ обычныхъ свѣденій, будутъ помѣщаемы судебные указатели дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ касаціонномъ департаментѣ сената и въ судебныхъ палатахъ.

Въ литературномъ отдѣлѣ и фельетонѣ Московскаго Телеграфа принимаютъ участіе извѣстные писатели.

Подписка на Московскій Телеграфъ принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ домѣ Кредитнаго Общества.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

ВЪ РОССІИ.

На годъ съ 1 января 1881 г., безъ доставки: 14 р. 50 к., на 6 мѣс. 8 р. 50 к., на 3 мѣс. 5 р., на 2 мѣс. 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 75 к. Съ доставкою: 16 р., 9 р. 50 к., 5 р. 50 к., 4 р., 2 р. Съ пересылкою: 17 р., 11 р., 7 р., 5 р., 2 р. 50 к.

ЗА ГРАНИЦУ.

На годъ съ 1 января 1881 г. Въ страны, вошедшія въ почтовый союзъ: 26 р. 20 к., на 6 мѣс. 14 р., на 3 мѣс. 8 р., на 2 мѣс. 6 р., на 1 мѣс. 3 р. 50 к. Въ страны, не вошедшія въ почт. союзъ: 47 р., 28 р., 15 р., 11 р. 50 к., 6 р.

Допускается разсрочка взноса подписныхъ денегъ: для служащихъ—по третямъ и четвертямъ года и помѣсячно чрезъ казначеевъ; для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ, безъ доставки: 5 р., 1 марта 3 р., 1 мая 3 р., 1 іюля 3 р. 50 к. Съ доставкой: 5 р., 3 р., 3 р., 5 р. Съ пересылкою: 6 р., 3 р., 4 р., 4 р.

Иногородніе подписчики адресуютъ свои требованія: въ Москву, въ редакцію газеты «Московскій Телеграфъ».

Издатель и отвѣтственный редакт. **И. Родзевичъ.**

Открыта подписка на изданія **Н. Д. Шигарина**

въ **1881** году,

(ГОДЪ ТРЕТІЙ).

I.

„БИБЛІОТЕКА ЗАПАДНОЙ ПОЛОСЫ РОССІИ“.

Два тома. Содержаніе: оригинальные и переводные романы, повѣсти и стихотворенія; статьи публицистическія, историческія, этнографическія и бытовыя; западнорусская хроника; критика и библіографія.

II.

„ЗАПАДНОРУСЕЦЪ“.

Два тома. Програма таже, что и предъидущаго изданія.

III.

“БИБЛІОТЕКА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАПАДНАГО КРАЯ“.

Два тома. Содержаніе видно изъ заглавія изданія.

Независимо отъ того гг. подписчикамъ втеченіи года будетъ выслано **шесть** брошюръ по различнымъ вопросамъ западнорусской жизни.

Подписная цѣна на всѣ **двѣнадцать** выпусковъ съ пересылкою и доставкою **девять** рублей.

Подписка принимается въ Кіевѣ, въ редакціи «Библіотеки Западной полосы Россіи» и въ кн. магазинѣ **Корейво** на Крещатикѣ, въ домѣ Линниченко.

Въ редакціи можно получать «Библіотеку» и «Западнорусецъ» за прошлые годы, по 1 р. 50 коп. за томъ. Между прочимъ въ нихъ помѣщены: **Костомаровъ** Братъ и сестра, **Мордовцевъ** Крымская неволя, **Спасовичъ** Шляхетскіе полюбовные суды, **Минаевъ** Финляндія, **Богровъ** Нѣжный братецъ, **Оржешко** Мееръ Эзофовичъ, **Крашевскій** Барыня-красавица, Днѣвникъ старика, **Кулишъ** Дѣвичье сердце, **Литвосъ** Наброски углемъ, **Ржевускій** Воспоминанія Соплицы, **Топеліусъ** Финскіе разсказы и мн. др. Первый томъ «Библіотеки» 1879 года совершенно разошелся и въ продажѣ болѣе не имѣется.

Н. Д. Шигаринъ.

Съ 1-го января 1881 г. въ С.-Петербургѣ будетъ издаваться безъ предварительной цензуры

„ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ“,

въ которомъ примутъ участіе слѣдующіе художники: **М. Боткинъ, П. Брюлловъ, В. Верещагинъ, В. Васнецовъ, И. Крамской,** баронъ **М. П. Клодтъ, Л. Лагоріо, К. Лемохъ, А. Ленскій** (артистъ московскихъ императорскихъ театровъ), **В. Маковскій, В. Масаловъ, А. Мещерскій, В. Перовъ, В. Полѣновъ, И. Рѣпинъ, К. Савицкій, Суриковъ, И. Шишкинъ, Шишковъ** и **А. Шарлеманъ.**

Приступая къ изданію совершенно новому по характеру, считаемъ долгомъ нѣсколько объясниться съ читателемъ. Если кто думаетъ, что художественный журналъ—что-то научное, сухое, спеціальное, тотъ ошибется, подводя наше изданіе подъ эту категорію. Ничего особенно научнаго, ничего сухого, спеціальнаго, ни даже систематическаго курса исторіи искуства редакція предлагать своимъ читателямъ не намѣрена. Для науки, для исторіи искуства существуетъ академія, существуютъ университетскія кафедры, наконецъ, отдѣльныя спеціальныя сочиненія, цѣлыя библіотеки; наша же задача—это искуство въ данную минуту, въ той живой органической связи съ интересами общества, которые составляютъ насущную потребность каждаго мыслящаго и развитаго человѣка.

При такой задачѣ програма журнала заключается въ слѣдующемъ: 1) Белетристическій отдѣлъ: повѣсти, разсказы, сцены и т. п. по преимуществу изъ жизни русскихъ художниковъ. Біографіи художниковъ (въ повѣствовательной формѣ), а также и замѣчательныхъ дѣятелей въ искуствѣ. 2) Критическій отдѣлъ: критическія статьи по искуству. Художественный фельетонъ. Рецензіи и критическія замѣтки, касающіяся какъ художественныхъ произведеній, такъ равно и книгъ по искуству. 3) Смѣсь. Теоретическія и практическія указанія и совѣты какъ художникамъ, такъ и любителямъ. Обзоры дѣятельности русскихъ художественныхъ обществъ и школъ, существующихъ въ Россіи. Разныя мелкія замѣтки, извѣстія и слухи. 4) Послѣдняя страница. Справочный отдѣлъ, въ который войдутъ по преимуществу отвѣты на запросы публики и художниковъ. 5) Приложеніе: «Художественный альбомъ».

«Художественный альбомъ» будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: 1) рисунковъ и портретовъ въ форматѣ самого журнала и 2) картинъ въ форматѣ большого альбома.

Всѣ рисунки и портреты въ «Художественномъ Журналѣ» будутъ исполнены посредствомъ фотолитографіи, фотогравюры и гравюры на мѣди (офортъ).

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно въ форматѣ большой книги отъ трехъ до четырехъ листовъ.

Годовые подписчики получатъ журналъ съ приложеніемъ, которое будетъ состоять изъ 20 или 24 оригинальныхъ рисунковъ и портретовъ, прилагаемыхъ ежемѣсячно при журналѣ и отдѣльнаго большого альбома, который данъ будетъ въ видѣ преміи въ концѣ года. Полугодовые подписчики получатъ журналъ съ рисунками и портретами, но безъ преміи.

Цѣна журнала съ приложеніемъ, съ пересылкой и доставкой на годъ 6 руб и на полгода—4 руб.; безъ приложенія на годъ 3 руб. и на полгода 2 руб.

Въ 1-мъ номерѣ въ белетристическомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены «Воспоминанія и характеристики: 1) **В. В. Верещагинъ во время войны**»—**В. И. Немировича-Данченко**; въ критическомъ отдѣлѣ. **„Талантъ А. И. Куинджи и значеніе этого таланта для русскаго искуства“.** Обзоры выставокъ и смѣсь. Въ приложеніи къ первому номеру войдутъ: портретъ съ факсимилэ **А. И. Куинджи** и новая картина **В. Маковскаго** «à quatre mains».

Подписка принимается: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго и Троицкаго (подъѣздъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени» и Мамонтова, на Невскомъ, и въ эстампныхъ: Фельтена и Беггрова, на Невскомъ; въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту и въ эстампныхъ: Доціаро, на Кузнецкомъ, и Осберга на Петровкѣ.

Гг. иногородніе благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи. Петербургъ, уголъ Невскаго и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ-издатель **Н. Александровъ.**

„МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

«Московскія Церковныя Вѣдомости» имѣютъ въ виду доставлять чтеніе не духовнымъ только, но и свѣтскимъ читателямъ, которые вообще мало знакомы съ жизнію церкви. Въ програму церковной газеты между прочимъ будутъ входить: 1) Статьи посвященныя обсужденію различныхъ фактовъ изъ современной религіозно-нравственной жизни русскаго народа и въ особенности изъ жизни духовенства; 2) церковная статистика, археологія и исторія; 3) очерки народныхъ суевѣрій, современнаго состоянія раскола и нравственной жизни русскаго общества; 4) біографическія замѣтки о наиболѣе замѣчательныхъ среди духовенства дѣятеляхъ; 5) замѣтки по различнымъ вопросамъ пастырской практики; 6) библіографическія замѣтки о вновь появляющихся въ духовной и свѣтской литературѣ замѣчательныхъ сочиненіяхъ, а равно замѣчательныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, отзывы о книгахъ, издаваемыхъ для народа; 7) разныя новости мѣстныя, иногородныя, иностранныя, кореспонденціи; 8) свѣденія о ходѣ церковно-училищнаго дѣла и о церковной благотворительности. Кромѣ того въ газетѣ будетъ существовать **«Миссіонерскій отдѣлъ»** (вмѣсто прекратившагося съ 1879-мъ годомъ изданія **«Миссіонеръ»**), гдѣ будетъ обращено главное вниманіе на состояніе русскаго мисіонерства, а потомъ и на дѣятельность западныхъ миссій. Редакція постарается о введеніи въ этотъ отдѣлъ этнографическаго элемента—описанія нравовъ, обычаевъ, вѣрованій и условій жизни тѣхъ малоизвѣстныхъ народовъ, среди которыхъ дѣйствуютъ христіанскія миссіи.

Цѣна «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей» въ 1881 г.—безъ доставки и пересылки **3** р. **50** к., съ доставкою и пересылкою **4** р. **50** к.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ Епархіальной библіотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ; въ редакціи «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей» на Донской, въ приходѣ Ризположенской церкви, въ квартирѣ протоіерея Виктора Петровича Рождественскаго.

Открыта подписка на 1881 годъ на самый полный и практическій дамскій илюстрированный семейно-рукодѣльный журналъ, (издаваемый торговымъ домомъ модныхъ вещей и бѣлья А. Тарачешникова, поставщика двора ея импер. высоч. госуд. вел. княг. Александры Петровны

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ. ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

„МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ"

Съ 24 безплатн. раскраш. акварелью прилож. парижскихъ модъ, стоющихъ (безъ текста) въ Парижѣ **18** руб.

Цѣна изданію за годъ съ 1-го января по 1-е января со всѣми безплатными приложеніями, съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи **3** р. **50** к.

Журналъ даетъ въ годъ 24 № (выходящій 1 и 15 числа каждаго мѣсяца) большого формата на веленевой бумагѣ, съ 1,000 литографированными рисунками дамскаго и дѣтскаго туалетовъ, бѣлья и женскихъ рукодѣлій и проч. 300 выкроекъ на 24 большихъ листахъ; 12 вырѣзныхъ патроновъ—всѣ въ ростъ человѣка, и кромѣ того при каждомъ № безплатно раскрашенная картинка, рисованная лучшими художниками и получаемая нами прямо изъ Парижа.

Всѣ рисунки туалетовъ заимствуются не изъ одного какого-нибудь нѣмецкаго изданія, какъ это дѣлаютъ всѣ модные журналы, издающіеся въ Россіи, а съ парижскихъ моделей и еще изъ 20 самыхъ лучшихъ французскихъ изданій (нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., «Le Courrier de la Mode», стоятъ до 27 р.). Подъ каждымъ туалетомъ объясняется, какъ слѣдуетъ подбирать полонезы или тюники, сколько идетъ аршинъ матеріи и гарнировки на весь туалетъ и назначена цѣна, что стоитъ вещь въ готовомъ видѣ въ нашемъ торговомъ домѣ.

Въ журналъ войдутъ туалеты для пожилыхъ и полныхъ особъ; дамское, дѣтское и мужское бѣлье будетъ помѣщено въ совершенно полномъ составѣ, особенное вниманіе редакція обратитъ на выборъ приданаго, а также на домашніе туалеты въ отношеніи ихъ экономіи, т. е. будутъ помѣщаться туалеты, на которые требуется меньше матеріи и гарнировки, нисколько не теряя изящества фасона.

Гг. подписчики могутъ выписывать отдѣльный сметанный патронъ любой вещи, по своей таліи, высылая для этого мѣрку по указанію фигуръ, помѣщенныхъ въ 1-хъ №№ журнала; за каждый подобный патронъ платится 40 к. съ пересылкою. (Не подписчики—1 р. 50 к.). Въ каждомъ № будутъ помѣщены: подробное модное обозрѣніе, хозяйственный отдѣлъ и гигіеническія свѣденія.

Полное изданіе (подъ названіемъ 1-е) даетъ, кромѣ вышеупомянутыхъ приложеній, еще къ каждому рисунку вырѣзную выкройку во весь ростъ и при подпискѣ, въ видѣ безплатной преміи (стоющ. въ продажѣ 6 р.), большую олеографическую (маслян. красками) картину академика Ю. Клевера.

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ"

(эфектный русскій пейзажъ, освѣщенный лучами заходящаго солнца).

Цѣна этому полному изданію (подъ названіемъ 1-е) съ доставкою и перес. 7 руб. Изданія, одобренныя въ выдающ. орган. печати, по уменьшенной цѣнѣ для подписчиковъ: большія картины, исполненныя масляными красками (олеографіею) знаменитыхъ художниковъ русской школы:

„РУСАЛКИ" профессора К. Е. Маковскаго. (Оригиналъ пріобрѣтенъ Государемъ Императоромъ для Эрмитажа). Цѣна (скоропечатокъ) 5 р., съ перес. 6 р., для подписч. 3 р., съ перес. 3 р. 60 к. Цѣна ручного оттиска 10 р., для подписч. 6 р., съ перес. 6 р. 60 к.

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ" картина академика Ю. Клевера. (Оригиналъ, бывшій на выставкахъ: въ Академіи Художествъ и Мюнхенской—1879 г., пріобрѣтенъ въ Лондонѣ). Цѣна 5 р., съ перес. 6 р. NB. Гг. подписчики кромѣ одного дарового экз., выдаваемаго въ видѣ преміи при подпискѣ, имѣютъ право получить еще другой экз. по уменьшенной цѣнѣ 3 р., съ перес. 3 р. 60 к.

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ РУССКОЙ ДЕРЕВНѢ" (пейзажъ, срисованный съ натуры П. Куріаръ, изъ школы Лагоріо). Цѣна 5 р., съ перес. 6 р., для подписч. 3 р., съ перес. 3 р. 60 к.

PS. Имѣются въ большомъ выборѣ различныя **рамки**, новѣйшихъ рисунковъ, цѣною отъ 3 р. до 20 руб. Пересылка рамокъ 1 р.

ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ:

Полное илюстрированное руководство ко всѣмъ дамскимъ рукодѣліямъ съ 105 рисунками въ текстѣ, объясняющемъ, какъ удобнѣе и легче научиться всевозможнымъ работамъ: бѣлой вышивкѣ; вышивкѣ гладью, шнуркомъ; вышивкѣ бумажною пряжею, золотомъ, шелкомъ, синелью; шитью по канвѣ; вязанью на спицахъ, тамбуромъ; филе, гипюръ фриволите; шерстяныхъ цвѣтовъ; мозаики; работъ бисеромъ, стеклярусомъ; бахромы, кистей и т. п. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп., для гг. подписчиковъ 1 руб. съ перес.

Общедоступный альбомъ монограмъ (3 изданіе). Цѣна съ перес. 60 коп., для подписчиковъ 50 к.

Альбомъ монограмъ для дамскихъ семейно-рукодѣльныхъ работъ. Посвященн. Ея Императ. Высоч. Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ. Альбомъ предназначенъ необходимымъ пособіемъ для занятій рукодѣльями въ семействахъ, школахъ, пріютахъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; заключаетъ въ себѣ болѣе 1,000 гравюръ для дамскихъ семейно-рукодѣльныхъ работъ, 17 алфавитовъ азбукъ, русскихъ, славянскихъ, готическихъ, французскихъ и нѣменкихъ, коронъ, вензелей въ русско-славянскомъ стилѣ, 24 вензеля англійскаго шрифта; Государственный гербъ; 69 гербовъ россійскихъ губерній. Альбомъ напечатанъ на 32 листахъ толстой слоновой бумаги разноцвѣтными красками. Цѣна съ перес. 2 р. 50 к., для подписчиковъ 1 р. 40 к.

Адресоваться въ редакцію журнала «Модныя Выкройки» (при Олеографическомъ заведеніи торговаго дома А. Тарачешникова) С.-Петербургъ, Караванная ул., д. № 18.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНІЕ

„НОВОСТИ"

И

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА".

НА 1881 ГОДЪ

(пятый годъ изданія подъ новою редакціею).

(Форматъ большихъ газетъ, 28 столбцевъ или около 4500 строкъ убористаго шрифта въ нумерѣ).

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ: на 1 г. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 80 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 г. 9 р., на 11 м. 8 р. 25 к., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1880 г. и на весь 1881 годъ **платятъ за время: съ** 1-го сентября 1880 г. по 1-е января 1882 г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ—12 р. 50 к.**, съ 1-го октября 1880 года по 1-е января 1882 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к.**, съ 1-го ноября — 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 75 к.

Письма и деньги адресуются: *въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ»* (Гороховая, 32).

Газета **„Новости"** выходитъ **безъ предварительной цензуры**, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней, если получаются важныя телеграмы.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило — не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ-нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣденій, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ спеціальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ или два нумера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутины, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, получаемыхъ редакціей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и кореспондентовъ (рубрики: «Административныя», «духовныя», «дипломатическія», «военныя» и «морскія» новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя Почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствованія изъ другихъ изданій подчинять самому строгому критическому выбору и пріурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Руская Печать» редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣни» наиболѣе выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой, практическій матеріалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матеріальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты пріуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

Содержаніе газеты „Новости" и „Биржевая газета".

1) Политическія Телеграммы (доставляемыя собственными кореспондентами и «Международнымъ Агентствомъ»). 2) Дневникъ (руководящія статьи). До 1-го сентября напечатано: по внѣшнимъ вопросамъ около 650 статей, а по внутреннимъ — около 100 статей. Въ этомъ отдѣлѣ участвовали слѣдующіе авторы: Л. К. Весинъ, А. А. Головачовъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. Б. Думашевскій, А. И. Забѣлинъ, Р. Ѳ. Ильишъ, А. К. Киркоръ, А. Клевановъ, Л. К. Лебедевъ, В. О. Михневичъ, В. Н. Никитинъ, О. К. Нотовичъ, Б. П. Онгирскій, Л. К. Панютинъ, Р. И. Сементковскій, М. А. Филиповъ, Н. П. Черепнинъ, С. А. Шапиро и многіе другіе.—3) Административныя, духовныя, дипломатическія, военныя и морскія новости. (Отъ нашихъ спеціальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 1000 извѣстій.—4) Русская Лѣтопись. (Отъ нашихъ спеціальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ этою же рубрикою печатались: всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, сообщенія и телеграммы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской городской думы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ. Кромѣ того, своевременно помѣщались всѣ, болѣе или менѣе важныя, распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія. 5) Театръ и Музыка. Подъ этой рубрикой помѣщено болѣе 1,000 извѣстій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этой же рубрикою печатаются собственныя и заимствованныя извѣстія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ. 6) Всемірный Калейдоскопъ, печатающійся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣденія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіяхъ, событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта. 7) Правительственныя распоряженія, представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльныхъ національностей, классовъ и городскихъ или сельскихъ населеній, печатаются цѣликомъ. 8) Внутренняя Почта (Письма и сообщенія отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ кореспондентовъ). 9) Русская Печать (ежедневное обозрѣніе газетъ и журналовъ). 10) Литературный и научный отдѣлы. Въ этомъ отдѣлѣ участвовали слѣдующіе авторы: Л. К. Весинъ, А. А. Головачовъ, А. И. Забѣлинъ, Л. К. Лебедевъ, Н. С. Лѣсковъ, В. О. Михневичъ (Коломенскій кандидъ), В. Н. Никитинъ, Л. К. Панютивъ, Р. И. Сементковскій, А. А. Серебренниковъ, Ф. Н. Устряловъ, М. А. Филипповъ и многіе другіе. 11) Библіографія: отзывы о новыхъ книгахъ. 12) Беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ напечатаны слѣдующія беллетристическія произведенія: «Сынъ», ром. Э. Римбура.—«Ливія Августа», истор. ром. Курти.—«Бригитта», разск. Ауэрбаха. — «Всемірный путешественникъ», разск. Вл. Михневича.—«Послѣдній мамай», юмор. очеркъ, его же.—«Нана», ром. Эм. Зола.—«Широкая маслянница», юмор. очеркъ Л. Панютина (Нилъ Адмирари). — «Дѣдушка Лебигръ», разск. Эркмана-Шатріана.—«Подложное завѣщаніе», ром. Дебана. — Письма Диккенса и сборн. статей Жоржъ-Зандъ. — «Дама ночи», ром. изъ испанск. жизни, Гонзалеса. — «Глорія», ром. изъ испанск. жизни, Гальдоса. — «Тифэна», разск. съ предисл. А. Дюма и др.—13) Между прочимъ (юмористическія и сатирическія замѣтки по текущимъ вопросамъ).—14) Свѣтъ и Тѣни.—15) Экономическій отдѣлъ.—16) Биржевой отдѣлъ. (Оба послѣдніе отдѣлы вполнѣ замѣняютъ спеціальную биржевую газету).—17) Судебный отдѣлъ.—18) Объявленія. **Воскресные нумера** печатаются въ форматѣ, удобномъ для переплета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ нумерахъ беллетристическихъ произведеній, по истеченіи года, составится объемистый томъ въ 26 листовъ газетнаго формата

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

„СУФЛЕРЪ"

газета театральная, музыкальная, художественная и литературная.

(годъ третій).

Выходитъ **два раза** въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ, въ форматѣ большого газетнаго листа, имѣя въ текстѣ рисунки, портреты и планы.

ПРОГРАМА ГАЗЕТЫ:

1) Вопросы театра. Подъ этою рубрикою помѣщаютъ статьи, заключающія въ себѣ общіе вопросы, относящіеся до всѣхъ отраслей театральнаго дѣла.

2) Текущій репертуаръ. Всѣ новости сцены, разсматриваемыя съ критической точки зрѣнія. Сужденія объ игрѣ артистовъ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ.

3) Провинціальный театръ. Кореспонденціи изъ всѣхъ театральныхъ центровъ о современномъ состояніи театральнаго дѣла въ провинціи.

4) Заграничные театры. Кореспонденціи изъ Парижа, Лондона, Берлина, Вѣны и Неаполя. Выборки изъ газетъ спеціально-театральныхъ о всѣхъ новинкахъ театральнаго, музыкальнаго, художественнаго и литературнаго міра.

5) Среди театральныхъ рецензентовъ. Этотъ отдѣлъ посвященъ разбору мнѣній и отзывовъ, дѣлаемыхъ рецензентами газетъ и журналовъ.

6) Среди музыкальныхъ рецензій. Суть этого отдѣла та-же, что и предшествующаго.

7) Письма въ редакцію. Этотъ отдѣлъ принадлежитъ гг. артистамъ, музыкантамъ и художникамъ, для возраженій, которыя они могутъ дѣлать критикамъ всѣхъ газетъ, если бы нашли ихъ отзывы о себѣ почему либо неправильными.

8) Исторія театра, историческіе и біографическіе эпизоды, анекдоты, письма, воспоминанія, курьезы театральнаго міра.

9) Въ области слуховъ, вѣстей и предположеній. Сообщенія о всѣхъ новинкахъ и предположеніяхъ.

10) Изъ газетъ. Выборки газетныхъ статей, касающихся театра, по вопросамъ общимъ и частнымъ.

11) Режисерскій отдѣлъ. Монтировки пьесъ, т. е. сырой матеріалъ для постановки пьесъ на сцену, облегчающій важную задачу режисерамъ, дающій имъ возможность всегда имѣть подъ руками справки, до пьесы относящіяся. Такъ какъ новинки драматической литературы почти всегда получаютъ крещеніе на столичныхъ сценахъ, то режисеры провинціальныхъ театровъ будутъ имѣть монтировки ранѣе, чѣмъ пьеса достигнетъ ихъ города, а потому будутъ имѣть возможность все приготовить для возможно скорѣйшей постановки.

Примѣч. Сюда будутъ прилагаться рисунки декорацій, костюмовъ и аксесуаровъ.

12) Фельетонъ, въ которомъ помѣщаются романы, повѣсти, очерки, разсказы, стихотворенія, анекдоты, шарады, ребусы, анаграммы, изрѣченія и проч.

13) Справочный отдѣлъ. Здѣсь помѣщаются всевозможныя справки: репертуаръ, цѣны на мѣста въ театрахъ, планы театровъ, извѣщенія о выходѣ новыхъ книгъ и музыкальныхъ сочиненій; списокъ драматическихъ сочиненій, просмотрѣнныхъ цензурою, и проч., и проч., и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Петербургѣ безъ доставки: на годъ. 6 р., на полгода. 3 р. 50 к., на три мѣсяца. 2 р., на одинъ мѣсяцъ 75 к., съ доставкою: на годъ. 7 р., на полгода. 4 р., на три мѣсяца. 2 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 1 р., съ пересылкою на годъ: 8 р., на полгода. 4 р. 50 к., на три мѣсяца. 3 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Отдѣльно № 10 коп.

Гг. служащіе могутъ подписываться чрезъ гг. казначеевъ съ разсрочкою платежа. Кромѣ того гг. подписчикамъ предоставляется право разсрочки платежа подписныхъ денегъ въ слѣдующіе сроки: съ доставкою въ Петербургѣ—при подпискѣ 3 р., въ концѣ марта 3 р., въ концѣ мая 1 руб.; съ пересылкою—при подпискѣ 4 р., въ концѣ марта 2 руб., въ концѣ мая 2 руб.

Подписка принимается:

Въ главной конторѣ, находящейся при редакціи газеты «Петербургскій Листокъ» (у Казанскаго моста, домъ Ковалевскаго).

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ"

Шестой годъ.

Газета, посвященная вопросамъ врачебной науки, медицинскаго быта и земско-медицинскаго дѣла, выходитъ и въ будущемъ 1881 году еженедѣльно (50 №№ въ годъ).

Цѣна за годъ съ доставкою и пересылкою 8 рублей, за полгода 5 рублей.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи «Врачебныхъ Вѣдомостей». *С.-Петербургъ.*

При конторѣ редакціи открытъ съ прошлаго года книжный складъ (Петербургъ, Владимірская, № 7) медицинскихъ изданій, изъ котораго можно выписывать всѣ вышедшія доселѣ и находящіяся въ продажѣ книги медицинскаго и гигіеническаго содержанія. Каталогъ склада высылается желающимъ за почтовую (7 к.) марку.

Въ концѣ этого года выйдетъ: медицинскій ежегодникъ, въ форматѣ заграничныхъ календарей, содержащій избранныя магистральныя формулы и другія необходимѣйшія справочныя свѣденія. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 25 коп. съ пересылкою, а для подписчиковъ «Врач. Вѣдом.» цѣна 1 руб.

О ПОДПИСКѢ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА".

на 1881 годъ.

«Сынъ Отечества»—газета политическая и литературная, издается безъ предварительной цензуры, выходитъ ежедневно, въ форматѣ большого листа; воскресный № состоитъ изъ двухъ листовъ, посвященныхъ преимущественно белетристикѣ, съ карикатурами.

ПРОГРАМА ГАЗЕТЫ:

1) Внутренній отдѣлъ: Статьи по одному изъ современныхъ вопросовъ. —Толки газетъ.—Правительственныя распоряженія. —Главнѣйшія производства. — Судебный отдѣлъ.—Отчеты земства.—Народное образованіе.—Желѣзнодорожное дѣло.—Дѣятельность акціонерныхъ обществъ. — Отчеты техническихъ обществъ.—Промышленность и торговля.—Петербургская лѣтопись.—Внутреннія (областныя) извѣстія.—Кореспонденціи.

2) Иностранный отдѣлъ: Политическое обозрѣніе. —Политическія извѣстія.—Телеграмы.—Иностранная (не политическая) хроника.

3) Статьи по отраслямъ наукъ, искуствъ, художествъ и ремеслъ.

4) Критика, журналистика, библіографія.

5) Белетристическій отдѣлъ: Романы, повѣсти, разсказы, и пр.

6) Замѣтки и наблюденія изъ общественной жизни.

7) Провинціальная лѣтопись.

8) Театральныя и музыкальныя извѣстія и общественныя увеселенія.

9) Биржевыя и торговыя извѣстія и курсы.

10) Зрѣлища, желѣзныя дороги.

11) Карикатуры.

12) Смѣсь.

13) Объявленія внутри газеты и въ приложеніяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

для городскихъ: Съ дост. въ Петерб. по город. почтѣ	для иногородныхъ: Съ пересылкою.
На годъ.... 7 руб.	На годъ.... 8 руб.
На полгода. 3 » 60 к.	На полгода. 4 руб.
На 3 мѣсяца 2 » — »	На 3 мѣсяца 2 руб. 25 к.
На 1 мѣсяцъ » » 75 »	На 1 мѣсяцъ » » 75 »

Подписная цѣна за границею съ пересылкою **16** р.

Подписка на газету «Сынъ Отечества» принимается исключительно въ главной конторѣ, находящейся въ С.-Петербургѣ, въ Почтамтской улицѣ, домъ № 4, куда и просятъ обращаться какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ.

Съ 1-го декабря 1880 г. будетъ выходить въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, новое ежедневное дешевое изданіе подъ редакціею **И. А. Баталина (Осы)** и подъ названіемъ:

„МИНУТА"

(ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ).

Кто пять лѣтъ почти ежедневно бесѣдовалъ съ публикою въ очень распространенномъ изданіи, откликаясь на всѣ вопросы и событія дня; кто пять лѣтъ доказывалъ стойкость своихъ убѣжденій, почерпаемыхъ изъ сердца и разума;—тому нѣтъ нужды рекомендоваться. Смѣемъ думать, что имя Осы хорошо извѣстно читающей публикѣ, въ особенности столичной.

Нынѣ Оса, покинувъ чужой улей, устраиваетъ свое собственное гнѣздо, болѣе просторное, такъ какъ газета **«Минута»** будетъ выходить ежедневно, при самой обширной програмѣ.

Съ вѣрою въ успѣхъ, съ жаждою неустаннаго труда, съ надеждою на сочувствіе къ намъ публики —выступаемъ мы на болѣе обширное поле дѣятельности! Обѣщаемъ быть смѣлыми, честными борцами на этомъ полѣ! Обѣщаемъ не льстить дурнымъ инстинктамъ, но и не заискивать у сильныхъ! Обѣщаемъ послужить, сколько можемъ, нашей бѣдной родинѣ, которую любимъ и часто призываемъ мысленно словами великаго Гоголя: «Русь! Русь! Бѣдна природа въ тебѣ; но какая непостижимая тайна влечетъ къ тебѣ? Русь! Что пророчитъ твой необъятный просторъ? Здѣсь-ли, въ тебѣ-ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Русь!!..»

Мы вѣримъ въ славное будущее Россіи, посреди постигающихъ ее бѣдствій, какъ вѣримъ въ свои собственныя силы. Мы предвидимъ пути къ облегченію современныхъ нуждъ, но не тамъ, гдѣ тщетно ихъ ищутъ многіе. Смѣло пойдемъ на эту дорогу! Кто прежде былъ съ нами, тотъ и теперь пойдетъ за нами!

«Минута», вѣрная своему названію, постарается быть живымъ органомъ современности. Свѣжесть, обиліе и разнообразіе фактовъ, бойкое изложеніе, новизна нѣкоторыхъ журнальныхъ пріемовъ и разнообразный матеріалъ для чтенія—вотъ главныя достоинства, которыми постарается украсить себя новая газета. Пятилѣтній опытъ редакторства убѣдилъ насъ, что жалобы на отсутствіе талантовъ, особенно молодыхъ, несправедливы. Начинанія убиваются рутиною, но мы ихъ поддержимъ: поощримъ всякое новое дарованіе. Пусть будетъ **«Минута»** пробою для свѣжихъ силъ.

Въ составъ газеты **«Минута»** войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Передовыя статьи по вопросамъ внѣшней и внутренней политики (ясность, краткость и живость изложенія—главныя при этомъ условія). 2) Правительственныя извѣстія. 3) Хроника (въ этотъ обширный отдѣлъ войдутъ отчеты объ интересныхъ событіяхъ, о засѣданіяхъ публичныхъ собраній, городскихъ думъ, о процесахъ въ камерахъ судей и всякаго рода свѣденія, представляющія общій интересъ). 4) Провинціальныя извѣстія и кореспонденціи (будетъ допущено самое широкое обличеніе дѣйствительныхъ золъ и злоупотребленій). 5) Политическія извѣстія. 6) Биржа и экономическій отдѣлъ. 7) Судебная хроника (процесы будутъ излагаться въ очеркахъ). 8) Научныя свѣденія (смѣсь). 9) Критика и библіографія (отчеты о всѣхъ замѣчательныхъ новыхъ книгахъ и новыхъ книжкахъ журналовъ). 10) Фельетонъ (въ каждомъ № будутъ два фельетона: одинъ «Ежедневная Бесѣда» Осы, а другой—романъ. На выборъ романовъ будетъ обращено особое вниманіе). Кромѣ этого введена будетъ юмористическая рубрика «Звонокъ» (асамблея сценъ, куплетовъ, остротъ, интересныхъ задачъ и проч.). 11) Театръ и музыка (Редакція имѣетъ возможность всѣ театральные слухи сообщать изъ вѣрныхъ источниковъ). 12) Телеграмы (въ случаѣ выдающихся событій). 13) Справочный отдѣлъ. 14) Объявленія (по таксѣ 8 к. за строку).

Газета **«Минута»** будетъ выходить ежедневно (кромѣ послѣ-праздничныхъ дней) листомъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на годъ 6 р. 50 к., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣсяцъ 75 к., съ доставкою на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 90 к., съ пересылкою на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 2 р. 60 к., на 1 мѣсяцъ 90 к.

Годовые подписчики на будущій 1881 г. получаютъ газету за декабрь этого года безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ газеты **«Минута»**, въ Петербургѣ, на углу Большой Итальянской и Большой Садовой (противъ Пассажа), въ д. Крафта.

Иногородные адресуютъ посылки: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты **«Минута»**.

Редакторъ-издатель **И. А. БАТАЛИНЪ (ОСА)**.

„БУДИЛЬНИКЪ",

сатирическій журналъ съ рисунками и карикатурами.

(Семнадцатый годъ изданія).

Открыта подписка на **1881** годъ.

Въ 1881-мъ году «Будильникъ» будетъ выходить на прежнихъ основаніяхъ еженедѣльно (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями въ 4-ю долю листа большого формата, отъ 14 до 20 страницъ въ каждой. Такимъ образомъ, втеченіи года «Будильникъ» дастъ своимъ подписчикамъ: 100 хромолитографированныхъ рисунковъ (по два въ каждомъ нумерѣ), болѣе ста страницъ мелкихъ карикатуръ и до 1,500 столбцовъ текста.

ПРОГРАМА ЖУРНАЛА:

I. **Юмористическая лѣтопись русской жизни:** столичная хроника, нравоописательныя и бытовыя кореспонденціи изъ провинціи; карикатурные портреты героевъ дня. II. **Обозрѣніе политической и общественной жизни иностранныхъ осударствъ** въ юмористическихъ разсказахъ, очеркахъ, стихотвореніяхъ, фельетонахъ и карикатурахъ. III. **Литературная лѣтопись:** новости и курьезы печати; портреты (шаржъ) современныхъ литераторовъ и журналистовъ; статьи полемическаго содержанія. IV. **Театральная хроника,**— преимущественно московская; художественныя новости: портреты и апотеозы выдающихся артистовъ; «Домашній театръ» «Будильника»: пародіи, фейеріи, арлекинады. V. **Беллетристика:** повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки и стихотворенія. VI. **Смѣсь** (**„Звонки“**): новости, слухи, памфлеты, анекдоты, каламбуры, остроты, шутки и проч. VII. **Рисунки и карикатуры:** гг. Богданова, Грибкова, Кланга, Коренева, Лебедева, Любовникова, Малышева, Рачкова, Чичагова и Чехова. VIII. **Рекламы и объявленія**, среди которыхъ помѣшаются анекдоты, мелкія стихотворснія и карикатуры.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ,

право на полученіе которыхъ предоставляется исключительно годовымъ подписчикамъ:

1) **Альманахъ „Будильника“ на 1881 годъ** (3-й годъ изданія), въ который между прочимъ вошли:

а) Ребусъ, за разгадку котораго до 1-го января 1881 года редакція «Будильника» объявляетъ денежную премію въ 300 рублей,—б) «Каскадная галерея»: восемь, въ краскахъ исполненныхъ, рисунковъ К. Н. Чичагова: 1) Клеретта («Дочь рынка»),—2) Камарго,—3) Габріель («Парижская жизнь»),—4) Серполетта («Корневильскіе колокола»),—5) Булотта («Синяя борода»),—6) Прекрасная Елена,—7) Перикола и 8) Лянсинъ («Чайный цвѣтокъ»).

Разсылка альманаха гг. подписчикамъ началась 15 октября текущаго 1880 года, въ розничную-же продажу онъ будетъ выпущенъ (по цѣнѣ 1 р. 50 к. за экз., съ пересылк. 2 р.)—не ранѣе первыхъ чиселъ января будущаго 1881 года.

2) **„Альбомъ Маралы Іерихонскаго“**: 12 юмористическихъ поэмъ, изъ которыхъ каждую будетъ сопровождать большой (форматъ «Будильника») хромолитографированный рисунокъ. — Разсылка листовъ альбома предполагается ежемѣсячная (черезъ каждые три нумера журнала); вмѣстѣ съ послѣднимъ листомъ разослана будетъ, для брошюровки альбома, золотомъ отпечатанная обложка.

3) **„Пикантная исторія“**, олеографія съ картины Л. Германа, исполненная (подъ акварель), по заказу редакціи «Будильника», торговымъ домомъ А. и С. Кауфманъ въ Берлинѣ.

Желающіе могутъ получить, вмѣсто этой олеографіи, другую—съ картины Кизля: «Лѣнивка»; желающіе получить обѣ олеографіи доплачиваютъ, сверхъ подписной суммы, одинъ рубль. Какъ та, такъ и другая олеографія будутъ высылаемы навернутыя на скалкѣ.

подписная цѣна на «Будильникъ» 1881 года:

	на годъ.	на 6 мѣс.
Въ Москвѣ, безъ доставки. . .	7 р.	4 р. — к.
» съ дост. на домъ. .	8 »	4 » 50 »
Съ пересылкой на города . . , .	9 »	5 » — »

Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ редакціи (Леонтьевскій пер., домъ Мичинера), у гг. Соловьева, Суворина, Вольфа, Мамонтова, Васильева и друг. книгопродавцевъ; въ Петербургѣ у гг. Исакова, Мелье, Мамонтова, Вольфа, Суворина, Черкесова, Малышева и друг.; въ провинціи—у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ Парижѣ—у гг. Гавасъ и К⁰ (Place de la Bourse, 8). Подписныя деньги присылаются исключительно на имя издательницы, Л. Н. Уткиной. Гг. подписчики благоволятъ высылать доли рубля—**деньгами**, а не почтовыми марками. Недославшимъ денегъ не будутъ досланы, въ концѣ года, по разсчету, послѣдніе нумера журнала. Контора отвѣчаетъ за неисправную доставку журнала подписавшимся у книгопродавцевъ—только въ томъ случаѣ, если ей сообщенъ адресъ подписчика.

Хотя конторою редакціи «Будильника» и приняты всѣ мѣры къ своевременной и акуратной высылкѣ журнала гг. иногороднымъ подписчикамъ, но эта послѣдняя, очевидно, можетъ быть достигнута только въ томъ случаѣ, если сами гг. подписчики будутъ заявлять свои требованія возможно заблаговременно и точно.

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“

изд. Е. ЛЕБЕДЕВОЙ.

(бывшій Львовой)

Журналъ выходитъ пятнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ произведенія, самыя новѣйшія, иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими или имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами, такъ чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ провожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ-бы его съ наиболѣе интересными и наиболѣе пользующимися успѣхомъ, въ различныхъ странахъ Запада, произведеніями изящной литературы.

Для болѣе лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему-либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются наибольшею популярностью за-границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ будетъ помѣщенъ парижскій романъ Генри Рошфора—«Мадмуазель Бисмаркъ», гдѣ читатель встрѣтитъ лицъ, заправляющихъ въ настоящее время судьбою Франціи, какъ, напримѣръ, Гамбетту и т. п. При январской книжкѣ мы приложимъ и портретъ Рошфора, вмѣстѣ съ его краткой біографіей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на 12 мѣсяцевъ 8 руб., на 6 мѣсяцевъ 4 руб. 25 коп. Съ дост. на домъ: на 12 мѣсяц. 8 руб. 50 коп., на 6 мѣсяц. 4 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ города: на 12 мѣсяц. 9 руб., на 6 мѣс. 5 руб.

Допускается разсрочка по полугодично, по третямъ и помѣсячно, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., во второмъ—3 руб., а въ третьемъ—2 рубля.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно въ контору **«ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ»**, Спб., Надеждинская ул., д. № 28—2.

ВѢДОМОСТИ

ТАГАНРОГСКАГО ГРАДОНАЧАЛЬСТВА

ГОДЪ XII,

будутъ выходить въ 1881 году по прежней програмѣ два раза въ недѣлю:

ПО СРЕДАМЪ И ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: для городскихъ подписчиковъ			5 р.
» ½ года	»	»	2 р. 50 к.
» 3 мѣсяца	»	»	1 р. 25 »
» 1 мѣсяцъ	»	»	— 50 »
На годъ: для иногородн. подписчиковъ			6 р.
» ½ года	»	»	3 р.
» 3 мѣсяца	»	»	1 р. 75 к.
» 1 мѣсяцъ	»	»	1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Редакціи Вѣдомостей, при Канцеляріи Таганрогскаго Градоначальника и у всѣхъ Полицейскихъ Приставовъ г. Таганрога, ихъ Помощниковъ и Смотрителя Волостей Градонач.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ **1881** ГОДУ

самаго дешеваго ежедневнаго изданія

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Газеты русской и заграничной (политической) жизни, литературной, коммерческой, казенныхъ и частныхъ объявленій.

Не прибѣгая къ громкимъ рекламамъ и многорѣчивымъ обѣщаніямъ, мы употребимъ всѣ свои матеріальныя и нравственныя силы, чтобы «Одесскій Листокъ» могъ вполнѣ отвѣчать требованіямъ минуты и чтобы въ глазахъ своихъ читателей онъ имѣлъ значеніе руководящаго органа, немудрствующаго лукаво, безъ предвзятыхъ мнѣній и заднихъ цѣлей, освѣщающаго факты и событія изъ ежедневной общественной жизни.

Краткое изложеніе фактовъ, всесторонній анализъ и освѣщеніе ихъ, полнота и свѣжесть извѣстій стоятъ у редакціи на первомъ планѣ.

«Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно въ форматѣ столичныхъ и провинціальныхъ большихъ газетъ. Печататься будетъ новымъ, отчетливымъ шрифтомъ, по слѣдующей програмѣ:

I. Правительственныя распоряженія. II. Внутренній отдѣлъ. Статьи по городскому и земскому хозяйствамъ, сельской и торговой промышленности Россіи. III. Телеграмы. Международ. телегр. агентства и отъ собственныхъ кореспондентовъ изъ всѣхъ странъ свѣта. IV. Ежедневная хроника. Отдѣлъ этотъ дѣлится на слѣдующія рубрики: а) городскіе новости и слухи, б) рефераты: судебные, думскіе, земскіе и разныхъ другихъ обществъ и учрежденій и желѣзно-дорожныя новости, в) «мимоходомъ» и различныя сцены и г) театральная и библіографическая хроника. V. Внутреннія извѣстія. Кореспонденція изъ всѣхъ концовъ Россіи и перепечатки изъ другихъ газетъ. VI. Заграничныя извѣстія. Статьи, кореспонденціи и позаимствованія изъ иностранныхъ газетъ о выдающихся событіяхъ политической и экономической жизни Европы. VII. Фельетоны. Воскресные и въ будніе дни. VIII. Смѣсь. Свѣденія о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; изъ областей науки, искуства, литературы и дамскихъ модъ, сцены и разсказы юмористическаго содержанія IX. Комерческій отдѣлъ. Комерческія телеграмы и кореспонденціи изъ значительныхъ по торговлѣ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ городовъ; статьи по вопросамъ экономическимъ, финансовымъ, хозяйственнымъ и промышленно-торговымъ. Цѣны на хлѣбъ, шерсть, сахаръ и пр. товары внутренней и отпускной торговли. Цѣны на цѣнныя бумаги и звонкую монету. X. Справочный отдѣлъ. Въ этомъ отдѣлѣ будемъ помѣщать свѣденія о дѣлахъ, назначенныхъ къ разбирательству въ судебной палатѣ, окружномъ судѣ, городскомъ и уѣздномъ съѣздахъ мировыхъ судей и коммерческомъ судѣ, объ отходѣ и приходѣ пасажирскихъ и товарныхъ пароходовъ и поѣздовъ жел. дор.; о прибывающихъ въ г. Одессу и выбывшихъ. XI. Отдѣлъ объявленій. Объявленія казенныя и частныя на всѣхъ европейскихъ языкахъ печатаются по весьма умѣренной таксѣ, а для большаго распространенія объявленій въ публикѣ, «Листокъ» во многихъ частяхъ города расклеивается на особо устроенныхъ доскахъ, что даетъ возможность каждому желающему безплатно читать, вслѣдствіе чего объявленія достигаютъ скорѣе своей цѣли.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ, съ ежедневною доставкою на домъ, въ годъ (12 мѣсяцевъ) 6 руб., полгода (6 мѣсяцевъ) 3 руб. 50 коп., три мѣсяца 2 р., одинъ мѣсяцъ 85 коп.

Для иногородныхъ подписчиковъ съ ежедневною пересылкою по почтѣ: на годъ (12 мѣсяцевъ) 7 руб., полгода (6 мѣсяцевъ) 4 руб., три мѣсяца 3 руб., одинъ мѣсяцъ 1 руб. 20 коп.

Подписавшіеся до декабря мѣсяца на полученіе газеты въ 1881 г. за декабрь мѣсяцъ получатъ **безплатно**.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

въ 1881 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ),

иллюстрированный журналъ для дѣтей и домашняго и общественнаго воспитанія.

Будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣже сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1880 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ «Педагогической хроники».** Подписная цѣна на полный журналъ безъ доставки **11** р., съ доставкой и перес. **12** р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей** выходитъ ежемѣсячно, 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна безъ доставки **9** р., съ дост. и перес. **10** р.

II. **Учебно-воспитательный отдѣлъ (для родителей и воспитателей)** выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ **«Педагогической хроники»**, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна безъ дост. **4** р. и съ дост. и перес. **5** р.

Первый отдѣлъ (для дѣтей) даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Второй отдѣлъ (для родителей и воспитателей) содержитъ общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій и пр. **„Педагогическая хроника“** даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею, и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа“** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. Краевичъ.**

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА

„СОВРЕМЕННОСТЬ“

СЪ ОСОБЫМЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

„СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1881 году.

Въ будущемъ году «Современность» будетъ издаваться въ томъ-же направленіи, что и въ нынѣшнемъ году. Въ редакціи газеты будетъ принимать постоянное участіе отецъ мой, бывшій редакторъ газеты «Сынъ Отечества», А. В. Старчевскій.

Цѣль газеты, главнѣйшее ея стремленіе—вносить въ русское общество одни здравыя, положительныя начала, полезныя знанія, могущія содѣйствовать всестороннему и основательному развитію образованія въ среднемъ и низшемъ класахъ нашего общества, для которыхъ мы преимущественно и предназначаетъ нашу газету. Поэтому, кто хочетъ слѣдить за преуспѣяніемъ во всѣхъ сферахъ—политической, умственной, художественной, технической и общественной дѣятельности, тотъ найдетъ въ «Современности» все, что его можетъ интересовать.

Газета «Современность» издается безъ предварительной цензуры.

Въ будущемъ году «Современность» будетъ выходить ежедневно.

«Семейное Чтеніе» вовсе не имѣетъ въ виду преслѣдовать педагогическую цѣль, а тѣмъ менѣе доставлять русскимъ небогатымъ семействамъ матеріалъ для одного лишь легкаго чтенія и развлеченія. «Семейное Чтеніе» служитъ необходимымъ дополненіемъ газеты «Современность» и предназначается для того класа общества, который не имѣетъ возможности подписываться на большую газету и въ тоже время на толстый журналъ, стоющіе вмѣстѣ болѣе 30 руб. сер.

Втеченіе двухлѣтняго изданія нами «Современности», читатели могли убѣдиться, что цѣль наша состоитъ въ томъ, чтобы «Современность» служила, на сколько это позволяетъ объемъ ея, вѣрнымъ отраженіемъ лучшихъ взглядовъ и выводовъ нашихъ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна на газету «Современность» съ «Семейнымъ Чтеніемъ» за годъ **6** руб.; съ перес. и доставкою на домъ **7** руб.; съ преміей (необязательной), состоящей изъ 6 олеографическихъ картинъ **8** руб.

Выписка газеты въ долгъ не допускается.

Подписка принимается въ редакціи газеты, въ С.-Петербургѣ, уголъ Ямской и Свѣчнаго переулка, домъ № 9, кварт. № 18.

Редакторъ-издатель **А. А. Старчевскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„СТРАННИКЪ“
НА 1881 ГОДЪ.

Съ октября текущаго года журналъ «Странникъ» издается подъ новою редакціей, по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, програмѣ:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по общей церковной исторіи.

3) Слова, поученія, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) Разсказы, очерки, характеристики, повѣсти изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) Бытовые очерки и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простого народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное общее обозрѣніе текущей церковно-общественной жизни Россіи.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ.

12) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Критическія и библіографическія замѣтки и статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

14) Постоянный списокъ русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой.

15) Свѣтскіе журналы, газеты и книги: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ програмѣ нашего журнала.

16) Разныя отрывочныя извѣстія и мелкія замѣтки, новости, кореспонденціи, отвѣты редакціи.

17) Объявленія.

Основы и задача журнала выяснены въ особой статьѣ «отъ новой редакціи», въ октябрьской книжкѣ «Странника» за текущій годъ.

Журналъ будетъ выходить въ началѣ каждаго мѣсяца, книжками до десяти и болѣе листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе журнала съ пересылкою внутри Имперіи и доставкою въ С.-Петербургѣ **шесть рублей**; безъ доставки — **пять рублей пятьдесятъ коп.**; съ пересылкою за границу **восемь рублей.**

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно по слѣдующему адресу: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій проспектъ, д. № 105, кв. № 1), а въ требованіяхъ точно обозначать свое имя, отчество, фамилію и то почтовое мѣсто, губернію и уѣздъ, куда слѣдуетъ высылать журналъ. Наличныхъ нашихъ читателей просимъ при возобновленіи подписки на 1881 годъ прилагать печатный адресъ бандероли, по которому высылается имъ журналъ въ текущемъ году.

Московскіе жители могутъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Ферапонтова.

Петербургскіе подписчики благоволятъ обращаться въ книжные магазины Исакова, Мамонтова, Тузова и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Подписка на журналъ безъ доставки принимается только въ книжномъ магазинѣ Тузова (Большая Садовая, д. № 16, противъ Гостинаго двора).

Объявленія принимаются для напечатанія въ журналѣ за слѣдующую плату: 5 руб. за объявленіе, занимающее страницу (корпуса въ 38 строкъ), 2 рубля 50 копѣекъ за полстраницы, 1 руб. 50 коп. за 1/4 страницы. Отдѣльныя объявленія разсылаются при журналѣ съ платою по 5 рублей съ каждой тысячи.

Подписка на 1880 годъ продолжается.

Можно присылать требованія и на однѣ послѣднія четыре книги журнала за истекающій годъ, издаваемыя новою редакціей. Подписная цѣна за нихъ два рубля.

Всѣхъ, желающихъ содѣйствовать новой редакціи доставленіемъ статей, замѣтокъ, матеріаловъ и т. п., просимъ обращаться по тому же, означенному выше, адресу редакціи.

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.**
А. Пономаревъ.
Е. Прилежаевъ.

Изданіе придворнаго Е. И. В. книгопродавца К. К. Ретгера подъ фирмою Шмиццдорфъ.

Открыта подписка на 1881 годъ.

На самый полный и самый дешевый дамскій, модный илюстрированно-литературный журналъ для семейнаго чтенія

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ

(15 годъ).

«Новый Русскій Базаръ» съ 1881 г. будетъ выходить и разсылаться по прежнему четыре раза въ мѣсяцъ, т. е. въ количествѣ 48 нумеровъ, 24 модныхъ и 24 литературныхъ, каждый отъ 1 до 2 листовъ самаго большого формата (in-folio), въ трехъ изданіяхъ, различающихся единственно по числу парижскихъ модн. раскрашенныхъ картинъ; текстъ и остальныя приложенія для каждаго изданія останутся одинаковы. I-е изданіе имѣетъ 12, II-е изд.— 24, и III-е—48 картинъ. Каждый подписчикъ I-го изд. получаетъ ежемѣсячно одну раскр. картинку, 1-го числа; II-го изд.—двѣ въ мѣсяцъ, т. е. 1 и 15 числа; и III-го изд.—четыре въ мѣсяцъ, т. е. одну съ каждымъ №.

Съ 1879 г. «Новый Русскій Базаръ» улучшился во всѣхъ отношеніяхъ и выходитъ въ увеличенномъ форматѣ, и украшается роскошными илюстраціями.

Давая массу рисунковъ и описаній какъ домашнихъ нарядовъ, такъ и костюмовъ для баловъ, визитовъ, вечеровъ, гулянья, маскарадовъ и проч. всякаго бѣлья и всевозможныхъ принадлежностей дамскаго и дѣтскаго туалета, «Н. Р. Базаръ» помѣщаетъ своевременно все, что выходитъ новаго и замѣчательнаго въ области моды.

Ни одно изданіе въ цѣломъ свѣтѣ не даетъ такого громаднаго выбора рукодѣлій и дамскихъ работъ, какъ «Новый Русскій Базаръ», не имѣя соперниковъ также и въ отношеніи полноты и разнообразія новѣйшихъ модъ, чему много способствуетъ то, что редакція моднаго отдѣла «Новаго Русскаго Базара» имѣетъ свои отдѣленія въ Парижѣ и Берлинѣ.

Чтобы дать читательницамъ возможность постоянно знакомиться со всѣми новѣйшими явленіями модъ, «Н. Р. Базаръ» помѣщаетъ и въ литературныхъ нумерахъ модную хронику съ прибавленіемъ рисунковъ новѣйшихъ модъ, такъ что подписчики его получаютъ не 24, а 48 разъ въ годъ самыя новыя парижскія моды.

Слишкомъ пятидесятилѣтнее существованіе фирмы Шмиццдорфъ (К. К. Ретгеръ) ручается за **добросовѣстное и акуратное** веденіе «Н. Р. Базара», при стремленіи къ постоянному улучшенію журнала.

Годовые подписчики получатъ даромъ премію— **ВЕЛИКОЛѢПНУЮ ОЛЕОГРАФІЮ.**

«Новый Русскій Базаръ» содержитъ:

Въ модныхъ нумерахъ: около **3,000** рисунковъ парижскихъ модъ, нарядовъ (дамскихъ и дѣтскихъ) и рукодѣлій (гипюра, филеги-пюра, тамбурнаго, филейнаго и простого вязанья).

Значительное количество изящныхъ узоровъ по канвѣ, атласу и кожѣ, шелками и бисеромъ.

Выкройки, рисунки и мѣтки бѣлья: для дамскаго, мужскаго и дѣтскаго.

До **800** выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ (въ приложеніяхъ).

Изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки: **12**—для I-го, **24**—для II-го и **48** для III-го изд., работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ.

24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

Текстъ, т. е. самое подр. описаніе работъ.

Въ литературныхъ нумерахъ: Белетристика, оригинальная и переводная для семейнаго чтенія.—Гигіеническіе и воспитательные очерки.—Стихотворенія.—Юмористика.—Біографіи съ портретами.—Смѣсь (новости по женскому дѣлу, анекдоты, мысли, шарады и пр.).—Фельетонъ.—Описанія и рисунки новѣйшихъ модъ.—Кухня и хозяйство (полезные совѣты, косметика и пр.).—Ребусы и пр.—Почтовый ящикъ —Въ каждомъ нумерѣ превосходныя илюстраціи.

Гг. подписчики получаютъ также нѣсколько безплатныхъ приложеній: раскрашенные узоры, ноты и проч.

Подписная цѣна всѣхъ трехъ изданій:

I-е изд. съ 12 раскраш. парижск. картинками. На годъ: безъ дост. 6 р., съ дост. 7 р., съ пер. 8 руб. II-е изд. съ 24 раскр. парижск. картинками. На годъ: безъ дост. 7 р , съ дост. 8 р., съ перес. 9 р. III-е изд. съ 48 раскр. парижск. картинк. На годъ: безъ дост. 9 р., съ дост. 10 р., съ пер. 11 р.

На полгода—половина означенныхъ цѣнъ съ добавкой 50 копѣекъ.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала «Новый Русскій Базаръ», въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 5, при придв. книжн. магазинѣ Шмиццдорфъ (К К. Ретгеръ); въ Москвѣ—у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, И. П. Анисимова, на Никольской ул., и въ центральной конторѣ объявленій Л. Метцель, въ Пасажѣ и на Большой Дмитровкѣ.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно.

Издатель: Придворный Е. И. В. книгопродавецъ
К. К. Ретгеръ.

Открыта подписка на 1881 годъ на недорогое періодическое изданіе, которое будетъ выходить пятый годъ подъ названіемъ:

„РУССКАЯ ГАЗЕТА“,

политическая, общественная, экономическая и литературная.

КАЖДЫЙ № «РУССКОЙ ГАЗЕТЫ» ВМѢЩАЕТЪ ВЪ СЕБѢ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ КОЛОНЫ ПЛОТНАГО ШРИФТА ИЛИ ОКОЛО ЧЕТЫРЕХЪ ТЫСЯЧЪ СТРОКЪ ТЕКСТА ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

ЛЕГКАГО, ЖИВАГО И РАЗНООБРАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

«Русская Газета» выходитъ большими листами въ форматѣ дорогихъ с.-петербургскихъ и московскихъ газетъ по воскресеньямъ, вторникамъ, средамъ, четвергамъ и субботамъ. По понедѣльникамъ же и пятницамъ о выдающихся событіяхъ и особенно замѣчательныхъ случаяхъ будутъ печататься особыя прибавленія.

По своему характеру и тону «Русская Газета» рѣзко выдѣляется между всѣми изданіями нашей періодической печати и тѣмъ еще, что на ея страницахъ ежедневно помѣщаются подробныя «афиши» и «програмы» о зрѣлищахъ и увеселеніяхъ, какъ въ Императорскихъ, такъ и въ частныхъ театрахъ, клубахъ, садахъ и проч., на что другія газеты не имѣютъ права.

Стремленіе издателей сосредоточено на одной цѣли, чтобы «Русская Газета» удовлетворяла самымъ разнообразнымъ требованіямъ публики. Благодаря живому участію, которое принимаютъ въ изданіи газеты извѣстныя силы русской пресы, редакція убѣждена, что «Русская Газета» вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ минуты и имѣетъ въ глазахъ своихъ читателей значеніе органа, не мудрствующаго лукаво, безъ предвзятыхъ мнѣній освѣщающаго событія и случаи изъ вседневной общественной жизни. Издатели «Русской Газеты» не пожалѣютъ никакихъ средствъ для того, чтобы столбцы ихъ изданія были живымъ выраженіемъ злобы дня и духа времени. Всѣ проявленія въ разносословной и разнохарактерной жизни русскаго общества какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціальной глуши будутъ передаваться съ фотографической вѣрностію.

Полнота и свѣжесть извѣстій поставлена на первомъ планѣ.

Имѣя въ виду массу читающей публики, редакція стремится къ тому, чтобы изданіе «Русской Газеты» было для всѣхъ одинаково интересно и занимательно по всѣмъ вопросамъ политической, экономической и общественной жизни, не оставляя также безъ вниманія выдающихся явленій изъ ученаго и художественнаго міра, давая въ тоже время самое широкое мѣсто для литературныхъ произведеній: романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, сценъ, стихотвореній и проч.

Вдаваясь въ жизненные вопросы всѣхъ слоевъ русскаго общества, мы, конечно, не оставимъ безъ вниманія нужды и интересы, общественную и частную жизнь нашего духовенства и употребимъ всѣ зависящія отъ насъ мѣры къ раскрытію тѣхъ давно сложившихся роковыхъ причинъ, которыя служатъ тормазомъ для сближенія его съ остальнымъ обществомъ и для улучшенія его матеріальнаго положенія.

Мы отведемъ въ «Русской Газетѣ» приличное мѣсто и для обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые могутъ интересовать военное сословіе.

Имѣя въ виду не одну «интелигенцію», но вообще массу читающей публики, мы будемъ стремиться къ тому, чтобы каждая статья въ «Русской Газетѣ» была написана живо, легко, занимательно и общепонятно. По всѣмъ вопросамъ политической, экономической, общественной, ученой, литературной и художественной жизни, мы будемъ говорить простымъ языкомъ.

Отличительной чертой нашего изданія—животрепещущій интересъ минуты и быстрое всестороннее ознакомленіе публики со всѣми явленіями въ нашемъ обществѣ.

Страницы нашего изданія открыты для всякаго сторонняго сообщенія.

Редакція проситъ кореспондентовъ и репортеровъ сообщать о всякомъ правдивомъ явленіи въ общественной и частной жизни. Сообщившій можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что фамилія его сохранится въ глубокой неизвѣстности, если только онъ этого пожелаетъ.

«Русская Газета» будетъ между прочимъ содержать:

I. Правительственныя распоряженія и постановленія. Отчеты административныхъ мѣстъ и лицъ. Свѣденія о пребываніи Высочайшихъ особъ.

II. Политика. Обозрѣніе иностранной и политической жизни. Статьи по разнымъ государственнымъ, политико-экономическимъ и общественнымъ вопросамъ.

III. Литература. Романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, стихотворенія—оригинальные и переводные. Путешествія. Фельетоны. Журналы и газеты. Біографіи.

IV. Театръ и музыка. Разборъ пьесъ. Оцѣнка игры артистовъ на столичныхъ и провинціальныхъ театрахъ, собраніяхъ, вечерахъ и проч.

V. Россія. Явленія въ общественной и частной жизни. Происшествія въ Россіи. Кореспонденціи. Вѣсти изъ провинціи. Случаи, слухи и курьезы.

VI. Исторія и статистика. Историческіе и этнографическіе очерки.

VII. Наука. Изобрѣтенія, открытія и искуства по всѣмъ отраслямъ знаній за границей и въ Россіи.

VIII. Хозяйство. Народное, домашнее, военное, церковное. Городское и сельское благоустройство Санитарныя и гигіеническія нужды.

IX. Биржа и капиталъ. Денежный рынокъ. Заграничная и внутренняя биржевая хроника. Дѣятельность банковъ, акціонерныхъ обществъ и другихъ учрежденій. Акцизы.

X. Торговля и промыслы. Товарный рынокъ и торговая хроника. Фабричное, заводское и ремесленное дѣло. Кустарная промышленность.

XI. Судъ. Процесы въ комерческихъ судахъ, въ общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.

XII. Свѣденія: желѣзнодорожныя, судебныя, почтовыя и другія. Телеграмы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на годъ **6** р. **50** к., на $^1/_2$ года **3** р. **50** к., на 3 мѣсяца **2** р., на 1 мѣсяцъ **1** р.

Съ доставкой или пересылкой: на годъ **8** р., на $^1/_2$ года **4** р. **25** к., на 3 мѣсяца **2** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ **1** р. **15** к.

Подписка принимается въ Москвѣ:

Въ конторѣ изданія «Русской Газеты»: типографія Императорскихъ московскихъ театровъ, у Зоологическаго сада, д. И. И. Смирнова; въ книжномъ магазинѣ И. И. Смирнова, на углу Охотнаго ряда и Моховой улицы, д. Корзинкина.

Въ конторѣ редакціи: Никитская, противъ Никитскаго монастыря, д. княженъ Вадбольскихъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы «Русской Газеты» при книжномъ магазинѣ Карбасникова и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Иногородныхъ просимъ исключительно обращаться въ контору изданія «Русской Газеты»: Москва, типографія Императорскихъ московскихъ театровъ, у Зоологическаго сада, д. И. И. Смирнова.

Объ изданіи въ **1881** году журнала

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

(годъ седьмой).

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый нумеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана въ видѣ **преміи** 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ: Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки **8** руб., съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ **8** руб **50** коп., съ пересылкою иногороднымъ **9** руб.

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ **5** руб. и къ 1-му мая остальныя.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для городскихъ подписчиковъ:—**Въ С.-Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ Исакова. **Въ Москвѣ**—при книжныхъ магазинахъ Соловьева—Страстной бульваръ, д. Алексѣева, и Мамонтова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія», Шпалерная улица, д. № 42.

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ исключительно въ редакцію, а городскихъ въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.

50-лѣтній юбилей журнала

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1881** Г.

ВАЗА

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ
С.-Петербургъ,
Ивановская, №14.

ДАМСКІЙ ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-МОДНЫЙ И РУКОДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ:

24 двойныхъ № (**24** модныхъ и **24** литерат. съ оригин. и перевод. повѣстями, романами, стихотвореніями и т. п.).

1000 политипажей парижскихъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.

24 раскрашенныя модныя картины, получаемыя непосредственно изъ Парижа.

24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

12 листовъ со множествомъ выкроекъ, узоровъ для вышиванія, вязанія, тамбурныхъ и другихъ работъ и рукодѣлій.

Раскрашенныя рисунки канвовыхъ работъ и въ русскомъ стилѣ.

Календарь карманный на 1881 годъ съ необходимѣйшими свѣденіями.

Каждый подписчикъ **1881** года получитъ

ШЕСТЬ ПРЕМІЙ, а именно:

1) **Дамскій ручной сакъ-вояжъ**, вышитый золотомъ (настоящими серебряными и вызолоченными нитями). Вещь готовая.

II) **Картина** (олеогр.) ландшафтъ, лунная ночь надъ озеромъ въ Финляндіи (выш. $11^1/_2$ вершк. и ширина 17 вершк.). Исполнена превосходно, такъ что трудно отличить отъ оригинала, писаннаго кистью.

III. **Экранъ** большой (женская фигура въ рамкѣ). Матеріалъ для исполненія полный.

IV. **Портъ-летръ** стѣнной. Узоръ раскраш., отпечатанъ на самой канвѣ. Матеріалъ полный.

V. **Альбомъ** (12 листовъ). Русскіе и французскіе алфавиты для мѣтки бѣлья.

VI. **Поздравительные билеты** $^1/_2$ дюжины, роскошной отдѣлки съ выпуклыми цвѣтами.

Цѣнность премій превосходитъ подписную цѣну на самый журналъ. Выдача и разсылка премій начнется въ январѣ.

Старые подписчики «Вазы» получатъ въ память юбилея, безплатно, **юбилейный подарокъ,** цѣнность котораго непремѣнно будетъ равна подписной цѣнѣ на журналъ. Новые подписчики, желающіе получить этотъ подарокъ, доплачиваютъ 2 р. 50 коп. и 1 руб. на пересылку. Заявленія и доплата принимаются **только до 1-го января.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылкой.	Безъ пересылки.
На годъ съ преміями	**12** р.	**11** р. — к.
» » безъ премій	**7** р.	**6** р. — к.
На $^1/_2$ года съ преміями	**9** р.	**8** р. **40** к.
» » безъ премій	**4** р.	**3** р. **40** к.

На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 6 семикопѣечныхъ марокъ или 42 коп.

Редакт.-издат. **Б. И. Сестрженцевичъ-Богушъ.**

КНИГОПРОДАВЕЦЪ

Н. А. ШИГИНЪ.

(Въ Петербургѣ, по Большой Садовой, улицѣ въ домѣ Пажескаго корпуса, торговля № 5).

Предлагаетъ продавать съ уступкой гг. подписчикамъ журнала «Живописное Обозрѣніе» слѣдующія книги:

1) **Швейцарія и швейцарцы.** Сочиненіе Вильяма Гепворта **Диксона** (Самоуправленіе, церковь, школы, военная повинность). Переводъ съ англійскаго подъ редакціей **А. Михайлова** и **Н. И. Шульгина.** Ц. 1 руб. 25 коп.; гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» уступается за 1 руб. съ пересылкою.

2) **Живая сила.** Романъ **Фр. Герштекера,** переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 2 руб.; гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» уступается за 1 р. 50 к.

3) **Дѣти вѣка.** Романъ **Гейзе**, переводъ съ нѣмецкаго, 2 тома. Ц. 3 руб. 50 коп. Гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» уступается за 2 руб. съ пересылкою.

4) **Въ тихомъ омутѣ—буря.** (Мидльмартъ). Романъ въ восьми книгахъ **Джоржа Эллiота**, переводъ съ англійскаго. Ц. 2 руб. 50 коп. Гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» уступается за 2 руб. съ пересылкой.

5) **Исторія революціи 18 марта 1871 г.** Соч. **Поля Ланжеле и Поля Корье.** Ц. 1 руб. Гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» уступается за 50 коп. съ пересылкою

Открыта подписка на 1881 годъ

Годъ III. „ШУТЪ" **Годъ III.**

„ШУТЪ"

БОЛЬШОЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

КАРИКАТУРЪ,

печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ

(ХРОМОЛИТОГРАФІЯ).

Выходитъ еженедѣльно, въ форматѣ большихъ илюстрацій, in quarto, помѣщая на своихъ страницахъ: рисунки, карикатуры, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, анекдоты, шарады, загадки, ребусы и т. д. Журналъ будетъ всесторонне касаться явленій текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной, расширивъ програму своей дѣятельности. Успѣхъ первыхъ годовъ даетъ возможность привлечь болѣе широкій кругъ литературныхъ и художественныхъ силъ къ сотрудничеству въ нашемъ журналѣ и улучшать постоянно внѣшнюю сторону отдѣла карикатуръ.

Въ видѣ преміи мы предлагаемъ нашимъ годовымъ подписчикамъ роскошный альбомъ, состоящій изъ **20 листовъ картинъ-гравюръ, эскизовъ и рисунковъ**, преимущественно юмористическаго содержанія, отпечатанныхъ на эстампной бумагѣ.

Въ отдѣльной продажѣ въ С.-Петербургѣ этотъ художественный альбомъ стоитъ **5 рублей** безъ пересылки.

Краткій перечень содержанія журнала «ШУТЪ»: въ годъ **52** нумера большого формата, которые содержатъ между прочимъ: **156** большихъ рисунковъ въ четыре краски, болѣе **350** рисунковъ въ одну краску, **260** страницъ тексту въ прозѣ и стихахъ.

Кромѣ того на страницахъ журнала помѣщаются также ноты для пѣнія съ акомпанементомъ.

Условія подписки:

За годъ съ пересылкой и доставкой	**6** р.
» » безъ доставки	**5** »
» шесть мѣсяцевъ съ перес. и достав.	**4** »
» » » безъ доставки	**3** »

Гг. годовые подписчики, желающіе получить вышеупомянутую премію, благоволятъ приложить къ подписной цѣнѣ: съ пересылкой и доставкой 1 р. 50 к.—безъ пересылки и доставки 1 р.

Подписка принимается на имя редакціи: С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 110.

Редакторъ-издатель **Д. А. Есиповъ.**

Подписка на **1881** годъ.

ТВЕРСКОЙ ВѢСТНИКЪ

ВЪ 1881 ГОДУ

будетъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ отъ одного до 2-хъ листовъ большого формата. Програма слѣдующая: постановленія и распоряженія правительства, преимущественно касающіяся тверской губ. и распоряженія мѣстнаго начальства, обзоръ дѣятельности мѣстныхъ земствъ и городского самоуправленія; статьи и замѣтки о состояніи просвѣщенія въ губерніи; судебная хроника; экономическія извѣстія; этнографическія свѣденія; историческій отдѣлъ; библіографія; медико-санитарныя извѣстія, касающіяся губерніи; общеполезныя свѣденія; дневникъ замѣчательныхъ происшествій въ Твери и ея губерніи; свѣденія о замѣчательныхъ событіяхъ Россіи и Европы; фельетонъ и справочный отдѣлъ.

Вышедшіе нумера за 1880 годъ достаточно опредѣлили физіономію нашего изданія. Въ будущемъ 1881 году редакція «Тверского Вѣстника» намѣрена держаться прежняго направленія и стараться обо всемъ и обо всѣхъ, въ предѣлахъ програмы, говорить правду, не взирая, пріятна она или нѣтъ. Редакція, принимая на себя обязанность выполнить вышеизложенную програму, позволяетъ себѣ надѣяться, что просвѣщенные общественные дѣятели тверской губ. и истинные друзья гласности не откажутъ **„Тверскому Вѣстнику"** въ нравственной своей поддержкѣ и не оставятъ его своими кореспонденціями и рефератами.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ.

	Съ пересылкой.	Безъ пересылки.
На годъ	**5** р. — к.	**4** р. **50** к.
» полгода	**3** р. — к.	**2** р. **75** к.
» три мѣсяца	**2** р. — к.	**1** р. **50** к.
» мѣсяцъ	» р. **75** к.	» р. **50** к.

Адресъ редакціи г. Тверь.

ВЫСТАВКА ФОТОГРАФІЙ

СЪ КАРТИНЪ

придворнаго художника профессора М. ЗИЧИ

помѣщается:

ВЪ ФОТОГРАФІИ КАРРИКА,

по 5-й линіи, д. № 1—6,

противъ Академіи Художествъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 декабря 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 50. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 13 Декабря 1880 г.

Наша улица.

Разсказъ **К. Баранцевича.**

(*Окончиніе.*)

IV.

Большое вліяніе на Демидку имѣла бесѣда его, съ Фоминишной. Пьянство, какъ рукой, сняло. Сталъ онъ по утрамъ попрежнему ходить на работу, а по ночамъ думать свою великую думу. Не разъ въ сознаніи злобнаго безсилія шатался онъ подъ окнами зеленаго домишка и, приложившись глазомъ къ одному изъ вырѣзанныхъ въ ставнѣ сердечекъ, съ лихорадочнымъ волненіемъ наблюдалъ за происходившимъ въ комнатѣ.

Чаще всего тамъ торчали двѣ головы: одна большая, сѣдая, съ длинной бородой, принадлежавшая хозяину, другая — рыжевато-русая, съ гладко прилизанными височками, съ небольшой проплѣшиной по срединѣ, обрамленная тщедушными бакенбардами и составлявшая собственность паспортиста. И гость, и хозяинъ, оба красные, сидѣли обыкновенно за столомъ съ графиномъ и закуской и весьма исправно наливали себя водкой.

— Пропиваютъ, подлецы, мою Настюху, задыхаясь отъ злобы, шепталъ Демидка и отходилъ прочь.

А великая дума росла да ширилась и, наконецъ, наполнила все существованіе Демидки. Теперь ужь онъ больше ни о чемъ не думалъ, какъ только о своемъ планѣ, и чѣмъ меньше оставалось времени, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то особенной силы, чего-то беззавѣтно-богатырскаго, что ни на что не посмотритъ, а за себя постоитъ и на своемъ поставитъ. Денегъ у него было накоплено достаточно и въ общихъ чертахъ все было устроено, даже насчетъ вѣнчанія въ родной деревнѣ; оставалось только увезти Настю и это послѣднее нѣсколько смущало Демидку. Дѣло въ томъ, что Настя ничего объ этомъ не знала, а предположено было увезти ее съ улицы, когда она пойдетъ ко всенощной.

Утро предполагаемаго похищенія застало Демидку у окна все въ томъ-же положеніи омрачившагося человѣка. Сейчасъ-же ему пришло въ голову, что сегодня должно все кончиться, и какъ это часто случается, одно обстоятельство, самое главное, только теперь предстало передъ нимъ во всей своей полнѣйшей невозможности.

Какимъ родомъ увезти дѣвушку, почти днемъ, въ виду всей улицы. Ну, положимъ, онъ постарается ее уговорить; а если это не подѣйствуетъ, если она не согласится бѣжать? Что тогда? Прямо такъ схватить и садись на извощика? (Извощикъ былъ пріятель и участвовалъ въ заговорѣ). А если она начнетъ сопротивляться, крикнетъ городового?

У Демидки отъ напряженія мысли даже потъ выступилъ на лбу. Онъ вышелъ на улицу, чтобы нѣсколько освѣжиться, сѣлъ на завалину и задумался.

Утро было прекрасное. Солнце такъ и обливало своими лучами всю улицу. По ней уже началось движеніе: шли на работу, ѣхали на плотъ полоскать, словомъ, всѣ принимались за свое обычное дѣло, только у одного пьяненькаго человѣка, повидимому, впереди не было никакого дѣла и онъ тоскливо слонялся, переходя съ одной стороны улицы на другую. Одѣтъ онъ былъ въ нанковый, замасленный пиджакъ и таковые-же штаны; бѣлья не было ни малѣйшихъ признаковъ. На ногахъ у него были ботинки съ торчащими наружу пальцами, словомъ, изорванные до такой степени, что видомъ своимъ обращали на себя вниманіе каждаго. Такъ, сидѣвшій у своей кузницы съ засученными по локоть рукавами кузнецъ Проклъ, и тотъ, увидя пьяненькаго человѣка, только покачалъ головой и произнесъ:

— Вотъ такъ боты!

Пьяненькій человѣкъ хотѣлъ что-то возразить, но Проклъ только махнулъ ему своей мускулистой, волосатой рукой и пьяненькій человѣкъ заковылялъ дальше, вздыхая и бормоча что-то. Затѣмъ онъ зашелъ въ питейный, къ Семенычу; выйдя оттуда, что-то долго стоялъ, упершись руками въ заборъ, наконецъ, совершенно скрылся на какомъ-то извощичьемъ дворѣ.

А Демидка все никакъ не могъ наладиться съ мыслями; наконецъ, плюнулъ, всталъ и отправился на Волково поле посидѣть на своемъ любимомъ мѣстечкѣ въ дубовой рощицѣ и тамъ уже, на свободѣ, обдумать.

Уже часа два лежалъ Демидка въ рощицѣ на животѣ, вытаскивалъ травинки, жевалъ ихъ, ковырялъ палкой землю, а все не могъ ничего придумать! Въ досадѣ онъ повернулся на спину и вдругъ увидѣлъ громадный клубъ чернаго дыма поднявшійся надъ кладбищемъ.

— Пожаръ! рѣшилъ Демидка, — гдѣ бы это могло быть?

И внезапная мысль пришла ему въ голову:

— Вѣдь это за кладбищемъ, а тамъ каналъ, а за каналомъ...

У него волосъ всталъ дыбомъ. Онъ вскочилъ и бросился бѣжать черезъ кладбище. У воротъ онъ узналъ, что горитъ на—ской улицѣ.

Увы, читатель, горѣла наша улица.

V.

Авторъ чувствуетъ, что ему бы слѣдовало написать здѣсь «конецъ» и поставить точку, такъ какъ онъ не сознаетъ въ себѣ достаточнаго запаса силъ, чтобы быть объективнымъ и не вдаваться въ излишій лиризмъ, объясняемый его непосредственной, даже можно сказать, кровной связью съ нашей улицей!

Бѣдная наша улица! Бѣдные зеленые домики со ставнями, украшенными вырѣзанными сердечками, бѣдные садики, втеченіи многихъ лѣтъ дававшіе и тѣнь, и прохладу. Черные, зловѣщіе клубы дыма низко стелятся надъ крышами и нѣтъ, нѣтъ, изъ которой-нибудь изъ нихъ широкимъ языкомъ вырвется пламя и начнетъ хватать другія сосѣднія крыши. А тамъ, вмѣсто одного языка появилось два, десятокъ, другой, и зеленый домикъ, бѣдный, беззащитный, объятъ пламенемъ, и трещитъ, и стонетъ въ огненныхъ объятіяхъ прожорливаго чудовища. Добрался огонь до садика, вспыхнулся онъ весь, помрачнѣлъ, сразу пропалъ его веселый видъ и вотъ ужь деревья обуглились и дождемъ посыпались обожженные листья.

Пожаръ начался, какъ это видѣли многіе, съ одного извощичьяго двора и такъ какъ кругомъ были все такіе-же дворы, состоящіе изъ разнаго деревяннаго хлама, то, понятно, что задолго до прибытія пожарныхъ вся площадь деревянныхъ построекъ была въ пламени и представляла какой-то адъ, изъ котораго раздавались крики мужчинъ, плачъ женщинъ и дѣтей, перемѣшанные съ ржаньемъ лошадей, мычаньемъ коровъ и визгомъ свиней. Оттуда то и дѣло выскакивали какіе-то опаленные люди съ какимъ-нибудь стуломъ или негоднымъ ведромъ, оставляя въ жертву огня и скотъ, и болѣе цѣнное имущество.

А огонь, подобно морскому приливу, шелъ все дальше и дальше, гоня передъ собою толпу ошалѣвшихъ людишекъ съ какими-то шайками, ковшами и лейками, грознымъ шумомъ заглушая крики народа, густыми клубами дыма сзывая со всего города праздношатающихся любителей сильныхъ ощущеній.

И вдругъ звонки, крики, масса народа хлынула на пожаръ, въ дыму засверкали римскія каски пожарныхъ, что-то засвистало, зашипѣло, отвсюду повалили искры. Стали дѣйствовать трубы, пущена была «машина», потомъ другая, третья, съѣхались всѣ резервы, но все это могло быть полезнымъ для сосѣдней улицы, четвероугольникъ же нашей улицы, въ который пожарнымъ не было никакой возможности въѣхать, представлялъ изъ себя какой-то резервуаръ огня, изъ котораго чудовище успѣло дальше протянуть свои жадныя лапы и охватить пятокъ каменныхъ домовъ, выходившихъ на каналъ...

Задыхающійся, весь въ поту, прибѣжалъ Демидка на пожаръ и остановился, совершенно не узнавъ нашей улицы: повсюду мечущійся народъ, полиція, жандармы, солдаты съ примкнутыми штыками, оберегающіе вороха пожитокъ, выкинутыхъ на улицу, вверху море огня, повсюду трескъ обрушивающихся балокъ и густыя пелены дыма, рѣжущаго глаза, останавливающаго дыханіе.

Демидка стоялъ, смотрѣлъ, и какая то оторопь напала на него. Онъ не зналъ, что дѣлать. Вдругъ страшная мысль промелькнула въ его головѣ.

— «Горитъ! Значитъ и тамъ горитъ! Господи!»

Не помня себя, онъ бросился къ ея дому. Кто-то загородилъ ему дорогу, онъ хватилъ его на отмашъ, тотъ покатился.

Домъ уже горѣлъ. Кое что изъ имущества было вытащено на улицу, но остальное спасти не было возможности. Оставшіяся дома закладки съ лошадьми сгорѣли.

Почти обезумѣвшій Лука Еремѣевъ бѣгалъ около дома, рвалъ на себѣ волосы и напрасно «Христомъ Богомъ» молилъ «православныхъ христіанъ» вытащить изъ дому сундучекъ, «маленькій такой, окованный сундучекъ»; напрасно онъ самъ неоднократно порывался въ огонь, — охотниковъ жертвовать жизнью изъ за «сундучка» не находилось, да и самаго Луку Еремѣева крѣпко накрѣпко ухватили за локотки работницкія руки.

Но не домекнулись эти руки, что у хозяина была смѣлая и настойчивая, достойная его дочь, любившая старика до безумія, готовая за него хоть куда, — не домекнулись и прозѣвали.

Настя быстро накинула на себя смоченный изъ чьей-то лейки большой, старый «маменькинъ» платокъ и на глазахъ у всѣхъ кинулась въ домъ.

Толпа ахнула. Нѣкоторые, посмѣлѣе, отдѣлились и сунулись было за нею, но тотчасъ возвратились назадъ.

Домъ трещалъ и корчился, объятый пламенемъ...

Демидка на бѣгу видѣлъ, что въ домъ бросилась какая-то женщина, и тоскливымъ предчувствіемъ сжалось его сердце. Предчувствіе это тотчасъ-же оправдалось: онъ услышалъ раздирающій душу вопль старика.

— Настя! Голубушка! Дочка моя! Пустите, пустите меня! кричалъ Лука Еремѣевъ, вырываясь изъ рукъ окружившихъ его солдатъ и работниковъ, и вдругъ упалъ.

«Настя тамъ, въ огнѣ!»

Демидка перекрестился и кинулся въ домъ, прямо черезъ горящее окно нижняго этажа.

Отъ дыму-ли, жару, или отъ того необычайнаго волненія, которое имъ овладѣло, но только что онъ кинулся въ домъ, его словно туманъ опуталъ. Опаленный, чувствуя, какъ даже платье на немъ начинало тлѣть, онъ совался изъ комнаты въ комнату, безсознательно ища что-то, («словно иголку» говаривалъ онъ потомъ) хотѣлъ зачѣмъ-то подняться на верхъ, но увидѣлъ что нельзя, лѣстница сгорѣла, хотѣлъ даже уйдти совсѣмъ, но и это показалось невозможнымъ и онъ все продолжалъ соваться.

А въ головѣ, въ это время, шла какая-то путаница.

— Выручай, выручай! назойливо стучалъ тамъ какой-то голосъ, — выручай! Ничего, что обгорѣлъ, не привыкать стать жечься-то; и въ мастерской, и на паровозахъ обжигался, поди, тоже! Ничего, что она не твоя, выручай, все равно христіанская душа!

И вдругъ онъ наткнулся на эту «христіанскую душу», лежавшую въ спальнѣ, на полу и крѣпко сжимавшую небольшую, окованную мѣдью шкатулку.

Сознаніе сразу вернулось къ нему. Онъ наклонился.

Она не была обожжена, даже платокъ былъ еще совсѣмъ сырой, но очевидно было, что ей сдѣлалось дурно отъ дыма и недостатка воздуха.

Онъ схватилъ ее на руки, пнулъ шкатулку ногой, потомъ одумался и прихватилъ ее.

Теперь вопросъ былъ какъ выйдти изъ горящаго дома?

Онъ попытался было выскочить въ окно, но въ это время вся рама съ частью обгорѣлыхъ потолочныхъ балокъ рухнула передъ нимъ, обдала и его, и Настю миліономъ искръ, которые спалили ему волосы и въ тоже время чѣмъ-то больно, до крови ударило его въ щеку.

Онъ закачался, готовый упасть и выронить драгоцѣнную ношу.

Въ туже минуту сильная струя воды, пущенная изъ подоспѣвшаго пожарнаго рукава, возвратила его къ сознанію, придала ему силы.

Онъ крѣпко обхватилъ Настю и сдѣлалъ шагъ впередъ. Снаружи къ нему протянулась дюжина рукъ...

VI.

Онъ никогда не могъ хорошенько припомнить, что происходило затѣмъ. Онъ помнилъ только, что вокругъ былъ народъ, ужасно много народу, что всѣ лѣзли къ нему, хвалили его, говорили что-то о какой-то медали, вообще шумъ былъ страшный и оживленіе было общее. Ясно запомнилось ему только лицо Луки Еремѣева, какое-то страшное, осунувшееся, съ прядями сѣдыхъ, рѣдкихъ волосъ, прилипшихъ ко лбу и вискамъ, да запомнилась еще его экзальтированная, безпорядочная рѣчь.

— Возьми, кричалъ Лука Еремѣевъ, — все возьми, и ее, дщерь мою возлюбленную, и шкатулку... тамъ билеты, все билеты... на приданое ей. Не хочу, ничего не хочу. Господь Богъ покаралъ меня, видите, православные, за гордость мою, за любостяжаніе. Лошадушекъ пожегъ, домъ пожегъ, отнялъ, все отнялъ, Его воля, Его воля! Господь ихъ спасъ, ихъ судьбу устроилъ, а меня покаралъ, а пуще всего за гордость, за гордость дьявольскую. Каюсь, каюсь передъ вами, православные христіане, передъ всѣми каюсь!

Онъ всталъ на колѣни и, дотронувшись пальцами рукъ до земли, поклонился на четыре стороны.

Народъ, въ недоумѣніи, нѣсколько отодвинулся.

— Каюсь, каюсь, православные христіане, во всемъ каюсь и прощенья у всѣхъ прошу. Въ монастырь иду, не хочу въ мірѣ жить. Иду, иду грѣхи свои тяжкіе замаливать.

И затѣмъ вспоминается Демидкѣ, какъ онъ все стоялъ и стиралъ рукою что-то ползшее по шеѣ, какъ потомъ онъ взглянулъ на руку и оказалось, что она вся въ крови, какъ Лука Еремѣевъ подвелъ къ нему Настю, а та взяла его за ту самую кровавую, обожженную руку, любовно взглянула на него, что-то сказала, и потомъ все смѣшалось, спуталось, закружилось, онъ упалъ и... все.

Нѣтъ, не все. Какъ сквозь сонъ, помнится высокая, свѣтлая комната, рядъ кроватей, на нихъ сѣрые халатики, на столахъ оловянные кружки и опять Настя подлѣ сидитъ, держитъ его руку, что-то говоритъ, улыбается.

Пожаръ стихалъ. Впрочемъ, все, что могло еще дать какую-нибудь пищу огню, было истреблено и горѣть было нечему.

Нашу улицу просто, какъ говорится, слизало. Съ обѣихъ сторонъ вмѣсто домовъ остались пустыя пространства, черезъ которыя видны были сосѣднія улицы. Сгорѣвшія мѣста еще тлѣли и дымились, какъ-то странно шипя, кое гдѣ перебѣгалъ огонекъ и раскаленный нижній слой воздуха дрожалъ и переливался, вслѣдствіе чего люди, ходившіе по пожарищу, представлялись какъ-бы въ фокусѣ китайскаго фонаря. А посреди пепелища, словно памятники происшедшаго несчастья, стояли ряды дымовыхъ трубъ.

Между тѣмъ полиція производила дознаніе о причинѣ пожара, вслѣдствіе чего по указанію обывателей-очевидцевъ отправилась на мѣсто того извощичьяго двора, съ котораго начался пожаръ, и приступила къ самымъ тщательнымъ раскопкамъ.

Раскопки эти привели къ самому неожиданному открытію.

Оказалось, что среди хаоса обгорѣлыхъ балокъ, досокъ, желѣза, среди массы не то навоза, не то мокраго, неуспѣвшаго сгорѣть сѣна, нашли застрявшій, обгорѣлый, человѣческій остовъ. Стали отрывать этотъ остовъ и отрыли принадлежавшія ему ноги, совершенно сохранившіяся и обутыя въ страшно изорванныя ботинки!

Едва обыватели увидѣли эти ботинки, какъ сейчасъ-же нѣкоторые изъ нихъ выразили желаніе сдѣлать показанія.

Первый, какъ болѣе достовѣрный свидѣтель, показалъ сидѣлецъ Семенычъ: «лопни глаза, что это онъ спалилъ по насердкѣ. Кто онъ, не знаю, не нашъ человѣкъ. Пришелъ въ заведеніе, выпилъ на 6 коп. и сталъ просить еще, предлагая пиджакъ. На отказъ выразился: «не плюй, братъ, въ колодезь».

Кузнецъ Проклъ показалъ, что когда онъ сдѣлалъ свое замѣчаніе, то пьяненькій не нашъ человѣкъ уставился на него совсѣмъ «какъ бýдто помѣшамшись» и пробормоталъ что-то вродѣ «почему» или «покажу», послѣднее вѣрнѣе, изъ чего Проклъ заключаетъ... но заключеній его слушать не стали, а перешли къ слѣдующему, который оказался лавочникомъ Фомой, показавшимъ, что пьяненькій не нашъ человѣкъ купилъ у него десятокъ папиросъ и на копѣйку спичекъ и, закуривая, сказалъ: «а вотъ и запалимъ!»

Изъ всѣхъ этихъ показаній безъ особеннаго труда можно было составить такой выводъ: что пьяненькій человѣкъ хотя и говорилъ неподходящія слова вродѣ: «покажу» и «запалимъ», но намѣренія дѣйствительно запалить нашу улицу не имѣлъ, а просто, обалдѣвъ и утомившись, зашелъ во дворъ съ цѣлью отдохнуть, непримѣтно пробрался на сѣновалъ, закурилъ папиросу, легъ и... заснулъ на вѣки.

Всѣ смотрѣли на недвижно торчавшія изъ подъ рогожи ноги не нашего пьяненькаго человѣка, признавая въ немъ настоящаго виновника несчастія, но обладателю этихъ ногъ было теперь рѣшительно все равно.

Онъ кончилъ такъ, какъ зачастую кончаетъ русскій пьяненькій человѣкъ.

На мѣсто пожарища цѣлую недѣлю собирались массы любопытныхъ со всего города. Многіе нарочно пріѣзжали съ дачъ и наши погорѣльцы съ удивленіемъ видѣли у себя избранную публику, устроившую здѣсь нѣчто вродѣ гулянья, охотно примирившись и съ навозными кучами, и съ поросятами, шмыгавшими у ея ногъ.

Изящные кавалеры, съ моноклемъ въ глазу, подъ руку съ изящными дамами, граціозно подымавшими свои трены, ходили около пожарища, лорнировали груды углей, пепла, битаго кирпича, желѣзныхъ листовъ съ крышъ, и разсуждали на тему, что: «хотя, конечно, это несчастіе (malheur), но что, въ сущности, Богъ (le bon Dieu) все устраиваетъ къ лучшему, и теперь, конечно, вмѣсто всей этой деревянной дряни выростутъ вполнѣ приличные, каменные дома»

О, конечно. Но то будутъ уже другія гнѣзда и въ нихъ будутъ пѣть другія птицы, а старыя птицы улетятъ подальше отъ водопроводовъ и всѣхъ этихъ дорого стоющихъ удобствъ цивилизаціи и станутъ вить гнѣзда въ деревянныхъ домикахъ, окруженныхъ тѣнистыми садиками, со свѣсившимися на окна красными кистями рябины.

Глупыя, старыя птицы.

Атта Троль.

Поэма **Г. Гейне**. Переводъ **Мих. Шелгунова**.

(*Продолженіе.*)

Глава четырнадцатая.

Горъ румяныя вершины
Улыбаются подъ солнцемъ
И на склонѣ деревушка
Смѣлымъ лѣпится гнѣздомъ.

Я узналъ, туда взобравшись,
Что народъ весь разлетѣлся
На работы, а остались
Лишь безперые птенцы.

Прехорошенькія дѣти
Въ красныхъ шапочкахъ и въ бѣлыхъ,
Изъ овечьей мягкой шерсти,
На лужкѣ играли въ свадьбу.

Видѣлъ я игру ихъ, видѣлъ,
Какъ влюбленный принцъ мышиный
Патетично преклонился
Предъ кошàчьей королевной.

Бѣдный принцъ! Съ красоткой свадьбу
Онъ сыгралъ. Она ворчитъ
И, куснувъ его, съѣдаетъ.
Мышь мертва, игрѣ конецъ.

Весь почти тотъ день провелъ я,
Съ ребятишками болтая.
Все узнать они хотѣли,
Кто я, чѣмъ я занимаюсь?

«Дорогіе, имъ сказалъ я,
Я рожденъ въ странѣ германской,
Изобильной медвѣдями;
Ремесло мое охота.

«Много разъ срывалъ тамъ шкуру
Черезъ уши я медвѣжьи,
Да и самъ бывалъ порядкомъ
Взысканъ ласкою медвѣжьей.

«Наконецъ мнѣ надоѣло
Ежедневно состязаться
Въ дорогой моей отчизнѣ
Съ невоспитанной махиной.

«И пришелъ искать сюда я
Лучшей дичи для охоты;
Испытать хочу я силы
На великомъ Атта Тролѣ.

«Онъ противникъ благородный
И меня достойный. Дома
Я не выигралъ борьбы,
Не стыдяся пораженья».

А когда я въ путь собрался,
То кругомъ меня малютки
Заплясали и запѣли:
«Girofflino! Girofflette!»

Съ смѣлой граціей мнѣ въ встрѣчу
Вышла крошка, поклонилась
Два мнѣ, три, четыре раза
И потомъ запѣла тонко:

«Выйдетъ мнѣ король на встрѣчу,
Поклонюсь ему два раза;
Выйдетъ въ встрѣчу королева,
Ей три раза поклонюсь.

«А дорогой встрѣчу чорта
Я съ рогами, два поклона,
Три, четыре я отвѣшу.
Girofflino! Girofflette!»

«Girofflino! Girofflette!»
Подхватили хоромъ дѣти
И съ поклонами кружились
Всѣ вокругъ меня они.

И въ долину идя, сзади
Слышалъ я, какъ замирало
Нѣжно, словно щебетанье:
«Girofflino! Girofflette»!

Глава пятнадцатая.

На чудовищъ, превращенныхъ
Въ старину въ гранитъ, похожи
Скалъ громадные обломки,
Безобразные, кривые.

Странно. Сѣрыя надъ ними
Тучи мчатся двойниками,
Представляя отраженье
Дикихъ каменныхъ фигуръ.

Водопадъ вдали грохочетъ
И межъ сосенъ стонетъ вѣтеръ!
Этотъ шумъ неумолимъ
И несносенъ, какъ сомнѣнье.

Вкругъ—могильное молчанье!
На гнилыхъ, упавшихъ соснахъ
Кое-гдѣ сидятъ вороны
И крыломъ лѣниво машутъ.

Я иду съ Ласкаро рядомъ,
Молчаливъ и блѣденъ онъ;
Самъ похожъ я на безумье,
Онъ—на видъ докучной смерти.

Страшно дикія мѣста.
Не лежитъ на нихъ проклятье?
Кровь мнѣ видится на корнѣ
Бурей скорченнаго дуба.

Осѣняетъ онъ лачугу,
Полувросшую стыдливо
Въ землю. Съ робкою мольбою
Смотритъ крыша изъ соломы;

Въ этой хижинѣ каготы
Обитатели. Остатки
Рода, что влачитъ во мракѣ
Жизнь разбитую свою.

До сихъ поръ въ душѣ у басковъ
Отвращеніе къ каготамъ
Видно. Грустное наслѣдье
Грустной эры фанатизма.

Двери есть въ баньерскомъ храмѣ
Не просторнѣе окошка
Черезъ нихъ былъ входъ каготамъ,
Какъ сказалъ намъ пономарь.

Строго былъ имъ возбраненъ
Входъ другой дорогой въ церковь
И ползкомъ они, какъ воры,
Пробирались въ божій домъ.

На скамейкѣ невысокой
Тамъ каготъ одинъ молился,
Отдѣленъ, какъ зачумленный,
Отъ другихъ всѣхъ прихожанъ.

Но святыя свѣчи вѣка
Яркимъ пламенемъ сіяютъ.
Яркій свѣтъ ихъ прогоняетъ
Злую тѣнь средневѣковья.

Ждалъ на улицѣ Ласкаро,
Я-же въ низкую лачугу
Пробрался къ каготу, подалъ
Руку дружески я брату

И дитя, къ груди родимой
Прижимавшееся жадно,
Обласкалъ я; съ паукомъ
Испитымъ былъ схожъ ребенокъ.

Глава шестнадцатая.

Эти горныя вершины
Издалёка царски гордо
Всѣ блестятъ, переливаясь
Багрецомъ и яркимъ златомъ.

Но исчезнетъ эта роскошь
Вся вблизи, какъ у иныхъ
Человѣческихъ кумировъ,
Насъ въ обманъ вводящихъ свѣтомъ.

Ахъ, багрецъ и злато это
Оказались просто снѣгомъ,
Просто снѣгомъ, грустно хмурясь,
Въ одиночествѣ скучавшимъ.

На верху вблизи услышалъ
Я, какъ бѣлый снѣгъ трещалъ
И на бѣлую кручину
Вѣтрамъ плакался суровымъ.

«О, какъ медленно, вздыхалъ онъ,
Здѣсь идетъ въ пустынѣ время;
Дни, часы здѣсь безконечны,
Какъ замерзнувшая вѣчность!

«О, несчастный снѣгъ, спади
Вмѣсто этихъ горныхъ высей
Внизъ, въ зеленую долину,
Испещренную цвѣтами,—

«Ручейкомъ я тамъ свился-бы
И моей волной съ улыбкой
Деревенская красотка
Мыла-бъ личико свое!

«Да, я могъ-бы докатиться
И до моря, гдѣ, ставъ перломъ,
Могъ бы стать я украшеньемъ
Королевскаго вѣнца».

Слыша рѣчи тѣ, я молвилъ:
«Милый снѣгъ, я сомнѣваюсь,
Чтобъ ждала тебя въ долинѣ
Столь блестящая карьера.

«Не грусти! Выходятъ перломъ
Тамъ немногіе, а ты
Попадешь, быть можетъ, въ лужу
И очутишься тамъ грязью».

А пока такимъ манеромъ
Мы бесѣдовали съ снѣгомъ,
Вдругъ раздался выстрѣлъ, сверху
Палъ на землю сѣрый коршунъ.

То Ласкаро развлекался
И стрѣлялъ. Но былъ лицомъ
Онъ по прежнему серьезенъ;
Только стволъ ружья дымился.

Молча, вырвалъ онъ перо
Изъ хвоста убитой птицы
И, заткнувъ его на шляпу,
Продолжалъ дорогу дальше.

Тѣнь его съ перомъ зловѣщимъ
Далеко за нами слѣдомъ
По снѣгамъ вершинъ тянулась,
Пробуждая въ сердцѣ робость.

Глава семнадцатая.

Вдаль идетъ долина, имя
Ей—лощина привидѣній;
По бокамъ стоятъ стѣною
Скалы страшной высоты.

Тамъ на страшной высотѣ
Дерзко хижина Ураки
Часовымъ глядитъ въ долину;
Я взошелъ туда съ Ласкаро.

Онъ держалъ совѣтъ съ Уракой
Языкомъ условныхъ знаковъ,
Какъ бы Троля заманить имъ
И убить его половче.

Онъ вѣдь выслѣженъ отлично,
Не уйдетъ отъ насъ ужь больше.
Смерть близка и жизни дни
Сочтены для Атта Троля.

Точно-ль старая Урака
Занималася успѣшно
Чародѣйствами, какъ люди
Увѣряютъ въ Пиринеяхъ,

Я рѣшить не въ состояньи.
Видъ ея, одно я знаю,
Подозрителенъ и красны
Вѣчно гнойные глаза.

Зло коситъ она глазами
И какъ взглянетъ на корову,
То у бѣдной молоко
Сохнетъ въ вымени внезапно.

Увѣряютъ, что она-де
И свиней изводитъ жирныхъ,
И быковъ здоровыхъ, если
Ихъ своей рукой погладитъ.

За проступки таковые
И прошенья подавали
На нее судьѣ, но этотъ
Оказался вольтеріанцемъ,

Узколобымъ атеистомъ
Съ недалекимъ кругозоромъ,—
И обиженныхъ, скептично
Осмѣявши, слалъ домой.

Офиціально у Ураки
Не запретное занятье:
Травъ различнѣйшихъ продажа
И набитыхъ птичьихъ чучелъ.

Вся полна была лачуга
Этихъ рѣдкостей. Ужасно
Пахъ кукушкинъ цвѣтъ, кошачій
Ладонъ и разрывъ-трава.

Масса чучелъ ястребиныхъ
Тамъ стояла по порядку
Съ распущенными крылами
И огромными носами.

Скверный запахъ-ли растеній
Такъ мнѣ мысли отуманилъ,
Но при видѣ этихъ чучелъ
Стало на сердцѣ такъ странно:

Можетъ быть, все это люди
Заколдованные, нынѣ
Находящіеся въ жалкомъ
Состояньи птицъ набитыхъ?

На меня онѣ печально
Съ нетерпѣніемъ нѣмымъ
Будто смотрятъ, а порою
Робко глазъ скосятъ на вѣдьму.

Но она, Урака, молча,
Вмѣстѣ съ сыномъ молчаливымъ
Наклонившись надъ каминомъ,
Надъ отливкой пуль трудится.

Роковыя пули льются,
Чтобъ убить медвѣдя Троля.
Какъ сверкаетъ быстро пламя
По лицу сухому вѣдьмы!

Шевелитъ она беззвучно
Исхудалыми губами.
Не бормочетъ-ли заклятья,
Чтобъ лились удачнѣй пули?

Или вдругъ, кивая сыну,
Захихикаетъ. Но этотъ,
Молчаливый, словно смерть,
Пресерьезно занятъ дѣломъ.

Угнетенный этимъ видомъ,
Чистымъ воздухомъ дохнуть я
Захотѣлъ и изъ окошка
Вдоль долины сталъ смотрѣть.

Что я въ этотъ часъ увидѣлъ,
Межъ полуночью и часомъ,
Разскажу изящно, вѣрно
Вамъ я въ слѣдующихъ главахъ.

Глава восемнадцатая.

Въ полночь, на Ивановъ день,
Въ полнолуніе, несется
Шумно дикая охота
По лощинѣ привидѣній.

Изъ окна гнѣзда колдуньи
Мнѣ отлично было видно
Войско призраковъ, рядами
Проносившееся мимо.

Мѣсто было превосходно
У меня въ спектаклѣ этомъ,
Я узрѣлъ вполнѣ веселье
Мертвыхъ, вставшихъ изъ гробовъ.

Свистъ плетей, ату и крики,
Ржанье, лай огромной своры,
Хохотъ, рѣзкій голосъ рога,
Все, ликуя, отдавалось!

Въ авангардѣ этомъ странномъ
Мчалась царственная дичь,
Кабаны, какъ снѣгъ, и лани;
Слѣдомъ свора заливалась.

Изъ эпохъ и странъ различныхъ
Тутъ охотники скакали;
Карлъ десятый, напримѣръ,
Ѣхалъ съ Нимвродомъ ассирскимъ.

На высокихъ бѣлыхъ ко́няхъ
Пронеслись они. За ними
Съ сворой ѣхали пикеры
И толпа пажей съ огнями.

Кое-кто въ охотѣ дикой
Мнѣ знакомъ отлично—этотъ
Въ золотыхъ доспѣхахъ рыцарь,
Не король ли то Артуръ?

А Ожье, датчанинъ витязь,
Не носилъ-ли онъ зеленый
Яркій панцырь, походя
На огромную лягушку?

И героевъ свѣтлыхъ мысли
Было въ поѣздѣ не мало.
Сразу я узналъ Вольфганга
По живому блеску глазъ.

Онъ, проклятый Генгстенбергомъ,
Не найдетъ въ гробу покоя,
И съ языческою братьей
Скачку жизни продолжаетъ.

По улыбкѣ беззаботной
Я узналъ Вилльяма сразу,
Пораженнаго проклятьемъ
Пуританъ; и этотъ грѣшникъ

Съ дикимъ войскомъ разъѣзжаетъ
На высокомъ аргамакѣ.
Рядомъ съ нимъ трясется кто-то
На ослѣ. О, Боже правый!

По испитой, постной рожѣ,
По ночному колпаку
И по трусости былъ узнанъ
Мной Францъ Горнъ, пріятель старый.

Вздумалъ геній онъ Шекспира
Коментировать при жизни
И за это и по смерти
Ѣздитъ съ нимъ въ охотѣ шумной.

Ахъ, смиренный Францъ наѣздникъ,
Онъ, едва ходить дерзавшій,
Члены двигавшій за чайной
Болтовней да на молитвѣ.

Дѣвы старыя, бывало
Охранявшія покой
Франца, въ ужасъ придутъ, слыша
Вѣсть, что онъ охотникъ дикій.

А когда въ галопъ поскачутъ,
Хохоча, Вилльямъ глядитъ
Какъ несчастный коментаторъ
На ослѣ за нимъ трясется,

Обезсилѣвъ, уцѣпившись
За луку сѣдла осла,
Вѣрно слѣдуя и мертвымъ
За писателемъ любимымъ.

Дамъ я тоже видѣлъ много
Въ сумасшедшей скачкѣ тѣней,
Нимфъ отмѣнной красоты
Съ стройнымъ юношескимъ тѣломъ.

Всѣ верхомъ онѣ сидѣли,
Обнажившись, какъ вакханки,
Съ плечъ ихъ волосы спадали,
Словно мантіи златыя.

Въ волосахъ вѣнки у всѣхъ ихъ;
И, безстыдно изгибаясь,
Всѣ онѣ жезлами машутъ,
Перевитыми вѣнками.

Слѣдомъ—рыцарскія жены,
Всѣ въ глухихъ, высокихъ лифахъ,
Ѣдутъ въ дамскихъ, шитыхъ сѣдлахъ,
Съ соколами на рукахъ.

Какъ пародія за ними
На сухихъ, голодныхъ клячахъ,
Скачетъ буйная ватага
Женщинъ, выряженныхъ пестро.

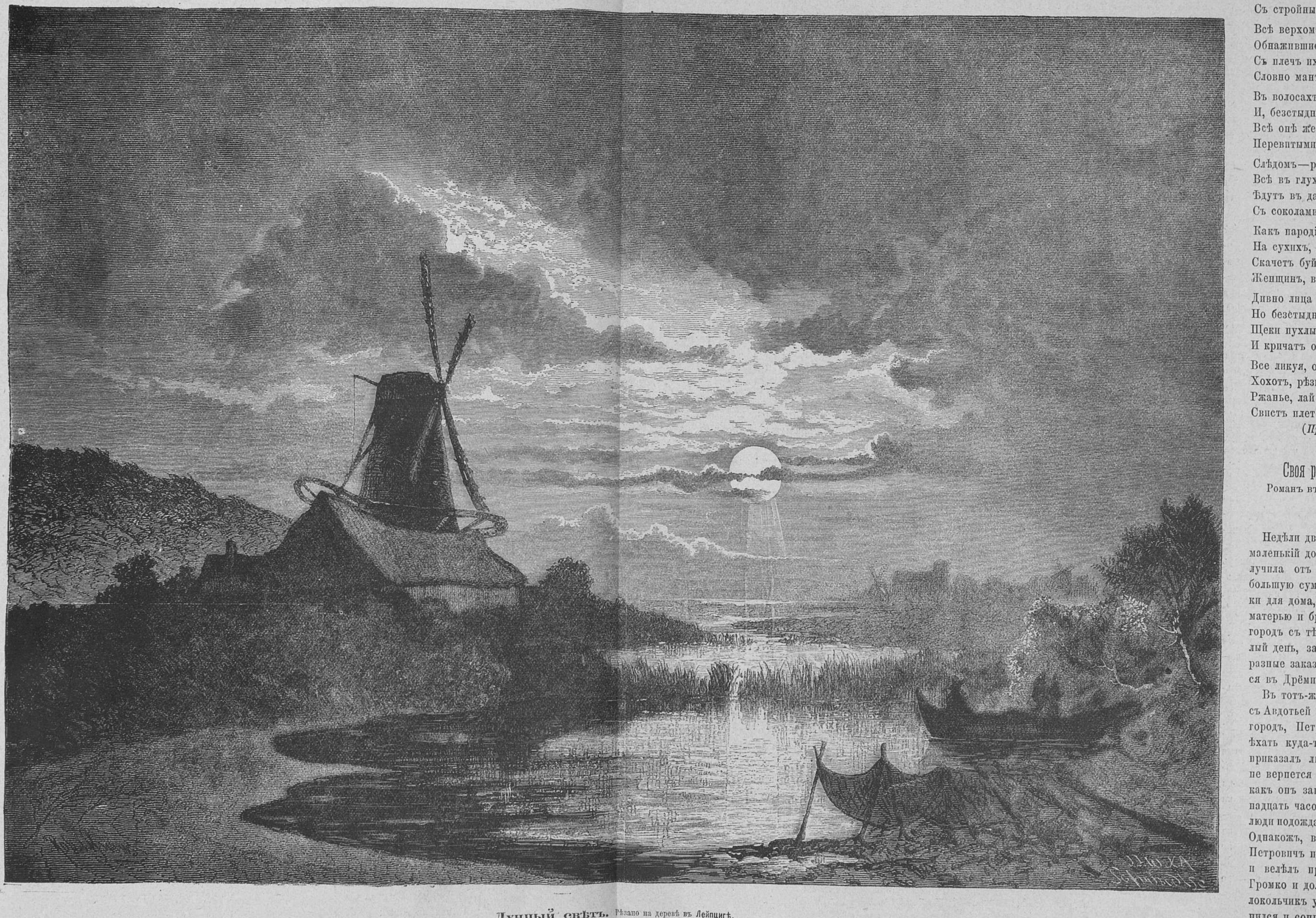
Дивно лица ихъ красивы,
Но безстыдны, а румяна
Щеки пухлыя скрываютъ,
И кричатъ онѣ безумно.

Все ликуя, отдавалось!
Хохотъ, рѣзкій голосъ рога,
Ржанье, лай огромной своры,
Свистъ плетей, ату и крики!

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ШЛЕЙХА.



Лунный свѣтъ. Рѣзано на деревѣ въ Лейпцигѣ.

* * *

Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Романъ въ 3-хъ част. **М. Ф. Каменской.**

(*Окончаніе.*)

Глава XXVII.

Недѣли двѣ послѣ поѣздки Котикова въ маленькій домикъ подъ кленами, Лёло получила отъ Петра Петровича довольно большую сумму денегъ на разныя покупки для дома, для себя и для дѣтей, и съ матерью и братомъ уѣхала съ вечера въ городъ съ тѣмъ, чтобы пробыть тамъ цѣлый день, закупить все нужное, сдѣлать разные заказы и на другое утро вернуться въ Дрёмино.

Въ тотъ-же вечеръ, какъ Лёло уѣхала съ Авдотьей Кириловной и съ братомъ въ городъ, Петръ Петровичъ тоже собрался ѣхать куда-то въ одноколкѣ и, уѣзжая, приказалъ людямъ не ждать его, если онъ не вернется къ одиннадцати часамъ, такъ какъ онъ заночуетъ у сосѣда. Въ одиннадцать часовъ Котиковъ не пріѣхалъ и люди подождали еще немного и легли спать. Однакожъ, во второмъ часу ночи Петръ Петровичъ постучалъ въ окно кучерской и велѣлъ прибрать одноколку и лошадь. Громко и долго звонилъ Котиковъ въ колокольчикъ у подъѣзда, наконецъ, дозвонился и сонный лакей отворилъ ему дверь. Петръ Петровичъ взялъ у него свѣчку изъ рукъ и пошелъ въ комнаты. Такъ какъ Котиковъ всегда раздѣвался одинъ, то сонная фигура ушла въ свою канурку, уткнулась въ подушку носомъ и захрапѣла. Опять все утихло въ домѣ. Только Петру Петровичу, должно быть, не спалось. Прежде, чѣмъ улечься, онъ еще выходилъ въ садъ. И долго бѣгали огоньки въ окнахъ, а потомъ все стихло и стемнѣло.

Рано утромъ всталъ на другой день Петръ Петровичъ и пошелъ пить чай съ Сережей въ комнату Елизаветы Никитишны, которой съ самаго того дня, какъ напугала ее Камкова, все не здоровилось.

За чаемъ Петръ Петровичъ былъ очень веселъ, шутилъ съ старушкой, игралъ съ Сережей и, по своему обыкновенію, разливалъ самъ чай, себѣ, Елизаветѣ Никитишнѣ и сыну; послѣ чаю старушка вдругъ опять захотѣла спать и попросилась на постель.

— Что это, матушка, не успѣли встать, да опять почивать захотѣли, али не доспали?.. Да спите, спите, съ Богомъ сонъ крѣпость даетъ,— бормотала Матрена, укладывая барыню за ширмами въ постель.

Елизавета Никитишна ничего ей не отвѣчала и только что легла, сладко уснула.

— Это очень хорошо, что старушка уснула, пусть ее отдохнетъ хорошенько, свѣжѣе будетъ. Вѣдь сегодня свидѣтельствовать ее пріѣдутъ изъ города. Вѣдь милая внучка-то, что намедни была, просьбу на нее подала, выходя на цыпочкахъ изъ комнаты Елизаветы Никитишны съ Сережей на рукахъ, шепотомъ сказалъ Петръ Петровичъ.

— Да что-жъ это, батюшка, за страсти такія? Ахъ, ты матерь Божія! Впрямь послѣднія времена приходятъ, коли кровь на свою кровь просьбы пишетъ. Да объ чемъ-же просьба-то, Господи ты Боже мой!.. скажите, батюшка! мучимая любопытствомъ, Спросила у Петра Петровича, тоже шепотомъ, Матрена, выходя за нимъ въ коридоръ.

— Ну, вотъ поди ты... что ей наша бѣдная старуха сдѣлала?.. а она просьбу написала, что Елизавета Никитишна сумасшедшая, чтобы ее осмотрѣть прислали, да у нея все имѣніе отняли, таинственно проговорилъ Петръ Петровичъ, наклонившись на ухо Матренѣ.

— Ахъ, ты матерь Божія!.. да что-же это за напасть такая! Да какія-же онѣ сумасшедшія!.. онѣ только разстроившись маленько отъ горя ихняго, а сумасшествія никакого нѣтъ. Особенно таперича, онѣ очинно хороши стали, можно сказать въ полномъ разумѣ находятся, разобидившись за барыню, сказала Матрена.

— Да, конечно, Елизавета Никитишна теперь гораздо лучше стала; пусть пріѣдутъ свидѣтельствовать ее сколько угодно — ничего не возьмутъ.

— Это дѣйствительно вы правду изволите говорить, сударь,— что они возьмутъ-съ...

— Пусть спитъ Елизавета Никитишна. Не входите вы къ ней, не тревожьте ее. Проспится,— свѣжѣе будетъ.

— Пусть почиваютъ съ Богомъ, дѣйствительно посвѣжѣе будутъ-съ.

— На, возьми Сережу, снеси его нянькѣ, скажи, чтобъ она его одѣла, и пусть кататься ѣдутъ. Погода сегодня прекрасная. Парныя дрожки заложить вели. Да знаешь, что: я за Елизаветой Никитишной пригляжу, а ты поѣзжай-ка съ ними сама; я нянькѣ не вѣрю, она зѣвака страшная... а съ тобой я спокоенъ буду... хотите, такъ къ княгинѣ заверните; она крестника давно не видала; да смотри, чтобы кучеръ не гналъ, дорога не вездѣ хороша.

— Слушаю-съ, будьте благонадежны-съ,— все будетъ благополучно-съ, сказала Матрена, предовольная во-первыхъ тѣмъ, что прокатится на барскихъ лошадяхъ къ княгинѣ, а во вторыхъ тѣмъ, что Петръ Петровичъ отдавалъ ей предпочтеніе передъ нянькой-нѣмкой. Матрена понесла ребенка по длинному коридору, а Петръ Петровичъ вошелъ въ дверь своего кабинета.

Опять въ коридорѣ все стихло. Въ одиннадцать часовъ съѣхались изъ города всѣ нужныя лица для освидѣтельствованія Елизаветы Никитишны. Петръ Петровичъ принялъ ихъ въ залѣ.

— Ну вотъ и я пріѣхалъ, Петръ Петровичъ; я вамъ говорилъ, что меня назначутъ, такъ и вышло... Ну, что, жену-то спровадили? спросилъ Юлій Осиповичъ, отведя Котикова въ сторону.

— Спровадилъ въ городъ на цѣлыя сутки, теперь я за нее спокоенъ, отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

— Ну, а старуха-то ваша что, предупредили вы ее?

— Предупредилъ.

— Что-жъ разозлилась?

— Еще бы, и теперь еще зла... да пойдемъ ужь скорѣе, кончимъ эту комедію... Господа, не угодно-ли вамъ пожаловать въ комнату Елизаветы Никитишны Столбиной, сказалъ Петръ Петровичъ и пошелъ впередъ по коридору. Всѣ съѣхавшіяся лица пошли за нимъ. Дойдя до двери старушкиной комнаты, Котиковъ попросилъ всѣхъ подождать минуту и вошелъ одинъ.

— Елизавета Никитишна! пріѣхалъ докторъ и чиновники освидѣтельствовать васъ, сказалъ Петръ Петровичъ такъ громко, что въ коридорѣ все было слышно.

— Ну, что-жъ? пріѣхали, такъ пусть войдутъ ко мнѣ, я вставать для нихъ не стану, отвѣчала старуха такъ-же громко.

— Пожалуйте, господа! Елизавета Никитишна проситъ васъ войти къ ней, пригласилъ Котиковъ. Впустилъ всѣхъ въ комнату Елизаветы Никитишны, а самъ прошелъ въ коридоръ, заперъ въ концѣ его дверь на ключъ и вернулся.

Первый вошелъ за ширмы къ Елизаветѣ Никитишнѣ докторъ, а за нимъ по немногу перебрались и всѣ другіе.

Старушка, лежа на кровати, вся укутанная въ шелковый ваточный салопъ, слегка кивнула вошедшимъ головой.

— Здравствуйте, сударыня! Какъ ваше здоровье?

— Здравствуй, батюшка! А что ты докторъ, что-ли! что объ здоровьѣ спрашиваешь?

— Медикъ, сударыня! садясь подлѣ кровати на кресло, отвѣчалъ докторъ.

— Ну, медикъ, такъ дѣлай свое дѣло, узнавай самъ, больная или нѣтъ?

— Пожалуйте вашу ручку! позвольте узнать, какъ имя и отчество?

— Ты думаешь, я забыла, какъ меня зовутъ?. Что будетъ впереди, а теперь еще помню: я Елизавета Никитишна Столбина.

— Что вы чувствуете, сударыня?

— Чувствую, что ты мнѣ пульсъ держишь, батюшка.

— Нѣтъ, а такъ, въ тѣлѣ, въ сердцѣ, въ головѣ, ничего не чувствуете?..

— Какъ же это, батюшка, въ тѣлѣ, въ сердцѣ и въ головѣ ничего не чувствовать, да ты вѣдь живую меня, а не мертвую осматриваешь... а я, милостью Божіею, еще здравствую. Въ тѣлѣ я чувствую, что слаба становлюсь, что пора костямъ на покой... а въ сердцѣ, батюшка, не утаю, злость чувствую... а въ головѣ, хоть и не чувствую, а знаю, что у меня мозгъ есть... а какой онъ, здоровый или нѣтъ, опять таки твое дѣло узнать! насмѣшливо отвѣчала старушка. Всѣ стоящіе за ширмами улыбнулись.

— А на кого вы сердитесь, сударыня? Кто васъ обидѣлъ? спросилъ Юлій Осиповичъ, подойдя ближе къ кровати.

— Ну что, батюшка, ты выспрашивать сталъ... Извини, не знаю, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить... А потомъ вотъ этотъ и этотъ начнетъ меня допрашивать. Надоѣдите вы мнѣ старухѣ, да я къ этому и не привыкла, меня еще досихъ-поръ никто не смѣлъ допрашивать!.. но дѣлать нечего, до чего въ нынѣшнемъ свѣтѣ не доживешь... Попала вдова Столбина подъ допросъ и отвѣтъ держать будетъ, но не порознь, а всѣмъ вамъ вмѣстѣ... Слушайте-же меня: васъ послали освидѣтельствовать, сумасшедшая я или нѣтъ?.. До сраму этого я дожила по просьбѣ внучки моей, Марьи Петровны Камковой, седьмой водѣ на киселѣ, которая пріѣхала ко мнѣ къ живой просить у меня наслѣдство. Слышите-ли? наслѣдство еще при жизни моей. Положимъ, что я вольна наградить кого хочу, не потребуй отъ меня внучка моя такъ нагло, можетъ быть, я ее бы и не забыла... а она вырвать у меня силой имѣніе хочетъ. Подъ срамъ мои сѣдые волосы подвела... такъ объ ней и рѣчей нѣтъ, ей отъ меня гроша мѣднаго не видать, какъ ушей своихъ. Теперь слушайте волю мою. На благопріобрѣтенное имѣніе покойнымъ мужемъ моимъ и дарованное имъ мнѣ, я духовную уже собственной рукой моей написала и положила куда слѣдуетъ. Вскроютъ ее послѣ моей смерти и тогда узнаютъ, кому я оставила мои пятьсотъ душъ... а покуда я жива, никому вмѣшиваться въ дѣла мои не позволю... Такъ и напишите и доложите тѣмъ, кто васъ послалъ, а сумасшедшая я или нѣтъ, вотъ у доктора спросите, онъ руку мою щупалъ, такъ знать долженъ!.. Вотъ и все!.. А теперь оставьте меня въ покоѣ, я ни умнѣй, ни глупѣй вамъ не покажусь, я вся тутъ, сказала старушка и, завернувшись въ салопъ, безъ церемоній отвернулась.

Составивъ на мѣстѣ актъ, всѣ прошли изъ комнаты Елизаветы Никитишны въ залу.

Выйдя изъ корридора послѣдній, Петръ Петровичъ вынулъ ключъ, вложилъ его съ другой стороны, заперъ дверь и пошелъ тоже въ залу.

— У, да какая старуха-то у васъ злая!—сказалъ, смѣясь, Юлій Осиповичъ, увидя Котикова.

— Я вамъ говорилъ, что обозлится... Столбиныхъ не тронь! У нихъ кровь пузыристая, отвѣчалъ Петръ Петровичъ.

— И какія онѣ преумныя!.. надобно сказать-съ, какъ сильно говорятъ-съ... хоть-бы не женскому уму-съ, надобно сказать-съ, а мужчинѣ впору-съ, вставилъ словечко становой.

— Да что тутъ говорить, старушка съ свѣжей головой. И тѣлосложенія крѣпкаго, и глаза ясные, говорящіе, добавилъ глубокомысленно докторъ.

— А что, господинъ эскулапъ, барыня-то васъ загоняла?.. подзыкнулъ Юлій Осиповичъ.

— Обиженное самолюбіе... гордость... это еще болѣе показываетъ полное сознаніе и здоровое состояніе мозга, дѣлая жесты рукой около головы, дополнилъ докторъ.

— Да, надобно сказать-съ, въ ихъ званіи, въ ихъ лѣтахъ-съ перенести этакой афронтъ-съ, это, надобно сказать, ужасно-съ,—вылилъ опять свою мысль становой.

Во время этого послѣдняго разговора, Котиковъ куда-то скрылся, но скоро опять вошелъ и пригласилъ всѣхъ къ завтраку. Всѣ вмѣстѣ пошли въ столовую. Еще не успѣли отзавтракать, какъ вернулся маленькій Сережа домой съ подарками отъ княгини. Услышавъ его голосъ, Котиковъ велѣлъ принести его въ столовую и усадилъ къ себѣ на колѣни. Матрена, какъ только пріѣхала, такъ сейчасъ-же начала распрашивать у лакея Степана: кто у барина? что безъ нея дѣлалось?..

— Становой тутъ... тотъ баринъ, что опомнясь по утру заѣзжалъ, а другіе-то, Богъ ихъ вѣдаетъ, кто они такіе. Къ старой барынѣ всѣ ходили... я было хотѣлъ въ коридоръ-то зайдти, да дверь за собой на ключъ заперли... Богъ ихъ знаетъ, что они тамъ дѣлали у старухи, флегматически отвѣчалъ Степанъ на вопросы Матрены.

— А тебѣ всюду надо носъ совать, мало-ли у господъ какія дѣла бываютъ, такъ нашему брату и подглядывать... много будешь знать, скоро состарѣешься, заворчала на лакея Матрена, которая только-что сама выспрашивала, и, повернувшись, пошла къ своей барынѣ въ комнату и заглянула за ширмы. Елизавета Никитишна спала, завернувшись въ своемъ салопѣ.

— Ахъ ты, матерь Божія! да что это на нее сегодня за спячка напала? Разбужу-ка я ее, а то она ночью спать не будетъ и мнѣ глазъ сомкнуть не дастъ, прошептала Матрена и тихо начала качать Елизавету Никитишну за плечо.

Елизавета Никитишна открыла свои мутные глаза и долго, какъ въ какомъ-то онѣмѣніи, молча озиралась.

— Что это, матушка, вы все почиваете? Что нездоровится вамъ, что-ли? Вишь, какъ заспались, и въ себя прійти не можете... нате-ка водицы попейте, а я вамъ личико мокрымъ полотенчикомъ оботру, авось вы освѣжитесь, сказала Матрена, налила въ стаканъ воды изъ графина, напоила Елизавету Никитишну, потомъ намочила уголъ полотенца и, какъ ребенка, умывала ее.

Старушка точно освѣжилась.

— Фомка ко мнѣ приходилъ, я его видѣла, проговорила слабымъ голосомъ Елизавета Никитишна, приподнимаясь на кровати.

— Ахъ, ты матерь Божія! ангелъ съ вами хранитель! какой Фомка къ вамъ приходилъ? Господь съ нимъ, съ вашимъ Фомкой, пусть его покоится съ миромъ... Къ чему ему къ вамъ ходить?

— Нѣтъ, я видѣла Фомку, ma chère, право, видѣла.

— Ну, матушка, оставьте, это вамъ во снѣ пригрезилось, а вы лучше скажите, что вы съ этими чиновниками, что къ вамъ приходили, разговаривали?

— Ко мнѣ никто не приходилъ, у меня только одинъ Фомка былъ, ручку мнѣ цѣловалъ, гулять меня звалъ.

— Что это вы говорите... тьфу!.. тьфу!.. нѣтъ, у васъ чиновники были, осматривать васъ приходили, здоровы ли вы. Припомните-ка хорошенька... ну, что они вамъ говорили?..

— Ты врешь, ma chère, у меня не было чиновниковъ, а Фомка былъ!..

— Толкуй больной съ подлекаремъ... вы ужь все и позабыть успѣли, матушка... вы ровно ребенокъ малый.

И какъ ни мучилась Матрена съ старой барыней, чтобы удовлетворить свое любопытство, никакого толку не добилась, а спросить у Петра Петровича весь день не пришлось. До самыхъ сумерекъ пропировали у него гости; а гостей проводилъ, такъ самъ въ одноколку сѣлъ, да прямо по большой алеѣ садомъ куда-то и уѣхалъ. Подождала, подождала его Матрена да и спать легла.

На другой день утромъ Лёло съ матерью и братомъ вернулись изъ города. Петръ Петровичъ выбѣжалъ встрѣтить ихъ на крыльцо.

— Ступайте, ступайте скорѣй, я вамъ интересную новость сообщу, сказалъ Котиковъ, помогая Авдотьѣ Кириловнѣ подняться на лѣстницу.

— Что, что такое? У Пети зубъ вышелъ? спросила Лёло

— Нѣтъ, не отгадала.

— Марья Петровна пріѣзжала? съ испугомъ проговорила Авдотья Кириловна.

— Нѣтъ, мамачка, и вы не отгадали.

— Знаю! знаю! Милка ожеребилась!— вскрикнулъ Николай Михайловичъ.

— Попалъ, любезный другъ!.. курочка бычка родила, поросеночекъ яичко снесъ...

— Да что-же?

— Да говори-же!..

— Не мучь ты насъ, проговорили въ три голоса Лёло, Николай Михайловичъ и старуха мать, обступивъ со всѣхъ сторонъ Петра Петровича.

— Пойдемте въ мой кабинетъ, я вамъ открою тайну.

Всѣ проворно побѣжали въ кабинетъ.

— Ну, садитесь и слушайте.

— Мы слушаемъ, сказала Лёло, садясь на первый попавшійся стулъ.

— Слушаете? ну, хорошо: Марья Петровна подала просьбу, въ которой просила освидѣтельствовать Елизавету Никитишну, и если ее найдутъ не въ полномъ умѣ, то наложить на нее опеку...

— Ахъ, подлая женщина! Ахъ, какая преподлая!.. всплеснувъ руками, вскрикнула Авдотья Кириловна.

— Не мѣшайте, маменька, дайте слушать, остановилъ Николай Михайловичъ.

— А меня, какъ укрывателя сумасшедшей старухи, продолжалъ Котиковъ,—отрѣшить отъ опекунства и на мое мѣсто посадить другого опекуна.

— Ахъ, Боже мой, Петя, что-же это будетъ? вскочивъ и подбѣгая къ мужу, спросила, поблѣднѣвъ, Лёло.

— Не пищи, не пугайся, ничего не будетъ. Вчера безъ васъ, вдругъ неожиданно прискакали изъ города разные народы освидѣтельствовать Елизавету Никитишну.

— Ахъ, Боже мой, какой страхъ! перебила Лёло.

— Молчи и слушай, Лёлька, а не то я замолчу.

— Прости, Петя...

— Вотъ я, нечего дѣлать, скрепя сердце, повелъ ихъ въ комнату Елизаветы Никитишны... Надо вамъ сказать, что я съ ней былъ одинъ; не ожидая ничего, я услалъ Матрену кататься съ Сережей; ты знаешь, Лёлька, я съ этой нѣмкой-нянькой боюсь пускать ребенка... Вотъ входимъ мы въ комнату, а у меня отъ страху духъ перехватываетъ... Ну, думаю, разозлится моя старуха и какъ разъ отпуститъ: подите вонъ, гадкіе! mon chèr, прогони ихъ! я ихъ боюсь!.. Ни чуть не бывало: входимъ мы, старушка спитъ; я разбудилъ ее и объяснилъ ей, зачѣмъ къ ней вошли всѣ эти господа... Что-жъ-бы вы думали? Проснулась моя Елизавета Никитишна свѣжая, сейчасъ поняла меня, обидѣлась и разсердилась на Марью Петровну и умно и здраво отвѣчала на всѣ вопросы, такъ-что всѣ эти господа отправились во-свояси съ длиннымъ носомъ.

— Боже мой! какое счастье, самъ Богъ вразумилъ бѣдную старушку... И что-жъ, Петя, больше ничего не будетъ?

— Больше ничего не будетъ, Лёлька; теперь ты можешь быть спокойна... А главное, что меня радуетъ, это то, что Елизавета Никитишна, вѣрно, скоро совсѣмъ придетъ въ себя. Сегодняшній день доказалъ, что ей все лучше и лучше дѣлается... Право, я радехонекъ, я очень люблю эту старушенцу...

— Добрый мой, славный!.. Мамачка, посмотрите, какой онъ у меня хорошій: не за себя, а за другихъ радуется... Петя, вотъ ты говорилъ, что твой девизъ: «я люблю, чтобъ мнѣ было хорошо»! Ты вралъ, ты любишь, чтобъ другимъ было хорошо... Помнишь, ты хотѣлъ меня увѣрить, что ты мерзавецъ?..

— А ты не повѣрила... Что-жъ, вольному—воля, спасенному—рай!

Степанида Ивановна отгадала на картахъ. Всѣ хлопоты Петра Петровича прошли и онъ вдругъ пошелъ въ гору. Со всѣхъ сторонъ полилось ему счастье и богатство. Княгиня Черново-Свѣтинская сдержала свое слово и, умирая, оставила ему довольно большой капиталъ. На него Петръ Петровичъ сейчасъ-же купилъ смежное съ Дрёминымъ имѣніе, которое продавалось въ то время на его счастье. Купилъ и назвалъ его: Котиково. Переѣхалъ въ него изъ Дрёмина съ женой и дѣтьми и зажилъ бариномъ. Умерла Елизавета Никитишна и совершенно неожиданно для всѣхъ осталось послѣ нея духовное завѣщаніе, въ которомъ она отказала свои благопріобрѣтенныя пятьсотъ душъ сыну Петра Петровича—Петру.

Счастливо, спокойно жилось Петру Петровичу на собственной своей землѣ въ деревнѣ Котиковѣ. Мечталъ онъ когда-то, чтобъ Лёло его была полная, круглая, какъ пулярдка, и ходила въ бѣлыхъ капотикахъ-раздуванчикахъ. И стала Лёло пулярдка, полная, бѣлая и каталась около него, какъ шаръ, въ капотикахъ-раздуванчикахъ. И въ томъ, что почести польются на Петра Петровича, карты Степаниды Ивановны не соврали. Пришло богатство, пришли и почести... Не Петръ Петровичъ уже кланялся, а ему кланялись; не его презирали помѣщики, а онъ презиралъ ихъ. Все, что на умъ взбредетъ Петру Петровичу, то онъ и творилъ. И что ни сдѣлаетъ, все мило казалось. И чего, чего онъ ужь и не творилъ. Помѣщицы повадятся часто гостить у Лёло, надоѣдятъ ему,—онъ мимо ихъ, со свѣчей въ рукѣ, въ такомъ костюмѣ пройдетъ, что помѣщицы: ахъ! да и упадутъ въ обморокъ на диванъ въ разныя стороны. А на завтра и домой уѣдутъ. А забудутъ и опять учащать въ Котиково начнутъ, Петръ Петровичъ опять пройдетъ мимо барынь въ томъ-же костюмѣ, онѣ опять: ахъ! ахъ! и повалятся... да такъ и отвадитъ.

Много, много творилъ чудесъ Петръ Петровичъ и все ему съ рукъ сходило.

Все отгадала Степанида Ивановна, одного не отгадала, что однодворка одна въ ихъ уѣздѣ изъ дому своего ночью пропадетъ и домой не вернется, и что, какъ ни станутъ искать ее, нигдѣ не найдутъ... А вотъ самъ Петръ Петровичъ, такъ давно, давно, какъ еще управляющимъ у генерала Столбина былъ, и безъ картъ угадалъ, что онъ когда нибудь въ жизни для того, чтобъ ему было хорошо, какую нибудь колосальную подлость да сдѣлаетъ.

Леона.

(Записки доктора Бернагіуса.)

Повѣсть Люсіена Біара. Переводъ А. А. Разсказовой.

(*Окончаніе.*)

Глава VIII.

Только черезъ четыре дня я рѣшился навѣстить Леону, но еще не намѣренъ былъ сообщить ей объ ея несчастіи. По уговору съ пріоромъ мы рѣшили выждать недѣлю, чтобы дать время Шульцу достичь береговъ Тихаго океана и отправиться въ Китай или Калифорнію. Когда мнѣ приходила въ голову мысль, что этотъ плутъ будетъ жить спокойно, можетъ быть, счастливо послѣ своего отвратительнаго поступка, я упрекалъ себя, что помогъ ему бѣжать. Но за что-же поразить его невинную жену и безъ всякой для нея пользы.

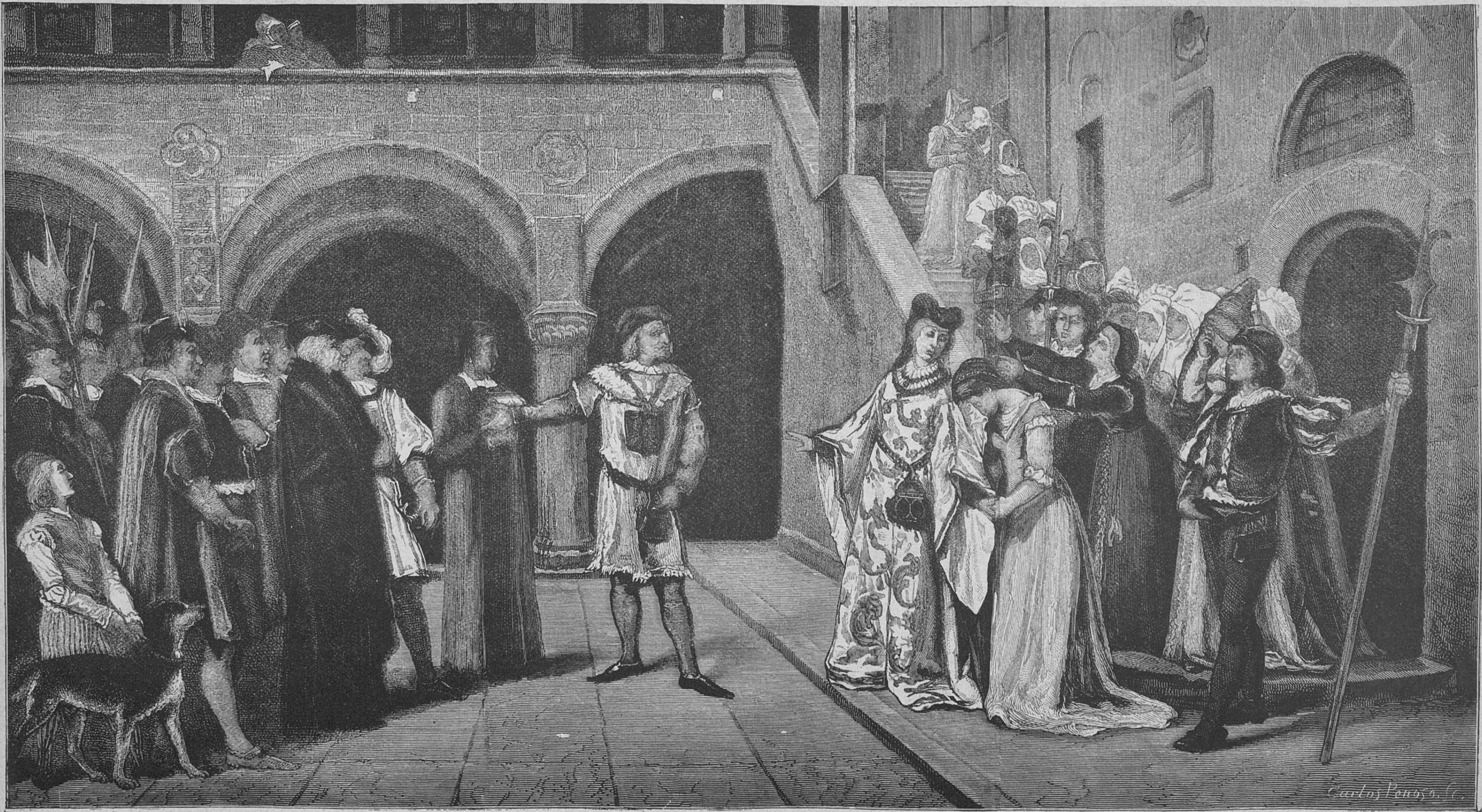
Я нашелъ Леону въ залѣ; она только что вернулась послѣ осмотра работъ, предпринятыхъ ея мужемъ.

— Привезли вы мнѣ какое-нибудь извѣстіе? спросила она, увидѣвъ меня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—я пріѣхалъ навѣстить тебя. Только вчера твой... только вчера Шульцъ могъ добраться до Мехико и письмо его придетъ сюда развѣ чрезъ три дня.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Э. РОЗАЛЕСА.

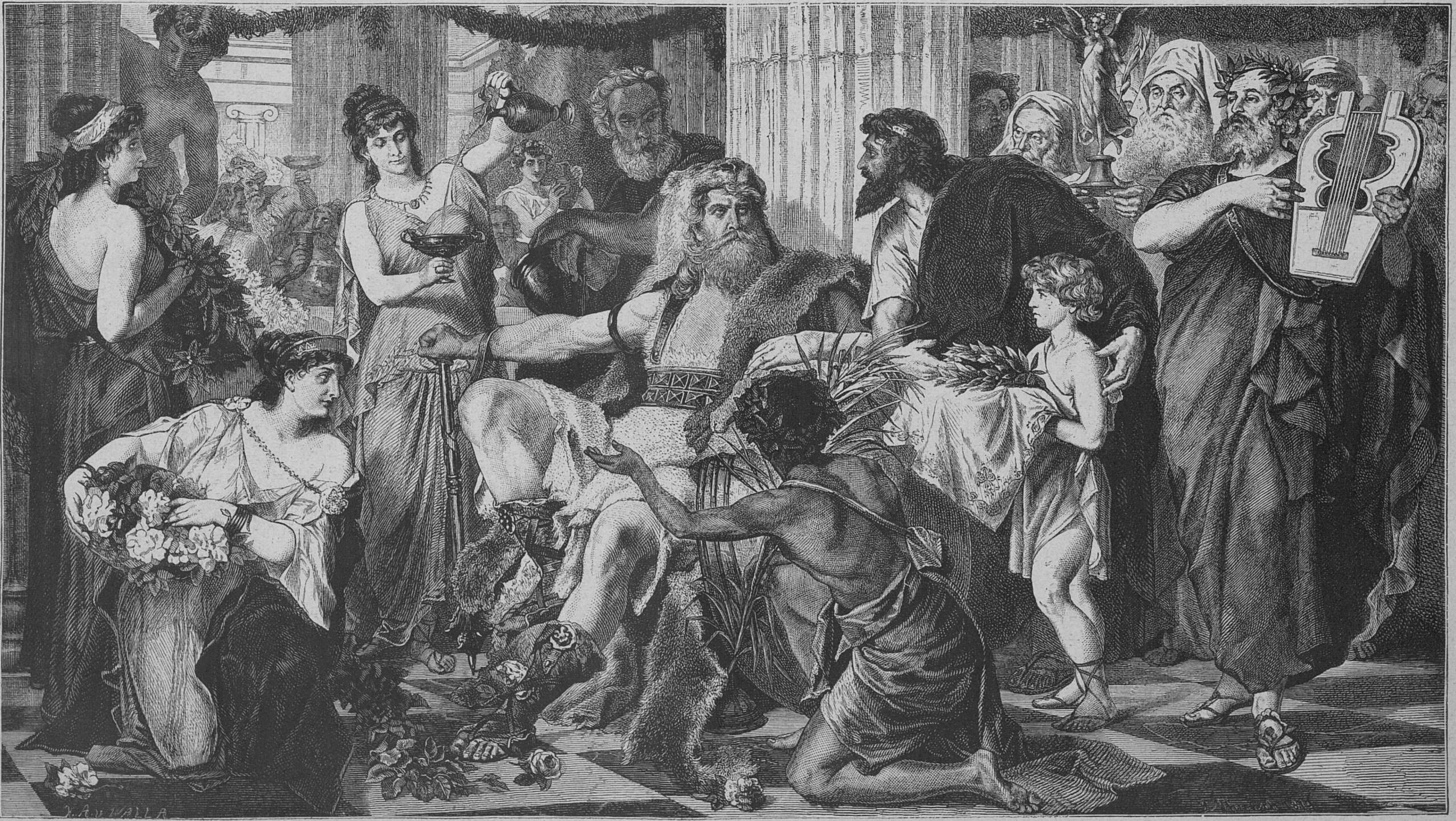

Carlos Penoso fc.

Взятіе Бланки Наварской подъ стражу.

Рѣзалъ на деревѣ К. Пенозо.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЛЮДВИГА ТИРША.



Аларихъ, привѣтствуемый въ Аѳинахъ, какъ побѣдитель.

Рѣзано на деревѣ въ Лейпцигѣ.

— Знаете, я сердита на васъ, докторъ; если-бы не вы, Пабло не поѣхалъ-бы.

— Ошибаешься; но развѣ ты дня не можешь провести безъ него.

— Не страдая, нѣтъ.

— Вотъ истинное сумасшествіе; мы всѣ смертны и...

— Замолчите, вскричала молодая женщина;— все, что хотите—лишь-бы не это.

Она бросилась на колѣни передъ образомъ Спасителя, поставленнымъ въ углу залы съ теплящейся передъ нимъ лампадкой. Помолившись, она медленно подошла ко мнѣ.

— Были вы въ гротѣ? спросила она съ очевиднымъ намѣреніемъ прогнать печальную мысль, вызванную мною.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ прямо къ тебѣ.

— Я проходила мимо и узнала, что работы уже три дня какъ прекращены. Могунила уѣхалъ съ мужемъ.

— Шульцъ уѣхалъ одинъ, дорогая Леона. Я это отлично знаю, такъ какъ провожалъ его до деревни Инженіо.

— Онъ вернулся, простившись съ вами, отвѣчала съ торжествующей улыбкой молодая женщина. — Онъ хотѣлъ еще разъ поцѣловать меня.

— Онъ возвращался? повторилъ я съ удивленіемъ.

— Къ счастію; мы забыли, что необходима моя довѣренность для полученія ста тысячъ піастровъ, находящихся у Макинтоша.

— И ты дала эту довѣренность?

— Да.

— Да будетъ проклятъ гнусный бездѣльникъ, закричалъ я, вскакивая,—не доставало еще чтобы онъ обокралъ тебя. Скорѣе чернилъ, бумаги, дитя мое, и пиши Макинтошу, чтобы тотъ не выдавалъ твоихъ денегъ. Если окажется необходимымъ, я самъ отвезу ему твое письмо.

— Ради самого неба, докторъ, сказала Леона, тревожно вглядываясь въ меня,—въ своемъ-ли вы разсудкѣ? Вы принудили мужа уѣхать, чтобы взять деньги, находящіяся у Макинтоша, а теперь хотите... Я васъ не понимаю.

— Это потому, что я лгу всѣ эти четыре дня, желая избавить тебя отъ горя. Увы, мое бѣдное дитя, Шульцъ не только негодяй, воръ...

— Я жена его! воскликнула Леона, дрожа отъ волненія,—теперь вы дѣйствительно лжете!

Наступила пора открыть печальную истину.

— Послушай, сказалъ я Леонѣ, беря ее за руки,—ты мужественная женщина; твои слова заставляютъ меня открыть тебѣ сегодня то, что все равно ты узнала-бы завтра. Шульцъ обманулъ насъ, онъ не былъ свободенъ, онъ...

Я остановился, испуганный болѣзненнымъ, дикимъ выраженіемъ лица Леоны.

— Вы лжете, сказала она, освобождая руки отъ моего дружескаго пожатія.

— Я лгалъ четыре дня тому назадъ, чтобы смягчить ударъ, который долженъ былъ поразить тебя. Теперь я говорю истину. Шульцъ насмѣялся надъ тобою, надо мною, надъ пріоромъ, надъ Богомъ. Онъ женатъ въ своей странѣ, и если я помогъ ему уѣхать, то съ единственной цѣлью, чтобы ты не была свидѣтельницей его ареста. Къ довершенію всего онъ хочетъ тебя обокрасть, это уже слишкомъ.

— Женатъ, женатъ, повторяла Леона.

— Да, бѣдное дитя мое, законно женатъ.

— И потому то вы заставили его уѣхать?

Не дожидаясь отвѣта, она бросилась къ двери и позвала управляющаго.

— Вели осѣдлать мою и твою лошадь, приказала она отрывистымъ тономъ,—мы ѣдемъ въ Мехико.

— Не мѣшай этому несчастному бѣжать, дитя мое, онъ стоитъ только твоего презрѣнія.

— Моего презрѣнія, докторъ? Я люблю его, я хочу возвратить его.

— Значитъ, ты не поняла меня?

— Вы сказали, что онъ женатъ въ своей странѣ. Какое-же мнѣ до этого дѣло? Какъ онъ любилъ меня, если осмѣлился... Надо было говорить тогда-же, а не отсылать его.

О, высокая, чудная, сумасшедшая страсть эта страсть любви! Какъ легко ослабѣваетъ нашъ разсудокъ подъ ея вліяніемъ!

Леона хотѣла выйдти, чтобы ускорить сборы.

— Ты не уѣдешь, сказалъ я ей съ твердостью; —во первыхъ, здоровье твое не позволяетъ предпринять это путешествіе; во вторыхъ, ты не можешь вернуть Шульца.

— Скажите пожалуйста, кто-же можетъ помѣшать мнѣ быть его любовницей?

— Его жена.

— Такъ это она увозитъ его! воскликнула Леона, въ свою очередь схватывая мои руки и впиваясь своимъ огненнымъ взглядомъ въ мои глаза.

— Да, отвѣтилъ я грубо.—И она имѣетъ на то полное право.

Леона испустила крикъ и забѣгала по залѣ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ; затѣмъ, бросившись въ свою комнату и не заботясь о моемъ присутствіи, сорвала съ себя платье, чтобы облечься въ свой прежній костюмъ ранхеры.

— Остановись, подумай, сказалъ я.

— Бѣдный докторъ, отвѣчала она съ спокойствіемъ, встревожившимъ меня,—или вы думаете, что я уступлю своего любовника. Я догоню его, а если онъ не захочетъ вернуться...

Она не кончила, открыла ящикъ комода и начала рыться между вещами, наполнявшими его. Наконецъ вынула оттуда кинжалъ со стальной ручкой.

— Она или онъ, сказала она, потрясая оружіемъ.

— Подумай о твоей дочери.

Она подошла ко мнѣ.

— Вы ничего не знаете, сказала она сухимъ, отрывистымъ тономъ,—вы не знаете, какъ я боготворю этого человѣка, единственнаго говорившаго мнѣ о любви. Я завоевала его, онъ мой. Когда я въ первый разъ увидѣла его, онъ однимъ своимъ взглядомъ взялъ мое сердце, мой разсудокъ. Онъ тогда часто бывалъ у кузины Альбы, я боялась ее. Однажды вечеромъ, мучимая ревностію и безсонницей, я поѣхала къ ней, чтобы упросить, умолить ее оставить мнѣ Пабло. Она могла выбирать между сотнею своихъ поклонниковъ. Если-бы она стала надо мной насмѣхаться, если-бы отвергла мои просьбы, я рѣшилась убить ее и приготовилась къ этому. Но прежде я хотѣла ползать у ея ногъ, умолять ее. Около полуночи я постучала въ окно, просила впустить меня, выслушать мое признаніе, тайну, которая интересовала ее. Бѣдная Альба не потрудилась даже одѣться и это было причиной несчастія. Полуобнаженная она была дивно хороша. Я забыла о своемъ намѣреніи сначала просить ее. Мнѣ представилось невозможнымъ, чтобы донъ Пабло колебался въ выборѣ между нею и мною... Я ударила ее въ самое сердце и возвратилась назадъ въ имѣніе со своими вакеросами. У меня не было болѣе соперницы.

Леона все возвышала голосъ.

— Молчи, молчи, сказалъ я, испуганный ея страшнымъ признаніемъ, — тебя могутъ услышать.

— Что за важность, смѣюсь я надъ вашимъ правосудіемъ; мнѣ надо Пабло. За него я лишилась вѣчнаго спасенія, онъ стоитъ мнѣ дорого. Если потребуется еще убійство, чтобы возвратить его, я, не задумываясь, убью.

Она въ изступленіи потрясала кинжаломъ. Надо было во что-бы то ни стало уговорить несчастную, спасти ее противъ ея собственнаго желанія.

— Этого Шульца, за котораго ты пролила кровь, за котораго лишилась вѣчнаго спасенія, для котораго сегодня рискуешь жизнью, ты не можешь вернуть. Это врагъ твоей религіи, твоего Бога, одинъ изъ тѣхъ жидовъ, которые...

Однимъ скачкомъ Леона очутилась возлѣ меня, схватила за руку и привлекла къ изображенію Христа.

— Клянитесь, говорила она подавленнымъ голосомъ,—клянитесь, что это правда.

— Клянусь своей честью, своимъ вѣчнымъ спасеніемъ, сказалъ я, протягивая руку.

Посмотрѣвъ на меня молча, Леона, качаясь, подошла къ колыбели дочери.

— Еретичка! заикаясь, произнесла она и занесла руку, все еще вооруженную кинжаломъ надъ грудью ребенка.

Я бросился къ ней, она пригрозила мнѣ оружіемъ, которое я хотѣлъ вырвать, и безъ чувствъ упала на полъ.

Я позвалъ на помощь. Быстрота, съ которой женщины Леоны явились на мой призывъ, заставила меня опасаться, что онѣ слышали трагическую исповѣдь Леоны. Но мехиканская совѣсть относится снисходительно къ преступленіямъ, совершеннымъ подъ двойнымъ вліяніемъ любви и ревности, слѣдовательно нечего было опасаться доноса. Я перенесъ молодую женщину на постель, послалъ за пріоромъ и сестрой приходскаго священника и помѣстился у изголовья больной. Пріоръ пріѣхалъ въ то время, когда Леона билась въ страшномъ нервномъ припадкѣ, за которымъ послѣдовало совершенное изнеможеніе. Я разсказалъ пріору, что произошло, и онъ похвалилъ меня, что я не допустилъ Леону уѣхать, открывъ ей горькую истину.

Благодаря своей сильной натурѣ, Леона перенесла испытаніе безъ вредныхъ послѣдствій; у нея не было даже лихорадки. Но впродолженіи двухъ сутокъ отъ нея нельзя было добиться слова, нельзя было заставить ее выпить или съѣсть что нибудь. Каждый разъ, когда ей подавали дочь, чтобы покормить грудью, она съ ужасомъ отворачивалась. Никакія убѣжденія не дѣйствовали, пока пріору не пришла мысль взять ребенка на руки.

— Именемъ Христа, котораго ты оскорбила, сказалъ онъ, обращаясь къ больной,—во имя вѣчнаго спасенія твоего отца и твоего собственнаго искупленія, я приказываю тебѣ въ наказаніе за грѣхи твои заботиться объ этомъ ребенкѣ, посвятить ему твою жизнь.

— Унесите ее, металась Леона;—это произведеніе дьявола; она зачата поцѣлуями Іу...

— Она христіанка, прервалъ ее пріоръ;— вода крещенія искупила ее, какъ и всѣхъ насъ. Ты оскорбила Бога, онъ наказалъ тебя; но милосердіе его столь велико, что онъ позволяетъ тебѣ жить для раскаянія. Возьми дитя, это Его воля.

Такой только языкъ могла понять Леона. Она выпрямилась и съ минуту посмотрѣла на безпомощное, плачущее существо.

— Она похожа на моего отца, прошептала она.

Потомъ, взявъ ребенка, дала ему грудь и, убаюкивая его, заснула сама.

Только по прошествіи двухъ сутокъ я могъ вернуться въ Оризаву, оставивъ покорную, успокоившуюся Леону на рукахъ сестры священника. При выѣздѣ изъ Теквилы я съ удивленіемъ замѣтилъ лежащаго подъ деревомъ, блѣднаго, измученнаго, запыленнаго Могунилу. Увидя меня, онъ всталъ и подошелъ ко мнѣ.

— Госпожа больна, сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—развѣ она уже знаетъ, что я сдѣлалъ?

— Что ты хочешь сказать? спросилъ я, заинтригованный и встревоженный.

Онъ посмотрѣлъ на меня, казалось, колебался съ минуту, потомъ тѣмъ же тихимъ голосомъ продолжалъ:

— Въ ночь смерти доны Альбы я далъ клятву открыть убійцу и наказать его тотчасъ же, какъ найду его. Донъ Пабло убилъ дону Альбу,— я вчера убилъ дона Пабло.

Я отшатнулся инстинктивно.

— Ты донесешь на меня! воскликнулъ индѣецъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—но скажи, пожалуйста, что помрачило твой разсудокъ? Ты ошибся, донъ Пабло великій преступникъ, но онъ не виноватъ въ томъ, въ чемъ ты его обвиняешь и за что убилъ его.

Индѣецъ отрицательно покачалъ головой и показалъ маленькій золотой желудь, который, по его словамъ, онъ нашелъ въ залѣ доны Альбы на полу въ ночь убійства. Этотъ желудь составлялъ часть украшенія манги, родъ бархатнаго плаща, который носятъ богатые мехиканскіе фермеры обоего пола. Провожая Шульца, Леона, заботясь объ его здоровьѣ, отыскала эту забытую мангу и закутала его, чтобы предохранить отъ холода. Съ наступленіемъ утра Могуила замѣтилъ форму желудей, служившихъ застежками и увидѣлъ, что не достаетъ одного. Убѣжденный, что передъ нимъ убійца его госпожи, Могуила, не долго думая, «совершилъ правосудіе», какъ онъ выражался, и нанесъ ударъ кинжаломъ въ грудь Шульца.

Посовѣтывавъ Могуилѣ не разсказывать свою страшную тайну, я отправился въ городъ съ невеселыми думами.

Если время не можетъ изгладить горе, оно имѣетъ драгоцѣнную привилегію смягчать и утѣшать. Годъ спустя послѣ бѣгства прусскаго еврея, я направился къ теквильскому гроту, расчистка котораго, прерванная на нѣсколько мѣсяцевъ, приближалась къ концу. Леона, по моему настоянію возобновившая работы, шла рядомъ со мною, слушая меня съ печальной улыбкой, сдѣлавшейся характеристической чертой ея лица. На ней былъ прежній костюмъ ранхеры. Она сама управляла имѣніемъ. Могуила съ восковымъ факеломъ въ рукахъ ждалъ насъ у входа въ пещеру. Вѣрный индѣецъ только ранилъ того, котораго считалъ убитымъ, и двоеженецъ, подобранный на дорогѣ, какъ жертва шайки знаменитаго Жуана Сантоса, выздоровѣлъ и благополучно достигъ береговъ Тихаго океана.

Послѣдніе удары заступа—и передъ нами открылась громадная зала. Съ первыхъ же шаговъ я наткнулся на вазу изъ красной глины; разсматривая странные узоры на ней, я приведенъ былъ въ восхищеніе. На голубомъ фонѣ... Но я попрошу моихъ читателей, желающихъ подробно познакомиться съ ископаемыми и археологическими сокровищами теквильскаго грота, обратиться къ изданному мною инвентарю, составляющему мое тридцать седьмое сочиненіе для академіи наукъ въ Парижѣ.

Стефенъ Митчель.

Повѣсть изъ флоридской жизни **М-съ Робинзъ**.

(*Окончаніе.*)

Глава XII.

Это катанье въ лодкѣ, какъ предсказывалъ м-ръ Станлей, составило эпоху въ болѣзни Стивы. Онъ вернулся домой совсѣмъ не такимъ утомленнымъ и съ удовольствіемъ сообщилъ мнѣ, что онъ провелъ время очень пріятно.

— Теперь ни слова болѣе о вашей слабости, сказала я на слѣдующее утро;—вы доживете до глубокой старости и пріобрѣтете половину всѣхъ флоридскихъ плантацій.

Какая яркая молнія освѣтила томные глаза, какой задушевный, веселый смѣхъ вырвался почти безсознательно мнѣ въ отвѣтъ!

«Если бы Руфь Риплей видѣла его сегодня, подумала я, какъ бы она была довольна».

Меня сильно возмущала тетка Тереза, которая, не смотря на очевидно поправлявшееся здоровье Стивы, уныло покачивала головой, говоря:

— Удивительно, сударыня, удивительно, настоящее чудо; но когда Богъ призываетъ—надо идти.

— Къ счастію, тетушка Тереза, отвѣчала я,— мы всѣ можемъ ошибаться, воображая, что слышимъ голосъ Бога. И кто-же осмѣлится объяснять значеніе Его словъ, не одинъ-ли Онъ все знаетъ.

— Истинная правда, сударыня, я была бы рада ошибиться. Сегодня больной просилъ меня отправиться съ нимъ за городъ и поселиться на апельсинной плантаціи. Онъ увѣренъ, что она теперь пріѣдетъ, оттого ему и лучше. Она пріѣдетъ, мисисъ?

— Надѣюсь, Тереза, отвѣчала я.—Вамъ слѣдуетъ отправиться съ нимъ. Развѣ вы не замѣчаете, какъ много для него значитъ надежда.

— Но разъ Богъ призываетъ, упрямо повторяла старуха,—онъ долженъ идти.

— Пожалуйста ни слова ему объ этомъ; напротивъ, слѣдуетъ усиливать въ немъ надежду.

— Я постараюсь. Не даромъ-же тетка Тереза сорокъ лѣтъ сидѣлкой.

Теперь Стива велъ родъ дневника, который, въ формѣ письма, часто пересылался къ Руфи. Переписка между ними возобновилась и длинныя письма, пересылаемыя взадъ и впередъ, были самымъ дѣйствительнымъ лекарствомъ. Рѣдкая почта не приносила съ собою длинныхъ посланій, въ которыхъ часто бывала вложена коротенькая приписка на мое имя въ благодарныхъ, любящихъ выраженіяхъ. «Вы спасли его, писала энтузіастка;—если сознаніе добраго дѣла, сознаніе того, что двумъ жизнямъ вами дано счастье, что два сердца любятъ и благословляютъ васъ—можетъ служить наградой, вы заслужили ее вполнѣ».

Между тѣмъ Стива съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе поправлялся. Нерѣдко онъ ѣздилъ на лодкѣ вдвоемъ съ Парсети, который привязался къ нему и заботился о немъ какъ о родномъ братѣ. Разъ Стива провелъ съ нимъ цѣлый день на островѣ Анастасіи; выспавшись послѣ прогулки на пескѣ, въ тѣни магноліи, онъ возвратился домой не только безъ простуды, но кашляя сравнительно менѣе и съ готовымъ планомъ—нанять небольшую яхту и плыть вдоль береговъ до мѣста, гдѣ поселились семей двадцать изъ Новой Англіи. Парсети такъ увлекательно разсказывалъ о нихъ. Онъ говорилъ, повторялъ Стива съ улыбкой, что они настоящіе, предпріимчивые янки, ни передъ чѣмъ не останавливаются, ничего не жалѣютъ. Они поселились всего второй годъ и построили уже двадцать новыхъ домиковъ, маленькую бѣлую церковь съ зелеными ставнями, кладовые, почтовую контору, школу и пристань. На прошлой недѣлѣ, говорятъ, прибыли въ этотъ новый портъ двѣ шкуны изъ Нью-Іорка съ товарами и началась торговля. Этотъ городокъ, по имени Новая Британія, построенъ на высокомъ сухомъ холмѣ, окруженномъ сосновымъ лѣсомъ; достаточно срубить сосну и посадить на это мѣсто апельсинное дерево, не успѣешь опомниться—и готова апельсинная рощица.

— Настоящая волшебная сказка, сказала я, увлекаясь его разсказомъ;—я полагаю конецъ ея будетъ таковъ: вы наймете небольшую яхточку, отправитесь на ней завтра-же, выберете себѣ мѣсто на холмѣ, срѣжете сосны, разведете апельсинную плантацію, построите хорошенькій домикъ съ французскими окнами и длинными верандами, увитыми плющемъ и жасминомъ, и тогда попросите м-ра Станлея привезти меня къ вамъ на зиму, чтобы заняться вашимъ хозяйствомъ. Не такъ-ли?

— Да, отвѣчалъ онъ,—только вы пріѣдете ко мнѣ почетной гостьей, а не для хозяйства. Какую хорошенькую комнатку устроитъ вамъ Руфь. У нея такъ много вкуса, она умѣетъ такъ кстати распорядиться всякой бездѣлушкой.

— А, значитъ, Руфь Риплей тоже будетъ тамъ. Объ этой части програмы вы умолчали; я очень рада передать власть въ ея руки. Я однажды слышала, какъ говорилъ англичанинъ, что ничего не можетъ быть лучше, какъ быть почетнымъ гостемъ въ бостонскомъ семействѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему позволили платить за помѣщеніе. Вѣроятно, таково будетъ и мое мнѣніе о флоридскомъ домикѣ на холмѣ. Ну, а какъ-же на счетъ яхты и поѣздки? Планъ превосходенъ, каково ваше мнѣніе о спутникахъ?

— Неужели вы согласились бы ѣхать?

— Безъ сомнѣнія, если м-ръ Станлей ничего не имѣетъ противъ этого. Онъ недавно говорилъ о болѣе близкой поѣздкѣ въ Кей-Вестъ, я думаю, согласится и на это путешествіе. Мы будемъ вытаскивать наше судно на берегъ, когда захотимъ уснуть безъ качки. Однимъ словомъ, я совсѣмъ увлечена и сейчасъ-же отправляюсь домой переговорить объ этомъ планѣ съ мужемъ.

— А я пойду съ вами и буду поддразнивать, сказалъ Стива съ мальчишескимъ задоромъ, проглядывавшимъ въ его характерѣ по мѣрѣ выздоровленія.

М-ръ Станлей обрадовался поѣздкѣ и мы рѣшили немедленно отправиться, если докторъ найдетъ это полезнымъ для Стивы.

— Я только что думалъ посовѣтывать ему перебраться за городъ, сказалъ умный докторъ.— Возстановленіе его здоровья одно изъ удивительнѣйшихъ излѣченій, произведенныхъ флоридскимъ климатомъ. Я полагалъ бы, что мѣсяцъ вдали отъ города, въ сосновомъ лѣсу, постоянно на свѣжемъ воздухѣ, при заботливомъ уходѣ—это именно то, что требуется для окончательнаго выздоровленія.

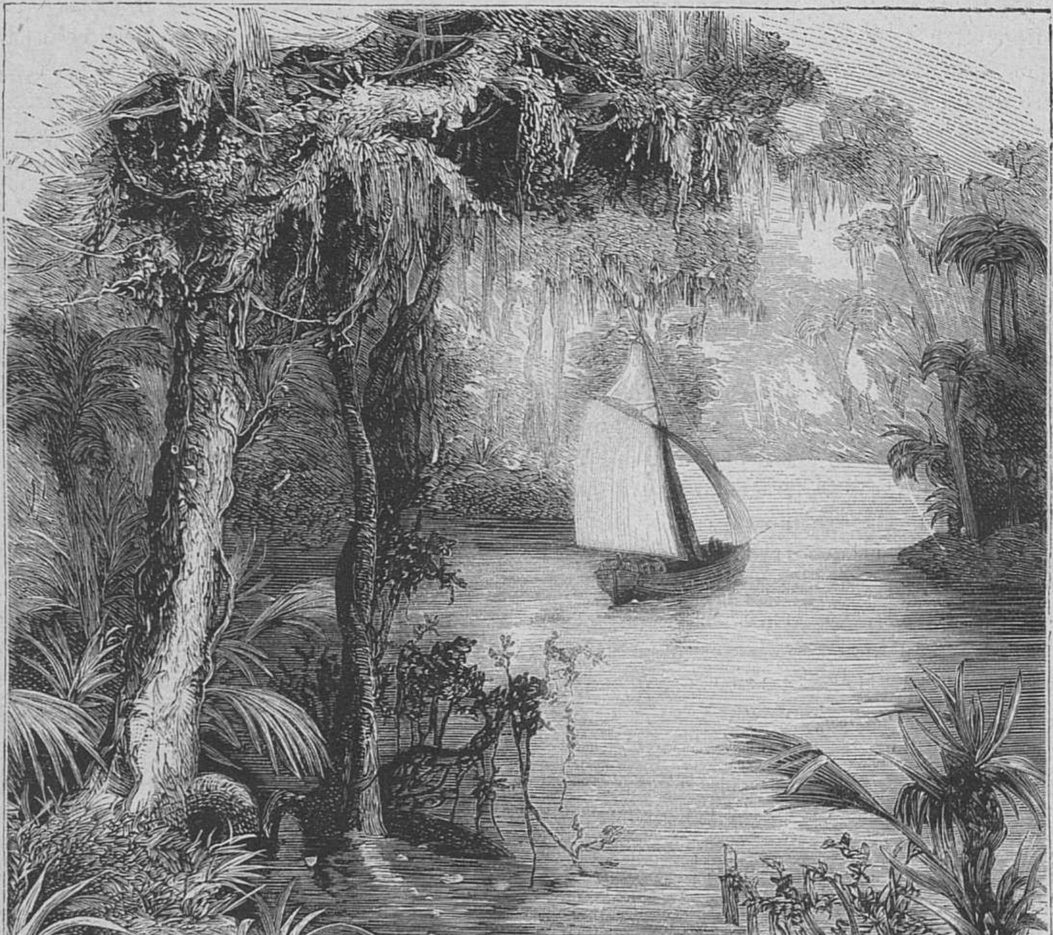
Парсети поручено было приготовить все необходимое для удобнаго плаванія и Стива съ чисто-дѣтской радостью принялъ участіе въ этихъ приготовленіхъ. Тетка Тереза неохотно согласилась ѣхать съ нами. Въ молодости она была кухаркой на пароходѣ и лучше насъ понимала всѣ соединенныя съ этимъ неудобства. Наконецъ мы вышли въ назначенный день съ благопріятнымъ вѣтромъ и Стива, какъ новый Колумбъ, поплылъ на открытіе себѣ новаго дома.

Глава XIII.

Если-бы моя исторія не была и безъ того длинна, я съ удовольствіемъ остановилась-бы подольше на нашемъ путешествіи. Нашъ экипажъ состоялъ изъ капитана—молодого Парсети и двухъ негритянскихъ мальчиковъ: Сципа и Като. Наша яхточка не имѣла быстраго хода, какъ мы сначала полагали, но торопиться намъ было некуда; мы медленно совершали нашъ путь, выходя на берегъ въ пустынныхъ мѣстахъ для сна и ѣды, для сбора цвѣтовъ и раковинъ, искали рѣдкія растенія и охотились за дичью, въ изобиліи водившейся на низменныхъ берегахъ. Наша яхточка была такъ украшена роскошными перьями всевозможныхъ цвѣтовъ, что съ берега ее могли принять за большую съ яркимъ опереніемъ птицу, лѣниво покоющуюся на волнахъ. Съ каждымъ днемъ силы Стивы увеличивались, начала исчезать даже та мертвенная блѣдность, которая, не смотря на очевидное выздоровленіе, упорно держалась на лицѣ. Онъ весь день проводилъ на палубѣ, ложась только по моему настоянію, и писалъ длинное письмо-дневникъ, содержаніе котораго не трудно было отгадать.

Десять дней плыли мы такимъ образомъ на столько близко отъ береговъ, чтобы не бояться свирѣпствовавшихъ въ океанѣ бурь и довольные окружающимъ, чтобы спѣшить къ новой гавани— цѣли нашего путешествія. Подъѣзжая къ ней, мы увидѣли набережную изъ глянцовитой желтой сосны, казавшуюся столь чистой, какъ будто ни одно судно никогда не прикасалось къ ней. На холмѣ, довольно высокомъ для Флориды, гнѣздились новенькіе домики; шпиль небольшой церкви и цѣлая армія старыхъ соснъ рѣзко выдѣлялись на горизонтѣ. Когда мы подъѣхали къ пристани, мы увидѣли спѣшащихъ къ ней мужчинъ и женщинъ. Понятно, прибытіе всякаго судна было далеко не повседневнымъ явленіемъ въ ихъ отшельнической жизни и они спѣшили привѣтствовать насъ.

КЪ РОМАНУ „СТЕФЕНЪ МИТЧЕЛЬ“.



На рѣкѣ Сент-Джонсѣ.

Лица людей, стоявшихъ на набережной, представляли настоящій ново-англійскій типъ. У мужчинъ были проницательные глаза, твердо очерченные рты, широкіе лбы, въ разговорѣ они смѣло смотрѣли въ глаза собесѣднику. Росту они были средняго, не особенно широкоплечи, но съ крѣпкими мускулами и сильными загорѣлыми руками. Женщины казались нѣжнаго сложенія. Видъ поселенія свидѣтельствовалъ о достаточности и разумной распорядительности, и можно было поручиться, что Руфь и Стива встрѣтятъ образованную привѣтливую среду. Насъ приняли въ высшей степени привѣтливо; нами завладѣли и разобрали насъ по домамъ. Гостинницы, конечно, не было и поселенцы съ радостью отворяли свои двери для каждаго пріѣзжаго.

Очень многое въ этомъ новомъ селеніи заслуживало нашего вниманія. Каждый день мы повторяли, что завтра уѣзжаемъ, но намъ приходилось такъ много видѣть, такъ много слышать, такъ много разсказывать, что если-бы наша яхточка не была нанята на извѣстное время, трудно сказать когда-бы мы вернулись. Мы какъ-бы возвратились въ давно прошедшіе вѣка, когда небольшіе испанскіе корабли крейсировали вдоль этихъ самыхъ береговъ, когда гордые доны и ихъ алчные экипажи, разсчитывая на несмѣтныя богатства, обыскивали, можетъ быть, этотъ самый холмъ съ надеждой на успѣхъ. Они желали завладѣть всѣмъ во имя испанской короны. Не думали они въ тѣ дни, что небольшое число трудолюбивыхъ янки посѣютъ и соберутъ здѣсь обильную жатву. Но, конечно, ни одному изъ этихъ испанцевъ или американцевъ будущее не казалось въ такомъ розовомъ цвѣтѣ, не обѣщало столько безцѣнныхъ сокровищъ, какъ одному молодому человѣку: оно обѣщало ему жизнь и любовь.

До отъѣзда изъ Новой Британіи Стива выбралъ мѣсто для постройки дома и приторговалъ большую апельсинную плантацію.

Наконецъ, послѣ пяти-недѣльнаго отсутствія мы вернулись въ Сент-Огюстенъ.

Глава XIV.

Сезонъ въ Сент-Огюстенѣ кончился. Комнаты для пріѣзжающихъ и небольшіе отели закрыты, вездѣ праздные негры, экипажи съ оглоблями вмѣсто дышла и одной лошадью вмѣсто двухъ медленно проѣзжаютъ по опустѣлымъ улицамъ. Въ магазинахъ, щеголявшихъ выставками изящныхъ товаровъ, придумываемыхъ изобрѣтательными южанами, окна полузакрыты, а хозяева ихъ беззаботно прохлаждаются у дверей. Испанскія дѣвушки, не покладавшія всю зиму рукъ за плетеніемъ соломенныхъ шляпъ, лѣниво сидятъ и поютъ отъ нечего дѣлать. Быстроногіе пони, граціозно галопировавшіе по глубокому песку съ элегантно-одѣтыми сѣдоками на спинахъ, идутъ съ глубокомысленнымъ видомъ почти по серединѣ улицы, поворачивая свои бѣлые носы къ каждому негритенку, который покажетъ имъ связку соломы или пучекъ нѣжныхъ молодыхъ листьевъ изъ сада, сдѣлавшагося ихъ любимымъ убѣжищемъ.

Немногіе оставшіеся посѣтители встрѣчаются другъ съ другомъ съ радостію, какъ старинные друзья. Мы пріѣхали совершенно не въ тотъ городъ, изъ котораго уѣзжали. Былъ апрѣль; рано было возвращаться на сѣверъ, гдѣ возможны еще холодные утренники, и слишкомъ жарко оставаться здѣсь, когда, случалось, такъ парило, что мы не могли найдти себѣ мѣста. М-ра Станлея и меня ничто не задерживало; мы могли, не торопясь, ѣхать на сѣверъ, такъ чтобы прибыть туда въ концѣ мая или началѣ іюня. Стефенъ замѣтно поправился во время нашей поѣздки. Какъ легко онъ выпрыгнулъ на берегъ, покачивая небольшммъ чемоданчикомъ, который при нашемъ отъѣздѣ казался ему слишкомъ тяжелымъ. Парсети, искренно полюбившій его, слѣдовалъ за нимъ блестящими глазами.

— Вотъ что принесло ему путешествіе, сказалъ онъ, покачивая головою.

Тетка Тереза, стоя на набережной, съ низкимъ присяданіемъ сказала:

— Я пойду домой, масса Митчель, вы болѣе не нуждаетесь въ старой теткѣ Терезѣ; вы совсѣмъ поправились и можете теперь сами заботиться о своемъ здоровьи.

— Не могу, тетушка Тереза, отвѣчалъ онъ, пожимая обѣими руками ея руку,—но...

— Но, быстро перебила я,—мнѣ она нужна и пойдетъ со мной. Пойдемте, тетка Тереза.

Съ веселой улыбкой и присяданіями она послѣдовала за мной.

Одна изъ причинъ, удерживавшихъ насъ въ Сент-Огюстенѣ, была привязанность къ этой старой негритянкѣ. Я предлагала взять ее съ собою на сѣверъ, чтобы она дожила остатокъ своихъ дней съ нами, но мужъ сказалъ на это, что это была бы невольная жестокость съ нашей стороны: она будетъ тамъ совершенно одинока. И такъ мы все откладывали, пока не получилось письмо отъ м-ра Бонда, которое все улаживало.

Мать Джона Каульза получила наконецъ письмо отъ сына, которое принесла м-ру Бонду. Неизвѣстно, знала ли она о воровствѣ сына. Онъ писалъ, что уѣхалъ изъ Графтона въ Сюдбери, намѣреваясь возвратиться со слѣдующимъ поѣздомъ. Онъ пришелъ по дѣлу на станцію и встрѣтился тамъ со стариннымъ пріятелемъ, съ которымъ о многомъ надо было переговорить, и онъ, думая, что два часа не составятъ большого упущенія въ работѣ, рѣшился доѣхать съ нимъ до слѣдующей станціи. Но пріятель такъ заинтересовалъ его разговоромъ, что они незамѣтно проѣхали Сюдбери, и уговорилъ его вмѣстѣ попытать счастія на западѣ. Каульзъ всю жизнь провелъ въ Графтонѣ и предложеніе это было такъ заманчиво, что нельзя было отъ него отказаться. Каульзъ надѣется, что м-ръ Бондъ извинитъ его за такой безцеремонный поступокъ и будетъ въ состояніи немедленно замѣстить его вакансію. Какъ скоро онъ устроится, онъ выпишетъ къ себѣ мать и постарается пріобрѣсти ей такой же хорошенькій домикъ, какъ въ Графтонѣ.

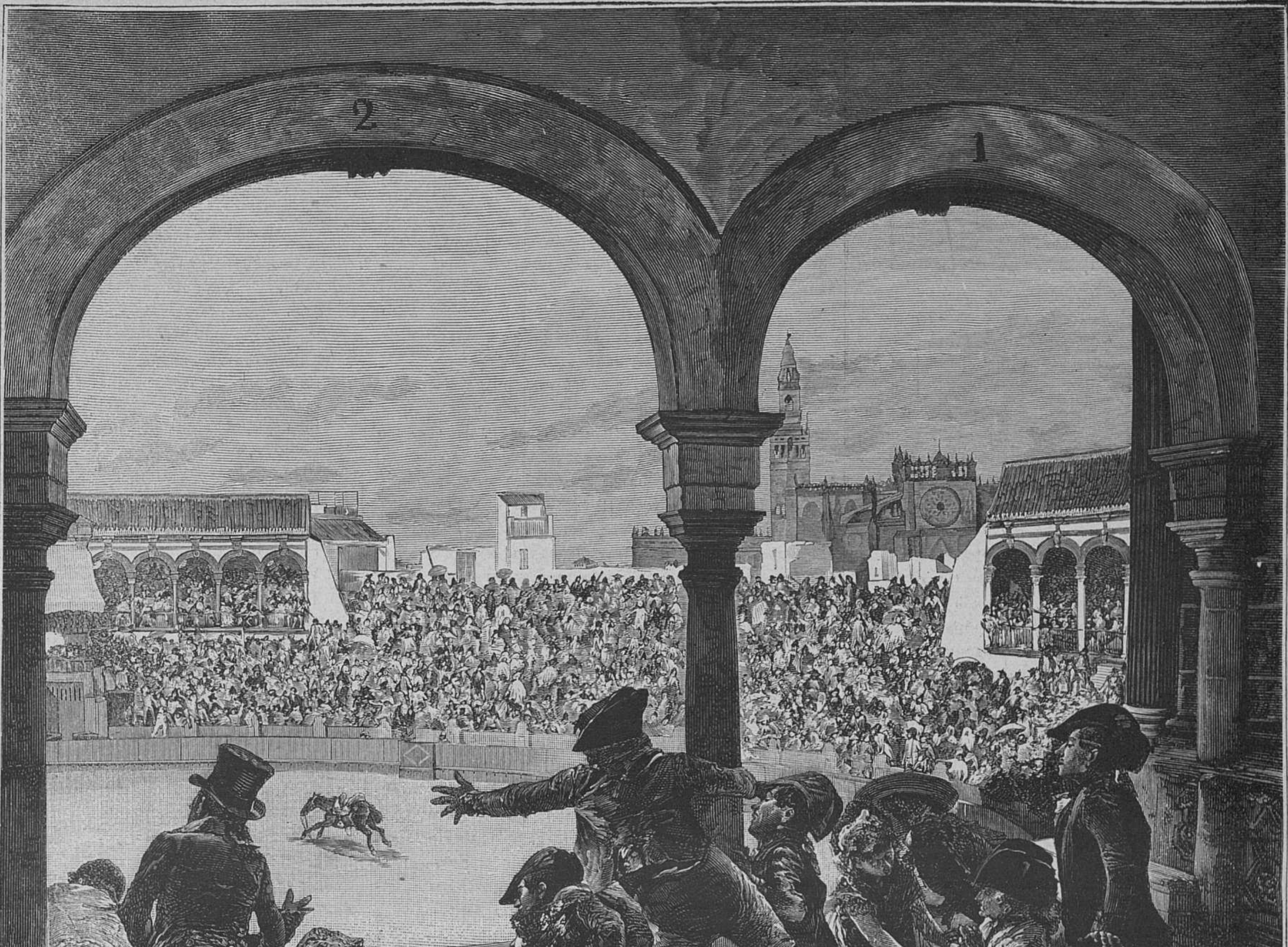
«Я ни словомъ не далъ замѣтить его матери, писалъ м-ръ Бондъ,—что знаю о его проступкѣ. Я подумалъ, что ей и безъ того не легко быть матерью такого сына, чтобы еще болѣе увеличивать ея горе».

— Какъ это великодушно! сказала я.

— Безъ хлопотъ и непріятностей для м-ра Бонда, но вѣдь это эгоизмъ.

ВЫСТАВКА ВЪ ПАРИЖѢ 1880 ГОДА.

КАРТИНА И. АРАНДА.



Рѣшительный моментъ въ боѣ быковъ.

Гѣзалъ на деревѣ Вела.

— Эгоизъ! повторила я съ удивленіемъ.

Мужъ только качнулъ головою въ отвѣтъ, такъ какъ видѣлъ, что какъ бы онъ ни старался, не въ состояніи будетъ уяснить мнѣ этого пункта. Другой же половины письма онъ не могъ не одобрить. М-ръ Бондъ писалъ: «Не лучше ли Стефену вернуться въ Графтонъ, какъ только позволитъ погода. Если онъ поправился, я радъ буду сдѣлать его тотчасъ же компаньономъ фирмы и въ будущемъ его ждетъ независимое положеніе. На мнѣ больно отзывалось его отсутствіе; къ тому же, я могу прибавить, кто-то дорогой мнѣ сильно желаетъ увидѣться съ нимъ».

— Мы выѣдемъ послѣ завтра, рѣшительно сказалъ мужъ, складывая письмо.—Стива, вамъ, какъ человѣку еще выздоравливающему, не слѣдуетъ необдуманно рѣшать свое будущее, обождите, осмотритесь.

— Если онъ осмѣлится только, сказала я сквозь смѣхъ и слезы,—отказаться отъ Флориды, отъ апельсинной плантаціи, я никогда не прощу ему, — никогда, пока я жива. Гдѣ же тогда мы будемъ проводить зиму, кто будетъ снабжать насъ апельсинами?

— Посмотримъ, сказалъ Стива, вставая и выпрямляясь, такъ что не оставалось и слѣдовъ прежней сутуловатости.—Я еще не знаю, какъ справлюсь съ жизнью; дѣйствительная жизнь кажется мнѣ такой странной, неожиданной...

Вмѣстѣ мы простились съ Сент-Огюстеномъ, вмѣстѣ поплыли домой по широкой рѣкѣ Сен-Джонсъ, извивающейся, какъ серебристая лента, между берегами, покрытыми апельсинами и лавровыми деревьями. Вмѣстѣ мчались по желѣзнымъ дорогамъ, по искуственно осушаемымъ рисовымъ полямъ Георгіи, по пушистымъ плантаціямъ хлопчатника Южной Каролины, по безбрежнымъ болотамъ Сѣверной Каролины, пока не достигли нашего Сѣвера. Здѣсь мы простились. Стива хорошо выдержалъ путешествіе и, разставаясь со мною, съ влажными глазами произнесъ:

— Я и не пробую благодарить васъ. Я не могъ бы.

Въ концѣ мѣсяца я получила отъ него письмо (письма приходили чуть не съ каждой почтой) слѣдующаго содержанія: «Завтра наша свадьба. М-ръ Бондъ настаиваетъ, что я не совсѣмъ еще поправился и долженъ провести осень въ путешествіи съ Руфью. И такъ, въ концѣ все-таки Флорида, Новая Британія и апельсинная плантація, пока я не сдѣлаюсь настоящимъ богатыремъ. Помните же! зиму мы проводимъ вмѣстѣ и вмѣстѣ собираемъ апельсины, выросшіе въ землѣ волшебницъ».

Русскія суевѣрія.

Очерки **С. С. Шашкова.**

(*Продолженіе.*)

Грудныя болѣзни объясняются тѣмъ, что у больного крылья проросли! «Посмотрѣла я на него, говоритъ одна женщина другой,—на Ваню-то—худой такой, лежитъ и кашляетъ, и грудь болитъ и въ спину колетъ... ощупала я спину и слышу подъ рукой сухія крылья ужь внутро проросли... Ну, они ростутъ въ мясо-то, вотъ оно и колетъ грудину-то. Сказала я матери это и велѣла позвать Пѣтуховну съ нашей деревни—она у насъ все по этой части ходитъ. Пришла утромъ Пѣтуховна, поломала ему крылья и легче парню стало». Стрѣлы (колотье) напускаются такъ: коровій рогъ насыпается пескомъ и толченымъ стекломъ, колдунъ выдуваетъ ихъ съ заклятіемъ на извѣстное лицо и вѣтеръ несетъ ихъ на него.

Нѣкоторыя болѣзни, особенно эпидемическія, олицетворяются народомъ въ видѣ особыхъ духовъ, напр., чума. Былъ жаркій день. Сидѣлъ крестьянинъ подъ деревомъ, приблизилась къ нему высокая женщина, закутанная въ бѣлое покрывало. «Слыхалъ-ли ты про моровую язву? сказала она;—это я сама. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси; не минуй ни одного села, ни города; я должна вездѣ заглянуть. Кругомъ тебя будутъ мертвые падать, но ты останешься невредимъ». Затѣмъ она обвилась длинными, исхудалыми руками вокругъ шеи русина, и бѣднякъ пошелъ со своею страшною ношею, не чувствуя ни малѣйшей тяжести. На пути лежало мѣстечко, гдѣ раздавалась музыка, и весело, беззаботно пировалъ народъ; но чума повѣяла своею хусткою—и веселье исчезло; стали рыть могилы, носить гробы, кладбище и улицы наполнились трупами. Гдѣ ни проходилъ русинъ, всюду богатые города и деревни превращались въ пустыни; блѣдные, дрожащіе отъ страха жители разбѣгались изъ домовъ и въ мучительныхъ страданіяхъ умирали въ лѣсахъ, поляхъ и по дорогамъ. Наконецъ, добрался онъ и до своего родного села; здѣсь проживали его старушка-мать, жена и дѣти. Отчаянье и жалость овладѣли душою несчастнаго; онъ рѣшился утопить и себя и Чуму, ухватилъ ее за руки и, обойдя село, бросился вмѣстѣ съ нею съ крутого берега въ волны Прута; самъ онъ утонулъ, но моровая язва поднялась изъ воды и убѣжала въ горы. Въ Подоліи одинъ мужикъ, потерявъ во время моровой язвы жену и дѣтей, покинулъ свою хату и ушелъ въ лѣсъ; къ вечеру онъ развелъ огонь, помолился Богу и заснулъ. Въ самую полночь его разбудилъ страшный шумъ: издали неслись нестройные, дикіе клики, слышались дудки и звонъ бубенчиковъ. Голоса приближались, и вскорѣ онъ увидѣлъ, что по дорогѣ на высокой черной колесницѣ ѣхала чума, сопровождаемая толпою чудовищъ, стаею совъ и нетопырей. Свита ея съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе прибывала, потому что все, что ни попадалось на пути, даже камни и деревья превращались въ чудовищъ и приставали къ поѣзду. Когда поѣздъ поровнялся съ разведеннымъ костромъ, чума затянула адскую пѣсню. Подолянинъ хотѣлъ было ударить въ ближайшее къ нему привидѣніе топоромъ, но топоръ вырвался изъ его рукъ, превратился въ живое существо на козьихъ ногахъ и понесся вслѣдъ за демонскимъ сборищемъ. Подолянинъ упалъ безъ чувствъ, и когда очнулся—на небѣ уже сіяло солнце; платье его было изорвано въ лоскутья, а топоръ лежалъ переломленный. Холера представляется старухою съ злымъ искаженнымъ лицомъ, а въ Малороссіи разсказываютъ, что она носитъ красные сапоги, можетъ ходить по водѣ, по ночамъ бѣгаетъ по селу крича: «була бида, буде лыхо». Чума скота или Коровья Смерть—тоже безобразная старуха, у которой руки граблями. Для прогнанія ея, по мірскому приговору, совершается обрядъ опахиванья. Старуха-повѣщалка, большею частію вдова, выходитъ въ полночь, въ одной рубахѣ, на околицу и съ дикимъ воплемъ бьетъ въ сковороду; на ея призывъ со всѣхъ сторонъ собираются бабы и дѣвки съ ухватами, кочергами, косами, серпами, помелами, дубинками. Ворота во всѣхъ домахъ запираются, скотъ загоняется въ хлѣвы, собакъ привязываютъ. Сбросивъ съ себя рубаху, повѣщалка клянетъ Смерть; другія женщины привозятъ соху, надѣваютъ на эту полуголую бабу хомутъ и запрягаютъ ее въ соху; потомъ начинается троекратное опахиваніе вокругъ села, при чемъ сопровождающая толпа держитъ въ рукахъ зажженныя лучины или горящіе пуки соломы. Впереди несутъ иконы Богородицы, Власія—если бываетъ чума рогатаго скота, Флора и Лавра—если бываетъ падежъ на лошадей; курятъ ладономъ или цѣлебными травами, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поютъ церковные гимны. Затѣмъ ѣдетъ старуха на помелѣ въ одной рубашкѣ и съ распущенными волосами; за нею двигается соха, и за сохой идетъ дѣвка съ кузовомъ разнаго зерноваго хлѣба, собраннаго со всѣхъ домовъ, и сѣетъ по пролагаемой бороздѣ. Иногда, вмѣсто передней старухи, нѣсколько бабъ и дѣвокъ ѣдутъ на помелахъ и лопатахъ вслѣдъ за сохою, и также въ однѣхъ сорочкахъ и съ растрепанными волосами. Слѣдующая позади толпа пляшетъ, вертится, кривляется, размахиваетъ по воздуху принесенными орудіями, бьетъ въ тазы, чугуны, заслонки и косы, свиститъ и хлопаетъ кнутами; останавливаясь передъ каждымъ дворомъ, бабы и дѣвки стучатъ въ ворота и бѣшено вопятъ: «бей, сѣки, руби Коровью Смерть!—згинь, пропади Черная Немочь!—запашу, заколю, загребу, засѣку, замету!» Сверхъ того, поется еще заклинательная пѣсня:

На крутой горѣ высокой
Кипятъ котлы кипучіе,
Во тѣхъ котлахъ кипучіихъ
Горитъ огнемъ негасимымъ
Всякъ животъ поднебесной;
Вокругъ котловъ кипучіихъ
Стоятъ старцы старые;
Поютъ старцы старые
Про животъ, про смерть,
Про весь родъ человѣчъ...
Сулятъ старцы старые
Всему міру животы долгіе,
Какъ на ту-ли злую Смерть
Кладутъ старцы старые
Проклятьице великое.

Въ воронежской губ. женское населеніе выбираетъ изъ себя 9 дѣвицъ, извѣстныхъ своимъ примѣрнымъ поведеніемъ, 3-хъ вдовъ, отличающихся толщиною, и одну беременную женщину; въ полночь ихъ впрягаютъ въ соху — онѣ одѣты въ бѣлыя сорочки, съ распущенными косами; ходомъ сохи управляютъ вдовы, а впереди идетъ беременная баба съ образомъ Божьей Матери; все сборище поетъ:

Выйди вонъ, выйди вонъ
Изъ села, изъ села!
Мы идемъ, мы идемъ
Девять дѣвокъ, три вдовы
Со ладономъ, со свѣчами,
Съ Божьей Матерью!

Въ курской губ. въ соху впрягаютъ бабу-неродицу (неплодную), управлять сохою даютъ дѣвкѣ, рѣшившейся не выходить замужъ, а вдовы набираютъ песку и разсѣеваютъ его по проведенной бороздѣ. Посѣвъ песку совершается и въ губерніяхъ воронежской и орловской, при пѣніи слѣдующихъ стиховъ:

Вотъ диво, вотъ чудо!
Дѣвки пашутъ,
Бабы песокъ разсѣваютъ;
Когда песокъ взойдетъ,
Тогда и смерть къ намъ зайдетъ!

Лихорадки—тоже существа личныя, дочери Ирода, которыя въ одномъ сказаніи такъ рекомендуютъ себя: «Едина рече: мнѣ имя Огнія: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ разгорится, аки пламень въ печи, также я разжигаю всякаго человѣка. Вторая рече: мнѣ имя Ледиха: я коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ не можетъ въ печи согрѣться. Третья рече: мнѣ имя Желтая—аки цвѣтъ дубравный. Четвертая рече: мнѣ имя Глохня: котораго я поймаю, тотъ человѣкъ можетъ глухъ быти. Шестая рече: мнѣ имя Юдея: коего я человѣка поймаю, тотъ человѣкъ не можетъ насытиться многимъ брашномъ. Седьмая рече: мнѣ имя Корчея: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ корчится вмѣстѣ руками и ногами, не піетъ, не ѣстъ. Восьмая рече: мнѣ имя Грудея: котораго человѣка изловлю, лежу на грудяхъ и выхожу храпомъ внутрь. Девятая рече: мнѣ имя Проклятая: коего человѣка поймаю, лежу у сердца, аки лютая змія, и тотъ человѣкъ лежитъ трудно. Десятая рече: мнѣ имя Ломеня: аки сильная буря древо ломитъ, тако-же и азъ ломаю кости и спину. Одиннадцатая рече: мнѣ имя Глядѣя: коего человѣка поймаю, тому человѣку сна пѣть, и приступитъ къ нему и мучится. Двѣнадцатая рече: мнѣ имя Огнеястра: коего человѣка поймаю стараго, тотъ не можетъ живъ быти». Если у больного обметало губы, значитъ его поцѣловала лихоманка. Иногда лихорадка, оборотившись соринкою или мухою, падаетъ въ пищу и вмѣстѣ съ нею проникаетъ въ человѣка. Если эту соринку или муху бросить въ печь, то болѣзнь сгоритъ, а если ее положить въ яичную скорлупу и повѣсить въ трубѣ, то она будетъ страшно мучиться. Чтобы не раздражать лихорадку, ее называютъ кумою (кумаха), теткою и т. д. Больной лихорадкой старается прогнать ее заговорами и заклятіями, разнообразными до безконечности. Больной, напр., обсыпаетъ вокругъ себя яичную крупу и говоритъ: «прости, мать сыра-земля; вотъ тебѣ крупицъ на кашу, вотъ и тебѣ, кумаха!» Раскаливаютъ красный пятакъ, опускаютъ его въ холодную воду и по 3 раза въ день пьютъ ее отъ лихорадки. Хорошо также написать на бумагѣ имена трехъ отроковъ, Седрахъ, Мисахъ и Авденаго, сжечь бумажку, а пепелъ съѣсть съ хлѣбомъ. Подобнымъ-же образомъ лечится большинство другихъ болѣзней. Знахари напр., слизываютъ болѣзнь съ паціента и потомъ сплевываютъ ее на землю. Болѣзни глазъ лечатъ искрами, высѣкаемыми изъ кремня. При воспалительныхъ процесахъ ѣдятъ сусальное золото. Отъ кори и оспы обводятъ глаза золотымъ кольцомъ. Отъ чирья обводятъ его сосновымъ сукомъ, приговаривая: «какъ сукъ сохнетъ, такъ бы сохъ у раба Божія чирій». Отъ ячменя ставятъ кукишъ съ словами: «ячмень, ячмень, на тебѣ кукишъ, что хочешь, то купишь, купи себѣ топорокъ, сруби себя поперекъ!» Отъ грызи (лома въ рукахъ и ногахъ) заставляютъ мальчика кусать больное колѣно или локоть и при этомъ разговариваютъ съ нимъ: «Что грызешь?»—«Грызь грызу». — «Грызи да гораздо!» Конечно, нѣкоторыя изъ знахарскихъ снадобій, напр., нѣкоторыя травы, приносятъ больнымъ облегченіе, но въ большинствѣ случаевъ, какъ можно видѣть и изъ приведенныхъ нами примѣровъ, леченіе больного простолюдина бываетъ или пустою суевѣрною формальностью или мученіемъ его.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Станиславъ Монюшко.

Ст. П. В. Га—на.

(*Окончаніе.*)

Станиславъ Монюшко родился 5 мая 1819 года. Чрезъ нѣсколько дней по его рожденіи въ комнату, гдѣ лежалъ малютка, влетѣла ласточка и надъ колыбелью его, стоявшей въ углу, начала лѣпить свое гнѣздо. Считая этотъ случай за доброе предзнаменованіе, родители предоставили ласточкѣ свободу не только окончить начатую работу, но и вывести всѣхъ птенцовъ, и заперли форточку только тогда, когда птенцы съ матерью улетѣли изъ гнѣзда. На это время новорожденный былъ помѣщенъ въ другой комнатѣ. У Чеслава Монюшко не было другихъ дѣтей кромѣ Станислава и къ этому времени отецъ послѣдняго сохранилъ только имѣніе, полученное имъ отъ отца; капиталъ же, оставшійся ему въ наслѣдство, сто тысячъ рублей, прожилъ еще до женитьбы. Какъ единственный сынъ, Станиславъ былъ баловнемъ у родителей видѣвшихъ въ немъ будущаго наслѣдника своихъ дядей, неимѣвшихъ сыновей. Мать занималась съ нимъ сама первоначальнымъ обученіемъ чтенію, письму и музыкѣ. Она хорошо играла на фортепьяно и пѣла. Станиславъ еще ребенкомъ выучился у нея пѣть «историческія пѣсни» Нѣмцевича и зналъ ихъ на память. Его родителей часто посѣщалъ извѣстный въ то время музыкантъ, Петръ Карафа-Корбутъ, бывшій прежде учителемъ музыки и пѣнія у матери Станислава, до выхода ея замужъ. Этотъ артистъ игралъ почти на всѣхъ инструментахъ и написалъ множество музыкальныхъ сочиненій; онъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе таланта Станислава Монюшко еще въ ранней молодости. Принимая нерѣдко участіе въ домашнихъ спектакляхъ то въ домѣ родителей, то у дядей, Станиславъ получилъ понятіе о сценѣ и желаніе испробовать свои силы въ драматическихъ сочиненіяхъ. Еще мальчикомъ онъ написалъ нѣсколько комедій, по прочтеніи которыхъ своимъ сверстникамъ, истреблялъ ихъ. Впослѣдствіи же написалъ болѣе 20 оперъ. Посѣщая съ родителями сосѣдей помѣщиковъ и присутствуя при народныхъ празднествахъ, будущій композиторъ знакомился съ народными пѣснями и, владѣя рѣдкою памятью, усваивалъ ихъ напѣвы. На него имѣло также вліяніе и церковное пѣніе съ акомпаниментомъ органа, на которомъ Монюшко выучился играть превосходно подъ руководствомъ того же учителя Карафа-Корбута. Быстрое развитіе способностей Станислава и желаніе сестры отца его, вдовы, бывшей замужемъ за Корсаковымъ, дать лучшее по возможности образованіе дочери и сыну, сверстнику Станислава, побудили родителей послѣдняго переѣхать въ Варшаву. Въ 1827 году Станиславъ Монюшко прибылъ съ родителями въ Варшаву и съ двоюроднымъ своимъ братомъ началъ серьезно учиться у приходившихъ на домъ пяти учителей съ цѣлью подготовиться къ поступленію въ школу піаровъ. Обученіе фортепьянной игрѣ поручено было Августу Фрейеру, извѣстному тогда органисту, бывшему ученику Эльснера, у котораго учился контра-пункту и Фридрихъ Шопенъ.

Прилежаніе Станислава къ наукамъ и къ музыкѣ было образцовое. Весною 1830 года, одиннадцатилѣтній Монюшко отлично выдержалъ экзаменъ въ школѣ піаровъ, и по успѣхамъ въ законѣ Божіемъ, географіи, исторіи, арифметикѣ и въ языкахъ: польскомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, былъ принятъ въ четвертый класъ. Въ концѣ 1830 г. родители Станислава, не имѣя болѣе средствъ для жизни въ Варшавѣ, рѣшились поселиться въ Минскѣ, гдѣ жить было дешевле. Станислава отдали въ минскую гимназію, а учителемъ музыки приглашенъ былъ Доминикъ Стефановичъ, считавшійся лучшимъ преподавателемъ фортепьянной игры въ Минскѣ; но въ дѣйствительности не заслуживавшій подобной репутаціи и довольно небрежно относившійся къ занятіямъ съ Монюшко, талантъ котораго въ это время быстро развивался. Въ гимназіи Монюшко велъ себя примѣрно, избѣгалъ шумныхъ игръ и ссоръ съ товарищами, за что прозванъ былъ «паничемъ», т. е. дворянчикомъ. Всѣ получаемые отъ родныхъ деньги, онъ расходовалъ на покупку книгъ, страстно полюбивъ чтеніе, къ которому пріохотили его еще въ Варшавѣ друзья его отца: генералъ Жозефъ Копецъ, авторъ извѣстнаго «Dziennik podrózy» (Дорожнаго дневника), Іохимъ Лелевель, и поэтъ Юліанъ Корсакъ. Бесѣды этихъ ризвитыхъ людей имѣли большое вліяніе на воображеніе и творческую способность будущаго композитора. Съ окончаніемъ шестого класа въ минской гимназіи, здоровье Станислава внушило серьезныя опасенія его родителямъ и они рѣшились не отдавать его болѣе въ гимназію для окончанія курса. На семейномъ совѣтѣ было рѣшено опредѣлить семнадцатилѣтняго Монюшко на государственную службу въ виду хорошихъ отношеній его отца съ выдающимися личностями мѣстной администраціи, обѣщавшими свою протекцію сыну, котораго подобное рѣшеніе родныхъ вовсе не радовало. Онъ находилъ тогда большое наслажденіе въ занятіяхъ музыкой, и желалъ посвятить ей все свое время. Дядя Станислава, Александръ Монюшко, гостившій у отца его, уѣзжая на нѣсколько мѣсяцевъ въ Вильну, взялъ съ собою племянника, искавшаго только случая отдалить время своего поступленія на службу. Живя въ Вильнѣ молодой Монюшко познакомился съ семействомъ заслуженнаго чиновника Миллера, дочь котораго Александрину, юноша полюбилъ горячо и убѣдясь, что она также любитъ его, рѣшился жениться на ней. Конечно, родные ничего не хотѣли и слышать о свадьбѣ; но не прошло и года, какъ отецъ Станислава уступилъ просьбамъ сына и обратился къ г-жѣ Миллеръ съ просьбою о согласіи на бракъ ея дочери съ его сыномъ. Въ своемъ отвѣтѣ, мать невѣсты изъявляла согласіе, но съ условіемъ, чтобы женихъ предварительно устроилъ свое общественное положеніе, окончивъ курсъ необходимый для артиста музыки. На это условіе Монюшко охотно согласился, и въ началѣ 1837 года уже работалъ усердно въ Берлинѣ подъ руководствомъ извѣстнаго теоретика професора Рунгенгагена, вскорѣ оцѣнившаго талантливаго ученика и пригласившаго Станислава жить въ его семьѣ и учиться у него безвозмездно. Рунгенгагенъ нерѣдко поручалъ Монюшко дирижированіе хорами, а въ послѣдній годъ пребыванія его въ Берлинѣ, Монюшко акомпанировалъ пѣнію артистовъ на публичныхъ концертахъ. Окончивъ двадцати лѣтъ полное музыкальное образованіе у директора и професора музыки Рунгенгагена, Монюшко получилъ отъ него 18-го іюня 1839 года свидѣтельство въ томъ, что, сдѣлавъ хорошіе успѣхи въ высшемъ музыкальномъ образованіи и въ особенности въ искуствѣ композиціи, Монюшко не нуждается болѣе въ его руководствѣ. По возвращеніи изъ Берлина, Станиславъ Монюшко заявилъ о правѣ на полученіе награды за свое постоянство, и просилъ о назначеніи дня свадьбы; но мать невѣсты, желая испытать его чувства, подъ предлогомъ молодости дочери, отложила еще на годъ свадьбу, которая и состоялась 25 августа 1840 года. Монюшко поселился у тещи и, не получивъ никакого состоянія отъ родныхъ, началъ зарабатывать средства къ жизни уроками музыки, такъ какъ и жена его была изъ бѣднаго семейства. Не легко ему было бороться съ равнодушіемъ публики, не умѣвшей оцѣнить его искуства и знаній. Въ началѣ учительской дѣятельности Монюшко получалъ по рублю за урокъ, а въ послѣдствіи полтора рубля, т. е. десять злотыхъ. Уроковъ было немного, и нужда начала одолѣвать его; тѣмъ болѣе, что надежды на помощь отъ отца не было, въ виду предстоявшей продажи за долги его заложеннаго родового имѣнія. Потеря перваго сына, вскорѣ послѣ его рожденія, еще болѣе опечалила композитора и, подъ впечатлѣніемъ этого чувства, онъ написалъ нѣсколько духовныхъ пьесъ съ акомпаниментомъ органа. Въ мартѣ 1845 года съ рожденіемъ четвертаго ребенка, бѣдность Монюшко дошла до того, что въ концертѣ, данномъ имъ въ залѣ благороднаго собранія въ Вильнѣ въ пользу вдовы пѣвца Сосновскаго, дирижируя оркестромъ, онъ имѣлъ только одинъ сапогъ, а на другой ногѣ была зимняя галоша.

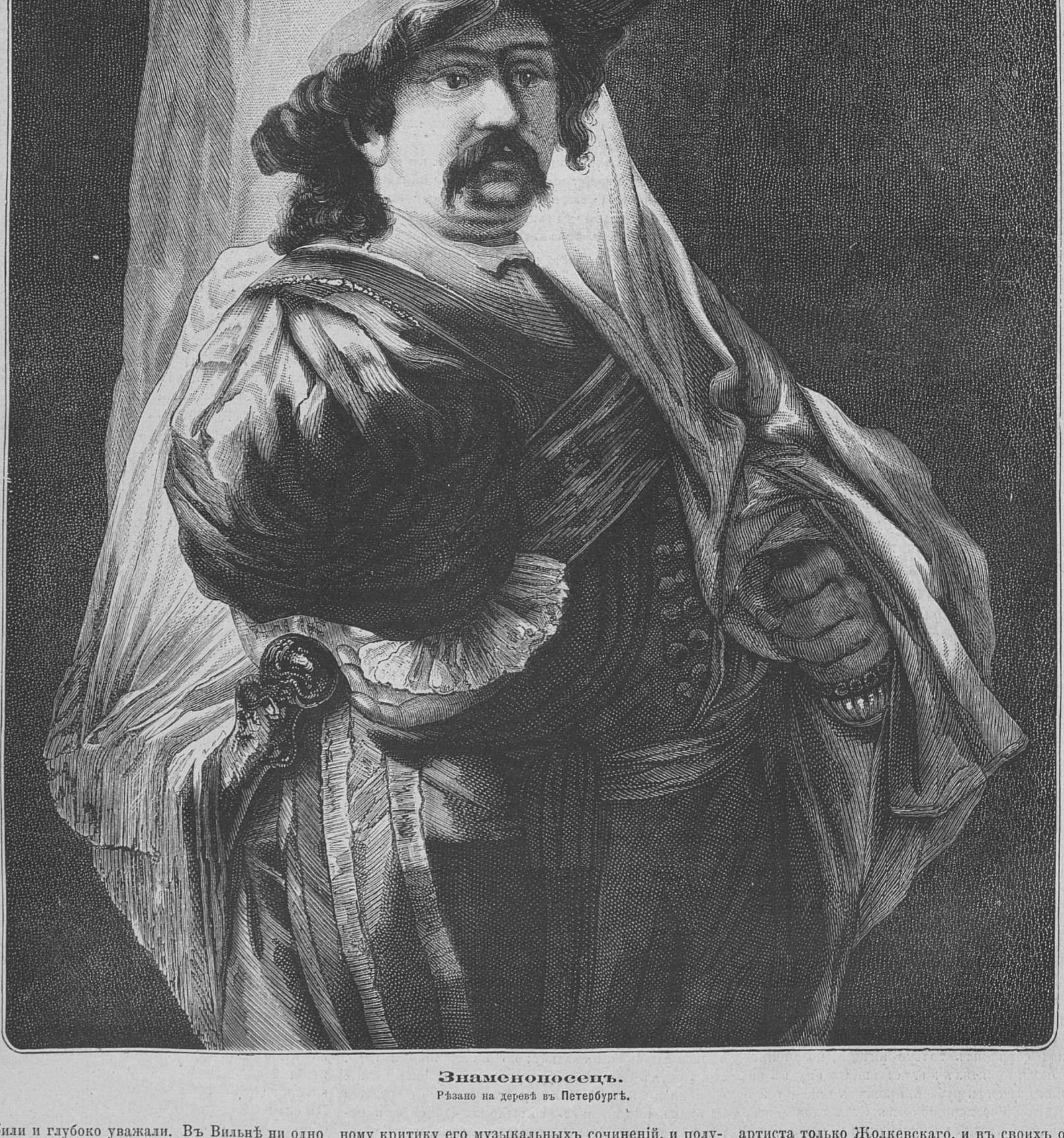
IV.

Не смотря на свое незавидное матеріальное положеніе, Монюшко рѣдко давалъ концерты въ свою пользу, а чаще всего въ пользу вдовъ, сиротъ и студентовъ, неимѣвшихъ средствъ кончить свое образованіе. Такое рѣдкое стремленіе къ благотворительности въ ущербъ личному интересу, внушало въ учащейся молодежи глубокую признательность къ композитору, которая и выразилась фактически, какъ только представился къ тому случай. Въ 1842 году Монюшко рѣшился на поѣздку въ Петербургъ и занялъ на дорогу сто рублей, полученныхъ подъ залогъ его фортепьянъ. Въ Петербургѣ онъ надѣялся найдти издателей своихъ сочиненій и предложить театральный дирекціи поставить на сценѣ нѣкоторыя изъ его мелодрамъ, «Донъ-Жуанъ де-Барбастро», «Гаспаръ Гаузеръ», «Благословеніе матери», и оперъ: «Лотерея», «Идеалъ», «Карманьоль», «Новый Донъ-Кихотъ», «Ночлегъ въ Апенинахъ», «Желтая шапочка», «Чудотворная вода». Первая изъ этихъ оперъ имѣла успѣхъ въ Варшавѣ, а нѣкоторыя изъ мелодрамъ—въ Вильнѣ. Надежды Монюшко не оправдались. Въ послѣднемъ письмѣ изъ Петербурга, онъ писалъ къ одному изъ друзей, что у него едва-ли останется денегъ на возвращеніе въ Вильну и что заложенныхъ фортепьянъ ему нечѣмъ будетъ выкупить. Содержаніе этого письма сдѣлалось извѣстнымъ учащейся молодежи, которая составила подписку на выкупъ фортепьянъ и наканунѣ пріѣзда Монюшко изъ Петербурга, фортепьяно было выкуплено и поставлено въ его квартирѣ. Кромѣ занятій уроками музыки, Монюшко исполнялъ обязанности органиста въ главномъ виленскомъ костелѣ. Какъ органистъ онъ исполнялъ свои обязанности усерднѣе, чѣмъ бывшіе его предшественники, играя не только за обѣдней, но и во время малыхъ церковныхъ службъ; а какъ званіе органиста не пользовалось уваженіемъ въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, то многіе въ Вильнѣ относились къ Монюшко даже съ пренебреженіемъ.

Впрочемъ, такое отношеніе къ нему части общества продолжалось первые три года послѣ его женитьбы; послѣдніе-же пятнадцать лѣтъ пребыванія Монюшко въ Вильнѣ отношеніе къ нему всѣхъ класовъ общества было вполнѣ дружеское. Въ его гостиной нерѣдко сходились лица различнаго общественнаго положенія: высшая аристократія, поэты, артисты, чиновники, офицеры и учащаяся молодежь. Связующимъ цементомъ такой разнообразной среды былъ самъ хозяинъ, обладавшій рѣдкимъ умѣньемъ располагать и привязывать къ себѣ словами непритворнаго доброжелательства къ каждому гостю, съ которымъ находилъ возможность навести разговоръ на доброе и полезное. Злословія и пересудовъ онъ избѣгалъ. Монюшко цѣнилъ и уважалъ въ своихъ гостяхъ ихъ душевныя качества, а не общественное положеніе. Какъ композитора и артиста, не всѣ, конечно, современники могли оцѣнить Монюшко; но какъ человѣка, всѣ знавшіе ей литературныхъ произведеній. Онъ писалъ самъ съ большимъ талантомъ не только прозою, но и стихами. Послѣдніе онъ прочитывалъ только друзьямъ своимъ и затѣмъ уничтожалъ ихъ. Зная съ какимъ умѣньемъ Монюшко владѣлъ перомъ, друзья его просили иногда написать возраженіе неизвѣсткаго, не можетъ быть напечатана въ виду той откровенности съ какою относился ея авторъ къ лицамъ еще живущимъ. Монюшко очень любилъ живопись и былъ знатокъ въ ней, но еще болѣе любилъ театръ, и будучи знакомъ съ лучшими сценами въ Европѣ, считалъ идеаломъ драматическаго

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА РЕМБРАНДТА.



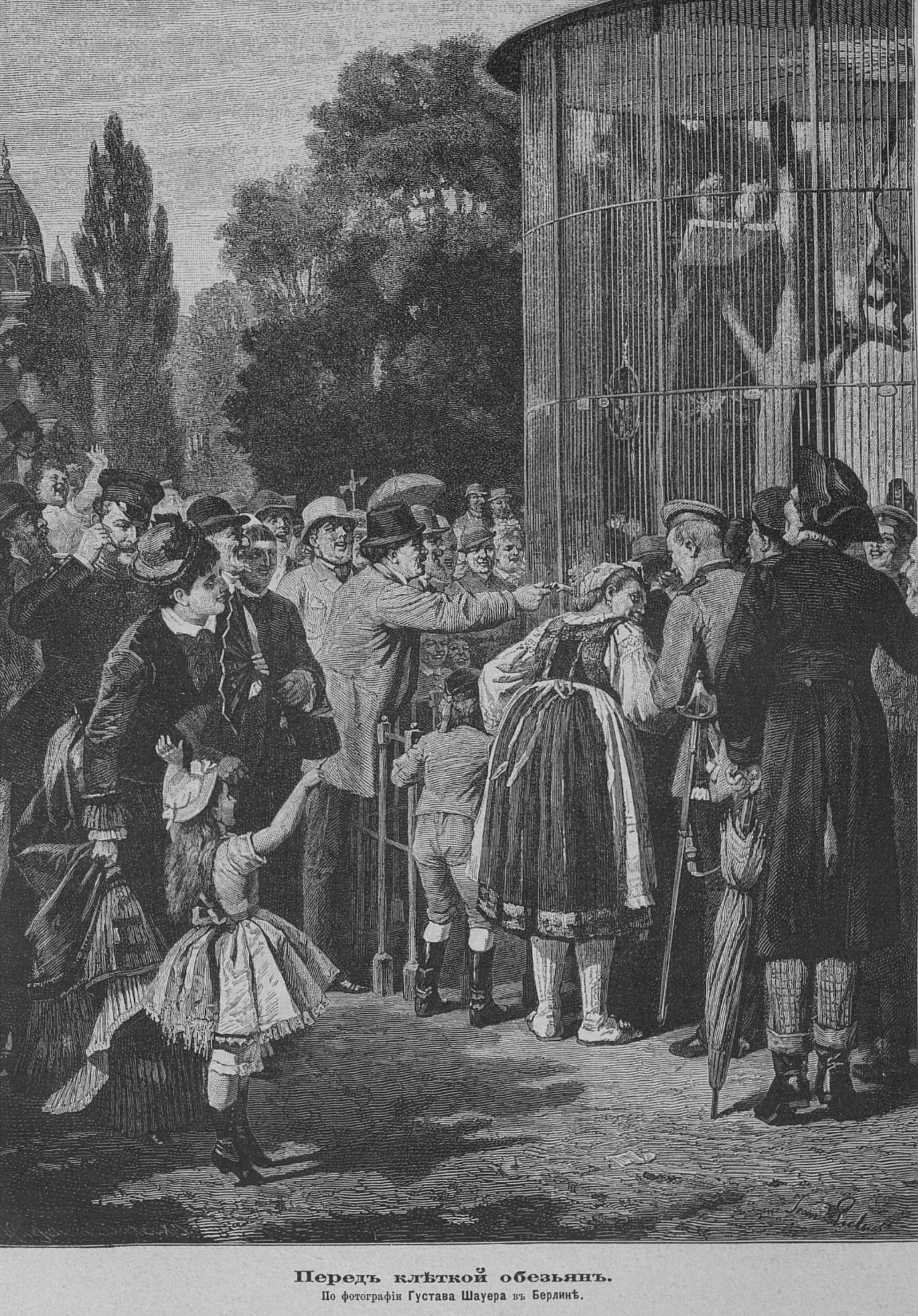
Знаменоносецъ.

Рѣзано на деревѣ въ Петербургѣ.

его любили и глубоко уважали. Въ Вильнѣ ни одно произведеніе въ области музыки, поэзіи, литературы не появлялось въ печати прежде одобренія Монюшко, имѣвшаго обширныя познанія не въ одной только музыкѣ, но и въ литературѣ и поэзіи. Зная хорошо языки: русскій, нѣмецкій, французскій и латинскій, Монюшко много читалъ и могъ быть судьному критику его музыкальныхъ сочиненій, и получали отъ него отвѣтъ: «Поле борьбы моей – на пяти нотныхъ линіяхъ. Если на нихъ я не устою и не заставлю врага отступить, то на другомъ полѣ борьба будетъ совершенно напрасна». Переписка Монюшко со многими выдающимися личностями, находящаяся у біографа и родственника композитора, г. Валицартиста только Жолкевскаго, и въ своихъ операхъ «Матросъ» и «Графиня», написалъ для него партіи съ особенною любовью. Вскорѣ послѣ неудачной поѣздки своей въ Петербургъ, Монюшко подружился съ итальянцемъ Жозефомъ Бонольди, поселившемся въ Вильнѣ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ семействѣ одного магната, пригласившаго Бонольди изъ Италіи учителемъ пѣнія къ своей дочери. Братъ его, Францискъ Бонольди, былъ извѣстный въ Парижѣ композиторъ. Владѣя прекраснымъ баритономъ, Бонольди зналъ основательно музыку и способствовалъ славѣ Монюшко, какъ творца салонной музыки. Женясь на полькѣ, Бонольди скоро выучился польскому языку и, часто посѣщая Монюшко, пѣлъ его вокальныя сочиненія, которыя композиторъ писалъ преимущественно для его голоса. Къ этому времени относится большинство написанныхъ Монюшко замѣчательныхъ пѣсенъ, баладъ и романсовъ, извѣстность которыхъ вскорѣ затмила всѣ подобныя произведенія варшавскихъ композиторовъ: Курпинскаго, Эльснера, Стефана и другихъ, сочиненія которыхъ назначались большею частью для костеловъ или для сцены. Это было время, когда Монюшко, благодаря знакомству съ Бонольди, сдѣлался творцомъ салоннаго пѣнія въ Литвѣ и Польшѣ. Текстъ извѣстной его оперы «Галька» былъ переведенъ на итальянскій языкъ тѣмъ-же Бонольди. Болѣе десяти лѣтъ Монюшко не имѣлъ возможности не только получать вознагражденіе за музыкальныя свои сочиненія, такъ какъ не находилъ для нихъ издателей, но и не могъ сдѣлать ихъ извѣстными внѣ круга друзей и знакомыхъ. Для изданія на свой счетъ у него не было средствъ; подписка на изданіе, предложенная его друзьями, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ покрыла расходы на печатаніе только первыхъ четырехъ сборниковъ его пѣсенъ. Пьесы, написанныя для фортепьяно, ему иногда удавалось литографировать на свой счетъ, чтобы сдѣлать ихъ извѣстными въ публикѣ. Въ началѣ 1849 г. Монюшко рѣшился во второй разъ побывать въ Петербургѣ, такъ какъ поѣздка его въ Варшаву въ 1847 г. не увѣнчалась желаемымъ успѣхомъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ итальянцемъ Бонольди, Монюшко, преодолѣвъ множество препятствій, получилъ наконецъ разрѣшеніе дать концертъ. Его кантата «Мильда» (богиня красоты),

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЛУЛЬВОСА.



Передъ клѣткой обезьянъ.

По фотографіи Густава Шауера въ Берлинѣ.

слова которой были переведины на русскій языкъ поэтомъ Бенедиктовымъ, произвела на публику сильное впечатлѣніе; артисты и музыкальные критики единогласно признали въ композиторѣ самобытный талантъ. Вся сцена была заброcана цвѣтами. Увертюра къ оперѣ его «Зимняя сказка», имѣла также большой успѣхъ. На второмъ концертѣ въ Петербургѣ «Мильда» была повторена съ тѣмъ-же громаднымъ успѣхомъ. Артисты и аристократы искали знакомства съ Монюшко и посѣщали композитора въ его скромной квартиркѣ въ подвальномъ этажѣ, на Миліонной улицѣ. Болѣе всѣхъ симпатизировали успѣхамъ Монюшко наши извѣстные композиторы Глинка и Даргомыжскій. Новая пѣсня «Козакъ», написанная въ это время Монюшко для фортепьянъ, нравилась всѣмъ и была издана до его отъѣзда. Несмотря на замѣчательный успѣхъ, и вторая поѣздка Монюшко въ Петербургъ не принесла ему пользы въ денежномъ отношеніи, такъ какъ вырученная съ двухъ концертовъ сумма едва покрыла расходы на оркестръ, наемъ залы и на жизнь въ столицѣ съ обратною поѣздкой въ Вильну. Возвратясь изъ Петербурга и передѣлавъ свою оперу «Галька» изъ двухъ актовъ въ четыре, Монюшко переслалъ ее въ Варшаву къ директору театровъ, гдѣ она и пролежала въ театральной библіотекѣ цѣлые десять лѣтъ Газетные похвалы музыкальныхъ критиковъ о талантѣ Монюшко побудили нѣкоторыхъ книгопродавцевъ въ Вильнѣ и Варшавѣ рѣшиться наконецъ на изданіе его произведеній. И только тогда композиторъ началъ получать за нихъ плату, впрочемъ непревышавшую пятнадцати рублей съ печатнаго листа. Когда друзья говорили ему, чтобы онъ ограничилъ временемъ права издателей и не отдавалъ за такой скромный гонораръ въ вѣчную ихъ собственность своихъ произведеній, то Монюшко успокоивалъ друзей словами: «У меня достанетъ силъ заработать на хлѣбъ новыми сочиненіями. А когда умру, то увѣренъ, что мои произведенія будутъ цѣнимы выше и дѣтямъ моимъ не придется горевать отъ бѣдности». Къ сожалѣнію, эти надежды не сбылись. Въ 1854 г. Монюшко организовалъ въ Вильнѣ музыкальное общество, подъ названіемъ общества св. Сесиліи. Послѣ долгаго ожиданія, его опера «Галька» была наконецъ поставлена на варшавской сценѣ 1 января 1858 г. съ громаднымъ успѣхомъ. Достоинства оперы въ отношеніи оригинальности мелодій и богатства гармоніи были признаны всѣми, а музыкальные критики единогласно заявили, что опера «Галька» составляетъ эпоху въ исторіи польской оперы и служитъ ей фундаментомъ. Слѣдовательно можно сказать, что Станиславу Монюшко принадлежитъ честь быть основателемъ національной оперы, какъ равно и салонной вокальной музыки въ Польшѣ. Написанная подъ впечатлѣніемъ событій 1846 г. опера «Галька» по своему сюжету не имѣетъ въ наше время прежняго интереса; но въ музыкальномъ отношеніи остается прелестною оперой и, выдержавъ въ Варшавѣ по настоящее время болѣе 200 представленій, едва-ли когда сойдетъ съ репертуара. Въ Петербургѣ, Прагѣ, Москвѣ, Краковѣ, Львовѣ, Познани, Миланѣ эта опера имѣла также вполнѣ заслуженный успѣхъ. Послѣдствіемъ такого успѣха было общее желаніе видѣть Монюшко въ званіи директора варшавской оперы. Узнавъ о томъ, Монюшко рѣшился на заграничную поѣздку съ артистическою цѣлью; но не имѣя средствъ къ тому, былъ выручeнъ участіемъ извѣстной пьянистики-любительницы Маріи Каллерджи, бывшей ученицы знаменитаго Шопена, поклонницей таланта Монюшко, взявшей на себя устройство концерта, состоявшагося 25 марта 1858 года. Полученная съ концерта сумма обезпечивала путевыя издержки на поѣздку его въ Парижъ, гдѣ Монюшко и написалъ одноактную оперу «Матросъ», втеченіи четырехъ дней, вскорѣ по своемъ прибытіи. Вызванный обратно на родину по случаю опасной болѣзни жены, Монюшко по возвращеніи изъ Парижа былъ назначенъ 1 сентября 1858 г. директоромъ варшавской оперы и черезъ два мѣсяца поставилъ на сцену свою новую оперу «Матросъ». Въ томъ-же году семья Монюшко переѣхала изъ Вильны въ Варшаву, гдѣ композиторъ жилъ очень скромно, посвящая все свое время обязанностямъ по званію директора оперы, принимая у себя только друзей, пріѣзжавшихъ изъ Вильны. Несмотря на основательную подготовку къ новой должности и при всемъ своемъ талантѣ, Монюшко, не имѣя твердаго характера, оказался не вполнѣ подходящимъ директоромъ для варшавской оперы. Деликатность его приводила къ постояннымъ уступкамъ артистамъ, въ средѣ которыхъ было не мало лицъ стоявшихъ несравненно ниже его по своему развитію и музыкальному образованію. Желанія и совѣты директора рѣдко исполнялись артистами на репетиціяхъ и Монюшко оставлялъ ихъ въ покоѣ, когда дѣло касалось его собственныхъ оперъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ въ зависимости отъ нѣкоторыхъ лицъ, занимавшихъ высокое положеніе въ Варшавѣ и, по ихъ требованію, обязанъ былъ ставить на сцену, чаще всего, итальянскія оперы для заѣзжихъ артистовъ. Можно себѣ представить, какъ подобная зависимость отъ личности совершенно посторонней музыкальному міру была тяжела для Монюшко, который если бы имѣлъ свободу быть полнымъ хозяиномъ своего дѣла, безъ сомнѣнія, написалъ бы еще нѣсколько новыхъ оперъ. Любимой его мечтою было видѣть исполненіе своихъ оперъ въ Парижѣ. Съ этою цѣлью Монюшко, взявъ отпускъ, уѣхалъ изъ Варшавы въ концѣ 1861 года; но всѣ его старанія оказались безуспѣшны. Оперы «Галька» и «Графиня» не могли быть даны въ Парижѣ по причинамъ, независящимъ ни отъ ихъ либрето, ни отъ музыки. Только одноактная опера «Честное слово» (Verbum nobile), игранная съ большимъ успѣхомъ въ Варшавѣ, могла быть поставлена въ Парижѣ; но самъ композиторъ не рѣшился выступить съ одноактною оперой передъ парижекою публикой. Монюшко уѣхалъ обратно въ Варшаву, не желая подчиниться требованію директора парижской оперы, желавшаго, чтобы онъ написалъ новую оперу въ офенбаховскомъ стилѣ. Слѣдуетъ пожалѣть отъ души, что неудача постигла Монюшко въ Парижѣ, такъ какъ несомнѣнно, что талантъ его былъ бы оцѣненъ и парижскою публикой, если бы только ей дали возможность прослушать хотя двѣ его оперы: «Галька» и въ особенности «Парія», которую самъ композиторъ считалъ лучшею изъ всѣхъ двадцати своихъ оперъ и говорилъ, что онъ вложилъ въ нея свою душу *). По возвращеніи изъ Парижа Монюшко былъ избранъ въ 1862 г. професоромъ гармоніи и композиціи въ варшавскій музыкальный институтъ. Такое занятіе было ему по душѣ и онъ уже не подчинялся постороннему вліянію въ институтѣ, какъ это было съ нимъ въ должности директора оперы, которую онъ сохранялъ одновременно съ званіемъ професора. Изданное имъ «Руководство къ наукѣ гармоніи» служитъ доказательствомъ, съ какимъ стараніемъ Монюшко желалъ упростить и облегчить ученикамъ изученіе своего предмета. Небольшія пьесы Монюшко писалъ безъ всякой предварительной подготовки. Приведемъ только два, три примѣра. Въ Минскѣ, когда онъ разъ игралъ на бильярдѣ, ему прочитали новое стихотвореніе, начинавшееся словами: «Когда свѣтъ нашъ справедливый». Прослушавъ стихи, Монюшко продолжалъ игру и, кончивъ партію, взялъ листъ нотной бумаги и написалъ на прочитанное стихотвореніе прелестную музыку. Въ другой разъ, два его пріятеля предложили спѣть съ ними квартетную пьесу. Монюшко согласился, но видя, что изъ трехъ наличныхъ голосовъ квартета не выйдетъ, въ десять минутъ написалъ пьесу для тріо на слова народной пѣсни, говоря: «пока дождемся четвертаго голоса, споемъ эту пѣсню втроемъ». Съ приходомъ третьяго гостя, на просьбу его спѣть квартетъ новѣйшаго сочиненія хозяина, Монюшко извинился, что не успѣлъ приготовить новаго квартета и въ четверть часа написалъ партію для четырехъ голосовъ на слова Бродинскаго: «Петръ съ Павломъ споря — не согласятся никогда; Петръ не знаетъ дѣла, Павелъ тоже не всегда!»

Въ бытность свою въ Парижѣ Монюшко подружился съ Іосифомъ Венявскимъ, талантливымъ пьянистомъ и композиторомъ, бывшимъ впослѣдствіи професоромъ консерваторіи въ Московѣ, и проводилъ иногда съ нимъ время по цѣлымъ днямъ. Случилось, что втеченіи недѣли Венявскій не навѣщалъ Монюшко; послѣдній отправился къ нему и, не заставъ пріятеля дома, взамѣнъ своей визитной карточки, написалъ въ квартирѣ Венявскаго длинный речитативъ съ упрекомъ за его долгое отсутствіе. Во время пребыванія своего въ Варшавѣ Монюшко ежегодно давалъ по одному концерту въ свою пользу и знакомилъ публику съ своими произведеніями, чего не могъ дѣлать въ Вильнѣ, гдѣ плохой оркестръ только въ послѣднее время подъ его вліяніемъ сдѣлался нѣсколько лучше. Кто помнитъ эти концерты, тотъ знаетъ, что въ Варшавѣ не было лучшихъ и болѣе посѣщаемыхъ всею мѣстною аристократіей. Но послѣдній концертъ его, данный 5 ноября 1871 года, былъ такъ неудаченъ въ отношеніи числа посѣтителей, что не покрылъ даже расходовъ на устройство концерта. Это случайное, быть можетъ, равнодушіе публики глубоко оскорбило Монюшко и онъ тогда же сказалъ, что болѣе не дастъ концерта въ Варшавѣ. Черезъ полгода послѣ того, Станиславъ Монюшко скончался отъ разрыва сердца 4 іюня 1872 года пятидесяти трехъ лѣтъ, возвратясь отъ ранней обѣдни, по заведенной имъ привычкѣ бывать ежедневно въ церкви. Слѣдуетъ сказать, что потеря отца его, умершаго въ 1870 г., полная злобы критика его «руководства къ наукѣ гармоніи» въ 1871 году, наконецъ смерть въ маѣ 1872 г. няни, служившей въ семьѣ Монюшко втеченіи тридцати лѣтъ и нянчившей всѣхъ его дѣтей, не говоря уже о неудачномъ послѣднемъ концертѣ, все это сильно потрясло его здоровье и было причиною его преждевременной смерти. Въ заключеніе скажемъ, что похороны Станислава Монюшко, по словамъ французскаго, новѣйшаго его біографа Артура Пужена *) отличались большою торжественностью и служили доказательствомъ того глубокаго уваженія, съ какимъ соотечественники относились къ его таланту, какъ композитора, и къ его характеру, какъ человѣка. Вообще Артура Пужена въ своемъ, довольно краткомъ, очеркѣ съ большою симпатіей говоритъ о композиторскомъ талантѣ Монюшко и упоминаетъ въ своей статьѣ о фактахъ, не вошедшихъ въ книгу польскаго его біографа. Такъ, между прочимъ, упоминая о поѣздкахъ Монюшко заграницу, онъ говоритъ о сближеніи композитора съ Мейерберомъ въ Парижѣ и съ Листомъ въ Веймарѣ; а также приводитъ, какъ фактъ, что, находясь въ 1849 г. въ Петербургѣ, Монюшко удостоился чести исполнить свою кантату «Мильда» въ присутствіи государя наслѣдника и посвятить ее цесаревичу. По словамъ того же французскаго біографа, Монюшко былъ удостоенъ также лестнымъ вниманіемъ покойнаго императора и приглашаемъ во дворецъ для исполненія своихъ произведеній.

Грустно, что твердая увѣренность Монюшко въ обезпеченномъ положеніи своихъ дѣтей, послѣ его смерти, неоправдалась. Изъ десяти его дѣтей, трое умерло въ раннемъ возрастѣ; остались въ живыхъ три сына: Станиславъ, Болеславъ, Иванъ и четыре дечери: Елизавета, Ядвига, Софья и Сесилія. Сколько извѣстно, сироты ничѣмъ не обезпечены въ жизни. Отъ бывшихъ цѣнителей таланта умершаго композитора, конечно, зависитъ облегчить хотя теперь, незавидное положеніе бѣдныхъ дѣтей Станислава Монюшко.

Къ рисункамъ.

Рѣшительная минута въ боѣ быковъ. Арена цирка, гдѣ происходитъ бой быковъ, окружена массой народа. Передъ нами одна изъ ложъ, полная зрителей. Всѣ эти люди, собравшіеся здѣсь, пришли въ неописанное волненіе: дамы отвернулись и закрыли руками свои лица, мужчины перевѣсились черезъ барьеръ или безцеремонно вскарабкались на стулья, чуть не навалились на зрительницъ. Это волненье произведено послѣдней кровавой минутой боя быковъ. На парижской выставкѣ нынѣшняго года эта картина производила сильное впечатлѣніе именно вслѣдствіе своей живости, движенія, правдивости. Групы на ней очень красивы и не лишены комизма.

Лунный свѣтъ. Пейзажъ Шлейха принадлежитъ къ числу крайне эфектныхъ пейзажей: облачное небо, на которомъ проглядываетъ изъ-за тучекъ луна, вода съ прибрежными порослями, озаренная серебристымъ свѣтомъ луны, живописное старое строеніе, выдающееся темнымъ пятномъ, все это замѣчательно написано художникомъ. Смотря на эту картину даже въ гравюрѣ, вы легко поймете ея достоинства, поймете, что она написана рукою мастера.

Передъ клѣткой обезьянъ. Если вамъ удавалось посѣщать тѣ или другіе зоологическіе сады, то вы, конечно, помните, что самая густая толпа собирается у клѣтокъ нашихъ родоначальниковъ—обезьянъ. Эти подвижныя, прихотливыя и веселыя созданія служатъ истинной приманкой для простого народа и дѣтей. Нѣкоторые зрители проводятъ у этихъ клѣтокъ чуть не цѣлые часы, дѣлая свои коментаріи на счетъ движеній граціозныхъ существъ. Именно этотъ моментъ и остановилъ вниманіе нѣмецкаго художника, очень ловко сгрупировавшаго передъ пляской обезьянъ сотни разнообразныхъ зрителей. Вся эта сцена такъ и кажется вѣрной фотографіей съ натуры.

Бланка Наварская. Въ тревожной и полной разныхъ романическихъ эпизодовъ жизни Бланки Наварской былъ моментъ, которымъ и воспользовался художникъ: прелестную властительницу Наваркую берутъ подъ стражу ея враги. Она окружена своей свитой, всѣхъ поразило по своему это событіе и лица этой толпы полны выраженія различныхъ чувствъ. Кромѣ удачной групировки дѣй-

---

*) Сюжетъ оперы «Парія» взятъ изъ драмы, того-же имени, Казиміра Делавиня.

*) Biographie universelle des Musiciens par F. I. Fétis. Supplément et complément, publiés sous la direction d'Arthour Pougin. Tome second. Paris. 1880.

ствующихъ лицъ, картина отличается красивой декоративной обстановкой.

Аларихъ-побѣдитель. Афинскія женщины привѣтствуютъ смѣлаго и дикаго героя, нанесшаго сильный ударъ древнему міру. Герой сурово и спокойно принимаетъ всѣ почести, какъ нѣчто должное ему, заслуженное имъ. Въ картинѣ особенно хорошъ контрастъ между этимъ дикаремъ и этими граціозными представительницами Афинъ.

Знаменоносецъ. Толковать о талантѣ Рембрадта было бы странно. Его «знаменоносецъ» принадлежитъ къ числу тѣхъ мощныхъ фигуръ, создавать которыя былъ такой мастеръ великій художникъ. Рисуя портреты, онъ рисовалъ характеры, полные жизни и правды.

Смѣсь.

— Московскій университетъ. 5 декабря во дворѣ московскаго университета были арестованы 405 студентовъ и препровождены въ пересыльную тюрьму для снятія съ нихъ тамъ допроса. Судя по отрывочнымъ свѣденіямъ, переданнымъ по телеграфу, поводомъ къ этому печальному происшествію послужило слѣдующее. Нѣсколько дней тому назадъ на лекцію професора Зернова вошелъ студентъ Горецкій и, обратившись къ слушателямъ, началъ говорить рѣчь. Послѣ первыхъ же словъ, професоръ остановилъ его и попросилъ оставить аудиторію. Горецкій не послушался професора; тогда г. Зерновъ обратился къ аудиторіи съ заявленіемъ, что онъ намѣренъ продолжать лекцію, но что ему мѣшаютъ. По настоянію студентовъ, г. Горецкій вышелъ, но отправился въ сосѣднюю аудиторію. Тамъ повторилось тоже самое и лекція была прервана. Разобравъ дѣло, правленіе университета постановило: исключить Горецкаго изъ московскаго университета безъ права поступленія въ какой либо другой университетъ, а четверыхъ студентовъ, менѣе виновныхъ, исключить изъ университета на годъ. Это рѣшеніе вызвало толки между студентами. 5 декабря во дворѣ университета собралась сходка студентовъ, которая черезъ выборныхъ, просила ректора университета объясниться съ ними. Ректоръ отказался прибыть на сходку, признавая дѣйствія студентовъ незаконными и поѣхалъ къ генералъ-губернатору, который поручилъ оберъ-полицмейстеру отправиться въ университетъ и предложить студентамъ разойдтись. «Въ началѣ 3-го часа, по словамъ «Рус. Вѣд.», къ воротамъ университета подъѣхалъ оберполицеймейстеръ Козловъ, который черезъ калитку вошелъ во дворъ. Что говорилъ онъ студентамъ—трудно было разслышать. Раздавшіеся въ толпѣ возгласы: «Будьте добры—погромче», «не слышно» даютъ основаніе предполагать, что обращеніе генерала Козлова не было слышно для многихъ изъ стоявшихъ на дворѣ студентовъ. Переговоривъ со студентами минутъ пять, ген. Козловъ уѣхалъ обратно по направленію къ Тверской улицѣ. Пріѣзжалъ генералъ Козловъ, какъ выяснилось потомъ, съ цѣлью уговорить студентовъ идти по домамъ. «Мы хотимъ видѣть ректора» отвѣчали ему близьстоящіе и, когда онъ выйдетъ къ намъ объясниться, мы разойдемся. Около трехъ часовъ къ зданію университета собрались конные жандармы, а также множество городовыхъ. Съ ними прибылъ и генералъ Козловъ. Тутъ находившаяся на дворѣ толпа была окружена и подъ конвоемъ полиціи и жандармовъ выведена со двора. Никѣмъ ни малѣйшаго сопротивленія при этомъ арестѣ оказано не было. Затѣмъ вся эта громадная толпа была поведена подъ строгимъ конвоемъ на окраину города, въ пересылочную тюрьму». Телеграмой отъ 7 декабря сообщено, что всѣ арестованные студенты, за исключеніемъ 5 или 6 человѣкъ, освобождены, по просьбѣ ректора и по приказанію генералъ-губернатора.

— Бенефисъ г. Новикова. Уже вторая пьеса, принадлежащая къ разряду не-заурядныхъ драматическихъ произведеній, проваливается въ Москвѣ и имѣетъ успѣхъ въ Петербургѣ. «Господа избиратели», комедія г. Пальма, конечно, не имѣла того большого успѣха, который выпалъ на долю драмы гг. Островскаго и Соловьева «Свѣтитъ, но не грѣетъ», но все-же она просмотрѣлась съ большимъ интересомъ и автора нѣсколько разъ вызвали. Пьеса г. Пальма, написанная хорошимъ языкомъ, представляетъ собою рядъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе удачныхъ сценъ. 2-е и 4-е дѣйствія положительно хороши; 1-е и 3-е растянуты, а 5-е совершенно лишнее. Если бы драма окончилась 4-мъ дѣйствіемъ, за ней былъ бы обезпеченъ болѣе солидный успѣхъ. Задачей г. Пальма было, какъ кажется, показать, въ какой степени личныя и семейныя отношенія вліяютъ на ходъ нашихъ общественныхъ дѣлъ. Въ одномъ изъ губернскихъ городовъ «воротилы», недовольные городскимъ головой, рѣшили смѣстить его и замѣнить такой личностью, которая бы плясала по ихъ дудкѣ. Главнымъ воротилой въ городѣ оказывается предсѣдатель банка, крупный чиновникъ въ отставкѣ, Ипатьевъ (г. Киселевскій), женихъ разведенной генеральши Половецкой (г-жа Абаринова), въ которую онъ сильно влюбленъ. Эта госпожа предложила выбрать головою Радѣева (г. Сазонова), бывшаго ея любовника, съ которымъ она въ ссорѣ, но не прочь примириться и возобновить съ нимъ амурныя похожденія. Ипатьевъ, разумѣется, согласенъ съ нею, а за нимъ и большинство избирателей, нуждающихся въ учетѣ векселей въ банкѣ. Радѣевъ, наслѣдникъ раззореннаго богатства, удалился изъ общества и живетъ на дачѣ; онъ цѣлый день лежитъ и размышляетъ о поправленіи своихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Радѣевъ—тряпка, безъ характера и воли, но человѣкъ относительно честный: онъ не захочетъ улучшить свое матеріальное положеніе темными путями. Можетъ быть, онъ отъ скуки обратился бы къ вину, какъ дѣлаетъ большинство подобныхъ ему людей, но его спасаетъ случайно натолкнувшееся развлеченіе. По сосѣдству съ нимъ живетъ юная хорошенькая дѣвица (г жа Савина), внучка отставного солдата, кандидата (г. Новиковъ). Молодые люди полюбили другъ друга, вѣрнѣе, полюбила одна Аннснька. Радѣевъ вначалѣ пьесы терзается, что зашелъ съ дѣвушкой слишкомъ далеко, что жениться ему невозможно на ней, по крайней мѣрѣ, до поправленія его обстоятельствъ. Вѣроятно, онъ долго бесѣдовалъ бы съ собою на эту тему, еслибы этой бесѣдѣ не помѣшалъ братъ дѣвушки. офицеръ (г. Каширинъ), потребовавшій отъ него, чтобы онъ категорически рѣшилъ щекотливый вопросъ. Радѣевъ не знаетъ, что ему дѣлать, какъ вдругъ является къ нему мѣстный адвокатъ и литераторъ, сплетникъ, живущій на содержаніи у среднихъ лѣтъ вдовы, человѣкъ, способный на всякую гадость, Швырковъ (г. Петипа), и сообщаетъ ему о рѣшеніи «воротилъ». Радѣевъ, принимая въ соображеніе 6-тысячное жалованье головы, послѣ недолгихъ колебаній, даетъ свое согласіе выступить кандидатомъ. По уходѣ Швыркова онъ задумывается объ Аннинькѣ; ему приходитъ на мысль, что разрывъ съ нею можетъ произвести скандалъ и помѣшать выбору его въ головы и онъ женится на ней. Но вотъ его выбрали; избиратели собираются на завтракъ къ Ипатьеву. До прихода виновника торжества двое изъ главныхъ избирателей: докторъ Семпелевичъ (г. Нильскій) и купецъ Топтыгинъ (г. Варламовъ) толкуютъ съ хозяиномъ о томъ, что новый голова, конечно, будетъ дѣлать только то, что прикажетъ ему онъ, Ипатьевъ. Входитъ Половецкая и начинается пиршество. Половецкая устраиваетъ такъ, что остается наединѣ съ Радѣевымъ. Между ними происходитъ объясненіе—лучшая сцена въ пьесѣ, очень талантливо написанная. Вначалѣ Радѣевъ, разгорячившійся подъ вліяніемъ выпитаго шампанскаго, выражаетъ свое презрѣніе къ этой дамѣ, но подъ конецъ уста ихъ сливаются въ долгомъ поцѣлуѣ; въ эту минуту входитъ Ипатьевъ и, изумленный таковою неожиданностью, роняетъ бокалъ. Понятно, Ипатьевъ становится врагомъ Радѣева. Онъ пустилъ въ ходъ интригу; къ тому же и самъ голова далъ оружіе въ руки своимъ врагамъ. Онъ продаетъ городской думѣ, хотя и не особенно выгодно, домъ свой, а не купчихи Брюхачевой (г-жа Александрова), какъ того желаютъ «воротилы». Брюхачева засылаетъ къ головѣ своего повѣреннаго Швыркова съ предложеніемъ взамѣнъ несостоявшейся покупки ея дома отдать ей чуть не за даромъ часть городского сада. Радѣевъ, возмущенный циничностью Швыркова, выгоняетъ его. Тоже онъ дѣлаетъ и съ купцомъ Топтыгинымъ. Обиженные «воротилы» пускаютъ въ ходъ сплетню и опять-таки Радѣевъ самъ подаетъ къ ней поводъ. Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе влюбляется въ Половецкую и оставляетъ жену. Объ этомъ идетъ говоръ и богатый еврей, Файнъ (г. Вейнбергъ), сынъ концесіонера, начинаетъ ухаживать за женой Радѣева и разсказываетъ ей о связи ея мужа съ Половецкой. Происходитъ объясненіе между супругами, мужъ грубо и неестественно прерываетъ его, вспомнивъ, что ему надо спѣшить на свиданіе съ любовницей. Въ слѣдующемъ, 4-мъ актѣ, на балу у Брюхачевой, происходитъ развязка. Здѣсь Половецкая и Радѣева объясняются между собою и Половецкая убѣждается, что ея соперница вовсе не такая «простушка», какъ она думала. Она говоритъ объ этомъ Радѣеву и, чтобы разсѣяться, приглашаетъ его прокатиться на лошадяхъ Ипатьева. Радѣевъ соглашается и они уѣзжаютъ. Ихъ переговоры подслушали Швырковъ и Семпелевичъ и, конечно, не замедлили сообщить о томъ Ипатьеву. Ихъ совѣщаніе происходило въ присутствіи г-жи Радѣевой, которую они будто бы не замѣчали. Несчастная женщина, убѣдившись окончательно въ измѣнѣ мужа, бѣжитъ домой, какъ была, въ бальномъ платьѣ, съ цѣлію простудиться и умереть. Между гостями, собравшимися на балѣ, проносится слухъ, что Радѣевъ отказывается отъ должности городского головы. На этомъ слѣдовало бы окончить пьесу, но г. Пальму вздумалось присоединить коротенькій 5-й актъ, въ которомъ возвратившійся съ катанья Радѣевъ говоритъ вовсе не нужную рѣчь гостямъ купчихи Брюхачевой, состоящимъ большею частію изъ его избирателей. Здѣсь повторяется сцена изъ «Горя отъ ума». Избиратели, не дослушавъ обличительной рѣчи Радѣева, мало по малу уходятъ изъ комнаты и подъ конецъ ораторъ остается одинъ. Входитъ дѣдъ его жены и сообщаетъ ему, что Аннинька, прибѣжавшая домой въ одномъ бальномъ платьѣ, умираетъ. Занавѣсъ опускается.

Пьеса исполнена гладко и съ ансамблемъ. Справедливость требуетъ сказать, что съ каждой новой пьесой, актеры александринскаго театра играютъ все съ большимъ и большимъ ансамблемъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что для нихъ уже прошла пора халатнаго отношенія къ дѣлу; замѣтно, что актеры изучаютъ роли вполнѣ добросовѣстно. Кто причиной этой перемѣны—режисеръ или сами артисты—мы не знаемъ, можемъ только сказать, что перемѣна разительная. Напримѣръ, еще недавно рецензенты въ одинъ голосъ принуждены были рѣшить, что едва-ли изъ г. Петипа выйдетъ хорошій исполнитель, до того спустя рукава онъ игралъ. А посмотрите, что дѣлаетъ теперь съ своими ролями г. Петипа. Въ комедіи «Господа избиратели» г. Петипа исполнилъ роль положительно лучше всѣхъ остальныхъ, участвовавшихъ въ пьесѣ. Отъ начала до конца онъ игралъ вполнѣ художественно, создалъ типъ. Очень хороша была г-жа Савина въ 4-мъ актѣ, какъ въ объясненіи съ соперницей, такъ и въ своей послѣдней сценѣ. Прочіе акты она провела вяло. Хорошъ былъ также г. Сазоновъ, на долю котораго выпала очень трудная роль и только обладая талантомъ можно было исполнить ее такъ, какъ съигралъ г. Сазоновъ. Каждый изъ прочихъ исполнителей былъ на своемъ мѣстѣ.

Вѣроятно для бенефисной афиши нужно было имя г. Давыдова, ставшаго любимцемъ публики, и для него возобновили «Первый чинъ», г. Трофимова. Можно пожелать одного, чтобы такому талантливому артисту, какъ г. Давыдовъ, на будущее время не давали подобныхъ пустыхъ ролей.

— Ужасное зрѣлище. Нынче осенью посѣтители зоологическаго сада въ Антверпенѣ были сильно напуганы слѣдующимъ ужаснымъ зрѣлищемъ: молодой докторъ, морякъ, большой любитель змѣй, вошелъ въ сопровожденіи сторожа въ клѣтку, гдѣ содержались эти пресмыкающіяся, съ цѣлью облегчить страданія громаднаго удава, у котораго было воспаленіе челюстей. Едва докторъ успѣлъ схватить за голову этого 15-футоваго змѣя, чтобы приложить мазь къ его губамъ, какъ удавъ раскрылъ во всю величину свою зіяющую пасть, зашипѣлъ и началъ обвиваться вокругъ корпуса доктора. Въ это время сторожъ, замѣтя сопротивленіе удава и стремленіе другихъ змѣй, которыя были въ одной клѣткѣ съ удавомъ, придти на помощь къ своему товарищу, испугался и убѣжалъ. Положеніе доктора становилось критическимъ. А между тѣмъ гигантскій змѣй, который могъ-бы помѣряться силою съ бизономъ, продолжалъ стягивать свои гибкія кольца и, казалось, готовъ былъ раздробить ребра несчастнаго доктора, когда этому послѣднему пришла счастливая мысль прекратить борьбу. Почувствовавъ, что голова его свободна, удавъ началъ распускать кольца, при чемъ коснулся своею головой лица и шеи доктора, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда; наконецъ, освободивъ окончательно доктора отъ своихъ смертельныхъ объятій удавъ скрылся въ свое логовище за каменною изгородью.

— Случай въ берлинскомъ домѣ умалишенныхъ. Недавно во время обычной прогулки больныхъ берлинскаго дома умалишенныхъ по саду, прилегающему къ этому дому, одинъ сумасшедшій, большого роста, бывшій прежде извощикомъ, успѣлъ укрыться отъ бдительности сторожей и быстро вскарабкался на вершину высокаго дерева. Онъ нашелъ помѣщеніе очень пріятнымъ и, усѣвшись тамъ, огласилъ воздухъ радостнымъ крикомъ, выдавшимъ мѣстопребываніе бѣглеца. Напрасно убѣждали его спуститься. Безумный отвѣчалъ на всѣ убѣжденія хохотомъ и вооружился для защиты отъ нападенія снизу толстымъ, сломаннымъ имъ, сукомъ дерева. Такъ прошло не мало времени. Потомъ, по настоянію врачей, привезли пожарную трубу, чтобы холодными душами заставить безумца слѣзть на землю. Но все было безполезно. Плотно прижавшись къ древесному стволу, онъ, повидимому, чувствовалъ большое удовольствіе отъ направленной на него толстой струи воды и когда труба послѣ 25 минутъ почти непрерывнаго дѣйствія остановилась, закричалъ сверху: «продолжайте, продолжайте!» Пришлось снова вступить въ переговоры съ сумасшедшимъ, на этотъ разъ въ присутствіи 6 полицейскихъ констеблей, и только черезъ 4 часа безпрестанныхъ убѣжденій и уговариваній онъ согласился сойдти съ дерева, если будутъ аплодировать его подвигу. Предложеніе было принято присутствовавшими и сумасшедшій торжественно слѣзъ на землю при общихъ рукоплесканіяхъ и крикахъ «ура!»

— **Находчивый репортеръ.** Въ «Gaulois» разсказанъ слѣдующій анекдотъ о недавно умершемъ въ Нью-Іоркѣ извѣстномъ американскомъ репортерѣ, Смитѣ. Правительство не согласилось дать ему входнаго билета на похороны генерала Баркера. Нисколько не смущаясь, Смитъ подъ какимъ-то предлогомъ пробрался въ домъ, гдѣ стоялъ покойникъ, влѣзъ на крышу и черезъ трубу спустился въ комнату, гдѣ находился гробъ. Тамъ онъ занялъ мѣсто за пасторомъ, положившимъ на стулъ свою шляпу. Изъ шляпы торчали какія-то бумажки; Смитъ взялъ ихъ и, къ немалой своей радости, увидалъ, что это была рѣчь, которую священникъ намѣревался сказать въ церкви. Сбѣгать въ контору телеграфа и телеграфировать рѣчь въ редакцію было дѣломъ одной минуты. Когда-же священникъ хотѣлъ сказать рѣчь, онъ сталъ искать свертка и, не находя его, принужденъ былъ сказать рѣчь на память. Въ это самое время вышелъ нумеръ газеты съ точнымъ текстомъ рѣчи, присланной газетѣ ловкимъ репортеромъ.

— **Домашній локомотивъ.** Это трехколесный велосипедъ, приводимый въ движеніе сжатымъ воздухомъ; онъ движется вмѣстѣ съ сѣдокомъ со скоростью 25 англійскихъ миль въ часъ. Честь изобрѣтенія принадлежитъ американцамъ. Изобрѣтатель этой любопытной самокатки предлагаетъ устроить въ городахъ и на большихъ дорогахъ станціи, гдѣбы сѣдоки, останавливаясь, могли за небольшую плату запасаться надлежащимъ количествомъ сжатаго воздуха, которымъ снабжается резервуаръ, особо придѣланный съ этой цѣлью къ велосипеду.

— **Фотофонъ.** Въ этомъ видоизмѣненномъ телефонѣ передача голосовыхъ и прочихъ звуковъ, слышимыхъ на дальнемъ разстояніи, совершается при содѣйствіи свѣтовыхъ лучей, извѣстнымъ образомъ примѣняемыхъ къ данному апарату. Дѣйствіе это достигается посредствомъ особаго вещества, селена, химически извлекаемаго изъ купоросной кислоты; оно обладаетъ свойствомъ производимости электрическихъ токовъ, и свойство это пріобрѣтаетъ еще большую силу, когда вещество это подвергается дѣйствію свѣта. При болѣе сильномъ воспріятіи свѣта оно усиливаетъ электрическій токъ и силу притяженія въ телефонѣ; желѣзная пластинка телефона гнется сильнѣе и издаетъ при этомъ звуки; когда вещество это внезапно покрывается тѣнью, то, проходя сквозь телефонъ, оно мгновенно утрачиваетъ часть своего электричества и точно также выражается соотвѣтствующимъ звукомъ. И такъ, быстрое воспріятіе или утрата свѣта вышеназваннымъ веществомъ, дѣйствующимъ въ телефонѣ, производитъ звуки, которыми пользуются для воспроизведенія человѣческаго голоса и музыкальныхъ тоновъ. При этомъ апаратѣ звуки на дальнемъ разстояніи воспроизводятся необыкновенно громко и отчетливо.

— **Маленькое недоразумѣніе.** Во время одной изъ раздачъ ученическихъ наградъ въ Парижѣ произошелъ эпизодъ, комически прервавшій слушаніе неизбѣжной, при подобныхъ церемоніяхъ, скучной и утомительной латинской рѣчи. Когда въ концѣ какого-то длиннаго періода ораторъ привелъ стихъ Виргилія... «manifesto lumine ferri», какой-то слушатель, вѣроятно, не очень сильный въ языкѣ древнихъ римлянъ, быстро вскочилъ съ мѣста и началъ неистово рукоплескать оратору, подумавъ, что дѣло шло о министрѣ народнаго просвѣщенія, Ферри. Раздался взрывъ неудержимаго хохота, въ которомъ приняли дружное участіе собравшаяся публика, ученики и наставники.

— **Молнія въ роли часовыхъ дѣлъ мастера.** По словамъ одной вѣнской газеты, въ октябрѣ разразилась страшная гроза надъ Кранбатомъ и Леобеномъ, въ Австріи. Молнія между прочимъ, ударила въ пасторскій домъ и удалилась изъ него въ четырехъ разныхъ направленіяхъ. Въ одномъ направленіи она спустилась съ крыши по стѣнѣ въ комнату, въ которой находились стѣнные часы, остановившіеся уже болѣе двухъ лѣтъ и неповиновавшіеся искуству часового мастера. Молнія проникла въ самые часы, раскалила цѣпь и весь механизмъ и, снова направившись изъ ящика въ стѣну, ушла въ землю черезъ водопроводную трубу. Неизвѣстно, какая перемѣна произошла въ механизмѣ часовъ, но съ тѣхъ поръ они идутъ превосходно!

— **Вселенское время.** Извѣстно, что суточное теченіе времени на одномъ пунктѣ земного шара не совпадаетъ съ таковымъ-же теченіемъ на другомъ пунктѣ, такъ что каждая данная мѣстность имѣетъ свое «мѣстное время», по которому и обозначаются часы отправки телеграмъ, отхода поѣздовъ, моменты метеорологическихъ наблюденій и проч. Въ послѣднее время возникъ и разрѣшается вопросъ о введеніи «абсолютнаго» или—какъ иначе называютъ — вселенскаго времени взамѣнъ «мѣстныхъ временъ». Введеніе «абсолютнаго времени» объединитъ обозначеніе времени на всемъ земномъ шарѣ, что доставитъ немаловажное практическое удобство такимъ учрежденіямъ, какъ метеорологическія, астрономическія и другія научныя станціи, телеграфы и проч. Поставленный вопросъ по своей связи съ вопросомъ о первомъ меридіанѣ и счетѣ долготъ касается области географической науки. Отдѣленіе математической и физической географіи русскаго географическаго общества на-дняхъ получило отъ генералъ-губернатора Канады двѣ трактующія о данномъ вопросѣ брошюры, изъ которыхъ одна была читана въ канадскомъ институтѣ, и приглашеніе высказать по тому-же вопросу свое мнѣніе. Отдѣленіе въ засѣданіи 21 октября поручило капитану Рыльке изложить въ докладѣ существующій взглядъ русскихъ ученыхъ по вопросу о введеніи абсолютнаго времени.

— **Успѣхи судостроенія.** Въ настоящее время въ верфяхъ Глазгова, въ Англіи, строятся два громадныхъ стальныхъ парохода, заказанные компаніями Кенарда и Гюіона. Эти корабли, одинъ вмѣстимостью въ 7,500 тоннъ, другой въ 6,000 тоннъ, будутъ имѣть машины по 10,000 лошадиныхъ силъ. Ни одно судно, за исключеніемъ Great-Eastern, не можетъ сравниться съ ними величиною. Они будутъ ходить со скоростью 17 миль въ часъ и совершать плаваніе изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ менѣе чѣмъ въ 7 дней, между тѣмъ, какъ теперь на такое путешествіе требуется 9 дней. До сихъ поръ самымъ скорымъ изъ транс-атлантическихъ кораблей считается Аризона, принадлежащій пароходному обществу Гюіонъ. Онъ вмѣщаетъ 5,500 тоннъ и снабженъ машиною въ 6,000 лошадиныхъ силъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Контора Редакціи «Живописнаго обозрѣнія» втеченіи мѣсяца, съ 16 декабря этого года по 15 декабря 1881 года будетъ открыта ежедневно, за исключеніемъ 25 и 26 декабря и 1 января, въ будни съ 10 часовъ утра до 5 часовъ пополудни; въ праздничные дни съ 11 утра до 3 пополудни.

II. Съ 12 декабря начата отправка премій тѣмъ изъ гг. подписчиковъ на 1881 годъ, которые пожелали получить ихъ застрахованной посылкой.

III. Съ 1-го № «Живописнаго Обозрѣнія» 1881 года начнется печатаніе романа Ганьера «Іезуитъ».

ОТЪ КОНТОРЫ. № 49-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 6 декабря въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 8 декабря въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Наша улица, разск. **К. Баранцевича.**—Атта Троль, поэма **Г. Гейне**, перев. **Мих. Шелгунова.** — Своя рубашка ближе къ тѣлу, ром. въ 3 част. **М. Ф. Каменской.**—Леона, зап. докт. **Бернагіуса**, пов. **Люсіена Біара**, перев. **А. А. Разсказовой.**—Стефенъ Митчель, пов. изъ флор. жизни **м-съ Робинзъ.**—Русскія суевѣрія, очерки **С. С. Шашкова.**—Станиславъ Монюшко, ст. **П. В. Га—на.** — Къ рисункамъ. — Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Лунный свѣтъ, карт. **Шлейха.**—Взятіе Бланки Наварской подъ стражу, карт. **Э. Розалеса.** — Аларихъ, привѣтствуемый въ Афинахъ, какъ побѣдитель, карт. **Людвига Тирша.**—Одинъ рисунокъ къ роману «Стефенъ Митчель».—Рѣшительный моментъ въ боѣ быковъ, карт. **И. Аранда.** — Знаменоносецъ, карт. **Рембрандта.**—Передъ клѣткой обезьянъ, карт. **Лульвоса.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

въ 1881 году.

(Годъ пятнадцатый).

«ДѢЛО» будетъ издаваться по той же програмѣ и въ томъ же направленіи какъ оно издавалось втеченіи 14 лѣтъ, при непосредственномъ участіи въ трудахъ редакціи Н. В. Шелгунова. К. М. Станюковича и Н. Ф. Бажина и при постоянномъ участіи всѣхъ сотрудниковъ, имена которыхъ читатели привыкли видѣть на страницахъ журнала.

Форматъ, объемъ и выходъ книжекъ остаются прежнія.

Въ первыхъ нумерахъ «ДѢЛО» между прочимъ будутъ помѣщены: «Эндиміонъ» Биконсфильда въ извлеченіи и полный переводъ новаго романа Альфонса Додэ «Нума» одновременно съ появленіемъ его во Франціи.

Въ виду измѣнившихся условій печати редакціей будетъ обращено особенное вниманіе на обзоръ и оцѣнку явленій внутренней жизни.

Годовое изданіе журнала «ДѢЛО» состоитъ изъ *двѣнадцати* книгъ, отъ 30—32 листовъ каждая, большого формата, что составляетъ въ годъ отъ 360—400 листовъ компактной печати.

Подписная цѣна журналу на годъ:

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ...	16 р.
Съ пересылкой иногороднымъ....	17 р.
» за-границу......	19 р.

Подписка адресуется: въ С.-Петербургъ, въ контору Редакціи журнала «ДѢЛО» — (Надеждинская ул., домъ № 39—5).

НАСТОЛЬНАЯ

ПРИХОДО-РАСХОДНАЯ КНИГА

И

КАЛЕНДАРЬ на 1881 годъ.

годъ двѣнадцатый

Послѣ отчетливо напечатанныхъ святцевъ и особо табельныхъ дней, заключаетъ въ себѣ раздѣленные на графы листки съ заголовками всевозможныхъ предметовъ ежедневнаго расхода, въ которые остается вставлять только цифры. Книга для удобства хозяевъ и хозяекъ приспособлена такъ, что итоги каждаго дня помѣщаются рядомъ одинъ послѣ другаго и тѣмъ даютъ возможность ежедневно провѣрять свои расходы, а въ концѣ листковъ образуются итоги ежемѣсячныхъ расходовъ. По простотѣ изложенія и по практичности своей, книга эта необходима для каждаго желающаго правильно вести свое хозяйство и тѣмъ соблюсти экономію; цѣна 30 к., въ папкѣ 40 к. и въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 70 коп. Съ пересылкою брош. 1 экз. 40к., 6 экз. 2 р. 10к., 10 экз. 3 р. 20 к., на пересылку экз. въ папкѣ и въ переплетѣ прилагается вѣсовыхъ по разстоянію за одинъ фунтъ. Иногороднымъ книгопродавцамъ дѣлается значительная уступка. Адресъ издателя П. А. Александрова: въ Спб., въ зданіи почтамта, возлѣ арки, входъ подъ воротами, кв. № 32. Также продается у книгопродавцевъ Петербурга, въ Москвѣ у Вольфа, Мамонтова и въ бумажныхъ лавкахъ.

САПОНАТЪ,

МЫЛО.

Мыло въ кускахъ и порошкѣ, совершенно безвредное для мытья бѣлья холодною водою, безъ щолока поташа, безъ простаго мыла, безъ кипяченія, не нужно топлива, нѣтъ пара и сырости; можно стирать не только въ комнатахъ, но и на открытомъ воздухѣ; стирка обходится дешевле на половину. Кромѣ стирки бѣлья, «Сапонатъ» превосходно моетъ шелковыя, шерстяныя и другія ткани, сохраняя краски и блескъ. Въ баняхъ, ваннахъ и при умываніи рукъ, лица и головы освѣжаетъ тѣло, мягчитъ кожу и волосы; уничтожаетъ перхоть и накожную сыпь, и незамѣнимъ въ порошкѣ для бритья бороды. Кусокъ для мытья сухого бѣлья 20 к., коробочка порошка 25 к. Опт. прод. въ складѣ товарищества, въ С. Петербургѣ, Коломенская ул., д. № 31, а розничная у гг. Штоль и Шмидтъ; въ рус. общ. аптек. тов. Казанская, ул., № 12, въ аптек. маг. Гертхена, Казанская, № 37. и др. лучшихъ магазинахъ. Торговымъ фирмамъ знач. уступка.

При этомъ нумерѣ разсылается всѣмъ подписчикамъ № 6-й приложенія **«Парижскія моды»**; лицамъ, получающимъ выкройки, разсылается выкройка № 6

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 декабря 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

№ 6-й. С.-Петербургъ. 1880 г.

Не хотите-ли знать, любезныя читательницы, чѣмъ въ настоящую минуту болѣе всего заняты умы парижскаго моднаго свѣта. Вопросъ о томъ, который изъ двухъ враждебныхъ лагерей одержитъ вверхъ, еще не рѣшенъ: горячіе ли защитники трико Джерсей, или же ихъ не менѣе ярые порицатели. Дѣловъ тамъ, что еще никогда кажется, никакой вопросъ о модѣ не обсуждался такъ упорно и такъ оживленно, какъ этотъ. Если защитники трико говорятъ, что для стройнаго стана ничего не можетъ быть граціознѣе облегающаго костюма, такъ явно выдающаго малѣйшіе изгибы бюста, искусно прикрывая наготу его, но не маскируя его прелестныхъ формъ, то противники ихъ сильно возстаютъ противъ нескромности такого рода костюма, находя его неприличнымъ; они не останавливаются на простомъ протестѣ и требуютъ даже изгнанія его законодательнымъ порядкомъ, увѣряя, что онъ долженъ вредно дѣйствовать на общественные нравы. Вопросъ еще не рѣшенъ, такъ какъ многія изъ дамъ, принадлежащихъ къ самому высшему обществу, не испугались порицателей триковый моды и поспѣшили облечься въ злосчастный корсажъ, какъ бы тѣмъ вызывая на бой своихъ враговъ. На одномъ изъ первыхъ оперныхъ представленій въ Парижѣ очень многія изъ красавицъ появились въ корсажахъ изъ трико и строгіе приговоры противъ новой моды значительно смягчились. Кто-же ввелъ эту новую моду, вызвавшую такую ожесточенную полемику между ея защитниками и противниками. Это г-жа Лангтри извѣстная красавица въ Англіи, за свою красоту приглашенная принцемъ Уэльскимъ ко двору. Г-жа Лангтри,

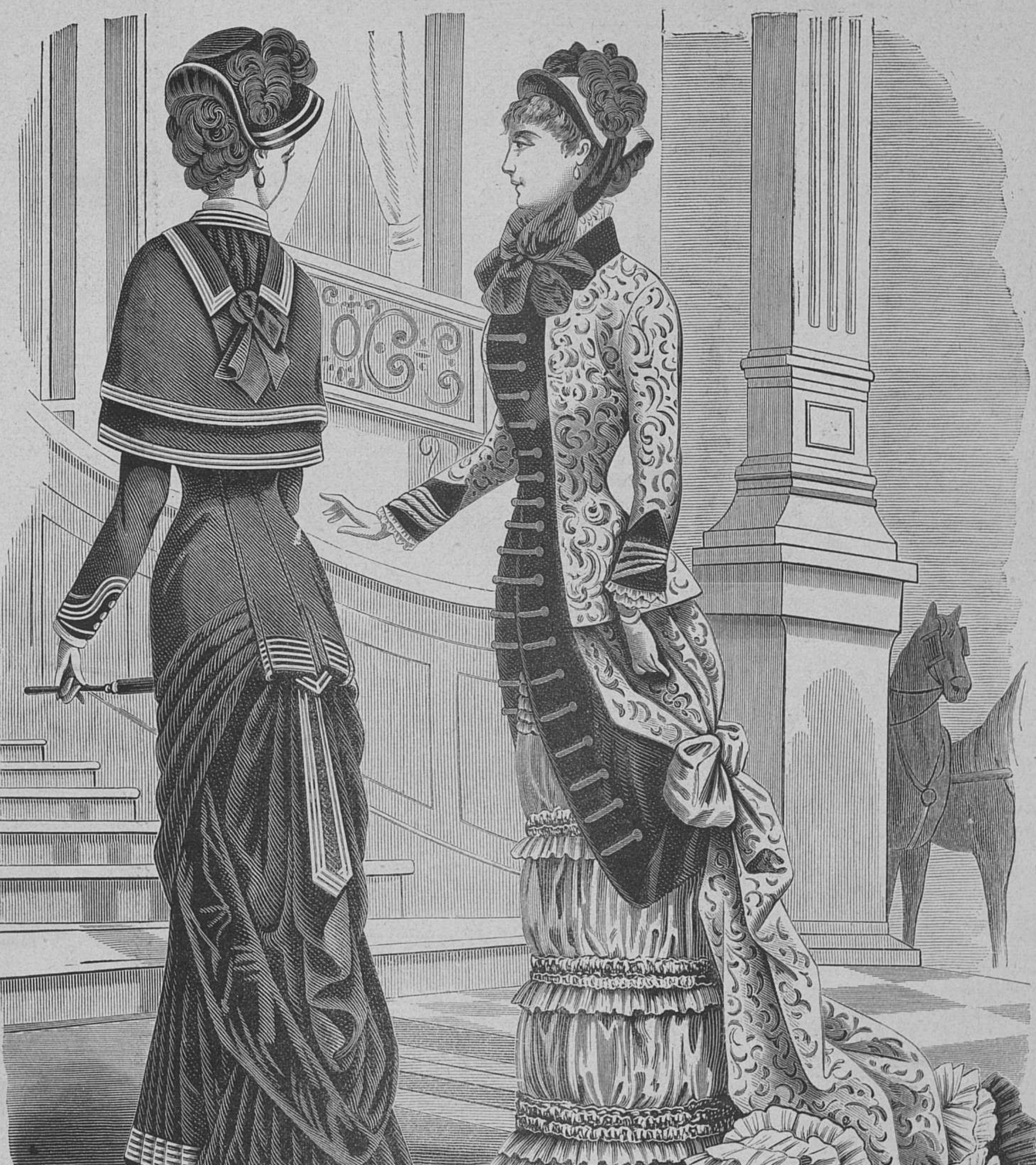


Рис. 1 и 2.

какъ истая англичанка, обладаетъ страстью къ морскимъ прогулкамъ. Однажды, катаясь на яхтѣ, она почувствовала, что прозябла отъ вдругъ поднявшагося свѣжаго вѣтра. Одинъ изъ матросовъ замѣтивъ пробѣжавшую по тѣлу красавицы дрожь и видя, что при ней не было ничего чѣмъ бы она могла укутаться, поспѣшилъ предложить ей свою шерстяную вязанную фуфайку, какъ необходимую принадлежность каждаго рыбака въ Англіи. Г-жѣ Лангтри это показалось очень оригинальнымъ и она бойко натянула на себя рыбачью фуфайку. Размышляя объ оригинальности своего костюма, она рѣшила создать своеобразный новый нарядъ; вскорѣ для нея изготовили невиданный корсажъ, который получилъ названіе трико Джерсей, въ память того, что первая мысль о немъ пришла его изобрѣтательницѣ вблизи этого острова. Другая хроника объясняетъ иначе названіе трико. Извѣстный художникъ Милле, гуляя однажды на островѣ Джерсеѣ, встрѣтилъ г-жу Лангтри; при видѣ ея красоты, онъ остолбѣнелъ отъ восторга, и тутъ-же испросилъ у нея позволеніе сдѣлать ея портретъ, на что получилъ разрѣшеніе. Выставленный портретъ очень скоро возбудилъ всеобщій восторгъ. Художникъ, не желая выставлять имя той красавицы, съ которой снялъ портретъ сдѣлалъ подъ нимъ надпись «джерсейская лилія».

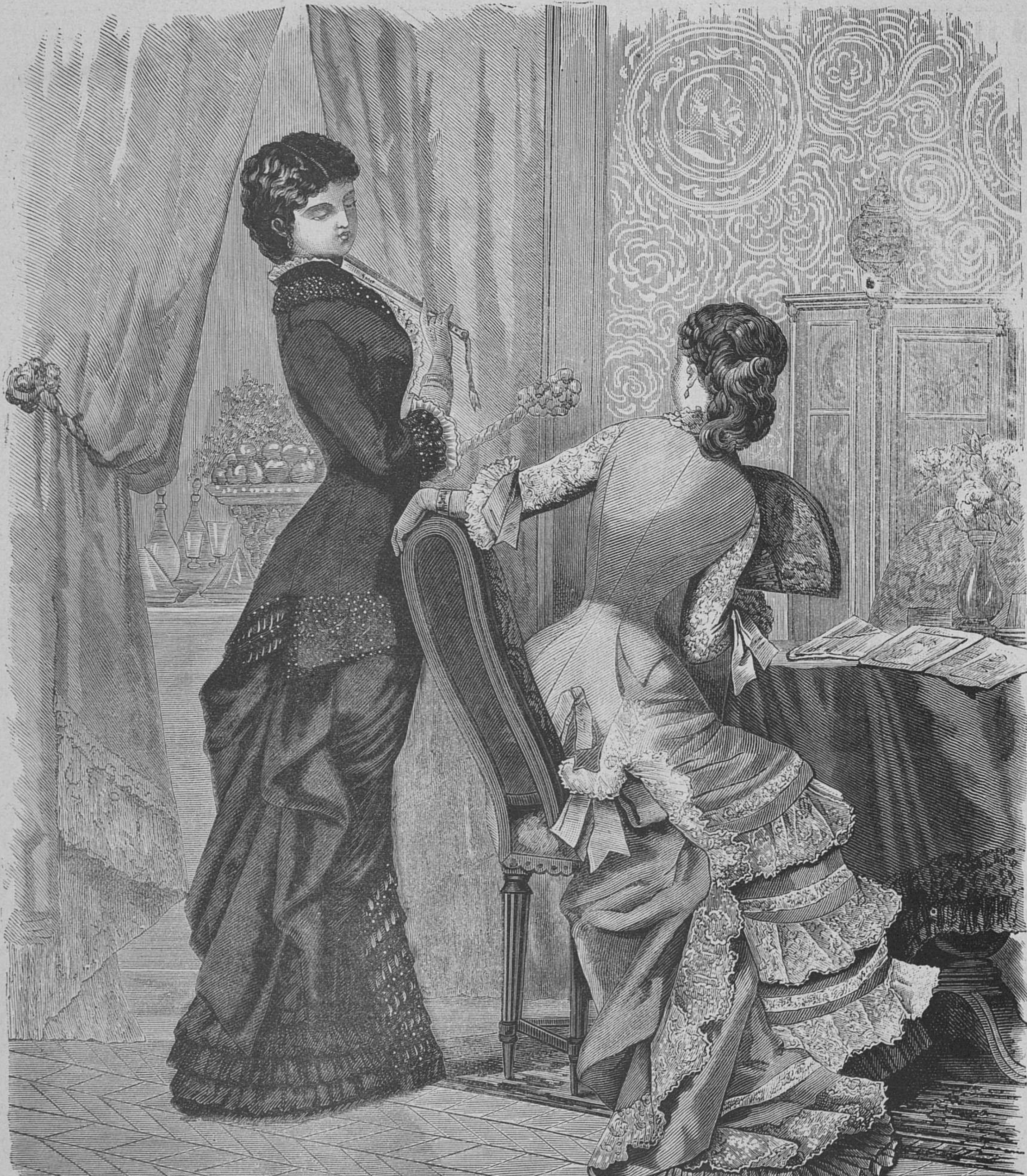


Рис. 3 и 4.

Какъ модная матерія на зимній сезонъ, шелковый плюшъ пріобрѣлъ себѣ первенство; однако не можемъ не предостеречь нашихъ читательницъ, что для особъ полныхъ и невысокаго роста, весь костюмъ изъ плюша не можетъ быть красивъ, такъ какъ матерія уже сама по себѣ придаетъ полноту. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ смѣшивать ее съ атласомъ или бархатомъ, что составитъ вмѣстѣ и богатый и красивый костюмъ. Эта ткань пришлась вдругъ такъ по вкусу парижанкамъ, что изъ нея дѣлаютъ не только утренніе и вечерніе костюмы, но даже большіе отложные воротники, обшитые кружевами или синелевой бахрамой; муфты, ридикюли; дошло до того, что ни одна нарядная гостиная не можетъ болѣе обойдтись безъ того, чтобы хотя какая нибудь часть ея мебели, не была обтянута этой матеріей. Во многихъ гостиныхъ появились маленькіе круглые столики съ двумя ножками на подобіе мольберта; весь столикъ сверху и ножки обтянуты плюшевой матеріей обыкновенно темнаго цвѣта, съ рюшевой атласной отдѣлкой вокругъ верхней доски. Иногда, по желанію, вышиваютъ букетъ золотомъ или разноцвѣтною синелью на доскѣ стола. Еще новость. Вездѣ, гдѣ только представляется возможность, какъ на дамскомъ туалетѣ, такъ и на принадлежностяхъ будуаровъ, вышиваются золотомъ и серебромъ гербы. Мы говорили уже о подобныхъ вышиваньяхъ на шелковыхъ длинныхъ перчаткахъ, при нарядномъ вечернемъ туалетѣ, но этимъ не удовольствовались, и мы видѣли вышитые золотомъ гербы какъ на завязкахъ шляпъ, такъ и на бантахъ на рукавахъ наряднаго туалета. Вообще замѣтна склонность къ вышиванью золотомъ и серебромъ, жаль только, что вышиванье на шелковыхъ лентахъ, не можетъ служить болѣе трехъ-четырехъ разъ, и потому эта роскошь доступна немногимъ. Болѣе практичная и дешевая новость, это окончательное преобладаніе всѣхъ возможныхъ серебряныхъ украшеній, какъ то: серегъ, браслетъ, колье, надъ золотыми. Особенно полюбилось серебряное колье, названное почему-то «русскою цѣпью». Медальоновъ видно менѣе, но часто къ цѣпи пристегивается большой серебряный брелокъ, и тутъ воображенію дана полная свобода, начиная отъ брелока, изображающаго слона и кончая раками. Раки, никогда еще не бывшіе въ модѣ, вдругъ стали часто появляться не только въ видѣ брелокъ, но даже и на лентахъ. Мы видѣли бѣлый кружевной чепчикъ, отдѣланный широкой лентой, на которой вышиты раки.

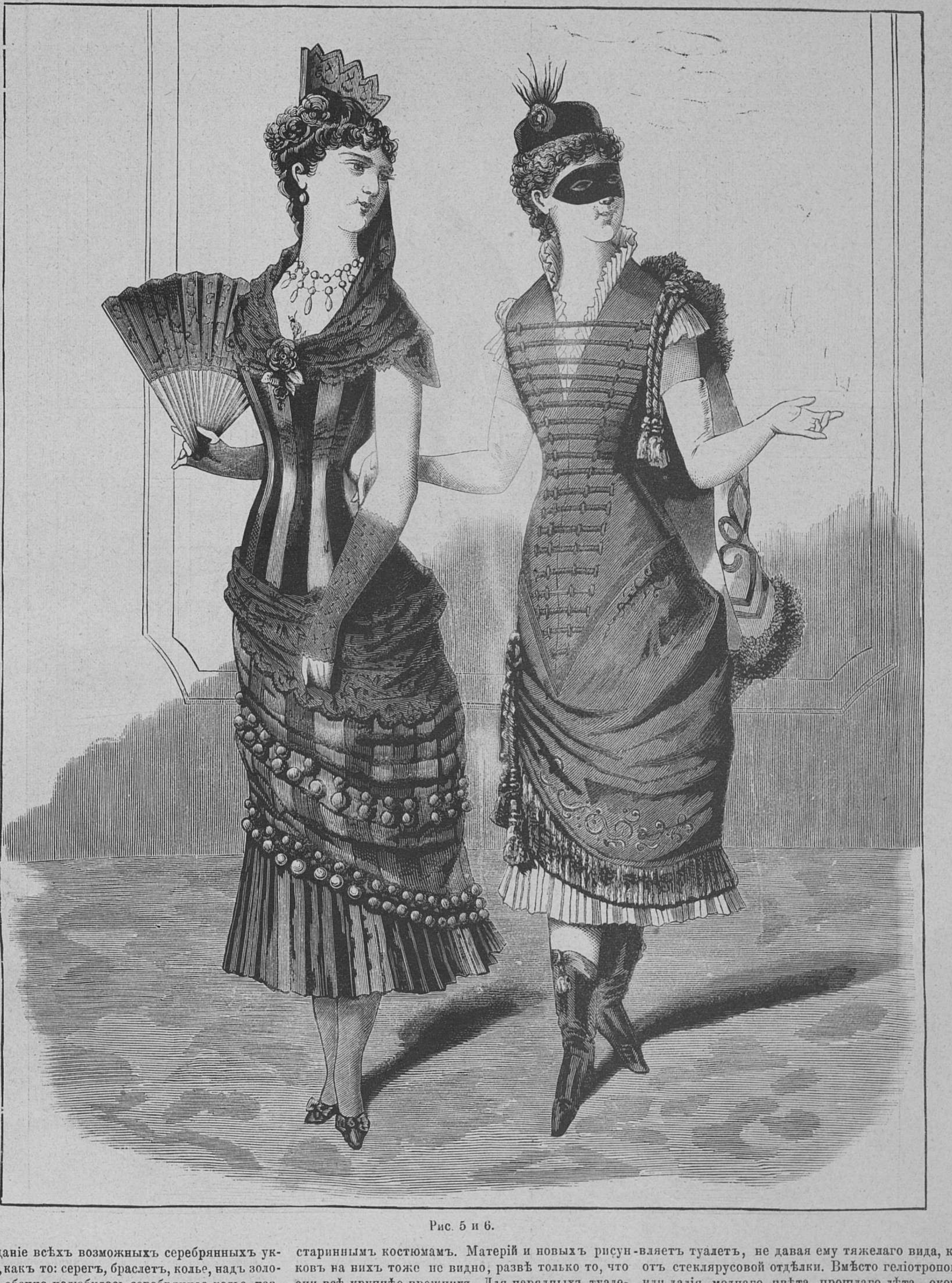


Рис. 5 и 6.

Если спросятъ насъ, какой самый модный фасонъ принятъ на нынѣшній сезонъ, мы будемъ въ большомъ затрудненіи дать положительный отвѣтъ, такъ какъ всякій фасонъ имѣетъ своихъ послѣдовательницъ; ничего же особенно выдающагося мы не замѣтили, кромѣ склонности придерживаться старинным костюмамъ. Матерій и новыхъ рисунковъ на нихъ тоже не видно, развѣ только то, что они всѣ крупнѣе прежнихъ. Для нарядныхъ туалетовъ все еще преобладаетъ атласъ брокаръ съ непремѣнной плюшевой отдѣлкой; для ежедневнаго или утренняго костюма тонкіе драпы или кашемиры съ отдѣлкой, большею частью того же цвѣта, изъ тисненаго бархата или плюша. Какъ отдѣлка на нарядныхъ платьяхъ, стеклярусъ почти единственная гарнитура; даже бѣлыя легкія платья почти сплошь спереди отдѣланы бѣлымъ стеклярусомъ аграмантомъ, кистями, бахромой, даже старинные кружева, какъ point d'Alencon или Malines, окаймляются нѣсколькими рядами стекляруса, отчего вообще туалетъ имѣетъ блестящій, но тяжелый видъ. Для молодыхъ дѣвицъ—легкое платье, окаймленное кружевами, по которымъ сдѣланы вышивки, тонкой разноцвѣтной синелью или серебряной ниткой, что оживляетъ туалетъ, не давая ему тяжелаго вида, какъ отъ стеклярусовой отдѣлки. Вмѣсто геліотроповаго или далія моднаго цвѣта прошлаго лѣта, окончательный перевѣсъ взяли ярко-голубой, названный bleu du lac, или зеленый, начиная отъ vert de gris до совершенно темнаго.

О шляпахъ нечего сказать, новаго ничего нѣтъ, а при громадныхъ размѣрахъ ихъ трудно предполагать, чтобы онѣ могли еще расшириться. Кромѣ

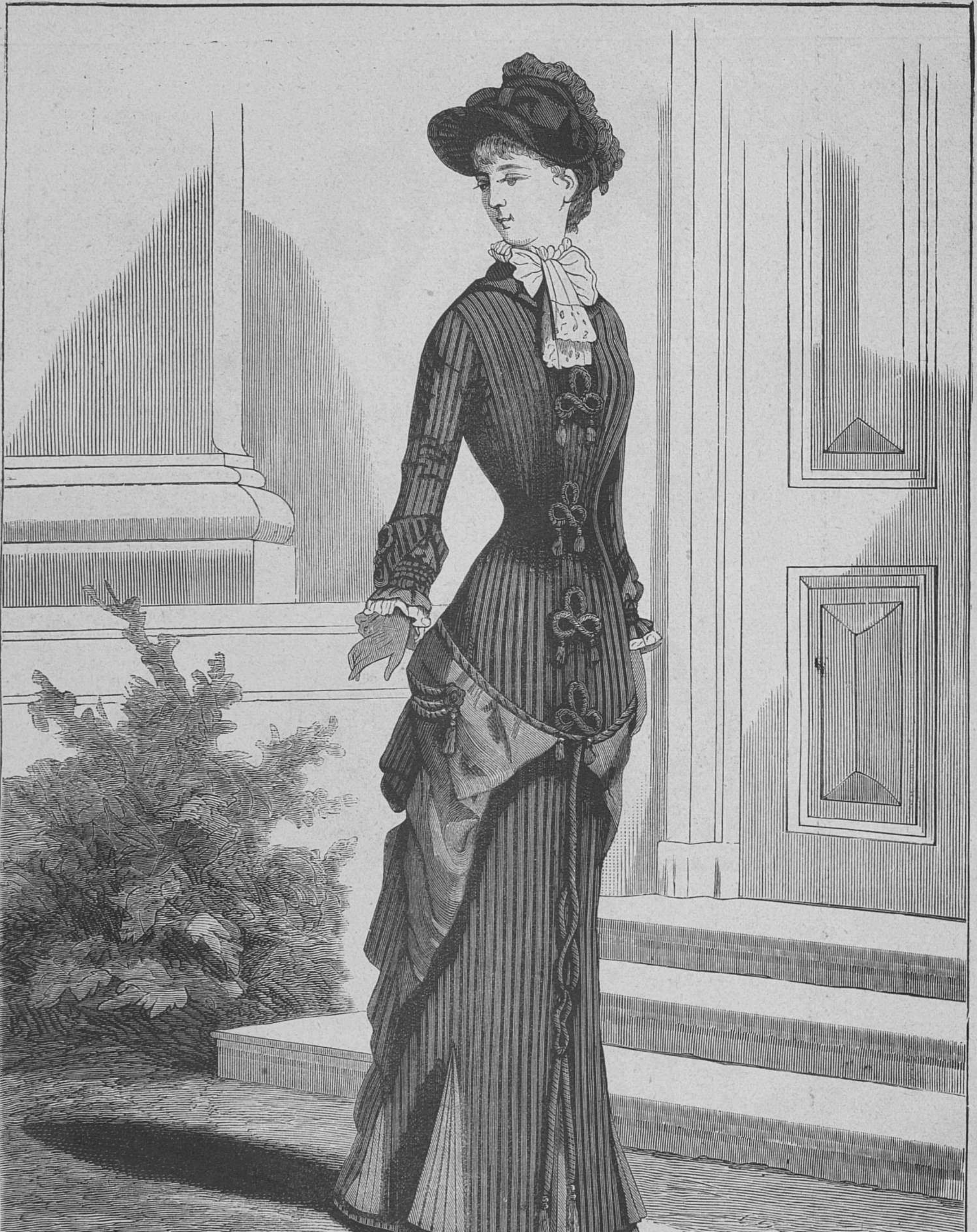


Рис. 9.

прежде описанныхъ нами отдѣлокъ изъ всевозможныхъ фантастическихъ животныхъ, даже мѣховыхъ тигровыхъ лапъ съ золоченными когтями, въ послѣднее время появились плюшевые шляпы, вмѣсто отдѣлки съ одной птичкой натуральной величины, высеребренной. Въ дѣтскихъ нарядахъ никакихъ перемѣнъ не замѣтно; по прежнему кашемиръ, фуляръ и сюра составляютъ основаніе дѣтскаго туалета; для верхней теплой одежды въ ходу муссъ или пушистый драпъ; дѣлаютъ также плюшевую верхнюю одежду и для дѣтей, но костюмъ изъ этой пушистой матеріи придаетъ имъ видъ медвѣжатъ.

Приближеніе рождественскихъ праздниковъ, столь любезныхъ дѣтямъ, напомнило намъ оригинальную идею одной извѣстной парижской портнихи, которая, желая доставить возможность матерямъ съ небольшими затратами повеселить своихъ дѣтей, придумала сдѣлать оригинальные полные костюмы на дѣтскій возрастъ изъ разноцвѣтной блестящей бумаги на кисеѣ, но такъ искусно, чтобы ребенокъ могъ надѣвать костюмъ, не опасаясь разорвать его, ззтѣмъ оставалось ему только надѣть подходящую маску. Какихъ только костюмовъ тамъ не было, всѣ національности и типы, кромѣ того не забыты были птицы, насѣкомые, даже звѣри. Затѣя портнихи увѣнчалась успѣхомъ; дѣти, наряжаясь въ эти незатѣйливые костюмы, не боясь испортить ихъ, отъ души веселились, и не разъ, а нѣсколько, такъ какъ молодое поколѣніе не стѣснялось обмѣниваться костюмами. Идея намъ кажется очень хорошей, и мы съ удовольсвіемъ слышали, что и у насъ нашлась послѣдовательница ея; это истинная находка для нашихъ дѣтей въ такое время, когда каждый туалетъ, самый незатѣйливый, стоитъ дорого. Съ 15 декабря откроется выставка подобныхъ костюмовъ, въ единственномъ въ Петербургѣ «Магазинѣ парижскихъ моделей», на Невскомъ проспектѣ, въ д. № 75 (2), кварт. № 5; тамъ можно будетъ заказать по мѣркѣ и возрасту всевозможные костюмы за весьма скромную цѣну отъ 3-хъ до 5 рублей. И иногороднія могутъ воспользоваться этой удачной новостью, выславъ предварительно мѣрку ребенка съ обозначеніемъ желаемаго маскараднаго костюма. Смѣемъ надѣется, что по нашему указанію не одно дѣтское сердечко забьется отъ радости, при видѣ своего рождественскаго подарка. Здѣсь же заботливыя матери могутъ пріобрѣсти для своихъ взрослыхъ дочерей полезный подарокъ: это еще небывалой дешевизны машинка для плисэ, до того легкая и удобная, что на ней можетъ работать даже 10 лѣтній ребенокъ. Эта машинка стоитъ всего 4 рубля.

Описаніе модныхъ рисунковъ.

Рис. 1. Костюмъ для визитовъ изъ тонкаго синяго сукна или индійскаго кашемира. Полудлинная юбка вся заложена широкими складками, имѣя надъ рубцомъ отдѣлку изъ 5 серебряныхъ галуновъ. Полонезъ-кираса съ очень длинными и прилегающими басками; коротенькій передникъ, драпированный и подобранный 6-ю складками подъ postillon. Оба боковые куска полонеза образуютъ округленный трэнъ, легко подбирающійся подъ postillon, который тоже обшитъ серебрянными галунами. Двойной камаль-реверы и прямой воротникъ, подбитые синимъ атласомъ, обшиты галунами. Длинные узкіе рукава съ атласной отдѣлкой и галунами. Плюшевая синяя шляпа съ полями и bavolet изъ атласнаго бульоне тоже обшитая серебряннымъ галуномъ; туфъ изъ блѣдноголубыхъ перьевъ прикрѣпленъ съ боку.

Рис. 2. Нарядный туалетъ, который въ тоже самое время можетъ служить и для вечернихъ выѣздовъ. Передъ юбки изъ атласа цвѣта газели съ 3-мя высокими бульоне, перехваченными 3-мя кулисами, оканчивается плисерованнымъ воланомъ, изъ подъ перваго бульоне снизу юбки выходятъ 3 волана, 2 атласные газель, а 3-й у подола изъ атласа цвѣта naccarat. Большой трэнъ изъ матеріи броше, цвѣта газель схваченъ сзади большимъ атласнымъ бантомъ naccarat. Этотъ трэнъ, подобно переду, отдѣланъ 3-мя атласными плисэ, изъ которыхъ 2 газель, а 3-й naccarat спадаютъ на кружевную balayeuse. Длинная атласная naccarat жилетка гарнирована золотыми шнурками, оканчивающимися золотыми желудями. Корсажъ изъ броше съ полудлинными басками, открытъ сверху до низу надъ жилеткой. Воротникъ прямой, отдѣлка на рукавахъ изъ naccarat атласа, драпри изъ газель атласа. Свѣтлая плюшевая шляпа съ naccarat перьями и отдѣлкой. Подобный туалетъ былъ на графинѣ Галифе въ день свадьбы дочери извѣстнаго писателя Александра Дюма сына' вышедшей замужъ за брата графини.

Рис. 3. Обѣденный туалетъ изъ атласа merveilleux далія. Круглая юбка обшита вокругъ двумя сборчатыми воланами и однимъ плисэ. Передникъ, кромѣ этой отдѣлки, еще гарнированъ плисэ въ видѣ стрѣлы, образуя киль, который заложенъ шарфомъ, положеннымъ спереди вкось и оканчивающимся красивой бахромой съ бубенчиками. Полотнище кокилье спускается на правой сторонѣ. Корсажъ-баска, скругленная спереди, имѣетъ сзади фасонъ полонеза. Вся баска окаймлена вышивкой изъ металическихъ бусъ. Спинка образуется изъ граціозно-драпированнаго пуфа, который внизу таліи обшитъ бахрамой въ 2 ряда. Атласный воротникъ вышитъ бусами обшитъ бахрамой. Богатый кружевной жабо спускается вдоль всего корсажа; на рукавахъ такія же тройныя кружевныя отдѣлки.

Рис. 4 Туалетъ изъ крепа цвѣта шампанскаго съ широкими валансьенскими кружевами. Юбка круглая

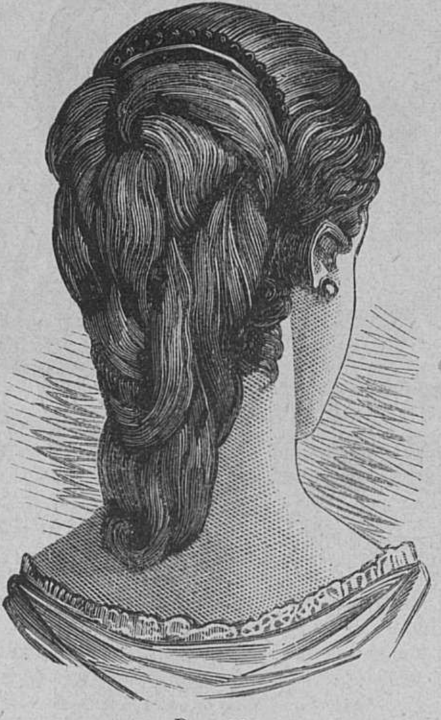


Рис. 11.

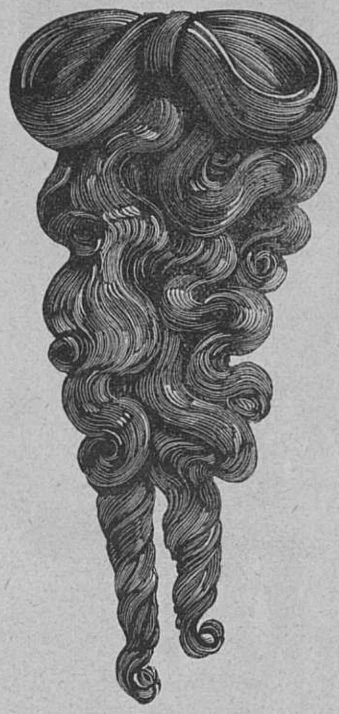


Рис. 12.

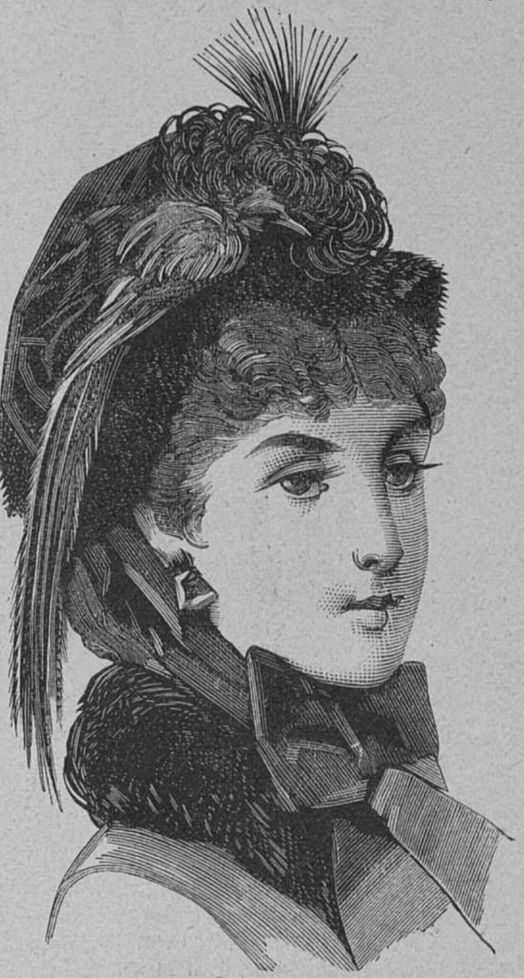


Рис 16.

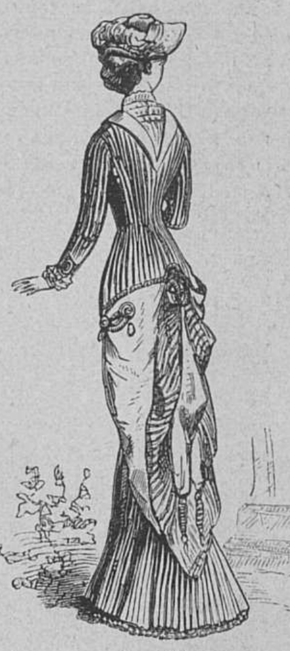
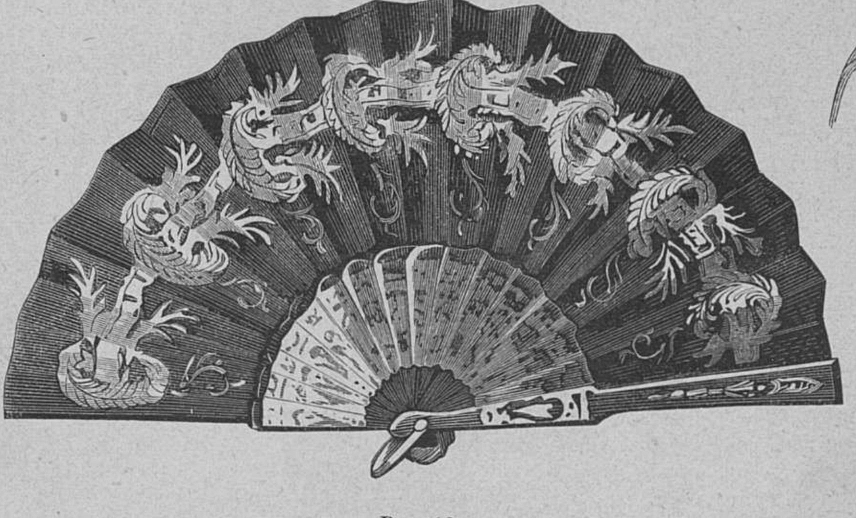


Рис. 10.


Гис. 13.

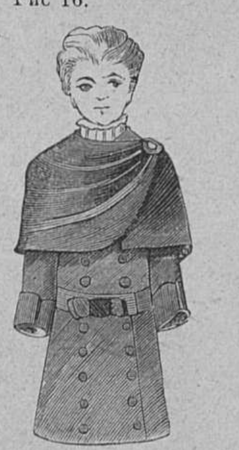
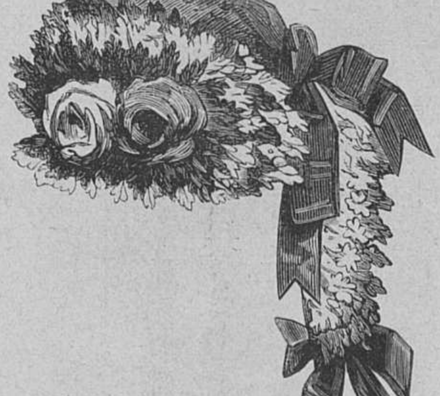
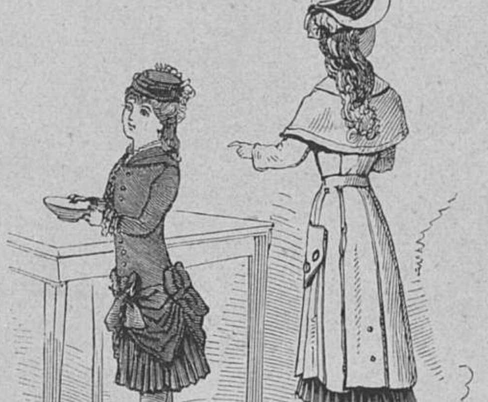


Рис 15.


Сис. 19.


Гис. 28 и 29.

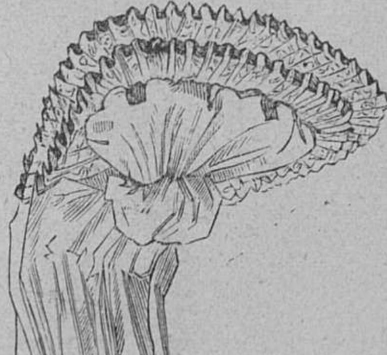


Рис. 14.

обшита креповымъ плисэ, на которое спадаетъ кружевной воланъ съ прошивкою. Широкій креповый передникъ, перемѣшанный прошивками и кружевнымъ воланомъ, драпированъ спереди платья; задъ тюника состоитъ изъ одного полотнища, драпированнаго въ видѣ спадающаго мѣшка и весь обшитъ прошивками и кружевами. Креповый корсажъ; спереда открыты шалью, отдѣланы богатымъ кружевнымъ кокилье, доходящимъ до мыса баски. Задній бочекъ сшивается со спинкой только до таліи, откуда онъ расходится, а спинка образуетъ такимъ образомъ отдѣльную баску, которая обшита кружевами и отдѣлана висячими атласными бантами. Прозрачные рукава изъ шелковаго тюля, съ отдѣлкой изъ атласныхъ лентъ. Костюмы (Рис. 3 и 4) показаны съ другой стороны на рис. 23 и 24-мъ.

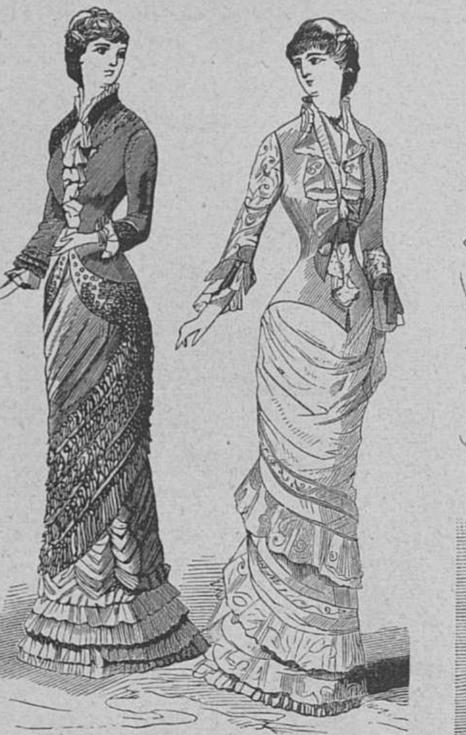


Рис. 23 и 24.

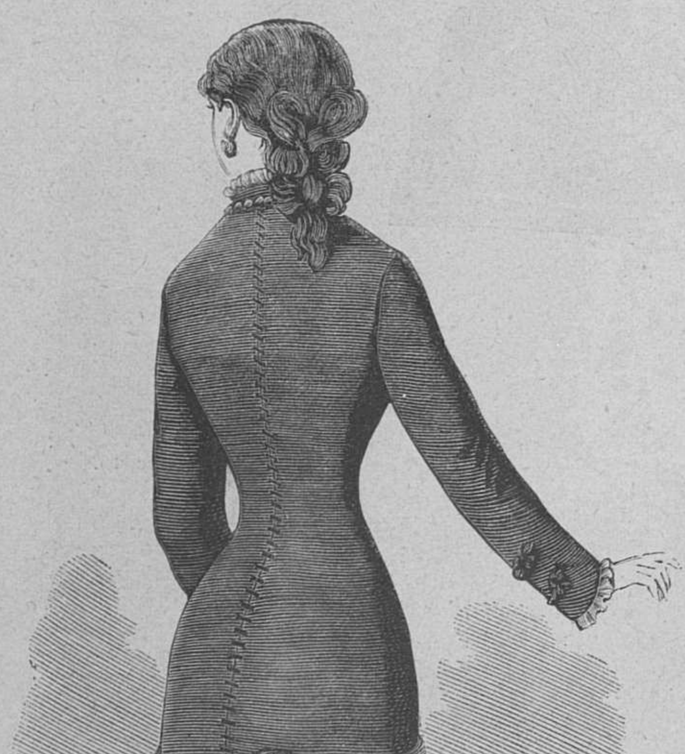


Рис. 17.

Рис. 5 и 6. Маскарадные костюмы. 1) Севильскій костюмъ изъ пунцоваго, чернаго и желтаго атласа съ испанской черной блондой. Коротенькая черная атласная юбка отдѣлана высокимъ плисэ изъ пунцоваго и чернаго атласа въ перемежку. Коротенькая юбка изъ полосатаго атласа образуетъ маленькій пуфъ сзади. Эта вторая юбка прикрѣплена къ первой и гарнирована бахромой изъ желтыхъ шелковыхъ шариковъ. Кираса полосатая, черная съ желтымъ; се можно по желанію застегивать сзади или спереди, только надо обратить особеннсе вниманіе, чтобы полосы имѣли правильное разстояніе между собою, а потому при изготовленіи корсажа необходимо съуживать постепенно у таліи обѣ цвѣтныя полосы. Маленькій желтый атласный рукавчикъ въ видѣ эполета. Блондовый шарфъ, выходящій изъ подъ корсажа, зивязанъ сзади на правой сторонѣ. Блондовая мантилья, наброшенная на волосы, образуетъ родъ косынки на плечахъ. Испанскій высокій гребень и гранатовые цвѣты въ головѣ; такіе же цвѣты на корсажѣ. Шелковые пунцовые чулки и черныя атласныя туфли

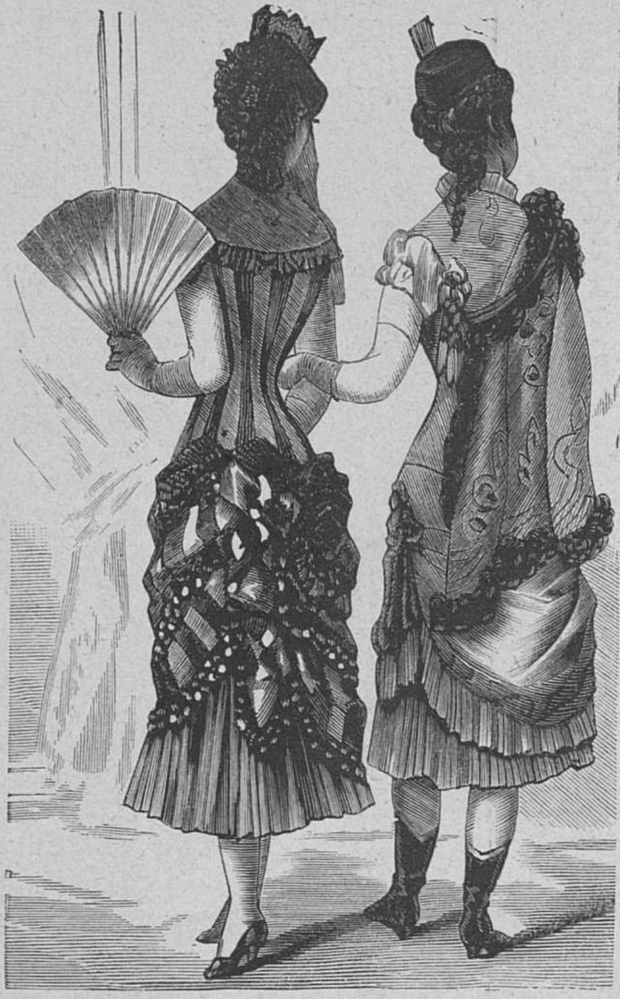


Рис. 7 и 8.

2) Венгерскій костюмъ, изъ блѣдно-голубого и свѣтло-синяго атласа. Голубая юбка съ плисэрованнымъ воланомъ, другая коротенькая юбка, синяя, совершенно круглая и подобранная съ правой стороны подъ золотымъ аграфомъ; на юбкѣ золотая вышивка и бахрома. Венгерскій длинный корсажъ съ острыми мысами спереди и сзади. Передъ застегивается потайными застежками и гарнированъ золотыми шнурками, застегивающимися на лѣвой сторонѣ. Спинка съ круглымъ бочкомъ съ золотой вышивкой у ворота и на мысѣ внизу. Доломанъ блѣдно-голубой, атласный, обшитъ мѣхомъ, подбитъ бѣлымъ атласомъ и отдѣланъ золотыми шнурками. Этотъ доломанъ виситъ наискось сзади, и прихваченъ на плечахъ золотыми шнурками. Доломанъ состоитъ изъ 3-хъ кусковъ: спинки со швомъ, обозначаемымъ только прямыми передками и прямымъ широкимъ рукавомъ съ разрѣзомъ до локтя. Коротенькій буфный рукавъ у кирасы съ обшивкой изъ крепъ-лисъ, тоже и у ворота. Венгерская мѣховая шапочка съ золотой эгретой. Парикъ изъ коротенькихъ локоновъ. Шелковые чулки тѣлеснаго цвѣта; мягкіе лайковые мужскіе сапожки съ золотымъ шнуркомъ и кистію. Задъ обѣихъ костюмовъ показанъ на рис. 7 и 8. Для домашняго дѣтскаго маскарада шелковыя дорогія ткани можно замѣнить шерстяными или болѣе дешевыми, а блонды чернымъ тюлемъ съ мушками.

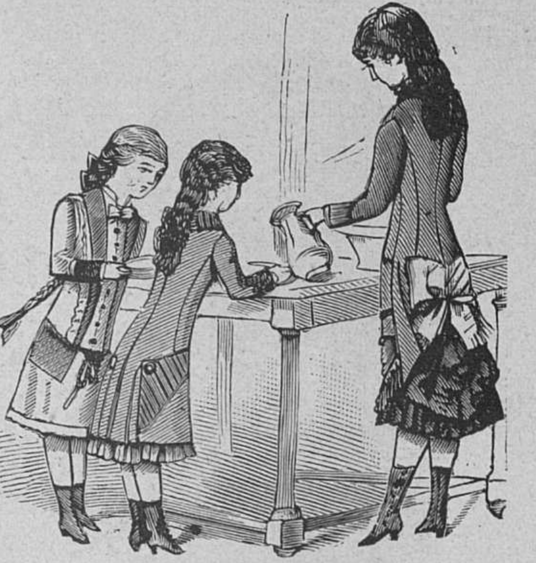


Рис. 30. 31 и 32.

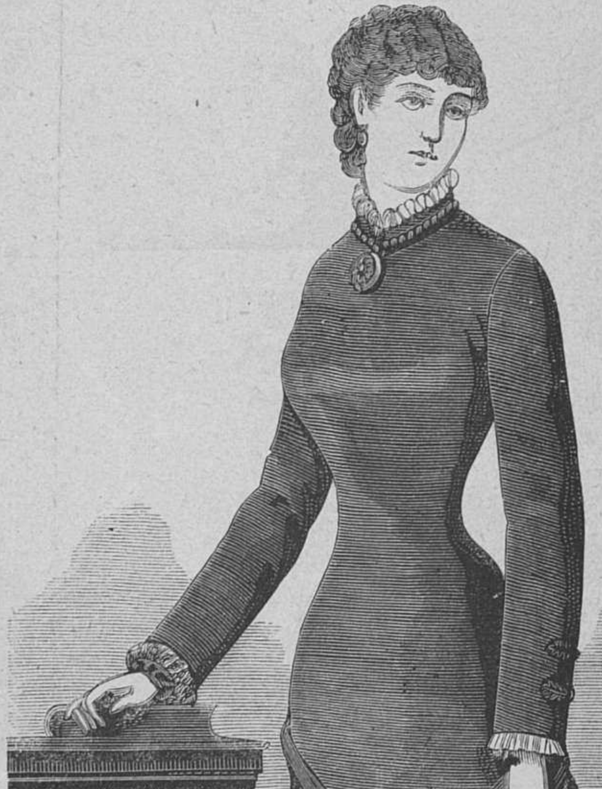


Рис. 18.

Рис. 9 и 10. Передъ и задъ. Парядный утренній туалетъ изъ темно-зеленаго плюша или полосатаго бархата и атласа того же цвѣта. Юбка прямая плюшевая съ нѣсколькими разрѣзами внизу, изъ подъ которыхъ виднѣются суфле изъ мелко-сложеннаго атласа, нашитыя на гладкую кисею. Полонезъ плюшевый. Передъ застегнутъ ниже таліи, потомъ отвернутъ къ верху широкими реверами, сходящимися сзади, подбитыми атласомъ и обшитыми богатымъ шелковымъ шнуркомъ. Задъ принсесъ нѣсколько драпированъ на юбкѣ; 2 атласные конца выходятъ въ серединѣ; богатая басонная отдѣлка украшаетъ передъ корсажа; эта отдѣлка кромѣ того нашивается у кармановъ, на реверахъ съ боку. Нѣсколько кулисъ и 2 атласные ревера спускаются на спину, образуя видъ капюша. Отдѣлка на рукавахъ состоитъ изъ собраннаго атласа и двухъ плюшевыхъ реверовъ, прихваченныхъ басонной отдѣлкой. Плюшевая шляпа сзади приподнята и подбита сборчатнымъ атласомъ. Атласные банты съ страусовыми перьями того же цвѣта.

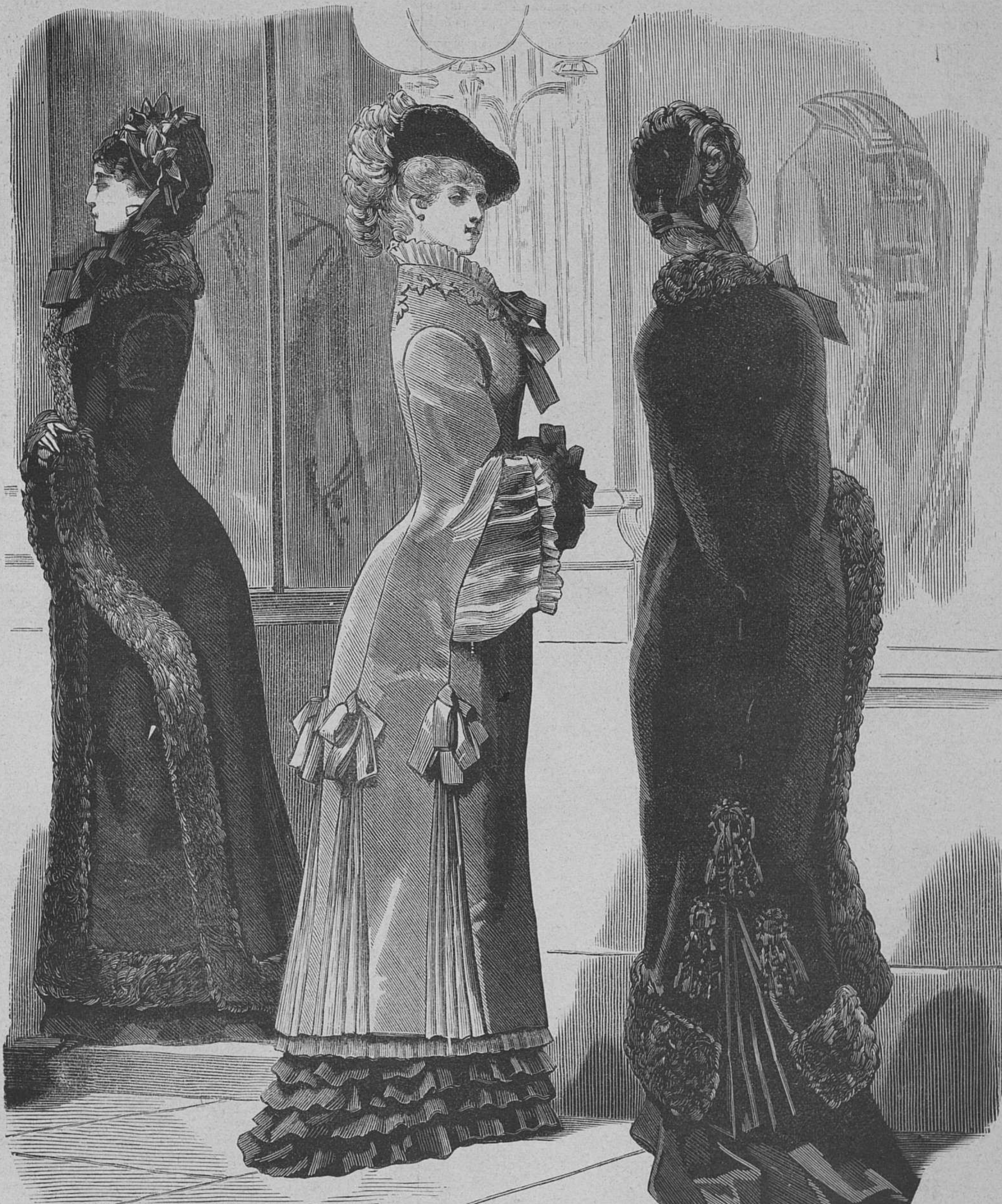


Рис. 20, 21 и 22.

Рис. 11 и 12. Двѣ вечернія нарядныя прически для молодыхъ особъ.

Рис. 13. Черный атласный вѣеръ, вышитый золотыми пальмами для баловъ.

Рис. 14. Приставной шлейфъ на кисеѣ схваченъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на подобіе вѣера. Этотъ шлейфъ, пристегиваясь на пуговицахъ, очень удобенъ тѣмъ, что изъ короткаго утренняго платья, образуетъ длинный вечерній туалетъ.

Рис. 15. Манто Estudiantino для мальчиковъ и дѣвочекъ; это родъ испанской тальмы съ тою разницей, что онъ внизу облегаетъ талію съ поясомъ, и съ перелиномъ на правый передній конецъ, который кроится длиннымъ мысомъ, подобраннымъ складками на лѣвомъ плечѣ и застегивается серебрянной или стальной бляхой.

Рис. 16. Шляпа маджіаре. Плюшевая съ красивой райской птичкой, выходящей изъ туфа перьевъ, и черной эгреткой.

Рис. 17 и 18. Трико Джерсей, задъ и передъ, изъ шерстяной или шелковой вязанной ткани, такъ эластична, что вытягивается какъ чулокъ. Застегивается на пуговицахъ сзади. Для нарядныхъ выѣздовъ вышивается стеклярусомъ или стальнымъ бисеромъ, вырѣзается сердцеобразно спереди; укороченные рукава обшиваются кружевной рюшью. Необходимъ шарфъ-тюникъ, прикрывающій окончаніе сюрко, иначе оно имѣетъ видъ обыкновенной фуфайки.

Рис. 19. Куафюръ для пожилой дамы изъ кружева, лентъ и цвѣтовъ.

Рис. 20. Мантилья Merovingienne изъ плюша лутръ съ бобровой обшивкой. Переда прямые съ большой вырѣзкой для рукава. Очень широкій рукавъ образуетъ задній бочекъ. Спинка обыкновеннаго покроя подбита атласомъ червоннаго золота Плюшевая шляпа съ вѣнкомъ изъ птичекъ золотистаго цвѣта съ коричневыми мушками.

Рис. 21. Манто Papillonne изъ индѣйскаго кашемира орѣховаго цвѣта на легкой ватѣ. Внизу 5 заднихъ и боковыхъ кутюровъ вшито широкое атласное плисэ того же цвѣта; вокругъ всего манто самое узенькое атласное плисэ. Рукавъ весь изъ сборчатаго атласа. Вмѣсто воротника фишю изъ стекляруса. Шляпа Монпансье синяя фетровая съ длиннымъ перомъ ярко-огненнаго цвѣта.

Рис. 22. Накидка Merveilleuse изъ лютра, съ выемкой на спинѣ. Рукавъ скроенъ вмѣстѣ со спинкой, спадаетъ прямо на передъ. Широкая лютровая отдѣлка; внизу спины положена отдѣлка вѣерообразно изъ атласа того же цвѣта съ 3-мя синелевыми аграфами. Шляпа лютровая отдѣлана перьями.

Дѣтскіе костюмы.

Рис. 23. Костюмъ для 8-лѣтней дѣвочки изъ бишъ кашемира. Полу-длинный казакъ, оканчивающійся широкимъ плисэ. Передa съ одной выточкой. 4 куска, скроенные косынкой, образуютъ драпри вокругъ всего корсажа; они находятъ одинъ на другой и соединяются пунцовыми атласными бантами. Капюшъ скроенъ изъ одного куска и подбитъ пунцовымъ атласомъ; острые концы каждой драпри украшены пунцовой кистью. Рукавъ длинный съ атласной отдѣлкой. На головѣ фетровый токъ съ отдѣлкой изъ страусовыхъ перьевъ и съ крылышкомъ. Этотъ самый костюмъ, сдѣланный изъ голубой или розовой тафты съ кисейнымъ плисэ и драпри, можетъ служить для вечерняго нарядного костюма; стоитъ только взамѣнъ капюша сдѣлать кисейный воротникъ-перелинъ съ прошивкой и кружевами, и воротъ спереди вырѣзать карэ съ полудлинными рукавами.

Выкройка этого дѣтскаго костюма приложена при настоящемъ нумерѣ; она состоитъ изъ 7 кусковъ: 1) передокъ корсажа, 2) бочка отъ спинки, 3) спинка, 4) рукавъ, 5) капюшъ съ обозначеніемъ дырочками, гдѣ онъ долженъ отворачиваться, 6) передній драпри съ одной вырѣзкой для указанія, гдѣ пришивается къ таліи, съ 3-мя дырочками на томъ мѣстѣ, гдѣ пришивается кисть, и съ дырочкой на каждой складкѣ, гдѣ долженъ быть сдѣланъ сгибъ складки, и 7) задній драпри съ 2-мя вырѣзками, для указанія какая сторона пришивается къ корсажу. Юбки не дается, такъ какъ она состоитъ изъ прямыхъ полотнищъ, заложенныхъ широкими складками, и дѣлается судя по росту ребенка.

Рис. 24. Манто-резервистъ для 12-лѣтней дѣвочки. Передa двубортные съ двумя рядами пуговицъ; немного ниже таліи бока скруглены, чтобы лучше обозначались бедра, нижняя часть очень широко прямо скроена, и заложена широкимъ высокимъ плисэ. Спинка образуетъ три глубокія складки, перехваченныя поясомъ вокругъ таліи. Перелинъ изъ одного куска съ выточкой на плечѣ. Отложной воротникъ у ворота. На бокахъ 4-хъугольные карманы. Рукавъ со сборкой на локтѣ. Шляпа плюшевая лютръ съ бархатной отдѣлкой того же цвѣта.

Рис. 25. Костюмъ для 6-лѣтняго ребенка, фланелевый блѣдноголубой. Передки съ однимъ рядомъ пуговицъ, имѣютъ реверъ атласный съ кружевами, начиная съ таліи. Спинка изъ одного куска легко собрана ниже таліи внутренними кулисами, поверхъ которыхъ положена прямо широкая атласная лента, завязанная поясомъ спереди. Рукавъ отдѣланъ атласной драпри.

Рис. 26. Костюмъ для 8-лѣтней дѣвочки изъ легкаго сѣраго драпа съ бархатной темносиней отдѣлкой. Драповая юбка съ широкимъ плисэ. Передки скрещены и застегнуты однимъ рядомъ пуговицъ. Спинка безъ боковъ оканчивается 2-мя глубокими наружными складками подъ талію. 2 большіе бархатные реверы положены на бокахъ, равно и воротникъ и отдѣлка на рукавахъ бархатныя.

Рис. 27. Костюмъ 11-лѣтней дѣвочки, изъ драпа тибетъ темнозеленаго цвѣта. Юбка гарнирована плисерованнымъ воланомъ и драпирована передникомъ, оканчивающимся крученой бахрамой. Корсажъ спереди прямой жакетъ, отдѣланъ 2-мя 4-хъугольными пано, положенными одинъ надъ другимъ внизу корсажа. Спинка фасона принсесъ подобрана пуфомъ, съ атласнымъ реверомъ съ обѣихъ сторонъ передника. Рукавъ отдѣланъ атласнымъ плисэ.

Всѣ эти дѣтскіе костюмы съ другой стороны показаны на рис. 28, 29, 30, 31 и 32.

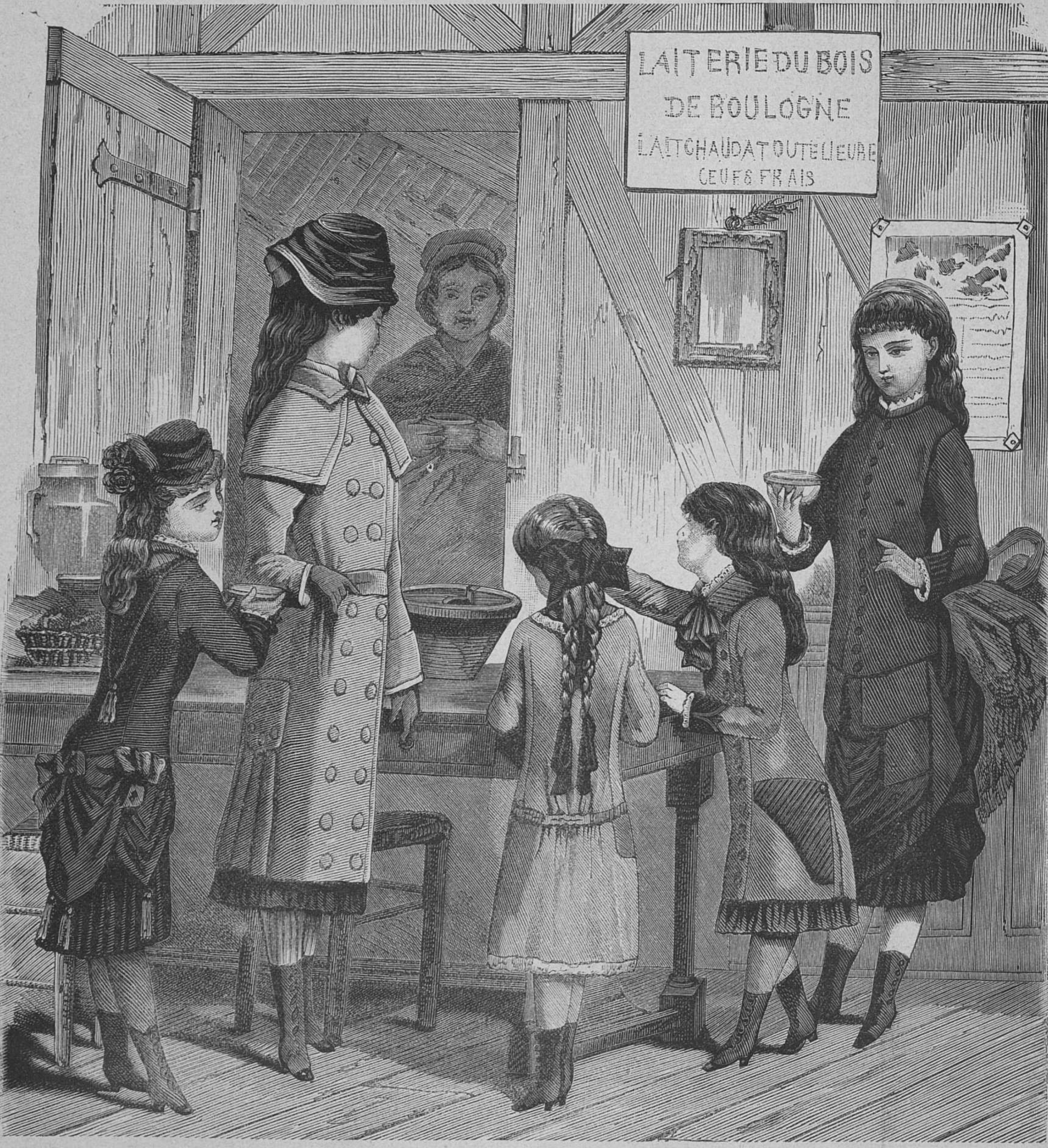


Рис. 23, 24 25,26 и 27.

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 декабря 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 51. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 20 Декабря 1880 г.

Атта Троль.

Поэма Г. Гейне.

Переводъ **Мих. Шелунова.**

(*Продолженіе.*)

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Между всѣми, какъ трилистникъ,
Выдавались красотою
Три фигуры; не забыть мнѣ
Этихъ чудныхъ женскихъ ликовъ.

Полумѣсяцъ въ волосахъ
Сразу первую открылъ мнѣ;
Гордо, какъ статуя, мчалась
Всемогущая богиня.

Приподнятая туника
Открывала грудь и плечи,
Нѣжно льнулъ къ нагому тѣлу
Свѣтъ луны и блескъ огней.

И лицо, какъ мраморъ, бѣло
И безжизненно, какъ мраморъ.
Эта мертвенность и блѣдность
Строгихъ чертъ была ужасна.

Но въ глазахъ богини черныхъ
Пламя страшное сверкало,
Пламя нѣжное и злое,
Страхъ и нѣгу возбуждая.

Какъ Діана измѣнилась,
Та, что въ дѣвственности гордой
Разъ оленя-Актеона
Псамъ дала на растерзанье!

Знать теперь она тотъ грѣхъ
Въ этомъ обществѣ галантномъ
Искупаетъ, ѣздя ночью
Безпріютнымъ привидѣньемъ

Хоть и поздно, но тѣмъ жарче
Въ ней проснулось сладострастье,
И оно въ ея глазахъ
Адскимъ пламенемъ сверкаетъ.

Наверстать она ту пору,
Гдѣ красивѣй были люди,
Хочетъ: качество замѣнитъ
Ей количество теперь.

Съ ней красавица скакала;
Хоть не гречески красивы
Всѣ черты ея, но прелесть
Дщери кельтовъ въ нихъ сіяла.

Я ее—Абунда фея
То была—узнать могъ сразу
По ея улыбкѣ милой
И веселости сердечной.

Ликъ, цвѣтущій и красивый,
Какъ на грезовой картинѣ,
Ротикъ сердцемъ, пріоткрытый,
И зубки бѣлѣй жемчужинъ.

Въ голубой ночной рубашкѣ,
Приподнявшейся отъ вѣтра,
Тамъ была она, я въ лучшихъ
Грезахъ плечъ такихъ не видѣлъ.

Я чуть-чуть не соскочилъ
Изъ окошка къ ней въ объятья,
Это вышло-бъ неловко,—
Только шею я свернулъ бы.

А она бы засмѣялась,
Если-бъ я, окровавленный,
Въ пропасть палъ къ ея ногамъ:
Ахъ, я смѣхъ подобный знаю.

А послѣдняя изъ трехъ
Тѣхъ красавицъ, взволновавшихъ
Такъ тебя, чертовкой тоже
Не была-ль, какъ двѣ другія?

Ангелъ это или дьяволъ,
Былъ, не знаю я, нельзя
Никогда узнать у женщинъ,
Гдѣ граничитъ ангелъ съ чортомъ.

На лицѣ съ больнымъ румянцемъ
Отпечатокъ чаръ востока,
А одежды и каменья,
Какъ въ арабскихъ сказкахъ, пышны.

Нѣжный ротикъ, какъ граната,
Носикъ вздернутый лилейный,
И весь станъ такъ строенъ, сочепъ,
Какъ у пальмы оазиса.

На конѣ она высокомъ
Бѣломъ ѣхала, держали
За уздечку золотую
По бокамъ его два мавра.

Да, была она княгиней,
Королевой Іудеи,
Чудной Ирода женою,
Порѣшившей смерть пророка.

Вотъ за этотъ грѣхъ кровавый
Проклята она и должно
Ей съ охотой дикой ѣздить
По ночамъ до дня суда.

У нея въ рукахъ по всюду
Съ головой пророка блюдо
И она главу цѣлуетъ,
Да, цѣлуетъ съ пыломъ страсти.

Іоаннъ любимъ былъ ею,—
Въ книгахъ нѣтъ того священныхъ,
Но живетъ въ народѣ сказка
О любви ея кровавой.

Объяснить иначе трудно
Прихоть этой милой дамы,—
Нужно-ль женщинѣ главу
Нелюбимаго ей мужа?

Зло она, предавъ пророка
Казни, съ милымъ поступила,
Но когда главу на блюдѣ
Дорогую увидала,

То сошла съ ума отъ горя
И скончалася безумной
Отъ любви. (О, плеоназмъ,
Вѣдь любовь и есть безумье.)

По ночамъ она, охотясь,
Какъ сказалъ я, ѣздитъ всюду
Съ головой окровавленной,
Но изъ женскаго каприза

Эту голову она
То бросаетъ вверхъ, смѣяся,
Какъ дитя, то вновь рукою
Ловитъ голову, какъ мячикъ.

Проѣзжая мимо, мнѣ
Головой она кивнула
Такъ кокетливо и нѣжно,
Что я весь затрепеталъ.

Трижды поѣздъ проносился,
Трижды съ ласковой улыбкой
Мнѣ кивало, проѣзжая,
Это милое созданье.

И когда ужь поѣздъ скрылся
Изъ очей и шумъ умолкъ,
Все въ мечтахъ моихъ носился
Этотъ ласковый привѣтъ.

Напролетъ всю ночь проерзалъ
Я усталый на соломѣ,
Вѣдь перинъ пуховыхъ, мягкихъ
У Ураки не имѣлось.

Думалъ я: что можетъ значить
Сей таинственный кивокъ?
Ты зачѣмъ взглянула нѣжно
На меня, Иродіада?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Солнце всходитъ. Золотыя
Стрѣлы прыщутъ изъ за тучекъ,
Разсыпаясь свѣтлымъ блескомъ
И краснѣя, какъ въ крови.

Наконецъ побѣда. День
Появляется съ тріумфомъ
Въ лучезарномъ блескѣ славы
Надъ хребтомъ горы высокой.

Громкій хоръ пѣвцовъ пернатыхъ
Въ скрытыхъ гнѣздахъ раздается
И душисто пахнутъ травы,
Какъ въ концертѣ благовоній.

Съ солнцемъ самымъ раннимъ утромъ
Мы спустилися въ долину

И пока ходилъ Ласкаро
Слѣдъ отыскивать медвѣжій,

Я убить стараюсь время
Размышленьями. Но думать
Подъ конецъ я утомился
И немножко мнѣ взгрустнулось.

Наконецъ усталый, блѣдный
На дерновую скамью я
Сѣлъ подъ ясенемъ вѣтвистымъ,
Подъ которымъ ручеекъ

Пробѣгалъ. Чудеснымъ плескомъ
Такъ чудесно одуренье
Онъ навѣялъ на меня,
Что я думать былъ не въ силахъ.

Дикой страстью былъ охваченъ,
Какъ ко сну, къ безумью, къ смерти,
Я по всадницамъ прекраснымъ,
Мною видѣннымъ въ охотѣ.

О, скажите, гдѣ вы скрылись
И живете гдѣ вы днемъ,
Ночи чудныя созданья,
Устрашенныя зарею?

Подъ развалинами храма,
Говорятъ, въ Романьѣ гдѣ-то
Отъ Христа Діана скрылась,
Днемъ царящаго надъ миромъ.

Только въ мракѣ полуночи
Выходить она дерзаетъ
И въ языческомъ кругу
Забавляется охотой.

И красавица Абунда
Не выноситъ назореевъ
И весь день она проводитъ
Въ безопасномъ Авалунѣ.

Далеко лежитъ тотъ островъ
Въ тихомъ морѣ романтизма
И его достигнуть можно
На одномъ конѣ крылатомъ.

Никогда не броситъ якорь
Тамъ забота, тамъ не знаютъ
Ни филистеровъ, пропахшихъ
Табакомъ, ни ихъ судовъ.

Никогда не раздается
Тамъ трезвонъ глухой и скучный,
Этотъ феямъ ненавистный
Грустный благовѣстъ церковный.

Тамъ въ немолкнущемъ весельи,
Вѣчной юностью блистая,
Фея милая царитъ,
Бѣлокурая Абунда.

Тамъ, смѣясь, она гуляетъ
Межь геліотроповъ гордыхъ
Съ свитой рыцарей болтливыхъ,
Отказавшихся отъ свѣта.

Гдѣ же ты, Иродіада,
О, скажи мнѣ? Ахъ, я знаю!
Ты мертва, лежишь въ могилѣ
Ты вблизи Іерусалима.

Днемъ холоднымъ, мертвымъ сномъ
Спишь ты въ мраморной гробницѣ,
Но тебя въ полуночь будятъ
Свистъ плетей, ату и крики.

И летишь ты съ дикимъ войскомъ
За Діаной и Абундой,
За веселою охотой,
Ненавидящей Христа.

Что за избранный кружокъ!
Если-бъ могъ я съ вами ѣздить
По лѣсамъ! Съ тобой я рядомъ
Все бы былъ, Иродіада!

Больше всѣхъ тебя люблю я!
Больше той богини грековъ,
Больше сѣверной той феи
Я люблю тебя еврейка.

Да, люблю тебя! Сказалъ мнѣ
Это сердца сладкій трепетъ.
Полюби меня, отдайся
Мнѣ, краса Иродіада.

Право, рыцарь я совсѣмъ
По тебѣ. Я не смущаюсь,
Что проклятой умерла ты—
Нѣтъ во мнѣ предубѣжденій.

Я порой не знаю даже,
Мертвъ-ли я, но дѣло стало
За блаженствомъ, или жизни
До сихъ поръ принадлежу я.

Разрѣши мнѣ быть съ тобою,
Быть твоимъ «слугой покорнымъ»,
Все снесу я: и капризы,
И твой плащъ, куда прикажешь.

Еженощно буду ѣздить
Въ дикомъ войскѣ я съ тобою,
Будемъ мы шутить, смѣяться
Надъ моей безумной рѣчью.

Буду ночью развлекать
Я тебя, но днемъ веселье
Улетитъ и я, рыдая,
На твою могилу сяду.

Да, съ рыданіемъ сижу я
Днемъ на насыпи могильной,
На возлюбленной гробницѣ
У воротъ Іерусалима.

Старики евреи, идя
Мимо, думаютъ, что плачу
Я надъ храморазрушеньемъ
И былымъ Іерусалима.

Глава двадцать первая.

Мы, злосчастные бѣдняги
Современнаго покроя,
По горамъ пѣшкомъ блуждаемъ,
Уподобясь аргонавтамъ

И ища руно,—простую
Шкуру стараго медвѣдя.
Ахъ класическій поэтъ
Пѣснью насъ не обезсмертитъ.

Но и намъ знакомы бѣды,
Да какія. Что за страшный
Дождь хватилъ насъ на вершинѣ,
Гдѣ ни дерева, ни дрожекъ.

Вдругъ изъ тучъ, нависшихъ хмуро,
Хлынулъ дождь, какъ изъ ведра.
Ужь, конечно, не купался
Такъ Язонъ, плывя въ Колхиду.

Зонтикъ, зонтикъ! Тридцать шесть
Королей я дамъ охотно
За одинъ единый зонтикъ!
Такъ, измокнувъ весь, взывалъ я.

Утомясь до смерти, злые,
Словно мокрыя собаки,
Добрались мы поздней ночью
По горѣ въ избушку вѣдьмы.

Предъ горящимъ очагомъ
Мопса толстаго чесала
Тамъ Урака, но съ приходомъ
Нашимъ тотчасъ отпустила,

Чтобъ теперь заняться нами.
Мнѣ постель она постлала,
Развязала эспадрильи,
Неудобнѣйшую обувь,

Помогла раздѣться, брюки
Сволокла съ меня, прилипли
Крѣпко такъ они къ ногамъ,
Словно дружба дурака.

Шлафрокъ! Тридцать шесть отдамъ я
Королей за шлафрокъ теплый!
Восклицалъ я такъ и шелъ
Паръ отъ взмокнувшей рубашки.

Постоявъ, стуча зубами
И дрожа, передъ очагомъ,
Повалился я въ солому,
Опьяненный теплотою.

Я не могъ заснуть. На вѣдьму
Я глядѣлъ. Она сидѣла
У камина и держала
Обнаженный корпусъ сына

На колѣняхъ у себя.
Въ сторонѣ на заднихъ лапахъ
Толстый мопсъ стоялъ и банку
Онъ держалъ искусно въ лапахъ.

Мазью красною изъ этой
Банки мазала Урака
Грудь, бока и ребра сына,
Лихорадочно, поспѣшно.

А во время натиранья
Въ носъ мурлыкала она
Пѣсню; странный трескъ камина
Прерывалъ ее порою.

Сынъ лежалъ, какъ трупъ костлявый,
Желтый, на колѣняхъ вѣдьмы;
Съ блѣдныхъ глазъ, открытыхъ страшно,
Скукой вѣяло и смертью.

Не мертвецъ ли онъ и есть
И ему Урака ночью
Изъ любви втираетъ жизнь
Чародѣйственною мазью?

Въ лихорадочномъ и странномъ
Полуснѣ лежу я! Члены,
Какъ свинцовые, а умъ
Возбужденъ и страшно ясенъ.

Какъ меня измучилъ запахъ
Разныхъ травъ. Старался съ болью
Вспомнить я, гдѣ запахъ этотъ
Уже слышалъ я, но тщетно.

Жутко мнѣ. Въ каминѣ вѣтеръ
Завываетъ, словно стоны
Бѣдныхъ высушенныхъ душъ—
Голоса мнѣ ихъ знакомы.

Но всего терзали больше
Птичьи чучелы меня,
Что на полкахъ надъ постелью
Въ головахъ моихъ стояли.

Страшно медленно водили
Они крыльями и клювы
Наклоняли надо мною.
Съ носъ людской длина тѣхъ клювовъ.

Гдѣ ужь я носы такіе
Видѣлъ? Въ Гамбургѣ на рынкѣ
Или въ Франкфуртѣ? Припомнить
Я мучительно стараюсь.

Наконецъ, совсѣмъ осилилъ
Сонъ меня и вмѣсто бреда
При безсонницѣ заснулъ я
Сномъ и крѣпкимъ, и здоровымъ.

Снилось мнѣ, лачуга эта
Стала сразу бальной залой,
Подпертой колоннъ рядами
И залитою огнями.

Изъ Robert le Diable монахинь
Нечестивѣйшіе танцы
Въ ней игралъ оркестръ незримый;
Я ходилъ одинъ по залѣ.

Наконецъ, широко двери
Распахнулись и вошли
Шагомъ медленнымъ и важнымъ
Удивительные гости.

Привидѣнья и медвѣди!
Да, подъ ручку съ привидѣньемъ,

Облаченнымъ въ бѣлый саванъ,
Шелъ медвѣдь на заднихъ лапахъ.

Такъ то парами по залѣ
Всѣ вальсировать пустились.
Прекомичная картина!
Мнѣ и жутко, и смѣшно.

Вѣдь неловкимъ медвѣдямъ
Поспѣвать претрудно было
За воздушными тѣнями,
Легкимъ мчавшимися вихремъ.

Увлекались безпощадно
Наши бѣдные медвѣди
И басы оркестра даже
Заглушались ихъ сопѣньемъ.

А порой, при столкновеньи
Пары съ парой, привидѣнью,
Съ нимъ столкнувшемуся, лапой
Въ задъ давалъ медвѣдь пинка.

А порою, тоже въ танцѣ,
Кавалеръ срывалъ неловкій
Съ головы у дамы саванъ,
Обнажая голый черепъ.

Наконецъ, загрохотали
Трубы, бубны и кимвалы,
Загремѣли барабаны
И начался галопадъ.

Я конца его не видѣлъ,
Такъ какъ мнѣ медвѣдь неловкій
На мозоли наступилъ.
Громко вскрикнувъ, я проснулся.

Глава двадцать вторая.

Той порой, пока во снѣ я
Видѣлъ сонъ глупѣйшій,—видѣлъ
Медвѣдей и привидѣнья,
Перемѣшанные чудно,—

Фебъ въ своихъ лучистыхъ дрожкахъ,
Подгоняя четверню,
Ужь проѣхалъ половину
Своего пути по небу.

Уже въ полдень я проснулся
И увидѣлъ, что одинъ я.
И Ласкаро, и хозяйка
Рано вышли на охоту.

А въ лачугѣ оставался
Только мопсъ. У очага
Онъ стоялъ передъ кострюлей
И держалъ онъ ложку въ лапахъ.

Пріученъ онъ былъ, какъ видно,
Если супъ перекипалъ,
Опускать въ кострюлю ложку
И снимать проворно накипь.

Самъ я, что ли, очарованъ?
Иль въ горячечномъ бреду
Голова моя? Да, мопсъ
Говоритъ—ушамъ не вѣрю.

Говоритъ онъ, да, и чистымъ
Швабскимъ говоромъ. Мечтая,
Словно въ мысляхъ затерявшись,
Говоритъ онъ самъ съ собою:

«Бѣдный швабскій стихотворецъ!
Долженъ, въ мопса превращенный,
Я томиться на чужбинѣ
И мѣшать въ кострюлѣ вѣдьмы.

«О зловреднѣйшія чары!
Какъ судьба моя трагична!
Человѣческое сердце
Я ношу въ собачьей шкурѣ.

«Лучше бъ дома мнѣ остаться
Съ сотоварищами школы!
Вѣдь они не колдуны
И тебя не очаруютъ!

«Лучше бъ дома мнѣ остаться
Съ Карломъ Мейеромъ, съ родными
Канарейками отчизны,
Съ благочестнымъ хлѣбнымъ супомъ.

«Отъ тоски я по отчизнѣ
Умираю, увидать бы
Мнѣ хоть дымъ, изъ трубъ идущій,
Какъ варятъ лапшу въ Штутгартѣ!»

Потрясенъ я былъ глубоко
Этой рѣчью; соскочилъ,
Я съ постели, сѣлъ къ камину
И сочувственно спросилъ:

«Благородный бардъ, попалъ ты
Какъ сюда въ лачугу вѣдьмы?
И за что жестокимъ рокомъ
Превращенъ ты былъ въ собаку?»

Онъ-же радостно воскликнулъ:
«Такъ вы нѣмецъ, не французъ,
Такъ вамъ былъ вполнѣ понятенъ
Мой печальный монологъ?

«На бѣду, землякъ, когда
Мы съ совѣтникомъ посольства,
Келле, за пивною кружкой
Разсуждали въ кабачкѣ,

«Онъ всегда твердилъ, что только
Путешествіе доставитъ
Лоскъ такой, какой привезъ
Онъ съ собою изъ чужбины.

«Чтобъ толстѣйшія мозоли
На ногахъ себѣ нажить
И тончайшій лоскъ культуры
Пріобрѣсть себѣ, какъ Келле,

«Я съ отчизною разстался
И, поѣхавъ просвѣщаться,
Добрался до Пиринеевъ,
А затѣмъ попалъ къ Уракѣ.

«Къ ней отъ Кернера Юстина
Я привезъ письмо; не думалъ
Я тогда, чтобъ другъ нашъ этотъ
Былъ въ сношеньяхъ съ колдунами.

«Былъ подружески Уракой
Принятъ я, но тутъ на горе
Эта дружба возрасла
Наконецъ до жаркой страсти.

«Да, пылала гнусной страстью
Грудь увядшая развратной
Этой дряни и она
Соблазнить меня желала.

«Но я плакался: мадамъ,
Извините, не фривольный
Я послѣдователь Гёте,
А поэтъ изъ швабской школы.

«Наша муза—чистота,
И подштанники изъ кожи
Носитъ; ахъ, не покушайтесь
На мою вы добродѣтель.

«У другихъ поэтовъ есть
Пылъ, фантазія и страстность,
Мы-же, швабскіе поэты,
Добродѣтель лишь имѣемъ.

«Въ ней имущество все наше!
Ахъ, оставьте мнѣ мою
Рясу нищаго святоши.
Нищъ и нагъ я безъ нея.

«Такъ сказалъ я, но старуха
Засмѣялась иронично
И, смѣясь, прутомъ омелы
До спины моей коснулась.

«Я тогда услышалъ холодъ
Непріятный, словно члены
Облеклись гусиной кожей.
Но не кожею гусиной

«Было это, а скорѣе
Кожей пса,—и съ той поры я
Превращенъ невозвратимо,
Какъ вы видите, въ собаку!»

О бѣднякъ! Отъ тяжкихъ вздоховъ
Говорить не могъ онъ дальше
И такъ много плакалъ онъ,
Что почти въ слезахъ разлился.

Я сочувственно промолвилъ:
«Не могу-ль собачью шкуру
Снять я съ васъ и возвратить
Васъ поэзіи и людямъ?»

Но онъ поднялъ безутѣшно
И отчаянно на воздухъ
Лапы и, вздыхая тяжко
И стоная, произнесъ:

«Я до дня суда пробуду
Заключеннымъ въ шкурѣ мопса,
Если дѣва милосердно
Не разрушитъ чаръ колдуньи.

«Только чистая дѣвица,
Нелюбившая мужчины,
Колдовство разрушить можетъ
Подъ условіемъ такимъ:

«Эта чистая дѣвица,
Не заснувъ, должна прочесть
Въ ночь Святителя Сильвестра
Музы Пфицера созданья.

«Не заснетъ она, читая,
Не закроетъ глазокъ влажныхъ,—
Спали чары, человѣкъ я,
Я размопсился тогда.»

«Ахъ, тогда, сказалъ я,—самъ я
Не могу, увы, принять
Избавленья трудъ; во-первыхъ,
Я не чистая дѣвица,

«Во-вторыхъ, еще я меньше
Въ состояньи прочитать
Музы Пфицера творенья,
И при этомъ не заснуть.»

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Трофимъ Болящій.

Очеркъ **Позднякова.**

(Посвящается Ал. Г. Архангельской).

. . . Да, это — человѣкъ замѣчательный, и забыть его когда-либо невозможно, тѣмъ болѣе, что подобныхъ ему людей встрѣчать уже болѣе въ жизни не придется.

Но по порядку.

Мы весело разговаривали за ужиномъ. Въ отворенныя окна врывался иногда прохладный ночной воздухъ лѣта, своею свѣжестью напоминая мнѣ о поздней порѣ и о возращеніи домой. Но ѣхать не хотѣлось. Такъ дружно и хорошо чувствовалось среди добрыхъ знакомыхъ, что не являлось и помышленія о предстоящихъ пятнадцати верстахъ на тряскихъ бѣгункахъ по выбитымъ колеямъ. Яковъ Семенычъ разсказывалъ объ одной дамѣ, сосѣдней помѣщицѣ, про ея привычки и мы всѣ отъ души хохотали надъ тѣмъ, какъ эта барыня можетъ много спать.

— Вообразите, говорилъ веселый разскащикъ, самъ покатываясь со смѣху, — встаетъ въ два часа дня, завтракаетъ и затѣмъ отдыхаетъ; къ обѣду выходитъ въ блузѣ, поѣстъ и опять на боковую, а вечеромъ въ одиннадцатомъ часу уже прощается со всѣми своими гостями: мнѣ, говоритъ, пора спать — я сегодня рано встала. Словомъ, встаетъ для того, чтобы поѣсть, а ѣстъ для того, чтобы покрѣпче заснуть.

— Рѣшительно не могу понять такой жизни, угрюмо произнесъ Петръ Андреевичъ, до тѣхъ поръ молча старавшійся надъ кускомъ ростбифа,—такое бездѣйствіе, такое отсутствіе какихъ-бы то ни было интересовъ! Весь свой вѣкъ пролежать на боку въ сладкой дремѣ! Это возмутительно!.. Точно Трофимъ Болящій...

— Ну, ужь, пожалуйста, Трофимушку нельзя-ли въ покоѣ оставить! сердито возразила Александра Гавриловна.

— Да я его и не трогаю.

— Какъ-же не трогаете, когда сравниваете съ нимъ эту барыню! А, право, если-бы онъ могъ носить сапоги, то его подметки были-бы неизмѣримо выше ея.

— Что это за Трофимъ Болящій? спросилъ я.

— А вы развѣ не знаете?

— Въ первый разъ слышу.

— Это замѣчательный человѣкъ. Но чтобы убѣдиться въ его свойствахъ, мало слышать о немъ: нужно его видѣть. Это—Илья Муромецъ нашего времени... Разница только та, что Муромецъ «30 лѣтъ и 3 года сиднемъ сидѣлъ», а Трофимъ Болящій, вотъ уже скоро сорокъ одинъ годъ будетъ, какъ лежмя лежитъ. Но какъ у Муромца за время его сидѣнія развилась тѣлесная сила, такъ у Трофима—нравственная.

— Почему-же онъ лежитъ? полюбопытствовалъ я и нельзя было не заинтересоваться этою новостью для меня, потому что Александра Гавриловна, заговоривъ о Трофимѣ Болящемъ, совершенно перемѣнилась: вся раскраснѣлась, глаза ея блестѣли и голосъ задрожалъ. Видимо, она съ живымъ участіемъ относилась къ этому человѣку. Всѣ притихли и внимательно слушали, какъ Александра Гавриловна стала расхваливать своего любимца:

— Видите-ли, говорила она:—онъ, несчастный, будучи еще мальчикомъ семнадцати лѣтъ, работалъ въ каменьщикахъ и вотъ въ одинъ печальный день свалился съ колокольни, при чемъ такъ разбился, что ноги его и нижняя часть туловища представляли собою не болѣе, какъ массу изломанныхъ костей, перемѣшанныхъ съ искомканнымъ и изстерзаннымъ мясомъ. Представьте-же себѣ теперь положеніе человѣка, который почти сорокъ одинъ годъ не двигался съ мѣста: какимъ онъ долженъ быть страдальцемъ! Сколько невыносимо-тяжелой боли, а съ нею и нерадостныхъ думъ перенесъ онъ! Я не могу и вспомнить его безъ ужаса и никогда не прощу себѣ одной ошибки: въ первый разъ, какъ я была у Трофимушки, меня такъ тронуло его несчастное положеніе, что я тутъ-же надъ нимъ и расплакалась; это сильно встревожило его; на слѣдующій день онъ присылаетъ за мной спросить, неужели ему такъ плохо, неужели ему скоро придется помереть? И этотъ человѣкъ, вынесшій на себѣ только невзгоду, еще не желаетъ умирать, ему жизнь мила! Представьте, что такъ слезы при моемъ посѣщеніи растревожили его, что онъ цѣлую недѣлю послѣ того былъ боленъ. Никогда я себѣ этого не прощу.

Александра Гавриловна съ досадою облакотилась на столъ и продолжала:

— И не смотря на свое безпомощное положеніе, сколько онъ пользы умѣлъ принести другимъ: на досугѣ самоучкой выучился грамотѣ и цѣлыхъ двадцать-пять лѣтъ училъ ей крестьянскихъ дѣтей. Только когда въ ихъ селѣ учредили школу, онъ пересталъ ихъ учить и занялся переплетнымъ мастерствомъ.

— Такъ у него, значитъ, руки владѣютъ?

— Да, онъ можетъ даже чуть-чуть приподниматься и облокачиваться на подушку. Да знаете-ли что? вдругъ обратилась Александра Гавриловна:—сходимте къ нему какъ-нибудь. Вѣдь онъ живетъ близехонько: въ Пановѣ—всего какихъ-нибудь три-четыре версты отсюда. Онъ очень радъ бываетъ, когда его навѣщаютъ, и я уже разъ пять у него была.

— Вотъ и отлично. Я кстати ему одну книжку дамъ переплесть. Посмотрю его житье-бытье и буду имѣть вещь работы такого замѣчательнаго человѣка. А теперь пора мнѣ и честь знать.

Я простился со всѣми и уѣхалъ домой, обѣщавшись въ воскресенье быть опять въ сельцѣ Измайловѣ, чтобы вмѣстѣ съ Александрой Гавриловной пойдти къ Трофиму Болящему.

Предстоявшій визитъ сильно заинтересовалъ меня и я еле дождался воскресенья, въ которое рано утромъ выѣхалъ изъ дому и къ девятому часу былъ уже снова въ Измайловѣ. Напившись чаю, мы часу въ одиннадцатомъ отправились пѣшкомъ въ Паново навѣстить Трофима. Погода, на наше счастье, выдалась превосходная. Не было жарко и легкій вѣтерокъ дѣлалъ прогулку пріятною. Мы долго шли молча; я думалъ о Трофимѣ. Онъ представлялся мнѣ угрюмымъ старикомъ, съ длинною сѣдою бородою и лицомъ, на которомъ запечатлѣлись сорокалѣтнія страданія; морщинистое лицо его смотрѣло на меня глубокимъ болѣзненнымъ взоромъ, какъ-бы сурово, съ неудовольствіемъ за доставленное больному безпокойство; длинныя пряди сѣдыхъ волосъ нависали на лобъ; на столѣ передъ нимъ лежала библія, въ которой онъ искалъ утѣшенія въ своей скорбной жизни.

— Что вы такъ задумались? спросила меня Александра Гавриловна.

Я разсказалъ ей, что только-что занимало мои мысли. Александра Гавриловна засмѣялась:

— Помилуйте! да вы его себѣ какимъ-то чародѣемъ представляете. Вотъ удивитесь вы, когда увидите совсѣмъ не то, чего ждете! Напротивъ: онъ живой человѣкъ, интересующійся всѣмъ современнымъ, любитъ читать газеты—знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Его многіе считаютъ за чародѣя и приходятъ къ нему, чтобъ онъ имъ поворожилъ. Но онъ ужасно сердится на это: что я за колдунъ такой? говоритъ онъ этимъ суевѣрамъ. И знаете: мнѣ кажется, что это доказываетъ его честность: вѣдь онъ могъ бы воспользоваться своимъ несчастнымъ положеніемъ и къ нему повалили-бы массы народа гадать и спрашивать предвѣщаній... Онъ могъ бы нажиться, но онъ не хочетъ этого, что и дѣлаетъ ему честь. Да и зачѣмъ ему деньги? Вѣдь все равно онъ не можетъ пользоваться ими, вѣчно лежа на мѣстѣ. Развѣ только на нихъ смотрѣть.

Между тѣмъ мы приближались къ Панову. Невеселъ видъ нашихъ велико-русскихъ селъ: избы, избы и избы... прижавшись одна къ другой, стоятъ онѣ сѣрыя, неприглядныя, и ни единаго-то деревца, на зелени котораго могъ бы успокоиться взоръ. Такъ и Паново: большое село, съ двумя церквами — теплою и холодною; съ двумя сотнями нестройныхъ хатъ; съ большимъ, зацвѣтшимъ, зеленымъ прудомъ; съ волостнымъ правленіемъ, школою и кабакомъ, стоящими рядомъ; съ ребятишками, сидящими въ пескѣ на самой дорогѣ, въ однѣхъ рубашенкахъ, безъ шапокъ, съ бѣлыми, какъ ленъ, выцвѣтшими волосами, грязными личиками и болтающимися на суровомъ шнуркѣ мѣдными крестиками; со свиньею, роющеюся тутъ-же на дорогѣ рядомъ съ дѣтьми; — таково Паново, таково и всякое наше велико-русское село.

Единственное, что радовало взоръ,—это несметное число хлѣбныхъ кладей, ровнымъ строемъ тянувшихся вдоль дороги по гумнамъ. Молчаливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ и краснорѣчиво свидѣтельствовали онѣ о хорошемъ урожаѣ отходящаго лѣта — лучшей наградѣ крестьянину за труды, которые онъ несетъ на своей полосѣ.

Пройдя эти стройные хлѣбные полки, мы повернули въ околицу и пошли вдоль порядка. Пусто было въ селѣ: страдная пора, видимо, еще не кончилась и день хотя былъ и воскресный, но гуляющихъ на улицѣ не было видно. Коегдѣ на заваленкахъ у избъ сидѣли старухи, грѣя на солнышкѣ свои старыя рабочія кости да поджидая къ обѣду съ поля сыновей и снохъ. Смотрѣли онѣ на прудъ, лѣнивый и неподвижный, смотрѣли на малыхъ ребятъ, рывшихся тутъ-же въ пескѣ. Тишина стояла въ селѣ. Вздумала-было полаять на насъ косматая рыжая собаченка, лежавшая у воротъ одной избы, тявкнула раза два — да, видно, лѣнь стало: равнодушно посмотрѣла намъ вслѣдъ и отвернула голову.

— Шарикъ! цы́ма!.. крикнулъ на нее красивенькій мальчуганъ, лѣтъ девяти, и примкнулся къ прочимъ ребятамъ, которые цѣлою толпою шли за нами, съ какимъ-то удивленіемъ поглядывая на насъ. Между ними слышались перешептыванія на нашъ счетъ, догадки о томъ, кто мы и откуда.

— Ишь: господа...

— Какіе господа? у насъ такихъ нѣтъ.

— Не наши, а все-же господа.

— Васютка, глянь-ка: барышня-то какая. Въ шапкѣ, удивился одинъ изъ нихъ шляпкѣ Александры Гавриловны.

— Полно городить-то: нешто барышни шапки носятъ?

Александрѣ Гавриловнѣ понравился ихъ споръ и она, засмѣявшись, сказала имъ, что у нея не шапка, а шляпа.

— Шляпа! недовѣрчиво возразилъ мальчикъ:—вотъ у нашей барышни такъ шляпа, а это шапка. А вы чьи такіе? бойко спросилъ онъ.

— Мы измайловскіе.

— Вре-ешь. Измайловскіе не такіе; знаемъ мы измайловскихъ: мы туды ягоды носили.

— Мы не всегда въ Измайловѣ живемъ, а только пріѣзжаемъ.

— А куды идете? Разгуляться вышли?

— Трофимушку идемъ навѣстить.

— Болящаго пожалѣть? Его стоитъ: добрый онъ. Э-энъ его хата: гдѣ березка-то.

И словоохотливый мальчикъ указалъ на единственное деревцо во всемъ селѣ, стоящее подъ окнами Трофимовой избы. Мы скоро подошли къ ней и очутились въ просторныхъ сѣняхъ, гдѣ на полу спала дѣвушка. Она проснулась и поспѣшно вскочила.

— Нельзя-ли намъ Трофима Дмитрича повидать?

— Да не знаю, не спитъ-ли онъ. Я пойду, посмотрю.

— Если спитъ, не будите—мы подождемъ.

Она вышла и не затворила за собою двери, такъ что мнѣ видна стала внутренность комнаты, совсѣмъ не напоминавшей собою обыкновенной русской избы. Проштукатуренныя и выбѣленныя стѣны, вмѣсто лавокъ стулья, въ переднемъ углу образа въ серебряныхъ ризахъ, на окнахъ цвѣты, на полу плетеные половики, чистота поразительная,—вотъ гостиная комната бѣднаго калѣки. Ея веселый, привѣтливый видъ вовсе не соотвѣтствовалъ тому жилищу, которое я въ своемъ воображеніи нарисовалъ себѣ раньше: что-то мрачное и невзрачное ожидалъ я встрѣтить. И теперь, пока дѣвушка еще не вернулась изъ спальни больного, нѣсколько разъ представалъ мнѣ тотъ суровый, сумрачный образъ страдальца, какимъ я раньше думалъ найдти Трофима; но вспоминались слова Александры Гавриловны—и образъ этотъ разсѣевался мигомъ, а новаго себѣ создать я не умѣлъ: сбили меня съ толку разсказы о необыкновенномъ человѣкѣ, пролежавшемъ почти безъ движенія слишкомъ сорокъ лѣтъ. Любопытство и нетерпѣніе скорѣе увидѣть Болящаго донимали меня.

— Пожалуйте къ Трофиму Дмитричу: онъ проснулся, позвала насъ дѣвушка и мы черезъ гостиную прошли за перегородку, въ маленькую уютную комнату больного.

— Милости прошу, господа добрые, милости прошу. Очень радъ васъ видѣть. Присядьте, гостями будете, радушно говорилъ Трофимъ Дмитричъ, кивая намъ весело головою.

— Вотъ пришли навѣстить васъ, посмотрѣть на ваше житье-бытье, сказала Александра Гавриловна, садясь на стулъ.

— Душевно вамъ благодаренъ, что не забываете вы, сударыня, меня больного да немощнаго. Ужь не знаю, какъ и заслужить вамъ память вашу. Самоварчикъ не прикажете-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не безпокойтесь.

— Что за безпокойство? Какое-же это безпокойство? Вамъ чайку съ дорожки хорошо-бы напиться.

— Нѣтъ, право, не надо.

— Ну, какъ угодно. А то, вѣдь, самоварчикъ не долго поставить: живой рукой готовъ-бы былъ.

«Такъ вотъ онъ какой», думалось мнѣ, между тѣмъ какъ я съ напряженными любопытствомъ и вниманіемъ глядѣлъ на Трофима. Человѣкъ какъ человѣкъ. Единственное, что казалось страннымъ, это—неестественная одутловатость лица отъ постоянно лежачей жизни. На видъ ему можно было дать лѣтъ сорокъ пять, хотя по разсчету должно было быть около шестидесяти. Умные, выразительные глаза его быстро перебѣгали съ предмета на предметъ; небольшая, жиденькая борода и черные съ просѣдью, расчесанные по срединѣ волосы окаймляли ласковое лицо. Трофимъ Дмитричъ говорилъ довольно скоро, при чемъ голова его привѣтливо наклонялась. Оно полулежалъ на очень коротенькой деревянной кровати, покрытый одѣяломъ изъ пестрыхъ ситцевыхъ лоскутковъ и облокотившись правою рукою на подушку. Его блѣдныя руки, рубашка и постельное бѣлье кидались въ глаза своею чистотою.

— А этотъ господинъ сродственникъ вамъ будетъ, сударыня? указалъ на меня больной.

— Нѣтъ, знакомый: въ Петербургѣ мы еще познакомились.

— Такъ вы тоже изъ Петербурга? обратился онъ ко мнѣ: — а давно-ли изволили прибыть? Что тамъ новенькаго слыхать?

Я разсказалъ ему всѣ петербургскія новости, которыя мнѣ самому были извѣстны. Онъ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ моему разсказу, иногда переспрашивая, что ему казалось неяснымъ.

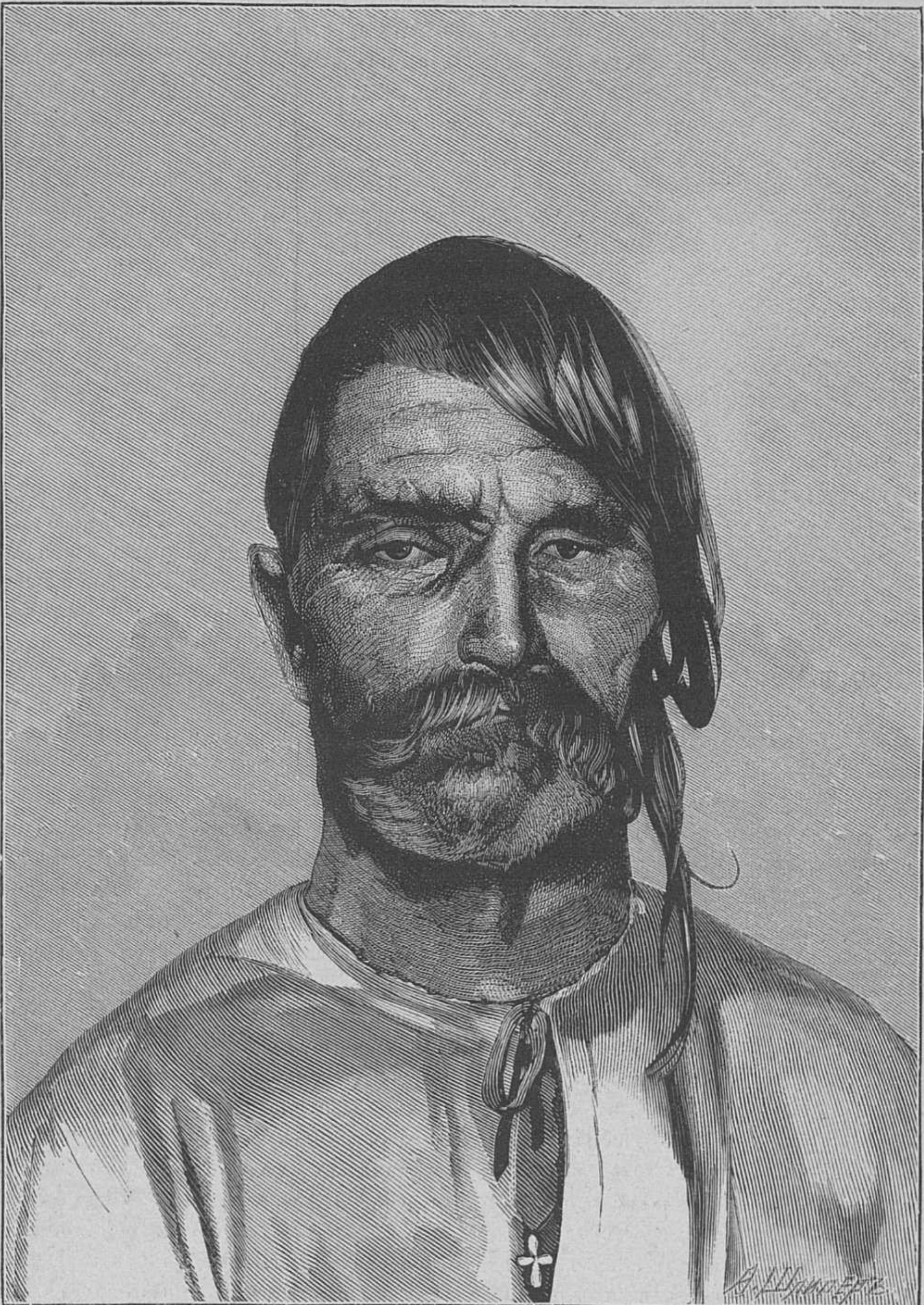
— Да, не пришлось мнѣ Питера посмотрѣть, грустно произнесъ онъ: — да и не придется. А, говорятъ, больно хорошъ городъ. Всѣ его одобряютъ, кто только тамъ ни бывалъ. И я-бы побывалъ, кабы не грѣхъ случился. Вотъ ужь скоро съ годомъ сорокъ будетъ, какъ лежу. Ну, да на все Божья воля: видно, такъ надо было. Вотъ Господь-Батюшка и послалъ мнѣ испытаніе, или наказалъ за что-нибудь. Чтожъ? Не я первый пострадалъ на своемъ вѣку: Іовъ авситидійскій какъ покорился волѣ Божьей? всего лишился и за городскую ограду выброшенъ былъ, и псы его лизали—а все-же Господь его наградилъ за терпѣніе и покорность. На бѣломъ свѣтѣ ничего такъ, зря, не дѣлается: все отъ Бога, все отъ Господа.

— Да какъ-же это несчастье съ вами случилось, Трофимъ Дмитричъ? спросилъ я, ободренный его радушіемъ и словоохотливостью.

— Видите-ли, господинъ мой милый, какъ дѣло было. Мальчикъ я былъ шустрый и смѣлый. Въ ту пору мнѣ только что семнадцать лѣтъ минуло. Въ каменьщикахъ я работалъ верстъ за полторасто отсюда—церковь строили, колокольню совсѣмъ ужь вывели. Тутъ-то и случилась бѣда: лѣса оборвались—мы всѣ сверху-то и посыпались.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ П. МАРТЫНОВИЧА.



Малороссъ.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

— Такъ вы не одинъ упали?

— Нѣтъ, господинъ честной, четверо насъ было. Сначала оборвались было тѣ трое. Балка мимо меня качнулась. Хотѣлъ я ее удержать, потянулся къ ней, да самъ-то не удержался—внизъ и кувырнулся. Товарищи мои всѣ потомъ поправились, а мнѣ не привелъ Богъ. Ноги мнѣ такъ въ тряпки и измяло. Подняли меня за мертво и привезли сюда на родину. Только вотъ что чудно: пережилъ я ихъ всѣхъ; они ужь померли, а я себѣ полеживаю. Да, вотъ скоро съ годомъ сорокъ, съ годомъ сорокъ... Такъ день за днемъ и проходитъ.

— Скучно вамъ?

— Чтожъ дѣлать-то, господинъ. Надо покориться: видно, такъ ужь Богу угодно. Впрочемъ, я разъ гулять выходилъ,—шутливо заговорилъ Трофимъ Дмитричъ, немного приподнявшись и лѣвою рукою поправляя подушку:—случился пожаръ у насъ на селѣ—такъ меня и вынесли. По счастью, хижины моей огнемъ не задѣло. А ужь и боленъ-же я послѣ того случая сдѣлался: ломота какъ есть по всему тѣлу пошла; такъ весь ныль, что и высказать не съумѣю. Мнѣ свѣжій воздухъ совсѣмъ не годится. И теперь вотъ, ежели случится, что въ дверяхъ подуетъ, сейчасъ ломота начинается. Нынче-то ужь я не тужу о своей болѣсти, а на первыхъ порахъ плохо пришлось: сколько костей прочь вывалилось! И какъ Господь сохранилъ? Не надивишься Его благости и мудрости, право. Да и людямъ-то спасибо: не забываютъ они меня, навѣщаютъ; вотъ когда княгиня наша тутъ жила, частенько она ко мнѣ навѣдывалась.

Я спросилъ Трофима Дмитрича, на какія-же средства онъ живетъ.

— А какъ Богъ пошлетъ, отвѣчалъ онъ и продолжалъ съ улыбкою:—вѣдь птицы небесныя не сѣютъ, не орутъ, а все-таки живутъ себѣ, да еще пѣсенки поютъ. Такъ и я: не пашу, не кошу—а живу, чѣмъ Богъ наградитъ: кое-что работишкой, вотъ переплетаю, да рамки дѣлаю. На этихъ иконахъ, что на стѣнѣ висятъ, всѣ рамки моей работы, да и люди добрые не оставляютъ подаяніемъ. Братъ мой, что рядомъ живетъ, очень меня любитъ и бережетъ—дай Богъ ему здоровья. Меня вѣдь, по настоящему, міръ-бы долженъ былъ всѣмъ обществомъ кормить. Да благодаря Бога, не приходилось мнѣ міру за помощью кланяться.

— Я слышалъ, что вы переплетаете, а потому принесъ вотъ книжку переплесть.

— Съ удовольствіемъ, господинъ. Это можно сдѣлать. Я люблю эту работу. Все хоть не такъ скучно. А то читаешь-читаешь—даже глаза заболятъ. Мнѣ священникъ нашъ даетъ книжки и газеты присылаетъ—вотъ я и забавляюсь на досугѣ. А времени-то у меня досужаго кстати много: есть когда книжками позабавиться, да умныхъ рѣчей почитать.

— Вы, я слышалъ, грамотѣ сами научились?

— Истинно такъ вы изволили сказать, господинъ, истинно. Грамотѣ я маленькій обученъ не былъ. Не привелъ Богъ мнѣ тогда этого свѣта принять. А тутъ, какъ бѣда стряслась надо мной, сталъ я задумываться да скучать. А, вѣдь, неграмотный человѣкъ—тварь темная, не разумная. Вижу я, что своего ума мнѣ мало, что ничего-то я не знаю и самъ себя утѣшить не могу въ болѣсти моей. А тутъ, спасибо, священникъ нашъ покойный—(хорошій былъ старичекъ, Царствіе ему небесное!)—захаживалъ ко мнѣ частенько, бесѣдой душеспасительной меня занималъ. Другой разъ и писаніе священное съ собой приносилъ. Читалъ онъ мнѣ и житія святыхъ, и ветхій-завѣтъ. И такая меня охота взяла самому научиться читать, чтобы всякую книжку я могъ уразумѣть. Мало по-малу привыкъ я къ азамъ. Священникъ этотъ самый кое въ чемъ мнѣ пособилъ. А какъ самъ я научился—и другихъ учить сталъ: по зимамъ, бывало, ребятишки наши сельскіе ходили ко мнѣ; многіе съ моихъ словъ и грамотѣ теперь знаютъ. Такъ-то вотъ я и поживаю. Ничего, пока терпитъ Богъ грѣхамъ, еще жить можно. Одно только ужь очень мнѣ тяжело: въ церкви мнѣ бывать нельзя; ну, да чтожъ дѣлать! тутъ лежа молюсь. И, видно, Господь молитвы-то слышитъ мои: добрые люди не забываютъ—навѣдываются ко мнѣ.

Въ лицѣ Трофимушки сверкнула благодарность и глаза его весело забѣгали.

— А кто-же вамъ кушать готовитъ? спросилъ я его.

— Вотъ эти дѣвушки, указалъ онъ на сидѣвшую тутъ-же хожалку.—Ихъ двое: онѣ на перемѣнку черезъ день за мной ходятъ. Христовы невѣсты онѣ: такъ у насъ по крестьянству дѣвушки зовутся, что зарокъ дали замужъ выходить. Ужъ и благодаренъ-же я имъ: такъ онѣ меня берегутъ, такъ обо мнѣ пекутся, что и сказать не съумѣю.

Я замѣтилъ подъѣхавшій къ избѣ Трофима экипажъ, который выслали изъ Измайлова мнѣ съ Александрой Гавриловной, боясь, чтобы мы не устали. Мы поднялись и стали благодарить Трофима Дмитрича за ласковый пріемъ.

— Вамъ за вашу доброту спасибо, говорилъ онъ, приподнявшись на правой рукѣ и радушно кивая головою:—ужь очень вы меня-старика порадовали своимъ посѣщеніемъ. Господь не забудетъ вамъ этого. Жаль вотъ, что самоварчика не пожелали: успѣли-бы въ это время и чайку напиться. А что-же, господинъ, вы мнѣ книжку-то хотѣли дать переплесть?

Отдавъ ему принесенную съ собою книгу, я спросилъ его, сколько мнѣ надо заплатить ему за работу. Онъ засмѣялся:

— Да вѣдь я еще не переплелъ! Какія-же деньги, когда вы не видѣли, какъ я сработалъ? Можетъ, вамъ и не понравится, какъ я сдѣлаю?

— Это все равно: нельзя-же съ васъ требовать какой-нибудь особенной работы. Мнѣ важно имѣть что-нибудь на память отъ васъ. Будьте такъ добры, скажите, сколько вамъ нужно за трудъ?

— Сколько вамъ угодно пожаловать мнѣ, столько съ меня и будетъ, сказалъ онъ, видимо, стѣсняясь назначить цѣну.

Я опустилъ руку въ карманъ и, вынувъ оттуда нѣсколько серебряныхъ монетъ,—кажется, семь или восемь гривенъ,—положилъ ихъ на столъ передъ нимъ.

— Это что? это что, господинъ? шутливо заговорилъ онъ и, отдѣливъ себѣ два пятіалтынныхъ, подвинулъ ко мнѣ остальныя деньги:—довольно съ меня и этого.

Я еле уговорилъ его взять себѣ все, доказывая, что его трудъ стоитъ гораздо больше, чѣмъ трудъ всякаго другого переплетчика, такъ какъ ему неудобно работать. Онъ согласился взять деньги и, когда мы были уже въ сѣняхъ, еще слышно было, какъ онъ благодарилъ насъ за память и за гостинецъ.

Недѣли черезъ полторы мнѣ была передана моя книга, очень чисто и акуратно переплетенная Трофимомъ Болящимъ, хотя и уступая по нѣкоторымъ достоинствамъ работѣ настоящихъ переплетчиковъ. Признаться, я никакъ не думалъ, чтобы онъ при всѣхъ своихъ неудобствахъ могъ переплесть книгу такъ хорошо. Больше не пришлось побывать у него: вскорѣ я долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ.

Молча, выѣхали мы изъ Панова. Какъ-то не хотѣлось говорить подъ живымъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго. У меня передъ глазами стоялъ образъ Трофима, бодраго духомъ, неунывающаго и любящаго свою страдальческую жизнь; его добрые, умные глаза глядѣли такъ привѣтливо. Я невольно улыбнулся, когда этотъ образъ на мигъ смѣнился тѣмъ суровымъ, изможженнымъ лицомъ, которое раньше рисовалось моему воображенію. «И чѣмъ я лучше его, этого несчастнаго, честнаго человѣка? думалось мнѣ: — я здоровъ и могу располагать собою, какъ хочу. Передо мною раскрывается эта чудная картина; эти горы синѣются тамъ вдали, окаймленныя лѣсомъ; эта рѣка лелѣетъ взоръ своими рѣзвыми изгибами; тысячи невидимыхъ жаворонковъ заливаются хвалебными гимнами голубому небу, которое своимъ дивнымъ покровомъ разстилается надъ землею съ ея мелкими заботами и горькими печалями. Я могу, стоя посреди желтаго моря ржанища, долго и жадно впиваться глазами въ эту картину и подъ звуки небесныхъ пѣсенъ искать въ ней отвѣта на все, что волнуетъ меня. А онъ, несчастный, изнуренный тяжелыми страданіями, которыя онъ понесъ за свою смѣлую самоотверженность, лежитъ въ заперти, въ душной комнаткѣ, и не можетъ ни слышать, ни видѣть того, въ чемъ нашлось-бы довольно утѣшенія его скорби. И онъ не ропщетъ, онъ еще бодръ духомъ, вѣруетъ въ лучшую участь и надѣется на нее!»...

Да, это—человѣкъ замѣчательный...

Изъ исторіи рабства въ древности.

Ст. **С. Терновскаго.**

(*Продолженіе.*)

Въ наше время рабочій обыкновенно свободенъ, въ средніе вѣка онъ былъ крѣпостнымъ, а въ древности рабомъ; такимъ образомъ крѣпостничество явилось посредствующею ступенью для перехода отъ состоянія рабскаго къ свободному.

Въ началѣ христіанской эры, которая въ римскомъ государствѣ совпала и съ новымъ видомъ государственой власти, мы видимъ двѣ причины, повліявшія на положеніе нашихъ общественныхъ класовъ; это христіанство и варварскія нашествія. Основаніе общества осталось прежнимъ, а эти два фактора только измѣнили его внѣшнія отношенія и внутреннія связи. Слѣдовательно, и предположеніе, высказанное многими учеными, что крѣпостничество развилось не отъ совокупныхъ дѣйствій вліянія какъ христіанства, такъ и варварскихъ нашествій, а выработалось изъ древняго общественнаго устройства, имѣетъ довольно вѣрное основаніе.

Свобода труда есть одно изъ самыхъ основныхъ человѣческихъ правъ, такъ какъ люди всѣ равны по происхожденію; рабскій трудъ есть результатъ злоупотребленія физической силою совершеннаго ради эгоистическихъ стремленій, постоянно поддерживаемаго и развиваемаго. Чтобы вернуться къ положеніямъ естественнаго права, надо отъ такого труда отказаться. Для этого было два способа: или надо было уничтожить всѣ источники рабства; такимъ-бы образомъ къ извѣстному сроку всѣ не свободные умерли и остались-бы въ живыхъ одни свободные; или освободить всѣхъ посредствомъ одной законодательной мѣры; римское правительство въ своемъ стремленіи оградить положеніе раба не прибѣгло ни къ одной изъ вышеуказанныхъ мѣръ; оно всѣми зависящими отъ него средствами старалось поощрить индивидуальное отпущеніе на волю, но въ тоже время оно не уничтожало источниковъ рабства; причина этого будетъ понятна, если мы вспомнимъ, что вся внутренняя и внѣшняя политика римскаго правительства заключалась почти въ исключительномъ стремленіи достиженія финансовыхъ средствъ; оно и извлекало свои выгоды какъ при продажѣ рабовъ, такъ и изъ акта отпущенія ихъ на волю.

Въ древности свободный трудъ не былъ совсѣмъ уничтоженъ; въ Афинахъ, напр., процвѣтали промышленность и торговля и ими занимались не только свободные, но и самые знатные и богатые; занятіе это не считалось позорнымъ для человѣка. Въ Римѣ былъ такой же взглядъ на земледѣліе; торговлею, по словамъ Цицерона, можно было заниматься въ большихъ размѣрахъ и то только съ цѣлью достать средства къ пріобрѣтенію недвижимой собственности. Но и это правило, выставленное Цицерономъ, стало скоро забываться и граждане великаго Рима, этого исполина, повелителя всего тогда извѣстнаго міра, чтобы не умереть голодной смертью должны были наниматься въ услуженіе къ богатымъ часто для исполненія самыхъ низкихъ и грубыхъ работъ; занимать разныя государственныя должности, прежде предоставленныя однимъ рабамъ. Тогда свободный трудъ начинаетъ вытѣснять трудъ рабскій подобно тому, какъ при началѣ республиканскихъ временъ рабскій трудъ вытѣснялъ свободный.

Обязанности общественныхъ или государственныхъ рабовъ были двухъ родовъ: 1) служеніе при магистратахъ и 2) на общественныхъ работахъ.

Къ категоріи первыхъ принадлежали писцы, палачи, ликторы, герольды. Во времена императоровъ вотъ эти-то должности и стали занимать свободные, но бѣдные граждане; сперва назначаемые на годъ, они съ теченіемъ времени стали оставаться на этихъ должностяхъ все долѣе и долѣе, пока, наконецъ, онѣ не сдѣлались пожизненными и даже наслѣдственными въ родѣ. Ихъ покупали, продавали, мѣняли, завѣщали; вообще и законодательство смотрѣло на нихъ, какъ на полную собственность тѣхъ лицъ, которыя ту или другую должность въ должный моментъ занимаютъ. Исполненіе обязанности совершалось подъ контролемъ правительства и въ случаяхъ упущенія, обмана или подлога принимались карательныя мѣры: отнятіе должности, передача ее другому лицу, денежные штрафы и другія наказанія.

Послѣ общественной службы идутъ общественныя работы; такъ же какъ и первыя исполняемыя многими свободными, хотя здѣсь рабы удержались еще долгое время и они работали наравнѣ съ свободными.

Августъ устроилъ нѣсколько групъ или, вѣрнѣе, товариществъ съ различными спеціальными цѣлями: для тушенія пожаровъ, для наблюденія за водопроводами, смотрителей замковъ и дворцовъ и т. п. Въ каждую такую групу входило нѣсколько лицъ, иногда очень много. Между ними были и начальники и подчиненные и здѣсь господствовала вышеизложенная система замѣщенія должностей. Но за то тутъ нельзя было отказываться отъ исполненія своей обязанности; нельзя было добровольно выйдти изъ такого товарищества, надо было или разрѣшеніе правительства, или замѣщеніе себя другимъ лицомъ. Постановленіями позднѣйшихъ императоровъ эти занятія были облагорожены; кто пробылъ въ нихъ шесть лѣтъ, получалъ права римскаго гражданства.

Со временемъ этотъ видъ обязательной службы сдѣлался однимъ изъ самыхъ тяжкихъ видовъ рабства, по причинѣ той громадной отвѣтственности, которая на нихъ падала.

Служба частная, какъ и общественная, стала пополнять необходимый ей контингентъ не только изъ рабовъ, но и свободныхъ. По принятому нами дѣленію мы и теперь разсмотримъ отдѣльно два главныхъ вида такого рода службы, именно: служба городская и деревенская.

Къ первой категоріи принадлежали два типа рода рабовъ: 1) исполнявшіе въ домѣ разныя обязанности слугъ, и 2) рабы, которые предоставляли своему господину въ пользованіе или свой навыкъ въ дѣлахъ комерческихъ и судебныхъ (адвокаты, разнаго рода агенты), или свои способности и таланты (поэты, медики, художники и скульпторы) или, наконецъ, свои силы и труды, какъ, напр., кузнецы, плотники и др. Первый разрядъ былъ очень разнообразенъ и рабы, занимающіе высшія ступени служебной іерархіи, часто предпочитали свободѣ свое настоящее полуневольническое состояніе, изъ чего приходится заключить, что положеніе ихъ было лучше, чѣмъ положеніе многихъ свободныхъ; слѣдовательно, можно предположить, что въ свою очередь многіе свободные старались занять такія мѣста на службѣ у частныхъ лицъ; этому есть, впрочемъ, и доказательства, (какъ, напр., свидѣтельства, встрѣчаемыя у римскихъ писателей); особенно подходитъ этотъ выводъ къ вольноотпущеннымъ.

Что касается до второй категоріи, то адвокатамъ и агентамъ выгодно было продолжать веденіе дѣлъ своего господина; они пользовались извѣстною свободой сравнительно съ другими рабами, имѣли больше значенія и по всему этому можно сказать, что свободные и даже граждане не гнушались такими обязанностями. Еще выше стояло занятіе поэзіею и искуствами. Августъ далъ имъ всѣмъ права полнаго гражданства; поэты и художники жили у частныхъ лицъ, пользовались ихъ покровительствомъ; взамѣнъ чего восхваляли ихъ въ своихъ произведеніяхъ; многіе богатые оказывали покровительство поэтамъ изъ чувства хвастовства, самолюбія; другіе изъ любви къ искуству. На одинаковой съ ними степени стояли и ораторы. Сенека, напр., занималъ самыя высшія государственныя должности. У частныхъ лицъ были и рабы ораторы; свободные часто жили у нихъ по найму. Особенно выдвинулъ это искуство императоръ Неронъ; онъ самъ произнесъ двѣ рѣчи и его примѣру послѣдовала вся знать. Никогда краснорѣчіе не развивалось такъ сильно въ Римѣ какъ въ это время и примѣръ свѣтоія показываетъ, что и въ Римѣ краснорѣчіемъ можно было достигнуть славы и извѣстности: Сенека изъ простого раба сдѣлался сенаторомъ. Такая же судьба касалась полезныхъ искуствъ, такъ и пріятныхъ, напр., гладіаторы. Игры всевозможныхъ видовъ и сортовъ составляли постоянно любимое увеселеніе римскаго народа. Но особенно любимы были бои людей съ дикими животными и между собою; по закону такая участь постигала всѣхъ государственныхъ и уголовныхъ преступниковъ, осужденныхъ на смертную казнь. Впослѣдствіи богатые граждане стали посылать на игры въ циркахъ своихъ рабовъ. Побѣдитель получалъ награду; преступникъ— избавлялся отъ наказанія; невольникъ—отпускался на волю. Послѣ того какъ Неронъ не побрезгалъ выйдти на арену цирка и сразиться въ рукопашномъ бою съ какими-нибудь преступниками или рабами, то понятно, что всякій свободный могъ безнаказанно для своей чести и добраго имени выступить для увеселенія и забавы голоднаго народа, живущаго на милостяхъ императора.

Въ третьемъ разрядѣ мы видимъ рабовъ ремесленниковъ, рабовъ торговцевъ. Здѣсь конкуренція между свободнымъ и рабскимъ народомъ была очень жестокая. Гдѣ было выдержать бѣдному человѣку конкуренцію съ громадными, правильно организованными мастерскими богатыхъ гражданъ, которыя производили при даровомъ трудѣ продукты и лучше, и дешевле. Но нужда и тутъ заставила людей покориться себѣ; тѣ, которые не могли сами заниматься, шли работать въ чужія мастерскія, гдѣ они смѣшивались съ рабами. Рѣдко соединялись они въ особыя артели, чтобы совокупными силами преодолѣть конкуренцію рабскаго труда.

Главное занятіе сельскихъ рабовъ составляло земледѣліе; римляне вскорѣ отвыкли сами заниматься земледѣліемъ и предоставили это рабамъ; но со временемъ и этотъ способъ оказался невыгоднымъ; работа, не смотря на всевозможныя принудительныя мѣры, шла вяло, такъ какъ работникъ не былъ заинтересованъ въ успѣхѣ своего труда; кромѣ того и надзоръ за рабами былъ очень труденъ, особенно за пастухами; тутъ надо было вполнѣ полагаться на ихъ вѣрность, что врядъ-ли можно было сдѣлать. Тогда то и явилась мысль о замѣнѣ рабскаго труда свободнымъ; каждый крупный землевладѣлецъ дробилъ свои земли на мелкіе участки, каждый участокъ поручалъ или рабу, или свободному (по особому договору), бралъ себѣ на долю извѣстную часть готовыхъ продуктовъ, а остальное предоставлялъ колону (такъ стали называться эти рабы-фермеры; отъ латинскаго слова colo — жить, обитать). Колонъ былъ лично свободенъ, но онъ былъ прикрѣпленъ къ своей землѣ и принадлежалъ ея владѣльцу. Выгоды колоната стали ясны очень скоро и всѣ богатые римляне спѣшили примѣнить новую систему къ своимъ землямъ. Сперва колоны были только изъ свободныхъ, а потомъ стали изъ рабовъ дѣлать колоновъ, прикрѣпивъ ихъ къ землѣ. Договоръ съ свободными могъ быть заключенъ или безсрочно, или на какой-нибудь извѣстный срокъ, по истеченіи котораго колонъ уходилъ, или заключался новый договоръ. Если договоръ былъ безсрочнымъ, т. е. на вѣчныя времена колонатъ дѣлался наслѣдственнымъ. Развитіе колоната и его быстрое распространеніе было вызвано многими причинами, изъ которыхъ самыми важными являются слѣдующія: 1) римляне, покоривъ весь свѣтъ, дошли до непреодолимыхъ препятствій, они или достигли морей, или границы ихъ соприкасались съ пустынями и степями, или же, наконецъ, сосѣдями ихъ являлись такіе народы, которымъ нечего было бояться римскихъ нападеній; они сами своими внезапными и неожиданными набѣгами наводили страхъ на римское правительство, бороться съ ними не было никакой возможности; они обыкновенно вели бродячій образъ жизни и римскіе легіоны не могли угнаться за ними въ ихъ дебряхъ и пустыняхъ. Рабству пополняться было не откуда. Но за то эта же причина заставила колонатъ развиться до страшныхъ размѣровъ. Римляне еще въ послѣднія времена республики, покоривъ какой-нибудь народъ, признавали всѣ его земли общественною собственностью, но треть изъ нихъ все-таки оставляли въ пользованіи покоренныхъ, а остальныя двѣ трети вмѣстѣ съ жившими на нихъ людьми обращались въ колоніи, а жители въ колоновъ. Такая система развилась особенно при императорахъ; они старались всѣхъ бѣдныхъ гражданъ выселить на незанятыя земли въ отдаленныхъ римскихъ провинціяхъ, достигая этимъ двухъ цѣлей: 1) они удаляли безпокойные элементы изъ Рима, а 2) укрѣпляли свое вліяніе на отдаленныхъ окраинахъ.

Рабство въ своемъ чистомъ видѣ уничтожалось, но терялась также и свобода; благодаря вліянію императорской власти, и рабство, и свобода соединились въ какой-то средній типъ— это крѣпостное состояніе; лично человѣкъ былъ свободенъ, но дѣйствія его подлежали контролю; и какъ колонъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, а ремесленникъ къ корпораціи, также было и съ людьми, находящимися на государственной службѣ. Идея закрѣпощенія проходитъ черезъ всѣ учрежденія имперіи.

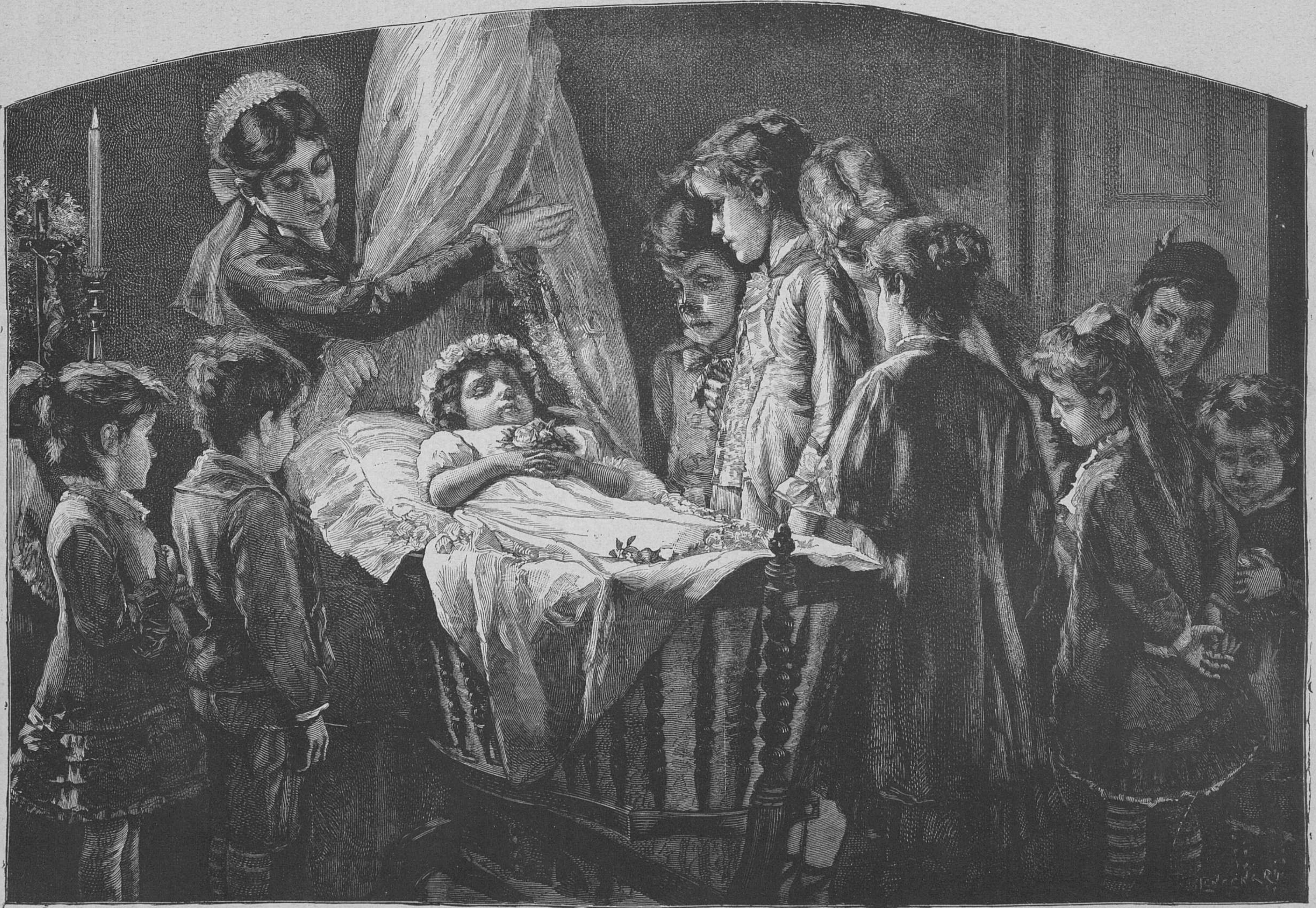
Имперія при своемъ основаніи не уничтожила республики, но поглотила ее въ себѣ; Августъ не уничтожилъ ни одной республиканской должности, но соединилъ ихъ всѣ въ своемъ лицѣ, съ прибавкой титула императора. Эти права даны были ему народомъ, любовь котораго Августъ съумѣлъ заслужить, но даны были и ему пожизненно; онъ же успѣлъ сдѣлать ихъ наслѣдственными. Эта революція совершалась медленно, постепенно, но тѣмъ прочнѣе; она шла шагъ за шагомъ, но никогда не отступала назадъ. Все приводило къ тому, чтобы усилить значеніе личности императора. Онъ дѣлается какъ бы первымъ гражданиномъ, онъ самый богатый, самый могущественный. Понятно станетъ теперь, что если неимущіе граждане шли въ услуженіе къ другимъ, то тѣмъ охотнѣе они должны были пойдти на частную службу императора. Онъ представлялъ изъ себя государство и служить ему значило служить государству. Но въ домашнемъ устройствѣ его слугами являются рабы, слѣдовательно, рабы занимаютъ высшія придворныя должности. Люди, приближенные къ императору, пользовались его довѣріемъ; онъ могъ давать имъ извѣстныя порученія, выходившія изъ придворной области и касавшіяся другихъ государственныхъ учрежденій. Въ этомъ случаѣ никто не станетъ сомнѣваться, что даже самые знатные стремились занимать придворныя мѣста, такъ что и въ этомъ случаѣ свободные вытѣснили рабовъ. Что было съ высшими ступенями придворной іерархіи, то было и съ болѣе низкими, высшія должности занимались знатными, низшія—людьми болѣе бѣдными; выработались даже извѣстные титулы, извѣстныя званія, присущія каждому чину. Первымъ лицомъ въ государствѣ считался послѣ императора—конюшій. Если не было прямого наслѣдника, то императоромъ дѣлался великій конюшій. Императоръ Валентиніанъ далъ эту должность брату своему, желая такимъ способомъ передать ему престолъ. (Тоже явленіе мы видимъ и у насъ въ Россіи; примѣръ Бориса Годунова; званіе это послѣ него было уничтожено во избѣжаніе повторенія дѣйствій Бориса). Лица, занимающія придворныя должности, старались сохранить ихъ въ своемъ родѣ ради того значенія, которыя онѣ имѣли, и почестей, и привилегій съ ними соединенныхъ.

Не то было съ администраціею и съ войскомъ. Тамъ правительство само должно было провести закрѣпощеніе. Для примѣра разберемъ только финансовую систему и организацію войска.

Положеніе имперіи было бѣдственно; собирать подати было дѣломъ не только труднымъ, но и опаснымъ—сборщиковъ не было, т. е. не было такихъ, которымъ правительство могло довѣрить такое важное дѣло. Вотъ оно и учредило сборщиковъ, обязанныхъ собрать извѣстную сумму; въ случаѣ недобора они отвѣчали своимъ имуществомъ. Сборщики составляли артели съ круговой порукой; но артели, основанныя насильственно, хорошо дѣйствовать не могли; правительство не могло положиться на ихъ собственный контроль другъ за другомъ и поэтому учредило цѣлое управленіе для надзора за дѣйствіями финансовыхъ чиновниковъ. Всѣ эти люди считались на государственной службѣ, имъ всѣмъ шло содержаніе, расходы были громадны. Тогда правительство рѣшилось прибѣгнуть къ системѣ откуповъ, которыми занималось обыкновенно сословіе всадниковъ, самое богатое въ имперіи. Они заключали между собой товарищества и брали на откупъ сборы податей и повинностей въ той или другой провинціи. Они давали относительно мало; собирали много и притомъ съ помощью принудительныхъ мѣръ и возстановляли народъ противъ себя. До откупной системы, когда правительство еще само со-

ТУРИНСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА ДЕМИТРІО КОЗОЛА.

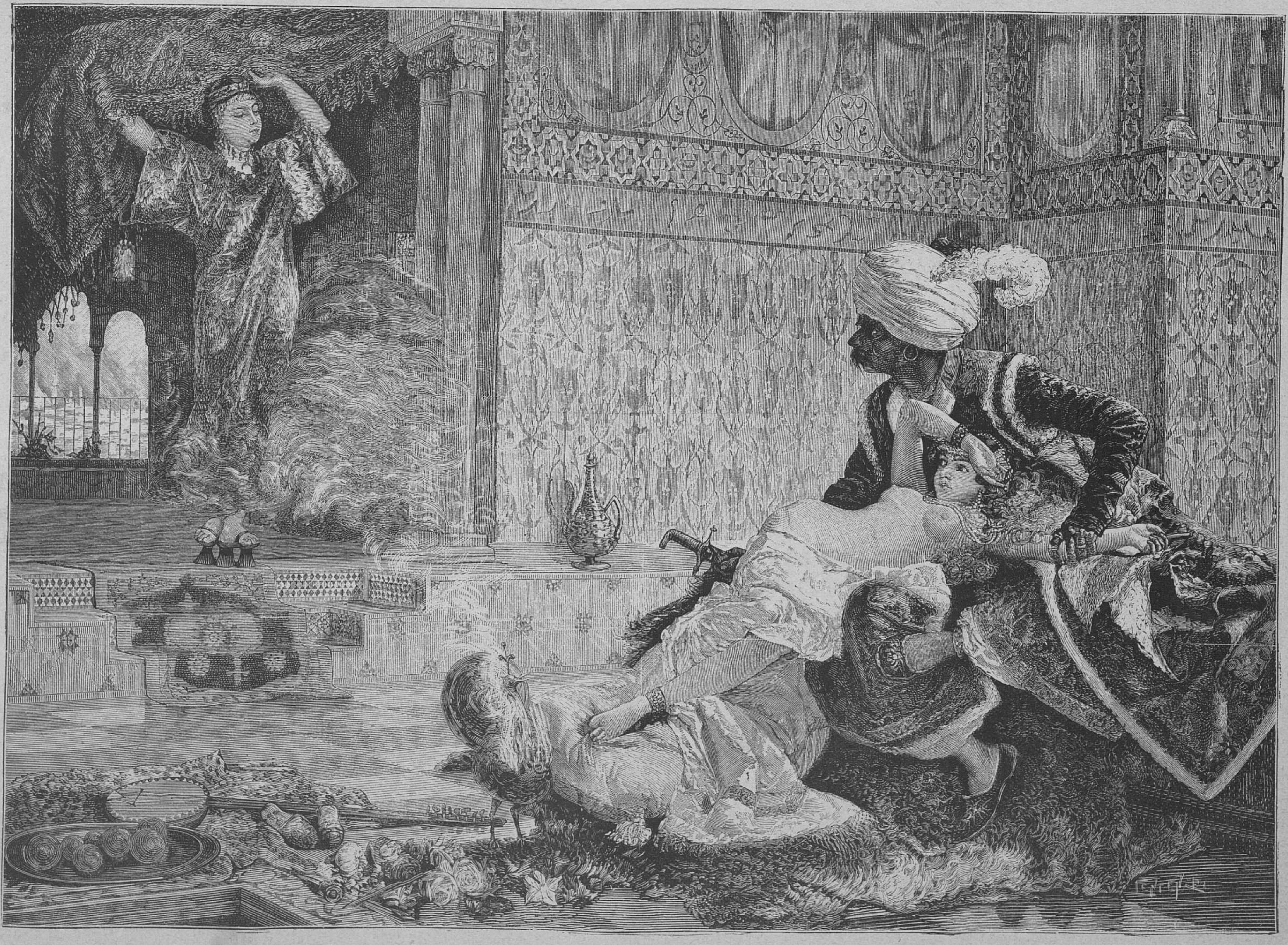


Посѣщеніе умершаго ребенка.

Рѣзалъ на деревѣ Центенари.

ТУРИНСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 Г.

КАРТИНА МОДЕСТО ФАУСТИНЕ.



Ianghen var!

Рѣзалъ на деревѣ Центенари.

бирало подати, оно закономъ запретило отдѣльнымъ лицамъ выходить изъ товарищества и эти должности сдѣлались наслѣдственными, но уже по желанію правительства. Въ судебной отрасли администраціи мы видимъ повтореніе тогоже явленія.

Войско сначала стояло очень высоко въ общественномъ мнѣніи, но потомъ распространеніе роскоши побуждало отдѣльныхъ лицъ отказываться отъ военной службы. Вскорѣ это стремленіе сдѣлалось всеобщимъ. Никто изъ гражданъ не хотѣлъ служить въ войскѣ; рѣшили принимать всякаго, было только одно условіе необходимое—это свобода. Но потомъ и на это стали смотрѣть сквозь пальцы. Вскорѣ поставка рекрутъ въ войско сдѣлалась государственною повинностью, потому что иначе приходилось оставаться безъ войска. Каждый землевладѣлецъ долженъ былъ пропорціонально своему имуществу поставить рекрутовъ. Отдавались, конечно, рабы. Дѣти солдатъ должны были сдѣлаться солдатами. Все одно и тоже стремленіе къ закрѣпощенію. Наконецъ, правительство сочло за самое удобное нанимать на свою службу варварскія полчища и защищать свои предѣлы, посылая одни народы противъ другихъ. Начальники этихъ наемныхъ легіоновъ играютъ въ Римѣ первую роль; они возводятъ и низводятъ императоровъ, самовольно распоряжаются судьбою имперіи, пока, наконецъ, въ 472 году Одоакръ не захватилъ совершенно престола въ свои руки.

Въ 476 году западная римская имперія пала.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Слава.

Разсказъ **Уида**; переводъ **А. Г. Сахаровой.**

Въ Мюнхенѣ была ясная теплая погода; начиналось баварское лѣто; большая равнина походила на зеленое море, пѣнящееся цвѣтами; въ прозрачномъ воздухѣ обрисовывались отдаленныя тирольскія Альпы и Воральбергъ. Внизу, у извилистой рѣки красовались березы и буковые кустарники въ ихъ пышной листвѣ; большія водяныя лиліи прислонялись своими прелестными бѣлыми головками къ старымъ почернѣвшимъ доскамъ водяныхъ мельницъ. Въ странныхъ древнихъ зданіяхъ старыхъ улицъ, подъ остроконечными крышами и навѣсами—горшки базилики, пущенный по шнуркамъ зеленый горохъ и корзины, наполненныя левкоями и другими душистыми, простыми, домашними цвѣтами, стояли и цвѣли вездѣ, гдѣ только надъ ними виднѣлся клочекъ голубого неба или за ними заботливо ухаживала дѣвушка. А надъ башнями и шпилями, надъ звенящими колоколами Домкирхе и Фрауенкирхе и всѣми куполами и шпилями, которыми изобилуетъ городъ, кружились и летали съ пяти часовъ утра до семи вечера стаи сѣрыхъ и голубыхъ, черныхъ и бѣлыхъ голубей.

Въ обширномъ, скучномъ новомъ городѣ было пыльно и жарко; большіе скверы были пусты; нарисованные на зданіяхъ фрески пестры и неумѣстны, портики и фризы казались слишкомъ обнаженными и рѣзали глаза, потому что имъ не доставало того, что связано съ ними въ Италіи: имъ не достаетъ глубокихъ, рѣзкихъ тѣней, знойнаго воздуха, чувства неизмѣримаго пространства и безконечнаго свѣта, полуобнаженныхъ фигуръ, граціозныхъ, какъ стебель маиса, большихъ, бросающихъ тѣнь крышъ, брызжущихъ фонтановъ, смуглой босой ноги дѣвушки, идущей по широкой, освѣщенной солнцемъ дорогѣ, старой, бронзовой лампы надъ разрисованнымъ алтаремъ, серебристыхъ оливковыхъ алей; они, повидимому, сами сознаютъ, что являются диссонансомъ и дисгармоніей въ германскомъ воздухѣ. Но въ старомъ городѣ еще уцѣлѣла своеобразная красота въ деревянныхъ фасадахъ домовъ, въ рѣшетчатыхъ и рѣзныхъ окнахъ, въ могучихъ остроконечныхъ крышахъ, въ раззолоченныхъ и разрисованныхъ вывѣскахъ, въ обожженныхъ солнцемъ стѣнахъ, въ сѣрыхъ церквахъ, въ лавочкахъ скорняковъ, въ игрушечныхъ мастерскихъ, въ угрюмыхъ крѣпостяхъ, въ живописныхъ закоулкахъ. Здѣсь, въ старомъ Мюнхенѣ миннезингеровъ, каменьщиковъ, бюргеровъ и буршей, сохранилась своеобразная прелесть. Старый Мюнхенъ сохраняетъ эту прелесть и тогда, когда снѣгъ лежитъ на его крышахъ, и тогда, когда на деревьяхъ шумитъ листъ. Тутъ дѣвушки все еще носятъ цвѣтные платки на головахъ и деревянные башмаки на ногахъ; студенты съ длинными волосами, падающими до плечъ, и въ ихъ сѣрыхъ плащахъ, все еще походятъ на иллюстраціи къ древнимъ баладамъ. Здѣсь отчасти уцѣлѣлъ оттѣнокъ и ароматъ среднихъ вѣковъ, какъ въ сверткѣ разрисованнаго пергамента, сложенномъ и позабытомъ въ столѣ вмѣстѣ съ увядшими розовыми листьями и миніатюрой безъ подписи и названія.

Мюнхенъ строителя-короля Людвига, безъ сомнѣнія, величественъ, но скученъ и неумѣстенъ съ его грудами мрамора и гранита, большими прямыми улицами и разрисованными фресками стѣнами, на которыхъ голыя женщины, кажется, дрожатъ отъ суроваго альпійскаго вѣтра; конечно, онъ великъ, но онъ антипатиченъ, какъ и та бронзовая Баварія, въ головѣ которой можетъ умѣститься шесть человѣкъ, хотя у этой неуклюжей Афины-Артемиды нѣтъ огня въ глазахъ и осмысленнаго выраженія рта.

Новый Мюнхенъ, стремясь быть Афинами или Римомъ, однообразенъ и скученъ, но старый Мюнхенъ своеобразенъ и скроменъ и имѣетъ историческій и романтическій оттѣнокъ съ его деревянной мостовой и тучами голубей надъ головой. Въ немъ столько своеобразной красоты, сколько въ каждомъ старомъ разрисованномъ требникѣ или золотомъ кубкѣ среднихъ вѣковъ, такъ что трудно повѣрить, чтобы когда-нибудь у человѣка достало силы послать каменьщиковъ съ молотами разрушать его и вывести вмѣсто него голыя гипсовыя стѣны. Бродить по старому Мюнхену все равно, что читать напечатанную готическими буквами баладу о Генрихѣ Львѣ или объ императорѣ Максимиліанѣ; въ немъ есть мрачные уголки и закоулки, яркіе проблески разрисованныхъ оконъ; смѣлыя круглыя окна, скульптурные гербы, аркады и арки, башни и бойницы, свѣтъ и тѣнь, гармонія и неправильность, однимъ словомъ, все, что имѣютъ старые города и въ особенности старые тевтонскіе города. Въ дни, когда ярмарка въ полномъ разгарѣ на Маріенплацѣ, или въ праздникъ Тѣла Господня, когда король и дворъ, и церковь, и цехи, и сенатъ, и магистратъ—всѣ скромно шествуютъ по усыпаннымъ цвѣтами улицамъ, легко забыть настоящее и перенестись въ прошлое къ монахамъ, которые дали имя городу,—къ монахамъ, сидящимъ спокойно въ своихъ мастерскихъ, въ то время какъ во всѣхъ окружающихъ ихъ странахъ свирѣпствовала война.

Въ Мюнхенѣ праздновали праздникъ Тѣла Господня и весь городъ, и новый и старый, украсился гирляндами и драпировками, картинами и зеленью, флагами и коврами. Величественная процесія прошла въ церковь и изъ церкви, архіепископъ благословилъ народъ, король обнажилъ свою красивую голову и церемонія кончилась; всѣ были довольны и счастливы и увѣрены въ томъ, что Богъ съ ними и съ ихъ городомъ, въ особенности обитатели старыхъ кварталовъ, которые любили церемоніи и праздники; добрыя, богобоязливыя семьи, работающія прилежно, живущія честной и здоровой жизнью, веселятся спокойнымъ, радостнымъ, невиннымъ весельемъ; большинство изъ нихъ во многомъ остались такими-же, какими были ихъ предки въ тѣ дни, когда Густавъ-Адольфъ назвалъ ихъ городъ золотымъ сѣдломъ на сухопарой клячѣ. Подъ «сухопарой клячей» онъ подразумѣвалъ безплодныя равнины, дающія почти исключительно только одно сѣно. Эти равнины, однакожъ, изобилуютъ зеленью и когда наступаетъ средина лѣта, все населеніе, мужчины, женщины и дѣти, по воскресеньямъ и праздникамъ выходятъ изъ городскихъ воротъ, чтобы попраздничать по своему, понѣжиться на муравѣ подъ вишневыми деревьями у маленькихъ голубыхъ и бѣлыхъ кофеень, вдоль по рѣкѣ. У самыхъ стѣнъ стараго города быстро несетъ свою ледниковую воду Изаръ, не окровавленный, какъ былъ онъ послѣ Гогенлиндена, но блестящій и бурливый. Надъ Изаромъ наклоняются прачки съ обнаженными руками; по берегамъ его студенты гоняются за дѣвушками; иногда вѣтеръ доноситъ звуки гитары, веселые и плясовые или печальные и медленные. Въ это время года вся Баварія зеленѣетъ и все сверкаетъ свѣжестью. За городомъ вся деревня представляется пространствомъ, поросшимъ клеверомъ и цвѣтущими вишнями. Днемъ и ночью телѣги, переполненныя веселыми пасажирами, выѣзжаютъ изъ города въ поля. Всякій, у кого есть хотя крейцеръ за душой, желаетъ насладиться глоткомъ пива и запахомъ сирени; старикамъ пріятно посидѣть и покурить свои разрисованныя трубочки подъ навѣсомъ ихъ любимой гостинницы, а молодымъ отрадно побродить со своими возлюбленными подъ тѣнью Анлагена или, еще дальше, подъ большими березами Гросхеслое.

Сегодня старые и молодые стремились за городъ еще съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ въ другіе лѣтніе дни. Сегодня праздникъ Тѣла Господня,—день, въ который нельзя не радоваться, не выйдти на воздухъ, не быть въ обществѣ другого живого человѣческаго существа. Только немногіе совсѣмъ «одинокіе» люди сторонились отъ общаго шума и движенія.

Христіанъ Винтеръ былъ именно такимъ одинокимъ человѣкомъ. Онъ стоялъ у окна своего чердака и смотрѣлъ на спѣшащія, счастливыя толпы людей, далекій отъ нихъ, какъ онъ былъ далекъ отъ счастья всю свою жизнь. Онъ думалъ о дняхъ своей юности.

Мансарда, въ которой онъ жилъ, находилась на окраинѣ города, за Изарскими воротами, на верху стараго большого деревяннаго дома, переполненнаго семьями, какъ птичникъ переполненъ птицами. Всѣ обитатели этого дома были очень бѣдны. За домомъ тянулся длинный садъ, поросшій травой, съ старыми яблонями, давно переставшими приносить плоды и однимъ или двумя дикими каштанами. Передъ домомъ тянулась дорога съ ея зелеными деревьями, а за дорогой рѣка, всегда прекрасная, шумливая, сѣро-зеленая, какъ море.

Христіанъ Винтеръ облокотился на свой деревянный подоконникъ и наблюдалъ за проходившими мимо городскими жителями; онъ былъ голоденъ и не хотѣлъ въ этомъ признаться; у него не было рубашки подъ его поношеннымъ сюртукомъ, потому что у него была всего на все одна рубашка и та въ корытѣ. Онъ былъ красивый и высокій старикъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, съ смуглымъ, правильнымъ, красивымъ, благороднымъ лицомъ. Онъ сильно горбился, потому что былъ слабъ отъ старости и отъ недостатка такой питательной пищи, которая могла-бы поддержать его изнуренный организмъ, и такъ худъ, что руки его казались прозрачными. Но все-же онъ былъ еще красивый старикъ и могъ-бы заработать себѣ кусокъ хлѣба въ мастерскихъ художниковъ въ качествѣ натурщика для Велизарія у воротъ, или Лира въ бурю, или Каласа на эшафотѣ, если-бы онъ не былъ такъ гордъ. Онъ все еще считалъ себя художникомъ; но публика покончила съ нимъ; никто не хотѣлъ слышать о немъ, даже не хотѣлъ знать о его существованіи. Почему? Онъ не могъ рѣшить этого. У славы есть свои капризы и она часто распредѣляетъ свои дары съ страннымъ пристрастіемъ и жестокостью, которая какъ-бы издѣвается надъ людьми. Случайность, недостатокъ случая, застѣнчивость, недостатокъ въ друзьяхъ, или, можетъ быть, простое неумѣнье добиться успѣха, то или другое, или все вмѣстѣ, сдѣлали его неизвѣстнымъ, заброшеннымъ; но все-таки онъ оставался художникомъ и никогда во всѣ долгіе и одинокіе годы своей жизни не могъ принудить себя быть чѣмъ-нибудь инымъ.

Онъ раздумывалъ о своей жизни сегодня, стоя и смотря на веселый потокъ чужихъ жизней, струпвшійся подъ зелеными деревьями рядомъ съ кипучими водами ледника. Его долей было всегда стоять такъ и смотрѣть, какъ мимо него катилась волна людской жизни, точно такъ же, какъ сегодня мимо него катились волны сѣраго Изара и праздничной толпы. Онъ думалъ о своей пылкой, тревожной юности, полной мечтаній, прелестныя иллюзіи которой не могъ уничтожить даже глухой гулъ пушекъ Іены или Ваграма. Онъ былъ бѣднякомъ съ самаго дѣтства, сыномъ мюнхенскаго мѣдника, обремененнаго многочисленной семьей. Его часто ругали и били дома за то, что онъ мечталъ о пустякахъ въ то время, когда другіе работали. Но онъ не обращалъ вниманія ни на ругань, ни на удары. Онъ всегда говорилъ себѣ: «я художникъ». Въ то время, когда вездѣ раздавались только звуки битвъ, онъ видѣлъ только божественную улыбку искуства. Онъ отправился въ Италію босикомъ изъ любви къ искуству и учился, и работалъ, и поклонялся, и пережилъ лихорадку великихъ стремленій и усилій и высшее спокойствіе сознанія своей силы. Онъ вѣрилъ въ себя: это много, но это еще не все. Когда прошли годы и люди не хотѣли увѣровать въ него, эта благородная вѣра въ себя стала для него тяжелой и трудной. Одинъ призракъ сопровождалъ его во всѣ долгіе годы его жизни и постоянно шелъ съ нимъ рядомъ; этимъ вѣрнымъ товарищемъ его была неудача. Слава капризна, но неудача рѣдко бываетъ непостоянной и крѣпко держится за того, къ кому она разъ привязалась.

Почему онъ былъ неудачникомъ? почему никогда не обратили на него вниманія? почему его картины покрылись слоемъ сѣрой, неотчищаемой паутины, такъ какъ никто не обращалъ на нихъ вниманія, никто не хотѣлъ взглянуть на нихъ? Онъ не могъ отвѣтить на это. Можетъ быть, потому, что онъ былъ слишкомъ гордъ, а бѣдности не дозволяется гордость. Можетъ быть, потому, что онъ никогда не умѣлъ ползти на высоту на колѣняхъ. Можетъ быть, потому, что онъ всегда ошибался, вѣруя въ себя, и у него не было таланта. Кто рѣшитъ это? Самъ онъ не могъ рѣшить.

Ему минуло семьдесятъ пять лѣтъ въ этотъ праздникъ Тѣла Господня. Прошло такъ много времени съ той поры, когда онъ ушелъ изъ дома своего отца съ однимъ хлѣбомъ и нѣсколькими грошами въ котомкѣ, обратясь лицомъ къ югу и сказавъ себѣ: «я хочу быть художникомъ». Это было такъ давно, болѣе полвѣка назадъ, а все-таки люди втеченіи всего этого времени ни разу не произнесли имени Христіана Винтера. Онъ вложилъ всю свою душу въ свои картины, но никто не хотѣлъ и взглянуть на нихъ. Онъ жилъ суровой жизнью, терпѣлъ холодъ и голодъ, и страданья, жилъ безъ веселаго общества мужчинъ и безъ ласки женщинъ, посвящалъ свои ночи и свои дни и всѣ свои лучшіе годы и силы искуству, а все-таки свѣтъ ничего не слыхалъ о немъ. Онъ рисовалъ на деревѣ для торговцевъ рисунками ради куска насущнаго хлѣба и даже не всегда могъ получить и такую работу, потому что и на самыхъ низшихъ ступеняхъ искуства были люди, моложе или счастливѣе его, которыхъ предпочитали ему. Отъ постоянныхъ неудачъ у него были холодныя, суровыя, даже отталкивающія манеры, что многіе ставили ему въ вину. Онъ не отрицалъ этого, онъ сознавалъ, что это могло быть и справедливо. Если сѣверные вѣтры дуютъ постоянно, то могутъ-ли ледники растаять, если-бы они и захотѣли? Есть ужасная гравюра Франсуа Жифара, изображающая большую, парадную барку искуства и мертвыхъ и утопающихъ людей у ея носа; Христіанъ Винтеръ былъ однимъ изъ тѣхъ многихъ людей, которымъ никогда не удается вскарабкаться на барку, онъ всегда оставался за бортомъ, только волны никогда не смыкались надъ нимъ; онѣ всячески старались утопить его, но онъ боролся съ ними. Но теперь онъ уже очень усталъ; ему было семьдесятъ пять лѣтъ, ни одного друга во всемъ свѣтѣ и ему приходилось работать изъ-за насущнаго хлѣба, который казался ему такимъ горькимъ. Когда-то онъ поклялся, что имя Христіана Винтера будетъ напечатано золотыми буквами на воротахъ его родного города; но люди или судьба были сильнѣе его и если имя Христіана Винтера будетъ написано гдѣ-нибудь, то развѣ только на черной доскѣ надъ могилой нищаго, да и то едва-ли.

Внизу спѣшили веселыя толпы, въ воздухѣ смѣшивались звуки смѣха и музыки, лая собакъ и крика дѣтей. Христіанъ стоялъ въ своей мансардѣ и смотрѣлъ на нихъ, много часовъ онъ не ѣлъ; ни одинъ торговецъ рисунками давно уже не заказывалъ ему ничего и его послѣдняя монета была давно истрачена. Правда, у него было много картинъ, много рисунковъ, потому что онъ жилъ въ этой мансардѣ тридцать лѣтъ и часто лишалъ себя необходимой пищи, чтобы купить красокъ и масла. Но никто не хотѣлъ покупать ихъ, этихъ безумныхъ грезъ неизвѣстнаго старика, такихъ-же безполезныхъ и негодныхъ, какъ застлавшая ихъ паутина. Къ тому-же почти съ того самаго дня, какъ онъ поселился въ этой мансардѣ, онъ пересталъ даже показывать или предлагать ихъ. Къ чему? Люди презирали и оттолкнули его во время его смѣлой, мечтательной юности, оттолкнули его въ то время, когда онъ былъ въ цвѣтѣ и силѣ зрѣлости, а онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы крикнуть имъ въ своей одинокой старости: «я забытъ». Дѣйствительно, онъ былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ упавшій листъ спѣшащими ногами, наступающими на него и даже не знающими, что онъ лежитъ въ пыли.

Въ то время, когда онъ стоялъ у окна мансарды и смотрѣлъ внизъ, улыбка на минуту освѣтила его суровое лицо и исчезла такъ же быстро, какъ исчезаетъ лучъ солнца въ зимнее утро, когда все небо покрыто снѣговыми тучами. Онъ увидѣлъ улыбку на обращенномъ къ нему счастливомъ, невинномъ лицѣ дѣвушки. Она была внизу, среди толпы, хорошенькая бѣленькая дѣвочка съ золотистыми кудрями, съ букетомъ розъ на груди; съ нею рядомъ шелъ молодой человѣкъ, ея возлюбленный. Она была дочерью одного изъ обитателей этого дома; очень бѣдная, какъ и всѣ живущіе подъ этой крышей, но веселая и счастливая. Она пѣла цѣлый день, какъ птичка, сидя за прялкой или хозяйничая наверху, или расхаживая у большихъ лилій стараго сада.

Лили взглянула на верхъ и улыбнулась; она боялась его, но въ праздникъ Тѣла Господня она была такъ счастлива и въ тоже время такъ смѣла, какъ львица. Съ нею былъ ея красивый, мужественный, честолюбивый Бертольдъ, который долженъ былъ жениться на ней, если онъ получитъ—какъ онъ былъ увѣренъ—премію за проектъ новыхъ фресокъ. Доступъ къ состязанію былъ открытъ всѣмъ баварцамъ, изучавшимъ живопись и обладающимъ извѣстнымъ талантомъ и положеньемъ, которыми по общему приговору обладалъ ея Бертольдъ. Правда, онъ былъ только ученикомъ; но онъ былъ племянникомъ извѣстнаго нюренбергскаго рисовальщика на стеклѣ и въ немъ были всѣ задатки великаго человѣка; и ея отецъ и его дядя порѣшили, что если онъ получитъ премію, назначенную королевской комисіей, то можетъ жениться на своей избранницѣ. И такъ, Бертольдъ и Лили прошли мимо, по алеѣ, передъ ними бѣжала его большая, коричневая собака; они шли поиграть въ мячъ на цвѣтущихъ лугахъ, а затѣмъ вмѣстѣ вечеромъ послушать «Зигфрида», что составляетъ радость и священный долгъ для каждаго баварца.

Бертольдъ и Лили были счастливы, какъ голуби, летающіе надъ ними; Христіанъ Винтеръ смотрѣлъ на нихъ сверху, спина его гнулась подъ тяжестью семидесяти пяти лѣтъ и голодъ грызъ его. Но онъ не завидовалъ ихъ счастью, онъ былъ человѣкъ великодушный, онъ только думалъ про себя: «отчего юность такъ коротка и старость такъ длинна?» Потомъ онъ отвернулся отъ окна, точно видъ веселой толпы, освѣщенной солнечнымъ свѣтомъ, заставлялъ его страдать, усѣлся и въ первый разъ въ этотъ день нарушилъ свой постъ. Идя домой, онъ нашелъ на улицѣ брошенный кусокъ хлѣба и поднялъ его, такъ какъ его никто не оспаривалъ у него, даже собака. Хлѣбъ былъ черствый и мокрый, но все-же это былъ хлѣбъ. Онъ съѣлъ его, удивляясь зачѣмъ онъ живетъ, тогда какъ каждый день мимо него на кладбище проносили и провозили столько покойниковъ: блѣдныхъ, маленькихъ дѣтей съ цвѣтами на груди, и дѣвушекъ, и молодыхъ женщинъ, и мужчинъ, умершихъ въ цвѣтѣ лѣтъ,—всѣхъ, кого люди желали удержать.

Свѣтъ угасалъ, день проходилъ, волны рѣки окрасились красноватымъ отблескомъ заходящаго солнца. Въ его мансардѣ стемнѣло еще до наступленія вечера. Онъ сидѣлъ спокойно и тѣни сгущались около него; вѣдь онъ былъ въ тѣни всю свою жизнь. Вѣроятно, скоро настанетъ и его кончина—отъ голода; едва ли ему удастся опять найдти хлѣбъ; денегъ у него не было, а милостыни онъ не хотѣлъ принимать. Самъ-ли онъ виноватъ въ своемъ положеніи? Онъ былъ человѣкъ скромный передъ Богомъ и своей совѣстью, но гордый передъ людьми. Онъ говорилъ себѣ, что онъ вѣрно самъ виноватъ въ чемъ нибудь. Можетъ быть, онъ всегда ошибался, люди были правы и онъ не правъ; можетъ быть, у него не было таланта.

Вечеръ воцарился вполнѣ, на рѣкѣ все еще мелькалъ розовый отблескъ, въ воздухѣ все еще слышались смѣхъ толпы и звуки отдаленной музыки. Онъ былъ одинъ среди толпы.

Въ его дверь постучались. «Войдите», сказалъ онъ утомленнымъ голосомъ. Никто никогда не ходилъ къ нему, кромѣ прачки, стиравшей его рубашку и пристававшей къ нему изъ за крейцера, который онъ ей былъ долженъ. Дверь отворилась медленно, какъ бы подтолкнутая робкой рукой. Маленькая бѣлокурая головка дѣвушки заглянула въ комнату. Это была маленькая Лили въ ея праздничномъ нарядѣ съ букетомъ іюньскихъ розъ на груди. Она держала маленькій подносъ въ рукѣ; на подносѣ лежали бѣлый хлѣбъ и нѣсколько кусочковъ ветчины и стояла фляжка бѣлаго пива.

— Г-нъ Винтеръ, сказала Лили очень робко,—мы сидимъ за ужиномъ... мы такъ счастливы и мы думали, что, можетъ быть, вы... вы совершенно одни и никогда не заказываете ничего и я... я...

Она остановилась и вспыхнула и робко подвинула подносъ на край деревяннаго стола. Она очень хорошо знала, что онъ умираетъ отъ голоду и ей хотѣлось скрыть, что она это знаетъ, но ей было только шестнадцать лѣтъ и она еще не умѣла скрывать и притворяться.

Блѣдное, исхудалое лицо Христіана Винтера тоже вспыхнуло гнѣвомъ и стыдомъ. Онъ много выстрадалъ въ жизни, но никогда не жаловался и никогда не встрѣчалъ и не просилъ состраданья. Онъ отодвинулъ подносъ не грубо, потому что его принесла дѣвушка, но рѣшительно.

— Вы очень добры, сказалъ онъ,—благодарю васъ, милая фрейленъ, но я уже поужиналъ.

Голубые глаза дѣвушки наполнялись слезами.

— Вы сердитесь!

— Нѣтъ, моя дорогая, вы очень добры, но мнѣ ничего не нужно.

— Зачѣмъ вы такъ не добры и такъ горды? сказала она робко и въ тоже время капризно.— Это такая бездѣлица и это доставило бы мнѣ такое удовольствіе.

Христіанъ Винтеръ слегка улыбнулся; онъ жилъ въ этомъ домѣ, когда она родилась, и видѣлъ, какъ она выросла хорошенькой, веселенькой честной дѣвушкой, любящей повеселиться и потанцовать подъ вишнями и послушать оперу, но точно также любящей прясть и вязать у печки и заботиться о томъ, чтобы ея отцу жилось спокойно и удобно.

— Мнѣ доставитъ удовольствіе, если вы унесете этотъ подносъ, сказалъ онъ ласковѣе.—Вы добрая дѣвушка, Лили, и я надѣюсь, что вашъ женихъ будетъ достоинъ васъ. Доброй ночи!

Онъ бережно и осторожно вытолкнулъ ее изъ комнаты съ ея подносомъ, заперъ за нею дверь и остался въ темнотѣ.

— А я знаю, что онъ умираетъ съ голоду! рыдала дѣвушка, спускаясь по лѣстницѣ въ кухню, гдѣ было такъ свѣтло, такъ весело, такъ радостно; подъ лампами висѣли зеленыя вѣтви и голосъ ея Бертольда пѣлъ подъ сладостные звуки цитры. Они всѣ были бѣдны, судя по общепринятому взгляду на богатство, но Лили казалось, что они богаты всѣмъ, что можетъ дать жизнь въ сравненіи съ этимъ одинокимъ, голоднымъ молчаливымъ старикомъ въ его темной мансардѣ подъ звѣздами.

— О, если ты когда-нибудь будешь такимъ, мой Бертольдъ! прошептала она.—Онъ тоже былъ художникомъ.

Бертольдъ улыбнулся. Онъ былъ красивый, сильный малый съ ясными глазами и считался изъ числа умныхъ и спокойныхъ учениковъ въ мюнхенскихъ школахъ. Бертольдъ улыбался съ презрительной самоувѣренностью молодости.

— Этого нечего бояться, сказалъ онъ.

Онъ презиралъ неудачниковъ глубокимъ презрѣніемъ юноши. Самъ онъ надѣялся добиться славы Каульбаха. Ему было двадцать три года, онъ былъ уменъ и влюбленъ. Жизнь казалась ему прекрасной возлюбленной, которая никогда не можетъ измѣнить ему. Онъ былъ очень бѣденъ, но это ничего не значило, онъ будетъ богатъ черезъ десять лѣтъ. Онъ намѣревался непремѣнно получить заказъ короля, заказъ фресокъ для новыхъ воротъ, которыя предполагалось назвать воротами Тангейзера; полученіе этого заказа будетъ путемъ къ славѣ. Картины слѣдовало нарисовать втеченіи года. Доступъ къ состязанью былъ открытъ каждому баварскому подданному. Это была честолюбивая попытка со стороны Бертольда, потому что многіе извѣстнѣйшіе художники уже участвовали въ состязаніи, но ничто не мѣшало получить премію даже ученику, если онъ удовлетворитъ извѣстнымъ условіямъ. До окончанія года осталось только нѣсколько недѣль. Рисунки Бертольда были готовы. Онъ вѣрилъ въ нихъ со всей пылкой увѣренностью, свойственной его темпераменту. Никому не позволялось взглянуть на нихъ, исключая Лили, которая, конечно, вѣрила въ нихъ еще сильнѣе и восторженнѣе, чѣмъ онъ самъ, и ея отца, который ничего не смыслилъ въ живописи.

Когда между его товарищами разнеслась молва о томъ, что Бертольдъ намѣревается участвовать въ состязаніи, то они сочли это большой смѣлостью съ его стороны, но у Бертольда была та спокойная презрительная увѣренность въ своихъ силахъ, которая приводитъ къ успѣху. Онъ былъ искуснымъ рисовальщикомъ и ему легко доставались награды въ школѣ. Потерпѣть неудачу казалось ему невозможнымъ. Онъ рѣшился во что бы то ни стало добиться преміи. Тщеславіе было его единственнымъ недостаткомъ. Онъ былъ мужественный, правдивый, пылкій юноша, сынъ почтенныхъ родителей, родившійся въ баварскомъ лѣсу и привыкшій къ суровой жизни съ самой колыбели. Его отецъ былъ лѣсничимъ и погибъ въ борьбѣ съ орлами; орлица, у которой онъ похитилъ орлятъ, вырвала у него глаза. Но Бертольдъ тщеславился не своей красивой наружностью, не своей крѣпостью, не тѣмъ упорнымъ прилежаніемъ, которымъ онъ пробилъ себѣ путь во время своей ученической жизни въ Мюнхенѣ, но своимъ художественнымъ талантомъ; въ немъ онъ не сомнѣвался.

— Нельзя-ли мнѣ привести старика взглянуть на твои великіе этюды? спросила у него Лили въ этотъ вечеръ и онъ засмѣялся.

— Старика? Того, что умираетъ отъ голоду въ мансардѣ и все-таки не захотѣлъ отвѣдать твоихъ булокъ? Что̀ онъ понимаетъ и какую цѣну можетъ имѣть его мнѣніе? Онъ всю свою жизнь былъ неудачникомъ. Никто никогда не слыхалъ о немъ. Онъ всю свою жизнь копошился въ темнотѣ.

— Въ его мансардѣ есть прелестныя картины, сказала робко Лили, потому что она немного боялась своего честолюбиваго и властолюбиваго возлюбленнаго.

— Вѣроятно, всѣ застланныя паутиной?

— Да, на нихъ очень толстый слой паутины, потому что ихъ некому чистить, сказала Лили, непонявшая насмѣшки.

Она боялась также и высокаго, молчаливаго, печальнаго человѣка, который былъ такимъ-же старымъ и въ то время, когда она была крошкой на рукахъ матери. Но въ тоже время она была привязана къ нему изъ жалости и по привычкѣ, какъ была привязана къ старой сторожевой собакѣ, жившей въ домѣ со времени ея дѣтства.

Бертольдъ засмѣялся, поцѣловалъ ее и ударилъ по струнамъ своей цитры.

— Произведенія, которыя я создамъ, никогда не покроются паутиной, сказалъ онъ съ гордой увѣренностью въ своей будущности—съ той-же увѣренностью, которую чувствовалъ Христіанъ Винтеръ полвѣка тому назадъ.

Лили не могла смѣяться. Воспоминаніе объ темной, одинокой, безрадостной мансардѣ какъ-то леденило и печалило ее.

Бертольдъ Ландси ушелъ отъ нея въ десять часовъ; ея отецъ не любилъ, чтобы у него поздно засиживались. Ночь была свѣтлая и толпы народа сновали по улицамъ. Но Бертольдъ, хотя и любилъ сильно Лили, не сталъ любоваться звѣздами и мечтать о ней. Онъ встрѣтился съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, учениковъ академіи и студентовъ, и они всѣ вмѣстѣ отправились въ одно увеселительное заведеніе. Они танцовали въ саду до тѣхъ поръ, пока луну не смѣнилъ ясный, золотистый разсвѣтъ. Тутъ завязалась ссора, вышелъ скандалъ; одинъ студентъ ударилъ Бертольда по лицу; Бертольдъ сбросилъ его на землю; они пошли въ уголокъ танцовальнаго сада, гдѣ сирени росли, и дико, бѣшено, по студенчески подрались на сабляхъ. Кончилось тѣмъ, что Бертольда вынесли умирающимъ, его бѣлокурыя кудри слиплись отъ запекшейся крови, его смѣлые глаза были закрыты.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

(Характеристика **М. Балласа**).

Наконецъ колосальный трудъ оконченъ, картина «Явленіе Христа народу» достигла конца, геніальный художникъ ѣдетъ изъ Италіи съ даромъ Россіи въ Петербургъ. Въ іюнѣ 1858 года картина уже была выставлена въ Зимнемъ дворцѣ. Недѣли 2 прошло въ нетерпѣливомъ ожиданіи, пока она, установленная въ академіи художествъ, открылась глазамъ любопытныхъ.

Кто такой художникъ, какова жизнь его, какъ сложился его талантъ, какія идеи волновали его при созданіи его безсмертнаго произведенія, что хотѣлъ выразить и какъ съумѣлъ выразить ихъ въ колосальномъ трудѣ своемъ: вотъ какіе вопросы посыпались со всѣхъ сторонъ и не успѣли они найдти еще себѣ отвѣта, какъ художника не стало.

Александръ Андреевичъ родился въ 1806 году 16 іюля въ Петербургѣ. По своему семейному положенію обстоятельствами онъ былъ поставленъ въ самое выгодное положеніе для выработки изъ себя художника. Отецъ его, професоръ академіи, извѣстенъ былъ какъ солидный, добросовѣстный наставникъ, судьбѣ угодно было, чтобы въ числѣ его учениковъ находились два самыхъ громкихъ имени нашего художественнаго міра: Брюловъ и сынъ его. Эти два художника еще со школьной скамьи служили выразителями двухъ совершенно различныхъ направленій въ художественномъ мірѣ и оба сдѣлались одинаково знаменитыми въ выраженіи своихъ идей. Одинъ шелъ въ ширь, другой въ глубь, одинъ билъ на эфектъ, роскошь красокъ, другой въ геніальной простотѣ и выраженіи истинности душевнаго міра хотѣлъ передать полноту, глубину идеи и возвышенность волновавшихъ его чувствъ.

О домашней обстановкѣ, при которой совершалось постепенное развитіе художественныхъ силъ и умственное и нравственное формированіе характера художника намъ извѣстно слишкомъ мало. Ограничиваясь болѣе внѣшнимъ очеркомъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя уцѣлѣли для насъ благодаря краткимъ воспоминаніямъ товарища его дѣтства Рабуса *) и тщательному, но къ сожалѣнію небогатому добытыми фактами по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, изысканію г. Петрова **), мы имѣемъ возможность воспроизвести тотъ путь, которымъ шло созданіе и выработка такой геніальной личности, какъ нашъ художникъ.

Патріархальныя начала, общія въ жизнисемействъ прежнихъ художниковъ, несмотря на свой узкій кругъ умственнаго богатства и на небольшой запасъ культурныхъ идеаловъ, по отношенію къ нашему художнику имѣли отрицательно хорошее вліяніе. Они мѣшали развиваться дурнымъ наклонностямъ ребенка, пріурочивая его, при извѣстныхъ уже задаткахъ, къ серьезности и сосредоточенности. Въ вяломъ, неповоротливомъ мальчикѣ еще никто не угадывалъ слишкомъ ранняго развитія внутренней жизни въ смыслѣ самоуглубленія, какъ задатка будущей глубины и фанатика въ преслѣдованіи своей идеи. Здѣсь можно замѣтить и прослѣдить психологическій процесъ въ ходѣ развитія столь замѣчательной личности. Нерѣдко случается, что люди, имѣющіе въ будущемъ явиться выразителями какой-нибудь полной въ своемъ содержаніи идеи, представляютъ изъ себя въ дѣтствѣ молчаливыхъ, застѣнчивыхъ и съ виду тупо сосредоточенныхъ субъектовъ.

Между тѣмъ семейная обстановка среди которой

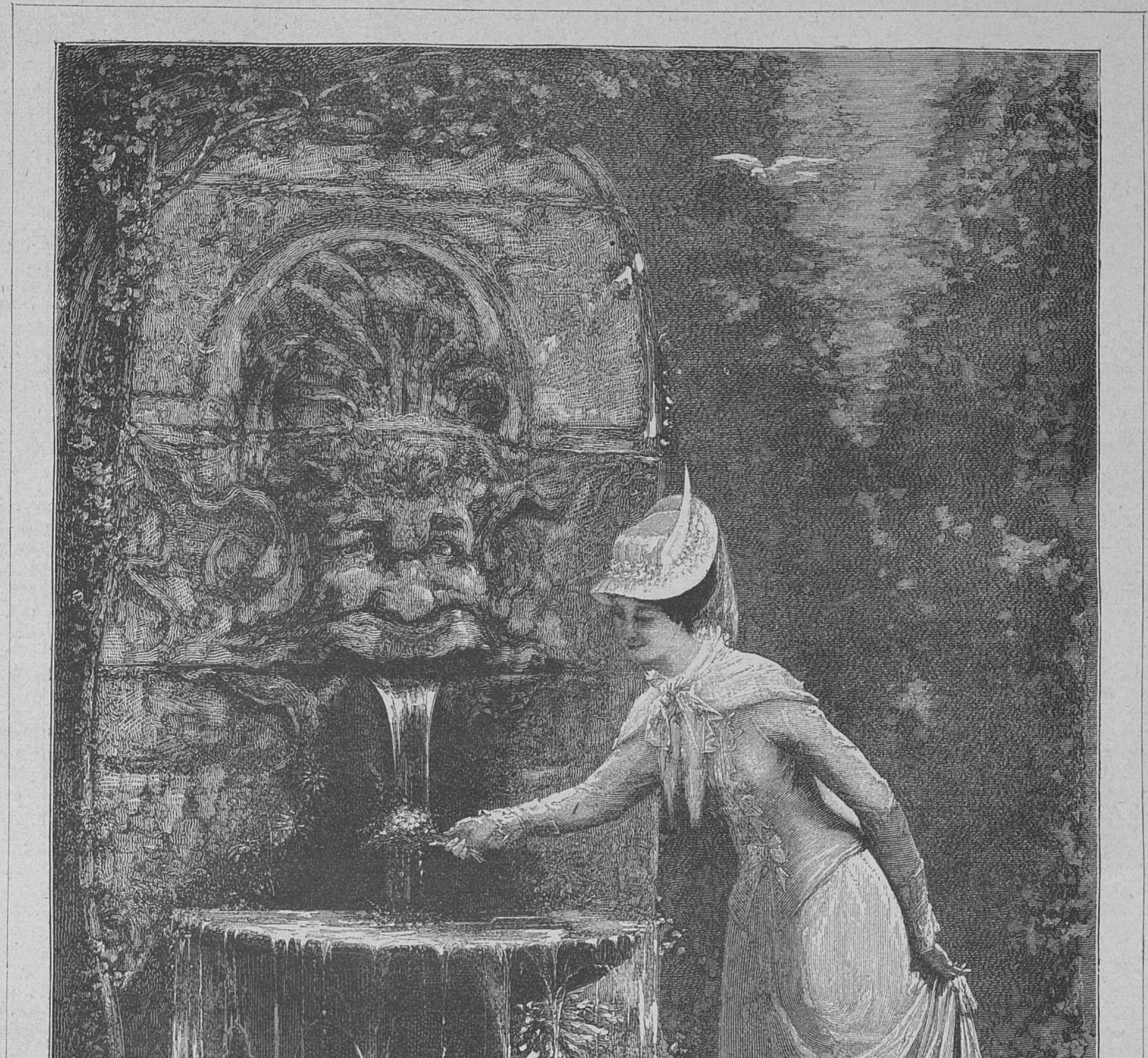
---

*) Нѣсколько словъ воспоминанья объ Ивановѣ и его письма къ Рабусу, «Н. Ромазановъ. (Лит. отд. Моск. вѣд. 1858 г. № 84).

**) Русскіе историч. живописцы, Ал. Анд. Ивановъ, П. Петровъ, «Сѣверное Сіяніе», т. III, вып. 4.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БЮРГЕРСА.



У фонтана.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

пришлось рости художнику, была далеко не весела. Несчастье тяготѣло надъ отцомъ Александра Андреевича; имѣя всѣ права на дальнѣйшее развитіе своего таланта, который безспорно высказывался уже въ его первыхъ трудахъ, онъ вслѣдствіе ранней (22 лѣтъ) женидьбы, благодаря существовавшему въ художественномъ мірѣ того времени оригинальному воззрѣнію на женатыхъ художниковъ, не могъ совершить художественную поѣздку въ Италію. Ранняя женитьба и постоянно увеличивающаяся семья заставляли бѣднаго труженика въ потѣ лица зарабатывать для семьи пропитаніе. Мѣсто професора исторической живописи, свидѣтельствуя о глубокомъ знакомствѣ его съ своимъ предметомъ, не могло обезпечить семью художника и вотъ онъ беретъ на себя постоянно частные срочные заказы. Нужда, срочная работа для пропитанія, вѣчный трудъ отца: вотъ содержаніе той обстановки среди которой складывался характеръ мальчика.

Не получивъ солиднаго и многосторонняго, столь необходимаго для всякаго художника, образованія, онъ впослѣдствіи много употребилъ работы на свое развитіе и уже при концѣ своего жизненнаго поприща могъ произнести столь глубоко прочувствованныя слова: «Мы, художники, получаемъ слишкомъ недостаточное общее образованіе—это связываетъ намъ руки. Сколько силъ у меня будетъ стану стараться, чтобы молодое поколѣніе было избавлено отъ недостатка, отъ котораго мнѣ пришлось избавляться такъ поздно. Вотъ теперь я, какъ видите, долженъ узнавать съ большимъ затрудненіемъ то, что другіе узнаютъ въ университетѣ. А какъ трудно отдѣлываться въ мои лѣта отъ вкоренившихся понятій»*).

Съ самаго ранняго дѣтства Александръ Андреевичъ научился владѣть карандашемъ и рисовалъ уже совершенно свободно, когда на 11-мъ году поступилъ въ академію. 18 лѣтъ выступилъ онъ съ первымъ произведеніемъ на академической выставкѣ. Работа эта («Пріамъ проситъ у Ахилеса тѣло Гектора») писанная на заданную тему, слабая по отзывамъ компетентныхъ цѣнителей въ общемъ исполненіи, не лишена была и существенныхъ достоинствъ; роскошь красокъ, рельефность позитуры и необыкновенно тщательное изученіе изображеннаго имъ прэдмета показали въ немъ недюжиннаго начинающаго художника. Черезъ 3 года послѣ перваго своего опыта, Ивановъ представилъ на академическую выставку 1827 года новое свое произведеніе: «Іосифъ въ темницѣ, толкующій сны хлѣбадару и виночерпію» и картонъ «Лаокоонъ»; автору дали золотую медаль. «Если Ивановъ будетъ впередъ идти такимъ шагомъ, то въ скорости станетъ въ среду первокласныхъ художниковъ нашихъ», писалъ Свиньинъ.

Золотая медаль рѣшила участь Иванова: общество поощренія художниковъ положило послать его на свой счетъ въ Италію, и когда прекратилось содержаніе Брюлову, то пансіонъ его перешелъ Иванову, но прежде чѣмъ окончательно была рѣшена и приведена въ исполненіе его поѣздка въ Италію, прошло болѣе 2-хъ лѣтъ, втеченіи которыхъ онъ нарисовалъ огромный прекрасный картонъ съ античной статуи «Бойца» карандашемъ, находящійся теперь въ музеѣ живописи и ваянія въ Москвѣ. Другое его произведеніе, написанное около этого-же времени для общества поощренія художествъ: «Белерофонтъ, отправившійся въ походъ противъ Химеры» непонравилось обществу и причинило художнику цѣлый рядъ непріятностей.

Еще юношей Ивановъ сблизился съ Рабусомъ, художникомъ многосторонне развитымъ. Жажда познанія тайнъ, смысла, законовъ исторіи, значенія искуства, никогда не ослабѣвавшая, была въ высшей степени присуща натурѣ Иванова и счастливое стеченіе обстоятельствъ, сведшее его съ Рабусомъ, дало возможность удовлетворенія пытливой природѣ юнаго художника. Ивановъ часто обращался къ своему другу съ просьбой найдти и перевести ему тѣ мѣста изъ нѣмецкихъ авторовъ, въ которыхъ они говорятъ, что либо объ искуствѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію также художественно, педагогическое вліяніе отца-професора на развитіе таланта его сына; очевидно, здѣсь Ивановъ могъ почерпнуть и выработать то богатство техники, которое при полнотѣ внутренняго содержанія дало въ результатѣ такой сильный и симпатичный талантъ нашего художника.

Готовясь къ отъѣзду за-границу Ивановъ бралъ приватные уроки французскаго языка у добрѣйшаго швейцарца Люзена, чтобъ не быть въ чужихъ краяхъ безъ книгъ и безъ языка. Между тѣмъ одно обстоятельство едва не измѣнило всей судьбы нашего художника; онъ не могъ избѣгнуть первой любви, которая такимъ роковымъ образомъ отразилась на его отцѣ. Влюбился онъ въ молодую прекрасную дочь музыканта Г., жившаго въ академіи, и уже предлагалъ себѣ рѣшительный вопросъ: жениться-ли на любимой дѣвушкѣ или ѣхать въ Италію, но Рабусъ убѣдилъ его избрать поѣздку. Характеризуя дружескія отношенія Иванова къ Рабусу мы приведемъ подлинныя письма его къ другу, изъ которыхъ видно какое важное значеніе имѣла дружба Рабуса, жившаго въ Москвѣ, къ нашему художнику. «Вамъ уже извѣстно съ какимъ восторгомъ принята была моя картина Іосифъ въ темницѣ. Тогда всѣ согласны были, что она болѣе заслуживаетъ, нежели золотую медаль перваго достоинства, что даже я сдѣлалъ болѣе, нежели Карлъ Брюлого (хотя никогда я-бы не хотѣлъ состязаться съ симъ геркулесомъ)... Боецъ (какъ сказывалъ) окончаніемъ своимъ далеко превзошелъ прежнія картины; но вмѣстѣ съ похвалой получилъ я и выговоръ за продолжительность времени, которое я употребилъ на сей рисунокъ (т. е. 6 мѣсяцевъ). Обезпокоенный симъ долженъ былъ я начать картину, представляющую Беллерофона, когда онъ отправляется въ походъ противъ Химеры. Во время производства терпѣлъ я разныя непріятности, въ числѣ которыхъ была и та, что давно не пріобрѣтая трудами денегъ, я истощилъ казну свою... Срокъ или конецъ прошлаго лѣта окончилъ я мою картину, которая и была принята съ неудовольствіемъ; говорили, что она совсѣмъ не превосходитъ Іосифа въ темницѣ и что имъ (членамъ общества) оскорбительно, что я не слушаю ихъ совѣтовъ въ разсужденіи композиціи. Однимъ словомъ, упомянутая картинка чуть не поколебала отправленіе мое въ чужіе края... Въ сихъ-то обстоятельствахъ, любезнѣйшій Карлъ Ивановичъ, вы мнѣ подали руку дружества; — отсюда-то я ваши письма называю лучшими подарками...» Въ другомъ письмѣ отъ 27 апрѣля 1829 года художникъ пишетъ Рабусу «...избѣгая скучныхъ учтивостей не стану описывать то время, когда вы, пребывая въ Петербургѣ, оторгали мою душу отъ мрачныхъ и непріятныхъ мыслей... коротко скажу, что пребываніе ваше здѣсь мнѣ доставляло пользу вмѣстѣ съ пріятностью, и потому вы можете себѣ представить сколь отрадно мнѣ получать отъ васъ письма, которыя справедливо называю я подарками».

Когда срокъ отъѣзда сталъ приближаться «общество, видя мѣшкотность въ разсужденіи отправленія за-границу», спросило посредствомъ г. Григоровича (секретаря общества поощренія художествъ), рѣшено-ли у художниковъ *), чтобы вмѣстѣ отправиться, по первому пути, въ чужіе края **), Ивановъ всячески хотѣлъ оттянуть отъѣздъ къ тому времени, когда-бъ онъ могъ совершить поѣздку вмѣстѣ съ Рабусомъ, какъ съ человѣкомъ солидно образованнымъ. Въ письмѣ отъ 22 марта 1830 года Ивановъ убѣдительно проситъ Рабуса поспѣть къ 12 маю въ Петербургъ для совмѣстной отправки за-границу, ибо этимъ, пишетъ художникъ: «я могъ бы имѣть давно желаемую пользу отъ вашего товарищества какъ въ отношеніи просвѣшенія, такъ и въ дорожныхъ обстоятельствахъ; могъ-бы еще имѣть передъ собой переводы истинно для меня полезные и наконецъ могъ-бы освободиться отъ Яненки», съ которымъ Ивановъ не сходился характеромъ.

Наконецъ въ началѣ мая 1830 года, жданная минута настала и вотъ Ивановъ стоитъ на обѣтованной для всякаго художника почвѣ, класической странѣ искуства и дивной природы.

Молодой человѣкъ, исполненный жажды художественной дѣятельности поселился черезъ годъ путешествія по сѣверной Италіи въ Римѣ и началъ жить для искуства. Здѣсь работалъ онъ въ отшельнической тишинѣ. Отсюда, черезъ годъ работы, посланъ былъ имъ на выставку въ академіи въ Петербургѣ 1833 года картонъ, копія съ произведенія Микель-Анжело: «Сотвореніе человѣка». Вслѣдъ за этимъ трудомъ Ивановъ принялся за другой, который и окончилъ въ 2 года и отправилъ вначалѣ 1836 года въ Петербургъ. Картина «Явленіе Христа Маріи Магдалины въ Гевсиманскомъ саду» есть и будетъ перломъ среди художественныхъ произведеній русскаго отдѣленія въ Эрмитажѣ. Остановимся подольше на этомъ произведеніи и возстановимъ передъ читателемъ образъ ея. Жены, пришедшія съ плачемъ ко гробу Христа, разошлись опечаленныя, между тѣмъ Марія Магдалина, видѣвшая его изнуреннымъ, измученнымъ, испустившимъ духъ на крестѣ, хотя и примѣчаетъ знакомую ей дорогую фигуру, но не узнаетъ, пока преображенный, живой Іисусъ не сказалъ ей «Марія», тогда она, упавъ на колѣни воскликнула: «Учитель». Таково библейское содержаніе сюжета, который изобразилъ Ивановъ. Кто видѣлъ эту картину, тотъ не забудетъ и строго прекрасное идеальное лицо Спасителя, полное того преобладанія духовнаго элемента надъ тѣлеснымъ, которое составляетъ характеристическую черту произведеній Рафаэля, и обрадованную, растроганную Марію съ глазами полными слезъ, бросающуюся къ ногамъ Спасителя. Переходъ горя въ радость и счастье на лицѣ ея переданъ съ поразительной психологической вѣрностью. Насколько намъ позволитъ наше чисто субъективное мнѣніе, мы готовы вслѣдъ за художественной критикой признать произведеніе это при простотѣ и безъискуственности выраженія высокой мысли и чистотѣ христіанскаго пониманія вѣры, по сухости и сдержанности кисти, при слабости колорита, по направленію художника, принадлежащимъ къ вѣку Перуджино, Леонардо да-Винчи и молодости Рафаэля. Тѣмъ болѣе для насъ можетъ показаться характерною та скромность художника, съ которой онъ выражаетъ робость и проситъ о снисхожденіи у общества, посылая свое произведеніе въ Петербургъ на выставку; но достоинства картины говорили сами за себя, успѣхъ былъ блистательный: академія признала его членомъ а общество сверхъ прежнихъ лѣтъ предложило ему еще на 2 года пансіонъ.

Во все время своего пребыванія въ Италіи Ивановъ работалъ не переставая; такъ, въ первые 4 года онъ написалъ картину небольшаго размѣра: «Апполонъ среди любимцевъ своихъ Гіацинта и Кипариса», ѣздилъ для изученія искуства во Флоренцію, Болонью, Парму, Миланъ, Венецію, обработалъ сюжетъ «Явленія Христа народу». Надъ этимъ сюжетомъ долго работалъ онъ; упрощая композицію, онъ перекомпановалъ 5 эскизовъ, руководствуясь совѣтами Овербена, Корнеліуса, Торвальдсена и Комучини. Наконецъ къ 1836 году эскизъ этой картины съ фигурами въ одну треть человѣческаго роста, былъ имъ оставленъ и онъ началъ свой колосальный трудъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его теперь можемъ видѣть. Въ концѣ 1836 года и началѣ 1837 г. Ивановъ былъ боленъ, что мѣшало ему приступить освовательно къ своей капитальной работѣ. Лѣтомъ 1837 г., уже вполнѣ выздоровѣвъ, Ивановъ принялся за основательное изученіе представителей религіозной школы, для чего и совершилъ поѣздку въ сѣверную Италію смотрѣть живопись Джато, да въ Ассизи и Орвіето изучать основательно Фіезоле, Гирландайо, Синьорелли. Чтобы рѣшить, какіе успѣхи сдѣлалъ художникъ за время своего пребыванія въ Италіи, достаточно будетъ того факта, что въ промежутокъ изученія вышеуказанныхъ художниковъ онъ сдѣлалъ этюдъ деревьевъ для пейзажей, удивляющихъ и теперь техникой своей обработки даже спеціалистовъ, тогда какъ въ 1829 году самъ-же онъ писалъ Рабусу: «скажу только, что въ первый разъ въ жизни сожалѣю я, что не умѣю писать ни цвѣтовъ, ни плодовъ, ни даже ландшафтовъ».

Уже въ это время постоянные расходы на переѣзды, для изученія искуства, поглощали все содержаніе Иванова, такъ что онъ рѣшился скопировать фреску Рафаэля въ Ватиканѣ: «Умѣренность, сила и благоразуміе», за которое ему общество дало 3,000 руб.

Къ началу весны 1838 года былъ оконченъ эскизъ большой картины и посланъ 20 апрѣля въ общество поощренія художниковъ. Недостатокъ средствъ для продолженія картины заставилъ Иванова, при посылкѣ ея просить снова о продленіи пенсіи; общество согласилось, но лишь на одинъ годъ и то въ послѣдній разъ. Пріѣздъ Государя-Наслѣдника въ Римъ рѣшилъ участь картины; Ивановъ посвятилъ свой трудъ его величеству, исходатайствовавъ себѣ трехлѣтнее содержаніе; и этотъ срокъ прошелъ, а художникъ все еще не могъ окончить ее.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Библіографическій листокъ.

Russischer Novellenschatz, von Andreas Ascharin. Mitau. 1880.—**Fragments d'un journal, par comtesse Miloradovitsch.** Paris. 1880.— **Un acte héroique, par comtesse Miloradovitsch.** Paris. 1880.

Изъ иностранныхъ книгъ мы должны указать на три книги, изданныя нашими соотечественниками: г. Андреемъ Ашаринымъ и графиней Милорадовичъ. Андрей Ашаринъ сразу сдѣлалъ себѣ въ нѣмецкой литературѣ имя, издавъ отдѣльною книжкой свои переводы стихотвореній Лермонтова. Мы не знаемъ въ переводной литературѣ ничего болѣе удачнаго, чѣмъ эти переводы: буквальная точность, духъ лермонтовской поэзіи, музыкальность лермонтовскаго стиха, все это сохранено г. Ашаринымъ. Нужно очень сильно любить переводимаго автора и имѣть не малый поэтическій талантъ, чтобы сдѣлаться такимъ переводчикомъ. Теперь г. Ашаринъ задался прекрасною мыслью познакомить нѣмцевъ съ лучшими разсказами русскихъ писателей и началъ изданіе въ переводѣ повѣстей Гоголя, В. Крестовскаго и другихъ. Каждой повѣсти переводчикъ предпосылаетъ характеристику переводимаго имъ автора. Точность перевода, прекрасный языкъ, все это заставляетъ только пожелать успѣха полезному труду г. Ашарина. Вторая книга — оригинальный разсказъ графини Милорадовичъ, написанный на французскомъ языкѣ,—совсѣмъ иного рода и едва-ли сдѣлаетъ особенную честь русскимъ. Это старая исторія любви «страшной женщины», съ крушеніемъ поѣзда, съ взбѣсившеюся лошадью во время грозы, съ потопленіемъ героини, съ сумасшествіемъ героя и съ тѣмъ тонкимъ ядомъ вѣчныхъ поцѣлуевъ и объятій, который такъ легко одуряетъ праздныхъ людей, отдающихся отъ бездѣлья сластолюбивымъ грезамъ. Къ счастію, эта исторія праздныхъ упоеній любовью не можетъ быть вредною уже потому, что она скучна и монотонна до невозможности, какъ все малоталантливое и безцѣльное. Читая эту книжку, вы не знаете, для кого и для чего ее писали и печатали. Вы видите только, что авторъ начитался Золя и рѣшился самъ побаловать въ этомъ же родѣ, забывъ о бездѣлицѣ—о талантѣ Золя, безъ котораго всѣ эти мелкія сальности даже и не интересны. Впрочемъ, виноватъ: французамъ, вѣроятно, будутъ интересны невозможный французскій языкъ и та масса опечатокъ, которыми испещрена эта книга. Ошибки начинаются со второй строки, гдѣ фигурируетъ «une vrai pluie», и кончаются на послѣдней страницѣ, гдѣ красуется «elle se mit a sangloter». Тутъ вы найдете, что герой говоритъ: «je ne l'avais vue», «on m'a toujours obéie», «je t'enmène», «sansfroid» и т. д. Ужь не ради-ли шутки ее такъ прокоректировали французы, отличающіеся всегда опрятностью своихъ изданій? Второй романъ графини Милорадовичъ въ томъ же родѣ. И на что это нужна инымъ людямъ слава плохихъ писателей?

---

*) Современникъ 1858 г. XI ст. 177 и д.

*) Общество предложило ему въ спутники Яненко.

**) Изъ письма Иванова къ Рабусу отъ 22 марта 1830 г. (Лит. прибав. Москов. Вѣд. № 19).

Стишки «Сентиментальнаго юмориста», альбомъ первый: амуръ и эротъ; альбомъ второй: изъ системы міра. Сбп. 1881 г.

Всѣ стихотворенія, собранныя въ этой небольшой книжкѣ, уже были напечатаны авторомъ въ разныхъ юмористическихъ журналахъ подъ псевдонимами «Сентиментальнаго поэта», «Григорія новорожденнаго», «Шаловливаго поэта». Это просто легкія шутки въ стихахъ, не лишенныя веселости и комизма. Авторъ, вѣроятно, и самъ не придаетъ имъ серьезнаго значенія и довольствуется тѣмъ, что его стихи вызовутъ у читателя въ свободную минуту улыбку. Но такъ какъ авторъ не лишенъ извѣстной доли таланта, то мы посовѣтывали бы ему болѣе тщательно заняться отдѣлкой этихъ бездѣлушекъ: небрежность отдѣлки сильно вредитъ подобнымъ произведеніямъ, которыя только тогда и подкупаютъ читателя, когда они вполнѣ легки и граціозны. Мы даемъ ему этотъ совѣтъ потому, что форма нѣкоторыхъ изъ этихъ бездѣлокъ и легка, и граціозна, и если другія изъ нихъ грѣшатъ по этой части, то это происходитъ прямо отъ небрежности, а не отъ неумѣнья.

Такъ называемый животный магнетизмъ. Физіологическія наблюденія професора **Р. Гейденгайна.** Переводъ съ четвертаго дополненнаго изданія, подъ ред. д-ра И. Павлова. С.-Петербургъ. 1880. Изд. Н. Цылова. Ц. 75 к.

Давно уже былъ констатированъ тотъ фактъ, что если заставить экспериментируемое лицо пристально смотрѣть на блестящій предметъ (граненое стеклушко, металическую пуговицу и т. п.), то по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени экспериментируемый впадаетъ въ безсознательное состояніе, составляющее нѣчто среднее между обыкновеннымъ сномъ и бодрствованіемъ. Въ такомъ состояніи человѣкъ хотя и не лишается способности къ проявленію тѣхъ или другихъ дѣйствій, тѣхъ или другихъ поступковъ, но всѣ поступки его отличаются автоматичностью, совершенно непроизвольнымъ характеромъ. Онъ буквально становится слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ экспериментатора, безпрекословно исполняя приказанія послѣдняго, какъ-бы эти приказанія не были дики и нелѣпы.

Въ новѣйшее время это замѣчательное состояніе, извѣстное подъ именемъ гипнотизма или животнаго магнетизма, вновь обратило на себя вниманіе ученыхъ и главнымъ образомъ благодаря ловкимъ фокусамъ Ганзена, который, слѣдуя указаннымъ выше пріемамъ, быстро пріобрѣлъ себѣ громкую популярность, какъ замѣчательнаго «магнетизера», обладающаго способностью приводить желающихъ въ безсознательное состояніе и подчинять ихъ своей волѣ. Въ наше время, когда всевозможныя спиритическія бредни продолжаютъ сбивать съ толку не только обыкновенныхъ смертныхъ, но даже серьезныхъ, выдающихся въ своей области ученыхъ, основательно опасаться, что и «поразительныя явленія», обнаруживаемыя состояніемъ гипнотизма, которымъ такъ ловко всегда умѣли пользоваться гг. «магнетизеры», могутъ, въ свою очередь, послужить пищею для заключенія о существованіи таинственныхъ, новыхъ чудесныхъ силъ. Предупредить подобное заблужденіе, составляетъ прямую задачу положительнаго, естественно-ученаго знанія, чѣмъ между прочимъ и объясняется появленіе за послѣднее время въ западно-европейской литературѣ цѣлой серіи прекрасныхъ работъ по вопросу о гипнотизмѣ. Къ числу такихъ именно работъ относится названный выше трудъ проф. Гейденгайна, изданіе котораго на русскомъ языкѣ, по одному уже этому, составляетъ пріятное явленіе въ нашей переводной литературѣ. Въ этой небольшой книгѣ читатели найдутъ обстоятельныя изслѣдованія надъ такъ называемымъ животнымъ магнетизмомъ, массу совершенно новыхъ, крайне интересныхъ фактовъ и рядомъ съ этимъ—строго научную попытку свести эти факты въ зависимость отъ основныхъ психо физіологическихъ законовъ и такимъ образомъ возможно точно выяснить самую природу животнаго магнетизма. Мы убѣждены, что сочиненіе Гайденгайна, отличающееся общедоступностью изложенія, прочтетъ каждый не только съ удовольствіемъ, но и съ большой для себя пользою.

Лекціи объ электричествѣ Джона Тиндаля, професора физики въ королевскомъ институтѣ нъ Лондонѣ. Переводъ съ англійскаго, изд. подъ ред. Н. Гезехуса. Съ рисунками въ текстѣ. 2-е изд. книжнаго склада Н. Н. Цылова. Ц. 60 к. С.-Петербургъ. 1880.

По совершенно справедливому замѣчанію редактора русскаго перевода, лекціи Тиндаля объ электричествѣ хотя и предназначались для юношества, но могутъ представить значительный интересъ по обилію въ нихъ историческихъ свѣденій и прекрасныхъ опытовъ и для всякаго образованнаго читателя. Замѣчательная ясность изложенія, сопровождаемаго крайне простыми опытами, дозволяющими самому читателю повторить ихъ безъ особенныхъ затратъ,—такова отличительная черта этихъ прекрасныхъ лекцій. Не смотря на трудность популяризаціи и неразработанности такого предмета, какъ ученіе объ электричествѣ—Тиндаль выполняетъ свою задачу самымъ блестящимъ образомъ Оставляя въ сторонѣ спеціальныя частности и ограничиваясь основными элементами электрическихъ свойствъ, онъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, знакомитъ своего читателя и съ наиболѣе выдающимися признаками этихъ свойствъ; причемъ опытъ служитъ единственнымъ руководящимъ началомъ.

Тиндаль очень хорошо понимаетъ, что догматическое изложеніе не можетъ имѣть мѣста среди опытныхъ наукъ, что только путемъ экспериментальнаго изученія можно ознакомить учащагося съ главнѣйшими фактами и законами электричества, можно научить его относиться осмысленно къ изслѣдуемымъ явленіямъ. А кому-же неизвѣстно, исключая, конечно, нѣкоторыхъ патентованныхъ педагоговъ, что только такое осмысленное отношеніе къ изучаемому предмету, а не безсмысленное заучиваніе фактовъ, можетъ развить въ учащемся любознательность и подготовить его къ пониманію дальнѣйшихъ, болѣе сложныхъ явленій. Такъ именно и поступаетъ Тиндаль въ своихъ лекціяхъ объ электричествѣ. Каждый новый фактъ, каждое новое свойство, съ которыми знакомитъ онъ своего читателя, составляетъ прямое продолженіе предыдущаго и провѣряется этимъ послѣднимъ; такимъ образомъ, переходя постепенно отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, читатель мало-по-малу пріобрѣтаетъ цѣльное представленіе о природѣ изслѣдуемыхъ явленій и повидимому непреоборимыя трудности въ концѣ концевъ разрѣшаются вполнѣ. То, что вначалѣ казалось запутаннымъ, разрозненнымъ, складывается въ стройную, послѣдовательно связанную въ своихъ частяхъ, систему.

Таковы разсматриваемыя нами лекціи Тиндаля: онѣ не только знакомятъ съ главными фактами и законами электричества, онѣ знакомятъ также съ самымъ методомъ преподаванія. Учащійся узнаетъ, благодаря имъ, что такое электричество, а учащій—какъ преподавать этотъ отдѣлъ физики съ помощью простыхъ опытовъ, избѣгая значительныхъ расходовъ на покупку апаратовъ. Все это понуждаетъ насъ рекомендовать вниманію читателей переводъ лекцій Тиндаля, какъ одно изъ лучшихъ пособій для первоначальнаго образованія.

Мученики науки. Съ 34 гравюрами и 20 портретами въ текстѣ. Составилъ Гастонъ **Тиссандье**, перев. съ франц. подъ редакціей Ф. Павленкова. Спб. 1880. 2 р. 50 к.

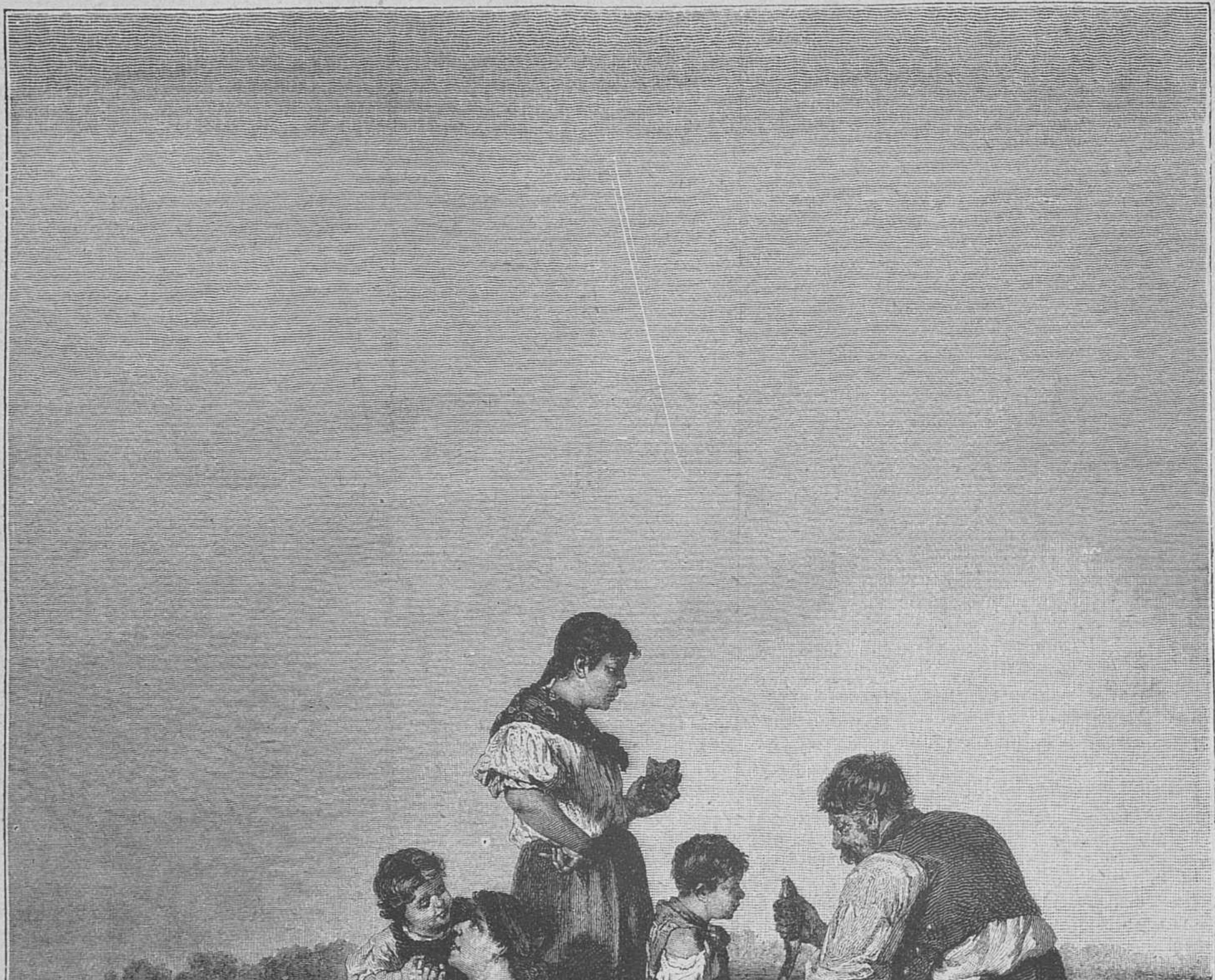
Эта книга, изданная очень прилично, съ недурными гравюрами и портретами, принадлежитъ къ разряду нравоучительныхъ, въ родѣ многочисленныхъ сочиненій Смайльса, пользующихся у насъ значительною популярностью, или недавно переведенной книги итальянскаго професора Габріэли «Воспитаніе характера». Въ нашей критикѣ было выражено сомнѣніе въ возможности вліянія подобныхъ книгъ на воспитаніе характера, воли. Но съ этимъ сомнѣніемъ нельзя вполнѣ согласиться. Разумѣется, человѣкъ, чувствующій себя твердо установившимся въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, при этомъ еще имѣющій о себѣ вообще «мнѣніе», не только не проникнется тенденціей такихъ сочиненій, но не станетъ даже и читать ихъ. Но несомнѣнно, что подобранные въ одно примѣры высокихъ подвиговъ и великихъ несчастій людей, составляющихъ гордость человѣчества, могутъ оказать нѣкоторое благотворное вліяніе на развивающагося юношу, даже на молодого человѣка, у котораго больше желанія совершенствоваться, чѣмъ считать себя совсѣмъ уже развившимся—и этой цѣли достигаютъ книги Смайльса и Габріэли. Что-же касается книги, послужившей поводомъ къ этой замѣткѣ—«Мученики науки»—она, какъ сборникъ разсказовъ о жизни великихъ людей—неудовлетворительна. Тиссандье на 357 страницахъ разсказываетъ о 126 «мученикахъ», на каждаго, слѣдовательно, приходится менѣе, чѣмъ по 3 страницы не мелкой печати, прерываемой еще рисунками. При такомъ бѣгломъ разсказѣ трудно ознакомиться съ значеніемъ тѣхъ предметовъ, изъ-за которыхъ претерпѣвалось мученичество. Но при нашей бѣдности подобными біографическими сборниками (Смайльсъ, если его всего собрать—не дешевъ, Фигье «Свѣтила науки отъ древности до нашихъ дней»—тоже дорогъ)—книга Тиссандье не безполезна.

Курсъ аналитической механики, професора с.-петербургскаго университета **Д. Бобылева.**

Это сочиненіе составляетъ часть курса аналитической механики, которую г. Бобылевъ читалъ лицамъ, знакомымъ съ основаніями диференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Принятое въ настоящее время раздѣленіе аналитической механики на двѣ части: кинематическую и кинетическую, установилось по мѣрѣ развитія науки и необходимость его указана уже давно авторитетами, которымъ аналитическая механика обязана своимъ настоящимъ состояніемъ. Аналитическая механика имѣетъ тѣсную связь съ одной стороны съ геометріей, съ другой съ натуральной философіей; первая связь проявляется въ кинематикѣ, вторая въ кинетикѣ. Натуральною философіею называютъ со временъ Ньютона всю систему наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ законовъ матеріальнаго міра и предсказаніемъ на основаніи этихъ законовъ новыхъ явленій, еще не наблюденныхъ. По опредѣленію, данному Ньютономъ въ предисловіи къ 1-му изданію книги его: Philosophiae naturalis principia mathematica, аналитическая или, какъ онъ называетъ, раціональная механика есть точная наука, трактующая о движеніяхъ, производимыхъ данными силами, и о силахъ, потребныхъ для произведенія данныхъ движеній. Это опредѣленіе, повидимому, не полно; въ немъ, напр., умалчивается о тѣхъ случаяхъ, когда матеріальныя тѣла, подверженныя дѣйствію силъ, находятся въ покоѣ. Однако, вопросы этого рода могутъ подразумѣваться, какъ частные случаи вопросовъ динамическихъ, такъ какъ покой можно разсматривать, какъ частный случай движенія. Съ другой стороны нельзя и требовать, чтобы опредѣленіе всего объема науки могло быть высказано въ двухъ, трехъ фразахъ; назначеніе опредѣленія состоитъ въ указаніи цѣли науки и мѣста ея по отношенію къ наукамъ, ей сроднымъ. Сопоставляя вышеприведенныя опредѣленія натуральной философіи и механики, мы видимъ, что послѣдняя должна служить основаніемъ первой; на этомъ мѣстѣ дѣйствительно находимъ механику, какъ у Ньютона, такъ и у новѣйшихъ авторовъ (напр., у Томсона и Тета). Связь механики съ геометріей обусловливается тѣмъ, что прежде разсмотрѣнія зависимости между движеніемъ матеріальныхъ тѣлъ и причинами движенія, мы должны изучить, какъ замѣтилъ д'Аламберъ, теорію движенія геометрическихъ и матеріальныхъ объектовъ независимо отъ причинъ, производящихъ движеніе. Эта теорія движенія, по почину Ампера, называется кинематикою. Хотя кинематика болѣе принадлежитъ къ геометріи, чѣмъ къ механикѣ, такъ какъ она основывается только на аксіомахъ чистой математики и кромѣ того многіе вопросы кинематики имѣютъ скорѣе

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БЁМА.

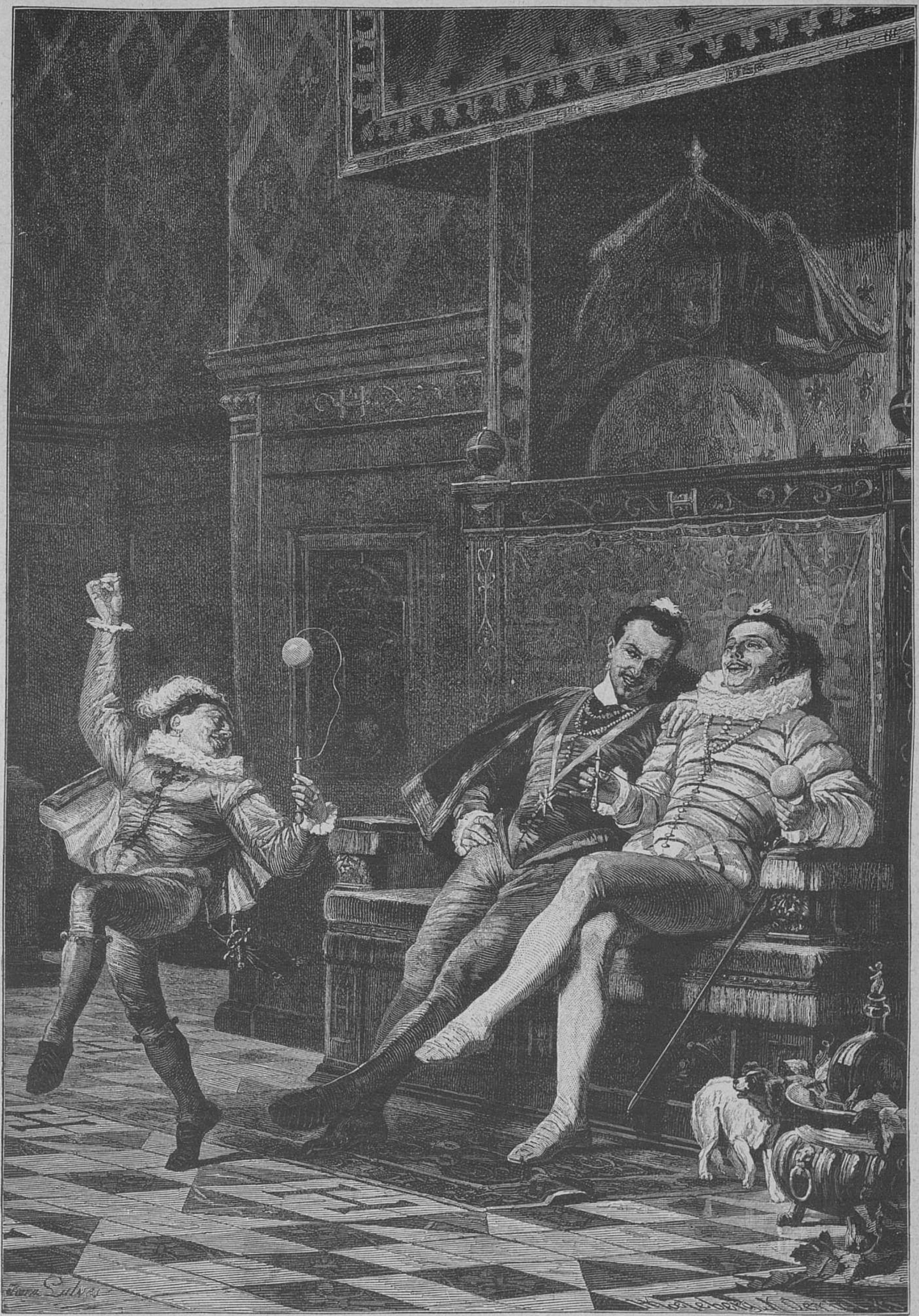


Удачная рыбная ловля.

Рѣзано на деревѣ въ Берлинѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЛУЛЬВЕСА.



Послѣдній изъ Валуа и его шутъ.

Рѣзано на деревѣ въ Берлинѣ.

геометрическій, чѣмъ механическій интересъ, но однако приходится ее разсматривать даже въ настоящее время, какъ часть механики, потому что многія разсматриваемыя въ ней качества дниженія (скорость, ускореніе, угловая скорость) имѣютъ важное значеніе въ механикѣ и почти не разсматриваются въ геометріи. По сказаннымъ причинамъ мы раздѣляемъ механику на кинематическую часть, въ которой разсматривается движеніе независимо отъ причинъ его, и на кинетическую часть, въ которой разсматривается зависимость между движеніемъ матеріи и причинами, его производящими. Система изложенія кинематической части, принятая г. Бобылевымъ, не заимствована ни у кого изъ извѣстныхъ авторовъ механики; но онъ не можетъ утверждать, чтобы она принадлежала ему всецѣло, во первыхъ потому, что во многихъ мѣстахъ онъ слѣдовалъ примѣру Дюгамеля, Бура, Сомова и другихъ, во вторыхъ потому, что порядокъ изложенія является необходимымъ по требованію настоящаго времени. Не входя здѣсь въ подробное перечисленіе порядка изложенія, укажемъ на статью объ относительномъ движеніи точки по отношенію къ движущейся измѣняемой средѣ (глава V) и на относящіеся къ этой статьѣ примѣры 40 и 41 (въ главѣ VII); введеніе ихъ авторъ счелъ полезнымъ въ видахъ обобщенія теоремы о геометрическомъ сложеніи скоростей. Въ виду этого назначенія онъ не включилъ въ него теоріи криволинейныхъ координатъ, статьи объ относительномъ ускореніи точекъ твердаго тѣла, имѣющаго относительное движеніе по отношенію къ нѣкоторой неизмѣняемой системѣ и нѣкоторыхъ другихъ статей; такъ называемая кинематика измѣняемаго тѣла будетъ помѣщена въ особой книгѣ, въ которой будетъ изложена гидродинамика и теорія упругости. Нѣкоторыми примѣрами, помѣщенными въ книгѣ, г. Бобылевъ обязанъ знакомству съ работами нашихъ русскихъ ученыхъ: професоровъ Окатова, В. Цингера, Жуковскаго и другихъ. Авторъ надѣется впослѣдствіи присоединить къ этимъ примѣрамъ большее число задачъ для упражненія по аналитической механикѣ. Если появится вторая книга, мы наконецъ будемъ имѣть современный курсъ механики. Покойный О. И. Сомовъ началъ было изданіе его. Сочиненіе его началъ продолжать Е. И. Золотаревъ; но и онъ скончался неожиданно, не кончивши своего труда. Жаль, что не изданы лекціи Золотарева.

Метеорологическій сборникъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб.

Появилась первая половина седьмого тома, издаваемаго Императорскою академіею наукъ подъ редакціею доктора Г. И. Вильда, члена академіи и директора главной физической обсерваторіи, «Метеорологическаго сборника». Эта объемистая книга in quarto содержитъ 6 разсужденій нашихъ метеорологовъ. Г. Гельману принадлежитъ статья объ испытаніи усовершенствованнаго азимутъ-компаса и компенсированнаго магнитометра Вебера-Кольраума. Г. Штеллингъ—авторъ разсужденія о годовомъ ходѣ испаренія въ Росси. Г. Шпиндлеру принадлежитъ статья о зависимости силы и направленія вѣтра на берегахъ Балтійскаго моря отъ величины н направленія градіента. Г. Рыкачеву принадлежатъ статьи о наблюденіяхъ надъ направленіемъ и силою вѣтра ва корабляхъ и о распредѣленіи вѣтровъ надъ Бѣлымъ моремъ. Г. Траутфеттеру—статья о магнитныхъ наблюденіяхъ, произведенныхъ въ с.-петербургской главной физической обсерваторіи съ 1870 до 1877 г. Въ книгѣ 6 таблицъ и стоитъ она 3 р. 10 к.

О бальзамированіи умершихъ безъ вскрытія полостей тѣла, соч. д-ра **Выводцева.** Спб.

Въ 1870 году докторъ Выводцевъ въ первый разъ опубликовалъ изобрѣтенный имъ способъ бальзамированія умершихъ безъ вскрытія полостей тѣла (Военномедицинскій журналъ). Не смотря на признаніе всѣми простоты и доступности этого способа, дальнѣйшая практика указала ему на необходимость значительныхъ измѣненій его. Результаты его работъ въ этомъ направленіи вторично были напечатаны въ Военномедицинскомъ журналѣ за 1876 годъ подъ заглавіемъ «О бальзамированіи вообще и новѣйшемъ способѣ бальзамированія труповъ безъ вскрытія полостей, посредствомъ салициловой кислоты». Здѣсь же описанъ и изобрѣтенный имъ апаратъ для бальзамированія по его способу.

Независимо отъ сдѣланныхъ имъ печатныхъ сообщеній онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для ознакомленія товарищей съ предлагаемымъ имъ способомъ бальзамированія. Такимъ образомъ были демонстрированы имъ какъ самый апаратъ, такъ и бальзамированные трупы и анатомическіе препараты на выставкахъ Филадельфійской 1876 года и брюсельской того же года; въ обществахъ петербургскихъ практическихъ врачей, нѣмецкихъ врачей и петербургскихъ морскихъ врачей; врачей семеновскаго александровскаго военнаго госпиталя и пр., не считая многочисленныхъ случаевъ единичныхъ демонстрацій. При всемъ томъ многіе изъ врачей, не успѣвшіе лично или посредствомъ печатныхъ статей ознакомиться съ процесомъ бальзамированія вообще и со способомъ д-ра Выводцева въ частности, до настоящаго времени обращаются къ нему за указаніями источниковъ для изученія этого предмета. Къ сожалѣнію, желанія ихъ не всегда оказывались исполнимыми, такъ какъ на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного руководства для бальзамированія. Это обстоятельство, а съ другой стороны живой интересъ къ предмету принудили г. Выводцева издать свой трудъ отдѣльной книгой. Въ предлагаемое сочиненіе кромѣ того, что было сказано уже въ прежнихъ статьяхъ, вошли слѣдующія дополненія: 1) подробно изложена литература предмета, отъ глубокой древности и до настоящаго времени, 2) указаны достигнутыя улучшенія какъ въ техникѣ бальзамированія труповъ безъ вскрытія и со вскрытіемъ полостей, такъ и въ устройствѣ апарата для этой цѣли, и 3) описанъ изобрѣтенный способъ сохраненія труповъ животныхъ и отдѣльныхъ органовъ. Книга г. Выводцева восполнила существовавшій пробѣлъ въ нашей литературѣ.

Рѣчь Цицерона въ защиту Секста-РосціяАлгерійскаго, соч. **Гофмана.** Спб.

Этотъ трудъ г. Гофмана, директора петербургской седьмой гимназіи, подобно имъ-же обработанной рѣчи Цицерона «О назначеніи Кнея-Помпея полководцемъ» служитъ преимущественно интересамъ учащихся юношей какъ при чтеніи автора въ классѣ, такъ въ особенности при домашнемъ ихъ приготовленіи къ уроку. Особенность предлагаемой книги заключается въ томъ, что въ ней помѣщена небольшая статья о римскомъ уголовномъ процесѣ. Примѣчанія къ тексту составлены сообразно съ ихъ предназначеніемъ и данными условіями и цѣлями нашихъ гимназій. Что касается текста рѣчи и въ особенности правописанія, г. Гофманъ держался изданія Гальма. Довольно значительная часть примѣчаній къ тексту касается особенностей граматики.

Исторія архангельскаго собора, протоіерея **А. Лебедева.** Москва.

Сакеларій архангельскаго собора, протоіерей А. Лебедевъ, издалъ недавно объемистую исторію архангельскаго собора. Первый отдѣлъ состоитъ изъ историко-археологическаго описанія собора. Второй отдѣлъ занятъ описаніемъ иконъ съ ихъ дорогими украшеніями, имѣющими историческую извѣстность, равно стѣнной росписи и св. мощей. Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ описаніе церковной утвари и всѣхъ значительныхъ по археологіи и цѣнности предметовъ, относящихся къ ризницѣ. Четвертый отдѣлъ обнимаетъ собою какъ на пергаментѣ писанныя и на бумагѣ, такъ и печатныя богослужебныя книги, имѣющія несомнѣнныя о своей древности доказательства. Равно въ составъ описанія 2-го, 3-го и 4-го отдѣловъ войдутъ и древности, неимѣющія о себѣ лѣтописныхъ свѣденій, но признанныя спеціалистами за стародавнія. Въ пятый отдѣлъ внесены краткія жизнеописанія великихъ и удѣльныхъ князей и царей, въ соборѣ похороненныхъ. Такое распредѣленіе по отдѣламъ предметовъ, входящихъ въ составъ описанія, доставитъ удобство ознакомиться желающему съ цѣлымъ разрядомъ однородныхъ предметовъ или легко найдти описаніе интересующаго его одного предмета. Историческія событія, входящія въ описаніе собора въ первый отдѣлъ, авторъ раздѣляетъ на 3 не равные періода, сообразно съ существованіемъ собора въ 3-хъ сооруженіяхъ: одномъ деревянномъ и двухъ каменныхъ, впродолженіи 632 лѣтъ, отъ 1247—1880 г. съ предварительнымъ обзоромъ ихъ мѣстности и окружности. Первый періодъ заключаетъ въ себѣ слабыя и темныя указанія историческія о деревянной во имя св. Михайла, на Москвѣ, церкви, стоявшей 85 лѣтъ, отъ 1247 — 1333 года. Второй періодъ состоитъ изъ подлинныхъ историческихъ фактовъ, относящихся къ 1-й каменной, Михаила-архангельской церкви впродолженіи 172 лѣтъ, отъ 1333 до 1505 года. Третій періодъ совмѣщаетъ въ себѣ кромѣ лѣтописныхъ свѣденій о существующемъ съ 1505 года соборѣ (какъ о 2-й царской усыпальницѣ) и послѣднія, никѣмъ изъ современныхъ описателей не упомянутыя до 1880 г. событія; сюда-же входитъ описаніе и внѣшняго вида собора, равно какъ и находящійся вокругъ него первобытной, такъ и настоящей насыпной мѣстности, закрывающей собою первобытную. Эти 3 періода исторіи собора составляютъ первый историческій отдѣлъ. Въ книгѣ около 400 стр.; стоитъ она 1 р. 50 к. немногіе отечественные храмы имѣютъ подобныя описанія.

Настольная приходо-расходная книга и календарь на 1881 годъ. Изд. П. А. Александрова. Спб.

Уже двѣнадцатый годъ г. Александровъ издаетъ эту полезную и удобную въ домашнемъ быту книгу. Кромѣ календаря въ ней заключаются: расходная вѣдомость на цѣлый годъ; годовая смѣта и вѣдомости для ежедневнаго записыванія прихода и расхода по разнообразнымъ статьямъ, входящимъ въ предметъ домашняго обихода. Книга издана на хорошей бумагѣ и цѣна за нее назначена весьма умѣренная. Въ бумажной обложкѣ она стоитъ 30 коп., въ папкѣ 40 коп., въ прочномъ коленкоровомъ переплетѣ 70 коп.

Къ рисункамъ.

Jangheu var! Въ былыя времена, когда начинался пожаръ въ Константинополѣ и султанъ находился въ это время въ гаремѣ, то объявляла ему объ опасности одалиска, одѣтая съ головы до ногъ въ костюмъ пурпуроваго цвѣта. Ей было приказано являться къ султану, гдѣ-бы онъ ни находился, хотя-бы въ объятіяхъ прелестнѣйшей изъ фаворитокъ. Ей слѣдовало только стать на порогѣ: огненный цвѣтъ ея одеждъ служилъ нѣмымъ заявленіемъ о случившемся несчастіи. Слова «Janghen var!» значатъ по-турецки: пожаръ! Картина Фаустини передаетъ съ замѣчательной точностью тотъ моментъ, когда одалиска является передъ султаномъ въ зловѣщемъ своемъ одѣяніи. На лицѣ ея видны ужасъ и уваженіе. Въ своемъ безмолвіи она какъ будто говоритъ:—король королей, Аллахъ тебя зоветъ и огорченный твой народъ ждетъ тебя!—Она обѣими руками приподымаетъ занавѣску и глазамъ султана, еще держащаго въ своихъ объятіяхъ прелестную молодую женщину, представляется страшное зрѣлище пожара.

Смѣсь.

— **Тарасъ Бульба, опера г. Кюнера.** Въ пятницу, 12-го декабря, на сценѣ маріинскаго театра, поставлена опера г. Кюнера «Тарасъ Бульба». Самое названіе оперы, воскрешающее въ головѣ всѣмъ знакомые образы,—давало публикѣ возможность отнестись къ этому созданію Кюнера съ интересомъ и съ требовательностью. Мы не будемъ говорить о томъ, имѣетъ-ли право либретистъ обращаться безцеремонно съ великими твореніями: — прибавлять свое, измѣнять самыя обстоятельства и т. д. Тутъ пришлось бы вспомнить и Шиллера, и Гете, и многихъ другихъ. Но, во всякомъ случаѣ, композиторъ принимаетъ на себя громадную отвѣтственность. И не столько въ передѣлкѣ текста, сколько въ вѣрности музыкальныхъ физіономій, хотя бы главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ «Тарасѣ Бульбѣ» Гоголь подвергся значительному искаженію. Андрій, убитый отцомъ и такъ просто и трогательно похороненный имъ у Гоголя, воскрешается г. Горскимъ, и въ слѣдующемъ дѣйствіи бѣжитъ въ прискочку съ Мариной на балъ, гдѣ «они будутъ славно танцевать». Самая смерть Тараса, потрясающая и остающаяся на вѣкъ въ памяти, измѣнена совсѣмъ. Оперный Тарасъ умираетъ на площади, передъ эшафотомъ, на которомъ только что казнили Остапа, умираетъ, проклиная младшаго сына. Вообще противъ Тараса, этой центральной фигуры всей драмы, и погрѣшилъ больше всего г. Кюнеръ. Бульба Гоголя и Бульба Кюнера—два совершенно разные человѣка. Во первыхъ весь драматическій интересъ сосредоточенъ не на этомъ «гигантѣ-запорожцѣ» какъ у Гоголя, а на борьбѣ двухъ сильныхъ чувствъ Андрія: чувства долга и чувства къ любимой женщинѣ, какъ въ Гугенотахъ, Аидѣ и многихъ другихъ операхъ. Тарасъ отходитъ на задній планъ. Во вторыхъ самый характеръ его совсѣмъ измѣненъ. Прослушавши оперу мы совсѣмъ не выносимъ понятія о «непреклонномъ, непоколебимомъ, крѣпкомъ какъ дубъ» характерѣ Бульбы. Онъ малодушенъ и слабъ. Всѣ его аріи унылы и вялы. Отъ исполнинителя этой роли нельзя требовать больше того, что далъ г. Стравинскій. Онъ былъ обдуманно загримированъ, тщательно разучилъ партію и спѣлъ ее прекрасно. А все-таки передъ нами ни на минуту не воскресъ такъ знакомый, родной намъ образъ гоголевскаго Тараса. Г. Кюнеръ взялъ на себя непосильный трудъ,—онъ не понимаетъ Гоголя, а имѣетъ смѣлость музыкально илюстрировать его. Изъ Андрія, этого страстнаго, отважнаго казака, Кюнеръ съ помощью г. Васильева 3-го, представилъ намъ слащаваго юношу, безъ всякой опредѣленной физіономіи. Играетъ г. Васильевъ 3-й плохо. Г. Пряништиковъ, напротивъ, оказалъ большую помощь композитору. Онъ своей обдуманной игрой и прекраснымъ пѣніемъ создалъ, если не самого Остапа, то хотя тѣнь его. Ужь и за это спасибо. Кто больше всѣхъ удался Кюнеру — это Гарпина. Въ ней мы видамъ любящую мать и симпатичную старуху. Г-жа Бичурина превосходно провела эту маленькую партію, а арія надъ спящими сыновьями вызвала общій восторгъ. По музыкѣ, эта арія — лучшее мѣсто въ оперѣ. Она и прощальный привѣтъ Руси отъ идущаго на казнь Остапа (нелѣпо передѣланный либретистомъ) только и остаются въ памяти,—прочее-же оставляетъ какой-то хаосъ въ головѣ. Г. Кюнеръ, повидимому, увлекается нынѣшними капризными сочетаніями звуковъ, своеобразной оркестровкой, которая такъ удается великимъ музыкантамъ. Но вѣдь одного увлеченія мало. Г. Кюнеръ доказалъ это.

Поставлена опера, въ смыслѣ распредѣленія ролей,—прекрасно. Даже самыя маленькія роли, были поручены первокласнымъ артистамъ. Три фразы жида Янкеля «пѣлъ» г. Палечекъ. Всѣ три Васильева были на лицо. Г. Майборода взялъ роль гонца изъ Запорожской сѣчи. На что лучше? Даже въ смыслѣ постановки можно сказать спасибо, что не тратились даромъ на новыя декораціи. По крайней мѣрѣ сердце не болѣло, что деньги брошены даромъ. Обстановка видно собрана «съ міру пониткѣ». Декораціи не новы, и иногда не подходящи. Конечно хвалить за это нельзя, но такъ какъ «Тарасъ Бульба» едва-ли остается въ репертуарѣ и новымъ декораціямъ все равно пришлось-бы гнить въ амбарахъ, то и хорошо, что этого не будетъ. «Принята» была опера странно. Рѣдко можно видѣть такое разногласіе въ публикѣ. Съ одной стороны—свистки и неистовыя шиканья, съ другой—аплодисменты и неистовые крики. Понятно, что одно усиливало другое. Намъ кажется, что истинные цѣнители Гоголя не могли не выражать протеста, а тѣ, кому до него нѣтъ дѣла, мирились съ музыкой г. Кюнера и даже выражали ему одобреніе; такихъ было меньшинство. Но аплодисменты и крики вѣдь громче шиканья и г. Кюнеръ былъ вызванъ нѣсколько разъ. Жаль, что не вызвали за одно и г. Горскаго. Его-бы стоило поблагодарить за удивительные стихи, въ родѣ этихъ... «Вмѣстѣ съ милой, безъ боязни, Я пойду на мѣсто казни Братьямъ всѣмъ прости сказать И ихъ трупы лобызать». Это поетъ Андрій, услышавъ о предстоящей на слѣдующее утро казни запорожцевъ. И сколько подобныхъ перловъ! Истинно любя Гоголя можно-ли хладнокровно относиться къ такому кощунству?

— **Бесѣда съ королемъ.** Во время послѣдняго пребыванія греческаго короля, Георга, въ Лондонѣ, случилось одно интересное обстоятельство. Наслѣдный принцъ валійскій съ своимъ шуриномъ, греческимъ королемъ, былъ въ театрѣ во время игры Сары Бернаръ, которая въ то время производила въ Лондонѣ страшный фуроръ. Во время одного антракта принцъ пошелъ съ королемъ за кулисы и представилъ послѣдняго знаменитой актрисѣ слѣдующимъ образомъ: «Мой шуринъ!» Пока принцъ разговаривалъ съ другими актрисами, Сара бесѣдовала съ Георгомъ, котораго она, впрочемъ, называла все время «Monsieur». Бесѣда кончилась и Сара пошла одѣваться въ уборную. На дорогѣ она встрѣтила свою подругу, которая ее спросила:

— Какъ это вы разговаривали съ королемъ?

— Съ какимъ королемъ?

— Да съ греческимъ, отъ котораго вы только что ушли.

— Да развѣ это король Георгъ?

Тогда актриса тотчасъ-же обратилась къ принцу валійскому съ слѣдующимъ упрекомъ:

— Это измѣна, принцъ! воскликнула она.—Отчего вы не сказали, что это греческаго короля вы мнѣ представляете?

— Вѣдь я же вамъ сказалъ «мой шуринъ», отвѣтилъ ей принцъ.

— Вашъ шуринъ! такъ почему-же я должна знать, кто вашъ шуринъ? Вашимъ шуриномъ одинаково могутъ быть и мыловаръ и король!

Картина!

— **Картина Луи-Филипа.** На дняхъ въ Лондонѣ была продана картина, представляющая извѣстный интересъ по имени, которымъ она подписана и по своей исторіи. Въ 1845 году Луи-Филипъ заказалъ художнику Куде громадную картину, которая должна была изображать федерацію 1790 года. Картина предназначалась для Версальскаго дворца. Куде тотчасъ-же сѣлъ за работу, не представивъ королю эскиза. Работа приближалась къ концу и король изъявилъ желаніе ее посмотрѣть. Куде ее ему показываетъ, но вмѣсто ожидаемыхъ похвалъ онъ, къ своему великому удивленію, услышалъ отъ короля слѣдующее замѣчаніе: «Картина ваша очень хорошо исполнена, но вы ошиблись въ эпохѣ. Я самъ присутствовалъ и видѣлъ лично всю сцену; она вовсе не похожа на ту, которую вы нарисовали. Начните снова». Додѣлывать было уже немного, а картину приходилось бросить. Куде былъ въ отчаяніи. Тогда онъ обратился къ нѣсколькимъ вліятельнымъ лицамъ, между прочимъ къ Монталявету. Но король и слышать не хотѣлъ, онъ требовалъ новой картины. Но на этотъ разъ онъ далъ Куде свой собственный эскизъ, нарисованный имъ по памяти. Этотъ-то эскизъ теперь и проданъ. Сама-же картина Куде находится во Франціи. Луи-Филипу она стоила 25,000 франковъ и столько-же онъ далъ за испорченную. При этомъ онъ сказалъ: «Это немножко дорого, но я обязанъ былъ сдѣлать это для исторіи».

— **Чернокожій епископъ.** Въ своемъ сочиненіи «Нигеръ и Бенуе» изслѣдователь Африки Адольфъ Бурдо разсказываетъ о встрѣчѣ съ епископомъ-негромъ въ одной англійской миссіи, въ странѣ Сокото. «Я сгаралъ желаніемъ, говоритъ Бурдо,—узнать странныя перипетіи, черезъ которыя прошло это чернокожее дитя Африки прежде, чѣмъ достигло сана христіанскаго епископа. Его жизнь, оказалось, была романомъ, исполненнымъ страданій, борьбы, радостей и энергическихъ усилій. Епископъ нигерскій родился въ Игбирѣ-Панда, на р. Бенуе, гдѣ его отецъ былъ однимъ изъ нотаблей племени. Однажды, утромъ, когда мальчику было лѣтъ 9, онъ былъ разбуженъ криками; его соотчичи были въ ужасномъ смятеніи, всѣ хватились за оружіе, чтобъ отразить непріятеля, готовившагося напасть на селеніе. Произошла кровопролитная схватка, изъ которой нападающіе вышли побѣдителями. Въ настоящемъ случаѣ мальчикъ былъ свидѣтелемъ охоты на невольниковъ, предпринятой филанисами. Мусульманскіе негры, филанисы, произвели набѣгъ на весь правый берегъ Бенуе, грабили деревни, убивали стариковъ и старухъ, а также всѣхъ, кто осмѣливался сопротивляться и уводили съ собою для продажи на восточныхъ рынкахъ или на берегу мужчинъ, женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей. Будущій епископъ нигерскій видѣлъ, какъ былъ убитъ его отецъ. Онъ уцѣпился за колѣни своей матери, но филанисы оторвали его и увели, оставивъ бѣдную женщину безъ чувствъ, на порогѣ своей сожженной хижины. Втеченіи цѣлаго года мальчикъ перекочевывалъ, вмѣстѣ съ другими, съ рынка на рынокъ, не находя для себя покупателя. Чего только не вынесъ онъ во время этихъ долгихъ странствованій! Приведенный на западный берегъ, онъ былъ проданъ португальскому судну, ведущему торгъ неграми. Бригъ, на который погрузили купленный живой товаръ, былъ изъ рода тѣхъ, которые назывались «могилою». Это было красивое парусное судно съ двойною палубою, невольники сажались или лучше сказать сваливались въ трюмъ, какъ «грузъ чернаго дерева»; въ случаѣ преслѣдованія французскимъ или англійскимъ крейсеромъ, невольниковъ, закованныхъ въ цѣпи, выводили къ носу корабля... По данному сигналу, доски опускались и живая масса падала въ море. Такимъ образомъ судно могло безъ страха подвергнуться осмотру: оно имѣло видъ почтеннаго торговаго корабля. Выйдя изъ Стараго Калабара, судно, на которомъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ другими нашъ молодой негръ, подверглось въ виду острова св. Елены преслѣдованію со стороны одного англійскаго крейсера. Потерявъ надежду ускользнуть, капитанъ преслѣдуемаго корабля распорядился, чтобы грузъ живого человѣческаго мяса былъ выкинутъ за бортъ. Благодаря ужасной суматохѣ, причиненной на суднѣ приближеніемъ крейсера, мальчикъ успѣлъ спрятаться въ трюмѣ за двумя мѣшками соли. Между тѣмъ англичане пошли на абордажъ; они видѣли игру преслѣдуемаго судна, и наказаніе не заставило себя ждать: продавцы людей были повѣшены на самой высокой реѣ, а судно—осуждено на потопленіе. Но прежде этого оно, конечно, было осмотрѣно. Такимъ образомъ былъ спасенъ мальчикъ. Англійскіе офицеры приняли въ немъ участіе и привезли его въ Сіера-Леоне, гдѣ онъ былъ отданъ въ школу. Мальчикъ выказалъ хорошія способности и его для продолженія ученія разсудили отправить въ Лондонъ. Такъ какъ онъ чувствовалъ влеченіе къ мисіонерской дѣятельности, то, посвященный въ священника, былъ по его просьбѣ посланъ на африканскіе берега въ качествѣ мисіонера. Здѣсь онъ отличился мужествомъ, энергіею и оказалъ такія услуги дѣлу цивилизаціи и научнымъ предпріятіямъ, въ которыхъ участвовалъ, что въ 1864 г. онъ былъ вызванъ въ Англію; кентерберійскій архіепископъ посвятилъ его въ санъ епископа; затѣмъ его епархіей назначенъ былъ верхній Нигеръ, куда онъ возвратился просвѣщать христіанскою вѣрою своихъ дикихъ соотечественниковъ. Однажды, когда онъ проповѣдывалъ евангеліе въ Имагѣ, бѣдная старуха, удрученная годами и горемъ, приблизилась къ групѣ людей, толпившихся около чернокожаго пастыря. Вдругъ она задрожала: голосъ проповѣдника показался ей знакомымъ. Она хочетъ видѣть его лицо, но туземцы заслоняютъ его отъ нея. Она снова прислушивается и, внезапно, какъ бы обезумѣвшая, старуха расталкиваетъ толпу и кидается къ епископу съ крикомъ: «сынъ мой!» Это дѣйствительно была его мать, которая избѣгла избіенія, благодаря обмороку, заставившему подумать, что она умерла. 28 лѣтъ бѣдная мать вела скитальческую жизнь, переходя изъ деревни въ деревню и розыскивая сына... И вотъ она нашла его епископомъ! Когда старецъ епископъ разсказывалъ мнѣ этотъ эпизодъ своей жизни, крупныя слезы текли по его щекамъ. «Если я сдѣлалъ какое нибудь добро на этомъ свѣтѣ, прибавилъ онъ, то сторицею былъ вознагражденъ этою минутою невыразимаго счастія.» Онъ увезъ свою мать въ Лагосъ, который выбралъ своей резиденціею, окружилъ ее всѣми попеченіями, всею нѣжностью; 4 года тому назадъ она скончалась на его рукахъ. Имя этого нигерскаго епископа Самуэль-Аджай Кроутеръ. Въ настоящее время онъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ распространителей цивилизаціи въ Центральной Африкѣ».

— **Суевѣріе китайцевъ.** Въ послѣдней книжкѣ журнала «Leisure Hour» помѣщена статья, знакомящая съ суевѣріемъ китайцевъ. Авторъ приводитъ въ своей статьѣ, помимо множества невинныхъ предразсудковъ, въ родѣ «надѣванія на шею ребенка шнурка для здоровья» или «пропусканія пѣтуха сквозь бочку для предотвращенія несчастья», и болѣе серьезныя, какъ, напримѣръ: предразсудокъ, что ребенокъ черезъ годъ послѣ рожденія самъ долженъ избрать себѣ родъ занятій для будущаго или что умершій долженъ быть одѣтъ въ нѣсколько одеждъ и снабженъ деньгами «на дорогу въ страну духовъ». Курьезны у китайцевъ условія при вступленіи въ бракъ: при рожденіи имъ дается знакъ одного изъ 12 животныхъ: лошади, коровы. мыши, овцы, тигра и др. и между двумя лицами, имѣющими, напримѣръ, знаки лошади и мыши—бракъ невозможенъ, а мыши и овцы—позволителенъ. Кромѣ того существуетъ убѣжденіе, что бракъ будетъ несчастливъ, если между женихомъ и невѣстою разница въ 6 лѣтъ и наоборотъ необыкновенно счастливъ при разницѣ въ одинъ годъ. «При всемъ томъ, говоритъ авторъ, у китайцевъ большую роль еще играютъ счастливые и несчастливые дни. Послѣднихъ насчитывается у нихъ въ году до 180, когда не должно ничего предпринимать».

— **Карми-Кумсъ** (Разсказъ Габертона). Ихъ такъ и звали однимъ общимъ именемъ (Карми-Кумсъ). И если на какомъ-нибудь паровомъ суднѣ находилась работа для одного изъ нихъ, немыслимо было отдѣлить другъ отъ друга этихъ Сіамскихъ близнецовъ и приходилось брать обоихъ. Зная это, ни одинъ матросъ не назначалъ имъ работы порознь, а если бы кто и вздумалъ сдѣлать это по незнанію или нарочно, то можно было навѣрное ожидать, что они уйдутъ съ корабля на первой-же стоянкѣ. Они никогда не ссорились и тѣмъ болѣе не дрались послѣ нѣсколькихъ кружекъ джина, по очень простой причинѣ, впрочемъ: они никогда не пили; никогда также никто не замѣчалъ, чтобы у нихъ происходили столкновенія изъ-за обладанія какой-нибудь изъ красавицъ, вообще очень рѣдкихъ въ нашихъ станахъ; мало того, они даже какъ будто избѣгали общества женщинъ, изрѣдка развѣ только вступая въ бесѣду съ какой-нибудь пожилой матроной, которая могла бы годиться имъ въ матери. Все это не могло не возбуждать любопытства и мѣстныя кумушки употребляли всѣ усилія, чтобы подмѣтить что-нибудь за обоими неразлучками; но они рѣшительно были безукоризненны. Одинъ въ отличіе отъ другого прозывался Чернымъ, хотя вообще они были замѣчательно схожи во всемъ; другого звали Рыжимъ; онъ былъ немного повыше ростомъ товарища; но несмотря на это, Черный всегда служилъ какъ бы щитомъ для своего пріятеля, готовый всегда дать сдачи, если бы какому-нибудь повѣсѣ вздумалось иногда задѣть Рыжаго краемъ ящика или лопатой. Но какъ ни интересовалъ всѣхъ вопросъ, какимъ образомъ завязалась между ними такая дружба, онъ продолжалъ оставаться неразрѣшеннымъ, какъ споры ученыхъ о началѣ міра. Сами Карми-Кумсъ разсказывали, что они родомъ изъ мѣстечка Карми, и потому это было истиннымъ торжествомъ для любопытныхъ, когда однажды одно паровое судно должно было проѣздомъ остановиться въ этой мѣсности; всѣ надѣялись теперь узнать о близнецахъ всю подноготную; но не тутъ-то было: Карми-Кумсъ, составлявшіе также часть экипажа, безслѣдно исчезли, какъ только корабль близко подошелъ къ ихъ родинѣ, а тамъ никто не могъ дать о нихъ ни малѣйшихъ свѣденій по описанію матросовъ; такимъ образомъ ихъ тайна опять осталась непроницаемой. Между тѣмъ они вскорѣ снова появились у насъ; но теперь уже ихъ рѣшились оставить въ покоѣ; всѣ даже какъ будто прониклись къ нимъ невольнымъ уваженіемъ и вскорѣ, наконецъ, «Близнецы» сдѣлались необходимою принадлежностью всѣхъ становъ, такъ какъ они переѣзжали постоянно съ смѣста на мѣсто и появлялись то тамъ, то здѣсь. Капитаны пароходовъ при каждомъ пріѣздѣ непремѣнно показывали ихъ своимъ пасажирамъ, въ особенности пасажиркамъ, и тѣ живо заинтересовывались «Неразлучниками» и вступали съ ними въ бесѣду; впрочемъ, Карми-Кумсъ были неразговорчивы, въ особенности Рыжій. Черный-же больше поддавался любезному вниманію дамъ и лицо его при разговорахъ даже какъ будто утрачивало обычное выраженіе тупого страха. Рыжій-же тогда обыкновенно отходилъ въ сторону и издали любовался успѣхомъ своего пріятеля.

Однажды они служили на колосальномъ пароходѣ Бенкеръ, такъ называемомъ пловучемъ дворцѣ Мисисипи, нагруженномъ на этотъ разъ, кромѣ пасажировъ, громаднымъ количествомъ муки. Колосальному Бенкеру небезопасно было плавать въ небольшихъ рѣкахъ; къ тому-же начиналось мелководье и капитанъ рѣшилъ, что благоразумнѣе удалиться въ каналы, но оказалось, что и каналы на этотъ разъ плохое пристанище для такого гиганта; выходя изъ большихъ болотъ и осушая почву чуть не всѣхъ штатовъ, каналы также постоянно мѣняютъ свой уровень; маленькій пароходикъ, шедшій съ верховьевъ, передалъ капитану, что не все обстоитъ благополучно; около Милликенсовой луки снесло дровяной дворъ и вмѣстѣ съ нимъ громадное дерево, служащее обыкновенно дамбой для притягиванія судовъ. Капитанъ захотѣлъ лично убѣдиться въ этомъ; кромѣ того необходимо было измѣрить глубину, чтобы судить о дальнѣйшемъ повышеніи или пониженіи воды; да наконецъ надо было справиться, гдѣ именно затонуло громадное дерево, такъ какъ это была смоковница, которая по свойственной ей тяжести никакъ не могла быть унесена теченіемъ и, слѣдовательно, представляла нѣкоторую опасность для Бенкера, какъ подводный рифъ. Вскорѣ было узнано, что дерево затонуло не вдалекѣ; изъ поверхности воды выглядывали его гигантскіе сучья. Капитанъ сдѣлалъ распоряженіе спустить шлюпки: въ одну сѣли тѣ, которые должны были заняться измѣреніемъ уровня, въ другую нѣсколько матросовъ и въ томъ числѣ Карми-Кумсъ. Пасажиры, для которыхъ всякое зрѣлище служитъ развлеченіемъ, столпились на носу.

Лодки быстро понесло по теченію, одна изъ нихъ вскорѣ остановилась у берега. Вдругъ съ лодки, въ которой находились Карми-Кумсъ, раздалось: «Назадъ, скорѣй къ берегу!» Лодка была у самаго затонувшаго дерева и ее тянуло въ грязную муть. Быстро перемѣнили путь, но оказалось, что уже поздно! Лодка, наткнувшись на одинъ изъ сучьевъ, подпрыгнула такъ, что изъ нея вылетѣлъ одинъ матросъ, а вслѣдъ за нимъ, какъ будто нарочно, и другой.

— Чортъ, побери! Что это они дѣлаютъ! вскричалъ капитанъ.—И ловко-же они плаваютъ!

— Это Карми-Кумсъ, капитанъ! доложилъ матросъ, смотрѣвшій въ трубу.—Они оба въ водѣ!

— Этого еще не доставало, тысяча чертей! воскликнулъ въ бѣшенствѣ капитанъ, дергая колокольчикъ.—Эй, живо, шлюпку!

И затѣмъ, обращаясь къ пасажирамъ, прибавилъ:

— Вы не знаете, мнѣ не простятъ гибели Карми-Кумсъ! Это равняется уголовному преступленію!

Между тѣмъ около шлюпки происходило сильное движеніе.

— Впередъ, впередъ! Скорѣе! кричали съ парохода.—Одинъ ушелъ подъ воду! Къ берегу! Греби!

Новая шлюпка быстро понеслась на помощь барахтавшимся въ водѣ «Неразлучникамъ».

— Ну, теперь ничего, близко! замѣтилъ спокойно одинъ изъ пасажировъ, судья, только что передъ тѣмъ разсказывавшій какую-то исторію и, повидимому, очень недовольный, что его прервало такое неожиданное происшествіе. Онъ даже сдѣлалъ попытку продолжать, не смотря на то, что его уже почти никто не слушалъ, кромѣ одного полковника, повидимому, несмущавшагося ничѣмъ.

— Такъ я хотѣлъ сказать, что это были конокрады, но до такой степени миролюбивой наружности, что я готовъ былъ даже повѣрить одному изъ нихъ, что онъ укралъ для того, чтобы имѣть возможность похоронить своего ребенка; при томъ о нихъ говорили, что они усердные работники. Я даже хотѣлъ было замолвить о немъ слово губернатору, но, вы знаете, законы строги и надо было привести приговоръ въ исполненіе. Когда уже все было готово, вдругъ какой-то рыжій верхомъ на лошади подскочилъ къ осужденному и сбилъ съ ногъ шерифа; затѣмъ оба приговоренные моментально вскочили на лошадь и скрылись изъ виду! Только я успѣлъ замѣтить...

— Чортъ побери! воскликнулъ снова капитанъ,—они никакъ не доберутся!

Пасажиры жадно вглядывались въ даль, уже ясно различая двухъ борющихся съ воинами людей; одинъ изъ тонущихъ видимо старался поддержать другого, схватившись за сучекъ дерева и стараясь придвинуться къ берегу, между тѣмъ какъ другой совершенно изнемогалъ и тянулъ за собой товарища.

— Который это тонетъ? Дайте-ка мнѣ трубу, сказалъ капитанъ; но матроса уже не оказалось на прежнемъ мѣстѣ и онъ унесъ съ собой трубу.

— Такъ знаете, продолжалъ судья;—я хотѣлъ сказать, что я стоялъ тогда у окна и у меня такъ запечатлѣлись физіономіи этихъ двухъ разбойниковъ, что я бы узналъ ихъ и теперь всюду...

— Ага! прервалъ его опять капитанъ,—смотрите! Они пойдутъ ко дну! Какъ они обхватили одинъ другого! А лодка около нихъ. Къ берегу! кричалъ онъ.—Эхъ! надо бы водки! Что это я не догадался послать со шлюпкой! Ну, что м-ръ Бель? обратился онъ къ офицеру на подплывавшей шлюпкѣ.

— Оба мертвы, капитанъ!

— Неужели! Богъ мой! Скажите, обратился онъ съ неподѣльнымъ отчаяніемъ къ столпившимся около него пасажирамъ, — кто бы могъ этого ожидать... А? Оба мертвые! Ну какъ я теперь покажусь въ Нью-Орлеанъ! И отчетъ это именно они, а не кто-нибудь другой!

— Рыжій упалъ первый, а Черный нарочно бросился за нимъ, докладывалъ офицеръ.—Рыжій, вѣрно, запутался въ вѣтвяхъ дерева, видите, у него разорвана вся одежда и даже голова сильно ушиблена; а у Чернаго, вѣрно, лопнули артеріи отъ усилій, онъ былъ красенъ, какъ мѣдь, когда погружался въ воду!

Капитанъ былъ такъ опечаленъ, что на него было жаль смотрѣть. Но медлить было нечего: время уходило, а между тѣмъ все еще не кончили измѣреній. Раздалась команда сниматься.

— Похоронить ихъ! приказалъ капитанъ. — Эй, скоро-ли вы кончите ваши измѣренія?

— Смѣю доложить, капитанъ, сказалъ офицеръ,—что слѣдовало бы отдать имъ должную честь и похоронить на берегу; быть можетъ, и леди не отказались бы тогда проводить ихъ до могилы. Нѣтъ-ли, можетъ быть, между пасажирами священника?

— Это еще что за затѣи! Что за принцы они такіе! Все-таки они были не болѣе, какъ бродяги! отвѣчалъ недовольнымъ тономъ капитанъ.

— Капитанъ, смѣю доложить, вмѣшался вдругъ матросъ, привезшій тѣла вмѣстѣ съ офицеромъ,—одинъ изъ Карми-Кумсъ былъ женщина.

Всѣ невольно отступили. Капитанъ онѣмѣлъ отъ удивленія.

— Ну! воскликнулъ онъ наконецъ.—Вотъ разодолжили! И кто бы могъ ожидать, что мнѣ придется раскрыть тайну этихъ двухъ молодцовъ. Ну, Карми-Кумсъ! Вотъ сюрпризъ! Тысячу чертей! Нечего дѣлать! Отдадимъ имъ послѣднюю честь! Станемъ пониже на якорь! Отыщите пастора! Да приготовить лопатъ! Ну, а леди...

Онѣ не заставили себя просить и всѣ изъявили желаніе проводить утопшихъ.

— Я былъ одно время пасторомъ кладбищенской церкви, заявилъ вдругъ судья, — и если будетъ угодно...

Между тѣмъ пароходъ остановился; въ тинистомъ берегу была выкопана могила и капитанъ все кричалъ, чтобы ее сдѣлали достаточно просторной для двоихъ. Матросы успѣли достать досокъ и наскоро сколотили ихъ въ видѣ гробовъ; ихъ поставили на носилки, покрытыя нарядною скатертью изъ каюты капитана и положили въ нихъ «Неразлучекъ». Дамы стали спускаться въ шлюпки. За ними послѣдовали судья подъ руку съ полковникомъ и нѣкоторые пасажиры. На берегу кортежъ окружилъ могилу.

Полковникъ между тѣмъ приставалъ къ судьѣ окончить разсказъ.

— Поймали этихъ мошенниковъ? Доскажите, пожалуйста, я право хочу развлечься немного отъ этой мрачной исторіи съ утопленниками...

— Ахъ, теперь неловко, мы у самой могилы; нѣтъ, въ томъ-то и дѣло что не поймали, не смотря на всѣ поиски, но я бы узналъ ихъ...

Его попросили начинать. Подойдя къ могилѣ, онъ произнесъ: «Я, воскресеніе и жизнь...» и остановился. Глаза его вдругъ упали на лежащаго въ гробу.

— Боже мой! вѣдь это и есть конокрадъ!

Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на него.

— Простите, сударыни!.. «И тотъ, кто вѣруетъ въ меня...»

Но тутъ, взглянувъ на другого утопленника, онъ снова не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Такъ и есть, это тотъ, что сбилъ съ ногъ шерифа!

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Редакція «Жив. Об.» получила слѣдующее предложеніе отъ издателя новаго романа Георга Эберса «Императоръ» (Der. Kaiser). Господа подписчики на «Живописное Обозрѣніе» могутъ пріобрѣсти этотъ романъ за 1 р. 20 к. и получать его, по мѣрѣ печатанія, тетрадями отъ 5—10 листовъ. Весь романъ будетъ состоять болѣе, чѣмъ изъ 40 печатныхъ листовъ и по окончаніи поступитъ въ продажу по 2 р. 50 к. Такимъ образомъ гг. подписчикамъ на «Жив. Об.», предоставляется возможность получить романъ «Императоръ» за 1 р. 20 к. и прочесть его ранѣе, чѣмъ онъ можетъ окончиться печатаніемъ въ какомъ-либо изъ періодическихъ изданій 1881 года.

Излишне распространяться о достоинствахъ новаго романа; имя Эберса, какъ извѣстнаго романиста и египтолога, говоритъ само за себя; романъ «Императоръ» читается легко и съ большимъ интересомъ; дѣйствіе его происходитъ въ эпоху начала разложенія Рима и развитія христіанства.

Гг. подписчики на «Жив. Об.», желающіе получить романъ «Императоръ» по уменьшенной цѣнѣ и выпусками, благоволятъ высылать деньги въ контору журнала «Живописное Обозрѣніе».

ОТЪ КОНТОРЫ. № 49-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 13 декабря въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 15 декабря въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Атта Троль, поэма **Г. Гейне**, перев. **Мих. Шелгунова.**—Трофимъ Болящій, очеркъ **Позднякова.**—Изъ исторіи рабства въ древности, ст. **С. Терновскаго.**—Слава, разск. **Уида**, перев. **А. Г. Сахаровой.**—Александръ Андреевичъ Ивановъ, характ. **М. Балласа.** — Библіографическій листокъ. — Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Малоросъ, рис. **П. Мартыновича.**—Посѣщеніе умершаго ребенка, карт. **Демитріо Козола.**—Iang-hen var! карт. **Модесто Фаустине.**—У фонтана, карт. **Бюргерса.**—Удачная рыбная ловля, карт. **Бёма.**—Послѣдній изъ Валуа и его шутъ, карт. **Лульвеса.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

ВЛ. МИХНЕВИЧА.

Мы, вы, они, онѣ. Юмористическіе очерки шаржи въ 3-хъ серіяхъ: 1) Отголоски изъ временъ войны; 2) Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ; 3) Дачныя картинки. Спб. 1879. 415 стр. in 8^0. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 85 к.

Въ петербургскомъ омутѣ. Романъ-фельетонъ изъ временъ войны 1877 года. Второе изд. дополненное и исправленное. 1879. 420 стр. in 16^0. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

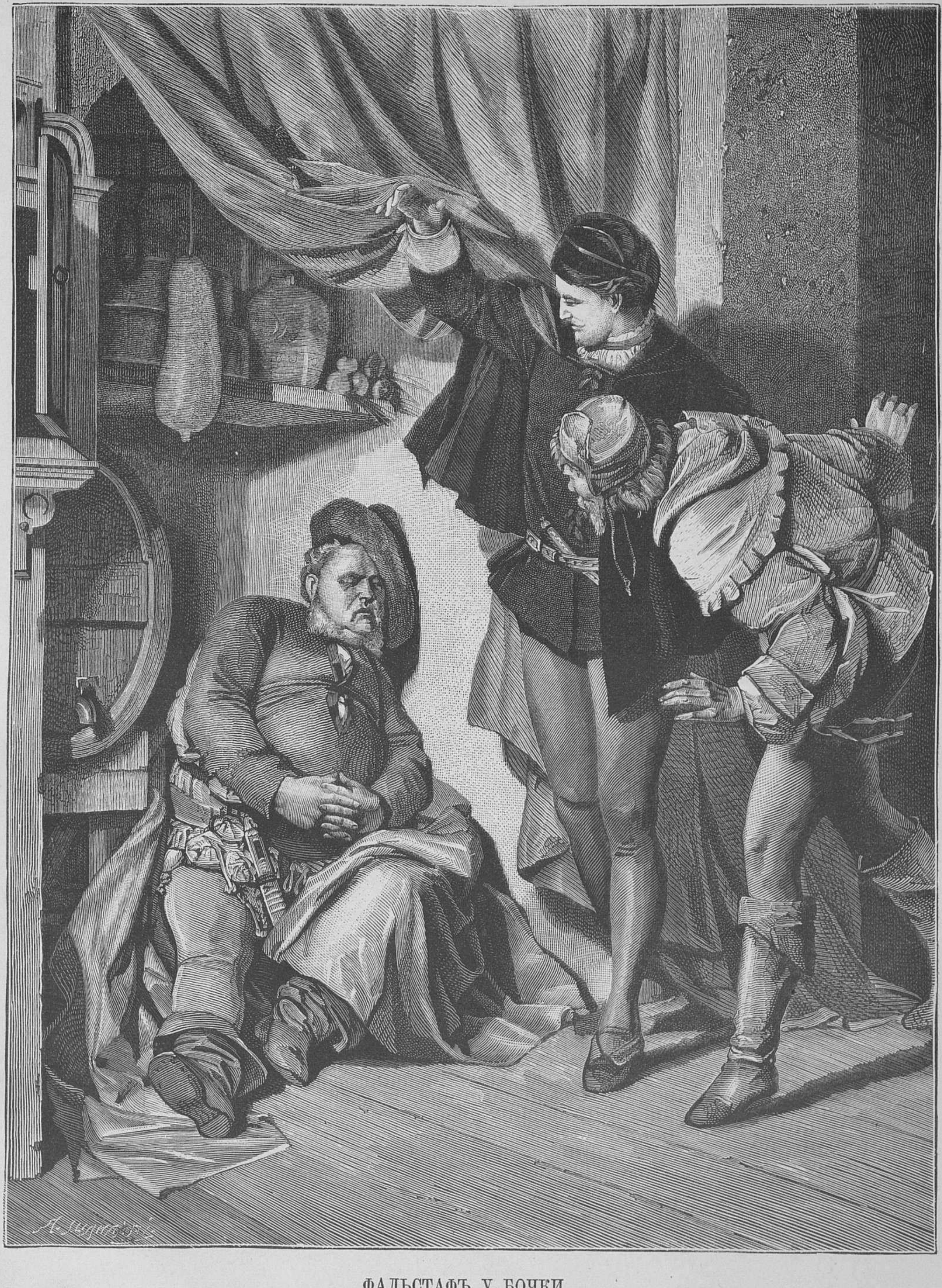
Очеркъ исторіи музыки въ Россіи. въ культурно-общественномъ отношеніи, 1879. 370 стр. in 8^0. Ц. 2 р. 25., съ перес. 2 р. 50. к. Въ изящн. переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 25 к.

Складъ изданій у автора: Спб. Троицкій просп., д. № 6, кварт. № 4. Выписывающіе изъ склада всѣ три изданія за пересылку не платятъ.

При этомъ нумерѣ прилагается всѣмъ гг. подписчикамъ: 1) **Литературная премія;** 2) шестой и послѣдній двойной листъ «Гигіены»; исключительно для гг. иногороднихъ: объявленіе объ изданіи журнала «Нувелистъ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 декабря 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

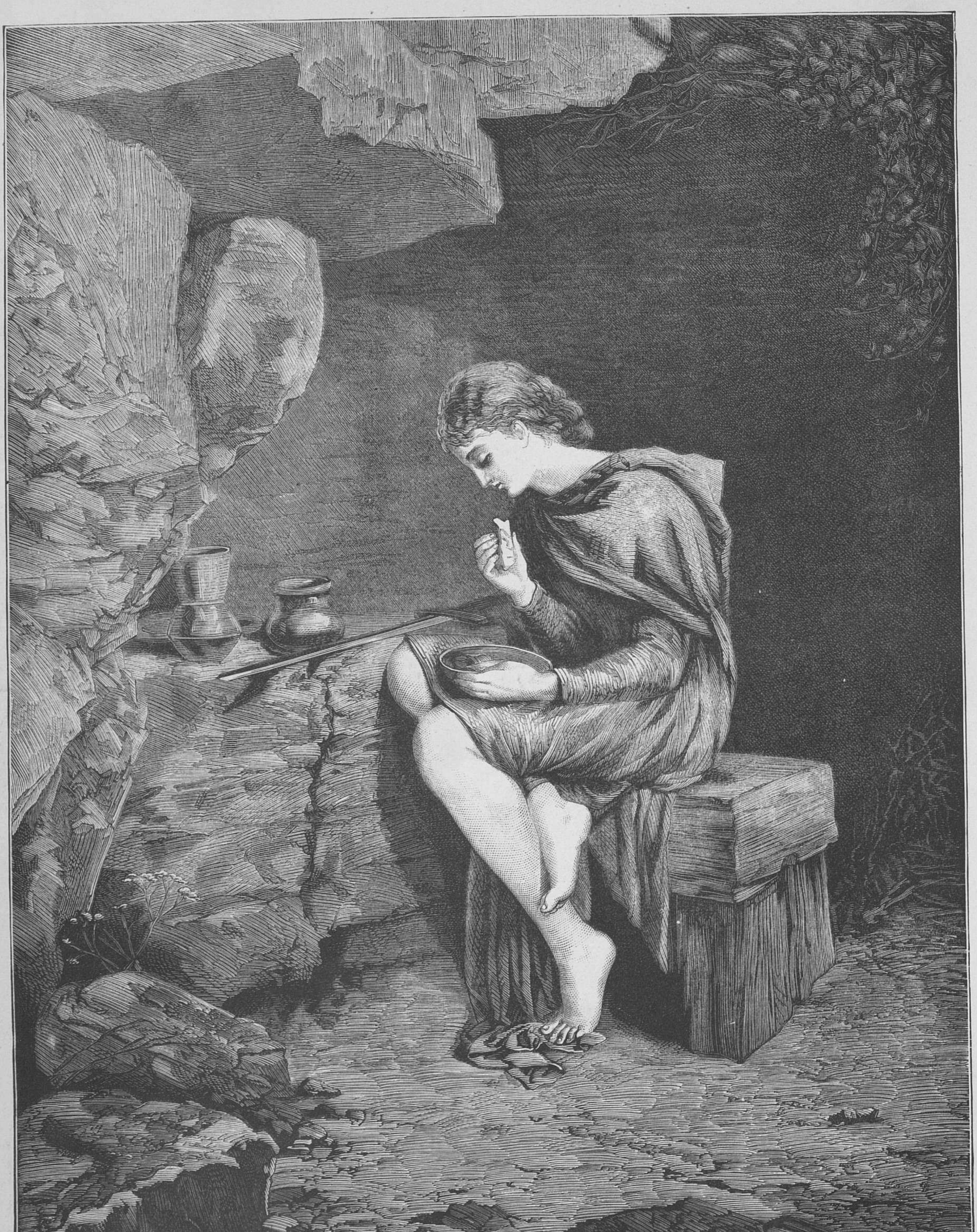
КАРТИНА ГРЮЦНЕРА.



ФАЛЬСТАФЪ У БОЧКИ.

Рисовалъ на деревѣ **И. Т. Михайловъ**; рѣзалъ **А. Шлиперъ**.

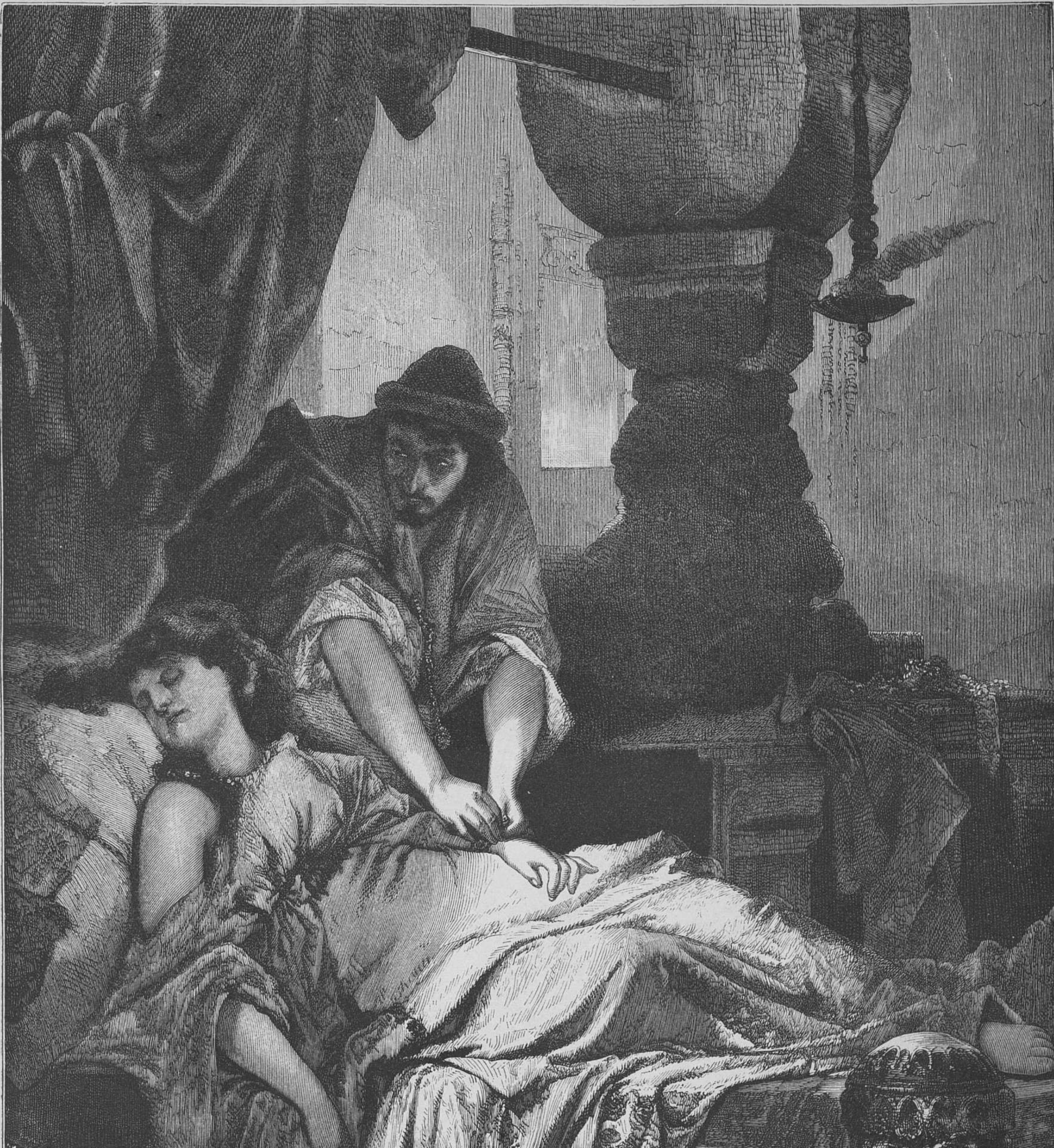
КАРТИНА ЛУИЗЫ ШТАРРЪ.


Ксил. зав. А. Шлиперъ

ИМОЖЕНА.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

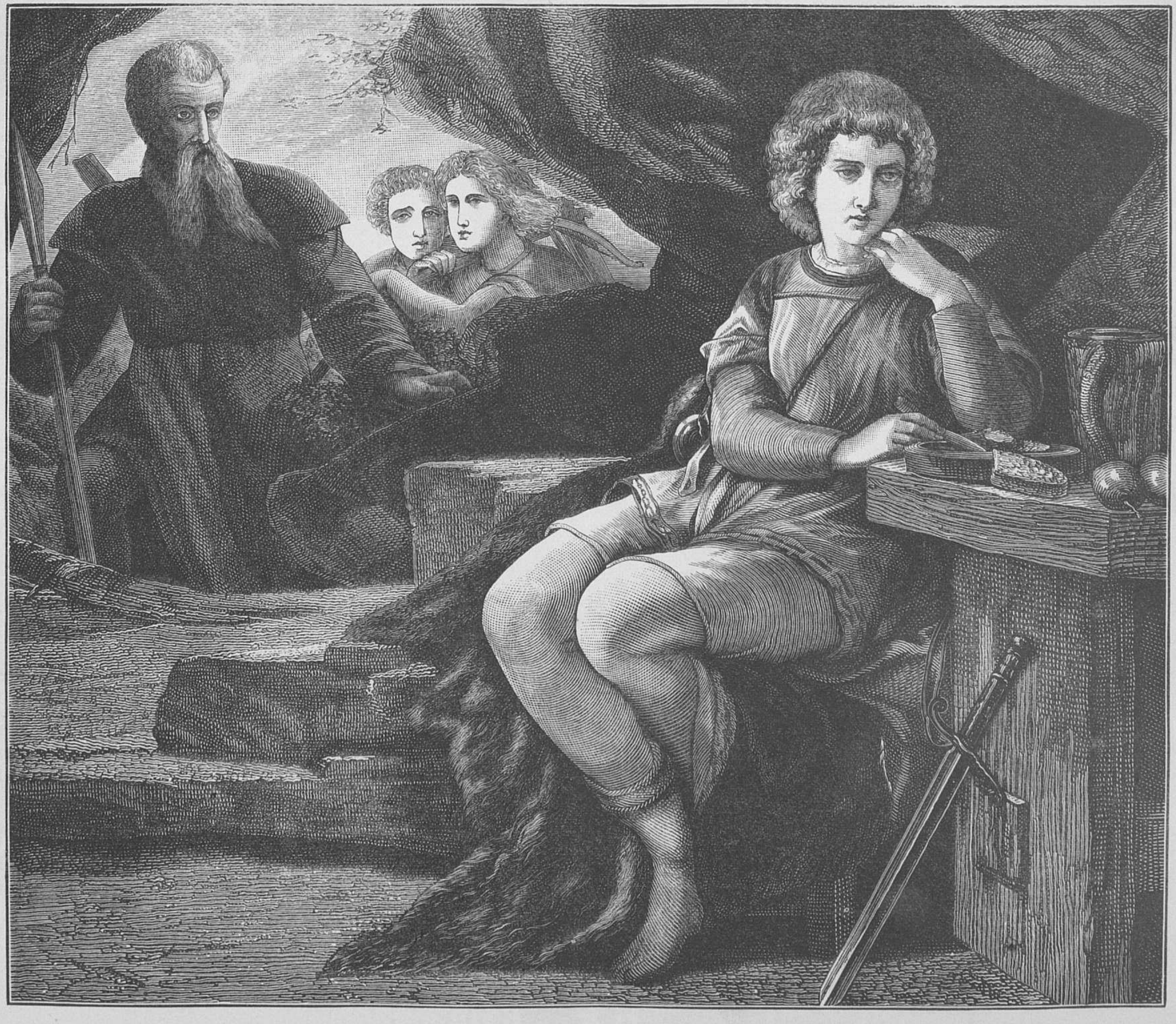
КАРТОНЪ А. ЛИЦЕНЪ-МЕЙЕРА.



ИМОЖЕНА И ІОХИМО.

Рѣзано въ «Варшавской ксилографіи» **И. Хелмицкимъ.**

КАРТИНА ШВЁРЕРА.



ИМОЖЕНА ВЪ ПЕЩЕРѢ.

Рѣзалъ по фотографіи г. Лаптева А. Шлиперъ.

1881 годъ. 42-й годъ.

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО
И
„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

Съ 1-го января 1881 года „Нувеллистъ“ вступаетъ въ 42-й годъ своего существованія.

Цѣль изданія «Нувеллиста» доставить каждому семейству и каждому любителю музыки возможность получать по самой дешевой цѣнѣ значительный выборъ новѣйшихъ, лучшихъ и любимѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ для фортепіано, романсовъ и танцевъ. Чтобы удовлетворить такому назначенію, редакція находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими композиторами и музыкальными издателями въ Европѣ и помѣщаетъ въ журналѣ пріобрѣтаемыя отъ нихъ наиболѣе избранныя новости, достойныя вниманія общества, и по степени трудности доступныя для большинства публики.

Если принять въ соображеніе дороговизну музыкальныхъ произведеній въ отдѣльной продажѣ, затруднительность для лицъ живущихъ въ провинціи слѣдить за появленіемъ новыхъ произведеній и до извѣстной степени рискъ, сопряженный съ выборомъ пьесъ за глаза, на основаніи лишь газетныхъ объявленій и каталоговъ, нельзя не придти къ заключенію, что изданіе „Нувеллиста» значительно облегчаетъ выборъ и удешевляетъ пріобрѣтеніе названныхъ произведеній въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ хорошо обставленныхъ музыкальныхъ магазиновъ.

Въ 1882 году „Нувеллистъ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадями отъ 30 до 35 страницъ музыки, большаго нотнаго формата, что составитъ въ годъ болѣе 400 страницъ избранной музыки.

КАЖДАЯ ТЕТРАДЬ БУДЕТЪ СОДЕРЖАТЬ ВЪ СЕБѢ:

1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ теченіи года въ „НУВЕЛЛИСТѢ“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

Будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи такъ и заграницей.
2) Музыкально-театральная хроника: отчеты о новыхъ операхъ, концертахъ, театральныхъ пьесахъ и т. д.
3) Возможно полный сводъ новостей касающихся музыки и сценическаго искусства.
4) Фельетонъ.

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона—въ Январѣ, Февралѣ Мартѣ, Апрѣлѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ, Ноябрѣ и Декабрѣ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и восьми нумеровъ Музыкально - театральной газеты, подписчики получатъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ:

ПРЕМІЮ

полную оперу для фортепіано въ 2 руки или другія музыкальныя сочиненія по ихъ выбору **изъ 70-ти нумеровъ.**

Оперы въ 2 руки.

AUBER: La Muette de Portici. Le Maçon. — BEETHOVEN: Fidelio. Prometheus. Egmont. BELLINI: I Montecchi et i Capuletti. Norma. I Puritani. La Sonnambula.—BOIELDIEU: La dame blanche. Jean de Paris.—CHERUBINI: Les deux journées. — CIMAROSA: Matrimonio Segretto. — DONIZETTI: Elisir d'Amore. Lucia.—GLUCK: Orphée.—HEROLD. Zampa.—MOZART: Don Juan. Figaro. La Flûte euchautée. RICCI: Crispino. — ROSSINI: Le Barbier de Séville. — Othello. — VERDI. Traviata. Trovatore. Rigoletto. — WEBER: Freischütz. Euryanthe. Oberon. Preciosa.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Фильдъ, 17 Ноктюрнъ.—Гайднъ, 10 знаменитыхъ сонатъ. — Огинскій, полонезы. — Шопенъ, всѣ вальсы. — Шоценъ, всѣ ноктюрны. — Шубертъ, 50 пѣсенъ.—Мендельсонъ, Альбомъ любимыхъ сочиненій.—Мендельсонъ, всѣ 48 пѣсенъ безъ словъ. — Роббелингъ, Альбомъ 50 оперныхъ мелодій (легкій).— Бетховенъ 11 увертюръ.—Беллини и Россини, 8 уверт.—Боальдіе, Герольдъ, Оберъ и Спонтини, 8 уверт.—Керубини, 8 уверт.—Глюкъ, Гайднъ, Мегюль, Перъ, Чимароза, 8 уверт. Моцартъ, 10 уверт.—Шубертъ, Шпоръ, Линдпайнтнеръ, 8 уверт. — Шубертъ, Букетъ изъ Русскихъ пѣсенъ. Попурри. — Шубертъ, Русскіе цвѣточки. Попурри.

Альбомъ салонныхъ пьесъ:

Томъ I (легкій) 19 люб. піесъ Бадаржевской, Рихардса, Вели и др.—Томъ II (легкій), 12 люб. піесъ Делера, Юнгмана, Лейбаха, Лешгорна, Фосса и проч.—Томъ III (легкій), 9 люб. піесъ Листа, Юнгмана, Шпиндлера, Фосса и пр.—Томъ IV (легкій), 9 люб. піесъ Фосса, Лешгорна, Іаэля, Волленгаупта и проч. — Томъ V (трудный), 4 люб. сочиненія Раффа. — Томъ VI (средней трудн.), 6 переложеній соч. Раффа.—Томъ VII (трудный), 4 соч. Листа, Бюлова, Таузига и Рубинштейна.—VIII (средн. трудн.), 4 переложеній соч Іаэля.—Томъ IX (средн. трудн.), 5 переложеній соч. Іаэля.—Томъ X (легкій)- 6 переложеній Фосса. — Томъ XI (легкій), 8 піесъ Круга, Фосса и проч.— Томъ XII (легкій), 8 піесъ Эггарда, Кафка, Круга и проч.—Томъ XIII (средн. трудн.), 4 любпм. сочиненія Волленгаупта. Фосса и проч. Томъ XIV (трудн.), 4 соч. Раффа. — Томъ XV (сред. трудн.), 6 люб. піесъ Бенделя, Шпиндлера и Мейера,

Для фортепіано въ 4 руки:

Оберъ, Боальдіе, Герольдъ, увертюры. —Беллини, увертюры. — Керубини, Мегюль, Пэръ, Глюкъ, увертюры.—Доницетти, увертюры.— Моцартъ, увертюры. — Россини, увертюры. — Шубертъ, Шуманъ, увертюры. Веберъ, увертюры.—Мендельсонъ, 4 знамен. увертюръ.—Мендельсонъ оригин. сочиненія.—Мендельсонъ Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Цѣна годовому изданію „НУВЕЛЛИСТА“:

съ Музыкально-театральною Газетою и преміею	5 руб.
съ доставкою и пересылкою	6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для лицъ, не состоящихъ подписчиками на «Нувеллистъ», годичная подписная цѣна на «Музыкально-Театральную Газету», назначается 1 рубль. Гг. иногородные прилагаютъ на пересылку 30 коп. почтовыми марками.

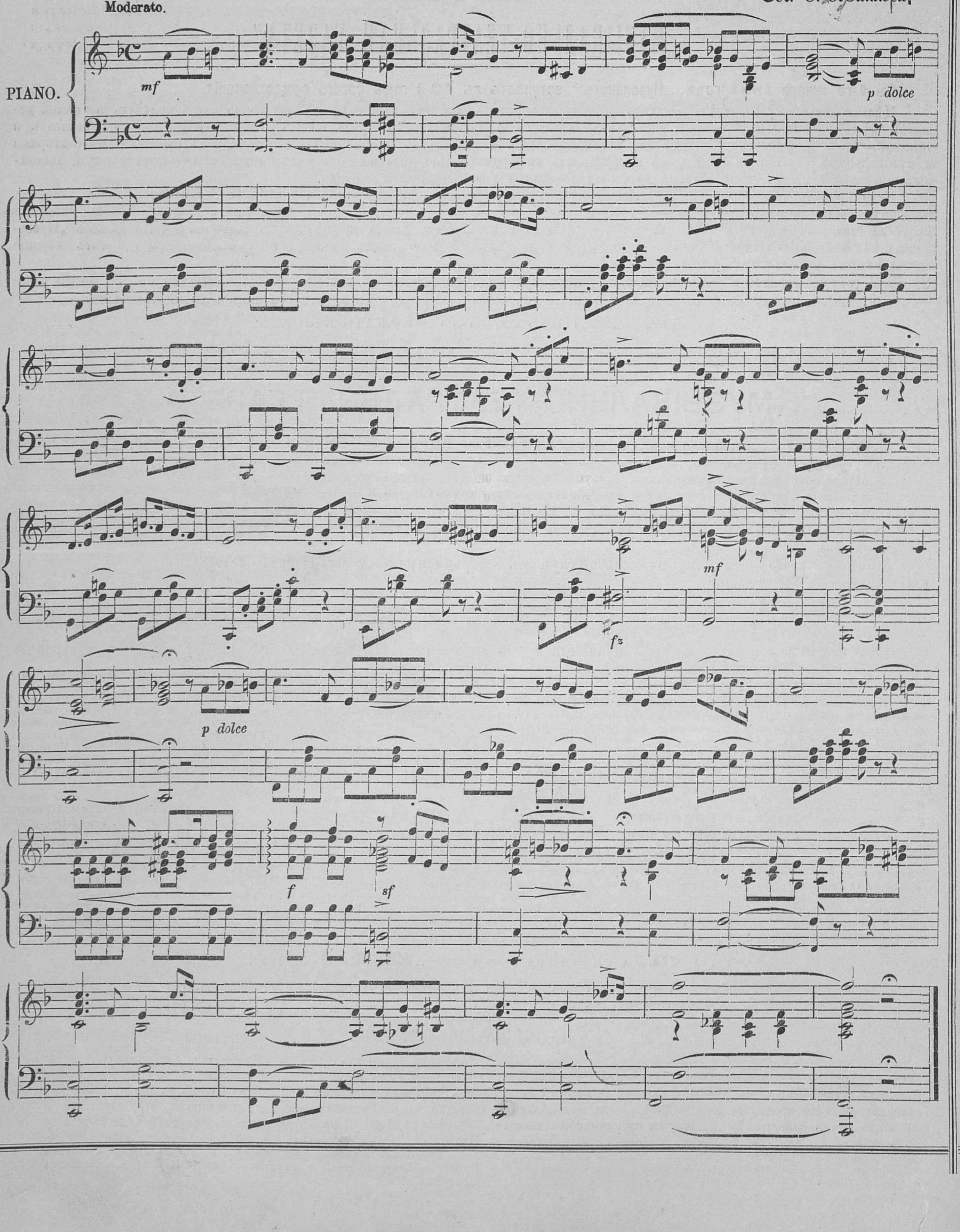
Въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ „Нувеллиста“ при музыкальномъ магазинѣ М. БЕРНАРДА, Поставщика Двора Е. И. Величества, Невскій просп., № 10. *Въ Москвѣ*, въ музыкальномъ магазинѣ А. Б. Гутхейля, поставщика Двора Е. И, Величества Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. *Въ Казани*, въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“. *Въ Харьковѣ*, въ музыкальномъ магазинѣ Гергарда. *Въ Одессѣ*, у А. Цанотти. *Въ Кіевѣ*, у Корейво. *Въ Тифлисѣ* у Ланко.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 29 Ноября 1880 г. Типографія В С. Балашева, Екатерин. каналъ, между Вознесенск. и Маріинск. мостами, № 90—1.

СТРАНИЧКА ИЗЪ „НУВЕЛЛИСТА“.

РОМАНСЪ.

Соч. Р. Миллера.


Moderato.
PIANO.
mf
p dolce
mf
fz
p dolce
f
sf

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 52. За годъ съ пер. и дост.— 7 руб. *Адресъ Редакціи:* С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6. Цѣна отдѣльныхъ №№ 20 коп. за нумеръ. За полгода — 4 рубля. 27 Декабря 1880 г.

Изъ Гейне.

Стих. **А. Золотарева.**

Хотѣлъ бы я въ словѣ единомъ
Излить свои скорби вполнѣ,
Разсѣять, пустить ихъ по вѣтру
Чтобъ вновь не вернулись онѣ.

И вздохи мои, и рыданья
Порою дойдутъ до тебя,—
Ты внемлешь мученьямъ, страданьямъ,
Одна понимая меня.

И если въ минуту покоя
Сомкнешь свои очи во снѣ,
То звуки тоски и рыданья
Напомнятъ тебѣ обо мнѣ.

Съ пьедестала.

Святочный разсказъ **К. С. Баранцевича.**

(Посвящается О. П. Р-ой.)

I.

...Снѣжный ураганъ несся съ сѣвера. Гоня одну за другой свинцовыя тучи, онъ сыпалъ съ темнаго неба мокрыми, холодными хлопьями снѣга, заваливая дороги и лѣсныя просѣки, залѣпляя глаза рѣдкимъ проѣзжимъ.

Полустанокъ —ской желѣзной дороги весь находился во власти мятели; немногочисленныя строенія его были сверху до низу занесены снѣгомъ, образовавшимъ толстые пласты на низкихъ крышахъ, вплотную залѣпившимъ небольшія оконца. Деревня, находившаяся на разстояніи полуверсты отъ вокзала, была какъ бы погребена подъ снѣжнымъ покровомъ, являя изъ себя бѣлую кучу неопредѣленныхъ очертаній. Путь былъ занесенъ и на немъ въ сгущавшемся сумракѣ зимняго дня двигались черныя точки. Это были рабочіе, старавшіеся очистить рельсы для прохода ожидаемаго изъ Петербурга пасажирскаго поѣзда. Но лопаты были безсильны и утомленныя руки отказались служить... А ураганъ все продолжался и свистъ вѣтра заглушилъ свистъ подошедшаго поѣзда.

Изъ занесеннаго снѣгомъ, словно облѣпленнаго ватой, вагона II класа вышелъ единственный пасажиръ, послѣ немалыхъ усилій раскрыть примерзшую дверь.

Цѣлая масса мокрыхъ снѣжныхъ хлопьевъ полетѣла ему въ лицо и за воротникъ шубки. Пасажиръ поморщился и на секунду закрылъ глаза, потомъ быстро надвинулъ воротникъ и, подхвативъ ручной чемоданчикъ и плэдъ, шагнулъ на платформу. Кое-какъ поѣздъ безшумно двинулся впередъ и вскорѣ въ туманномъ сумракѣ мелькнулъ красный свѣтъ тормазнаго фонаря. Платформа опустѣла. Послѣднимъ проковылялъ въ пасажирскую низенькій сторожъ; за нимъ послѣдовалъ пріѣзжій.

Тамъ онъ бросилъ свой сакъ и плэдъ на лавку и, доставъ папиросу, потянулся къ лампѣ закурить.

Скудный свѣтъ масляной лампочки освѣтилъ молодое, худощавое лицо, обрамленное небольшой черной бородкой. Черныя, густыя брови красивымъ изгибомъ оттѣняли высокій, выпуклый лобъ. Но большіе глаза смотрѣли какъ-то утомленно-грустно и блѣдныя губы складывались въ недовольную гримасу.

Начальникъ полустанка громко хлопнулъ книгой. Пріѣзжій вздрогнулъ и, какъ-бы очнувшись, подошелъ къ нему.

— Скажите, пожалуйста, могу я достать лошадь?

— Лошадь? переспросилъ тотъ съ такимъ удивленіемъ, какъ будто дѣло шло о какомъ нибудь баснословномъ животномъ.— Да вамъ куда ѣхать-то?

— Въ Подлиповку; можетъ быть, знаете, Шугаева усадьба?

— Какъ же, помилуйте, отлично знаю. Только лошадь-то наврядъ достанете. Видите сами, какова погодка. Да и праздникъ, сочельникъ, всякій старается дома быть.

— Иванъ Ивановичъ! показалось въ полуотворенной двери недовольное лицо молодой женщины,—что это тебя не дозваться! Когда же елку-то?..

— Сейчасъ, сейчасъ, смущенно залепеталъ тотъ, засуетился, хлопнулъ опять книгой и, убѣгая, крикнулъ:

— Дойдите до деревни, полъ-версты всего.

Молодой человѣкъ остался одинъ; даже низенькій сторожъ куда-то скрылся. Въ комнатѣ было тихо, а на дворѣ все еще шумѣла мятель и словно кто горстями бросалъ песокъ въ оконныя стекла.

— Чортъ знаетъ, что за нелѣпость, пробормоталъ молодой человѣкъ,—и сунула же нелегкая!

Онъ вышелъ на крыльцо и оглядѣлся.

Снѣгъ продолжалъ валить. Цѣлые сугробы намело около крыльца. Въ окнахъ станціонныхъ строеній зажигались огни и, видно было, шла какая-то суетня,—очевидно, приготовлялись къ празднику. Вдали, тамъ гдѣ должна была находиться деревня, словно волчьи глаза мелькали немногіе огоньки, но кругомъ было совершенно темно и жутко становилось въ этомъ міракѣ при свистѣ вѣтра и завываньи мятели.

Но пріѣзжій храбро пошелъ по дорогѣ, ступая въ кучи мокраго снѣга, шагая по сугробамъ, проваливаясь въ какія-то ямы и канавы.

Почти всю деревню пришлось ему исходить, покуда, наконецъ, не нашлась лошадь и онъ уже не разъ раскаявался, что задумалъ эту поѣздку.

— Ну, не глупость-ли все это, думалъ онъ, сидя въ избѣ у мужика, взявшагося вести его, и бросая недовольные взгляды то на раскричавшагося въ люлькѣ грязнаго ребенка, то на мужика, сердито и не охотно подпоясывавшаго лыкомъ свой армякъ.—Сколько лѣтъ глазъ не показывалъ, а тутъ вдругъ расчувствовался, къ дядюшкѣ на праздникъ *сюрпризомъ* вздумалъ пріѣхать! Экой дуракъ! мысленно обругалъ онъ себя въ заключеніе, слѣдуя за мужикомъ во дворъ.

Худая, изможженная хозяйка въ рваной душегрѣйкѣ стояла на крыльцѣ и свѣтила фонаремъ, бросавшимъ скользящій лучъ на бѣлую поверхность наметеннаго черезъ крышу снѣга. Брюхатый савраска, запряженный въ розвальни, стоялъ, понуря голову, вздрагивая кожей и прислушиваясь то однимъ, то другимъ ухомъ къ шуму бури.

Молодой человѣкъ сѣлъ въ розвальни. Въ нихъ гораздо было удобнѣе лежать, чѣмъ сидѣть. Мужичекъ помѣстился гдѣ то сбоку, свѣсивъ ноги; баба открыла ворота, которыя при этомъ какъ-то жалобно заныли, и путники выѣхали на встрѣчу вьюгѣ и мраку.

* * *

«А интересно, что-то они тамъ теперь? Должно быть, все по старому! Оля учительствуетъ, дядя... коптитъ небо.. Да, все въ порядкѣ вещей, какъ и быть слѣдуетъ. Узко только все это ужасно, коробочное какое-то существованіе, за то спокойное, предолжительное... И удовлетворяетъ же ихъ такая жизнь! Гм... А тебѣ бы хотѣлось въ ширь, крылья расправить. Ну что-жъ, расправилъ разъ, попробовалъ и... осѣкся. А тутъ самолюбіе заговорило, ну, и возненавидѣлъ вся и всѣхъ; того даже не сообразилъ, что стихіи, и тѣ противъ тебя. Вонъ, погодка-то какова! «Равнодушная природа» сыплетъ себѣ снѣгомъ, того и гляди, что погребетъ тебя гдѣ нибудь въ полѣ съ твоими высокими мыслями»!

Такъ думалъ молодой человѣкъ, лежа въ розвальняхъ, закутанный сверхъ шубы въ плэдъ, и морщась отъ налетавшихъ на глаза хлопьевъ.

И еще разъ, какъ тогда, въ вокзалѣ, чувство недовольства самимъ собой вызвало складку на его лбу.

«Сидѣлъ бы себѣ на Вознесенскомъ, въ своей меблированной комнатѣ и отлично бы было, думалъ онъ, съ недоброжелательствомъ поглядывая на нависшее надъ нимъ черное небо слившееся въ туманной мглѣ съ остальными предметами.—А то, извольте, покатилъ! Да еще на ночь глядя, да въ этакую погоду! Какъ же, помилуйте, воздуху хотѣлось, засидѣлся! Ну, вотъ и прогуляйся, вотъ и прогуляйся!»

Онъ сердито дернулъ плэдъ, который сползъ съ шеи и со складокъ насыпалъ за воротъ снѣгу. Нервная дрожь пробѣжала по его тѣлу; онъ стряхнулъ снѣгъ и, закрывшись плэдомъ съ головой, зарылся въ сѣно.

Являвшій изъ себя подобіе снѣжнаго чурбана мужикъ апатично подергивалъ возжами и причмокивалъ. Савраска лѣниво трусилъ, увязая въ сугробахъ. А снѣгъ все валилъ да валилъ, и, кажется, конца ему не было.

II.

А онъ засидѣлся дѣйствительно. Это самымъ настойчивымъ образомъ докладывалъ ему сухой, короткій кашель и блѣдное исхудавшее лицо. И засидѣлся-то онъ въ такой мрачной комнатѣ, что нужна была особенная привычка, чтобы высидѣть въ ней подрядъ нѣсколько годовъ. И какихъ еще! Самыхъ цвѣтущихъ годовъ...

И ничего этого онъ до сихъ поръ не замѣчалъ. Года шли за годами все равно, какъ день за днемъ, въ томительномъ однообразіи и не было желанія хоть на минуту нарушить это однообразіе, встрепенуться, зажить по другому.

Онъ зналъ, что гдѣ то близко отъ него шумитъ эта другая жизнь, жизнь полная разныхъ треволненій, съ горечью и радостью, со смѣхомъ и любовью, со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ живъ человѣкъ, а онъ все сторонился отъ нея въ своемъ гордомъ одиночествѣ, все думалъ, что время еще не ушло.

И зарытый въ книги, онъ бы ждалъ еще, если-бы сама природа не вступила въ свои права, не возмутилась и не напомнила о себѣ недомоганьемъ. Тогда онъ понялъ, что такъ дальше нельзя, что необходимо встряхнуться, хоть на время встряхнуться, что онъ вовсе не одинокъ, потому что есть на свѣтѣ существа, которыя были когда-то такъ дороги и близки ему и что и теперь даже, спустя много лѣтъ, они, можетъ быть, помнятъ, и любятъ, и ждутъ его.

И онъ ѣхалъ къ нимъ.

Ураганъ стихъ, хотя снѣгъ еще шелъ. Изъ за разрозненныхъ, быстро мчавшихся тучъ, украдкой выглядывала полная луна, освѣщая своими лучами безконечно тянувшуюся снѣжную равнину. Возница сидѣлъ, сгорбившись, и поклевывалъ носомъ; притомившійся савраска еле трусилъ.

Сѣдокъ размечтался...

Вспоминается ему эта мѣстность много, много лѣтъ назадъ. Тогда все представлялось какъ-то въ громадномъ видѣ: небольшой лѣсокъ казался заповѣдной дубравой; озеро, мимо котораго сейчасъ проѣхали,—цѣлымъ моремъ. Вспоминается ему и то милое время, какъ оно весело, беззаботно текло! Сколько было смѣха, чистаго, дѣтскаго, невиннаго смѣха, забавныхъ проказъ, наивныхъ похожденій. Вспоминаются долгіе, зимніе вечера, когда дядя ляжетъ спать, а ребятишки, т. е. онъ, двоюродный братъ съ сестрой и воспитанница дяди, Оля, заберутся въ людскую и въ хохотѣ, и въ шуткахъ проводятъ добрую половину ночи. То кузнецъ Антонъ начнетъ разсказывать сказку и дѣти, затаивъ дыханіе, широко раскрывъ глаза, слушаютъ съ замираньемъ сердца похожденія какого-то Ивануашки, то работникъ Павелъ вымажетъ себѣ лицо сажей, кривляется, корчитъ рожи и говоритъ такимъ смѣшнымъ языкомъ, что по словамъ кухарки Федосьи: «всѣ животики надорвешь».

И вдругъ, въ самый разгаръ всеобщаго смѣха и веселья, въ полуотворенной двери покажется доброе лицо дяди, въ ночномъ колпакѣ, и искуственно строгій голосъ провозгласитъ:

— Это что такое? Маршъ спать!

Какъ не такъ: спать! А какъ же тогда на посидѣлки? Что же стоитъ притвориться, нарочно хлопнуть дверьми, нарочно пройдти шибко черезъ анфиладу темныхъ комнатъ и потомъ, снявъ даже сапоги, пробраться нарочно въ людскую, а тамъ уже Антонъ въ шубѣ, съ дубиной и фонаремъ ждетъ барчуковъ, чтобы вести на деревню. Свѣтъ фонаря падаетъ на добродушное, смуглое лицо, на его щетинистые, растопыренные усы, изъ подъ которыхъ торчитъ длиннѣйшая фарфоровая трубка, и за одно освѣщаетъ внизу групу отважныхъ путешественниковъ.

Милое, милое время!

А эти торжественныя, нѣмыя, зимнія ночи, гдѣ за предѣломъ свѣта, падающаго изъ фонаря, все окружающее кажется какъ бы наполненнымъ чѣмъ то страннымъ, таинственнымъ, невѣданнымъ, гдѣ чудятся и волки, и лѣсовики, и души грѣшниковъ.

А праздники, какъ весело проводились они! Рождество было всегда самымъ веселымъ праздникомъ. Въ сочельникъ съ утра уже чувствовалось, что въ этотъ день должно совершиться нѣчто необычайное. Экзальтированное состояніе дѣтей въ сильнѣйшей степени поддерживалось таинственнымъ видомъ Антона, игравшаго въ этотъ день немаловажную роль. Сколько разъ они пытались подстеречь его, разгадать всѣ его таинственныя манипуляціи и никогда имъ это не удавалось, и только, когда Антонъ съ торжествующимъ видомъ выходилъ изъ зала и многозначительно подмигивалъ, имъ было ясно, что все уже кончено и оставалось только ждать наступленія вечера и пріѣзда гостей.

И вотъ подкатываютъ одни за другими сани къ дядиному дому; изъ саней выходятъ нарядныя дамы и дѣвочки, и щеголеватые кавалеры, и вскорѣ большая гостиная превращается въ пестрый цвѣтникъ, гдѣ роль георгинъ и лилій играютъ мамаши и взрослыя дѣвушки, а васильковъ и незабудокъ—рѣзвящіяся дѣти.

А изъ зала уже доносятся робкіе звуки настраиваемой скрипки, прерываемые сдерживаемымъ рокотомъ корнетъ-а-пистона.

Это учитель Карлъ Иванычъ съ прикащикомъ Иполитомъ Фадѣичемъ пробуютъ свои силы для предстоящаго пляса. Въ особенности Карлу Иванычу не хочется ударить лицомъ въ грязь. Крѣпко уперся онъ своимъ костлявымъ подбородкомъ въ деку и черезъ большіе, круглые очки зорко слѣдитъ за пальцами лѣвой руки. А Иполитъ Фадѣичъ надулъ до невозможности свои румяныя щеки и внутренно молится всѣмъ богамъ, чтобы только чему нибудь не разсмѣяться, потому что Иполитъ Фадѣичъ очень смѣшливъ.

— Ein, zwei, drei! командуетъ Карлъ Иванычъ и торжественные звуки полонеза начинаютъ собирать гостей въ залъ. Вотъ прошли дядя съ теткой, за ними старшіе по лѣтамъ и, наконецъ, впускаютъ дѣтей. Шумной гурьбой врываются они въ залъ, толкая и опережая другъ друга... О, восторгъ! Залъ горитъ сотнями огней. Въ особенности эфектно отраженіе громадной елки, обремененной разными лакомствами, игрушками и разноцвѣтными свѣчами въ старинномъ, каминномъ трюмо, разукрашенномъ зеленью и цвѣтами.

А Карлъ Иванычъ уже сверкнулъ своими круглыми очками, взмахнулъ смычкомъ и полились звуки кадрили и затолкались и заволновались дѣтскія головки, расчесанныя волосокъ къ волоску, съ вплетенными въ косички яркими лентами. Хохотъ и шутки, усиливающіеся оттого, что нѣкоторыя пары перепутываютъ фигуры.

Вспоминается вальсъ, въ которомъ въ особенности отличались онъ и Оля: русая голова почти легла на его плечо, искрящіеся умомъ и весельемъ голубые глазки смотрятъ съ такой любовью, съ такимъ увлеченьемъ вверхъ, прямо ему въ лицо.

Вотъ и ужинъ... Длинные столы разставлены покоемъ и почти ломятся отъ тяжести различныхъ явствъ и питій. Звонъ стакановъ, всеобщее оживленіе, смѣхъ, остроты. Въ особенности неистощимъ въ этомъ отношеніи Карлъ Иванычъ. У него такъ и льется!

Еще шумнѣе оканчивается ужинъ, вонъ Карлъ Иванычъ сказалъ что-то Олѣ, та захлопала въ ладоши и чуть не бросилась ему на шею. Затѣваются гаданья въ гостиной, гдѣ, благодаря предусмотрительности Карла Иваныча, все готово: и воскъ съ оловомъ, и вода, и вороха бумаги, и пр. и пр.

Надоѣстъ гадать и отправятся всѣ кататься. Вереницей мчатся сани по снѣжной равнинѣ и молчаливая окрестность оглашается смѣхомъ и пѣснями. Особенно рѣзко запечатлѣлось въ его памяти одно изъ такихъ катаній. Олѣ было уже 15 лѣтъ и она удивительно была хороша съ раскраснѣвшимися на морозѣ щечками въ бархатной, отороченой соболемъ шапкѣ, изъ подъ которой бойко выглядывали смѣющіеся глазки. Они ѣхали въ маленькихъ санкахъ, на лучшей дядиной лошади. Оля правила, но какъ то не доглядѣла, наѣхала на косогоръ, и легкія саночки опрокинулись. Падая, она обхватила его за шею, и это прикосновеніе довѣрчивой руки возбудило въ немъ какое-то новое, сладостное чувство.

Оба они отдѣлались мгновеннымъ испугомъ, сѣли и покатили еще шибче, но Оля вдругъ какъ то присмирѣла, сдѣлалась необычайно ласкова и, склонивъ ему голову на грудь, стала смотрѣть на него какимъ-то долгимъ, загадочнымъ взглядомъ.

— Какой ты славный... сильный! вырвалось у нея,—я бы хотѣла всегда, всегда такъ!

Она не договорила, но ему показалось, что онъ понялъ ее.

III.

Вѣтеръ стихъ совершенно и погода перемѣнилась,—сдѣлалась мягче. Теперь уже можно было раскутать голову и выглянуть на свѣтъ Божій. Сѣдокъ такъ и сдѣлалъ, свернулъ плэдъ, подложилъ подъ голову и сталъ смотрѣть на небо. Тамъ въ недоступной вышинѣ теплились яркія, звѣзды изрѣдка скрывавшіяся подъ прозрачными, посеребренными по краямъ луннымъ свѣтомъ, облачками.

Савраска шелъ шагомъ; возница совсѣмъ спалъ, даже слегка похрапывалъ.

— А какіе, подумаешь, въ сущности, пустяки, всѣ эти эпизоды дѣтскихъ годовъ, размышлялъ молодой человѣкъ,—по настоящему и вспоминать-то нечего! А вотъ только благодаря тому, что это было давно, всякій пустякъ, всякая мелочь принимаютъ какой-то особенный, яркій колоритъ, получаютъ какое-то особенное значеніе.

Совершенно также думалъ онъ годъ тому назадъ, расхаживая по своей мрачной комнатѣ съ малиновой бархатной мебелью и темными тяжелыми портьерами.

Оля, уже 20-лѣтняя дѣвушка, стояла у стола въ шубкѣ и шляпкѣ, съ связкою книгъ подъ мышкой, готовая уйдти.

— Я такъ теперь рада, такъ рада, Митя, говорила она, запинаясь отъ волненія,—слава Богу, экзаменъ сданъ, завтра зайду за дипломомъ и завтра-же ѣду. По крайней мѣрѣ, я могу, наконецъ, приносить пользу!

«Пользу!»

Онъ усмѣхнулся злой улыбкой и, повернувшись къ ней спиной, сталъ смотрѣть въ темное окно.

А она, кажется, намѣрена была изливаться.

— Ты не знаешь, какъ папа добръ! Онъ на свой счетъ выстроилъ школу, купилъ все обзаведеніе, книги и прочее, и крайне, крайне интересуется моимъ учительствомъ. То-то обрадуется, какъ я пріѣду. Да и всѣ обрадуются. Карлъ Иванычъ считалъ меня пустой дѣвочкой, пусть-ка полюбуется теперь. Учительница! Господи, Митя, какъ я рада, голова горитъ, просто сама не своя! Что-же ты молчишь, Митя?

— Чтожъ я буду говорить? Это тѣшитъ тебя, ну, и прекрасно.

— А ты не пріѣдешь... посмотрѣть?

— Нѣтъ, не пріѣду.

— На одинъ-то день; неужели нельзя?

— Нельзя.

— Но что-же ты дѣлаешь?

Онъ молчалъ. Что онъ дѣлаетъ? Ничего.

Онъ давно уже ничего не дѣлалъ, хотя сказалъ какъ-то дядѣ, что пишетъ диссертацію. Въ дѣйствительности-же онъ переводилъ урывками для одного изданія какія-то научныя статьи, но большую часть времени проводилъ въ какой-то злобной апатіи, до одуренія засиживаясь въ омерзѣвшей комнатѣ, проклиная себя и все окружающее.

— Мехлюдія одолѣваетъ, говорилъ онъ заходившимъ къ нему пріятелямъ и злая улыбка перекашивала его лицо.

Пріятели рѣже стали навѣщать его, онъ все больше и больше засиживался въ своей комнатѣ и подъ конецъ одичалъ такъ, что тяготился даже показываться на улицу.

И все прежнее, все хорошее прошлыхъ, дѣтскихъ лѣтъ, всѣ отрадныя воспоминанія о близкихъ и дорогихъ ему лицъ,—все это какъ-то замерло, потухло въ немъ, ко всему онъ сталъ относиться съ брезгливой презрительностью.

«Все пустяки! И дисертація, и эти «пользы»,— пустяки и самообманъ! Кому все это нужно, когда кругомъ совершается какая-то дикая оргія плотоядныхъ инстинктовъ...»

Странно, почему-же теперь, въ эту зимнюю, бурную ночь, разомъ вспомнилось ему все прошлое и освѣтилось какимъ-то кроткимъ, прекраснымъ свѣтомъ?

— Не пустяки, значитъ, эти воспоминанія, если отъ нихъ такъ хорошо, такъ тепло становится на душѣ. И старикъ дядя, и Оля съ ея учительствомъ, и чудакъ Карлъ Иванычъ, почему они вдругъ такъ близки стали мнѣ? А въ особенности Оля! Какая она милая, добрая дѣвушка, съ хорошими, честными стремленіями и задатками! (А онъ тогда обозлился на нее за одно только слово «польза» и то только потому, что самъ изъвѣрился въ хорошія слова). Но какое-же онъ имѣлъ право? Какое онъ имѣлъ право игнорировать ее, оттолкнуть ее отъ себя, подругу его дѣтства, не ушедшую, подобно сестрѣ, изъ родного гнѣзда, а оставшуюся беречь немногіе годы больного, одинокаго старика. Какъ могъ онъ оттолкнуть ее, когда онъ любилъ ее прежде, да даже и теперь... кончилъ все-таки тѣмъ, что ѣдетъ къ нимъ, ѣдетъ къ Олѣ просить у ней прощенія!?

Но проститъ-ли она? Да и помнитъ-ли еще его? Такъ долго не ждутъ!

— Да, такъ долго не ждутъ, пробормоталъ онъ.

IV.

...Савраска завязъ въ сугробѣ и остановился.

Мужикъ спалъ, какъ спало все вокругъ, какъ спали небо, звѣзды, и вся эта бѣлая равнина, далеко раскинувшаяся впереди.

Сѣдокъ вышелъ изъ саней и, подойдя къ лошади, взялъ ее подъ уздцы. Лошадь рванула, мужикъ проснулся.

— Эй, пріятель, заснулъ? Гдѣ мы?

Мужикъ протиралъ глаза.

— Надо быть близко, баринъ.

— Какое близко? Тутъ и жилья не видно! Сбились мы, что-ли?

— Какое сбились! Какъ есть на дорогѣ. Но, но, трогай!

— Да куда-же мы ѣдемъ?

— Знамо, въ усадьбу.

— Гдѣ-же усадьба?

— Не видишь, что-ль, баринъ? Вонъ усадьба.

Мужикъ указалъ кнутомъ впередъ. Тамъ, во мракѣ ночи, темными, неясными силуэтами обрисовывались какія-то постройки.

— Что за вздоръ! Не можетъ быть, чтобы это была усадьба,—думалъ сѣдокъ, не можетъ быть, чтобы въ самый сочельникъ, ни одно окно не было освѣщено.

Но, подъѣхавъ къ усадьбѣ, онъ увидѣлъ одно освѣщенное окно со спущенной сторой, во всѣхъ остальныхъ былъ мракъ, тотъ таинственный, ночной мракъ, который наводитъ безпричинный страхъ и тоскою сжимаетъ душу.

Мракъ и тишина!

Караульный не стучалъ въ доску и собаки не лаяли.

Тихо подъѣхали сани къ занесенному снѣгомъ крыльцу. Молодой человѣкъ поднялся по ступенькамъ и взялся за ручку двери. Болѣзненнымъ предчувствіемъ сжалось его сердце, словно какое-то страшное несчастіе ждало его за нею.

Онъ постучалъ. Отвѣта не было.

Онъ постучалъ еще разъ,—тоже самое.

Тогда онъ вспомнилъ, что тутъ долженъ быть звонокъ. Въ темнотѣ онъ нащупалъ ручку звонка и позвонилъ. Послышался слабый, дребезжащій звукъ. Молодой человѣкъ вздрогнулъ. Потъ крупными каплями выступилъ на его лбу; что-то зловѣще-пророческое почудилось ему въ этомъ звукѣ.

И затѣмъ опять тишина!

Но вскорѣ за дверью раздались шаги и въ ней появился Павелъ со свѣчею въ рукѣ.

— Батюшка, Дмитрій Сергѣичъ!

— Здравствуй, Павелъ! голосъ его тревожно дрогнулъ и глаза впились въ лицо работника, силясь прочесть на немъ свой приговоръ,—что у васъ? Все...

— Охъ, батюшка, Дмитрій Сергѣичъ...

— Что? Что такое? (Онъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.)

— Барышня-то...

— Оля! Гдѣ?

И не дождавшись отвѣта, онъ бросился въ комнаты, пробѣжалъ одну, другую, третью, и остановившись передъ запертой дверью въ залъ, въ тотъ залъ, гдѣ когда-то, въ сочельникъ, было такъ весело и шумно,—прислушался. За дверью слышалось монотонное чтеніе:

«...Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ...»

Ужасъ охватилъ его. Онъ толкнулъ дверь,— и окаменѣлъ на мѣстѣ.

Посреди залы стоялъ бѣлый, глазетовый гробъ, обставленный растеніями и восковыми свѣчами, и въ немъ Оля, блѣдная, съ заострившимися чертами лица, вся въ бѣломъ, съ сложенными на груди руками, придерживавшими маленькій образокъ...

Дядя, сѣдой, сгорбленный, съ убитымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ подлѣ, опустивъ голову на грудь.

Истерическія спазмы сжали его горло, онъ подошелъ къ гробу, упалъ на колѣни и, простирая руки впередъ, закричалъ:

— Оля, Оля, дорогая моя, счастье мое! Неужели ты умерла, неужели я не услышу болѣе твой милый голосъ! О, прости, прости меня за все! Я былъ безсердеченъ, я оттолкнулъ тебя, когда ты пришла ко мнѣ, я, черствый эгоистъ, ни единымъ словомъ участія не поддержалъ тебя въ твоемъ трудномъ пути! Прости и помолись за меня, дорогая!

— Баринъ, а баринъ!

Кто-то настойчиво теребилъ его за рукавъ. Онъ проснулся и первое, что бросилось ему въ глаза, былъ дядинъ домъ, весь залитый огнями. Въ ярко освѣщенныхъ окнахъ мелькали фигуры гостей, веселые звуки вальса доносились до него.

А съ крыльца, сопровождаемый прислугой съ фонарями, уже сбѣгалъ старичекъ въ наскоро накинутой шубѣ.

— Митя, ты-ли это? Господи, наконецъ-то!

— Дядя, голубчикъ! Этотъ сонъ... О дядя, милый, добрый дядя!

Они уже стояли на крыльцѣ, а вокругъ нихъ групировались разныя лица: мелькало старое лице нѣмца-учителя, торчала борода Антона, какъ май, улыбался Иполитъ Фадѣичъ.

И вдругъ чьи-то горячія руки обхватили его шею и милое лицо приблизило къ нему свои розовыя губки.

— Митя!

— Оля!

...Громадная елка, обремененная лакомствами, съ большимъ противъ прежняго эфектомъ отражается въ старинномъ трюмо. Кругомъ ея кипитъ муравейникъ дѣтей въ красивыхъ нарядахъ, изящныхъ дамъ въ шелковыхъ, шумящихъ платьяхъ и почтенныхъ старушекъ въ накрахмаленныхъ бѣлоснѣжныхъ чепцахъ съ широчайшими лентами.

— Ein, zwei, drei! командуетъ по прежнему Карлъ Иванычъ и съ прежней пунктуальностью беретъ на своей старой скрипкѣ первые такты.

Прежній смѣхъ, прежнее оживленіе и шутки, потому что маленькіе танцоры по прежнему путаютъ фигуры кадрили. Длинные столы по прежнему разставлены покоемъ и веселый звонъ стакановъ смѣшивается съ голосами пирующихъ на славу гостей.

А послѣ ужина тѣже гаданья воскомъ и оловомъ и Карлъ Иванычъ неистощимъ по прежнему въ своихъ остротахъ, только на этотъ разъ онъ все больше прохаживается надъ однимъ молодымъ ученымъ, который измѣнилъ своей наукѣ съ тѣмъ, чтобы дурачиться съ деревенскими невѣждами...

— Полноте вамъ смѣяться, Карлъ Иванычъ, прерываетъ молодой ученый,—прокатимся-ко лучше. Вы, Оля, я, сядемъ въ одни сани.

Добродушный старикъ бѣжитъ распорядиться насчетъ лошадей и вскорѣ ватага гостей мчится по посеребрянной луннымъ свѣтомъ, словно парчей устланной, дорогѣ.

— Оля, не хочешь-ли править, какъ помнишь, тогда?

— Хочу, Митя!

— И вывалишь насъ въ снѣгъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ! протестуетъ Карлъ Иванычъ;—я не качу въ снѣгъ, мой старый кости, не качу! Лючче я будетъ управляйтъ!

— Ну, и отлично! Не правда-ли, Оля?

Они безпрекословно передаютъ возжи Карлу Иванычу, а сами что-то шепчутся и смѣются за его старой, сгорбленной спиной.

Но вдругъ лицо его сдѣлалось серьезнымъ.

— Оля, началъ онъ,—я хочу сдѣлать тебѣ признаніе, не знаю только, нужно-ли оно будетъ, потому что ты можешь его прочесть на моемъ лицѣ. Ахъ, Оля, если-бы ты знала, какъ подѣйствовалъ на меня этотъ сонъ. Онъ разбудилъ меня отъ моей нравственной спячки, онъ потрясъ меня до глубины души. Эту картину я никогда не забуду, Оля, она, постоянно будетъ напоминать мнѣ, кого я могъ лишиться, и во снѣ я почувствовалъ, какъ ужасна была-бы для меня эта потеря. Въ этомъ снѣ я пережилъ цѣлую жизнь, ту прошлую, мрачную жизнь, со всей невыразимой горечью добровольнаго одиночества. Теперь я воскресъ, теперь я понялъ, что на какой-бы пьедесталъ человѣкъ себя не ставилъ, онъ всегда будетъ жалокъ и ничтоженъ. если кругомъ его не будетъ никого, совсѣмъ, совсѣмъ никого, который-бы...

— Митя, голубчикъ, что съ тобой?

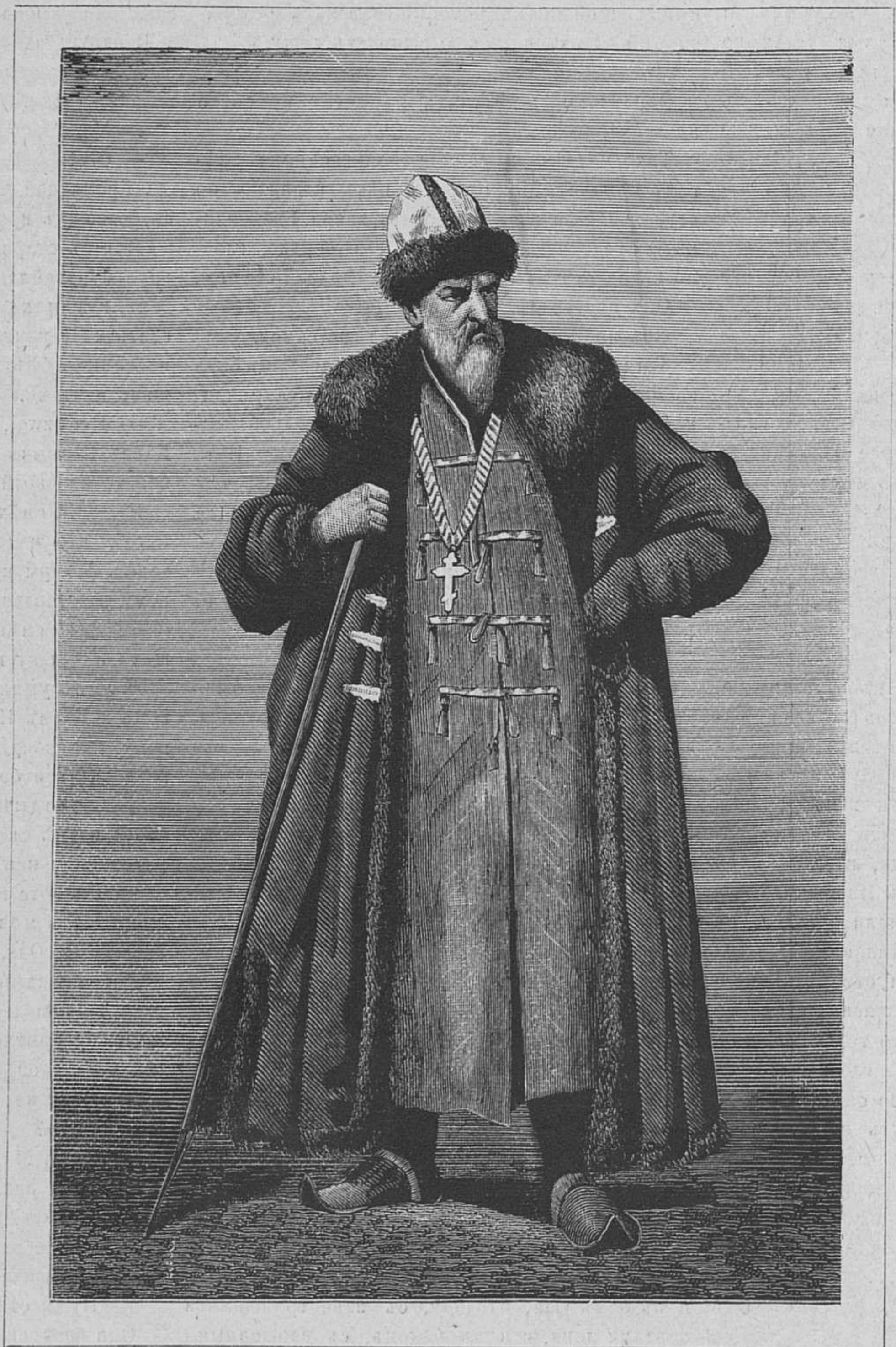
— Который-бы хоть поплакалъ съ нимъ вмѣстѣ. Ничего, Оля, эти слезы... мнѣ за нихъ не стыдно, какъ бывало: въ нихъ залогъ моего обновленія. Оля, видишь-ли тамъ, вдали, свѣтлую черточку? Это заря, Оля, и пусть она будетъ предвѣстницей новаго пути, по которому я пойду, но только не одинъ, ни за что не одинъ, а съ тобою, моя милая, моя дорогая Оля!

— Митя, постой... я не понимаю! Неужели...

— О, mademoiselle, подхватываетъ прислушавшійся Карлъ Иванычъ,—я старъ, я ошень старъ, но у миня ищо есть ухо, я карашо слишалъ: Дметрій Сергѣичъ вамъ предлагайтъ руку и серцо. Ви любитъ ево, о, какъ ви ево любитъ, я много, много слушалъ отъ васъ. И Дметрій Сергѣичъ любитъ... и я васъ любитъ обѣхъ! О, die Liebe!

И Карлъ Иванычъ просовываетъ палецъ подъ очки, чтобы стереть что-то съ глазъ, что мѣшаетъ ему видѣть, какъ головы молодыхъ людей близко, близко наклоняются одна къ другой.

РИСУНОКЪ В. ШВАРЦА.



Иванъ Грозный.

Рисовалъ на деревѣ Н. Малышевъ, рѣзалъ А. Шлиперъ.

Атта Троль.

Поэма Г. Гейне. Переводъ Мих. Шелгунова.

(*Окончаніе.*)

Глава двадцать третья.

Изъ жилья нечистой силы
Мы спускаемся въ долину
И касаемся ногами
Снова почвы настоящей.

Прочь всѣ призраки, видѣнья
Лихорадочнаго бреда!
Мы теперь благоразумно
Вновь займемся Атта Тролемъ.

Старика съ дѣтьми въ пещерѣ
Мы лежащимъ обрѣтаемъ;
Спитъ онъ праведника сномъ.
Вотъ, зѣвая, онъ проснулся.

Сынъ съ нимъ рядомъ одноухій
Свой затылокъ чешетъ, словно
Рифмы ищущій поэтъ,
И скандируетъ по лапамъ.

По бокамъ отца мечтаютъ,
На спинѣ лежа, четыре
Троля дочери, являя
Намъ лилей четвероногихъ.

Что за нѣжныя мечтанья
Расцвѣли въ сердцахъ цвѣтущихъ
Бѣлыхъ дѣвственныхъ медвѣдицъ.
Блещутъ взоры ихъ слезою.

Больше всѣхъ волненье видно
Въ младшей дочери. Она
Сладкій трепетъ въ сердцѣ чуетъ:
Ею властвуетъ амуръ.

Да, стрѣла малютки бога
Черезъ кожу ей проникла
И она его, о, небо,—
Человѣка полюбила.

Это былъ Мазуриковскій.
При всеобщемъ отступленьи
Пробѣжалъ однажды утромъ
Мимо нихъ онъ по ущелью.

Женщинъ трогаетъ несчастье,
А герой нашъ боленъ былъ,
Какъ всегда, нуждой въ финансахъ;
Озабоченъ былъ и блѣденъ.

Вся казна его, всѣ двадцать
Зильбергрошей, привезенныхъ
Имъ въ Испанію, достались
На добычу Эспартеро.

И часы,—и тѣ погибли.
Въ Пампелунѣ онъ оставилъ
У закладчика въ наслѣдство
Имъ полученную цѣнность.

Онъ бѣжалъ во всѣ лопатки
Но, не вѣдая, при бѣгствѣ
Раздобылъ онъ вещь, цѣннѣе
Боевыхъ трофеевъ,—сердце.

Да, онъ милъ ей, врагъ ихъ рода.
О, несчастная, когда
Атта Троль узнаетъ тайну,
Какъ ужасно зарычитъ онъ,

И, какъ старый Одоардо
Дочь Эмилію Галотти
Изъ за гордости мѣщанской
Заколовшій, Атта Троль

Дочь свою убьетъ скорѣе,
Умертвитъ собственно-лапно,
Чѣмъ позволитъ, чтобы пала
Дочь его въ объятья къ принцу.

Но теперь, въ минуты эти
Онъ настроенъ мягко, розу,
Не ощипанную бурей,
Не желаетъ онъ сорвать.

Въ этомъ мягкомъ настроеньи
Межъ семьей, въ пещерѣ лежа,
Троль желаньемъ неземнаго,
Какъ бы чуя смерть, охваченъ.

«Дѣти, ахъ, онъ такъ вздыхаетъ,
Прослезясь,—близка разлука;
Дѣти, странствіе земное
Ужь кончается мое.

«Я заснулъ сегодня въ полдень
И увидѣлъ важный сонъ.
Я предчувствіемъ пріятнымъ
Скорой смерти былъ охваченъ.

«Я хотя не суевѣренъ,
Скептикъ даже, но есть вещи
Между небомъ и землею,
Не понятныя уму.

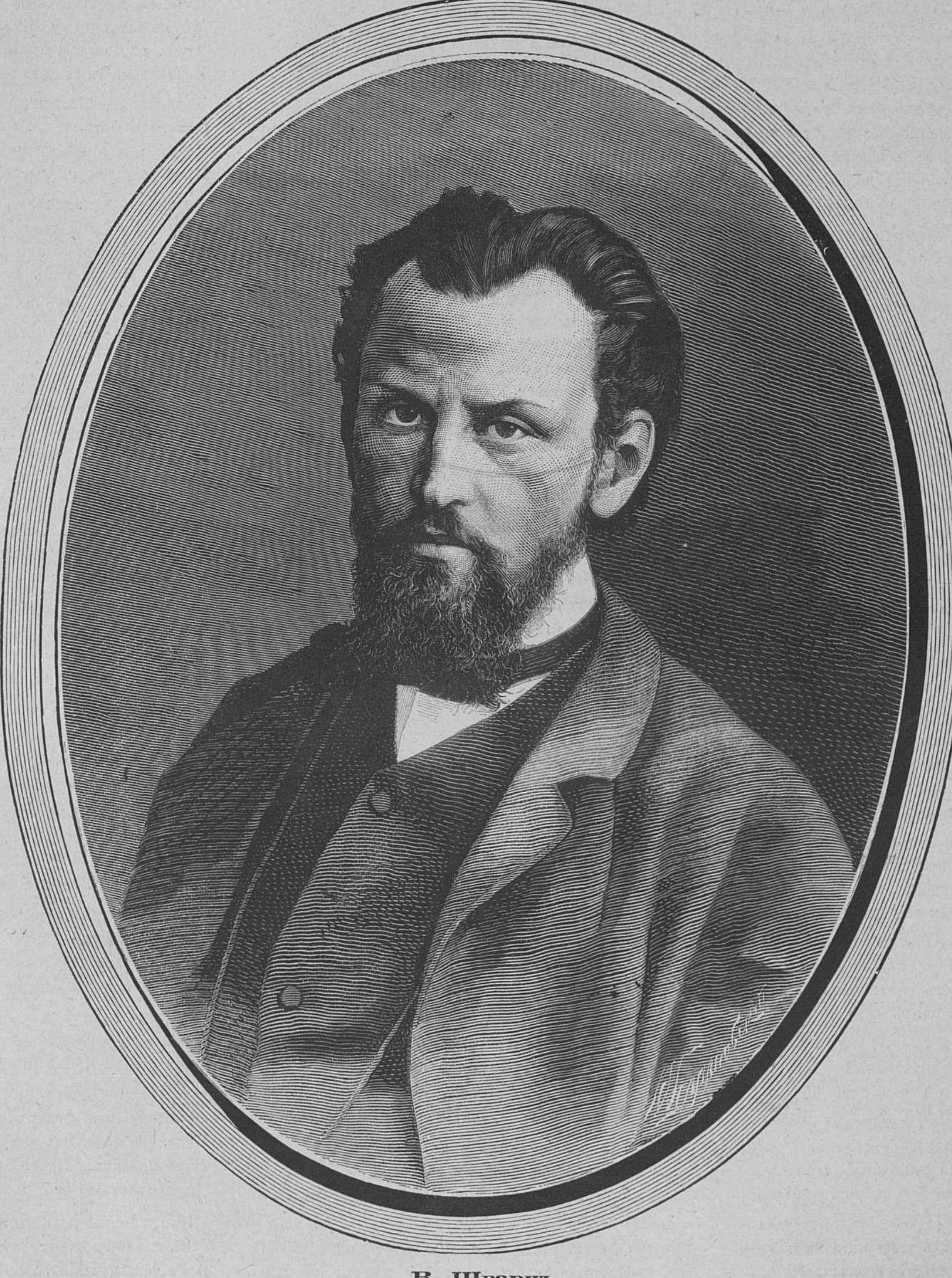
«О судьбѣ и о вселенной
Размышляя, задремалъ я
И увидѣлъ, что лежу
Я подъ деревомъ огромнымъ.

«Съ вѣтокъ дерева по каплямъ
Бѣлый медъ сочился внизъ,
Падалъ прямо въ ротъ открытый
Мнѣ, и счастливъ былъ вполнѣ я.

«Поглядѣвъ на верхъ въ восторгѣ,
Я увидѣлъ на вершинѣ
Семь малютокъ медвѣжатъ,
Быстро лазившихъ по вѣткамъ.

«Стройно нѣжныя созданья
Съ мѣхомъ розоваго цвѣта,
Развѣвавшимся у плечъ,
Словно шелковыя крылья.

«Да, какъ шелковыя крылья
Медвѣжата тѣ имѣли
И не здѣшнимъ пѣли гимны
Тонкимъ голосомъ они.



В. Шварцъ.

«Въ этотъ мигъ похолодѣла
Моя кожа, но изъ кожи
Духъ мой вырвался, какъ пламя,
И, сверкнувъ, вознесся къ небу».

Это голосомъ дрожащимъ
Троль промолвилъ. Помолчалъ
Онъ болѣзненно съ минуту,
Но затѣмъ внезапно уши

Навострились съ страшной дрожью
У него, вскочилъ онъ съ ложа
И взревѣлъ, дрожа отъ счастья:
«Ревъ вы слишите-ли, дѣти?

«Чу, звучитъ тамъ голосъ нѣжный
Вашей матери. Да. Это
Слышу я рычанье Муммы!
Мумма, Мумма дорогая»!

Атта Троль, промолвивъ это,
Изъ пещеры, какъ безумный,
На свою прыгнулъ погибель!
Ахъ, онъ выскочилъ на горе!

Глава двадцать четвертая.

Въ томъ же мѣстѣ Ронсеваля,
Гдѣ свой духъ Роландъ, племянникъ
Карла, франковъ государя,
Испустилъ въ былое время,

Тамъ же палъ и Атта Троль,
Какъ и тотъ, измѣны жертвой
Преданъ рыцаремъ Іудой,
Вѣроломнымъ Ганелономъ.

Жалко! Лучшее въ медвѣдѣ
Чувство чистое супруга
Было сѣткою, въ какую
Былъ Уракою онъ пойманъ.

Такъ искусно реву Муммы
Подражать могла Урака,
Что обманомъ Троль былъ вызванъ
Изъ пещеры безопасной.

Какъ на крыльяхъ страсти мчался
По долинѣ онъ и нѣжно,
Чуть дыша сталъ предъ скалою,
Гдѣ онъ думалъ, скрылась Мумма.

Ахъ, тамъ былъ Ласкаро только
Скрытъ съ ружьемъ; онъ сдѣлалъ выстрѣлъ
Прямо въ радостное сердце—
Покатилась кровь рѣкою.

Замоталъ онъ головою,
Застоналъ и повалился,
Наконецъ затрепеталъ
И, вздохнувши: «Мумма», умеръ.

Такъ палъ доблестный герой!
Такъ онъ умеръ, но безсмертнымъ
Онъ возстанетъ послѣ смерти
Въ звучномъ эпосѣ поэта.

Онъ воскреснетъ въ пѣснѣ снова
И хорей четырехстопный
Пронесетъ по всей вселенной
Славу гордую его.

*** ему поставитъ
Пышный памятникъ въ Валгалилѣ
И на немъ, въ *** стилѣ
Эпитафію такую:

«Троль, медвѣдь тенденціозный;
Религіозенъ; пылкій мужъ;
Подъ вліяніемъ эпохи
Санкюлотъ лѣсовъ дремучихъ;

«Въ танцахъ слабъ, но много чувства
Онъ носилъ въ груди косматой;
Подпускалъ душокъ порою;
Безталаненъ,—но характеръ!..»

Глава двадцать пятая.

На концѣ села, въ старинныхъ
Головныхъ повязкахъ Басковъ
Яркокрасныхъ собралось
Тридцать три старухи дряхлыхъ.

Какъ Дебора, между ними
Пляску съ бубнами одна
Начала, Ласкаро славя,
Умертвившаго медвѣдя.

Съ торжествомъ четыре сильныхъ
Мужика несли медвѣдя;
Прямо онъ сидѣлъ на стулѣ,
Какъ больной морскихъ купаній.

Сзади шла Урака съ сыномъ,
Какъ покойника родные;
Мать съ смущеніемъ замѣтнымъ
Отвѣчала на поклоны.

Передъ ратушей, когда
До нея добрался поѣздъ,
Рѣчь держалъ помощникъ мэра
И о многомъ говорилъ онъ—

Объ отплытьи между прочимъ
Флота, о печати нашей,
О вопросѣ свекловичномъ,
О парламентской борьбѣ.

Рядъ заслугъ Луи-Филиппа
Перечисливъ въ длинной рѣчи,
Онъ къ медвѣдю перешелъ
И къ отважности Ласкаро.

«Ты Ласкаро! восклицалъ
Такъ ораторъ, утирая
Потъ своимъ трехцвѣтнымъ шарфомъ;—
«Ты Ласкаро! Ты Ласкаро!

«Ты, французовъ и испанцевъ
Навсегда отъ Троля спасшій,
Ты герой обѣихъ націй
Пиринейскій Лафайетъ!»

Слыша, какъ его публично
Хвалятъ, въ бороду Ласкаро
Усмѣхнулся отъ восторга,
Покраснѣлъ самодовольно

И въ отрывочныхъ словахъ,
Странно путавшихся въ рѣчи,
Прошепталъ онъ благодарность
За почетъ, за честь такую.

Съ удивленьемъ всѣ смотрѣли
На неслыханную сцену
И таинственно, и робко
Зашепталися старухи:

«Глянь, Ласкаро улыбнулся!
Глянь, Ласкаро покраснѣлъ!
Глянь, заговорилъ Ласкаро!
Онъ, умершій сынъ колдуньи!»

Въ тотъ же день содрали шкуру
Съ Атта Троля и спустили
Съ молотка. За сотню франковъ
Скорняку она досталась.

Этотъ выдѣлалъ ее,
Низъ подбилъ сукномъ пунцовымъ
И такою перепродалъ,
Получивъ двойную цѣну.

Ужь изъ третьихъ рукъ купила
Мѣхъ Жюльета и къ постели
У себя въ парижской спальнѣ
Положила, какъ коверъ.

О, какъ часто босикомъ
Ночью я стоялъ на этой
Землянисто-бурой шкурѣ
Моего героя Троля.

И о Шиллера словахъ я
Вспоминалъ съ глубокой болью:
«Для того, что въ пѣснѣ вѣчно,
Въ жизни гибель суждена».

Глава двадцать шестая.

Ну, а Мумма что-же? Ахъ,
Мумма женщина. Непрочность
Имъ названіе. Непрочны,
Какъ фарфоръ саксонскій, дамы.

Разлученная судьбою
Съ благороднымъ, славнымъ мужемъ,
Не слегла она отъ скорби,
Въ меланхолію не впала—

Нѣтъ, напротивъ, продолжала
Жизнь веселую она,
Танцовала, какъ и прежде,
И гналась за одобреньемъ.

Наконецъ въ Jardin des plantes
Обрѣла она въ Парижѣ
Мѣсто прочное себѣ
И пожизненную кормку.

Разъ, въ прошедшій понедѣльникъ,
Мы пошли туда съ Жульетой,
Чтобъ растеньи и животныхъ
Изучить ей тамъ наглядно.

Тамъ мы видѣли жирафу,
Золотыхъ фазановъ, зебру,
Кедръ ливанскій, дромадера
Пребольшого—и, болтая,

Очутились наконецъ
У отверстія той ямы,
Гдѣ медвѣди обитали.
Что мы видѣли тамъ, Боже!

Тамъ медвѣдь огромный, бѣлый,
Изъ сибирскихъ странъ, ласкался
Все къ медвѣдицѣ, играя
Съ ней въ комедію любви.

Эго Мумма оказалась.
Да, супруга Атта Троля.
Я узналъ ее по нѣгѣ
Влагой блещущихъ очей.

Да, она! Она дочь юга
Черношкурая. Ахъ, Мумма,
Съ русакомъ теперь живетъ,
Съ дикимъ сѣвернымъ обломомъ!

«Есть-ли зрѣлище пріятнѣй,
Чѣмъ влюбленныхъ пару видѣть»?
Мнѣ замѣтилъ, улыбаясь,
Къ намъ приблизившійся негръ:

Отвѣчалъ я: «съ кѣмъ имѣю
Честь теперь я говорить»?
Съ удивленьемъ онъ воскликнулъ:
«Какъ, меня вы не узнали?

«Мавританскій князь вѣдь я,
Барабанщикъ Фрейлиграта,
Плохо было мнѣ у нѣмцевъ
Былъ совсѣмъ я одинокимъ.

«Здѣсь-же, гдѣ я занимаю
Должность сторожа, гдѣ вижу
Льва и тигра и далекой
Жаркой родины растенья,—

«Здѣсь уютнѣй мнѣ живется,
Чѣмъ на ярмаркахъ нѣмецкихъ,
Тамъ всегда я былъ голоднымъ
И безсмѣнно барабанилъ.

«Я женился на кухаркѣ
Бѣлокурой изъ Эльзаса
Вотъ на-дняхъ. Въ ея объятьяхъ
Дома чувствую себя я.

«Ноги женины родимыхъ
Мнѣ слоновъ напоминаютъ,
А ея французскій говоръ
Мнѣ звучитъ родною рѣчью.

«Брань ея напоминаетъ
Барабанъ мнѣ тотъ, который
Былъ увѣшанъ черепами;
Змѣй и левъ его бѣжали.

«При лунѣ-жь она напротивъ
Плачетъ, словно крокодилъ,
Выставляющій на холодъ
Изъ воды горячей морду.

«Ну, и кормитъ же меня
На убой она. Да съ прежнимъ

Африканскимъ апетитомъ,
Какъ на Нигерѣ, я ѣмъ.

«Отростилъ ужь и брюшко я,
И оно изъ-за сорочки
Смотритъ, словно мѣсяцъ черный,
Изъ-за бѣлыхъ тучъ плывущій».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

(Августу Варнгагену фонъ-Энзе).

«О, творецъ, да гдѣ вы, Людвигъ
Дорогой мой, откопали
Ерунду такую»? Такъ
Кардиналъ фонъ-Эсте молвилъ,

Прочитавъ стихотворенье
О неистовомъ Роландѣ,
Посвященное нижайше
Аріостомъ кардиналу.

Да, мой старый другъ, Варнгагенъ,
Тоже слово, вижу я,
Съ губъ твоихъ слетѣть готово
Съ той-же тонкою усмѣшкой.

То смѣешься ты, читая,
То наморщится серьезно
Вдругъ твой лобъ высокій, гордый,
И былое ты вспомянешь.

Не звучитъ-ли это будто
Грезы молодости,—грезы
Шамиссо, Фуке, Брентано,—
Грезы синей лѣтней ночи.

Ужь не звонъ-ли то въ часовнѣ,
Затерявшейся въ лѣсу,
Прерываемый порою
Шутовскою погремушкой.

Въ соловьиномъ нѣжномъ хорѣ
Басъ медвѣдя вдругъ прорвется,
Грубъ и рѣзокъ, но его
Вновь духовъ смѣняетъ лепетъ.

Глупость, корчащая умъ!
Въ колпакѣ дурацкомъ мудрость!
Смерти вздохъ, переходящій
Неожиданно въ улыбку!..

Да, пріятель, это звуки
Изъ поры забытыхъ грезъ,
Только триллеръ современный
Часто слышенъ въ старой темѣ.

Межъ увѣренностью въ силахъ
Тамъ и сямъ сквозитъ унылость.
Снисходительному другу
Посвящаю я поэму.

Это, можетъ быть, послѣдній
Звукъ романтики свободный!
Заглушится онъ печально
Шумомъ дня, огнемъ сраженій.

Ново время, новы птицы!
Новы птицы, новы пѣсни!
Гоготъ, точно отъ гусей,
Капитоліумъ спасавшихъ!

Чу, чириканье! съ грошовой
Свѣчкой въ лапахъ воробьи
Изъ себя орла Зевеса
И его перуны корчатъ.

Чу, какое воркованье!
Голубки, любить пресытясь
И Венеру бросивъ, возятъ
Лишь Беллоны колесницу.

Что за страшное гуденье!
То гудятъ весны народовъ
Исполинскіе жуки,
Полны гнѣвомъ берсеркеровъ!

Ново время, новы птицы!
Новы птицы, новы пѣсни!
Я любилъ-бы ихъ, быть можетъ,
Еслибъ уши мнѣ другія!

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки **Вл. Михневича.**

(*Окончаніе.*)

XIV.

Салонные танцы прошлаго столѣтія.—Вліяніе французовъ.—Полонезъ и его прошлое.—Менуэтъ.—Алемандъ.—Англезъ. — Тампетъ. — Котильонъ.— Слово къ читателямъ.

Почти всѣ салонные танцы минувшаго столѣтія теперь не употребительны и забыты. Мы постараемся здѣсь дать читателямъ приблизительное о нихъ понятіе, соотвѣтственно нашей задачѣ.

Большинство салонныхъ танцевъ того времени были французскаго происхожденія. Живые, веселые и подвижные французы всегда, съ незапамятныхъ временъ и по наши дни, славились первыми въ мірѣ танцорами и законодателями въ этой области искуства. Историческій, самый рельефный типъ и идеалъ француза—знаменитый Генрихъ IV или, какъ его прозвали сами французы, «le roi galant», увѣковѣчилъ себя въ памяти благодарнаго потомства не только, какъ мудрый и добрый правитель, но и какъ талантливый, страстный танцоръ и бонвиванъ. И быть можетъ даже послѣднее качество сдѣлало его имя болѣе популярнымъ, чѣмъ государственныя заслуги. Французы до сихъ поръ, подъ веселую минуту, воспѣваютъ его въ такой характерной шансонеткѣ:

«Vive Henri quatre!
Vive ce roi vaillant!
Ce diable à quatre
A le triple talent:
De boire, de battre
Et d'être un vert-galant».

«Vert-galant», въ чемъ выразился третій талантъ славнаго короля, отвѣчаетъ понятію ловкаго, вертляваго молодца, ухаря, по нашему народному выраженію.

Извѣстно также, что самый балетъ развился и усовершенствовался, главнымъ образомъ, на французской сценѣ и ни одна страна не дала столько знаменитыхъ балетныхъ танцоровъ, какъ Франція. Было время у насъ, напр., когда въ каждомъ танцовальномъ учителѣ непремѣнно подразумѣвался французъ, да и самое представленіе объ индивидуальномъ характерѣ француза составилось у другихъ народовъ, какъ о галантномъ, вертлявомъ плясунѣ по преимуществу.

Французамъ-же обязаны своей популяризаціей и введеніемъ въ общеевропейскіе салоны нѣкоторые танцы другихъ національностей, напр., полька, полонезъ, мазурка, вальсъ и друг. Мы остановимся здѣсь на одномъ изъ нихъ—именно, на полонезѣ, такъ какъ этотъ танецъ былъ во всеобщемъ употребленіи въ прошломъ столѣтіи и имъ начинался каждый балъ. Особенно былъ любимъ онъ у насъ во второй половинѣ XVIII вѣка, въ дни Екатерины II.

Полонезъ или польскій, какъ явствуетъ изъ самаго названія, національный танецъ поляковъ. Какъ по своей церемонности, такъ и по идеѣ онъ чрезвычайно образно и пластично символизируетъ первые акты сближенія половъ, ухаживанья и любви, а потому и является совершенно естественной, цѣлесообразной интродукціей бала.

У поляковъ въ старину полонезъ дѣйствительно совпадалъ со встрѣчей на балу дамъ и кавалеровъ. Въ то время, какъ послѣдніе, собравшись въ залѣ, вели бесѣду за чарами добраго вина, дамы, изготовившись къ танцамъ въ заднихъ покояхъ, въ назначенный часъ выходили нарядной толпою въ ихъ общество подъ звуки музыки. Тогда кавалеры бросались къ нимъ, каждый изъ нихъ избиралъ себѣ пару по сердцу и, когда такимъ образомъ спаривалось все общество, начинался полонезъ или, какъ назвалъ его одинъ иностранецъ, «ходячій разговоръ».

«Польскій, говоритъ Голэмбіовскій (авторъ книги: «Gry i zabawy»), танецъ солидный и рыцарскій—единственный, который можетъ быть пристоенъ сановнымъ особамъ и монархамъ... Онъ имѣетъ свою поэзію и свой національный отпечатокъ, выражающійся въ торжественной важности; онъ не олицетворяетъ страсти, но является какъ-бы тріумфальнымъ шествіемъ».

Впрочемъ, обыкновенно характеръ такого шествія сохранялся въ полонезѣ только въ началѣ; потомъ постепенно учащался темпъ музыки, переходившей отъ торжественныхъ нотъ къ болѣе игривымъ и веселымъ; танцоры оживлялись, смѣняли мѣрный церемонный тактъ на болѣе непринужденный и бѣглый, разнообразя танецъ соотвѣтственной плясовой мимикой и, такъ называвшимися, obertasami (родъ пасажей).

Въ полонезѣ принимало участіе обыкновенно все присутствовавшее на балѣ общество, безъ различія возраста. Въ переднихъ парахъ танцующей вереницы шли гости болѣе почетные, предводимые, такъ называвшимся, маршаломъ. Маршалъ бывалъ на балахъ у нашихъ предковъ въ тѣхъ случаяхъ въ особенности, когда балъ былъ парадный и торжественный.

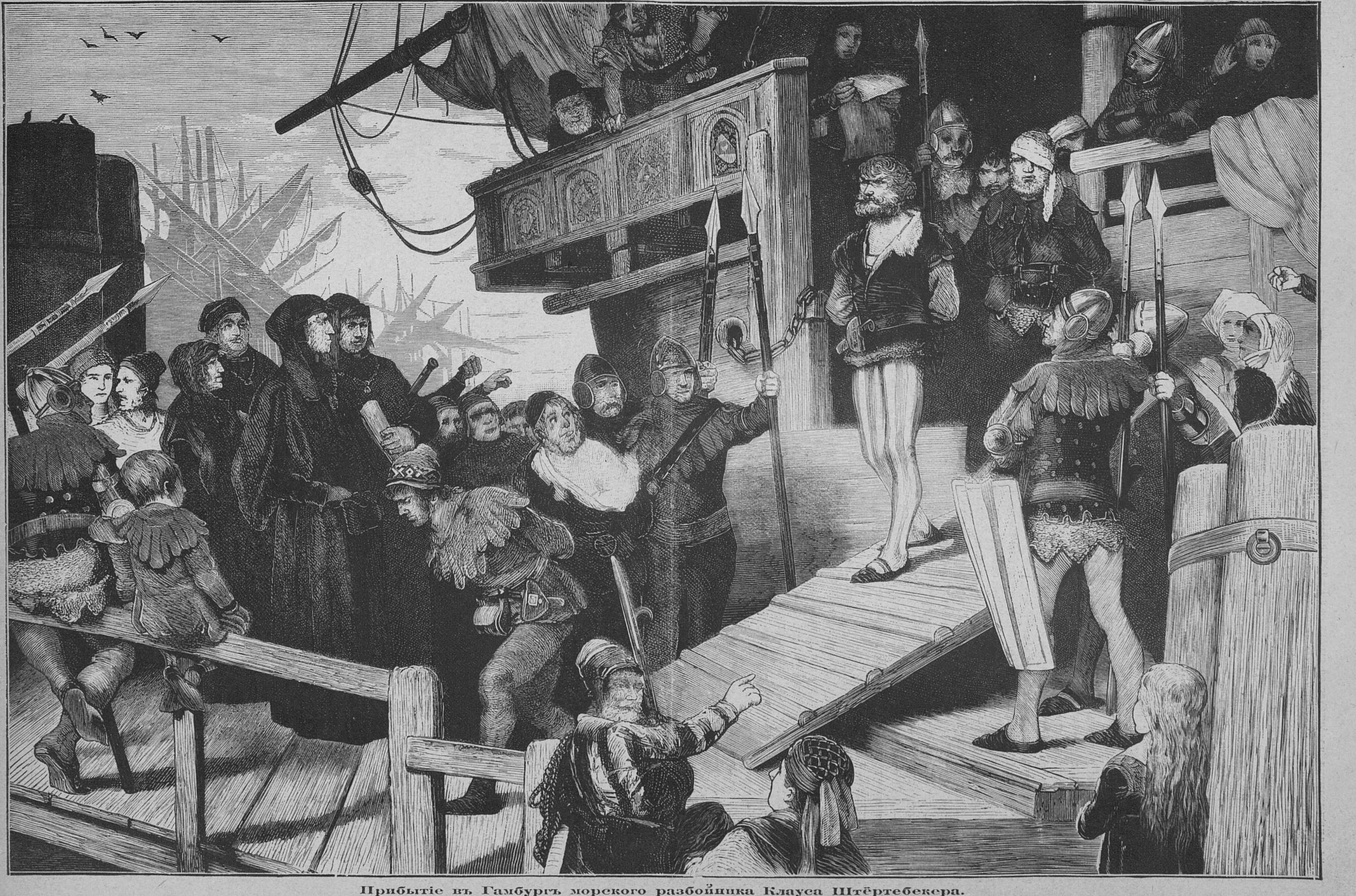
Часто полонезъ длился довольно долго, смотря по настроенію общества. Танцующія пары, предводимыя маршаломъ, переходили изъ бальной залы въ смежные покои и, случалось, шествовали въ такомъ порядкѣ черезъ весь домъ. При этомъ, по польскому обычаю, въ какомъ нибудь изъ покоевъ танцующая вереница встрѣчала своеобразное препятствіе, въ видѣ какой-нибудь перекладины, черезъ которую приходилось перепрыгивать. Не то, танцоры натыкались на столъ, обремененный питіями и, чтобы обойдти это препятствіе, вынуждались осушить поднесенную радушнымъ хозяиномъ чару. У поляковъ при этомъ часто соблюдался такой галантерейный обычай: танцовавшій въ первой парѣ кавалеръ (маршалъ) становился передъ своей дамой на колѣни, почтительно снималъ съ ея ноги башмачекъ, ставилъ въ него бокалъ съ виномъ и пилъ за ея здоровье. Эту церемонію, въ томъ-же порядкѣ, должны были продѣлать и всѣ остальные кавалеры.

Полонезъ исполнялся въ хореграфическомъ отношеніи обыкновенно такъ. Начиная танецъ, мужчина подавалъ дамѣ правую руку—у поляковъ, до употребленія бальныхъ перчатокъ, прикрывъ ее шапкой, изъ рыцарскаго почтенія къ прекрасному полу. Ставъ съ нею въ парѣ, онъ велъ ее впередъ, причемъ и кавалеръ и дама, граціозно позируя, выступали плавными па, время отъ времени прерываемыми своеобразными, горделиво театральными point'ами, посредствомъ приподыманія всего тѣла на носкахъ. При оборотахъ, кавалеръ, не выпуская руки дамы, галантно заходилъ спереди ея и, взявъ другую ея руку, становился по другую ея сторону, а затѣмъ уже дѣлалъ съ нею поворотъ и велъ ее обратно.

Иногда въ полонезѣ кавалеры мѣнялись дамами, переходившими черезъ весь ихъ строй поочередно; употребителенъ былъ также весьма характеристичный пріемъ—«отбиванья» дамы, очевидно, носящій въ себѣ символическій отпечатокъ глубокой старины, когда женщина бралась мужчиной съ бою и становилась призомъ сильнѣйшаго изъ ея искателей, какъ побѣдителя. «Отбиванье» дамы въ полонезѣ (употреблявшееся, впрочемъ, и въ другихъ танцахъ) состояло въ томъ, что кто-нибудь изъ нетанцующихъ мужчинъ загораживалъ дорогу какой-нибудь парѣ и, хлопая въ ладоши, съ вызывающимъ ви-

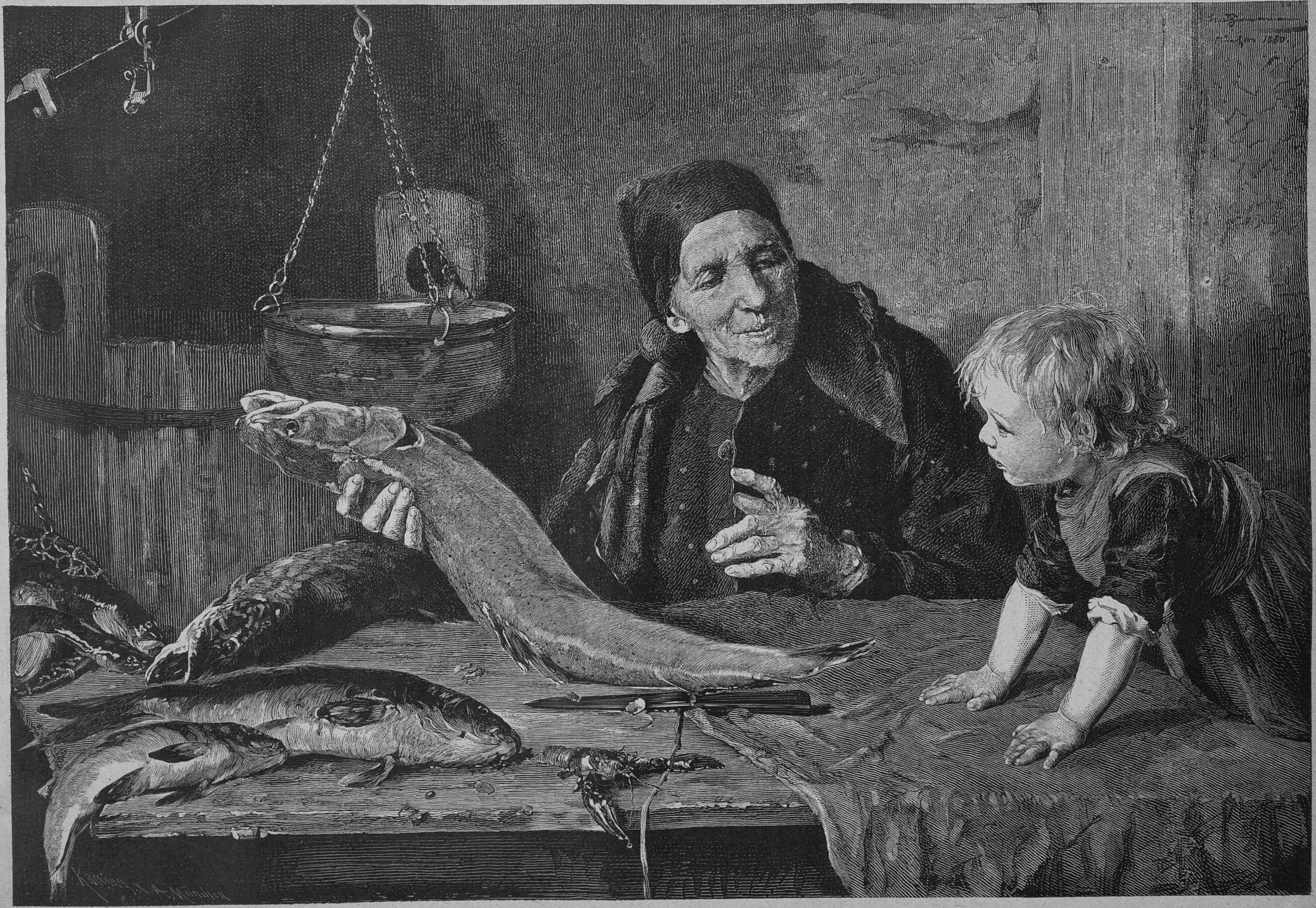
ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КАРЛА ГЕРТСА.



Прибытіе въ Гамбургъ морского разбойника Клауса Штёртебекера.

Рѣзалъ на деревѣ Рихтеръ.



КАРТИНА Э. ЦИММЕРМАНА. Продавщица рыбы.

Рѣзано на деревѣ въ Мюнхенѣ.

домъ требовалъ, чтобы кавалеръ уступилъ ему свою даму. Обыкновенно эта невинная паркетная узурпація улаживалась полюбовно; но въ старину бывали случаи, что изъ-за нея соперничающіе кавалеры послѣ бала выходили на барьеръ, стрѣлялись и рубились.

Въ такихъ, описанныхъ здѣсь, чертахъ полонезъ практиковался у насъ въ прошломъ столѣтіи, ставъ во второй его половинѣ самымъ любимымъ нашими предками танцемъ. Екатерининскіе «орлы» и орлята, а за ними и разныя мелкія птахи, «съ какою то восторженною гордостью ходили подъ гремящіе звуки» извѣстнаго полонеза Козловскаго: «Славься симъ Екатерина!», какъ свидѣтельствуетъ Вигель.

Мы уже сказали, что полонезомъ начинался тогда каждый балъ. Имъ открывалъ танцы хозяинъ дома съ почетнѣйшею изъ дамъ: «мужчины, говоритъ Вигель, выступали важно, выдѣлывали па, мѣняли руки и этотъ церемоніальный маршъ продолжался не менѣе получаса».

Танецъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той риторической напыщенности и фальшивому блеску, которыми были преисполнены представители екатерининскаго, такъ называемаго, «златого вѣка». Популярности полонеза у насъ много способствовали тогда находившіеся въ столицѣ талантливые польскіе композиторы, Огинскій и Козловскій, написавшіе нѣсколько прекраснѣйшихъ полонезовъ, обезсмертившихъ ихъ имена.

Замѣчательно, что при такомъ пристрастіи къ полонезу у насъ въ XVIII столѣтіи не было и помина о другомъ польскомъ танцѣ — мазуркѣ, хотя она составляетъ, въ сущности, ничто иное, какъ хореграфическую разновидность полонеза.

Тогда обыкновенно на балахъ послѣ польскаго шли: менуэты, контрадансы, алеманды, англезы, котильоны, гавоты, тамнеты, матрадуры, вальцаны, какіе-то монюмаски и множество другихъ, разновременно входившихъ въ моду и потомъ оставляемыхъ, танцевъ, которыхъ теперь и перечислить всѣхъ даже трудно. Нечего говорить, что большая часть ихъ были французскаго происхожденія и вводились въ моду универсальнымъ Парижемъ. Мы остановимся здѣсь только на капитальныхъ, такъ сказать, классическихъ танцахъ того времени, которые долѣе другихъ держались на салонномъ паркетѣ и наиболѣе были распространены у насъ въ Россіи.

Въ числѣ такихъ безспорно первое мѣсто занимаетъ французскій менуэтъ, продержавшійся въ модѣ почти все прошлое столѣтіе. Онъ первое мѣсто послѣ полонеза занималъ и въ каталогѣ бальныхъ танцевъ, такъ какъ обыкновенно послѣ польскаго шелъ непосредственно менуэтъ въ большинствѣ случаевъ.

Менуэтъ, получилъ свое названіе отъ французскаго слова menu — мелкій, дробный, что вполнѣ характеризуетъ хореграфическую физіономію этого танца. Онъ отличался мѣрностью и церемонностью движеній; танцоры двигались мелкими, размѣренными па, стараясь придать своимъ фигурамъ салонно-галантныя позы, причемъ дама, граціозно опустивъ руки, слегка приподымали пальцами ихъ полы своихъ юбокъ. Менуэтъ складывался изъ четырехъ хореграфическихъ движеній. Первое движеніе состояло изъ двухъ коротенькихъ па, полу-шаговъ, правой и лѣвой ногою. Во второмъ движеніи танцоръ дѣлалъ pointe правой ногою, приподымаясь на носкахъ. Медленнымъ опусканіемъ на землю пятки правой ноги онъ переходилъ въ третье движеніе, причемъ правая нога плавно сгибалась; затѣмъ повторялся полушагъ и скользящимъ движеніемъ впередъ лѣвой ноги, составлявшимъ четвертый ритмъ менуэта, танецъ завершался. Слѣдовало повтореніе тѣхъ-же движеній, какъ это, впрочемъ, дѣлается во всѣхъ другихъ танцахъ, представляющихъ, въ сущности, ритмическое повтореніе весьма несложныхъ и однообразныхъ движеній.

Изъ сказаннаго видно, что менуэтъ состоялъ главнымъ образомъ изъ присѣданій и это его характеристическая черта. Танцовали его обыкновенно парами, кавалеръ съ дамой, каждая пара порознь, подъ монотонные и бѣдные мелодіей звуки менуэтной музыки — scherzo. Вообще танецъ этотъ скучный, вычурный, лишенный огня и свободы движеній, онъ своей салонной жантильностью какъ нельзя лучше характеризуетъ искуственные, церемонно-приторные нравы свѣтскаго общества прошлаго столѣтія.

Менуэтъ вошелъ въ моду съ половины XVII столѣтія и втеченіи своего употребленія имѣлъ безчисленное множество видоизмѣненій, носившихъ различныя названія. Былъ «менуэтъ Ришелье», любившаго свои досуги разнообразить въ тиши кабинета довольно игривыми пируэтами; былъ «менуэтъ а ла рень» (въ честь Маріи-Антуанеты); былъ «менуэтъ лозанскій» и много другихъ. Музыка менуэта точно также измѣнялась и разнообразилась. Особенно были популярны и долго держались менуэты Гретри, Фишера и др.

Такой-же распространенностью въ прошломъ столѣтіи и такою-же вялостью и монотонностью отличался танецъ алемандъ. Алемандъ состоялъ изъ медленныхъ, грузныхъ движеній, состоявшихъ изъ двухъ темповъ; танцовался онъ парами. Впрочемъ, алемандовъ было нѣсколько и нѣкоторые изъ нихъ какъ по музыкѣ, такъ и по хореграфіи, не лишены были живости и огня. Алемандъ, какъ показываетъ его названіе, имѣлъ родиной Германію.

Англезъ, получившій свое происхожденіе въ Англіи, былъ также распространенъ повсюду, какъ и алемандъ; танцовали его парами. Онъ состоялъ всего изъ двухъ темповъ и отличался живостью и картинностью движеній, давая свободу женщинѣ выказать свою грацію въ плѣнительномъ видѣ. Англезъ танцовался парами и представлялъ собою, по идеѣ, пантомимъ любви, ухаживанья. Танцорка дѣлаетъ движенія такого рода, какъ будто она убѣгаетъ и уклоняется отъ ухаживанія кавалера, ее преслѣдующаго; то вдругъ, точно поддразнивая его и кокетничая, останавливается въ обольстительной позѣ и, едва онъ къ ней приближается, мгновенно оборачивается въ сторону и опять скользитъ по паркету. Одной изъ разновидностей англеза явился впослѣдствіи экосезъ.

Весьма своеобразны и характеристичны были танцы, появившіеся въ концѣ прошлаго столѣтія во время революціоннаго движенія во Франціи. И тутъ характеръ француза, какъ прирожденнаго танцора, сказался во всемъ блескѣ. Придумалъ онъ тогда, напр., танецъ тамнетъ — отъ tempête, т. е. «буря». И дѣйствительно, тамнетъ отличался бурностью, разгуломъ и демократической страстностью, какъ бы олицетворявшими народное движеніе. Въ немъ принимало участіе множество паръ, уставленныхъ въ нѣсколько рядовъ. Танецъ состоялъ изъ рѣзкихъ и порывистыхъ движеній и, быть можетъ, былъ изобрѣтенъ самимъ народомъ въ медовые мѣсяцы революціи, когда бывали случаи, что весь Парижъ въ торжественныя минуты народнаго восторга плясалъ на улицахъ и площадяхъ. Подобный моментъ случился на знаменитомъ марсовомъ полѣ, гдѣ вдругъ болѣе чѣмъ стотысячная народная толпа запѣла и заплясала, какъ одинъ человѣкъ.

Къ этой эпохѣ относятся также танцы: гавотъ, вальцанъ и др. Послѣдній, сказать къ слову, за свое революціонное происхожденіе, былъ у насъ въ царствованіе императора Павла строго запрещенъ, что, однако, сдѣлало его тогда весьма популярнымъ въ петербургскомъ свѣтѣ.

Въ концѣ прошлаго вѣка распространились у насъ контрадансы различныхъ наименованій, напр.: «Данилы Купера», «Березани», «Соважъ», «Préjugé vaincu» и др. Въ нихъ мужчины и дамы становились рядами, другъ противъ друга, визави, и «старались, по словамъ очевидца, сколь можно болѣе разнообразить фигуры», весьма сходныя съ нынѣшнимъ кадрилемъ.

Въ заключеніе бала обыкновенно танцовался котильонъ, представлявшій собою какъ-бы ералашъ всѣхъ танцевъ и гдѣ разнообразіе фигуръ зависѣло отъ иниціативы и изобрѣтательности танцоровъ. Котильонъ имѣлъ тоже значеніе въ данномъ отношеніи, какое имѣетъ на нынѣшнихъ балахъ, напр., мазурка.

Кромѣ иностранныхъ танцевъ, на балахъ нашихъ офранцузившихся предковъ прошлаго столѣтія нерѣдко допускались и отечественныя народныя пляски, какъ-то: «русская», малороссійскій «казачекъ», «метелица» и др. Случались между свѣтскими людьми охотники и охотницы отхватить и «цыганскую», съ ея страстными эротическими нюансами.

Заканчивая теперь нашъ очеркъ, мы обѣщаемъ читателямъ «Живописнаго Обозрѣнія» дать въ недалекомъ времени исторію собственно балета на Руси.

Изъ исторіи рабства въ древности.

Ст. С. Терновскаго.

(*Окончаніе.*)

Правительственная администрація не была единственной въ государствѣ; она составляла только какъ-бы рамку, въ предѣлахъ которой дѣйствовало множество постороннихъ мелкихъ административныхъ центровъ. Это муниципальное устройство городовъ, сперва даваемое, какъ привилегія, а потомъ обратившееся въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей.

Правительству оставалось только направлять и контролировать ихъ дѣятельность, такъ какъ на ихъ обязанности лежали и сборы податей, и наблюденіе за ихъ раскладкой и даже отвѣтственность за неправильныя дѣйствія. Каждый городъ для общенія съ Римомъ имѣлъ въ немъ постоянно двухъ депутатовъ, посредствомъ которыхъ центральное правительство сносилось съ провинціальными муниципальными управленіями. Въ самомъ Римѣ для пополненія разныхъ служебныхъ функцій составлялись сперва самостоятельныя общества, но которыя впослѣдствіи сдѣлались обязательными и носившими названіе курій (члены ихъ назывались декуріоны) какъ, напр.,— цензоры, фискалы (чиновники, состоящіе при фискѣ, государственной казнѣ), сторожа при общественныхъ зданіяхъ, при храмахъ; наконецъ сами жрецы: цѣль могла быть и религіозная, такъ, напр., поклоненіе какому-нибудь божеству.

Государство требовало отъ городовъ, ему подвластныхъ, денегъ и возлагало на нихъ разнаго рода заботы и попеченія; городское управленіе производило раскладку всѣхъ повинностей между отдѣльными гражданами — веденіе городскихъ дѣлъ, сборы податей, разныя общественныя работы, игры, содержаніе почтъ, рудниковыя работы и т. п. всѣмъ этимъ завѣдывалъ городъ; но для всего надо было ему имѣть отдѣльныхъ лицъ. Но лица эти должны были дать государству гарантію своей честности и добросовѣстности; ихъ обыкновенно выбирали изъ людей богатыхъ и въ замѣнъ тѣхъ тяжолыхъ обязанностей, которыя на нихъ возлагались, имъ давали извѣстныя права и привилегіи. Было недостаточно однако такихъ, часто весьма значительныхъ, преимуществъ, чтобъ привлечь добровольно лицъ къ занятію муниципальныхъ должностей; тогда правительство прибѣгло къ своей любимой мѣрѣ: оно заставило гражданъ занимать эти должности подъ страхомъ наказанія. Оно сдѣлало ихъ наслѣдственными, такъ что сынъ наслѣдовалъ отцу; если не было сыновей, то наслѣдовалъ зять или другой родственникъ. Въ случаѣ бѣгства, кромѣ конфискаціи имущества начиналось преслѣдованіе, и съ пойманнымъ обращались, какъ съ бѣжавшимъ рабомъ. Чтобы вполнѣ ясно понять положеніе муниципальныхъ чиновниковъ, достаточно привести слѣдующія два примѣра: одинъ богатый торговецъ, умирая, завѣщалъ городу большую часть своего имущества съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ все его потомство было освобождено отъ поступленія въ муниципіи. Другой завѣщалъ все свое состояніе городу съ тѣмъ, чтобъ дать декуріонамъ извѣстное жалованіе и тѣмъ улучшить ихъ положеніе и привлечь такимъ образомъ въ муниципальныя управленія людей болѣе достойныхъ и честныхъ. Правительство, правда, гарантируетъ всѣмъ разорившимся при исполненіи своихъ обязанностей (такъ какъ декуріоны должны были изъ своего кармана пополнять всѣ недоимки) пожизненное содержаніе, но это вознагражденіе есть жалкая иронія; у человѣка берутъ богатство, его разоряютъ сознательно, а въ утѣшеніе говорятъ: «не тужи, хлѣба мы тебѣ всегда дадимъ, съ голоду не умрешь».

Первые императоры постановили, что непремѣннымъ условіемъ для занятія общественной должности надо было имѣть право полнаго гражданства. Но людей не было; должности сдѣлались наслѣдственными; тогда чиновники перестали вступать въ браки, такъ какъ это еще ухудшало ихъ положеніе. Правительство сначала только позволило, а потомъ и принудило всѣхъ свободныхъ, даже и не гражданъ, занимать общественныя должности, подъ страхомъ наказанія. Недоставало только одного, чтобъ такая запись въ служилое сословіе сдѣлалось карательной мѣрой, но и это не замедлило явиться. Всѣхъ уклонявшихся отъ военной службы записывали въ куріи и въ другія корпораціи; такая-же мѣра принималась и относительно дезертировъ и бѣжавшихъ съ поля битвы.

При вступленіи въ должность, декуріоны должны были дать городу игры, устроить празднества,—все это требовало денегъ; отсюда развились страшныя злоупотребленія и насилія,—а въ концѣ концевъ денегъ все-таки не было, декуріоны разорялись, ихъ замѣняли другими, которыхъ постигала таже участь; разореніе народа было полное. Членъ муниципальнаго управленія не могъ ничего сдѣлать по своей волѣ; онъ былъ вполнѣ подъ властью правительства; не говоря уже о томъ, что онъ не смѣлъ уѣхать изъ того города, гдѣ онъ служилъ; онъ долженъ былъ оставаться въ немъ безвыѣздно; не позволялось даже отлучиться въ пригородную деревню—это, что касается личной свободы. Но такія-же ограниченія касались и имущества, его нельзя было отчуждать, продавать, дарить; правительство требовало, чтобъ имъ исправно занимались, съ цѣлью всегда имѣть средства для пополненія недоимокъ.

Имперія уже не заботилась о дальнѣйшемъ развитіи; она стремилась сохранить свой status quo, сохранить свое настоящее положеніе безъ измѣненія, но и это ему не удавалось; оно шло назадъ по антипрогресивному пути. Тотъ, кто трудился для себя, работой снискивая себѣ пропитаніе, считался опаснымъ или безполезнымъ человѣкомъ для общества и государства.

Правительство ищетъ всѣхъ свободныхъ, желая заставить ихъ трудиться на общественную пользу, на прибыль государства; потомъ прибѣгли къ мѣрѣ акумуляціи должностей, но соединеніе нѣсколькихъ должностей въ одномъ лицѣ произвело послѣдствія еще болѣе вредныя. Такимъ образомъ день ото дня увеличивается тяжесть, висящая надъ народомъ и можно было ждать, что скоро великая римская имперія сдѣлается безжизненнымъ тѣломъ, на развалинахъ котораго утвердятся варварскія пришлыя племена.

Все, что было до сихъ поръ сказано объ декуріонахъ, должно сказать и объ остальныхъ корпораціяхъ промышленныхъ и торговыхъ.

Постояннымъ стараніемъ правительства было, чтобъ какъ можно болѣе лицъ записать въ какое-нибудь товарищество, въ какую-нибудь корпорацію. Особенно невыгодно была поставлена корпорація булочниковъ и мельниковъ; они не имѣли права отказаться отъ своего ремесла и перейдти въ другую корпорацію. Ихъ занятія были наслѣдственны и наслѣдственность эта распространялась не только на прямыхъ родственниковъ, но и на случайныхъ, такъ, напр., зять булочника непремѣнно долженъ былъ быть булочникомъ. Въ Римѣ была корпорація моряковъ и лодочниковъ; чтобъ дать имъ средства къ существованію, правительство учредило монополію. Никто кромѣ нихъ не смѣлъ имѣть своихъ лодокъ на Тибрѣ; въ случаѣ неповиновенія, кромѣ штрафа, виновное лицо насильно приписывалось къ цеху и несло всѣ тягости и обязанности, лежащія на корпораціи.

Были, правда, нѣкоторыя занятія, которыя считались почетными, или, по крайней мѣрѣ, не унизительными; къ такимъ принадлежали: медицина и преподаваніе (по мнѣнію нѣкоторыхъ, одна философія).

Для каждаго города былъ извѣстный комплектъ докторовъ, смотря по важности города. Такъ, напр., по постановленіямъ Антонина Пія въ городахъ перваго разряда и въ столицахъ было назначено по десяти докторовъ и професоровъ (изъ нихъ пять ораторовъ и пять грамотѣевъ).

Другіе города имѣли только семь докторовъ и шесть професоровъ (по три). Но съ теченіемъ времени число ихъ постепенно увеличивается; такъ, напр., въ Константинополѣ ко времени Феодосія было тридцать докторовъ и болѣе шестидесяти професоровъ и учителей. Эти лица были освобождены отъ исполненія извѣстныхъ обязанностей и отъ несенія нѣкоторыхъ повинностей. Затѣмъ уже каждому предоставлялось самому находить себѣ кліентовъ, и большая или меньшая извѣстность, большее или меньшее благосостояніе зависятъ отъ степени ихъ индивидуальныхъ способностей, знаній и ловкости.

Константинъ Великій, положивъ основаніе новой столицы на берегахъ Босфора, всѣми мѣрами старался привлечь туда людей ученыхъ; онъ постановилъ давать имъ отъ казны содержаніе. Но эти преимущества имѣли дурныя послѣдствія: явилось много шарлатановъ, которые, ничего не зная, ради пользованія привилегіями, выдавали себя за докторовъ, ученыхъ и т. п. Имъ иногда удавалось находить себѣ приверженцевъ и извѣстную практику. Юліанъ, чтобъ предупредить такое наглое злоупотребленіе, сталъ требовать предварительнаго испытанія, прежде чѣмъ дать право на тѣ или другія преимущества. Между учеными особенно выдавались юристы; они иногда достигали высшихъ ступеней въ государственной іерархіи.

Въ связи съ этими занятіями неминуемо должны были развиться и другія, съ ними тѣсно связанныя; напр., торговля книгами, ихъ переписка, переводчики и др.

Объ искуствѣ слѣдуетъ сказать, что и оно имѣло свою привлекательную обстановку и что оно, пользуясь большимъ расположеніемъ народа, побуждало многихъ свободныхъ имъ заниматься. Особенно развилось искуство сценическое; хорошій актеръ, пріобрѣтя себѣ извѣстность, могъ смѣло разсчитывать на занятіе какой-нибудь доходной должности. Но публика была очень скупа на изъявленія одобренія, не потому, чтобы она относилась очень строго къ игрѣ и критически оцѣнивала-бы всѣ ея достоинства и недостатки; тутъ кроется другая причина,—страсть къ наживѣ. Если кто нибудь, желая достигнуть славы, поступалъ на сцену, дѣлался актеромъ, то какимъ онъ геніемъ ни будь, какимъ талантомъ ни обладай, онъ прошелъ-бы незамѣченнымъ, въ то время, когда другому, гораздо худшему, народъ будетъ рукоплескать, превозносить его игру до небесъ; чтобы заручиться расположеніемъ публики и привлечь ее на свою сторону актеру надо было устроить какія-нибудь пиршества, раздать громадныя сумы денегъ, только тогда онъ могъ смѣло разсчитывать на успѣхъ.

Различные цехи ремесленниковъ часто имѣли какое-нибудь знатное лицо, какъ своего покровителя, иногда даже нѣсколькихъ такихъ патроновъ, которые должны были защищать интересы цеха, какъ свои собственные. Кромѣ того одно и тоже лицо могло быть патрономъ многихъ цеховъ. Эти ремесленныя корпораціи имѣли правильное устройство; при многихъ изъ нихъ состояли даже особые адвокаты, которые занимались исключительно ихъ дѣломъ, были свои доктора; даже собственные рабы для исполненія всѣхъ грубыхъ работъ. Но трудъ въ нихъ все-таки не былъ свободенъ; онъ былъ подъ опекою правительства, что, конечно, не могло способствовать правильному развитію производства. За то правительство выигрывало несомнѣнно; оно легче получало пошлины и плату за право торговли. Но выгода эта была болѣе фиктивна, чѣмъ дѣйствительна, и правительству было выгодно цеховое устройство только со своей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія эгоистической; оно, видимо, жило однимъ настоящимъ, нисколько не заботясь о будущемъ; а государство тогда только можетъ идти впередъ, развиваться матеріально и умственно, когда въ немъ господствуетъ широкое понятіе свободы. Римское же правительство, повидимому, смѣшивало понятіе свободы съ понятіемъ произвола. Но народъ бѣднѣлъ—работы не было, все было очень дорого, (т. е. дорогъ былъ самый матеріалъ) и трудъ никто не покупалъ; торговля пришла въ состояніе самаго сильнаго упадка. Народъ умиралъ съ голоду. Еще задолго до установленія императорской власти въ Римѣ происходили по временамъ даровыя раздачи хлѣба, но это бывало только въ случаяхъ неурожаевъ или при нашествіяхъ враговъ. Во время Августа уже, а особенно послѣ него развращенная плеба кричала «panem et circenses», «хлѣба и зрѣлищъ» Честолюбивые люди, удовлетворяя этому требованію народа, стремились захватить власть въ свои руки. Такимъ образомъ образовалась мало по малу власть императорская; почти незамѣтно для самого народа произошелъ этотъ внутренній переворотъ, эта внутренняя революція. Но чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, императоры должны были опираться на какую-нибудь силу; сначала такой силой является войско, но съ теченіемъ времени оно въ лицѣ своихъ начальниковъ стремится играть первенствующую роль въ государствѣ; императорамъ надо было опять обратиться къ народу. Чтобъ заручиться его содѣйствіемъ, надо было исполнять его желанія, которыя опять можно резюмировать въ трехъ словахъ: panem et circenses.

Императоры пошли еще далѣе: они стали раздавать хлѣбъ, масло, соль, даже вино и мясо. Но надо замѣтить, что подъ народомъ слѣдуетъ понимать только коренныхъ жителей Рима и Константинополя. Оба эти города были сравнены въ своихъ правахъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что все населеніе римскаго государства трудится только затѣмъ, чтобъ прокормить нѣсколько десятковъ тысячъ тунеядцевъ, жалкихъ потомковъ великихъ предковъ.

Что касается до сельскаго труда, до земледѣлія, то объ немъ или уже было сказано выше достаточно или пришлось-бы повторить тоже, что относится и до городского промышленнаго сословія.

Начиная съ Константина Великаго, въ римской имперіи является новый факторъ, новая сила, которая имѣла сильное вліяніе на измѣненіе положенія несвободнаго класса. Это христіанская религія; отношенія ея къ рабству мы уже разсмотрѣли; намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ ея отношеніи къ свободѣ. По христіанскому ученію признается только тотъ вполнѣ свободнымъ, кто не подпадаетъ власти грѣха; и первымъ стремленіемъ церкви было очищеніе нравовъ, уничтоженіе всего того, что могло способствовать развитію грѣха и соблазновъ. Церковь находила игры въ циркахъ и разныя торжества безнравственными и она добилась ихъ уничтоженія, тоже было съ театральными представленіями; они слишкомъ сильно напоминали народу его языческую вѣру и мѣшали распространенію христіанства; стремясь уничтожить рабство, отцы церкви кромѣ религіознаго ученія о равенствѣ и свободѣ приводили и практическіе доводы противъ него: они говорили, напр., что рабы причиняютъ одно только безпокойство, одни заботы, не принося взамѣнъ этого никакой пользы. Церковь не возставала противъ богатства, но требовала, чтобъ богатства были употребляемы на благо ближнимъ, на выкупъ плѣнныхъ рабовъ, на пріюты и больницы; св. Августинъ, напр., продавалъ даже драгоцѣнные священные сосуды, чтобы выкупать плѣнныхъ христіанъ изъ рукъ язычниковъ.

Церковь возставала противъ ростовщиковъ, находя это занятіе безнравственнымъ и грѣхомъ. Всѣ угнетенные находили себѣ въ храмахъ убѣжище, а въ лицѣ епископовъ и священниковъ — защитниковъ.

Церковь стремилась заставить каждаго работой доставать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба, проводя принципъ, что только трудящійся долженъ ѣсть и приводя въ примѣръ Іисуса Христа.

Вліяніе церкви на распространеніе свободы было громадно и есть масса доказательствъ и свидѣтельствъ, что церковь въ первые вѣка своего существованія свое вліяніе употребила въ пользу для бѣднаго класа, даровавъ ему величайшее изъ земныхъ благъ — свободу. Новый взглядъ на человѣка распространился въ обществѣ и при посредствѣ образованія, такъ какъ оно находилось въ рукахъ духовенства. Вліяніе церкви отразилось и на законодательствѣ. Многія постановленія касательно рабовъ были смягчены. Объ этомъ уже было сказано въ своемъ мѣстѣ. Вотъ какова была судьба многихъ сотъ тысячъ людей впродолженіи цѣлаго ряда столѣтій.

Въ современныхъ государствахъ рабскій вопросъ рѣшался различно:

Во Франціи это было дѣломъ революціи 1848 года.

Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ — великой войной между сѣверянами и южанами.

Въ Россіи — законодательнымъ актомъ правительства при содѣйствіи всего общества.

Слава,

Разсказъ Уида; переводъ А. Г. Сахаровой.

(*Окончаніе.*)

Восходъ солнца засталъ Христіана Винтера сидящимъ у деревяннаго стола, у котораго онъ просидѣлъ всю ночь. Онъ не ложился въ постель, онъ сидѣлъ тутъ, предаваясь своимъ мрачнымъ думамъ и тяжелый, болѣзненный сонъ застигъ его въ этой неудобной позѣ. Когда онъ проснулся, волны Изара были уже освѣщены краснымъ отблескомъ ранняго утра и внизу въ саду птички Лили начинали свою пѣсню. Онъ всталъ оцѣпенѣвшій отъ холода, голодъ все еще грызъ его, кости его ныли отъ старости. Зачѣмъ онъ продолжалъ жить? потому что онъ былъ очень терпѣливъ по природѣ, а также и потому, что этотъ забытый Богомъ человѣкъ какъ-то просто, по дѣтски вѣровалъ въ Бога. Онъ не хотѣлъ самъ лишить себя жизни, хотя каждое мгновеніе этой жизни было для него пыткой. Онъ всталъ и съ ужасомъ подумалъ о днѣ — о длинномъ, одинокомъ голодномъ днѣ, который тянулся передъ нимъ, какъ необозримая пустыня тянется передъ усталымъ путешественникомъ; но ему не пришло въ голову избавиться отъ него посредствомъ самоубійства, точно такъ-же, какъ вѣрному часовому не придетъ въ голову оставить свой постъ, какъ бы ночь ни была длинна и служба ни была утомительна.

Христіанъ всталъ и умылся, застегнулъ свое поношенное пальто и пошелъ медленными, слабыми шагами на улицу. Онъ намѣревался еще разъ обойдти городъ и поискать, не нужна-ли кому такая работа, которую онъ могъ сдѣлать, работа рисовальщика на деревѣ и гравера. Онъ сохранилъ юношескую силу зрѣнія и нѣжность и силу штриха. Онъ шелъ нетвердыми шагами и съ наклоненной головой по дорогѣ къ городу черезъ Изарскія ворота къ Маріенплацу, гдѣ жилъ одинъ изъ его заказчиковъ. Проходя подъ аркой старой ратуши онъ остановился полюбоваться красотой этой мѣстности въ раннее утро, когда глубокія тѣни лежали на странныхъ аркахъ и солнечные лучи освѣщали и золотили колону Маріи. Маріенплацъ всегда красивъ, какъ разрисованная страница древняго романа о Розѣ или легенды о Сангреалѣ и его красота всегда трогала и волновала старика, потому что тутъ онъ въ первый разъ увидалъ единственную женщину, которую любилъ: она давно уже умерла.

На улицахъ почти никого не было; кое-гдѣ только что проснувшіеся хозяева открывали ставни своихъ домовъ, у новой ратуши смѣнялся часовой, вотъ и все. Но остановясь тутъ, Христіанъ увидѣлъ, что нѣсколько мужчинъ несли грубыя носилки. Онъ отодвинулся, чтобы дать имъ пройдти. Несли Бертольда Ландси.

Съ минуту Христіанъ простоялъ въ бездѣйствіи. Люди всегда проходили мимо него, онъ утратилъ привычку интересоваться ими, потомъ ему вдругъ вспомнилось личико Лили. «Бѣдное дитя!» прошепталъ онъ про себя и пошелъ за носилками.

Бертольдъ жилъ въ высокомъ, старомъ, развалившемся домѣ въ Берлассе и Христіанъ Винтеръ пришелъ туда почти въ одно время съ носильщиками.

— Что онъ опасно раненъ? спросилъ онъ у нихъ; ему отвѣтили, что Бертольдъ такъ раненъ, что едва-ли онъ останется живъ.

Христіанъ поднялся въ комнату Бертольда, это была такая-же мансарда, какъ и та комната которую онъ занималъ, только просторная. Носильщики положили безчувственнаго юношу на кровать; одинъ изъ нихъ побѣжалъ за докторомъ.

Христіанъ Винтеръ сидѣлъ у постели и ждалъ; онъ вовсе не интересовался тщеславнымъ и властолюбивымъ юношей, но его сердце болѣло за бѣдную, маленькую Лили.

Врачъ нашелъ положеніе раненаго очень серьезнымъ: остріе сабли пробило черепъ. Надежды на выздоровленіе было очень мало. Кто-же станетъ ухаживать за нимъ? Его товарищи были слишкомъ себялюбивы для этого, жильцы того дома, гдѣ онъ жилъ, слишкомъ заняты, его дядя былъ въ Нюренбергѣ, его мать была далеко.

— Я буду ухаживать за нимъ, сказалъ Христіанъ Винтеръ холодно, и прибавилъ про себя: — Лили не узнаетъ этого, пока онъ живъ.

Онъ видѣлъ эту маленькую розовую малютку съ золотистой головкой въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ съ самого ея дѣтства, и она вспоминала о немъ и его голодѣ въ моментъ, когда была особенно счастлива. Человѣку, забытому всѣмъ міромъ втеченіи пятидесяти лѣтъ, ея забота о немъ показалась до того странной и милой, что онъ глубоко взволновался ею. Онъ рѣшился спасти возлюбленнаго Лили, если это окажется возможнымъ.

Было послано за отцомъ Лили и онъ пришелъ тотчасъ-же, встревоженный, опечаленный; порѣшили скрывать эту исторію отъ Лили пока возможно и сказать ей, что Бертольдъ отозванъ къ матери. Если-же она спроситъ о старикѣ, отецъ ея скажетъ ей, что Христіанъ Винтеръ отправился въ Зальцбургъ поискать работы.

Между тѣмъ красивый Бертольдъ лежалъ безчувственный ко всему, что происходило около него, бѣлокурые волосы его были обстрижены и подушки запятнаны кровью. Всѣ его честолюбивыя мечты и его тщеславіе обратились въ ничто, его жизнь кончилась въ глупой дракѣ въ Биргартенѣ. За нимъ было мало ухода, надо было только сидѣть и наблюдать и черезъ каждые два часа вливать по ложечкѣ супа ему въ ротъ и прикладывать ледъ къ его головѣ. Его глаза никогда не закрывались, они смотрѣли широко-открыто, глупо и ничего невидя, впередъ. Христіанъ Винтеръ сидѣлъ подлѣ него и дѣлалъ все, что было нужно дѣлать.

Въ длинные, свободные часы руки его были незаняты и онъ смотрѣлъ, какъ артистъ всегда смотритъ на произведенія искуства, на картоны для тангейзеровскихъ воротъ. Уже разсвѣло, когда онъ замѣтилъ ихъ и потомъ, прикрывая рукою лампу, онъ медленно разсматривалъ ихъ, одинъ за другимъ, линію за линіей.

— Въ нихъ нѣтъ души, прошепталъ онъ и нахмурился: бездушное, механическое искуство сердило его какъ святотатство; въ картонахъ дѣйствительно не было души, они были нарисованы хорошо, анатомія ихъ была безукоризненна, пропорція и перспектива превосходны, но этимъ ограничивалось все ихъ достоинство. Они были хуже, чѣмъ неправильны, они были обыденны. Въ искуствѣ нѣтъ смертельнѣе грѣха.

Всю ночь Христіанъ Винтеръ сидѣлъ и смотрѣлъ на нихъ, разсерженный, удивленный, опечаленный. Неужели юность со всѣмъ ея наслѣдствомъ, ея увѣренностью, ея силою не могла создать ничего лучшаго? «Если-бы этотъ ребенокъ не любилъ тебя, тебѣ-бы лучше было умереть», подумалъ онъ, глядя на безчувственное лицо Бертольда, а все-таки ему было жаль юношу, потому что онъ зналъ, что эти картоны никогда не будутъ выбраны. Христіанъ Винтеръ всю свою жизнь изучавшій высшія и величайшія произведенія искуства, зналъ очень хорошо что эти рисунки не будутъ имѣть никакого значенія въ состязаніи.

— Они никогда не выиграютъ, въ нихъ нѣтъ ничего, обезпечивающаго успѣхъ или дѣйствующаго на чувства, сказалъ онъ про себя и онъ зналъ, что юноша, придя въ сознаніе, очутится лицомъ къ лицу съ той неудачей, надъ которой онъ издѣвался.

Прошелъ день и ночь и еще одинъ день и въ здоровьи Бертольда не было перемѣны. Въ комнатѣ царила мертвая тишина и, среди одиночества и мрака, странная мысль пришла въ голову Христіану Винтеру. Инстинкты артиста пробудились въ немъ, какъ воспоминаніе о войнѣ пробуждается въ старой полковой лошади при звукахъ военныхъ трубъ. Эти рисунки оскорбляли, бѣсили его, они ничего не говорили ни уму, ни сердцу. Они были механически совершенны, быть можетъ, но чтоже изъ того? Въ нихъ не было оригинальности, не было поэзіи, не было души; они были нѣмы какъ олеографія. Онъ смотрѣлъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока они опротивѣли ему. Соблазнъ былъ слишкомъ силенъ для него. Тутъ было много квадратныхъ метровъ хорошей, неиспорченной сѣрой бумаги, потому что Бертольдъ часто получалъ награды и могъ не скупиться на матеріалы для своего труда. Одинъ въ этой высокой комнатѣ съ готовыми матеріалами подъ рукой, Христіанъ уже не могъ противиться соблазну. Онъ взялъ громадный кусокъ бумаги и началъ рисовать.

Онъ подходилъ къ кровати больного, когда было нужно, и исполнялъ свои обязанности бережно и кротко; но когда онъ былъ свободенъ и одинъ, онъ возвращался къ своей работѣ и пряталъ ее, когда кто-нибудь входилъ. Имъ овладѣли прежнія привычки, его охватило страстное артистическое вдохновеніе. Онъ уже нѣсколько лѣтъ не могъ наслаждаться роскошью художественнаго творчества. Онъ давно уже не былъ такъ богатъ, чтобы купить матеріалы, необходимые для большой работы. Да и къ томуже у него было тяжело и горько на душѣ. Но теперь всѣ долго сдерживаемыя силы и фантазія, скованная, но не убитая старостью и лишеніями, вылились бурнымъ потокомъ. Полвѣка назадъ, задолго до того какъ Вагнеръ сдѣлалъ ее общественной, повѣсть о Тангейзерѣ была уже дорога ему. Въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ онъ часто избиралъ ее темой тѣхъ произведеній, которыя отвергли. Теперь всѣ фазисы этой исторіи выростали подъ его рукой. День и ночь, ночь и день проводилъ онъ за своимъ трудомъ. Ему рѣдко мѣшали; докторъ приходилъ утромъ и вечеромъ; иногда заходилъ кто-нибудь изъ студентовъ. Самъ Бертольдъ лежалъ нѣмой и неподвижный, какъ срубленное дерево, не сознавая ничего. Въ двѣ недѣли Христіанъ сдѣлалъ больше, чѣмъ юноша сдѣлалъ въ годъ. Онъ создалъ и окончилъ шесть картоновъ для фресокъ, фигуры были нарисованы во весь ростъ человѣческій и въ черномъ и бѣломъ карандашахъ была вся та сила, весь свѣтъ и тѣнь, всѣ краски однимъ словомъ, которыя въ нихъ можетъ вложить только рука мастера. Въ пятнадцатый день онъ взглянулъ на свою работу и понялъ, что она была хороша. Въ этихъ рисункахъ была душа.

Одинъ въ комнатѣ, въ то время, какъ больной едва дыша лежалъ на своей низенькой кровати, Христіанъ стоялъ съ зажженной лампой и смотрѣлъ на свои произведенія. Во всю его долгую жизнь люди отказывались вѣрить въ него; но онъ еще разъ возсталъ противъ ихъ приговора и увѣровалъ въ самого себя.

Онъ поставилъ лампу и блескъ торжества освѣтилъ его блѣдное суровое лицо. «Неужели я ограблю мальчика, пока онъ умираетъ?» подумалъ онъ. Неужели онъ, Христіанъ, закончитъ свою долгую жизнь такой побѣдой, которая была-бы подлостью.

Завтра былъ день, назначенный для отсылки рисунковъ. Христіанъ сидѣлъ у кровати Бертольда и свѣтъ лампы падалъ на широко раскрытые, лишенные всякаго выраженія глаза и на блѣдное лицо юноши; все равно онъ не могъ завтра присутствовать на состязаніи, онъ лежалъ неподвижно въ цвѣтѣ лѣтъ и силы. Въ мансардѣ было совершенно тихо, звуки города доносились наверхъ какъ-то глухо. Въ дверь постучала чья-то рука. Это была рука отца Лили.

— Какъ его здоровье? спросилъ онъ мягко.

Христіанъ Винтеръ всталъ и приложилъ губы къ замочной скважинѣ.

— Все также.

— Ахъ Господи! А моя Лили думаетъ, что онъ все еще у матери. Но она начинаетъ тревожиться. Завтра день для отправки рисунковъ. Не пошлете-ли вы за него его рисунки? Они готовы и вѣрно онъ получитъ за нихъ премію.

— Да, я пошлю ихъ за него.

— Хорошо. Я скажу ей, что его друзья взялись это сдѣлать. Если настанетъ какая-нибудь перемѣна, вы пошлете за мной? Доброй ночи.

Лѣстница затрещала подъ тяжелыми шагами. Христіанъ Винтеръ былъ снова одинъ, одинъ съ той силой соблазна, которую люди олицетворяютъ въ дьяволѣ.

Когда разсвѣло, онъ стоялъ на колѣняхъ передъ своими картонами и смотрѣлъ на нихъ и плакалъ медленными горькими слезами человѣка, котораго не могли заставить плакать ни другъ, ни врагъ, ни голодъ, ни страданье. Они были величественно прекрасны и онъ сознавалъ это. Весь геній, такъ долго усыпленный силой жестокихъ обстоятельствъ, пробудился во всеоружіи отъ заколдованнаго сна и высказался въ послѣднемъ, великомъ усиліи. Начиная съ возлюбленнаго, уснувшаго на груди своей соблазнительницы, до одинокой фигуры, изгнанной изъ небесъ и съ земли и бѣгущей по снѣгу назадъ къ своей вѣчной гибели, все въ его твореніяхъ было велико и творецъ ихъ зналъ это. Онъ смотрѣлъ на нихъ долго и когда первый проблескъ утра въ мансарду поцаловалъ ихъ, какъ старикъ могъ-бы поцаловать своихъ внуковъ на смертномъ одрѣ.

Черезъ нѣсколько времени онъ позвалъ въ мансарду дюжихъ уличныхъ носильщиковъ и приказалъ имъ бережно нести картоны въ Максимиліанеумъ, гдѣ надъ ними будетъ произнесенъ приговоръ. Нечего было бояться разбудить Бертольда, онъ не сознавалъ ничего, происходящаго вокругъ него и пушечный выстрѣлъ не пробудилъ-бы въ немъ сознанія.

Христіанъ Винтеръ тщательно отмѣтилъ свои рисунки и рисунки юноши различными знаками и цифрами и послалъ и тѣ и другіе, а съ ними и два запечатанные конверта, тоже отмѣченные различными знаками.

Когда шаги носильщиковъ удалились и шумъ телѣги, нанятой ими для отправки большихъ рисунковъ, стихъ, старикъ упалъ на колѣни и закрылъ лицо руками. Онъ самъ избралъ мученичество.

На слѣдующій день у Бертольда начался бредъ. Оцѣпенѣлость смѣнилась горячкой и докторъ сказалъ, что такъ какъ Бертольдъ очень силенъ, то возможно, хотя и сомнительно, что онъ останется живъ. Христіанъ Винтеръ продолжалъ ухаживать за нимъ. Въ то время, когда бредъ уносилъ больного къ воспоминаніямъ прошлаго и юноша бормоталъ о картонахъ, о состязаніи, о присужденіи преміи, старикъ ласково клалъ руку на его пытающій лобъ и шепталъ успокоительно: «Да, да; премія твоя, не бойся». Этотъ отвѣтъ всегда успокоивалъ Бертольда, покрайней мѣрѣ на время, хотя докторъ утверждалъ, что онъ ничего не сознаетъ. Но кто знаетъ? Бредъ подобенъ смерти — это пустыня безъ солнца и безъ звѣздъ.

Рисунки оставались запертыми въ комнатѣ, отведенной имъ въ общественномъ зданіи, втеченіи десяти дней. Въ это время судьи, избранные обществомъ искуства, разсматривали ихъ. Въ концѣ десятаго дня должны были произнести приговоръ и зала Максимиліанеума, въ которой помѣщались только избранные рисунки до тѣхъ поръ, пока они не будутъ перерисованы въ видѣ фресокъ на новыхъ воротахъ, была открыта для публики.

Вечеромъ въ десятый день служитель Кунстферейна принесъ въ мансарду Бертольда письмо. Христіанъ Винтеръ улыбнулся и его улыбка показалась странной человѣку, принесшему письмо. Христіанъ Винтеръ бросилъ одинъ взглядъ на конвертъ съ гербами города и королевской короной и узналъ его назначенье. Одни рисунки были избраны и онъ зналъ какіе. У него потемнѣло въ глазахъ и онъ ухватился за косякъ двери, чтобы не упасть.

Посланный видѣлъ въ немъ только слабаго старика, который казался слѣпымъ.

— Ученикъ Бертольдъ Ландси боленъ, сказалъ онъ,—но я его другъ и могу взять письмо.

— Вы! и онъ не узнаетъ о славѣ, которую пріобрѣлъ? Ахъ, это ужасно! сказалъ посланный, принесшій письмо.

— Онъ узнаетъ о ней, когда поправится, сказалъ старикъ спокойно и позвалъ маленького мальчика, игравшаго на лѣстницѣ.—Сбѣгай поскорѣе за Изарскія ворота, сказалъ онъ ребенку,—и скажи Лили и ея отцу, что Бертольдъ получилъ премію.

Ребенокъ побѣжалъ, подбрасывая свою фуражку отъ радости и восторга, что человѣкъ, живущій въ домѣ его матери, такъ прославился.

Юноша тревожно мечтался на постели, размахивалъ руками и бормоталъ несвязныя фразы.

Христіанъ Винтеръ, лицо котораго побѣлѣло какъ равнины зимою, подошелъ къ нему и положилъ руку на его голову съ обычнымъ, успокоивающимъ жестомъ.

— Бертольдъ, успокоися: ты побѣдилъ!

Лучъ сознанія освѣтилъ все еще глупые, недоумѣвающіе глаза, отупѣвшій, разгоряченный мозгъ уловилъ смыслъ этихъ словъ и старался уловить еще больше, губы его открылись.

— Побѣдилъ? простоналъ онъ и приподнялся, все еще удивленный и недоумѣвающій.

— Ты побѣдилъ, снова повторилъ Христіанъ Винтеръ.

Юноша испустилъ глубокій вздохъ; голова его снова упала на подушку и на губахъ появилась слабая улыбка. Докторъ пришелъ и засталъ его спящимъ.

— Я могу оставить его на полчаса со служанкой, сказалъ Христіанъ Винтеръ.—Теперь видно, что онъ останется живъ, а мнѣ нужно уйдти.

— Ступайте съ Богомъ, сказалъ докторъ.—Онъ будетъ жить.

Христіанъ Винтеръ спустился съ лѣстницы, вышелъ на улицу и направился къ Максимиліанеуму. Былъ блестящій августовскій день и четыре часа пополудни, улицы были запружены народомъ, зеленыя вѣтви деревьевъ дрожали, освѣщенныя солнцемъ, величественныя зданія улицы Максимиліана пестрѣли коврами, флагами, гербами, потому что на слѣдующій день было рожденіе молодого короля и онъ пріѣхалъ въ городъ съ Розенанзеля. Но толпы не думали о королѣ въ то время, онѣ спѣшили къ Максимиліанеуму.

— Картоны! кричали они другъ другу.—Тангейзеровскіе картоны!

И люди, задыхались, бѣжали и восторгались какъ могутъ восторгаться только жители артистическаго города, когда дѣло коснется искуства. Никто не обратилъ вниманія на блѣднаго исхудалаго старика съ изстрадавшимся лицомъ и наклоненной головой, который поднимался съ толпой, часто отталкиваемый и отбрасываемый назадъ. На ступеняхъ и въ залахъ были уже толпы народа и всѣ кричали только одно имя: Бертольдъ Ландси.

— Уроженецъ Баваріи! Второй Каульбахъ!

Въ толпѣ пронесся шепотъ, что артистъ при смерти боленъ, раненъ и бредитъ и, можетъ быть, никогда не узнаетъ о своемъ торжествѣ, и возбудилъ нѣжное, скоропреходящее искреннее и ничтожное сочувствіе толпы, цѣлующей ноги у своего идола въ одну минуту и плюющей ему въ лицо въ слѣдующую.

— Молодой человѣкъ, такой молодой, говорятъ они, и уже такой великій художникъ! закричала одна женщина, когда Христіанъ Винтеръ проходилъ мимо нея. Онъ слегка улыбнулся, какъ улыбнулся тогда, когда увидѣлъ, что посланный съ письмомъ подходитъ къ двери.

Христіанъ пошелъ съ толпой, которая немного стихала, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ были разставлены часовые, чтобы не допускать, толкотни въ той залѣ, гдѣ висѣли картоны. У входа въ комнату онъ остановился и взглянулъ черезъ головы народа, потому что хотя онъ и горбился, онъ всетаки былъ необыкновенно высокаго росту. Онъ увидѣлъ картоны, нарисованные его рукой. А вокругъ него голоса только и шептали другъ другу: «Бертольдъ Ландси! Бертольдъ Ландси!»

Онъ стоялъ и смотрѣлъ такъ же, какъ они смотрѣли и ничего не говорилъ, только глаза его были какъ бы застланы туманомъ. Подлѣ него стоялъ человѣкъ, который прошепталъ: «Это великое произведеніе. Среди насъ явился новый пророкъ. Достаточно нарисовать эти картоны, чтобы прославиться». Говорившій былъ Вильгельмъ Каульбахъ. Самъ Христіанъ не сказалъ ничего. Картины были жизнью его жизни, но что-же изъ того? Онъ отдалъ ихъ другому.

У подножія широкой лѣстницы стояла маленькая бѣлорозовая дѣвушка съ обнаженной головой, ослабѣвшая, изнемогающая и старающаяся проложить себѣ путь, робко протягивая впередъ свои маленькія ручки. Увидя Христіана она вздохнула и упала къ нему на грудь.

— О! правда-ли это? правда-ли это? закричала она.—Неужели мой Бертольдъ убитъ и они восхваляютъ его тутъ... вѣнчаютъ его! а онъ умеръ? правда-ли это?

Христіанъ Винтеръ приподнялъ ее и вытащилъ изъ тѣсноты.

— Вашъ Бертольдъ живъ, онъ былъ раненъ, но онъ скоро поправится. Да, его увѣнчали. Онъ восторжествовалъ.

— Правда-ли это? шептала она, прижимаясь своимъ поблѣднѣвшимъ, испуганнымъ личикомъ къ груди старика,—о, скажите мнѣ правду—всю правду, я перенесу ее.

Христіанъ Винтеръ взглянулъ на нее все съ той-же улыбкой, которая подобно слабому проблеску свѣта сіяла еще яснѣе, прежде чѣмъ исчезнуть навсегда.

— Сказать вамъ правду? Онъ будетъ жить и его признали побѣдителемъ. Только, Лили—слушайте и постарайтесь запомнить: у него было двѣ серіи рисунковъ; я послалъ обѣ. Одни рисунки—тѣ, что вы видѣли—отвергнуты; другіе, тѣ, которыхъ вы никогда не видали, избраны. Онъ былъ въ бреду и рана въ головѣ заставитъ его забыть многое. Вы должны сказать ему, когда онъ совсѣмъ поправится, что хотя онъ, можетъ быть, и забылъ объ этомъ, но что онъ нарисовалъ картоны, привлекающіе толпы зрителей. Вотъ что вы запомните, моя дорогая; послѣ долгаго бреда люди странно забываютъ о томъ, что они сдѣлали. Вотъ и все. Господь съ вами и съ вашимъ возлюбленнымъ!

Онъ подвелъ ее къ ея отцу, который былъ на минуту разлученъ съ нею натискомъ толпы на лѣстницѣ и пошелъ назадъ одинъ среди золотого сіянія улицы Максимиліана. Но пошелъ не къ Бертольду, а домой, къ одинокой постели, къ пустой тарелкѣ, къ скучной забытой жизни.

Онъ сѣлъ и таже улыбка освѣщала его лицо.

— И такъ это слава, наконецъ! сказалъ онъ и крупныя слезы медленно выкатились изъ его глазъ. Онъ закрылъ ихъ и попытался уснуть.

Когда пришли къ нему поздно вечеромъ, онъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, мертвый.

Бертольдъ Ландси никогда не могъ понять, почему онъ забылъ во время горячки, что онъ нарисовалъ эти странные картоны. По временамъ у него въ головѣ мелькалъ проблескъ истины, но онъ содрогался при этой мысли и схоронилъ ее вмѣстѣ съ мертвымъ. Онъ—великій человѣкъ, хотя нѣкоторые говорятъ, что онъ не сдержалъ обѣщаній своей юности.

На маленькомъ кладбищѣ у рѣки Изара есть скромная могила съ надписью: «Христіанъ Винтеръ». Лили ходитъ туда поливать розы. Она ходитъ одна, потому что ея возлюбленный, сдѣлавшись знаменитымъ,ересталъ быть вѣрнымъ.

Вотъ и все.

В. Г. Шварцъ.

Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ принадлежалъ къ числу самыхъ оригинальныхъ художниковъ русской школы живописи. Его картины изъ русской исторіи поражаютъ даже и теперь полнымъ отсутствіемъ всякой условности, которая такъ упорно держится въ особенности въ такъ называемой исторической живописи. В. Г. Шварцъ принадлежалъ къ помѣщикамъ курской губерніи. Онъ съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ живописи и какъ только ему позволили обстоятельства, онъ сейчасъ-же, бросивъ провинцію, пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ академію. Его художественное образованіе въ нашей академіи шло неровно: ему трудно было приноровиться къ академическимъ пріемамъ, къ академическому стилю, съ которымъ своеобразный художественный талантъ не въ состояніи примириться. Изученіе мертвыхъ формъ, заученныхъ условныхъ движеній,—все то, однимъ словомъ, что составляетъ непреложный кодексъ академической эстетики, дѣйствуетъ обыкновенно губительно на свѣжій талантъ, еще невыработавшійся и неустановившійся: изученіе сухихъ и вычурныхъ формъ безъ всякаго содержанія, столь рѣзко выступающихъ за предѣлы современныхъ эстетическихъ требованій, и чуждыхъ нашему современному міру, не принося почти никакой пользы собственно техническому усовершенствованію, убиваетъ обыкновенно талантъ въ самомъ зародышѣ. Пройдя эту школу, не сильный талантъ утрачиваетъ и то немногое, что было въ немъ свѣжаго и непосредственно вмѣсто живого творчества является ремесленное отношеніе къ искуству, вмѣсто художественной правды — грубая, безсодержательная ложь, и художникъ дѣлается представителемъ мертвой рутины, не имѣющей даже отдаленнаго отношенія къ настоящему. Сколько молодыхъ талантовъ погибло такимъ образомъ, благодаря этой академической рутинѣ, которая не даетъ художнику даже знанія рисунка, какъ это было прежде? Къ счастью, В. Г. Шварцъ,—по силѣ-ли природнаго таланта, или вслѣдствіе-ли случайныхъ счастливыхъ обстоятельствъ, вышелъ невредимъ изъ этой академической выправки, ничего не потерявъ въ оригинальности и своеобразности своихъ художественныхъ идеаловъ. Натуральный класъ онъ прошелъ очень неудачно и, бросивъ безсодержательное изученіе формъ, принялся за композиціи. Онъ сразу отыскалъ свою настоящую дорогу и безъ всякихъ предварительныхъ работъ сталъ изучать русскую исторію, со стороны ея художественнаго выраженія. За одну изъ такихъ художественныхъ композицій (картина «Іоаннъ Грозный у гроба сына») онъ получилъ похвальный листъ и медаль. Съ тѣхъ поръ онъ уже до самой смерти не покидалъ русской исторіи, изучая русскую древность въ ея археологическихъ памятникахъ, костюмахъ, архитектурѣ, типахъ, лѣтописяхъ. Его знанія въ этой области изумляютъ еще и теперь, когда смотришь на его картины, или разсматриваешь его рисунки. Его успѣхи пошли съ тѣхъ поръ быстро, и вскорѣ за картину «Вербная недѣля» онъ получилъ званіе академика и отправился за-границу. Пребываніе въ Европѣ и изученіе европейскихъ мастеровъ только усовершенствовало его технику, не измѣнивъ ничего въ направленіи его таланта. Въ 1867 году онъ былъ отправленъ въ Парижъ въ званіи комисара на парижскую всемірную выставку, что позволило ему болѣе основательно и систематически изучить всѣ фазисы, черезъ которые прошла историческая живопись въ Европѣ, отъ Рафаэля до Делароша. Это изученіе принесло ему, несомнѣнно, много пользы. Къ несчастью, совершенно разстроенное здоровье, усидчивый трудъ, болѣзнь, не дозволили ему воспользоваться этимъ художественнымъ опытомъ и онъ умеръ въ 1870 году.

Шварца можно считать настоящимъ основателемъ русской исторической школы въ живописи. Все условное, офиціальное, фальшивое, сочиненное было имъ окончательно и безповоротно отброшено. Въ его картинахъ и рисункахъ мы изучаемъ русскую исторію не въ ея офиціальныхъ представителяхъ въ моментъ ихъ офиціальныхъ, историческихъ функцій; мы изучаемъ ее въ полной и непосредственной жизненной правдѣ, въ дѣйствительной обстановкѣ, въ нравахъ, обычаяхъ, костюмахъ, типахъ архитектуры; вся жизнь народа, схваченная въ извѣстный моментъ его культуры, воскресаетъ передъ нами съ такой жизненной правдой, о которой до Шварца невозможно было предполагать въ историческомъ жанрѣ. Само собой разумѣется, что подобный пріемъ могъ быть основанъ лишь на глубокомъ изученіи народной жизни и совершенно спеціальномъ знаніи не только прошлаго русскаго народа, но и всѣхъ его жизненныхъ проявленій; Шварцъ изучалъ по лѣтописямъ и древнимъ памятникамъ типы каждой эпохи, нравы, степень культуры, кругозоръ мысли, обычаи, костюмы, архитектуру. Такое усидчивое и спеціальное изученіе отозвалось нѣсколько невыгодно на художественной сторонѣ его произведенія: это изученіе, иногда не вполнѣ усвоенное, не переработанное въ художественную форму,—по временамъ слишкомъ видно въ его картинахъ. Онѣ поэтому носятъ на себѣ характеръ археологическій; глядя на нихъ невольно приходитъ на мысль, что художникъ гораздо болѣе озабоченъ археологическою точностью, чѣмъ художественнымъ впечатлѣніемъ, что искуство служитъ для него лишь средствомъ для распространенія историко-археологическихъ знаній, и почти никогда не бываетъ цѣлью, для достиженія которой средствомъ является изученіе археологіи.

Благодаря этому обстоятельству Шварцъ впалъ въ ошибку, противоположную итальянизму. Въ итальянизмѣ историческая вѣрность и точность окончательно жертвуется художественнымъ цѣлямъ, такъ что въ картинахъ этой школы исторія, историческій сюжетъ, историческія лица,—все это служитъ лишь внѣшнею рамкой, предлогомъ для художественной композиціи, въ которой нѣтъ ничего историческаго. Въ такихъ картинахъ мы можемъ восторгаться искусной композиціей, яркимъ колоритомъ, прекрасными художественными этюдами, интересными типами, но все это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ исторіи. У Шварца наоборотъ художественная правда, художественный идеалъ отодвинуты на второй планъ, на первый-же выступаетъ голая археологія, не только не прикрашенная (что, конечно, было бы не хорошо), но не вышедшая даже изъ своего сырого вида. Историческая живопись въ Европѣ съ Делароша также пошла по новому пути, но не повторивъ ошибокъ итальянизма, не превратилась также и въ археологію. Въ этой школѣ дано надлежащее мѣсто историко-археологической точности, но на столько, на сколько это не портитъ художественнаго впечатлѣнія; главный-же интересъ картины сосредоченъ на изученіи типа, на психологическомъ анализѣ чувства, или на драматическомъ положеніи. «Марія-Антуанета, идущая на казнь» Делароша, можетъ считаться образцомъ этой школы живописи. У насъ эта школа имѣетъ также многочисленныхъ представителей, между которыми одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ г. Рѣпинъ, хотя его «Софья» есть не болѣе, какъ попытка во многомъ неудачная, во многомъ совершенно ошибочная. Въ Европѣ существуетъ также и археологическая живопись, которая привилась въ особенности въ Англіи и лучшимъ представителемъ которой можно считать Альма-Тадему. Необходимо, однакожь, замѣтить, что въ картинахъ Альма-Тадемы, не смотря на ихъ археологичность, выручаетъ изящная техника и красота формъ и проявленій древне-греческой жизни, которая обыкновенно служитъ содержаніемъ произведеній этого чрезвычайно талантливаго художника.

Школа Шварца въ настоящее время имѣетъ очень мало представителей въ Россіи, вѣрнѣе, ихъ совершенно не имѣется. Это обстоятельство объясняется между прочимъ трудностью археологическихъ изысканій, необходимостью спеціальныхъ историческихъ знаній, для пріобрѣтенія которыхъ нужно время, досугъ, иногда значительныя денежныя средства, въ особенности при рѣдкости или даже отсутствіи у насъ богатыхъ историко-археологическихъ музеевъ и колекцій. Тѣмъ не менѣе эта школа имѣетъ, несомнѣнно, значительную будущность. Слабость къ археологическимъ изысканіямъ, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей нашего времени. Оно и понятно: настоящее можетъ быть для насъ вполнѣ ясно только тогда, когда прошедшее, утративъ свою чарующую таинственность, сдѣлается явленіемъ вполнѣ для насъ понятнымъ. Въ этомъ смыслѣ и съ этой цѣлью археологическая живопись будетъ разработываться тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе мода на археологичность будетъ развиваться въ современномъ обществѣ. Заслуга Шварца заключается именно въ томъ, что въ Россіи онъ первый понялъ, какъ важна эта отрасль искуства. Его илюстраціи, столь характеристичныя и интересныя къ роману графа А. Толстаго «Князь Серебряный», въ особенности его «Соколиная охота», «Обрядъ поднесенія перчатки», «Шествіе Ивана Грознаго къ заутрени» и множество другихъ замѣчательныхъ рисунковъ, относящихся по преимуществу къ исторіи Ивана Грознаго,—живо переносятъ насъ въ допетровскую Русь и нельзя не удивляться таланту художника, который такъ живо переноситъ насъ въ жизнь прошлаго, съ которымъ теперь мы не имѣемъ почти ничего общаго. Глядя на эти рисунки и картины Шварца, въ которыхъ художникъ съ такою искренностью и простодушіемъ относится къ объекту своего изученія, кажется, будто отдыхаетъ глазъ послѣ утомительныхъ, громадныхъ и сложныхъ композицій прежней исторической живописи, съ торжественными процесіями военными подвигами, театральными позами великихъ міра сего. Это ощущеніе довольства, безъ всякаго сомнѣнія, происходитъ отъ сознанія правды, которая заключается въ рисункахъ Шварца. Офиціальная исторія и офиціальная историческая живопись до такой степени пріучили насъ къ показной сторонѣ прошлаго, что мы какъ будто потеряли пониманіе его, и смотримъ на прошлое, какъ на нѣчто совершенно чуждое, для насъ непонятное, ходульное. Жизни и людей не видимъ мы тутъ, а лишь какіе-то манекены, значеніе которыхъ намъ недоступно. Въ картинахъ Шварца какъ разъ наоборотъ; удивительная простота замысла и даже археологическая изысканность до такой степени сближаютъ насъ съ этимъ прошлымъ, что мы невольно входимъ въ интересы его и понимаемъ его такъ же, какъ понимаемъ явленія современной жизни. Съ художественной точки зрѣнія, это — громадная заслуга Шварца и она не останется безплодною ни для русской исторической науки, ни для русскаго искуства.

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

(Характеристика **М. Балласа.**)

(*Окончаніе*)

Въ 1837 году въ первый пріѣздъ Гоголя въ Римъ произошло сближеніе между нимъ и Ивановымъ, имѣвшее столь благотворное и рѣшительное вліяніе на судьбу художника; съ этой минуты Гоголь не переставалъ оказывать ему нравственную и иногда матеріальную поддержку.

Въ октябрѣ 1839 года, возвратившись изъ Венеціи въ Римъ, Ивановъ проводилъ свободное отъ занятій время либо сидя по вечерамъ въ кофейнѣ, либо заходилъ къ Гоголю для игры въ домино. Около этого-же времени жили въ Римѣ Боткинъ и Іорданъ, которые дополняли компанію Гоголя съ Ивановымъ. Въ своихъ письмахъ Гоголь съ наслажденіемъ вспоминаетъ это время.

Въ 1841 году Гоголь уѣхалъ въ Германію, но и оттуда не переставалъ заботиться о художникѣ; наступало время прекращенія пенсіи Иванову, Гололь во Франкфуртѣ обратился къ Жуковскому съ просьбою о продолженіи ея. По совѣту Жуковскаго Ивановъ долженъ былъ написать письмо Наслѣднику и прислать Жуковскому, который обѣщалъ, просмотрѣвъ его, дополнить и представить основанія для продолженія пенсіона. Пріѣздъ Государя-Наслѣдника въ Римъ рѣшилъ участь картины; Ивановъ посвятилъ свой трудъ его величеству и исходатайствовалъ себѣ трехлѣтнее содержаніе: такъ заблуждался онъ въ расчетѣ на быстрое окончаніе своего труда.

Заботы Гоголя объ художникѣ не ограничились вышеприведеннымъ ходатайствомъ, онъ хлопоталъ объ доставленіи частныхъ заказовъ, которыя бы, не слишкомъ отвлекая художника отъ главной работы, могли улучшить его матеріяльные положеніи: «Заказъ вашъ есть, писалъ онъ Иванову, если хотите только воспользоваться, напишите копію съ мадоны di Faligno: она будетъ хорошо вамъ заплачена, въ этомъ я увѣренъ».

Гоголь слишкомъ хорошо понималъ тревожное состояніе духа художника, опасавшагося неокончить задуманный великій трудъ свой и по временамъ овладѣвавшее отчаяніе и нравственную борьбу художника съ самимъ собой, а потому въ письмахъ своихъ постоянно поддерживалъ слабѣвшій и изнемогавшій духъ художника: «Не отчаивайтесь. На то рожденъ человѣкъ, чтобы отыскивать средства» (Ганау 1841 г. 20 октября). «Боже васъ сохрани упадать когда либо духомъ, нѣтъ вещи, которой нельзя было бы помочь» (Москва 1842, 20 окт.). «Мужайтесь и крѣпитесь. Нѣтъ дѣла, а тѣмъ болѣе справедливаго, въ которомъ бы нельзя было бы успѣть, если только будете имѣть твердость (Москва 16 мая 1842 года).

Лѣтомъ 1842 года стало слабѣть у Иванова зрѣніе; эта въ высшей степени страшная для всякаго художника болѣзнь, мучила его почти впродолженіи 15 лѣтъ работы. Около этого-же времени Иванову была продолжена пенсія на 3 года, но сознаніе безконечной малости срока сравнительно съ величіемъ и трудностями исполненія начали сильно мучить художника и здѣсь ему оказалъ опять великую нравственную поддержку столь любившій его Гоголь: «Берите все, что ни даютъ... скажу вамъ, что если все то, что мы ни предпринимаемъ теперь по вашему дѣлу, будетъ безуспѣшно, то и тогда не бѣда, деньги будутъ во всякомъ случаѣ, если ужь на то пошло... будьте только ясны и тверды душой (Гастейнъ 1842 г. 30 августа).

Въ началѣ сентября Гоголь возвратился въ Римъ, здѣсь жизнь художника среди дружескаго участія и сочувствія Гоголя опять пошла нѣсколько веселѣе: Ивановъ зналъ, что Гоголь его понимаетъ, а дневные посѣщенія Гоголя студіи Иванова доставляли ему большое наслажденіе. Образъ жизни ихъ опять принялъ кружковый характеръ, то Гоголь посѣщалъ студію Иванова, то Ивановъ посѣщалъ Гоголя, то они вмѣстѣ просиживали вечера у больного Языкова Соучастникъ этихъ вечеровъ Чижовъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ *): «Вечера были грустно молчаливые. Ивановъ приносилъ въ карманѣ горячіе каштаны, у Языкова стояла бутылка aleatno и начинался вечеръ съ прихлебкою вина;—Гоголь молчаливый въ высшей степени если и говорилъ здѣсь, то разсказывалъ незанимательные анекдоты».

Весною 1843 года послѣдовалъ вызовъ Иванова, вмѣстѣ съ другими художниками (Шамшинымъ и Завьяловымъ) въ Петербургъ для заказовъ художественныхъ произведеній для Исакіевскаго собора. Ивановъ потерялъ совсѣмъ голову; ему показалось, что каждую минуту грозятъ отнять его отъ дорогой для него работы; здѣсь кстати опять раздается вѣчно ободряющій, постоянно успокоивающій голосъ Гоголя, упрекающій его въ нѣсколько жесткихъ словахъ за безпокойный характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дающій совѣтъ какъ отвертѣться отъ этого предположенія. Не зная когда онъ сможетъ управиться, сколько извѣстный эскизъ потребуетъ времени, когда онъ сможетъ свободное время посвятить на посторонюю работу, онъ то отказывается отъ заказовъ Тона для Храма Спасителя, то самъ проситъ Гоголя, чтобы онъ исходатайствовалъ для него у особы, располагающей работами въ Исакіевскомъ соборѣ, какой нибудь заказъ не къ спѣху и съ выдачей половины денегъ впередъ. О результатѣ этого ходатайства намъ неизвѣстно ничего.

Содержанія, простирающагося до 3000 рублей въ годъ, едва ставало художнику, при большихъ расходахъ, сопряженныхъ съ такой громадной картиной: за одну студію онъ платилъ 1000 рублей, а просить прибавки онъ не рѣшался «ужь совершенно руки у всѣхъ отвалятся отъ страха» (12 февр. 1845 г.), и вотъ онъ рѣшается съ понятной для художника болью на продажу нѣкоторыхъ своихъ картинъ и одну изъ нихъ продаетъ за 4,000 асигнаціями. Въ январѣ 1845 года Ивановъ принялся за сочиненіе эскиза для московскаго храма и работа шла довольно успѣшно, но сильная усидчивость въ трудахъ и занятіяхъ заставили его слечь въ постель: онъ чувствовалъ стѣсненіе въ груди и въ сердцѣ. Къ счастью болѣзнь эта, оказавшаяся геморoидальными припадками, не приняла серьезнаго направленія. Въ мартѣ пріѣхалъ въ Римъ Тонъ, ему художники устроили обѣдъ, за которымъ онъ торжественно объявилъ, что поручаетъ Иванову самую отличную работу: написать для московскаго храма Спасителя четырехъ евангелистовъ. Иванова стали художники поздравлять съ такимъ выгоднымъ заказомъ. Но Иванова эта перемѣна предмета работы не радовала и, какъ извѣстно, впослѣдствіи работы эти совершены не имъ.

Однакожь пріѣздъ Тона въ Римъ не остался безъ благотворнаго вліянія на возможность продленія пенсіи и средствъ къ успѣшному окончанію капитальной работы Иванова. Тонъ, посѣтившій студію Иванова, былъ въ восхищеніи отъ картины и обѣщался ходатайствовать въ академіи о продленіи содержанія на 3 года, для того, чтобы была возможность окончить картину: такъ еще заблуждался самъ художникъ относительно средствъ и времени. Вопросъ объ средствахъ для окончанія труда преслѣдовалъ Иванова неотступно:—«я ходилъ, хлопоталъ и писалъ, сдѣлалъ все, что постигалъ умъ мой къ доставленію себѣ способовъ на окончаніе картины. Все человѣческое сдѣлано, отдаюсь теперь на волю Божію».

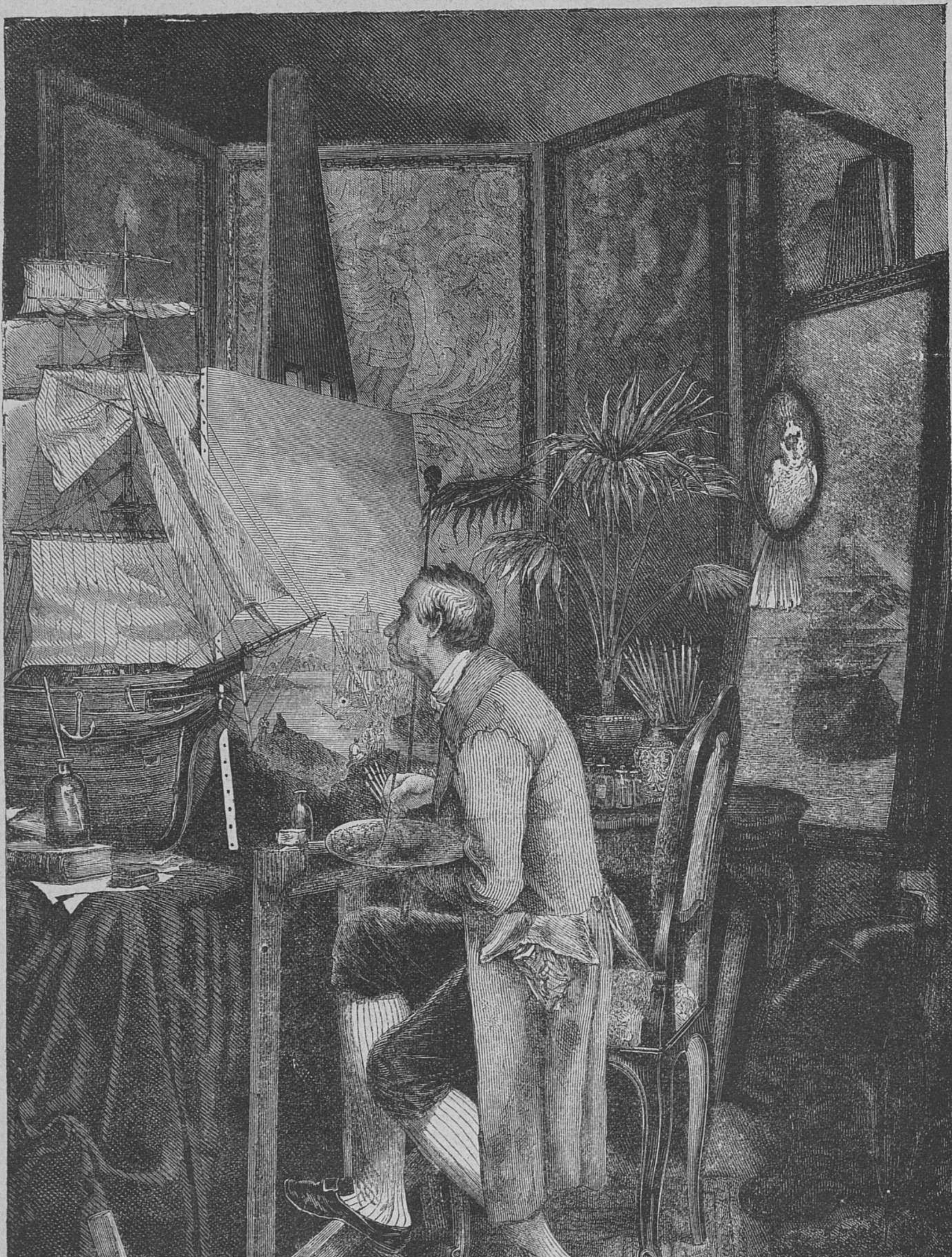
Среди страшныхъ страданій духа, среди сомнѣнія его окружающихъ художниковъ и подозрѣнія въ безсиліи выполненія колосальной задачи, когда даже отъ любившаго и понимавшаго его друга приходилось ему выслушивать слѣдующія слова: «Вы будете поправлять себя 20 разъ на всякой черточкѣ... вы будете мучать себя и биться около одного мѣста до того, что отъ частностей обезсилитъ у васъ даже мысль о цѣломъ (Гоголь Иванову, Ницца, мартъ 1844 г.),—Ивановъ бодро взялъ на себя страшную тяжесть и нельзя сказать, чтобы по временамъ онъ не изнемогалъ отъ нея. Характеристическою особенностью душевнаго настроенія Иванова былъ тотъ вѣчно минорный тонъ, который не смотря на свой

---

*) Чтеніе о работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ. Чижовъ (Московск. Лит. и Ученый сборникъ за 1846 г.).

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ПРОБСТА.



Маринисты.

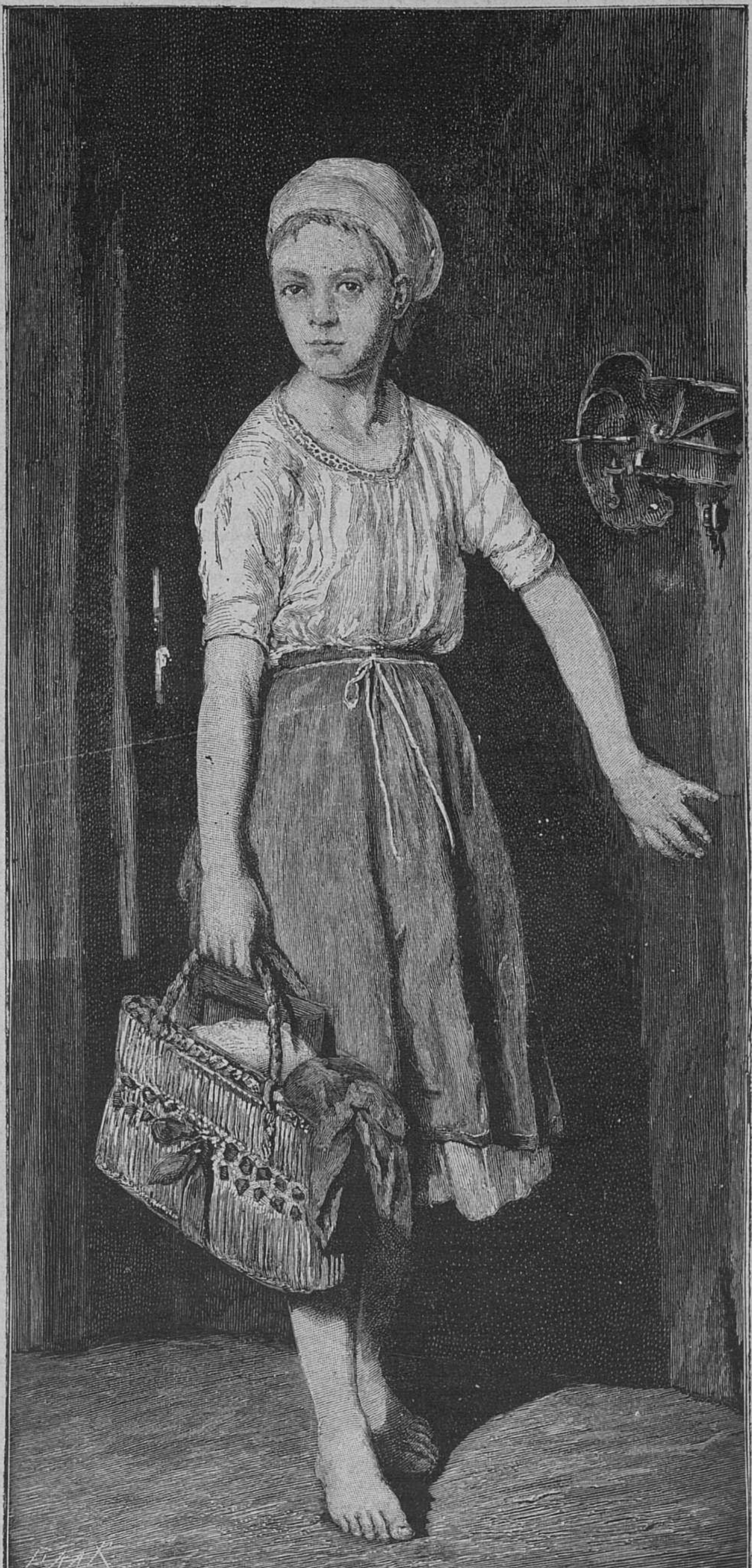
Рѣзалъ на деревѣ Фрей.

справедливый источникъ вызвалъ 2 рѣзкія письма со стороны болѣзненно-раздраженнаго Гоголя, за которыя и въ особенности за слѣдующее мѣсто:— «письмо къ вамъ писанное, было написано вовсе не съ тѣмъ, чтобы бить лежачаго, но чтобы поднять того, который изо всѣхъ силъ старается лежать и валяться», — онъ извиняется желаніемъ поднять энергію несчастнаго художника, а не бить лежачаго, хотя по собственному сознанію Гоголя, это было сдѣлано неловко.

Жизнь не щадила художника: ему вѣчно приходилось бороться съ нуждой. И на этотъ разъ онъ снова былъ выведенъ изъ затруднительнаго положенія государемъ наслѣдникомъ.

Самое свойство труда Иванова было таково, что невольно устраняло возможность полноты посторонняго пониманія; Гоголь, сдѣлавъ попытку вызвать сочувствіе всего общества къ труду Иванова (письмо къ Велигорскому 1841 г.), въ концѣ-концовъ разочаровался въ этомъ, и высказалъ это въ письмѣ къ Иванову изъ Неаполя ,отъ 14 декабря 1817 г.: «совершенно понять ваше положеніе никто не сможетъ, а потому и совершенно помочь вамъ никто не сможетъ въ мірѣ». А между тѣмъ, трудъ былъ обставленъ страшно неблагопріятными обстоятельствами: съ одной стороны, отсутствіе денежныхъ средствъ, которое не позволяло ему имѣть разомъ нѣсколько моделей для картины, и заставляло нерѣдко художника отказывать себѣ во многомъ; съ другой стороны, величіе общей идеи, которую должно было передать, оставаясь вѣрнымъ реальности, полотну. Для того, чтобы понять эти трудности, нужно себѣ представить то, чѣмъ задался художникъ, принимаясь за свой трудъ: изображеніе того явленія общечеловѣческаго момента въ исторіи, которое мы видимъ въ картинѣ Иванова состоитъ изъ двухъ частей: обстановки — матерьяльнаго элемента—и людей—психическаго. Чувство реальности было въ высшей степени присуще Иванову *) и вотъ для воспроизведенія перваго элемента онъ исторически изучаетъ природу, обстановку среди которой совершилось изображаемое событіе и воспроизводитъ ее. Онъ просиживаетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ пустынныхъ окрестностяхъ Рима, имѣющихъ стольбольшое сходство съ пустынною мѣстностью Палестины,—просиживаетъ въ нездоровыхъ понтійскихъ болотахъ, изучая всякій листокъ, всякій камушекъ и результатомъ этой работы было воспроизведеніе такого пейзажа, которому въ Римѣ изумлялись даже спеціалисты. Изображеніе психическаго элемента содержанія картины стоило еще большихъ трудовъ художнику. Почти невозможное стремленіе найдти и передать полотну внѣшнее выраженіе внутренняго впечатлѣнія лучшаго художника до отчаянія; съ этой цѣлью ѣздилъ онъ въ Ливорно, изучалъ еврейскіе типы (1837 г.), просиживалъ въ церкви слѣдя за проявленіемъ и выраженіемъ религіознаго чувства. Онъ перевоспитывалъ себя, вѣчно мучаясь достигнуть до пониманія и изображенія самыхъ высшихъ, самыхъ разнообразныхъ чувствъ, волнующихъ человѣческую грудь. Насколько удалось ему это, можно судить по картинѣ.

КАРТИНА Ф. РУМПЛЕРА.



Школьница.

Рѣзалъ на деревѣ Паарь.

Послѣ отъѣзда Тона Иванову продолжили пенсію, такъ что онъ могъ спокойно продолжать свою работу, за которую онъ принялся съ усиленнымъ рвеніемъ.

Зарываясь все болѣе и болѣе въ свою работу, Ивановъ успѣлъ окончательно заглушить въ себѣ всѣ жизненные потребности, умеръ для всего міра, кромѣ своей работы, и не мечталъ уже, какъ иногда прежде о житейскихъ наслажденіяхъ. «Если вы подумали о какомъ-то домашнемъ очагѣ, о семейномъ бытѣ и женщинѣ, то сами знаете врядъ ли эта доля для васъ! Вы нищій, и не имѣть вамъ такъ же угла, гдѣ преклонить голову, какъ не имѣлъ его и Тотъ, пришествіе котораго дерзаете вы изобразить кистью» (Остендъ, іюля 24, 1844 г.).

Въ простой плисовой курткѣ, отказывая себѣ въ лишнемъ блюдѣ, даже въ праздничный день сидѣлъ за работой геніальный художникъ, сочувствуя своимъ теплымъ сердцемъ бѣднымъ труженикамъ, дѣлясь съ ними послѣднею рубашкой, помогая имъ чѣмъ могъ, забывая есть-ли какое либо другое наслажденіе, кромѣ работы.

Работа художника, прекращенная на время политическими событіями (1 мая 1849 г. Римъ былъ осажденъ французскими и неаполитанскими войсками), пошла снова своею колеею: «я все тотъ же (писалъ Ивановъ Гоголю). Живу жизнью одной студіи и перемѣнъ почти никакихъ нѣтъ. Внѣ студіи я довольно несчастливъ, и еслибъ не студія, то былъ бы совсѣмъ убитъ. Я почти ни съ кѣмъ не знакомъ и даже оставилъ прежнія знакомства».

Въ концѣ мая 1858 года художникъ привезъ картину въ Петербургъ. Въ іюнѣ она была установлена въ академіи художествъ. Въ 12 часовъ отворили двери въ залу академіи и черезъ полчаса передъ картиной стояло много зрителей, а въ уголкѣ самъ скромный художникъ, снисходительно отвѣчающій на вопросы. Зрители были поражены, не того они ожидали, многіе не поняли глубокой простоты мысли и исполненія и пріемъ картины былъ довольно холодный; среди художественнаго міра онъ встрѣтилъ не меньшую долю непониманія, зависти даже невѣжества: нѣкоторые изъ прежнихъ его сотоварищей не захотѣли даже отдать ему визита.

Между тѣмъ, долгая работа надъ картиной, надъ самимъ собой выработали у него совершенно самобытный взглядъ на искуство и задачи его, а произведеніе его явилось несомнѣнной попыткой произвести реформу въ художественной отрасли искуства. Къ настоящему характеру искуства Ивановъ относился критически: онъ говорилъ «что со времени своего процвѣтанія въ Италіи въ XVI·ст. живопись забывала развиваться сообразно прогресу общественныхъ идей,—новое время требуетъ новаго искуства. Идея новаго искуства, сообразнаго съ современными понятіями и потребностями, говорилъ Ивановъ, высказывая свой взглядъ на искуство, до сихъ поръ еще не вполнѣ прояснилась во мнѣ. Я долженъ еще долго и неусыпно трудиться надъ развитіемъ своихъ понятій, не раньше какъ черезъ 3, 4 года, я самъ отчетливо пойму, что и какъ я долженъ дѣлать, я долженъ разработать свои понятія и долженъ опредѣлить ихъ; раньше той поры, когда опредѣлится во мнѣ идея современнаго искуства, я не начну производить новыя картины. До той поры я долженъ работать не надъ изображеніемъ своихъ идей на полотнѣ, а надъ собственнымъ своимъ образованіемъ» *). Въ другой разъ онъ еще рѣшительнѣе высказалъ свой взглядъ на то, чѣмъ должно быть искуство, если оно желаетъ быть сообразно духу времени: «съ технической стороны оно будетъ вѣрно идеямъ красоты, которымъ служилъ Рафаэль и его современники итальянцы. Техника доведена ими до величайшей степени совершенства. Тутъ не остается ничего иного, какъ быть ихъ послѣдователями. Нынѣ въ Германіи и другихъ странахъ много толкуютъ о до-Рафаэлевской манерѣ, у насъ—о византійскомъ стилѣ въ живописи. Такія отступленія назадъ и невозможны и не заслуживаютъ сочувствія. Формой искуства должна быть простота, какъ у Рафаэля; мы должны остаться вѣрны итальянской живописи, но это со стороны техники. Идей у итальянцевъ XVI вѣка не было такихъ, какіе имѣетъ наше время; живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницей ихъ. Соединить Рафаэлевскую технику съ идеями новой цивилизаціи: вотъ задача искуства въ настоящее время.» **) И надъ этой задачей онъ чувствовалъ въ себѣ, послѣ такого страшнаго подвига, какой онъ совершилъ, достаточно силы и энергіи поработать еще столько, сколько достанетъ силы. Жажда истины не ослабѣвала съ годами и Ивановъ не боялся пожертвовать всѣми своими прежними понятіями, столь дорого ему доставшимися, для того, чтобы въ зрѣлыхъ лѣтахъ, разочаровавшись въ нихъ, снова приняться за отысканіе новыхъ, болѣе вѣрныхъ.

---

* Доказательствомъ этому, между прочимъ, можетъ служить тотъ фактъ, что первый неудачный алегорическій рисунокъ «Благоденствіе Россіи» былъ единственнымъ (въ 1826 г.) опытомъ въ этомъ жанрѣ.

Испытавъ своимъ собственнымъ горькимъ опытомъ, какъ тяжело и почти невозможно быть художникомъ безъ солиднаго образованія, онъ, всю жизнь служившій идеѣ, хотѣлъ посвятить часть своего времени на руководительство и приготовленіе молодыхъ художниковъ, хотѣлъ подчинять умственный кругозоръ артистовъ, посредствомъ устройства школы на болѣе солидныхъ основаніяхъ, но не суждено было этому исполниться.

Мистическое настроеніе Иванова подъ вліяніемъ размышленія объ историческихъ событіяхъ къ концу работы покинуло его и замѣнилось вполнѣ научнымъ, яснымъ. Глубокое знакомство съ теолого-философскими произведеніями могло служить доказательствомъ, какъ серьезно относится художникъ къ дѣлу искуства, чего можно было отъ него ждать. Но долгій, упорный трудъ не прошелъ безслѣдно для нашего художника; хотя онъ былъ исполненъ душевной силы, энергіи духа, думалъ еще работать, какъ онъ выражался надъ самимъ собой, а не надъ полотномъ, но утомленность и преждевременная старость такъ и отражалась на его мягкомъ, добродушномъ лицѣ. Долговременная изолированная почти совсѣмъ отъ свѣта работа въ уединеніи, вдали отъ страстей человѣческихъ, отъ ихъ эгоистическихъ стремленій, клали на всю его личность отпечатокъ младенческой чистоты души, трогательной наивности, исполненной невинности. Его работа и вся жизнь имѣли въ себѣ что-то идеально-величественное.

Художнику не долго пришлось пожить въ Россіи; 3 іюля 1858 г. художника уже не стало: онъ скончался въ квартирѣ своихъ близкихъ знакомыхъ Боткиныхъ. 8 іюля тѣло покойнаго отпѣвали въ академической церкви и предали погребенію въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Тысячи народу шли за гробомъ, желая отдать, слишкомъ ужь поздній, долгъ геніальному художнику.

Ивановъ умеръ, но картина его осталась.

Сюжетъ картины былъ взятъ общечеловѣческій, трагическій, ознаменовавшій собою переходъ отъ стараго къ новому, имѣющій такое рѣшающее вліяніе на судьбу человѣчества. Понятно, почему Ивановъ, взявшись изобразить такой важный моментъ исторіи человѣчества, отдался весь работѣ. Весь міръ для него заключался въ кускѣ полотна. Фантазія Иванова жила въ томъ періодѣ, когда совершился громадный переворотъ въ жизни рода человѣческаго. Онъ съ горячностью и тщательностью предался изученію искуства для того, чтобы въ живописи выразить реальную истину и высоту идеала. Сколько труда было положено на картину: это всѣмъ извѣстно. Очевидно, что такое произведеніе, помимо своего объективно-художественнаго достоинства, для каждаго образованнаго человѣка имѣетъ эстетическое значеніе, какъ геніально-выраженная духовная поэма.

Писать характеристику Иванова и не изобразить содержанія его великой картины было-бы странно, но принимаясь за эту задачу мы не имѣемъ въ виду представить серьезной, строгой и безпристрастной *художественной* оцѣнки, мы вкратцѣ ограничимся только изображеніемъ содержанія и нашего субъективнаго впечатлѣнія.

Іудейскій народъ, бывшій выразителемъ идеи единобожія, которая росла и крѣпла среди ужасныхъ бѣдъ и мученій, питалъ въ своихъ сердцахъ непоколебимую надежду на приходъ Мессіи. Народъ однакожь опять впадаетъ въ язычество, тогда является величественный желѣзный пророкъ въ звѣриной одеждѣ, суровый, съ грознымъ словомъ обличенія пріуготовить путь идущему за нимъ Іисусу, обрекшему себя на мученія и смерть. Этотъ моментъ и изображаетъ картина. Берегъ Іордана покрытъ роскошной растительностію; вдали видны едва замѣтныя очертанія Іерусалима, за нимъ група горъ, громоздящихся красивыми линіями, а на весь пейзажъ наложена замѣчательная простота и сдержанность колорита, какъ-бы невольно наводящая человѣка на душевное самоуглубленіе. Почти посрединѣ картины у дерева, обратившись къ собравшемуся вокругъ него народу, поднявъ руки и указывая на грядущаго вдали Іисуса, стоитъ Іоаннъ Креститель. Мужественная поза, вся фигура, одежда, голова его, руки, выраженіе лица производятъ на зрителя очень сильное впечатлѣніе. По лѣвой сторонѣ картины изъ водъ Іордана выходятъ: прекрасный обнаженный курчавый юноша, позади него сѣдой уже угасающій старикъ, опирающійся на посохъ. Правѣе, въ тѣни деревъ, позади Іоанна фигуры четырехъ будущихъ апостоловъ, фигуры которыхъ и група, по мнѣнію художественной критики, по красотѣ своей могутъ считаться совершенствомъ въ этомъ родѣ. Ближе всѣхъ къ водѣ стоитъ ученикъ Іоанна въ зеленой одеждѣ; фигура и физіономія его изображаетъ смущеніе въ виду обращенія его учителя къ Іисусу и совершенно вѣрное еврейскому типу производитъ непріятное впечатлѣніе. Подлѣ него апостолъ Андрей (можетъ-ли быть изъ Назарета, что-либо порядочное), за нимъ прекрасная фигура Іоанна, любимаго ученика Іисуса, вся фигура его, изображающая сильный душевный порывъ, лицо его полное идеальной красоты составляетъ рѣзкій контрастъ съ подлѣ стоящей фигурой старика: рѣзкіе и неправильные, но энергическіе черты ясно указываютъ на закаленную страстную могучую натуру. По правой сторонѣ картины впереди Іоанна въ тѣни дерева сидитъ невозмутимый сынъ востока, лицо другого возлѣ него сидящаго слушателя преисполнено страха, за нимъ простодушное лицо старика и еще 2 фигуры. Спиной къ зрителю старикъ, вышедшій изъ воды и рабъ съ зеленоватымъ лицомъ; далѣе прекрасная фигура длиннобородаго беззубаго слабаго старика, приподымающагося, чтобы взглянуть на грядущаго; его поддерживаетъ молодой человѣкъ фигура котораго безподобно изящна. Въ концѣ правой стороны картины 2 фигуры, только что вышедшія изъ воды: простолюдинъ съ прекраснымъ выраженіемъ лица и прижавшійся къ нему мальчикъ, лицо котораго выражаетъ какое-то пугливое любопытство. Вдали, по правой сторонѣ група фарисеевъ, садукеевъ, книжниковъ съ самыми разнообразными выраженіями психологическаго ощущенія.

Въ этотъ самый моментъ, когда вся група, волнуемая самыми разнообразными ощущеніями, еще находящаяся подъ вліяніемъ словъ Іоанна, не вполнѣ освободилась отъ перваго впечатлѣнія, фигура спускающагося по горѣ Іисуса возбуждаетъ другую серію выраженій психологическаго ощущенія. Въ этомъ постепенномъ усиленіи впечатлѣній, производящемъ на зрителя потрясающее дѣйствіе, художественная критика видитъ верхъ совершенства эстетическаго произведенія.

Относительно достоинства произведенія Иванова и мѣста его какъ художника, наша художественная критика не пришла къ безспорному заключенію. Многіе первокласные художники нашли произведеніе Иванова нарушающимъ законы искуства и потому не признали за ней важныхъ достоинствъ. Строгость ихъ сужденія далеко умѣряется тѣмъ изображеніемъ, что оцѣниваемое ими произведеніе было совершенно самобытнымъ опытомъ реформы въ области искуства; съ другой стороны громкіе похвалы въ Римѣ, мнѣнія Рамазанова, Петрова и др. выказываютъ совершенно другой взглядъ на произведеніе Иванова и мѣсто его въ ряду нашихъ художниковъ:—«Все, что касается до умнаго и строгаго размѣщенія групы въ картинѣ исполнено въ совершенствѣ... имъ поборены геніальная трудность выраженія различныхъ ощущеній на лицахъ такого множества персонажей... пейзажъ исполненъ такъ, какъ не могутъ исполнить многіе спеціалисты пейзажисты... Ивановымъ усвоенъ и внесенъ въ искуство пріемъ изящнаго пластическаго міра Греціи при глубинѣ духовнаго христіанскаго міра... По своему высокому искуству и знанію, по своему великому таланту г. Ивановъ стоитъ теперь во главѣ нашей художественной школы, его вліяніе должно быть сильно и благодѣтельно. Мѣсто, имъ занимаемое, высоко и, можетъ быть, выше Брюлова». Но этотъ-же самый критикъ, возводящій произведеніе Иванова на такую высоту, не скрываетъ и недостатковъ произведенія Иванова, заключающихся, по его мнѣнію, въ сухости очертаній, въ цвѣтѣ тѣлъ нѣкоторыхъ фигуръ, невыдержанности отдѣлки: слишкомъ тщательная отдѣлка подробностей и мѣстами неоконченность предметовъ болѣе важныхъ.

Такова въ главныхъ чертахъ характеристика жизни Иванова и его произведеній.

Къ рисункамъ.

Портретъ Шварца и Иванъ Грозный. Рано умершій художникъ Шварцъ сдѣлался извѣстнымъ своими рисунками, относящимися къ эпохѣ Ивана Грознаго. Эти рисунки отличаются замѣчательною археологическою вѣрностью и знаніемъ нашей русской старины. Со многими изъ этихъ рисунковъ наши читатели уже знакомы: мы помѣстили въ нынѣшемъ году Ивана Грознаго и Шибанова, Поцѣлуйный обрядъ, Недѣлю Вайій, Бориса Годунова. Въ настоящемъ нумерѣ читатели найдутъ портретъ Ивана Грознаго; исполненный этимъ-же даровитымъ русскимъ художникомъ, слишкомъ рано похищеннымъ смертью. Портретъ В. Шварца читатели найдутъ въ этомъ-же нумерѣ.

Маринистъ. Пробстъ давно извѣстенъ, какъ ловкій художникъ-юмористъ; онъ умѣетъ подмѣчать человѣческія слабости, рисовать комическія сцены. Въ настоящей картинѣ онъ беретъ жертвою своей насмѣшки художника-любителя, создающаго, сидя въ четырехъ стѣнахъ, «морской видъ». Фигура этого любителя, съ серьезно выпяченными губами всматривающагося въ модель корабля, комична до послѣдней степени: она такъ и говоритъ, что онъ ровно ничего не понимаетъ въ дѣлѣ живописи и что его пейзажъ выйдетъ чѣмъ-то ужаснымъ, въ родѣ той картины, которая стоитъ за спиной художника съ невѣроятнымъ кораблемъ и еще болѣе невѣроятной оснасткой. Картина Пробста полна превосходныхъ деталей, тонко и со вкусомъ исполненныхъ художникомъ.

Школьница. Эта милая фигурка босоногой дѣвочки, идущей изъ народной школы, кажется выхваченною изъ жизни, перенесенною художникомъ прямо съ натуры на холстъ: никакихъ прикрасъ, никакой позировки не видите вы тутъ и въ этомъ-то и заключается достоинство этого этюда: по такимъ этюдамъ можно начинать учиться рисовать.

Продавщица рыбы. У старой бабушки чего-чего нѣтъ въ лавкѣ: и крупная, и мелкая рыба, и раки, и сачки, и бадьи съ водой. То-то счастіе для маленькой внучки забраться къ «бабусѣ» и полюбоваться, поиграть всѣмъ этимъ добромъ. Бабушка-же такая ласковая, такая добрая! Сценку этого свиданія бабушки и внучки въ рыбной лавкѣ передаетъ намъ Циммерманъ рукою мастера, которая видна во всѣхъ мелочахъ, въ выраженіяхъ лицъ, въ изображеніи рыбы, въ каждой морщинкѣ и косточкѣ дряхлой руки старухи.

Прибытіе морского разбойника. Теперь, когда въ офенбаховскихъ «Разбойникахъ» разсказывается сказка про разбойниковъ, старый бандитъ говоритъ коротко: «Однажды жилъ да былъ одинъ банкиръ»,—и на этомъ и кончаетъ сказку. Но было время, когда въ сказкахъ о разбойникахъ фигурировали не одни банкиры. Штёртебекеръ былъ однимъ изъ такихъ разбойниковъ, про которыхъ слагались цѣлыя легенды. Онъ жилъ въ XIV и XV ст. и его шайка наводила ужасъ на купцовъ въ 1394 — 1402 годахъ. Гельголандъ, Швеція, Голландія, Рюгенъ, всѣ эти мѣстности хранятъ о немъ и пѣсни, и преданія, какъ о царѣ пиратовъ. Это былъ спившійся съ круга дворянчикъ, выгнанный за безчинства изъ Гамбурга и мстившій потомъ всѣмъ и каждому. У него было цѣлое войско пиратовъ, которое было побѣждено только послѣ не малыхъ усилій. Гамбургскій флотъ побѣдилъ разбойниковъ и 70 человѣкъ изъ нихъ, взятые въ плѣнъ, были казнены въ Гамбургѣ въ 1402 году.

Удачная ловля. (№ 51) Содержаніе этой картины понятно само собою: семья крестьянъ занимается на берегу рѣки рыбною ловлею. Ловля идетъ удачно и ребятишки собрались около пойманной рыбы. Главное достоинство этой картины въ милыхъ фигуркахъ дѣтей, въ прекрасно исполненномъ простомъ пейзажѣ, гдѣ нѣтъ ни претензій, ни эфектовъ, но много вѣрности и простоты.

---

*) Замѣтка на статью Кулиша «Современникъ 1858 г. XI ст. 177.

**) Ст. 178, 179.

Посѣщеніе умершаго ребенка. (№ 51) Среди массы разнообразныхъ картинъ туринской выставки, съ которою намъ удалось довольно подробно ознакомить нашихъ читателей, была одна картина, превосходно исполненная, но вѣющая грустью по своему сюжету. Масса дѣтей явилась съ визитомъ къ умершей своей подругѣ. Мертвая малютка лежитъ еще въ своей колыбелькѣ, съ сложенными рученками, съ закрытыми глазками, въ вѣнкѣ на головѣ. Дѣти съ любопытствомъ смотрятъ на эту картину смерти, смыслъ которой еще не вполнѣ понятенъ имъ. Эта група дѣтей прелестна. Отъ картины вѣетъ тишиной и спокойствіемъ.

Послѣдній изъ Валуа и его шутъ. (№ 51) Французскій художникъ переноситъ насъ въ дворцовые покои старой французской монархіи. Одинъ изъ блестящихъ представителей могущественнаго дома Валуа сидитъ съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ и со смѣхомъ, полнымъ презрѣнія, любуется штуками, выдѣлываемыми его уродливымъ шутомъ. Блескъ, праздное довольство, глупый смѣхъ надъ шутомъ, унижающійся уродъ-шутъ, пляшущій для потѣхи властелина, все это передано художникомъ превосходно, не безъ эфекта, не безъ шику.

У фонтана. (№ 51) Бюргерсъ любитъ писать изящныя женскія и дѣтскія фигуры, хотя иногда его сценки грѣшатъ манерностью и изысканностью, но въ его кисти много мягкости и изящества. Сценка у фонтана — женщина спрыскивающая свой букетъ свѣжею водой—не лишена граціи. Она совершенно въ духѣ этого художника, котораго картины такъ часто теперь воспроизводятся олеографіей и потому получили общую извѣстность.

Малороссъ. (№ 51) Объяснять эту картину не для чего. Мы только должны замѣтить, что русскій молодой художникъ П. Мартыновичъ, авторъ этого рисунка, въ послѣднее время сильно заболѣвшій и внушающій опасенія своимъ друзьямъ, умѣетъ превосходно схватывать типы своей родной Украйны и обѣщаетъ, если неумолимая болѣзнь пощадитъ его, въ будущемъ сдѣлаться недюжиннымъ художникомъ. Типы его двухъ малороссовъ, помѣщенные нами въ настоящемъ году въ нашемъ журналѣ, принадлежатъ къ числу тѣхъ характерныхъ лицъ, которыя носятъ на себѣ своеобразную печать и которыя забываются не скоро.

Смѣсь.

— **Землетрясеніе.** Намъ сообщаютъ изъ м. Бѣлой Церкви, кіевской губ., что тамъ 13 декабря въ 5 час. по полудни было довольно сильное землетрясеніе, продолжавшееся нѣсколько секундъ.

— **Стоикъ.** Какъ доказательство необыкновенной нечувствительности къ тѣлесной боли, можетъ служить случай, бывшій съ однимъ жителемъ Лангштадта при поправкѣ плотины, разрушенной наводненіемъ. Большая балка упала ему на ногу и совершенно раздробила кость, такъ что ступня висѣла только на одной кожѣ. Съ флегмой, которая сдѣлала-бы честь сыну героической Спарты, пострадавшій осмотрѣлъ сапогъ, повернулся и—продолжалъ работать, какъ ни въ чемъ не бывало, волоча раздробленную ступню со стоическимъ равнодушіемъ.

— **Англичане въ Австраліи.** Корреспондентъ «Kölnische Zeitung» пишетъ изъ Сѣверной Австраліи: «Въ Квинслендѣ англо-саксонская цивилизація въ настоящую минуту занимается истребленіемъ туземцевъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова. Въ каждомъ ресторанѣ Боуэна, Тоупсвиля, Куктоупа вы можете слышать, какъ люди хвастаютъ тѣмъ, что они убили столько-то и столько-то негровъ; если вы выразите удивленіе на ихъ слова, они объявляютъ, что съ спокойною совѣстью стрѣляютъ по каждому встрѣчному негру. Недавно два англичанина изъ Куктоупа, дѣлавшіе экскурсію въ лодкѣ по рѣкѣ Эндиворъ, подверглись нападенію негровъ, которые бросали въ нихъ дротиками. Нужно было наказать за эту дерзость и наказаніе было ужасное, безчеловѣчное. Все племя, мужчины, женщины и дѣти, были перебиты, и мѣстныя газеты разсказывали подробности этого страшнаго избіенія съ такимъ хладнокровіемъ, какъ будто рѣчь шла о самой обыкновенной вещи въ свѣтѣ. Вотъ разговоръ, который имѣлъ я по этому поводу съ англійскимъ офицеромъ: «Вы можете сдѣлать съ нами маленькую экскурсію во внутрь страны», сказалъ онъ мнѣ.—«Очень радъ, отвѣчалъ я; мнѣ давно хотѣлось наглядно познакомиться съ бытомъ и нравами туземцевъ».—«Но вѣдь мы организуемъ небольшую охоту», продолжалъ онъ.—«Охоту на кенгуру?» спросилъ я.—«Нѣтъ, кенгуру здѣсь не водится; но охоту на негровъ».—«Какъ, развѣ вы съ ними въ войнѣ?»—«Не совсѣмъ, но мы стрѣляемъ во всякаго туземца, который попадается намъ на глаза».—«Я не нахожу это похвальнымъ съ вашей стороны», сказалъ я, уже слышавшій объ этихъ подвигахъ британскихъ цивилизаторовъ. — «Можетъ быть, но вѣдь негры убиваютъ же бѣлыхъ, защищаясь».—«Хорошо, но сами-то вы подвергаетесь-ли нападенію, когда стрѣляете»?—«О, нѣтъ, они сдѣлались столь пугливы, что бѣгутъ всякій разъ, какъ только замѣтятъ бѣлыхъ».—«Неужели всѣ здѣсь смотрятъ на этотъ предметъ такъ же, какъ вы»?—«Конечно». Искатели золота въ этомъ краѣ были на первыхъ порахъ очень дружелюбны къ туземцамъ, которые доставляли имъ рыбу и плоды въ обмѣнъ на табакъ; но впослѣдствіи бѣлые стали брать силою товары негровъ, ничего не давая имъ въ обмѣнъ. Негры стали находить это непріятнымъ и въ свою очередь стали нападать на бѣлыхъ; отсюда—война».

— **Находчивый еврей.** Недавно, пишутъ въ «Rigasche Zeitung», въ таможенной залѣ Вержболова, на прусской границѣ, разыгралась забавная сцена. Съ пасажирскимъ поѣздомъ изъ Эйдкунена прибылъ на станцію желѣзной дороги въ Вержболово одинъ еврей, на которомъ, къ величайшему изумленію таможенныхъ чиновниковъ, было надѣто совершенно новое и дорогое дамское пальто. Послѣ того какъ его багажъ былъ освидѣтельствованъ, чиновники замѣтили ему, что онъ долженъ заплатить пошлину за надѣтое на немъ новое пальто, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ очевидно намѣреніе провезти его контрабандой. Еврей заспорилъ и сталъ доказывать, что законъ никому не возбраняетъ носить пальто такого покроя, какой ему больше нравится. Дѣйствительно, чиновники ничего не могли сдѣлать, но стали слѣдить за евреемъ въ вокзалѣ. Вскорѣ увидѣли, что еврей снялъ пальто, тщательно свернулъ его и положилъ возлѣ себя. Тогда таможенный чиновникъ снова подошелъ къ нему и потребовалъ, чтобы за пальто была внесена пошлина. Еврей не смутился, онъ пуще прежняго горячился, доказывая, что «никто не можетъ запретить порядочному человѣку снимать верхнее платье, когда онъ находится въ теплой комнатѣ». Между тѣмъ данъ былъ звонокъ русскаго поѣзда; еврей поспѣшно надѣлъ на себя дамское пальто и, сопровождаемый хохотомъ и насмѣшками толпы, поспѣшилъ занять мѣсто въ вагонѣ.

— **Населеніе земного шара.** Въ Европѣ живетъ теперь приблизительно 315,929,000 человѣкъ, въ Азіи 834,707,000 чел., въ Африкѣ 205,679,000, въ Америкѣ 95,495,000, въ Австраліи и Полинезіи 4,031,000, въ полярныхъ странахъ 82,000 челов., а всего 1,455,925,000 человѣкъ. За послѣдніе 19 мѣсяцевъ населеніе земного шара увеличилось на 16,778,200 ч., что соотвѣтствуетъ ежегодному приращенію 1%. Населеніе Россіи исчислено въ 87,959,000 человѣкъ, распредѣленныхъ на 19,456,92 квадратныхъ верстахъ. До окончанія переговоровъ съ Китаемъ пространство и населеніе средне-азіятскихъ русскихъ владѣній не могутъ быть указаны совершенно точно. Бемъ и Вагнеръ исчислили ихъ приблизительно въ 2,920,524 квадр. версты и 4,401,876 человѣкъ. Россія получила по берлинскому трактату въ Бессарабіи 8,149 кв. верстъ съ населеніемъ въ 127,000 ч., а въ Арменіи 22,644 кв. версты съ населеніемъ въ 236,600 человѣкъ. Численность туркменъ-текинцевъ опредѣляется приблизительно въ 300,000; изъ нихъ около 200,000 ахалъ-текинцевъ занимаетъ оазисы у подошвы Куренъ-дага, остальные-же 100,000 сосредоточены теперь въ Мервѣ. Румынское княжество на пространствѣ въ 129,947 кв. километровъ имѣетъ населенія 5,376,000. Населеніе Афганистана опредѣлено въ 4,000,000. Британскія владѣнія въ Индіи населены, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, 240,398,500 человѣками. Въ Китаѣ на пространствѣ 11,813,750 кв. километровъ живетъ 434,626,500 человѣкъ. Населеніе Японіи, по статистическимъ даннымъ за 1878 годъ, простирается до 34,338,504 человѣкъ.

— **Новый способъ рекламы.** Парижская газета «Union medicale» воспроизводитъ изъ одной трансатлантической газеты разсказъ о курьезной выходкѣ, виновникъ которой воспользовался своимъ домашнимъ горемъ и печальною извѣстностью витріоля, чтобы сдѣлать изъ этихъ двухъ факторовъ хорошую для себя рекламу. Въ послѣднее время М. Х., знаменитый дантистъ въ одномъ изъ большихъ городовъ Соединенныхъ штатовъ, убѣдился, что его супруга измѣнила ему. Однажды поздно вечеромъ М. Х. отправился въ оперу; онъ не вошелъ въ театръ, но оставилъ свою карету передъ подъѣздомъ и сталъ ждать конца спектакля. Когда «Фаворитка» окончилась, г-жа М., бывшая въ театрѣ, вышла на подъѣздъ подъ руку съ однимъ красивымъ джентльменомъ. Увидѣвъ это и придя въ ярость, М. Х. выскочилъ изъ кареты, подбѣжалъ къ супругѣ и облилъ ея лицо жидкостью изъ склянки, которую держалъ въ рукѣ. Несчастная, испуская раздирающіе душу крики, упала въ обморокъ. Виновника столь недостойнаго покушенія тотчасъ же окружила толпа, выражавшая ему свое негодованіе. Между тѣмъ другая толпа, состоявшая изъ лицъ сострадательныхъ, хлопотала около жертвы, стараясь подать ей помощь. Но каково было удивленіе этихъ сострадательныхъ лицъ, когда докторъ, поспѣшно призванный на мѣсто несчастія, объявилъ, что онъ ничего не замѣчаетъ особеннаго въ состояніи паціентки, кромѣ того, что отъ нея очень хорошо пахнетъ. «Чѣмъ же вы облили ея лицо?» кричитъ публика единогласно, обращаясь къ дантисту. «Опопонаксомъ господа!» отвѣчаетъ М. Х., и, бросаясь къ своей каретѣ, начинаетъ раздавать толпѣ безчисленное количество печатныхъ листковъ, въ которыхъ было напечатано слѣдующее: «Джентльмены и леди! Жестоко обманутому тою, которую я любилъ болѣе всего на свѣтѣ, мнѣ остается только одно утѣшеніе: это—справедливость, отдаваемая согражданами моимъ превосходнымъ механическимъ челюстямъ! Каждый день многочисленные кліенты наполняютъ мой обширный кабинетъ, находящійся ...» и пр.

— **Поддѣлки кофе** (Ст. Винья, пер. В. В. Юзефовича). Кофе, какъ ни мало вѣроятнымъ можетъ это показаться на первый взглядъ, одинъ изъ продуктовъ всего чаще подвергающійся поддѣлкѣ. Простѣйшій видъ ея представляетъ собою смѣсь сырого, хорошаго кофе съ сырымъ-же, но подвергавшимся, вслѣдствіе разныхъ причинъ, порчѣ. Въ Гаврѣ порченный кофе обыкновенно подраздѣляютъ на три разряда: 1) на кофе, еще на корню, въ самомъ зародышѣ, уже носившій въ себѣ элементъ будущей порчи; 2) на кофе, измѣнившій свое первобытное качество вслѣдствіе сырости или непомѣрно высокой температуры того корабельнаго помѣщенія, въ которомъ перевозился; наконецъ, 3) на кофе, случайно, во время транспортировки, подмоченный морскою водою. Всѣ приведенные сорта, болѣе или менѣе дурного качества, кофе, если во время не успѣютъ подвергнуться конфискаціи, быстро разкупаются производителями цикорія, которыми или примѣшиваются къ послѣднему, или сбываются, въ естественномъ видѣ, по низкой цѣнѣ. Администраціи, говоритъ ученый авторъ Словаря поддѣлокъ, М. А. Шевалье, слѣдовало бы принять за правило, немедленно по прибытіи судовъ, производить тщательную сортировку привозимаго кафе, причемъ оказавшійся негоднымъ бросать въ воду; только такою мѣрою возможно уберечь недостаточный классъ отъ употребленія дешеваго, въ дѣйствительности же слишкомъ дорогого, вреднаго по своему дѣйствію на человѣческій организмъ, недоброкачественнаго продукта.» И когда привозный кофе содержитъ въ себѣ значительное количество небольшихъ, кругловатыхъ камешковъ, до того близко, по объему и цвѣту, подходящихъ къ настоящимъ зернамъ, то присутствіе такой примѣси едва-ли объяснимо простою случайностью; тутъ ясно видѣнъ преступный расчетъ на увеличеніе вѣса. Покупатели—бакалейщики, неожиданно встрѣтившись съ сурогатомъ столь оригинальнаго свойства, въ свою очередь не желаютъ нести убытковъ рискуя попортить мельницы, они храбро перемалываютъ каменный кофе за одно съ настоящимъ, предоставляя желудкамъ потребителей вѣдаться, какъ знаютъ съ подобною страусовой пищей.

Однимъ изъ опаснѣйшихъ видовъ поддѣлки кофе является окрашиваніе свѣтлыхъ кофейныхъ зеренъ, низшихъ сортовъ, въ зеленый цвѣтъ, съ цѣлью придать имъ наружность мокскаго кофе. Говорятъ, существуютъ даже особыя заведенія, спеціально приснаровленныя къ производству этого преступнаго промысла. Въ числѣ красящихъ веществъ, употребляемыхъ поддѣлывателями кофе, чаще всего встрѣчается соединеніе берлинской лазури съ хромистой окисью свинца. Предпочтеніе, оказываемое этимъ ядовитымъ краскамъ, объясняется тѣмъ, что, онѣ лучше пристаютъ къ поверхности зеренъ, нежели другія, менѣе вредныя. Присутствіе ихъ, впрочемъ, легко обнаруживается съ помощью самаго несложнаго химическаго анализа.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для приданія зернамъ болѣе темнаго цвѣта, присущаго высшимъ сортамъ кофе, прибѣгаютъ къ примитивному способу: ихъ прямо катаютъ въ бочкѣ, перемѣшавъ предварительно съ нѣсколькими кусками свинца. Иногда, въ тѣхъ-же видахъ, зерна подвергаются натиранію особымъ составомъ изъ свинцовой руды съ примѣсью талька. Не будь указаній дѣйствительности, съ трудомъ-бы вѣрилось, что предметомъ поддѣлки служатъ не только наружныя качественные признаки кофе, но и самыя кофейныя зерна въ сыромъ, натуральномъ видѣ. Для этого берутъ влажную желтовато-сѣрую или сѣро-зеленую глину; изъ нея, съ помощью предварительно заготовленной формы —точной копіи дѣйствительнаго зерна, формуютъ искуственныя зерна; затѣмъ ихъ просушиваютъ на солнцѣ. Результатъ получается столь поразительный, что приготовленныя такимъ способомъ зерна, перемѣшанныя съ настоящими, въ большинствѣ случаевъ, руководясь одною лишь внѣшностью, невозможно отличить отъ послѣднихъ. Тогда приступаютъ къ изслѣдованію однимъ изъ трехъ извѣстныхъ способовъ: или подозрѣваемый кофе начинаютъ толочь въ ступкѣ, причемъ поддѣльныя зерна крошатся на мелкія части, между тѣмъ какъ настоящія оказываютъ сопротивленіе и самое большое распадаются на два, на три куска; или кофе кладутъ въ воду: очевидно, поддѣльныя зерна размякнутъ, настояшія-же останутся невредимы; или-же наконецъ кофе подвергаютъ дѣйствію сильнаго жара и въ этомъ случаѣ явленіе бываетъ обратное: поддѣльныя зерна останутся невредимы, тогда какъ настоящія истлѣютъ до степени тонкой, бѣловатой, золы.

Мы имѣли дѣло съ различнаго рода поддѣлками кофейныхъ зеренъ въ сыромъ ихъ видѣ; обратимся теперь къ поддѣлкѣ жаренаго кофе. Матеріаломъ въ изготовленіи поддѣльныхъ жареныхъ кофейныхъ зеренъ служатъ различныя крахмалистыя или мучнистыя тѣста, также цикорій и выжимки спитого кофе. Каждое изъ этихъ веществъ, прежде нежели подвергнуть обработкѣ, насыщаютъ густымъ сыропомъ изъ сахарнаго песку или патоки; въ данномъ случаѣ сахористое начало имѣетъ двоякое назначеніе: служитъ элементомъ связывающимъ и красящимъ. Когда матеріалъ достаточно подготовленъ, ему придаютъ форму кофейныхъ зеренъ. Въ 1850 г., въ Англіи, ливерпульская фирма Декуортъ выхлопотала себѣ привилегію на машину изготовляющую цикорій въ формѣ кофейныхъ зеренъ, точнѣе-же—поддѣльный кофе. Жарятъ искуственный кофе обыкновеннымъ способомъ. Подъ пліяніемъ возвышенной температуры сахиристое начало превращается въ леденецъ, чѣмъ и придаетъ зернамъ окраску и блескъ настоящаго кофе. Подобно тому, какъ упоминалось выше относительно поддѣлокъ изъ глины, стоитъ искуственный жареный кофе опустить въ воду, чтобы легко обнаружить поддѣлку: зерна изъ тѣста размягчаются, пухнутъ; приготовленныя же изъ цикорія или кофейныхъ выжимокъ разплываются. Нѣкто г. Б..., владѣлецъ магазина колоніальныхъ товаровъ въ Парижѣ, нашелъ выгоднымъ пускать въ продажу, подъ именемъ гигіеническаго, поддѣльный кофе, приготовленый изъ темнаго, крахмальнаго тѣста, по виду похожій на настоящій жареный кофе. Притянутый въ 1852 г., къ суду исправительной полиціи, предпріимчивый малый, кромѣ трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія подвергся еще и уплатѣ штрафа въ 50 фр. Въ 1853 г. Полиція г. Лилля арестовала, у одного изъ мѣстныхъ торгоцевъ значительное количество фабрикованнаго кофе въ зернѣ, перемѣшаннаго въ извѣстной пропорціи съ настоящимъ. Тщательный анализъ доказалъ, что подлогъ совершенъ былъ съ помощью кофейныхъ переварковъ, хотя самое подражаніе природѣ было доведено до высокой степени художественности. Въ 1854 г., Парижскимъ судомъ исправительной полиціи приговоренъ былъ нѣкто ф. къ 20-дневному тюремному заключенію и штрафу въ 50 фр. за продажу фальшиваго кофе. По изслѣдованію послѣдній оказался въ видѣ жареныхъ зеренъ, поддѣланныхъ изъ кофейной шелухи, съ примѣсью незначительнаго количества переварковъ и крахмальнаго тѣста: кромѣ того самыя зерна были покрыты смолистымъ составомъ для приданія имъ болѣе близкаго сходства съ настоящимъ жаренымъ кофе. Послѣднее, впрочемъ, практикуется и въ отношеніи низкихъ, или подвергавшихся порчѣ, настоящихъ кофейныхъ сортовъ; прибавленіе смолистыхъ и сахаристыхъ веществъ придаетъ навару желаемую крѣпость и густоту.

Если уже кофе въ зернѣ, будь онъ сырой или жареный, вызываетъ столько поддѣлокъ, чего-жъ ожидать отъ отпускаемаго въ молотомъ видѣ? Дѣйствительно, молотый кофе почти повсемѣстно приготовляется изъ самыхъ низшихъ или попорченныхъ сортовъ; жженый сахаръ играетъ въ немъ важную роль. Кофейныя переварки, которыми обильно снабжаютъ желающихъ гостинницы, рестораны, трактиры, также представляютъ богатый матеріалъ дая фальсификаціи; подсушатъ, подправятъ для цвѣта патокой, смотришь—и дѣло въ шляпѣ! Молотый кофе, такая заманчивая арена для всевозможныхъ химико-оптическихъ экспериментовъ, что сурогатъ въ родѣ цикоріи почти не считается въ разрядѣ поддѣлокъ. Все же анологичный продуктъ! Но вотъ когда къ нему подбавляютъ такія ингредіенты, въ жареномъ измѣльченномъ видѣ, какъ: зерна ржи, ячменя, овса, гороха, бобовъ; волчьи ягоды финиковыя косточки, желуди, каштаны, свекла, морковь, рѣпа, пастернакъ и проч. и проч., тогда невольно приходитъ на умъ вопросъ: да не принимаютъ-ли поддѣлыватели, вслѣдствіе непонятной ошибки, человѣческой желудокъ, за какую-то алхимическую реторту? Въ 1851 г. на лондонскомъ рынкѣ конфисковано было городскою санитарную комисіею 100 тоннъ волчьихъ ягодъ и 50 тоннъ желудей, предназначавшихся къ превращенію въ искуственный кофе. Тою же комисіей открыто было присутствіе въ поддѣльномъ молотомъ кофе — опилокъ краснаго дерева, толченой дубовой коры, желѣзныхъ препаратввъ и проч.

Въ своемъ реферарѣ о поддѣлкахь коже, Лондонскій врачъ Гессель, упоминаетъ, что изъ 34 разсмотрѣнныхъ имъ различнымъ образчиковъ кофе, только 3 не оказались поддѣльными. Изъ остальныхъ 31 содержалъ въ себѣ цикорій, 12 — хлѣбныя растѣнія, 22 —красящія начала, патоку и проч. Тотъ же врачъ свидѣтельствуетъ о распространенномъ въ Лондонѣ приготовленіи и сбыткѣ фальшиваго кофе изъ прожаренной, высушенной и измѣльченной въ порошекъ конской печати!

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Г. Ар-скій требуетъ, чтобы мы сообщили въ журналѣ о стоимости премій нынѣшняго года, разосланныхъ гг. подписчикамъ. Не считая для себя обязательнымъ исполнять такое требованіе, мы, однакожь, не видимъ особенной необходимости скрывать отъ публики подобныя свѣденія, почему и удовлетворяемъ любопытству г. Ар-скаго. Стоимость разосланныхъ въ 1880 году премій слѣдующая:

1) **Портретъ Государя Императора,** воспроизведенный олеографическимъ способомъ въ картографическомъ заведеніи генералъ-маіора Ильина, стоилъ 1200 руб.

2) **Малороссіянки,** олеографія, исполненная тамъ же, стоила, 5,600 рублей.

3) **На перевязочный пунктъ,** олеографія; исполнена въ Варшавѣ, въ олеографическомъ заведеніи г. Унгра, обошлась въ 5, 600 рублей.

4) **Явленіе Христа народу,** гравюра, рѣзана на деревѣ въ Варшавской политипажнѣ; бумага отъ г. Печаткина; металическое клише и печатаніе въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; все это обошлось 2, 810

5) **Христосъ въ пустынѣ,** гравюра, рѣзана на деревѣ Паннемакеромъ въ Парижѣ; бумага отъ г. Печаткина; печатано въ типографіи императорской академіи наукъ; стоила 820 руб.

Всѣ пять премій стоили 16,300, не считая разсылки ихъ. Пересылки ихъ — бандерольнымъ отправленіемъ — обошлась каждая въ 20 коп. (8 коп. трубка 12 коп. самая пересылка.)

ОТЪ КОНТОРЫ. № 50-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 13 декабря въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 15 декабря въ 2 часа по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Изъ Гейне, стих. **А. Золотарева.**—Съ пьедестала, святочн. разск. **К. С. Баранцевича.**—Атта Троль, поэма **Г. Гейне,** перев. **Мих. Шелгунова.**—Пляски и танцы на Руси, истор.-біолог. очерки **Вл. Михневича.**—Изъ исторіи рабства въ древности, ст. **С. Терновскаго.** — Слава, разск. **Уида,** перев. **А. Г. Сахаровой.**—В. Г. Шварцъ.—Александръ Андреевичъ Ивановъ, характ. **М. Балласа.**—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Иванъ Грозный, рис. **В. Шварца.** — В. Шварцъ.—Прибытіе въ Гамбургъ морского разбойника Клауса Штёртебекера, карт. **Карла Гертса.**—Продавщица рыбы, карт. **Э. Циммермана.**—Маринистъ, карт. **Пробста.**—Школьница, карт. **Ф. Румплера.**

Редакторъ-издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Объявленія.

Вышелъ въ свѣтъ и продается у издателя М. Якобсона, Спб. Эртелевъ пер., 7, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россійской имперіи

ЖИВОПИСНЫЙ
ОБИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ
на 1881 г., съ приложеніемъ
СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ.

Печатанъ на розовой бумагѣ, съ художественно исполненными рисунками, въ объемѣ болѣе 80 страницъ. Содержаніе: Свѣденія церковн., астрон. генеалогическ., географическо-статистическія, истор., почтов., телеграф., желѣзно-дорож., комерч., медицин., хозяйствен., адресо-указат., разсказы, анекдоты, ребусы, стихотворенія, портреты, карикатуры, загадки и проч. Цѣна вмѣстѣ со «Стѣннымъ календаремъ» **30** коп. за перес. 10 коп.

Съ января 1881 г. будетъ издаваться въ С.-Петербургѣ новая безцензурная политическая и литературная газета, съ ежедневными телеграмами, политическими и иностранными биржевыми,

ГЛАСНОСТЬ

съ приложеніемъ по одной книжкѣ въ мѣсяцъ, отъ 10 до 15 печатныхъ листовъ каждая,

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

Газета будетъ выходить **утренними и вечерними выпусками,** кромѣ дней слѣдующихъ за праздниками, всего въ недѣлю 5 выпусковъ большими листаыи и не менѣе одного прибавленія. Програма газеты и «Ежемѣсячнаго Обозрѣнія» такая же, какъ у всѣхъ большихъ газетъ и ежемѣсячныхъ журналовъ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою, на утренній или вечерній выпускъ газеты:

Безъ приложенія:		Съ приложеніемъ:	
На годъ	6 р.	На годъ.....	10 р.
» полгода....	3 » 50 к.	» полгода...	5 » 50 к.
» 3 мѣсяца...	2 »	» 3 мѣсяца.	3 »
» 2 мѣсяца...	1 » 40 »	» 2 мѣсяца.	2 »
» 1 мѣсяцъ...	70 »	» 1 мѣсяцъ.	1 »

Для годовыхъ и полугодовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка со взносомъ при подпискѣ впередъ за 2 мѣсяца, а затѣмъ ежемѣсячно не менѣе какъ за мѣсяцъ, по разсчету отъ подписной цѣны. Гг. служащіе пользуются разсрочкой чрезъ своихъ казначеевъ, безъ взноса денегъ впередъ.

Иногородные подписчики, желающіе **получать вечерніе выпуски** газеты по почтѣ **одновременно** со всѣми **петербургскими ежедневными газетами,** равно и всѣ заграничные подписчики, приплачиваютъ къ означеннымъ цѣнамъ, на пересылку номеровъ съ марками, по 60 коп. за каждый мѣсяцъ срока подписки, такъ какъ вечерніе выпуски не могутъ быть отсылаемы въ день выхода иначе, какъ по правиламъ о бандерольныхъ отправленіяхъ, а не по газетной таксѣ.

Редакція и главная контора: Васильев. остр., 5 лин., д. № 6, кв. № 5. Иногородные адресуютъ деньги непосредственно въ редакцію.

Газета предназначается для людей средняго и малаго достатка, какъ самая дешевая изъ всѣхъ издающихся столичныхъ ежедневныхъ газетъ, и будетъ служить органомъ матеріальныхъ и политическихъ интересовъ тѣхъ классовъ среди всѣхъ сословій страны, которые будучи исключительно трудовыми, могутъ быть названы интеллигентнымъ пролетаріатомъ. Главнѣйшей же задачей газеты мы поставляемъ самую **широкую гласность,** относительно **злоупотребленій** и недостатковъ въ нашемъ гражданскомъ и общественномъ быту, и въ особенности относительно **злоупотребителей.** Письма и корреспонденціи могутъ быть и **безъ подписей,** хотя редакція, имѣя въ виду пользоваться ими, не будетъ, однако, печатать ихъ цѣликомъ безъ предварительной провѣрки фактовъ или слуховъ.

Издатель и за редактора **А. Гіероглифовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 г.
на ежемѣсячный журналъ модъ и рукодѣлій
„ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ“
(годъ второй).

Подписная цѣна:

НА ГОДЪ:		НА ПОЛГОДА:	
Безъ доставки.	3 р. 50 к.	Безъ доставки.	2 р. — к.
Съ дост. и пер.	4 » — »	Съ дост. и пер.	2 » 50 »

Подписка принимается: въ Конторѣ Редакціи въ С.-Петербургѣ — Понтелеймонская ул., д. № 14 кв. 47, въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова и въ провинціи —у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

При этомъ нумерѣ разсылается для гг. иногороднихъ объявленіе объ изданіи журнала «Стрекоза».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 декабря 1880 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ЦИМБЕЛИНЪ.

ТРАГЕДІЯ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

9

Переводъ **Н. И. Шульгина.** — Вступительная статья **В. В. Чуйко.** — Изъ Декамерона Боккачіо. — На родинѣ Шекспира.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

за 1880 годъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1880.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 15 декабря 1880 года.

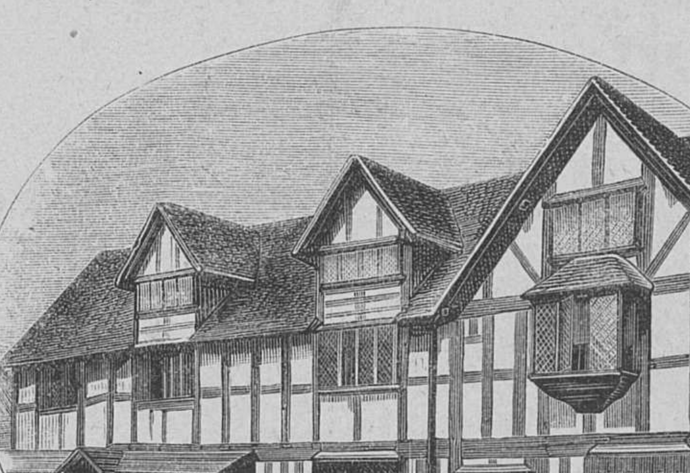
НА РОДИНѢ ШЕКСПИРА.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ РУССКАГО ТУРИСТА.

Въ іюнѣ 1879 года мнѣ случилось посѣтить Стратфордъ-на-Эванѣ и при такихъ счастливыхъ условіяхъ, какія рѣдко выпадаютъ на долю простого туриста. Я былъ почетнымъ гостемъ стратфордскаго мэра и все, что только можно видѣть на родинѣ Шекспира, все, что только могутъ разсказать старожилы, до фанатизма преданные своей мѣстной или, скорѣе, всесвѣтной славѣ, было къ моимъ услугамъ. Мнѣ все показывали, все разсказывали, всюду водили, гдѣ остался слѣдъ великаго Вильяма, представляли самыя подробныя объясненія на всякіе мои вопросы, угощали меня на славу въ ратушѣ и въ частномъ домѣ мэра, снабдили грудой книгъ, картинъ и бюстомъ, снимкомъ съ подлиннаго бюста Шекспира надъ его могилой. Конечно, всѣмъ этимъ я обязанъ не своей извѣстности или талантамъ, а тому простому обстоятельству, что былъ невѣдомой одной шестидесятой долею депутаціи «международнаго литературнаго конгреса», который засѣдалъ въ Лондонѣ въ прошломъ году и получилъ между прочимъ приглашеніе стратфордскаго мэра посѣтить священный для всякаго литератора уголокъ Англіи. Воспользовались этимъ радушнымъ приглашеніемъ 60 представителей различныхъ странъ и національностей, а въ томъ числѣ и я, скромный русскій туристъ. Вотъ простое объясненіе того торжественнаго и въ высшей степени любезнаго пріема, котораго я удостоился на родинѣ Шекспира. Посѣщеніе ея составляетъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ эпизодовъ моихъ заграничныхъ странствій. Постараюсь передать читателямъ, что я видѣлъ и слышалъ въ этотъ памятный день.

Къ 10 часамъ утра шекспировскіе пилигримы собрались на падингтонскую станцію «большой западной желѣзной дороги» и послѣ обычной суматохи размѣстились въ двухъ роскошныхъ вагонахъ-салонахъ, которые нарочно были приготовлены компаніей за половинную цѣну перваго класа. Черезъ минуту дверцы заперли и ровно въ 10 часовъ поѣздъ двинулся, хотя, какъ объяснилъ кондукторъ, съ нами ѣхалъ: a bit of royality (кусочекъ королевской власти). Но, какъ извѣстно, въ Англіи никого не ждутъ и никто не опаздываетъ.

Путешествіе въ Стратфордъ-на-Эванѣ, отстоящій отъ Лондона на 111 миль, довольно утомительно, такъ какъ приходится сидѣть въ вагонѣ 4 часа и на станціяхъ поѣздъ останавливается только на 2 и на 3 минуты. Но окружающая страна, особливо отъ Оксфорда до Стратфорда, находящагося въ графствѣ Варвикъ, прозванномъ по справедливости «сердцемъ Англіи», такъ живописна, что въ хорошую погоду путешественникъ, особенно впервые видящій англійскіе пейзажи, съ главными ихъ красотами, богатой, шелковистой муравой, старыми, вѣковыми деревьями, обвитыми плющемъ или омелой, и роскошно воздѣланными полями,—не оторвется отъ окна впродолженіи всего этого долгаго пути. Но, къ нашему несчастью, шелъ мелкій дождь и туманъ застилалъ всѣ предметы на заднемъ планѣ проходившей передъ нами панорамы, такъ что мы очень смутно видѣли Оксфордъ, быть можетъ, красивѣйшій изъ англійскихъ городовъ, съ его чудными иглами и куполами, утопающими въ садахъ; Лиминстонъ, извѣстный своими минеральными источниками и прелестными окрестностями; и знаменитый Варвикскій замокъ, по словамъ Вальтеръ-Скотта, «лучшій изъ памятниковъ древняго, рыцарскаго великолѣпія, который пожалѣло время».



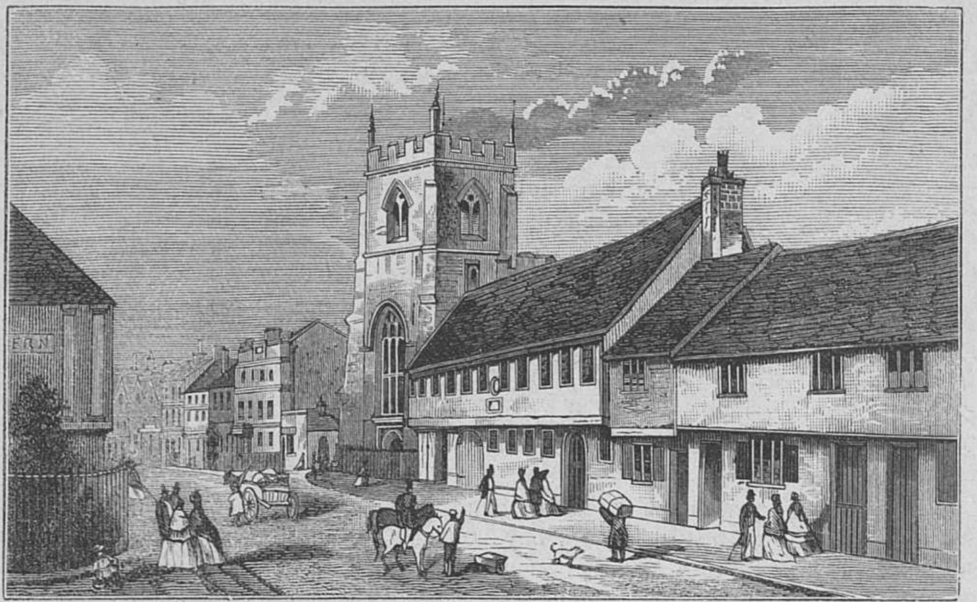
Домъ Шекспира, реставрированный въ недавнее время.
Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

Однако, не смотря на невозможность вполнѣ любоваться быстро смѣнявшимися видами, я нисколько не скучалъ; въ нашемъ вагонѣ случайно собралось много французскихъ литераторовъ, а въ обществѣ такихъ людей, какъ остроумный Монселэ, симпатичный чернокудрый Кларти, толстый добродушный Бело, живой юркій Лермина, вѣчно смѣющійся шутникъ Фредерикъ Тома и др., невольно проводишь весело время. Шутки, остроты, каламбуры, анекдоты сыпались безъ конца; даже два серьезные нѣмецкіе журналиста, сидѣвшіе съ нами, катались со смѣха. Особенно потѣшилъ насъ старикъ Тома, извѣстный французкій адвокатъ и журналистъ, почетный предсѣдатель французскаго общества литераторовъ, продекламировавъ на память нѣсколько строфъ изъ одной своей судебной защиты въ стихахъ. Всего интереснѣе, что эта адвокатская рѣчь въ стихахъ не шутка, а фактъ. Дѣйствительно, еще студентомъ, въ 1835 г., онъ издавалъ въ Тулузѣ газету Patriei привлеченный къ суду за слишкомъ либеральныя статьи, онъ самъ защищалъ себя и былъ оправданъ послѣ краснорѣчивой рѣчи въ стихахъ.

Трудно сказать, какъ долго длилась бы эта веселая, остроумная бесѣда, еслибъ наконецъ мы не достигли цѣли нашего странствія. Поѣздъ остановился, кондукторы крикнули:

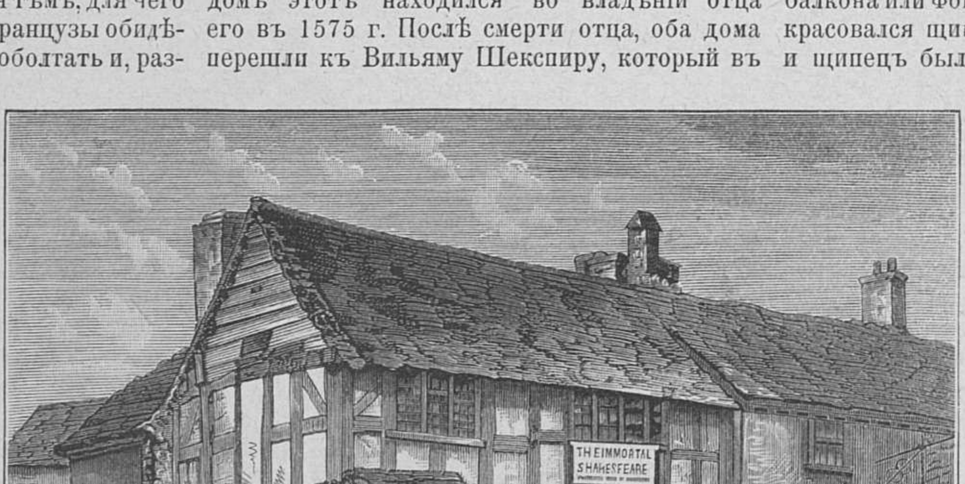
— Стратфордъ-на-Эванѣ!

Мы вышли на платформу и сплотились въ тѣсную фалангу подъ предводительствомъ англійскаго журналиста Бланчарда Джеральда, завѣдывавшаго пріемомъ въ Лондонѣ иностранныхъ членовъ конгреса. Прошло нѣсколько минутъ; публика со станціи разошлась; видя, что никто не вышелъ къ намъ на встрѣчу, мы уже хотѣли идти пѣшкомъ розыскивать мэра, какъ вдругъ явился очень изящный господинъ и, отрекомендававшись братомъ мэра, разсадилъ насъ въ экипажи и повезъ по узкимъ улицамъ маленькаго стариннаго городка въ ратушу. Тамъ ожидалъ насъ въ парадныхъ сѣняхъ самъ мэръ въ мантіи и цѣпи, окруженный альдермэнами также въ знакахъ своей должности. Послѣ представленія ему каждаго изъ насъ Бланчардомъ Джеральдомъ мэръ, мистеръ Флауэръ, небольшого роста, полный господинъ съ просѣдью, пригласилъ насъ въ залу, гдѣ былъ роскошно сервированъ завтракъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ холодныхъ блюдъ, какъ всегда въ Англіи. Вина, конечно, было въ изобиліи, но тосты и рѣчи были въ очень ограниченномъ числѣ и не представляли ничего интереснаго. Мэръ, по ремеслу богатый пивоваръ, пилъ за здоровье гостей; отвѣчалъ ему Бланчардъ Джеральдъ по англійски и Тома по французски. Не подѣйствовала-ли на послѣдняго усталость отъ дороги или хорошій завтракъ, но онъ говорилъ изъ рукъ вонъ плохо, отпускалъ самые деревянные каламбуры, пилъ за здоровье шекспировскихъ пивоваровъ и т. д. Кларти въ коротенькой рѣчи постарался изгладить непріятное впечатлѣніе и указалъ на значеніе этого пилигримства литераторовъ всѣхъ странъ къ колыбели великаго поэта. Потомъ Монселе прочиталъ очень удачные стихи, которые смѣло онъ и его пріятели выдавали за импровизацію, хотя по дорогѣ, въ вагонѣ, онъ писалъ ихъ въ своей памятной книжкѣ на глазахъ у всѣхъ. На этомъ кончился завтракъ, такъ какъ, по словамъ мэра, въ виду краткости времени, остававшагося до отхода поѣзда въ Лондонъ, мы не могли терять времени на краснорѣчіе, если хотѣли видѣть всѣ достопримѣчательности города. Конечно, мы всѣ были очень рады поскорѣе заняться тѣмъ, для чего мы пріѣхали, но нѣкоторые французы обидѣлись, что имъ не дали случая поболтать и, разгоряченные шампанскимъ, завели ссору съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые успѣли произнести рѣчи. Особенно досталось бѣдному Кларти отъ Маріо Прота, представителя французскаго министерства народнаго просвѣщенія, который просто ругался неприличными словами, грозилъ продернуть его въ газетахъ и успокоился только, когда ему сказали, что въ шекспировскомъ театрѣ онъ будетъ имѣть случай произнести свою заранѣе приготовленную рѣчь.



Улица шекспировскихъ достопамятностей въ Стратфордѣ.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**



Домъ Шекспира въ началѣ XIX столѣтія.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

Пока улаживали это недоразумѣніе и готовились въ путь, я осмотрѣлъ ратушу внутри и извнѣ. Это довольно скромное зданіе прошлаго столѣтія. Снаружи оно украшено статуей Шекспира, которую поднесъ муниципалитету знаменитый актеръ Гаррикъ въ день двухсотлѣтняго шекспировскаго юбилея въ 1769 г. Эта очень удачная и красивая статуя представляетъ поэта, облокотившагося на колону и указывающаго на свитокъ съ вычеканенными строфами изъ «Сна въ лѣтнюю ночь» (характеристика поэта), а на пьедесталѣ виднѣются отлично подобранныя слова изъ Гамлета:

Take him for allin all
We shall not look upon his like again *).
актъ I, сцена II.

Внутри, въ парадной залѣ, виситъ на стѣнахъ нѣсколько замѣчательныхъ портретовъ самого Шекспира, работы Вильсона Гарика, Генсборо, королевы Анны и др.

Изъ ратуши мы отправились пѣшкомъ, какъ и слѣдуетъ пилигримамъ, къ дому, въ которомъ родился Шекспиръ. Онъ находится на Генлейской улицѣ и теперь поддерживается по возможности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился при жизни великаго Вильяма. Но не такъ было въ прежнее время и исторія этой литературной святыни очень любопытна.

Многіе въ послѣднее время высказывали сомнѣніе, что дѣйствительно-ли Шекспиръ родился въ этомъ домѣ, но преданіе въ этомъ отношеніи чрезвычайно опредѣленно и упорно. Конечно, нѣтъ никакихъ документальныхъ доказательствъ этого факта, но достовѣрно, что отецъ знаменитаго поэта владѣлъ этимъ домомъ и сосѣднимъ съ нимъ въ 1552 году, что Вильямъ родился въ 1564 году и что домъ этотъ находился во владѣніи отца его въ 1575 г. Послѣ смерти отца, оба дома перешли къ Вильяму Шекспиру, который въ свою очередь завѣщалъ ихъ своей сестрѣ Джоанѣ, въ пожизненное владѣніе, а затѣмъ они перешли къ старшей дочери поэта Сусаннѣ Голлъ, и внучкѣ Елизабетѣ Нашъ, которая завѣщала ихъ «внукамъ сестры дѣда» Томасу и Джорджу Гартъ. Въ рукахъ ихъ потомковъ эти дома оставались до начала нынѣшняго столѣтія, а въ 1806 г. были проданы Томасу Курту, который содержалъ въ одномъ домѣ таверну, а въ другомъ мясную лавку, съ надписью надъ дверью: «Вильямъ Шекспиръ родился здѣсь» Послѣднимъ изъ потомковъ семьи Шекспира была бѣдная женщина, по имени Мэри Гомби, которая долго жила тѣмъ, что показывала старую кухню за лавкой и верхнюю комнату, гдѣ собственно родился Шекспиръ, но, наконецъ, она была принуждена выѣхать въ виду постоянно увеличиваемой ренты новымъ владѣльцемъ. Конечно, она взяла съ собою всѣ предметы, которые считались принадлежностью Шекспира, и завела лавочку напротивъ черезъ улицу. Мало того, она забѣлила на стѣнахъ всѣ надписи извѣстныхъ посѣтителей, которые однако по томъ удалось возстановить. Въ 1847 году оба дома продавались съ публичнаго торга и газеты подняли агитацію въ пользу покупки ихъ на счетъ всей страны, какъ національное достояніе. Была открыта подписка, собраны деньги, назначены попечители и дома куплены за 2000 фун. стерл.

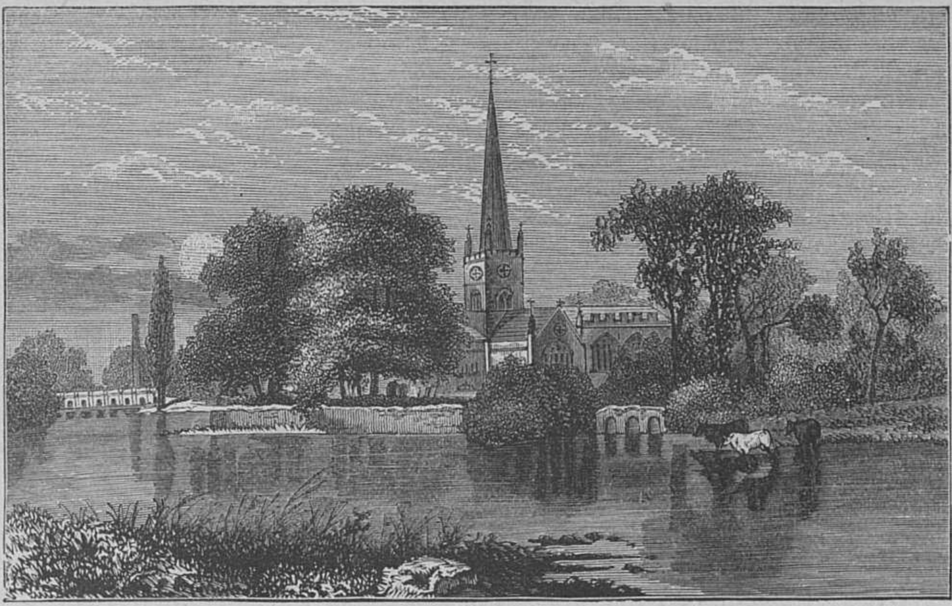
Впослѣдствіи пріобрѣтены и окружающія строенія, чтобъ предохранить отъ огня и другихъ опасностей стратфордскую святыню, которой возвращенъ первобытный наружный видъ, совершенно измѣненный безобразными передѣлками въ прошломъ столѣтіи и вначалѣ нынѣшняго. Такъ, первоначально тяжелыя дубовыя балки оставались снаружи и только между ними стѣны были оштукатурены; передъ тѣмъ домомъ, въ которомъ именно родился Шекспиръ, былъ деревянный выдающійся навѣсъ, а на крышѣ находились два слуховыя окна; въ сосѣднемъ домѣ, въ сущности, составляющемъ другое отдѣленіе дома, во второмъ этажѣ было большое выдающееся старинное окно, въ родѣ крытаго балкона или фонаря, надъ которымъ на крышѣ красовался щипецъ; въ 1792 г. слуховыя окна и щипецъ были уничтожены, балконъ превращенъ въ обычное окно въ четыре звѣна, крытый навѣсъ снятъ и вмѣсто него устроены выдающійся ларь для мясной лавки, нѣчто въ родѣ крытой галерейки для таверны, наконецъ, въ 1720 году, та часть дома, гдѣ находилась таверна, покрыта кирпичной красной оболочкой, а мясная лавка, пришедшая въ ветхость, оштукатурена, балки вымазаны сажей; старинныя мелкія стекла замѣнены современными четыреугольными звѣньями и вообще она приняла такой видъ, что Вашингтонъ Ирвингъ имѣлъ полное право назвать ее «маленькимъ низкимъ строеньемъ». По несчастью, лучшія описанія колыбели Шекспира, а именно Вашингтона Ирвинга въ его «Sketch-Book», Готорна ея «Ourold Home», Говита и Гью Миллера, относятся къ этому времени упадка стратфордской святыни.

Всѣ эти подробности сообщилъ мнѣ братъ мэра, очень обязательно вызвавшійся быть моимъ чичероне при осмотрѣ скромной колыбели великаго поэта. Въ тѣ времена, когда отецъ Вильяма Шекспира купилъ этотъ домъ, онъ, вѣроятно, считался достойнымъ жилищемъ состоятельнаго горожанина, а теперь онъ кажется очень маленькимъ и незначительнымъ стариннымъ домикомъ, съ его выдающимися дубовыми балками, составляющими

---

*) «Былъ все во всемъ; подобнаго намъ не видать». Во второй строкѣ шекспировскій текстъ измѣненъ: слово «I» (я) замѣнено «We» (мы). *Пр. Ред.*

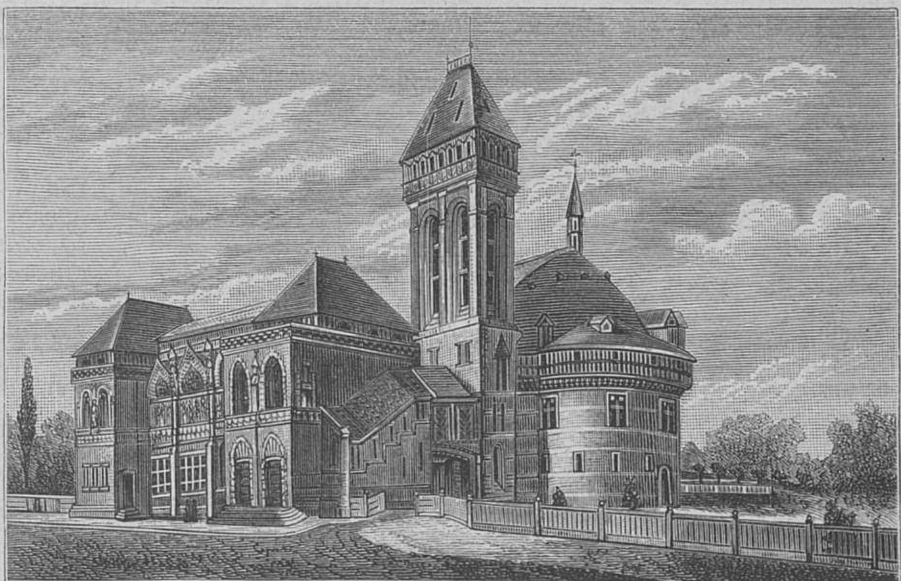
какъ бы наружный переплетъ оштукатуренныхъ стѣнъ, слуховыми окнами, щипецами старомодными широкими окнами съ мелкими стеклами. Весь домъ очень небольшой, но онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій; первое собственно колыбель Шекспира, а второе шекспировскій музей и библіотека. Въ томъ и другомъ два этажа, по два окна въ каждомъ этажѣ, и по одной наружной двери; снаружи, во всю длину, идетъ довольно высокая рѣшетка, а передъ первой половиной возвышается старинный навѣсъ. Для большей безопасности никто въ домѣ не живетъ и запрещено топить или вносить въ него свѣтъ; для предохраненія же отъ сырости проведены изъ сосѣдняго дома трубы съ горячей водой. Очень естественно, что вся Англія гордится этимъ домикомъ, гдѣ впервые увидалъ свѣтъ Шекспиръ, и когда, напримѣръ, въ 1859 г. была открыта подписка о поднесеніи Кошуту національнаго подарка отъ всей англійской націи, то остановились на мысли поднести ему экземпляръ сочиненій Шекспира въ изящномъ футлярѣ, который представлялъ вѣрную модель стратфордскаго домика изъ великолѣпнаго рѣзного дерева. Другая очень хорошая модель находится въ Санденгемскомъ хрустальномъ дворцѣ, гдѣ постоянно привлекаетъ толпу зрителей. Прежде, чѣмъ войдти въ домъ, упомянемъ еще, что позади его находится небольшой, но очень старательно содержанный садъ, въ которомъ, какъ мнѣ указалъ мой чичероне, растутъ только цвѣты, упоминаемые въ твореніяхъ Шекспира.



Церковь Св. Троицы въ Стратфордѣ.
Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ**.

Внутренность дома, хотя стѣны его выбѣлены и чисто вымыты, очень мрачная и угрюмая. Комнаты маленькія, низенькія, по двѣ въ каждомъ этажѣ, и только камины старинные, большіе; полы въ нижнемъ этажѣ каменные, но плиты изломаны въ мелкіе куски, а на верху деревянные, очень плохо сколоченные потолки и стѣны не обшиты, такъ что дубовыя балки торчатъ снаружи. Съ перваго взгляда на это угрюмое жилище нельзя не повторить словъ Готорна: «вѣроятно, и жизнь въ немъ была мрачная, пасмурная, угрюмая, а потому какъ твердъ и мощенъ былъ геній Шекспира, если онъ не поблекъ въ подобной атмосферѣ, а сроднился еще ближе съ человѣческой жизнью!» Въ нижнемъ этажѣ находятся бывшая мясная лавка и кухня, служившая съ тѣмъ вмѣстѣ сборной комнатой семейства Шекспира; отъ нея маленькая дубовая лѣстница ведетъ наверхъ въ комнату, гдѣ родился великій Вильямъ. Эта маленькая каморка, длиною въ восемь шаговъ и до того низкая, что рукой можно достать до потолка, помѣщается надъ бывшей мясной лавкой и освѣщена широкимъ, большимъ окномъ съ безчисленными маленькими переплетами и стеклами. У самой двери громадный каминъ съ дубовой балкой вмѣсто каменной доски. Повидимому, полъ и потолокъ не подверглись никакой перемѣнѣ съ тѣхъ поръ, какъ маленькій Виль увидалъ тутъ впервые свѣтъ, и даже все остальное: окно, стѣны, мебель въ послѣднее время реставрированы въ прежнемъ видѣ. Любопытную особенность этой комнаты составляютъ миріады надписей, которыми до того покрыты стѣны, потолокъ и рама окна, что онѣ кажутся безконечной тонкой паутиной. Тутъ есть надписи и карандашемъ и чернилами, на всевозможныхъ языкахъ, и всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ лишь однѣ фамиліи посѣтителей, точно кто нибудь нуждался въ ихъ автографахъ. Эта страсть соваться всегда съ своимъ маленькимъ «я» не пожалѣла и стеколъ, которыя такъ же испещрены алмазными надписями. Говоря, что первый примѣръ этому подалъ Вальтеръ-Скотъ, до сихъ поръ указываютъ его подпись, которую однако очень трудно разобрать. Тоже можно сказать объ автографахъ на стѣнѣ лорда Байрона, Диккенса и многихъ другихъ знаменитостей, исчезающихъ подъ новѣйшими надписями тысячъ невѣдомыхъ именъ всѣхъ странъ и національностей. Такимъ образомъ исчезъ и экспромтъ, написанный на стѣнѣ Вашингтономъ Ирвингомъ:

Of mighty Shakespeare'birth the room wesce,
That where he died in vain to find we try;
Useless the search—for all immortal he
And those who are immortal never die *).



Театръ.
Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ**.

Рядомъ съ этой комнатой находится другая, очень маленькая, украшенная старинными портретами Шекспира, въ томъ числѣ знаменитымъ такъ называемымъ **стратфордскимъ портретомъ** масляными красками. Онъ хранится въ желѣзномъ ящикѣ и запирается на ночь. Въ сосѣднемъ домикѣ, обращенномъ въ музей, хранится много другихъ интересныхъ портретовъ вмѣстѣ съ драгоцѣнной колекціей различныхъ предметовъ, касающихся до Шекспира. Такъ. между прочимъ, показываютъ класную скамью, на которой онъ по преданію занимался въ школѣ. Въ библіотекѣ, находящейся тутъ же, собраны всевозможныя изданія Шекспира, отъ самыхъ древнихъ до новѣйшихъ, переводы его сочиненій на различные языки, коментаріи англійскихъ и иностранныхъ авторовъ, однимъ словомъ, книги, рукописи и художественныя произведенія, имѣющія предметомъ Шекспира и его родину, мирный Стратфордъ-на-Эванѣ. По несчастью, у насъ было такъ мало времени, что я могъ только бросить поверхностный взглядъ на эту интересную выставку *).

Изъ колыбели творца Гамлета мы естественно пошли къ мѣсту его смерти. Увы, изъ того дома, гдѣ жилъ въ послѣдніе восемнадцать лѣтъ своей жизни Шекспиръ, гдѣ онъ написалъ большую часть своихъ безсмертныхъ произведеній и наконецъ умеръ, осталось только нѣсколько камней фундамента, свято сохраняемыхъ въ красивомъ публичномъ саду, устроенномъ въ послѣдніе годы муниципалитетомъ послѣ покупки этой земли по подпискѣ. Исторія этого любимаго жилища Шекспира, извѣстнаго подъ именемъ New-Place не менѣе любопытна, чѣмъ исторія его колыбели. Купленный въ 1597 году Шекспиромъ, этотъ домъ былъ уже старый, но все-таки считался однимъ изъ лучшихъ въ городѣ, послѣ смерти поэта онъ перешелъ къ его дочери Сусаннѣ, тогда мистрисъ Голъ, которая завѣщала его своей дочери леди Бернардъ. Она не оставила послѣ себя наслѣдниковъ и домъ былъ проданъ сэру Эдварду Волькеру, отъ котораго перешелъ въ семью Клаптоновъ, которые первоначально имъ владѣли до Шекспира. Около 1720 года сэръ Гью Клаптонъ святотатственно снесъ старый домъ и выстроилъ новый, который былъ такъ же сломанъ въ 1759 г. его новымъ владѣльцемъ, пасторомъ Франсисомъ Гастрелемъ по той причинѣ, что ему приходилось платить за него слишкомъ большой городской сборъ въ муниципалитетъ. Этотъ пасторъ былъ какой-то странный, полусумасшедшій человѣкъ; онъ приказалъ срубить знаменитое тутовое дерево, посаженное собственноручно Шекспиромъ, и на это варварское святотатство онъ былъ побужденъ лишь тѣмъ, что ему надоѣли постоянные посѣтители, приходившіе взглянуть на эту диковину. Впослѣдствіи это мѣсто переходило въ разныя руки и тутъ возводились различныя постройки, между прочимъ, театръ, въ которомъ давались представленія во время трехсотлѣтняго шекспировскаго юбилея. Что же касается срубленнаго тутоваго дерева, то большая его

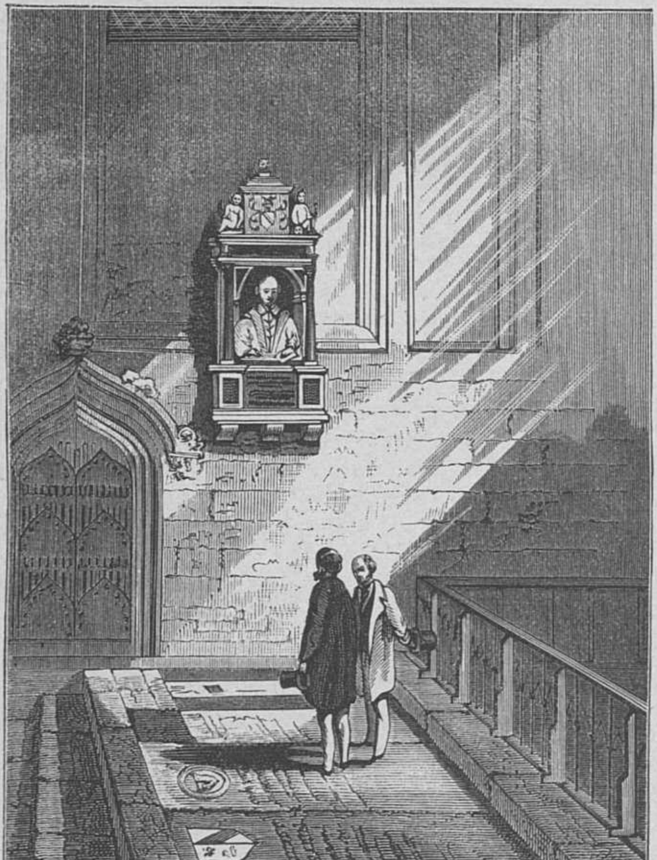
---

*) Могучаго Шекспира комнату рожденія мы видимъ здѣсь,
Но тщетно ищемъ той, гдѣ умеръ онъ.
И безполезно намъ ее искать; безсмертенъ онъ.
А тотъ безсмертенъ, кто не умираетъ

*) Домъ Шекспира и музей открыты для всѣхъ ежедневно, кромѣ воскресенія, съ платою по 6 пенсовъ съ посѣтителя на поддержку и расширеніе библіотеки.

часть куплена Томасомъ Шарпомъ, часовщикомъ въ Стратфордѣ, который подѣлалъ изъ него различные предметы и продавалъ ихъ по баснословной цѣнѣ; въ числѣ этихъ вещей находилось и знаменитое кресло Шекспира, которое теперь принадлежитъ баронесѣ Бурдетъ Кутсъ.

Нью-Плэсъ съ его прекраснымъ садомъ находится на берегу мирнаго Эвана, противъ часовни Св. Креста и примыкающей къ ней граматической школѣ, гдѣ получилъ свое воспитаніе Шекспиръ и, по словамъ Бена Джонсона, научился «немного латинскому языку и еще менѣе греческому». Эта свободная граматическая школа, существующая и понынѣ, находится въ верхнемъ этажѣ зданія, гдѣ внизу помѣщалась въ древности ратуша, дававшая во времена Шекспира свои покои нетолько подъ веселые пиры, но и подъ театръ, когда наѣзжали въ Стратфордъ актеры. Такимъ образомъ въ этомъ зданіи Шекспиръ получилъ первоначальное умственное развитіе и тотъ вкусъ къ театру, который побудилъ его сдѣлаться актеромъ, а впослѣдствіи и геніальнымъ драматургомъ. Что касается до наружнаго и внутренняго вида школы, то она потеряла свой древній видъ, благодаря новѣйшимъ передѣлкамъ, хотя, конечно, въ ней сохранилось много слѣдовъ шекспировской старины. Выходя на улицу изъ школьнаго дома, я невольно вспомнилъ извѣстную сцену изъ «Веселыхъ Виндзорскихъ Кумушекъ», въ которой мистрисъ Пэджъ проситъ учителя проэкзаменовать ея сына Вильяма у дверей школы. Стоитъ только подставить имя мистрисъ Шекспиръ вмѣсто мистрисъ Пэджъ и также перенести дѣйствіе изъ Виндзора въ Стратфордъ и передъ нами будетъ дѣйствительная сцена изъ исторіи дѣтства великаго поэта. Не вдалекѣ отъ стариннаго зданія, въ которомъ Шекспиръ впервые увидалъ театральныя представленія, возвышается теперь такъ называемый шекспировскій памятникъ (Shakespeare Memorial), красивое, большее зданіе, еще не оконченное, но по плану долженствующее заключать въ себѣ театръ, картинную галерею и библіотеку. Въ прошломъ году былъ еще готовъ одинъ лишь театръ и то въ сыромъ, неотдѣланномъ видѣ, не только внутри, но даже и извнѣ. Театральная зала небольшая, полукруглая, вмѣщающая въ себѣ до 200 зрителей, отличается простотой и удобствомъ. Отсутствіе же всякихъ украшеній и дубовыя колоны, полъ и скамьи производятъ совершенно новое, оригинальное впечатлѣніе. Сцена довольно обширная, декорацій еще очень мало, но занавѣсь, представляющая пріѣздъ королевы Елизаветы въ парадномъ экипажѣ къ театру Глобъ, чрезвычайно эфектна. Несмотря на то, что театръ еще не оконченъ, онъ былъ торжественно открытъ въ прошломъ году въ годовщину Шекспира, 23 апрѣля. Впродолженіи десяти дней давались на немъ представленія: «Гамлета», «Много шума изъ пустяковъ», «Какъ угодно» и «Бури» при значительномъ стеченіи публики. Постоянной трупы и постоянныхъ представленій вовсе не предполагается, а цѣль постройки театра — достойное празднованіе каждый годъ юбилейной шекспировской недѣли, когда стекаются въ Стратфордъ шекспировскіе пилигримы со всѣхъ концовъ Англіи. Для этого, конечно, не требуется мѣстной трупы, а всѣ лучшіе актеры изъ Лондона и большихъ провинціальныхъ городовъ будутъ чередоваться на этой маленькой, но уже заранѣе знаменитой сценѣ. Картинная галерея и библіотека, въ которыхъ будетъ собрано все, что только касается до великаго Вильяма, придаетъ еще большій интересъ этому достойному памятнику высочайшей славы Англіи, а въ будущемъ имѣется еще мысль основать тутъ первую въ Англіи драматическую школу по образцу парижской консерваторіи. Нельзя не отдать полной справедливости Стратфорду, что онъ умѣетъ чтить память своего славнаго гражданина; впрочемъ, памятникъ Шекспиру воздвигнутъ не только мѣстными жителями, а по подпискѣ, открытой во всей Англіи, которая быстро достигла требующейся суммы въ 20,000 ф. стерл. Самымъ щедрымъ жертвователемъ и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ чисто національномъ дѣлѣ нынѣшній мэръ Стратфорда, Чарльзъ Флауэръ, который не только далъ даромъ землю, на которой воздвигнуто зданіе, и 5,000 ф. ст., но постоянно заботится о матеріальномъ и нравственномъ успѣхѣ своей излюбленной идеи. Поэтому надо было видѣть съ какой гордостью онъ показывалъ намъ театральную залу, сцену, остальныя, еще не готовыя даже вчернѣ, постройки и садъ, разстилающійся по берегу живописнаго Эвана. И нельзя было не согласиться съ нимъ, когда, остановившись на берегу и указывая намъ на виднѣющуюся не вдалекѣ церковь, въ которой похороненъ Шекспиръ, онъ съ искреннимъ энтузіазмомъ воскликнулъ: «Посмотрите на эту прелестную панораму, на мирную, спокойную рѣку, на древнюю церковь, окруженную вѣковыми деревьями, на бархатные луга, испещренные цвѣтами, съ такою любовью воспѣваемыми Шекспиромъ, подумайте, какъ все вокругъ васъ говоритъ о Шекспирѣ, дышетъ Шекспиромъ, какъ самый воздухъ пропитанъ его геніемъ и вы, конечно, скажете, что если долгъ всякаго мыслящаго человѣка чтить его имя и благодарная нація обязана воздвигнуть ему достойный памятникъ, то нѣтъ мѣста на свѣтѣ лучше этого скромнаго уголка для подобнаго національнаго поклоненія».



Могила Шекспира.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ**.

Какого рода чествованія памяти Шекспира происходятъ въ этомъ нарочно воздвигнутомъ зданіи намъ не привелось видѣть, но, по словамъ газетъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ году, 23 апрѣля было достойнымъ образомъ отпраздновано въ шекспировскомъ театрѣ. Та же церемонія, которая была разыграна при насъ на сценѣ, отличалась комическимъ характеромъ. Пока большинство посѣтителей осматривали зданіе, нѣсколько французовъ, въ томъ числѣ Маріо Протъ, забрались на сцену, затащили туда бѣднаго мэра м иначали ему читать стихи и произносить рѣчи. Въ ложахъ сидѣло нѣсколько мѣстныхъ дамъ и все это зрѣлище было какой-токукольной комедіей. По счастью, оно продолжалось не долого и мы перешли въ роскошный домъ мэра, великолѣпный садъ котораго доходитъ до церкви св. Троицы, гдѣ погребенъ Шекспиръ.

Посѣщеніемъ гробницы, священной для всего мыслящаго и читающаго міра, окончился нашъ осмотръ Стратфорда, такъ какъ времени у насъ не хватало на поѣздку въ окрестности города, знаменитыя по воспоминаніямъ о Шекспирѣ, именно Чарлькотъ-Голлъ, гдѣ, согласно преданію, юный Шекспиръ былъ остановленъ за похищеніе оленя; селенье Шаттери, гдѣ находится ххижина Анны Гатавей, жены Шекспира, Клоптонъ, гдѣ онъ часто гулялъ и т. го Что касается церкви св. Троицы, то это довольно большое, красивое зданіе, игла котораго относится ко времени Вильгельма-Завоевателя, а остальныя части къ различнымъ эпохамъ. Стоитъ она на самомъ берегу, вокругъ нея находится маленькое кладбище, а ведетъ къ ней великолѣпная алея изъ вѣковыхъ липъ, громадныя вѣтви которыхъ, переплетаясь между собою, образуютъ какъ бы крытую галерею. Внутренность церкви крестообразная и наполнена старинными памятниками похороненныхъ въ ней именитыхъ гражданъ Стратфорда. Какъ всѣмъ извѣстно, гробница Шекспира находится на возвышеніи передъ перилами алтаря. У сѣверной стѣны, на которой красуется знаменитый подлинный его бюстъ, работы Джонсона, вѣроятно, видѣвшаго его при жизни и исполнившаго этотъ заказъ по порученію вдовы Шекспира и его дочерей. Этотъ бюстъ въ натуральную величину находится въ нишѣ подъ аркой, между двумя коринѳскими колонами чернаго мрамора съ золочеными капителями; надъ прямымъ карнизомъ возвышается гербъ Шекспира, среди двухъ херувимовъ, изъ которыхъ одинъ держитъ лопату а другой обернутый ѳакелъ. Сверху всего памятника лежитъ черепъ. Самъ Шекспиръ изображенъ облокотившимся на подушку; въ правой рукѣ онъ держитъ перо, давно уже похищенное какимъ-то святотатственнымъ ѳанатикомъ, а другая покоится на листѣ бумаги, лежащемъ на подушкѣ передъ нимъ. Бюстъ высѣченъ изъ мягкаго камня и выкрашенъ, конечно, съ цѣлью представить совершенно вѣрное изображеніе Шекспира, какимъ онъ дѣйствительно былъ при жизни. Лицо и руки свѣтлорозовые, глаза каріе, волосы усы и острая бородка каштановые; одежда состоитъ изъ красновато коричневаго берета и черной епанчи безъ рукавовъ; верхняя часть подушки пунцовая, нижняя зеленая, а кисти золотыя. Подъ бюстомъ находится надпись полулатинская и полуанглійская:

Jvdicio Pvlivm, genio socratem, arte maronem
Terra tegit, popvlvs maeret, olympvs habet.

Stay passenger, why goest thov so fast?
Read if thov canst whom enviov death hath plast
Within this monvment, Shakspere, with whome
Qvick natvre dide; whose name doth deck ys tombe
Far more than cost; sith all yt he hath writt
Leaves living art bvt page to serve his witt *).
Obiit. Ano Do. 1616.
Aetatis 53, die 23 Ap.

---

*) По разуму Несторъ, по генію Сократъ, по искуству Виргилій.
Земля его покрываетъ, народъ плачетъ о немъ, Олимпъ его имѣетъ.
Стой, путникъ, куда торопишься ты мимо,
Прочти, если можешь, кого завистливая смерть
Положила подъ этимъ монутентомъ—Шекспира.
Добрый другъ, ради Христа остерегись
Выкапывать заключенный тутъ прахъ.
Благословенъ тотъ, кто пощадитъ этотъ камень
И проклятъ тотъ, кто потревожитъ мои кости.

Самая гробница Шекспира находится въ ряду пяти гробницъ его семейства; подъ первой плитой, у самой стѣны, похоронена жена Шекспира, потомъ онъ самъ; далѣе идутъ могилы Томаса Наша, мужа его внучки, доктора Гола, мужа его дочери Сусанны, и самой Сусанны. Какъ извѣстно, на гробницѣ Шекспира — совершенно простой плит ѣсъ поперечной трещиной, нѣтъ его имени, а только вырѣзана надпись, которую приписываютъ ему самому:

Goot frend for Jesus sake farbeare

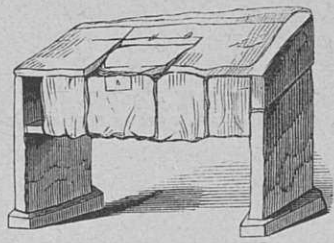
To digg the dust encloased heare

Blese be $\overset{E}{y}$ man $\overset{t}{y}$ spares thes stones

And curst be he $\overset{t}{y}$ moves my bones *).

Безмолвно поклонившись этой скромной гробницѣ, въ которой краснорѣчивое проклятье удерживало останки великаго поэта, не смотря на общее желаніе всей Англіи видѣть прахъ Шекспира въ Вестминстерѣ, мы поблагодарили нашихъ добрыхъ стратфордскихъ друзей за радушный пріемъ и отправились въ обратный путь.

Все видѣнное и слышанное мною въ этотъ памятный день произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я, забившись въ уголокъ вагона, старался мысленно перенестись въ то далекое, но мнѣ казавшееся тогда близкимъ и осязательнымъ, время, когда великій Вильямъ жилъ, думалъ и писалъ въ своемъ маленькомъ, мирномъ Стратфордѣ-на-Эванѣ.



Скамья Шекспира.

---

*) Съ нимъ умерла живая натура и укрошаетъ
Гробницу эту болѣе его имя, чѣмъ ея стоимость;
Все вамъ, что онъ писалъ; искуство было лишь слугой его ума;
Умеръ, отъ Р. X 1616.
53 лѣтъ, въ день 23 Апр.

ИМОЖЕНА, ЕЯ ИСТОРІЯ И ХАРАКТЕРЪ ВЪ „ЦИМБЕЛИНѢ“.

I.

Опредѣлить время созданія «Цимбелина», какъ и многихъ другихъ пьесъ Шекспира, до сихъ поръ не вполнѣ еще удалось критикѣ. Корифеи шекспировской критики въ Англіи и въ Германіи и понынѣ продолжаютъ споръ о томъ, какой годъ слѣдуетъ считать годомъ созданія «Цимбелина». Извѣстно, что пьеса эта напечатана *въ первый разъ* въ знаменитомъ изданіи in-folio 1623 года; тамъ она помѣщена въ концѣ отдѣла «трагедій», вслѣдъ за «Антоніемъ и Клеопатрой» и заканчиваетъ собою весь томъ. Изъ такого размѣщенія [illegible] въ первомъ изданіи драматическихъ произведеній Шекспира, предпринятомъ черезъ семь лѣтъ послѣ смерти поэта актерами «Глобуса» и товарищами его по сценѣ, слѣдовало бы, повидимому, заключить, что «Цимбелинъ» есть послѣднее произведеніе Шекспира и составляетъ какъ бы заключительный акордъ его лиры. Но изданіе это сдѣлано такъ небрежно, въ немъ такъ много ошибокъ, столько самыхъ очевидныхъ недосмотровъ, что полагаться на него, въ особенности при класификаціи пьесъ, рѣшительно не представляется ни малѣйшей возможности.

При такомъ отсутствіи фактическихъ данныхъ намъ остается только довольствоваться болѣе или менѣе остроумными догадками. Одну изъ такихъ (хотя и не остроумныхъ догадокъ) сдѣлалъ еще Мэлонъ, извѣстный коментаторъ Шекспира въ XVIII столѣтіи. Онъ относитъ первое представленіе «Цимбелина» къ 1605 году, предполагая, слѣдовательно, что эта пьеса написана раньше этого года; но причины, заставившія Мэлона принять этотъ годъ, до такой степени странны, до такой степени лишены всякой критической подкладки, что не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ убѣдительными. Мэлонъ утверждаетъ, что «Цимбелинъ» долженъ былъ быть написанъ послѣ «Короля Лира» и раньше «Макбета», потому что таковъ историческій порядокъ содержанія этихъ пьесъ, порядокъ, указанный Голиншедомъ, изъ хроники котораго Шекспиръ заимствовалъ историческую часть этихъ пьесъ. Съ такимъ выводомъ согласиться невозможно. И въ самомъ дѣлѣ, если бы пришлось класифицировать произведенія Шекспира, основываясь лишь на исторической послѣдовательности ихъ содержанія, какъ это дѣлаетъ Мэлонъ, то мы принуждены были бы заключить, что, напримѣръ, драмы изъ римской жизни были написаны въ началѣ литературной дѣятельности поэта, между тѣмъ какъ намъ несомнѣнно извѣстно, что римскія драмы принадлежатъ къ послѣднему періоду его жизни. Тотъ же методъ, примѣненный къ «историческимъ хроникамъ», привелъ бы насъ къ еще болѣе страннымъ заключеніямъ: оказалось бы, напр., что хроника «Ричардъ II» написана раньше «Генриха VI», и такимъ образомъ мы бы заключили, что юношеское произведеніе Шекспира, въ которомъ поэтъ участвовалъ только какъ сотрудникъ да и то въ незначительной мѣрѣ, явилось на свѣтъ послѣ «Ричардъ II»,— одной изъ самыхъ цѣльныхъ и совершенныхъ драмъ, когда либо вышедшихъ изъ подъ пера великаго поэта.

Столь же неосновательно и мнѣніе Тика, высказанное имъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Тикъ думаетъ, что «Цимбелинъ», написанъ около 1615 года, т. е. за годъ до смерти поэта. Сравнительно недавнее открытіе уничтожаетъ это предположеніе. Пенъ Кольеръ, извѣстный и лучшій коментаторъ Шекспира, открылъ полный анализъ «Цимбелина» въ дневникѣ какого-то доктора Формана, писанномъ между 1610 и 1611 годами («Book of plaies and Notes thereof»). Форманъ упоминаетъ также о «Бурѣ» и о «Зимней сказкѣ», представленныхъ приблизительно въ то же время актерами «Глобуса». Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, а также на особенностяхъ стиля, о которыхъ здѣсь было бы излишне распространяться, Пенъ Кольеръ приходитъ къ заключенію, что всѣ три упомянутыя пьесы принадлежатъ къ одному и тому же періоду жизни Шекспира и могутъ считаться его послѣдними пьесами. Мнѣніе Кольера преобладаетъ въ настоящую минуту. Его приняли между прочимъ съ нѣкоторыми оговорками—Доуденъ и Ф. В. Гюго; Гервинусъ и Флей считаютъ 1609 годъ — годомъ созданія «Цимбелина», наконецъ, професоръ Герцбергъ относитъ его къ 1611 году. Во всякомъ случаѣ, благодаря открытію дневника доктора Формана, можно принять за несомнѣнный фактъ, что «Цимбелинъ» вмѣстѣ съ «Бурей» и «Зимней сказкой» принадлежитъ къ послѣднимъ произведеніямъ Шекспира, хотя и былъ написанъ задолго до его смерти.

Этотъ вопросъ, хотя до извѣстной степени выясненный такимъ образомъ, сохраняетъ свою важность не только по отношенію къ біографіи Шекспира и класификаціи его произведеній, но и по другимъ причинамъ. Имъ объясняется то, что прежде казалось необъяснимымъ въ «Цимбелинѣ», — именно тонъ этой романтической пьесы, акцентъ. Я уже сказалъ, что въ изданіи in-folio 1623 года «Цимбелинъ»—послѣдняя пьеса; передъ нею непосредственно помѣщены «Буря» и «Зимняя сказка». Конечно, это могло быть простою случайностью, но общность и, такъ сказать, духовное родство этихъ пьесъ не могутъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Особенности стихосложенія и стиля, болѣе широкая роль, приданная сценической обстановкѣ, ихъ романтическій характеръ, доказываютъ, что эти произведенія были написаны около одного и того же времени. Въ ихъ созданіи участвовали всѣ стороны генія Шекспира, но въ смягченной, болѣе изысканной формѣ. Если въ нихъ нѣтъ трагическаго элемента трагедій и беззаботной веселости комедій, то за то въ гораздо большей степени сосредоточенъ въ нихъ собственно поэтическій элементъ. Въ этомъ періодѣ жизни величайшаго изъ поэтовъ бывали моменты, когда онъ не былъ вполнѣ поглощенъ своимъ художественнымъ творчествомъ; онъ какъ будто бы писалъ, думая о своей жизни или о поляхъ и ручьяхъ Стратфорда, и продолжалъ, однако, писать; нити, связывавшія его духовную жизнь съ искуствомъ, не то что разрывались, а медленно и незамѣтно ослабѣвали. Лихорадка творчества прошла; и на себя, и на міръ, и на свои душевныя тревоги Шекспиръ сталъ смотрѣть покойнѣе. Монологъ Беларія въ концѣ третьей сцены третьяго дѣйствія въ «Цимбелинѣ», монологъ Иможены, когда она находитъ обезглавленное тѣло Клотена, написаны такъ, какъ бы Шекспиръ чувствовалъ лишь умѣренный интересъ къ нѣкоторымъ частямъ своихъ драматическихъ произведеній. Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить то, что въ эту эпоху Шекспиръ писалъ отрывки пьесъ, которыя дополнялись другими писателями. Онъ съ очевиднымъ наслажденіемъ принялся, напр., за «Перикла», но написалъ только эпизодъ Марины, допуская, чтобы эта жемчужина его творчества попала въ раму нелѣпой и грубой фантазіи другого писателя. Въ «Двухъ благородныхъ родственникахъ» грустно видѣть, какъ строки (потому что участіе Шекспира въ этой пьесѣ можно считать строками), писанныя Шекспиромъ, обезображены грязнымъ сюжетомъ Флетчера. Въ «Генрихѣ VIII» только тѣ сцены хороши, которыя были написаны Шекспиромъ, все-же остальное, принадлежащее Бьюмонту и Флетчеру, лишено художественнаго и нравственнаго единства и принесено въ жертву пошлому требованію произведенія, написаннаго на извѣстный случай ради восхваленія королевы Елизаветы. «Нѣтъ ничего удивительнаго, говоритъ Доуденъ, — что Шекспиръ въ это время не испытывалъ уже сильнаго давленія воображенія и чувствъ и пріобрѣлъ манеру письма болѣе пріятную, но менѣе величественную. Періодъ творчества трагедій кончился. Въ трагедіяхъ Шекспиръ изслѣдовалъ тайну зла. Онъ изучилъ тотъ вредъ, наносимый людьми другъ другу, который неисправимъ. Онъ видѣлъ, какъ невинные страдаютъ вмѣстѣ съ виновными. Являлась смерть и похищала изъ міра людей, преступника и его жертву, и мы оставались подъ впечатлѣніемъ торжественнаго ужаса, въ присутствіи неразрѣшимыхъ загадокъ жизни. Вотъ лежитъ злодѣйски убитый Дунканъ, который «царилъ такъ доблестно и кротко, высокій санъ такъ чисто сохранялъ»; вотъ безжизненная Корделія въ объятіяхъ безумнаго Лира; вотъ Десдемона на постелѣ, Десдемона, которая не скажетъ уже ни слова; вотъ Антоній, обращенный въ развалину чарами Клеопатры; вотъ, наконецъ, Тимонъ, отчаянный бѣглецъ изъ области жизни, нашедшій убѣжище лишь средь безплодныхъ и полныхъ забвенія морскихъ волнъ. И въ тоже самое время Шекспиръ открывалъ передъ нами трагическія тайны человѣческой жизни, укрѣплялъ наше сердце, показывая, что страданія — еще не самое большое зло для человѣка и что преданность, самоотверженіе, непорочная, искупляющая ревность къ добру—существуютъ и не могутъ потерпѣть пораженія. Теперь въ послѣдній періодъ своего творчества Шекспиръ оставался по прежнему серьезнымъ, — могло ли это быть иначе? — но его серьезность стала мягче и чище. Онъ уже менѣе нуждался въ суровомъ ученіи стоицизма, потому что укрѣпляющій элементъ той мудрости, которую заключаетъ въ себѣ стоицизмъ, былъ уже выдѣленъ и вошелъ въ плоть и кровь поэта. Шекспиръ по прежнему думалъ о тяжкихъ испытаніяхъ человѣческой жизни, о томъ вредѣ, который люди наносятъ другъ другу; но въ его теперешнемъ настроеніи онъ искалъ не трагическаго исхода, а скорѣе веселаго и мирнаго разрѣшенія вопроса. Дисонансъ долженъ былъ разрѣшиться въ гармонію, ясную и восторженную, торжественную и глубокую. Согласно этому, въ каждой изъ этихъ пьесъ — въ «Зимней сказкѣ», въ »Бурѣ», въ «Цимбелинѣ», — мы видимъ тяжелыя заблужденія сердца, видимъ вредъ, наносимый человѣкомъ человѣку, и столь же жестокій, какъ и въ великихъ трагедіяхъ, но въ концѣ дисонансъ разрѣшается, наступаетъ примиреніе. Это слово объясняетъ послѣднія произведенія Шекспира: примиреніе — «слово чудное, какъ небо». Это не только развязка, какъ въ первыхъ комедіяхъ,—«Два Веронца», «Много шуму изъ ничего», «Какъ вамъ будетъ угодно» и другихъ. Разрѣшеніе всѣхъ раздоровъ въ послѣднихъ пьесахъ не только необходимость сценическая, необходимость техники, фабулы, придуманная авторомъ для того, чтобы закончить пьесу, и мало интересная для его фантазіи и для его сердца. Здѣсь разрѣшеніе раздоровъ имѣетъ духовное, этическое значеніе; это—нравственная необходимость». «Юношеская красота и юношеская любовь являются въ этихъ послѣднихъ пьесахъ Шекспира въ болѣе нѣжномъ свѣтѣ, чѣмъ въ прежнихъ его произведеніяхъ. Въ своихъ первыхъ произведеніяхъ Шекспиръ изображаетъ молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ съ ихъ любовью, весельемъ и огорченіями, какъ человѣкъ, живущій среди нихъ, принимающій во всемъ, касающемся ихъ, самое живое, личное участіе; онъ можетъ раздѣлять ихъ веселье, обращаться съ ними запросто, а если нужно, — научить ихъ насмѣшками уму-разуму. Въ этихъ первыхъ пьесахъ молодость съ ея радостями и печалями не представляетъ ничего удивительнаго, чудно-прекраснаго, патетическаго. Въ историческихъ драмахъ и трагедіяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, болѣе важные, обширные и глубокіе вопросы занимаютъ воображеніе поэта. Но въ послѣднихъ романтическихъ пьесахъ мы вездѣ видимъ прекрасное, патетическое освѣщеніе. Тутъ страдаютъ люди пожившіе, опытные, испытанные жизнію—королева Екатерина, Просперо, Герміона. А рядомъ съ ними дѣти погружены въ свой счастливый, изящный эгоизмъ — Пердита и Миранда, Флоризель и Фердинандъ, Иможена и воспитанники стараго Беларія. Для сохраненія идеальности всѣхъ этихъ молодыхъ, прекрасныхъ личностей, употреблены во всѣхъ случаяхъ одни и тѣ же средства (можетъ быть, скорѣе невольно, чѣмъ преднамѣренно). Всѣ они — покинутые дѣти, принцы и принцесы, удаленные отъ двора и всякой условной обстановки и живущіе въ какой либо удивительной, прекрасной мѣстности. Передъ нами принцы Арвирагъ и Гвидерій живутъ среди уэльскихъ горъ, дышатъ свѣжимъ воздухомъ и привѣтствуютъ восходъ солнца. Передъ нами Пердита, — пастушка - принцеса, «царица всѣхъ молочницъ», раздающая и старикамъ, и юношамъ цвѣты, прекраснѣе и безсмертнѣе тѣхъ, которые разроняла Прозерпина, «когда неслась на огненныхъ коняхъ суроваго Плутона». Передъ нами Миранда (самое имя которой уже означаетъ чудо), — соединеніе красоты, любви и женскаго сострадания, «не имѣющая ни привычекъ двора, ни привычекъ деревни», воспитанная на очарованномъ островѣ, гдѣ Просперо былъ ея опекуномъ и покровителемъ, Калибанъ—ея слугой, а неаполитанскій принцъ любовникомъ. Въ каждой изъ этихъ пьесъ мы видимъ Шекспира какъ-бы нѣжно склоняющимся надъ юностью съ ея радостями и печалями. Мы это замѣчаемъ скорѣе въ общей характеристикѣ личностей, въ общемъ впечатлѣніи и сознаніи присутствія этого чувства, чѣмъ въ опредѣленныхъ эпизодахъ и выраженіяхъ. Но кое-что подобное пробивается въ безкорыстной радости и удивленіи Беларія, когда онъ смотритъ на юношей-принцевъ, и въ преданности Камила Флоризелю и Пердитѣ; еще яснѣе это высказывается въ словахъ Просперо, которыя онъ произноситъ, глядя издали на старанія Миранды облегчить Фердинанду его тяжолый трудъ: «бѣдняжка! ты заразилась ядомъ!»

Во всякомъ случаѣ, въ этихъ трехъ пьесахъ (и кромѣ того въ эпизодѣ Марины въ «Периклѣ») мы имѣемъ дѣло съ особеннымъ цикломъ произведеній Шекспира, указывающимъ если не на ослабленіе его творчества, то на поворотъ въ его воззрѣніяхъ. Это какъ бы поэтическое завѣщаніе великаго поэта, въ которомъ онъ какъ бы резюмируетъ свое міровоззрѣніе и подводитъ итоги своей творческой дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія,—даже помимо ихъ поэтической цѣнности, — пьесы этого цикла представляютъ громадный интересъ. А между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, одной изъ нихъ, именно «Цимбелину», до крайности не посчастливилось. «Цимбелинъ» никогда не былъ въ большой милости ни у критиковъ, ни у читателей. Даже и теперь эта пьеса меньше читается, чѣмъ другія произведенія Шекспира. Въ русской литературѣ она переводилась рѣже другихъ и эти переводы менѣе удачны. Закладъ Постума относительно вѣрности его супруги, также какъ и исторія Елены въ комедіи: «Все хорошо, что хорошо кончается»,— многихъ читателей отталкиваютъ въ этихъ пьесахъ; нѣкоторые черезъ чуръ глубокомысленные критики по этому поводу высказали множество самыхъ странныхъ соображеній, обвиняя Шекспира чуть ли не въ проповѣди безнравственности. На сценѣ она давалась рѣже другихъ. Старые коментаторы осудили ее на изгнаніе. Джонсонъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ «Цимбелина»: «эта драма сіяетъ не многими вѣрными мыслями, нѣсколькими естественными разговорами и пріятными сценами; но вся она исполнена страшныхъ невѣроятностей. Каждый замѣтитъ, до чего ложно ея изобрѣтеніе, до чего неестественны ея происшествія, странно смѣшеніе именъ и совершенно различныхъ историческихъ эпохъ, и до чего она преисполнена невозможныхъ явленій жизни.» По его мнѣнію, фабула пьесы нелѣпа, событія невозможны, развитіе сюжета — глупо; къ этой оцѣнкѣ онъ самодовольно прибавляетъ, что ошибки драмы такъ очевидны, что нѣтъ надобности на нихъ указывать, и кромѣ того, такъ велики, что ихъ невозможно преувеличивать. Даже нѣмецкая критика, имѣвшая до самаго послѣдняго времени похвальную привычку брать Шекспира подъ свою защиту, отнеслась къ «Цимбелину» совершенно равнодушно. Шлегель, напр., сдѣлавъ совершенно произвольное предположеніе, что «Цимбелинъ» занималъ Шекспира еще въ ранней его молодости, говоритъ, что ни въ одной пьесѣ поэта не господствуетъ такого «разнообразія» разговоровъ, «свѣтскаго» тона, нѣжной любви, наивной естественности, рядомъ съ изящнымъ колоритомъ простонародныхъ выраженій и мыслей, и называетъ ее однимъ «изъ самыхъ удивительныхъ составовъ». Что хотѣлъ сказать знаменитый нѣмецкій критикъ этими выраженіями,—и по нынѣ остается тайной, но похвалы его, во всякомъ случаѣ, кажутся слишкомъ подогрѣтыми, чтобы быть искренними. Разборъ «Цимбелина» не посчастливился и другому знаменитому нѣмецкому критику,—Ульрици. Онъ говорилъ, что «Цимбелинъ» есть «существеннымъ образомъ» комедія интриги и въ тоже время все-таки остается комедіей судьбы; пытаясь проникнуть въ смыслъ этой комедіи, Ульрици такъ и не рѣшилъ, гдѣ начинается комедія интриги и гдѣ кончается комедія судьбы. Газлитъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ «Цимбелина»: «Цимбелинъ» можетъ назваться драматическимъ романомъ, въ которомъ всѣ самыя разительныя части повѣсти представлены въ видѣ разговора и всѣ обстоятельства объясняются говорящими по мѣрѣ того, какъ представляется къ тому случай. Чтеніе этой пьесы походитъ на путешествіе, котораго цѣль невѣрна и въ которомъ недоумѣніе поддерживается и возвышается длинными промежутками, отдѣляющими одно дѣйствіе отъ другого». Согласитесь сами, что такое объясненіе едва-ли можно назвать объясненіемъ. Въ Германіи, гдѣ произведенія Шекспира даются почти на всѣхъ театрахъ, — «Цимбелина» играютъ очень рѣдко, да и то только въ большихъ городахъ: въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, и всегда безъ успѣха. Когда въ 1851 году на одномъ изъ берлинскихъ театровъ дали эту пьесу, она не понравилась, не смотря на интересъ, возбужденный нѣкоторыми мѣстами.

Не посчастливилось «Цимбелину» и въ другомъ отношеніи. Пьеса эта была поставлена на сцену въ первыхъ годахъ царствованія Якова I-го; затѣмъ она была возобновлена съ большимъ успѣхомъ при дворѣ Карла I-го, и самъ король, вскорѣ послѣ того сложившій голову на плахѣ, высказалъ по поводу этого представленія свое удовольствіе, которое и было офиціально записано сэромъ Генри Гербертомъ, церемонимейстеромъ двора. Послѣ долгаго перерыва, вслѣдствіе закрытія пуританами театровъ, «Цимбелинъ» былъ снова поставленъ въ Лондонѣ при послѣднемъ изъ Стюартовъ, Яковѣ II, но, къ несчастью, уже въ *исправленномъ* видѣ, о которомъ позаботился наѣкто Дорсэй, измѣнившій даже и заглавіе пьесы и назвавшій ее «Оскорбленная принцеса или роковой закладъ», — такъ что и на произведеніяхъ Шекспира стало отражаться настроеніе времени и моды. «Исправленія» Шекспира продолжались и впослѣдствіи. Въ XVIII столѣтіи онъ былъ исправленъ различно для трехъ различныхъ театровъ: Чарльсомъ Маршемъ въ 1775 году, Гаукинсомъ — въ 1759, и знаменитымъ Гарикомъ—въ 1761 году. Къ счастью, XIX столѣтіе положило конецъ этимъ исправленіямъ: «Цимбелинъ» возстановленъ въ своей первоначальной формѣ и въ этомъ видѣ дается отъ времени до времени на англійскихъ и нѣмецкихъ сценахъ, хотя, какъ мы видѣли, безъ особеннаго успѣха. Это обстоятельство объясняется очень просто: «Цимбелинъ» не сцениченъ и не отвѣчаетъ условіямъ современной сцены. Картины мѣняются безпрестанно. Даже и тогда, когда роли Постума и Иможены исполняются первокласными актерами, — сценическій эфектъ этихъ ролей исчезаетъ: Постумъ и Иможена рѣдко появляются на сценѣ и окружены слишкомъ большимъ количествомъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ что даже выдающійся талантъ актеровъ не въ состояніи поддержать интереса. Къ тому же дѣйствіе начинается вяло и неловко разговоромъ двухъ лицъ, не принимающихъ ни малѣйшаго участія въ драмѣ. Исторія Беларія мало вѣроятна и онъ разсказываетъ ее зрителямъ безъ всякой видимой необходимости. Ко всему этому необходимо еще прибавить и то, что въ пьесѣ нѣтъ единства дѣйствія: въ ней мы видимъ развитіе, такъ сказать, паралельное, трехъ различныхъ сюжетовъ, изъ которыхъ одинъ созданъ самимъ Шекспиромъ (исторія Беларія, Арвирага и Гвидерія), другой — борьба римлянъ съ бретонами—заимствованъ поэтомъ изъ хроники Голиншеда, и третій,— собственно романтическая исторія любви Постума и Иможены, — взятъ имъ изъ Бокачіо.

Впрочемъ, исторія этихъ заимствованій представляетъ значительный интересъ съ точки зрѣнія сравнительнаго изученія литературы и творчества Шекспира.

II.

Идеальная фигура женщины, которую мы вмѣстѣ съ Шекспиромъ называемъ Иможеной, не есть, собственно говоря, созданіе творческой фантазіи поэта; она жила и раньше въ воображеніи среднихъ вѣковъ и ея исторія есть до извѣстной степени исторія развитія европейской культуры втеченіи четырехъ столѣтій. Поэтому она интересна не только съ поэтической, но также и съ исторической точки зрѣнія.

Первый слѣдъ будущей шекспировской Иможены мы находимъ въ XIII столѣтіи; тогда она носила названіе Эвріанты, и съ нею знакомитъ насъ средневѣковая поэма, состоящая изъ четырехъ тысячъ стиховъ и названная: «Roman de la Violette». Несчастная Эвріанта была одной изъ печальнѣйшихъ жертвъ «платонической» рыцарской любви. При дворѣ нѣкоего Людовика Французскаго живетъ добродѣтельный рыцарь Жераръ, имѣющій не менѣе добродѣтельную жену Эвріанту. На праздникъ пасхи во дворецъ собрались всѣ великіе васалы короны,—герцоги, графы, бароны. Происходитъ нѣчто въ родѣ музыкальнаго концерта. Жераръ поетъ пѣсню въ честь своей возлюбленной, прославляя ее превыше всѣхъ женщинъ, живущихъ между Мецомъ и Понтуазомъ. Понятно, что такое восхваленіе одной дамы въ ущербъ всѣмъ остальнымъ оскорбляетъ честь присутствующихъ рыцарей. Одинъ изъ нихъ, Лизіаръ, красный отъ гнѣва, предлагаетъ Жерару пари въ томъ, что не пройдетъ и недѣли, какъ прославленная и добродѣтельная Эвріанта станетъ любовницей Лизіара. Жераръ, безусловно вѣря въ добродѣтель своей возлюбленной, принимаетъ пари. Лизіаръ уѣзжаетъ въ Неверъ и является съ визитомъ къ мадамъ Эвріантѣ, которая торопится спуститься съ башни, чтобы принять дорогого гостя. Не откладывая дѣло въ долгій ящикъ, любезный рыцарь въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ объясняется ей въ любви. Эвріанта, очевидно, не принимаетъ любви рыцаря, но отвѣчаетъ вѣжливо. Рыцарь настаиваетъ и вскорѣ отъ словъ переходитъ къ дѣйствіямъ, какъ и подобаетъ настоящему рыцарю, но Эвріанта коротко и ясно говоритъ, что это ей не нравится и прекращаетъ щекотливый разговоръ, уходя подъ предлогомъ приготовленія ужина. Видя свое фіаско, Лизіаръ впадаетъ въ уныніе, но за ужиномъ, замѣтивъ служанку, старую коргу, нѣсколько пріободряется. Онъ подкупаетъ ее и на другое утро она ведетъ его къ дверямъ комнаты своей госпожи; черезъ щель онъ видитъ, какъ Эвріанта купается, разумѣется, голая. Онъ замѣчаетъ подъ правой грудью у нея родимое пятнышко, похожее на фіалку (violette). Этого ему достаточно: онъ спасенъ. Немедленно онъ возвращается ко двору въ Меленъ и въ присутствіи короля и всѣхъ придворныхъ объявляетъ, что выигралъ пари, прибавляя, что готовъ доказать это, если пошлютъ за Эвріантой. Ничего не зная, она съ радостью принимаетъ посланнаго и отправляется въ Меленъ. Пріѣхавъ туда, она является къ королю и тогда ужь въ ея присутствіи Лизіаръ снова повторяетъ, что выигралъ пари, т. е. что Эвріанта—его любовница.

> Sire, je me vant
> Que j'ai de li ma volonté,
> Et vès mechi entalenté,
> Que maintenant le prouverai
> Par ensaignes que nommerai.
> Le roi a dit: «Noumès les dont».
> — «Par ma foi, sire, dit le trechière,
> De sous sa destre mamelette
> A une belle viollette...

При этомъ открытіи несчастная, разумѣется, падаетъ въ обморокъ, а Жераръ принужденъ признать, что потерялъ пари. Родственники требуютъ отъ него примѣрнаго наказанія вѣроломной, которая оскорбила честь фамиліи. Онъ приказываетъ Эвріантѣ садиться верхомъ на лошадь и сопровождать его. Послѣ долгихъ блужданій они пріѣзжаютъ въ дремучій лѣсъ; тамъ онъ ее покидаетъ на волю судьбы и скрывается,—«ища по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ», какъ сказалъ впослѣдствіи Грибоѣдовъ. Вскорѣ, однакожъ, Жераръ убѣждается, что Эвріанта невинна, подслушавъ разговоръ Лизіара съ старой коргой. Угрызенія совѣсти мучатъ его и онъ отправляется искать свою возлюбленную. Находитъ онъ ее въ Мецѣ, но въ плачевномъ состояніи: ее собираются публично сжечь по обвиненію въ убійствѣ одной принцесы, которая, конечно, убита не ею. Жераръ спасаетъ Эвріанту и передъ королемъ обвиняетъ Лизіара во лжи. Рѣшеніе спора предоставлено суду Божьему: начинается поединокъ на смерть между Жераромъ и Лизіаромъ. Послѣ долгой борьбы, которая описана поэтомъ среднихъ вѣковъ съ гомерическою точностью, Лизіаръ побѣжденъ, сознается въ сдѣланной имъ клеветѣ и погибаетъ на висилицѣ.

Таковъ первоначальный, чисто средневѣковой источникъ, изъ котораго мы почерпаемъ первыя свѣденія о будущей Иможенѣ. Этотъ романъ, написанный въ началѣ XIII столѣтія трубодуромъ Жильбертомъ де-Монтрейлемъ и посвященный Маріи, племянницѣ короля Филипа-Августа, имѣлъ большой успѣхъ. Успѣхъ этотъ вызвалъ вскорѣ плагіатъ, — «Roman du comte de Poitiers»,—въ которомъ разсказана та же фабула съ измѣненіемъ только названія лицъ. Но вскорѣ затѣмъ тѣ же поэтическія данныя вызвали новое произведеніе,—«Roman de la belle Jehanne», — прелестную и граціозную сказку, одинъ изъ лучшихъ литературныхъ памятниковъ среднихъ вѣковъ, — сказку, въ которой будущая Иможена, изъ Эвріанты превратившись въ Жеганну, является передъ нами въ болѣе граціозной и опоэтизированной формѣ. Дѣло въ томъ, что во Фландріи жилъ богатый рыцарь, у котораго была дочь, Жеганна. Безпокоясь о будущности своей дочери, рыцарь выдаетъ ее замужъ за своего вѣрнаго оруженосца Робена, котораго онъ любитъ, какъ сына, и котораго посвящаетъ въ рыцари съ названіемъ мессира Роберта. Робертъ счастливъ, но онъ далъ обѣтъ совершить богомолье, какъ только будетъ посвященъ въ рыцари. Исполняя обѣтъ, онъ покидаетъ свою жену въ день свадьбы, не успѣвши даже воспользоваться своими правами мужа. Одинъ изъ гостей, рыцарь Рауль, замѣтивъ, что Робертъ уѣзжаетъ, насмѣшливо говоритъ ему, что если онъ покидаетъ свою красивую жену въ день свадьбы, то онъ, Рауль, берется сдѣлать его рогоносцемъ до его возвращенія. Увѣренный въ добродѣтели жены, Робертъ принимаетъ пари и уѣзжаетъ. Послѣ отъѣзда Роберта, Рауль принимается ухаживать за Жеганной, но видя, что она не доступна, онъ подкупаетъ ея Дуэнью, которая ему говоритъ, что въ тотъ день, какъ Жеганна будетъ купаться, она удалитъ изъ дому всѣхъ людей и Рауль будетъ имѣть удовольствіе купаться съ Жеганной. Сказано, сдѣлано. Въ то время, какъ Жеганна, точно цѣломудренная Сусанна, купается въ ваннѣ, Рауль входитъ. Не смотря на мольбы Жеганны, онъ не удаляется и, говоря, что сгараетъ любовью къ ней, приближается къ ваннѣ, беретъ Жеганну въ объятія и несетъ ее къ кровати. Къ счастью, во время борьбы, въ самый критическій моментъ, шпоры рыцаря запутываются въ шнуркахъ кровати и онъ падаетъ вмѣстѣ съ своей жертвой. Жеганна освобождается изъ его рукъ, вскакиваетъ и прежде, чѣмъ рыцарь успѣлъ подняться, схватываетъ бревно и ударяетъ имъ по головѣ Рауля. Раненный рыцарь убѣгаетъ, но не считаетъ себя побѣжденнымъ, такъ какъ успѣлъ замѣтить на тѣлѣ Жеганны родимое пятнышко. Въ воскресенье Робертъ возвращается. На другой день является Рауль и заявляетъ, что выигралъ пари, т. е. что Робертъ по его винѣ рогоносецъ. Доказательство, представленное Раулемъ, несомнѣнно; Робертъ сознается, что онъ побѣжденъ и исчезаетъ.

Жеганна, оскорбленная и несчастная, не смотря на мольбы отца, переодѣвается мужчиной и въ свою очередь исчезаетъ. Теперь она называется уже Жеганомъ. По дорогѣ въ Орлеанѣ она встрѣчается съ Робертомъ. Путешественники заговариваютъ другъ съ другомъ. Молодой человѣкъ нравится Роберту и онъ беретъ его къ себѣ въ пажи. И вотъ оба супруга, одинъ въ качествѣ рыцаря, другая—въ качествѣ пажа, отправляются въ Марсель. Благодаря смѣтливости и энергіи Жеганны, дѣла ихъ въ Марселѣ идутъ отлично; они открываютъ постоялый дворъ и наживаютъ деньги. Однажды на постоялый дворъ явился какой-то человѣкъ въ одеждѣ богомольца и объявляетъ, что отправляется въ Іерусалимъ искупить великій грѣхъ. На вопросъ Жеганны, какой грѣхъ, онъ разсказываетъ, что оклеветалъ честную женщину и разорилъ ея мужа. Жеганна, однакожъ, ничего изъ этого разговора не сообщаетъ мужу; богомолецъ отправился въ Іерусалимъ и, спустя нѣкоторое время, возвратился на родину, опять побывавъ въ Марселѣ и поживъ на постояломъ дворѣ супруговъ. Тогда Жеганна уговариваетъ Роберта продать заведеніе и возвратиться на родину. Робертъ, который очень привязался къ своему пажу, соглашается и они вскорѣ отправляются. Возвращеніе Роберта было великимъ счастьемъ для старика отца, который по этому поводу устраиваетъ пиръ. На пиръ приглашенъ былъ и Рауль. Какъ только онъ вошелъ, Робертъ, показывая его Жегану, сказалъ, что это тотъ именно рыцарь, который отнялъ у него жену и состояніе. Жеганъ отвѣчаетъ, что Рауль солгалъ и что онъ готовъ подтвердить свои слова оружіемъ. Но Робертъ не допускаетъ и самъ вызываетъ Рауля. Рауль на поединкѣ побѣжденъ и сознается въ клеветѣ, но болѣе великодушный, чѣмъ Жераръ, Робертъ прощаетъ его, какъ Постумъ прощаетъ Іакима, и Рауль вмѣсто того, чтобы быть повѣшеннымъ, подвергается только изгнанію. Робертъ, однакожъ, не счастливъ. Онъ теперь знаетъ, что его жена не измѣнила ему; онъ отмстилъ оскорбленіе; но гдѣ она и гдѣ его любимый пажъ, который скрылся? Вскорѣ и это улаживается. Однажды старикъ отецъ приводитъ его въ комнату, гдѣ находится его жена, сіяющая красотой; въ порывѣ счастія они обнимаются. Но гдѣ пажъ? Онъ пойдетъ его искать. Тогда жена говоритъ ему: «не печалься о своемъ пажѣ, потому что я — твой пажъ», и разсказываетъ ему всю исторію. Мессиръ Робертъ былъ удивленъ и осчастливленъ тѣмъ, что нашелъ въ одномъ и томъ же лицѣ два существа, которыхъ больше всего любилъ на свѣтѣ,—свою жену и своего пажа. Въ этой граціозной сказкѣ Эвріанта поэмы — женщина варварскаго общества — уже носитъ въ себѣ извѣстную культуру, ея характеръ болѣе выработанъ, ея чувство болѣе развито, вся ея натура облагородилась и носитъ уже тотъ поэтическій отпечатокъ, который впослѣдствіи, благодаря Шекспиру, окружилъ такимъ роскошнымъ ореоломъ изящную фигуру Иможены.

Но наша героиня прежде должна еще испытать превращеніе подъ перомъ Бокачіо. Фабула, придуманная Жильбертомъ де-Монтрейлемъ, развитая и украшенная въ «Roman de la belle Jehanne», — эмигрируетъ въ Италію и преображенная, принявшая итальянскій характеръ, появляется въ знаменитомъ «Декамеронѣ». Но съ тѣхъ поръ прошло уже сто лѣтъ, — цѣлый вѣкъ, — и хотя рыцарство въ Европѣ все еще существуетъ, но оно значительно измѣнилось, а въ Италіи такъ даже потеряло половину своего значенія; благодаря значительной торговлѣ, которая тогда уже возникла въ Италіи, и исторія нашей героини перемѣнила среду и дѣйствующія лица, итальянцы и итальянки на этотъ разъ, приняли другой характеръ, болѣе страстный и болѣе, слѣдовательно, безжалостный. Исторія итальянской Иможены, которая на этотъ разъ называется Джиневрой, разсказана Бокачіо въ девятой новелѣ второго дня. Наша героиня — жена итальянскаго купца изъ Генуи. Споръ о ея добродѣтели и затѣмъ закладъ происходятъ въ Парижѣ и Амброджіуло держитъ пари противъ мужа Джиневры, отправляется въ Геную, подкупаетъ одну женщину и попадаетъ въ спальню героини, спрятавшись въ ящикъ. Здѣсь Бокачіо придерживался вполнѣ прежнихъ редакцій, придумалъ съ своей стороны только ящикъ, съ помощью котораго Амброджіуло проникаетъ въ спальню. Это послѣднее обстоятельство важно тѣмъ, что и Шекспиръ удержалъ ящикъ. Но одна особенность новелы Бокачіо характеризуетъ мѣсто и время, измѣнившіяся и указывающія на присутствіе новой культуры. Ночью, попавъ въ спальню Джиневры, Амброджіуло, замѣтилъ родимое пятно и, *укравъ* кошелекъ, платье, кольцо и поясъ, уходитъ, не имѣя ни малѣйшаго намѣренія играть роль Адониса или обольстителя; онъ — человѣкъ практическій и идетъ прямо къ цѣли. Все потомъ случившееся,—доказательства своей побѣды, которыя обманщикъ представляетъ мужу Джиневры, месть мужа, приказывающаго слугѣ заманить жену ложнымъ извѣстіемъ и убить ее, затѣмъ разсказъ о томъ, какъ этотъ слуга трогается ея просьбами, какъ Джиневра остается въ пустынѣ, въ мужской одеждѣ,— носитъ тотъ же характеръ. Джиневра послѣ различныхъ странствованій прибываетъ въ Александрію и поступаетъ, какъ мужчина, на службу къ султану; наконецъ обманъ раскрывается итальянскими купцами, такъ какъ у Амброджіуло найдены вещи, украденныя имъ въ спальнѣ Джиневры. Судьба Амброджіуло печальнѣе судьбы Рауля и даже судьбы Лизіара. Лизіаръ повѣшенъ, Рауль прощенъ, а Амброджіуло, по приказанію султана, посаженъ на колъ и съѣденъ мухами, сознавшись предварительно въ клеветѣ.

Всѣ коментаторы согласны въ томъ, что исторія Иможены, заимствована Шекспиромъ у Бокачіо, но превращеніе героини подъ перомъ англійскаго поэта лучше всего показываетъ, *какъ* изучаетъ онъ человѣческую природу. Бокачіо разсказываетъ намъ только внѣшнюю роль своей героини. Мы знаемъ, что съ нею случается и какъ она дѣйствуетъ, но не знаемъ, что она чувствуетъ. Въ ней мы замѣчаемъ только два чувства — спеціальная принадлежность ея пола: она боится умереть и желаетъ отомстить Амброджіуло; двѣ слабости, которыхъ нѣтъ и слѣда у Иможены. Ни одинъ изъ поступковъ Джиневры не указываетъ на крупный характеръ. Никто не препятствовалъ ей выйдти замужъ, неизвѣстно, любитъ ли она своего мужа, Амброджіуло не преслѣдуетъ ее своей любовью, она не подвергается ни усталости, ни голоду ради того, кого любитъ, она не принуждена бороться ни противъ ловкой мачихи, ни противъ грубаго принца. Ничего идеальнаго въ ней нѣтъ; она просто практическая женщина, итальянка, которая желаетъ возможно лучше устроить свои дѣла. Она *уже* не Эвріанта и не Жеганна, но *еще* не Иможена: она на перепутьи двухъ вѣковъ и двухъ цивилизацій; рыцарская эпоха — за нею, но эпоха возрожденія еще впереди.

Впрочемъ, на Бокачіо не останавливаются воплощенія Иможены. Въ началѣ XV столѣтія новела Бокачіо вторично переходитъ Альпы и снова появляется во Франціи и превращается на этотъ разъ въ драму. Она называется: «Cy commence le miracle de Notre-Dame, comment Ostes, roi d'Espaignes, perdit sa terre par gagier, contre Berangier qui le tray et li fit faux entendre de sa femme, en la bonté de la quelle Ostes se fiait, et depuis le destruit Ostes en champ de batailles». И мѣсто дѣйствія и лица въ этой драмѣ совершенно измѣняются. Тутъ участвуютъ Отонъ, племянникъ императора Лотаря, и Дениса, дочь испанскаго короля Альфонса. Обманщикъ, нѣкто Беранже, для своего обмана не пользуется ни ванной, какъ у первыхъ французскихъ разскащиковъ, ни ящикомъ, какъ у Бокачіо и впослѣдствіи у Шекспира; онъ придумываетъ новое средство. Эглантина, соучастница Беранже, даетъ усыпляющее средство Денисѣ, испанской принцесѣ. Отонъ, котораго Беранже убѣдилъ въ невѣрности Денисы, клянется убить свою жену, которая, разумѣется, ничего не знаетъ. Но ей является Богоматерь въ сопровожденіи архангела Гавріила, архангела Михаила и «Монсиньора» св. Іоанна, которые совѣтуютъ ей переодѣться въ оруженосца и отправиться въ Гренаду къ отцу. Дѣло принимаетъ широкіе размѣры. Отонъ, взбѣшенный тѣмъ, что жена его избѣжала его мести, проклинаетъ бога и дѣлается сарациномъ, а король Гренады, вступивъ въ союзъ съ королями Тарса, Арменіи, Мароко и съ султаномъ турецкимъ, рѣшается идти войной противъ императора Лотаря, чтобы возстановить отца Денисы на испанскомъ престолѣ. Впрочемъ, дѣло обходится безъ пролитія крови. Благодаря Денисѣ, обманщикъ открытъ и сознается въ клеветѣ. Мужъ отыскиваетъ жену, отецъ узнаетъ дочь; въ радости Альфонсъ отдаетъ своему зятю испанскую корону, а самъ получаетъ отъ императора Марбельское королевство. Всѣ довольны, за исключеніемъ Беранже, который погибаетъ на плахѣ.

Изъ Франціи наша героиня переходитъ въ Германію, гдѣ новела Бокачіо была переработана также въ драматической формѣ въ 1596 году, подъ заглавіемъ «Прекрасной исторіи объ одномъ богобоязненномъ падуанскомъ купцѣ». Авторъ называетъ себя Захарьей Либгольдомъ изъ Зольберга. Благочестивый купецъ, который бьется объ закладъ относительно вѣрности своей жены — «Castitas» — называется «Veridicus», его противникъ—«Falsarius», а веденіе интриги предоставлено алегорическому лицу, демону брака. Драма написана рифмованными попарно стихами; развитіе сюжета очень наивно; въ главныхъ чертахъ онъ, однако, сходится съ новелой Бокачіо.

Обработка этой новелы существуетъ также и на англійскомъ языкѣ въ старинной книгѣ «Westward for smelts» ets. (разсказъ этотъ былъ перепечатанъ Мелономъ). Въ англійской передѣлкѣ дѣйствіе перенесено въ Англію, въ царствованіе Генриха VI, во время борбы съ королемъ Эдуардомъ IV. Постумъ является здѣсь въ видѣ джентельмена изъ Ультрама, неподалеку отъ Лондона. Что Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ не изъ этого разсказа, а изъ новелы Бокачіо, видно изъ того, что положеніе преступника въ спальнѣ въ драмѣ Шекспира совершенно такое-же, какъ у Бокачіо, тогда какъ въ англійской обработкѣ онъ прячется просто подъ кровать, а не въ ящикъ. Злодѣй похищаетъ у спящей только распятіе, которое онъ беретъ не съ груди ея, а со стола, стоявшаго возлѣ кровати, не смотря на то, что она имѣла обыкновеніе носить его постоянно «близъ сердца». Въ этомъ распятіи заключается все доказательство ея вины; ни о родимомъ пятнышкѣ подъ лѣвою грудью, о которомъ упоминаетъ Бокачіо, ни о картинахъ въ комнатѣ, которыя обманщикъ удерживаетъ въ памяти, — тамъ не говорится ни слова.

Во всякомъ случаѣ, какъ нѣмецкая драма, такъ и англійскій разсказъ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ шекспировской драмѣ. Главный ходъ развитія сюжета является поэтому въ слѣдующемъ видѣ: Эвріанта, Жеганна, Джиневра, Дениса и, наконецъ, Иможена; всѣ стадіи развитія и культуры женщины здѣсь находятся на лицо. Эвріанта — эта еще первобытная женщина, имѣющая только животные инстинкты; въ Жеганнѣ уже просвѣчиваетъ человѣческое чувство, она облагорожена любовью, хотя подъ корой варварства среднихъ вѣковъ; Джиневра — уже довольно опредѣленный типъ итальянки, чувственной, изворотливой, находчивой и ловкой; Дениса представляетъ собой какъ бы потухающій блескъ рыцарства; наконецъ, Иможена предстаетъ передъ нами, какъ высшій идеалъ женщины.

III.

Раньше, чѣмъ приступить къ анализу этого идеала, мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ объ источникахъ, изъ которыхъ была заимствована другая сторона драмы Шекспира, — борьба римлянъ съ британцами, та quasi-историческая сторона, которая въ «Цимбелинѣ» играетъ не послѣднюю роль, служитъ какъ бы почвой драмѣ и придаетъ особенный характеръ романтическому сюжету, расширяя горизонтъ дѣйствія и дѣлая простой «анекдотъ» государственнымъ событіемъ. Эта историческая почва очень любопытна: тутъ мы видимъ короля британцевъ Цимбелина, его сыновей Арвирага и

Гвидерія, латинскую мифологію, итальянцевъ времени XVI столѣтія, римскія войска, цивилизацію Рима, перенесенную въ полу-дикую Британію,—и все это въ эпоху римскаго императора Августа. Въ сущности, Шекспиръ переноситъ дѣйствіе въ невѣдомую страну, принадлежащую легендарной географіи, въ какую-то баснословную Англію, столица которой называется Новой Троей и гдѣ среди царедворцевъ, одѣтыхъ въ кафтаны XV столѣтія, царствуетъ престарѣлый король, посвященный въ рыцари Августомъ. Какое смѣшеніе исторической хронологіи въ этой легендарной исторіи! Но Шекспиръ не выдумалъ ее, а заимствовалъ изъ готоваго уже источника,—изъ хроники Голиншеда, которая пользовалась въ свое время несомнѣннымъ историческимъ авторитетомъ. Собственно же легенда ведетъ свое начало гораздо раньше.

Дѣло въ томъ, что въ началѣ XII столѣтія нѣкто Вальтеръ Мэнъ, оксфордскій архидіаконъ, большой любитель старинныхъ хроникъ, отправился въ Арморику (нынѣшняя Бретань), имѣя смутную надежду отыскать какіе нибудь старые документы, относящіеся къ исторіи Британіи. И дѣйствительно, въ какомъ-то монастырѣ онъ открылъ рукопись на бретонскомъ языкѣ, рукопись, имѣвшую всѣ признаки самой древней старины. Рукопись эта наполняла пробѣлъ въ аналахъ Альбіона и разсказывала исторію королей, царствовавшихъ въ Великой Британіи отъ покоренія Трои до седьмого столѣтія нашей эры. До сихъ поръ самые достовѣрные хроникеры и лѣтописцы, какъ, напр., домъ Джильдасъ и домъ Бедъ, начинали исторію британцевъ съ Цезаря, такъ какъ не было никакого источника, могущаго пролить свѣтъ на времена, предшествующія завоеванію Британіи римлянами. Но теперь, благодаря рукописи, открытой Вальтеромъ, пробѣлъ этотъ былъ пополненъ. Возвратившись въ Англію, оксфордскій архидіаконъ показалъ драгоцѣнный манускриптъ своему товарищу, ученому Джефри Монмоутскому (Monmouth), прося его перевести открытыя имъ аналы на латинскій языкъ. Этотъ переводъ былъ посвященъ Роберту, графу Глостерскому, незаконному сыну короля Генриха I-го. Норманскіе властители сразу поняли всю политическую выгоду, которую они могутъ извлечь изъ этой арморикaнской легенды. Рукопись, очевидно, была направлена противъ саксонцевъ, которые въ ней являлись простыми морскими разбойниками, поработившими ловкостью и измѣной настоящихъ владѣтелей земли, кельтовъ. Благодаря этой новой точки зрѣнія, норманскіе герцоги имѣли право считать себя законными мстителями, уничтожая чужеземное, германское иго. Завоеваніе Вильгельма представлялось такимъ образомъ въ видѣ законнаго историческаго возмездія. Онъ какъ бы возстановлялъ въ Англіи престолъ, уничтоженный разбойникомъ Горсой,—эпическій престолъ, перенесенный изъ Иліона въ Новую Трою (Лондонъ) и занятый послѣдовательно девяносто девятью королями, начиная съ Брутуса, внука Энея, и кончая Кадвалой, благочестивымъ богомольцемъ. Корона, найденная Вильгельмомъ Завоевателемъ на поляхъ Гастингса, превращалась такимъ образомъ въ блестящій и славный вѣнецъ, украшавшій головы героической расы — Утера Пендрагона, Артура, Гвидерія, Арвирагуса, Цимбелина, Касибелана, Мульмуціуса, Лира, Корделіи. Благодаря такимъ славнымъ предкамъ, герцоги норманскіе могли не безъ основанія чваниться передъ могущественными сосѣдями. И въ самомъ дѣлѣ, французскій король считалъ себя предкомъ Франціона, сына Пріама. Шотландскіе короли вели свое происхожденіе отъ Скоты, дочери Фараона. Но происхожденіе герцоговъ норманскихъ оказывалось гораздо славнѣе, такъ какъ арморикaнская рукопись удостовѣрила, что они носили гомерическую корону, данную Брутусу, ихъ троянскому предку, Венерой.

И дѣйствительно, изъ латинской лѣтописи Джефри Монмоутскаго оказывается, что первая колонія, поселившаяся въ Альбіонѣ, была колонія троянская, находившаяся подъ предводительствомъ Брутуса, внука Энея. Этотъ Брутусъ, родившійся въ Италіи, послѣ сожженія Трои совершилъ, не зная этого, двойное отцеубійство. Мать его умерла въ родахъ, отца онъ убилъ еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ случайно на охотѣ. Принужденный вслѣдствіе этого бѣжать изъ Италіи, онъ отправился въ Грецію, гдѣ собралъ своихъ порабощенныхъ соотечественниковъ. Съ помощью фригійскаго военачальника Асиракуса онъ побѣдилъ греческаго короля Пандрасуса, взялъ его въ плѣнъ, заставилъ его отдать ему въ жены его дочь Иможену и принудилъ его снарядить флотъ, на которомъ онъ и отправился съ своей побѣдоносной арміей. Вѣря въ сновидѣніе, которое ему обѣщало престолъ на одномъ изъ западныхъ острововъ, онъ проѣхалъ Гибралтарскій проливъ, обогнулъ иберійскій берегъ, остановился у подножья Пиренеевъ, чтобы захватить съ собой потомковъ Антенора, находившихся подъ начальствомъ капитана Коринсуса и вошелъ въ устьѣ Луары, между Аквитаніей и Кельтской Галіей, во владѣнія короля Госаріуса, прозваннаго Пикрусомъ. Владѣя всѣмъ Пуату, имѣя подданными агатарсовъ, такъ ужасно татуированныхъ, о которыхъ говоритъ Геродотъ и Виргилій, Госаріусъ былъ очень могущественъ, онъ хотѣлъ воспротивиться вторженію храбрыхъ троянцевъ и далъ имъ сраженіе при Турѣ. Но, благодаря ловкому Коринсусу, троянцы побѣдили. Брутусъ похоронилъ въ Турѣ своего племянника Туринуса, который былъ убитъ въ сраженіи, ограбилъ Галію и отправился на своихъ корабляхъ дальше. Вскорѣ онъ увидѣлъ обѣтованную землю Альбіона и высадился въ портѣ Тотнесѣ. Это событіе совершилось въ 2850 году отъ сотворенія міра, 70 лѣтъ послѣ покоренія Трои, 397 лѣтъ послѣ перехода израильтянъ черезъ Черное море, за 368 лѣтъ до основанія Рима, за 783 года до вступленія на престолъ Александра Македонскаго и за 1116 лѣтъ до рожденія Іисуса Христа.

Напрасно аборигены острова, которые по разсказу Помпоніуса Мела, боролись съ Геркулесомъ, эти гиганты, ведшіе свое начало отъ Альбіона,—напрасно они хотѣли воспротивиться поселенію троянцевъ. Брутусъ ихъ уничтожилъ. Спустя нѣсколько недѣль, остался только одинъ изъ этихъ аборигеновъ,—ужасный Гогмагогъ. Коринсусъ встрѣтилъ Гогмагога около Дувра и бросилъ его въ море. Послѣ этого подвига Брутусъ сдѣлался единственнымъ властителемъ острова. Коринсусу онъ далъ Корнуайль, себѣ оставилъ старинный Альбіонъ, получившій съ тѣхъ поръ названіе Британіи, и основалъ у устья Темзы столицу, которую назвалъ Тройновантъ, или новая Троя, въ честь своей погибшей родины. Послѣ двадцати четырехъ лѣтъ царствованія онъ раздѣлилъ свое государство между тремя сыновьями, которыхъ имѣлъ отъ Иможены. Старшему, Локрину, онъ далъ Легрію, которая сдѣлалась Англіей, слѣдующему Камберу—отдалъ Камбрію, названную впослѣдствіи Валисомъ и, наконецъ, младшему, Альбонанту передалъ Альбонію, превратившуюся въ Шотландію; затѣмъ онъ умеръ.

Не входя въ дальнѣйшій пересказъ хроники Джефри Монмоутскаго, я принужденъ тѣмъ не менѣе остановиться на тѣхъ ея мѣстахъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ «Цимбелину». Въ этомъ случаѣ я буду пользоваться Голиншедомъ, изъ хроники котораго заимствовалъ свой сюжетъ Шекспиръ. «Послѣ смерти Касибелана, разсказываетъ Голиншедъ,—Теомантій, или Тенантій, младшій сынъ Люда, былъ провозглашенъ королемъ Британіи въ 3921 году отъ сотворенія міра, отъ построенія Рима въ 706 году и въ 45 году до Рождества Христова. Онъ такъ названъ въ одной изъ англійскихъ хроникъ Тормаса, но въ той же хроникѣ говорится, что не онъ, а его братъ Андрогей былъ провозглашенъ королемъ. Тѣмъ не менѣе, Джефри Монмоутскій и другіе удостовѣряютъ, что Андрогей оставилъ страну и постоянно жилъ въ Римѣ, зная, что британцы его ненавидятъ за сдѣланную имъ измѣну, когда онъ помогъ Юлію Цезарю противъ Касибелана. Теомантій мирно управлялъ страной, платилъ римлянамъ дань, обѣщанную Касибеланомъ, покинулъ эту жизнь на двадцать второмъ году своего царствованія и былъ похороненъ въ Лондонѣ. Цимбелинъ или Кимбелинъ, сынъ Теомантія, былъ провозглашенъ британцами королемъ по смерти отца на 33 году до Рождества Христова. Этотъ человѣкъ (по мнѣнію многихъ писателей) былъ воспитанъ въ Римѣ и посвященъ въ рыцари Цезаремъ Августомъ, которому служилъ на войнѣ. Онъ былъ въ такой у него милости, что ему была предоставлена свобода платить или не платить дань. Писатели расходятся относительно числа лѣтъ царствованія Цимбелина, но болѣе достовѣрные утверждаютъ, что онъ царствовалъ тридцать пять лѣтъ и былъ похороненъ въ Лондонѣ, оставивъ двухъ сыновей, Гвидерія и Арвирага. Здѣсь должно замѣтить, что хотя наши историки и утверждаютъ, будто бы онъ жилъ въ мирѣ съ римлянами, платилъ имъ дань, которую бриты согласились платить Юлію Цезарю,—однако мы находимъ у римскихъ писателей, что по смерти Юлія Цезаря, когда Августъ принялъ правленіе имперіи, бриты отказались платить дань, на что, какъ говоритъ Тацитъ, Августъ, будучи занятъ другими дѣлами, смотрѣлъ сквозь пальцы, хотя люди, желавшіе гибели британскому королевству, побуждали его возстановить римскіе права. Наконецъ, спустя десять лѣтъ послѣ смерти Юлія Цезаря, случившейся на тринадцатомъ году царствованія Теомантія, Августъ приготовился къ походу на Британію и выступилъ въ Кельтскую Галію, т. е. въ ближайшую къ нимъ часть Франціи. Но тутъ, получивъ извѣстіе о возстаніи панонцевъ, населявшихъ нынѣшнюю Венгрію, и далматовъ, которыхъ мы теперь называемъ славонцами, онъ счелъ за лучшее сперва подавить эти возстанія и удержать за собою земли, которыми уже владѣлъ, чѣмъ искать новыхъ завоеваній. Такимъ образомъ, обративъ всѣ свои силы противъ панонцевъ и далматовъ, онъ на время прекратилъ войну съ Британіей. Страна была избавлена отъ вторженія до 725 года съ основанія Рима (приблизительно до девятнадцатаго года царствованія Теомантія), когда Августъ снова отправился съ войскомъ изъ Рима, чтобы воевать съ Британіей. По его прибытіи въ Галію, куда британцы послали ему пословъ для переговоровъ о мирѣ, онъ остался тамъ для устройства дѣлъ въ Галіи, которыя находились въ разстройствѣ. Послѣ чего онъ отправился въ Испанію и походъ въ Британію былъ отложенъ до слѣдующаго года, когда Августъ въ третій разъ предпринялъ походъ въ Британію. Но какъ во время перваго похода противъ британцевъ остановили его панонцы и далматы, такъ теперь отвлекли его отъ предпринятаго похода одновременное возстаніе саластійцевъ (народа, жившаго въ сѣверной Италіи и Швейцаріи), кантабрійцевъ и астурійцевъ. Но былъ ли Цимбелинъ или какой другой король причиной раздоровъ между Августомъ и британцами,—этого я не знаю навѣрное. Наши писатели говорятъ, что Цимбелинъ, воспитанный въ Римѣ и возведенный въ званіе рыцаря Августомъ, былъ всегда другомъ римлянъ и избѣгалъ съ ними разрыва, чтобы не лишить молодыхъ британцевъ благодѣянія быть воспитанными между римлянами, гдѣ они могли научаться вести себя какъ образованные люди и пріобрѣтать опытность въ военномъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, по этой ли причинѣ, или потому, что такъ угодно было Всемогущему Богу расположить умы, но только не одни британцы, а въ нѣкоторомъ родѣ и всѣ остальные народы принуждены были подчиниться римской имперіи».

Изъ этого отрывка видно, что Голиншедъ не рѣшаетъ вопроса о томъ, отказались ли британцы платить дань римлянамъ или нѣтъ. Благодаря этому обстоятельству, Шекспиръ имѣлъ право принять то или другое толкованіе. Онъ выбралъ отказъ платить дань, что мотивировало въ его пьесѣ нашествіе римлянъ и позволило ему вывести на поле сраженія главныхъ лицъ своей драмы,—Цимбелина, Беларія, Гвидерія, Арвирага, Иможену, Постума. Изъ этой же хроники Голиншеда Шекспиръ заимствовалъ извѣстіе о побѣдѣ Касибелана надъ Цезаремъ, о побѣдномъ торжествѣ въ Лондонѣ (городѣ Люда) и о британскомъ королѣ законодателѣ Мальмуціи. Нѣкоторыя черты и выраженія Постума (дѣйствіе V, сцена III) заимствованы отсюда-же, — изъ повѣствованія о войнѣ между данами и скотами и подвигахъ храбраго лорда Гея и его сыновей.

На этомъ легендарно-историческомъ фонѣ расположена литературная легенда среднихъ вѣковъ, украшенная пастораліею въ духѣ шестнадцатаго столѣтія, пастораліею, уже исключительно принадлежащею Шекспиру,— и вся эта богатая красками и фантазіей картина служитъ лишь роскошною рамкою для драгоцѣннѣйшей жемчужины шекспировскаго творчества,—для Иможены.

IV.

Мы совершенно не знаемъ біографіи Шекспира. Нѣсколько анекдотовъ сомнительной достовѣрности, нѣсколько фактовъ, неимѣющихъ значенія, три-четыре свидѣтельства современниковъ,— вотъ и всѣ источники о жизни и дѣятельности величайшаго изъ поэтовъ. Затѣмъ, тщательное изученіе его драмъ и сонетовъ объясняетъ намъ лишь коекакія черты и особенности его интимной жизни, относящіяся скорѣе къ исторіи его мысли и чувства. Въ этомъ изученіи шекспировская критика настоящаго времени, по преимуществу, ищетъ объясненія тѣхъ загадокъ, которыя еще могутъ существовать по отношенію къ его творческой дѣятельности. Это — третій и, какъ кажется, уже окончательный фазисъ шекспировской критики.

Съ возникновеніемъ ея въ началѣ нынѣшняго столѣтія, послѣ глубокихъ замѣчаній Лесинга и Гёте, начинается, если можно такъ выразиться, метафизическій фазисъ шекспировской критики, фазисъ, спеціально принадлежащій нѣмцамъ. Выводъ этого фазиса таковъ: «Шекспиръ — это богъ». Но за исключеніемъ такого вывода, въ мнѣніяхъ жрецовъ этого новаго культа замѣчаются одни лишь противорѣчія. Гегельянцы, напр., въ родѣ Розенкранца и Фишера *), примѣняютъ къ его произведеніямъ принципы и законы «науки» о прекрасномъ и ищутъ въ этихъ произведеніяхъ художественное подтвержденіе пантеизма; слѣды этого пантеизма они, по преимуществу, видятъ въ гамлетовскомъ мифѣ, который имъ кажется высшимъ выраженіемъ творческой мысли поэта. Другіе, какъ, напр., Ульрици **), стараются уловить нравственныя возрѣнія Шекспира, его этику, возводятъ ее въ строго законченную, пропитанную педантствомъ систему и въ самыхъ живыхъ, поэтическихъ драмахъ Шекспира видятъ лишь философскія концепціи. Третьи, наконецъ, принадлежащіе по преимуществу къ групѣ политическихъ умовъ, какъ, напр., Гервинусъ *), извлекаютъ изъ произведеній Шекспира политическія доктрины, способныя, по ихъ мнѣнію, возродить германскую расу, возстаютъ противъ заключеній, извлеченныхъ изъ разочарованія Гамлета, и противопоставляютъ имъ дѣятельный и энергическій образецъ Генриха V, въ которомъ видятъ олицетвореніе самого Шекспира. Общій недостатокъ всѣхъ нѣмецкихъ критиковъ-метафизиковъ заключается въ томъ, что они, вмѣсто того, чтобы изучать текстъ поэта, «не мудрствуя лукаво», стараются угадать тайныя намѣренія его и, разъ вступивъ на этотъ скользкій путь предположеній, ни на чемъ неоснованныхъ, приписываютъ Шекспиру ученія и идеи, которыми сами увлекаются и въ которыхъ великій поэтъ совершенно неповиненъ. Такимъ образомъ, сообразно той или другой метафизической точкѣ зрѣнія, Шекспиръ является то пантеистомъ, то идеалистомъ, то государственнымъ человѣкомъ, никогда не будучи поэтомъ, но всегда блистая въ ореолѣ философа, нѣтъ такого нѣмецкаго критика, который бы не совалъ философіи въ критику.

Для того, чтобы познакомить читателей съ этой метафизической критикой, укажу на объясненіе «Бури», предложенное Лоуэлемъ (Lowell) въ его «Among my Books. Shakspeare once More»,—англійскимъ послѣдователемъ нѣмцевъ. Я выбираю это объясненіе потому, что оно, хотя и несерьезно, но, по крайней мѣрѣ, остроумно. «Въ «Бурѣ» дѣйствіе происходитъ нигдѣ или, по крайней мѣрѣ, въ странѣ, которой нѣтъ ни на одной картѣ. Слѣдовательно, нигдѣ? И нигдѣ, и вездѣ, потому что этотъ вѣчно безпокойный островъ находится въ душѣ человѣка, между высшимъ и низшимъ міромъ, подверженный набѣгамъ того и другого. Подумайте на минуту, было ли когда воображеніе олицетворено лучше, чѣмъ въ Просперо, фантазія — лучше, чѣмъ въ Аріэлѣ, грубый разсудокъ—лучше, чѣмъ въ Калибанѣ, который, едва лишь его жалкая мыслительная способность возбуждена чуднымъ напиткомъ Стефано, замышляетъ сейчасъ же возмущеніе противъ своего естественнаго властелина — разума. Миранда—не болѣе, какъ увлеченная женственность; она на столько же истинная женщина до появленія Фердинанда, какъ Ева до того времени, пока въ ней пробудилось сознаніе ея женственности, когда въ Адамѣ ей откликнулось эхо ея природы, указывая ей существо такое же и въ тоже время не такое же, какъ она. Фердинандъ въ свою очередь ни что иное, какъ молодость, принужденная заниматься тѣмъ, чѣмъ она пренебрегаетъ, пока путемъ пожертвованія воли и самоотреченія она завоевываетъ свой идеалъ въ Мирандѣ. Второстепенныя личности — не болѣе, какъ типы: Себастіанъ и Антоній—типы слабаго характера и дурно направленнаго честолюбія, Гонзало—типъ средняго пониманія и средней честности; Адріанъ и Францискъ—типы болтающихся безъ дѣла джентельменовъ, служащихъ для пополненія міра. Это не личности въ томъ смыслѣ, какъ Яго, Фальстафъ, Шало и Леонтъ; и любопытно то, что всѣ они заблудились на этомъ очарованномъ островѣ, всѣ подпадаютъ одной илюзіи за другою, исключая Просперо, которому служатъ лишь существа идеальнаго міра. Вся пьеса, въ сущности, есть рядъ илюзій, оканчивающихся торжественнымъ словомъ великаго болшебника, который созвалъ на свою службу всѣ формы забавы и страсти, образы великой траги-комедіи жизни, и теперь прощается со сценой своихъ побѣдъ. Развѣ мы не узнаемъ въ Просперо самого поэта, «имя котораго было осуждено, потому что онъ не устроилъ свою жизнь какъ нибудь лучше, чѣмъ обращаясь къ средствамъ общества тѣмъ путемъ, который указывали обычаи общества», (Сон. CXI) который лишился виднаго мѣста за то, что предался своему искуству, былъ пущенъ въ океанъ жизни на гнилой лодкѣ, былъ выброшенъ бурей на тотъ счастливый островъ (что бываетъ всегда съ людьми, нашедшими призваніе), гдѣ онъ — полный властелинъ, гдѣ всѣ силы природы служатъ ему, но Аріэль и Калибанъ составляютъ его главныхъ пособниковъ? Интересную главу исторіи критики Шекспира можно было бы написать, собравъ всѣ толкованія алегорическаго значенія Просперо, Миранды, Аріэля, Калибана. Калибанъ, говоритъ Крейсигъ и Ренанъ,— народъ. Это — разсудокъ безъ воображенія, говоритъ професоръ Лоуэль. Это — первобытный человѣкъ, предоставленный самому себѣ, объявляетъ Мезьеръ. Даніель Уильсонъ доказываетъ, что Калибанъ—недостающее звѣно между человѣкомъ и животнымъ, при чемъ предполагается, что Шекспиръ предвосхитилъ теорію Дарвина. Другой критикъ увѣряетъ, что Калибанъ — одна изъ тѣхъ силъ природы, которая подчиняетъ себѣ умъ при посредствѣ науки, а Просперо—основатель индуктивной философіи. Калибанъ — колонія Виргинія, Калибанъ — нестройная, ранняя драма Марло и проч. Однимъ словомъ, «Буря», какъ и другія произведенія великаго поэта, имѣютъ способность вызывать критиковъ на изученіе ея, какъ алегоріи, и затѣмъ сбиваетъ ихъ съ толку, какъ бы осмѣивая самоувѣренность, съ которой они надѣются «разгадать ея тайну».

Начало этой метафизической критики можно отнести къ 1815 году. Она возникла почти одновременно въ Германіи и Англіи. До сихъ поръ еще не рѣшенъ вопросъ—кого считать фактическимъ творцомъ ея: Кольриджа или Шлегеля? Кольриджъ въ своихъ лекціяхъ (отъ которыхъ, къ сожалѣнію, остались одни лишь отрывки), старается доказать, что умъ Шекспира былъ также великъ, какъ и его геній. Онъ не желалъ видѣть никакихъ недостатковъ въ произведеніяхъ поэта, а когда встрѣчался съ недостатками (съ его точки зрѣнія) слишкомъ очевидными, то предпочиталъ заподозрѣвать ограниченность собственнаго пониманія. «Надѣюсь, писалъ онъ по поводу одного мѣста въ «Коріоланѣ», — что со временемъ я открою какое-нибудь глубокое совершенство въ томъ, что теперь кажется мнѣ недостаткомъ». Такой предвзятый взглядъ заключалъ въ себѣ зародышъ крайней односторонности, которая и не замедлила обнаружиться. «Въ моихъ глазахъ, пишетъ Шлегель въ своемъ «Курсѣ драматической литературы», — Шекспиръ — великій мыслитель, а не дикій, безпорядочный геній.... Въ этомъ поэтѣ, котораго хотятъ представить намъ какъ простого ученика природы, я нахожу, послѣ глубокаго изученія, замѣчательныя доказательства высокой умственной культуры. Полу-богъ по могуществу, пророкъ по глубинѣ взгляда, сверхъестественный умъ по ширинѣ пониманія, Шекспиръ, будучи головой выше всего человѣчества, снисходилъ къ нему съ наивной граціей и простотой дѣтства». Это уже не простое поклоненіе, а фетишизмъ, едва ли совмѣстный съ критическимъ анализомъ. Съ легкой руки Шлегеля въ Англіи и, по преимуществу, въ Германіи начинается концертъ восхваленій не только шекспировскаго генія, по примѣру старой французской школы, но также и его безпредѣльнаго знанія и глубочайшаго разума. Со временъ Шлегеля эстетическая критика Шекспира изумительно расцвѣла. Произведенія Шекспира сдѣлались канвой самыхъ глубокомысленныхъ философскихъ соображеній. Нѣмцы (и въ томъ числѣ Гервинусъ) разсматриваютъ Шекспира не столько какъ поэта, сколько какъ мыслителя, государственнаго человѣка и историка. Они видятъ въ немъ глубочайшаго теоретика, хотя у Гёте они могли бы узнать, что поэтъ и мыслитель не одно и тоже. Гёте сердился, когда его спрашивали, какую идею онъ намѣревался воплотить въ Фаустѣ: «Да развѣ я знаю? отвѣчалъ онъ, — я получалъ впечатлѣнія, во мнѣ бродилъ образъ.. Фаустъ есть произведеніе сумасшедшаго». Но если «Фаустъ»—произведеніе сумасшедшаго, то и «Гамлетъ», весьма вѣроятно, не есть произведеніе величайшаго логика. Возведя, такимъ образомъ, Шекспира въ глубочайшаго мыслителя, нѣмцы приписываютъ великому поэту всѣ тѣ безчисленныя философскія системы, которыя такъ роскошно цвѣтутъ на германской почвѣ. Если не ошибаюсь, только Гартманъ и его философія безсознательнаго пока не были отысканы въ драмахъ Шекспира, но, вѣроятно, и это открытіе не замедлитъ явиться. Нѣмцы открыли, что Шекспиръ зналъ все, какъ докторъ Панкрацій—«басни, мифологію и исторію; граматику, поэзію, риторику, діалектику и софистику; математику, арифметику, оптику, онирокритику и физику». Они извлекаютъ изъ его произведеній юриспруденцію, психіатрію, руководство къ сельскому хозяйству, орнитологію, фауну насѣкомыхъ, ботанику. Основываясь на томъ, что въ произведеніяхъ Шекспира попадаются техническія выраженія охоты, военнаго искуства и юриспруденціи, они заключаютъ, что Шекспиръ былъ браконьеръ, солдатъ и писецъ у адвоката. По временамъ въ этой критикѣ замѣчается настоящее столпотвореніе вавилонское. Такъ случилось, напр., съ «Троиломъ и Кресидой». Эта предполагаемая пародія Иліады, непочтительный тонъ, которымъ великій поэтъ говоритъ о Греціи, его явныя симпатіи къ троянцамъ и презрѣніе къ грекамъ, были предметомъ самыхъ печальныхъ недоразумѣній метафизической критики. Шлегель считаетъ святотатствомъ подобную пародію на гомеровскихъ героевъ, а въ русскомъ переводѣ Шекспира, изданномъ гг. Гербелемъ и Некрасовымъ, мы читаемъ, что «ни отъ одной изъ шекспировскихъ пьесъ не вѣетъ такимъ непривѣтливымъ холодомъ (?), какъ отъ «Троила и Кресиды», въ которой каждый можетъ видѣть не болѣе, какъ геніальную пародію на геніальное произведеніе». Другіе (и въ томъ числѣ Гервинусъ), не менѣе проницательные критики, стараются доказать съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, что, приступая къ этой трагикомедіи, Шекспиръ имѣлъ въ виду сравнить себя съ Гомеромъ и показать, что онъ выше греческаго поэта! Противники класицизма въ литературѣ восклицаютъ: «какъ великъ, однакожъ, геній Шекспира, который, не довольствуясь «Макбетомъ», «Юліемъ Цезаремъ» и «Отелло», сочиняетъ кромѣ того нѣчто въ родѣ «Прекрасной Елены» гораздо раньше Мельяка, Галеви и Офенбаха и жестоко осмѣиваетъ класическихъ героевъ Иліады». Франсуа Викторъ Гюго торжествуетъ: онъ привѣтствуетъ въ Шекспирѣ особаго рода революціонера, безжалостно срывающаго «парикъ» съ класической трагедіи, и срываетъ его, такъ сказать, преждевременно, такъ какъ въ XVI столѣтіи класическая трагедія еще не напяливала на себя класическаго «парика», вслѣдствіе чего и протестъ великаго поэта имѣетъ значеніе настоящаго пророчества. По его мнѣнію, Шекспиръ впередъ протестовалъ противъ класической трагедіи.... во имя свободы искуства! Ульрици, съ своей стороны, съ восторгомъ привѣтствуетъ въ «Троилѣ и Кресидѣ» тотъ же пророческій протестъ, но уже не во имя свободы искуства, а во имя нравственности и религіи, возмущаясь злоупотребленіями, къ которымъ приведетъ со временемъ античный міръ. Ульрици говоритъ: «великій Шекспиръ, несомнѣнно, понималъ благотворное вліяніе великой античной культуры на христіанскіе умы Европы. Но въ то же время онъ видѣлъ опасность неумѣреннаго поклоненія класической древности, потому что христіанская нравственность и религія поклонниковъ античнаго міра неизбѣжно обрѣчены на глубокій упадокъ, какъ это и случилось въ XVIII столѣтіи. Благодаря вдохновенію своего пророческаго генія, съ одинаковою силою проникающаго въ туманъ будущихъ вѣковъ и въ тучи самаго отдаленнаго прошлаго, Шекспиръ создалъ эту сатиру героическаго міра Гомера. Онъ не хотѣлъ унижать то, что возвышенно, умалять то, что величественно, и тѣмъ менѣе не хотѣлъ осмѣивать Гомера и героическую поэзію вообще; онъ хотѣлъ только дать серьезное предостереженіе тѣмъ, кто готовъ преувеличивать значеніе древнихъ и дѣлать изъ нихъ идоловъ....» При такой глубокомысленной критикѣ немудрено предвидѣть, что найдутся новѣйшіе критики, которые въ «Троилѣ и Кресидѣ» усмотрятъ пророческій протестъ Шекспира противъ современнаго класическаго образованія въ Германіи и даже въ Россіи. Кольриджъ съ таинственнымъ и глубокомысленнымъ видомъ утверждаетъ, что «Троилъ и Кресида», — великая, почти необъяснимая тайна. Право, давно пора, какъ выразился одинъ англійскій писатель («Shakspearian literature», — Bentley's Quarterly Review, октябрь 1859 г.),—явиться новому Лесингу, который бы вымелъ эти безпорядочныя мечты германской фантазіи. «Если книги попадаютъ въ Елисейскія поля, прибавляетъ тотъ же авторъ, — то каково должно быть удивленіе Шекспира, узнающаго изъ этихъ книгъ, сколько въ его произведеніяхъ оказывается преднамѣренности, таинственныхъ взглядовъ и теорій, которыхъ онъ самъ и не подозрѣвалъ и которыя находятся въ явномъ противорѣчіи съ духомъ и философіей его времени». И удивительно, среди всего этого наплыва гипотезъ и дедукцій, никто изъ нѣмцевъ, философствующихъ по поводу Шекспира, не хочетъ понять, что если бы онъ былъ дѣйствительно такъ всеведущъ и ученъ, то, конечно, пред почелъ бы писать философскіе трактаты, а не драмы. Писатели, проповѣдующіе философскія и иныя теоріи въ художественной формѣ, всегда бываютъ плохими художниками, лучшимъ доказательствомъ чего могутъ служить Дидро и Лесингъ. Никогда не слѣдуетъ смѣшивать художественное творчество съ абстрактнымъ мышленіемъ: Аристотель, какъ извѣстно, не писалъ трагедій, а Софоклъ не создавалъ философскихъ системъ.

---

*) Fischer, Shakspeare in seinem Verhältniss zur Poesie.

**) Ulrici, Shakspeare's dramatische Kunst.

*) Gerwinus, Shakespeare.

Не смотря на взыванія англійскаго писателя, о которомъ я упомянулъ, новый Лесингъ съ метлой не появился, но появилось нѣчто въ родѣ реакціи среди самихъ же нѣмцевъ. Нѣкоторыя симптомы этой реакціи замѣчались уже въ лекціяхъ Крейсига, но вполнѣ она обнаружилась въ очень любопытномъ сочиненіи Рюмелина. Онъ не отрицаетъ геній Шекспира въ созданіи характеровъ, но относится крайне недовѣрчиво къ его искуству, обвиняетъ поэта въ незрѣлости композиціи, въ безпорядочности сценъ, въ томъ, что онъ слишкомъ часто заимствовалъ сюжеты изъ разсказовъ и хроникъ, попадавшихся ему подъ руку, «довольный тѣмъ, что находилъ въ нихъ остроты, философскіе софизмы и блестящіе образы, которыми украшалъ свои произведенія подобно тому, какъ развѣшиваютъ свѣчки на елкѣ». Рюмелинъ такимъ образомъ опять таки хватилъ черезъ край, къ тому же онъ, сдвигая съ пьедестала одного идола, ставитъ на его мѣсто другого. Рюмелинъ возмущается тѣмъ, что его соотечественники предпочитаютъ англійскаго поэта — одному изъ своихъ свѣтилъ, — Гёте. Послѣдняя глава посвящена паралели между Шекспиромъ и Гёте и, разумѣется, въ глазахъ автора преимущество остается на сторонѣ Гёте. Нѣмцы, должно быть, уже такъ созданы: они лишены чувства мѣры, безпристрастія, художественнаго чутья и, увлекаясь, подобно Шлегелю, своей метафорической мечтательностью, или, подобно Рюмелину, своимъ патріотизмомъ, — они теряютъ всякій эстетическій критеріумъ...

Совершенно другое зрѣлище представляетъ собою фазисъ англійской шекспировской критики. Это сухо-фактическая, историческая критика, образцомъ которой можно считать извѣстное сочиненіе Пена Кольера: «History of the Englich Stage». Нѣтъ никакой возможности отрицать громадныя заслуги это критики, сдѣлавшей самыя драгоцѣнныя открытія въ области исторіи, обогатившей шекспировскую литературу цѣлой массой самыхъ изумительныхъ историко-археологическихъ изслѣдованій, но послѣ всевозможныхъ историческихъ и археологическихъ изысканій англійская критика принуждена была сознаться, что все это не болѣе, какъ матеріалъ для изслѣдованій болѣе обобщающаго характера. Кромѣ того, она встрѣтилась съ затрудненіемъ, которое еще прежде было благоразумно обойдено нѣмцами. Оказалось, что великій поэтъ довольно теменъ, а изученіе его не такъ просто, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, и къ тому же обставлено препятствіями, трудно преодолеваемыми даже въ Англіи. «Языкъ Шекспира, говоритъ Галамъ, — испещренъ новыми выраженіями, имѣющими новое значеніе... Въ произведеніяхъ Шекспира встрѣчается множество стиховъ, бывшихъ мало понятными въ его время, а теперь и совсѣмъ непонятныхъ... Въ сущности, мы изучаемъ Шекспира, какъ изучаемъ неизвѣстный намъ языкъ, какъ изучаемъ трудное мѣсто греческаго писателя, отыскивая глазами объяснительную замѣтку». Такимъ образомъ ни одинъ изъ вопросовъ, касающихся личности Шекспира и его произведеній, не разрѣшенъ удовлетворительно этой археологической критикой. То, что еще недавно казалось яснымъ, подвергается сомнѣніямъ, а иногда и совершенно отвергается новѣйшими изслѣдователями. Подобная неувѣренность замѣчается и въ анализѣ текста произведеній Шекспира. Изданіе 1623 года, послужившее прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ изданій, появилось семь лѣтъ спустя послѣ смерти поэта; оно переполнено коректурными ошибками, непонятными мѣстами, поддѣльными стихами, ошибочно разставленными знаками препинанія, затемняющими смыслъ текста, ошибками и нелѣпостями всякаго рода. Не смотря на все это, изданіе 1623 года имѣетъ своихъ ярыхъ защитниковъ, во главѣ которыхъ стоитъ первое англійское шекспировское общество. Члены этого общества по временамъ производятъ настоящія tours de force, стараясь во что бы то ни стало, даже жертвуя здравымъ смысломъ, оправдывать самыя очевидныя нелѣпости священнаго текста и приходятъ въ негодованіе, когда какой нибудь смѣльчакъ вздумаетъ усумниться въ той или другой подробности его. Такъ, лѣтъ пятнадцать назадъ, когда весьма почтенный ученый, Пенъ Кольеръ предложилъ ввести въ изданіе in folio кое-какія поправки, часто основательныя и всегда остроумныя, поправки, указанныя въ помѣткахъ, сдѣланныхъ неизвѣстнымъ лицомъ на одномъ экземплярѣ этого изданія, то первое шекспировское общество обрушилось на него проклятіями и стало обвинять почтеннаго ученаго въ профанаціи.

Въ то время, какъ старое шекспировское общество стоитъ во главѣ крайняго консерватизма, не допуская мудрствованій въ толкованіи текста, новое шекспировское общество выступило подъ эгидою свободнаго изслѣдованія и либерализма, не щадитъ преданій и священнаго текста и часто поражаетъ неожиданностью своихъ нововведеній и гипотезъ. Свой критическій радикализмъ оно прежде всего доказало тѣмъ, что предложило новую орфографію фамиліи великаго поэта, такъ что даже фамилія Шекспира подверглась сомнѣніямъ *). Священный текстъ изданія in-folio также подвергся критикѣ, но часто случается, что одна гипотеза опровергается другой. Такъ, извѣстно, что «Тимонъ Афинскій» принадлежитъ къ «сомнительнымъ» драмамъ Шекспира. По отношенію къ этой драмѣ установилось мнѣніе, что Шекспиръ только исправилъ драму, не принадлежавшую ему, и вставилъ въ нее нѣсколько новыхъ сценъ. Новое шекс. общество предложило новую гипотезу: по мнѣнію одного изъ членовъ этого общества, ядро драмы несомнѣнно принадлежитъ Шекспиру и только впослѣдствіи драма была передѣлана какимъ-то посредственнымъ драматургомъ. Авторъ гипотезы *предполагаетъ* (безъ всякихъ доказательствъ, разумѣется) что издатели in-folio 1623 года ошибочно разсчитали размѣры своего изданія и для пополненія тома понадобилось лишнихъ тридцать страницъ; тогда они взяли «Тимона Афинскаго», послѣднюю драму, которую имъ приходилось напечатать, и поручили ее *дополнить* такъ, чтобы вышло нужное число страницъ. Авторъ этой гипотезы, справедливо ужаснувшись смѣлости своего предположенія, сознался самъ, «что его гипотеза неблагоразумно смѣла».

Но если могутъ существовать сомнѣнія относительно участія Шекспира при созданіи той или другой драмы или комедіи, если хронологія его произведеній точно также не могла быть прочно установлена, то, по-крайней мѣрѣ, мы знаемъ, какія произведенія принадлежатъ Шекспиру *несомнѣнно* и какія нѣтъ? Увы! и на этотъ счетъ критика отвѣчаетъ намъ одними лишь сомнѣніями и догадками. Въ то время, какъ нѣмцы въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей — Шлегеля, Лесинга, Горна, Тика, — на основаніи преданій XVII и XVIII столѣтій приписываютъ Шекспиру *шестнадцать* драмъ и комедій, не попавшихъ въ in-folio 1623 года, — англичане, наоборотъ, отвергли всѣ эти произведенія и доказываютъ, что они не принадлежатъ Шекспиру, за исключеніемъ одного «Перикла», хотя и эта драма *сомнительна* во многихъ отношеніяхъ. Тикъ помѣстилъ эти «апокрифы» (за исключеніемъ одного «Albumazar», найденнаго въ 1865 году) въ своемъ прекрасномъ переводѣ Шекспира. Лесингъ желалъ видѣть на нѣмецкой сценѣ «Лондонскаго мота»; Шлегель считалъ «Лорда Томаса Кромвеля», «сэра Джона Ольдкэстля» и «Трагедію въ Йоркшайрѣ»—лучшими и наиболѣе совершенными произведеніями Шекспира; Ульрици находилъ глубокую шекспировскую иронію въ комическихъ частяхъ «Локрина» и спрашивалъ зло: какой неизвѣстный міру Шекспиръ могъ написать «Эдуарда III».

Парадоксы нѣмецкой метафизики и ограниченная сухость англійской археологіи породили, наконецъ, нѣкое чудище въ такъ называемой американской бэконовской теоріи. Теорія эта возникла въ Америкѣ и, если не ошибаюсь, совершенно не извѣстна въ Россіи. Американцы, какъ извѣстно, при всей своей практичности, идутъ гораздо дальше европейцевъ въ эксцентричности; идти впередъ и во что бы то ни стало, «go ahead»,—таковъ ихъ лозунгъ. Почти триста лѣтъ прошло со смерти величайшаго изъ поэтовъ; его поклонники продолжали наивно вѣрить, что онъ дѣйствительно заслуживалъ славу, которой пользовалось его имя, какъ вдругъ въ 1856 году одна американка, миссъ Дэлія Бэконъ (чуть-ли не родственница знаменитаго канцлера королевы Елизаветы) помѣстила въ «Putman's Magazine» статью, въ которой доказывала съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, что дѣйствительный авторъ произведеній Шекспира вовсе не Шекспиръ, а Бэконъ. Статья миссъ Бэконъ, перепечатанная отдѣльной брошюрой, достигла Европы и въ Лондонѣ нашла себѣ ревностнаго прозелита въ лицѣ нѣкоего Вильяма Смита, который познакомилъ англичанъ съ бэконовской теоріей. Замѣчательно, что эта теорія особенно благосклонно была принята въ англійскомъ аристократическомъ обществѣ. Англійскіе аристократы полагали, что для ихъ политическаго и общественнаго престижа весьма важно, если будетъ доказано, что великій поэтъ вышелъ изъ ихъ среды. Даже лордъ Пальмерстонъ, вѣроятно, подчиняясь этому соображенію, высказался въ пользу бэконовской теоріи. Когда, возражая ему, указывали на свидѣтельство Бенъ Джонсона, благородный лордъ съ улыбкой отвѣчалъ: «эти молодцы всегда поддерживаютъ другъ друга; къ тому же, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что самъ Бенъ Джонсонъ былъ обманутъ, какъ были обмануты другіе». Но теорія пріобрѣла особенно благопріятную почву въ Америкѣ и нашла защитниковъ въ такихъ людяхъ, какъ генералъ Бутлеръ, извѣстный юрисконсультъ и недюжинный государственный человѣкъ, не говоря уже о професорѣ Натаньелѣ Гольмсѣ, который въ объемистомъ сочиненіи, имѣющемъ 600 страницъ, излагаетъ теорію во всѣхъ подробностяхъ. Не столь подробно, но также весьма обстоятельно бэконовская теорія изложена Уилькомъ въ сочиненіи: «Shakespeare from an american point of view». Какъ ни нелѣпа эта теорія, она имѣла, однако, благотворное вліяніе на критику и косвенно измѣнила самый методъ изслѣдованій, устранивъ въ одно и тоже время и нѣмецкую метафизику и англійскую археологію.

Я не имѣю возможности входить здѣсь въ подробности бэконизма, но укажу на одно лишь обстоятельство. Въ возгорѣвшейся полемикѣ оказалось важнымъ рѣшить вопросъ: былъ ли Шекспиръ католикъ или протестантъ? И въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно извѣстно, что Бэконъ,—предполагаемый авторъ шекспировскихъ произведеній,—былъ протестантъ. Если слѣдовательно можно доказать, что Шекспиръ (въ своихъ произведеніяхъ)—католикъ, то этимъ въ значительной степени подкашивается теорія бэконистовъ, такъ какъ Бэконъ, протестантъ, не могъ быть авторомъ произведеній съ отпечаткомъ католицизма. Но тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе, такъ какъ въ произведеніяхъ Шекспира существуютъ выраженія, намекающія на католицизмъ автора, и другія— указывающія на протестантскія чувства его *).

Во всякомъ случаѣ, нельзя не придти къ заключенію, что въ прежнее время критика была слишкомъ довѣрчива, теперь она слишкомъ подозрительна. Но если обратить вниманіе на то, что бэконовская теорія возникла въ Америкѣ, въ этой класической странѣ всякихъ мистификацій, то мы невольно придемъ къ заключенію, что «beconian claim» не болѣе, какъ «humbug» (фарсъ),— слѣдуя американскому же выраженію Тѣмъ не менѣе этотъ фарсъ доказалъ суету прежнихъ критическихъ пріемовъ и указалъ новую цѣль: желаніе возсоздать нравственную физіономію Шекспира на основаніи его же произведеній. Сонеты въ этомъ случаѣ служатъ коментаторамъ неисчерпаемымъ источникомъ для раскрытія психической жизни поэта въ бурный періодъ его молодости; его нравственную личность одни видятъ въ Гамлетѣ, другіе въ Генрихѣ V, третьи въ Просперо («Буря»), а нѣкоторыя черты и особенности его натуры усматриваются въ меланхоліи Жака (As you like it), въ мизантропіи Тимона, въ сосредоточенности Винченціо («Мѣра за мѣру»). Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Извѣстна теорія, отожествляющая Шекспира съ Гамлетомъ. Гервинусъ предложилъ другую теорію: онъ отожествляетъ Шекспира съ Генрихомъ V. Эдуардъ Доуденъ, професоръ англійской литературы въ дублинскомъ университетѣ, вице-президентъ новаго шекспировскаго общества, не доволенъ ни той, ни другой. Въ книгѣ: Shakspere: a critical study of his mind und art», онъ соединяетъ обѣ теоріи въ одну, очень остроумную. По отношенію къ Шекспиру существуетъ два парадокса: по мнѣнію однихъ, онъ былъ первобытнымъ геніемъ, «свободнымъ отъ путъ разума и нравственности», по мнѣнію другихъ, онъ былъ нѣчто въ родѣ продавца поэзіи, ловкій въ дѣлахъ, заботясь лишь о томъ, чтобы нажить состояніе. Доуденъ соединяетъ оба парадокса. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что еще въ 1604 году Шекспиръ, поселившись окончательно въ Стратфордѣ, подалъ жалобу на нѣкоего Филипа Роджерса, который долженъ былъ ему одинъ фунтъ стерлинговъ, пятнадцать шилинговъ и десять

---

*) Shakspeare, вмѣсто общепринятаго Shakespeare. До 1838 года мы имѣли всего *пять* собственныхъ подписей поэта, встрѣчающихся на различныхъ актахъ. *Шестая* подпись была открыта въ 1838 году на экземплярѣ «Опытовъ» Монтэня въ англійскомъ переводѣ Флоріо. Различія, замѣченныя въ орфографіи этихъ подписей, возбудили интересную полемику имѣвшую цѣлью опредѣлить: какъ слѣдуетъ писать фамилію поэта? Втеченіи XVII и половины XVIII столѣтій была повсемѣстно принята орфографія *Shakespeare*, но въ 1778 году, приступая къ изданію произведеній поэта, Мэлонъ и Стивенсъ усумнились въ этой орфографіи и послѣ тщательнаго сличенія подписей рѣшили, что слѣдуетъ писать Shakspeare. Впослѣдствіи было доказано, что они ошиблись, но Мэлонъ тѣмъ не менѣе удержалъ новую орфографію. Вопросъ этотъ и до сихъ поръ, какъ кажется, не выясненъ окончательно и едва-ли можетъ быть выясненъ, вслѣдствіе крайней неразборчивости почерка Шекспира, Такъ, на томѣ «Опытовъ» Монтэня ясно замѣтны только слѣдующія буквы подписи: Willm Shakspere. На документѣ, принадлежащемъ Лондонской корпораціи: William Shakspr. На документѣ, принадлежавшемъ Гаррику—Wm. Shakspr. Въ первой подписи на духовномъ завѣщаніи: William; во второй: Willm Shakspr; въ третьей: William Shaksp. При такихъ условіяхъ трудно, разумѣется, установить точную орфографію. Тѣмъ не менѣе, Франсуа Гюго совершенно справедливо замѣчаетъ, что всѣ эти изысканія лишни, такъ какъ на заглавныхъ листахъ восемнадцати произведеній, изданныхъ *при жизни* поэта, стоитъ: Shakespeare. Въ изданіи in-folio 1623 года — то же самое. Во всѣхъ офиціальныхъ документахъ, относящихся къ привилегіямъ театра «Глобусъ», и впечатныхъ отзывахъ, явившихся при жизни Шекспира, удержана таже самая орфографія. Наконецъ, другъ поэта, Бенъ Джонсонъ, въ знаменитомъ стихотвореніи, написанномъ на смерть Шекспира, пишетъ:

«My Shakespeare, rise! I will not lodge thee by...

Эта орфографія принята не только первымъ шекспировскимъ обществомъ, но также и въ изданіи Кольера, и въ великолѣпномъ илюстрированномъ изданіи Джильберта; она принята нѣмецкимъ шекспировскимъ обществомъ и Деліусомъ. Но новое шекспировское общество рѣшилось возобновить орфографію Мэлона.

*) Джульета говоритъ Лоренцо: «иль я опять приду сюда *передъ вечерней службой?* (evening mass?) Вечерняя служба! можно-ли предположить, чтобы подобное выраженіе употребилъ католикъ? Значитъ, Шекспиръ былъ протестантъ. Но въ «Венеціанскомъ купцѣ» Лоренцо говоритъ Джесикѣ: «смотри, какъ сводъ небесный весь выложенъ мильонами кружковъ изъ золота блестящаго (patines of bright gold). Извѣстно, что patines (дискосъ) означаетъ золотые кружки, къ которымъ, по католическому обряду, вѣрующіе прикладываются при причастіи; такъ что фраза, употребленная Шекспиромъ, непосредственно относится къ католической обрядности, отсюда выводъ—Шекспиръ католикъ. Но въ той же самой драмѣ Порція говоритъ Шейлоку: «жидъ, ты на правосудье ссылаешься, но взвѣсь мои слова: когда бы всегда законы исполнялись съ буквальностью, никто бъ изъ насъ не могъ спасти себя» (none of us should see salvation). Эти слова носятъ на себѣ печать не только протестантизма, но даже кальвинизма: они заключаютъ въ себѣ все кальвинское ученіе о спасеніи благодатью. Въ «Генрихѣ VIII» поэтъ, объявляя о рожденіи Елизаветы, предсказываетъ, что въ царствованіе этой королевы люди «творца земли познаютъ» (God shall be truly known). Но указываютъ-ли эти слова, что Шекспиръ былъ протестантъ? А между тѣмъ Ріо написалъ очень интересную книгу, въ которой доказываетъ католицизмъ Шекспира. Съ другой стороны Степферъ (Shakespeare et l'Antiquité) полагаетъ, что какъ тѣ, такъ и другіе не правы: по его мнѣнію, Шекспиръ *вышелъ изъ протестантизма* съ тѣмъ, чтобы далеко оставить за собой обѣ эти церкви. Во всякомъ случаѣ, вопросъ остается открытымъ и за неимѣніемъ офиціальныхъ документовъ, едва-ли можетъ быть когда-либо рѣшенъ путемъ ссылокъ на произведенія Шекспира.

пенсовъ,—случай характеристичный, доказывающій, что Шекспиръ очень хорошо зналъ цѣнность денегъ и что онъ имѣлъ весьма твердое убѣжденіе, что во всей вселенной было только одно законное мѣсто для этихъ денегъ,—въ карманѣ Вильяма Шекспира. Но, прибавляетъ Доуденъ, въ этомъ же самомъ году Шекспиръ пишетъ «Отелло» и думаетъ о «королѣ Лирѣ». Забота о деньгахъ не мѣшала ему созерцать короля Лира въ его трагической судьбѣ и Отелло, терзаемаго ревностью Професоръ заключаетъ, что Шекспиръ жилъ разомъ въ двухъ мірахъ, — въ мірѣ конечномъ, практическомъ, положительномъ и въ мірѣ идеальномъ и безконечномъ. Онъ умѣлъ согласовать ихъ и силою энергіи удержать это согласіе, необходимое, по его мнѣнію. Естественнымъ, природнымъ стремленіемъ Шекспира было теряться въ безконечности мысли и въ безконечности страсти. Проза жизни не привлекала его и только силою воли онъ иногда подчинялся ей. Всѣ его произведенія не болѣе, какъ продолжительное ученіе, личный этюдъ, которымъ онъ научаетъ самаго себя, противупоставляя идеалистамъ, мечтателямъ, натурамъ страстнымъ и экзальтированнымъ, которыхъ судьба погибнуть, — людей практическихъ, дѣятельныхъ. Нельзя сказать вмѣстѣ съ Гервинусомъ, что Шекспиръ больше любитъ Генриха V, чѣмъ Гамлета; напротивъ, всѣ его сердечныя симпатіи на сторонѣ Гамлета, но Генриха V онъ болѣе уважаетъ. Любимцы Шекспира—Гамлетъ, Ромео, Брутъ, Тимонъ и всѣ жертвы идеала; но сознательное поклоненіе онъ переноситъ на Генриха V, Тезея, Гектора, Фортинбраса, Алкивіада и всѣхъ героевъ дѣйствительности. Если Шекспиръ былъ строгъ къ идеалистамъ, то только потому, что чувствовалъ свою собственную слабость къ нимъ; если онъ обнаруживаетъ уваженіе (нѣсколько холодное) къ людямъ энергіи и дѣятельности, то только потому, что самъ онъ не былъ такимъ человѣкомъ. Онъ страстно любитъ Тимона и Гамлета,—потому что оба они имѣютъ одну общую съ нимъ натуру; онъ уважаетъ Алкивіада и Фортинбраса, потому что желаетъ походить на нихъ.

Можетъ быть, скажутъ, что подобнаго рода изслѣдованія не имѣютъ серьезной цѣнности и что Шекспиръ, какъ поэтъ, по преимуществу, объективный, никогда не обнаруживаетъ себя въ своихъ произведеніяхъ, но это не совсѣмъ такъ: Шекспиръ былъ такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ мы; къ тому же поэзія по существу своему не можетъ быть безличной: нельзя предположить чтобы авторъ никогда не обнаруживалъ себя хотя бы въ выборѣ сюжетовъ. Почему, напр., въ извѣстную эпоху своей жизни Шекспиръ, по преимуществу, пишетъ комедіи веселыя и блестящія? Почему въ другую эпоху онъ занятъ трагедіями? Не слѣдуетъ-ли заключить, что это предпочтеніе зависило отъ двухъ различныхъ состояній его нравственнаго я? Ни Гомеръ, ни Шекспиръ не могли отрѣшиться отъ самихъ себя, благодаря какому-то трансцендентальному свойству генія («even Shakspere cannot transcend himself», — Доуденъ). Личность поэта всегда присутствуетъ на днѣ всѣхъ его художественныхъ проявленій, потому что художественное творчество есть по преимуществу только проявленіе индивидуальности и личности. Все дѣло, слѣдовательно, заключается только въ томъ, чтобы открыть эту индивидуальность. По отношенію къ Шекспиру это чрезвычайно трудно, но возможно. Въ этомъ исканіи человѣка, его мысли, его нравственнаго я, его индивидуальности въ произведеніяхъ его творческаго генія заключается, по моему мнѣнію, дѣйствительная цѣль современной шекспировской критики. Субъективизмъ нѣмецкой критической метафизики никого болѣе не соблазняетъ, онъ надоѣлъ до пресыщенія, оказался безплоднымъ и привелъ къ нелѣпостямъ, отъ которыхъ открещиваются сами-же нѣмцы. Сухія историко-археологическія изслѣдованія англичанъ оказались по меньшей мѣрѣ столь же безплодными: англичане сдѣлали много открытій фактически цѣнныхъ и важныхъ, но для пониманія Шекспира не сдѣлали почти ровно ничего. Остается, слѣдовательно, только современный критическій методъ: искать человѣка въ его произведеніяхъ.

На сколько этотъ методъ важенъ, я постараюсь доказать на «Цимбелинѣ», къ которому и возвращаюсь послѣ этого длиннаго отступленія.

V.

Критикой довольно прочно установилось мнѣніе, что «Буря» есть нѣчто въ родѣ поэтическаго завѣщанія Шекспира. Просперо, характеръ котораго такъ тщательно обработанъ, полный снисхожденія къ слабостямъ другихъ, добродушный, но въ то же времяи твердый, эта смѣсь высокаго ума, ироніи, доброты, по мнѣнію критики, указываетъ на то, чѣмъ былъ Шекспиръ въ послѣдніе годы жизни. Испытавъ много страданій, покончивъ борьбу съ жизнью, въ началѣ XVII столѣтія онъ достигъ, наконецъ, полной душевной ясности. Тогда-то именно онъ покидаетъ, подобно Просперо, всякую горечь противъ людей, разсматриваетъ людей и жизнь съ высоты, такъ сказать, птичьяго полета и, среди борьбы человѣческихъ страстей, которыя онъ такъ чудесно изучилъ и въ такомъ совершенствѣ выразилъ,—его воображеніе и фантазія успокоились. «Буря»—единственная пьеса, которая совершенно ясно выражаетъ это душевное настроеніе. Она, если можно такъ выразиться, вѣнчаетъ его жизнь. Тутъ Шекспиръ прощается съ міромъ, онъ ломаетъ, какъ и герой его, свой волшебный жезлъ и уединяется въ Стратфордѣ. Волшебникъ, столько разъ удивлявшій міръ творчествомъ своего генія, оставляетъ навсегда блестящую сцену своей славы. «Исчезли всѣ мои очарованья и мало силъ осталось у меня; хоть и мое тѣ силы достоянье, но, — знаю я, — не много въ нихъ огня. Теперь судьбой моей распоряжайтесь, — увижу-ли Неаполь съ вами я? О! здѣсь меня, молю, не покидайте, здѣсь безъ людей больна душа моя! Я получилъ назадъ мое владѣнье и брату я, обманщику, простилъ. Разрушьте же мое вы заключенье, у васъ на то въ рукахъ довольно силъ. Позвольте ждать, что сладкое дыханье участья наполнитъ парусъ мой: не сбудется безъ васъ мое желанье вамъ нравиться, вамъ угодить собой. Я помощи духовъ и чаръ лишился и мнѣ-бъ пришлось въ отчаянье придти, когда-бъ молитвой я не укрѣплялся, когда-бъ не ждалъ участья въ васъ найдти! Молитва такъ глубоко проникаетъ и такъ сильна, что грѣшниковъ отъ мукъ освобождаетъ собой она. Согласны-ль вы? Какъ небо преступленья вамъ всѣмъ проститъ, такъ и меня пусть ваше снисхожденье освободитъ» *).

Въ этомъ удивительномъ «заключеніи» нельзя не чувствовать личнаго акцента. Читатель знаетъ, что здѣсь говоритъ не Просперо, а самъ поэтъ, уставшій отъ жизни, можетъ быть, надорванный ею, мало надеждъ уносящій съ собой, но любящій людей, хотя по прежнему скептически къ нимъ относящійся. Долгое и страстное изученіе ихъ уничтожили всѣ его илюзіи, разбили, можетъ быть, и личные его идеалы, къ которымъ онъ стремился въ дни своей юности, когда писалъ свои веселыя комедіи, но всѣ эти испытанія не ожесточили его, а напротивъ, примирили. «Мужчины мнѣ скучны,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Гамлетъ, — и женщины тоже» («man delights not me; no, nor woman neither»). Таково именно его теперешнее душевное состояніе; но это уже не прежнее «разочарованіе» Гамлета, когда этотъ герой разочарованія говорилъ: «какъ пошло, пусто, плоско и ничтожно въ глазахъ моихъ житье на этомъ свѣтѣ! Презрѣнный міръ! ты — опустѣлый садъ, негодныхъ травъ пустое достоянье!» *) Напротивъ, теперь періодъ гамлетовскаго разочарованія безвозвратно прошелъ: онъ уже не смотритъ на міръ, какъ на садъ негодныхъ травъ, только этотъ міръ потерялъ для него свою привлекательность; мужчины и женщины ему интересны, но только какъ предметъ наблюденія. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія «Буря», дѣйствительно, раскрываетъ передъ нами весь душевный, вѣчный міръ поэта и даетъ ключъ къ пониманію всей его жизни.

Но въ «Бурѣ» мы видимъ одного лишь человѣка. Нѣтъ-ли другого произведенія Шекспира, въ которомъ бы «поэтъ» выразился по преимуществу? И если «Буря», — его «духовное» завѣщаніе, то не найдется ли другого, «художественнаго» завѣщанія? Если въ «Бурѣ» Шекспиръ объясняетъ себя, свое міровозрѣніе, свое нравственное я, свои душевныя стремленія, свои идеальныя побужденія, то не найдется ли въ другой пьесѣ того же періода объясненія его художественныхъ идеаловъ? Я думаю, что такая пьеса есть и пьеса эта—«Цимбелинъ». Съ этой точки зрѣнія, если не ошибаюсь, «Цимбелинъ» никогда не былъ еще разсматриваемъ и поэтому здѣсь я позволю себѣ коснуться этого предмета въ общихъ чертахъ, оставляя излишнія подробности и не входя въ детали.

Еще Гервинусъ замѣтилъ, что содержаніе «Цимбелина» во многомъ похоже на содержаніе «Лира». Онъ состоитъ изъ двухъ различныхъ дѣйствій, заимствованныхъ изъ двухъ, далеко другъ отъ друга отстоящихъ источниковъ. Дѣйствіе это, какъ и въ «Лирѣ», опирается на болѣе широкую основу государственной жизни. Тоже самое можно сказать и относительно широты объема, богатства фактовъ и происходящаго отсюда эпическаго характера этихъ драмъ. И въ «Цимбелинѣ» и въ «Лирѣ» дѣйствіе происходитъ въ языческій періодъ кореннаго населенія Британіи. Но аналогію между «Цимбелиномъ» и «Лиромъ» можно продолжать и дальше. Эта аналогія замѣчается какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ; но замѣтивъ ее, мы невольно обращаемъ вниманіе и на то, что «Цимбелинъ» заключаетъ въ себѣ элементъ не только «Лира», а и другихъ произведеній Шекспира: «Макбета», «Бури», «Отелло» и вообще элементы всего того цикла, который групируется вокругъ «Генриха V», съ почти абсолютнымъ исключеніемъ элементовъ гамлетовскаго цикла.

Дѣло въ томъ, что всѣ произведенія Шекспира можно сгрупировать вокругъ двухъ основныхъ типовъ; представителемъ перваго типа можетъ служить «Гамлетъ»: это циклъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ сознательно или безсознательно отражается вліяніе Монтэня, скептическій взглядъ на міръ, разочарованіе, меланхолія Жака, нѣсколько грустная сосредоточенность Винченціо, мизантропія Тимона Афинскаго, созерцательность Брута. Представителемъ второго типа является «Генрихъ V»; къ этому циклу относятся почти всѣ историческія хроники, большинство комедій, «Макбетъ», «Антоній и Клеопатра», «Коріоланъ», «Отелло» и другія. Въ первомъ циклѣ мы видимъ такой идеальный мужской характеръ, какъ характеръ Брута, во вто-

---

*) Эпилогъ, произносимый Просперо въ концѣ «Бури». Переводъ г. Сатина.

**) How weary, stale, flat, and unprofitable — seem to me all the uses of this world! Fye on't! O fye! 't is an unweeded garden, that grows to seed; things rank, and gross in nature, possess it merely.

ромъ еще болѣе идеальный женскій характеръ Иможены. Такъ что Цимбелинъ и Иможена резюмируютъ, такъ сказать, весь этотъ циклъ, захватывая кое что и изъ перваго гамлетовскаго цикла, и представляютъ въ крайне сконцентрированномъ видѣ все художественное міровозрѣніе Шекспира. Читая «Цимбелина» точно кажется, что Шекспиръ на закатѣ своей жизни вздумалъ мысленно обозрѣть всѣ созданія своего творчества, весь идеальный міръ его фантазіи и резюмировать его въ одномъ, уже окончательномъ на этотъ разъ, произведеніи.

И въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Иможена резюмируетъ собою всѣхъ прежнихъ шекспировскихъ женщинъ. Она для Шекспира идеалъ женщины. Эту особенность замѣтила еще мистрисъ Джемсонъ («Shakspeare's heroines»). «Другіе характеры шекспировскихъ женщинъ, говоритъ она,—болѣе драматичны, болѣе поэтичны, болѣе блестящи и сильны, но ни одна изъ его героинь не такъ совершенна, какъ Иможена, если взять ее не какъ героиню, а какъ отдѣльный типъ. Порція и Джульета рисуются въ воображеніи съ большею силою, съ болѣе рѣзкими оттѣнками свѣта и тѣни; Віола и Миранда съ болѣе воздушною деликатностью; но ни одинъ женскій портретъ не можетъ быть сравнимъ съ Иможеной, какъ женщиной; ни въ одномъ нѣтъ такого разнообразія красокъ, соединенныхъ съ такою поразительною гармоніей. Въ ней мы находимъ воплощеніе юношеской нѣжности, юношеской фантазіи, очаровательную грацію, цвѣтущую красоту, умственную ясность. Въ «Отелло» и «Зимней сказкѣ» интересъ, возбуждаемый Дездемоной и Герміоной, раздѣляется между другими, но въ «Цимбелинѣ» Иможена есть свѣтлый ангелъ, одно присутствіе котораго освѣщаетъ и оживляетъ всю пьесу. Хотя характеръ ея обработанъ тщательнѣе, полнѣе, болѣе развитъ во всѣхъ своихъ частяхъ, чѣмъ характеръ Дездемоны и Герміоны, но за то положеніе ея далеко не столь выгодно, не столь эфектно, какъ положеніе трагическое этихъ героинь. Иможена, какъ и Джульета, производитъ на насъ впечатлѣніе чрезвычайной простоты вмѣстѣ съ самой удивительной сложностью. Чтобы вполнѣ понять ее, мы должны взять нѣкоторыя выдающіяся черты изъ нѣсколькихъ характеровъ и смѣшать ихъ. Мы должны взять романтическій энтузіазмъ Джульеты, вѣрность и постоянство Елены, чистоту Изабелы, нѣжную доброту Віолы, самообладаніе и умъ Порціи и все это смѣшать такъ гармонично, чтобы трудно было сказать, какое качество преобладаетъ надъ другими. Но Иможена не такъ мечтательна, какъ Джульета, менѣе мужественна и умна, чѣмъ Порція, не такъ серьезна, какъ Елена и Изабела; ея достоинство не такъ внушительно, какъ достоинство Герміоны, ея покорность не такъ наивна, какъ покорность Дездемоны, и хотя она похожа на каждую изъ нихъ въ отдѣльности, но все таки стоитъ совершенно особо... Мы видимъ, что ея любовь къ Постуму перешла за предѣлы обыкновеннаго чувства, усилилась восторженной страстью, облагороженной сознаніемъ долга. Она оправдываетъ и подтверждаетъ свою любовь, правда, съ энергіей, но вполнѣ спокойно и съ женскимъ достоинствомъ. Сравните прощальную сцену прощанія Иможены съ Постумомъ, Ромео съ Джульетой и Троила съ Кресидой; сравните довѣрчивую супружескую любовь Иможены, ея глубокую, но безропотную печаль съ отчаяннымъ горемъ Джульеты и капризной печалью Кресиды. Въ любви Иможены нѣтъ ревности и она серьезно боится, что Постумъ женится на другой послѣ ея смерти. Она говоритъ это только для того, чтобы имѣть удовольствіе слышать увѣреніе въ противномъ, какъ это дѣлаютъ многія женщины въ минуты подобныхъ изліяній. Послѣ отъѣзда Постума она не пускается въ краснорѣчивыя причитанія и ея молчаливая, переполняющая ее печаль, дѣлающая ея умъ нечувствительнымъ ко всему окружающему, изображена съ такою же силою, какъ и съ простотой. При тѣхъ же условіяхъ страшно возбужденныя чувства Джульеты и ея живое воображеніе придаютъ ея горю какую-то особенную, дикую, страстную и поэтическую силу. Намъ совсѣмъ не симпатично сердитое разочарованіе Кресиды, похожее на чувство капризнаго ребенка, потерявшаго сахарную куклу, безъ нѣжности, страсти и поэзіи; однимъ словомъ, Кресида — типъ тѣхъ тщеславныхъ, измѣнчивыхъ, развратныхъ и безсердечныхъ женщинъ, о которыхъ говорятъ: «измѣнчивы, какъ погода». Въ поспѣшности Иможены увидѣть поскорѣе мужа видна вся ея любовь, смѣшанная съ захватывающей духъ радостью; но въ ней нѣтъ ничего похожаго на живописное краснорѣчіе, пылкое, бьющее черезъ край итальянское воображеніе Дездемоны, которая въ своемъ нетерпѣніи хотѣла бы имѣть въ своемъ распоряженіи быстрокрылыхъ голубей и быстрыхъ, какъ вѣтеръ, купидоновъ. Иможена думаетъ только о «количествѣ миль» и желаетъ «крылатаго коня»... Всѣ разсужденія, вложенныя въ уста Иможены, отличаются умомъ, правдой, нѣжностью, остроуміемъ. Слѣдующія слова напоминаютъ Джульету: «Еще я хотѣла дать ему прощальный поцѣлуй». Ея восклицаніе при распечатываніи письма похоже на глубокую нѣжность Елены: «О! какъ бы тотъ прославился астрономъ» и проч. Характеръ Иможены выдержанъ до самаго конца; необыкновенной граціей дышетъ ея полное прощеніе мужа, не дожидаясь его просьбы, когда она бросается ему въ объятія со словами: «зачѣмъ жену свою ты отвергаешь?» и ея великодушный отвѣтъ отцу на замѣчаніе, что она потеряла королевство: «о, нѣтъ, мнѣ даны два міра». Эти благородныя слова накладываютъ послѣдніе штрихи на этотъ очаровательный портретъ. Въ цѣломъ, Иможена есть соединеніе доброты, вѣрности и преданности съ извѣстной дозой страсти, ума и поэзіи, которыя придаютъ картинѣ всю ея силу и пылкость. Про нее можно сказать, что «ея личность есть рай, а ея душа—херувимъ, оберегающій входъ въ него».

Съ мистрисъ Джемсонъ случилось тоже, что случается со всѣми, даже самыми талантливыми критиками Шекспира, когда они задаются цѣлью опредѣлить и выяснить характеръ и душевный строй того или другого героя великаго поэта: она не исчерпала всей глубины и сложности характера Иможены и съумѣла намѣтить его только поверхностно, слегка, упустивъ сотни и тысячи мелкихъ особенностей, которыя придаютъ не только красоту, но и жизненность этому удивительному характеру. Какъ бы то ни было, но заслуга мистрисъ Джемсонъ заключается въ томъ, что она первая указала на то, что въ Иможенѣ, какъ въ фокусѣ, находится элементъ всѣхъ предыдущихъ женскихъ характеровъ Шекспира. Каждая изъ прежнихъ героинь Шекспира — вполнѣ женщина, изъ каждой бьетъ жизнь ключемъ, но въ каждой преобладаетъ та или другая особенность и черта, развившаяся на счетъ другихъ и уничтожающая такимъ образомъ гармонію и равновѣсіе. Въ Иможенѣ всѣ эти черты собраны въ одно органическое цѣлое безъ преобладанія одной надъ другою; въ ней нравственная гармонія сохранена въ полномъ совершенствѣ, возвышаясь такимъ образомъ до идеала женщины, который въ воображеніи каждаго поэта живетъ въ болѣе или менѣе полной ясности. Отсюда является то, что другія героини Шекспира могутъ казаться болѣе яркими, но ни одна не вноситъ такого высокаго нравственнаго удовлетворенія, какъ Иможена. Она именно воплощеніе того идеала женщины, который носился въ воображеніи Шекспира втеченіи всей его жизни, который обнаруживался неполно и частично прежде и который теперь, на закатѣ его жизни, предсталъ передъ нимъ во всей своей чарующей ясности. Иможена для Шекспира то же, что Беатриче для Данте.

Но не только Иможена имѣетъ этотъ сборный, идеальный характеръ. Всѣ другія дѣйствующія лица «Цимбелина» представляютъ тоже самое. Супруга Цимбелина очерчена только слегка, мимоходомъ, но не резюмируетъ-ли она собою леди Макбетъ? Честолюбіе, жертвующее всѣмъ для своего удовлетворенія—вотъ отличительныя черты жены Цимбелина и коудорскаго тана. Женщина по преимуществу честолюбивая, но не тщеславная, съ крайне твердымъ характеромъ, неумолимая къ людямъ, неразборчивая на средства для достиженія цѣли, — точно также, какъ и леди Макбетъ,—королева задумала доставить престолъ послѣ смерти мужа своему сыну, Клотену, а для этого представляется одно только средство: женить его на дочери короля, единственной его наслѣдницѣ послѣ потери сыновей, на Иможенѣ. Леди Макбетъ точно также преслѣдуетъ туже самую цѣль, — престолъ, но только для своего мужа. Придворные рисуютъ королеву, какъ хитраго дьявола, который ежечасно куетъ новыя козни, какъ женщину, которая все подавляетъ своею головою. Дальновидная преднамѣренность всѣхъ ея шаговъ и ея холодная безсовѣстность открываются намъ въ одно и то же время; когда мы видимъ, какъ продолжительно она притворяется передъ своимъ врачемъ, будто ее безпрестанно занимали травы и ихъ свойства, и все это для того только, чтобы, оставаясь внѣ всякихъ подозрѣній, достигнуть въ концѣ концовъ искуства приготовлять медленно дѣйствующіе яды. Властолюбіе и честолюбіе объясняютъ ея злобу, а глубокое лицемѣріе скрываетъ всѣ эти движущія пружины и ихъ дѣйствія. Не тотъ-же ли самый психическій механизмъ представляетъ собою леди Макбетъ? Къ сожалѣнію, и здѣсь неумѣренные эксцесы нѣмецкой критики только запутали дѣло. Еще Гейне замѣтилъ это. Онъ между прочимъ съ обычнымъ своимъ остроуміемъ пишетъ: «извѣстность леди Макбетъ, втеченіи двухъ столѣтій считавшейся весьма злою особою, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ очень измѣнилась въ Германіи къ ея выгодѣ. Благочестивый Францъ Горнъ въ «Conversations Blatt» Брокгауза, замѣтилъ, что бѣдная леди до сихъ поръ была совершенно непонята, что она очень любила своего мужа и вообще была полна самыхъ нѣжныхъ чувствъ. Скоро это мнѣніе постарался потвердить Людвигъ Тикъ всею своею ученостью и философскою глубиною, и не такъ еще давно мы видѣли, какъ г-жа Штокъ, на придворной королевской сценѣ, до такой степени нѣжно ворковала, подобно кроткой голубицы, въ роли леди Макбетъ, что ни одно сердце въ Берлинѣ не могло остаться спокойнымъ, слыша такіе нѣжные звуки, и много прелестныхъ глазъ проливали слезы при видѣ доброй леди Макбетъ. Это случилось, какъ мы сказали, лѣтъ двѣнадцать тому, во время кроткой реставраціи, когда мы ощущали такъ много любви въ нашемъ тѣлѣ. Послѣ того случилось очень большое банкротство и если теперь мы не чувствуемъ къ нѣкоторымъ коронованнымъ особамъ особенной любви, заслуживаемой ими, то въ томъ виноваты люди, которые, какъ шотландская королева, въ періодъ реставраціи совершенно истратили любовь нашего сердца. Я не знаю, признаютъ-ли до сихъ поръ въ Германіи такую симпатичность къ вышеупомянутой леди. Со времени іюльской революціи взглядъ на многія вещи измѣнился и, можетъ быть, даже въ Берлинѣ съумѣли наконецъ догадаться, что добрая леди Макбетъ была очень злая бестія». Въ настоящую минуту я думаю взглядъ Гейне раздѣляется всѣми. Леди Макбетъ — натура извращенная, подавленная одной лишь страстью—честолюбіемъ и для этой страсти пожертвовавшая всѣмъ человѣческимъ: «Кормила я и знаю, какъ дорого для матери дитя; но я безъ жалости отторгла-бъ грудь отъ нѣжныхъ, улыбающихся губокъ и черепъ бы, навѣрно, раздробила, когда-бъ клялась, какъ клялись тѣ»,— говоритъ она мужу. Этой захватывающей, кипучей страсти нѣтъ въ женѣ Цимбелина, но элементы натуры тѣ же самые. Вся разница заключается только въ томъ, что въ женѣ Цимбелина смягчены и доведены до минимума особенности характера леди Макбетъ; они, такъ сказать, сжаты въ миньятюру, только указаны, но не докончены. И когда мы вспомнимъ Реганну, Гонерилью, Констанцію, Маргариту, Клеопатру, мать Гамлета, то мы убѣдимся, что разбросанныя черты одного и того же типа, наиболѣе ярко выраженныя въ леди Макбетъ, были собраны Шекспиромъ въ одно органическое цѣлое въ лицѣ жены Цимбелина, но въ мягкихъ, едва намѣченныхъ краскахъ.

VI.

Намъ кажется, что то, что справедливо по отношенію къ женскимъ характерамъ «Цимбелина», справедливо также и по отношенію къ мужскимъ характерамъ этой пьесы. И тутъ, и тамъ мы замѣчаемъ одинъ и тотъ же пріемъ: въ «Цимбелинѣ» Шекспиръ не создаетъ новые характеры, не знакомитъ насъ съ новыми, еще незамѣченными имъ особенностями человѣческой натуры, а какъ бы повторяетъ только то, что прежде было уже имъ замѣчено въ отдѣльныхъ этюдахъ изученія человѣческой души. Но тутъ онъ не только повторяется, а резюмируетъ, групируетъ въ одномъ типическомъ, т. е. идеальномъ фокусѣ то, что раньше онъ изучалъ отдѣльно.

Это между прочимъ видно даже на королѣ Цимбелинѣ. Совершенно несправедливо мнѣніе, будто бы эта фигура блѣдна и слишкомъ эскизно нарисована. Напротивъ того, не боясь ошибиться, можно сказать, что король Цимбелинъ—одна изъ самыхъ цѣльныхъ и полныхъ шекспировскихъ фигуръ, написанныхъ съ изумительнымъ изяществомъ, хотя далеко не доконченная. Въ сравненіи съ своей женой—онъ дрянная тряпка, человѣкъ безъ характера и безъ воли, но самодуръ, испорченный властью, съ необузданными проявленіями темперамента, съ внезапными упадками духа, съ колебаніями ума, съ извращенностью сердца. Въ его мозгу существуетъ ясно тотъ же самый органическій порокъ, развитіе котораго привело Лира къ безумію. И въ самомъ дѣлѣ, не напоминаетъ-ли намъ Цимбелинъ—короля Лира? Если мы только забудемъ о состраданіи, внушаемомъ намъ великимъ несчастіемъ, если мы оставимъ въ сторонѣ событія, первою причиною которыхъ былъ Лиръ, но которыя погубили его, если мы обратимъ вниманіе на основныя черты его характера независимо отъ тѣхъ или другихъ условій его жизни, то сейчасъ же замѣтимъ поразительное сходство его съ Цимбелиномъ. Цимбелинъ это — прототипъ Лира. Въ Лирѣ мы видѣли тоже отсутствіе характера, тѣже колебанія воли и ума, ту-же необузданность темперамента, тоже самодурство. Отношенія Цимбелина къ Иможенѣ— почти буквальное повтореніе отношеній короля Лира къ Корделіи. Какъ Лиръ Корделію, такъ Цимбелинъ ненавидитъ Иможену, которая не исполнила его воли; онъ преслѣдуетъ ее, мучаетъ; но, подобно Лиру, замѣтивъ, что послѣ потери Иможены все рушится вокругъ него, Цимбелинъ возвращается къ Иможенѣ и въ немъ снова воскресаетъ къ ней любовь: «Но, дочь моя! ты вправѣ мнѣ сказать, что я безумецъ былъ: твое несчастіе то подтвердило. Помоги намъ небо»! Король Лиръ — только самое яркое проявленіе типа, съ которымъ Шекспиръ часто встрѣчался и основныя черты котораго съ изумительной полнотой соединилъ въ Цимбелинѣ. Леонатъ (въ «Зимней сказкѣ»), король Джонъ, король Ричардъ II, король Генрихъ VI, король Генрихъ VIII, король Клавдій (въ «Гамлетѣ»), — не болѣе, какъ разновидности одного и того же типа, воплощеннаго Шекспиромъ въ Цимбелинѣ.

Въ той же самой мѣрѣ Постумъ есть не болѣе, какъ ослабленная, но чрезвычайно поэтическая реминисценція Отелло. Благородство натуры, великіе порывы сердца, рыцарскія черты характера, великодушіе, все, чѣмъ Отелло такъ симпатиченъ намъ и что встрѣчаемъ мы въ той же степени и въ Постумѣ,— все это разомъ жертвуется для удовлетворенія ревности въ одинаковой степени Отелло и Постумомъ. Ядъ, существующій въ сердцѣ Отелло, заражаетъ также и Постума и приводитъ къ тому же нравственному паденію. Отелло собственноручно убиваетъ Дездемону, Постумъ приказываетъ ее убить и не его вина, если Пизаніо не исполняетъ приказанія. «О, мщеніе! мщеніе! Она отъ ласкъ законныхъ устранялась, воздержанности просила у меня и розовой стыдливостью своей воспламенять могла бы и Сатурна; она была, казалось мнѣ, чиста, какъ свѣтъ, незнавшій солнечныхъ лучей. О, дьяволы!... Іахимо желтый, — въ часъ, не правда-ли? — нѣтъ, скорѣе, — въ мигъ: едва-лишь успѣлъ промолвить слово, точно вепрь откормленный, прохрюкалъ: «О!»—и овладѣлъ! Препятствіе одно нашелъ онъ, что думалъ, какъ могла бы она его сдержать, и что могло препятствовать ему. О, еслибъ мнѣ все женское въ себѣ искоренить! Въ мужчинахъ нѣтъ, клянусь, такихъ порочныхъ наклонностей, какъ въ женщинѣ: обманъ — есть свойство женщинъ; лесть и лживость — ихъ же; плотская страстность — ихъ же; мщеніе — ихъ же; коварство, скупость, честолюбье, спѣсь, предательство, измѣнчивость, капризы,—все, что клеймимъ названіемъ порока, что аду лишь извѣстно одному — все это ихъ, иль частью, иль вполнѣ, — вѣрнѣе, что вполнѣ, за тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ постоянства даже и въ порокахъ: одинъ изъ нихъ, прожившій только мигъ, смѣняется другимъ еще моложе. Я стану противъ нихъ — и загремятъ проклятья... Нѣтъ, чтобъ насытить мщеніе, хочу молить, дать волю ихъ влеченью: сильнѣе кары не найдетъ и адъ!» *) Кто это говоритъ? Не Отелло-ли, подстрекаемый Яго, въ минуту пароксизма ревности? Нѣтъ, это говоритъ Постумъ, тотъ самый Постумъ, котораго мы привыкли видѣть въ самыхъ идеальныхъ чертахъ, въ самыхъ благородныхъ стремленіяхъ, въ самыхъ возвышенныхъ порывахъ сердца. Очевидно, что натура Постума, та же кипучая, безгранично страстная натура Отелло, котораго, не смотря на все, мы любимъ именно потому, что онъ такъ много страдалъ и такъ глубоко чувствовалъ. Но развѣ не тѣ же самыя психическія данныя встрѣчаемъ мы въ Леонатѣ («Зимняя сказка»), въ Троилѣ; развѣ не такая же лично безграничная страсть наполняетъ сердце Коріолана, Антонія, и развѣ Постумъ не прототипъ, по преимуществу, страстной натуры, «не знающій путъ разума»? Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Гервинусъ, въ характерѣ Постума, какъ и въ характерѣ Отелло, нѣтъ той ровной, общительной веселости, которая обыкновенно перемежается счастливымъ сангвиническимъ легкомысліемъ; серьезный отъ природы, онъ постоянно склоненъ былъ къ меланхоліи, даже безъ всякаго повода. Какъ Отелло, ему приходилось возводить взоры на свою возлюбленную и считать себя пренебреженнымъ за свое относительно низкое происхожденіе. Въ обоихъ вопреки ихъ величавому спокойствію все-таки бьется страстная жилка и на нее то и расчитывали Яго и Іахимо. Какъ для Отелло—носовой платокъ, такъ для Постума браслетъ служатъ мнимою уликою. Какъ Отелло, такъ и Постумомъ овладѣваетъ ненависть и презрѣніе къ людямъ. Какъ въ Отелло, такъ и въ Постумѣ гармоническая его природа приходитъ въ хаотическое состояніе, при которомъ онъ является болѣе несчастнымъ, нежели заслуживающимъ наказанія. Совершенно также, какъ и Отелло, онъ съ бѣшенствомъ приводитъ себѣ на мысль чувственно-безобразныя представленія, отвратительно-сладострастную картину быстрой побѣды желтаго Іахимо надъ существомъ, которое онъ зналъ за существо идеальной чистоты. Его ненависть падаетъ на весь женскій полъ; все дурное въ мужчинѣ кажется ему лишь наслѣдственнымъ отъ женщины; всѣ пороки и грѣхи кажутся ему собственностью женщины. Подобно Отелло, онъ обрекаетъ мнимую преступницу на жертву за свою незапятнанную честь все въ томъ же раздраженіи своей нравственной природы, которое замѣчалось въ немъ и прежде. Читатель видитъ, до какой степени аналогія эта полна. Постумъ — повтореніе портрета Отелло, но Гервинусъ не замѣтилъ, что повтореніе это— намѣренно ослабленное по тонамъ и что Постумъ не болѣе какъ реминисценція Отелло.

Тотъ же пріемъ употребленъ Шекспиромъ и при созданіи Іахимо, который является реминисценціей Яго; но Яго—портретъ во весь ростъ, масляными красками, написанный въ манерѣ Рембрандта, а Іахимо — изящная, тонко отдѣланная акварель. Что такое Яго? Онъ—солдатъ, побывавшій понемногу вездѣ, отъ Сиріи до Англіи; всѣ ужасы войны XVI столѣтія онъ видѣлъ собственными глазами, встрѣчался со всѣми подонками человѣческаго рода, со всѣми chevaliers d'industrie, со всѣми авантюристами, которые изъ войны сдѣлали професію и переходили отъ одной стороны къ другой, гдѣ имъ платили дороже. Немудрено поэтому, что онъ создалъ себѣ и соотвѣтственную философію и совершенно отрѣшился отъ всякихъ предразсудковъ. «О, мое доброе имя! мое доброе имя!» восклицаетъ обезчещенный Касіо. — «Доброе имя? — отвѣчаетъ Яго, — это не болѣе, какъ пустая фраза. А я, честное слово, подумалъ, что вы получили какую нибудь тѣлесную рану; отъ нея больше вреда, чѣмъ отъ потери добраго имени!» Что же касается женщинъ, то онъ съ ними обращается, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ продажей невольницъ. О любви Дездемоны онъ разсуждаетъ такъ, какъ разсуждалъ бы о любви кобылы и тутъ же излагаетъ цѣлую экспериментальную теорію крайняго цинизма. Дездемона проситъ его сказать нѣчто въ похвалу женщинъ. Онъ отвѣчаетъ ей сальностями. Она настаиваетъ и проситъ его представить себѣ хотя въ воображеніи совершенно цѣломудренную женщину. «Если такая есть, отвѣчаетъ Яго, — то она годна только на то, чтобы выкармливать глупцовъ и разливать пиво!» «О, благородная дама, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — не требуйте, чтобы я кого нибудь хвалилъ; я, — ничего, если не критикую» («To suckle fools and chronicle small beer... O gentle lady do not put me to't, for sam nothing, if not critical»). Это выраженіе даетъ ключъ къ пониманію характера Яго. Онъ презираетъ человѣка; для него Дездемона — чувственная дѣвчонка, Касіо—фразеръ, Отелло — бѣшенный быкъ, Родриго—оселъ. Онъ забавляется тѣмъ, что приводитъ въ столкновеніе ихъ страсти. Но черта, сближающая его съ Мефистофелемъ,— это страшная рѣзкость и непоколебимая логика, которыми онъ оправдываетъ это презрѣніе. Прибавьте къ этому удивительное дьявольское остроуміе, привычки лицемѣрія, хладнокровія, ненависть, терпѣніе, выносливость, пріобрѣтенныя жизнью авантюриста, и вы поймете, какимъ образомъ Шекспиръ съумѣлъ превратить абстрактнаго злодѣя въ живое лицо и почему ужасная месть Яго —

---

*) Переводъ Ф. Миллера.

не болѣе, какъ роковое послѣдствіе его натуры, его прошедшей жизни и его казарменнаго воспитанія.

Я уже сказалъ, что Яго—портретъ во весь ростъ, написанный въ манерѣ Рембрандта. Въ этомъ отношеніи Іахимо невозможно сравнивать съ нимъ; онъ — миньятюра въ сравненіи съ колосальностью Яго, но миньятюра, въ которой столько же творческаго генія. И обѣ эти фигуры чрезвычайно похожи другъ на друга. То, что въ Яго сдѣлали привычки казарменной жизни, то въ Іахимо объясняется средой, въ которой онъ вертится: онъ пошлякъ и франтъ XVI столѣтія; у него нѣтъ за душей ни идеаловъ, ни высокихъ стремленій, ничего, что бы облагораживало его. Онъ весь погруженъ въ элегантную распущенность эпохи разврата и пониженія характеровъ. Въ сущности, онъ также презираетъ человѣчество, какъ и Яго, но только въ этомъ презрѣніи гораздо болѣе тщеславія, чѣмъ страсти. Доброе имя женщины для него такой же пустякъ, какъ и для Яго; но то, что Яго дѣлаетъ изъ ненависти, онъ дѣлаетъ изъ простого тщеславія, ради того, чтобы похвалиться своей мнимой побѣдой. Но оба они одинаково ловки и одинаково лицемѣрны. Онъ начинаетъ, также какъ и Яго, хитрыми инсинуаціями, прежде чѣмъ раскрыть свои карты; онъ, такъ сказать, пробуетъ почву прежде, чѣмъ откровенно высказаться и предлагаетъ свою любовь только тогда, когда думаетъ, что успѣхъ несомнѣненъ. Но замѣтивъ, какъ грубо онъ ошибся въ своихъ расчетахъ, онъ дѣлаетъ внезапный вольтъ-фасъ и снова надѣваетъ маску дружбы и чести. Тутъ аналогія полная, не только въ средствахъ, но и въ основаніи Яго и Іахимо одна и та же натура, но каждый изъ нихъ поставленъ въ особыя условія и каждый слѣдуетъ импульсу, данному ему окружающей средой.

Наконецъ, Клотенъ есть прототипъ Калибана (въ «Бурѣ») и Аякса. «Этотъ характеръ (Клотена), замѣчаетъ Гервинусъ, — многіе называли устарѣлымъ и ничего не выражающимъ: мнѣ кажется, что, будучи такъ ярко обрисованъ, онъ можетъ служить вѣчнымъ типомъ человѣка, выросшаго въ ничтожествѣ и воспитавшаго въ себѣ грубую надменность; человѣка, надутаго своими привилегіями, дворянствомъ и придворнымъ положеніемъ. Снимковъ съ этого типа надо искать въ юнкерскомъ и офицерскомъ званіи; тамъ, по крайней мѣрѣ, увидала ихъ миссъ Сюардъ, судя по одному ея письму. Въ одномъ своемъ знакомомъ капитанѣ напла она точно такую же ничего не выражающую мрачность физіономіи, ту же невѣрную походку, неумѣстные порывы рѣчи, ту же хлопотливую незначительность, лихорадочные припадки храбрости, своенравную ворчливость, причудливую злость и даже случайные проблески ума сквозь густое облако глупости, — словомъ, тѣ же, которые положены въ основу характера Клотена». Это, однакожъ, не объясняетъ еще Клотена, не объясняетъ, по крайней мѣрѣ, его умственнаго механизма, который поразительно похожъ на умственный механизмъ Калибана и Аякса (въ «Троилѣ и Кресидѣ»). Ни одинъ поэтъ не изучалъ такъ глубоко этого механизма, какъ Шекспиръ. Извѣстно, что воображеніе существуетъ уже тамъ, гдѣ нѣтъ еще ума, и продолжаетъ существовать тамъ, гдѣ уже не существуетъ умъ: идіотъ и животное вѣчно подчиняются галюцинаціямъ своего отупѣвшаго мозга. Калибанъ, напр., нѣчто въ родѣ первобытнаго дикаря, питающагося дикими растеніями, реветъ, какъ звѣрь, подъ рукой Просперо, который его подчинилъ себѣ. Онъ постоянно огрызается, зная, что каждая брань будетъ ему оплочена палкой. Это—волкъ на привязи, вѣчно дрожащій отъ страха и вѣчно бѣшенный; волкъ, который пробуетъ кусаться, когда къ нему приближаются, но который уходитъ покорно въ свою будку, когда увидитъ поднятый кнутъ. Онъ грубо чувственъ, идіотски хохочетъ и чувствуетъ въ себѣ броженіе животныхъ страстей. Онъ хотѣлъ изнасиловать спящую Миранду. Стефано даетъ ему попробовать водки; онъ цѣлуетъ ему ноги и считаетъ его богомъ, спрашивая его, не упалъ-ли онъ съ съ неба? Въ немъ чувствуешь бушующія страсти, которыя готовы вырваться наружу. Стефано поколотилъ своего товарища. «Колоти его хорошенько, говоритъ Калибанъ, — черезъ нѣкоторое время и я также рѣшусь поколотить его». Онъ умоляетъ Стефано отправиться съ нимъ и убить Просперо и скачетъ отъ радости, уже созерцая въ воображеніи убитаго Просперо: «прошу тебя, мой король, не шуми. Видишь? это входъ въ его пещеру. Ступай тихонько. Соверши это хорошее убійство; ты будешь властелиномъ острова навсегда, а я, твой Калибанъ, — я тебѣ буду лизать ноги». Аяксъ ближе къ человѣку, но и въ немъ, какъ въ Калибанѣ, Шекспиръ изображаетъ чистый темпераментъ. Тяжесть громаднаго тѣла, масса мускуловъ, густота, если можно такъ выразиться, крови, которая течетъ въ членахъ этого гомерическаго героя, подавляютъ умъ, разнуздывая животныя страсти. Аяксъ раздаетъ удары и глотаетъ мясо — вотъ его жизнь; если онъ ощущаетъ зависть къ Ахилу, то подобно тому, какъ бы одинъ быкъ завидовалъ другому. Его водитъ за носъ Улисъ и онъ не подозрѣваетъ этого: самая грубая лесть привлекаетъ его. Его уговорили принять вызовъ Гектора, — и вотъ онъ ходитъ, какъ павлинъ, не удостаивая никого отвѣтомъ, не сознавая даже, что онъ говоритъ и что дѣлаетъ. Терситъ кричитъ ему: «Здравствуй, Аяксъ!» Онъ отвѣчаетъ: «благодарю, Агамемнонъ!» Онъ занятъ только тѣмъ, что созерцаетъ свою фигуру, гордо обводя вокругъ своими бычачьими глазами. Клотенъ не такъ масивенъ, какъ Аяксъ, но также глупъ, также тщеславенъ, также первобытенъ. Прекрасная Иможена, взбѣшонная его грубостями и его дурацкимъ ухаживаніемъ, говоритъ ему, что вся его персона не стоитъ самаго послѣдняго платья Постума. Онъ задѣтъ за живое и разъ десять повторяетъ слова Иможены, не будучи въ состояніи забыть ихъ. «Его платье? его послѣднее платье? хорошо». Онъ надѣваетъ платье Постума и отправляется въ Мильфордъ, разсчитывая встрѣтить тамъ Постума съ Иможеной. Дорогой онъ разсуждаетъ: «въ этомъ платьѣ хочу я изнасиловать ее; но прежде убью его и въ ея глазахъ: пусть увидитъ она мою храбрость и это будетъ ей мученіемъ за ея высокомѣріе. Когда же будетъ онъ у ногъ моихъ и я, наругавшись порядкомъ надъ его трупомъ, утолю свою страсть, — что́, какъ я сказалъ, исполню ей въ насмѣшку въ томъ же самомъ платьѣ, — я пинками погоню ее домой».... Возможно ли глубже проникнуть въ душевный механизмъ и прослѣдить всѣ фазисы этого механизма, начиная съ абсолютнаго господства животныхъ инстинктовъ полудикаго звѣря въ образѣ Калибина и кончая полу-человѣкомъ Аяксомъ и грубымъ болваномъ Клотеномъ? У Шекспира эта галерея продолжается и дальше: слѣдующая, непосредственно высшая ступень умственнаго развитія это — Полоній, старый болтунъ, «старое дитя, не вышедшее еще изъ пеленокъ»; затѣмъ, кормилица въ «Ромео и Джульетѣ», глупая болтунья съ циническими выходками, безнравственная, но въ тоже время добрая женщина, искренно любящая свою питомицу. Господство воображенія надъ сознаніемъ, — таковъ общій психическій законъ, положенный въ основу людей этого рода. Изучивъ съ невѣроятною проницательностью, доступною только величайшему изъ геніевъ, Шекспиръ построилъ на этомъ основномъ психическомъ законѣ всѣ свои характеры, начиная съ полудикаго звѣря Калибана и кочная высшими типами человѣчества: Гамлетомъ, Брутомъ, Просперо, Постумомъ. По мѣрѣ того, какъ мы подымаемся по этой лѣстницѣ, воображеніе уменьшается и увеличивается сознаніе, но первое никогда не теряетъ ни своихъ правъ, ни своей силы, какъ бы ни было велико сознаніе, напр., у Брута; бываютъ минуты, когда оно слабѣетъ и тогда воображеніе опять выступаетъ на первый планъ; подъ вліяніемъ сильнаго, внезапнаго афекта отношеніе между этими двумя силами можетъ вдругъ исчезнуть и тогда является полусумасшествіе Гамлета или полное сумасшествіе Лира. Такова въ общихъ чертахъ психологія Шекспира.

Возвращаясь къ Клотену, мы можемъ только замѣтить, что этотъ милѣйшій принцъ есть резюме низшей стадіи и пополняетъ пробѣлъ.

Этихъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы подтвердить нашу первоначальную мысль: «Цимбелинъ» занимаетъ особенное мѣсто въ ряду произведеній Шекспира. Поэтъ. приступая къ этой пьесѣ, не имѣлъ въ виду никакихъ новыхъ задачъ: онъ уже изслѣдовалъ цѣлый рядъ страстей, чувствъ, типовъ и характеровъ. Въ его воображеніи не носилось теперь ничего новаго, достойнаго его наблюденія и его кисти, и вотъ на закатѣ своихъ дней, разсматривая весь пройденный путь творчества, онъ какъ бы резюмируетъ его, сосредоточивая въ одномъ фокусѣ всѣ свои наблюденія надъ жизнію и людьми. Это нѣчто въ родѣ поэтическаго завѣщанія, руководствуясь которымъ, охватываешь всю область шекспировскаго творчества.

VII.

Казалось бы, что въ такомъ произведеніи, какъ «Цимбелинъ», не можетъ быть героя, т-е. лица, на которомъ сосредоточивался бы весь интересъ. Но это ошибка: герой или, вѣрнѣе героиня есть. Это Иможена. Резюмируя собою всѣ особенности женской натуры, всѣ разновидности женскаго сердца, она представляетъ кромѣ того еще идеалъ, — тотъ идеалъ, къ которому стремится сознаніе Шекспира. Въ этомъ отношеніи фигура Иможены чрезвычайно любопытна и дополняетъ картину шекспировскаго творчества.

Доуденъ весьма вѣрно замѣчаетъ, что взглядъ Шекспира на женщинъ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: натура женщинъ состоитъ обыкновенно изъ меньшаго количества элементовъ, чѣмъ натура мужчины, но за то обыкновенно эти элементы лучше уравниваются, полнѣе развиты, заключаютъ болѣе связи и болѣе плотности, и потому женщины болѣе способны къ быстрому и рѣшительному дѣйствію, чѣмъ мужчины. Вотъ почему Шекспиръ больше интересовался изученіемъ мужчины, чѣмъ изученіемъ женщины. Замѣчательно, напр., что нѣтъ ни одной его пьесы, которая бы называлась женскимъ именемъ (за исключеніемъ «Ромео и Джульеты», «Антонія и Клеопатры», — но здѣсь все-таки два имени, изъ которыхъ одно мужское). Мужчины Шекспира имѣютъ свою исторію, свое нравственное развитіе или свое нравственное паденіе; его женщины дѣйствуютъ или составляютъ предметъ дѣйствія, но рѣдко развиваются или измѣняются. Мы не находимъ у Шекспира исторіи женской души, какъ это мы видимъ, напр., у Гете, — за исключеніемъ, можетъ быть, одной Клеопатры. Шекспиръ создаетъ своихъ женщинъ однимъ могучимъ или тонкимъ порывомъ, мужчинъ же онъ изучаетъ. Его остроумныя женщины не представляютъ совокупности всѣхъ разнородныхъ качествъ, подобно Фальстафу; его злыя женщины — только злы, какъ, напр., Гонерилья и Регана, но онѣ не заключаютъ въ себѣ тѣхъ особенностей, которыя мы видѣли у Яго; его мыслящія женщины блестящи, но между ними нѣтъ ни одной женщины Гамлета. Рюмелинъ утверждаетъ, что объясненія этого обстоятельства онъ искалъ въ томъ, что Шекспиръ, какъ авторъ, не былъ знакомъ съ женщинами утонченнаго образованія и потому принужденъ былъ создавать свои женскія лица. Къ тому же, прибавляетъ онъ, Шекспиръ раздѣлялъ съ Гете, Петраркой, Рафаэлемъ, Дантомъ, Руссо, Жанъ-Полемъ Рихтеромъ мистическое уваженіе къ женскому элементу человѣчества, какъ къ высшему и болѣе божественному. Какъ бы то ни было, но женщины Шекспира почти всегда имѣютъ преимущество передъ мужчинами. Хотя ихъ натура состоитъ изъ меньшаго числа элементовъ, но эти элементы вполнѣ проникнуты женственностью и крѣпко связаны между собою; поэтому его женщины особенно отличаются прямотою чувствъ и цѣлесообразностью въ дѣйствіяхъ. Вся полуорганизованная сила мужчинъ не можетъ сравниться съ этою прямотою и цѣлесообразностью. Порція въ «Венеціанскомъ купцѣ» умѣетъ сейчасъ же употребить въ дѣло всю силу своего ума; въ Еленѣ («Конецъ всему дѣлу вѣнецъ») мы видимъ полнѣйшую прямоту разсудка и воли съ самыми прочными единствами характера. Волумнія подчиняетъ Коріолана непреклоннымъ упорствомъ своего цѣльнаго нравственнаго побужденія. Макбетъ храбръ и труслívъ, скептикъ и суевѣренъ, честенъ и вѣроломенъ, честолюбивъ и способенъ на услугу. Его въ одно и то же время сдерживаетъ и возбуждаетъ его воображеніе. Но Лэди Макбетъ въ страшной степени послѣдовательна; это,—въ данную минуту, сильно напряженная воля, въ другую — сильно напряженное сознаніе; она обладаетъ только тою дѣятельностью воображенія, которая побѣждаетъ практическія затрудненія Она надорвала свою натуру и это приноситъ ей гибель. Но Макбетъ можетъ еще жить, удаляясь все больше и больше отъ дѣйствительности, погружаясь во мракъ, подвергаясь постепенному угасанію, разрушенію и распаденію своего нравственнаго бытія; ему недоступна внезапная и полная гибель.

Въ этомъ отношеніи Иможена не составляетъ исключенія въ женской галереи Шекспира. Она также, акъ Джульета, Дездемона, Елена, Леди Макбетъ, Джесика, — натура по преимуществу активная именно потому, что эта натура не такъ разнообразна и богата, какъ натура, напр., ея мужа, Постума. Но эта сущность женской натуры у Иможены доведена до абсолютнаго совершенства; равновѣсіе ея психическихъ элементовъ—безусловно и этимъ-то лишь обстоятельствомъ объясняется то, что она производитъ на насъ такое чарующее впечатлѣніе. Приведу здѣсь очень удачный анализъ характера Иможены, сдѣланный Гервинусомъ.

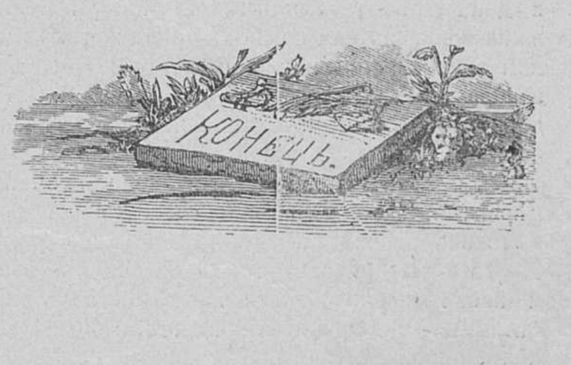
«Иможену часто и съ полною справедливостью называли самымъ симпатичнымъ и самымъ безъискуственнымъ женскимъ существомъ, созданнымъ Шекспиромъ. Ея появленіе распространяетъ теплоту и благоуханіе по всей драмѣ. Будучи истиннѣе и проще Порціи и Изабелы, она идеальнѣе ихъ. Въ гармоническомъ сочетаніи она соединяетъ въ себѣ внѣшнюю миловидность съ нравственною красотой и къ обоимъ качествамъ присоединяется въ ней свѣжая непосредственность чувствъ и самая свѣтлая ясность ума. Она вся какъ бы средоточіе той прекрасной женственности, которая была идеаломъ поэта въ послѣдніе годы его жизни. Можно сомнѣваться, было-ли когда изображено въ поэзіи еще второе, такое очаровательное существо и съ такою строгою вѣрностью правдѣ. Замѣтимъ еще, что картина выполнена здѣсь такъ, какъ дозволяетъ только болѣе обширный просторъ повѣтствовательной поэзіи. Иможена на ряду съ Гамлетомъ составляетъ наиболѣе обработанный во всѣхъ подробностяхъ характеръ. Черты ея существа почти неисчерпаемы... Когда поэтъ переноситъ насъ въ спальню Иможены, то это выходитъ такъ живо, что мы какъ будто чувствомъ своимъ ощущали ея атмосферу. Намъ не только рисуется ея внѣшняя красота, но мы видимъ даже изъ чтенія тѣ привлекательныя движенія, которыя такъ идутъ къ ея лицу; мы знакомимся со всѣми ея дарованіями: какъ прекрасно она поетъ, какъ вкусно стряпаетъ, точно будто служитъ сидѣлкой больной Юнонѣ; такъ красиво одѣваетъ ее ея нарядъ, что онъ служитъ даже предметомъ зависти для царицы боговъ. Но гораздо выше всѣхъ этихъ внѣшнихъ качествъ— ея внутреннія преимущества. Коренная точка этой натуры, — постоянно проявляющаяся, — есть ея духовная свѣжесть и здоровье въ самой незапятнанной чистотѣ чувства; каждое внѣшнее отношеніе отражается не искаженно и не укоснительно въ душѣ Иможены и на каждый внѣшній призывъ отвѣчаетъ она самымъ вѣрнымъ инстинктомъ глубоко вдумчивой и практической натуры. Будучи богата чувствомъ, она никогда не является сентиментальной; будучи богата фантазіей, она не оказывается никогда фантазеркой; будучи полна истинной, мучительно-задушевной любви, она чужда болѣзненной страстности. Она постоянно властвуетъ надъ самыми могущественными движеніями своей души; самообладаніе стоитъ въ ней рядомъ съ самыми сильными возбужденіями, а вслѣдъ за изліяніями самыхъ стремительныхъ ея чувствованій слѣдуютъ поступки, исполненные такта, даже тамъ, гдѣ ей приходится рѣшаться на отважные шаги. Оставшаяся беззащитною противъ гнѣва своего отца, противъ лицемѣрія своей мачихи, противъ навязчивости Клотена, она выноситъ все это съ тѣмъ душевнымъ спокойствіемъ счастливой женственной натуры, которое умѣетъ держать вдали отъ себя непріязненныя мысли и въ сладостныхъ воспоминаніяхъ забывать о тягостномъ настоящемъ. Люди ее окружающіе, Пизаніо, придворные, громко сожалѣютъ о ея мучительномъ положеніи; сама же она развѣ кое-гдѣ жалуется на это; только тогда, когда ей пришлось бѣгствомъ спасаться отъ Клотена, она замѣтила до чего тягостно было ей это осадное положеніе. Она не злопамятна на огорченія и не слишкомъ трудно переноситъ печаль; она живетъ, влекомая самымъ завиднымъ инстинктомъ безъ превосходства мужественнаго духа Порціи, безъ застѣнчивости Корделіи, безъ необдуманной неосторожности Дездемоны, безъ сангвиническаго легкомыслія Джульеты. Отъ природы веселая, живого нрава, простодушная, рожденная для счастія, но прошедшая школу страданія, она не имѣетъ въ себѣ нисколько той жгучей страстности, которая могла бы предвѣщать ей трагическій жребій или бѣдствія. Взгляните на нее въ концѣ пьесы, когда она, какъ бы стряхнувъ съ себя долгія страданія и тяжелыя разочарованія, быстро предается вновь блаженнѣйшему чувству благосостоянія, какъ скоро она принимаетъ относительно братьевъ тонъ поддразнивающей рѣзвости, какъ ея искрометный взоръ быстро обѣгаетъ присутствующихъ и какъ она съ каждымъ умѣетъ заговорить по иному; взгляните на это и вы почувствуете, что природа изумительно одарила это существо способностью сживаться со всякимъ положеніемъ, выносить всякое испытаніе и каждому воздать должное.

«И вотъ, съ высоты своихъ надеждъ на свиданіе съ Постумомъ, ей суждено быть сверженной въ глубину горя. Ей приходится узнать, что ея супругъ считаетъ ее за невѣрную и приказалъ своему слугѣ умертвить ее. Прочесть это въ слухъ у ней не хватаетъ духу: слово это становится у ней поперегъ горла. Но она не остается, какъ Дездемона передъ Отелло, нѣмою и какъ бы закоренѣлою, она начинаетъ вдумываться въ прежнія клеветы Іахимо и считаетъ ихъ теперь за правду. Думать, что и онъ оклеветалъ ее, она не можетъ; безчеловѣчное приказаніе мужа убить ее она можетъ объяснить лишь тѣмъ, что считаетъ его вѣроломно измѣнившимъ ей. Послушная «даже до смерти», она, какъ овечка, добровольно предается въ жертву закалывающей рукѣ. И когда Пизаніо выказываетъ къ ней состраданіе, — ея подавленная душа быстро оживаетъ. Въ ея душѣ не отыскивается ничего, чѣмъ бы могъ быть оправданъ ея жестокій супругъ. Даже и теперь не шевелится въ ней склонность къ отмщенію, — она склонна только къ мысли увидѣться съ нимъ и спасти его, потому что вѣритъ въ возможность его раскаянія. Эта добрая душа чувствуетъ только состраданіе къ своему преслѣдователю, обиженная — сожалѣетъ объ обидчикѣ. Она вспоминаетъ, что измѣнникамъ въ этихъ случаяхъ бываетъ хуже, нежели пострадавшимъ отъ измѣны, что его одолѣетъ раскаяніе, когда онъ насытится своею новою обольстительницею; что за тѣмъ его станетъ мучить воспоминаніе о ней, которая ради него отказала стольким царственнымъ женихамъ, и что тогда онъ, наконецъ, признаетъ, что все это съ ея стороны не было какимъ нибудь привычнымъ и обыкновеннымъ дѣломъ, что это составляетъ рѣдкую въ ней черту. И читатель почувствуетъ здѣсь, съ какимъ изумительнымъ изворотливымъ искуствомъ поэтъ при данныхъ обстоятельствахъ и душевныхъ состояніяхъ облекаетъ ее въ одежду восхитительнѣйшей добродѣтели. Читатель почувствуетъ это въ ту минуту, когда Иможена въ ревности ведетъ мысленную тяжбу съ своимъ милымъ грѣшникомъ,—отъ ея самовосхваленія вѣетъ драгоцѣннѣйшимъ благоуханіемъ, потому что въ ея самовосхваленіи высказывается уязвленное чувство собственнаго достоинства».

Не смотря на отличительныя черты, спеціально ей принадлежащія, Иможена, какъ я уже сказалъ, съ изумительной полнотой вмѣщаетъ въ себѣ всѣ другіе женскіе характеры Шекспира. Посмотримъ же на эти характеры и постараемся выяснить ихъ психическій механизмъ, какъ это мы попробовали сдѣлать по отношенію къ Клотену. Женщины Шекспира—прелестныя дѣти, чувствующія порывами и любящія съ безуміемъ, онѣ— женщины въ полномъ значеніи слова. Нельзя быть болѣе неблагоразумной, какъ Дездемона; она жалѣетъ Касіо и страстно желаетъ, чтобы Отелло простилъ его, желаетъ во что бы то ни стало, правъ-ли онъ или нѣтъ, есть-ли въ этомъ опасность или нѣтъ. Она ничего не знаетъ о человѣческихъ законахъ и не думаетъ объ нихъ. Она видитъ только, что Касіо несчастенъ и этого ей достаточно. Она проситъ за него передъ Отелло: «нѣтъ, не теперь, дорогая Дездемона; въ другой разъ.— А скоро это будетъ? — Какъ только мнѣ можно будетъ, моя милая, изъ любви къ тебѣ. — Можетъ быть, сегодня вечеромъ, за ужиномъ? — Нѣтъ, не сегодня вечеромъ. — Значитъ, завтра за обѣдомъ? — Я не буду обѣдать дома. — Ну, такъ завтра вечеромъ, или во вторникъ утромъ, или въ среду въ полдень, или вечеромъ; но только не болѣе трехъ дней, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ раскаивается». Она удивляется, что ей отказываютъ, она недовольна мужемъ. Онъ соглашается и въ самомъ дѣлѣ кто бы не согласился, видя упрекъ въ этихъ прекрасныхъ глазахъ? «но это не милость мнѣ, отвѣчаетъ она,—вѣдь это все равно, какъ если бы тебя я попросила, чтобы ты надѣлъ перчатки, или съѣлъ питательную пищу, или теплѣе одѣлся бы, или, словомъ, сдѣлалъ то, что самому тебѣ служило бы въ пользу». Черезъ минуту, когда онъ проситъ оставить его одного,—съ какой дѣтской рѣзвостью, дѣлая книксенъ, она говоритъ: «откажу-ли вамъ? Нѣтъ. Прощайте, лордъ. Эмилія, пойдемъ. Дѣлайте, что хотите,— я послушна». Но эти живость и рѣзвость не исключаютъ боязливой стыдливости и робости; напротивъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ—причина одна: крайняя чувствительность. Женщина, чувствующая много и быстро,—страстнѣе другихъ; она или сразу высказываетъ или ничего не говоритъ.

Такова именно Иможена, «такая чувствительная къ упрекамъ, что слова для нея—удары, а удары—смерть». Такова Виргинія, жена Коріолана: у ней не римское сердце; она ужасается побѣдъ своего мужа. Когда Волумнія изображаетъ Коріолана на полѣ сраженія съ окровавленнымъ челомъ, она блѣднѣетъ. «Его окровавленное чело? восклицаетъ она, — о, Юпитеръ, нѣтъ, только не крови!» Она старается забыть опасности, не смѣетъ объ нихъ думать. Когда ее спрашиваютъ: не имѣетъ ли Коріоланъ привычки возвращаться домой раненный? она, почти рыдая, отвѣчаетъ: о, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ее пугаетъ даже мысль о ранѣ. Когда онъ возвращается, она можетъ только краснѣть и плакать. Очевидно, что такая чувствительность можетъ разрѣшаться только любовью. Поэтому то всѣ шекспировскія женщины любятъ безъ всякой мѣры и почти всегда съ перваго раза. При первомъ взглядѣ, брошенномъ на Ромео, Джульета говоритъ кормилицѣ: «Ступай, узнай его имя. Если онъ женатъ, — гробъ будетъ моею брачною постелью». Такія, какими Шекспиръ ихъ создалъ, онѣ могутъ только любить и должны любить до гроба; Миранда, встрѣтивъ Фердинанда, увѣрена, что передъ ней—небесное созданіе. Она останавливается, какъ вкопанная, передъ этимъ внезапнымъ вѣдѣніемъ, прислушиваясь къ божественной музыкѣ, которая раздается въ глубинѣ ея сердца. «Какъ глупо, что я плачу отъ избытка счастія!—О чемъ плачите вы?—О томъ, что я недостойна отдать вамъ то, что я желала бы вамъ отдать... и что я еще болѣе недостойна взять то, что я бы хотѣла имѣть... Я буду вашей женой, если вы хотите жениться на мнѣ; въ противномъ случаѣ, я умру вашей слугой». Этотъ внезапный охватъ любви, понятно, измѣняетъ весь характеръ. Робкая и чувствительная Дездемона, вдругъ, передъ цѣлымъ сенатомъ, передъ отцомъ—отказывается отъ отца; она даже не думаетъ просить его прощенія или утѣшать его. Она хочетъ ѣхать съ Отелло въ Кипръ, не смотря на войну и морскія бури. Для нея исчезаетъ все, кромѣ обожаемаго лица. Немудрено по этому, что страшныя несчастія, отчаянныя рѣшенія являются естественными и необходимыми послѣдствіями такой любви. Офелія сходитъ съ ума, Джульета убиваетъ себя и нѣтъ такого зрителя, который бы не былъ убѣжденъ, что иначе не можетъ быть. Не добродѣтель, слѣдовательно, управляетъ подобною душой, если добродѣтелью считать сознательную волю поступать хорошо и по долгу. Если онѣ добродѣтельны, то только изъ крайней деликатности ихъ натуры или изъ любви. Порокъ противенъ имъ, какъ нѣчто грубое, но вовсе не какъ нѣчто безнравственное. Онѣ чувствуютъ не уваженіе къ браку, а обожаніе къ своему мужу. «O, siveetest, fairest lily»!—эти слова изъ «Цимбелина» рисуютъ эти цвѣтки, которые не могутъ отдѣлиться отъ стебля, съ которымъ соединены. Когда Иможена узнаетъ, что ея мужъ хочетъ ее убить за мнимую ея невѣрность, она не возмущается оскорбленіемъ, нанесеннымъ ей; у ней нѣтъ самолюбія, но только любовь. «Не вѣрна»! и падаетъ безъ чувствъ отъ этого удара. Когда Корделія слышитъ, какъ ея отецъ, раздражительный старикъ, уже почти сумасшедшій, спрашиваетъ: какъ она его любитъ, — она не можетъ рѣшиться въ слухъ повторить то, что сказали ея сестры. Ей стыдно обнаружить свою любовь и пріобрѣсти такимъ образомъ приданое. Онъ лишаетъ ее наслѣдства и изгоняетъ ее; она молчитъ. Но когда впослѣдствіи она находитъ его всѣми оставленными, сумасшедшимъ, то преклоняетъ передъ нимъ свои колѣна съ такою глубокою любовью; она плачетъ надъ нимъ съ такою глубокою горечью, какъ можетъ только сдѣлать мать надъ своимъ ребенкомъ. Если, наконецъ, Шекспиръ встрѣчаетъ характеръ героическій, достойный, напр., Корнеля, римскій характеръ матери Коріолана, то онъ объясняетъ страстью то, что Корнель объяснилъ бы героизмомъ. Онъ изобразилъ ее страстной, жадной къ сильнымъ ощущеніямъ славы. И тутъ, какъ и вездѣ у Шекспира, господствуетъ страстный темпераментъ, чувствительность, внезапные порывы, чувство, но нехолодная разсудочность и даже не сознаніе.

Такое психологическое міровозрѣніе можно назвать поэтическимъ, такъ какъ здѣсь женщина является центромъ борьбы самыхъ разнородныхъ элементовъ. Но поэзія, самая высокая, лирическая поэзія окружаетъ, по преимуществу, Иможену. Среди драмы, въ которой участвуетъ Иможена,—вдругъ является лирическая форма въ эпизодѣ, который имѣетъ особенную прелесть. Иможена, подавленная страданіемъ, слѣдуетъ совѣтамъ Пизаніо; она рѣшается переодѣться въ пажа, приблизиться такимъ образомъ къ Постуму и лично узнать причину его несправедливости. Въ дорогѣ, падая отъ изнуренія, умирая съ голоду, она входитъ въ пещеру, гдѣ встрѣчаетъ трехъ неизвѣстыхъ ей людей. Это ея два брата и Беларій, ихъ воспитатель, увезшій ихъ отъ Цимбелина. Она не знаетъ о существованіи своихъ братьевъ; они — не знаютъ своей сестры, но естественное влеченіе сближаетъ ихъ. Такимъ образомъ, изъ драмы мы непосредственно вступаемъ въ пастораль, гдѣ поэтъ противопоставляетъ, какъ и въ комедіи: «Какъ вамъ угодно», простую сельскую жизнь—порокамъ городовъ. На сторонѣ человѣка, воспитаннаго среди природы, мы видимъ мужественныя добродѣтели и великодушіе. Среди лѣсовъ, въ горахъ, гдѣ человѣкъ принужденъ жить первобытною жизнью, онъ не унижаетъ въ себѣ человѣческаго достоинства; онъ не продаетъ, подобно придворному, своей свободы, потому что, не имѣя потребностей, онъ презираетъ золото; онъ не грабитъ слабаго, не измѣняетъ друзьямъ; онъ живетъ свободнымъ и гордымъ. Въ этой пасторали нельзя не замѣтить стремленій времени, когда Сидней писалъ свою «Аркадію», а Флетчеръ—своего «Вѣрнаго пастуха». Гвидерій и Арвирагъ,—братья Иможены,—воспитанные какъ горцы, превосходятъ придворныхъ въ добротѣ, храбрости, патріотизмѣ. Они помогаютъ Иможенѣ; одинъ изъ нихъ, на котораго напалъ Клотенъ—представитель выжившей изъ ума, надменной аристократіи,—убиваетъ его, а во время сраженія между британцами и римлянами они останавливаютъ бѣглецовъ британской арміи и способствуютъ побѣдѣ. Дворяне бѣгутъ; простые крестьяне остаются на своихъ мѣстахъ. Вездѣ вы видете превосходство поселянина надъ горожаниномъ. Иможена, хотя и воспитанная при дворѣ, принимаетъ сторону поселянъ, во-первыхъ, изъ любви къ простотѣ, а во-вторыхъ, потому что она видитъ ихъ нравственное превосходство. Все это, конечно, болѣе похоже на лирическую поэзію, чѣмъ на драму, но богатство этой лирической поэзіи такъ велико, что читатель невольно увлеченъ. Греки точно также допускали въ трагедіи лирическій элементъ, но они сосредоточивали его въ хорѣ. У Шекспира-же лиризмъ бьетъ черезъ край и поетъ, какъ античный хоръ, всякій разъ, когда поэтическое положеніе воспламеняетъ его воображеніе. Но и тутъ идеальный образъ Иможены царствуетъ надъ всѣми. Ни гордыя слова короля Британіи, ни храбрость его сыновей и Постума, ни прекрасный характеръ Люція не украсили бы эпической драмы, если бы идеальная фигура Иможены не выдѣлялась на мрачномъ фонѣ событій. Какъ Корделія, она лучше тѣхъ, которые ее окружаютъ, и играетъ роль героини древняго эпоса. Вѣрность есть добродѣтель первобытныхъ временъ. Ахиллъ любитъ Патрокла любовью, которую не уменьшили ни старость, ни несчастія. Пенелопа ожидаетъ своего супруга, не смотря на все, что ей приходится испытывать. Шекспиръ въ тѣхъ своихъ драмахъ, которыя приближаются къ эпической формѣ, въ «Королѣ Лирѣ», въ «Цимбелинѣ», встрѣчается съ гомерическимъ міровозрѣніемъ. Онъ, также какъ и Гомеръ, среди правилъ еще совершенно варварскихъ, видитъ уже величайшія и благороднѣйшія стороны натуры человѣческой; самоотверженіе онъ олицетворяетъ въ характерѣ друга,—Кента или Пизаніо, а соединеніе величайшей граціи, нравственной силы и любви—въ безсмертныхъ типахъ Корделіи и Иможены...



ИЗЪ ДЕКАМЕРОНА, БОКАЧІО *).

(ПЕРЕВОДЪ Н. И. ШУЛЬГИНА.)

День второй.

СКАЗКА IX.

Обличенный клеветникъ.

(Разсказанная г-жею Филоменой.)

Торговыя дѣла привели нѣсколько итальянскихъ купцовъ въ Парижъ и они поселились вмѣстѣ въ одной гостинницѣ и имѣли общій столъ. Разъ, послѣ ужина, когда вино развеселило ихъ болѣе обыкновеннаго, они избрали темой для своего разговора любовныя приключенія. Этотъ разговоръ невольно привелъ ихъ къ воспоминанію объ ихъ женахъ, такъ какъ всѣ они, безъ исключенія, были женаты.

— Не знаю, какъ поступаетъ моя жена, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—но я согрѣшилъ противъ нея. Да и какъ устоять противъ иностранки? Я совершилъ невѣрность.

— И я также, сказалъ другой.—Я думаю, что и жена моя не безгрѣшна. Но буду-ли я убѣжденъ въ ея вѣрности или нѣтъ, отъ этого, конечно, ничто не измѣнится.

— Я держусь такого же мнѣнія, прибавилъ третій.

Съ большимъ или меньшимъ недовѣріемъ къ своимъ женамъ отнеслись и всѣ остальные, исключая только генуэзца Бернабо Ломелина, который сказалъ, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности своей жены, хотя она замѣчательная красавица и равная ей по красотѣ едва-ли сыщется во всей Италіи. Затѣмъ онъ перечислилъ ея выдающіяся качества: красоту лица, прекрасное сложеніе, грацію, молодость, живость и веселость характера, любовь къ труду, искуство въ женскихъ работахъ, удивительныя способности хозяйки; онъ прибавилъ, что она умѣетъ управлять лошадьми, дрессировать для охоты птицъ; что она мастерица читать, писать, вести конторскія книги и вообще торговыя дѣла. Описавъ ея качества, онъ возвратился къ обсуждаемому вопросу и заявилъ, что его жена высокочестная, цѣломудренная и добродѣтельная женщина, и онъ убѣжденъ, что будь онъ въ отсутствіи десять лѣтъ, цѣлую жизнь, она все-таки осталась бы безусловно вѣрна ему.

Едва произнесъ онъ послѣднія слова, какъ молодой человѣкъ изъ Піаченцы, по имени Амброджіоло, покатился со смѣху. Желая поднять на смѣхъ Бернабо, онъ спросилъ его, ужь не императоръ-ли далъ ему такую странную привилегію? Бернабо отвѣчалъ съ досадой, что этой милостью онъ обязанъ не императору, а болѣе его могущественному—Господу Богу.

— Я не сомнѣваюсь, возразилъ Амброджіоло,—что вы искренно вѣрите въ то, что говорите. Но мнѣ кажется, вы мало свѣдущи и мало опытны въ дѣлѣ, которое служитъ предметомъ нашего обсужденія. Еслибъ вы откинули свое предубѣжденіе, вы заговорили бы иначе. Не заключайте изъ того, что мы говорили о нашихъ женахъ, что насъ слѣдуетъ пожалѣть, а передъ вашей женой преклониться. Сообразите, что если мы рѣшаемся говорить о нашихъ женахъ такъ неблагопріятно, то это потому, что мы хорошо ознакомились вообще съ женской натурой. Не станете же вы отрицать того, что признаетъ цѣлый свѣтъ, что мужчина совершеннѣйшее твореніе, вышедшее изъ рукъ Творца, а женщина занимаетъ второе мѣсто. Не станете вы также отрицать и того, что мужчина отличается мужествомъ, силой и твердостью характера, а женщина робка и измѣнчива. Я бы могъ подробнѣе развить вамъ, откуда идетъ и въ чемъ состоитъ различіе между обоими полами; но безполезно входить въ такое обсужденіе, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко. Согласитесь же, если болѣе твердый, мужественный и разумный мужчина часто не въ силахъ противиться одолѣвающей его страсти, то что же думать о болѣе хрупкой и слабой женщинѣ? Въ силахъ-ли устоять она противъ лести, противъ подарковъ, противъ поклоненія, которыми завлекаетъ ее влюбленный въ нее мужчина? Думаете-ли вы, что она можетъ долго противостоять такому обольщенію? Вы все-таки скажете, что увѣрены въ своей женѣ, а я отвѣчу вамъ, что съ трудомъ вѣрю вашему убѣжденію, или долженъ заключить, что вы слишкомъ просты и довѣрчивы. Какъ ни достойна уваженія ваша жена, но она создана такъ же, какъ и всѣ другія женщины; у нея тѣже средства защиты противъ страстей и ухаживаній. Слѣдовательно, если ежедневный опытъ доказываетъ, что другія женщины не могутъ устоять противъ соблазна, то возможно и очень вѣроятно, что и ваша жена, какъ ни добродѣтельна она, падетъ подобно своимъ сестрамъ. Но если мы допустимъ, что ея паденіе возможно, то вы не имѣете основанія такъ настойчиво поддерживать ваше мнѣніе о ея безусловной вѣрности *).

— Я только купецъ, а не философъ, отвѣчалъ Бернабо,—и, какъ купецъ, отвѣчаю вамъ что если то, что вы говорите, случается съ женщинами, то только съ такими, которыя имѣютъ смутное понятіе о чести. Но я знаю хорошо, что истинно честныя женщины тверже, разумнѣе и непреклоннѣе мужчинъ, которые, какъ вы знаете, непрестанно ставятъ западни ихъ добродѣтели. Моя жена принадлежитъ къ числу такихъ честныхъ женщинъ.

— Конечно, отвѣчалъ Амброджіоло,—еслибы каждый разъ, какъ женщина измѣнитъ своему мужу, у нея выросталъ рогъ на лбу, я не сомнѣвался бы, что случаи измѣны были бы очень рѣдки, но какъ нѣтъ наружнаго признака, отличающаго разумныхъ женъ отъ легкомысленныхъ, то ихъ чести не грозитъ опасность. Ихъ губитъ только гласность ихъ поступка. Повѣрьте, если женщина убѣждена, что тайна ея проступка будетъ тщательно скрыта, она не задумается совершить его. Я увѣренъ, что если есть между женами вѣрныя своимъ мужьямъ, то онѣ остались таковыми только потому, что никто не пытался совратить ихъ, а слѣдовательно, имъ не представлялось случая совершить измѣну. Хотя я знаю, что мое мнѣніе раздѣляетъ большинство людей, но я не говорилъ бы такъ утвердительно, если бы самъ много разъ не производилъ опыта. Говорю смѣло, что если бы я находился теперь тамъ, гдѣ живетъ ваша честная и добродѣтельная жена, черезъ короткое время она поддалась бы моему соблазну такъ же легко, какъ поддавались другія, которыхъ тоже считали честными, добродѣтельными и вѣрными женами.

— Нашъ споръ можетъ завести насъ слишкомъ далеко, возразилъ Бернабо сердито;—мы будемъ возражать одинъ другому и никогда не кончимъ. Но такъ какъ вы слишкомъ предубѣждены противъ женской добродѣтели и думаете, что ни одна изъ женщинъ не можетъ устоять противъ вашего соблазна, я готовъ согласиться на опытъ и прозакладываю мою голову, что при всемъ вашемъ искуствѣ вы не въ состояніи будете соблазнить моей жены; вы же отвѣтите мнѣ тысячью дукатами, если вернетесь пораженнымъ.

— На кой прахъ мнѣ ваша голова, отвѣчалъ съ раздраженіемъ Амброджіоло:—не солить же ее? Но если вы такъ увѣрены въ моей неудачѣ, отвѣчайте противъ моей тысячи пятью тысячами дукатовъ, которые, конечно, для васъ имѣютъ меньшую цѣну, чѣмъ ваша собственная голова. Отъ такого заклада я не откажусь. О времени мы не упомянули; назначимъ три мѣсяца отъ настоящаго дня; болѣе мнѣ

---

*) Помѣщаемъ здѣсь эту сказку Бокачіо, отчасти послужившую Шекспиру для созданія Иможены въ трагедіи «Цимбелинъ» *Пр. Ред.*

*) Во времена Бокачіо сильно было распространено ученіе о слабости и безнравственности женской натуры, исходящее изъ Рима, противъ котораго возставали сильные умы, въ родѣ автора «Декамерона». *Пр. перев.*

не нужно, чтобы заставить вашу жену провиниться въ томъ же, чѣмъ грѣшатъ другія женщины. Я требую только, чтобы вы въ это время не пріѣзжали въ Генуя, а также, чтобы вы ни слова не писали вашей женѣ о нашемъ закладѣ.

Бернабо отвѣчалъ, что онъ согласенъ на всѣ эти условія. Прочіе купцы, опасаясь, какъ бы этотъ закладъ не повлекъ за собой пагубныхъ послѣдствій, тщетно старались отговорить спорщиковъ. Но и Бернабо, и Амброджіоло до того разгорячились, что не хотѣли уже слышать никакихъ благоразумныхъ доводовъ и свой договоръ совершили формальнымъ порядкомъ на бумагѣ.

На другой день Амброджіоло уѣхалъ изъ Парижа въ Генуя. Едва пріѣхалъ онъ туда, какъ тотчасъ же принялся за развѣдки. Изъ общаго говора онъ убѣдился, что жена Бернабо дѣйствительно вполнѣ добродѣтельная и недоступная соблазну женщина. Онъ увидѣлъ теперь ясно, что взялся за невыполнимое предпріятіе и что пораженіе его несомнѣнно. Однакожъ, онъ рѣшился сдѣлать попытку и началъ съ знакомства съ старухой, бывавшей часто у жены Бернабо, которую та очень любила. Старуха сперва отказала во всякой помощи молодому человѣку, но предложенное ей денежное вознагражденіе соблазнило ее и она согласилась провести Амброджіоло тайно въ комнату добродѣтельной жены. Амброджіоло долженъ былъ сѣсть въ сундукъ, а старуха, объявивъ женѣ Бернабо, что принуждена уѣхать на нѣсколько дней изъ Генуи, попроситъ молодую женщину поставить этотъ сундукъ, для лучшей сохранности, въ ея спальню. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Въ полночь, когда дама уснула крѣпкимъ сномъ, Амброджіоло, открывъ извнутри крышку сундука, вышелъ изъ него. Ночникъ горѣлъ довольно ярко и при его свѣтѣ Амброджіоло легко могъ осмотрѣть убранство комнаты: мебель, картины и пр., и всѣ эти подробности запечатлѣть въ своей памяти. Потомъ онъ подошелъ къ кровати: дама спала крѣпкимъ сномъ рядомъ съ маленькой дѣвочкой. Женщина была поразительной красоты и хотя, конечно, она взволновала молодого человѣка, но ему некогда было восхищаться ею; онъ помышлялъ теперь не о красотѣ, а о средствахъ выиграть закладъ; для этого ему надо было убѣдиться, нѣтъ ли на тѣлѣ дамы какого-нибудь знака, знакомство съ которымъ могло бы послужить доказательствомъ, что онъ, утверждая о выигрышѣ заклада, говоритъ правду. Амброджіоло осторожно открылъ одѣяло и замѣтилъ на лѣвой сторонѣ груди у дамы небольшую родинку, обрамленную нѣсколькими русыми волосками. Осмотрѣвъ внимательно этотъ значекъ, Амброджіоло подошелъ къ отпертому комоду, взялъ тамъ кошелекъ, поясъ, кольцо и старое платье, всѣ эти вещи сложилъ въ сундукъ, въ которой вошелъ самъ и заперся, не произведя ни малѣйшаго шума. Онъ пробылъ въ сундукѣ еще день и ночь, которой воспользовался, чтобы лучше осмотрѣть все, что было необходимо для его цѣли. На слѣдующее же утро послѣ второй ночи, какъ было условлено, возвратилась старуха и взяла свой сундукъ. Амброджіоло, выйдя изъ своей узкой тюрьмы, поблагодарилъ старуху за оказанное одолженіе и поспѣшилъ въ Парижъ, куда прибылъ ранѣе истеченія трехъ мѣсяцевъ съ вещами, украденными имъ у жены Бернабо, которую звали Жиневра. Разумѣется, онъ остановился въ гостинницѣ, гдѣ квартировалъ передъ своимъ отъѣздомъ. Когда по обыкновенію къ ужину собрались всѣ купцы, присутствовавшіе во время спора Бернабо съ Амброджіоло, послѣдній заявилъ, что онъ выигралъ закладъ, исполнивъ все, что обѣщалъ. Для доказательства, что онъ говоритъ правду, онъ подробно описалъ спальню дамы, разсказалъ сюжеты картинъ, въ ней развѣшанныхъ, и показалъ украденныя вещи, объявивъ, что получилъ ихъ въ подарокъ отъ дамы.

Бернабо, нѣсколько озадаченный, отвѣчалъ, что Амброджіоло вполнѣ точно описалъ спальню въ его домѣ и что привезенныя вещи дѣйствительно принадлежатъ его женѣ, но эти доказательства онъ считаетъ еще недостаточными, потому что Амброджіоло могъ купить вещи у слуги, который также точно могъ сообщить ему и подробное описаніе спальни.

— Я бы думалъ, что ихъ достаточно, сказалъ Амброджіоло,—но если вы желаете еще другихъ, болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, я дамъ вамъ ихъ. У вашей жены, г-жи Жиневры, на лѣвой сторонѣ груди находится крупная родинка, обрамленная пятью или шестью русыми волосами, цвѣтомъ своимъ похожими на золотые нити.

Бернабо былъ пораженъ въ самое сердце. Онъ поспѣшно выѣхалъ изъ Франціи въ Италію и остановился въ своемъ загородномъ домѣ. находящемся въ нѣсколькихъ часахъ растоянія отъ Генуи. Отсюда онъ написалъ женѣ, приглашая ее пріѣхать къ нему. Онъ послалъ за ней преданнаго слугу съ двумя лошадьми. Онъ далъ порученіе слугѣ убить ее, какъ только они въѣдутъ въ какое-нибудь глухое мѣсто, а исполнивъ это, вернуться къ нему.

Посланный, пріѣхавъ въ Генуя, вручилъ письмо г-жѣ Жиневрѣ, которая, узнавъ, изъ него о возвращеніи своего мужа, видимо обрадовалась. Она выѣхала на другой день только въ сопровожденіи слуги, доставившаго письмо. Имъ пришлось проѣзжать черезъ густой лѣсъ. Эта глухая мѣстность была очень удобна для совершенія убійства. Слуга, вынувъ изъ ноженъ мечъ, схватилъ Жиневру за руку.

— Сударыня, сказалъ онъ,—поручите вашу душу Богу; вы должны умереть.

— Боже! вскричала Жиневра съ ужасомъ,—развѣ я сдѣлала тебѣ, жестокій человѣкъ, какое-нибудь зло, что ты хочешь умертвить меня. Но прежде, чѣмъ ты совершишь убійство, скажи мнѣ, какое оскорбленіе я нанесла тебѣ?

— Сударыня, кромѣ добра я ничего отъ васъ не видѣлъ, отвѣчалъ слуга;—не знаю, что сдѣлали вы своему мужу, но только онъ приказалъ мнѣ убить васъ безъ всякой жалости, угрожая повѣсить меня, если я не выполню точно его приказа. Вы видите, мнѣ невозможно ослушаться его приказаній. Богъ свидѣтель, что я горюю о вашей несчастной участи. Приготовьтесь же къ смерти.

— Боже мой! Боже! говорила, рыдая, Жиневра;—беру въ свидѣтели ангеловъ и угодниковъ Божіихъ, что я не знаю за собою ни одного проступка противъ моего мужа, который бы заслуживалъ такого варварскаго наказанія. Прошу тебя, мой другъ, оставь мнѣ жизнь. Не бери на свою душу грѣха человѣкоубійства, совершаемаго тобою изъ угожденія своему господину. Если бы ты могъ прочесть въ глубинѣ моего сердца, ты убѣдился бы, что я невинна, и почувствовалъ бы ко мнѣ жалость. Слушай же, ты можешь спасти меня и удовлетворить твоего господина: возьми мое платье и дай мнѣ кое-что изъ твоего дорожнаго мѣшка. Мой мужъ безъ труда повѣритъ, что ты убилъ меня. Я же, клянусь тебѣ, уйду такъ далеко, что ни ты, ни онъ и никто въ Генуѣ никогда не услышите обо мнѣ.

Лакей, чувствовавшій отвращеніе къ убійству, легко согласился на это предложеніе. Онъ взялъ у Жиневры ея платье и взамѣнъ отдалъ ей старую куртку и мужскую шляпу, а также вручилъ ей небольшую сумму денегъ и оставилъ ее въ лѣсу, прося ее удалиться отсюда поскорѣе и подальше. Возвратясь къ своему господину, онъ доложилъ ему, что его приказаніе исполнено, причемъ сказалъ, что видѣлъ самъ, какъ волки напали на трупъ его жены.

Бернабо вскорѣ послѣ этого вернулся въ Генуя. Внезапное исчезновеніе его жены вызвало толки о преступленіи. Подозрѣніе въ совершеніи его пало на Бернабо и всѣ честные люди отвернулись отъ него.

Между тѣмъ несчастная Жиневра пробыла, скрываясь, въ лѣсу до наступленія вечера; какъ только стемнѣло, она вошла въ небольшую деревушку, лежавшую за лѣсомъ. Добрая женщина, у которой она попросила пріюта, помогла ей, съ помощью иглы и нитокъ, перешить по ея росту и таліи куртку и панталоны, которымъ она придала покрой матросскаго платья. Затѣмъ Жиневра пожертвовала своими длинными прекрасными волосами, которые обрѣзала ей ея гостепріимная хозяйка.

На другой день, переодѣтая матросомъ, Жиневра направилась къ морскому берегу. Здѣсь она встрѣтилась съ каталонскимъ дворяниномъ, по фамиліи Энкарарчъ, владѣльцемъ корабля, бросившаго якорь въ недалекомъ разстояніи отъ порта Альба. Энкарарчъ сошелъ на берегъ, желая освѣжиться у фонтана. Жиневра, узнавъ, что онъ хозяинъ и капитанъ корабля, подошла къ нему и стала просить, чтобы онъ принялъ ее къ себѣ на службу. Энкарарчъ, восхищенный ея умомъ и наружностію, согласился принять ее къ себѣ въ качествѣ слуги. Онъ перевезъ ее къ себѣ на корабль и далъ ей новый хорошій костюмъ. Понятно, что Жиневра тщательно скрыла свой полъ и назвалась другимъ именемъ. Она поступила на службу подъ именемъ Сикурана Финале. Энкарарчъ такъ былъ доволенъ ловкостью и способностью своего слуги, что благодарилъ случай, столкнувшій его съ Сикураномъ.

Корабль шелъ въ Александрію, куда и прибылъ безъ всякихъ приключеній, благодаря попутному вѣтру и хорошей погодѣ. Энкарарчъ, выгодно продавшій грузъ корабля, представился султану, которому привезъ въ подарокъ нѣсколько дрессированныхъ для охоты соколовъ. Монархъ принялъ его милостиво и нѣсколько разъ пригласилъ къ своему обѣду. Сикуранъ во время обѣда каждый разъ служилъ своему господину. Его ловкость и наружность настолько понравилась султану, что онъ попросилъ каталонскаго дворянина уступить ему молодого слугу. Энкарарчъ не осмѣлился отказать въ просьбѣ султану, хотя успѣлъ уже привязаться въ Сикурану. Въ короткое время Сикуранъ такъ полюбился султану, что онъ сдѣлалъ его капитаномъ своей гвардіи и безпрестанно давалъ ему подарки.

Ежегодно въ городѣ Акрѣ, находящемся въ зависимости отъ султана, происходила ярмарка, на которую со всѣхъ странъ стекалось множество купцовъ, христіанъ и сарациновъ. Хотя въ городѣ была своя достаточная военная сила, но султанъ имѣлъ обыкновеніе посылать туда часть своей гвардіи подъ командой офицера, пользовавшагося его особымъ довѣріемъ. На этотъ отрядъ возлагалась спеціальная обязанность охранять пріѣзжихъ купцовъ и ихъ товары. Разъ, когда пришло время ярмарки, Сикурану, успѣвшему изучить языкъ страны, было поручено командованіе надъ гвардейскимъ отрядомъ. Возложенное на него порученіе онъ исполнилъ прекрасно. По обязанности ему часто проходилось вступать въ переговоры съ купцами, между которыми было болѣе всего сициліянцевъ, пизанцевъ, генуэзцевъ и венеціянцевъ. Съ особенной охотой бесѣдовалъ онъ съ ними, такъ какъ ему было слишкомъ дорого воспоминаніе объ отечествѣ.

Войдя разъ въ лавку венеціянскихъ купцовъ, Сикуранъ увидѣлъ между товаромъ принадлежавшій ему кошелекъ и поясъ, что его очень удивило. Скрывъ свое удивленіе, онъ спросилъ самымъ естественнымъ голосомъ, кому принадлежатъ эти вещи и продажныя-ли онѣ? Амброджіоло, прибывшій на ярмарку на венеціянскомъ кораблѣ и находившійся въ лавкѣ, услышавъ вопросъ начальника султанской гвардіи, отвѣчалъ:

— Эти вещи принадлежатъ мнѣ и я не думаю продавать ихъ; но если они вамъ понравились, мессеръ, позвольте предложить ихъ вамъ въ подарокъ.

Замѣтя ироническую улыбку Амброджіоло, Сикуранъ сдѣлалъ невольно жестъ досады, однакожъ тотчасъ овладѣлъ собою и сказалъ по итальянски:

— Ты, вѣроятно, смѣешься тому, что меня, султанскаго гвардейца, интересуютъ бездѣлушки женскаго наряда?

— О нѣтъ, мессеръ, отвѣчалъ Амброджіоло, — я смѣюсь, припоминая, какъ достались мнѣ эти вещи.

— Не будетъ нескромностью съ моей стороны, сказалъ капитанъ, — если я попрошу тебя разсказать, какъ это случилось

— Эти бездѣлушки, отвѣчалъ Амброджіоло,—какъ и нѣсколько другихъ, мессеръ, подарены мнѣ красавицей генуэзкой, по имени Жиневрой, во время любовнаго свиданія со мной. Она просила меня хранить ихъ въ память любви ея ко мнѣ и потому мнѣ неловко продать ихъ; но я могу подарить ихъ вамъ, если эти вещи вамъ нравятся. Я не могу смотрѣть на нихъ безъ смѣха потому, что мнѣ всегда приходитъ на память глупость мужа этой дамы, побившагося объ закладъ на пять тысячъ дукатовъ противъ моей тысячи, что я никогда не добьюсь расположенія его жены, вѣрность которой къ нему непоколебима. Я, конечно, принялъ закладъ и, какъ видите, выигралъ. Глупецъ, вмѣсто того. чтобы наказать самого себя за дурацкую довѣрчивость и не сердиться на свою жену, провинившуюся тѣмъ, чѣмъ грѣшны ея подруги,— этотъ глупецъ, какъ мнѣ разсказывали, приказалъ умертвить ее, чѣмъ и отмстилъ ей за ея невѣрность.

Сикуранъ узналъ теперь, что послужило причиной гнѣва Бернабо противъ жены и кто былъ настоящимъ виновникомъ печальнаго происшествія. Рѣшившись непремѣнно наказать преступника, онъ началъ съ того, что посмѣялся надъ обманутымъ мужемъ и пригласилъ Амброджіоло къ себѣ. Вскорѣ онъ такъ сошелся съ итальянцемъ, что Амброджіоло, по окончаніи ярмарки, уѣхалъ домой съ тѣмъ, чтобы вскорѣ вернуться въ Александрію, куда онъ намѣревался перенести свою дѣятельность. Сикуранъ не только обѣщалъ ему свое покровительство, но еще далъ ему денегъ для расширенія торговли. Амброджіоло, видя, что переселеніе принесетъ ему большія выгоды, поспѣшилъ окончить свои дѣла въ Италіи и не замедлилъ переселиться въ Александрію.

Между тѣмъ Сикуранъ, страстно желавшій доказать Бернабо невинность его жены, постарался привлечь генуэзца въ Александрію, что ему удалось сдѣлать при помощи генуэзскихъ купцовъ, тамъ поселившихся. Дѣла Бернабо шли плохо, онъ совсѣмъ обѣднѣлъ и охотно принялъ приглашеніе поразвѣдать, нельзя-ли ему устроиться въ Александріи. Онъ остановился у друга Сикурана, который и послалъ ему приглашеніе пріѣхать во владѣнія александрійскаго султана.

Для исполненія своего замысла Сикуранъ заставилъ Амброджіоло разсказать самому султану о его любовномъ приключеніи съ Жиневрой. Этотъ разсказъ позабавилъ монарха. Когда же Бернабо пріѣхалъ въ Александрію, Сикуранъ просилъ султана, который ни въ чемъ ему не отказывалъ, приказать Амброджіоло, чтобы онъ разсказалъ о своемъ приключеніи въ присутствіи обманутаго мужа, который, какъ извѣстился онъ, Сикуранъ, въ настоящее время находится въ Александріи.

— Мнѣ кажется, прибавилъ Сикуранъ,— что Амброджіоло скрываетъ истину и что генуэзецъ поторопился осудить свою жену. Я полагаю, что если ваше величество строго прикажете ему сказать истину, онъ повинуется; если же онъ будетъ упрямо поддерживать ложь, у меня есть средство заставить его сказать правду.

Когда Амброджіоло и Бернабо явились передъ султаномъ, онъ суровымъ тономъ приказалъ первому, не скрывая ничего, разсказать, какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ пять тысячъ дукатовъ, угрожая въ противномъ случаѣ подвергнуть его пыткѣ. Заключивъ изъ этого, что султанъ откуда-нибудь узналъ истину и испуганный угрозою, не смотря на присутствіе Бернабо и всего двора, Амброджіоло передалъ все, какъ было, оправдывая свое преступленіе тѣмъ, что его соблазнило желаніе выиграть крупный закладъ.

Когда онъ закончилъ свое признаніе, Сикуранъ, въ качествѣ лица, приближеннаго къ султану, обратился къ Бернабо.

— А что сдѣлалъ ты съ своей женою? спросилъ онъ генуэзца.

— Увлекаемый гнѣвомъ и ревностію, отвѣчалъ онъ,—въ отчаяніи, что я потерялъ свою честь и деньги, я приказалъ своему слугѣ умертвить ее.

— А что сдѣлалъ слуга съ трупомъ?

— Онъ доложилъ мнѣ, что на его глазахъ на трупъ накинулись волки.

Сикуранъ, скрывшій отъ своего государя истинную причину, заставившую его просить объ очной ставкѣ обоихъ купцовъ, обратился къ султану и сказалъ:

— Вы видите, государь, какъ эта дама была несчастлива. Назвавшійся ея любовникомъ наглой клеветой лишилъ ее чести и разорилъ ея мужа. Слишкомъ легковѣрный ея мужъ приказалъ убить ее и ея трупъ отдалъ на съѣденіе волкамъ. Вотъ они, нѣжные любовникъ и мужъ. Бьюсь объ закладъ, что еслибы случаю угодно было, чтобы Жиневра явилась здѣсь передъ вами, ни одинъ изъ нихъ не узналъ бы ее, такъ велика ихъ любовь къ ней! Вы справедливы, государь, и рѣшите, какого наказанія заслуживаютъ они оба. Нѣтъ надобности просить васъ о наказаніи клеветника; его преступленіе слишкомъ велико, чтобы онъ могъ заслужить пощаду; что же касается обманутаго, хотя онъ и недостоинъ прощенія, я все осмѣлюсь умолять васъ даровать ему прощеніе и, если согласитесь на это, представить сюда его жену.

Султанъ, горячо любившій Сикурана, тотчасъ же согласился исполнить его желаніе и приказалъ привести жену. Легко вообразить, каково было изумленіе Бернабо, считавшаго свою жену умершей, а также отчаяніе Амброджіоло, который понялъ, что теперь ему уже невозможно ожидать пощады.

Сикуранъ бросился къ ногамъ султана.

— Это я, государь, сказалъ онъ, плача, — я несчастная Жиневра, жена Бернабо. Шесть лѣтъ, переодѣтая въ мужское платье, я живу внѣ отечества, недостойно-оклеветанная подлымъ Амброджіоло,—это я, которую жестокій мужъ осудилъ умереть подъ ножемъ убійцы, а тѣло отдать на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

Говоря это, она раскрыла грудь, чтобы султанъ могъ убѣдиться, что передъ нимъ не мужчина, а женщина. Затѣтъ она обратилась къ Амброджіоло съ упреками за его подлость. Узнавшій ее Амброджіоло не зналъ, что отвѣтить: стыдъ и угрызенія совѣсти сковали ему уста.

Султанъ, никогда не подозрѣвавшій, что Сикуранъ женщина, крайне удивился всему, что онъ видѣлъ и слышалъ. Ему казалось, что все это происходитъ не на яву, а во снѣ. Придя въ себя, онъ воздалъ торжественно похвалу поведенію, мужеству и добродѣтели Жиневры. Онъ подарилъ ей нѣсколько дорогихъ платьевъ и назначилъ нѣсколькихъ женщинъ къ ней въ качествѣ прислужницъ. Во вниманіе къ ея просьбѣ, онъ простилъ Бернабо его жестокость, вызванную его легковѣріемъ. Бернабо, проливая слезы радости и раскаянія, бросился къ ногамъ своей жены, умоляя, чтобы и она простила его.

Добродѣтельная Жиневра съ нѣжностью упрекнула его, затѣмъ сказала, что все позабыла, подняла его и поцѣловала, какъ мужа.

Амброджіоло получилъ тяжкое наказаніе. Султанъ приказалъ привязать его нагого къ столбу, вбитому на холмѣ, посреди города, обмазать его тѣло медомъ и оставить его тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не умретъ отъ жалъ насѣкомыхъ. Все имущество Амброджіоло, цѣнностью въ двадцать тысячъ дукатовъ, было конфисковано въ пользу оклеветанной имъ Жиневры. Затѣмъ султанъ далъ большой пиръ, на которой пригласилъ Бернабо, какъ мужа Жиневры, а г-жу Жиневру, какъ женщину, которую онъ уважаетъ болѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ. Снова онъ публично воздалъ должную похвалу ея добродѣтели и подарилъ ей много драгоцѣнностей, цѣнность которыхъ превышала десять тысячъ двойныхъ дукатовъ. Потомъ онъ позволилъ соединившимся супругамъ возвратиться въ Генную. Для ихъ путешествія онъ снарядилъ прекрасный корабль, въ короткое время доставившій ихъ на родину. Бернабо и его жена вернулись въ Геную людьми богатыми и радостно были встрѣчены своими земляками. Жиневра, которую всѣ считали умершею, получала со всѣхъ сторонъ знаки любви и глубокаго уваженія. О ней иначе не говорили, какъ о женщинѣ примѣрной добродѣтели.

Амброджіоло былъ пожранъ осами и слѣпнями, тысячами насѣвшими на его обмазанное медомъ тѣло. Его скелетъ долго еще оставался привязаннымъ къ столбу, чтобы прохожіе помнили о его преступленіи. Его участь показываетъ, что клеветникъ, рано или поздно, будетъ непремѣнно обличенъ и наказанъ.

ЦИМБЕЛИНЪ

ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВОДЪ Н. И. ШУЛЬГИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Цимбелинъ, король Британіи.
Клотенъ, сынъ королевы отъ перваго мужа.
Леонатусъ Постумусъ, мужъ Иможены.
Беларіусъ, изгнанный лордъ; скрывается подъ именемъ Моргана.
Гвидеріусъ, Арвирагусъ } сыновья Цимбелина, скрывающіеся подъ именами Полидора и Кадвеля, какъ сыновья Беларіуса.
Филаріо, другъ Постумуса, Іахимо, другъ Филаріо } Римляне.
Французскій дворянинъ, другъ Филаріо.
Кай Луціусъ, главнокомандующій римскихъ войскъ.
Римскій военачальникъ.
Два британскіе военачальника.
Пизаніо, оруженосецъ Постумуса.
Корнеліусъ, врачъ.
Два дворянина, изъ придворныхъ Цимбелина.
Два тюремщика.
Королева, жена Цимбелина.
Иможена, дочь Цимбелина отъ первой жены.
Елена, прислужница Иможены.
Лорды, леди, римскіе сенаторы, трибуны, духи, предсказатель, музыканты, офицеры, военачальники, солдаты, вѣстники и разные другіе служители.
Дѣйствіе происходитъ—частію въ Британіи, частію въ Римѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Въ Британіи. Садъ при дворцѣ Цимбелина,

Входятъ два **Дворянина**.

Первый дворянинъ. Вы встрѣтите здѣсь только пасмурныя лица; наша кровь не повинуется небесамъ настолько, насколько каждый придворный старается показать, что онъ находится въ такомъ же настроеніи, какъ и король.

Второй дворянинъ. Въ чемъ же дѣло?

Пер. двор. Наслѣдница его престола, его единственная дочь, которую онъ хотѣлъ выдать за сына своей жены,—вдовы, съ которой онъ недавно повѣнчался,—отдалась бѣдному, но достойному дворянину: она вышла за него замужъ. Ея мужъ изгнанъ, она въ заточеніи; всѣ горюютъ на показъ; король же, я полагаю, дѣйствительно огорченъ.

Вт. двор. Только одинъ король?

Пер. двор. Конечно, и тотъ, кто потерялъ ее, и королева, очень желавшая этого союза. Но изъ придворныхъ, представляющихся передъ королемъ печальными, нѣтъ ни одного, который не радовался бы втайнѣ тому, что огорчаетъ короля.

Вт. двор. Почему?

Пер. двор. Потому, что потерявшій невѣсту слишкомъ дряненъ даже для дрянной славы; а тотъ, кто женился на ней и за это изгнанъ, таковъ, что другого подобнаго не сыщешь, хотя бы пришлось обойдти весь свѣтъ; всегда найдется какое-нибудь несовершенство въ томъ, кого вздумаютъ съ нимъ сравнивать. Не думаю, чтобы въ какомъ-нибудь другомъ человѣкѣ нашлось такое сочетаніе наружной красоты съ внутренними достоинствами.

Вт. двор. Не слишкомъ ли расхваливаете вы его?

Пер. двор. Я нисколько не преувеличилъ его достоинствъ; я скорѣе сжалъ, чѣмъ развилъ свою похвалу.

Вт. двор. Какъ его имя? Его происхожденіе?

Пер. двор. Трудно было дорыться до самаго корня. Его отца звали Сициліусомъ; онъ съ честью сражался противъ римлянъ подъ начальствомъ Касибелана; но всѣ отличія свои онъ получилъ отъ Тенанціуса, которому служилъ со славой и успѣхомъ, и за храбрость прозванъ былъ Леонатусомъ. Кромѣ сына, о которомъ мы говоримъ, Сициліусъ имѣлъ еще двоихъ, но оба они погибли съ мечемъ въ рукахъ во время войнъ того времени. Сициліусъ былъ старъ; смерть сыновей такъ его огорчила, что онъ умеръ отъ тоски, оставивъ жену беременною тѣмъ самымъ дворяниномъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Родивъ его, она умерла. Король взялъ сироту подъ свое покровительство; назвалъ его Постумусомъ Леонатусомъ; онъ воспиталъ его, сдѣлалъ его своимъ пажемъ, а когда пришло время,—засадилъ его за науку. Постумусъ поглощалъ познанія, какъ мы вдыхаемъ воздухъ, и уже весна его жизни дала богатую жатву. Онъ жилъ при дворѣ всѣми любимый и превозносимый, что большая рѣдкость; онъ былъ образцомъ для юнѣйшихъ себя; для возмужалыхъ—зеркаломъ, ихъ украшавшимъ; а для старцевъ—балованнымъ ребенкомъ, ведущимъ ихъ, куда онъ захочетъ. Что касается его супруги, виновницы его изгнанія, своимъ выборомъ она показала, какъ высоко цѣнитъ его и его добродѣтели, и тѣмъ самымъ оцѣнила свои достоинства. По ея выбору каждый можетъ судить, каковъ человѣкъ Постумусъ.

Вт. двор. Я уже уважаю его изъ вашихъ словъ. Но скажите, эта принцеса единственное дитя короля?

Пер. двор. Она одна у него. Если это васъ интересуетъ, узнайте, что у короля было еще два сына; ихъ украли изъ дѣтской и въ то время старшему шелъ третій годъ, а младшій былъ еще въ пеленкахъ. До сихъ поръ нѣтъ никакого указанія на то, что съ ними сталось.

Вт. двор. Давно это случилось?

Пер. двор. Лѣтъ двадцать тому назадъ.

Вт. двор. Удивительно, что могли такъ легко похитить дѣтей короля; что содержали ихъ такъ небрежно, а розыскъ дѣлали такъ плохо, что не напали ни на какой слѣдъ!

Пер. двор. Какъ ни странно все это, какъ ни смѣшна подобная небрежность, но на дѣлѣ это было такъ.

Вт. двор. Я вамъ вѣрю.

Пер. двор. Удалимся. Сюда идутъ Постумусъ, королева и принцеса. *(Уходятъ.)*

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входятъ **Королева, Постумусъ** *и* **Иможена.**

Королева. Нѣтъ, дочь моя, повѣрь, никогда не найдешь ты во мнѣ враждебности, обыкновенно приписываемой мачихамъ; не увидишь отъ меня даже суроваго взгляда. Ты моя плѣнница; но я, твоя тюремщица, отдаю тебѣ ключи, которыми замыкается твоя темница. И какъ только мнѣ удастся смягчить гнѣвъ короля, я явлюсь, Постумусъ, вашимъ ходатаемъ передъ нимъ. Теперь же онъ сильно раздраженъ противъ васъ и вамъ лучше склониться передъ его приговоромъ съ тѣмъ терпѣніемъ, какое внушить вамъ мудрость.

Постумусъ. Если угодно вашему величеству, я удалюсь сегодня же.

Королева. Вы знаете опасность. Я пройдусь по саду; я способна чувствовать жалость, когда насильственно разлучаютъ влюбленныхъ, хотя король и запретилъ вамъ больше видѣться. (*Королева уходитъ.*)

Иможена. О, лицемѣрная снисходительность! Съ какою нѣжностью эта мучительница гладитъ ею же нанесенную рану! Любезный супругъ мой, меня, конечно, безпокоитъ гнѣвъ моего отца, но, сохраняя къ нему все мое уваженіе, не за себя боюсь я вспышекъ его ярости. Тебѣ необходимо уѣхать; я же останусь здѣсь подъ непрестаннымъ огнемъ его свирѣпыхъ взглядовъ, но меня будетъ постоянно поддерживать мысль, что есть въ мірѣ сокровище, съ которымъ я могу когда-нибудь свидѣться.

Постумусъ. О, моя королева, моя любовь, не плачь, иначе я могу подать поводъ къ предположенію, что я болѣе чувствителенъ, чѣмъ подобаетъ быть мужчинѣ. Я останусь вѣрнѣйшимъ изъ мужей, когда либо дававшихъ клятву въ вѣрности своимъ женамъ. Я поселюсь въ Римѣ, у Филаріо, друга моего отца, котораго я знаю только по письмамъ. Адресуй туда твои письма, моя королева; каждое слово, тобою написанное, я буду поглощать глазами, хотя бы оно было написано чернилами изъ желчи.

(*Королева возвращается.*)

Королева. Прошу васъ, не медлите. Если сюда придетъ король, не знаю, до чего можетъ дойдти гнѣвъ его противъ меня. *(Въ сторону)* Сюда-то я и приведу его. Что бы я ни совершила противъ него, онъ всегда самъ хлопочетъ о примиреніи; не дешевой цѣной приходится ему искупать мои вины.

(*Уходитъ.*)

Постумусъ. Если бы мы прощались столько времени, сколько намъ суждено жить, горесть разлуки только усиливалась бы. Прощай.

Иможена. О, нѣтъ, останься еще немного! Если бы ты ѣхалъ только на прогулку, мы и тогда не прощались бы такъ коротко. Посмотри, любовь моя, вотъ бриліантъ, доставшійся мнѣ отъ моей матери; прими его, мое сердце, и сохраняй, пока не возьмешь другой жены, когда умретъ Иможена.

Постумусъ. Какъ! Какъ другой! О, милосердные боги, сохраните мнѣ только ту, которая мнѣ принадлежитъ, и отъ объятій другой жены удержите меня цѣпями смерти! *(Надѣваетъ кольцо на свой палецъ)* Оставайся здѣсь, оставайся, пока не покинутъ меня чувства! А ты, дражайшая моя красавица,—недостаточно, что ты много потеряла при обмѣнѣ твоей любви на мою ничтожность, ты опять въ ущербѣ при обмѣнѣ нашихъ даровъ,—носи это въ память моей любви; пусть это будетъ любовными узами, которыя я налагаю на прелестнѣйшую изъ узницъ.

(*Надѣваетъ браслетъ на ея руку.*)

Иможена. О, боги, когда-же мы снова увидимся!

Входятъ **Цимбелинъ** *и* **лорды.**

Постумусъ. Увы, король!

Цимбелинъ. Прочь, подлое созданіе! Прочь съ глазъ моихъ! Если и послѣ этого приказа ты будешь тяготить нашъ дворъ твоимъ недостоинствомъ—ты умрешь! Вонъ! Ты ядъ для моей крови!

Постумусъ. Да хранятъ васъ боги и благословятъ добрыхъ людей, остающихся еще при дворѣ. Я ухожу. (*Уходитъ.*)

Иможена. Сама смерть не причинитъ такихъ тяжелыхъ мукъ, какъ эта.

Цимбелинъ. Безсовѣстная, ты могла-бы возвратить мнѣ юность, а ты удручаешь меня годами старости!

Иможена. Прошу васъ, государь, не разстраивайте себя сами вашимъ гнѣвомъ; я безчувственна къ нему; скорбь болѣе сильная подавляетъ собою всякое другое горе, всякій страхъ.

Цимбелинъ. А также приличіе, послушаніе?

Иможена. Потерявъ всякую надежду, я потеряла и приличіе.

Цимбелинъ. А ты могла сдѣлаться женою единственнаго сына королевы.

Иможена. И очень счастлива, что не сдѣлалась. Отвергнувъ ястреба, я избрала орла.

Цимбелинъ. Ты избрала нищаго; ты желала сдѣлать мой престолъ сѣдалищемъ безчестія.

Иможена. Нѣтъ, скорѣе я придала-бы ему еще большій блескъ.

Цимбелинъ. Негодная!

Иможена. Государь, не сами-ли вы виноваты, что я полюбила Постумуса; вы воспитывали его вмѣстѣ со мною; теперь это мужчина, достойный любви каждой женщины; онъ превосходитъ мою цѣнность почти на всю ту сумму, которой я стою.

Цимбелинъ. Какъ? Да ты съ ума сошла!

Иможена. Почти, государь. Да исцѣлитъ меня небо! Зачѣмъ я не дочь волопаса, а мой Леонатусъ не сынъ сосѣдняго пастуха!

Входитъ **Королева.**

Цимбелинъ. Безумная! Они опять были вмѣстѣ; почему ты не исполнила моего приказа? Возьми ее и запри.

Королева. Прошу тебя, успокойся. А ты, милая дочь, не возражай. Оставь насъ вдвоемъ, мой добрый государь, и въ развлеченіи постарайся найдти утѣшеніе въ своей горести.

Цимбелинъ. А она пусть сохнетъ здѣсь каждый день хотя на каплю крови и, состарѣвшись, умретъ отъ своего безумія.

(*Онъ уходитъ.*)

Входитъ **Пизаніо.**

Королева. Фи! Ты должна уступить. Вотъ твой служитель. Что скажешь новаго?

Пизаніо. Милордъ, вашъ сынъ напалъ на моего господина.

Королева. А! Надѣюсь не случилось никакого несчастія?

Пизаніо. Могло-бы быть и оно, но мой господинъ не поддался гнѣву; онъ скорѣе шутилъ, чѣмъ сражался; присутствовавшіе розняли ихъ.

Королева. Я этому очень рада.

Иможена. Вашъ сынъ другъ моего отца и держитъ его сторону. О, храбрецъ! Нападаетъ на изгнанника. Хотѣла-бы я видѣть ихъ лицомъ къ лицу въ Африкѣ и сама-бы я находилась подлѣ нихъ съ иглою, чтобы колоть ею отступающаго... Зачѣмъ оставилъ ты своего господина?

Пизаніо. Онъ такъ приказалъ; онъ не позволилъ мнѣ провожать его до гавани. Онъ подробно объяснилъ мнѣ, какъ служить вамъ, если только вы захотите принять мои услуги.

Королева. Онъ былъ вѣрнымъ твоимъ служителемъ, готова ручаться моей честью, что онъ такимъ и останется.

Пизаніо. Покорно благодарю, ваше величество.

Королева. Пойдемъ, дочь моя, погуляемъ.

Иможена. Черезъ полчаса я поговорю съ тобою; хорошо, если-бы ты сходилъ въ гавань и посмотрѣлъ, какъ супругъ мой отправится въ путь. Иди! *(Уходятъ.)*

СЦЕНА III.

Площадь.

Входятъ **Клотенъ** *и два* **Лорда.**

Первый лордъ. Принцъ, совѣтую вамъ перемѣнить рубашку; отъ сильной борьбы вы дымитесь, точно жертва. Воздухъ, выходящій изъ васъ, замѣняется другимъ; а всякій внѣшній воздухъ не такъ здоровъ, какъ тотъ, который вы выдѣляете.

Клотенъ. Если-бы моя рубашка была окровавлена, тогда я перемѣнилъ-бы ее. Ранилъ я его?

Второй лордъ (*въ сторону)*. Нисколько, не задѣлъ даже его терпѣнія.

Пер. лордъ. Ранили. Сквозной скелетъ его тѣло, если онъ не раненъ; проѣздъ для стали, если онъ не раненъ.

Вт. лордъ (*въ сторону*). Мечъ его былъ по уши въ долгу; спасаясь отъ кредитора, пробирался сторонкой къ городу.

Клотенъ. Подлецъ не дождался моего натиска.

Вт. лордъ (*въ сторону)*. Удиралъ впередъ, прямо на тебя.

Пер. лордъ. Куда ему ожидать! У васъ много земельной собственности; но онъ захотѣлъ увеличить ваши владѣнія, уступивъ вамъ и тотъ клочекъ земли, который былъ подъ нимъ.

Вт. лордъ (*въ сторону*). Столько дюймовъ, сколько у тебя океановъ. Глупцы!

Клотенъ. Хотѣлъ-бы я лучше, чтобы насъ не разнимали.

Вт. лордъ (*въ сторону)*. И я-бы хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока ты, растянувшись на землѣ, не показалъ-бы, какой длины бываетъ дуракъ.

Клотенъ. И она любитъ этого болвана и отказываетъ мнѣ.

Вт. лордъ (*въ сторону*). Если грѣхъ сдѣлать хорошій выборъ—она осуждена.

Пер. лордъ. Принцъ, не разъ уже я говорилъ вамъ, что ея красота находится въ разладѣ съ ея умомъ; она красивая картинка, но въ ней не замѣчается отраженія ума.

Вт. лордъ (*въ сторону*). Не свѣтитъ она на дураковъ изъ опасенія, что отраженіе можетъ повредить ей.

Клотенъ. Пойдемъ въ мою комнату. Жалѣю, что не случилось большой бѣды.

Вт. лордъ (*въ сторону*). Какой-же? Развѣ упалъ бы оселъ, такъ эта бѣда еще не большая.

Клотенъ. А вы пойдете съ нами?

Вт. лордъ. Буду вслѣдъ за вашимъ высочествомъ.

Клотенъ. Пойдемте вмѣстѣ.

Вт. лордъ. Охотно, ваше высочество.

СЦЕНА IV.

Комната во дворцѣ Цимбелина.

Входятъ **Иможена** *и* **Пизаніо.**

Иможена. Я желала-бы, чтобы ты приросъ къ берегу, точно камень, и спрашивалъ-бы каждый корабль. Что если онъ напишетъ мнѣ, а я не получу, не будетъ-ли это тоже самое, что потеря помилованія для осужденнаго. Какія были его послѣднія слова, сказанныя имъ тебѣ?

Пизаніо. Они были «моя королева! моя королева!»

Иможена. Затѣмъ махалъ платкомъ?

Пизаніо. И цѣловалъ его, принцеса.

Иможена. Бездушный холстъ, ты счастливѣе меня! И это все?

Пизаніо. Нѣтъ, пока я могъ глазомъ или ухомъ отличать его отъ другихъ, я слѣдилъ за нимъ; онъ махалъ мнѣ то платкомъ, то перчаткой, то шляпой, какъ бы желая выразить своимъ душевнымъ волненіемъ, какъ медленно удалялось отсюда его сердце и какъ быстро уходилъ корабль.

Иможена. Ты долженъ былъ слѣдить за нимъ до тѣхъ поръ, пока твоимъ глазамъ онъ не казался-бы съ ворону или даже меньше ея.

Пизаніо. Я такъ и сдѣлалъ, принцеса.

Иможена. Я порвала-бы глазные нервы, слѣдя за нимъ до тѣхъ поръ, пока разстояніе между нами не уменьшило-бы его до толщины острія моей иглы; да, я слѣдила-бы за нимъ, пока, не умалившись до величины самой крошечной мошки, онъ не исчезъ-бы въ пространствѣ; только тогда я отвела-бы глаза и заплакала. Добрый Пизаніо, когда мы услышимъ о немъ?

Пизаніо. Будьте увѣрены, принцеса, при первомъ удобномъ случаѣ.

Иможена. Мнѣ не привелось проститься съ нимъ, а такъ много хорошаго нужно было сказать ему. Прежде, чѣмъ я успѣла объяснить ему, какъ я буду думать о немъ въ извѣстные часы; прежде, чѣмъ я взяла съ него клятву, что красавицы Италіи не сдѣлаютъ его нарушителемъ моихъ правъ и измѣнникомъ его чести; прежде, чѣмъ я уговорила его встрѣчаться со мною молитвами въ шесть часовъ утра, въ полдень и въ полночь, потому что въ эти часы я буду просить за него небо; прежде, чѣмъ я успѣла дать прощальный поцѣлуй, завернутый въ два волшебныя слова,—пришелъ мой отецъ и, подобно тираническому урагану сѣвера, убилъ нашъ цвѣтокъ, готовый распуститься

Входитъ **Леди.**

Леди. Королева желаетъ видѣть ваше высочество.

Иможена. Исполни все, что я тебѣ сказала. Я иду къ королевѣ.

Пизаніо. Все исполню, принцеса.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА V.

Римъ. Комната въ домѣ Филаріо.

Входятъ **Филаріо, Іахимо** *и* **Французъ.**

Іахимо. Повѣрьте мнѣ, я зналъ его въ Британіи; и тогда уже слава его росла и нельзя было не замѣтить въ немъ тѣхъ достоинствъ, которыя признаются за нимъ теперь, но я смотрѣлъ-бы на него безъ удивленія даже и тогда, еслибъ къ нему былъ привѣшенъ каталогъ его совершенствъ, который я могъ-бы прочитать по параграфамъ.

Филаріо. Вы говорите о томъ времени, когда онъ еще не вполнѣ обладалъ тѣми совершенствами, и внутренними, и наружными, какими отличается онъ теперь.

Французъ. Я видѣлъ его во Франціи; у насъ много такихъ, которые, какъ и онъ, могутъ прямо смотрѣть на солнце.

Іахимо. Женитьба его на дочери короля, побуждающая оцѣнивать его скорѣе по ея, а не по его достоинствамъ, стала причиной преувеличенныхъ похвалъ ему.

Французъ. Затѣмъ его изгнанье.

Іахимо. Да; оплакивающіе, изъ сочувствія къ принцесѣ, эту печальную разлуку, безмѣрно его восхваляютъ, хотя-бы для того, чтобы укрѣпить ея выборъ, который не выдержалъ-бы и самаго легкаго обстрѣливанія, если бы предпочтенный ею нищій обладалъ меньшими достоинствами. Но почему онъ поселился у васъ? Гдѣ познакомились вы съ нимъ?

Филаріо. Его отецъ былъ моимъ товарищемъ по оружію и часто я былъ ему обязанъ не менѣе, чѣмъ жизнью.

Входитъ **Постумусъ.**

Филаріо. Вотъ нашъ британецъ. Примите его, какъ слѣдуетъ людямъ вашего образованія принимать иностранца съ его достоинствами. Прошу васъ познакомиться покороче съ этимъ господиномъ, котораго я представляю вамъ, какъ своего благороднаго друга. Лучше пусть время познакомитъ васъ съ его достоинствами, чѣмъ я стану исчислять ихъ вамъ при немъ.

Французъ. Мы были знакомы съ вами въ Орлеанѣ.

Постумусъ. И съ той поры я считаю себя вашимъ должникомъ за ваше одолженіе и сколько бы я ни старался расплатиться съ вами, я все таки останусь у васъ въ долгу.

Французъ. Вы слишкомъ преувеличиваете мою слабую услугу; я счелъ себя счастливымъ, когда успѣлъ примирить васъ съ моимъ соотечественникомъ. Было-бы грустно, еслибъ между вами произошла кровавая схватка, въ сущности, изъ-за ничтожной причины.

Постумусъ. Извините меня, я былъ тогда еще очень юный путешественникъ; я былъ болѣе склоненъ противорѣчить мнѣнію другихъ, чѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководиться ихъ опытностію. Но и теперь, когда я сталъ разсудительнѣе,—прошу не считать этого хвастовствомъ съ моей стороны,—я смѣю утверждать, что поводъ къ ссорѣ не былъ совсѣмъ ничтожнымъ.

Французъ. Все-таки не настолько важенъ, чтобы рѣшать его оружіемъ, особенно когда оба противника таковы, что каждый уложилъ бы одинъ другого, или свалились бы оба.

Іахимо. Не будетъ нескромностью, если я спрошу изъ за чего вышелъ споръ?

Французъ. Ссора была публичной и разсказъ о ней не можетъ считаться нескромностью. Она очень похожа на нашъ вчерашній споръ, когда каждый изъ насъ восхвалялъ красавицъ своей страны. Этотъ господинъ утверждалъ тогда, готовый дать кровавое доказательство вѣрности его утвержденія, что дама его сердца прекраснѣе, добродѣтельнѣе, умнѣе, цѣломудреннѣе, скромнѣе и постояннѣе самой лучшей по своимъ качествамъ изъ француженокъ.

Іахимо. Безъ сомнѣнія, эта дама умерла, или, можетъ быть, мнѣніе этого господина о ней теперь измѣнилось.

Постумусъ. Она и до сихъ поръ сохраняетъ свою добродѣтель, а я свое мнѣніе.

Іахимо. Надѣюсь, вы не ставите ее выше нашихъ итальянскихъ женщинъ.

Постумусъ. Если-бы я былъ вызванъ здѣсь, такъ же, какъ тогда во Франціи, я-бы ни слова не измѣнилъ въ своемъ мнѣніи, при чемъ заявляю, что я не любовникъ ея, а только поклонникъ.

Іахимо. Столько-же прекрасна, сколько и добродѣтельна,—неизбѣжное сопоставленіе,—не слишкомъ-ли это прекрасно для каждой британской дамы. Если-бы она настолько превосходила другихъ женщинъ, которыхъ я зналъ, насколько вашъ бриліантъ превосходитъ видѣнные мною бриліанты, я сказалъ бы, что она только превосходитъ многихъ женщинъ. Но я не видѣлъ болѣе драгоцѣннаго бриліанта, чѣмъ вашъ, такъ-же, какъ и вы не видѣли болѣе совершенной женщины, чѣмъ ваша дама.

Постумусъ. Я цѣню ее по своей оцѣнкѣ, такъ-же, какъ и этотъ бриліантъ.

Іахимо. А какъ высоко вы цѣните его?

Постумусъ. Выше всѣхъ сокровищъ міра.

Іахимо. Или ваша несравненная умерла или стала для васъ дешевле этой бездѣлушки.

Постумусъ. Ошибаетесь; одну можно продать тому кто имѣетъ достаточно богатствъ, чтобы купить ее или подарить достойному такого подарка; другая-же не можетъ быть предметомъ продажи, она только даръ боговъ.

Іахимо. Который и получили вы отъ боговъ.

Постумусъ. Который я сохраню при ихъ помощи.

Іахимо. Вы можете считать ее своею; но, знаете, чужія птицы садятся на прудъ сосѣда. Вашъ перстень можетъ быть украденъ; такимъ образомъ изъ двухъ вашихъ безцѣнныхъ сокровищъ одно слабо, а другое невѣрно: ловкій воръ или искусный волокита могутъ васъ лишить и того и другого.

Постумусъ. Въ вашей Италіи не найдется такого искуснаго волокиты, который могъ-бы восторжествовать надъ честью моей возлюбленной, если, какъ я полагаю, вы считаете ее слабой именно въ отношеніи сохраненія ея чести. Что-же касается воровъ, я не сомнѣваюсь, что у васъ ихъ довольно, и тѣмъ не менѣе, я не боюсь за свой перстень.

Филаріо. Оставьте этотъ споръ, господа.

Постумусъ. Охотно. Я очень благодаренъ этому синьору, что онъ не обходится со мною, какъ съ чужимъ; мы съ перваго слова сблизились.

Іахимо. Достаточно мнѣ разговора въ пять разъ длиннѣе этого съ вашей милой и я овладѣлъ-бы ея сердцемъ; я заставилъ-бы ее сдаться, еслибъ имѣлъ случай ухаживать за нею.

Постумусъ. Нѣтъ, нѣтъ.

Іахимо. Я готовъ прозакладывать половину моего состоянія противъ вашего перстня, хотя она, я увѣренъ, стоитъ болѣе. Держу пари не столько противъ чести вашей дамы, сколько противъ вашего къ ней довѣрія, а чтобы вы не считали моего заклада личнымъ для себя оскорбленіемъ, заявляю, что готовъ на такую-же попытку съ любой женщиной въ мірѣ.

Постумусъ. Вы заблуждаетесь въ вашей чрезмѣрной самонадѣянности и не сомнѣваюсь, что вы получите то, чего заслуживаете.

Іахимо. Что именно?

Постумусъ. Пораженіе; хотя ваша попытка, какъ вы ее называете, заслуживаетъ большаго—наказанія.

Филаріо. Довольно, господа, будетъ вамъ спорить! Вашъ споръ возникъ внезапно; пусть и умретъ онъ, какъ родился; прошу васъ, познакомьтесь прежде покороче.

Іахимо. Я такъ увѣренъ, что исполню то, что говорю, что готовъ отвѣчать не только своимъ состояніемъ, но и имѣніемъ моего сосѣда.

Постумусъ. Какую-же даму избираете вы для своей попытки?

Іахимо. Вашу, если вы такъ твердо увѣрены въ ея вѣрности. Доставьте мнѣ доступъ ко двору, гдѣ находится ваша дама, и я держу десять тысячъ дукатовъ противъ вашего перстня, что послѣ второго свиданія моего съ нею, я привезу вамъ ея честь, которую вы считаете непоколебимой.

Постумусъ. Золотомъ-же я могу отвѣчать противъ вашего золота; но перстень такъ-же дорогъ мнѣ, какъ мой палецъ, онъ составляетъ часть его.

Іахимо. Вы любовникъ и это дѣлаетъ васъ осторожнымъ. Еслибъ вы могли заплатить миліонъ за каждую драхму женскаго тѣла,—и тогда вы не въ состояніи были-бы охранить его отъ порчи. Вижу, что религіозное чувство вызываетъ въ васъ боязнь.

Постумусъ. Вы болтаете по привычкѣ, но, надѣюсь, вы мыслите совсѣмъ иначе.

Іахимо. Я господинъ своего слова; клянусь, я готовъ исполнить то, что обѣщалъ.

Постумусъ. Вы готовы? Въ такомъ случаѣ довѣряю вамъ мой бриліантъ до вашего возвращенія, но мы должны заключить формальный договоръ. Моя возлюбленная въ своей добродѣтели стоитъ выше вашихъ чудовищно-грязныхъ мыслей. Я принимаю вашъ закладъ. Вотъ мой перстень.

Филаріо. Я не желаю, чтобы состоялось это пари.

Іахимо. Клянусь богами, оно состоялось. Не представлю я вамъ достаточнаго доказательства, что я овладѣлъ нѣжнѣйшей частью тѣла вашей возлюбленной, мои десять тысячъ дукатовъ принадлежатъ вамъ, какъ и вашъ бриліантъ. Если я возвращусь, оставивъ ея честь непоколебимой, въ чемъ вы такъ увѣрены, вашъ бриліантъ, она, тоже вашъ бриліантъ, и мое золото—ваши; но вы должны дать мнѣ рекомендацію, которая открыла-бы мнѣ свободный доступъ къ ней.

Постумусъ. Извольте; такъ вотъ въ чемъ наши условія: если вы оправдаете ваше хвастовство и доставите мнѣ ясное доказательство, что вы успѣли,—я не буду болѣе вашимъ врагомъ: тогда она не стоитъ, чтобы мы изъ-за нея ссорились. Но если она не поддастся соблазну и вы не докажете мнѣ противнаго, вы отвѣтите мнѣ съ мечемъ въ рукахъ за ваше оскорбительное мнѣніе о ней и за ваше покушеніе на ея цѣломудріе.

Іахимо. Вашу руку; условія утверждены. Скрѣпимъ нашъ договоръ законнымъ порядкомъ и я тотчасъ-же отправлюсь въ Британію, чтобы нашъ договоръ не простудился и не заглохъ. Пойду за моимъ золотомъ и поручу составить для насъ письменное условіе.

Постумусъ. Рѣшено.

(**Постумусъ** *и* **Іахимо** *уходятъ.*)

Французъ. Какъ вы думаете, состоится это пари?

Филаріо. Синьоръ Іахимо не отступится отъ него. Прошу васъ, послѣдуемъ за ними.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА VI.

Британія. Комната во дворцѣ Цимбелина.

Входятъ **Королева,** *ея* **дамы** *и* **Корнеліусъ.**

Королева. Нарвите мнѣ цвѣтовъ, пока не сошла ночная роса; поторопитесь. У кого списокъ?

Первая дама. У меня, государыня.

Королева. Не медлите. (*Дамы уходятъ*) Ну, докторъ, принесли вы тѣ зелья?

Корнеліусъ. Принесъ, чтобъ угодить вашему величеству; вотъ они; (*подаетъ ей небольшой ящикъ*) прошу вашу милость не оскорбляться, если я спрошу,—совѣсть заставляетъ меня это сдѣлать,—для какой цѣли потребовали вы у меня эти ядовитыя зелья, причиняющія томительную смерть; они убиваютъ медленно, но вѣрно.

Королева. Меня удивляетъ твой вопросъ, докторъ. Не твоя-ли я ученица? Развѣ не ты научилъ меня, какъ составлять духи, перегонять ихъ, сохранять? И я такъ успѣла, что даже самъ великій нашъ король похвалилъ мои составы. Но если я пріобрѣла эти знанія, такъ почему-же,—если только ты не предполагаешь во мнѣ какихъ-нибудь дьявольскихъ затѣй,—ты не хочешь допустить, что я желаю увеличить мои познанія новыми опытами. Я хочу испытать силу твоихъ составовъ на существахъ, которыхъ мы не считаемъ достойными даже веревки, но не на людяхъ. Узнавъ это, я постараюсь найдти противоядіе; такимъ образомъ я узнаю качества и дѣйствіе каждаго изъ нихъ.

Корнеліусъ. Но эти опыты могутъ ожесточить сердце вашего величества; къ тому-же смотрѣть на дѣйствіе ядовъ и вредно, и противно.

Королева. О, не безпокойтесь!

Входитъ **Пизаніо.**

Королева (*про себя*). Вотъ этотъ негодный льстецъ; съ него я и начну мой первый опытъ; онъ преданъ своему господину и ненавидитъ моего сына. (*Громко*) Ну, Пизаніо? Докторъ, вы мнѣ болѣе не нужны; можете идти.

Корнеліусъ (*про себя*). Я не довѣряю вамъ, сударыня, но никакого зла вы не причините.

Королева (*Пизаніо*). Сюда, на одно слово! (*Говоритъ съ нимъ тихо.*)

Корнеліусъ (*въ сторону*). Не люблю я ее. Она думаетъ, что получила отъ меня неизвѣстные никому медленно умерщвляющіе яды. Знаю я ея нравъ и никогда подобнымъ ей людямъ не довѣрю я снадобьевъ такого проклятаго свойства. Я далъ ей такіе составы, которые только на время притупляютъ и ослабляютъ чувства; конечно, она сперва попробуетъ ихъ надъ кошками и собаками, а затѣмъ примется и за людей. Они произведутъ омертвенье, но въ томъ большей бѣды не будетъ: окованныя на время чувства оживутъ и станутъ болѣе бодрыми. Она будетъ обманута ихъ ложнымъ дѣйствіемъ; но чѣмъ болѣе я буду обманывать ее такимъ образомъ, тѣмъ буду правѣе.

Королева. Можешь идти, докторъ; я позову, когда ты будешь мнѣ нуженъ.

Корнеліусъ. Мой нижайшій поклонъ. (*Уходитъ.*)

Королева. Ты говоришь, она постоянно плачетъ. Неужели ты думаешь, что время не утишитъ ея горя и благоразуміе не возьметъ въ ней верхъ надъ безуміемъ. Старайся; если ты доложишь мнѣ, что она полюбила моего сына, я скажу тебѣ тогда: «Пизаніо, я возвышаю тебя, какъ былъ возвеличенъ твой господинъ!» Ты будешь даше выше его, потому что его счастіе лежитъ поверженное и безмолвно; его имя при послѣднемъ издыханіи; возвратиться ему нельзя; нельзя и оставаться тамъ, гдѣ онъ живетъ теперь; перемѣнить мѣсто для него значитъ смѣнить одно горе другимъ. Каждый новый день наступаетъ для него затѣмъ, чтобы уничтожить весь трудъ его въ день прошлый. Чего ты можешь ожидать, служа тому, что падаетъ и не можетъ подняться, что не имѣетъ даже друзей (*роняетъ ящикъ; Пизаніо поднимаетъ его*), которые могли-бы поддержать его. Ты не знаешь, что поднялъ; возьми себѣ за трудъ; здѣсь лекарство, которымъ я пять разъ спасла короля отъ смерти. Ничто такъ не укрѣпляетъ, какъ оно; прошу тебя, возьми его; пусть это будетъ задаткомъ награды, которую получишь отъ меня. Объясни твоей госпожѣ, какъ будто отъ себя, ея положеніе. Подумай, какое счастье можетъ выпасть на твою долю; ты, не утрачивая милостей своей госпожи, можешь пріобрѣсти также расположеніе моего сына. По моей просьбѣ король согласится на всякое повышеніе, какое ты пожелаешь. Наконецъ, я сама, требующая отъ тебя услуги, сочту себя обязанной вознаградить тебя какъ можно лучше. Позови моихъ дамъ! Подумай о томъ, что я тебѣ сказала. (*Пизаніо уходитъ*) Упорный плутъ; онъ преданъ своему господину; его трудно совратить; онъ постоянно напоминаетъ ей о вѣрности ея избраннику. Но приметъ онъ то, что я ему дала, и она лишится вѣстовщика о своемъ возлюбленномъ; если же затѣмъ она будетъ упрямиться по прежнему, и сама попробуетъ того-же.

Входятъ **Пизаніо** *и* **дамы.**

Королева. Такъ, такъ, прекрасно! Фіалки, скороспѣлки и буквицы—отнесите ихъ въ мой кабинетъ. Прощай, Пизаніо, подумай о томъ, что я тебѣ сказала. (*Уходитъ съ дамами.*)

Пизаніо. Да, я подумаю. Но если я когда-нибудь измѣню своему доброму господину, я задушу себя; вотъ все, что я могу сдѣлать для васъ. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА VII.

Другая комната во дворцѣ.

Входитъ **Иможена.**

Иможена. Отецъ жестокъ, мачиха лукава, и еще глупый вздыхатель, добивающійся руки жены, мужъ которой находится въ изгнаньи. О, мой мужъ, вѣнецъ моего горя, сколько страданій я претерпѣваю за тебя! Зачѣмъ не похитили меня такъ же, какъ моихъ двухъ братьевъ, я была бы счастливѣе! Какъ жалки помышляющіе о величіи. И какъ счастливы тѣ, хотя-бы они были въ низкой долѣ, которые находятъ удовлетвореніе своимъ скромнымъ желаніямъ. Кто еще идетъ ко мнѣ? Досадно!

Входятъ **Пизаніо** *и* **Іахимо.**

Пизаніо. Благородный римлянинъ привезъ къ вамъ письмо отъ моего господина.

Іахимо. Вы поблѣднѣли, принцеса. Не пугайтесь. Достойный Леонатусъ здоровъ и посылаетъ вамъ свой сердечный поклонъ.

(*Подаетъ ей письмо.*)

Иможена. Благодарю и очень рада вамъ.

Іахимо (*про себя*). Все, что можно видѣть снаружи, въ ней восхитительно; если она одарена такой-же прекрасной душей, то она единственна, какъ аравійская птица фениксъ, и я проигралъ пари. Смѣлость, будь мнѣ другомъ; отвага, вооружи меня отъ головы до ногъ; иначе, подобно парфянамъ, я принужденъ буду сражаться, обратившись въ бѣгство, или, скорѣе, бѣжать, не испробовавъ битвы.

Иможена (*читаетъ*). «Онъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, дружбѣ котораго я много обязанъ. Прими его хорошо, если дорожишь твоимъ вѣрнымъ Леонатусомъ». Я прочла вслухъ только эти строки; остальное согрѣваетъ мое сердце и наполняетъ его признательностію. Я рада вамъ, выражаю это словами и докажу вамъ на дѣлѣ, если въ состояніи буду что нибудь для васъ сдѣлать.

Іахимо. Благодарю, прелестная принцеса... Что это? Обезумѣли люди? Природа дала имъ глаза, чтобы видѣть небесный сводъ и любоваться сокровищами земли и моря; чтобы различать звѣзды на небосклонѣ и камешки на морскомъ берегу; и мы, при помощи такихъ совершенныхъ органовъ, не умѣемъ отличить прекрасное отъ безобразнаго.

Иможена. Что привело васъ въ удивленье?

Іахимо. Тутъ вина не глазъ; и обезьяна, посаженная между двухъ самокъ, съ одной заигрываетъ, а другую отталкиваетъ; не виновато тутъ и сужденье, потому что даже идіотъ съумѣетъ выбрать красивѣйшую; нельзя винить и апетитъ, потому что противопоставленное такой чистой красотѣ грязное безобразіе возбудитъ тошноту, а не желаніе.

Иможена. Что вы хотите этимъ сказать?

Іахимо. Только пресытившаяся воля—это насытившееся, но не сытое желаніе, этотъ сосудъ наполненный, но съ течью,—сожравъ ягненка, пожираетъ и его внутренности.

Иможена. Что раздражаетъ васъ? Здоровы-ли вы?

Іахимо. Благодарю, принцеса, я здоровъ (*Пизаніо*) Прошу васъ, скажите моему слугѣ, чтобы онъ ожидалъ меня тамъ, гдѣ я его оставилъ; онъ никого здѣсь не знаетъ и застѣнчивъ.

Пизаніо. Я и самъ хотѣлъ пойдти поздороваться съ нимъ. (*Уходитъ.*)

Иможена. Хорошо-ли живется моему мужу? Здоровъ-ли онъ?

Іахимо. Онъ здоровъ.

Иможена. Веселъ онъ? Надѣюсь, что веселъ?

Іахимо. Удивительно веселъ; изъ иностранцевъ онъ у насъ самый веселый и большой проказникъ; его прозвали британскимъ кутилой.

Иможена. Здѣсь онъ чаще бывалъ грустенъ, хотя иногда онъ самъ не могъ понять причины своей грусти.

Іахимо. Я никогда не видѣлъ его печальнымъ. Есть у него пріятель, французъ, знатнаго рода, какъ кажется, сильно влюбленный въ гальскую дѣвушку, оставшуюся на родинѣ; онъ вѣчно вздыхаетъ, точно кузнечный мѣхъ, а веселый британецъ — я говорю о вашемъ супругѣ—хохочетъ надъ его страстью. «Можно-ли, говоритъ онъ,—не лопнуть отъ смѣха, когда подумаешь, что мужчина, знающій по книгамъ, по слухамъ или по собственному опыту; что такое женщина и чѣмъ она не можетъ не быть, на свободѣ тоскуетъ по рабствѣ».

Иможена. И это сказалъ мой мужъ?

Іахимо. Да, на глазахъ его были слезы отъ смѣха. Забавно присутствовать въ то время, когда онъ насмѣхается надъ французомъ. Но, знаетъ небо, многіе люди заслуживаютъ сильнаго порицанія.

Иможена. Не онъ, надѣюсь.

Іахимо. Не онъ. Но ему слѣдовало бы быть болѣе признательнымъ за даръ, ниспосланный ему небомъ въ васъ, которую я считаю драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ даровъ. Принужденный удивляться, я принужденъ также и сожалѣть.

Иможена. Сожалѣть? Кого?

Іахимо. Я отъ души сожалѣю двухъ людей

Иможена. Не я ли одна изъ нихъ? Вы смотрите на меня; что именно во мнѣ вызываетъ вашу жалость?

Іахимо. Постыдно! Убѣжать отъ лучезарнаго солнца и утѣшиться въ тюрьмѣ тусклымъ ночникомъ!

Иможена. Прошу васъ яснѣе отвѣчать на мои вопросы. Почему вы жалѣете меня?

Іахимо. Потому, что другія, хотѣлъ я сказать, пользуются вашимъ... Но карать за то обязанность боговъ; разсказывать о томъ — не моя.

Иможена. Вижу, вамъ извѣстно что нибудь, что касается меня. Говорите же все. Опасеніе зла бываетъ нерѣдко мучительнѣе увѣренности, что оно существуетъ. Знаніе его или убѣждаетъ въ томъ, что нѣтъ средствъ его поправить, или же, добытое во время, указываетъ на нихъ. Откройте мнѣ все: и тайну, которую хотѣли открыть, и что именно васъ отъ того удерживало.

Іахимо. Если-бы я имѣлъ право впиваться моими губами въ эту щеку; если-бъ я могъ пожимать эту руку, каждое прикосновеніе къ которой должно укрѣплять въ мужчинѣ данное обѣщаніе въ вѣрности; если-бы было моимъ это лицо, плѣнившее мои блуждающіе взоры и приковавшее мои чувства; и если-бы тогда — будь я проклятъ — я слюнявилъ бы себя прикосновеніемъ съ губами, доступными всѣмъ на столько же, на сколько доступны ступени Капитолія; если-бы я пожималъ руки, загрубѣвшія отъ ежечаснаго обмана, какъ отъ трудной работы; если-бы я впивался въ глаза, мутные и тусклые, какъ коптящій свѣтъ, питающійся вонючимъ саломъ, — такая гнусная измѣна заслуживала бы всѣхъ адскихъ мукъ разомъ.

Иможена. Я опасаюсь, что мужъ мой забылъ Британію.

Іахимо. И самого себя. Я не предполагалъ разсказывать вамъ объ его жалкой перемѣнѣ; но ваши прелести, очаровавъ меня, вызвали изъ глубины души моей вѣсть о томъ на мой языкъ.

Иможена. Ничего болѣе не разсказывайте мнѣ.

Іахимо. О, дивная душа! Ваше горе до боли наполняетъ мое сердце состраданіемъ. Женщину, такую прекрасную, что и на тронѣ она могла бы удвоить славу величайшаго изъ королей, приравнивать къ развратницамъ, покупаемымъ золотомъ изъ вашихъ же сундуковъ и платящимъ за это золото всѣми болѣзнями, которыми природа поражаетъ испорченныхъ созданій, — болѣзнями, способными отравить и самый ядъ! Отомстите, или мать ваша не была королевой, или вы сами выродились.

Иможена. Отомстить! Какъ могу я отомстить? Если правда, что вы говорите, мое сердце не можетъ такъ скоро повѣрить тому, что слышатъ уши; если справедливы ваши слова, какъ же я буду мстить?

Іахимо. Не заставилъ бы онъ меня жить, подобно жрицамъ Діаны, между двухъ холодныхъ простынь, въ то время, какъ самъ, на смѣхъ вамъ и на вашъ же счетъ, развлекается съ развратницами! Отомстите ему такъ же. Я посвящаю себя для вашего развлеченія; я болѣе буду достоинъ вашего ложа, чѣмъ этотъ измѣнникъ; я не обману вашего расположенія; я буду молчаливъ и вѣренъ.

Иможена. Сюда, Пизаніо!

Іахимо. Позвольте скрѣпить поцѣлуемъ мой обѣтъ.

Иможена. Прочь! Я осуждаю мои уши за то, что они такъ долго слушали тебя. Если бы ты былъ честенъ, ты передалъ бы мнѣ эту вѣсть только изъ желанія мнѣ добра, а не съ цѣлью, столько же низкой, сколько и странной. Ты чернишь человѣка, который такъ же далекъ отъ того, что ты о немъ разсказываешь, какъ ты отъ чести, и предлагаешь свою любовь женщинѣ, которая гнушается тобою наравнѣ съ дьяволомъ.. Пизаніо!.. Я разскажу королю, моему отцу, о твоемъ постыдномъ поступкѣ. Если онъ найдетъ благопристойными такую наглость дерзкаго иноземца, приличную развѣ въ римской банѣ, и его скотское покушеніе на мою честь, значитъ онъ не дорожитъ ни своимъ дворомъ, ни своей дочерью и не уважаетъ ее... Пизаніо, сюда!

Іахимо. О, счастливый Леонатусъ! могу я сказать. Вѣра твоей супруги въ тебя такъ же заслуживаетъ твоего довѣрія къ ней, какъ твоя рѣдкая добродѣтель ея непоколебимой вѣры. Живите долго счастливые! Вы жена достойнаго изъ мужей, которымъ когда либо гордилась страна, и онъ вполнѣ достоинъ васъ. Простите мнѣ. Я говорилъ съ вами такъ, чтобы испытать, какъ глубоко укоренилось ваше довѣріе къ нему; теперь я представлю вамъ вашего мужа такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности: онъ человѣкъ самый совершенный, какого я знаю; святой чудакъ, умѣющій очаровать всякое общество; половина сердца каждаго принадлежитъ ему.

Иможена. Вы исправляетесь.

Іахимо. Онъ въ кругу людей точно богъ, спустившійся на землю; въ немъ есть какое-то величіе, заставляющее видѣть въ немъ болѣе, чѣмъ смертнаго. Не оскорбляйтесь, могущественная принцеса, что я осмѣлился испытать вѣру лживымъ разсказомъ; это испытаніе подтвердило только, что, при вашемъ высокомъ умѣ, вы не ошиблись въ выборѣ такого рѣдкаго супруга, который, какъ вамъ извѣстно, на подлость не способенъ. Изъ любви къ нему я провѣялъ ваши чувства; но боги создали васъ, въ отличіе отъ другихъ женщинъ, безъ плевелъ. Прошу васъ, простите.

Иможена. Все забыто. Пользуйтесь моимъ вліяніемъ при дворѣ.

Іахимо. Нижайше благодарю. Я совсѣмъ позабылъ, что у меня къ вамъ есть маленькая просьба, впрочемъ, важная потому, что она касается дѣла, въ которомъ участвуетъ вашъ мужъ вмѣстѣ со мною и нѣсколькими нашими благородными друзьями.

Иможена. Скажите, въ чемъ дѣло?

Іахимо. Насъ двѣнадцать римлянъ и вашъ мужъ — лучшее перо нашего крыла — сложились на покупку подарка императору, который я, ихъ довѣренный, купилъ во Франціи; это серебрянный сервизъ изящной работы, осыпанный драгоцѣнными камнями въ превосходной отдѣлкѣ; онъ большой цѣны и я, какъ чужеземецъ, не знаю, гдѣ найдти для него безопасное помѣщеніе; не можете-ли вы принять его къ себѣ на сохраненіе?

Иможена. Охотно возьму и честью поручусь за его сохранность; мой мужъ участвуетъ въ подаркѣ и я могу поставить его въ моей спальнѣ.

Іахимо. Онъ въ сундукѣ, который охраняется моими слугами. Я беру смѣлость поставить его у васъ только на одну ночь; а завтра я буду уже на кораблѣ.

Иможена. О, нѣтъ, нѣтъ!

Іахимо. Извините; я измѣню моему слову, если отложу отъѣздъ. Изъ Галліи я переплылъ море только затѣмъ, чтобы сдержать свое слово: увидѣть ваше высочество.

Иможена. Благодарю за трудъ, но не уѣзжайте завтра.

Іахимо. Я долженъ уѣхать, принцеса, и потому, если вы захотите письменно привѣтствовать вашего супруга, сегодня же вечеромъ напишите письмо. Я и безъ того уже промедлилъ; важно во время поднести нашъ подарокъ.

Иможена. Напишу. Присылайте вашъ сундукъ; онъ будетъ сбереженъ и возвращенъ въ цѣлости. Желаю вамъ всего лучшаго.

(*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I.

Дворъ передъ дворцомъ Цимбелина.

Входятъ **Клотенъ** *и два* **лорда.**

Клотенъ. Бывало-ли съ кѣмъ-нибудь такое несчастье! Мой шаръ приближался уже къ цѣли и вдругъ его отбили; ставка была сто фунтовъ, а тутъ гадкая обезьяна вздумала упрекать меня за ругательства, точно я занялъ ихъ у него и не могъ пользоваться ими, какъ мнѣ вздумается.

Первый лордъ. Чтоже онъ выигралъ этимъ? Вы разбили ему голову вашимъ шаромъ.

Второй лордъ (*про себя*). Еслибы въ его головѣ было столько же ума, сколько у разбившаго ее, то онъ бы весь вытекъ.

Клотенъ. Если знатному человѣку пришла охота ругаться, развѣ имѣютъ право присутствующіе требовать, чтобы онъ укоротилъ ругательства, а?

Вт. лордъ. Нѣтъ, принцъ; (*про себя*) такъ же, какъ и ты терзать имъ слухъ.

Клотенъ. Проклятая собака! Я дамъ ему удовлетвореніе! Будь еще онъ равнаго со мною званія!

Вт. лордъ (*про себя*). Тогда онъ былъ бы равенъ глупцу.

Клотенъ. Ничто въ мірѣ меня такъ не раздражаетъ! Чортъ побери! Лучше бы мнѣ не быть такого знатнаго рода; никто не смѣетъ со мной подраться, потому что моя мать королева; всякая ничтожность дерется сколько ему угодно, а я хожу, какъ пѣтухъ, къ которому никто не смѣетъ подступить.

Вт. лордъ (*про себя*). Пѣтухъ ты и каплунъ съ гребнемъ на головѣ и вѣчно ты пѣтушишься.

Клотенъ. Что ты говоришь?

Вт. лордъ. Не слѣдуетъ вашему высочеству драться со всякимъ, кого вы оскорбляете.

Клотенъ. Нѣтъ, не слѣдуетъ; но слѣдуетъ мнѣ оскорблять низшихъ себя.

Вт. лордъ. Это можно только вамъ однимъ.

Клотенъ. Я такъ и думаю.

Пер. лордъ. А слышали вы о чужеземцѣ, прибывшемъ сегодня вечеромъ ко двору?

Клотенъ. Чужеземецъ? и я ничего не знаю.

Вт. лордъ (*про себя*). Чужеземецъ ты своего ума — не знаешь и этого.

Пер. лордъ. Онъ итальянецъ и, говорятъ, одинъ изъ друзей Леонатуса.

Клотенъ. Леонатуса! Изгнаннаго негодяя! Кто бы онъ ни былъ, онъ вѣрно такой же. Отъ кого узналъ ты объ этомъ чужеземцѣ?

Пер. лордъ. Отъ одного изъ пажей вашего высочества.

Клотенъ. Будетъ-ли прилично, если я пойду взглянуть на него, не унижу-ли я себя этимъ?

Пер. лордъ. Вы не можете унизить себя ваше высочество.

Клотенъ. Не легко, я полагаю.

Вт. лордъ (*про себя*). Ты отъявленный дуракъ и ничто не сдѣлаетъ тебя ниже того, что ты есть.

Клотенъ. Пойдемъ; я хочу видѣть этого итальянца; что я проигралъ въ шары сегодня днемъ, я отыграю у него вечеромъ.

Вт. лордъ. Я послѣдую за вашимъ высочествомъ. (*Клотенъ и первый лордъ уходятъ*) Какъ это такая лукавая чертовка, его мать, подарила міру такого осла! Она — женщина, до всего достигающая своимъ умомъ; а сынъ ея не вычтетъ двухъ изъ двадцати такъ, чтобы въ остаткѣ получилось восемнадцать. Увы! бѣдная принцеса, божественная Иможена, что должна выносить ты между отцомъ, управляемымъ твоею мачихой; матерью, ежечасно придумывающей новыя козни; и женихомъ, ненавистнымъ тебѣ болѣе даже, чѣмъ самая ссылка твоего любезнаго супруга. Да сдѣлаютъ небеса твердыню твоей чести незыблемою противъ ужаснаго развода, ими замышляемаго; да укрѣпятъ они храмъ твоей чистой души, чтобы ты могла устоять для своего изгнаннаго мужа и для обширной страны нашей!

СЦЕНА II.

Спальня; въ углу стоитъ сундукъ.

Иможена, *въ постели, читаетъ; въ отдаленіи* **Елена.**

Иможена. Кто здѣсь? Ты, Елена?

Елена. Что прикажете, принцеса?

Иможена. Который часъ?

Елена. Почти полночь, принцеса.

Иможена. Цѣлыхъ три часа я читала; глаза мои устали; загни листокъ, на которомъ я остановилась и иди спать. Не уноси свѣчу, пусть горитъ. Если проснешься въ четыре часа, прошу, разбуди и меня. Сонъ меня одолѣваетъ. (*Елена уходитъ*) Ввѣряю себя вашему покровительству, боги! Молю, охраните меня отъ фей и злыхъ духовъ ночи! (*Засыпаетъ.*)

Іахимо *вылѣзаетъ изъ сундука.*

Іахимо. Сверчки поютъ и утомленныя чувства людей возстановляются сномъ. Такъ нашъ Тарквиній прокрадывался по тростнику прежде, чѣмъ разбудилъ оскорбленное имъ цѣломудріе. О, Цитерея *), какъ украшаешь ты собою твое ложе, роскошная лилія, болѣе бѣлая, чѣмъ твоя простыня. Еслибъ я могъ коснуться тебя.... Только поцѣлуемъ, однимъ поцѣлуемъ! Несравненные рубины, вы дѣлаете его еще болѣе желательнымъ. Это ея дыханіе наполняетъ комнату такимъ благоуханіемъ; и пламень свѣчи склонился къ ней, точно желаетъ пробраться подъ ея вѣки, чтобы взглянуть на закрытыя этими завѣсами свѣтила бѣло-лазурныя, окаймляющія небесную синеву... Но займусь своимъ дѣломъ. Чтобы сохранить въ памяти эту комнату, запишу все. Такія-то и такія картины... тамъ окно... такъ-то убрана кровать... ковры съ такими-то и такими изображеніями—все это должно войдти въ мой разсказъ. Ахъ! какая-нибудь примѣта на ея тѣлѣ подкрѣпляла бы его гораздо внушительнѣе тысячи подробностей о мебели; она бы обогатила мою опись... О, сонъ, ты, обезьяна смерти, навались на нее всей твоей тяжестью, чтобы ея чувства сдѣлались такими же, какъ у статуй въ храмѣ! (*Снимаетъ браслетъ съ ея руки*) Податливъ, какъ нѣкогда былъ неподатливъ гордіевъ узелъ. Онъ мой! Это внѣшнее доказательство, такъ же внушительное, какъ и внутреннее сознаніе, доведетъ мужа до бѣшенства. На лѣвой груди у нея родинка, точно пять пурпурныхъ капелекъ въ чашечкѣ скороспѣлки; вотъ свидѣтель, убѣдительнѣе котораго и самъ судъ не представитъ; онъ заставитъ мужа повѣрить, что я сорвалъ замокъ и похитилъ сокровище ея чести. Ничего болѣе. Чего-жъ еще? Записывать не стану; достаточно врѣзалось, внѣдрилось въ мою память. Она читала повѣсть о Тереѣ **); листъ загнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, когда Филомела сдается. Довольно; полѣзу въ сундукъ и замкну пружину. Спѣшите вы, драконы ночи ***); разсвѣтъ, протри глаза ворону. Мнѣ страшно! хотя она и ангелъ небесный, но здѣсь все-таки адъ. (*Бьютъ часы*) Разъ, два, три; теперь пора! (*Влѣзаетъ въ сундукъ.*)

СЦЕНА III.

Комната передъ спальней Иможены.

Входятъ **Клотенъ** *и* **Лорды.**

Первый лордъ. Ваше высочество, при проигрышѣ вы самый терпѣливѣйшій и хладнокровнѣйшій изъ людей, который когда-либо бросалъ кости.

Клотенъ. При проигрышѣ всякому бываетъ холодно.

Пер. лордъ. Но не всякаго онъ дѣлаетъ до такой степени благородно-терпѣливымъ, какъ ваше высочество. Только когда вы выигрываете, вы горячитесь и раздражаетесь.

Клотенъ. Выигрышъ каждому придаетъ храбрость. Добыть бы мнѣ только эту глупую Иможену и золота у меня будетъ въ волю. Кажется, утро наступило?

Пер. лордъ. Уже день, ваше высочество.

Клотенъ. Что же не идутъ музыканты? Мнѣ посовѣтовали развлекать ее по утрамъ музыкой; увѣряютъ, будто музыка тронетъ ее.

Входятъ **Музыканты.**

Клотенъ. Сюда! Настраивайте ваши инструменты; удастся вамъ растрогать ее вашими пальцами—прекрасно; мы попробуемъ и языкомъ; не понравится ей ни то, ни другое, пусть она останется при своемъ, но я отъ нея не откажусь. Начинайте какой-нибудь ловко придуманной штукой; а потомъ давайте сладенькую пѣсенку съ забористыми словами; посмотримъ тогда, что она подумаетъ на свободѣ.

Пѣсня *)

Чу! Жаворонка пѣснь звучитъ,
  И Фебъ ужь въ путь готовъ:
Коней росою онъ поитъ
  Изъ вѣнчиковъ цвѣтовъ.
Стряхнувши сонъ свой, ноготки
  Глядятъ на небеса;
Всѣ улыбаются цвѣтки....
  Вставай, моя краса,
   Вставай, вставай!

Клотенъ. Теперь ступайте. Подѣйствуетъ ваша музыка, тѣмъ больше для васъ чести; не подѣйствуетъ — значитъ у нея уши съ изъяномъ, котораго не исправятъ ни волосяныя, ни кишечныя струны, ни даже самый лучшій изъ голосовъ кастратовъ **). (*Музыканты уходятъ.*)

Входятъ **Цимбелинъ** *и* **Королева.**

Вт. лордъ. Сюда идетъ король.

Клотенъ. Отлично, что я еще не ложился, иначе не быть бы мнѣ на ногахъ такъ рано: король не можетъ не похвалить отечески такого моего усердія. Добраго утра вашему величеству и моей дражайшей мамашѣ!

Цимбелинъ. Не ожидаешь-ли ты тутъ у дверей упорную дочь нашу? Вѣрно, не хочетъ выйдти?

Клотенъ. Я осаждалъ ее музыкой, но она не удостоила обратить вниманіе.

Цимбелинъ. Ея милый изгнанъ еще такъ недавно; она еще не успѣла забыть его; пройдетъ еще немного времени и воспоминаніе о немъ изгладится въ ея умѣ; тогда она будетъ твоею.

Королева. Ты такъ много обязанъ королю, который пользуется всѣмъ, что можетъ возвысить тебя въ глазахъ его дочери. Старайся же ты и самъ ей понравиться; не пропускай ни одного удобнаго случая; отказы ея должны служить для тебя еще большимъ побужденіемъ къ ухаживанію; увѣрь ее, что во всемъ, что ты дѣлаешь для нея, ты ею вдохновляешься; повинуйся ей во всемъ, исключая ея требованій, имѣющихъ цѣлію твое удаленіе; къ такимъ оставайся нечувствительнымъ.

Клотенъ. Нечувствительнымъ? Не могу.

Входитъ **Вѣстникъ.**

Вѣстникъ. Государь, послы изъ Рима; между ними Кай Луціусъ.

Король. Достойный человѣкъ и не его вина, если онъ является теперь по непріятному дѣлу. Мы должны принять его со всѣмъ уваженіемъ, какое подобаетъ пославшимъ его и ему лично; мы помнимъ добрыя его услуги. Милый сынъ, пожелавъ добраго утра твоей возлюбленной, приходи къ матери и къ намъ; ты понадобишься мнѣ во время переговоровъ съ римлянами. Идемте, королева.

(*Король, королева, вѣстникъ и придворные уходятъ*).

Клотенъ. Если она встала — поговорю съ нею; если еще не встала -- пусть лежитъ и грезитъ. (*Стучитъ въ дверь*) Послушайте! Я знаю, при ней всегда находятся прислужницы; что если я подмажу лапу одной изъ нихъ? За золото можно будетъ получить пропускъ; золотомъ можно заставить и діаниныхъ лѣсничихъ измѣнить своимъ обязанностямъ и они погонятъ дичь прямо на вора. Золото убиваетъ честнаго человѣка и спасаетъ бездѣльника; подчасъ оно посылаетъ на висѣлицу вмѣстѣ и честнаго человѣка и разбойника. Чего не дѣлаетъ оно и чего не уничтожаетъ? Сдѣлаю одну изъ ея женщинъ моимъ адвокатомъ, потому что въ этомъ дѣлѣ я ровно ничего не смыслю. (*Стучится*) Послушайте!

Входитъ **Придворная Дама.**

Пр. дама. Кто стучится?

Клотенъ. Дворянинъ.

Пр. дама. Не больше?

Клотенъ. И сынъ дворянки.

Пр. дама. Не всякій, кому портной стоитъ такъ же дорого, какъ вамъ, можетъ этимъ похвалиться. Что же угодно вашей милости?

Клотенъ. Вашу госпожу. Она готова?

Пр. дама. Готова... остаться въ своей комнатѣ.

Клотенъ. Вотъ вамъ золото. Продайте мнѣ добрую славу.

Пр. дама. Какъ! Мою добрую славу? Или же славить васъ тамъ, гдѣ для васъ будетъ это нужно? Но вотъ сама принцеса.

Входитъ **Иможена.**

Клотенъ. Добраго утра, прелестнѣйшая; вашу нѣжную ручку, сестрица.

Иможена. Добраго утра, принцъ; вы слишкомъ много трудитесь, пожиная однѣ непріятности; за это я могу благодарить васъ только признаніемъ, что я такъ бѣдна благодарностью, что не имѣю никакой возможности дарить ее.

Клотенъ. И все-таки, клянусь, я васъ люблю.

Иможена. И безъ клятвы ваши слова подѣйствовали бы одинаково. Вы вѣчно клянетесь и за то вамъ одна моя награда: ни во что я ихъ не ставлю.

Клотенъ. Это не отвѣтъ.

Иможена. Я не сказала бы вамъ ни слова, еслибъ не опасалась, что вы способны принять мое молчаніе за согласіе. Прошу, пощадите меня; сколько бы вы ни угождали мнѣ, вы ничего не добьетесь отъ меня, кромѣ нелюбезности, какъ теперь. Такой умный человѣкъ, какъ вы, долженъ бы, послѣ стольких уроковъ, понять, что ему надо отстать.

Клотенъ. Грѣшно оставлять васъ въ вашемъ сумасшествіи и я васъ не оставлю.

Иможена. Дураки съ ума не сходятъ.

Клотенъ. Не меня-ли вы называете дуракомъ?

Иможена. Да вѣдь я сумасшедшая. Отстанете вы, пройдетъ и мое сумасшествіе; это вылѣчитъ насъ обоихъ. Мнѣ досадно, что вы заставляете меня забыть приличную женщинѣ сдержанность и отвѣчать вамъ слишкомъ рѣзко. Разъ навсегда скажу вамъ, я знаю свое сердце и искренно повторю вамъ, что я о васъ нисколько не думаю и настолько лишена состраданія къ вамъ, — въ чемъ и винюсь, — что ненавижу васъ; вамъ слѣдовало самимъ давно догадаться, а не заставлять меня это высказывать.

---

*) Цитерея — островъ въ Лаконіи, у берега котораго родилась изъ морской пѣны Венера, богиня любви. Поэтому Венеру и вообще красавицъ женщинъ зовутъ Цитерея или Цитера.

**) Фракійскій царь Терей былъ женатъ на Прогніи, дочери аѳинскаго царя, отъ которой имѣлъ сына Итиса. Влюбившись въ Филомелу, Терей заманилъ ее въ лѣсъ и тамъ изнасиловалъ; опасаясь, что она разскажетъ объ этомъ, онъ отрѣзалъ ей языкъ и заключилъ въ башню. Однакожъ, Филомела нашла случай увидѣться съ Прогніей и передала ей знаками о преступленіи ея мужа. Затѣмъ вмѣстѣ онѣ убили Итиса и накормили его мясомъ Терея. Въ наказаніе за эти преступленія, боги обратили Терея въ коршуна; Филомелу и Прогнію въ соловья и ласточку и онѣ днемъ и ночью клевали Терея.

***) Древніе представляли ночь въ видѣ женщины, летящей по небу въ колесницѣ, запряженной драконами.

*) Стихотворный переводъ этой пѣсни принадлежитъ Ѳ. Б. Миллеру; заимствованъ нами изъ изданія Н. В. Гербеля и покойнаго Н. А. Некрасова.

**) Во время Шекспира, дисканты кастратовъ въ пѣвческомъ хорѣ замѣняли женскіе голоса.

Клотенъ. Вы грѣшите противъ повиновенія, которымъ вы обязаны своему отцу. Бракъ вашъ съ презрѣннымъ нищимъ, вскормленнымъ подаяніями, объѣдками и крохами двора, не есть бракъ; если людямъ низкаго происхожденія, — а кто ниже его, — плодящихъ только нищихъ и бродягъ, и дозволяется заключать союзы по влеченію сердца, то этого не можетъ допустить для васъ корона, чтобы вы не осквернили ея блеска союзомъ съ подлымъ рабомъ, годнымъ только для ливреи, для обносковъ съ плеча барина, съ конюхомъ, нѣтъ, даже ниже.

Иможена. Скверный человѣкъ, будь ты даже сыномъ Юпитера, а въ остальномъ такимъ же, какъ теперь, ты все-таки былъ бы слишкомъ низокъ даже для того, чтобы служить ему лакеемъ. Для тебя было бы слишкомъ достаточно, тебѣ оказали бы даже милость, назначивъ тебя, сообразуясь съ твоими качествами, на должность помощника палача въ его королевствѣ; тебя по заслугамъ возненавидѣли бы за такое отличіе.

Клотенъ. Пусть сгложетъ его чума.

Иможена. Величайшимъ для него несчастіемъ служитъ уже одно произнесеніе тобою его имени. Самая худшая изъ его одеждъ, облекавшая его тѣло, для меня дороже всѣхъ волосъ твоихъ, хотя бы каждый изъ нихъ превратился въ человѣка, подобнаго тебѣ... Пизаніо!

Входитъ **Пизаніо.**

Клотенъ. Его одежда? Чортъ побери!

Иможена. Бѣги скорѣе къ Доротеѣ, моей горничной.

Клотенъ. Его одежда?

Иможена. Дуракъ меня все хуже и хуже преслѣдуетъ, сердитъ и пугаетъ. Ступай, скажи моей горничной, чтобы она поискала браслетъ, который, вѣроятно, соскользнулъ съ моей руки; онъ подаренъ мнѣ твоимъ господиномъ и я не промѣняю его даже на доходъ любого изъ королей Европы. Кажется, я видѣла его сегодня утромъ и хорошо помню, что онъ былъ на мнѣ вчера вечеромъ; я его цѣловала; не улетѣлъ же онъ къ мужу съ вѣстью, что кромѣ него я цѣлую и другого.

Пизаніо. Евда-ли онъ можетъ пропасть.

Иможена. Надѣюсь; иди и поищи его.

(*Пизаніо уходитъ.*)

Клотенъ. Вы оскорбили меня. Самая худшая изъ его одеждъ?

Иможена. Да, я сказала это; хотите судиться со мною — зовите свидѣтелей.

Клотенъ. Я сообщу объ этомъ вашему отцу.

Иможена. И вашей матери. Она такъ любитъ меня, что, надѣюсь, постарается перетолковать все въ самую дурную сторону. Оставляю васъ, увѣренная въ вашемъ жесточайшемъ негодованіи. (*Уходитъ.*)

Клотенъ. Я отомщу тебѣ... Самая худшая изъ его одеждъ!... Хорошо! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА IV.

Римъ. Комната въ домѣ Филаріо.

Входятъ **Постумусъ** и **Филаріо.**

Постумусъ. Не бойтесь, сэръ; желалъ-бы я быть увѣреннымъ въ возвращеніи ко мнѣ расположенія короля столько же, сколько я увѣренъ въ томъ, что честь ея при ней останется.

Филаріо. Какими средствами думаете вы подѣйствовать на короля.

Постумусъ. Никакими; я жду, что время сдѣлаетъ перемѣну; дрожу отъ зимняго холода въ надеждѣ на теплые лѣтніе дни. Этими сомнительными надеждами я нищенски отплачиваю вамъ за вашу дружбу; не сбудутся онѣ и я умру вашимъ должникомъ.

Филаріо. Вашей любезностью и вашимъ обществомъ вы съ лихвой платите мнѣ за все, что я могу для васъ сдѣлать. Теперь вашему королю, вѣроятно, уже предъявлены требованія великаго Августа; Кай Луціусъ очень точно исполнитъ данное ему порученіе. Думаю, король согласится на дань и уплатитъ недоимку; иначе онъ снова увидитъ римлянъ, скорбное воспоминаніе о которыхъ до сихъ поръ еще живетъ въ его народѣ.

Постумусъ. Я не государственный человѣкъ и едва-ли когда нибудь буду имъ, но думаю, что это требованіе вызоветъ войну, и вы скорѣе услышите о высадкѣ въ нашу безстрашную Британію вашихъ легіоновъ, стоящихъ теперь въ Галліи, чѣмъ о присылкѣ хотя одного пенса дани. Мои соотчичи теперь лучше, искуснѣе, чѣмъ въ то время, когда Юлій Цезарь, подсмѣиваясь надъ ихъ неустройствомъ, хмурилъ однакожъ брови отъ ихъ мужества. Теперь это мужество, соединенное съ искуствомъ, покажетъ нашимъ порицателямъ, что нашъ народъ не отсталъ отъ вѣка.

Входитъ **Іахимо.**

Филаріо. Смотрите, Іахимо!

Постумусъ. По землѣ мчали васъ быстрые олени, а по морю вѣтры со всѣхъ сторонъ лобызали ваши паруса, чтобы дать быстрѣйшій ходъ вашему кораблю.

Филаріо. Привѣтъ вамъ.

Постумусъ. Полагаю, краткій отвѣтъ такъ ускорилъ ваше возвращеніе.

Іахимо. Ваша жена — прелестнѣйшая изъ женщинъ, которыхъ я видѣлъ.

Постумусъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самая лучшая; иначе она въ окно приманивала бы къ себѣ лживыя сердца и обманывала бы ихъ.

Іахимо. Вотъ къ вамъ письмо.

Постумусъ. Надѣюсь, отраднаго содержанія?

Іахимо. Полагаю.

Филаріо. Встрѣтились вы при дворѣ съ Каемъ Луціусомъ?

Іахимо. Нѣтъ, его ждали, но онъ еще не прибылъ.

Постумусъ. До сихъ поръ все хорошо. Мой камень блеститъ по прежнему. Не находители вы, что онъ потускнѣлъ и не годится вамъ?

Іахимо. Если бы я проигралъ, я выдалъ бы вамъ его цѣнность золотомъ. Но я готовъ съѣздить и вдвое далѣе, чтобы насладиться другой такой пріятной, хотя краткой ночью, какою была ночь, проведенная мною въ Британіи; я выигралъ перстень.

Постумусъ. Не такъ легко онъ поддастся вамъ.

Іахимо. Не думаю, если супруга ваша оказалась очень податливой.

Постумусъ. Напрасно вы отдѣлываетесь шуткой отъ вашего проигрыша. Вы не забывайте, что мы не можемъ уже быть друзьями.

Іахимо. Должны, добрѣйшій, остаться ими, если вы сдержите условіе. Еслибъ я возвратился, не познакомившись съ вашей супругой, ковечно, мы встрѣтились бы съ оружіемъ въ рукахъ. Теперь-же объявляю, я выигралъ и ея честь и вашъ перстень и не считаю себя виновнымъ ни передъ ней, ни передъ вами, потому что дѣйствовалъ съ согласія васъ обоихъ.

Постумусъ. Когда вы докажете, что дѣлили съ ней ложе, моя рука и перстень ваши; иначе за позорную клевету на счетъ ея чистоты, вы встанете противъ меня съ мечомъ въ рукѣ; или мой, или вашъ лишится хозяина, или оба останутся безъ хозяевъ, пока кто-нибудь не подберетъ ихъ.

Іахимо. Мои доказательства такъ убѣдительны, что вы непремѣнно повѣрите; я готовъ подтвердить ихъ и клятвой, но, надѣюсь, вы избавите меня отъ нея, такъ какъ она будетъ излишня.

Постумусъ. Начинайте.

Іахимо. Начну съ спальни. Сознаюсь, въ ней я не спалъ, а пользовался тѣмъ, что стоило бодрствованія. Спальня обвѣшана коврами, затканными шелкомъ съ серебромъ; на нихъ изображенія: гордая Клеопатра, встрѣчающая своего римлянина, и Циднусъ, вздымающій свои волны выше береговъ отъ гордости или отъ тяжести судовъ; работа ихъ необыкновенно искусна, такъ что мастерство споритъ съ цѣнностью; я былъ очарованъ точностію и вѣрностью изображеній, казавшихся живыми.

Постумусъ. Описаніе вѣрно, но вы могли слышать отъ меня, отъ нея или отъ кого-нибудь другого.

Іахимо. Для полнаго убѣжденія вы хотите еще большихъ подробностей?

Постумусъ. Давайте, иначе на васъ падетъ позоръ.

Іахимо. На южной сторонѣ комнаты каминъ; на немъ статуя купающейся цѣломудренной Діаны; никогда не приходилось видѣть мнѣ такого изваянія; статуя точно говоритъ; въ этомъ твореніи ваятель превзошелъ самую природу; не достаетъ только дыханія и движенія.

Постумусъ. И объ этомъ вы могли узнать изъ разсказовъ; у насъ много говорятъ объ этой статуѣ.

Іахимо. Потолокъ украшенъ золотыми херувимами; позабылъ еще о каминномъ таганѣ; два дремлющіе купидона изъ серебра стоятъ на одной ногѣ, нѣжно опершись на факелы.

Постумусъ. Дѣло идетъ объ ея чести! Вѣрю, что все это вы видѣли и удивляюсь вашей памяти; но вѣрнымъ описаніемъ ея спальни вы еще не выиграли заклада.

Іахимо. Ну такъ блѣднѣйте, если можете; (*вынимаетъ браслетъ*) позвольте провѣтрить эту драгоцѣнность; смотрите! Теперь давайте назадъ; соединю его съ вашимъ перстнемъ; они оба мои.

Постумусъ. Юпитеръ! Дайте посмотрѣть, тотъ-ли это, что я ей далъ.

Іахимо. Спасибо ей, тотъ самый. Она сама сняла его съ своей руки; и теперь я вижу ея прелестное движеніе, которое сдѣлало подарокъ еще драгоцѣннѣе. Отдавая его мнѣ, она сказала, что когда-то онъ былъ ей дорогъ.

Постумусъ. Можетъ быть, она переслала его мнѣ.

Іахимо. Пишетъ она объ этомъ, не правда-ли?

Постумусъ. О, нѣтъ, нѣтъ; вы говорите правду. (*Отдаетъ ему перстень*) Возьмите его, онъ василискъ для моихъ глазъ; взглядъ его убьетъ меня. Правда, нѣтъ чести тамъ, гдѣ красота, истины—гдѣ только видимость; любви — гдѣ есть другой мужчина; клятвы женщинъ столько-же связываютъ ихъ, сколько и добродѣтель; т. е. нисколько. О, безмѣрное вѣроломство!

Филаріо. Успокойтесь и возьмите назадъ свой перстень; онъ еще не проигралъ; быть можетъ, она потеряла браслетъ или, что также вѣроятно, онъ похищенъ у нея подкупленной служанкой.

Постумусъ. Правда; легко могло случиться, что браслетъ добытъ этимъ путемъ. Давайте назадъ мой перстень. Въ доказательство приведите какую-нибудь изъ ея тѣлесныхъ примѣтъ, что будетъ убѣдительнѣе браслета, который могъ быть украденъ.

Іахимо. Клянусь Юпитеромъ, я получилъ его прямо съ ея руки.

Постумусъ. Слышите, онъ клянется,—клянется Юпитеромъ. Онъ правду говоритъ; оставьте перстень у себя — я вѣрю вамъ. Потерять браслета она не могла; всѣ служанки ея вѣрны и честны; трудно, въ особенности иностранцу, подкупомъ склонить которую-нибудь изъ нихъ на кражу. Ясно, она отдалась ему и браслетъ выставка ея измѣны; дорого она заплатила за имя развратницы. Бери твой выигрышъ и пусть всѣ демоны ада оспариваютъ его у тебя.

Филаріо. Не горячитесь, другъ мой; всего этого недостаточно для убѣжденія въ ея...

Постумусъ. Молчите, она была его.

Іахимо. Хотите еще доказательствъ? Подъ ея грудью, достойной пожатія, есть родинка, гордящаяся своимъ пріятнымъ помѣщеніемъ. Клянусь моей жизнію, я цѣловалъ ее и она возбуждала во мнѣ новыя желанія, хотя я былъ достаточно пресыщенъ. Припоминаете вы это пятнышко?

Постумусъ. Да, и оно говоритъ о другомъ пятнѣ, такомъ громадномъ, что ему не умѣститься въ аду, если бы оно одно наполнило его.

Іахимо. Не хотите-ли еще?

Пустумусъ. Избавьте меня отъ вашей арифметики; не зачѣмъ перечислять вашихъ продѣлокъ и одна стоитъ миліона.

Іахимо. Клянусь.

Постумусъ. Не нужно клятвъ; поклянетесь, что ничего не было — вы солжете, и я убью тебя, если ты отречешься, что сдѣлалъ меня рогоносцемъ.

Іахимо. Я и не думаю отрекаться.

Постумусъ. Будь она здѣсь, я разорвалъ-бы ее на куски. Поѣду туда и на глазахъ ея отца и всего двора сдѣлаю это. Надо сдѣлать что-нибудь. (*Уходитъ.*)

Филаріо. Онъ до крайности раздраженъ!.. Вы выиграли. Пойдемте за нимъ, не то онъ можетъ что-нибудь сдѣлать надъ собою.

Іахимо. Идемъ. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА V.

Тамъ-же; другая комната въ домѣ Филаріо.

Входитъ **Постумусъ.**

Постумусъ. Человѣкъ не можетъ родиться безъ участія на половину женщины. Всѣ мы незаконнорожденные и тотъ почтенный человѣкъ, котораго я считаю своимъ отцомъ, былъ неизвѣстно гдѣ во то время, когда меня чеканили; поддѣлалъ меня какой-нибудь фальшивый монетчикъ; а еще мать моя въ свое время слыла Діаной, какъ теперь моя жена слыветъ чудомъ совершенства. О, мщеніе, мщеніе! Она сдерживала мои законныя ласки, толковала объ умѣренности съ такой розовой стыдливостью, что воспламенила бы и стараго Сатурна, и я считалъ ее цѣломудренной, какъ снѣгъ, котораго не пригрѣвали еще солнечные лучи... О, дьяволы!.. И этотъ желтый Іахимо въ какой-нибудь часъ, можетъ быть и скорѣе — въ первую-же минуту; можетъ быть, онъ и не говорилъ ничего, а только, какъ упитанный германскій боровъ, прохрюкалъ «о!» и — не встрѣтилъ сопротивленія, котораго ожидалъ. Если бы я могъ отыскать въ себѣ и уничтожить все, что ко мнѣ перешло отъ женщины. Всякій порокъ въ мужчинѣ есть часть, доставшаяся ему отъ женщины; я это утверждаю; лживость перешла къ нему отъ женщины; лесть — отъ нея; коварство — отъ нея; похоть и грязныя побужденія — отъ нея, отъ нея; мстительность — отъ нея; честолюбіе, жадность, капризы, тщеславіе, мелочность, измѣнчивость, предательство, все, что носитъ названіе порока или, лучше, извѣстно только одному аду, — все, вполнѣ или частію, скорѣе вполнѣ — отъ нея. Даже въ самомъ порокѣ она непостоянна; не просуществуетъ онъ минуты, она мѣняетъ его на другой еще моложе. Буду писать противъ нихъ, ненавидѣть ихъ, проклинать. Нѣтъ, самое лучшее молить, чтобъ исполнялись ихъ желанія; самые дьяволы не могутъ придумать для нихъ муки ужаснѣе этой. (*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Британія. Зала во дворцѣ Цимбелина.

Входятъ: въ одну дверь — **Цимбелинъ, Королева, Клотенъ** и **Лорды;** въ другую — **Кай Луціусъ** и его **Свита.**

Цимбелинъ. Скажи теперь, чего хочетъ отъ насъ Августъ Цезарь.

Луціусъ. Когда Юлій Цезарь — который до сихъ поръ живетъ въ памяти людей и имя его будетъ вѣчно на языкахъ и въ ушахъ ихъ — приходилъ въ вашу Британію и покорилъ ее, Кассибеланъ *), твой дядя, — удостоившійся похвалы Цезаря, что заслужилъ своими достоинствами, — обязался, за себя и за своихъ наслѣдниковъ, платить Риму ежегодную дань въ три тысячи фунтовъ; въ послѣдніе годы ты не высылалъ ее.

Королева. Чтобы отнять у васъ поводъ удивляться, скажу — она и впредь не будетъ высылаться.

Клотенъ. Будетъ еще много Цезарей пока явится другой Юлій. Британія совсѣмъ отдѣльный міръ и мы не желаемъ ничего платить за право носить собственный носъ.

Королева. Благопріятныя обстоятельства помогли вамъ вынудить у насъ дань, они-же помогутъ намъ ее отвергнуть. Вспомните, государь, мой повелитель, вашихъ предковъ, королей, и о томъ, что островъ нашъ самой природой огражденъ, какъ паркъ Нептуна, частоколомъ неприступныхъ скалъ, ревущими волнами и песчаными отмелями, которыя всосутъ въ себя вражескія суда до самыхъ верхушекъ ихъ мачтъ. Да, Цезарь добился здѣсь чего-то похожаго на покореніе, но не здѣсь привелось ему хвастаться своимъ: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!» Здѣсь, дважды разбитый, онъ въ первый разъ почувствовалъ стыдъ пораженія и принужденъ былъ уйдти отъ нашихъ береговъ; его суда, жалкія игрушки, неслись волнами нашихъ страшныхъ морей точно яичная скорлупа, и такъ-же легко, какъ она, разбивались о наши скалы. Обрадованный побѣдой, знаменитый Кассибеланъ, едва не завладѣвшій — о, обманчивая судьба! — мечомъ самого Цезаря, освѣтилъ потѣшными огнями городъ Людъ *) и сердца британцевъ наполнились мужествомъ.

Клотенъ. Короче сказать, мы не будемъ болѣе платить дани. Наше королевство теперь сильнѣе, чѣмъ было въ то время; а такого Цезаря, какъ тотъ, теперь нѣтъ; у нѣкоторыхъ, можетъ быть, явится носъ съ такимъ-же горбомъ, но такихъ мощныхъ рукъ ни одинъ изъ нихъ имѣть не будетъ.

Цимбелинъ. Сынъ, не мѣшай кончить твоей матери.

Клотенъ. Между нами теперь найдется не мало людей, способныхъ сражаться не хуже Кассибелана; я не говорю, что я одинъ изъ такихъ, но руки есть и у меня. Какая это дань? Зачѣмъ намъ платить дань? Вотъ если Цезарь въ состояніи закрыть солнце простыней или спрятать луну въ карманъ, тогда мы будемъ давать ему дань за свѣтъ; а безъ того прошу болѣе не толковать о дани — не къ чему?

Цимбелинъ. Вы должны знать, что пока несправедливые римляне не вынудили у насъ дани, мы были свободны; честолюбіе Цезаря, разросшееся почти до концовъ міра, вопреки всякой справедливости, наложило на насъ ярмо, стряхнуть которое обязанъ воинственный народъ, какимъ мы себя считаемъ. Передай же Цезарю, что нашъ предокъ Мульмуціусъ **) издалъ для насъ законы; они искалѣчены мечомъ Цезаря, но мы считаемъ благимъ дѣломъ возстановить ихъ нашей властью; хотя это и не угодно Риму. Мульмуціусъ создалъ наши законы; онъ первый изъ британцевъ увѣнчалъ себя золотой короной и назвался королемъ.

Луціусъ. Съ грустью объявляю тебѣ, Цимбелинъ, что Августъ Цезарь, къ услугамъ котораго больше королей, чѣмъ у тебя придворныхъ, отнынѣ становится врагомъ тебѣ. Узнай же это отъ меня. Именемъ Цезаря объявляю тебѣ войну и раззоренье; жди безпощаднаго гнѣва. Сдѣлавъ этотъ вызовъ, благодарю тебя за себя.

Цимбелинъ. Тебѣ я радъ, Кай. Твой Цезарь сдѣлалъ меня рыцаремъ *); моя юность прошла на службѣ у него; онъ внѣдрилъ въ меня честь, которую хочетъ насильно отнять у меня, но я буду отстаивать ее всѣми возможными средствами. Мнѣ извѣстно, что панноны и далматы взялись за оружіе для защиты своей свободы; если бы британцы не послѣдовали этому примѣру, они оказались бы трусами; такими не найдетъ ихъ Цезарь.

Луціусъ. Пусть скажетъ за себя самое дѣло.

Клотенъ. Его величество радъ вамъ. Погостите у насъ день, другой, а то и больше; когда же вы потомъ появитесь сюда съ другими намѣреніями, вы найдете насъ опоясанными солено-воднымъ поясомъ; выбьете насъ изъ него — онъ вашъ; не удастся вамъ ваша попытка, наши вороны пообѣдаютъ вами отлично; таковъ будетъ конецъ.

Луціусъ. Вы правы, принцъ.

Цимбелинъ. Я знаю требованія твоего повелителя, онъ знаетъ теперь мои и мнѣ остается только повторить: я тебѣ радъ.

СЦЕНА II.

Другая комната во дворцѣ.

Входитъ **Пизаніо,** *читая письмо.*

Пизаніо. Какъ! въ прелюбодѣяніи? Что же ты не написалъ имя чудовища, ее обвиняющаго... Леонатусъ! о, господинъ мой! какой иностранный ядъ попалъ въ твои уши. Какой лживый итальянецъ — у нихъ ядъ и въ рукахъ, и на языкѣ — склонилъ къ довѣрію твой слухъ. Она невѣрна? Нѣтъ. За вѣрность ее караютъ и она переноситъ, скорѣе какъ богиня, чѣмъ смертная женщина, страданія, какими вѣрно сломили бы иную добродѣтель. О, мой господинъ, душой теперь ты сталъ такъ же ниже ея, какъ прежде былъ ниже своимъ положеніемъ... Какъ! Мнѣ поручено убить ее; повиноваться тебѣ во имя любви къ тебѣ, вѣрности и данной клятвы!... Я! ее?... ея кровь? Если ты это называешь услугой тебѣ, никогда не считай меня услужливымъ. Развѣ я настолько лишенъ всякой человѣчности, насколько требуется для такого дѣла. Исполни это, пишетъ онъ; письмо, которое я посылаю тебѣ для нея, заставитъ ее саму помочь тебѣ исполнить мое приказаніе... О, проклятая бумага, черная, какъ высохшія на тебѣ чернила. Безчувственная тряпка! ты смотришь такой чистой невинностью, а участница въ этомъ дѣлѣ... Она идетъ сюда! Я не знаю ничего о томъ, что мнѣ поручено.

Входитъ **Иможена.**

Иможена. Что новаго, Пизаніо?

Пизаніо. Письмо къ вамъ отъ моего господина.

Иможена. Отъ кого! Отъ твоего господина. Стало быть и отъ моего. Отъ Леонатуса. О, какъ ученъ былъ бы астрономъ, еслибы онъ зналъ звѣзды такъ, какъ знаю я его почеркъ; съумѣлъ бы онъ предсказывать и будущее... О, милосердные боги, сдѣлайте такъ, чтобы письмо говорило только о любви, о томъ, что здоровъ мой супругъ, что онъ доволенъ, — но только не разлукой нашей; ею пусть онъ будетъ огорченъ, — нѣкоторыя огорченія бываютъ цѣлебны; это изъ числа такихъ, потому что оно усиливаетъ любовь... такъ, онъ доволенъ всѣмъ, кромѣ нашей разлуки... Позволь снять тебя, добрый воскъ... Да будетъ благословеніе надъ вами, пчелы, приготовляющія эти замки тайнъ. Любовники и люди, связанные не исполненнымъ обязательствомъ, возносятъ къ вамъ неодинаковыя мольбы. Ввергая должниковъ въ тюрьму, вы замыкаете собою и письмо юнаго Купидона. Боги! дайте добрыхъ вѣстей. (*Читаетъ*) «Судъ и гнѣвъ твоего отца, еслибъ онъ схватилъ меня въ своихъ владѣніяхъ, не могутъ поразить меня до такой степени, чтобы ты, милѣйшая изъ всѣхъ существъ, не оживила меня своимъ взоромъ. Знай, что я теперь въ Камбріи, въ Мильфордской гавани. Что подскажетъ тебѣ твоя любовь при этой вѣсти, то и дѣлай. Желаю тебѣ всякаго счастія и остаюсь, вѣрный своему обѣту, съ постоянно возрастающей любовью, твой Леонатусъ Постумусъ»... О, дайте крылатаго коня! Слышишь, Пизаніо! Онъ въ Мильфордской гавани; прочти и скажи, какъ далеко она отсюда. Если по неважнымъ дѣламъ туда можно дотащиться въ недѣлю, то почему же я не могу примчаться туда въ одинъ день? Слушай, вѣрный Пизаніо, ты такъ же, какъ и я, горишь желаніемъ увидѣть моего супруга... нѣтъ, не такъ, какъ я, горишь желаніемъ, но слабѣе. О, нѣтъ, не такъ, какъ я, потому что мое желаніе сильнѣе самаго сильнѣйшаго; говори, говори скорѣе — повѣренные любви должны наполнять отверстія слуха до его изнеможенія — какъ далеко отсюда этотъ благословенный Мильфордъ; между прочимъ скажи, почему Уэльсу выпало счастіе обладать такой гаванью. Но прежде всего скажи, какъ ускользнуть намъ отсюда; какъ объяснить время отлучки—со дня отъѣзда до возвращенія; нѣтъ, прежде всего — какъ уѣхать? Зачѣмъ заранѣе придумывать извиненіе; о немъ поговоримъ послѣ. Прошу, скажи, сколько десятковъ миль можно проѣхать отъ часу до часу?

---

*) Кассибеланъ дядя Цимбелина. Онъ согласился платить дань только послѣ энергическаго и даже послѣ успѣшнаго сраженія съ римлянами. Въ хроникѣ Голиншеда разсказывается, что Кассибеланъ запрудилъ Темзу бревнами, скрѣпленными желѣзомъ, на которые налетѣли корабли Юлія Цезаря и разбились. Цезарь высадился на берегъ, вступилъ въ сраженіе съ британцами и былъ разбитъ. Объ этихъ пораженіяхъ королева и напоминаетъ послу Августу.

*) Людъ древнее названіе Лондона. Король Людъ былъ братомъ Кассибелана и его предшественникомъ на тронѣ. Людъ вновь построилъ разрушенный городъ, который, по преданію, былъ сооруженъ внукомъ Гектора, подъ именемъ «Новой Трои». О Людѣ, какъ строителѣ Лондона на мѣстѣ «Новой Трои», упоминаетъ Спенсеръ въ своей поэмѣ «Королева Фей». Въ Лондонѣ и до сихъ поръ одна улица носитъ имя Людгетъ (ворота Люда).

**) Мульмуціусъ, сынъ Клотена, одержавъ верхъ надъ многочисленными князьками, сталъ властителемъ всей британской монархіи въ 3529 году отъ сотворенія міра. Онъ издалъ много хорошихъ законовъ, которые были въ употребленіи долгое время послѣ его смерти, нося имя «законовъ Мульмуціуса». Эти законы впослѣдствіи были переведены съ британскаго языка на латинскій Джильдой Принусомъ, а съ латинскаго на англійскій Альфредомъ, королемъ англійскимъ. Онъ первый назвался королемъ британскимъ.

**) Коментаторъ Дусъ упрекаетъ Шекспира въ историческомъ анахронизмѣ; по его словамъ, рыцарство въ Англіи явилось гораздо позже; но онъ забываетъ, что Цимбелина сдѣлалъ рыцаремъ Августъ, что несомнѣнно.

Пизаніо. Для васъ, принцеса, отъ солнца до солнца и двухъ десятковъ достаточно, даже много.

Иможена. Такъ тихо не возятъ даже и на казнь. Слыхала я, что на скачкахъ иныя лошади бѣгаютъ быстрѣе песка въ часахъ... Все это пустяки... Ступай, прикажи моей служанкѣ, чтобы она притворилась больной и отпросилась домой, къ отцу, и поскорѣе добудь мнѣ должное платье, попроще, приличное женѣ мызника.

Пизаніо. Не лучше-ли подумать, принцеса.

Иможена. Я смотрю только впередъ; ни на право, ни на лѣво, ни позади я ничего не вижу, все покрыто туманомъ, черезъ который ничего нельзя разсмотрѣть. Иди же, прошу тебя, и дѣлай, что я сказала. Больше говорить нечего; одна для меня дорога—въ Мильфордъ. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Уэльсъ. Гористая мѣстность; пещера

Входятъ **Беларіусъ, Гвидеріусъ** *и* **Арвирагусъ.**

Беларіусъ. День такой славный, грѣшно оставаться подъ кровлей, въ особенности такой низкой, какъ наша. Нагибайтесь, дѣти; этотъ низкій входъ учитъ васъ поклоняться небу въ часъ утренней молитвы. Двери у королей такъ высоки, что въ нихъ пройдетъ и гигантъ, не снимая поганой чалмы и не привѣтствуя солнце добрымъ утромъ... Привѣтъ тебѣ, благое небо! Мы живемъ въ скалѣ, но признательнѣе къ тебѣ, чѣмъ живущіе во дворцахъ.

Гвидеріусъ. Привѣтъ тебѣ, небо!

Арвирагусъ. Привѣтъ тебѣ, небо!

Беларіусъ. Теперь идемъ на нашу горную охоту. Туда, на самую вершину; у васъ ноги молодыя, а я пойду по долинѣ. Когда я буду казаться вамъ оттуда не болѣе вороны, поймите, что мѣсто уменьшаетъ и увеличиваетъ человѣка. и припомните, что я разсказывалъ вамъ о дворахъ, о короляхъ, о продѣлкахъ на войнѣ, о томъ, что услуга не тогда услуга, когда она оказана, а когда ее признаютъ. Размышленія обо всемъ этомъ очень полезны; часто въ свое утѣшеніе мы скажемъ, что и жесткокрылый жукъ бываетъ лучше обезпеченъ отъ случайностей, чѣмъ ширококрылый орелъ. О, въ нашей жизни болѣе благородства, потому что намъ не приходится ждать ни лести, ни осужденія; она богаче жизни празднолюбцевъ, въ ней болѣе достоинства, чѣмъ въ шелестѣ шелка, притомъ неоплаченнаго—только нарядившій въ него портной снимаетъ передъ такимъ франтомъ шапку, пока счетъ не оплаченъ. Нѣтъ жизни лучше нашей.

Гвидеріусъ. Все это вы извѣдали опытомъ; мы же, бѣдные еще не оперившіеся птенцы летали только въ виду нашего гнѣзда; не знаемъ даже, каковъ воздухъ вдали отъ нашего жилья. Быть можетъ, наша жизнь и болѣе счастливая, если счастіе въ покоѣ; она вамъ милѣе, потому что вы знали болѣе горькую жизнь; она соотвѣтствуетъ вашему преклонному возрасту; но для насъ она—убѣжище невѣжества, тюрьма должника, несмѣющаго переступить ея порогъ.

Арвирагусъ. О чемъ мы станемъ говорить, когда состаримся подобно вамъ? Когда дожди и вѣтры примутся бичевать суровый декабрь и настанутъ морозные дни, какъ мы будемъ коротать ихъ въ нашей тѣсной пещерѣ? Мы ничего не видѣли; мы точно животные; мы хитры, какъ лисица, подстерегающая добычу; мы воинственны, какъ волки изъ за пищи; вся наша храбрость въ томъ, что мы преслѣдуемъ тѣхъ, кто бѣжитъ отъ насъ; нашу клѣтку мы превращаемъ въ клиросъ, какъ запертая въ ней птица, и поемъ въ ней, воспѣвая нашу неволю.

Беларіусъ. Какъ вы говорите! Еслибъ вы знали лихоимство города, испытавъ его на самихъ себѣ; интриги двора, съ которымъ разстаться также тягостно, какъ и сжиться; гдѣ взобраться на вершину равносильно паденію или самое взбиранье такъ скользко, что опасеніе упасть оттуда хуже самаго паденія; тягости войны, гдѣ во имя славы и чести ищутъ только опасностей, умираютъ во время поиска и часто вмѣсто славы добываютъ себѣ позорную эпитафію; совершившій хорошее дѣло часто порицается и—что хуже всего—ему приходится чуть не благодарить за порицаніе. О, дѣти, эту исторію свѣтъ можетъ прочесть и на мнѣ; тѣло мое изсѣчено римскими мечами и я считался когда-то первымъ изъ славныхъ. Цимбелинъ любилъ меня и когда заводили рѣчь о воинахъ, мое имя было впереди всѣхъ; тогда я былъ деревомъ, сучья котораго гнулись отъ плодовъ; но въ одну ночь ураганъ или грабежъ, назовите это, какъ хотите, обилъ всѣ плоды мои, обнажилъ даже отъ листьевъ и оставилъ меня на жертву непогодамъ.

Гвидеріусъ. Счастіе измѣнчиво!

Беларіусъ. Моя единственная вина, какъ я часто вамъ разсказывалъ, заключалась въ томъ, что два негодяя, ложныя клятвы которыхъ пересилили мою незапятнанную честь, поклялись Цимбелину, что я въ союзѣ съ римлянами. За то я былъ изгнанъ; здѣсь я живу двадцать лѣтъ; эта пустыня, эта скала—мой міръ; здѣсь, пользуясь честной свободой, я уплатилъ небу болѣе благочестивыхъ долговъ, чѣмъ во всю мою прошлую жизнь... Но ступайте въ горы! Не по охотничьи мы бесѣдуемъ... Кто первый сразитъ дичь, будетъ королемъ пира; двое остальныхъ будутъ ему прислуживать; намъ нечего бояться яда, которымъ, случается, угощаютъ въ пышныхъ чертогахъ. Мы сойдемся въ долинѣ. (*Гвидеріусъ и Арвирагусъ уходятъ*) Какъ трудно затушить искры природы! Не знаютъ они, что они дѣти короля, и Цимбелину не снится, что они живы. Они считаютъ себя моими дѣтьми, но не смотря на то, что они взросли въ низкой долѣ, сгибаются при входѣ въ пещеру, мысль ихъ обнимаетъ потолки дворцовъ; природа учитъ ихъ въ самыхъ простыхъ обыденныхъ вещахъ проявлять царственное величіе, чего въ другихъ не замѣтишь. Полидоръ—наслѣдникъ Цимбелина и Британіи, котораго отецъ назвалъ Гвидеріусомъ—о, Юпитеръ! когда я, сидя на моемъ треножномъ стулѣ, разсказываю о моихъ военныхъ подвигахъ, весь обращается въ слухъ и если я говорю: «такъ упалъ врагъ мой и такъ наступилъ я ему на шею»—царственная кровь приливаетъ къ его щекамъ, лобъ его покрывается потомъ, юныя мышцы его напрягаются и онъ своими движеніями выражаетъ мои слова. Меньшой его братъ Кадвалъ, названный Арвирагусомъ, оживляетъ мои слова, еще болѣе волнуясь, и выдаетъ свои мысли... Чу! они спугнули дичь! О, Цимбелинъ, небо и моя совѣсть знаютъ, что ты изгналъ меня несправедливо; за это я похитилъ обоихъ твоихъ сыновей, одного по третьему, другого по второму году; я желалъ лишить тебя наслѣдниковъ, какъ ты лишилъ меня моихъ земель. Ихъ вскормила Эврифила, они считаютъ ее матерью и ежедневно чествуютъ ея могилу. И меня, Беларіуса, принявшаго имя Моргана, принимаютъ они за родного отца. Дичь поднята. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА IV.

Близъ Мильфордской гавани.

Входятъ: **Пизаніо** *и* **Иможена.**

Иможена. Когда мы сошли съ лошадей, ты мнѣ сказалъ, что отсюда очень близко. И моя мать, жаждавшая меня увидѣть впервые, не стремилась такъ нетерпѣливо ко мнѣ, какъ я стремлюсь къ нему. Пизаніо, гдѣ-же Постумусъ? Что у тебя на умѣ, что ты смотришь на меня такъ пристально? Что значитъ твой тяжелый вздохъ. Нарисовать тебя теперь и всякій скажетъ, что въ тебѣ застыло выраженіе тревожнаго недоумѣнія; измѣни свое ужасное выраженіе, иначе безуміе омрачитъ мое здравое сужденіе. Что случилось? Почему передаешь ты мнѣ эту бумагу съ такимъ зловѣщимъ взглядомъ? Если въ ней вѣсть о веснѣ—улыбнись; извѣщеніе о зимѣ—оставайся съ этимъ выраженіемъ. Рука моего мужа? Его околдовала Италія, производительница ядовъ, и ему грозитъ бѣда... Да говори же; твои слова смягчатъ ударъ, который, при чтеніи, можетъ убить меня.

Пизаніо. Прочтите и вы увидите, до какой степени меня, несчастнаго, презрѣла фортуна.

Иможена (*читаетъ*). «Твоя госпожа, Пизаніо, развратница, она опозорила мое ложе; я имѣю доказательства и они залили мое сердце кровью. Я говорю это не по слабому подозрѣнію, а по убѣжденію, столько же сильному, какъ мое горе, и такому же вѣрному, какимъ, надѣюсь, будетъ мое мщеніе. Ты, Пизаніо, долженъ исполнить его за меня, если только твоя вѣрность не заразилась еще ея коварствомъ. Отними у нея жизнь собственными руками; она сама поможетъ тебѣ исполнить это въ Мильфордской гавани; съ этой цѣлью я посылаю письмо и ей. Если ты побоишься убить ее и не дашь мнѣ увѣренности, что ея не существуетъ, я буду считать тебя сводникомъ ея безчестія и такимъже вѣроломнымъ, какъ она».

Пизаніо. Зачѣмъ я буду вынимать мечъ? Письмо уже перерѣзало ей горло. Нѣтъ, ее убиваетъ клевета, жало которой острѣе всякаго меча, языкъ ядовитѣе всѣхъ змѣй Нила; дыханіе ея, летя на крыльяхъ всѣхъ вѣтровъ, разноситъ позоръ во всѣ концы міра: королямъ, королевамъ, вельможамъ, дѣвамъ, женамъ; даже въ тайники могилъ вползаетъ эта ехидна клеветы... Какъ вы чувствуете себя, принцеса?

Иможена. Невѣрна его ложу! Что значитъ быть невѣрной? Лежать на ложѣ, бодрствуя и думая только о немъ, плакать каждый часъ;

или если сонъ преодолѣетъ природу, прерывать его страшнымъ сновидѣніемъ о немъ, вскакивать въ испугѣ отъ собственнаго крика. Это значитъ быть невѣрной его ложу? Это?

Пизаніо. Увы! добрая принцеса!

Иможена. Я невѣрна? Твоя совѣсть свидѣтельствуетъ... Іахимо, когда ты обвинялъ его въ развратѣ, ты мнѣ казался мерзкимъ, но теперь ты сталъ лучшимъ въ моемъ мнѣніи. Какая-нибудь итальянская сорока, размазанная своей матерью, прельстила его и я, бѣдная, отвержена, я стала вышедшей изъ моды одеждой, но слишкомъ еще богатой, чтобы висѣть на стѣнѣ и потому надо распороть меня... изрѣзать въ куски!.. О, клятвы мужчинъ! вы предательницы женщинъ! Твоя невѣрность, о, мой супругъ! заставляетъ меня думать, что все хорошее по виду въ сущности дрянь; не тамъ оно, гдѣ блеститъ ярко для приманки женщинъ.

Пизаніо. Выслушайте меня, добрая принцеса.

Иможена. Послѣ вѣроломства Энея *), въ его время всѣхъ, и честныхъ, и безчестныхъ людей одинаково принимали за вѣроломныхъ. Плачъ Синона заставилъ не довѣрять слезамъ искреннимъ; много истинныхъ скорбей онъ лишилъ состраданія; такъ и ты, Постумусъ, подбавишь своей закваски въ закваску самыхъ чистыхъ людей. Твое страшное паденіе сдѣлаетъ то, что отнынѣ люди добрые и правдивые пойдутъ за лживыхъ и вѣроломныхъ. Хоть ты будь честенъ, Пизаніо, исполни приказаніе твоего господина. Когда увидишь его, скажи, что я была покорна; смотри, я сама вынимаю твой мечъ; возьми его и вонзи сюда, въ сердце, въ эту невинную обитель моей любви. Не бойся, въ немъ ничего не осталось, кромѣ скорби. Нѣтъ въ немъ и твоего господина, который прежде былъ истиннымъ его сокровищемъ. Дѣлай, что тебѣ приказано: рази. Ты, можетъ быть, и храбръ въ дѣлѣ честномъ, но теперь, я вижу, ты трусишь.

Пизаніо. Прочь, подлое орудіе, ты не осквернишь моей руки!

Иможена. Но должна-же я умереть. Если не умру отъ твоей руки, значитъ ты нечестно служишь твоему господину. Противъ самоубійства существуетъ священный запретъ, сдерживающій мою слабую руку. Ну, вотъ мое сердце. Что это я чувствую на немъ? Не нужно ему никакой защиты; оно покорно, какъ ножны. Что это? письма вѣрнаго Леонатуса; они стали теперь ересью. Прочь, прочь, губители моей вѣры! вы болѣе не будете служить мнѣ нагрудникомъ. Такъ легко простушки могутъ быть обмануты лживыми наставниками. Какъ ни жестоко страдаютъ отъ измѣны обманутые, но и обманщики испытываютъ еще большее горе. И ты, Постумусъ, для котораго я отказала въ повиновеніи моему отцу, презрительно отвергла царственныхъ искателей моей руки, ты увидишь впослѣдствіи, что то былъ не пустой капризъ, а рѣдкое къ тебѣ расположеніе; грустно мнѣ подумать, какъ сильно будетъ мучить тебя воспоминаніе обо мнѣ, когда ты охладѣешь къ той, за которой теперь ухаживаешь... Прошу тебя, поторопись; ягненокъ умоляетъ мясника; гдѣ-же ножъ твой? Ты слишкомъ медлишь исполнить приказъ твоего господина; но вѣдь и я того-жъ желаю.

Пизаніо. О, добрѣйшая госпожа, съ той поры, какъ пришло ко мнѣ это приказаніе, я не сомкнулъ глазъ ни на минуту.

Иможена. Исполни его и ложись.

Пизаніо. Лучше ослѣпну отъ безсонницы!

Иможена. Зачѣмъ-же пачиналъ ты дѣло? Зачѣмъ подъ лживымъ предлогомъ завезъ меня такъ далеко? Зачѣмъ мы здѣсь? Зачѣмъ трудилъ ты даромъ лошадей? Зачѣмъ обманулъ и себя, и меня, и случай, тебѣ благопріятствующій? Зачѣмъ произвелъ тревогу при дворѣ, къ которому я не могу болѣе возвратиться? Зачѣмъ опускаешь ты лукъ, когда намѣченный тобою олень передъ тобой?

Пизаніо. Я хотѣлъ только выиграть время, чтобы избавиться отъ ужаснаго порученія, и я придумалъ средство. Выслушайте меня, добрая принцеса.

Иможена. Болтай языкомъ до утомленья; говори. Я выслушала уже названіе развратницы и ничто не можетъ поранить такъ мое ухо, какъ эта ложь, и ничто не можетъ излечить эту рану. Говори.

Пизаніо. Я полагаю, вы не можете вернуться назадъ.

Иможена. И я полагаю; ты привелъ меня сюда затѣмъ, чтобы убить.

Пизаніо. Нѣтъ, этого не будетъ. Если я такъ-же смѣтливъ, какъ и честенъ, мой планъ приведетъ непремѣнно къ добру. Невозможно, чтобы мой господинъ не былъ обманутъ. Какой-нибудь негодяй, искусившійся въ хитрости, нанесъ вамъ обоимъ это адское оскорбленіе.

Иможена. Скорѣе римская распутница.

Пизаніо. Нѣтъ, клянусь моей жизнью! Я извѣщу его, что вы убиты, и вмѣстѣ съ тѣмъ пошлю ему какой-нибудь кровавый знакъ, потому что таково его приказаніе. Васъ не будетъ при дворѣ и это послужитъ удостовѣреніемъ моего извѣстія.

Иможена. Но, мой другъ, что-же я буду дѣлать въ это время? Гдѣ я буду жить? И какая радость мнѣ въ жизни, когда я мертва для моего мужа.

Пизаніо. Если вы возвратитесь ко двору...

Иможена. Ни ко двору, ни къ отцу; не хочу видѣть это грубое, знатное, пошлое ничтожество, этого Клотена, ухаживанье котораго для меня страшнѣе осады.

Пизаніо. Если не при дворѣ, такъ въ Британіи вамъ жить нельзя.

Иможена. Гдѣ-же? Солнце сіяетъ развѣ въ одной Британіи? Развѣ въ ней одной смѣняются день и ночь? Наша Британія только часть міра,—лебединое гнѣздо въ большомъ пруду; люди живутъ и не въ одной Британіи.

Пизаніо. Я очень радъ, что вы думаете о другихъ странахъ. Римскій посолъ Луціусъ завтра пріѣдетъ въ Мильфордскую гавань. Если-бы вы могли затемнить ваши намѣренія такъ-же, какъ затемнѣно ваше счастье, скрыть то, что вамъ теперь опасно обнаруживать, для васъ откроется путь таинственный, но полный надежды; онъ можетъ васъ настолько близко привести къ Постумусу, что хотя его дѣйствія и не будутъ вамъ видны, но до вашихъ ушей будетъ достигать слухъ о каждомъ его движеніи.

Иможена. Назови мнѣ это средство; я рѣшусь на него, только-бы не представлялась смертельная опасность для моей скромности.

Пизаніо. Вотъ въ чемъ дѣло: вамъ слѣдуетъ забыть, что вы женщина; привычку повелѣвать замѣните повиновеніемъ; робость и нѣжность, этихъ спутницъ всѣхъ женщинъ, вѣрнѣе, прелестную ихъ сущность, надо смѣнить смѣлой отвагой; вамъ слѣдуетъ быть острой, находчивой, дерзкой и задорной, какъ ласточка; наконецъ, пожертвовать красой вашихъ щекъ, подвергнувъ ихъ,—какъ ни жаль, а безъ этого нельзя,—подвергнувъ ихъ жаркому прикосновенію все-лобызающаго Титана; отказаться отъ мудреной прелестной прически, которой вы вызывали зависть въ великой Юнонѣ.

Иможена. Покороче. Я догадываюсь какой конецъ будетъ твоей рѣчи и я уже почти мужчина.

Пизаніо. Прежде постарайтесь имъ казаться. Остановившись на моемъ планѣ, я захватилъ съ собою въ дорожномъ мѣшкѣ для васъ кафтанъ, штаны и шляпу и все остальное, что нужно для полнаго костюма; переодѣвшись и принявъ, насколько съумѣете, видъ юноши вашихъ лѣтъ, отправляйтесь къ благородному Луціусу и просите его, чтобы онъ принялъ васъ къ себѣ въ услуженіе; скажите ему, какими способностями вы обладаете, и онъ ихъ тотчасъ-же признаетъ, если его уши способны воспринимать музыку. Я увѣренъ, онъ приметъ васъ съ радостію; онъ честенъ и къ тому-же благочестивъ. О средствахъ для вашего содержанія не безпокойтесь; у васъ никогда не будетъ въ нихъ недостатка, ни теперь, ни впослѣдствіи; все что есть у меня—ваше.

Иможена. Ты единственная поддержка, оставленная мнѣ богами. Идемъ, прошу тебя. О многомъ еще надо размыслить; мы все устроимъ, если позволятъ обстоятельства. Я рѣшаюсь на эту попытку и буду дѣйствовать съ царственной отвагой. Идемъ, прошу тебя.

Пизаніо. Мы должны разстаться поскорѣе, принцеса. Если замѣтятъ мое отсутствіе; скажутъ, что я содѣйствовалъ вашему побѣгу. Возьмите, моя благородная госпожа, этотъ ящикъ, который я получилъ отъ королевы. Въ немъ драгоцѣнное лекарство; если заболѣете на морѣ или почувствуете себя нехорошо на сушѣ—примите его немного и болѣзнь пройдетъ... Зайдемте въ чащу и вы переодѣнетесь мужчиной. Да приведутъ васъ боги къ успѣху!

Иможена. Аминь! Благодарю тебя.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА V.

Комната во дворцѣ Цимбелина.

Входятъ **Цимбелинъ, Королева, Клотенъ, Луціусъ** *и* **Лорды.**

Цимбелинъ. Здѣсь распростимся, пожелавъ вамъ счастливаго пути.

Луціусъ. Мой императоръ требуетъ, чтобы я уѣзжалъ отсюда; грустно, что на меня выпало объявить, что вы врагъ ему.

Цимбелинъ. Наши подданные не желаютъ оставаться подъ его игомъ; и было-бы не по королевски, если-бы мы, менѣе ихъ, дорожили своимъ достоинствомъ.

Луціусъ. Прошу дать мнѣ провожатыхъ до Мильфордской гавани. Желаю всякихъ благъ вамъ, королева, такъ же, какъ и вамъ, государь.

Цимбелинъ. Васъ, господа, назначаю спутниками послу; позаботьтесь, чтобы ему былъ оказанъ должный почетъ. Счастливаго пути, благородный Луціусъ.

Луціусъ. Вашу руку, принцъ.

Клотенъ. Протягиваю ее вамъ, какъ другъ, а потомъ буду дѣйствовать ею, какъ врагъ.

Луціусъ. Принцъ, исходъ борьбы покажетъ, кто останется побѣдителемъ. Прощайте.

Цимбелинъ. Господа, не оставляйте достойнаго Луціуса до переѣзда его черезъ Севернъ. Будьте счастливы. (*Луціусъ и лорды уходятъ.*)

Королева. Онъ ушелъ въ досадѣ; честь намъ, что мы дали ему поводъ къ ней.

Клотенъ. Тѣмъ лучше; этого именно и желали ваши храбрые британцы.

Цимбелинъ. Луціусъ уже написалъ императору обо всемъ, что здѣсь произошло. Надо поскорѣе приготовить коней и колесницы; въ Галліи расположены римскія войска и не трудно будетъ перевезти ихъ въ Британію.

Королева. Теперь нужно не дремать; все дѣло въ дѣятельной и быстрой подготовкѣ.

Цимбелинъ. Предвидя, что такъ случится, мы заранѣе начали приготовляться. Но, любезная королева, гдѣ наша дочь? Она не вышла къ римлянамъ и не исполнила своего ежедневнаго долга къ намъ. Въ ней, кажется, болѣе злобы, чѣмъ почтительности; я это замѣтилъ. Позовите ее къ намъ; мы были слишкомъ терпѣливы съ нею.

(*Одинъ изъ придворныхъ уходитъ.*)

---

*) Во время Энея было такъ много изгнанниковъ, и честныхъ людей, и плутовъ, что мѣстные жители, часто обманываясь, наконецъ, стали считать всѣхъ поголовно изгнанниковъ обманщиками. Синонъ-же, грекъ, былъ извѣстенъ тѣмъ, что своими слезами тронулъ троянцевъ. Онъ разсказалъ, что греки его выгнали и умолялъ впустить въ Трою. Его приняли и онъ обманомъ ввезъ въ Трою огромную деревянную лошадь, въ которой были спрятаны вооруженные греки.

Королева. Государь, со времени изгнанія Постумуса она избѣгаетъ всякаго общества; только время можетъ излечить ее. Прошу, государь, не пугайте ее слишкомъ суровымъ обращеніемъ; она такъ чувствительна къ упрекамъ, что каждое слово дѣйствуетъ на нее, какъ ударъ; а каждый ударъ для нея—смерть.

Придворный *возвращается.*

Цимбелинъ. Гдѣ же она? Чѣмъ оправдываетъ свое упорство?

Придворный. Комнаты ея заперты, государь; мы стучались, но намъ никто не отвѣтилъ.

Королева. Государь, когда я видѣла ее въ послѣдній разъ, она просила меня извинить предъ вами ея уединеніе, вызванное болѣзнію, чрезъ что она лишена возможности ежедневн оуплачивать долгъ почтенія, которымъ она обязана вамъ; она просила меня довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія, но постоянныя хлопоты выкинули у меня это изъ памяти.

Цимбелинъ. Двери ея заперты? Въ послѣднее время ее совсѣмъ не видно. О, боги, устройте, чтобы мое подозрѣніе оказалось неосновательнымъ. (*Уходитъ.*)

Королева. Мой сынъ, ступай за королемъ.

Клотенъ. Уже два дня я не видѣлъ и ея стараго слугу, Пизаніо.

Королева. Иди и обо всемъ развѣдай. (*Клотенъ уходитъ*). Пизанію преданъ Постумусу. Я дала ему зелья; что если онъ исчезъ потому, что проглотилъ его; онъ, конечно, повѣрилъ, что это драгоцѣнное лекарство. Но она? Что съ нею сталось? Можетъ быть, ею овладѣло отчаянье? Или не полетѣла ли она на крыльяхъ любви къ своему милому Постумусу? Пошла-ли она на смерть или на безчестье? И то и другое полезно для моихъ цѣлей. Ея не будетъ—я располагаю британской короной.

Клотенъ *возвращается.*

Королева. Ну что, мой сынъ?

Клотенъ. Несомнѣнно, она бѣжала. Пойди, успокой короля, онъ такъ бѣснуется, что никто къ нему не смѣетъ подойти.

Королева. Тѣмъ лучше! если бы послѣ сегодняшней ночи не наступалъ для него слѣдующій день. (*Уходитъ.*)

Клотенъ. И люблю я ее и ненавижу; потому что она прекрасна и держитъ себя по королевски; потому что она обладаетъ всѣми качествами знатной дамы и надѣлена ими лучше, чѣмъ всякая другая, чѣмъ всѣ женщины, все лучшее, чѣмъ можетъ похвалиться та или другая женщина, соединено въ ней одной, она превосходитъ всѣхъ. За это я люблю ее. Но она пренебрегаетъ мною и отдаетъ предпочтеніе низкому Постумусу — этимъ она унижаетъ себя до того, что уничтожаетъ въ себѣ все прекрасное. За это я ненавижу ее и буду мстить ей. Потому что если глупцы...

Входитъ **Пизаніо.**

Клотенъ. Кто это? А, такъ это ты мутишь, негодяй? Подойди сюда, безцѣнный сводникъ! Куда дѣвалась твоя госпожа, плутъ? Отвѣчай, или я сейчасъ же отправлю тебя къ чертямъ!

Пизаніо. О, достойный принцъ!

Клотенъ. Гдѣ твоя госпожа? Клянусь Юпитеромъ, я не повторю болѣе своего вопроса. Нѣмой негодяй, я вырву эту тайну изъ твоего сердца или твое сердце, чтобы отыскать ее тамъ. Она у Постумуса, этого вмѣстилища подлости, изъ котораго не выжать и золотника доблести.

Пизаніо. Увы, принцъ! Какъ можетъ быть она у него. Давно-ли она исчезла, а онъ въ Римѣ.

Клотенъ. Гдѣ же она? Подойди ближе, Безо всякихъ увертокъ скажи, что съ нею сталось?

Пизаніо. О, достойный господинъ!

Клотенъ. Достойный ты негодяй! тотчасъ же говори, гдѣ твоя госпожа, первымъ словомъ, безо всякихъ «достойныхъ»; говори, или твое молчаніе будетъ тебѣ и приговоромъ и смертью.

Пизаніо (*подавая ему письмо*). Въ этой бумагѣ вы найдете все, что знаю я объ ея бѣгствѣ.

Клотенъ. Посмотримъ. Я буду преслѣдовать ее до самаго трона Августа.

Пизаніо (*про себя*). Или это или гибель. Она достаточно далеко; то, что онъ узнаетъ изъ письма, заставитъ его отправиться въ путешествіе, для нея не опасное.

Клотенъ. Гм!

Пизаніо (*про себя*). Своему господину я напишу, что она умерла. О, Иможена! да будетъ благополучно твое путешествіе, благополучно и возвращеніе.

Клотенъ. Настоящее это письмо, плутъ?

Пизаніо. Полагаю, что настоящее, принцъ?

Клотенъ. Это рука Постумуса; я знаю ее... Слушай, мошенникъ, если ты дашь согласіе болѣе не бездѣльничать, а вѣрно служить мнѣ, исполнять, что бы я ни потребовалъ, ревностно и старательно;—то есть какое бы плутовство я тебѣ ни поручилъ, исполнить его точно и добросовѣстно,—въ такомъ случаѣ я буду считать тебя честнымъ человѣкомъ и ты можешь надѣяться всегда, какъ на денежную помощь отъ меня, такъ и на хлопоты о твоемъ повышеніи.

Пизаніо. Хорошо, мой добрый господинъ.

Клотенъ. Хочешь служить мнѣ? Если ты такъ терпѣливо и постоянно оставался привязаннымъ къ нищенской судьбѣ голыша Постумуса, ты, уже изъ одной благодарности, долженъ вѣрно служить мнѣ. Хочешь быть моимъ слугою?

Пизаніо. Охотно, принцъ.

Клотенъ. Давай руку, вотъ мой кошелекъ. Есть у тебя какое-нибудь платье твоего прежняго господина?

Пизаніо. У меня въ комнатѣ находится то самое платье, которое было на немъ въ тотъ день, когда онъ прощался съ моей госпожей.

Клотенъ. Для начала службы, принеси мнѣ это платье. Это будетъ твоя первая служба. Ступай.

Пизаніо. Иду, принцъ. (*Уходитъ.*)

Клотенъ. Встрѣчу ее въ Мильфордской гавани... Забылъ спросить у него объ одномъ, ну спрошу еще... Тамъ низкій Постумусъ и я убью его... Поскорѣе бы принесъ онъ платье. Она сказала мнѣ какъ-то, — и горечь этихъ словъ до сихъ поръ отзывается у меня на сердцѣ, — что самое худшее изъ платьевъ Постумуса она цѣнитъ дороже моей благородной особы, со всѣми ея достоинствами. Въ этомъ самомъ платьѣ я совершу надъ нею насиліе; но прежде убью его на ея глазахъ; тутъ она увидитъ мою храбрость и будетъ она ей мученіемъ за ея презрѣніе ко мнѣ. Затѣмъ, когда онъ будетъ у моихъ ногъ и я, наругавшись всласть надъ его трупомъ, утолю мою страсть, — что, какъ я сказалъ, въ насмѣшку ей, я сдѣлаю въ томъ самомъ платьѣ, которое она расхваливала,—я погоню ее пиньками домой, ко двору. Тѣшилась она своимъ презрѣніемъ ко мнѣ, потѣшусь же и я своею местью.

Пизаніо *возвращается съ платьемъ.*

Клотенъ. То-ли это платье?

Пизаніо. То самое, принцъ.

Клотенъ. Давно-ли она уѣхала въ Мильфодскую гавань?

Пизаніо. Едва-ли она доѣхала туда.

Клотенъ. Снеси это платье въ мою комнату; это будетъ вторая твоя служба; третья—никому ни слова о моихъ намѣреніяхъ. Будь старателенъ и твое повышеніе не заставитъ себя долго ждать. Месть моя теперь въ Мильфордѣ; зачѣмъ у меня нѣтъ крыльевъ, чтобы летѣть за нею. Пойдемъ, будь мнѣ вѣренъ. (*Уходитъ.*)

Пизаніо. Ты требуешь моей погибели; быть тебѣ вѣрнымъ, значитъ обмануть—чего я никогда несдѣлаю—честнѣйшаго изъ людей. Ступай въ Мильфордъ; ты не найдешь тамъ ту, которую преслѣдуешь. Изливайтесь, изливайтесь на нее благословенія небесъ! Пусть встанутъ преграды на пути этому дураку и мука будетъ ему вознагражденіемъ.

СЦЕНА VI.

Передъ пещерой Беларіуса.

Входитъ **Иможена** *въ мужскомъ платьѣ.*

Иможена. Я вижу, тяжела жизнь мужчины; я страшно утомилась, двѣ ночи земля служила мнѣ постелью; я непремѣнно заболѣла бы, еслибъ не поддержала меня моя рѣшимость. Мильфордъ, когда съ вершины горы мнѣ показалъ тебя Пизаніо, ты казался мнѣ совсѣмъ близко. О, Юпитеръ! самыя зданія, кажется, бѣгутъ отъ бѣдняка, ищущаго въ нихъ пріюта. Двое нищихъ сказали мнѣ, что я не могу сбиться съ пути. Лгали эти бѣдняки, удрученные нуждой и знающіе, что она наказаніе или испытаніе? Можетъ быть; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда и богачи такъ рѣдко говорятъ правду. Лгать въ довольствѣ преступнѣе лганья отъ нужды. Лживость въ короляхъ позорнѣе, чѣмъ въ нищихъ... О, мой милый супругъ, и ты одинъ изъ лживыхъ. Вспомнила я о тебѣ, исчезъ и мой голодъ, а сейчасъ только я готова была упасть отъ слабости... Что это такое? тропинка; вѣрно она ведетъ къ жилищу какого-нибудь дикаря. Не кликнуть-ли? Нѣтъ, страшно; но голодъ прежде, чѣмъ обезсилитъ совершенно, придаетъ храбрости. Довольство и миръ рождаютъ трусовъ, а нужда—мать смѣлости. Эй! кто здѣсь? Если существо образованное—отвѣчай; если одичалое—возьми или дай... Эй!.. Нѣтъ отвѣта! Войду! Выну прежде мечъ; если мой врагъ боится меча такъ же, какъ и я, онъ не посмѣетъ на него взглянуть. Такого именно врага даруй мнѣ небо! (*Уходитъ въ пещеру.*)

Входятъ **Беларіусъ, Гвидеріусъ** *и* **Арвирагусъ.**

Беларіусъ. Ты, Полидоръ, оказался лучшимъ стрѣлкомъ изъ насъ; стало быть, ты король пиршества; Кадвалъ и я будемъ поваромъ и слугою—такъ мы уговорились. Трудовой потъ осушается только тогда, если работа впереди имѣетъ цѣль. Идемъ; голодъ и самое грубое блюдо дѣлаетъ вкуснымъ; усталость спитъ и на камнѣ; упрямой лѣни и пуховая перина кажется жестка. Миръ тебѣ, бѣдное жилище, само себя стерегущее.

Гвидеріусъ. Я сильно усталъ.

Арвирагусъ. И я порядкомъ ослабѣлъ, но апетитъ во мнѣ усилился.

Гвидеріусъ. Въ пещерѣ есть холодное мясо, поѣдимъ его, пока приготовимъ то, что убили.

Беларіусъ. Стойте, не входите. (*Засматриваетъ въ пещеру.*) Еслибъ онъ не ѣлъ нашихъ припасовъ, я бы подумалъ, что это фея.

Гвидеріусъ. Что тамъ такое, отецъ?

Беларіусъ. Клянусь Юпитеромъ, это ангелъ; если не онъ, то земное чудо! Посмотрите на это божество — не старше мальчика.

Входитъ **Иможена.**

Иможена. Добрые люди, не обижайте меня. Прежде чѣмъ войдти, я звалъ кого-нибудь и расчитывалъ попросить или купить то, что я взялъ. Честное слово, я ничего не укралъ; я не взялъ бы и золота, еслибъ нашелъ его разсыпаннымъ по землѣ. Вотъ деньги за то, что я съѣлъ; насытившись, я хотѣлъ оставить ихъ на столѣ и, уходя, помолился бы за хозяевъ.

Гвидеріусъ. Деньги, юноша?

Арвирагусъ. Пусть все золото и серебро обратится въ грязь; оно дорого тому, кто поклоняется ему, какъ богу.

Иможена. Я вижу, вы сердитесь. Если за мой проступокъ вы хотите убить меня, знайте же, что я умеръ бы, еслибъ не совершилъ его.

Беларіусъ. Ты куда идешь?

Иможена. Въ Мильфордскую гавань.

Беларіусъ. Какъ тебя зовутъ?

Иможена. Фиделіо. Мой родственникъ отправился въ Италію; онъ сядетъ на корабль въ Мильфордѣ; идя къ нему, я такъ истомился голодомъ, что невольно совершилъ этотъ проступокъ.

Беларіусъ. Прошу тебя, прекрасный юноша, не принимай насъ за дикарей; не измѣряй нашихъ добрыхъ намѣреній убогостью нашего жилища. Будь гостемъ нашимъ. Прежде, чѣмъ ты уйдешь, мы угостимъ тебя хорошимъ ужиномъ и поблагодаримъ, если отъ него не откажешься. Дѣти, просите его!

Гвидеріусъ. Если бы юноша ты былъ женщиной, я сталъ бы ухаживать за тобой, чтобы сдѣлаться твоимъ женихомъ. По чести я бы добивался твоего расположенія этой цѣной.

Арвирагусъ. А я доволенъ и тѣмъ, что онъ мужчина. Я буду любить его, какъ брата; прими же отъ меня тотъ привѣтъ, какимъ я встрѣтилъ бы его послѣ долгой разлуки. Прошу къ намъ; будь веселъ, ты между друзьями.

Иможена *(Про себя)* Между друзьями! Зачѣмъ не братьями? Будь они сыновьями моего отца, я понизилась бы въ цѣнѣ, но за то приблизилась къ тебѣ, Постумусъ.

Беларіусъ. У него есть какое-то горе.

Гвидеріусъ. Какъ бы я желалъ помочь ему.

Арвирагусъ. И я, чего бы то не стоило, видятъ боги!

Беларіусъ. Послушайте дѣти. *(Они шепчутся между собою.)*

Иможена. Великіе люди, имѣвшіе своимъ дворцомъ подобную же пещеру, служившіе себѣ сами и обладавшіе достоинствами, признанными за ними ихъ собственнымъ сознаніемъ, а не пустой лестью измѣнчивой толпы,—не превосходили этихъ двухъ. Простите мнѣ боги! я желала-бы измѣнить свой полъ, чтобы сдѣлаться ихъ товарищемъ, потому что Леонатусъ измѣнилъ мнѣ.

Беларіусъ. Такъ и сдѣлаемъ. Идемъ приготовлять нашу дичь. Пойдемъ, прекрасный юноша; на голодный желудокъ не до разсказовъ; когда поужинаемъ, мы дружески тебя попросимъ передать о себѣ, что можешь.

Гвидеріусъ. Прошу, пойдемъ.

Арвирагусъ. Не такъ пріятна совѣ ночь, жаворонку утро, какъ ты намъ.

Иможена. Благодарю васъ.

Арвирагусъ. Прошу, иди впередъ.

(Уходятъ въ пещеру.)

СЦЕНА VII.

Римъ.

Входятъ два **Сенатора** *и* **Трибуны.**

Первый сенаторъ. Вотъ содержаніе распоряженія императора: такъ какъ большая часть войска занята теперь войною съ панонами и далматами, а легіоновъ, стоящихъ въ Галліи, недостаточно для войны съ возставшими британцами, то призывается принять участіе въ войнѣ и высшее сословіе. Луціусъ назначенъ проконсуломъ; а вы, трибуны, должны немедленно заняться наборомъ войскъ. Да здравствуетъ Цезарь!

Трибунъ. Начальникомъ войскъ будетъ Луціусъ?

Второй сенаторъ. Да.

Трибунъ. Онъ теперь въ Британіи.

Пер. сенаторъ Онъ тамъ съ легіонами, о которыхъ я вамъ говорилъ и которые мы должны пополнить новымъ наборомъ. Въ приказахъ, вамъ данныхъ, точно обозначены число людей и время ихъ отправки.

Трибунъ. Мы исполнимъ нашу обязанность.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I.

Лѣсъ вблизи пещеры.

Входитъ **Клотенъ.**

Клотенъ. Я близко отъ того мѣста, гдѣ они хотѣли сойтись, если Пизаніо вѣрно описалъ мнѣ его. Какъ идетъ ко мнѣ платье Постумуса, почему же мнѣ не быть подъ стать его возлюбленной, созданной тѣмъ же, кто создалъ портного. Къ тому же говорятъ, что женщины всегда руководятся своимъ капризомъ; надо попытаться раздразнить его. Я могу сказать про себя,—вѣдь это не тщеславіе разговаривать со своимъ зеркаломъ, въ своей комнатѣ,—сложенъ я такъ же хорошо, какъ и онъ; я такъ же молодъ, но сильнѣе его; мое состояніе не меньше его, а положеніе въ свѣтѣ значительнѣе; я знатнѣе его родомъ; не хуже его понимаю дѣла общественныя, а въ единоборствѣ превзойду его; и всетаки эта легкомысленная душонка, на зло мнѣ, любитъ его.... Таковъ удѣлъ смертнаго! Твоя голова, Постумусъ, еще держится на твоихъ плечахъ, а черезъ какой нибудь часъ я снесу ее; твоя возлюбленная подвергнется насилію; твое платье изрѣзано будетъ въ куски передъ твоими глазами! Когда же все это будетъ сдѣлано, я погоню ее пиньками къ ея отцу; онъ, можетъ быть, и разсердится на меня за такую грубость; но мать моя, управляющая расположеніемъ его духа, обратитъ все въ мою пользу. Я привязалъ мою лошадь въ надежномъ мѣстѣ. Выходи мой мечъ на кровавую работу!... Фортуна, отдай ихъ въ мои руки! По описанію это то самое мѣсто, гдѣ они должны встрѣтиться; плутъ не посмѣетъ обмануть меня. *(Уходитъ.)*

СЦЕНА II.

Передъ пещерой.

Изъ пещеры выходятъ **Беларіусъ, Гвидеріусъ, Арвирагусъ** *и* **Иможена.**

Беларіусъ *(Иможенѣ).* Тебѣ нездоровится; останься здѣсь, въ пещерѣ; по окончаніи охоты мы возвратимся къ тебѣ.

Арвирагусъ. Останься, братъ; вѣдь мы братья?

Иможена. Люди должны быть братьями между собою; но глина разнится отъ глины своимъ значеніемъ, хотя обѣ изъ одной пыли. Мнѣ очень нездоровится.

Гвидеріусъ. Вы идите на охоту, а я съ нимъ останусь.

Иможена. Не до такой ужь степени я боленъ, хотя мнѣ и не по себѣ; не изъ тѣхъ я изнѣженныхъ горожанъ, которые кажутся умирающими, не успѣвъ еще захворать. Прошу, оставьте меня одного, а сами принимайтесь за ваши обычныя занятія; нарушая привычку, вы все нарушаете. Я нездоровъ, но ваше присутствіе не поможетъ мнѣ; общество не послужитъ утѣшеніемъ человѣку не общительному. Не такъ еще важна моя болѣзнь, если я могу разсуждать о ней. Прошу васъ, вѣрьте мнѣ и оставьте меня одного; я могу украсть здѣсь только самого себя; умру—не большая это будетъ кража.

Гвидеріусъ. Я люблю тебя, я говорилъ уже тебѣ объ этомъ; люблю такъ же искренно, какъ моего отца.

Беларіусъ. Что? какъ? какъ?

Арвирагусъ. Если грѣхъ говорить это, я присовокупляю свой грѣхъ къ братнему. Не знаю, почему я полюбилъ этого юношу; слыхалъ я отъ тебя, что причина любви безпричинна; но если бы поставили гробъ у нашего входа и одинъ изъ насъ долженъ бы умереть, я бы сказалъ: «отецъ мой, не этотъ юноша!»

Беларіусъ *(про себя).* О, благородный порывъ! о, достоинство натуры! о, величіе породы! Трусы порождаютъ трусовъ; отъ подлаго происходитъ подлое. Природа даетъ и муку и мякину; красоту и безобразіе; я не отецъ имъ, это правда; но какое чудо заставило ихъ полюбить его болѣе, чѣмъ меня... Уже девять часовъ утра.

Арвирагусъ. Прощай, братъ.

Иможена. Желаю вамъ удачной охоты.

Арвирагусъ. А тебѣ здоровья. Идемъ.

Иможена *(про себя).* Добрыя созданія! Боги, сколько лжи я наслушалась! Наши придворные увѣряютъ, что все дико, что не при дворѣ. О, опытъ, ты открываешь мнѣ иное. Большія моря населены чудовищами, а впадающія въ нихъ небольшія рѣки доставляютъ къ нашему столу вкусную рыбу. А я все еще больна, больна душой. Пизаніо, я попробую твое лекарство.

Гвидеріусъ. Не могъ я разговарить его; онъ сказалъ мнѣ только, что онъ хорошаго рода, что онъ несчастливъ; что его безчестно гонятъ люди, но самъ онъ честенъ.

Арвирагусъ. Тоже самое онъ сказалъ и мнѣ; прибавилъ только, что послѣ я узнаю больше.

Беларіусъ. Въ поле, въ поле! Мы оставимъ тебя не на долго; ступай и отдохни.

Арвирагусъ. Мы скоро возвратимся.

Беларіусъ. Прошу, не хворай; ты остаешься нашей хозяйкой.

Иможена. Здоровый и больной я равно привязанъ къ вамъ.

Беларіусъ. И мы также. *(Иможена уходитъ)* Этотъ юноша, какъ онъ ни бѣдствуетъ, очевидно, имѣлъ хорошихъ предковъ.

Арвирагусъ. Онъ поетъ, какъ ангелъ.

Гвидеріусъ. И отлично стряпаетъ. Онъ нарѣзалъ коренья красивыми фигурками, а похлебку приправилъ такъ, что ее можно бы подать даже больной Юнонѣ.

Арвирагусъ. Какъ прелестно у него сочетаніе улыбки со вздохомъ; точно вздохъ груститъ о томъ, что онъ не улыбка, а улыбка подсмѣивается надъ вздохомъ, что вылетаетъ онъ изъ такого божественнаго храма, чтобы смѣшиваться съ вѣтрами, раздражающими моряковъ.

Гвидеріусъ. Я замѣтилъ, что терпѣніе въ немъ такъ соединилось съ горемъ, что корни ихъ сплелись.

Арвирагусъ. Рости же терпѣніе! И да отстранитъ свои засыхающіе корни горе, эта вонючая бузина, давъ мѣсто росткамъ винограда.

Беларіусъ. Уже день! Идемъ. Кто это тамъ?

Входитъ **Клотенъ.**

Клотенъ. Я не отыскалъ бѣглецовъ. Плутъ посмѣялся надо мной. Какъ я усталъ!

Беларіусъ. Бѣглецовъ! Не о насъ-ли онъ говоритъ? Кажется, я его узнаю. Это Клотенъ, сынъ королевы. Боюсь, нѣтъ-ли засады. Много лѣтъ я не видалъ его, но увѣренъ, что это онъ. Мы поставлены внѣ закона. Уйдеми!

Гвидеріусъ. Онъ одинъ. Ступай съ братомъ и осмотри, нѣтъ-ли тамъ еще кого нибудь въ окрестностяхъ; прошу, идите, оставьте меня съ нимъ.

(Беларіусъ и Арвирагусъ уходятъ.)

Клотенъ. Стойте! Кто вы? Чего отъ меня бѣжите; вѣрно горные разбойники. О нихъ ходятъ слухи. Ты кто, негодяй?

Гвидеріусъ. Не на столько еще негодный, чтобы не отвѣтить негодяю ударомъ.

Клотенъ. Ты воръ, нарушитель закона, бездѣльникъ! Сдавайся, грабитель!

Гвидеріусъ. Кому? Тебѣ? Ты кто такой? Развѣ у меня не такая же крѣпкая рука, какъ у тебя; сердце не такое же горячее? На словахъ ты, пожалуй, тароватъ, но я не ношу своего кинжала во рту. Скажи, кто ты такой и почему я долженъ тебѣ сдаться.

Клотенъ. Не догадываешься по платью, подлый негодяй?

Гвидеріусъ. Не знаю, мошенникъ, и твоего портного, который приходится тебѣ дѣдомъ; онъ отецъ твоего платья, сдѣлавшаго тебя тобою.

Клотенъ. Гнусный хамъ, это платье сшито не моимъ портнымъ.

Гвидеріусъ. Убирайся и поблагодари того, кто подарилъ его тебѣ. Ты набитый дуракъ и мнѣ противно даже поколотить тебя.

Клотенъ. Узнай мое имя, дерзкій воръ и трепещи.

Гвидеріусъ. Назови его.

Клотенъ. Клотенъ, негодяй.

Гвидеріусъ. Хотя имя твое Клотенъ, двойной ты негодяй, оно не заставляетъ меня трепетать; назовись ты жабой, ехидной или паукомъ, тогда, можетъ быть, я скорѣе смутился бы.

Клотенъ. Чтобы совершенно смутить тебя и навести на тебя ужасъ, скажу тебѣ: я сынъ королевы.

Гвидеріусъ. Жалѣю о ней; не дѣлаешь ты чести своему роду.

Клотенъ. И ты не ужасаешься?

Гвидеріусъ. Я боюсь тѣхъ, кого уважаю, а уважаю только умныхъ; надъ глупцами же я только смѣюсь.

Клотенъ. Умри же. Убивъ тебя собственной рукой, я отыщу и тѣхъ, бѣжавшихъ, и выставятъ ваши головы на воротахъ Люда. Сдавайся, дикій горецъ! (*Уходятъ, сражаясь.*)

Входятъ **Беларіусъ** и **Арвирагусъ.**

Беларіусъ. Никого.

Арвирагусъ. Никакой свиты. Не ошибся-ли ты?

Беларіусъ. Врядъ-ли. Много лѣтъ прошло съ той поры, какъ я его видѣлъ, но черты его лица остались тѣже, и рѣзкій голосъ, и порывистая рѣчь. Я увѣренъ, что это Клотенъ.

Арвирагусъ. Мы оставили его здѣсь съ братомъ; не поссорились-ли они; ты говоришь, что Клотенъ золъ.

Беларіусъ. Еще не доразвившись до мужчины, онъ не боялся самыхъ ужасныхъ опасностей; для боязни необходимо разсужденіе... Смотри, твой братъ.

Возвращается **Гвидеріусъ** *съ головой* **Клотена.**

Гвидеріусъ. Этотъ Клотенъ былъ дуракъ, пустой кошелекъ, безъ денегъ. Самъ Геркулесъ не выбилъ бы мозга изъ его головы, потому что его не было въ ней ни капли; не сдѣлай я этого, дуракъ носилъ бы теперь мою голову, какъ я его.

Беларіусъ. Что ты сдѣлалъ!

Гвидеріусъ. Хорошо знаю, что: отрубилъ голову какому-то Клотену, называвшему себя сыномъ королевы; меня онъ ругалъ измѣнникомъ, разбойникомъ; клялся, что всѣхъ насъ поймаетъ, сниметъ наши головы съ мѣста, на которомъ онѣ—благодареніе богамъ—находятся, и выставитъ ихъ на показъ на воротахъ города Люда.

Беларіусъ. Мы погибли.

Гвидеріусъ. Что же мы можемъ потерять дорогой отецъ, кромѣ жизни, которой онъ клялся лишить насъ? Законъ насъ не защищаетъ; зачѣмъ же малодушно, изъ боязни этого закона, мы будемъ позволять какому-нибудь куску мяса надменно грозить намъ и представлять изъ себя нашего судью и палача. Видѣли вы кого-нибудь въ окресностяхъ?

Беларіусъ. Ни души, какъ только можетъ видѣть глазъ, но, по всѣмъ соображеніямъ, съ нимъ должна быть свита. Правда, онъ всегда былъ безтолковъ, бросаясь отъ дурного къ худшему, но едва ли и въ прихотливомъ безумствѣ, онъ рѣшился бы показаться сюда одинъ. Можетъ быть, при дворѣ разнесся слухъ, что какіе-то люди живутъ здѣсь въ пещерѣ, охотятся; что это изгнанники, которые, современемъ, могутъ составить изъ себя опасную шайку; услышавъ объ этомъ, Клотенъ, по обыкновенію, разгорячился и поклялся, что самъ переловитъ насъ; невѣроятно, однакожъ, чтобы онъ отправился сюда одинъ, на столько у него не хватило бы дерзкой смѣлости, и они не допустили бы его до этого. Все это побуждаетъ меня бояться, что у этого трупа есть хвостъ, который опаснѣе его головы.

Арвирагусъ. Пусть съ нами совершится то, что предопредѣлили боги, но братъ мой правъ.

Беларіусъ. Не хочется мнѣ сегодня идти на охоту; меня тревожитъ болѣзнь Фиделіо.

Гвидеріусъ. Его собственнымъ мечомъ, которымъ онъ угрожалъ моей шеѣ, я отсѣкъ его голову. Пойду брошу ее въ заливъ, за нашей скалой; пускай она плыветъ въ море и разсказываетъ рыбамъ, что она голова Клотена, сына королевы. Въ этомъ пока вся моя забота. (*Уходитъ.*)

Беларіусъ. Боюсь, не вызвало-бы это мести. Зачѣмъ, Полидоръ, ты сдѣлалъ это, хотя не могу не признать за тобой мужества.

Арвирагусъ. Жалѣю, что это сдѣлалъ не я, тогда месть обратилась-бы противъ меня. Люблю тебя, Полидоръ, братской любовью, но на этотъ разъ завидую тебѣ—укралъ ты у меня это дѣло. Я хотѣлъ-бы, чтобы месть, какой только могутъ противостать человѣческія силы, обрушилась на насъ и потребовала у насъ отвѣта.

Беларіусъ. Ну, дѣло уже сдѣлано; сегодня мы не будемъ охотиться; не будемъ также искать безполезныхъ опасностей. Ступай въ пещеру. Помоги Фиделіо въ стряпнѣ, а я подожду здѣсь проворнаго Полидора и приведу его обѣдать.

Арвирагусъ. Бѣдный больной Фиделіо! Съ радостью иду къ нему. Чтобъ возвратить ему здоровый румянецъ, я охотно пустилъ-бы кровь цѣлому приходу такихъ Клотеновъ и еще похвалился-бы своимъ человѣколюбіемъ. (*Уходитъ.*)

Беларіусъ. О, богиня! о, божественная природа, какъ чудно ты проявилась въ этихъ двухъ царственныхъ юношахъ! Они также нѣжны, какъ зефиръ, лобызающій фіалку, едва колебля ея благоухающіе вѣнчики; вмѣстѣ съ тѣмъ, когда вскипитъ въ нихъ царственная кровь, они также бурны, какъ сильнѣйшій ураганъ, пригибающій верхушки горныхъ сосенъ къ долинѣ. Удивительно, какъ невидимый инстинктъ развиваетъ въ нихъ царственное величіе безъ ученія, достоинство—безъ наставленій, приличіе—безъ примѣровъ, и мужество, которое хотя и растетъ дико, но даетъ плодъ, какъ посѣянное... А все-таки безпокоитъ меня появленіе здѣсь Клотена; что послѣдуетъ для насъ за его смертью.

Возвращается **Гвидеріусъ.**

Гвидеріусъ. Гдѣ-же братъ? Глупую голову Клотена я пустилъ по теченію посломъ къ его матери; тѣло-же останется у насъ залогомъ ея возвращенія. (*Слышна торжественная музыка.*)

Беларіусъ. Мой замысловатый инструментъ! Слышишь, Полидоръ, его звуки. Но съ чего это вздумалось Кадвелю пустить его въ ходъ? Слышишь?

Гвидеріусъ. Онъ тамъ?

Беларіусъ. Сейчасъ туда пошелъ.

Гвидеріусъ. Чтожь это онъ дѣлаетъ? Со времени смерти нашей матери инструментъ не издавалъ звука. Торжественное вызывается торжественнымъ. Что тамъ можетъ быть? Восторгъ безъ причины и стоны изъ пустяковъ—это веселье обезьяны или горе дитяти. Кадвель, должно быть, сошелъ съ ума.

Входитъ **Арвирагусъ,** *неся на рукахъ безчувственную* **Иможену.**

Беларіусъ. Смотри, онъ идетъ сюда и несетъ на рукахъ горестное извиненіе нашихъ упрековъ ему.

Арвирагусъ. Умерла птичка, которой мы такъ дорожили. Лучше-бы мнѣ съ шестнадцати перескочить на шестьдесятъ, промѣнять мой быстроногій возрастъ на костыль, чѣмъ видѣть это.

Гвидеріусъ. О прелестная лилія! Ты вдвое была лучше на своемъ стеблѣ, чѣмъ теперь, на рукахъ у брата.

Беларіусъ. О, скорбь! кто можетъ проникнуть въ твою глубину? кто можетъ найдти твое дно, чтобы узнать, къ какому берегу лучше направить твою ладью? Благословенное созданіе! Юпитеръ знаетъ, какимъ мужчиной ты могъ бы быть, но ты умеръ съ горя прекраснымъ юношей... Какъ ты нашелъ его?

Арвирагусъ. Лежалъ онъ недвижимъ, какъ и теперь, и улыбался, точно муха щекотала его сонъ, а не былъ онъ сраженъ стрѣлою смерти; онъ лежалъ, прижавшись правою щекой къ подушкѣ.

Гвидеріусъ. Гдѣ?

Арвирагусъ. На полу, сложивъ такъ руки Я думалъ, что онъ спитъ и снялъ мои деревянные подбитые гвоздями башмаки, которые стукомъ своимъ выдавали каждый мой шагъ.

Гвидеріусъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ кажется спящимъ, но заснулъ онъ на вѣки, могила—его постель; ее будутъ посѣщать феи и червь не осмѣлится приблизиться.

Арвирагусъ. Пока стоитъ лѣто и пока я здѣсь живу, я буду убирать цвѣтами твою печальную могилу, Фиделіо; будетъ у тебя блѣдная, какъ твое лицо, буквица, и лазоревый, какъ твои жилки, гіацинтъ, и шиповникъ, не въ обиду ему будь сказано, менѣе благоухающій, чѣмъ твое дыханіе. И реполовъ своимъ носикомъ, которымъ онъ стыдитъ богатыхъ наслѣдниковъ, оставляющихъ своихъ отцовъ безъ надгробныхъ памятниковъ, натаскаетъ тебѣ эти цвѣты, а когда ихъ не будетъ, прикроетъ твой трупъ мохомъ *), чтобъ защитить его отъ зимней стужи.

Гвидеріусъ. Довольно, прошу тебя, перестань; не пристало бабье нытье въ такомъ серьезномъ дѣлѣ. Приступимъ къ погребенію, не замедляя причитаньями нашего священнаго долга.

Арвирагусъ. Гдѣ мы его положимъ?

Гвидеріусъ. Рядомъ съ нашей доброй матерью Эврифилой.

Арвирагусъ. Хорошо. Хотя голоса наши нѣсколько огрубѣли отъ возмужалости, Полидоръ, мы все-таки споемъ ему ту самую пѣсню, которую мы пѣли нашей матери; споемъ мы тѣмъ-же напѣвомъ и тѣже слова, замѣнивъ только имя Еврифилы именемъ Фиделіо.

Гвидеріусъ. Кадвель, я не могу пѣть; я буду говорить за тобой, рыдая; выйдетъ разладица, а она хуже лганья жрецовъ.

Арвирагусъ. Тогда проговоримъ ее.

Беларіусъ. Вижу и, при большемъ горѣ забывается меньшее; мы забыли о Клотенѣ. Дѣти, онъ сынъ королевы; хотя онъ и пришелъ къ намъ врагомъ, но тяжко поплатился за это. И знатный и слуга одинаково сгниваютъ въ могилѣ и одинаково превращаются въ прахъ; но уваженіе, этотъ ангелъ міра, дѣлаетъ разницу между знатнымъ и не знатнымъ. Нашъ врагъ былъ принцемъ и хотя онъ лишенъ жизни однимъ изъ насъ за вражду къ намъ, мы все-таки должны похоронить его, какъ принца.

Гвидеріусъ. Прошу принеси его сюда. Тѣло Терсита равно тѣлу Аякса **), когда они оба перестали жить.

Арвирагусъ. Пока ты сходишь за тѣломъ, мы проговоримъ нашу пѣсню. Начинай, братъ.

(**Беларіусъ** *уходитъ.*)

Гвидеріусъ. Погоди, Кадвель; надо положить его головой къ востоку; отецъ насъ такъ училъ.

Арвирагусъ. Ты правъ.

Гвидеріусъ. Подсоби мнѣ переложить его

Арвирагусъ. Такъ хорошо. Ну, начинай.

Пѣсня ***).

Гвидеріусъ.

Тебѣ не страшенъ лѣтній зной,
Ни зимней стужи цѣпененье;
Ты свой окончилъ путь земной,
Нашелъ трудамъ отдохновенье.
И юность съ прелестью въ чертахъ,
И трубочистъ—одинъ все прахъ.

Арвирагусъ.

Тебѣ не страшенъ сильныхъ гнётъ,
Не страшенъ бичъ тиранской злости;
О хлѣбѣ, платьѣ нѣтъ заботъ;
Дубъ для тебя сталъ равенъ трости.
Мудрецъ, и врачъ, и властелинъ,
И бѣдный рабъ—все прахъ одинъ.

Гвидеріусъ.

Ни молній не боишься ты,

---

*) Во времена Шекспира существовало повѣрье, что реполовъ, найдя непогребенный человѣческій трупъ, покрываетъ его цвѣтами и мохомъ.

**) Терситъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ «Иліады», Гомера,—уродъ, плутъ и насмѣшникъ. Его убилъ ударомъ кулака Ахилесъ за насмѣшки надъ плачущими у изголовья умирающей Пентезилеи. Аяксъ, послѣ Ахилеса, красивѣйшій и храбрѣйшій изъ грековъ, осаждавшихъ Трою.

***) Стихотворный переводъ этой пѣсни принадлежитъ Ѳ. Б. Миллеру.

Арвирагусъ.
Ударамъ грома не внимаешь;
Гвидеріусъ.
Спасенъ отъ жала клеветы,
Арвирагусъ.
Скорбей и радостей не знаешь.
Оба.
Любовь и счастіе сердецъ—
Все стало прахъ, всему конецъ!
Гвидеріусъ.
Волшебникъ удались тебя!
Арвирагусъ.
Заклятье не коснись тебя!
Гвидеріусъ.
Бродячій духъ не знай тебя!
Арвирагусъ.
Злой демонъ не смущай тебя!
Оба.
Святой покой найди себѣ!
Будь память вѣчная тебѣ!

Возвращается **Беларіусъ**, *съ трупомъ Клотена.*

Гвидеріусъ. Мы кончили погребеніе Фиделіо. Клади его сюда.

Беларіусъ. Вотъ немного цвѣтовъ, въ полночь наберу больше. Цвѣты, покрытые холодной росой, лучше для обсыпанія ими могилъ. Сыпьте ихъ на трупы... И вы, теперь увядшіе, были цвѣтами; тоже будетъ и съ тѣми, которые васъ осыпаютъ. Уйдемъ подальше и тамъ преклонимъ колѣни. Изъ земли они вышли, земля ихъ и беретъ; не чувствовать имъ больше ни радостей, ни страданій.

(**Беларіусъ, Гвидеріусъ** *и* **Арвирагусъ** *уходятъ*)

Иможена *(просыпаясь)*. Да, сэръ, въ мильфордскую гавань; по какой дорогѣ мнѣ идти?.. Благодарю... Подлѣ того куста?.. Далеко еще?.. Боги, цѣлыхъ шесть миль!.. Цѣлую ночь я шла... прилягу здѣсь и усну. (*Увидавъ трупъ*) Нѣтъ, нѣтъ, не нужно мнѣ товарища... О, боги и богини! эти цвѣты подобны радостямъ земнымъ, а этотъ трупъ—горю. Надѣюсь, все это я вижу во снѣ; да, и то, что я будто сторожу пещеру и стряпаю для добрыхъ людей; ничего этого не было; это стрѣла изъ ничего въ ничто пущенная и созданная изъ испареній мозга. Наши глаза, какъ и наши сужденія, бываютъ иногда слѣпы... Но я все еще дрожу отъ страха. Если на небесахъ осталась капля состраданія, хотя такая маленькая, какъ глазъ крапивника, грозные боги, дайте частичку ея!.. Сонъ все еще продолжается; я просыпаюсь, но онъ вокругъ меня и во мнѣ; я уже не воображаю, но ощущаю... человѣкъ безъ головы!.. Одежда Постумуса!.. Я узнаю форму его ноги; его рука; его стопа Меркурія, его бедра Марса, его плечи Геркулеса; но гдѣ его лицо Юпитера? Развѣ убиваютъ на небѣ?.. Какъ?.. Оно исчезло... Пизаніо да падутъ на тебя всѣ проклятія, которыми обезумѣвшая Гекуба осыпала грековъ, съ прибавленіемъ моихъ! Сговорившись съ подлымъ дьяволомъ, Клотеномъ, ты убилъ моего мужа... Отнынѣ и письмо и чтеніе—предательство! Будь проклятъ Пизаніо, съ твоими фальшивыми письмами! Проклятый Пизаніо, ты срубилъ главную мачту лучшаго изъ кораблей міра... О, Постумусъ! Гдѣ голова твоя? гдѣ она?.. Ахъ, гдѣ-же она? Пизаніо могъ поразить тебя въ сердце и оставить тебѣ голову!.. Кто могъ это сдѣлать? Пизаніо? Или онъ и Клотенъ, корысть и злоба виновники этого преступленія. О, это ясно, очень ясно. Онъ далъ мнѣ лекарство, назвавъ его превосходнымъ, крѣпительнымъ, и оно оказалось убійственнымъ для моихъ чувствъ! Теперь все ясно; это дѣло Клотена и Пизаніо. О, зарумянь твоей кровью мои блѣдныя щеки, чтобы мы казались еще болѣе ужасными тому, кто найдетъ насъ. О, мой супругъ! супругъ мой!

Входятъ **Люціусъ, Римскій военачальникъ, Офицеры** *и* **Гадатель.**

Военачальникъ. По вашему приказанію легіоны, стоявшіе въ Галліи, переплыли море; они ожидаютъ васъ въ мильфордской гавани и совершенно готовы.

Люціусъ. Нѣтъ-ли извѣстій изъ Рима?

Военачальникъ. Сенатъ призвалъ на службу союзниковъ и знатныхъ римлянъ, рвеніе которыхъ много обѣщаетъ. Они выступятъ подъ начальствомъ храбраго Іахимо, брата Сіенны.

Луціусъ. Когда, вы думаете, они будутъ здѣсь?

Военачальникъ. Съ первымъ попутнымъ вѣтромъ.

Луціусъ. Эта быстрота позволяетъ надѣяться на успѣхъ. Осмотрите уже прибывшее войско; пусть всѣ будутъ готовы къ бою. Ну, а вы, достойный, предсказатель, что снилось вамъ объ этой войнѣ?

Гадатель. Постомъ и молитвой просилъ я боговъ просвѣтить меня и они послали мнѣ видѣніе: птица Юпитера, римскій орелъ прилетѣлъ съ юга въ эту часть запада и скрылся въ солнечныхъ лучахъ; если грѣхи не затемняютъ моей вѣщей способности, это видѣніе предвѣщаетъ успѣхъ римскому войску.

Луціусъ. Желаю вамъ грезить такъ почаще и не ошибаться въ предсказаніяхъ... Чей это трупъ безъ головы? Эта развалина говоритъ, что она была хорошимъ зданіемъ... Какъ! здѣсь и пажъ! Мертвъ онъ или спитъ? Скорѣе мертвъ, потому что природа не допуститъ раздѣлить ложе съ усопшимъ. Покажите мнѣ лицо юноши.

Вееначальникъ. Онъ живъ.

Луціусъ. Тогда отъ него мы узнаемъ, чей это трупъ. Юноша, познакомь насъ съ твоей судьбой; она, повидимому, любопытна. Кто служилъ тебѣ кровавымъ изголовьемъ? Кто исказилъ это прекрасное изображеніе, начертанное мудрой природой? Какое участіе принималъ ты въ этомъ горестномъ событіи? Какъ оно случилось? Кто онъ и кто ты?

Иможена. Я ничто; но если я что-нибудь, то лучше бы мнѣ остаться ничѣмъ. Это былъ мой господинъ, добрый и храбрый британецъ; его убили горцы. Увы! нѣтъ болѣе подобныхъ господъ. Пройду я отъ запада до востока, умоляя о службѣ, испытаю ее у многихъ и хорошихъ господъ, буду служить имъ честно, но такого господина, какъ этотъ, мнѣ уже не найдти.

Луціусъ. Бѣдный добрый юноша, ты трогаешь меня своимъ горемъ не менѣе, чѣмъ видъ истекающаго кровью твоего господина. Скажи его имя, любезный.

Иможена. Ричардъ дю-Шанъ. (*Про себя*) Я лгу, но безвредно; надѣюсь, боги простятъ меня. (*Въ слухъ*) Вы что-то сказали, господинъ.

Луціусъ, Твое имя?

Иможена. Фиделіо.

Луціусъ. Ты доказалъ, что оно къ тебѣ подходитъ; оно вполнѣ соотвѣтствуетъ твоей вѣрности; а вѣрность—твоему имени. Хочешь попытать счастія у меня? Не скажу, что я такъ же хорошъ, какъ и онъ, но, можешь быть увѣренъ, буду любить тебя не менѣе его. Самое письмо римскаго императора, пересланное мнѣ черезъ сенатъ, не могло бы убѣдить меня въ твоихъ достоинствахъ такъ, какъ убѣдилъ меня ты самъ. Иди со мной.

Иможена. Я послѣдую за вами. Но прежде, если это будетъ угодно богамъ, позвольте мнѣ укрыть моего господина отъ мухъ такъ глубоко, какъ только смогутъ эти жалкія лопаты. Потомъ, засыпавъ могилу листьями и дикими растеніями, прочитавъ сотни молитвъ, пока я буду въ силахъ, плача и вздыхая,— я окончу свою службу ему и перейду къ вамъ, если вамъ угодно будетъ взять меня.

Луціусъ. Непремѣнно возьму, добрый юноша, и буду для тебя скорѣе отцомъ, чѣмъ господиномъ... Друзья, этотъ юноша напоминаетъ намъ о нашихъ обязанностяхъ. Отыщемъ хорошее, усѣянное маргаритками мѣсто и нашими копьями и мечами выроемъ могилу. Поднимите тѣло. Юноша, ты расположилъ насъ къ нему, и мы похоронимъ его, какъ воина. Утѣшься, осуши свои глаза. Иногда паденіе служитъ только средствомъ встать счастливѣе. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ Цимбелина.

Входятъ **Цимбелинъ, Лорды** *и* **Пизаніо.**

Цимбелинъ. Иди, узнай, въ какомъ она положеніи и возвращайся скорѣе. Исчезновеніе сына уложило ее въ постель, она въ жару и жизни ея угрожаетъ опасность. О, небо, сколько ударовъ обрушилось на меня разомъ! Иможена, мое лучшее утѣшеніе, бѣжала; королева на одрѣ опасной болѣзни и въ такое время, когда мнѣ грозитъ жестокая война. Ея сынъ, такъ нужный мнѣ теперь, тоже исчезъ; все это доводитъ меня до отчаянія... Ты, негодный, знаешь куда она скрылась, только притворяешься незнающимъ; жестокой пыткой мы заставимъ тебя говорить.

Пизаніо. Государь, моя жизнь—ваша, покорно отдаю ее въ ваше распоряженіе; но гдѣ госпожа моя—не знаю; неизвѣстно мнѣ, зачѣмъ она скрылась и когда возвратится. Умоляю, ваше величество, повѣрить, что я вашъ преданный слуга.

Первый лордъ. Государь, въ тотъ день, когда замѣтили ея исчезновеніе, онъ былъ здѣсь; я могу поручиться, что онъ говоритъ правду и всегда честно исполнялъ обязанности вѣрнаго подданнаго. Что касается Клотена, его ищутъ очень усердно и вѣроятно скоро отыщутъ.

Цимбелинъ. Столько заботъ мнѣ теперь; на этотъ разъ ты ускользнулъ, но подозрѣніе съ тебя еще не снято.

Пер. лордъ. Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что римскіе легіоны, изъ Галліи, высадились на нашихъ берегахъ и къ нимъ послано изъ Рима подкрѣпленіе.

Цимбелинъ. Какъ нуженъ мнѣ теперь совѣтъ королевы и ея сына. У меня голова идетъ кругомъ во всей этой сумятицѣ.

Пер. лордъ. Мой добрый государь, вы настолько приготовились, что смѣло можете встрѣтить врага; придутъ къ нему подкрѣпленія — мы и тогда будемъ достаточно сильны. Остается только двинуть войска, которыя жаждутъ вступить въ бой.

Цимбелинъ. Благодарю васъ. Встрѣтимъ же грозу, которая насъ ищетъ; не того мы боимся, чѣмъ угрожаетъ Италія; тревожитъ насъ то, что происходитъ здѣсь, дома. Идемъ! (*Уходятъ.*)

Пизаніо. Ни одного письма отъ моего господина съ той поры, какъ я извѣстилъ его о смерти Иможены. Это странно. Ничего не слышу и о ней, хотя она обѣщала часто извѣщать о себѣ; не знаю, куда пропалъ Клотенъ. Все это приводитъ меня въ недоумѣніе.... Много дѣла будетъ небу.... Мнѣ приходится лгать, чтобы быть честнымъ; измѣнять, чтобы оставаться вѣрнымъ. На войнѣ я докажу, что люблю отечество и король въ томъ увѣрится; можетъ быть, я паду на полѣ битвы. Всѣ остальныя подозрѣнія противъ меня разсѣетъ время. При счастьи, ботъ и безъ руля приходитъ къ пристани. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА IV.

Передъ пещерой.

Входятъ **Беларіусъ, Гвидеріусъ** *и* **Арвирагусъ.**

Гвидеріусъ. Вокругъ насъ вездѣ тревога.

Беларіусъ. Надо укрыться отъ нея.

Арвирагусъ. Какое-же удовольствіе найдете вы въ жизни, если станете скрываться отъ дѣла и опасности.

Гвидеріусъ. И что выиграемъ мы, скрывшись? Или римляне убьютъ насъ, какъ британцевъ; или, принявъ насъ за подлыхъ перебѣзчиковъ, заставятъ служить имъ и потомъ все-таки убьютъ.

Беларіусъ. Дѣти, мы подымемся выше, въ горы, и будемъ тамъ въ безопасности. Мы не можемъ пристать къ войску короля; насъ никто не знаетъ, въ списки воиновъ мы не внесены, а исчезновеніе Клотена побудитъ ихъ спросить насъ, гдѣ мы жили; мы можемъ обмолвиться признаніемъ, что сдѣлали, и за это насъ постигнутъ мучительныя пытки и смерть.

Гвидеріусъ. Такое опасеніе недостойно тебя, отецъ, и твои слова нисколько насъ не убѣждаютъ.

Арвирагусъ. Невѣроятно, чтобы слыша ржаніе римскихъ коней, видя огни ихъ лагерей; когда ихъ глаза и уши развлечены такими важными событіями, они стали терять время на допросы, кто мы и откуда пришли.

Беларіусъ. О, многіе знаютъ меня въ войскѣ. Вы видѣли, много лѣтъ прошло, а черты Клотена не изгладились изъ моей памяти. Кромѣ того, король не стоитъ ни моей службы, ни вашей любви. Мое изгнаніе не позволило мнѣ дать вамъ должнаго воспитанія, осудило васъ на тяжелую жизнь, отнявъ отъ васъ все, на что вы имѣли право надѣяться уже въ самой колыбели; и въ лѣтній зной и въ зимнюю стужу у васъ нѣтъ настоящаго убѣжища.

Гвидеріусъ. Лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить такъ, какъ мы живемъ. Прошу, присоединимся къ арміи. Насъ съ братомъ никто не знаетъ; тебя же такъ давно не видали, и ты такъ состарился, что едва-ли кто-нибудь признаетъ.

Арвирагусъ. Клянусь этимъ яснымъ солнцемъ, я пойду туда. Я даже никогда еще не видѣлъ, какъ умираетъ человѣкъ въ бою; я видѣлъ только кровь робкихъ зайцевъ, быстроногихъ козъ и оленей; верхомъ я ѣздилъ только на клячѣ, хозяиномъ которой былъ ѣздокъ, какъ и я, незнавшій шпоръ. Мнѣ стыдно пользоваться блестящими лучами благодатнаго солнца, пребывая въ жалкомъ ничтожествѣ.

Гвидеріусъ. Клянусь небомъ, иду и я. Если ты благословишь меня, отецъ, и дашь мнѣ свое позволеніе, я стану охотнѣе заботиться о своей жизни, не дашь—пусть послѣдствія твоего отказа падутъ на меня и я погибну отъ руки римлянъ.

Арвирагусъ. Тоже скажу и я. Аминь.

Беларіусъ. Если вы не дорожите своей молодой жизнью, съ чего-же дорожить мнѣ моей, дряхлой. Пойду и я съ вами, дѣти. Сложите вы свои головы за родину, рядомъ съ вами будетъ и моя постель; тамъ же лягу и я. Идемъ! идемъ! (*про себя*) Время кажется имъ такимъ длиннымъ; ихъ кровь бурлитъ, желая излиться и доказать, что они родились принцами. (*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Поле между британскимъ и римскимъ лагерями.

Входитъ **Постумусъ** *съ окровавленнымъ платкомъ.*

Постумусъ. Да, окровавленный холстъ, я сохраню тебя, потому что самъ желалъ, чтобы былъ ты такъ окрашенъ. Если бы всѣ женатые вздумали послѣдовать моему примѣру, сколько было бы убито женъ, болѣе достойныхъ, чѣмъ ихъ мужья, и притомъ за самую ничтожную вину. О, Пизаніо, хорошій слуга исполняетъ не всякое приказаніе своего господина; онъ обязанъ исполнять только честныя его приказанія. Если бы, боги, за каждый мой проступокъ вы наказывали меня, не дожилъ бы я до такого дѣла; тогда вы сохранили бы благородную Иможену для раскаянія, а покарали бы меня, несчастнаго, болѣе достойнаго вашей кары. Увы! однихъ вы отзываете съ этого свѣта за легкіе проступки и это служитъ доказательствомъ вашей любви къ нимъ, ибо вы желаете избавить ихъ отъ новыхъ паденій; другимъ же позволяете накоплять зло, причемъ каждое послѣдующее хуже предъидущаго, и дѣлаться ужасомъ для людей. Вы взяли Иможену, ваша воля, но даруйте мнѣ смиреніе! Я пріѣхалъ сюда съ итальянской знатью воевать съ королевствомъ моей жены. Британія, я убилъ твою королеву! будетъ, болѣе я тебѣ ранъ не нанесу. Боги, выслушайте терпѣливо, на что я рѣшился. Я сброшу эту римскую одежду и переодѣнусь въ платье простого крестьянина и пойду противъ тѣхъ, съ кѣмъ я пріѣхалъ сюда, и умру я за тебя, о, Иможена, потому что каждый вздохъ мой о тебѣ, есть смерть. Такъ, никому неизвѣстный, не возбуждающій ни въ комъ ни жалости, ни злобы, я буду искать опасностей. Я желаю, чтобы люди признали во мнѣ болѣе мужества, чѣмъ можно было бы предполагать, судя по моей одеждѣ. Боги! дайте мнѣ силы Леонатусовъ! Я пристыжу обычай свѣта судить человѣка по его внѣшности, а не по его внутреннимъ достоинствамъ. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА II.

Тамъ-же.

Съ одной стороны входятъ **Луціусъ**, **Іахимо** *и римское войско; съ другой—британское;* **Постумусъ** *слѣдуетъ за нимъ какъ простой воинъ. Они проходятъ черезъ сцену. Шумъ битвы. Возвращаются, сражаясь,* **Іахимо** *и* **Постумусъ**; *послѣдній обезоруживаетъ своего противника и удаляется.*

Іахимо. Тяжелый грѣхъ гнететъ мою совѣсть и отнимаетъ у меня мужество. Я оклеветалъ женщину, принцесу этой страны, и ея воздухъ, въ отмщеніе, ослабляетъ меня; иначе, развѣ бы могъ простой мужикъ, отребіе природы, одолѣть меня въ моемъ ремеслѣ? Санъ и почести, если ими пользуются такъ, какъ пользуюсь я, только позорятъ. Если, Британія, твоя знать настолько-же мужественнѣе этого болвана, насколько онъ мужественнѣе нашей знати, придется признать, что мы едва люди, а они боги. (*Уходитъ.*)

Сраженіе продолжается: британцы бѣгутъ; **Цимбелинъ** *взятъ въ плѣнъ, къ нему на выручку приходятъ* **Беларіусъ, Гвидеріусъ** *и* **Арвирагусъ.**

Беларіусъ. Стойте! стойте! поле за нами! проходъ занятъ; насъ выбить нельзя, лишьбы мы подло не струсили.

Гвидеріусъ
Арвирагусъ } Стойте, стойте и сражайтесь!

Входитъ **Постумусъ** *и памогаетъ британцамъ; они отбиваютъ* **Цимбелина** *и уходятъ. Затѣмъ входятъ* **Луціусъ, Іахимо** *и* **Иможена.**

Луцісъ. Уходи изъ этой сумятицы, юноша, и спасайся; друзья убиваютъ друзей и безпорядокъ такой, точно у всѣхъ завязаны глаза.

Іахимо. Къ нимъ подоспѣло подкрѣпленіе.

Луціусъ. Какъ внезапно измѣнилась участь боя. Если не подоспѣютъ наши подкрѣпленія, мы принуждены будемъ бѣжать.

СЦЕНА III.

Другая часть поля битвы.

Входятъ **Постумусъ** и **Британскій Лордъ.**

Лордъ. Ты оттуда, гдѣ наши устояли?

Постумусъ. А вы, кажется изъ числа тѣхъ, что бѣжали?

Лордъ. Да.

Постумусъ. Вы не заслуживаете за то порицанія, потому что все было потеряно; затѣмъ вступилось за насъ небо и мы устояли. Самъ король былъ отрѣзанъ отъ войска; ряды наши смѣшались; британцы показали врагу свои спины и побѣжали узкимъ проходомъ; ободренный этимъ врагъ вскорѣ убѣдился, что ему предстоитъ болѣе работы, чѣмъ у него имѣется рукъ для ея исполненія и потому однихъ онъ разилъ на смерть, другихъ-же задѣвалъ только слегка; многіе-же изъ нашихъ сами падали, изъ одного только страха; прошло не много времени и узкій проходъ былъ запруженъ мертвецами, пораженными въ спину, и трусами, сберегшими свою жизнь затѣмъ, чтобы продлить свой позоръ.

Лордъ. Гдѣ этотъ проходъ?

Постумусъ. Недалеко отъ поля сраженія; онъ окопанъ рвомъ и обнесенъ валомъ; имъ съумѣлъ воспользоваться одинъ старый воинъ, можно поручиться, честный, услугой родинѣ, заслужившій ту долгую жизнь, о которой свидѣтельствуетъ его бѣлая борода. Съ нимъ были двое юношей, почти мальчики, которымъ приличнѣе было отличаться въ сельскихъ играхъ, чѣмъ въ бою,—съ лицами нѣжными, даже красивѣйшими тѣхъ, которыя скрываютъ подъ маской изъ скромности или отъ загара; въ сопровожденіи этихъ двухъ молодцовъ старикъ протѣснился въ проходъ, между бѣгущими, и закричалъ имъ: «убѣгая умираютъ олени, а не воины нашей Британіи; души бѣглецовъ устремляются прямо въ преисподнюю! Остановитесь! или мы присоединимся къ римлянамъ и поступимъ съ вами, какъ съ звѣрями на охотѣ, потому что вы удираете подобно имъ. Васъ можетъ только спасти, если вы снова рѣшительно обернетесь назадъ. Остановитесь, остановитесь!» Эти трое стоили трехъ тысячъ своимъ мужествомъ и вѣрой въ успѣхъ дѣла. Когда всѣ опускаютъ руки, трое дѣятельныхъ, умѣющихъ воодушевить другихъ, составляютъ цѣлое войско. Эти трое однимъ словомъ «остановитесь!» умѣньемъ воспользоваться удобной мѣстностью и, еще болѣе, своимъ чарующимъ примѣромъ, который и веретено обратилъ бы въ копье, возвратили бодрость упавшимъ духомъ; многихъ изъ нихъ сдѣлалъ трусами примѣръ,—о, на войнѣ великій грѣхъ тому, кто первый подаетъ его; — они осмотрѣлись, имъ стало стыдно своего проступка и они зарычали, какъ львы, на копья охотниковъ. Преслѣдователи, при такомъ неожиданномъ сопротивленіи, остановились, начали отступать, смѣшались, и произошла страшная схватка; затѣмъ они побѣжали какъ циплята по той самой дорогѣ, по которой летѣли орлами; рабами бѣжали они по слѣдамъ, сдѣланныхъ ими-же, но побѣдителями. Тогда и наши трусы,—какъ крохи оставшейся провизіи въ концѣ длиннаго путешествія,—оказали свою пользу; увидавъ, что задняя дверь ничѣмъ не защищенныхъ сердецъ отворена, они разразились страшными ударами; они били мертвыхъ, умирающихъ; доставалось отъ нихъ даже и своимъ въ общей свалкѣ; прежде одинъ римлянинъ гналъ ихъ передъ собой десятокъ; теперь каждый изъ нихъ убивалъ по двадцати; и тѣ, которые еще недавно готовы были лучше умереть, чѣмъ сопротивляться, стали грозою для враговъ.

Лордъ. Какой странный случай. Узкій проходъ, старикъ и два мальчика.

Постумусъ. Нечего вамъ удивляться; вы созданы скорѣе для того, чтобы слушать разсказъ о подвигахъ, а не совершать ихъ.

Лордъ. Полно, не сердитесь.

Постумусъ. Зачѣмъ сердиться мнѣ? Кто струситъ предъ врагомъ, съ тѣмъ я скорѣе готовъ дружиться, потому что, по своей трусости, онъ тотчасъ же оставитъ меня.

Лордъ. Прощайте; вы сердитесь. (*Уходитъ.*)

Постумусъ. Снова убѣжалъ. И это лордъ. О, благородное ничтожество! Находится на полѣ битвы и развѣдываетъ о ней у меня. Какъ многіе сегодня пожертвовали честью для спасенія своей кожи; пустились въ бѣгство и все-таки многіе изъ нихъ погибли. А я точно заколдованъ своимъ несчастьемъ, я не могъ найдти себѣ смерти, хотя искалъ ее вездѣ, гдѣ только слышалъ ея стоны; не попалъ подъ ея удары и тамъ, гдѣ она разила. Странно, это отвратительное чудовище скрывается въ свѣтлыхъ кубкахъ, на пуховыхъ перинахъ, въ льстивыхъ словахъ; тамъ у нея болѣе слугъ, чѣмъ у насъ, разящихъ ея мечемъ. Но я хочу ее найдти и найду; до сихъ поръ я дрался за британцевъ; перестаю быть британцемъ и занимаю мое прежнее мѣсто между римлянами. Не стану болѣе драться и сдамся послѣднему рабу, который коснется моего плеча. Очень много британцевъ убили сегодня римляне; британцы не остались и не останутся долѣе въ долгу; смерть моя будетъ моимъ выкупомъ. На обоихъ сторонахъ я только затѣмъ, чтобы разстаться съ ненавистной для меня жизнью. Я и разстанусь съ нею за Иможену!

Входятъ два **Британскіе военачальника** *и* **Солдаты.**

ер. военачальникъ. Хвала великому Юпитеру! Луціусъ взятъ въ плѣнъ. Старика и его сыновей принимаютъ за ангеловъ.

Вт. военачальникъ. Съ ними былъ еще четвертый, одѣтый въ платье крестьянина, который храбро помогалъ имъ.

Пер. военачальникъ. Такъ разсказываютъ, но ни одного изъ нихъ не могутъ найдти. Стой! Кто это?

Постумусъ. Римлянинъ, который не бродилъ бы здѣсь, еслибъ его поддержали.

Вт. военачальникъ. Возьми его, собаку! Не останется ни одной римской ноги, чтобы вернуться въ Римъ и разсказывать, какія вороны клевали здѣсь римлянъ. Онъ хвалится своими подвигами, вѣрно кто-нибудь изъ знати; отведите его къ королю.

Входятъ **Цимбелинъ** *со свитой;* **Беларіусъ, Гвидеріусъ, Арвирагусъ, Пизаніо** *и римскіе плѣнные. Военачальники подводятъ къ королю Постумуса; онъ велитъ тюремщику взять его и затѣмъ всѣ уходятъ.*

СЦЕНА IV.

Тюрьма.

Входятъ **Постумусъ** *и два* **Тюремщика.**

Пер. тюремщикъ. Теперь тебя не украдутъ, ты хорошо запакованъ. Пасись, если найдешь здѣсь траву.

Вт. тюремщикъ. Когда проголодаешься.

(*Уходятъ.*)

Постумусъ. Будь благословенно заключеніе; ты, я думаю, для меня путь къ свободѣ. Счастливѣе я больного подагрой, который предпочитаетъ вѣчныя страданія излеченію искуснѣйшимъ врачемъ — смертію, которая обладаетъ ключомъ ото всѣхъ замковъ. Моя совѣсть, ты закована сильнѣе моихъ рукъ и ногъ; милосердные боги, дозвольте моему раскаянію быть отмычкой ея оковъ и тогда я буду свободенъ на всегда! Достаточно-ли для этого моей скорби? Ею дѣти смягчаютъ земныхъ отцовъ, а боги милосерднѣе людей. Если я долженъ принести покаяніе, всего лучше исполнить его въ цѣпяхъ, желанныхъ для меня, но не насильственныхъ; если, болѣе всего для умилостивленія васъ, я лишилъ себя свободы, согласитесь взять все мое. Я знаю, вы снисходительнѣе жадныхъ людей, которые принимаютъ отъ своихъ должниковъ третью, шестую, десятую часть, давая тѣмъ возможность имъ на остальное поправить ихъ положеніе. За драгоцѣнную жизнь Иможены возьмите мою жизнь, хотя она не такъ цѣнна, какъ ея, но все же и моя жизнь вами вычеканена. Не всякую монету люди взвѣшиваютъ и берутъ легкую, ради изображенія, на ней вычеканеннаго; возьмите же монету съ моимъ изображеніемъ, такъ какъ она вашей работы. И такъ, всемогущіе, согласитесь на такую уплату, возьмите мою жизнь и тѣмъ снимите съ меня тяжелыя путы. О, Иможена! я буду говорить съ тобой, безмолствуя.

(*Засыпаетъ.*)

Торжественная музыка. Входятъ, какъ видѣнія: **Сициліусъ Леонатусъ**, *отецъ Постумуса, старикъ, въ одеждѣ воина; онъ ведетъ за руку старую женщину,* **Мать** *Постумуса; музыканты впереди нихъ; за ними идутъ* **Два юные Леонатуса,** *съ открытыми ранами, отъ которыхъ они пали въ сраженіи. Они окружаютъ Постумуса.*

Сициліусъ *).

О, громовержецъ! не рази
Ничтожнаго червя:
На Марса, на Юнону пусть
Прольется месть твоя
И весь твой гнѣвъ.
Мой сынъ такъ чистъ и кротокъ былъ
Отца онъ не знавалъ!
Когда я умеръ—рокъ ему
Лучъ свѣта показалъ.
Отцомъ гонимыхъ и сиротъ
Тебя считаетъ свѣтъ:
Зачѣмъ же ты не спасъ его
Отъ горькихъ жизни бѣдъ?

Мать.

Луцина *) мнѣ не помогла
Я въ мукахъ умерла.
Его ножомъ рука врача
Для жизни извлекла...
Мой бѣдный сынъ!

Сициліусъ.

Какъ предки доблестные, онъ
Былъ силенъ и высокъ;
Моею отраслію свѣтъ
Вполнѣ гордиться могъ.

Старшій братъ.

Когда онъ зрѣлымъ мужемъ сталъ,
Въ странѣ своей родной,
Себѣ онъ равныхъ не встрѣчалъ
По доблести прямой;
И дочь монарха взоръ на немъ
Остановила свой.

Мать.

И что-жъ? за свой союзъ святой
Пошелъ въ изгнанье онъ
Лишенъ наслѣдія отцовъ
И счастія лишенъ,
И ласкъ жены!

Сициліусъ.

Какъ ты дозволилъ хвастуну
Іахимо клеветой
Въ немъ муки ревности разлить,
Смутить его покой?
Зачѣмъ такъ долженъ онъ страдать
Отъ подлости чужой?

Младшій братъ.

Отецъ и мать къ нему пришли
Изъ области тѣней,
И мы, стяжавшіе почетъ
И смерть среди мечей,
Храня Тенанція права
И честь земли своей.

Старшій братъ.

Такъ Цимбелину Постумъ нашъ
Мечомъ своимъ служилъ:
Зачѣмъ-же ты, о царь боговъ,
Его не наградилъ,
И все, чего достигъ герой
Въ страданье обратилъ?

Сициліусъ.

Открой кристальное окно,
Внемли мольбамъ моимъ:
Не дай, чтобъ древній, славный родъ
Подъ гнѣвомъ палъ твоимъ.

Мать.

Зевесъ! мой сынъ благочестивъ—
О, сжалься же надъ нимъ!

Сициліусъ.

Взгляни изъ мраморныхъ палатъ—
Внемли мольбѣ духовъ—
Не то мы съ жалобой своей
Придемъ въ совѣтъ боговъ.

Оба брата.

Внемли! не то мы вознесемъ
Къ богамъ свой горькій зовъ.

Юпитеръ *спускается на орлѣ съ громомъ и молніею. Духи падаютъ на колѣна.*

Юпитеръ.

Умолкни сонмъ блуждающихъ тѣней!
Какъ смѣли вы, въ безумномъ ослѣпленьи,
Винить того, кто молніей своей
Разитъ мятежъ, караетъ преступленье?
Вамъ данъ Элизій - на лугахъ своихъ
Покойтесь тамъ, другихъ заботъ не зная:
Забудьте всѣ дѣла земного края:
Не вамъ, а мнѣ заботиться о нихъ.
Кто мной любимъ, пусть приметъ испытанье—
И тѣмъ цѣна награды возрастетъ;
Довѣртесь мнѣ: вашъ сынъ прошелъ страданье,
И для него вновь счастье зацвѣтетъ.
Явился въ свѣтъ онъ подъ моей здѣздою,
И бракъ его благословилъ мой храмъ;
Онъ счастіе скрѣпилъ себѣ бѣдою,
Вновь Иможену я ему отдамъ.
Летите въ свой пріютъ! вотъ книга вамъ,
Ее на грудь ему вы положите:
Въ ней заключенъ судьбы его залогъ—
И впредь меня роптаньемъ не гнѣвите.
Орелъ! лети въ кристальный мой чертогъ!

(*Улетаетъ.*)

Сициліусъ.

Онъ съ громомъ къ намъ слетѣлъ, и сѣрный дымъ
Его объялъ, орелъ его священный
Такъ грозенъ былъ: но въ высь его полетъ
Былъ сладостенъ, какъ райскій ароматъ;
Онъ мощнымъ клювомъ крылья расправлялъ:
Знать, богъ его доволенъ.

Всѣ.

О! Юпитеръ!
Благодаримъ!

Сициліусъ.

Сводъ мраморный сомкнулся:
Онъ въ свой чертогъ сіяющій влетѣлъ.
Прочь, прочь скорѣй! исполнимъ повелѣнье
Царя боговъ для нашего спасенья.

(*Духи исчезаютъ.*)

Постумусъ (*просыпаясь*). Сонъ, ты былъ моимъ дѣломъ; ты мнѣ далъ отца; ты создалъ мать и двухъ братьевъ. Но—о, насмѣшка!—ничего не осталось, они исчезли! скрылись тотчасъ, какъ родились, и я проснулся. Я такъ же грезилъ, какъ грезятъ бѣдняки, полагающіеся на милость сильныхъ; проснутся — и ничего не находятъ. Но я говорю не то; многіе надѣляются счастіемъ, не помышляя о немъ и не заслуживая его; вотъ и я, не знаю за что, обрадованъ этимъ золотымъ сномъ. Это что? Какія феи посѣщаютъ это мѣсто. Книжка? Красивая! Не будь же ты, по обычаю свѣта, богаче снаружи, чѣмъ внутри; не походи на нашихъ придворныхъ и будь тѣмъ, что обѣщаетъ твоя наружность. (*Читаетъ*) «Когда львенокъ, найдетъ, не ища, самъ того не зная, струю нѣжнаго воздуха, и будетъ обнятъ ею; когда вѣтви, отсѣченныя отъ величественнаго кедра, послѣ долголѣтней смерти снова оживутъ, приростутъ къ старому пню и зазеленѣютъ, — тогда окончатся бѣдствія Постумуса, Британія будетъ счастлива и процвѣтетъ въ благоденствіи и мирѣ! И это сонъ или чепуха, сорвавшаяся съ языка безумца; то или другое, или просто ничто; безсмыслица это или же то, что выше нашего пониманія? Она тоже, что моя жизнь; хотя ради симпатіи сохраню ее.

Входитъ **Тюремщикъ.**

Тюремщикъ. Ну, сэръ, готовы вы къ смерти?

Постумусъ. Скорѣе пережарился. Я уже давно готовъ.

Тюремщикъ. Дѣло идетъ о висѣлицѣ для васъ, сэръ; если вы готовы для нея, значитъ сготовлены какъ слѣдуетъ.

Постумусъ. Если буду хорошимъ блюдомъ для зрителей, этимъ и покроются расходы.

Тюремщикъ. Тяжелый это будетъ счетъ для васъ, сэръ; одно развѣ утѣшеніе, что болѣе уже не придется расплачиваться, не будутъ тревожить трактирные счеты, которые иногда вызываютъ досаду, хотя сперва и было очень весело; входишь въ трактиръ ослабѣвшій отъ недостатка пищи, а выходишь, шатаясь отъ излишка выпитаго; разбираетъ досада, что много выпилъ и много заплатилъ; и голова и кошелекъ пусты; голова тяжела, потому что была слишкомъ легка; кошелекъ легокъ, потому что освобожденъ отъ тяжести. Вотъ вы и избавитесь отъ всѣхъ этихъ противорѣчій. Какъ милостива копеечная веревка! она въ одну минуту уничтожаетъ тысячные счеты; она самый лучшій счетчикъ; она очиститъ разомъ и прошлое, и настоящее и будущее; ваша шея, сэръ, и перо, и книга, и деньги,—живо счетъ покончите.

Постумусъ. Умереть мнѣ легче, чѣмъ тебѣ жить.

Тюремщикъ. Справедливо, сэръ, кто спитъ, тотъ не страдаетъ зубной болью. Но тотъ, кому, какъ вамъ, приходится спать уложеннымъ въ постель палачемъ, тотъ охотно помѣняется мѣстомъ съ своимъ прислужникомъ, потому что, видите-ли вы, сэръ, вы не знаете, по какой дорогѣ вамъ придется идти.

---

*) Стихотворный переводъ видѣнія принадлежитъ Ѳ. Б. Миллеру.

*) Луцина—богиня родильницъ и новорожденныхъ дѣтей, считалась дочерью Юноны.

Постумусъ. Хорошо знаю, пріятель.

Тюремщикъ. Выходитъ, ваша смерть съ глазами во лбу; никогда не видалъ, чтобы ее такъ изображали; вамъ или придется идти по указаніямъ тѣхъ, кто знаетъ, или самому выбирать дорогу, которой не знаете и поплететесь вы на удачу; ну, а какъ окончите путешествіе, объ этомъ, я полагаю, вы не вернетесь разсказывать.

Постумусъ. Скажу тебѣ, пріятель, что у всякаго найдутся глаза, чтобы отыскать дорогу, по которой я пойду, кромѣ развѣ того, который зажмуривается, не желая ими пользоваться.

Тюремщикъ. Мудреная штука! какъ это человѣкъ можетъ пользоваться глазами, чтобы видѣть дорогу, которая ослѣпляетъ! Я знаю, что висѣлица заставитъ по неволѣ зажмуриться.

Входитъ **Вѣстникъ.**

Вѣстникъ. Сними оковы съ арестанта и веди его къ королю.

Постумусъ. Ты принесъ мнѣ добрую вѣсть; меня призываютъ, чтобы дать свободу.

Тюремщикъ. Тогда пусть меня повѣсятъ.

Постумусъ. И ты будешь свободнѣе тюремщика; для мертваго нѣтъ замковъ.

(*Вѣстникъ и Постумусъ уходятъ.*)

Тюремщикъ. Кажется и тотъ, который женился бы на висѣлицѣ и наплодилъ съ нею маленькихъ висѣлицъ, не былъ бы къ ней такъ расположенъ, какъ этотъ. Говоря по совѣсти, хоть онъ и римлянинъ, сколько есть бездѣльниковъ, худшихъ, чѣмъ онъ, которые сильно привязаны къ жизни и умираютъ противъ своей воли; такъ же бы умеръ и я, еслибъ принадлежалъ къ ихъ числу. Желалъ бы я, чтобы всѣ были одного мнѣнія, и притомъ хорошаго; худо пришлось бы тогда тюремщикамъ и висѣлицамъ. Говорю противъ своей выгоды, но то, чего я желаю, имѣетъ свою выгоду.

СЦЕНА V.

Палатка Цимбелина.

Входятъ **Цимбелинъ, Беларіусъ, Гвидеріусъ, Арвирагусъ, Пизаніо,** *лорды, военачальники и свита.*

Цимбелинъ. Боги сдѣлали васъ спасителями моего трона; останьтесь же при мнѣ. Грустно мнѣ, что не могутъ найдти того бѣдняка, который сражался съ такой доблестью, что его лохмотья стыдили позолоченные латы, а обнаженная грудь опереживала непроницаемые щиты. Счастливъ будетъ тотъ, кто найдетъ его, если наша милость можетъ сдѣлать его счастливымъ.

Беларіусъ. Никогда я не видалъ такого благороднаго рвенія въ существѣ такомъ жалкомъ на видъ; такихъ блестящихъ дѣлъ, совершенныхъ человѣкомъ, отъ котораго скорѣе можно было ожидать робости нищаго.

Цимбелинъ. И ничего о немъ не слышно?

Пизаніо. Его искали между живыми и мертвыми — нигдѣ ни слѣда.

Цимбелинъ. Къ сожалѣнію, я сталъ наслѣдникомъ его награды; присоединяю ее къ вашей; вы—печень, сердце и мозгъ Британіи, которая, признаюсь, жива только благодаря вамъ. Пора теперь спросить: откуда вы? Скажите.

Беларіусъ. Государь, мы родились въ Камбріи; мы дворяне; хвалиться еще чѣмъ-нибудь было бы нескромно; прибавлю только, что мы честны.

Цимбелинъ. Преклоните колѣна!.. Встаньте, мои боевые рыцари; вы отнынѣ при моей особѣ и будете удостоены почестей, соотвѣтственно вашему званію.

Входятъ **Корнеліусъ** и **Придворныя дамы.**

Цимбелинъ. На вашихъ лицахъ видна тревога. Почему вы такъ печально привѣтствуете нашу побѣду? Можно подумать, что вы изъ римлянъ, а не принадлежите къ британскому двору.

Корнеліусъ. Да здравствуетъ великій король! Но, государь, я принужденъ омрачить вашу радость вѣстью о смерти королевы.

Цимбелинъ. Врачу менѣе всѣхъ удобно являться съ такой вѣстью. Но, я знаю, лекарства могутъ продлить только жизнь; смерть-же беретъ и самого врача. Какъ умерла она?

Корнеліусъ. Ужасно; бѣснуясь, какъ и жила; жестокая ко всѣмъ, она окончила жестокостью къ самой себѣ. Если вамъ будетъ угодно, я передамъ ея признанія; если я ошибусь въ чемъ-нибудь, мою ошибку могутъ исправить эти дамы; онѣ со слезами присутствовали при ея кончинѣ.

Цимбелинъ. Прошу, говори.

Корнеліусъ. Прежде всего она призналась что никогда васъ не любила; она любила только величіе, которымъ пользовалась черезъ васъ; она сказала, что вышла замужъ за вашъ королевскій санъ, а васъ она ненавидѣла.

Цимбелинъ. Объ этомъ она одна только знала; не признайся она въ этомъ, умирая, не повѣрилъ бы я ея словамъ. Продолжай.

Корнеліусъ. Ваша дочь, которую наружно она такъ ласкала, была ненавистна ей, какъ скорпіонъ, и, если бы не скрылась, была бы ею отравлена.

Цимбелинъ. О, хитрый демонъ! Кто можетъ прочесть въ сердцѣ женщины? Все?

Корнеліусъ. Нѣтъ, есть еще худшее. Она призналась, что для васъ у нея былъ приготовленъ ядъ, который непрерывно точилъ-бы вашу жизнь, медленно васъ умерщвляя; въ это время, она предполагала, слезами, поцѣлуями, заботами, совершенно овладѣть вами, а когда окончательно расположила бы васъ къ себѣ, избравъ удобную минуту, склонила-бы васъ объявить ея сына наслѣдникомъ вашего престола. Когда-же сынъ ея такъ странно исчезъ и тѣмъ разстроилъ ея планы, ею овладѣло безстыдное отчаянье, она, въ укоръ богамъ и людямъ, открыла свои замыслы, сожалѣя только о томъ, что не осуществила задуманнаго зла, и умерла въ отчаяніи.

Цимбелинъ. И вы также все это слышали.

Дама. Слышали, ваше величество.

Цимбелинъ. Не виноваты тутъ ни глаза мои—она была красива; ни уши—она такъ убѣдительно говорила; ни сердце—оно считало ее тѣмъ, чѣмъ она казалась. Но ты, о дочь моя! ты можешь сказать, что это было безуміемъ съ моей стороны; доказательствомъ служитъ то, что ты на себѣ испытала. Да исправитъ все это небо!

Входятъ подъ стражей **Луціусъ, Іахимо, Гадатель** *и другіе* **Римляне;** *сзади ихъ* **Постумусъ** и **Иможена.**

Цимбелинъ. Теперь, Кай, пришелъ ты не за данью; британцы сложили ее, хотя и съ потерей многихъ храбрыхъ; родные погибшихъ просятъ успокоить ихъ благородныя души истребленіемъ васъ, плѣнниковъ; мы дали на это согласіе; подумай-же теперь о своей участи.

Луціусъ. Подумайте, государь, и вы о превратностяхъ войны; на этотъ разъ случай отдалъ вамъ побѣду; останься она за нами, мы не грозили-бы мечомъ нашимъ плѣнникамъ, когда кровь уже остыла. Но если богамъ такъ угодно, что нашимъ выкупомъ будетъ только смерть—мы ждемъ ее; римлянинъ всегда съумѣетъ умереть римляниномъ. Августъ живъ и отмститъ за насъ; вотъ все, что касается меня. Попрошу васъ объ одномъ: возьмите выкупъ за этого мальчика; онъ родомъ британецъ; едва-ли можно отыскать другого такого скромнаго, исполнительнаго, заботливаго къ своему дѣлу, способнаго и вѣрнаго пажа, какъ онъ. Не отвергайте моей просьбы, вполнѣ подкрѣпляемой его достоинствами; къ тому-же онъ не нанесъ никакого ущерба британцамъ, хотя и служилъ римлянину. Спасите его, государь, и не щадите остальныхъ.

Цимбелинъ. Я увѣренъ, что гдѣ-то видѣлъ его; лицо совсѣмъ знакомое. Юноша, своимъ взглядомъ ты побѣдилъ мое расположеніе; беру тебя. Не знаю, почему и съ какой цѣлью, но я говорю тебѣ: живи, но жизнью обязанъ ты не своему господину; можешь просить у меня, чего хочешь; все, что зависитъ отъ моей милости и прилично твоему положенію, я обѣщаю тебѣ, даже еслибъ ты просилъ оставить жизнь знатнѣйшему изъ плѣнниковъ.

Иможена. Благодарю, ваше величество.

Луціусъ. Не проси за мою жизнь, милый мальчикъ; я знаю ты будешь просить.

Иможена. Нѣтъ, нѣтъ; увы! на мнѣ лежитъ иная забота; я вижу то, что для меня хуже смерти; твоя жизнь, мой добрый господинъ, сама будетъ говорить за себя.

Луціусъ. Мальчикъ пренебрегъ мною; онъ отказывается отъ меня, отвергаетъ. Скоро умираетъ радость, основанная на вѣрности дѣвушекъ и мальчиковъ. Но чѣмъ онъ такъ смущенъ?

Цимбелинъ. Чего-же ты хочешь, мальчикъ? Любовь моя къ тебѣ все усиливается; подумай-же хорошенько прежде, чѣмъ выскажешь свою просьбу. Ты знаешь того, на котораго такъ пристально смотришь? Говори; ты хочешь, чтобы онъ жилъ; не родственникъ-ли онъ тебѣ или другъ?

Иможена. Онъ римлянинъ и такой-же мнѣ родственникъ, какъ и вашему величеству, хотя, какъ вашъ подданный, я все-таки къ вамъ ближе, чѣмъ онъ.

Цимбелинъ. Но зачѣмъ-же ты такъ пристально на него смотришь?

Иможена. Я объясню это вамъ одному, если вамъ угодно будетъ выслушать меня.

Цимбелинъ. Охотно выслушаю и съ полнымъ вниманіемъ. Какъ твое имя?

Иможена. Фиделіо, государь.

Цимбелинъ. Ты добрый юноша, мой пажъ; я желаю быть твоимъ господиномъ; отойдемъ; говори свободно.

Цимбелинъ *и* **Иможена** *отходятъ въ сторону.*

Беларіусъ. Нашъ юноша воскресъ изъ мертвыхъ.

Арвирагусъ. Двѣ песчинки не бываютъ похожи другъ на друга такъ, какъ этотъ похожъ на того милаго, розоваго мальчика, что умеръ у насъ; того тоже звали Фиделіо. Что вы думаете.

Гвидеріусъ. Умершій ожилъ.

Беларіусъ. Молчите! молчите! Увидимъ, что будетъ дальше; онъ не смотритъ на насъ, подождемъ! Бываютъ изумительныя сходства! Если-бы это былъ онъ, я увѣренъ, онъ заговорилъ бы съ нами.

Гвидеріусъ. Но вѣдь мы видѣли его мертвымъ.

Беларіусъ. Молчи! лучше подождемъ.

Пизаніо (*про себя*). Она! моя госпожа! Она жива, а тамъ будь что будетъ.

Цимбелинъ *и* **Иможена** *выходятъ впередъ.*

Цимбелинъ. Стань подлѣ меня и спрашивай вслухъ. (*Іахимо*) Сэръ, подойдите сюда и отвѣчайте этому юношѣ вполнѣ искренно, или, клянусь моимъ величіемъ и честью, жестокой пыткой мы вытянемъ правду изъ вашей лжи... Спрашивай его.

Иможена. Я хочу знать, отъ кого онъ получилъ этотъ перстень?

Постумусъ *(про себя).* Какое ему дѣло до этого?

Цимбелинъ. Скажите, откуда получили вы бриліантъ, что на вашемъ пальцѣ?

Іахимо. Тебѣ слѣдовало подвергнуть меня пыткѣ, чтобы я не говорилъ о томъ; ибо что я скажу тебя самого подвергнетъ пыткѣ.

Цимбелинъ. Какъ! меня?

Іахимо. Я радъ, что меня заставляютъ высказать то, о чемъ молчать составляетъ для меня муку. Подлостью достался мнѣ этотъ перстень; онъ принадлежитъ изгнанному тобою Леонатусу, самому благороднѣйшему человѣку,—и это особенно должно терзать тебя,—котораго только можно найдти между небомъ и землею. Желаешь знать болѣе, государь.

Цимбелинъ. Все, что къ этому относится.

Іахимо. Дочь твоя совершенство; при воспоминаніи объ ней мое сердце обливается кровью и мой лживый духъ ослабѣваетъ. Извините, мнѣ дурно.

Цимбелинъ. Моя дочь? Что же она? Собери всѣ твои силы; я хочу, чтобы ты жилъ пока природа дозволяетъ, но до тѣхъ поръ пока ты всего не откроешь. Ободрись и говори.

Іахимо. Однажды... пагубенъ былъ этотъ часъ... это было въ Римѣ... Будь проклятъ этотъ домъ... мы пировали... о, зачѣмъ не была отравлена пища, хотя бы только для меня... добрый Постумусъ... что я говорю? онъ былъ слишкомъ добръ для нашего испорченнаго общества; онъ былъ бы лучшимъ въ самой лучшей средѣ... сидѣлъ грустный и слушалъ, какъ мы расхваливали нашихъ итальянскихъ возлюбленныхъ: за красоту, такъ что и самое краснорѣчивое изображеніе ея показалось бы блѣднымъ предъ нашей напыщенной похвалой; за стройность, равную неподражаемой прелести Венеры и Минервы; за душевныя качества, находя цѣлую лавку качествъ, чарующихъ мужчинъ и помимо красоты, которою женщина, какъ удочкою, притягиваетъ мужчину на женитьбу.

Цимбелинъ. Я стою, какъ на огнѣ. Къ дѣлу.

Іахимо. Дойду еще слишкомъ скоро, если ты не желаешь испытать горе еще скорѣе. Постумусъ, какъ слѣдовало благородному мужу его царственной супруги,—принялъ участіе въ бесѣдѣ и, не охуждая восхваляемыхъ нами—онъ былъ воздерженъ, какъ сама добродѣтель — начерталъ портретъ своей супруги съ такимъ одушевленіемъ и такъ ярко, что мы должны были убѣдиться, что хвастались служанками и были передъ нимъ совершенными дураками.

Цимбелинъ. Поскорѣе къ дѣлу.

Іахимо. Тутъ дѣло коснулось цѣломудрія твоей дочери. Упомянувъ о немъ, Постумусъ сказалъ, что и сама Діана имѣла нечистыя сновидѣнія, но что твоя дочь и ихъ не знаетъ; я, негодяй, сталъ смѣяться надъ этимъ и предложилъ пари,—мое золото противъ этого перстня, который былъ тогда на его благородной рукѣ, — что я буду на ея брачномъ ложѣ и выиграю перстень ея и моимъ прелюбодѣяніемъ. Онъ, какъ истинный рыцарь, столько же убѣжденный въ ея вѣрности, сколько убѣдился впослѣдствіи и я,—отдалъ бы самый карбункулъ съ колесницы Феба, не остановился бы и тогда, еслибъ въ закладъ пошла и вся лучезарная колесница. Для выполненія своего замысла, я тотчасъ же отправился въ Британію, — вы, можетъ быть, вспомните, государь, что видѣли меня при вашемъ дворѣ. Ваша цѣломудренная дочь очень убѣдительно объяснила мнѣ, какая разница существуетъ между истинной любовью и распутствомъ. Я былъ лишенъ надежды, но желаніе осталось при мнѣ и мой итальянскій мозгъ, пользуясь вашимъ британскимъ простодушіемъ, придумалъ подлѣйшее средство, но превосходное для моихъ цѣлей. Словомъ, хитрость моя удалась и я возвратился съ запасомъ лживыхъ доказательствъ, способныхъ свести съ ума благороднаго Леонатуса. Я убѣдилъ его различными примѣтами, описаніемъ ковровъ, картинъ въ его спальнѣ, этимъ браслетомъ,—о, какой хитростью я овладѣлъ имъ!—наконецъ, описаніемъ сокровеннаго знака на ея тѣлѣ,—и онъ не могъ не повѣрить, что она порвала узы цѣломудрія — и пари было выиграно мною. Затѣмъ... мнѣ кажется, я вижу его...

Постумусъ (*выступая впередъ*). Да, видишь, итальянскій демонъ! О, я легковѣрный дуракъ, чудовищный убійца, воръ, я все то, что достойно злодѣевъ прошлаго, настоящаго и будущаго! Дайте мнѣ веревку, ножъ, ядъ, осудите меня. Подвергни меня, государь, самымъ ужаснѣйшимъ мученіямъ; я хуже всего ужаснаго въ мірѣ. Я, Постумусъ, убилъ твою дочь;—я безсовѣстно лгу; совершилъ это негодяй, не такой позорный, какъ я, святотатственный разбойникъ. Она была храмомъ добродѣтели; нѣтъ, самой добродѣтелью. Плюй на меня! бросай въ меня камнями, грязью, натрави на меня уличныхъ собакъ; пусть каждый мерзавецъ зовется Постумусомъ Леонатусомъ и его подлость будетъ меньшая, чѣмъ моя. О, Иможена! моя королева, жизнь моя, моя жена! О, Иможена! Иможена! Иможена!

Иможена. Успокойтесь, милордъ, послушайте...

Постумусъ. Не играешь-ли ты комедію? (*Бьетъ ее; она падаетъ*) Вотъ твоя роль, дерзкій пажъ.

Пизаніо. О, помогите, помогите! Это моя и ваша госпожа. О, Постумусъ, господинъ мой, вы только теперь убили Иможену. Помогите! помогите! моя добрая госпожа.

Цимбелинъ. Ужь не перевернулся-ли свѣтъ?

Постумусъ. Откуда нашло на меня это бѣшенство?

Пизаніо. Пробудитесь, госпожа моя.

Цимбелинъ. Если это такъ, боги хотятъ убить меня смертельной радостію.

Пизаніо. Какъ чувствуете вы себя, госпожа моя?

Иможена. Прочь съ глазъ моихъ! ты далъ мнѣ ядъ; бѣги отсюда, измѣнникъ; не смѣй дышать тамъ, гдѣ находятся принцы.

Цимбелинъ. Это голосъ Иможены.

Пизаніо. Пусть боги поразятъ меня своими громами, если я не предполагалъ, что въ переданномъ мною вамъ ящичкѣ находится драгоцѣнное лекарство. Мнѣ дала его королева.

Цимбелинъ. Еще новая тайна.

Иможена. Оно отравило меня.

Корнеліусъ. О, боги! я позабылъ объ одномъ признаніи королевы, которое оправдываетъ этого человѣка. Если Пизаніо, сказала она, передалъ своей госпожѣ лекарство, которое я ему дала, то я окормила ее, какъ окормила бы крысу.

Цимбелинъ. Объясни, Корнеліусъ.

Корнеліусъ. Государь, королева нерѣдко заставляла меня приготовлять яды; она говорила, что изъ любознательности желаетъ испытывать ихъ дѣйствіе надъ кошками, собаками и другими ничтожными животными; опасаясь, что она таитъ въ умѣ опасные замыслы, я приготовилъ ей вещество, которое, по принятіи, повидимому, прекращаетъ жизнь на короткое время, но затѣмъ, по истеченіи извѣстнаго времени, она возстановляется безъ вреда организму. Приняли вы это зелье?

Иможена. Полагаю, что приняла, если была мертвою.

Беларіусъ. Вотъ, дѣти, почему мы ошиблись.

Гвидеріусъ. Это Фиделіо, теперь уже нѣтъ сомнѣнія.

Иможена. Зачѣмъ отвергнулъ ты свою жену? (*Обнимаетъ его*) Представь, что мы стоимъ на скалѣ; ну, сбрось меня теперь.

Постумусъ. Виси на мнѣ, какъ плодъ на деревѣ, пока оно живетъ.

Цимбелинъ. Чтожь это! моя кровь! моя дочь! Неужто я долженъ оставаться простымъ зрителемъ и у тебя не найдется для меня слова?

Иможена (*становясь передъ нимъ на колѣна*). Благословите меня, государь.

Беларіусъ. Я не порицаю вашей восторженности къ этому юношѣ, у васъ есть на то причина.

Цимбелинъ. Пусть мои падающія на тебя слезы будутъ для тебя святой водою! Иможена, твоя мачиха умерла.

Иможена. Мнѣ это прискорбно, государь.

Цимбелинъ. О, она была преступна; она причиною, что намъ пришлось такъ странно встрѣтиться; и сынъ ея исчезъ, неизвѣстно куда и за чѣмъ.

Пизаніо. Государь, теперь, когда уже нечего страшиться, я скажу всю правду. Когда госпожа моя скрылась, принцъ Клотенъ подошелъ ко мнѣ съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ, съ пѣной у рта, и поклялся, что тотчасъ же убьетъ меня, если я не скажу ему, куда она скрылась; случайно, въ карманѣ у меня было письмо моего господина; изъ него принцъ узналъ, что ее слѣдуетъ искать въ горахъ, близъ Мильфорда; переодѣвшись въ платье моего господина онъ отправился туда съ гнуснымъ намѣреніемъ совершить надъ нею насиліе; что же было затѣмъ, я не знаю.

Гвидеріусъ. Я докончу твой разсказъ. Я убилъ Клотена.

Цимбелинъ. О, боги, не хотѣлось бы мнѣ произносить суровый приговоръ надъ тобою; доблестный юноша, отрекись отъ твоего признанія.

Гвидеріусъ. Что я сказалъ, то и сдѣлалъ.

Цимбелинъ. Онъ былъ принцемъ.

Гвидеріусъ. Самымъ наглымъ. Въ оскорбленіяхъ его не видать было принца; онъ раздражилъ меня такими словами, что я не спустилъ бы и морю, если бы оно вздумало такъ ревѣть противъ меня. Я отрубилъ ему голову и радъ, что его нѣтъ здѣсь и онъ не разсказываетъ этого про меня.

Цимбелинъ. Жалѣю о тебѣ. Ты самъ себя осудилъ своимъ языкомъ и подвергнешься законной карѣ. Ты умрешь.

Иможена. И его безголовый трупъ я приняла за трупъ моего мужа.

Цимбелинъ. Закуйте и уведите преступника.

Беларіусъ. Не торопись, государь. Онъ лучше убитаго, не хуже тебя родомъ и оказалъ тебѣ такую услугу, какую не могла бы оказать тебѣ цѣлая банда Клотеновъ. Не трогайте его рукъ; онѣ рождены не для цѣпей.

Цимбелинъ. Зачѣмъ, старикъ, не получивъ еще награды, ты хочешь вызвать противъ себя нашъ гнѣвъ? По твоему, не хуже насъ онъ родомъ?

Арвирагусъ. Зашелъ онъ слишкомъ далеко.

Цимбелинъ. И умретъ за это.

Беларіусъ. Умремъ всѣ трое, но я докажу, что двое изъ насъ таковы, какъ я сказалъ о немъ. Дѣти, я поведу рѣчь, для себя опасную, для васъ счастливую.

Арвирагусъ. Мы раздѣлимъ съ тобой опасность.

Гвидеріусъ. Такъ-же, какъ и счастье.

Беларіусъ. Государь, былъ у тебя подданный, по имени Беларіусъ...

Цимбелинъ. Дальше. Онъ измѣнникъ и изгнанъ.

Беларіусъ. Онъ дожилъ до моихъ преклонныхъ лѣтъ. Что онъ изгнанъ—это правда, но какъ попалъ въ измѣнники—не знаю.

Цимбелинъ. Возьмите его; цѣлый міръ не спасетъ его.

Беларіусъ. Зачѣмъ такъ горячиться. Прежде заплати мнѣ за вскормленіе твоихъ сыновей и затѣмъ возьми все, что я получу за это.

Цимбелинъ. За вскормленіе сыновей моихъ?

Беларіусъ. Я грубъ и дерзокъ, но преклоняю передъ тобой колѣна и не встану до тѣхъ поръ, пока не возвеличу моихъ сыновей, а затѣмъ ты не щади меня старика. Государь, не я отецъ этихъ двухъ юношей, называющихъ меня отцомъ и считающихъ себя моими сыновьми; они твое порожденье, твоей они крови, государь.

Цимбелинъ. Мое порожденье?

Беларіусъ. Какъ ты—твоего отца. Я, старый Морганъ, тотъ самый Беларіусъ, который былъ изгнанъ тобою. Твой произволъ былъ единственнымъ моимъ преступленіемъ; оттуда-же мое наказанье и моя измѣна; вина моя въ томъ, что я страдалъ невинно. Двадцать лѣтъ я воспитывалъ этихъ прекрасныхъ принцевъ—и они дѣйствительно прекрасны; всему, что я могъ, я ихъ научилъ, а тебѣ извѣстны, государь, мои знанія. Послѣ моего изгнанія они были похищены ихъ кормилицей, Эврифилой, и за это я женился на ней. Я совершилъ эту измѣну потому, что былъ наказанъ за нее ранѣе, чѣмъ совершилъ ее; преслѣдованіе за преданность побудило меня на измѣну. Чѣмъ больше горевалъ ты, тѣмъ больше дорожилъ я похищеніемъ. Теперь, государь, возвращаю тебѣ твоихъ сыновей и лишаю себя безцѣннѣйшихъ товарищей въ этомъ мірѣ. Да ниспошлетъ небо благословеніе на ихъ головы; они достойны блестѣть на немъ звѣздами.

Цимбелинъ. Ты говоришь, рыдая. Услуга, которую вы мнѣ оказали, еще невѣроятнѣе твоего разсказа. Я потерялъ двоихъ дѣтей; если это они, я не могу желать болѣе достойныхъ сыновей.

Беларіусъ. Позвольте. Этотъ юноша, названный мной Полидоромъ, достойнѣйшій изъ прицевъ,—твой Гвидеріусъ; а братъ его, мой Кадвель—твой меньшой сынъ Арвирагусъ: онъ былъ завернутъ въ прекрасное покрывало, искусно сотканное его матерью, королевой; если хочешь, я могу представить и его.

Цимбелинъ. У Гвидеріуса на шеѣ была родинка въ видѣ кровавой звѣздочки.

Беларіусъ. Есть она. Ею премудро надѣлила его природа; точно для того, чтобы сегодня легче было признать его.

Цимбелинъ. Что это? Я мать, разомъ родившая троихъ дѣтей? И мать не обрадовалась-бы такъ разрѣшенію. Да благословитъ васъ небо; вырванные такъ странно изъ вашей сферы, войдите снова въ нее. О, Иможена, чрезъ это, ты лишаешься королевства.

Иможена. О, нѣтъ, я пріобрѣла два міра! Мои милые братья, вотъ какъ мы свидѣлись опять. Я правдивѣе васъ; вы называли меня братомъ, когда я ваша сестра; я-же называла васъ братьями, которыми вы и были для меня.

Цимбелинъ. Развѣ вы уже встрѣчались.

Арвирагусъ. Да, государь.

Гвидеріусъ. И съ перваго-же взгляда полюбили ее и любили, пока не сочли умершей.

Корнеліусъ. Отъ зелія, даннаго королевой.

Цимбелинъ. О, дивный инстинктъ! Когда-же я узнаю все въ подробностяхъ. Въ этомъ спѣшномъ пересказѣ встрѣчаются столько частностей, которыя хотѣлось-бы освѣтить болѣе подробнымъ разсказомъ. Гдѣ и какъ ты жила? Какъ попала ты къ римлянамъ? какъ разсталась съ братьями? гдѣ встрѣтилась съ ними? куда бѣжала ты отъ двора? Почему эти трое явились во время битвы. Обо всемъ этомъ о другихъ побочныхъ обстоятельствахъ хотѣлось-бы мнѣ переспросить, но ни время, ни мѣсто не позволяютъ мнѣ это сдѣлать. Смотрите, Постумусъ бросилъ якорь подлѣ Иможены, а она, какъ зарница, озаряетъ блескомъ восторженнаго взгляда то его, то братьевъ, то меня, ея повелителя. Всѣ отвѣчаютъ ей тѣмъ-же. Идемъ и да воскурится наша жертва въ храмѣ. (*Беларіусу*). Ты сталъ мнѣ братомъ и будешь имъ всегда.

Иможена. А мнѣ отцомъ; еслибъ не твоя помощь, я не дожила-бы до сегодняшняго дня.

Цимбелинъ. Всѣ радуются, исключая обремененныхъ оковами; пусть и они порадуются и раздѣлятъ наше счастье.

Иможена. Теперь, мой добрый господинъ, я готова служить вамъ.

Луціусъ. Будьте счастливы.

Цимбелинъ. Какъ было-бы хорошо, еслибы явился пропавшій герой, который такъ доблестно сражался, и далъ возможность королю достойно вознаградить его.

Постумусъ. Государь, этотъ воинъ я; я сражался рядомъ съ этими тремя въ простой одеждѣ, что нужно было для моей цѣли. Это можетъ подтвердить Іахимо; я обезоружилъ его и, если-бы хотѣлъ, могъ-бы покончить съ нимъ.

Іахимо (*падая на колѣни*). Тогда повергла меня ваша сила, теперь повергаетъ передъ вами моя совѣсть. Прошу возьмите мою жизнь, которой я вамъ обязанъ; но прежде возьмите вашъ перстень и браслетъ вѣрнѣйшей изъ принцесъ, которыя когда-либо клялись въ вѣрности.

Постумусъ. Не преклоняйте колѣнъ передо мной. Моя власть надъ вами—пощада; моя месть—прощеніе. Живите, только будьте съ другими честнѣе.

Цимбелинъ. Благородный приговоръ. Нашъ зять научилъ насъ нашему долгу. Прощенье всѣмъ!

Арвирагусъ. Вы помогали намъ, какъ могли бы помочь только братьямъ: радуемся, что вы дѣйствительно нашъ братъ.

Постумусъ. Вашъ слуга, принцы... Достойный римскій вождь, позовите вашего гадателя. Я видѣлъ во снѣ Юпитера, слетѣвшаго ко мнѣ на орлѣ и призраки моихъ родныхъ; проснувшись я нашелъ на груди этотъ пергаментъ; содержаніе его такъ темно, что я ничего не понялъ; пусть онъ покажетъ свое искуство, растолковавши этотъ сонъ.

Луціусъ. Филармоніусъ!

Гадатель. Я здѣсь.

Луціусъ. Прочти и объясни.

Гадатель (*Читаетъ*). «Когда львенокъ, не ища, найдетъ, самъ того не зная, струю нѣжнаго воздуха и будетъ обнятъ ею; когда вѣтви, отсѣченныя отъ величественнаго кедра, послѣ долголѣтней смерти снова, оживутъ, приростутъ къ старому пню и зазеленѣютъ, тогда окончатся бѣдствія Постумуса, Британія будетъ счастлива и процвѣтетъ въ благоденствіи и мирѣ». Ты, Леонатусъ, львенокъ, какъ показываетъ твое имя Leo natus, львомъ рожденный. (*Цимбелину*) Струя нѣжнаго воздуха—твоя добродѣтельная дочь; по римски нѣжный воздухъ—mollis aer, а mollis aer—mulier—жена; сейчасъ вѣрнѣйшая твоя жена, Леонатусъ, тебѣ невѣдомая и тобою неотыскиваемая, обняла тебя, какъ нѣжный воздухъ.

Цимбелинъ. Объяснено ловко.

Гадатель. Величественный кедръ, король Цимбелинъ, ты, а отрубленные вѣтви—двое твоихъ сыновей, похищенныхъ Беларіусомъ; много лѣтъ они считались мертвыми, но теперь ожили и приросли къ величественному кедру, потомство котораго обѣщаетъ Британіи миръ и благоденствіе.

Цимбелинъ. Прекрасно; мы и начнемъ съ міра. Луціусъ, хотя мы и побѣдили, но мы покоряемся Цезарю и римской имперіи; мы обѣщаемъ платить обычную дань, отъ чего отказались по внушенію преступной королевы, вмѣстѣ съ сыномъ, пораженной карой боговъ.

Гадатель. Персты небесныхъ силъ настроятъ струны этого мира! Видѣніе, объясненное мною Луціусу передъ началомъ этой, еще не успѣвшей остыть битвы, оправдывается. Римскій орелъ, высоко летѣвшій съ юга на западъ, затѣмъ исчезнувшій въ сіяніи солнечныхъ лучей, предвѣщалъ, что нашъ царственный орелъ, великій Цезарь, снова соединится любовью съ лучезарнымъ Цимбелиномъ, который сіяетъ на западѣ.

Цимбелинъ. Восхвалимъ боговъ и да подымется фиміамъ съ священныхъ нашихъ алтарей до ихъ ноздрей. Объявимъ о мирѣ нашимъ подданнымъ. Пусть дружно развѣваются рядомъ римскія и британскія знамена; вмѣстѣ войдемъ мы въ Людъ и тамъ, утвердивъ миръ въ храмѣ Юпитера, закончимъ общимъ торжествомъ. Идемъ! Еще наши руки дымятся кровью, а миръ уже заключенъ. Никогда война не кончалась такимъ миромъ.

(*Уходятъ.*)

Ш-Ī-D-3549.

1
124н. 1880
м/ф
№27-52 * 2.